ЗАПИСКИ ГРАФА МИХАИЛА ДМИТРІЕВИЧА БУТУРЛИНА.

Воспоминанія, автобіографія, историческія современныя мнѣ событія и слышанныя отъ старожиловъ, портреты, впечатлѣнія, артистическія свѣдѣнія, литературныя замѣтки и фамильная лѣтопись.

(Начато въ с. Игнатовскомъ, Знаменскомъ тожъ, 7-го Сентября 1867 года.

ЧАСТЬ I.

Souffrir n'est rien, c'est tout que de déchoir.

Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait!

Comme l'on fait son lit, on se couche.

(*Dictons de mon père*).

Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice,
Nella miseria....

(*Dante, Inferno*).

I.

Мои предки, до и по полученіи графскаго титула, и періодъ отъ ранняго моего дѣтства до весны 1813 года.

Не знаю, право, зачѣмъ пишу эти Записки, а писать ихъ смерть хочется. Я ни государственный, ни политическій дѣятель, ни сановникъ (всего надворный совѣтникъ), и не участвовалъ ни въ какихъ замѣчательныхъ событіяхъ, кромѣ того что былъ субалтернъ-офицеромъ въ Турецкой войнѣ 1828 и 1829 годовъ и въ началѣ Польской войны 1831 года. Рѣдко вращался я даже въ кругу лицъ чѣмъ-нибудь извѣстныхъ, а если и былъ въ прикосновеніи съ ними, то мимоходомъ. Но все-таки захотѣлось мнѣ изложить мою жизнь, все, что я видѣлъ, слышалъ, помню и ощущалъ, а также описать судьбы моего семейства, большинство котораго переброшено, какъ кажется, навсегда, на чужбину: этому событію совершилась, нынѣшнею осенью, горестная 50-ти-лѣтняя годовщина *).

*) Первоначальную мысль написать Записки подалъ мнѣ, тому уже давно, двоюродный мой братъ Николай Адріановичъ Дивовъ; но свѣтскій вихрь отвлекалъ меня тогда отъ подобнаго рода занятій.

Быть-можетъ, чтеніе этихъ Записокъ займетъ кого-либо, и горькія житейскія мои испытанія, въ причинѣ которыхъ обвиняю одного себя, послужатъ ему предостереженіемъ. По примѣру блаженнаго Августина, передавшаго потомству свои погрѣшности (Les confessions de S-t Augustin), изложу чистосердечно и безъ утайки мою исповѣдь.

Да, проиграно, и единствено по моей винѣ проиграно, то, что̀ одинъ Англійскій беллетристъ (кажется Теккерей), зоветъ «битвою жизни» (the battle of life). На моей сторонѣ были всѣ условія къ успѣху: свѣжія силы, свѣтская готовая обстановка, поддержка въ связяхъ, учебное развитіе, выработанное природными способностями, салонные таланты, не приносящіе, конечно, никакой существенной пользы, но тѣмъ не менѣе служащіе какъ бы паспортомъ и рекомендаціею въ то высшее общество, отъ одобрительной улыбки котораго зависитъ нерѣдко карьера юношей, вступающихъ въ это общество. Меня привѣтствовала, съ первыхъ моихъ шаговъ въ свѣтъ, богатая ожиданіями будущность; но не доставало мнѣ главнаго: не было силы характера, ни умѣнія управлять собою, чтобы создать свою, такъ сказать, автономію; не доставало стойкости, чтобы сладить съ пыломъ страстей и увлеченій. Въ гоньбѣ за мыльными пузырями «битва жизни» проиграна мною безвозвратно.

Замѣчу однакоже, не ради однако извиненія самого себя, что хотя я кругомъ виноватъ въ постигшихъ меня бѣдствіяхъ, но тѣмъ не менѣе не везло какъ-то мнѣ въ жизни. Иные въ случаяхъ подобныхъ тѣмъ, которые изложу я, дѣлали почти тоже самое, что̀ и я, а между тѣмъ все сходило для нихъ съ рукъ безслѣдно; а надо мною тяготѣла какая-то планета. Подобно этому, мы каждодневно видимъ даровитыхъ и трудолюбивыхъ людей съ условіями къ успѣху въ ихъ предпріятіяхъ, и все-таки ничего не достигающихъ, неудача за неудачею ихъ преслѣдуетъ; а между тѣмъ, рядомъ съ ними, люди весьма посредственнаго умственнаго закала и неприлежные къ труду преуспѣваютъ; счастіе постоянно улыбается имъ и какъ бы спѣшитъ имъ навстрѣчу, даже когда они мало о томъ помышляютъ. А ко мнѣ примѣняется простонародная Итальянская поговорка: «Se mi metessi a fare il capellajo, nascerebbero gli uomini senza testa» *).

Прежде чѣмъ приступить къ собственно моей автобіографіи, необходимымъ считаю познакомить читателя съ моими предками.

---

*) Еслибы вздумалось мнѣ приняться за ремесло шляпника, то люди рождались бы безъ головъ.

Родоначальникомъ Бутурлиныхъ былъ Трансильванскій выходецъ Ратча, а первымъ графомъ Бутурлинымъ Александръ Борисовичъ, пожалованный въ фельдмаршалы и въ графское достоинство императрицею Елисаветою Петровною въ Семилѣтнюю войну. Онъ былъ прямодушный, хорошій во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ и усердный христіанинъ, но неособенно даровитый въ военномъ искусствѣ, а взысканъ былъ милостями дочери Петра, какъ ея когда-то фаворитъ. Сверхъ почестей она наградила его 40.000 десятинами въ Воронежской губерніи, Бобровскаго уѣзда; на этихъ земляхъ поселилось мало-по-малу отъ 10 до 12 тысячъ Малороссійскихъ выходцевъ, впослѣдствіи прикрѣпленныхъ къ землѣ Екатериною II, и изъ этого составилась слобода Бутурлиновка, съ селами, деревнями и хуторами, въ которыхъ насчитывалось, въ началѣ нынѣшняго вѣка, уже до 15.000 душъ крестьянъ. Графъ Александръ Борисовичъ былъ женатъ на княжнѣ Екатеринѣ Борисовнѣ Куракиной, принесшей ему въ приданое огромное состояніе. Кромѣ пяти или шести тысячъ душъ, которыми наслѣдовалъ ея сынъ дѣдъ мой, графъ Петръ Александровичъ, весьма значительная часть этого состоянія перешла къ дочери фельдмаршала, княгинѣ Екатеринѣ Александровнѣ Долгоруковой (о которой сейчасъ буду говорить), а изъ материнскаго наслѣдства моего дѣда досталось отцу моему $2^1/_2$ тысячи душъ въ Костромской губерніи, Юрьевецповольскаго уѣзда, а сестрѣ его, Елисаветѣ Петровнѣ Дивовой, до 3.000 душъ.

Фельдмаршалъ Бутурлинъ скончался въ Москвѣ въ 1767 году и погребенъ въ лѣтней церкви упраздненнаго нынѣ Георгіевскаго монастыря, что́ на Большой Дмитровкѣ (рядомъ съ Благороднымъ Собраніемъ). Екатерина II-я, извѣстившись о его кончинѣ, собственноручно предписала тогдашнему Московскому главнокомандующему похоронить моего прадѣда со всѣмп подобающими фельдмаршалу почестями. Надъ его могилою существуетъ и понынѣ огромный мавзолей въ формѣ пирамиды, съ длиннѣйшею надписью изъ мѣдныхъ выпуклыхъ буквъ *).

Объ его отцѣ, Борисѣ Бутурлинѣ, не имѣю никакихъ свѣдѣній, ни даже историческихъ общихъ указаній, и потому не знаю, родня ли ему былъ Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, извѣстный въ царствованіе Петра. Въ настоящее же время существуютъ три отдѣльныя отрасли Бутурлиныхъ, не имѣющія никакого между собою кровнаго родства. Изъ нихъ наша графская отрасль не старшая; но такъ какъ вѣроятно, что, до XVII вѣка, источникъ всѣхъ трехъ отраслей былъ одинъ и

*) Любопытная надпись эта напечатана въ „Р. Архивѣ“ 1895 года, II, 224. П. Б.

тотъ же [1]), то я скажу кстати объ одномъ общемъ нашемъ предкѣ Ѳомѣ Бутурлинѣ, болѣе прочихъ извѣстномъ. Свѣдѣнія эти почерпнуты изъ документовъ XVI вѣка, и они относятся къ царствованію Іоанна IV Васильевича.

«Государства нашего 43 (годъ), а царствъ нашихъ Россійскихъ 31, Казанскаго 25, Астраханскаго 24, а се таковъ указъ Ѳомѣ Бутурлину.

«Память Ѳомѣ Аѳонасьеву Бутурлину. Государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Россіи, велѣлъ ему съ дѣтьми боярскими и стрѣльцы ѣхати къ городу Чествину (sic). И Ѳомѣ Аѳонасьеву, пріѣхавъ въ городъ къ Чествину, осадити ему городъ Чествинъ, и изъ города въ городъ людей никакова человѣка не пропущати, а осадя городъ прислать ему вѣсть къ государю царю и великому князю, а самому Ѳомѣ быти у города государева» (. . . . . тутъ одно слово, котораго нельзя разобрать). А дѣтей боярскихъ съ Ѳомою изъ большаго полку 100 человѣкъ, и съ правыя руки 100 человѣкъ, изъ передоваго полку 100 человѣкъ, да голова стрѣлецкій Осифъ Созоновъ, а съ нимъ 500 человѣкъ стрѣльцевъ», и проч. [2]).

Въ VI томѣ «Древней Россійской Библіоѳики» (Новикова), въ статьѣ о присылкѣ папою Григорьемъ XIII-мъ посла Іезуита Антона Поссевина къ царю Іоанну IV Васильевичу, въ лѣто отъ сотворенія міра 7088 (отъ Р. Х. 1580), читается, что царь Іоаннъ принялъ посла Поссевина въ г. Старицѣ между Вязьмою и Москвою, и затѣмъ сказано въ текстѣ: «И послѣ того на третій день, былъ папинъ посолъ у великаго государя на дворѣ, на пріѣздъ. Посыланъ отъ великаго государя его посла звать Ѳома Аѳонасьевичъ Бутурлинъ, да Михайло Андреевичъ Безнинъ, да Елизарій Вылузгинъ»... О второй же аудіенціи, данной царемъ послу Поссевину, говорится: «И того дня посолъ у государя ѣлъ во столовой; а сидѣлъ въ кривомъ столѣ, а противъ его сидѣлъ Ѳома Бутурлинъ, Михайло Внуковъ, Елизарій Вылузгинъ Залѣшанинъ, Волховъ» и пр. Затѣмъ, обозначено поименно, кто сидѣлъ за боярскимъ столомъ, изъ чего казалось бы сомнительнымъ, чтобы Ѳома Бутурлинъ былъ бояриномъ; иначе, и его мѣсто было бы у боярскаго стола. Но съ другой стороны, такъ какъ въ этомъ документѣ онъ названъ «Афонасьевичемъ», то можно предполагать, что онъ былъ

---

[1]) Бутурлины происходятъ, какъ сказано выше, отъ выходца изъ Петроварадина Ратши, и вотъ почему въ нашемъ гербѣ находятся два Венгерца, поддерживающіе щитъ.

[2]) Изъ рукописей разрядной книги при царѣ Іоаннѣ IV, найденной въ библіотекѣ Тамбовской губерніи и уѣзда села Воронцова, имѣнія Елисаветы Александровны Болдыревой.

боярином, потому что, будь онъ чѣмъ-нибудь другимъ (окольничимъ, постельничимъ или стольникомъ), о немъ писалось бы «Ѳома Аѳанасьевъ». Далѣе, въ томъ же документѣ читаемъ: «а послѣ стола, ѣздили посла потчивать на подворье съ меды (т. е. съ медами) Ѳома Бутурлинъ, да Михаило Безнинъ». А когда гетманъ Богданъ Хмѣльницкій съ Малороссійскимъ казачествомъ просилъ царя Алексѣя Михайловича въ 1654 г. о присоединеніи Малороссіи къ Московскому царству, то посланы были ближній боярин и дворецкій Василій Васильевичъ Бутурлинъ съ другими боярами, стольниками и воеводами къ Хмѣльницкому и всему казачьему войску по сему дѣлу, «съ обѣщаніемъ великой милости государевой». (Сказаніе о томъ что случилось на Украинѣ съ тоя поры, какъ она Литвою завладѣла. Москва, 1847).

Возвращаюсь къ графамъ Бутурлинымъ. У фельдмаршала было трое дѣтей: графъ Петръ Александровичъ (а по настоящему Іона, такъ какъ онъ былъ крещенъ этимъ именемъ), графиня Екатерина Александровна и графиня Варвара Александровна. Графъ Петръ Александровичъ былъ женатъ на графинѣ Маріи Романовнѣ Воронцовой (сестрѣ графовъ Александра и Семена Романовичей Воронцовыхъ, княгини Екатерины Романовны Дашковой и графини Елисаветы Романовны Воронцовой, извѣстной фаворитки Петра III и вышедшей замужъ за Полянскаго). Графиня Екатерина Александровна Бутурлина вышла замужъ за князя Юрія Владимировича Долгорукова, а сестра ея графиня Варвара за его старшаго брата генералъ-поручика князя Василія Владимировича Долгорукова (бракъ бездѣтный). У князя Ю. В. Долгорукаго была одна только дочь, княжна Варвара Юрьевна, вышедшая замужъ за князя Алексѣя Ивановича Горчакова *).

По семейнымъ преданіямъ, дѣдъ мой графъ Петръ Александровичъ велъ свѣтскую, разсѣянную жизнь, немного запуталъ огромное свое состояніе и мало занимался службою, хотя вскорѣ послѣ своей женитьбы (а онъ женился очень молодымъ человѣкомъ) былъ назначенъ посланникомъ въ Мадридъ, по протекціи, вѣроятно, дяди его жены, Елисаветинскаго канцлера, графа Михаила Иларіоновича Воронцова (женатаго на графинѣ Скавронской). Княгиня Е. Р. Дашкова говоритъ въ письмахъ къ своему брату графу Александру Романовичу

*) У княгини Варвары Юрьевны Горчаковой была одна только дочь, княжна Лидія Алексѣевна, вышедшая замужъ за графа В. А. Бобринскаго и умершая бездѣтно. Княгиня Горчакова взяла на воспитаніе какую-то дѣвочку и, выдавъ ее замужъ въ концѣ 20-хъ годовъ, за Салтыкова, закрѣпила за нею все свое имѣніе; но такъ какъ оно было Бутурлинское, то съ нашей стороны возникъ процессъ, который мы однакоже проиграли.

(впослѣдствіи канцлеру), что сестра ихъ (а моя бабка), графиня Марія Романовна Бутурлина, не была счастлива съ своимъ мужемъ. Изъ донесеній Англійскаго посланника при Екатеринѣ II, лорда Каткарта къ своему правительству въ Ноябрѣ 1768 г. (помѣщенныхъ въ «Сборникѣ Русскаго Истор. Общества», томъ XIX за 1873 г.) видно, что графъ Петръ Александровичъ превосходно игралъ на Эрмитажномъ театрѣ во Французскихъ піесахъ «Женатый философъ», и «Аннета и Любенъ» (Annette et Lubin) и что всѣ роли были артистически сыграны сіятельными актерами и актрисами. Домъ графа Петра Александровича въ Москвѣ былъ на Солянкѣ, въ углубленіи двора, насупротивъ нынѣшняго зданія Опекунскаго совѣта *); а погребенъ онъ въ Новоспасскомъ монастырѣ. Пережила ли мужа графиня Марія Романовна, не знаю.

У графа Петра Александровича было двое только дѣтей: графиня Елисавета Петровна, родившаяся въ 1762 г., и нашъ отецъ, графъ Дмитрій Петровичъ, родившійся въ слѣдующемъ 1763 году. Тетка моя гр. Елисавета Петровна была фрейлиною при Екатеринѣ и вышла замужъ въ 1784 году за Адріана Ивановича Дивова. Отецъ мой и его сестра остались малолѣтними послѣ своего отца. Воспреемницею при купели моего отца была импер. Екатерина, лично или заочно, въ точности не знаю, но склоняюсь думать, что лично, потому что отецъ мой всегда носилъ на груди крестъ, возложенный на него при крещеніи его крестною матерью, тогда же записавшею его сержантомъ гвардіи. Оставшись сиротою малолѣтнимъ, онъ былъ взятъ на воспитаніе своимъ дядею (по матери) графомъ А. Р. Воронцовымъ и имъ былъ помѣщенъ въ Сухопутный Шляхетный Корпусъ. О его пребываніи въ Корпусѣ я слышалъ отъ него, что тѣлесныя наказанія не существовали тамъ, и что провинившагося въ чемъ-нибудь кадета сажали лишь подъ черный столъ. По выходѣ изъ Корпуса отецъ мой былъ опредѣленъ адъютантомъ къ князю Г. А. Потемкину; но по склонности его къ ученымъ занятіямъ военная служба не пришлась ему по вкусу, и не болѣе какъ черезъ шесть недѣль, онъ оставилъ ее. Къ этому времени относится разсказъ, помѣщенный въ Запискахъ Энгельгардта, что отецъ мой, вмѣстѣ съ сестрою своей Дивовой и съ фрейлиной Эльмптъ, составили сатиру, подъ названіемъ Каталога, надъ высшими лицами Петербургскаго общества, не пощадивъ даже самоё Императрицу, за что̀ отецъ мой былъ будто бы отставленъ отъ службы, сестра его выслана въ Москву, а фрейлина Эльмптъ была наказана розгами. Между

*) Домъ этотъ принадлежалъ въ 30-хъ годахъ текущаго вѣка сенатору князю Александру Петровичу Оболенскому. Въ настоящее время весь дворъ застроенъ (Нынѣ Губонина. П. Б.).

прочимъ о графѣ Безбородкѣ было тамъ сказано: «Le ministre nouveau, relié en veau». Ничего я не слыхалъ объ этой исторіи въ моемъ семействѣ, и навденныя мною о томъ справки у старшихъ членовъ нашего семейства не подтверждаютъ этого разсказа, и потому я сомнѣваюсь въ его подлинности. Отецъ же мой разсказывалъ мнѣ, что, увлекшись въ своей молодости либеральными теоріями, вызвавшими Французскую революцію, онъ умолялъ Императрицу отпустить его въ Парижъ, въ чемъ она ему отказала, и за что онъ, разсердившись, оставилъ службу и переѣхалъ на жительство въ Москву.

О холостой жизни моего отца имѣю я весьма мало свѣдѣній. Изъ семейныхъ преданій знаю, что отецъ мой былъ до того пунктуаленъ во всѣхъ жизненныхъ своихъ привычкахъ (онъ звалъ это «le respect pour les heures», т. е. уваженіе къ часамъ), что на домашнихъ своихъ спектакляхъ (въ которыхъ онъ доходилъ до артистическаго совершенства), если кто изъ приглашенной публики опаздывалъ пріѣздомъ до поднятія занавѣса, то приглашенный лишался возможности присутствовать на этомъ спектаклѣ. При поднятіи занавѣса желѣзные ворота рѣшетки передъ дворомъ дома запирались, во избѣжаніе помѣхи отъ входа въ залу опоздавшихъ посѣтителей. Отецъ мой одинаково отличался въ буфовыхъ партиціяхъ Итальянскихъ оперъ (голосъ у него былъ басъ) и въ комедіяхъ; особенно былъ онъ хорошъ, какъ говорили, въ роляхъ Альсеста въ «Мизантропѣ» Мольера, и въ «Le Bourrou bienfaisant»: комедія, переведенная съ Итальянскаго, Гольдони. Онъ также распѣвалъ разные Французскіе и Итальянскіе романсы и шансонетки, аккомпанируя себя на гитарѣ. Надо думать, что онъ былъ не изъ послѣднихъ щеголей своего времени, судя по тому, что онъ посылалъ свое бѣлье въ Парижъ для стирки: роскошь педешевая при тогдашнихъ плохихъ способахъ сообщенія съ чужими краями. Онъ прекрасно писалъ стихи по-французски: у меня хранится нѣсколько его стихотвореній, и я очень сожалѣю, что въ числѣ ихъ я потерялъ оду, посвященную моей матери въ первое время ихъ женитьбы. Не дорожилъ онъ особенно свѣтскими условіями своей среды, и семейное преданіе гласитъ, что однажды, прогуливаясь по городу съ однимъ изъ троюродныхъ его братьевъ князей Куракиныхъ, онъ остановилъ шедшаго по улицѣ разносчика съ свѣжими овощами, купилъ у него пучекъ зеленаго луку (до котораго онъ былъ до конца жизни великій охотникъ) и принялся тутъ же его грызть, къ великой досадѣ чопорнаго кузена, краснѣвшаго за подобную плебейскую выходку. Вѣрный своей системѣ акуратности, онъ говаривалъ всегда, что почтовые дни существуютъ для отправки, а не для писанія писемъ, а что надо заготовлять ихъ нака-

нунѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ любимыхъ его поговорокъ. «Comme on fait son lit, on se couche. Que chacun fasse son métier, et les vâches seront bien gardées. Quand on a peur d'un mal, on a déjà le mal de la peur. La plus belle fille du monde ne peut donner, que ce qu'elle a. Jeunesse qui veille et vieillesse qui dort, travaillent tous deux pour la mort. Prenez toujours la bénédiction d'un évêque: si elle ne vous fait pas de bien, elle ne saurait vous faire du mal. Je préfère la poule aux poulets, то есть, предпочитаю моимъ дѣтямъ ихъ мать (что̀ однакоже не мѣшало ему быть нѣжнѣйшимъ отцемъ). Age, quod agis. Противъ праздности онъ говаривалъ: «faites des curedents, mais faites quelque chose. Rien ne doit déranger l'honnête homme qui dîne» [1]).

Въ Московскомъ своемъ домѣ въ Нѣмецкой Слободѣ [1]), отецъ мой занималъ иногда своихъ гостей опытами бѣлой магіи, физики и карточными фокусами, «à la Pinetti» [2]), въ особенно устроенномъ для того залѣ, носившемъ, до истребленія нашего дома пожаромъ въ 1812 году, названіе физическаго кабинета. При мнѣ всѣ эти аппараты давно уже не существовали, а научно-физическій свой кабинетъ, со

[1]) „Какъ стелится постель, такъ и спится". „Пусть всякій держится своего ремесла (или исполняетъ свое дѣло), и коровы охранятся какъ слѣдуетъ". „Кто заранѣе страшится какого нибудь бѣдствія, тотъ уже ощущаетъ бѣдствіе страха". „Самая красивая дѣвушка ничего болѣе не можетъ дать кромѣ того, чѣмъ одарила ее природа". „Просиживающая всѣ ночи молодость и предающаяся чрезмѣрному сну старость, обѣ ускоряютъ часъ смерти". „Подходите всегда къ благословенію епископа; если оно не принесетъ вамъ пользы, то конечно, не причинитъ вамъ никакого вреда". „Я предпочитаю насѣдку цыплятамъ". „Всегда исправно дѣлай то, что̀ ты дѣлаешь". „Если нѣтъ у тебя никакого занятія, то, по крайней мѣрѣ, дѣлай зубныя перушки". „Ничто не должно обезпокоивать честнаго человѣка, во время его обѣда".

[1]) Домъ этотъ былъ не наслѣдственный, а купленный моимъ отцемъ еще до его женитьбы. Имъ же былъ проданъ отцовскій его домъ на Солянкѣ.

[2]) Пинетти былъ извѣстный фокусникъ въ концѣ прошлаго вѣка. О немъ разсказывали неимовѣрныя вещи. Такъ наприм.: онъ явился однажды къ императору Павлу въ часъ пополудня, вмѣсто назначеннаго ему времени въ 11 часовъ, и когда разсерженный за подобное неуваженіе Императоръ началъ упрекать Пинетти, тотъ вытащилъ свои карманные часы и показалъ, что у него ровно 11 часовъ. Императоръ, вынувъ въ свою очередь свои карманные часы, изумился, увидѣвъ, что и на нихъ было тоже самое. Находившіеся при этомъ царедворцы могли удостовѣриться, что и на ихъ часахъ было также 11 часовъ. Мало того, наружные стѣнные часы Зимняго дворца тоже самое показывали. Вслѣдствіе этой штуки Императоръ повелѣлъ фокуснику немедленно выѣхать изъ Петербурга, а полиціи донести ему объ исполненіи его приказанія. И вотъ, въ этотъ (или въ слѣдующій день) полиція донесла Государю, что въ одинъ и тотъ же часъ изо всѣхъ городскихъ заставъ выѣхалъ въ своемъ экипажѣ Пинетти (Слышалъ отъ моей матери).

всѣмп инструментами, отецъ мой продалъ въ Московскій университетъ, еще до моего рожденія. Онъ и въ глубокой старости говаривалъ, что никогда не ложится спать, не почерпнувъ новаго какого нибудь свѣдѣнія, въ теченіе дня. Память у него была феноменальная, и онъ на любой почти предметъ могъ приводить мѣсто изъ Латинскихъ и Французскихъ классиковъ, въ прозѣ и въ стихахъ. Однажды, въ какомъ-то обществѣ, гдѣ находился мой отецъ, нѣкій Французъ прочелъ одно свое стихотвореніе. По окончаніи чтенія, отецъ мой началъ выговаривать поэту, что нечестно выдавать чужіе стихи за свои собственные. Французъ обомлѣлъ и сталъ увѣрять, что онъ только что передъ этимъ сочинилъ эти стихи. «Если такъ», сказалъ мой отецъ, «то извольте прочесть ихъ наизустъ». На это Французъ отозвался, что онъ не знаетъ наизустъ своихъ стиховъ. «А въ доказательство, что стихи эти мои, а не ваши», продолжалъ мой отецъ, «я ихъ прочту вамъ наизустъ», и дѣйствительно прочелъ ихъ безошибочно. Французъ еще пуще остолбенѣлъ, и присутствующіе уже начали было недовѣрчиво смотрѣть на него; но отецъ мой поспѣшилъ объяснить, что ему хотѣлось только помистифицировать бѣднаго версификатора. Московскіе старожилы разсказывали мнѣ, что когда обращались къ моему отцу для какой нибудь исторической справки, то онъ, не вставая съ мѣста, указывалъ не только на автора, гдѣ можно было найти эту справку, но даже и въ какой части, даже означалъ мѣсто въ многотомной (до 40 тыс.) своей библіотекѣ, гдѣ находилось это сочиненіе, и на какой полкѣ. И въ старости онъ говаривалъ о своей памяти какъ о бюрò съ ящиками: когда нужно было ему вспомнить подробности по какому нибудь предмету, то онъ принимался на вѣрняка умственно шарить въ одномъ изъ этихъ отдѣленій.

Отецъ мой былъ глубоко вѣрующій и набожный человѣкъ. Въ первой своей молодости онъ былъ масонъ и платилъ этимъ дань своему вѣку. Ревнитель и поборникъ Православія, въ чемъ укрѣпляло его изученіе первоначальной исторіи церкви, онъ не поддался волтеріанизму, распространенному въ обществѣ, въ которомъ протекла его юность, и не впадалъ позднѣе въ мистицизмъ, которымъ замѣнился атеизмъ и виднымъ представителемъ котораго былъ другъ его князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. Не долюбливалъ онъ іезуитовъ, и не могла поколебать его, какъ догматолога, окружавшая его, сначала въ Россіи, а позднѣе въ Италіи, Латинская пропаганда, хотя и находился онъ въ дружескихъ отношеніяхъ со многими лицами Французскаго и Итальянскаго духовенства. Онъ кончилъ праведную свою жизнь во Флоренціи, держа въ рукахъ крестъ съ мощами (нынѣ у меня

хранящійся) 7 (19) Ноября 1829 года, напутствованный посольскимъ нашимъ священникомъ іеромонахомъ Иппархомъ [1]), и по внезапномъ отъѣздѣ послѣдняго въ Римъ, многолѣтнимъ своимъ духовникомъ, священникомъ Ливорнской Греческой церкви, Іоакимомъ Валламонте (уроженцомъ Іонническихъ острововъ). При отъѣздѣ моемъ изъ родительскаго дома въ Россію, на службу, онъ письменно завѣщалъ мнѣ твердо хранить вѣрованіе нашихъ предковъ. Въ раннемъ моемъ дѣтствѣ меня всегда поражало, и теперь я какъ будто бы это вижу, какъ онъ, стоя на обычномъ своемъ мѣстѣ, на лѣвомъ клиросѣ нашей Бѣлкинской (въ Калужской губерніи) церкви, усердно, со сложенными руками, почти слезно, и съ поднятыми вверхъ глазами, повторялъ за діакономъ и въ полуслухъ, трогательныя слова сугубой эктеніи: «Еще молимся о плодоносящихъ и добродѣющихъ во святѣмъ и всечестнѣмъ храмѣ семъ, труждающихся, поющихъ, предстоящихъ людѣхъ, ожидающихъ отъ Тебе великія и богатыя милости».

Служилъ онъ отрывками, но умеръ однакоже, тайнымъ совѣтникомъ, дѣйствительнымъ камергеромъ и сенаторомъ; и, вещь удивительная, онъ не имѣлъ ни одного кавалерскаго креста. Не знаю, былъ ли и есть ли какой нибудь другой подобный этому примѣръ. Въ 1803 году, года два до кончины его дяди, канцлера графа Воронцова, отецъ мой получилъ назначеніе посланникомъ въ Римъ; совѣтникомъ при посольствѣ былъ назначенъ графъ Кассини, и даже домъ въ Римѣ былъ нанятъ заочно для моего отца, но посольство не состоялось по слѣдующей причинѣ.

При предшественникѣ моего отца находился секретаремъ посольства нѣкто Французскій эмигрантъ, шевалье де-Варнекъ (или Варнетъ), остававшійся при своемъ постѣ до пріѣзда новаго посланника. Наполеонъ настоятельно требовалъ отъ папскаго правительства выдачи ему этого Варнета, какъ Французскаго подданнаго, и какъ ни отговаривался Ватиканъ исполнить это требованіе, но по слабости своей онъ долженъ былъ уступить передъ угрозами повелителя Италіи. Императоръ Александръ, возмущенный этимъ попраніемъ всякаго народнаго права выдачею Русскаго чиновника, отозвалъ изъ Рима нашу миссію и прекратилъ дальнѣйшія сношенія съ папскимъ правительствомъ [2]). При канцлерѣ графѣ Н. П. Румянцовѣ (кажется въ 1809 году), отецъ мой былъ назначенъ посланникомъ при Баварскомъ дворѣ,

---

[1]) Нынѣ архіепископомъ. О немъ подробно буду говорить впослѣдствіи.

[2]) Случай этотъ подробно описанъ въ Histoire du Catholicisme romain en Russie, par le comte D. Tolstoi.

но не знаю по какой причинѣ, онъ туда не поѣхалъ. Позднѣе онъ былъ директоромъ всего Эрмитажа (тогда еще не раздѣленнаго, какъ нынѣ, на два отдѣленія) и продолжалъ носить это званіе чуть ли не до самаго нашего отъѣзда за границу, въ 1817 году, хотя жилъ въ Петербургѣ только въ зимнее время и почти не хаживалъ въ Эрмитажъ. Мать моя разсказывала мнѣ, что, въ первые годы ея замужества, она, съ помощію друзей своихъ, едва успѣла уговорить моего отца (тогда во временной отставкѣ), записаться куда нибудь на службу, въ избѣжаніе грозившей ему непріятности быть выбраннымъ капитаномъ-исправникомъ, такъ какъ служба по выборамъ была тогда обязательна для всѣхъ дворянъ, не находившихся на коронной службѣ [1]).

Свадьба моихъ родителей состоялась въ 1793 году, въ Бѣлкинѣ, имѣніи отца моей матери, графа Артемія Ивановича Воронцова, и объ этомъ событіи сохраняется по сю пору стѣнная надпись въ Бѣлкинской церкви [2]).

Мать моя, графиня Анна Артемьевна, родившаяся въ 1777 году, была троюродною сестрою моему отцу по его матери, такъ какъ его мать, графиня Марія Романовна, была дочь графа Романа Ларіоновича Воронцова, а отецъ моей матери, графъ Артемій Ивановичъ Воронцовъ, былъ сынъ графа Ивана Ларіоновича Воронцова, брата Елисаветинскаго канцлера, графа Михаила Ларіоновича. Этотъ графъ Иванъ Ларіоновичъ, прадѣдъ мой по матери, не особенно отличался по службѣ; онъ, молодымъ офицеромъ лейбъ-компаніи, участвовалъ въ возведеніи Елисаветы Петровны на престолъ 25 Ноября 1741 года; но былъ онъ хорошимъ хозяиномъ и построилъ въ нѣсколькихъ своихъ имѣніяхъ по каменному трехъ-этажному дому, съ каменными же флигелями, и по каменной просторной ригѣ, вездѣ по одинаковой архитектурѣ, и вездѣ также насадилъ березовыя аллеи въ двухъ рядахъ съ каждой стороны. Аллеи шли въ разныя направленія, отъ господской усадьбы тянулись съ версту и болѣе. Такія постройки извѣстны мнѣ въ Бѣлкинѣ, въ Воронцовѣ (Тамбовской губ.) и въ с. Филисовѣ, Костромской губерніи. Графу Ивану Ларіоновичу принадлежало также

---

[1]) Подумаешь, какъ времена перемѣнились съ тѣхъ поръ! Въ 1865 году я просилъ Калужскаго губернатора, г. Спасскаго, назначить меня исправникомъ въ Тарусѣ (такъ какъ съ 1863 года исправники сдѣлались коронными), желая въ одно и тоже время служить и заниматься хозяйствомъ въ имѣніи моей жены въ Тарускомъ уѣздѣ; но домогательство мое не удалось.

[2]) Имѣніе это, Калужской губерніи, Боровскаго уѣзда, принадлежитъ нынѣ г. Обнинскому.

извѣстное село Вороново, на старой Калужской дорогѣ. Преданіе гласитъ, что Екатерина, во время своего путешествія по Россіи въ 1787 году, посѣтила Вороново и, стоя у одного окна великолѣпныхъ хоромъ хозяина, замѣтила, что газонная площадка передъ домомъ должна была представить, въ лѣтнее время, красивый зеленый коверъ. Въ теченіе вечера и всей ночи наряжена была графомъ Иваномъ Ларіоновичемъ поголовная барщина для свозки всей грязи съ этой площадки, такъ что на утро хозяинъ дома повелъ августѣйшую гостью къ тому же окну, изъ котораго она смотрѣла наканунѣ, и такимъ образомъ далъ ей возможность любоваться площадкою, покрытою лѣтнею зеленью. Въ ознаменованіе этого августѣйшаго посѣщенія сооруженъ былъ, на большой дорогѣ, насупротивъ господскаго дома, мраморный обелискъ, мною видѣнный въ 1833 году. Графъ Иванъ Ларіоновичъ былъ женатъ на дочери кабинетъ-министра Волынскаго, казненнаго по проискамъ изверга Бирона. Онъ слылъ щедрымъ человѣкомъ, помогавшимъ нуждающимся своимъ родственникамъ. Мать моя помнила въ своемъ дѣтствѣ однако престарѣлаго доѣзжачаго или стременнаго ея дѣда, обычною поговоркою у котораго было: «Богъ дастъ здоровья (или Богъ дастъ, будемъ живы), всѣ мы помремъ». Графъ Иванъ Ларіоновичъ обыкновенно пріѣзжалъ въ Бѣлкино только въ осеннее время, чтобы охотиться, и выстроенный имъ тамъ домъ не былъ приспособленъ, чтобы жить въ немъ зимою. Мать моя помнила, что когда охота ея дѣда собиралась выступать, то столѣтній стремянной или борзятникъ, о которомъ сейчасъ шла рѣчь, засуетится бывало и закричитъ: «Аллонъ, аллонъ; а шеваль, а шеваль» (Allons, allons, à cheval, à cheval). Тогдашній владѣлецъ Бѣлкина, желая улучшить домашній бытъ своихъ крестьянъ, выстроилъ для нихъ рядъ каменныхъ домиковъ о двухъ этажахъ; но въ мое время крестьяне продолжали жить только въ двухъ или трехъ изъ этихъ домиковъ, да и то въ нижнемъ лишь этажѣ; а всѣ остальные представляли собою живописныя довольно развалины. Тѣмъ же владѣльцемъ были построены, въ посаженныхъ имъ проспектахъ, два каменные моста, для болѣе удобнаго проѣзда черезъ лощины во время весенняго напора воды.

У графа И. Л. Воронцова, было два сына и двѣ дочери. Графъ Артемій Ивановичъ (мой дѣдъ по матери), женатый на Прасковьѣ Ѳедоровнѣ Квашниной-Самариной, и графъ Ларіонъ Ивановичъ (отецъ умершаго въ 1855 г. графа Ивана Ларіоновича Воронцова-Дашкова, по прозвищу Ванишь Воронцовъ). Жена этого графа Ларіона Ивановича была по себѣ Ирина Ивановна Измайлова *). До-

*) Сестра ея, замужемъ за княземъ Сергѣемъ Михайловичемъ Голицынымъ,

чери моего прадѣда были графиня Анна Ивановна, вышедшая за мужъ за Василія Сергѣевича Нарышкина и графиня Авдотья Ивановна, умершая въ началѣ 20-хъ годовъ текущаго вѣка дѣвицею. Графъ Артемій Ивановичъ отдалъ еще при жизни въ приданое дочери своей (моей матери) вышепомянутое с. Бѣлкино, при которомъ числилось до 500 душъ и мельница на р. Протвѣ въ селѣ Кривскомъ [1]). Мать моя вышла замужъ, когда только что совершилось ей 16 лѣтъ отъ роду, а на слѣдующій (1794) годъ родился старшій мой братъ, графъ Петръ Дмитріевичъ. Объ устройствѣ ея брака хлопотала, по семейному преданію, ея тетка (и, кажется, крестная мать) Авдотья Ивановна Нарышкина. Вотъ что я слышалъ по этому поводу. Отецъ мой часто посѣщалъ домъ двоюроднаго его дяди графа Артемія Ивановича Воронцова [2]) и обращалъ, быть можетъ, особенное вниманіе на миловидную свою кузину Анюту и вдругъ прекратилъ частыя дотолѣ свои посѣщенія. Зная правила моего отца, я увѣренъ, что это случилось, или отъ экстренныхъ его занятій дома, или отъ лѣни, къ чему онъ былъ иногда склоненъ. Но иначе разсуждала бойкая Анна Ивановна Нарышкина, руководившая во всемъ смиреннаго своего сожителя, Василія Сергѣевича Нарышкина. Она сочла любимую свою племянницу какъ бы оскорбленною прекращеніемъ визитовъ человѣка, котораго она считала уже женихомъ, и вотъ, въ одинъ прекрасный день, она, узнавши, что отецъ мой сидитъ въ Англійскомъ клубѣ, поѣхала туда и вызвала его къ крыльцу, подъ предлогомъ, что имѣетъ поговорить съ нимъ о чемъ-то, а для бо́льшаго удобства попросила его сѣсть къ ней въ карету. Но едва онъ усѣлся, какъ похитительница закричала кучеру: «скорѣе домой», и увезла моего отца, въ чемъ онъ былъ, безъ шляпы и шинели, прямо въ домъ ея брата, гдѣ отецъ мой дѣйствительно не замедлилъ сдѣлать предложеніе черноглазой Анютѣ, второй изъ четырехъ дочерей графа Артемія Ивановича. Важная барыня была эта Анна Ивановна, и большая любимица, и въ своемъ, и въ нашемъ семействѣ. Сильно ее сокрушала неаристократическая замашка непритязательнаго ея супруга Василія Сергѣевича—читать апостолъ въ его Знаменской (деревенской) церкви. Кстати уже помѣщу анекдотъ объ этомъ В. С. Нарышкинѣ. Въ день переворота 28 Іюня 1762 года, Измайловскій полкъ, въ которомъ былъ онъ офице-

---

была прозвана „la princesse minuit", отъ привычки спать днемъ, а ночью, вплоть до утра, дѣлать все то, что́ другіе дѣлаютъ днемъ.

[1]) Мельницу эту купилъ въ 40-хъ годахъ, купецъ Аристарховъ и тамъ завелъ извѣстную свою писчебумажную фабрику, сгорѣвшую въ 50-хъ годахъ.

[2]) Тотъ самый домъ, что́ теперь университетская клиника на Рождественкѣ. Гр. М. Б. (Нынѣ Строгановское училище. П. Б.)

ромъ, стоялъ въ сборѣ передъ дворцомъ и не участвовалъ въ Петергофскомъ походѣ. Княгиня Е. Р. Дашкова, сопровождавшая Екатерину верхомъ и въ Преображенскомъ, какъ и Императрица, мундирѣ, спохватившись, что она выѣхала безъ шляпы, подскакала къ Василію Сергѣевичу (мужу двоюродной своей сестры) и стала его умолять, чтобы онъ отдалъ ей свою шляпу. «Ишь ты какова!» молвилъ Нарышкинъ. «Баба нарядилась шутихою, да еще хочетъ, чтобы я оставался болваномъ, съ открытою головой!» Такъ и не далъ шляпы.

У В. С. Нарышкина было два сына и двѣ дочери: Иванъ Васильевичъ (котораго звали Жано́ до конца его жизни) и Дмитрій Васильевичъ, женившійся на графинѣ Натальѣ Ѳедоровнѣ Ростопчиной. Дочери были: Марія Васильевна, вышедшая за графа де-Бальмена, а по смерти его за Александра Дмитріевича Олсуфьева, и Прасковья Васильевна (а въ семействѣ Пашетъ), умершая нестарою еще дѣвицею. Дмитрій Васильевичъ былъ много моложе Ивана Васильевича, а гувернеромъ его былъ Французъ Прадель, перевоспитавшій много юношей высшаго Русскаго круга.

Сыновей у графа Артемія Ивановича Воронцова не было, а дочерей было четыре: Марія, Екатерина, Анна и Прасковья. Графини Марія и Екатерина Артемьевны умерли старыми фрейлинами, а графиня Прасковья Артемьевна вышла замужъ въ 1813 году, не задолго до кончины ея отца, за Тамбовскаго помѣщика Александра Ульяновича Тимофеева. Состояніе у графа Артемія Ивановича было довольно значительное, но онъ его разстроилъ подъ конецъ, и не иначе согласился отдать свою меньшую дочь за А. У. Тимофеева (сына откупщика), какъ съ условіемъ спасти отъ продажи за долги Тамбовское его имѣніе с. Воронцово и закрѣпить его за его дочерью. Старики и богачи Тимофеевы дали свое согласіе на это предложеніе, и сынъ ихъ (уже дворяниномъ) женился на графинѣ Прасковьѣ Артемьевнѣ. Знаменитое Вороново, гдѣ мать моя и ея сестры обыкновенно проводили лѣто дѣтьми, было продано графомъ Артеміемъ Ивановичемъ, по стѣсненнымъ его денежнымъ обстоятельствамъ, гр. Ростопчину. Въ Тамбовскомъ имѣніи графа Артемія Ивановича было до трехъ или болѣе тысячъ душъ; да еще было у него значительное имѣніе въ Костромской губерніи Нерехотскаго или Кинешемскаго уѣзда, с. Филисово*); также было у него имѣніе въ Рыбинскомъ уѣздѣ, но небольшое. Московскій его домъ былъ тотъ, гдѣ нынѣ Университетская клиника на Рожественкѣ, а отъ

*) Имѣніе это принадлежало въ 40-хъ годахъ генералу Павленко, женатому на сестрѣ Николая Гавриловича Ромина.

него и отъ угла этой улицы, внизъ по Кузнецкому мосту до Неглинна-го проѣзда, все пространство также принадлежало графу Артемію Ивановичу. Въ Петербургѣ у него былъ тотъ домъ, гдѣ нынѣ Пажескій корпусъ.

Теперь поговорю объ отцовской моей родинѣ. Мужъ тетки моей, Елисаветы Петровны Дивовой, Адріанъ Ивановичъ, былъ корнетомъ въ Конной гвардіи при вступленіи Екатерины на престолъ и участвовалъ въ знаменитомъ ея походѣ въ Петергофъ, 28 Іюня 1762 года. Во время Чесменскаго морскаго сраженія, онъ состоялъ волонтеромъ при графѣ Алексѣѣ Григорьевичѣ Орловѣ и получилъ Георгіевскій крестъ въ петлицу. Въ 1792 году онъ посланъ былъ въ Стокгольмъ, поздравить юнаго короля Густава IV съ восшествіемъ на престолъ. Сколько времени онъ тамъ оставался, не знаю; но тамъ родился, въ концѣ того же 1792 года, Николай Адріановичъ, который былъ крещенъ Римско-Католическимъ священникомъ, за неимѣніемъ православнаго. Адріанъ Ивановичъ Дивовъ умеръ въ 1814 году тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ. Старшій его сынъ Петръ родился въ 1785 году, второй Александръ въ 1788 году. Предки Дивовыхъ были Французы и носили фамилію «Дивошъ». Одинъ изъ нихъ переселился въ Россію, за долго до петровскаго еще времени. Въ царствованіе Павла, Адріанъ Ивановичъ Дивовъ, будучи уже сенаторомъ, подвергся императорскому гнѣву, безъ всякой видимой причины, и ему велѣно было выѣхать съ семействомъ изъ Петербурга, въ двадцать четыре часа, и впредь жить безвыѣздно въ Москвѣ, или у себя въ деревнѣ. Онъ бросился къ троюродному брату его жены, князю Алексѣю Борисовичу Куракину, генералъ-прокурору и въ фаворѣ при Павлѣ; и тотъ выхлопоталъ отмѣну этой мѣры, съ тѣмъ, чтобы А. И. Дивовъ, явился, какъ бы ни въ чемъ не бывало, во дворецъ къ первому царскому выходу, но чтобы онъ отнюдь не благодарилъ Императора за свое помилованіе. Угадываю, что вспышки Павла могли быть вызваны случайнымъ воспоминаніемъ о томъ, что Дивовъ участвовалъ, какъ конногвардеецъ, въ Петергофскомъ походѣ 1762 года. Въ концѣ 90-хъ годовъ, когда ужасы Французской революціи стали утихать и водворился консулатъ, Дивовы переселились въ Парижъ, и тетка моя, Елисавета Петровна, близко сошлась съ Жозефиною. Однажды, на семейномъ завтракѣ, къ которому та пригласила мою тетку, взошелъ мужъ ея Наполеонъ (уже пожизненный консулъ) и, подошедъ къ 7 или 8 лѣтнему Николаю Адріановичу, котораго взяла съ собою мать, спросилъ, какъ понравился ему только что окончившійся смотръ войскъ и не желаетъ ли онъ поступить въ ряды этого войска. «Смотръ очень мнѣ

понравился», отвѣчалъ мальчуганъ, «но я Русскій и желаю служить только моему отечеству».—«Очень хорошо и правильно ты мыслишь, отвѣчалъ Наполеонъ», поцѣловавъ въ голову юнаго патріота, «таковымъ всегда оставайся».

Возвратившись въ Москву, въ первые года текущаго вѣка, Дивовы продолжали держаться Парижскихъ модныхъ привычекъ и, между прочими, принимали утреннихъ посѣтителей, лежа на двуспальной кровати, и мужъ и жена, въ высокихъ ночныхъ чепцахъ съ розовыми лентами и съ блондами. Домашнимъ врачемъ у Дивовыхъ былъ Французъ Скюдери, практиковавшій въ Москвѣ съ полвѣка и сохранившійся еще бодрымъ старикомъ въ 56-хъ годахъ. Большой дружбы между теткою Дивовой и нашей матерью никогда не было, но не было и ссоръ. Послѣдняя была пятнадцатью годами моложе своей золовки; но кромѣ этого онѣ расходились во взглядахъ и привычкахъ. Тетка была вполнѣ свѣтская женщина (mondaine), безъ серіознаго направленія, и принимала много гостей, какъ въ городѣ, такъ и своемъ подмосковномъ Соколовѣ; а наша мать, хотя не вела затворническую жизнь, но была вся сосредоточена въ воспитаніи своихъ дѣтей. Съ тѣхъ поръ какъ я сталъ себя помнить, тетка Дивова рѣдко бывала у насъ; но отецъ нашъ частенько ѣзжалъ къ ней по утрамъ. У Дивовыхъ жилъ до 1812 года нѣкій г. Лебрюнъ (Lebrun), котораго мы встрѣтимъ въ позднѣйшихъ этихъ разсказахъ. Онъ передалъ мнѣ, что когда онъ отправлялся съ визитомъ къ моей матери, то тетка моя насмѣшливо желала ему веселиться у ея невѣстки. «Oui, oui! Allez un peu chez ma belle-soeur; vous verrez comme c'est amusant». Старшій сынъ Дивовыхъ, Петръ Адріановичъ, былъ уже на службѣ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ 1805 году, а второй, Александръ, направленный своими гувернерами-аббатами, склонился къ католицизму. Хотя онъ, какъ и старшій братъ, первоначально пошелъ по дипломатической части, и въ началѣ 1812 года былъ назначенъ секретаремъ при Вашингтонской нашей миссіи; но онъ тамъ покинулъ службу и поступилъ въ Іезуиты, а въ 1824 г. онъ вышелъ изъ этого ордена, какъ далѣе увидимъ. Меньшой изъ трехъ братьевъ, Николай Адріановичъ, поступилъ юнкеромъ въ гвардейскую артиллерію, въ 1810 году, и подъ Бородиномъ былъ офицеромъ и ординарцемъ при убитомъ тамъ графѣ Кутайсовѣ. Когда семейство Дивовыхъ возвратилось изъ Парижа въ Россію, то Николай Адріановичъ, которому было тогда 9 или 10 лѣтъ, не умѣлъ, какъ самъ разсказывалъ, говорить по-русски.

Мать наша была такъ молода, выходя замужъ, что бабушка моя, графиня Прасковья Ѳедоровна Воронцова, сочла приличнымъ опредѣлить къ ней, въ качествѣ компаніонки, пожилую Француженку, мадамъ Ребрукъ. Такъ какъ эта дама знавала нашу мать еще дѣвочкою, хотя никогда не была ея гувернанткою (а таковою была Швейцарка мамзель Женвуа), то она долго не могла свыкнуться съ настоящимъ положеніемъ моей матери; на свѣтѣ уже были братъ и старшая моя сестра Марія, а мадамъ Ребрукъ, когда приходила утромъ здороваться съ моею матерью, все продолжала говорить «Bonjour, m-lle Annette; comment vont vos enfants?» [1]).

Состояніе нашего отца, когда онъ женился, заключалось въ слѣдующемъ. Въ слободѣ Бутурлиновкѣ съ деревнями было до 14 тыс. душъ. Въ Костромской губерніи, въ селѣ Малыхъ Порзняхъ съ деревнями, до 2500 душъ; въ Финляндіи до 2000 душъ, и подмосковное весьма хорошо устроенное имѣніе, с. Алешино. Еще до моего рожденія, отецъ нашъ продалъ Финляндское имѣніе, потому что (какъ сказывалъ мнѣ одинъ человѣкъ, со словъ моего отца) имѣніе это не приносило другаго дохода кромѣ 2-хъ тысячъ рублей и 2-хъ тысячъ рябчиковъ въ годъ; село же Алешино было продано г. Терскому, совершенно противъ желанія моей матери, которая всегда сожалѣла объ этомъ имѣніи [2]).

Мать моя разсказывала мнѣ, что, въ первые годы ея замужества, отецъ нашъ пустился въ откупныя дѣла съ г. Петрово-Соловымъ [3]), и дѣла ихъ пошли такъ дурно, что все состояніе нашего отца едва не лопнуло. Особенно запуталъ нашего отца какой-то Крупенниковъ, пользовавшійся его довѣріемъ. Однажды, въ Бутурлиновкѣ, этотъ или какой-то другой подобный ему агентъ, выбралъ время, когда мать наша уѣхала на нѣсколько дней въ Воронежъ, и уговорилъ ея мужа подписать какую-то бумагу, которая могла повести его къ окончательному разоренію. Отецъ нашъ долго колебался, подписать-ли ему эту бумагу или нѣтъ; но къ счастію, одинъ дворовый нашъ человѣкъ, преданный своимъ господамъ, Василій Колпаковъ (впослѣдствіи первый мой дядька) поскакалъ, не сказавъ никому, въ Воронежъ, и тамъ, ворвавшись въ одинъ домъ, во время бала, на которомъ нахо-

---

[1]) Здравствуйте, мамзель Аннетъ; здоровы ли ваши дѣти?

[2]) Сынъ этого г. Терскаго служилъ одновременно со мною юнкеромъ въ Павлоградскомъ гусарскомъ полку.

[3]) Жена этого г. Петрово-Соловова, урожденная княжна Щербатова, была убита на дуэли въ Петербургѣ, въ началѣ 20-хъ годовъ, выброшенная изъ экипажа на всемъ скаку.

дилась наша мать, передалъ ей о грозившей опасности. Не медля ни минуты, она бросилась въ экипажъ, въ бальномъ, какъ была, нарядѣ, и прискакала во́-время (разстояніе отъ Воронежа до Бутурлиновки 160 верстъ), чтобы остановить мужа. При видѣ этого неожиданнаго препятствія, аферистъ-искуситель имѣлъ наглость предложить нашей матери какой-то богатый уборъ (ожерелье съ серьгами) и уговаривалъ ее не вмѣшиваться въ дѣла, о которыхъ-де она не имѣетъ, какъ женщина, никакого понятія.

Отъ нашего дѣда, графа Петра Александровича, перешелъ какъ бы по наслѣдству къ нашему отцу старикъ-живописецъ Гаетано Бацциготти, родомъ изъ Болоньи, привезенный нашимъ дѣдомъ изъ Италіи. Я его не помню, и онъ умеръ въ умопомѣшательствѣ еще до 1810 года; но я видалъ въ альбомахъ у нашихъ семейныхъ карандашные и масляными красками пейзажики его работы. Наброски эти представляли по большей части лунное освѣщеніе и были безъ всякихъ въ нихъ фигуръ, и это послѣднее обстоятельство г. Бацциготти всегда объяснялъ тѣмъ, что въ этой ночной порѣ всѣ добрые христіане находились на полуночной обѣднѣ, которая бываетъ у Латинянъ разъ только въ году, подъ праздникъ Рождества Христова [1]). Разсказывали также у насъ въ семействѣ, что Бацциготти переряжалъ единственнаго своего слугу въ разные костюмы, иногда даже вымазывалъ ему лицо сажею, чтобы онъ казался Негромъ, а посѣтители могли думать, что у него было нѣсколько людей прислуги. Но скорѣе можно полагать, что это было ничто иное, какъ свойственное Итальянцамъ буффонство.

Въ первыхъ годахъ столѣтія, часто бывалъ у насъ Шведъ Спренгпортенъ, квартировавшій въ нашемъ сосѣдствѣ. Онъ бросился изъ окна втораго этажа и разбился до смерти [2]).

Другой иностранецъ, часто бывавшій у нашихъ родителей, также въ началѣ текущаго вѣка, и гораздо болѣе извѣстный, чѣмъ Шведскій графъ, былъ молодой Французъ эмигрантъ, баронъ Де-Жерамбъ. Онъ въ войнахъ начала сего вѣка сформировалъ на свой счетъ полкъ черныхъ гусаръ, прозванный безпардоннымъ, потому что его гусары не брали Французовъ въ плѣнъ, а умерщвляли ихъ [3]). Онъ попался,

---

[1]) Ни особенной заутрени, ни литургіи подъ свѣтлый праздникъ у Латинянъ нѣтъ.

[2]) Послѣ написанія этихъ строкъ, старшая моя сестра, Марія Дмитріевна Дини, сообщила мнѣ изъ Флоренціи, что этотъ графъ Спренгпортенъ лишилъ себя жизни, чувствуя себя будто бы обезчещеннымъ, такъ какъ его отецъ измѣнилъ своему отечеству (т. е. Швеціи).

[3]) У нихъ на вивракъ была, кажется, Адамова голова съ двумя крестообразными костями.

наконецъ, въ плѣнъ, и Наполеонъ засадилъ его въ Венсенскую крѣпость, гдѣ онъ томился десять лѣтъ, до вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ, въ 1814 году. Долголѣтнее заточеніе развило въ немъ глубокое духовное настроеніе, и по полученіи свободы, онъ передалъ своимъ родственникамъ почти все свое состояніе, довольно значительное и, оставивъ себѣ необходимую на прожитье часть, поступилъ въ траписты, наистрожайшій изъ всѣхъ Латинскихъ монашескихъ орденовъ. Впослѣдствіи онъ издалъ свое путешествіе въ Іерусалимъ и разныя сочиненія аскетическаго направленія.

Посѣщалъ также нашъ домъ до 1810 года другой эмигрантъ, маркизъ Де-Кенсонна (de Quinsonnat), женатый на княжнѣ Одоевской, которая, умирая, завѣщала все свое состояніе мужу, а имъ оно пожертвовано на основаніе въ одной изъ двухъ нашихъ столицъ пріюта для Французовъ, не имѣвшихъ средствъ къ существованію.

Княгиня Е. Р. Дашкова желала, чтобы нашъ отецъ принялъ самъ, или для малолѣтняго тогда моего брата графа Петра Дмитріевича, все ея наслѣдство, съ прибавленіемъ фамиліи Дашкова къ нашей. Дашкова не любила своей дочери Щербининой и, по смерти своего сына князя Павла Михайловича вознамѣрилась заблаговременно лишить дочь слѣдуемаго ей наслѣдства. Чувство справедливости, свойственное нашему отцу, воспрепятствовало ему принять предложеніе его тетки въ ущербъ законной наслѣдницѣ, какъ за себя самого, такъ и за своего сына. Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ (отецъ князя Михаила Семеновича), къ которому обратилась по сему поводу княгиня Дашкова, сдѣлалъ тоже самое, что и нашъ отецъ. Тогда только княгиня обратилась къ графинѣ Иринѣ Ивановнѣ Воронцовой (вдовѣ графа Ларіона Ивановича), которая дала свое согласіе отъ имени несовершеннолѣтняго своего сына, графа Ивана Ларіоновича, съ прибавкою фамиліи Дашкова. О причинахъ неумолимаго гнѣва княгини Дашковой на ея дочь я узналъ слѣдующее отъ моихъ семейныхъ. Единственный сынъ княгини князь Павелъ Михайловичъ, командовавшій въ чинѣ генерала какимъ-то полкомъ, расположеннымъ въ западныхъ губерніяхъ, влюбился въ бѣдную шляхтянку и, вопреки материнскаго запрета, женился на ней. Княгиня прокляла сына, а Щербинина вступилась за брата и не допустила его примириться съ матерью. Молодой князь Дашковъ, пріѣхавъ въ Москву, заболѣлъ и умеръ въ своемъ домѣ на Тверской, рядомъ съ Савинскимъ подворьемъ *). Однакоже мать, узнавши объ опасномъ положеніи сына, отреклась отъ произне-

*) Домъ этотъ, отдѣленный отъ улицы дворомъ, принадлежалъ въ 40-хъ годахъ Самаринымъ, потомъ откупщику Утину, а нынѣ Дашкевичу (теперь Толмачеву П. В.).

сеннаго ею проклятія и поспѣшила навѣстить его, но не была допущена къ смертному одру сестрою больнаго. Это и побудило, вѣроятно, княгиню лишить свою дочь наслѣдства. По смерти сына, она немедленно выписала въ Москву молодую его вдову, начала всячески ее ласкать и безнамѣренно уморила новую свою фаворитку. Эта молодая женщина страдала страшными мигренями и, по совѣту своей свекрови, обложила голову горчишниками, которые притянули всю кровь къ головѣ, и она умерла отъ воспаленія въ мозгу. Домъ княгини Екатерины Романовны въ Москвѣ былъ на Большой Никитской *).

А до чего была скаредна, въ послѣдніе годы жизни, эксъ-президентъ Академіи Наукъ, можно судить потому, что когда она обѣдывала у нашихъ родителей (что́ случалось по Воскресеньямъ), то увозила съ собою остатки лимона, который непремѣнно ставили передъ ней; а когда она ѣзжала обѣдать у своей племянницы Елисаветы Петровны Дивовой, то при отъѣздѣ ея хозяева клали ей въ карету голову сахару и нѣсколько фунтовъ чая. Она скончалась въ Москвѣ, въ 1810 году, никѣмъ изъ родственниковъ не окруженная, и погребена въ Калужской губерніи Тарусскаго уѣзда, въ с. Троицкомъ, любимой и обыкновенной ея резиденціи, гдѣ иногда она живала и зимою. Родители мои, живя уже во Флоренціи, вспоминали о скукѣ, когда, по родственной обязанности, они гащивали у ихъ тетки, въ селѣ Троицкомъ.

Отецъ нашъ благоговѣлъ предъ своимъ воспитателемъ канцлеромъ графомъ Александромъ Романовичемъ Воронцовымъ. Когда въ 1805 году ему дали знать, что дядя его опасно боленъ, то онъ поскакалъ къ нему въ с. Андреевское (Владимирской губ., Покровскаго уѣзда), и канцлеръ буквально скончался въ объятіяхъ племянника. Этотъ ударъ такъ поразилъ моего отца, что тутъ же съ нимъ сдѣлался первый пароксизмъ удушья, которое постепенно усилилось до того, что, по совѣту медиковъ, онъ переселился въ 1817 году въ теплый климатъ. Старикъ-канцлеръ уже нѣсколько лѣтъ передъ смертію жилъ безвыѣздно въ своемъ Андреевскомъ, куда посылались курьеры съ текущими дѣлами по Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Находился тогда при немъ другой его племянникъ, старшій сынъ Дивовыхъ, Петръ Адріановичъ, записанный на службу въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Онъ разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи о невыносимой скукѣ деревенской этой жизни. Канцлеръ былъ холостъ, и значительнымъ весьма его имѣніемъ наслѣдовалъ братъ его Семенъ Романовичъ, бывшій въ то

*) Нынѣ Музыкальная Консерваторія. П. Б.

время нашимъ посланникомъ въ Лондонѣ. Самая полная (какъ говорятъ) коллекція портретовъ графовъ и графинь Воронцовыхъ находится по сю пору въ с. Андреевскомъ (вошедшемъ нынѣ въ составъ Воронцовскаго маіората), а вторая подобная галлерея находится въ с. Воронцовѣ (Тамбовской губ. и уѣзда), въ нынѣшнемъ имѣніи двоюродной моей сестры, Елисаветы Александровны Болдыревой, урожденной Тимофеевой.

Кончаю перечень ближайшихъ нашихъ родственниковъ семействомъ Квашниныхъ-Самариныхъ. Петръ Ѳедоровичъ Самаринъ (братъ бабки моей графини Прасковьи Ѳедоровны Воронцовой, жены графа Артемія Ивановича) былъ женатъ на графинѣ Настасьѣ Петровнѣ Салтыковой, дочери извѣстнаго графа Петра Семеновича Салтыкова, побѣдителя Фридриха Великаго. У Петра Ѳедоровича Квашнина-Самарина было всего двѣ дочери: Елисавета Петровна, вышедшая замужъ за графа Григорія Ивановича Чернышова, и Анна Петровна дѣвица.

Теперь пора самому мнѣ выступить на сцену.

Я родился въ Москвѣ, 19 Марта*) 1807 года, въ родительскомъ домѣ, Лефортовской части, въ Нѣмецкой Слободѣ, рядомъ съ запущеннымъ старымъ Лефортовскимъ дворцемъ. Кромѣ этого дома, былъ еще у нашего отца другой, не очень большой, какъ думается мнѣ, насупротивъ церкви Ильи Пророка (улица эта зовется, кажется, въ Сыромятникахъ), въ которомъ жили всѣ тѣ, которые не могли помѣщаться въ Слободскомъ домѣ. Нѣмецкая слобода и прилегающія къ ней улицы составляли до 1812 года, Московскій «faubourg S-t Germain». Тамъ, съ обѣими Басманными улицами включительно, были хоромы тогдашней знати: князей Куракиныхъ и Голицыныхъ, графа Семена Романовича Воронцова, графа Мусина-Пушкина, Василія Сергѣевича Нарышкина, богача Николая Никитича Демидова, графа Разумовскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Домъ нашъ, съ пространнымъ садомъ, занималъ болѣе 4 десятинъ; садъ доходилъ до р. Яузы и примыкалъ однимъ бокомъ къ улицѣ и къ мосту, ведущимъ къ военному госпиталю. При домѣ тянулся рядъ оранжерей и теплицъ съ экзотическими растеніями, и объ этомъ садовомъ заведеніи упоминаетъ Англичанинъ Кларкъ въ своемъ путешествіи по Россіи, въ началѣ текущаго столѣтія. Въ коронацію Павла, когда наши родители были, вѣроятно, въ Петербургѣ, Слободской нашъ домъ былъ отданъ, на время, въ распоряженіе дворцоваго управленія, для помѣщенія въ немъ тѣхъ изъ государевой

*) Число это сдѣлалось знаменитымъ, семь лѣтъ позднѣе, по случаю вступленія нашихъ войскъ въ Парижъ.

свиты, для которыхъ не было мѣста въ Головинскомъ и Лефортовскомъ дворцахъ.

Я былъ крещенъ священникомъ приходской нашей церкви Богоявленія, что̀ на Разгуляѣ, Петромъ Дмитріевичемъ, человѣкомъ очень чтимымъ въ нашемъ семействѣ. Воспріемниками моими были (заочно, какъ надо полагать) графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ (двоюродный братъ моему отцу, а троюродный моей матери) и тетка моя, фрейлина графиня Марія Артемьевна Воронцова*) Раннія, четырехлѣтнія мои воспоминанія восходятъ до 1811 года, когда, зимою, я и сестра моя Софія, годомъ старше меня, мы глядѣли изъ окна одной изъ залъ отцовской библіотеки на появившуюся тогда комету. Отчетливо помню расположеніе всѣхъ комнатъ въ обоихъ этажахъ нашего дома и физическаго (упраздненнаго) кабинета, обращеннаго въ танцовальный залъ. Мать моя, впослѣдствіи, сомнѣвалась, чтобы я могъ хорошо помнить домъ, изъ котораго я выѣхалъ пятилѣтнимъ, и чтобы убѣдить ее, я нарисовалъ при ней весь планъ, почти безошибочно. И теперь какъ будто бы вижу висѣвшій въ столовой залѣ портретъ прадѣда моего, фельдмаршала графа Александра Борисовича Бутурлина, во весь ростъ и съ жезломъ въ рукѣ; онъ слѣдилъ какъ бы за нашими дѣтскими играми. По Субботамъ были у насъ всегда танцовальные вечера, чтобы потѣшать проживавшихъ у насъ барышень, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь; да и старшая сестра моя Марія была уже на возрастѣ. Въ числѣ этихъ барышень проживала временно у насъ Генріетта Рочфортъ, сестра воспитавшагося съ моимъ братомъ Осипа Осиповича Рочфорта, вышедшая замужъ позднѣе за Англичанина Леджера. На этихъ вечерахъ мы, дѣти, не бывали, такъ какъ насъ въ то время укладывали спать. Отецъ нашъ жилъ за библіотеками (такъ звались залы съ библіотекою, этихъ залъ было три), а спальня и кабинетъ нашей матери были во второмъ этажѣ, рядомъ съ нашимъ дѣтскимъ отдѣленіемъ. Всѣ пріемные аппартаменты были внизу; стѣны двухъ или трехъ изъ нихъ были обвѣшаны штофными шпалерами, окаймлены золотыми багетами; мебель и двери были также мѣстами позолочены. Домъ былъ въ углубленіи двора съ желѣзною рѣшеткою и съ двумя львами на воротныхъ столбахъ. Семейство наше состояло тогда изъ старшаго моего брата графа Петра Дмитріевича, родившагося въ 1794 году, и сестеръ, графинь Маріи Дмитріевны (род. въ 1795), Елисаветы Дмитріевны (род. въ 1804), Софіи Дмитріевны (род. въ 1806 г.) и изъ меня. Но кромѣ насъ были еще три сына старше меня, Александръ, Павелъ и Борисъ, умершіе

*) Она умерла во Флоренціи, въ глубокой старости, въ 1866 году.

младенцами. Вмѣстѣ съ братомъ моимъ воспитывался Англичанинъ Осипъ Осиповичъ Рочфортъ, поступившій вмѣстѣ съ нимъ же на службу, въ 1812 году [1]). Гувернеромъ ихъ былъ Французскій эмигрантъ г. Жиллѐ, умершій въ концѣ 40-хъ годовъ, статскимъ совѣтникомъ (о немъ придется мнѣ часто говорить). Въ раннемъ дѣтствѣ моего брата, первымъ его гувернеромъ или вѣрнѣе дядькою былъ изъ Московскихъ Англичанъ, г. Коардъ, а учителемъ Русскаго языка (и вѣроятно, Закона Божія) Евфимій Болховитиновъ, еще въ мірѣ, извѣстный іерархъ и писатель; онъ и жилъ нѣкоторое время у насъ въ домѣ. По поводу глубокой скорби, которой предался Болховитиновъ вслѣдствіе преждевременной кончины его жены, отецъ мой, очень любившій его и предвидѣвшій, быть можетъ, какую пользу этотъ молодой вдовецъ могъ принести нашей церкви, старался убѣдить его поступить въ монашество, и не мудрено, что при Петербургскихъ связяхъ моего отца съ высокопоставленными лицами, онъ могъ содѣйствовать къ возвышенію этого замѣчательнаго человѣка. Оба оставались впослѣдствіи въ дружескихъ между собою отношеніяхъ и переписывались. Позднѣйшимъ учителемъ Русскаго языка при моемъ братѣ былъ и жилъ у насъ въ домѣ г. Халчинскій, съ которымъ я встрѣчался въ Петербургѣ, когда онъ уже былъ въ чинѣ превосходительства и служилъ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ [2]). Послѣднею гувернанткою при старшей моей сестрѣ, Маріи Дмитріевнѣ, была Англичанка, мадамъ Раундель, а при второй моей сестрѣ, Елисаветѣ Дмитріевнѣ, настоящей гувернантки никогда не было: ею занималась сама наша мать, а для надзора за нею оставалась, до конца ея воспитанія, подруга дѣтства нашей матери Екатерина Ивановна Леруа.

Изъ разсказовъ старшихъ я узналъ, что домашними медиками были у насъ въ Москвѣ Французы Помо и Метивьѐ, и Нѣмцы Фрезе и Рейманъ. Въ ходу былъ и третій Французъ врачъ, Скюдери; о Русскихъ же врачахъ и помину тогда не было въ большинствѣ аристократическихъ домовъ; а уже славились тогда по Москвѣ профессора Мухинъ и Мудровъ. Таковъ былъ вѣкъ предпочтенія всему иностранному. Докторъ Рейманъ, весьма свѣдущій врачъ, былъ вывезенъ изъ за границы сыномъ гетмана графомъ Алексѣемъ Кирилловичемъ Разумовскимъ, и долго жилъ у него въ домѣ, а послѣ 1812 года онъ пе-

---

[1]) Мать это о Рочфорта была воспитательницею дочерей графа Павла Александровича Строгонова и кончила жизнь въ этомъ семействѣ.

[2]) Извѣстный въ 40-хъ годахъ Петербургскій архитекторъ Штакеншнейдеръ былъ женатъ на его дочери.

реселился въ Петербургъ и пріобрѣлъ тамъ большую извѣстность въ домахъ высшаго общества. Въ романѣ «Война и Миръ» выведено, что докторъ Метивье былъ будто бы Французскимъ шпіономъ и внезапно исчезъ, при вторженіи Французовъ въ Россію. Какія данныя имѣлъ графъ Л. Н. Толстой въ подтвержденіе этого указанія, не знаю; но я ничего подобнаго не слыхалъ отъ современниковъ. Никого изъ этихъ врачей я не помню; но за то хорошо вспоминаю зубнаго лекаря Жоли, страшнаго для меня человѣка, потому что когда у насъ дѣтей портился зубъ, то мать наша, всегда настойчивая въ своей методѣ воспитанія, возпла насъ, не спрашивая нашего согласія, къ этому господину, который безмилосердно исполнялъ свое дѣло. Въ Петербургѣ (позднѣе) таковымъ же былъ г. Сосротъ.

Мать наша, какъ и нашъ отецъ, была глубоко религіозна и питала особенную вѣру въ заступничество Божіей Матери, и въ этихъ чувствахъ она кончила праведную свою жизнь во Флоренціи, въ концѣ 1834 года. Въ ея дѣтствѣ, законоучителемъ ея былъ Серафимъ, бывшій много позднѣе Московскимъ архіепископомъ, а потомъ Петербургскимъ митрополитомъ. Чѣмъ былъ онъ, когда преподавалъ Законъ Божій моей матери, справиться не могу. Сохранилось въ дѣтскихъ моихъ воспоминаніяхъ, что привозили къ намъ на домъ въ Москвѣ, чудотворную Иверскую икону, или «Утоли моя печали» и что мы, дѣти, проходили подъ нею. Каждое первое число мѣсяца въ нашей дѣтской служили молебенъ съ водосвятіемъ и молебенъ Пресвятой Богородицѣ, и вотъ почему впечатлѣлось въ моей памяти, съ пятилѣтняго возраста, Евангеліе отъ Луки: «Во дни оны, возставъ же Маріамъ» и проч. Мать моя выучила меня, когда я былъ еще ребенкомъ, молитву Господню, Трисвятое, «Богородице, Дѣво радуйся» и пр., а также молитвамъ за усопшихъ.

Въ числѣ лицъ, жившихъ у насъ въ домѣ до 1812 года, помню Итальянца Перотти, учителя пѣнія. Отецъ мой въ своей молодости съ успѣхомъ пѣвалъ басовыя партиціи, какъ я уже говорилъ, и хотя въ описываемый мною періодъ онъ рѣдко уже пѣвалъ, но Итальянскій маестро продолжалъ жить у насъ, чтобы давать уроки *барышнямъ*, которыхъ было три: старшая моя сестра графиня Марія Дмитріевна, вышепомянутая Екатерина Ивановна Леруа, и воспитанница моей матери Надежда Андреевна Гольцъ. Однажды въ Бѣлкинѣ, гдѣ мы всегда проводили лѣто, эти барышни собрались пропѣть на имянины моей матери, 25 Іюля, обѣдню Бортнянскаго. Хотѣли сдѣлать ей сюрпризъ, и потому много было хлопотъ и возни, и онѣ ѣздили съ ихъ маестромъ, для репетицій, въ сосѣднюю отъ Бѣлкина церковь. Сюрпризъ

удался, но съ едва удерживаемымъ смѣхомъ исполнительницъ, потому что Итальянецъ, регентъ и въ тоже время басъ, въ пѣснѣ «Слава Отцу и Сыну» и проч., вмѣсто «и во вѣки вѣковъ, аминь», произносилъ «и во вѣки волковъ», а въ причастномъ стихѣ «Хвалите Господа съ небесъ, хвалите Его въ вышнихъ», нашъ Итальянецъ произносилъ «хвалите Его въ вишняхъ». Онъ поселился въ Москвѣ и умеръ отъ холеры въ 1830 или 1831 году. Я разъ встрѣтилъ его въ 1827 г. у княгини Зинаиды Александровны Волконской, на оперной репетиціи, въ которой она и я участвовали; но престарѣлый маестро былъ уже тогда безъ голоса.

Проживалъ также одно время у насъ въ Бѣлкинѣ другой Итальянецъ, Молинари, дававшій уроки нашей матери въ миніатюрной, на слоновой кости, живописи, въ которомъ искусствѣ мать наша дошла до замѣчательнаго совершенства. По разсказамъ старшихъ, надо полагать, что этотъ Молинари принадлежалъ къ кошачьей породѣ, потому что онъ однажды, изъ шутки или изъ-за пари, не знаю, выпрыгнулъ изъ окна втораго этажа каменнаго Бѣлкинскаго дома въ садъ и всталъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Много позднѣе 1812 года онъ открылъ кондитерскую въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, насупротивъ Аничкова дворца.

Я уже сказалъ, что отецъ нашъ былъ въ житейскихъ привычкахъ пунктуаленъ какъ заведенные часы. Въ Москвѣ, до 1812 года, онъ почти ежедневно отправлялся утромъ, въ назначенный всегда часъ, изъ нашего Слободскаго дома, на Кузнецкій мостъ, сперва къ книгопродавцу Рису [1]) и, потолковавъ съ нимъ о библіографическихъ новостяхъ, нерѣдко заѣзжалъ оттуда къ часовщику Ферріе (преемникомъ котораго былъ въ 20-хъ годахъ Аппольтъ), потомъ къ торговцу антикварныхъ и художественныхъ вещей, Итальянцу Осипу Карловичу Негри [2]), и у него иногда завтракалъ жаренымъ рябчикомъ мастерскаго стряпанія г-жи Негри. Магазины всѣхъ этихъ трехъ негоціантовъ были на Кузнецкомъ мосту. (Кстати замѣчу, что въ то время былъ дѣйствительно мостъ, называвшійся «Кузнецкимъ», при скрещеніи улицъ нынѣшняго Кузнецкаго моста съ Неглинным проѣздомъ,

[1]) Въ это время или вскорѣ послѣ 1812 года, эта книжная лавка носила фирму Рисъ и Соссѐ, а въ 20-хъ и 30-хъ годахъ старикъ Рисъ продолжалъ торговать одинъ. Онъ дожилъ до глубокой старости, но совершенно уже ослѣпшимъ. Я его видѣлъ въ послѣдній разъ въ 1845 году. Одна изъ его дочерей вышла замужъ за виноторговца Филиппа Ивановича Депре, а другая за книгопродавца Урбена.

[2]) Онъ умеръ въ Петербургѣ въ 60-хъ годахъ. Я былъ у него въ Петербургскомъ его магазинѣ осенью 1862 года.

вдоль котораго протекала снаружи рѣчка Неглинная и съ обѣихъ сторонъ были набережныя). Нерѣдкимъ посѣтителемъ былъ также мой отецъ другаго извѣстнаго антикварнаго торговца Лухманова, на Лубянкѣ. Онъ впослѣдствіи сильно разбогатѣлъ и купилъ подмосковное село Касинò, гдѣ бываетъ стеченіе богомольцевъ, по случаю чудотворной иконы, находящейся въ церкви этого села. Пошелъ въ ходъ этотъ Лухмановъ съ легкой руки моего отца. Былъ онъ сущій бѣднякъ, и первые пять рублей на покупку какой-то вещи далъ ему мой отецъ. Были также у моего отца пріятели торговцы: Нюрембергскій Пирлингъ и Итальянецъ-оптикъ Діотти; послѣдній имѣлъ свой магазинъ на Маросейкѣ. И къ нимъ заѣзжалъ мой отецъ, чтобы поболтать. Кончалъ онъ обыкновенно свой утренній объѣздъ у своей сестры Елисаветы Петровны Дивовой, имѣвшей свой домъ па Большой Дмитровкѣ, рядомъ съ нынѣшнею Университетскою типографіею. Посидѣвъ опредѣленное по часамъ время у сестры, онъ возвращался домой къ обѣденному часу, въ 3 часа, а уже весьма рѣдко выѣзжалъ куда бы то ни было по вечерамъ.

Кстати объ Итальянской колоніи. До 1812 года, и даже позднѣе, до 1828 года, она была гораздо многочисленнѣе, чѣмъ нынѣ. Самый видный въ этой колоніи былъ не изъ торговаго сословія, а живописецъ и поэтъ Тончи (о немъ буду говорить въ своемъ мѣстѣ). Кромѣ вышепомянутаго О. К. Негри, по части старинныхъ картинъ, былъ Бачи-Галуппи. Крупными виноторговцами были: Нольчини, Торліани и Джіуліани (послѣдняго изъ нихъ мы встрѣтимъ въ разсказѣ о Флорентинской нашей жизни съ 1817 года), также Дольфини (чѣмъ торговалъ онъ, не помню), Де-Доменичисъ, профессоръ Итальянской литературы при Московскомъ университетѣ, Кампіони скульпторъ, Монигетти, торговецъ гастрономическихъ припасовъ, Діотти оптикъ, Галли учитель Итальянскаго языка, Черфоліе торговецъ, Курти макаронный фабрикантъ, Морини и Томазини, а позднѣе Сапіенца, всѣ трое учителя пѣнія; Лелліо, Москетти кастратъ и также учитель пѣнія; прочихъ не помню. Потомство ихъ обрусѣло, а одинъ Нольчини переселился въ Смоленскъ, долго тамъ держалъ гостинницу и былъ даже городскимъ головою.

До 1812 года и послѣ, до самаго нашего переселенія во Флоренцію, мы проводили лѣто въ Бѣлкинѣ. Разстояніе отъ этого имѣнія до Москвы сто приблизительно верстъ; но на полу-пути купленъ былъ участокъ земли, не болѣе одной десятины, на которомъ построенъ былъ довольно помѣстительный домъ для нашего ночлега, такъ какъ въ то время, и бары, и средней руки помѣщики, не иначе путеше-

ствовали, какъ на своимъ лошадяхъ. Мѣсто это называлось Звѣрево; тутъ были постельное и столовое бѣлье, особое серебро, кухонная и прочая посуда и всѣ нужныя по хозяйству вещи. Отецъ ѣзжалъ въ деревню и обратно въ Москву (а позднѣе въ Петербургъ) всегда отдѣльно отъ нашего поѣзда. Его сопровождали оба его камердинеры и компаніонъ. Послѣднимъ былъ или библіотекарь его Французъ Шарль, или долго жившій у насъ въ домѣ живописецъ Милліарини, Римскій уроженецъ *), или докторъ, нанимаемый на лѣто.

Наступилъ 1812 годъ, и мы, какъ всегда, переѣхали на лѣто въ наше любимое Бѣлкино. Носившіеся съ весны слухи о грозившей Россіи опасности доходили, быть можетъ, и до нашей дѣтской; но въ возрастѣ, въ которомъ былъ я и сестры мои Софія и Елисавета (послѣдней шелъ всего 9-й годъ, а мнѣ было пять лѣтъ), опасность вещь непостигаемая, и не даромъ Суворовъ звалъ дѣтей «народомъ не боящимся царя». Въ Москвѣ, еще зимою, когда мы возвращались съ нашею нянькою-Англичанкою миссъ Саутъ (miss South), съ ежедневной нашей прогулки въ каретѣ, мать наша обыкновенно встрѣчала нашу «Маги» (какъ мы ее звали по сокращеніи ея имени Маргариты), съ свѣжими газетными извѣстіями о Бонапарте, имени, дѣйствовавшемъ на нашу Британку какъ пугало.

Въ Бѣлкинѣ мать моя посвящала свои досуги воздушному садоводству и живописи. Я уже говорилъ, до какого совершенства она дошла въ миніатюрной работѣ на слоновой кости; но она также хорошо писала и цвѣты акварелью, и писала ихъ прямо съ натуры. Былъ у нея еще вотъ какой талантъ. Будучи съ молодыхъ лѣтъ великою поклонницею г-жи Севинье, письма которой мать моя знала почти наизустъ, она усвоила въ обширной своей корреспонденціи образцовый письменный слогъ этой разскащицы событій двора Людовика XIV. Вышиваніе по канвѣ цвѣтовъ было наилюбимѣйшимъ занятіемъ ея, до глубокой ея старости, и тутъ даже она выказывала себя великою артисткой. Не вышивала она цвѣтовъ раболѣпно съ рисунка, какъ дѣлаютъ всѣ женщины, а съ живыхъ цвѣтовъ, которые она группировала какъ ей хотѣлось, передъ глазами.

Во время Бородинской битвы, мы еще находились въ Бѣлкинѣ. Разстояніе отъ мѣста сраженія было такъ не далеко, что, какъ меня увѣряли, выстрѣлы были слышны, если припасть ухомъ къ землѣ. Войска наши, отступая къ Москвѣ, проходили близъ Бѣлкина, и я помню, что въ одну нашу прогулку мы видѣли батарею, стоявшую на

*) Онъ умеръ во Флоренціи въ 1865 или 1866 году, слишкомъ 80 лѣтъ отъ роду.

нашемъ полѣ. Это обстоятельство заставило наше семейство поспѣшить отъѣздомъ въ Воронежское наше имѣніе, и мы потянулись туда, прямо черезъ Тулу, на своихъ лошадяхъ и съ обозомъ. Испуганная приближеніемъ Французовъ наша миссъ Саутъ умерла скоропостижно въ каретѣ, въ отдаленности (какъ надо полагать) отъ какого нибудь большаго города, потому что пришлось везти ея тѣло въ каретѣ (конечно отдѣльной), до мѣста, гдѣ можно было прилично предать ее землѣ. Обстоятельство это съумѣли какъ-то скрыть отъ насъ дѣтей, и мы о немъ узнали много позднѣе. Эта неоцѣнимая няня до того любила и баловала меня, что однажды (какъ разсказывали мнѣ), когда мать моя готовилась высѣчь меня за что-то, Маги схватила ножъ и, подавая его моей матери, молвила: «Извольте лучше зарѣзать меня этимъ ножемъ». Я былъ самый капризный и несносный мальчишка. Разсержусь и разревусь, бывало, затопаю ногами, и ринусь на полъ, крича: «не подходи ко мнѣ, не гляди на меня»; а Маги все баловала меня, находила во мнѣ какое-то совершенство. Добрѣйшая эта женщина завѣщала мнѣ свои старинные золотые часы; но носить ихъ не дозволили мнѣ прежде 12 или даже 13 лѣтъ; за то я очень возгордился, когда надѣлъ ихъ въ первый разъ. Къ крайнему моему сожалѣнію, часы эти пропали какъ-то у меня позднѣе.

Въ слободѣ Бутурлиновкѣ съ селомъ Архангельскимъ, деревнями и хуторами, было уже въ 1812 году болѣе 14 тыс. душъ, при 40 тыс. десятинахъ земли. Когда начался наборъ милиціи, то крестьяне охотно, помнится мнѣ, поступали на службу. Все народонаселеніе тамошнее было изъ Малороссіянъ, а хохолъ и казакъ почти одно и тоже. Тогдашняя форменная шапка (а не фуражка) была высокая, изъ черныхъ смушекъ казацкаго покроя, съ тремя бляхами. Первая снизу была буква А, за нею царская корона, а надъ нею крестъ длинноконечный. И мнѣ сшили точно такую шапку, въ которой я гордо парадировалъ. По прибытіи нашемъ въ Бутурлиновку, одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ, у котораго не изгладилась еще семинарская его латынь, привѣтствовалъ моего отца на Цицероновскомъ нарѣчіи, и мой отецъ, немного подумавъ, свободно отвѣчалъ оратору на томъ же нарѣчіи. Почти подобное случилось и со мною въ 1833 г. при посѣщеніи церкви моего села Макаровскаго (Костромской губ.), но я не могъ выказаться такимъ классикомъ какъ былъ мой отецъ, и отвѣчалъ священнику по-русски. Кстати о Латинскомъ знаніи моего отца; я недавно узналъ изъ писемъ митрополита Евгенія (помѣщенныхъ въ «Русскомъ Архивѣ»), что отецъ мой сочинилъ прекрасную эпитафію для могилы Суворова. «Cineres hic, fama ubique» (Прахъ здѣсь, а слава повсюду); но эта эпитафія была замѣнена другою.

Изъ подробностей нашего пребыванія въ Бутурлиновкѣ сохранилась въ пятилѣтней моей памяти, что на праздникъ Рождества Христова мальчики ходили распѣвать по домамъ канту, изъ которой помню только отрывокъ:

Пастушекъ съ ягняткомъ,
Передъ тымъ Дытяткомъ,
На колѣны упадая,
Бога восхваляя.

***

А мы сымъ увеселымся,
Христу Богу поклонымся,
И на небо и на землю
И всему превышнѣму.

Домъ въ Бутурлиновкѣ былъ одноэтажный и деревянный, но очень помѣстительный, съ ротондою или круглымъ фонаремъ на крышѣ. Фонарь этотъ носилъ названіе бельведера и былъ въ то время въ большомъ употребленіи, даже въ городскихъ постройкахъ [1]). А что́ до Бутурлиновскаго бельведера, то наврядъ-ли приходило кому нибудь желаніе взобраться на эту высоту, чтобы полюбоваться непривлекательною панорамою голой степи. Въ цвѣтникѣ, при самомъ спускѣ въ садъ, выдѣланы были изъ дерновыхъ пластовъ, затѣйливымъ садовникомъ-Нѣмцемъ, вензеля нашихъ родителей.

Пріѣхала къ намъ погостить двоюродная сестра и другъ нашей матери, графиня Елисавета Петровна Чернышова съ двумя старшими дочерьми, графинею Софіею и Александрою Григорьевнами. Имъ было отъ 13 до 15 лѣтъ. Послѣ нихъ пріѣхала Елисавета Ивановна Нарышкина съ пятилѣтнею дочерью Софіею. Она была жена двоюроднаго брата моей матери, Ивана Васильевича Нарышкина, сына упомянутой Анны Ивановны, сестры графа Артемія Ивановича Воронцова [2]). Иванъ Васильевичъ Нарышкинъ былъ въ то время адъютантомъ у графа Петра Александровича Толстаго, формировавшаго ополченіе въ Нижнемъ Новгородѣ. Тамъ же жили бѣжавшіе изъ Москвы супруги Дивовы, и тетка моя Елисавета Петровна Дивова слегла въ постель и

---

[1]) Образчикъ этихъ бельведеровъ можно видѣть и по сю пору въ Москвѣ надъ Румянцовскимъ музеемъ и надъ домомъ допожарной 1812 г. постройки, въ Фуркасовскомъ переулкѣ, между Лубянкой и Мясницкой.

[2]) Я не договорилъ, помнится мнѣ, что Иванъ Васильевичъ Нарышкинъ воспитывался у своего дяди (по матери) графа Артемія Ив. Воронцова, вмѣстѣ съ моею матерью и ея сестрами. Онъ поступилъ первопачально юнкеромъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ, а потомъ перешелъ въ Александрійскій гусарскій. Какъ будто бы предвидя, что и я буду служить въ гусарахъ, онъ, когда я родился, препровождая подарокъ по сему случаю къ своей кузинѣ-родильницѣ, подписалъ на немъ: „отъ гусара гусару на зубокъ“.

впала въ умопомѣшательство, отчасти отъ долгаго неполученія писемъ и извѣстій отъ любимаго сына «Коко», т. е. Николая Адріановича, находившагося въ дѣйствующей арміи. Она умерла въ Москвѣ, весною 1813 года. Много позднѣе, Е. И. Нарышкина разсказывала мнѣ, что когда привезенъ былъ при ней въ Нижній Сперанскій съ своею малолѣтнею дочерью, то онъ наводилъ на всѣхъ такой же страхъ какъ бы отъ присутствія чумнаго. Она не на шутку перепугалась, узнавъ отъ мужа, что неизвѣстный ей господинъ, стоявшій однажды рядомъ съ нею у обѣдни въ женскомъ монастырѣ, былъ никто иной какъ измѣнникъ Сперанскій, и до конца ея жизни (въ 1861 году) она не могла отдѣлаться совершенно отъ этого ложнаго мнѣнія. Вотъ какъ смотрѣли тогда на Сперанскаго!

Отецъ и мать Елисаветы Ивановны Нарышкиной были Англичане, фамиліи Метемъ, и настоящее имя дочери было не Елисавета, а Генріетта. Отецъ ея служилъ въ нашемъ флотѣ и умеръ въ малолѣтствѣ его дочери, а мать, оставшись безъ всякихъ средствъ, пошла въ няньки (тогда и позднѣе, спросъ на Англійскихъ нянекъ былъ всегда большой въ аристократическихъ семействахъ). Въ этой должности вдова Метемъ была и у насъ въ домѣ, но до моего рожденія. Когда она умерла, то родители мои взяли на воспитаніе пяти или шестилѣтнюю ея дочь, принявшую позднѣе православіе съ переименованіемъ ея имени въ Елисавету. Такъ звали ее по русски и въ оффиціальныхъ актахъ, но въ нашемъ семействѣ и даже въ обществѣ, когда говорили по-французски, продолжали звать ее Генріеттою Нарышкиной. Изъ этого ребенка вышла одна изъ самыхъ хорошенькихъ Московскихъ блондинокъ, и двоюродный братъ моей матери, Жано́ Нарышкинъ, влюбился и женился на ней въ 1807 году.

Возвращаюсь къ событіямъ 1812 года.

Всѣмъ Воронежскимъ нашимъ имѣніемъ издавна управлялъ старый другъ моего отца, Екатерининскій полковникъ Лизандеръ, и хотя въ 1812 году онъ былъ уже уволенъ, но продолжалъ жить на покоѣ у насъ. Онъ помнилъ еще то время, когда неприкрѣпленные къ землѣ наши хохлы, соскучившись жить на одномъ мѣстѣ, или по какой нибудь другой причинѣ, разберутъ, бывало, свои хаты и переселятся на землю какого нибудь другаго помѣщика. Въ началѣ текущаго вѣка ушло къ землямъ Донскихъ казаковъ до 700 и 800 душъ изъ Бутурлиновки, и объ этомъ тянулся искъ съ нашей стороны, въ теченіе слишкомъ 30 лѣтъ; но никакого удовлетворенія мы не получили.

Братъ мой графъ Петръ Дмитріевичъ поступилъ съ весны 1812 года въ училище колонновожатыхъ, основанное въ Москвѣ Н. Н. Муравьевымъ, но въ теченіе кампаніи того года онъ уже былъ свитскимъ офицеромъ, а въ 1814 году адъютантомъ у князя Петра Михайловича Волконскаго. Съ братомъ моимъ поступилъ также въ колонновожатые и въ одно время съ нимъ поступилъ въ военную службу его гувернеръ Французъ Жиллѐ, въ Нижній Новгородъ, къ графу П. А. Толстому. Кстати о г. Жиллѐ. Его звали Реми, а отца его Гіацинтомъ; слѣдовательно, въ приблизительномъ переводѣ по русски, можно было его звать Еремеемъ Акинѳьевичемъ, а вмѣсто этого онъ поступилъ на службу съ именемъ Петра Ивановича. Вотъ какъ это было. Однажды, до 1812 года, священникъ Французской католической церкви Св. Людовика, аббатъ Сюрюгъ, будучи въ недоумѣніи, какъ ему написать по русски имя и отечество г. Жиллѐ на конвертѣ письма къ нему, въ шутку и наобумъ написалъ: Петру Ивановичу. По окончаніи войны, въ 1814 году г. Жиллѐ поручено было вести обратно на родину команду Башкирцевъ и Калмыковъ (которыхъ звали Французы «les Amours du Nord», по ихъ вооруженію съ луками), и куріозно было видѣть Французскаго полу-маркиза, плоховато говорившаго по-русски, начальствующимъ надъ толпою дикихъ Азіатовъ, тоже едва говорившихъ по-русски. До поступленія въ гувернеры къ моему брату, г. Жиллѐ уже успѣлъ окончить воспитаніе молодаго Загряжскаго, сына крупнаго помѣщика Тамбовской губерніи и уѣзда, по сосѣдству съ селомъ Воронцовымъ. Елисавета Ивановна Нарышкина разсказывала мнѣ, что даже въ первой ея молодости она не иначе помнила г. Жиллѐ, какъ уже пожилымъ человѣкомъ.

Когда пришло извѣстіе о Московскомъ пожарѣ, истребившемъ извѣстную въ Европѣ библіотеку моего отца, онъ перекрестился и только сказалъ: «Богъ далъ, Богъ и отнялъ; да будетъ святая Его воля». Изъ всѣхъ драгоцѣнностей, оставшихся въ Московскомъ нашемъ домѣ, уцѣлѣли лишь столовые часы въ стоячемъ деревянномъ футлярѣ, работы Русскаго часовщика Елисаветинскаго времени. Они замѣчательны были сложнымъ механизмомъ, который показывалъ рельефно ежедневный ходъ луны и другихъ небесныхъ свѣтилъ; а уцѣлѣли они, конечно безъ футляра, только по тому, что смотритель нашего дома бросилъ ихъ въ прудъ, гдѣ они и оставались до 1814 года *). Москов-

*) Одинъ трудолюбивый и ученый часовщикъ изъ нашихъ дворовыхъ людей, Матѳей Леонтьевичъ, принялся ихъ исправлять и черезъ три или четыре года привелъ ихъ въ первое состояніе. По раздѣльному семейному (нашему акту въ 1832 году, часы эти достались мнѣ; но такъ какъ они снова требовали значительной поправки, то я ихъ оставилъ въ Москвѣ у главнаго повѣреннаго моей матери и брата, Ивана Антоновича Ка-

скій пожаръ сопровождался, какъ извѣстно, грабежемъ, и этой участи не избѣгнулъ нашъ домъ, хотя въ немъ квартировалъ сначала какой то Французскій генералъ. Отецъ нашъ не вѣрилъ, не знаю почему, что часть его библіотеки сдѣлалась военною добычей; но участвовавшіе въ военныхъ дѣйствіяхъ того времени Н. А. Дивовъ и дальній нашъ родственникъ Абрамъ Сергѣевичъ Норовъ (такой же почти ярый библіоманъ, какимъ былъ мой отецъ) разсказывали мнѣ впослѣдствіи, что по мѣрѣ занятія брошенныхъ Французскихъ бивуаковъ нашими войсками (или при отбитіи непріятельскихъ обозовъ), обоимъ этимъ господамъ попадались книги, на переплетѣ которыхъ былъ нашъ фамильный гербъ, находившійся всегда на всѣхъ книгахъ нашей библіотеки. И отъ другихъ лицъ я слышалъ, что подобныя книги встрѣчались у Московскихъ уличныхъ букинистовъ; но отецъ мой объяснялъ все это тѣмъ, что подобныя изданія были ничего болѣе какъ дубликаты, которые онъ самъ сбывалъ съ рукъ. Библіотека наша была богата и рѣдкими рукописями, и между ними находилась собственноручная переписка Французскаго короля Генриха IV съ его министромъ Сюлли. Всѣхъ же томовъ было до 40 тысячъ.

Всеобщая увѣренность, что Французы не будутъ допущены до Москвы, была до того сильна, что отецъ нашъ не разрѣшилъ смотрителю Московскаго нашего дома вывозить что можно было, хотя прибыло заблаговременно для этого множество подводъ изъ Костромскаго нашего мнѣнія. Когда же, по изгнаніи врага изъ предѣловъ отечества, составлена была, по высочайшему повелѣнію, Коммиссія для вознагражденія Московскихъ домовладѣльцевъ за претерпѣнныя ими утраты, то отецъ нашъ не захотѣлъ этимъ воспользоваться, не желая вѣроятно обременять государственную казну. А потеря наша простиралась до милліона рублей! Не матеріяльный одинъ уронъ, а столь неожиданно постигшее первопрестольную столицу бѣдствіе, глубоко потрясло графа Дмитрія Петровича, и онъ излилъ душевную свою скорбь въ двухъ журнальныхъ статьяхъ, единственныхъ, какъ думается мнѣ,

---

вецкаго, и по разнымъ причинамъ (а въ числѣ, ихъ была и та, что на ихъ починку истрачено было 300 рублей ассигн. а денегъ мнѣ обыкновенно не доставало) я не позаботился взять ихъ къ себѣ. Послѣ смерти г. Кавецкаго, въ 1853 году, часы эти перешли, какъ бы по наслѣдству, сначала къ его дочери Варварѣ Ивановнѣ Обнинской, и по ея кончинѣ въ ея сыновьямъ. Когда племянникъ мой, графъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ, пріѣхалъ въ Москву въ 1861 году, чтобы окончить счеты покойнаго его отца (а моего брата), съ наслѣдниками г. Кавецкаго, который оставался еще должнымъ моему брату и слѣдовательно, его сыну: то молодые Обнинскіе подарили эти часы моему племяннику, который, спустя нѣсколько лѣтъ, перевезъ ихъ въ свой Флорентинскій домъ. Не хлопоталъ я о нихъ, потому что едва-ли возможно было мнѣ доказать г.г. Обнинскимъ и моему племяннику, что часы эти принадлежали мнѣ.

написанныхъ имъ по русски и помѣщенныхъ въ журналѣ С. Н. Глинки «Русскій Вѣстникъ», или въ другомъ какомъ-то журналѣ того времени. Въ одной изъ этихъ статей, отецъ нашъ перефразировалъ пророчество (или плачъ) Іереміи, примѣнительно къ настоящему случаю, а другая статья заключала (на сколько помнится) размышленія на 136 псаломъ: «на рѣкахъ Вавилонскихъ тàмо сѣдóхомъ и плàкахомъ». Отецъ мой упорно повторялъ, что Французы, а никто другой, сожгли Москву. Конечно, сгоряча, всѣ Русскіе такъ думали; но не прошло трехъ-четырехъ лѣтъ, какъ мои родители увѣрились, что Москву сжегъ, или допустилъ сжечь, самъ графъ Ростопчинъ.

Современники вышепомянутаго аббата Сюрюга, а также и у насъ въ семействѣ, отзывались о немъ съ большимъ уваженіемъ и разсказывали слѣдующее. Въ Римско-католическихъ церквахъ принято молиться за государя того края, гдѣ находится церковь. Молитва эта состоитъ изъ возгласа по окончанія литургіи: «Domine salvum fac regem», или «Domine salvum fac imperatorem» *). Эту формулу, съ обозначеніемъ имени императора Александра Павловича, аббатъ Сюрюгъ продолжалъ пѣвать, даже когда Французы заняли Москву, и какъ ни добивалось временное ихъ начальство заставить аббата измѣнить эту формулу и молиться за Наполеона, онъ не согласился. За это непослушаніе его стали преслѣдовать, и онъ вынужденъ былъ скрыться, сначала на чердакѣ, а оттуда влѣзъ на крышку и, какъ кошка, перелѣзъ на сосѣднюю крышку, пока не добрался до безопаснаго мѣста, или убѣжалъ въ одинъ изъ сосѣднихъ городовъ. Не отрицая гражданской доблести въ подвигѣ этого аббата, замѣчу, что подвигъ этотъ объясняется отчасти тѣмъ, что Французское духовенство было изъ эмигрантовъ, то-есть роялисты.

Выше я упомянулъ мимоходомъ о живописцѣ и поэтѣ Тончи. Его вывезъ изъ Италіи, въ первыхъ годахъ текущаго вѣка, князь Станиславъ Понятовскій, братъ послѣдняго Польскаго короля, и онъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Волынскихъ помѣстьяхъ этого князя. Оттуда Тончи переѣхалъ въ Москву, сдѣлался вхожъ въ домахъ тамошней знати, со многихъ изъ нихъ списалъ портреты, а писалъ онъ талантливо, и пристроился женитьбою на княжнѣ (или княгинѣ-вдовѣ) Гагариной. Это былъ человѣкъ экзальтированнаго настроенія и вѣрилъ въ привидѣнія. Французовъ онъ и прежде ненавидѣлъ, какъ угнетателей его родины, но когда ихъ войска начали приближаться къ Москвѣ, Тончи впалъ въ нервное раздраженіе, граничившее къ окончательному умопомѣ-

*) Господи, спаси короля или императора такого-то.

шательству, и въ этомъ состояніи онъ убѣжалъ (буквально, кажется, убѣжалъ, а не уѣхалъ) безъ оглядки во Владиміръ, и тамъ написалъ поэму въ честь Іоанна Богослова, помѣстивъ въ нее разсказъ о своихъ видѣ ніяхъ.

Заключу дошедшія до меня свѣдѣнія о томъ, что происходило въ Москвѣ въ день вступленія Французовъ, эпизодомъ, переданнымъ мнѣ очевидцемъ, Серпуховскимъ помѣщикомъ, Петромъ Александровичемъ Нащокинымъ, недавно умершимъ. Передъ самымъ вступленіемъ нашей арміи въ Москву, 2-го Сентября, П. А. Нащокинъ, съ дозволенія генерала Дохтурова, при которомъ онъ былъ адъютантомъ, отправился съ однимъ пріятелемъ къ своему дядѣ Лунину, извѣстному гастроному того времени, домъ котораго былъ на Никитскомъ бульварѣ, съ лѣвой руки проѣзда отъ Никитскихъ къ Арбатскимъ воротамъ [1]). На бульварѣ эти господа наткнулись на Лунина, который преспокойно прогуливался взадъ и впередъ съ заложенными за спину руками. На вопросъ П. А. Нащокина, что онъ дѣлаетъ, дядя ему отвѣчалъ: «Mon cher, je donne aujourd'hui un grand dîner, et en attendant, je marche pour gagner de l'appetit» [2]). «Какой тамъ», «dîner, mon oncle», воскликнулъ племянникъ. «Дѣло не до того, когда Французы идутъ у насъ по пятамъ». Дядя только пожалъ плечами и опять пошелъ себѣ шагать по бульвару. П. А. Нащокинъ поспѣшилъ къ нему въ домъ, гдѣ дѣйствительно онъ нашелъ столоваго дворецкаго, хлопотавшаго объ устройствѣ параднаго обѣда и слѣдившаго за накрываніемъ стола. «Слушай, обратился Петръ Александровичъ къ дворецкому. «Баринъ твой спятилъ съума: ты на него не гляди, а дѣлай то, что я тебѣ приказываю. Ты сначала накорми какъ слѣдуетъ меня и моего товарища, а самъ укладывай поскорѣе серебро, и все что можешь захватить поцѣннѣе, и улепетывай съ ними по добру-по-здорову изъ Москвы, потому что черезъ нѣсколько часовъ въ нее вступитъ Французъ». За тѣмъ оба офицеры принялись усердно истреблять заготовленныя для гостей деликатессы, орошая все это отборною мадерою и Токайскимъ виномъ, и возвратились къ своимъ мѣстамъ, а къ вечеру того дня передовые Французскіе отряды начали вступать въ не совсѣмъ еще опустѣлую столицу, черезъ Дорогомиловскую заставу.—Когда наши войска отступали къ Москвѣ, послѣ Бородинскаго побоища, то рота гвардейской пѣшей артиллеріи, въ которой служилъ тогда Н. А. Дивовъ, проходя черезъ Боровской уѣздъ, имѣла привалъ въ нашемъ Бѣлкинѣ, и артил-

---

[1]) Прекрасное зданіе это нынѣ принадлежитъ Министерству Финансовъ, П. Б.

[2]) Я сегодня, любезнѣйшій мой, даю большой обѣдъ; а теперь прохаживаюсь, дабы возбудить голодъ.

лерійскія лошади, нуждавшіяся, вѣроятно, кормомъ, гладко вытравили все яровое поле Бѣлкинской экономіи, за что̀ мать моя позднѣе поблагодарила своего племянника Дивова. Командиромъ роты (нынѣ батареи) Его Величества Михаила Павловича, въ которой служилъ тогда Дивовъ, былъ полковникъ Александръ Ивановичъ Базилевичъ, а молодыми въ ней офицерами, товарищами Дивова, были Сергѣй Павловичъ Сумароковъ, князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ (выбывшій, впрочемъ, изъ роты при самомъ началѣ кампаніи 1812 года), его братъ князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, Дмитрій Андреевичъ Дунинъ-Борковскій и г. Ярошевскій. Бригаднымъ командиромъ былъ полковникъ Таубе.

Въ письмахъ одной изъ пріятельницъ нашей матери, имѣвшей болѣе чѣмъ мы въ Бутурлиновкѣ средствъ узнавать о ходѣ военныхъ событій, адмиралъ Чичаговъ прозванъ «спасителемъ Наполеона». Таковъ былъ и есть по сю пору общій о немъ отзывъ; но я не вполнѣ раздѣляю этотъ взглядъ. У Чичагова, во первыхъ, силы сопротивленія не были настолько значительны, какъ увѣрены были въ Россіи; а во-вторыхъ, если онъ и оплошалъ, то кто въ этомъ виноватъ? Надѣюсь, что фельдмаршалъ Паскевичъ былъ компетентнымъ судьею въ подобномъ вопросѣ, и между тѣмъ вотъ что онъ однажды сказалъ у себя за столомъ въ Варшавѣ, когда рѣчь зашла о Березинской переправѣ: «Что̀ вы, господа, все нападаете на бѣднаго Чичагова? Еслибы мнѣ пришлось командовать флотомъ, то по всѣмъ вѣроятностямъ, я надѣлалъ бы еще болѣе глупостей, чѣмъ Чичаговъ».

Въ Бутурлиновкѣ, въ концѣ Марта или въ началѣ Апрѣля 1813 года, родилась меньшая моя сестра графиня Елена Дмитріевна; крестною ея матерью была (заочно) принцесса Амалія Баденская, сестра императрицы Елисаветы Алексѣевны, проживавшая нѣкоторое время въ Петербургѣ.

Когда мы получили тамъ извѣстіе, что тетка графиня Прасковья Артемьевна Воронцова (воспитавшаяся въ Смольномъ Институтѣ) вышла замужъ за А. Е. Тимоѳеева, то я съ пятилѣтнею наивностію спросилъ у моей матери, новый мой дядя Тимоѳеевъ тотъ ли самый къ которому есть посланіе апостола Павла?

(*Продолженіе будетъ*).

ЗАПИСКИ ГРАФА МИХАИЛА ДМИТРІЕВИЧА БУТУРЛИНА [1]).

Съ наступленіемъ весны, мы возвратились въ Бѣлкино тѣмъ же путемъ черезъ Тулу, не проѣзжая черезъ Москву, и заѣхали по дорогѣ къ другу моей матери Еленѣ Петровнѣ Толстой, въ ея имѣніе село Курбатово, въ Скопинскомъ уѣздѣ [2]). Въ Бѣлкинѣ отецъ нашъ предавался вполнѣ любимымъ своимъ занятіямъ по садоводству, въ чемъ онъ былъ такимъ же свѣдущимъ охотникомъ, какъ по библіофильству. На большую площадку, называемую выставкою, выносились на лѣто изъ двухъ большихъ оранжерей померанцевыя и лимонныя деревья громаднаго роста, въ соотвѣтствующихъ имъ кадкахъ. Отъ установленной этими деревьями площадки шла такая же въ двухъ рядахъ аллея. Всѣхъ было болѣе 200, а толщина нѣкоторыхъ штамбовъ была въ человѣческую ляжку, и всѣ кончались правильною шарообразною кроною. Эта часть сада была довольно отдалена отъ дома и звалась „le côteau“, то есть покатъ; потому что она находилась на склонѣ и за склономъ пригорка, отдѣленнаго отъ прочей части сада рукавомъ большаго пруда, а этотъ прудъ отдѣлялъ всю усадьбу отъ деревни. На этой площадкѣ собиралось каждый день въ 8-мъ часу вечера все общество для чаепитія. Подобную коллекцію померанцевыхъ деревьевъ я видалъ только въ Останкинѣ и Кусковѣ. Не упускалъ нашъ отецъ новостей и по цвѣтоводству. Подборъ Голландскихъ тюльпановъ былъ роскошный. Между 1813 и 1816 годами отецъ нашъ сталъ выписывать только что входившія въ моду георгины, которыя назывались тогда далліями. Онѣ были еще тогда простыя, а о махровыхъ сортахъ помину не было. Тоже и камелія махровая была рѣдкостію.

---

[1]) См. выше, стр. 213.

[2]) Имѣніе это было куплено впослѣдствіи Татьяною Львовною Миллеръ, женою Миллера, бывшаго Московскимъ полицеймейстеромъ, въ 30-хъ годахъ.

Лѣтомъ 1813 года постигли насъ семейныя утраты. Дѣдъ мой графъ Артемій Ивановичъ Воронцовъ, пріѣхавши погостить въ Бѣлкино, занемогъ простудою отъ неумѣреннаго употребленія ледяной воды въ жаркіе дни и умеръ. Статный былъ еще онъ мужчина, крѣпкаго сложенія, и бодръ не по лѣтамъ. Онъ причесывалъ назадъ довольно еще густые и кудреватые волосы, и отпускалъ ихъ длиннѣе чѣмъ тогда носили. Нога у него была аристократически-мала въ сравненіи съ высокимъ его ростомъ, а въ молодости онъ отличался въ верховой ѣздѣ и фехтованіи. Онъ былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и дѣйствительнымъ камергеромъ *). Одновременно почти съ дѣдушкою скончалась сестра моя Софія, дитя много обѣщавшее, и отъ потери ея мать наша оставалась много лѣтъ неутѣшною. Этимъ же лѣтомъ умерла гостившая въ Бѣлкинѣ двоюродная сестра нашей матери, Пашетъ Нарышкина (Прасковья Васильевна), дѣвушка лѣтъ двадцати съ небольшимъ. Всѣ трое похоронены въ Боровскомъ Пафнутьевомъ монастырѣ. Со времени зимняго нашего пребыванія въ Бутурлиновкѣ у меня стали перемеживаться не то дядьки, не то гувернеры, разныхъ національностей, хотя я не выходилъ изъ подъ женскаго присмотра въ дѣтской. Сначала Англичанинъ Фичвикъ, потомъ Швейцарецъ Тугутъ, потомъ Французъ Эгенъ (m-r Héguin), и послѣдній мой туторъ (до отъѣзда нашего за границу въ 1817 году) Англичанинъ Эльмерсъ. Почему всѣ они такъ недолго оставались у насъ въ домѣ, не знаю. Французъ Эгенъ, котораго я очень полюбилъ, отпросился въ 1815 году или въ началѣ 1816 года въ Москву на короткое время и тамъ померъ. Обстоятельство это тщательно скрывали отъ меня, и я, случайно узнавъ о томъ полгода позднѣе, горько плакалъ.

Патріотическое чувство, пробужденное отечественною войною, въ офранцуженномъ высшемъ тогдашнемъ обществѣ, отозвалось и въ нашемъ семействѣ. Мать моя сама взялась обучать меня чтенію по русски и основнымъ правиламъ Закона Божьяго, а два года позднѣе, церковной грамотѣ началъ я учиться у Бѣлкинскаго нашего священника Ѳедора Васильевича Богословова. Позднѣе Русскому языку и писанію учила меня старшая моя сестра Марья Дмитріевна, достойная дочь нашего отца въ научномъ отношеніи.

Была въ то время (т. е. въ 1813 году) пѣсня очень въ ходу, сочиненія (на сколько помнится мнѣ) Державина: „Грянулъ внезапно

*) Такъ какъ въ то время камергерство давало чинъ 4-го класса, а камеръ-юнкерство 5-го, то эти преимущества были отняты позднѣе, и объ эти придворныя должности стали обозначаться „въ званіи камергера“, и въ „званіи камеръ-юнкера“.

громъ надъ Москвою", съ припѣвомъ въ каждомъ куплетѣ: „Ай Донцы, молодцы!" Ее мы часто пѣвали въ нашей дѣтской съ горничными дѣвушками, а также и другую: „Бонапарту не до пляски, растерялъ свои подвязки и кричитъ пардонъ"...

Для Англійскаго языка взятъ былъ ко мнѣ ровесникъ мой Эдуардъ Кордъ, и съ этой же цѣлью поступила къ намъ въ домъ компаніонкою второй моей сестры, Елисаветы Дмитріевны, сестра этого мальчика, Шарлотта. Послѣдняя пробыла у насъ года два, но братъ ея остался до нашего переѣзда за границу. Оба они были дѣти Московскаго учителя Англійскаго языка.

У меня были звонкій и высокій голосъ сопрано, музыкальная память и вѣрный слухъ, и я съ семилѣтняго возраста становился уже на клиросъ, вмѣстѣ съ другимъ моимъ компаніономъ карликомъ Ѳедоромъ Искрою изъ Бутурлиновскихъ хохловъ. Хотя ему уже было за 20 лѣтъ, но онъ сохранялъ дѣтскій дискантовый голосъ. Ѳединька Искра всегда читывалъ положенный при концѣ литургіи псаломъ XXXIII: „Благословлю Господа на всякое время". Какъ я порядочно уже читалъ по церковному, когда мнѣ было восемь лѣтъ, то я сунулся было прочесть этотъ псаломъ вмѣсто него, но оробѣлъ и заикнулся на первомъ стихѣ. Ѳединька выхватилъ у меня изъ рукъ книгу и дочиталъ псаломъ и потомъ безжалостно сталъ трунить подъ моею неудачею. Какъ я обходился съ нимъ за пани-брата, такъ и онъ, и оба мы были на ты. Да и вообще ваниться съ прислугою строжайше было намъ запрещено. Не только что офиціанты и лакеи не давали намъ титула сіятельства, но болѣе почетные изъ нихъ, какъ напр. камердинеры нашего отца, столовой дворецкій и буфетчикъ и конечно наши няни и старшая горничная нашей матери, называли насъ запросто, „Маша", „Соня", но никогда не забывались передъ нами.

Съ ранняго моего дѣтства, если атестація поведенія была хороша въ теченіи всей недѣли, то по Воскресеньямъ мы хаживали *наверхъ* (дѣтская въ Бѣлкинѣ была внизу) пить чай вмѣстѣ съ матерью и старшими сестрами. Въ будни чаю намъ не давали, а завтракали мы, какъ только встанемъ, габеръ (овсяннымъ)-супомъ съ бѣлымъ хлѣбомъ, и ѣдали мы его съ большою охотою. Помню, что, вытверживая символъ вѣры, я понималъ слова „чаю воскресенія мертвыхъ", какъ относящіяся къ этому допущенію пить чай по воскреснымъ днямъ.

Вставали мы аккуратно въ 8 часовъ и завтракали, а дѣтскій нашъ обѣдъ былъ въ 1 часъ пополудни; въ 4 часа *гутé*, состоявшій изъ одного сладкаго блюда; ужинали въ 8 часовъ, а ложились спать

въ 9 часовъ, даже лѣтомъ, при денномъ свѣтѣ. Обѣдать съ большими я допущенъ былъ, когда мнѣ минуло 18 лѣтъ. Я подчиненъ былъ этому порядку до 15-ти лѣтняго возраста, съ тою лишь разницею, что когда мы жили во Флоренціи, ужинъ мой, вмѣсто мясного, состоялъ изъ миски парного молока съ хлѣбомъ, и такая же миска утромъ, вмѣсто прежняго губеръ-супа. До шестилѣтняго возраста меня выпускали бѣгать по саду, въ лѣтній теплый дождь, голенькимъ, а въ болѣе старшемъ возрастѣ, до 9 лѣтъ, я и компаніонъ мой Эдуардъ бѣгали также по дождю, но уже въ длинной ночной сорочкѣ. Это воздушное купанье было для насъ наслажденіемъ. Вся эта гигіеническая система имѣла для насъ самыя плодотворныя послѣдствія, и ея плоды я ощущаю нынѣ, въ старости. Тѣлесныя наказанія у насъ не водились, но держали насъ строго. Наше дѣтское сборное мѣсто лѣтомъ въ Бѣлкинѣ было подъ огромнымъ вязомъ, по сію пору существующимъ, но уже безъ макушки! Окружность его была въ три человѣка въ обхватъ, и существовало преданіе, что онъ посаженъ былъ Борисомъ Годуновымъ, который владѣлъ нѣкогда этимъ помѣстьемъ, и что подъ этимъ лѣснымъ исполиномъ зарытъ былъ кладъ. Макушка его выглядывала въ то время изъ за нѣсколькихъ верстъ въ округѣ, какъ маякъ. Вязъ этотъ стоялъ отдѣльно на квадратной площадкѣ, насупротивъ самаго дома, а съ трехъ боковъ площадки начинался регулярный стриженный садъ (à la Louis XIV) изъ старыхъ липъ, посаженныхъ Бѣлкинскимъ основателемъ, графомъ Иваномъ Ларіоновичемъ Воронцовымъ. Этотъ садъ шелъ прежде уступами до большого пруда, отдѣлявшаго всю господскую усадьбу отъ деревни. Главная аллея развѣтвлялась съ обѣихъ сторонъ боковыми аллеями, также стриженными какъ и главная, а иныя изъ нихъ (внутреннія) до того густо заросли сверху, что солнце не проникало черезъ зеленый сводъ. Не доставало лишь фонтана и статуй, чтобы придать этой части сада дворцовую грандіозность.

Все окружавшее нашихъ родителей облагораживалось моральнымъ ихъ вліяніемъ; оно отозвалось и на нашемъ священникѣ отцѣ Ѳедорѣ: онъ сдѣлался непохожъ на сельскихъ обыкновенныхъ поповъ. Въ нашей атмосферѣ онъ перевоспитывался; по обхожденію съ нимъ моихъ родителей онъ понялъ высокое значеніе своего сана (правда, что натура была у него умная и воспріимчивая). Эта шлифовка настолько окрѣпла въ немъ, что такимъ онъ остался до конца жизни. Онъ часто обѣдывалъ у насъ и бесѣдовалъ наединѣ съ нашимъ отцемъ, въ его кабинетѣ, а старшіе оффиціанты, столовый дворецкій, буфетчикъ и отповскіе оба камердинеры (всѣ грамотѣи), указывали отцу Ѳедору,

какъ служатъ столичные священники, и онъ много воспользовался ихъ совѣтами. Онъ получалъ, кромѣ доходовъ отъ церковной земли и луговъ, изъ вотчинной конторы по 500 рублей въ годъ, и по тогдашней дешевизнѣ, подобный окладъ былъ весьма значителенъ. Черезъ полвѣка я встрѣчался съ этимъ священникомъ (изъ Бѣлкина онъ переведенъ былъ въ 40-хъ годахъ въ казенное большое село Малоярославскаго уѣзда, (Недѣльное), и, онъ вспоминая „благодѣтелей“ (какъ онъ всегда звалъ нашихъ родителей), обыкновенно кончалъ словами CXXXVI псалма: „Аще забуду тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя... Прильпни языкъ мой гортани моему“.

При барской обстановкѣ нашего дома всегда находились у насъ на лѣтнее время свой медикъ и учителя рисованія и музыки. Въ послѣднемъ званіи былъ у насъ одно время Чехъ Ерлычекъ, котораго я встрѣтилъ въ 1830 году плацъ-маіоромъ въ Могилевѣ. Изъ первыхъ учителей рисованія, которыхъ помню, былъ Александръ Тимофеевичъ Виноградовъ, воспитанникъ Академіи Художествъ, что однакоже не мѣшало ему быть настолько плоховатымъ въ своемъ искусствѣ, что даровитый нашъ буфетчикъ, Иванъ Бѣшенцевъ, острякъ и самоучка, поэтъ и рисовальщикъ, написалъ акварельную каррикатуру этого художника, сидящимъ съ палитрою въ рукѣ передъ мольбертомъ, на которомъ была начатая имъ картина осла. Этотъ Бѣшенцевъ былъ ярый поклонникъ Озерова и его исполнителя на сценѣ Яковлева, и декламировалъ наизустъ цѣлыя тирады изъ „Эдипа въ Аѳинахъ“ и „Дмитрія Донскаго“. Его же акварельной кисти была толстая книга каррикатуръ всѣхъ насъ семейныхъ, въ свойственныхъ намъ позахъ, костюмахъ и занятіяхъ, а также всей нашей родни и вообще всѣхъ знакомыхъ, перебывавшихъ у насъ въ домѣ, съ самаго начала вѣка до 1816 года. Сходства были поразительны, и мать наша такъ дорожила этимъ семейнымъ архивомъ, что выписала его во Флоренцію. Этого Бѣшенцева я выставилъ какъ образчикъ облагороженнаго крѣпостнаго нашего люда. Одинъ только изъ прислуги испивалъ коекогда рюмочку: это былъ старшій камердинеръ отца Андрей Антоновичъ Кашинцевъ (прошу замѣтить, что у насъ не принято было звать этихъ людей Андрей Антоновъ, Иванъ Петровъ, а всегда съ отчествомъ); но онъ сейчасъ же уходилъ спать въ свою комнату, и на эту его слабость смотрѣли сквозь пальцы, ради долголѣтней его службы, съ того времени, когда отецъ нашъ былъ выпущенъ изъ кадетскаго корпуса. Однажды, еще до моего рожденія, эти дворовые люди сыграли на домашнемъ театрѣ у насъ оперетку „Мельникъ“, піесу бывшую тогда въ ходу, и въ ней главную роль игралъ сказанный Андрей Ан-

тоновичъ. Не засталъ я уже нашу прислугу въ пудрѣ и въ косахъ, но высшіе оффиціанты были съ самаго утра во фракахъ (тогда синихъ съ бронзовыми пуговицами) и въ бѣлыхъ галстухахъ, съ выходившими у иныхъ изъ за жилетовъ жабо. Черные галстухи не допускались въ то время, даже у прислуги въ хорошихъ домахъ. Нечего и говорить, что о тѣлесныхъ наказаніяхъ у насъ слуха не было. Помню лишь, что когда любимый отцовскій старшій садовникъ Шабановъ и токарь Барабановъ (товарищъ по этому ремеслу съ своимъ господиномъ, часто упражнявшимся на токарномъ станкѣ) запивали черезъ чуръ, то имъ надѣвалась, ради позора на шею, рогатка. Одинъ молодой дворовый, Григорій Некрасовъ, выказавшій особенную наклонность къ архитектурѣ, былъ отданъ въ ученіе по этой части къ какому-то извѣстному тогда зодчему, и онъ настолько преуспѣлъ, что подъ его вѣдѣніемъ строились въ Бѣлкинѣ всѣ домики для гостей и прочія постройки. Кстати разскажу про отца этого доморощеннаго зодчаго. Старикъ Некрасовъ имѣлъ привычку всякую Субботу, безразборчиво, сѣчь своихъ малолѣтнихъ дѣтей, и когда нашъ отецъ попытался было однажды убѣдить его въ неразуміи его системы, Некрасовъ отвѣчалъ: „Эхъ, батюшка, ваше сіятельство; ужъ не можетъ того быть, чтобы пострелята эти въ чемъ бы нибудь не провинились въ цѣлую недѣлю; но разница только въ томъ, что иногда я знаю, иногда не знаю, въ чемъ ихъ вина“.

Наши *большіе* (какъ мы ихъ называли) обѣдали въ 3 часа. Супъ ставился на боковой столъ за двѣ или три минуты до пробитія часовъ, и тогда столовый дворецкій, Михаилъ Александровичъ Клеевъ (единственный не изъ дворовыхъ, а Кіевскій гражданинъ), становился за дверью, ведущею въ гостиную, и ровно когда начинался часовой бой, онъ громогласно провозглашалъ: „Кушать поставлено, ваши сіятельства“, и затѣмъ отходилъ къ боковому столу, чтобы разливать супъ. Очень красивый, высокій и представительный былъ этотъ Клеевъ, хотя уже съ легкою сѣдиною. Выдумывалъ онъ свою кулинарную номенклатуру, и въ *меню*, который всегда подавался нашей матери съ вечера, можно было встрѣтить „бифштексъ изъ судака“.

Домашній ежедневный костюмъ моего отца состоялъ, лѣтомъ и зимою, изъ длиннополаго, широкаго сюртука, толстаго бѣлаго пике съ такими же пуговицами; суконный же сюртукъ онъ надѣвалъ только для выѣздовъ въ городѣ. Во фракѣ я всего одинъ разъ его видѣлъ во Флоренціи, по случаю посѣщенія въ 1819 году великаго князя Михаила Павловича. Шляпы другой не нашивалъ онъ, какъ низкую и съ

широчайшими полями; думается мнѣ, что такой формы шляпы онъ нарочно заказывалъ, потому что, кромѣ него, никто такихъ не носилъ.

Къ своему Бѣлкину мать моя прикупила, еще до моего рожденія, отъ помѣщика Ланскаго сельце Самсоново, числящееся въ Малоярославецкомъ уѣздѣ. Земли при всѣхъ имѣніяхъ, состоявшихъ съ чрезполосною деревнею Шемякино, въ 500 душахъ, было достаточно; но почва, какъ почти вездѣ въ Калужской губерніи, глиниста, и безъ сильнаго удобренія хлѣбъ плохо родился. Все-таки 500 душъ что нибудь да значило; но, по размашистому маштабу тогдашнихъ вельможныхъ состояній, о Бѣлкинѣ говорили у насъ, какъ о сущей бездѣлушкѣ: „un petit coin de terre“ [1]), и болѣе ничего. А сколько помѣщиковъ въ послѣдніе годы до освобожденія крестьянъ считались богатыми при тѣхъ же условіяхъ! Впрочемъ надо и то сказать, что содержаніе многочисленной дворни съ ихъ семействами, на половину, если не болѣе, изъ престарѣлыхъ и малолѣтнихъ, поддержка оранжерей, обширнаго сада съ подстриженными липами, другаго сада, называвшагося Англійскимъ, и пр., поглощало весь почти доходъ имѣнія [2]). Крестьяне же были настолько избалованы господами, что въ неурожайный годъ имъ привозили на прокормленіе и посѣвъ даровой хлѣбъ изъ Бутурлиновки. Если не качествомъ почвы, то было богато Бѣлкино лѣсами, нетронутыми съ незапамятныхъ временъ. Мать моя не продавала и не дозволяла рубить ни единаго бревна, кромѣ необходимаго для топки. Покупщикъ этого имѣнія въ 1840 году Илья Антоновичъ Кавецкій выручилъ, пожалуй, заплаченныя (и недоплаченныя) деньги продажею однихъ лѣсовъ, и не пощадилъ онъ даже березовыхъ аллей, тянувшихся въ разныя направленія отъ господской усадьбы, на нѣсколько верстъ.—Въ раннемъ моемъ дѣтствѣ Бѣлкинскимъ прикащикомъ былъ нѣкій Иванъ Ильичъ Иноземцевъ. Это отецъ знаменитаго впослѣдствіи Московскаго врача. Иванъ Ильичъ былъ вывезенъ, молодымъ мальчикомъ, изъ Азіятской Турціи, но изъ Персіи, дѣдомъ нашимъ, графомъ Петромъ Александровичемъ; но при какихъ обстоятельствахъ, не знаю. Фамилія дана была ему обозначающая нерусское происхожденіе, и онъ выросъ въ домѣ нашего дѣда и перешелъ къ намъ. Когда открылась Московская Медицинская Академія (это было, кажется, въ 1815 или въ 1816 году), то отецъ мой

---

[1]) Небольшой уголокъ земли.

[2]) Бѣлкинская колонія дворовыхъ доходила до 60 душъ, а Бутурлиновская (въ 30-хъ годахъ) отъ 700 до 800!

опредѣлилъ туда болтавшагося по Бѣлкину Ѳединьку Иноземцева, и изъ этого мальчугана вышелъ всѣмъ извѣстный Ѳедоръ Ивановичъ, помнившій до конца жизни, кто были первые его благодѣтели. Между 1813 и 1816 годами мать моя взяла къ себѣ 9 или 10 лѣтнюю черномазую дочь этого Ивана Ильича Иноземцева, Елисавету, въ качествѣ, не то воспитанницы, не то въ подмогу старшей горничной Аннѣ Степановнѣ. Эта дѣвочка оставалась у насъ въ домѣ до нашего отъѣзда изъ Петербурга за границу въ 1817 году; но что̀ стало изъ нея впослѣдствіи, не знаю.

Изъ Бѣлкина мы выѣхали въ Петербургъ по зимнему установившемуся пути, въ кибиткахъ. Отецъ мой заблаговременно уѣхалъ туда съ обыкновеннымъ своимъ дорожнымъ компаніономъ, живописцемъ Милліарини. Это было единственный разъ, что̀ мы путешествовали въ зимнее время. Я сидѣлъ или, точнѣе сказать, лежалъ на перинахъ между старшей моею сестрою Маріею Дмитріевною и Екатериною Ивановною Леруа, также лежавшими во все время пути. Теперь невозможно было бы мнѣ выдержать столь долго подобное положеніе. Въ Твери и Новгородѣ были гостинницы, содержавшіяся иностранцами (въ первомъ изъ этихъ городовъ содержателемъ былъ Итальянецъ), какъ и въ Москвѣ, а Русская предпріимчивость не простиралась еще до этой части; а такъ какъ мы ѣхали на своихъ лошадяхъ и съ ночлегами (конечно съ поваромъ и кухонною посудою), то гдѣ не было гостинницъ, мы останавливались на ночь въ купеческихъ домахъ уѣздныхъ городовъ. Надо полагать, что обаяніе титулованныхъ особъ дѣйствовало тогда сильно на купеческое сословіе, и оно было готово стѣсняться въ своихъ жилищахъ ради чести принимать у себя сіятельныхъ и превосходительныхъ путешественниковъ; или, быть можетъ, тутъ дѣйствовала корысть.

Зиму съ 1813 на 1814 годъ, мы провели въ Петербургѣ, въ домѣ Роговикова, у самой почти Гагаринской пристани *). Въ салонахъ господствовалъ тогда, какъ извѣстно, Французскій элементъ, крупными представителями котораго были эмигранты-роялисты, поступившіе къ намъ на службу. Изъ нихъ помню бывавшихъ у насъ въ домѣ графа Модена, графа Армана Сенъ-При и маркиза де-ла Туръ д'Овернь (послѣдній впрочемъ, хотя и былъ въ душѣ роялистъ, но поступилъ на службу къ Наполеону и былъ у насъ плѣнникомъ). Часто бывалъ

*) Въ этомъ домѣ помѣщалась, въ началѣ 60-хъ годовъ, канцелярія Герольдіи.

также у насъ (но позднѣе) молодой графъ Родольфъ де-Местръ, офицеръ нашей гвардіи и сынъ пресловутаго писателя и ультрамонтана, графа Іосифа де-Местра, тогда посланника при нашемъ дворѣ отъ Піемонтскаго безземельнаго короля. Бывалъ также у насъ Іезуитъ патеръ Журданъ, тихій и скромный человѣкъ, котораго мы дѣти полюбили, потому что онъ приносилъ намъ шеколадныя лепешки. Сила ордена Лойолы была тогда въ своемъ апогеѣ въ Петербургѣ, благодаря покровительству оказанному его членамъ двумя царствованіями. Думается мнѣ, что подготовка къ позднѣйшему переходу въ латинство моей матери и старшей сестры Маріи Дмитріевны началась въ эту именно зиму. Отецъ нашъ рѣдко засиживался по вечерамъ въ салонѣ моей матери; онъ рано ложился, рано вставалъ и большую частью дня занимался въ своемъ кабинетѣ. Выѣзжалъ онъ только по утрамъ, да и кругъ короткихъ его знакомыхъ ограничивался княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицинымъ (котораго онъ въ шутку честилъ названіемъ „папы“, такъ какъ князь былъ одновременно министромъ духовныхъ дѣлъ и оберъ прокуроромъ Св. Сунода), Алексѣемъ Николаевичемъ Олениным (тогда директоромъ Императорской Публичной Библіотеки), Петромъ Васильевичемъ Мятлевымъ, графинею Софіею Владимировною Строгоновой и графомъ Павломъ Викторовичемъ Кочубеемъ.

Хотя насъ дѣтей не возили въ театръ, но помню, какой энтузіазмъ произвело въ высшемъ обществѣ появленіе на сценѣ патріотическихъ піесъ „Незванные гости“ и оперетки „Казакъ стихотворецъ“, первыхъ въ этомъ родѣ. Ложи на эти спектакли брались на расхватъ той же самой знатью обѣихъ столицъ, которая за четыре года передъ тѣмъ относилась съ крайнимъ равнодушіемъ къ Русскому театру, хотя на афишахъ красовались имена старшей Семеновой, Яковлева, Шушерина, Сандукова и тому подобныхъ. Аристократическій восторгъ (особенно женскій) сберегался для госпожъ Филисъ, Андріё, Жоржъ, Марсъ и Дюшенуа.

Военныя дѣйствія продолжались за границей, и родители наши не могли не тревожиться о судьбѣ моего брата, участвовавшаго въ этой кампаніи, хотя онъ часто писалъ домой. Въ тогдашнемъ моемъ возрастѣ я не могъ раздѣлять эти опасенія. Меня гораздо болѣе занимало, что Англійская нянька малютки моей сестры Елены, мадамъ Гибсонъ, придумала кресло-качалку (rockingchair), и въ одинъ прекрасный день шлепнулась съ сестрою на рукахъ, но безъ всякихъ вредныхъ для обѣихъ послѣдствій.

О занятіи Парижа нашими войсками я узналъ по тому только, что Петербургъ былъ ярко иллюминованъ и насъ возили ночью по улицамъ смотрѣть на эту иллюминацію. Въ концѣ Апрѣля или Мая того 1814 года мы уѣхали на все лѣто въ Бѣлкино, и по обыкновенію, длиннымъ поѣздомъ, на своихъ лошадяхъ и въ громадныхъ каретахъ: чтобы влѣзать въ нихъ, откидывались три ступеньки, сложенныя одна въ другую. Впрочемъ, будь эти экипажи запряжены даже почтовыми, а не своими лошадьми, то и тогда на врядъ ли ѣзда наша могла быть быстрѣе, такъ какъ добрая половина всего пути до Москвы была устлана кругляками, отъ которыхъ кареты подпрыгивали и конечно часто ломались.

Въ Москвѣ мать наша повезла вторую мою сестру Елисавету и меня на пепелище бывшаго нашего Слободскаго дома. Помню, какъ матушка, роясь въ грудѣ развалинъ и перегорѣвшаго мусора, подбирала обломки любимыхъ Севрскихъ чашекъ, темно-синихъ, но превратившихся въ черный колеръ; а сестра побѣжала въ свой садикъ, уже одичавшій, и срывала цвѣтущіе нарцизы. Въ числѣ вещей, остававшихся въ нашемъ домѣ весною 1812 года, было нѣсколько пудовъ столоваго серебра, и если бы оно сгорѣло, то слитки попадались бы въ пеплѣ; но ни соринки серебра не нашлось. Это и есть одно изъ доказательствъ, что пожаръ сопровождался грабежомъ. Домъ нашъ такъ и остался въ развалинахъ, а по смерти нашего отца братъ мой и я продали стѣны и всю мѣстность за 12 тысячъ рублей ассигнаціями.

На обратномъ пути въ Бѣлкино изъ Петербурга, мать наша ѣздила съ нами, меньшими дѣтьми, къ своей теткѣ Настасьѣ Петровнѣ Самариной, въ ея имѣніе с. Брыково Звенигородскаго уѣзда. Помню, что тамъ въ саду я въ первый (и чуть-ли не единственный) разъ видѣлъ вѣковой Сибирскій кедръ съ обильными и весьма вкусными орѣшками. Оттуда по дорогѣ въ Москву мы заѣзжали въ Воскресенскій монастырь и въ Саввинскую обитель, для поклоненія преподобному Саввѣ Звенигородскому, гдѣ мы благоговѣли передъ каменнымъ ложемъ и такимъ же изголовіемъ подвижника. Отмѣчаю это наше паломничество въ доказательство, какъ мало еще тогда проникла Латинская пропаганда въ религіозныя убѣжденія моей матери.

Лѣтомъ этого же самаго 1814 года пріѣхалъ къ намъ въ Бѣлкино Французскій аббатъ Перенъ (Perrin), для совершенія бракосочетанія воспитанницы моей матери Надежды Андреевны Гольцъ съ Полякомъ Антономъ Антоновичемъ Кавецкимъ, тогда городничимъ въ Боровскѣ, веселаго и общежительнаго нрава человѣкомъ и большимъ шутникомъ. Приказанія своимъ подчиненнымъ онъ давалъ на распѣвъ и съ прибаутками. Когда онъ получалъ замысловатый указъ изъ Гу-

бернскаго Правленія, то выбиралъ самаго безтолковаго, но словоохотнаго изъ своихъ писцевъ и засаживалъ его написать экспромптомъ рапортъ на указъ, зная навѣрное, что Губернское Правленіе ничего не пойметъ изъ этой чепухи. Канцелярская отчетность была этимъ соблюдена, а болѣе ничего не требовалось. Какъ образчикъ его юмора, помню слѣдующую прибаутку, съ которою онъ обращался, также на распѣвъ, къ одной изъ его своячницъ: „мейнъ швейстеринъ, садись на перину, рисуй картину похожую на Катерину". Фарсерство было тогда въ модѣ, но А. А. Кавецкій умѣлъ быть и дѣловымъ человѣкомъ, и довольно быстро выдвинулся на службѣ. Широкое его хлѣбосольство и нерасчетливыя привычки жизни были причинами, что онъ почти ничего не оставилъ своимъ дѣтямъ, кромѣ хорошаго даннаго имъ воспитанія. До своей женитьбы онъ держалъ при себѣ въ Боровскѣ шута, обвѣшеннаго бумажными орденами и звѣздами и съ широкою лентою черезъ плечо изъ плетеной соломы. Я его очень боялся, такъ какъ никогда не видалъ шутовъ до того времени.

Для брачнаго обряда дѣвицы Гольцъ съ А. А. Кавецкимъ устроена была у насъ временная Латинская каплица въ только что оконченномъ большомъ деревянномъ домѣ. Аббатъ Перенъ остался гостить у насъ въ Бѣлкинѣ на все лѣто и, соображая мои воспоминанія о томъ времени, подозрѣваю, что и онъ участвовалъ въ пропагандѣ и послѣдовавшемъ позднѣе прозелитствѣ въ женскомъ нашемъ персоналѣ. Какъ всѣ его собратія, онъ былъ пріятный членъ общества, веселаго нрава, но имѣлъ вотъ какую странную привычку. Чтобы освѣжить ноги въ лѣтній зной, онъ, бывало, разуется и, засучивъ панталоны, начнетъ прохаживаться до колѣнъ въ водѣ въ мелкихъ частяхъ пруда, читая все время свой требникъ (bréviaire), который Латинскіе священники обязаны читать ежедневно. Онъ былъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что, въ разгаръ Французской революціи, онъ одинъ спасся въ тюрьмѣ Консіержери (Conciergerie), спрятавшись въ темномъ уголкѣ за дверью, тогда какъ всѣ прочіе заточенные тамъ священники убивались по выходѣ ихъ поочередно изъ тюремныхъ вратъ.

Приходилъ иногда къ нашему отцу оригинальный пѣшій гость изъ Москвы, Французъ Грозелье, жившій когда-то у насъ поваромъ. Отправляясь изъ Москвы въ Бѣлкино, онъ заявлялъ Французскимъ своимъ друзьямъ, что идетъ навѣстить „son ami le comte Boutourlin", и съ тростью въ рукахъ и узелкомъ за спиной, предпринималъ стоверстное путешествіе, безъ всякихъ корыстныхъ видовъ. И не ошибался Грозелье въ пріемѣ, ожидавшемъ его у его „друга графа Бутурлина", который всегда былъ обходителенъ съ каждымъ, купцемъ, лавочникомъ и ремесленникомъ, если они держали себя прилично; съ

ними онъ сиживалъ, бывало, въ своемъ кабинетѣ. И въ общежитіи, и въ политическихъ взглядахъ графъ Дмитрій Петровичъ держался либеральнаго направленія. Была и другая спеціальность у этого вателя: въ Московской Французской церкви св. Людовика онъ всегда пѣвалъ на страстной недѣлѣ плачъ Іеремія пророка (les lamentations), какъ установлено въ Латинской церкви, на вечерняхъ трехъ первыхъ дней Страстной седьмицы *). Позднѣе я узналъ, что этотъ Грозелье открылъ, немного прежде или немного послѣ 1820 года, гаденькій ресторанъ (une guinguette) въ Калугѣ, и хотя кормилъ очень дурно, но потѣшалъ гостей своихъ другимъ способомъ. На стѣнахъ висѣли двуличныя гравюры: съ одной стороны онѣ изображали Наполеоновскія побѣды, а съ другой казни Людовика XVI и Маріи Антоанеты и прочія горестныя приключенія этого семейства. Узнавая первоначально, къ какой политической партіи принадлежалъ его потребитель, Грозелье поворачивалъ свои гравюры. Сынъ этого оригинала, совершенно уже обрусѣвшій, сокративъ, не знаю почему, свою фамилію въ Грозье, имѣлъ въ 40-хъ годахъ булочную у Арбатскихъ воротъ.

Навѣщалъ, хотя изрѣдко, своего друга, моего отца, въ Бѣлкинѣ, Калужскій архіерей Евгеній (Болховитиновъ).

По роскошному нынѣшнему убранству дачъ и помѣщичьихъ усадьбъ средней даже руки, можно бы думать, что въ этомъ родѣ могло быть жилище, въ которомъ семейство наше проводило каждое лѣто съ самаго начала текущаго вѣка; но ничего подобнаго въ Бѣлкинской обстановкѣ не было. Постараюсь описать то, что́ помню. Въ большой гостиной разставлены были огромный и жесткій диванъ съ высокою прямою спинкою изъ какого-то желтоватаго дерева, безъ всякой рѣзьбы, и съ обѣихъ сторонъ дивана и вдоль стѣнъ стояла дюжина, или не много болѣе, такихъ же тяжеловѣсныхъ креселъ, гладкой работы. Вся эта мебель была обита бѣлой холстинкой съ синими полосами. Между двумя окнами и дверью, ведущею на балконъ, были два комодца съ

*) Въ Италіи, солистское пѣніе Іереміева плача всегда предоставляется какому нибудь артисту-тенору, безъ акомпаньемента органа, и пѣніе это (полуречитативъ), выходитъ очень эффектно и потрясаетъ слушателя. Вечерняя эта служба зовется „les ténèbres“, потому что оканчивается въ полномъ мракѣ. Но и тутъ примѣшивается, какъ часто бываетъ въ Латинскихъ церковныхъ обрядахъ, театральность, доходящая въ настоящемъ случаѣ до неприличія. Передъ престоломъ стоитъ на ножкѣ треугольникъ, облѣпленный двѣнадцатью свѣчами, и по мѣрѣ окончанія пѣнія клириками каждаго изъ двѣнадцати псалмовъ, входящихъ въ эту службу, гасится одна свѣча на этомъ треугольникѣ. Когда же потушатъ и послѣднюю свѣчу, то начинается оглушительный стукъ палками о полъ и лавки, чѣмъ попало, всѣми присутствующими на этой службѣ, и дѣлается это, если не ошибаюсь, въ воспоминаніе землетрясенія, когда распятый Спаситель испустилъ духъ.

бронзовыми ручками и съ краями того же металла, неизящной работы, и съ мраморною доскою. По стѣнамъ висѣли два-три столѣтніе канделябра изъ какого-то состава, не то финифтинаго, не то фарфороваго, представлявшаго цвѣточныя вѣтви. Канделябры эти могли, пожалуй, имѣть нѣкоторую антикварную цѣнность, но они были почернѣвшіе отъ времени и мухъ. Окна были безъ занавѣсей и драпировки, но съ наружными обвѣтшавшими отъ солнечныхъ лучей „жалузи“. Стѣны были обтянуты шпалерами тусклаго темножелтоватаго цвѣта, и на этомъ фонѣ наклеены въ три ряда, покрытые лакомъ, гравированные виды Венеціи, современные строителю дома, графу Ивану Ларіоновичу Воронцову. Рядомъ съ гостиной былъ кабинетъ нашей матери, въ которомъ она часто занималась миніатюрною на слоновой кости живописью, въ чемъ доходила до рѣдкаго совершенства. Здѣсь стѣны были тоже обвѣшаны шпалерами, не желтаго, а бѣлаго цвѣта, и на нихъ наклеены были также въ три ряда старинные гравированные ландшафты, работы Итальянца Цукарелли, и уличные Итальянскіе сюжеты прошлаго столѣтія. Столовый залъ былъ въ два свѣта, т. е. занималъ вышиною два этажа, и былъ весь росписанъ аль фреско, музыкальными эмблемами и разными орнаментами, а на потолкѣ была живопись въ большомъ кругѣ, представлявшая миѳологическій какой-то сюжетъ. Залъ этотъ былъ явнымъ подражаніемъ заламъ Итальянскихъ виллъ, и никакая святотатственная рука не дотрогивалась до него со времени его постройки, съ половины XVIII вѣка. Складной въ три отдѣленія столъ, стоявшій по серединѣ зала, былъ также антикъ въ своемъ родѣ. Онъ былъ топорной работы, и на черномъ его фонѣ росписаны были масляными красками сгруппированные не безъ вкуса плоды и букеты; но все это почернѣло и отчасти истерлось отъ дѣйствія времени. У одной стѣны зала былъ большущій каминъ, въ родѣ тѣхъ, подъ трубою которыхъ южные жители становятся, чтобы согрѣваться. Единственною роскошью въ домѣ были паркеты во всѣхъ пріемныхъ трехъ комнатахъ. Мебель въ кабинетахъ отца и матери моей была сборная, но преимущественно окрашена бѣлою краскою и лакирована и обита зеленымъ сафьяномъ съ мѣдными гвоздиками. Въ нашей дѣтской другихъ свѣчей не жгли кромѣ сальныхъ. Подобная скромная обстановка происходила не отъ скупости, а отъ незатѣйливости тогдашнихъ привычекъ: не ощущалось потребности элегантнаго комфорта, а жилось просто. Но въ этой простотѣ была теплая семейная жизнь, и всѣмъ, малымъ и большимъ, господамъ и слугамъ, жилось счастливо и весело; да и никому въ голову не приходило, что по житейскимъ нашимъ средствамъ слѣдовало жить иначе. Да, въ этой неказистой гостиной, на этой жесткой мебе-

ли собирался кружекъ утонченно-образованныхъ людей разныхъ національностей и свѣтскаго положенія. Въ этомъ ареопагѣ, строго хранившемъ всѣ прежнія традиціи, разбиралась по ниточкѣ современная политика, литература, и не исключались научные вопросы. Члены его, мужскіе и женскіе, были люди много читавшіе, и потому ихъ бесѣды не отзывались пустословіемъ салонной обыкновенной болтовни. И сколько перелетныхъ птицъ залетало къ намъ въ Бѣлкино! Графы Эмануилъ и Арманъ Сенъ-При, маркизъ де-ла Мезонфортъ (впослѣдствіи посолъ Людовика XVIII при Тосканскомъ дворѣ) и другіе извѣстные эмигранты и туристы. Изъ Русскихъ посѣтителей Бѣлкина были молодой тогда Рибопьеръ (еще не графъ) и князья Ѳедоръ и Сергѣй Сергѣевичи Голицыны, а до 1812 года бывали графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ и графъ де-Бальменъ. Мать моя была то, что́ зовется полунощницею: лишь бы нашлись собесѣдники, и послѣ ужина она охотно засиживалась хоть до разсвѣта. Въ угодность ей, всегда оставался въ гостиной бывшій гувернеръ моего брата, г. Жиллѐ, а чтобы не заснуть на стулѣ, Французъ нашъ придумалъ держать подъ своимъ носомъ трубочку изъ бумаги. Когда голова наклонялась у него отъ дремоты, онъ натыкивался носомъ на трубочку и просыпался.

Настала, наконецъ, счастливая для нѣжныхъ родителей минута: снова обнять любимаго сына, послѣ двухлѣтней съ нимъ разлуки и столькихъ пережитыхъ тревогъ! Въ Іюнѣ пріѣхалъ къ намъ въ отпускъ изъ Парижа братъ мой, и въ слѣдъ за нимъ сейчасъ помянутый П. И. Жиллѐ, вышедшій въ отставку или перешедшій на гражданскую службу. Разсказамъ о Парижѣ и объ общемъ энтузіазмѣ, произведенномъ между Французами Русскимъ царемъ, не было конца.

Всѣ Французскіе роялисты, бывшіе у насъ на службѣ, получили отъ возстановленнаго на престолъ Людовика XVIII по кресту Св. Людовика. Дѣти тѣ же обезьяны, и я, сочувствуя общему окружавшему меня восторженнему настроенію, прицѣпилъ къ курточкѣ бѣлый этотъ крестикъ на алой ленточкѣ, и гордо пародировалъ въ немъ. Бурбонисты, туземные и Русскіе, чествли Наполеона узурпаторомъ, теряли изъ виду его гуманитарную заслугу въ томъ, что онъ покончилъ съ революціонною гидрою, и ставили ему въ укоръ, что не онъ возстановилъ Бурбонскую династію. Доктрина эта доходила до смѣшнаго. Извѣстно что преподаватели современной исторіи дѣтямъ Бурбонской династіи объясняли имъ, что Наполеонъ Бонапартъ былъ „le généralissime des troupes de sa majesté Louis XVIII*)“.

На одномъ оффиціальномъ пріемѣ всего дипломатическаго кор-

*) Генералиссимусъ войскъ его величества Людовика XVIII-го.

пуса, акредитованнаго при Наполеонѣ. онъ, подходя поочередно къ каждому изъ этихъ дипломатовъ, прошелъ мимо нашего посланника графа Маркòва, не сказавъ ему ни слова, и продолжалъ обращаться ко всѣмъ остальнымъ представителямъ, стоявшимъ ниже Русскаго. Графъ Маркòвъ, не дождавшись конца пріема, сдѣлалъ на лѣво кругомъ и вышелъ изъ зала. Наполеонъ, замѣтивъ его движеніе, закричалъ фурьеру, стоявшему у дверей залы: „L'ambassadeur de Russie se sent indisposé; conduisez le aux lieux d'aisance", т. е. „Русскій посолъ чувствуетъ себя нездоровымъ; отведите его въ ретирадное мѣсто". (Расказано мнѣ Н. А. Дивовымъ, находившимся тогда въ Парижѣ съ его родителями).

Въ разсказахъ о Французскихъ эмигрантахъ мнѣ передано было объ одномъ изъ нихъ, пріютившемся въ Англіи. Бѣдный этотъ шевалье или маркизъ, не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, избралъ себѣ такую спеціальность. На обѣдахъ у Лондонскихъ лордовъ онъ являлся въ черномъ фракѣ (или кафтанѣ Версальскаго покроя), въ бѣломъ галстухѣ и жабò, при шпагѣ, въ чулкахъ до колѣнъ и башмакахъ и, отвѣсивъ поклонъ сидѣвшей за столомъ аристократической компаніи, подходилъ къ боковому (запасному) столу. Тамъ онъ вынималъ изъ кармана два флакона съ уксусомъ и Прованскимъ масломъ и принимался заготовлять салатъ. Получивъ за свой трудъ гинею, онъ снова раскланивался и уходилъ. Онъ взошелъ въ большую моду и нажилъ себѣ деньги.

По случаю вензеля имп. Александра, замѣнившаго, по распоряженію Парижскаго муниципалитета, заглавную букву имени Наполеона на публичныхъ зданіяхъ, говорили: „Napoléon avait des *ennemis* (des N. mis) partout, l'empereur Alexandre a trouvé des *amis* (des A mis) partout".

Нѣкто Французъ Масонъ, издавшій въ началѣ текущаго вѣка пасквильное сочиненіе о царствованіяхъ Екатерины, надѣлавшее много шуму въ свое время [1]), надѣявшись, вѣроятно, что въ 1814 году всѣ забыли о его книгѣ, подалъ прошеніе императору Александру о назначеніи ему пенсіона (или временной награды) за то, что онъ обучалъ верховой ѣздѣ Государя (еще Великимъ Княземъ) и Великаго Князя Константина Павловича. Вмѣсто отвѣта на его просьбу, Государь послалъ отъ своего имени Масону экземпляръ его сочиненія о Россіи [2]).

Артиллерійскій офицеръ князь Ухтомскій, выходя однажды изъ партера одного изъ Парижскихъ театровъ, вмѣстѣ съ Н. А. Дивовымъ,

---

[1]) „Mémoires secrets sur la Russie" par Masson, 2 vol.

[2]) Слышано отъ моей матери.

держалъ свою шляпу съ султаномъ (какъ была тогда офицерская городская форма) такъ низко, что концы перьевъ дотрогивались до полу. „Voyez un peu cet officier“, насмѣшливо и громко замѣтилъ одинъ стоявшій тутъ Французъ, „qui traîne ces plumes de coq par terre“. — „Vous vous trompez, monsieur“, отвѣчалъ на это князь Ухтомскій, „ce ne sont pas des plumes de coq, mais celles de vos aigles impérieux, que nous avons plumés en 1812“ [1]).

Солдатики наши такъ привыкли спать на пухоникахъ, проходя черезъ Германію, что, когда военныя дѣйствія перешли въ 1813 и 1814 годахъ на Французскую территорію, они, стоя на квартирахъ, преслѣдовали хозяекъ криками: „Бетъ, мадамъ, бетъ“. Бѣдныя Француженки, не зная какъ отдѣлаться отъ нихъ, ходили жаловаться начальникамъ: „Nous avons beau leur donner tout ce que nous pouvons, ils courent après nous en nous criant que nous sommes des *bêtes*“; а это было единственно потому, что солдаты затвердили Нѣмецкое названіе кровати „бетъ“, между тѣмъ какъ у Французскихъ крестьянъ тюфяки (paillassons) набиты соломою, а не пухомъ [2]).

Отрѣжетъ, бывало, Французская хозяйка хорошій ломоть своего пшеничнаго хлѣба и спроситъ у постояльца-солдата: „Comme ça, monsieur?—„Нѣтъ“, отвѣчаетъ тотъ: „Комса, да еще полъ-комсы“.

А долженъ быть тупоуменъ Французскій крестьянскій людъ. Братъ мой гр. Петръ Дмитріевичъ разсказывалъ мнѣ, что когда, на маршѣ, офицеры наши распрашивали у поселянъ о дорогѣ или о разстояніи до какого нибудь мѣста, тѣ коверкали нарѣчіемъ и жестикулировали, какъ люди воображающіе себѣ, что ихъ не поймутъ. „Да отвѣчайте же на чистомъ Французскомъ языкѣ, на которомъ мы съ вами говоримъ, скажутъ наши офицеры“—„Ахъ и въ самомъ дѣлѣ“, отвѣтятъ они, „вы говорите по французски!“

Въ числѣ постоянныхъ жильцевъ въ Бѣлкинѣ, близкихъ къ нашей матери, была Софья Филипповна Жеребцова. Мужъ ея, Дмитрій Александровичъ, былъ внучатымъ братомъ нашей матери, по женскому съ его стороны колѣну, а жена его была дочь Альзаскихъ эмигрантовъ Дорреръ, давно поселившихся въ Москвѣ. Софія Филипповна была ревностная папистка. Она обратила въ свое вѣроисповѣданіе всѣхъ почти своихъ дѣтей и подъ конецъ своего мужа [3]). Полагаютъ, что эта Софія

---

[1]) „Взгляните-ка на этого офицера, который волочитъ свои пѣтушиныя перья по полу“.—„Вы ошибаетесь, милостивый государь, перья эти не пѣтушиныя, а вашихъ императорскихъ орловъ, которыхъ мы общипали въ 1812 году“.

[2]) Этому былъ очевидецъ братъ мой графъ Петръ Дмитріевичъ.

[3]) Дочь ея, Анна Дмитріевна, также католичка, вышла замужъ въ 1835 году за Поляка Шеміота, служившаго по горной части.

Филипповна подѣйствовала на переходъ нашей матери въ латинство, но я не раздѣляю этого мнѣнія: г-жа Жеребцова не была достаточно начитана и вкрадчива, чтобы съ успѣхомъ подвизаться въ дѣлѣ пропаганды. Скорѣе могло быть наоборотъ.

Дмитрій Александровичъ Жеребцовъ былъ человѣкъ не серіознаго умственнаго склада, но пріятный въ обществѣ и музыкантъ. Въ молодости онъ состоялъ при нашемъ посольствѣ въ Лондонѣ и сдѣлался полу-англоманомъ. Помню довольно удачный его переводъ по русски Англійскаго національнаго гимна, „God save the King“, на тотъ же напѣвъ.

Храни, Господь, храни,
Царя драгіе дни,
Господь храни!
Побѣдами вѣнчай,
И славой украшай
Твой образъ на земли.
Господь храни
Перводержавную,
Русь православную,
Господь храни!

Имѣй авторъ этихъ стиховъ значеніе при дворѣ или въ Петербургскомъ высшемъ обществѣ, то, пожалуй, этотъ переводъ пошелъ бы въ ходъ, какъ позднѣйшій гимнъ Жуковскаго-Львова. Правда, что г. Жеребцовъ находился нѣкоторое время при дворѣ великой княгини Екатерины Павловны въ Твери, но онъ не составилъ себѣ никакой карьеры. Позднѣе онъ наслѣдовалъ отъ своего дяди изрядное весьма имѣніе въ Московской губерніи, Звенигородскаго уѣзда, куда и переселился съ своимъ семействомъ. Тесть и теща его Дорреры, напоминавшіе Филемона и Бавкиду, дожили до глубокой старости. Оригиналенъ отзывъ старика Доррера о Русскомъ человѣкѣ. „Le tchéloveck, voyez vous, madame“, говаривалъ онъ моей матери, „est un être, qui *peut* tout faire, qui *sait* tout faire et qui ne *veut* rien faire [1]).

Зиму 1815 на 1816 годъ мы провели въ Петербургѣ, въ домѣ Шевича на Кирочной улицѣ, насупротивъ деревяннаго одноэтажнаго дома, занимаемаго всемогучимъ временщикомъ, „безъ лести преданнымъ“, какъ онъ самъ себя величалъ. Эта личность, заслужившая проклятія всей Россіи, внушаетъ мнѣ слѣдующія о немъ размышленія. Ошибочно было бы сравнивать Аракчеева съ другимъ позднѣйшимъ временщикомъ, графомъ П. А. Клейнмихелемъ. Императоръ Александръ, безпрерывно занятый Европейскими войнами, а позднѣе конгрессами, мах-

[1]) Человѣкъ, видите, сударыня, есть существо, которое *можетъ* все дѣлать, *умѣетъ* все дѣлать и *не хочетъ* ничего *дѣлать*.

нулъ какъ бы рукою на внутренній, немилитарный строй Россіи, а послѣ 1814 года облекъ своего любимца, хотя не оффиціальною, но въ дѣйствительности неограниченною почти властью. Никакого подобнаго значенія не имѣлъ никогда графъ Клейнмихель, кругъ дѣятельности котораго вращался лишь по управленію путей сообщеній и строительной части, и надо сознаться, что благотворные слѣды этой дѣятельности видны по сю пору. Этого нельзя сказать объ Аракчеевѣ. Графа Клейнмихеля не любили за строгую его служебную взыскательность; онъ то и дѣло отдавалъ подъ судъ своихъ подчиненныхъ, выключалъ изъ службы (иныхъ, быть можетъ, безвинно) и выставлялъ на публичное посмѣшище нажившихся неправильными путями инженеровъ ироническими о нихъ печатными приказами. Онъ даже, какъ я слыхалъ, эксплуатировалъ будто бы попадавшихся ему подъ руку способныхъ людей и, воспользовавшись ихъ познаніями, выбрасывалъ ихъ изъ службы; но этимъ только и ограничивалась его власть. Аракчеевъ же ссылалъ, если вѣрить преданію, въ отдаленныя мѣста, по наушничеству на нихъ Государю, или даже по имѣвшимся у него бланкамъ, тѣхъ лицъ, которыя навлекали на себя его гнѣвъ. Русская моя няня разсказывала мнѣ въ то время, что графъ Аракчеевъ будто бы замуровалъ какого-то человѣка. Конечно это басня, но она даетъ мѣрило мнѣнія сложившагося тогда объ Аракчеевѣ. Извѣстно, что въ управленіи военными поселеніями онъ нарушалъ иногда коренные государственные законы и нарушалъ ихъ безнаказанно. Онъ дѣлалъ невозможнымъ для офицеровъ военныхъ поселеній всякій переходъ въ другую какую нибудь службу, а когда не могъ болѣе удерживать ихъ у себя, то, при увольненіи, давалъ имъ волчій поспортъ, т. е. такую аттестацію, съ которою бѣдняки эти не могли быть нигдѣ болѣе приняты на службу. И напрасно иные ставятъ ему въ похвалу (а въ томъ числѣ ветеранъ нашей литературы, князь П. А. Вяземскій), его безпредѣльную преданность личности Государю: если бы онъ внезапно лишился фавора Государя, куда бы ему дѣваться?

Во дворцѣ жили сестры моей матери. Старшая изъ нихъ, графиня Марья Артемьевна, взята ко двору еще въ царствованіе Павла, а позднѣе состояла при Елисаветѣ. Сестра ея, графиня Екатерина была сначала при великой княгинѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ, удаленной изъ Россіи съ такимъ позоромъ. По отъѣздѣ ея въ чужіе края она продолжала жить при дворѣ и, сохраняя неизмѣнную преданность къ августѣйшей изгнанницѣ, ѣзжала къ ней въ Швейцарію. До конца своей жизни (въ 1836 году) графиня Екатерина Артемьевна продолжала получать полный фрейлинской свой окладъ. Насъ дѣтей часто возили во дворецъ къ теткамъ. Подъѣздъ ихъ былъ насупротивъ самой середины малаго манежа, тамъ,

гдѣ нынѣ перестиль съ гранитными каріатидами, ведущій въ новый Эрмитажъ. Лѣстницы и безконечные корридоры, ведущіе къ аппартаменту нашихъ тетокъ, были безъ печей и отзывались сыростію, гнилью и даже зловоніемъ. Стѣны были выкрашены сѣрой клеевой краскою, эта загрунтовка была обрызгана красными, черными и бѣлыми крапинками, и все это вмѣстѣ было раздѣлено бѣлыми линейками на ровные четвероугольники и должно было представлять постройку изъ гранитныхъ плитъ. Изъ оконъ Эрмитажа, обращенныхъ къ Невѣ, случалось намъ смотрѣть на Іорданское водосвятіе. Положительно помню, что, не взирая на зимнюю стужу, не только Императоръ выстаивалъ все время церковной церемоніи въ одномъ мундирѣ, но и обѣ Императрицы всходили туда съ непокрытыми головами, въ парадныхъ нарядахъ, и помнится мнѣ, чуть ли не съ открытыми шеями. Быть можетъ, что у нихъ на плечи были накинуты шубы. При императорѣ Александрѣ крещенскій парадъ (всегда послѣ водосвятія) отмѣнялся, если было болѣе 17 градусовъ мороза; но и эта температура была достаточна, чтобы причинить бѣдственныя послѣдствія между офицерами и солдатами, которымъ приходилось выдерживать эти морозы въ парадной формѣ безъ шинелей и безъ калошъ. А иные полки, расположенные въ отдаленности отъ Зимняго дворца, выходили изъ казармъ въ 7-мъ часу утра и возвращались не ближе 4-го или 5-го часа пополудни. Непонятно, какъ офицеры могли безвредно выдерживать это. При Николаѣ Павловичѣ оказано было имъ великое благодѣяніе отмѣною Крещенскаго парада, если было болѣе 9 градусовъ.

Тетка графиня Марія Артемьевна была палата остроумія и презабавная разсказщица. Въ первое время своего нахожденія при дворѣ (при Павлѣ), она и другія молодыя фрейлины умоляли приставленную къ нимъ въ родѣ наставницы (такъ ее звали „la gouvernante des demoiselles d'honneur“) ѣхать съ ними въ театръ, гдѣ давалась Французская піеса, бывшая тогда въ ходу La Coquette corrigée. „Не поѣду“, порѣшила наставница: „кокетки вы всѣ, а *корриже* вамъ не сдѣлаться, и потому сидите дома“. Въ глубокой уже своей старости она разсказывала мнѣ (въ 1863 году), что въ ночь 11 на 12 Марта 1801 года она и прочія фрейлины оставались еще въ Зимнемъ дворцѣ, куда наканунѣ пріѣзжалъ Императоръ, шутилъ съ ними на счетъ ихъ нежеланія переходить въ Михайловскій замокъ и далъ имъ на это недѣльную отсрочку.

По Воскресеніямъ мы иногда ѣздили съ нашей матерью къ обѣднѣ въ Зимній дворецъ и потомъ ходили по Эрмитажу, номинальнымъ директоромъ котораго все еще числился нашъ отецъ, хотя онъ и не заглядывалъ никогда туда. Для насъ пускали въ ходъ механическаго зо-

лотаго павлина. который распускалъ хвостъ подъ музыку, и рядомъ съ нимъ сидѣлъ металическій пѣтухъ, издававшій хриплое ку-ку-рику. Это и понынѣ существуетъ. Коллекція картинъ обогатилась незадолго передъ тѣмъ покупкою Мальмезонской галлереи, принадлежавшей развѣнчаной Французской императрицѣ Жозефинѣ. Заходили мы также на половину императрицы Маріи Ѳеодоровны (во время ея отсутствія), гдѣ насъ очень потѣшали Китайскія, въ человѣческій почти ростъ, фарфоровыя фигуры, стоявшія въ пріемной комнатѣ на полу, въ два ряда, и которыя начинали кланяться отъ давленія пружины у порога при входѣ.

Въ эту зиму братъ мой перешелъ изъ адьютантовъ въ Главный Штабъ, называвшійся тогда чертежною. Онъ пристрастился было къ пѣнію, хотя у него никакого голоса не было. Его учитель пѣнія, маэстро Даллока все удивлялся (будто бы), въ первое время его пріѣзда въ Петербургъ, отчего извощики знали его фамилію. Дѣло въ томъ, что на окликъ его извощику „подавай“, тотъ спрашивалъ, „далеко, баринъ“? что̀ дѣйствительно было схоже съ фамиліею Даллока.

Къ обѣимъ старшимъ моимъ сестрамъ хаживалъ учитель танцованія (вѣроятно изъ эмигрантовъ), мосье Бильé. Такъ какъ музыка для этого урока необходима, то Французъ вытаскивалъ изъ кармана узенькую скрипку, какихъ я никогда болѣе не видывалъ, и все наигрывалъ на ней монотонную модуляцію „vive Henri Quatre“, но съ разными варіяціями на эту тему. Что пѣсня эта могла быть тогда въ модѣ въ Парижѣ, при реакціи легитимизма, еще понятно; но странно покажется нынѣшнему поколѣнію, что въ тогдашнемъ высшемъ Русскомъ обществѣ, эта пѣснь была въ ходу *). Еще помню одну даму, вышивавшую на канвѣ Бурбонскій гербъ трехъ лилій, для обивки салазокъ Русскаго охотника кататься съ горъ.

Начитавшись, много позднѣе, у Французскихъ авторовъ иного совершенно лагеря, что Бурбонская реставрація была навязана Французамъ союзными государями, и что эта династія вовсе не была популярна, я однажды спросилъ у моего брата, участвовавшаго въ занятіи Парижа въ 1814 году, дѣйствительно-ли это было такъ. Но онъ положительно утверждалъ, что это вымыселъ враждебной Бурбонамъ партіи, и что какъ сами Бурбонскіе принцы, такъ и виновники ихъ возвращенія были встрѣчены Парижскимъ народонаселеніемъ съ величайшимъ энтузіазмомъ. Подтвержденіе этого я прочелъ въ „Замогильныхъ Запискахъ“ Шатобріана. Не досказалъ я, что въ описываемое мною

*) Г-жа Хомутова въ своихъ Запискахъ 1867 и 1891 г., помѣщенныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“, говоритъ, что гвардейскіе солдаты пѣвали эту пѣсню по французски.

время были въ модѣ дѣтскія съ перомъ шляпы „à la Henri IV“; такую, къ великому моему удовольствію, и я также носилъ.

Въ нашемъ семействѣ въ употребленіи былъ Англійскій языкъ. Мать моя объясняла мнѣ много позднѣе, что причиною выбора этого языка, на которомъ ни она, ни нашъ отецъ не говорили, было то, что въ то время не было лучшихъ книгъ для дѣтскаго возраста, какъ Англійскія. Даже Французскихъ было мало, и онѣ были не на столько удовлетворительны какъ Англійскія, а о Русскихъ нечего и говорить. Правда, была у насъ „Дѣтская Библіотека“, изъ которой помню стихотвореніе, начинавшееся:

Хоть весною и тепленько,
А зимою холодненько,

И еще какая-то другая книжка съ разсказами о прилежныхъ дѣтяхъ, но эти книжки не имѣли ничего привлекательнаго для насъ. „Дѣтская Библіотека“ была безъ всякихъ гравюръ, а разсказы, хотя и съ гравюрами, но лубочной работы, и въ добавокъ оба эти изданія напечатаны на синей бумагѣ, въ родѣ нынѣшней оберточной. Англійскія же книжки, напротивъ, были изящно изданы и съ раскрашенными картинками, а иныя служили замѣной игрушекъ. Тамъ на примѣръ, было описаніе приключеній одного мальчика въ отдѣльно вырѣзанныхъ при текстѣ картинкахъ, представлявшихъ костюмы всѣхъ случаевъ его жизни, и для всѣхъ этихъ костюмовъ служила одна и таже головка. которая вставлялась во всѣ туловища. Сначала мальчикъ былъ изъ нищихъ, потомъ постепенно переходилъ въ школьника, ремесленника, лакея богатаго дома, купеческаго прикащика, и наконецъ, превращался въ богато одѣтаго молодого человѣка. Выписывалось для насъ изъ Англіи по цѣлому ящику подобныхъ книжекъ и поучительныхъ игрушекъ, и мы ждали съ нетерпѣніемъ ихъ прибытія. Во время лѣтняго нашего пребыванія въ Бѣлкинѣ, такъ какъ учителей Русскаго и Французскаго языковъ съ нами тамъ не было, то старшая моя сестра, графиня Марія Дмитріевна, замѣняла обоихъ учителей для меня, и она же слѣдила за утренними и вечерними моими молитвами. Она отличалась талантомъ писать портреты въ натуральную величину, сухими красками, пастелью. Два портрета ея работы, мой, когда мнѣ было 8 или 9 лѣтъ, и сестры Елисаветы въ 12 лѣтнемъ возрастѣ, находятся по сю пору у двоюродной моей сестры Надежды Александровны Гавришенко, къ которой они перешли по наслѣдству отъ ея матери Прасковьи Артемьевны. Въ дѣтствѣ сестра Марія Дмитріевна и Николай Адріяновичъ Дивовъ такъ были похожи другъ на друга, что тетка Дивова забавлялась одѣвать сестру въ платья Николая Адріяновича, и сходство между ними еще болѣе поражало. При этомъ надо добавить, что было

большое сходство между нашимъ отцомъ и его сестрою Елисаветой Петровной Дивовою.

На лѣто мы возвратились въ Бѣлкино. Къ ученію меня еще не сильно принуждали, и привольная, негородская жизнь опять развертывалась тамъ со всѣми деревенскими ея прелестями: скитаніемъ по лѣсамъ гурьбою за грибами и за орѣхами, съ пѣснями и игрою въ горѣлки съ горничными дѣвушками и дѣвочками, уженіемъ карасей въ прудахъ, и пр. А уже какое было удовольствіе забраться на обмолоченные скирды, стоявшіе за ригою, и съ нихъ спускаться, какъ бы съ ледяной горки! Вотъ та жизнь, о которой я столь часто вздыхалъ позднѣе, въ душныхъ Тосканскихъ виллахъ, безъ зеленаго прутика вокругъ (кромѣ пепельныхъ оливковыхъ деревьевъ), безъ луговъ и безъ всякаго даже птичьяго пѣнія кромѣ воробьинаго щебетанія! Наступила осень, и не знаю по какой причинѣ рѣшено было провести всю предстоявшую зиму въ Бѣлкинѣ. Но такъ какъ большой каменный домъ не предназначался никогда для подобнаго случая, то съ начала лѣта 1815 года приступлено было къ постройкѣ большаго деревяннаго двухъ-этажнаго дома, съ двумя при немъ оранжереями въ видѣ крыльевъ. Планъ былъ начертанъ нашей матерію, а постройка производилась подъ надзоромъ крѣпостнаго нашего архитектора Григорія Некрасова. Талантливая во многомъ наша мать не гналась за симетріею въ архитектурѣ, а за удобствомъ для житья, и потому къ этому зимнему дому пристроенъ былъ съ одной стороны длинный одноэтажный корпусъ, раздѣленный стѣною, во всю его длину. Первое изъ этихъ двухъ отдѣленій составлялъ большой залъ, и въ немъ помѣщалась Бѣлкинская библіотека нашего отца, которая, прежде и послѣ 1812 года, всегда оставалась тамъ въ лѣтнемъ каменномъ домѣ, но она не была особенно многочисленная. Этотъ залъ служилъ и кабинетомъ моему отцу; а вторая часть этого же корпуса, паралельная съ первою и называвшаяся „мастерскою“, дѣлилась на три комнаты. Въ первой изъ нихъ стоялъ билліардъ, и она же была наша дѣтская, рекреаціонная; во второй комнатѣ были токарня и слесарня, а въ третьей—столярня.

Съ нами провели всю зиму Жеребцовы и наѣзжали двоюродной братъ моей матери Нарышкинъ съ женою и двумя дѣтьми: осмилѣтнею дочерью Софіею [1]) и грудным младенцемъ Алексѣемъ. Нарышкины жили постоянно въ своемъ имѣніи Тарускаго уѣзда, въ селѣ Знаменскомъ (Игнатовскомъ тоже), отъ Бѣлкина въ 60 верстахъ.

[1]) Она поступила позднѣе въ Петербургѣ въ Екатерининскій институтъ, гдѣ и скончалась въ 20-хъ годахъ. Сестра ея, впослѣдствіи моя теща, скончалась въ Игнатовскомъ въ Декабрѣ 1861 года, на 75 или 76-мъ году отъ роду.

Отецъ нашъ, лишенный всякаго моціона въ зимнее время, самъ работалъ на этихъ трехъ станкахъ, вмѣстѣ съ слесаремъ Барабановымъ и столяромъ Андріяномъ. Всѣ трое попали въ карикатурную книжку буфетчика Ивана Бѣшенцова. Домъ строился на-скоро, и въ 30-хъ годахъ слѣду отъ него не оставалось.

Изъ Боровска пріѣзжала гостить къ намъ жена городничаго Надежда Андреевна Кавецкая. Каждое изъ этихъ семействъ жило въ отдѣльномъ домѣ, и эти дома, вмѣстѣ съ двумя большими господскими, съ ихъ флигелями и службами, представляли нѣчто въ родѣ маленькой колоніи.

У Нарышкиной была пріятельница Вѣра Андреевна Гольцъ, сестра Н. А. Кавецкой. Эта Вѣра Андреевна долго была компаніонкою при княгинѣ Софіи Григорьевнѣ Волконской, которая, въ первое время своего замужества за княземъ Петромъ Михайловичемъ, такъ страстно любила его, что не хотѣла разлучаться съ нимъ даже въ военное время. Она и ея подруга Гольцъ находились постоянно при нашихъ войскахъ, останавливались для ночлега въ ближайшемъ къ бивуакамъ городѣ или селеніи, и Вѣра Андреевна разливала по вечерамъ чай, къ которому ежедневно пріѣзжалъ государь Александръ Павловичъ. Такъ какъ дѣвица Гольцъ часто переписывалась съ своимъ другомъ, Генріеттою Нарышкиной, то Государь, въ порывѣ обычной ему любезности съ женщинами, взялся отправлять ея письма черезъ своихъ курьеровъ и собственноручно доставлялъ ей отвѣты на нихъ. Заинтересованный однакоже оживленною перепискою этою (или притворяясь таковымъ), онъ сталъ приставать къ Вѣрѣ Андреевнѣ, чтобы она дала ему подробныя свѣдѣнія объ этой неизвѣстной ему корреспонденткѣ, грозя въ противномъ случаѣ распечатывать ея письма. Вѣра Андреевна была настолько наивна, что принимала царскую шутку за настоящую монету, волновалась и говорила Государю, чтобы онъ отнюдь этого не дѣлалъ.

Такъ какъ Бѣлкинская церковь во имя св. Бориса и Глѣба была съ однимъ алтаремъ и безъ печей, а намъ предстояло зимовать въ деревнѣ, то еще лѣтомъ 1815 года приступлено было, одновременно съ постройкою зимняго деревяннаго дома, къ пристройкѣ теплаго каменнаго придѣла къ церкви, а освященіе его состоялось въ самомъ началѣ этой же зимы. Мѣстныя иконы новаго придѣла были написаны Милліарини.

Домашній нашъ бытъ не измѣнился противъ столичнаго; а мы дѣти даже выиграли, потому что въ продолженіи всей зимы пользовались такимъ удовольствіемъ, какого не имѣли въ Петербургѣ, а именно катаніемъ съ горъ на салазкахъ. Оно устроено было съ высокаго берега на одномъ изъ прудовъ, рядомъ съ домомъ; мы часто

сами поливали нашу гору, чтобы она дѣлалась ровнѣе. Близъ этого мѣста было Іорданское водосвятіе 6 Января 1816, и мы всѣ въ первый разъ участвовали въ церковномъ шествіи, а хоругви и образа несли высшіе въ нашемъ домѣ оффиціанты (они же постоянно пѣвали на клиросѣ). Въ предъидущія зимы мы только этимъ зрѣлищемъ любовались, слѣдя изъ оконъ за церемоннымъ царскимъ шествіемъ на Невскую Іордань, и потому я никогда не ощущалъ еще того, что во мнѣ возбудила эта Бѣлкинская семейная, такъ сказать, церемонія. Заблаговременное крашеніе яицъ къ свѣтлому празднику разноцвѣтными шелками и гарусомъ доставляло намъ особенное удовольствіе; въ немъ принимали участіе и взрослые изъ нашего семейства, и обычай этотъ долго держался у насъ даже послѣ переселенія во Флоренцію, когда всѣ признаки Русской жизни стали постепенно исчезать и замѣнились иностранными (а точнѣе сказать, космополитическими) привычками. Всеобщій восторгъ произвело, какъ теперь помню, артистическое произведеніе хромаго Нѣмца г. Форлона, поднесенное нашей матери. Онъ выпустилъ желтокъ изъ большаго гусинаго яица и расписалъ его масляными красками. На темно-кофейномъ фонѣ съ золотыми орнаментами были исполнены въ кружкахъ на одномъ Воскресеніе Христово, а съ противуположной стороны Флорентинская Рафаелевская Мадонна со св. Младенцемъ, извѣстная подъ именемъ „Делла Седжіа“. Захотѣлось и мнѣ подражать Форлону, и я по нѣскольку разъ принимался рисовать акварельными красками также Воскресеніе Христово. Катаніе красныхъ яицъ съ лубка продолжалось у насъ во всю Святую недѣлю, выписаны были для насъ фигурныя разныя яица, и мы провели этотъ праздникъ также весело, какъ и въ Петербургѣ; развѣ только что не доставало катанія въ каретѣ по Исакіевской площади.

Нуженъ былъ управляющій для нашей Бутурлиновки, и для этого взятъ былъ, по рекомендаціи Антона Антоновича Кавецкаго, братъ его Иванъ Антоновичъ. Онъ былъ вдовецъ и имѣлъ одну только дочь Варвару, однихъ почти со мною лѣтъ, которую мать моя взяла на воспитаніе, а позднѣе помѣстила на свой счетъ въ Петербургскій Екатерининскій институтъ. Такъ какъ Варенька Кавецкая не подходила въ подростки даже для второй моей сестры Елисаветы Дмитріевны, то она какъ разъ попала въ товарки ко мнѣ и моему компаніону Эдуарду, и мы иногда даже одѣвали ее мальчикомъ.

Было также у насъ и гулянье на 1 Мая въ нашей Марьиной рощѣ. Тотчасъ за оградою ботаническаго сада съ цвѣтниками и оранжереями начиналась длинная и довольно глубокая живописная долина окаймленная по обѣимъ сторонамъ густою и чистою березовою рощею.

Ее звали „Марьиною“, или просто „la vallée“. Въ длину долины были разбиты клумбы сирени и другихъ кустарниковъ, а на одномъ покатѣ или на холмѣ возвышалась большая бесѣдка съ крышею, въ родѣ домика изъ двухъ комнатъ, обитыхъ обоями, съ перистилемъ и фронтономъ, и къ ней вела широкая съ перилами лѣстница. Тутъ все общество пивало чай. По бокамъ долины, подъ вѣтвистыми и темноствольными дубами, устроены были дерновые диваны подъ крышею (des reposoirs), а въ лѣсной чащѣ, на противуположной вершинѣ описанной бесѣдки, стоялъ Эрмитажъ. Это была круглая постройка изъ березовыхъ неочищенныхъ стволовъ и корявыхъ сучьевъ съ корою, и изъ того же матеріала была вся внутренняя мебель. Долина эта тянулась на двѣ версты и оканчивалась рѣкою Протвою близъ с. Кривскаго.

Марьина роща съ ея долиною была любимымъ мѣстомъ нашей матери. Съ нея смастерилъ кое-какъ акварельный рисунокъ нашъ архитекторъ Некрасовъ, а много позднѣе, когда отецъ мой купилъ домъ во Флоренціи, то по этому эскизу Флорентинскій стѣнной живописецъ, нѣкто Горù, расписалъ клеевыми красками, подъ моимъ наблюденіемъ, одну изъ стѣнъ въ кабинетѣ моей матери.

Погода 1 Мая 1816 г. стояла лѣтняя. Деревья одѣлись, и соловьи соперничали другъ передъ другомъ съ обѣихъ высотъ долины; по молодой муравѣ водили хороводы крестьянскія дѣвушки и молодицы, а намъ сказывали, что готовится *сюрпризъ*. Поднявшись по высокой лѣстницѣ, ведущей къ вышеописанной бесѣдкѣ, мы увидали, что бесѣдка была обращена въ кондитерскую и въ кофейную (да и чуть-ли не съ вывѣскою), а за прилавкомъ стоялъ въ традиціонномъ костюмѣ кухмейстера аристократическаго дома, съ бѣлымъ на головѣ колпакомъ Дмитрій Александровичъ Жеребцовъ (мужъ Француженки Софіи Филипповны) и всѣхъ угощалъ, чѣмъ кто хотѣлъ. Тутъ было и мороженое, и лимонадъ, и чай съ печеніями, и кофе и проч., и около него суетилась импровизированная его прислуга. Заготовлены были тутъ и груды пряничныхъ коньковъ, сладкихъ рожковъ и орѣховъ для киданія деревенскимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ. Угощеніе крестьянъ, и взрослыхъ, и малыхъ, входило также въ программу Бѣлкинскаго нашего лѣтняго житья, и скажу безъ хвастовства, что память о насъ, прежнихъ тамошнихъ владѣльцахъ, сохранилась, какъ я еще недавно могъ удостовѣриться, до третьяго поколѣнія между Бѣлкинскими крестьянами. Да, вельможи былаго времени, подобные моимъ родителямъ, были люди сердобольные, щедрые и не безъ оттѣнка либерализма въ сношеніяхъ съ своими крестьянами. Лошадка-ли, коровушка-ли пала, мужичекъ и баба вертятся около господскаго крыльца, авось улучатъ случай увидѣть барина и барыню; а увидятъ ихъ и раскажутъ о своемъ

горѣ, отказа никогда не было въ пособіи для покупки нужной скотинки. Но нельзя однакоже не сознаться, что вельможное это поколѣніе было мало знакомо съ внутреннимъ бытомъ, нуждами и духомъ Русскаго мужика. Предоставляя свои имѣнія въ неограниченное распоряженіе управляющихъ, которые безотчетно наказывали крестьянъ тѣлесно, крупные помѣщики наѣзжали изрѣдка на короткое время въ свои имѣнія и представляли изъ себя какъ-бы совершенно другую національность, чѣмъ были крестьяне. Но тѣмъ не менѣе, крестьяне любили даже заочныхъ своихъ господъ-вельможъ и сваливали всѣ притѣсненія на управляющихъ, а изъ послѣднихъ иностранцы были иногда свирѣпѣе въ наказаніяхъ, чѣмъ Русскіе управляющіе, въ чемъ я имѣлъ случай удостовѣриться. Чтобы пріобрѣсти привязанность мужика, достаточно владѣть отрицательными только качествами: не оказывая ему никакихъ особенныхъ благодѣяній и ограничиваясь непритѣсненіемъ его понапрасну, услышишь о себѣ отзывъ: „Отецъ онъ родной, и курицы не обидитъ“. И это я также знаю на опытѣ.

Лѣтомъ этого года старшіе наши устроили сюрпризомъ для нашей матери домашній спектакль ко дню ея именинъ 25 Іюля. И мнѣ дана была маленькая роль въ этой піесѣ, сочиненной старшей моею сестрою Маріею Дмитріевною. Театръ былъ устроенъ въ каменной ригѣ, а декораціи писалъ вышепомянутый г. Форлонъ. Дѣло не обошлось безъ хлопотъ, бѣготни и шушуканій. Сама виновница готовящагося сюрприза не могла не догадаться, что въ маленькомъ нашемъ мірѣ совершалось что-то необычайное, и тѣмъ болѣе, что она должна была проходить мимо этой самой риги къ вечернему чаю на померанцовой выставкѣ отцовскаго сада. Услужливые лазутчики доносили намъ, что мать моя, проходя мимо риги, отворачивала голову или приставляла ладонь къ лицу, чтобы не видать что̀ дѣлалось около риги и въ самой ригѣ, ворота которой были всегда открыты настежъ. Главнымъ актеромъ въ піесѣ былъ мой гувернеръ Французъ г. Эгенъ.

Рысканье по лѣсамъ за грибами, ягодами и орѣхами продолжалось вплоть до осени и ежедневно, если не препятствовала погода. Послѣ обѣда *большихъ*, все общество (кромѣ отца, проводившаго почти весь день до ночи въ садоводствѣ) и мы дѣти усаживались въ огромнаго размѣра открытую линейку, купленную когда-то изъ брака придворныхъ экипажей Екатерининской, а можетъ быть, даже и Елизаветинской эпохи, и была о ней легенда, что въ ней катались когда-то придворные чины женскаго пола на Петергофскихъ иллюминаціяхъ. Не смотря однакоже на эти археологическія данныя, линейка держала себя въ весьма добромъ еще состояніи; но какова она была на ходу, о томъ знала кряхтѣвшая четверня лошадей. Рощей было много въ Бѣл-

кинѣ, но самая живописная по мѣстности, послѣ Марьиной рощи, была Миловская; тамъ въ устроенный бассейнъ билъ ключъ въ видѣ фонтана, который извилисто бѣжалъ ручейкомъ подъ тѣнью ольхъ до его впаденія въ р. Протву. Въ Миловѣ иногда пивали чай, а не то переѣзжали для этого въ сосѣднее сельцо Самсоново, прикупленное матерью нашею къ своему Бѣлкину отъ Малоярославецкаго помѣщика Ланскаго *). Въ Самсоновѣ стоялъ необитаемый деревянный домикъ о четырехъ или пяти комнатахъ, жилище прежняго владѣльца. Внутреннія стѣны были неоштукатурены и ничѣмъ не обиты; кое-какая скудная мебель, въ главной комнатѣ на стѣнѣ, какъ украшеніе, грубо гравюрованныя святцы въ черной рамкѣ безъ стекла, и весь домъ отзывался затхлостію отъ запертыхъ дверей и оконъ. Отправляясь на поиски грибовъ, всякій изъ насъ имѣлъ висящую на рукѣ корзинку, а передъ отъѣздомъ изъ дому, дамы наши справлялись другъ у дружки, не забыла-ли кто изъ нихъ своего *ридикюля*.

Родители наши не поддерживали знакомства съ сосѣдями. Исключеніе изъ этого составляли Екатерина Григорьевна Болтина (урожденная княжна Вяземская, сестра графини Маріи Григорьевны Разумовской) и семейство Ефимовичевыхъ, жившее постоянно въ своемъ имѣніи с. Спасскомъ на р. Протвѣ, въ 6 верстахъ отъ Бѣлкина; да и съ ними мои родители не видались болѣе двухъ-трехъ разъ во все лѣто. Всѣ члены семейства Ефимовичевыхъ, во главѣ которыхъ была бабушка третьяго поколѣнія, Прасковья Семеновна, были лилипуты, и дѣдушка мой графъ Артемій Ивановичъ Воронцовъ прозвалъ ихъ перепелками. О нихъ ходилъ анекдотъ, что на одномъ гуляньѣ въ Москвѣ, хотя все семейство забилось въ карету, публика удивлялась, за чѣмъ это разъѣзжаетъ пустой экипажъ Ефимовичевыхъ. Позднѣе, одна изъ дочерей Прасковьи Семеновны, Софья Ивановна, вышла замужъ за генерала Александра Ивановича Мамонова, а другая за Рунича.

Капитанъ исправникомъ Малоярославецкаго (или Боровскаго) уѣзда былъ въ то время Янко-Доровскій, и хотя онъ рѣдко показывался у насъ, но когда мы жили въ Петербургѣ, то родители наши посылали въ праздничное время за его двумя сыновьями, находившимися въ Инженерномъ училищѣ.

Хочется мнѣ добавить два-три слова объ отношеніяхъ, существовавшихъ между всѣми нами и нашею прислугою. Не слыхалъ я никогда, чтобы мой отецъ обозвалъ кого либо дуракомъ. Вспылитъ, бывало, но черезъ двѣ минуты все проходило, и тутъ же онъ подзоветъ для какого

*) Это отецъ извѣстнаго впослѣдствіи агронома. Говорятъ, что отъ 40 десятинъ въ каждомъ изъ трехъ полей г. Ланской получалъ до 12 тыс. рубл. сер. въ годъ.

нибудь приказанія провинившагося человѣка.—„Ей ты, голубчикъ, поди-ка сюда“; всѣмъ имъ онъ говорилъ голубчикъ. Боже избави, чтобы мы дѣти осмѣлились сказать бранное слово кому нибудь, а если кто изъ насъ поднялъ бы руку въ запальчивости, то велѣно было этимъ же и намъ отплатить. Сопровождавшіе моего брата въ походѣ за границу въ 1813 и 1814 гг. берейторъ Илья Степановъ и другой изъ крѣпостныхъ нашихъ людей, Климъ, не подумали воспользоваться возможностью остаться во Франціи. Тоже самое было съ одною молодою дѣвушкою Меланіею (сестрою берейтора Ильи), которая, будучи отдана въ ученіе въ Парижѣ въ модный магазинъ еще до 1812 года, возвратилась оттуда къ своимъ господамъ въ 1815 году, хотя уже съ названіемъ мамзель Меланѣ.

Въ началѣ этого лѣта (1816 года), пріѣхала къ намъ изъ Петербурга тетка моя графиня Марія Артемьева Воронцова съ своею восмилѣтнею воспитанницею, Анною Антоновною Станкеръ. Дѣвочка эта была дочь троюродной сестры нашей матери Анны Юрьевны Пушкиной, вышедшей замужъ по любви за Поляка Антона Станиславича Станкера, человѣка ничего не имѣвшаго кромѣ красивой наружности. Анна Юрьевна умерла въ малолѣтство своей дочери и трехъ сыновей *). Сыновья остались на попеченіи моей матери, которая помѣстила ихъ сначала въ частный пансіонъ въ Петербургѣ; двое старшіе изъ нихъ, Дмитрій и Александръ, поступили, въ 1817 или 1818 году, во вновь открытый въ Одессѣ Ришельевскій лицей, а меньшой, Николай, менѣе способный своихъ братьевъ, былъ отданъ въ Кадетскій корпусъ. Дмитрій Александровичъ Станкеръ проложилъ было себѣ хорошую каріеру, но она неожиданно сразу оборвалась. Второй его братъ, Александръ былъ способнѣе всѣхъ троихъ и недурной поэтъ, и также хорошо было пошелъ, женившись на племянницѣ статсъ-секретаря Вилламова, но умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. Третьяго, Николая, я видалъ армейскимъ пѣхотнымъ офицеромъ въ Турецкую войну 1828 года. Отецъ ихъ вторично женился въ 20-хъ годахъ на княжнѣ Козловской, отъ которой имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей.

При Анночкѣ Станкеръ находилась въ Вѣлкинѣ гувернанткою Швейцарка дѣвица Каролина Ланцъ, весьма достойная и пріятная особа. Чтобы доставить маленькой нашей Петербургской гостьѣ удовольствіе собирать грибы (а гдѣ и какъ они росли, она о томъ не имѣла понятія), намъ дѣтямъ внушалось, чтобы мы, наткнувшись на подберезникъ

*) Анны Юрьевны я не засталъ, но въ 40-хъ годахъ я зналъ роднаго ея брата, Александра Юрьевича Пушкина, помѣщика Костромской губерніи, совѣстнаго судью въ Костромѣ.

или бѣлый, булочный грибъ, не срывали нашей находки, а подозвали бы для этого маленькую Станкеръ. Куда неохотно подчинялись мы подобнымъ наставленіямъ!

Тетка наша привезла въ Бѣлкино новость о высылкѣ Іезуитовъ изъ Петербурга: мѣра поразившая столичныхъ нашихъ прозелитокъ и полу-прозелитокъ, къ числу которыхъ сама она принадлежала. Разъ я ѣхалъ съ матерью и теткою въ каретѣ, изъ Бѣлкина въ Москву (осенью 1816 года); разговоръ между ними завязался объ изгнаніи Іезуитовъ, и на мой вопросъ, зачѣмъ ихъ выгнали, тетка моя, не давъ времени моей матери отвѣчать, сказала мнѣ, что я слишкомъ молодъ, чтобы понять это. А я сожалѣлъ, быть можетъ, о добромъ патерѣ Журданѣ, баловавшемъ меня шоколадными лепешками. Я отношу первоначальную склонность моей тетки къ католичеству къ первымъ еще годамъ столѣтія, когда она сблизилась съ принцесою Тарантъ, бывшею прежде при особѣ несчастной Маріи-Антоанетты и въ Россіи взятою къ нашему двору. Сочувствіе нашего двора къ Бурбонскимъ страдальцамъ высказалось также назначеніемъ въ придворные парикмахеры нѣкоего Леонарда, бывшаго куафёра королевы Маріи Антоанетты. Портретъ принц. Тарантъ со стриженными подъ гребешокъ волосами и съ оплывшимъ отъ жира лицемъ, всегда висѣвшій въ кабинетѣ тетки моей, казался мнѣ пугаломъ. Кажется, что Римская церковь причислила ее къ лику блаженныхъ; я слыхалъ, что когда говорили о ней, то ее называли „la bienheureuse princesse de Tarente“. Изъ разсказовъ тетки видно, что эта Француженка считалась авторитетомъ въ извѣстномъ Петербургскомъ женскомъ кругу и помогла, быть можетъ, отступничеству не одной моей тетки, а въ числѣ видныхъ дамъ и Софьи Петровны Свѣчиной и графини Ростопчиной. По смерти уже этой эмигрантки, послѣдовали, какъ полагаю, совращенія княгини Гагариной, молодыхъ (еще не замужнихъ) графинь Прасковьи и Елисаветы Николаевенъ Головиныхъ, двухъ дочерей графа Ростопчина, графини Шуваловой (урожденной княжны Щербатовой и пр.). Строго судить этихъ женщинъ, право, нельзя. Къ доказательствамъ ихъ невѣдѣнія своего отечества приведу разговоръ, слышанный мною въ моемъ юношествѣ. Бесѣда шла между двумя дамами, перешедшими въ католичество, и одна изъ нихъ сообщала другой, что тогдашній папа Пій VII говорилъ, что ничего не могло бы быть легче, какъ возсоединеніе Русской и Римской церквей, буде только пожелаетъ его императ. Александръ Павловичъ, чему обѣ дамы вполнѣ вѣрили. Само самою разумѣется, что для достиженія этой цѣли, Римскій первосвященникъ былъ готовъ оставить нетронутою всю обрядовую часть нашей церкви, дозволилъ бы, пожалуй, и нашъ догматъ о происхожденіи Св. Духа отъ одного Отца, причащеніе мі-

рянъ подъ обѣими видами и допущеніе младенцевъ къ св. причастію. лишь бы онъ былъ признанъ главою церкви. А вотъ другой примѣръ, какъ знали исторію Русской церкви. Одна дама высказала однажды при мнѣ странную мысль, что „при отдѣленіи Восточной церкви отъ Римской, Кіевъ изъ всѣхъ Россійскихъ городовъ оставался послѣднимъ въ его вѣрности „Римскому сѣдалищу“. Она же вѣровала, что, при крещеніи Россіи, Константинопольская церковь было еще подчинена Римской, и что потому, вновь возникшая Россійская церковь зависѣла. „хотя косвенно“, отъ Рима. Правда, что Латыняне считаютъ окончательное раздѣленіе обѣихъ церквей не при Фотіи, а при Михаилѣ Келуларіи, т. е. въ XI вѣкѣ; но тѣмъ не менѣе, развѣ мыслимо допустить, что цѣлый народъ можетъ зависить отъ невѣдомой ему власти. какою бы она ни была? Касательно же совращенія тетки моей, то она сама разсказывала, что главною причиною тому было, что *она недостаточно знала Русскій языкъ, чтобы объясняться на немъ съ Русскимъ своимъ духовникомъ*. Положимъ, что остроумная тетка моя никогда не лазила въ карманъ за словечкомъ и охотно отдѣлывалась подъ часъ шуточками отъ серьознаго вопроса, но все-таки я готовъ допустить. что въ этихъ ея словахъ большая доля правды.

Въ большинствѣ семействъ высшаго общества обѣихъ столицъ наставниками дѣтей были Французскіе аббаты. Одна современница разсказывала мнѣ, что почти не принято было въ обществѣ звать ихъ по ихъ фамиліямъ, а только по фамиліи тѣхъ, у которыхъ они проживали: напримѣръ, „l'abbé des Divoff, l'abbé des Rasoumoffsky“. Дивовскій аббатъ былъ Дрежель, сдавшій свою должность аббату Барбьѣ, а Разумовскій аббатъ былъ Буавень (Boivin), человѣкъ весьма почтенный. котораго я знавалъ въ 1824 г. въ Одессѣ. Читаешь и не вѣришь, что само правительство поощряло созданіе разсадника для распространенія Римскаго католичества. Въ біографіи недавно умершаго графа Александра Николаевича Толстаго читаемъ, что когда онъ воспитывался въ Петербургскомъ Іезуитскомъ Коллегіумѣ, мать его, умная и дѣловая барыня, открыла въ числѣ горькихъ курьезовъ, происходившихъ въ этомъ училищѣ, что Русскій священникъ-законоучитель допускался къ преподаванію своего предмета всего одинъ разъ въ недѣлю, да и то въ Субботу вечеромъ, передъ окончаніемъ всѣхъ классныхъ занятій. Понятно, съ какимъ невниманіемъ утомленные недѣльными занятіями воспитанники, ждавшіе воскреснаго отдыха, относились къ этому уроку. Всѣ воспитанники обязаны были каждое утро присутствовать при краткой Латинской обѣднѣ (la messe basse) въ Іезуитской церкви и даже участвовать въ службѣ, какъ причетники (servir la messe), отвѣчая на возгласы священнодѣйствовавшаго, переносить служебную книгу

(le missel) съ одного края престола на другой и звонить въ указанное время ручнымъ колокольчикомъ. И всѣ эти Іезунтскія ухищренія терпѣлись высшимъ учебнымъ начальствомъ и Снятѣйшимъ Сунодомъ!!! А въ Запискахъ Державина читаемъ, что графъ Кочубей въ бытность его (въ 1802 г.) министромъ внутреннихъ дѣлъ, предложилъ дозволить Іезуитамъ вводить Римско-католическое исповѣданіе и даже преклонять къ этому, черезъ миссіонеровъ, Магометанскіе и идолопоклонническіе народы въ Астраханской, Оренбургской и Сибирскихъ губерніяхъ. Министръ народнаго просвѣщенія, графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій, обращался съ просьбою къ графу де-Местру, чтобы онъ потрудился составить письменную программу для воспитанія Русскаго юношества!! Не забыть мнѣ никогда этого Римскаго духовнаго воинства, благодаря которому почти все мое семейство сдѣлалось какъ бы изгнаннческимъ.

Графиня Екатерина Алексѣевна Уварова (рож. графиня Разумовская), жена министра народнаго просвѣщенія, изъ себя выходила, когда она должна была исповѣдоваться у своего духовника: она сильно тревожилась мыслію, что онъ не пойметъ ея, потому что она не знала названій иныхъ грѣховъ по-русски, и сама не понимала тѣхъ названій грѣховъ, на которыхъ ей указывалъ ея духовникъ. Одинъ ея родственникъ даже увѣрялъ, что она приказывала своему лакею „чтобы положили лошадей на карету“: буквальный переводъ Французской фразы „faites mettre les chevaux à la voiture“. Графиня утверждала, что это былъ одинъ только на нее поклепъ, въ чемъ я готовъ вѣрить ей; но все-таки вспомнишь поневолѣ Французскую поговорку, что „l'on ne prête qu'aux riches“. Не смотря на офранцуженное свое настроеніе, графиня Уварова не сбилась однакоже съ пути и до конца жизни оставалась православною.

Рядомъ съ этою женскою прозелитскою тенденціею, въ мужскомъ вельможномъ и даже невельможномъ мірѣ возникъ Германскій мистицизмъ, и даже у иныхъ духовныхъ лицъ. Одно изъ ученій мистицизма состояло въ стремленіи возвратиться къ обрядовой простотѣ первоначальной церкви (simplification du culte) и возстановить внѣшнюю церковь въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она представлялась, какъ полагали, въ первые два вѣка христіанства. Направленіе это вело прямо къ протестанству, какъ подрывавшее церковный авторитетъ, и оно подвергало каноническія и соборныя постановленія оспариванію. Къ этой школѣ принадлежитъ послѣдній, какъ я думаю, ея представитель, оставшійся въ живыхъ, бывшій недавно Рязанскимъ архіепископо-

номъ. преосвященный Принархъ. Кстати разскажу, что князь Александръ Николаевичъ Голицынъ однажды препирался съ какимъ-то архіереемъ о „своей внутренней церкви“. Остроумный его оппонентъ возразилъ ему: „Да полно, церковь-ли это у васъ, князь, а не одна ли только колокольня?“ Я слышалъ, что Платонъ раздѣлялъ въ нѣкоторой степени протестантское направленіе: въ его учебникѣ богословія, написанномъ имъ для великаго князя Павла Петровича, упоминается только о двухъ вмѣсто семи таинствахъ, и даже у самого Филарета (митрополита) въ его молодости выглядывали протестантскія воззрѣнія: въ первомъ изданіи его Катихизиса ничего не сказано про ученіе о церковномъ преданіи, признаваемомъ въ нашей, какъ и въ Римской, церкви. Я слышалъ отъ моей матери, что Платонъ въ своей Вифанской домовой церкви устроилъ придѣлъ почти безъ иконостаса (на столько низка была перегородка, поставленная вмѣсто иконостаса) и что онъ совершалъ иногда у себя литургію не по чину архіерейскому, а одинъ, какъ бы простой священникъ. Въ подтвержденіе дѣйствительности послѣдняго ничего не могу сказать, но въ бытность мою въ Вифаніи (гдѣ утверждаютъ, что все сохраняется въ томъ же видѣ, какъ было въ день кончины Платона), я дѣйствительно удостовѣрился, что въ домовой его церкви (перенесенной впрочемъ съ прежняго ея мѣста, послѣ сломки до тла прежней его церкви, безъ всякой, какъ говорятъ, необходимости) иконостаса въ строгомъ смыслѣ нѣтъ, а вмѣсто его служитъ довольно рѣдкая вызолоченная рѣшетка, вышиною въ два аршина, а за ней повѣшена во всю ширину придѣла (а не за одними царскими вратами), шелковая голубая занавѣсь. На этой рѣшеткѣ прикрѣплены двѣ только (помнится мнѣ) мѣстныя иконы, да и тѣ небольшія.

Пора однакоже возвратиться къ прерванному разсказу о Бѣлкинской жизни нашей лѣтомъ 1816 года. Тетка М. А. Воронцова осталась у насъ до конца лѣта и вмѣстѣ съ нами поѣхала осенью въ Петербургъ. Дорогой, на одномъ постояломъ дворѣ, случилось со мною приключеніе, о которомъ не стоило бы упоминать, если бы оно не служило доказательствомъ, какъ строго требовалась отъ насъ вѣжливость съ нашею прислугою. Когда я сталъ обуваться, карликъ Ѳединька, мой полу-камердинеръ и полу-компаніонъ, настаивалъ, чтобы я надѣлъ шерстяные чулки (такъ какъ была уже осень), а не бумажные, какъ я хотѣлъ. Я ему закричалъ: „что ты умничаешь“, и болѣе ничего; но я произнесъ эти слова съ раздраженіемъ. Графиня Марія Артемьевна донесла моей матери, что „le petit donne des airs“ (мальчикъ дозволяетъ себѣ важничать). Ну и досталось мнѣ за это! По дорогѣ въ Петербургъ я всегда ждалъ съ нетерпѣніемъ проѣзда черезъ Тверь

и Валдай, потому что въ первомъ изъ этихъ городовъ карету нашу окружали торговки съ полужидкою красною пастилою въ ящикахъ, а во второмъ съ баранками и кренделями. Промышленность эта, какъ и Пожарскія котлеты въ Торжкѣ и вкусная форель въ Яжелбицахъ, исчезла съ желѣзною дорогою.

Въ Петербургѣ мы занимали домъ Демидова на Гороховой улицѣ, черезъ одинъ или два дома отъ Каменнаго моста на Екатерининскомъ каналѣ.

Въ Мартѣ 1817 года мнѣ минуло 10 лѣтъ, но къ ученію меня тогда еще не принуждали. Русскому языку насъ училъ живши для этого у насъ въ домѣ нѣкто г. Левицкій (не авторъ-ли онъ Русской грамматики, изданной около этого времени или немного позднѣе?), а Французскому и Географіи, г. Жиллѐ, который, послѣ кампаній 1813 и 1814 годовъ, перешелъ въ лѣсное вѣдомство и носилъ обще-армейскій мундиръ съ краснымъ воротникомъ. Въ Демидовомъ домѣ рекреаціонная наша комната была длинная галлерея съ оранжерейными сплошными рамами, а въ концѣ ея двѣ ступеньки вели въ глухую полу-ротонду съ огибавшимъ ее диваномъ, расписанную клеевыми красками въ подражаніе внутренности бесѣдки съ колоннами, а въ промежуткахъ ихъ пестрѣлись кусты яркихъ розъ, сирени и другихъ растеній, всѣ въ полномъ цвѣтеніи. Тогда еще были въ ходу аляпистыя (по большей части) изображенія по стѣнамъ густаго лѣса въ настоящемъ почти размѣрѣ и разные ландшафтные виды. У помѣщиковъ средней руки этими сюжетами расписана была обыкновенно столовая, и въ большинствѣ, конечно, случаевъ кистью своихъ доморощенныхъ живописцевъ-самоучекъ.

Дѣтскими моими товарищами были: Владиміръ Сергѣевичъ Толстой, сынъ Елены Петровны, друга моей матери; оба сына князя П. М. Волконскаго, Дмитрій и Григорій, старшіе сыновья графа (тогда еще не князя) Виктора Павловича Кочубея, Андрей (вскорѣ послѣ умершій) и Левъ; троюродный мой братъ, баронъ Павелъ д'Огеръ, сынъ генерала Жомини (онъ былъ много моложе насъ, и потому и также по его росту, мы его звали, „le petit Jomini"), князь Василій Николаевичъ Репнинъ, оба братья Станкеры (учившіеся во Французскомъ пансіонѣ Курнана), Оттонъ Брей, сынъ тогдашняго Баварскаго посланника*), двое сыновей Грека г. Калерджи, и молодые Алексѣй и Эма-

*) Въ 40-хъ годахъ онъ самъ былъ Баварскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ. Его жена была Неаполитанка, княжна Дентичи.

нуэль Сенъ-При. Подругою въ дѣтскихъ моихъ играхъ была также графиня Ольга Павловна Строгонова (впослѣдствіи графиня Ферзенъ), а по воскреснымъ днямъ мы нерѣдко проводили вечера у ея матери, графини Софіи Владимировны. Великолѣпный этотъ дворецъ (у Полицейскаго моста), твореніе Растрелли, казался мнѣ, по наружной и внутренней его отдѣлкѣ, не уступавшимъ самому Эрмитажу. Подругами второй моей сестры Елисаветы были княжна Александра Петровна Волконская (впослѣдствіи Дурнова), Матильда Бетанкуръ (прелестная блондинка, дочь начальника инженерной части и путей сообщенія), три дочери графа Модена *) и Антоанетта Больвильеръ. Кто были родители послѣдней, и какое свѣтское положеніе они занимали въ Петербургѣ, не упомню.

Хотя мы дѣти не имѣли доступа въ гостиную, когда были вечерніе гости, и ложились спать по прежнему въ девять часовъ, но по природной у дѣтей наклонности разузнавать что̀ дѣлается и говорится у нашихъ „большихъ“, могу приблизительно сказать о кругѣ ихъ знакомства. Мать моя была особенно дружна съ графинею Маріею Васильевною Кочубей (урожденной Васильчиковой), съ которой она считалась въ дальнемъ родствѣ. Мать моя и ея сестры не иначе звали графиню Кочубей, какъ Машею, а воспитательницу ея, Наталью Кириловну Загряжскую (урож. графиню Разумовскую), какъ ma tante. Наталья Кириловна пользовалась полувѣковымъ значеніемъ въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ (наравнѣ съ княгинею Голицыною, „la princesse Voldemar“, иначе „la princesse Moustache“, матерью Московскаго генералъ-губернатора кн. Д. В. Голицына), и потому не мѣшаетъ сказать два слова о ней. Она, будучи еще фрейлиной, находилась на лодкѣ съ Петромъ III, когда несчастный Императоръ пытался спастись, переправляясь изъ Петергофа въ Кронштадтъ, въ 1762 году. А какъ властна, была Наталья Кириловна въ своемъ кружкѣ!...

Мать моя была также на короткой ногѣ, со времени первой ея молодости, съ Екатериною Алексѣевною Уваровой (позднѣе графиней) и съ княгинею Софіею Григорьевною Волконской (о ней не иначе говорили, какъ Софи) и часто видалась съ г-жей Тамара, Итальянкою, замужемъ за Грекомъ, бывшимъ на службѣ въ Россіи. Помню, что старикъ Тамара, будучи въ обществѣ, то и дѣло что грызъ кусочекъ ревеню, постоянно находившійся у него въ карманѣ. Бывали нерѣдко

*) Старшая изъ нихъ, Алина, вышла замужъ за Андрея Ивановича Пашкова, вторая, Софія, за князя Шаховскаго, а третья, Адель, не помню за кого. Была еще четвертая дочь, ребенокъ въ 1817 году.

у насъ князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ, князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ (сослуживецъ моему брату графу Петру Дмитріевичу по Главному Штабу и женившійся позднѣе на княжнѣ Маріи Аркадьевнѣ Суворовой), графъ Моденъ, генералъ-адъютантъ Уваровъ, прославившійся своимъ Французскимъ говоромъ, Андрей и Александръ Ивановичи Сабуровы (родные племянницы моего дяди Александра Ульяновича Тимофеева и тогда молодые офицеры въ лейбъ-гусарскомъ полку), князь Николай Григорьевичъ Репнинъ (братъ княг. С. Г. Волконской), и его жена, ур. графиня Разумовская (Репнины, впрочемъ, не постоянно тогда жили въ Петербургѣ), Левъ и Василій Алексѣевичи Перовскіе (также сослуживцы моего брата по Главному Штабу, иначе *чертежной*). Но особенно часто бывали у насъ и гостили иногда въ Бѣлкинѣ князья Ѳедоръ и Сергѣй Сергѣевичи Голицыны. Оба братья были даровитыми музыкантами; князь Ѳедоръ восхищалъ всѣхъ сладкозвучнымъ теноровымъ голосомъ, а князь Сергѣй Сергѣевичъ былъ недюженный композиторъ романсовъ, изъ которыхъ производилъ тогда фуроръ:

„Мой другъ, хранитель, ангелъ мой,
„О ты, съ которымъ нѣтъ сравненья“ и пр.

Слова были, какъ полагаю, Нелединскаго или Ханыкова, и даже теперь, по прошествіи болѣе полувѣка, музыкальная эта композиція поражаетъ своею мелодіею. Французскій переводъ этого романса

„Je t'aime tant, je t'aime tant,
„Je ne saurais assez le dire“,

былъ сдѣланъ двоюроднымъ моимъ братомъ Петромъ Адріяновичемъ Дивовымъ.

Кромѣ женъ почти всѣхъ названныхъ здѣсь лицъ, часто бывала у насъ Марія Павловна Суморокова, рыжеволосая и зрѣлая уже тогда дѣвица. Помнится мнѣ, что она недурно пѣвала романсы, акомпанируя себя на фортепіанѣ, и жила она издавна въ домѣ вышеупомянутаго князя Ѳедора Сергѣевича Голицына. Въ составъ общества моей матери входили также Дмитрій Васильевичъ Васильчиковъ и жена его Аглая, графъ Лаваль, женатый на богачкѣ Козицкой, графъ Литта (Итальянецъ), женатый на графинѣ Скавронской (послѣдней изъ этого рода), и графъ Ксаверій де-Местръ.

Отецъ мой ограничивалъ по прежнему близкое свое знакомство. Многіе однакоже навѣщали его въ его кабинетѣ, въ числѣ ихъ нумизматъ Келлеръ и гравёръ Англичанинъ Сандерсъ, издававшій тогда Картинную Галлерею Эрмитажа и поселившійся позднѣе во Флоренціи.

Приведу образчикъ Французскаго говора курчаваго генерала Уварова. Въ наше время его плохое знаніе этого языка прошло бы мало замѣченнымъ, но тогдашнее общество ставило какъ бы въ преступленіе своему сочлену неумѣніе выражаться правильно на Расиновомъ и Вольтеровомъ языкѣ. На одномъ смотру послѣ Тильзитскаго мира, въ честь Наполеона, Французскій императоръ, пораженный видомъ и выправкою кавалергардскаго полка, спросилъ имя полковаго командира. „Je. sire“, выскочилъ съ отвѣтомъ Уваровъ. „Ти“, шутливо подхватилъ Наполеонъ. „И“. довершилъ въ свою очередь Александръ Павловичъ, указывая на своего генералъ-адъютанта, такъ что повторились всѣ три первыя мѣстоименія грамматики. Онъ же, въ военное время, обратился однажды къ своему адъютанту или ординарцу съ приказаніемъ: „Donnez-moi ma pipe“, а такъ какъ ему подали курительную трубку. „Non, pas celle-là“, отвѣчалъ онъ. „mais ma pipe pour l'oeil“. Сказываютъ также, что, собравъ офицеровъ своего полка и удивленный ихъ молчаніемъ послѣ того какъ онъ изложилъ дѣло, о которомъ желалъ знать ихъ мнѣнія, онъ выразился будто бы: „Что такое господа? Я слышу молчаніе“. Когда, въ первомъ десятилѣтіи нынѣшняго вѣка, графъ Головкинъ отправлялся посломъ въ Китай, то генералъ Уваровъ спросилъ его. „Vous partez donc pour le Kitai“. А графъ Головкинъ, также хорошо говорившій по-русски, какъ Уваровъ по-французски, отвѣчалъ ему: „Да, я ѣду въ Хину“ (en Chine).

Приблизительно назвать также могу составъ дипломатическаго корпуса въ началѣ 1817 года. Посломъ короля Людовика XVIII былъ герцогъ де-Ноайль (duc de Noailles), бывавшій по вечерамъ у моей матери. Англійскимъ—лордъ Каткартъ, а секретаремъ при немъ состоялъ г. Странгвейсъ (Strangways), въ обществѣ прозванный Стренжвейсъ (Strange-ways). что̀ значитъ со странными манерами. Австрійскимъ посланникомъ былъ графъ Лебцельтернъ, женатый на дочери вышеупомянутаго графа Лаваля [1]). Его я никогда не видалъ и на врядъ ли бы зналъ объ его существованіи, если бы онъ не имѣлъ привычки безсознательно дѣлать гримасы, какъ и я самъ въ дѣтствѣ, и мнѣ все твердили, что я сдѣлался вторымъ графомъ Лебцельтерномъ. Неаполитанскимъ представителемъ былъ герцогъ де Серра-Капріола, женившійся въ Петербургѣ на княжнѣ Вяземской, дочери Екатерининскаго генералъ-прокурора [2]). Сардинскимъ былъ, съ самаго начала вѣка,

[1]) Этотъ графъ Лаваль не только не имѣлъ ничего общаго съ древнею фамиліею графовъ Лавалей-Монморанси, но оспаривали и его титулъ, и самую его фамилію. Въ 40-хъ годахъ онъ былъ главнымъ начальникомъ иностранной цензуры.

[2]) Дочь герцога Серра-Капріола вышла замужъ за графа Степана Ѳедоровича Апраксина.

графъ Іосифъ де-Местръ. Въ письмѣ къ кому-то изъ заграничныхъ своихъ корреспондентовъ онъ весьма сдержанно и безъ всякаго раздраженія говоритъ объ изгнаніи Іезуитовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ, что эта правительственная мѣра наноситъ вредъ господствующей въ Россіи церкви: ибо „*Іезуиты охраняли ее отъ протестантскихъ захватовъ*“. Каковъ парадоксъ! Сынъ его, графъ Родольфъ, вышелъ изъ нашей службы въ 1817 году и поступилъ въ Сардинскую. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ сватался за старшую мою сестру Марію Дмитріевну (которой было уже 22 года), но почему-то этотъ бракъ не состоялся, развѣ потому, что не имѣлась еще тогда въ виду наша эмиграція изъ Россіи. Предметомъ моей дѣтской зависти были Андрей и Александръ Ивановичи Сабуровы, когда они пріѣзжали къ намъ въ полной формѣ лейбъ-гусарскаго полка*).

По отголоскамъ до насъ дѣтей доходившимъ о разговорахъ у *большихъ*, узналъ я, что критиковали часто все, что̀ ни дѣлалось въ Россіи: но это никакъ не мѣшало этому обществу, а преимущественнѣе дамамъ, находиться подъ обаяніемъ личности Императора. Въ глазахъ ихъ Александръ одинъ олицетворялъ всю Россію; онъ былъ идеаломъ совершенства, и всю внутреннюю неурядицу ставили въ вину однимъ его министрамъ и фаворитамъ. Гордіевъ узелъ весьма легко такимъ образомъ разсѣкался.

Изъ подъ наставничества Французскихъ эмигрантовъ и эмигранток Русское юношество поступало въ родительскіе салоны съ воззрѣніями, привычками и свѣдѣніями вовсе не-русскими. А что̀ до современныхъ мнѣ, любой мальчикъ или дѣвочка умѣли разсказать, какъ менестрель Блондель освободилъ Англійскаго короля Ричарда Львиное Сердце изъ полона Германскаго императора, или о томъ, какъ несчастный малолѣтній дофинъ, сынъ Людовика XVI, посаженъ былъ въ тюрьму „du Temple“ и оттуда отданъ въ ученіе злому Парижскому сапожнику по имени Симону; или какъ Англійскіе малолѣтніе принцы, Карлъ и Яковъ Стюарты, укрылись на дубѣ отъ преслѣдовавшихъ ихъ Кромвелевскихъ шаекъ; но о томъ, что былъ нѣкогда на Руси мужикъ Сусаннинъ, положившій свою жизнь для спасенія родоначальника царствующаго нынѣ дома, наврядъ ли одинъ или много, два изъ пятидесяти дѣтей, слыхали тогда. Да и о героѣ Куликовской битвы были у нихъ, пожалуй, темныя лишь понятія; развѣ что читывали въ театральныхъ афишахъ, что въ такой-то день дана будетъ трагедія г. Озерова „Дмитрій Донской“. Спѣшу однако оговорить, что я, будучи

*) Андрей Ивановичъ Сабуровъ, милліонеръ, умеръ въ 1866 году. Александръ Ивановичъ живъ.

восьми лѣтъ, читалъ съ моею матерью Французскую исторію Россіи Левека, а позднѣе 10 или 11 лѣтъ, во Флоренціи, началъ читать Карамзинскую съ Русскимъ моимъ учителемъ г. Ивановымъ. Это по части исторіи; а что до всеобщей исторіи церкви, дѣтямъ извѣстно было, что въ среднихъ вѣкахъ появились въ нѣдрахъ Римской церкви два ересіарха. Лютеръ и Кальвинъ, основатели многолюдной секты; но не слыхивали они, что немного ранѣе того времени былъ Московскій и всея Руси митрополитъ Исидоръ, предатель православной церкви, въ угодность папѣ. Одна дама высшаго этого круга повторяла стихъ изъ какой-то Французскій трагедіи:

La patrie est aux lieux. où l'âme est engagée *).

Вотъ плоды Петровской реформы! Цѣлое столѣтіе прошло, прежде чѣмъ вызваны были въ жизнь Русскія воззрѣнія.

Мать моя, какъ и прочія дамы ея круга, обожала императора Александра съ увлеченіемъ и энтузіазмомъ, нынѣ непонятными. Однажды, зимою съ 1816 на 1817 г., когда я гулялъ съ нею по Фонтанкѣ, намъ повстрѣчался Государь, совершавшій то, что аристократическія его поклонницы звали „la promenade de l'Empereur". Зная заранѣе его маршрутъ, онѣ старались попасть на встрѣчу ему. Государь ежедневно почти ходилъ отъ Зимняго дворца по всему Невскому проспекту и, пройдя Аничковъ мостъ, поворачивалъ на лѣво по набережной Фонтанки до Прачешнаго моста, а оттуда по Невской набережной, мимо Лѣтняго сада, возвращался во дворецъ. Въ описываемый случай, онъ остановился разговаривать съ моею матерью и, замѣтивъ, что я стоялъ съ открытой головою, собственноручно надѣлъ мнѣ на голову мою шляпу съ перомъ (à la Henri IV). Помню, какъ я этимъ гордился. Во время подобной-ли прогулки, или гдѣ нибудь на вечерѣ во дворцѣ, не знаю, но извѣстно мнѣ изъ позднѣйшихъ разсказовъ моей матери, что онъ ей сказалъ (конечно по французски): „Знаю, что мужъ вашъ меня не любитъ; но за что, не знаю". Если дѣйствительно мой отецъ недолюбливалъ Александра Павловича (чего, впрочемъ, утвердительно сказать не могу), то угадываю, что это могло быть вслѣдствіе живой симпатіи его къ особѣ императрицы Елисаветы Алексѣевны, не особенно счастливой. Однажды въ семейномъ нашемъ кругу зашла рѣчь о событіи 11 Марта 1801 года, и помню, что отецъ мой воскликнулъ съ негодованіемъ: „А убійцы остались безъ наказанія!" Правдивость была отличительною чертою моего отца.

По поводу энтузіазма, возбуждаемаго и дома, и за границей

*) Отечество тамъ, гдѣ занята душа.

императоромъ Александромъ вспоминаю начало теперь забытой оды слѣпца поэта Делиля, которую оду и мы пѣвали:

J'ai vu la gloire de ce prince,
Sortir avec lui du berceau.

Разсказывали въ то время, что какая-то барыня, удостоившаяся царскаго поцѣлуя на пухленькой ея ручкѣ (извѣстно, что Государь былъ рыцарски любезенъ съ прекраснымъ поломъ), въ продолженіи нѣсколькихъ дней не хотѣла умывать этой счастливѣйшей длани.

По воскреснымъ днямъ и большимъ праздникамъ мать наша возила насъ къ обѣднѣ въ Зимній дворецъ, а иногда въ домовую церковь графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго въ его домѣ съ обширнымъ прекраснымъ Англійскомъ садомъ на Фонтанкѣ, между Семеновскимъ и Чернышовымъ мостами, а садъ доходилъ до Владимирской площади. Домъ графа Разумовскаго былъ деревянный, длинный, одноэтажный съ подъѣзднымъ передъ нимъ дворомъ и со службами по бокамъ. Все это вмѣстѣ имѣло видъ болѣе помѣщичьей усадьбы, нежели городскаго жилища вельможи, а въ саду былъ даже порядочный весьма прудъ. Въ домѣ была отборная картинная галлерея, изъ которой отчетливо врѣзалась въ моей памяти картина славнаго тогда Француза Жерарда, изображавшая странствующаго слѣпца Велизарія во весь ростъ, съ умирающимъ отъ укушенія змѣи мальчикомъ, съ его вожакомъ, лежавшимъ на плечѣ нищенствующаго Велизарія. Картина эта была гравирована. Графъ А. К. Разумовскій былъ отецъ четырехъ братьевъ Перовскихъ и графини Анны Алексѣевны Толстой, матери даровитаго нынѣшняго нашего поэта, графа Алексѣя Константиновича Толстаго.

Бывали мы также съ матерью раза два у обѣдни у князя Александра Николаевича Голицына, въ его домѣ, также на Фонтанкѣ, но гораздо ниже Разумовскаго дома, насупротивъ Михайловскаго замка. Помню, что вся церковь освѣщалась единственнымъ окномъ въ глубинѣ алтаря, и въ этомъ почти мракѣ слышались голоса невидимыхъ пѣвцевъ, изъ за глухой гдѣ-то стѣны. Все это носило отпечатокъ таинственности, и я теперь догадываюсь, что оно имѣло аллегорическое значеніе, соотвѣтствовавшее настроенію хозяина храмины — мистика. Этимъ хотѣлъ онъ, быть можетъ, выразить, что единственный свѣтъ происходитъ изъ свѣтила церкви, а хвала Творцу раздается голосами невидимыхъ существъ, обитающихъ въ воздушномъ пространствѣ. Въ моемъ юношествѣ я не обращалъ вниманія на это прозвище „папы“, данное моимъ отцемъ князю А. Н. Голицыну, какъ оберъ-прокурору Синода и министра духовныхъ дѣлъ, но теперь понимаю болѣе глубо-

кое и грустное его значеніе, какъ примѣняющееся къ казеннымъ церковной нашей администраціи, граничащей съ цезаро-папизмомъ. Часто упоминаемый мною графъ де-Местръ говоритъ гдѣ-то въ своихъ письмахъ, что были въ то время въ Петербургѣ люди, которые полагали, что князь А. Н. Голицынъ духовникъ Императора.

Въ дополненіе въ характеристикѣ тогдашнихъ обычаевъ высшаго общества упомянуть слѣдуетъ, что на курившаго молодаго человѣка смотрѣли почти также, какъ мы теперь смотримъ на пьяницу. Роковой, много значущій тогда приговоръ, „mauvais genre. il pue la pipe", раздавался надъ нимъ. Мать моя сильно негодовала на роднаго племянника Дивова, офицера гвардейской пѣшей артиллеріи, за то, что онъ курилъ, да и то только у себя дома, въ кругу товарищей. А такъ какъ табачный запахъ проникалъ въ мундиръ, то курящая молодежь, предпочитая свой товарищескій кругъ, все болѣе и болѣе удалялась отъ салоннаго общества, и это-то самое удаленіе ставилось въ упрекъ. Куреніе въ обществѣ получило право гражданства не прежде какъ съ 30-хъ годовъ, да и то не повсемѣстно. А когда я гостилъ съ моимъ наставникомъ г. Слоономъ у тетки графини Чернышовой въ ея Орловскомъ имѣніи г. Тагинѣ, лѣтомъ 1825 года, то она, узнавъ, что я курю у себя въ комнатѣ и на воздухѣ, очень журила меня за то, и на мою ссылку на куреніе, какъ на облегчающее средство экспекторація мокроть, накопляющихся у меня по утрамъ, тетка отвѣчала: „Такъ ты лучше уже прими рвотное". Въ томъ же году, когда я возвратился во Флоренцію и привезъ запасъ ароматическаго Турецкаго табаку, съ трудомъ вывезеннаго изъ Россіи, то мать моя отняла у меня весь этотъ запасъ, хотя мнѣ уже шелъ тогда 19-ый годъ.

Во время этого нашего пребыванія въ Петербургѣ, часто бывала у насъ Француженка графиня Разумовская, урожденная баронесса де-Мальцанъ. Она была первая и единственная признанная въ Россіи законная жена графа Григорія Кириловича Разумовскаго, женившагося на ней въ послѣднихъ еще годахъ прошлаго столѣтія. Онъ покинулъ ее и женился (должно быть гдѣ-то за границей), въ 1805 году, на другой, имени которой не знаю*). Отъ этого, втораго, непризнаннаго въ Россіи брака, была у него дочь Елисавета, взятая на воспитаніе теткою ея, графинею Маріею Григорьевною Разумовскою (урожденною княжною Вяземскою и женою графа Льва Кириловича Разумовскаго), и ею выданная замужъ за Датчанина барона Мольтке. Отъ этого же непризнаннаго въ Россіи брака было у графа Григорія Кириловича два

*) За второй свой бракъ графъ Григорій Кириловичъ Разумовскій подвергся анаѳемѣ, указомъ Синода.

сына, которые поселились въ Австріи, приняли тамошнее подданство и были тамъ признаны какъ графы Разумовскіе. Одинъ изъ нихъ поступилъ тамъ въ военную службу. Покинутая мужемъ Француженка графиня Генріетта Разумовская поселилась въ Парижѣ, гдѣ ее звали „la comtesse Rose musquée“ *).

Въ Іюнѣ или Іюлѣ мѣсяцѣ 1817 года привезена была въ Петербургъ высоконареченная невѣста Николая Павловича, Прусская принцесса Луиза Шарлотта, на церемоніальный въѣздъ которой мы смотрѣли изъ оконъ дома Католической церкви, что̀ на Невскомъ проспектѣ. Спустя нѣсколько времени, тетка Марія Артемьевна разсказывала намъ подробности церковной церемоніи обращенія въ православіе этой принцессы Александры Ѳеодоровны, и говорила, что новая Русская великая княжна была восхитительно хороша, съ распущенными по плечамъ волосами, въ длинной сорочкѣ и со свѣчей въ рукѣ.

Я уже говорилъ, что со времени кончины канцлера графа Александра Романовича Воронцова, въ 1805 году, отецъ нашъ началъ страдать припадками астмы, которые усилились до такой степени, что, по совѣту медиковъ, онъ долженъ былъ рѣшиться переѣхать на жительство въ теплый климатъ, и вотъ почему, вмѣсто того, чтобы отправиться намъ на лѣто въ Бѣлкино, какъ мы всегда дѣлали, съ весны 1817 года начались приготовленія къ отъѣзду въ Италію. Трудно опредѣлить, какъ думали въ то время наши родители о срокѣ своего отсутствія изъ Россіи; предполагаю, однакоже, что въ первое время нашего переселенія во Флоренцію вопросъ не былъ еще рѣшеннымъ. Позднѣе, когда опытъ доказалъ плодотворное дѣйствіе климата на здоровье моего отца, родители перестали мало по малу думать о возвращеніи въ отечество. Одно однакоже вѣрно: если бы нашъ отецъ продолжалъ оставаться въ Россіи, то на врядъ ли бы жизнь его продлилась двѣнадцать лѣтъ, какъ случилось во Флоренціи.

Передъ самымъ нашимъ выѣздомъ изъ Петербурга, отецъ мой былъ пожалованъ въ сенаторы; но онъ только одинъ разъ надѣлъ красный мундиръ, чтобы поѣхать во дворецъ поблагодарить Государя за оказанную ему милость. Братъ мой продолжалъ служить въ *чертежной* (т. е. въ Главномъ Штабѣ). О занятіяхъ тамъ разсказывали, что для практики, или за неимѣніемъ особенно важной работы, пришлось молодымъ людямъ однажды чертить планъ Сициліи. Братъ мой, отличавшійся веселымъ нравомъ и услужливостію, былъ общимъ фаворитомъ въ Петербургскомъ обществѣ и неутомимымъ танцоромъ на балахъ, гдѣ почти всегда дирижировалъ танцами.

*) Подобно тому, какъ звали въ Парижѣ графа Ростопчина „le comte Rose-tonchien“.

Старшій изъ двоюродныхъ моихъ братьевъ Дивовыхъ, Петръ Адріяновичъ, продолжалъ службу по дипломатической части; онъ былъ секретаремъ Парижскаго посольства, когда нашими представителями тамъ были князь Тюфякинъ*) и князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, и оставался секретаремъ послѣ реставраціи Людовика XVIII, но до званія посланника или министра онъ никогда не дошелъ. Около 1820 года онъ женился въ Парижѣ на женщинѣ низкаго свѣтскаго положенія и уже немолодой, за что отецъ мой вознегодовалъ на него. Дѣтей, ни прежде, ни послѣ этого брака, у Петра Адріяновича не было, и онъ вскорѣ послѣ женитьбы разъѣхался на всегда съ своею женой, передавъ ей во владѣніе купленную имъ дачу въ Шантильи (въ окрестностяхъ Парижа).

Были въ тѣ времена балы каждое Воскресеніе у доживавшаго свой вѣкъ въ Москвѣ, графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго, въ его домѣ Нескучнаго сада, что̀ теперь Александринскій дворецъ. Молодой Дивовъ отправлялся каждое Воскресеніе утромъ изъ родительскаго дома (въ концѣ Большой Дмитровкѣ, черезъ домъ отъ Страстнаго бульвара) и, захвативъ съ собою князя Ѳедора Сергѣевича Голицына (пѣвца и одного изъ первыхъ Московскихъ львовъ), оба дѣлали рядъ визитовъ, начиная съ нашего дома и прочихъ въ аристократической Нѣмецкой слободѣ съ Басманными улицами включительно; оттуда они заѣзжали къ знакомымъ въ центрѣ города, а вечеромъ мѣняли уставшихъ лошадей, для чего подстава ожидала ихъ у Никитскихъ (или Арбатскихъ) воротъ, и они направляли дальнѣйшій свой путь къ Калужской заставѣ (черезъ Крымскій бродъ), на балъ къ графу А. Г. Орлову. На этихъ балахъ, ужинъ, сервированный до 11 часовъ непремѣнно, весь состоялъ изъ домашней провизіи, ветчины, баранины, куръ, гусей и пр., приправленный домашними напитками, квасами, настойками, наливками и медами; иностранные виноградные напитки были исключены. Если при боѣ 11 часовъ ужинъ не кончался, то хозяинъ дома уходилъ на хоры къ музыкантамъ, и оттуда самъ трубилъ изъ рога сигналъ гостямъ разъѣзжаться по домамъ, что̀ раболѣпно исполнялось ими.

„Вотъ какъ жили
Наши дѣды и отцы“.

Безцеремонность хозяина не уступала нецеремонности гостей. Попробовалъ бы кто выкинуть подобную штуку въ наше время? Это почище выходки Сергѣя Павловича Сумарокова (тогда еще не графа),

*) Остроты Парижанъ не оставляли въ покоѣ и князя Тюфякина. О немъ говорили, qu'en Russie *tout faquin* est prince (всякій шутъ—князь).

отпустившаго оркестръ прежде настоящаго конца бала, то-есть во время ужина, когда у него были нѣкоторые члены Императорской фамиліи, и къ немалому „désappointement“ великой княгини Маріи Николаевны, пожелавшей еще танцовать послѣ ужина*).

Александръ Адріановичъ Диковъ, поступившій въ Вашингтонѣ въ Іезуитскій коллегіумъ, занимался тамъ (на сколько я могъ понять изъ его разсказовъ, хотя онъ неохотно говорилъ о Іезуитской своей жизни) элементарнымъ преподаваніемъ Англійскаго языка.

Въ семействѣ Диковыхъ былъ на интимной ногѣ иностранецъ амфибической національности, Левъ Андреевичъ Лебрюнъ (Lebrun), съ которымъ мы повстрѣчаемся много позднѣе. По его фамиліи онъ казался Французомъ, а мать его была Итальянка; самъ же онъ родился въ Римѣ и воспитывался въ Мюнхенскомъ кадетскомъ корпусѣ. Какихъ лѣтъ и по какому случаю попалъ онъ въ Россію и въ нашу службу, не знаю: но въ концѣ прошлаго вѣка и въ началѣ настоящаго онъ былъ офицеромъ въ Переяславскомъ конно-егерскомъ полку и ординарцемъ при Суворовѣ въ Тульчинѣ, гдѣ находилась тогда главная квартира. Послѣ Отечественной войны онъ перешелъ въ штатскую службу чиновникомъ при князѣ Н. Г. Репнинѣ, тогда Малороссійскимъ генералъ-губернаторѣ, а впослѣдствіи онъ служилъ при Эрмитажѣ помощникомъ директора одного изъ двухъ отдѣленій Эрмитажа, г. Лабинскаго, и умеръ въ 1853 или 1854 году.

Такъ какъ разсказъ мой приближается ко времени разставанія нашего съ отечествомъ и со всею нашею роднею, то не будетъ неумѣстнымъ перечислить здѣсь съ кѣмъ мы находились въ родствѣ болѣе отдаленномъ, чѣмъ то, о которомъ я говорилъ въ 1-й главѣ. Начну съ семейства Полянскихъ. Графиня Елисавета Романовна Воронцова, извѣстная любимица Петра III и сестра графовъ Семена и Александра Романовичей, княгини Е. Р. Даниловой и моей бабки графини Маріи Романовны Бутурлиной, была замужемъ за Александромъ Александровичемъ Полянскимъ. У нихъ были сынъ Александръ и дочь. Первый женился на дѣвицѣ Рибопіеръ, а дочь вышла за Голандца барона д'Огеръ. У этаго А. А. Полянскаго, женатаго на Рибопіеръ, было два сына и три дочери; изъ послѣднихъ Елисавета вышла замужъ за Зыбина, Екатерина за Леонтьева, а Софія за Устинова. Баронесса д'Огеръ, будучи еще фрейлиной, участвовала въ хорѣ пѣвицъ на празднествѣ, данномъ княземъ Г. А. Потемкинымъ въ его домѣ, что̀ нынѣ Таврическій дворецъ. У нея было трое дѣтей: сынъ Павелъ и двѣ дочери,

*) Добродушная и привѣтливая со всѣми, императрица Александра Ѳедоровна (не бывшая на этомъ балѣ) приказала поблагодарить Сергѣя Павловича за это его распоряженіе, благодаря которому балъ кончился не очень поздно.

изъ которыхъ Александра Васильевна вышла замужъ за Синявина, а Елисавета Васильевна за барона Мейндорфа. Баронесса д'Огеръ имѣла привычку повторять послѣднія слова фразъ или послѣдніе слоги словъ, и о ней разсказывали, будто бы однажды, въ разговорѣ о своемъ мужѣ съ императоромъ Александромъ, она выразилась: „Le baron—ron gagne beaucoup à etre connu—nu“, въ дополненіе чего злые языки присовокупляли: „et la baronne d'Hoguère—guères“.

Роднею также считались намъ по нашей матери, а также и по графинѣ Е. П. Чернышовой (Кваснинной-Самариной), два брата князья Черкасскіе-Бековичи, и вотъ почему. У Петра Ѳедоровича Кваснина-Самарина, кромѣ его сестры графини Прасковьи Ѳедоровны Воронцовой (моей бабки по матери), была еще другая сестра, вышедшая за Овцына. У этой г-жи Овцыной была дочь Варвара Николаевна, которая вышла замужъ за князя Дмитрія Александровича Черкасскаго-Бековича; слѣдовательно она приходилась двоюродною сестрой моей матери и графинѣ Чернышовой. Изъ двухъ сыновей этой княгини Варвары Николаевны Черкасской князь Петръ Дмитріевичъ женился на Маріи Семеновнѣ Аладьиной и былъ въ 50-хъ годахъ Симбирскимъ губернаторомъ, а другой (имени котораго не помню) былъ совершенно слабоумный и умеръ бездѣтнымъ. По семейнымъ преданіямъ знаю, что вышеупомянутому г. Овцыну дано было прозвище „дядюшка-бычекъ“, по причинѣ любимой имъ темы разговора о какомъ-то особенно породистомъ его бычкѣ. И онъ также попалъ въ семейную нашу карикатурную книгу даровитаго нашего буфетчика Ивана Бѣшенцова.

Исленевы также считались троюродными моей матери съ Воронцовской стороны. Одна изъ нихъ воспитывалась у княгини Е. Р. Дашковой и вышла замужъ за Малиновскаго (того самаго, что былъ директоромъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ).

Ни одна изъ моихъ сестеръ не попала во фрейлины, хотя старшей было въ 1817 году болѣе двадцати лѣтъ: обстоятельство довольно замѣчательное. Я узналъ позднѣе (отъ посторонней хотя особы, но въ правдивости которой не имѣю повода сомнѣваться), что кто-то изъ вліятельныхъ при дворѣ и родственныхъ намъ лицъ хлопоталъ о томъ, но что Александръ Павловичъ отозвался, что заслуги родителя нашего не на столько значительны, чтобы дочь его удостоилась этаго почета. А вѣдь нашъ отецъ былъ тайный совѣтникъ, камергеръ, сенаторъ и не вчерашняго графскаго рода, не говоря уже о томъ, что онъ пріобрѣлъ Европейскую извѣстность своею ученостію и библіографическими занятіями, назначенъ былъ два раза въ посланники и былъ директоромъ Эрмитажа. Впрочемъ, въ доказательство разборчивости, съ которою назначались тогда фрейлины, приведу примѣръ графини

Натальи Викторовны Кочубей (вышедшей впослѣдствіи за графа Александра Григорьевича Строгонова), получившей шифръ не ранѣе какъ въ 1818 году, между тѣмъ какъ ея отецъ былъ уже министромъ въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, и послѣ того, какъ молодая графиня уже давно выѣзжала въ свѣтъ. Кстати добавлю, что шифръ былъ врученъ ей самимъ Императоромъ на утреннемъ его визитѣ у графини Маріи Васильевны Кочубей. Вотъ какъ цѣнилось тогда это придворное званіе, а въ послѣдующемъ царствованіи мало того, что внучка князя П. М. Волконскаго, княжна Софія Дмитріевна (нынѣ княгиня Репнина) была сдѣлана фрейлиною еще въ колыбели, но тоже званіе получила (какъ я слышалъ) дочь какого-то танцмейстера, чуть-ли ни за одно хорошенькое ея личико. А быть можетъ также, что сестра моя была обойдена за неособенное расположеніе ея отца къ особѣ Императора.

Я упоминалъ о графинѣ Софіи Владимировнѣ Строгоновой, но мало говорилъ о ея дочеряхъ. Изложеніе дальнѣйшихъ о нихъ свѣдѣній, хотя и нарушаетъ хронологическій порядокъ моего разсказа, но оно необходимо для полноты моихъ Записокъ, такъ какъ я приступаю къ разсказу о переселеніи нашего семейства во Флоренцію. Наставницею меньшихъ графинь Строгоновыхъ (Елисаветы и Ольги Павловнъ) была старая Англичанка г-жа Рочфортъ, мать Осипа Осиповича, воспитаннаго вмѣстѣ съ моимъ братомъ, Александра Осиповича (впослѣдствіи бывшаго очень долго цензоромъ), Адольфа, тогда мальчика однихъ со мною лѣтъ и часто бывавшаго у насъ, и Генріетты, вышедшей за мужъ за Англичанина Леджерса. Графиня Наталья Павловна вышла замужъ за барона (впослѣдствіи графа) Сергѣя Григорьевича Строгонова. За графиню Аделаиду Павловну сватался въ 1820 или 1821 году мой братъ графъ Петръ Дмитріевичъ, но она отказала и предпочла князя Василія Сергѣевича Голицына (изъ такъ называемыхъ Голицыныхъ-Куликовъ); графиня Елисавета Павловна (по семейному прозвищу Бабетинька) вышла за свѣтлѣйшаго князя Ивана Дмитріевича Салтыкова (сына слѣпца), а меньшая графиня Ольга Павловна бѣжала тайкомъ изъ дома, чтобы обвѣнчаться (въ 1829 г.) съ молодымъ офицеромъ конно-гвардейскаго полка графомъ Ферзеномъ, и вскорѣ умерла въ родахъ.

Дополню кстати біографію хорошенькой собою Генріетты Рочфортъ, проживавшей одно время въ нашемъ семействѣ. Въ нее влюбился по уши сѣдовласый бывшій наставникъ моего и ея брата, П. П. Жилле и такъ настойчиво началъ преслѣдовать ее своею нѣжностію, что молодая дѣвушка не знала, какъ выйти ей изъ этого положенія. Съ одной стороны противно было ей сдѣлаться женою пятидесятилѣтняго ея обожателя, а съ другой не хотѣлось огорчить отказомъ

человѣка, котораго она привыкла почитать, и она ничего лучшаго не могла придумать, какъ уѣхать въ Англію, къ своимъ родственникамъ, хотя не самымъ близкимъ, тогда какъ мать и братья ея оставались въ Россіи. Тамъ она вскорѣ вышла замужъ по любви за одного соотечественника, Леджерса, но счастія съ нимъ не нашла и, возвратившись одна въ Россію, открыла (позднѣе) въ Петербургѣ женскій пансіонъ.

Вижу, что часто перескакиваю съ одного предмета къ другому, безъ всякой между ними связи; но что же дѣлать? Всего вдругъ припомнить не могу, а то, о чемъ вспомню по мѣрѣ какъ пишу, не помѣщается уже въ надлежащее мѣсто. Такъ на примѣръ, по поводу романическаго приключенія бѣдной моей дѣтской товарки графини Ольги Павловны Строгоновой съ графомъ Ферзеномъ, приключенія, произведшаго немалый скандалъ въ высшемъ обществѣ, мнѣ хочется сказать, что семейные скандалы были въ немъ рѣдкими исключеніями. О поразительномъ примѣрѣ графини Салтыковой, рожденной княжны Куракиной, бросившей своего мужа и при его жизни вышедшей замужъ за Петра Александровича Чичерина, говаривали еще по прошествіи десяти и болѣе лѣтъ. Были тогда уваженіе къ приличіямъ и стыдливость, и нравственное это направленіе держалось, какъ я слышалъ отъ современниковъ, вліяніемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, женщины строгихъ правилъ. Распущенность въ высшемъ обществѣ началась не ближе какъ въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годахъ, и со скорбію приходится замѣтить, что этотъ поворотъ совпадаетъ со временемъ, когда прежнее офранцуженное общество стало перерождаться въ Русское.

Для дальнѣйшаго моего воспитанія выписанъ былъ изъ Англіи съ весны, черезъ дядю моего отца, графа Воронцова, поселившагося въ Англіи еще съ XVIII вѣка, гувернеръ изъ католиковъ г. Слоанъ. Намѣренно или случайно выборъ палъ на человѣка Латинскаго исповѣданія, не знаю; но личность эта выходитъ изъ ряду обыкновенныхъ людей, и не мѣшаетъ заранѣе познакомить съ нею читателя. Онъ и по настоящее время въ живыхъ *), пользуется во Флоренціи всеобщимъ уваженіемъ и имѣетъ весьма значительное состояніе, пріобрѣтенное неусыпною дѣятельностію, при благопріятствовавшихъ ему обстоятельствахъ. Я много обязанъ этому человѣку: онъ вкоренилъ во мнѣ тѣ основныя понятія справедливости (житейскаго, такъ сказать правосудія), чест-

*) Это было написано въ 1867 году. Къ несчастію, Слоанъ почти скоропостижно скончался въ Октябрѣ 1871 года, оставивъ духовное завѣщаніе, по которому наслѣдникъ его обязывается продолжать платить мнѣ пенсіонъ въ 6000 франковъ (около 1720 р. сер.) до конца моей жизни. Онъ былъ однихъ лѣтъ съ моимъ братомъ, т.-е. родился въ 1794 году (Позднѣйшее примѣчаніе).

ности, уваженія къ самому себѣ, составляющія отличительную черту людей его націи, а нынѣ, въ общей нашей старости (говорю общей, хотя я на тринадцать лѣтъ моложе его), когда игрою судьбы я обѣднѣлъ, а онъ разбогатѣлъ, онъ подалъ мнѣ руку помощи самымъ деликатнымъ образомъ. Изъ боязни оскорбить мое самолюбіе, онъ черезъ двоюродную мою сестру и моего друга, Надежду Александровну Гавришенко, просилъ позволенія обезпечить меня значительнымъ ежегоднымъ денежнымъ пособіемъ, на томъ-де основаніи, что родители мои первоначальною дали ему возможность пуститься въ предпріятія, увѣнчанныя столь блистательнымъ успѣхомъ. Я съ надлежашею благодарностію принялъ предложеніе (это было осенью 1862 года), считая гордость неумѣстною въ моихъ обстоятельствахъ.

Въ продолженіе моего воспитанія, г. Слоанъ постоянно силился доказать мнѣ, что взгляды и причины нашихъ дѣйствій должны всегда истекать изъ логическихъ началъ. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ его ученія. Въ виллѣ Арена близъ Ливорно, гдѣ мы провели часть лѣта 1819 года, съ семействомъ Мальцовыхъ, рабатки дорожекъ въ цвѣтникѣ были усажены кустами ароматической лаванды, одну вѣтку которой я сорвалъ, какъ вещь вполнѣ незначущую. Наставникъ мой остановилъ меня, напоминая, что вещь эта была чужая; а на мое возраженіе, что порчи сàду отъ срыванія одной вѣтки не могло быть, что по множеству подобныхъ кустовъ похищеніе мое равнялось почти уменьшенію капли воды въ морѣ, онъ отвѣчалъ: „Все такъ, но дѣло тутъ въ основномъ началѣ. Вообразите себѣ, что здѣсь прошелъ бы отрядъ солдатъ и что каждый изъ нихъ, разсуждая какъ вы, сталъ бы обрывать лаванду; много ли бы осталось отъ нея въ саду?“ Не знаю, найдетъ ли кто этотъ выводъ преувеличеннымъ; но по мнѣ логика эта вполнѣ вѣрна. Была также у него поговорка, что не всѣмъ намъ дано совершать необыкновенныя дѣла и что мы должны исполнять обыкновенныя наши обязанности необыкновенно исправно *). Великій наблюдатель и мудрецъ бывалъ онъ въ наукѣ общежительности. Одна изъ свѣтскихъ его аксіомъ была, что если мы желаемъ, чтобы общество оставалось довольно нами, надо намъ вести себя такъ, чтобы наши собесѣдники оставались бы довольными самими собою. Немудренно, что съ такимъ кодексомъ онъ имѣлъ большіе успѣхи въ высшемъ обществѣ. А что воспитаніе мое было направлено немного односторонне, схоластично,

*) We are not called to go extraordinary things, but we are bound to do ordinary things extraordinary well.

по примѣру воспитанія сыновъ Британскихъ лордовъ, готовившихся къ парламенту, винить наставника моего не слѣдуетъ. Какъ его самаго воспитывали въ его коллегіумѣ, такъ направлялъ онъ и меня. Правда, что при моемъ вступленіи въ общество я былъ космополитомъ съ тщательнымъ свѣтскимъ образованіемъ, а не Русскимъ человѣкомъ, но это было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ семейной нашей обстановки, да еще на чужбинѣ. Оттѣнки ничего не значатъ въ сравненіи съ основными правилами, и я до гроба буду благословлять память этого человѣка за многое и многое, и особенно за то, что онъ, самъ будучи истиннымъ-католикомъ (хотя и не фанатикомъ), не внушалъ воспріимчивой моей душѣ никакихъ прозелитическихъ тенденцій и даже не употреблялъ *никогда* слова схизматикъ, говоря о нашемъ вѣроисповѣданіи; а потрясти мои религіозныя понятія ему предстояла всегда возможность. Конечно, тутъ на стражѣ стояла хорошо извѣстная ему непоколебимость моего отца въ преданности къ нашей церкви; но посмотрѣлъ-ли бы на это Французскій аббатъ изъ наставниковъ въ Россіи въ началѣ столѣтія? Личность этого человѣка обрисуется сама по себѣ въ дальнѣйшей моей хроникѣ, а пока довольствуюсь настоящимъ о немъ очеркомъ.

Доведя мой разсказъ до послѣднихъ дней семейной жизни въ отечествѣ, я какъ-то, съ намѣреніемъ или безсознательно, замѣшкиваюсь и прицѣпляюсь къ лишнимъ, быть можетъ, и маловажнымъ подробностямъ; а все это происходитъ отъ того, что, приступая къ періоду заграничной семейной нашей жизни, я какъ будто бы вторично покидаю любимый родной край, на неопредѣленное время.

По случаю выѣзда изъ Россіи отецъ нашъ упросилъ своего знакомаго, статсъ-секретаря Ѳедора Александровича Голубцова, взять на себя завѣдываніе всѣми нашими имѣніями и дѣлами, на что онъ согласился, хотя особенно короткихъ отношеній между ними не было. Главная контора всѣхъ имѣній учредилась въ Петербургѣ, куда всѣ управляющіе должны были относиться. Костромскимъ имѣніемъ очень долго до того завѣдывалъ Кинешемскій купецъ-старообрядецъ съ окладистою бородой и представительной наружности, Мокей Леонтьевичъ. Отецъ мой очень любилъ его, и когда Мокей Леонтьевичъ бывалъ въ Бѣлкинѣ, то отецъ мой сажалъ его рядомъ съ собою въ кабинетѣ и бесѣдовалъ съ нимъ по нѣскольку часовъ. Въ то самое время когда Ѳ. А. Голубцовъ принялъ на себя завѣдываніе нашихъ имѣній, Мокей Леонтьевичъ просился объ увольненіи его, на старости лѣтъ, отъ управленія

Костромскимъ имѣніемъ. Соглашаясь на его просьбу, отецъ нашъ вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ старика поселиться на всю остальную свою жизнь въ Порзнѣ, столь долго имъ управляемой съ пользою владѣльцу и съ благомъ для крестьянъ. Въ своемъ о томъ письмѣ отецъ мой говорилъ между прочимъ: То что̀ будетъ для меня Италія (т.-е. мѣсто безъ-заботнаго отдохновенія) будетъ, надѣюсь, для тебя моя Порзня", Управляющимъ туда былъ назначенъ даровитый буфетчикъ, рисовальщикъ и поэтъ, Иванъ Петровъ Бѣшенцовъ. Въ Бутурлиновку поступилъ съ предъидущаго еще (1816) года Кавецкій. Домашній нашъ учитель рисованія, г. Милліарини, не послѣдовалъ тогда за нами въ Италію, а оставался въ Петербургѣ до 1819 года, уже женатымъ съ 1815 или 1816 года, на дочери какого-то Русскаго (кажется) фабриканта. Между 1816 и 1817 г. онъ написалъ картину по данной ему программѣ Академіею Художествъ на степень академика, смерть Моисея, и эскизъ отъ нея остался въ Бѣлкинѣ, гдѣ я его видалъ много позднѣе у г.г. Обнинскихъ. Настоящей картины я не видалъ и не знаю, хранится ли она въ Академіи, но, судя по эскизу, картина эта не должна быть лишена нѣкотораго достоинства.

Дѣтскій мой компаніонъ Эдуардъ былъ отправленъ обратно въ Москву къ своему отцу, которому мать моя назначила ежегодное денежное пособіе за давнопрошедшее его нахожденіе дядькою при моемъ братѣ, во время его малолѣтства.

ЗАПИСКИ ГРАФА МИХАИЛА ДМИТРІЕВИЧА БУТУРЛИНА.

III *).

Отъ середины лѣта 1817 года до весны 1824 года.

Переѣздъ нашего семейства во Флоренцію.—Мое воспитаніе.—Пріѣздъ во Флоренцію великаго князя Михаила Павловича.—Постепенный переходъ въ латинство моей матери и моихъ сестеръ.—Поѣздка наша въ Римъ.—Женитьба моего брата.—Первый мой выѣздъ въ большой свѣтъ.—Отъѣздъ мой въ Одессу къ графу М. С. Воронцову.

Все лѣто 1817 года мы провели въ Петербургѣ въ томъ же Демидовомъ домѣ на Гороховой улицѣ; тамъ же начались приготовленія къ отъѣзду. Дорожные громоздскіе экипажи заказаны были у славившагося тогда каретника Іохима, и въ Августѣ мы тронулись съ мѣста. Поѣздъ состоялъ изъ двухъ каретъ, шестимѣстной и четырехмѣстной, коляски и брички съ кухонной посудою. Съ нами ѣхали оба камердинера моего отца, его лакей Ѳедоръ Красный (прилагательное это было дано ему въ отличіе отъ Ѳедора Бѣлаго, выѣзднаго лакея моей матери), бывшій нашъ дѣтскій истопникъ Дмитрій Ломовъ, возведенный при отъѣздѣ въ званіе лакея, столовый дворецкій Михаилъ Клеевъ и поваръ (оба послѣдніе возвратились назадъ изъ Радзивилова). Изъ женскаго персонала взяты были только Анна Степановна, старшая горничная моей матери и ея крестница, и наша няня Пелагея Филиповна. Отправлялась въ путь вся наша семья, въ томъ числѣ и братъ мой, получившій продолжительный отпускъ за границу, Катенька Леруа, г. Слоонъ и Англичанинъ докторъ Аббей, взятый въ Петербургѣ. Англійскіе медики были въ ходу при дворѣ и въ Петербургскомъ обществѣ (но отнюдь не въ Москвѣ) съ самыхъ временъ Екатерины. О медицинскихъ способностяхъ нашего эскулапа судить не могу; помню только, что онъ особенно обращалъ вниманіе на сторожевыхъ собакъ, которыхъ хозяева гостиницъ, гдѣ мы останавливались на ночлегъ, привязывали подъ наши экипажи, въ Австріи и Ломбардіи. Въ такихъ случаяхъ нашъ Британецъ почти всегда, при видѣ послѣдней собаки, всѣмъ заявлялъ, что эта была наизамѣчательнѣйшею собакою изо всѣхъ видѣнныхъ имъ дотолѣ.

---

*) См. выше, стр. 396.

Первый нашъ привалъ былъ въ Царскомъ Селѣ, во дворцѣ, въ отдѣленіи, занятомъ теткою граф. Маріею Артемьевною. Тетка водила насъ по дворцу и показывала намъ рѣдкость въ своемъ родѣ: комнату со стѣнами, оклеенными янтарными пластинками. Она ввела насъ также въ темную трибуну, въ видѣ театральной ложи, выходившую въ церковь; съ этой высоты члены императорской фамиліи слушали церковныя службы, совершавшіяся внизу. Не знаю, къ этой ли трибунѣ или къ подобной ей въ другомъ изъ дворцовъ относится то, что̀ мать разсказывала мнѣ позднѣе. На перилахъ трибуны случайно замѣтили начертанныя булавкою или другимъ остріемъ слова: «priez pour la malheureuse Catherine» [1]), написанныя будто самою Императрицею.

Мы подвигались весьма медленно, всегда съ ночлегами, а въ городахъ съ отдыхомъ по нѣскольку дней. Подобная остановка была въ Витебскѣ, гдѣ мы осматривали дворецъ кого-то изъ членовъ царской семьи, бывшаго тамъ начальствующимъ или генералъ-губернаторомъ [2]). По причинѣ ли сильнаго припадка удушія, схватившаго нашего отца на дорогѣ, между двумя станціями, или по другой, не помню, но мы разъ остановились ночевать за долго до солнечнаго заката, въ необитаемой усадьбѣ, близъ большой дороги, съ обширнымъ садомъ, куда мы дѣти стремглавъ побѣжали. Все вѣяло тамъ какъ бы любимымъ нашимъ Бѣлкинымъ: тотъ же просторъ въ саду, тѣже дорожки и кустарники, однимъ воспоминаніемъ которыхъ мы жили въ продолженіе знойнаго лѣта, въ первый разъ проведеннаго безвыѣздно въ Петербургѣ. И тутъ же былъ запустѣлый и неоштукатуренный снутри домъ, съ его мозговатымъ, какъ бы ванильнымъ запахомъ, свойственнымъ старымъ деревяннымъ жильямъ и напоминавшимъ намъ домикъ въ Самсоновѣ, куда въ лѣтніе вечера мы ѣзжали пить чай. Не подозрѣвали мы, конечно, что эта столь счастливая наша Бѣлкинская семейная жизнь безвозвратно погибла! Страннымъ, быть-можетъ, покажется, что затхлый запахъ, которымъ отзываются деревянные опустѣвшіе дома, я назвалъ ванильнымъ; но бываютъ какъ бы пародіи на благовонные запахи, иначе ароматическая карикатурность. Неужели никто не замѣчалъ, напримѣръ, что первое ощущеніе, которое для насъ производитъ куреніе вонючей махорки (солдатскаго тютюна), это какъ бы слабое напоминаніе фіалковаго запаха?

Въ Кіевѣ мы прожили съ недѣлю, но не въ гостиницѣ, а въ нанятомъ одноэтажномъ деревянномъ домѣ на Московской улицѣ. Мать

---

[1]) Молитесь за несчастную Екатерину.

[2]) Принца Александра Виртембергскаго? П. Б.

моя, сестры и я посѣтили лаврскія пещеры, и для насъ спускали чудотворную икону Успенія Пресвятыя Богородицы, вставленную въ иконостасъ въ Печерскомъ соборѣ надъ царскими воротами. Посѣтили мы также въ лаврѣ подвизавшагося престарѣлаго какого то схимника, чтимаго за святость его жизни и, если не ошибаюсь, за его прозорливость. Не пропускаю молчаніемъ ни одного изъ этихъ доказательствъ, какъ слаба была еще тогда прозелитическая наклонность въ моей матери и моихъ сестрахъ. Тутъ же сестры мои познакомились съ молодой и весьма интересной паломницею или монахинею, которую мать моя и сестры пригласили къ себѣ, и она нѣсколько разъ обѣдала у насъ, что́ меня тѣмъ болѣе удивило, что я никогда прежде не видалъ, чтобы монахиня была принимаема у насъ въ домѣ такъ дружественно. Еще одно обстоятельство, касающееся Кіевскаго нашего пребыванія, памятно мнѣ. Гуляя однажды вечеромъ со всѣмъ нашимъ семействомъ по дворцовому саду, мы встрѣтили прогуливавшагося съ женою знаменитаго по отечественной войнѣ генерала Раевскаго, командовавшаго въ 1817 году корпусомъ въ Юго-западномъ краѣ; штабъ его былъ въ Кіевѣ, и онъ жилъ съ семействомъ въ Елисаветинскомъ (тогда еще не сгорѣвшемъ) дворцѣ. Онъ шелъ на встрѣчу къ намъ и, подходя къ моей матери, бросилъ въ кусты чубукъ, изъ котораго курилъ, и какъ ни просила моя мать, чтобъ онъ продолжалъ курить, онъ ни за что не хотѣлъ этого сдѣлать.

Отецъ мой разсказывалъ намъ, что, въ бытность его молодымъ еще человѣкомъ въ Кіевѣ, узнавъ, что Печерскіе монахи увѣряли, будто пещеры простираются подъ самое дно Днѣпра, онъ доказалъ имъ невѣрность ихъ разсказовъ физическими своими инструментами.

Во время нашей дневки въ Житомирѣ вотъ что случилось. Надо знать, что въ кампанію 1813 года братъ мой тяжко заболѣлъ въ Житомирѣ, и его вылѣчилъ какой-то мѣстный врачъ. Этого врача братъ мой отыскалъ, привелъ и представилъ нашимъ родителямъ. У матери моей избытокъ чувствъ взялъ верхъ надъ свѣтскими приличіями, и при видѣ спасителя любимаго сына она бросилась ему на шею и заплакала. И какъ будто теперь вижу эту сцену, непонятную мнѣ тогда и немало даже меня удивившую.

Въ Радзивиловѣ мы прожили трое или четверо сутокъ. Наканунѣ переѣзда въ Австрійскія владѣнія, когда вся наша семья собралась къ ужину (поданному по случаю теплой погоды на дворѣ и при свѣчахъ), мать моя, замѣтивъ, что заготовлено было болѣе обыкновеннаго блюдъ, спросила у дворецкаго Михаила Александровича о причинѣ такой ро-

скоши: «А потому, ваше сіятельство», отвѣчалъ Клеевъ, «что это въ послѣдній разъ». Мать моя прослезилась, а онъ отвернулся и зарыдалъ. Дальнѣйшихъ подробностей не помню; вѣроятно, преданный дворецкій бросился къ рукѣ своей госпожи, съ которою на слѣдующій же день суждено было ему разставаться на вѣки. И дѣйствительно, это былъ послѣдній семейный столъ Русскихъ графовъ Бутурлиныхъ, въ полномъ ихъ составѣ, на родной землѣ!... Съ этого мѣста брички съ дворецкимъ, съ поваромъ и съ кухонною посудою отправлены были обратно въ Бѣлкино, и въ награду Клееву за долговременную службу мать моя назначила его управляющимъ этого столь любимаго своего имѣнія.

Тутъ же, въ Радзивиловѣ, мы встрѣтились съ возвращавшимся изъ Италіи графомъ Марковымъ, который немало насъ удивилъ разсказомъ, что во Флоренціи будто бы трава растетъ на улицахъ, и что тамъ почти не принято ѣздить въ экипажахъ, а что всѣ ходятъ пѣшкомъ, даже съ визитами.

Въ Бродахъ мы также останавливались на два или три дня и присутствовали (кромѣ нашего отца) на Уніатской литургіи. Въ ней меня удивилъ нечисто-Русскій акцентъ священнодѣйствовавшихъ и клиросоваго пѣнія, мозжевеловой запахъ вмѣсто ладана, но еще болѣе упоминаніе на большемъ выходѣ имени папы Пія VII и благочестивѣйшаго императора Франца. Когда мы вышли оттуда, мать моя сказала, что осталась очень довольною этой службою. Слова ея не имѣли тогда для меня, десятилѣтняго мальчика, того глубокаго значенія, которое я придалъ имъ впослѣдствіи. Матери моей, уже склонной къ Латинской церкви, радостнымъ могло казаться соединеніе обрядовой стороны вѣроисповѣданія ея предковъ съ новымъ ея понятіемъ о Римскомъ первосвященникѣ, какъ о видимой главѣ всей каѳолической церкви.

Отъ Австрійской границы до Вѣны мы потянулись на фурманахъ, иначе на долгихъ; останавливались два-три дня во Львовѣ и съ дневками въ Юденбургѣ, Мысленицѣ, Ольмюцѣ, Врюнѣ и наконецъ недѣли черезъ три дотащились до Вѣны. Случалось, что сильный пароксизмъ удушья схватывалъ моего отца гдѣ нибудь на открытомъ полѣ, и тогда весь поѣздъ останавливался. Отецъ мой выходилъ изъ кареты, и ему растирали грудь спиртомъ, пока пароксизмъ не прекращался. Если это бывало подъ вечеръ, то мы останавливались на ночлегъ въ ближайшей корчмѣ, какъ это однажды случилось въ Галиціи, въ виду города Ярославля. Въ Мысленицѣ (близъ Кракова) мы также пробыли

два три дня и спускались съ факелами въ Бохненскія соленыя копи. Страсть какъ глубоко надо спускаться на веревкахъ въ эти подземелья! Къ счастію, не видать глубины ихъ отъ мрака; иначе голова бы закружилась. Дѣти храбрый народъ; но я теперь ни за что бы не согласился предпринять это акробатическое спусканіе въ такую страшную глубь, да еще сидя на узкой перекладинѣ, какъ бываетъ на качеляхъ о двухъ веревкахъ. Подземныя галлереи составляютъ лабиринтъ пересѣкаемый залами, своды и бока которыхъ унизаны фестонами соляной кристализаціи и каплицами, въ которыхъ престолъ и всѣ церковныя принадлежности выдѣланы изъ этихъ же кристализацій. Два факела проводниковъ, отраженныя со всѣхъ сторонъ въ тысячу разъ, производятъ импровизованную илюминацію. Въ Мысленицѣ случилось слѣдующее. Австрійскій офицеръ, стоявшій тамъ съ своимъ полкомъ, случайно познакомился съ нашимъ семействомъ, и съ перваго же (кажется) раза взаимныя отношенія между нимъ и нашимъ отцемъ установились какъ бы между старыми знакомыми. Это крайне удивило всѣхъ нашихъ старшихъ, и они впослѣдствіи узнали, что Австріецъ и нашъ отецъ обмѣнялись масонскими знаками, незамѣтными для непосвященныхъ въ эти тайны. Случай этотъ былъ переданъ мнѣ много позднѣе. Читателю уже извѣстна моя слабость къ резонёрству, и потому онъ проститъ мнѣ нѣкоторыя мои размышленія о Русскомъ масонствѣ, столь распространенномъ въ концѣ прошлаго и въ первой четверти текущаго столѣтія. Не надивлюсь, право, какъ эти господа не догадывались, что они болѣе ничего не дѣлали, какъ воду толкли. Дѣятельностью всякаго общества, публичнаго или тайнаго, что нибудь да вырабатывается; между тѣмъ не видимъ никакихъ благотворныхъ для края слѣдовъ отъ нашихъ бывшихъ масонскихъ ложъ, а мысль о какомъ нибудь правительственномъ переворотѣ несовмѣстна была съ консерваторскими взглядами и привычками вельможъ, изъ которыхъ преимущественно состояли Русскія масонскія ложи. Между масонами и секретнымъ обществомъ, породившимъ декабристовъ, общаго, мнѣ кажется, ничего нѣтъ [1]), и весьма мѣтко выразилась однажды о масонахъ умнѣйшая моя кузина Надежда Александровна Гавриленко, что ces messieurs s'imaginaient faire quelque chose [2]), тогда какъ въ

[1]) Это было написано въ 1867 году, и мое предположеніе о несолидарности масоновъ съ декабристами подтверждается недавнимъ моимъ (въ 1872 г.) разговоромъ съ М. И. Муравьевымъ-Апостоломъ (братомъ казненнаго Сергѣя). Онъ сказывалъ мнѣ, что декабристы пытались было поступать въ масонскіи ложи, въ надеждѣ себѣ завербовать членовъ, но убѣдившись, что нечего имъ было надѣяться на сочувствіе масоновъ, всѣ они повышли изъ этихъ ложъ.

[2]) Господа эти воображали, что они дѣлаютъ что-то.

сущности, маскарадно-хлопотливая и суетная ихъ дѣятельность сводилась на нуль.

Возвращаюсь къ медленному нашему слѣдованію черезъ Галицію и Моравію. Мы дѣти, когда разсмотрѣли на далекомъ горизонтѣ верхушки Карпатскихъ горъ терявшихся въ облакахъ, такъ и ахнули. Кромѣ какъ на картинкахъ мы никогда такихъ высотъ не видывали, да и гдѣ же могли мы ихъ видѣть? Развѣ можно признать Валдайскія горы за настоящія? Овраги и спуски есть, но горъ, въ географическомъ смыслѣ этого слова, нѣтъ. А болѣе всего насъ удивляло, какъ могутъ верхушки этихъ горъ теряться въ облакахъ. Разъяснить намъ эту диковину взялся нанятый со Львова, какъ переводчикъ въ Галицкой онѣмеченной Руси, Полякъ Янъ, хорошо говорившій понѣмецки и порусски. Онъ увѣрялъ насъ дѣтей и нашу няню Полиньку, что онъ взбирался на эти горы и пробовалъ глотать эти облака, и что они имѣютъ вкусъ снѣжнаго желé. Мы этому тогда повѣрили!

Проѣзжая черезъ Аустерлицкое поле, nefas memoriae, по шоссе, ведущемъ къ Ольмюцу, мы сдѣлали краткій привалъ для обозрѣнія мѣстности, у самаго обелиска, воздвигнутаго, конечно, не въ память пораженія союзныхъ нашихъ войскъ въ 1805 году, а гораздо раньше, въ ознаменованіе того, что тутъ были нѣкогда болота и непроизводительныя пространства, обращенныя въ плодородныя нивы (на томъ именно мѣстѣ, гдѣ впервыя плугъ взбороздилъ почву, воздвигнутъ былъ этотъ обелискъ). Двѣнадцать протекшихъ лѣтъ не могли еще изгладить изъ памяти нашихъ родителей и старшихъ памяти о разгромѣ нашего оружія, и кто-то выучилъ насъ дѣтей Французской пѣснѣ объ этомъ событіи, передѣланной, впрочемъ, изъ стариннаго романса временъ «Роланда Изступленнаго».

Въ оригиналѣ было:

A Roncevaux,
Près de Clairvaux,
Roland disait un jour tout haut
Aux compagnons de ses travaux:
A Roncevaux,
Près de Clairvaux,
Mourrons pour la patrie (bis),
Un jour de gloire à vos cent ans de vie.

Въ передѣлкѣ выходило:

A Austerlitz
Près de Pëlitz,

Koutouzoff disait un jour tout haut
Aux compagnons de ses travaux:
A Austerlitz
Près de Pëlitz,
Mourrons pour la patrie (bis),
Un jour de gloire etc. etc.

Я вписалъ этотъ отрывокъ, какъ добавочный обращикъ офранцуженнаго патріотизма высшаго общества того времени. Въ наше время никому въ голову не приходило воспѣвать доблести Севастопольскихъ защитниковъ на иностранномъ нарѣчіи.

Въ большомъ городѣ Брюнѣ мы отдыхали три дня и ходили въ тамошній соборъ (или монастырскую церковь) поклониться чудотворной иконѣ Богородицы, писанной, по преданію, евангелистомъ Лукою.

Въ Вѣнѣ мы прожили до трехъ недѣль, но не въ гостиницѣ, а въ пространной нанятой квартирѣ въ Леопольдштадтѣ. Причиною столь продолжительнаго пребыванія въ Вѣнѣ было, какъ догадываюсь, здоровье нашего отца, требовавшее консультацій съ докторомъ Франкомъ, Европейской тогда знаменитостью. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Вѣну, мать моя послала за двумя молодыми графами Ржевуцкими (оба немного старше меня) по порученію, вѣроятно, ихъ матери графини Розаліи Ржевуцкой, часто бывавшей у насъ во время истекшей зимы въ Петербургѣ. Мальчики жили въ Вѣнѣ съ гувернеромъ; но почему не въ Россіи, при родителяхъ, не знаю. Они часто бывали у насъ, и я съ ними подружился, но никогда болѣе не встрѣчался съ ними и ничего про нихъ не слыхалъ. Отецъ ихъ сдѣлался немного позднѣе замѣчательною въ своемъ родѣ личностію, какъ полуазіатецъ. Поручено было ему нашимъ правительствомъ добыть чистокровныхъ Арабскихъ жеребцовъ; съ этой цѣлью онъ поступилъ въ одно изъ кочующихъ Аравійскихъ племенъ и, соединяя въ себѣ высокій ростъ, красивую наружность, силу и будучи отважнымъ наѣздникомъ, выбранъ былъ въ шейхи одного племени, и въ этой кочевой жизни онъ провелъ нѣсколько лѣтъ. Возложенное на него порученіе онъ исполнилъ блистательно, но для этого долженъ былъ прибѣгнуть къ обману воинственныхъ туземцевъ: онъ тайкомъ бѣжалъ отъ нихъ съ добытыми (за деньги, конечно) жеребцами. Возвратившись въ Россію, онъ продолжалъ, какъ говорятъ, носить до конца Бедуинскую одежду и сохранилъ свою бороду, что́ особенно страннымъ казалось, когда онъ пѣвалъ Итальянскія буффовыя партиціи, а пѣвалъ онъ ихъ артистически. Позднѣе онъ увлекся Польскимъ патріотизмомъ, участвовалъ въ возстаніи 1830 и 1831 годовъ и безъ вѣсти пропалъ.

Въ Вѣнѣ маленькая моя сестра Елена и я хаживали съ нянею Палагеею гулять въ сосѣдній публичный садъ Ау-гартенъ. Тамъ видны еще были слѣды какой-то бывшей илюминаціи въ необыкновенныхъ размѣрахъ. Няня намъ сказала, что это были остатки отъ торжества по случаю женитьбы Наполеона на дочери Австрійскаго императора. Она вѣроятно ошиблась, и илюминація принадлежала къ позднѣйшему времени; но я упоминаю о томъ въ доказательство того, какая у насъ была прислуга, въ числѣ которой старшая горничная моей матери, Анна Степановна, самоучно выучилась читать пофранцузски и понимать то, что̀ читала, хотя и не доставало ей практики, чтобы говорить на этомъ языкѣ.

Теперь только я вспомнилъ, что пропустилъ одинъ эпизодъ относящійся къ нашему проѣзду изъ Львова въ Вѣну, но по его типичности нарушаю хронологію моего разсказа. Едва тронулись мы съ одного обѣденнаго привала, какъ весь нашъ поѣздъ остановился, и волею-неволею пришлось намъ присутствовать при военной экзекуціи, которая врѣзалась навсегда въ моей памяти по утонченной ея жестокости. Все видѣнное мною впослѣдствіи въ нашихъ гусарскихъ полкахъ, гдѣ конечно не щадили ни розогъ, ни палокъ, ни фухтелей, не можетъ сравняться съ этой Австрійской экзекуціею. Почему однакоже наши экипажи остановились и должны были дожидаться конца этой дисциплинарной расправы, не знаю; развѣ что это требовалось по Австрійскому военному регламенту. У насъ въ полкахъ, въ былое время, дадутъ, пожалуй, десятковъ пять или шесть фухтелей, или сотняжку горячихъ палокъ, или полторы сотни розогъ,—но мигомъ, въ пересыпку: фухтелей и палокъ встоячку, а розогъ лежавшему на землѣ съ спущенными рейтузами, и черезъ нѣсколько минутъ, или даже секундъ, вся исторія кончена. Но не такъ дѣлалось у *орденскихъ-кейзерлиховъ*. Провинившійся, скинувъ мундиръ, легъ вдоль приготовленной для того лавки, и по обѣимъ сторонамъ его стали два экзекутора съ длинными, тонкими палками, и попеременно съ продолжительными интервалами, принялись его бить со всего размаху, а во все время наказанія присутствовавшій офицеръ или сержантъ не переставалъ медленно читать какое-то нравоученіе. Экзекуція длилась, полагаю, болѣе четверти часа, и можно себѣ вообразить, какъ крики несчастнаго солдата раздирали намъ душу.

Въ Вѣнѣ мы часто видались съ семействомъ нашего посланника, графа Густава Стакельберга, и съ того времени началось мое знакомство съ ровесникомъ моимъ графомъ Эрнестомъ Густавовичемъ Стакельбергомъ.

Изъ Вѣны въ Италію мы потянулись на Итальянскихъ *ветуринахъ* съ лошаками, замѣнившихъ Нѣмецкихъ фурмановъ, и подвигались такъ же мѣшкотно какъ и прежде. На первый или второй день выѣзда изъ Вѣны мы остановились для ночлега, хотя это было около полудня, въ гостиницѣ у подножья горы, на вершинѣ которой рисовались развалины замка Шотвейна, будто-бы того самаго, въ которомъ былъ заключенъ во времена Крестовыхъ походовъ Англійскій король Ричардъ Львиное Сердце. Изъ переданной мнѣ кѣмъ-то элегіи трубадура Блонделя, его освободителя, помню начало:

O Richard, o mon roi!
L'univers t'abandonne,
Et sur la terre il n'y a que moi
Qui pense encore à ta personne.

Стихи эти воспламенили юношеское мое воображеніе, и я тотчасъ принялся было за драму въ виршахъ (конечно Французскихъ), но далѣе первой сцены не дошелъ.

Не смотря на Октябрьскую осень, мы нашли подберезники въ лѣсу, на скатѣ горы, и при нежданномъ видѣ грибовъ меня кольнуло въ сердце воспоминаніемъ о Бѣлкинѣ.

Въ Венеціи мы прожили съ недѣлю въ отелѣ Léon Bianco (Бѣлаго Льва), у самаго моста Ріальто. И въ Венеціи насъ ожидало воспоминаніе о Бѣлкинѣ, при видѣ церкви и площади Св. Марка и дворца дожей и прочихъ замѣчательныхъ зданій, всѣмъ намъ столь знакомыхъ по старымъ гравюрамъ, которыми оклеена была Бѣлкинская гостиная. Думаю, что у старшихъ нашихъ сердце забилось не менѣе, какъ у насъ младшихъ. Дѣти тѣже обезьяны: все слышанное нами съ нѣкотораго времени объ Австрійцахъ и ихъ правительствѣ возбудило такую къ нимъ антипатію во второй моей сестрѣ Елисаветѣ Дмитріевнѣ и во мнѣ, что, проходя мимо бюста императора Франца въ одной изъ Венеціанскихъ художественныхъ галлерей, мы оба плюнули на него, за что насъ крѣпко, конечно, пожурили.

Въ Веронѣ мы пробыли два дня, и по одному въ Мантуѣ и въ Моденѣ. Однажды мы остановились обѣдать или ночевать въ г. Нови, и помнится мнѣ, что въ залѣ отеля мать моя и кто-то изъ старшихъ отыскали сохранившіяся на стѣнѣ надписи, свидѣтельствовавшія о посѣщеніи этой гостиницы Русскими побѣдителями въ 1799 году.

Спустившись съ Апенинovъ, при въѣздѣ въ Тоскану изъ Болоньи, мы всѣ вышли изъ экипажей, близъ села Піетрамала, посмотрѣть на волканическій феноменъ. На гладкой полянѣ, безъ всякой растител-

ности, изъ кратера, не болѣе аршина въ діаметрѣ, выходило (и выходитъ вѣроятно и по сю пору), пламя узенькимъ язычкомъ, вышиною, полагаю, съ футъ. Весьма странно, что края этого миніатюрнаго волкана не образуютъ никакой твердой коры выше поверхности всей поляны, и что самое пламя не увеличивается съ годами.

Наконецъ, въ началѣ Ноября (1817), мы добрались до Флоренціи, послѣ трехмѣсячнаго путешествія. Все насъ изумляло: погода стояла такая, какъ у насъ бываетъ въ тепломъ Маѣ; вездѣ цвѣты, а виноградъ, гранаты, огромныя и сочныя дули, сладкія ранетки, каштаны, ни по чемъ; въ овощахъ, считающихся у насъ роскошью въ столь позднее время года, въ цвѣтной капустѣ, артишокахъ, кардонахъ, свѣжемъ горошкѣ и фасоли, такое изобиліе, что ѣшь, не хочу. О соленыхъ огурцахъ понятія не имѣютъ во всей Италіи; ихъ замѣняютъ свѣже-просольныя оливки, очень возбуждающія апетитъ. Апельсины плохо созрѣваютъ во всей средней даже Италіи и появляются только въ Неаполѣ, но и тамъ равняться не могутъ съ Мессинскими и съ Мальтійскими.

Мы расположились первоначально въ наилучшемъ отелѣ Шнейдера, на Лунгарно (т. е. на набережной рѣки Арно) у моста Каррайя, на углу длинной улицы, ведущей къ Порта-Романа (Римской заставѣ). Во время мѣсячнаго нашего пребыванія насъ дѣтей допустили обѣдать за большимъ столомъ, пока мы не устроились на зимнюю квартиру. Временная эта привиллегія весьма меня обрадовала. Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда остановилась въ томъ же отелѣ пожилая уже Авдотья Сильвестровна Небольсина. Русскіе путешественники были тогда рѣдкостію, и кромѣ нея и нашего семейства никого изъ соотечественниковъ во Флоренціи не было. Повѣреннымъ отъ нашего правительства (но не министромъ) былъ тогда при Тосканскомъ дворѣ Алексѣй Захаровичъ Хитровó (по общепринятому названію, Хи́тровъ), мужъ Елисаветы Михайловны, урожденной княжны Кутузовой, а по первому замужеству графини Тизенгаузенъ. Естественно, что мать моя и старшія сестры сблизились съ семействомъ Хитровыхъ. Молодыя графини Екатерина и Дарія (Дóлли) Ѳедоровны Тизенгаузенъ только-что начинали выѣзжать въ свѣтъ и были во всемъ блескѣ красоты; но особенно поражала, даже меня десятилѣтняго мальчугана, пятнадцатилѣтняя графиня Дарія Ѳедоровна. Секретаремъ посольства былъ баронъ Ганъ, человѣкъ съ хорошими манерами и наружностію (послѣднюю портилъ немного шрамъ во всю щеку). Онъ началъ часто бывать у насъ и однажды разсказывалъ намъ объ одномъ сверхъ-

естественномъ обстоятельствѣ въ ихъ семействѣ. Въ деревенскомъ ихъ домѣ въ Лифляндіи виситъ съ искони цѣпь, одно звѣно которой само собою отдѣляется и падаетъ, когда членъ семейства Гановъ долженъ умереть. Разсказъ этотъ такъ врѣзался въ мою память, что съ поступленіемъ моемъ въ Павлоградскій гусарскій полкъ, я, едва познакомившись съ моимъ однополчаниномъ Ганомъ (не барономъ), спросилъ его, слыхалъ ли онъ объ этой предсказывающей цѣпи, и онъ подтвердилъ мнѣ разсказъ своего однофамильца [1]).

Во Флоренціи мы нашли поселившуюся на зиму, толстѣйшую графиню Шувалову, урожденную княжну Щербатову [2]). Она тамъ жила по случаю болѣзни осмнадцатилѣтней своей дочери графини Анастасіи Петровны, умершей чахоткой въ слѣдующемъ (1818) году и погребенной въ Пизѣ, въ знаменитомъ Кампо-Санто [3]); мать и дочь были изъ перешедшихъ въ Римско-католичество. У нея въ домѣ (или рядомъ съ ея квартирою) жилъ Французъ графъ Шленкуръ; графиня Шувалова была тайно обвѣнчана съ нимъ; странно, почему она, будучи вдовой, скрывала свой вторичный бракъ. Графъ Шленкуръ (котораго отецъ мой прозвалъ «chien qui court») былъ, конечно, бурбонистъ, моложе графини Шуваловой и не дуренъ собою, хотя невеликъ ростомъ и пузатый. Графиня Шувалова бывала позднѣе по нѣскольку разъ во Флоренціи съ обоими сыновьями графами Андреемъ и Григорьемъ Петровичами, еще юношами, но много старше меня.

Въ Декабрѣ мы переѣхали въ нанятой домъ Гуиччіардини-Палличи, на площади Санъ-Феличе, рядомъ съ дворцомъ Питти, резиденціею Тосканскаго великаго герцога. Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ во Флоренцію были публичныя празднества по случаю бракосочетанія эрцгерцога Леопольда, сына царствовавшаго великаго герцога Фердинанда III, съ Саксонскою принцессою. Въ этомъ самомъ нанятомъ

---

[1]) Въ этомъ же родѣ, извѣстна „la balayeuse de Potsdam“, которая принимается мести ночью лѣстницу Потсдамскаго дворца, когда какой-нибудь членъ Прусской королевской фамиліи долженъ умереть.

[2]) Сестра князей Алексѣя, Сергѣя и Николая Щербатовыхъ и г-жъ Скарятиной, Петрово-Соловой, Апухтиной и Бергманъ.

[3]) Зданіе Кампо-Санто (Святое Поле) состоитъ изъ длиннаго квадрата съ четырьмя внутренними закрытыми галлереями. Это усыпальница всякихъ знаменитостей, какъ во Флоренціи церковь Санта-Кроче. Постройка ея восходитъ къ 12 или 13 вѣку. Въ серединѣ находится открытое мѣсто съ газономъ, земля котораго привезена изъ святыхъ мѣстъ Палестины, крестоносцами. Но, кромѣ усыпальницы, эти галлереи имѣютъ отчасти значеніе музеума.

нами домѣ Гуиччіардини квартировало за годъ передъ тѣмъ семейство графа В. П. Кочубея, и въ немъ мы проводили всѣ зимы до 1824 года, когда отецъ нашъ купилъ палаццо Николини въ улицѣ Деисерви, а на лѣто мы нанимали виллы въ окрестностяхъ Флоренціи. Но не слѣдуетъ забѣгать впередъ.

Одной Русской нашей прислуги было недостаточно, и потому, на первыхъ же порахъ нашего новоселья, началось укомплектованіе ея туземцами и туземками, подъ управленіемъ «маэстро-ди-каза» (домашняго управляющаго), г. Джіуліани, который мараковалъ порядочно по-русски, такъ какъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи, сначала въ Петербургѣ, а потомъ въ Москвѣ, гдѣ до 1810 года торговалъ иностранными винами на одной изъ Басманныхъ улицъ. Въ описываемое мною время Джіуліани, хотя уже почти семидесяти лѣтъ, сохраняя еще рѣдкій юморъ, былъ крайне забавенъ и неистощимъ въ разсказахъ о высшихъ кругахъ обѣихъ нашихъ столицъ, въ средѣ которыхъ онъ долго вращался. Между прочимъ онъ разсказывалъ, что зналъ въ своей молодости, въ Римѣ, Русскаго путешественника, графа Скавронскаго (Павла Мартыновича), сдѣлавшагося такимъ опернымъ фанатикомъ, что требовалъ отъ прислуги и отъ всѣхъ прочихъ лицъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло (портныхъ, сапожниковъ, парикмахеровъ и пр.), чтобъ они не иначе говорили съ нимъ, какъ речитативами, на распѣвъ. Отъ него же я слышалъ также слѣдующій анекдотъ. Во время нахожденія въ Римѣ, въ 1815 или 1816 году, княгини Елены Александровны Суворовой (рожденной Нарышкиной), знаменитый уже тогда Россини, вхожій въ ея домъ, пожелалъ написать кантату въ день княгининыхъ имянинъ или рожденія, съ помѣщеніемъ въ кантату какого-нибудь Русскаго мотива, для чего онъ отнесся къ Джіуліани. Джіуліани вспомнилъ напѣвъ, «ахъ зачѣмъ было огородъ городить, ахъ на что было капустку садить», и мотивъ этотъ до того понравился славному маестро, что, помѣстивъ его въ свою кантату, онъ повторилъ его въ сочиняемой имъ тогда оперѣ «Севильскаго Цирульника», въ финалѣ 2-го дѣйствія: «Di si felice evento etc. etc.». Кстати передамъ и третій разсказъ этого старца-весельчака. Въ молодости своей онъ хаживалъ въ Римѣ къ старухѣ (герцогинѣ) Фіано. Разъ приходитъ онъ къ ней вечеромъ довольно уже поздно, когда она въ сосѣдней своей каплицѣ вслухъ читала вечернія молитвы, въ составъ которыхъ входятъ у Латинянъ такъ-называемыя *литаніи* (корень этого слова Греческій, какъ и наше слово *литія*). Эти Римско-католическія литаніи суть нѣчто въ родѣ эктеніи, требующія отвѣтнаго возгласа клира или народа, присутствующаго въ церкви «miserere nobis» (по-

милуй насъ), если литанія содержитъ молитву къ Сыну Божію, или «ora pro nobis» (молись о насъ), если литанія относится къ Пресвятой Дѣвѣ, или къ заступничеству святыхъ угодниковъ. Джіуліани, убѣдившись, что набожная дукесса была одна въ своей каплицѣ, не могъ понять, откуда выходитъ невѣдомый голосъ, правильно отвѣчающій на возгласы, и спросилъ ее о томъ, когда, по окончаніи вечернихъ молитвъ, она вышла къ нему въ гостиную. «Это», отвѣчала дукесса, «мой попугай; я его выучила оказывать мнѣ эту услугу». Этимъ однакоже анекдотъ о попугаѣ не кончался, и Джіуліани добавлялъ, что въ одинъ ясный день, когда попугай, выпущенный изъ клѣтки, грѣлся на солнцѣ у открытаго окна, откуда ни возьмись ястребъ и, схвативъ ученаго пернатаго въ когти, взвился съ нимъ на небесныя высоты; и тутъ плѣнникъ началъ кричать на всѣ лады и, между прочимъ, проговорилъ стихъ изъ литаніи къ угодникамъ: «Sanctus Antonius, ora pro nobis» (Святый Антоній, моли Бога о насъ). Испуганный этимъ человѣческимъ голосомъ ястребъ выпустилъ будто бы попугая изъ когтей. Кстати добавлю, что этого Джіуліани не слѣдуетъ смѣшивать съ извѣстнымъ гитаристомъ Мауро-Джіуліани, съ которымъ онъ не былъ даже въ родствѣ.

При укомплектованіи Итальянскаго состава прислуги, поступилъ къ намъ Французскій артистъ Борель, но онъ продержался у насъ не болѣе года и опредѣлился къ Мальцовымъ, проведшимъ зиму съ 1818 на 1819 годъ во Флоренціи.

Какъ только мы переселились въ домъ Гуиччіардини, то я окончательно перешелъ изъ дѣтской на руки г. Слоана и спалъ въ одной съ нимъ комнатѣ, до самаго 1824 года, когда мнѣ минуло 17 лѣтъ. Подъ южнымъ небомъ Авзоніи должность истопника лишняя, и потому вымоленный сестрою моею Леночкою Дмитрій Ломовъ повысился въ камердинеры къ моему наставнику и самому мнѣ, а въ иныхъ случаяхъ выполнялъ роль моего дядьки. Начался мой учебный курсъ по схоластическому методу, преимущественно направленный на изученіе Латинскаго языка. Исторію, географію и всѣ прочіе предметы (за исключеніемъ Закона Божія) наставникъ мой преподавалъ на Англійскомъ языкѣ, который сдѣлался знакомѣе мнѣ, чѣмъ Русскій или иной другой. Знаніе Англійскаго языка пригодилось мнѣ много позднѣе, сдѣлавъ изъ меня, въ Крымскую войну 1854 и 1855 годовъ, переводчика для Англійскихъ военноплѣнныхъ, морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ, мѣстопребываніемъ которыхъ назначена была Рязань, гдѣ я въ то время служилъ. Итальянскій языкъ легко всѣмъ намъ давался по его сходству съ Французскимъ, но отецъ нашъ зналъ фундаментально

этотъ языкъ съ своей молодости, да и старшая сестра гр. Марія Дмитріевна изучила его въ Москвѣ до 1812 г. съ преподавателемъ этого языка, г. Галли [1]).

Кромѣ упомянутаго А. З. Хитрова составъ дипломатическаго корпуса во Флоренціи былъ слѣдующій. Французскимъ министромъ былъ графъ Диллонъ, Сардинскимъ маркизъ Бриніолѐ-Саль, Англійскимъ лордъ Бургешъ (по смерти отца принявшій титулъ герцога Вестморлендскаго), Шведскимъ г. Лагерсвельдъ, Испанскимъ, кажется, герцогъ Бервицкій. Австрійскимъ былъ графъ Аппони, вскорѣ смѣщенный графомъ де-Бомбелемъ, остававшимся на этомъ мѣстѣ до 30-хъ годовъ [2]). Флорентинское общество состояло въ то время, какъ и въ послѣдующее, изъ однихъ почти иностранцевъ, большинство которыхъ были Англійскіе туристы; а мѣстное дворянство держалось особо въ своемъ замкнутомъ кружкѣ, за исключеніемъ принца Камилла Боргезе [3]), у котораго бывали кое-когда балы. Одна лишь Флорентинская холостая молодежь посѣщала это космополитское салонное общество, членами котораго въ первомъ же году нашей эмиграціи сдѣлались мать моя и старшая моя сестра. Второй сестрѣ Елисаветѣ не минуло еще четырнадцати лѣтъ, и потому она не выѣзжала въ свѣтъ и сблизилась съ дочерьми Флорентинскаго маркиза Торреджіани, ея ровесницами, и съ дочерьми Англичанки леди Шарлотты Камбель [4]).

Въ первомъ же году Флорентинскаго нашего житія поступила къ меньшой моей сестрѣ которой, не минуло еще пяти лѣтъ, Англійская гувернантка г-жа Робинъ, замѣненная въ началѣ 1820 года другою

---

[1]) Обрусѣвшій сынъ этого г. Галли содержалъ сапожное заведеніе въ Москвѣ въ 30-хъ годахъ и чуть ли не въ 40-хъ даже годахъ, въ Столешниковомъ переулкѣ.

[2]) Братъ этого графа де-Бомбеля имѣлъ честь сдѣлаться третьимъ мужемъ Наполеоновой вдовы, эрцгерцогини Маріи Луизы, владѣтельницы Пармы и Пьячепцы. Вторымъ ея мужемъ былъ Австрійскій генералъ Нейпергъ. Члены Флорентинскаго дипломатическаго корпуса были вмѣстѣ съ этимъ акредитованы при Лукской герцогинѣ (изъ Испанской линіи Бурбоновъ).

[3]) Мужъ принцессы Полины Бонапартъ, сестры Наполеона, бывшей вдовы Леклеръ. Въ 1817 году, принцъ Боргезе окончательно разъѣхался съ женою. Фамилія Боргезе Римская, и изъ нея былъ одинъ папа. При завоеваніи Французами Италіи, Наполеонъ назначилъ своего зятя, принца Боргезе, Сардинскимъ вице-королемъ. Чертами лица онъ заслуживалъ имя красавца, но тучность туловища была до того безобразна, что шутники говорили, что уже десять лѣтъ онъ не видалъ своихъ посковъ. Онъ былъ утонченной со всѣми вѣжливости.

[4]) Было три сестры Торреджіани: одна вышла замужъ за Пацци, другая за Бартолини, а третья за Перуцци. О дочеряхъ леди Камбель сейчасъ буду говорить.

Англичанкою, но на этотъ разъ католичкою, миссъ Кларкъ, которая и докончила воспитаніе моей сестры.

Что́ касается до меня, то я чувствовалъ, что въ дѣтской моей жизни совершался переломъ, иного совершенно и болѣе строгаго направленія, не говоря объ усиленныхъ учебныхъ занятіяхъ, съ которыми трудно было мнѣ свыкнуться. Старшихъ сестеръ занимали эта новая обстановка въ жизни и новыя знакомства; меньшая же сестра еще не поступала въ классную, и потому вся моральная тягость эмиграціи обрушилась какъ бы на меня одного. Свѣжія еще воспоминанія иной, менѣе стѣсненной жизни преслѣдовали меня, и вотъ почему, вѣроятно, я не сдѣлался никогда Флорентинофиломъ, какъ женщины нашей семьи. У меня въ первое время никакихъ товарищей и знакомыхъ не было, кромѣ графа Родольфа Аппони, сына Австрійскаго посланника и нынѣ министра въ Лондонѣ, но и этотъ мальчикъ былъ почти тремя годами моложе меня.

Съ самаго начала этой зимы, взятъ былъ для насъ учителемъ рисованія г. Николай Бенвенути, братъ перваго Флорентинскаго живописца и директора Академіи Художествъ, г. Піетра Бенвенути. Это были первые мои уроки; но не подвигался я впередъ, хотя съ ранняго дѣтства любилъ рисовать и особенно малевать акварелью. Неуспѣхи мои происходили отъ моей обыкновенной лѣни и небрежности во всякомъ трудѣ, но отчасти, быть можетъ, и отъ классико-схоластическаго метода г. Бенвенути, заставлявшаго (какъ и всѣ учители рисованія того времени) ученика коптѣть по нѣскольку мѣсяцовъ надъ отдѣльными носами, ртами, глазами и ушами, во всѣхъ возможныхъ видахъ, контурами и съ тѣнію.

Этой же зимою выписанъ былъ изъ Вѣны фортепіанный учитель г. Плихъ для второй моей сестры Елисаветы Дмитріевны, уже хорошо игравшей на фортепіанѣ еще въ Петербургѣ. Съ нимъ и я началъ было гаммы и элементарныя экзерциціи, но онѣ мнѣ сильно наскучили; успѣха и здѣсь не было, и вотъ вѣроятно почему г. Слоанъ и моя мать рѣшились прекратить эти уроки года черезъ два.

Русскій нашъ людъ скоро свыкся съ мѣстными порядками и даже столомъ и нимало не скорбѣлъ объ отсутствіи кислой капусты и соленыхъ огурцовъ; за то весьма по нутру пришлось этимъ дворовымъ-переселенцамъ всеобщее употребленіе краснаго столоваго (и весьма изряднаго) вина вмѣсто квасу. Не прошло года, какъ всѣ они болтали уже по итальянски настолько, что могли быть всѣми поняты; отставалъ замѣтно отъ прочихъ, но только въ лингвистическомъ отношеніи,

старикъ Андрей Кашинцевъ, старшій камердинеръ моего отца. Они всѣ начали получать приличный мѣсячный окладъ, что̀ давало имъ возможность одѣваться не хуже Итальянской прислуги.

Первымъ учителемъ Итальянскаго языка и литературы былъ у старшихъ моихъ сестеръ нѣкто Бенедетти, человѣкъ извѣстный какъ трагическій поэтъ, но карьера его преждевременно прекратилась самоубійствомъ отъ неизвѣстной мнѣ причины. Мѣсто его занялъ молодой аббатъ, превеселаго нрава и не фанатикъ, Вальяни, который, немного позднѣе, сдѣлался и моимъ учителемъ Итальянскаго языка, а впослѣдствіи, отъ 1837 до 1839 года, былъ тѣмъ же у моей жены.

Въ первые два года Флорентинской нашей жизни, хаживалъ ко мнѣ Русскій учитель г. Ивановъ, бѣдствовавшій съ своимъ семействомъ во Флоренціи; онъ поселился тамъ до нашего еще пріѣзда. Сколько помнится мнѣ, онъ вынужденъ былъ оставить Россію, преслѣдуемый а двоеженство. Немного поздвѣе онъ переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ въ теченіе многихъ лѣтъ получалъ ежегодный пансіонъ отъ Николая Никитича Демидова и, по смерти его, отъ его сына Анатолія Николаевича. Этотъ г. Ивановъ былъ очень начитанный, образованный и даже пріятный въ обществѣ человѣкъ, но кромѣ какъ для моихъ уроковъ онъ не былъ принятъ у насъ въ домѣ, обстоятельство, которое я не иначе могу себѣ разъяснить какъ тѣмъ, что по строгимъ взглядамъ нашихъ родителей, г. Иванову вредило его двоеженство. Вторая его жена была Арсеньева и находилась въ ближнемъ родствѣ съ графами Толстыми. У нихъ было два мальчика шести или семи лѣтъ, но г. Ивановъ никогда не приводилъ ихъ къ намъ. Хотя самого Иванова я полюбилъ, но неохотно занимался и съ нимъ, и потому немного преуспѣлъ, какъ ни старался онъ убѣдить меня, что Русская грамотность была мнѣ необходима даже въ военной службѣ, куда я мѣтилъ съ самаго дѣтства. Помню, что однажды, когда я началъ было хвастатьа моимъ умѣніемъ кропать Англійскіе и Итальянскіе вирши, онъ весьмся дѣльно замѣтилъ мнѣ, что, даже въ случаѣ успѣха въ этихъ упражненіяхъ, иностранцы не иначе отзовутся обо мнѣ, какъ «monsieur écrit pas mal pour un étranger» *). Хотя его слова глубоко врѣзались въ дѣтскую мою память, но не удалось г. Иванову возбудить во мнѣ любовь къ отечественной словесности. На слѣдующій годъ онъ оставилъ Флоренцію.

Не минуло еще мнѣ одиннадцати лѣтъ, какъ мнѣ данъ былъ учитель пѣнія, синьоръ Чеккерини, отличный пѣвецъ и первый теноръ

*) Какъ иностранецъ, господинъ этотъ не дурно пишетъ.

Тосканской придворной капеллы. Позднѣе я усовершенствовался уроками у синіора Маньелли, перваго тогда учителя пѣнія во Флоренціи. Я свободно пѣвалъ высокимъ сопрано, доходившимъ до «si bemol» женскаго режистра. Сначала я практиковался въ аріеткахъ и комнатныхъ коротенькихъ дуэтахъ спеціальнаго въ этомъ родѣ композитора Бланджини, бывшаго весьма тогда въ ходу въ Парижѣ [1]), и скоро перешелъ на оперныя партиціи, писанныя для примадоннъ. Иногда заставляли меня пѣвать при гостяхъ, что̀ весьма льстило моему самолюбію, такъ какъ я зналъ, что я пѣвалъ эффектно.

Насъ дѣтей въ театръ не водили, но старшіе наши часто посѣщали оперу, и изъ разсказовъ ихъ я почерпалъ свѣдѣнія по этому предмету, уже тогда сильно меня интересовавшему. Кумиромъ публики сдѣлался Россини со времени появленія въ 1813 году первой его оперы «Танкредъ», но особенно «Сивильскаго Цирульника» (въ 1815). При постановкѣ второй изъ этихъ операъ, пришлось Россини выдержать борьбу, такъ какъ Паезіелло написалъ въ началѣ настоящаго вѣка своего оперу на тотъ же сюжетъ (заимствованный у Бомаршѐ), а поклонники престарѣлаго Паезіелло, которыхъ было много, вознегодовали на молодаго Россини за его дерзкое соперничество съ столь знаменитымъ композиторомъ. Интрига была такъ сильна, что Россини не посмѣлъ присутствовать при первомъ представленіи своей оперы, но заперся дома. Однакоже опера сразу произвела такой фуроръ и неумолкавшія вызыванія автора, что исполнители, теноръ Гарція [2])-Альмавива, Ботичелли-Фигаро и примадонна - Момбелли, шумно ворвались, какъ они были въ театральныхъ своихъ костюмахъ, въ квартиру Россини и потащили его на сцену, а по выходѣ изъ театра ожидавшая публика подхватила его на руки и съ факелами понесла домой. Апогеемъ его славы была «Семирамида», явившаяся въ 1824 г. и написанная для г-жъ Менвиль-Ѳодоръ, контрально Экерлинъ и баса Филиппо Галли. (Отмѣчу кстати, что г-жа Менвиль-Ѳодоръ была дочь Француза Ѳодо̀ра, перваго скрипача при Петербургскомъ театрѣ въ началѣ текущаго вѣка, и была воспитана въ Петербургѣ).

По принятому во всей Италіи, весьма скучному для непривыкшихъ обычаю, дава̀лись и даются понынѣ одна или не болѣе двухъ операъ во весь сезонъ, а театральныхъ сезоновъ считается пять: весенній, лѣтній, осенній, карнавальный и великопостный. Лучшій сезонъ

---

[1]) Его же ученицею была (много позднѣе) даровитая наша Московская дилетантка, Екатерина Александровна Соймонова.

[2]) Отецъ г-жъ Малибранъ и Віардо.

во Флоренціи (то есть, съ участіемъ первоклассныхъ пѣвцовъ) бываетъ или бывалъ въ мое время, до 40-хъ годовъ, въ продолженіе великаго поста, а худшій въ лѣтнее время.

Братъ мой, пробывъ съ нами во Флоренціи около двухъ мѣсяцевъ, отправился къ мѣсту новаго своего служенія въ Мобёжъ, гдѣ была главная квартира корпуса графа М. С. Воронцова, при которомъ онъ былъ назначенъ адъютантомъ [1]). Почти все слѣдующее лѣто (1818 г.) онъ провелъ съ нами въ отпуску и снова пріѣзжалъ во Флоренцію весною 1819 года, но все еще числился въ военной службѣ. Въ первое время нашего пріѣзда во Флоренцію, мать моя такъ были еще моложава и хороша собою (хотя ей тогда минуло сорокъ лѣтъ), что, на гуляньи съ братомъ моимъ подъ руку, ее принимали за его жену.

При Флорентинской нашей миссіи не было еще тогда церкви, и потому отецъ мой устроилъ въ началѣ 1818-го года въ нанимаемомъ нами домѣ домашнюю крошечную церковь, въ которой служилъ пріѣзжавшій нарочно для сего изъ Ливорнской Греческой церкви, уроженецъ Іоническихъ острововъ, падре (отецъ) Джіовакино, сдѣлавшійся впослѣдствіи своимъ человѣкомъ въ нашемъ домѣ. Это былъ высокій и весьма красивый мужчина чисто-Греческаго типа, но уже съ легкою просѣдью. Родина его была островъ Санта-Мавро, а фамилія Валламонте, число-Итальянская, какъ почти всѣ фамиліи уроженцевъ Іоническихъ острововъ, находившихся долго подъ владычествомъ Венеціанской республики, вслѣдствіе чего Итальянскій языкъ вошелъ тамъ во всеобщее употребленіи почти наравнѣ съ Греческимъ. Отецъ мой имѣлъ благочестивую привычку говѣть не менѣе трехъ, а обыкновенно, четыре раза въ году. Такъ какъ церковная служба на непонятномъ для насъ Греческомъ языкѣ была немалымъ неудобствомъ, то добрѣйшій нашъ падре Джіовакино принялся трудиться до поту лица (самоучкой вѣроятно) надъ Славянской литургіею, хотя не понималъ ни слова изъ нея. Сначала онъ прочитывалъ по славянски только одно Евангеліе [2]), но мало по малу изучилъ свободно всю литургію (это относится къ позднѣйшему времени), хотя съ сильнымъ, конечно, Греческимъ акцентомъ; онъ особенно не могъ совладать съ гласною буквою *ы*. Прислуживалъ ему въ алтарѣ и выходилъ въ положенное время со свѣчею старшій отца моего камердинеръ Андрей Антоновичъ, а на

---

[1]) Говорили тогда, что это былъ единственный примѣръ перехода изъ главнаго штаба въ адъютанты.

[2]) У Грековъ священникъ читаетъ Евангеліе не у престола, а у самыхъ царскихъ вратъ, и обратившись лицемъ къ народу.

клиросѣ пѣвали трое: второй отцовскій камердинеръ Николай Бѣшенцовъ, бывшій истопникъ Дмитрій Ломовъ, я и братъ мой, когда бывалъ въ отпуску во Флоренціи. Помню я одну неправильность маленькаго нашего иконостаса, писаннаго на холстѣ какимъ-то мѣстнымъ живописцемъ: икона Спасителя стояла по лѣвой сторонѣ отъ царскихъ вратъ, а икона Богородицы съ Св. Младенцемъ по правой сторонѣ; но отецъ нашъ не приписывалъ особеннаго значенія обрядамъ и церковной внѣшности и не считалъ вѣроятно важностію это отступленіе отъ принятаго въ православныхъ храмахъ. Но такъ какъ вся Славянская грамотность падре Джіоваккино была въ родѣ попугайской, то всѣмъ намъ приходилось исповѣдоваться у него не иначе какъ по итальянски, и только въ 1820 году услышали мы всю церковную службу на родномъ языкѣ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Отецъ Джіовакимо, какъ и всѣ Греческіе священники, проживающіе въ Италіи, сохранялъ одежду священнаго сана, бороду и камилавку (черную) съ выгибами, какъ у всего Греческаго и Молдованскаго духовенства; одеждѣ ихъ никто изъ туземцевъ не удивляется, и потому я не понимаю, зачѣмъ наши посольскіе священники, въ числѣ которыхъ бываютъ и іеромонахи, брѣютъ (или брили во время моей молодости) бороды, стригутся подъ гребешекъ и ходятъ въ свѣтскомъ платьѣ.

Много позднѣе я узналъ, что отецъ нашъ просилъ о разрѣшеніи выписать изъ Россіи священника и содержать его на свой счетъ, на что послѣдовалъ будто бы высочайшій отказъ, мотивированный-де извѣстнымъ уже въ Петербургѣ Латинскимъ настроеніемъ нашего семейства.

Въ числѣ кабинетныхъ посѣтителей моего отца былъ старый Грекъ графъ Моченіго, служившій у насъ по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ и тогда назначенный представителемъ (но не посланникомъ) нашимъ при Туринскомъ дворѣ. Разсказывали, что графъ Густавъ Стакельбергъ, человѣкъ желчнаго, какъ слышно было, темперамента, поздравилъ г. Моченіго съ полученіемъ мѣста, которое онъ (гр. Стакельбергъ) занималъ четверть вѣка назадъ *).

*) Я недавно и совершенно нечаянно наткнулся между старыми документами, хранящимися въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ, на бумагу, гдѣ говорится, что отецъ этого графа Моченіго находился въ 1782 г. Русскимъ коммисаромъ при нашемъ флотѣ, стоявшемъ тогда въ Средиземномъ морѣ, и что онъ принималъ въ Тосканѣ великаго князя Павла Петровича и его супругу, путешествовавшихъ по Европѣ. Сынъ его, о которомъ идетъ у меня рѣчь, кончилъ тогда (въ 1782 г.) курсъ въ Пизанскомъ университетѣ, и въ кипѣ переписки стараго Моченіго съ тогдашними Петербургскими военными

Черезъ два или три года по пріѣздѣ во Флоренцію, отецъ нашъ замѣнилъ многолѣтнюю вечернюю свою привычку раскладывать гранъ-пасіансъ на вистъ, игру, въ которую онъ не игрывалъ со времени молодости. Развлеченіе это взошло ему въ потребность и продолжалось до конца его жизви. Партію его составляли мать моя, г. Слоанъ, и кое-кто изъ новыхъ Итальянскихъ его знакомыхъ, изъ которыхъ чаще прочихъ бывалъ престарѣлый г. Каламайя, бывшій когда-то Русскимъ консуломъ въ Ливорнѣ, во время Орлово-Чесменской экспедиціи и похищенія изъ виллы въ окрестностяхъ Ливорно несчастной авантюристки, выдававшей себя за дочь императрицы Елисаветы Петровны. Наши семейныя женщины вѣрили, что похищенная графомъ Орловымъ женщина была дѣйствительно незаконнорожденная дочь императрицы Елисаветы Петровны. Каламайя считался какъ-то въ родствѣ съ семействомъ Козодавлевыхъ, но какимъ образомъ, не знаю. Онъ былъ когда-то богатъ, но въ старости дошелъ почти до нищеты. Жена его была премилая женщина, съ манерами, доказывавшими, что она провела свою молодость въ совершенно другой свѣтской сферѣ и съ другою обстановкой. До конца жизни она была изъ самыхъ интимныхъ съ моею матерью лицъ во Флоренціи. Другимъ частымъ кабинетнымъ посѣтителемъ моего отца былъ богатый старикъ-холостякъ г. Кароàно, собиритель старыхъ картинъ. Какъ командора Мальтійскаго прежняго (не Русскаго) ордена, его звали аббатомъ, хотя онъ былъ мірянинъ и могъ бы жениться. Однажды мы всѣ, и въ томъ числѣ и нашъ отецъ, обѣдали у этого Кароàно на его виллѣ за воротами Святаго Николая (porta San-Niccola), и за обѣдомъ произошелъ между нимъ и моимъ отцемъ споръ по поводу одного стиха изъ «Ада», Данте *).

Когда мы ѣзжали на лѣто въ Ливорну для морскихъ купаній, то я видалъ въ тамошней Греческой церкви низкаго роста и плечистаго старика-Серба съ Владимирскимъ крестомъ въ петлицѣ, такого огромнаго размѣра, какого въ жизни болѣе не видалъ нигдѣ. Звали его генераломъ Войновичемъ, и если не ошибаюсь, онъ служилъ въ нашихъ войскахъ въ концѣ прошлаго или началѣ текущаго вѣка. Поселился также во Флоренціи около того же времени Молдованъ или Валахъ, князь Карраджа съ своимъ семействомъ. Бывши господаремъ одного

сановниками находятся аттестаты профессоровъ Пизанскаго университета, выданные молодому Моченигу. Въ числѣ этихъ подписей мнѣ было весьма интересно увидѣть подпись знаменитаго Тосканскаго историка Пиньотти, бывшаго, какъ видно, тогда профессоромъ этого университета. (Примѣч. сдѣланное въ 1873 году).

*) По смерти г. Кароана вилла эта была куплена Англійскимъ семействомъ Беринги, извѣстнымъ банкирскою своею фирмою въ Лондонѣ.

изъ этихъ Придунайскихъ княжествъ, онъ далъ оттуда тягу, когда узналъ, что ему высылается изъ Константинополя знакъ султанской милости въ образѣ снурка. Всѣ Карраджіа обоего пола сохраняли свой національный полугреческій костюмъ. Раскрашеннаи, какъ маска, кокона (т. е. боярыня) Карраджія явилась на одномъ празднествѣ въ дворцѣ Питти съ одною только начерненною бровью, чѣмъ и вызвала общій смѣхъ.

За отсутствіемъ постоянной церкви нашего вѣроисповѣданія (такъ какъ къ намъ пріѣзжалъ изъ Ливорны отецъ Іоакимъ не болѣе пяти или шести разъ въ году), я хаживалъ съ моею матерью и сестрами, или съ моимъ воспитателемъ, каждое воскресеніе и въ большіе праздники къ обѣднѣ въ нашу приходскую церковь Санъ-Феличе и исполнялъ по внѣшности всѣ обряды Латинской церкви наравнѣ съ нашими, даже творилъ крестное знаменіе, какъ они, всею ладонью безъ перстосложенія, и съ лѣваго плеча на правое. Я молился по Англійскому Римско-католическому молитвослову, а сестры мои употребляли сначала Французскій, а потомъ Итальянскій молитвословъ. Должно быть, что все это нравилось мнѣ какъ что-то новое, и я ничего предосудительнаго не находилъ въ этомъ обезьяничествѣ внѣшнему Латинскому культу.

Впрочемъ, я долженъ сказать, что ни мать моя, ни воспитатель, не внушали мнѣ никогда творить крестное знаменіе какъ дѣлаютъ Римскіе католики. Во все остальное время, то есть, при совершеніи утреннихъ и вечернихъ моихъ молитвъ, я всегда, помнится крестился по православному. И при мнѣ, и самому мнѣ, всѣ наши старшіе (но не отецъ) говаривали, что обѣ церкви, восточная и западная, безразличны, и это обстоятельство подтверждаетъ мою догадку, что въ первые два года нашей эмиграціи семейныя наши женщины находились еще въ колебательномъ религіозномъ періодѣ. Но исходъ изъ этого состоянія были для нихъ неизбѣженъ, по причинѣ окружавшей ихъ Латинской атмосферы и при отсутствіи всегдашняго готоваго защитника противной стороны. Вѣдь отцу своему сестры мои не довѣрялись и даже старались скрывать отъ него потаенныя свои религіозныя воззрѣнія, а по внѣшности казались исповѣдывавшими одну съ нимъ вѣру. Хотя онъ могъ быть надежнымъ оплотомъ Православія по своей начитанности и ревности къ церкви нашихъ предковъ, но нѣсть пророкъ въ своемъ отечествѣ; да и кто знаетъ, если ухищренная софистика Латинскаго духовенства не нашептывала нашимъ полупрозелиткамъ, что ихъ родитель не былъ достаточно компетентнымъ, чтобы выдержать религіозныя контроверсіи. А чтѳ, спраниваю, оставалось дѣлать моему отцу, когда горячо любимая имъ жена мучилась

и терзалась днемъ и ночью отъ вновь укоренившагося въ ней убѣжденія, что она не можетъ спастись иначе, какъ въ лонѣ Римской церкви? О сколько пролито было нѣжнымъ мужемъ слезъ, прежде чѣмъ вымолвить согласіе на этотъ духовный разрывъ съ своею женой! До меня дошелъ правдоподобный весьма слухъ (но не изъ Флорентинскаго семейнаго источника), что, давъ наконецъ свое согласіе на переходъ моей матери въ католичество, отецъ мой будто-бы объявилъ, что съ этого момента она дѣлается отрѣзаннымъ ломтемъ или отсѣченною вѣтвію отъ кореннаго дерева. Естественно, что дочери присвоили себѣ постепенно религіозныя убѣжденія обожаемой ими матери; но тѣмъ не менѣе, когда онѣ выходили замужъ, то отецъ нашъ настоялъ, чтобы онѣ были вѣнчаны въ нашей церкви. Что мать моя нравственно изнемогала одно время въ страшной борьбѣ между усвоенными съ дѣтства и вновь привившимися въ ней религіозными убѣжденіями, я въ томъ не сомнѣваюсь, когда вспомню, что однажды, въ 1818 или 1819 году, она, чѣмъ-то волнуемая, сказала при мнѣ Англійской гувернанткѣ младшей моей сестры, г-жѣ Робинъ, что боится сойти съ ума. Слова эти были въ то время загадкою для меня, и только по прошествіи многихъ лѣтъ они выяснились Долѣе всѣхъ прочихъ продержалась въ Православіи и въ сохраненномъ ею до конца правильномъ Русскомъ говорѣ (когда всѣ прочіе уже затруднялись въ свободномъ его употребленіи) неразлучная подруга моей матери, Екатерина Ивановна Леруа; но я сильно подозрѣваю, что умопомѣшательство, въ которое она впала въ послѣднее время жизни по ея переходѣ въ латинство (между 1850 и 1853 гг) развилось отъ внутренней борьбы, когда пришлось ей отречься отъ всего своего прошедшаго. Да чуть-ли не эта же борьба усложнила продолжительную болѣзнь безпримѣрнаго моего брата и свела его въ преждевременную могилу. Не могъ онъ до конца жизни равнодушно говорить или слышать, когда при немъ говорили о Россіи, пламенно имъ любимой, и которую онъ покинулъ навсегда, по милости существовавшей тогда (въ 40-хъ годахъ) правительственно-религіозной нетерпимости.

Однакоже всѣми этими размышленіями я безсознательно забѣжалъ впередъ.

Въ числѣ Англійскихъ семействъ съ которыми мать и сестры мои сблизились въ первый годъ по пріѣздѣ нашемъ во Флоренцію, было семейство Бруммель. Самъ г. Бруммель былъ когда-то звѣздою первой величины въ высшемъ Лондонскомъ фешенебельномъ кружкѣ, пріобрѣлъ еще салонно-историческую знаменитость, какъ одинъ изъ фамиліарныхъ соучастниковъ въ оргіяхъ и повѣстничествахъ принца-регента,

впослѣдствіи Англійскаго короля Георга IV [1]). Слѣды прежней красоты не исчезли еще окончательно въ 1818 году въ посѣдѣвшемъ *дэнди* (слово это обозначало тогда примѣрнаго щеголя, съ котораго копировали мужскія моды), и фамильную отличительность въ этомъ отношеніи достойно поддерживала очаровательная семнадцатилѣтняя его дочь миссъ Джіорджина: она поражала даже и меня мальчугана.

Все лѣто 1818 года мы провели въ нанятой нами виллѣ Гонди въ двухверстномъ разстояніи отъ Флоренціи. Владѣлецъ этой виллы былъ послѣднимъ представителемъ знаменитой когда-то этой фамиліи, изъ которой вышли извѣстные во Французской исторіи Арманъ-де-Гонди (иначе кардиналъ-де-Ретцъ) и Поль-де-Гонди [2]). Вилла эта стояла на отдѣльномъ холмѣ у подножья Апениновъ. Должно быть, около этого времени умеръ во Флоренціи нашъ повѣренный при Тосканскомъ дворѣ г. Хитровó, потому что подъ конецъ этого лѣта прибылъ его преемникъ Сверчковъ, только что женившійся на очень зрѣлой графинѣ Еленѣ Дмитріевнѣ Гурьевой, дочери тогдашняго министра финансовъ. У Е. Д. Сверчковой былъ великолѣпный контральто, и кстати добавлю, что годомъ или двумя годами позднѣе, она, сестра моя Елисавета Дмитріевна и я пропѣли во время великаго поста, въ нашей домовой церкви «Да исправится» и «Нынѣ силы небесныя» Бортнянскаго. Такъ какъ она попалась уже мнѣ подъ перо, то наброшу кстати очеркъ этой женщины, совмѣщавшей многія душевныя качества и нѣкоторую оригинальность, но далеко не отличавшейся тѣлесною красотою, и въ послѣднемъ отношеніи составлявшей рѣзкій контрастъ съ смазливымъ собою и молодымъ ея супругомъ. Она, какъ слышно было, влюбилась въ него со страстію

---

[1]) Главнымъ Корифеемъ этой разгульной компаніи былъ нѣкто капитанъ Барклей. Хотя принцъ-регентъ и допускалъ быть третированнымъ за пани-брата его собутыльниками, но капитанъ Барклей дерзостію своею перешелъ всѣ границы приличія и этимъ далъ поводъ къ своей опалѣ. Однажды, послѣ обѣда у принца-регента, когда Барклей растянулся на кушеткѣ въ салонѣ, а принцъ грѣлся стоя у камина, Барклей закричалъ ему: „Джіорджъ, пожалуйста позвоните“ (шнурокъ отъ колокольчика висѣлъ рядомъ съ каминомъ, какъ бываетъ обыкновенно въ Англійскихъ комнатахъ). Принцъ дернулъ за шнурокъ и когда взошелъ лакей, то принцъ сказалъ ему обыкновеннымъ своимъ голосомъ: „Капитанъ Барклей спрашиваетъ свою карету; прикажите ее подать“. Осрамленный фаворитъ не дождался конечно повторенія подобнаго намека: поднявшись съ кушетки, онъ откланялся хозяину, вышелъ изъ комнаты и съ тѣхъ поръ не переходилъ черезъ порогъ регентскаго дворца.

[2]) Фамилія Гонди болѣе не существуетъ. Послѣдняя представительница ея вышла замужъ въ 20-хъ годахъ за Флорентинскаго маркиза Винченца Каппони.

старой дѣвы и вѣроятно, благодаря этому браку, г. Сверчковъ, прозябавшій дотолѣ секретаремъ при какой-то изъ нашихъ Американскихъ миссій, получилъ мѣсто Русскаго повѣреннаго при Тосканскомъ и Лукскомъ дворахъ, независящаго отъ нашего Римскаго посольства, какъ было до него. Одна изъ пріятельницъ Е. Д. Сверчковой однажды жаловалась ей, что рекомендованная ею кормилица (или нянька) оказалась пьяницею. «Ахъ она негодяйка, возразила г-жа Сверчкова», «а уже какъ она мнѣ клялась, что броситъ эту гадкую привычку!»— «Такъ вы объ этомъ знали, и все-таки мнѣ ее рекомендовали», воскликнула удивленная пріятельница. А то, вотъ какія мудренныя наставленія она давала нянькѣ своихъ дѣтей, когда отпускала ихъ гулять въ Кашинахъ *). «Когда вы выдете изъ кареты, то избѣгайте гулять съ дѣтьми вдоль берега Арно, потому что тамъ всегда солнечный припекъ; но не ходите также по аллеямъ, потому что въ это время года тамъ, въ тѣни, всегда сыро и холодно».—«Такъ гдѣ же прикажите намъ гулять, синьора?» спрашивала нянька.

Не подалеку отъ нашей виллы Гонди нанималъ дачу бывшій Голандскій король Людовикъ Бонапарте (отецъ нынѣшняго Наполеона III), принявшій послѣ паденія своего брата скромную фамилію графа-де-Санъ-Лё. Онъ приходилъ иногда побесѣдовать къ моему отцу. Онъ былъ одержимъ маніею кропать Французскіе стихи безъ риѳмъ (des vers blancs), несвойственные Французской литературѣ, ни языку. Стихи свои онъ даже, кажется, печаталъ.

Лѣтомъ 1818 года посѣтилъ нашего отца на виллѣ Гонди старый его Петербургскій знакомый, нумизматъ и академикъ Келлеръ, путешествовавшій тогда по Италіи. Онъ говорилъ пофранцузски съ сильнымъ Нѣмецкимъ акцентомъ и имѣлъ свою фразеологію, иногда довольно забавную. Однажды мать моя попросила его опредѣлить, чья была женская головка на одной старинной ея камеѣ; академикъ навелъ свое увеличительное стекло на эту камею и, разсмотрѣвъ ее прилежно, произнесъ: «La cousine de Drusus, mofè oufrache». Неодобрительный его отзывъ не относился конечно къ личности кузины Римскаго полководца, а къ дурной рѣзьбѣ камеи, но фраза его выходила комичною. Одинъ «подере» (пахатное поле и вмѣстѣ съ этимъ виноградникъ) раздѣлялъ нашу виллу Гонди отъ виллы маркиза Джузеппе Пуччи, человѣка передоваго въ большинствѣ Флорентинскихъ дворянъ. Осенью 1818 года онъ задумалъ путешествовать по Европѣ и посѣтить Россію, для чего просилъ моихъ родственниковъ снабдить его

*) Загородный Флорентинскій паркъ.

рекомендательными письмами къ нашимъ знакомымъ. Вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ другой Флорентинецъ, графъ Серристори, поступившій на службу въ Россію.

Осенью того же года пріѣхалъ во Флоренцію Сергѣй Акимовичъ Мальцовъ съ своимъ семействомъ. Мальцовы поселились на всю зиму во Флоренціи въ отдаленной части города за площадью «дель Кармине» въ домѣ Рагузскаго уроженца Коронелли. Анна Сергѣевна Мальцова, урожденная княжна Мещерская, имѣла отъ перваго мужа Ладыженскаго, взрослую уже дочь, а сама была въ то время изъ обреченныхъ на смерть неизлѣчимымъ недугомъ, но тѣмъ не менѣе отправляемыхъ нашими эскулапами за границу на авось. Ей сопутствовалъ Московскій извѣстный врачъ г. Лёвенталь. По юношескимъ наклонностямъ Ивана Сергѣевича Мальцова (мнѣ ровесника) можно было скорѣе предвидѣть, что изъ него выйдетъ хорошій морякъ, а не дипломатъ, какимъ онъ впослѣдствіи оказался; потому что въ дѣтскихъ моихъ съ нимъ играхъ не было другой рѣчи, какъ о постройкѣ кораблей, модели которыхъ мы довольно искусно выдѣлывали съ гравюръ и пускали въ фонтанный бассейнъ нанимаемаго Мальцовыми дома.

Въ концѣ того же лѣта былъ случай со мною и съ моими сестрами, немало польстившій самолюбію нашей матери. Надо знать, что у Флорентинскаго низшаго люда бываетъ (или бывало, потому что нынѣ нѣкоторые вѣковые обычаи отмѣнены въ Италіи) ежегодное ночное уличное полуязыческое празднество въ честь начатія виноградnаго сбора. Оно называлось «reficoloni» и сопровождалось звуками изъ стеклянныхъ пискливыхъ трубъ, раздражающихъ нервы у непривычныхъ къ этому гвалту, и при факелахъ. Такъ вотъ, чтобы лучше разсмотрѣть это народное гулянье, мать и мы всѣ забрались въ книжный магазинъ Ланди, часто бывавшаго у нашего отца, который начиналъ уже составлять вторую свою библіотеку. Книжный этотъ магазинъ составлялъ уголъ каѳедральной площади (piazza del Duomo) и улицы «dei Servi». Едва зашли мы туда, какъ сестра Елисавета и я бросились, со свѣчами въ рукахъ, шарить по книжнымъ по́лкамъ и выбирать то́ что приходилось намъ болѣе по вкусу, и мы приставали къ нашей матери, чтобъ она купила для насъ эти книги. Мать удовлетворила насъ, и помню, что на мою долю достался Французскій Бюффонъ для дѣтей со множествомъ политипажей. Хозяинъ лавки и посторонніе находившіеся тутъ люди переглянулись и, засмѣявшись, сказали «Oго! talis pater, tales filii *).

*) Каковъ отецъ, таковы и дѣти.

Давно уже взошло въ привычку (чуть ли не съ Россіи), что мать моя и обѣ старшія сестры, ежедневно, по окончаніи утренняго чая, собирались у нея въ кабинетѣ и, тамъ одна изъ моихъ сестеръ читала вслухъ (по-французски) Евангеліе того дня и толкованіе на него изъ назидательнаго сочиненія патера Краузѣ (l'Évangile médité). Такъ какъ я въ то время былъ занятъ своими уроками вверху, то не могъ участвовать въ этомъ религіозномъ упражненіи, но послѣ нашего дѣтскаго обѣда (въ часъ пополудни), я прочитывалъ съ матерью по одной главѣ изъ Евангелія (также по-французски), при чемъ она поясняла мнѣ все, что̀ было непонятнымъ для меня, и заставляла меня размышлять о великихъ и страшныхъ иногда истинахъ, возвѣщенныхъ Божественнымъ Словомъ.

Въ Сентябрѣ, лучшей порѣ Итальянскаго года, мы всѣ, за исключеніемъ отца, предприняли съ семействомъ леди Шарлотты Камбель-Бюри двудневное путешествіе въ упраздненный со времени занятія Италіи Французами монастырь Вилламброза, построенный въ Апенинскихъ горахъ и ущельяхъ, покрытыхъ почти шестимѣсячнымъ снѣгомъ, среди дремучаго бора вѣковыхъ сосенъ и елей. Мильтонъ въ своемъ «Потерянномъ Раѣ», упоминая про эту мѣстность, зоветъ ее «царствомъ зимы» *). Грандіозная по строеніямъ эта обитель была разграблена и повреждена цивилизованными Галлами, и только позднѣе 1818 года возвратились въ нее разсѣянные иноки ордена Св. Іоанна Гуальберта, а вотъ почему, когда мы посѣтили обитель, доступъ въ нее женщинамъ не былъ запрещенъ, какъ бываетъ во всѣхъ Римско-католическихъ монастыряхъ. Орденъ этотъ былъ съ ученымъ направленіемъ, и Валламброзіанскіе иноки славились въ XII и XIII вѣкахъ составленіемъ рукописныхъ на пергаментѣ часослововъ (horae) и другихъ служебныхъ книгъ, илюстрированныхъ виньетками и заглавными буквами въ орнаментахъ, съ золотомъ и яркими красками. До изобрѣтенія книгопечатанія книги эти дорого цѣнились, и ими дорожатъ по сю пору въ библіотекахъ. Отъ хищничества Галловъ уцѣлѣлъ только въ 1818 году минералогическій и естественной исторіи музей; но то, что̀ пощадили завоеватели, не ускользнуло отъ мародёрства туристовъ, безпрепятственно уносившихъ съ собою, подъ предлогомъ *сувениров*, то одну, то другую допотопную или минералогическую рѣдкость. Соучастниками и мы сдѣлались въ этихъ похищеніяхъ, и мать моя привезла нашему отцу кусокъ горнаго хрусталя, изъ котораго вышла печать съ вырѣзаннымъ фамильнымъ нашимъ гербомъ съ одного конца,

*) Если Англійскій Гомеръ далъ столь суровое прозвище Вилламброзіанской обители, какъ бы онъ прозвалъ нашу Соловецкую?

а на противоположномъ концѣ съ шифромъ нашего отца C. D. B.; на грани съ боку обозначенъ день нашего посѣщенія Вилламброзы, 7-го Сентября 1818 года. Печать эта находится нынѣ у меня и нерѣдко возбуждаетъ любопытство осматривающихъ ее, по причинѣ загадочной для нихъ боковой надписи, а мнѣ наскучило быть ея истолкователемъ.

Далѣе, за Вилламброзою, на гребняхъ тѣхъ же Апенниновъ, гнѣздились двѣ другія обители еще болѣе строгаго отшельническаго устава. Звать ихъ Камальдоли и Авернія, а послѣдняя почти тоже, что у насъ скитъ, и дорога къ ней крайне затруднительна. Разсказываютъ, что съ макушки горы Аверніи видны будто бы оба моря, Адріатическое и Средиземное. До этихъ двухъ обителей мы никогда не добрались.

Осенній сборъ винограда замѣняетъ въ Италіи Русскую шумную сѣнокосную пору, и онъ вознаградилъ меня, хотя далеко не сполна, за двухлѣтнее лишеніе Бѣлкинскаго собиранія грибовъ и лѣсныхъ ягодъ. Говорю только о себѣ, потому что не было примѣтно, чтобы сестры мои сожалѣли о нашемъ переселеніи въ Италію. И такъ всѣ мы примкнули къ «контадинамъ» (крестьянамъ-батракамъ), поселеннымъ при нашей виллѣ Гонди*), съ ножницами въ одной рукѣ и съ корзинкою висѣвшею на другой, и по мѣрѣ пополненія корзинокъ виноградными гроздами, всѣ они высыпались въ огромные короба, а послѣдніе сваливались въ чаны, въ винодѣльный подвалъ, находящійся при всякой виллѣ. Жатва (одной пшеницы, такъ какъ ржи тамъ не сѣятъ) не сопровождается никакими веселыми проявленіями, подобными виноградному сбору; а тутъ раздаются пѣсни работающихъ обоего пола. Но замѣчательно, что Итальянскіе простонародные напѣвы ничего не имѣютъ похожаго на мелодію и, судя по нимъ, Итальянцы не заслуживали бы присужденнаго имъ названія музыкальной націи

Съ начала 1819 года стали появляться во Флоренціи наши соотечественники чаще чѣмъ прежде. Помню, между прочими, г-жу Перовскую (урожден. княжну Горчакову), жену Льва Алексѣевича. Ро-

*) Зову Итальянскихъ крестьянъ батраками, потому что собственниковъ изъ нихъ мало. Мѣстное дворянство и землевладѣльцы отдаютъ обыкновенно свои имѣнія въ аренду особенному болѣе зажиточному классу изъ поселянъ, называемому „фаттòрами“ (тоже что фермеры), по не иначе, какъ подъ денежный залогъ, остающійся у землевладѣльцевъ. Эти же фаттòры содержатъ на извѣстныхъ условіяхъ семейства рабочихъ крестьянъ (контадини), остающіяся тѣмъ не менѣе на своихъ мѣстахъ, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. По малоземельности въ Тосканѣ, виноградныя лозы посажены частыми рядами въ полѣ, гдѣ сѣятъ пшеницу, и все это вмѣстѣ зовется „подере“.

стомъ она была ниже средняго, и привлекательнаго въ ней ничего не было; на видъ она казалась старше своего мужа (котораго я видалъ въ Петербургѣ, когда мы ѣзжали къ обѣднѣ къ графу Алексѣю Кириловичу Разумовскому), и помнится мнѣ, что она уже разъѣхалась тогда съ мужемъ. Эту же зиму съ 1818 на 1819 годъ провела во Флоренціи г-жа Стеричъ съ единственнымъ своимъ сыномъ, немного моложе меня, и съ которымъ я довольно часто видался. Онъ былъ бойкій и остроумный мальчикъ и очень скоро началъ свободно болтать по итальянски. Отъ него я узналъ, что въ тоже время проживало во Флоренціи семейство Скванчи, считавшееся полурусскимъ, потому что г. Скванчи, хотя и былъ Тосканецъ, но долго находился въ Россіи на государственной службѣ, а жена его, на сколько мнѣ помнится, была чисто-Русская; но съ ними мы вовсе не были знакомы. Житейскія средства семейства Скванчи были, кажется, въ стѣсненномъ отчасти положеніи *).

Весною пріѣхалъ изъ Парижа братъ мой съ Дмитріемъ Васильевичемъ Нарышкинымъ, двоюроднымъ братомъ моей матери, еще холостымъ. Пробывъ недолго съ нами, они вмѣстѣ отправились въ Римъ и Неаполь. Много позднѣе я узналъ, что Дмитрій Васильевичъ влюбился было тогда въ мою сестру Елисавету, которой не минуло еще 16 лѣтъ; да и по правдѣ сказать, было во что влюбиться. Хотя ни ростомъ, ни таліею она не отличалась, но столь прелестную головку рѣдко можно встрѣтить. Думаю, что тутъ было одно мимолетное увлеченіе со стороны кузёна нашей матери, потому что наши родители никогда не дали бы своего согласія на этотъ бракъ, по причинѣ ближняго родства, и Дмитрій Васильевичъ вскорѣ послѣ сего женился на графинѣ Натальѣ Ѳедоровнѣ Ростопчиной.

Въ Январѣ или въ Февралѣ прибылъ великій князь Михаилъ Павловичъ, путешествовавшій по Италіи въ сопровожденіи бывшаго наставника императора Александра Лагарпа, и генераловъ Желтухина и Паскевича. Великій князь пробылъ во Флоренціи съ недѣлю и посѣтилъ насъ нѣсколько разъ, присутствовалъ однажды при обѣднѣ въ нашей домовой церки, былъ особенно внимателенъ ко мнѣ и не иначе называлъ меня какъ тескою. Помню, что однажды отецъ нашъ, раскрывъ свою грудь и указывая на висѣвшій у него на шеѣ крестъ, сказалъ великому князю: «Вотъ, ваше высочество, единственный крестъ,

*) Этотъ Скванчи, дослужившійся до тайнаго совѣтника, былъ попечителемъ надъ малолѣтними двумя братьями Райко, и отправилъ ихъ на воспитаніе, въ 1808 году, во Флоренцію. (Смотри „Русскій Архивъ“ за 1868 г., стр. 298, въ біографіи Николая Алексѣевича Райко, который былъ сыномъ перваго графа Бобринскаго).

который я имѣю» (т. е. въ смыслѣ ордена); «онъ надѣтъ на меня при купели крестною моею матерью, а вашей августѣйшею бабкой императрицею Екатериною». (Да и въ самомъ дѣлѣ странно, что тайный совѣтникъ, сенаторъ и камергеръ, не имѣлъ никакого ордена; впрочемъ, немудрено, что самъ отецъ мой отклонялъ всякое о немъ представленіе къ орденамъ). Великій князь былъ живаго и превеселаго нрава, привѣтливъ со всѣми и совершенно не тотъ, чѣмъ онъ былъ впослѣдствіи, какъ командиръ гвардейскаго корпуса; даже, помнится мнѣ, онъ въ то время не говорилъ еще отрывистымъ и напускнымъ басовымъ голосомъ, что́, впрочемъ, вмѣстѣ съ подыманіемъ плечъ къ ушамъ, было общимъ почти шикомъ у генераловъ Александровской эпохи. Великій князь спрашивалъ у меня, между прочимъ, успѣшно ли я лажу съ Латинскими склоненіями, «rosa, rosae, rosam, при чемъ добавилъ, что онъ никогда не могъ совладать съ ними. На это Лагарпъ тотчасъ же отвѣчалъ по французски. «Ваше высочество, вы ихъ теперь позабыли; но вы ихъ знавали хорошо въ свое время». При входѣ въ нашу церковь, великій князь сильно ударился головою о притолку и, повернувшись ко мнѣ, скорчилъ такую гримасу, что я не могъ не разсмѣяться. Въ ознаменованіе того, что Русскій человѣкъ, царской крови, удостоилъ нашу церковь своимъ присутствіемъ, нашъ маёстроди-каза Джіуліани (человѣкъ не безъ эрудиціи) сочинилъ Латинскую надпись (немного напыщенную, безъ чего Итальянцы не могутъ обойтись), которая была вырѣзана на мраморной доскѣ и вставлена въ стѣну самой церкви.

На слѣдующее лѣто 1819 года мы наняли виллу Пальміери, которая была ближе къ городу, чѣмъ прежняя Гонди. Съ нею сопряжены историческія воспоминанія, относящіяся къ XIV вѣку. Бокаччіо въ своемъ Декамеронѣ упоминаетъ объ этой виллѣ подъ названіемъ «Trevisi» (т. е. три лица) и указываетъ, что въ ней укрывалось нѣсколько Флорентинскихъ дѣвицъ, спасавшихся отъ свирѣпствовавшей тогда чумы. Съ нами переѣхала въ виллу Пальміери тетка графиня Марія Артемьевна Воронцова, оставившая окончательно дворъ и поселившаяся съ своею воспитанницею Анночкою Станкеръ во Флоренціи, еще съ конца 1818 года. Тетка уже открыто исповѣдовала тогда Римское католичество и успѣла совратить молодую Станкеръ, но тѣмъ не менѣе она всегда отклонялась ходить въ церковь вмѣстѣ съ нашею матерью и съ нами, опасаясь, вѣроятно, чтобы нашъ отецъ не подозрѣвалъ ее, что она была причиною прозелитизма въ нашей семьѣ. Этого она однакоже не избѣгла, и я слышалъ впослѣдствіи, что дѣйствительно нашъ отецъ считалъ ее виновницею отступничества моей

матери и сестеръ, но дозволяю себѣ сказать, что отецъ мой ошибался въ этомъ отношеніи: глухая и постепенная подготовка къ этому велась издавна. Тетка Воронцова была необыкновенно остроумна и такою осталась до своей кончины; разговоръ ея былъ игривъ, и въ обществѣ она ошеломляла собесѣдника неожиданнымъ оригинальнымъ какимъ нибудь отвѣтомъ, даже когда разговоръ шелъ о серіозныхъ весьма предметахъ. У нея было множество забавныхъ анекдотовъ о событіяхъ и людяхъ, съ которыми она сталкивалась въ теченіе двадцатилѣтней придворной своей жизни. Какъ жаль, что эта женщина не написала своихъ воспоминаній. На мое замѣчаніе по сему поводу, сдѣланное ей въ послѣднюю бытность мою во Флоренціи, въ 1863 году, она мнѣ отвѣчала, что начала было одно время писать свои мемуары, но увидавъ, что въ нихъ компрометированы многія изъ знакомыхъ ей лицъ, она сожгла все написанное.

Я также забылъ сказать, гдѣ слѣдовало, что въ концѣ 1818 года пріѣхала также во Флоренцію другая тетка моя граф. Екатерина Артемьевна и стала жить на одной съ своей сестрой квартирѣ; но пріѣхала она не прямо изъ Петербурга, а изъ Швейцаріи, гдѣ провела нѣкоторое время гостьею у изгнанной изъ Россіи великой княгини Анны Ѳедоровны. Въ послѣдующихъ годахъ, тетка граф. Екатерина Артемьевна неоднократно ѣзжала изъ Флоренціи къ августѣйшей изгнанницѣ и позднѣе поселилась окончательно въ Москвѣ, въ домѣ князя Сергія Михайловича Голицына, съ сестрою котораго, княжною Еленою Михайловною, она сдѣлалась неразлучною.

Въ серединѣ лѣта 1819 года мать моя, маленькая моя сестра Елена, мой воспитатель г. Слоанъ, гувернантка сестры г. Робинъ и я поѣхали въ Ливорно для морскихъ купаній, въ нанятую обще съ Мальцовыми виллу Арены, а отецъ мой оставался съ старшими сестрами на виллѣ Пальміери. Хозяинъ Ливорнской нашей виллы былъ Корсиканецъ, родной братъ извѣстнаго республиканца Пепе (т. е. Іосифа) Арены, казненнаго за заговоръ противъ Бонапарта, который былъ тогда еще первымъ консуломъ. У нашего Арены былъ большой лохматый песъ, породы грифоновъ, Медоръ; онъ ходилъ по ночамъ впереди своего хозяина съ палкою во рту, на обоихъ концахъ которой висѣло по зажженному фонарю.

При И. С. Мальцовѣ и малолѣтнемъ его братѣ Сергѣѣ Сергѣевичѣ гувернера тогда не было, а только Русско-нѣмецкій дядька, г. Беллербродтъ, безпредѣльно привязанный къ своимъ питомцамъ. Молодой Мальцовъ часто прибѣгалъ къ пособію Слоана для Латинскаго

языка, и въ этихъ случаяхъ воспитатель мой не пропускалъ случа ставить мнѣ, неохотнику заниматься, въ похвальный примѣръ юнаго моего друга.

Неподалеку отъ виллы Арены жила въ собственной своей виллѣ старушка Англичанка г-жа Партриджъ, великая цвѣтоводка и собирательница всякихъ кабинетныхъ рѣдкостей. Она охотно сближалась съ Русскими потому, говаривала она, что родная ея сестра была замужемъ за адмираломъ (позднѣе графомъ) Мордвиновымъ. Еще ближе къ намъ виллу Каламаія нанималъ на лѣто генералъ-адъютантъ князь Алексѣй Григорьевичъ Щербатовъ, незадолго передъ тѣмъ женившійся (вторымъ бракомъ) на Софьѣ Степановнѣ Апраксиной, тогда очень хорошенькой. Еще во Флоренціи княгиня разрѣшилась послѣ тягчайшихъ мукъ первымъ своимъ ребенкомъ (дочерью, умершей въ Россіи въ малолѣтствѣ), и во все время родовъ мать моя неотступно ухаживала за княгинею, какъ бы за родной дочерью. При кн. Щербатовой находится Русскій медикъ изъ Остзейскихъ провинцій, служившій передъ тѣмъ во флотѣ. Онъ часто состязался по политическимъ предметамъ съ моимъ воспитателемъ, и послѣдній изумился, узнавъ отъ Русскаго врача, что Балтійскій нашъ флотъ былъ построенъ изъ сосноваго, а не дубоваго дерева, отъ чего суда скоро гнили.

По воскресеніямъ мать моя ѣзжала со мною и съ шестилѣтнею сестрою Еленою къ обѣднѣ въ Лаворнскую Греческую церковь, но, примѣняясь къ Греческому обычаю, становилась съ сестрою на хорахъ за рѣшеткой, съ прочими Гречанками, а я одинъ стоялъ внизу съ мужчинами. Покуда мы жили на виллѣ Арены, мать моя ѣздила однажды съ больною г-жею Мальцовой поклониться чудотворной иконѣ Богородицы въ сосѣдній отъ виллы монастырь Монте-неро т. е. Черная Гора. Монастырь стоитъ на высокой горѣ, прилегающей почти къ морю, и въ пятиверстномъ разстояніи отъ Ливорно. Хранящаяся тамъ икона, чисто-Греческаго письма, считается явленною *), и къ ней стекается всегда толпа богомольцевъ. Преданіе говоритъ, что она явилась горбатому пастуху на камнѣ, у подошвы горы, и изъ нея вышелъ голосъ, повелѣвая пастуху перенести ее на гору, гдѣ нынѣ стоитъ обитель, и что когда пастухъ исполнилъ приказанное ему, то горбъ его исчезъ мгновенно. Икона вставлена въ стѣну высоко надъ главнымъ престоломъ (altare maggiore), и она всегда завѣшана пеленою, вышитою серебромъ; а когда богомольцы получаютъ дозволеніе узрѣть самую

*) Замѣчательно, что всѣ три извѣстныя мнѣ явленныя и чудотворныя иконы Богородицы, а именно Ливорнская, Флорентинская и въ городѣ Сполетто, Греческаго письма.

икону, то занавѣсъ подымается потаеннымъ механизмомъ и при бренчаніи нѣсколькихъ колокольчиковъ. Безъ примѣси театральной нѣтъ ни одного почти церковнаго обряда въ Италіи. Икона изображаетъ Богородицу держащею лѣвой рукой Божественнаго Младенца, не нагого, какъ придумали Его писать позднѣйшіе Итальянскіе художники, а въ красной сорочкѣ, какъ и у насъ, и на правой рукѣ у Богородицы сидитъ птичка. Прикладываться къ иконѣ невозможно по недоступной вышинѣ, да и обычая такого нѣтъ у Латинянъ.

При Мальцовыхъ находились, кромѣ домашняго ихъ доктора Лёвенталя, выписанная изъ Вѣны фортепіанная учительница дѣвица Каппи (дочь хозяина музыкальнаго магазина и калькографіи нотъ, долго существовавшаго въ Вѣнѣ подъ фирмою Каппи и Діабелли) и учитель ландшафтнаго рисованія г. Герарди, приглашенный изъ Флоренціи на лѣтнее только время. Съ дѣвицею Каппи я кое-когда продолжалъ свои уроки, но и тутъ лѣнился, какъ и во всемъ прочемъ. Успѣхи мои въ ландшафтномъ рисованіи были немного болѣе удовлетворительны, чѣмъ въ музыкѣ. Г. Герарди пріучалъ своихъ учениковъ рисовать прямо съ натуры, и для этой цѣли обѣ дочери г-жи Мальцовой, братъ ихъ Жанò и я, сопровождаемые Швейцарскою гувернанткою Мальцовыхъ, мамзель Мажóръ и нашимъ учителемъ, черезъ день ѣзжали въ сосѣдній лѣсокъ на склонъ горы Монте-Лимоне. Изъ насъ наиболѣе преуспѣвалъ Иванъ Сергѣевичъ, вскорѣ дошедшій до того, что въ Римѣ, въ слѣдующемъ году, онъ весьма искусно литографировалъ ландшафты и даже началъ писать масляными красками *). Лѣсокъ, служившій намъ для живыхъ моделей, былъ изъ породы дубовъ, не теряющихъ листьевъ круглый годъ, и изъ лавровыхъ деревьевъ, имѣющихъ тоже свойство: листва этихъ дубовъ чрезвычайно мрачна и монотонна въ сравненіи съ породою обыкновеннаго дуба. Преобладали въ этой мѣстности миртовые кусты, распространяющіе вокругъ ароматическій, но отчасти и одуряющій запахъ и цвѣтущіе въ самой серединѣ лѣта; а лѣсныя поляны были усѣяны цвѣтущимъ верескомъ.

Изъ виллы Арены мы съ матерью выѣхали прежде Мальцовыхъ и на обратномъ пути во Флоренцію провели дня два въ Пизѣ, гдѣ посѣтили, кромѣ покачнувшейся на бокъ извѣстной колокольни каѳедральнаго собора (il Duomo, Византійскаго зодчества XIII вѣка) и «Кампо-Санто», ботаническій садъ, директоромъ котораго былъ профессоръ Сàви. Онъ показывалъ намъ, какъ какую нибудь рѣдкость,

*) У меня хранится по сю пору видъ съ натуры Римскихъ развалинъ, окруженныхъ деревьями, литографированный И. С. Мальцовымъ.

единственный экземпляръ тощей березы-карлицы, страдавшей видимо отъ знойнаго несвойственнаго ей климата. Встрѣча съ родимымъ деревцомъ крайне обрадовала мою мать и самого меня, и мы на память отломили нѣсколько кончиковъ его вѣтвей. Затѣмъ мы своротили съ дороги, чтобы посѣтить Лукскія минеральныя воды (baics de Lucque) уже сдѣлавшіяся фашіонабельнымъ лѣтнимъ центромъ аристократическихъ туристовъ. Тамъ, на макушкѣ крутой горы, какъ бы въ орлиномъ гнѣздѣ, виталъ въ своей виллѣ мѣстный Мильтонъ, престарѣлый слѣпецъ, поэтъ и аббатъ Делла-Лена, котораго и мы, по примѣру прочихъ, навѣстили, сидя въ носилкахъ (добраться къ нему иначе было невозможно). Ничего особенно въ этомъ старцѣ не было кромѣ того, что онъ угощалъ каждаго посѣтителя тутъ-же импровизованными виршами, которыя и записывались съ его словъ, а изъ оконъ (или съ балкона) его жилища развертывалась обширная и прелестная панорама.

На пути изъ Лукки во Флоренціи случилась съ нами непріятная исторія. Отъ Лукскихъ водъ до города Лукки верстъ 12 мы ѣхали на почтовыхъ лошадяхъ, но для дальнѣйшаго пути мать моя предпочла взять *ветурина*, тоже что̀ вольнаго ямщика, безъ перемѣнныхъ лошадей съ самаго мѣста, что̀ несравненно дешевле. По существовавшему тогда регламенту (не всѣмъ, впрочемъ, извѣстному), тотъ, кто ѣздилъ на почтовыхъ лошадяхъ не иначе могъ взять ветуринскихъ, какъ пробывъ сутки въ томъ мѣстѣ, куда онъ пріѣхалъ на почтовыхъ. Такая привиллегія дана была почтѣ, въ виду того, какъ полагаю, что почтовая ѣзда отдавалась мѣстною администраціею съ торговъ тому, кто болѣе прочихъ надбавитъ на это цѣну; мы же только переночевали въ городѣ Луккѣ, и, вѣроятно, мать моя ничего не знала объ этомъ правилѣ. Въ другихъ государствахъ нарушеніе правительственнаго постановленія подвергло бы виновнаго наказанію штрафомъ или арестомъ съ соблюденіемъ легальнаго образа дѣйствій, но у пылкихъ сыновъ Италіи существуетъ своя расправа. Едва мы отъѣхали верстъ пять отъ Лукки, какъ нагнали насъ два-три почтаря, которые, остановивъ нашъ экипажъ, стащили ветурина съ козелъ, и тутъ началась между ними потасовка. Нашъ возница вырвался было изъ рукъ красныхъ куртокъ (одѣяніе почтарей), прыгнулъ на козла и ударилъ по лошадямъ, но и противники не отставали. Они снова его догнали, и опять завязалась между ними драка. Тщетно вышедшій изъ кареты г. Слоанъ старался унять ихъ; нападавшіе освирѣпѣли, а мы сидѣли испуганные въ экипажѣ. Такъ мы добрались до Пистоіи, перваго города на Тосканской территоріи. Что̀ происходило далѣе, не помню; но должно быть состоялся денежный компромиссъ между воюющими сторонами, или мать моя заплатила штрафъ за нашего ветурина.

Хотя мы и переѣхали на зиму въ городъ, но вилла Пальміери оставалась за нами до самаго 1824 года. Отецъ мой торговалъ ее, но дѣло разошлось, помнится мнѣ, изъ за бездѣльной суммы. Этой же осенью (1819 г.) пріѣхалъ къ намъ изъ Петербурга г. Милліарини, овдовѣвшій и съ двумя малолѣтними мальчиками; съ тѣхъ поръ онъ жилъ у насъ до кончины моего отца.

Теперь пора представить очеркъ нѣкоторыхъ изъ болѣе замѣчательныхъ лицъ Флорентинскаго общества.

Доживала свой вѣкъ во Флоренціи историческая крупная личность XVIII вѣка, графиня Луиза д'Альбани, рожденная графиня Стольбергъ. Она была вдова послѣдняго претендента Карла-Эдуарда-Стуарта, разбитаго въ сраженіи при Куллоденѣ въ Шотландіи въ 1745 г., при попыткѣ завладѣть Англійскимъ престоломъ. Въ концѣ прошлаго или въ началѣ текущаго вѣка она тайно обвѣнчалась съ трагическимъ писателемъ графомъ Альфіери, но не принимала никогда его фамиліи, а по смерти его воздвигнула ему великолѣпный мавзолей работы знаменитаго Кановы, во Флорентинской церкви Санта-Кроче, служащей пантеономъ Итальянскихъ великихъ мужей *). Разсказываютъ, что Альфіери, экзалтированный патріотъ, поставилъ будто надъ входными дверями дома графини д'Альбани, во время занятія Италіи Французами, надпись, что въ домѣ Французскихъ офицеровъ не принимаютъ. Салонъ графини д'Альбани былъ ареопагомъ политическихъ и литературныхъ Европейскихъ знаменитостей, а въ числѣ первыхъ былъ тогда старикъ маркизъ Луккезини, любимецъ одно время Прусскаго короля Фридриха, прозваннаго великимъ (хотя таковымъ я его не считаю) и игравшій видную роль въ началѣ текущаго вѣка. Здѣсь же бывалъ молодой поэтъ Ламартинъ, начинавшій обращать на себя вниманіе публики. Ходилъ анекдотъ, что нѣкій сынъ Альбіона, фанатическій приверженецъ давно изгнанной династіи Стюартовъ, будто бы преклонилъ колѣно предъ графинею д'Альбани и заявилъ ей, что онъ признаётъ ее за истинно-законную свою королеву. Для нея нашъ отецъ дѣлалъ отступленіе отъ домосѣдныхъ своихъ привычекъ и посѣщалъ ее иногда по утрамъ. У нея въ домѣ жилъ старый Французъ Фабръ, когда-то живописецъ, но предавшійся впослѣдствіи болѣе выгодной промышленности реставрировать картины старыхъ школъ,

*) Тутъ же находятся монументы надъ прахомъ Микельанджело, Макіавелли и надъ мнимымъ прахомъ Данта (ибо онъ погребенъ въ Равеннѣ). Замѣчательна лаконическая, но многозначущая надпись надъ могилою Макіавелли, составленная, какъ говорятъ, однимъ Англичаниномъ: „Tanto nomini nullum pare elogium“ (Нѣтъ похвалы равной подобному имени).

поврежденныхъ отъ времени, чѣмъ онъ пріобрѣлъ, какъ говорили, значительное состояніе и купилъ во Флоренціи домъ для помѣщенія своей галлереи, оставаясь самъ жить у графини д'Альбани до кончины, случившейся весной 1823 или 1824 года.

Въ числѣ Флорентинскихъ знаменитостей слѣдуетъ назвать г-жу Мàри, весьма еще красивую женщину. Прославилась она тѣмъ, что, при вторженіи Французовъ въ Италію, она, во главѣ дружины, сражалась и получила названіе новой Іоанны д'Аркъ. Въ обществѣ иностранцевъ она не показывалась, ее можно было видѣть во Флоренціи только на прогулкѣ въ Кашинахъ.

Въ 1819 жило во Флоренціи Англійское семейство Леардъ (Layard), рекомендованное моимъ родителямъ знакомыми ихъ въ Англіи. Сынъ г. Леарда, Генрихъ, нынѣшній извѣстный археологъ по Ниневійскимъ и Вавилонскимъ древностямъ, бывшій одно время членомъ министерства, былъ тогда ребенкомъ пяти или шести лѣтъ. Составъ высшаго Флорентинскаго общества того времени былъ на половину, если не болѣе, изъ Англичанъ, въ числѣ которыхъ видною личностію былъ нѣкто генералъ Чёрчъ (Church), находившійся тогда, не знаю почему, на Неаполитанской службѣ. Впрочемъ, онъ чуть-ли не принималъ участіе въ Неаполитанскомъ возстаніи въ 1820 и 1821 годахъ. Позднѣе онъ посвятилъ боевую свою дѣятельность Греческой борьбѣ за независимость и окончательно поселился въ Аѳинахъ.

Хотя отецъ нашъ не представлялся тогдашнему великому герцогу Фердинанду III (брату Австрійскаго императора Франца), но оба видались случайно безъ всякихъ дипломатическихъ формальностей и разговаривали на открытомъ воздухѣ. Это случалось вотъ какъ. Отецъ мой прогуливался на террассѣ съ деревьями нанимаемаго нами дома Гуиччіардини-Палличи, а въ эти самые часы Тосканскій герцогъ приходилъ каждое утро обозрѣвать ходъ построекъ въ дворцовомъ саду Боболи, прилегающемъ къ его дворцу Питти и къ задней стѣнѣ нашего дома. Онъ былъ великій охотникъ строиться и на работы выходилъ въ обыкновенномъ своемъ костюмѣ, состоявшемъ изъ коротенькаго сюртучка сѣраго цвѣта и бѣлой широкопольной шляпы. Человѣкъ онъ былъ добрѣйшей души и весьма не глупый, всѣмъ доступенъ и обходителенъ, чрезвычайно простъ въ житейскихъ привычкахъ и популяренъ между простымъ народомъ. При неимовѣрной тогдашней дешевизнѣ провизіи и квартиръ во Флоренціи, привлекало туда иностранцевъ еще то рѣдкое исключеніе, что не существовало никакого цензурнаго запрета иностранныхъ журналовъ и книгъ, отсутствовала также всякая

формалистика полицейскаго надзора и, вопреки подобной административной распущенности, случаи разбойничества и грабежа были проявленіями весьма рѣдкими, не только по городамъ, по внутри края и по большимъ дорогамъ. Вся воинская сила великаго герцогства состояла изъ 2 мушкатерскихъ полковъ, одного баталіона отборныхъ гренадеръ въ родѣ гвардейцевъ (въ бѣлыхъ мундирахъ, какъ Австрійцы) и одного полнаго эскадрона легкой кавалеріи, разбросаннаго по всему пространству Тосканы для полицейскихъ разъѣздовъ и конвоированія денежной почты. Былъ также маленькій конный отрядъ тѣлохранителей въ 30 или 40 человѣкъ (guardia nobile) изъ мѣстныхъ дворянъ и въ офицерскомъ чинѣ; они содержали внутренній карауль во дворцѣ Питти и дежурили, какъ ординарцы, при великомъ герцогѣ. Мундиръ у нихъ былъ красный, а на головѣ треугольная шляпа, обшитая галуномъ. Все войско великаго герцогства не превышало четырехъ тысячъ человѣкъ. Тоскана блаженствовала подъ патріархальнымъ и либеральнымъ даже управленіемъ Фердинанда III, и эта его либеральная наклонность была постояннымъ предметомъ негодованія Метерниховскаго агента графа Бомбеля, акредитованнаго при Тосканскомъ дворѣ, что̀ отнюдь не мѣшало великому герцогу продолжать дѣйствовать по своему. Вотъ тому одинъ примѣръ. Послѣ возмущеній въ Туринѣ и Неаполѣ въ 1821 году, когда Австрійцы ловили членовъ тайнаго общества Карбонаровъ, Тосканскій герцогъ разрѣшилъ жительство въ своей столицѣ политическому изгнаннику, капитану Росси. На заявленіе начальника Флорентинской полиціи (личности, которую публика видала на улицѣ только, когда были публичныя гулянья), что опасный этотъ господинъ былъ уже высланъ изъ Ломбардіи, Піемонта, Неаполитанскаго королевства, словомъ, изъ всѣхъ Итальянскихъ владѣній, добрякъ великій герцогъ отвѣчалъ своему Фушѐ: «Если это такъ, то спрашиваю васъ, гдѣ же прикажете ему пріютиться? Не на воздухѣ-ли? Оставьте его въ покоѣ: онъ никакого вреда намъ не сдѣлаетъ». И дѣйствительно, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ этотъ агитаторъ шлялся по Флорентинскимъ кофейнямъ, и ничего о немъ не было слышно. Это было въ то время, когда князь Метернихъ, опутывая весь полуостровъ реакціонернымъ терроризмомъ, приводилъ въ практику извѣстную свою поговорку, что Италія не что иное, какъ географическое опредѣленіе (une expression géographique). Старикъ Фердинандъ III, бывшій долго вдовцемъ, женился въ 1820 году на нестарой принцессѣ Саксонскаго дома, сестрѣ жены его сына эрцгерцога Леопольда (женившагося осенью 1817 года), черезъ что сестры сдѣлались свекровью и снохою между собою. Но еще болѣе поразительный примѣръ кровосмѣшенія представлялъ бракъ въ семействѣ Римской дукессы Данте, жившей въ опи-

сываемое время во Флоренціи: дочь ея вышла замужъ за родного брата своей матери и этимъ сдѣлалась заловкою послѣдней и теткой самой себѣ. На подобные браки получается особая папская *диспгнса*, то есть разрѣшеніе.

Очень часто бывалъ у моего отца Дмитрій Петровичъ Северинъ, пріѣзжавшій нѣсколько разъ въ отпускъ во Флоренцію. Если не ошибаюсь, немного позднѣе сего времени онъ былъ назначенъ въ Швейцарію. Онъ часто обѣдывалъ вдвоемъ съ моимъ отцемъ, у котораго вошло въ привычку съ 1819 года обѣдать у себя въ два часа, вдвоемъ съ кѣмъ нибудь изъ моихъ сестеръ или съ братомъ, но чаще всего съ г. Милліарини. Не взирая на неравенство лѣтъ между отцемъ моимъ и Д. П. Северинымъ, молодой дипломатъ пріобрѣлъ его дружбу и даже нѣкоторое вліяніе надъ нимъ, какъ видно изъ того, что, по его совѣту, отецъ мой отправилъ меня позднѣе къ своему двоюродному брату гр. М. С. Воронцову; поѣздка эта предназначалась быть приготовительнымъ шагомъ для моего поступленія на службу. Помню, отецъ мой говаривалъ, что Северинъ и Матусевичъ (преждевременно умершій) были сотрудниками графа Каподистріи. Изъ ученыхъ Итальянцевъ высшаго круга подружился съ моимъ отцемъ Венеціанецъ графъ Чиконіара, свѣжій старикъ съ представительной наружностію и весьма пріятный въ обществѣ. Онъ составилъ себѣ имя роскошнымъ изданіемъ «Исторіи скульптуры въ Италіи», въ нѣсколькихъ томахъ in-folio, съ гравюрами. Онъ же и былъ основателемъ Венеціанской Академіи Художниковъ *). Бывалъ также, хотя рѣже, у моего отца ученый Неаполитанскій маркизъ Гаргалло, переводчикъ Горація. Его сопровождалъ обыкновенно его сынъ, педантъ и прескучный господинъ, возымѣвшій виды на руку сестры моей Елисаветы Дмитріевны. Вообще, однакоже, Итальянское дворянство не отличалось ученостію, и первымъ, если не ошибаюсь, періодическимъ журналомъ во Флоренціи, была «Antologia Italiana», издаваемая съ 1819 или 1820 года Швейцарцемъ г. Віёсіё (Vieussieu), открывшимъ впервыя около этого времени читальню (cabinet de lecture) съ газетами на разныхъ языкахъ. Еще изъ замѣчательныхъ лицъ, часто посѣщавшихъ моего отца, былъ Англичанинъ пожилыхъ лѣтъ, но съ живыми еще пріемами, лордъ Гильфордъ, посвятив-

*) Много лѣтъ послѣ смерти архитектора Гваренги (построившаго немало зданій въ Петербургѣ со временъ Екатерины до 1808 или 1810 года) Венеціанская академія снеслась съ Петербургскою для пріобрѣтенія оригинальныхъ плановъ и чертежей, оставшихся по смерти Гваренги, Венеціанскаго уроженца. Всѣ эти рисунки, въ значительномъ количествѣ, нынѣ выставлены въ Венеціанской Академіи, и я ихъ разсматривалъ въ 1863 году. Тамъ находятся нѣсколько проектовъ публичныхъ зданій, никогда не выполненныхъ.

шій свою дѣятельность и широкія средства для основанія школъ въ пробуждавшейся Греціи и на Іоническихъ островахъ. У богатаго этого *Филелена* была сестра, игравшая видную роль въ скандальномъ процессѣ Англійской королевы Шарлотты (матери умершей въ 1817 году принцессы Шарлотты Кобургской), супругъ которой Георгъ IV всячески домогался доказать, что онъ съ рогами, дабы тѣмъ не допустить своей супруги участвовать въ обрядѣ его коронованія. А такъ какъ сестра лорда Гильфорда сопутствовала королевѣ Шарлоттѣ въ ея странствованіяхъ по Европѣ, когда Георгъ IV былъ еще принцемъ-регентомъ, то она была вызвана въ парламентъ, обращенный въ верховное судилище, для показаній о поведеніи Англійской принцессы; но на всѣ предложенные ей вопросы она постоянно отзывалась непомнившею ничего, за что дано было ей прозвище «Madama non ricordo». Не рѣдко также бывалъ у моего отца Англійскій граверъ г. Сандерсъ, еще Петербургскій его знакомый, гравировавшій галлерею нашего Эрмитажа и поселившійся окончательно во Флоренціи.

Весною, должно быть, этого же года, пріѣхалъ во Флоренцію ген.-адъютантъ князь Василій Сергѣевичъ Трубецкой съ весьма миловидною еще своей женою, урожденною Вейсъ, и со всѣми своими еще малолѣтними дѣтьми. Одновременно съ нимъ пріѣхала послѣдняя представительница Екатерининскаго двора, графиня Анна Степановна Протасова, совершенно уже слѣпая.

Камердинеръ и крѣпостной человѣкъ князя В. С. Трубецкаго Иванъ Великановъ, воспользовавшись юридическимъ правомъ прекращенія крѣпостной зависимости Русскихъ людей, находившихся за границею, отошелъ отъ своего барина по причинѣ, какъ говорилъ онъ, запальчиваго характера его. Вскорѣ послѣ того Великановъ женился на прехорошенькой Француженкѣ Флавіи, горничной тетки моей гр. Маріи Артемьевны, и открылъ во Флоренціи сначала модный магазинъ, а потомъ съ Русскими товарами, преимущественнѣе Кяхтинскимъ чаемъ и Торжковскими сафьянными издѣліями. Ему повезло, и онъ мало по малу, расширивъ кругъ своихъ предпріятій, сдѣлался въ 30-хъ годахъ коммиссіонеромъ и полу-банкиромъ пріѣзжихъ въ Италію Русскихъ путешественниковъ; позднѣе онъ взялся за мраморныя издѣлія и въ 1839 году имѣлъ уже въ Каррарскихъ горахъ собственную каменноломню и взялъ подрядъ отдѣлать колонны для Георгіевскаго зала зимняго двоца, сгорѣвшаго зимою 1837 года. Князь Трубецкой поступилъ съ нимъ побарски: онъ добровольно выслалъ ему отпускную, послѣ

чего послѣдній приписался къ первой гильдіи въ Россіи и бывалъ въ своемъ отечествѣ по нѣскольку разъ, хотя на короткое время *).

Этой же весной или въ слѣдующемъ 1821 году пріѣхалъ во Флоренцію князь Григорій Ивановичъ Гагаринъ съ женою, урожденною Соймоновою, и двумя сыновьями, оба моложе меня. Страннымъ мнѣ казалось, что, когда князь Гагаринъ пріѣзжалъ съ сыновьями къ обѣднѣ въ нашу церковь, княгиня никогда ихъ не сопровождала, а являлась въ гостиную моей матери уже по окончаніи литургіи; впослѣдствіи я узналъ, что она, по примѣру старшей своей сестры, Софіи Петровны Свѣчиной, перешла въ латинство.

Я не разъ уже упомянулъ о семействѣ Камбель, съ которымъ мать моя и сестры сошлись съ перваго года нашего пріѣзда во Флоренцію, но я не входилъ по сю пору въ подробности о немъ. Леди Шарлотта Камбель была матерью четырехъ дочерей-грацій, часто у насъ бывавшихъ. Изъ младшихъ, миссъ Эмма была немного старше меня (а мнѣ шелъ 14-й годъ), и по ея лѣтамъ особенно хороша; а меньшая изъ всѣхъ, миссъ Джулія, рѣзвушка и проказница, была ровесницею мнѣ. Мое еще полудѣтское, но пылкое сердце не могло долго оставаться равнодушнымъ къ чарамъ обѣихъ нимфъ; но миссъ Эмма взяла верхъ, быть-можетъ, потому что миссъ Джулія косила глазами (привычка, отъ которой старались отучить меня въ моемъ дѣтствѣ). По развившемуся у меня тогда поэтическому настроенію я принялся было за Англійскую оду въ честь лазурныхъ очей прелестной миссъ Эммы; днемъ свободнаго отъ занятій времени не оставалось для Аполлона, и я вдохновлялся ночью; но и тутъ возникло неодолимое препятствіе, потому что я спалъ въ одной комнатѣ съ моимъ воспитателемъ, и нечего было думать зажигать свѣчу ночью. И вотъ я ощупью, лежа въ постели и въ темнотѣ, принимался бывало чертить карандашемъ на бумагѣ пламенемъ дышущую оду; но увы! карандашъ былъ блѣденъ, рука не повиновалась сердцу, и когда разсвѣтало, я ничего не могъ разобрать изъ ночныхъ моихъ каракуль, въ ущербъ поэтической моей славѣ.

Леди Шарлотта Камбель вскорѣ послѣ вышла замужъ за молодого пастора г. Бюри и подъ именемъ леди Бюри (Англичанки съ титуломъ леди по рожденію или по мужу сохраняютъ право на этотъ титулъ, хотя бы и вышли замужъ за плебея), получила нѣкоторую извѣстность своими романами въ 30-хъ годахъ. Въ кружкѣ Англичанокъ,

*) Великановъ поставлялъ Итальянскій мраморъ также для Петербургскаго Исакіевскаго собора и для Московскаго храма Спасителя.

окружавшихъ мою мать, были также двѣ пожилыя сестры, дѣвицы, миссъ Берри, умныя и пріятныя космополитки, одна изъ которыхъ эффектно и скоро снимала виды съ натуры. Въ отличіе отъ младшей сестры, старшую звали «the Elder. Berry», изъ чего выходилъ по-англійски каламбуръ: «Elder» значитъ старшая, а также кустъ бузины; а «Berry» обозначаетъ «ягоду».

Осенью бывалъ у насъ раза два на виллѣ Пальміери Англійскій трагическій актеръ Кембель, уже сошедшій со сцены, столь же знаменитый на его родинѣ, какъ былъ Тальма во Франціи. Британскій артистъ-ветеранъ сохранялъ даже и внѣ сцены величавую осанку жреца Мельпомены. Нерѣдко въ теченіе всего этого года бывалъ у насъ профессоръ Петербургской Академіи Художествъ Кипренскій. Въ его разговорахъ замѣтны были иногда какія-то странныя выходки, обличавшія иногда ненормальное состояніе умственныхъ его способностей. Не это ли отразилось въ послѣднихъ его произведеніяхъ, гдѣ рѣзко преобладаетъ краснокирпичный цвѣтъ? Помню также, что онъ крѣпко сѣтовалъ на Римское правительство, отнявшее у него бѣдную дѣвочку, имъ призрѣнную и которую онъ началъ было воспитывать со всею родительскою любовью. И отняли ее у него изъ опасенія чтобъ онъ не совратилъ ребенка въ нашу называемую Латинянами схизму.

Въ первыхъ мѣсяцахъ 1820 года произошло у насъ важное событіе, а именно: пріѣздъ во Флоренцію на короткое время Русскаго-священника. Это былъ іеромонахъ о. Иринархъ, находившійся въ Миланѣ при домовой церкви маркизы Терци, рожденной княжны Голицыной. Живо помню, какъ мы всѣ, даже наши полупроселитики, были глубоко тронуты, когда послѣ трехъ лѣтъ почти услыхали возглась при началѣ литургіи: «Благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа» и проч. Глаза у всѣхъ наполнились слезами. О, не безъ борьбы, конечно, совершился скорбный переходъ моихъ семейныхъ въ Римскую церковь! Особенно былъ онъ мучителенъ для моей матери, для брата и для Екатерины Ивановны Лёруа. Съ этого 1820 и до 1823 года, отецъ Иринархъ бывалъ по нѣскольку разъ во Флоренціи, хотя на короткое время. Онъ былъ первымъ моимъ законоучителемъ, и отъ него я догматически узналъ, что есть существенное, а не одно обрядовое различіе между восточной и западной церквами.

Въ продолжительные промежутки пріѣздовъ во Флоренцію о. Иринарха, отецъ нашъ продолжалъ выписывать изъ Ливорна отца Іоахима Валламонте. Однажды, когда я и сестра Елисавета говѣли, наша мать прочла намъ вслухъ молитву передъ принятіемъ Св. Тайнъ: «Вѣрую

Господи и исповѣдую» (которую Греческій нашъ духовникъ не могъ прочесть), и мать моя отъ полноты чувствъ прослезилась. Переходъ ея въ латинство окончательно еще совершился тогда. Впрочемъ, я долженъ добавить, что и послѣ ея перехода въ Римскую церковь и до конца своей жизни, она всегда признавала дѣйствительнымъ присутствіе тѣла и крови Искупителя въ таинствѣ эвхаристіи въ восточной нашей церкви, въ чемъ сомнѣваются, кажется, иные ультрамонтаны.

Года два съ небольшимъ по пріѣздѣ нашемъ во Флоренцію скончался отъ водяной одинъ изъ двухъ камердинеровъ моего отца, Николай Бѣшенцовъ, братъ даровитаго буфетчика, поэта и рисовальщика Ивана (возвышеннаго въ управляющіе Костромскимъ нашимъ имѣніемъ). На мѣсто умершаго выписанъ былъ изъ нашихъ же дворовыхъ Илья Степановъ съ женою и малолѣтнимъ сыномъ. Въ Россіи онъ былъ у насъ берейторомъ и одно время дядькою при мнѣ; онъ приходится братомъ по матери старшему камердинеру моего отца, Андрею Кашинцову. Этотъ Илья оставался при моемъ отцѣ до самой его кончины въ 1829 году, а сынъ его обучался архитектурѣ. Одновременно выписанъ былъ также нашъ поваръ Иванъ, тотъ самый что̀ сопровождалъ насъ до Радзивилова въ 1817 году. Около этого же времени выслали намъ изъ Бѣлкина любимое наше шестимѣстное ландо̀ и Англійское фортепіано, подаренное когда-то сестрѣ моей Елисаветѣ тетскою нашею леди Немброкъ. Подобныя недешевыя пересылки вещей, въ сущности не совсѣмъ необходимыхъ, покажутся нынѣ странностію, но при тогдашнихъ привычкахъ и широкихъ средствахъ онѣ считались обыкновенными.

Завелся тогда во Флоренціи коммиссіонеръ и полубанкиръ для Русскихъ путешественниковъ, мѣстный уроженецъ Маріотти, долго жившій въ Петербургѣ дворецкимъ у князя Александра Яковлевича Лобанова-Ростовскаго. Впослѣдствіи слышно было, что онъ жирненько нажился этой коммерціею, за что земляки его дали ему кличку «mangi Russi» (пожиратель Русскихъ). Онъ возвратился во Флоренцію женатый на Русской, а такъ какъ дѣтей у нихъ никогда не было, то они взяли на воспитаніе маленькую дочь вышепомянутаго нашего Ильи Степанова (родившуюся уже во Флоренціи), съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ее наслѣдницею. Что̀ сталось съ этой дѣвочкою, не знаю.

Начало лѣта 1820 г. мы провели на нашей виллѣ Пальміери, а въ Іюнѣ все наше семейство съ отцомъ включительно переѣхало для морскихъ купаній на виллу Швейцарца Гебгардта, близъ Ливорна, и обратно оттуда на всю позднюю осень въ виллу Пальміери. Насупро-

тивъ виллы Гебгардта жилъ лѣтомъ Турокъ, котораго мы видали сидящимъ у окна въ чалмѣ и съ длиннымъ чубукомъ въ зубахъ. Странная его фамилія, г. Жибральтаръ, давала поводъ подозрѣвать, не изъ ренегатовъ ли онъ былъ? Помнится мнѣ также, что онъ былъ Турецкимъ консуломъ. Втерся тогда въ общество Русскихъ молодой человѣкъ по фамиліи Гуерацци*), сынъ Ливорнскаго торговца эстампами. По ходатайству моего отца и другихъ вліятельныхъ лицъ изъ Русскихъ, на этого молодого человѣка, поступившаго въ Русскую службу, обращено было вниманіе Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ. Первоначально онъ получилъ «exequatur» на должность Русскаго вице-консула въ Ливорнѣ, былъ посланъ кабинетнымъ курьеромъ куда-то, во время конгрессовъ Лейбаха или Тропау, и позднѣе былъ Русскимъ консуломъ въ какомъ-то другомъ городѣ Италіи изъ приморскихъ.

Во время нашихъ приготовленій къ поѣздкѣ изъ виллы Пальміери на морскія купанья въ Ливорну, однажды, когда всѣ наши *большіе* сидѣли внизу за обѣдомъ, я, вмѣсто того, чтобы изготовлять урокъ, заданный мнѣ г. Слоаномъ, влѣзъ, изъ шалости, въ одинъ изъ чемодановъ приготовленныхъ для укладки платья. Замокъ какъ-то щелкнулъ, и я бы могъ задохнуться, еслибы не подоспѣлъ нашъ камердинеръ Дмитрій Ломовъ; да и онъ съ перваго раза не могъ освободить меня изъ этой западни, потому что не понималъ, откуда выходили мои крики.

Въ лѣтнее время сестра моя Елисавета съ Екатериною Ивановною Леруа, и я съ г. Слоаномъ, каждое утро, натощакъ, совершали двухчасовую и болѣе пѣшую прогулку по Апенинскимъ холмамъ и долинамъ вблизи отъ виллы Пальміери. Нерѣдко случалось, что между Екатериною Ивановною и моимъ воспитателемъ заходилъ разговоръ о вечернихъ наканунѣ салонныхъ гостяхъ, и о чемъ тамъ трактовали, а такъ какъ я грѣшилъ болѣе любопытствомъ, нежели любознаніемъ, то тема эта меня очень всегда интересовала. (Еще тогда, вплоть до 1823 года, я ложился спать въ половинѣ десятаго). И вотъ откуда я почерпнулъ многое изъ помѣщаемаго въ этихъ моихъ разсказахъ, а въ добавокъ я кое-что подслушивалъ во время урочныхъ моихъ часовъ, когда приходилъ вверхъ въ мою классную старикъ г. Джіуліани (нашъ маэстро-ди-каза) поболтать минутъ на двадцать съ г. Слоаномъ и попросить его очинить ему перья, въ чемъ мой наставникъ отличался. Справедливая была у нашей матери поговорка, что «les petits

*) Его не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ Гуерацци, позднѣйшимъ писателемъ и демагогомъ, но весьма даровитымъ человѣкомъ. Онъ участвовалъ въ Римской революціи 1848 года.

chaudrons ont de longues oreilles» [1]), а у меня еще вдобавокъ была хорошая память, какъ о томъ можетъ судить читатель.

Переселился изъ Венеціи въ Пизу въ 1819 или 1820 году лордъ Байронъ. Нрава нелюдимаго, онъ избѣгалъ шумной Флоренціи, и когда ему было надо проѣзжать черезъ нее, то онъ выбиралъ для этого ночное время и никогда въ ней не останавливался. Не любилъ онъ встрѣчей съ своими соотечественниками и жилъ въ малолюдной и скучной Пизѣ, въ кругу трехъ-четырехъ интимныхъ товарищей, скорѣе чѣмъ друзей, въ числѣ которыхъ былъ поэтъ Шѐлли (Schelly), утонувшій въ морѣ подъ Ливорно во время катанія на шлюпкѣ [2]); также отставной капитанъ Медвинъ (capt. Medwin), издавшій позднѣе книгу подъ заглавіемъ «Conversations of lord Byron» (разговоры лорда Байрона), и Итальянская красавица графиня Гуиччіоли (Guiccioli), покинувшая свое семейство изъ любви къ знаменитому барду [3]). Разсказывали, что прихотливый лордъ не любилъ видѣть женщину, когда она ѣстъ, и потому эта дама присутствовала для одной формы на его обѣдахъ и прикасалась лишь къ десертнымъ фруктамъ. Тишина Пизы и отсутствіе аристократическаго элемента соотвѣтствовали какъ разъ мечтательному и мизантропическому духу лорда-поэта. Безжизненность этого города одушевлялась немного на четыре или пять недѣль въ году, когда туда переѣзжалъ въ концѣ зимы Тосканскій дворъ. Отрицая свое Англійское происхожденіе, лордъ Байронъ утверждалъ, что корень его фамиліи былъ одинаковый съ извѣстнымъ въ прошломъ столѣтіи Французскимъ комодоромъ Бирономъ, и вотъ почему Пизанскіе его сожители-Англичане произносили его фамилію Бирнъ, а не Байронъ. Въ 1822 году онъ имѣлъ какую-то непріятную исторію съ однимъ кавалерійскимъ унтеръ-офицеромъ во время его прогулки съ друзьями верхомъ; исторія эта дошла до драки между Англичанами, прислугой лорда и Тосканскими военными, вслѣдствіе чего онъ первоначально переѣхалъ (помнится мнѣ) въ Швейцарію, а когда вспыхнуло Греческое возстаніе, то поспѣшилъ принести въ помощь людямъ, боровшимся за независимость, дѣятельность свою и широкія средства, и умеръ, какъ извѣстно, въ 1824 году, въ Миссолунги.

По случаю бракосочетанія царствовавшаго великаго герцога Фердинанда III съ Саксонскою принцессою, устроено было народное ночное празднество, подобнаго которому никогда болѣе не случалось мнѣ видѣть. Вся площадь передъ церковью и монастыремъ Св. Марка, до-

[1]) У маленькихъ котелковъ большія ушки.

[2]) Шелли сдѣлался извѣстенъ своею поэмою „Королева Мебъ“ (Queen Mabb).

[3]) Она была еще жива въ 1863 г. во Флоренціи.

вольно обширная, была обтянута холстомъ и обращена въ гигантскій танцовальный залъ. Въ числѣ иноковъ этого монастыря былъ въ концѣ XV вѣка знаменитый Джироламо Саванарола. Я гдѣ-то вычиталъ, что блаженный нашъ Максимъ-Грекъ (также потерпѣвшій отъ деспотизма), путешествуя по Италіи, лично зналъ этого Саванаролу и о немъ отзывается, какъ о монахѣ строгой жизни.

Въ 1819 или 1820 году переѣхалъ изъ Парижа во Флоренцію Николай Никитичъ Демидовъ и зажилъ тамъ владѣтельнымъ князькомъ второй руки. Нанимаемый имъ палаццо Серистори, у моста «Delle Grazie», представлялъ пеструю смѣсь публичнаго музея съ обстановкою Русскаго вельможи прошлаго вѣка. Тутъ были Французскіе секретари, Итальянскіе комиссіонеры, Сибирскіе горнозаводскіе конторщики, приживалки, воспитанницы, и въ дополненіе ко всему этому Французская водевильная труппа въ полномъ составѣ. Изъ приживалокъ была одна перезрѣлая Весталка по фамиліи Вындомская, а къ числу воспитанницъ принадлежала молодая мамзель Надинъ съ Калмыцкими глазами и скулами. Сверхъ сего штата постоянно проживали у него бездомные игроки и паразиты; Французскою же труппою управлялъ старикъ Фрожеръ, принадлежавшій когда-то Петербургской императорской труппѣ, той самой, въ которой первенствовала и возбуждала всеобщій фуроръ пѣвица комическихъ оперъ Фелисъ-Андріе. Какъ стародавній знакомый моего отца, этотъ Фрожеръ часто бывалъ у насъ на виллѣ Пальміери, и отецъ мой называлъ его «le Frogère» или «citoyen Frogère», на подобіе того, какъ Парижане называли другъ друга во времена первой республики, и я полагаю, что гражданинъ Фрожеръ былъ товарищемъ на сценѣ республиканскому народному трибуну и актеру, Колену д'Арлевилю. Комическое свое амплуа Фрожеръ продолжалъ и внѣ театра и сдѣлался вхожъ во многіе Петербургскіе салоны начала сего вѣка. Судя по тому, каковъ онъ былъ въ старческихъ своихъ годахъ, сдается мнѣ, что онъ обязанъ былъ буффонству своимъ доступомъ къ Петербургской знати. Изъ его разсказовъ помню слѣдующій. Однажды на Петербургской Французской сценѣ стояла на афишѣ Вольтерова трагедія «Танкредъ». Какая-то неожиданная причина помѣшала объявленному спектаклю, а замѣнить эту трагедію другою піесою недоставало времени, и вотъ на какое гаерство пустились Французскіе артисты. По поднятіи занавѣса выходитъ на аванъ-сцену первый трагическій актеръ Сенъ-Клеръ (Saint-Clair) въ роли Танкреда, въ рыцарскомъ, какъ слѣдуетъ, костюмѣ; а за нимъ выступаетъ, въ роли его конфидента-Альдамара, нашъ Фрожеръ. Тутъ публика почуяла, что будетъ потѣха уже по тому, что комикъ Фрожеръ взялся за серіозную роль

и что при томъ онъ явился въ партикулярномъ своемъ костюмѣ. И вотъ Сенъ-Клеръ декламируетъ первые два стиха входной тирады:

A tous les coeurs bien nés que la patrie est chère!
Qu'avec ravissement je revois ce séjour.

А Фрожеръ подхватываетъ въ отвѣтъ: «Oui, monsieur, cela fait toujours du plaisir de revoir son pays». Тутъ конечно послѣдовалъ взрывъ хохота въ публикѣ. Затѣмъ Сенъ-Клеръ продолжалъ:

Cher brave Aldamar, digne ami de mon père,
C'est toi dont l'heureux zèle a servi mon retour,

а Фрожеръ: «Vous êtes bien bon, monsieur, mais cela ne vaut pas la peine d'en parler. Du reste, m-r votre père, il est vrai, m'honorait de son amitié», и затѣмъ вся остальная сцена сошла въ такомъ же буффонствѣ, къ величайшей забавѣ партера. Не знаешь, право, чему болѣе тутъ дивиться, дерзости ли актеровъ, или невзыскательности и дурному вкусу публики.

Въ домѣ Н. Н. Демидова находилась также выставка малахитовыхъ и другихъ цѣнныхъ вещей, а въ саду коллекція попугаевъ. Оба эти отдѣленія были доступны Флорентинскимъ зѣвакамъ и состояли подъ надзоромъ, сколько помнится мнѣ, одного убогаго Луккскаго маркиза, получавшаго окладъ въ 10 или 15 скудовъ въ мѣсяцъ. (Скудо, тоже что̀ Тосканскій «франческоне», равнялся, по тогдашнему курсу, 5 франкамъ и 60 центимамъ, около $1^1/_2$ нынѣшнихъ рублей). Французскіе спектакли давались два раза въ недѣлю, а затѣмъ слѣдовалъ балъ. Самого хозяина, разбитаго параличемъ, перевозили изъ комнаты въ комнату на креслахъ съ колесами. Конюшни были наполнены Англійскими кровными лошадьми (изъ нихъ замѣчательна была сѣрая въ яблокахъ шестерня, пріобрѣтенная по смерти Англійской принцессы Шарлотты), и экипажи Н. Н. Демидова, отличавшіеся на публичныхъ гуляньяхъ роскошью упряжи, соперничали, если даже и не превосходили экипажи другаго матадора и охотника въ этомъ отношеніи, принца и милліонера Камилла Боргезе. Были также и верховыя лошади для употребленія мужской и дамской свиты хозяина. До покупки и перестройки знаменитой своей подгородной виллы Санъ-Донато, въ концѣ 20-хъ годовъ, Н. Н. Демидовъ все продолжалъ жить въ палаццѣ Серистори. Онъ щедро надѣлилъ помѣстьемъ Монте-Лимоне (въ окрестностяхъ Ливорно) жившаго при немъ незаконнорожденнаго (какъ носился слухъ) своего сына молодаго Романовича, недолго владѣвшаго этимъ помѣстьемъ и убитаго на дуэли однимъ игрокомъ Розенбергомъ. Онъ

уже былъ помолвленъ на незаконнорожденной дочери принца Станислава Понятовскаго, красавицѣ Констанціи, вышедшей позднѣе замужъ за маркиза Цаппи [1]). Случалось, что Николай Никитичъ, разсматривая отчеты Сибирскихъ своихъ заводовъ, нужнымъ находилъ вытребовать для личныхъ объясненій во Флоренцію какого нибудь изъ Уральскихъ своихъ прикащиковъ и, получивъ подобное приказаніе, Сибирякъ запрягалъ тройку въ повозку и, на основаніи поговорки, что «языкъ до Кіева доведетъ», въ ней проѣзжалъ всю Россію и Германію и являлся къ барину во Флоренцію, не говоря ни на какомъ другомъ языкѣ, какъ на родномъ.

Въ числѣ жившихъ на окладѣ Н. Н. Демидова находился Иванъ (по отечеству забылъ) Нарышкинъ, хромой острякъ, изъ-за чего дано было ему прозвище «le diable boiteux». Раненный въ 1812 году, онъ почти постоянно проживалъ въ Парижѣ, но бывалъ и во Флоренціи и слылъ игрокомъ, въ обществѣ былъ крайне забавенъ и пѣвалъ остатками прекраснаго басоваго голоса. Анатолій Николаевичъ Демидовъ не оставлялъ г. Нарышкина по смерти своего отца, и разъ, въ Парижѣ, по случаю новаго года, послалъ ему 500 франковый билетъ при запискѣ, въ которой говорилось: «de la part de m-r Démidoff avec mille compliments» [2]) по полученіи которой г. Нарышкинъ не замедлилъ письменнымъ отвѣтомъ, что «au lieu des mille compliments mentionnés dans le billet de m. A. de Demidoff il n'y avait d'inclus que la moitié» [3]). Послѣдовала ли затѣмъ вторая серія комплиментовъ, не знаю. Хотя Анатолій Николаевичъ былъ тремя годами моложе меня, но предоставлена была ему, въ описываемое мною время, полная свобода. Гувернера при немъ (по крайней мѣрѣ во Флоренціи) не было, и онъ пріѣзжалъ къ намъ на виллу Пальміери одинъ и когда ему вздумается. Отецъ его выразился разъ (кажется при мнѣ), что изъ этого его сына выдетъ или негодяй (scélérat), или замѣчательный человѣкъ; кажется, ни того ни другого изъ него не вышло. Николай Никитичъ щедро помогалъ всѣмъ нуждающимся и по смерти былъ весьма оплакиваемъ нищею братьею городской части, гдѣ онъ жилъ. Мать моя сказывала мнѣ, что отецъ Николая Никитича, уже получившій дворянство (изъ бывшихъ купцовъ), домогался камеръ-юнкерскаго званія, на что̀ императрица Екатерина отозвалась-де, что онъ не заслужилъ ничѣмъ такого отличія. Когда же ходатаи Сибирскаго милліонера доло-

[1]) Романовичъ служилъ (вѣроятно недолго) въ Маріупольскомъ гусарскомъ полку.

[2]) Отъ г. Демидова съ тысячью комплиментовъ.

[3]) Что вмѣсто тысячи комплиментовъ, обозначенныхъ въ письмѣ г. Демидова, въ полученіи оказалась одна только половина таковыхъ.

жили ей, что онъ готовъ пожертвовать для того вооруженнымъ вполнѣ военнымъ судномъ, то Императрица сказала: «О если такъ, то не только камеръ-юнкеромъ, но пожалую его въ камергеры».

Осенью этого 1820 года бывали у насъ на виллѣ Пальміери два лица, бывшія впослѣдствіи монархами: принцъ Леопольдъ Кобургскій, вдовецъ Англійской наслѣдной принцессы Шарлотты, бывшій до 1814 г. въ нашей службѣ, а впослѣдствіи Бельгійскимъ королемъ, и принцъ Оскаръ, наслѣдникъ Шведскаго престола, сынъ Бернадота. Изъ Русскихъ пріѣзжихъ особенно помню графа Кутайсова, человѣка далеко не первой молодости, но силившагося молодиться, «un ci-devant jeune homme.» Это былъ маленькій и худенькій человѣкъ; кажется, чернилъ себѣ волоса. Изъ Французскихъ роялистовъ бывали у насъ графъ или маркизъ д'Эстурмель и маркизъ де-Бурбель съ сыномъ, немного старше меня, а также полуобрусѣвшій, но переселившійся обратно въ Бурбонскую Францію графъ Арманъ Сенъ-При, со старшимъ сыномъ Алексѣемъ. Кстати уже забѣгу далеко впередъ, чтобы добавить о графѣ Арманѣ, что онъ, доживши до второй Французской имперіи (въ 1852 г.) не могъ видѣть на Бурбонскомъ тронѣ племянника перваго ненавистнаго ему узурпатора и предпочелъ умереть въ Россіи.

Въ это же приблизительно время поселилось во Флоренціи па нѣсколько лѣтъ семейство Краузъ (или Краузе) изъ зажиточныхъ негоціантовъ Прибалтійскихъ нашихъ губерній. Мы не были знакомы съ ними; но, встрѣчаясь на гуляніяхъ, нельзя было не обратить вниманія на одну изъ младшихъ дочерей г. Краузе, прехорошенькую блондинку Иду.

Говоря о Флорентинскихъ виллахъ, нелишнимъ считаю дать нѣкоторое о нихъ понятіе. Въ нихъ ничего особенно привлекательнаго въ описываемое время не было кромѣ болѣе пли менѣе живописной мѣстности, и весьма ошибется тотъ, кто вообразитъ себѣ ихъ чѣмъ-то въ родѣ Петербургскихъ загородныхъ дачъ съ ихъ комфортомъ и меблировкою. Начиная съ того, что никакихъ орнаментальныхъ плантацій, ни газоновъ съ кустарниками не было: въ знойный Итальянскій лѣтній день другой тѣни не сыщешь какъ отъ стѣнъ виллы. Съ противуположной стороны подъѣзда было разбито обыкновенно нѣчто въ родѣ крошечнаго цвѣтничка, глухо замкнутаго кругомъ высокими стѣнами, которыя служили внутри шпалерами для померанцевыхъ и лимонныхъ деревьевъ, абрикосовъ или сливъ, съ мраморнымъ бассейномъ въ серединѣ четвероугольника, изъ котораго билъ фонтанъ, да и то непостоянно, а когда открывался кранъ. Насчетъ померанцовыхъ и

лимонныхъ деревьевъ надо замѣтить, что, при столь прославленномъ Флорентинскомъ климатѣ, деревья эти закрываются зимою на-глухо толстѣйшими соломенными щитами, въ родѣ матрасовъ. Квадратикъ съ фонтаномъ въ центрѣ пересѣкался узенькими регулярными дорожками въ аршинъ ширины изъ мелкихъ и неутрамбованныхъ камешковъ, а между дорожками были узенькія рабатки или угловатыя регулярныя и небольшія клумбы для скудныхъ цвѣтовъ, между которыми торчали кое-гдѣ цвѣточные кустарники или низенькія деревца, обыкновенно гранатныя, деревца-карлики, покрытыя, впрочемъ, лѣтомъ огненными цвѣтками. Въ болѣе роскошныхъ виллахъ выставлялись на лѣто, по угламъ дорожекъ и вокругъ средняго бассейна, довольно высокорослыя лимонныя и померанцовыя деревья въ огромныхъ глиняныхъ горшкахъ. Иногда подъѣздъ къ виллѣ былъ между двумя рядами стриженныхъ, аршина на три вышины, кипарисовъ, или дворъ предъ виллою окаймлялся живою изгородью такихъ же кипарисовъ, но еще болѣе низкой стрижки. Кое-гдѣ стояла отдѣльно группа изъ полудюжины гигантскихъ кипарисовъ, отдѣльными экземплярами, или стояло въ одиночку лавровое дерево средней величины, или густой вѣчнозеленый дубъ, или буковое дерево; но другихъ плантацій не было. Тотчасъ за въѣзднымъ дворомъ и за цвѣтничкомъ тянулись пахатныя поля; они же служили огородомъ, перерѣзанныя параллельными линіями виноградныхъ лозъ на низкихъ шпалерахъ изъ тростника, а въ той же линіи (между ними) были оливковыя деревья, яблони (незавидныхъ вообще сортовъ кромѣ ранетовъ), персиковыя деревья (мелкоплодныя и несочныя), или смоковницы съ превкусными и сочными плодами. Кое-гдѣ выглядывали также исполинскіе экземпляры грушевыхъ деревьевъ съ огромными плодами, сохраняющимися безъ порчи всю зиму, и почти такого же размѣра деревья Испанскихъ вишень; но подобныхъ деревьевъ было вообще немного, и за ними былъ тотъ же уходъ, какъ у насъ за березами, то есть никакого. Между виноградными линіями сѣялись зимовая пшеница, овесъ и кукуруза (рожь неизвѣстна). А что до садоводства, то послѣ стараго великаго герцога Фердинанда III отецъ мой былъ изъ самыхъ первыхъ: онъ ввелъ культуру камелій, азалій и рододендроновъ.

Пахатныя земли, перемѣшанныя съ виноградниками и грядками для овощей, раздѣляются на «подери,» каждый изъ которыхъ равняется тремъ, приблизительно, десятинамъ, а нѣсколько «подере» вмѣстѣ составляютъ одну «фатторію,» арендуемую фермеромъ, а по мѣстному названію «фатторе». При иныхъ виллахъ (преимущественнѣе подгородныхъ) бываетъ одна только фатторія, состоящая изъ двухъ или

трехъ «подере,» но при болѣе значительныхъ бываетъ по пяти и болѣе «подере,» а въ отдаленныхъ отъ Флоренціи и болѣе крупныхъ помѣстьяхъ, бываетъ по три фатторіи, каждая изъ которыхъ состоитъ изъ 8 или 9 подерей: это уже зовется «тенута,» т. е. имѣніе, а не простая вилла. Каждая фатторія должна внести за себя денежный залогъ, довольно иногда значительный.

Мебелировка этихъ виллъ (говорю о быломъ времени), состояла по большой части изъ столѣтнихъ, если не старѣе, креселъ, стульевъ и диванова съ необыкновенно высокими и прямыми спинками, обитыхъ краснымъ штофомъ той же эпохи, или полинялой канвовой работы: издѣлія давно покоющихся хозяекъ виллъ. Спальни были загромождены кроватями такой ширины и длины, что на нихъ могли бы свободно улечься три человѣка, не прикасаясь другъ къ другу; но на подобное ложе влѣзть было невозможно безъ помощи скамьи. Иные объясняли эту неимовѣрную ширину кроватей потребностію перемѣнять мѣсто въ жаркія лѣтнія ночи. Занавѣси этихъ парадныхъ кроватей были изъ такой же штофной красной матеріи, какъ салонная мебель, прикрѣпленныя къ балдахину, доходившему почти вплоть до потолка. Столярная отдѣлка мебели въ парадныхъ комнатахъ была иногда позолоченная, а также и фигуры купидоновъ и негровъ, немного ниже натуральнаго роста, стоящія по угламъ, съ пустыми канделябрами въ рукахъ; въ прихожей (между лакейской и пріемными комнатами) или въ столовой, висѣли или стояли на тумбѣ столѣтніе давно испорченные часы. Лакейская имѣла свой аристократическій типъ: не только на спинкахъ лавокъ для прислуги изображенъ былъ гербъ владѣльцевъ виллы, но вдоль стѣнъ и по угламъ прибиты были раскрашенные щиты съ гербами тѣхъ фамилій, члены которыхъ сочетались бракомъ съ членами владѣльцевъ виллы. Стѣны въ пріемныхъ комнатахъ, обвѣшанныя краснымъ или зеленымъ штофомъ (подъ цвѣтъ мебели), имѣли притязаніе считаться галлереями отъ висѣвшихъ на нихъ, въ три - четыре ряда, почернѣвшихъ какъ уголь, картинъ, нѣкогда въ золотыхъ рамкахъ. Были еще въ мое время виллы съ остатками феодальной эпохи: по стѣнамъ столовыхъ залъ развѣшаны заржавленныя средневѣковыя оружія, также галлебарды и тупыя пики для турниров (tournois), и портреты, во весь ростъ въ латахъ, фамильныхъ витязей, пѣшихъ и конныхъ.

Въ пріемныхъ и жилыхъ парадныхъ комнатахъ, въ залѣ (иногда въ два свѣта, т. е. занимавшей вышину двухъ этажей) и въ прихожей всѣ потолки были росписаны фресками миѳологическаго или аллегорическаго содержанія, иногда весьма порядочной работы. Столы и тумбы

въ парадномъ отдѣленіи были на кривыхъ, въ родѣ рококо́ ножкахъ и вызолочены, съ мраморными по большей части досками. Но вся эта роскошь минувшихъ вѣковъ вѣяла затхлостію: полы кирпичные и покрытые какой-то темно-красной и гладкой мастикою, отъ чего они были скользки. Рядомъ съ пышностію парадныхъ нижнеэтажныхъ апартаментовъ, въ жилыхъ верхнихъ компатахъ дверп, окна и оконные косяки были иногда въ наиплачевнѣйшемъ состояніи и свободно пропускали осенній дождь и вѣтеръ. Уютнаго ничего не было въ этихъ виллахъ, развѣ только въ томъ отношеніи, что повсюду проведены были трубы съ кранами превосходной ключевой воды.

Безчисленность виллъ, окружающихъ и по нынѣ Флоренцію, была предметомъ удивленія еще въ XVI вѣкѣ и внушила знаменитому тогдашнему поэту Аріосту стихи, отзывающіеся однакоже гиперболою, свойственною всей Итальянской поэзіи:

«Глядя на множество виллъ, покрывающихъ холмы, подумаешь, что онѣ выходятъ изъ земли, точно такъ какъ въ землѣ рождаются червяки, которыми усыпаны молодые побѣги вѣтвей. А еслибы собрать воедино и подъ однимъ именемъ всѣ эти палаццы, разбросанные вокругъ тебя (т. е. Флоренціи), то два цѣлыхъ Рима не могли бы соперничать съ тобою».

Въ длинные осенніе вечера на виллѣ Пальміери, когда не было у нашей матери гостей, и уроки мои кончались, мы всѣ собирались вокругъ стола слушать трагедіи Расина и Корнеля, или комедіи Моліера, которыя намъ читала мать, учившаяся въ молодости декламировать у Французскаго актера Офрена (если не ошибаюсь). На эти чтенія приходилъ изъ своей половины нашъ отецъ и, раскладывая обычный свой гранъ-пасіансъ, часто, къ нашему удивленію, подсказывалъ наизусть цѣлыя тирады трагедій, перечитанныхъ вѣроятно имъ съ самой молодости. Эти чтенія, какъ и читанныя мнѣ иногда вверху моимъ воспитателемъ Шекспировы трагедіи, имѣли ту особенную для меня прелесть, что я мысленно переносился въ театръ, куда до 15 лѣтняго возраста меня не пускали, театръ же то и дѣло что мерещился въ моемъ воображеніи. Понятія о немъ ограничивались воспоминаніями домашняго нашего спектакля въ Бѣлкинской ригѣ, съ декораціями писанными учителемъ рисованія г. Форлопомъ, да еще видѣнной мною въ проѣздъ черезъ Вѣну пантомимы Вулкана, Марса и Венеры, въ вольтижерскомъ циркѣ Баха въ Пратерѣ.

Весною 1820 г. проѣхало изъ Рима чрезъ Флоренцію обратно въ Россію семейство Мальцовыхъ, въ глубокомъ траурѣ по матери семейства, скончавшейся въ Римѣ. Зиму съ 1819 на 1820 годъ провелъ во Флоренціи Петръ Львовичъ Давыдовъ съ своимъ семействомъ, про-

живавшій передъ этимъ въ Пизѣ, по болѣзни его жены, дочери графа Владимира Григорьевича Орлова. Она тамъ и скончалась и похоронена въ Ливорнской Греческой церкви. Въ эту зиму я сблизился съ ровесникомъ мнѣ Владимиромъ Петровичемъ Давыдовымъ (нынѣ графомъ Орловымъ-Давыдовымъ). Одною изъ причинъ этого сближенія могло быть то, что и при немъ находился гувернеромъ Англичанинъ изъ католиковъ, г. Колліеръ, и оба наши воспитатели часто видались. У Давыдова была тогда одна только сестра, немного старше его, крайне болѣзненная и горбатая; она умерла дѣвицею лѣтъ десять позднѣе. Отецъ ихъ сохранялъ еще въ описываемое мною время двѣ физическія отличительности: слѣды прежней красоты и остатки недюжиннаго теноровaго голоса, которымъ онъ пѣвалъ иногда со мною оперные отрывки. Много позднѣе онъ вторично женился на дѣвицѣ Лихаревой, братъ которой служилъ одновременно со мною юнкеромъ во второй гусарской дивизіи. Житейскія средства Давыдовыхъ была тогда весьма ограничены.

Нерѣдко бывалъ у насъ во Флоренціи свѣтлѣйшій князь Павелъ Петровичъ Лопухинъ, молодчина во всемъ блескѣ типической красоты, при высокомъ ростѣ. Онъ былъ ярый меломанъ и ревностный посѣтитель опернаго театра Перголе. Сестра его г-жа Жеребцова жила по нѣскольку разъ во Флоренціи съ дочерью Ольгою Александровною (нынѣ княгинею Орловой), которая была почти однихъ лѣтъ съ моей сестрою Елисаветою Дмитріевною, но сблизилась болѣе съ Анночкою Станкеръ. Проживавшая при г-жѣ Жеребцовой одна ея родственница вышла замужъ за Француза, графа Ашилла-Спаръ. Сама Ольга Александровна чуть не вышла замужъ, немного позднѣе, за молодаго герцога Монтебелло (того самаго, что́ былъ Французскимъ посломъ при нашемъ дворѣ въ 1860 году) и, уже какъ невѣста, носила на браслетѣ портретъ жениха. Почему этотъ бракъ не состоялся, не знаю; помню плохенькій каламбуръ тогда придуманный на счетъ этой молодой пары. «Si le fils de l'âne» (такъ какъ герцогъ Монтебелло былъ сынъ маршала Лана, Lannes) épouse la fille de l'étalon (тутъ уже каламбуръ падаетъ на Русское слово *жеребецъ*), je vous laisse à penser ce que sera la progéniture *).

Пріѣхала во Флоренцію и старуха фельдмаршальша княгиня Кутузова-Смоленская съ своею дочерью Опочининой, съ мужемъ и всѣмъ

*) Если сынъ осла женится на дочери жеребца, то предоставляю вамъ судить, каковъ будетъ плодъ. Много позднѣе Жеребцова вышла замужъ за флигель-адъютанта графа Адама Ржевуцкаго, который годился ей въ сыновья.

семействомъ послѣдней; другой ея дочери, Елисаветы Михайловны Хитровой, уже не было тогда во Флоренціи. Молодой Константинъ Опочининъ былъ однихъ почти со мною лѣтъ, и мы часто видались. Очень завидовалъ я свободѣ, которою онъ пользовался: ѣздилъ онъ одинъ въ Кашинахъ на своей лошади, купленной для него у какого-то Австрійца, которую молодой Опочининъ каламбурно звалъ «un cheval autre chien» вмѣсто «autrichien»: выходка, казавшаяся мнѣ, неразвитому мальчику, куда-какъ остроумна [1]).

Татьяна Борисовна Потемкина, тогда въ цвѣтѣ юной, но болѣзненной красоты, отправлена была медиками, по причинѣ угрожавшей ей чахотки, сначала въ Швейцарію, послѣ чего она провела одну или двѣ зимы во Флоренціи и совершенно выздоровѣла. Неразлучно при ней находилась бывшая ея гувернантка, старая Француженка г-жа Ноазвиль, преумнѣйшая и забавнѣйшая особа [2]). Также жили при ней княжна Туркестанова и Швейцарецъ г. Мюльгаузенъ, учитель Французской словесности въ Петербургѣ. Г. Мюльгаузенъ принялся и со мною за этотъ языкъ, а по просьбѣ графа Барди онъ же Мюльгаузенъ устроилъ первое Ланкастерское училище (по методѣ взаимнаго обученія), куда онъ насъ пригласилъ и гдѣ страннымъ весьма мнѣ показалось, что, по окончаніи класса, ученики лобызали его директорскую руку. Внукъ упомянутой г-жи Ноазвиль, Эдуардъ Прескотъ, мнѣ ровесникъ, раздѣлялъ одно время мои уроки съ г. Слоаномъ, а когда возмужалъ, то поступилъ на Русскую службу, и я видалъ его въ Кіевѣ въ 1836 г. инженернымъ офицеромъ.

Не могу обозначить, въ какомъ именно году были также во Флоренціи князь Александръ Михайловичъ Голицынъ (братъ Московскаго старожила князя Сергія Михаиловича), покупатель драгоцѣнныхъ картинъ и разныхъ рѣдкостей. Много позднѣе два его сына, уже взрослые, путешествовали по Италіи, сопрождаемые Московскимъ врачемъ Альбини [3]). Весною 1821 года показались во Флоренціи и оттуда продолжали вмѣстѣ свое путешествіе въ южную Италію какой-то князь Павелъ Голицынъ (штатскій) и Дмитрій Евлампovичъ Башмаковъ, очень красивый мужчина, служившій тогда въ кавалергардскомъ полку. Во

---

[1]) Что еслибы въ то время какая нибудь гадальщица предсказала молодому Опочинину, что его ожидаетъ честь сдѣлаться тестемъ одного члена императорской фамиліи, внука принца Евгенія Богарне? Вѣдь онъ бы разсмѣялся!

[2]) Про нее см. въ перепискѣ Кристина съ княжною Туркестановой въ „Русскомъ Архивѣ“ 1882 года. П. Б.

[3]) Позднѣе оба они совратились въ латинство, и одинъ изъ нихъ служилъ въ 1848 г. въ папской гвардіи тѣлохранителей.

время занятія Неаполя Австрійцами Башмаковъ имѣлъ тамъ дуэль съ Австрійскимъ офицеромъ княземъ Валдекомъ, по какому поводу, не знаю, и нашъ соотечественникъ былъ опасно раненъ пулею въ бокъ.

Гдѣ-то кажется, я говорилъ, что въ 1820 году выписана была изъ Англіи для маленькой моей сестры Елены гувернантка-католичка миссъ Кларкъ, вмѣсто прежней г-жи Робинъ, протестантки и немолодой уже женщины. Вмѣстѣ съ миссъ Кларкъ прибылъ и ея братъ Джемсъ, мальчикъ моихъ лѣтъ, сдѣлавшійся компаніономъ моихъ игръ и иныхъ моихъ уроковъ, хотя онъ не жилъ у насъ въ домѣ, а у своей матери, содержавшей меблированныя комнаты со столомъ (boarding-house) во Флоренціи, уже нѣсколько времени передъ тѣмъ.

Хотя событія, происходившія въ Россіи, долетали до насъ эмиграптовъ въ видѣ отдаленнаго гула, не затрогивающаго заживо никого изъ насъ, развѣ только одного моего отца, тѣмъ не менѣе помню, какъ поразило насъ извѣстіе о такъ называемомъ бунтѣ Семеновскаго полка въ 1820-мъ году. И по сіе время не могу понять, почему придали тогда въ Петербургѣ какое-то государственное значеніе изолированной этой вспышкѣ противъ дисциплины въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ *), безъ всякой внѣшней солидарности; да и вызвана она была невыносимымъ обращеніемъ полковаго командира Шварца съ солдатами. Паника эта объясняется только напряженнымъ состояніемъ умовъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, которымъ чудились повсюду революціонные признаки или, точнѣе, призраки, примѣры чего представляли вспыхнувшія тогда Испанское возстаніе и Карбонарскія движенія въ Туринѣ и Неаполѣ. А камертонъ, такъ сказать, этой паникѣ, раздавался прямо отъ самого императора Александра, вслѣдствіе Метерниховскихъ внушеній. Столь живое участіе Россійскаго, но не Русскаго императора, въ политическихъ смутахъ на противуположномъ отъ насъ Западѣ Европы казалось бы невѣроятнымъ, не будь на это историческихъ свидѣтельствъ.

А что до Семеновскаго бунта, то Н. А. Дивовъ, тогда капитанъ гвардейской пѣшей артиллеріи, разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи, что мѣстныя военныя власти до того опасались распространенія бунта по всему гвардейскому корпусу, что, по ихъ приказанію, Дивовъ выставилъ на артиллерійскомъ дворѣ (на Литейной) четыре или шесть орудій заряженныхъ картечью. Всѣ эти опасенія находили, быть можетъ,

*) Нынѣ знаемъ, что не въ одномъ Семеновскомъ, но и въ другихъ гвардейскихъ полкахъ было тогда глухое и опасное броженіе, вызванное своей землѣ несвоевременствомъ Александра Павловича. П. Б.

подкрѣпленіе въ необдуманной и безполезной выходкѣ Ипсиланти для освобожденія Греціи; тѣмъ не менѣе дивлюсь, какъ можно было подозрѣвать, что Семеновскіе безпорядки состояли въ связи съ столь отдаленными вспышками. Помню, что мой отецъ, подсмѣиваясь, быть можетъ, надъ паникою овладѣвшею Европейскими монархами, говаривалъ своимъ друзьямъ: mestiere di rè—mestiere fallito *).

Когда дошло до моего отца извѣстіе о вновь учреждаемыхъ Аракчеевымъ военныхъ поселеніяхъ, то помню также его отзывъ, что изъ этого милитарнаго учрежденія можетъ со временемъ выйти Римская преторіанская стража, столь много способствовавшая къ паденію Римской имперіи. Отецъ мой ошибался лишь въ роли, которую онъ придавалъ военнымъ поселеніямъ, но какъ будто-бы предсказалъ кровавыя отъ нихъ послѣдствія въ 1831 году.

Осенью 1820 же года родился герцогъ Бордосскій (иначе графъ Шамборъ), отецъ котораго, герцогъ Беррійскій, былъ умерщвленъ, незадолго до рожденія сына, политическимъ фанатикомъ Лувелемъ. Рожденіе наслѣдника Французскаго престола обрадовало Французскихъ легитимистовъ, и Бурбонскій представитель при Тосканскомъ дворѣ маркизъ Де-ла-Мезонфортъ, долго жившій эмигрантомъ въ Россіи и давно вдовцемъ, просилъ мою мать, какъ болѣе изо всего общества знакомую ему даму, быть хозяйкою на данномъ имъ балѣ по сему случаю. Ничего пріятнѣе подобнаго предложенія не могло быть для моей матери. Къ сожалѣнію, дружба между моими родителями и Французскимъ маркизомъ, скрѣпленная столькими годами, позднѣе охладѣла вслѣдствіе поселившейся въ домѣ Французскаго резидента пожилой уже маркизы Десмангардъ, съ которою онъ смолода находился въ близкихъ сношеніяхъ. Эта представительница Парижскаго Сенъ-жерменскаго кружка была не прочь, повидимому, разыгрывать нѣкоторую женско-дипломатическую роль во Флоренціи, на что́ у нея хватало съ избыткомъ ума, свѣтскости и салонной любезности. Подчинивъ себѣ стараго своего друга, она отвлекла его отъ моихъ родителей. Однакоже, такъ какъ она не всегда и не со всѣми расточала свои любезности, то дано было ей прозвище la marquise Dieu m'en garde, вмѣсто Desmengarde.

Считаю промежутокъ между 1820 и 1821 годомъ замѣчательнымъ въ семейной нашей лѣтописи, какъ періодъ постепеннаго исчезанія послѣднихъ признаковъ нашей народности, которая напоминала о себѣ лишь Русской прислугою. Все прочее, какъ то обстановка и семейныя

*) Монархическое ремесло—ремесло несостоятельное.

привычки, общеусвоенная почти вполнѣ Латинская церковная обрядность, вся стихія, такъ сказать, въ которой мы вращались, сложились на чужестранный окончательный ладъ. Въ воспитаніи меньшой моей сестры графини Елены Дмитріевны превращеніе это отразилось еще сильнѣе, хотя незамѣтнымъ образомъ для нея самой. Отъ шестилѣтняго возраста всѣ предметы ученія преподавались ей на одномъ Англійскомъ нарѣчіи (за исключеніемъ учителя Итальянскаго языка). О Россіи оставались въ ней смутныя воспоминанія. Одновременно съ этимъ образовался лингвистическій, семейный, такъ сказать, расколъ. Послѣдствіемъ Англопедагогическаго воспитанія моего и сестры Елены было то, что мы оба «*обританились*», чѣмъ и остались навсегда; въ старшихъ же нашихъ сестрахъ сохранился колоритъ (если такъ могу выразиться) офранцуженнаго ихъ воспитанія, съ незначительною примѣсью Итальянскаго. На дѣвичьей половинѣ дома собирались еще кое-когда старшая горничная моей матери, Анна Степановна, Екатерина Ивановна Леруа, няня Палагея и я, пѣвать наши простонародныя пѣсни; но и онѣ мало по малу замолкли. Долго держался однакоже обычай красить яица разноцвѣтными шелками и сандаломъ къ свѣтлому празднику, и являлись непремѣнно на столъ Русская пасха и куличъ для разгавливанія. Я уже говорилъ, что мать съ моими старшими сестрами и часто со мною ходили регулярно на всѣ почти службы Римско-католической церкви, а въ нанимаемыхъ нами виллахъ приглашался по воскреснымъ днямъ аббатъ для служенія миссы въ домовыхъ каплицахъ, почти всегда существующихъ при виллахъ. Помню даже, что въ виллѣ Гонди отецъ присутствовалъ иногда на Латинской миссѣ, но не становился на колѣна, какъ мы дѣлали. Впрочемъ, съ его тучностію и удушьемъ, отъ котораго теплый климатъ не могъ вылѣчить его радикально, онъ и въ нашей церкви не могъ класть земные поклоны.

Въ эти первые годы проявлялись еще проблески теплыхъ воспоминаній о родинѣ, и въ числѣ подобныхъ отпечатлѣлась въ дѣтской моей памяти радость, ощущаемая моею матерью при видѣ единственнаго экземпляра чахоточной березки въ Пизанскомъ ботаническомъ саду, а также, когда она замѣчала загородки изъ жердей, отдѣлявшія лѣсныя дачи (величайшая рѣдкость въ той части Тосканы, принадлежавшая великому герцогу) отъ открытыхъ мѣстъ для покоса въ ненаселенной почти равнинѣ, чрезъ которую пролегалъ почтовый трактъ изъ Пизы въ Ливорно. Загородки эти живо напоминали «la cara patria», и сердце билось у Русской женщины. Но мало по малу, вспышки эти стушевались безвозвратно. Космополитизмъ и чужеземный складъ жизни (а впослѣдствіи, и воззрѣній) овладѣли сполна нашимъ семействомъ за исключеніемъ моего отца, оставшагося до конца Русскимъ человѣкомъ.

Во всемъ, разсказанномъ мною доселѣ, я еще не касался до второй библіотеки моего отца, которую онъ принялся составлять съ перваго же года нашего пріѣзда во Флоренцію. Этому много споспѣшествовали мѣстныя условія, въ которыхъ находилась тогда Италія по разграбленіи цивилизованными Французскими войсками монастырскихъ книгохранилищъ. Рѣдчайшія изданія продавались за безцѣнокъ у букинистовъ и даже въ овощныхъ или колбасныхъ лавкахъ и на уличныхъ прилавкахъ у мелкихъ торговцевъ. Немало собралъ мой отецъ и рукописей, изъ которыхъ особенно отличалась коллекція церковно-Латинскихъ служебниковъ, писанныхъ на пергаментѣ до изобрѣтенія книгопечатанія, съ ярко-колерованными миніятюрными съ золотомъ рисунками, орнаментами и арабесками, составляющими рамку на каждой страницѣ. Въ общей однакоже сложности сгорѣвшая въ 1812 году Московская наша библіотека была много богаче историческими рукописями, въ числѣ которыхъ находилась автографическая корреспонденція Сюлли, перваго министра Французскаго короля Генриха IV. Между Флорентинскими нашими рукописями были и *палимпсесты*, но по изслѣдованіи въ нихъ ничего интереснаго не оказалось. «Палимпсестами» зовутся пергаментныя рукописи съ вытравленнымъ или выскобленнымъ въ нихъ первоначальнымъ текстомъ, взамѣнъ котораго средневѣковые монахи и переписчики вписывали что-нибудь другое, чаще всего церковные служебники и часословы. Библіофилы ухитрились снова воспроизвести на свѣтъ первоначальный подлинный текстъ посредствомъ химическихъ растворовъ, благодаря чему ученый библіотекарь Ватиканскаго книгохранилища, монсиньоръ Маи возстановилъ, въ началѣ 20-хъ годовъ, почти сполна, утраченное дотолѣ сочиненіе Цицерона «De republica». Возвращаясь къ нашей библіотекѣ, добавлю, что отецъ мой долго старался пріобрѣсти двѣ библіографическія антикварныя рѣдкости: первое изданіе Данте, напечатанное въ Фолиньѣ въ концѣ XV вѣка, и извѣстную Славянскую библію, напечатанную въ первый разъ въ Острогѣ въ 1581 г. бѣжавшимъ изъ Москвы діакономъ Иваномъ Ѳедоровымъ и Петромъ Мстиславцевымъ; но всѣ поиски этихъ рѣдкостныхъ изданій остались безъ успѣха. Была однакоже у насъ одна древняя рукопись поэмы Данта, замѣчательная тѣмъ, что на переплетѣ этого in-folio былъ отчеканенъ золотой гербъ фамиліи Маласпина, а въ самомъ текстѣ замѣтки и поправки писаны другимъ почеркомъ, нежели самый текстъ. А такъ какъ вліятельные въ ихъ время Маласпины покровительствовали изгнанному изъ своего отечества Флорентинскому барду, и онъ даже посвятилъ имъ одну изъ его поэмъ, то иные полагали, что эти замѣтки и поправки были сдѣланы рукою самого Данта; но другихъ доказательствъ на это не было.

Испанское революціонное движеніе 1820 года не замедлило имѣть подражателей въ Неаполѣ и Піемонтѣ, вслѣдствіе чего Сардинскій наслѣдный принцъ, носившій титулъ принца Кариньянскаго (позднѣе король подъ именемъ Карла-Альберта) пріѣхалъ во Флоренцію, весною 1821 года, къ великому герцогу Фердинанду III, на дочери котораго онъ былъ женатъ. Адъютантомъ при немъ былъ тогда маркизъ Клавдій д'Эксъ-Сейссель-Соммарива. Онъ часто началъ бывать у насъ въ домѣ и сдѣлался неравнодушенъ къ второй моей сестрѣ графинѣ Елисаветѣ, но долго скрывалъ, не знаю почему, это чувство, и не ближе, какъ черезъ семь лѣтъ послѣ описываемаго времени онъ сдѣлалъ ей предложеніе.

Австрійское вооруженное вмѣшательство въ Неаполитанскомъ возстаніи довольно извѣстно. Раннею весной 1821 года многочисленный корпусъ кейзерлиховъ, подъ начальствомъ генерала Фримона, спустился на Итальянскій полуостровъ и проходилъ черезъ Флоренцію, мимо самыхъ нашихъ оконъ, по улицѣ, ведущей къ «Порта Романа» (Римской заставѣ). Меня болѣе прочаго поразилъ мундиръ кофейнаго цвѣта артилеристовъ съ трехугольными шляпами безъ султана, надѣтыми по формѣ (т. е. поперекъ); они сидѣли верхами и подбоченясь на длинныхъ дрогахъ, вслѣдъ за орудіями. Въ этой позиціи они напоминали изображенія Бахуса верхомъ на винномъ боченкѣ. У Неаполитанцевъ были старые, закаленные въ бою ветераны Наполеоновскаго времени, генералы Пепе (сдѣлавшійся извѣстнымъ въ позднѣйшихъ событіяхъ 1848 и 1849 годовъ), Филанджери, Караскоза и Амброджіо; но солдаты ихъ были трусы. Укрѣпившись въ горныхъ ущельяхъ при входѣ въ Неаполитанскія владѣнія, гдѣ небольшой отрядъ могъ бы, какъ говорили тогда, загородить путь незваннымъ гостямъ, защитники Парѳенопейской свободы разбѣжались, чуть-ли не безъ выстрѣла, и за эту побѣду Австрійскій главнокомандующій получилъ громкій титулъ герцога «ди Антродокко», а вслѣдъ за симъ, бѣломундирные цесарцы безпрепятственно заняли Неаполь.

Въ Австрійскомъ корпусѣ былъ бригаднымъ или дивизіоннымъ генераломъ графъ Фикельмонъ. Проходя черезъ Флоренцію, онъ познакомился съ проживавшею опять тамъ Елисаветою Михайловною Хитровой, и вскорѣ послѣ женился на меньшой ея дочери, графинѣ Даріи Ѳедоровнѣ Тизенгаузенъ.

Въ началѣ этого лѣта (1821 года), мы поѣхали изъ виллы Пальміери на Ливорнскія морскія купанья, гдѣ наняли не прошлогоднюю виллу Гебгардта, а Итальянскаго негоціанта Паренти. По случаю уси-

ливавшагося все болѣе и болѣе Греческаго возстанія, которому вполнѣ сочувствовалъ мой отецъ, онъ тогда началъ извѣстное свое сочиненіе «Des Grecs et des Turcs»; оно вышло въ свѣтъ въ 1828 году, за годъ до его кончины. Во время этой виллежіатуры мы поражены были однажды трогательнымъ зрѣлищемъ. Все семейство крестьянина-огородника (контадино) нашей виллы прибѣжало къ нашему отцу слезно благодарить его за что-то, о чемъ намъ (или по крайней мѣрѣ мнѣ) не было извѣстно. Оказалось, что сынъ этого контадина долженъ былъ поступить по жребію въ военную службу, и во избѣжаніе разстройства, могущаго произойти отъ этого всей семьѣ, отецъ мой снабдилъ ее весьма значительною суммой для найма охотника въ рекруты.

Но вотъ получена была вѣсть о кончинѣ узника острова Св. Елены, никому болѣе не страшнаго, и я, вдохновившись этимъ событіемъ, вызвалъ четырнадцатилѣтнюю свою Музу и настрочилъ Итальянскую оду.

Пока все это происходило въ Италіи, въ Россіи подготовлялось важное семейное событіе. Братъ мой графъ Петръ Дмитріевичъ, будучи адъютантомъ при графѣ М. С. Воронцовѣ, сопровождалъ его въ Бѣлую Церковь къ графинѣ Браницкой, на дочери которой тотъ женился въ 1819 году. Въ Бѣлой Церкви часто бывалъ, изъ сосѣдняго своего имѣнія Таганчи, отставной Польскій полковникъ О. И. Понятовскій, дочери котораго Аврорѣ Осиповнѣ братъ мой сдѣлалъ предложеніе и получилъ согласіе (не знаю почему, свадьба состоялась не ближе какъ черезъ годъ). Извѣстіе о томъ получено нами въ Ливорнской виллѣ лѣтомъ 1821 года и крайне обрадовало наше семейство. Добрый Французскій мой учитель аббатъ де-Люкъ, эмигрантъ первой революціи и полу-поэтъ, котораго я искренно любилъ, принялъ живое участіе въ этомъ событіи, хотя никогда не видалъ моего брата, и въ домовой каплицѣ нашей виллы Парепти пропѣлъ съ глубокимъ чувствомъ Амврозіанскій гимнъ «Te Deum laudamus» (Тебе Бога хвалимъ), замѣняющій у Латинянъ нашъ молебенъ. Напоминаю, что братъ мой сватался нередъ тѣмъ гр. Аделаиду Павловну Строгонову, которая предпочла князя Василія Голицына. Нельзя не замѣтить, что еслибъ этотъ бракъ состоялся, то безъ сомнѣнія братъ мой остался бы православнымъ.

Во время лѣтняго нашего пребыванія въ Ливорно, тамошній губернаторъ, маркизъ Гарцони-Вентури, повезъ насъ однажды показать намъ подробно всѣ три Ливорнскіе карантинные двора, называемые тамъ лазаретами. Каждое изъ этихъ строеній окружено высокими стѣнами съ широкими рвами, наполненными водой и съ однимъ висячимъ на цѣпяхъ мостомъ при каждомъ лазаретѣ, такъ что безъ разрѣшенія начальства никого изъ постороннихъ туда не пускаютъ. На дворѣ од-

ного изъ этихъ карантинныхъ лазаретовъ мы увидали за рѣшеткою, бѣжавшаго изъ Мексики съ своимъ семействомъ, временнаго императора Итурбида, шутливо прозваннаго Италіянцами «il rè torbido», то-есть, мутный король; онъ доканчивалъ тамъ срокъ карантиннаго наблюденія. Заграбивъ въ Мексикѣ, какъ говорили тогда, нѣсколько милліоновъ, онъ приплылъ было къ мирному пристанищу Италіи съ намѣреніемъ поселиться тамъ, но не выдержалъ. Года два-три спустя, онъ возымѣлъ поползновеніе снова попытать, на подобіе Мюрата, свое счастіе тамъ, гдѣ прежде властвовалъ; но времена уже были не тѣ, и его постигла таже трагическая участь, какъ упомянутаго Неаполитанскаго короля: его разстрѣляли. Родомъ онъ былъ, кажется, Креолъ, приземистаго роста, плотнаго сложенія, чрезмѣрно смуглъ, и ничего представительнаго въ немъ не было. На видъ онъ казался отъ 40 до 50 лѣтъ.

Была во Флоренціи и С. П. Свѣчина съ мужемъ. Помню, какъ пріятно меня поразило, когда г. Свѣчинъ, высокій и видный еще старикъ, взошедъ прямо въ кабинетъ къ моему отцу, громко привѣтствовалъ его порусски: «Здравствуйте, графъ Дмитрій Петровичъ!» и старики обнялись, какъ дѣлаютъ одни только Русскіе. Привѣтствіе старика Свѣчина глубоко расшевелило мнѣ сердце, потому что въ послѣдніе годы я только слыхалъ чужеземное привѣтствіе: «bonjour, m-r le comte или «buongiorno, signor' conte», а нама Русская прислуга не иначе обращалась къ моему отцу, какъ «ваше сіятельство». Отецъ мой очень дружески обошелся съ этимъ нашимъ землякомъ, возилъ его въ нашу виллу Пальміери (гдѣ въ зимнее время оставалась бо́льшая часть отцовской библіотеки), а при мнѣ разсказывалъ однажды, какъ затруднительна была роль Свѣчина, Петербургскаго оберъ-полицеймейстера, во время кровавого событія ночью съ 11 на 12 Марта 1801 г. А что́ до косоглазой Русской ультрамонтантки, его супруги, то помню, что она была авторитетною особой въ глазахъ тетки моей графини Маріи Артемьевны. Тетка разсказывала намъ одинъ забавный о ней анекдотъ. Переселившись окончательно въ Парижъ, она держала у себя Калмычка, котораго однажды послала на рынокъ за устрицами. Мальчикъ этотъ, затвердившій часто слышанное имъ въ легитимическомъ салонѣ своей барыни имя реставрированнаго короля Людовика XVIII, спуталъ окончательно слово «dix-huit» (восемнадцать) съ названіемъ устрицъ «des huîtres» и, къ хохоту устричныхъ торговокъ, приставалъ къ нимъ съ запросомъ: «donnez moi des Louis-dix-huit».

Осенью этого 1821 года, братъ мой выслалъ во Флоренцію изъ Петербурга Русскаго для меня учителя, г. Бунина, университетскаго

студента. Я полюбилъ было его, насколько непривязчивая вообще моя натура допускала; но онъ пробылъ у насъ менѣе двухъ лѣтъ. Причиною отказа ему была, мнится, излишняя склонность придерживаться выраженію царя Давида, что вино веселитъ сердце человѣка; Флорентинскій же красный (всегда) нектаръ весьма недурнаго свойства и неимовѣрно дешевъ *).

Къ числу Русскихъ туристовъ того времени не причелъ я графа и графиню Эдлингъ. Графъ былъ Баварецъ, не глупый, но весьма скучный господинъ; любимою темою разговора были у него государственные финансы и политическая экономія. Графиня Роксандра Скарлатовна Эдлингъ, рожденная Стурдза, была, одновременно съ теткою гр. Маріею Артемьевною, фрейлиною при императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, и потому онѣ были близки, хотя расходились въ религіозныхъ воззрѣніяхъ. Графиня Эдлингъ часто бывала у насъ въ домѣ.

Въ Февралѣ 1822 года отецъ нашъ рѣшился посѣтить Римъ. Туда мы потянулись *на ветуринахъ*, но г. Слоанъ и я открывали поѣздъ верхами на нашихъ собственныхъ лошадяхъ. (Я уже года два передъ тѣмъ бралъ уроки манежной ѣзды и сдѣлался очень смѣлымъ ѣздокомъ). Глядя на вереницу нашихъ экипажей, предшествуемыхъ двумя всадниками, насъ приняли въ одномъ мѣстѣ за поѣздъ Тосканскаго великаго герцога. Не ранѣе какъ черезъ недѣлю мы добрались до Рима. Съ нами были въ Римѣ мой Русскій учитель Бунинъ, г. Милліарини и домашній нашъ фортепіанный учитель, Нѣмецъ Плихъ. У послѣдняго жила въ услуженіи во Флоренціи старуха-Нѣмка, синьора Роза, бывшая маркитанкою въ арміи Маріи-Терезы въ Семилѣтнюю войну, еще бодрая и дѣятельная, хотя ей было 80 лѣтъ. Но еще удивительнѣе, что она еще была въ живыхъ въ одной Флорентинской богадѣльнѣ въ 1837 году.

Въ Римѣ мы занимали домъ называемый *Казино Альбани*, возлѣ площади «le quatro fontane», неподалеку отъ Квиринальскаго дворца. Тогдашній папа Пій VII, удрученный недугами и лѣтами, почти никого не принималъ и уже не совершалъ публичныхъ церковныхъ церемоній, но, вспомнивъ, что отецъ нашъ былъ когда-то назначенъ посланникомъ при немъ (хотя посольство не состоялось), прислалъ къ нему привѣтствовать своего статсъ-секретаря, извѣстнаго въ исторіи кардинала Консальви. Сановникъ этотъ, хотя уже пожилой, былъ величавой осанки

*) Фіаско, т. е. три обыкновенныя бутылки, стоило въ то время не болѣе 75 сантимовъ.

и роста, съ правильными чертами лица и съ физіономіею выражавшею умъ и смѣтливость. Частыми нашими гостями сдѣлались нѣкоторые изъ Русскихъ художниковъ, жившихъ тогда въ Римѣ на казенный счетъ. Ветераномъ ихъ былъ старикъ пейзажистъ Матвѣевъ, ученикъ Нѣмца Гаккерта, манеру котораго, не всегда непогрѣшную, онъ усвоилъ себѣ*). Поселившись въ Римѣ еще въ концѣ прошлаго вѣка, онъ съ того времени ни разу не бывалъ въ Россіи и уже затруднялся иногда въ говорѣ роднаго языка. Жилъ онъ давно на свой коштъ и не имѣлъ другаго понятія о нашемъ войскѣ, какъ по видѣннымъ имъ въ Италіи, въ кампанію 1799 года, Суворовскимъ солдатамъ, эскизы которыхъ онъ намъ показывалъ въ своей мастерской. Впрочемъ, онъ былъ артистъ не безъ таланта и эффектно изображалъ воду и воздушную перспективу, но черезъ-чуръ придерживался деталей; у него листва и трава выходили слишкомъ яркаго цвѣта, да и контуры были рѣзки. Онъ умеръ въ Римѣ, перейдя, кажется, въ католичество. Много обѣщавшій другой пейзажистъ, Сильвестръ Ѳедосѣевичъ Щедринъ, отличался мягкостію и прозрачностію отдаленныхъ плановъ и теплотою воздушной перспективы и неба. Но, по мнѣнію знатоковъ, выдѣлка отдаленностей была у него такъ тщательна, и онъ вдавался въ такія мелочи, что когда дѣло доходило до передняго плана картины, то ему уже не доставало колеровъ, чтобы придать этимъ планамъ надлежащій эффектъ и силу. За то древесная зелень и трава были добросовѣстно изучены съ натуры, хотя въ его пейзажахъ кое-какія мѣста отзывались рѣзкостью, но уже не Гаккертовою. Онъ также успѣшно писалъ и городскіе виды съ одними зданіями. Къ сожалѣнію, ранняя смерть похитила С. Ѳ. Щедрина въ 1830-мъ году. Молодой также тогда Петръ Васильевичъ Басинъ уже началъ выказывать свою даровитость по части исторической живописи, и его картина Фавна настолько понравилась одному Британскому аматёру, что онъ заказалъ автору копію съ нея. Въ мастерской одного нашего ваятеля мы видѣли колоссальную статую его работы, Ахиллеса или Марса, а у одного живописца, уроженца Остзейскаго края, большаго размѣра картину, изображавшую Св. Владимира, еще язычникомъ, выслушивающаго представителей Греческой и Римской церквей и другихъ нехристіанскихъ вѣроисповѣданій.

Разбойничество, исконная язва средней и нижней Италіи, и по нынѣ существующая, никогда не совершалось съ такою безнаказан-

*) Намъ, избалованнымъ нынѣ произведеніями иностранцевъ Калама, Кукука и пейзажистовъ современной намъ школы, въ томъ числѣ нашего соотечественника Шишкина, почти непріятно смотрѣть на произведенія Гаккерта и его послѣдователей, въ числѣ которыхъ былъ Воробьевъ-отецъ.

ностію, какъ въ первой четверти текущаго столѣтія. Упрекаютъ нынѣ несчастное Греческое правленіе въ безсиліи истребить это зло, но забываютъ, что, даже во время Французскаго владычества въ Италіи зло это продолжало существовать, а позднѣе, соединенныя Римская и Неаполитанская администраціи не могли, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, обезпечить туристамъ проѣздъ изъ Рима въ Неаполь. Мало того, Римская военная сила не могла прекратить захватъ иностранцевъ бригантами для полученія выкупа, у самыхъ почти Римскихъ заставъ. Не далѣе какъ въ 70-хъ годахъ, когда Римъ сдѣлался столицею возсоединеннаго Итальянскаго королевства, одинъ епископъ въ окрестностяхъ Рима былъ схваченъ этими разбойниками для полученія значительнаго выкупа. Въ 20-хъ годахъ разсказывали, что, въ иныхъ незначительныхъ городахъ церковной области, бриганты безпрепятственно и среди бѣлаго дня приходили въ Римъ для закупокъ, а даже иногда для того только, чтобы потѣшиться уличнымъ представленіемъ маріонетокъ, до чего все вообще Итальянцы великіе охотники. О слабости и деморализаціи папской администраціи можно судить по тому, что въ 30-хъ годахъ, въ виду невозможности силою преодолѣть шайку атамана Гасперини, правительство вошло въ переговоры съ нимъ, кончившіеся тѣмъ, что бандитъ сдался на капитуляцію съ условіемъ остаться живымъ и въ назначенномъ ему мѣстопребываніи, въ крѣпости приморскаго города Чивитавеккіи, получая обезпеченное, вполнѣ приличное содержаніе, и всѣмъ этимъ требованіямъ Римское правительство подчинилось. Знакомыя мнѣ лица бывали въ этой крѣпости, чтобы посмотрѣть на Гасперини, который считалъ себя (и съ полнымъ на то правомъ) не бандитомъ внѣ закона, а добровольно сдавшимся военноплѣннымъ и галантомомъ, то-есть честнымъ человѣкомъ. Онъ дружелюбно дѣлалъ «*шейкъ-хендсъ*» (т. е. жалъ руку) моимъ знакомымъ.

Жила тогда постоянно въ Римѣ наша Коринна, княгиня Зинаида Александровна Волконская, урожденная княжна Бѣлосельская-Бѣлозерская. Въ это время она была Русская горячая патріотка, безъ видимой еще наклонности къ католичеству. Она вышла замужъ, по влеченію сердца, за князя Никиту Григорьевича Волконскаго передъ самымъ 1812 годомъ и, долго не получая въ военное время извѣстій о немъ, впала во временное умопомѣшательство и прокусила себѣ верхнюю губу, такъ что шрамъ остался у нея на всю жизнь./Гдѣ бы ни жила княгиня, она возбуждала всеобщій восторгъ и удивленіе своими свѣдѣніями, литературнымъ талантомъ въ повѣстяхъ на Французскомъ и Русскомъ языкахъ, но болѣе всего пѣніемъ (контральтовымъ голосомъ) и игрою на своемъ домашнемъ театрѣ; въ послѣднемъ отношеніи она

могла соперничать съ первоклассными пѣвицами. Она даже пускалась въ композиторство и написала цѣлую оперу, «Жанъ д'Арку», которую поставила на свою сцепу. Научными своими средствами она сама предприняла и довершила воспитаніе единственнаго своего сына князя Александра Никитича, сама, уже не въ первой молодости, выучившись для того обоимъ классическимъ языкамъ. Увлекаясь дѣломъ его воспитанія, какъ увлекалась во всемъ прочемъ, она подвергала сына форменнымъ экзаменамъ въ присутствіи званныхъ для того гостей. Даже въ Италіи, въ этомъ царствѣ пѣнія, она удивляла исполненіемъ Россиповской партиціи «Танкреда». Когда она жила много позднѣе въ Москвѣ, я видѣлъ у пея великолѣпный портретъ ея во весь ростъ въ рыцарскомъ костюмѣ Танкреда, писанный нынѣшнимъ профессоромъ академіи, г. Брупи, который началъ въ 20-хъ годахъ свое поприще подъ щедрымъ ея покровительствомъ. Въ послѣдніе годы жизни, отрекшись отъ мірскихъ суетъ, она сдѣлалась строгою подвижницею новаго своего вѣроисповѣданія; но память о ней долго сохранится у Римскихъ и Московскихъ старожиловъ. На сценѣ пѣвалъ съ нею и управлялъ ея домомъ и дѣлами наставникъ ея сына, Римлянинъ г. Барбіери, талантливый и пріятный въ обществѣ человѣкъ. Онъ же писалъ и декораціи для ея театра и превосходно составлялъ столы (т. е. верхнюю ихъ часть) изъ мозаичной мелкой работы. Княгиня Зинаида воспитывала вмѣстѣ съ своимъ сыномъ ровесника ему, Англичанина Паве́ *). Изъ протестанства она первоначально обратила его въ православіе, послѣ чего онъ перешелъ въ латинство. Въ 40-хъ годахъ онъ состоялъ при Римскомъ дворѣ въ званіи папскаго знаменоносца (porta-stendario).

На публичныхъ гуляньяхъ случалось намъ встрѣчать стройную, худощавую старуху въ черномъ платьѣ: это была мадама-Летпція, мать перваго Наполеона, въ царствованіе котораго ее звали «Madame-Mère». Видалъ я также, на церковныхъ церемоніяхъ въ Ватиканѣ въ Страстную недѣлю, брата ея, кардинала Феша, извѣстнаго и какъ собирателя драгоцѣнной картинной галлереи, которую онъ завѣщалъ городу Аіяччіо, мѣсту его рожденія. Онъ еще въ 1822 году числился архіепископомъ г. Ліона и находился въ ненормальныхъ условіяхъ архипастыря, недопускаемаго въ предѣлы своей епархіи, такъ какъ запрещенъ былъ въѣздъ во Францію всѣмъ членамъ Бонапартовой фамиліи. Помнится мнѣ, что, на основаніи этого запрета, возникъ будто бы вопросъ, могъ ли кардиналъ Фешъ имѣть входъ въ Римскую церковь San Luigi dei Francesi, для архіерейскаго тамъ служенія, потому что эта церковь принад-

*) Паве—по французски мостовая. Онъ былъ найденышъ. Его подняли съ мостовой въ Лондонѣ въ 1814 году и принесли къ жившей тамъ княгинѣ З. А. Волконской. П. Б.

лежала Французской исключительно національности, и потому мѣсто, на которомъ церковь построена, считалась Французскою территоріею.

Съ нами разъѣзжалъ по окрестностямъ Рима дальній нашъ родственникъ, извѣстный впослѣдствіи паломникъ по святымъ мѣстамъ, а еще позднѣе, министръ народнаго просвѣщенія, Абрамъ Сергѣевичъ Норовъ. Въ такой же отдаленной степени родства, какъ съ нами, онъ находился съ Дмитріемъ Александровичемъ Жеребцовымъ, мужемъ Француженки Софіи Филипповны. Лишеніе ноги, оторванной подъ Бородиномъ, не мѣшало ему скакать верхомъ со мною и съ моимъ воспитателемъ. Онъ былъ тогда очень красивъ собою, экзалтированнаго поэтическаго настроенія отъ своего путешествія по Италіи, и часто повторялъ вслухъ стихи изъ какой-то современной оды.

О насъ справедливо можно было сказать, что мы были въ Римѣ, а папы не видали: хотя мы присутствовали на всѣхъ Ватиканскихъ церемоніяхъ на Страстной недѣлѣ, но папа не участвовалъ въ нихъ по причинѣ болѣзни. Я одинъ только разъ и видѣлъ его издалека, проѣзжавшаго въ каретѣ въ сопровожденіи драгунскаго конвоя. Въ церковныхъ церемоніяхъ Страстной седмицы было много неумѣстнаго, напримѣръ: отведены были особенныя мѣста или трибуны въ Сикстинской капеллѣ для дипломатическаго корпуса, а для публики изъ знатныхъ лицъ (безразличнаго вѣроисповѣданія) выдавались, помнится мнѣ, билеты для входа въ капеллу. Пѣніе дискантными, какъ бы женскими голосами (при отсутствіи свѣжести тембра женскаго голоса), безъ акомпанимента инструментами или органа, раздающееся въ сумеркахъ, въ темной совершенно капеллѣ, выходило въ самомъ дѣлѣ поразительно; но восторгъ охлаждался при мысли, что эти голоса были стариковъ-кастратовъ, то есть, людей оскопленныхъ ради сохраненія дѣтски-женскаго голоса. На одной изъ этихъ службъ въ Сикстинской капеллѣ я навлекъ на себя негодованіе сидѣвшаго возлѣ меня, престарѣлаго Англійскаго барда, г. Роджерса, громкимъ моимъ говоромъ съ г. Слоаномъ, что мѣшало г. Роджерсу, немного туговатому на ухо, вполнѣ наслаждаться папскими пѣвцами-евнухами. Кстати уже скажу, что этотъ поэтъ (небездарный въ своей молодости) былъ антагонистомъ антирелигіозному направленію лорда Байрона, котораго онъ прозвалъ «корифеемъ преисподнихъ силъ» («the corifey of the infernal region»).

Случилось намъ также видѣть илюминацію церкви св. Петра подъ Свѣтлое Христово Воскресеніе, дѣйствительно изумительную тѣмъ, что, по данному изъ за окопечности креста, надъ куполомъ, факельному сигналу, весь фасадъ этого громаднаго зданія мгновенно, не болѣе какъ

въ двѣ-три минуты, превращается въ огненную массу, по другому, совершенно рисунку противъ первоначальнаго вечерняго освѣщенія.

На эту илюминацію мы смотрѣли изъ коляски, на козлахъ которой сидѣлъ нашъ Костромичъ Дмитрій Ломовъ. Вдругъ онъ обратился къ бывшему съ нами г-ну Милліарини съ вопросомъ: «А что, Михайло Ивановичъ, Московскій-то нашъ Иванъ-Великій подойдетъ-ли ко кресту что̀ подъ самымъ верхомъ этой церкви?» — «Какъ бы не такъ», отвѣчалъ Микеле-арканджело (Михаилъ-Архангелъ) Милліарини, задѣтый заживо въ своемъ патріотическомъ самолюбіи: «да не только вашъ Иванъ Великій можетъ помѣститься подъ куполомъ Св. Петра, но и свободно плясать во всю длину самой церкви-до купола». Усумнился, помнится мнѣ, въ этомъ нашъ Костромичъ; да и самому мнѣ кажется, что почтенный нашъ Милліарини черезъ чуръ уже умалилъ вышину Годуновской колокольни. Кстати же о церкви Св. Петра: разсказывали, что во время пребыванія въ Римѣ великаго князя Михаила Павловича въ 1819 году, кто-то изъ его свиты отдавалъ будто бы преимущество колоннадѣ Петербургскаго Казанскаго собора надъ колоннадой Римской базилики, потому-де, что у насъ колонны всѣ какъ есть изъ цѣльнаго гранита, а въ Римѣ изъ обыкновеннаго камня или мрамора.

Но какъ ни занимали пятнадцатилѣтнее мое вниманіе артистическая пышность Римскихъ базиликъ и музыкальная торжественность ихъ службы, не забуду никогда то отрадное чувство, которое проникло меня, когда я разъ нечаянно набрелъ на невидную по наружности церковь, гдѣ уніятскій священникъ, хотя въ Латинскомъ облаченіи (короткомъ фелонѣ съ вырѣзанными рукавами) и при открытомъ алтарѣ, совершалъ чтеніемъ безъ всякаго пѣнія («messe-basse») Славянскую по чину св. Златоуста литургію. Итальянскій мальчикъ, ассистентъ, на колѣняхъ у нижней ступени алтаря, отвѣчалъ положенные возгласы «Господи помилуй» и прочіе отвѣты, и звонилъ колокольчикомъ, находившимся у него подъ рукою, при чтеніи священникомъ «Святъ, Святъ, Святъ, Господь Богъ Саваоѳъ» и пр. *), По окончаніи службы, я подошелъ познакомиться съ старикомъ священнодѣйствовавшимъ, и надо было видѣть его радость, когда онъ узналъ, что я Русскій и что я присутствовалъ при его служеніи. Нѣтъ сомнѣнія, что отъ обыкновеннаго Латинскаго аббата, смотрѣвшаго на меня какъ на заблужденнаго схизматика, я не встрѣтилъ бы подобнаго пріема. Старикъ пригласилъ меня въ свою

*) Эту часть въ Латинской „миссѣ“, начинающуюся со словъ „Sursum corda“ (горѣ сердца) включительно съ „Dignum et justum est“ (Достойно и праведно есть), зовутъ „префаціею“, и почти только въ этомъ „мисса“ тождествуетъ съ нашею литургіею.

смиренную келью и подарилъ мнѣ на память молитвенникъ Кіево-печерской печати, въ которомъ ничего не было изъ уніятскихъ измѣненій. Онъ весьма еще изрядно объяснялся по-русски и разсказывалъ мнѣ, что переѣхалъ въ Римъ съ Екатерининскихъ временъ, однакожъ не намекнулъ, сколько могу припомнить, ни слова о гоненіи, тогда какъ оно могло быть причиною оставленія имъ роднаго края.

У одного у меня, изо всѣхъ, кажется, семейныхъ, мысли стремились къ далекой родинѣ, и ко мнѣ не прививалось итальянство. Могло впрочемъ быть, что сожалѣніе о минувшихъ дняхъ происходило отъ скуки ежедневныхъ, довольно усиленныхъ, учебныхъ моихъ занятій, къ которымъ было у меня мало охоты. Вспоминалъ я свою прежнюю Русскую привольную жизнь съ ея развлеченіями внѣ-классныхъ часовъ, измѣнившуюся со времени переѣзда въ Италію, въ строгую и какъ бы въ затворническую, вслѣдствіе новой системы въ моемъ воспитаніи. Часто вспоминалъ я, и особенно въ первые годы нашей эмиграціи, о Бѣлкинской нашей жизни, какъ рыскали мы по лѣсамъ собирать грибы, удили карасей въ Бѣлкинскихъ прудахъ, катались съ обмолоченныхъ скирдовъ на гумнѣ, какъ бы съ зимнихъ горъ, рѣзвились, играя въ горѣлки съ дворовыми дѣвушками и дѣтьми и проч. Находившійся при моемъ воспитателѣ и при мнѣ слугою Дмитрій Ломовъ поддерживалъ отчасти, хотя и безсознательно, юношескій мой патріотизмъ и приверженность къ нашей церкви. Когда старшіе обѣдали, я читалъ ему иногда вслухъ изъ Евангелія и съ нимъ упражнялся въ церковномъ пѣснопѣніи. Хотя онъ былъ безграмотный, но многое зналъ наизусть изъ церковной службы, и у него я выучился «Взбранной воеводѣ» и «Воскресеніе Христово видѣвше». Помню между прочими случай, что когда я ему показалъ подаренные мнѣ кѣмъ-то католическіе мелкіе четки (le rosaire), онъ мнѣ сказалъ: «Да благословитъ тебя Богъ въ католичество» (я уже сказывалъ, что приближенная къ намъ прислуга говорила намъ всегда «ты»). Этими словами я сначала обидѣлся, но принялся его увѣрять, что дѣло тутъ въ одной обрядности. Однакоже, эти простыя слова неграмотнаго Русскаго дворовaго человѣка глубоко врѣзались въ мою душу. Одновременно я былъ и его секретаремъ-писцемъ, въ его корреспонденціи съ Костромскою его крестьянскою роднею, благодаря чему я изучилъ неизбѣжную и немѣняемую формулу подобныхъ писемъ, оканчивающихся извѣщеніемъ, что «я молъ, слава Богу живъ и здоровъ, чего и вамъ желаю», а за тѣмъ слѣдуетъ посылка поклоновъ всѣмъ родственникамъ и знакомымъ, обозначаемымъ, каждый порознь, именемъ и отчествомъ, а въ самомъ заключеніи, если письмо къ родителямъ, то говорится: «прошу святаго вашего родитель-

скаго благословенія, навѣки нерушимаго». Да и самъ г. Бунинъ, въ короткое время его нахожденія при мнѣ, согрѣвалъ, не въ догадъ самому себѣ, мое религіозно-патріотическое чувство тѣмъ, что во время моихъ съ нимъ прогулокъ вдвоемъ, а также во время преподаванія мнѣ Русской грамматики и математики, онъ часто напѣвалъ припѣвные къ канону ирмосы, а у меня такъ и становились ушки на макушкѣ. Видно, какъ бы волка ни кормить, а онъ все въ лѣсъ смотритъ.

Для насъ повторяли прославленное освѣщеніе факелами развалинъ Колизея. Оно дѣйствительно довольно эффектно, но объ этомъ слишкомъ много прокричали. Рыская съ г. Буниным по вѣчному городу и его окраинамъ, я уже настолько умѣлъ рисовать, что сдѣлалъ много набросковъ съ натуры Римскихъ развалинъ, и въ томъ числѣ, пещеры съ фонтаномъ нимфы Егеріи, къ которой ходилъ совѣщаться по ночамъ Нума Помпилій. Вся эта интересная для меня рисовальная книга, съ позднѣйшими дополненіями, пропала изъ деревенскаго моего дома въ селѣ Малыя Порзни, когда я жилъ съ женою въ Италіи (1836—1839).

Послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ Римѣ мы потянулись обратно во Флоренцію тѣмъ же порядкомъ.

Насколько у иныхъ изъ ученой братіи седмихолмаго вѣчнаго града не охладѣло еще чувство гордости прежнимъ величіемъ языческой ихъ республики, можетъ служить примѣромъ нашъ Милліарини: онъ приходилъ въ яростное негодованіе противъ консула Фабія за проигранное имъ сраженіе противъ Ганнибала у этого самаго Тразименскаго (нынѣ Перуджинскаго) озера, вдоль котораго пролегалъ нашъ обратный путь, съ увлеченіемъ указывая намъ на стратегическія ошибки Римскаго полководца, недаромъ прозваннаго «Медлителемъ».

Въ этомъ году взята была къ намъ въ домъ для совмѣстнаго воспитанія съ меньшой моей сестрой Еленою ровесница ея, Каролина, Сорелли, дочь бѣднаго Итальянца, служившаго когда-то капитаномъ въ кавалеріи Неаполитанскаго короля Мюрата. Въ первое время нашего переѣзда во Флоренцію, мать моя изрѣдка еще занималась миніатюрной живописью, и къ ней хаживалъ учитель по этой части г. Сорелли, который началъ приводить съ собою маленькую свою племянницу, упомянутую Каролину, чтобы играть съ меньшой моей сестрой Еленою. Мало по малу дѣвочка эта стала участвовать во всѣхъ урокахъ моей сестры и въ описываемое здѣсь время совсѣмъ перешла къ намъ. Съ этихъ поръ она никогда болѣе не выходила изъ нашей семьи; впослѣдствіи она была наставницею обѣихъ дочерей моего брата до окончанія ихъ воспитанія; но вскорѣ послѣ сего, параличъ въ ногахъ лишилъ

се возможности ходить, и она осталась при моей матери до конца жизни послѣдней, въ 1854 году. Ни годы, ни недуги не охладили любящую и пылкую натуру Каролины, перешедшей какъ бы по наслѣдству въ домъ къ племяннику моему графу Дмитрію Петровичу, и всѣ мы Бутурлины, старые и малые, составляли для нея предметъ привязанности.

Осенью 1822 г. пріѣхалъ къ намъ мой братъ съ молодой своею женою. Въ это время онъ только что перешелъ въ штатскую службу и былъ причисленъ къ нашему Римскому посольству вторымъ секретаремъ. Полагаю, что онъ взялъ годовой отпускъ, потому что не ближе какъ осенью послѣдующаго 1823 года онъ отправился къ мѣсту новаго своего служенія. Посланникомъ былъ тогда старикъ г. Италинскій, замѣчательный своею ученостію и природнымъ умомъ. Разсказывали, что, шутя съ Римскими монсиньерами (то есть прелатами), обѣдывавшими у него, онъ брался доказывать имъ, что Св. Петръ не могъ никакъ быть папою, потому что онъ даже никогда не былъ въ Римѣ. Разумѣется монсиньоры отклонялись вступать въ пренія по этому тезису *). Секретарями посольства были, кромѣ моего брата, князь Дмитрій Ивановичъ Долгоруковъ, переведенный незадолго передъ этимъ изъ Константинопольской миссіи, и Полякъ г. Коссаковскій.

По полученіи извѣстія, что наши молодые приближаются къ Флоренціи, мать моя поскакала одна въ г. Болонью, чтобы скорѣе обнять новую свою сноху, а я съ Слономъ поѣхали верхами навстрѣчу имъ, за три станціи въ Апенинскихъ горахъ, и ждали ихъ въ почтовой гостинницѣ подъ вывѣскою *Леи-Маскере*. Туда пріѣхали на ночлегъ молодые, сопровождаемые нашей матерью, и одновременно съ ними пріѣхала ночевать туда же пѣвица Европейской знаменитости, г-жа Каталани съ своимъ мужемъ, Французомъ Валлабрекъ. Она оставила уже тогда сцену и ѣхала во Флоренцію поселиться въ подгородной своей виллѣ, которую она устраивала на Англійскій ладъ, чего не встрѣчалось тогда въ Флорентинскихъ виллахъ. Графиня Аврора Осиповна (новобрачная моя невѣстка) знавала еще въ Парижѣ г-жу Каталани и познакомила насъ съ нею. Она была весьма привѣтливая и съ хорошими манерами женщина и очень щедра къ бѣдному люду.

По примѣру Англійскихъ туристовъ наши молодые ѣхали на почтовыхъ, предшествуемые конным курьеромъ въ фантастическомъ, какъ

*) Мнѣніе это поддерживаютъ протестанскіе богословы; но по общему вѣрованію обѣихъ церквей, западной и нашей восточной, основанному на преданіи, Св. Петръ принялъ мученичество въ Римѣ. Насчетъ же вѣрованія Латинянъ, что онъ былъ первымъ Римскимъ епископомъ, наша церковь не признаетъ положительно, но и не опровергаетъ этого. (Примѣчаніе *графа Дмитрія Николаевича Толстаго*).

водилось тогда, костюмѣ, обшитомъ галунами и въ огромныхъ ботфортахъ; курьеръ скакалъ впередъ на разстояніи одной станціи, заготовляя и платя за лошадей, и безпрерывно почти хлопалъ длиннымъ бичемъ. Ремесло это было нелегкое, такъ какъ случалось скакать день и ночь отъ Парижа до Рима или Неаполя, но прибыльное въ денежномъ отношеніи. Процессъ этой ѣзды давно составлялъ для меня предметъ зависти, но я насладился имъ всего только одинъ разъ, да и то на короткое разстояніе, когда въ слѣдующее лѣто 1823 года все наше семейство ѣздило на морскія купальни изъ Флоренціи въ Ливорно.

Осень 1822 года была для меня знаменательною эпохою, потому что я былъ въ первый разъ въ жизни въ театрѣ, гдѣ давали трагедію современнаго поэта Никколини «Ипна и Темисто». Г. Слоанъ, я и Милліарини отправились пѣшими изъ виллы Пальміери въ «Театро-Нуово». Проходя мимо маленькой капеллы «Санта-Марія-делла Тоссе» (*тоссе* значитъ кашель), что́ у самыхъ городскихъ воротъ «Санъ-Галло», мы увидѣли сквозь отпертыя двери капеллы выставленное тѣло одной молодой женщины, и мой менторъ не пропустилъ случая обратить мое вниманіе на это совпаденіе печальной стороны жизни рядомъ съ удовольствіемъ, ожидавшимъ меня въ этотъ вечеръ, какъ бы напоминаніе, что во всѣхъ случаяхъ жизни не должно забывать общаго нашего конца. Играла первая въ то время трагическая актриса Петцетъ, нарочно для которой написана была эта трагедія. Натянутая и полная аффектаціи Итальянская декламировка, монотонное произношеніе стиховъ почти на распѣвъ, утрированная жестикуляція и пластика, все это вмѣстѣ навѣяло бы теперь на меня одну скуку, а иностранцу-театралу показалось бы смѣшнымъ; но я приходилъ въ восторгъ отъ этого представленія.

По случаю Веронскаго конгресса, пробылъ во Флоренціи нѣсколько дней двоюродный мой братъ Петръ Адріяновичъ Дивовъ, находившійся въ Вероиѣ по дѣламъ службы, какъ секретарь Парижскаго посольства. Всѣхъ поразило тогда извѣстіе, что Англійскій «преміеръ» лордъ Кастльри (также Лондондери) зарѣзался. Позднѣе узнали, что причиною самоубійства была неудача политическихъ плановъ этого дипломата, по поводу (кажется) Греческаго вопроса, которымъ былъ тогда сильно занятъ Европейскій дипломатическій міръ.

Братъ мой съ молодою женой заняли часть втораго этажа нанимаемаго нами дома, въ томъ числѣ и двѣ комнаты, гдѣ г. Слоанъ и я жили, и потому пришлось намъ двоимъ перемѣститься на квартиру, въ домѣ рядомъ съ нашимъ. Этому я былъ радъ по разнымъ причинамъ. Во-

первыхъ, меня потѣшала самая новизна и то, что приходилось мнѣ часто бѣгать черезъ улицу изъ дома въ домъ, и немаловажно было и то, что наставникъ мой уже никакъ не могъ нагрянуть на меня попрежнему, невзначай, когда я, вмѣсто приготовленія уроковъ, занимался чѣмъ нибудь другимъ, или рисованіемъ Англійскихъ лошадей, что̀ я очень любилъ дѣлать, или расхаживалъ по комнатѣ распѣвая. А не могъ онъ напасть на меня врасплохъ, потому что уличная дверь была всегда на запорѣ, и молоточный стукъ въ наружную дверь (способъ, замѣняющій во Флоренціи звонокъ) во̀ время извѣщалъ меня о приходѣ моего ментора. Ко всѣмъ этимъ удобствамъ надо добавить кофейню, находившуюся подъ нашими комнатами, куда я забѣгалъ тайкомъ полакомиться сладкимъ пирожнымъ, а на это баловство доставало у меня денегъ изъ получаемаго отъ отца одного *скудо* въ мѣсяцъ (приблизительно полтора р. сер.).

Гордилась теперь наша мать возможностью вывозить въ свѣтъ трехъ вмѣсто двухъ прежнихъ дочерей; да и было дѣйствительно чѣмъ гордиться. Очень миловидна изъ себя была графиня Аврора Осиповна, и особенно хороши были въ ней выраженіе карихъ глазъ, тонкіе контуры бровей и гладкій бѣло-матовой лобъ; немного портили опущенныя окончности рта, что̀ придавало ея физіономіи какъ бы презрительную экспрессію, но и этотъ недостатокъ сглаживался улыбкою молодаго и свѣжаго лица. Все это дополнялось граціозностію въ манерахъ и позахъ, свойственною большинству Полекъ, гибкимъ станомъ и спокойно-плавными движеніями. Но еще болѣе отличается по сю пору моя невѣстка нравственными достоинствами. Она изъ тѣхъ щедро одаренныхъ натуръ, что̀ вкрадываются, такъ сказать, съ перваго раза въ душу всякому: веселаго и ровнаго всегда нрава, нѣжнаго и сострадательнаго сердца, уживчивость, рѣдкая логичность ума и сила воли. Съ перваго дня своего пріѣзда въ новую свою семью, невѣстка моя отождествилась съ нею, какъ будто бы родилась въ ней. Мы всѣ сразу и безотчетно полюбили ее, и сразу также родители наши оцѣнили отличительныя достоинства снохи.

На Флорентинскій зимній сезонъ конца 1822 и начала 1823 года пріѣхалъ графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, только что женившійся на княжнѣ Маріи Александровнѣ Урусовой. Урусовы считались какъ-то въ родствѣ съ нами (по Татищевымъ), и потому мужъ и жена Пушкины часто стали видаться съ нами. Графиню можно было причислить не только къ красавицамъ, но и даже оригинальнымъ красавицамъ, по случаю разноколерныхъ совершенно ея глазъ.

Старикъ герцогъ Фердинандъ III былъ охотникъ и знатокъ церковной музыки, и когда онъ замѣчалъ какую нибудь фальшь въ исполненіи своихъ пѣвцовъ или оркестра, онъ изъ своей трибуны (въ родѣ ложи) моргнетъ, бывало, своему капельмейстеру сиьору Маніелли, и тотъ, не церемонясь, отвѣчаетъ ему такой же гримасою. Подобная фамильярность можетъ встрѣчаться только между Итальянцами: но почитаемый всѣми этотъ великій герцогъ, хотя изъ Габсбургской династіи, старался всегда выказывать себя чистымъ Итальянцемъ. Придворнымъ его капелланомъ былъ старикъ аббатъ Енричи, всѣми любимый и уважаемый; онъ жилъ дверь объ дверь съ нами, нерѣдко посѣщалъ насъ и бесѣдовалъ съ нашимъ отцомъ въ его кабинетѣ. Въ противность большинству его собратій аббатовъ, онъ отличался религіозной терпимостью и явно высказывалъ свое вѣрованіе о возможности спасаться въ нашей восточной церкви, но не особенно любилъ входить въ религіозныя пренія. Задушевныя его доброта и простота были столь велики, что онъ не вѣрилъ пороку, и снисходительность его къ ближнему граничила съ дѣтскою наивностію. О немъ разсказывали, что на исповѣди одного изъ его духовныхъ чадъ, каявшагося въ какомъ-то особенномъ грѣхѣ, добрый аббатъ будто бы прервалъ его словами: «Это не можетъ быть такъ, вы клевещете на себя, вы не способны это сдѣлать». Во все время занятія Французами Италіи, изгнанный Фердинандъ III проживалъ въ Тирольскомъ городѣ Зальцбургѣ, имѣя при себѣ этого аббата Енричи и медика Боэти; оба они сдѣлались до конца жизни какъ бы членами герцогскаго семейства и отчасти онѣмечились въ выговорѣ отъ продолжительнаго пребыванія въ Тиролѣ. Г. Боэти былъ и нашимъ семейнымъ эскулапомъ.

Весною 1823 года, по случаю возвращенія въ Россію стараго графа Ѳедора Андреевича Толстаго съ его дочерью Закревской, мои родители воспользовались этимъ, чтобы отправить обратно въ Россію вмѣстѣ съ графомъ моего Русскаго учителя г. Бунина, конечно на нашъ счетъ. Что́ до старика графа Толстаго, великаго охотника и собирателя древностей, то слышно было, что его зачастую ловко надували въ Италіи мнимыми древностями.

Въ Александровское время не соблюдался строго указъ о смѣшенныхъ бракахъ, повелѣвающій, чтобы если кто изъ супруговъ принадлежалъ православной церкви, то чтобы всѣ родившіяся отъ нихъ дѣти были крещены и воспитаны въ православіи. Допускалось, чтобы дѣти мужскаго пола принадлежали отцовскому вѣроисповѣданію, а дѣти женскаго пола материнскому. На основаніи этой практики и заранѣе вы-

говореннаго условія родителями моей невѣстки при ея бракосочетаніи съ моимъ братомъ, когда въ Маѣ 1823 года родилась первая ихъ дочь, графиня Анна Петровна, ее повезли съ нѣкоторымъ церемоніаломъ крестить въ городской *баптистеріумъ*, небольшое осмиугольное древнѣйшее зданіе, принадлежащее каѳедральному собору (il Duomo), хотя отдѣленное отъ него уличнымъ проѣздомъ. По мѣстному обычаю въ городахъ сѣверной и средней Италіи, новорожденныхъ не крестятъ ни въ домахъ, ни даже въ приходскихъ церквахъ, а всѣхъ младенцевъ приносятъ въ подобный же баптистеріумъ, находящійся при всякой каѳедральной церкви. Въ 1823 году братъ мой былъ еще православнымъ. Лѣтомъ этого года онъ отговѣлъ со мною въ Ливорнской Греческой церкви и на пути оттуда въ каретѣ въ нашу виллу Гебгардтъ, онъ прочелъ мнѣ вслухъ благодарственныя молитвы по св. причащеніи. Особенной тенденціи къ латинству въ немъ тогда еще не проявлялось, и помню, что онъ говаривалъ, что обѣ церкви одинаково правовѣрны и истинны. Даже много позднѣе, когда мать моя уже открыто исповѣдывала латинство, то и тогда она отзывалась о нашемъ святителѣ Дмитріи Ростовскомъ, какъ о великомъ святомъ, что́ крайне меня тогда радовало, но вмѣстѣ съ тѣмъ и удивляло *). Помню также, что мать моя говаривала мнѣ, что она вполнѣ уповаетъ на спасеніе души моего отца за добрыя его дѣла.

Какимъ я былъ простакомъ на семнадцатомъ году возраста, судите по слѣдующему случаю. Проходя вдоль канавы, окружавшей одну изъ сосѣднихъ съ нами виллъ, около которой играли мальчишки, я изъ шалости толкнулъ одного изъ нихъ въ канаву, и онъ при паденіи разсѣкъ себѣ лобъ о камень. На крикъ его сбѣжались прохожіе, въ томъ числѣ женщина, вѣроятно его мать, которая принялась осыпать меня упреками, и чтобы развязаться съ нею, а главное, чтобы она не ходила жаловаться на меня моей матери или моему наставнику, я отдалъ ей все что́ у меня было мелкой монеты, и дѣло затихло на время; но съ этихъ поръ эта мегера начала преслѣдовать меня и вымышлять все, что́ могла изъ скуднаго моего мѣсячнаго оклада.

Осенью 1823 года пріѣхали на зиму во Флоренцію Поляки графъ Фредро и графъ Левъ Северіановичъ Потоцкій, оба женатые на дочеряхъ бывшаго когда-то богача, но разорившагося подъ конецъ, графа Николая Головина (по его смерти, большое его имѣніе Воротынецъ

*) Слыхалъ я, что одна проселитка изъ Русскихъ почитала св. Димитрія Ростовскаго на томъ основаніи, будто онъ былъ *уніятскимъ епископомъ*; но мать моя была на столько начитана, что не могла впадать въ подобную грубую историческую ошибку.

разыгрывалось въ публичной лотереѣ). Графиня Прасковья Николаевна Фредро (прозванная между нашими семейными дамами именемъ Паши) и сестра ея графиня Елисавета Николаевна Потоцкая уже были, со времени Петербургской ихъ жизни, католичками. Графъ Фредро, изъ себя молодчина, былъ генераломъ въ войскѣ Царства Польскаго, и еще въ Петербургѣ, будучи полковникомъ и флигель-адъютантомъ, бывалъ у насъ въ домѣ. У супруговъ Фредро былъ одинъ только сынъ Максъ, пяти или шести лѣтъ отъ роду.

Зимою съ 1823 на 1824 годъ я началъ ѣздить съ визитами къ близкимъ знакомымъ, бывалъ въ театрахъ, но одного меня туда не пускали; а въ Кашинахъ ѣздилъ я одинъ верхомъ, но только не бывалъ еще на балахъ. Значитъ, я сталъ пользоваться нѣкоторою самостоятельностью. Отецъ мой, разсудивъ, отчасти по совѣту Д. П. Северина, что дѣйствительно я былъ отчужденъ отъ Россіи, и что пора изподоволь готовиться мнѣ къ поступленію на какую нибудь службу (военной онъ весьма не сочувствовалъ), рѣшился войти въ переписку съ двоюроднымъ своимъ братомъ, графомъ М. С. Воронцовымъ, чтобы, до формальнаго моего опредѣленія на службу, я находился при немъ, свыкнулся съ родиною и ея языкомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, занялся бы математикою и геометріею, предметы, о которыхъ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія.

Вскорѣ послѣ того, какъ мнѣ минуло 17 лѣтъ, начались, весною 1824 года, приготовленія къ моему отъѣзду въ Одессу.

Разыгралось во мнѣ ретивое при мысли о возвращеніи на родину, призракъ которой не покидалъ меня никогда; да и особенной привязанности къ краю, гдѣ протекла вторая часть моего дѣтства, я не ощущалъ. Къ патріотическому юному моему настроенію присоединялась радостная увѣренность, что я покончилъ на всегда съ классною скамейкою и противнымъ мнѣ Латинскимъ сумбуромъ. Жизнь раскрывалась новая, въ ней все было увлекательно, обширное поле представлялось игривому моему воображенію, все въ немъ казалось доступнымъ, руку молъ только протянуть! Чувствовались силы хвататься за многое, но положительнаго призванія къ какому либо роду службы, или даже влеченія къ какому нибудь спеціальному, серіозному немного предмету, не было тогда во мнѣ. Ринулся я первоначально на Французскіе и Англійскіе романы, запрещенный до того времени плодъ. Пѣніе, опера и профессіональные артисты окончательно завладѣли одно время моей головой. Впослѣдствіи, когда я имѣлъ нѣкоторые успѣхи на поприщѣ дилетантизма, любимою мечтою сдѣлалась для меня артистическая

карьера на публичной сценѣ. Она усилилась до того, что, когда обстоятельства мои все болѣе и болѣе запутывались и угрожали окончательнымъ разореніемъ, вмѣсто того чтобы принять энергическія мѣры удержать возможное, и въ случаѣ неудачи посвятить трудъ и прирожденныя способности на государственную службу, когда еще непоздно было составить карьеру и тѣмъ обезпечить свое семейство, вмѣсто всего этого, въ головѣ моей бродила романическая мысль переименоваться какимъ нибудь Итальянскимъ, кончающимся на *ини*, псевдонимомъ, и поступить на какую нибудь дальнюю сцену, хоть бы въ Америку; въ успѣхахъ своихъ я не сомнѣвался. А вѣдь какую великую истину объ аматёрскихъ талантахъ сказалъ Скрибъ въ одномъ изъ своихъ водевилей:

L'on en a trop, quand il est inutile;
L'on n'en a plus, quand on en a besoin.

При разлукѣ въ первый разъ съ родителями, отецъ мой снабдилъ меня собственноручнымъ наставленіемъ о правилахъ жизни, съ убѣдительнымъ требованіемъ пребывать твердымъ въ вѣроисповѣданіи восточной православной церкви и прибѣгать къ таинствамъ покаянія и св. причащенія не менѣе какъ по три раза въ годъ. Но увы! Въ порывахъ бурной молодости, я ослушался его приказаній и, сверхъ сего, въ безпечности своихъ привычекъ, утратилъ дорогой этотъ документъ родительскаго попеченія.

(*Продолженіе будетъ*).

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА *).

1824—1827.

Въ утро моего выѣзда изъ родительскаго дома, мать моя повезла меня въ церковь «Аннунціаты» (Благовѣщенія), а тамъ передъ чудотворною иконою Пресвятыя Богородицы, обливаясь слезами, передала меня подъ святую Ея охрану. Эта сцена не изгладилась никогда изъ моей памяти: даже во дни разгульной моей жизни я неоднократно ощущалъ, что меня бережетъ Небесная моя Покровительница, и увѣренность эта особенно ободряла меня въ Кулевчинскомъ сраженіи, 12 Мая 1829 года.

Мои родители нашли удобнымъ воспользоваться отъѣздомъ изъ Флоренціи въ Галицію графа Льва Севериновича Потоцкаго, чтобы мнѣ и г. Слоану совершить путь вмѣстѣ съ нимъ и съ его семействомъ на томъ, быть можетъ, основаніи, что ни я, ни мой наставникъ вовсе не знали по-нѣмецки. Такъ какъ впослѣдствіи мы не будемъ болѣе встрѣчаться съ графомъ Львомъ Потоцкимъ, то скажу здѣсь, что онъ былъ позднѣе нашимъ представителемъ при Шведскомъ дворѣ, и что ему принадлежала Ливадія въ Крыму, купленная нашимъ императорскимъ дворомъ.

Графиня Елисавета Николаевна Потоцкая должна была провести предстоявшее лѣто съ двумя малолѣтними дочерьми на дачѣ въ окрестностяхъ Львова. Въ Венеціи, гдѣ мы пробыли пять или шесть дней, мы опять свидѣлись съ Флорентинскимъ нашимъ знакомымъ, графомъ Чиконіяра, который очень обрадовался увидѣть и принять насъ въ родномъ своемъ городѣ и показать намъ тамошнюю Академію Художествъ, основанію которой онъ содѣйствовалъ. Въ Венеціи же я въ первый разъ слышалъ грандіозную Россиніеву оперу «Семирамида», только что поставленную на сцену.

---

*) См. въ I-й книгѣ „Русскаго Архива“ сего года, выпуски 2, 3-й и 4-й.

Въ Вѣнѣ мы прожили съ недѣлю и обѣдали раза два у нашего посла, Дмитрія Павловича Татищева, («le bailli de Tatischeff», какъ обозначалось на его визитныхъ карточкахъ: а бальи потому, что онъ былъ командоромъ Мальтійскаго ордена). Онъ считался въ родствѣ съ моимъ отцемъ и былъ чрезвычайно любезенъ и внимателенъ къ намъ. Секретарями посольства были графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ (нынѣшній оберъ-гофмаршалъ), женившійся вскорѣ на вдовѣ князя Зубова, г. Родофиникинъ, молодой князь Чарторижскій ипохондрическаго темперамента и Полякъ Ежостовскій, веселый, общительный человѣкъ и отличный теноровый пѣвецъ. Черезъ годъ я узналъ, что онъ застрѣлился; но по какой причинѣ, не знаю. Состоялъ также при посольствѣ г. Обрѣзковъ казавшійся одно время (вѣроятнымъ) женихомъ графини Екатерины Ѳедоровны Тизенгаузенъ. Позднѣе, онъ былъ нашимъ резидентомъ въ Туринѣ, гдѣ его супруга (кто она была, не помню) ссорилась съ Туринскимъ дворомъ по дѣлу о кружевахъ (barbes), носить которыя она не имѣла права, по мѣстному этикету. Д. П. Татищевъ держалъ себя съ рѣдкимъ достоинствомъ въ сношеніяхъ съ дворомъ, при которомъ онъ былъ акредитованъ. Разсказывали напримѣръ, что, получивъ однажды офиціальнымъ путемъ табакерку для передачи князю Мѣтерниху отъ имени императора Николая Павловича, онъ не счелъ нужнымъ поѣхать нарочно для этого къ Австрійскому первенствующему министру, но, пригласивъ его обѣдать, обратился къ нему во время стола, какъ будто невзначай, со словами: «кстати, князь, извольте получить табакерку, которую императоръ мой государь поручилъ мнѣ передать вамъ отъ его имени».

Чрезвычайно радушно встрѣтила меня Елисавета Михайловна Хитровò, знавшая меня десятилѣтнимъ мальчикомъ: она временно проживала въ Вѣнѣ съ дочерью графинею Екатериною Ѳедоровною Тизенгаузенъ у замужней своей дочери графини Даріи Ѳедоровны Фикельмонъ. Склонная къ экзальтаціи, Елисавета Михайловна махнула мнѣ, что она такъ пламенно любитъ всѣхъ Бутурлиныхъ, что желала бы, чтобы кто нибудь изъ нашего семейства заболѣлъ при ней, дабы доставить ей утѣшеніе ухаживать за нимъ. Не желалъ я конечно испытывать на себѣ доказательство столь нѣжной преданности ко всѣмъ носящимъ наше фамильное имя. Разъ на обѣдѣ у Татищева она высказывала при мнѣ свое удивленіе, что всѣ знакомые ей въ Вѣнѣ дипломаты придаютъ себѣ таинственную и замкнутую осанку, чуждую совершенно князю Метерниху, который въ бесѣдахъ съ нею всегда удовлетворительно отвѣчаетъ на всѣ ея вопросы по части политики. Наивная Елисавета Михайловна не подозрѣвала, что Австро-европейскій ми-

нистръ, свѣтскою своею любезностію и изворотливостью, обходилъ и обманывалъ женское любопытство. Оригинальное также мнѣніе она высказала однажды, въ бытность ея еще во Флоренціи, на вечерѣ, гдѣ пѣла дочь Французскаго посланника графа Диллона, у которой былъ очень низкій контральто. «Comme c'est touchant», сказала она, «d'entendre une si jeune fille chanter avec une voie de basse» [1]).

Въ обществѣ стали поговаривать тогда о Ротшильдахъ, начинавшихъ быть извѣстными въ финансовомъ мірѣ. Одинъ изъ надменныхъ представителей этой фирмы, по случаю переговоровъ съ нимъ о займѣ Австрійскимъ правительствомъ, выразился будто такъ: «la maison d'Autriche peut compter sur *celle* de Rotchild» [2]); но одному изъ его братьевъ Французскій посолъ при Римскомъ дворѣ, герцогъ де-Лаваль-Монморанси, сказалъ: «Знаете ли, какая разница между нами? Я происхожу отъ перваго Христіанскаго барона, а вы—первый Еврейскій баронъ».

Я забылъ сказать, что мнѣ и моему наставнику сопутствовалъ панъ Дмитрій Ломовъ, не только не устрашавшійся мысли сдѣлаться снова крѣпостнымъ, но съ восторгомъ, какъ и я, возвращавшійся на родину.

Дорогою изъ Вѣны до Львова мы съ гр. Потоцкимъ заѣзжали дня на три къ графу Альфреду Потоцкому, въ вельможное его Галицкое помѣстье Ланцутъ, гдѣ онъ съ семействомъ жилъ въ средневѣковомъ феодальномъ замкѣ посреди парка и вѣковыхъ деревьевъ. Самъ хозяинъ былъ тогда въ отсутствіи, и насъ приняла съ Славянскимъ настоящимъ гостепріимствомъ хозяйка, рожденная княжна Сангушко. Мѣстное полу-русское доселѣ народонаселеніе, ватага дворовыхъ людей (тогда еще крѣпостныхъ), пыльное при закатѣ солнца возвращеніе крестьянскаго стада съ поля, все это такъ живо перенесло меня къ Русскому деревенскому быту, къ моему дѣтству въ Бѣлкинѣ, что я лишился сна, и наканунѣ отъѣзда, когда всѣ разошлись на ночь, я вышелъ въ садъ и во всю Майскую безсумрачную ночь (отъ которыхъ я отвыкъ въ Италіи) бродилъ по парку, а на разсвѣтѣ набросалъ карандашемъ два эскиза усадьбы и сада. Только ко времени утренняго общаго чая воротился я въ домъ, когда спутники мои уже готовились уѣзжать. По возвращеніи моемъ во Флоренцію, осенью

---

[1]) Какъ это трогательно слышать такую молоденькую дѣвушку съ басовымъ голосомъ.

[2]) Австрійскій домъ можетъ расчитывать на домъ Ротшильдовъ.

слѣдующаго 1825 года, мать моя, слушая восторженный мой разсказъ о кратковременномъ пребываніи въ Ланцутѣ, сказала мнѣ, что имѣетъ какъ бы предчувствіе, что я по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ женюсь на одной изъ дочерей графа Альфреда Потоцкаго, тогда еще малолѣтнихъ, но уже прехорошенькихъ. Не всегда сбывается, видно, материнское предчувствіе; впрочемъ, мать моя была изъ охотно вѣрующихъ въ возможность осуществленія того, чего мы пламенно желаемъ.

Во Львовѣ мы остановились на нѣсколько дней. Въ одно Воскресенье я пошелъ слушать обѣдню въ тамошнюю каѳедральную католическую церковь (какъ привычно было мнѣ въ Италіи по праздникамъ, когда не было православной церкви), и меня тамъ удивилъ одинъ мѣстный обычай. По окончаніи пѣтой миссы (обѣдни) весь народъ запѣлъ «трисвятое», выходившее на Польскомъ языкѣ: «Свентый Боже, свентый моцни, свентый несмертельны, змилуйся надъ нами». Этой молитвы не существуетъ въ Итальянскомъ переводѣ (какъ нѣтъ также въ Италіи дополнительнаго богослуженія на народномъ нарѣчіи), а самое «трисвятое», насколько помнится мнѣ, поется въ Латинскихъ церквахъ одинъ только разъ въ году на Страстной недѣлѣ. Въ описываемое время я не могъ давать себѣ отчета объ этомъ Львовскомъ обычаѣ; но теперь вижу, что онъ есть остатокъ отъ прежней православной церковной службы, до введенія уніи въ Галицкой Чермной Руси *).

Во Львовѣ мой охранитель и я разстались съ семействомъ Потоцкихъ и, въѣхавъ въ Россію, черезъ Радзивиловъ, мы направились въ имѣніе тестя моего брата Осипа Игнатьевича Понятовскаго, мѣстечко Таганчу, Кіевской губерніи Богуславскаго (а нынѣ Каневскаго) уѣзда. У него мы прогостили не менѣе мѣсяца, и тамъ я впервыя взялъ ружье въ руки и пристрастился къ охотѣ, хотя и тогда, и позднѣе, не отличался никогда, какъ стрѣлокъ, и только могъ убивать дичь въ сидячку, да и то рѣдко. О. И. Понятовскій былъ маленькій, сухощавый и живой старичекъ; онъ считался дальнимъ родственникомъ послѣдняго Польскаго короля Станислава-Августа, былъ при немъ пажемъ или находился въ составѣ его охранной гвардіи, ходилъ въ охотникахъ на Очаковскій штурмъ въ 1786 году при князѣ Потемкинѣ и дослужился до полковничьяго чина въ старо-Польскомъ войскѣ. Когда князь Стани-

*) Довольно странно, что по Римскому ритуалу (требнику), единственный разъ въ году, когда совершается преждеосвященная литургія, приходится въ единственный день Страстной седмицы, когда въ православной церкви не бываетъ никакой литургіи, а именно, въ Великую Пятницу.

славъ, братъ послѣдняго Польскаго короля, рѣшился, въ первыхъ годахъ текущаго вѣка, переселиться въ Италію, то онъ запродалъ на дальніе платежные сроки значительную часть своихъ помѣстій Кіевской губерніи О. И. Понятовскому, который неусыпною дѣятельностію и смѣтливостію выплатилъ весь долгъ, устроилъ суконныя фабрики, обширное овцеводство и довелъ сельскохозяйственную часть до рѣдкаго совершенства. Въ 1824 г. у него уже была молотильная машина, едва извѣстная еще тогда. Позднѣе онъ вошелъ въ винокуренныя дѣла и съ выгодою держалъ самый Кіевъ *). Когда я познакомился съ нимъ, онъ былъ свѣжій и бодрый старикъ и не измѣнился еще въ 1835 году, когда мать моя и я съ женою мы гостили у него всю осень. Лѣтомъ и зимою онъ вставалъ въ 4 или 5 часовъ и до 11 часовъ занимался въ кабинетѣ съ своими управляющими и прикащиками или диктовалъ секретарю, расхаживая по комнатѣ, личную и дѣловую корреспонденцію. Въ 12 часовъ въ домѣ собирались къ завтраку, состоявшему изъ нѣсколькихъ блюдъ, которыя старичекъ нашъ на славу уписывалъ. Въ часъ пополудни онъ садился на лошадь съ сыновьями и тѣми изъ гостей, которые умѣли ѣздить верхомъ, и объѣзжалъ свои хутора, пахатныя земли и отдаленныя овчарни, при чемъ всегда находился при немъ доѣзжачій со сворою борзыхъ, на случай что выскочитъ русакъ, и къ пяти часамъ возвращался обѣдать. Нерѣдко вся мужская компанія отправлялась съ нимъ на охоту со стаею гончихъ и съ борзыми. Самъ Полякъ, онъ былъ весьма привержонъ къ нашему правительству, жилъ въ большихъ ладахъ съ Кіевскими генералъ-губернаторами и митрополитами и имѣлъ одно время собственный домъ въ Кіевѣ, гдѣ задавалъ иногда обѣды высшимъ властямъ. Два старшіе его сына, Евгеній и Маврикій (котораго звали всегда Ламбертомъ) Осиповичи, уже въ отставкѣ въ 1824 году, служили—первый въ кавалергардскомъ полку, а второй первоначально въ гвардейскомъ конно-егерскомъ полку, а оттуда перешелъ въ Варшаву въ гвардейскій Подольскій кирасирскій полкъ. Третій сынъ, Кесарь Осиповичъ (прозванный «le beau César», по своей красотѣ Испанскаго типа) былъ двумя или тремя годами старше меня, и служилъ тогда въ Одессѣ при графѣ М. С. Воронцовѣ, выхлопотавшемъ ему камеръюнкерство. Четвертый, Августъ Осиповичъ, годомъ старше меня, нигдѣ еще не служилъ, но мѣсяцевъ шесть позднѣе отецъ упекъ его въ Камчатскій пѣхотный полкъ въ наказаніе за сдѣланные имъ довольно значительные карточ-

*) Онъ умеръ въ 1844 году, въ глубокой старости, оставивъ большое состояніе. Изъ пяти его сыновей, трое которыхъ были женаты, ни у кого не осталось дѣтей, и наслѣдниками ихъ имѣній теперь, племянникъ мой гр. Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ и г. Шимановскій, мать котораго была дочерью старика Понятовскаго.

ные долги въ бытность его въ Кременецкомъ лицеѣ. Онъ тянулъ юнкерскую лямку четыре года безъ малаго, потому что старикъ Понятовскій просилъ корпуснаго командира Сабанѣева не производить его въ офицеры. Пятый сынъ, Даріушъ Осиповичъ, немного моложе меня, только что вышелъ тогда изъ Кременецкаго лицея и былъ болѣзненной комплекціи. У графа Понятовскаго было три дочери: старшая, Матильда, вышла замужъ нѣсколько лѣтъ до описываемаго мною времени, противъ воли родителей, за г. Шимановскаго; вторая была моею невѣсткою; третья Олимпія, молодая дѣвушка, много обѣщавшая, преждевременно умерла въ концѣ 20-хъ годовъ. Г. Шимановскій участвовалъ въ Польскомъ возстаніи 1831 года и эмигрировалъ съ семействомъ въ Швейцарію, гдѣ его сынъ Освальдъ (нынѣ сопаслѣдникъ моего племянника) пошелъ по медицинской части, такъ какъ средства этого семейства были крайне ограничены. Сама Понятовская, рожденная Грохольская, достойная вполнѣ женщина, умерла отъ рака въ груди между 1827 и 1830 годами. Чета Понятовскихъ провела жизнь какъ Филемонъ и Бавкида; но это не препятствовало старику Понятовскому разсказывать своимъ друзьямъ, что онъ никогда бы не женился, еслибы не предвидѣлъ возможности развестись со своею Юліей (какъ звали его жену). Не мѣшаетъ разъяснить одно обстоятельство въ связи съ намекомъ г. Понятовскаго, не всѣмъ, быть можетъ, извѣстное. Польскіе супруги часто расходятся вопреки каноническихъ правилъ ихъ церкви, и жены даже вступаютъ во второй бракъ при жизни мужей. Для этого надо доказать несостоятельность или не полную законность перваго брака, и для достиженія этой цѣли намѣренно оставляется какая нибудь лазейка, въ родѣ отступленія отъ формъ или обрядовъ, при самомъ вѣнчаніи, и дѣло въ шляпѣ. Подобныя хитрости не существуютъ, рѣшительно, въ прочихъ Римско-католическихъ странахъ и хорошо обрисовываютъ нравственное растлѣніе старой Польши.

У старика Понятовскаго былъ также оригинальный пріемъ въ его сельско-хозяйственной администраціи. Онъ старался, чтобы всѣ его прикащики (по тамошнему, экономы) отдѣльныхъ фольварковъ (т. е. хуторовъ) жили межъ собою, какъ кошка и собака, и такимъ образомъ онъ узнавалъ о дѣйствіяхъ каждаго отъ нихъ. Противъ этой теоріи нашъ Иванъ Антоновичъ Кавецкій, человѣкъ смышленный, справедливо возразилъ: «Ну, а какъ весь этотъ людъ догадается, паче чаянія, что хозяинъ намѣренно поддерживаетъ эту междоусобицу? Вѣдь они сговорятся, пожалуй, и уже тогда оберутъ его совсѣмъ.»

Понятовскій повезъ меня и г. Сloана къ сосѣдкѣ своей (верстахъ въ шестидесяти) богачкѣ графинѣ Браницкой, въ извѣстное ея имѣніе

Бѣлую Церковь (самая усадьба звалась Александрія). Тамъ мы прогостили два-три дня и успѣли разсмотрѣть славный графининъ садъ. Онъ дѣйствительно оправдывалъ молву о немъ, сколько по планировкѣ, столь же и по царскому почти его содержанію, и въ частности по уходу за нѣкоторыми большими дубами и иными деревьями, любимцами хозяйки, стволы которыхъ скоблились во всю вышину и обмывались мыломъ. Особенно поразилъ меня павильонъ, въ видѣ древняго языческаго храма, въ память князя Таврическаго, съ слѣдующею, дерзкою по моему, надписью на фронтонѣ:

Profane, avant d'entrer, consulte ton coeur:
Peux-tu de l'amitié apprécier la valeur?

Графининъ столъ, судя по тому что подавали при мнѣ, далеко не соотвѣтствовалъ роскоши сада; помню между прочимъ какія-то харчевническія котлеты, приготовленныя на несвѣжемъ жирномъ веществѣ, а въ занимаемыхъ нами комнатахъ въ отдѣльномъ корпусѣ подали вечеромъ сальныя свѣчи, хотя, можно полагать, что Понятовскій былъ изъ наиночитаемыхъ гостей. Впрочемъ, графиня такъ и слыла скопидомкою. Съ сыномъ ея графомъ Владиславомъ Ксаверьевичемъ она была не въ ладахъ за женитьбу его противъ ея воли, и потому рѣдко видалась съ нимъ. Старуха графиня Браницкая говорила по французски съ замѣтнымъ Русскимъ акцентомъ и произносила «l'arbre de l'empéreur», вмѣсто «l'empreur». Это выраженіе относилось къ одному изъ деревьевъ сада, посаженному самимъ императоромъ Александромъ I-мъ. При ней находились тогда дѣти графа М. С. Воронцова, всего помнится мнѣ, двѣ дочери, изъ которыхъ одна умерла въ малолѣтствѣ, а графъ Семенъ Михайловичъ только что тогда родился. Во весь годъ моего нахожденія въ Одессѣ дѣти графа Воронцова оставались у своей бабушки въ Бѣлой Церкви. Кесарь Осиповичъ Понятовскій (служившій тогда при графѣ Воронцовѣ) разсказывалъ, что когда, на обратномъ пути изъ Таганчи въ Одессу, онъ заѣзжалъ въ Бѣлую Церковь освѣдомиться, не имѣетъ-ли графиня Браницкая какихъ нибудь порученій для своей дочери, то она вычерпнула разъ изъ мѣшка по цѣлой пригоршнѣ драгоцѣнныхъ каменьевъ и, не считая, высыпала ихъ въ руки Кесарю Осиповичу для передачи своей «Лизѣ на парюръ». Разсказывали также, что въ бытность графа М. С. Воронцова въ Бѣлой Церкви, гдѣ застигли его ранніе холода, а онъ пріѣхалъ по-лѣтнему, тещa его, вспомнивъ, что гдѣ-то въ кладовыхъ завалялась у нея мужская шуба, приказала принести ее и подарила графу. Оказалось, что эта шуба была чернобурыхъ лисицъ, стоившая нѣсколько тысячъ рублей.

Наѣзжалъ въ Таганчу домашній капелланъ старика Понятовскаго, Грекоуніатскій бритый священникъ: но такъ какъ мѣстная Латинская каменная церковь не была еще достроена, то уніатъ-священникъ служилъ по воскресеніямъ читаемую, а не пѣтую обѣдню (*messe-basse*), въ столовой господскаго дома (тамъ же былъ и бильярдъ), для чего стоялъ тамъ большой шкафъ (ни дать ни взять, настоящій буфетъ), который раскидывался, и изъ него дѣлался временный престолъ. А что до антиминса (который у Латинянъ не переносный, какъ у насъ, а вставленный наглухо въ верхнюю доску престола), не знаю, какъ это было устроено тамъ; а также не помню, служилась-ли обѣдня по Римскому «миссалу», или по славянски, по чину Златоуста *): но меня удивляло, почему звали Греко-уніатскимъ этого іерея бритаго, стриженаго и одѣтаго, какъ прочіе Латинскіе аббаты. Домашняя прислуга свободно говорила по польски: въ томъ числѣ гигантъ-казакъ, сопровождавшій всегда г. Понятовскаго, тогда какъ всѣ эти люди были православнаго исповѣданія, и почти всѣ мѣстные уроженцы. Все это странно весьма казалось мнѣ, полу-Флорентинцу, которому ничего еще не было тогда извѣстно «о вѣрѣ хлопской и вѣрѣ панской».

Братъ мой разсказывалъ мнѣ, что на его свадьбѣ, въ Таганчѣ, распита была бутылка старѣйшаго Венгерскаго вина, изъ числа подаренныхъ королю Яну Собіескому Вѣнскимъ муниципалитетомъ за спасеніе его города отъ Турокъ въ 1683 году; значитъ, что вино это было и тогда уже отборнымъ. Въ 1824 г. оставалась еще въ погребахъ Таганчи одна такая же бутылка, которую хранили для свадьбы Олимпіи Осиповны; но смерть похитила эту прелестную дѣвушку.

Наконецъ, добрались мы до Одессы въ самую злющую пору года, сопровождаемую мѣсячнымъ, иногда, болѣе бездождіемъ и удушающею пылью отъ шоссейныхъ улицъ, отъ чего нѣтъ возможности раскрыть окно. Вся трава желтѣетъ и сгораетъ, даже листва пирамидальныхъ тополей засыхаетъ (говорю о тополяхъ, потому что они были единственной почти растительностію въ Одесскихъ городскихъ садахъ, и тополя окаймляли многія улицы). Природа снова оживляется, и зелень показывается въ степяхъ не прежде Сентября.

Ни графа, ни графини Воронцовыхъ не было тогда въ городѣ, но мы все-таки познакомились съ окружавшими графа лицами. Это были

*) У Латинянъ антиминса нѣтъ вовсе. Его замѣняетъ камень, всегда переносный. (*Примѣчаніе графа Дмитрія Николаевича Толстаго*). Спорить не смѣю противъ авторитетнаго моего цензора и корректора, но утверждаю, что на иныхъ Латинскихъ престолахъ я видѣлъ вставленный камень съ мощами.

Александръ Ивановичъ Казначеевъ, правитель графской канцеляріи [1]), баронъ Филиппъ Ивановичъ Бруновъ [2]), Алексѣй Иракліевичъ Левшинъ и Никаноръ Михайловичъ Лонгиновъ. Всѣ они приняли насъ очень любезно. Съ полковникомъ Франкомъ, также состоявшимъ при графѣ, мы познакомились еще въ Таганчѣ, куда онъ пріѣзжалъ навѣстить Поніатовскаго. Мы нашли также поселившихся въ Одессѣ старыхъ нашихъ знакомыхъ, графа и графиню Эдлингъ, и Петра Ивановича Жилле профессоромъ въ Ришельевскомъ лицеѣ и уже женатымъ съ 1818 года на Вѣрѣ Андреевнѣ Голыцъ, сестрѣ Н. А. Кавецкой, долго жившей при княгинѣ Софіи Григорьевнѣ Волконской. Однажды, когда мы возвращались въ каретѣ втроемъ съ барономъ Бруновымъ отъ Эдлинговъ, живших на хуторѣ, онъ поздравилъ меня съ счастливымъ обстоятельствомъ, что я начинаю свою каріеру подъ эгидою такого начальника какъ графъ Воронцовъ, и что это предвѣщаетъ мнѣ блистательную будущность. Не угадалъ на этотъ разъ баронъ Бруновъ, хотя онъ и считался хорошимъ дипломатомъ.

П. П. Жиллѐ попалъ въ профессора Французской словесности по личному знакомству съ первымъ директоромъ Ришельевскаго лицея, Французскимъ аббатомъ Николемъ. Лицей этотъ былъ открытъ въ 1817 году, и Петру Ивановичу Жиллѐ и его женѣ поручено было въ 1818 или 1819 году отвезти молодыхъ князей Дмитрія и Григорія Петровичей Волконскихъ изъ Петербурга въ Одессу, для опредѣленія ихъ въ тамошній новый лицей. Послѣ сего не прошло болѣе двухъ-трехъ лѣтъ, какъ аббатъ Николь добровольно отказался отъ мѣста директора лицея и сдалъ его сполна г-ну Жиллѐ. Но тутъ хозяйственная часть заведенія была немаловажная вещь, и въ ней-то именно не былъ свѣдущъ Жиллѐ; къ тому же онъ былъ крайне довѣрчивъ и запутался или, точнѣе, его запутали, и на немъ оказалась крупная недоимка, что-то въ родѣ 40 тыс. рублей (асиг.). Дѣло кончилось-бы весьма плохо для него, если бы не вступились мой братъ и добрѣйшая его тещи Поніатовская (очень любившая своего зятя), которые внесли за него деньги.

Характерично было это препорученіе воспитанія Русскаго юношества Римско-католическому священнику Николю.

Въ Одессѣ видался я часто съ родственникомъ моимъ Александромъ Антоновичемъ Станкеромъ, годами двумя старше меня. Онъ и

---

[1]) Нынѣ сенаторомъ въ Москвѣ. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Маріи Дмитріевнѣ Волконской, сестрѣ помѣщика Зарайскаго уѣзда князя Алексѣя Дмитріевича Волконскаго.

[2]) Нынѣ пайщикъ поселомъ въ Лондонѣ. Въ Одессѣ онъ, будучи немолодымъ уже человѣкомъ, женился на вдовѣ генерала барона Лехнера, одной изъ первыхъ красавицъ.

братъ его Дмитрій, были изъ первыхъ выпусковъ Ришельевскаго лицея гдѣ они кончили, такъ же какъ и начали, свое воспитаніе на счетъ моей матери. Даровитый малый и изрядный весьма поэтъ былъ этотъ Александръ Станкеръ. Онъ отправился въ Москву, къ своему отцу, женившемуся вторично на княжнѣ Козловской; и эта моя съ нимъ встрѣча въ Одессѣ была послѣднею.

У графини Эдлингъ я видѣлъ раза два ея брата, Александра Скарлатовича Стурдзу, извѣстнаго въ дипломатическомъ мірѣ автора замысловатаго документа «Священнаго Союза», и бывшаго одно время правою рукою мистическаго министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына. Г. Стурдза показался мнѣ молокососу довольно скучнымъ господиномъ, да и при мнѣ онъ очень мало говорилъ.

Въ Одессѣ я въ первый разъ началъ наслаждаться полною свободою. Я бродилъ одинъ по улицамъ по цѣлымъ ночамъ безъ цѣли, распѣвая во все горло Итальянскія аріи. Я забылъ сказать, что на 15-мъ году прежній мой звонкій сопрано исчезъ; затѣмъ, въ послѣдующіе два года, не было у меня вовсе никакого голоса, а когда мнѣ минуло 17 лѣтъ, то явился у меня, къ величайшей моей досадѣ, протодіаконскій басъ съ глубокою нижнею октавою. Я очень желалъ имѣть теноровый голосъ, и вотъ я началъ насильственно напирать на высокія ноты и мало по малу дошелъ до настоящаго баритона, бравшаго грудью «*фа-діезъ*», а иногда (въ Италіи, гдѣ камертонъ ниже, чѣмъ въ Россіи) даже «соль». Эта искусственная выработка не могла однакоже быть достигнута безъ ущерба натуральному моему голосу, режистръ котораго простирался до двухъ октавъ и трехъ нотъ.

Мы пользовались ложею графа Воронцова въ Итальянской оперѣ и тамъ бывали каждый день. Я жадно слѣдилъ за этими спектаклями, познакомился лично съ нѣкоторыми изъ Итальянскихъ милыхъ мнѣ артистовъ и артистокъ и, благодаря чисто Тосканскому моему нарѣчію, сдѣлался какъ бы ихъ землякомъ.

Воронцовы все еще не возвращались, и первый балъ, на который мы получили приглашеніе (онъ же былъ и первымъ моимъ по вступленіи въ общество взрослыхъ) былъ данъ на палубѣ какого-то судна у графа Витте, начальника южныхъ военныхъ поселеній, проживавшаго постоянно въ Одессѣ. Возвращаясь ночью въ шлюбкѣ, я въ первый разъ видѣлъ фосфорическія или электрическія искры, выскакивающія изъ подъ вёселъ гребцовъ, чего не видалъ въ Средиземномъ морѣ. На этомъ

балѣ я былъ представленъ красавицѣ г-жѣ Каролинѣ Собаньской (урожденной графинѣ Ржевуцкой), всегда впослѣдствіи оказывавшей мнѣ сердечное участіе. Если она споткнулась (какъ о томъ была молва) въ женскую предосудительную слабость, то много выкупила она душевными качествами и много перестрадала отъ фальшиваго своего свѣтскаго положенія. Тутъ же я познакомился съ ея братомъ, графомъ Адамомъ Ржевуцкимъ (нынѣ генералъ-адъютантомъ), только что произведеннымъ тогда въ корнеты, въ армейскій уланскій полкъ.

Проживалъ тогда въ Одессѣ подъ надзоромъ графа М. С. Воронцова числившійся на службѣ при немъ (хотя безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій) А. С. Пушкинъ, дальній нашъ по женскому колѣну родственникъ; по доброму, старому Русскому обычаю, мы съ перваго дня знакомства стали звать другъ друга «mon cousin». Нерѣдко встрѣчаясь съ нимъ въ обществѣ и въ театрѣ (общій нашъ «rendez-vous»), я желалъ сблизиться съ нимъ: но такъ какъ я не вышелъ еще окончательно изъ подъ контроля моего воспитателя, то и не могъ удовлетворить вполнѣ этому желанію. Александръ Сергѣевичъ слылъ вольнодумцемъ и чуть-ли почти не атеистомъ, и мнѣ дано было заранѣе предостереженіе о немъ изъ Флоренціи, какъ объ опасномъ человѣкѣ. Онъ, видно, это зналъ или угадалъ, и разъ, подходя съ улицы къ моему отпертому окну (а жили мы въ одноэтажномъ домѣ на Тираспольской, кажется, улицѣ), сказалъ: «Не правда-ли», cousin, что твои родители запретили тебѣ подружиться со мною?» Я ему признался въ этомъ, и съ тѣхъ поръ онъ пересталъ навѣщать меня. Въ другой разъ онъ, при встрѣчѣ со мною, сказалъ: «Мой Онѣгинъ» (онъ только что началъ его тогда писать), «это ты, cousin». Впослѣдствіи, подружившись въ Варшавѣ въ 1832 году со Львомъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ, я узналъ отъ него, что я заинтересовалъ его брата поэта моими несдержанными, Ютомъ отзывавшимися пріемами, манерами въ обществѣ и пылкостію наивной моей натуры. Дѣйствительно, наивнымъ я былъ отъ строгаго и замкнутаго воспитанія и совершеннаго незнанія свѣта.

Говорили, что графиня Е. К. Воронцова очень любезно обращалась съ Александромъ Сергѣевичемъ, но что ея супругъ отворачивался отъ него. Самъ этого я не видалъ. Неразлучнымъ компаніономъ великаго поэта былъ колоссальный полу-Мавръ и полу-Негръ по имени Али, но его звали *Моръ* *). Этотъ человѣкъ былъ повидимому не

*) Вѣроятно, отъ Французскаго „Maure-Ali".

безъ средствъ существованія, хотя не имѣлъ никакихъ занятій и, сколько помнится мнѣ, подозрѣвали, что онъ нажилъ состояніе будто бы ремесломъ пирата. Ходилъ онъ въ Африканскомъ своемъ костюмѣ съ толстой желѣзной палкой въ рукѣ въ родѣ лома, и помнится мнѣ, что онъ изрядно говоритъ по итальянски. Александръ Сергѣевичъ и особенно короткіе его знакомые собирались почти каждый вечеръ ужинать въ Греческомъ второстепенномъ ресторанѣ Димитраки, гдѣ и засиживались за полночь. Кружокъ этотъ состоялъ изъ поэта Василія Ивановича Туманскаго (чиновника особыхъ порученій при графѣ Воронцовѣ), г. Шварца (также состоявшаго при графѣ), Кесаря Осиповича Понятовскаго и, кажется, графскаго адъютанта Варламова. Мнѣ ужасно хотѣлось участвовать въ этихъ ужинахъ: но, какъ я уже говорилъ, я не былъ настолько воленъ въ своихъ дѣйствіяхъ, чтобы посѣщать кружокъ, гдѣ могла быть попойка. Всѣ эти господа обѣдывали обыкновенно во Французскомъ (очень хорошемъ) ресторанѣ Отона (Autonne), въ домѣ клуба на Херсонской улицѣ, куда хаживали обѣдать г. Слоанъ и я, до пріѣзда графа Воронцова.

Когда графъ М. С. Воронцовъ возвратился въ Одессу, онъ принялъ меня очень ласково и расточался въ любезностяхъ передъ моимъ наставникомъ; не могу однакоже сказать, чтобы впослѣдствіи его обращеніе со мною было особенно родственно. Увидавъ, что у меня красивый почеркъ (позднѣе онъ испортился), графъ давалъ мнѣ переписывать набѣло кое какія-то Французскія бумаги, въ томъ числѣ проэкты сенатора гр. Северина Потоцкаго (по государственной, кажется, экономіи). Всѣ мы приближенные къ нему (а также г. Слоанъ) ежедневно у него обѣдали, даже когда онъ отлучался изъ города, а поваромъ у него былъ Французскій кулинарный артистъ. Графиня Елисавета Ксаверіевна возвратилась въ Одессу послѣ мужа и поселилась на лѣто на своемъ подгородномъ хуторѣ на морскомъ берегу, вмѣстѣ съ Ольгою Станиславовною Нарышкиной (рожденною графинею Потоцкою). Она приняла меня также хорошо, какъ и ея мужъ. Кромѣ вышепомянутыхъ лицъ, служившихъ при графѣ, были еще слѣдующія: г. Марини, незаконнорожденный сынъ графа В. П. Кочубея, родившійся во время его посольства въ Константинополѣ [1]), полковники Фроловъ-Багреевъ (женатый на родственницѣ Кочубеевыхъ) и Франкъ, г. Завалевскій (чиновникъ особыхъ порученій), Михаило Ивановичъ Лексъ, начальникъ, одного изъ отдѣленій графской канцеляріи [2]), драгун-

[1]) Послѣ моего отъѣзда изъ Одессы, г. Марини женился на тамошней дѣвицѣ Франоли, смѣшанной національности, какъ были многія фамиліи въ Одессѣ.

[2]) Онъ сдѣлался впослѣдствіи извѣстнымъ человѣкомъ, сколько въ служебномъ

скій капитанъ Золотаревъ, г. Кàзи (кажется Грекъ), переводчикъ восточныхъ языковъ, молодой баронъ Ренò, сынъ Одесскаго Французскаго старожила и богача, г. Сафоновъ, бывшій впослѣдствіи значительнымъ лицемъ при графѣ, полковникъ Тимковскій, трудолюбивый археологъ по части древностей Новороссійскаго края; а по вѣдомству путей сообщеній прикомандированы были къ графу Французскій генералъ Пуатьѐ, полковникъ Гави и капитанъ главнаго штаба Флорентинецъ графъ Серристори. Адъютантами при графѣ были князь Валентинъ Шаховской (женившійся немного позднѣе на Мухановой), управляющій однимъ отдѣленіемъ графской канцеляріи князь Херхеулидзевъ и г. Варламъ (братъ жены Константина Яковлевича Булгакова), талантливый рисовальщикъ, убитый впослѣдствіи на дуэли Николаемъ Васильевичемъ Сушковымъ. Въ число штатскихъ чиновниковъ я забылъ помѣстить г. Артемьева, также начальника отдѣленія въ графской канцеляріи; кромѣ высокимъ ростомъ, онъ ничѣмъ болѣе, кажется, не былъ замѣчательнымъ. М. П. Щербинина не было еще тогда при графѣ Воронцовѣ. Инженерный полковникъ Гави былъ женатъ на одной молоденькой и пригожей Француженкѣ мамзель Жозефинъ, не то воспитанницѣ, не то компаніонкѣ княгини Софіи Григорьевны Волконской; она обладала замѣчательнымъ талантомъ портретной живописи масляными красками. Теперь два слова о графѣ Людвигѣ Серристори. Онъ принадлежалъ къ древнему Тосканскому роду, и объ одномъ его предкѣ, какъ о Ливорнскомъ воеводѣ, упоминается въ статейномъ спискѣ пословъ Чемоданова и Постникова въ 1655 году, отправленныхъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ Венецію и къ Тосканскому великому герцогу Фердинанду II-му Медичи. Графъ Людвигъ Серристори кончилъ свое воспитаніе въ Парижскомъ политехническомъ училищѣ и поступилъ къ намъ на службу въ 1818 или 1819 году, бывъ принятъ офицерскимъ чиномъ, и прослужилъ нѣсколько лѣтъ на Кавказѣ при А. П. Ермоловѣ. Будучи прикомандированъ къ графу М. С. Воронцову, онъ построилъ въ Одессѣ спускъ къ Карантинной гавани и считался свѣдущимъ по своей части. Немного позднѣе онъ женился въ Одессѣ на одной изъ дочерей г. Франкини, нашего драгомана при Константинопольскомъ посольствѣ, и вышелъ въ отставку полковникомъ въ 1831 году.

Упомянувъ выше о полковникѣ Тимковскомъ, какъ объ археологѣ, добавлю кстати, что починъ разслѣдованія Херсонскихъ древностей принадлежитъ, насколько помню, Итальянцу г. Скасси, поселившемуся въ Керчи по комерческимъ дѣламъ, или находившемуся тамъ консу-

---

отношеніи, столько же и по поговоркѣ о немъ А. С. Пушкина: „Михаилъ Ивановичъ Лексъ хорошій человѣкъ-съ“.

ломъ отъ одного изъ Итальянскихъ правительствъ. Во всякомъ случаѣ онъ уже состоялъ въ 1824 году на Россійской службѣ и былъ значительнымъ весьма лицемъ въ Керчи. Я его видѣлъ всего одинъ разъ въ Одессѣ, и помнится мнѣ, что графъ Воронцовъ особенно его отличалъ.

Одесскимъ градоначальникомъ былъ тогда графъ Александръ Дмитріевичъ Гурьевъ, особа тяжелая въ обществѣ изысканными и протяжно натянутыми своими фразами: собесѣднику приходилось долго дожидаться, чтобы уловить мгновенное его молчаніе и вставить свое слово. При немъ (кажется) состоялъ какой-то его родственникъ г. Савеловъ, прикомандированный изъ Министерства Финансовъ. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда прибылъ на службу въ Одессу Флорентинскій нашъ знакомый, Дмитрій Евлампович Башмаковъ, кавалергардскій полковникъ, только что женившійся на княжнѣ Варварѣ Аркадьевнѣ Суворовой, родственницѣ графа М. С. Воронцова. Капитаномъ Одесскаго порта былъ полковникъ Зонтагъ, Американецъ, служившій въ нашемъ флотѣ, а жена его была Русская и родня Жуковскому.

Я уже говорилъ, что изъ оказавшихъ мнѣ благосклонный пріемъ съ перваго времени моего пріѣзда былъ Алексѣй Иракліевичъ Левшинъ; добавлю, что съ того времени, въ теченіе безъ малаго полувѣка, онъ при всякой съ нимъ встрѣчѣ, въ Россіи и за границею, продолжаетъ быть тѣмъ же самымъ для меня, и когда случается мнѣ бывать въ Петербургѣ, то я принятъ, какъ близкій родственникъ, имъ и всѣмъ патріархальнымъ его семействомъ.

Не знаю, какіе дальнѣйшіе виды имѣлъ на меня графъ Михаилъ Семеновичъ; но, не записавъ меня на дѣйствительную службу, онъ назначилъ мнѣ ходить въ его канцелярію и тамъ заниматься подъ руководствомъ одного изъ столоначальниковъ, по фамиліи Горяинова, человѣка, къ удивленію моему, весьма свѣдущаго въ Латинскомъ языкѣ, но котораго, кромѣ какъ въ канцеляріи, я нигдѣ не встрѣчалъ. Тамъ давали мнѣ переписывать кое-какія бумаги, и я былъ настолько еще малодушенъ, что и это занятіе тѣшило меня, какъ бы придававшее мнѣ осанку настоящаго чиновника, и я гордо шествовалъ по утрамъ въ канцелярію, съ портфелемъ подъ мышкою. Не мудрено, впрочемъ, что подобное занятіе было назначено мнѣ, какъ подготовительное къ усовершенствованію въ знаніи Русскаго языка.

Хотя по воскреснымъ днямъ я ходилъ къ обѣднѣ въ соборъ, но по Итальянской привычкѣ, или изъ желанія выказать себя полуиностранцемъ, хаживалъ я также въ Римско-Католическую церковь, молясь

тамъ на колѣняхъ, совершенно какъ бы Латинянинъ, такъ что иные изъ прихожанъ заключили, что я принадлежу ихъ вѣроисповѣданію. О моемъ хожденіи туда было передано графу Воронцову, который сильно разгнѣвался за это на меня, а постороннимъ высказался, что это-де плоды прозелитизма его кузины (т. е. моей матери); въ теченіе многихъ послѣдовавшихъ лѣтъ онъ не могъ разувѣриться, что я не католикъ. Это обстоятельство было прелюдіею дальнѣйшихъ моихъ Одесскихъ невзгодъ.

Графъ Воронцовъ и графъ Витъ были на церемонной ногѣ между собою, хотя у нихъ ссоры не было (да и дѣлить-то имъ нечего было), и графа Вита я видѣлъ въ домѣ графа Михаила Семеновича на большихъ лишь балахъ. Но отношенія послѣдняго съ своимъ предшественникомъ графомъ Ланжерономъ были совсѣмъ не тѣ. Всегда веселый и открытаго нрава Французъ, генералъ-адъютантъ, говоря о своемъ преемникѣ, называлъ его фамиліарно «Мишель». Онъ и по смѣнѣ своей остался на жительствѣ въ Одессѣ. Онъ незадолго передъ тѣмъ женился на дѣвицѣ-красавицѣ Бриммеръ, годившейся ему въ дочери. Сестра ея, вдова Аркудинская, также передъ тѣмъ вышла замужъ за генерала Пущина. Мы наняли квартиру въ домѣ этихъ Пущиныхъ на Тираспольской (кажется) улицѣ, неподалеку отъ дома Фундуклея, занятаго Воронцовыми, такъ какъ графъ только что началъ тогда строить свой собственный домъ въ концѣ набережнаго бульвара. Графъ Ланжеронъ къ свойственной Французамъ высшаго круга любезности присоединялъ забавную разсѣянность, дававшую пищу къ безчисленнымъ о немъ анекдотамъ. Такъ, напримѣръ, въ бытность свою генералъ-губернаторомъ, онъ заперъ однажды на ключъ въ своемъ кабинетѣ императора Александра Павловича, остановившагося въ домѣ генералъ-губернатора и, положивъ ключъ въ карманъ, вышелъ на улицу; къ счастію, вспомнивъ скоро, что онъ сдѣлалъ, онъ поспѣшилъ домой, чтобы освободить вѣнценоснаго своего гостя. Въ другой разъ, держа въ рукѣ прошеніе, поданное ему какой-то просительницею и выслушивая внимательно дополнительныя словесныя ея объясненія, онъ кашлянулъ, и когда просительница перестала говорить, вмѣсто того чтобы отдать ей обратно, какъ намѣревался, прошеніе, и плюнуть на полъ, онъ плюнулъ въ протянутую ею для взятія своего прошенія ладонь, а бумагу бросилъ на полъ. Также на вечерѣ у кого-то изъ городскихъ жителей, не узнавая при входѣ въ гостиную нѣкоторыхъ изъ гостей и обратясь для спроса объ ихъ фамиліи къ хозяину дома, онъ указалъ между прочимъ на одну даму. «Эту даму», отвѣчалъ улыбаясь хозяинъ, «зовутъ графинею Ланжеронъ».—«То-то», замѣтилъ графъ, «я

вижу, что лице ея знакомо мнѣ». Прелесть этой разсѣянности состоитъ въ томъ, что, забывъ на время, что она ему жена, графъ признавалъ въ ней лишь даму изъ круга своего знакомства. Онъ былъ также находчивъ и оригиналенъ въ отвѣтахъ. Разсказывали, что одному изъ своихъ соотечественниковъ, Одесскихъ старожиловъ сомнительной немного репутаціи, онъ будто-бы махнулъ: «Вы конечно знаете, что у насъ во Франціи вѣшаютъ людей честнѣе васъ». Въ кампаніяхъ 1813 и 1814 годовъ, недовольный какимъ-то невыполненіемъ его приказаній, онъ сдѣлалъ выговоръ своему адъютанту: «Вы, князь, конечно пороху не боитесь, но вы его не выдумали и никогда не выдумаете». Комизмъ подобныхъ выходокъ увеличивался его ломаніемъ Русскаго языка и произношеніемъ. Во время одной его поѣздки, по пріѣздѣ на станцію, человѣкъ его доложилъ ему, что не могъ дать записать подорожную, по случаю отсутствія смотрителя. Графъ Ланжеронъ выскочилъ изъ экипажа, вбѣжалъ въ комнату станціоннаго смотрителя и, увидавъ человѣка спавшаго ничкомъ на диванѣ, схватилъ свою нагайку (обычай оставшійся съ военнаго времени, когда всѣ кавалеристы носили нагайку черезъ плечо) и началъ жарить спину спящему, принятому имъ за смотрителя. Тотъ вскочилъ на ноги, и каково было изумленіе графа, когда онъ увидалъ предъ собою Русскаго штабъ-офицера, ожидавшаго, какъ и онъ, лошадей. Не сконфузившись, однакоже, нимало, графъ всовываетъ насильно въ руку жертвы своей ошибки этотъ «instrumentum doloris» (т. е. нагайку) и, самъ повернувшись къ нему нагнутою спиной и указывая рукою на невыразимое мягкое мѣсто ниже поясницы, начинаетъ приговаривать: «Полковникъ, покорнѣйше прошу; безъ церемоній, безъ церемоній!» Мать моя сообщила мнѣ также, что графъ Ланжеронъ однажды, на утреннемъ визитѣ у двоюродной ея сестры графини Е. П. Чернышовой (это было еще до 1812 года), всталъ со стула и особенно вѣжливо поклонился входившей въ комнату молодой женщинѣ, принятой имъ за кого-то изъ графининаго общества. Когда же удивленная графиня сказала ему, что это была горничная дѣвушка, графъ пояснилъ свою ошибку: «Ah pardon; c'est que, voyez vous, j'arrive de province, où je suis habitué à voir ces demoiselles nus-pieds [1])». А то пускался онъ даже и въ Русскіе каламбуры. По случаю женитьбы маркиза Паулуччи, Піемонтца, долго служившаго въ Россіи, на Одесской красавицѣ Коблѣ (дочери генерала и Одесскаго коменданта или плацъ-маіора, изъ Англичанъ), графъ Ланжеронъ сказалъ, что она доголѣ отказывала прежнимъ женихамъ, потому-де, что искала все *по лучше*. Этимъ ка-

[1]) Извините меня, но я заѣзжій провинціалъ, и тамъ привыкъ видѣть этого рода барышень босоногими.

ламбуромъ не побрезгалъ бы, пожалуй, и великій князь Михаилъ Павловичъ, сказавшій по случаю женитьбы въ 1841 году царствующаго нынѣ Государя, что великая княгиня Марія Александровна, «даромъ что статская» (Дармштадтская), а вышла за военнаго».

Графиня Ланжеронъ была стройная и свѣжая молодая женщина, но не отличалась умѣніемъ поддерживать разговоръ и не была, кажется, утонченнаго воспитанія; однако, не взирая на неравенство годовъ между нею и мужемъ, никакихъ непохвальныхъ слуховъ о ней не ходило. У графа Ланжерона былъ незаконнорожденный сынъ, узаконенный императоромъ Александромъ Павловичемъ и носившій фамилію Андро. Въ описываемое здѣсь время онъ только что былъ произведенъ въ корнеты въ поселенной Украинской или Бугской уланской дивизіи*).

Въ Одессѣ жилъ тогда Левъ Александровичъ Нарышкинъ (братъ княгини Елены Александровны Суворовой), женатый на красавицѣ графинѣ Ольгѣ Станиславовнѣ Потоцкой, сестрѣ графини Киселевой. Левъ Александровичъ былъ двоюродный братъ графа М. С. Воронцова. Графиня Воронцова и О. С. Нарышкина были неразлучны.

Графъ В. П. Кочубей провелъ зиму 1824 на 1825 годъ въ Одессѣ съ семействомъ, по случаю болѣзни меньшой своей дочери. Немного позднѣе она умерла, но не въ Одессѣ. Знакомство мое съ оставшимися его сыновьями (говорю, оставшимися, потому что дѣтскій мой товарищъ Андрей давно передъ тѣмъ умеръ), Львомъ и Васильемъ Викторовичами (оба моложе меня), возобновилось; меньшому изъ всѣхъ, графу Сергѣю Викторовичу, было тогда не болѣе шести лѣтъ. Гувернеромъ при нихъ былъ Французъ г. Жуаіё (Joyeux), долго жившій у Чернышевыхъ и окончившій воспитаніе графа Захара Григорьевича Чернышева, служившаго тогда въ кавалергардскомъ полку. При первой со мною встрѣчѣ, добрый г. Жуаіё бросился мнѣ на шею, отъ радости видѣть сына глубокочтимой имъ моей матери, бывшей задушевнымъ другомъ гр. Елисаветы Петровны Чернышевой. По причинѣ-ли разстроеннаго здоровья или по другой, но г. Жуаіё вскорѣ оставилъ Кочубеевъ и поручилъ окончаніе воспитанія молодыхъ графовъ старому своему знакомому Петру Ивановичу Жилле́, вышедшему уже изъ Ришельевскаго лицея. Я началъ участвовать въ танцовальныхъ урокахъ прежнихъ моихъ дѣтскихъ товарищей, искусство, въ которомъ я никогда, даже послѣ, не отличался. Графиня Марія Васильевна Кочубей,

*) Г. Андро былъ позднѣе адъютантомъ при генералѣ графѣ Дибичѣ въ Турецкой войнѣ 1829 года и женился въ 1843 году на дочери Алексѣя Николаевича Оленина.

какъ тогда въ Одессѣ, такъ и позднѣе въ Петербургѣ, всегда обходилась со мною, какъ съ сыномъ: звала меня Мишелемъ и требовала, чтобы я звалъ ее не иначе какъ «ma tante». Она принимала живѣйшее во мнѣ участіе и не вполнѣ вѣрила слухамъ объ Одесскихъ моихъ шалостяхъ. Хотя я далеко не былъ наблюдателемъ, но меня поразило въ графѣ Викторѣ Павловичѣ вниманіе, съ которымъ онъ выслушивалъ всякія мнѣнія, дѣльныя или недѣльныя, всѣхъ собесѣдниковъ обо всякомъ предметѣ, не исключая даже моей семнадцатилѣтней чепухи, когда я совался вставлять свое слово въ эти, не подъ стать мнѣ, разговоры.

Пріѣзжалъ также въ Одессу, но на короткое время, Дмитрій Васильевичъ Нарышкинъ (родной братъ Ивана Васильевича, иначе Жанб), тогда Симферопольскій гражданскій губернаторъ, уже женатый на гр. Н. Ѳ. Ростопчиной; онъ обошелся со мною очень родственно, но съ тѣхъ поръ я болѣе съ нимъ не встрѣчался *).

Красою Одесскихъ баловъ были двѣ сестры баронессы Юпшъ или Ипшъ. Мать ихъ, рожденная Фонтонъ, была по второму браку за г. Фродингомъ, человѣкомъ сохранившимъ въ сѣдинахъ слѣды красоты. Третья, меньшая, по имени Уранія, еще не выѣзжала въ свѣтъ; впослѣдствіи она вышла замужъ за Михаила Аполлоновича Волкова. Это семейство, какъ и родственники ихъ Франкини, были Пероты, т. е. не принадлежали ни къ какой опредѣленной національности. Фонтоны, Франкини и Пизани (изъ нихъ послѣднія два семейства, видимо, Италіанскаго происхожденія) были наслѣдственные драгоманы Русской или другой какой-нибудь Европейской миссіи при Оттоманской Портѣ. На этотъ разъ всѣ три семейства считались на Русской службѣ и жили въ Одессѣ по причинѣ, помнится мнѣ, прекращенія дипломатическихъ нашихъ сношеній съ Константинополемъ. Всѣ они (за исключеніемъ, быть можетъ, г. Фродинга) были Римско-католическаго исповѣданія, а промежъ себя говорили по-гречески; но въ семействѣ Франкини употреблялся также и Итальянскій языкъ, что́ было для меня пріятною находкою. Одинъ изъ двухъ братьевъ Пизани, пожилой человѣкъ съ сѣдой бородой, одѣвался по восточному, ходилъ въ чалмѣ, и незнакомые легко могли принять его за Турка. Вскорѣ послѣ моего

*) Позднѣе онъ началъ страдать падучею болѣзнію и умеръ скоропостижно въ Крымскомъ своемъ помѣстьѣ въ 1830 или 1831 году. Изъ двоихъ его сыновей Ѳедоръ женился на княжнѣ Татьянѣ Васильевнѣ Долгоруковой, мать которой, княгиня Екатерина Дмитріевна, дочь князя Дмитрія Владимировича Голицына; а второй, Анатолій, на княжнѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ Куракиной.

отъѣзда изъ Одессы одна изъ дѣвицъ Франкини вышла замужъ за графа Людвига Серристори.

Управляющимъ Одесскою таможнею былъ князь Петръ Петровичъ Трубецкой (очень моложаваго вида), женатый на Бахметевой. Это былъ братъ декабриста князя Сергѣя Петровича, тогда адъютантъ (или дежурный штабъ-офицеръ) при князѣ Алексѣѣ Григорьевичѣ Щербатовѣ, командовавшемъ корпусомъ въ Кіевѣ, и графини Елисаветы Петровны Потемкиной, которая, въ полномъ блескѣ красоты, проводила зиму въ Одессѣ. Я сблизился съ графомъ Александромъ Станиславовичемъ Потоцкимъ (братомъ г-жи Нарышкиной и графини Киселевой), владѣльцемъ извѣстныхъ помѣстій Умани и Софіевки, взятыхъ въ казну послѣ участія графа Потоцкаго въ Польскомъ возстаніи 1831 года. Онъ игралъ на віолончели какъ профессіональный артистъ, а во всемъ прочемъ былъ бирюкъ и избѣгалъ общества, и невозможно было предвидѣть, чтобъ онъ сдѣлался революціонеромъ или даже Польскимъ патріотомъ. Въ 1824 году онъ былъ адъютантомъ при графѣ Витгенштейнѣ, числясь въ конной гвардіи, а жилъ въ отпуску въ Одессѣ. Часто показывался также въ Одессѣ графъ Адамъ Адамовичъ Ржевуцкій, братъ г-жъ Собаньской и Ханской, новопроизведенный корнетъ въ одномъ изъ армейскихъ уланскихъ полковъ.

На балахъ всегда можно было встрѣчать трехъ (или четырехъ) сестеръ дѣвицъ Бларанбергъ, отецъ которыхъ служилъ въ Одессѣ и былъ извѣстный археологъ. Одна изъ нихъ, Зинаида, пикантная брюнетка, внушила оду поэту Василію Ивановичу Туманскому, напечатанную въ одномъ изъ тогдашнихъ альманаховъ. Пріѣзжала также въ Одессу, не на долгое время, купаться въ морѣ княгиня Вѣра Ѳедоровна Вяземская (рожденная княжна Гагарина), но безъ мужа. Узнавъ отъ нея, что князь Петръ Андреевичъ собираетъ все, что писалось въ то время о недавней кончинѣ лорда Байрона, сунулся и я съ своею лептою въ видѣ Англійской оды, такъ какъ я мараковалъ Англійскіе вирши. Копіи съ нея я у себя не оставилъ: потеря неважная.

Долго жилъ въ семействѣ Кочубеевъ нѣкто г. Спада, бывшій когда-то цензоромъ въ Петербургѣ, а въ 1825 году получившій такое же мѣсто въ Одессѣ. Въ обществѣ онъ былъ скучный господинъ и педантъ. Одесскій каламбуристъ, престарѣлый Австрійскій консулъ г. Томъ, при встрѣчѣ съ нимъ, спросилъ о его здоровьи, и на отвѣтъ Спада—«très bien», Томъ замѣтилъ: «donc, vous êtes *spadassin* (Spadassain). Перевести эту игру словъ по-русски невозможно. Я слыхалъ въ

нашемъ семействѣ, что г. Спада искони питалъ платоническую страсть къ графинѣ Марьѣ Васильевнѣ Кочубей и приходилъ въ блаженнѣйшее состояніе, когда графиня благоволила изречь ему: «Spada, donnez moi une prise de tabac». Вышепомянутый консулъ Томъ имѣлъ сына уже весьма не первой молодости (un ci-devant jeune homme), Англомана. Въ обществѣ дано было имъ прозвище «Tome premier», «Tome second».

Рядомъ съ Одесскимъ высшимъ обществомъ было второе отдѣльное совершенно общество Англійскихъ негоціантовъ, весьма немногіе изъ которыхъ бывали на вечерахъ у генералъ-губернатора. Главные изъ нихъ были три брата Жемсъ (James), мать которыхъ была дочь придворнаго въ началѣ нынѣшняго вѣка Петербургскаго банкира барона Раля, также г. Ландерсъ, женатый на сестрѣ этихъ Жемсъ; г. Моберлей, братья Кортацци, съ примѣсью въ нихъ чего-то Греческаго Іоническихъ острововъ*), и гг. Коррудерсъ, Піерсонъ и Гиффердъ. Было также и Польское общество, собиравшееся часто у Каролины Собаньской. Изъ этого общества жили довольно открыто г. Залевскій (или Залѣскій) съ женою; позднѣе онъ разорился, и въ 1836 году жена его содержала женскій пансіонъ въ Кіевѣ. Бывали мужскіе обѣды у Александра Собаньскаго, брата Исидора, женатаго на хорошенькой графинѣ Северинѣ Потоцкой, проживавшей, какъ я уже говорилъ, во Флоренціи. Этотъ Александръ Собаньскій записался тогда, не въ примѣръ другимъ Польскимъ помѣщикамъ юго-западнаго края, по 1-й гильдіи, чтобы свободнѣе вести заграничную торговлю пшеницею, и участвовалъ позднѣе въ Польскомъ возстаніи 1831 года. Изъ знакомыхъ мнѣ Поляковъ (кромѣ гг. Залевскаго и Собаньскаго) были полковникъ Блондовскій, графъ Олизаръ, г. Грущецкій (или Грушевскій); послѣдній изъ нихъ былъ не изъ крупнаго Польскаго дворянства. Заслуженный полковникъ Блондовскій, женатый на графинѣ Ильинской, былъ сосѣдъ старика Понятовскаго и на короткой ногѣ съ нимъ; и онъ также бросился опрометью въ Польское возстаніе.

Былъ также и второстепенный Русскій кружокъ чиновничьяго и неаристократическаго состава, собиравшійся у жившаго открытымъ домомъ Грека г. Попандопуло, съ которымъ я не былъ знакомъ, но слыхалъ, что тамъ весело проводили время.

---

*) Отецъ гг. Кортацци былъ Грекъ, а мать Англичанка, и семейство это обрита-нилось. Одинъ изъ братьевъ былъ извѣстенъ прозвищемъ „le beau Cortazzi“ и оправдывалъ вполнѣ это прозвище.

Въ числѣ главныхъ негоціантовъ были Тріестскіе Славянскіе дома гг. Ризничъ и Марничъ. Старшій изъ двухъ братьевъ Ризничъ, вдовецъ, женился по отъѣздѣ моемъ изъ Одессы на меньшой изъ графинь Ржевуцкихъ, сестрѣ графа Адама и г-жъ Собаньской и Ханской. Изъ крупныхъ также торговыхъ домовъ пшеницею и шерстью были Французскіе, гг. Сикаръ, Вассалъ и Верани, и Итальянскій Сарторіо.

Кончаю этотъ перечень графомъ Разумовскимъ. Онъ жилъ бирюкомъ-отшельникомъ въ загородномъ своемъ домѣ, никого не принималъ и самъ ни у кого не бывалъ, даже у генералъ-губернатора. Разсказывали, что онъ содержалъ на своемъ хуторѣ цѣлую колонію разныхъ ремесленниковъ и мастеровыхъ для своей потребности.

Публичные балы въ залѣ клуба (такъ-называемаго *казино*), давались по оффиціально-торжественнымъ днямъ и неминуемо открывались полонезомъ, т. е. хожденіемъ по-парно подъ припѣвъ хора съ акомпаніементомъ оркестра: «Александръ, Елисавета, восхищаете вы насъ». Это было для меня совершенно ново. Гимнъ этотъ былъ сочиненъ, вѣроятно, по случаю коронаціи Александра I-го въ 1801 году. Какъ хореграфическое свѣдѣніе, добавлю, что хотя нескончаемые «экосезы» были еще въ общемъ ходу, но о фигурѣ «*Даніилъ-Куперъ*», нѣчто въ родѣ пробнаго танцорскаго камня въ концѣ прошлаго и началѣ текущаго вѣка, уже помину не было, а существовала за то «матрадура», вульгарная довольно пляска, похожая не то на казачка, не то на трепака.

Говорятъ, что Одесса теперь имѣетъ видъ какъ бы столицы; но въ мое время городъ только-что обстраивался, и въ немъ было множество пустырей и лачужекъ. Каменные дома были разбросаны по Ришельевской, Херсонской и Тираспольской улицамъ, на соборной площади и на театральной; но всѣ эти дома стояли по большей части отдѣльно съ промежутками между ними деревянныхъ одноэтажныхъ домиковъ и заборовъ. Бульваръ на морской набережной только-что разводился, и дома вдоль его только начинались строиться, въ томъ числѣ домъ графа Воронцова. Ни Ришельевскаго монумента, ни лѣстницы, спускающейся къ морю, еще не было, и при самомъ началѣ бульвара стояли какія-то низкія мазанки, гдѣ жили неприхотливые, повидимому, артисты Итальянской оперной труппы. Въ болѣе отдаленныхъ отъ центра частяхъ города улицы имѣли физіономію нашихъ уѣздныхъ городовъ, съ тою разницею, что съ обѣихъ сторонъ были обсажены высокими Итальянскими пирамидальными тополями, какъ и соборная площадь. Камень, изъ котораго строились дома, былъ извест-

ковый съ раковинами и поздреватый; его тесали топоромъ, и онъ былъ до того мягокъ, что въ домѣ Фундуклея (гдѣ жилъ тогда графъ Воронцовъ) стѣна въ биліардной комнатѣ была просверлена насквозь, помнится мнѣ, кіями, концами которыхъ вертѣли въ стѣнѣ, чтобъ они не скользили по шарамъ. Немного было мощеныхъ улицъ, отчего, при частой лѣтней засухѣ, проѣзжіе и пѣшеходы буквально исчезали въ пыльныхъ облакахъ, а выѣзжая за городъ въ гости на хуторъ, хотя мы наглухо обвертывали головы концами плаща, но все-таки пріѣзжали съ лицами покрытыми чернымъ земляным слоемъ, какъ трубочисты, и прежде нежели показаться въ гостиной, нужно было обмываться. Экипажи застрѣвали въ осенней уличной грязи и даже останавливались *). Для сѣверныхъ жителей, не бывшихъ на Европейскомъ Югѣ, Одесса можетъ казаться полураемъ; но мнѣ климатъ ея и однообразныя степныя ея окрестности показались отвратительными. Хуторки, т. е. лѣтнія дачи, тянутся нитью одинъ за другимъ у самого морскаго прибрежья, и только въ нихъ встрѣчается растительность; но они скрываются подъ перпендикулярнымъ отвѣсомъ берега или, точнѣе сказать, за отрывистымъ окончаніемъ степной плоскости, и къ нимъ спускаешься крутымъ скатомъ. За исключеніемъ этихъ оазисовъ, тянувшихся узкою лентой вдоль самаго морскаго берега, все почти остальное было въ мое время одна необозримая голая степь безъ жилищъ и растительности. Былъ, правда, верстахъ въ двухъ отъ города довольно пространный ботаническій садъ подъ управленіемъ г. Десмета, имъ, кажется, и разведенный; но деревà въ немъ показались мнѣ въ страдальческомъ видѣ. Даже въ хорошей водѣ нуждались въ городѣ, и были тамъ одни колодцы и цистерны; а для питья привозили воду изъ ключа, называемаго Фонтаномъ, за двѣ или чуть ли не за три версты отъ заставы. Вотъ каковъ былъ этотъ столь прославленный край!

Два обычая общественной жизни придавали Одессѣ оттѣнокъ иностраннаго города: въ театрѣ во время антрактовъ мужская партерная публика надѣвала на голову шляпу, и на улицахъ дозволялось куренье сигаръ, тогда какъ эта послѣдняя вольность составляла до весьма недавняго времени почти уголовное преступленіе во всѣхъ прочихъ городахъ Россійской имперіи.

Съ самаго перваго времени нашего пріѣзда въ Одессу, возобновились для меня (вслѣдствіе, впрочемъ Флорентинскихъ родительскихъ

*) О позднѣйшемъ мощеніи Одесскихъ улицъ я слышалъ, что суда, привозившія пшеницу въ Ливорно, должны были обязательно нагружаться тамъ вмѣсто баласта плитами изъ каменоломней съ рѣки Арно.

инструкціи) уроки Русской грамматики и словесности и вмѣстѣ съ тѣмъ математики. Скоро завязались между мною и молодымъ моимъ преподавателемъ этихъ предметовъ дружескія отношенія, тѣмъ болѣе, что онъ былъ однокашникомъ и пріятелемъ по Ришельевскому лицею съ моими родственниками Станкерами; но такъ какъ мой Англійскій охранитель не считалъ (вѣроятно) умѣстнымъ или приличнымъ наблюдать за ходомъ этихъ уроковъ, то время проходило у насъ по большей части въ болтовнѣ, и я никакихъ успѣховъ не сдѣлалъ ни въ Русской грамотности, ни въ геометріи. Мѣсяцевъ черезъ шесть, мой г. Флукъ (кажется, что звали его такъ) отправился изъ Одессы куда-то на службу и къ величайшему моему удовольствію не былъ никѣмъ замѣненъ.

Въ обществѣ я уже составилъ себѣ нѣкоторую репутацію, какъ пѣвецъ, а пѣвалъ съ Варварою Аркадьевною Башмаковою (учившеюся пѣть въ Италіи), и также съ одной изъ дѣвицъ Франкини, съ женою полковника Фролова-Багреева и съ женою инженернаго генерала Пуатье, изъ Французской фамиліи, но родившеюся въ Россіи. Г-жа Пуатье, не умѣвшая вовсе управлять своимъ голосомъ и не знавшая даже никакой методы пѣнія, сдѣлалась моею ученицею и, добавлю, весьма послушною.

Лѣтомъ 1824 года прибылъ въ Одессу молодой Швейцарскій пасторъ, краснорѣчивый, какъ слышно было, проповѣдникъ, ради чего стекалась въ реформатскую кирку по воскреснымъ днямъ отборная публика даже иновѣрческихъ исповѣданій. Не менѣе дара проповѣди молодой пасторъ отличался танцами до поту лица на публичныхъ балахъ, въ изящномъ того времени костюмѣ, въ короткихъ натянутыхъ брюкахъ (pantallon collant), въ шелковыхъ черныхъ чулкахъ и башмакахъ. Узнавъ, вѣроятно, что иные люди мыслили, что не подобаетъ служителю алтаря упражняться въ «антраша» и «шассе-батю,» онъ нашелся и на слѣдующее Воскресеніе избралъ темою проповѣди Евангельскій текстъ, указывающій плакать съ плачущими и веселиться съ веселящимися. Конечно, можно было бы возразить ему, что въ боговдохновенной книгѣ не было указанія апостоламъ и ихъ преемникамъ добровольно посѣщать публичныя увеселительныя мѣста.

Къ зимѣ мы перемѣнили квартиру и наняли верхній этажъ каменнаго дома Неаполитанскаго консула де-Рибаса, вблизи къ Лицею. Внизу жилъ почтенный старый Французскій аббатъ Буавенъ, бывшій воспитателемъ графовъ Разумовскихъ и проживавшій на покоѣ на пенсіи, получаемой имъ отъ этого семейства. Онъ былъ не фанатикъ, не склоненъ прозелитировать кого бы то ни было, и любилъ говорить

о дореволюціонной Франціи (онъ былъ изъ эмигрантовъ), о допожарной Москвѣ и о моихъ родителяхъ, которыхъ онъ коротко зналъ. И вотъ почему я, при всей своей вѣтренности, заходилъ поболтать съ этимъ живымъ и всегда веселымъ старичкомъ. Отецъ мой, узнавъ изъ писемъ г. Слоана, что аббатъ Буавенъ проживаетъ въ Одессѣ, предложилъ ему переѣхать къ намъ въ домъ во Флоренцію для компаніи моему отцу съ назначеніемъ жалованья; но аббатъ не принялъ этого предложенія, извиняясь неудобствомъ мѣнять свое мѣстопребываніе и сложившійся образъ жизни въ преклонныхъ его лѣтахъ.

По переѣздѣ нашемъ на новую квартиру, г. Слоанъ счелъ, вѣроятно, соотвѣтствующимъ свѣтскому нашему положенію (онъ былъ во всемъ олицетвореніе порядочности и настоящимъ джентельмэномъ) или болѣе экономичнымъ, обзавестись намъ своимъ экипажемъ и купилъ пару сѣрыхъ здоровыхъ лошадей, одна изъ которыхъ служила мнѣ даже для верховой ѣзды, и нанялъ кучера Англичанина, но обрусѣвшаго до того, что онъ все вставлялъ Русскія слова въ свой природный простолюдный говоръ. Коляска же была у насъ, хотя дорожная.

Пропустилъ я разсказать объ одномъ моемъ приключеніи, относящемся къ лѣту 1824 года. Прибыла тогда Французская водевильная труппа подъ дирекціею г-жи Данжвилль, артистки, посягавшей на притязаніе слыть также оперною пѣвицею и для того вставлявшей Итальянскія аріи въ водевильныя роли. Мнѣ, какъ пѣвцу, штука эта не понравилась, на томъ, между прочимъ, основаніи, что оперная міра люди говорили, будто бы если артисты иной (не Итальянской) труппы будутъ пѣть что нибудь изъ неигранныхъ еще Итальянцами оперъ, то таковыя оперы не могутъ-де даваться на сценѣ цѣликомъ до истеченія извѣстнаго срока, а Итальянская труппа намѣревалась поставить въ непродолжительное время Россиніеву оперу Сороку-воровку. И вотъ почему я составилъ партію, чтобы освистать дерзкую Француженку, и самъ изъ большой генералъ-губернаторской ложи подалъ сигналъ. У нея были поклонники (да и, дѣйствительно, она была не безъ таланта), и изъ сего вышелъ «гроссе-скандалъ»: одинъ Французскій негоціантъ закричалъ на мой счетъ «à bas, le cochon» (молчать, свинья). Послѣ этой исторіи началось, кажется, неблаговоленіе ко мнѣ графа Воронцова, а зимою случилось другое со мною приключеніе, которое подкрѣпило, быть можетъ, его нерасположеніе. Я былъ членомъ по подпискѣ тамошняго Англійскаго общества охоты съ гончими безъ борзыхъ (la chasse forcée), и мимоходомъ скажу, что нашъ членскій костюмъ состоялъ изъ ярко-зеленаго сюртука съ мѣдными пуговицами и изображеніемъ на нихъ охотничьихъ атрибутовъ, а доѣзжачій и охотникъ были въ крас-

ныхъ сюртукахъ и въ сапогахъ съ отворотами. Все это было точь въ точь какъ изображаются на Англійскихъ гравюрахъ охоты, и все это меня, какъ англомана, сильно потѣшало. Графъ Воронцовъ дозволялъ мнѣ пользоваться иногда верховыми своими лошадьми, а я въ одну бѣшеную скачку на этой охотѣ, противъ свирѣпаго вѣтра, продолжавшуюся нѣсколько часовъ, надорвалъ его Французскую кобылу Лимузинской породы, которая пала вскорѣ послѣ того, какъ я слѣзъ съ нея у конюшни. А довершилъ я свою бѣду передачею какихъ-то сплетень, касавшихся двухъ дамъ, г-жъ Фроловой-Багреевой и Башмаковой. Всѣ подробности этой исторіи я уже позабылъ; помню лишь, что она началась съ преимущества, которое я отдавалъ пѣнію г-жи Башмаковой противъ пѣнія г-жи Фроловой-Багреевой. Служившій при графѣ г. Шварцъ отозвался какъ-то нелестно на счетъ первой изъ этихъ дамъ (по поводу, кажется, ея пѣнія), и на мое ему замѣчаніе, что онъ не посмѣлъ бы высказаться такъ при ней, отвѣчалъ, что онъ уполномочивалъ меня передать его слова ея мужу. Кто повѣритъ, что я былъ такимъ новичкомъ въ свѣтѣ и дѣтски-наивнымъ, что счелъ обязанностію буквально исполнить порученіе г. Шварца! Дмитрій Евлампіевичъ Башмаковъ, выслушавъ мою передачу словъ г. Шварца, естественно вспылилъ и повезъ меня съ собою для личныхъ объясненій съ нимъ. Г. Шварцъ отрекся отъ своихъ словъ и даже, кажется, назвалъ меня «vilain polisson», и этой моею выходкой я возстановилъ противъ себя обѣ стороны. Дѣло разыгралось не на шутку, когда оно дошло до ушей графа Воронцова. Вырвался у него потокъ упрековъ, и, сколько помнится мнѣ, онъ сталъ говорить, что ему надоѣла роль воспитателя юношей, а за тѣмъ онъ велѣлъ мнѣ отправиться домой и тамъ сидѣть подъ арестомъ впредь до его разрѣшенія. Можетъ быть, послѣ этой сцены, онъ объявилъ г. Слоану, что желаетъ моего отъѣзда изъ Одессы, но утвердительно сказать это не могу. Знаю только, что весною 1825 года степенный и флегматическій графъ Эдлингъ, по праву стараго знакомства, посовѣтовалъ г. Слоану уѣзжать со мною изъ Одессы, и что послѣдовала переписка обо мнѣ между графомъ Воронцовымъ и моими родителями; но въ чемъ именно она заключалась, мнѣ неизвѣстно.

Былъ еще случай, пропущенный мною и предшествовавшій исторіи съ г. Шварцомъ. Г. Савеловъ, родственникъ графа А. Д. Гурьева, однажды послѣ обѣда у Башмаковыхъ заложилъ мнѣ банкъ, можетъ быть, шуткою; но я принялъ игру за правду, хотя не имѣлъ никакого понятія о банкѣ. Безъ гроша въ карманѣ (денегъ мнѣ давали весьма мало на мои мелкіе расходы), я проигралъ двое часовъ, одни изъ ко-

торыхъ завѣщала мнѣ моя Англійская няня Мага (Маргарита Саутъ), умершая въ 1812 году, а другіе были подарены мнѣ моимъ отцемъ. Нѣсколько дней спустя, графиня Воронцова устроила у себя послѣ обѣда, при немногихъ посторонних лицахъ, мнимую лотерею, и на мой билетъ выпалъ будто бы выигрышъ: двое моихъ часовъ, возвращенные мнѣ при нравоучительной и дюжинной рѣчи словоохотнаго и тяжелаго графа А. Д. Гурьева. Вся эта комедія разыграна была крайне оскорбительнымъ образомъ для моего самолюбія.

При подобной обстановкѣ невозможно было долѣе оставаться въ Одессѣ; да и самъ мой охранитель навряд ли пользовался особеннымъ къ нему расположеніемъ графа Воронцова, хотя и принадлежалъ къ любимой графомъ націи. Не оправдываю легкомысленнаго моего поведенія въ Одессѣ; но мнѣ все таки кажется, что графъ Воронцовъ былъ черезъ чуръ строгъ къ ребяческимъ моимъ шалостямъ: вопіющихъ пороковъ или безнравственныхъ привычекъ я въ то время не выказывалъ. Весною этого 1825 года, графъ, если не ошибаюсь, былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты; мы всѣ ходили поздравлять его съ этимъ отличіемъ, а послѣднее мое свиданіе съ нимъ было, когда, немного позднѣе, онъ куда-то уѣзжалъ, и мы всѣ ходили прощаться съ нимъ. Графъ слылъ, какъ извѣстно, либераломъ и Англоманомъ, и его репутація въ первомъ отношеніи навлекла на него, какъ говорили, нерасположеніе подозрительнаго императора Александра Павловича. Не взирая на это, его все-таки употребляли по административной части, но съ возвращеніемъ его корпуса изъ Франціи, въ 1819 году, онъ не получалъ уже болѣе никакого военнаго назначенія, тогда какъ въ кампаніяхъ 1812—1814 годовъ онъ выказалъ блестящія стратегическія способности. Императоръ Александръ остался-де недовольнымъ распущенностію въ его корпусѣ, во время стоянки въ Мобёжѣ, въ подражаніе Французскимъ болѣе, чѣмъ у насъ, вольнымъ пріемамъ нижнихъ чиновъ. На счетъ его либерализма скажу, что, въ непродолжительное мое нахожденіе при немъ, я ничего особеннаго не подмѣтилъ, равно и предпочтенія Англичанамъ. Было, правда, при немъ трое Англичанъ, врачъ г. Ли (doctor Lee), молодой чиновникъ Джаксонъ, управлявшій небольшимъ, но живописнымъ и любимымъ имѣніемъ графини Елисаветы Ксаверьевны, с. Мошнею на Днѣпровскомъ берегу, неподалеку отъ Таганчи, и главный его конюхъ; но это ничего еще не доказываетъ.

Иные называли графа двуличнымъ. Убѣдиться въ этомъ я не имѣлъ случая, но охотно сознаюсь, что онъ былъ скрытенъ, что̀ однакоже не значитъ, что онъ умѣлъ притворяться. Предосудительнаго ничего не вижу придерживаться Французской поговорки, что «on peut

dissimuler, mais non pas simuler» *). А что до его обвиненія въ либерализмѣ, то замѣчу, что въ Александровское время приписывали этому слову такое-же эластичное значеніе, какъ у насъ эпитетъ «краснаго», послѣ обнародованія манифеста 19 Февраля 1861 года.

И такъ, съ наступленіемъ лѣта, положено было намъ выѣхать изъ Одессы. О ней я нисколько не сожалѣлъ и даже желалъ скорѣе изъ нея выѣхать, такъ какъ г. Слоанъ рѣшилъ, что мы поѣдемъ въ любимое наше Вѣлкино. При насъ былъ нашъ вѣрный Дмитрій Ломовъ, снова сдѣлавшійся крѣпостнымъ; но кромѣ его при мнѣ находился въ Одессѣ камердинеромъ, по желанію моего отца, Нѣмецъ Францъ для моей практики въ Нѣмецкомъ языкѣ; его мы разсчитали при отъѣздѣ изъ Одессы. Онъ былъ хорошій стрѣлокъ и охотился со мною по городскимъ окрестностямъ: но хотя я его очень полюбилъ, тѣмъ не менѣе я не сдѣлалъ никакихъ успѣховъ въ Нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ онъ большею частію говорилъ со мною на Польскомъ, мнѣ понятномъ.

Отецъ мой тоже пожелалъ, чтобы я поучился играть на гитарѣ, чтобы аккомпанировать себѣ въ пѣніи, такъ какъ я не могъ дѣлать этого на фортепіано, и ко мнѣ хаживалъ въ Одессѣ одинъ Нѣмецъ-гитаристъ, а послѣ его Итальянскій полу-маэстро Томмазини, бывавшій у моего отца въ Москвѣ до 1812 года и разсказывавшій мнѣ, какъ хорошо пѣвалъ тогда мой отецъ буффовыя аріи и какъ онъ глумился надъ тогдашнимъ Московскимъ учителемъ пѣнія, кастратомъ Лелліо Москетти. Все это, конечно, очень меня интересовало, но большихъ успѣховъ я все-таки не сдѣлалъ на гитарѣ и въ 1830 году бросилъ окончательно этотъ инструментъ. Диллетантскіе мои успѣхи въ Одесскомъ обществѣ были довольно удовлетворительными, и я, между прочимъ, пѣвалъ Пушкинскую «Черную шаль», но сначала ее пѣвали на монотонный мазурочный напѣвъ, не свойственный словамъ. Въ 1825 году появилась драмматическая, какъ слѣдуетъ, мелодія на тѣже слова, графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго, только что начинавшаго свое поприще какъ композиторъ, и бывшаго когда-то ученикомъ Парижскаго маэстра Керубини. Мелодію эту графъ Віельгорскій написалъ, если не ошибаюсь, нарочно для даровитаго баса Московской Русской оперы, Лаврова.

И такъ мы въ Іюнѣ 1825 г. потянулись изъ Одессы въ Калужскую губернію. Это было утомительное путешествіе чрезъ голыя Новороссійскія степи, безъ шоссейныхъ дорогъ, безъ гостинницъ, въ самую жаркую пору года. На козлахъ нашей Петербургской Іохимовской коля-

*) Можно скрывать свои чувства, но притворяться не слѣдуетъ.

ски, вѣрно служившей съ 1817 года, возсѣдалъ Дмитрій, чувствовавшій себя какъ дома на родимой почвѣ. Мало горевалъ онъ, что промѣнялъ хорошій и дешевый Тосканскій лафитъ на Русскую сивуху и, забывъ о сдержанныхъ пріемахъ въ обращеніи съ иностранными почтарями, не дозволяющихъ принуждать къ болѣе быстрой ѣздѣ, чѣмъ установлено, началъ давать волю рукамъ, когда пришлось имѣть дѣло съ своими ямщиками. Костромичъ нашъ не щадилъ національной реторической, но не совсѣмъ приличной, ругани, сопровождавшей его часто повторяемое «пошелъ!» Охранитель мой не былъ посвященъ въ эту филологическую тайну, да и для меня эти выраженія были почти новинкою: спѣшу однакоже добавить въ честь Дмитрія, что не отъ него впервыя я ихъ слыхалъ. Былъ онъ и съ нѣкоторымъ юморомъ. Однажды, проѣзжая ночью черезъ длинный мостъ на плашкоутахъ, гдѣ платили за проѣздъ, когда солдатъ-сторожъ спросилъ, «кто ѣдетъ изъ статскихъ или военныхъ»? (вѣроятно военные не платили), Дмитрій бросилъ ему отвѣтъ: «Нѣтъ, не военный: а только дѣдъ моего барина былъ фельдмаршалъ, отецъ генералъ, а онъ самъ полковникъ», вслѣдствіе чего насъ не остановили.

Въ Николаевѣ мы пробыли день у капитана Зонтага, Одесскаго нашего знакомца, который чѣмъ-то былъ тамъ по морской службѣ, или находился при тамошнемъ адмиралтействѣ. Его жена, литераторша Анна Петровна, просила насъ заѣхать по дорогѣ въ небольшое ея имѣніе подъ самымъ г. Бѣлевымъ, гдѣ недавно сталъ управлять Англичанинъ-агрономъ г. Сонъ, съ которымъ я встрѣчался въ Одессѣ на нашей Англійской охотѣ *). Проѣзжая черезъ Курскъ, мы полюбопытствовали посмотрѣть на знаменитую тамошнюю ярмарку, называемую Коренною, гдѣ мы случайно познакомились съ артиллерійскимъ полковникомъ Ялтальцовымъ. Онъ говорилъ крайне несдержанно о правительствѣ (вещь почти неслыханная въ то время), и впослѣдствіи мы узнали, что онъ участвовалъ въ Декабрьскомъ событіи и былъ сосланъ. По просьбѣ Анны Петровны Зонтагъ, мы заѣхали на нѣсколько часовъ въ Бѣлевское ея имѣніе, не болѣе версты въ сторону по дорогѣ изъ Орла въ Калугу. Посѣщеніе это послужило къ тому, что мой компаніонъ-охранитель познакомился съ своимъ землякомъ г. Сономъ, и позднѣе рекомендовалъ его моей матери въ управляющіе въ Бѣлкино.

Съ бьющимся сердцемъ подъѣзжалъ я къ мѣсту ранняго моего дѣтства. Видимо повеселѣлъ и нашъ Дмитрій. Какъ только коляска

*) Послѣ этого я одинъ только разъ повстрѣчался въ 50-хъ годахъ съ А. П. Зонтагъ, у старой тетки моей жены, Авдотьи Ивановны Нарышкиной, проживавшей въ своемъ Тарусскомъ имѣніи, с. Лопатинѣ.

наша подкатила къ крыльцу каменнаго лѣтняго дома, я выскочилъ и бросился на шею вышедшему намъ навстрѣчу тёзкѣ моему Михаилу Клееву (управлявшему Бѣлкиномъ) и затѣмъ, обѣжавъ всѣ знакомые мнѣ углы дома, сталъ отыскивать свои дѣтскія игрушки, но увы! дерзкая рука какого-то неизвѣстнаго Аттилы посягнула на эти сокровища, хотя онѣ были тщательно уложены въ маленькомъ моемъ бюро, къ которому компаніонъ Эдуардъ и я, мы приложили печать, когда осенью 1816 года уѣзжали на зиму въ Петербургъ. Печать съ бюро была сорвана, и кое-гдѣ по комнатѣ разбросаны были одни обломки моихъ игрушекъ. Хотя мнѣ уже минуло 18 лѣтъ, но это сильно меня кольнуло. Отправился я оттуда пошарить въ сестриныхъ комнатахъ и въ дѣтскомъ комодикѣ сестры Елисаветы Дмитріевны (она была моя любимая и особенно любящая меня сестра) наткнулся на гардеробъ ея куколъ: тутъ я не выдержалъ: прослезился какъ ребенокъ и побѣжалъ показать г. Слоану одно кукольное платьице. Ни ей и никому изъ женщинъ нашего семейства не суждено было болѣе увидѣть любимое всѣми нами Бѣлкино! Повторяю Латинскій прозелитизмъ исказилъ всю нашу семейную жизнь.....

Изъ дому побѣжалъ я въ стриженый садъ, гдѣ когда-то висѣли наши качели, къ Годуновскому вязу, сборному пункту дѣтскихъ нашихъ игръ; пострадалъ онъ сердечный въ эти девять лѣтъ моего отсутствія: молнія сорвала съ него макушку. Помчался я отъ него какъ угорѣлый на померанцевую выставку, на «*côteau*»: амфилада вся стояла стройно и зелено въ два ряда, какъ при моемъ отцѣ. Отыскалъ я и расцѣловался съ старыми садовниками, изъ которыхъ трое еще были въ живыхъ. Оттуда на птичій и скотный дворъ. Старую птичницу Аѳросинью, особенную фоворитку моей матери и которая трагически, бывало, относилась къ павшей скоропостижно курицѣ, я не могъ уже обнять: она умерла безъ насъ; но скотница была еще въ живыхъ, и я ее облобызалъ. Но вотъ открылась передъ моими глазами и Марьина роща! Теперь, когда пишу эти строки, прошло уже тому 45 лѣтъ; но утвердительно могу сказать, что ощущеніе мое при тогдашнемъ возвращеніи въ Бѣлкино было изъ наисильнѣйшихъ въ моей жизни. Оно стоитъ на ряду съ тремя другими блаженнѣйшими минутами: когда я надѣлъ въ первый разъ гусарскій мундиръ въ 1827 году; въ день моей женитьбы 12 Ноября 1834 года, и когда, лѣтомъ 1835 года, я опять свидѣлся съ моею матерью въ Тепловкѣ, послѣ девятилѣтней съ нею разлуки....

Въ Бѣлкинѣ прожили мы два полные мѣсяца, и влеченіе мое къ этой возобновившейся деревенско-Русской и привольной жизни, послѣ

чопорности Флорентинской, дошло до того, что я ходилъ въ Русской цвѣтной рубашкѣ съ косымъ воротомъ, или во Французской синей рабочей блузкѣ («de charretier»), отысканной въ числѣ вещей, привезенныхъ братомъ изъ Парижа въ 1814 году, и всѣ дни проводилъ, работая съ садовниками и барщиною, для расчистки запущеннаго сада, или рыская по лѣсамъ до поздней ночи съ отборными двумя парнями изъ деревни, распѣвая съ ними во все горло пѣсни, и къ хору моему примкнулъ молодой дьячокъ, отличный басъ. А то заберусь я ночевать съ ними на сѣнныя копны, во время покоса, или съ ружьями на отаву, куда деревенскіе мальчишки выѣзжали на ночное, въ надеждѣ подстрѣлить волка, но въ этомъ удовольствіи онъ намъ отказалъ. Иной разъ, по окончаніи дневныхъ работъ, соберу барщину обоего пола и дворовыхъ людей, пою ихъ виномъ и пивомъ, и тутъ пойдутъ у насъ пѣсни да пляски до разсвѣта. Это былъ нѣкотораго рода протестъ противъ продолжительнаго и не по сердцу мнѣ склада недавней еще иностранной жизни. Предавшись подобному буколическому настроенію, я тяготился наряжаться въ обыкновенное платье для визитовъ съ г. Слоаномъ къ сосѣдямъ, къ которымъ мы однакоже ѣздили по Воскресеніямъ. Тезка мой Клеевъ приходилъ въ отчаяніе, какъ мѣстный администраторъ, отъ произведенной мною неурядицы, глядя на которую даже староста Емельянъ пожималъ плечами: дворовые люди чуть не спились, барщина дошла до распущеннаго состоянія. Да и каково было бѣдному сопутнику и охранителю моему сидѣть съ утра до ночи одному дома безъ всякаго другаго общества кромѣ книгъ, за исключеніемъ приходившаго иногда къ вечернему его чаю нашего отца Ѳедора; но бесѣда ихъ была трудненька, такъ какъ приходилось имъ объясняться не иначе какъ по-латыни. И я между тѣмъ, какъ вертопрахъ, не возвращался иногда домой даже отобѣдать съ г. Слоаномъ, а закусывалъ кое-чѣмъ то у Клеева, а то на деревнѣ у кумовьевъ, такъ какъ крестниковъ у меня было довольно, со времени моего дѣтства. Нехотя подчинялся я выѣздамъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ къ сосѣднимъ помѣщикамъ, которые всѣ сохраняли живую привязанность къ нашему семейству. Это были во-первыхъ Екатерина Григорьевна Болтина. У нея я познакомился съ ея братомъ, княземъ Николаемъ Григорьевичемъ Вяземскимъ, долго бывшимъ Калужскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства *). У Болтиной гостили тогда (или быть можетъ, совсѣмъ проживали) двѣ дочери адмирала Сенявина, одна изъ которыхъ была

*) Князь Н. Г. Вяземскій умеръ въ концѣ 1845 или въ началѣ 1846 года. Не сказалъ я, гдѣ слѣдовало, что въ Одессѣ проживалъ одинъ его братъ, человѣкъ странныхъ довольно обычаевъ и, сколько помнится, находившійся въ нуждѣ.

очень хороша собою, съ типомъ Итальянской Юноны [1]). Другая сосѣдка была старушка Прасковья Семеновна Ефимовичъ. Меньшая ея дочь Софія Ивановна уже давно была замужемъ за генераломъ Александромъ Ивановичемъ Мамоновымъ [2]), а другая за Руничемъ, извѣстнымъ мистикомъ, ретроградомъ, піетистомъ и куратором Петербургскаго учебнаго округа. Съ Прасковьею Семеновною жилъ ея сынъ Александръ Ивановичъ, человѣкъ уже лѣтъ пятидесяти, если не болѣе, дочь котораго убѣжала лѣтъ пять позднѣе изъ родительскаго дома и обвѣнчалась съ однимъ армейскимъ пѣхотнымъ офицеромъ. Въ числѣ гостей П. С. Ефимовичъ я разъ видѣлъ Степана Алексѣевича Маслова, уже тогда секретаря Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства. У него было тогда небольшое имѣніе въ близкомъ сосѣдствѣ съ Ефимовичевыми [3]). Всѣ три малолѣтнія дочери Софіи Ивановны Мамоновой, были три граціи и таковыми остались въ зрѣломъ ихъ возрастѣ. Воспитывала и образовала своихъ дочерей, сама достойная ихъ мать, безъ посторонней помощи. Имѣніе Ефимовичевыхъ, село Спасъ или Спаское, на р. Протвѣ, было въ семи верстахъ отъ Бѣлкина и въ двѣнадцати отъ Малоярославца. Въ немъ была въ 1812 году главная квартира князя М. И. Кутузова послѣ знаменитаго его фланговаго движенія отъ Боровской переправы черезъ Москву-рѣку, по старой Калужской дорогѣ мимо с. Воронова, и отступленія къ Тарутину, откуда армія наша быстро повернула на Малоярославецъ и стала поперегъ Наполеону, пытавшемуся пробиться на Калугу и оттуда въ неопустошенныя еще войною мѣстности.

---

[1]) Имѣніе Е. Г. Болтиной (Боровскаго уѣзда) село Тимашево принадлежитъ нынѣ Маріи Михайловнѣ Волковой, мать которой, княгиня Анна Николаевна Голицына, дочь князя Н. Г. Вяземскаго.

[2]) Генералъ Мамоновъ талантливо рисовалъ. Я повстрѣчался съ нимъ въ Варшавѣ въ 1832 году.

[3]) Нигдѣ болѣе не придется мнѣ говорить о С. А. Масловѣ, и потому посвящу ему нѣсколько словъ. Маститый нынѣ этотъ старикъ почіетъ на лаврахъ полувѣковой служебной дѣятельности, исключительно посвященной благу человѣчества. Маленькое свое имѣніе, о которомъ я упомянулъ, давно имъ продано, весь свой небольшой капиталъ, пріобрѣтенный строгою экономіею, онъ, по евангельской заповѣди, раздалъ нуждающему люду, и нынѣ живетъ на одной своей пенсіи, составляющей около 2000 р. въ годъ. Оставалось у него билетами 800 рублей, и тѣ онъ недавно отдалъ сыну своего стараго камердинера для покупки рекрутской квитанціи. Онъ съ 30-ти лѣтняго возраста пересталъ употреблять мясную пищу, чтб не мѣшаетъ ему быть совершенно здоровымъ и бодрымъ. Я слышалъ, что онъ дѣвственникъ, и подобная же нравственная непорочность преобладаетъ въ его взглядахъ и мнѣніяхъ. Будучи друженъ съ намѣстникомъ Троице-Сергіевой лавры, архимандр. Антоніемъ, онъ уже тридцать лѣтъ какъ постоянно ѣздитъ туда на Рождественскіе праздники и Пасху. Изъ главныхъ его заслугъ основаніе и разведеніе въ Россіи шелководства. Теперь (въ 1872 году) ему идетъ 80-й годъ. Ему обязанъ окончаніемъ воспитанія и первоначальнымъ направленіемъ на службѣ графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой, мой духовный, такъ сказать, преобразователь, о которомъ много буду говорить впослѣдствіи.

Съѣздили мы также на недѣлю къ Жеребцовымъ, въ ихъ имѣніе с. Ламишино, Звенигородскаго уѣзда. Находясь тамъ не болѣе какъ въ 40 верстахъ отъ Москвы, очень хотѣлъ взглянуть на первоначальное наше гнѣздо, но г. Сломъ не разсудилъ поѣхать туда. Проѣздомъ черезъ Воскресенскъ (Новый Іерусалимъ) я нечаянно наткнулся на пожилую даму совершенно мнѣ незнакомую; но она, узнавъ, кто я таковъ, бросилась мнѣ на шею и объявила себя моею теткою. Эта была г-жа Малиновская, кузина моей матери по третьему или четвертому колѣну; радушная ея выходка сконфузила меня, потому что дома я никогда о ней не слыхивалъ [1]). Явно было, что всѣ прежніе знакомые моего семейства рады были видѣть меня возвратившимся въ отечество, и иные не стѣсняясь скорбѣли о нашемъ переселеніи. Хорошенькое въ живописномъ отношеніи имѣньице было это Ламишино Жеребцовыхъ, а на счетъ его названія я сильно подозрѣвалъ, что «Ламишино» было ничто другое, какъ Русская передѣлка Французскихъ словъ «L'ami chez nous», т. е. «другъ нашъ гоститъ у насъ», на подобіе одной деревни княгини Е. Р. Дашковой въ Тарусскомъ ея имѣніи, Гамильтоново, данное этой деревнѣ въ честь англійской миледи Гамильтонъ, гостившій тогда у княгини и въ присутствіи которой была закладка дома въ этомъ селеніи. У Жеребцовыхъ гостили тогда Дорреръ, родители Софіи Филипповны Жеребцовой, и восьмидесяти-лѣтній безъ малаго г. Дорреръ, все силился передать мнѣ дребежжащимъ голосомъ особенно хваленый имъ напѣвъ прошлаго вѣка, Латинскаго церковнаго гимна «Dies irae, dies illa». Заѣзжали мы также въ с. Брыково, Звенигородскаго же уѣзда, къ теткѣ моей матери Настасьѣ Петровнѣ Квашниной-Самариной, гдѣ я опозналъ тотъ величественный сибирскій кедръ, орѣшки котораго оставались у меня въ памяти съ шестилѣтняго возраста. Говорилъ ли я, не помню, что Настасья Петровна была дочь графа Петра Семеновича Салтыкова, побѣдителя Фридриха Великаго [2]). Намъ сопутствовалъ во всю эту поѣздку нашъ Бѣлкинскій священникъ отецъ Ѳедоръ Васильевичъ, и меня забавляло, какъ онъ тщательно укладывалъ въ дорожный яшичекъ пожалованную ему скуфью, и надѣвалъ ее только въ гостяхъ. Имѣть скуфью было весьма рѣдкимъ въ то время исключеніемъ для сельскаго священника, а камилавокъ рѣшительно тогда не давали кромѣ какъ городскимъ священникамъ. Какъ ни старался

---

[1]) Домъ Малиновскихъ былъ на Мясницкой, у Красныхъ воротъ, тотъ самый, что нынѣ братьевъ Бутеноп. Дочь г-жи Малиновской вышла замужъ за князя Долгорукова.

[2]) Портреты Н. П. Самариной, ея мужа Петра Ѳедоровича и ихъ дочери графини Чернышевой, находятся въ семейной портретной галлереѣ, Тамбовской губ. и уѣзда въ с. Воронцовѣ, нынѣ имѣніе Елисаветы Александровны Болдыревой, урожденной Тимофеевой.

въ 40-хъ годахъ доставить эту награду протопопу моего села Порзней, но Костромской архіерей, не смотря на то, что я былъ коротко ему знакомъ, отказалъ мнѣ въ этой просьбѣ на томъ основаніи, что сельскимъ священникамъ камилавокъ не дается. Теперь, не то что протопопъ, а священникъ глухаго села получаетъ этотъ знакъ отличія.

Возвратившись въ Бѣлкино, мы поѣхали на нѣсколько дней въ с. Знаменское (Игнатовское тожъ), къ моей теткѣ (по ея мужу) Елисаветѣ Ивановнѣ Нарышкиной. Могъ-ли я думать тогда, что женюсь на ея дочери, и что въ этомъ самомъ Знаменскомъ я начну писать настоящія мои записки? Тогдашней моей кузинѣ, Катенькѣ, шелъ десятый годъ (она род. 20 Іюня 1816 г.), и она была очень миловиднымъ ребенкомъ, но особенно хороши были у нея и тогда, и впослѣдствіи глаза, лобъ и брови. Въ эти немногіе дни моего тамъ пребыванія она полюбила меня до того, что, когда бывала уже въ постели, посылала за мною свою няньку, чтобы я сидѣлъ возлѣ нея, покуда заснетъ. Выше не договорилъ я, что Е. И. Нарышкина, узнавъ о нашемъ пріѣздѣ въ Бѣлкино, прислала къ намъ десятилѣтняго своего сына Алексѣя Ивановича съ его гувернеромъ, Французомъ Осипомъ Августиновичемъ Тридономъ, сдѣлавшимся впослѣдствіи искреннимъ моимъ другомъ, и вотъ почему нужнымъ считаю сообщить краткія о немъ свѣдѣнія.

Онъ былъ уроженецъ города Лангра въ Шампаніи, кончилъ аптекарскій курсъ въ Парижѣ и находился при тамошнемъ госпиталѣ «Hôtel-Dieu», потомъ пріѣхалъ въ Россію въ 1818 или 1819 году вмѣстѣ съ двумя своими товарищами г. г. Барбье и Жобаромъ. Первоначально онъ прожилъ около двухъ лѣтъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и оттуда переселился къ Тарускому помѣщику генералу Гурко (женатому на Полторацкой), у него содержалъ вольную (въ родѣ уѣздной) аптеку и, по приглашенію того же уѣзда помѣщицы Елисаветы Ивановны Нарышкиной, поступилъ къ ней въ домъ воспитателемъ ея сына. Быть наставникомъ онъ могъ по классическимъ своимъ познаніямъ. Г. Барбье поступилъ тѣмъ же въ домъ Дьяковыхъ, а г. Жобаръ пошелъ по педагогической публичной части и получилъ всеобщую извѣстность во время своего нахожденія профессоромъ въ Казанскомъ университетѣ, оффиціальною своею борьбою съ тогдашнимъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, обскурантомъ М. Л. Магницкимъ, а позднѣе, съ самимъ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ С. С. Уваровымъ, за что былъ уволенъ изъ службы и высланъ за границу. Онъ былъ человѣкъ весьма способный и свѣдущій, но безпокойнаго нрава и раздражительнаго темперамента.

Въ г. Тарусѣ, отстоящемъ въ двухъ верстахъ отъ Знаменскаго, квартировалъ тогда съ своею артиллерійскою ротою (нынѣ батареею) полковникъ Николай Ивановичъ Колесовъ; жена его была Полька, и оба сдѣлались домашними у Е. И. Нарышкиной, а сынъ ихъ, Иванъ Николаевичъ, почти ровесникъ молодому Нарышкину, началъ раздѣлять уроки и игры съ дѣтьми г-жи Нарышкиной, подъ надзоромъ О. А. Тридона [1]). Елисавета Ивановна воспитывала въ то время у себя бѣднаго Французскаго мальчика-сироту Александра Дероше [2]). Е. И. Нарышкина, находясь однажды въ Калугѣ, взяла къ себѣ этого мальчика изъ жалости, по просьбѣ бывшаго тогда Калужскимъ полицеймейстеромъ Антона Антоновича Кавецкаго.

Разстояніе отъ Бѣлкина до Знаменскаго 60 верстъ, и дорога идетъ черезъ с. Троицкое, гдѣ меня поразило разрушительное состояніе, до котораго дошелъ тамошній громадный господскій домъ знаменитой княгини Е. Р. Дашковой. Всякій, кто хотѣлъ, таскалъ что́ было угодно изъ библіотеки этого дома, и слѣдовъ уже не было отъ нея въ концѣ 20-хъ годовъ.

Возвратившись въ Бѣлкино, мы тамъ прожили еще недѣли двѣ, и въ концѣ Августа пришлось мнѣ опять распроститься съ тёзкою Клесвымъ и направиться къ Югу.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о тогдашнихъ почтовыхъ сношеніяхъ, отмѣчу, что наши письма изъ Флоренціи адрессовались въ Москву, на имя почтъ-директора Ивана Александровича Рушковскаго, давнишняго друга моего отца, а отъ него они пересылались къ намъ черезъ Боровскую почтовую контору. Къ нему заходилъ за этими письмами сторожъ сгорѣвшаго нашего дома въ Нѣмецкой слободѣ, Петръ Прохоровъ Пономаревъ, который, препровождая къ г. Слоану счетъ издержекъ за отправку этихъ писемъ, поставилъ также въ расходъ его разъѣзды на извощика. Не понравилось бывшему моему гувернеру, какъ иностранцу, что Русскіе коммиссіонеры не исполняютъ данныхъ имъ порученій пѣшкомъ, какъ это водится за границею, а ѣздятъ въ экипажахъ. Хотя онъ конечно не могъ знать о большомъ разстояніи между Госпитальнымъ мостомъ на Яузѣ и Мясницкими воротами, гдѣ находится почтамтъ, но тѣмъ не менѣе, замѣчаніе г. Слоана не лишено нѣкотораго основанія, и дѣйствительно наши *личарды*, и въ преж-

---

[1]) Нынѣ, И. Н. Колесовъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и вице-директоръ департамента внѣшней торговли.

[2]) Молодой Дероше поступилъ въ военную службу вольноопредѣляющимся въ 1835 или 1836 году, и умеръ отъ болѣзни на Кавказѣ въ 1839 г.

нія времена крѣпостнаго права, и нынѣшніе вольно-наемные, избѣгаютъ, елико возможно, всякаго пѣшаго хожденія при исполненіи коммиссій, тогда какъ иностранному слугѣ и въ голову не придетъ самовольно взять «фіакръ» на счетъ своего господина. Писали и мы также во Флоренцію не иначе, какъ черезъ Москву.

Проѣздомъ черезъ Орелъ я увидалъ тамъ проходившій по улицѣ драгунскій полкъ въ полномъ составѣ со взводомъ трубачей впереди на пѣгихъ лошадяхъ (чтó, скажу мимоходомъ, было очень эффектно), и возникло во мнѣ вдругъ неощущенное дотолѣ желаніе поступить въ военную службу, и съ этой минуты оно не покидало меня до тѣхъ поръ, пока я не получилъ на то согласія моего отца, не сочувствовавшаго этому роду службы, которую онъ называлъ, «le harnais militaire» (военный хомутъ). Въ Орлѣ стояла тогда драгунская дивизія, недавно передъ тѣмъ смѣнившая кираспрскую дивизію генерала Дуки.

Изъ Орла мы свернули съ большой дороги, чтобы навѣстить графа Григорья Ивановича и графиню Елисавету Петровну Чернышевыхъ, проводившихъ лѣто въ ихъ имѣніи с. Тагинѣ, въ Орловскомъ же уѣздѣ. Семейство это, любимое и уважаемое въ обѣихъ столицахъ и въ провинціи, отживало тогда безсознательно послѣдніе свои мирные дни. Громовой ударъ 14 Декабря того же года былъ за порогомъ и неожиданно поразилъ, четыре мѣсяца послѣ нашего отъѣзда изъ Тагина, трехъ членовъ этого семейства. Всѣхъ молодыхъ графинь было шесть; самой младшей графинѣ, Надеждѣ Григорьевнѣ, было 12 лѣтъ; матери ея было подъ пятьдесятъ лѣтъ, когда она родила эту дочь, и она стыдилась даже своей беременности, называя себя новою Саррою. Изъ всѣхъ сестеръ отсутствовавшею была только Александра Григорьевна, недавно передъ тѣмъ вышедшая замужъ за Никиту Михайловича Муравьева. Не было также на лицо и молодого даже графа Захара Григорьевича, служившаго въ кавалергардскомъ полку. Имена молодыхъ графинь были: Софія Григорьевна (впослѣдствіи Чернышева-Кругликова), Елисавета Григорьевна (Черткова), Наталья Григорьевна (Муравьева), Вѣра Григорьевна (графиня Палень) и Надежда Григорьевна (княгиня Долгорукова). Всѣ онѣ были веселы, привѣтливы, любезны, и всѣ вышли примѣрными женами. Необыкновенно хороши собою были изъ нихъ графини Елисавета и Вѣра Григорьевны, но всякая въ своемъ родѣ. Не отстала отъ нихъ позднѣе и гр. Надежда Григорьевна; но типъ ея былъ чисто-цыганскій при величавомъ ростѣ. Гр. Елисавета Григорьевна напоминала собою чисто восточный типъ, какъ я видалъ въ гравюрахъ Аравитянокъ и Израильтянокъ въ библейскихъ сюжетахъ Гораса Вернѣ. У нея были большіе кофейнаго цвѣта глаза (по англійски, «hazel eyes»),

правильныя и тонкія античныя черты лица на матово-смугловатомъ фонѣ, темные, но не совсѣмъ воронаго крыла цвѣта, волоса, роста средняго, но превосходно сложена, пріемы живые и отрывистые, но граціозна во всѣхъ движеніяхъ и даже въ походкѣ. Съ раннихъ лѣтъ она была неимовѣрно худа и осталася таковою до смерти. Эксцентрическихъ выходокъ было у нея немало; никакой впрочемъ аффектаціи въ нихъ не было, и онѣ очень потѣшали ея друзей, и даже болѣе и болѣе привязывали ихъ къ этой оригинальной женщинѣ. Натура была пылкая и любящая, горячій другъ своимъ друзьямъ, стояла за нихъ горою передъ кѣмъ бы то ни было, и таковою осталась до конца. Не замолчитъ она никогда, если кто нибудь въ ея присутствіи изъ знакомыхъ или незнакомыхъ проронитъ какой нибудь неодобрительный или ироническій намекъ на счетъ кого нибудь изъ ея друзей. И какъ ни разны были ея характеръ, вкусы и привычки съ мужниными, она цѣнила мужа вполнѣ и силилась, при всякомъ случаѣ, возвысить его въ мнѣніи общества. Чудное было созданіе, но многими непонятое!

Красота и привлекательность графини Вѣры Григорьевны разнились во всемъ съ ея сестрою. Разъ только въ жизни я встрѣтилъ ея двойню въ лицѣ Болгарской дѣвушки, на ночлегѣ въ Балканахъ, когда я возвращался съ полкомъ изъ Турціи въ 1829 году. Много позднѣе, въ 40-хъ годахъ, въ Петербургѣ находили большое сходство между графинею Вѣрою Григорьевною Паленъ и графинею Росси (бывшею пѣвицею Зонтагъ, мужъ которой былъ тогда Сардинскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ), съ тою разницею, что послѣдняя была свѣтлою блондинкою; но я не раздѣлялъ этого мнѣнія и находилъ, что въ Вѣрѣ Григорьевнѣ было несомнѣнно болѣе поэзіи и привлекательности. Брюнеткою можно было назвать графиню Вѣру Григорьевну лишь по глазамъ и оттѣнку волосъ, но бѣлизна кожи и постоянный румянецъ щекъ принадлежали блондинкѣ. Глаза были небольшіе и кругловатые, но взглядъ былъ томно-задумчивый и нѣжный (*un regard voilé*) и не изобличающій силы характера и воли, которыми, однакоже, она была одарена*). Ротъ былъ маленькій съ припухлыми ярко малиновыми губами (то, что по-французски тривіально зовется «comme deux cerises»): болѣе совершеннаго ротика не могъ бы придумать любой живописецъ. Движенія были плавны, сдержанны и проникнуты пѣгою. Если не было въ ней классическаго совершенства красоты и ничего напоминавшаго Рафаелевыхъ мадоннъ, за то тутъ была женственность; это было такое созданіе, отъ котораго трудно было отводить глаза.

*) Взглядъ этотъ графиня В. Г. Паленъ сохранила даже до сѣдинъ.

Графиня Надежда Григорьевна не подходила ни къ той, ни къ другой изъ сестеръ: роста была мужскаго, смуглая, какъ Цыганка, и съ сильнымъ, киноварнымъ румянцемъ во всю щеку до самыхъ ушей, съ выразительными темными глазами, съ той особенностію, что у нея не видать было вовсе верхнихъ рѣсницъ, и глаза казались какъ бы выходившими прямо изъ подъ бровей; брови были густы и горизонтальны, а волоса темные. Вся ея фигура была величава и эффектна, но не было той плѣнительной женственности, какъ въ графинѣ Вѣрѣ. Изо всѣхъ сестеръ стройностію таліи наиболѣе отличалась гр. Наталія Григорьевна, и странно сказать, еще восемнадцатилѣтнею, похожа была на свою бабушку Н. П. Самарину *).

О нравственныхъ достоинствахъ всѣхъ шести сестеръ нѣчего и говорить: всѣ онѣ выказали себя безупречными женами и образцовыми матерями. Таковы были плоды въ нихъ и въ родныхъ моихъ сестрахъ воспитательной школы графини Елисаветы Петровны и ея друга, нашей матери. Не описалъ я Александру Григорьевну, одну изъ Сибирскихъ героинь. Она была выше средняго роста, блондинка, кровь съ молокомъ и широковатаго тѣлосложенія. Тогдашніе Петербургскіе Англичане находили поразительнымъ сходство ея съ умершею въ 1817 году принцессою Шарлоттою, дочерью тогдашняго принца-регента, впослѣдствіи короля Георга IV.

Тагинскій домъ былъ крайне оригиналенъ. Къ первоначальному одноэтажному и небольшому деревянному дому пристроивались постепенно, по мѣрѣ надобности, анфилады комнатъ и корридоровъ съ обоихъ боковъ, безъ всякой симетріи и единства наружной архитектуры. Помнится мнѣ, что каждая изъ этихъ построекъ имѣла свою отдѣльную крышу, и въ одной изъ нихъ помѣщалась домовая церковь (устроенная вѣроятно потому, что сельская церковь находилась въ большомъ отдаленіи отъ господскаго дома), и въ ней служба отправлялась по воскреснымъ днямъ съ весьма стройнымъ пѣніемъ дворовыхъ людей. Но такъ какъ мѣстность, гдѣ стоялъ господскій домъ, была покатою, то иныя постройки были нѣсколькими ступеньками выше одна другой; но всѣ они были въ одномъ этажѣ. Снаружи все это имѣло видъ какой-то фабрики, а внутри было лабиринтомъ для новопріѣзжаго, но лабиринтомъ уютнымъ для жильцевъ. По экономическимъ, вѣроятно, причинамъ (такъ какъ дѣла графа Григорья Ивановича были разстроены), Чернышевы намѣревались провести зиму въ Тагинѣ, и потому при нихъ на-

*) Теперь, когда Наталья Григорьевна (почти ровесница мнѣ) украшена, какъ говорится, сѣдинами, сходство это съ ея бабушкою еще разительнѣе.

ходились учителя: музыки—г. Гардорфъ, рисованія—Александръ Ивановичъ Потопкинъ (кажется, такъ его звали), и свой домашній медикъ, молодой Нѣмецъ, фамиліи котораго не упомню. У нихъ же доживалъ свой вѣкъ старый учитель рисованія Итальянецъ Маніяни, разбитый параличемъ въ ноги; онъ находился въ Россіи съ самаго начала нынѣшняго вѣка.

Въ Тагинѣ былъ оркестръ изъ крѣпостныхъ музыкантовъ, сформированный иностранцемъ г. Евсташемъ (Eustache); самаго капельмейстера я уже не засталъ, но оркестръ могъ бы съ честію занять мѣсто въ любомъ столичномъ театрѣ. Много позднѣе, въ 40-хъ годахъ, я часто видалъ дочь упомянутаго капельмейстера, проживавшую у Елисаветы Григорьевны Чертковой.

Весело проходило время въ Тагинѣ, не смотря на то, что постороннихъ никого не было кромѣ Якова Ѳедоровича Скарятина и его жены Натальи Григорьевны, рожденной княжны Щербатовой. Н. Г. Скарятина была еще очень хороша собою, хотя оба старшіе ея сына, Григорій и Ѳедоръ поступили въ томъ же году юнкерами въ армейскій драгунскій полкъ [1]). У Скарятиныхъ было еще четыре сына, Владиміръ и Александръ Яковлевичи, которымъ въ описываемое мною время было отъ 12 до 14 отъ роду лѣтъ [2]), и два совершенно малолѣтніе; дочерей у нихъ не было.

Молодыя графини приняли меня, какъ бы родного брата и почти сразу мы стали на «ты», ѣзжали вмѣстѣ каждый день большою кавалькадою (такъ какъ у нихъ былъ свой заводъ Англійскихъ полукровныхъ верховыхъ лошадей), а по вечерамъ слушали концерты ихъ оркестра. Графиня Елисавета Петровна обходилась со мною, какъ съ сыномъ, но строгая въ своихъ правилахъ, прохода не давала мнѣ за мою привычку курить, хотя не иначе, какъ на открытомъ воздухѣ.

Кузина моя Лиза одарена была замѣчательно обширнымъ сопрано, тщательно обработаннымъ уроками Петербургскаго маэстро Са-

---

[1]) Григорій Яковлевичъ Скарятинъ убитъ въ чинѣ генерала въ Венгерской кампаніи въ 1849 г. Яковъ Ѳедоровичъ былъ въ началѣ 30-хъ годовъ адъютантомъ у Московск. генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына, женился на дочери сенатора Озерова и вскорѣ умеръ чахоткою. Онъ былъ способный молодой человѣкъ и мастерски писалъ масляными красками.

[2]) Владиміръ Яковлевичъ женился въ 1843 году на княжнѣ Маріи Павловнѣ Голицыной и пошелъ въ гору. Братъ его Александръ, человѣкъ болѣзненный, женился на своей родственницѣ, племянницѣ, графинѣ Шуваловой (дочери графа Григорія Петровича Шувалова) и долго былъ генеральнымъ консуломъ въ Неаполѣ.

тіенца; значитъ, въ этомъ отношеніи, мнѣ была съ ней, какъ говорится, лафа, и мы пѣвали вмѣстѣ по цѣлымъ почти днямъ.

Графъ Григорій Ивановичъ олицетворялъ собою офранцуженныхъ Екатерининскихъ вельможъ; онъ былъ очень любезенъ въ обществѣ, свободно писывалъ Французскія вирши и довольно плохо зналъ Русскій языкъ. Памятникомъ Французскаго его авторства сохранился у меня экземпляръ изданныхъ имъ въ 1821 году нѣсколькихъ Французскихъ комедій и «провербовъ», написанныхъ имъ для Гатчинскаго придворнаго театра, подъ заглавіемъ «Théâtre de l'arsénal de Gatchina». Находясь въ молодости при князѣ Потемкинѣ, онъ вотъ что разсказывалъ о его смерти, чему былъ очевидцемъ. Свѣтлѣйшій Таврическій князь, заболѣвъ дорогою въ Молдавіи, долго не хотѣлъ прибѣгать ни къ какимъ медицинскимъ пособіямъ, наконецъ, согласился принять сильнѣйшаго слабительнаго, и тотчасъ же послѣ пріема обкушался ветчиною и другими пищеварительными яствами, отъ которыхъ послѣдовало желудочное воспаленіе, причинившее ему смерть.

Графъ Чернышовъ разсказывалъ также, что когда онъ, будучи очень молодымъ человѣкомъ, возвратился изъ путешествія по Европѣ, то графъ Иванъ Григорьевичъ, его отецъ, представилъ его императрицѣ Екатеринѣ, которая приняла его весьма милостиво и повела показать ему свой кабинетъ, гдѣ на стѣнахъ и въ меблировкѣ исключительно преобладалъ ярко-огненный цвѣтъ. Неопытный юноша-царедворецъ ничего не придумалъ лучшаго сказать, какъ, что кабинетъ ея величества представлялъ жилище Прозерпины, напоминая, такимъ образомъ, державной хозяйкѣ объ адѣ, хотя и миѳологическомъ. Не знаю навѣрно, имѣлъ ли когда-нибудь графъ Григорій Ивановичъ собственный домъ въ Москвѣ; но Петербургскій его домъ былъ на Мойкѣ у Синяго моста, проданный имъ въ началѣ 20-хъ годовъ въ казну: тамъ первоначально находилась Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ, а позднѣе дворецъ великой княгини Маріи Николаевны. Графъ Чернышовъ былъ когда-то масономъ, какъ большинство тогдашнихъ вельможъ, и незадолго до своей смерти (въ 1830 году) устроилъ у себя въ Тагинѣ (по разсказу одного очевидца) разные сюрпризы во вкусѣ этого мистическаго общества, и въ томъ числѣ проваливающійся полъ (конечно не глубоко) и появлявшихся невѣсть откуда скелетовъ съ надписями. Съ 1817 года онъ состоялъ при дворѣ оберъ-шенкомъ. У него были всего двѣ сестры, г-жи Вадковская (мать Ивана Ѳедоровича, пострадавшая за Семеновскую исторію 1820 года) и Плещеева. Послѣдняя была жена Алексѣя Александровича, состоявшаго одно время чтецомъ при вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. У г-жи Вадков-

ской были, кромѣ сына Ивана Ѳедоровича, двѣ дочери, одна за г. Тимирязевымъ, а въ первомъ бракѣ за г. Безобразовымъ (женскій, какъ есть, гигантъ), а вторая за Николаемъ Ивановичемъ Кривцовымъ. У г-жи Плещеевой были двѣ дочери; старшая вышла замужъ уже зрѣлою весталкою за какого-то медика, а меньшая, очень недурная собою, за извѣстнаго Московскаго сорви-голову и дуэлиста Дорохова, но не могла ужиться съ нимъ и позднѣе была начальницею одного изъ женскихъ учебныхъ заведеній гдѣ-то въ дальней Сибири *).

Наступила осень, и мы выѣхали изъ Тагина черезъ южныя губерніи и Кіевъ прямо въ Таганчу къ г. Понятовскому; а между тѣмъ получены были инструкціи отъ моихъ родителей поспѣшить обратно во Флоренцію, такъ какъ цѣль Одесской поѣздки была не достигнута. Въ Кіевѣ мы пробыли два-три дня и обѣдали у князя Алексѣя Григорьевича Щербатова, командовавшаго тогда 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ. Въ составъ этого корпуса входила драгунская дивизія (переименованная въ 1827 году въ 4-ю гусарскую), въ которую опредѣлились недавно передъ тѣмъ два старшихъ Скарятина, и вотъ я, во снѣ и на яву, только и видѣлъ, какъ бы поступить и мнѣ въ эту дивизію. Въ числѣ адъютантовъ при князѣ Щербатовѣ былъ тогда Никита Егоровичъ Панинъ, а дежурнымъ при корпусѣ полковникомъ извѣстный декабристъ князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой, только-что возвратившійся тогда изъ Петербурга. Въ доказательство, какъ мало Русскаго элемента было еще во мнѣ въ то время, я долженъ сказать, что въ эти нѣсколько дней, проведенныхъ нами въ Кіевѣ, я и не помыслилъ побывать въ Кіево-печерской лаврѣ. Прогостивъ немного въ Таганчѣ, мы было отправились въ обратный путь въ Италію, какъ неожиданно встрѣтились въ Радзивиловѣ (на самой границѣ) съ моимъ братомъ графомъ Петромъ Дмитріевичемъ, возвращавшимся съ семействомъ съ Карлсбадскихъ водъ (куда онъ часто сталъ уже ѣздить отъ разстройства печени), и на пути къ своему тестю. Братъ объявилъ намъ, что нашъ отецъ, снисходя моимъ усиленнымъ просьбамъ поступить въ военную службу (о чемъ я уже писалъ ему со времени проявившагося у меня внезапно желанія о томъ въ Орлѣ), поручалъ ему устроить это дѣло и одобрилъ выборъ мой драгунской дивизіи, гдѣ служили Скарятины, такъ какъ она находилась подъ начальствомъ знакомаго моимъ родителямъ князя Щербатова. Вслѣдствіе этого новаго распоряженія, мы повернули оглобли и вмѣстѣ съ братомъ возвратились въ Таганчу, но не прямымъ путемъ, а заѣзжали къ дядѣ моей невѣстки,

*) Сестра этого Дорохова была замужемъ за г. Мухинымъ, сыномъ отъ перваго брака извѣстнаго Московскаго медика и профессора.

Яну Игнатьевичу Понятовскому въ Новоконстатиновскій (кажется) уѣздъ, гдѣ встрѣтили брата его Осипа Игнатьевича (тестя моего брата). Не знаю, на какомъ основаніи всегда титуловали этого г. Яна Понятовскаго «пане грабе» (и даже по-французски «le comte Jean»), тогда какъ братъ его никогда не претендовалъ на подобный титулъ. Онъ былъ немного моложе Осипа Игнатьевича и моложавѣе въ осанкѣ и въ манерахъ, весьма привѣтливый со всѣми и съ болѣе свѣтскимъ и салоннымъ лоскомъ чѣмъ его братъ. Въ противоположность послѣднему, Янъ Понятовскій былъ ярымъ Польскимъ патріотомъ и, будучи сильно скомпрометированъ въ Польскомъ возстаніи 1831 года, сосланъ въ Сибирь, а имѣніе его было или конфисковано, или передано (чего опредѣлительно не знаю) единственной его дочери красавицѣ Отильдѣ, вышедшей замужъ за г. Грохольскаго *). Какъ слѣдуетъ Польскому Украинскому богатому пану, прислуга у него была изъ казаковъ высокаго роста и мальчиковъ-казачковъ изъ Малороссіянъ, и меня, какъ полуиностранца, удивило, когда вечеромъ, ради занятія насъ гостей, вбѣжали въ залу два казачка и начали плясать въ присядку подъ балалайку. Отъ Яна Понятовскаго мы заѣзжали также на богомолье въ Почаевскій монастырь, тогда еще принадлежавшій Василіанамъ-уніатамъ; но иконостаса у нихъ въ церкви, помнится мнѣ, не было. Въ Таганчѣ мы пробыли съ мѣсяцъ, а въ Ноябрѣ получено было новое приказаніе отъ нашего отца ѣхать мнѣ во Флоренцію, потому что онъ желалъ видѣть меня до моего поступленія на службу. На обратномъ пути черезъ Львовъ мы посѣтили проживавшихъ тамъ Флорентинскихъ бывшихъ нашихъ знакомыхъ, графа и графиню Фредро; гувернеромъ при малолѣтнемъ ихъ сынѣ Максѣ находился тогда мой бывшій компаніонъ Джемсъ Кларкъ.

Въ Вѣнѣ мы нашли нашего повѣреннаго при Тосканскомъ дворѣ, Алексѣя Сверчкова, лѣчившагося у знаменитаго Вѣнскаго врача Мальфатти; но никакое медицинское искусство не помогло больному, и онъ умеръ года полтора позднѣе. Хорошій онъ былъ человѣкъ и успѣлъ собрать въ Флоренціи изрядную картинную галлерею.

Родители мои приняли блуднаго своего сына съ распростертыми объятіями, и объ Одесскихъ моихъ похожденіяхъ ни гу-гу; должно-быть, смягчилъ мои поступки бывшій мой наставникъ, человѣкъ, хотя строгій, но всегда правдивый. Въ этотъ мой пріѣздъ я пробылъ

*) Г-жа Отильда Грохольская жила во Флоренціи въ 1840 и 1841 году и тамъ подружилась съ Зинаидою Сергѣевною Дивовой и съ моею женой, которая оставалась одна во Флоренціи, такъ какъ я уѣзжалъ безъ нея въ Россію по моимъ дѣламъ, осенью 1839 года.

во Флоренціи почти годъ; оно же было и послѣднее мое при жизни отца. Я нашелъ своихъ уже переѣхавшими въ новокупленный безъ меня палаццо Николини, и въ этотъ же промежутокъ времени старшая наша сестра, графиня Марія Дмитріевна, вышла замужъ за Флорентинца Джіованни (Ивана) Дини-Кастелли, и успѣла уже неблагополучно родить. Отличный былъ человѣкъ мой новый зять Дини и дружно прожилъ свой вѣкъ съ женою, но сдѣлалъ ошибку принять запутанное свое отцовское наслѣдство и, въ надеждѣ вывернуться, истратилъ женино приданое (съ ея, конечно, согласія), состоявшее въ 200 тысячахъ рублей ассигнаціями, соотвѣтствовавшихъ такой же цифрѣ франками да и чуть ли не нышѣшнимъ рублямъ на серебро.

Я являлся впервыя взрослымъ молодымъ человѣкомъ въ большое Флорентинское общество и не пропускалъ ни одного бала, что́ весьма радовало мою мать, какъ доказательство, «que j'avais pris *le goût de la bonne société*» (т. е. что я полюбилъ бывать въ хорошемъ обществѣ). Въ обширномъ тогдашнемъ Флорентинскомъ «бо-мондѣ» туземцы составляли, какъ и прежде, значительное меньшинство. Были еженедѣльные балы у богача принца Боргезе, о тучности котораго говорили, что уже нѣсколько лѣтъ какъ онъ не видалъ своихъ носковъ, и недѣльные такъ же балы у Николая Никитича Демидова. Изъ красавицъ-нимфъ, которыя царили на балахъ и съ которыми я, конечно, предпочиталъ танцовать, была Паолина Ненчини *), Карлотта Поеріо, дочь Неаполитанскаго политическаго изгнанника, и дѣвица Валперга, сестра одного изъ секретарей Сардинскаго посольства, съ которымъ я скоро подружился. Но особенно хороша была Англійская миссъ Генріетта Диллонъ (семейство которой поселилось во Флоренціи почти одновременно съ нашимъ) и двѣ сестры Гарди. Туземнаго элемента во всемъ этомъ обществѣ было только трое-четверо изъ холостой молодежи и танцоры, и столько же изъ степенныхъ Флорентинцевъ, висговыхъ игроковъ, но безъ ихъ женъ и дочерей.

Безногій, со времени отечественной войны, Григорій Ѳедоровичъ Орловъ, долго жившій въ Парижѣ и женившійся тамъ на хорошенькой актрисѣ Виргиніи Вентзель, переселился около этого самого времени во Флоренцію. Умная, привѣтливая и добрѣйшаго сердца его жена сумѣла въ этой новой для нея сферѣ держать себя всегда прилично: она заискивала свѣтское покровительство моей матери, въ чемъ, конечно, не встрѣтила отказа. Сестра моя граф. Елисавета Дмитріевна,

*) Она вскорѣ вышла замужъ за маркиза Джіузеппе (Іосифа) Пуччи, того самаго, что́ посѣщалъ Россію въ 1818 или 1819 году.

съ которою я теперь ближе сошелся чѣмъ прежде, когда я все сидѣлъ за книгами въ своей классной комнатѣ, была смѣлою наѣздницею, и мы вдвоемъ, почти каждый день, скакали по густо-тѣнистымъ аллеямъ Капинъ, всегдашняго и новыиъ «rendez-vous» фешіонабельнаго общества. Къ намъ присоединялся обыкновенно другой кавалеръ, знаменитый поэтъ Ламартинъ, бывшій тогда секретаремъ Французскаго посольства при Тосканскомъ дворѣ. Ему было отъ роду тридцать съ небольшимъ лѣтъ, высокаго роста, худощавый и съ правильными, но неподвижными чертами, рѣдко улыбался и былъ весь проникнутъ дипломатіей. Кто бы повѣрилъ, что онъ въ это время былъ ревностнымъ бурбонистомъ? Когда онъ снисходилъ пускаться въ разговоръ, то дѣлался пріятнымъ собесѣдникомъ. Жена его, родомъ Англичанка, достойная во всѣхъ отношеніяхъ женщина, была далеко не привлекательна и вдобавокъ украшена отъ природы краснымъ носомъ. У нихъ была единственная дочь, прелестный ребенокъ 5 или 6 лѣтъ, умершая много позднѣе, во время отцовскаго путешествія съ нею на Востокъ.

Были балы и Французскіе аматёрскіе спектакли у Швейцарскаго негоціанта Эйнарда, горячаго филелена, не жалѣвшаго широкихъ своихъ средствъ въ дѣлѣ освобожденія Греціи. Двѣ сестры его жены, г-жи Бомонъ и Бодѐ и мужья ихъ составляли какъ бы одно семейство съ Эйнардами, и отрадно было смотрѣть на это патріархальное единство.

Постоянно жилъ тогда во Флоренціи съ своимъ семействомъ лордъ Нормапби, впослѣдствіи лордъ Мюльгревъ и Ирландскій намѣстникъ. Онъ занималъ великолѣпный палаццо съ садомъ дука Санъ-Клементе въ глухой и пустынной улицѣ позади церкви «делла Аннунціата», и почти подходившій къ городскимъ стѣнамъ. Лордъ Норманби устроилъ у себя театръ, на которомъ самъ и граціозпѣйшая его леди, оба драматическіе таланты, при пособіи другихъ соотечественниковъ, часто давали представленія по входнымъ билетамъ, Шекспировскихъ и другихъ піесъ. Приглашенія туда жадно принимались, но число избранныхъ счастливцевъ было ограничено по тѣсности театральнаго зала, и потому составъ зрителей мѣнялся каждый разъ. Я, какъ полубританецъ по воспитанію, съ увлеченіемъ слѣдилъ за этими спектаклями, когда на долю нашего семейства выпадалъ билетъ. Одна изъ актрисъ, г-жа Брадшо (Bradshau) была до своего замужества артисткою по профессіи, и хотя она не всегда выполняла главныя роли, но тѣмъ не менѣе рѣзко отличалась отъ прочихъ аматёровъ *).

*) Этимъ подтверждается мое наблюденіе, что профессіональный артистъ, даже изъ посредственныхъ, рѣзко выдается впередъ въ аматёрской трупиѣ, и наоборотъ аматёръ,

Николай Никитичъ Демидовъ продолжалъ по прежнему держать открытый домъ съ пестрымъ своимъ составомъ и первенствовалъ во Флоренціи. Тогда гостили у него сестра его Марія Никитична Дурново́ съ мужемъ и сыномъ Павломъ Дмитріевичемъ *). Старикъ Дурново́, отъ нечего дѣлать, измѣрялъ шагами разстоянія отъ дома Серристори (гдѣ жилъ Н. Н. Демидовъ) до главныхъ пунктовъ города и жилищъ его знакомыхъ, и подъ его, кажется, вѣдѣніемъ состояли выставка малахитныхъ издѣлій и коллекція попугаевъ.

Помѣщу кстати два анекдота о четъ Дурновыхъ, ходившіе по Петербургу. Во время дворянскихъ выборовъ, послѣ того какъ г. Дурново́ прослужилъ трехлѣтній срокъ Петербургскимъ дворянскимъ предводителемъ, кто-то ихъ избирателей высказалъ собранію мнѣніе, что «намъ-молъ нужно избрать предводителя надежнаго, а не «*дурнаго*» (Дурново́). А о Маріи Никитичнѣ разсказывали, что, встрѣтивъ однажды Государя (Александра Павловича) на обычной его прогулкѣ по набережной Фонтанки, она спросила, почему не имѣла счастія встрѣчаться съ нимъ въ продолженіе послѣднихъ передъ этимъ дней (я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ, что въ этихъ случаяхъ Государь былъ всегда доступенъ дамамъ высшаго круга), и узнавъ, что онъ немного позахворалъ, она воскликнула: «Vous avez été malade! Oh, pauvre Sire!» Не пропускало безъ иронія тогдашнее общество подобнаго маха на Французскомъ нарѣчіи: иное дѣло, случись это по-русски.

Я часто бывалъ и иногда обѣдалъ у Англичанина, отставнаго капитана Медвина, получившаго нѣкоторую извѣстность своимъ сочиненіемъ, «Разговоры лорда Байрона». Сочиненіе это (въ двухъ томахъ) относилось ко времени жительства въ Пизѣ вельможнаго барда, и хотя авторъ ея не былъ, насколько мнѣ помнится, изъ самыхъ близкихъ его друзей, но имѣлъ доступъ къ мизантропическому лорду, и потому сочиненіе его, теперь забытое, имѣло въ свое время успѣхъ. Г. Медвинъ началъ широко жить, давалъ пышные обѣды, держалъ верховыхъ лошадей (роскошь недешевая за границей), по впослѣдствіи, послѣ моего вторичнаго отъѣзда на службу въ Россію, весь этотъ блескъ рушился сразу и даже довольно скандально. Проигравшись до тла, онъ внезапно исчезъ и оставилъ во Флоренціи неоплатные долги, жену и двухъ малолѣтнихъ дочерей, безъ всякихъ средствъ къ существованію. Дѣвочки были взяты на попеченіе царствовавшимъ вели-

---

кажущійся весьма талантливымъ, проваливается, когда дерзаетъ поступить на публичную сцену.

*) Позднѣе Павелъ Дмитріевичъ Дурново́ женился на княжнѣ Александрѣ Петровнѣ Волконской, дочери министра императорскаго двора.

кимъ герцогомъ (Леопольдомъ II, также любимымъ въ народѣ, какъ его отецъ Фердинандъ III) и принцессами того двора, всегда готовыми на всякое благодѣяніе, и были помѣщены въ мѣстный институтъ благородныхъ дѣвицъ *). Во время широкой жизни г. Медвина, у него былъ мэтръ-д'отелемъ Флорентинецъ Александръ Танини, тотъ самый, что позднѣе былъ этимъ же въ домѣ Дивовыхъ, въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ, а въ настоящее время содержитъ въ Москвѣ гостиницу «Франція», на углу Петровки и Кузнечнаго переулка.

Были также въ то время танцовальные вечера разъ въ недѣлю у Сардинскаго посланника, старика графа Кастель-Альфери, прозваннаго въ обществѣ *безсмертнымъ*, на томъ-де основаніи, что конецъ его носа загибался почти вплоть ко рту, такъ что послѣдній его вздохъ долженъ былъ опять, по законамъ физики, возвратиться черезъ ноздри въ дыхательный органъ, и потому процессъ жизни могъ быть нескончаемымъ. При немъ жили нѣкоторое время двѣ сестры, замужнія его племянницы, графини Казанова и Филиппи. Первая изъ нихъ была видная и красивая молодая женщина; а послѣдняя, исписанная оспою, вышла замужъ, вторымъ бракомъ, въ 30-хъ годахъ за графа Сергѣя Ѳедоровича Ростопчина.

Когда пришла во Флоренцію вѣсть о кончинѣ императора Александра Павловича и одновременно о Декабрьскихъ событіяхъ, всѣ наши и особенно наша мать были поражены постигшимъ семейство Чернышевыхъ несчастіемъ. Девятилѣтняя почти разлука съ графинею Елисаветою Петровной не измѣнила чувствъ къ ней ея кузины, графини Анны Артемьевны. Но, что нынѣ, по прошествіи болѣе сорока лѣтъ, кажется мнѣ страннымъ, это то, что сочувствіе мое, и чуть ли не старшихъ моихъ сестеръ, къ лицамъ, участвовавшимъ въ этомъ заговорѣ высказывалось какимъ-то негодованіемъ противъ мѣръ правительства, тогда какъ не существуетъ законодательства, гдѣ бы виновные въ заговорѣ противъ жизни державныхъ особъ и намѣревающіеся низвергнуть законное правительство, не подвергались уголовному суду и, въ первомъ случаѣ, смертной казни. Сознаюсь, что вслѣдствіе-ли Англійскаго либеральнаго моего воспитанія, или по увлеченію молодости ко всякой отвагѣ, я сталъ смотрѣть на пятерыхъ казненныхъ заговор-

*) Въ доказательство отсталости, въ которой находилась въ Тосканѣ женская учебная часть, стоитъ отмѣтить, что въ концѣ 20-ыхъ или въ началѣ 30-ыхъ годовъ, когда великій герцогъ вздумалъ основать свѣтскій женскій институтъ (монашескіе давно были), то онъ не нашелъ, повидимому, ни одной личности между всѣми своими подданными способной занять мѣсто директрисы новаго заведенія, и пригласилъ для этого Француженку, г-жу Мервельё.

щиковъ (Рылѣева, Пестеля, Каховскаго, Сергѣя Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина), какъ на первыхъ добровольныхъ мучениковъ Русской гражданской свободы, и въ этомъ духѣ я начертилъ было Англійскую оду, которой, впрочемъ, не сохранилъ. Удивительно, насколько искажены были наши понятія почти во всемъ относившемся до Россіи. Это было неминуемымъ послѣдствіемъ нашей эмиграціи, космополитическаго строя семейной жизни и религіознаго отступничества женскихъ членовъ семьи. Да и странное противорѣчіе было въ нашихъ дамахъ: осуждая казнь заговорщиковъ, онѣ забывали о преступныхъ замыслахъ противъ жизни обожаемаго ими же императора Александра. Но если нельзя ни оправдать, ни извинять декабристовъ, то не надо также слишкомъ строго ихъ судить, а паче всего не забывать, что либеральная тенденція и даже подражаніе административному заграничному управленію истекали изъ раннихъ политическихъ приступовъ самого императора. Разочаровавшись или предавшись отъ страху Меттернихову вліянію, онъ обратился вспять; но интеллигентная молодежь продолжала втайнѣ развивать программу прогресса и возстановленія (въ этомъ никакъ нельзя ей отказать) Русской попранной народности.

Теперь могу описать раздирающую душу сцену, происшедшую въ Тагинѣ, около 18 или 20 Декабря того 1825 года. Мужъ и жена Муравьевы и графъ Захаръ Григорьевичъ гостили тамъ, какъ вдругъ подкатилъ къ дому жандармскій офицеръ и высочайшимъ именемъ арестовалъ государственныхъ преступниковъ, капитана Никиту Муравьева и поручика (или штабсъ-ротмистра) кавалергардскаго полка графа Захара Чернышова. Тутъ сдѣлался первый паралитическій ударъ съ несчастною матерью, отъ котораго она умерла спустя два года съ небольшимъ. Н. М. Муравьевъ палъ на колѣна предъ женою, прося прощенія (а дотолѣ онъ скрывалъ отъ нея свое участіе въ тайномъ обществѣ), а она въ отвѣтъ бросилась ему на шею, заявивъ, что всё и всѣхъ оставитъ въ Россіи и послѣдуетъ за нимъ одна, въ ссылку-ли, въ каторгу-ли, ей все равно. Она сдержала свое слово, и вотъ, повторяю, каковые были плоды воспитательной системы графини Елисаветы Петровны! Въ глазахъ влюбленной жены мужъ мгновенно выросъ до размѣровъ героя; другаго подобнаго ему совершенства и быть не могло.

Мать моя заливалась слезами по поводу смерти Императора, а я тутъ же убѣждалъ ее разрѣшить выпить намъ Шампанское за здравіе новаго царя Константина Павловича. Дальнѣйшихъ извѣстій о томъ, что происходило въ Петербургѣ до присяги Николаю Павловичу, мы долго не имѣли: не было тогда ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ

нигдѣ, а въ Россіи, не было даже и шоссейныхъ сообщеній [1]), а Петербургскіе курьеры пріѣзжали во Флоренцію не ранѣе какъ на 18-й день. Въ нашей посольской церкви [2]) совершена была вышепомянутымъ іеромонахомъ Иринархомъ (нынѣ архіепископомъ) торжественная панихида, на которой собрались всѣ находившіеся во Флоренціи Русскіе, въ томъ числѣ Полякъ, графъ Михаилъ Огинскій въ красномъ сенаторскомъ своемъ мундирѣ, уже давно поселившійся во Флоренціи [3]). Нашъ министръ Сверчковъ проживалъ тогда по болѣзни въ Вѣнѣ, и миссіею правилъ старшій секретарь, князь Рафаилъ Ивановичъ Долгоруковъ. По окончаніи панихиды, неожиданно вышелъ изъ алтаря Итальянскій аббатъ, Варшавскій когда-то каноникъ и когда-то профессоръ филологіи въ Виленскомъ университетѣ, г. Севастіанъ Чіампи, въ черной сутанѣ (рясѣ) и съ Россійскимъ орденомъ Св. Анны (или Польскимъ Св. Станислава) на груди, и потому считавшій себя полу-русскимъ. Онъ началъ раздавать всѣмъ намъ печатныя Латинскія и Итальянскія элегіи своего сочиненія на смерть Императора [4]). Хоровое церковное пѣніе было исполнено, кромѣ причетниковъ посольской церкви, нашимъ камердинеромъ Дмитріемъ, двумя или тремя Русскими конторщиками Н. П. Демидова и мною. Низко-октавныя мои ноты какъ разъ подходили къ церковному пѣнію, и по окончаніи службы старикъ графъ Огинскій, извѣстный фортепіанный композиторъ, подошелъ ко мнѣ и комплиментировалъ меня, что̀ весьма, признаюсь, польстило мнѣ. Хоть мать моя уже въ то время перешла въ латинство, но присутствовала однакоже на этой службѣ: вещь довольно необыкновенная, такъ какъ подобное хожденіе запрещается Итальянскими духовными отцами прозелитамъ изъ Русскихъ, но запретъ этотъ не распространяется, какъ я слышалъ, на родившихся въ Римскомъ вѣроисповѣданіи. Оно, впрочемъ, отчасти и логично: для прозелитовъ опасны воспоминанія, которыхъ нѣтъ для рожденныхъ Латинянъ. Какъ бы то ни было, но вслѣдствіе этого

---

[1]) Московско-Петербургское шоссе, единственное во всемъ государствѣ, открыто было, и то не по всему протяженію, между 1821 и 1830 годомъ.

[2]) Посольская церковь помѣщалась въ палаццѣ Гуичіардини, въ узкой улицѣ того же названія, ведущей отъ моста „Понте-веккіо“ ко дворцу Питти.

[3]) Домашнимъ при немъ секретаремъ былъ г. Леонардъ Ходзько, впослѣдствіи извѣстное лицо между Польско-парижскими эмигрантами, но ничѣмъ въ описываемое время не отличавшійся, кромѣ какъ изящною каллиграфіей.

[4]) Ученый каноникъ и порицатель злоупотребленій, вкравшихся въ Римскую церковь, г. Чіампи былъ членомъ-корреспондентомъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей и сочувствовалъ Восточной православной церкви и Русской народности. Онъ много трудился по части прежнихъ Польскихъ сношеній съ Римомъ; кромѣ того составилъ біографическій лексиконъ о всѣхъ Итальянцахъ, бывавшихъ въ Россіи и Польшѣ, съ XVI до XVIII вѣка, и напечаталъ брошюрку о неизданныхъ дотолѣ Итальянскихъ документахъ о Дмитріи Самозванцѣ. Брошюрку эту я перевелъ по-русски, и она была помѣщена въ 1860 г. въ „Архивѣ“ издаваемомъ Н. В. Калачовымъ.

запрета могила нашего отца, въ Ливорнской Греческой церкви, давно не навѣщается никѣмъ изъ моихъ семейныхъ, оставшихся въ Италіи.

Съ этою присягою Константину Павловичу я возвратился черезъ годъ въ Россію и поступилъ на службу; ибо, сколько помнится мнѣ, присяги императору Николаю Павловичу въ Флорентинской посольской церкви не было: обстоятельство весьма странное. Въ церковь нашу хаживалъ сухощавый человѣкъ съ просѣдью, въ изношенномъ сѣромъ сюртукѣ, доказывавшемъ его убогость; это былъ Грекъ по фамиліи Афендульевъ, извѣстный «гетеристъ,» и мало того, временный король на островѣ Критѣ [1]).

Такъ какъ личность отца Иринарха не встрѣтится болѣе въ этихъ запискахъ до событій 40-хъ годовъ, когда онъ пострадалъ по дѣлу о Латышахъ, стремившихся перейти изъ лютеранства въ православіе, то добавлю здѣсь нѣкоторыя дальнѣйшія о немъ свѣдѣнія. Онъ напутствовалъ моего отца, умершаго во Флоренціи, въ Декабрѣ 1829 года, но не хоронилъ его, потому что былъ внезапно отозванъ въ Римъ, чтобы окрестить ребенка князя Григорія Гагарина. Во Флоренціи о. Иринархъ оставался при нашей посольской церкви до 1830 года, когда былъ отозванъ въ Петербургъ, а въ 1833 году былъ снова назначенъ, уже въ санѣ архимандрита, въ нашу миссію въ Аѳины. Позднѣе онъ находился въ Ригѣ викарнымъ епископомъ Псковскаго архіерея.

Разскажу одну мою доблесть по дѣлу пѣшехожденія, удивившую всѣхъ. Я гостилъ у старшей сестры Маріи Дмитріевны Дини въ одной ея виллѣ подъ г. Ареццо, въ 60 или 70 верстахъ отъ Флоренціи. Это было въ концѣ Января, въ преддверіи, такъ сказать, ранней весны, когда стоятъ уже ясные и теплые дни, а фіалки и крокусы густо стелятся, гдѣ только соха попадила мураву [2]). Вдругъ, вспомнивъ, что я не докончилъ дома обѣщаннаго одной дамѣ рисунка, я сталъ приставать къ моему зятю Дини, чтобы онъ сейчасъ отпустилъ меня обратно во Флоренцію и далъ бы мнѣ немного денегъ на дорогу, такъ какъ не было у меня ни гроша въ карманѣ. Зять, желая удержать меня подольше у себя, отказалъ въ томъ и въ другомъ и смѣялся надъ моею угрозой, когда я заявилъ ему, что въ противномъ случаѣ я возвращусь пѣшкомъ. Однакоже эту угрозу я привелъ въ исполненіе. Шелъ я по большой дорогѣ до того часа, когда сумерки уже переходили въ

[1]) Г. Афендульевъ (Компепъ) состоялъ когда-то при нашемъ послѣ Д. П. Татищевѣ въ Мадридѣ, а во Флоренціи занимался продажею картинъ.

[2]) Вокругъ всей Флоренціи луговъ нѣтъ (за исключеніемъ въ Кашинахъ): землевладѣльцы находятъ болѣе выгоднымъ обращать все въ пашню и подъ виноградники.

ночь, ужасно проголодался. но зайти въ остерію (харчевню) невозможно было по финансовому недостатку. Прошелъ я такимъ образомъ до 20, какъ думаю, верстъ, когда, подходя къ одному городку, въ родѣ нашихъ посадовъ, «borgo San-Giovanne», поравнялся со всадникомъ, ѣхавшимъ шажкомъ по тому же направленію. Съ нимъ вступилъ я изъ шалости въ разговоръ на ломаномъ (нарочно) Итальянскомъ нарѣчіи съ Нѣмецкимъ акцентомъ (въ этомъ я былъ мастеръ), выдавая себя за бѣднаго Австрійскаго офицера, возвращавшагося на родину изъ Неаполя, занятаго съ 1821 года Австрійскими войсками. Разсказу моему придала нѣкоторую правдоподобность бѣлая моя съ краснымъ околышемъ кираспрская фуражка, взятая изъ ребяческаго малодушія въ Таганчѣ у Евгенія Осиповича Понятовскаго, недавно передъ тѣмъ вышедшаго изъ кавалергардскаго полка. Шутка удалась настолько, что незнакомецъ, оказавшійся мѣстнымъ, важнымъ довольно, муниципальнымъ лицомъ (нѣчто въ родѣ нашего градскаго головы) зазвалъ меня въ свой домъ и накормилъ сытнымъ ужиномъ. Онъ все распрашивалъ меня о предметахъ по Австрійскому внутреннему устройству, и можно представить себѣ, какую я порола дичь и опасался въ тоже время, какъ бы онъ, по занимаемому имъ мѣсту, не возымѣлъ любопытства спросить мой видъ: пожалуй, что тогда поступлено было бы со мною, какъ съ самозванцемъ и бродягою. Но къ счастію, дѣло сошло съ рукъ благополучно и, простившись съ нимъ, я снова пустился въ путь. Пройдя во тьмѣ ночи еще 10 или 15 верстъ, я почувствовалъ, что мои силы начали слабѣть, сонъ преодолѣвалъ меня, а невозможно было прилечь на шоссейной узкой довольно дорогѣ, окаймленной глубокими съ каждой стороны рвами, за которыми начинались «подере» (пахатныя поля съ виноградниками), отдѣленные отъ шоссе колючими живыми изгородями. Наконецъ я рѣшился взойти на одинъ почтовый дворъ (разстояніе между станціями было отъ 10 до 13 верстъ) и взялъ одноконный кабріолетъ съ тѣмъ, чтобы разсплатиться на мѣстѣ, что, къ счастію моему, допускалось. Явился я домой въ 5 часовъ утра, когда всѣ еще спали.

Со времени покупки своего палаццо, отецъ мой снова принялся за садоводство, занятіе, недоставшее ему въ нанимаемыхъ до того времени домѣ и виллахъ. Оно же было весьма полезно ему, какъ моціонъ, при рѣдкихъ его изъ дому выѣздахъ. При палаццѣ были (и теперь существуютъ) два сада; въ меньшемъ изъ нихъ (саженей въ 15 длину и около 10 въ ширину съ фонтаномъ въ центрѣ его и съ высокими глухими стѣнами), отецъ мой началъ свои камельевыя плантаціи, культуру совершенно тогда новую во Флоренціи, и деревья эти

уже въ концѣ 30-хъ годовъ равнялись съ окнами втораго этажа палаццо, и были покрыты отъ начала Января (а иногда съ Декабря) до конца Февраля безчисленными цвѣтами. Ежедневный его образъ жизни былъ тотъ же, что̀ въ началѣ нашего пріѣзда во Флоренцію: онъ обѣдалъ въ 2 часа, вдвоемъ съ г. Милліарини, или съ кѣмъ нибудь изъ насъ, и проводилъ остальное время въ своемъ кабинетѣ или библіотекѣ, занимавшей теперь уже нѣсколько залъ. Утромъ онъ однакоже посвящалъ по нѣскольку часовъ обоимъ своимъ садамъ, находившимся подъ вѣдѣніемъ Французскаго садовника Банкаса, выписаннаго изъ Шамбери (на границахъ Франціи и Савои), гдѣ было большое садовое заведеніе. Общій нашъ семейный обѣдъ былъ въ 4 часа или 4½ часовъ, и мы мужчины не иначе хаживали къ столу, какъ во фракахъ и въ бѣлыхъ галстукахъ, когда и посторонникъ никого не было.

Извѣстіе о геройской защитѣ и паденіе Миссолонги, весною 1826 г., вызвало сильнѣйшее сочувствіе въ разноплеменномъ Флорентинскомъ обществѣ, гдѣ было немало филелиновъ.

Изъ Русскихъ туристовъ были въ то время извѣстный своей оригинальностію Москвичъ Григорій Александровичъ Корсаковъ, неутомимый танцоръ на Флорентинскихъ балахъ, чего за нимъ не водилось въ Москвѣ; также молодой г. Охотниковъ, Калужскій помѣщикъ, г-жа Корсакова съ двумя дочерьми, княгиня Марія Аркадьевна Голицына, урожденная княжна Суворова, и княгиня Варвара Юрьевна Горчакова, двоюродная сестра моего отца. Она провела только нѣсколько дней во Флоренціи и все приставала къ моему отцу, чтобы онъ отпустилъ съ нею въ Россію милую его Лизочку (т. е. сестру мою Елисавету Дмитріевну) «а то, того и гляди», говорила княгиня Горчакова, «что она выйдетъ замужъ здѣсь за Итальянца, а надо бы ей быть за Русскимъ». Меня поразилъ отвѣтъ отца, что врядъ ли онъ отдастъ ее за Русскаго (или что-то въ этомъ родѣ). Много позднѣе я узналъ, что нѣкій князь Д., часто посѣщавшій нашъ домъ во Флоренціи, былъ очень заинтересованъ моею сестрою. Не знаю, сдѣлалъ ли онъ формальное предложеніе; но онъ сталъ на такой короткой ногѣ въ нашемъ семействѣ, что всѣ считали его уже женихомъ моей сестры, какъ вдругъ сестра его вмѣшалась въ дѣло и отговорила своего брата отъ этой женитьбы, по причинѣ всѣмъ извѣстной тенденціи нашихъ семейныхъ женщинъ къ Римскому католичеству. Вслѣдствіи этихъ внушеній, князь Д. внезапно оставилъ Флоренцію. Естественно, что его поступокъ глубоко оскорбилъ моего отца, и вотъ вѣроятно разгадка сказаннаго имъ своей кузинѣ.

Миссіею нашей правилъ старшій секретарь князь Рафаилъ Ивановичъ Долгоруковъ; братъ его, князь Дмитрій Ивановичъ пріѣзжалъ въ отпускъ во Флоренцію, и его очень любили у насъ: мать его звала «мой Долгоруковъ», и когда онъ приходилъ къ утреннему чаю, то она сама приготовляла для него любимый имъ Турецкій кофей. Оба братья князья Долгоруковы были замѣчательно дурны собою. Въ первыхъ мѣсяцахъ 1826 года умеръ при мнѣ во Флоренціи князь Рафаилъ Ивановичъ отъ быстраго пораженія легкихъ, причиненнаго, будто-бы, внутреннимъ употребленіемъ какихъ-то ѣдкихъ составовъ противъ угрей и прыщей, покрывавшихъ его лицо. Такъ погибъ преждевременно человѣкъ, которому слѣдовало занимать видное мѣсто въ обществѣ, и по уму, и по свѣтской его любезности.

Флорентинскимъ предмѣстникомъ князя Рафаила Ивановича былъ съ 1822 года г. Погенполь, женатый на Ирландкѣ *), а братъ его былъ одновременно сдѣланъ нашимъ консуломъ въ Ливорнѣ; но въ 1826 году Ливорнскимъ консуломъ уже былъ г. Энгельбахъ, когда-то книгопродавецъ въ Москвѣ до 1812 года. Онъ же, какъ единственный Русскій оффиціальный представитель во всей Тосканѣ, дѣйствовалъ при смерти князя Р. И. Долгорукаго, погребеннаго, кажется, при Ливорнской Греческой церкви.

Французскій поэтъ Казиміръ де-ла-Винь, не менѣе извѣстный и не менѣе талантливый г. Ламартина, посѣтилъ Флоренцію весною этого года; онъ часто бывалъ у насъ и читывалъ ненапечатанныя еще свои стихотворенія. Въ одахъ своихъ онъ отстаивалъ народную свободу, попранную монархическимъ деспотизмомъ, какъ случилось въ Испаніи и Неаполѣ въ 1820 году, и въ своихъ виршахъ сильно возставалъ противъ Турецкаго тиранства въ Греціи. Надо предполагать, что Французское правительство неблагосклонно смотрѣло на этого поэта, и удивляюсь, какъ оно допустило эти оды въ печать.

Въ Кашинахъ рисовался верхомъ, съ длинными по плечамъ волосами (мода тогда еще не общепринятая), другой бардъ, но далеко не чета вышеупомянутому. Это былъ Англичанинъ г. Тафъ, авторъ плоховатаго перевода Данта: онъ одно время какъ-то втерся въ общество, но не въ интимность лорда Байрона въ Пизѣ, который за этотъ искаженный переводъ перваго изъ Итальянскихъ классиковъ прозвалъ г. Тафа «the traducer» (т. е. поноситель) вмѣсто «the translator of Dante» (переводчикъ).

*) Одинъ изъ двухъ сыновей этого г. Погенполя былъ въ 1863 году нашимъ консуломъ въ Ливорнѣ, а въ концѣ 50-хъ годовъ редакторомъ газеты „le Nord“, основанной въ Бельгіи съ цѣлію быть Русскимъ полу-оффиціальнымъ органомъ за границей.

Съ самыхъ первыхъ годовъ нашей Флорентинской жизни повадился ежедневно почти приходить обѣдать къ намъ нѣкто Русскій Нѣмецъ, докторъ Ганнертъ. Онъ былъ нашимъ домашнимъ медикомъ въ Бѣлкипѣ, когда умерла тамъ въ 1813 году маленькая моя сестра Софія. Было-ли дѣйствительно какое нибудь съ его стороны упущеніе или ошибка при леченіи этого любимаго ребенка моей матери, сказать не могу: но мать моя, столь во всемъ справедливая, не могла съ тѣхъ поръ преодолѣть непріязненнаго чувства къ доктору Ганнерту. Никогда не прибѣгали къ медицинскому его пособію: никто не обращалъ никакого на него вниманія, и даже рѣдко съ нимъ говорили; онъ вскорѣ послѣ стола уходилъ и въ другое время дня болѣе не показывался. Когда мы уѣзжали весновать въ Римъ, докторъ Ганнертъ и туда явился, и все по прежнему приходилъ къ намъ къ обѣду; словомъ, онъ сдѣлался какъ бы частію мебели столовой. Ежедневныя его посѣщенія прерывались на время, когда мы переѣзжали на лѣто въ виллу Пальміери, или на Ливорнскія морскія купанья. Чѣмъ онъ существовалъ, рѣшительно не знаю: но онъ часто торчалъ по утрамъ въ аптекѣ на площади Санъ-Феличе, что́ была рядомъ съ нанимаемымъ нами домомъ Гуиччіардини-Паличи. Впрочемъ, не онъ одинъ изъ своихъ собратій *фланировалъ* (прошу извинить этотъ галлицизмъ, но соотвѣтствующаго Русскаго слова не могу найти), отъ нечего дѣлать, по аптекамъ: онѣ были какимъ-то сборнымъ мѣстомъ для Флорентинскихъ эскулаповъ, какъ кофейни для негоціантовъ, артистовъ и адвокатовъ. Нашъ докторъ былъ хромъ, очень близорукъ, прищуривалъ глаза и некрасивъ собою, отчего въ аптекѣ Санъ-Феличе дали ему прозвище Асмодея. Если не типомъ бѣса, то онъ могъ быть годнымъ для скульптурнаго типа сатира. Вѣроятно эта его хромота препятствовала ему таскаться обѣдать къ намъ на виллу Пальміери, стоявшую на горѣ.

Наступила шумная пора Итальянскаго карнавала, когда маски ходятъ по улицамъ и на публичныхъ гуляньяхъ интригуютъ незнакомыхъ, какъ бы на театральныхъ маскарадахъ. Я придумалъ нарядиться въ полный костюмъ коннаго почталіона (ямщика), взятый на прокатъ, въ лосинныхъ штанахъ, въ ботфортахъ, въ красной форменной курткѣ съ рожкомъ на шнуркѣ черезъ плечо и, хлопая длиннымъ бичемъ, какъ дѣлаютъ заграничные почтари, верхомъ и въ маскѣ, выѣхалъ на «*корсо*» (каретное гуляніе по городу) и началъ бросать своимъ знакомымъ изъ сумки, висѣвшей съ боку, заготовленныя заранѣе записки (безъ подписи) съ личными на каждаго намёками. Не знаю, почему мои остроты были особенно язвительно направлены на миловидную г-жу Северину Собаньскую (урожденную графиню Потоцкую), по поводу ходившей молвы

о ея будто-бы связи съ однимъ изъ секретарей Австрійскаго посольства: легкомысленность тѣмъ менѣе извиняемая, что я оскорблялъ беззащитную женщину, по себѣ добрѣйшую и въ обществѣ безвредную. Она добилась узнать имя анонимнаго автора записки (происками, быть можетъ, всесильнаго въ Тосканѣ Австрійскаго представителя, графа Бомбеля) и, разливаясь слезами, пріѣхала на другой или третій день къ моей матери съ жалобою прямо на меня. Я не могъ конечно отречься отъ записки, и обѣ дамы дали мнѣ сильнѣйшую головомойку *).

Во время карнавала, обыкновенно слабаго опернаго сезона во Флоренціи, въ театрѣ Перголе давали если не первую, то изъ самыхъ первыхъ оперъ молодаго тогда Доницзетти, заставившаго, шесть или семь лѣтъ спустя, забыть музыкальнаго гиганта Россини. Но въ 1826 году своего собственнаго стиля Доницзетти еще не имѣлъ, а шелъ ощупью, и опера его, о которой идетъ здѣсь рѣчь, «L'ajo nell'imbarazzo» (Дядька въ тискахъ) была крайне плоховата.

Не сказалъ я, гдѣ слѣдовало, что, по возвращеніи моемъ изъ Одесской поѣздки во Флоренцію, осенью 1825 года, я нашелъ живущаго у насъ въ домѣ двоюроднаго моего брата Александра Адріяновича Дивова, оставившаго окончательно, годомъ передъ тѣмъ, своихъ Американскихъ Іезуитовъ и поселившагося сначала въ Римѣ. Послѣ долголѣтняго своего затворничества онъ поступалъ въ незнакомый ему свѣтъ, сорока лѣтъ отъ роду, по моральнымъ, въ полномъ смыслѣ, юношею: рыскалъ какъ выпущенный школьникъ по театрамъ: но особенно проявились въ немъ вкусъ къ щегольству въ одеждѣ и любезность въ обращеніи съ прекраснымъ поломъ, когда этому не препятствовала его застѣнчивость. Въ это время онъ не возвратился еще въ лоно православной церкви, и весною слѣдующею отправился въ Парижъ, гдѣ пробылъ нѣсколько лѣтъ сряду. Много позднѣе онъ сообщилъ мнѣ, что въ бытность свою у Іезуитовъ, когда онъ узналъ о кончинѣ своихъ родителей, то эти патеры запретили ему молиться объ упокоеніи ихъ душъ: значитъ, что у Латинянъ считается грѣхомъ молитва объ усопшихъ христіанахъ не ихъ церкви. Онъ также передалъ мнѣ, что, когда, еще до 1812 года, влекомый къ Римской церкви, онъ просилъ наставника своего, аббата Дрежеля или Барбье (оба были гувернерами въ

*) По смерти мужа, г. Исидора Собаньскаго, она вышла замужъ за Австрійскаго или Венгерскаго графа Коллоредо, а въ 1865 проживала въ Римѣ. Она давно простила мое нахальство и, вспоминая моихъ родителей и что она ласкала меня, когда я былъ еще мальчикомъ, освѣдомлялась обо мнѣ у моей племянницы, графини Анны Петровны Бутурлиной, давно поступившей въ Римѣ въ монашеско-воспитательный орденъ „Святѣйшаго Іисусова сердца“ („*le sacré cœur*“).

домѣ Диковыхъ) присоединить его къ Латинской церкви, этотъ аббатъ отказался исполнить его желаніе, по причинѣ даннаго-де имъ и прочимъ духовенствомъ того вѣроисповѣданія клятвеннаго письменнаго обѣщанія нашему правительству не совращать Русскихъ въ Римское католичество. По моему, это не болѣе какъ увертка и обхожденіе буквы закона. Латинское духовенство, допущенное въ Россіи подъ сказаннымъ условіемъ, почти не стѣснялось склонять Русское юношество и свѣтскихъ дамъ къ переходу въ латинство, хотя они избѣгали (и то не всѣ) сами присоединять къ своей церкви. Въ сущности въ этомъ было мало разницы.

Не могу съ точностію опредѣлить, въ какое время мать и старшія мои сестры окончательно перешли въ латинство; должно быть до 1825 года, за исключеніемъ однакоже моей сестры Елисаветы, которая хаживала еще въ то время съ Е. П. Леруа, къ обѣднѣ по воскреснымъ днямъ въ нашу посольскую церковь. Даже, помнится мнѣ, сестра Елисавета говѣла со мною во вновь устроенной нашимъ отцомъ домовой церкви въ нашемъ палаццо, при чемъ я даже сказалъ ей съ грустью, что мы въ послѣдній разъ вѣроятно говѣемъ вмѣстѣ. Она окончательно совратилась уже послѣ моего вторичнаго отъѣзда изъ Флоренціи до своего замужества (въ 1829 году) или послѣ, не знаю; но отецъ нашъ настоялъ, чтобы она была обвѣнчана въ нашей церкви. Какъ ни былъ я вѣтренъ, но не могъ не замѣтить грустнаго дѣйствія, производимаго на моего отца Латинскимъ направленіемъ семейныхъ нашихъ женщинъ, хотя онъ никогда со мною объ этомъ не разговаривалъ. Повторяю: могъ ли онъ препятствовать этому? Помню разъ, что, узнавъ о горячемъ моемъ спорѣ съ сестрою Елисаветою, онъ выговорилъ мнѣ, зачѣмъ я огорчаю ее; но когда я объяснилъ, что мы спорили по дѣлу о разности восточнаго и западнаго вѣроисповѣданій, онъ болѣе не высказалъ мнѣ ни одного упрека.

Въ нашу вновь устроенную и довольно просторную домовую церковь пріѣзжалъ для служенія въ ней все тотъ же Ливорнской Греческой церкви іеромонахъ Іоахимъ Валламонте, теперь уже служившій безъ запинки литургію на Славянскомъ языкѣ. Я по прежнему пѣвалъ на клиросѣ и читалъ иногда Апостолъ, подражая, сколько могъ, Русскому басовому причетнику: начиная густою октавою и постепенно возвышая голосъ, оканчивалъ протодіаконскимъ рёвомъ. Я уже сказывалъ, что мой голосъ похвалилъ знатокъ въ музыкѣ графъ Огинскій и еще одинъ Итальянскій маестро, услыхавъ меня въ Вѣнѣ у бѣднаго секретаря нашего посольства Бржестовскаго (который застрѣлился). Этотъ маестро такъ былъ пораженъ моимъ голосомъ, что записалъ мою

фамилію и предвѣщалъ мнѣ извѣстность. Все это, конечно, суета сует, также какъ и рукоплесканія и вызовы «bis», полученныя мною много позднѣе (въ 1846 году), на концертѣ Александра Егоровича Варламова, и пожаты кое-какіе лавры на другихъ концертахъ; но вѣдь всѣ мы смертные, и я въ особенности, грѣшимъ самолюбіемъ и тщеславіемъ. Помню, что когда на другой день концерта А. Е. Варламова (на которомъ меня заставили повторить его бойкій романсъ на слова Кольцова «Осѣдлаю коня») явилась въ фельетонѣ статья объ этомъ концертѣ, въ которомъ угодно было П. И. Гречу похвалить мое пѣніе и мой голосъ, я перенесся отъ счастія въ седьмыя небеса. Что̀ дѣлать? Не даромъ старинный Англійскій поэтъ Попъ сказалъ:

«These little things are great for little man» *).

Была тогда во Флоренціи и третья временная Русская церковь у П. П. Демидова. Она не помѣщалась въ самомъ палаццѣ Серистори, а въ отдѣльномъ маленькомъ каменномъ строеніи, въ родѣ павильона или католической каплицы, на мосту «делле Граціе», до котораго доходилъ садъ дома Серистори, стоявшій на набережной рѣки Арно. Въ ней служилъ проживавшій во Флоренціи безъ мѣста Греческій священникъ, но на своемъ-ли языкѣ или по-славянски, не помню; а на клиросѣ пѣвала Русская прислуга и конторщики Николая Никитича. Проживавшій у него въ домѣ хромой Иванъ Нарышкинъ разсказывалъ мнѣ, будто бы эти пѣвцы по большей части Сибиряки, произносили «іо-аминь», и «іо-аллилуія».

Весною, кажется, этого 1826 года отпросилъ отъ насъ нашъ крѣпостной поваръ Иванъ (выписанный изъ Россіи) и вздумалъ открыть харчевню подъ названіемъ Московской. Будь это въ настоящее время, когда Флоренція наполнена нашими соотечественниками (по дешевизнѣ желѣзно-дорожныхъ сообщеній и множеству недорогихъ меблированныхъ комнатъ во Флоренціи) спекуляція нашего кухмистера могла бы, пожалуй, удасться, особенно если бы столъ былъ чисто-русскій, и потребители могли бы найти у него Русскій хлѣбъ, квасъ и кислыя щи. Въ сказанное же время, Русскихъ было всего четыре или пять семействъ и не изъ класса посѣтителей харчевенъ или низкихъ ресторановъ, и потому нашему Ивану не повезло. Послѣ моего отъѣзда на службу въ Россію онъ закрылъ свое заведеніе и снова, если не ошибаюсь, поступилъ къ намъ въ домъ; а по смерти моего отца, когда вся наша Русская прислуга получила приличное награжденіе и была отпу-

*) Бездѣльныя эти вещи важны для человѣка ничтожнаго.

щена на волю и почти вся возвратилась въ Россію, этотъ Иванъ, уже женившійся на Итальянкѣ (дочери кучера моего отца) остался во Флоренціи и чуть-ли не впалъ въ нужду. Когда я былъ въ послѣдній разъ тамъ въ 1863 году, его уже не было на свѣтѣ; но я видѣлъ его сына, взрослаго мужчину, ни слова не знавшаго конечно по-русски.

На лѣто мы поѣхали въ Ливорно на морскія купанья и наняли прежнюю дачу Швейцарца Гебгарта. На этотъ разъ она была взята по моей особенной просьбѣ, такъ какъ меня манили туда юношескія воспоминанія. Незадолго до переѣзда на эту виллу, мать моя, сестра Елисавета и я отправились втроемъ на иллюминацію въ Пизу, повторяющуюся каждые три года, въ день, помнится мнѣ, св. Раніера, мѣстнаго архіепископа и патрона, жившаго въ XI или XII вѣкѣ (мощи его почиваютъ въ каѳедральномъ соборѣ, «il Duomo»). Учрежденіе самой иллюминаціи относится не къ дальнымъ временамъ, но она замѣнила прежнія «giostre», то есть военныя представленія по всей городской набережной (рѣки Арно), для которыхъ жители дѣлились на двѣ сражающіяся партіи, и хотя вооруженіе состояло изъ однихъ длинныхъ тупыхъ шестовъ, но игры эти были отмѣнены, потому вѣроятно, что не проходило безъ смертныхъ случаевъ. Прекрасная Пизанская набережная окаймлена съ обѣихъ сторонъ средневѣковыми сплошными палаццами знаменитыхъ нѣкогда и нынѣ угасшихъ фамилій Сисмонди, Уголино, Ланфранки и другихъ. Историческая эта набережная оживляется въ этотъ единственный въ году разъ, а затѣмъ все остальное время Пиза, не смотря на то, что имѣетъ университетъ, славится безлюдностію своихъ узкихъ и извилистыхъ улицъ, имѣя видъ вымершаго города. Мѣстной торговли нѣтъ никакой, и такъ какъ приливъ иностранныхъ туристовъ весьма скуденъ, то и мало магазиновъ, и нѣкоторая оживленность встрѣчается лишь въ кофейняхъ: это сборное всегда мѣсто адвокатовъ, студентовъ (большой процентъ послѣднихъ состоитъ изъ Грековъ) и праздношатающейся молодежи. Трудно повѣрить, что этотъ городъ былъ когда-то цвѣтущею республикою и что онъ соперничалъ съ Венеціею и Генуею, и не менѣе удивительно, что Пизанская республика была морскою силою. Въ наше время разстояніе отъ Пизы до морскаго берега не менѣе 14 верстъ, но лѣтъ четыреста или пятьсотъ назадъ оно было вдвое менѣе, потому что море постепенно отдалялось, и при устьѣ р. Арно остались развалины двухъ башенъ, гдѣ вѣроятно была укрѣпленная пристань для Пизанскихъ галеръ, хотя онѣ строились въ городскомъ арсеналѣ. Замѣчателенъ одинъ палаццо на набережной красивой архитектуры съ загадочною надписью на фронтонѣ «alla giornata». Перевести ее можно словами «день за день», т. е.

какъ будто-бы строитель этого палаццо жилъ со дня на день, или что палаццо выстроенъ «по вкусу дня». На площади церкви кавалеровъ ордена св. Стефана (piazza dei cavalieri), видны остатки древней стѣны, вставленной въ одинъ домъ позднѣйшей постройки, а мѣстное преданіе говоритъ, что этотъ небольшой остатокъ стѣны составлялъ когда-то часть башни, въ которой были заточены и умерли голодною смертію графъ Уголино делла Герардеска съ сыновьями.

И такъ, въ день празднованія Пизанскаго святителя Раніера, городскія набережныя превращаются въ неразрывную огненную массу, вездѣ правильной, декоративной архитектуры, отъ мостовой до кровлей высокихъ палаццовъ, отражающихся въ рѣкѣ Арно, на которой тѣснятся лодки со зрителями, а по набережной тянутся ряды экипажей, не вѣсть откуда нахлынувшіе. Въ 20-хъ годахъ и даже позднѣе, Пиза получала въ зимнее время эфемерную личину столицы отъ переѣзжавшаго нѣкои туда на мѣсяцъ Тосканскаго великогерцогскаго двора, до изгнанія въ 1839 году этихъ принцевъ Габсбурго-лотарингской династіи. Хотя подъ однимъ градусомъ широты съ Флоренціею, Пиза, по своему климату, много теплѣе въ зимнее время, вслѣдствіе большей, вѣроятно, отдаленности отъ снѣжныхъ Апенинокъ.

Такъ какъ матери нашей нужно было побывать въ Ливорно, для устройства, вѣроятно, предстоявшаго нашего лѣтняго переѣзда на вилл Гебгардта, то, вмѣсто того чтобы ѣхать 15 миль почтовой дорогой, мы предпочли, ради теплой Итальянской ночи, совершить этотъ проѣздъ водою въ большой лодкѣ по каналу, вырытому еще Медицейскими великими герцогами и соединяющему въ самой Низъ рѣку Арно съ моремъ въ Ливорнѣ *).

Экскурція эта съ моею матерью въ Пизу и Ливорно была первою съ тѣхъ поръ какъ я считался совершеннымъ мужчиною, и мать моя съ гордостію почти смотрѣла на меня, какъ бы на защитника въ случаѣ нужды, и это обстоятельство не могло не льстить мнѣ. Не выѣзжали мы еще изъ Ливорно, какъ прискакалъ къ намъ нарочный изъ Флоренціи съ тревожнымъ извѣстіемъ, что отецъ мой сильно заболѣлъ. Въ переполохѣ мы поспѣшили нашимъ отъѣздомъ и, благодаря Бога, нашли нашего отца уже не въ опасномъ положеніи: съ нимъ случались

*) Раннею весною 1863 года, по этому самому каналу повезли въ Ливорно, со всѣми возможными почестями, на баркѣ украшенной знаменами „Свободной и возсоединенной Италіи“, больнаго Гарибальди, лѣчившагося въ Пизѣ отъ раны въ ногѣ, полученной въ сраженіи съ Папскимъ войскомъ при Аспромонте. Овацію эту устроили на свой счетъ Ливорнскіе „баркароли“, то есть хозяева лодокъ.

пароксизмы удушья, но онъ вскорѣ настолько оправился, что мы всѣ переѣхали въ Ливорно.

Неподалеку онъ насъ нанялъ виллу поэтъ и дипломатъ Ламартинъ съ своимъ семействомъ, и наши кавалькады втроемъ (т. е. съ сестрою Елисаветою) снова возобновились. Британка и красноносая подруга Французскаго стихотворца была достойная вполнѣ особа, но прескучная въ обществѣ и навряд-ли могла вдохновлять своего супруга, который въ описываемое время уже былъ озабоченъ выборами въ своемъ департаментѣ, чтобы попасть представителемъ какого-то города въ Парижскую палату депутатовъ.

Оставляю на время всѣхъ насъ, въ томъ числѣ и себя, купающимися въ Средиземныхъ синихъ волнахъ, чтобы посмотрѣть, что дѣлалъ въ это время мой братъ. Во время коронаціи Николая Павловича (1826 года) и, вѣроятно, по торжественному этому случаю, Петербургскія вліятельныя пріятельницы моего брата (онъ былъ общимъ фаворитомъ въ тамошнемъ обществѣ) выхлопотали ему, и даже чуть-ли безъ его вѣдома, камергерскій ключъ, хотя онъ былъ только надворнымъ совѣтникомъ и не былъ никогда камеръ-юнкеромъ. Если память моя вѣрна, придворное это званіе исходатайствовала ему графиня Нессельроде, сестра Елены Дмитріевны Сверчковой. Братъ мой все еще считался при Римской нашей миссіи, хотя, быть можетъ, сверхкомплектнымъ, и пользовался продолжительнымъ отпускомъ. Лѣтомъ этого года родилась въ Таганчѣ вторая его дочь графиня Маріанна Петровна, окрещенная, какъ и ея старшая сестра, Римско-католическимъ священникомъ.

На коронаціи государя Николая Павловича находился въ свитѣ Сардинскаго посла маркизъ Клавдій Соммарива д'Эксъ. Быть можетъ, многое изъ видѣннаго имъ въ Россіи пришлось ему по нраву и по сердцу и, возвратившись въ Италію, онъ вспомнилъ о моей сестрѣ, поразившей его пять лѣтъ передъ тѣмъ своею красотою. Не помню въ точности времени, когда онъ сдѣлалъ ей предложеніе; но это было послѣ моего вступленія въ военную службу, а свадьба сестры была уже въ началѣ 1829 года. Позднѣе мнѣ разсказывали, что маркизъ Клавдій обратилъ на себя всеобщее вниманіе на маневрахъ во время коронаціи Государя по слѣдующему случаю. Какой-то офицеръ или генералъ упалъ съ лошади, которая ускакала, при видѣ чего маркизъ пустился въ догонку за ней, поймалъ ее на всемъ скаку и привелъ къ сѣдоку. Подобный маневръ не пришелъ бы въ голову никому изъ нашей братіи кавалеристовъ; впрочемъ, едва-ли былъ онъ возможнымъ при педантскомъ милитаризмѣ 30-хъ годовъ, не существовавшемъ во Французскихъ и Сардинскихъ войскахъ: у нихъ люди были не куклы, а развязные солдаты.

Говоря о коронаціи Государя, сообщу кстати анекдотъ о лордѣ Девонширѣ, Великобританскомъ чрезвычайномъ послѣ и чуть-ли не первомъ богачѣ во всей Англіи. Насупротивъ нанимаемаго имъ въ Москвѣ громаднаго дома Шепелева (Баташевыхъ), на Вшивой Горкѣ, была кузница, сильно раздражавшая нервы Британскому вельможѣ безпрерывною стукотнею и, дабы избавиться отъ этого, онъ послалъ спросить у хозяина кузницы, во что онъ оцѣниваетъ свое заведеніе, квартиру, переѣздъ на другое мѣсто подальше и выручку за все время пребыванія посла въ Москвѣ. Ремесленникъ не захотѣлъ, конечно, класть охульи на руку при столь неожиданной оказіи и заломилъ какую-то баснословную цѣну, которую Англійскій милліонеръ, не торгуясь, сейчасъ же выплатилъ ему, и на слѣдующее утро слѣда уже не было этой кузницы *).

Описывая тогдашнюю свѣтскую мою жизнь во Флоренціи, я забылъ упомянуть, что я часто встрѣчалъ въ театрѣ старшаго сына графа Сенъ-Лё, иначе Людовика Бонапарте. Молодаго этого человѣка звали Наполеономъ, какъ и старшаго его брата, нынѣ Французскаго императора. Судя по портретамъ послѣдняго, меньшой его братъ, мой знакомый, былъ гораздо красивѣе его. Онъ очень ухаживалъ въ то время за дебютанткою-красавицею Гризи. Хотя я часто разговаривалъ съ нимъ въ театрѣ и на улицѣ, но этимъ только и ограничилось наше знакомство. Пріятель и товарищъ мой, когда я пустился въ Флорентійскій большой свѣтъ, новый библіотекарь моего отца Французъ г. Алле (замѣнившій прежняго г. Одёна, mr. Audain, который открылъ книжный магазинъ), такъ и вперитъ, бывало, глаза въ этого молодаго представителя поклоняемой имъ Наполеоновской династіи, за что бывали не разъ препія между нимъ и моею матерью, горячею, какъ я уже говорилъ, легитимисткою. Лѣтомъ 1826 года молодой принцъ Наполеонъ Сенъ-Лё женился на куда некрасивой и вдобавокъ горбатой своей кузинѣ принцессѣ Шарлоттѣ, дочери Іосифа Бонапарте, бывшаго сперва Неаполитанскимъ, а потомъ Испанскимъ королемъ. Послѣ паденія первой имперіи Іосифъ Бонапартъ принялъ фамилію графа Сюрвилье и поселился во Флоренціи. Однажды, во время этого лѣтняго нашего пребыванія въ Ливорно, мимо меня промчался въ коляскѣ молодой Наполеонъ Сенъ-Лё съ неказистою своею молодою супругою, и мнѣ померещилось, что когда онъ поклонился мнѣ, было какое-то грустное выраженіе на его лицѣ. Въ 1831 году онъ участвовалъ съ своимъ нынѣ царствующимъ братомъ въ революціонныхъ смутахъ въ Романіи (въ

*) Я слышалъ, что этотъ лордъ Девонширъ имѣлъ въ одномъ изъ своихъ помѣстій оранжерею такихъ размѣровъ, что разъѣзжалъ по ней въ экипажѣ по устроенной дорожкѣ.

средней Италіи), которыя были подавлены вмѣшавшеюся въ дѣло Австріею.

Старшая моя сестра Марія Дмитріевна Дини и ея мужъ провели также лѣто на виллѣ близъ Ливорно для морскихъ купаній. Разъ, зять мой предложилъ мнѣ и библіотекарю моего отца г. Аллѐ морскую экскурсію на островъ Горгону, верстахъ въ 25 отъ Ливорно. Мы наняли обыкновенную лодку съ холстиннымъ верхомъ и съ однимъ гребцомъ для катанія по гавани «около мола», запаслись немного провизіей и съ распущеннымъ парусомъ отплыли по попутному, но не сильному вѣтру. Утро было великолѣпное, море только слегка колыхалось, и часа черезъ три мы вышли на берегъ этого почти необитаемаго острова, представляющаго собою одну сплошную гористую каменную груду, имѣющую всего отъ 6 до 8 верстъ въ окружности. Ничего похожаго на селеніе тамъ нѣтъ, а отдѣльно разбросано нѣсколько рыбачьихъ хижинъ и небольшой военный постъ для надзора, вѣроятно, за контрабандистами. Объ островѣ Горгонѣ и о сосѣднемъ ему Капраіи (немного подальше и длиннѣе перваго), упоминаетъ уже пѣвецъ «Божественной Комедіи», у котораго кончается одна изъ главъ «Ада» заклинаніемъ обоихъ этихъ острововъ возстать и заодно съ рѣкою Арно, отброшенною вспять противъ теченія, ринуться и затопить Пизу съ ея нечестивцами за звѣрское умерщвленіе голодомъ графа Уголино съ сыновьями. Отдохнувъ тамъ нѣсколько часовъ, мы подъ вечеръ собрались въ обратный путь, въ надеждѣ достичь Ливорно много до полуночи; но случилось иначе. Вѣтеръ совершенно стихъ, и всѣмъ намъ троимъ пассажирамъ пришлось грести поочередно, потому что единственный нашъ «баркаролъ» утомился. Гребли мы всю ночь, выбились изъ силъ, и разсвѣтъ засталъ насъ не болѣе какъ на полупути, а тишь все продолжалась, и не было возможности прибѣгнуть къ пособію паруса. Жутко стало намъ; опять налегли на весла, и опять выбились изъ силъ. Солнце уже перешло за полдень, мы проголодались, а остатковъ провизіи отъ прошедшаго дня не оказалось. Если бы мимо насъ прошло тогда какое нибудь судно, то я непремѣнно бы, какъ новый Робинсонъ, началъ дѣлать всѣвозможные знаки, чтобы насъ приняли на борть; но какъ нарочно ничего спасительнаго въ этомъ родѣ не было видно на горизонтѣ. Наконецъ, только къ закату солнца мы достигли гавани, утомленные до нѣльзя. Еще счастіе, что наша экспедиція такъ дешево обошлась, а будь буря...

Французская молодежь принадлежала къ партіи горячихъ бонапартистовъ; это была реакція и протестъ противъ ретроградной политики и ультра-клерикальнаго направленія Карла X, и къ этой партіи принадлежалъ нашъ молодой библіотекарь. Хотя его политическія

убѣжденія расходились съ воззрѣніями нашей матери. но. тѣмъ не менѣе, онъ питалъ къ ней преданность и сдѣлался совершенно членомъ нашего семейства. Мать наша имѣла искони привычку каждодневно, послѣ утренняго чая, посвящать часъ семейному чтенію «L'Évangile médité», очень хорошаго сочиненія патера Круазѣ [1]). Во время чтенія она вышивала по канвѣ, а лекторами были прежде одна изъ моихъ сестеръ или я; но въ описываемое здѣсь время обязанность эту мать моя возложила на послушнаго Французскаго библіотекаря, въ надеждѣ (какъ думаю) обратить его въ вѣрующаго человѣка, такъ какъ религіозныя его воззрѣнія клонились къ скептицизму. Не знаю, насколько мать моя достигла желаемаго ею, но почва была плодотворна, а натура нашего Француза мягкая и привязчивая. Дальнѣйшая его судьба была довольно печальна. Онъ возвратился во Францію. когда я уже опредѣлился въ службу, сошелъ съ ума и умеръ въ молодыхъ годахъ. Библіотекаремъ послѣ него и одновременно секретаремъ моего отца. былъ Французъ г. Флёларъ.

По окончаніи сезона морскихъ купаній мы возвратились во Флоренцію, куда пріѣхалъ на короткое время пенсіонеръ Петербургской Академіи Художествъ, г. Бруни (нынѣ профессоръ и директоръ отдѣленія картинъ и статуй Эрмитажа), котораго мои родители пригласили переѣхать жить къ намъ. Съ его пріѣздомъ раздалась въ нашемъ саду давно замолкшая Русская пѣсня. Запѣвалою былъ онъ, а подтягивали ему я и еще не помню кто, и напѣвы эти очень заинтересовали слушавшаго насъ остряка адвоката Коллини. По моей просьбѣ, Бруни набросалъ заглазно очеркъ прелестной молодой дѣвушки. нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ изъ жалости взятой моею матерью въ услуженіе, въ подмогу къ старшей ея камерфрау синьорѣ Джіанеттѣ (такъ честили крѣпостную нашу Анну Степановну). Дѣвушку эту звали Констанца.

До времени моего отъѣзда въ Россію (на этотъ разъ уже окончательнаго) оставался одинъ мѣсяцъ, и ничего особенно замѣчательнаго не случилось въ этотъ промежутокъ кромѣ того, что отецъ мой, какъ бы предчувствуя, что никогда болѣе не увидитъ меня, сдѣлался неимовѣрно ласковъ со мною, часто оставлялъ меня обѣдать вдвоемъ съ нимъ и очень потѣшался, видя мою склонность къ садоводству и что я старался помогать, въ чемъ могъ, главному его садовнику Банкасу, выписанному изъ Шамбери [2]). Содѣйствіе мое состояло въ томъ,

[1]) Въ родѣ нашего „Толковаго Евангелія“, но болѣе съ поучительнымъ и созерцательнымъ, нежели съ богословскимъ направленіемъ.

[2]) Послѣ смерти моего отца, мать моя разсталась съ Банкасомъ, какъ слишкомъ дорогимъ для ея двухъ садовъ, и онъ открылъ свое торговое заведеніе за городскими воротами „Porta al Prato“.

что Банкасъ и я отправлялись иногда вдвоемъ по окрестнымъ виллам и тамъ покупали для нашего сада какія нибудь цвѣточныя растенія, не имѣвшіяся у насъ, и даже однажды ѣздили съ этой цѣлью изъ Ливорно въ Пизу, въ тамошній ботаническій садъ. За нѣсколько еще лѣтъ до покупки моимъ отцомъ Флорентинскаго его палаццо, онъ выписалъ изъ Генуи довольно значительную коллекцію старыхъ померанцевыхъ и лимонныхъ деревьевъ въ кадкахъ (штукъ 40), которыя онъ самъ подстригалъ и доводилъ до правильныхъ кронъ, напоминавшихъ ему любимые его Бѣлкинскіе экземпляры тѣхъ же породъ, о чемъ онъ не разъ и говаривалъ. До пріобрѣтенія нашего дома коллекція эта зимовала въ залахъ виллы Пальміери, остававшейся за нами и лѣтомъ, и по зимамъ. Потѣшало также моего отца и то, что я молодымъ и полутеноровымъ голосомъ вторилъ ему, когда онъ запѣвалъ старые свои Итальянскіе оперные дуэты, которые и мнѣ были знакомы по музыкальнымъ преданіямъ. Хотя у него былъ уже тогда голосъ дребезжащій, но интонація была удивительно какъ вѣрна. Новую Россиніеву школу съ ея вѣчными руладами онъ не одобрялъ, и это понятно: насчетъ вкуса и модъ мы всѣ, по мѣрѣ того что̀ старѣемъ, предпочитаемъ то, что̀ было въ общемъ употребленіи во время нашей молодости, но такъ какъ ни вкусъ, ни мода, не входятъ въ область положительной науки (потому что они вещи условныя), то предпочтеніе подобное тому, какое оказывалъ мой отецъ композиторамъ его эпохи (Чимарозѣ, Паэзіелло и Цингарелли) не заслуживаетъ вполнѣ нареканія ретрограда. Вѣдь и Россиніева школа совершенно измѣнилась въ свою очередь и въ настоящее время сдѣлалась довольно затруднительною для нынѣшнихъ пѣвцовъ*). Привожу еще одинъ послѣдній примѣръ многосторонних способностей моего отца, даже въ бездѣлицахъ. Однажды я ему расхвалилъ фокусника-Нѣмца, дававшаго представленія въ маленькомъ театрѣ на піацца «Веккія». Это до того заинтересовало моего отца (который съ самаго пріѣзда во Флоренцію до его кончины ни разу не былъ ни въ одномъ театрѣ), что онъ пожелалъ видѣть у себя этого мага, и я, познакомившись съ нимъ, привелъ его къ намъ. Отецъ принялъ его болѣе чѣмъ привѣтливо, и какъ своего пани-брата по ремеслу: онъ проэкзаменовалъ Нѣмца и пустился съ нимъ въ такія подробности, что нашъ магъ такъ и остолбенѣлъ отъ глубокихъ свѣдѣній сіятельнаго его собрата въ экспериментальной физикѣ и бѣлой магіи.

---

*) Венеціанецъ графъ Чиконіара, большой знатокъ во всякомъ искусствѣ, говаривалъ съ нѣкоторымъ основаніемъ о Россини, что до этого композитора старались, чтобы инструменты подражали голосу, а онъ, наоборотъ, заставляетъ голоса подражать инструментамъ.

Въ Октябрѣ этого года я вторично разстался съ моими родителями, и сопровождавшій меня г. Слоанъ былъ на этотъ разъ не наставникомъ, а уже совершенно моимъ компаніономъ. Костромичъ Дмитрій остался вторымъ камердинеромъ при моемъ отцѣ (кромѣ него при немъ былъ изъ Русской прислуги хохолъ Ѳедоръ Красный). Новое это званіе было немалымъ повышеніемъ для Дмитрія, бывшаго въ Россіи истопникомъ на дѣтской половинѣ и случайно попавшаго за границу по настоятельнымъ просьбамъ четырехлѣтней моей сестры Елены, не хотѣвшей разстаться съ нимъ. Вмѣсто него мы взяли съ собою бывшаго прежде курьеромъ, Римлянина Николая Біонди, потѣшавшаго меня своими разсказами, какъ онъ, еще мальчикомъ, находился при конюшнѣ Суворова, во время славной Итальянской кампаніи.

Почтенный и всегда любезный старикъ, графъ (и сенаторъ) Огинскій, нерѣдко бывавшій у насъ, узнавъ, что я поступаю въ военную службу, сказалъ мнѣ: «Обыкновенно случается, что «arma cedant togae» *), а у насъ, любезный графъ, выходитъ на оборотъ. (Онъ считалъ статскою службою мое временное нахожденіе при графѣ М. С. Воронцовѣ).

Не предчувствовалъ я тогда, что мнѣ не суждено было болѣе увидѣться съ моимъ отцомъ. Онъ умеръ во время моего возвращенія съ полкомъ въ Россію, по окончаніи Турецкой кампаніи 1829 года, не получая долго никакихъ извѣстій обо мнѣ. Въ числѣ многихъ моихъ пороковъ была безпечность въ перепискѣ съ родными, чѣмъ я много ихъ огорчалъ. Представляю себѣ, какое безпокойство я этимъ причинилъ отцу въ послѣдніе дни жизни его. Мать моя разсказывала мнѣ впослѣдствіи, что въ ночь передъ Кулевчинской битвою (12 Мая 1829 года), въ которой я выслужилъ свои офицерскіе эполеты, ей все снились змѣи, животныя ненавистныя ей, и что она терзалась предчувствіемъ опасности, которой я подвергался. И не даромъ говаривала она, что дѣти *не знаютъ*, насколько они любимы родителями: истина неоспоримая. Въ этомъ отношеніи дѣти бываютъ неблагодарны (хотя бы и безсознательно) и только узнаютъ цѣну и силу родительской любви, когда у нихъ самихъ будутъ дѣти. Я сказалъ, что дѣти неблагодарны; скажу болѣе, и равнодушны, какъ я былъ, когда вечеромъ того дня, въ которомъ я утромъ прощался съ родителями, проѣзжая черезъ г. Лукку, я прискалъ къ г. Слоану съ просьбою остановиться тамъ на нѣсколько часовъ, чтобы побывать въ оперѣ, гдѣ пѣлъ тогда знаменитый теноръ Давидъ, и только по его настоянію и дѣльнымъ

*) Воинскіе доспѣхи уступаютъ мѣсто гражданскому одѣянію.

упрекамъ въ равнодушіи къ моимъ родителямъ я отказался, да и то, кажется, нехотя, отъ моего намѣренія.

Мы избрали на этотъ разъ путь на незнакомые намъ города, Геную, Миланъ, Инспрукъ, Мюнхенъ, Регенсбургъ и Прагу. Оттуда мы спустились на знакомые намъ Львовъ, Броды, Радзивиловъ, Кіевъ и Таганчу, гдѣ насъ ожидалъ братъ мой. Въ огромномъ Миланскомъ театрѣ «Ла-Скала» (второмъ по величинѣ послѣ Неаполитанскаго Санъ-Карло), давали тогда оперу Чимарозы «Il matrimonio segretto» (Тайный бракъ).

Въ Мюнхенѣ, прозванномъ Нѣмецкими Аѳинами, мы остановились на три или четыре дня. Баварскій король Людовикъ, не сбившійся еще съ панталыку отъ чаръ танцовщицы Лолла-Монтезъ, былъ щедрымъ и просвѣщеннымъ покровителемъ художествъ: онъ закупалъ статуи и картины и обстроивалъ свою столицу великолѣпными зданіями въ Итальянскомъ средневѣковомъ стилѣ, а придворную свою церковь въ Византійскомъ. Художественные музеи подъ именемъ Глиптотеки и Пинакотеки построены были архитекторомъ барономъ Кленцемъ, тѣмъ самымъ, котораго предпочли всѣмъ нашимъ отечественнымъ архитекторамъ при перестройкѣ въ 40-хъ годахъ Императорскаго Эрмитажа. Баварскій коронованный меценатъ напоминалъ немного Медицейскаго принца Лоренца, прозваннаго «il magnifico», и былъ весьма популяренъ. Замѣчательна весьма была также галлерея въ Мюнхенскомъ дворцѣ принца Евгенія Лейхтенбергскаго. При посѣщеніи, тому лѣтъ восемь, Петербургскаго Лейхтенбергскаго дворца, я не нашелъ тамъ извѣстной статуи Кановы, кающейся Магдалины*), одного изъ лучшихъ его произведеній и которое я очень хорошо помню въ Мюнхенѣ.

Въ Регенсбургѣ г. Слоанъ купилъ для меня пару щегольской отдѣлки пистолетовъ съ пистонами (устройство тогда бывшее еще новизною), въ самой мастерской Кухенрейтера, сына или внука славившагося когда-то оружейника той фамиліи; они мнѣ пригодились, но въ орнаментальномъ только отношеніи, въ Турецкой кампаніи. Въ Прагѣ онъ же купилъ для меня довольно неудачно двуствольное ружье, первое, которое я имѣлъ въ этомъ родѣ; но по пріѣздѣ въ Таганчу, его разорвало на первыхъ порахъ его употребленія, недалеко отъ камеры, не причинивъ мнѣ однако вреда. Во Львовѣ мы навѣстили девяностолѣтнюю безъ малаго старуху Понятовскую, мать тестя моего брата,

*) Не мѣшаетъ замѣтить, что Римская церковь, по какимъ-то преданіямъ, неизвѣстнымъ нашей восточной церкви, смѣшиваетъ блудницу, которая пала къ ногамъ Спасителя въ домѣ мытаря, съ Маріею, сестрою Лазаря, и даже бездоказательно называетъ послѣднюю Маріею Магдалиною.

Осипа Игнатьевича; она была живая не по лѣтамъ, звала своего сына Юзя (по нашему Ося), побранивая его, что онъ взялъ привычку держаться сгорбившимся, тогда какъ сама держалась прямо, какъ стрѣлка. При ней былъ домашнимъ человѣкомъ старый Французскій эмигрантъ аббатъ Пармантье, должность котораго состояла въ кормленіи любимаго ея попугая. Поляки звали ее «пани маршалкова». Изъ двухъ ея дочерей, г-жъ Кобелецкой и Сѣраковской, послѣдняя гостила при мнѣ у своего брата въ Таганчѣ, съ мужемъ, красивымъ въ полномъ смыслѣ старикомъ и очень пріятнымъ въ обществѣ.

Въ Таганчѣ мы застали въ медовомъ мѣсяцѣ женитьбы Евгенія Осиповича Понятовскаго. Жена его, урожденная Коссаковская, была сестра секретаря при Римской нашей миссіи. Она была очень нехороша собою, далеко не умна, не богата и имѣла много странностей; единственною отличительностію въ ней былъ прекрасный голосъ. Трудно допустить, чтобы послѣднимъ только могъ плѣниться человѣкъ, подобный Евгенію Осиповичу, изящный въ манерахъ, утонченно образованный, лингвистъ и изъ себя молодчина. Этотъ бракъ принадлежалъ къ числу многихъ, подобныхъ ему, необъяснимыхъ; онъ имѣлъ самыя жалкія послѣдствія: Евгеній Осиповичъ вскорѣ разъѣхался съ полупомѣшанною своею женою.

Въ Таганчѣ я пристрастился къ охотѣ, но ничего не убивалъ кромѣ мелкихъ птичекъ не изъ числа дичи. Отмѣчу здѣсь весьма рѣдкую вещь. У молодыхъ Понятовскихъ былъ тогда взрослый волкъ, до того ручной, что онъ проводилъ большую часть дня у насъ въ комнатѣ. Когда же я принимался пѣть, акомпанируя себѣ гитарою, то волкъ начиналъ ходить вокругъ меня и завывать; а перестану пѣть, и онъ перестанетъ выть. На слѣдующій годъ въ немъ оказались признаки бѣшенства; да и безъ того онъ тайкомъ повадился отправляться по ночамъ за домашнею птицею дворовыхъ людей и крестьянскихъ сосѣднихъ хатъ, и его тотчасъ убили.

Въ промежуткѣ времени послѣдняго моего пребыванія у родителей, князь А. Г. Щербатовъ, подъ эгидою котораго я долженъ былъ поступить на службу, переведенъ былъ командиромъ 2-го пѣхотнаго корпуса вмѣсто князя Горчакова, а корпусная его квартира была назначена сперва въ Смоленскѣ, но вслѣдъ затѣмъ переведена въ Москву. Въ составъ этого корпуса входила 2-я гусарская дивизія, и рѣшено было опредѣлиться мнѣ въ нее, что̀ еще болѣе было мнѣ по вкусу, чѣмъ быть драгуномъ. Прямо въ гвардію я не попалъ, по нежеланію моему поступить во вновь учрежденное-училище гвардейскихъ подпрапорщи-

ковъ, о которомъ всѣ мы, и даже, кажется, мои родители, имѣли самыя смутныя понятія, а самому мнѣ казалось вдобавокъ унизительнымъ поступить въ школу почти 20-ти лѣтъ отъ роду. Теперь вижу, что это было величайшею ошибкой, подѣйствовавшею, быть-можетъ, на всю мою будущность. Тутъ же поневолѣ вспомнишь, что, живи мое семейство въ Россіи, а не на чужбинѣ, я иначе бы повелъ себя, и служба моя иначе бы пошла.

Изъ Таганчи г. Слоанъ отправился одинъ на короткое время въ Одессу, чтобы распорядиться оставшимися тамъ нашими пожитками; но послѣ Одесскихъ моихъ невзгодъ я предпочелъ оставаться въ Таганчѣ, гдѣ меня любили и особливо старикъ Понятовскій, говорившій обо мнѣ: «Михалко—добрый хлопецъ».

По зимнему пути братъ мой отправился съ нами въ Москву. У насъ было двое Итальянскихъ камердинеровъ: нашъ Николо́ Біонди и братнинъ Джіованни Наоли. Оба они немало потѣшали насъ своимъ удивленіемъ всего видѣннаго ими въ Россіи; напримѣръ, не могли они понять, отчего въ ясный зимній день морозъ доходитъ до 20 градусовъ, тогда какъ солнце ярко сіяетъ во весь день. «Страшное, говорилъ Наоли, здѣшнее солнце: сіяетъ во весь день, а не грѣетъ». Я разъ подарилъ своему Біонди 5-ти р. бумажку (въ то время темносинюю); онъ взялъ ее и все вертѣлъ въ рукахъ, долго не вѣря, что она могла быть тѣмъ же, что̀ звонкая монета. А до упомянутаго Наоли у моего брата былъ камердинеромъ въ Римѣ Тосканецъ Санти, весьма простодушный. Замѣтивъ, что его баринъ нерѣдко возвращался съ прогулки, неся обломки камней и мраморовъ, подобранныхъ между древними развалинами, онъ полюбопытствовалъ узнать отъ моего брата, какую особенную важность онъ имъ придаетъ, и на объясненіе, что цѣнность ихъ состоитъ въ древности зданій, къ которымъ они принадлежали, Итальянецъ нашъ сдѣлалъ замѣчаніе, что, по его умозрѣнію, всѣ камни суть одинаковой древности: ибо, когда Богъ сотворилъ міръ, Онъ въ тоже время создалъ и камни; выводъ, конечно, логичный.

Хотя трактъ нашъ былъ большой почтовый, на Кіевъ, Нѣжинъ, Глуховъ, Батуринъ, Орелъ, Болховъ, Бѣлевъ, Козельскъ и Калугу (откуда мы свернули побывать въ Бѣлкинѣ), но гостинницы существовали въ то время только въ губернскихъ городахъ, за рѣдкими исключеніями, какъ напримѣръ, въ Нѣжинѣ, гдѣ находился чистенькій постоялый дворъ со сносною кухнею, и въ Батуринѣ, уже не знаю по какому случаю, порядочная гостинница со столомъ. Мы останавлива-

лись иногда для ночлега въ деревенскихъ избахъ, набитыхъ, какъ бываетъ въ зимнее время, кромѣ хозяевъ, овцами и телятами. Это было диковинное зрѣлище для обоихъ нашихъ Итальянцевъ. Стужа стояла особенно суровая, и мы одно время ѣхали проселками по направленію къ Тагину, думая застать тамъ Чернышовыхъ. Предвидя неудобство ночлеговъ безъ кроватей, братъ мой и г. Слоанъ запаслись *гамаками*; это парусинный мѣшокъ, въ общемъ употребленіи у моряковъ, открытый во всю длину, оба конца котораго прикрѣпляются веревками къ двумъ костылямъ вбитымъ въ стѣну. Когда мы останавливались на ночь, то процедура развѣшиванія этихъ гамаковъ была предметомъ всеобщаго любопытства. Я разъ только попробовалъ влѣзть въ эту воздушную кровать, но она мнѣ показалась крайне неловкою, да и сверхъ сего, при малѣйшемъ тѣлодвиженіи, ложе это подвергалось непріятному ощущенію качки, и я предпочиталъ спать на лавкѣ или на постланномъ на полу сѣнѣ, жертвуя своею плотію всякаго рода насѣкомымъ.

Въ полу-греческомъ Нѣжинѣ ходили мы всѣ трое къ обѣднѣ въ соборъ. Бывшій же мой Англинскій воспитатель держался правилъ вѣротерпимости; онъ часто (въ бытность его со мною въ Бѣлкинѣ) бывалъ въ нашихъ храмахъ по воскреснымъ днямъ и не изъ общаго любопытства, но углублялся въ молитвѣ и не становился на колѣняхъ по обычаю его церкви, дабы не казаться страннымъ нашему люду. Въ Нѣжинскомъ соборѣ служили по-гречески, и такъ какъ я научился порядочному числу Греческихъ молитвъ и напѣвовъ въ Ливорнской церкви и отъ служенія отца Іоахима въ нашей Флорентинской домовой церкви, то я сталъ усердно подтягивать клиросному пѣнію и привелъ тамошнихъ гражданъ въ недоумѣніе, какой молъ появился новый Греческій господинъ? Сознаюсь, что произведенное мною впечатлѣніе меня забавляло.

Въ Москву мы пріѣхали, насколько помнится, передъ 1-мъ Января 1827 года и первоначально остановились въ гостинницѣ Шора, на углу Кузнецкаго моста и Петровки, тамъ, гдѣ нынѣ гостинница «Россія»; но мы скоро оттуда переѣхали въ меблированныя комнаты, содержимыя Француженкою, въ домѣ зубного врача Жоли, на самомъ углу Рождественки и Трубной площади. Какъ второй отецъ, безцѣнный мой братъ пришялся хлопотать о полученіи бумагъ, нужныхъ для поступленія моего на службу. Попеченіе его обо мнѣ продолжалось во всю его жизнь, вдали какъ вблизи, о чемъ видно будетъ въ дальнѣйшихъ моихъ разсказахъ. Онъ оставлялъ слѣды своей благотворительности вездѣ, гдѣ проживалъ, очень часто въ тайнѣ, принадлежа къ

разряду тѣхъ рѣдкихъ людей, о которыхъ говоритъ Шекспиръ въ Гамлетѣ: «and take him all in all, I shall never see the like of him again» *).

Москва, которую я едва помнилъ, обманула мои ожиданія и не показалась мнѣ заслуживающею названія столицы, такъ какъ въ то время незастроенныхъ пустырей было еще много, даже въ центрѣ города, иныя зданія стояли въ развалинахъ со времени пожара 1812 года, да и сплошныхъ строеній на главныхъ даже улицахъ почти не было: дома стояли отдѣльно другъ отъ друга и обыкновенно не выше двухъ этажей; рядомъ съ барскими хоромами тянулись по обѣимъ сторонамъ ряды одноэтажныхъ каменныхъ и деревянныхъ лачужекъ, а между ними были деревянные заборы, крашеные охрою. Кромѣ Кремлевскихъ стѣнъ и Сухаревой башни, историческихъ древностей не встрѣчалось нигдѣ моему взору. Касательно же Кремлевскихъ соборовъ, Ивановской колокольни и многихъ городскихъ пятиглавыхъ церквей, то хотя полу-мавританская ихъ архитектура и обличала въ нихъ почтенную довольно древность, но меня, какъ западнаго художника-аматёра, возмущалъ вандализмъ частаго ихъ возобновленія свѣжею штукатуркою, скрывавшею бѣлый камень ихъ постройки и уничтожавшею весь отпечатокъ старины; но паче всего казалось мнѣ отвратительнымъ до нельзя безвкусное раскрашиваніе этихъ церквей во всѣ возможные радужные колера, на что́ я и по сю пору не могу смотрѣть равнодушно. Одно лишь пріятно меня поразило: это былъ только-что выстроенный архитекторомъ Бовё новый большой театръ. Подобнаго по его громадности и внѣшней отдѣлкѣ зданія я дѣйствительно нигдѣ не видалъ, ни въ Италіи, ни въ Германіи. Изъ оконъ нашей квартиры въ домѣ Жоли посматривалъ я съ презрѣніемъ на единственный въ то время Московскій фонтанъ, очень не казистый, вытекавшій въ каменный бассейнъ изъ-подъ самой горы Рождественскаго бульвара, и билъ онъ очень неспльно. Хотя съ позднѣйшимъ устройствомъ многихъ другихъ фонтановъ Мытищинской воды въ несравненно лучшемъ видѣ, этотъ водяной прототипъ потерялъ свое значеніе и недавно окончательно изсякъ, но теперь мнѣ его жаль, какъ историческій отчасти памятникъ. Я слышалъ, что онъ устроенъ былъ въ первой половинѣ XVIII вѣка инженеромъ и фельдмаршаломъ графомъ Минихомъ.

Радостна и печальна была моя встрѣча съ Чернышовыми. Мы ежедневно у нихъ обѣдали и проводили большую часть времени. Они тогда жили въ домѣ Тургенева, на Самотечной Садовой, на углу пер-

*) Подобнаго ему я никогда болѣе не увижу никого.

ваго Спасскаго переулка, ведущаго къ Каретному ряду. Домъ этотъ сохранилъ и понынѣ первоначальную свою послѣ-пожарную архитектуру Александровской эпохи, съ мнѳологическими лѣпными фигурами и эмблемами на фасадѣ, и я никогда равнодушно мимо его не проѣзжаю. О, какъ горестно было смотрѣть на это столь недавно еще счастливое семейство Чернышовыхъ! Графиня Елисавета Петровна была разбита параличемъ въ обѣ ноги и въ правую руку. Въ первое время послѣ ареста въ Тагинскомъ ея домѣ сына и зятя, она лишилась языка; но когда мы пріѣхали въ Москву, это уже прошло, хотя и не совсѣмъ. Александра Григорьевна Муравьева жила въ Петербургѣ, въ ожиданіи рѣшенія судьбы обожаемаго мужа: когда же онъ отправленъ былъ въ Сибирь, то она при мнѣ прискакала къ матери на одну только ночь (которую, это я хорошо помню, она провела лежа на полу, рядомъ съ материнской кроватью), и поспѣшила догнать мужа на этапѣ по Ярославской или Владимирской дорогѣ. Если не ошибаюсь, Никиту Михайловича Муравьева не вели по пересылочной пѣшей командѣ, но его везъ жандармскій офицеръ. Тайкомъ отъ всѣхъ, съ Александрою Григорьевною поѣхали до Ярославля сестры ея, графини Софія, Наталья и Вѣра Григорьевны для свиданія и прощанія съ нхъ братомъ и зятемъ. Безъ мужчины неловко было имъ ѣхать, и потому въ этой печальной поѣздкѣ ихъ сопровождалъ г. Слоанъ, принятый уже въ этой семьѣ, по рекомендаціи моей матери, какъ свой человѣкъ. Одной гр. Елисаветѣ Григорьевнѣ пришлось отказаться отъ этого утѣшенія: надо-же было кому нибудь оставаться дома при убитыхъ горемъ старикахъ-родителяхъ. Отмѣчу заранѣе, что героиня Александра Григорьевна никогда болѣе не возвратилась въ Россію и умерла въ Сибири, а мужъ ея вторично женился въ ссылкѣ, на комъ, не помню.

Молодыя графини Чернышовы любили не только своего зятя Никиту Михайловича, но и раздѣлившаго его участь брата его Александра Михайловича Муравьева. Всѣ онѣ, нечего грѣха таить, за исключеніемъ 13-ти лѣтней гр. Надежды Григорьевны, занятой уроками съ ея гувернанткою мисс Девисъ, были тогда въ экзальтированномъ настроеніи духа, не исключая и степенной графини Софіи Григорьевны, которой уже было подъ тридцать лѣтъ: онѣ смотрѣли на опозоренныхъ брата и зятя, какъ на жертвы самодержавнаго произвола, и сочувствовали, безъ трезваго анализа, идеямъ, цѣлью которыхъ было, какъ онѣ воображали, благо отечества. Когда пылъ этотъ немного охладѣлъ, то милыя мои кузинушки обратили свой энтузіазмъ на лорда Байрона, съ сочиненіями котораго ихъ познакомилъ впервыя г. Слоанъ (всѣ онѣ отлично знали по-англійски). Объ этомъ поклоненіи Британскому Барду

Александръ Дмитріевичъ Чертковъ (будучи уже мужемъ графини Елисаветы Григорьевны) говаривалъ, что у добрыхъ-де людей виситъ въ изголовьи икона, а у графинь Чернышовыхъ портретъ лорда Байрона. Экзальтированное настроеніе этихъ молодыхъ натуръ весьма извинительно; надо принять въ соображеніе, что онѣ были предоставлены самимъ себѣ: мать лежала въ параличѣ въ своей спальнѣ, а растерявшійся отъ совокупности моральныхъ потрясеній отецъ бродилъ по дому, едва замѣчая, что происходило вокругъ его. Ходитъ, бывало, онъ задумчивый и молчаливый, нигдѣ долго не засиживаясь; взойдетъ на минуту къ больной женѣ, а оттуда присядетъ къ фортепіанамъ въ залѣ, возьметъ три-четыре меланхолическихъ акорда, соскочитъ со стула, поцѣлуетъ въ голову какую-нибудь изъ находившихся вблизи, плачущихъ при видѣ отца дочерей, и снова убѣжитъ на свою половину, гдѣ проводилъ большую часть дня, выходя лишь къ семейному обѣду. Вмѣстѣ съ этимъ онъ впадалъ въ дѣтское почти умосостояніе и занимался (какъ мнѣ разсказывали постороннія лица) составленіемъ коллекціи чубуковъ съ янтарными мундштуками. Нечего и говорить, что въ этомъ состояніи онъ былъ неспособенъ ни къ какимъ серіознымъ, ни даже хозяйственнымъ занятіямъ, и всѣмъ домомъ и имѣніями завѣдывалъ старый его и графининъ другъ и сосѣдъ по Орловскому имѣнію, Яковъ Ѳедоровичъ Скарятинъ. Помню, какъ однажды при мнѣ графиня Елисавета Григорьевна просила его о своей обувиі! Сердце замирало, глядя на это беззащитное и какъ бы осиротѣвшее прежде времени семейство.

Кончаю мрачную картину этой эпохи тѣмъ, что Государь Николай Павловичъ, годъ спустя, препроводилъ графу Григорію Ивановичу Чернышову (бывшему давно оберъ-шенкомъ) Александро-Невскую ленту. Годичный срокъ былъ предпочтенъ, вѣроятно, Государемъ болѣе поспѣшному, изъ деликатной осторожности, дабы эта царская милость, оказываемая человѣку ничѣмъ не отличавшемуся на службѣ, не показалась бы чѣмъ либо въ родѣ того, что онъ хотѣлъ этимъ «dorer la pillule». И вотъ тотъ царь, котораго иные обвиняютъ въ черствости! Нынѣ всѣмъ извѣстно, что и самый выборъ генерала Лепарскаго комендантомъ въ той мѣстности Сибири, гдѣ назначены были каторжныя работы для осужденныхъ декабристовъ, состоялся по извѣстнымъ императору человѣколюбивымъ склонностямъ этого почтеннаго человѣка.

(*Продолженіе будетъ*).

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА [1]).

IV.

(1824—1827).

Въ Москвѣ мы застали пріѣхавшаго туда на время двоюроднаго брата нашего, Петра Адріяновича Дивова, продолжавшаго числиться при Парижскомъ посольствѣ. Онъ стоялъ во Французскомъ отелѣ Оберъ-Шальмѐ, въ домѣ Эйнбродта, въ Глинищенскомъ переулкѣ. Парижская жизнь разстроила его состояніе; тамъ онъ, одно время, купилъ домъ или чуть-ли не два дома на Отёльскомъ шоссе (Chaussée d'Auteil), переданные имъ своей женѣ-Француженкѣ, съ которою онъ разъѣхался въ 30-ыхъ годахъ и до смерти своей (случившейся въ Декабрѣ 1856 года) болѣе не видался. Дѣтей никогда у нихъ не было.

Княгиня Зинаида Александровна Волконская перенесла тогда артистической престолъ свой изъ столицы древнихъ кесарей въ бывшій столичный градъ Русскихъ царей. Подъ сѣнью ея, въ занимаемомъ ею Бѣлосельскомъ огромномъ домѣ на Тверской, насупротивъ церкви Св. Димитрія-Солунскаго, осуществились давнишнія мои грезы, и я впервыя поступилъ на сцену въ роли Орбассана въ операѣ «Танкредъ», съ нею, съ родственницею ея графинею Риччи (урожденной Лунинѓой) примадонною [2]), и съ теноромъ г. Барбьери. Хоры были также изъ амато̀ровъ; въ нихъ участвовали братья князья Платонъ и Александръ Мещерскіе, братья Берсъ (оба впослѣдствіи медики), Англичанинъ Фей (впослѣдствіи нотаріусъ въ Москвѣ, застрѣлившійся въ 40-ыхъ годахъ). Въ подмогу имъ взяты были немногіе изъ хористовъ Московскаго театра. Директоромъ оркестра былъ талантливый Московскій музыкальный учитель и композиторъ Чехъ, г. Ешишта. Не ограничиваясь оперным̀ъ пѣніемъ, княгиня Волконская являлась и во Фран-

[1]) См. выше стр. 5.

[2]) Передано было мнѣ, что еще дѣвицею Луниною она, за отличіе въ пѣніи, коронована была въ Римскомъ Капитоліи, между 1814 и 1817 годами. Тамъ же вышла она замужъ за графа Риччи, красиваго мужчину безъ всякаго состоянія.

цузскихъ піесахъ: при мнѣ поставлены были на ея сценѣ Моліерова комедія le Bourgeois gentilhomme и еще другая какая-то піеса; въ нихъ играли изъ мужчинъ Французъ живописецъ г. Лагрене, профес. Московскаго университета г. Алларъ [1]) и г. Веневитиновъ (женившійся впослѣдствіи на дочери графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго).

Салонъ княгини Волконской былъ сборнымъ мѣстомъ художниковъ и литературныхъ знаменитостей. Изъ послѣднихъ у ней бывали Польскій поэтъ Мицкевичъ, князь Петръ Андр. Вяземскій и преждевременно похищенный смертію, много обѣщавшій поэтъ Веневитиновъ. Тамъ же я познакомился съ Андреемъ Николаевичемъ Муравьевымъ, тогда армейскимъ драгунскимъ молодымъ офицеромъ, относительно коего скажу кстати, что я виноватъ въ томъ, что долго питалъ предубѣжденіе къ искренности его благочестія. Впослѣдствіи, сблизившись съ нимъ, я убѣдился, что онъ былъ изъ числа глубоко вѣрующихъ, и что обвинять его въ лицемѣріи и честолюбіи совершенно неосновательно. Въ 1827 году онъ пописывалъ стишки и разъ, отломивъ *нечаянно* (упираю на это слово) руку у гипсоваго Аполлона на парадной лѣстницѣ Бѣлосельскаго дома, онъ тутъ же начертилъ какой-то акростихъ. Могу сказать, почти утвердительно, что А. С. Пушкина при томъ не было. Странно, что, бывши часто у княгини Волконской, я ни разу не встрѣчалъ тамъ Пушкина.

Слышно было, что графиня Риччи славилась когда-то пѣвицею перваго изъ аматёрокъ разряда; но въ мое время она была уже далеко не молода, и артистическая ея звѣзда померкла: голосъ, хотя еще обширный, высказывался визгливостію и былъ не всегда вѣрной интонаціи. Графъ Риччи, десятью, если не болѣе, годами моложе жены, былъ Флорентинецъ безъ всякаго состоянія. Пѣвалъ и онъ съ большимъ вкусомъ и методомъ, но басовый голосъ его былъ не ясенъ (voix voilée) и не силенъ, отъ чего нельзя было ему пускаться на сцену и на публичные концерты. Былъ онъ превосходный комнатный пѣвецъ, и особенно хорошо пѣвалъ Французскіе своего сочиненія романсы, тогда бывшіе въ ходу въ Москвѣ. Совѣтамъ и указаніямъ его обязана успѣхами на поприщѣ диллетантизма родственница его жены, Елисавета Алексѣевна Окулова, долго раздѣлявшая впослѣдствіи съ Прасковьею Арсеньевной Бартеневою первенство между Московскими пѣвицами [2]). Супруги Риччи жили до-

[1]) Сынъ г. Аллара сопровождалъ, въ качествѣ медика, князя Дмитрія Владимировича Голицына въ Парижъ въ 1843 году.

[2]) Окулова вышла за вдовца Алексѣя Николаевича Дьякова; она пѣвала съ большимъ еще успѣхомъ въ 1841 году.

вольно открыто въ своемъ домѣ у верхней части Тверскаго бульвара, на углу Ситниковскаго переулка и Бронной. Въ серединѣ 1827 г. они разъѣхались; графъ возвратился въ Италію, и о немъ болѣе я ничего не слыхалъ ни въ Россіи, ни въ Италіи, гдѣ я жилъ позднѣе. У нихъ я разъ встрѣтилъ Московскаго [1]) давнишняго обитателя, Итальянца г. Тончи, живописца и поэта, сохранившаго въ старости слѣды своей красоты и воодушевленныя рѣчи. Это была замѣчательная личность. Въ началѣ столѣтія онъ пріѣхалъ въ Юго-Западный край Россіи съ княземъ Станиславомъ Понятовскимъ (братомъ послѣдняго Польскаго короля) въ имѣніе князя, а оттуда перебрался въ Москву, гдѣ женился на княжнѣ Гагариной. Поэзія его носила отпечатокъ экзальтированнаго піетизма, въ каковомъ духѣ онъ написалъ поэму о св. Іоаннѣ Богословѣ. Во время занятія Москвы Французами, онъ бѣжалъ во Владиміръ въ полу-помѣшанномъ, какъ говорятъ, состояніи. Въ память-ли своего укрывательства въ этомъ городѣ, или по другой причинѣ, онъ написалъ для тамошняго каѳедральнаго собора огромнаго размѣра картину (съ фигурами въ настоящій ростъ), представляющую крещеніе Россіи при Св. Владимирѣ. Я тщательно разсматривалъ эту картину въ 1847 году, и хотя она была отчасти повреждена и покрыта слоемъ пыли десятковъ, можетъ быть, лѣтъ, я нашелъ артистическое ея достоинство весьма посредственнымъ. Не говоря уже о томъ, что г. Тончи, по примѣру другихъ иностранцевъ, нимало не заботился о сохраненіи національнаго костюма той эпохи въ фигурахъ, но группировка ихъ и позы полны аффектаціи и въ томъ дурномъ стилѣ что преобладалъ въ живописи въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія; оригинальнаго въ ней весьма немного, и по большей части заимствовано все было изъ Итальянскаго художества [2]). Изъ произведеній его кисти я видѣлъ также въ бывшемъ Кикинскомъ домѣ на Арбатской улицѣ портретъ Алексѣя Андреевича Кикина и запрестольное большое Распятіе въ церкви с. Воронцова.

Съ княгинею жила тогда сестра ея Магдалина Александровна Власова, мужъ которой разорилъ богатое состояніе свое покупками артистическихъ рѣдкостей, особенно эстамповъ. Въ обществѣ ее прозвали Madelon, за ея вульгарность; она уже была въ то время вдовою и впослѣдствіи перешла въ латинство по примѣру сестры.

---

[1]) Графиня Риччи проживала въ 1854 и 1855 г. въ оставшемся у ней незначительномъ имѣніи Коломенскаго уѣзда и вела какую-то тяжбу по Рязанской губерніи, гдѣ я въ то время служилъ при губернаторѣ П. П. Новосильцовѣ. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о ней не имѣю.

[2]) Въ 1836 году Тончи жилъ на казенной квартирѣ въ Запасномъ дворцѣ, что у Красныхъ воротъ, за что или по чьей протекціи, неизвѣстно мнѣ.

Московскимъ оберъ-полицмейстеромъ былъ Шульгинъ 1-й, образцовая дѣятельность котораго сохранилась въ мѣстныхъ преданіяхъ и который умеръ совершенно, говорятъ, въ нищетѣ. Полицмейстерами были г.г. Обрѣзковъ и Ровинскій. Послѣдній изъ нихъ былъ человѣкъ недалекій; о немъ ходили анекдоты между прочими, что однажды при составленіи описи движимаго имущества онъ назвалъ нѣкій туалетный аппаратъ скрипичнымъ ящикомъ на четырехъ ножкахъ.

Московскіе меломаны восхищались Итальянскою своею труппою, содержавшеюся на частной подпискѣ. Директоромъ ея былъ престарѣлый князь Юсуповъ. О ней можно было сказать, что въ общемъ составѣ она была изрядною; но для меня, новопріѣзжаго изъ Италіи, слышавшаго недавно предъ тѣмъ первыхъ того времени артистовъ въ Вѣнѣ, Флоренціи и Миланѣ, смѣшно было смотрѣть на постановку грандіозной Семирамиды на крошечной сценѣ домашняго театра въ домѣ Степана Степановича Апраксина на углу Знаменки и Арбатской площади. Шесть или семь актеровъ не могло почти стоять въ рядъ, не толкая другъ друга. Оркестромъ дирижировалъ одно время, если не ошибаюсь, графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій, написавшій двѣ аріи, одну для г. Перуцци, а другую для г. Този, и обѣ вставленныя въ оперу Керубини «Les deux journées». Въ концѣ 1826 года оба братья графы Віельгорскіе уже переѣхали въ Петербургъ *).

Тотчасъ по пріѣздѣ нашемъ въ Москву, братъ мой повезъ меня къ дѣду нашему (дядѣ отца нашего) князю Юрію Владимировичу Долгорукому. Старикъ крѣпко обнялъ меня, а я, столь сильно, по неосторожности, стукнулся объ его голову, что у меня даже вскочила шишка. Меня это крайне сконфузило; но воображаю, какъ больно было старику. Мы однажды были у обѣдни въ его домовой церкви, гдѣ на клиросѣ пѣвалъ, помнится мнѣ, съ дворовыми людьми князь Александръ Ивановичъ Долгоруковъ. Онъ подошелъ ко мнѣ послѣ службы и любезно сказалъ, что ему извѣстно было о короткомъ моемъ знакомствѣ съ его братомъ княземъ Рафаиломъ Ивановичемъ и что онъ потому проситъ меня обращаться и съ нимъ какъ со старымъ знакомымъ. Сдѣлавъ ему послѣ сего утренній визитъ, я пораженъ былъ его коллекціею стариннаго оружія.

Братъ мой разсказывалъ, что, во время занятія войсками нашими Парижа въ 1814 году, кн. Юрій Владимировичъ выслалъ ему въ по-

*) Въ послѣднихъ годахъ царствованія императора Александра 1-го, графъ Михаилъ Юрьевичъ проживалъ въ Москвѣ, въ опалѣ за женитьбу свою на родной сестрѣ покойной первой своей жены.

дарокъ нѣчто въ родѣ суммы отъ 5 до 6 тысячъ рублей тогдашними ассигнаціями; подобную или чуть ли еще не болѣе значительную сумму получилъ онъ же въ подарокъ отъ другаго нашего дѣда, графа С. Р. Воронцова, коего онъ навѣстилъ въ Лондонѣ. Вотъ каковыми изліяніями вельможной щедрости поддерживались въ старину родственныя связи; но на мою долю подобной щедрости не выпадало за исключеніемъ подареннаго мнѣ графомъ Григорьемъ Ивановичемъ Чернышевымъ, изъ Тагинскаго завода, коня.

Когда прохожу вдоль Большой Никитской, грустно мнѣ и понынѣ видѣть, какъ мало осталось отъ вельможнаго дома дѣда нашего князя Юрія Владимировича, на углу Никитской и Брюсова переулка, по правой рукѣ (идя отъ Кремля). Передняя часть дома, въ уровень съ улицей, давно не существуетъ, а остался лишь корпусъ въ углубленіи двора; одинъ бокъ его тянется по Брюсовскому переулку *).

Какая у насъ въ Россіи разница съ тѣмъ, что̀ видимъ за границею, и въ особенности въ Италіи, гдѣ столь многіе изъ родовыхъ аристократическихъ домовъ сохраняются какъ семейная святыня, переходя въ неповрежденномъ видѣ отъ одного поколѣнія къ другому. Въ Москвѣ остались, кажется, изъ таковыхъ только дома кн. Сергѣя Михаиловича Голицына на Волконкѣ, Мятлева на Большой Дмитровкѣ (Купеческій Клубъ), графа Шереметева на Воздвиженкѣ, князей Бѣлосельскихъ на Тверской, князя Михаила Ѳедоровича Голицына на Покровкѣ, князя Сергѣя Ивановича Гагарина на Знаменкѣ, князя Николая Ивановича Трубецкаго въ Знаменскомъ переулкѣ, графовъ Паниныхъ на Большой Никитской, принадлежащій нынѣ княгинѣ Мещерской. Долго держался, почти что до 1860 года, домъ князей Трубецкихъ на Покровкѣ, и долго сохранялась доска съ надписью княгини Прозоровской (родъ, нынѣ пресѣкшійся) на Полянской улицѣ, у малаго каменнаго моста на водоотводномъ каналѣ.

На меня, привыкшаго къ постройкамъ Европейскихъ городовъ съ сплошными и высокими ихъ домами, Москва сдѣлала первоначально странное впечатлѣніе съ ея отдѣльными и двухэтажными, обыкновенно, домами, и одноэтажными домиками съ палисадникомъ предъ нимъ, какъ бы въ деревнѣ, и съ деревянными заборами между домами. Были тогда недостроенные пустыри и обгорѣвшія съ 1812 года руины, какъ на

*) Корпусъ этотъ принадлежалъ въ 40-ыхъ годахъ какому-то богачу-скупцу Махову, о которомъ разсказывали, будто бы онъ говорилъ, что не считаетъ-де обязаннымъ благодарить Бога за пріобрѣтенное состояніе, а самого себя, и что когда удавалось ему выгодное дѣло, то онъ подходилъ къ зеркалу, кланялся самому себѣ и благодарилъ себя.

прим. Гагаринскій большой домъ на концѣ Страстнаго бульвара (нынѣ Екатерининская больница), графа Остермана за Каретнымъ рядомъ (нынѣ Духовная Семинарія), домъ нынѣ г-жи Ефремовой на углу Большой Никитской и Верхняго Кисловскаго переулка [1]), и домъ господъ Савиныхъ гдѣ-то за Москворѣчьемъ къ Калужской заставѣ, да и нашъ домъ въ Нѣмецкой слободѣ. Самая архитектура большихъ домовъ, съ неизбѣжными штукатурными колоннами и треугольнымъ надъ ними фронтономъ, удивляла меня непріятно. Было повидимому немало древнихъ церквей, но изуродованныхъ испещреніемъ часто возобновленныхъ слоевъ красокъ всѣхъ возможныхъ радужныхъ цвѣтовъ, тогда какъ за границей всѣ древнія зданія носятъ отпечатокъ старины [2]).

Вывѣски магазиновъ были еще всѣ Русскія, остатокъ, какъ говорили мнѣ, Ростопчинскаго запрета Французскаго нарѣчія; въ этомъ не было ничего удивительнаго, хотя читалось напримѣръ на Кузнецкомъ мосту «Урсуль Буасель, моды»; но смѣшно было мнѣ читать на кондитерской вывѣскѣ Педотти (гдѣ она и теперь, на Тверской, близъ Охотнаго ряда) «*Фидель берже*».

Братъ мой возилъ меня ко многимъ изъ старыхъ знакомыхъ нашего семейства, въ томъ числѣ къ Московскому почтъ-директору Ивану Александровичу Рушковскому, старому холостяку и начитанному человѣку. По безукоризненности долговременной своей службы на этомъ мѣстѣ и по прямотѣ его характера Москвичи смотрѣли на него какъ на новаго Аристида или Катона. Былъ я съ братомъ и у тогдашней авторитетной барыни, Авдотьи Селиверстовны Небольсиной, прозванной «la tante de la larme à l'oeil», потому ли что она была *оченно*-молъ чувствительна, или отъ физической влажности очей, рѣшить не могу. Слово *tante* относилось къ ея племяннику Николаю Андреевичу Небольсину, жившему въ одномъ съ нею домѣ. Но одинъ изъ первыхъ нашихъ визитовъ былъ къ графу Александру Никитичу Панину, женатому уже нѣсколько лѣтъ на Александрѣ (въ обществѣ Алинѣ) Сергѣевнѣ Толстой, дочери Елены Петровны, интимнаго друга матери нашей. Панины жили тогда въ Кузнецкомъ переулкѣ между Дмитровкой и Кузнецкимъ мостомъ, въ домѣ что̀ на дворѣ, гдѣ нынѣ извѣстная фотогра-

---

[1]) Домъ этотъ стоялъ въ развалинахъ еще въ 1835 году.

[2]) Въ позднѣйшее мое пребываніе въ Москвѣ, меня занимали подобныя малярныя гнусныя превращенія надъ несчастной церковью Св. Фрола и Лавра противъ Почтамта, которую я видѣлъ переходящею хамелеобразно изъ нѣжно-розовой въ ярко-пурпуровую, или изъ блѣдно-лазуревой въ темно-синюю. Подобное безвкусіе встрѣчается только въ Русскихъ городахъ.

фія Бергнера. Графъ Александръ Никитичъ указалъ мнѣ на Павлоградскій гусарскій полкъ, какъ изъ лучшихъ армейскихъ.

Описывая передъ симъ салонъ и общество княгини Волконской, забылъ я упомянуть, что въ числѣ горячихъ ея поклонниковъ былъ старикъ и меломанъ (скрипичный) Иванъ Александровичъ Нарышкинъ, женатый на баронессѣ Строгановой *). При встрѣчѣ со мною однажды на лѣстницѣ Бѣлосельскаго дома, онъ сказалъ мнѣ: «Vous allez adorer notre Corinne; moi, j'en reviens. И дѣйствительно трудно описать тотъ энтузіазмъ, который производила тогда въ Московскомъ обществѣ незабвенная для своихъ друзей, геніальная княгиня Зинаида. Ивана Александровича Нарышкина, въ послѣднихъ еще годахъ жизни, можно было видѣть въ Петровскомъ паркѣ и въ Сокольникахъ гарцующимъ на англизированномъ куцемъ конѣ съ свѣжею розою въ петлицѣ фрака; а на аматёрскихъ концертахъ можно также было видѣть его съ скрипичнымъ футляромъ, готоваго состязаться въ квартетѣ, въ которомъ участвовалъ также скрипкою Николай Алексѣевичъ Тепловъ, между тѣмъ какъ злонамѣренные языки утверждали, что изъ пропущенныхъ обоими виртуозами нотъ можно было бы составить сонату.

Кончаю отчетъ о Бѣлокаменной за 1826 годъ тѣмъ, что много изъ свѣтской молодежи числилось, если не служило, въ Кремлевской Экспедиціи, подъ вѣдѣніемъ стараго князя Юсупова, и что винный погребъ умершаго нынѣ Филиппа Ивановича Депрѐ, галантерейный магазинъ Розенштрауха (основанный, кажется, въ 1814 или 1815 году подъ названіемъ косметическаго) и колбасный магазинъ Монигетти были всѣ три на томъ же мѣстѣ, гдѣ нынѣ: первый на Петровкѣ (и уже славился больною практикою), второй на Кузнецкомъ мосту, а третій въ Газетномъ переулкѣ между Кузнецкимъ мостомъ и Дмитровкой. Лучшій изъ кондитеровъ былъ Гуа на Кузнецкомъ мосту, вскорѣ передавшій свое заведеніе г. Дублѐ, а напротивъ Гуа (гдѣ нынѣ Англійскій магазинъ Шанксъ и Боленъ) уже существовалъ знаменитый ресторанъ Яра.

Пробывъ съ мѣсяцъ въ Москвѣ и снабдивъ меня нужными къ поступленію на службу документами, братъ мой уѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда въ Бутурлиновку. Хотя имѣнія и всѣ отца нашего дѣла въ Россіи продолжали находиться подъ вѣдѣніемъ ст.-секр. Ѳедора Александровича Голубцова; но какъ онъ не отлучался никуда изъ Петербурга, то братъ мой имѣлъ мѣстный надзоръ надъ управленіемъ отцовскихъ имѣній.

*) Домъ его былъ на Пречистенкѣ; онъ проданъ впослѣдствіи сыномъ его Алексѣемъ Ивановичемъ, женатымъ на Хрущовой (нынѣ Рудакова).

Между 15 и 20, кажется, числами Марта я отправился одинъ (въ первый разъ жизни) въ Орелъ, въ квартировавшій тамъ Павлоградскій гусарской полкъ. Прошеніе мое было давно туда отправлено. Было мнѣ тогда отроду 20 лѣтъ безъ нѣсколькихъ дней. Я рвался на службу, но сознаться долженъ, что говорилъ по-русски со многими ошибками. Молодыя графини Чернышевы, смѣясь, поправляли меня часто, что́ самое дѣлали и полковые мои товарищи. Кстати о молодыхъ графиняхъ, передаю какъ слухъ, что когда онѣ еще жили въ Петербургѣ, то за граф. Софью Григорьевну сватался будто бы Евгеній Александровичъ Понятовскій, тогда товарищъ графа Захара Григорьевича по кавалергардскому полку, и что за граф. Елисавету Григорьевну сватался будто бы троюродный ея братъ (по бабушкѣ Настасьѣ Петровнѣ Самариной, ур. графини Салтыковой) Иванъ Петровичъ Мятлевъ, извѣстный впослѣдствіи юмористическою своею поэмою «Сенсаціи Курдюковой».

Я уже описалъ, на сколько сумѣлъ, плѣнительную красоту графини Вѣры Григорьевны, и потому удивительнаго ничего нѣтъ, что мои съ нею ежедневныя отношенія не могли пройти безпослѣдственно для меня. Я сдѣлался неравнодушнымъ къ ней; но признаться долженъ, что увлеченіе къ гусарскому мундиру смягчало горесть разставанья съ нею, чѣмъ я не оправдывалъ на себѣ старую пѣсню:

Гусаръ на саблю опираясь,
Въ глубокой горести стоялъ;
На вѣки съ милой разлучась и пр.

Правда, что я нимало не мнилъ разлучаться съ нею на вѣки и откладывалъ отъѣздъ мой въ полкъ.

Придерживаясь хронологическаго порядка семейныхъ событій, я долженъ упомянуть здѣсь о случившемся у Дивовыхъ въ этотъ десятилѣтній періодъ, со времени нашего отъѣзда за границу. Николай Адріановичъ былъ ничѣмъ, кажется, болѣе, какъ штабсъ-капитаномъ въ гвардейской пѣшей артилеріи, гдѣ началъ службу свою. Въ 1822 г. онъ былъ уже полковникомъ и вышелъ было въ отставку, но на слѣдующій 1823 годъ поступилъ опять на службу съ переименованіемъ въ статскіе совѣтники и съ назначеніемъ Петербургскимъ вице-губернаторомъ. Въ 1824 г., по случаю женитьбы великаго князя Михаила Павловича, назначенъ онъ былъ въ должность шталмейстера его двора, въ 1826 г. произведенъ былъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а въ 1827 году женился на Зинаидѣ Сергѣевнѣ, младшей сестрѣ княгини Варвары Сергѣевны Голицыной, принесшей ему въ приданое значи-

тельное весьма состояніе. Далѣе мы не разъ встрѣтимся съ нимъ; теперь лишь добавлю, что относительно Петербургскихъ Декабрьскихъ событій онъ много любопытнаго разсказываетъ, какъ очевидецъ всего случившагося тогда при дворѣ великаго князя Михаила Павловича. Интересно заявленное недоумѣніе князя Ивана Александровича Лобанова-Ростовскаго, сенатскаго оберъ-прокурора, какъ ему дѣйствовать и чьимъ изъ двухъ великихъ князей (Константина и Николая) портретомъ замѣнить находившійся въ сенатской присутственной каморѣ портретъ умершаго императора Александра Павловича.

О теткѣ моей графинѣ Маріи Артемьевнѣ Воронцовой скажу, она зимою съ 1825 на 1826 годъ просватала во Флоренціи воспитанницу свою Анну Антоновну Станкеръ за Ирландца г. Баррона, родственника г-жи Погенполь, жены секретаря нашей Флорентинской миссіи. Весною 1826 г. тетка моя переѣхала въ южную Францію, гдѣ и состоялся бракъ ея воспитанницы.

V.

1827—1830 г.

Первое время моей юнкерской службы.—Жизнь въ Орлѣ и поѣздка въ Москву.—Турецкая война 1828 и 1829 годовъ.—Мое производство въ офицеры.—Кончина моего отца.—Мое прикомандированіе къ л.-г. гусарскому полку.

Сбылись наконецъ мои мечты: въ послѣднихъ числахъ Марта 1827 года я облекся въ юнкерскій мундиръ искони прославившагося Павлоградскаго гусарскаго полка. Мундиръ былъ весьма наряденъ: доломанъ темнозеленый, а ментикъ, киверъ и ташка ярко-бирюзоваго цвѣта; шнурки и шейтажъ были у офицеровъ золотые, а у нижнихъ чиновъ краснаго гаруса; впрочемъ, эта была донашиваемая старая форма, и чрезъ два мѣсяца по поступленіи моемъ въ полкъ даны были желтые вмѣсто красныхъ шнурковъ. Полкъ состоялъ изъ шести дѣйствующихъ эскадроновъ (т. е. три дивизіона) и седьмаго запаснаго, не входившаго никогда въ строй. Лейбъ-эскадронъ (т. е. первый) былъ на гнѣдыхъ лошадяхъ; второй эскадронъ на рыжихъ и бурыхъ, третій и четвертый на сѣрыхъ и бѣлыхъ; пятый на караковыхъ, а шестой на вороныхъ; взводъ трубачей былъ на сѣрыхъ *). Полкъ нашей 2-ой гусарской дивизіи были слѣдующіе: эрцъ-герцога Фердинанда (бывшій Изюмскій), нашъ Павлоградскій, Елисаветградскій и Иркутскій (вербованный въ 1812 году княземъ Салтыковымъ). Дивизіоннымъ генераломъ былъ ген.-лейтенантъ баронъ Будбергъ; командиромъ первой (нашей)

*) Тоже самое было и въ трехъ остальныхъ полкахъ дивизіи до смотра подъ Вязьмою.

бригады генер.-маіоръ Христофоръ Ѳедоровичъ Солдейнъ (или Солданъ), Голландецъ [1]), а командиромъ второй бригады ген.-маіоръ Деляновъ, настоящій Армянинъ физіономіею. Полкомъ нашимъ командовалъ баронъ Ѳедоръ Петровичъ Оффенбергъ [2]). Я поступилъ въ 6-ой эскадронъ, коимъ командовалъ тогда подполковникъ Егоръ Ивановичъ Пашковъ, женатый на прекраспой собою Ольгѣ Алексѣевнѣ Панчулидзевой. (Егоръ Ивановичъ, такъ же, какъ старшій братъ его Андрей и младшіе Егоръ и Николай Ивановичи, началъ службу въ л.-гусарскомъ полку; онъ прежде былъ адъютантомъ у графа Петра Александровича Толстаго). Въ эрцъ-герцога Фердинанда полку, коимъ командовалъ полковн. Купферъ, доломанъ, киверъ и ташка были красные, а ментикъ темно-синій съ золотомъ, а у нижнихъ чиновъ шнурки были бѣлые. Въ Елисаветградскомъ полку, подъ командою полковника Рашевскаго, ментикъ, доломанъ, киверъ и ташка сѣро-сермяжнаго цвѣта (какъ тогдашній мундиръ внутренняго гарнизона), шнурки офицерскіе были золотые, а у нижнихъ чиновъ желтаго гаруса; той же весною, на высочайшемъ смотру подъ Вязьмою, мундиръ былъ перемѣненъ на темносѣро-синеватаго цвѣта, таковаго же оттѣнка, какъ общія кавалерійскія рейтузы. Въ Иркутскомъ полку, который только что былъ принятъ полковникомъ Тютчевымъ отъ полк. Мих. Павл. Лапскаго, ментикъ и доломанъ были темнозеленые съ золотыми же шнурками, а киверъ и ташка малиновые; у нижнихъ чиновъ шнурки желтаго гаруса [3]).

Незадолго передъ тѣмъ отмѣнены были чихчиры и Венгерскіе сапожки сверхъ чихчиръ, и дана была общая для всей кавалеріи форма сѣрыхъ рейтузъ съ узкимъ кантикомъ (по цвѣту полковъ) вмѣсто прежнихъ широкихъ лампасовъ. Эскадронными командирами Павлоградскаго полка, были: лейбъ-эскадрона ротмистръ Игнатій Дмитріевичъ Масловъ; втораго ротмистръ Болдыревъ, третьяго ротмистръ Мих. Ив. Вандзенъ, четвертаго ротмистръ Гавришевъ, пятаго ротмистръ Николай Александровичъ Тухачевскій, нашего шестаго подполковникъ Егоръ Иванов.

---

[1]) Изъ секретарей Голландскаго посольства при нашемъ дворѣ, онъ, покровительствуемый вел. кн. Константиномъ Павловичемъ, вступилъ въ нашу военную службу до 1810 г., и въ войнѣ 1812 г. былъ въ конногвардейскомъ полку. Хорошій музыкантъ, съ изящными манерами въ обществѣ и до конца жизни плохо говорившій по-русски.

[2]) Братъ его, баронъ Иванъ (Генрихъ) Петровичъ Оффенбергъ командовалъ въ то время Ямбургскимъ уланскимъ полкомъ.

[3]) Разница въ мундирѣ Фердинандова (Изюмскаго) полка и 3-й гусарской дивизіи принца Оранскаго (бывшаго Бѣлорусскаго) полка, состояла въ томъ, что въ послѣднемъ полку доломанъ былъ синій, а ментикъ, киверъ и ташка красные съ серебромъ; шнурки у нижнихъ чиновъ бѣлаго гаруса. Иркутскій полкъ давно не существуетъ: онъ былъ разведенъ по другимъ полкамъ вскорѣ послѣ Польской войны 1831 года.

Пашковъ, а седьмаго (запаснаго) ротмистръ Газетскій. Изъ штабъ-офицеровъ, не командовавшихъ эскадронами, были маіоры Деменко и Рогачевскій; послѣдній изъ нихъ постоянно почти находился въ отлучкѣ, какъ ремонтёръ.

Я считалъ себя наисчастливѣйшимъ изъ смертныхъ и не промѣнялъ бы, кажется, полной гусарской формы, хотя юнкерской, на фельдмаршальскую. Самая даже дисциплина ребячески занимала меня на столько, что я сначала не пропускалъ снимать фуражку и вытягиваться во фронтъ передъ всякимъ офицеромъ несчастнаго гарнизоннаго инвалиднаго баталіона. Тутъ была не только для меня новизна, но сознаніе, что я значу что нибудь (le sentiment d'être une quelque chose) послѣ продолжительнаго моего нахожденія подъ опекою. Могло быть, что меня забавляло также то, что я, принадлежа къ знаменитому и богатому роду, при моемъ Европейскомъ образованіи, сталъ теперь добровольно на ряду съ простыми солдатами крестьянскаго сословія, сознавая, между тѣмъ, общественное и интеллектуальное свое надъ ними превосходство. Нѣчто въ этомъ смыслѣ видимъ иногда въ лицахъ изъ царственнаго рода, склонныхъ, разнообразія ради, вступать въ частное общество и требующихъ, чтобы обходились съ ними, какъ съ равными. Не это ли самое и есть «l'humilité de l'orgueil», чѣмъ я по сіе время стражду?

Странно, что меня, воспитаннаго за границей и въ либеральныхъ идеяхъ, не черезчуръ возмущала свирѣпость тѣлесныхъ наказаній, совершавшихся передъ моими глазами, за проступки, весьма по моему, неважные. Можетъ быть, впрочемъ, что я началъ убѣждаться, что подобная строгость необходима для поддержки дисциплины. У грамотныхъ нижнихъ чиновъ ходило по рукамъ, помню, куріозное длинное стихотвореніе, начинавшееся

Лишь бы были только палки:
Офицеры такъ, какъ галки,
Командиры, генералы,
Нынѣ тѣже обдиралы

И кончавшееся

Вашъ покорнѣйшій слуга
Передъ вами, какъ дуга,
И всегдашній вашъ служитель
Сей поэмы сочинитель».

Индифферентизмъ мой не устоялъ однакоже, когда я однажды узналъ отъ своего товарища, что полковой командиръ приказалъ передать

одному гусару (т. е. нижнему чину), намѣревавшемуся жаловаться на него (полковника) на предстоявшемъ инспекторскомъ смотру (основательна-ли была та жалоба или нѣтъ, не помню), что если солдатъ осмѣлится принести жалобу, то онъ, какъ ближайшій начальникъ, съ нимъ расплатится, и бѣдный солдатъ промолчалъ. А вѣдь, кажись, на бумагѣ инспекторскіе смотры и учреждены только для этой цѣли. Случай этотъ меня взорвалъ. Но при всемъ этомъ пылѣ къ гусарству была какая-то ненормальность въ новомъ моемъ положеніи, и это чувствовалось мною. По воспитанію я былъ космополитъ (скорѣе однакоже Англичанинъ, чѣмъ что̀ другое), свободно писалъ вирши по-англійски и по-итальянски и плоховато говорилъ на родномъ своемъ языкѣ, и хотя читывалъ не безъ удовольствія Пушкина и Козлова, но Русская литература вовсе почти не интересовала меня, доказательствомъ чему служитъ, что братъ мой подарилъ мнѣ только-что вышедшее собраніе стихотвореній крестьянина-самоучки Слѣпушкина, которое такъ и осталось у меня нечитаннымъ, и мнѣ не сдѣлалось даже извѣстнымъ, что, когда я рисовался въ Орлѣ въ моемъ Павлоградскомъ бирюзовомъ ментикѣ, Россія оплакивала кончину великаго своего исторіографа Карамзина; а проживая два раза въ Москвѣ (въ началѣ 1827 и въ началѣ 1828 года), я и понятія не имѣлъ о существованіи журналиста и критика Н. А. Полеваго: «Телеграфа» его никто не читывалъ въ моемъ кружкѣ.

Орловскимъ губернаторомъ былъ тогда Петръ Александровичъ Сонцевъ, женатый на Екатеринѣ Дмитріевнѣ Чертковой. Какова была административная его дѣятельность, судить не могу. Человѣкъ онъ былъ добрѣйшій и моргалъ постоянно однимъ глазомъ, изъ чего случилось, какъ разсказывали, слѣдующее. Вытребовавши къ себѣ для разбирательства двѣ партіи тяжущихся купцевъ (или крестьянъ), покуда онъ выслушивалъ одну сторону, представители другой партіи вышли, не дождавшись конца аудіенціи и когда губернаторъ послалъ воротить нхъ, то они отвѣчали будто бы, что имъ нѣчего тамъ дѣлать, потому молъ, что они видѣли, какъ его превосходительство перемаргивался съ противниками. Орловскимъ вице-губернаторомъ былъ г. Бурнашевъ, хорошій музыкантъ; съ нимъ игрывалъ на фортепіанахъ въ четыре руки бригадный нашъ генералъ Солдейнъ.

Проживалъ временно въ Орлѣ старикъ Дмитрій Васильевичъ Чертковъ, весьма богатый Воронежскій помѣщикъ, отецъ губернаторши Екатерины Дмитріевны Сонцевой, Маріи Дмитріевны Шепшинъ (проведшей также нѣкоторое время въ Орлѣ), Александра Дмитріевича (женившагося въ слѣдующемъ году на гр. Елисаветѣ Григорьевнѣ Черны-

шевой), Ивана Дмитріевича (жена его была баронесса Строганова) и Николая Дмитр. оставшагося холостымъ и основавшаго Воронежскій Кадетскій корпусъ. Дмитрій Васильевичъ давалъ иногда обѣды, на которыхъ бывалъ и я. Какъ теперь вижу почтеннаго этого старичка въ рыжеватомъ парикѣ, свѣтло сѣренькомъ, въ родѣ пиджака, сюртукѣ и съ добродушною его улыбкою. Когда онъ зимовалъ въ Москвѣ, его осыпали театральные артисты просьбами быть то посаженнымъ, то крестнымъ отцомъ, отъ чего онъ рѣдко отказывался.

Сынъ его, Александръ Дмитріевичъ, служившій въ 1812 г. въ конной гвардіи, но давно въ отставкѣ, также постоянно почти проживалъ въ Орлѣ и, не взирая на свои тогда почти сорокъ лѣтъ, принялся усердно за латынь подъ руководствомъ учителя мѣстной гимназіи. Кстати упомяну, что, во время моей поѣздки въ Одессу, онъ посѣтилъ Италію и часто бывалъ у родителей моихъ во Флоренціи, которые весьма полюбили его и звали «le Voronégien». Въ началѣ слѣдующаго года (въ 1828 г.) онъ снова опредѣлился на службу, въ эрцъ-герцога Фердинанда гусарскій полкъ нашей дивизіи, подполковникомъ.

Сонцевы и Чертковы приняли меня какъ роднаго. Жива была еще старушка Сонцева, мать губернатора, помнившая отца моего, и какъ онъ, еще молодымъ и, по словамъ ея, красивымъ человѣкомъ (о послѣднемъ я спорилъ съ нею) пріѣзжалъ къ нимъ въ Воронежъ и привозилъ ей въ гостинецъ изъ Петербурга запасъ Французскаго нюхательнаго табаку (котораго вѣроятно достать нельзя было тогда кромѣ какъ въ столицахъ) и по фунту какого-то особеннаго цвѣточнаго чая [1]).

Жилъ также тогда въ Орлѣ, не знаю по какому случаю, старый уже тогда холостякъ Викторъ Александровичъ Чичеринъ (братъ ген.-адьют. Петра Александровича), сердечкинъ и вздыхатель при видѣ всякаго хорошенькаго личика, не къ лицу и не по лѣтамъ, но добрѣйшая особа [2]).

Крайне любопытны были въ Орлѣ домъ и публичный театръ графа Сергѣя Михайловича Каменскаго (сына фельдмаршала) изъ кре-

---

[1]) У Петра Александровича Сонцева былъ сынъ, женившійся около 1840 г. на красавицѣ княжнѣ Варварѣ Павловнѣ Гагариной, и двѣ дочери; изъ нихъ, старшая (Евдокія Петровна) вышла за барона Сакена, а вторая за г. Вштулова.

[2]) Такъ на примѣръ, онъ въ 40-ыхъ или 50-ыхъ годахъ восхищался (и было дѣйствительно чѣмъ) княгинею Розаліею Ипполитовною Макеютовой (нынѣ женою адмирала Посьетта), дочерью Московскаго медика г. Ланга. Слышалъ я недавно, что В. А. Чичеринъ еще въ живыхъ; ему, я полагаю, много за 80 лѣтъ. Третій братъ, Антонъ Александровичъ Чичеринъ, былъ въ одно съ нами время въ Римѣ въ 1822 г.

постныхъ его людей, съ платою за входъ, съ печатными афишками, оркестромъ, машинистами и живописцами, также изъ крѣпостныхъ. Давались тутъ комедіи, водевили, драмы, оперы и балеты; на трагедію только не посягали. Это были доморощенные, бездарные и безголосые артисты.

Домъ, театръ и прочія принадлежности и службы занимали собою огромный четыреугольникъ на соборной площади. Всѣ эти строенія, деревянныя и одноэтажныя съ колоннами, при мнѣ начинали уже гнить. Внутренняя отдѣлка театра была изрядною, съ бенуарами, надъ ними бэль-этажъ и раекъ (втораго этажа, кажется, не было); кресла въ партерѣ подъ нумерами, передніе ряды дороже заднихъ, и во всемъ вообще театральномъ залѣ могло помѣститься столь же многочисленная публика, какъ въ Московскомъ Апраксинскомъ театрѣ. При однообразіи губернской городской жизни, это было немалымъ развлеченіемъ для насъ, военной молодежи. Въ числѣ оперъ имѣли дерзость давать «Двудневныя приключенія», композитора Керубини, «Жанъ-де-Пари» и «Красную шапочку», обѣ знаменитаго тогда Буальдьё, «Жоконду» Николо д'Изуарда и, помнится мнѣ, «Сандрилліону» (но Штейбелдта, или Буальдьё, не помню); не отваживались только на Моцарта и Россини, за то чаще всего подчивали насъ «Русалкою»: съ тѣхъ поръ не могу представить себѣ напѣвъ «приди въ чертогъ ко мнѣ златой» иначе какъ женскимъ пискливѣйшимъ и носовымъ голосомъ. Первый теноръ-холопъ, Кравченко, пѣвалъ столь же носомъ, сколько горломъ, съ шикомъ, не разставаясь съ носовымъ платкомъ скомканнымъ въ рукѣ клубкомъ, и плевалъ въ него. Вторый-первый (remplaçant), будто бы теноръ, по имени Миняевъ, болѣе шевелилъ губами, чѣмъ выпускалъ звуки, и потому трудно было опредѣлить категорію, къ которой принадлежалъ его голосъ. Чего нибудь подходившаго къ басу (голосъ повсемѣстно встрѣчаемый въ Россіи) въ труппѣ рѣшительно не было, хотя актеръ, предназначенный для басовыхъ партій, усиливался ревѣть брюхомъ. Дворовая дѣвка-примадонна обладала пронзительнымъ пискливымъ голосомъ, была высокаго росту, но не казиста, и имѣла свой также шикъ, состоявшій изъ безпрерывнаго почти отбрасыванія головы къ одному плечу. Но въ балетахъ особенно хорошъ былъ первый танцоръ Васильевъ, ростомъ съ покойнаго Каратыгина, въ тѣлесно-цвѣтномъ трико, съ давно небритою бородою, пускавшійся въ граціозныя позы. Когда онъ совершалъ прыжки, называемые «антраша», то голова его уходила почти въ облака сцены. Сіятельный хозяинъ всегда сидѣлъ въ первомъ ряду креселъ, а семейство его въ средней ложѣ, въ родѣ царской. Для продажи

билетовъ былъ уже въ мое время кассиръ; но въ прежнее сидѣлъ для того, какъ говорили, самъ графъ съ своимъ Георгіевскимъ 2-ой степени крестомъ за взятіе, кажется, Базарджика, и принималъ деньги, по поводу чего разсказывали, что юнкеръ графъ Мантейфель (прославившійся повѣсничествомъ во время квартированія въ Орлѣ кирасирской дивизіи ген. Дуки), привезъ однажды въ кассу огромный мѣшокъ мѣдныхъ денегъ на уплату бэль-этажной ложи, пересчитываніе каковыхъ требовало немало времени и останавливало раздачу прочихъ билетовъ.

Менѣе прочихъ актеровъ смѣшными были двѣ сестры Кобазины, «premières amoureuses», не потому чтобы таилась въ нихъ искра природнаго таланта, а потому только что онѣ были дѣвки безъ притязательства на барство, а какъ слѣдуетъ быть скромнымъ горничнымъ и прачкамъ. О туалетахъ всѣхъ этихъ артистовъ нечего и говорить; впрочемъ, иные костюмы были порядочны, и не даромъ хозяинъ театра разорился, не взирая, что театръ рѣдко былъ пустымъ. Изъ драмъ тамошняго репертуара помню лишь названіе одной плаксиво-усыпительной «Фальшивая Сидонія»; часто давали комедію «Полубарскія затѣи» (примѣнить которую можно было къ самому хозяину театра), и водевиль Хмѣльницкаго «Суженаго конемъ не объѣдешь». Справедливость требуетъ добавить, что оркестръ (изъ крѣпостныхъ) былъ весьма изрядный. Балетмейстеромъ былъ старый полу-нѣмецъ, по фамиліи (кажется) г. Дебель; онъ охотно дружился съ нами, молодежью и увѣрялъ, что самъ нѣкогда служилъ въ нашемъ полку при генералѣ (командирѣ полка) Бауерѣ; онъ же сказывалъ, что знаменитый нашъ комикъ Щепкинъ началъ поприще свое на сценѣ графскаго театра.

Многолюдная домашняя графская прислуга и театральные кавельдинеры были въ ливрейныхъ фракахъ съ бѣлыми, красными, голубыми воротниками, означавшими разрядъ и степень ихъ должностей, и по мѣрѣ заслуги переводились изъ одного цвѣта въ другой, о чемъ возвѣщалось въ ежедневномъ, какъ въ полкахъ, приказѣ по дому. Въ вечернемъ приказѣ напоминалось о безпорядкахъ, усмотрѣнныхъ самимъ графомъ въ теченіе того дня; наприм. дѣлалось *замѣчаніе* графинѣ за допущеніе ею, что, при входѣ ея въ лакейскую, люди не оказали надлежащаго ей почтенія. Все это я передаю, какъ слышанное; самъ же съ графомъ не искалъ я чести знакомства, да и никто, кажется, изъ нашихъ начальниковъ и офицеровъ не бывалъ у него, кромѣ нашего полка князя Александра Сергѣевича Вяземскаго. Нашъ офицеръ Тѣлесницкій и я завели, было, интрижку письмами съ обѣими сестрами Кобазиными, чрезъ радужныхъ лакеевъ, но лакеи брали деньги и насъ

надували; когда извѣстіе о томъ дошло до графа, разлилась у него желчь, и онъ, кажется, по патріархальному распорядился одну изъ сестеръ высѣчь и грозилъ жаловаться на меня отцу моему во Флоренцію. Разноцвѣтному воротнику, какъ агенту, порядочно также досталось.

Графъ женатъ былъ на вдовѣ, имѣвшей отъ перваго брака двухъ, болѣе чѣмъ зрѣлыхъ, дочерей; но дѣтей отъ второй жены, кажется, у него не было. Была отъ первой жены дочь, но она съ отцомъ въ Орлѣ не жила и вскорѣ послѣ умерла дѣвицею, завѣщавъ ему свое (материнское) имѣніе. Актрисы содержались строго въ четырехъ стѣнахъ флигеля, словно въ гаремѣ, и никуда, кромѣ какъ на сцену, не выпускались; да и житье самихъ падчерицъ графскихъ едва-ли было отраднѣе: онѣ никуда въ гости не выѣзжали, даже на губернаторскіе балы. Графиня была достойная весьма женщина.

Доживала также свой вѣкъ въ Орлѣ другая оригинальная личность, князь Трубецкой. Имя и отчество его я забылъ, но его прозвищемъ было «le prince ta-ra-ra». Его я никогда не видалъ; разсказывали, что онъ ни въ какомъ экипажѣ не ѣзжалъ, даже лѣтомъ, какъ на саняхъ.

Изъ всей дивизіи лучшій жребій палъ на нашъ полкъ: стоять въ губернскомъ городѣ. Эрцъ-герцога Фердинанда полкъ стоялъ въ Ливнахъ, Елисаветградскій въ Сѣвскѣ, а Иркутскій въ Кромахъ.

Къ коммерческомъ отношеніи Орелъ скудно удовлетворялъ потребностямъ людей привыкшихъ къ нѣкоторому комфорту. Вся городская промышленность сосредоточивалась въ традиціонномъ гостинномъ дворѣ, а единственная гостинница съ нумерами для пріѣзжихъ (Трусова) находилась на Кромской улицѣ, всегда пустынной и отдаленной отъ надгорной части города, которую можно было считать общимъ центромъ дѣятельности, гдѣ жило все городское общество и находились присутственныя мѣста, губернаторскій домъ, квартиры полковаго командира, бригаднаго и дивизіоннаго генераловъ, манежъ, бульваръ, домъ дворянскаго собранія, городской садъ, а за бульваромъ полковыя конюшни и казармы. Кромѣ какъ въ Трусовой гостиницѣ негдѣ было порядочному человѣку пообѣдать, развѣ что подчасъ и подъ веселую руку завернемъ, бывало, мы грѣшные, въ грязный Русскій трактиришка за рѣчкою Орликомъ, подъ фирмою «городъ Одеста» или «Кеевъ», съ еще болѣе грязными половыми, и гдѣ *меню* не выходилъ изъ селянки, окрошки и битковъ. Въ нижнихъ двухъ частяхъ города, за Орликомъ и за Окою, жило почти исключительно купечество. На

главной улицѣ (Московской), ведущей внизъ къ мосту на Орликѣ, не было никакихъ магазиновъ, и незадолго до моего туда пріѣзда открытъ былъ на этой улицѣ винный погребъ Москвича Эдуарда Ивановича Дюлу. Книжныхъ магазиновъ не было ни одного во всемъ городѣ, и лишь въ каменной башенкѣ у воротъ женскаго монастыря (на той же Московской улицѣ) была лавченка съ однѣми церковными книгами.

По близости расположенія къ Москвѣ нашей 2-ой гусарской дивизіи и по заманчивому ея мундиру начала стекаться въ нее молодежь хорошихъ фамилій и батюшкины сынки съ состояніемъ. Наплывъ этотъ начался съ 1826 года, когда дивизія переведена была изъ Саратовской въ Орловскую губернію. Составъ нашего Павлоградскаго полка былъ слѣдующій. Юнкерами: князь Александръ Сергѣевичъ Вяземскій, Андрей и Александръ Семеновичи Раевскіе, Дмитрій Ивановичъ Шепелевъ, князь Трубецкой 2-ой (мать коего вышла замужъ за архитектора Бовѣ), Матвей Александровичъ Долговъ [1]), Аркадій Ивановичъ Терскій, Николай (по отчеству забылъ) Евсюковъ (Тверской помѣщикъ), Александръ Петровичъ Сунгуровъ, Николай (по отчеству забылъ) Нелюбовъ (Орловскій), Петръ Парменовичъ Шеншинъ, Угличинъ и Татаринъ Уфимской помѣщикъ, Александръ Петровичъ (хотя и магометанинъ) Тевтелевъ. Между 1827 и 1828 годами поступили къ намъ юнкерами изъ гвардейской школы подпрапорщиковъ богатые Москвичи Петръ и Николай Александровичи Хрущовы [2]), и еще откуда-то Воецкій 2-ой, Кошкаровъ, Арбузовъ, Лавровъ, и опредѣлились изъ Остзейскихъ провинцій Лауницъ и Штемпель. Изъ знакомыхъ съ нами юнкеровъ въ остальныхъ трехъ полкахъ дивизіи были: въ эрцъ-герц. Фердинандовомъ Александръ Ивановичъ Мясоѣдовъ (Тарусскаго уѣзда помѣщикъ), другіе двое братьевъ Хрущовыхъ, Александръ и Павелъ Александровичи, Лихаревъ [3]), двое братьевъ Рахмановыхъ, Өед. Дмитр. Бологовской, Костромитиновъ, князь Вяземскій (Владимирской губерніи) и Кологривовъ. Въ Елисаветградскомъ полку: Лисаневичъ (Воронежскій), Панинъ (меньшой братъ княгини Софіи Егоровны Вяземской, бывшей по первому браку за Берингомъ), Краевскій (Смоленскій), Смагинъ, Демидовъ (Московскій; домъ родителей его былъ на Страстной-сѣнной

[1]) Родительскій домъ Долгова былъ на большой Ордынкѣ (въ Москвѣ) насупротивъ церкви Всѣхъ Скорбящихъ.

[2]) Домъ ихъ отца-богача Александра Петровича Хрущова былъ на Пречистенкѣ. У него взрослыхъ дѣтей было 14 человѣкъ, восемь дочерей и шесть сыновей. Дочери вышли за Рѣдкина, Нарышкина, Козлова, графа Девьера, князя Долгорукова, Замятина, Перхурова и Черткова.

[3]) Сестра его вышла замужъ за вдовца Петра Львовича Давыдова, отца нынѣшняго графа В. П. Орлова-Давыдова.

площади), Ильинъ и Куприяновъ (Костромской). Въ Иркутскомъ полку не имѣли мы ни одного знакомаго, и вообще офицеры того полка не братались съ остальными тремя полками.

Офицерами были у насъ въ полку: Александръ и Михайло Григорьевичи Ломоносовы, Алексѣй Іоновичъ Ртищевъ, Бестужевъ, Бажановъ, князь Иванъ Трубецкой 1-ой (братъ упомянутаго юнкера), Воецкой, Михаилъ Дмит. Кротковъ (Симбирскій), Ник. Ив. Бахметевъ [1]), двое братьевъ Ивановыхъ, Тѣлесницкій, Савинъ (полковой адъютантъ), баронъ Корфъ [2]), Павелъ Наумовъ [3]), Ганъ [4]), бар. Раденъ [5]), Войничъ-Кейнажатскій, Романовичъ (Александръ Ивановичъ, женившійся въ слѣдующемъ году въ Орлѣ на Лавровой), Бутковскій (кажется, такъ), полковой квартирмейстеръ Рябининъ и Ламакинъ. Въ эрцъ-герцога Фердинанда полку офицерами были, сколько упомнить могу: молодой подполковникъ и весьма видный изъ себя графъ Эдуардъ Шуазёль-Гуффье (женатый на красавицѣ княжнѣ Варварѣ Григорьевнѣ Голицыной), маіоръ Александръ Васильевъ Жихаревъ (Тамбовскій) и его два брата; оберъ-офицерами: Левъ и Василій Васильевичи, Арцыбашевъ, маіоръ Куценко, бароны Леонардъ и Аркадій Унгернъ-Штернберги (оба красавца и высокаго роста), Ляпуновъ (Владимирскій), Агреневъ, Бѣляковъ, Потуловъ, два брата Головины, два брата Кузнецовы (одинъ изъ нихъ былъ полковымъ адъютантомъ), Григорій Григорьев. Ломоносовъ и Быковскій. Немного позднѣе опредѣлились изъ отставки въ тотъ полкъ ротмистрами: Фигнеръ, (братъ знаменитаго партизана 1812 года) и Морозовъ. Въ Елисаветградскомъ полку (изъ офицеровъ): ротмистръ баронъ Раденъ, двое братьевъ Баранчеевыхъ, двое братьевъ Лисаневичей, ротм. Симолинъ (или Симулинъ), Кожинъ, Семичевъ, Флейшманъ, Витбергъ и Суходольскій. Въ Иркутскомъ полку: подполковникъ Никита Левашевъ (отличный музыкантъ, женатый на вдовѣ княгинѣ Александрѣ Николаевнѣ Голицыной), маіоръ Линденеръ, двое братья Мосоловыхъ (извѣстные своимъ заводомъ скаковыхъ лошадей), ротм. Мишо̀ (Французъ, поступившій въ

---

[1]) Нынѣ директоромъ Придворной Капеллы.

[2]) Той же весною перешедшій въ адъютанты къ графу Крейцу.

[3]) Недавно предъ тѣмъ женившійся на сестрѣ Ник. Ив. Бахметева.

[4]) Корнетъ баронъ Ганъ находился тогда подъ судомъ за убіеніе на дуэли нашего же полка Вельяминова; онъ въ 1829 г. былъ разжалованъ въ рядовые въ эрцъ-герцога Фердинанда полкъ.

[5]) Онъ женился около этого времени на какой-то княжнѣ Волконской, Тульской губерніи.

Русскую службу во время занятія нашими войсками Франціи въ 1814 году), Спичинскій, Орловъ, Скобельцынъ.

Въ началѣ Апрѣля мы выступили изъ Орла на царскій смотръ подъ Вязьмою. Весна казалась установившеюся, какъ на 17 число того мѣсяца насъ постигла на походѣ такая неожиданная мятель, что лошади въ бричкѣ подполк. Пашкова (въ которой я сидѣлъ по причинѣ болѣзни) остановились, и сугробы стали возвышаться кругомъ насъ. Мы рисковали замерзнуть; къ счастію, промчался мимо насъ крестьянскій мальчикъ верхомъ, и онъ довелъ насъ до деревни, на околицѣ которой мы не чаяли находиться, и съ тѣхъ поръ я далъ себѣ слово, въ случаѣ мятели, постигающей меня на дорогѣ, укрываться въ ближайшую избу. На слѣдующій или на третій день послѣ сего происшествія, на пути съ эскадрономъ мимо с. Жукова, имѣнія князя Николая Григорьевича Вяземскаго (въ Калужской губ.), жена его, княгиня Софія Егоровна (бывшая вдова Берингъ), вышла съ дочерьми (отъ перваго брака) посмотрѣть на насъ. Хотя не учтиво упоминать о годахъ великосвѣтскихъ знакомыхъ намъ дамъ, приходится мнѣ, яко бытописателю, обозначить, что Меропа Александровна (нынѣ Новосильцова), была уже взрослая совершенно барышня. Къ нимъ отправился знакомиться, по праву однофамильства, товарищъ мой по эскадрону князь А. С. Вяземскій.

Во время стоянки моей съ полкомъ въ деревнѣ подъ Вязьмою, братъ мой съ г. Слоаномъ пріѣхали навѣстить меня и въ первый тогда разъ видѣли меня въ мундирѣ. Во время смотра и маневровъ приходилось мнѣ напяливать на себя всю казенную толстую форму и аммуницію; несноснѣе всего въ ней были суконный и черный галстукъ, который перстилъ и теръ шею, также гусарскій кушакъ, туго натянутый сверхъ широкой кожанной съ мѣдною пряжкою портупеи: пряжка эта и кольцы, на которыхъ висѣла сабля, вдавливались въ ребры до того, что, дабы возбудить снова заглушенную чувствительность лѣваго бока и ляжки, я вынужденъ бывалъ отправляться въ баню и усердно сѣчь крапивою онѣмѣлую часть. Подо мною шла казенная изъ бракованныхъ лошадь, прозвищемъ «корабль,» заслужившая вполнѣ это имя по спокойнымъ ея аллюрамъ. Безъ поводьевъ она сама указывала мое унтеръ-офицерское мѣсто во время построеній *).

*) Я часто удивлялся способности кавалерійскихъ лошадей понимать слова команды; напримѣръ, при одной командѣ „сабли въ ножны“ (означавшей, что ученіе кончилось) слышалось по фронту веселое ржаніе коней, прежде чѣмъ сабли опускались: или при командѣ „укороти поводья, съ мѣста, маршъ-маршъ“, при первыхъ только словахъ команды, удержу не было лошадямъ.

Къ нашему второму корпусу прикомандирована была по случаю маневровъ уланская дивизія князя Степана Александровича Хилкова, состоявшая изъ полковъ: его высочества вел. князя Михаила Павловича (бывшаго Владимирскаго), Оренбургскаго, Сибирскаго и Ямбургскаго. Въ городѣ Вязьмѣ (гдѣ остановились братъ мой и г. Слоанъ) открылъ временное гастрономическое отдѣленіе Московскій знаменитый ресторатеръ Французъ Яръ.

На маневрахъ, длившихся дня два, мы побѣдили, помнится мнѣ, мнимыхъ нашихъ враговъ; но, возвращаясь съ поля нашихъ подвиговъ на квартиры, съѣхались къ узкому мосту, въ одно время съ Фердинандовымъ полкомъ; никто изъ двухъ не хотѣлъ уступить другъ другу первенство переѣзда чрезъ него, и завязалась было вовсе уже не мнимая схватка. Помнится мнѣ, что чуть ли не сабли явились самовольно на-голо; одно вмѣшательство обоихъ полковыхъ командировъ предупредило общую рукопашную. Государь въ то время еще не носилъ усовъ (онъ отпустилъ ихъ, помню, не ранѣе осени 1830 г.) и даже не любилъ, чтобы ихъ носили; и потому, каково было общее наше удивленіе, когда однажды, въ самомъ пылу смотра или ученія, дивизіонный нашъ генералъ бар. Будбергъ, старый кавалеристъ, вдругъ, не покидая поля, предсталъ предъ нами съ выбритою верхнею губой: его нельзя было почти узнать. По окончаніи перваго дня маневровъ, мы стали бивуакомъ въ полѣ. Тогда это кочевье весьма меня забавляло, но когда позднѣе, въ Турецкую войну приходилось часто бивуакировать, да еще и при ненастной погодѣ или на морозѣ, то оно потеряло для меня прежнюю прелесть.

Сначала вся служба казалась мнѣ игрушкою. Я былъ ревностнымъ штандартоносцемъ, пунктуаленъ на моемъ унтеръ-офицерскомъ дежурствѣ по эскадрону (тутъ особливо тѣшило меня хожденіе съ рапортомъ, что «все состоитъ благополучно» къ нашему старшему вахмистру, Корнелію Васильевичу), выскакивалъ впередъ, при командѣ на походѣ, «пѣсенники впередъ», и оралъ съ ними во всю глотку (безъ боязни вреда оперному моему голосу), протяжную «не бѣлы снѣги», а за ней плясовую «солнце на закатѣ»; словомъ я, блаженствовалъ. И напрасно говоритъ Англійскій поэтъ Попъ

Man never is, but always hope to be blest.

(Человѣкъ никогда не считаетъ себя счастливымъ вполнѣ въ настоящей минутѣ, а все надѣется сдѣлаться таковымъ въ будущности).

Я ничего, помнится мнѣ, болѣе въ то время не желалъ, какъ того, чѣмъ былъ: гусарскимъ юнкеромъ въ нарядномъ бирюзовомъ ментикѣ, съ гремячей саблею и ташкой на боку. Правда, что не прошло шести мѣсяцевъ, какъ цѣлью желаній были уже эполеты.

Подъ Вязьмою состоялось распоряженіе, чтобы полки были по шерстямъ, вмѣсто какъ прежде, по-эскадронно; вслѣдствіе чего первый полкъ (Фердинандовъ) тутъ же, въ полѣ, сѣлъ на всѣхъ сѣрыхъ лошадей (безразборчиво), имѣвшихся въ четырехъ полкахъ; нашъ Павлоградскій на гнѣдыхъ; Елисаветградскій на рыжихъ и бурыхъ, а Иркутскій на карихъ и вороныхъ (трубачи остались по прежнему на сѣрыхъ). «Слѣзай, садись, слѣзай, садись», и въ одно утро вся реформа состоялась безъ допущенія браковки; въ первые послѣдующіе дни была конечно сначала неурядица во всѣхъ полкахъ, отъ того что ѣздоки не знали свойствъ своихъ коней, но недѣли чрезъ двѣ люди свыклись съ животными.

Возвращаясь въ Орелъ чрезъ южную часть Калужской губерніи, я отпросился на нѣсколько дней въ сторону, въ Бѣлкино: надо же было показаться въ гусарской формѣ тезкѣ Клееву. Старикъ прослезился, обнимая меня. Даже ѣзда на перекладной тѣшила 20 лѣтняго дитятю. Братъ опредѣлилъ мнѣ въ услуженіе молодцоватаго и талантливаго берейтора и рисовальщика изъ дворовыхъ нашихъ людей Ивана Бурлуцкаго (Итальянецъ Віонди остался при г. Слоанѣ). Догоняя полкъ, Бурлуцкой мой напился до положенія ризъ въ Малоярославцѣ и, выѣзжая оттуда, выскочилъ изъ телѣги и улегся какъ мертвый на большой дорогѣ. Дѣло это было для меня новое и казусное; ничего подобнаго никогда не случалось съ нашимъ Дмитріемъ Ломовымъ. Я не зналъ какъ мнѣ быть, бросить своего человѣка на дорогѣ было невозможно; я началъ плакать какъ ребенокъ, чувствуя свою немощность. Проѣзжала какая-то помѣщица, остановила свою карету и выслала горничную узнать о моей бѣдѣ. Нечего было дѣлать, плачь, не плачь, а пришлось простоять около своего личарды, пока онъ сдѣлался способнымъ продолжать путь. Я догналъ свой эскадронъ между Бѣлевымъ и Болховымъ.

Въ Орлѣ купилъ я у своего полковаго командира Оффенберга верховаго коня за 800 рублей асигнаціями по имени Орбазана, напоминавшаго мнѣ мое оперное имя въ «Танкредѣ». Мнилъ я быть искуснымъ ѣздокомъ на англизированныхъ Флорентинскихъ лошадяхъ (забылъ я сказать, что мать моя подарила мнѣ верховую лошадь во время послѣдняго моего пребыванія въ родительскомъ домѣ); но въ полку

оказался я немного лучше простаго рекрута. Требовалась тогда утонченная манежная ѣзда, съ перемѣною по командѣ ноги, ранверсомъ, траверсомъ и прочими берейторскими таинствами, и потому опредѣлили меня, какъ неуча, въ берейторскую команду къ Нѣмцу Бреннеру. Изучая съ любовью эти премудрости, я, мѣсяца чрезъ полтора, весьма удовлетворительно постигъ ихъ.

По отцовскому назначенію, я сталъ получать 5.000 р. ассигн. въ годъ изъ главной Петербургской нашей конторы, сумма, весьма по тому времени значительная, а особливо для армейскаго юнкера, сверхъ чего добрый братъ мой обзавелъ меня дрожками (прямо отъ Арбатскаго, тогда въ славѣ) и отличною парою упряжныхъ, его Бутурлиповскаго завода лошадей. Объяснить слѣдуетъ, что начальство наше смотрѣло сквозь пальцы на юнкерскую ѣзду въ экипажахъ; въ Питерѣ это было бы преступленіе, равняющееся или, можетъ статься, превышающее растегнутый мундирный воротникъ. Но генералы наши Будбергъ и Солдейнъ были отцы, а не командиры: мпръ праху ихъ!

Въ семействѣ Е. И. Пашкова я былъ, какъ дитя дома (извиняюсь за вольной переводъ «l'enfant de la maison», но точнѣе сего не умѣю выразиться); у Сонцевыхъ принимали меня родственно, слѣдовательно могъ я держаться хорошаго общества, не чуждаясь военнаго своего кружка. Къ несчастію, дурной примѣръ, остатки прежней гусарской удали, гнѣздившіеся у иныхъ въ полку, пагубно подѣйствовали на меня. Хвастаясь своею свѣжею натурою, допускавшею много выпить безъ охмѣленія, я охотно сталъ участвовать въ кутежахъ и постепенно привыкъ употреблять спиритуозные напитки: это - то самое повредило впослѣдствіи моей службѣ. Лѣтомъ того 1827 года я впутался въ исторію, которая могла дурно для меня разыграться. Однажды въ поздній вечеръ недавно переведенный въ нашъ полкъ молодой полковникъ Горленко (не полковой командиръ), всѣми нами любимый, повздорилъ на улицѣ съ кѣмъ-то изъ обывателей, нагрубившимъ (какъ онъ сказывалъ) ему. Я и кто-то еще изъ нашихъ, ужинавшихъ въ трактирѣ, выскочили выручать товарища. Неизвѣстный человѣкъ скрылся въ домъ, занимаемый градскою думою (или полиціею), а мы за нимъ, и, помнится мнѣ, дали ему изрядную потасовку. Дѣло было ночное, посторонннхъ никого не было, и потому истецъ въ поданномъ своемъ на полковника Горлепка прошеніи о личной обидѣ не могъ обозначить имени обвиняемаго въ соучастничествѣ юнкера въ кителѣ. Дѣло кончилось дурно для полковника Горлепка: онъ былъ отставленъ, да и чуть ли не съ запрещеніемъ вновь поступать на службу; но онъ былъ

столь благороденъ, что не назвалъ никого изъ насъ. А у насъ былъ такой обычай: бѣда тронуть кого - нибудь. Однажды въ театрѣ, одинъ кирасирскій офицеръ Кологривовъ (мѣстный дворянинъ въ отпуску) вздумалъ было распекать меня за что-то (по офицерскому праву надъ юнкеромъ); я побѣжалъ заявить о томъ находящимся въ театрѣ нашимъ офицерамъ; они налетѣли на кирасира, какъ коршуны, и ему порядочно отъ нихъ досталось.

Въ карты я тогда не игралъ, а зналъ только заграничную игру экарте; пришлось мнѣ и въ этомъ отношеніи заплатить дань неопытности. Во время моего дежурства по лазарету выучилъ я въ эту игру одного изъ нашихъ офицеровъ и проигралъ ему на слово 800 рубл. ассигн., а какъ расплатиться съ нимъ не могъ и не хотѣлъ увѣдомить о томъ моихъ родителей, ни просить экстренныхъ денегъ, то по совѣту г. Слоана (пріѣхавшаго на нѣсколько дней изъ Москвы) я расплатился Арбатскаго дрожками и парою моихъ бурыхъ. Кстати скажу, что г. Слоанъ продолжалъ издали наблюдать за мною до слѣдующаго лѣта, когда полкъ нашъ выступилъ въ Турецкій походъ.

Лѣтомъ того 1827 года генералъ Солдейнъ повезъ, какъ бы на показъ, нѣсколькихъ изъ нашихъ офицеровъ и юнкеровъ, въ томъ числѣ и меня, на праздникъ къ графу Е. Ѳ. Комаровскому, тогда начальнику всей внутренней стражи, проживавшему въ Орловскомъ своемъ имѣніи. Передъ баломъ былъ аматёрскій спектакль изъ піесъ тогда въ ходу «Нелюбо не слушай, а лгать не мѣшай», и «Воздушные замки». Сюжетъ послѣдней слѣдующій: герой піесы—мечтатель въ родѣ Гоголевскаго Манилова переносится мысленно въ Азію, гдѣ покоряетъ и цивилизуетъ дикихъ народовъ; монологъ его прерываетъ лакей, котораго онъ принимаетъ за просителя его царскихъ милостей и говоритъ ему: «Надѣйся и вѣщай!» а лакей отвѣчаетъ: «Великій государь..... васъ просятъ.... кушать чай».

Тутъ мечтатель приходитъ въ отчаяніе, а лакей говоритъ ему:

«Утѣшьтесь, Индія останется за вами»,—

чѣмъ кончается піеса, и занавѣсъ опускается предъ невзыскательною публикою.

Адъютантами у графа Е. Ѳ. Комаровскаго были тогда Сергѣй Ивановичъ Пашковъ (женившійся впослѣдствіи на княжнѣ Надеждѣ Сергѣевнѣ Долгоруковой) и одинъ изъ братьевъ Абаза. Изъ двухъ дочерей графа ни одна не была еще замужемъ, но обѣ были уже взрослыми.

Составъ нашего полка, мало уступавшій гвардейскому, произвелъ, должно быть, ожидаемый эффектъ. Генералъ Х. Ѳ. Солдейнъ, въ полномъ смыслѣ *джентельменъ*, былъ, однакоже, подверженъ разсѣянностямъ: о немъ разсказывали, что когда дивизіонный штабъ былъ въ Саратовѣ, то онъ, прогуливаясь по городу съ своимъ адъютантомъ, взошелъ въ магазинъ купить пару перчатокъ и, сконфузившись, когда спохватился, что денегъ при немъ не было, просилъ адъютанта дождаться его въ магазинѣ, пока онъ сходитъ домой и вернется; но выйдши на улицу, забылъ о своемъ намѣреніи, и адъютантъ долго весьма просидѣлъ въ магазинѣ въ видѣ залога; легко представить себѣ, какъ онъ былъ разсерженъ.

Е. П. Пашкову едва ли было тогда болѣе тридцати лѣтъ отъ роду, но былъ онъ уже подполковникомъ, тогда какъ наши армейскіе маіоры и даже ротмистры были ветераны войнъ 1807—1814 годовъ, жертвы неправосудной спекуляціи гвардейскихъ молодыхъ ротмистровъ, переходящихъ постоянно на голову имъ въ армейскіе подполковники. Въ мирное время армейскій ротмистръ могъ просидѣть въ своемъ чинѣ до 15 лѣтъ, а маіорскій чинъ былъ почти что безвыходнымъ. Нашъ тогдашній маіоръ Рогачевъ былъ, помнится мнѣ, офицеромъ въ Аустерлицкомъ сраженіи 1805 года. Е. П. Пашковъ, какъ всѣ почти выскочки изъ адъютантовъ, былъ новичкомъ по фронтовой части; были у него хорошія стороны, но вредили ему мелочность, педантство, а болѣе всего, упрямство въ характерѣ. Онъ имѣлъ бѣльмо на одномъ глазу, случившееся, по словамъ иныхъ, отъ неосторожности старшаго брата его Андрея, задѣвшаго его концемъ арапника при выѣздкѣ молодыхъ лошадей въ манежѣ, когда еще оба брата были въ лейбъ-гусарскомъ полку. По поводу физическаго сего недостатка одинъ изъ офицеровъ нашихъ Рябининъ *), извѣстный *мастихъ*, увѣрялъ, будто имѣлъ съ однимъ изъ таковыхъ слѣдующій разговоръ: «Полковникъ, какимъ *образомъ* у васъ глазъ подбитъ?» Полковникъ отвѣчалъ будто-бы: «не образомъ, а *подсвѣчникомъ*, во время карточной игры». Спѣшу однакоже заявить, что Пашковъ не былъ никогда игрокомъ.

Ради хронологической точности оставляю ненадолго въ сторонѣ свой Павлоградскій полкъ, чтобы упомянуть о сдѣланной братомъ моимъ попыткѣ въ теченіе того лѣта привести во Флоренцію партію лошадей своего Бутурлиновскаго завода для сбыта ихъ тамъ. Онъ выбралъ болѣе 20 лошадей изъ кровныхъ (но не рысистыхъ) верховыхъ

*) Отецъ этого Рябинина былъ Воронежскимъ полицеймейстеромъ, и онъ ничего не имѣетъ общаго съ Рябиниными *Андреевичами*, Жиздринскаго уѣзда.

и упряжныхъ. Для выѣздки послѣднихъ въ Англійскую упряжь на мундштукахъ жилъ въ Бутурлиновкѣ давнишній Англійскій грумъ Джонъ Гринъ. Достало же брату терпѣнія вести свое семейство медленною ѣздою на этихъ лошадяхъ изъ Таганчи чрезъ всю Германію и Тироль до Флоренціи. Утомленіе и скуку отъ маленькихъ для этого ежедневныхъ переѣздовъ, съ отдыхами и дневками, не забудетъ невѣстка моя графиня Аврора Осиповна. Случилось, сказывала она мнѣ, что ради удобства ночнаго помѣщенія для лошадей, или выгодныхъ цѣнъ на овесъ и сѣно, приходилось останавливаться на ночь въ какой-нибудь глуши, въ виду иногда большаго города. Спекуляція вполнѣ удалась брату: лошадей расхватали по большой цѣнѣ, и дорожныя издержки не только покрылись, но въ чистомъ барышѣ оказалось шесть, кажется, упряжныхъ лошадей, изъ коихъ онъ подарилъ три матери нашей, а три оставилъ для своей ѣзды [1]). Я назвалъ выше Бутурлиновскій заводъ братнинымъ, а не общимъ нашимъ. Это потому, что заводъ былъ чисто его созданіемъ, на собственныя его деньги. Онъ съ любовію занимался имъ, и въ концѣ 20-хъ годовъ, заводъ пользовался большою славою у полковыхъ ремонтёровъ [2]). Впослѣдствіи, когда сложились неожиданно обстоятельства, побудившія брата покинуть навсегда Россію, и этотъ лелѣянный имъ заводъ пошелъ за ничто.

Но прежде чѣмъ снова приняться за прерванный разсказъ о самомъ себѣ, замѣтить не мѣшаетъ, что первымъ въ Орлѣ штабъ-офицеромъ только что учрежденнаго тогда корпуса жандармовъ былъ полковникъ Жемчужниковъ, хорошій весьма человѣкъ и впослѣдствіи Петербургскій гражданскій губернаторъ.

Осенью того 1827 г. эскадронъ нашъ, отбывъ караульное при штабѣ время, расположился на зимнія квартиры въ подгородномъ с. Сабуровѣ, гр. С. М. Каменскаго, въ коемъ убитъ былъ нѣкогда фельдмаршалъ, его отецъ, своими людьми. Усадьба состояла изъ огромнаго двухъ этажнаго каменнаго дома со службами, обнесеннаго высокою каменною стѣною, какъ-бы монастырскою. Въ домѣ никто не жилъ, даже лѣтомъ; тѣмъ не менѣе, не предоставлено было намъ, не знаю почему, занять нѣсколько въ немъ комнатъ, и мы помѣстились въ деревенскихъ черныхъ, безъ трубъ, избахъ. Сколько ни просилъ я своего полковника Оффенберга дозволить мнѣ оставаться при штабѣ, гдѣ была годовая у меня квартира, онъ не согласился ради служебнаго порядка.

---

[1]) Пара лошадей матери моей бодро еще рисовалась въ Кашинахъ, въ 1840 году.

[2]) Особенно славились лошади наши мускулозною силой, сортъ былъ Англійскихъ гунтеровъ съ примѣсью Арабской крови. Лошадей выдерживали и не пускали въ продажу ранѣе 4-хъ лѣтъ.

Во время топки избы, гдѣ я стоялъ, надо было, чтобы не задохнуться отъ дыма, ложиться на сырой полъ, или выходить на морозъ до окончанія топки. Отъ этого, съ добавленіемъ скуки отъ лишенія всякаго общества кромѣ трехъ офицеровъ нашего эскадрона (потому что эскадронный нашъ командиръ Е. И. Пашковъ оставался съ семействомъ въ городѣ) охладѣлъ нѣсколько прежній мой восторгъ къ военной жизни.

Отъ нечего дѣлать я пустился было въ религіозную полемику съ дочерью своего хозяина, грамотною раскольницею, но вскорѣ убѣдился въ тщетности подобныхъ преній. Менѣе однакоже чѣмъ чрезъ мѣсяцъ, меня снова прикомандировали (подъ какимъ предлогомъ, не помню) къ штабу, и я возвратился на свою квартиру.

Зимою довольно часто бывали балы въ дворянскомъ собраніи, гдѣ въ военныхъ кавалерахъ недостатка не было; но Французскія кадрили (contredanses) были такъ мало еще въ ходу, что съ трудомъ набиралось четыре пары знающихъ фигуры и умѣющихъ выдѣлывать *па* (т. е. шассе-круазе, глиссе, пируэты и проч.), а не просто ходить по паркету, какъ ввелось позднѣе. Отличался особенно между нами юнкеръ нашъ Аркадій Ивановичъ Терскій, Іогелевскій ученикъ; онъ выдѣлывалъ такія штуки ногами, что годился, пожалуй, въ балетные солисты.

Помню впечатлѣніе, произведенное на присутствующихъ, когда на одномъ изъ этихъ баловъ появилась величественная фигура А. П. Ермолова въ черномъ фракѣ, пріѣхавшаго въ Орелъ навѣстить престарѣлаго своего отца.

Извѣстіе полученное тогда о Наваринской битвѣ незамѣтно почти прошло между нашею военною молодежью, мало занимавшеюся политическими событіями. Когда вспоминаю нынѣ о томъ дѣлѣ, оно не кажется мнѣ особенно честнымъ со стороны союзныхъ флотовъ, напавшихъ на Турецкій, не ожидавшій вовсе непріязненныхъ дѣйствій.

Передъ зимою, бывшій мой по юнкерству товарищъ князь А. С. Вяземскій, уже офицеръ со времени Вяземскаго смотра, переведенъ былъ въ лейбъ-гусарскій полкъ. Той же осенью полковн. Ѳ. П. Оффенбергъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ командиромъ въ другую кавалерійскую бригаду и сдалъ полкъ нашъ назначенному на его мѣсто Пашкову. На первыхъ дняхъ новаго своего назначенія и когда Оффенбергъ не успѣлъ отправиться къ новому своему мѣсту служенія, Пашковъ имѣлъ слѣдующую непріятную исторію. Михаилъ Григор. Ломоносовъ, числившійся въ нашемъ полку, былъ передъ тѣмъ адъютан-

томъ у А. П. Ермолова, по увольненіи коего отъ службы онъ возвратился въ полкъ и, являясь къ полковнику Пашкову, высказалъ ему о своемъ желаніи поступить снова во фронтъ. Полковникъ, бывъ предупрежденъ противъ него (потому что Ломоносовъ былъ острякъ и свободно высказывалъ всѣ свои мнѣнія), сказалъ наотрѣзъ, что не желаетъ имѣть Ломоносова въ своемъ полку и намекнулъ ему о переводѣ въ другой. Разсерженный подобною выходкою, офицеръ этотъ отвѣчалъ, что онъ оказалъ вѣжливость, прося полковничьяго согласія на поступленіе во фронтъ, тогда какъ, по служебно-припятому порядку, онъ могъ надѣть Павлоградскій мундиръ и въ немъ явиться къ полковнику, какъ къ командиру полка, къ которому онъ принадлежалъ по службѣ, и что тотъ, кто платитъ невѣжливостію за вѣжливость, тотъ невѣжа. Насъ было нѣсколько человѣкъ въ сосѣдней комнатѣ, и мы всѣ онѣмѣли. Пашковъ арестовалъ и предалъ Ломоносова суду, не взирая на ходатайство о немъ А. П. Ермолова чрезъ третье лицо. Офицеръ этотъ разжалованъ былъ въ рядовые въ Фердинандовъ полкъ, но выслужился въ офицеры и въ недавнемъ времени былъ дворянскимъ предводителемъ одного изъ уѣздовъ Смоленской губерніи. Вскорѣ по принятіи Е. И. Пашковымъ нашего полка, онъ отправилъ меня въ Липны къ командиру Фердинандова полка полковнику А. И. Купферу для врученія ему на короткое время значительной довольно суммы денегъ (10 или 12 тыс. рубл. асигн.), нужныхъ ему для какого-то оборота. Для этой поѣздки полковъ. Пашковъ прикомандировалъ ко мнѣ одного изъ болѣе надежныхъ рядовыхъ лейбъ-эскадрона, по фамиліи Связина. По явкѣ моей къ полковнику Купферу, онъ поручилъ мнѣ поблагодарить Е. И. Пашкова за готовность оказать ему просимую имъ услугу, но не принялъ денегъ, сказавъ, что болѣе въ нихъ не нуждается. Отъ него я отправился навѣстить (хотя дѣло было ночное) стоявшаго въ караулѣ на главной гаубвахтѣ знакомаго мнѣ офицера нѣкоего Бѣлякова, гдѣ собралась порядочная компанія его однополчанъ, съ коими я намѣревался позасидѣться, а, можетъ быть, и кутнуть, какъ вдругъ вызвали Бѣлякова въ общую караульню, откуда воротясь въ офицерскую комнату весь вспыхахъ, онъ сказалъ намъ, что полковникъ идетъ осматривать его караулъ, вслѣдствіе чего мы всѣ разбѣжались по своимъ домамъ. На слѣдующее же утро, мой гусаръ Связинъ сознался мнѣ, что вся эта тревога была ничто другое какъ его штука, и что, опасаясь неравно пропадутъ казенныя деньги, находившіяся при мнѣ, онъ отправился позднею ночью на гаубвахту и, вызвавъ Бѣлякова, просилъ его сыграть эту комедію, чтобы заставить меня скорѣе возвратиться на квартиру. Помѣщаю неважный этотъ анекдотъ въ доказательство служебной вѣрности и находчивости Русскаго солдата.

Зимою въ началѣ 1828 г. А. Д. Чертковъ поступилъ на службу изъ отставки въ эрцгерцога Фердинанда полкъ, а передъ масляницею, взявъ отпускъ въ Москву, пригласилъ меня ѣхать съ нимъ туда. Тамъ мы первоначально стояли въ гостинницѣ Шора на Кузнецкомъ мосту, а изъ нея онъ переѣхалъ къ отцу своему Дмитрію Васильевичу, жившему въ домѣ на углу Столешниковскаго переулка и Петровки, на дворѣ противъ самой церкви Рождества Богородицы въ Столешникахъ, а я къ Чернышевымъ, нанимавшимъ тогда большой домъ князя Гагарина (и нынѣ той же фамиліи) на Знаменкѣ. Тамъ уже жилъ г. Слоанъ. Вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Москву Чертковъ сдѣлалъ предложеніе графинѣ Елисаветѣ Григорьевнѣ Чернышевой и получилъ согласіе. Самымъ близкимъ къ сердцу ея послѣ роднаго ея брата и послѣ зятя Муравьева былъ, беру смѣлость сказать, я; чувства мои къ сестрѣ ея были не тайною для нея, и она принимала живѣйшее въ нихъ участіе. Извѣстивъ меня о неожиданномъ предложеніи Александра Дмитріевича, она добавила, что одна изъ причинъ даннаго ею согласія было дружеское имъ оказанное мнѣ вниманіе.

Графиня Софія Григорьевна была недавно предъ тѣмъ также помолвлена за Ивана Гавриловича Кругликова, и обѣ свадьбы состоялись слѣдующимъ лѣтомъ. Удрученная недугами и душевными потрясеніями, графиня Елисавета Петровна въ началѣ Великаго поста погасла какъ бы лампада. Каково было ея благочестіе, можно судить изъ того, что нѣсколько уже лѣтъ передъ тѣмъ было у ней правиломъ не цѣловать дочерей, и, кажется, не дозволять имъ цѣловать ее въ продолженіе дня принятія ею св. таинъ, дабы, вѣроятно, не отвлекать умъ свой житейскими чувствованіями въ день, когда она была освящена вещественнымъ присутствіемъ въ ней плоти и крови Искупителя. Чадолюбіе не покидало однакоже ея въ предсмертныхъ часахъ, и она завѣщала не откладывать отнюдь свадьбы обѣихъ дочерей по причинѣ ея смерти. Она была женщина съ сильнымъ характеромъ, граничившимъ даже съ строгостію въ дѣлѣ семейнаго управленія; не взирая на то, или, лучше сказать, именно потому и по аксіомѣ, что распущенность и слабохарактерность не внушаютъ никакого уваженія, она сумѣла вкоренить въ дочеряхъ безпредѣльную къ ней любовь, всецѣло пламенѣвшую въ ихъ сердцахъ, когда уже онѣ давно сами были матерями семействъ. Она покоится въ Ново-Спасскомъ монастырѣ. Когда похоронное шествіе слѣдовало передъ окнами Апраксинскаго дома, гдѣ жила 90 лѣтняя мать ея Настасія Петровна Квашнина-Самарина, старуха тихо, но сознательно благословила умершую дочь и, повернувшись ко второй, оставшейся, Аннѣ Петровнѣ Самариной промолвила: «не ей, а

намъ съ тобою слѣдовало бы прежде умереть»[1]). Она пережила дочь нѣсколькими только, помнится мнѣ, мѣсяцами.

Я прошелъ за гробомъ съ открытою головою и въ одномъ юнкерскомъ ментикѣ безъ шинели отъ Знаменки черезъ Солянку и Яузскій мостъ до Новоспасскаго монастыря, и въ морозный день: вещь удивительная въ полу-Итальянцѣ по воспитанію. Графиня Елисавета Петровна была кавалерственною дамою, и потому передъ ея гробомъ шелъ полицейскій офицеръ, несшій на подушкѣ орденъ великомученицы Екатерины. Молодыя графини читывали отрывками псалтырь по матери своей, и я иногда имъ въ этомъ помогалъ.

Изъ посторонихъ посѣтителей Чернышевыхъ до кончины еще графини при мнѣ бывали (не говоря о Скарятиныхъ, которыхъ нельзя было звать чужими) только графъ Александръ Никитичъ Панинъ и князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. Послѣдній былъ особенно любимъ всѣми Чернышевыми[2]).

Въ продолженіе болѣзни графини Елисаветы Петровны, призванъ былъ на консиліумъ тогдашній Московскій медицинскій тріумвиратъ: Маркусъ, Рихтеръ и Высоцкій, замѣнившіе сошедшихъ со сцены гг. Мудрова и Мухина[3]). Поселившійся въ Москвѣ въ началѣ столѣтія Французъ Скюдери (современникъ соотечественникамъ своимъ господамъ Метивьё и Помо, аристократическимъ врачамъ до 1812 г.) сохранялъ, тѣмъ не менѣе, старую свою кліентеллу въ описываемое мною время[4]).

Жизнь подъ одною кровлею съ гр. Вѣрою Григорьевною еще болѣе, конечно, развивала мои къ ней чувства, но не мѣшала мнѣ выѣз-

---

[1]) Извиняюсь, что, говоря о Чернышевыхъ, я совершенно забылъ о существованіи невышедшей никогда замужъ Анны Петровны Самариной. Какъ опекунша престарѣлой матери, она, говорятъ, запутала ея дѣла. Графиня Елисавета Петровна приходила не разъ на помощь сварливой сестрѣ, не платившей ей особенною взаимностію чувствъ. Она всегда жила отдѣльно отъ матери. Упомянувъ о бывшемъ Апраксинскомъ домѣ, замѣчу, что въ описываемое мною время, этотъ домъ соединялся съ стоящею рядомъ съ нимъ церковью посредствомъ арки, переходившей чрезъ Знаменскій переулокъ.

[2]) Этимъ объясняется, что графъ Григорій Ивановичъ передалъ князю П. А. Вяземскому семейныя свои бумаги. Кому болѣе близкому могъ онъ ихъ передать? Единственный сынъ былъ въ Сибири ссылочнымъ.

[3]) Впрочемъ, престарѣлый профессоръ Мухинъ умеръ не ранѣе 1852 года въ своемъ имѣніи Тарусскаго уѣзда.

[4]) Докторъ Скюдери пользовался еще маститою старостію въ 1851 году и переѣхалъ на жительство въ Саратовское свое имѣніе, гдѣ началъ заниматься сыровареніемъ.

жать понемногу въ Московскій большой свѣтъ, гдѣ, благодаря бирюзовому моему ментику, прозвали меня «le comte bleu». На одномъ балу у г. Мертваго, гдѣ я взялся не за свое дѣло дирижировать мазуркой или котиліономъ, я перепуталъ, по непривычкѣ, всѣ фигуры, и самъ сильно отъ того сконфузился. Часто довольно навѣщалъ я стариковъ Панковыхъ, въ патріархальномъ ихъ домѣ у Чистыхъ Прудовъ. Изъ четырехъ сыновей Ивана Александровича одинъ только пѣвецъ Николай Ивановичъ жилъ въ Москвѣ. Старшій, Андрей Ивановичъ, давно женатый на графинѣ Моденъ, служилъ въ Петербургѣ при дворѣ егермейстеромъ; сестра ихъ, фрейлина Александра Ивановна, осталась весталкою. Въ домѣ Панковыхъ воспитывалась и жила прелестная ихъ племянница Авдотья Петровна Сушкова (впослѣдствіи графиня Ростопчина); въ семействѣ звали ее Додо. Княгини Волконской уже не было въ Москвѣ: она снова переселилась на берега Тибра. Графиню Риччи я разъ только встрѣтилъ гдѣ-то на вечерѣ; мужъ ея также возвратился восвояси. Въ Москвѣ жила тогда полу-Русская и полу-Итальянка, графиня Свѣчина-Галіани, съ двумя высокими, но не красавицами дочерями. Она была Итальянка; но кто былъ ея мужъ живъ ли онъ былъ, гдѣ обрѣтался, и откуда взялось сочетаніе двухъ, этихъ фамилій, неизвѣстно мнѣ. Знаю только, что жили они гдѣ-то въ Московскомъ лабиринтѣ между Сивцевымъ Вражкомъ и Собачьей площадкой. Я у нихъ былъ всего одинъ разъ на танцовальномъ вечерѣ, и незадолго послѣ сего эти бѣдныя три женщины обкушались поврежденной рыбы и умерли.

На тогдашнихъ балахъ нельзя было не замѣтить двухъ граціознѣйшихъ сестеръ княженъ Щербатовыхъ [1]); но царица Московскихъ красавицъ, княжна Софія Александровна Урусова, уже поступила фрейлиною ко двору въ предыдущемъ 1827 году. Въ эту зиму стали только выѣзжать въ свѣтъ Екатерина и Ольга Александровны Булгаковы; изъ нихъ очень хороша была собою, нѣчто въ родѣ Греческаго типа, съ блестящимъ цвѣтомъ лица, первая изъ нихъ [2]).

Былъ я также на балу у Скарятиныхъ, въ домѣ опекаемыхъ ими сиротъ Соловыхъ, на Лубянкѣ, гдѣ нынѣ гостиница Лабади. Мать Соловыхъ убита паденіемъ съ дрожекъ на Петербургскихъ островахъ, въ глазахъ гр. Е. П. Чернышевой, съ которою находилась въ дружескихъ отно-

---

[1]) Одна изъ нихъ вышла замужъ за г. Александрова, воспитанника великаго князя Константина Павловича.

[2]) Екатерина Александровна вышла замужъ за Павла Дмитр. Соломирскаго, а Ольга Александровна за князя Александра Сергѣевича Долгорукова, въ 1830 г., ранѣе старшей сестры.

шеніяхъ. Все семейство Петрово-Солововыхъ жило при теткѣ своей Скарятиной. Двѣ старшія изъ трехъ сестеръ, Анастасія и Наталія Ѳедоровны, начинали выѣзжать въ общество; меньшая, Ольга Ѳедоровна, была малолѣтнею [1]). Старшій изъ Скарятиныхъ, Григорій Яковлевичъ, переведенный уже изъ армейскихъ драгунъ въ конно-гвардейскій полкъ, былъ тогда въ Петербургѣ; я познакомился со вторымъ его братомъ, Ѳедоромъ Яковлевичемъ, находившимся тогда въ отпуску въ Москвѣ и переведеннымъ изъ драгунъ не въ гвардію, а кажется, въ Чугуевскій уланскій полкъ. Помню, что онъ тогда писалъ масляными красками копію съ портрета дяди своего князя Алексѣя Григорьевича Щербатова, кисти знаменитаго Англичанина До [2]) и копировалъ удивительно талантливо и вѣрно.

Единственнымъ развлеченіемъ молодыхъ графинь Чернышевыхъ было катанье по городу въ саняхъ, а на запяткахъ становился иногда я, переодѣтый въ лакейскую ихъ ливрею, въ огромной треугольной съ галунами шляпѣ, не безъ страху быть узнаннымъ кѣмъ-нибудь, что̀ составляло нешуточное обстоятельство при тогдашней милитарной дисциплинѣ. Помню, что мы разъ заѣхали къ Скарятинымъ и приказали вызвать къ крыльцу Якова Ѳедоровича, которому одна изъ графинь имѣла что-то передать; хотя онъ не узналъ меня въ этомъ костюмѣ (а хоть бы узналъ, нечего было отъ него опасаться), но замѣтилъ имъ о неосторожности разъѣзжать ночью, *съ чортъ знаетъ кѣмъ на запяткахъ*. Ѣзжали онѣ навѣщать одну лишь бабку свою Н. П. Самарину и нѣкоего князя Овесова, своего, какъ говорится человѣка, женатаго на сестрѣ дѣвицы Надежды Николаевны Богдановой, жившей съ дѣтства и присматривавшей за меньшими изъ графинь. Этотъ князь Овесовъ былъ изъ Калмыковъ или Татаръ, безъ всякаго состоянія, когда-то знакомый съ нашимъ семействомъ до 1812 года, чрезъ что̀ попалъ въ каталогурный альбомъ нашего буфетчика Ивана Бѣшенцова; онъ дослужился до полковничьяго чина и впослѣдствіи получилъ мѣсто эконома при домѣ князя Д. В. Голицына.

Всего чаще бывали молодыя графини у Екатерины Ѳедоровны Муравьевой, матери Никиты и Александра Михайловичей, жившей тогда въ домѣ графа Гудовича (нынѣ Миклашевскаго, на углу Тверской и Брюсова переулка). У нея онѣ навѣдывались о случаяхъ отправки

[1]) Старшая, Анастасія Ѳедоровна, вышла за князя Вреде, Наталья Ѳедоровна за Ланского, а Ольга Ѳедоровна за богача Кошелева, въ концѣ 1834 или въ началѣ 1835 года.

[2]) Портретъ этотъ былъ повтореніемъ находящагося въ числѣ портретовъ всѣхъ генераловъ 1812 года того же художника До въ галлереѣ Зимняго дворца.

вещей общимъ имъ семейнымъ ссыльнымъ въ Сибирь. Случаи эти часто повторялись, и всякое возможное утѣшеніе и жизненныя удобства несчастнымъ допускались сердобольнымъ комендантомъ той мѣстности, полковникомъ Лепарскимъ. Разъ только при мнѣ онѣ были съ утреннимъ визитомъ у княгини Татьяны Васильевны Голицыной.

Говоря про кончину гр. Е. П. Чернышевой, я упустилъ сказать, что дочери ея тотчасъ послали меня къ Англичанкѣ, бывшей ихъ гувернанткою (по имени, кажется, миссисъ Эвенсъ или Ивинсъ), класной дамѣ въ одномъ женскомъ пансіонѣ у Красныхъ воротъ, въ домѣ нынѣ братьевъ Бутеноповъ. Ее я извѣстилъ о кончинѣ графини и передалъ просьбу молодыхъ графинь не отказаться прибыть немедленно къ нимъ и оставаться при нихъ первые дни скорбнаго времени, такъ какъ ни одной пожилой женщины въ домѣ не было. Переданное мною извѣстіе сильно взволновало добрую Британку, и она неотлагательно исполнила желаніе прежнихъ своихъ воспитанницъ. Пока я разговаривалъ съ нею, выскакивали къ дверямъ изъ сосѣдней комнаты нѣсколько ученицъ заведенія полюбоваться, вѣроятно, гусарскимъ моимъ нарядомъ, а внутренній голосъ самолюбія нашептывалъ мнѣ, что я былъ предметомъ юнаго ихъ восхищенія и будущаго, пожалуй, впечатлѣнія, какъ говорится въ Онѣгинѣ о появленіи гвардейскихъ офицеровъ въ Москвѣ:

Блеснуть, плѣнить и улетѣть.

Около Масленицы или въ началѣ поста того 1828 года умеръ мощный еще по лѣтамъ Московскій старожилъ Степанъ Степановичъ Апраксинъ при странномъ слѣдующемъ обстоятельствѣ. Онъ самъ предсказалъ свою кончину за нѣсколько дней впередъ, потому что явился ему давно умершій пріятель его, обѣщавшій (какъ увѣрялъ Степанъ Степановичъ) при жизни исполнить таковое предувѣдомленіе въ надлежащее время. Это разсказывали тогда по Москвѣ, и помнится мнѣ, что тогда говорилъ о томъ въ домѣ Чернышевыхъ Яковъ Ѳедоровичъ Скарятинъ, когда С. С. Апраксинъ былъ труденъ, но еще живъ. Объ ожиданіи С. С. Апраксинымъ явленія того лица передъ кончиною я зналъ съ дѣтства моего изъ разсказовъ о томъ Мальцовыхъ. Понимайте, какъ хотите, но это такъ.

Бывалъ я иногда у княгини Елисаветы Ростиславны Вяземской, матери Павлоградскаго моего товарища, князя Александра Сергѣевича. Домъ Вяземскихъ былъ на Петровскомъ бульварѣ, а нынѣ принадлежитъ оптовому торговцу винами Катуару. Княжнѣ Варварѣ Сергѣевнѣ

нынѣ Ершовой [1]) было тогда 13 или 14 лѣтъ, и я однажды попалъ на ея танцовальный урокъ, даваемый знаменитою тогда балериною Ворониною. Князь Николай Сергѣевичъ былъ немного старше сестры своей и, глядя на мой и старшаго своего брата гусарскій нарядъ, уже рвался на службу. Княгиня Елисавета Ростиславна, урожденная Татищева, внучка извѣстнаго историка этой фамиліи, разсказывала слѣдующее о смерти ея дѣда. Жилъ онъ въ своей подмосковной, и хотя преклонныхъ уже лѣтъ, пользовался хорошимъ здоровьемъ. Вставъ однажды утромъ, въ одно Воскресенье, онъ пошелъ въ церковь и передъ обѣднею сказалъ священнику, что желаетъ немедленно исповѣдаться и причаститься св. таинъ, потому что видѣлъ во снѣ, что онъ долженъ умереть въ этотъ самый день, хотя вовсе не чувствовалъ себя больнымъ. Исполнивъ этотъ христіанскій долгъ, онъ послѣ обѣдни возвратился домой, напился чаю, по обыкновенію, послѣ чего, сдѣлавъ послѣднія предсмертныя свои распоряженія, созвалъ всѣхъ своихъ семейныхъ и прислугу, простился съ ними, прилегъ и послалъ за священникомъ, чтобы собороваться, или читать отходную надъ нимъ молитву, и вскорѣ потомъ испустилъ духъ [2]).

Въ Москвѣ я экипировался заново у славившагося тогда военнаго портнаго Плещеева (въ Газетномъ переулкѣ, рядомъ съ нынѣшнею гостиницею Шевалье-Шеврié) и въ магазинѣ офицерскихъ вещей Живаго на Тверской, существующемъ тамъ и понынѣ. Для брюкъ спеціалистомъ слылъ Гусевъ на Кисловкѣ; но я не прибѣгнулъ къ этому генію.

Нашъ корпусный командиръ князь А. Г. Щербатовъ, штабъ котораго былъ въ Москвѣ, принялъ меня весьма ласково, когда я по долгу службы явился къ нему въ полной формѣ и сталъ во фрунтъ, и черезъ А. Д. Черткова передалъ мнѣ, что желаетъ видѣть меня у себя, не какъ Павлоградскаго юнкера, а какъ сына Флорентинскихъ его друзей. Да, всѣ первые мои шаги въ службѣ, были успѣшны; впослѣдствіи я самъ все испортилъ, и даже въ это краткое мое въ Москвѣ пребываніе я чуть-чуть не попался въ прегадкую исторію. Сошелся я еще въ Орлѣ съ юнкеромъ Елисаветградскаго гусарскаго полка (нашей же дивизіи) Демидовымъ. Онъ былъ славный и неглупый малый, но его погубила хмѣлина, какъ увидимъ далѣе. Отправились

[1]) Вдова лейбъ-гусара Ивана Ивановича Ершова, сына кирасирскаго дивизіоннаго генерала.

[2]) Сообщено мнѣ старицею Натальею Ѳедоровною Крыловой, слышавшей этотъ разсказъ отъ самой княгини Елисаветы Ростиславны.

мы однажды вдвоемъ позавтракать у Яра и немного кутнули; я могъ, какъ уже говорилъ, много выдержать шампанскаго, но Демидовъ былъ гораздо слабѣе меня, и его порядочно разобрало. Поѣхали мы оттуда кататься по городу, и на углу Срѣтенскихъ воротъ у бульвара, Демидовъ мой, выскочивъ изъ саней, началъ ни съ того, ни съ сего колотить (кажется, даже фуктелять обнаженною саблею) какого-то господина, проѣзжавшаго мимо насъ или загородившаго намъ дорогу. Я выскочилъ, въ свою очередь, остановить его, и при этомъ движеніи раскрылась штатская моя шинель, наброшенная изъ предосторожности на мундиръ *). Тоже самое случилось и съ нимъ, и проходящіе могли удостовѣриться, что драку эту завели на улицѣ два переодѣтые и пьяные юнкера. Ужъ какимъ образомъ мы улизнули и скрылись отъ преслѣдованія, самъ не понимаю; должно быть, что господинъ этотъ былъ изъ робкаго десятка и самъ удралъ поскорѣе, или у насъ былъ лихачъ-извощикъ, и онъ насъ спасъ. Дѣло могло пахнуть для насъ солдатчиною.

Навѣщалъ я, хотя изрѣдка, дѣдушку князя Ю. В. Долгорукова, и разъ на обѣдѣ у этого радушнаго старика онъ приказалъ подать бутылку Флорентинскаго *аліатико*, прибавивъ, что этимъ слѣдуетъ потчивать меня, Итальянца. Я никогда болѣе не видалъ его; онъ умеръ въ исходѣ 1830 года.

Выѣзжая изъ Москвы въ полкъ, я задержанъ былъ у Серпуховской заставы по причинѣ недостававшей какой-то формальности въ моемъ билетѣ, и мнѣ пришлось отправить на извощикѣ въ комендантскую (въ Кремль) нанятаго мною въ Москвѣ Итальянца Франческа Фустера (оставшагося въ Россіи въ числѣ плѣнныхъ 1812 года) для пополненія недостающаго, а самому ждать почти до ночи его возвращенія въ душной караулкѣ. Впослѣдствіи сослуживецъ мой, Матѳей Иван. Долговъ научилъ меня безпрепятственно проѣзжать чрезъ заставы въ партикулярномъ платьѣ подъ псевдонимомъ студента Ложкина съ дачи, чему способствовалъ одинаковый почти голубой околышекъ студентской форменной фуражки и нашей Павлоградской.

Возвращаясь въ Орелъ одинъ (А. Д. Чертковъ, какъ женихъ, остался въ Москвѣ), я заѣхалъ немного въ сторону обнять Бѣлкинскаго моего тёзку Клеева (и это было послѣднее мое свиданіе съ этимъ вѣрнымъ слугою стараго закала, умершимъ въ 1830 г.), а оттуда на пару дней въ Игнатовское (Знаменское) къ теткѣ Е. И. Нарышкиной.

*) Въ то время юнкерамъ запрещено было ѣздить въ экипажахъ, и потому, кромѣ шинели, мы были въ партикулярныхъ фуражкахъ.

Съ возвращеніемъ въ полкъ начались служебныя мои невзгоды. Передъ поѣздкою моею въ Москву, учреждена была у насъ полковая юнкерская школа для изученія нами гусиной шагистики, по пѣхотному образцу, и сабельныхъ пріемовъ и рубки. Я былъ назначенъ вахмистромъ команды. Выходя отъ заутрени изъ полковой церкви подъ Свѣтлый праздникъ, полковой адъютантъ Н. И. Бахметевъ напалъ за что̀-то на нашего юнкера Шепелева и сбилъ съ него фуражку. Находившійся при этомъ другой нашъ юнкеръ Андрей Сем. Раевскій закричалъ мнѣ: «Бутурлинъ, Бахметевъ оскорбляетъ Шепелева». Чтобы понять всю силу подобнаго афронта, надо знать, что, въ противность того, что̀ существовало въ пѣхотныхъ полкахъ, у насъ, внѣ фронта, никакой субординаціи не было: юнкера были на *ты* съ офицерами и никогда при встрѣчѣ на улицѣ передъ офицерами (т. е. нашего полка) не становились во фронтъ. Кровь хлынула мнѣ въ голову при этомъ извѣстіи; я выбѣжалъ изъ церкви и вмѣстѣ съ Раевскимъ (лихой и благородный былъ онъ малый и другъ мнѣ) принялись мы за Бахметева, и я, между прочимъ, прокричалъ ему, что онъ не смѣетъ-де трогать *моего* (т. е. моей команды) юнкера, и если Шепелевъ провинился въ чемъ либо передъ нимъ, ему слѣдовало отнестись ко мнѣ, какъ вахмистру, и ужъ мое будетъ дѣло поступить съ моимъ подчиненнымъ, какъ я знаю. На это Бахметевъ приказалъ, помнится мнѣ, обоимъ молчать, при угрозѣ за наше неподчиненіе ему, офицеру. На это мы ему отвѣчали, что, по неравенству съ нимъ нашихъ чиновъ, мы прекращаемъ на время дѣло это, но что когда надѣнемъ эполеты, тогда возобновимъ съ нимъ разговоръ. Не знаю навѣрно, самъ-ли Бахметевъ пожаловался на насъ полковнику, или донесъ ему о томъ по обязанности полковой гевальдигеръ *), г. Кохановъ, но вскорѣ полковникъ Пашковъ призвалъ Раевскаго и меня и объявилъ, что за нашъ поступокъ съ Н. И. Бахметевымъ онъ приговариваетъ насъ, какъ нарушителей военной дисциплины, къ службѣ рядовыми, съ назначеніемъ впредь до новаго его распоряженія на одинъ день въ караулъ, а на слѣдующій день дневальными по конюшнѣ, сирѣчь очищать стойла отъ навоза. Я въ досадѣ сорвалъ съ себя унтеръ-офицерскіе галуны, и мы оба отправились въ свои эскадроны. Раевскій былъ въ 5-мъ, гдѣ командовалъ всѣми любимый ротмистръ Чихачевскій, а я въ 6-мъ эскадронѣ, которымъ командовалъ Полякъ, ротмистръ Турскій. Вотъ какъ весело мы встрѣтили и провели первый день Свѣтлаго праздника, въ лѣто отъ воплощенія 1828-ое! На слѣдующій день мы оба, какъ рядовые, поступили въ составъ караула на главную

*) Должность въ родѣ полковаго (или штабнаго) полицмейстера.

гауптвахту, въ очередные часовые по два часа у будки три раза въ сутки.

Настала дождливая погода и весенняя распутица; отъ столь несоразмѣрнаго съ воспитаніемъ нашимъ наказанія оба мы заболѣли и отправились въ больницу: это ужъ такъ водилось у насъ [1]). Почтенный дивизіонный нашъ генералъ бар. Будбергъ, узнавъ о происшествіи съ нами, послалъ сказать Пашкову, что подобнаго рода наказаніе черезчуръ строго относительно юнкеровъ, вслѣдствіе чего, по выходѣ нашемъ изъ больницы, полковникъ потребовалъ обоихъ къ себѣ и спросилъ: чувствуемъ-ли мы всю нашу виновность, и на отрицательный нашъ отвѣтъ приказалъ было идти намъ обратно въ свои эскадроны и продолжать рядовую службу по прежнему своему приговору. Нелюбо было намъ пойти тянуть опять солдатскую лямку; мы переглянулись, сдѣлали снова *налѣво кругомъ* (такъ какъ послѣ словъ полковника мы пошли было къ дверямъ) и на этотъ разъ заявили ему, что, стало быть, мы виноваты, если онъ счелъ нужнымъ наказать насъ. Полу-уступка удалась, онъ смягчился и простилъ насъ, взявъ слово не возобновлять никогда этой исторіи съ Н. И. Бахметевымъ.

Этою весною я познакомился съ семействомъ Сергѣя Васильевича Цурикова, имѣвшаго свой домъ на соборной площади. И на умъ не приходило мнѣ тогда, что мы будемъ находиться въ свойствѣ съ нимъ по женитьбѣ шурина моего, Алексѣя Ивановича Нарышкина на Маріи Сергѣевнѣ. С. В. Цуриковъ былъ двоюроднымъ братомъ графини Елисаветы Егоровны Комаровской, рожденной Цуриковой. Изъ четырехъ его дочерей старшая только Варвара Сергѣевна (впослѣдствіи Абаза) была тогда взрослою барышнею; вторая, Марія Сергѣевна, хорошенькая, но худощавая блондинка, только что начинала выѣзжать въ общество. Надежда и Анна Сергѣевны были маленькими дѣвочками [2]). Цуриковъ слылъ образцовымъ хозяиномъ-агрономомъ; этимъ однимъ способомъ, безъ всякихъ комерческихъ спекуляцій, онъ изъ незначительнаго родоваго состоянія пріобрѣлъ до 1000 душъ.

Наѣзжалъ въ то время въ Орелъ Константинъ Алексѣевичъ Ржевскій, женатый на Колокольцовой, женщинѣ поразительной кра-

---

[1]) Полковая больница, казармы и конюшни были у Болховской заставы, а Пашковъ квартировалъ вблизи отъ нихъ въ домѣ Казакова, насупротивъ каменнаго манежа на площади.

[2]) Надежда Сергѣевна вышла въ концѣ 40-ыхъ годовъ за артиллерійскаго офицера-мота; онъ обобралъ ее, отправился на службу на Кавказъ и тамъ безъ вѣсти пропалъ. Анна Сергѣевна (препикантная брюнетка) вышла за знаменитаго А. И. Овера, по смерти коего вышла за врача же, Александра Петровича Попова.

соты. Онъ давалъ обѣды, былъ весельчакъ и бонмотистъ и забавно весьма разсказывалъ анекдоты о занятіи войсками нашими Парижа. Изъ мѣстныхъ красавицъ первою была Жедринская; но у себя она не принимала, и любоваться ею можно было только на балахъ въ собраніи. Я намекалъ на закваску гусарскаго удальства, проявлявшуюся кое-когда и въ мое время. Вотъ что случилось въ этомъ родѣ у насъ въ дивизіи. Полусумасшедшій (трудно иначе назвать) командиръ Елисаветградскаго гусарскаго полка, полковникъ Рашевскій, стоявшій въ Сѣвскѣ, послѣ сильной пирушки отправился ночью съ нѣсколькими своими офицерами, всѣ верхомъ, будто бы на приступъ тамошняго дѣвичьяго монастыря. Можно себѣ представить, какую они подняли тамъ тревогу. За этотъ подвигъ полковн. Рашевскій поплатился однакоже отдачею подъ судъ, отобраніемъ отъ него полка и чуть-ли не былъ разжалованъ. Преемникомъ его былъ полковникъ Владимировъ, славный въ полномъ смыслѣ слова человѣкъ. Около того же времени нѣсколько юнкеровъ того же Елисаветградскаго полка, разъѣзжавшіе верхомъ по большой дорогѣ, вздумали остановить почту и открыть тюки, чтобы удостовѣриться, не было-ли на имя ихъ писемъ. Всѣхъ болѣе пзъ-за этого пострадалъ хорошій мой знакомый Демидовъ (причинившій мнѣ столь много страха въ Москвѣ): онъ былъ разжалованъ, по военно-судной сентенціи, въ рядовые въ Иркутскій гусарскій полкъ. Льщу себя надеждою, что въ чопорномъ обществѣ нынѣшнихъ гусарскихъ полковъ ничего подобнаго не можетъ случиться. Это еще что! А надо было послушать разсказы старыхъ драбантовъ о томъ, что творили гусары до двѣнадцатаго года и даже позднѣе: какъ одинъ полковой адъютантъ или квартирмейстеръ тащилъ на походѣ цѣлый переходъ привязаннаго къ хвосту своей верховой лошади одного исправника, дѣйствіями котораго онъ былъ недоволенъ, или какъ, стоя въ Польшѣ, окружили всѣмъ эскадрономъ бальный залъ и пересѣкли всѣхъ панёнокъ за отказъ танцовать съ однимъ изъ ихъ офицеровъ (поцадили, кажется, одну панёнку, протанцовавшую съ тѣмъ офицеромъ). А служба тогда была *вольготная*, какъ говорятъ крестьяне. Офицерской манежной ѣзды не существовало; лошади были всѣхъ возможныхъ шерстей, не исключая пѣгихъ, саврасыхъ, буланыхъ и соловыхъ. Послѣ весенняго кампамента (т. е. сбора всего полка) лошадей пускали въ табуны на подножный кормъ, вплоть до зимы, когда ставились по деревнямъ, а офицеры уѣзжали себѣ куда глаза глядятъ, и слѣдъ ихъ остывалъ до слѣдующей весны. «Вотъ какъ жили не при Аскольдѣ а въ Павлоградскомъ полку при его командирахъ Бауерѣ и Кохановѣ «наши дѣды и отцы!»

Суровость наказаній нижнихъ чиновъ была при мнѣ поразительна: кто не служилъ тогда, тотъ не можетъ оцѣнить благодѣтельныхъ въ этомъ отношеніи мѣръ нынѣ царствующаго Императора. Нельзя себѣ представить, какъ господа полковые и эскадронные командиры лупили фухтелями за маловажные проступки. Это было, по моему, злѣйшее изъ всѣхъ тѣлесныхъ наказаній въ гигіеническомъ отношеніи. Розги и палки разсѣкали только кожу и мясистыя части тѣла, а сплошной ударъ широкой солдатской саблей во всю ея длину, нанесенный вдоль по спинному хребту, потрясалъ всю внутренность несчастнаго, и не одинъ, вѣроятно, изъ нихъ умеръ отъ того въ больницѣ. Помнится мнѣ, что 30 или 40 ударовъ фухтелями было привычнымъ дѣломъ у иныхъ эскадронныхъ командировъ.

Упомянувъ и больницахъ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о полковыхъ нашихъ эскулапахъ. Старшимъ лѣкаремъ былъ у насъ г. Заруцкій, младшимъ г. Григорьевъ. Случилось, что г. Григорьевъ донесъ по долгу службы своему старшему, что такой-то гусаръ, т. е. нижній чинъ *), померъ въ больницѣ. «Этого не можетъ быть», возопилъ старшій, «потому что Ипократъ (или какой-то другой медицинскій авторитетъ) положительно говоритъ, что отъ этой болѣзни умираютъ черезъ болѣе продолжительное время, чѣмъ прошло отъ начала болѣзни того гусара».—«Это такъ», отвѣчалъ младшій, «но Ипократъ говоритъ, что это бываетъ въ случаѣ, если больной не получаетъ вовсе медицинскаго пособія; а вѣдь этого субъекта *вы изволили лѣчить*». Анекдотъ этотъ былъ у насъ въ ходу, но за достовѣрность его не ручаюсь.

Упряжныхъ лошадей у меня болѣе не было: я ихъ отдалъ, какъ уже говорилъ, за карточный долгъ и, къ счастію, не пытался отыгрываться. Онѣ впрочемъ почти не были мнѣ нужны; но за то купилъ я у отъѣзжавшаго ген.-маіора Ѳ. П. Оффенберга великолѣпную кровную гнѣдую кобылу «Нелли», высшей манежной ѣзды, кажется, за 2500 р. асс. (деньги выданы были мнѣ на эту покупку изъ главной нашей конторы сверхъ моего оклада). И такъ былъ у меня подъѣздокъ «Орбассанъ» и парадиръ «Нелли», а во фронтѣ я продолжалъ ѣздить на казенной лошади.

Въ началѣ лѣта разнесся слухъ о войнѣ съ Турціею, и затѣмъ получено было повелѣніе всему нашему 2-му корпусу выступать къ

*) Кавалеристовъ нижнихъ чиновъ не зовутъ никогда солдатами, а гусарами, уланами, кирасирами и т. д.

Юго-западной границѣ. Извѣстіе принято было нашею молодёжью громкимъ ура. Всѣ мы новички мечтали отличиться; но помнится, что иные изъ храбрыхъ ветерановъ полка, каковыхъ я еще засталъ, не раздѣляли, къ удивленію моему, нашего восторга. Старшій эскадронный вахмистръ нашъ, Корнелій Васильевичъ, выразился въ разговорѣ со мною, что «лучше дурная стоянка, чѣмъ хорошій походъ», что даже весьма меня скандализировало. Позднѣе я имѣлъ случай подмѣтить характеристическую особенность нашего солдата, что тотъ самый, который при видѣ непріятельской колонны говорилъ: «гляди-ка, какъ насъ расчешутъ», лѣзъ впередъ, когда начиналось дѣло.

Былъ и я въ числѣ охваченныхъ энтузіазмомъ: мерещился мнѣ фантастическій калейдоскопъ, въ которомъ я видѣлъ себя совершившимъ какой-то подвигъ, ворвавшимся въ сѣчу, схватившимъ Турецкое знамя, пожалуй и пушку, получившимъ рану (само собою разумѣется, легкую), возвратившимся во-свояси штабсъ-ротмистромъ съ крестомъ на груди, предметомъ общаго въ Москвѣ или Питерѣ интереса, и пр. и пр. Суета сует; но, какъ выразился незабвенный мой отецъ въ письмѣ къ А. Н. Оленину, «il faut de cela pour la jeunesse».

Г. Слоанъ пріѣхалъ изъ Москвы проводить меня, послѣ чего онъ поѣхалъ въ Петербургъ и въ скоромъ времени возвратился во Флоренцію. Прерваны были послѣднія нити его надо мною надзора.

Въ то самое время, какъ мы собирались выступать, графъ Гр. И. Чернышевъ, проѣзжая чрезъ Орелъ въ свое Тагино, съ тремя меньшими дочерьми (недавно предъ тѣмъ состоялись свадьбы графинь Софіи и Елисаветы Григорьевнъ), просилъ полковника Пашкова отпустить меня на нѣсколько дней къ нему. Выступивъ съ полкомъ церемоніальнымъ образомъ, при звукахъ трубачей и при неравнодушіи, можетъ быть, прощавшихся съ нами зимнихъ бальныхъ подругъ нашихъ, я съ перваго перехода поспѣшилъ въ Тагино.

Это ли было то самое Тагино, столь оживленное, въ которомъ я гостилъ съ г. Слоаномъ три года передъ тѣмъ! Графъ Григорій Ивановичъ, видимо, слабѣлъ и бродилъ какъ тѣнь; молодыя графини Наталія и Вѣра предоставлены были совершенно самимъ себѣ. При меньшой (Надеждѣ) находилась пожилыхъ лѣтъ гувернантка Француженка m-me Gagnebain, женщина отличная и съ прекрасными манерами. Если она не могла быть опорою, то, во всякомъ случаѣ, была приличною компаніонкою старшимъ двумъ молодымъ дѣвушкамъ. Всѣ онѣ были, разумѣется, въ глубокомъ траурѣ по матери. Графини Наталья и Вѣра

были хорошія амазонки, но не было съ кѣмъ имъ ѣздить, и потому въ немногіе дни моего пребыванія съ ними я сталъ учить упомянутую Француженку верховой ѣздѣ. Я было сторговалъ себѣ огромнаго гнѣдаго коня изъ завода графа Григорья Ивановича; но онъ, узнавъ о томъ, подарилъ мнѣ эту лошадь на прощанье. Съ тѣхъ поръ я его болѣе не видалъ: онъ умеръ въ началѣ 1830 года.

Чувства мои къ прелестной графинѣ Вѣрѣ Григорьевнѣ не охладѣвали; давно однакоже подозрѣвалъ я неосновательность надеждъ на ея взаимность, казавшихся возможными передъ вступленіемъ моимъ въ полкъ, когда Чернышевы жили въ Тургеневскомъ домѣ на Садовой; но не время было при печальномъ Московскомъ недавнемъ событіи домогаться объясненія; казалось мнѣ, что она съ нѣкотораго времени какъ бы избѣгала оставаться на-единѣ со мною. Теперь предстояла мнѣ разлука на неопредѣленный срокъ, сопряженная съ неизвѣстностію того, что́ могло случиться со мною на войнѣ, и я порѣшилъ не уѣзжать, не узнавъ положительно отъ нея самой, долженъ ли я отречься отъ всякой надежды, хотя бы и въ отдаленной будущности. Простившись, помнится мнѣ, съ вечера со всѣмъ семействомъ, когда утромъ дорожная телѣга стояла уже у крыльца, а графъ Григорій Ивановичъ не выходилъ еще изъ своей половины, я направился въ гостиную; тамъ уже были обѣ старшія сестры однѣ. Излишнимъ было-бы излагать, что́ происходило во мнѣ, когда я въ послѣдній разъ подошелъ къ графинѣ Вѣрѣ и умолялъ ее быть со мною откровенною. Взволнованная и въ слезахъ, она подала мнѣ руки и сказала, что цѣнитъ вполнѣ мою привязанность къ ней, но что иначе, какъ на брата, и на любимаго брата, она не можетъ и *никогда* не будетъ смотрѣть на меня. Отчетливо не помню, что́ затѣмъ произошло; но, кажется, что графиня Наталья, чтобы сократить эту тяжелую сцену, чуть ли ни выпихнула меня изъ комнаты.....

Когда по прошествіи десяти лѣтъ послѣ роковаго этого утра, я встрѣтился съ графинею Вѣрою во Флоренціи, она давно уже была матерью, а я отцемъ семейства!

Не досказано мною, что съ перваго времени проявленія моихъ чувствъ къ графинѣ Вѣрѣ, они подмѣчены были матерью ея, которая не отказалась бы, вѣроятно, назвать зятемъ сына лучшаго своего друга. Имѣю поводъ такъ думать потому, что она, замѣтивъ однажды грустное мое настроеніе, по выходѣ изъ комнаты своей дочери (съ которою я передъ тѣмъ разговаривалъ), выразилась такъ: «Что́ съ тобою? Я не виновата, *если тебя принимаютъ*» (или *на тебя смотрятъ*)

не такъ, какъ ты бы желалъ». Это былъ, впрочемъ, единственный, слышанный мною отъ нея намекъ; но я почти увѣренъ, что, не будь она въ томъ немощномъ физическомъ и моральномъ состояніи, въ которомъ находилась тогда и не умри такъ скоро, я былъ бы мужемъ графини Вѣры, и правдоподобно, что жизнь моя иначе бы сложилась. Но была-ли бы она счастлива со мною—это вопросъ. Нѣжная и впечатлительная натура ея была склонна въ то время къ безграничному энтузіазму, была готова на всякое самопожертвованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ недовѣрчива къ самой себѣ. Съумѣлъ ли бы я сдерживать и направлять организацію, не искавшую въ добавокъ быть повелительницею въ супружескомъ ярмѣ (не скрывала она того), а напротивъ, требовавшую точки опоры для самой себя? Думаю, что не сумѣлъ-бы.

Я догналъ свой полкъ подъ Рыльскомъ.

Не близко отъ Орла до Придунайскихъ княжествъ. Кавалерія, для сбереженія лошадей, идетъ, бывало, малыми переходами, не болѣе 20 или 25 верстъ въ день; идетъ два дня, а на третій дневка, затѣмъ три дня, и опять дневка, и такъ до конца похода. Въ Бердичевѣ стояли мы съ недѣлю, и чрезъ два съ чѣмъ-то мѣсяца по выступленіи изъ Орла достигли въ Сентябрѣ Дунайскихъ береговъ.

Сначала назначено было нашему корпусу расположиться не далѣе Кіевской губерніи, нашему полку стоять въ г. Сквирѣ; но тамъ получено приказаніе немедленно слѣдовать чрезъ Каменецъ-Подольскъ, Молдавію и Валахію. Иныя полковыя дамы сопутствовали мужьямъ до Турецкой границы, въ томъ числѣ милѣйшая полковница наша Ольга Алексѣевна съ своими дѣтьми. Она была ангеломъ-хранителемъ нашей братьи, юнкеровъ; ходатайство ея не разъ смягчало милитарный педантизмъ ея супруга. Во время похода мы, юнкера, устроили по случаю ея именинъ или дня рожденія театральное представленіе (pièce de circonstance) въ стихахъ, моего сочиненія (на Французскомъ, конечно, языкѣ по слабости моей въ родномъ), съ живой картиною въ заключеніе піесы, представлявшею группу насъ, актеровъ, около ея портрета. (Надо сказать, что портретъ этотъ масляными красками, поясной, но въ натуральный ростъ, неразлучно сопутствовалъ Егору Ивановичу во всѣхъ походахъ и висѣлъ въ его палаткѣ или на квартирѣ. Пріятно отдать ему справедливость, что онъ былъ влюбленнымъ мужемъ, вещь, впрочемъ естественная въ отношеніи подобнаго ангела, и добавлю, что онъ былъ всегда отличнымъ семьяниномъ). Возвращаюсь къ импровизованному спектаклю. Актерами были Петръ Александровичъ Хрущовъ (незабвенный мой другъ и пріятель), А. С. Раевскій, Д. И. Шепелевъ,

Николай Евсюковъ и азъ пѣли. Костюмы и сцены готовились на дневкахъ, также и репетиціи. Представленіе состоялось въ Бѣлой-Церкви, въ обширной Жидовской корчмѣ; вмѣсто кулисъ были съ боковъ настоящія березки; ими любезно насъ снабдилъ панъ-экономъ графини Брацицкой, съ которою я не искалъ возобновить знакомство. Не помню, что́ было у насъ въ фонѣ, но чуть ли не намалеванный и вправду занавѣсъ. Спектакль удался, но не избѣгнулъ критики офицерской партіи, несторонниковъ полковника Пашкова: смѣшнымъ показалась въ живой картинѣ фигура Аркадскаго пастушка въ граціозной балетной позѣ, съ преклоненнымъ колѣномъ, указывавшаго рукою на портретъ виновницы торжества. Оно было точно аффектировано, но внушено мнѣ классицизмомъ моего юношества и духомъ Итальянской жеманной поэзіи.

Во время стоянки въ Бердичевѣ, товарищъ и пріятель мой Хрущовъ [1]) побился о закладъ на бутылку шампанскаго, что во время представленія въ тамошнемъ театрѣ, гдѣ сидѣли въ ложѣ Пашковъ съ женою, онъ пройдетъ чрезъ всю сцену въ полной формѣ съ киверомъ на головѣ. Паръ́ было выиграно, но вслѣдъ за тѣмъ побѣдитель посаженъ былъ подъ арестъ на конюшню, или поставленъ часовымъ у полковаго ящика (всегда, какъ извѣстно, находящагося передъ полковничьей квартирой), гдѣ онъ такъ усердно во всю ночь кричалъ «слушай», что́ не давалъ спать бѣдной Ольгѣ Алексѣевнѣ. Этими мѣрами, или спѣшившемуся пройти на маршѣ цѣлый переходъ съ двумя, а иногда, тремя саблями, прицѣпленными къ боку, ограничивалось наказаніе юнкеровъ въ нашемъ полку, тогда какъ слышно было, что въ иныхъ кавалерійскихъ полкахъ закапывали юнкеровъ въ навозъ, чему я плохо вѣрю; въ пѣхотныхъ полкахъ становили ихъ на часы съ двумя и тремя солдатскими ружьями на плечахъ.

Не договорилъ я, что въ Орлѣ прислугу мою составляли кучеръ и двое людей. Ивана Бурлуцкаго, хотя онъ былъ и рисовальщикъ и литераторъ, я отпустилъ по паспорту за приверженность къ зелену́ вину. Франческо Фустеръ былъ поваръ [2]). Хорошій былъ онъ человѣкъ

---

[1]) Хрущовыхъ было въ живыхъ шесть братьевъ, Николай, Петръ, Александръ, Павелъ, Валеріанъ и Григорій и восемь сестеръ, г-жи Нарышкина, Рѣткина, Козловская, графиня Дивьеръ, княг. Долгорукова, Перхурова, Замятнина и Любовь Александровна Черткова; между послѣдней и Елис. Алекс. Нарышкиной было около 30 лѣтъ разницы.

[2]) Въ 1833 г. онъ снова поступилъ ко мнѣ и умеръ въ моемъ Костромскомъ имѣніи православнымъ. Предъ смертію онъ просилъ выписать свою жену (она была Русская) и дѣтей. Желаніе его было исполнено, по вскорѣ послѣ его смерти скончалась и жена его. Я призрѣлъ троихъ дѣтей и старую ихъ бабку. Мальчиковъ я опредѣлилъ въ надежныя ремесла, но путнаго изъ нихъ ничего не вышло. Дочь, выросшая у меня въ де-

и усерденъ, но страшно вспыльчивъ. На одномъ переходѣ въ Волынской или Подольской губерніи, слѣдуя за полкомъ въ моей повозкѣ и сбившись съ дороги, онъ разспрашивалъ у всякаго встрѣчнаго крестьянина о разстояніи до мѣста ночлега полка; выходило изъ справокъ, что разстояніе все болѣе и болѣе увеличивалось по естественной причинѣ, что онъ, вѣроятно, все болѣе и болѣе удалялся, а не приближался къ цѣли. Но онъ этого не смекалъ, потерялъ терпѣніе, выскочилъ изъ повозки и ну колотить послѣдняго допрошеннаго мужика. «Какъ, каналья, ты говоришь, что остается еще столько, тогда какъ тѣ, которыхъ я прежде встрѣчалъ, показывали меньше». Анекдотъ переданъ мнѣ другимъ моимъ человѣкомъ Ильею Бабиченкомъ, свидѣтелемъ происшествія. На Молдавской границѣ я расчелъ этого Итальянца, поручивъ ему сдать мою повозку и упряжную тройку (купленную въ Орлѣ передъ походомъ) въ Тагинѣ. Юнкерамъ разрѣшено было имѣть на правахъ офицерскихъ своего человѣка и вьючную лошадь, и я оставилъ при себѣ этого Илью, изъ нашихъ хохловъ-крестьянъ слободы Бутурлиновки.

Я не упомянулъ, что Ольга Алексѣевна Пашкова прибыла къ намъ въ полкъ въ г. Переяславль въ то самое время, когда мужъ ея былъ со мною въ тамошней соборной церкви и служилъ молебенъ при ракѣ почіющихъ тамъ мощей св. Макарія. Въ этой церкви хранятся цѣнные вклады, пожертвованные Мазепою и, кажется, между прочимъ Евангеліе съ его подписью. Неловко, чай, провозглашать въ день православія анаѳему Мазепѣ въ этомъ храмѣ.

Такъ какъ полки нашей 2-й гусарской дивизіи слѣдовали не въ дальномъ разстояніи одинъ отъ другаго, то мы часто сходились и дружились съ офицерами и юнкерами эрцгерцога Фердинанда и Елисаветградскаго полковъ. Я уже говорилъ, что Иркутскій полкъ какъ-то отстранялся отъ насъ. Сборнымъ нашимъ пунктомъ были въ городахъ трактиры и кофейныя; такъ, проходя чрезъ Прилуки, гдѣ у насъ была дневка, а послѣ насъ дневка Фердинандову полку, содержатели тамошняго трактира и виннаго погреба, братья Нововы (какъ теперь помню) сказывали, что въ эти немногіе дни выпитъ былъ офицерами и юнкерами четырехъ полковъ весь годовой запасъ, купленный ими на Роменской ярмаркѣ. Какъ тутъ устоять мальчикамъ, пропитаннымъ гусарскими традиціями и Денисъ-Давыдовскою Бахусовою литературою *)?

ревнѣ и очень собою хорошенькая, отдана была бабкою въ магазинъ въ Москву; узнавъ, что она начинаетъ сбиваться съ должнаго пути, я ее взялъ и привезъ къ Знаменское въ горничныя къ моей женѣ, но она оттуда ушла пѣшкомъ и безъ денегъ...

*) Въ числѣ этихъ традицій былъ немало удивительный подвигъ влить въ глотку

Тамъ же, въ Прилукахъ, П. А. Хрущовъ и я остались нѣсколько дней по выходѣ полка, но съ разрѣшенія и даже по порученію полковника, похлопотать уладить какія-то несогласія или недоумѣнія между нимъ и мѣстными полицейскими властями на счетъ квартирныхъ квитанцій или справочныхъ мѣстныхъ цѣнъ продовольствія. Оба мы тѣмъ охотнѣе отозвались на это предложеніе, что затѣяли тогда же сюрпризъ обожаемой нашей полковницѣ Ольгѣ Алексѣевнѣ, и надо было запастись разноцвѣтнымъ коленкоромъ и галунами для костюмовъ. По заблаговременно полученнымъ нами свѣдѣніямъ, операціонный планъ для успѣшнаго довершенія предпринятаго на себя дѣла оказался немудренымъ: не требовалось личнаго нашего хожденія по мытарствамъ городническаго правленія или земскаго суда; на это былъ оффиціально прикомандированный къ намъ унтеръ-офицеръ изъ вольноопредѣлившихся, Судбинскій; наше же дѣло было созвать и угостить градоначальника и уѣздныхъ властей въ упомянутой гостинницѣ братьевъ Нововыхъ,—вещь сподручная Хрущову и мнѣ. Не стоитъ говорить, сколько раскупорено было, во время этихъ дипломатическихъ переговоровъ, шипучаго чисто-Донскаго и Донскаго подъ фирмою Моэта и Клико; но личность городничаго напрашивается на бѣглый очеркъ. Это былъ совершенно типъ Гоголевскій, исчезнувшій при прогрессивной чопорности нынѣшнихъ полицейскихъ учрежденій. Право, хотѣлось бы мнѣ встрѣтить опять двойника этого добродушнаго, безцеремоннаго, толстаго весельчака-хохла, съ колыхающимся при хохотѣ пузомъ. Съ перваго же дня нашего съ нимъ знакомства или, точнѣе сказать, съ первой съ нимъ попойки, городничій нашъ ревѣлъ съ прослезившимися отъ избытка чувствъ глазами. «О це хлопцы! Бутурлынъ, Хрущовъ!»

Въ Прилукахъ же я поручилъ для фарса эскадронному нашему артельщику сочинить, какъ умѣлъ, письмо отъ моего имени къ гр. Натальѣ Григорьевнѣ Чернышевой, коей я обѣщалъ писать съ похода, а самъ молъ не пишу, потому что нѣтъ времени. Артельщикъ этотъ смахивалъ на грамотнаго старовѣра съ примѣсью семинарской и гражданской эрудиціи. Редакція письма до того понравилась Хрущову, что онъ тутъ же просилъ краснорѣчиваго артельщика сочинить другое въ томъ же родѣ отъ его имени къ своимъ сестрамъ въ Москву.

Во время одной дневки въ Подольской губерніи, я пошелъ къ обѣднѣ, такъ какъ день былъ воскресный, въ сельскую православную церковь; сталъ я на клиросъ съ причетниками и довольно удовлетво-

---

сразу, не переводя духа, бутылку рому. До подобнаго совершенства не удавалось однакоже мнѣ дойти.

рительно, какъ мнѣ показалось, проревѣлъ апостолъ моимъ октавнымъ басомъ. Чтеніе мое и пѣніе понравились, быть можетъ, священнику (сѣдовласому, но свѣжему лицемъ), и онъ позвалъ меня къ себѣ на чай. Случай этотъ я помѣщаю здѣсь только потому, что меня поразило, что этотъ священникъ велъ бесѣду съ своими гостями, также повидимому православными, на Польскомъ языкѣ (со мною, конечно, онъ объяснялся по-русски съ примѣсью хохлацкаго). Вотъ до какой степени край этотъ былъ полонизованъ въ 20-хъ годахъ.

На границѣ Придунайскихъ княжествъ полки наши были переформированы въ четыре вмѣсто прежнихъ шести эскадроновъ, съ усиленнымъ числомъ рядовъ во взводахъ, при чемъ передней шеренгѣ даны пики, а безвредные и мягкоствольные карабины, висѣвшіе на крюкѣ съ боку ѣздока, сданы были въ ближній цейхгаузъ. Добавлю, что нерѣдко парадное это оружіе было съ загнутыми стволами, потому что при перекидкѣ кавалеристомъ правой ноги черезъ сѣдло, во время садки на коня, карабинъ попадалъ подъ правую ляжку. Не мѣшаетъ замѣтить, что операція сдачи карабиновъ въ цейхгаузы повторилась передъ Польскою войною и дала поводъ сказать Н. П. Муравьеву (Карскому), что въ мирное время спѣшившійся кавалеристъ, когда стоитъ на часахъ и дѣлаетъ на караулъ карабиномъ передъ проходящимъ своимъ начальникомъ, какъ будто бы издѣвается надъ нимъ, отдавая ему честь оружіемъ, не употребляемымъ въ военное время.

Пѣхотные полки переформированы были также въ два баталіона, а третій оставался въ Россіи, въ кадрахъ.

Эскадронными командирами остались наши ветераны-ротмистры: Игнатій Дмитр. Масловъ, Михайло Ив. Ванзенъ, Николай Александровичъ Чихачевскій и Гавришевъ. Г. Г. Болдыревъ и Турскій возвратились въ кадры. Мы перешли Прутъ подъ Хотиномъ, вспоминая солдатскую пѣсню Суворовскихъ временъ:

„Ахъ ты, батюшка Хотинъ,
Мы въ тебѣ стоять хотимъ“.

Не доходя до Дуная, я и А. С. Раевскій заболѣли упорною мѣстною лихорадкой и принуждены были оставаться при лазаретѣ въ селеніи Слободзеѣ. Весь нашъ корпусъ перешелъ Дунай и расположился вокругъ Силистріи на смѣну 3-го пѣхотнаго корпуса (ген. Рота), осаждавшаго эту крѣпость *). Оправившись, мы потянулись за Дунай

*) Ген. Ротъ началъ, говорятъ, свою службу рядовымъ въ арміи принца де-Конде. Подчиненные отзывались о немъ, какъ о придирчивомъ начальникѣ. Однажды, инспекти-

съ выписанною изъ лазарета командою, въ Молдаванской каруцѣ на волахъ, по 10 верстъ въ день. Подъ Силистріею мы первоначально жили въ палаткахъ; но когда наступила осенняя холодная съ дождемъ погода, пѣхотные солдаты копали для насъ, за пичтожную плату, землянки съ вырытою трубою для внутренней топки и съ крышею изъ хвороста.

Въ Фердинандовомъ полку случилась вещь трудно объясняемая, тѣмъ не менѣе бывалая не въ одномъ этомъ полку: цѣлый эскадронъ шарахнулся однажды ночью. Лошади, объятыя какимъ-то паническимъ страхомъ, сорвались съ коновязей и ускакали далеко за лагерь; къ утру ихъ переловили.

По сей (лѣвой) еще сторонѣ Дуная примкнула къ нашей 1-й бригадѣ конная артиллерійская рота храбраго капитана Порошина [1]), съ офицерами которой мы съ того времени до конца войны сжились, какъ бы съ родными братьями. Славные были всѣ они товарищи и люди образованные; болѣе прочихъ съ нами сблизились гг. Турнеръ, Багговутъ и Александръ Алексѣевичъ Мироновъ, умнѣйшій и безукоризненный человѣкъ, оказавшій мнѣ впослѣдствіи много искренней дружбы.

Осада Силистріи блокадою производилась строго: пальба осадными орудіями почти что не прекращалась денно и ночно; межъ тѣмъ кавалерія дѣлала постоянные разъѣзды, а пѣхота ходила патрулями. Въ мою тамъ бытность Турки сдѣлали лишь одну или двѣ вылазки. Въ первое время ночная пальба мѣшала намъ спать, потомъ свыклись. По поводу этого вотъ что́ случилось съ М. Г. Ржевскимъ, тогда офицеромъ 3-й гусарской дивизіи, корпуса Рота, на смѣну котораго мы пришли. Окончивъ однажды свою дистанцію, съ разъѣздомъ своего полка, онъ остановился у одной изъ батарей и, не разбирая мѣста, гдѣ бы отдохнуть до утра, завернулся въ плащъ, прилегъ у самой заревой пушки (не подозрѣвая того) и заснулъ богатырскимъ сномъ. Можно вообразить себѣ, какъ былъ онъ ошеломленъ, когда на разсвѣтѣ возлѣ него гаркнула (какъ водится въ лагерѣ) эта пушка. «Помилуй, братецъ», обратился онъ къ бомбардиру, «гдѣ у тебя совѣсть? Неужели ты не могъ заблаговременно разбудить меня?» — «Виноватъ, ваше благородіе», былъ отвѣтъ, «*я боялся васъ побезпокоить*» [2]).

руя офицерскую манежную ѣзду въ 3-й гусарской дивизіи, онъ гналъ кого-то изъ сихъ офицеровъ, повторяя, что мундштукъ у лошади не пригнатъ. Тотъ, потерявъ терпѣніе, отвѣчалъ: „Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, мундштукъ хорошъ, а ротъ скверенъ".

[1]) Онъ убитъ на Варшавскомъ штурмѣ.

[2]) Нынѣ умершій Рязанскій помѣщикъ М. Г. Ржевскій былъ жевать на Екатеринѣ

Въ лагерѣ былъ рядъ маркитантскихъ палатокъ, преимущественно изъ Бѣлевцевъ, но были и Молдаванскіе и Жидовскіе маркитанты; у иныхъ, съ обѣденнымъ столомъ à prix fixe, со всѣми возможными припасами и даже прихотями. Тутъ шелъ кутежъ на деньги и въ кредитъ до будущей трети; въ послѣднемъ случаѣ выдавался иногда кредиторухозяину заведенія ордеръ или переводъ въ должной суммѣ полковому казначею. Злополучная звѣзда моя, какъ говорится по-французски, свела меня тамъ съ Евреемъ-маркитантомъ «en grand», у котораго были военно-офицерскія вещи, подзорныя трубки, косметическія принадлежности и пр., Леономъ Каненштейномъ, Австрійскимъ будто-бы подданнымъ, сдѣлавшимся, какъ усмотрится впослѣдствіи, виновникомъ моего разоренія.

Однажды, когда мы съ А. А. Мироновымъ сидѣли за бутылкою шампанскаго, въ маркитантскую палатку вошелъ инженерный офицеръ, получившій уже крестъ въ начатой кампаніи. Электризованный воинскимъ духомъ и парами Клико, я рвался цѣловать этотъ крестъ, чѣмъ носитель кавалерскаго ордена не на шутку обидѣлся, приписывая мой порывъ неумѣстной насмѣшкѣ; я все упорствовалъ въ своемъ намѣреніи, но, къ счастію, задержалъ меня мой умный собесѣдникъ.

Послѣ почти мѣсячнаго пребыванія въ совершенномъ бездѣйствіи подъ Силистріею ко мнѣ снова пристала лихорадка, и я отпросился въ селеніе Каларашъ въ 8 или 10 верстахъ по сю сторону Дуная. Былъ уже конецъ Октября, погода стояла холодная, не по климату, съ перемежающимся дождемъ и снѣгомъ. Заболѣлъ и корпусный командиръ нашъ, князь А. Г. Щербатовъ. Онъ уѣхалъ въ Россію и болѣе въ армію не показывался. Его замѣстилъ временно генералъ Доврѣ. Къ неописаемой радости я нашелъ въ Каларашѣ А. Д. Черткова, только что прибывшаго къ мѣсту назначенія. Я въ первый разъ видѣлъ его женатымъ. Елисавета Григорьевна, беременная уже старшею дочерью (нынѣ княгинею Елисаветою Александровною Голицыной), оставалась въ кадрахъ Фердинандова полка, въ г. Умани, или въ другомъ полу-Еврейскомъ мѣстечкѣ южной нашей границы. Александръ Дмитріевичъ пріютилъ меня въ своей Молдаванской мазанкѣ, открытой доступу всѣмъ зефирамъ, гдѣ я то и дѣло затыкалъ окна пузырными клочками вмѣсто отсутствующихъ стеколъ отъ валившаго хлопьями снѣга. Чертковъ часто впослѣдствіи любилъ напоминать мнѣ объ этомъ.

Соломоновнѣ Мартыновой, ходилъ въ ополченіе въ Крымскую войну 1855 г. начальникомъ Спасской (кажется) дружины и умеръ на обратномъ оттуда пути.

Чрезъ нѣсколько дней я отправился въ нашъ вагенбургъ (полковой нашъ священникъ называлъ его Оренбургомъ; тамъ былъ и подвижной нашъ лазаретъ), въ Валашское селеніе, гдѣ слышна была по теченію Дуная пальба подъ Силистріею, за 50, если не болѣе, верстъ. Примкнули ко мнѣ пѣшіе юнкера нашего полка, и недѣли чрезъ полторы мы дотащились кое-какъ до Бухареста. Измученный лихорадкою, я забрался было первоначально на какую-то Жидовскую квартиришку, гдѣ отыскалъ меня и перевелъ къ себѣ родственникъ мой Дмитрій Антоновичъ Станкеръ, все еще въ своемъ Екатеринославскомъ пѣхотномъ полку, но уже прикомандированный къ штабу графа Киселева, генералъ-губернатора Валашскаго княжества.

Дивизія наша между тѣмъ тронулась изъ подъ Силистріи на зимнія квартиры по сю сторону Дуная, совершивъ для сего значительный обходъ, чтобы не выказывать, вѣроятно, Туркамъ отступательнаго этого движенія. Настали слякоть, глубокая грязь, затѣмъ морозы, дороги сдѣлались непроходимыми, и войска наши подвигались, какъ разсказываютъ, безъ всякаго порядка, или какъ попало. Объ отстающихъ не заботились; счастіе ихъ, что погони не было отъ олуховъ-Турокъ. Перемѣны въ начальствующихъ лицахъ у насъ не произошло, за исключеніемъ того, что командиръ 2-й бригады нашей дивизіи, Деляновъ, былъ смѣненъ молодыхъ лѣтъ генераломъ Глазенапомъ.

Первая эта Турецкая кампанія 1828 г., не привела, какъ извѣстно, ни къ какимъ результатамъ. Одна часть гвардейскаго корпуса подъ личнымъ предводительствомъ Государя Императора съ трудомъ овладѣла Варною; для содѣйствія покоренію ея призванъ былъ графъ М. С. Воронцовъ. Другая часть гвардіи подъ начальствомъ великаго князя Михаила Павловича штурмомъ взяла Браиловъ съ непредвидѣннымъ будто бы уономъ, какъ разсказывалось впослѣдствіи, нашихъ людей, взлетѣвшихъ отъ взрыва мины, предназначенной Туркамъ; достовѣрность этого обстоятельства утвердить не могу. Князь А. С. Меншиковъ взялъ Анапу съ моря; но нашему 2-му корпусу, также и 3-му, не удалось сдѣлать ничего значительнаго.

Опредѣлились тогда въ дѣйствующую армію два Француза противоположныхъ партій. Одинъ былъ маркизъ Де-ла-Рошъ-Жакеленъ, сынъ или родственникъ извѣстнаго во время первой республики Вандейскаго народнаго вождя; онъ, помнится мнѣ, состоялъ волонтеромъ при императорскомъ штабѣ. Другое лицо былъ полковникъ Дрювиль, старый Наполеоновскій воинъ; по паденіи Французскаго императора онъ посвятилъ дѣятельность свою какой-то странѣ въ южной Азіи, а

оттуда перешелъ въ Россію, принятъ былъ на службѣ полковничьимъ чиномъ и состоялъ при нашемъ корпусномъ штабѣ. Разсказываютъ, что, представляясь государю Николаю Павловичу, онъ отнесся къ нему слѣдующими словами: «Ношу я на тѣлѣ своемъ слѣды двадцати четырехъ ранъ, но на немъ есть еще мѣсто получить столько же для службы вашего величества». И славная воинственная наружность была у этого высокаго сѣдого усача: настоящій рубака! Подъ Силистріею онъ вздумалъ было сдѣлать какую-то сумасбродную демонстрацію или атаку на передовые Турецкіе посты или шанцы съ цѣлымъ Фердинандовымъ полкомъ; но командиръ онаго полковникъ Купферъ заявилъ ему наотрѣзъ, что не дастъ своего полка для этой экспедиціи, и имѣлъ вѣроятно право на то, потому что не слышно было, чтобы Купферъ подпалъ подъ отвѣтъ за непослушаніе. Отмѣчу кстати, что жена Купфера, переодѣтая мужчиною (такъ какъ женщинъ не допускалось въ дѣйствующей арміи), гостила у мужа своего въ палаткѣ и новою Амазонкою участвовала верхомъ въ преслѣдованіи Фердинандовымъ полкомъ Турокъ, сдѣлавшихъ вылазку изъ крѣпости.

Кромѣ нашего 2-го пѣхотнаго корпуса и 3-го корпуса былъ еще въ составѣ арміи резервный кавалерійскій корпусъ изъ конно-егерей, командуемый, кажется, ген. Бороздинымъ. Корпусъ этотъ, или часть онаго, дѣйствовалъ въ глубинѣ Болгаріи, охраняя, вѣроятно, дорогу отъ Шумлы къ Силистріи, въ случаѣ замысла непріятеля попытаться освободить обложенную нами крѣпость. Пока мы стояли подъ Силистріею, проходили мимо насъ и обратно по сю сторону Дуная эти конно-егерскіе полки въ ужасно изнуренномъ состояніи и въ лѣтней формѣ, въ кителяхъ, когда уже наступила холодная погода.

Какія войска оставались продолжать зимнюю блокаду Силистріи, не помню; полагаю, что часть нашего 2-го корпуса, между тѣмъ какъ другая часть (изъ пѣхоты) отряжена была обложить другую Дунайскую крѣпость Журжу и стать вокругъ нея на зимнія квартиры. Полкъ нашъ пошелъ было на зиму въ сѣверную Валахію, къ мѣст. Питешты, на Венгерской границѣ, куда и я отправился изъ Бухареста; но, явившись къ эскадронному моему командиру Чпхачевскому и узнавъ отъ него, что полкъ выступаетъ снова и идетъ на зиму подъ Журжу, я опять, отчасти по болѣзни своей, а отчасти и по нерадѣнію къ службѣ, отдѣлился отъ полка и возвратился въ Бухарестъ. Сначала я стоялъ на наемной квартирѣ на улицѣ Фуяжеръ-де-Фукъ съ А. С. Раевскимъ и Д. И. Шепелевымъ (мы составляли тріумвиратъ); но, видя, что насъ настойчиво требовали въ полкъ по командѣ, мы всѣ трое, сгорбившись и намалевавши акварельною краскою синяки подъ глазами, яви-

лись къ дежурному штабъ-офицеру полковнику Мясоѣдову выказать ему, въ какомъ состояніи мы находились, и просить его ходатайства объ отсрочкѣ отправленія. Штука удалась; добродушный штабъ-офицеръ испугался почти, глядя на насъ и, должно быть, увѣдомилъ наше начальство о невозможности отъѣзда нашего изъ Бухареста, между тѣмъ какъ мы проводили вечера въ кофейняхъ и ресторанахъ, гдѣ

Гнули (Богъ намъ прости)
Отъ пятидесяти
На сто.

Мелу не водилось на открытыхъ Молдавскихъ банкахъ. Столъ былъ покрытъ скатертью, а на немъ возвышались заманчивыя кучки золота и серебра. Записи не допускалось ни для банкомета, ни для понтирующихъ.

Разъѣзжая днемъ въ открытой извощичьей коляскѣ по длинной улицѣ Тиргада-Фаръ, я наткнулся однажды на полк. Пашкова, также въ коляскѣ. Чувствуя, что за мною послѣдуетъ неминуемая погоня, я принялся толкать кучера въ спину, чтобы онъ прибавилъ шагу; но, убѣдившись, что не ускользну отъ преслѣдованія, выскочилъ изъ коляски, шмыгнулъ на дворъ ближняго дома и тамъ спрятался въ подвалъ по колѣна въ водѣ. Не ошибся я: Пашковъ вбѣжалъ въ тотъ домъ, на квартиру конно-егерскаго штабъ-офицера. Что произошло межъ ними и былъ ли обыскъ въ томъ домѣ, не знаю; но спустя около четверти часа незабвенный мнѣ этотъ конно-егерскій офицеръ подошелъ къ мѣсту заключенія моего, закричавъ «графъ выходите»; значило, что онъ успѣлъ уже обо всемъ развѣдать и зналъ, гдѣ я спрятался. Пригласивъ меня къ себѣ высушиться, онъ указалъ на меня находившимся тутъ своимъ юнкерамъ, сказавъ: «Вотъ, господа, смотрите, что дѣлается въ прочихъ полкахъ», и можно было дѣйствительно подивиться, до чего доходилъ мелочный милитаризмъ нашего полковника, вовсе не дурнаго въ прочихъ отношеніяхъ человѣка.

Послѣ сего приключенія невозможно было мнѣ долѣе оставаться на своей квартирѣ, и я отправился въ офицерское отдѣленіе военнаго госпиталя. Уже до этой исторіи полковникъ оказывалъ мнѣ при разныхъ случаяхъ свое неудовольствіе; но послѣ настоящаго, отношенія мои съ нимъ сдѣлались крайне натянутыми.

Госпиталь занималъ квадратное зданіе одинаковой архитектуры съ внутреннимъ дворомъ, въ центрѣ коего была церковь; все это имѣло видъ обширнаго монастыря. Въ этой церкви нѣкоторые изъ юнкеровъ

нашего и Фердинандова полка, въ томъ числѣ я, стали однажды на клиросъ и пропѣли кое-какъ обѣдню, между тѣмъ какъ священникъ служилъ на Молдавскомъ (по ихъ Романешти) нарѣчіи, а діаконъ на Греческомъ. Навряд ли кому придется присутствовать при подобнаго рода совершеніи литургіи [1]). Въ мое время въ сельскихъ храмахъ Молдавіи звонили чуть-чуть не въ единственный пискливый колоколъ, а затѣмъ били, большею частію, въ желѣзную доску, какъ у насъ стучатъ ночные при амбарахъ сторожа, а то въ перемежку и того и другаго. Обычай этотъ остался, вѣроятно, со времени Турецкаго владычества въ княжествахъ, когда христіанамъ возбранялся колокольный звонъ. Притѣсненіе это существовало еще, по моему замѣчанію, въ 1829 г. въ Адріанополѣ и прочихъ мѣстностяхъ Румеліи. Странная, замѣчу мимоходомъ, филологическая противоположность является между Молдавскимъ и Польскимъ языками. Тогда какъ первый, корень коего Латинскій (и на столько сходенъ съ Итальянскимъ, что я свободно почти объяснялся съ Молдаванами), пишется Славянскими буквами [2]); второй, напротивъ, чисто Славянскій, пишется Латинскими буквами. Молдавское сельское духовенство показалось мнѣ въ одинаково жалкомъ положеніи, какъ наше сельское.

Въ первое время госпитальнаго пребыванія со мною были тѣже товарищи, Раевскій и Шепелевъ. Приходилъ иногда къ намъ Фердинандова полка юнкеръ Алексѣй Ивановичъ Мясоѣдовъ (нынѣ умершій) сосѣдъ по Калужскому уѣзду Раевскимъ.

Зима приближалась къ концу; почти всѣ мои товарищи выписались и возвратились къ своимъ мѣстамъ; я одинъ хворалъ прежнею своею лихорадкою. Но зорко слѣдилъ за мною полковникъ Пашковъ, и въ одинъ прекрасный вечеръ явился въ госпиталь посланный имъ нашъ унтеръ-офицеръ Смородиновъ со всѣми нужными разрѣшеніями взять меня во что бы ни стало, и хотя въ тотъ самый часъ меня трепалъ пароксизмъ, вывели меня, подсадили въ телѣгу и привезли въ деревню Стоянешти, верстахъ въ 10-ти отъ Бухареста. Дѣло было ночное, и явка моя къ полковнику состоялась на слѣдующее утро. Встрѣтилъ меня, разумѣется, пріемъ самый бурный. Пашковъ предложилъ мнѣ оста-

---

[1]) Русское пѣніе при Греческихъ эктеніяхъ и Молдавскихъ возгласахъ было весьма кстати; оно выражало весь характеръ Румынскаго языка, составившагося изъ этихъ трехъ элементовъ. Приведу, какъ характеристику этого нарѣчія, слова, поющіяся по прочтеніи Евангелія „Слава тебѣ Господи, слава тебѣ". По молдавски: „Слава си (Греч. σοι)-домне (Лат. domine), слава"... *Прим. одного изъ читателей Записокъ.*

[2]) Теперь Кириллицу (по недоглядкѣ П. Д. Киселева) замѣнила Латинка. Первая осталась только въ книгахъ богослужебныхъ.

вить *его* полкъ (какъ будто бы Государь подарилъ ему Павлоградскій полкъ) и хлопотать о переводѣ въ другой. На это я ему отвѣчалъ, что полкомъ и товарищами я доволенъ, и что, пусть будетъ, что́ будетъ, я не перейду въ другой полкъ. Тогда онъ, кажется, объявилъ мнѣ (или можетъ быть, слова его относятся къ позднѣйшей сценѣ, при начатіи Польской войны 1831 года), чтобы я не ожидалъ никакихъ наградъ во время предстоявшихъ военныхъ дѣйствій.

Въ этомъ селеніи мы встрѣтили и провели Пасху 1829 г., при невеселыхъ для меня условіяхъ. Утѣшенъ былъ я только полученнымъ изъ дому увѣдомленіемъ, что любимая сестра моя графиня Елисавета вышла замужъ за маркиза Клавдія Соммарива д'Ексъ.

Изъ Стоянешти мы выступили 1 или 2 Мая, направляясь къ Дунаю, во время проливнаго дождя, упорно преслѣдовавшаго насъ во весь переходъ того дня, не взирая на что́ произведенъ былъ намъ на походѣ смотръ новымъ нашимъ корпуснымъ командиромъ, доблестнымъ гр. Петромъ Петровичемъ Паленомъ I-мъ, или чуть-ли не самимъ новымъ главнокомандующимъ Дибичемъ. Промокнувшіе буквально до костей, мы добрались до покинутой своими жителями деревушки, гдѣ я съ нѣкоторыми товарищами съ неимовѣрнымъ трудомъ могъ развести очень въ отведенной намъ мазанкѣ. Переправа чрезъ Дунай всего корпуса по единственному мосту, наведенному наискось противъ Силистріи, потребовала три-четыре дня. Тутъ, по случаю экстреннаго письменнаго дѣла въ полковой канцеляріи, Пашковъ, страдавшій между прочимъ маніею бюрократіи, упекъ въ помощь полковыхъ писарей нѣсколько человѣкъ изъ нашихъ юнкеровъ. Не знаю, почему избѣгнулъ я этой участи. Принятъ былъ для предстоящей кампаніи маркитантомъ при нашемъ полку вышепомянутый мнимый Австріецъ изъ Евреевъ, Леонъ Капенштейнъ. Такъ какъ безъ билета чрезъ Дунайскій мостъ не пропускали, то онъ неотлагательно приставалъ къ полковымъ писарямъ, чтобы ему выправили полковой видъ. Одинъ изъ импровизованныхъ писарей, унтеръ-офицеръ изъ вольноопредѣляющихся, Яковъ Судбинской *) къ коему болѣе прочихъ приставалъ Леонъ, шуткою скорѣе чѣмъ ошибкою, назвалъ его въ билетѣ Капустинымъ вмѣсто Капенштейна. Какъ тотъ ни протестовалъ противъ подобнаго измѣненія, ничего не помогло: Капустинымъ онъ въ офиціальныхъ бумагахъ остался до злополучнаго, какъ увидимъ далѣе, конца своей дѣятельности въ 1846 году.

*) Онъ былъ незаконнымъ сыномъ Саратовскаго помѣщика Б. и, такъ какъ происхожденіе его было намъ извѣстно, принятъ былъ товарищемъ въ юнкерскомъ нашемъ обществѣ.

Передъ Силистріею мы стояли всего дня два. Осада этой крѣпости продолжалась частію (кажется) 3-го корпуса подъ начальствомъ генерала Красовскаго, взявшаго ее на капитуляцію въ слѣдующемъ Іюнѣ; мы же пошли напрямикъ къ Югу, по направленію къ крѣпости Шумлѣ чрезъ лѣса, гдѣ шедшая впереди саперная колонна топорами расчищала намъ дорогу. Попадались намъ рѣдкія селенія, и тѣ покинутыя жителями. Помню, что подъ околицею таковаго я поднялъ съ земли недавно, повидимому, срѣзанный съ корня пучекъ цвѣтущаго шиповника (тамошній шиповникъ сбивается почти на розу). Того достаточно было, чтобы поэтическая фантазія моя разыгралась: гдѣ молъ росли эти цвѣты, кѣмъ сорваны, зачѣмъ брошены подъ наши стопы? Ужъ ни черноглазая-ли Булгарка, убѣгая въ горы съ подругами, намѣренно бросила пучекъ этотъ подъ ноги приближающихся братій во Христѣ, какъ символическое знаменованіе побѣды надъ невѣрными?

Шли мы форсированными маршами навстрѣчу сильнаго, какъ носился слухъ, Турецкаго корпуса или арміи подъ начальствомъ визиря Гусейнъ-паши (помнится мнѣ). Послѣ трехдневнаго марша выступили мы изъ лѣсныхъ дефилеевъ въ пространную равнину, кончающуюся справа (съ Запада) отдаленною, но видною Шумлою, а слѣва (съ Востока) подошвою Балканскихъ горъ. На послѣднемъ переходѣ оставлены были военный обозъ, палатки, фуры, офицерскія и юнкерскія вьючныя лошади и маркитантскія повозки.

На слѣдующій знаменитый для насъ и безъ сомнѣнія для всякаго Русскаго день 12 Мая, во время утренняго водопоя нашего эскадрона, я подошелъ къ находившемуся вблизи полковн. Пашкову, который самъ поилъ свою лошадь, и спросилъ его по-французски: «Pouvons nous espérer de jouer un peu du sabre aujourd'hui?*) Хотя былъ я съ нимъ не въ ладахъ, но не настолько же, чтобы не обмѣниваться при встрѣчѣ парою словъ. Едва успѣлъ онъ сказать, что ничего еще о томъ неизвѣстно, какъ послышалась сильная аванпостная пальба по направленію спуска съ Балканскихъ горъ, при деревнѣ Кулевчи. Въ лагерѣ нашемъ начали бить тревогу; мы побѣжали, держа лошадей въ поводу, къ своимъ коновязямъ, торопливо осѣдлали ихъ и съ командою: «садись-маршъ» помчались на полныхъ рысяхъ съ примкнувшей къ намъ конно-батареею капитана Порошина: трехверстное (приблизительно) разстояніе до мѣста начатой битвы, гдѣ имѣли мы стать на крайній лѣвый флангъ. За нами слѣдовала пѣхота бѣглымъ шагомъ. До прибытія

*) Можемъ-ли мы надѣяться поиграть немного саблями сегодня?

къ мѣсту нашихъ войскъ, дѣло завязалось между дежурнымъ аванпостнымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ Иркутскаго гусарскаго полка, батальона Муромскаго пѣхотнаго полка, и, кажется, части 11-го и 12-го егерскаго полка (относительно послѣднихъ утвердительно сказать не могу) и всею арміею визиря, спускавшеюся съ Балканскихъ высотъ. Не взирая на свою малочисленность, отрядъ этотъ молодецки выдержалъ неравный бой до прибытія остальныхъ войскъ; за то и былъ весь почти уничтоженъ. Иркутскій полкъ ходилъ по нѣскольку разъ въ атаку; того полка храбрый маіоръ Линденеръ во главѣ своего лейбъ-эскадрона удерживалъ переходъ черезъ мостъ и тамъ палъ со всѣмъ почти своимъ эскадрономъ. Все это такъ быстро совершилось, что, когда мы подоспѣли, изъ Линденерова эскадрона оставалось, какъ говорили, 12 или 15 человѣкъ и около половины людей изъ прочихъ трехъ Иркутскаго полка эскадроновъ, а батальонъ Муромскаго полка легъ на мѣстѣ съ своими офицерами, сохраняя карѣ, за исключеніемъ какихъ-нибудь 10 человѣкъ, прибѣжавшихъ въ лагерь съ этимъ извѣстіемъ. Правдоподобно, что новые эти Спартанцы были окружены со всѣхъ сторонъ Турками. Въ этой схваткѣ изрубленъ былъ упомянутый знакомый мой Демидовъ (разжалованный, какъ уже сказано, изъ юнкеровъ Елисаветградскаго полка въ рядовые въ Иркутскій полкъ), гнавшійся, какъ утверждаютъ, за Турецкимъ штандартомъ и объявившій при началѣ дѣла, что онъ въ тотъ день либо выслужится въ офицеры, либо погибнетъ *).

Елисаветградскій гусарскій полкъ находился въ центрѣ (думаю, что при пѣхотѣ) или на правомъ флангѣ и, вѣроятно, ходилъ также въ атаку (но въ какой моментъ сраженія, не знаю), потому что юнкеръ того полка Панинъ (младшій братъ Никиты Егоровича и княгини Софіи Егоровны Вяземской), подъ которымъ убита была лошадь, бросился въ ряды вблизи находившагося пѣхотнаго полка и сталъ подъ ружьемъ, даже чуть-ли не ходилъ въ штыки съ тѣмъ полкомъ, за что получилъ солдатскій Георгіевскій крестъ и офицерскій чинъ.

Возвращаюсь къ Павлоградцамъ нашимъ, скакавшимъ занять позицію на лѣвомъ флангѣ.

Сильно забилось у меня сердце по приближеніи къ мѣсту, гдѣ суждено было мнѣ впервыя познакомиться вблизи съ запахомъ пороха.

---

*) Рязанская помѣщица, княгиня Софія Аркадьевна Волконская, рожденная Рахманова, говорила мнѣ впослѣдствіи, что этотъ бѣдный мой товарищъ былъ двоюроднымъ братомъ ей.

Прошло тому слишкомъ 38 лѣтъ, но тогдашнихъ ощущеній я не забылъ. Сознаюсь, что оробѣлъ; но, сотворивъ крестное знаменіе и приложившись къ маленькой, висѣвшей на груди, иконѣ пресвятой Богородицы (кажется, Казанской), благословенію матери въ моемъ дѣтствѣ, я получилъ какую-то сильную увѣренность, что родительское благословеніе и молитвы вынесутъ меня невредимымъ изъ предстоявшаго дѣла. Долженъ я также сознаться, что въ послѣдующихъ случаяхъ я болѣе чувствовалъ боязни (хотя, конечно, того я не выказывалъ), чѣмъ въ первомъ сраженіи, отчасти, можетъ быть, потому, что иллюзіи о возможности совершить какой нибудь подвигъ исчезли при ближайшемъ знакомствѣ на практикѣ съ ограниченной сферою дѣятельности взводнаго офицера. Въ оправданіе этого чувства боязни въ сраженіяхъ ссылаюсь на знакомаго мнѣ впослѣдствіи Австрійскаго бригаднаго генерала, барона д'Аспера, раненаго ветерана Наполеоновскихъ войнъ и не изъ робкаго десятка человѣка: онъ утверждалъ, что отличнымъ войскомъ можно считать, когда въ немъ на-половину только трусовъ.

Доскакавъ до назначеннаго намъ мѣста на лѣвомъ флангѣ, мы развернулись сомкнутою колонною по-эскадронно, за нами сталъ Фердинандовъ полкъ такою же колонною, а въ тѣсномъ промежуткѣ между обоими полками стала наша конная батарея. Передъ нами возвышался пригорокъ, на который Турецкіе наѣздники выѣзжали врассыпную изъ-за противуположеннаго ската, и каждый изъ нихъ, сдѣлавъ по выстрѣлу въ насъ изъ своихъ винтовокъ, въ довольно близкомъ уже разстояніи, скрывался снова за пригорокъ, вслѣдствіе чего надо было, чтобы совершить нашу атаку, выжидать, когда они соберутся на пригоркѣ въ болѣе значительныхъ массахъ. Прошло такъ, полагаю, около четверти часа самой непріятной неподвижности. Мы представляли изъ себя мишень; пули начали все чаще и чаще свистать надъ нашими головами и сначала перелетали черезъ насъ до того безвредно, что я счелъ было этотъ свистъ за полетъ невидимыхъ мнѣ птицъ и о томъ спросилъ неподалеку находившагося упомянутаго выше унтеръ-офицера Судбинскаго, который, засмѣявшись, объяснилъ мнѣ, въ чемъ дѣло. Забылъ я сказать, что на скоку къ позиціи я поспорилъ съ нимъ за то, что онъ не хотѣлъ уступить мнѣ своего мѣста штандартъ-носителя, на что́ я имѣлъ болѣе его права, такъ какъ съ предыдущей осени получилъ званіе фанъ-юнкера, иначе штандартъ-юнкера *).

Вдругъ раздалось восклицаніе юнкера нашего эскадрона Андрея Семеновича Раевскаго, бывшаго ассистентомъ у штандартнаго Судбин-

*) Званіе это давало право носить офицерскій серебряный темлякъ на саблѣ, вмѣсто кожанаго, какъ у нижнихъ чиновъ.

скаго, раненаго пулею въ лѣвую руку выше локтя. Полковникъ Пашковъ, подъѣхавъ, велѣлъ ему осадить лошадь и отправиться на перевязочный пунктъ. За рану получилъ онъ солдатскаго Георгія, за сраженіе произведенъ былъ въ корнеты, вскорѣ отправился для излѣченія раны въ Россію и болѣе не участвовалъ въ кампаніи [1]).

Столпилась, наконецъ, на бугоркѣ значительная довольно толпа иррегулярной Турецкой конницы; тогда орудія наши, поднявъ дулы, дали по нѣскольку залповъ картечью черезъ наши головы. Это насъ (или, по крайней мѣрѣ, меня) немного огорошило. Вслѣдъ за тѣмъ послышалась ожидаемая давно команда «укороти поводья, съ мѣста, маршъ, *маршъ*», и мы вихремъ понеслись съ пистолетами въ рукахъ и съ висѣвшими на кисти той же руки саблями.

Мое унтеръ-офицерское мѣсто было на лѣвомъ флангѣ эскадрона въ 4-мъ взводѣ (во 2-ой шеренгѣ), и такъ какъ пришлось мнѣ скакать чрезъ кустарникъ, то шнурокъ, на которомъ висѣлъ кухенрейтеровскій пистолетъ (задѣвая, вѣроятно, за концы сучьевъ), какъ-то перепутался съ сабельнымъ темлякомъ и не давалъ мнѣ свободно дѣйствовать, ни тѣмъ, ни другимъ. Если бы наскочилъ тогда на меня Турокъ, онъ искрошилъ бы меня безъ всякаго сопротивленія. Однакоже удалось мнѣ, кажется, выстрѣлить наобумъ; ибо Турецкіе наѣздники, не дождавшись натиска нашего, поскакали назадъ, хотя на немногихъ пунктахъ завязалась рукопашная схватка. Гусары наши преслѣдовали Турокъ, но не на большое разстояніе, коля ихъ пиками. Ефрейторъ нашего эскадрона Пироговъ ловко приноровился сбрасывать съ сѣдла настигнутыхъ имъ Турокъ тупымъ концемъ своей пики, и на спросъ ротмистра Чихачевскаго, зачѣмъ онъ этимъ только довольствуется, а не прикалываетъ ихъ, отвѣчалъ: «Ваше высокоблагородіе, на такую работу найдутся охотники и безъ меня».

Поле передъ нами (то есть всего лѣваго фланга) было очищено.

Между тѣмъ пѣхота, составлявшая центръ, ходила нѣсколько разъ въ штыки на регулярную Турецкую пѣхоту, вчетверо сильнѣйшую нашей и оказавшую довольно упорное сопротивленіе [2]), такъ что уронъ въ 11 и 12 егерскихъ полкахъ (покрывшихъ себя славою, какъ въ

---

[1]) Прибывъ на родину свою, въ Калугу, А. С. Раевскій далъ извѣстіе обо мнѣ тетке моей Е. И. Нарышкиной. Какъ раненый и очевидецъ блистательной Кулевчинской побѣды, онъ сдѣлался въ Калугѣ предметомъ общаго интереса.

[2]) Носился слухъ, что Турецкую пѣхоту преобразовалъ на Европейскій ладъ какой-то Французскій военный выходецъ, по фамиліи, кажется, Сёвре.

этой, такъ и въ послѣдующей Польской кампаніи), болѣе прочихъ сражавшихся, былъ весьма значительнымъ. Не менѣе успѣшно дѣйствовала остальная часть пѣхоты, но съ мѣньшимъ урономъ. Что дѣлалось между тѣмъ на нашемъ правомъ флангѣ, совершенно ускользнуло изъ памяти моей; но смутно припоминаю, что 3-я гусарская дивизія, ген. князя Мадатова, участвовала также въ Кулевчинской битвѣ [1]), отдѣльно должно быть отъ прочихъ войскъ 3-го пѣхотнаго корпуса. Заключаю изъ того, что гусарская эта дивизія дѣйствовала въ составѣ прочихъ войскъ на правомъ флангѣ.

Визирскія войска видимо начали подаваться назадъ по всей линіи. Протрубили у насъ отступленіе, и бой прекратился на время. Было около полудня. Скомандовано было «охотники впередъ», подбирать убитыхъ и раненыхъ. Выскочилъ и я въ числѣ прочихъ, и не прошло много времени, какъ я возвратился, таща съ трудомъ на себѣ большаго роста солдата; раненъ-ли онъ только былъ, или убитъ, не помню, но кровью своею онъ обрызгалъ унтеръ-офицерскій мой панталёръ [2]) изъ чего товарищи мои заключили было, что я раненъ.

Послѣ почти двухчасоваго отдыха, дѣло возобновилось, но уже не такъ упорно. Вся Турецкая армія, численность коей доходила, будто бы, до 60 тысячъ, пыталась пробить себѣ дорогу къ Шумлѣ, но отраженная окончательно со всѣхъ сторонъ, принуждена была отступить въ горы, откуда спустилась утромъ по узкой дорогѣ къ лѣсу. Отступленію ея содѣйствовалъ взрывъ одного Турецкаго пороховаго ящика отъ мѣткости нашихъ орудій, причинившій значительный уронъ въ Турецкихъ рядахъ. Они бросили на полѣ битвы нѣсколько орудій, коими мы овладѣли, также и всѣмъ ихъ обозомъ, и начали было преслѣдованіе по первымъ скатамъ горъ; но солнце садилось, и у насъ протрубили отступленіе и сборъ. Наши войска, по разсчету моему, не превышали никакъ цыфры отъ 18 до 20 тысячъ человѣкъ. Изъ трехъ пѣхотныхъ дивизій нашего 2-го корпуса, генераловъ Сулимы, Отрощенка и Потемкина, участвовали, если не ошибаюсь, только двѣ первыя [3]). Особенно значителенъ былъ, какъ я уже говорилъ, уронъ лю-

---

[1]) Дивизія состояла изъ полковъ принца Оранскаго (бывшаго Бѣлорусскаго), князя Витгенштейна (бывшаго Маріупольскаго), Ахтырскаго и Александрійскаго.

[2]) Широкій набѣленный мѣломъ съ клеемъ ремень нижнихъ чиновъ, на которомъ виситъ сумка.

[3]) Говорено уже сначала, что дѣйствующіе полки состояли только изъ двухъ батальоновъ, вмѣсто трехъ въ мирное время; батальоны же не могли быть въ комплектѣ отъ больныхъ, оставшихся во временныхъ госпиталяхъ, а изъ кадровъ подоспѣли команды не прежде, помнится мнѣ, какъ въ Іюлѣ.

дей въ 11 и 12 егерскихъ полкахъ и въ Иркутскомъ гусарскомъ; объ уничтоженномъ цѣломъ Муромскомъ батальонѣ также сказано. Въ нашемъ полку убитыми было двое или трое людей, ранеными пять. Ферди-нандовъ полкъ не ходилъ вовсе въ атаку, и объ Елисаветградскомъ не осталось у меня въ памяти точныхъ свѣдѣній.

Предупреждаю, что въ настоящемъ описаніи славной этой битвы недостаетъ многаго въ стратегическомъ отношеніи: фазисы ея выказаны въ сокращенномъ, неудовлетворительномъ видѣ, не обозначены даже фамиліи генераловъ во главѣ отрядовъ и фланговыхъ колоннъ; но, не говоря уже, что за давно истекшимъ временемъ я забылъ множество подробностей, я излагаю только то, что́ происходило передъ моими глазами, въ кругу ограниченной дѣятельности унтеръ-офицера, каковымъ я былъ тогда.

Въ желудкѣ ничего не было у насъ съ ранняго утра. Голодны особенно были наши нижніе чины, взявшіе изъ-подъ Силистріи провіанту на 5 дней, а уже болѣе было недѣли, что́ мы выступили оттуда. (Это былъ впрочемъ экстренный случай по поводу форсированныхъ маршей, но въ прочее время, благодаря распорядительности генералъ-интенданта сенатора Абакумова, дѣйствующая армія была всегда обезпечена продовольствіемъ). Мы бросились обыскивать Турецкій обозъ, загораживавшій узкую дорогу по первымъ Балканскимъ склонамъ, ведущую въ Янибазаръ или въ Праводы. Поживы въ обозѣ оказалось немного: съѣстнаго мы ничего не нашли кромѣ какой-то изюмной прѣсной пастилы и ячменныхъ лепешекъ, отвратительныхъ во всякое другое время. Но случилось вотъ что́. Нашего эскадрона унтеръ-офицеръ Степановъ, шаря со мною въ обозѣ, наткнулся на какой-то бѣлый значекъ, въ родѣ жалонерскаго, но бо́льшаго размѣра, съ зеленымъ полулуніемъ на немъ. Не зная, что́ дѣлать съ своею находкою, Степановъ предложилъ ее мнѣ вмѣсто носоваго платка. «Постой, братецъ», сказалъ я, «какой это носовой платокъ? Ты не брезгай имъ: что-то онъ больно сбивается на Турецкое знамя. Совѣтую тебѣ показать эту штуку полковнику».—«Къ чему показывать ему?» возразилъ Степановъ; да хоть бы оно и было знамя, что же изъ этого? Не отбито же оно въ бою, а найдено въ обозѣ. Впрочемъ, пожалуй, отнесу я его полковнику; увидимъ, что́ скажетъ». Отправился мой Степановъ къ полковнику Пашкову и какъ только представилъ ему свой лоскутъ, полковникъ потащилъ того унтеръ-офицера къ дивизіонному или корпусному командиру, и Степановъ, нежданно-негадано, награжденъ былъ за нетрудный свой подвигъ солдатскимъ Георгіемъ. И вотъ какъ у меня по усамъ текло,

а въ ротъ не попало! Впрочемъ, мнѣ такъ вообще не везло въ жизни, что въ моихъ рукахъ лоскутъ этотъ лоскутомъ бы и остался.

Пѣхотинцы, гнавшись за Турками въ горахъ, сбрасывали въ овраги на краю дороги всѣ тяжести, преграждавшія путь, въ томъ числѣ визирскую Вѣнскую съ иголочки карету, шумно покатившуюся въ бездну.

Разсказывали также, что задорный нѣкій полковой командиръ, подсмотрѣвъ покинутую и незамѣченную, вѣроятно, до него Турецкую пушку въ сторонѣ отъ поля битвы, ухитрился какъ-то протащить ее до корпуснаго нашего командира, разсчитывая на Георгіевскій офицерскій по статуту крестъ за отбитое орудіе; но доблестный бывшій вождь Сумскаго гусарскаго полка, герой 15 Іюля 1812 г., удержавшій подъ Витебскомъ съ авангардным отрядомъ натискъ Наполеоновской арміи графъ Петръ Петровичъ Паленъ не ловился на подобныя удочки и только пожалъ, вѣроятно, плечами.

Главнокомандующій отправилъ съ донесеніемъ объ одержанной побѣдѣ къ Государю Императору адъютанта своего, ротмистра князя Петра Ивановича Трубецкаго, женатаго на княжнѣ Витгенштейнъ [1]); онъ получилъ за это флигель-адъютантство и (кажется) полковничій чинъ [2]).

Часть 3-й гусарской дивизіи была въ дѣлѣ, хотя не знаю, въ какомъ моментѣ дня и на какомъ пунктѣ (развѣ на правомъ флангѣ?); но что она была въ дѣлѣ, знаю потому, что разсказывали, какъ Александрійскій полкъ, спѣшившись, приступомъ взялъ Турецкую съ валомъ батарею [3]), на которую первыми взобрались полковой командиръ и священникъ съ крестомъ, и что пуля пробила насквозь обѣ щеки священнику, за что онъ получилъ офицерскій Георгій 3-ей степени, съ которымъ товарищи мои видѣли его въ Адріанополѣ.

Совокупно съ Кулевчинскою битвою или, можетъ быть, на слѣдующій день, ген. Купріяновъ съ отдѣльнымъ отрядомъ, совершивъ флан-

---

[1]) Впослѣдствіи Орловскій губернаторъ.

[2]) Адъютантами главнокомандующаго были также графъ Васильчиковъ (впослѣдствіи князь и Кіевскій генер.-губернаторъ) и вновь произведенный въ офицеры Левъ Кириловичъ Нарышкинъ. Состоили также при немъ л.-г. уланскаго полка князь Урусовъ, впослѣдствіи Нижегородскій губернаторъ. Въ свитѣ его находился армейскій прапорщикъ нѣкій Ліонъ, воспитанникъ Одесскаго лицея; по какой протекціи попалъ онъ въ свиту, неизвѣстно мнѣ.

[3]) Не могу дать себѣ яснаго отчета, гдѣ и какъ могла быть столь поспѣшно построена батарея съ валомъ въ Кулевчинской, такъ сказать, импровизованной битвѣ; но пишу по современнымъ разсказамъ.

говое движеніе чрезъ первыя Балканскія горы, напалъ боковымъ обходомъ у дер. Праводы на отступавшаго въ безпорядкѣ визиря и окончательно разсѣялъ всю его армію, часть которой, переправясь чрезъ р. Камчикъ, успѣла было укрѣпиться тамъ за палисадники съ окопами; но ген. Фроловъ бросился вплавь съ однимъ изъ полковъ своей бригады и выбилъ Турокъ изъ этихъ укрѣпленій.

Послѣ этого пораженія, они разбѣжались врозь, оставя всѣ горныя ущелья незанятыми. Числа взятыхъ нами въ плѣнъ не знаю.

Когда начало смеркаться, мы отступили къ болѣе открытой мѣстности по направленію къ Шумлѣ и стали на бивакахъ безъ разведенія огней, чему препятствовалъ проливной дождь, шедшій всю ночь, и безъ палатокъ, оставшихся при обозѣ. Пришлось мнѣ по-очереди объѣзжать аванпосты наши, съ патрулемъ изъ 3 или 4 гусаръ, при чемъ имѣлось приказаніе стрѣлять на неоткликавшихся: допускалась, вѣроятно, возможность вылазки Шумлянскимъ гарнизономъ. Шелъ я съ своимъ разъѣздомъ почти что зря отъ глубокой темноты и наткнулся было на нѣчто въ родѣ ведета на курганѣ, неудовлетворительно отозвавшагося на мой окликъ; но опасаясь, при малочисленности команды своей, имѣть дѣло съ партіею Некрасовцевъ, не настаивалъ я на полученіи отъ ведета лозунга и пароля, а заблагоразсудилъ прекратить всякій съ нимъ разговоръ и отступить. На разсвѣтѣ прибылъ я съ командою въ свой эскадронъ, промокшувъ до послѣдней нитки. Къ тому же прошли сутки что̀ мы ничего не ѣли, и голодъ не на шутку сталъ одолѣвать всѣхъ насъ, но ни единаго сухаря во всемъ эскадронѣ не было. Вспомнивъ, что въ Италіи лакомятся улитками, коихъ кстати было здѣсь множество, я предложилъ этотъ способъ утолять желудокъ, и первый далъ примѣръ, бросивъ нѣсколько таковыхъ въ костеръ, съ трудомъ разведенный и, поджаривъ, сталъ глотать, пересыпая ихъ порохомъ вмѣсто соли; но не нашелъ я много подражателей. Блюдо было, конечно, не вкусное; самъ я имъ не объѣлся, но все-таки немного было лучше, чѣмъ приняться за траву. О моемъ неизслѣдованіи ночнаго загадочнаго ведета я, разумѣется, умолчалъ.

Около полудня солнце обогрѣло насъ; мы возвратились къ прежнему биваку и стали тамъ настоящимъ лагеремъ. Къ вечеру подоспѣли фуры съ провіантомъ, весь обозъ, маркитантскія повозки и прислуга наша съ вьючными лошадьми. Нѣчего было опасаться новаго нападенія Турокъ; разставлена была цѣпь вокругъ всего лагеря, и войска расположились въ палаткахъ съ такимъ же почти комфортомъ, какъ бы на Петербургскихъ Красносельскихъ маневрахъ.

За Кулевчинское дѣло произведены въ корнеты изъ нашего полка: я, двое Раевскихъ, Долговъ, Шепшинъ, Шепелевъ, Арбузовъ, Козловской, Лауницъ [1]), Штемпель, Нелюбовъ, Сунгуровъ, Кашкаровъ, Евсюковъ, двое братьевъ Максимовыхъ, Терскій и князь Трубецкой меньшой [2]). Не произведенъ былъ тогда въ офицеры Петръ Александровичъ Хрущовъ, возвратившійся въ кадры по окончаніи первой кампаніи 1828 г. и прибывшій снова въ полкъ вмѣстѣ съ резервами въ Румелію въ концѣ лѣта 1829 года. Эскадронные командиры ротмистры Масловъ, Вандзенъ, Чихачевскій и Гавришевъ произведены въ маіоры; полковникъ Е. П. Пашковъ получилъ, если не ошибаюсь, Анну на шею, и иные наши офицеры, но кто именно, не помню, получили также кажется, кресты.

Для меня эполеты не были особенною наградою. Я тянулъ юнкерскую лямку слишкомъ уже два года и ожидалъ производства обыкновеннымъ порядкомъ, по старшинству, и согласился бы, конечно, оставаться съ унтеръ-офицерскими галунами еще нѣсколько мѣсяцевъ, лишь бы получить солдатскій Георгій; но таковыхъ поступило всего 5 или 6 въ полкъ; они были розданы унтеръ-офицерамъ изъ сдаточныхъ и рядовыхъ. Старшій вахмистръ нашего 3-го эскадрона, Сорокинъ, произведенъ былъ также въ корнеты, и хотя изъ сдаточныхъ, вышелъ славнымъ офицеромъ и хорошимъ товарищемъ. Изъ прочихъ трехъ полковъ нашей дивизіи произведены были въ корнеты всѣ почти юнкера выше мною поименованные, какъ и поступившіе на службу, когда дивизія квартировала въ Орловской губерніи. Въ Фердинандовомъ полку былъ произведенъ, въ числѣ прочихъ юнкеровъ, князь Мещерскій, тотъ самый, что пѣвалъ въ оперныхъ хорахъ въ Москвѣ у княгини Волконской.

Подъ Шумлою мы простояли въ совершенномъ бездѣйствіи цѣлые два мѣсяца. При главной квартирѣ учредился базаръ съ Русскимъ и Греческимъ ресторанами, съ продажею военно-офицерскихъ принадлежностей, сукна и проч., и мы ни въ чемъ не нуждались.

Пока главная армія дѣйствовала за Дунаемъ и внутри Болгаріи, отважный генералъ Гейсмаръ съ кавалерійскимъ отрядомъ продолжалъ начатое имъ осенью 1828 г. очищеніе Турецкихъ укрѣпленій по лѣвую сторону Дуная, въ томъ числѣ, кажется, Рущука [3]).

[1]) Младшій братъ недавняго начальника всей внутренней стражи.

[2]) Сынъ княгини Трубецкой, вышедшей вторымъ бракомъ за архитектора Бове, строителя большаго Московскаго театра.

[3]) Счастіе измѣнило ему въ Польской войнѣ 1831 г.: почти вся конно-егерская его дивизія уничтожена была Поляками, впрочемъ, по его, какъ утверждали, оплошности.

Въ перечень офицеровъ нашего полка въ 1827 г. не вошли двое перешедшихъ къ намъ въ 1828 г. изъ другихъ полковъ: Давыдовъ, молодой человѣкъ съ хорошимъ весьма состояніемъ, умершій въ Валахіи, зимою 1828 на 1829 г., и поручикъ л.-г. егерскаго полка Макавеевъ, перешедшій въ нашъ полкъ ротмистромъ [1]). Въ началѣ настоящей кампаніи переведенъ къ намъ подпоручикомъ чинъ небывалый въ кавалеріи, изъ Прусскихъ гусаръ, Фюрстенбергъ-фонъ-Пакешъ, славный господинъ, откровенный и общительный, и лихой въ добавокъ офицеръ и товарищъ, *ейнъ прехтлихеръ камрадъ*, какъ онъ себя звалъ, бѣлый и румяный, какъ Нѣмецкая *медхенъ*, и ни слова не знавшій по-русски, отчего случались съ нимъ впослѣдствіи забавныя приключенія. Стоя однажды въ караулѣ и увидавъ подходившаго къ гауптвахтѣ дежурнаго по карауламъ, онъ выскочилъ на платформу и, махая саблею, началъ кричать «хераусъ, гусаренъ, хераусъ», (т. е. «вонъ»). Въ другой разъ на ученьѣ, не знавши, что̀ скомандовать своему взводу при какомъ-то построеніи, онъ обратился къ ѣхавшему во главѣ сосѣдняго взвода Петру Парменовичу Шеншину съ вопросомъ по-нѣмецки, что̀ ему командовать. «Шивороть на выворотъ», былъ отвѣтъ склоннаго къ фарсерству Шеншина, и Нѣмецъ нашъ передалъ въ точности эту команду своему взводу, съ прибавленіемъ, какъ слѣдовало, слова «маршъ». Гомерическій хохотъ разнесся по взводу. Казавшись столь молодымъ на лицо, Пакешъ, какъ мы его сокращенно звали, участвовалъ въ Прусскихъ Наполеоновскихъ войнахъ до 1812 года и хранилъ въ ташкѣ завѣтную съ тѣхъ временъ коротенькую трубочку, прозванную имъ «мамзель Роза». Потерялъ было онъ ее на одномъ переходѣ, когда шелъ съ нашимъ полкомъ изъ Орловской губерніи въ Польшу при открытіи кампаніи 1831 г., но поскакалъ обратно по дорогѣ къ Слониму и, помнится мнѣ, нашелъ неразлучную свою спутницу.

Во время лагерной стоянки подъ Шумлою умеръ начальникъ 3 гусарской дивизіи, князь Мадатовъ. Тогда же умеръ горячкою Иркутскаго гусарскаго полка поручикъ Николай Богдановичъ Хвощинской [2]), правившій должность бригаднаго адъютанта при генералѣ нашемъ Солдейнѣ, предложившемъ мнѣ вакантную эту должность. Я съ готовностію принялъ его предложеніе въ виду непріятныхъ моихъ отношеній съ

---

[1]) Въ 40-хъ годахъ онъ служилъ въ Военномъ Министерствѣ и давно умеръ. Братъ его Василій Ѳедоровичъ, Костромской помѣщикъ, былъ во время этой кампаніи и Польской 1831 г. старшимъ корпуснымъ адъютантомъ нашего 2-го пѣхотн. корпуса. Фамилій остальныхъ адъютантовъ графа П. П. Палена 1-го не помню, кромѣ Никиты Егоровича Панина.

[2]) Изъ Тульскихъ Хвощинскихъ.

полкови. Пашковымъ и удобства ежедневнаго стола у генерала. Хотя производство дѣлъ въ бригадной канцеляріи было самое ничтожное (оно ограничивалось передачею бумагъ изъ дивизіонной канцеляріи въ два полка, подвѣдомственные бригадѣ), но при неопытности моей и грамматическомъ незнаніи Русскаго языка не сумѣлъ бы я совладать съ дѣломъ, если бы не нашелъ надежнаго вполнѣ руководителя въ лицѣ писаря, по фамиліи весьма умѣстной, Красноперова, за котораго я слѣпо держался.

Соображаясь съ дальнѣйшимъ ходомъ этой кампаніи, не могу я объяснить себѣ цѣли двухмѣсячной стоянки нашей подъ Шумлою. Если главнокомандующій ожидалъ прибытія людей изъ кадровъ, то большой нужды въ нихъ еще не было. Армія выступила изъ зимнихъ квартиръ въ концѣ Апрѣля, а въ первой половинѣ Мая сильная, и чуть-ли не единственная, Турецкая армія разбита была наголову, и вся разсѣялась, а убыль въ нашихъ двухъ корпусахъ была незначительна. Если въ Августѣ мы могли совершить безпрепятственно переходъ черезъ Балканы и безъ выстрѣла овладѣть Адріанополемъ, то мнѣ кажется, что можно было сдѣлать тоже самое двумя мѣсяцами раньше. Если угрожалъ недостатокъ провіанта (чего не думаю), то по занятіи перваго приморскаго города по ту сторону Балканъ, Мессемврія или Бургаса (не говоря уже о Варнѣ, бывшей въ нашихъ рукахъ съ перваго года кампаніи) провіантъ могъ быть доставленъ съ моря. Предположеніе, что подъ Шумлою ожидали кадровыхъ резервовъ, опровергается тѣмъ, что ихъ не дождались, и резервы подошли къ намъ въ Румеліи уже за Балканами. Не думаю также, чтобы главнокомандующій ожидалъ паденія Силистріи, чтобы предпринять Балканскій переходъ: имѣть въ тылу эту крѣпость ничего бы не значило, такъ какъ она была блокирована. Зачѣмъ было намъ мѣшкать два мѣсяца, не понимаю. Ну, а если бы Турки воспользовались бездѣйствіемъ нашимъ, укрѣпили бы ущелья въ горахъ (а почему они того не сдѣлали, необъяснимо) и сформировали бы свѣжую армію, на что доставало время, то замѣшканіе наше подъ Шумлою могло бы имѣть такіе же горестные результаты, какъ невторженіе въ Прагу и оттуда въ Варшаву, послѣ Гроховскаго сраженія 13 Февраля 1831 года [1]).

Итакъ, я временно сдѣлался бригаднымъ адъютантомъ. При ген. Солдейнѣ находился дворовый его жены [2]), человѣкъ среднихъ лѣтъ,

---

[1]) По словамъ историка Смита, на этомъ движеніи настаивалъ графъ Толь.

[2]) Х. Ѳ. Солдейнъ женился во время своего нахожденія съ бригадою въ Саратовской губерніи на вдовѣ Мерлиной, урожден. Есиповой, помѣщицѣ съ значительнымъ со-

Евсей, пользовавшійся, повидимому, довѣренностію своихъ господъ и присвоившій себѣ право говорить, что̀ хотѣлъ. Онъ былъ какъ нянька барину-генералу, звалъ его просто Христофоромъ Ѳедоровичемъ, а не ваше превосходительство, и потѣшно было слышать, какъ они спорили между собою, при чемъ Евсей не уступалъ никогда. Однажды ночью ген. Солдейнъ съ постели закричалъ: «Евсей, Евсей; мнѣ не спится».— «Ну что же», отвѣчалъ тотъ, не подымаясь съ ложа въ передней части палатки, «ночь лунная; подите, побѣгайте». Услышавъ этотъ разговоръ изъ сосѣдней моей палатки, я на другой день сталъ выговаривать Евсею, какъ могъ онъ такъ отвѣчать генералу: «Помилуйте, ваше сіятельство», сказалъ онъ: «вѣдь онъ мнѣ надоѣлъ, не я же виноватъ, что у него безсонница».

Къ ген. Солдейну хаживалъ иногда обѣдать старикъ генер. Сулима, командиръ одной изъ пѣхотныхъ дивизій нашего 2-го корпуса. Передавая намъ то, что̀ дѣлалось въ главномъ штабѣ, онъ говорилъ, что личность графа П. Х. Палена 1-го выступала впередъ надъ прочими, на подобіе появленія въ бальномъ залѣ красавицы, единогласно признаваемой «la reine du bal», и парила рыцарскими и въ тоже время вельможными пріемами и увлекательностію рѣчи.

Только въ концѣ Іюля мы предприняли знаменитый переходъ за Балканы. Шли мы единственною и узкою дорогою, но который шелъ въ Маѣ визирь на Янп-Базарь и Праводы, и на второй день по выступленіи изъ лагеря дошли до рѣчки Камчика, за которой виднѣлись покинутыя Турками (при натискѣ на нихъ вплавь бригады генерала Фролова) туры и земляныя плетневыя ихъ укрѣпленія. Рѣчка эта буквально текла подъ зеленымъ сводомъ вѣковой дубравы, непроницаемымъ для солнечныхъ лучей. По мѣрѣ того, какъ мы взбирались по хребту возвышавшихся постепенно горъ, проглядывала иногда между двумя вершинами, какъ бы въ тѣсной рамкѣ, отдаленная темносиняя полоса Чернаго моря. Дѣвственная дикость этой природы, отсутствіе въ ней всякихъ культурныхъ признаковъ много возвышали ее въ глазахъ моихъ передъ однообразіемъ шоссейныхъ Альпійскихъ знакомыхъ мнѣ переѣздовъ. Встрѣчались ущелья, чрезъ которыя не иначе можно было пройдти какъ по три лошади въ рядъ, и подъемы, столь крутые, что однажды нижніе чины и офицеры наши должны были помогать руками

стояніемъ. Женитьбу ему устроила, кажется, княгиня Елисавета Ростиславовна Вяземская. Отъ этого брака была одна только дочь, вышедшая замужъ въ 30-хъ годахъ за Мясоѣдова, талантливаго аматёра-живописца. Въ бытность свою въ Италіи въ 1838—1839 г., г. Мясоѣдовъ написалъ для великаго князя наслѣдника (нынѣ Государя Императора) картину Римскаго карнавала.

артилерійскимъ лошадямъ вынести орудія на гору. Селенія были рѣдки и безъ жителей.

Во время одного перехода, пѣхотинцы изъ фланкерской цѣпи или саперы наткнулись въ лѣсной чащѣ на двухъ дѣвочекъ Болгарокъ 14 или 15 лѣтъ, отставшихъ, вѣроятно, отъ ихъ семействъ. Ихъ тотчасъ же передали подъ охрану въ корпусный штабъ; но когда въ первую минуту онѣ представлены были нашему полковнику солдатами, то онѣ сдѣлались предметомъ общаго любопытства, наиболѣе, какъ мнѣ казалось, потому, что мы, какъ новые Робинсоны, не видали женскаго пола болѣе двухъ мѣсяцевъ.

На каждомъ почти шагу представлялись Ѳермопилы. Надо было быть такими олухами, какъ Турки, чтобы пропустить насъ безпрепятственно, тогда какъ они могли почти что уничтожить насъ, не подвергаясь сами опасности. Весь переходъ совершился въ три-четыре дня со дневкою въ горахъ. Спустившись въ южныя равнины Румеліи, мы круто повернули къ Востоку и вечеромъ того же дня овладѣли безъ боя приморскимъ городкомъ Месемврією, гдѣ начальствовалъ какой-то паша. У него я купилъ на слѣдующій день во время дневки за городомъ полу-арабскаго гнѣдаго жеребца за 30 червонцевъ, сумма значительная въ военное время, тогда какъ казаки продавали отбитыхъ у Турокъ лошадей по одному рублю серебромъ съ Турецкимъ сѣдломъ съ высокою спинкою и мундштукомъ, впрочемъ, малаго весьма роста и дрянненькихъ. Покупка моя оказалась незавидною; конь былъ мало что безъ Азіатскаго огня, а просто лѣнивый и не особенно силенъ; подъ конецъ кампаніи онъ палъ по моей винѣ: замѣтивъ, что онъ невеселъ и плохо ѣстъ, я рѣшился было пустить ему кровь; но какъ не было подъ рукою никакого коновала, я же съ моимъ слугою отсталъ отъ полка, то я вздумалъ самъ пустить ему кровь изъ ноздрей заостренною палочкой и не могъ унять кровотеченіе, отчего бѣдный жеребецъ палъ.

Не договорилъ я, что во время Балканскаго перехода образовалось у насъ на ходу музыкальное тріо подъ дирижёрствомъ князя Сергѣя Григорьевича Голицына, извѣстнаго подъ прозваніемъ Ѳирса, брата графини Шуазель, переведеннаго въ конную артиллерію изъ камеръ-юнкеровъ. У него былъ великолѣпный басъ, и кромѣ того онъ былъ пріятный въ обществѣ человѣкъ и забавный разсказчикъ. Н. П. Бахметевъ, хотя неодаренный изящнымъ голосомъ, пѣлъ перваго тенора, а я втораго. Эхо Балканскихъ скалъ и ущелій съ удивленіемъ, чай, повторяло неслышанные имъ дотолѣ звуки. На одномъ привалѣ я по-

знакомился съ посѣтившимъ полковника Пашкова родственникомъ его Иваномъ Васильевичемъ Путятою, весьма собою виднымъ; онъ былъ адъютантомъ у кого-то.

Часть арміи повернула вдоль морскаго берега и овладѣла Бургасомъ и Сизополемъ, а полкъ нашъ въ составѣ особеннаго отряда пошелъ было первоначально къ Югу чрезъ Карабунаръ и Сливну, откуда къ Западу, и затѣмъ внезапно опять къ Сѣверу въ экспедицію противъ городка Казанъ или Козахъ, среди Балканскихъ горъ, и я отпросился у генерала Солдейна участвовать съ нашимъ полкомъ въ этой экспедиціи. Летучій нашъ отрядъ состоялъ изъ нашего полка, одной или двухъ сотенъ казаковъ, одного пѣхотнаго баталіона и четырехъ горныхъ орудій о двухъ колесахъ и въ одну лошадь; кромѣ этого раза я никогда таковыхъ не видывалъ. Весь день и часть ночи мы подымались на горы съ приваломъ въ сумеркахъ, подвигаясь въ глубочайшей тишинѣ съ Болгарскимъ проводникомъ впереди; каждый всадникъ ѣхалъ отдѣльно, чтобы сабли не звучали отъ прикосновенія, и запрещено было курить. Дойдя около полуночи до одного селенія, мы на рысяхъ окружили его, и завязалась перестрѣлка, при которой былъ раненъ одинъ нашъ рядовой; но весь постъ, составлявшій Турецкій авангардъ, былъ, помнится мнѣ, захваченъ. Тѣмъ же порядкомъ, но съ прибавкою аллюра, мы продолжали идти и на разсвѣтѣ стали спускаться въ долину, на противуположномъ скатѣ которой стоялъ городокъ Казанъ. Въ этотъ ночной походъ я впервыя видѣлъ, какъ утомленный пѣхотный солдатъ можетъ уснуть на ходу, продолжая передвигивать ноги, хотя шатаясь и отставая немного отъ своей команды.

Какъ только открылся объективный нашъ пунктъ, два эскадрона были отряжены обойти городъ съ обѣихъ сторонъ; а нашъ эскадронъ, оставаясь въ центрѣ при горныхъ орудіяхъ, подвигался впередъ. Но какъ ни быстро и неожиданно совершилось нападеніе, Турки успѣли ускользнуть и, взобравшись на противулежащее возвышеніе за городомъ, начали было насъ обстрѣливать. Между нами было разстояніе всего городка, и потому не только они не наносили никакого намъ вреда, но и орудія наши столь же безполезно дѣйствовали, по причинѣ, вѣроятно малаго своего калибера. Занявши городъ, мы пробыли въ немъ только до вечера, а къ ночи стали бивакомъ внѣ его. На слѣдующее утро мы пошли обратно къ Югу тѣмъ же путемъ и, спустившись съ горъ, шли обыкновенными неутомительными переходами; но вскорѣ получено было приказаніе всей дѣйствующей арміи сосредоточиться къ назначенному дню передъ Адріанополемъ, вслѣдствіе чего мы пошли форсированными маршами день и ночь, съ краткими привалами для варки каши людямъ

и раздачи овса лошадямъ. Не вступилъ я снова въ должность бригаднаго адъютанта и примкнулъ къ полку. Добраго нашего Солдейна я съ тѣхъ поръ болѣе никогда не видалъ. Четвертый нашъ эскадронъ, маіора Гавришева, отсталъ отъ изнуренія лошадей и, спѣшившись, прибылъ къ сборному пункту позднѣе остальныхъ трехъ эскадроновъ.

Въ назначенный день вся армія при восходѣ солнца начала стягиваться, по роскошнымъ равнинамъ и безконечнымъ виноградникамъ, къ Андріанополю, второй столицѣ Оттоманской имперіи. Предполагалось быть здѣсь генеральному сраженію, и полки, дефилируя, начали занимать указанныя имъ позиціи. Мимо насъ прошелъ одинъ изъ гусарскихъ полковъ съ своимъ священникомъ верхомъ во главѣ и со святыми дарами на груди. Обозъ и всѣ тяжести, также наши вьючныя лошади и прислуга, отступили на далекое довольно разстояніе. Минута была торжественнѣе чѣмъ подъ Кулевчею, гдѣ битва завязалась внезапно, здѣсь же было безмолвное ожиданіе чего-то неизвѣстнаго. Сознаюсь, что, при видѣ этихъ приготовленій, овладѣло мною чувство крайняго безпокойствія, чтобы не сказать трусости.

Сосредоточенная здѣсь вся армія не превышала, по соображенію моему, 14 тысячъ людей, хотя къ ней подошли давно передъ тѣмъ подкрѣпленія изъ резервовъ. Это относится, впрочемъ, къ одной кавалеріи; прибыли ли кадровыя подкрѣпленія къ пѣхотѣ, не знаю *). Малочисленность таковая произошла отъ отряженныхъ командъ для занятія покорившихся приморскихъ городовъ, отъ больныхъ въ госпиталяхъ и отставшихъ позднѣе отъ своихъ полковъ людей, по болѣзни. При неудачѣ не было намъ инаго пути отступленія, какъ къ морскому берегу, т. е. около ста верстъ отъ Адріанополя, гдѣ крейсировалъ флотъ нашъ.

*) Я слышалъ позднѣе мнѣніе, что числительность арміи подъ Адріанополемъ была будто бы около 12 тысячъ только; замѣтить надо, что подошла часть еще какого-то корпуса, чуть-ли не генерала Ридигера. Въ противность означенному исчисленію, по мнѣнію князя Алексѣя Ѳедоровича Орлова (переданному мнѣ двоюроднымъ братомъ моимъ Н. А. Дивовымъ, коротко съ нимъ знакомымъ), было у насъ подъ Адріанополемъ будто бы до 20 тысячъ, въ чемъ весьма сомнѣваюсь. Предполагаю, что князь Орловъ забылъ, за давно прошедшимъ временемъ, настоящую силу тогдашней арміи или, можетъ быть, родственникъ мой ошибочно передалъ мнѣ эту цифру.

До полудня выѣхалъ изъ города начальствующій въ немъ паша къ нашему главнокомандующему, и по окончаніи съ нимъ переговоровъ Дибичъ отправился въ Адріанополь съ нашею и своею свитою, въ томъ числѣ съ директоромъ дипломатической своей канцеляріи г. Фонтономъ. Часа черезъ два насъ извѣстили, что Адріанополь сдался безъ боя, а на слѣдующій день былъ церемоніальный входъ въ городъ Русскаго войска, съ благодарственнымъ молебномъ въ тамошней Греческой церкви [1]). Къ величайшему моему сожалѣнію, я не могъ находиться при своемъ эскадронѣ во время столь знаменательнаго вшествія за неимѣніемъ на то полной парадной формы, т. е. ментика и доломана, какъ недавно произведенный въ офицеры [2]).

Нѣсколько дней мы оставались на бивакахъ внѣ города, послѣ чего полкъ нашъ пошелъ на Юго-Востокъ въ городъ Киргlесси (сорокъ церквей), а оттуда въ мѣстечко Визу (древняя, какъ говорятъ, будто бы Византія, гдѣ содержался, по преданію, Велизарій). Когда получено было извѣстіе о заключеніи мира, мы снова подошли къ Адріанополю [3]). Главнокомандующій былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ и получилъ графскій титулъ съ прибавленіемъ къ его фамиліи «Забалканскій.»

Я убѣжденъ, что, не взирая на малочисленность арміи, мы могли бы безъ боя овладѣть Константинополемъ: до него было всего три-четыре перехода. Политическія вѣроятно, а не стратегическія причины остановили насъ. Мнѣ кажется, что слѣдовало взять Царьградъ, и тогда мы могли бы вести разговоръ, какъ хотѣли, съ дипломатическою и протестующею Европой, не готовой еще къ войнѣ съ нами.

При вторичномъ нашемъ движеніи къ Адріанополю былъ странный случай въ медицинскомъ отношеніи. Служившій по найму у нашего офицера А. Г. Ломоносова человѣкъ былъ въ упорной мѣстной лихорадкѣ. Во время сильнаго пароксизма подъ Визой, ему неудержимо

---

[1]) По мусульманской вѣронетерпимости храмъ этотъ не отличался наружною архитектурою отъ прочихъ домовъ улицы; не было при немъ и колоколовъ.

[2]) Ежедневная офицерская форма состояла изъ сюртука двубортнаго съ эполетами, а на полковыхъ ученіяхъ и дежурствѣ изъ вицъ-мундира также съ эполетами.

[3]) Для заключенія мира прибылъ, какъ извѣстно, графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ. Онъ отправился въ Константинополь съ своимъ адъютантомъ и чиновниками изъ дипломатической канцеляріи главнокомандующаго; кромѣ нихъ никого болѣе не было въ Константинополѣ; даже не былъ, кажется, самъ Дибичъ.

захотѣлось кислаго молока (признаваемаго какъ бы ядомъ въ такихъ болѣзняхъ медицинскими авторитетами), и какъ Русскій человѣкъ, недовѣрчивый ко врачебному запрету, онъ дополз на четверенькахъ (ходить отъ слабости не могъ) въ сосѣднюю Болгарскую деревню и, знаками выпросивъ крынку кислаго молока, осушилъ ее до дна; и съ того дня, по его словамъ, какъ рукою сняло лихорадку. Пусть медицина рѣшитъ, какъ могло это случиться.

Слѣдуя за полкомъ издалека съ своимъ Хохломъ Ильею Бабиченкомъ и съ вьючными лошадьми, я завернулъ одинъ закусить и запить *подкрѣпительнымъ* въ маркитантскую палатку близъ дороги, предполагая скоро нагнать своего человѣка, но засидѣлся болѣе, чѣмъ слѣдовало. Когда я снова пустился въ путь, была уже ночь, теплая, какъ бываетъ на Югѣ, Сентябрьская, но уже долгая. Человѣкъ мой сбился, вѣроятность пути, и потому я его не нагналъ. Не зная самъ дороги, я мчался впередъ голопомъ почти все время. Овса на одну задачу было, помнится, у меня въ саквахъ *) за сѣдломъ; но я побоялся остановиться покормить лошадь, тѣмъ болѣе, что изъ прилегавшаго къ дорогѣ селенія слышна была какъ бы драка. Когда я замѣчалъ, что лошадь уставала, то слѣзалъ и велъ ее въ поводу. Такимъ образомъ прибылъ я на слѣдующій день къ полудню въ свой эскадронъ уже на мѣстѣ подъ Адріанополемъ, проскакавъ, какъ полагаю, около 60 верстъ безъ отдыха, и не прошло часа, какъ конь мой повалился и околѣлъ. Лошадь была казенная, и хотя старая, но эскадронный мой начальникъ маіоръ Чихачевскій спасибо мнѣ не сказалъ. Это былъ второй случай загнанія лошади (первый въ Одессѣ съ лошадью графа Воронцова).

Видъ окружавшей меня южной растительности съ рядами виноградныхъ шпалеровъ въ поляхъ, а иногда съ вытянутыми ихъ лозами, орнаментально покрывающими стѣны каменныхъ, но убогихъ по наружности хижинъ, пространные огороды, въ центрѣ каждаго изъ копхъ виднѣлся колодезь механическаго и весьма удобнаго устройства съ ящиками для вычерпыванія воды и съ огромнымъ маховымъ колесомъ, дѣйствующимъ одноконнымъ приводомъ, точь въ точь какъ въ Тосканѣ,— все это живо перенесло меня мысленно къ далекому западному Югу, къ моему семейству. Природа такъ потворствовала игривому воображенію, что казалось мнѣ почти удивительнымъ, почему не слышалось у жителей Итальянскаго говора, и что родные мои гдѣ-то тутъ неподалеку отъ меня.

*) Саквами зовутся у кавалеристовъ два мѣшечка съ овсомъ, привязанные къ задней лукѣ сѣдла.

Въ этихъ кажущихся Гесперидскихъ равнинахъ солдаты начали, тѣмъ не менѣе, сильно заболѣвать и умирать горячкою и кровавымъ поносомъ, частію отъ неумѣреннаго употребленія плодовъ и незрѣлаго винограда при скудости мясной пищи, частію отъ трудовъ кампаніи и частыхъ ночныхъ биваковъ. Въ непродолжительномъ времени умерли подъ Адріанополемъ изъ ветерановъ нашихъ дивизіонный нашъ генералъ бар. Будбергъ, добрѣйшій нашъ бригадный генералъ Солдейнъ [1]), командиръ Фердинандова полка полковн. Купферъ и братъ его, маіоръ того же полка, также казначей нашего полка ротмистръ Бинеманъ, женатый на Матюниной [2]). Въ теченіе всей кампаніи (съ включеніемъ бѣдственнаго нашего зимняго возвращенія въ Россію, какъ далѣе увидимъ), сравнительная смертность между убитыми и умершими отъ болѣзней и въ лагерѣ и въ госпиталяхъ, относилась почти какъ 1 къ 80.

Въ Адріанополѣ пріютилъ меня на свою квартиру шуринъ брата моего, Августъ Осиповичъ Понятовскій, офицеръ Смоленскаго уланскаго полка (дивизіи ген. Хомутова), недавно передъ тѣмъ поступившій въ должность адъютанта къ начальнику кавалерійскаго корпуса барону (впослѣдствіи графу) Крейцу, которому я былъ представленъ Августомъ Осиповичемъ и получилъ приглашеніе приходить, когда захочу, обѣдать у него. Другимъ при немъ адъютантомъ былъ бар. Корфъ, переведенный изъ нашего полка въ началѣ 1827 г. [3]). Хорошо и уютно было мнѣ тамъ. Полковникъ Пашковъ не требовалъ меня, не знаю почему, въ полкъ, и я оставался жить въ Адріанополѣ около мѣсяца, до выступленія нашей дивизіи обратно въ Россію, въ концѣ почти Октября. Между тѣмъ полкъ нашъ отряженъ былъ въ мѣстечко Демотику къ Югу, почти что на полупути до Константинополя. Гардеробъ мой былъ въ наиплачевнѣйшемъ состояніи. Во вьюкахъ было у меня всего четыре ситцевыхъ сорочки, купленныхъ и кое-какъ сшитыхъ во время лагернаго состоянія подъ Шумлою. Отъ начала Балканскаго перехода до переѣзда моего на квартиру Понятовскаго въ Ад-

---

[1]) Причиною смерти достойнаго Солдейна было, какъ я слышалъ, то, что во время жаровъ подъ Шумлою онъ неосторожно снялъ съ себя фланель, которую постоянно носилъ на тѣлѣ.

[2]) Не упомянуто было въ своемъ мѣстѣ, что подполковникъ Фердинандова полка, графъ Эдуардъ Шуазель-Гуффье, умеръ во время зимняго квартированія 1828 — 1829 г. въ Придунайскихъ княжествахъ.

[3]) Жена генер. бар. Крейца была сестра генераловъ барововъ Ѳедора и Ивана (Генриха) Петровичей Оффенберговъ.

ріанополѣ, то есть отъ начала Іюля до половины Сентября, некогда и негдѣ было мыть бѣлья отъ бивачныхъ безпрестанныхъ перемѣщеній. Носишь, бывало, сорочку недѣли по двѣ, и когда черезчуръ загрязнится, уложишь ее для обвѣтриванія или просушки во вьюкъ, а оттуда вытащишь таковую же отдохнувшую тамъ недѣли двѣ и кажущуюся будто бы свѣжею. Легко вообразить себѣ, до какой степени объѣдали насъ насѣкомыя. Вдобавокъ къ нимъ, появились у меня на обѣихъ ногахъ до колѣнъ цынготныя раны отъ бивачной сырости и неправильной пищи.

Издалека Адріанополь кажется грандіознымъ Азіатскимъ городомъ, но призракъ исчезаетъ, когда вступаешь въ его грязные кривые переулки вмѣсто улицъ, окаймленные деревянными низкими балаганами съ лавками. Одни только мечети съ минаретами, съ притворами передъ входомъ, въ серединѣ коихъ бьетъ фонтанъ, представляютъ дѣйствительно что-то театральное, особенно когда вечеромъ по Четвергамъ (на канунѣ мусульманскаго дня, Пятницы) внутренность мечетей освѣщается тысячами шкаликовъ разноцвѣтныхъ огней. Переносишься къ восточнымъ сказкамъ Тысячи и одной Ночи или воображаешь себя въ Мавританской Альгамбрѣ. Двѣ главныя мечети носятъ имена султана Селима и султана Махмуда; въ первой сохранилось архитектурное расположеніе первобытнаго значенія, христіанскаго храма, какъ описываютъ св. Софію въ Царьградѣ, съ куполомъ котораго Адріанопольская мечеть имѣетъ сходство. Поэтичное настроеніе возрастаетъ при вечернемъ гулѣ со всѣхъ сторонъ унылыхъ голосовъ, несущихся въ воздухѣ невѣдомо откуда, голосовъ муэззиновъ, которые сзываютъ съ минаретныхъ высотъ правовѣрныхъ къ молитвѣ. Но за исключеніемъ мечетей, публичныхъ мраморныхъ бань (паровыхъ, гдѣ банщикъ выпрямляетъ и вытягиваетъ кости съ весьма чувствительною для васъ болью) и Римско-Византійской стѣны, опоясывающей весь городъ, все остальное грязно и гадко. Кривыя и узкія улицы доступны только пѣшеходу или всаднику; едва ли была улица, по которой могла бы карета свободно проѣхать; впрочемъ этого и не требовалось: о подобной роскоши неизвѣстно было тогда скромнымъ Адріанопольскимъ жителямъ. Улицы были унизаны съ обѣихъ сторонъ лавочками со всякимъ мелочнымъ товаромъ, кофейнями и рѣдкими двухъэтажными домами, изъ коихъ выходили на улицу висячіе крытые балконы въ видѣ огромныхъ фонарей. Изрядной постройки домовъ я не видалъ, кромѣ дома паши-губернатора. Въ центрѣ однакоже города былъ каменный, крытый гостинный дворъ, напоминавшій внутренніе проходы и галереи Московскаго гостиннаго двора; тамъ были краснорядцы съ шелковыми

и суконными товарами. Жители, всѣ почти мелкіе промышленники, показались намъ людомъ смирнымъ и миролюбивымъ и неимовѣрно умѣреннымъ въ пищи. Ими наполнены были кофейни. Заберутся они туда съ ранняго утра, всякій съ своимъ чубукомъ и кисетомъ, и сидятъ, и сидятъ себѣ съ поджатыми подъ собою ногами и молча до заката солнца, выходя только не на долго на базаръ купить немного *брындзы* (овечьяго сыра) и кисть винограда съ прибавленіемъ *плацендовъ* (тоненькихъ лепешекъ, въ родѣ сдобныхъ блиновъ), пли кусочка овечьей колбасы, довольно впрочемъ вкусной. Расходъ ихъ въ кофейныхъ состоялъ изъ повторяемыхъ миніатюрныхъ чашекъ кофе съ гущею. Турковъ можно было отличить отъ христіанъ по разноцвѣтнымъ чалмамъ, тогда какъ Болгары и Греки не имѣли права носить другихъ какъ чернаго цвѣта; пли такой уже былъ у послѣднихъ обычай. У иныхъ Турковъ были одноцвѣтныя зеленыя чалмы; намъ сказывали, что таковые считались потомками Магомета. Вообще жители принимали насъ ласково, не выказывали и тѣни ненависти. О сигарахъ они понятія не имѣли, и я дѣлался предметомъ любопытства и удивленія, когда ходилъ по улицѣ съ сигарою въ зубахъ. При входѣ въ мечети стоялъ всегда нашъ караулъ, и былъ приказъ по арміи входить намъ въ мечеть не иначе какъ разутыми; распоряженіе это до того тронуло, повидимому, мусульманъ, что они настойчиво просили насъ не скидавать сапогъ. Во время двухмѣсячнаго пребыванія нашихъ войскъ въ Адріанополѣ не слыхалъ я ни объ одномъ столкновеніи солдатъ нашихъ съ жителями.

Новый фельдмаршалъ нашъ квартировалъ въ загородномъ домѣ паши, Эски-Сараѣ. Туда ходилъ я навѣщать А. Н. Муравьева, находившагося при дипломатической канцеляріи главнокомандующаго, и къ моему удивленію встрѣтилъ тамъ однажды Одесскаго моего знакомца барона Филиппа Ивановича Брунова, причисленнаго также къ той канцеляріи. Странно сказать, но ни въ этой кампаніи, ни въ послѣдующей, ни разу не удалось мнѣ видѣть самого графа Дибича.

Къ Адріанопольскому пашѣ прикомандированъ былъ переводчикомъ нашего полка корнетъ Тевтелевъ (Уфимскій Татарскій помѣщикъ). Онъ квартировалъ у паши*). Онъ сказывалъ, что, по сходству Татар-

*) Тевтелевъ (называвшійся не знаю на какомъ основаніи Александромъ Петровичемъ, ибо онъ былъ и есть по сіе время мусульманиномъ) произведенъ въ офицеры весною 1827 г. послѣ Вяземскаго смотра. Крѣпостные его люди звали его княземъ, но въ служебныхъ спискахъ онъ тѣмъ не считался. Нынѣ онъ занимаетъ какую-то высшую духовную мусульманскую должность въ Оренбургскомъ краѣ, въ ротѣ имамской.

скаго съ Турецкимъ нарѣчіемъ, незатруднительно нисколько было ему объясняться съ пашею. Не помѣстилъ я въ описанія лагерной стоянки подъ Шумлою анекдотъ про его крѣпостного человѣка Абдула. Нѣсколько изъ нашихъ офицерскихъ людей отправились верхомъ за какими-то покупками на базаръ при главной квартирѣ, въ числѣ каковыхъ былъ Тевтелевскій Абдула. Подгуляли, можетъ быть, они тамъ у маркитантовъ и на возвратномъ пути ѣхали врозь. Абдула наткнулся какъ-то на лагерную цѣпь, гдѣ стоявшій часовой принялъ его по его красной ермолкѣ за Турка. Татаринъ нашъ сильно обидѣлся и возразилъ часовому на ломанномъ своемъ Русскомъ нарѣчіи: «Какой я Турка? Развѣ Турка можетъ такъ шиста» (вмѣсто «чисто») говорить по русска, какъ я.» Тевтелевъ былъ хорошій офицеръ и хорошій товарищъ; отъ свинины онъ воздерживался, но отъ шампанскаго не отказывался. Онъ вышелъ изъ полка въ 1835 году.

Съ плоской крыши занимаемаго генераломъ Крейцемъ и его адъютантами дома, я срисовалъ по просьбѣ А. О. Понятовскаго панорамическій видъ всего города; но кто-то изъ его знакомыхъ, какъ онъ впослѣдствіи передалъ мнѣ, усвоилъ себѣ трудъ мой и, кажется, отгравировалъ его подъ своею фирмою.

Вино Адріанопольское, бѣлое и красное, нехорошо и кисловато; но въ городкѣ Кирклесси мы нашли такого достоинства бѣлое и крѣпкое вино, что почти можно было его принять за хересъ*). Табакъ тамъ ароматиченъ, но до того крѣпокъ, что не выкуришь сразу всей трубки; впрочемъ, оно могло мнѣ такъ казаться отъ исключительнаго тогда употребленія нами вакштафа (фабрикъ Линденлауба и Фалера), запасъ коего всегда былъ у маркитантовъ. Между городскими жителями было столько же Грековъ и Болгаръ, сколько Турокъ. Объ Адріанопольскихъ Евреяхъ ничего не помню, но встрѣтилъ я въ Кирклесси или въ другомъ какомъ-то городкѣ Евреевъ-торговцевъ, съ которыми, къ крайнему моему удивленію, я могъ объясняться, потому что они говорили на полу-испанскомъ нарѣчіи, имѣвшемъ нѣкоторое сходство съ Итальянскимъ. Предполагаю, что предки ихъ были Испанскими выходцами по случаю религіознаго ихъ преслѣдованія; одѣвались они по-азіатски.

По зампреніи, чтобы всѣмъ войскамъ нашимъ не оставаться зимовать въ томъ краю, часть 2-го корпуса, въ томъ числѣ наша дивизія, получила приказаніе выступить въ Россію, въ концѣ Октября, но той же почти дорогѣ, по которой мы пришли. Пашковъ заболѣлъ и отпра-

*) Позднѣе я узналъ, что вино это проникло въ торговлю въ Одессѣ.

вился въ Россію моремъ изъ одной приморской гавани, сдавъ командованіе полкомъ старшему по чину маіору Маслову. Въ мѣстныхъ временныхъ госпиталяхъ оставалось больныхъ нашего полка не менѣе, полагаю, третьей части; тоже самое было, вѣроятно, и въ прочихъ полкахъ. Впослѣдствіи мы узнали, что въ теченіе зимы съ 1829 по 1830 годъ большая смертность открылась въ этихъ заграничныхъ госпиталяхъ.

Когда мы выходили изъ Адріанополя, тамъ готовился фейерверкъ въ огромныхъ размѣрахъ по случаю заключенія мира, для чего ставили при насъ лѣса. Дивизія наша тронулась въ обыкновенной походной формѣ, въ шинеляхъ, хотя приближался уже конецъ Октября; этаго было достаточно, пока шли Румелійскими равнинами; но едва взобрались мы на Балканскій хребетъ, какъ настигла насъ настоящая Русская зима, упорно и неожидано преслѣдовавшая насъ въ горахъ и въ степныхъ равнинахъ, въ серединѣ коихъ стоитъ городъ Базарджикъ. Сказывали, что морозы доходили до 22 и 24-хъ градусовъ; говорю, сказывали, ибо не думаю, чтобы у кого-нибудь тогда былъ для повѣрки стужи термометръ. Разбросанныя врозь селенія были безъ жителей, опустошенныя частію еще во время предыдущей кампаніи. Пока войска шли чрезъ горы, недостатка въ дровахъ и хворостѣ для костровъ не было; но по сю сторону Балкановъ приходилось жечь сѣдла павшихъ лошадей, коихъ было такое множество, что по ихъ трупамъ можно было слѣдить за движеніемъ войска. Послѣ сѣделъ принялись, съ разрѣшенія новаго нашего дивизіоннаго командира генерала Сиверса, за пики; но этихъ матеріаловъ для топлива было недостаточно, и войска провели чуть ли не три ночи (одну таковую я хорошо помню) на снѣжномъ бивакѣ безъ огней при сильнѣйшей стужѣ. Такова была, ночь съ 6-го на 7-е Ноября, на канунѣ дня, когда я догналъ свой полкъ подъ Базарджикомъ. Въ послѣдніе эти три или четыре перехода замерзло, страшно сказать, изъ всѣхъ четырехъ полковъ (какъ тогда сказывали) до 200 человѣкъ; иные изъ нихъ, сидя на коняхъ. Къ счастію моему, многихъ изъ этихъ бѣдствій я избѣгнулъ.

Получивъ въ Адріанополѣ деньги изъ нашей Петербургской конторы, я купилъ тамъ Турецкую шубу на лисьемъ мѣху съ разрѣзными, какъ въ Польскомъ контушѣ, рукавами, Русскую маркитантскую повозку съ верхомъ и третью упряжную лошадь, составлявшую съ моею вьючною и съ тою, что была подъ моимъ человѣкомъ Ильею, хорошую тройку. Хомуты и сбрую ловкій этотъ Малороссіянинъ какъ-то собралъ, и я весьма комфортабельно слѣдовалъ въ повозкѣ за полкомъ, подса-

дивъ съ собою новопроизведеннаго въ офицеры, бывшаго старшаго вахмистра нашего эскадрона Сорокина. На одномъ изъ первыхъ ночлеговъ моихъ въ Балканахъ, гдѣ я съ человѣкомъ своимъ укрылся въ землянкѣ, ко мнѣ примкнулъ Петръ Павловичъ Свиньинъ, тогда поручикъ въ Смоленскомъ уланскомъ полку. Не подозрѣвалъ я, вѣроятно, въ то время, что его ожидало богатое наслѣдство, и упражнялся онъ тогда игрою на флейтѣ, звуками каковой услаждалъ проведенную мною съ нимъ дневку въ землянкѣ. Полки шли, какъ попало, безъ соблюденія порядка; лошадей, оставшихся отъ замерзшихъ и заболѣвшихъ всадниковъ, связывали за хвосты, и гусары гнали бичемъ этотъ табунъ. Спѣшившіеся отъ падшихъ лошадей отставали отъ своихъ полковъ на нѣсколько переходовъ, и никто о нихъ не заботился: у всякаго было свое горе. Въ горахъ удалось мнѣ съ своею свитой пріютиться двѣ три ночи въ Болгарскихъ мазанкахъ случайно уцѣлѣвшихъ, гдѣ поэтому мы могли разложить огонь и кое-что состряпать изъ провизіи, коею заблаговременно запаслись у маркитантовъ подъ Адріанополемъ; но по спускѣ съ горъ начались бѣдствія наши, особливо по недостатку корма лошадямъ. Натыкаясь иногда на стога сѣна, приготовленные заранѣе въ степяхъ военнымъ интендантствомъ, мы ночевали около нихъ, и лошади наѣдались.

Нагналъ я однажды повозку полковаго нашего священника, стоявшаго возлѣ нея въ горестномъ недоумѣніи по случаю смерти своего деньщика-дьячка изъ фурлейтовъ. Подошедъ къ пему, я взялъ на себя должность причетника, и мы совершили вдвоемъ похоронный обрядъ, предавъ тѣло не землѣ (что́ было невозможно по причинѣ зимы и замерзшей земли), а зарыли, какъ могли, въ снѣгъ. Въ другой разъ, по сю сторону Балкановъ, набрелъ я въ сумеркахъ съ своимъ Ильею на землянку, гдѣ мы остановились ночевать. Вся она была набита лежавшими на полу отсталыми нижними чинами разныхъ полковъ, и не было мѣста, гдѣ бы мнѣ прилечь; офицерскіе же эполеты тутъ ничего не значили. Наконецъ отыскалъ я себѣ съ большимъ трудомъ мѣстечко между двумя солдатами и заснулъ; но каково было утромъ мое удивленіе, когда Илья мой указалъ мнѣ, что я пролежалъ ночь бокъ о бокъ съ трупомъ. Походъ этотъ много напоминалъ отступленіе Французовъ въ 1812 г., съ тою только разницею, что не было за нами преслѣдованія. Одну ночь мы провели подъ Варною въ землянкахъ расположеннаго тутъ на зиму пѣхотнаго полка фельдмаршала герцога Веллингтона; мнилось намъ быть въ раю: не токмо было тамъ тепло, какъ въ Русской избѣ, но подчивали насъ свѣжимъ ржанымъ хлѣбомъ, лакомствомъ давно нами забытымъ. Въ другую ночь, проведенную мною на

бивакѣ, я укрылся въ фурѣ гостепріимнаго фурштадтскаго маіора, имя коего я, къ сожалѣнію, забылъ; въ его паркѣ, къ которому я примкнулъ, пылали костры, и онъ накормилъ меня вдобавокъ горячимъ ужиномъ и согрѣлъ пуншемъ. Я со свитою своею нагналъ остатки нашихъ Павлоградцевъ въ Базарджикѣ, подъ самые, помнится мнѣ, мои именины, и съ того дня не отставалъ съ повозкою своею отъ товарищей. Шли мы по приморскіе городки Кюстенджи и Мангалію, и положеніе наше улучшалось какъ насчетъ квартиръ въ непокинутыхъ Болгарами селеніяхъ, такъ и насчетъ съѣстныхъ средствъ отъ маркитантовъ, коихъ мы нагоняли. Въ Болгарской одной хатѣ (напоминавшей Малорусскую), гдѣ пришлось мнѣ разъ ночевать, я пораженъ былъ сходствомъ дочери хозяина, красавицы, съ графинею Вѣрою Чернышевою; не помню, однакоже, чтобы это воспоминаніе особенно тогда меня взволновало. Ночевалъ я разъ въ Некрасовскомъ селеніи, гдѣ домохозяева приняли насъ весьма даже радушно. Хата, все ея убранство, одѣянія и жизненныя привычки сохранили первобытный свой Русскій типъ. Хотя Турокъ по подданству, хозяинъ-казакъ весьма почтительно отзывался о нашемъ Государѣ; много ихъ, Некрасовцевъ, по заключеніи мира возвратилось, какъ извѣстно, въ Россію.

Какъ и гдѣ мы обратно перешли Дунай, не помню; должно быть, по льду подъ Исакчею. Добрались мы до г. Рени, гдѣ на дневкѣ отогрѣлись и отдохнули. Тутъ была ресторація, сдѣлавшаяся первымъ сборнымъ пунктомъ офицеровъ и юнкеровъ всей дивизіи. Сколько разсказовъ о недавно минувшихъ бѣдствіяхъ, въ которыхъ всякій былъ дѣйствующимъ лицемъ, передавалось другъ другу! Вступивъ въ Бессарабію, мы подъ Дубоссарами на р. Днѣстрѣ взошли въ карантинъ, въ теплыя и просторныя землянки, а лошадей поставили къ коновязямъ *). Полкъ нашъ вступилъ въ Россію въ составѣ около 200 людей, а мы перехоодили Прутъ въ концѣ лѣта 1828 г. въ составѣ 800 и были укомплектованы впослѣдствіе резервами изъ кадровъ. Почти въ таковой же, полагаю, пропорціи былъ недочетъ въ пѣхотныхъ полкахъ, даже чуть ли не болѣе. Говорили тогда, что бригада, состоящая изъ храбрыхъ 11 и 12 егерскихъ полковъ, взошла въ карантинъ будто бы въ

*) Карантинъ былъ отъ чумы: предосторожность лишняя, такъ какъ въ полкахъ не было чумы, хотя въ больницахъ появилась. Въ одномъ изъ задунайскихъ госпиталей умеръ чумою эрцъ-герцога Фердинандова полка Ѳедоръ Дмитріевичъ Бологовской, крѣпостной человѣкъ коего, придерживаясь, вѣроятно, простонародной поговорки, что „двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать,“ неотступно ходилъ за своимъ барином и къ общему удивленію, остался невредимъ. Разсказывали, что примѣрный этотъ слуга все сокрушался о томъ, „какими глазами покажусь я теперь старой барынѣ.“

числѣ 150 людей въ каждомъ полку. Много позднѣе, графъ Ѳедоръ Петровичъ Паленъ передалъ мнѣ слышанное имъ отъ роднаго брата графа Петра Петровича (нашего корпуснаго командира), что въ обѣ кампаніи 1828 и 1829 г. изо всей дѣйствующей арміи убыль людей простиралась до 100.000, изъ коихъ убитыми отъ 5 до 7 тысячъ не болѣе.

За кордономъ, обозначеннымъ натянутою веревкою, находились маркитанты и, кажется, даже трактиры; они числились на здоровой сторонѣ, а мы на сомнительной, и потому платимыя нами за съѣстное деньги (звонкою монетою, о бумажныхъ деньгахъ во всей кампаніи и помину не было) принимались отъ насъ не иначе, какъ опущенными въ сосудъ съ уксусомъ: предосторожность совершенно лишняя, такъ какъ, благодаря Бога, въ изнеможенномъ отъ голода и холода нашемъ станѣ ни одного чумнаго случая не было. Пріѣхалъ инспектировать насъ графъ М. С. Воронцовъ, но пораженный, вѣроятно, общимъ состояніемъ этой побѣдоносной арміи, удержался отъ всякихъ подробныхъ смотровъ, не вызывалъ насъ, офицеровъ, изъ землянокъ и къ намъ туда самъ не приходилъ. Тѣмъ не менѣе я счелъ долгомъ письменно увѣдомить его о нахожденіи своемъ въ числѣ Забалканскихъ оборванныхъ героевъ и впослѣдствіи получилъ отвѣтъ, дышащій любезностями (хотя весьма трудно было разобрать, какъ обыкновенно, его гіероглифическій автографъ) съ изъявленіемъ сожалѣнія, что ему не было извѣстно о моемъ нахожденіи, когда онъ производилъ осмотръ. Это было послѣдній случай моихъ съ нимъ сношеній личныхъ и письменныхъ. Полагать надо, что въ своемъ донесеніи Государю Императору онъ вѣрнымъ колоритомъ описалъ все видѣнное имъ; ибо вслѣдъ за тѣмъ не замедлилъ пріѣхать свиты его величества (если не ошибаюсь) генералъ Бологовскій для изслѣдованія причинъ столь бѣдственнаго возвращенія арміи; но какъ нечего было изслѣдовать, ибо положеніе войскъ и пора года достаточно объясняли причины бѣдствія, то Петербургскій эмиссаръ, какъ и Одесскій его предшественникъ, повертѣлся, повертѣлся, да съ тѣмъ и уѣхалъ обратно, не безпокоя насъ.

Находясь въ карантинѣ, я получилъ извѣстіе о кончинѣ моего отца. Поплакалъ, я конечно; но потеря эта не столь сильно на меня подѣйствовала, какъ другія (позднѣйшія) семейныя *). Молодость жи-

*) Отецъ нашъ благочестиво и въ полномъ сознаніи встрѣтилъ свою кончину 7 (19) Ноября 1829 г., шестидесяти шести безъ одного мѣсяца лѣтъ, держа крестъ съ мощами въ рукахъ, каковая драгоцѣнная святыня находится у меня. Причина, ускорившая его смерть, была водяная въ груди, вслѣдствія застарѣлой астмы. Въ послѣдніе дни его жизни

ветъ дѣйствительностію настоящей минуты, прошлаго у ней нѣтъ; о томъ, что будетъ завтра, ей дѣла нѣтъ, и увлекаемая всѣмъ ее окружающимъ, способна переходить къ безсознательному эгоизму въ родственныхъ своихъ связяхъ. Сила родительскаго чувства къ дѣтямъ остается непостижимою понятіямъ молодости, пока она не услышитъ лепетанія своего перворожденнаго; и почти справедливо говоритъ какой-то Французской писатель, что «les enfants sont des ingrats». Упрекать молодость въ томъ нельзя; видно, таковъ уже законъ природы. Но, впрочемъ, бываютъ радостныя изъятія изъ этой аксіомы [1]).

По выдержаніи шестинедѣльнаго почти карантина въ Дубоссарахъ, мы направились чрезъ Балту въ Бердичевъ. На пути къ этому мѣстечку (нынѣ уѣздному городу) нагналъ насъ гдѣ-то, въ Январѣ 1830 года, полковникъ Пашковъ и снова вступилъ въ командованіе полкомъ. Здоровье мое было отчасти разстроено; кромѣ старой лихорадки, возвращавшейся по временамъ, я страдалъ отъ цынготныхъ ранъ на ногахъ, послѣдствія продолжительныхъ биваковъ и дурной пищи, а потому я хлопоталъ объ отпускѣ, намѣреваясь полѣчиться и отдохнуть отъ трудовъ кампаніи въ Москвѣ, но встрѣтилъ въ томъ неожиданное и упорное препятствіе военныхъ нашихъ врачей, отказавшихся дать мнѣ форменное свидѣтельство о болѣзни. Они не вѣрили или дѣлали видъ, что не вѣрили въ дѣйствительность разстройства моего здоровья; но отказъ ихъ не былъ изъ корыстныхъ побужденій,

---

находившійся при немъ г. Слоанъ выразилъ было надежду на его выздоровленіи. „Нѣтъ,“ отвѣчалъ мой отецъ; „я довольно пожилъ: надобности нѣтъ жить мнѣ долѣе.“

[1]) Умирающаго моего отца напутствовалъ его духовникъ часто упоминаемый въ сихъ запискахъ Греческій священникъ отецъ Іоахимъ Валламонте, передавшій мнѣ, что одна близкая нашему семейству особа Латинскаго исповѣданія, сильно озабоченная мыслію, что столь праведный человѣкъ, каковъ былъ отецъ мой, долженъ, по ученію ея церкви, лишиться вѣчнаго блаженства, просила этого священника употребить его вліяніе, чтобы *уговорить своего духовнаго сына перейти на смертномъ одрѣ въ Римскую церковь*. Сердобольная эта особа основывала свое разсужденіе на томъ соображеніи, что восточная-де церковь допускаетъ возможность спасенія въ Латинской, чего не допускаетъ послѣдняя, слѣдовательно для души умирающаго не предстояло никакого риска въ этомъ переходѣ. Вотъ до какой степени извращены у Латинянъ понятія о нашихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, что рѣшаются предложить православному священнику уговорить своего духовнаго сына сдѣлаться отступникомъ отъ своей церкви! „Le vrai est quelque fois invraisemblable“. Это напоминаетъ мнѣ, что во время моего пребыванія въ Ниццѣ въ 1863 г. одна дама крайне удивилась, узнавъ отъ меня, что въ тамошней нашей Русской церкви бываетъ обѣдни въ будни; она думала, что у насъ богослуженіе совершается, какъ у протестантовъ, по воскреснымъ лишь днямъ.

а, сколько могу припомнить, они повиновались наставленіямъ моего начальства, сомнѣвавшагося въ болѣзненномъ моемъ состояніи. Совершенно неожиданный случай выручилъ меня. Полученъ былъ высочайшій приказъ о прикомандированіи меня къ лейбъ-гвардіи гусарскому полку, состоявшійся по милости въ Бозѣ почившаго великаго князя Михаила Павловича вслѣдствіе даннаго имъ слова родителямъ моимъ не оставлять меня своимъ покровительствомъ. Полковникъ Пашковъ остолбенѣлъ было при этомъ извѣстіи, тѣмъ болѣе, что по недавно полученному распоряженію одинъ офицеръ изъ нашего полка имѣлъ быть переведеннымъ въ гвардію въ родѣ награжденія всего полка за труды кампаніи, и Пашковъ уже представилъ къ переводу въ лейбъ-гусарскій же полкъ поручика А. Г. Ломоносова. Когда я явился прощаться съ Егоромъ Ивановичемъ, онъ принялъ меня съ немного кислою физіономіею и спросилъ, какими путями я добился до этого почета. Я отвѣчалъ, что я самъ не при чемъ въ этомъ дѣлѣ и ничего не знаю, что̀ дѣйствительно была правда; ибо, хотя предыдущею зимою въ Бухарестѣ я вытребованъ былъ гвардейской артиллеріи полковникомъ Сергѣемъ Павловичемъ Сумароковымъ, но онъ, принявъ меня весьма ласково, ничего не говорилъ объ участіи, принимаемомъ во мнѣ великимъ княземъ Михайломъ Павловичемъ, и разговоръ мой съ нимъ, насколько припомнить могу, касался только моихъ семейныхъ и тогдашней моей службы.

За неимѣніемъ денегъ я позамѣшкался еще около двухъ или болѣе недѣль при полку въ Махновкѣ (это городокъ верстахъ въ 30 отъ Бердичева). Братъ мой, который былъ для меня какъ Провидѣніе, писалъ мнѣ ѣхать первопачально въ Кіевъ, гдѣ проживалъ тесть его Осипъ Игнатьевичъ Понятовскій, имѣвшій дать мнѣ средства доѣхать до Петербурга. Но денегъ рѣшительно не могъ я занять ни у кого изъ своихъ; въ утѣшеніе свое, должно быть, я проигралъ тамъ въ банкъ около 3 тыс. р. ассигн., въ коихъ выдалъ вексель. Не знаю, когда бы могъ я выбраться оттуда, если бы не вновь опредѣлившійся въ Фердинандовъ полкъ офицеръ Дмитрій (по отечеству забылъ) Черновъ, снабдившій меня, по возможности своей, деньгами, въ память того, какъ онъ сказывалъ мнѣ, что отецъ его, бывшій когда-то виноторговцемъ въ Москвѣ, до 1812 г., много пользовался отъ забора изъ его погреба винъ моими родителями *). И вотъ я опять ощущалъ надъ собою слѣды уваженія, которымъ они повсемѣстно пользовались.

---

*) Московскій домъ Черновыхъ былъ на Поварской, по лѣвой рукѣ отъ Арбатскихъ воротъ, на дворѣ за рѣшеткою. Въ немъ я навѣстилъ въ началѣ 1833 г. одол-

Распродавъ упряжныхъ своихъ лошадей, я пустился въ Кіевъ съ вѣрнымъ своимъ Ильею въ первыхъ числахъ Марта 1830 года.

Когда дивизія наша вошла въ предѣлы Россіи, прибылъ къ намъ новый нашъ бригадный генералъ князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Гагаринъ (въ обществѣ Ѳединька), командовавшій предъ тѣмъ Клястицкимъ гусарскимъ полкомъ. Нашимъ бригаднымъ онъ оставался до постигшей его чрезчуръ строгой невзгоды: отставки безъ прошенія отъ службы въ Варшавѣ въ концѣ 1832 года. Въ свѣтѣ онъ слылъ за игрока и дуэлиста; но мы, Павлоградцы и Изюмцы (настоящее названіе Фердинандова полка), составлявшіе его бригаду, были всѣмъ сердцемъ ему преданы.

(*Продолженіе будетъ.*)

жившаго меня столь своевременно г. Чернова, женатаго, кажется на Чирковой и уже въ отставкѣ. Помнится мнѣ, будто бы братъ мой заплатилъ по предъявленной ему распискѣ нашего отца по забору вина у старика Чернова, несмотря на истекшую болѣе десятилѣтней давность документа. Если это такъ, то немудрено, что молодой Черновъ не хотѣлъ оставаться въ долгу и воспользовался случаемъ помочь мнѣ въ Махновкѣ.

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА [1]).

VI.

1830—1832.

Служба при лейбъ-гусарскомъ полку. — Мой арестъ. — Возвращеніе въ Павлоградскій полкъ.—Польская война 1831 г.—Непріятности съ Пашковымъ. — Отъѣздъ изъ полка.— Жизнь въ Варшавѣ.—Отставка.

„Минувшихъ лѣтъ минутные друзья!“

Пріѣхалъ я въ Кіевъ въ первой половинѣ Марта прямо въ домъ старика Понятовскаго, принявшаго меня какъ сына. Онъ держалъ въ то время Кіевскій откупъ и при мнѣ давалъ парадный обѣдъ тогдашнему генералъ-губернатору г. Княжнину и митрополиту Евгенію. Снабдивъ меня тысячью рублями, онъ отправилъ меня въ Петербургъ съ своимъ секретаремъ, шляхтичемъ г. Вишневскимъ, ѣхавшимъ туда по его дѣламъ. Въ Могилевѣ, гдѣ я остановился ночевать, меня навѣстилъ, къ моему удивленію, тамошній плацъ-маіоръ, человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, рекомендуя себя какъ стараго знакомаго, хотя таковымъ я по лицу его не узналъ; но когда онъ назвался фамиліею Ерличка, то я тотчасъ вспомнилъ въ немъ молодаго Чеха, бывшаго фортепіаннымъ учителемъ моихъ сестеръ и жившаго у насъ въ Бѣлкинѣ зимою съ 1815 на 1816 г. Братъ мой прибылъ въ Петербургъ чрезъ нѣсколько дней послѣ меня. Проѣздомъ чрезъ Царское Село я остановился на день повидаться съ бывшимъ моимъ Павлоградскимъ товарищемъ княземъ А. С. Вяземскимъ и съ Иваномъ Ивановичемъ Ершовымъ, съ которымъ я познакомился въ Орлѣ, гдѣ онъ былъ въ отпуску, когда нашъ полкъ тамъ квартировалъ. Лейбъ-гусарскій полкъ, въ коемъ они оба служили, стоялъ искони въ Царскомъ Селѣ; имъ командовалъ тогда ген. маіоръ баронъ Арпсъ-Гофенъ, къ коему тогда я не явился по разстройству своего гардероба. Въ Петербургѣ я квартировалъ до пріѣзда брата у завѣдывавшаго главною нашею конторою Василія Антоновича Инсарскаго [2]), послѣ недавней передъ тѣмъ смерти статсъ-секретаря Ѳедора Александровича

[1]) См. выше, стр. 177.

[2]) Одно имени, отчества и прозвища съ сочинителемъ извѣстныхъ Записокъ, но не родственникъ его. П. Б.

Голубцова. Г. Инсарскій служилъ тогда въ Св. Синодѣ и жилъ на Литовкѣ, возлѣ церкви Знаменія. По пріѣздѣ брата я перешелъ къ нему въ Демутову гостиницу. Обмундировавшись и одѣвшись съ ногъ до головы у портныхъ Лихта и Нормана и въ магазинѣ военно-офицерскихъ вещей Петелина и Пономарева (оба магазина на Невскомъ проспектѣ у Полицейскаго моста въ домѣ Котомина), явился я къ генералу Арпсъ-Гофену и поступилъ въ лейбъ-эскадронъ, коимъ командовалъ ротмистръ свѣтлѣйшій князь Алексѣй Дмитріевичъ Салтыковъ [1]). Остальные офицеры лейбъ-эскадрона были: штабсъ-ротмистръ князь Дмитрій Алексѣевичъ Щербатовъ (онъ же былъ первымъ ѣздокомъ въ полку), поручикъ Герсдорфъ и И. И. Ершовъ. Имена командировъ остальныхъ пяти эскадроновъ были: полковникъ Александръ Матвѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ (красивѣйшій мужчина и добрѣйшій человѣкъ, какого можно было встрѣтить), полковникъ Плаутинъ, ротмистръ князь Эсперъ Александровичъ Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, ротмистръ Слѣпцовъ [2]) и ротмистръ Василій Васильевичъ Ильинъ [3]). Не помню только, кто командовалъ седьмымъ, запаснымъ эскадрономъ.

Дивизіонные (ѣзжавшіе во время ученій и смотровъ передъ двумя эскадронами) штабъ-офицеры были: полковникъ Павелъ Петровичъ Ланской, флигель-адъютантъ князь Петръ Ивановичъ Трубецкой и полковникъ Платонъ Александровичъ Голубцовъ [4]). Ротмистрами безъ эскадроновъ были: графъ Протасовъ (впослѣдствіи оберъ-прокуроръ Св. Синода) и Колокольцовъ, братъ красавицы Ржевской, упомянутой при описаніи Орловскаго общества; а полковымъ адъютантомъ былъ часто упомянутый князь А. С. Вяземскій. Остальные офицеры, сколько помню, были: поручикъ князь Алексѣй Ивановичъ Трубецкой [5]), Ѳедоръ Васильевичъ Ильинъ (братъ названнаго выше), поручикъ Михайло Михаиловичъ Магницкій, штабъ-ротмистръ Верещагинъ, ротмистръ Булацель (рѣдко бывшій при полку, какъ ремонтёръ), поручикъ Засѣцкій [6]), поручикъ Сабуровъ [7]), штабъ-ротмистръ

---

[1]) Князь А. Д. Салтыковъ умеръ холерою во время похода л. гусарскаго полка въ Польшу въ началѣ кампаніи 1831 года. Онъ былъ чрезвычайно тихаго и кроткаго характера и замѣчательно рисовалъ военные сюжеты. Онъ не былъ женатъ; братъ его князь Иванъ Дмитріевичъ былъ женатъ на графинѣ Елисаветѣ Павловнѣ Строгоновой.

[2]) Онъ убитъ въ чинѣ полковника на Варшавскомъ штурмѣ.

[3]) Позднѣе директоръ Шереметевскаго странноприимнаго дома въ Москвѣ. П. Б.

[4]) Женатый на графинѣ Екатеринѣ Дмитріевнѣ Толстой, нынѣ вдова и директриса Кіевскаго Института благородныхъ дѣвицъ.

[5]) Женившійся въ 1833 году на княжнѣ Надеждѣ Борисовнѣ Четвертинской.

[6]) Братъ Михаила Дмитріевича Засѣцкаго, пѣвческій хоръ коего славился въ Москвѣ въ 30-ыхъ годахъ.

[7]) Онъ не былъ въ родствѣ съ Тамбовскими Андреемъ и Александромъ Ивановичами Сабуровыми. Упомянутый здѣсь г. Сабуровъ чуть не сдѣлался жертвою любимой

Павелъ Дмитріевичъ Соломирскій, графъ Медемъ (красивый, но болѣзненный тогда мужчина), поручикъ князь Мурузи, поручикъ Шимановскій (убитый вмѣстѣ съ княземъ Мурузи подъ Варшавою), поручикъ Власовъ (офицеръ съ хорошимъ весьма состояніемъ, но избѣгавшій какъ-то фронтовой службы, что́ однакоже сходило ему съ рукъ, не знаю почему); корнетъ графъ Константинъ Дмитріевичъ Толстой (братъ г-жи Голубцовой, страдавшій аневризмомъ, отъ котораго нѣсколько лѣтъ спустя умеръ); трое братьевъ Шевичей, корнетъ Николай Ивановичъ Тулиновъ (извѣстный Воронежскій коннозаводчикъ), корнетъ Череповъ, корнетъ Парландъ (Англичанинъ, сынъ извѣстнаго Александровскаго гофъ-фурьера), корнетъ Фампицынъ и поручикъ баронъ Стакельбергъ [1]). Начальникомъ нашей 1-ой гвардейской легко-кавалерійской дивизіи былъ генералъ-адъютантъ Петръ Александровичъ Чичеринъ [2]); нашею 1-ю бригадою (изъ лейбъ-гусарскаго и л.-гв. конноегерскаго полка, нынѣ л.-г. драгунскаго) командовалъ генералъ Ностицъ; второю бригадою кто командовалъ, я забылъ, но чуть ли не одинъ изъ двухъ братьевъ принцевъ Виртембергскихъ, находившихся въ составѣ гвардейскаго корпуса [3]). Командирами остальныхъ трехъ полковъ 1-й гвардейской легко-кавалерійской дивизіи были: л.-г. конноегерскаго полка ген.-маіоръ Слатвинскій; л.-г. уланскаго полка былъ, кажется, ген.-маіоръ Алферьевъ, а л. г. драгунскаго полка ген.-маіоръ Зассъ. Весною и въ началѣ лѣта переведены были прямо въ л.-г. гусарскій полкъ безъ прикомандированія къ нему поручикъ нашего Павлоградскаго полка А. Г. Ломоносовъ, изъ Смоленскаго уланскаго полка Августъ Осиповичъ Понятовскій, изъ Иркутскаго гусарскаго полка одинъ изъ двухъ братьевъ Мосоловыхъ, первые два съ ихъ армейскимъ поручичьимъ чиномъ, и адъютантъ фельдмаршала графа Дибича, Левъ Кириловичъ Нарышкинъ, поступившій во фронтъ съ сохраненіемъ адъютантскаго званія и мундира.

Какъ находившійся въ составѣ гвардейскаго корпуса офицеръ, я имѣлъ входъ во дворецъ наравнѣ съ прочими, а потому сопровождалъ брата моего (давно камергера) во дворецъ къ заутренѣ подъ

имъ медвѣжьей охоты. Мишка повалилъ его и началъ рвать платье, но онъ какъ-то добрался до кинжала, висѣвшаго у него съ боку и пропоролъ брюхо медвѣдю; послѣ сего приключенія онъ нѣкоторое время былъ какъ помѣшанный.

[1]) Вслѣдствіе жестокой раны на Варшавскомъ штурмѣ ему отпилили обѣ ноги выше колѣнъ, послѣ чего онъ было оправился и ходилъ на костыляхъ, но весною 1832 года умеръ.

[2]) Получившій свѣтскую извѣстность въ своей молодости тѣмъ, что увезъ отъ живаго мужа (Салтыкова) красавицу, бывшую княжну Куракину, и на ней женился, покровительствуемый великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ.

[3]) Вторая бригада состояла изъ л.-г. уланскаго и л.-г. драгунскаго полковъ.

Свѣтлый праздникъ. Это былъ единственный разъ, что̀ я присутствовалъ при царскомъ выходѣ и могъ вблизи разсмотрѣть величественную осанку покойнаго Императора, возвышавшагося цѣлой головой надъ всѣми царедворцами (только рота дворцовыхъ гренадеръ могла соперничать съ нимъ ростомъ). То время, ознаменованное удачнымъ исходомъ Турецкой и Персидской кампаній, было самымъ блистательнымъ въ его царствованіи: Русская слава гремѣла на всѣхъ концахъ Европы, и политическое наше значеніе отражалось во всѣхъ чужеземныхъ кабинетахъ. Пріѣзжали тогда, какъ бы на поклонъ Русскому царю, Персидскій принцъ Хозревъ-Мирза и Шведскій наслѣдный принцъ Оскаръ. Никто, надѣюсь, не станетъ отрицать, что Государь обратилъ въ то время вниманіе на улучшеніе гражданской администраціи. Въ милитаризмъ внесены были значительныя облегченія, между прочимъ отмѣненъ варварскій крещенскій парадъ на дворцовой площади, если было болѣе девяти градусовъ мороза, тогда какъ въ предшествующее царствованіе парадъ не отмѣнялся даже и при 30 градусахъ мороза. Я помню въ моемъ дѣтствѣ, какъ императоръ Александръ и всѣ военные чины ходили на Іордань безъ шинелей и съ открытою головою [1]). Отмѣнены были также мучительныя краги въ пѣхотѣ, стягивавшія икры и кость подъ самымъ колѣномъ; всей армейской пѣхотѣ и кавалеріи даны свободные рейтузы, и, кажется, запрещено рядовыхъ стягивать въ рюмку, какъ прежде водилось. Конечно, все это еще далеко до нынѣшней спокойной военной формы; но было уже значительное облегченіе противъ прежняго. Кредитъ государственный, благодаря геніальному графу Канкрину, никогда столь высоко не стоялъ; онъ же, въ память усмиренія Польскаго мятежа, соорудилъ сюрпризомъ будто бы для Государя (изъ остатковъ, вѣроятно, бюджета) чугунные тріумфальные ворота при Царскосельской заставѣ въ Петербургѣ и впослѣдствіи докончилъ великолѣпный соборъ Смольнаго монастыря, сооруженный знаменитымъ Растрелли [2]). Значитъ, хватало на все съ излишкомъ, если иниціатива этихъ работъ происходила прямо отъ скареднаго въ государственныхъ расходахъ графа Канкрина. Люблю, признаюсь, вспоминать эту блестящую сторону Николаевскаго царствованія, и болѣе, можетъ быть, потому, что, если впослѣдствіи покойный императоръ дѣлалъ множество ошибокъ, то онъ вполнѣ ихъ искупилъ мучительною

[1]) Мнѣ разсказывали люди того времени, что иные полки выступали изъ своихъ казармъ до 6 часовъ утра и возвращались туда почти что въ сумерки. Не можетъ быть, чтобы при сильной стужѣ не было несчастныхъ случаевъ, замерзаній носовъ и другихъ членовъ тѣла или даже смертныхъ случаевъ отъ воспаленій; но въ то блаженное время все бывало шито и крыто.

[2]) Я долженъ сказать, къ сожалѣнію, что отступлено отчасти отъ плана Итальянскаго зодчаго.

смертію отъ сознанія, что самъ былъ причиною Крымскаго разгрома. О политическомъ его вліяніи незадолго даже до того скорбнаго событія приведу одинъ извѣстный мнѣ изъ надежнаго источника примѣръ. Въ концѣ 40-ыхъ годовъ, когда дѣла запутывались между Пруссіею и Австріею и угрожали войною, Государь нашъ объявилъ обѣимъ державамъ, что не желаетъ входить въ разбирательства, кто правъ и кто виноватъ, но что въ случаѣ нападенія одной изъ двухъ сторонъ на другую, онъ выставитъ-де немедленно сто или полтораста тысячъ штыковъ на сторону, подвергшуюся нападенію, вслѣдствіе чего противники мирно разошлись.

Въ первый день праздника генералъ Арпсъ, во главѣ офицеровъ своего полка, въ числѣ коихъ былъ и я, ходилъ съ представленіемъ къ великому князю Михаилу Павловичу, командиру гвардейскаго корпуса. Я въ первый разъ представлялся ему, и когда онъ подошелъ христосоваться со мною, я, отвѣсивъ глубокій поклонъ, сказалъ: «Позвольте поблагодарить ваше императорское высочество за оказанныя мнѣ милости», на что онъ ударилъ меня по плечу и сказалъ: «Я ничего еще для тебя не сдѣлалъ, но надѣюсь сдѣлать.» О, сколько предвѣщающаго было въ этихъ краткихъ его словахъ, но я не сумѣлъ ими воспользоваться! Можно представить себѣ эффектъ, произведенный ими на присутствующихъ новыхъ моихъ сослуживцевъ и какъ я выросъ въ ихъ глазахъ, каковаго эффекта я впрочемъ тогда не подозрѣвалъ; но объ этомъ впослѣдствіи передалъ мнѣ М. М. Магницкій, съ коимъ я вскорѣ подружился. Вѣрно вполнѣ, что великій князь былъ добрѣйшей души человѣкъ; всѣ его приближенные, въ томъ числѣ Н. А. Дивовъ и бывшій впослѣдствіи у него адъютантомъ Августъ Осиповичъ Понятовскій, подтверждаютъ это и отзываются о немъ съ глубокою преданностію вслѣдствіе ежедневныхъ и домашнихъ съ нимъ отношеній. Но таковымъ онъ далеко не представлялся намъ, фронтовымъ его подчиненнымъ: онъ силился казаться звѣремъ и достигъ своей цѣли. Мы его боялись какъ огня и старались (по крайней мѣрѣ я) избѣгать всякой уличной съ нимъ встрѣчи. Милитарный его педантизмъ, отражавшійся въ застежкѣ крючковъ и пуговицъ, въ прическѣ волосъ и пр., отступленіе отъ каковыхъ формъ преслѣдовалось съ неумолимою строгостію (иногда при колкихъ весьма выраженіяхъ) не могъ привести насъ къ тому, чтобы раздѣлять мнѣніе о немъ общее съ болѣе приближенными къ нему людьми. Въ немъ были двѣ личности, противурѣчущія одна другой. Мы не столько боялись Государя, какъ его; казалось, впрочемъ, что роли въ отношеніи мундирныхъ строгостей разыгрывались обоими братьями со взаимнаго уговора, если судить по слѣдующему случаю, пере-

данному мнѣ чуть-ли не очевидцемъ. Николай Алексѣевичъ Свистуновъ, тогда поручикъ и нѣчто въ родѣ льва въ кавалергардскомъ полку, уже пользовавшійся извѣстностью при дворѣ, явился однажды на одномъ изъ маленькихъ Аничкинскихъ баловъ въ неимовѣрно высокой прическѣ по послѣднему Парижскому журналу, невозможной безъ длинныхъ волосъ. Государь подошелъ къ нему и шутливо сказалъ: «Смотри, не попадайся на глаза великому князю съ твоей прической.» Рядомъ же съ этимъ преслѣдованіемъ мелочей, чего и чего не спускалъ великій князь въ сороковыхъ годахъ шалуну и остряку Константину Александровичу Булгакову (служившему въ л.-гвар. Московскомъ полку), выходками коего великій князь даже потѣшался? Одинъ гвардейскій офицеръ, растративъ казенныя деньги, безъ средствъ пополнить ихъ, рѣшился прибѣгнуть къ великодушію великаго князя чрезъ одно близкое къ послѣднему лицо, которое, не назвавъ по фамиліи просящаго, представило, вѣроятно, его положеніе въ такомъ видѣ, что ему не было другаго исхода, какъ пулю въ лобъ, и великій князь, запретивъ предварительно ходатаю сказать ему фамилію несчастнаго, пополнилъ растрату изъ своихъ средствъ [1]).

Я началъ обзаводиться лошадьми, экипажами, мебелью, посудою и прислугою въ новыхъ совершенно для меня размѣрахъ съ одобренія добрѣйшаго брата моего и при содѣйствіи В. А. Инсарскаго. Одну верховую кобылу сѣрой масти купилъ я у князя А. С. Вяземскаго за 2500 р. асигн., Арабскаго полукровнаго бѣлаго жеребца 4 вершковаго, по имени «Заиграй», у графа Степана Ѳедоровича Апраксина, командира кавалергардскаго полка, за туже или около той же цѣну [2]), а позднѣе жеребчика небольшаго, но всего въ яблокахъ, по имени «Монплезиръ,» за страшную цѣну 5000 р. у юнкера л.-г. конноегерскаго полка Богуславскаго: лошадь малосильная и только эффектная для парада. И такъ, верховыя три лошади стоили 10,000 р. Упряжныхъ городскихъ была пара изъ Бутурлиновскаго завода, и ухорская Вятская тройка, на которой, бывало, я скакалъ сломя голову, чтобы поспѣть къ Петербургскому параду, или обратно къ ученію въ Царскомъ Селѣ [3]). Изъ экипажей были у меня дрожки, двумѣстная колясочка-фаетонъ, отъ

[1]) Великій князь получалъ въ то время оклада всего 300 тысячъ рублей ассигнац.

[2]) Жеребецъ этотъ поступилъ позднѣе на Бутурлиновскій конный заводъ.

[3]) Случалось совершать мнѣ этотъ проѣздъ, помнится, въ одинъ часъ и 20 минутъ (положимъ, что даже и въ полтора часа). Разстояніе было конечно всѣ 30 верстъ, да еще крутая Пулковская гора, хотя по шоссейнымъ каменнымъ столбамъ значилось 25 верстъ, по желанію, какъ я слыхалъ, императрицы Екатерины выказать разстояніе въ уменьшенномъ видѣ. Я загналъ однакоже разъ одну изъ пристяжныхъ, околѣвшую тутъ же, на шоссе.

славившагося тогда Тацкаго, и щегольская ухарская ямская телѣга на тройку. Мебель была заказана у Штрауха, мастерская коего мало уступала знаменитому уже тогда Гамбсу. Вѣрный мой хохолъ Илья остался старшимъ камердинеромъ; въ помогу ему, а также для буфета, нанятъ былъ оффиціантъ; кромѣ того отличный кучеръ изъ Татаръ, Абдулъ, конюхъ въ военной ливреѣ для верховыхъ лошадей и поваръ изъ своихъ крѣпостныхъ, находившійся въ молодости при кухнѣ моихъ родителей. Вхожу въ эти подробности (коимъ самъ едва вѣрю, настолько измѣнилась свѣтская моя обстоновка), чтобы дать понятіе, какъ принято было обзаводиться гвардейскому офицеру.

Братъ, пробывъ въ Петербургѣ недѣли три, отправился къ своему семейству въ Таганчу. Оставшись одинъ, я съ самаго начала не повелъ себя, какъ слѣдовало. Во-первыхъ, не желая спрашивать позволенія у генерала Арпса на всякую мою поѣздку въ Петербургъ (что̀ было дѣйствительно своего рода стѣсненіе), я безпрестанно туда ѣзжалъ, часто почевалъ и чрезъ то опаздывалъ къ Царскосельскимъ разводамъ и ученіямъ и назначался въ наказаніе въ караулъ безъ очереди. Нынѣшніе л.-гусарскіе офицеры, разъѣзжающіе безпрепятственно изъ Царскаго Села въ Петербургъ, не поймутъ, каково было намъ во дни оны проситься на одинъ день въ Петербургъ съ обязательствомъ являться къ великому князю, а если онъ не принималъ у себя во дворцѣ, то являться къ нему на разводѣ, въ чемъ проходило все утро. Навлекъ я на себя также дурное замѣчаніе Арпса тѣмъ, что курилъ сигару во время одного вольтижернаго представленія, хотя оно было дано на открытомъ воздухѣ.

Бывали у меня на квартирѣ довольно частые обѣды и ужины. Гостями моими были нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ и штатскіе Петербургскіе мои знакомые, преимущественно изъ иностранцевъ; тутъ шло, разумѣется, разливное море шампанскаго и жженки. Но главная ошибка моя была въ томъ, что послѣ первыхъ визитовъ съ братомъ въ началѣ пріѣзда моего къ княгинѣ Маріи Васильевнѣ Кочубей, Натальѣ Кирилловнѣ Загряжской (весьма много тогда значившей) и къ прочимъ въ родствѣ или прежнемъ знакомствѣ съ нашимъ семействомъ, я пересталъ посѣщать это высокое общество. Помню, какъ однажды, при выходѣ изъ Французскаго Каменостровскаго театра, старая моя знакомая Елисавета Михайловна Хитрова, узнавъ меня, воскликнула: «Ахъ, Мишель!» А я, чтобы избѣгнуть встрѣчи и экспликацій съ нею, чѣмъ спуститься съ лѣстницы перестиля, гдѣ происходила эта сцена, повернулъ круто направо мимо колоннъ фасада; но такъ какъ схода

на улицу тамъ никакого не было, то я и полетѣлъ стремглавъ на землю съ порядочной весьма высоты, рискуя переломить руку или ногу. Вкоренились, къ несчастію, во мнѣ привычки разгульной и нараспашку жизни въ кругу армейскихъ товарищей съ поздними попойками по ресторанамъ, и потому выѣзды въ великосвѣтскіе салоны отягощали меня, вслѣдствіе чего немного прошло мѣсяцевъ, какъ члены того общества рѣшили (и не безъ основанія), что я малый, погрязшій въ омутѣ дурнаго общества. Одинъ разъ только навѣстилъ я двоюроднаго моего брата Н. А. Дивова, жившаго въ Петербургѣ въ отставкѣ; и его я избѣгалъ наравнѣ съ прочими, столько же отъ сознательнаго чувства непохвальнаго моего поведенія, сколько изъ опасенія слышать отъ него моральное наставленіе. Мнѣ кажется, что если бы я поддерживалъ мои связи съ Петербургскою знатью, являлся бы хоть изрѣдка въ ихъ салоны, посѣщалъ генерала Арпса и его жену (чего я ни разу не сдѣлалъ) и не опаздывалъ бы на ученія и разводы, то, пожалуй, что и кутежи сошли бы мнѣ съ рукъ: касательно верховой ѣзды и фронтовой части я не получалъ ни одного выговора. Поддерживалъ меня, насколько могъ, добрѣйшій полковникъ нашъ А. М. Мусинъ-Пушкинъ, но и это въ концѣ концовъ не помогло. Не могу жаловаться и на прочихъ старшихъ офицеровъ полка: полковникъ Ланской, ротмистры Слѣпцовъ и князь Бѣлосельскій, мой эскадронный командиръ князь Салтыковъ, оказывали мнѣ постоянно доброе расположеніе; значитъ, не смотрѣли на меня какъ на безвозвратно погибшаго блуднаго сына.

Не знаю, существуютъ ли нынѣ въ Софіи площадь и фасады конюшенъ первыхъ двухъ эскадроновъ л.-г. гусарскаго полка въ томъ видѣ, какъ были въ 1830 году. Зданія эти представляли тогда въ натурѣ театральную декорацію одной изъ сценъ «Севильскаго Цирульника», настолько понравившейся Екатеринѣ, что она приказала исполнить декорацію на дѣлѣ. Съ обѣихъ сторонъ площади фронтоны конюшенъ уменьшались въ высотѣ, постепенно идя къ фону, какъ бы боковыя кулисы и представляя собою узкіе фасады 3-хъ и 2-хъ этажныхъ домовъ въ два и въ три (кажется, фальшивыхъ) окна въ каждомъ отдѣленіи. Эти мнимыя зданія (всѣ каменныя) становились, какъ я уже говорилъ, ради оптическаго обмана, всё ниже и ниже по мѣрѣ приближенія ихъ къ задней занавѣси, изображавшей одно зданіе, занимавшее своимъ фасадомъ весь фонъ; сама же площадь (не изъ большихъ), для соблюденія того же сценическаго эффекта, суживалась постепенно въ глубину. Въ центрѣ площади возвышалась колонна или обелискъ. Оптическій обманъ этой игрушки вполнѣ достигался, и проѣзжающій

по улицѣ мимо ея переносился на одну минуту на площадь какого-нибудь заграничнаго стариннаго города, напоминающую отчасти, напримѣръ, площадь «Грабенъ» въ Вѣнѣ.

Я начиналъ постепенно понимать свою, такъ сказать, чудовищность въ окружавшей меня Русской стихіи, въ которой я былъ нѣчто въ родѣ полу-Итальянца и полу-Британца, и подъ часъ стыдился своего космополитизма и слабаго знанія отечественнаго языка и обычаевъ.

Къ выходу изъ этого ненормальнаго положенія мнѣ послужило, можетъ быть, тоже самое Англійское мое воспитаніе, въ томъ отношеніи, что я началъ преуспѣвать въ своей Русской національности, вслѣдствіе того гордаго чувства, которымъ проникнуты Англичане. Во время даже разгульной моей жизни я слѣдилъ (хотя отрывочно) за отечественными литературными новостями, изъ коихъ немало покупалъ, и если бы не добрые люди, зачитывавшіе съ моего иногда вѣдома, а иногда безъ спросу, мои книги, у меня теперь была бы весьма порядочная библіотека.

Когда я отъѣзжалъ съ женою въ Италію въ 1836 году, я отправилъ къ себѣ въ Порзню большой ящикъ книгъ, но по возвращеніи моемъ изъ чужихъ краевъ весь ящикъ изчезъ, какъ призракъ. Кое-что было у меня въ Знаменскомъ, но и изъ этого запаса иное сгнило на чердакахъ и въ подвалахъ, а иное просто изводилось на всякую потребу; другія же книги какъ-то просто улетѣли безслѣдно. Замѣчательно между прочимъ, что хранится у меня по сіе время Итальянская книжка прошлаго столѣтія, заключающая въ себѣ описаніе Венеціи, наполненное хорошими гравюрами. Мнѣ было отъ роду 12 или 13 лѣтъ, когда я ее взялъ на полкѣ, куда откладывались бракованныя книги Флорентинской библіотеки моего отца; не помню, чтобы я съ тѣхъ поръ особенно заботился о ней или даже обращалъ на нее малѣйшее вниманіе; а между тѣмъ книжка эта съ вѣрностію и преданностію лягавой собаки, неотлучно, безъ моего вѣдома, слѣдитъ за мною и дошла до Знаменскаго, тогда какъ столь многія изъ ея подругъ, за которыми я имѣлъ особое попеченіе, исчезли.

Не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ про Петербургскіе театры того времени. Составъ Французской труппы былъ особенно хорошъ *).

*) Михайловскій театръ не былъ еще сооруженъ, и Французская труппа играла на Аничковскомъ театрѣ, на мѣстѣ котораго сооруженъ послѣ Александринскій. Кстати о публикѣ Александринскаго театра, каковою была она позднѣе въ 40-хъ годахъ. Н. И. Гречъ однажды при мнѣ за обѣдомъ въ Петербургскомъ Англійскомъ клубѣ сказалъ, что онъ

Русская опера была въ самомъ жалкомъ состояніи. Самойловъ и Климовскій, тенора когда-то въ славѣ [1]), еще пѣвали, но были ничто иное какъ музыкальныя руины, и, повидимому, некѣмъ было ихъ замѣнить. Примадоною была какая-то Иванова, ниже посредственности; но дебютировала при мнѣ молодая Брикова (или Брикина), со сноснымъ голосомъ. При этомъ составѣ пѣвцовъ я слышалъ однажды оперу Штейбента «Сандрильону», показавшуюся мнѣ невыносимо скучною, особливо, когда вспоминалъ, что этотъ же самый сюжетъ либретто такъ восхитительно выходилъ у Россини въ его операѣ «Ченерентола»; да и комикъ Величкинъ (если не ошибаюсь) былъ черезчуръ плоховатъ какъ пѣвецъ и актеръ въ роли Донъ-Магнифико. Непріятно поражаетъ Итальянское ухо, что у Нѣмцевъ инструментація на первомъ планѣ въ ущербъ мелодіи и «кантилены» (сладкое и протяжное одноголосное пѣніе).

Тріумфы Каратыгина были въ драмахъ «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока» и «Смерть Каласа», переводы съ Французскаго. Жена его, долго жившая въ Парижѣ для усовершенствованія въ драматургіи, была тогда въ апогеѣ славы. Младшій Каратыгинъ начиналъ свою извѣстность какъ театральный писатель; дебютировалъ Дюръ, преждевременно умершій [2]). Въ балетахъ все еще являлась Истомина, воспѣтая Пушкинымъ, но звѣзда ея начинала уже меркнуть.

Возвращаюсь къ разсказу о себѣ.

Извѣстіе, постигшее меня лѣтомъ того 1830 г., о бракѣ графини Вѣры Чернышевой съ графомъ Ѳедоромъ Петровичемъ Паленомъ не подѣйствовало на меня такъ, какъ бы казалось должно было, чѣмъ доказывается, что я воображалъ себя влюбленнымъ болѣе, чѣмъ былъ въ дѣйствительности. Пытливо изучая нынѣ, когда порывы страстей уже угасли, свою физіологію и психологію, я убѣждаюсь, что въ теченіе жизни я не разъ принималъ за истину то, что̀ было фантасмагоріею игриваго воображенія, и за влеченіе сердца то, что̀ было въ одной головѣ. Случалось даже, что ребяческая мысль сдѣлаться героемъ какого

долго недоумѣвалъ, изъ какого класса людей выбираютъ квартальныхъ надзирателей для Петербургской полиціи, и убѣдился окончательно, что ихъ набирали изъ партерной публики Александринскаго театра.

[1]) Для Климовскаго написана была партиція „Казака-стихотворца“.

[2]) Я случайно познакомился съ г. Дюромъ, весьма пріятнымъ и скромнымъ молодымъ человѣкомъ, владѣвшимъ прекраснымъ басовымъ голосомъ, почему онъ первоначально пытался было вступить на поприще оперы, и по-моему, могъ бы со временемъ отличиться. Онъ бывалъ у меня въ Царскомъ Селѣ и обращался за совѣтами по части пѣнія.

нибудь романа или свѣтскаго приключенія до того мнѣ льстила, что я уже переносился въ область совершившагося факта и становился интереснымъ лицомъ въ собственныхъ своихъ глазахъ. Манили меня процедура и нить вымышленнаго романа, а не то, чтобы охватывала та неудержимая никакими преградами страсть, которая не имѣетъ иного исхода кромѣ успѣха или смерти. Если бы не такъ, могъ ли бы я хладнокровно перенести извѣстіе о замужествѣ дѣвушки, разставаясь съ которою два года передъ тѣмъ, я думалъ, что вся моя жизнь связана съ нею?

Упомянуто, кажется, мною, что я съ перваго времени моей новой службы подружился съ М. М. Магницкимъ. Онъ владѣлъ въ высшей степени салонною любезностію и удачными, остроумными выходками, и хотя по-русски говорилъ безупречно, но манеры, разговоры и складъ ума подходили къ Парижанину [1]). Это обстоятельство сблизило насъ; во всемъ остальномъ мы расходились. Онъ избѣгалъ кутежей, оберегался всего, могущаго повредить его репутаціи въ высшихъ кругахъ общества, куда старался быть вхожимъ, и разсчитывалъ всякій свой шагъ. Житейскія его средства были ограничены, и потому онъ могъ казаться эгоистомъ, такъ какъ ему необходимо было составить себѣ карьеру; но эгоизмъ и честолюбіе не довели его никогда до предательства своихъ друзей и товарищей. Онъ прямо говорилъ мнѣ, что сожалѣетъ о *mauvais sujet*, каковымъ я былъ и каковымъ я стремился выказывать себя повсюду, но искреннимъ былъ мнѣ другомъ, хотя съ опасностію для своей чопорной репутаціи [2]).

Мы вмѣстѣ сочиняли Французскіе куплеты подъ водевильный напѣвъ тогда въ ходу «c'est l'amour, l'amour, l'amour» на иныхъ изъ нашихъ офицеровъ и иныхъ лицъ Петербургскаго общества. Вирши эти, конечно, не способствовали расположенію ко мнѣ лицъ, къ коимъ относились куплеты; но за то самолюбіе мое было вознаграждено извѣстіемъ, что они читаны были императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ и заставили ее смѣяться. Строфа Магницкаго, относившаяся къ фрейлинѣ Ярцовой (вышедшей вскорѣ замужъ за князя Суворова), была слѣдующая:

---

[1]) Мать его была Француженка.

[2]) Магницкій передалъ мнѣ, что знаменитый его отецъ отказался отъ камергерскаго званія, каковое онъ будто бы, не стѣсняясь, называлъ придворнымъ лакействомъ. Рѣшить не берусь, насколько это отсутствіе честолюбія согласуется съ извѣстною намъ дѣятельностію мистика-попечителя Казанскаго учебнаго округа и товарища по ссылкѣ Сперанскаго; но я долженъ сознаться, что изъ всего прочтеннаго мною о немъ я ничего не встрѣчалъ противорѣчущаго переданному мнѣ его сыномъ.

Ton nom, fille charmante,
Te dit la vérité.
La grâce séduisante,
Sera toujours *aimée*.

(Извѣстно, что покойная княгиня Суворова звалась Любовью, по французски «Aimée»).

Одинъ изъ моихъ куплетовъ на одного изъ нашихъ офицеровъ неправильнаго тѣлосложенія, каковой недостатокъ онъ силился скрывать при помощи ваты въ мундирѣ, былъ таковъ:

Parmi les exigeances
Que vous demandez au tailleur,
Vous insistez, je pense,
Qu'il devienne sculpteur.

Когда распространилась вѣсть о Парижской Іюльской революціи, я досталъ отъ одного изъ своихъ знакомыхъ иностранцевъ экземпляръ словъ и музыки патріотическаго гимна «la Parisienne» Казимира-де-Лявиньи, съ изображеніемъ на оберткѣ трехцвѣтнаго новаго Французскаго знамени, и нѣсколько дней носилъ въ ташкѣ эту опасную въ то время пѣсню. Какъ бы узналъ о томъ великій князь или кто другой изъ начальствующихъ лицъ, то, конечно, присоединился бы новый поводъ къ обвиненію, когда впослѣдствіи я подвергся опалѣ *).

Во время маневровъ подъ Краснымъ Селомъ случилось мнѣ однажды буквально не прилечь въ теченіе болѣе двухъ сутокъ ни на одну минуту, чего не бывало никогда во время даже форсированныхъ маршей въ Турецкой войнѣ, гдѣ все-таки можно было вздремнуть на привалахъ и даже сидя на конѣ. Вотъ какъ это было. Наканунѣ перваго дня маневровъ былъ я въ Петербургѣ, гдѣ за ужиномъ съ однимъ пріятелемъ я просидѣлъ всю ночь напролетъ въ ресторанѣ у Луи на углу Малой Морской и Кирпичнаго переулка. Поскакалъ я на телѣгѣ въ деревню, гдѣ стоялъ л.-гусарскій полкъ (около 30 верстъ отъ Петербурга) и когда пріѣхалъ туда въ 5 часовъ

*) Іюльская революція наводитъ меня на воспоминаніе пророческихъ словъ, сказанныхъ незадолго до нея извѣстнымъ того времени писателемъ Сальванди, на балѣ у Беррійской герцогини, принцессы дома Неаполитанскихъ Бурбоновъ. Король Карлъ X, тутъ находившійся, подошелъ къ г. Сальванди и сталъ выхвалять устройство празднества. „Oui, sire“, отвѣчалъ писатель, „c'est une véritable fête napolitaine; nous dansons sur un volcan“. (Да, государь, это настоящее Неаполитанское празднество; мы танцуемъ надъ вулканомъ).

утра, то засталъ полкъ уже въ сборѣ къ выступленію. Мы маневрировали весь день безъ отдыха, а когда стали на ночной бивакъ, пришлось мнѣ по наряду отправиться въ главную квартиру за приказаніемъ насчетъ распоряженій слѣдующаго дня. За неимѣніемъ (вѣроятно) достаточнаго числа писарей въ главной квартирѣ или, можетъ быть, ради поспѣшности, приказы эти писались подъ диктовку посланными за ними офицерами, и когда я вернулся въ полкъ, онъ уже сбирался къ мѣсту маневровъ. Къ счастію моему, мнимою побѣдою и взятіемъ приступомъ Гатчина около полудня прекратились маневры. Всѣ гвардейскіе офицеры приглашены были къ Французскому вечернему спектаклю въ Гатчинскій дворцовый театръ; но мнѣ было не до того: я завалился спать въ деревенскомъ сараѣ и проспалъ 16 часовъ сряду до слѣдующаго дня. Во время однаго передвиженія полка на маневрахъ, гдѣ мы шли отдѣленіями, Государь, замѣтивъ лошадь подо мною, кобылу «Машку», купленную у князя Вяземскаго, сказалъ, что это былъ типъ лошадей, какихъ онъ желалъ, чтобы имѣли кавалерійскіе офицеры. Но и это обстоятельство не помогло моему переводу въ л.-гусарскій полкъ, при которомъ я все продолжалъ торчать какъ маякъ на показъ, въ моемъ бирюзовомъ ментикѣ и киверѣ, между тѣмъ какъ армейскіе мои сослуживцы, Ломоносовъ, Мосоловъ и Понятовскій, уже переведены были съ армейскими ихъ чинами въ л.-гусарскій полкъ. Около середины лѣта я былъ произведенъ за труды минувшей кампаніи въ поручики съ награжденіемъ 500 р. ассигн. не въ счетъ жалованья.

Позднѣе, во время осенняго кампамента съ малыми маневрами подъ Пулковскою горою, я находился въ теченіе цѣлаго дня ординарцемъ при Александрѣ Ивановичѣ Нейдгартѣ, тогда начальникѣ гвардейскаго штаба...

Долгомъ считаю принесть дань признательности добрѣйшему Руссо-Англичанину Василію Романовичу Девису (William Devies), служившему передъ тѣмъ въ Петербургской таможнѣ *). Этотъ человѣкъ (коему, какъ и мнѣ, счастіе въ жизни не везло), по незаслуженной мною ничѣмъ дружбѣ, увидѣвъ неурядицу холостаго моего домохозяйства, взялся безъ всякой платы быть моимъ приходо-расходчикомъ, дворецкимъ и комиссіонеромъ, для чего переселился ко мнѣ въ Царское Село

*) Братъ его Егоръ Романовичъ былъ весьма долго въ конторѣ торговаго дома Бутерсъ въ Кронштадтѣ и умеръ, кажется, въ концѣ 40-хъ годовъ. Одна изъ ихъ сестеръ была замужемъ за Тульскимъ помѣщикомъ Ильинскимъ, а меньшая гувернанткою въ 1827 году при молодой графинѣ Надеждѣ Григорьевнѣ Чернышевой. Отецъ ихъ (или дядя) былъ хозяиномъ Англійскаго магазина въ Москвѣ до Французскаго нашествія въ 1812 г.

и тамъ сдѣлался пріятнымъ мнѣ компаніономъ. Къ несчастію, онъ заболѣлъ отъ несвоевременнаго купанья осенью и умеръ у меня въ домѣ. Можетъ быть, душевная скорбь отъ житейскихъ его нуждъ ускорила его кончину. Его предалъ землѣ на Царскосельскомъ кладбищѣ Лютеранскій пасторъ. Въ числѣ Англичанъ, съ коими я познакомился чрезъ него и которые меня посѣщали (понятно, что по моему воспитанію я любилъ сближаться съ людьми этой націи) былъ Филиппъ Филипповичъ Путѳ*) принявшій давно Русское подданство и служившій одно время при тогдашнемъ министрѣ финансовъ графѣ Канкринѣ, по порученію коего г. Путо ѣздилъ (какъ знатокъ минералогіи) обозрѣвать Сибирскіе горные заводы, гдѣ его было отравили. За командировку онъ получилъ крестъ Св. Анны 3-й степени. Когда я познакомился съ нимъ, онъ былъ уже въ отставкѣ и содержалъ меблированныя комнаты со столомъ въ домѣ Манычарова, на углу Малой Морской и Исакіевской площади. Впослѣдствіи я сошелся коротко съ нимъ въ Петербургѣ и много позднѣе въ Москвѣ. И онъ былъ изъ тѣхъ, кому ничего не удавалось въ жизни, хотя былъ трудолюбивый и во многомъ свѣдущій человѣкъ. Онъ былъ обязательный человѣкъ и пріятный собесѣдникъ съ прекрасными полу-французскими манерами, и я могу причесть его къ числу искреннихъ моихъ друзей. Въ Россію онъ, должно быть, прибылъ въ первый разъ въ началѣ 20-хъ годовъ и весьма порядочно писалъ по-русски. Позднѣе завелъ онъ тюлевую фабрику въ компаніи съ графомъ Сергѣемъ Ѳедоровичемъ Ростопчинымъ въ имѣніи послѣдняго въ Подольскомъ уѣздѣ; но они разошлись, и завязалась между ними тяжба. Въ 40-хъ годахъ онъ было опять завелъ таковую же фабрику на чужое имя, въ Москвѣ, возлѣ Зачатіевскаго дѣвичьяго монастыря, но и это предпріятіе не удалось ему. Въ началѣ 50-хъ годовъ, передъ самою Крымской войною, г. Путо оставилъ Москву, гдѣ сильно нуждался, въ надеждѣ успѣть въ чемъ нибудь на Югѣ Россіи. Изъ Одессы онъ переѣхалъ въ Придунайскія княжества, гдѣ слѣдъ его простылъ, какъ меня о томъ увѣдомилъ Одесскій негоціантъ, съ которымъ онъ былъ въ сношеніяхъ, и вслѣдствіе упорнаго его съ того времени молчанія я полагаю, что онъ давно умеръ.

Въ Петербургской квартирѣ Ф. Ф. Путѳ я встрѣчалъ иногда въ 1830 году двухъ обрусѣвшихъ Англичанъ, братьевъ Гарботель (Harbottle), Василія и Ивана Егоровичей, принадлежавшихъ, какъ и двѣ ихъ сестры, къ породѣ полу-гигантовъ. Отецъ ихъ прибылъ въ Россію между 1814 и 1820 годами, попалъ случайно на глаза канцлеру

*) Отецъ его былъ Французъ, поселившійся въ Англіи, и потому у сына Французскаго было только фамилія.

графу Н. П. Румянцову и до того поразилъ его своимъ ростомъ, что графъ захотѣлъ поближе познакомиться съ нимъ и сдѣлалъ его управляющимъ извѣстнымъ Бѣлорусскимъ своимъ имѣніемъ Гомелемъ, гдѣ молодые Гарботели и выросли. Одна изъ сестеръ, Анна Егоровна, достойнѣйшая дѣвушка, поступила позднѣе въ гувернантки къ дочерямъ тетки моей, Прасковьи Артемьевны Тимофеевой, сдѣлалась неразлучнымъ другомъ двоюродной моей сестры Надежды Александровны Гавришенко и умерла въ домѣ у нея въ 50-хъ годахъ. Другая изъ сестеръ Гарботель долго находилась также гувернанткою въ домѣ Талызиныхъ въ Москвѣ, вышла замужъ за Швейцарца г. Круза́ и съ нимъ переселилась въ Лозанну.

Имена г. г. Девисъ и Путѐ наводятъ мои воспоминанія на одно мое съ ними посѣщеніе «Павильона Розъ» въ Павловскомъ саду, устроеннаго императрицею Маріею Ѳедоровной по случаю возвращенія изъ Парижа въ 1814 году императора Александра Павловича. Названіе розъ дано было этому павильону, потому что стѣны, мебель и всѣ прочія орнаментальныя принадлежности носили изображеніе этого растенія. Клумбы, окружающія павильонъ, были обсажены таковыми же кустами, и букеты царицы цвѣтовъ повторялись на мебели павильона, вышитые по канвѣ воспитанницами Екатерининскаго института и Смольнаго монастыря. Все это сохраняется, вѣроятно, и понынѣ, какъ святыня, какъ оно сохранялось въ послѣднее мое посѣщеніе того павильона въ 1845 году (по случаю бала, даннаго по подпискѣ въ немъ въ честь Михаила Павловича лѣтними Павловскими жителями), но въ 1830 году все это уже потускло и полиняло. Въ то время лежала на столѣ одной изъ залъ книга для записи именъ посѣтителей. Перелистывая ее, я встрѣтилъ привѣтливую фразу по-англійски, подписанную «Ксеніею Кокренъ», женщиною, о которой стоитъ сказать нѣсколько словъ. Въ 1824 году или немного ранѣе нѣкій эксцентричный и совершенно слѣпой Англичанинъ Кокренъ предпринялъ пѣшкомъ путешествіе по Сибири, что́ дало поводъ въ Петербургѣ считать его шпіономъ. Онъ вывезъ оттуда съ собою малолѣтнюю дочь какого-то дьячка и, возвратясь въ Англію, помѣстилъ ее въ одно изъ тамошнихъ учебныхъ заведеній, а по ея совершеннолѣтіи женился на ней и укрѣпилъ за нею свое состояніе. О дальнѣйшей ея судьбѣ не имѣю свѣдѣній, но подпись ея руки въ Павловскомъ павильонѣ свидѣтельствуетъ о ея посѣщеніи Россіи по замужествѣ.

Захотѣлось и мнѣ блеснуть Англійскими познаніями и, соображаясь съ мѣстною обстановкою, я написалъ изъ одной оды поэта Мура:

Oh life is a waste of wearisome hours,
Which seldom the rose of enjoyment adorns,
And the heart that is soonest awake to the flowers,
Is always the first to be touched by the thorns.

(Жизнь есть пустыня тягостныхъ часовъ, изрѣдка украшаемая розою наслажденія; и то сердце, которое ранѣе прочихъ пробудится къ ощущенію цвѣтовъ жизни, всегда первое подвергается уязвленію колючками терновника).

Посѣщалъ меня иногда въ Царскомъ Селѣ товарищъ дѣтства и службы моего брата, Осипъ Осиповичъ Рочфортъ, поступившій осенью того года вновь на службу изъ отставки полковникомъ въ главный штабъ. Человѣкъ онъ былъ дѣльный и на хорошемъ счету у начальства; погубила его окончательно склонность къ запою. По вторичномъ своемъ вступленіи на службу онъ командированъ былъ въ Оренбургъ и тамъ умеръ холерою въ 1831 году, оставивъ отъ умершей прежде него жены сына и дочь. Сынъ этотъ служилъ впослѣдствіи на Кавказѣ и получалъ годовой пенсіонъ отъ добрѣйшаго моего брата; онъ застрѣлился, если не ошибаюсь, на Кавказѣ. Дочь воспитывалась и жила у тетки своей Елисаветы Осиповны Леджерсъ, о которой уже говорено было, и была хороша собою, какъ можно было ожидать отъ дочери красавца-отца; вышла ли она замужъ или нѣтъ, не знаю.

Бывалъ также у меня и второй изъ братьевъ Рочфортовъ, Александръ Осиповичъ, служившій во всю почти свою жизнь по Министерству Народнаго Просвѣщенія въ Цензурномъ Комитетѣ иностранныхъ книгъ и журналовъ *).

Былъ со мною одинъ случай, хотя не служебный, но не на шутку меня встревоживший. Прибѣжалъ ко мнѣ однажды мой испуганный Татаринъ-кучеръ съ извѣстіемъ, что когда онъ проходилъ чрезъ дворцо-

*) Онъ уволенъ по прошенію въ 1860 г. съ чиномъ статскаго совѣтника и полнымъ окладомъ пожизненно; и когда я его видѣлъ въ послѣдній разъ въ Петербургѣ въ 1863 г., онъ почти ослѣпъ. Младшій изъ братьевъ Рочфортовъ, Адольфъ Осиповичъ, служилъ въ 1829 и 1830 году въ конныхъ піонерахъ и, кажется, застрѣлился. Мать ихъ воспитывала всѣхъ дочерей графа Павла Александровича Строганова и кончила жизнь въ этомъ домѣ. Упомянутая ея дочь Елисавета („*Henriette*“) Осиповна Леджерсъ содержала въ 1830 г. женскій пансіонъ въ Петербургѣ; но ей не повезло, и она должна была его закрыть, послѣ чего предприняла воспитаніе дочери умершей графини Ольги Павловны Ферзенъ, урожденной графини Строгановой, которая вышла замужъ за г. Плещеева и умерла въ 1862 или 1863 году. Въ 1868 г. г-жа Леджерсъ жила однимъ пенсіономъ, получаемымъ отъ графа Ферзена.

вый садъ съ лягавою моею собакою «Вѣрный» (а зачѣмъ я завелъ ее, не будучи охотникомъ, самъ не знаю), она загрызла одного изъ царскихъ лебедей на прудѣ. Къ счастію, никого изъ постороннихъ тутъ не было, и дѣло осталось покрытымъ мракомъ неизвѣстности.

Съ Петербургскими Англійскими моими знакомыми бывалъ у меня зубной врачъ Французъ Гамъ съ своимъ братомъ псевдо-музыкантомъ, издававшимъ романсы, съ словами и музыкой своего сочиненія, съ иллюминованными площадными виньетками, каковымъ не находилъ вѣроятно, покупателей по ихъ пошлости. Въ заголовкѣ одного изъ таковыхъ было, помню, между прочимъ заявленіе *«fait exprès pour être chanté à une, à deux, ou à 3 voix»*. Бывали также у меня сынъ Кронштадтскаго Англійскаго консула Буккерса [1]), негоціантъ той же націи г. Джонсъ, а также содержатель Англійской кузницы Морисонъ и полу-англичанинъ, полу-русскій нотаріусъ Созоновъ. Весь этотъ разноплеменный сборъ, л.-гусарскіе мои товарищи прозвали «Бутурлиновскимъ звѣринцемъ».

Осенью того года, одновременно съ л.-гусарскимъ полкомъ, въ Царскомъ Селѣ содержалъ караулы (поочередно) 1-й баталіонъ л.-г. Преображенскаго полка [2]). Фланговымъ первой роты былъ великанъ Лучкинъ, подобнаго коему я никогда и впослѣдствіи не видывалъ: онъ замѣнилъ славившагося до его поступленія ростомъ рядоваго Лопатинскаго, казавшагося въ сравненіи съ нимъ человѣкомъ обыкновеннаго роста. Въ Лучкинѣ было, кажется, 3 аршина и 2 вершка; и хотя я не изъ малорослыхъ, но когда сталъ однажды возлѣ него въ полной парадной формѣ, шарообразный помпонъ (двухъ вершковъ или выше) моего кивера только что подходилъ въ уровень съ плечомъ этого гиганта. При такомъ ростѣ онъ не былъ совершенно пропорціонально сложенъ и немного узокъ въ плечахъ; форменное обыкновенное ружье въ его рукахъ казалось какъ бы дѣтскою игрушкою. Онъ былъ, помнится мнѣ, изъ казацкихъ урядниковъ и получалъ увеличенное жалованье.

Осенью, по случаю холеры въ Москвѣ, приближавшейся къ Петербургу, учреждены были карантинные кордоны, для чего я поставленъ былъ съ однимъ взводомъ въ глухую Чухонскую деревню, имя коей я забылъ, недалече отъ Гатчины. Навѣщавшіе тамъ меня Петербургскіе знакомые привезли мнѣ вѣсть, что городъ встревоженъ отъ часто раз-

---

[1]) Около того времени старикъ г. Буккерсъ отпраздновалъ столѣтнюю годовщину пребыванія своей фамиліи въ Кронштадтѣ.

[2]) Командиромъ л.-г. Преображенскаго полка былъ тогда генер.-маіоръ Исленьевъ.

биваемыхъ стеколъ въ окнахъ тамошнихъ домовъ, и что молва указываетъ на короткихъ знакомыхъ моихъ князя Петра Алексѣевича Голицына и неразлучнаго его друга Сергѣя (отечество забылъ) Романова, какъ на зачинщиковъ будто бы этой шалости. Оба они были статскіе, и оба, кажется, служили тогда по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ. Помню, что Петруша (какъ его звали въ обществѣ) Голицынъ говаривалъ, «que servant au ministère des affaires étrangères, il était très étranger aux affaires.» Оба были образованнѣйшіе, остроумные и беззаботные ребята, изящно одѣвались и всегда готовы кутнуть. Я смѣялся надъ этимъ нелѣпымъ, какъ мнѣ казалось, слухомъ; но дѣло не замедлило разыграться не на шутку, какъ для нихъ, такъ и для самого меня. Такъ какъ эта давно забытая исторія надѣлала тогда много шуму, то я ее передамъ безъ всякой утайки [1]).

Послѣ Красносельскихъ маневровъ я сталъ чаще прежняго ѣздить безъ спроса въ Петербургъ и тамъ сблизился съ кн. Голицынымъ и съ Романовымъ; обѣдывали и ужинали вмѣстѣ довольно шумно съ пробками шампанскаго въ потолокъ во Французскихъ ресторанахъ, и въ экзальтированномъ состояніи духа, держа другъ друга подъ руки, шеренгою отправлялись ходить по Невскому проспекту, сшибая прохожихъ, на которыхъ мы натыкались. Впослѣдствіи мнѣ передано было, что кто-то изъ насъ толкнулъ такимъ образомъ шедшаго по тротуару князя Александра Ивановича Чернышова. Этого я не замѣтилъ, но оно правдоподобно. Къ счастію, дѣло прошло безслѣдно, можетъ быть, потому только, что оно случилось при вечерней темнотѣ; ибо иначе легко было бы узнать меня по моей армейской формѣ, тогда какъ товарищи мои были изъ статскихъ. Къ нашему обществу присоединился тогда не служившій еще въ то время Киреевъ (женатый впослѣдствіи на красавицѣ Алябьевой) и Юлій Ѳедоровичъ Минквицъ, только что кончившій курсъ въ Дерптскомъ университетѣ и опредѣлившійся въ началѣ Польской войны въ 1831 г. юнкеромъ въ Ольвіопольской гусарскій полкъ. Насчетъ же битья оконъ однажды дѣйствительно кто-то изъ нашей веселой компаніи пробилъ концемъ трости одно подвальное окно на Малой Морской, выходящее въ уровень съ тротуаромъ, кромѣ каковаго случая ни одного окна не было при мнѣ разбито, и потому я ничего не знаю о виновникахъ разбитія стеколъ на Невскомъ проспектѣ (гдѣ между прочимъ дѣйствительно разбито было окно или окна въ домѣ графа Сергѣя Петровича Румянцова [2]), и на другихъ улицахъ.

[1]) См. объ этомъ и о самомъ Романовѣ „Русскій Архивъ“ 1896, II, 588 и слѣд.

[2]) Противъ самого Аничкина дворца. По смерти графа Румянцова домомъ этимъ владѣла дочь его княгиня Варвара Сергѣевна Голицына (нынѣ это домъ Глазунова).

Въ одной шалости, но совершенно въ иномъ родѣ, я винюсь; но она сошла съ рукъ безъ огласки. Проходя ночью съ кн. Голицынымъ и Романовымъ по Гороховой мимо аптеки, что возлѣ Краснаго моста, кто-то изъ насъ троихъ придумалъ взобраться на желѣзный навѣсъ надъ крыльцомъ аптечной двери и оторвать скипетръ и шаръ (державу) аптечнаго орла, и съ этими трофеями мы отправились къ Ф. Ф. Путѣ, занимавшему, какъ я уже говорилъ, домъ Мапычарова на углу Малой Морской. Мы его разбудили и передали ему эти регаліи. Полусонный и испуганный нашею продѣлкою, джентельменъ вскочилъ съ постели, и когда мы вышли отъ него, принялся уничтожать (вѣроятно преданіемъ огню) эту жгучую добычу, ведшую насъ всѣхъ, если бы дѣло обнаружилось, подъ уголовное обвиненіе въ оскорбленіе величества, по взгляду тогдашней администраціи. Много лѣтъ послѣ г. Путѣ никогда не могъ вспомнить безъ страха про это ночное наше посѣщеніе.

Черезъ князя П. А. Голицына я, кажется, познакомился съ Владимиромъ Ивановичемъ Аничковымъ, тогда поручикомъ въ Его Величества кирасирскомъ полку, и хотя онъ бывалъ иногда у меня въ Царскомъ Селѣ, но, какъ осторожный человѣкъ, избѣгалъ находиться, когда шумное наше сборище начинало колобродить. Собрались мы однажды, князь Голицынъ, Романовъ и я, обѣдать во Французскомъ ресторанѣ Дюбуа на углу Невскаго и Большой Морской въ домѣ что нынѣ Чаплина. Романовъ явился туда уже немного, какъ говорится, *подъ шофе*, усѣлся на диванъ, за которымъ стоялъ вплоть пьедесталъ съ гипсовымъ бюстомъ императора Николая Павловича и, сопровождая оживленную рѣчь жестикуляціею, производилъ сотрясеніе, сообщавшееся бюсту, и потому я сдѣлалъ ему замѣчаніе быть осторожнѣе, чтобы не разбить бюста, чѣмъ увеличился бы нашъ уже накопившійся въ ресторанѣ долгъ. На это онъ со смѣхомъ отвѣчалъ: «Bah! ce n'est qu'une tête de plâtre» (это не болѣе какъ гипсовая голова), и затѣмъ, съ неприличною, конечно, шуткою (но чисто-школьною), началъ подносить нѣсколько ложекъ супа ко рту бюста. Въ этой комнатѣ, кромѣ насъ троихъ, никого не было; но полагать надо, что кто-то все слышалъ и видѣлъ изъ сосѣдней комнаты, потому что все это происшествіе подробно передано было высшему начальству. Во всей этой исторіи не было изъ чего, какъ говорится по-французски «de quoi fouetter un chat»*); но придано было ей широкое весьма значеніе, потому, можетъ быть, что въ ней подозрѣвался отголосокъ недавно совершившихся Французской и Бельгійской революцій и только что

*) Не изъ-за чего постегать кошку.

вспыхнувшаго Польскаго возстанія. Воображаю что̀ стало бы со мною, если бы дознано было въ добавокъ, что я носилъ въ ташкѣ и распѣвалъ революціонный гимнъ «la Parisienne», и участвовалъ въ изувѣченіи царской эмблеммы надъ аптекою въ Гороховой улицѣ! Не знаю, были-ли кн. Голицынъ и Романовъ обвиняемы и обличены въ другомъ кромѣ битія стеколъ; но первый изъ нихъ отправленъ былъ въ статскую службу на Кавказъ, а второй въ статскую службу въ Архангельскъ [1]), а меня (послѣ продолжительнаго ареста) выслали обратно въ Павлоградскій полкъ.

Хотя въ обвиненіи сообщничества съ шайкою разбивателей стеколъ я былъ оправданъ, пострадавъ лишь за исторію съ бюстомъ и за нерадѣніе на службѣ, тѣмъ не менѣе великій князь Михаилъ Павловичъ продолжалъ до самой своей кончины называть меня заочно «le briseur de vitres» [2]).

Мой арестъ произошелъ слѣдующимъ образомъ.

Въ одинъ прекрасный день осенней моей стоянки со взводомъ на санитарномъ кордонѣ вышеупомянутой Чухонской деревни я былъ вытребованъ генераломъ Арпсъ-Гофеномъ, который, объявивъ мнѣ, что я обвиняюсь въ проступкахъ, дошедшихъ до свѣдѣнія Государя Императора, засадилъ меня у себя въ кабинетѣ, чтобы я тутъ же изложилъ на бумагѣ о всѣхъ подробностяхъ моего знакомства съ кн. Голицынымъ и Романовымъ и о томъ что̀ мнѣ извѣстно было о ихъ дѣйствіяхъ. Изложенное мною должно было быть представлено его высочеству, командиру гвардейскаго корпуса. Работа потребовала нѣсколькихъ часовъ, ибо кромѣ правильнаго изложенія фактовъ и выбора слога, нельзя было не дать писанію каллиграфической изящности. По окончаніи записки меня отвели на Царскосельскую дворцовую гауптвахту, гдѣ я просидѣлъ около, кажется, шести недѣль. Во время этого ареста прибылъ однажды вечеромъ на гауптвахту нашъ полковой

[1]) Впослѣдствіи, передъ окончательно полученнымъ прощеніемъ, Романовъ находился на службѣ при К. М. Полторацкомъ, тогдашнемъ Ярославскомъ губернаторѣ.

[2]) Осенью 1845 года, я просилъ изволенія быть въ числѣ участниковъ бала, даннаго великому князю Павловскимъ лѣтнимъ обществомъ (учредителями были Марія Павловна Сумарокова и Андрей Ивановичъ Сабуровъ). Когда я прибылъ въ бальный залъ Павильона Розъ, Великій Князь стоялъ у дверей, разговаривая съ Маріею Павловною, которая кивнула мнѣ головою, а Великій Князь, окинувъ меня мгновеннымъ полусуровымъ взглядомъ, возобновилъ разговоръ съ своею собесѣдницею. Когда удалось мнѣ подойти къ ней, она передала мнѣ, что Великій Князь спросилъ ее, указывая на меня: „C'est Boutourlin, le briseur de vitres?“—„Я ничего о томъ не знаю, отвѣчала добрѣйшая эта женщина; но это точно Михайло Бутурлинъ, мой знакомый: человѣкъ онъ хорошій и отецъ семейства“.

адъютантъ, князь Вяземскій, который, взявъ меня съ собою въ карету, повезъ въ Петербургъ съ конвымъ гусаромъ, да чуть ли еще не съ двумя, у дверецъ кареты; не помню только, былъ-ли конвой съ обнаженными саблями или нѣтъ *). Съ такою церемоніею привезли меня къ начальнику гвардейскаго штаба ген. Нейдгардту, гдѣ уже находился нашъ Арпсъ-Гофенъ. Первый изъ нихъ отобралъ отъ меня словесное показаніе въ подтвержденіе изложеннаго передъ тѣмъ на бумагѣ, а Арпсъ заявилъ въ дополненіе, что я безъ дозволенія отлучаюсь часто въ Петербургъ, послѣ чего меня тѣмъ же порядкомъ отвезли почью обратно на Царскосельскую гауптвахту, чѣмъ и кончилась оффиціальная часть этого дѣла. Вся обстановка онаго придавала мнѣ видъ государственнаго преступника; а какъ подумаешь—изъ чего? Благодаря снисходительности царствующаго нынѣ Императора трудно почти будетъ нынѣшнему поколѣнію повѣрить моему разсказу. Я забылъ добавить, что при повтореніи изустно о сценѣ съ бюстомъ въ ресторанѣ Дюбуа, Нейдгардтъ замѣтилъ мнѣ, что, нося мундиръ, я не долженъ былъ дозволять въ моемъ присутствіи оскорбленія личности моего Государя, на что, помнится мнѣ, я отвѣчалъ, что я не видѣлъ тутъ ничего относящагося непосредственно къ неприкосновенности особы Его Величества, ибо дѣло шло о бюстѣ безъ всякой задней мысли.

Наконецъ, въ половинѣ Декабря объявленъ мнѣ былъ приказъ объ освобожденіи изъ подъ ареста и о возвращеніи обратно въ Павлоградскій полкъ. Такъ какъ мнѣ затруднительно было сбыть въ столь короткій срокъ лошадей, экипажи, мебель и все свое хозяйство, то я явился въ Петербургѣ къ дежурному генералу Потапову, кому объяснилъ свое положеніе и просилъ объ отсрочкѣ на нѣсколько дней, въ чемъ онъ мнѣ отказалъ въ грубыхъ довольно выраженіяхъ. Не смотря на это, я не спѣшилъ отъѣздомъ и изподволь началъ продавать упряжныхъ лошадей, одну изъ трехъ верховыхъ и кое-что изъ мебели, а между тѣмъ сшилъ себѣ статскій полный костюмъ и постоянно почти сталъ его носить, что, какъ запретный плодъ, доставляло мнѣ большое удовольствіе. Я продолжалъ жить, какъ я воображалъ себѣ, инкогнито (въ чемъ горько ошибался) въ Петербургѣ, ѣздилъ однажды въ Кронштадтъ къ моимъ Англійскимъ знакомымъ, ночевалъ у Ф. Ф. Путѣ; но скоро всякое пристанище было мнѣ преграждено появленіемъ полиціи

*) Князь Вяземскій позднѣе командовалъ армейскимъ гусарскимъ полкомъ, былъ произведенъ въ генералы и два раза былъ женатъ. Первою его женою была дочь г-жи Корсаковой, сестры Елены Петровны Толстой (обѣ урожденныя княжны Долгоруковы), а вторая вдова Павла Александровича Олсуфьева, по себѣ баронесса Боде: звали ее Екатериною.

на Петербургской моей квартирѣ и завѣдывавшаго нашими дѣлами В. А. Инсарскаго. Нечего было дѣлать: я поспѣшно собрался въ домѣ послѣдняго, передалъ ему на руки свое Царскосельское хозяйство и лошадей, взялъ по его рекомендаціи въ услуженіе проживавшаго по паспорту въ Петербургѣ одного изъ дворовыхъ нашихъ людей Ѳедора Варенцова, ловкаго весьма малаго [1]), и черезъ два часа уже скакалъ по Московской дорогѣ, заявивъ вымышленную фамилію на заставѣ.

Помнится мнѣ, что для возвращенія къ мѣсту служенія выдано было мнѣ около 1500 р. ассигн. Передъ тѣмъ я далъ отпускную съ денежнымъ награжденіемъ моему вѣрному хохлу Ильѣ, но разстался съ нимъ оттого, что онъ сильно сталъ запивать.

Въ Москвѣ я засталъ однополчанина и друга моего Петра Александровича Хрущова, тогда въ отпуску; съ нимъ я зачалъ кутить и ѣздить къ Цыганамъ. Примкнулъ къ намъ, не знаю по какому случаю, въ родѣ «pique-assiette» [2]), почтамтскій чиновникъ горбачъ господинъ Коко. Это былъ человѣкъ съ оттѣнкомъ свѣтскаго лоска и хорошо объяснявшійся на Французскомъ діалектѣ. Однажды утромъ, покуда этотъ господинъ сидѣлъ у меня въ нумерѣ гостиницы Шора и принялся было подкрѣплять желудокъ, послѣ нашей общей ночной попойки, сочною котлетою «au naturel» издѣлія г. Малиса (извѣстнѣйшаго по Москвѣ «artiste culinaire»), орошаемую бургонскимъ нектаромъ (все, конечно на мой счетъ), является въ комнату Петръ Александровичъ и, взявъ меня въ сторону, передаетъ мнѣ, что онъ только что узналъ, что господинъ Коко ничто иное какъ правительственный шпіонъ. Это меня взбѣсило и, обращаясь къ этому эзопу, я упрекнулъ его, какъ онъ осмѣлился, занимая такую должность, втереться въ нашу компанію и приказалъ ему немедленно удалиться. Онъ вскочилъ изъ-за стола съ набитымъ ртомъ и, не произнося ни единаго слова, схватилъ шляпу и удралъ во всѣ лопатки, сопровождаемый нашимъ хохотомъ. Не прошло однакоже недѣли, какъ явился въ гостиницу синемундирный блюститель общественнаго благочинія отъ имени генералъ-губернатора (или коменданта, хорошо не помню) для наблюденія за скорѣйшимъ моимъ выѣздомъ изъ бѣлокаменной. Въ Москвѣ я снова столкнулся съ бывшимъ нашимъ маркитантомъ Леономъ Капенштейномъ (онъ прибылъ для уплаты долга братьевъ Хрущовыхъ ихъ родителями). Со дня этой

[1]) Въ сороковыхъ годахъ и встрѣтилъ его капельдинеромъ въ Александринскомъ театрѣ со шрамомъ во всю щеку, слѣдомъ нагайки изъ рукъ одного члена общества театраловъ, преслѣдовавшаго экипажи съ воспитанницами театральнаго училища на обратномъ ихъ пути изъ театра. Ѳедоръ Варенцовъ сопровождалъ ихъ верхомъ и охранялъ.

[2]) Блюдолиза.

моей съ нимъ встрѣчи въ Москвѣ онъ, благодаря моей безпечности, сдѣлался для меня мало по малу человѣкомъ необходимымъ и со временемъ оправдалъ на дѣлѣ данное ему покойною матерью моею прозвище гибельнаго моего генія. Выѣзжая изъ Москвы, я взялъ съ собою нанятаго тамъ (по рекомендаціи пресловутаго Малиса) Французскаго повара господина Де, вовсе некстати въ военное время, и съ нимъ пріѣхалъ въ Бѣлкино, гдѣ съ предыдущаго года управляющимъ былъ, послѣ смерти тески моего Клеова, Одесскій мой знакомый Англичанинъ агрономъ Иванъ Ивановичъ Сонъ. Поступилъ онъ въ Бѣлкино по рекомендаціи г-на Слоана. Тамъ я встрѣтилъ новый 1831 годъ, и туда пріѣхали ко мнѣ Хрущовъ съ Леономъ Капенштейномъ, а изъ Калуги неожиданно появились сослуживцы мои А. С. Раевскій, А. И. Мясоѣдовъ и родственникъ послѣдняго Павелъ Чприковъ, съ которымъ я тутъ впервыя познакомился. Зная, что Павлоградскій полкъ давно выступилъ въ походъ изъ своихъ квартиръ въ Орловской губерніи, я отправилъ туда рапортъ о мнимой своей болѣзни, препятствовавшей мнѣ явиться сейчасъ къ мѣсту служенія, но не представилъ при рапортѣ медицинскаго свидѣтельства о болѣзни, изъ чего вышелъ у меня впослѣдствіи непріятный разговоръ съ полковникомъ Пашковымъ. Не прошло и двухъ недѣль, какъ я долженъ былъ разстаться съ своимъ Французскимъ вателемъ Де, съ коимъ не въ ладахъ былъ мой Ѳедоръ. Изъ Бѣлкина поѣхалъ я къ теткѣ (впослѣдствіи тещѣ) Елисаветѣ Ивановнѣ Нарышкиной въ с. Игнатовское, гдѣ пробылъ болѣе мѣсяца. Дочери ея (нынѣшней моей женѣ) не минуло еще тогда 15 лѣтъ; братъ ея, Алексѣй Ивановичъ, былъ годомъ старше сестры. Въ Игнатовскомъ былъ еще до меня устроенъ въ домѣ маленькій театръ, и я началъ съ молодыми моими родственниками и съ помощію ихъ гувернера Тридона ставить на сцену Французскіе водевили изъ тогдашняго репертуара Скриба, совершенно забывъ, что мнѣ давно пора торопиться въ полкъ [1]). Въ этимъ піесахъ участвовала также молодая подруга и сосѣдка моей кузины, Настасья Алексѣевна Бородуличева, мать коей была по первому браку Васильчикова [2]).

Съ обозомъ непроданной части моей Царскосельской мебели и съ двумя верховыми моими лошадьми прибылъ въ Бѣлкино нанятый мною въ Петербургѣ Сербъ Яни, отставшій отъ пріѣхавшихъ туда двухъ

---

[1]) Мы сыграли „Les premiers amours“, и „Le menteur véridique“.

[2]) Мать Александра и Николая Михайловичей Васильчиковыхъ и Екатерины Мих. Давыдовой. Настасья Алексѣевна Бородуличева вышла впослѣдствіи замужъ за Костромскаго помѣщика Ѳедора Васильевича Маккавеева (братъ служившаго въ нашемъ Павлоградскомъ полку) и умерла весною 1868 года.

Сербскихъ дипломатическихъ агентовъ. Захотѣлось мнѣ имѣть его при себѣ, потому только что онъ ходилъ въ Греко-арнаутскомъ костюмѣ, въ чалмѣ и вооруженный «*jusqu'aux dents*». Онъ былъ лѣнтяй, непозволительно глупъ и ни на что не годился; но меня потѣшало, что эта кукла возбуждала всеобщее любопытство. Во время моего пребыванія въ Игнатовскомъ полу-азіатецъ этотъ, разсердившись (должно быть) на верховую лошадь, данную ему для ѣзды О. А. Тридономъ или, можетъ быть, отъ неосторожнаго обращенія съ ятаганомъ, привелъ домой этого бѣднаго коня съ полу-перерѣзанною ногою, и какъ невозможно было его вылѣчить, то пришлось его убить. Мнѣ до того было совѣстно противъ друга моего Тридона, что я подарилъ ему взамѣнъ своего полу-арабскаго жеребца Заиграя [1]).

Наконецъ, въ Февралѣ тронулся я въ путь, но не спѣша и съ остановкою въ Тулѣ, потому что тамъ жили Дмитрій Ивановичъ Домашневъ съ своею женою Маріею Петровной, урожденною княжною Вадбольской, гостившіе недавно передъ тѣмъ у Е. И. Нарышкиной. На пути до Орла я также сдѣлалъ одну или двѣ дневки; меня провожалъ Тридонъ. Уже во время самой распутицы я догналъ свой полкъ въ Новогрудкѣ. Явившись къ Пашкову, я услышалъ отъ него, что по причинѣ моей запоздалости онъ назначилъ мнѣ оставаться въ резервныхъ кадрахъ. Я свалилъ было мою медленность на счетъ болѣзни; но онъ отвѣчалъ, что за непмѣніемъ медицинскаго свидѣтельства рапортъ мой ничего не значилъ (въ чемъ онъ былъ правъ); что не можетъ онъ отмѣнить состоявшееся уже распоряженіе, но, впрочемъ, если кто-нибудь изъ офицеровъ пожелаетъ оставаться въ кадрахъ, то я въ такомъ случаѣ могу обмѣняться съ нимъ мѣстами. Взволнованный этимъ пріемомъ, я отвѣчалъ, что въ отношеніи формалистики моего рапорта я подъяческихъ формъ не знаю (или что-то въ родѣ этого); что, подвергшись неосторожнымъ моимъ поведеніемъ опалѣ высокихъ моихъ покровителей, мнѣ необходимо было для поправки каріеры участвовать въ предстоящей войнѣ, что онъ самъ можетъ это понять; но чтобы уговорить кого-нибудь изъ моихъ товарищей уступить мнѣ мѣсто на полѣ брани, я такъ высоко ихъ цѣню, что навряд-ли отыщется охотникъ на эту обмѣну. Увидя неуспѣшность моей аргументаціи, я обратился къ ходатайству нашего корпуснаго командира графа Павла Петровича Палена 2-го [2]), замѣнившаго своего брата графа Петра Петровича, и

---

[1]) Спустя года два, братъ мой перекупилъ для своего Бутурлиновскаго коннаго завода этого жеребца у Тридона съ придачею лошади изъ того завода, которая служила Тридону болѣе 20 лѣтъ, какъ верховая, на охотѣ и въ упряжи.

[2]) Графъ Павелъ Петровичъ Паленъ былъ женатъ въ первый разъ на графинѣ

о томъ же просилъ нашего бригаднаго генерала князя Ѳедора Ѳедоровича Гагарина, хотя, какъ я узналъ позднѣе, онъ не совсѣмъ ладилъ съ Пашковымъ. Помнится мнѣ, что они оба замолвили словечко обо мнѣ Пашкову, но это ни къ чему не послужило. Я продолжалъ слѣдовать за полкомъ въ своей повозкѣ до Пружанъ безъ всякаго результата. Наконецъ, нашелъ я охотника оставаться за меня въ кадрахъ, имени коего не желаю упомянуть, на условіи предоставить ему (помнится мнѣ) будущее годовое мое жалованье по заграничному окладу, то есть почти двойное противъ обыкновеннаго, каковое условіе я съ радостію принялъ. Полковникъ вызвалъ обоихъ насъ и, удостовѣрившись въ согласіи товарища моего уступить мнѣ свое мѣсто, не могъ скрыть выраженіе нѣкотораго неудовольствія въ лицѣ, но нечего было дѣлать. Я примкнулъ къ полку и поступилъ, какъ и желалъ, въ эскадронъ маіора Михаила Ивановича Вандзена, ветерана войнъ до 1812 года, не дворянскаго, какъ говорили, и даже отчасти загадочнаго, происхожденія *), но храбрѣйшаго и благороднѣйшаго человѣка, хотя немного драчуна съ нижними чинами; таковымъ было въ то время чуть-ли не большинство армейскихъ эскадронныхъ командировъ. Офицерами его эскадрона были: пріятель мой П. А. Хрущовъ, Кашкаровъ, фамилію третьяго я забылъ. Полкъ шелъ на Кобринъ, Брестъ-Литовскъ, Бялу и Мендзержицы по Варшавскому шоссе и своротилъ въ сторону. Въ одной деревнѣ, гдѣ мы остановились на ночлегъ, я и эскадронные мои товарищи задумали сами состряпать себѣ обѣдъ по случаю того, что люди наши съ вьючными лошадьми отстали. На мою долю пришлось готовить какой-то соусъ, и какъ легче всего, я выбралъ картофель въ сметанѣ. Незатѣйливое, кажись, блюдо; однако произведеніе мое до того пропитано было дымомъ, что невозможно было его ѣсть. Впрочемъ, помнится мнѣ, что и товарищи мои выказали себя не болѣе меня искусными поварами.

Въ отличіе нашихъ войскъ отъ Польскихъ втыкалась у насъ въ киверъ вѣтка сосновая или еловая; передней шеренгѣ даны были, какъ

Литтѣ, отъ которой была одна только дочь, графиня Юлія Павловна Самойлова. Отъ втораго его брака съ графинею Орловою-Денисовою, были: сынъ, женатый на баронессѣ Соловьевой и рано умершій, и три дочери. Изъ нихъ одна была замужемъ за княземъ Дадьяномъ Мингрельскимъ, другая за княземъ Грузинскимъ, а меньшая Елена Павловна за Аркадіемъ Африкановичемъ Болдыревымъ, по смерти коего вышла за сына умершаго Платона Ивановича Голубцова.

*) По выговору и манерамъ онъ казался изъ Польской шляхты съ примѣсью Хохлацкаго и немного Еврейскаго элемента. Таковыхъ неопредѣляемыхъ типовъ было немало въ армейской кавалеріи: остатки, можетъ быть, вербованныхъ разночинцевъ въ войнахъ начала столѣтія.

въ Турецкой войнѣ, пики. Примкнула къ нашему 2-му корпусу часть изнуреннаго 6-го (называемаго Литовскаго) корпуса барона Розена, въ составъ коего входила Литовская уланская дивизія. Въ Татарскомъ полку той дивизіи былъ, какъ разсказывали, феноменъ небывалаго у насъ тугаго производства, въ лицѣ субалтернъ-офицера (т. е. не свыше ротмистра) съ Георгіевскимъ крестомъ за безпорочную 25-лѣтнюю службу въ офицерскомъ чинѣ.

Польскій мятежъ вспыхнулъ въ Ноябрѣ 1830 г., во время моего содержанія на Царскосельской гауптвахтѣ. Мнѣ тамъ разсказывали, что когда Государь объявилъ объ этомъ событіи собраннымъ въ маломъ манежѣ гвардейскимъ офицерамъ и о предстоящемъ походѣ гвардейскому корпусу для усмиренія Царства Польскаго, то офицеры подняли Государя на руки и начали качать съ громкимъ «ура». О неудачныхъ результатахъ Гроховскаго сраженія 13 Февраля 1831 г. я узналъ въ Орлѣ, гдѣ навѣстилъ стараго моего знакомаго вице-губернатора Бурнашева. Не мѣсто здѣсь разбирать поводы къ Варшавской революціи и насколько причиною ея могъ быть великій князь Константинъ Павловичъ; упомяну лишь о слышанномъ тогда мнѣніи, что еслибы при самомъ основаніи Александромъ I-мъ Царства Польскаго онъ назначилъ намѣстникомъ своего любимца князя Адама Чарторижскаго (желавшаго будто бы сильно быть таковымъ), вмѣсто престарѣлаго и не аристократическаго происхожденія Зайончека, ничего бы въ Варшавѣ не случилось. Намекъ на то я встрѣтилъ въ характеристикѣ этого честолюбиваго Польскаго магната въ исторіи Польской войны 1831 г. Смита. Какъ бы то ни было, касательно дѣйствія или бездѣйствія Константина Павловича, но одинъ участникъ въ Гроховскаго сраженія разсказывалъ мнѣ, что во время дѣла великій князь, подъѣхавъ къ 1-й гусарской дивизіи (свѣтлѣйшаго князя Павла Петровича Лопухина) во всеуслышаніе сказалъ: «Каково дерутся *мои* Поляки? Каждый солдатъ Дибичъ». Хорошо было слушать такія слова воинамъ, прибывшимъ поправить ошибки старшаго царскаго брата! Были также слухи, что, обходя поле сраженія, онъ будто бы перешагнулъ чрезъ лежавшихъ Русскихъ раненыхъ солдатъ, останавливаясь разговаривать съ Польскими ранеными. За достовѣрность, впрочемъ, этихъ анекдотовъ не ручаюсь.

Извѣстна всѣмъ блистательная атака вечеромъ того дня кирасирскаго принца Альберта полка, произведенная неустрашимымъ его полковымъ командиромъ, барономъ Мейендорфомъ, одинъ взводъ котораго съ поручикомъ своимъ Потуловымъ *) проскакалъ Пражскій мостъ и

*) Фамилію этого храбреца я узналъ отъ самого ген.-адъют. барона Мейендорфа въ 1860 году.

ворвался въ Варшаву, гдѣ былъ изрубленъ. Передано было мнѣ также подполковникомъ Клястицкаго гусарскаго полка, Василіемъ Сергѣевичемъ Толстымъ (сыномъ упомянутой въ 1-й части Елены Петровны, друга моей матери), что и его полкъ доскакалъ также до Пражскаго моста, когда протрубили отбой. Еще одно усиліе въ поддержку кавалеріи, и Варшава пала бы 13 Февраля!

Весьма сожалѣю, что, встрѣчавшись неоднократно въ Петербургѣ въ 1860 г. съ виновникомъ отважной атаки принца Альберта полка, я не воспользовался этими случаями спросить у барона Мейендорфа о справедливости слышаннаго мною одного эпизода той атаки: когда онъ несся вихремъ передъ своимъ полкомъ, Польскій какой-то офицеръ, выждавъ моментъ, когда Русскій полковникъ приблизился къ нему, выстрѣлилъ будто бы въ него два или три раза, но что всякій разъ пистолетъ осѣкался, послѣ чего Полякъ опустилъ пистолетъ и сказалъ: «respect aux braves», на что баронъ Мейендорфъ бросилъ ему въ отвѣтъ: «je mépris le respect d'un rebelle», и изрубилъ Поляка [1]).

Корпусъ нашъ безпрепятственно дошелъ до Сѣдлеца, а на другой или третій день нашей тамъ стоянки, въ 3-мъ или въ 4-мъ часу пополудни, произошло сраженіе при д. Ягнѣ на Варшавскомъ шоссе, въ 3 или 4 верстахъ отъ Сѣдлеца. Почти вся Польская армія выходила колоннами изъ лѣсовъ и дефплеевъ съ лѣвой стороны отъ насъ и, поворачивая направо, колонны шли параллельно съ нашимъ фронтомъ и потомъ бросались поочередно на передовые наши отряды, занимавшіе деревню Ягань, чтобы вытѣснить ихъ оттуда и выбраться на шоссе [2]). Наша бригада стояла во второй линіи, на высотѣ лѣвѣе отъ шоссе. Вся мѣстность открыта была какъ на ладони; мы могли подробно слѣдить за всѣми фазисами сраженія, и ясно было видѣть, какъ ядра не-

---

[1]) Т. е. почтеніе храбрецамъ. Я презираю отдающаго мнѣ почтеніе бунтовщика. Нынѣшнею зимою (1871 на 1872 г.) ген.-ад. баронъ Мейендорфъ, спрошенный мною черезъ барона Бюлера о семъ эпизодѣ, обязательно поручилъ ему (барону Бюлеру) передать мнѣ, что разсказъ этотъ онъ не можетъ подтвердить, но что дѣйствительно, врѣзавшись въ Польскіе ряды, онъ собственноручно рубилъ направо и налѣво. Кстати добавлю, что доблестный бывшій вождь принцъ Альбертова полка атлетическаго роста и сложенія.

[2]) Съ особеннымъ удовольствіемъ прочелъ я въ прошломъ году описаніе этого сраженія въ исторіи Польской войны Смита, и тогда только понялъ многое, остававшееся до того времени необъясненнымъ мнѣ какъ субалтернъ-офицеру, находившемуся въ этомъ дѣлѣ. Тамъ говорится между прочимъ, что Поляки приписывали неудачу этого дѣла отсутствію главнокомандующаго Скржинецкаго, прибытія коего тщетно ожидали въ теченіе всего дня, и безпечности его распоряженій, за что Польскіе начальники сильно на него негодовали.

редовыхъ нашихъ батарей, дѣйствуя почти что во флангъ непріятельской кавалеріи, вырывали цѣлые ряды; но она въ мигъ опять смыкалась и стройно продолжала натискъ. Ягань переходилъ по нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, но усиліями 11-го и 12-го егерскихъ полковъ, покрывшихся славою въ предыдущей Турецкой войнѣ, поддерживаемыхъ тремя или четырьмя атаками нашей дивизіи Елисаветградскимъ гусарскимъ полкомъ и подкрѣпленныхъ свѣжею пѣхотою, подоспѣвшею по шоссе, войска наши удержали окончательно Ягань и всю позицію, но съ значительнымъ урономъ людей. Знакомый мнѣ Елисаветградскаго полка поручикъ Гейдекъ раненъ былъ пулею въ грудь напролетъ, но такъ счастливо, что она не задѣла ни одного жизненнаго органа, и четыре или пять недѣль спустя я встрѣтилъ въ Брестъ-Литовскѣ этого офицера, поглощающаго пунши, какъ будто бы ничего съ нимъ не случилось.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, когда мы переходили поле сраженія, сердце содрагалось при видѣ лежавшихъ тяжело раненыхъ и умиравшихъ, которыхъ не успѣли еще прибрать по причинѣ, вѣроятно того, что сраженіе кончилось, когда уже стемнѣло. Меня поразили особенно ихъ восклицанія «батюшка и матушка, помяните меня», чего, не случалось мнѣ до того времени ни видать, ни слыхать. Упомянутый прежде офицеръ конной артиллеріи Александръ Алексѣевичъ Мироновъ, искренній мой другъ, передалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ о знакомомъ ему артиллеристѣ, спасшемъ свою жизнь находчивостію. Онъ отстрѣливался до послѣдней крайности, но, наконецъ, Поляки взобрались на его батарею и, взбѣшенные упорнымъ сопротивленіемъ, принялись рубить и колоть безпощадно оставшуюся прислугу. Офицеръ этотъ, видя неминуемую предъ собою смерть, вскочилъ и сѣлъ верхомъ на одно изъ орудій, нахлобучилъ каррикатурно шляпу по формѣ на брови, подбоченился, высунулъ языкъ и скорчилъ такую уродливую гримасу, закричавъ подступавшимъ съ поднятымъ на него оружіемъ Полякамъ: «А за цо, панóве?» (За что же, господа?), что тѣ расхохотались и пощадили его.

Послѣ этого сраженія корпусъ нашъ отступилъ, не знаю по какой причинѣ, обратно по шоссе черезъ Сѣдлецъ, Бялу и Мендзержицы; полагаю, что для подкрѣпленія растянутаго и претерпѣвшаго рядъ пораженій 6-го корпуса барона Розена. Причиною этихъ пораженій могли быть отчасти ошибочныя распоряженія барона; но надо, однако взять въ соображеніе и утомленіе этого корпуса, который выдерживалъ одинъ въ зимнее время напоръ непріятельскихъ войскъ съ самаго начала Польскаго возстанія, пока остальные корпуса съ фельдмаршаломъ не подоспѣли.

Стоя на бивуакѣ въ сторонѣ отъ шоссе, мы однажды тронулись во тьмѣ глубокой ночи и на разсвѣтѣ ворвались въ какую-то деревню, названіе коей я забылъ, занятую Поляками, которые, вытѣсненные оттуда, открыли по насъ ружейный огонь, при чемъ одинъ только нашъ юнкеръ Мухортовъ былъ легко раненъ пулею въ руку, за что̀ получилъ солдатскаго Георгія и былъ произведенъ въ офицеры. Подо мною была славная караковая кобыла, не знавшая усталости, по прозвищу «Кокетка», подаренная мнѣ моимъ другомъ П. А. Хрущовымъ: но она въ первый, вѣроятно, разъ была въ огнѣ и при всякомъ залпѣ нашей конной батареи (стоявшей рядомъ съ моимъ эскадрономъ), пугалась и совершала крутой пируетъ на заднихъ ногахъ, отъ каковой неожиданности трудно было мнѣ усидѣть. Къ счастію, не пришлось мнѣ никогда ходить въ атаку съ нею, а по окончаніи кампаніи я отдалъ ее обратно ея первому хозяину. Послѣ этой незначительной стычки мы возвратились къ прежнимъ бивуакамъ и тамъ простояли нѣсколько дней.

Все это происходило, помнится мнѣ, въ началѣ Апрѣля. Погода стояла сухая и неимовѣрно теплая. Однажды, при возвращеніи съ командою съ фуражировки, кто-то изъ товарищей моихъ закричалъ мнѣ, что полковникъ Пашковъ наказываетъ моего Ѳедора Варенцова. Я поспѣшилъ къ мѣсту происшествія и дѣйствительно увидалъ полковника, присутствующаго при жестокой экзекуціи моего человѣка. На спросъ мой о причинѣ таковаго его дѣйствія, онъ отвѣчалъ, что Ѳедоръ нагрубилъ кому-то изъ офицеровъ, кажется, Пруссаку Фюрстенбергу фонъ Пекешу, о которомъ уже было говорено выше. Это могло дѣйствительно быть, ибо Ѳедоръ былъ иногда дерзокъ даже со мною; но я однакоже заступился за него и возразилъ полковнику, что въ такомъ случаѣ ему (полковнику) слѣдовало извѣстить меня первоначально о проступкѣ крѣпостнаго моего человѣка и предоставить мнѣ распорядиться съ нимъ по моему усмотрѣнію, и что самовольно его наказывать полковникъ не имѣлъ никакого права. На это онъ отвѣчалъ, что онъ непосредственный начальникъ всѣхъ лицъ, входящихъ въ составъ его полка. Тогда, принявъ дѣло за личную мнѣ обиду и новое доказательство нерасположенія полковника ко мнѣ, я взбѣсился и наговорилъ ему много колкостей, напомнивъ, между прочимъ, что настанетъ, можетъ быть, время, когда мы оба встрѣтимся внѣ службы, и что тогда будетъ между нами иного рода разговоръ. Послѣ моихъ словъ онъ повернулся ко мнѣ (а до того времени все слѣдилъ за продолжавшейся экзекуціей) и строго произнесъ: «Поручикъ графъ Бутурлинъ, я вамъ приказываю немедленно отправиться къ своему мѣсту; въ противномъ же случаѣ я представлю васъ по командѣ, за ослушаніе». Подобная

угроза была непуточнымъ дѣломъ въ военное время; а въ продолженіе этой сцены подошелъ ко мнѣ сзади мой эскадронный командиръ маіоръ Вандзенъ и сталъ дергать меня за фалды сюртука, приговаривая шепотомъ: «Бутурлинъ, брось его». Нечего было дѣлать; пришлось уступить силѣ субординаціи; но я понялъ, что послѣ этого происшествія невозможно было мнѣ долѣе оставаться подъ начальствомъ Пашкова, а какъ въ военное время не допускалось перехода изъ одного полка въ другой, то я предпочелъ удалиться на время. Я подалъ рапортъ о болѣзни и хотя слѣдовалъ нѣсколько дней за полкомъ, съ которымъ вторично мы взошли въ Сѣдлецъ, но болѣе не находился во фронтѣ до окончанія войны. Со дня описываемаго происшествія я болѣе не встрѣчался съ Пашковымъ до 1833 года, въ Москвѣ, когда мы оба уже были въ отставкѣ, и обѣщанный въ пылу гнѣва мой съ нимъ разговоръ, конечно, не состоялся. Безспорно, онъ былъ тяжелый по службѣ человѣкъ и педантъ, но я былъ во всемъ виноватъ передъ нимъ. Мое поведеніе въ полку и проступки по службѣ уже не были тѣ бездѣлюшки, которыя навлекли на меня негодованіе въ Одессѣ графа М. С. Воронцова. Дурная репутація, до которой я сознательно добился, неразборчивость общества, въ кругу котораго я иногда находился, не могли выкупаться лестнымъ для полковаго командира обстоятельствомъ имѣть въ своемъ полку офицера изъ первыхъ въ государствѣ фамилій, съ состояніемъ и, можетъ быть, отличавшагося своими верховыми лошадьми. А что Пашковъ не былъ дурнымъ человѣкомъ или предубѣжденнымъ заранѣе противъ меня, стóитъ только вспомнить, въ какихъ близкихъ отношеніяхъ я находился съ нимъ и со всѣмъ его семействомъ въ первое время юнкерской моей службы въ Орлѣ. Егоръ Ивановичъ былъ отличный мужъ и семьянинъ, и какъ юноша влюбленъ въ свою прелестную Ольгу Алексѣевну, пояснымъ портретъ которой неразлучно сопровождалъ его во всѣхъ походахъ и въ лагерныхъ стоянкахъ. . . .

Въ Сѣдлецѣ сборный нашъ пунктъ былъ въ гостиницѣ Флорентинца Леперини, содержавшаго также кафе-ресторанъ въ Варшавѣ. Мой Флорентинскій жаргонъ пригодился мнѣ настолько, что восхищенный старикъ-хозяинъ призналъ меня за своего земляка, открылъ мнѣ кредитъ и даже далъ денегъ въ займы по переводу моему на брата графа Петра Дмитріевича, проживавшаго тогда съ семействомъ въ Берлинѣ, или на мою мать во Флоренціи. Однако я оставилъ у него подъ закладъ свои часы. Къ подобнаго рода займу переводомъ на мое заграничное семейство я уже разъ съ успѣхомъ прибѣгнулъ въ Бухарестѣ осенью 1828 г. у Французскаго торговца винами, знавшаго меня

въ Одессѣ. Эти два образчика моей находчивости на чужой сторонѣ возбуждали удивленіе моихъ товарищей [1]).

Дѣйствительно-ли отъ жестокаго наказанія, или отъ притворства, но Ѳедоръ Варенцовъ объявилъ мнѣ, что слѣдовать за мною съ вьюками онъ не въ состояніи. Онъ ушелъ отъ полка, вскорѣ попался въ плѣнъ Полякамъ и выпущенъ былъ только по взятіи Варшавы. Я остался съ однимъ моимъ живописнымъ дуракомъ въ чалмѣ, Сербомъ Яни, лѣнивымъ до того, что на одно мое ему замѣчаніе, что онъ не чиститъ мои сапоги, онъ отвѣчалъ: «А къ чему чистить? Еслибы ты» (онъ говорилъ всѣмъ *ты*) сидѣлъ дома, то другое дѣло; а то ты опять пойдешь со двора и сапоги загрязнишь». Трудно было мнѣ дѣйствительно оспаривать правильность этой аргументаціи. Каковы были за то мое удивленіе и радость, когда неожиданно явился ко мнѣ въ Сѣдлецѣ прежній мой Илья Бабиченко. Онъ разсказалъ мнѣ, что, оставшись въ Петербургѣ (съ данною мною ему отпускной), онъ узналъ отъ В. А. Инсарскаго о приключеніи съ Ѳедоромъ и просилъ дать ему возможность отправиться ко мнѣ. Съ этого времени онъ оставался при мнѣ до окончанія войны. Такъ какъ не требовали болѣе меня на службу, то я съ своими людьми и лошадьми преспокойно отретировался по вольности дворянства и избралъ Брестъ-Литовскъ своею временною резиденціею, не заботясь о дальнѣйшемъ ходѣ войны. Я составилъ себѣ кружокъ изъ больныхъ офицеровъ и проживавшихъ тамъ по службѣ. Въ числѣ первыхъ былъ поручикъ Ольвіопольскаго гусарскаго полка баронъ Павелъ Александровичъ Вревскій, сдѣлавшійся съ этого времени искреннимъ моимъ другомъ до конца [2]); также юнкеръ того же полка, Юлій Ѳедоровичъ Минквицъ (нынѣ жандармскій генералъ на Кавказѣ), прежній мой знакомый по Петербургу. Къ этой компаніи примкнули два иностранные медика на службѣ при нашихъ полкахъ: Французъ Гумберъ и Кронштадтскій еще мой знакомый, Англичанинъ

[1]) По взятіи Варшавы я встрѣтился съ этимъ Итальянцемъ въ кофейной, содержимой его дочерью красавицею г-жею Констанціею Дорвиль, за которою наша военная молодежь ухаживала. Или я въ то время не совершенно расквитался со старикомъ Леперини, или прибѣгнулъ къ новому займу, но въ бытность мою съ женою во Флоренціи, въ 1838 году, Леперини, покончивши свои дѣла въ Польшѣ, предъявилъ мнѣ какой-то неуплаченный мною счетъ или документъ, который я тутъ же призналъ и выплатилъ; чрезъ нѣсколько дней послѣ того Леперини умеръ.

[2]) Убитый, какъ извѣстно, уже генералъ-адъютантомъ, въ дѣлѣ на Черной рѣчкѣ подъ Севастополемъ въ 1855 г. одновременно съ ген. Реадомъ, который былъ въ описываемое время полковымъ командиромъ. Въ 50-хъ же годахъ убитъ былъ на Кавказѣ братъ его баронъ Ипполитъ Александровичъ, даровитый человѣкъ и отважный офицеръ. Было у нихъ двѣ сестры, одна замужемъ за барономъ Шёнигомъ, а другая за г. Трескинымъ.

Митчель, бывшій тогда медикомъ при флотѣ; также Русскій военный медикъ, г. Коршъ, любезнѣйшій и умнѣйшій человѣкъ, вскорѣ послѣ умершій холерою въ Брестъ-Литовскѣ. Завелся у насъ рядъ обѣдовъ съ попойками, у меня на квартирѣ и въ Жидовскихъ погребкахъ (ничего было легче какъ завести себѣ тамъ кредитъ), при хоровомъ пѣніи Беранжеровскихъ пѣсень, обыкновенный репертуаръ тогдашней молодежи, продолжавшей еще отчасти корчить Французовъ. Изумительно было Еврейское чутье распознавать батюшкиныхъ сынковъ. Правда, что за то они и попадались иногда въ просакъ. Забылъ я сказать, что, раставшись съ полкомъ, я первоначально провелъ нѣсколько дней въ дер. Збучинѣ, подъ Сѣдлецомъ, на шоссе, гдѣ находились наши вагенбургъ и обозы. Тамъ я встрѣтилъ 15 или 16 лѣтняго мальчика, смѣтливая физіономія котораго мнѣ понравилась; оказалось, что онъ былъ Волынскій Полячекъ изъ г. Любара, гдѣ онъ попалъ въ услуженіе къ маіору Гавришеву, нашего Павлоградскаго полка, эскадронъ коего стоялъ въ этомъ городкѣ по возвращеніи изъ Турціи. Такъ какъ онъ въ Збучинѣ отсталъ отъ прежняго своего хозяина, то охотно присталъ ко мнѣ, и съ того времени, находясь почти неотлучно со мною въ теченіе 30 лѣтъ, оказывалъ мнѣ свою благодарность и преданность. Это Иванъ (по по документамъ Яковъ) Игнатьевичъ Радзиковскій [1]).

Съ больнымъ барономъ П. А. Вревскимъ я сошелся случайно около деревни Збучной, и оба съ нимъ пріѣхали въ Брестъ-Литовскъ, гдѣ мы стали на одной квартирѣ. Самоучкою поваромъ былъ у насъ упомянутый Яся (какъ мы его звали) Радзиковскій.

Брестъ-Литовское военное начальство косо на меня поглядывало и интересовалось узнать, по какому поводу я такъ долго тамъ живу, однакоже открыто не придиралось ко мнѣ. Извѣстіе объ Остроленскомъ сраженіи было получено. Ольвіопольскіе мои друзья, баронъ Вревскій и Ю. Ѳ. Минквицъ отправились къ своему полку, а я все оставался въ Брестъ-Литовскомъ безъ всякой цѣли. Столкнулся я случайно тамъ съ упомянутымъ уже подполковникомъ Клястицкаго гусарскаго полка Василіемъ Сергѣевичемъ Толстымъ [2]), который уговорилъ

---

[1]) Въ бытность мою съ нимъ въ Кіевѣ, въ 1836 году, онъ выхлопоталъ черезъ меня доказательство на дворянство; но какъ это званіе не обезпечиваетъ жизненныхъ средствъ, то онъ весьма разсудительно записался въ Москвѣ въ купцы и содержитъ нынѣ Варшавскую кондитерскую на Большой Никитской, въ д. Ефремовой.

[2]) Василій Серг. Толстой (братъ графини Александры Серг. Паниной и декабриста Владимира Сергѣевича) былъ адъютантомъ при Московскомъ генер.-губ. князѣ Дмитріи Владимировичѣ Голицынѣ въ 20-хъ годахъ и имъ посланъ былъ въ Декабрѣ 1825 года къ императору Николаю Павловичу съ донесеніемъ о присягѣ Москвы, при чемъ Государь распрашивалъ В. С. Толстаго о впечатлѣніи, произведенномъ въ Москвѣ Петербургскими

меня переѣхать съ нимъ въ Кобринскій уѣздъ, Гродненской губ., гдѣ квартировалъ его эскадронъ [1]), и какъ мнѣ все равно было гдѣ ни проживать, то я принялъ его предложеніе. Бездѣйствіе и монотонія въ глухой деревушкѣ, безъ другаго общества кромѣ мелкаго шляхтича, хозяина нашего дома съ его двумя недурными собою, но не особенно развитыми и сообщительными *панёнками*, начинало меня тяготить, тѣмъ болѣе, что В. С. Толстой нерѣдко отлучался по дѣламъ службы. Къ счастію моему, онъ познакомилъ меня съ семействомъ сосѣдняго помѣщика отставнаго генерала Суворовскихъ временъ Энгельгардта, командовавшаго въ 1812—1814 годахъ Старонѣмецландскимъ пѣхотнымъ полкомъ и поселившагося въ маленькомъ своемъ имѣніи съ фольваркомъ, называемомъ Кустовичи. При немъ жила дочь замужемъ за отставнымъ полковникомъ Переяславскаго конно-егерскаго полка, Егоромъ Александровичемъ Дебрины (у коихъ были двѣ взрослыя дочери, одна малолѣтняя и сынъ Александръ 11 или 12 лѣтъ). У г-жи Дебрины были еще три сестры: графиня Гудовичъ, нынѣ еще въ живыхъ [2]), княгиня Вадбольская (жена храбраго кавалерійскаго генерала князя Ивана Михайловича, отличавшагося въ 1827 и 1828 гг. въ Азіятской Турціи), и третья за Энгельгардтомъ же. Братъ ихъ былъ убитъ на Варшавскомъ штурмѣ. Меня приняли въ это патріархальное семейство какъ родственника, котораго давно не видали, и пригласили переѣхать къ нимъ на жительство съ моими людьми и лошадьми. Свита моя состояла изъ Полячка Яси, дурака Серба и Малороссіянина Ильи. Сей послѣдній, удивленный нашимъ продолжительнымъ на чужой счетъ жительствомъ, спрашивалъ шутя, уже не стоимъ ли мы на экзекуціи? Я про-

---

декабрьскими событіями. А съ первоначальнымъ донесеніемъ о присягѣ Москвы императору Константину Павловичу отправленъ былъ Петръ Петровичъ Новосильцовъ, также адъютантъ при князѣ Д. В. Голицынѣ. Толстой, хотя самъ безъ всякаго почти состоянія, женился въ тѣхъ же 20-хъ годахъ по любви на институткѣ Ларіоновой, дѣвушкѣ тоже безъ всякаго состоянія, но замѣчательной красоты и ума.

[1]) Клястицкій, Ольвіопольскій, Сумскій и Лубенскій полки составляли 14-ю гусарскую дивизію, подъ командою свѣтлѣйшаго князя Павла Петровича Лопухина. Клястицкимъ полкомъ командовалъ тогда пожилой полковникъ Ильинскій, незаконный сынъ котораго-то изъ гг. Шепелевыхъ. Я познакомился съ двумя офицерами того полка г. Бутеневымъ (братомъ дипломата, посланника тогда въ Константинополѣ) и съ ротм. Постельсомъ. О князѣ Лопухинѣ добавлю, что даже въ это походное время при немъ былъ Французскій поваръ Кулонъ, открывшій впослѣдствіи гостинницу въ Петербургѣ, на Михайловской площади, а позднѣе въ Калугѣ.

[2]) Изъ двухъ дочерей графини Гудовичъ одна вышла замужъ за вдовца и много старше ея графа Гендрикова, а вторая (графиня Алина) за князя Михаила Павловича Голицына, сына княгини Варвары Сергѣевны. Молодой графъ Гудовичъ женился въ концѣ 50-хъ годахъ на княжнѣ Щербатовой, дочери Московскаго гражданскаго губернатора князя Николая Александровича, женатаго на одной изъ дочерей упомянутой княгини В. С. Голицыной.

былъ въ Кустовичахъ все лѣто до глубокой осени. Однажды В. С. Толстой и я сопутствовали семейству Дебриньи на званый вечеръ къ ихъ сосѣду, артиллерійскому генералу Ховену, бывшему тогда на дѣйствительной службѣ и заѣхавшему на нѣсколько дней въ свое имѣніе на походѣ изъ Калуги (гдѣ онъ стоялъ съ своей дивизіею) въ Польшу. Генералъ Ховенъ былъ утонченной учтивости, свѣтскій и любезный человѣкъ, и весьма, какъ полагаю, добрый и непридирчивый начальникъ, но говорилъ отрывистымъ искусственнымъ басомъ (мода которая, завелась у генераловъ Александровской эпохи, корчившихъ Константина Павловича), одѣвался изящно съ стараніемъ скрывать «*l'irréparable outrage des années*» [1]), и была молва, что онъ будто бы даже носилъ корсетъ. О воинскихъ его достоинствахъ ничего мнѣ неизвѣстно.

Вскорѣ по взятіи Варшавы, неожиданно явились ко мнѣ въ Кустовичи мои Ѳедоръ, остававшійся тамъ въ плѣну до конца войны, и дворовый нашъ же человѣкъ Иванъ Бурлуцкій, рисовальщикъ и берейторъ, находившійся при мнѣ въ Орлѣ въ первое время моей службы. Какъ могли они меня отыскать, не понимаю: съ полкомъ я не имѣлъ никакой переписки, и не предполагаю, чтобы тамъ могли знать, гдѣ я проживалъ.

Илью Бабиченка я отпустилъ съ награжденіемъ, подаривъ ему моихъ вьючныхъ лошадей, а Ѳедора вскорѣ отправилъ въ Петербургъ къ В. А. Инсарскому за деньгами, въ которыхъ крайне нуждался, и за запасомъ сигаръ, каковое порученіе онъ исполнилъ и вернулся въ Кустовичи черезъ двѣ недѣли.

Къ немалой моей радости отошелъ также отъ меня дуракъ Сербъ Яни, женившійся, почти что тайкомъ отъ меня, на какой-то шляхтянкѣ и открывшій табачную лавочку гдѣ-то въ тѣхъ же мѣстахъ. Однажды ѣздилъ я въ Кобринъ (въ 15 верстахъ отъ Кустовичей), гдѣ встрѣтилъ возвращавшуюся изъ Флоренціи на жительство въ Бѣлкино съ пансіономъ на всю жизнь горничную моей матери, Анну Степановну Хлыстову (по сіе время въ живыхъ).

Вдругъ, въ одинъ поздній осенній день, подкатила къ крыльцу коляска, и къ крайнему моему изумленію вышелъ изъ нея добрѣйшій мой братъ, бросившій свое семейство въ Берлинѣ [2]) и отправившійся искать по горамъ и доламъ заблудшую и почти безъ вѣсти пропавшую овцу въ лицѣ нѣжно имъ любимаго брата. Поблагодаривъ почтенное семейство генерала Энгельгардта за оказанное мнѣ вниманіе, онъ повезъ

[1]) Непоправимая обида годовъ.

[2]) Гдѣ онъ, кажется, тогда служилъ при нашемъ посольствѣ. П. Б.

меня съ собою въ Варшаву, гдѣ, по его связямъ въ высшихъ тамошнихъ сферахъ, дозволено мнѣ было оставаться подъ предлогомъ болѣзни.

По пріѣздѣ въ Варшаву я явился къ фельдмаршалу Паскевичу, вновь пожалованному титуломъ князя Варшавскаго (это было единственный разъ, что̀ я его видѣлъ), а отъ него къ Варшавскому военному генералъ-губернатору графу Витту (знакомому мнѣ по Одессѣ), принявшему меня съ свойственною ему банальною улыбкою *).

Братъ потребовалъ отъ имени нашей матери, чтобы я подалъ въ отставку и поѣхалъ къ ней во Флоренцію; я хотя далъ ему обѣщаніе, но сдержалъ лишь первую часть его просьбы, т. е. подалъ въ отставку.

Поселившись въ отелѣ «Вильнѣ», на Толмацкой улицѣ, я тамъ оставался до выѣзда изъ Варшавы въ Россію осенью 1832 года. Тамъ были у меня открытый столъ и ночлегъ для старыхъ и новыхъ знакомыхъ и для иныхъ, чающихъ движенія воды, разночинцевъ и разнородныхъ личностей. Попадались въ этотъ пріютъ и прогорѣвшіе отъ житейскихъ бурь и невзгодъ. Такая жизнь сто́ила мнѣ въ теченіе 10 мѣсяцевъ болѣе 50 тысячъ злотыхъ (8 т. р. сер.) наличными, кромѣ оставленныхъ тамъ долговъ: сумма огромная по тогдашней Варшавской дешевизнѣ сравнительно съ обѣими нашими столицами.

Хотя Павлоградскій полкъ для меня какъ будто не существовалъ, но такъ какъ онъ продолжалъ украшать собою составъ Русской арміи, то приходится сказать о немъ нѣсколько словъ. На штурмѣ Варшавы онъ не находился: полковникъ Е. И. Пашковъ, по неуживчивости своего характера, разсорился съ ближайшими своими начальниками, и черезъ это всѣ эскадроны полка поступили порознь по разнымъ командамъ. Одинъ эскадронъ остался охранять г. Ловичъ; а самъ Пашковъ, имѣя при себѣ своего полковаго адъютанта Лауница и другаго еще офицера, съ ними разъѣзжалъ на Варшавскомъ штурмѣ въ свитѣ начальника штаба графа Толя, получилъ чинъ генералъ-маіора и Станислава 1-ой степени, вскорѣ подалъ въ отставку и сдалъ полкъ безъ всякой денежной придачи (обстоятельство въ то время рѣдкое) молодому подполковнику флигель-адъютанту барону Фелькерзаму.

Какъ характеристику Русско-Нѣмецкихъ офицеровъ, приведу на выдержку упомянутаго однополчанина моего г. Лауница, меньшаго

*) Довольно странно, что не удалось мнѣ никогда видѣть вблизи фельдмаршала графа Дибича. По пріѣздѣ его въ Петербургъ въ 1830 г. послѣ Турецкой войны велѣно было всѣмъ гвардейскимъ офицерамъ являться къ нему; я отправился было для этого изъ Царскаго Села, но, по неисправимой моей привычкѣ, опоздалъ.

брата того генерала Лауница, что̀ былъ начальникомъ всей внутренней стражи въ 50-хъ годахъ. Онъ и другой его *ландсманъ*, г. Штемпель, опредѣлились юнкерами въ нашъ полкъ въ Орлѣ, весною 1828 года. Первый изъ нихъ явился неожиданно ко мнѣ на квартиру и, вытянувшись во фронтъ, произнесъ съ сильно преобладающимъ акцентомъ своего фатерланда: господинъ вахмистръ, честь имѣю явиться! Это было по поводу моего тогдашняго вахмистерскаго сана при юнкерской командѣ; такой оффиціальной почести никогда не было мнѣ оказано ни однимъ изъ Русскихъ юнкеровъ. Товарищъ его, Штемпель, весьма порядочно говорилъ по-русски. Оба они не получали, насколько мнѣ извѣстно, ни копѣйки изъ дому, ходили не иначе какъ въ казенномъ толстаго сукна мундирѣ и въ суконномъ галстукѣ (тогда какъ мы, Русскіе юнкера, *напяливали* на себя эту безпокойную форму на большихъ только смотрахъ), ѣздили на казенныхъ лошадяхъ; тѣмъ не менѣе, по производствѣ ихъ въ офицеры (за Кулевчинское дѣло), оба они изъ скуднаго тогдашняго корнетскаго годоваго оклада въ 500 р. ассигн. (и то чуть-ли не по случаю заграничнаго оклада) ухитрились обмундироваться не хуже насъ, батюшкиныхъ и матушкиныхъ сынковъ, и завести по весьма порядочной верховой лошадкѣ. Позднѣе этотъ нашъ Лауницъ переведенъ былъ въ л.-г. Гродненскій гусарскій полкъ и нашелъ, повидимому, средство прилично содержаться въ гвардейскомъ полку безъ вспомогательныхъ домашнихъ пособій, каковыхъ не предполагаю чтобы онъ могъ имѣть и впослѣдствіи. Широкая Русская натура никогда не дойдетъ до таковаго умѣнія превратить копѣйку въ рубль, и не даромъ гласитъ поговорка, что «Нѣмецъ выдумалъ обезьяну». Оба эти мои товарищи, вѣроятно, обѣдали каждодневно у своего эскадроннаго командира; кромѣ чего питались ли они чѣмъ ни будь дома и пили ли по утрамъ чай, мнѣ неизвѣстно. Само собою разумѣется, что они не посѣщали нашей разгульной компаніи, гдѣ пришлось бы имъ поставить свою очередную бутылку Шампанскаго. Это все такъ; но справедливость требуетъ сознаться, что всѣ вообще эти Нѣмцы были исправнѣйшіе служаки во фронтѣ и въ командировкахъ, и нельзя было полковому командиру не дорожить ими.

Вскорѣ по отъѣздѣ брата моего изъ Варшавы я познакомился и съ перваго же дня сошелся на *ты* и на *ton cousin* со Львомъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ, тогда штабсъ-капитаномъ въ драгунскомъ Финляндскомъ (кажется) полку *). Наше сближеніе произошло во Француз-

*) Левъ Сергѣевичъ, какъ и его братъ, были типы бѣлаго Негра съ курчавыми волосами; но по цвѣту волосъ и кожи Левъ Сергѣевичъ былъ совершенный блондинъ, росту немного ниже средняго и съ непропорціонально-большою головою; а когда смѣялся,

скомъ ресторанѣ Пуарье на Медовой улицѣ на данномъ мною ему обѣдѣ. Узнавъ, что его фонды во временно-отрицательномъ положеніи, я пригласилъ его переѣхать жить со мною въ отель-де-Вильна. Обо мнѣ онъ имѣлъ уже предварительное понятіе изъ разсказовъ своего брата Александра Сергѣевича, коему пылкая моя полуитальянская натура, непринужденность маперовъ и семнадцатилѣтняго возраста наивность весьма пришли по душѣ въ Одессѣ. Левъ Сергѣевичъ былъ самаго уживчиваго и всегда веселаго характера, даже хохотунъ, игриваго ума и находчивости въ отвѣтахъ (la repartie très prompte), зналъ наизусть почти всего Беранже и, конечно, знаменитаго своего брата, коего онъ боготворилъ какъ поэта и горячо любилъ. У него, какъ и у его брата, было любимою поговоркою или скороговоркою «очень хорошо», когда кто нибудь выпуститъ при немъ острое словечко. Немудрено, если у иныхъ его современниковъ составилось мнѣніе о крайностяхъ будто бы его разврата, между тѣмъ какъ онъ вовсе не былъ циникомъ. Левъ Сергѣевичъ передалъ мнѣ анекдотъ объ Елисаветѣ Михайловнѣ Хитрово. Однажды лѣтомъ 1830 года Левъ Сергѣевичъ, находившійся въ отпуску, прогуливался съ нею въ коляскѣ по Петербургскимъ островамъ, и когда часовые, мимо которыхъ они проѣзжали, дѣлали на караулъ при видѣ офицера, то она, обращаясь къ нему, сказала: «L'on me prend, à ce qu'il paraît, pour la grande-duchesse» [1]). Забавную эту выходку Левъ Сергѣевичъ не преминулъ разсказать своимъ знакомымъ, въ томъ числѣ князю Петру Андреевичу Вяземскому. Нѣсколько дней спустя, когда Левъ Сергѣевичъ ѣхалъ по городу въ одномъ экипажѣ съ княземъ Вяземскимъ и часовые отдавали ему такую же почесть, князь Петръ Андреевичъ обратился къ нему съ своею серіозною физіономіею и повторилъ слова дочери спасителя Россіи въ 1812 году: «L'on me prend, à ce qu'il paraît, pour une des grandes-duchesses».

Е. М. Хитрово оставила назидательный примѣръ смиренія и христіанской благочестивой кончины. Чувствуя приближеніе роковаго часа, она пригласила къ себѣ митрополита Филарета и, собравъ вокругъ себя родныхъ и прислугу, изъявила желаніе громогласно и при всѣхъ исповѣдать всю свою жизнь [2]).

Левъ Сергѣевичъ ввелъ меня въ общество, собиравшееся у толстаго остряка, полковника Черевина, когда-то извѣстнаго своимъ по-

(къ чему былъ весьма склоненъ), то выказывалъ почти, какъ говорится, до ушей, рядъ безукоризненныхъ зубовъ.

[1]) Меня принимаютъ, повидимому, за одну изъ великихъ княгинь.

[2]) Также поступила передъ смертью княгиня Софья Андреевна Трубецкая (мать княгини М. В. Воронцовой). П. Б.

вѣнчествомъ въ лейбъ-гвардіи уланскомъ полку. Вечерняго кружка полковника Черевина посѣтителями были: г. Очкинъ, крупный чиновникъ гражданской канцеляріи фельдмаршала, полковникъ главнаго штаба Голямина, Александрійскаго гусарскаго полка поручикъ Вульфъ, сосѣдъ Пушкиныхъ по Псковскому ихъ имѣнію и короткій пріятель поэта Языкова [1]), штатскій чиновникъ канцеляріи графа Витта и не первой уже молодости Пановскій [2]), офицеръ морскаго пѣхотнаго полка Упаковъ, фельдмаршалскіе адъютанты Мельниковъ и князь Львовъ, и еще другіе, имена которыхъ ускользнули изъ моей памяти. Всѣ они въ совокупности (со включеніемъ Льва Сергѣевича) составляли плеяду остряковъ-бонмотистовъ, во главѣ которыхъ самъ хозяинъ не лазилъ за словомъ въ карманъ. «Что̀ за *обходительный* человѣкъ нашъ фельдмаршалъ», говорилъ Голямина: «онъ меня два раза *обошелъ*». Онъ же говорилъ, будто, по взятіи первоначальныхъ Варшавскихъ укрѣпленій подъ Волею, князю Паскевичу пришлось донести Государю: «*Воля* ваша, а Варшавы взять не могу». На замѣчаніе, что въ Варшавѣ опять начались безпрерывные парады и разводы, онъ же подхватилъ: «А какъ же иначе? Городъ женили, такъ теперь и разводъ». Подобныя остроты, разносимыя его друзьями, не могли располагать высшее начальство къ ихъ автору, и потому, вѣроятно, оттягивалось его производство въ генералы. Изъ генералитета онъ кого-то звалъ генераломъ *толстымъ* и генераломъ *тонкимъ*. Послѣднее прозвище дано было имъ генералу Бергу (нынѣ графъ и фельдмаршалъ), тогдашнему генералъ-квартирмейстеру всей арміи. Страсть къ каламбурамъ доходила у Голямина до неудержимой потребности и на каждомъ шагу, не останавливаясь передъ пошлостью. Пріѣхавъ на дачу къ одному своему знакомому, онъ заявилъ, что пріѣхалъ не въ экипажѣ, а на рыбѣ. «Какъ такъ?» — «А потому», объяснилъ Голяминъ, «что коляска *трескa*» (т. е. *тряска*). Спеціальностью полковника Черевина были солдатскіе анекдоты.

Отъ кого-то изъ нихъ я, кажется, слышалъ, что мимо в. к. Михаила Павловича, находившагося съ своимъ гвардейскимъ корпусомъ гдѣ-то въ задней линіи на Варшавскомъ штурмѣ, прошелъ въ рядахъ армейскаго пѣхотнаго полка несчастный полуоборванный офицеръ въ желтыхъ нанковыхъ штанахъ, понесшій всю тягость кампаніи съ самаго ея начала; при видѣ его Великій Князь не утерпѣлъ, чтобы не спросить

[1]) Вульфъ говорилъ при мнѣ о рукописяхъ Языкова, хранившихся у него.

[2]) Онъ здравствовалъ еще въ 1869 г., и хотя ему было уже много за 70 лѣтъ, талантливо писалъ музыкальный фельетонъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и здорово поглощалъ холодный пуншъ. Онъ умеръ скоропостижно лѣтомъ 1872 года.

его: «Г. офицеръ, что̀ у васъ за штаны?» — «Послѣдніе, ваше высочество», былъ отвѣтъ. Можетъ быть, это вымыселъ; но вѣдь «l'on ne prête qu'aux riches» [1]).

Въ описаніи Варшавскаго штурма у Смита я не нашелъ упоминанія о геройской стойкости и неустрашимости дивизіоннаго ген. Малиновскаго, который, какъ передавалъ мнѣ одинъ участвовавшій въ штурмѣ, повелъ свою колонну на приступъ съ пѣсенниками впереди подъ напѣвъ «ахъ на что было огородъ городить», самъ впереди колонны, приговаривая, «не такъ, не такъ, ребята; надо идти въ ногу», «ахъ на что было огородъ городить—разъ два, разъ два». Остался-ли онъ самъ невредимъ, не помню.

У П. М. Пановскаго было довольно язвительности въ выходкахъ. По поводу братьевъ Т., слывшихъ шулерами, разсказывали мнѣ, что Пановскій однажды сказалъ одному изъ нихъ при свидѣтеляхъ: «Охота тебѣ пускаться въ такія аферы? (т. е. шулерство). Того гляди, поймаютъ на дѣлѣ да дадутъ плюху: оно, конечно, ничего не значитъ, но все-таки непріятно. Ужъ, по-моему, забраться бы тебѣ въ богатую какую нибудь церковь и содрать ризу съ цѣнной иконы: оно проще и прибыльнѣе». Господинъ» къ которому рѣчь относилась, будто-бы отвѣчалъ: «*Panoffsky a toujours le petit mot pour faire rire*» [2]).

Черевинъ разсказывалъ: старушки нынѣ говорятъ, что въ ихъ время только и толковали что о Вольтерѣ, да о Вольтерѣ, а нынѣшняя молодежь стала уже говорить, что Вольтеръ Скотъ; скотъ-то онъ не скотъ, а каналья-безбожникъ. По словамъ Черевина, нѣкоторые купчики стараго покроя съ бородами говорили, что Французы простираютъ утонченную вѣжливость даже до своихъ винъ, какъ, наприм., бургонь-мусьё (то есть *bourgogne mousseux*, игристое въ большомъ тогда ходу вино).

Однополчане Вульфа, графъ Штейнбокъ-Ферморъ и молоденькій корнетъ Бахтуринъ, горькій пьяница, но не безталантливый поэтъ, нерѣдко бывали въ нашемъ кружкѣ. Черевинъ обходился съ Бахтуринымъ почти какъ съ шутомъ, ставилъ его за ширмы и заставлялъ декламировать оттуда свои стихи [3]). Изъ короткихъ знакомыхъ Льва Сергѣевича былъ адъютантъ фельдмаршалъ князь Андрей Львовъ, молодой чело-

[1]) Взаймы даютъ только богатымъ.

[2]) У Пановскаго всегда имѣется словечко для того, чтобы насмѣшить.

[3]) Немного позднѣе, г. Бахтуринъ напечаталъ въ Москвѣ небольшую свою поэму „Возвращеніе на Тверское княжество князя Александра Михайловича", имѣвшую, кажется, нѣкоторый успѣхъ.

вѣкъ привлекательной наружности и манеръ, скромнаго и тихаго нрава, типъ настоящаго джентельмана. Онъ умеръ вскорѣ послѣ этого времени.

Бывшій адъютантъ графа Дибича, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ перешелъ тѣмъ же къ князю Паскевичу; но съ нимъ я никогда не встрѣчался, такъ какъ онъ принадлежалъ къ Варшавскому дамскому кружку Русскаго высшаго общества (гдѣ первенствовала, какъ я слышалъ, графиня Наталья Викторовна Строгонова, урожд. гр. Кочубей), которымъ я продолжалъ пренебрегать, какъ дѣлалъ въ Петербургѣ. Къ этой аристократической сферѣ всецѣло принадлежалъ М. М. Магницкій, остававшійся, не знаю, на какомъ основаніи, въ Варшавѣ, тогда какъ его полкъ и весь гвардейскій корпусъ давно возвратились въ Петербургъ. Я долженъ отдать ему дань признательности, что онъ продолжалъ бывать у меня, хотя подвергался опасности скомпрометировать этимъ свою свѣтскую репутацію.

Левъ Сергѣевичъ, вышепомянутый морскаго пѣхотнаго полка Ушаковъ и я каждодневно почти обѣдали втроемъ и долго засиживались во Французской гостинницѣ Шово, рядомъ съ городскою ратушею, на театральной площади, при въѣздѣ въ Сенаторскую улицу. Этотъ Французъ, ярый Наполеонистъ, былъ когда-то *мэтръ д'отелемъ* при Виченскомъ герцогѣ Коленкурѣ во время посольства его въ Россіи [1]). Забавенъ былъ этотъ г. Шово. Когда, бывало, завяжется при немъ разговоръ о гастрономическихъ произведеніяхъ Россіи, онъ, съ свойственною своей націи самоувѣренностію въ личномъ своемъ значеніи, воскликнетъ: «Ah, messieurs! C'est un beau pays que le vôtre, sous le rapport des provisions de bouche; mais malheureusement je ne puis m'y établir, attendu que le gouvernement connaît ma façon de penser en matière politique» [2]). Ему никогда, сколько извѣстно мнѣ, не былъ запрещенъ въѣздъ въ Россію. Зная его конёкъ, мы имъ пользовались, когда кредитъ нашъ у него начиналъ упадать. Стоило только завести его какъ машину на любимую имъ тему о первой Француз-

[1]) Какъ заносчиво держалъ себя въ Петербургѣ этотъ Наполеоновскій посолъ, можно судить изъ случая, переданнаго мнѣ покойнымъ княземъ Николаемъ Ѳедоровичемъ Голицынымъ (братомъ статсъ-секретаря кн. Александра Ѳедоровича), бывшимъ въ то время офицеромъ въ л. г. Преображенскомъ полку. Стоя однажды въ караулѣ у Петергофской заставы, онъ не успѣлъ выскочить съ карауломъ изъ гауптвахты для отдачи военной почести въѣзжавшему въ Петербургъ изъ Екатерингофа Коленкуру, чѣмъ послѣдній оскорбился и принесъ жалобу на караульнаго офицера.

[2]) Ахъ, господа! Ваша страна прекрасна относительно съѣстныхъ припасовъ; но къ несчастію я не могу въ ней основаться, такъ какъ правительству извѣстенъ политическій образъ моихъ мыслей.

ской имперіи и когда онъ расходится, то попросить его обождать еще уплату стараго долга, не прекращая кредита, и штука эта удавалась. Въ пылу политическихъ преній, любимый его выводъ былъ: «Oui, messieurs, les souverains de l'Europe se sont faits du tort à eux-mêmes, en détrônant Napoleon» *), въ чемъ ему мы не противорѣчили.

Къ этому нашему тріумвирату примкнулъ немного позднѣе Ю. Ѳ. Минквицъ, уже корнетомъ съ переводомъ въ Ахтырскій гусарскій полкъ и прикомандированный къ какому-то генералу въ Варшавѣ. Мимолетомъ показывался между нами Владимиръ Ивановичъ Аничковъ, адъютантъ Фельдмаршала или въ его свитѣ, Петербургскій также мой знакомый. Но не очень сближался онъ съ нами и убѣгалъ, когда раскупорка Шампанскаго усиливалась; да и общество было не по немъ: мы были ребята нараспашку, кутилы, не стѣснявшіеся высказывать политическія наши мнѣнія и порицать высшее начальство, и это пугало чопорнаго и пекущагося о своей карьерѣ и великосвѣтскомъ положеніи Аничкова; намъ-же онъ казался безцвѣтнымъ и скучнымъ своею гоньбою за сильными міра сего и чрезчуръ *ком-иль-фотными* Французскими разговорами, въ которыхъ часто упоминалось о «ma tante la marquise de Villereau» [1]). Сознаюсь, что онъ потѣшалъ насъ своимъ пламеннымъ Русскимъ патріотизмомъ, выражавшимся не иначе какъ на̀ изящномъ Парижскомъ нарѣчіи.

Приходилъ кое-когда ко Льву Сергѣевичу зять его г. Павлищевъ (мужъ Ольги Сергѣевны), служившій, кажется, тогда въ интенданствѣ. Насколько мнѣ казалось, Левъ Сергѣевичъ не былъ расположенъ къ нему; да и самъ г. Павлищевъ былъ молчаливая и довольно скучная особа. Мнѣ сообщили много позднѣе (но только не Левъ Сергѣевичъ), какъ странно выходила замужъ за г. Павлищева Ольга Сергѣевна. Во едину отъ субботъ, не сказавъ ни слова родителямъ, она отправилась рано утромъ въ церковь въ обыкновенномъ своемъ нарядѣ и, обвѣнчавшись, возвратилась домой къ утреннему чаю своей матери, коей и объявила, что она только что изъ подъ вѣнца, послѣ чего пошла въ свою комнату и тамъ принялась за любимое свое занятіе, масляную живопись. Въ продолженіе довольно долгаго времени съ мужемъ она не жила, а онъ приходилъ къ ней каждый день съ визитомъ какъ будто къ одной изъ свѣтскихъ его знакомыхъ.

---

[1]) Да, господа, Европейскіе государи сами себѣ навредили, низведя Наполеона съ престола.

[2]) Маркиза Елисавета Александровна, урожденная гр. Апраксина. Мужъ ея, Французскій эмигрантъ въ нашей службѣ, маркизъ Виллерò, убитъ подъ Аустерлицемъ, но тѣло его никогда не было найдено. Маркиза Виллерò умерла въ глубокой старости.

Такъ какъ въ разгаръ Польской революціи, для вящшаго поддержанія патріотизма, давалась опера Нѣмая изъ Портичи, у насъ извѣстная подъ неправильнымъ названіемъ Фенеллы [1]), то фельдмаршалъ, по взятіи Варшавы, тотчасъ же разрѣшилъ постановку снова этой революціонерной оперы на сцену, желая тѣмъ доказать, что Русское правительство, увѣренное въ самомъ себѣ, не придаетъ никакого значенія политическимъ намекамъ оной, впрочемъ, съ пропускомъ сцены, гдѣ воины Анжуйскаго герцога вытѣснены Неаполитанскою чернью. Что до ея постановки, то оркестръ, костюмы и декораціи были удовлетворительны, и особенно хорошо изображено было изверженіе Везувія, да и вся опера была для насъ новизною; но артистическое исполненіе было неказисто. Первый теноръ и первый басъ были почти что безголосые, и опера поддерживалась одною примадонною Волковою, воспитанницею мѣстной консерваторіи, управляемой маэстромъ Соливою [2]). Она владѣла блестящимъ и хорошо обработаннымъ голосомъ, при весьма привлекательной наружности. Упомяну кстати о другомъ Варшавскомъ театрѣ, Розмаитости (Théâtre des variétés), весьма любимомъ публикою; весь составъ его былъ изъ молодыхъ, весьма талантливыхъ артистовъ обоего пола. Комикъ Панчуковскій былъ превосходенъ, а лучшаго jeune premier (это драматическій камень преткновенія), чѣмъ былъ Ясинскій, невозможно желать. Изъ женщинъ удивительно граціозна была дебютантка Жулинская, посѣтившая въ 40-ыхъ годахъ Москву (но уже не артисткою), подъ именемъ графини Гаукъ. Тріумфомъ комика Панчуковскаго была долгая комедія «Глухой или полная гостинница», переведенная съ Французскаго (Пикара).

Одновременно почти со Львомъ Сергѣевичемъ я пригласилъ жить къ себѣ на квартиру пѣхотнаго юнкера барона Меллера-Закомельскаго, хотя я одинъ только разъ встрѣтился съ нимъ въ Петербургѣ. Онъ былъ весьма неглупый человѣкъ, но непріятнаго отчасти характера. Онъ бытъ выпущенъ изъ Парижскаго корпуса въ армейскую пѣхоту юнкеромъ или чуть-ли не рядовымъ, за какую-то неизвѣстную мнѣ исторію и, повидимому, былъ безъ всякихъ жизненныхъ средствъ. Ему отчасти покровительствовалъ или, по крайней мѣрѣ, видался съ нимъ полковникъ флигель-адъютантъ графъ Ламсдорфъ, кромѣ котораго я не

[1]) Опера это содѣйствовала также вспыхнувшей въ предыдущемъ 1830 году Бельгійской революціи, послѣ чего попала подъ запретъ всемогущаго князя Меттерниха.

[2]) Г. Солива, композиторъ нѣсколькихъ оперъ, имѣвшихъ нѣкоторый успѣхъ въ Италіи въ 20-хъ годахъ, вскорѣ по занятіи Варшавы перешелъ въ Петербургъ учителемъ пѣнія въ тамошнее Театральное Училище, гдѣ продолжалъ пользоваться заслуженною имъ репутаціею. Онъ однажды аккомпанировалъ мнѣ на фортепіано на вечерѣ у пѣвца Тамбурини въ 1846 году.

видалъ у бар. Меллера-Закомельскаго другихъ знакомыхъ. Онъ, подружившись съ Англійскимъ медикомъ Куёль (d-r Quail), также жившимъ у меня, когда Левъ Сергѣевичъ перешелъ на нанимаемую имъ квартиру, въ одно прекрасное утро удралъ за границу, для чего уговорилъ глупаго этого Англичанина уступить ему свой паспортъ и, кажется даже часть денегъ, выданныхъ правительствомъ этому медику, въ числѣ прочихъ той-же націи, для возвращенія въ ихъ отечество, хотя они служили Польскому революціонному правительству. Баронъ Меллеръ-Закотельскій свободно говорилъ по-англійски, хотя съ иностраннымъ произношеніемъ; но этого было ему достаточно, чтобы на первыхъ порахъ, и особенно въ Германіи, выдавать себя за Англичанина. Онъ добрался до Англіи, гдѣ для меня слѣдъ его простылъ; но какимъ образомъ настоящій владѣтель паспорта выхлопоталъ себѣ другой и, главное, добылъ себѣ средства возвратиться *во-свояси*, я не помню.

Генералъ-квартирмейстеръ Бергъ, женатый на Итальянкѣ, вывезъ съ собою изъ Италіи, или выписалъ, Ломбардскаго уроженца г. Козѐлла, талантливаго весьма батальнаго живописца, съ которымъ я близко сошелся. Ему поручено было написать сюжеты изъ послѣдней Польской войны и портреты любимыхъ лошадей фельдмаршала князя Паскевича. Въ его мастерской я однажды встрѣтилъ генерала Александра Ивановича Мамонова, также артиста-аматёра по этой же отрасли художества, съ которымъ я познакомился еще въ 1825 году въ домѣ тещи его Прасковьи Семеновны Ефимовичевой, Бѣлкинской нашей сосѣдки.

Мѣстомъ сборища штабныхъ и гвардейскихъ офицеровъ, проживавшихъ въ Варшавѣ по службѣ и по болѣзни, была тѣсная весьма кофейня-ресторанъ красавицы г-жи Дорваль, дочери упомянутаго Сѣдлецкаго хозяина гостинницы Леперини, Француженки по матери и по воспитанію; мужъ ея, съ которымъ она разошлась, былъ когда-то Французскимъ актеромъ. Сюда сходилось обыкновенно ужинать все что̀ было «de plus huppé [1])» изъ военнаго общества, любезничавшее съ хозяйкою, продолжавшей жить подъ крыломъ матери, и она казалась болѣе львицею моднаго салона, окруженною элегантными поклонниками, чѣмъ содержательницею кофейни. Здѣсь же, по пріѣздѣ моемъ въ Варшаву, я вновь повстрѣчался съ М. М. Магницкимъ и того же л.-гусарскаго полка съ графомъ Константиномъ Дмитріевичемъ Толстымъ [2]). Кстати нѣсколько словъ объ этомъ полку.

---

[1]) Буквально: наиболѣе хохлатый.

[2]) Графъ Константинъ Дмитріевичъ Толстой, братъ г-жъ Голубцовой, Лачиновой, Голынской и проч., страдалъ аневризмомъ и вскорѣ послѣ умеръ.

Во время блистательной, но совершенно безполезной атаки этимъ полкомъ при Варшавскомъ штурмѣ, произведенной старикомъ генераломъ Ностицомъ [1]), смертельно раненый сабельными ударами, князь Мурузи обратился къ навѣстившему его въ больницѣ А. О. Ноя товскому и сказалъ: «вѣдь я за тебя умираю.» Такъ какъ онъ былъ дѣйствительно немного похожъ издали на Августа Осиповича, то Поляки, какъ разсказано было мнѣ, погнались (по извѣстнымъ вѣроятно имъ примѣтамъ) за несчастнымъ Греческимъ княземъ, принявъ его за того, котораго они считали измѣнникомъ. Въ этой же атакѣ убиты были того же полка Шиманов скій и полковникъ Слѣпцовъ, и порваны обѣ ноги у барона Стакельберга, который по ампутаціи обѣихъ ногъ поправился, но весною, кажется, 1832 года умеръ.

Изъ Военнаго кружка посѣтителями кофейни Дорваль были также принца Альберта Кирасирскаго полка молодчикъ полковникъ Сопъ и линейный казачій генералъ Верзилинъ, гигантскаго почти роста, изящно говорившій по французски, что̀ казалось какъ-то страннымъ при его чисто-Черкесскомъ костюмѣ и вооруженіи. Его обвиняли Поляки въ же стокостяхъ при занятіи мѣстечка Опимяны; основательно или нѣтъ, не знаю.

Хаживалъ ко мнѣ корнетъ принца Альберта полка корнетъ Шеміотъ, старика отца коего я зналъ въ Одессѣ. Шеміоты Поляки. Старшій братъ этого корнета женился въ Москвѣ 1836 году на дальней нашей родственницѣ Аннѣ Дмитріевнѣ Жеребцовой, перешедшей въ вѣроисповѣданіе своей матери. Этотъ Шеміотъ быстро довольно пошелъ по горному вѣдомству Министерства Финансовъ и уже въ началѣ 40-хъ годовъ былъ въ чинѣ превосходительства.

По склонности заводить около себя то, что̀ бывшіе мои гвардейскіе однополчане называли Бутурлиновскимъ звѣринцемъ, я пріютилъ къ себѣ (какъ уже сказано было) Англичанина медика Куёля, безпечнаго до того, что онъ довелъ себя почти до лохмотьевъ. Хотя онъ имѣлъ уголъ и столъ въ моей квартирѣ, но велъ кочующую жизнь, ночуя безъ разбора у знакомыхъ и напиваясь на ихъ счетъ, посѣщалъ и буйствовалъ въ шинкахъ, и чтобы отдѣлаться, прибѣгалъ иногда къ національному своему искусству — боксу. О медицинскихъ по-

[1]) Лейбъ-гусарскій полкъ ворвался въ одну заставу Варшавы и, проскакавъ чрезъ весь городъ, вышелъ опять изъ другой заставы, съ страшною потерею и безъ всякаго очевиднаго результата.

знаніяхъ этого чудака судить я не могу. Помню что призванный однажды мною для пособія моему человѣку Ѳедору, казавшемуся мнѣ въ сильной горячкѣ (состояніе это было только вслѣдствіи пьянства) на мой вопросъ, не воспаленіе ли въ мозгу у Ѳедора, Британскій мой эскулапъ, сообразившись немного, отвѣчалъ: «теперь въ точности опредѣлить не могу; но если онъ умретъ, я вскрою его и тогда вамъ скажу, было-ли это мозговое воспаленіе». Помнится мнѣ, что разсказывали, будто онъ отправлялся по ночамъ по городскимъ окрестностямъ и вырывалъ изъ могилъ трупы убитыхъ при штурмѣ для анатомическихъ своихъ наблюденій. Не давалъ ему покоя по цѣлымъ днямъ мой проказникъ Полячекъ Яся (наряженный съ пріѣзда нашего въ Варшаву въ казацкой ливрейной костюмъ съ откидными рукавами, какъ у пѣвчихъ); дѣло доходило между ними почти до драки, и это меня забавляло *). Всѣ мои знакомые, какъ и я, допускали всякаго рода фамиліарности со стороны этого мальчика, потѣшаясь его лукавыми глазами и замашками и безцеремонностію его обращенія.

Эта шумная моя жизнь по ресторанамъ и погребкамъ, сопровождавшаяся хожденіемъ по улицамъ съ сигарою въ зубахъ (вещь строго тогда запрещенная) не могла не обратить на себя вниманія начальства, тѣмъ болѣе, что я продолжалъ числиться больнымъ и не помышлялъ ѣхать въ полкъ, въ г. Калишъ. И вотъ явился ко мнѣ однажды графъ Адамъ Ржевуцкій, тогда адъютантъ при гр. Виттѣ, подъ предлогомъ стараго знакомства, но въ сущности съ дипломатическимъ порученіемъ уговорить меня выѣхать изъ Варшавы. Хотя попытка его не удалась, но никакое дальнѣйшее преслѣдованіе высшихъ властей меня не постигло. По прошенію, поданному задолго передъ тѣмъ, я получилъ увольненіе изъ службы съ повышеніемъ въ чинъ штабъ-ротмистра, но не прежде кажется, какъ въ Маѣ того 1832 года; иначе, не миновать бы, пожалуй, мнѣ выѣхать въ полкъ съ церемоніаломъ военнаго провожатаго.

Рядомъ съ разгульною жизнію и какъ бы протестомъ противъ нея выглядывало изрѣдка затасненное въ уголкѣ души чувство религіозности, вызванное (странно сказать!) видомъ Римско-католическихъ церквей и

*) Когда наконецъ этотъ Англичанинъ выбрался изъ Варшавы, я было взялъ на себя заплатить ему деньги, занятыя у него барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ, но не сдержалъ моего обѣщанія. Бѣдникъ этотъ тщетно писалъ ко мнѣ о томъ изъ Англіи, гдѣ нашелъ себѣ доступъ въ графу М. С. Воронцову, отъ котораго я получилъ въ 40-хъ годахъ письмо по сему предмету. На это письмо я не отвѣчалъ и денегъ, къ стыду моему, не выслалъ.

ихъ богослуженія. Не то, чтобы этимъ обозначалось отклоненіе отъ Православной церкви, но потому только (какъ я теперь себѣ объясняю), что Латинская обрядность живо напоминала мнѣ мою мать и всю обстановку семейнаго Флорентинскаго моего быта. Такъ, наприм., по пріѣздѣ съ братомъ моимъ въ Варшаву, въ Декабрѣ, отрадно было мнѣ войти въ Латинскій костелъ во время ночной литургіи подъ праздникъ Рождества Христова (двѣнадцатью днями ранѣе нашего), какъ водится въ Западной церкви, напоминавшей мнѣ мое дѣтство, когда я съ матерью и сестрами присутствовалъ во Флоренціи при этой службѣ. Подобное тому чувство охватило меня, когда я возвращался однажды домой, уже на разсвѣтѣ, при видѣ на Красинской площади отворенной двери костела, гдѣ совершалась уже служба: непреодолимо влекло меня туда войти и, не смотря на порочное для молитвы состояніе, въ которомъ я находился, я палъ на колѣна и крѣпко (помнится мнѣ) помолился за мою мать, за это ангельское существо, которое я сознательно столь глубоко огорчалъ своимъ поведеніемъ и долгимъ, чуть-ли не годовымъ, молчаніемъ, отъ лѣни и безпечности: даже во время Турецкой войны, когда родители мои естественно еще болѣе безпокоились обо мнѣ, я долго никому не писалъ, и братъ мой осенью 1829 года принужденъ былъ справляться въ Инспекторскомъ Департаментѣ, не умеръ ли я. Впослѣдствіи, мать моя, по свойственному родителямъ чувству видѣть болѣе хорошаго чѣмъ дурнаго въ своихъ дѣтищахъ, ставила мнѣ этотъ переданный мною ей случай почти что въ добродѣтель. Я твердо убѣжденъ, что горячимъ и неусыпнымъ ея обо мнѣ молитвамъ я обязанъ возвратомъ моимъ (хотя позднимъ) къ вѣрованію и нравственности. Помню также, что въ Бердичевѣ, гдѣ мы стояли нѣсколько дней на маршѣ въ Турцію въ 1828 г., подобная вышеописанной душевная потребность привела меня въ костелъ, гдѣ, когда я молился о матери моей, мнилось мнѣ, что я къ ней близокъ, и что нахожусь въ одной изъ Флорентинскихъ церквей. Отъ передачи ей въ письмахъ этихъ моихъ ощущеній она склонялась къ утѣшительной для нея мысли, что во мнѣ открывались симптомы къ обращенію въ латинство; но надежды эти были безъ основанія, ибо борьбы въ убѣжденіяхъ о предпочтительности Западной церкви противъ моей не было тутъ никакой, а была только живость воспоминаній и неохладѣлое сыновнее чувство. Это я провѣряю тѣмъ, что, какъ только я получилъ приказъ объ отставкѣ, у меня вырвались слова, «наконецъ-то я скоро увижусь съ матерью», и я побѣжалъ подѣлиться радостнымъ извѣстіемъ о моемъ увольненіи съ другомъ моимъ Ю. Ѳ. Минквицемъ.

Но минуты эти были какъ бы отблесками метеора, не оставлявшими за собою никакихъ исправительныхъ слѣдовъ. Психологическія

эти противорѣчія доказывали, по крайней мѣрѣ, что во мнѣ было сознаніе своей порочности; что сохранилась отчасти стыдливость сердца и души, *la pudeur du coeur*, зародыши будущаго нравственнаго возрожденія, и они-то и спасли меня позднѣе отъ омута, въ которомъ я тонулъ. Самыя даже вѣрованія были потрясены въ то скорбное время. Перемѣна эта произошла въ концѣ 1829 года отъ чтенія Вольтеровскаго «Dictionnaire historique et philosophique», а позднѣе отъ сочинія «Les ruines» Вольнея (я считаю послѣднюю книгу болѣе опасной по ея аргументаціи, чѣмъ глумленіе надъ святынею Фернейскаго философа). Если не прямо отрицалъ я тогда религіозныя истины, то впалъ въ совершенный индиферентизмъ: болѣе двухъ лѣтъ не входилъ въ церковь и не приступалъ къ обязательнымъ священнымъ тайнствамъ исповѣди и св. причастія съ 1829 по 1833 годъ. Можетъ быть, были тутъ легкомысліе и безпечность, но было также и религіозное сомнѣніе: я въ то время не стѣснялся выраженіями и шутками надъ священными предметами, доходившими до богохульства. Думаю, что, еслибы тогда, въ подкрѣпленіе эфемерныхъ проявленій моей заснувшей религіозности, подвернулась бы какая нибудь дѣвушка, ярая католичка, въ которую я бы влюбился сильнѣе, чѣмъ было полувоображаемое чувство, питаемое къ графинѣ Вѣрѣ или позднѣе къ ***, то нѣтъ, мнѣ кажется сомнѣнія, что по моей впечатлительности и податливости чужому вліянію я совратился бы въ латинство. А какъ того желали и, вѣроятно, горячо о томъ молились добрѣйшія семейныя мои женщины въ Италіи!

Итакъ, въ общемъ итогѣ, имѣю поводъ сказать, что Павлоградскій ментикъ спасъ меня отъ Католицизма.

Какимъ чудомъ я, при усвоенной ежедневной привычкѣ, не впалъ въ запой, удивляетъ меня самого. Физическимъ предохраненіемъ отъ этого послужило мнѣ, какъ полагаю, крѣпкое, хотя на видъ всегда худощавое тѣлосложеніе, требовавшее въ молодости много ѣды. Я не предпринялъ бы никакихъ гигіеническихъ мѣръ, еслибы случайно не познакомился съ нѣкіимъ военнымъ медикомъ г. Порай-Кошицемъ, припявшимъ, не знаю почему, особенное и безкорыстное во мнѣ участіе. Онъ искалъ случая сблизиться со мною, и подъ его безденежнымъ надзоромъ я предпринялъ курсъ Карлсбадскихъ искусственныхъ водъ въ заведеніи Краспискаго публичнаго сада, исполнялъ съ точностію все предписанное курсомъ, и лѣченіе это совершенно освѣжило меня. Къ сожалѣнію, я съ тѣхъ поръ не встрѣчался болѣе съ этимъ моимъ благодѣтелемъ.

Послѣ водъ я снова принялся за прежнюю жизнь. Долги возрастали, и не знаю, какъ бы съумѣлъ я выпутаться изъ Варшавы, еслибы опять не подвернулся мнѣ временный выручитель въ лицѣ моего Мефистофеля, Леона Каненштейна, прибывшаго изъ Калиша, гдѣ квартировалъ Павлоградскій полкъ, при которомъ онъ продолжалъ вертѣться. Онъ отыскалъ какихъ-то полу-банкировъ, своихъ соотечественниковъ Евреевъ, добылъ денегъ подъ мои векселя (подписанные на какія суммы онъ самъ указывалъ) на уплату кредиторамъ, главными изъ которыхъ были г. Обухъ, хозяинъ моего Виленскаго отеля, рестораторъ Шово и содержатель виннаго погреба г. Гуть на Медовой улицѣ. Сверхъ сего, снабдилъ онъ меня наличными деньгами и уговорилъ ѣхать съ нимъ въ Калишъ, проститься съ бывшими товарищами. Оборотомъ этимъ долги мои въ сущности увеличивались; но кромѣ добытыхъ чрезъ Леона денегъ я, въ теченіе Варшавскаго моего пребыванія, получалъ деньги изъ Петербургской нашей конторы, на статскую свою экипировку.

Павлоградскимъ полкомъ тогда командовалъ баронъ Фелькерзамъ, видный изъ себя мужчина, добрякъ и любимый подчиненными, но на бѣду свою склонный къ игрѣ и къ широко-разгульной жизни. Чрезъ два-три года онъ попалъ подъ судъ за растрату полковыхъ денегъ и офицерскаго жалованья, хотя, помнится мнѣ, что при спросѣ о послѣднемъ обстоятельствѣ всѣ офицеры показали, изъ привязанности къ нему, что задержки будто бы не было въ ихъ жалованьи. Не взирая на сильную свою протекцію, онъ былъ разжалованъ. Онъ запутался до того, что полкъ его продовольствовался подрядчикомъ Евреемъ, съ коимъ заключенъ былъ контрактъ на этотъ предметъ.

Командиромъ Иркутскаго (вскорѣ послѣ сего уничтоженнаго) полка былъ Никита Ѳедоровичъ Левашевъ, превосходный музыкантъ, умный добрый, любезный человѣкъ и молодецъ собою. Къ несчастію, онъ предался запою и оттого, вѣроятно, умеръ вскорѣ по взятіи Варшавы. Когда онъ впадалъ въ послѣднее время жизни въ это состояніе, онъ запирался на нѣсколько дней въ комнату. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ Голицыной, вдовѣ князя Григорія Яковлевича Голицына же, урожденной Левашевой, внучатной сестрѣ своей и старше его. Узнавъ въ Москвѣ о болѣзни мужа, кн. Александра Николаевна поскакала къ нему и пріѣхала нѣсколькими часами послѣ преданія землѣ его тѣла *).

*) Отъ перваго мужа было у нея два сына, князь Николай Григорьевичъ Голицынъ, женатый на моей двоюродной сестрѣ Аделаидѣ Александровнѣ Тимофеевой, и князь Яковъ Григорьевичъ, застрѣлившійся, какъ говорятъ, у себя въ деревнѣ, и дочь княжна Наталія Григорьевна, вышедшая замужъ за Петра Алексѣевича Кикина. Отъ втораго мужа былъ одинъ сынъ Ѳедоръ Никитичъ Левашевъ, женатый на дочери Алексѣя Ѳедоровича Рахманова.

Въ Калишѣ я былъ свидѣтелемъ кредитныхъ чудесъ братьевъ Х. Такъ какъ они пріобрѣли безграниченный почти въ кредитѣ одномъ винномъ погребѣ, а напитками однимъ нельзя быть сытымъ и содержать своихъ людей, то они брали оттуда въ долгъ Шампанское (записываемое на книжку не менѣе, вѣроятно, четырехъ рублей сер.) и чрезъ своихъ людей посылали продавать его на рынокъ или по гостинницамъ по одному рублю за бутылку на чистыя деньги, на каковыя и покупалась провизія. Для сбыта вина, взятаго въ долгъ, употреблялся обыкновенно крѣпостной ихъ кучеръ Никишка, набитый дуракъ, но безгранично преданъ своимъ господамъ. Вотъ что разсказывалъ добрѣйшій мой Х. о своемъ Никишкѣ, исполнявшемъ въ походное время должности конюха, камердинера и даже, кажется, кассира. Замѣтивъ, что любимецъ Никишка часто и чрезъ чуръ уже заливалъ за галстукъ, отъ чего страдали кони и не чистились господское платье и сапоги, баринъ заключилъ съ вѣрнымъ слугою условіе слѣдующаго рода: когда, молъ я (то есть баринъ) пьянъ, то ты Никишка не долженъ пить; а когда придетъ твоя очередь загулять, тогда я буду воздерживаться. Казалось ладно; но по прошествіи двухъ-трехъ недѣль приходитъ Никишка къ барину въ слезахъ: «Петръ Александровичъ», говоритъ онъ, «есть-ли у васъ совѣсть? Скоро ли же придетъ моя очередь загулять?»... Когда при началѣ Турецкой войны 1828 г. Х. и я, въ неизвѣстности, что̀ можетъ случиться съ нами, подписали на всякій случай впередъ отпускныя (хотя безъ вѣдома нашихъ родителей) я моему Ильѣ, а онъ своему Никишкѣ, то послѣдній, не понимая въ чемъ было дѣло, отказался взять бумагу и съ упрекомъ отнесся къ барину: «Что̀ я вамъ такого сдѣлалъ, что вы не хотите имѣть меня при себѣ?»

Въ Калишѣ была тогда изрядная весьма Нѣмецкая оперная труппа; особенно былъ хорошъ теноръ г. Шмитгофъ. Х. и я, восхищенные пѣніемъ этого артиста, сблизились съ нимъ и однажды напоили его Шампанскимъ до того, что представленіе, въ которомъ онъ долженъ былъ участвовать въ этотъ вечеръ, было отмѣнено *). Давали тамъ между прочимъ «Фрейшюца», о декоративной поставкѣ коего можно судить потому, что въ извѣстной сценѣ, гдѣ вызываются адскія силы, чудовищные призраки полудемоновъ и полуживотныхъ изображены были на квадратныхъ транспарантахъ, переносимыхъ вереницею и воочѐю зри-

*) Пѣвецъ Шмитгофъ былъ въ 1847 и 1848 годахъ директоромъ или антрепренеромъ оперной труппы производившей фуроръ въ Калугѣ при губернаторѣ Н. М. Смирновѣ; въ это время. г. Шмитгофъ уже болѣе не пѣвалъ, а вмѣсто него пожинала лавры и букеты его дочь, примадонна труппы, соединявшая, какъ говорили ея поклонники, красоту съ артистическимъ талантомъ.

телей, машинистами и бутафорами съ одного конца волшебной пещеры въ противуположный конецъ.

При мнѣ былъ въ городѣ пожаръ, на которомъ наши гусары (т. е. нижніе чины), усердствовавшіе помогать спасенію движимости въ загорѣвшемъ одномъ домѣ, выкинули на улицу фортепіано изъ третьяго этажа.

Пробывъ въ Калишѣ около трехъ недѣль, я возвратился съ Леономъ Капенштейномъ въ Варшаву. На пути туда я познакомился, не помню по какому случаю, съ стоявшимъ гдѣ-то близъ г. Ловича съ своею конно-батареею, полковникомъ Александромъ Павловичемъ Плещеевымъ, пригласившимъ меня отобѣдать у него. Онъ былъ склоненъ побалагурничать, сострить и повѣсничать, не выходя впрочемъ изъ границъ благопристойности. Впослѣдствіи я одинъ только разъ встрѣтился съ нимъ уже въ отставкѣ у Степана Сергѣевича Ланскаго (сына графа Сергѣя Степановича), въ Москвѣ въ началѣ 1849 года, когда Степанъ Сергѣевичъ былъ адъютантомъ у Московскаго генералъ-губернатора графа Закревскаго *).

Вскорѣ по возвращеніи въ Варшаву, я сталъ собираться въ Россію, потому именно, что въ Бѣлкинѣ ожидали меня братъ мой, Иванъ Антоновичъ Кавецкій и уполномоченный отъ матери нашей и меньшой незамужней сестры г. Слоанъ, для совершенія раздѣльнаго акта нашихъ имѣній. Свита моя состояла тогда изъ упомянутаго Леона Капенштейна, молодаго Англичанина Битмида (заброшеннаго судьбою въ Варшаву и взятаго мною тамъ, въ качествѣ компаніона), Полячка моего Яси, Молдаванина-Грека Антонаки и моего камердинера, отошедшаго въ Калишѣ отъ Фелькерзама. Ѳедора Варенцова я прогналъ его за пьянство и за грубость, но съ отпускной на волю.

---

*) С. С. Ланской, у котораго я жилъ въ то время въ недавно отстроенномъ имъ домѣ, въ Грузинахъ, близъ самой Пресненской заставы, разсказывалъ мнѣ тогда о продѣлкѣ этого Плещеева. Въ одинъ прекрасный день онъ вздумалъ отправиться въ Страстной монастырь къ незнакомой вовсе ему игуменьѣ и, узнавъ отъ ея послушницы, что „матушка изволитъ теперь опочивать“, просилъ разбудить ее, потому что онъ пріѣхалъ къ ней по весьма важному дѣлу. Потревожили матушку-игуменью, и г. Плещеевъ передалъ ей, что онъ посланъ къ ней отъ старой графини Бобринской съ извѣстіемъ, что графиня, узнавши, что предполагается перестроить колокольню обители, жертвуетъ-де на тотъ предметъ нѣсколько тысячъ рублей, и затѣмъ, отвѣсивъ поклонъ, удалился. Игуменья, внѣ себя отъ радости, отправилась вслѣдъ за посланнымъ благодарить мнимую благодѣтельницу, никогда не помышлявшую о подобномъ пожертвованіи. То-то досадовала, вѣроятно, она на анонимнаго шутника, поставившаго ее въ такое противъ игуменьи положеніе, что неловко было сознаться, что у нея никогда на умѣ не было о какомъ-либо пожертвованіи, и въ тоже время сильно не желалось причинить значительный ущербъ своей шкатулкѣ.

Прощанье съ Варшавскими моими друзьями въ Виленскомъ отелѣ, гдѣ я жилъ до отъѣзда, было очень продолжительно, между тѣмъ какъ Вѣнская моя коляска (аферное пріобрѣтеніе Леона) стояла давно запряженною у подъѣзда, и пришлось мнѣ заплатить прогоны до первой станціи въ три или четыре раза, такъ какъ, по городскому положенію, почтарь, послѣ двухъ часоваго ожиданія, отпрягаетъ лошадей и возвращается къ своему мѣсту. «Пане грабе, почтарь не хце вѣнцей чекать», повторялъ съ нахмуренными бровями мой баловень Полячекъ Яся. «My dear Sir, the post boy is going away with the horses» (любезнѣйшій господинъ, почталіонъ уѣзжаетъ домой съ лошадьми), вторилъ первому мой компаніонъ г. Битмидъ.— «Домнуле, треба мердже» (баринъ, надо ѣхать) бормоталъ въ свою очередь Молдаванинъ Антонаки; а на эти всѣ заявленія хозяинъ отвѣчалъ требованіемъ одной бутылки за другой Шампанскаго, и прощанье съ друзьями, начатое утромъ, затянулось далеко за сумерки.

Съ тѣхъ поръ одинъ только разъ свидѣлся я съ Л. С. Пушкинымъ, и то на полчаса, въ кофейнѣ Малаго театра въ Москвѣ весною 1835 года, вскорѣ послѣ моей женитьбы; но родственнаго его со мною обращенія съ перваго дня нашего знакомства никогда я не забуду. Могу положительно примѣнить къ нему слова Фигаро «il valait mieux que sa réputation» *). Впослѣдствіи онъ женился и служилъ въ Одесской таможнѣ.

Времени окончательнаго перехода брата моего въ Католичество я съ точностію опредѣлить не могу. Уже въ 1825—1827 годахъ, когда онъ записывалъ меня въ службу, я замѣчалъ, что онъ придерживался этого исповѣдашія, хотя не совсѣмъ открыто; но въ бытность мою съ нимъ въ Варшавѣ въ концѣ 1831 года, то есть два года послѣ кончины нашего отца, онъ не скрывалъ болѣе своего перехода. Винить его въ этомъ очень трудно. Въ счастливой обстановкѣ супружеской своей жизни могъ ли онъ или кто другой на его мѣстѣ устоять при ежедневномъ зрѣлищѣ душевной муки, терзавшей любимую и примѣрную во всѣхъ отношеніяхъ жену отъ мысли, что ея мужъ, не взирая на всѣ его добродѣтели, не можетъ быть причастенъ тому вѣчному блаженству, къ коему она стремится? Ибо, таково ученіе Римской церкви. Исходя отъ этой точки, Латинская пропаганда дѣлается вещью логичною. Весьма неосновательно выражаются иные ревнители Православія, называя фанатиками чадъ Римской церкви, раздѣляющихъ сказанную религіозную нетерпимость: таковое вѣрованіе обязательно для

*) Онъ былъ лучше, нежели молва о немъ.

нихъ, и отступающіе отъ него, снисходительнѣе смотрящіе на не-Латинянъ, хотя этимъ приближаются къ вѣрованію первобытной христіянской церкви [1]), но уже чрезъ это самое перестаютъ, въ строгомъ смыслѣ слова, быть истинными Римско-католиками.

Кто, спрашиваю, изъ насъ не сдѣлался бы магометаниномъ, если бы религіозныя его размышленія привели его къ искреннему убѣжденію, что онъ иначе не будетъ причастнымъ вѣчному блаженству? Всякая форма христіанскаго вѣрованія понятна и по справедливости имѣетъ быть извинительна въ глазахъ того, кто, хотя смотритъ на таковое вѣрованіе, какъ на заблужденіе, но не видитъ въ немъ безнравственныхъ, противорѣчущихъ евангельскому ученію началъ. Братъ же мой, вѣровалъ (какъ я уже говорилъ), что въ обѣихъ церквахъ (Восточной и Западной) спасеніе доступно и, не имѣя въ виду никакого заявленія религіозной (въ сказанномъ выше смыслѣ) нетерпимости въ догматахъ Восточной церкви, онъ тѣмъ легче могъ, безъ риску для души, перейти въ церковь равноапостольную своей (ибо таковою признается и у насъ Западная церковь), не переставая быть искреннѣе вѣрующимъ человѣкомъ, и тѣмъ успокоить навсегда душевную муку горячо любимой безупречной подруги его жизни и матери его дѣтей. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняю я его переходъ, совершившійся, безъ сомнѣнія, цѣною долгой борьбы, не только отозвавшейся тягостно на остальные его изгнаннические дни, но чуть-ли не ускорившей его кончину [2]).

VII.

1832 — 1834.

Семейный раздѣлъ.—Первая поѣздка и пребываніе въ с. Порзняхъ. — Сватовство и женитьба.

Tis true:—'tis pity and pity, 'tis true. Shakespear [3]).

Выѣхалъ я изъ Варшавы съ своимъ, какъ называли лейбъ-гусарскіе офицеры, звѣринцемъ. Первый этапъ былъ въ Кобринскомъ уѣздѣ, въ семействѣ Дебриньи. Первоначально я намѣревался пробыть тамъ недолго, и потому оставилъ въ Кобринѣ Леона Капенштейна, но

---

[1]) Основной догматъ апостольской первобытной церкви, что „нѣтъ спасенія внѣ христіанской церкви“ весьма логиченъ; ибо какъ могутъ быть причастниками обѣщаннаго вѣчнаго блаженства не признающіе распятаго за нихъ Искупителя? Впослѣдствіи Римская церковь присвоила догматъ этотъ исключительно себѣ.

[2]) О щедротѣ сердца незабвеннаго моего брата я уже болѣе раза, кажется, говорилъ, но забылъ упомянуть (о чѣмъ много позднѣе узналъ), что до конца своей праведной жизни онъ не оставлялъ денежными пособіями нашего Ливорнскаго Греческаго священника Іоакима.

[3]) Это правда и это прискорбно; а прискорбно именно потому, что правда.

увлекся и предложилъ молодымъ дочерямъ хозяевъ устроить спектакль. Это была также моя страсть. Онѣ согласились, и я далъ знать Леону, чтобы закупилъ все для этого нужное, изъ чего онъ увидѣлъ, что пребываніе мое въ Кустовичахъ можетъ затянуться на неопредѣленное время, и счелъ лучшимъ самому привезти закупки. У насъ пошли на сцену водевиль Хмѣльницкаго «Суженнаго конемъ не объѣдешь» (въ которомъ я, конечно, предоставилъ себѣ роль любовника, молодаго офицера) и комедія М. Н. Загоскина «Вечеринка ученыхъ»....

Наконецъ я добрался, послѣ почти шестинедѣльнаго странствованія, до Бѣлкина, гдѣ нетерпѣливо ожидалъ меня братъ мой съ И. А. Кавецкимъ и г. Слоаномъ. Это было осенью 1832 года, слѣдовательно я не видался съ бывшимъ моимъ наставникомъ болѣе четырехъ лѣтъ, и онъ, конечно, не могъ не замѣтить, какъ съ того времени я перемѣнился къ худшему. Бѣлкинскій управитель Ив. Ив. Сонъ былъ честенъ и дѣятеленъ, но не принесъ никакой почти пользы матери моей, потому что агрономическія его теоріи не примѣнялись къ Калужской глинистой почвѣ и къ нашему климату; въ добавокъ онъ плохо объяснялся по-русски, и потому, въ началѣ 1833 года, ему было отказано, и имѣніе передано въ арендное содержаніе И. А. Кавецкому за 12 тысячъ рублей и ему же впослѣдствіи (въ 1840 г.) окончательно продано.

Жена сказаннаго г. Сона, суетливая и живая Англичанка, составила себѣ забавное весьма нарѣчіе изъ Англійскихъ словъ съ Русскими; въ Французскомъ она была слаба, но это не мѣшало, при необходимости, ея скороговорной болтовнѣ. Однажды другъ мой О. А. Тридонъ, выслушавъ ея привѣтствіе (по случаю моего съ нимъ пріѣзда въ Бѣлкино) и не понявъ изъ него ни одного слова, отвѣчалъ: Pardon, madame., je ne parle pas l'anglais,» тогда какъ она изъ кожи лѣзла, чтобы объясняться по-французски *).

Раздѣлъ нашъ былъ слѣдующій. Воронежской губерніи, Бобровскаго уѣзда, въ слободѣ Бутурлиновкѣ съ селами, деревнями и хуторами было около 14 тысячъ душъ Малороссіянъ при 40 тысячахъ десятинъ земли; изъ нихъ выдѣлено было около 2000 душъ на седьмую часть нашей матери и около 1000 душъ на четырнадцатую часть (т. е. со всего имѣнія со включеніемъ Костромскаго) незамужней еще мень-

*) (Простите сударыня; я не говорю по англійски). Покойный М. А. Дмитріевъ разсказывалъ намъ, что тоже самое было съ молодымъ Карамзинымъ. Пріѣхавъ изъ Симбирской деревни въ Москву, на пути въ чужіе края, онъ заговорилъ со своимъ пріятелемъ И. И. Дмитріевымъ по-французски, а тотъ съ напускнымъ удивленіемъ спросилъ: „Когда же это успѣлъ ты, Николай Михайловичъ, выучиться по-англійски?“ П. Б.

шой нашей сестрѣ графинѣ Еленѣ Дмитріевнѣ *); затѣмъ остальныя, отъ 11 до 12 тысячъ душъ, достались брату моему. На мою часть пришлось все Костромское имѣніе, Юрьевецповольскаго уѣзда, сёла Малыя Порзни и Макаровское съ слишкомъ тридцатью при нихъ деревнями, всего помнится мнѣ 2841 душа при 12 тысячахъ десятинъ земли. Разность въ количествѣ душъ обѣихъ долей, братниной и моей, основана было на стоимости обоихъ имѣній по получаемымъ съ нихъ доходамъ за уплатою годовыхъ процентовъ въ Опекунскій Совѣтъ, гдѣ они были заложены еще при жизни нашего отца, при чемъ принято было въ разсчетъ, что Воронежское все имѣніе было заложено по 250 р., а Костромское только по 200 р. Возвысить же оброчный окладъ по Воронежскому имѣнію было, какъ говорили, невозможно по причинѣ малоземелья сравнительно съ народонаселеніемъ, что было и дѣйствительно, ибо на тягло выходило чуть-ли не менѣе 3-хъ десятинъ. Взято было также въ соображеніе, что при Воронежскомъ имѣніи состояла колонія дворовыхъ людей, числомъ, съ стариками и малолѣтними, около кажется (страшно выговорить) 700 душъ, на господскомъ содержаніи; за выключеніемъ платежей въ Опекунскій Совѣтъ, содержанія управляющихъ и вотчинныхъ конторъ, какъ съ одного, такъ и съ другого имѣнія очищалось только около 32 и 33 тысячъ рублей., да и при томъ неудобно было для цѣнности имѣній дробить ихъ, хотя впослѣдствіи иные близкіе намъ люди находили, что всего короче и удовлетворительнѣе для обѣихъ сторонъ было бы раздѣлить оба имѣнія на двѣ равныя части съ лежавшими на нихъ обязательствами. Но, впрочемъ, съ моею небрежностію и неразсчетливостію, при совершенной неопытности въ серіозныхъ дѣлахъ и хозяйствѣ, я и тогда одинаково бы запутался и пришелъ бы, вѣроятно, къ совершенному разоренію, какъ и теперь. Съ моего Костромскаго имѣнія воловой оброчный сборъ простирался отъ 72 до 74 тысячъ рубл.; изъ нихъ слѣдовало ежегодно вносить процентовъ въ Московскій Опекунскій Совѣтъ около 32 тысячъ, на жалованіе и содержаніе управляющаго имѣніемъ и вотчинной конторы и прочіе расходы до 10 тысячъ, а затѣмъ очищалось мнѣ до 32 тысячъ рубл. (около 9 тысячъ рубл. сер.) въ годъ. Сумма эта была болѣе чѣмъ достаточна для холостаго и даже женатаго человѣка, особливо въ то время, когда продукты и даже вся обстановка жизни были много дешевлѣ нынѣшняго, и хотя всѣ наши имѣнія перезаложены были въ 1830 г. снова на 25 лѣтъ, но въ настоящемъ 1868 году имѣніе мое давно бы выкупилось изъ залога, и получалось бы съ

*) Впослѣдствіи, въ замѣнъ этихъ 1000 душъ (заложенныхъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ) сестрѣ нашей отданъ былъ Флорентинскій нашъ палаццо.

него около 20 тысячъ рублей серебромъ. При совершеніи раздѣльнаго акта вычтено было все перебранное мною противъ прочихъ лицъ моего семейства во время Царскосельскаго моего пребыванія и для уплаты Варшавскихъ моихъ долговъ. Вотъ положеніе моихъ дѣлъ въ 1832 году: я далеко не былъ богачемъ, какъ полагали многіе знавшіе, что у отца моего было до 17 тысячъ душъ; но съ разсчетомъ я могъ бы и съ семействомъ прилично жить.

Братъ мой, чтобы какъ-нибудь направить меня на иной образъ жизни, уговорилъ меня ѣхать одному пожить у Е. И. Нарышкиной въ с. Знаменское; а Леона, Англичанина Битмида и Полячка Радзиковскаго онъ отправилъ въ Москву, учинивъ съ ними окончательный разсчетъ. Вскорѣ послѣ моего переѣзда въ Знаменское, и онъ туда прибылъ съ гг. Кавецкимъ и Слоаномъ, гдѣ погостивъ съ недѣлю они отправились втроемъ въ Москву, откуда г. Слоанъ поѣхалъ въ Петербургъ и, кажется, возвратился во Флоренцію. Вслѣдствіе повторяемыхъ просьбъ матери моей, порѣшено было вторично между мною и братомъ моимъ отправиться мнѣ одному во Флоренцію прямо изъ Знаменскаго, а о моемъ паспортѣ братъ мой взялся хлопотать въ Москвѣ. Еслибы этотъ планъ состоялся, несомнѣнно почти, что съ прекращеніемъ сношеній моихъ съ Леономъ, уцѣлѣло бы мое состояніе; но весьма сомнительно, уцѣлѣлъ-ли бы я въ вѣроисповѣданіи предковъ моихъ и не поддался-ли бы я Латинскому элементу, открыто овладѣвшему моимъ семействомъ по смерти моего отца. Но не по религіознымъ, вѣроятно, соображеніямъ, не улыбалась мнѣ предполагаемая Флорентинская семейная жизнь, а скорѣе потому, что я предвидѣлъ, что пришлось бы мнѣ тамъ отказаться отъ гусарской разгульной жизни; а великосвѣтское общество, да и еще заграничное, членомъ коего надо бы мнѣ сдѣлаться, не имѣло въ то время никакой для меня приманки.

Въ Знаменскомъ, гдѣ я оставался одинъ, сначала я не скучалъ и ревностно помогалъ О. А. Тридону въ изготовленіи фейрверковъ, въ каковыхъ онъ дѣйствительно отличался; они же ничего почти ему не стоили, потому что командиръ пѣшей батареи, стоявшей въ Тарусѣ, полковникъ Петръ Ивановичъ Острецовъ, давалъ даромъ Тридону, сколько онъ хотѣлъ, пороху *). Купилъ я случайно за безцѣнокъ по-

*) Полковникъ Острецовъ былъ отличный человѣкъ и дѣльный штабъ-офицеръ. Къ несчастію, карты его погубили. Немного позднѣе описываемаго мною времени онъ былъ произведенъ въ генералы, и около 15 лѣтъ командовалъ резервными артилерійскими парками въ Калугѣ. Уволенный изъ службы, онъ избранъ былъ во время Крымской войны дружиннымъ начальникомъ Калужскаго ополченія, при расформированіи запутался, кажется, въ денежныхъ отчетахъ и умеръ въ Калугѣ почти что въ нищетѣ.

держанный биліардъ, на которомъ по цѣлымъ днямъ и частью ночамъ всѣ упражнялись, въ томъ числѣ Острецовъ и офицеры его батареи, ежедневно почти гостившіе у г-жи Нарышкиной. Изъ сихъ офицеровъ чаще прочихъ бывали Владимиръ Христіановичъ Миллеръ (женившійся позднѣе на сиротѣ Плещеевой, Тарусскаго уѣзда, съ порядочнымъ весьма состояніемъ) и нѣкій г. Грызловъ, ѣдкій сатирикъ, оба друзья молодаго Алексѣя Ивановича Нарышкина, поступившаго незадолго передъ тѣмъ юнкеромъ на Кавказъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, но остававшагося безсмѣннымъ ординарцемъ при тамошнемъ главнокомандующемъ баронѣ Розенѣ [1]). Г. Тридонъ (р. 1794 † 1858) былъ человѣкъ рѣдкихъ свойствъ, изъ тѣхъ «le moule desquels est rompu»; откровененъ до наивности и вѣрный другъ своимъ друзьямъ, каковыхъ было у него много, не только въ Тарусскомъ уѣздномъ обществѣ, но и въ Московскомъ высшаго круга. Душею преданный семейству г-жи Нарышкиной, онъ ревностно и безвозмездно управлялъ ея Тарусскимъ имѣніемъ въ теченіе многихъ лѣтъ и безпрестанно ссорился съ нею за ея расходы не по состоянію. Тогдашніе урожаи въ Знаменскомъ были отъ сильно удобренныхъ полей удивительны.

Уже нѣсколько лѣтъ какъ доживалъ тогда въ Знаменскомъ Екатерининскаго времени Французъ Петръ Карловичъ Бальтюсъ-де-Варимонъ; его пріютила къ себѣ г-жа Нарышкина изъ жалости. Французскій эмигрантъ при началѣ революціи, онъ поступилъ въ нашу службу при Екатеринѣ II-й въ инженеры, вышелъ въ отставку секундъ-маіоромъ или полковникомъ и хранилъ до конца жизни въ комодѣ свой красный мундиръ съ черными бархатными лацканами камзольнаго покроя, съ вырѣзкою надъ животомъ; потомъ долго жилъ въ семействѣ богатыхъ Пензенскихъ помѣщиковъ братьевъ Ранцовыхъ [2]); позднѣе переѣхалъ въ качествѣ компаніона къ генералу Чесменскому (побочному сыну графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго), устроившему чугунно-плавильный заводъ въ с. Мышинскомъ, въ Тарусскомъ уѣздѣ, нынѣ принадлежащій вдовѣ его, княгинѣ Бибарсовой, по второму ея браку. При генералѣ Чесменскомъ жили также Французы, медикъ г. Корсенъ (Corsain), г.г. Мерсье и Робертъ, оба химики, и нѣкій Московскій старожилъ Шевалье д'Изарнъ. Въ сосѣдствѣ Мышинскаго завода [3]), на берегу Оки, было имѣніе генерала Гурки, женатаго

---

[1]) Покойный шуринъ мой А. И. Нарышкинъ родился въ 1815 г. и умеръ въ 1866 г. Жена моя родилась въ 1816 г.

[2]) Отецъ ихъ былъ незаконнорожденный сынъ графа Романа Ларіоновича Воронцова.

[3]) Правильнѣе Мышигскаго, отъ рѣчки Мышиги, на которой стоитъ этотъ заводъ.

на особѣ, мать коей была Француженка. Въ домѣ Гурки содержалъ когда-то публичную аптеку О. А. Тридонъ передъ тѣмъ, что поступилъ въ наставники къ молодому А. И. Нарышкину, на что имѣлъ право, какъ кончившій курсъ фармаціи въ Парижѣ съ званіемъ провизора. По случаю-ли смерти Чесменскаго, или по другой какой причинѣ, не знаю, Петръ Карловичъ Варимонъ переселился въ г. Алексинъ (хотя въ Тульской уже губерніи, но въ двухъ только верстахъ отъ Мышинскаго завода), роздалъ тамъ кое-кому въ долгъ свои деньженки, часть изъ коихъ пропала, сталъ запивать и впалъ въ жалкое положеніе, ради чего сердобольная Е. И. Нарышкина взяла къ себѣ въ домъ этого бѣднаго старика, гдѣ онъ и умеръ осенью 1833 года *). Все сказанное о Французской колоніи Мышинскаго завода и о генералѣ Гуркѣ относится къ періоду между 1817 и 1825 годами. Папа Варимонъ, какъ всѣ звали его въ Знаменскомъ, былъ давно православнымъ, ревностно посѣщалъ церковныя службы, хотя порусски говорилъ не только что плоховато, но съ простонародными выраженіями, какъ будто-бы болѣе вращался въ низшемъ кругу, чѣмъ въ обществѣ высшей сферы, въ противоположность его пріемамъ и манерамъ, отзывавшимся даже иногда утонченностію Французскаго маркиза прошлаго столѣтія, тогда какъ во Французской его рѣчи нерѣдко проглядывали остатки прекраснаго слога и аристократической фразеологіи. Сверхъ того, уже и въ преклонныхъ лѣтахъ, онъ хорошо фехтовалъ. Онъ былъ неопрятный, небритый, ходилъ почти постоянно въ длинномъ балахонѣ суроваго холста и такихъ же штанахъ, съ коротенькою трубкою въ зубахъ и не рѣдко навеселѣ отъ простой сивухи; словомъ, представлялъ изъ себя скорбный образецъ человѣка огрубѣвшаго и обрюзгшаго. Не менѣе куріозенъ былъ хаосъ вещей въ его комнатѣ. Комоды и шкафы наполнены были ящичками и коробочками съ гвоздями, винтами, столярными инструментами и другимъ старымъ хламомъ, всё перемѣшанное съ сажею, табакомъ и завернутое въ бумажкахъ, съ чаемъ и сахаромъ, а на днѣ этихъ коробочекъ спрятаны были иногда деньги. Клалъ онъ также иногда ассигнаціи между листьями книгъ, изъ опасенія вѣроятно воровъ; о существованіи этихъ денегъ онъ могъ забыть и чуть-ли дѣйствительно не забывалъ. Двухъ данныхъ ему послѣдовательно въ услуженіе мальчиковъ одного онъ звалъ Эрнестомъ, а другаго Ипполитомъ; сему послѣднему онъ разсказывалъ исторію о Греческомъ героѣ Ипполитѣ, что «былъ-де когда-то молодой человѣкъ того имени, сынъ госпо-

*) Онъ разсказывалъ намъ, что въ бытность его въ Парижѣ, въ началѣ революціи, онъ хаживалъ обѣдать въ ресторацію, гдѣ часто встрѣчалъ приходившаго для того же туда молодого субалтернъ-офицера Наполеона, тогда просто m-r de Bonaparte.

дина Тезея, второю женою коего была госпожа Федра; но она была не то что́ маменька твоя, а злѣйшая барыня» и тому подобное; при чемъ нелишнее замѣтить, что маменька Знаменскаго Ипполита была и есть по сіе время пьяница, послѣдняя представительница стараго поколѣнія дворовыхъ дармоѣдокъ въ этомъ имѣніи жены моей. Г. Варимонъ назначилъ по духовному завѣщанію своимъ наслѣдникомъ Тридона, что́ не мѣшало ему въ порывѣ гнѣва грозить, что уничтожитъ свое завѣщаніе, и однажды онъ вызвалъ было на дуэль своего наслѣдника, подписавши этотъ вывозъ: «M-r Baltus de Varimont, né Gaulois, défie m-r Joseph Tridon de Langres». Но немного выручилъ г. Тридонъ изъ этого наслѣдства, состоявшаго большею частію изъ просроченныхъ или не по формѣ писанныхъ денежныхъ документовъ; напримѣръ, на роспискѣ не помню, на какую сумму, должной Алексинскимъ купцомъ Масловымъ [1]), кредиторъ г. Варимонъ своеручно отмѣтилъ должника мошенникомъ, и потому невозможно было предъявить документъ. Всѣхъ исковъ было чуть ли не на нѣсколько тысячъ, по пзъ нихъ Осипъ Августиновичъ получилъ около 500 или 600 р. отъ княгини Бибарсовой и кое-какъ вытянулъ около 100 рублей отъ купца Маслова, не предъявивъ ему конечно росписки съ столь нелестной отмѣткою его личности; сверхъ чего, двое золотыхъ часовъ, одни извѣстнаго въ началѣ столѣтія часовщика Лепина. Потѣшнѣе всего была дружба Петра Карловича и вмѣстѣ съ тѣмъ безпрерывныя его ссоры со священникомъ Знаменской церкви отцемъ Ѳедоромъ Егоровичемъ Брилліантовымъ, его въ добавокъ духовнымъ отцемъ. Когда г. Варимонъ былъ въ ладу съ отцомъ Ѳедоромъ, онъ зазоветъ его, бывало, къ себѣ въ комнату послѣ обѣдни и угоститъ чаемъ амфибическаго описаннаго выше свойства и грибами на сковородѣ своего грязнаго стряпанія; когда же недоволенъ былъ, то скажетъ бывало: «ты, *батушка*, знай церковь». Главнымъ же поводомъ къ разладу было то, что отецъ Ѳедоръ правильно весьма возставалъ противъ принятой Петромъ Карловичемъ привычки входить въ алтарь, въ самое грязное время, въ калошахъ, вмѣсто того, чтобы оставлять ихъ у входа церкви. Мой баловень Ася до того иногда бѣсилъ, бывало, старика, что тотъ гнался по двору за нимъ въ своемъ суровомъ балахонѣ съ кпижаломъ въ рукѣ, къ общему хохоту. Однажды онъ ночью разбудилъ моего Полячка и сказалъ: «Вотъ видишь! Я бы могъ теперь тебя зарѣзать, а вмѣсто того, пойдемъ чай пить ко мнѣ» [2]).

---

[1]) Единственная дочь и наслѣдница этого богатаго купца вышла замужъ за одного изъ Бенардаки.

[2]) Невѣстка Петра Карловича, г-жа Бальтюсъ, безъ прибавленія фамиліи Варимонъ, содержала въ Москвѣ въ 40-ыхъ годахъ женскій пансіонъ.

Соскучившись монотонною Знаменской жизнью, я поѣхалъ съ О. А. Тридономъ въ Москву и поселился въ гостинницѣ Коппа на Тверской площади, что нынѣ Дрезденъ, гдѣ также жилъ братъ мой. Сошелся я опять съ Леономъ, Англичанином Битмпдомъ и кое съ кѣмъ изъ прежнихъ гусарскихъ моихъ товарищей и отказался, къ прискорбію брата, посѣщать дома высшаго общества, за исключеніемъ Чертковыхъ, куда я изрѣдка показывался, и то потому, что ни Елисавета Григорьевна, ни Александръ Дмитріевичъ не читали мнѣ, какъ говорится, морали [1]).

Расположившись съ моею компаніею съ 12 часовъ утра въ залѣ общаго стола той гостинницы, начинали мы наши такъ называемые завтраки съ Шампанскимъ и хоровымъ пѣніемъ Беранжера или изъ оперпаго репертуара, продолжавшіеся до глубокой ночи, и правильнѣе было бы ихъ назвать des déjeuners soupatoirs; а въ промежуткѣ времени играли на биліардѣ. Частыя шумныя эти оргіи обратили на себя вниманіе главнаго полицейскаго аргуса въ лицѣ ген. Муханова, исправлявшаго должность Московскаго оберъ-полицмейстера, и онъ (какъ передано было мнѣ впослѣдствіи) подходилъ ночью къ окнамъ ресторана (въ первомъ этажѣ дома, тамъ гдѣ нынѣ магазинъ Андреева), удостовѣриться, не скрывается ли тутъ какой нибудь заговоръ. Однакоже добрѣйшій этотъ высшій блюститель городскаго благочинія оставилъ меня въ покоѣ.

Заслужилъ я также негодованіе полиціи тѣмъ, что разъѣзжалъ по городу съ сигарою въ зубахъ, и одинъ изъ младшихъ полицмейстеровъ, полковникъ Никита Ѳедоровичъ Брянчаниновъ грозилъ мнѣ, полушутя, полу-серіозно, что остановитъ меня когда нибудь на улицѣ. Братъ мой приходилъ въ отчаяніе отъ всего этого, тѣмъ болѣе, что я умножалъ свои долги [2]).

Въ Январѣ или Февралѣ 1833 г. братъ отправился въ Таганчу, а оттуда въ Германію, гдѣ находилось его семейство, взявъ съ меня слово уѣхать къ матери нашей въ Италію; но я и это обѣщаніе вторично нарушилъ. Въ бытность еще моего брата въ Москвѣ, пріѣзжалъ

---

[1]) А. Д. Чертковъ задолго передъ тѣмъ купилъ Салтыковскій домъ на Мясницкой и передѣлалъ его, а въ 1843 или 1844 г. прибавилъ къ нему большой бальный залъ подъ общій фасадъ. Отъ него ничего не осталось въ великолѣпномъ нынѣшнемъ палаццѣ, который выстроевъ заново его сыномъ.

[2]) Табль д'отъ (общій столъ) въ гостинницѣ Коппа былъ тогда весьма бонтоннымъ; братъ мой почти что ежедневно тамъ обѣдалъ и послѣ стола садился въ триктракъ (игра совершенно нынѣ забытая) съ нѣкимъ г. Дрейеромъ, служившимъ въ канцеляріи генералъ-губернатора по иностраннымъ паспортамъ.

туда и остановился въ отелѣ Коппа Николай Адріяновичъ Дивовъ, съ которымъ я не видался со времени единственнаго моего визита ему въ Петербургѣ, лѣтомъ 1830 года, когда онъ вышелъ изъ шталмейстеровъ двора великаго князя Михаила Павловича. Садясь уже въ возокъ, чтобы ѣхать въ Петербургъ, онъ отозвалъ меня въ сторону и, дружески пожавъ мнѣ руку, сказалъ: «Мишель, умоляю тебя, остепенись». Слова эти глубоко тронули меня, но не остановили на скользкомъ пути быстро подготовлявшейся моей погибели. Однажды, по выходѣ изъ за стола, мы отправились во Французскій театръ, гдѣ Тридонъ, чувствуя себя не совсѣмъ въ нормальномъ состояніи, усѣлся въ креслахъ съ опущенною головою и старался быть незамѣченнымъ. На бѣду его, Хрущовъ, всегда весьма болтливый подъ вліяніемъ шипучаго Клико, пустился любезничать съ сидѣвшей въ бенуарѣ красавицею княжною Абамелекъ [1]), съ которою былъ знакомъ и Тридонъ. «Отчего вы такъ красны сегодня, m-r Chroustchoff?» спросила княжна. «Оттого, что мы только, что отзавтракали», отвѣчалъ Петруша Х. «А кто этотъ блѣдный господинъ, вашъ сосѣдъ въ креслахъ?» спросила она, указывая на меня. «Это мой пріятель, графъ Бутурлинъ, съ которымъ я завтракалъ», послѣдовалъ отвѣтъ. «А кто этотъ третій господинъ зрѣлыхъ лѣтъ», продолжала насмѣшница, «что также сидитъ возлѣ васъ?» — «Это», отвѣчалъ не запинаясь Петруша, «Французъ Тридонъ, нашъ гувернеръ, который также съ нами завтракалъ». Мнимый гувернеръ слышалъ весь этотъ разговоръ и желалъ, еслибы возможно, провалиться сквозь полъ.

Упомянувъ о И. А. Дивовѣ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о знаменитой тогда подмосковской его Зенинской фермѣ, по старой Рязанской дорогѣ близъ с. Касина, на устройство которой онъ не щадилъ сотней тысячъ. Великолѣпный, почти царскій паркъ, въ серединѣ коего находился домъ изъ дикаго камня, и не менѣе знаменитый обширный каменный скотный дворъ, онъ началъ устроивать около 1831 года. Паркъ расположенъ былъ по плану и подъ надзоромъ старика садовника Унгебаура [2]) и самого Дивова, отличавшагося вкусомъ въ таковыхъ посадкахъ. Уходъ за посадками былъ таковъ, что, по прошествіи менѣе 15 лѣтъ, вездѣ была густая тѣнь, и деревья казались почти тридцатилѣтними. Изъ запруженнаго ручейка еле-еле въ аршинъ шириною образовался искусственный широкій прудъ съ островомъ по се-

[1]) Она вышла замужъ за Баратынскаго, бывшаго одно время Казанскимъ губернаторомъ.

[2]) Сынъ этого Унгебаура, носившій званіе придворнаго садовника, имѣлъ свое садовое заведеніе возлѣ Красныхъ воротъ въ началѣ 40-хъ годовъ. Дѣла его дурно пошли, и онъ повѣсился.

ринѣ, отдѣляющій ферму отъ господскихъ строеній. Корпусъ скотнаго двора, съ отдѣленіемъ для подростковъ и съ нѣсколькими комнатами для зимняго пріѣзда хозяина (когда большой домъ не отоплялся) стоилъ, кажется, до 100 тысячъ рубл. сер. Стойла для скотины были дубовые подъ лакъ съ мѣдными, блестящими какъ золото, шарами на столбахъ; проходы между рядами стоплъ и коридоры вымощены были плитами дикаго камня, постоянно вымегались дежурными скотниками, и повсюду почти горѣли во всю ночь Англійскіе фонари. Сортъ скота вполнѣ отвѣтствовалъ обстановкѣ и уходу. Николай Адріяновичъ создалъ свою особенную породу опаго, помѣсью выписанныхъ имъ Голландскихъ быковъ съ Холмогорскими и Швейцарскими коровами. Скотъ былъ огромнаго роста и весь одноперстный, черно-пѣгій; кормъ былъ изъ вареная картофеля, приготовлявшагося паровою машиною въ особенно устроенной для сего кухнѣ. Коровы давали по 4 пуда масла (сливочнаго) въ годъ, славившагося долго въ Москвѣ подъ фирмою Румянцовскаго, отъ сосѣдства Румянцовскихъ имѣній с. Троицы и Кагула, гдѣ прежде производилось лучшее масло [1]), а потомъ подъ Зенинскою фирмою, и продавалось кажется по 60 к. сер. за фунтъ. Не смотря на эту выручку и на продажу телятъ для заводовъ по неимовѣрно-дорогой цѣнѣ (на каковыхъ записывались заранѣе кандидаты-покупщики), издержки не окупались, по причинѣ роскоши содержанія и утонченности устройства всего заведенія. Надзирательница скотнаго двора получала весьма значительное содержаніе [2]), и при ней былъ цѣлый штатъ дѣвицъ-скотницъ, чопорныхъ какъ Нѣмки, въ ситцевыхъ платьяхъ и фартукахъ. Любители утонченнаго по заграничному образцу скотоводства отдавали въ ученіе своихъ дѣвушекъ на Дивовскую ферму и пріучали ихъ къ опрятности. На лугахъ при фермѣ накашивалось до 12 тысячъ пудовъ сѣна, каковое все съѣдалось на скотномъ дворѣ. Для округленія этого маленькаго сначала имѣнія покупались по баснословнымъ цѣнамъ сосѣдніе клочки земель. Имѣніе принадлежало супругѣ устроителя, Зинаидѣ Сергѣевнѣ Дивовой, дочери и наслѣдницѣ графа С. П. Румянцова, и сила обстоятельствъ заставила ее, къ глубокой ея скорби, продать его [3]).

---

[1]) Въ с. Троицѣ похороненъ графъ Сергѣй Петровичъ Румянцовъ. Оно вмѣстѣ съ деревнями Кагуломъ и Кайнарджи нынѣ принадлежитъ князю Сергѣю Павловичу Голицыну. Въ серединѣ одной изъ двухъ послѣднихъ деревень сооружена графомъ С. П. Румянцовымъ бронзовая статуя во весь ростъ императрицы Екатерины. Жаль, что она находится на столь невысокомъ мѣстѣ.

[2]) Нѣкая Анна Львовна, дочь Рязанскаго богатаго помѣщика, отставнаго генерала Измайлова.

[3]) Прекрасное Зенино принадлежитъ нынѣ П. И. Шаховскому. П. Б.

Въ Мартѣ, великимъ постомъ, Леонъ уговорилъ меня поѣхать показаться моимъ Порзненскимъ крестьянамъ до отъѣзда въ Италію. Итакъ я тронулся изъ Москвы, сопровождаемый Леономъ и снова поступившимъ ко мнѣ въ компаніоны Англичаниномъ Битмидомъ. Всего до с. Порзней было около 350 верстъ, но мы туда попали чуть-ли ни на пятый день, потому что во всю дорогу дѣлали привалы: въ Богородскѣ закусывали и, конечно, сухоядѣніемъ, во Владимирѣ пировали двое сутокъ въ гостинницѣ, бывшей у самыхъ Золотыхъ Воротъ; въ Суздалѣ ночлегъ, а въ Шуѣ опять суточный привалъ. До Шуи былъ почтовый трактъ, но оттуда до меня приходилось ѣхать на вольныхъ черезъ заштатный городъ Лухъ, верстъ 75 проселочною дорогою или, вѣрнѣе сказать, дремучими борами. На всѣхъ тогдашнихъ почтовыхъ станціяхъ, въ числѣ печатныхъ почтовыхъ правилъ, прибитыхъ на стѣнахъ, была одна за подписью управлявшаго почтовымъ департаментомъ въ 1806 или 1808 году князя Алексѣя Борисовича Куракина. Изъ нея сохранились у меня въ памяти два параграфа, отличавшіеся какою-то патріархальною наивностію. Одинъ изъ нихъ гласилъ, что проѣзжающему возбраняется отъѣздъ со станціи, не расплатившись какъ слѣдуетъ за все съѣденное и выпитое имъ въ станціонной гостинницѣ (подобныя гостинницы блистали повсюду своимъ отсутствіемъ, да и невозможно было имъ существовать въ захолустьѣ, а для голоднаго проѣзжаго упоминаніе о буфетѣ было даже ироніею), а вторымъ параграфомъ проѣзжающему запрещалось принуждать почтаря проѣхать двѣ станціи, не перемѣняя лошадей. Неужели общественное или чиновничье самоуправство доходило до того, что нуждалось въ подобномъ правительственномъ распоряженіи?

Приближаясь къ Порзнямъ, Леонъ счелъ, для вящшаго (и конечно, глупѣйшаго) эффекта, что надо было мнѣ остановиться въ Шуѣ, а онъ отправился впередъ осчастливить вѣрноподданныхъ моихъ извѣстіемъ о прибытіи ихъ барина; а когда на слѣдующій день я подъѣхалъ къ Порзнямъ, Леонъ встрѣтилъ меня во главѣ крестьянъ, принявшихъ меня съ хлѣбомъ-солью. Онъ таки любилъ придавать театральный характеръ всякому дѣлу, выходящему изъ разряда обыкновенныхъ, и налегалъ на представительность, особенно когда дѣло шло о томъ, чтобы завести себѣ денежный кредитъ.

Если я неохотно приступалъ къ воспоминаніямъ о Варшавской моей жизни, то теперь приходится мнѣ сдѣлать усиліе надъ собою, чтобы изложить безъ утайки мой образъ жизни въ эту первую мою поѣздку въ Порзни. Отъ Марта до Іюня пребываніе мое тамъ было одно разливное море у себя въ домѣ и у зажиточныхъ крестьянъ, которыхъ

немало въ торговыхъ селахъ сѣверовосточныхъ губерній. Управляющимъ этимъ имѣніемъ я нашелъ отставнаго полковника Ивана Ивановича Грекова, опредѣленнаго туда еще Ѳ. А. Голубцовымъ; человѣкъ онъ былъ хорошій, но подъ конецъ спился, къ чему, можетъ статься, я самъ способствовалъ. Село было торговое съ крестьянскими пятистѣнными домами, съ двумя каменными церквами и съ рядами для лавокъ. Оно состояло изъ 500 душъ, принадлежавшихъ тремъ владѣльцамъ: мнѣ, графинѣ А. А. Орловой-Чесменской и какой-то старухѣ княгинѣ или княжнѣ Вяземской, завѣщавшей впослѣдствіи свою часть имѣнія старику князю Александру Алексѣевичу Черкасскому [1]). Моя часть въ этомъ селѣ была бо́льшею изъ двухъ остальныхъ, и кромѣ какъ въ этомъ центрѣ общаго владѣнія я ни съ кѣмъ не имѣлъ.

Отъ нечего дѣлать я собралъ всѣхъ сельскихъ мальчиковъ трехъ частей и раздѣлилъ эту довольно многочисленную ватагу на двѣ партіи; одну изъ нихъ я взялъ подъ свою команду, а другую передалъ моему компаніону Битмиду; оба отряда были подраздѣлены на взводы съ своими взводными офицерами, и каждый день шла война снѣжными шарами. Войско мое однажды безъ моего вѣдома приступомъ взяло вотчинное правленіе, стоявшее отдѣльнымъ зданіемъ на площади, и не выпустило оттуда занимавшагося дѣлами бурмистра, пока онъ не далъ шалунамъ денегъ на пряники. Приближался праздникъ Пасхи. Я вздумалъ готовить большую иллюминацію посредствомъ выученнаго у г. Тридона способа обмакивать толстыя веревки въ распущенной сѣрѣ и изъ нихъ составлять фестоны и архитектурные рисунки, прикрѣпивъ ихъ къ большому щиту; сѣра какъ-то вспыхнула въ котлѣ, и кухня моя, служившая лабораторіею, загорѣлась. Пожаръ былъ прекращенъ скоро и безъ значительныхъ поврежденій; тѣмъ не менѣе, этотъ казусъ былъ выставленъ впослѣдствіи противъ меня придирчивою мѣстною полиціею.

Тамошнее народонаселеніе привержено весьма къ церкви и печется объ украшеніи храмовъ [2]). Захотѣлось мнѣ отговѣть Великимъ постомъ. Могу сказать, что я чувствовалъ тогда потребность этого таинства,

---

[1]) Графиня А. А. Орлова передала свою часть въ селѣ съ принадлежавшими къ оной деревнями, всего 600 и 700 душъ, при жизни своей, кажется, Михаилу Ѳедоровичу Орлову; а князь А. А. Черкасскій продалъ свою часть съ деревнями, около 700 душъ, д. с. совѣтнику Шульцу, убитому тамъ крестьянами менѣе году послѣ покупки ихъ. И нельзя даже сказать, чтобы г. Шульцъ злоупотреблялъ помѣщичьею властью или былъ чересчуръ строгъ. Имѣніе это было оброчное и распущенное, а новый помѣщикъ завелъ тамъ барщину и сталъ строить домъ; словомъ, подтянулъ имѣніе.

[2]) Доказательствомъ тому служитъ, что въ Порзненской Преображенской церкви, о трехъ придѣлахъ, былъ колоколъ, вѣсившій 600 пудовъ.

къ которому не приступалъ съ Бухареста, т. е. уже четыре года. Но я вздумалъ придать этому дѣйствію эффектъ и нѣкоторую, такъ сказать, торжественную обстановку. А было дѣйствительно, въ чемъ мнѣ каяться!

Крестьяне меня полюбили (какъ меня увѣряли въ томъ мои приближенные и насколько я самъ могъ замѣтить), тогда какъ немного позже, новый мой сосѣдъ г. Шульцъ заплатилъ жизнію за то только, что вводилъ у себя новые порядки, допускаемые закономъ. Вѣрю замѣчанію Н. А. Дивова, что крестьянинъ нашъ, во время крѣпостнаго права, много переносилъ и прощалъ Русскому коренному помѣщику, чего не стерпѣлъ бы отъ Нѣмца-помѣщика. Надо, впрочемъ, и то сказать, что я распустилъ свою вотчину, не только мирволя пьянству, но и прощая оброчныя недоимки, слагая зря платежныя тягла, отсрочивая инымъ срочные платежи, словомъ, завелъ такую кутерьму въ управленіи, что сбилъ съ толку П. И. Грекова.

Но вотъ подошелъ праздникъ Пасхи и, желая ознаменовать всю Святую недѣлю народными увеселеніями въ большихъ размѣрахъ, я выбралъ для того живописную мѣстность въ 2-хъ или 3-хъ верстахъ отъ Порзней, окаймленную сосновымъ боромъ и ручьемъ, по большой Пучежской *) дорогѣ, гдѣ я устроилъ разнаго рода качели, каруселя съ деревянными коньками и съ разными играми, при чемъ выкачены были неисчерпаемыя бочки вина и пива для народа. Одновременно съ простонароднымъ праздникомъ для меня и моей компаніи раскинута была, въ память бивачной моей жизни, длиннѣйшая палатка, гдѣ человѣкъ двадцать могли помѣститься за столомъ, куда мы переселились временно на всю Святую недѣлю и гдѣ я принималъ гостей своихъ, сосѣднихъ помѣщиковъ. Походная кухня устроена была возлѣ палатки. Сколько выпито тутъ было Шампанскаго и пылающей жженки, исчислить трудно; кутежъ шелъ денно и нощно при неумолкавшихъ почти двухъ перемѣнныхъ хорахъ пѣсенниковъ. Отъ этой продолжительной оргіи и безсонницы, какъ ни крѣпка была моя натура, я чуть не заболѣлъ. Кто бы ни пріѣзжалъ ко мнѣ по случаю праздника, я не отпускалъ его, пока не напоилъ волею-неволею до растяжки. Пріѣхавшій ко мнѣ въ гости почтмейстеръ сосѣдняго заштатнаго г. Луха удралъ отъ попойки, но въ такомъ состояніи, что не могъ доѣхать до дому (всего 15 верстъ) и переночевалъ въ ржаномъ полѣ. За виномъ посылалось въ два уѣздные города, Юрьевецъ-Повольскъ и Кинешму, кромѣ большаго запаса, привезеннаго, недавно передъ тѣмъ, Леономъ изъ Москвы. По всему есть конецъ, даже и сумазбродству. Святая прошла, и я возвратился въ свой Порзненскій домъ, но въ такомъ нервномъ

*) Посадъ Пучежъ Юрьевецъ-Повольскаго уѣзда, на берегу Волги.

разстройствѣ и лихорадочномъ состояніи, что принужденъ былъ ставить себѣ горчишники.

Въ самое Ѳомино Воскресенье, выходя отъ обѣдни, мы услыхали, что бьютъ въ набатъ, и увидѣли, что одинъ домъ на главной улицѣ (всѣхъ же улицъ было три, кромѣ переулковъ) вспыхнулъ отъ неосторожности, какъ оказалось впослѣдствіи, одного изъ моихъ мальчиковъ-офицеровъ, выстрѣлившаго изъ отцовскаго мушкета у себя на дворѣ: пыжъ упалъ на соломенную крышу надворнаго строенія, которая загорѣлась, а мальчикъ съ испугу убѣжалъ и скрылся, чрезъ что упущено было время прекратить пожаръ въ началѣ. День былъ вѣтренный, огонь разыгрался съ неимовѣрною быстротою по всѣмъ концамъ села, и менѣе чѣмъ черезъ три часа вся моя часть онаго превратилась въ груду пепла; уцѣлѣли только мой господскій домъ и два крестьянскихъ, примыкавшихъ почти къ нему съ обѣихъ сторонъ главной той улицы. Дома крестьянскіе были всѣ крыты тесомъ, и многіе изъ нихъ о двухъ этажахъ съ мезонинами. Перекладины на трехъ-ярусной колокольнѣ сгорѣли, колокола упали; но обѣ церкви, стоявшія въ одной оградѣ, остались невредимыми. Чрезъ нѣсколько дней прибылъ земскій судъ въ полномъ составѣ: предстояла ему тутъ пожива отъ богатаго помѣщика. Слѣдуетъ вспомнить, что взяточничество и судебный подкупъ производились въ 30-хъ годахъ гораздо безцеремоннѣе, чѣмъ позднѣе, даже до введенія судебной реформы и облагорожеинаго состава нынѣшнихъ полицейскихъ управленій; въ нашей же Костромской губерніи носился слухъ, что тогдашняя губернская власть будто бы открыто регулировала взяточничество, обложивъ исправниковъ годовымъ якобы взносомъ. Явленіе это было тѣмъ прискорбнѣе, что одинъ изъ предмѣстниковъ тогдашняго начальника губерніи былъ безукоризненный Сергѣй Степановичъ Ланской (впослѣдствіи графъ), который, а также и достойнѣйшая его жена Варвара Ивановна (урожденная княжна Одоевская) оставили такую лестную по себѣ память у Костромитянъ, что по прошествіи 15 лѣтъ было еще общепринятымъ мѣстнымъ выраженіемъ «во время Ланскихъ», означавшимъ сколько удовлетворительный административный порядокъ, столько же пріятное время сближенія всѣми чтимаго семейства Ланскихъ съ мѣстнымъ обществомъ. Кстати отмѣчу, что въ числѣ болѣе интимныхъ съ Ланскими было почтенное и образованное семейство Колюпановыхъ, съ которымъ Варвара Ивановна и ея дочери продолжали находиться въ сношеніи многія лѣта по ихъ выѣздѣ изъ Костромы *).

*) Настасья Сергѣевна Ланская вышла замужъ за Степана Васильевича Перфильева, тогда жандармскаго штабъ-офицера въ Костромѣ, въ бытность губернаторомъ тамъ ея отца.

Итакъ мои полицейскіе гости не замедлили составить баснословной (какъ разсказывали мнѣ вослѣдствіи) толщины фоліантъ слѣдственнаго дѣла, выставивъ между прочимъ на видъ, что я собиралъ мальчиковъ, обучалъ ихъ военнымъ пріемамъ (какъ бы въ виду какихъ-нибудь замысловъ), что самъ поджегъ свою кухню, и поставляя мнѣ въ вину, что я не заявлялъ своевременно въ полицію объ этомъ происшествіи. Цѣлью всего этого было запугать меня. Я, какъ новичекъ, поддался по неопытности на эту ловушку и радостно согласился на ихъ кондиціи, пожертвовавъ порядочнымъ кушемъ (чуть-ли не свыше 1000 р.), и огромный фоліантъ трудолюбивыхъ сихъ мужей добросовѣстно былъ преданъ ими огню.

Тѣмъ не менѣе услужливый Костромской синемундирный штабсъ-офицеръ донесъ Московскому начальнику жандармскаго округа, генералу Лисовскому *) о сборахъ и военныхъ упражненіяхъ моихъ мальчиковъ; но достойный этотъ человѣкъ понялъ, что серьезнаго тутъ ничего не могло быть, и не далъ хода дѣлу.

Вотъ что творилось въ тридцатыхъ годахъ, когда литература уже громила лихоимство во всѣхъ его видахъ. Можно по этому судить о томъ, что̀ дѣлалось въ болѣе отдаленныхъ, чѣмъ Костромская, губерніяхъ въ первой четверти нынѣшняго столѣтія и во всемъ прошедшемъ. Часто приходитъ мнѣ на умъ поговорка хорошаго моего знакомаго, покойнаго Дмитрія Кесаревича Хвощинскаго (отца Надежды Дмитріевны, писавшей подъ псевдонимомъ Крестовскаго), что если бы поручено было коммиссару кормить казеннаго воробья, онъ состоянія, конечно, не могъ бы нажить, а пролетку съ парою лошадей сумѣлъ бы содержать.

Ближнею моею сосѣдкою, въ 5 верстахъ, была почтенная, хотя еще не старая, Наталья Титовна Кетова (урожденная Языкова), вдова уже нѣсколько лѣтъ. Радушный всегда пріемъ привлекъ меня къ ней, и въ промежуткахъ кутежей я нерѣдко навѣщалъ ее. Старшая ея дочь, Ольга Никаноровна, была очень хороша собою; второй, Екатеринѣ, только что минуло 19 лѣтъ, и она недавно передъ тѣмъ выпущена была изъ Московскаго пансіона г-жи Севенаръ; третья, Марія, еще находилась въ этомъ пансіонѣ. Изъ трехъ ея сыновей старшій, Владиміръ Никаноровичъ, воспитывался тогда въ Ярославскомъ Демидовскомъ лицеѣ; второй, Сергѣй, готовился въ Костромскую гимназію, а меньшой,

*) Генералъ Лисовскій, какъ-то, кажется, съ родни графу Сергѣю Петровичу Румянцову (чуть-ли не съ лѣвой стороны), умеръ вскорѣ послѣ сего происшествія и, какъ я слышалъ, нечѣмъ было его похоронить.

Всеволодъ, жилъ еще дома. Въ сельцѣ Кунинѣ (такъ называлась усадьба Н. Т. Кетовой), въ числѣ дворовыхъ, былъ остатокъ прежняго оркестра, и мы часто плясали тамъ въ двѣ пары, въ каковомъ искусствѣ меня побѣждалъ мой компаніонъ Англичанинъ. Г-жа Кетова была нѣжная, умная и заботливая мать и примѣрная хозяйка. Бережливостію и умѣніемъ удачно прикупать все, что́ было сподручно къ ея небольшому имѣнію, она прилично весьма отдѣлила всѣхъ трехъ дочерей, отнюдь не въ ущербъ сыновьямъ. Я всегда радостно и съ признательностію вспоминаю объ этомъ семействѣ, въ кругу коего я былъ принятъ какъ родной, безъ всякихъ, конечно, видовъ на меня, и съ членами коего я остался въ дружбѣ и по сіе время. Проходили ряды годовъ, что́ мы не видались, а встрѣчаемся всегда какъ родственники. Позднѣе, отношенія эти скрѣпились женитьбою сослуживца моего Александра Александровича Миронова на Екатеринѣ Никаноровнѣ; но при первыхъ поѣздкахъ моихъ въ Порзни, онъ не былъ еще знако́мъ съ семействомъ Кетовыхъ. Я знаю, что, когда слухи о моихъ Порзненскихъ безобразіяхъ доходили до умной и добросердечной Натальи Титовны, она покачаетъ головою и только, бывало, скажетъ: «ахъ, жалко, жалко», но всегда принимала живѣйшее участіе во всемъ до меня касающемся. Старшая Кетова вышла замужъ, много позднѣе Екатерины Никаноровны, за пѣхотнаго офицера безъ всякаго состоянія, Александра Михайловича Цвиленева, отецъ коего былъ нѣкогда городничимъ въ Тарусѣ, гдѣ и умеръ и, кажется, разстроилъ состояніе своей жены. Меньшая, Марія Никаноровна, вышла замужъ около 1840 года за небогатаго сосѣдняго помѣщика г. Грибунина и вскорѣ умерла, оставивъ двухъ сыновей.

Другимъ близкимъ мнѣ сосѣдомъ былъ отставной драгунскій полковникъ Лисевичъ, бездѣтный; онъ побаивался часто бывать у меня, потому что я насильственно заставлялъ его выпивать болѣе, чѣмъ могла его натура.

Съ архитектурною утонченностію нынѣшнихъ вообще построекъ, при новыхъ понятіяхъ о домашнемъ комфортѣ, исчезли повсюду эти неказистые дѣдовскіе помѣщичьи домики, всѣ почти сѣро-пепельнаго цвѣта, тесовая обшивка и тесовыя крыши коихъ никогда не красились. Таковою же была и усадьба Кетовыхъ; таковаго же образца были помѣщичьи дома и во всѣхъ Великороссійскихъ губерніяхъ, и таковымъ я засталъ старый Знаменскій домъ тещи моей Нарышкиной. Въ болѣе замысловатыхъ деревенскихъ постройкахъ приклеивались, такъ сказать, къ этому сѣрому фону стѣнъ четыре колонны съ фронтоннымъ треугольникомъ надъ ними. Колонны эти были у болѣе зажиточныхъ ошту-

катуренныя и вымазанныя известью также, какъ и ихъ капители; у менѣе достаточныхъ помѣщиковъ колонны были изъ тощихъ сосновыхъ бревенъ безъ всякихъ капителей. Входное парадное крыльцо, съ огромнымъ выдающимся впередъ деревяннымъ навѣсомъ и двумя глухими боковыми стѣнами, въ видѣ пространной будки, открытой спереди. Внутреннее устройство было совершенно одинаково вездѣ; оно повторялось безъ всякихъ почти измѣненій въ Костромской, Калужской, Орловской, Рязанской и прочихъ губерніяхъ и было слѣдующее. Въ будкѣ парадная крыльца была боковая дверь въ ретирадное мѣсто (всегда конечно холодное), и потому входъ въ домъ не всегда отличался благовоніемъ. Послѣ передней былъ длинный залъ, составлявшій одинъ изъ угловъ дома, съ частыми окнами въ двухъ стѣнахъ, и потому свѣтлый какъ оранжерея. Въ глухой капитальной стѣнѣ зала было двое дверей; первая, всегда низкая, вела въ темный корридоръ, въ концѣ коего была дѣвичья и черный выходъ на дворъ. Вторая дверь зала, большаго размѣра и въ уровень съ верхомъ оконъ, вела въ гостинную; таковаго же размѣра дверь вела изъ гостинной въ кабинетъ или въ хозяйскую спальню, составлявшую другой уголъ дома. Эти двѣ комнаты и поперечная часть зала были обращены къ цвѣтнику, а за неимѣніемъ таковаго къ фруктовому саду; фасадъ же этой части дома состоялъ изъ семи огромныхъ оконъ, два изъ нихъ были въ залѣ, три въ гостинной (среднее впрочемъ превращалось лѣтомъ въ стеклянную дверь со спускомъ въ садъ), а остальныя два окна въ спальнѣ. Убранство гостинной было также одинаково во всѣхъ домахъ. Въ двухъ простѣнкахъ между окнами висѣли зеркала, а подъ ними тумбочки или ломберные столы. Въ серединѣ противоположной глухой стѣны стоялъ неуклюжій, огромный съ деревянною спинкою и боками диванъ (иногда впрочемъ изъ краснаго дерева); передъ диваномъ овальный большой столъ, а по обѣимъ сторонамъ дивана симетрически выходили два ряда неуклюжихъ креселъ, отъ четырехъ до шести въ каждомъ ряду, выдающихся до середины гостинной какъ бы для засѣданій ареопага или какого нибудь комитета. Вдоль боковыхъ стѣнъ чинно стояли стулья таковаго же издѣлья, какъ диванъ и кресла. Вся эта мебель была набита какъ бы орѣховою шелухою и покрыта бѣлымъ коленкоромъ, какъ бы чехлами для сбереженія подъ нею матеріи, хотя подъ коленкоромъ была нерѣдко одна толстѣйшая пеньковая суровая ткань. Оба внутренніе угла гостинной были перерѣзаны наискосокъ двумя печьми (не всегда изразцовыми, а часто кирпичными); они отапливали задними своими зеркалами залъ и спальню. Мягкой мебели и въ поминѣ тогда не было; но въ кабинетѣ или спальнѣ нерѣдко стояла полумягкая клеенчатая зеленая софа, и тамъ же въ углу этажерка съ лучшимъ хозяйскимъ чай-

нымъ сервизомъ, затѣйливыми дѣдушкиными бокалами, фарфоровыми куколками и съ подобными бездѣлюшками. Обои были тогда еще рѣдко въ ходу; у болѣе зажиточныхъ стѣны окрашены были желтою вохрою, яркою мѣдянкою, лазуревою или малиновою краскою, а потолки расписаны гирляндами цвѣтовъ, плодовъ, перемежающихся съ попугаями, райскими птицами и другими неизвѣстными въ зоологіи животными, клюющими иногда лазуревыя вазы. Впрочемъ, такъ какъ эти предметы были иногда работою доморощеннаго живописца, трудно было опредѣлить, что̀ именно они должны были изображать. Въ усадебныхъ же домахъ съ меньшими претензіями, или съ меньшими житейскими средствами, стѣны и потолки были безразлично вымазаны мѣломъ. Въ темный упомянутый корридоръ выходили двѣ-три комнатки съ окнами на дворъ, для хозяйскихъ дѣтей или для гостей, весьма низенькія, если домъ былъ двухэтажный, или съ мезониномъ, потому что мезонинъ выходилъ окнами также на дворъ, между тѣмъ какъ залъ, гостинная и спальня подходили подъ чердакъ. Въ мезонинъ вела узенькая немного шире аршина лѣстница изъ коридора.

Въ теперешнее время уѣздный общественный бытъ мелкопомѣстныхъ и даже средней руки помѣщиковъ (правильнѣе землевладѣльцевъ) совершенно почти исчезъ, судя по видѣнному мною въ разныхъ мѣстностяхъ; но въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ хозяева описанныхъ сѣренькихъ некрашенныхъ домиковъ безпрестанно разъѣзжали одинъ къ другому, и было уѣздное многочисленное общество, члены коего, если не всѣ, выписывали беллетристическіе журналы, не спорили о правахъ и значеніи женскаго пола въ общественномъ строю, но жили дружно, по ихъ понятіямъ весело и рѣшали удобопримѣняемые на практикѣ хозяйственные вопросы совсѣмъ не по теоріямъ Таера и прочихъ заграничныхъ агрономовъ.

При моемъ имѣніи было достаточно лѣсовъ, но по какому-то искони заведенному феноменальному или патріархальному порядку лѣса эти принадлежали будто-бы крестьянамъ, а господскій лѣсъ былъ только въ отхожихъ пустошахъ. Говорили, что это произошло потому, что лѣса были запущены крестьянами на ихъ тягловыхъ земляхъ; но объ этомъ я не счелъ нужнымъ справляться по стариннымъ планамъ и документамъ, и по моей обычной *обломовщинѣ* предоставилъ крестьянамъ пользоваться этими лѣсами по прежнему.

Распустивъ давно свою малолѣтнюю, оказавшуюся опасною, милицію, я пристрастился съ подобнымъ же увлеченіемъ составлять пѣвческій

хоръ подъ управленіемъ почтеннѣйшаго протопопа моей церкви о. Ивана Соколова, любителя этого дѣла*). По скудости басóвъ въ хорѣ и по собственному своему дилеттантизму, я взялся за эту партицію и пѣвалъ на клиросѣ съ своимъ хоромъ; однакоже, будучи самъ порядочнымъ опернымъ пѣвцомъ, я не сумѣлъ образовать какъ слѣдовало свой хоръ, оставшійся до конца весьма посредственнымъ, хотя содержаніе его недешево мнѣ обходилось, и хотя, не имѣя самъ постояннаго пребыванія въ Порзняхъ, я нанималъ настоящаго регента. Безполезное существованіе этого хора длилось до 1836 года, когда я съ женою уѣзжалъ изъ Кіева въ Италію на продолжительное, какъ мы предполагали, время.

Буколическая часть деревенской жизни не была забытою, и я отправлялся со своею ватагою на рыболовлю неводомъ въ рѣчкѣ Порзнянкѣ, перерѣзывающей мое имѣніе на двѣ ровныя почти половины.

Въ самомъ началѣ лѣта неожиданно пріѣхали ко мнѣ изъ Москвы гг. Слоанъ и Тридонъ. Второму изъ нихъ я очень обрадовался, но не первому, къ которому я тогда питалъ недружелюбное чувство. Произошла тутъ между нами какая-то непріятная сцена; я наговорилъ ему что-то оскорбительное, непростительное тѣмъ болѣе, что я этимъ нарушалъ долгъ гостепріимства, и мы съ тѣхъ поръ болѣе не встрѣчались до осени 1836 года. Въ этотъ его пріѣздъ въ Порзни онъ попытался, помню, уговорить меня уѣхать къ матери моей въ Италію; но я тогда менѣе, чѣмъ когда нибудь, былъ склоненъ къ этому. Другъ мой Тридонъ увѣрялъ меня, что г. Слоанъ захватилъ его съ собою, потому что боялся будто бы пріѣхать ко мнѣ одинъ. Конечно это шутка; но можетъ статься, что, зная о дружбѣ моей съ Осипомъ Августовичемъ, онъ надѣялся на его содѣйствіе, чтобы уговорить меня ѣхать во Флоренцію.

Между многими моими затѣями я ввелъ, по военному примѣру, ежедневные приказы на имя вотчиннаго правленія, съ замѣчаніями, выговорами, распоряженіями по мнимому хозяйству и управленію, съ моими рѣшеніями по поданнымъ мнѣ прошеніямъ, обыкновенно о сложеніи части оброка и пр. Словомъ, я завелъ такой хаосъ и безтолковщину, что, по отъѣздѣ моемъ, И. И. Грекову весьма сдѣлалось трудно совладать съ крестьянами. Приказы эти оканчивались собственноручною моей подписью и словами «быть по сему», и скрѣплялись гербовою печатью. Раздѣлилъ я также все имѣніе на два административные

*) Достойный этотъ священникъ, мнѣ преданный и съ которымъ я нерѣдко бывалъ въ перепискѣ, ослѣпъ и умеръ въ 1868 году.

участка съ двумя центрами въ селахъ Малыхъ Порзняхъ и Макаровскомъ съ причитающимися къ нимъ деревнями, и это безъ всякой хозяйственной потребности. Въ обоихъ участкахъ я назначилъ въ каждомъ особаго бурмистра, съ писаремъ, кассиромъ, вотчинною конторою и съ значительнымъ повышеніемъ противъ прежняго оклада всѣмъ этимъ должностнымъ лицамъ. Бурмистровъ же я нарядилъ въ кафтаны съ широкими галунами и съ серебряными булавами, на набалдашникахъ коихъ вырѣзанъ былъ семейный мой гербъ, а писарей (называемыхъ тамъ земскими) обрилъ, остригъ и облекъ въ форменные съ гербовыми пуговицами сюртуки. Этими учрежденіями я возвысилъ расходъ по вотчинному управленію до 10 тыс. р. Самъ я присутствовалъ въ немъ по утрамъ, творя судъ и расправу, выслушивалъ просьбы, клалъ резолюціи, давалъ волю мірскимъ преніямъ и приговорамъ, нравившимся моему отвлеченному полу-либерализму, по оттѣнку въ нихъ полу-автономіи *), но рядомъ съ этимъ назначалъ, увы! тѣлесныя наказанія провинившимся и по военному обыкновенію находился при ихъ исполненіи. Въ домѣ ночевалъ всегда при мнѣ дежурный по очереди мальчуганъ изъ крестьянъ, въ видѣ разсыльнаго, на долю коего выпадало за ту службу какое нибудь лакомство или баловство, и все это юное поколѣніе, если не обольщаю себя, любило меня. Словомъ, хотѣлось мнѣ поиграть въ царьки, и не вѣрится почти теперь, чтобы вся эта дурь пропсходила въ дѣйствительности. Но о ней довольно.

Вслѣдствіе даннаго Тридону слова пріѣхать въ Знаменское ко дню рожденія (20 Іюня) молодой Нарышкиной, я отправился туда съ Битмидомъ, взявъ съ собою шесть человѣкъ отборныхъ моихъ пѣвчихъ. Уговорилъ я было отца Іоанна сопровождать меня въ Знаменское, но онъ далѣе Шуи не захотѣлъ ѣхать. Боязнь-ли отлучиться безъ спросу отъ своего мѣста, или утомленіе отъ быстрой ѣзды, ему непривычной, но онъ рѣшительно отказался и чуть не заболѣлъ.

Замѣчу кстати, что тогдашняя дорога изъ Москвы чрезъ Богородскъ, Покровъ, Владиміръ, Суздаль, Шую и Лухъ была адская въ лѣтнее время. Никакого шоссе еще не было (оно открылось въ 1840 году); губернская эта дорога шла большею частію по пескамъ, тундрамъ, урёмамъ, а болотистыя нерѣдкія пространства вымощены были бревенчатыми кругляками, отъ коихъ одинаково почти ломались экипажи и людскія кости.

*) Я засталъ тамъ, дѣйствительно, нѣчто въ родѣ общиннаго начала, если не автономію. Для рѣшенія мірскихъ дѣлъ было шесть (кажется) гласныхъ старшинъ по выбору, съ коими совѣщался бурмистръ; казначей назывался мірскимъ старостою, а вотчинное правленіе приказомъ.

Свита моя была почти что прежняя, за исключеніемъ Леопа, оставшагося въ Москвѣ по своимъ дѣламъ. Молодая именинница была тогда весьма интересною и быстро распускалась, по выраженію стараго времени поэтовъ, какъ роза, хотя худенькая собою, и начинала уже производить что-то въ родѣ впечатлѣнія на меня. Въ числѣ коротко знакомыхъ Е. И. Нарышкиной была сосѣдка ея княгиня Наталья Ивановна Хилкова, урожденная княжна Вадбольская, давно вдова и у которой было двое дѣтей: дочь, княжна Елисавета Михайловна, прелестное существо, умершая чахоткою въ Москвѣ въ 1835 году, и сынъ, князь Александръ Михайловичъ. Княжна была годами тремя старше молодой Нарышкиной, а князь ровесникъ послѣдней, и съ нею въ дѣтствѣ онъ игрывалъ въ куклы. Въ Знаменскомъ мы затѣяли, какъ и въ началѣ 1831 года, домашній спектакль изъ Французскихъ водевилей, который, благодаря увлекательной игрѣ и граціознѣйшей наружности княжны Хилковой, имѣлъ полный успѣхъ. При раздачѣ ролей я, какъ режиссёръ, передалъ любовниковъ на долю молодого князя Хилкова и не ошибся. Джентельменская (хотѣлось было мнѣ сказать *комильфотная*) его наружность при развитомъ уже въ немъ изящномъ вкусѣ одѣванія [1]), дѣлала изъ него отличнаго *jeune premier*. Амплуа отцевъ (père noble) я передалъ Тридону, оставивъ себѣ драматическія и комическія роли. Молодая Нарышкина не совсѣмъ охотно, не знаю почему, играла, и театръ не особенно ее забавлялъ; но она за то брала личикомъ и идеальною почти своею таліею, не уступавшею журнальной гравюрѣ модъ. Однажды нашъ фортепіанный тапёръ-акомпаніатёръ, Полякъ Кунцевичъ [2]) сбился въ одномъ куплетѣ, пѣтомъ Тридономъ, къ большой досадѣ нашего *père noble*, который, прервавъ пѣніе, обратился къ публикѣ съ словами: «Ah, le malheureux! Il m'a fait manquer mon plus beau morceau». Актеры и зрители разразились хохотомъ при этой выходкѣ [3]). Помню однакоже, что чисто-Парижскій его акцентъ, хотя безъ особенно сценическихъ дарованій, давалъ ему немалое надъ нами превосходство, хотя и мы силились произносить какъ Французскіе артисты Московской тогдашней труппы. Извѣстно любому актеру, что репети-

[1]) Славившіеся тогда Московскіе иностранные портные были: Сатіасъ, Шиллингъ, и Тепферъ, Матьё, Пиготъ, и второе уже поколѣніе Московскаго старожила Занфтлебена. Я много тратилъ у Матьё, но никогда не дошелъ до искусства хорошо одѣваться.

[2]) Онъ долго жилъ въ Серпуховѣ уроками на фортепіано и тамъ умеръ чахоткою въ 1848 году.

[3]) (Ахъ, злодѣй! Отъ него не удалось мнѣ спѣть самое лучшее). Сыграны были нами водевили „Le suisse de l'hôtel"; и „L'art de payer ses dettes", а въ антрактѣ я пропѣлъ пѣснь разбойника „Что отуманилась зоренька ясная", А. Е. Варламова, въ надлежащимъ полномъ костюмѣ, и также не безъ приключенія. Когда раздался свистъ (принадлежность этой аріи), собачка молодой Нарышкиной прыгнула на сцену и принялась лаять на меня.

ціи бываютъ веселѣе, чѣмъ представленія, когда участвующіе интимны между собою. Шитье нарядовъ и театральныхъ костюмовъ пріятно озабочиваютъ матушекъ, дочерей-актрисъ; мужская-же половина артистовъ превращается въ архитекторовъ, механиковъ и живописцевъ. Къ послѣдней категоріи принадлежали я и Битмидъ, отличный ландшафтный рисовальщикъ. Изъ подъ непривычныхъ нашихъ кистей, при клейвыхъ краскахъ, являлись новыя декораціи и возобновлялись старыя, работы доморощеннаго, но талантливаго артиста изъ дворовыхъ Абакумова. Особенно потѣшало насъ хоровое пѣніе Французскихъ куплетовъ моими Порзненскими пѣвчими съ Русскимъ ихъ акцентомъ.

Одна строфа выходила у нихъ такимъ образомъ:

Ну закуропъ авекъ плезиръ,
Пуръ селебрѣ сетъ альіансъ.
Се ла ботѣ, се ла нессансъ,
Киси ламуръ ва реюниръ.

Публика была довольно многочисленна, пріѣзжали изъ отдаленныхъ даже мѣстъ. Не изъ послѣднихъ въ аплодисментахъ былъ тучный Французъ г. Морѣ, бывшій когда-то гувернеромъ князя Дмитрія Алексѣевича Щербатова и продолжавшій жизнь до конца въ домѣ матери своего воспитанника, княгини Анны Ивановны Щербатовой, пріѣзжавшей каждое лѣто въ свое имѣніе с-це Высокинцы, Тарусскаго уѣзда, и дѣлами ея завѣдывалъ г. Морѣ. Современникъ отца моего, г. Морѣ помнилъ артистическую его игру на домашнихъ спектакляхъ, «haute comédie», и имѣлъ любезность сказать мнѣ, что драматическій талантъ, повидимому, наслѣдственное дѣло въ нашемъ семействѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ мнѣ о поразительномъ сходствѣ между княжною Хилковою и королевою Гортензіею, дочерью Жозефины и матерью нынѣшняго императора Наполеона, слывшею красавицею.

Изъ ближнихъ сосѣдей Е. И. Нарышкиной и старыхъ ея знакомыхъ было семейство Веселовскихъ, состоявшее изъ стараго холостяка Петра Ильича и трехъ его сестеръ старухъ-барышень, Анны, Авдотьи и Татьяны Ильишишенъ, доживщихъ до 80 и болѣе лѣтъ. Первую изъ этихъ двухъ звали въ семействѣ «*ma сёръ Юдоксъ*»; она управляла всѣмъ домомъ, держала своего *mon frère* почти какъ бы подъ опекою, а своихъ сестеръ въ *решетки*. Младшая, Татьяна Ильишишна, переименована была, по провинціальному обычаю, въ Темиру. Отставной капитанъ со временъ Суворовскаго Итальянскаго похода, Петръ Ильичъ Веселовскій былъ человѣкъ добрѣйшей души, любилъ общество и долго былъ Тарусскимъ уѣзднымъ предводителемъ, обстоятельство, составляв-

шее календарную эпоху въ его жизни, нѣчто въ родѣ того, какъ кража окороковъ у Гоголевскаго Плюшкина, и потому для указанія времени какого нибудь случая онъ вставлялъ «въ тѣ поры-съ я былъ предводителемъ». Единственною его прихотью было провести два, много три зимніе мѣсяца въ Москвѣ, поиграть въ вистъ (въ чемъ онъ отличался) въ Англійскомъ клубѣ; но *ма сёръ Юдоксъ* была на этотъ счетъ безжалостна и не каждогодно удовлетворяла его желанію. Въ эти поѣздки она одна сопровождала его; обѣ другія сестры безвыходно жили въ с-цѣ Салтыковѣ, и если вѣрить слуху, то Анна Ильинишна никогда въ жизни не бывала въ Бѣлокаменной, отъ которой Салтыково было не болѣе 115 верстъ, слухъ, который она всегда опровергала съ негодованіемъ. На продовольствіе Московской жизни брата съ сестрою и ихъ прислуги высылался туда обозъ съ мукою, капустою и даже съ солеными огурцами. Оставшимся дома сестрамъ привозилось нерѣдко въ гостинецъ по куску недешевой матеріи на платье, и такіе куски накоплялись и хранились нешитыми въ комодѣ Анны Ильинишны. Говорятъ, что выдавалось остальнымъ двумъ сестрамъ по 300 р. въ годъ на ихъ туалетъ и карманныя деньги. Во всемъ остальномъ онѣ были какъ нѣмыя фигурантки въ балетѣ: безъ спроса сестры-хозяйки не смѣли брать ни одну лошадь съ конюшни, или дать приказаніе буфетчику. Помню, однажды (въ позднѣйшее время) Анна Ильинишна обѣщала женѣ моей пріѣхать въ какой-то назначенный день; но какъ обѣщаніе дано было безъ предварительнаго на то согласія *ма сёръ Юдоксы*, то послѣдняя, узнавъ о томъ, будто-бы нарочно разослала въ тотъ день всѣхъ кучеровъ въ разныя стороны и тѣмъ помѣшала поѣздкѣ своей сестры къ намъ. Состояніе Веселовскихъ было весьма хорошее, около 1000 душъ безъ всякихъ долговъ. Въ Тарусскомъ имѣніи, гдѣ они жили, было около 200 душъ; остальныя, около 800, въ Тульской губерніи, всѣ въ общемъ владѣніи, безъ раздѣла между ними *).

Салтыковскій садъ былъ регулярный, «*à la francaise*», съ аллеями стриженныхъ стѣнами ёлокъ и торчащими, какъ гречневики, кронами. Передъ домомъ квадратная площадка съ кустами розъ, до коихъ не дозволялось прикасаться. Домашняя обстановка была довольно грязная, хотя рѣдкій день проходилъ безъ гостей, и скупость хозяйки Юдоксы высказывалась во всемъ. Обыденный и праздничный столъ былъ одинаковъ, весь изъ домашней провизіи, съ неизбѣжнымъ *холоднымъ* (т. е. первымъ блюдомъ послѣ супа) изъ ветчины съ сушенымъ горошкомъ;

*) Петръ Ильичъ Веселовскій умеръ въ 1854 году. Наслѣдникъ всего родоваго и благопріобрѣтеннаго ихъ имѣнія—молодой Зубовъ, женатый на Кокошкиной.

въ болѣе торжественные дни подавался вмѣсто соуса пудингъ съ сабаіономъ. Пиръ на весь уѣздъ, съ танцами подъ звуки квартета изъ своихъ дворовыхъ, бывалъ разъ въ годъ, въ лѣтнюю Казанскую, праздновавшуюся, не знаю почему, въ Салтыковѣ (гдѣ церкви никакой не было, а приходскою церковью усадьбы была Спасъ-Городище, въ 4-хъ оттуда верстахъ). День этотъ съ нетерпѣніемъ ожидался недоросшими уѣздными барышнями, въ томъ числѣ молодой Нарышкиной и ея подругою Настасьей Алексѣевной Бородулиной. Парадное отдѣленіе дома, съ расписанными стѣнами и плафонами, запертое въ будничное время и не топившееся зимою, отворялось настежъ и освѣщалось. Празднество начиналось обѣдомъ, на которомъ мѣста указывались гостямъ по табели о рангахъ и по общественному положенію всякаго въ уѣздѣ. Какъ ни длинна была столовая, но въ ней всѣ не могли помѣститься, и второразрядный столъ былъ въ сосѣдней комнатѣ. За жаркимъ наливалось почетнѣйшимъ изъ гостей по бокалу Шампанскаго, при чемъ намуштрованный оффиціантъ лилъ *высоко*, чтобы пѣна сильнѣе била и бокалъ казался бы полнымъ. Менѣе почетнымъ наливалось по бокалу Донскаго, а третьему разряду (состоявшему изъ мелкаго люда земскаго и уѣзднаго судовъ, казначейства и дворянской опеки) наливалось бурое Цимлянское, но все таки въ Шампанскихъ бокалахъ. *Ма сёръ* въ эти дни не садилась никогда за столъ, а обходила гостей, разговаривая съ ними, сама же въ промежуткахъ закусывала чѣмъ нибудь въ дальнемъ своемъ кабинетѣ. Прислуга соотвѣтствовала вполнѣ обстановкѣ дома и состояла изъ посѣдѣвшихъ, полуслѣпыхъ и хромыхъ лакеевъ. Для Казанскаго пиршества напяливались на нихъ синіе фраки допотопныхъ временъ, но послѣ разъѣзда гостей фраки тотчасъ отбирались и поступали въ кладовую до слѣдующаго торжественнаго случая. Между лакеями первенствовалъ (и теперь еще, кажется, въ живыхъ) извѣстный всему уѣзду Филатка, музыкантъ, живописецъ и землемѣръ. Его артистическою кистью были украшены стѣны малой гостинной съ узорами подъ обои: работа чрезвычайно копотная, но изрядно весьма удавшаяся. Женская прислуга не имѣла у трехъ сестеръ иной клички, какъ Клашка (Клавдія), Матрешка, Настька; но эти Клашки и Настьки были себѣ на умѣ, и говорятъ, что по смерти своихъ трехъ барышень которая-то изъ нихъ купила себѣ домикъ въ Тулѣ. О лѣтахъ Анны Ильиничны можно было угадывать приблизительно по тому, что она выѣзжала будто бы взрослою барышней въ Смоленскѣ на балы бывшаго тамъ губернаторомъ Степана Степановича Апраксина, то есть, если не ошибаюсь, въ царствованіи Екатерины. Она была столь бодра, что въ 50-хъ годахъ (когда ей было *minimum* 70 лѣтъ) собственноручно выдѣлывала огром-

ный клумбъ въ своемъ цвѣтникѣ и однажды зимою съ 1857 на 1858 г., пріѣхавъ на балъ за 36 верстъ къ уѣздному предводителю Дмитрію Александровичу Черткову, она засидѣлась тамъ до 5 часовъ утра и не ложась уѣхала домой въ возкѣ. Хорошій нашъ знакомый артиллеристъ, нынѣ полковникомъ, г. Зимпинскій утверждалъ, что четверо Веселовскихъ до того дожили, что потеряли способность умирать; но время взяло свое: всѣ эти типическія личности переселились помаленьку и поочередно въ тотъ міръ, «идѣже нѣсть болѣзни, печали, ни воздыханія», соблюдъ щедрою рукою Господню заповѣдь «блаженны милостивіи, яко тіи помиловани будутъ», тогда какъ въ свѣтѣ они казались скрягами. Миръ праху ихъ! Авдотья Ильинишна завѣщала, кажется, около 10 т. р. на перестройку приходской ихъ церкви.

Другой сосѣдъ, съ которымъ Е. И. Нарышкина находилась искони въ дружескихъ отношеніяхъ, былъ Ростиславъ Ѳомичъ Голубицкій, человѣкъ всѣми уважаемый, обремененный многочисленнымъ семействомъ при весьма ограниченныхъ средствахъ къ жизни; у него было всего, если не ошибаюсь, около 40 душъ *). Образованіемъ своимъ, манерами, чистымъ выговоромъ Французскаго языка, которымъ свободно владѣлъ, онъ рѣзко выдавался изъ уровня мелкопомѣстныхъ и даже зажиточныхъ его сосѣдей. Онъ происходилъ изъ хорошаго, дворянскаго, хотя бѣднаго рода (можетъ быть, Польскаго), воспитывался въ домѣ князя Михаила Яковлевича Хилкова и остался *своимъ человѣкомъ* въ этомъ домѣ; а по сосѣдству имѣнія Хилковыхъ, с. Ильинскаго, съ Знаменскимъ Ростиславъ Ѳомичъ былъ также въ дружественныхъ отношеніяхъ съ тестемъ моимъ, Иваномъ Васильевичемъ Нарышкинымъ, со времени общей ихъ молодости. Этотъ князь Хилковъ былъ музыкантомъ и первою скрипкою въ своемъ оркестрѣ изъ крѣпостныхъ; а такъ какъ и Р. Ѳ. Голубицкій мароковалъ съ молодости на какомъ-то инструментѣ, то они вдвоемъ отправлялись на бѣговыхъ дрожкахъ съ своими инструментами подъ мышкою изъ Тарусскаго имѣнія въ Москву для участія тамъ въ концертѣ и, выкормивъ тамъ лошадь или переночевавъ, тѣмъ же порядкомъ возвращались домой на слѣдующій день. Вотъ какъ не гнались тогда за комфортомъ въ путешествіяхъ по дорогамъ еще не шоссейнымъ. Р. Голубицкій долго былъ уѣзднымъ судьею на тогдашнемъ окладѣ въ 300 р., и совѣмъ тѣмъ онъ былъ недоступенъ ни для какого рода взяточничества, въ скорбной тогдашней

*) Дѣти его долго послѣ его смерти, въ 40-ыхъ годахъ, получили изрядное наслѣдство, обще съ ихъ родственниками Мансуровыми и Шатиловыми, и пріобрѣли покупкою двѣ Тарусскія подгородныя деревни Бояково и Сутормино съ водяною мельницею но до того времени они жили въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

общей почти атмосферѣ лихоимства. За то и убогое его гнѣздо с-це Почево, съ господскимъ домомъ, крытымъ соломою, до конца жизни владѣльца въ залогѣ въ Опекунскомъ Совѣтѣ, то и дѣло что подвергалось описи и продажѣ, и если бы не выручалъ изъ бѣды родной его братъ, Евграфъ Ѳомичъ, директоръ Московской Сохранной Казны, то пришлось бы семейству Голубицкихъ идти хоть по міру. У Ростислава Ѳомича сохранились также отъ высокаго круга, въ коемъ онъ вращался въ молодости, гастрономическія наклонности, и когда, немного позднѣе, я привезъ съ собою въ Знаменское, гдѣ уже я принятъ былъ женихомъ, отличнаго повара, то Голубицкій, наканунѣ званаго моего обѣда, приготовлялъ свой желудокъ пургацомъ для лучшей оцѣнки моего вателя и для бо́льшаго, конечно, вмѣщенія въ довольно и безъ того округленное свое брюшко этихъ образцовъ Французскаго повареннаго искусства.

Изъ пяти его дочерей старшая, Клеопатра Ростиславна, вышла за медика Лебедева (сына досточтимаго старца, протоіерея Петропавловской церкви на Басманной, что̀ у Красныхъ воротъ) и вскорѣ овдовѣла; Аріадна Ростиславовна за Тарусскаго помѣщика Петра Марковича Хрущова; Ларисса Ростиславовна осталась незамужнею и сдѣлалась какъ бы членомъ семейства у меня, послѣ моей женитьбы; Прасковья Ростиславна вышла за профессора Петербургскаго университета г. Сомова; Елисавета Ростиславовна за Тарусскаго мелкопомѣстнаго г. Жихарева, а Александра Ростиславовна, присвоившая себѣ монополію семейной красоты, умерла молодою дѣвицею. Изъ двухъ сыновей г. Голубицкаго, Михайло и Евграфъ, оба нынѣ умершіе, первый оставилъ потомство, а второй былъ холостякомъ.

Въ этой части Записокъ я упомяну лишь вскользь о дальней родственницѣ Нарышкиныхъ, Авдотьѣ Ивановнѣ Нарышкиной, безвыѣздно жившей въ своемъ имѣніи Тарусскаго уѣзда, с. Лопатинѣ, о коей придется говорить впослѣдствіи. Забѣгаю впередъ упомянуть только, что въ теченіе тридцати лѣтъ с. Лопатино было источникомъ, изъ коего изливались щедрою рукою пособія по всему уѣзду безъ ограниченія сословій, развѣ только въ томъ отношеніи, что для существенной помощи мелкимъ дворянамъ размѣръ пособія былъ много значительнѣе, чѣмъ для низшихъ сословій. Авдотья Ивановна никогда не была замужемъ, и по смерти ея, въ глубокой старости, въ 1854 году, весь уѣздъ какъ бы осиротѣлъ, и гостепріимный ея домъ остался понынѣ незамѣнимымъ для мѣстнаго общества *). У нея были двѣ сестры: княгиня

*) Носился слухъ, что почтенная А. И. Нарышкина не вышла никогда замужъ потому будто-бы, что не могла быть женою человѣка избраннаго ея сердцемъ. Человѣкъ

Анна Ивановна Щербатова и г-жа Бахметева, мать Николая Ѳедоровича и Анны Ѳедоровны, взятыхъ на воспитаніе Авдотьею Ивановною. Племянницу она выдала замужъ за князя Николая Ѳедоровича Голицына (брата статсъ-секретаря при Комиссіи Прошеній князя Александра Ѳеодоровича), а Николая Ѳедоровича Бахметева (женившагося въ 1835 году на Варварѣ Александровнѣ Лопухиной) она сдѣлала своимъ наслѣдникомъ. Изъ двухъ же дочерей княгини Анны Ивановны Щербатовой одна вышла за Степ. Степ. Мельгунова (домъ коего былъ въ 30-ыхъ годахъ на Петровскомъ бульварѣ), а вторая, княжна Елена Алексѣевна, вышла за г. Толстаго, занимавшаго, если не ошибаюсь, видную должность въ Министерствѣ Удѣловъ.

По старинному Русскому помѣщичьему быту, при с. Знаменскомъ (менѣе 200 крестьянъ) числилось до 60 дворовыхъ душъ. Изъ нихъ годныхъ для прислуги едва ли была половина, а остальные были старики и малолѣтніе. У Елисаветы Ивановны было *вверху* (дворовый терминъ, обозначавшій барскій домъ) до семи, помнится мнѣ, молодыхъ горничныхъ дѣвушекъ и двѣ старухи-ключницы, между тѣмъ какъ собственно за нею и за ея дочерью ходили только двѣ дѣвушки. Насмѣшники утверждали, что у барыни было по одной отдѣльной горничной для всякой части ея туалета, въ томъ числѣ, по одной-де, на каждый ея башмакъ; но въ сущности, барыня готова была бы сбыть съ рукъ большинство своихъ нимфъ, да некуда было ихъ дѣвать. Не препятствовала она никогда имъ выходить замужъ, но на ихъ бѣду жениховъ не было, и потому Елисавета Ивановна обрекла ихъ, поневолѣ, на вышиваніе въ пяльцахъ и плетеніе кружевъ, безъ всякихъ спекулятивныхъ цѣлей сбыта ихъ работы, а для того только, чтобы дѣвки не баловались, тѣмъ болѣе, что изъ нихъ были три совершенныя красавицы. Изъ двухъ лакеевъ одинъ, престарѣлый Иванъ Желыбинъ, служилъ своимъ господамъ до третьяго ихъ поколѣнія, и когда барыня выѣзжала въ гости въ громадной своей шестимѣстной каретѣ, служившей

этотъ былъ Петръ Ивановичъ Юшковъ, извѣстный въ свое время большимъ своимъ состояніемъ и огромнымъ домомъ, что на Мясницкой насупротивъ Московскаго почтамта, и разорившійся до тла. Въ этомъ бѣдственномъ положеніи я однажды встрѣтилъ его уже старикомъ въ Петербургѣ въ 1845 или началѣ 1846 года въ домѣ умершей нынѣ Варвары Александровны Шатиловой. Какія именно были причины, препятствовавшія А. И. Нарышкиной выйти за П. И. Юшкова, еще въ полномъ блескѣ возраста и состоянія, не знаю; но по разсказамъ современниковъ кажется, что онъ былъ однимъ изъ видныхъ охотниковъ до барскихъ затѣй своей эпохи, если судить по тому, что у него были дрессированы по нѣскольку изъ простыхъ его крестьянскихъ дѣвокъ, танцовщицъ Французской кадрили, для чего онѣ являлись на барскій дворъ одѣтыми во Французское платье въ перчаткахъ на рукахъ прямо, такъ сказать, отъ полевыхъ работъ, чтобы быть импровизированными бальными дамами для пріѣзжихъ изъ Москвы великосвѣтскихъ кавалеровъ.

ей чуть ли еще не до Московскаго пожара, Желыбинъ, при спускѣ съ каждой крутой горы, слѣзалъ съ запятокъ кареты (гдѣ онъ по старинному держался стоя на балансѣ) и шелъ рядомъ съ экипажемъ, держась за ручку дверей съ той стороны, гдѣ сидѣла его госпожа, чтобы въ случаѣ-де паденія кареты онъ могъ ее поддержать[1]). Тщетно всѣ мы силились доказывать Елисаветѣ Ивановнѣ, что эта предосторожность ни къ чему не вела, а подвергала посѣдѣвшаго личарду опасности быть раздавленнымъ, въ случаѣ паденія экипажа на его сторону. Въ числѣ дворовыхъ былъ нѣкій Павелъ Николаевичъ (окончаніе отчества на *ичъ*, вмѣсто Николаевъ, уже говоритъ явно, что онъ не стоялъ на ряду съ прочими), бывшій дядька при всѣхъ дѣтяхъ Нарышкиныхъ[2]), и потому оставшійся въ домѣ на болѣе почетной ногѣ. Типъ этихъ стариковъ совершенно нынѣ исчезъ. Пользуясь свободою слова въ гостинной, Павелъ Николаевичъ никогда не забывался; манеры и языкъ его были облагорожены; одѣтъ онъ былъ чище прочихъ; правда, что въ описываемое мною время уже никакой службы отъ него не требовалось, и онъ оставался до конца предметомъ игривыхъ, безвредныхъ шалостей своихъ взрослыхъ уже питомцевъ, коихъ онъ по прежнему сопровождалъ на гуляніе *для близиру* ихъ. Его пугали, дѣлали всѣ возможныя штуки, мучили его, кланяясь ему въ ноги, и испугъ или конфузъ его забавлялъ всѣхъ. Но, пользуясь столь высокимъ положеніемъ при своихъ господахъ, онъ никогда не сплетничалъ и не важничалъ передъ своими собратіями. Была у Павла Николаевича одна неодолимая страсть: воспитывать скворцевъ и учить ихъ говорить и насвистывать пѣсни подъ органчикъ. Выучилъ онъ одного скворца ясно выговаривать: «Хозяинъ, гость пришелъ», и также «Христосъ воскресе»; но ученый пернатый сбился какъ-то съ толку (по наущенію будтобы проказниковъ господскихъ дѣтей) и началъ кричать: «Хозяинъ воскресе, Христосъ, гость пришелъ», или что-то въ этомъ родѣ. «Ахъ, ты окаянная тварь», кричалъ соблазненный набожный старикъ; «постой же, я тебя проучу», и принялся сѣчь скворца прутикомъ, и увѣрялъ впослѣдствіи, что отучилъ птицу отъ подобнаго вранья.

Въ началѣ осени 1833 года, по переданной мнѣ просьбѣ отъ брата моего графа Петра Дмитріевича прибыть къ нему въ Бутурлиновку, куда онъ отправился прямо изъ с. Тепловки, Полтавской губ.,

---

[1]) Должность *ухабничаго* у старыхъ царей. П. Б.

[2]) Онъ былъ еще дядькою при малолѣтней Софьѣ Ивановнѣ и таковымъ удостоился чести быть помѣщеннымъ въ Бѣлкинской карикатурной книгѣ нашего буфетчика Ивана Бѣшенцева.

Пирятинскаго уѣзда, имѣнія жены его *), я поѣхалъ туда съ Битмидомъ и засталъ тамъ, у брата, повѣреннаго по всѣмъ его дѣламъ, И. А. Кавецкаго. Поѣздка ихъ туда мотивирована была непріятнымъ и непредвидѣннымъ случаемъ бунта тамошнихъ крестьянъ-Малороссіянъ, происшедшимъ сколько отъ всеобщаго въ томъ году голода, столько же отъ ненависти къ управлявшему имѣніемъ Нѣмцу Дёрбергу, который завѣдывалъ сначала однимъ тамошнимъ коннымъ заводомъ, но къ которому братъ мой имѣлъ полное довѣріе. Всѣ увѣщевавшія возвратиться къ должному повиновенію остались напрасными, и передано было мнѣ впослѣдствіи, будто-бы упорные Хохлы отважились сказать своему помѣщику: «какъ же намъ вѣрить тебѣ, когда ты измѣнилъ закопу предковъ твоихъ?» Но я этому не совсѣмъ вѣрю, хотя дѣйствительно, насколько я самъ могъ замѣтить, братъ мой почти уже не скрывалъ перехода своего въ Латинство. Для усмиренія крестьянъ онъ вынужденъ былъ потребовать близъ расположенный кирасирскій эскадронъ. Все это произошло до моего еще туда пріѣзда; при мнѣ же началось разбирательство правыхъ и виноватыхъ безъ содѣйствія ушедшей уже команды. Братъ мой одновременно приступилъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ сократить обременительный расходъ на содержаніе колоніи дворовыхъ людей, возросшей до баснословной цифры, кажется, около 700 душъ. Давалъ онъ имъ отпускныя безденежно, но ихъ не охотно брали эти тунеядцы.

На Бутурлиновскомъ конномъ заводѣ я снова свидѣлся съ лейбъ-гусарскимъ моимъ парадиромъ Заиграемъ, уже въ качествѣ производителя, и хотя этотъ *амплуа* дѣлаетъ обыкновенно заводскихъ жеребцовъ чрезвычайно злыми, онъ однакоже дозволилъ мнѣ быть опять своимъ сѣдокомъ по случаю охоты съ борзыми. Братъ мой пріобрѣлъ его у О. А. Тридона (которому конь этотъ былъ мною подаренъ взамѣнъ зарѣзаннаго моимъ Сербомъ) за верховую 4-хъ лѣтнюю лошадь Бутурлиновскаго завода и съ 300 р., кажется, придачи. Не упомянулъ я, что братъ мой, занимавшійся лѣтъ 15 со страстію и съ полнымъ знаніемъ коннозаводскимъ дѣломъ, уже въ началѣ 30-ыхъ годовъ убѣдился, что для верховыхъ даже породъ лошадей тонкія ноги (дотолѣ преобладавшія повсюду въ подражаніе Англійскихъ скаковыхъ лошадей) никуда не годятся, и потому началъ вводить у себя ширококостныя ноги, сохраняя при томъ прочія условія кровной породы.

*) Превосходное это имѣніе, кажется, больше 6000 душъ, присуждено было Осипу Игнатьевичу Понятовскому, послѣ долгихъ хлопотъ по тяжебному дѣлу съ графомъ Завадовскимъ. Оно представляло собою бо́льшую цѣнность чѣмъ было первоначальное приданое невѣстки моей, но передано оно было ей отцемъ ея на извѣстныхъ условіяхъ, о которыхъ упомянется впослѣдствіи.

Когда порядокъ былъ возстановленъ въ Бутурлиновкѣ, братъ и я поѣхали навѣстить тетку нашу Прасковью Артемьевну Тимофееву въ ея имѣніе с. Воронцово, Тамбовской губерніи и уѣзда, отстоящее около 150 верстъ отъ Бутурлиновки, степями и проселочными дорогами. Тетки тогда тамъ не было: она помѣщала старшаго своего сына Евгенія Александровича (род. въ 1818 г. † 1861 г.) въ Петербургское Артиллерійское Училище. Оставались дома мужъ ея Александръ Ульяновичъ († 1838), малолѣтній второй сынъ Артемій († 1862), прозванный въ семействѣ Артюромъ, и три дочери: Аделаида, Надежда и Елисавета. Старшей изъ нихъ, Аделаидѣ, было тогда около 14 лѣтъ *). При дѣтяхъ Тимофеевыхъ была гувернанткою нѣкая мадамъ Матернъ, особа чрезмѣрно болтливая, но умная, какъ доказывало то, что она властвовала надъ всѣми въ Воронцовѣ, въ томъ числѣ и надъ моею теткою. Въ тамошнемъ домѣ имѣлась и понынѣ имѣется полная фамильная галлерея портретовъ Воронцовыхъ обоего пола, а также мужей графинь изъ этого дома, въ томъ числѣ Василія Сергѣевича Нарышкина, дѣда моей жены, и моихъ родителей, писанныхъ въ ихъ молодости; тутъ и портретъ Артемія Волынскаго, Бироновской жертвы. Я слыхалъ, что другая подобная галлерея Воронцовыхъ имѣется въ с. Андреевскомъ, Владимирской губ. Покровскаго уѣзда, принадлежащемъ князю С. М. Воронцову, гдѣ умеръ въ началѣ столѣтія канцлеръ графъ А. Р. Воронцовъ.

Передамъ слышанный мною анекдотъ о дядюшкѣ Александрѣ Ульяновичѣ. Подверженный разстройству мочеваго пузыря, онъ часто долженъ былъ выходить для естественной нужды. Однажды въ гостяхъ, сидя за карточнымъ столомъ, въ лѣтнее время, онъ часто выходилъ для этого въ садъ; но, желая вѣроятно скрыть это обстоятельство и для придачи себѣ, какъ говорится по французски, *une contenance*, возвращался въ комнату съ цвѣткомъ или обломкомъ вѣтки въ зубахъ, какъ бы выходилъ для того, чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ, при видѣ чего одинъ изъ его партнёровъ сдѣлалъ замѣчаніе, что m-r Timoféeff, какъ Ноева голубица, возвращается въ ковчегъ съ масличною вѣтвію въ клювѣ, предвѣщающей конецъ потопа. Онъ былъ добрѣйшій человѣкъ, старался угождать во всемъ своей женѣ, но находился почти что подъ опекою у своей старухи - матери, дѣловой до конца барыни, пережившей сына. Его отецъ былъ разбогатѣвшій откупщикъ не изъ

*) Она вышла замужъ за князя Николая Григорьевича Голицына, умерла чахоткою въ Пизѣ въ 1847 году и похоронена на Ливорнскомъ Греческомъ кладбищѣ, оставивъ шестимѣсячнаго сына князя Григорья Николаевича Голицына. Тетка моя скончалась въ 1842 году.

дворянъ, и потому въ нашемъ семействѣ смотрѣли (довольно впрочемъ основательно) на бракъ тетки нашей, какъ на *mésalliance*. Бракъ этотъ состоялся, кажется, по случаю разстроенныхъ дѣлъ дѣдушки нашего графа Артемья Ивановича Воронцова, не за долго до его смерти, въ 1812 году или въ началѣ 1813-го, не съ тѣмъ чуть ли условіемъ, чтобы с. Воронцово, очищенное отъ лежавшихъ на немъ долговъ, оставалось собственностію его дочери. У Александра Ульяновича были двѣ сестры за Тамбовскими помѣщиками г.г. Чубаровымъ и Сабуровымъ; сыновьями послѣдняго были Александръ Ивановичъ и Петербургскій недавно умершій богачъ Андрей Ивановичъ. Забѣгая впередъ, упомяну, что меньшая изъ моихъ кузинъ, Елисавета Александровна вышла замужъ въ 1844 за Андрея Евграфовича Кикина, чрезъ годъ съ небольшимъ овдовѣла и въ 1861 году вторично вышла за Константина Аркадьевича Болдырева, хотя онъ моложе ея на десять лѣтъ. Средняя изъ сестеръ, Надежда Александровна, съ которою я нахожусь уже болѣе 20 лѣтъ въ самой тѣсной дружбѣ, вышла замужъ въ 1850-мъ году за морского офицера (нынѣ умершаго) Василія Артамоновича Гавришенк о

Общій дѣдъ нашъ графъ А. И. Воронцовъ оставилъ по себѣ образецъ архитектурнаго своего знанія и вкуса постройкою Воронцовской церкви, хотя въ стилѣ ненавистномъ мнѣ, тогдашней эпохи. Зданіе это представляетъ правильный квадратъ, но съ фронтонами, съ колоннами съ трехъ сторонъ и выступомъ безъ колоннъ съ восточной стороны для алтаря, что́ составляетъ ровноконечный Греческій крестъ. Внутри ея колонны и пилястры поддерживаютъ съ четырехъ сторонъ сводъ и куполъ, и все вмѣстѣ напоминаетъ немного и въ миніатюрѣ Петербургскій Казанскій соборъ, за исключеніемъ устроенныхъ въ стѣнахъ *ниш*ей (углубленій), въ которыхъ поставлены гипсовыя статуи далеко не изящной работы, иныхъ святыхъ, въ томъ числѣ св. мученика Артемія и св. мученицы Параскевы. Не говоря уже о томъ, что онѣ стоятъ какъ страшныя привидѣнія, подобная вещь несообразна съ обрядностію нашей церкви, вообще не благопріятствующей скульптурнымъ изображеніемъ святыхъ въ храмахъ, по поводу чего было въ недавнемъ времени, какъ я слышалъ, столкновеніе между нынѣшнею владѣлицею того имѣшія и мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ, и я нахожу, что требованіе послѣдняго о снятіи этихъ статуй весьма было основательнымъ. Другая особенность этого храма та, что занавѣсь за царскими вратами не задергивается къ боку, какъ обыкновенно, а спускается и подымается на кольцахъ, немного по театральному. Въ самомъ куполѣ (весьма обширномъ) устроены хоры для пѣвчихъ. Мѣстные образа и огромная запрестольная картина Распятія, приписываемые кисти извѣстнаго въ началѣ столѣтія художника Тончи, чуть-ли

не принадлежать въ дѣйствительности профессору-академику Егорову; фигуры въ Распятіи массивны и неуклюжи и, сколько помню, мало вообще святости въ ликахъ Спасителя и Богородицы, даже въ мѣстныхъ иконахъ. Ужъ таковы были эти художники-подражатели Итальянской школы. Кстати скажу, что изъ всего чтò привелось мнѣ видѣть академической иконоппси начала столѣтія, только одинъ даровитый Боровиковскій рѣзко возвышается надъ своими сверстниками, какъ колоритомъ, такъ и естественностію позъ, и притомъ выраженіемъ святости, гдѣ надлежитъ. Иконостасъ Петербургскаго Казанскаго собора всегда останется образцемъ церковной живописи; а о боковой картинѣ въ томъ же соборѣ, Шебуева, изображающей св. митрополита Алексѣя или Филиппа, исцѣляющаго бѣснующаго юношу, скажу, что картина эта, по моему, ничто иное какъ рабское, хотя недурное, подражаніе Рафаэлю. Иконостасъ Воронцовской церкви, съ полуциркульнымъ углубленіемъ, состоитъ изъ ряда огромныхъ черныхъ съ вызолоченными концами копій, на которыхъ прикрѣплены мѣстныя иконы. Какъ бы то ни было, но въ общемъ церковь отзывается роскошью и изящностію, вовсе не сельскими.

Господскій двухъэтажный домъ (разумѣется каменный) съ колонадами по обоимъ бокамъ, соединяющими его съ двумя симетрическими флигелями (гдѣ находятся кухня и много квартиръ для пріѣзжихъ), носитъ старинно-вельможный отпечатокъ (seigneurial) и весь возобновленъ безъ измѣненія стиля въ 60-хъ годахъ. За домомъ садъ, регулярный, съ широкими прямыми и боковыми на крестъ аллеями, изъ вѣковыхъ гигантскихъ липъ (какія я видалъ только въ подмосковномъ Царицынѣ), посаженныхъ въ нѣсколько рядовъ; а передъ центромъ дома спускъ къ обширному пруду, заслуживающему имя озера, но къ сожалѣнію сильно заросшему камышемъ; онъ составленъ течешемъ рѣчки Кирiанъ, на которой стоитъ большая мельница, доходная статья имѣнія, принадлежащаго нынѣ двоюродной моей сестрѣ Елисаветѣ Александровнѣ Болдыревой. Кромѣ упомянутой фамильной галлереи имѣется въ домѣ многочисленная старинная и цѣнная библіотека, собранная нѣсколькими поколѣніями владѣльцевъ, въ которой, между прочимъ, есть рукописи никѣмъ еще не пересмотрѣнныя; также имѣется колекціи цѣнныхъ гравюръ, преимущественно Англійскихъ, прошлаго столѣтія.

Тетку мою дворовые не иначе звали какъ графинею, и нынѣшнее поколѣніе продолжаетъ звать ее этимъ титуломъ, какъ водится въ Англіи, гдѣ дочь лорда никогда не теряетъ природнаго своего титула, еслибы и вышла за простолюдина, хотя принимаетъ фамилію мужа. Это зо-

вется у нихъ: a lady in her own right. Признаюсь, что я нахожу это весьма справедливымъ, тѣмъ болѣе, что она не передаетъ своего титула дѣтямъ. Тетушка же моя продолжала зваться сіятельствомъ по традиціонной, вѣроятно, привычкѣ дворни, видѣвшей ее коренною помѣщицею Воронцова.

Въ 3-хъ верстахъ отъ Воронцова есть с. Загряжчино, имѣніе графини Местръ, мужъ коей графъ Ксаверій былъ братомъ ультрамонтанскаго писателя графа Іосифа. Огромный, въ видѣ дворца, господскій домъ, свидѣтель, какъ гласитъ преданіе, многихъ роскошныхъ и частыхъ пиршествъ, стоялъ весь въ развалинахъ, напоминавшихъ остатками величія Пальмирскія руины. Графиня Местръ была послѣднею представительницею этой отрасли Загряжскихъ; сказанныя пиршества были при ея отцѣ, а домъ нынѣ возобновленъ и вмѣстѣ со всѣмъ имѣніемъ принадлежитъ графу П. С. Строгонову.

Когда мы оба возвратились въ Бутурлиновку, братъ мой получилъ письмо отъ Елисаветы Ивановны Нарышкиной, въ которомъ она просила его прибыть съ И. А. Кавецкимъ къ ней въ Нарышкинское имѣніе дѣтей ея, с. Егорьевское, Орловской губ., для содѣйствія къ возстановленію тамъ порядка, нарушеннаго частію крестьянъ, вышедшихъ изъ повиновенія, болѣе, кажется, отъ безтолковаго, чѣмъ отъ суроваго съ ними обращенія старика Степана Тихоновича (бывшаго въ дѣтствѣ пажомъ у князя Потемкина), человѣка безобиднаго и кроткаго нрава.

Туда поѣхалъ и я съ Битмидомъ. Дѣло скоро тамъ уладилось, и братъ мой съ г. Кавецкимъ вскорѣ отправились, а мы вдвоемъ остались еще недѣли на двѣ. Мѣстность тамъ полустепная, непривлекательная для постояннаго житья; небольшой, неотдѣланный внутри господскій домъ стоялъ одинокимъ и отдѣльно отъ службъ, безъ сада и безъ палисадничка, и тѣмъ казался еще болѣе неуютнымъ въ позднее осеннее время. Не скучалъ я потому, вѣроятно, что мнилось мнѣ, что я все болѣе и болѣе привязывался къ юной моей родственницѣ. Съ нами выѣхалъ оттуда О. А. Тридонъ; его мы оставили въ Знаменскомъ, лежащемъ почти что у насъ на пути, а Битмидъ и я поѣхали въ Москву по старой Калужской дорогѣ (не помню почему), и я чрезъ то имѣлъ единственный въ жизни случай видѣть знаменитое *ex* - Воронцовское вельможное гнѣздо, село Вороново, чрезъ которое вела дорога и мимо величаваго мраморнаго обелиска, стоявшаго противъ въѣзда на барскій дворъ и чуть-ли не сооруженнаго дѣдомъ матери моей, графомъ Иваномъ Иларіоновичемъ Воронцовымъ, въ память посѣщенія Воронова императрицею Екатериною.

Въ Москвѣ я снова остановился въ гостинницѣ Коппа, и нечего упоминать о томъ, что я принялся тамъ за прежніе кутежные завтраки и обѣды. Пріѣхали тогда въ Москву двое молодыхъ Англичанъ, братья Робертсоны, казавшіеся туристами съ состояніемъ, и они такъ и были первоначально приняты въ гостепріимныхъ Московскихъ салонахъ, не строго разборчивыхъ иногда къ иностранцамъ. Въ обществѣ держали они себя хорошо, одѣвались какъ слѣдуетъ, и дѣло шло какъ по маслу, пока фонды дозволяли имъ разыгрывать великосвѣтскихъ Хлестаковыхъ; но насталъ черный день, или правильнѣе вечеръ съ танцами, когда надо было объявить милѣйшимъ дамамъ, съ коими они доселѣ любезничали, что оба они не что иное, какъ искатели уроковъ Англійскаго языка за плату, или гувернерскихъ мѣстъ, для чего они надѣются на содѣйствіе этихъ вліятельныхъ салонныхъ звѣздъ. Они часто обѣдывали и чокались бокалами со мною и заявили мнѣ заранѣе о приближеніи роковаго для нихъ часа Англійскимъ изреченіемъ: «Today we must let the cat out of bag» (сегодня придется намъ выпустить кошку изъ мѣшка). Младшій изъ нихъ, человѣкъ степенный, попалъ домашнимъ учителемъ Англійскаго языка къ дѣтямъ князя Петра Дмитріевича Черкасскаго, дальняго намъ родственника, гдѣ пробылъ онъ нѣсколько лѣтъ. Старшему не повезло, въ чемъ, думаю, самъ онъ былъ отчасти причиною по склонности къ лишней рюмочкѣ и позднѣе казался мнѣ въ нуждѣ.

Однообразіе жизни у Коппа или въ ресторацiи знаменитаго Яра *), съ рѣдкими посѣщеніями театровъ (въ общество я вовсе по прежнему не показывался) наконецъ надоѣло мнѣ, и я въ началѣ Декабря отправился вдвоемъ съ Батмидомъ въ мои Порзни. Мысль жениться на миловидной моей кузинушкѣ сильно овладѣла мною, и я изъ Порзней написалъ матери моей о новомъ сердечномъ моемъ состояніи, прося ея согласія и разрѣшенія сдѣлать предложеніе молодой Нарышкиной, и вмѣстѣ съ тѣмъ отправилъ возмужалаго уже почти Полячка Радзиковскаго къ брату моему въ Тепловку, прося его содѣйствія по сему дѣлу. (Странно мнѣ теперь, почему посылалъ я нарочнаго въ такую даль, тогда какъ простое письмо по почтѣ было бы достаточнымъ)... Мать моя дала свое согласіе на мой бракъ и препроводила ко мнѣ письмо свое къ Елисаветѣ Ивановнѣ Нарышкиной, прося руки ея до-

*) Яръ открылъ свое заведеніе еще въ 20-хъ годахъ на Кузнецкомъ мосту въ одноэтажномъ домѣ, гдѣ нынѣ Англійскій магазинъ Шанкса и Болена; а до него, какъ гласитъ преданіе, славился своими котлетами нѣкій Французъ Пикаръ, между 1813 и 1820 годами, ресторанъ коего былъ на Тверскомъ бульварѣ, гдѣ и понынѣ кафе-ресторанъ. Въ мое время можно было выпить и закусить въ колбасномъ хорошемъ магазинѣ м-мъ Матернъ, насупротивъ Университета.

чери для меня, и я внѣ себя отъ радости поскакалъ немедленно въ Знаменское въ первыхъ числахъ Января 1834 г., а проѣздомъ чрезъ Москву разсчелъ и оставилъ тамъ моего Англійскаго компаніона.

Въ ознаменованіе счастливаго событія помолвки, я испросилъ позволеніе задать въ домѣ Нарышкиной большой по приглашенію обѣдъ уѣзднымъ тузамъ и не тузамъ, да и кстати выказать мастерство привезеннаго со мною изъ Москвы гастрономическаго артиста (хотя изъ Русскихъ), которому я платилъ 50 р. въ мѣсяцъ: цѣна неслыханная почти въ то время. Банкетъ этотъ былъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, для котораго почтенный Ростиславъ Ѳомичъ Голубицкій приготовлялъ заранѣе свой желудокъ.

Положено было первоначально, чтобы свадьба наша состоялась въ Знаменскомъ той весною, и оно лучше бы вышло во многихъ отношеніяхъ, и конечно экономнѣе. Однако рѣшеніе это было отмѣнено по разнымъ причинамъ, главною изъ коихъ было изготовленіе приданаго, для покупки и шитья коего Елисавета Ивановна сочла необходимымъ съѣздить въ Москву; кромѣ того, она желала, чтобы сынъ ея находился при свадьбѣ своей сестры, и дѣло затянулось до глубокой осени. Приданаго, конечно, я никакого не требовалъ, и еще менѣе, когда черезъ это приходилось мнѣ ждать нѣсколько мѣсяцевъ; но нужно было повиноваться. Между тѣмъ, денежныя мои обстоятельства были въ наитѣснѣйшемъ положеніи. Кромѣ Порзненскаго пожара въ предыдущемъ году, заставившаго меня простить годовой оброкъ погорѣвшимъ крестьянамъ, сдѣлался отъ неурожая 1833 года повсемѣстный почти голодъ. Четверть ржи доходила въ Калужской губерніи до 28 р., тогда какъ обыкновенная цѣна стояла чуть ли не ниже 10 р. *). Отъ дороговизны хлѣба сборъ оброка въ Порзняхъ затруднялся и въ тѣхъ моихъ деревняхъ, гдѣ не было пожара. Будущая теща моя заложила въ Московскій Опекунскій Совѣтъ всю свою седьмую (вдовью) часть Нарышкинскаго имѣнія, около 60 душъ, и на эти деньги (около 12 т. р.) накупила въ Москвѣ одного почти тряпья. Для столь важной операціи мы всѣ переселились въ Іюнѣ въ Москву на все лѣто и наняли домъ Половцова, въ лабиринтѣ улицъ и переулковъ между церковью Власія и Спасомъ на Пескахъ. Замѣчу кстати о томъ лабиринтѣ, что хотя я великій пѣшій ходокъ и порядочно знаю топографію матушки бѣлокаменной, какъ жившій въ ней безвыѣздно по нѣскольку лѣтъ, но

*) Въ настоящее неголодное время (1868—1869) хлѣбъ въ Калужской губ. не выходитъ изъ 6 до 7 р., и всѣ привыкли къ таковымъ цѣнамъ, а остальные продукты возвышались почти всѣ въ таковой же пропорціи.

никогда не могъ изучить окончательно эту запутанную ея часть. Хочу выйти подъ Новинское, а попадаю на Арбатскую улицу; хочу изъ Сивцаго Вражка выйти мимо Успенія на Могильцахъ и пробраться къ Зубовскому бульвару, а вмѣсто того являюсь на Пречистенкѣ.

Передъ отъѣздомъ нашимъ изъ Знаменскаго пріѣхалъ туда въ отпускъ Алексѣй Ивановичъ Нарышкинъ офицеромъ и съ солдатскимъ Георгіемъ. Онъ былъ красавецъ, высокаго и стройнаго роста, и получеркесская его форма съ патронташами Нижегородскаго драгунскаго полка шла къ нему какъ нельзя болѣе. Онъ переѣхалъ съ нами въ Москву, и тогда же взята была въ домъ, въ родѣ компаніонки для моей невѣсты, Ларисса Ростиславовна Голубицкая. Расходы Московской лѣтней жизни были всѣ мои. Покуда нареченная моя теща возилась съ покупками у Майкова-Доброхотова (на Ильинкѣ), у мадамъ Лебуръ, первенствовавшей въ теченіе 40 лѣтъ въ мірѣ модъ (она составляла какъ бы звено между госпожами Оберъ-Шальме и нынѣшнею Минангуа), покуда, говорю я, Елисавета Ивановна погружена была въ эти занятія и въ совѣщанія съ нѣкоею мадамою Лакомбъ, восходящимъ тогда свѣтиломъ на горизонтѣ Кузнецкаго моста, и съ болтливою супругою куафёра Огюста, я рыскалъ по нѣскольку разъ въ Порзни подъ предлогомъ наблюденія за управленіемъ, вмѣсто чего возился все съ пѣвческимъ своимъ хоромъ или разбивалъ новый Англійскій садъ, но впрочемъ слѣдилъ за значительными новыми пристройками къ моему старому дому для помѣщенія въ немъ всего семейства будущей моей жены, имѣя все въ виду переѣхать туда на жительство. Предназначались даже комнаты для Тридона и Ларисы Ростиславовны. Въ одну изъ этихъ моихъ поѣздокъ въ Порзни съ Тридономъ мы, проѣздомъ чрезъ Владиміръ, навѣстили Сергѣя Степановича Ланскаго, тамошняго тогда губернатора.

Замѣчательна была во Владимирѣ редакція надписи, долго существовавшей надъ фронтономъ дома дворянскаго собранія и гласившей, что это «домъ собранія Владимирскаго благороднаго дворянства», допуская, вѣроятно, возможность, что иные дворяне той губерніи могутъ быть и неблагородными личностями и что для таковыхъ двери храмины не отверзаются: предупрежденіе поучительное и нравственное. Не дурно было также и четверостишіе неизвѣстнаго мѣстнаго поэта надъ бесѣдкою въ городскомъ публичномъ саду:

Давъ тѣнь сію тебѣ и въ знойный день прохладу,
Полезнымъ быть всегда я цѣлію имѣлъ;
И счастливъ истинно, коль скажутъ мнѣ въ награду,
Что я любилъ тебя и другомъ быть умѣлъ.

Дозволяю также себѣ включить въ число Владимирскихъ достопримѣчательностей бывшаго тамъ въ 30-хъ или 40-годахъ архіереемъ преосвященнаго Парфенія (кажется, такъ его звали), о которомъ шли разные анекдоты; между прочимъ, на жалобу священника, имъ принужденнаго къ эпитиміи очищать архіерейскій дворъ, что «не подобаетъ-де іерейскому сану исполнять черную работу», владыко положилъ резолюцію: перевести провинившагося священнослужителя на *бѣлую* работу вывозки снѣга съ архіерейскаго двора за ограду, при чемъ онъ долженъ былъ при каждомъ взмахѣ лопатки приговаривать «и паче снѣга убѣлюся».

Лѣто 1834 г. было знойное и сухое; весною, вся почти Казань сгорѣла, а немного позже пожары свирѣпствовали въ Москвѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Во Владимирской и Костромской губерніяхъ лѣса горѣли въ такихъ размѣрахъ, что никто уже не помышлялъ тушить ихъ. На пути изъ Владимира въ Шую помнится мнѣ, почти до самаго заштатнаго города Луха, на протяженіи около ста верстъ, дорога шла по грудамъ пепла со сверкавшими по обѣимъ сторонамъ и въ недальнемъ отъ нея разстояніи огоньками, которые ползли по сухой травѣ; въ Москвѣ часть Рогожской и Таганки истреблены были до чиста пожаромъ, продолжавшимся нѣсколько дней сряду.

Сообразно новому моему положенію жениха, я сталъ понемногу остепеняться и не чуждаться прежнихъ своихъ знакомыхъ высшаго общества, въ томъ числѣ графа Александра Никитича Панина, прибывшаго незадолго передъ тѣмъ изъ Харькова, гдѣ онъ тогда былъ помощникомъ попечителя учебнаго округа. Я не прерывалъ совершенно моихъ съ нимъ отношеній и однажды даже отнесся къ нему какъ къ опытному садоводу о высылкѣ мнѣ въ Порзни коллекціи розъ, что̀ онъ съ поспѣшностію исполнилъ. Лишь только онъ увидѣлъ меня входящаго въ его уборную, куда меня впустилъ его камердинеръ, онъ бросился ко мнѣ навстрѣчу съ намыленнымъ подбородкомъ и щеками и съ бритвою въ рукѣ и, не сказавъ даже мнѣ «здравствуй» (хотя я слишкомъ три года его не видалъ), закричалъ съ торжествующимъ видомъ: «Mon cher, nous avons à Charkoff *l'agapantus* en pleine terre»: такъ обрадовался онъ встрѣчѣ собрата-цвѣтовода.

Если нареченная теща моя тратилась на наряды дочери, то покрайней мѣрѣ тратила она наличныя свои деньги, да и тѣ до опредѣленной суммы; я же, по недостатку наличныхъ, началъ покупать для моей невѣсты обычные въ семъ случаѣ подарки въ долгъ, при содѣйствіи Леона Копенштейна, съ которымъ не переставалъ пахо-

диться въ сношеніяхъ. Охотно мнѣ довѣряли торговцы, насколько я хотѣлъ, какъ человѣку, за коимъ числялось почти три тысячи душъ, и это было вступительнымъ шагомъ къ запутыванію моихъ дѣлъ. Первымъ приношеніемъ будущей моей женѣ, по традиціонному тогдашнему обычаю, была Турецкая бѣлая шаль, стоившая что-то въ родѣ трехъ тысячъ р., если не болѣе. Это исполнено было мною еще въ Знаменскомъ; шаль же взята была у Персіянина на Лубянкѣ подъ заемное письмо, опять таки чрезъ Леона. Вслѣдъ за тѣмъ пошла *парюра* у ювелира Фульды и тому подобныя вещи, все на тѣхъ же выгодныхъ условіяхъ съ полуторными, по крайней мѣрѣ, цѣнами; но продавцы за то ждали терпѣливо уплаты. Къ довершенію всѣхъ затрудненій вотъ что случилось у меня въ имѣніи. Управляющій Грековъ, чтобы достичь полной оброчной выручки посредствомъ крестьянскихъ заработковъ, заключилъ, по имѣвшейся у него моей довѣренности, условіе съ подрядчикомъ взявшимся прокопать какой-то небольшой каналъ Владимирской губ. Гороховецкаго уѣзда въ с. Холуѣ [1]). Цѣны за работы были довольно выгодны, но отъ осенней сырости и отъ другихъ, можетъ быть, причинъ, открылась между моими крестьянами, копхъ было нѣсколько сотъ, сильная тифозная горячка, перешедшая изъ Холуя въ мои Порзни, и съ осени 1834 по начало лѣта 1835 года вымерло изъ моего имѣнія чуть-ли не до 600 человѣкъ мужскаго пола. Между тѣмъ свадьба наша назначена была въ Ноябрѣ, и деньги все дѣлались мнѣ нужнѣе и нужнѣе. Я хлопоталъ о полученіи изъ Опекунскаго Совѣта надбавочныхъ по 50 р. на душу (сверхъ залога въ 200 р.), но не успѣлъ по малоземельности крестьянъ и, можетъ быть, отчасти по накопившимся процентнымъ недоимкамъ.

Осенью надо было сдать домъ Половцова, и я нанялъ на Пречистенкѣ огромнѣйшій домъ Бибикова [2]) противъ Пожарнаго депо, гдѣ и состоялась наша свадьба. Не помѣстилъ я, гдѣ слѣдовало, что на лѣтнихъ Англійскихъ скачкахъ за Пресненскою заставою [3]), куда

---

[1]) Село это, равно какъ и с. Палиха (Шуйскаго уѣзда), замѣчательно тѣмъ, что всѣ тамошніе крестьяне самоучкою занимаются иконописью. Вся эта мѣстность входила когда-то въ составъ Суздальскаго воеводства (а прежде того въ княжества), и потому осталось названіе *Суздальской* живописи за этими произведеніями, тогда какъ въ самомъ городѣ Суздалѣ иконописью вовсе не занимаются исключительно.

[2]) Впослѣдствіи барона Розена, а позднѣе Аладьина. Домъ этотъ замѣчателенъ въ историческомъ отношеніи, какъ уже принадлежавшій Бибиковымъ въ половинѣ 18-го вѣка, и въ немъ останавливался въ концѣ 1773 года извѣстный Александръ Ильичъ Бибиковъ, проѣздомъ чрезъ Москву, когда отправленъ былъ Екатериною для усмиренія Пугачевщины.

[3]) Заводчики скаковыхъ лошадей были гг. Мосоловы, князь Гагаринъ и Петровъ, но болѣе половины призовъ всегда почти доставалось лошадямъ Мосоловыхъ, чему способствовало искусство Англійскаго жокея Дей.

стекалось все Московское фашіонабельное общество, я повстрѣчался въ павиліонѣ ипподрома съ Дивовымъ и его женою, коимъ я представилъ свою невѣсту, бывшую тутъ съ ея матерью, и съ того момента я сблизился съ ними *).

Но вотъ подошелъ Ноябрь. Я продолжалъ обзаводиться всѣмъ нужнымъ женатому человѣку: купилъ двумѣстную карету (также на вексель) и сшилъ лакейскія ливреи съ позументами и съ семейнымъ нашимъ гербомъ, все по моему рисунку, что́ весьма меня занимало.

Молодая Нарышкина и я были внучатными межъ собою, сирѣчь троюродными кузенами; и хотя, по канонпческимъ правиламъ, бракъ въ подобной степени не возбраняется, но допускаютъ его не иначе какъ съ разрѣшенія епархіальной власти, для полученія каковаго Н. А. Дивовъ повезъ меня къ митрополиту Филарету. Я выказалъ ему карандашемъ на бумагѣ степень моего родства съ моею невѣстою, и владыка, давъ свое согласіе, сказалъ, что разрѣшеніе получено будетъ священникомъ приходской нашей церкви Воскресенія что́ на Остоженкѣ, гдѣ предположено было вѣнчаться намъ. Но каково было мое изумленіе, когда, при производившемся обычномъ обыскѣ, дня три до свадьбы, приходскій священникъ, явившись ко мнѣ, спросилъ, когда я именно говѣлъ въ послѣдній разъ, и есть ли у меня въ томъ удостовѣреніе, необходимое, по его словамъ, въ настоящемъ случаѣ! Я отвѣчалъ, что говѣлъ въ своемъ имѣніи Костромской губерніи, великимъ постомъ предыдущаго 1833 года, но удостовѣренія въ томъ отъ своего духовника не имѣю, да и не принято обыкновенно имѣть таковое при себѣ; а что для востребованія его оттуда не достаетъ уже времени, хотя бы и чрезъ нарочно посланнаго, такъ какъ до заговѣнія оставалось всего три-четыре дня; а отложить свадьбу до Января было бы крайне для всѣхъ насъ стѣснительно. Онъ на это сказалъ, что въ экстренномъ случаѣ достаточно будетъ двухъ-трехъ дней для говѣнія и постной ѣды; а я ему замѣтилъ, что хотя я готовъ исполнить этотъ священный долгъ, но что не подготовлялся къ нему какъ слѣдовало, и потому мнѣ казалось, что двудневнаго поста недостаточно. Тогда священникъ заявилъ послѣднимъ условіемъ, *sine qua non*, чтобы я непремѣнно отговѣлъ въ эти оставшіеся два дня, а что иначе онъ

*) Дивовы жили тогда лѣтомъ въ вновь роскошно устроивавшемся своемъ Зенинѣ; у нихъ часто тогда гостили Марія Павловна Сумарокова и пансіонская подруга Зинаиды Сергѣевны, нѣкая Анна Александровна Орлова, весьма миловидная барынька. Въ Москвѣ Дивовы тогда жили зимою въ домѣ Крича, въ Средне-кисловскомъ переулкѣ близъ Никитской.

вѣнчать меня не станетъ, и я долженъ былъ повиноваться сему рѣшенію. Позднѣе я узналъ, что таковое требованіе приходскаго священнослужителя было слѣдствіемъ инструкціи епархіальнаго начальства, желавшаго удостовѣриться, не перешелъ ли я въ Латинство съ прочими моими заграничными семейными, о переходѣ коихъ было извѣстно въ обѣихъ столицахъ.

Бракъ нашъ состоялся 12 Ноября 1834 года. Посаженымъ отцомъ у меня былъ Дивовъ, а посаженою матерью Черткова; шафером былъ прежній мой полковой сослуживецъ, Матвѣй Александровичъ Долговъ, тогдашній адъютантъ генерала Каблукова. У невѣсты моей посаженымъ отцемъ былъ бывшій ея опекунъ, князь Александръ Андреевичъ Волконскій [1]), а матерью родная ея тетка Марія Васильевна Олсуфьева; шафером братъ ея А. И. Нарышкинъ. Трогательно было видѣть во время вѣнчанія старую кормилицу моей жены, крестьянку изъ подмосковнаго села Битцы, для коей я заказалъ, по случаю столь торжественнаго дня, полный щегольской національный нарядъ, какъ будто бы для настоящей молодой кормилицы. Пѣвческій хоръ (съ входнымъ, вѣроятно, концертомъ «гряди, невѣста отъ Ливана») былъ отъ Михаила Дмитріевича Засѣцкаго, тогда славившійся по Москвѣ.

Хотя въ столь важную минуту жизни мнѣ не до того, конечно было, чтобы замѣчать посторонніе предметы, но помню, какое на всѣхъ присутствовавшихъ производила впечатлѣніе красивая фигура молодаго офицера Нижегородскаго драгунскаго полка, брата моей жены, въ полной Кавказской формѣ. Изъ постороннихъ въ церкви были княгиня Варвара Сергѣевна Голицына съ незамужними еще тогда княжнами Ольгой и Варварой Павловнами и малолѣтней княжною Маріею Павловною [2]).

Вопреки моей сѣдинѣ, сильно бьется сердце и дрожитъ въ рукѣ перо, при воспоминаніи того дня. Нѣтъ высшаго въ мірѣ блаженства, какъ принять изъ подъ вѣнца въ свои объятія любимую дѣвушку послѣ долгаго томительнаго ожиданія, знать, что мы взяли ее съ бою (*that we won her*), и что она наша навсегда. И не вѣрится въ дѣйствительности этой минуты, которая не повторяется никогда...

---

[1]) Братъ матери Николая Александровича Замятнина, что̀ нынѣ директоромъ земскаго Отдѣла Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

[2]) Княжна Ольга вышла замужъ за Павла Петровича Чичерина, княжна Варвара за Василья Сергѣевича Шереметева, а княжна Марія (въ 1843 году) за Владимира Яковлевича Скарятина. Старшая ихъ сестра, княжна Зинаида, уже была въ 1834 году замужемъ за княземъ Николаемъ Александровичемъ Щербатовымъ.

Не обзавелся еще я въ то время лошадьми, а нанималъ помѣсячно, по весьма дорогой цѣнѣ, четверню съ кучеромъ и форейторомъ, у содержателя ѣзжалыхъ лошадей, Зарайскаго, на Арбатской площади, и укомплектовалъ также обстановку своего дома Негромъ, одѣтымъ въ Азіятскій фантастическій костюмъ съ бѣлой чалмою; но я вскорѣ прогналъ его за пьянство.

*

Осенью того 1834 года окончены были тріумфальные ворота, что́ у Тверской заставы, украшенные статуями и барельефами даровитаго Московскаго ваятеля Ивана Петровича Витали [1]). Приглашенный освятить ворота, митрополитъ Филаретъ отказался исполнить требуемое отъ него на томъ-де основаніи, что пришлось бы освящать миѳологическихъ боговъ, богинь и подобныя эмблемы монумента, въ чемъ онъ былъ совершенно, по моему, правъ. Говоря о тріумфальныхъ аркахъ, отмѣтить слѣдуетъ, что въ настоящее только царствованіе взялись за умъ и возстановили на Красныхъ воротахъ (что́ въ концѣ Мясницкой) первоначальный вензель императрицы Елисаветы Петровны, въ честь которой они были воздвигнуты; а до весьма недавняго времени буквы эти мѣнялись при каждомъ новомъ царствованіи, изъ чего выходилъ абсурдный анахронизмъ въ добавокъ къ неуклюжести и безвкусію зодчества восемнадцатаго вѣка. Въ дѣтствѣ моемъ помню вензель А съ маленькою въ этой буквѣ цифрою I, въ честь Александра Павловича; затѣмъ по весьма плохо выскобленной той буквѣ явился вензель Н.; раболѣпное чувство вѣрноподданства не уживалось, видно, тогда съ археологіею. Не смѣялись-ли бы сами Русскіе, если бы надъ Парижскими тріумфальными вратами, свидѣтельствующими о побѣдахъ Людовика XIV и Наполеона I-го, совершались подобныя превращенія, или надъ Римскими уцѣлѣвшими тріумфальными арками Тита, Септимія Севера и Константина виднѣлись бы вензеля очередныхъ папъ? Если о степени народной образованности судить по развитію въ народѣ эстетическаго вкуса, то Москва находится въ прискорбномъ отчасти положеніи. Не говоря уже о древнихъ церквахъ, сломанныхъ до основанія въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, подъ предлогомъ расширенія площадей и проѣздовъ, уже достаточно пространныхъ по сравнительной малолюдности первопрестольнаго града [2]), меня всегда воз-

---

[1]) Ему же Москва обязана изящными фонтанами на Лубянской и Театральной площадяхъ.

[2]) Подобному приговору къ сломкѣ подверглась въ 30-ыхъ годахъ оригинальнѣйшей архитектуры маленькая церковь, миніатурное почти повтореніе Василія Блаженнаго, на площадкѣ противъ Кремлевскихъ Троицкихъ воротъ, рядомъ съ экзерцигаузомъ; и этому археологическому святотатству дано было варварское названіе *перене-*

мущаютъ подновленія и малярные слои всевозможныхъ радужныхъ цвѣтовъ.

Умолчать не слѣдуетъ также объ одномъ Московскомъ, чуть ли не единственномъ въ своемъ родѣ, куріозѣ, садѣ Осташевскомъ на Тверскомъ бульварѣ, тамъ гдѣ нынѣ дома Полякова. На пространствѣ едва-ли болѣе одной десятины текла рѣчка съ прудомъ и съ мостиками; групировались рощицы, отшельничьи пещеры, капища съ надписями и стихами; были павильоны, Китайскія бесѣдки, качели, каруселъ и подобныя увеселительныя игры, и ландшафтъ довершался Русскимъ селеніемъ на лугу съ вычурными избами, вокругъ коихъ неподвижно толпились крестьяне обоего пола, а на лугу паслись ихъ стада и лошади. Но весь этотъ столь пестро раскрашенный гипсовый людъ и животныя, всѣ въ настоящій ростъ (творчество лѣпныхъ дѣлъ мастера Севрюгина) не соотвѣтствовалъ размѣрамъ выстроенныхъ для нихъ жилищъ. Такъ наприм., дѣвушка въ традиціонно-театральномъ кокошникѣ и красномъ (или голубомъ) сарафанѣ, возвращающаяся съ рѣки съ коромысломъ на плечѣ, никогда не ухитрилась бы войти въ свою избу, конекъ крыши которой былъ наравнѣ почти съ ея головою. А при въѣздѣ въ селеніе былъ, кажется, столбъ съ сладкозвучнымъ или сентиментальнымъ его прозвищемъ, въ составъ коего входили намеки о радушномъ въ немъ пріютѣ или о добросердечности жильцевъ. Входъ въ садъ былъ ежедневный и безплатный.

Отмѣтить также слѣдуетъ, что лѣтомъ того 1834 года графъ Сергѣй Петровичъ Румянцовъ соорудилъ памятникъ въ с. Тарутинѣ (Калужск. губ. Боровскаго уѣзда), дабы увѣковѣчить славное, происшедшее тамъ дѣло въ 1812 г., увѣнчанное первою нашею побѣдою надъ Французами. Монументъ этотъ сооруженъ былъ на сумму вырученную графомъ Румянцовымъ за освобожденіе имъ своихъ крестьянъ, числомъ отъ 800 до 1000 душъ, того села Тарутина со всею землею того имѣнія, перешедшихъ въ званіе вольно-хлѣбопашцевъ. По невозможности самому виновнику этого патріотическаго дѣла присутствовать при открытіи монумента, распорядителемъ празднества и церковной церемоніи, совершенной Калужскимъ архіереемъ (кажется Никаноромъ), былъ, по просьбѣ графа, братъ мой Н. А Дивовъ *).

сенія въ манежъ той церкви, на томъ основаніи, что въ манежѣ пристроенъ былъ придѣлъ во имя святаго, которому посвящена была уничтоженная церковь. Равнымъ же образомъ на подъемѣ горы между Боровицкими воротами и новымъ Кремлевскимъ дворцемъ стояла церковь на терассѣ, какъ будто бы на блюдѣ; проѣзду она не мѣшала, но все таки сломали ее.

*) Литографія этого торжества весьма искусно выполнена тогда была Московскимъ глухонѣмымъ художникомъ Гампелемъ.

Дополненія.

Графъ Александръ Никитичъ Панинъ былъ чрезмѣрно высокаго роста. Во время занятія Парижа въ 1814 году онъ служилъ въ кавалергардскомъ полку и, сидя однажды въ первыхъ рядахъ партера, заслонялъ собою сидѣвшихъ позади его, которые воображали, что впереди ихъ стоитъ, а не сидитъ зритель, и потому начался крикъ: «assis, m-r l'officier, assis!» (садитесь, г. офицеръ, садитесь!) Тогда графъ Панинъ всталъ на ноги и, обернувшись къ публикѣ, сказалъ во всеуслышаніе: «Messieurs, me voilà debout» (теперь, господа, я стою) и затѣмъ, опустившись на кресло, добавилъ такимъ же громкимъ голосомъ: «et maintenant, messieurs, me voilà assis» (а теперь, господа, я сижу). «Bravo, m-r l'officier», былъ отвѣтъ на эту находчивость. Онъ передалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ, характеризующій духъ Наполеоновскихъ воиновъ. Во время кампаніи 1812 г. графъ наткнулся на плѣннаго, весьма молодаго солдата, и какъ онъ казался изъ свѣжихъ рекрутовъ, то графъ спросилъ, давно ли онъ оставилъ отечество. «Il y a quinze jours de cela, mon officier [1]), отвѣчалъ юноша. Графъ, удивленный, что Французъ могъ перепрыгнуть въ столь короткое время изъ Франціи въ глубину Россіи, вторично спросилъ, изъ какого именно мѣста онъ былъ отправленъ. «De Smolensko, mon officier; j'espère bien que Smolensko est en France» [2]). Подобнаго почти рода остроту Французскаго солдата передавалъ мнѣ Н. А. Дивовъ. Это было при самомъ началѣ кампаніи 1812 года, когда гвардія была еще на ходу къ театру военныхъ дѣйствій, и орудія и амуниціи содержались въ такой же педантической чистотѣ, какъ будто бы готовились на смотръ на Петербургскій Царицынъ лугъ. Гвардейская пѣшая батарея проходила мимо партіи первыхъ взятыхъ въ плѣнъ Французовъ, и кто-то изъ офицеровъ этой батареи вздумалъ спросить у одного изъ плѣнныхъ Французовъ, въ такомъ-ли видѣ содержатся Французскія пушки, какъ Русскія. «Les nôtres ne sont pas aussi luisants que les vôtres, car ils sont barbouillés de poudre», былъ отвѣтъ. (Наши орудія не такъ лоснятся какъ ваши, потому что они закопчены порохомъ).

*

Когда получена была въ Петербургѣ вѣсть о кончинѣ императора Александра въ Таганрогѣ, великій князь Михаилъ Павловичъ былъ въ Варшавѣ, куда онъ ѣзжалъ на поклоненіе брату своему Константину Павловичу, на подобіе, говорилъ Н. А. Дивовъ, какъ мусуль-

[1]) Тому недѣли двѣ, г. офицеръ.

[2]) Изъ Смоленска, г. офицеръ; конечно Смоленскъ во Франціи.

мане ходятъ на поклоненіе Магометову гробу въ Мекку. По прошествіи нѣсколькихъ дней по полученіи извѣстія о государевой смерти, Н. А. Дивовъ былъ на выходѣ въ большомъ дворцѣ. Его замѣтилъ Николай Павловичъ и спросилъ, не было-ли какихъ у него извѣстій о Михаилѣ Павловичѣ, и на отрицательный отвѣтъ Дивова сказалъ: «Прошу тебя, какъ только ты что нибудь узнаешь о немъ, увѣдомь меня немедленно». Когда Михаилъ Павловичъ возвратился, Н. А. Дивовъ жившій въ Михайловскомъ дворцѣ, встрѣтилъ его рано утромъ у крыльца и, передавъ ему приказаніе, полученное имъ отъ Николая Павловича, отправился для исполненія онаго въ зимній дворецъ. Тамъ по докладу камердинера онъ былъ тотчасъ принятъ и засталъ великаго князя умывающимся. Узнавъ о пріѣздѣ брата своего, онъ сказалъ Дивову: «спасибо за доброе извѣстіе; а вотъ и другое также хорошее, полученное мною изъ Москвы; князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ прислалъ сказать мнѣ, что Москва присягнула государю императору Константину Павловичу». (Посланный съ извѣстіемъ былъ Петръ Петровичъ Новосильцовъ, адъютантъ князя Д. В. Голицына). Дивовъ возвратился въ Михайловскій дворецъ и оттуда скоро опять отправился въ Зимній съ Михаиломъ Павловичемъ. Оба великіе князья заперлись въ кабинетѣ у Николая Павловича. Вскорѣ потомъ прибылъ во дворецъ Петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ и былъ впущенъ въ кабинетъ. Проводивъ обратно Михаила Павловича въ его дворецъ, Н. А. Дивовъ получилъ въ теченіе того утра записку отъ сенатскаго оберъ-прокурора князя Ивана Александровича Лобанова-Ростовскаго, (впослѣдствіи сенатора), въ которой говорилось, что министръ юстиціи князь Лобановъ, зная, что имѣется въ кабинетѣ в. к. Михаила Павловича портретъ цесаревича в. к. Константина Павловича, проситъ-де Дивова передать его просьбу Михаилу Павловичу о дозволеніи снять копію съ того портрета для сенатской притутственной камеры. Дивовъ, улучивъ удобную для того минуту въ теченіи дня, передалъ великому князю просьбу князя Лобанова, но не получилъ отъ него никакого отвѣта. На слѣдующій день Дивовъ повторилъ упомянутую просьбу, но столь же безуспѣшно: великій князь молчалъ *). Между тѣмъ, князь И. А. Лобановъ, не получивъ никакого отвѣта отъ Дивова, вторично написалъ ему записку. Дивовъ извѣстилъ его письменно о неудачѣ его ходатайства, и что онъ болѣе не смѣетъ утруждать великаго князя. Въ этомъ положеніи находились дѣла въ теченіе нѣсколь-

*) Подробности эти важны, указывая, что въ царской семьѣ вопросъ былъ рѣшенъ о вступленіи на престолъ великаго князя Николая Павловича; зачѣмъ о немъ еще умалчивалось, непонятно.

кихъ дней. Въ разговорахъ своихъ съ Михаиломъ Павловичемъ Дивовъ замѣтилъ, что, говоря о братьяхъ своихъ, онъ безразлично называлъ обоихъ «братъ Константинъ, братъ Николай». Дивовъ прибавляетъ, что помнится ему, что и самъ в. к. Николай Павловичъ говорилъ въ то промежуточное время о «своемъ братѣ *великомъ князѣ* Константинѣ Павловичѣ», отъ чего Дивовъ и всѣ придворные стали въ тупикъ, не зная, кто у нихъ императоромъ. Чувствуя, вѣроятно, всю неловкость подобнаго положенія, и чтобы избавиться отъ любопытства окружавшихъ его лицъ, в. к. Михаилъ Павловичъ уѣхалъ внезапно, подъ какимъ-то предлогомъ, въ Нарву и возвратился въ Петербургъ только 13 Декабря, т. е. наканунѣ происшествія 14 числа.

*

Разбитый нынѣ параличемъ и удрученный житейскими невзгодами, Тарусскаго уѣзда дворянинъ и старый артиллеристъ, Григорій Андреевичъ Быховецъ разсказывалъ о случаѣ, касающемся одного его знакомаго, Нижегородскаго помѣщика статскаго совѣтника Попова. Явились пасквильные стихи на имп. Павла, сочиненные будто бы, по сдѣланному о томъ дознанію, въ Арзамасѣ. Государь призываетъ кого-то изъ своихъ приближенныхъ и велитъ ему отправиться туда, гдѣ гуси хороши, отыскать непремѣнно автора пасквиля и представить его въ Петербургъ, грозя въ противномъ случаѣ пораскидать городъ. Объясняться съ императоромъ было невозможно, и потому назначенный имъ на эту экспедицію сановникъ пришелъ въ тупикъ: какой молъ таковъ городъ, гдѣ гуси хороши? Счастливая мысль блеснула ему справиться по календарю или справочному географическому сборнику объ именахъ Россійскихъ городовъ съ обозначеніемъ, чѣмъ они славятся. Онъ прочиталъ тамъ, что Нижегородской губ. городъ Арзамасъ славится гусями. Сердце царедворца объято было радостію неизреченною; онъ отправился туда, собралъ городничаго и именитыхъ гражданъ и передалъ царскій приказъ. Отозвались единогласно, что въ вѣрноподданномъ градѣ Арзамасѣ подобнаго святотатца не имѣется, и грамотными хитростями не слышно было, чтобы кто нибудь занимался, развѣ что нѣкій канцелярист или коллежскій регистраторъ Поповъ балуется кое-когда, какъ слышно, виршами. «Подай его сюда!» Спасенные отъ грозившаго имъ разгрома, именитые граждане выдаютъ Попова. «Ты писалъ пасквиль на царя?» — «Помилуйте-съ, ваше превосходительство, какъ бы я осмѣлился».... «Врешь, это ты», и безъ дальнихъ разговоровъ беруть Попова, сажаютъ въ телѣгу и привозятъ прямо во дворецъ. «Это ты писака, написалъ на меня пасквиль?» молвилъ грозный императоръ. «Занимаюсь дѣйствительно иногда поклоненіемъ Музамъ», отвѣчалъ

мнимый преступникъ, «но не въ оскорбленіе, а напротивъ въ прославленіе вашего императорскаго величества. Вотъ, прикажите мнѣ прочесть оду о благословенномъ нашемъ царѣ».—«Читай!» И смѣтливый Поповъ читаетъ импровизованную имъ дорогою витіеватую оду съ прославленіемъ въ ней Юпитера, Соломона, царя Давида, Ахиллеса и пр. и пр. «Ну хорошо, что не ты авторъ пасквиля», изрекъ умилостившійся Павелъ; «оставайся служить здѣсь въ Петербургѣ, а вотъ тебѣ за оду сто душъ». И до кончины императора Поповъ нашъ владѣлъ уже, кажется, нѣсколькими сотнями душъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

*

Не предвидя встрѣчи въ теченіе Записокъ съ именемъ г. профессора Мухина, память котораго цѣнна Московскому медицинскому факультету, изложу личныя мои о немъ воспоминанія, относящіяся къ жизни его въ купленномъ имъ около 1850 г. имѣніи, с-цѣ Кольцовѣ, Калужской губ., Тарусскаго уѣзда, гдѣ онъ и умеръ, оставивъ отъ втораго брака сына и дочь, обоихъ малолѣтными. Разсказывали, будтобы по найденнымъ въ домѣ его документамъ оказалось, что онъ былъ изъ первыхъ профессоровъ при открытіи во времена императрицы Елисаветы Петровны Московскаго университета, т. е. въ 1756 году. Это невѣроятно: по сему расчету онъ умеръ бы не менѣе 114 лѣтъ отъ роду; но несомнѣнно то, что онъ дожилъ до 85 по крайней мѣрѣ лѣтъ, по слѣдующему соображенію. Однажды были мы, Тарусскаго уѣзда помѣщики и временные жители, на день зимняго Николы 1851 или 1852 года, у тамошняго уѣзда помѣщицы Авдотьи Ивановны Нарышкиной, чтобы поздравить ее съ дорогимъ ей имянинникомъ, племянникомъ и воспитанникомъ Николаемъ Ѳедоровичемъ Бахметевымъ. Когда, послѣ обѣдни, всѣ мы были въ сборѣ въ гостинной, для шоколада и кофе, находившійся тутъ старикъ Мухинъ сказалъ: «Да, этотъ день памятенъ мнѣ; сего 6 Декабря взятъ былъ Очаковъ княземъ Потемкинымъ, *при которомъ я находился врачемъ*». У всѣхъ насъ напряглись уши; но затѣмъ старецъ спохватился и добавилъ: «*впрочемъ, я былъ мальчишкою*». Если онъ даже и былъ, по его словамъ, молодымъ медикомъ въ 1788 г., то менѣе 23 лѣтъ ему не могло тогда быть, слѣдовательно въ 1853 году ему было никакъ не менѣе 88 лѣтъ. У сына его отъ перваго брака, женатаго на сестрѣ Московскаго сорванца Руфина (по отчеству, забылъ) Дорохова, были уже тогда двѣ взрослыя совершенно и прехорошенькія дочки, бывавшія позднѣе въ Тарусскомъ уѣздѣ. Разсказывали, что, лѣтъ за десять до своей смерти, когда Мухинъ задумалъ вступить во второй бракъ, епархіальная власть

не хотѣла давать ему на то разрѣшенія, по причинѣ преклонныхъ его лѣтъ, и онъ будто бы заявилъ митрополиту Филарету, что не угодно-ли запрещающимъ взять грѣхъ блудодѣянія на свою совѣсть, ибо онъ вынужденнымъ будетъ взять наложницу въ случаѣ отказа въ законномъ бракѣ. Разрѣшеніе состоялось, и нѣтъ причинъ подозрѣвать физическую законность рожденія оставшихся малолѣтними по его смерти двухъ дѣтей.

Скупость его была феноменальная. Никто никогда у него не обѣдывалъ, а деревенскіе мальчишки были обязаны носить ему опредѣленное число дикихъ голубей, которыхъ онъ замораживалъ впрокъ на зиму и этимъ питался безъ покупной провизіи. Одинъ мой знакомый, находясь при описи имѣнія по смерти Мухина, самъ видѣлъ на ледникѣ кучу этихъ мерзлыхъ пернатыхъ. Это пожалуй почище Гоголевскаго Плюшкина. Одинъ знакомый мнѣ помѣщикъ, пріѣхавшій къ г. Мухину по какому-то служебному дѣлу, засидѣлся позднѣе обыкновеннаго обѣденнаго въ деревнѣ часа. Вмѣсто того, чтобы пригласить гостя остаться обѣдать, чѣмъ Богъ послалъ, хозяинъ дома сказалъ ему: «Знаете ли что, Петръ Марковичъ? Время уже поздненько, поѣзжайте-ка къ Авдотьѣ Ивановнѣ (Нарышкиной), всего въ 5 верстахъ; она предобрѣйшая, всѣхъ кормитъ».

Гостила нѣсколько дней лѣтомъ у почтеннѣйшей А. И. Нарышкиной Александра Осиповна Смирнова съ малолѣтними своими дочерьми; мужъ ея былъ тогда Калужскимъ губернаторомъ. Г. Мухинъ, въ знакъ любезнаго вниманія, прислалъ молодымъ Смирновымъ пучекъ павлиньихъ перьевъ; но какъ бы вы думали? Одни голые стебли безъ оконечныхъ росписныхъ глазъ, составляющихъ все ихъ украшеніе.

Я недавно слышалъ отъ одного молодого медика, что покойный Александръ Ивановичъ Оверъ имѣлъ похвальную привычку въ ежегодной послѣдней лекціи читаемаго имъ курса посвящать всегда нѣсколько словъ памяти первоначальныхъ его наставниковъ, Мудрова и Мухина.

*

Встрѣтился я однажды въ 50-хъ годахъ въ Рязанской губерніи съ возвращеннымъ декабристомъ Кривцовымъ, который чистосердечно признавался, что каторжная работа у нихъ была фиктивною: выходили всѣ они, въ томъ числѣ Никита и Александръ Михайловичи Муравьевы, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ и многіе прочіе, въ томъ числѣ и самъ онъ, по звонку изъ казармъ на мнимыя земляныя работы, съ лопатками и прочими принадлежностями; а на дѣлѣ работалъ кто хотѣлъ

ради искусства или гимнастическаго упражненія: принужденія не было. Составлялись кружки, толковали о литературѣ и о прочихъ посторонних предметахъ (избѣгая, конечно, политическихъ, хотя с томъ ничего не говорилъ мнѣ г. Кривцовъ), и въ опредѣленный часъ приходили туда къ нимъ ихъ супруги съ приготовленнымъ ихъ руками обѣдомъ.

*

Въ Петербургѣ. до 1812 года, была въ ходу Нѣмецкая фарса «баронъ Рокусъ Пумперникль». Какой-то шутникъ, въѣзжая въ столицу, отозвался этою кличкою у заставы и былъ пропущенъ по незнанію, вѣроятно, караульнымъ офицеромъ о существованіи этой комедіи; тѣмъ не менѣе, когда заставная репортичка его дошла до коменданта, онъ былъ арестованъ. Прошло нѣсколько времени, и при другомъ его караулѣ у заставы проѣхалъ тогдашній государственный контролёръ баронъ Бальтазаръ Бальтазаровичъ Кампенгаузенъ, фамилія также ему неизвѣстная. «Нѣтъ, шалишь», сказалъ офицеръ, «не надуешь на этотъ разъ. Мало ли Нѣмецкихъ вымышленныхъ баронскихъ фамилій станутъ проѣзжать!» Онъ задержалъ сановника и донесъ коменданту, что какой-то господинъ у заставы скрываетъ свою фамилію и упорствуетъ въ показаніи вымышленной барона Бальтазара Бальтазаровича Кампенгаузена. Вмѣсто отвѣта, комендантъ прискакалъ къ заставѣ въ полной формѣ и сталъ извиняться передъ контролёромъ за невѣжливость офицера, котораго опять посадилъ подъ арестъ.

Разсказывали также, что на Петербургской Царскосельской заставѣ нѣкій проѣзжій отозвался однажды фамиліею »Одинко». Ничего тутъ подозрительнаго не было, и его пропустили. За тѣмъ проѣзжалъ какой-то шутникъ подъ фамиліею «Двако», и этого пропустили; но когда на тотъ караулъ проѣзжалъ учитель Французскаго языка при Царскосельскомъ лицеѣ, г. Трикѝ, его задержали. «Уже это черезчуръ, замѣтилъ офицеръ, одинко, двако, трѝко; пожалуй эти *ко* дойдутъ до дюжины».

*

Князь Ѳ. Ѳ. Гагаринъ (братъ княгини Вяземской и Четвертинской) былъ замѣчательною въ свое время личностью, не столько на военномъ поприщѣ, сколько въ Московскомъ обществѣ. Недостатки его заключались въ человѣческой слабости быть вездѣ на первомъ планѣ, въ экцентричныхъ выходкахъ, или въ замашкахъ казаться молодымъ, вопреки своихъ лѣтъ. Онъ долго слылъ повѣсою, дуэлистомъ и игрокомъ. Въ малолѣтнемъ почти возрастѣ поступилъ онъ въ военную службу, и въ его глазахъ, какъ онъ разсказывалъ, былъ умерщвленъ его отецъ въ Варшавѣ во время тогдашняго избіенія Русскихъ. Съ

того времени онъ получилъ, какъ говорилъ, непримиримую, но естественную ненависть къ Полякамъ. Въ какомъ полку и чинѣ онъ служилъ въ 1812 г., я не могъ по сіе время получить никакихъ свѣдѣній; но позднѣе, въ 20-ыхъ годахъ, командовалъ онъ Клястицкимъ гусарскимъ полкомъ. О немъ разсказывали анекдотъ, что, пріѣхавъ однажды на станцію и заказавъ рябчика, онъ вышелъ на дворъ; вслѣдъ за нимъ взошелъ въ станціонную комнату извѣстный Московскій сорванецъ (фамилію коего не желаю выставить), который насильственно посягнулъ на жаркое, хотя ему говорили, что рябчикъ заказанъ другимъ проѣзжимъ. Возвратясь въ комнату и застигнувъ этого господина съ поличнымъ, князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ преспокойно пожелалъ ему хорошаго апетита и вмѣстѣ съ тѣмъ, выставивъ противъ него дуло заряженнаго пистолета, заставилъ проглотить безъ отдыха еще одиннадцать рябчиковъ, за которые князь заплатилъ. Его и подразумѣвалъ М. Н. Загоскинъ въ своемъ Юріи Милославскомъ, заставившемъ подъ подобною же угрозою Поляка докончить жаренаго гуся.

Во время Польской войны, князь Гагаринъ рисовался въ фуражкѣ безъ козырька (какъ у рядовыхъ) на бекрень и одно время предводительствовалъ, кажется, незначительнымъ авангардным отрядомъ. Адъютантомъ былъ у него Фердинандова полка Григорій Григорьевичъ Ломоносовъ, братъ нашего Александра Григорьевича и извѣстнаго дипломата, бывшаго долго во главѣ одной изъ Американскихъ нашихъ миссій. Года черезъ два по взятіи Варшавы, князь уволенъ былъ безъ прошенія, за то будто бы, что его видѣли на Варшавскихъ публичныхъ гуляньяхъ сопровождаемаго женщинами низшаго разбора: мѣра черезъ чуръ по моему строгая, тогда какъ въ этомъ поступкѣ было только отступленіе отъ общественныхъ приличій, отнюдь не касающееся до службы. Впрочемъ онъ, помнится мнѣ, несовсѣмъ ладилъ съ высшимъ начальствомъ. Какъ начальникъ, онъ пріобрѣлъ искреннюю нашу привязанность, а касательно его обращенія за панибрата съ офицерами его бригады помню между прочимъ слѣдующій случай. Во время Польской войны, въ кружкѣ нашихъ офицеровъ, обще съ конно-артиллеристами нашей же бригады, однажды поздно вечеромъ метали банкъ въ палаткѣ на разосланномъ на землѣ коврѣ. Вдругъ подымается пола палатки, и изъ подъ нея вылѣзаетъ къ общему изумленію чья-то рука съ картою, при словахъ, «господа, атанде; пятерка пикъ идетъ *ва-банкъ*», и вслѣдъ за рукою выглянула оскаливавшаяся черепообразная и полулысая голова князя Ѳедора Ѳедоровича, прозваннаго въ Московскомъ обществѣ «la tête de mort».

Онъ остался холостякомъ до конца и былъ безъ всякаго, кажется, состоянія; жилъ постоянно въ Москвѣ однимъ жалованьемъ, обѣдалъ

почти всегда во Французскихъ ресторанахъ и умеръ въ концѣ 40-ыхъ или въ началѣ 50-ыхъ годовъ.

*

Не знаю, отъ чего случилось, что *маршандъ-де-модный* элементъ окончательно вытѣсненъ нынѣ съ Кузнецкаго моста. Въ былое время онъ запруженъ былъ мадамами Лебуръ, Юрсюль, Буасель, Софіею Бабенъ, Лакомбъ, Леклеръ и ихъ менѣе знаменитыми конкурентками; тамъ же начала блистательное свое поприще нынѣшняя мадамъ Минангуа до своего переѣзда въ Газетный переулокъ. Таковыя-же магазинныя превращенія и окончательныя исчезновенія совершились въ послѣднее тридцатилѣтіе на Никольской и Лубянской улицахъ. Первая изъ нихъ исключительно занималась Греками, табачными торговцами Бостанжогло, Кутуки, Догранли, Тринга, Артó, Казасмази, Буюкли, и позднѣе, Манзовиномъ; изъ всѣхъ нихъ уцѣлѣлъ по сю пору одинъ только, кажется, Бостанжогло, но и тотъ, не прекращая торговли табакомъ en grand, имѣетъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Исчезли также двѣ крупныя довольно Греческія комерческія фирмы г. г. Пачимади и Трандафила Чумаги. Начало же Лубянки до Срѣтенки было унизано вычурными вывѣсками шалей Персидскихъ и Бухарскихъ магазиновъ; какъ обѣ послѣднія національности, такъ и самая эта промышленность, кажется, улетучились или малозамѣтно прозябаютъ, съ вышедшими изъ моды термаламою, канаусомъ и кулиша-мамомъ, и т. п. шелковыми тканями. За то держался въ теченіе пятидесяти лѣтъ до весьма недавняго времени модный магазинъ Сихлеръ, неподвижно на одномъ мѣстѣ, на углу Газетнаго переулка и Большой Дмитровки.

*

Всѣми уважаемый Московскій комендантъ, генералъ баронъ Сталь фонъ Голштейнъ, правившій должность отсутствовавшаго тогда князя Дмитрія Владимировича Голицына, разсказывалъ позднѣе (въ 1844 г.) своему свату Сергѣю Васильевичу Цурукову, передавшему мнѣ его слова на свѣжихъ порахъ, слѣдующій случай, коего генер. Сталь былъ свидѣтелемъ, о пожарѣ въ Рогожской части. Всѣ дома (каменные), окружавшіе церковь св. митроп. Алексѣя въ Рогожской, объяты были пламенемъ. Народъ бросился было выносить изъ храма иконы и все возможное, но священникъ не дозволилъ прикасаться ни къ чему, а самъ въ полномъ облаченіи сталъ передъ престоломъ, отворивъ царскіе врата. Жена и дѣти его прибѣжали къ генералу Сталю, умоляя его уговорить священника выйти изъ церкви и допустить спасать изъ нея что было возможно. «Сходи-ка, братъ Никита», сказалъ комен-

данъ стоявшему тутъ одному изъ младшихъ полицмейстеровъ, полковнику Никитѣ Петровичу Брянчанинову, и уговори этого упрямца быть поблагоразумнѣе». Вскорѣ однакоже возвратился оттуда Брянчаниновъ и отрапортовалъ: «Неугодно ли вашему превосходительству самому попытаться уговорить священника; а я ничего не могъ подѣлать». Отправился туда почтенный комендантъ, особенно отличавшійся сердоболіемъ.—«Что это вы, батюшка, дѣлаете?» началъ онъ. «Вѣдь вы себя и храмъ губите навѣрняка».—«Генералъ», отвѣчалъ священнослужитель, «въ несчастную годину 1812 года, когда не такой пожаръ какъ настоящій свирѣпствовалъ, предмѣстникъ мой не дозволилъ ничего выносить изъ сего храма, и самъ облачившись, не вышелъ изъ него. Храмъ остался невредимымъ, и я рѣшился послѣдовать его примѣру».—«Оглянитесь, продолжалъ комендантъ, на несчастное семейство ваше, безполезно вами подвергаемое пагорчайшему сиротству, и покоритесь благоразумію». (Семейные священника, взошедшіе туда вслѣдъ за баропомъ Сталемъ, стояли на колѣняхъ и пантомимою упрашивали его продолжать быть ихъ ходатаемъ). «Все знаю, все вижу, но не отступлю ни за что отъ своего намѣренія», былъ отвѣтъ. Тогда добрый комендантъ, погорячившись, знакомъ подозвалъ къ себѣ жандармовъ (сцена происходила въ алтарѣ) и указалъ имъ схватить священника и вывесть его изъ церкви.—«Генералъ», съ достоинствомъ произнесъ послѣдній, «довольно; хозяиномъ здѣсь я, а не вы; и потому прошу васъ выйдти». Нечего было дѣлать старому воину; онъ пожалъ плечами и вышелъ на улицу. Всѣ дома площадки, въ центрѣ коей стояла церковь, сгорѣли до тла, чему способствовалъ сильный вѣтеръ; а храмъ остался неприкосновеннымъ.

Кстати добавлю, что стремленіе воздуха отъ вихря было столь сильно, что въ одномъ тѣсномъ пространствѣ между двухъ пылавшихъ строеній оно увлекло было въ огненную пучину неустрашимаго и безусталаго въ тѣ дни генерала Сталя, и только подоспѣвшіе во́ время пожарные могли его оттащить.

*

Скудные останки Русской старины исчезаютъ одинъ за другимъ. Тогда какъ иностранцы изучаютъ свою исторію по уцѣлѣвшимъ памятникамъ, мы, Русскіе можемъ, по правильному замѣчанію матери моей, изучать свою исторію по однимъ лишь книгамъ. Археологическія общества существуютъ у насъ болѣе полувѣка, но не видать, чтобы они препятствовали дальнѣйшему разрушенію отечественныхъ древностей. Мнѣ разсказывала покойная (мнѣ незабвенная) княгиня Марія Петровна Волконская, урожденная Кикина, великая любительница и

знатокъ старины, что когда въ 40-ыхъ годахъ перестроивали большой Кремлевскій дворецъ, то она заявила директору Московскихъ дворцовъ барону Боде свое сожалѣніе, что не пощадили Краснаго крыльца, современнаго Московскимъ допетровскимъ царямъ. «Мы вамъ лучше его выстроимъ», утѣшительно отвѣчалъ баронъ. «Да не нужно лучше», возразила княгиня, «оно будетъ тогда искаженіемъ средневѣковаго типа». — «Ну такъ мы вамъ его перестроимъ заново въ томъ же видѣ, каковымъ онъ былъ», сказалъ сановникъ. Но на сколько представлялась необходимымъ ломать эту безцѣнную старину, я не полюбопытствовалъ узнать отъ княгини.

Бродя по окрестностямъ Юрьевецповольска, гдѣ я бывалъ изрѣдка, такъ какъ онъ былъ уѣзднымъ городомъ моего Костромскаго имѣнія, я наткнулся на развалины огромной, повидимому, башни изъ бѣлаго камня, на гористомъ берегу Волги, казавшейся мнѣ по всѣмъ вѣроятностямъ древне-сторожевою башнею, можетъ быть, противъ набѣговъ Татаръ. И что же я узналъ? Что она стояла нетронутою въ началѣ еще нынѣшняго столѣтія, и что начальствомъ дозволено было сломать ее, чтобы употребить камень на постройку въ городѣ винnаго (казеннаго) подвала или какого-то другаго казеннаго строенія. А одинъ мой знакомый говорилъ мнѣ, что при перестройкѣ (въ 20-ыхъ, должно быть, годахъ) собора, что́ внутрѝ Серпуховскаго уцѣлѣвшаго какимъ-то чудомъ Кремля, онъ (знакомый мой) видѣлъ, какъ облѣпляли кирпичемъ древнюю шатровую колокольню, чтобы превратить ее въ казенную безвкусную Александровскаго времени архитектуру: значитъ, можно бы и теперь сбить съ нея всѣ эти наросты и возстановить первобытный ея видъ.

(*Продолженіе будетъ*).

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА [1]).

VIII.

1834—1836.

Первое время моей супружеской жизни въ Москвѣ.—Пріѣздъ матери моей въ Россію.—Поѣздка въ Тепловку.—Зима и лѣто въ Кіевѣ.—Отъѣздъ за границу.

Въ обстоятельствахъ, изложенныхъ въ предыдущей главѣ, какъ непосредственно до меня относящихся, упомянуто лишь вскользь о моихъ родныхъ въ Италіи, между тѣмъ какъ и тамъ произошло важное семейное событіе. Въ началѣ 1834 г. меньшая сестра моя Елена Дмитріевна вышла замужъ за князя Видоніа-Соредзіана. Партія эта могла считаться блистательною: князь Видоніа былъ представителемъ одной изъ первыхъ фамилій въ Римской области и въ Ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ, въ родствѣ по матери съ Австрійскими графами Кевенгюллерами, съ большимъ, повидимому, состояніемъ (хотя по смерти его имѣніе оказалось обремененнымъ долгами), съ надеждами на наслѣдство впереди отъ своего брата-холостяка и дяди-кардинала; сверхъ того онъ былъ, какъ увѣряли, человѣкъ образованный и начитанный (чѣмъ неособенно отличалась тогда Итальянская аристократія) и много путешествовалъ. Но не совсѣмъ онъ былъ подъ пару сестрѣ моей, коей шелъ 21 годъ, а ему между 40 и 50. По семейной сдѣлкѣ, вмѣсто 1000 заложенныхъ душъ Воронежскаго имѣнія, приходившихся на часть сестры по раздѣльному акту, она получила въ приданое Флорентинскій нашъ домъ, перекупленный впослѣдствіи у нея братомъ нашимъ. Чрезъ два года сестра овдовѣла [2]).

Я купилъ подъ заемное письмо, и опять таки чрезъ Леона Копенштейна, богатую четверню кровныхъ лошадей, двухъ вороныхъ и

---

[1]) См. выше, стр. 337.

[2]) По странному стеченію обстоятельствъ, я не находился ни при одномъ изъ важныхъ событій моего семейства, ни при кончинѣ моихъ родителей, ни моего брата, ни при свадьбѣ трехъ моихъ сестеръ и моего брата и никто изъ семейныхъ моихъ не былъ при моей женитьбѣ.

двухъ сѣрыхъ, на перекоски, и подобралъ самъ другую четверню разгонныхъ, а предыдущимъ еще лѣтомъ заказалъ коляску на лежачихъ рессорахъ, извѣстныхъ тогда только по заграничнымъ рисункамъ. Оба лакея были въ ливреяхъ гороховаго цвѣта и того же колера камзолахъ, штанахъ и циблетахъ съ красными аксельбантами и гербовыми позументами на серебряномъ полѣ. Въ таковой же ливреѣ былъ мой *грумъ*, сидѣвшій рядомъ со мною по Англійской модѣ, въ тильбюри (двуколесный кабріолетъ), которымъ я самъ правилъ въ одну куцую англизированную лошадь. Дворецкій и оффиціанты не иначе служили какъ въ черныхъ фракахъ и въ бѣлыхъ галстукахъ. Домашнюю прислугу довершали вышеописанный Негръ въ бѣлой чалмѣ и мои камердинеръ Радзиковскій и мальчикъ подъ-камердинеръ. Блеснулъ я мгновенно вельможною обстановкою, никогда болѣе въ жизни не повторившеюся. Но все это было поверхностный лишь пуфъ: долги уже грызли меня, и съ той поры пошли все *крещендо* до окончательной, хотя тогда еще отдаленной, катастрофы.

Пришла мнѣ также фантазія пріобрѣсти обезьяну, продававшуюся случайно довольно дешево; она потѣшна была между прочимъ тѣмъ, что мастерски откупоривала бутылки и напивалась до пьяна. Другая ея странность была та, что она благоволила къ молодымъ горничнымъ моей жены (каковыхъ, кажется, было у ней три), а бросалась кусать за ноги пожилую экономку Марію Васильевну. Общій нашъ другъ Тридонъ, пріѣхавшій однажды къ намъ изъ Знаменскаго (гдѣ онъ продолжалъ жить одинъ), увидѣвъ черную голову Негра, просунувшуюся чрезъ столовую дверь, спросилъ, съ необдуманною живостію Француза, у моей жены, былъ-ли то мой Негръ или моя обезьяна. По свойственной ему душевной прямотѣ, онъ не одобрялъ нашей Московской жизни; но гласъ его вопіялъ въ пустынѣ: никто его не слушался.

Не сказалъ я, что ради соблюденія стародавняго, глупѣйшаго Московскаго этикета, коего придерживалась моя теща, на слѣдующій же день нашей женитьбы посадили насъ молодыхъ въ карету, въ которой мы цѣлые три дня объѣзжали съ визитами всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ тетушекъ, дядюшекъ, кузеновъ и кузинъ до теряющейся въ генеалогическихъ архивахъ степени родства, а затѣмъ всѣхъ знакомыхъ съ обѣихъ (т. е. супружескихъ) сторонъ. Изъ этого одного понятно, почему нынѣшняя молодежь выбираетъ себѣ въ подруги жизни, безъ великосвѣтскихъ связей, воспитанницъ Театральнаго Училища. О какъ я проклиналъ этотъ варварскій обычай и какъ завидовалъ Англичанамъ, у которыхъ новобрачная чета, по выходѣ изъ церкви, уѣз-

жаетъ вдвоемъ куда нибудь на нѣсколько дней и сразу взаимно свыкается!

Въ числѣ родственниковъ, къ коимъ изъ первыхъ надлежало намъ ѣхать съ визитомъ, были князь Александръ Михайловичъ Урусовъ и жена его княгиня Екатерина Павловна, родная сестра Дмитрія Павловича Татищева. Князь А. М. Урусовъ былъ въ то время начальникомъ Московской Придворной Конторы и директоромъ всѣхъ тамошнихъ дворцовъ, а самъ жилъ въ большомъ своемъ домѣ на Тверской. Изъ трехъ его дочерей, старшая, княжна Марія, давно уже была замужемъ за графомъ Иваномъ Алексѣевичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ; вторая, княжна Софія, извѣстная по рѣдкой своей красотѣ, вышла за князя Льва Радзивила; а третья, княжна Наталія, вышла въ одно почти время какъ я женился, за графа Ипполита Кутайсова. Ѣздили мы также съ визитомъ къ графу Сергѣю Петровичу Румянцову, считавшемуся въ какомъ-то тоже дальнемъ родствѣ съ нами, Бутурлиными. Старикъ казался весьма доволенъ этимъ нашимъ вниманіемъ и съ любезностію Екатерининскаго вельможи и съ живостію не по лѣтамъ передалъ женѣ моей нѣкоторыя подробности о дѣдѣ ея Василіи Сергѣевичѣ Нарышкинѣ, его современникѣ. Онъ жилъ въ наслѣдственномъ своемъ домѣ на Маросейкѣ, носившемъ еще въ то время отпечатокъ эпохи его отца-фельдмаршала по лѣпнымъ барельефамъ военныхъ сюжетовъ, украшавшимъ наружныя стѣны. По смерти его домъ перешелъ къ Дивовой, но она вскорѣ продала его купцу Усачеву который весь домъ передѣлалъ заново и также продалъ его другому купцу. Это было единственный разъ, что́ я видѣлъ графа Сергѣя Петровича *). Слышно было, что онъ и тогда еще проигрывалъ большія суммы въ карты, чѣмъ, однакоже, не разстроилъ нимало огромнаго свои состоянія. Въ началѣ столѣтія, будучи членомъ Государственнаго Совѣта, онъ подалъ первый примѣръ освобожденія крестьянъ въ большихъ размѣрахъ, по состоявшемуся тогда новому положенію о «вольныхъ хлѣбопашцахъ». Эта либеральная мѣра, если не была имъ задуманною, то осуществилась, помнится мнѣ, благодаря его вліятельному настаиванію. На служебномъ поприщѣ онъ не достигъ извѣстности подобной брату своему канцлеру, но обладалъ многостороннею ученостію; воспитателемъ его былъ Гриммъ.

*) Меня удивляло, почему титулъ Задунайскаго не перешелъ къ сыновьямъ фельдмаршала. На вопросъ мой Дивову, не извѣстна ли ему причина этой странности, онъ сообщилъ мнѣ, со словъ графа Сергѣя Петровича, что это случилось по желанію самаго фельдмаршала, не считавшаго нужнымъ, чтобы отличительный титулъ Задунайскаго вошелъ прибавкою къ его фамиліи въ будущихъ поколѣніяхъ.

Въ 1833 или началѣ 1834 года графъ Сергѣй Петровичъ продалъ фельдмаршалу князю Паскевичу Могилевскій городъ Гомель, кажется, за милліонъ рублей. Не смотря на всѣ эти уменьшенія родоваго состоянія, дочери его, княгиня Варвара Сергѣевна Голицына и и сестра ея Зинаида Сергѣева Дивова [1]) получили богатое приданое, а сыновья княгини Голицыной огромное наслѣдство, часть коего досталась также покойному Петру Ивановичу Апраксину; кромѣ того, графъ Румянцовъ при жизни своей далъ по имѣнію каждой изъ четырехъ дочерей княгини В. С. Голицыной. Когда же сама Варвара Сергѣевна выходила за князя Павла Алексѣевича Голицына, то графъ вельможно-щедрою рукою далъ ему на собственное его имя дарственную въ 700, кажется, душъ, чтобы, на всякій случай, князь Голицынъ не могъ находиться въ зависимости отъ жены. Говорили, что онъ склонялся къ волтеріянизму; это немудрено, таковъ былъ его вѣкъ; но знаю навѣрное, что онъ умеръ, напутствуемый молитвами Церкви.

Однакоже я заболтался о семъ визитѣ и забылъ, что жена и съ нею читатели ждутъ меня въ каретѣ.

Свадебные обѣды въ честь насъ молодыхъ были у Дивовыхъ, у Чертковыхъ и у Олсуфьевыхъ [2]), какъ у наиближайшихъ родственниковъ. Были мы также съ визитами у княгини Анны Ивановны Щербатовой и у дочери ея Мельгуновой.

Ежедневнымъ почти нашимъ посѣтителемъ былъ старикъ князь Баратаевъ, нѣкогда другъ и товарищъ шаловливой молодости тестя моего Нарышкина, впавшій въ крайне-бѣдное положеніе. Былъ онъ также своимъ человѣкомъ въ домѣ родителей моихъ до 1812 года и такимъ же почти у Чернышовыхъ, и какъ одинъ изъ близкихъ нашему семейному обществу попалъ въ упомянутую не разъ семейную карикатурную колекцію Ивана Бѣшенцова. Въ семействѣ моемъ отзывались о князѣ Баратаевѣ, какъ о вѣтреникѣ, мало способномъ къ серіознымъ занятіямъ и усвоившемъ себѣ привычку вѣчно шутить. Разсказывали, что, дабы отдѣлаться отъ докучливыхъ его и И. В. Нарышкина кредиторовъ, князь Баратаевъ придумалъ поставить гробъ въ серединѣ комнаты, и самъ, въ траурномъ платьѣ и съ приложен-

[1]) Была еще третья сестра, княгиня Мещерская, первая жена князя Петра Ивановича (женившагося потомъ на Карамзиной), умершая молодою и бездѣтною.

[2]) Александръ Дмитріевичъ Олсуфьевъ (не получившій еще тогда богатаго своего наслѣдства отъ Голицыныхъ и Долгоруковыхъ, въ числѣ перваго изъ коихъ былъ домъ на Дѣвичьемъ полѣ) жилъ тогда съ семействомъ въ Чернышовскомъ переулкѣ, въ домѣ князя П. А. Вяземскаго, противъ Англійской кирки.

нымъ къ глазамъ платкомъ, встрѣчалъ кредиторовъ съ скорбнымъ извѣстіемъ о внезапной будто бы кончинѣ своего друга, каковою продѣлкою оба они отдѣлывались нѣкоторое время отъ преслѣдованій за долги (не могу не выразить мимоходомъ мое удивленіе наивности тогдашнихъ кредиторовъ). Помнится мнѣ, говорили, что когда у обоихъ друзей кошелекъ оказывался сухимъ, то они будто бы отправлялись къ незнакомымъ, выдавая себя за пріѣзжихъ виртуозовъ (выраженіе артистовъ не примѣнялось еще тогда къ музыкантамъ), каковое самозванство Иванъ Васильевичъ успѣшно могъ поддерживать замѣчательною своею игрою на фортепіанахъ, а князь Баратаевъ попискивалъ кое-какъ на скрипкѣ. Подобныя школьничества были еще тогда въ ходу, какъ остатки поколѣнія, корчившаго Французскихъ étourdis et roués de la régence [1]). Въ такомъ почти духѣ задумалъ однажды графъ Чернышовъ, въ первые года своей женитьбы, притвориться больнымъ подагрою и имѣлъ терпѣніе высидѣть въ креслахъ цѣлую недѣлю съ вытянутою на стулѣ ногою; а когда жена его вмѣстѣ съ моею матерью отправились въ маскарадъ, онъ встрепенулся, отправился замаскированный туда же и весь вечеръ интриговалъ обѣихъ дамъ подробными разсказами объ интимномъ семейномъ ихъ бытѣ.

Когда я впервыя познакомился съ княземъ Баратаевымъ, въ началѣ 1827 года, онъ уже былъ не тѣмъ, чѣмъ изображали его семейные наши разсказы: старость и нужда загрызли и сдѣлали его весьма жалкимъ, конечно, но скучнымъ довольно господиномъ. Онъ былъ когда-то женатъ на сестрѣ Александра Александровича Волкова, бывшаго въ концѣ 20-хъ годовъ Московскимъ жандармскимъ окружнымъ начальникомъ [2]). Княгиня Баратаева (звали ее, кажется, Елисаветою Александровною) принесла въ приданое мужу изрядное состояніе въ Тульской губерніи, родила дочь и вскорѣ померла. Вдовый ея мужъ лишился этого имѣнія отъ безпечности и неразсчета въ домашнихъ своихъ издержкахъ; бѣдная дочь его, княжна Марія Егоровна, тихое и интересное вполнѣ существо, къ счастію своему, весьма талантливая, поддерживала себя изданіями своихъ сочиненій для фортепіанъ. По смерти ея отца въ ней приняла живое участіе княгиня Вѣра Дмитріевна Голи-

[1]) Шалуновъ и распутниковъ временъ регентства.

[2]) А. А. Волковъ, умершій въ сумасшествіи, былъ женатъ на одной изъ дочерей Московской извѣстной хлѣбосолки Маріи Ивановны Корсаковой. Дочь его, Вѣра Александровна, вышла замужъ въ началѣ 30-хъ годовъ за Московскаго младшаго полицмейстера Никиту Петровича Брянчанинова. Изъ разсказовъ покойной тещи моей, подтвержденныхъ Записками А. Я. Булгакова въ „Русскомъ Архивѣ за 1886 годъ, П. В. Нарышкинъ, А. Я. Булгаковъ и А. А. Волковъ составляли въ молодости дружный, неразлучный тріумвиратъ.

цына (падшая позднѣе подъ ножемъ изверга Зыкова) и взяла къ себѣ въ домъ *).

Когда кончились оффиціальные наши визиты, мы пустились въ Московскій *бо-мондъ*, тогда многолюдный. Не помню, чтобы во всю зиму вплоть до весны мы проспдѣли дома хоть одинъ вечеръ, развѣ что по болѣзни. Когда въ городѣ не было ни баловъ, ни вечеровъ, мы отправлялись во Французскій спектакль въ Маломъ театрѣ, въ оперу или балетъ въ Большомъ театрѣ, такъ какъ тогда абонированная на весь сезонъ ложа давала права входа въ оба театра.

Бзжали мы также иногда на вечеринки къ княгинѣ В. С. Голицыной, даваемые для второй ея дочери, княжны Ольги Павловны, начинавшей выѣзжать въ свѣтъ. Третья дочь, княжна Варвара, въ то время почти еще ребенокъ, была уже плѣнительною. Младшая, княжна Марія, была совершенно малолѣтнею. Княгиня Варвара Сергѣевна занимала тогда домъ Рябининыхъ, въ Леонтьевскомъ переулкѣ, и у нея я однажды встрѣтилъ Англичанина-туриста, ей рекомендованнаго; онъ только что прибылъ изъ Италіи и сообщилъ мнѣ кое-что новое о моихъ Флорентинскихъ семейныхъ. Глядя на его нанковые желтые панталоны, въ коихъ онъ явился на вечеръ въ Январѣ, я невольно подумалъ, что онъ не успѣлъ, вѣроятно, переодѣться съ послѣдняго Флорентинскаго бала.

У Пашковыхъ, продолжавшихъ патріархально жить въ своемъ домѣ на Чистыхъ Прудахъ, были часто довольно балы, коихъ мы не пропускали. Тамъ я снова повстрѣчался съ Егоромъ Ивановичемъ, уже въ отставкѣ, но и помину не было между нами о Павлоградскихъ событіяхъ. Дѣла эти казались какъ бы уже «не отъ міра сего»; да и дѣйствительно, полкъ есть особый самостоятельный міръ. Пока входишь въ его составъ, живется его автономіею; подчиняешься его условленному кодексу, раздѣляешь его страсти, его радости и скорби при служебныхъ невзгодахъ. Міръ этотъ огражденъ отъ всякаго внѣшняго вліянія и какъ бы безъ связей или рамификацій съ остальными частями вселенной. Но за то, когда выходишь изъ заколдованнаго его круга, этотъ прежній, столь любимый міръ, гдѣ прошло много, много счастливыхъ дней и было много живыхъ ощущеній, міръ этотъ исчезаетъ сразу изъ нашихъ глазъ, какъ бы призракъ и постепенно обращается какъ бы въ фикцію. Все забыто, все сглаживается въ неблагодарной

*) Княжна Баратаева вышла замужъ за нѣкоего Гадыжинскаго и вскорѣ послѣ первыхъ родовъ умерла.

нашей памяти при вступленіи въ другой отдѣльный и отдаленный отъ прежняго міръ, въ которомъ не всегда насъ ожидаетъ то беззаботное о будущемъ днѣ спокойствіе, тѣ радости, коими довольствовалась прежде наша коллегіально-полковая невзыскательная жизнь. Мы покончили навсегда съ тѣмъ прежнимъ міромъ и ничего не вынесли изъ него, что́ могло бы служить звеномъ между прожитымъ и предстоящимъ. Нечаянная встрѣча съ бывшимъ сослуживцемъ вызываетъ, конечно, минутное трепетаніе сердца (да и то, если встрѣча пришлась впопадъ); но это уже не то, что́ въ былое время, когда мы оба носили одинаковый мундиръ. А бываетъ такъ, что мы и отворачиваемся отъ прежняго сослуживца и говоримъ «фи», если онъ кажется чудакомъ нашему новому великосвѣтскому обществу. Еслибъ что-нибудь возможно было въ родѣ Фурріернетскаго фаланстеріума, то ближайшимъ ему образцомъ служилъ бы кавалерійскій армейскій (но отнюдь не гвардейскій) полкъ, въ мое время *). Графъ Л. Н. Толстой намекаетъ на тотъ особенный міръ въ своемъ романѣ «Война и миръ», указывая именно на Павлоградскій полкъ, въ которомъ пришлось мнѣ служить. Разница между полковыми и свѣтскими обыкновенными отношеніями такъ рѣзка, что я, напримѣръ, будучи фрачнымъ, готовъ отвернуться отъ фрачнаго же, носившаго незадолго передъ тѣмъ одинаковый со мною мундиръ, тогда какъ во время моего съ нимъ однополченства я вступился бы горою за него, будь онъ оскорбленъ и вызвалъ бы, пожалуй, на дуэль дерзкаго оскорбителя, если бы онъ былъ не изъ нашего полка. По причинѣ также одинаковаго мундира товарищъ изъ бѣдняковъ (каковыхъ немало въ армейскомъ полку), не равный мнѣ ни по рожденію, ни по воспитанію, былъ бы со мною *на ты*, и я съ радостію готовъ былъ бы помочь ему деньгами (когда даже самъ въ нихъ нуждался), зная впередъ, что навряд ли получу ихъ обратно. Но по силѣ кодекса того же полковаго міра, свѣтское положеніе каждаго никогда въ разсчетъ не входило. За то, какъ и дружественныя прежнія связи забываются фрачными, одинаково также забываются непріязнь и вражда при встрѣчѣ ихъ послѣ долговременной разлуки. Такъ и случилось со мною относительно Е. И. Пашкова.

Старикъ Иванъ Александровичъ Пашковъ умеръ еще въ 1828 г.; но вдова его Авдотья Семеновна жила въ одномъ домѣ съ нераздѣлившимися сыновьями и съ ихъ семействами, исключая Андрея Ивановича, поселившагося въ Петербургѣ. Мнѣ особенно радостно было повстрѣ-

*) Помнится, разсказывали мнѣ гвардейскіе офицеры, что великій князь Михаилъ Павловичъ рѣзко выражался насчетъ этого дружнаго армейскаго товарищества и что онъ его уничтожалъ въ гвардіи.

чаться опять съ добрѣйшею нашею Ольгою Алексѣевною; меня весьма тронуло, что она продолжала обращаться со мною съ прежнею фамильярностію, называя меня просто по фамиліи, безъ прибавленія графскаго титула.

Даровитая и очень тогда хорошенькая племянница Пашковыхъ, Додо (какъ звали ее въ домѣ) Сушкова, незадолго передъ тѣмъ вышла замужъ за графа Андрея Ѳедоровича Растопчина, и молодые жили во вновь реставрированномъ семейномъ Растопчинскомъ домѣ на Лубянкѣ (нынѣ Шипова), скорбно историческомъ по дѣлу объ умерщвленіи въ 1812 году на дворѣ этого дома несчастнаго Верещагина.

Украшеніями Московскихъ баловъ были тогда красавицы: графиня Екатерина Александровна Зубова и сестра ея г-жа Евреинова, дочери князя Александра Петровича Оболенскаго; новозамужняя г-жа Киреева, рожденная Алябьева, Екатерина Александровна Соломирская (дочь Александра Яковлевича Булгакова), графиня Кутайсова (дочь Дмитрія Дмитріевича Шепелева), графиня Пушкина, рожденная Шернваль и незамужняя сестра ея Аврора, интересная уже своимъ романомъ внезапной смерти жениха Александра Алексѣевича Муханова, къ которому успѣла она сильно (какъ говорили) привязаться. Въ честь ея вышелъ тогда романсъ-мазурка, слова князя П. А. Вяземскаго и музыка графа М. Ю. Віельгорскаго:

Намъ сіяетъ Аврора,
Въ солнцѣ нужды намъ нѣтъ:
Для души и для взора
Есть и пламень и свѣтъ.
Небо спорило съ Фебомъ
Безъ златаго вѣнца;
Такъ любуйтесь вы небомъ
Молодаго лица.

* * *

Нѣтъ ни тучъ, ни ненастья,
Въ этомъ небѣ живомъ;
Заглядишься до счастья,
Позабывъ о другомъ.
Какъ прекрасно и пышно
Это небо цвѣтетъ!
Какъ предъ нимъ сердцу слышно,
Что въ немъ ангелъ живетъ!

* * *

Какъ румяно и ярко,
Улыбаясь, горитъ,
И сквозь звѣзды, какъ жарко
Прямо въ душу глядитъ!
Всѣ мечты и всѣ взоры
Къ небу этому льнутъ,
И улыбки Авроры
Упоенные ждутъ.

Счастіе отворачивалось отъ этой прекрасной женщины. По смерти перваго мужа П. Н. Демидова она, наконецъ, вышла по влеченію сердца за Карамзина, изрубленнаго въ куски въ Придунайской войнѣ 1854 г. Позднѣе, въ 1860 году, едва не лишилась она единственнаго сына, тяжело раненаго на дуэли еще студентомъ; и когда онъ женился, только что привязалась было къ своей снохѣ, какъ молодая эта женщина умерла въ прошломъ 1868 году.

Изъ дѣвицъ-красавицъ той эпохи были: княжна Абамелекъ (позднѣе Баратынская), Абаза, вышедшая за Алексѣя Ѳедоровича Львова, композитора и директора придворной пѣвческой капеллы, Высоцкая, замѣчательно пригожая (за кого вышла, не помню), нѣкая Арсеньева, наконецъ, двѣ сестры Скрипицины, настоящія «boutons de rose», не окончательно еще выѣзжавшія въ свѣтъ, сироты послѣ матери, урожденной Алмазовой; онѣ бывали съ отцемъ на концертахъ и на маленькихъ вечеринкахъ. Особенно одна изъ нихъ имѣла въ себѣ что-то до того привлекательное въ дѣтскомъ еще своемъ выраженіи, при гибкой, стройной таліи, что не хотѣлось сводить съ нея глазъ. Если не къ числу настоящихъ красавицъ, но къ весьма интереснымъ и граціознымъ можно было причислить Надежду Сергѣевну Пашкову, жену Сергѣя Ивановича, урожденную княжну Долгорукову, и не дурна была Ольга Ѳедоровна Кошелева, урожденная Петрово-Соловово, свадьба коей съ богатымъ А. И. Кошелевымъ состоялась одновременно почти съ моей. Не знаю почему, иные считали какъ бы красавицею княгиню Ольгу Александровну Булгакову, вторую дочь А. Я. Булгакова; таковою она никогда не была въ моихъ глазахъ, чему особенно мѣшалъ ей кверху вздернутый, красный ея носикъ; но во всемъ прочемъ, какъ-то въ нѣгѣ движеній, стройности, любезности и игривомъ умѣ можно было отдавать ей первенствующее мѣсто въ тогдашнемъ обществѣ. Назову еще Софію Николаевну Львову (ур. Наумову), мужъ которой состоялъ полковникомъ при особѣ Московскаго военнаго генералъ-губернатора и былъ до того дуренъ собою, что, по тогдашнимъ разсказамъ, когда она бывала на сносяхъ, то запрещено будто бы ей было

акушеркою смотрѣть на него изъ предосторожности выкидыша или произведенія на свѣтъ невзрачнаго ребенка.

Было нѣсколько большихъ баловъ и маскарадовъ у князя Дмитрія Владимировича Голицына, которыхъ мы не пропускали. Адъютантами при немъ были: Петръ Петровичъ Новосильцовъ, князь Николай Александровичъ Щербатовъ и князь Друцкой, коему дано было прозвище пустаго возка съ фонарями, по причинѣ большихъ навыкатъ его глазъ. При немъ же состояли для особыхъ порученій ротмистръ князь Вяземскій и вышепомянутый полковникъ Львовъ, прозванный *le beau Lvoff*, о которомъ ходилъ такой анекдотъ. П. П. Новосильцевъ, спрошенный однажды полицмейстеромъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Миллеромъ о состояніи дороги изъ Петербурга, откуда онъ только что возвратился въ осеннее дождливое время, отозвался, что хуже быть не можетъ, и когда Миллеръ выразилъ свое удивленіе, потому что Львовъ, также недавно передъ тѣмъ возвратившій оттуда, не отзывался такъ плохо о дорогѣ, П. П. Новосильцовъ сдѣлалъ замѣчаніе: «Lvoff voit tout en beau, à commencer par sa propre personne.» (Львовъ видитъ все въ прекрасномъ видѣ, начиная съ собственной своей особы). Однажды, также на вечерѣ у князя Д. В. Голицына, Львовъ замѣтилъ князю: *Nous avons ici la crême de la société.* — Je ne le sais, сказалъ ему князь, mais jusqu'à présent je ne vois que le petit lait: каламбургъ непереводимый по русски [1]).

Правителемъ княжеской канцеляріи былъ Павелъ Ѳедоровичъ Степановъ, а директоромъ военнаго отдѣленія той канцеляріи генералъ-маіоръ Барышниковъ. Свиты Его Величества генералъ маіоръ Левъ Михайловичъ Цынскій поступилъ Московскимъ оберъ-полицмейстеромъ въ началѣ, кажется, 1834 года; ему сильно покровительствовалъ, какъ носился слухъ, графъ (еще тогда не князь) Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, потому что Цынскій былъ нѣкогда хорошимъ ремонтёромъ въ конно-гвардейскомъ полку, когда имъ командовалъ графъ Орловъ. Полицмейстерами были полковники: Никита Петровичъ Брянчаниновъ, Ѳедоръ Ивановичъ Виллеръ, Верещагинъ [2]) и засѣдавшій въ Управѣ

---

[1]) На балахъ у князя Голицына я раза два видѣлъ П. П. Дмитріева, величавая и стройная фигура коего, не согбенная годами, не могла не броситься въ глаза каждому, такъ какъ онъ превышалъ ростомъ почти всѣхъ прочихъ въ залѣ; но имя его напоминало мнѣ однѣ лишь его басни знакомыя по урокамъ ранняго моего дѣтства, а о служебной его какъ министра юстиціи карьерѣ и о прочихъ литературныхъ его заслугахъ я ничего не зналъ. Вотъ до какой степени простиралось мое невѣдѣніе современной нашей исторіи.

[2]) Вдовецъ Верещагинъ былъ весьма хорошій и смирный даже человѣкъ; тѣмъ не менѣе, его постигло въ началѣ 40-ыхъ годовъ несчастіе. Проѣзжая гдѣ-то по просслоч-

Благочинія полковникъ Мельгуновъ. Комендантомъ былъ достопочтенный ген.-маіоръ баронъ Сталь-фонъ-Гольштейнъ, замѣнившій ген.-маіора Веревкина и отличившійся дѣятельностію и гражданской неустрашимостію во время Московской холеры 1830 и 1831 года, когда, въ доказательство неприлипчивости этой эпидеміи, онъ, какъ говорятъ, ѣлъ изъ одной тарелки съ зараженными. Плацъ-маіоромъ былъ полковникъ Кузминъ, а плацъ-адъютантами Сергѣй Александровичъ Волконской (незаконный сынъ генерала А. А. Волкова, женатый уже тогда на Машковой, мать коей была урожденная Пестель); Иванъ Ивановичъ Давыдовъ, уже женатый на Екатеринѣ Михайловнѣ Васильчиковой; Александръ Ивановичъ Малышевъ (красавецъ собою, женившійся позднѣе на богатой наслѣдницѣ, незаконнорожденной дочери Рязанскаго помѣщика Измайлова *), и нѣкій г. Карауловъ.

Директоромъ Московскихъ театровъ былъ Загоскинъ, замѣнившій престарѣлаго Кокошкина. Помощникомъ его былъ національный нашъ композиторъ Верстовскій, женатый уже на даровитой артисткѣ, фавористкѣ публики, Надеждѣ Рѣпиной, продолжавшей однакоже сценическое свое поприще подъ дѣвичьемъ именемъ до 1836 года. Она дѣйствительно была единственнымъ облагороженнымъ Русскимъ типомъ *jeune première* или *première amoureuse* той эпохи. Львова-Синецкая была отвратительна (по моему) своею аффектаціею.

Остановлюсь еще ненадолго надъ отрадной и свѣтлой личностью коменданта барона Карла Густавовича Сталя-фонъ-Гольштейна.

ной дорогѣ, онъ, выведенный изъ терпѣнія нахальнымъ принимательствомъ или грубостію свойственными прежнимъ ямщикамъ, неосторожно ударилъ одного изъ нихъ въ високъ, не будучи вовсе изъ драчуновъ, отчего ямщикъ померъ, а Верещагинъ былъ преданъ суду; но за долговременную безпорочную его службу дѣло это, помнится мнѣ, кончилось однимъ арестомъ. Единственная его дочь была одна изъ хорошенькихъ дѣвицъ въ Московскомъ обществѣ 1844 года.

*) Екатерина Львовна Малышева (нынѣ въ живыхъ), хотя и получила въ приданое хорошее весьма состояніе, но огромнымъ состояніемъ Измайлова наслѣдовалъ дальній его родственникъ, графъ Николай Дмитріевичъ Толстой, братъ Екатерины Дмитріевны Голубцовой. Генералъ Измайловъ прославился въ Рязанской губерніи своимъ дикимъ самоуправствомъ, за что былъ отданъ, по высочайшему повелѣнію, подъ опеку. Были у него еще дочь, Анна Львовна, и сынъ Дмитрій Львовичъ, оба также незаконнорожденные. Дочь эту онъ за что-то не возлюбилъ и пустилъ нищею, и она позднѣе была надзирательницею надъ Дивовскимъ скотнымъ дворомъ въ Зенинской фермѣ, гдѣ ее очень любили; она и теперь жива. Дмитрій Львовичъ, не получившій никакого воспитанія и не записанный нигдѣ на службѣ, числился мѣщаниномъ и по завѣщанію отца получилъ что-то въ родѣ 100 тысячъ р., моталъ, пустился позднѣе въ ненадежныя аферы, разорился и теперь, какъ слышно, живетъ въ избѣ у одного крестьянина въ Зарайскомъ уѣздѣ.

Когда я числился въ 40-ыхъ годахъ въ канцеляріи князя Д. В. Голицина, сидя однажды въ пріемной передъ кабинетомъ князя, въ числѣ прочихъ лицъ, ожидавшихъ его выхода, кто-то, разговаривая съ барономъ Сталемъ, замѣтилъ, что князь Голицинъ долго что-то занялся въ кабинетѣ съ оберъ-полицмейстеромъ Цынскимъ. «Да, сказалъ баронъ Сталь, Цынскій передаетъ князю, вѣроятно, всѣ городскія, какъ я ихъ зову, сплетни (cancans). Онъ тоже самое дѣлалъ со мною, когда въ отсутствіи князя я правилъ его должность. Начнетъ бывало съ того, что такой-то господинъ N. выигралъ вчера въ карты такой-то огромный кушъ денегъ; а я, бывало, ему въ отвѣтъ, что я весьма этому радъ, потому что счастливый господинъ N. хорошій человѣкъ и пріятель мнѣ.»

Покойный графъ Петръ Ивановичъ Апраксинъ, за обѣдомъ однажды въ Петербургскомъ Англійскомъ клубѣ, разсказалъ мнѣ, что въ пріѣздъ свой въ Москву, посѣтивъ барона Сталя, онъ спросилъ его, не боленъ ли онъ, что сидитъ дома и безъ дѣла, и не воспользуется ли онъ прекрасной погодою прогуляться по Кремлевскому саду, въ двухъ шагахъ отъ него. «Не боленъ, а гулять нельзя», отвѣчалъ баронъ Сталь.—«Отъ чего же?» спросилъ графъ. «А потому, чтобы не встрѣчаться съ офицерами одѣтыми, какъ я уже знаю, не по формѣ, и коихъ пришлось бы мнѣ тогда сажать подъ арестъ», объяснилъ добродушный старикъ.

—«Отлично, сказалъ графъ, «то есть, чтобы не сажать другихъ подъ арестъ, ты самъ добровольно сидишь за нихъ подъ арестомъ? Похвальное самоотверженіе».

Не мѣшаетъ добавить, что хотя графъ Апраксинъ подсмѣивался надъ старымъ своимъ сослуживцемъ, но самъ былъ способенъ на такой же подвигъ или, по крайней мѣрѣ, вмѣсто того чтобы арестовать кого за отступленіе отъ военной формы, окончательно бы заговорилъ его, что̀ составляло его слабость.

Не знаю, за кого вышли замужъ три или четыре дочери барона Сталя, кромѣ одной, Шарлоты Карловны, вышедшей до Орловскаго помѣщика Александра Сергѣевича Цурикова; это было достойная вполнѣ дочь такого отца.

Гражданскимъ губернаторомъ былъ тогда вдовецъ А. Н. Небольсинъ, женившійся вторично въ 40-ыхъ годахъ. Съ нимъ жила тетка его Авдотья Селиверстовна, нѣчто въ родѣ авторитета въ тогдашнемъ Московскомъ обществѣ, давшемъ ей названіе «Galante de la larme à

Гоеll», по болѣзненной ли влажности глазъ, или по ея чувствительности, не знаю.

Изъ Русскихъ оперъ давались только, кажется, двѣ, и объ Верстовскаго: неудачная и вскорѣ канувшая въ Лету «Тоска по родинѣ» и «Аскольдова Могила (съ 1835 на 1836 годъ), производившая неописываемый фуроръ, отчасти, конечно, заслуженный. На Россиніевскія или другія Итальянскія оперы не покушались. Изрѣдка давался «Волшебный Стрѣлокъ Вебера», довольно незавидно исполняемый и, кажется, болѣе ничего. О Вадимѣ, съ его двѣнадцатью спящими на воздухѣ дѣвицами, было уже забыто. Примадонною была нѣкая Петрова, голосомъ и игрою посредственная совершенно артистка, но благоразумная настолько, что умѣла избѣгать всякихъ руладъ и трудностей. Теноръ Булаховъ давно уже передъ тѣмъ померъ; говорятъ, что онъ былъ не безъ таланта какъ пѣвецъ и какъ композиторъ романсовъ. Преемникъ его Бантышевъ (до поступленія на сцену армейскій офицеръ изъ дворянъ и дилеттантъ) бралъ лишь своимъ чисто-грудянымъ безъ фистулы и звучнымъ теноровымъ голосомъ, но пѣлъ безъ всякаго метода, монотонно, никогда почти не одушевлялся, а игрою былъ истуканъ. Единственнымъ его тріумфомъ, были, насколько помню, народныя аріи въ Аскольдовой могилѣ: «Близко города Славянска» и «Ужъ какъ вѣетъ вѣтерокъ», нарочно для него написанныя Верстовскимъ. Кстати замѣчу, что этой оперою такъ часто стали подчивать публику, что про нее говорили «оскомину набила». Лавровъ, басъ-баритонъ, по голосу и по изрядной изученности въ игрѣ, могъ быть названъ артистомъ; при музыкальномъ образованіи и слушаніи заграничныхъ знаменитыхъ пѣвцовъ, изъ него могъ бы выйти хорошій вполнѣ оперный артистъ; но какъ таковыхъ случаевъ ему не представлялось, то онъ заглохъ на Московской сценѣ, оставшись до конца карьеры своей (онъ умеръ не въ старыхъ еще годахъ), чѣмъ онъ былъ при дебютѣ. Разсказывали, что онъ эффектно весьма пѣвалъ и въ надлежащемъ восточномъ костюмѣ, въ 20-ыхъ годахъ, романсъ «Черная шаль» Пушкина съ музыкою графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго. Второй будто бы теноръ Щепинъ былъ, какъ я уже указывалъ, рѣшительно безголосый; но дебютировалъ около того времени молодой теноръ Стрѣльскій, изъ котораго я, какъ самъ пѣвецъ, ожидалъ, что выдетъ что нибудь порядочное; но и онъ никогда не усовершенствовался по тѣмъ же, можетъ быть, причинамъ, какъ и Лавровъ *). Второю прима-

*) Однажды, въ 1842 или 1843 году, пришлось мнѣ пѣть съ г. Стрѣльскимъ за оркестрированной обѣдней во Французской Римско-католической церкви на Лубянкѣ, по просьбѣ сочинителя ея Итальянца г. Лора, въ коей участвовали сестра сочинителя

дочною была пѣвкая Куликова, молодая воспитанница Театральнаго Училища, прекрасіозная, но съ ограниченнымъ весьма голосомъ, и она умно сдѣлала, что перешла на драму, настоящее свое призваніе, гдѣ и отличилась, и вышла за мужъ за комика Орлова, артиста, который хотя утрировалъ нерѣдко свои роли, дѣлалъ насмѣшливыя гримасы и былъ карикатуренъ, но не безъ таланта, отлично игрывалъ полковника Скалозуба въ «Горе отъ ума», гдѣ былъ въ своей, такъ сказать, тарелкѣ, потому что самъ былъ изъ армейскихъ пѣхотныхъ офицеровъ, и поступилъ на сцену по влеченію. Эпоха эта была апогеемъ славы въ драмѣ и трагедіи П. С. Мочалова, этого соперника Петербургскаго Каратыгина; въ борьбѣ ихъ ни тотъ, ни другой не вышелъ окончательно ни побѣдителемъ, ни побѣжденнымъ. Въ Московскомъ трагикѣ иные (конечно преимущественно Москвичи) находили болѣе искры вдохновенія, болѣе натуральной страсти, чѣмъ у изученнаго и заранѣе обдуманнаго во всѣхъ своихъ интонаціяхъ, жестахъ и позахъ Петербургскаго трагика. Борьба же эта усложнялась и не благопріятствовала Московскому любимцу, потому что онъ имѣлъ дѣло съ своей низкою неуклюжею фигурою и не съ весьма сильнымъ органомъ, тогда какъ Петербургскій артистъ годился бы во флаговые Преображенскаго полка и въ протодіаконы [1]). Я передаю все это болѣе по наслышкѣ, чѣмъ по моимъ наблюденіямъ, такъ какъ я, къ сожалѣнію, рѣдко бывалъ въ Русскомъ театрѣ. Кромѣ того, Мочалову случалось являться на сцену еле-еле державшимся на ногахъ и не помнившимъ ни слова изъ своей роли; но публика прощала ему все это и на слѣдующій разъ встрѣчала его появленіе на сцену громкими рукоплесканіями. Свидѣтель разсказывалъ мнѣ, какъ однажды авторъ какой-то драмы (не изъ извѣстныхъ, имя коего я забылъ), добившись, наконецъ, разрѣшенія поставить на сцену свое произведеніе, приходилъ въ отчаяніе, когда на утренней генеральной репетиціи онъ не могъ оттащить Мочалова отъ театральнаго буфета, гдѣ трагикъ поглощалъ рюмку за рюмкой мадеры. «Павелъ Степановичъ», умолялъ несчастный авторъ, «пожалуста пойдемте; вы выпьете послѣ репетиціи».—«И теперь выпью и послѣ выпью», былъ отвѣтъ [2]). Мочаловъ пользовался уже нѣкото-

---

артистка г-жа Фишъ-Лоръ, и басъ Михайло Аполлоновичъ Волковъ. Въ этой обѣдни г. Стрѣльскій весьма удовлетворительно исполнилъ свою партицію.

[1]) Разсказывали, помнится мнѣ, что однажды на домогательство его быть уволеннымъ преждевременно изъ дирекціи императорскихъ театровъ, государь Николай Павловичъ будто-бы приказалъ сказать ему, что онъ не иначе можетъ быть уволеннымъ какъ съ переходомъ въ Преображенскій полкъ.

[2]) Это относится къ началу уже 40-ыхъ годовъ. Я слыхалъ также, что въ драмѣ „Бахчисарайскій Фонтанъ“ относящейся къ репертуару 1825 или 1826 года, Мочаловъ производилъ громъ рукоплесканій, когда прокричавъ: чтобы не было пожара, или погибнуть всѣ Татары.

рою извѣстностію еще въ 1826 году. Въ описываемое мною время Щепкинъ былъ уже давно замѣчательнымъ артистомъ. Въ 1826 или 1827 году онъ вызывалъ аплодисменты въ передѣланномъ съ Французскаго водевилѣ «Секретарь и поваръ». (Своего Русскаго было весьма мало въ репертуарѣ, а почти одни переводы и передѣлки). Въ Фамусовѣ былъ онъ такъ хорошъ, что я теперь, какъ будто бы вижу его. Живокини уже тогда начиналъ нравиться публикѣ; но онъ, по моему мнѣнію, былъ чрезчуръ буфоненъ и подходилъ къ площадному. Дмитрій Ленскій тщательно исполнялъ амплуа любовниковъ и молодыхъ офицеровъ, хотя полукалмыцкія его черты лица плохо въ томъ ему содѣйствовали; сверхъ того, слишкомъ уже раболѣпно копировалъ онъ Французскихъ «jeune premier»; своего собственнаго, было, повидимому мало запасено. Я былъ знакомъ съ нимъ, и онъ удивлялъ меня прекраснымп своими манерами и свободнымъ Французскимъ разговоромъ, и вообще былъ тихаго и скромнаго нрава и горячимъ обожателемъ таланта Французскаго комика Гервѣ, съ коимъ находился въ дружбѣ. Онъ, кажется, воспитанъ былъ въ какомъ-то барскомъ домѣ, откуда вѣроятно вынесъ то, что по-французски зовется «comme il faut» и по-русски непереводимо. Славился до меня Сабуровъ въ роляхъ любовника; но онъ, надо полагать, умеръ въ цвѣтущихъ еще годахъ. Въ балетномъ мірѣ отличались Француженка Гиленъ-Соръ (Hilain-Sor) и Русская Воронина; но объ опѣ никуда бы теперь не годились для публики, избалованной Лебедевой, Гранцовою и Собещанскою. Изъ мужчинъ отличался Ришаръ; но замѣтить слѣдуетъ, что балеты того времени не производили вообще того фурора, какъ нынѣ.

Случилось мнѣ однажды присутствовать при одномъ представленіи весьма любопытномъ по своей археологической драматичности. Княгиня Екатерина Семеновна Гагарина, нѣкогда знаменитая Семенова 1-ая, давала нѣсколько отрывковъ изъ трагедій Озерова въ своемъ домѣ въ Старой Конюшенной, по пригласительнымъ билетамъ. Я съ женою попали на отрывокъ изъ Ифигеніи. Клитемнестру играла княгиня, Ифигенію одна изъ двухъ ея дочерей, коей было тогда не болѣе 13 или 14 лѣтъ *), а непримиримаго Агамемнона представлялъ дряхлый и беззубый Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ. Такъ какъ я не принадлежалъ эпохѣ театральнаго классицизма, когда восторгались Расиновскими подражаніями, божественная нѣкогда Семенова казалась мнѣ чрезвычайно аффектированною и въ декламаціи, и въ жестикуляціи; но интонація голоса и дикція

*) Одна изъ нихъ вышла замужъ за Зарайскаго помѣщика Николая Михайловича Лихарева, недавно умершаго, и говорятъ, что она владѣла удивительнымъ голосомъ: вторая княжна Гагарина вышла, кажется, за одного изъ братьевъ Ломоносовыхъ.

были, дѣйствительно, ясны и звучны, и были еще вспышки, подходившія къ вдохновенію. Но если на сценѣ казался смѣшнымъ беззубый, плѣшивый и сморчкообразный Греческій вождь съ его вдобавокъ пришепетываніемъ вмѣсто декламировки, то комизмъ удвоился для меня, когда я увидѣлъ по окончаніи спектакля, какъ два лакея въ ливреѣ вели подъ мышки съ лѣстницы въ карету драпированнаго въ красную мантію съ полуголыми ногами въ Греческихъ сандаліяхъ этого дряхлаго Агамемнона. Тутъ и тѣни не было трагедіи, а одно шутовство [1]).

Какъ этнографъ и бытописецъ, не могу не посвятить нѣсколькихъ словъ тогдашнимъ женскимъ модамъ. Вмѣсто непоявившихся еще тогда кринолиновъ были *турнюры*, сирѣчь одно или два полотенца, которыя впихивались подъ платье, но только сзади, на той части тѣла, что̀ изъ вѣжливости мы назовемъ *сидѣніемъ*, и отъ чего оно оттопыривалось, какъ по рисункамъ оно бываетъ у Готентотокъ (въ натуральномъ, конечно, видѣ) или у Ордынскихъ барановъ съ курдюками. Эта процедура впихиванія полотенца и прикалываніе его, чтобы оно не спадало очень меня забавляли, когда жена моя одѣвалась на балъ. Таліи были очень длинныя (т. е. низкія), а платья короткія. Для головной уборки существовалъ еще съ 20-хъ годовъ Аполлоновъ узелъ (noeud d'Apollon). Это было дѣйствительно узелъ или широкій бантъ изъ поддѣльныхъ волосъ, вышиною не менѣе, конечно, четверти аршина; онъ втыкался вмѣстѣ (кажется) съ гребнемъ на самой срединѣ макушки головы; отъ висковъ же къ глазамъ закручивались и приклеивались къ лицу гумміарабикомъ тоненькіе крючечки изъ собственныхъ волосъ, называемые *акрошкёрами* (acroche-coeur). Не смотря на все это искаженіе, красота брала свое, и вовсе не къ лицу причесанная головка кружила множество головъ.

Мы однажды какъ-то попали на балъ къ князю Сергѣю Ивановичу Гагарину [2]), хотя не были съ нимъ знакомы, въ его собственномъ домѣ на Знаменкѣ, тамъ, гдѣ скончалась въ 1828 году графиня Елисавета Петровна Чернышова. Это было въ первый разъ послѣ сего печальнаго событія, что̀ я очутился въ этомъ домѣ; и какъ перемѣнилась съ тѣхъ поръ судьба всей моей жизни! Не могъ я равно-

[1]) Куда желалъ бы я видѣть, хоть разъ, для куріоза полную Озеровскую трагедію, хоть бы „Эдипа въ Аѳинахъ“ съ извѣстнымъ наизусть нашимъ отцамъ монологомъ

„Постой, дочь нѣжная преступнаго отца!“

съ традиціонною декламаціею, жестами и позами временъ Дмитревскихъ и Яковлевыхъ. Да нѣтъ: невозможно было бы выдержать цѣлый вечеръ этого пафоса.

[2]) Отецъ нынѣшняго іезуита.

душно видѣть себя въ этихъ стѣнахъ, убранныхъ нынѣ для празднества, и никто изъ участвовавшихъ въ немъ не могъ бы разгадать, что́ происходило во мнѣ и чего я не могъ бы передать никому, даже молодой моей женѣ.

Упомянувъ о Знаменкѣ, отмѣчу, что въ 20-хъ годахъ Апраксинскій домъ, гдѣ была тогда Итальянская опера, купленъ казною, а въ 1834 или 1835 году обращенъ въ училище сиротъ послѣ умершихъ отъ первой холеры съ 1830 на 1831 годъ.

Бывали мы нѣсколько разъ на домашнихъ спектакляхъ у Вадковскихъ. Мать Ивана Ѳедоровича Вадковскаго была сестра графа Григорья Ивановича Чернышова, а самъ онъ женатъ былъ на Молчановой и чуть-ли не былъ декабристомъ, но уже прощеннымъ въ описываемое время. Тамъ игрались одинъ Французскія піесы, и Иванъ Ѳедоровичъ подражалъ, какъ говорятъ, весьма удачно извѣстному въ 1814 и 1815 г. Парижскому комику Потье, коего онъ имѣлъ часто случай видать, какъ гвардейскій офицеръ, во время занятія Парижа нашими войсками. Онъ особливо былъ хорошъ въ фарсѣ «Le ci-devant jeune homme». Вадковскіе нанимали обширный домъ графа Бобринскаго, выходившій угломъ противъ Страстнаго монастыря и на Малую Дмитровку. Сестра жены Вадковскаго была за Капкаревымъ, однимъ изъ жертвъ исторіи стараго Семеновскаго полка, гдѣ онъ служилъ.

Вскорѣ послѣ моей женитьбы, неожиданно посѣтилъ меня Егоръ Александровичъ Дебриньи для полученія денегъ, занятыхъ мною у него подъ вексель во время вторичнаго моего пребыванія въ Кустовичахъ. Нападаютъ на меня, какъ я уже говорилъ, минуты трусости, особенно когда совѣсть нечиста, и потому появленіе этого почтеннаго человѣка бросило меня въ лихорадочную дрожь, и я боялся, что онъ потребуетъ отъ меня объясненій. Но ничего подобнаго не было; онъ поздравилъ даже меня съ новымъ въ жизни моей событіемъ и наговорилъ мнѣ много любезнаго на счетъ моей жены, которую онъ впдѣлъ мелькомъ. Я расчелся и съ тѣхъ поръ болѣе никогда съ нимъ не встрѣчался.

Изъ молодежи, посѣщавшей шурина моего Алексѣя Ивановича на его половинѣ (упомянуто уже, что онъ продолжалъ жить въ одномъ съ нами домѣ) были Корпуса путей сообщенія поручикъ баронъ Дельвигъ, тотъ самый что́ нынѣ одинъ изъ Петербургскихъ тузовъ въ Главномъ Обществѣ Русскихъ желѣзныхъ дорогъ *). Руфинъ Ивановичъ

*) Баронъ Дельвигъ былъ племянникъ князя Александра Андреевича Волконскаго (бывшаго опекуна жены моей и ея брата), и потому въ родствѣ и съ Николаемъ Алек-

Дороховъ, извѣстный своими дуэлями и разнаго рода приключеніями, два раза разжалованный въ рядовые, левъ тогдашней молодежи, но фанфаронъ и хвастунъ, почему шуринъ мой, раскусивъ чѣмъ онъ былъ, отшатнулся отъ него [1]). Хаживалъ также къ шурину моему Матвѣй Павловичъ Бибиковъ, блистательно незадолго передъ тѣмъ кончившій университетскій курсъ, даровитый, какъ отзывались о немъ тогда, поэтъ и рисовальщикъ, и преждевременно умершій. Его рисунки помѣщены были въ выходившемъ въ 1856 г. иллюстрированномъ изданіи по случаю празднествъ и торжествъ коронаціи нынѣшняго Государя. Онъ былъ Рязанскій помѣщикъ. Другой путей сообщенія офицеръ баронъ Фиркъ, знакомый съ шуриномъ моимъ, сдѣлался и у насъ частымъ посѣтителемъ. Онъ и есть тотъ самый (какъ передано было мнѣ) что̀ пріобрѣлъ въ послѣднее десятилѣтіе полуизвѣстность, какъ публицистъ и полонофилъ, подъ псевдонимомъ Шеддо-Феротти, что̀ весьма меня удивляетъ; ибо въ тогдашнемъ нашемъ кружкѣ онъ слылъ пустымъ болтуномъ, да и въ сущности былъ таковымъ [2]). Но болѣе чѣмъ съ кѣмъ другимъ шуринъ мой сблизился съ будущимъ своимъ, по тогда еще не помышляемымъ, шуриномъ Александромъ Сергѣевичемъ Цуриковымъ. Одною изъ отличительныхъ чертъ Цурикова была феноменальная память въ родѣ той, какая была у моего отца. Стоило ему разъ прочесть книгу, и онъ могъ, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, изложить всю ея сущность съ выводами автора; онъ могъ также, когда угодно и безъ справокъ, излагать главнѣйшія событія древней, средневѣковой и чуть-ли не новѣйшей Европейской исторіи съ обозначеніемъ годовъ, когда они совершились; передавалъ онъ не запинаясь вереницу всѣхъ именъ Европейскихъ династій, прежнихъ и

сандровичемъ Замятинымъ, нынѣ директоромъ земскаго отдѣла въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.

[1]) Дороховъ этотъ изображенъ въ „Войнѣ и мирѣ“ графа Л. Н. Толстаго подъ именемъ Долохова, съ анахроническою, впрочемъ, перестановкою. Дороховъ былъ женатъ на Плещеевой, мать коей была одна изъ двухъ сестеръ графа Г. И. Чернышова (другая его сестра была Вадковская): отъ дурнаго обращенія мужа съ нею, она вынуждена была убѣжать изъ дома съ малолѣтнею своею дочерью (какъ помнится мнѣ) и получила мѣсто директрисы женскаго учебнаго заведенія въ дальней Сибири. Р. И. Дороховъ очень долго, чуть ли не до конца жизни, все молодился, и когда стукнуло ему уже сорокъ лѣтъ, полькировалъ какъ бы студентъ. Когда я съ женою жилъ заграницей (1836—1839), мнѣ разсказывали, что Дороховъ въ пылу бѣшеннаго гнѣва зарѣзалъ будто бы кинжаломъ въ комнатѣ одного изъ своихъ знакомыхъ, за что поступилъ солдатомъ на Кавказъ. При всемъ томъ онъ былъ весьма пріятный въ обществѣ господинъ и съ хорошими манерами.

[2]) Непонятно, просто, какъ могъ баронъ Фиркъ плѣнить сердце столь умной и образованной особы, каковою была Е. А. С.....ва; по неполученію родительскаго согласія на свой бракъ съ нимъ, она, къ счастію своему, осталась дѣвицею. Бываютъ же у женщинъ странные вкусы!

настоящихъ, всѣ имена королей и прочихъ державныхъ лицъ отъ отдаленныхъ временъ; словомъ, познанія его по всѣмъ научнымъ отраслямъ казались обыкновенному профану, какъ я, универсальными, потому что дойти обыкновеннымъ учебнымъ порядкомъ до подобной степени есть дѣло долговременной жизни, тогда какъ Александру Сергѣевичу было всего тогда двадцать съ небольшимъ лѣтъ. Положимъ, что онъ иногда (не въ обиду будь это сказано) и пускалъ пыль въ глаза; но чтобы пускать удачно эту многостороннюю пыль, надо было на то имѣть громадный запасъ свѣдѣній въ головѣ. Владѣлъ онъ даромъ слова по-русски и по французски, а на послѣднемъ нарѣчіи съ нѣкоторою аффектаціею корчилъ природнаго Француза; былъ юмористическій разсказчикъ и бонъ-мотистъ, какихъ я рѣдко встрѣчалъ. Онъ между прочимъ заклеймилъ, помнится мнѣ четырехъ, Москвичей братьевъ N....., словами, что когда всѣ четверо сходятся, они составляютъ le vinaigre des quatre voleurs [1]). Вмѣстѣ съ этою наружностію онъ былъ глубоко вѣрующимъ христіаниномъ, и мало того, ревностнымъ къ Православію даже въ обрядовомъ отношеніи. Разсказывали мнѣ впослѣдствіи, что, поселившись у себя въ деревнѣ, гдѣ онъ безвыѣздно почти жилъ, онъ окончательно принялъ на себя должность чтеца въ своей церкви, въ с. Лебедкѣ, такъ что самому дьячку оставалось только пѣніе. Я уже говорилъ, что онъ женился въ началѣ 40-ыхъ годахъ на одной изъ дочерей Московскаго коменданта барона Сталя [2]).

На публичныхъ гуляньяхъ часто можно было встрѣчать ходившаго всегда пѣшкомъ и въ штатскомъ уже платьѣ бывшаго нашего бригаднаго, князя Ѳедора Ѳедоровича Гагарина; онъ у многихъ сохранялъ свое прозвище Ѳединьки, хотя ему было уже за 50 лѣтъ. Смотря на него сзади, можно было еще принять его за молодого человѣка по стройности его таліи.

Продолжая хлѣбосольныя традиціи умершей уже тогда Маріи Ивановны Корсаковой, жила въ описываемое время въ Москвѣ веселая и богатая барыня, нѣкая княгиня Друцкая-Соколинская-Гурко-Ромейко [3]),

---

[1]) Извѣстный тогда у парфюмеровъ косметическій для туалета уксусъ. Примѣненіе, впрочемъ, не А. С. Цуриковымъ придумано: вспоминаю, что въ Варшавѣ Пановскій тоже самое говорилъ про извѣстныхъ намъ лицъ.

[2]) Настоящій текстъ писанъ былъ въ 1868, когда еще былъ въ живыхъ этотъ достойнѣйшій человѣкъ, оставившій по себѣ большое семейство.

[3]) Это сочетаніе четырехъ фамилій въ одномъ лицѣ напоминаетъ мнѣ, что въ 50-ыхъ годахъ квартировалъ въ Калугѣ артиллерійскій генералъ Гагеманъ, жена коего, если вѣрить тогдашнимъ слухамъ, была рожденною княжною Кастріоть-Скандербергъ-Грегойловичъ-Барбаросса. Кстати замѣчу ту особенность, что всѣ Друцкіе или помѣщики или уроженцы Смоленской губерніи, точно такъ какъ Кротковы Симбирской, князья Кра-

великая устроительница пикниковъ и зимнихъ катаній въ саняхъ-омнибусъ Левіаѳанскихъ размѣровъ; но мы какъ-то съ нею не были знакомы. Надо предполагать, что появленіе ея было эфемернымъ; ибо, когда я снова переѣхалъ на жительство въ Москву въ 1840 году, воспоминаніе о ней кануло въ забвеніе.

Выходя однажды съ женою съ бала изъ благороднаго собранія, пока мы ждали, чтобы подали нашу карету меня интерпеллировала незнакомая мнѣ дама. Это была бывшая графиня Филиппи, племянница графа Кастель-Альфіери, Сардинскаго министра при Тосканскомъ дворѣ въ 1823—1826 годахъ. Теперь она уже была замужемъ за графомъ Сергѣемъ Ѳедоровичемъ Растопчинымъ, въ котораго влюбилась, когда онъ путешествовалъ по Италіи, и послѣдовала за нимъ въ Россію. Она пристально вглядывалась въ меня и казалась немного взволнованною, вспоминая, вѣроятно, что она видала меня еще юношею 14 или 15 лѣтъ во Флоренціи, гдѣ съ сестрою своею, графинею Казановою, приходила иногда къ намъ къ утреннему чаю. Не знаю почему, мнѣ было какъ бы неловко за нее, и я повелъ съ нею разговоръ о самыхъ банальныхъ современныхъ предметахъ.

Въ началѣ того года посѣтилъ Москву редакторъ Французскаго «Journal de Francfort, нѣкій г. Дюранъ и получилъ дозволеніе дать нѣсколько лекцій по подпискѣ въ одной изъ университетскихъ аудиторій о Французской тогдашней романтической литературѣ. Учившаяся университетская молодежь, сильно сочувствовавшая новой школѣ Виктора Гюго, недовѣрчиво (вѣроятно) смотрѣла на этого господина, какъ на редактора заграничной газеты, считавшейся органомъ (сирѣчь угодническимъ) Русскаго правительства, и предупрежденіе это не могло уменьшиться, конечно, отъ заносчиваго заявленія Француза, что цѣль его лекцій исправить ошибочный въ Россіи взглядъ на Французскую литературу; начались лекціи, и не замедлилъ послѣдовать скандалъ. Студенты начали высовывать языки г. Дюрану, который, не стерпѣвъ подобнаго афронта, пріостановился и, обращаясь къ публикѣ, сказалъ, что предметъ занимавшій его требуетъ-де ораторскаго вдохновенія невозможнаго, когда онъ встрѣчаетъ въ слушателяхъ неодобрительныя гримасы». Что́ далѣе вышло изъ этого, и поплатились ли виновники скандала, не помню.

Въ Февралѣ или Мартѣ были частые довольно концерты у Соймоновыхъ, въ коихъ участвовалъ и я. Пѣвицами - примадоннами были:

— —

поткины Рязанской, Вердеревскіе также Рязанской, а Араповы Тамбовской и Пензенской губерній. Въ Сапожковскомъ уѣздѣ есть цѣлая слобода князей Крапоткиныхъ, и княжны этой фамиліи сами доятъ коровъ и ходятъ по воду.

хозяйская дочь Екатерина Александровна (учившаяся пѣнію во Флоренціи у моего же учителя старика Маніелли) и Елисавета Алексѣевна Окулова (впослѣдствіи вышедшая за Дьякова); тенорами были Николай Ивановичъ Пашковъ (Московскій Рубини) и Михаилъ Дмитріевичъ Засѣцкій, а басомъ-баритономъ я. Дирижеромъ и акомпаніаторомъ былъ учитель пѣнія, маэстро Ерколани. Н. И. Пашковъ свободно бралъ высокія весьма ноты фистулой и, удачно довольно подражая иногда Рубини, часто имъ слышанному въ Италіи, съ легкостію дѣлалъ рулады; грудныя ноты были неясны и немного даже сиповаты (voix voilée); но за всѣмъ тѣмъ методъ и манера у него были, и онъ близко подходилъ къ Итальянскимъ оперным пѣвцамъ, второго только разряда. Онъ провелъ въ Италіи нѣсколько лѣтъ, между 1828 и 1834 годами *). У Елисаветы Алексѣевны Окуловой не было никогда настоящаго учителя: талантъ ея сформировался щедростію природы, инстинктомъ эстетическимъ и временными совѣтами (какъ было уже сказано), графини Риччи, а, можетъ быть, и княгини Зинаиды Александровны Волконской, бывшихъ въ Москвѣ между 1824 и 1827 годами. Е. А. Окулова пѣвала съ большимъ чувствомъ, съ огнемъ, какъ говорятъ Итальянцы (чего недоставало въ изящномъ, но немного холодноватомъ пѣніи Ек. Ал. Соймоновой) и доходила иногда до лирическаго драматизма; она, конечно, могла бы стать на ряду съ лучшими пѣвицами-дилетантками, не только въ Россіи, но и повсюду. У славившейся тогда Бартеневой (взятой около того времени изъ Москвы ко двору) голосъ былъ пространнѣе, можетъ быть, серебристо-звучнѣе; но въ пѣніи ея не было увлекательности и выраженія страсти, чѣмъ вдохновлялись природный голосъ и методъ Е. А. Окуловой. М. Д. Засѣцкій былъ фанатикъ вокальной музыки, слѣдилъ въ Парижѣ за Итальянской оперою съ знаменитостями, Гризи, Рубини, Ивановымъ и Лаблашемъ, но теноровый его голосъ былъ не изъ сильныхъ и не изъ весьма звучныхъ. Хоръ въ этихъ Соймоновскихъ концертахъ составляли дѣвицы тогдашняго высшаго общества; изъ нихъ отличались красотою двѣ вышеупомянутыя сестры Скрипицыны, Александра Дмитріевна Давыдова (вышедшая замужъ позднѣе за Ѳеофила Матвѣевича Толстаго) и пѣкая Арсеньева, уже сговоренная, но съ кѣмъ, не помню. Княжна Софія Александровна Черкасская, только что начинавшая выѣзжать въ свѣтъ и въ близкихъ отношеніяхъ съ обѣими сестрами Соймоновыми, не была еще концертною

*) Когда я былъ послѣ него въ Италіи, Флорентинскій хорошій весьма дилеттантъ сообщилъ мнѣ, что Н. И. Пашковъ (котораго онъ, повидимому, тамъ зналъ) пѣвалъ аріи, писанныя для Рубини, цѣлымъ тономъ ниже противъ оригинальной партиціи.

солисткою, но въ замѣнъ того съ успѣхомъ занималась живописью [1]). Участвовали также въ хорѣ княжны Марія и Анастасія Николаевны Щербатовы, отецъ коихъ, князь Николай Григорьевичъ (братъ генералъ-адъютанта князя Алексѣя Григорьевича, слывшій въ обществѣ подъ прозвищемъ «le brocanteur»), былъ въ молодости своей извѣстенъ убійствомъ на дуэли иностранца нѣкоего Шевалье-де-Сакса, игравшаго нѣкогда роль въ Петербургскомъ обществѣ [2]). Прозвище «brocanteur» онъ получилъ, вѣроятно, потому что занимался торговыми мѣновыми операціями. Онъ былъ женатъ на Полькѣ, незнатнаго, какъ слышно было, происхожденія. Изъ трехъ его дочерей старшая, княжна Марія, артистически игравшая на фортепіано, вышла въ 40-хъ годахъ за князя Алексѣя Черкасскаго [3]); вторая княжна Анастасія, хороша собою, но весьма малаго роста, вышла за безногаго Ермолова, по смерти коего за какого-то Француза, поселилась окончательно въ Парижѣ и перешла тамъ въ католичество; третья, весьма недурна собою, вышла также въ 40-хъ годахъ за нѣкоего Джорджа Норда, служившаго первоначально въ лейбъ-гусарахъ, сына Англійскаго короля Георгія IV отъ связи, во время еще регентства, съ одною Русскою дамою.

Говоря о Соймоновыхъ, не досказалъ я, что Сусанна Александровна (вышедшая за Николая Дмитріевича Мертваго) дошла до рѣдкаго совершенства въ портретной живописи масляными красками [4]).

Весною, по случаю пріѣзда двора въ Москву, устроился большой концертъ изъ нашей аматёрской труппы въ залѣ генералъ-губернаторскаго дома. Я, какъ рисовальщикъ и каллиграфъ, взялся написать программную афишку печатными буквами, но принялся за эту работу слишкомъ поздно и явился въ концертный залъ съ своимъ изящнымъ произведеніемъ, не только когда исполнители и все общество были давно въ сборѣ, но прибыла уже на мѣсто императорская чета съ Государ-

---

[1]) Отецъ ея, князь Александръ Александровичъ Черкасскій (умершій въ 1841 году) былъ въ тѣсной дружбѣ съ давнихъ лѣтъ съ Александромъ Николаевичемъ Соймоновымъ и самъ когда-то былъ настолько виртуозомъ на скрипкѣ, что могъ разыгрывать сонаты Джіотто, считавшіяся изъ самыхъ затруднительныхъ въ началѣ сего столѣтія.

[2]) Поводъ къ дуэли былъ, какъ разсказывали мнѣ, самый ничтожный. Они встрѣтились оба верхомъ, на гуляньѣ; князь Щербатовъ закричалъ этому господину: Comment vous portez-vous? А тотъ будто-бы отвѣчалъ ему: Sur mes deux pieds, за что князь обидѣлся и вызвалъ его на дуэль, каковая состоялась за границею, много позднѣе. Впрочемъ я гдѣ-то читалъ совершенно другой разсказъ объ этомъ происшествіи.

[3]) Кажется, Алексѣя Борисовича, брата тому, жена коего, княгиня Викторина, славилась въ 40-хъ годахъ красотою.

[4]) Лишившись состоянія отъ неудачныхъ мужниныхъ коммерческихъ предпріятій и овдовѣвъ, С. А. Мертваго нынѣ директрисою Казанскаго института благородныхъ дѣвицъ.

ремъ Наслѣдникомъ, и меня, однако, ожидали, чтобы начать концертъ. Уже какой за то нагоняй я получилъ отъ хозяйки дома, добрѣйшей княгини Татьяны Васильевны! Послѣ концерта, Императоръ и Императрица соблаговолили сказать нѣсколько привѣтливыхъ словъ главнымъ исполнителямъ, Е. А. Соймоновой и Н. И. Пашкову; я былъ обойденъ. Думается мнѣ, что столь обидное для меня исключеніе было мотивировано царскимъ воспоминаніемъ о приписанной мнѣ роли въ исторіи битія стеколъ въ Петербургѣ.

На этомъ концертѣ Московская публика впервыя, кажется, услыхала окончательный финалъ втораго дѣйствія Нормы; она исполнена была нами весьма, помнится мнѣ, удовлетворительно. Кромѣ этого финала исполнены были Е. А. Соймоновою арія изъ Пирата (Беллини), а Н. И. Пашковымъ каватина изъ Анны Болены «Da quel dè, che lei perdutta», что̀ было его «cheval de bataille». Неясно помню, участвовала ли въ этомъ концертѣ Е. А. Окулова; если же участвовала, то, вѣроятно, въ дуэтѣ съ Е. А. Соймоновою изъ Монтекки и Капулетти «Se fuggiamo», ими уже превосходно исполненномъ на одномъ изъ прежнихъ концертовъ. Но много прежде (помнится мнѣ) этого концерта, а именно въ началѣ кончившагося зимняго сезона, устроена была сцена въ томъ же генералъ-губернаторскомъ домѣ и даны двѣ отрывочныя сцены въ костюмахъ и съ оркестромъ: первая, изъ Севильскаго Цирульника Бартеневою и графомъ В. А. Сологубомъ (басъ въ ролѣ Фигаро), а вторая, финальный дуэтъ изъ Отелло, тою же Бартеневою и Н. И. Пашковымъ, съ вымазаннымъ сажею лицомъ, какъ слѣдуетъ въ роли звѣрскаго Мавра.

Упомяну вскользь, что былъ тогда въ ходу романсъ «Талисманъ» слова Пушкина (но чья была музыка, не помню) который я пѣвалъ не безъ шика, варьируя произвольно каждый почти изъ его куплетовъ безконечными руладами и фіоритурами, на каковое безвкусіе я конечно теперь бы не отважился, будь я даже при прежнемъ своемъ голосѣ; но то была эпоха рулядъ и голосовой гибкости (agilité).

Лѣтомъ, кажется, 1834 года пожаловали въ Россію нѣкоторые изъ Французскихъ легитимистовъ, извѣстныхъ болѣе или менѣе фамилій, чаявшихъ движенія воды и искавшихъ свѣтскаго положенія. Изъ таковыхъ были викомтъ де-Жюльвекуръ, полу-литераторъ, и г. Жуберъ. Послѣдній ничѣмъ, кажется, не отличался, кромѣ своею рыжею бородою (запретный тогда для насъ Русскихъ плодъ), повертѣлся, повертѣлся, да возвратился во свояси. Не такъ поступилъ его товарищъ викомтъ: онъ вскорѣ женился на вдовѣ Кожиной (Лидіи Николаевнѣ), ро-

жденной Всеволожской и поселился въ Москвѣ [1]). Изъ такихъ же выходцевъ были въ Петербургѣ г. Дантесъ и маркизъ Пина, изъ коихъ первый былъ принятъ въ гвардію и пріобрѣлъ роковую знаменитость убійствомъ Пушкина, а второй, бывшій пажомъ Карла X, поступилъ офицеромъ въ какой-то армейскій пѣхотный полкъ. Я часто его встрѣчалъ въ 1835 году въ ресторанѣ Коппа, куда онъ однажды, пригласивъ позавтракать (какъ разсказывали мнѣ) аббата Французской церкви Шибо́, самъ исчезъ, и приглашенному пришлось заплатить за свое угощеніе. Этотъ аббатъ былъ молодчина, кровь съ молокомъ, съ военными почти ухватками; впослѣдствіи онъ былъ во Флоренціи при мнѣ и бывалъ у насъ въ домѣ. Помню, что онъ высказывался о притѣсненіяхъ, коимъ подвергнуто будто бы Латинское духовенство въ Россіи; но пѣсня эта вѣдь не новая, и спасибо правительству, что господамъ этимъ пропагандировать нынѣ не даютъ, какъ въ бывалое блаженное для нихъ время. Онъ послѣ того получилъ, кажется, назначеніе на одинъ изъ принадлежащихъ Франціи Американскихъ острововъ, гдѣ заразился, какъ слышно было, желтою горячкою и умеръ.

Во время сказаннаго весенняго пріѣзда двора въ Москву, Государь, замѣтивъ на балѣ въ Благородномъ Собраніи двухъ молодыхъ людей въ застегнутыхъ доверху черныхъ фракахъ, выразился «qu'ils avaient des tournures distinguées» и на слѣдующій день назначилъ обоихъ въ свою канцелярію и чуть-ли не пожаловалъ ихъ въ камеръ-юнкеры. Эти молодые люди были Владиміръ Яковлевичъ Скарятинъ (нынѣ гофмаршалъ двора Наслѣдника Цесаревича) и Петръ Александровичъ Валуевъ, недавно бывшій министромъ внутреннихъ дѣлъ. Интимность извѣстная между этими двумя нынѣшними сановниками началась, можетъ быть, по сказанному случаю. Внезапное это повышеніе молодыхъ людей, числившихся дотолѣ въ одной изъ Московскихъ канцелярій, весьма всѣхъ удивило.

Вслѣдствіе стремленія къ національности, проявившагося въ Русскомъ обществѣ съ воцареніемъ Николая Павловича, молодежь лучшихъ фамилій охотно поступала въ университетъ, что́ было весьма рѣдко въ Александровское время. Въ Московскомъ обществѣ 1834—1835 годовъ бальными танцорами были студенты князь Борисъ Дмитріевичъ Голицынъ, князь Константинъ Александровичъ Черкасскій (сынъ вышепомянутаго князя Александра Александровича [2]), двое

[1]) Графъ Жюльвекуръ, человѣкъ весьма пріятный въ обществѣ, умеръ между 1843 и 1846 годами, оставивъ одну дочь, умершую въ 1851 году семнадцати лѣтъ отъ роду.

[2]) Князь К. А. Черкасскій лишился впослѣдствіи всего своего состоянія по милости Московскихъ игроковъ и кончилъ загадочною весьма смертію въ 50-ыхъ годахъ.

братьевъ Тепловыхъ (сыновья Елены Гавриловны, урожденной Кругликовой, дочь коей вышла впослѣдствіи за прощеннаго Декабриста графа Захара Григорьевича Чернышова), и Генрихъ Лангъ, сынъ медика полу-Англичанина и полу-Француза, бывшаго домашнимъ человѣкомъ у Дивовыхъ.

На вечеринкахъ у Дивовыхъ я часто видалъ молодую графиню Любовь Петровну Апраксину, не выѣзжавшую еще въ свѣтъ, но поражавшую уже всѣхъ блескомъ необычайной своей красоты*). Братъ ея, графъ Николай (кажется) Петровичъ Апраксинъ былъ красивымъ также вновь произведеннымъ корнетомъ Кіевскаго гусарскаго полка (переименованнаго въ 1839 г. въ полкъ герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго). У Дивовыхъ же ежедневно почти бывали двѣ дочери вышепомянутаго г. Ланга. О прелестныхъ, какъ физически, такъ и по воспитанію и свѣтскимъ манерамъ, Еленѣ и Розаліи Иполитовнахъ умолчать было бы преступно: будь онѣ высшаго аристократическаго круга, мѣсто имъ было бы во главѣ легіона тогдашнихъ Московскихъ очаровательницъ. Старшая, Елена, вышла позднѣе за сына Московскаго извѣстнаго медика Гильдебранда, продолжавшаго профессію своего отца; а вторая, Розалія Иполитовна, первоначально за нѣкоего князя Петра Николаевича Максютова, человѣка безъ всякаго почти состоянія, по смерти коего поступила ко двору великаго князя Константина Николаевича надзирательницею при великокняжескихъ дѣтяхъ, познакомилась тамъ съ контръ-адмираломъ Посѣтомъ и вышла за него замужъ. Утверждаютъ, что она и доселѣ сохранила необыкновенные слѣды прежней красоты.

Въ началѣ этого 1835 года вышла замужъ за г. Виговскаго старшая дочь Антона Антоновича Кавецкаго, Анна Антоновна, родившаяся въ Бѣлкинѣ, когда отецъ ея былъ Боровскимъ городничимъ. Въ описываемое мною время онъ былъ уже управляющимъ Московской Удѣльной Конторы и жилъ по своей давней привычкѣ не стѣсняясь; правда, что было у него многочисленное семейство, и онъ далъ дѣтямъ своимъ отличное образованіе, что̀ немалаго стоило. Я говорилъ, кажется, что онъ былъ веселый юмористическій господинъ и острякъ; но не упомянулъ, что, при строгомъ исполненіи служебныхъ обязанностей, дѣло у него не обходилось безъ буффонства. Такъ однажды при мнѣ онъ на распѣвъ отдавалъ приказанія волостному головѣ. Этою же весною Со-

---

Одни говорили, что онъ умеръ отъ злокачественнаго прыща на подбородкѣ, а другіе, что хватилъ себя по горлу бритвою.

*) Весною послѣ сего она вышла замужъ за весьма еще тогда молодаго князя Сергѣя Павловича Голицына.

фія Филиповна Жеребцова, которую мы давно потеряли изъ виду, выдала свою дочь, Анну Дмитріевну, за Полька г. Шеміота, служившаго тогда въ Петербургѣ съ хорошею поддержкою и связями въ Горномъ Департаментѣ. Обѣ эти молодыя женщины были названы Аннами въ честь моей матери. Весною, чуть-ли не въ Маѣ и вопреки общей почти боязни Майскихъ браковъ, была свадьба Николая Ѳедоровича Бахметева съ Варварою Александровною Лопухиной, въ домѣ Лопухиныхъ на Молчановкѣ. Хотя между ними было почти 20 лѣтъ разницы (Николаю Ѳедоровичу было уже тогда не менѣе 40 лѣтъ отъ роду), супружеское ихъ согласіе прекратилось лишь смертію Варвары Александровны въ 1851 году.

Въ Апрѣлѣ, кажется, того-же 1835 года умерла въ Москвѣ тетушка сосѣдка по имѣнію княгиня Наталья Ивановна Хилкова, а спустя недѣль пять кончила чахоткою кратковременную свою жизнь млдѣйшая дочь ея, княжна Елисавета Михайловна, съ которою жена моя была съ малолѣтства въ тѣсной дружбѣ. Говорятъ, что княжна искусственно развила въ себѣ чахотку чрезмѣрнымъ употребленіемъ уксуса или подобныхъ остротъ, чтобы не толстѣть и не быть слишкомъ румяною. Въ Хилковскомъ семействѣ не было ея портрета, и хотя я рисовывалъ преимущественно пейзажи, а не фигуры, но въ угодность брату покойной взялся снять портретъ акварелью съ лежавшей въ гробу. Не надѣясь однакоже много на свое искусство, чтобы придать жизнь моему произведенію, я пригласилъ въ помощь себѣ знакомаго Русскаго, хотя и не изящнаго, портретиста. Онъ принялся было за работу, но подъ предлогомъ чего-то недоставшаго ему улетнулъ домой, устрашенный, какъ я послѣ узналъ, сближеніемъ съ трупомъ, вслѣдствіе чего пришлось мнѣ одному продолжать неудовлетворительную свою работу, ограничиваясь рабскимъ копированіемъ съ безжизненной натуры съ гробовыми ея атрибутами и обстановкою *). Сидя надъ умершей почти три дня, я былъ пораженъ отсутствіемъ всякаго запаха и симптомовъ разложенія до такой необычайной степени, что составы пальцевъ сохраняли прежнюю гибкость; родилось у меня сомнѣніе о дѣйствительности смерти княжны, и въ день ея похоронъ я долгомъ счелъ обратить на это вниманіе собранныхъ ближайшихъ родственниковъ; въ томъ числѣ отнесся я къ г.-адъютанту князю Степану Александровичу Хилкову, вслѣдствіе чего призванъ былъ медикъ, который, освидѣтельствовавъ тѣло, рѣшилъ, что сохранившуюся дотолѣ теплоту въ одномъ мѣстѣ спины онъ приписывалъ (кажется) дѣйствію гангрены (антонову огню), да и эта самая часть, помнится мнѣ, почернѣла, и что гибкость

*) Рисунокъ этотъ акварелью хранится по сю пору у князя А. М. Хилкова.

въ составахъ встрѣчается у умершихъ чахоткою, и потому удостовѣрилъ, что признаковъ жизни болѣе не было. Мать и дочь преданы землѣ въ фамильномъ склепѣ подъ церковью Тарусскаго уѣзда, въ селѣ Ильинскомъ.

Тою-же весною умерла въ Москвѣ почти столѣтняя слѣпая бабка (grande-tante) жены моей, не бывшая замужемъ никогда, Настасія Сергѣевна Нарышкина, сестра Василія Сергѣевича, отца тестя моего Ивана Васильевича. Она дожила до того, что, если вѣрить разсказамъ, прислуга обирала и чуть-ли не колотила ее. Шуринъ мой Алексѣй Ивановичъ наслѣдовалъ отъ нея незначительное Вологодское имѣніе.

Въ Іюнѣ жена моя съ матерью уѣхали въ Знаменское одни; я остался въ Москвѣ для сдачи Бибиковскаго дома и окончанія кой-какихъ дѣлъ, главнѣйшимъ изъ коихъ было добываніе денегъ, опять таки черезъ Леона, для поѣздки моей съ женою въ Тепловку, куда имѣла прибыть мать моя изъ Флоренціи. Начались снова хожденія и заспживанія въ ресторанахъ съ прежними моими знакомыми не бо-мондными, и разумѣется, дѣло не обходилось безъ попоекъ. Два слова о Ярѣ. Онъ открылъ незадолго передъ тѣмъ второй ресторанъ на дачѣ сенатора Башилова въ Петровскомъ паркѣ, и къ нашей «*bande joyeuse*» компаніи у него и у Копна примкнулъ нѣкто баронъ Шрекенфельдъ, *жуиръ* въ полномъ смыслѣ слова, но личность немного загадочная. Онъ выдавалъ себя за Прусскаго двора камергера, но какъ это обстоятельство мало насъ интересовало, то никто не имѣлъ любопытства взглянуть на его дипломъ: не взирая однако на свое придворное званіе, баронъ нашъ состоялъ на Русской службѣ, въ штатѣ Московской полиціи, скромнымъ медикомъ при Тверской части: обстоятельство весьма странное по степени его образованія и знанію трехъ языковъ, и не иначе объясняемое какъ эксцентричествомъ или любовью къ искусству. Частной практики онъ, помнится мнѣ, не домогался, а въ паю съ молодежью готовъ былъ всегда поставить свою очередную бутылку Шампанскаго, доказывавшую, что онъ жилъ процентами своего капитала, а не грошевымъ окладомъ полицейскаго медика *). Онъ былъ одно время друженъ и почти неразлученъ съ нѣкимъ красавцемъ Толбузинымъ, начавшимъ въ 1835 году проматывать первое изъ двухъ огромныхъ полученныхъ имъ наслѣдствъ, которыя скоро спустилъ одно за другимъ. Личнаго знакомства съ г. Толбузинымъ я не имѣлъ, хотя

*) Передано было мнѣ впослѣдствіи, что баронъ Шрекенфельдъ былъ незаконнорожденный сынъ какого-то г. Боборыкина, оставившаго, вѣроятно, ему денежный капиталъ; по нарѣчію и манерамъ, онъ былъ чистый Нѣмецъ.

изрѣдка встрѣчался съ нимъ. Впослѣдствіи онъ сидѣлъ въ острогѣ за долги въ Петербургѣ, и за противозаконныя буйныя дѣйствія, вторично въ Калугѣ, и сдѣлался нищимъ; но въ блестящее время его сопровождалъ за границу сказанный медикъ-камергеръ. Баронъ этотъ сбивался немного на pique-assiette (блюдолиза), но былъ общимъ у всѣхъ кутилъ фаворитомъ.

И такъ я оставался одинъ въ Москвѣ. Для устройства дѣлъ моихъ Леонъ уговорилъ меня дать ему довѣренность на управленіе моимъ имѣніемъ и разрѣшить кредитоваться на мое имя, въ случаѣ нужды, до опредѣленной суммы для его оборотовъ, имѣвшихъ цѣлью погашеніе всѣхъ моихъ долговъ, простиравшихся тогда не болѣе, какъ предполагаю, ста-двадцати или ста-тридцати тысячъ рублей асс. Въ этой первоначальной моей съ нимъ сдѣлкѣ я ограничилъ, помнится, сумму кредита на мое имя до 60 т. рублей асс., по уплатѣ коковыхъ разрѣшалось ему вновь продолжать въ такомъ же размѣрѣ. Чрезъ Леона я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ однимъ изъ Московскихъ ростовщиковъ, коими тогдашняя бѣлокаменная изобиловала. Въ утѣшительной надеждѣ, что эта раса перешла нынѣ въ археологическую лѣтопись, опишу вкратцѣ, какова была ея дѣятельность. Не примѣняется къ ней, по несчастію, Латинская поговорка «de mortis nihil, nisi bene», потому что дѣйствія ея способствовали разоренію не одного современнаго мнѣ вѣтреника, хотя самъ я не поплатился въ значительныхъ размѣрахъ. Экземпляръ, о которомъ идетъ рѣчь, недавно весьма умеръ, 90 по крайней мѣрѣ лѣтъ, по соображенію моему. Графъ А. А. Закревскій въ началѣ своего управленія Москвою очистилъ было ее отъ этихъ господъ и тѣмъ немалую оказалъ услугу обществу. Жертвами эксплуатаціи этой расы были преимущественно батюшкины сынки, на подобіе друга моего Петруши Хрущова, бравшіе ремонты для своихъ полковъ или командировку для принятія вещей изъ Московской Комисаріатской Комиссіи и подъ этими предлогами проживавшіе по цѣлому почти году въ Москвѣ. Большею частію кутилы или игроки, они запутывались и для выручки изъ бѣды прибѣгали къ пособію готовыхъ всегда въ такихъ случаяхъ аферистовъ-ростовщиковъ. Этимъ легкимъ промысломъ, подъ сѣнью крючкотворнаго ускользновенія отъ буквы закона, занимались не одни Русскіе; помню между ними одного Француза и извѣстнаго старожила изъ Грековъ. Это вотъ какъ обыкновенно дѣлалось. Сводчикъ, подобный моему Леону, привозилъ господина, алчущаго во что бы ни стало денегъ, къ ростовщику и оставлялъ его кончить съ благодѣтелемъ по взаимному соглашенію. Скажемъ, напримѣръ, что занимающему нужно было 3000 р.; ему объявляютъ, что наличныхъ денегъ на всю эту сумму

не имѣется, а предлагаютъ ему 1 тысячу наличными, а на остальныя 2 тысячи вещей, заключающихся обыкновенно въ золотыхъ табакеркахъ, часахъ, женскихъ серьгахъ и браслетахъ, заложенныхъ и просроченныхъ (вѣроятно) у заимодавца. (Случилось мнѣ, при подобной незначительной, впрочемъ, операціи, въ Варшавѣ получить вино, оказавшееся негоднымъ, и дамскія бальныя перчатки). Принималась подобная дребедень по оцѣнкѣ, конечно, хозяина, и со всей первоначальной 3000 суммы вычитались заранѣе годичные проценты, не менѣе, помнится мнѣ, какъ по 12 на сто, а затѣмъ господинъ получалъ наличными 1640 рубл. только. Но дѣло тѣмъ не кончалось. Куда же занимающему дѣвать эти вещи? Не открывать же ему магазина галантерейныхъ товаровъ? Услужливый кредиторъ вызывался ему помочь, предлагая взять вещи обратно, можетъ быть, за полцѣны, но уже наличными деньгами. Итогъ операціи слѣдующій: дается заемное письмо «за указные проценты», срокомъ на одинъ годъ въ 3000 р.; получается наличными 1640 рублей, сверхъ чего, изъ предосторожности противъ неисправнаго въ срокъ платежа документа и для покрытія судебнаго за нимъ хожденія и издержекъ, занимающее лицо выдавало еще *дубликатъ*, то есть другое заемное письмо въ одной съ первымъ суммѣ и на тотъ же срокъ, а бывали иногда выдаваемы чуть-ли не трипликаты, сирѣчь, третье подобное заемное письмо. Къ чести этихъ ростовщиковъ будь сказано, что если должникъ платилъ въ срокъ 3000 р., то дубликаты и трипликаты возвращались ему къ уничтоженію вмѣстѣ съ настоящимъ; но много ли было такихъ исправныхъ заемщиковъ? Ростовщикъ зналъ, конечно, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и приходилось долгонько иногда ему ждать, пока должникъ вступитъ въ родовое наслѣдство; да и тогда, пожалуй, предстояло хожденіе по судамъ. Но за то, выигравъ дѣло, онъ получалъ по шести законныхъ процентовъ въ годъ, что̀ отъ трипликатовъ составляло по 18 процентовъ, да еще допущенные закономъ единовременные три процента въ видѣ неустойки, не отъ трехъ, а отъ девяти тысячъ, т. е. 270 р. Итого, если милѣйшій этотъ господинъ ждалъ, напримѣръ, 10 лѣтъ, то получалъ:

Капиталъ по тремъ заемнымъ письмамъ, каждое въ 3000 р.	9000 р.
По 6 процентовъ отъ всего капитала, въ теченіе 19 лѣтъ.	5400 »
Единовременные 3 процента	270 »
Итого . .	14670 р.

Должникъ получилъ всего, какъ уже сказано, 1640 р.; но если даже кредиторъ издерживалъ половину всей вырученной суммы на хожденіе и подмазки по судамъ, то и тогда получалъ вчетверо болѣе

противъ выданныхъ имъ денегъ; а браслеты, фермуары и проч. галантерейныя вещи возвращались во-свояси въ ожиданіи новаго кліента.

И вотъ какимъ приблизительно операціямъ подвергались Петръ и Николай Александровичи Хрущовы, нѣкто молодой князь Козловскій и конно-артиллеристъ Олонкинъ, люди всѣ знакомые мнѣ: правда, что нѣкоторыхъ изъ нихъ докопали карты, но не Петрушу Хрущова. Онъ и братъ его Николай отдѣлены были отцомъ при его еще жизни съ изрядными весьма имѣніями, сдѣлались несостоятельными, и отецъ по духовному завѣщанію далъ другому ихъ брату Александру, сверхъ приходившей ему части, значительное весьма имѣніе съ тѣмъ, чтобы доходы отъ него шли въ пользу Петра и Николая Александровичей. Первый изъ сихъ двухъ былъ умный и благороднѣйшій малый, и я не разъ уже говорилъ, что тѣсная, братская почти дружба насъ соединяла. Онъ давно уже умеръ *). Старшій изъ всѣхъ братьевъ, Николай Александровичъ, живетъ по сю пору въ Моршанскомъ уѣздѣ, у сестры своей Агаѳьи Александровны Козловой и, какъ слышно, остался такимъ же веселымъ и безпечнымъ, каковымъ былъ въ молодости.

Упомянутый ростовщикъ жилъ тогда въ большомъ своемъ домѣ въ глухомъ переулкѣ за Землянымъ валомъ; за домомъ тянулся пространный садъ вѣковыхъ липъ, а на дворѣ были отдѣльныя строенія для службъ, какъ въ деревенскихъ усадьбахъ.

Въ этомъ уединеніи амфитріонъ нашъ принималъ и угощалъ засѣщиковъ по-своему; безъ обѣда не отпускалъ ихъ, и на тощій желудокъ подавалась стаканами одна мадера, съ запрещеніемъ прислугѣ подавать воды, такъ что добиться ея было невозможно, между тѣмъ какъ хозяинъ усердно потчивалъ своею мадерою. Съ какою цѣлью дѣлалось это, объяснить трудно; но помнится мнѣ, что обѣдъ предшествовалъ разговору о займѣ. Тутъ же присутствовала, въ видѣ хозяйки, толстая и уже немолодая Цыганка, сожительница, вѣроятно, амфитріона, чары коей никого не могли прельщать.

То было время обильной жатвы не однимъ ростовщикамъ, а также и наводнявшимъ Москву шулерамъ: и тѣ, и другіе поживились, кажется.

---

*) Петръ Александровичъ былъ любимецъ бабки своей г-жи Улыбышевой, матери Агаѳіи Ивановны Хрущовой. Потѣшенъ бывалъ, когда онъ пріѣзжалъ въ отпускъ или по командировкѣ въ Москву, торгъ между нимъ и бабкою о суммѣ, за которую онъ соглашался отговѣть (у г-жи Улыбышевой были значительные весьма капиталы), и сумма эта была, помнится мнѣ, не менѣе 1000 р.; но уже за то, по заключеніи условія, Петръ Александровичъ принимался за дѣло добросовѣстно: уединялся въ своемъ флигелѣ (черезъ улицу въ томъ же Хрущовскомъ переулкѣ отъ Пречистенки), не нарушалъ постной пищи и исполнялъ, какъ слѣдуетъ, установленныя для говѣнія правила.

порядкомъ отъ упомянутаго конно-артиллериста Ивана Петровича Олонкина, богатаго Смоленскаго помѣщика, да и не въ ихъ ли руки попалъ отчасти и упомянутый выше г. Толбузинъ? Съ Олонкинымъ, недальняго ума человѣкомъ, они мало церемонились, если вѣрить переданнымъ мнѣ слѣдующимъ разсказамъ. Однажды его взяли съ гауптвахты, гдѣ онъ сидѣлъ по какому-то дѣлу, и привезли въ притонъ шулеровъ, гдѣ, съ пистолетнымъ дуломъ будто бы къ груди, заставили подписать заемныя письма на большую сумму, и онъ настолько былъ простъ или трусоватъ, что опасался заявить въ законный срокъ (что было бы возможно) о таковомъ насиліи, чтобы не отвѣтствовать ему за самовольную отлучку съ гауптвахты. А въ другой разъ тайный агентъ этой компаніи, сблизившійся съ нимъ по-пріятельски, повелъ его къ Краснохолмскому мосту, гдѣ указалъ на нѣсколько барокъ, нагруженныхъ товаромъ, принадлежавшихъ будто бы простофилѣ-купчику, отъ котораго легко-де можно поживиться, заманивъ его на карточную игру, для чего мнимый пріятель взялся привести купчика на вечеръ къ довѣрчивому Олонкину. Роль наивнаго купчика отлично выполнена была однимъ членомъ этой честной ассоціаціи; сначала онъ проигрывалъ, пошла попойка въ усиленныхъ размѣрахъ, въ коей хозяинъ дома не обносилъ себя; къ концу вечера купчику все болѣе и болѣе повезло, и когда всѣ гости разъѣхались, купчикъ уже имѣлъ при себѣ подписанные Олонкинымъ документы на нѣсколько тысячъ. Сбыть подобныхъ документовъ былъ ассюрированъ: ростовщики, глядя по субъекту, давали по нимъ иногда по 50 коп. за рубль, а Олонкинъ имѣлъ тогда въ виду полученіе огромнаго наслѣдства отъ бабки, каковое впослѣдствіи и получилъ. Онъ умеръ много позднѣе отъ рукъ, какъ я слышалъ, своей прислуги, за дурное, вѣроятно, съ людьми обращеніе.

Говоря о преслѣдованіи въ концѣ 40-ыхъ годовъ графомъ А. А. Закревскимъ всѣхъ подобныхъ темныхъ Московскихъ личностей, съ ихъ подпольною, прикрытою законными формальностями, работою, вспоминаю, что пострадалъ между прочими купецъ Эйхель, хозяинъ богатаго магазина Англійскихъ шалей и заграничныхъ дорогихъ ковровъ на Лубянской площади. Но этотъ Еврей-негоціантъ былъ почти что новичекъ и агнецъ въ ростовщичьихъ аферахъ сравнительно съ артистами, по стезямъ коихъ онъ на бѣду свою вздумалъ пуститься.

Такъ какъ Леонъ Капенштейнъ имѣетъ вскорѣ выступить въ сихъ запискахъ на болѣе обширную сцену дѣйствій, то не мѣшаетъ здѣсь описать куріозную эту личность. Онъ былъ скорѣе мономанъ-аферистъ, чѣмъ обдуманный мошенникъ. Любилъ онъ дѣятельность этого рода ради ея процедуры, а не только какъ цѣль нажить похожее что нибудь

на состояніе; и это доказывается тѣмъ, что онъ никогда не нажилъ ни одного мѣднаго гроша, тогда какъ были случаи, когда онъ ворочалъ сотнями тысячъ, съ которыми могъ бы скрыться; а между тѣмъ, когда онъ сосланъ былъ впослѣдствіи, яко бы за бродяжничество, въ арестантскія роты, жена медика Петербургскаго ордонансъ-гауза, гдѣ онъ содержался подъ военнымъ судомъ, изъ жалости къ бѣдственному его положенію, тайкомъ зашила ему въ сапогъ 25 р. *). Ему все грезился миражъ милліона въ туманѣ, для достиженія коего онъ безразсчетно растрачивалъ страшныя, подъ конецъ своего поприща, деньги, не свои, а занимаемыя за неимовѣрные проценты: а такъ какъ этого рессурса не доставало, то онъ хватался за всякаго рода подряды по комиссаріатскому департаменту (гдѣ достигъ поддержки начальствующихъ лицъ), отъ коихъ денежные и болѣе его разсчетливые подрядчики отказывались. А какъ только утвердятъ за нимъ какой нибудь подрядъ или поставку, то онъ немедленно выхлопочетъ разрѣшеніе о выдачѣ ему задаточныхъ денегъ (на это онъ былъ великій мастеръ), чтобы пустить будто бы въ ходъ подрядъ, но вмѣсто того деньги эти попадали къ алчнымъ и стерегущимъ кредиторамъ по другимъ совершенно дѣламъ. Изъ этихъ же денегъ возьму, бывало, и я частицу въ компаніи окружавшаго его Жидовскаго кагала приказчиковъ и агентовъ; изъ нихъ же часть шла на угощеніе новыхъ знакомыхъ, у которыхъ предполагалось взять залоги (движимые и недвижимые) для предстоявшихъ подрядныхъ аферъ; а исполненіе взятаго подряда шло, конечно, въ убытокъ и кончалось иногда тѣмъ, что казна брала въ свои руки окончаніе подряда на счетъ залогодателей. Когда же, въ рѣдкихъ случаяхъ, удавалось ему взять какой нибудь выгодный подрядъ, то, за неимѣніемъ собственныхъ денегъ, чтобы вести его какъ слѣдовало, подрядъ брался (оффиціально) на имя какого нибудь денежнаго, дѣйствительно, лица, а онъ самъ

*) Обвиненіе Леона въ бродяжничествѣ основано было на слѣдующемъ. Когда онъ присталъ къ нашему Павлоградскому полку подъ Бухарестомъ въ началѣ Турецкой войны 1829 года, у него былъ видъ Австрійскаго подданнаго, и потому по окончаніи войны выдано было ему изъ полка свидѣтельство, съ коимъ онъ поселился въ Москвѣ, гдѣ въ теченіи болѣе 10 лѣтъ ему давали на прожитіе виды, какъ Австрійскому подданному, изъ канцеляріи оберъ-полицмейстера; когда же онъ попалъ подъ судъ, какъ прикосновенный къ дѣлу о составленіи подложнаго духовнаго завѣщанія (хотя по этому обвиненію и былъ оправданъ), пошли справки о немъ въ Австрію. Оказалось, что тамъ никакого подданнаго этой фамиліи и примѣтъ не было, и потому онъ былъ осужденъ за бродяжничество въ арестантскія роты, въ 1848 году, первоначально въ Нарву, потомъ въ Смоленскъ; тамъ по снисхожденію начальства онъ ходилъ почти что на волѣ, уговорилъ коменданта взойти въ подряды, которыми онъ дирижировалъ, и завести на хуторѣ какую-то химическую фабрику, коею Леонъ управлялъ. Продѣлки эти огласились, и комендантъ былъ отрѣшенъ отъ мѣста съ отдачею подъ судъ, а Леонъ сосланъ на жительство въ Тобольскъ, гдѣ, какъ слышно, онъ по сю пору продолжаетъ входить въ кое-какія аферишки по перевозкѣ или поставкѣ вещей.

снисходилъ на степень повѣреннаго, и хозяинъ отстранялъ иногда Леона, бралъ въ руки дѣло и порядочно отъ него наживался. Надо было быть столь неразсудительнымъ и легкомысленнымъ, какъ я, чтобы ввѣриться такому человѣку. Онъ былъ причиною моего разоренія; но я не могу назвать его умышленнымъ мошенникомъ противъ меня. Хотя многія его дѣйствія были, сознаюсь, предосудительны противъ другихъ лицъ, вовлеченныхъ имъ въ погибель, я продолжаю вѣрить, что онъ чистосердечно надѣялся поправить мое дѣло. Пожалуй, что, увлекая постороннихъ въ запутанныя и рискованныя предпріятія (были лица, довѣрявшія ему послѣднее свое состояніе), онъ несознательно или непреднамѣренно ихъ губилъ, а все льстился, что дойдетъ, наконецъ, до такой спекуляціи, которая погаситъ всѣ его долги. Но какъ попасть на подобное выгодное дѣло? Да и если бы онъ и наткнулся на такое, онъ никогда бы не сумѣлъ свести концы съ концами, потому что всегда пренебрегалъ *мелочами* и тратилъ деньги зря. Коммерческимъ человѣкомъ онъ никогда не могъ быть. Находясь постоянно подъ обаяніемъ сотень тысячъ, которыя вотъ, вотъ, да схватитъ, онъ все болѣе и болѣе запутывался. Рядомъ съ этимъ, онъ былъ чрезмѣрно, можно сказать, сострадателенъ и сердоболенъ къ нуждающемуся, готовъ отдать послѣдній залежавшійся въ его бумажникѣ рубль, чтобы помочь ему и при всѣхъ своихъ огромныхъ оборотахъ всегда почти былъ самъ въ нуждѣ, веселаго и уживчиваго характера, охотникъ до анекдотовъ и остротъ и большой хохотунъ; словомъ, было въ немъ столько противорѣчій, что онъ ускользалъ отъ анализа и стоилъ психическаго и физіологическаго изученія. Жилъ онъ грязно, нуждался нерѣдко, чѣмъ заплатить своему сапожнику, но до того былъ безпеченъ, что, ложась спать, не зналъ, сколько именно денегъ въ его бумажникѣ, который онъ оставлялъ на ночномъ столикѣ иногда полнымъ; и случалось, что Порзненскій мой мальчикъ, находившійся при немъ въ услуженіи, воровалъ изъ бумажника, сколько хотѣлъ, а Леонъ, вставъ утромъ, ни о чемъ не догадывался. Держась фальшивой аксіомы, что для пріобрѣтенія кредита нужно пускать пыль въ глаза, онъ, бывало, дастъ пиръ на весь міръ, и Шампанское польется рѣкою. Незнавшимъ его коротко онъ могъ казаться дѣятельнымъ и даже дѣльнымъ, потому только, что не спалъ болѣе 3 или 4 часовъ въ сутки, при чемъ велъ кочующую нѣкотораго рода жизнь, часто ночуя, гдѣ ни попало и не раздѣваясь; за то имѣлъ способность среди бѣлаго дня вдругъ засыпать и храпѣть на стулѣ въ гостяхъ, во время разговора, казавшагося оживленнымъ, или въ своей пролеткѣ, въ коей онъ бывало мчался, день и часть ночи, съ одного конца города на другой. У него была тройка чугунныхъ, можно сказать, вятокъ: единственно чѣмъ онъ дорожилъ. Изъ себя

былъ долговязый, неуклюжій, худощавый, съ густыми черными бакенбардами; прищуривалъ отъ близорукости небольшіе и безъ того глаза и былъ съ пороховыми подпалинами по всему лицу: слѣды, какъ онъ увѣрялъ, прежнихъ фейерверочныхъ занятій въ молодости. Въ описываемое время ему могло быть подъ сорокъ лѣтъ.

Смѣшно даже, какъ вспомнишь, какимъ образомъ утверждались за нимъ иныя подрядныя операціи. Однажды онъ поздравилъ меня съ очень будто-бы выгодною поставкою солдатскаго или госпитальнаго холста въ какую-то дальнюю комиссаріатскую коммисію или больницу, и на мой естественный вопросъ, по чемъ онъ взялъ за аршинъ, отвѣчалъ, что не знаетъ самъ, но что на торгахъ подалъ запечатанный конвертъ съ заявленіемъ, что какая бы крайняя цѣна ни состоялась отъ бывшихъ на торгу лицъ, онъ заранѣе сбавляетъ по 1 или по 2 копѣйки съ аршина.

«Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно». Любимою поговоркою Леона было: надо, чтобы колесо, хоть какъ бы нибудь, да вертѣлось; и вотъ подъ конецъ на колесо и на ось навертѣлось столько сору и грязи, что колесо остановилось, и вся скрипучая машина рухнула. Не послѣдовалъ онъ, правда, примѣру своего соотчича Еврея, получившаго незавидную знаменитость тѣмъ, что, забравъ по откупной операціи чуть ли не болѣе милліона рублей задаточныхъ денегъ, онъ удралъ за границу. Но аферная дѣятельность Леона погубила не одну жертву. Почтенпѣйшій Иванъ Антоновичъ Кавецкій и съ нимъ уважаемые Московскіе торговые дома гг. Ценкера и Колли, Катуара, Мальша и иные менѣе крупные понесли отъ него значительныя потери. Къ тому же, окружавшіе его Евреи и иные православные, пи чуть не лучше Израильскаго племени, обирали его, и этихъ своихъ приказчиковъ, комиссіонеровъ и агентовъ онъ не имѣлъ привычки повѣрять. Стекались къ нему отовсюду, изъ Кіева, Одессы и другихъ мѣстъ, голодающіе сыны Израильскіе, и всѣмъ онъ доставлялъ занятія. Изъ числа таковыхъ былъ Рубинштейнъ, отецъ знаменитыхъ двухъ братьевъ-музыкантовъ, но о немъ, какъ исключеніи, ничего дурного нельзя сказать. Леонъ, кидаясь на всякое предпріятіе, завелъ было на Ордынкѣ карандашную фабрику на мое имя, переданную имъ впослѣдствіи этому Рубинштейну на правахъ хозяина, и этотъ трудолюбивый человѣкъ, исключительно занявшись своимъ дѣломъ, потихоньку сталъ жить и могъ дать музыкальное образованіе своимъ сыновьямъ *).

*) Первоначальные музыкальные уроки, малолѣтніе Рубинштейны получили отъ своей матери, послѣ чего старшимъ изъ нихъ Антономъ сталъ заниматься фортепіанный

Мѣшало также много Леону въ дѣлахъ то, что онъ былъ неграмотенъ не только по-русски, но чуть-ли и по еврейско-нѣмецки, т. е. на жаргонѣ, употребляемомъ, какъ извѣстно, въ разговорѣ и въ письмѣ Жидами нашихъ окраинъ. Онъ самоучкою читалъ по складамъ по-русски, а корреспонденцію свою велъ и сочинялъ приказы по управленію моимъ имѣніемъ, чертя карандашомъ на писчей бумагѣ каракули, которыя трудно весьма было разобрать переписчику. Отъ него нажились также многіе адвокаты и ходатаи по дѣламъ. Когда онъ не пріобрѣлъ еще самостоятельности, то есть между 1832 и 1835 годами, онъ жилъ безплатно у Долговыхъ, на Большой Ордынкѣ, насупротивъ церкви Всѣхъ Скорбящихъ, и старики хозяева очень любили его за услужливость и веселый всегда характеръ; да и подлинно, внѣ аферной сферы, онъ былъ «un bon enfant» вполнѣ. Павлоградскій мой сослуживецъ, Матвей Александровичъ Долговъ, былъ разсчетливый малый и ни въ какія аферныя дѣла съ нимъ не входилъ, но по старой полковой привычкѣ любилъ его.

Я сказалъ уже, кажется, о расположеніи къ нему иныхъ изъ высокопоставленныхъ чиновныхъ лицъ по комиссаріатскому департаменту. Это, къ несчастію, стоило ему недешево; за то и эти господа дѣйствовали очертя голову въ угодность ему; такъ, наприм., изъ трехъ домовъ, взятыхъ въ обезпеченіе (или залогъ) по одному его дѣлу одинъ былъ освобожденъ прежде окончанія подряда. За то и пострадала, чуть-ли не по его милости вся Московская комиссаріатская комиссія, предсѣдатель коей, заслуженный генералъ, умеръ, кажется, подъ судомъ. Тоже самое творилось имъ и въ Опекунскомъ Совѣтѣ по заложенному въ оном моему имѣнію. Деньгами и другими видами подкупа онъ до такой степени задобривалъ тамошнихъ чиновниковъ, что они допустили 7 или 8 лѣтній неплатежъ процентовъ, и чрезъ то имѣніе мое впослѣдствіе лопнуло, при чемъ слѣдуетъ признаться, что, по уничтоженіи мною въ 1840 г. довѣренности Леону, я самъ продолжалъ эту пагубную систему. Ко всему этому была у него удивлявшая всѣхъ способность въ умѣніи выманивать деньги на свои спекуляціи у скупыхъ даже, иногда, людей, хотя самъ онъ не только что не красно говорилъ, но и усвоить себѣ смыслъ его словъ было подъ часъ трудно....

Покончивъ съ Леономъ, приходится упомянуть объ управлявшемъ моимъ имѣніемъ, Ив. Ив. Грековѣ, при окончательномъ разсчетѣ коего, весною 1835 года, было то, что́ по сю пору лежитъ тяжелымъ кам-

учитель Виллуанъ, братъ хозяина большаго извѣстнаго въ Москвѣ мѣнильнаго и старинныхъ художественныхъ вещей магазина. Первое свое путешествіе за границу молодой Рубинштейнъ предпринялъ, кажется, въ 1846 г. съ Виллуаномъ.

немъ у меня на сердцѣ. Оброкъ, дѣйствительно, затягивался въ то время, частію, можетъ быть, отъ повальной горячки, причинившей, какъ я уже говорилъ, смертную убыль въ числѣ нѣсколькихъ сотъ крестьянъ, а частію, можетъ быть, отъ запутанности въ управленіи. Были дѣйствительно жалобы отъ нѣкоторыхъ крестьянъ на г. Грекова (но не за жестокое, однакоже, обращеніе съ ними); но на какого управляющаго не готовы были жаловаться крестьяне во время крѣпостнаго права? Говорили посторонніе, что онъ сталъ сильно запивать, связался съ крѣпостной дѣвкой своей жены и послѣднюю будто-бы выгналъ изъ дома на другую квартиру въ селѣ. Отчасти все это могло быть справедливо, но до дѣлъ моихъ съ нимъ не касалось, а одною изъ причинъ путаницы въ управленіи могли скорѣе быть безсмысленныя мои нововведенія въ предыдущихъ годахъ. Какъ бы то ни было, но люди весьма, конечно, благонамѣренные и близкіе семейству моей жены начали мнѣ твердить, что И. И. Грековъ обманываетъ меня, и настаивали, чтобы я вызвалъ его въ Москву вмѣстѣ съ выборными изъ крестьянъ, и подвергъ бы его строгому отчету съ того времени, какъ я вступилъ во владѣніе имѣніемъ; а какъ я самъ столько же былъ способенъ къ таковому разбору, къ стыду моему будь сказано, сколько могъ быть новорожденный младенецъ, то лица эти (именъ коихъ не желаю высказывать, потому что намѣренія ихъ были чисты) сами взялись учесть И. И. Грекова. Выведенъ былъ по ихъ повѣркѣ начетъ не весьма значительный, но какъ по силѣ моей ему довѣренности онъ могъ кредитоваться (т. е. занимать) у моихъ сосѣдей деньгами до наступленія оброчнаго времени, то я не принялъ на мой счетъ одного подобнаго займа, и по уничтоженіи моей довѣренности заемъ этотъ палъ на него. Мало того: рекомендованный (или, точнѣе сказать, навязанный) мнѣ чиновникъ, слывшій докою, отправленъ былъ мною въ Порзни для повѣрки на мѣстѣ всѣхъ дѣйствій И. И. Грекова, и онъ по возвращеніи оттуда уговорилъ меня опубликовать несчастнаго моего бывшаго управляющаго въ газетахъ, какъ самаго неблагонадежнаго повѣреннаго, и ошельмовать безвозвратно, можетъ быть, человѣка, въ виновности коего я самъ не былъ вполнѣ убѣжденъ! Писалъ онъ ко мнѣ, самъ пріѣзжалъ; но я не отвѣчалъ на его письма и его не допускалъ къ себѣ. Это лежитъ по сю пору упрекомъ на моей совѣсти, потому что, какъ я сей часъ сказалъ, я не былъ тогда убѣжденъ, а нынѣ весьма даже сомнѣваюсь въ неправотѣ бѣднаго этого отца семейства. И все это случилось отъ моей слабости характера, и недаромъ говаривала графиня Вѣра Григ. Чернышова одной изъ своихъ сестеръ, въ то время какъ я вздыхалъ по ней, что она боится этого отсутствія характера во мнѣ. Не будучи злымъ по природѣ, я

далъ однакоже себя уговорить на дурной поступокъ. Удивляюсь лишь, что бѣднякъ этотъ не вызывалъ меня къ отвѣтственности передъ судомъ. Да и то надо принять въ соображеніе, что я былъ человѣкъ со средствами и со связями, и по прекрасному тогдашнему судопроизводству, безгласному и неимущему трудно было тягаться съ аристократами или съ богачами. Въ дѣлѣ съ И. И. Грековымъ я сомнѣвался, виноватъ ли онъ или нѣтъ, слѣдовательно долженъ былъ держаться Латинской пословицы «in dubio abstines» (воздерживайся, если имѣешь сомнѣніе) и не задерживать его деньги, а еще менѣе подвергать его позору.

Сдѣлавши сію позднюю исповѣдь, мнѣ какъ будто бы легче на сердцѣ, и затѣмъ возвращаюсь къ нити прерваннаго разсказа, обѣщая избѣгать, елико возможно, подобныхъ длинныхъ отступленій.

Бѣдная мать моя, узнавъ о связи моей съ Леономъ, и что я все болѣе и болѣе запутывался въ своихъ дѣлахъ, рѣшилась, не смотря на свои года, предпринять томительное путешествіе въ Россію и подвергнуться суровости климата, отъ котораго давно отвыкла, чтобы помочь мнѣ своими оставшимися средствами и затѣмъ уговорить меня ѣхать съ женою и съ нею во Флоренцію. Она выѣхала въ коляскѣ, безъ горничной, сопровождаемая вѣрною до смерти компаньонкою Екатериною Ивановною Леруа и своимъ лакеемъ Джіованни Консиліо, находившимся при ней съ первыхъ годовъ семейнаго нашего переселенія во Флоренцію. Ея ждали въ Тепловку около середины лѣта, и къ тому времени я долженъ былъ прибыть туда съ женою. Къ несчастію, самоотверженіе неоцѣненной матери моей и большія принесенныя ею денежныя пожертвованія на поправку моихъ дѣлъ не принесли никакой пользы.

Мать моя уже нѣсколько времени какъ ждала меня въ Тепловкѣ*), но я долго не могъ отправиться туда. По сдачѣ Бибиковскаго дома, я переѣхалъ одинъ на маленькую временную квартиру въ переулкѣ, ведущемъ отъ Остоженки къ Москвѣ-рѣкѣ, возлѣ самой церкви св. пророка Ильи. (Жена моя поѣхала съ матерью въ Знаменское). Какъ я ни порывался въ Тепловку, но Леонъ задерживалъ меня по причинѣ безденежья, и не прежде какъ въ концѣ Іюля я, сопровождаемый однимъ Радзиковскимъ, могъ вырваться изъ Москвы въ Знаменское, чтобы оттуда ѣхать съ женою въ Тепловку.

*) Ни брата моего, ни его семейства не было тогда въ Тепловкѣ. Они провели лѣто около Праги, а зиму во Львовѣ, откуда братъ мой пріѣзжалъ на короткое время къ матери нашей въ Кіевъ, зимою съ 1835 на 1836 годъ.

Всю прислугу я распустилъ еще при сдачѣ Бибиковскаго дома, лошадей и обозъ съ вещами отправилъ въ Порзни, но въ Знаменскомъ взялъ въ услуженіе изъ дворовыхъ вольноотпущенныхъ княгини Натаніи Ивановны Хилковой (тогда умершей) нѣкоего Александра Романова Ташкина [1]), а жену его Авдотью, искусную портниху въ горничныя къ женѣ. Теща проводила насъ до Орла, откуда поѣхала къ сыну своему въ его имѣніе с. Егорьевскъ, Орловскаго же уѣзда. Первое разставаніе съ дочерью сильно ее разстроило; но я, признаюсь, радовался этимъ починомъ моей самостоятельности.

Легко или, точнѣе сказать, нелегко представить себѣ радость бѣдной моей матери, когда она заключила меня въ свои объятія послѣ девятилѣтней разлуки и всего ею пережитаго во время двухъ кампаній, въ коихъ я подвергался столь многимъ опасностямъ. Прошло уже тому болѣе 30 лѣтъ, но я какъ будто бы теперь вижу ея волненіе и дрожь, ея глаза съ ручьями слезъ, когда я выпрыгнулъ изъ кареты къ ней на шею; и какъ послѣ сего она вглядывалась пристально въ мое лицо, чтобы подмѣтить, послѣдовала ли въ немъ перемѣна. Я самъ дрожалъ и плакалъ. Повторяю, я горячо любилъ свою мать, хотя омрачалъ всю почти ея долговременную жизнь сознательно, а впослѣдствіи противъ своей воли, отъ разстройства моихъ дѣлъ. Послѣ матери на шею бросилась мнѣ Катинька (какъ мы съ дѣтства ее звали) Леруа, съ нею-же связаны были раннія мои дѣтскія воспоминанія; за нею пришла очередь вѣрнаго слуги Джіованни Консиліо. Кстати скажу, что привязчивость къ своимъ господамъ, а отъ нихъ ко всѣмъ прочимъ членамъ ихъ семейства, составляетъ отличительную черту всѣхъ вообще Итальянскихъ, но въ особенности Флорентинскихъ слугъ [2]).

Матери моей было тогда 59 лѣтъ; но умственными способностями, впечатлительностію, характеромъ и игривостію воображеніи она была тою же самою замѣчательною женщиною, «une femme hors ligne» какою за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ. Подобнаго таланта въ эпистолярномъ слогѣ (style épistolaire), какимъ владѣла она, я едва ли когда

---

[1]) Нынѣ Московскій 2-й гильдіи купецъ съ медалью на шеѣ и большимъ капиталомъ. Онъ нажилъ состояніе антрепренёрствомъ свадебныхъ и торжественныхъ столовъ, и особенно повезло ему въ 1856 г. во время коронаціи нынѣшняго государя. Дочерей онъ выдалъ за дворянъ.

[2]) Этотъ Консиліо, типъ старыхъ семейныхъ слугъ бывалыхъ временъ, живъ по сю пору, на пенсіи по духовному завѣщанію матери моей. Онъ до того былъ еще бодръ во время послѣдней моей поѣздки въ Италію, зимою съ 1862 на 1863 годъ, что въ мѣсячное мое пребываніе въ Ниццѣ онъ былъ у меня камердинеромъ. Понятно, что я обращался съ нимъ болѣе какъ съ старымъ компаніономъ, чѣмъ съ слугою, и сажалъ его рядомъ съ собою.

нибудь встрѣчалъ. Она съ молодости любила и упражнялась по этой части, усвоивъ себѣ образцовый стиль писемъ г-жи де Севиньи, которыя знавала почти что наизустъ, и безъ утомленія могла въ одинъ присѣстъ написать до 10 страницъ мелкаго почерка и при прочтеніи писаннаго рѣдко кое-что поправляла. Обширную свою кореспонденцію она вела по-французски, ежедневно послѣ утренняго чая, по какъ большинство Русскихъ дамъ того поколѣнія, съ нѣкоторымъ затрудненіемъ писала по-русски.

Послѣ первыхъ радостныхъ минутъ встрѣчи или на слѣдующій день, кто-то изъ находившихся въ Тепловкѣ отнесся очень лестно о красотѣ молодой моей жены, и я долженъ сознаться, что самолюбіе мое было немало затронуто, когда мать моя въ отвѣтъ на это замѣчаніе сказала холоднымъ отчасти тономъ «дѣйствительно, она недурна», (или, «*oui, elle est jolie*»), но какъ будто-бы, какъ казалось мнѣ, съ пренебреженіемъ. Не понялъ я въ то время, захотѣла ли она этимъ высказать, что не придаетъ особой значительности женской красотѣ, или, дѣйствительно, жена моя не оправдывала въ глазахъ матери моей молву о своей красотѣ, или, наконецъ, мать моя боялась, чтобы жена моя не составила себѣ слишкаго высокаго понятія о своемъ природномъ преимуществѣ; но слова ея глубоко и почти оскорбительно врѣзались въ мою душу. Одною изъ погрѣшностей моихъ была жажда произвести на публику эффектъ во всемъ, что́ прямо или косвенно до меня касалось, какая бы то публика ни была; и такое же чувство овладѣвало мною; когда, позднѣе, я служилъ судебнымъ слѣдователемъ, предъ толпою ожидавшихъ меня крестьянъ или въ канцеляріяхъ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. Безотчетность моихъ дѣйствій и самостоятельность личности моей немало льстили меня и были главными, можетъ быть, пружинами того, что я предавался съ увлеченіемъ (con amore) утомительной часто этого рода дѣятельности. Любилъ я слѣдственную часть какъ художество, потому-то она замѣнила мнѣ предыдущую страсть къ акварельной живописи ландшафтовъ, которая, въ свою очередь, заняла мѣсто опернаго и концертнаго пѣнія, коими я передъ тѣмъ бредилъ, и въ новомъ моемъ увлеченіи я терялъ совершенно изъ виду настоящую цѣль слѣдственно-судебной части, состоящую въ служеніи обществу. Не хочу однакоже этимъ сказать, что я дѣлалъ какія либо упущенія или сознательно причинялъ вредъ обществу, коему я служилъ; не думаю, по крайней мѣрѣ, чтобы таковымъ могъ былъ исходъ моей театральной, такъ сказать, тенденціи въ дѣлѣ службы, потому что это самое чувство самолюбія подстрекало мою дѣятельность, которую можетъ засвидѣтельствовать весь Тарускій уѣздъ.

Я болѣе чѣмъ кто нибудь понимаю, что аплодисменты могутъ вскружить голову артисту: будь я въ этой сферѣ, я могъ бы, кажется, довольствоваться одними почестями электризованной мною публики и забыть матерьяльную сторону искусства, то-есть, денежныя гонораріи за артистическій трудъ; а родись я женщиною, я былъ бы большою кокеткою.

Еще одна исповѣдь, и возвращаюсь къ разсказу. Въ службѣ, нѣсколько предшествовавшей моей дѣятельности въ званіи судебнаго слѣдователя, при трехъ губернаторахъ (одномъ Рязанскомъ, двоихъ Калужскихъ), расположеніемъ и довѣріемъ коихъ я пользовался, я чувствовалъ себя какъ бы на ходуляхъ при трепетѣ, производимомъ мною на чиновный людъ средней руки, когда я, по порученію начальства, а иногда по собственному своему усмотрѣнію (или вслѣдствіе извѣщенія посторонняго лица) запускалъ носъ въ дѣла администраціи, и по моему указанію случалось, что ненадежныя служащія личности бывали удалены отъ своихъ мѣстъ.

Тепловскій господскій домъ былъ каменный трехъ-этажный, квадратный и неоштукатуренный, безъ ненавистныхъ мнѣ колоннъ: зданіе довольно грандіозное и строгой безъ орнаментовъ архитектуры, нѣчто въ родѣ заграничныхъ замковъ, внутри несовершенно доконченный. Онъ буквально утопалъ въ зелени окружавшаго его со всѣхъ сторонъ довольно пространнаго парка и въ цѣломъ напоминалъ Англійскія вельможныя усадьбы *). Ближнія къ дому насаждешія были изъ массивныхъ уже полу-южныхъ Грецкихъ орѣховыхъ и шелковичныхъ деревьевъ (послѣднія безъ всякой на зиму покрышки). За домомъ, въ одномъ концѣ парка, былъ обширный прудъ, почти что маленькое озеро, съ островкомъ въ серединѣ, гдѣ водилась стая лебедей, которые, по наступленіи ночи, подымали дружное гармоническое гоготанье. Если сама усадьба поражала чѣмъ-то великолѣпнымъ, за то по выходѣ изъ ея предѣловъ разстилалась передъ глазами одна голая, плоская и необозримая степь, безъ всякихъ признаковъ растительности, кромѣ желтыхъ нивъ и залежныхъ полей. Покойный братъ мой особенно любилъ зрѣлище безконечной степи, находя, что она тоже что̀ безпредѣльный океанъ; но я никогда не раздѣлялъ его вкуса и ненавижу (прости меня, великій Гоголь) эту наводящую скуку, однообразную плоскость. Величественнаго наравнѣ съ моремъ я въ ней ничего не вижу, тогда какъ на палубѣ парохода окружающая васъ стихія порождаетъ въ

*) Сужу по гравюрамъ и описаніямъ; самъ же я никогда не бывалъ въ Англіи.

душѣ что-то таинственно-страшное, неощущенное дотолѣ и восхитительное, и задаешь себѣ вопросъ: кѣмъ и когда сотворена эта могучая стихія? Степь же на меня наводитъ грусть и тоску по чему-то непонятному для меня самого.

Комнаты наши были въ третьемъ этажѣ; къ нимъ надо было проходить чрезъ одинъ небольшой залъ втораго этажа, изъ открытаго окна коего луна, въ 11 часовъ ночи, оживляла освѣщеніемъ, почти что «a giorno,» нахмуренную съ обнаженною полною грудью императрицу Анну Іоанновну, висѣвшую на противуположной къ окну стѣнѣ. Эта императрица наводила такой страхъ на мою милую женушку, что она ни за что не рѣшалась проходить одна подъ взглядомъ покровительницы Бирона.

Имѣніе это, состоявшее, кажется, изъ 2000 душъ, принадлежало первоначально Тепловымъ, отъ нихъ перешло къ графу Завадовскому, который задолжалъ большую сумму старику Осипу Игнатьевичу Понятовскому, вслѣдствіе чего завязалась многолѣтняя тяжба, по ходатайству моего брата въ Петербургѣ кончившаяся въ пользу его тестя, коему присуждено было это имѣніе. Но какъ цѣнность его превышала приданое невѣстки моей, графини Авроры Осиповны, то отецъ ея при передачѣ ей Тепловки обязалъ ее выплачивать ежегодно опредѣленную сумму старшей сестрѣ Матильдѣ Осиповнѣ Шимановской [1]), сверхъ того выдать извѣстную сумму на употребленіе, какое будетъ назначено въ духовномъ завѣщаніи ея отца. Въ семействѣ говорили, однакоже, что намѣреніемъ О. И. Понятовскаго было вовсе не взыскивать съ дочери этой уплаты. Братъ мой принялся было ревностно за это имѣніе, но вскорѣ по стеченію обстоятельствъ онъ съ семействомъ переселился въ чужіе края, а имѣніе перешло по купчей крѣпости къ Августу Осиповичу Понятовскому, который продалъ его въ 1844 году князю Долгорукову, женатому на Вишневской [2]). Въ непродолжительное владѣніе моимъ братомъ Тепловкою, онъ засѣялъ нѣсколько десятинъ желудями, и нынѣшній помѣщикъ пользуется по его милости тридцатилѣтними дубовыми рощами.

Меня съ женою предупредили пріѣздомъ туда Н. А. Дивовъ съ женою, также и тетка моя Прасковья Артемьевна Тимофеева со всѣми

[1]) Мужъ г-жи Шимановской, участвовавшій въ Польскомъ возстаніи 1831 года, эмигрировалъ съ семействомъ въ Швейцарію. Сынъ его Освальдъ и племянникъ мой графъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ суть единственные нынѣ наслѣдники всѣхъ пяти дядей своихъ Понятовскихъ.

[2]) Этотъ князь Долгоруковъ имѣлъ въ 40 годахъ роскошную дачу въ подмосковномъ Петровскомъ паркѣ, а жена его была тогда извѣстна подъ прозвищемъ „la princesse homme d'affaires.“ Другихъ о нихъ примѣтъ не могу дать.

дѣтьми, кромѣ Евгенія Александровича, находившагося въ Артиллерійскомъ училищѣ. Былъ также уже тамъ Иванъ Антоновичъ Кавецкій, много распрашивавшій меня о кончинѣ брата своего Антона Антоновича (управлявшаго Московскою удѣльной конторою), которая послѣдовала передъ моимъ отъѣздомъ изъ Москвы [1]).

Зинаида Сергѣевна Дивова и моя жена, какъ молодыя модницы, носили по утрамъ высокіе конусообразные чепцы, теперь бы показавшіеся уродливыми колпаками, но тогда, подъ санкціею моды, именовавшіеся «bonnets à la cauchaise.» Съ Дивовыми пріѣхала проживавшая тогда у нихъ перезрѣлая дѣвица Надежда Михаиловна Юрьева, считавшаяся какъ-то въ дальнемъ съ нами родствѣ и возившаяся съ собачкою на рукахъ, барыня неглупая [2]).

Старшій изъ братьевъ Понятовскихъ, Евгеній Осиповичъ, находился также въ Тепловкѣ, куда онъ переѣхалъ изъ сосѣдняго своего имѣнія, верстъ за 50 на берегу Днѣпра, чтобы принять мою мать. Усадьба его была вся въ живописныхъ холмахъ и долинахъ, въ которыхъ онъ завелъ виноградныя и табачныя плантаціи, но ни тотъ, ни другой продуктъ не вызрѣвали: виноградъ былъ, по опредѣленію матери моей, ничто иное, какъ «du vinaigre en pillulles,» а выдѣланныя изъ его посѣвовъ Гаванскихъ сортовъ сигары, коими онъ меня потчивалъ, сбивались на капустные высушенные листы. Но онъ особенно любилъ садоводство, и была у него прекрасная теплица для экзотическихъ и тропическихъ растеній съ высокими экземплярами, и Англійскій садъ, въ родѣ небольшаго парка былъ разбитъ и посаженъ имъ съ отмѣннымъ вкусомъ. Имѣніе это звалось Пшенишники, и потому Тепловское временное общество прозвало владѣтеля онаго «Monsieur de Fromenville» [3]).

---

[1]) Изъ четырехъ дочерей А. А. Кавецкаго одна замужемъ за г. Виговскимъ, а другая за Рязанскимъ помѣщикомъ Венедиктомъ Павловичемъ Воскобойниковымъ, и разъѣхалась съ мужемъ, непонятно почему, чрезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы; она была очень хороша собою. Двѣ другія дочери Кавецкаго не вышли замужъ. Было у него также двое сыновей. Одна изъ сестеръ матери ихъ Надежды Андреевны, урожденной Гольцъ, была замужемъ, какъ прежде упомянуто, за Петромъ Ивановичемъ Жиллѣ; другая за Одесскимъ негоціянтомъ и овцеводомъ Французомъ Мари, пожилымъ уже человѣкомъ, оставившимъ женѣ значительное весьма состояніе. По смерти мужа она переселилась куда-то въ Южную Францію. Двѣ другія сестры Гольцъ остались старыми дѣвицами.

[2]) Мать ея была урожденная графиня Головкина. Она поселилась впослѣдствіи въ незначительномъ своемъ имѣніи Костромской губерніи и прекратила дальнѣйшія сношенія съ Дивовыми.

[3]) Въ Пшенишниковскомъ своемъ домѣ онъ устроилъ кабинетъ съ окномъ, во весь размѣръ коего вставлены были вмѣсто стеколъ полупрозрачныя *литофаніи* съ пейзажами и сюжетами извѣстныхъ Европейскихъ различныхъ галлерей, тогда какъ обыкновенно изъ этихъ литофаній дѣлались одни только транспаранты для свѣчей.

Изъ Тепловскаго брака знаменитаго нѣкогда при графѣ Завадовскомъ коннаго завода купилъ я за ничтожную цѣну четырехъ кобылъ, чтобы случать ихъ съ Англійскими, выписанными правительствомъ кровными жеребцами, на что я имѣлъ право, какъ записавшійся въ члены Московскаго скаковаго общества [1]). Изъ приплода отъ нихъ я имѣлъ впослѣдствіи двухъ хорошихъ упряжныхъ коней и верховую кобылу «Барщину,» подъ конецъ ослѣпшую, но по дружескому ко мнѣ расположенію покойнаго генералъ-маіора Аркадія Африкановича Болдырева (Рязанскаго коннозаводчика и обязательнѣйшаго изъ людей) кобыла эта взята была имъ на свой заводъ и на его иждивеніе для случекъ въ мою пользу, и послѣдніе отъ нея приплоды онъ же купилъ у меня за 350 или 400 рублей, сверхъ чего нашелъ мнѣ незадолго передъ тѣмъ покупателя на 5 лѣтнюю отъ этой кобылы дочь, за 500, кажется, рублей [2]). Всего же, изъ четырехъ старыхъ первоначальныхъ кобылъ, считая двухъ, служившихъ мнѣ, коренниковъ и верховой кобылы «Паризины», на которой я парадировалъ въ Москвѣ три года (и которая однажды разбила мнѣ голову въ кровь, но за то, усталости не знала), я выручилъ до 1500 рублей.

Недѣли черезъ двѣ всѣ семейные гости разъѣхались. Я съ моей матерью вскорѣ послѣ отправился также, первоначально въ Кіевъ, а оттуда въ Таганчу, къ старику Понятовскому. Въ Кіевѣ мы пробыли съ недѣлю и обѣдали разъ у тамошняго генералъ-губернатора тяжелослогаго графа Александра Дмитріевича Гурьева, уже знакомаго мнѣ по Одессѣ. Не помню, находилась-ли тогда въ городѣ эксцентричная его супруга графиня Авдотья Петровна (дочь графа Петра Александровича Толстаго), но слѣдующую зиму она провела съ мужемъ въ Кіевѣ. Въ числѣ немалыхъ разглашаемыхъ о ней странностей было то, что она

---

[1]) Какъ ярый англоманъ, я въ 1834 и 1835 г. усердно слѣдилъ за Московскими скачками. Чаще всѣхъ брали призы лошади завода г. Мосолова, отчасти искусствомъ его жокея Англичанина Дей, затѣмъ лошади какого-то кн. Гагарина (изъ нихъ отличилась въ 1834 г. кобыла „Матильда“) и лошади г. Панова. Являлись также на гиподромъ лошади г. Петровскаго, но не имѣли, помнится мнѣ, успѣха. Секретаремъ скаковаго общества былъ г. Мясновъ.

[2]) Заводъ А. А. Болдырева былъ Михайловскаго уѣзда въ с. Лѣсищѣ. Имѣніе это нынѣ принадлежитъ графу Дмитрію Андреевичу Толстому. Болдыревъ былъ женатъ вторымъ бракомъ на графинѣ Еленѣ Павловнѣ Паленъ, мать коей была рожденная графиня Орлова-Денисова, по отцу родная сестра графини Юльи Павловны Самойловой. По смерти Аркадія Африкановича (въ 1858, кажется, году) она вышла за одного изъ сыновей Екатерины Дмитріевны Голубцовой. Отъ втораго брака, графа Павла Петровича Палена былъ сынъ, женатый на баронессѣ Соловьевой, и еще двѣ дочери; изъ нихъ одна была за княземъ Дадьяномъ Мингрельскимъ, а другая за княземъ Грузинскимъ. Всѣхъ ихъ, также и молодаго графа Палена и его жены, уже нѣтъ въ живыхъ, кромѣ поселившейся въ Кіевѣ Елены Павловны Голубцовой.

не спала будто бы въ своей спальнѣ и даже на кровати, и что каждый вечеръ, когда всѣ расходились на ночь, клали для нея матрасы и подушки на обѣденномъ столѣ въ столовой. Была она оригинальнаго и игриваго ума и не стѣснялась высказывать во всеуслышаніе что̀ приходило ей въ голову. Въ то время былъ одинъ изъ постоянныхъ ея партнёровъ въ карты, Кіевскій вице-губернаторъ нѣкій г. Н. . . ичъ, котораго она безуспѣшно тщилась произвести въ гражданскіе губернаторы, и разсказывала матери моей, что, въ видѣ утѣшенія этого господина за таковую неудачу, она предоставляла ему сводить всѣ счеты по окончаніи вечерней ея игры. Однажды она лихо огорошила нѣкую посѣтительницу изъ некоротко ей знакомыхъ дамъ, которая, воображая сказать любезность, замѣтила, что молодыя графини ея дочери удивительно какъ похожи на ихъ отца. «Вы ничего не могли мнѣ сказать болѣе непріятнаго,» замѣтила она на это. А на замѣчаніе одного изъ служившихъ при графѣ лицъ (это былъ, кажется, полковникъ Звѣгинцевъ), провожавшаго ее при отъѣздѣ ея изъ Кіева, «что, графъ скучать-де будетъ безъ нея,» она ему спѣла: «Да, мой милый, это такъ; вмѣстѣ тѣсно, а порознь тошно». Братъ мой, гдѣ-то за границею, пошелъ къ ней съ визитомъ, и при докладѣ о немъ она до того обрадовалась этой неожиданности, что приказала немедленно впустить его въ ея уборную, и тамъ безцеремонно приняла его въ корсетѣ и въ одной юбкѣ. Передано было мнѣ много позднѣе, что, проѣзжая однажды чрезъ Москву съ дочерью своей княгинею Куракиною, сочла она себя въ правѣ, по фамиліи зятя своего, остановиться въ странноприимномъ домѣ князей Куракиныхъ что̀ у Красныхъ воротъ.

Сентябрь 1835. Н. Н. Муравьевъ жилъ тогда съ женою въ Кіевѣ, гдѣ находился штабъ командуемаго имъ корпуса. Для матери моей эта встрѣча съ дочерью пятимнаго бывшаго ея друга (графини Елисаветы Петровны Чернышевой) была радостнымъ событіемъ; да и сама Наталья Григорьевна и всѣ ея примѣрныя сестры, глубоко почитавшія память матери своей, перенесли свои дочернія нѣжныя чувства на свою тетку. Н. Н. Муравьевъ воспользовался правомъ новыхъ родственныхъ его съ нами связей, чтобы попытаться путемъ религіозной полемики, при помощи Кіевскаго викарнаго архіерея Владимира (о коемъ будетъ впослѣдствіи рѣчь) привлечь мать мою обратно на нашу сторону, отъ каковой полемики она, какъ многоначитанная, не отказывалась. Много позднѣе, въ Москвѣ, Н. Н. Муравьевъ увѣрялъ меня, что мать моя будто бы уже начинала поддаваться, что еще бы немного, и онъ успѣлъ бы въ своемъ намѣреніи; но кажется мнѣ, что онъ льстилъ только себя несбыточною надеждою. Латиняне стоятъ на своемъ, что Константино-

польская каѳедра была нѣкогда подчинена Римской, и потому отступниками мы, а не они. Уладься только этотъ чисто-историческій вопросъ, о догматахъ и обрядахъ они бы не спорили. Я же готовъ имъ твердить, что, допуская даже эту историческую невѣрность, для восточной церкви было бы долгомъ отторгнуться съ нарушеніемъ даже подчиненности отъ Западной, когда послѣдняя начала вводить догматическія нововведенія, не слыханныя дотолѣ; и наврядъ ли кто нибудь изъ Римскихъ первосвященниковъ расширилъ раздѣлявшую объ церкви пропасть, какъ нынѣшній папа Пій IX, двумя новыми своими догматами о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы и о личной непогрѣшимости Римскихъ первосвященниковъ въ качествѣ вселенскихъ учителей церкви [1]). Кстати поговоримъ здѣсь о Николаѣ Николаевичѣ Муравьевѣ, мнѣнія о коемъ расходятся даже въ военныхъ кружкахъ. Ведя обширную переписку по своимъ собственнымъ внѣ службы дѣламъ и съ своими друзьями, онъ имѣлъ привычку, по полученіи какого-либо письма, немедленно отмѣчать на немъ нумеръ и число дня полученія, и по порядку этой нумераціи отвѣчалъ на каждое, не перебивая очереди. Случилось однажды, въ бытность его главнокомандующимъ на Кавказѣ, что онъ получилъ письмо отъ какой-то фрейлины двора, написанное ею по порученію императрицы Александры Ѳеодоровны, но по какому дѣлу, не знаю. Прошло довольно уже времени, когда Наталья Григорьевна, случайно спросивъ его, отвѣчалъ-ли онъ на это письмо, узнала, что онъ еще не отвѣчалъ, «потому-де, что очередь не дошла до него» [2]). Вотъ каковъ былъ царедворецъ! Не дурна была также и слышанная мною царедворческая его выходка во время Красносельскихъ маневровъ, когда государь Николай Павловичъ, желая, какъ тогда разсказывали, испытать стратегическое искусство Н. Н. Муравьева, раздѣлилъ войска на двѣ половины, изъ которыхъ поручилъ одну Николаю Николаевичу, а самъ сталъ въ главѣ другой, и маневры кончились тѣмъ, что первый изъ нихъ окружилъ государеву армію и чуть ли не загналъ ее въ болото. Говорятъ, будто бы Государь долго питалъ скрытную злобу къ нему за это дѣло; если такъ, то жаль, что подобнаго рода мелочи могли помрачать душу этого царя. Защитникъ Карса, Англійскій генералъ Вилліамсъ, проѣзжая чрезъ Рязань, гдѣ я тогда служилъ по заключеніи мира въ 1856 году, говорилъ

[1]) Впрочемъ, новый этотъ догматъ ничто иное, надо сознаться, какъ логичный исходъ того, что папа выше всякаго вселенскаго собора и ему неподчиненъ, такъ какъ мы признаемъ непогрѣшимость семи вселенскихъ соборовъ. Многіе изъ Русской публики этого не понимаютъ и съ иропіею твердятъ, что папа воображаетъ свою особу непогрѣшимою. Это вовсе не вѣрно.

[2]) Передано мнѣ самой Натальею Григорьевною.

мнѣ, что, будучи лично знакомъ тридцать (кажется) лѣтъ съ Н. Н. Муравьевымъ, онъ знаетъ его за добрѣйшей души человѣка, но что онъ усиливается казаться злымъ для своихъ подчиненныхъ *).

Осенью того 1835 года корпусъ Н. Н. Муравьева перешелъ на другую стоянку, и его замѣнилъ въ Кіевѣ Паисій Сергѣевичъ Кайсаровъ.

Въ этотъ пріѣздъ мы пробыли въ Кіевѣ не болѣе двухъ недѣль и въ двухъ экипажахъ поѣхали сквернѣйшими проселками въ Таганчу на Еврейскихъ фурманскихъ лошадяхъ. Кучеръ-Еврей кареты, гдѣ я сидѣлъ съ женою, проѣзжая чрезъ лѣсъ, зацѣпилъ за сучекъ дерева, который, ударивши со всего размаху по поднятому стеклу окна со стороны моей жены, разбилъ въ дребезги толстое Бемское стекло, осколокъ котораго врѣзался подъ самый ея лѣвый глазъ; еще на нѣсколько линій выше, и она бы окривѣла. Въ порывѣ бѣшенства при видѣ окровавленнаго лица любимой женщины, я выскочилъ изъ кареты и, взобравшись на козлы, началъ тузить виновника бѣды. Мать моя, слѣдуя за нами въ своей коляскѣ и не зная ничего о случившемся, была изумлена Русскимъ моимъ судомъ и расправою, возможность каковаго она уже забыла послѣ 18 лѣтняго своего пребыванія въ Италіи. Вскорѣ все объяснилось. Она вынула осколокъ изъ щеки жены, промыла рану и приложила на нее Англійскаго пластыря, находившагося, къ счастію, при ней. Недѣли чрезъ три рана зажила, но шрамъ остался навсегда, и я долго не могъ успокоиться отъ мысли, что жена такъ близко подвергалась потерѣ своей красоты, каковымъ даромъ я, какъ уже сказалъ прежде, весьма дорожилъ.

О. И. Понятовскій, тогда за 70 лѣтъ, былъ еще столь же бодръ и дѣятеленъ какъ я его оставилъ въ 1826 году: ѣздилъ верхомъ каждый день по своимъ хуторамъ и овчарнямъ, или на охоту съ борзыми и гончими до самого обѣда, который былъ въ 5 часовъ, вставалъ въ 5 часовъ утра и ложился въ 9 вечера.

Во время нашего пребыванія въ Таганчѣ мать моя ѣздила однажды со мною и съ моей женою, а въ другой разъ жена и я, вдвоемъ, въ гости къ свѣтлѣйшему князю Павлу Петровичу Лопухину въ его великолѣпный замокъ Корсунь, стоящій на гористомъ мѣстѣ и окру-

*) Первое знакомство генерала Вилліамса съ Н. Н. Муравьевымъ относится, если не ошибаюсь, къ эпохѣ, когда послѣдній былъ посылаемъ правительствомъ для какихъ-то переговоровъ къ Бухарскому хану, а генералъ Вилліамсъ служилъ офицеромъ въ Остъ-индскомъ Англійскомъ войскѣ.

женный высокими, обрывистыми скалами, выходящими изъ рѣчки, которая кольцеобразно обвиваетъ всю усадьбу, кажущуюся скорѣе перенесенною изъ Альпійскихъ странъ, нежели Русскою. Мѣстечко Корсунь было почти въ трехъ часовомъ разстояніи отъ Таганчи. Бездѣтный князь П. П. Лопухинъ и его жена (вдова Берлинскаго нашего посланника графа Алопеуса) жили въ вельможной обстановкѣ. Князь, будучи меломаномъ, составилъ пѣвческую капеллу, коею самъ не только что дирижировалъ, но сочинялъ музыку, не стѣсняясь иногда вставлять въ нее взятые изъ Итальянскихъ оперъ мотивы. Жена и я были у обѣдни въ его церкви, и онъ, радуясь случаю имѣть постороннихъ слушателей, угостилъ насъ своими пѣвчими у себя въ домѣ; хоръ былъ дѣйствительно, на сколько помнится мнѣ, весьма изрядный. Князь и княгиня Лопухины составляли красивую еще, хотя пожилую, чету; глядя на княгиню (извѣстную нѣкогда своею красотою), трудно было повѣрить, что пять лѣтъ передъ тѣмъ, на Царскосельскихъ маневрахъ 1830 года, я видалъ ея сына молодаго графа Алопеуса уже кирасирскимъ офицеромъ. Была у нея также дочь, недавно передъ тѣмъ, кажется, овдовѣвшая отъ Француза Виконта де-ла-Феронѣ. Съ привлекательной наружностію, княгиня Лопухина соединяла таковыя же нравственныя и душевныя качества, была натуральна въ своемъ обращеніи, плавна и элегантна, такъ сказать, въ своихъ движеніяхъ; кротость и доброта, написанныя на ея лицѣ, дѣлали ее крайне симпатичною съ перваго на нее взляда; подобныхъ ей женщинъ зовутъ по англійски; «so lady-like.» Она уже тогда страдала глазами и подъ конецъ совершенно, какъ я слышалъ, ослѣпла. Въ Корсуньскомъ домѣ замѣчателенъ огромный залъ въ самой его серединѣ, безъ наружныхъ оконъ и со статуями, какъ бы въ музеѣ или въ академіи художествъ, освѣщенный только длинными продольными, но низкими окнами съ двухъ сторонъ, примыкающими почти что къ потолку, такъ что свѣтъ падаетъ сверху. Залъ равнялся вышиною двумъ этажамъ; вся же нижняя часть его стѣнъ была глухая. Изъ за верхнихъ поперечныхъ оконъ виднѣлась зелень тропическихъ и другихъ оранжерейныхъ растеній, чрезъ кои только и проникалъ свѣтъ, такъ что внизу въ залѣ было отчасти темно. Столъ и сервировка соотвѣтствовали вполнѣ обстановкѣ дома, и видно было сразу, что все это было не экстренное что нибудь, а ежедневный образъ жизни хозяевъ, и что для гостей ничего лишняго не дѣлалось; пріемъ же самихъ гостей былъ также радушенъ и простъ, какъ бы у степнаго помѣщика стараго Русскаго закала.

Въ Таганчѣ гостили тогда сестра г. Понятовскаго, г-жа Сѣраковская съ мужемъ и болѣзненнымъ сыномъ. Сѣраковскій былъ веселый,

пріятный и открытаго характера человѣкъ, красавецъ въ сѣдинахъ и съ сохранившимся еще у него пріятнымъ весьма голоскомъ. У сына его нервная система была до такой степени разслаблена, что голова не иначе могла поддерживаться на шеѣ какъ при помощи аппарата изъ металическаго обруча, обвивавшаго голову и прикрѣпленнаго пружиною къ спинѣ. Кромѣ семейства Сѣраковскихъ общество въ Таганчѣ состояло изъ Нѣмца-медика и чтицы (lectrice) г. Понятовскаго, немолодой Швейцарской дѣвицы Гросмееръ.

Послѣ болѣе мѣсячнаго, скучнаго таки, пребыванія, безъ всякихъ развлеченій кромѣ охоты, я, подъ предлогомъ дѣлъ въ Москвѣ и въ Порзняхъ, отправился съ моимъ Радзиковскимъ 21 Октября на колесахъ. Но въ теченіе этого и слѣдующаго дня, въ праздникъ Казанской Божіей Матери, снѣгъ началъ валить хлопьями съ сильной стужею ночью, и на 23 число, Днѣпръ, чрезъ который надо было переправляться, остановился: явленіе небывалое почти въ томъ краю. Я провелъ весь день въ Пшеничникахъ (хозяинъ коего Евгеній Осиповичъ Понятовскій гостилъ, кажется, въ Таганчѣ), плотно тамъ пообѣдалъ и не поцеремонился съ Шампанскимъ отсутствовавшаго хозяина. Переправа на паромѣ была прекращена, а ледъ былъ на столько еще тонокъ, что никто не брался меня доставить на другую сторону рѣки, и я не знаю, сколько пришлось бы мнѣ еще тутъ жить, если бы безстрашный священникъ сосѣдней церкви не взялся насъ перевести. Онъ шелъ впереди, постукивая передъ собою объ ледъ толстой палкою, а я и Радзиковскій шли за нимъ; лошадей отпрягли и повели въ рукахъ по одиночкѣ; оставили ли сани на этомъ берегу, или перетащили ихъ на другой, не помню. Нынѣ, при одной мысли объ опасности, которой подвергался я безъ всякой необходимости, деретъ меня морозъ по кожѣ; но молодость смѣла, и ей ничего почти невозможнымъ не кажется.

Поѣхали мы на перекладныхъ саняхъ до Чернигова, гдѣ для бо́льшаго комфорта я купилъ кибитку, но долженъ былъ отдать ее почти что за ничто въ Могилевѣ, потому что тамъ никакого еще саннаго пути не было. Не доѣзжая Могилева, я остановился погостить у графини Софьи Григорьевны Чернышовой-Кругликовой въ ея маіоратномъ имѣніи Чечерскѣ*), гдѣ она провела зиму съ мужемъ Иваномъ Гавриловичемъ и съ незамужнею еще своей сестрою графинею Надеждою Гри-

*) Чернышовскій маіорать былъ основанъ, какъ извѣстно, фельдмаршаломъ графомъ Захаромъ Григорьевичемъ Чернышовымъ; ему же принадлежалъ нынѣшній домъ Московскихъ генералъ-губернаторовъ, отъ чего произошло названіе Чернышовскаго переулка. Старуха-фельдмаршальша умерла только въ 1836 году.

горьевной. Существовало еще тогда въ Чечерскѣ, хотя покачнувшееся отъ времени, деревянное двухэтажное строеніе, когда-то дворецъ, наскоро построенный фельдмаршаломъ графомъ З. Г. Чернышовымъ для пріема Екатерины II-й во время ея путешествія по Россіи. И. Г. Кругликовъ повелъ меня съ большею осторожностію по всѣмъ нѣкогда аванзаламъ и заламъ этого эфемернаго дворца съ провалившимся мѣстами поломъ. Лохмотья обоевъ, фольги, золотой и серебряной бумаги висѣли по стѣнамъ и на обнаженныхъ колоннахъ, колыхаясь отъ вѣтра или отъ трясенія оставшихся половицъ, но вмѣстѣ давали отчетливое довольно понятіе о прежнемъ декоративномъ эффектѣ всего зданія. Кругликовы ѣздили на короткое время въ Кіевъ повидаться съ моей матерью, которая вскорѣ по моемъ отъѣздѣ изъ Таганчи переѣхала туда на зиму съ моей женою.

Въ Могилевѣ меня обступили сыновья Израилевы съ предложеніемъ пріобрѣсти по дешевой цѣнѣ контрабандное Голандское полотно. Я прогналъ было ихъ, но мой Радзиковскій польстился перспективою выгодно перепродать таковое полотно въ Москвѣ, и на эту спекуляцію упросилъ меня дать ему денегъ въ счетъ будущаго жалованья; и вотъ Жиды, оглядываясь и подъ секретомъ, повели его въ отдѣльную пустую комнату и, тамъ поторговавшись съ ними, онъ вышелъ съ своею покупкою, тщательно обернутою въ бумагѣ и съ ярлыкомъ, какъ слѣдовало быть заграничному холсту. Полячокъ мой уже мѣтилъ на шурина моего Алексѣя Ивановича Нарышкина, какъ на готоваго покупателя, зная его наклонность франтить туалетными принадлежностями *); но каково было въ Москвѣ его разочарованіе, когда знатоки этого товара нашли, что контрабандный холстъ былъ православнаго Ярославскаго издѣлія, какое можно было купить въ Москвѣ дешевлѣ, чѣмъ слупили съ Радзиковскаго Могилевскіе Евреи. Въ Могилевѣ я опять попалъ на санный путь и поѣхалъ на Оршу, Красный и Смоленскъ. По дорогѣ я заѣхалъ немного въ сторону къ Николаю Ѳедоровичу Гурьеву, женатому на Ваксель, знакомому мнѣ по Москвѣ, хотя я не собственно ихъ хотѣлъ видѣть, а проживавшую у брата своего Екатерину Ѳедоровну Гурьеву, съ которою жена моя была весьма дружна съ того времени, когда она съ замужнею своею сестою Спичинской гостила въ Тарускомъ уѣздѣ у одной ихъ родственницы. Е. Ѳ. Гурьева была умнѣйшая и пріятнѣйшая дѣвушка, но собою не особенно хо-

*) Шуринъ мой до конца жизни одѣвался изящно. Въ описываемую мною эпоху, на него шилъ Сатіасъ, первая тогдашняя Московская знаменитость. Затѣмъ, модными портными (статскаго платья) были Шелингъ и Тенферъ (на Тверской), Занфтлебенъ, Англичанинъ Пиготъ и Французъ Матьё; у послѣдняго я тратилъ много, но безъ толку.

роша; говорятъ, что она глубоко, но безнадежно полюбила шурина моего А. И. Нарышкина, будучи однакоже немного старше его, и въ угодность ли ея семейнымъ, или чтобы не остаться безъ поддержки въ жизни, вышла за г. Ѳаворскаго, къ коему была совершенно равнодушна. Этого господина я никогда не видалъ и ничего не знаю о его свойствахъ; но, судя по его левито-звучащей фамиліи, не думаю, чтобы онъ могъ быть достойною партіею для столь интересной особы, имѣвшей въ добавокъ свое независимое состояніе.

Эта была третья моя поѣздка по Бѣлорусскому тракту, и я уже прежде удивлялся, по какому случаю нѣкій старый Итальянецъ содержалъ гостиницу со сноснымъ весьма столомъ въ глуши на почтовой станціи, до или послѣ Краснаго. Дѣло это было разъяснено мнѣ въ 40-ыхъ годахъ хозяиномъ гастрономическаго магазина на Софійской улицѣ, Петромъ Петровичемъ Пикколи, нынѣ умершимъ, человѣкомъ всѣми почитаемымъ въ Москвѣ, съ которымъ я случайно разговорился о загадочномъ его соотечественникѣ. Этотъ человѣкъ былъ солдатомъ въ Наполеоновскихъ войскахъ и возилъ полковой ящикъ во время бѣдственнаго отступленія Французской арміи въ 1812 году; улучивъ удобиую минуту зарыть въ землю деньги что̀ были въ ящикѣ (чтобы не достались нашимъ войскамъ, шедшимъ по пятамъ), онъ такъ отчтеливо запомнилъ то мѣсто, что когда по заключеніи мира пріѣхалъ опять въ Россію, то отыскалъ это мѣсто, выкопалъ свой кладъ и открылъ потихоньку тамъ же гостинницу.

Въ Москвѣ я остановился у бывшаго моего однополчанина М. А. Долгова, на Ордынкѣ, гдѣ жилъ Леонъ съ перваго времени своего пребыванія въ Москвѣ; во флигелѣ того дома онъ уже успѣлъ открыть главную домовую мою контору съ бухгалтерною обстановкою, свойственною торговому дому, вообразивъ себѣ, что этимъ пусканіемъ пыли въ глаза можетъ много выиграть въ кредитномъ отношеніи, тогда какъ нерѣдко случалось, что въ кассѣ блестящей моей конторы не было и 25 рублей.

Около перваго дня новаго 1836 года я отправился съ Леономъ въ свои Порзни чрезъ Владиміръ, Суздаль и Шую при стужѣ, каковой я не помню: термометры замерзали, птицы падали окоченѣвшими, и морозъ доходилъ, какъ говорили, до 38 и 40 градусовъ. Невозможно было выдержать переѣзда отъ станціи до станціи, не заходя по нѣскольку разъ въ крестьянскую какую нибудь избу отогрѣться; дыханіе становилось тяжелымъ. Мы ѣхали въ закрытой повозкѣ. Каково было ямщику? Въ средней полосѣ Россіи вымерзло той зимою мно-

жество фруктовыхъ садовъ, въ томъ числѣ у тещи моей къ Знаменскомъ, гдѣ уцѣлѣло только два-три десятка деревъ стараго пространнаго фруктоваго сада [1]).

Прежній мой сослуживецъ А. А. Мироновъ, узнавъ о моемъ прибытіи въ Порзни, не замедлилъ меня навѣстить; онъ не былъ исправникомъ въ Юрьевецкомъ уѣздѣ, а жилъ у тещи своей, Натальи Титовны Кетовой, моей сосѣдки. Когда мы разстались во время войны 1829 года, въ голову намъ не входило, что суждено будетъ намъ встрѣчаться въ Костромской губерніи сосѣдями. Въ Порзняхъ я вовсе не занимался ревизіею своей вотчинной конторы, а только возился съ пѣвческимъ хоромъ. Уже съ годъ какъ жилъ у меня въ имѣніи медикъ-Полякъ г. Торчинскій, отличный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, рекомендованный мнѣ Леономъ; ему препорученъ былъ въ то же время поверхностный надзоръ за имѣніемъ [2]), но полнымъ управляющимъ онаго былъ любимецъ мой старикъ-бурмистръ Макаръ Ивановъ, изъ тѣхъ даровитыхъ встрѣчающихся иногда Русскихъ крестьянъ, что, родись они въ иномъ сословіи, могли бы быть министрами. Я, какъ говорится, души въ немъ не чаялъ, и ради этой безграничной почти моей привязанности къ этому человѣку, Леонъ не посмѣлъ смѣнить его изъ бурмистровъ во время моего трехлѣтняго отсутствія за границей, хотя, помнится мнѣ, ему хотѣлось было это сдѣлать; потому что умный этотъ крестьянинъ не всегда безусловно принималъ его приказы изъ Москвы и иногда былъ зубъ за зубъ съ нимъ. За то и былъ мой Макаръ авторитетомъ и почетною личностію во всей округѣ; даже сосѣдніе дворяне и уѣздныя власти сажали его рядомъ съ собою, звали его Макаромъ Ивановичемъ, а не Ивановымъ, и говорили ему *вы*. Нелады между нимъ и Леономъ, мнѣ извѣстные, нравились мнѣ, потому что казались какъ бы контролемъ одного надъ другимъ; смѣтливый старикъ, зная мое къ нему расположеніе, дѣйствовалъ поэтому иногда

---

[1]) Въ 1846 и послѣдующихъ годахъ я принялся съ ревностью возобновлять этотъ фруктовый садъ, выгодный въ денежномъ отношеніи. Садъ былъ у меня почти на 3-хъ сороковыхъ десятинахъ, и всѣхъ корней со старыми въ началѣ 60-ыхъ годовъ до тысячи. Подобная почти описываемой зима съ 1867 на 1868 годъ уничтожила мои 20 лѣтніе труды и пощадила не болѣе какъ одну сотню корней, да и изъ нихъ многіе въ страдальческомъ положеніи по сію пору; я отказался отъ дальнѣйшей борьбы съ нашимъ суровымъ климатомъ и болѣе не намѣренъ заниматься плантаціями фруктовыхъ деревьевъ.

[2]) Докторъ Торчинскій, отошедшій отъ меня, въ концѣ 1839 года былъ взятъ Дивовымъ, въ подмосковное его имѣніе Зенино, но не остался долго тамъ, а въ 1846 или 1847 году поступилъ на коронную службу и былъ командированъ въ одну изъ дальнихъ губерній по случаю открывшейся тамъ сильной холеры, но едва пріѣхалъ онъ туда, какъ самъ на второй или третій день заразился ею и умеръ. Въ Порзняхъ его весьма любили какъ сосѣдніе, такъ и мѣстные крестьяне.

совершенно самостоятельно. Говорили мнѣ впослѣдствіи, что онъ не былъ будто чуждъ отъ принятія крестьянскихъ приношеній; но если это и было въ дѣйствительности, то мнѣ не удалось въ этомъ его уличить.

Доживалъ у меня въ Порзняхъ вѣкъ свой любимый отца моего камердинеръ Андрей Антоновичъ Кашинцовъ, возвратившійся изъ Флоренціи въ Россію въ 1822 году. Хотя я конечно никакой службы отъ него не требовалъ, но старикъ, по старой привычкѣ, считалъ долгомъ являться ко мнѣ и прислуживать во время моего стола, не иначе какъ въ бѣломъ галстухѣ и сорочкѣ тонкаго холста съ жабо. Онъ умеръ въ началѣ сороковыхъ годовъ. Кромѣ него жилъ еще тогда въ одной изъ дальнихъ моихъ деревень, у родственниковъ своихъ, другой старый дворовый нашъ человѣкъ, по имени Василій Шенюховъ. О лѣтахъ его можно было приблизительно догадываться изъ того, что когда, бывало, начнетъ онъ разсказывать, что былъ-де тамъ и тамъ со старымъ графомъ, а я ему замѣчу, что отецъ мой никогда, на сколько извѣстно мнѣ, въ этихъ мѣстахъ не бывалъ, онъ скажетъ мнѣ: «Да развѣ я тебѣ говорю о твоемъ родителѣ? Я вѣдь говорю о старомъ графѣ», то есть о дѣдѣ моемъ графѣ Петрѣ (иначе Іонѣ) Александровичѣ, умершемъ въ малолѣтство моего отца. Бесѣды мои съ нимъ повторялись по воскреснымъ только днямъ, когда онъ пріѣзжалъ къ обѣднѣ въ Порзни. По выходѣ отъ меня онъ отправлялся на базаръ и ко своимъ знакомымъ; тамъ, бывало, онъ налижется до положенія ризъ, и его отвезутъ за мертво въ деревню, гдѣ онъ и остается до слѣдующаго воскреснаго дня.

Въ Кинешемскомъ уѣздѣ, смежномъ съ Юрьевецпольскимъ, Леонъ купилъ для меня отъ 700 до 800 десятинъ лѣсу и луговъ, по 4 рубля (кажется) за десятину. Онъ сдѣлалъ это, чтобы, причисливъ эту пустошь, называемую Подрамки, къ Порзненской и получить изъ Опекунскаго Совѣта добавочные по 50 р. на душу, какихъ не выдавали по малоземелью въ Порзненскомъ имѣніи. Но изворотъ этотъ ему не удался по причинѣ, если не ошибаюсь, того, что земля эта была въ общемъ моемъ съ двумя другими лицами владѣніи и осталась чуть-ли не до конца моего помѣщичьяго быта неразмежеванною. Была тамъ, какъ я слышалъ, какая-то рѣченка по имени Мерь; по ней во время весенняго разлива можно будто бы было сплавлять лѣсъ, коего было тамъ немало; Леонъ отправилъ туда рекомендованнаго ему одного господина, чисто изъ Русскихъ, снабдивъ его довѣренностію для этой операціи. Господинъ этотъ, пріѣхавъ первоначально въ Порзни, взялъ денегъ изъ вотчиннаго правленія для расхода по этому дѣлу и, кажется, нуж-

ное ему число крестьянъ, чтобы рубить лѣсъ; весною онъ благополучно сплавилъ заготовленный имъ зимою матерьялъ, но затѣмъ, самъ пропалъ безъ вѣсти, не отдавъ никакого отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, и куда дѣвался сплавленный лѣсъ, осталось покрыто мракомъ дальнѣйшей неизвѣстности. И не одинъ таковъ случай былъ у дѣльнаго моего Еврейскаго повѣреннаго.

Обратно въ Москву мы (т. е. Леонъ и я) поѣхали необыкновеннымъ путемъ чрезъ Кинешму, Кострому, Ярославль и Ростовъ. Стужа почти что не уменьшалась во все это время, и по моему (надо правду сказать) постоянно болѣе, чѣмъ по желанію моего спутника, мы останавливались подогрѣвать желудокъ спиртуозностями. Только между Переславлемъ-Залѣскимъ и Троицкимъ Посадомъ холода спустились до 16 градусовъ, и я помню, что это пониженіе температуры показалось мнѣ какъ будто термометръ стоялъ только на точкѣ замерзанія. Переночевавъ въ Троицкомъ посадѣ, я на разсвѣтѣ отправился съ Радзиковскимъ въ Лавру отслужить молебенъ, по окончаніи коего и покуда я шарилъ въ своемъ кошелькѣ что̀ заплатить іеромонаху за службу, онъ подошелъ къ одной мѣстной иконѣ, спустилъ висѣвшую на блокѣ лампадку, почерпнулъ ложкою лежавшею тамъ наготовѣ цѣлую ложку деревяннаго масла и къ ужасу моему проглотилъ ее. Говорю къ ужасу моему, потому что у меня такое враждебное отвращеніе ко всѣмъ возможнымъ масламъ изъ растительныхъ веществъ, даже къ прованскому маслу, что въ постное время для меня все готовятъ почти на водѣ или на миндальномъ молокѣ, а прибавляютъ подсолнечное или горчичное масло въ такомъ маломъ размѣрѣ, чтобы не было отъ него запаха. Я переглянулся съ Радзиковскимъ, знавшимъ мою антипатію къ жидкостямъ, въ недоумѣніи что̀ мнѣ дѣлать, если монахъ пригласитъ меня послѣдовать его примѣру; ибо я предполагалъ, что таковое его дѣйствіе было обрядовымъ признакомъ набожности: по отказу моему монахъ могъ бы меня причесть къ числу ненабожныхъ; а проглотить, да и на тощакъ, цѣлую ложку деревяннаго, сирѣчь фонарнаго, масла... Къ счастію, онъ не сдѣлалъ мнѣ этого предложенія.

Въ Москвѣ, по приглашенію искреннихъ моихъ друзей А. Д. Черткова и его жены, я остановился у нихъ на Мясницкой, гдѣ пробылъ недѣль около двухъ. Будущій фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій (не болѣе, кажется, тогда, какъ армейскій поручикъ), лѣчившійся въ Москвѣ отъ жестокой, полученной на Кавказѣ, раны, былъ почти ежедневнымъ тамъ гостемъ. Елисавета Григорьевна сохраняла еще

тогда всю полноту своего обширнаго и звучнаго голоса; но не знаю, изъ какого каприза, не иначе пѣвала, какъ въ полголоса, даже при близкихъ ей людяхъ, и это приводило меня въ отчаяніе. Досадно было также мнѣ видѣть, что она начинала усвоивать наклонности, привычки и отчасти туалеты почти что старушечьи, тогда какъ старшей ея дочери Елисаветѣ Александровнѣ (нынѣ княгинѣ Голицыной) было едва семь лѣтъ. Меньшая ея дочь, Александра Александровна (впослѣдствіи Винтулова) была уже тогда тщедушная, блѣденькая и какъ бы предвѣщала что ей не долго быть жилицею сего міра. Григорій Александровичъ, коему было тогда 3 или 4 года, хотя заимствовалъ прекрасныя глаза своей матери, но не ея взглядъ; онъ смотрѣлъ исподлобья и дичился общества.

Я засталъ еще въ живыхъ, но тяжко уже больною, тетку мою графиню Екатерину Артемьевну Ворощову. Она умерла мѣсяца два спустя, твердою въ православіи; слѣдовательно не всегда воспитаніе на иностранный ладъ бывало причиною совращенія въ католичество нашихъ Русскихъ дамъ въ первыхъ двухъ десятилѣтіяхъ нынѣшняго вѣка, и я не ошибаюсь, предполагая, что отпаденію другой моей тетки, графини Маріи Артемьевны, способствовало ея сближеніе съ принцессою Таранть, съ тогдашнимъ Петербургскимъ оракуломъ графомъ Іосифомъ де Местромъ, и, можетъ быть, съ Софіею Петровною Свѣчиною. Графиня Екатерина Артемьевна жила тогда въ домѣ князя С. М. Голицына на Пречистенкѣ, съ сестрою коего, княжною Еленою Михайловною, добрѣйшимъ въ мірѣ существомъ, она давно была въ тѣсной дружбѣ и чуть ли не съ нею путешествовала за границей въ послѣднее время. Когда я навѣстилъ тетку, она подергала меня за ухо, въ шутку, за то-молъ, что я женился; этого я точно заслуживалъ, хотя не за выборъ спутницы моей жизни, а за то, что таковому вѣтренику, каковымъ я былъ, не взирая на мои 29 лѣтъ, не слѣдовало жениться. Въ одно изъ моихъ посѣщеній къ ней взошелъ хозяинъ дома князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ, а вслѣдъ за нимъ князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ, и между ними завязался разговоръ о быломъ времени; князь Сергѣй Михайловичъ началъ подшучивать надъ княземъ Дмитріемъ Владимировичемъ, напоминая ему о его ссылкѣ изъ Петербурга въ Москву императоромъ Павломъ Петровичемъ за то, что, будучи тогда еще молодымъ офицеромъ, онъ не приложился съ подобающею любовію къ царской рукѣ на одномъ куртагѣ, въ которомъ церемоніялъ этотъ былъ установленъ.

Княгиня Татьяна Васильевна (жена князя Дмитрія Владимировича), которую я долгомъ счелъ навѣстить, устроивала тогда въ домѣ у себя

оперу Севильскаго Цирульника Московскими дилеттантами. Роль Розины исполняла хорошенькая собою и талантливая по голосу Александра Дмитріевна Давыдова [1]); Альмавивою былъ мѣстный Рубини, Н. И. Пашковъ; докторомъ Бартоло былъ Александръ Яковлевичъ Скарятинъ [2]), а меня княгиня просила взять на себя роль Фигаро. Надо сказать, что сыграть эту роль на сценѣ было давнишнею моею мечтою, къ тому же я почти всю ее зналъ наизусть; но я извинился передъ княгинею и отказался отъ принятія участія въ ея спектаклѣ, потому что торопился къ женѣ и матери въ Кіевъ. Когда по прибытіи туда я разсказалъ о томъ матери, она, дорожившая всякимъ моимъ успѣхомъ въ хорошемъ обществѣ, сказала, что я напрасно не принялъ предложенія княгини Голицыной. Мѣсто мое занялъ тамъ Ѳеофилъ Матвѣевичъ Толстой (братъ бывшаго послѣ и недавно умершаго министромъ почтъ графа Ивана Матвѣевича), и сценическое это сближеніе съ привлекательною Розиной-Давыдовой не замедлило кончиться ихъ бракомъ.

На обратномъ пути въ Кіевъ я заѣхалъ въ Знаменское взять съ собою, по желанію жены, молодую дворовую дѣвушку, ея крестницу, по имени Настиньку, а также уговорилъ ѣхать со мною къ женѣ Ларису Ростиславовну Голубицкую, отецъ коей незадолго передъ тѣмъ умеръ. Ни тещи моей, ни О. А. Тридона не было тогда въ Знаменскомъ: они были у шурина моего Нарышкина въ его Орловскомъ имѣніи по случаю его женитьбы (ему было всего 20 лѣтъ отъ роду) на Марьѣ Сергѣевнѣ Цуриковой, нѣсколькими годами старше его.

Изъ Знаменскаго я тронулся съ своими спутницами въ двухъ кибиткахъ и остановился на три, на четыре дня погостить у новобрачныхъ Нарышкиныхъ. Новый тесть шурина моего, Сергѣй Васильевичъ Цуриковъ, давнишній мой знакомый (со временъ юнкерства моего въ Орлѣ), принялъ меня дружески и родственно, и въ мою честь далъ обѣдъ у себя въ с. Лебедкѣ, смежномъ почти съ имѣніемъ А. И. Нарышкина. Онъ славился въ околоткѣ образцовымъ сельскимъ хозяйствомъ.

Въ Кіевѣ, между тѣмъ, жена моя успѣла, подъ попечительнымъ крыломъ моей матери, познакомиться съ лучшимъ обществомъ. Естественно, что графиня Анна Артемьевна Бутурлина, не взирая на двад-

---

[1]) Одна изъ сестеръ Давыдовыхъ, также хороша собою, вышла замужъ много позднѣе за князя Долгорукова, извѣстнаго сочинителя Родословной Русскихъ дворянскихъ фамилій.

[2]) Нынѣ генеральнымъ консуломъ въ Неаполѣ.

цатплѣтнее почти отчужденіе свое изъ Россіи, заняла сразу въ Кіевѣ, то почетное мѣсто, какое ей слѣдовало, хотя она рѣдко выѣзжала въ гости. И какъ бы ни глумилась демократія (глумленіе отчасти лисицы надъ виноградомъ) надъ сословіемъ, выше ея по рожденію поставленнымъ, есть какой-то неизгладимый отпечатокъ на людяхъ обоего пола той касты, узнаваемый всѣми ея сочленами безъ различія національностей при первой встрѣчѣ.

Склонная къ наблюдательности, мать моя слѣдила за измѣненіями, происшедшими въ Русскомъ обществѣ (судя по небольшому Кіевскому образчику) съ тѣхъ поръ, какъ она вышла изъ него, и весьма мѣтко нашла, что въ дѣлѣ воспитанія юношества религіозное ученіе высказывалось преимущественно въ знаніи обрядовой болѣе, чѣмъ нравственной стороны. Къ столь вѣрному ея замѣчанію прибавлю отъ себя, что и въ догматическомъ отношеніи (не говоря уже объ исторіи церкви, столь немногимъ извѣстной) усматривается нерѣдко у насъ таже упущенность. Встрѣчалъ я дамъ весьма набожныхъ, озадаченныхъ неожиданнымъ моимъ вопросомъ, на каковомъ основаніи церковь наша молится за усопшихъ, если она не признаетъ существованія чистилища, какъ Западная церковь? Вѣдь понятно, что изъ ада нѣтъ выхода. Да и многіе ли, пожалуй, укажутъ на тотъ моментъ въ литургіи, когда пресуществляются Святые Дары *) и даже могутъ не запинаясь отвѣчать, сколько въ церкви нашей таинствъ съ наименованіемъ каждаго изъ нихъ; или истолковать точный смыслъ столь часто слышанныхъ ими словъ на эктеніи «Елицы оглашеніи изыдите,» или болѣе для міранъ затруднительныхъ, «ангельскими невидимо дориносима чинми.» Я даже слышалъ отъ одной дамы, будто бы требуется не менѣе шестинедѣльнаго промежутка между однимъ и другимъ причащеніемъ Святыхъ Таинъ, когда никакого для этого срока не положено церковію. Подобное невѣдѣніе своего вѣроисповѣданія прискорбно рознится съ знаніемъ катихизиса и основныхъ правилъ Западной церкви во всѣхъ сословіяхъ съ ранняго возраста ея чадъ.

Кіевское общество было немалочисленное. При генералъ-губернаторѣ графѣ Гурьевѣ состоялъ полковникъ Платонъ Ивановичъ Голубцовъ, женатый на графинѣ Екатеринѣ Дмитріевнѣ Толстой (нынѣ вдова и начальница Кіевскаго женскаго института) и полковникъ Звягин-

*) Не мнѣ впрочемъ это говорить, ибо я къ стыду своему не болѣе какъ два-три года назадъ узналъ, что пресуществленіе Св. Даровъ совершается во время пѣнія на клиросѣ „Тебе поемъ, Тебе благословимъ“, когда священникъ говоритъ „и сотвори убо хлѣбъ сей,“ и проч.

цевъ, мужъ одной изъ тамошнихъ красавицъ (дѣвичьяго ея имени не помню). Жили довольно открыто Трощинскіе. Онъ былъ племянникъ извѣстнаго дѣятеля этой фамиліи; а она, урожденная Кудрявцова, добрѣйшее созданіе, хотя собою нехороша, но имѣла неудачное поползновеніе быть пѣвицею Итальянскихъ арій, каковыя, не смотря на мои артистическіе совѣты и указанія, выходили у ней очень дурно, и не потому только, что голосъ ея былъ самъ по себѣ незавидный и что она не имѣла случая слышать хорошихъ оперныхъ пѣвцевъ, но она составила себѣ идею, что слова въ операхъ вещь совершенно второстепенная, не имѣющая важнаго значенія, и потому вмѣсто напечатанныхъ словъ партиціи, она импровизировала какія-то сочетанія буквъ и слоговъ, столь же похожихъ на Итальянскія слова, какъ на Китайскія. Другой гостепріимный домъ былъ князя Кудашева, женатаго на графинѣ Шуазёль-Гуфье; она была сестра того графа Эдуарда Шуазёля подполковника въ Фердинандовомъ (Изюмскомъ) гусарскомъ полку, о которомъ уже прежде говорено. Общество собиралось также у графа и у графини Бержинскихъ. Онъ былъ Полякъ и меломанъ на скрыпкѣ, а она рожденная княжна Долгорукова. Черты лица были у нея правильны и пріятны при высокомъ ростѣ, но чрезмѣрная ея тучность портило все это [1]). Дочь ея, Марія, тогда еще ребенокъ 6 или 7 лѣтъ, была уже типъ Итальянской или Греческой красоты [2]). Гражданскимъ губернаторомъ былъ только что назначенный тогда нѣкто г. Переверзевъ, вопреки ходатайству графини Евдокіи Петровны Гурьевой доставить это мѣсто ея обычному партнёру въ картахъ вице-губернатору г. П. . . ну. Польскій элементъ игралъ немаловажную роль въ Кіевскомъ высшемъ обществѣ. Губернскимъ предводителемъ былъ камергеръ графъ Тышкевичъ, человѣкъ съ средствами, у коего бывали вечера (помнится мнѣ, разъ въ недѣлю), съ роскошно сервированнымъ ужиномъ и съ Итальянскимъ мэтръ д'отелемъ. Уѣзднымъ предводителемъ былъ Ламбертъ (правильнѣе Маврикій) Осиповичъ Понятовскій. Тамъ же я опять повстрѣчался съ Одесскимъ моимъ знакомымъ графомъ Густавомъ Олизаромъ. Онъ былъ крайне забавенъ въ обществѣ, смѣшилъ своими анекдотами и, сверхъ всего, владѣлъ небывалымъ искусствомъ рвать пальцами бумагу безъ пособія ножницъ, изъ коей удивительно хорошо у него выходили всякія фигуры, животныя и деревья. Жена его была пресимпатичная барыня, съ которою пріятно бывало мнѣ пѣть, такъ

---

[1]) Графиня Екатерина Андреева Бержинская была родная сестра нынѣшняго (въ 1869 г.) Московскаго военнаго генералъ-губернатора.

[2]) Она вышла въ концѣ 40-хъ или въ началѣ 50-хъ годовъ за нѣкоего (кажется) г. Склингера.

какъ она усовершенствовала свой талантъ въ Италіи [1]). Но звѣздою Польскаго и всего вообще Кіевскаго общества была прелестная графиня Евелина Ханская, рожденная графиня Ржевуцкая, сестра графиня Каролины Собаньской и генералъ-адъютанта графа Адама Ржевуцкаго. Въ бытность ея передъ тѣмъ въ Парижѣ она произвела глубокое впечатлѣніе на знаменитаго литератора Бальзака, и онъ изобразилъ ее, какъ говорятъ, въ своей повѣсти «Le lys de la vallée.» Она вела съ нимъ переписку и по смерти своего старика мужа вышла замужъ въ въ 40-хъ годахъ за знаменитаго этого Француза. Излишняя полнота тѣлосложенія вредила отчасти ея красотѣ; но бархатный взглядъ (regard velouté) имѣлъ что-то идеальное, не описанное, также какъ и ея улыбка, выражающая спокойствіе сердца, привѣтливость къ каждому и какую-то дѣтскую веселость. Она шапронировала двухъ мужниныхъ племянницъ, сестеръ Вележинскихъ, очень милыхъ дѣвушекъ, но не отличавшихся красотою. Старшій всѣхъ изъ Ржевускихъ былъ графъ Генрихъ, извѣстный Польскій писатель и оригинальнаго ума человѣкъ. Я познакомился съ нимъ не ранѣе 1845 года въ Петербургѣ, гдѣ онъ проживалъ въ стѣсненномъ, повидимому, положеніи по какому-то, помнится мнѣ, тяжебному дѣлу, и гдѣ онъ бывалъ ежедневнымъ почти гостемъ у дальняго моего родственника князя Петра Дмитріевича Черкаскаго [2]). Разговоръ его былъ игривый и сатирическій; жилъ онъ на скромной квартирѣ, на Васильевскомъ острову, и увѣрялъ, что когда ему случалось заболѣвать, то онъ просилъ хозяйку свою призвать къ нему доктора изъ самыхъ неизвѣстныхъ и почти что негодныхъ, на томъ-де основаніи, что мало мальски извѣстный медикъ захотѣлъ бы, пожалуй, дѣлать надъ нимъ, никому неизвѣстнымъ субъектомъ, какой-нибудь опытъ новаго способа лѣченія, дабы, если оно удастся, примѣнить этотъ способъ въ случаѣ болѣзни графа Петра Андреевича Клейнмихеля или кого другого изъ Петербургскихъ тузовъ; тогда какъ прозябающій въ своемъ темномъ уголкѣ эскулапъ уже по своему общественному положенію, не могъ бы позволить себѣ таковыхъ честолюбивыхъ замысловъ. Изъ Кіева онъ писалъ князю П. Д. Черкаскому, что городъ и весь юго-западный край въ большемъ недоумѣніи по причинѣ смѣщенія г. П—ва (правителя канцеляріи генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова), потому что во время могущества этого госпо-

---

[1]) Слышно было что графъ Олизаръ когда-то былъ влюбленъ въ одну изъ дочерей генерала Раевскаго и за нее сватался; почему ему было отказано, не знаю. Братъ графа Олизара участвовалъ въ Польскомъ возстаніи 1831—1832 г. и эмигрировалъ за границу.

[2]) Князь П. Д. Черкаскій былъ въ началѣ 50-хъ годовъ Симбирскимъ губернаторомъ и умеръ холерою въ Петербургѣ, осенью 1852 года. Жена его, княгиня Марія Семеновна, была рожденная Алабьевна.

дина извѣстно было, по крайней мѣрѣ, кому нужно было давать, а теперь неизвѣстно кому. (Само собою разумѣется, что Д. Г. Бибиковъ не могъ быть причастенъ взяточничеству правителя своей канцеляріи, который хотя и назначенъ былъ куда-то губернаторомъ, но карьера его скоро оборвалась какимъ-то служебнымъ скандаломъ).

Меньшой изъ графовъ Ржевуцкихъ, недавно передъ тѣмъ вышедшій въ отставку изъ кирасирскаго принца Альберта полка, женился немного позже на нѣкоей Ивановской, родной сестрѣ жены Даріуса Осиповича Понятовскаго *). Была еще другая той фамиліи Ивановская, богатая наслѣдница, по родня ли двумъ вышесказаннымъ, не знаю, вышедшая замужъ, около этого же времени за одного изъ тогда молодыхъ князей Витгенштейновъ. Мать ея была подвержена какой-то спячкѣ, находившей на нее внезапно и продолжавшейся чуть ли не по цѣлымъ суткамъ; о ней разсказывали что, отправившись съ дочерью-невѣстою къ мѣсту, назначенному для свадьбы послѣдней, она заснула на одномъ переѣздѣ, о чемъ дали знать жениху, и пришлось отложить бракъ на нѣсколько дней, пока она проснулась и можно было ей продолжать путь.

Пріѣзжалъ тогда также въ Кіевъ на короткое время родственникъ Понятовскихъ, помѣщикъ того края, красавецъ Дзіякопскій, съ женою старше его, и не подъ пару своему мужу, урожденною Пшездзецкою. Онъ подверженъ былъ хандрѣ и лѣчился, не знаю отъ какой болѣзни, у одной извѣстной тогда ясновидящей, предписавшей ему между прочимъ вскарабкаться на площадку, нарочно для того устроенную на столбу и тамъ сидѣть опредѣленное время, сверхъ чего глотать въ извѣстныхъ пріемахъ крупный рѣчной песокъ (gravier), и онъ слѣпо исполнялъ это. Жену его я помнилъ въ моемъ отрочествѣ въ Италіи, еще незамужнею; о ней разсказывали, что, полюбопытствовавъ посѣтить какую-то мужскую обитель въ южной Италіи или Сициліи, куда входъ женщинамъ былъ запрещенъ, она переодѣлась въ мужское платье, но рость и корпуленція выказали настоящій ея полъ, и она была выпровождена со скандаломъ.

Мы нанимали домъ въ концѣ улицы (кажется, Липки) противъ графа Януша Ильинскаго (впослѣдствіи сенатора). По наслышкѣ я

*) Даріусъ Осиповичъ и его жена Діонизія, когда-то красавица, по совершенному разстройству здоровья обоихъ провели послѣдніе года жизни за границей: онъ умеръ въ 1867 г., а жена скоро послѣдовала за нимъ. Дѣтей у нихъ никогда не было. Болѣзнь этой женщины была странная: мнѣ разсказывали, что во Флоренціи, въ знойный Іюльскій день, она зябла и не покидала почти никогда мѣховаго верхняго платья.

зналъ, что онъ былъ ярый меломанъ, воображалъ себя композиторомъ и будто бы посвятилъ папѣ одну свою оркестрированную мессу, но не добился знаменитости; въ нашемъ обществѣ онъ не показывался, у себя весьма немногихъ принималъ. Онъ былъ владѣльцемъ извѣстнаго въ юго-западномъ околоткѣ помѣстья Романова, то есть Рома-нова (Roma nuova), иначе Новый Римъ; названіе это придумано было еще его отцемъ, начавшимъ строить тамъ костелъ, имѣвшій будто бы соперничать съ церковью Св. Петра въ Римѣ. Насколько было выполнено столь гигантское предпріятіе, мнѣ неизвѣстно; но я слышалъ, что, въ бытность замысловатаго строителя въ Италіи, онъ добился разрѣшенія у Римской куріи пріобрѣсти и вывесть для своего храма мощи какихъ-то святыхъ, раки коихъ были нагружены на корабль; но во время плаванія сдѣлалась сильная буря, и изувѣрные матросы, приписывавшіе взолнованіе стихіи присутствію мощей, хотѣли было выкинуть ихъ въ море. Было ли это ими совершено или нѣтъ, не знаю.

Показывался также временно въ Кіевѣ, но не жилъ тамъ постоянно, молодой князь Любомирскій, помолвленный на красавицѣ Зинандѣ Голынской, мать коей была рожденная графиня Толстая, сестра Екатерины Дмитріевны Голубцовой; условіемъ его женитьбы (состоявшейся въ теченіе лѣта 1836 г.) было, чтобы молодая Голынская перешла въ Римскую церковь, что и сбылось *).

Паисій Сергѣевичъ Кайсаровъ жилъ тогда въ Кіевѣ по случаю пребыванія тамъ штаба 4-го корпуса. Мать моя была коротко знакома съ женою и дочерью Кайсарова, проживавшими по причинѣ здоровья въ Италіи, вслѣдствіи чего онъ сдѣлался частымъ у насъ посѣтителемъ. Онъ былъ добрѣйшій и обязательнѣйшій человѣкъ, по службѣ, кажись, не педантъ и, помнится мнѣ, любимъ подчиненными; словомъ, не подходилъ къ картоннымъ генераламъ Николаевскаго времени.

Въ одномъ изъ пѣхотныхъ полковъ корпуса П. С. Кайсарова служилъ офицеромъ умершій нынѣ Евграфъ Ростиславовичъ Голубицкій, братъ привезенной мною въ Кіевъ Ларисссы Ростиславовны. Лишь только она намекнула при Паисіи Сергѣевичѣ, что нѣсколько уже лѣтъ какъ она не видалась съ братомъ, онъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе вытребовать въ корпусную квартиру этого офицера, и тѣмъ привелъ въ крайнее изумленіе его самого и весь полкъ, въ которомъ онъ

*) Причиною такового условія могъ быть законъ о смѣшанныхъ бракахъ, по которому если одна изъ брачущихся сторонъ принадлежала православному исповѣданію, то всѣ дѣти имѣли быть того же исповѣданія, чего, вѣроятно, не допускала Польская аристократія.

служилъ, такъ какъ о причинѣ вызова не было объяснено. Когда г. Голубицкій явился въ Кіевъ къ своему генералу, послѣдній разъяснилъ ему, въ чемъ дѣло, прибавивъ, что онъ можетъ оставаться въ Кіевѣ сколько ему будетъ угодно, и просилъ приходить обѣдать у него безъ церемоніи, когда заблагоразсудится. Жена и я часто хаживали въ походную церковь Кайсарова, гдѣ четверо изъ нижнихъ чиновъ удивительно какъ стройно пѣвали, подъ управленіемъ одного изъ нихъ, замѣчательнаго тенора, изъ тѣхъ теноровыхъ голосовъ, что̀ потрясаютъ всю внутренность души; онъ былъ когда-то пѣвчимъ въ придворной капеллѣ и за какую-то провинность попалъ въ рядовые. Узнавъ о частомъ нашемъ посѣщеніи походной церкви, Паисій Сергѣевичъ распорядился, чтобы тѣ пѣвчіе всегда пѣвали при тамошнихъ службахъ и позволялъ имъ приходить къ намъ въ домъ; помнится мнѣ, что мать моя была взволнована этимъ пѣніемъ, столь много вѣроятно ей напоминавшимъ. Повторяю сказанное прежде: не ускользнуло отъ моихъ наблюденій, что семейныя наши прозелитки не могли и не могутъ заглушить окончательно въ себѣ взрывовъ національной религіозности, притаившейся до поры до времени *).

Жена моя имѣла полный успѣхъ въ Кіевѣ, чѣмъ я былъ совершенно счастливъ. Она была лелѣяннымъ ребенкомъ въ этомъ обществѣ, не говорю львицею, потому что была слишкомъ молода и неопытна для такой ея роли. Она въ то время видимо похорошѣла, и признаки первой беременности, оказавшіеся въ серединѣ лѣта, дѣлали ее еще интереснѣе. Мнѣ кажется, что я именно тогда болѣе влюбился въ нее, чѣмъ будучи женихомъ. Къ тому же, неискушаемый примапкою разгула съ невзрачными моими Московскими знакомыми, я чувствовалъ, что добрые инстинкты натуры брали свое, да и присутствіе матери моей поставило меня сразу, такъ сказать, въ колею прежней моей семейной жизни, и однимъ изъ благотворныхъ слѣдствій того было, что я весь предался молодой моей женѣ. Она подружилась съ ровесницею ей по годамъ Елисаветою Матвѣевной Могилянскою. Это была милая, натуральная до наивности, хотя не глупая, дѣвушка. Родители ея, мѣстные старо-

*) Въ послѣднюю бытность мою въ Италіи въ 1862—1863 году, сестра моя Марія Дмитріевна Дини съ радостію приняла отъ меня изданіе Новаго Завѣта порусски (1859 г.) только спросила, не изданіе ли это Библейскаго Общества, въ чемъ я ее успокоилъ: при чемъ надо пояснить, что изданія библейскія у Латинянъ не допускаются, какъ произведенія протестантизма. Она заявила также мнѣ желаніе имѣть книгу описанія всѣхъ чудотворныхъ иконъ Пресвятыя Богородицы, признаваемыхъ нашею церковью. Подобныя проявленія противорѣчатъ нетерпимости Римской церкви ко всему *схизматическому*, доходящей до того, что Латиняне (покрайней мѣрѣ въ Италіи) не допускаютъ нашихъ иконъ въ свои образные кивоты.

жилы, никуда не выѣзжали, по причинѣ своихъ лѣтъ и, думаю, невеликихъ своихъ житейскихъ средствъ, и потому дочь ихъ появлялась въ свѣтѣ подъ эгидою Е. Д. Голубцовой и достойнѣйшей ея сестры, незамужней и не первой уже молодости, графини Анны Дмитріевны Толстой *). У Могилянскихъ была своя загородная небольшая дача, куда Елисавета Матвѣевна обѣщалась насъ свозить полюбоваться роскошными посадками розъ, но ошиблась времепемъ ихъ цвѣтенія и привезла насъ въ свой садъ, когда уже рабатки были осыпаны лепестками отцвѣтшихъ розъ, при видѣ чего она бѣдняжка до того сконфузилась, что почти со слезами просила нашего прощенія не за свою ошибку, а за невѣжливость, такъ сказать, царицы цвѣтовъ. Это была натура тихая, робкая, какъ бы недовѣрчивая къ самой себѣ, привлекательная не столько складомъ лица, какъ своею женственностію, залогомъ супружескаго счастія человѣка, коему она имѣла вручить навсегда свою судьбу, и каковой залогъ оправдался вѣроятно на дѣлѣ, когда эта милая дѣвушка вскорѣ послѣ нашего отъѣзда изъ Кіева вышла замужъ. Она, бывало, на балахъ какъ бы пугалась приглашенія кавалера изъ холостыхъ мало ей знакомаго, и радостно принимала мое приглашеніе, какъ мужа своего друга. Въ числѣ бальныхъ посѣтительницъ заведенія минеральныхъ водъ (гдѣ нынѣ отстроенъ дворецъ), не входившихъ, не знаю почему, въ составъ нашего общества, были сестры Бѣлокопытовы и ихъ родственницы Вишневскія; одна изъ послѣднихъ вышла позднѣе за князя Долгорукова. Рядомъ почти съ нами жила молодая чета какихъ-то Лопухиныхъ, никуда не выѣзжавшая изъ боязни церковнаго преслѣдованія по поводу того, что двѣ родныя сестры, дѣвичьей фамиліи коихъ не помню, вышли замужъ за двухъ родныхъ братьевъ, вещь недопускаемая, какъ извѣстно, каноническими правилами. Чѣмъ дѣло ихъ кончилось, не знаю; но обѣимъ четамъ сочувствовала публика. Сосѣдка наша, которую я видалъ мелькомъ сидящею съ работою у своего окна, показалась мнѣ дивно хорошенькою; мужъ ея былъ адъютантомъ у какого-то генерала. Не договорилъ я, что Польскій элементъ уживался, какъ рѣдкое исключеніе, съ Русскимъ въ Кіевскомъ высшемъ обществѣ.

Мать моя отыскала прежнюю свою Московскую до 1812 года знакомую старушку г-жу Хвостову, когда-то проживавшую тамъ при

*) Графиня А. Д. Толстая была болѣзненнаго сложенія и давно умерла. Напоминаю, что сестрами ея были графиня Влодекъ (мать красавицы графини Заводовской) и г-жи Лачинова и Голынская. Изъ братьевъ, коихъ было нѣсколько, я зналъ только графа Николая Дмитріевича, получившаго огромное наслѣдство отъ дяди своего Рязанскаго помѣщика генерала Измайлова, и графа Константина Дмитріевича поручика л.-гусарскаго полка въ 1830 г., умершаго въ молодости отъ аневризма.

роскошной обстановкѣ, а въ Кіевѣ прозябавшую въ нуждающемся почти положеніи на скромной весьма квартиркѣ. Житейскія свои невзоды она переносила съ истиннымъ христіанскимъ смиреніемъ и предалась религіозному подвижничеству, сохранивъ въ преклонныхъ лѣтахъ всѣ умственныя способности и даже веселость характера. Жена и я навѣстили ее однажды; меня поразила непринужденная назидательность ея бесѣды, чуждая сухости и религіознаго мистицизма. Весьма теперь сожалѣю, что по тогдашнему моему легкомыслію я не позаботился получить отъ матери моей болѣе подробныхъ біографическихъ свѣдѣній объ этой личности, а нынѣ не къ кому для этого прибѣгнуть. Какъ религіозное направленіе, такъ и моральный взглядъ на жизнь были одинаковыми у обѣихъ этихъ женщинъ, лѣта и таже свѣтское отчасти положеніе почти что тѣже, и потому общія имъ воспоминанія молодости и житейской измѣненной на столько обстановки должны бы были, кажется, сблизить обѣихъ при этой неожиданной встрѣчѣ, между тѣмъ онѣ обѣ остались въ этомъ случаѣ на ногѣ свѣтскихъ только учтивостей. Отъ чего же это случилось, если не отъ различія религіозныхъ убѣжденій, коимъ обѣ всецѣло предались?

Изъ студентовъ Кіевскаго университета [1]) кавалерами были на балахъ меньшой братъ выше упомянутаго князя Любомирскаго, нѣкто г. Бутовичъ изъ богатыхъ Малороссійскихъ помѣщиковъ того края, и Дмитрій Алексѣевичъ Сверчковъ, сынъ бывшаго нашего повѣреннаго во Флоренціи, родной племянникъ генералъ-губернатору графу Гурьеву. Этотъ молодой человѣкъ былъ вѣтренникъ и попадался въ студенческія исторіи, кромѣ чего проглядывались уже тогда въ его разговорахъ какія-то странности, кончившіяся много позднѣе тѣмъ, что онъ, уже женатый, впалъ въ умопомѣшательство, въ каковомъ онъ по позднѣйшимъ моимъ о немъ свѣдѣніямъ находится и по сіе время [2]). Болѣе интимными кавалерами нашего кружка были нѣкто Николай Петровичъ Бибиковъ, тогда адъютантъ при графѣ А. Д. Гурьевѣ (а позднѣе Симбирскій губернаторъ) и молодой Лифляндецъ или Курляндецъ г. Эвенсъ, чиновникъ генералъ-губернаторской канцеляріи. Изъ бальныхъ кавалеровъ былъ нѣкто Иванъ Ивановичъ Роде, служившій тогда гдѣ-то въ Кіевѣ.

---

[1]) Попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа былъ г. Фонъ-Брадке.

[2]) Сестра его, какъ и онъ самъ, родилась при мнѣ во Флоренціи, была одна изъ Петербургскихъ красавицъ начала 40-хъ годовъ, вышла тамъ замужъ за иностранца Гуерреро, разъѣхавшись съ нимъ вышла, помнится мнѣ, при жизни еще мужа за г. Зиновьева и жила съ нимъ въ Ярославлѣ.

Имѣлась тогда въ Польскомъ театрѣ порядочная весьма, хотя малолюдная, Французская водевильная труппа, содержавшаяся по подпискѣ: обстоятельство, доказывающее цивилизованный уровень мѣстнаго общества и денежные его рессурсы. Когда въ городѣ не было ни баловъ, ни вечеринокъ, сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ былъ театръ. Намъ обоимъ такъ весело жилось въ Кіевѣ, что не хотѣлось ѣхать съ матерью моею въ Италію, и особенно женѣ, тѣмъ болѣе, что въ началѣ лѣта теща моя не утерпѣла и пріѣхала къ дочери въ Кіевъ, гдѣ и оставалась до отъѣзда нашего въ Августѣ за границу....

Покойница крѣпко любила меня, горячо заступалась за меня и не разъ поддерживала мое мнѣніе въ противность мнѣнію своей дочери.

Возвращаюсь къ Кіевскимъ событіямъ.

Митрополитомъ давно уже былъ мастистый Евгеній Болховитиновъ, извѣстный археологъ. Про его отношенія въ молодости къ моему семейству я уже говорилъ подробно въ первой части сихъ записокъ. Викарнымъ архіереемъ, съ титломъ епископа Чигиринскаго, былъ не старый еще, и съ привлекательною наружностью, преосв. Владимиръ, уроженецъ Владимирской епархіи, а имя его въ мірѣ было Василій Ѳедоровичъ Алавдинъ. Онъ былъ между прочимъ замѣчателенъ блистательнымъ даромъ слова и заготовленныя свои проповѣди говорилъ наизусть яснымъ и звонкимъ голосомъ. Слогъ его былъ не дюжинной семинарской рутины, а смѣлъ мыслію; слышалось живое слово, и нравоученіе прямо обращалось на пороки встрѣчающіеся въ наклонностяхъ и ежедневныхъ привычкахъ разносословныхъ его слушателей. Монаху строгой жизни, ему пріятно было видѣть Кіевскихъ дамъ у себя за чаемъ, послѣ литургіи по воскресеніямъ въ Михайло-Архангельской златоглавной своей обители, и дамы усердно посѣщали архіерейскую его службу. Замѣтивъ однажды, что жена моя не была у него у всенощной наканунѣ какого-то большого праздника, онъ спросилъ у нея, когда на слѣдующій день мы оба посѣтили его послѣ обѣдни, о причинѣ ея отсутствія, и она съ дѣтскою наивностію отвѣчала, что не была въ церкви, потому, что захотѣлось ей быть въ тотъ вечеръ въ театрѣ. Іерархъ этотъ, казавшійся предназначеннымъ занять видное мѣсто въ ряду архипастырей нашей церкви, по стеченію непріязненныхъ и по мнѣнію моему незаслуженныхъ имъ обстоятельствъ, сошелъ преждевременно съ церковнаго поприща и умеръ въ силѣ лѣтъ въ 1843 или 1844 году въ почетной ссылкѣ епископомъ одной изъ Сибирскихъ епархій, куда его упекли, вѣроятно, по недоброжелательству

изъ Костромы. Я имѣлъ счастіе сблизиться съ нимъ и пользовался дружественнымъ, смѣю сказать, его расположеніемъ. Начатое мое съ нимъ знакомство въ Кіевѣ продолжалось въ Костромѣ, гдѣ случалось мнѣ, какъ помѣщику той губерніи, навѣщать его. Будучи за границей съ женою, я переписывался съ нимъ. Его обвиняли въ кругу высшей церковной администраціи за крутость будто бы характера и излишне-строгую взыскательность съ подчиненнаго ему духовенства; другихъ упрековъ я противъ него не слыхалъ, между тѣмъ какъ самъ А. Н. Муравьевъ, служившій тогда въ Сунодѣ и коего я просилъ ходатайствовать за преосвящен. Владимира, сказалъ мнѣ что имъ были не довольны въ Петербургѣ [1]). Тщетно силился я убѣдить его, что іерархъ этотъ оклеветанъ: слабая моя адвокатура, неподкрѣпленная никакими доказательными фактами, была гласомъ въ пустынѣ. При первомъ моемъ свиданіи съ преосв. Владимиромъ, послѣ этого моего разговора съ А. Н. Муравьевымъ, я передалъ ему въ точности его слова и совѣтовалъ принять мѣры къ оправданію, на что онъ отвѣчалъ, что готовъ встрѣтить все худшее и, кажется, добавилъ, что ему не остается ничего болѣе дѣлать. А тутъ, какъ вѣнецъ всего, было несчастное слѣдующее приключеніе отъ его неосторожности. Онъ взялъ на себя постройку хозяйско-экономическимъ способомъ, помимо подрядовъ, новаго храма въ Ипатьевскомъ монастырѣ [2]), и только что довершался куполъ, какъ онъ и часть строенія обрушились, что̀ и вызвало форменное о томъ слѣдствіе. Касательно упрека его въ чрезмѣрной строгости я освѣдомился отъ Костромскихъ жителей, что однажды въ первый день Пасхи онъ отправился будто бы во время вечерень обозрѣвать нѣсколько церквей въ самой Костромѣ, чтобы удостовѣриться лично въ степени трезвости ихъ причтовъ. Спрашиваю: развѣ это можетъ служить къ его обвиненію? По разсказамъ очевидцевъ, онъ былъ отважень до неустрашимости, углубляясь во время своихъ ревизій по епархіи въ сплошныя селенія самыхъ закоснѣлыхъ раскольниковъ, каковыхъ чуть-ли не большинство въ иныхъ изъ-заволжскихъ уѣздовъ,

---

[1]) Кстати о Муравьевѣ передамъ слышанное отъ него самаго, что, чувствуя сильное влеченіе поступить въ духовный санъ (вѣроятно въ черноризничество), онъ говорилъ о томъ съ графомъ Протасовымъ, который ему объявилъ рѣшительно, что пока онъ (гр. Протасовъ) останется оберъ-прокуроромъ Св. Сунода, онъ никогда не допуститъ Андрея Николаевича поступить въ духовный санъ, по какой причинѣ, не знаю. А между тѣмъ какъ плодотворно было бы для Русскаго высшаго общества, еслибы Муравьевъ посвященъ былъ во епископы!

[2]) Обитель эта, подгородное пребываніе Костромскихъ архіереевъ, знаменита въ исторіи по укрывательству въ ея стѣнахъ Михаила Ѳедоровича Романова. Комнаты, имъ занимаемыя въ той обители, въ родѣ терема, были реставрированы въ 1839 году и изданы въ литографіи братьями Чернецовыми, уроженцами Костромскаго города Луха.

съ цѣлію увѣщеванія сихъ заблудшихъ, въ чемъ не имѣлъ, помнится мнѣ, никогда поддержки со стороны мѣстной высшей губернской администраціи, склонной почти что мирволить раскольникамъ. Изъ этого выходило, что архіерей былъ поставленъ между двухъ огней, ибо въ то Николаевское время изъ Петербурга предписывались строгія противъ сектантовъ мѣры. Сопровождавшій его въ одной изъ таковыхъ поѣздокъ исправникъ разсказывалъ послѣ, что онъ самъ не на шутку струсилъ при видѣ недружелюбныхъ физіономій увѣщеваемой публики; а какъ время подходило къ ночи, да и въ глуши, безъ всякой надежды внѣшней помощи въ случаѣ открытыхъ враждебныхъ дѣйствій крестьянъ-сектантовъ, то онъ наотрѣзъ объявилъ преосвященному, что если не поспѣшитъ немедленно удалиться, то онъ (исправникъ) не ручается за послѣдствія. Передано было также мнѣ изъ вѣрнаго источника, что, посѣтивъ однажды Тихоновскую-Луховскую обитель, онъ говорилъ монахамъ, что они-де «не монахи, а пивные котлы». Скажутъ, быть можетъ иные, такъ почему же онъ терпѣлъ подобное зло? А какъ бы, спрашиваю, могъ онъ одинъ искоренить его? Дѣло заглазное и укрѣпившееся молчаливою санкціею нѣсколькихъ, можетъ быть, поколѣній; а онъ управлялъ епархіею всего пять - шесть лѣтъ: «Одинъ въ полѣ не воинъ». Помню особенно въ общихъ чертахъ одну его проповѣдь противъ пьянства въ рабочьемъ людѣ и запоя, сказанную въ уровень съ ихъ понятіемъ и развитостью, съ употребленіемъ даже ихъ слога, безъ всякихъ метафоръ и риторическихъ украшеній *). И вотъ этого-то человѣка Н. Н. Муравьевъ выбралъ было себѣ въ помощники, въ бытность нашу предыдущей осенью въ Кіевѣ, чтобы фактами доказать моей матери объ отступничествѣ Римской церкви отъ апостольскаго православія. Мать моя не избѣгала этихъ преній и даже по отбытіи изъ Кіева Муравьева посѣтила (можетъ быть, даже болѣе раза) преосв. Владимира; но ничего изъ сего не произошло.

Всѣ мои біографическія свѣдѣнія о достойномъ этомъ іерархѣ, заслуживавшимъ лучшей участи, ограничиваются тѣмъ, что онъ былъ (какъ я уже сказалъ) уроженецъ Владимирской губерніи; свѣтское его имя было Василій Ѳедоровичъ Алавдинъ, въ родствѣ съ знаменитымъ М. М. Сперанскимъ; въ 1830 году онъ былъ ректоромъ Калужской духовной семинаріи, когда архіереемъ былъ тамъ, если не ошибаюсь, Гавріилъ, впослѣдствіи Рязанскій архіепископъ.

---

*) Проповѣди и рѣчи преосв. Владимира были напечатаны въ 2-хъ томахъ около 1840 года, но, конечно, онѣ много теряютъ при чтеніи. Не помню, чтобы я когда нибудь слыхалъ подобную его дикцію.

Счастливымъ себя считаю, принося эту лепту памяти непреклоннаго въ правдѣ и недоступнаго страху владыки, каковыхъ желательно бы чаще встрѣчать въ рядахъ нашей іерархіи *).

Кіевъ представлялъ ученому митрополиту Евгенію обширное поле любимымъ его археологическимъ изслѣдованіямъ, и онъ не преминулъ тѣмъ воспользоваться. Ему обязаны открытіемъ памятниковъ Владимировой и Ярославовой старины, Золотыхъ Воротъ, безслѣдно зарытыхъ до того времени въ валу окружавшемъ первобытный княжескій городъ. Кстати упомяну, что вандализмомъ графа Левашева, предмѣстника графа А. Д. Гурьева, срыта была до основанія часть вала стараго Кіева, и тотъ же администраторъ срубилъ пирамидальные тополи, окаймлявшіе по обѣимъ сторонамъ нѣкоторыя улицы. Во фронтовомъ своемъ рвеніи соблюдать, елико возможно, прямую линію, онъ выровнялъ бугроватыя откосы одной изъ гористыхъ улицъ, и работа эта исполнена была столь поспѣшно и повидимому неожиданно, что въ одномъ мѣстѣ, какъ передано было мнѣ, одинъ несчастный аптекарь лишился будто бы всякаго приступу къ своему дому, потому что обрывъ горы подходилъ къ самому его крыльцу.

Подъ надзоромъ митрополита Евгенія раскопаны былъ также фундаментъ и все нижнее основаніе стѣнъ церкви св. мученицы Ирины, отъ которой не было въ виду никакихъ слѣдовъ и о которой жители не имѣли даже понятія; а по открытымъ останкамъ можно было ясно усмотрѣть все внутреннее расположеніе храма. Имъ же отысканы основанія Ярославовой знаменитой Десятинной церкви; къ сожалѣнію, выстроена вмѣсто нея вновь церковь того же имени, но воздвигнута не на прежнемъ своемъ фундаментѣ и не въ прежнихъ размѣрахъ, по экономическимъ, вѣроятно, разсчетамъ, и древній ея фундаментъ снова зарытъ въ землю. Не договорилъ я, что часть древняго вала, окружавшая Софійскій соборъ и Злато-Верхо-Михайловскій монастырь, была срыта, подъ предлогомъ, что она стѣсняла проѣздъ, какъ будто полупустынная эта часть древняго Кіева кишѣла экипажами и пѣшеходами, какъ Ильинка

*) Слыхалъ я отъ современниковъ о другомъ, несклонномъ къ лести іерархѣ Пензенскомъ Амвросіи, которому также якобы не посчастливилось по той же самой причинѣ. Разсказывали, что во время царскаго (при Александрѣ 1-мъ) смотра подъ Пензою 2-го пѣхотнаго корпуса, въ 1823 или 1824 году, когда Государь долженъ былъ возвратиться въ городъ, этотъ архіерей готовился встрѣчать его съ крестомъ и со свѣто-поучительною рѣчью; но такъ какъ эти торжественныя часто повторяющіяся встрѣчи надоѣли наконецъ Царю, то преосв. Амвросій былъ отозванъ отъ своей епархіи; дальнѣйшая его участь мнѣ неизвѣстна. Я глубоко сочувствую всякимъ личностямъ, а наипаче церковнымъ, которые неустрашимы предъ сильными сего міра.

въ Москвѣ. Часть того же вала, выходившая на Крещатикъ, съ крѣпостными воротами, также срытыми, была будто бы не древняя, а воздвигнута фельдмаршаломъ графомъ Минихомъ, и потому не стоила сожалѣнія; какъ будто бы и Елисаветинская эпоха не составляетъ уже для насъ старины? Въ описываемое время отъ Елисаветинскаго же дворца, сооруженнаго архитекторомъ Растрелли, оставался одинъ нижній каменный этажъ, обращенный въ заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ, съ залами, гдѣ разъ въ недѣлю бывали танцовальные вечера; верхній же деревянный этажъ дворца сгорѣлъ еще въ 20-ыхъ годахъ. Я однакоже помню его мелькомъ во время семейнаго нашего проѣзда чрезъ Кіевъ въ Италію въ 1817 году, и кажется мнѣ, что тогда жилъ въ немъ съ своимъ семействомъ одинъ изъ героевъ отечественной войны двѣнадцатаго года, генералъ Раевскій, командиръ корпуса, штабъ коего былъ тогда въ Кіевѣ. Въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ двухъ каменныхъ флигелей дворца была гостинница, гдѣ мы съ матерью приставали на пути въ Таганчу осенью 1835 года.

Слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о наружности митрополита Евгенія, которая, впрочемъ, была отнюдь не изъ таковыхъ, чтобы на его челѣ, чертахъ лица и въ небольшихъ синихъ (помнится мнѣ) его глазахъ выражалось присутствіе особеннаго ума; или, точнѣе сказать, никакого особеннаго выраженія онъ не имѣлъ. Тѣлосложенія былъ онъ тучнаго, хотя минуло ему за семьдесятъ лѣтъ, лице совершенно круглое; на одной щекѣ, около носа, была большая бородавка и весь черепъ лысый.

Ректоромъ Духовной Академіи (въ Братскомъ монастырѣ на Подолѣ) былъ архимандритъ Иннокентій, обѣщавшій уже тогда стать на ту точку церковнаго краснорѣчія, которая впослѣдствіи пріобрѣла ему имя современнаго Златоуста. Даръ этотъ онъ выказалъ въ надгробномъ словѣ, экспромптомъ, весною 1836 года, при похоронахъ артиллерійскаго генерала князя Яшвиля. Свидѣтели разсказывали мнѣ, что онъ весьма эффектно сдѣлалъ паузу въ своей рѣчи, во время которой послѣдовалъ залпъ изъ орудій, и затѣмъ онъ продолжалъ, указавъ на эту почесть какъ на послѣднюю житейскую дань военнымъ заслугамъ покойника отечеству.

Престарѣлый, но еще бодрый фельдмаршалъ князь Сакенъ не выѣзжалъ почти никуда, и мнѣ не случилось видѣть его. Когда мать моя первоначально проѣзжала одна чрезъ Кіевъ изъ Флоренціи въ Тешовку, то онъ счелъ однакоже долгомъ навѣстить ее, что̀ самое сдѣлалъ

тогда и графъ А. Д. Гурьевъ, къ немалому удивленію хозяйки постоялаго двора, гдѣ мать моя изъ экономическаго разсчета остановилась. «И кто бы подумалъ», говорила ей хозяйка, «что къ такой скромницѣ, какъ ты, ѣздятъ такіе тузы!»

Между фельдмаршаломъ кн. Сакеномъ и княземъ Яшвилемъ шла, какъ утверждали, куріознѣйшая городская переписка, дружеская и вмѣстѣ съ тѣмъ переполненная, ради силы слога, болѣе чѣмъ площадными бранными словами, въ видѣ любезностей. При князѣ Сакенѣ состоялъ молодой еще генералъ Густовцовъ или Густомиловъ, незаконнорожденный будто бы его сынъ, жена коего была одна изъ первыхъ Кіевскихъ красавицъ, но какъ-то мало выѣзжала въ свѣтъ.

У графа Гурьева былъ столовымъ дворецкимъ, иначе метръ д'отелемъ, Итальянецъ, нѣкто Лоренцо Джіорданетто, котораго я позднѣе видѣлъ во Флоренціи аматёромъ-артистомъ на публичномъ театрѣ Альфіери, въ главной роли какой-то трагедіи, въ коей онъ весьма плохо себя выказалъ. Я уже говорилъ, что у губернскаго предводителя графа Тышкевича былъ также метръ д'отель изъ Итальянцевъ *), и потому немалою было находкою для нашего Итальянца Консиліо (вѣрнаго слуги матери моей), не знавшаго ни слова порусски, встрѣтить въ Кіевѣ двухъ своихъ соотечественниковъ. Проживалъ въ Кіевѣ еще третій Итальянецъ изъ Милана, по фамиліи Верга, заброшенный туда кѣмъ-то случайно и выдававшій себя за портретнаго артиста и за пѣвца. Познакомившись съ нимъ въ кондитерской Финка, я пригласилъ его къ себѣ и попросилъ его спѣть со мною изъ Беллиниевой оперы «Страніеры», дуэтъ «Sulla salma del fratello», принявъ на себя теноровую партію, хотя слишкомъ для меня высокую. Должно быть, въ Италіи онъ пѣвалъ только въ оперныхъ хорахъ, потому что басовый оглушительный его ревъ, при весьма непріятной интонаціи голоса, потрясъ нервы матери моей до такой степени, что я съ тѣхъ поръ уже болѣе не приглашалъ его пѣвать у насъ. Вскорѣ потомъ онъ отправился въ Москву, гдѣ кое-какъ перебивался профессіею по портретной живописи, а въ 1840 году я уже встрѣтилъ его въ Петербургѣ попавшимъ, не знаю по чьей протекціи, въ число реставраторовъ картинъ въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ каковой должности онъ и оставался до своей

*) Было одно время какъ бы въ модѣ въ иныхъ аристократическихъ домахъ имѣть при себѣ Итальянцевъ. При покойникѣ графѣ Иванѣ Ларіоновичѣ Воронцовѣ долго былъ старшимъ камердинеромъ нѣкто Тампорини, а у княгини Кочубей (вдовы Бѣлосельской), со времени коронаціи нынѣшняго Государя въ 1856 году до 1862 года, былъ метръ д'отелемъ тотъ самый Паоли, который въ концѣ 20-ыхъ годовъ служилъ камердинеромъ при покойномъ моемъ братѣ, а съ 1837 по 1843 годъ при мнѣ.

смерти. Мнѣ сказывали, что послѣ него найденъ былъ въ его гардеробѣ полный женскій костюмъ, для какой цѣли, неизвѣстно: ему онъ могъ идти какъ коровѣ сѣдло, потому что онъ не только былъ весьма неказистъ и уже немолодъ, но съ огромными усами.

Жили мы въ Кіевѣ, какъ я уже говорилъ, въ постоянномъ вихрѣ общественныхъ удовольствій и выѣздовъ. Въ продолженіе весны и лѣта, когда удушливо было собираться въ городскихъ бальныхъ залахъ, устроивались загородные пикники по подпискѣ въ живописныхъ мѣстностяхъ, Вышгородѣ близъ Выдубицкаго монастыря и въ Китаевской пустынѣ. Танцоманія дошла до того, что, перепробовавъ почти всѣ способныя къ тому мѣстности, избрали наконецъ зданіе въ Броварахъ за Днѣпромъ, гдѣ помѣщался грязный трактиришка, одною степенью выше кабака, во второмъ этажѣ, и гдѣ половицы гнулись подъ нашими плясками. Запѣвалою и распорядителемъ этихъ сборищъ былъ иногда Ламбертъ Осиповичъ Понятовскій, тогда Кіевскій уѣздный, какъ я уже говорилъ, предводитель. Въ него втюрилась нѣжносердечная компаньонка жены моей Л. Р. Въ этихъ загородныхъ прогулкахъ она собирала букеты полевыхъ цвѣтовъ; замѣтивъ, что Ламбертъ Осиповичъ, какъ вѣжливый кавалеръ, помогалъ ей въ этой работѣ, она сушила и прятала полученные изъ рукъ его цвѣты и злаки, и по отъѣздѣ ея изъ Кіева съ тещей моей обратно въ Тарусу, найдена была подъ ея тюфякомъ, къ удивленію всѣхъ непосвященныхъ въ сердечныя ея тайны, цѣлая охапка изсохшаго сѣна.

Братъ мой пріѣзжалъ на короткое время изъ за границы въ Кіевъ одинъ. Это было послѣднее мое пребываніе съ нимъ на отечественной почвѣ. Въ Кіевѣ я ни въ какія распоряженія по домашнему хозяйству не вмѣшивался; ими мать моя вполнѣ завѣдывала, возложивъ покупку провизіи на камердинера моего Александра Пашкина, сдѣлавшагося потому столовымъ дворецкимъ, а мое лишь дѣло было въ уплатѣ матери причитавшейся на меня и мою жену части расходовъ за столъ, квартиру и содержаніе людей, изъ денегъ, отъ времени до времени высылаемыхъ мнѣ Леономъ изъ Москвы. У жены были теперь двѣ горничныя; старшая изъ нихъ, жена Александра Пашкина, была столь искусною портнихою, что всѣ бальныя женины платья были ея работы, и въ магазины ничего для этого не отдавалось. Мой Радзиковскій, коему тогда уже минуло 20 лѣтъ, ростомъ и шаловливыми привычками казался совершенно еще мальчикомъ, и мое баловство, ему по старой привычкѣ оказываемое, непріятно удивляло мою мать, непривыкшую къ таковымъ, напримѣръ, его выходкамъ, какъ дразнить до нельзя ея Итальянца Консиліо, бросая въ него землею и грязью,

когда онъ садился за каретой моей матери. Однажды въ театральномъ буфетѣ Радзиковскій началъ какую-то исторію, чуть ли не драку, за что его повели въ полицейскій домъ, и не будь короткія матери моей отношенія къ генералъ-губернатору, дѣло бы не совсѣмъ пріятно могло кончиться для него; между тѣмъ я смотрѣлъ на все это какъ на ребяческія проказы.

Мать моя назначила нашъ отъѣздъ за границу во второй половинѣ Августа, и извѣщенный мною о томъ Леонъ не замедлилъ явиться въ Кіевъ, чтобы насъ проводить. Я уже говорилъ, что, снабдивъ его полною по моимъ дѣламъ довѣренностію, я тѣмъ не менѣе ограничилъ его право кредитоваться цифрою 60 тысячъ р. асс., каковая гарантія казалась вполнѣ для меня успокоительною, и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточною для его оборотовъ и кредитныхъ фокусовъ. Послѣдствія не оправдали этой мнимой моей осторожности. Положимъ, что я былъ вѣтреникъ и мотъ, но остается непонятнымъ, какими способностями владѣлъ этотъ сумасбродный аферистъ, чтобы впослѣдствіи окончательно отуманить человѣка, столь трезваго сужденія, какимъ былъ И. А. Кавецкій, который почти успокоилъ мою мать, заранѣе и не безъ основанія предубѣжденную противъ Леона. Не поддался ему одинъ мой Радзиковскій, который во все время дѣятельности Леона, съ самаго начала до его паденія, не переставалъ громогласно честить его мошенникомъ; вмѣсто опытности было у него чутье, основанное на безпредѣльной преданности моимъ интересамъ.

Прибылъ Леонъ въ Кіевъ не одинъ, а въ сопровожденіи, весьма неумѣстномъ, Московской мѣщанки, нѣкой Александры Михайловны, составлявшей предметъ насмѣшекъ въ его Русско-еврейскомъ кружкѣ; потому что эта толстая и нерѣдко пьяная баба колотила его иногда не на шутку, бранила Жидомъ, а за нетрезвость и неприличное поведеніе на публичныхъ гуляньяхъ сиживала въ сибиркѣ на съѣзжей. Отъ пріѣзда въ Кіевъ этой интересной особы Леонъ естественно еще болѣе упалъ въ мнѣніи о немъ моей матери.

Я разсчелъ и отпустилъ Александра Пашкина и его жену. Радзиковскаго я было первоначально задумалъ взять съ собою за границу, но впослѣдствіи раздумалъ; онъ вмѣстѣ съ Леономъ проводилъ насъ до Бердичева или немного далѣе и, разставаясь съ этимъ вѣрнымъ слугою, почти что моимъ воспитанникомъ, я въ награжденіе далъ ему переводъ на домашнюю мою контору въ 1000 рублей асс. Ничтожный этотъ знакъ моей признательности и ходатайство мое о немъ предъ вліятельными Кіевскими лицами отыскать въ мѣстномъ депутатскомъ со-

браніи [1]) документы на его дворянское званіе, въ чемъ я и успѣлъ: вотъ все то немногое, сдѣланное мною въ его пользу, и за что онъ во сто кратъ отплатилъ мнѣ въ послѣдующія болѣе двадцать лѣтъ. Молодая горничная жены моей Настинька и Лариса Ростиславовна Голубицкая отправились назадъ, вмѣстѣ съ тещею моею, за нѣсколько дней до нашего отъѣзда изъ Кіева, а для сопровожденія жены за границу я заблаговременно выписалъ изъ Поршей Знаменскую дворовую дѣвушку Елену Шумаеву, болѣе степенныхъ лѣтъ, уже находившуюся при моей женѣ со времени ея дѣтства и остающуюся по сю пору неразлучною при ней. Когда я покончилъ съ Московскимъ Бибиковскимъ домомъ, эта дѣвушка, вмѣстѣ съ пожилою женщиною изъ Знаменской дворни, Маріею Васильевною, отправлена была мною съ обозомъ въ Поршни, гдѣ и оставалась. Эта Елена Андреевна выпянчила обоихъ моихъ дѣтей, и нынѣ, въ старости, представляетъ рѣдкій сохранившійся типъ прислуги стараго закала, сроднившейся съ радостями и печалями своихъ господъ какъ бы съ собственными. Когда передъ отъѣздомъ изъ Кіева я ходилъ для полученія напутственнаго благословенія преосвященнаго Владимира, то онъ мнѣ сказалъ: «Берегитесь, не заражайтесь въ Италіи Латинскимъ ученіемъ».—«Будьте покойны, владыко», отвѣчалъ я, «не заразился я въ дѣтствѣ и въ юношествѣ и съ Божіею помощіею не заражусь и впередъ; теперь же это труднѣе, чѣмъ прежде было. А Италія манитъ меня въ художественномъ только отношеніи.»

Тронулись мы изъ Кіева въ концѣ Августа чрезъ Бердичевъ, гдѣ смѣтливый Леонъ сразу снюхался съ тамошнимъ одноплеменнымъ ему банкиромъ Гальпериномъ, сохранившимъ всецѣло свой Польско-еврейскій костюмъ, съ пейсиками и въ ермолкѣ, при всемъ томъ что велъ обширныя банкирскія дѣла по всей Европѣ [2]). У него я взялъ чрезъ Леона переводъ на заграничную банкирскую контору, въ значительной довольно суммѣ. Ѣхали мы въ двухъ экипажахъ, какъ въ предыду-

---

[1]) Онъ уроженецъ мѣстечка Любаря, Кіевской или Житомирской губерніи. Въ то время производилась строгая по документамъ повѣрка по Югозападному краю всѣхъ называемыхъ себя шляхтичами, изъ коихъ не доказавшіе своего дворянскаго происхожденія перечислены въ однодворцы.

[2]) Старикъ Поннтовскій, а впослѣдствіи его сыновья искони вели большія дѣла съ этимъ Гальпериномъ. Въ началѣ 60-ыхъ годовъ, обороты сего банкира какъ-то запутались, чѣмъ воспользовались, какъ передано было мнѣ, завистники его той же коммерческой части, и по условной между ними стачкѣ они предъявили къ платежу въ его контору векселя, на сумму много значительнѣе, чѣмъ онъ былъ въ силѣ удовлетворить. Тогда онъ обратился къ помощи Августа Осиповича, который возможнымъ счелъ, вслѣдствіе собственныхъ своихъ съ нимъ разсчетовъ, поддержать его и открыть ему кредитъ много болѣе, помнится мнѣ, ста тысячъ р. сер.; но этимъ онъ не отстоялъ своего кліента, сдѣлавшагося несостоятельнымъ, а самъ лишился этихъ денегъ.

щемъ году изъ Тепловки въ Таганчу: мать моя съ Е. П. Леруа въ ея коляскѣ, а я съ женою въ нашей каретѣ, съ тою лишь разницею, что я пересѣлился на задніе козлы, такъ какъ въ интересномъ положеніи жены моей ей сподручнѣе было имѣть при себѣ свою горничную, а мнѣ свободнѣе было курить тамъ, чѣмъ сидя въ каретѣ. Этотъ порядокъ не измѣнялся во весь путь до Флоренціи.

Границу мы переѣхали не въ Радзивиловѣ, какъ водилось обыкновенно, а южнѣе, въ Волочискѣ, потому, помнится мнѣ, что увѣрили мою мать, что тамъ гг. таможенные чиновники были будто бы посноснсходительнѣе. Мы заѣхали по пути дня на два къ Кесарю Осиповичу Понятовскому, имѣніе коего было близъ самой границы, и черезъ Галицкій городъ Тарнополь направились на Львовъ, гдѣ провели нѣсколько дней. Отъ Бердичева, гдѣ я разстался съ Радзиковскимъ, мужской прислуги при насъ не было до Львова, гдѣ я нанялъ въ камердинеры Поляка, знавшаго порусски, который сопутствовалъ намъ до самой Флоренціи; онъ тѣмъ болѣе былъ намъ необходимъ, что говорилъ свободно понѣмецки, на языкѣ, которымъ ни жена моя, ни я не владѣли.

Кончаю настоящую главу дополненіемъ нѣсколькихъ, опущенныхъ мною подробностей, относящихся къ нашей Кіевской жизни. Я тамъ принялся было опять за пѣніе при Полякѣ-акомпаніаторѣ, и также написалъ музыку на прекрасныя строфы Баратынскаго.

„Не искушай меня безъ нужды,
Возвратомъ нѣжности твоей“, и проч.

и тамъ же напечаталъ этотъ романсъ. Хотя, сколько помнится мнѣ, въ снисходительныхъ глазахъ нѣкоторыхъ близкихъ мнѣ особъ романсъ мой встрѣченъ былъ полу-успѣхомъ; но, разбирая его впослѣдствіи, когда утихъ композиторскій мой пылъ, я убѣдился, что онъ никуда не годился, да и самое эффектное въ немъ мѣсто (allegro-agitato) было безъ зазрѣнія совѣсти цѣликомъ взято изъ нѣкой старинной и забытой Итальянской оперы.

Въ то время впервыя явилось во Французскихъ газетахъ описаніе удачныхъ опытовъ Дагера въ свѣтописаніи; но тогда содѣйствіе солнечныхъ лучей казалось условіемъ необходимымъ. Какъ почти единовременно съ этимъ, появилась въ той же печати статья, описывавшая какой-то вновь изобрѣтенный телескопъ такой силы, что ясно усматривались на лунѣ дикіе, обросшіе волосами люди: то мы всѣ съ гр. Олизаромъ, привезшимъ намъ эту газету, единогласно рѣшили, что все это журнальная утка.

(*Продолженіе будетъ.*)

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА.

IV [1]).

Отъ осени 1836 года по осень 1839 года.

Et moi je fus aussi pasteur de l'Arcadie!
(Delille).
„I am not what I am,—they haul changed me in my cradle".
(Irish bull).

Во Львовѣ мы нашли двухъ сестеръ стараго г. Понятовскаго, г-жу Сѣраковскую съ мужемъ и г-жу Кобыляцкую. Сложивъ вмѣстѣ года брата и обѣихъ сестеръ, получалась цифра итога, много превосходящая 200 лѣтъ, между тѣмъ какъ обѣ дамы были въ траурѣ по недавно скончавшейся ихъ матери, пани маршалковой, какъ ее всѣ тамъ называли. А г-жа Кобыляцкая тѣмъ болѣе еще грустила, что считала смерть своей родительницы якобы преждевременной, отъ огорченія, причиненнаго ей управлявшимъ ея дѣламп. Недоставало этой старухѣ дожить еще до одного поколѣнія (вещь возможная по лѣтамъ Матильды Осиповны Шимановской и даже невѣстки моей графини Авроры Осиповны, коей было тогда отъ роду 36 лѣтъ), чтобы можно было ей сказать, какъ одной дамѣ, о которой говоритъ г-жа де-Севиньи въ одномъ изъ своихъ писемъ: Ma fille, dites à votre fille, que la fille de sa fille pleure [2]).

Изъ Львова мы поѣхали въ Карлсбадъ, гдѣ мой братъ тогда находился со своимъ семействомъ и куда онъ часто ѣзжалъ лѣчиться отъ разстройства печени. Роскошная тамошняя растительность была во всей лѣтней своей свѣжести, хотя наступила уже осенняя пора года; густые лѣса, перемежающіеся съ площадками изумрудной зелени, разстилались по скатамъ горъ вплоть до ихъ макушекъ, а на площадкахъ виднѣлись опрятные одиночные домики съ садиками. Противъ нашихъ оконъ возвышалась одна изъ таковыхъ крутыхъ горъ, называемая Трехъ Крестовъ; на верхушкѣ ея Петръ I-й, если вѣрить преданію,

[1]) См. „Русскій Архивъ" сего года, выпускъ 8-й, стр. 601.

[2]) Дочь моя, скажи своей дочери, что дочь ея дочери плачетъ.

своеручно водрузилъ огромный деревянный крестъ, на деревѣ коего вырѣзалъ свое имя, годъ и число мѣсяца. Все это было ново для меня, не видавшаго дотолѣ гористой мѣстности иначе, какъ въ дикомъ состояніи, въ Балканахъ, въ Альпахъ и въ оголенныхъ до гребней Аппенинахъ. Въ сихъ послѣднихъ присутствіе осѣдлости и скудной культуры представляется лишь отрывками, и то въ небрежномъ и грязномъ видѣ, хотя съ артистической точки зрѣнія эта-то самая небрежность домашняго Итальянскаго быта и дѣлаетъ ее живописною *). Карлсбадскіе быстрые ручьи, текущіе въ уровень почти съ своими берегами и запруженные иногда въ чистеньскіе прудики, рознятся также съ Аппенинскими ручьями, каковые въ большинствѣ суть не что иное, какъ весенніе и осенніе протоки, русла коихъ обозначаются, въ лѣтнее сухое время, лишь сплошнымъ слоемъ мелкихъ камней. Итальяномаикамъ, каковыми были наши семейныя женщины, прискорбны были иногда таковые мои отзывы о прелестяхъ Германской природы въ ущербъ Итальянской. Добрѣйшій мой братъ былъ тамъ, какъ дома: оружейникъ Herr Schmidt, токарь Herr Wolf или шорникъ Herr Franz были все его знакомые и пріятели; но вѣдь заслужилъ онъ и благодарность отъ жителей. Вѣрный одной изъ главныхъ цѣлей безупречной жизни содѣйствовать благу ближняго, онъ, съ разрѣшенія мѣстныхъ властей, проложилъ черезъ горы и лѣса новую дорожку для кратчайшаго пѣшеходнаго сообщенія между Карлсбадомъ и однимъ селеніемъ за горами, жителямъ коего часто приходилось приносить свои продукты на Карлсбадскій рынокъ. И какъ его занимала планировка, имъ же составленная, этой дорожки! Кажется, что она названа была жителями Бутурлиновской.

Почти въ часовомъ разстояніи отъ Карлсбада, въ одной живописной долинѣ, возвышается надъ рѣчкою рядъ перпендикулярныхъ

*) Кстати замѣчу, что хотя принято называть иныя мѣста въ центральной Россіи гористыми, но въ строгомъ смыслѣ слова ни въ Великой, ни въ Малой Россіи нѣтъ горъ; потому что прежде чѣмъ подняться на такъ называемыя горы, мы первоначально спускаемся съ плоскости въ оврагъ, тогда какъ гора по географическому о ней понятію должна быть круто возвышающійся со всѣхъ сторонъ пирамидообразный, такъ сказать, наростъ, окруженный плоскою поверхностію. По этому опредѣленію, мнѣ кажется правильному, я не признаю горами даже возвышенностей одного берега на большихъ нашихъ рѣкахъ, какъ Волгѣ, Окѣ и Днѣпрѣ; потому что, когда взобраться на этотъ гористый берегъ, начинается безконечная плоскость, какъ въ Ярославлѣ, Костромѣ, въ Серпуховѣ и Каширѣ, въ Кіевѣ, и таковыя мѣстности правильнѣе было бы называть возвышенными плоскостями (plateaux élevés). Дудоровская гора близъ Петербурга дѣйствительно нѣчто въ родѣ отдѣльной горы; но что̀ касается до Валдайскихъ горъ, признаюсь, что въ неблаженное время по Московско-Петербургскому шоссе, я, какъ ни старался, никогда не могъ разглядѣть признаковъ этихъ горъ. Упомянувъ о возвышенныхъ берегахъ нашихъ большихъ рѣкъ, замѣтить стоитъ, что оба берега никогда не бываютъ возвышенными, а всегда попеременно, то правый, то лѣвый.

скалъ высокою стѣной, съ острыми конусами, похожими немного на головы и туловища статуй. Мѣсто это зовется *Гансъ-Гейлингенъ* (т. е. Св. Іоанна), и къ нему относится поэтическая легенда, что какая-то влюбленная чета, или въ тайнѣ обвѣнчанныхъ бѣглецовъ, настигнутыхъ погонею родителей на этомъ мѣстѣ, превращена была въ камень силою родительскаго или церковнаго проклятія. Насъ очень занимало въ Карлсбадѣ странное свойство гигіеническаго источника шпруделя: брошенный въ его воды колосъ оказывался послѣ однихъ или двухъ сутокъ весь покрытымъ, даже и съ остью, желтоватою окаменѣлою массою.

Отъѣздъ нашъ изъ Карлсбада былъ ускоренъ по случаю полученнаго извѣстія о смерти въ г. Кремонѣ князя Видони, мужа меньшой моей сестры Елены Дмитріевны. Компанія наша раздѣлилась на два поѣзда. Мать моя съ графинею Авророю Осиповною и ея двумя дочерьми, графинями Анною и Маріанною Петровнами, и съ Екатериною Ивановною Леруа отправились впередъ, не останавливаясь почевать нигдѣ. (Мать моя почти до своей кончины не знавала усталости въ дорогѣ). Такого ускореннаго путешествія я всегда старался избѣгать и потому весьма былъ радъ, что, по причинѣ беременности моей жены и малолѣтства двухъ моихъ племянниковъ, мы съ братомъ составили особенное отдѣленіе неспѣшнаго поѣзда въ двухъ экипажахъ съ ночлегами и всѣмъ возможнымъ комфортомъ. Меньшой изъ братниныхъ дѣтей, Джой (Англійская передѣлка имени Осипа), прелестный и много обѣщавшій ребенокъ, очень полюбилъ жену мою, и его пересаживали иногда въ карету къ ней. Проѣзжая чрезъ Баварію, мы остановились, гдѣ-то по дорогѣ, осмотрѣть какую-то замѣчательную церковь (Католическую), гдѣ были между прочимъ мощи—скелеты двухъ святыхъ, однимъ изъ коихъ былъ, помнится мнѣ, святой Викторъ; мощи эти стояли на ногахъ, въ какой-то странной позѣ, подъ большими стеклянными колпаками, что́ составляло одну изъ причудливостей, свойственныхъ Римской только церкви и не внушающихъ чувства благоговѣнія къ останкамъ Божіихъ угодниковъ. Зрѣлище это до того перепугало малютку Джоя, что онъ бросился къ женѣ моей съ словами: «Не правда ли, тётенька, что ты никогда не будешь святою?» (N'est ce pas, chère tante, que tu ne sera jamais sainte). Въ Мюнхенѣ, гдѣ мы провели два-три дня для отдыха дѣтей и моей жены, нашимъ посланникомъ былъ князь Григорій Ивановичъ Гагаринъ, отецъ нынѣшняго вице-президента Академіи художествъ, князя Григорія Григорьевича. Лишь только предъявленъ былъ ему мой паспортъ, выданный мнѣ изъ канцеляріи Кіевскаго генералъ-губернатора, для приложенія къ нему пе-

чати Мюнхенской нашей миссіи, какъ князь Гагаринъ воскликнулъ: «Ого, человѣкъ намъ знакомый (т. е. подпись и скрѣпа), Михайло Ивановичъ Топтыкинъ!» Видно, что такъ звали графа Александра Дмитріевича Гурьева, сверстника его.

Тогдашній путешественникъ, не запертый наглухо въ вагонѣ, разсѣкающемъ смрадныя облака стелющагося по обѣимъ сторонамъ дыма, не могъ бы, не будь онъ даже ни артистическаго, ни поэтическаго настроенія, не быть пораженнымъ зрѣлищемъ Альпійскаго переѣзда между Инспрукомъ и Трентомъ, такъ называемаго Бреннера, гдѣ въ теченіе одного дня онъ переносится изъ царства снѣговъ и растительности суроваго Сѣвера въ природу и культуру южнаго края. Выѣзжая, бывало, изъ Инспрука, климатъ коего можно причислить къ умѣреннымъ, утромъ на почтовыхъ, и постепенно подымаясь все выше и выше, путешественники видѣли, что растительность ограничивалась уже одною елью, сосною и березою, не переносящею теплаго климата низменныхъ долинъ по обоимъ Альпійскимъ скатамъ; ручьи, зачатки рѣкъ, выходящіе изъ ущелій, текли всѣ назадъ, то есть къ Сѣверу; въ полдень достигалась страна, гдѣ царила Русская вполнѣ зима, но не на долго, ибо вскорѣ затѣмъ начинался спускъ по противоположному Альпійскому скату, и ручьи начинали течь къ Югу. Исчезали одна за другою береза, ель, сосна, лиственница (mélèze), уступая мѣсто дубамъ, пирамидальнымъ тополямъ, тутовымъ и грецкихъ орѣховъ деревьямъ; потомъ показывались сладко-каштановыя и буковыя деревья съ площадками виноградныхъ лозъ, шпалерами. Еще часъ или полтора, и раскидывались предъ глазами панорамою Ломбардскія плодоносныя равнины, въ коихъ выглядывали, хотя въ нѣкоторомъ еще отдаленіи, мрачные конусы кипарисовъ и какъ бы сѣроватыя волны отъ сплошныхъ пепелистыхъ оливковыхъ деревьевъ. Къ обѣденному времени, къ 4-мъ часамъ пополудни, достигали до перваго Ломбардо-Венеціанскаго города Больдзано, понѣмецки Боцценъ.

Въ этомъ переѣздѣ, на южномъ, кажется, скатѣ Альпъ, виднѣлось съ боку селеніе по названію «Mezzotedesco» (т. е. полу-Нѣмецкое), раздѣленное пополамъ: сѣверная часть была Тирольская, а южная входила въ составъ Ломбардо-Венеціанскаго королевства, и хотя объ провинціи были еще тогда въ Австрійскихъ владѣніяхъ, но селеніе это ясно опредѣляло противоположныя свойства и домашній бытъ Германскаго и Итальянскаго племенъ. Дома верхней части селенія отличались уютностію и опрятностію, какъ и ихъ жители; эта часть называлась «Mezzotedesco и составляла яркій контрастъ съ нижнею частію «Mezzoitaliano», съ его грязными жилищами, единственное, но эффектное укра-

шеніе коихъ заключалось въ наружныхъ стѣнахъ, отчасти покрытыхъ стелющимися вѣтвями исполинскихъ виноградныхъ лозъ, съ висящими апетитными гроздами плодовъ изъ-за густой зелени листьевъ.

Въ Трентѣ я осматривалъ церковь, внутри коей засѣдалъ въ XVI-мъ столѣтіи знаменитый на Западѣ Тридентскій соборъ, признаваемый у Латинянъ вселенскимъ. Мнѣ показался не совсѣмъ умѣстнымъ выборъ храма для преній, въ пылу коихъ можно позабыть о святости мѣста, хотя впрочемъ и Флорентинскій соборъ, въ 1438 г. созванный, какъ извѣстно, для соединенія восточной съ западною церковью, засѣдалъ также въ Флорентинской каѳедральной церкви «Il duomo», иначе «Santa Maria dei fiori» (т. е. храмъ пресв. Дѣвы Маріи, что̀ въ цвѣтахъ).

Въ Веронѣ я и молодой Нѣмецъ г. Рейхенбергъ, дядька моихъ племянниковъ, отправились обозрѣвать археологическія мѣстныя достопамятности, въ числѣ которыхъ виднѣлись еще хорошо сохранившіеся фасады домовъ враждебныхъ межъ собою семействъ Монтекки и Капулетти, а въ одномъ саду показывали гробницу изъ цѣльнаго камня (стоявшую снаружи) съ просверленнымъ внизу узкимъ отверстіемъ для возможности дыханія, въ коей будто бы лежала Джіуліетта во время летаргическаго своего сна. Трудно провѣрить истину этого преданія; да и такъ называемая гробница сильно сбивается на каменное корыто, которое ставится обыкновенно передъ фонтаномъ для водопоя животнымъ *).

Сопутникъ мой, человѣкъ сентиментальнаго направленія, ухитрился, послѣ нелегкихъ усилій, отбить осколокъ мнимой гробницы злополучной невѣсты Ромео, тщательно завернулъ его въ бумажку, и когда позднѣе все наше семейство было въ сборѣ во Флоренціи, онъ съ таинственнымъ выраженіемъ въ лицѣ поднесъ эту эмблематическую драгоцѣнность наставницѣ моихъ племянницъ, Каролинѣ Сорелли, къ коей Нѣмецъ нашъ питалъ нѣжно-меланхолическое чувство, трудно имъ обуздываемое.

*) Замѣчу мимоходомъ, что на первоначальный Шекспировскій сюжетъ Ромео и Джіуліетты имѣются въ Итальянскомъ репертуарѣ три оперы. Первая изъ нихъ была написана въ концѣ прошлаго столѣтія, или, можетъ быть, въ первыхъ годахъ настоящаго, маестромъ Цингарелли; изъ нея осталась нынѣ незабытою одна лишь сопрановая арія (писанная для кастрата) „Ombra adorata aspetta," отъ коей наши матушки и бабушки впадали въ экзальтацію или въ обморокъ. Затѣмъ, въ 1825 или 1826 году, состязался на тотъ же сюжетъ полу-знаменитый композиторъ Вакаи, но опера его упала за исключеніемъ финальной аріи и дуэта „Ah se tu dormi, svegliati," вставленной неподражаемою въ свое время пѣвицею г-жею Малибранъ (сестрою г-жи Віардо) въ третью того же сюжета оперу съ переименованіемъ Монтекки и Капулетти, написанную въ началѣ 30-хъ годовъ рано умершимъ Беллини, ученикомъ Цингарелли.

Въ Кремонѣ мы нашли сестру мою Елену Дмитріевну, вполнѣ предавшуюся отчаянію. Много есть между нами обоими сходнаго: таже впечатлительность, таже способность принимать фикцію игриваго воображенія за истину, таже наклонность смѣшивать головную работу съ ощущеніями сердца. Горячая и любящая ея натура представляла ей прошедшее въ совершенно иномъ видѣ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности, а дѣйствительность выказывала, что она никогда не была влюблена въ мужа, годившагося ей по своимъ годамъ почти что въ отцы; она жила съ нимъ менѣе трехъ лѣтъ, и потому привязанность не успѣла превратиться въ привычку.

Религіозныя увѣщеванія матери нашей и невѣстки графини Авроры Осиповны не дѣйствовали на сестру. Въ помощь увѣщательницамъ присоединился почтенный нѣкій аббатъ, сестринъ духовникъ; но онъ вздумалъ убѣдить ее покориться волѣ Божіей неудачнымъ сопоставленіемъ ея скорби съ чувствами Пресвятой Богородицы при видѣ Божественнаго Сына, лежавшаго во гробѣ; но при этомъ сравненіи находчивая всегда сестра моя встрепенулась и отвѣчала аббату: «Конечно, Пресвятой Богородицѣ не трудно было утѣшиться, ибо она знала навѣрно, что Сынъ Ея воскреснетъ на третій день; а съ мужемъ моимъ этому конечно не бывать.» Увѣщевателю пришлось вѣроятно стать въ тупикъ отъ таковой неожиданной и неопровержимой логики.

Въ Кремонѣ квартировалъ съ своею бригадою Австрійскій генералъ баронъ д'Аспръ, ветеранъ Наполеоновскихъ войнъ, свѣтскій и весьма любезный господинъ, то что́ пофранцузски говорится «homme de bonne compagnie». Онъ проводилъ почти что всѣ вечера у моей сестры. У нея же часто бывали также командиръ Тирольскаго стрѣлковаго баталіона маіоръ баронъ Цабель, Баварецъ по отцу, Англичанинъ по матери, и гусарскій поручикъ или ротмистръ Генигштейнъ [1]). Эти господа приняли меня какъ военнаго своего товарища: моему полувоенному виду способствовали синяя со шнурками венгерка, любимый тогда мой костюмъ, на груди висѣвшіе Польскій крестъ «virtuti militari» [2]), медаль за Турецкую войну 1828—1829 гг. и мои усы. Гене-

[1]) Въ неудачной для Австрійскаго оружія Франко-итальянской кампаніи 1859 г., упомянутый баронъ Цабель командовалъ уже корпусомъ въ арміи недаровитаго главнокомандующаго Джіулая, и также какъ и его принципалъ, ни въ чемъ, кажется, не отличился. Во время послѣдней же, не болѣе удачной для Австрійцевъ, войны съ Пруссіею въ 1866 году я встрѣтилъ въ газетахъ имя генерала Генигштейна, начальника, кажется, штаба главнокомандующаго генерала Бенедека, попавшаго, какъ и его начальникъ, подъ военный судъ; но оба оправдались. Не знаю, этотъ ли Генйгштейнъ, котораго я зналъ въ Кремонѣ.

[2]) Не могу удержаться не упомянуть, что у нижнихъ чиновъ названіе „virtuti militari" переиначивалось въ „вертись около медали."

ралъ д'Аспръ устроилъ въ нашу честь непродолжительные манёвры изъ всѣхъ находившихся подъ его начальствомъ войскъ, и обязательно далъ мнѣ одну изъ своихъ верховыхъ лошадей, на которой я ему сопутствовалъ, могъ удобно полюбоваться разсыпнымъ строемъ Тирольскихъ стрѣлковъ, и какъ они, исчезая внезапно, подавались ползкомъ то впередъ, то назадъ, и при этихъ движеніяхъ пользовались всякимъ пригоркомъ и кустикомъ. Дамы наши слѣдили съ любопытствомъ за этими манёврами, разъѣзжая въ колескѣ. Въ другой разъ, по приглашенію г. Генигштейна, я ѣздилъ на одной изъ его верховыхъ лошадей смотрѣть гусарское эскадронное ученіе, крайне меня интересовавшее; но я нашелъ, что хотя иныя построенія были почти что одинаковыя съ нашими, однакоже исполненіе ихъ далеко отставало отъ нашего относительно отчетливости; а уже на счетъ выравнивашія фронта оно было, помнится мнѣ, таковымъ, что насъ, пожалуй, въ былыя времена, прогнали бы съ учебнаго поля. Въ тѣ давнопрошедшія времена выравниваніе въ кавалерійскомъ фронтѣ было почти тоже, что̀ тотъ неизобрѣтаемый (по изреченію будто бы великой княгини Елены Павловны) философскій камень пѣшей выправки и игры носка, за призракомъ коихъ тщетно гонялся покойный Михаилъ Павловичъ. Австрійскіе гусарскіе мундиры у нижнихъ чиновъ показались мнѣ довольно плохо пригнатыми; но все это сходило у нихъ съ рукъ безъ выговора. Шефомъ или поавстрійски владѣльцемъ (propriétaire) этого гусарскаго полка былъ (номинально) одинъ изъ многочисленныхъ князей Рейсовъ, дѣйствительнымъ же командиромъ полка былъ одинъ князь Лихтенштейнъ, находившійся тогда въ отлучкѣ. Изъ рядовыхъ было много Словаковъ; я услышалъ, къ немалому своему удивленію, Нѣмецкихъ гусарскихъ офицеровъ, разговаривавшихъ съ нижними чинами на Славянскомъ нарѣчіи, и я почти все понималъ.

Изящный въ манерахъ, маіоръ Цабель былъ неравнодушенъ къ моей сестрѣ и, спустя года два, когда она уже свыклась вполнѣ со вдовьимъ своимъ положеніемъ, показалось намъ во Флоренціи, что она была тронута постоянствомъ своего обожателя; но романъ ничѣмъ не кончился. Образчикомъ тугаго производства въ чины въ Австрійскомъ войскѣ былъ въ томъ же Тирольскомъ стрѣлковомъ баталіонѣ одинъ немолодыхъ уже лѣтъ офицеръ, въ чинѣ, кажется, поручика, участвовавшій (помнится мнѣ) въ кампаніяхъ 1813 и 1814 годовъ; о немъ говорили, что онъ былъ незаконорожденный сынъ князя Іосифа Понятовскаго.

Сдержанность обыденной семейной жизни, въ постоянномъ присутствіи моей матери, тяготила меня, ради чего я отправлялся послѣ

обѣда (всегда весьма поздняго) бродить по темнымъ Кремонскимъ улицамъ, забѣгалъ въ кофейные дома и, проглотивъ на перехватъ нѣсколько рюмокъ ликера, уходилъ на отведенную намъ половину во 2-мъ этажѣ, и тамъ передъ пылающимъ каминомъ и съ сигарою въ зубахъ, заставлялъ нашу Еленушку пускаться въ разсказы о годовомъ ея пребываніи въ моихъ Порзняхъ и о тамошнихъ жителяхъ, предметъ мнѣ любимый и неисчерпаемый.

Спальня наша, въ парадномъ отдѣленіи втораго этажа, была вся обтянута краснымъ штофомъ, каковой же матеріи (vieux damas) были также стулья и занавѣсы оконъ и широкой нашей кровати, съ вызолоченнымъ балдахиномъ, какъ часто встрѣчается въ старинныхъ домахъ Итальянской аристократіи; мебель была рококо и частью позолочена, и вся эта роскошь представляла собою хорошо сохранившееся убранство во вкусѣ прошлаго столѣтія. Парадная гостинная и кабинетъ, примыкающіе къ спальнѣ, остававшіеся тогда безъ употребленія и запертыми, были убраны тою же матеріею и въ томъ же вкусѣ, такъ что, при усиленномъ немного воображеніи, можно было какъ бы ожидать появленія напудренныхъ красавицъ, въ фижмахъ и мушкахъ, и ихъ вздыхателей, въ шитыхъ камзолахъ и кафтанахъ, въ чулкахъ и башмакахъ со шпагою на боку. Накурившись и наболтавшись съ Еленушкою до сыта, я заходилъ не надолго къ нашимъ дамамъ внизъ. Въ теченіе дня вдвоемъ подъ руку мы обходили съ женою весь этотъ непространный городъ, такъ какъ пѣшій моціонъ былъ для нея необходимымъ. Мы оба нехотя оставили Россію; въ ней чувство это было естественно по причинѣ разлуки съ матерью и потому, что очутилась она на чужбинѣ; послѣднее чувство раздѣлялъ и я: хотя я примкнулъ къ моему семейству, но оно было совершенно итальянизировано и иновѣрнаго исповѣданія. Потому мы оба какъ бы переброшены были въ міръ рѣзко рознившійся со всѣми нашими привычками и оттого сблизились въ супружеской нашей жизни, какъ никогда еще дотолѣ. Это было по истинѣ не повтореніе, а запоздалое проявленіе медоваго мѣсяца новобрачныхъ послѣ двухлѣтней женитьбы; интимному этому сближенію трудно было ощущаться въ Кіевѣ, гдѣ мы не выходили почти изъ вихря шумной общественной жизни. Къ утреннему чаю все наше семейство сходилось внизу, а послѣ моей съ женою прогулки мы оба уходили въ нашу спальню, гдѣ я садился рисовать канвовый узоръ на клѣтчатой бумагѣ для нея, а она читала мнѣ вслухъ (о какъ ясно я все это помню!) только что вышедшую поэму Ламартина «Joceliu.» Подобныя отрадныя минуты повторялись во Флоренціи, но чаще еще въ Ливорнѣ, гдѣ въ 1839 году мы провели лѣто совершенно одни

съ дорогою нашею двухлѣтнею тогда Анетиною. Но этими минутами я не умѣлъ тогда дорожить.

У сестры моей Елены Дмитріевны была одна только дочь, по третьему тогда году, нынѣ замужемъ за Венеціанскимъ графомъ Томазомъ (Ѳома) Соррандзо-Мочениго, одинъ изъ предковъ коего былъ дожемъ *). Настоящее ея имя Каролина, но въ семействѣ звали и зовутъ ее по сю пору Лили. Князь Видони оставилъ дочери большое номинально состояніе, но обремененное долгами, уплаченными, впрочемъ, во время опеки малолѣтней княжны, племянницы моей. Сестра моя, съ увлеченіемъ ей свойственнымъ, предалась всецѣло воспитанію дочери безъ посторонней помощи, своими исключительно силами и научными средствами, и успѣла въ томъ вполнѣ. Однимъ изъ опекуновъ малолѣтней Лили былъ родственникъ ея отца, мѣстный землевладѣлецъ графъ Францискъ Албертони; по флегмѣ характера онъ скорѣе походилъ на Нѣмца, нежели на Итальянца и придерживался между прочимъ принципа, что когда жена его или кто иной попроситъ его о чемъ-нибудь, то онъ отвѣчалъ всегда отказомъ, на томъ-де основаніи, что, имѣвъ досугъ размыслить какъ слѣдуетъ о просимомъ, онъ всегда успѣетъ дать согласіе, тогда какъ если согласится съ перваго слова, уже трудно-де будетъ обратиться на попятный дворъ. Жена его, графиня Амалія, была очень милая и образованная особа, въ тѣсной дружбѣ съ моей сестрою.

По первому извѣщенію о кончинѣ князя Видони поспѣшили прибыть изъ Флоренціи, до нашего пріѣзда въ Кремону, старшая моя сестра Марія Дмитріевна Дини и бывшая воспитательница сестры моей Елены, Англичанка миссъ Кларкъ, уже тогда замужемъ за Французомъ г. Флёларомъ, когда-то библіотекаремъ у моего отца въ Флоренціи послѣ Француза г. Аллѐ. При г-жѣ Флёларъ была старшая ея 6-ти лѣтняя дочь Анна (имя данное въ честь нашей матери), но г-жа Флеларъ и сестра моя Дини оставили на попеченіе мужа послѣдней, во Флорентинской подгородной его виллѣ, своихъ двухъ малютокъ-дочерей, и случилось такъ, что въ отсутствіи ихъ матерей обѣ онѣ заболѣли и умерли, отравленныя небрежностію повара, отъ окисленія дурно вылуженной мѣдной посуды. Скорбь сестры моей отъ потери

*) Графъ Соррандзо, еще весьма молодымъ, былъ адъютантомъ у умершаго вышѣ герцога Генуезскаго, брата короля Виктора Эмануила, во время краткаго изгнанія Австрійцевъ изъ Ломбардіи въ 1848 г. при королѣ Карлѣ Альбертѣ, и потому по возвращеніи Австрійцевъ находился въ неловкомъ отношеніи къ мѣстному правительству, хотя преслѣдованій ему никакихъ не было. Человѣкъ онъ трезваго весьма сужденія, не увлекающійся ни въ какія политическія крайности.

единственной дочери (хотя у ней оставалось три сына) усиливалась отъ столь несчастнаго случая, постигшаго чужаго ребенка въ ея собственномъ домѣ. Съ того времени все семейство Флёларовъ осталось на щедромъ иждивеніи сестры моей Елены, что́ было въ ея привычкахъ; но поговорка, что «щедрая рука не оскудѣваетъ,» не совсѣмъ оправдалась относительно ея, и подъ конецъ она совершенно разстроила свое лично (но не дочернее) состояніе неразсчетливостью въ жизни и награжденіями окружавшихъ ее лицъ. Признательный г. Флёларъ началъ съ того же времени добросовѣстно и усердно заниматься личными (но не по опекѣ) дѣлами моей сестры и неутомимо, но тщетно проповѣдывалъ объ экономіи въ ея бюджетѣ.

У умершаго князя Видони былъ родной дядя, кардиналъ Видони, ничѣмъ кажется незамѣчательный кромѣ своею тучностію, проживавшій въ своемъ палаццѣ въ Римѣ. Мать князя Видони была изъ полувладѣтельнаго Австрійскаго дома князей Кёвенгюллеровъ и, какъ таковая, имѣла честь быть помѣщенною въ Готскомъ алманахѣ. Она пережила чуть ли не двадцатью годами своего сына и въ глубокой старости сохраняла умственныя способность, физическую рѣдкую силу, и держалась выпрямившись какъ стрѣла; характера была настойчиваго, склонна къ эгоизму и не долюбливала ни одного изъ двоихъ своихъ сыновей (изъ нихъ графъ Бартоло Видони, старый холостякъ, живъ о сю пору), ни дочери своей, незамужней княжны Изабеллы. Жила она безвыѣздно лѣтомъ и зимою въ замкѣ князей Видони, Санъ-Джіованни, около двухъ часовъ разстоянія отъ Кремоны, предоставленномъ въ ея пожизненное владѣніе, и гдѣ она своеручно копалась въ саду и занималась плантаціями, но скупилась и рѣдко принимала гостей, и такъ достигла почти до ста лѣтъ. Она довольно холодно обращалась съ малолѣтнею внучкою Лили, которую сестра моя считала обязанностію привозить иногда къ своей свекрови; старуха сѣтовала на то, что ребенокъ этотъ былъ не мужскаго пола, вслѣдствіе чего сестра моя ограничивалась одной или двумя поѣздками туда въ годъ. Дочь ея Изабелла, дѣвица уже не первой тогда молодости, была почти что идіотка отъ рожденія, но узнавала поименно своихъ семейныхъ. Она отдѣлена была еще при своемъ отцѣ, но находилась подъ опекою, жила особымъ домомъ въ Кремонѣ, почти что никогда не видалась съ матерью, и при ней неотлучно находилась компаньонка въ родѣ няньки, которую она любила и слушалась. Сохранились однакоже у ней религіозныя понятія, и она любила говорить окружавшимъ ее лицамъ поученія. Это она звала «far la predica», постояннымъ, но единственнымъ, кажется, ея занятіемъ было прясть ленъ на самопрялкѣ, и когда

ей отпускался для этой работы новый льняной пучекъ, она торжественно заявляла о томъ всѣмъ своимъ знакомымъ.

Я уже говорилъ, что наставницею при дочеряхъ моего брата была молодая Каролина Сорелли, воспитанная вмѣстѣ съ сестрой моей Еленою Дмитріевной и сдѣлавшаяся какъ бы дочерью моей матери. Встрѣча моя послѣ десятилѣтней разлуки съ подругою моего отрочества была какъ свиданіе брата съ сестрою, и мы бросились въ объятія другъ другу. Хотя въ Кремонѣ братъ мой пробылъ съ своимъ семействомъ не болѣе одного мѣсяца, племянницы мои принялись однако снова за учебныя свои занятія съ Каролиною, и меня забавляло входить къ нимъ въ классное время и придумывать разныя шутки, чтобы имъ мѣшать заниматься; но скоро строгая исполнительница наставническихъ своихъ обязанностей просила меня прекратить эти посѣщенія въ классное время, потому что младшая моя племянница, Маріанна, принимала шуточныя мои выходки насчетъ наукъ за чистую монету. Вотъ въ чемъ было дѣло. Однажды по поводу урока изъ астрономіи я принялся было серьезнымъ тономъ доказывать этой, особенно любимой мною, дѣвочкѣ, что астрономія ничто иное какъ чушь, потому что никто не можетъ вымѣрить воздушное разстояніе отъ земли до планетъ тѣми же вѣрными способами, коими измѣряются разстоянія на морѣ и на сушѣ, что вся наука основана на однихъ гипотезахъ, и что Каролина преподаетъ эту науку по обязанности и для одной только формы, какъ входящую въ курсъ ея собственнаго ученія. Доводы мои показались настолько удовлетворительными 10-ти лѣтней дѣвочкѣ, что при первомъ слѣдующемъ урокѣ она сказала наставницѣ своей: «А вѣдь что ты думаешь! Дядя Мишель правъ; ну какъ ты докажешь мнѣ, что разстояніе отъ насъ до солнца дѣйствительно измѣрено и что измѣреніе вѣрно?»

Старшей моей племянницѣ, графинѣ Аннѣ Петровнѣ, было тогда 13 лѣтъ; она отличалась серіознымъ умомъ и любовью къ занятіямъ, и уже въ то время проявлялась въ ней религіозная наклонность, доведшая ее впослѣдствіи, послѣ долгаго испытанія, до монашескихъ обѣтовъ ордена «le sacré coeur de Jésus». Маріанна же имѣла что-то особенно-привлекательное въ своей наивной довѣрчивости ко всѣмъ ее окружавшимъ и ко всему, что бы ни было сказано ей, хотя бы въ шутку. Это была одна изъ тѣхъ нѣжныхъ, любящихъ всю вселенную, не исключая животныхъ, натуръ, готовыхъ на всякое самопожертвованіе и потому легко обреченныхъ на несчастіе, отъ котораго, однакоже, Всемудрый Промыслъ избавилъ ее призывомъ къ Себѣ во цвѣтѣ ея лѣтъ. Уже въ раннемъ своемъ дѣтствѣ она была до того впечатлитель-

на, что, разсказывая сама себѣ какую-нибудь, сю же импровизированную исторію съ горестными приключеніями, она бывало расчувствуется и начнетъ плакать. Собою она представляла типъ настоящей Русской, свѣжей деревенской дѣвушки съ бѣлокурыми волосами, свѣтло лазуревыми глазами, бѣлая и румяная во всю щеку, съ немного широковатымъ носомъ и пухлыми губками, открытымъ лбомъ и полноватаго тѣлосложенія. Она была контрастомъ со старшею своею сестрой, у которой темные глаза (не заимствованные ею ни у отца, ни у матери), обликъ, волоса̀ и оттѣнокъ кожи напоминали дѣвушку южныхъ болѣе, чѣмъ сѣверныхъ странъ. Вся преданная понынѣ дѣлу воспитанія юношества (одна изъ главныхъ цѣлей ордена, куда она поступила), она тѣмъ не менѣе сохранила природную веселость характера, душевную теплоту и привязанность ко всѣмъ намъ, ея свѣтскимъ роднымъ, и благоговѣетъ по сю пору передъ своею матерью. Она отрицаетъ всякую иную свою національность кромѣ Русской, хотя, конечно, не знаетъ ни одного слова порусски, и если бы возможно было согласовать взгляды Римскаго католичества съ событіями, совершающимися въ нашемъ отечествѣ, то она была бы горячею Русскою патріоткою [1]). Какъ надежный членъ своего ордена, она была посылаема иногда ревизовать учебныя заведенія того ордена, раскинутыя въ Австріи и во Франціи, но центръ и главная дирекція ихъ всегда въ Римѣ [2]).

Послѣ почти четырехнедѣльнаго пребыванія всѣхъ членовъ нашего семейства въ Кремонѣ, общество наше мало-по-малу стало рѣдѣть. Первыми тронулись братъ мой съ семействомъ на зиму во Флоренцію, а такъ какъ были холерные случаи въ сѣверной Италіи, то учрежденъ былъ санитарный кордонъ на границѣ Церковной Области, не доѣзжая Болоньи, гдѣ братъ съ семействомъ выдержали двухнедѣльный, если даже и не болѣе, карантинъ. Собрались вскорѣ въ путь жена и я, такъ какъ дальнѣйшее замедленіе въ Кремонѣ сдѣлало бы переѣздъ до Флоренціи тяготительнымъ для жены, по случаю ея беременности; но, для избѣжанія карантинной задержки по почтовому тракту чрезъ Болонью, мы отправились медленною ѣздою на каретныхъ лошадяхъ матери моей, прибывшихъ въ Кремону, съ ея толстымъ кучс-

[1]) Графиня Анна Петровна поступила въ монахини въ 1848 или 1849 году. Года два или три спустя поступила также туда сестра ея графиня Маріанна Петровна и умерла, кажется, чахоткою, въ 1850 году.

[2]) Безсмысленно, по моему, гоненіе, которому подвергся этотъ педагогическій отчасти орденъ со стороны правительства новаго Итальянскаго королевства при завладѣніи имъ восточными частями церковныхъ областей въ 1859 году. Преслѣдованіе это основано на ненависти къ клерикальному элементу и на томъ-де, что Іезуиты имѣютъ вліяніе на сказанный женскій орденъ.

ромъ Піетро, чрезъ Парму, Модену и Реджіо, а оттуда прямикомъ по малопроѣзжей непочтовой, хотя шоссейной дорогѣ, чрезъ Аппенинскія горы и съ нихъ спустились въ первый Тосканскій городъ Пистоію [1]). Въ Пармѣ, гдѣ мы провели почти сутки для отдыха жены, я, проходя по главной городской площади, увидалъ карету Пармской тогдашней герцогини Маріи-Луизы, выѣзжавшей изъ своего дворца, поспѣшилъ навстрѣчу экипажа въ надеждѣ разсмотрѣть вблизи вдову Наполеона I-го, но попалъ на ту сторону, гдѣ сидѣла у окна ея штатсъ-дама. Вторымъ ея мужемъ былъ Австрійскій генералъ Нейпергъ, по смерти коего она вышла замужъ за своего камергера графа де-Бомбелли, брата бывшаго въ 20-хъ годахъ Австрійскимъ посланникомъ при Тосканскомъ дворѣ; онъ, при разговорѣ о ней, называлъ ее «mon illustre belle-soeur». Противъ обвиненія, что этими браками она роняла свое достоинство, защитники ея возражали, что она никогда не любила своего вѣнценоснаго супруга; но если это и правда, всетаки слѣдовало бы ей дорожить славою его имени.

По административному, санитарному распоряженію властей крошечнаго Моденскаго герцогства, чемоданы и важи нашей кареты не подвергались вскрытію и окуркѣ внутреннихъ вещей; но ихъ только запечатали съ приложеніемъ пломбъ, и одинъ экипажъ окурили снаружи, послѣ каковой операціи наклеили на кузовъ и на чемоданы надписи съ курьезною редакціею «purgato di fuori, sporce di dentro», т. е. очищено снаружи, пакостно внутри, и отпустили насъ съ миромъ, взявъ съ насъ ничтожную, помнится мнѣ, контрибуцію. Я уже говорилъ, что съ Аппенинскаго спуска въѣзжаешь тотчасъ въ Тосканскій городъ Пистоію, но не досказалъ, что онъ извѣстенъ въ древней исторіи тѣмъ, что Римскій заговорщикъ Катилина, послѣ пораженія своихъ сообщниковъ, былъ тамъ убитъ, и одна изъ улицъ сохранила по сю пору названіе могилы Катилины (tomba di Catelina); но слѣдовъ ея, кажется, не имѣется.

Приближаясь къ Флоренціи и затѣмъ къ родительскому крову въ улицѣ «via dei Servi» [2]), изъ коего я десять ровно лѣтъ предъ тѣмъ выѣхалъ какъ будто бы искателемъ приключеній на чужбину, оставивъ тамъ отца моего въ живыхъ, я былъ сильно взволнованъ. Жена

---

[1]) Немногимъ, чай, извѣстно, что *пистолеты* названъ этимъ именемъ по той причинѣ, что былъ первоначально изобрѣтенъ въ городѣ Пистоіѣ, славившемся въ среднихъ вѣкахъ своими оружейными заводами.

[2]) „Servi", по итальянски значитъ слуги, отъ имени монастыря ордена „Servi di Santa Maria" (слуги Святой Маріи) при церкви „Santissima Annunziata" (Святое Благовѣщеніе), на площадь коей выходитъ улица, гдѣ стоитъ нашъ палаццо.

моя не могла въ томъ мнѣ сочувствовать, ибо она вступила въ незнакомую ей семью, Русскую лишь номинально. Помнится мнѣ, что въ «Семейной Хроникѣ» С. Т. Аксакова имѣется гдѣ-то удачный весьма отчетъ того, что̀ ощущалъ молодой Багровъ въ разные періоды его жизни, когда онъ подъѣзжалъ къ родной усадьбѣ, гдѣ протекло раннее его дѣтство, и какъ эти ощущенія, столь отрадныя во время молодости, постепенно стали измѣняться и впослѣдствіи при его старости приняли мрачно-болѣзненный оттѣнокъ. Это-то самое психическое разстройство ощущалъ и я не въ 1836 году, а въ послѣднюю мою поѣздку во Флоренцію въ 1862 году, съ тою скорбною для меня разницею, что въ свѣтской обстановкѣ устарѣлаго автобіографа Багрова не произошло никакой особенной перемѣны въ сравненіи съ его молодостью, а я, давъ въ житейскую нищету, осиротѣлый душою и временно одинокій, возвращался въ родительскій домъ, гдѣ въ послѣднюю мою передъ тѣмъ бытность я жилъ съ молодымъ своимъ семействомъ самостоятельною жизнію, въ роскоши, при блестящихъ свѣтскихъ условіяхъ и имѣя предъ собою улыбающуюся будущность. Все это кружилось въ моей головѣ по мѣрѣ моего приближенія къ Флорентинскому нашему палаццо въ сказанный 1862 годъ, и я сталъ какъ бы недоумѣвать, не сномъ ли была прежняя моя тамъ съ женою жизнь, или не галлюцинаціею ли было мое послѣднее туда возвращеніе? Я теперь понимаю, какъ тяжело, не отупѣвъ морально, «se survivre à soi-même» *). Но ничего подобнаго не было въ 1836 году: тогда горизонтъ мой, изъ-подъ призмы волшебницы, называемой молодостію, ничего не предвѣщалъ страшнаго. Были, конечно, тучки въ образѣ запутанныхъ денежныхъ моихъ обстоятельствъ, но онѣ улетучивались въ надеждѣ на *авось*.

Подъѣзжая къ крыльцу нашего палаццо, мы повстрѣчались съ выходившимъ изъ него на улицу г. Слоаномъ, съ которымъ я не видался со времени грубой моей съ нимъ выходки три года передъ тѣмъ въ моемъ домѣ въ Порзняхъ. Я спустился съ заднихъ козелъ (мое обычное мѣсто въ дорогѣ), мы обнялись, и онъ шепотомъ мнѣ на ухо и съ видимымъ чувствомъ попросилъ, чтобы всѣ предыдущія межъ нами неудовольствія преданы были забвенію; но я долженъ сознаться, что примиреніе не было полнымъ съ моей стороны, а изъ словъ его я усматривалъ какъ будто бы самопризнаніе, что въ одномъ щекотливомъ случаѣ онъ не былъ правъ противъ меня.

Вдвоемъ съ женою мы заняли огромный нашъ домъ (со включеніемъ, впрочемъ, г. Слоана, имѣвшаго двѣ комнаты въ нижнемъ этажѣ)

*) Пережить самого себя.

и помѣстились въ приготовленіомъ для насъ отдѣльномъ апартаментѣ въ 3-мъ этажѣ. Добраться до него было не совсѣмъ легко, по 80 почти ступенямъ, и потому я устроилъ носилки, на которыхъ самъ, съ помощію одного изъ домашнихъ слугъ, переносилъ мою жену въ наши комнаты. Братъ мой съ семействомъ до нашего пріѣзда поселился въ палаццо Джерини (Gerini) въ сосѣдней намъ улицѣ «Кокомеро», съ окнами, выходившими въ садъ нашего палаццо, и къ нему мы ежедневно отправлялись обѣдать до возвращенія матери моей во Флоренцію, съ коей съ того времени мы держали столъ на общій нашъ счетъ. Выѣзды жены ограничивались прогулками въ Кашины, но мы чаще ходили съ нею пѣшкомъ по городу. Весь вечеръ она проводила у невѣстки моей гр. Авроры Осиповны, и я отправлялся одинъ въ оперу и былъ пріятно пораженъ музыкальною революціею, совершенною молодыми композиторами Беллини, Донидзетти и братьями Риччи, отбросившими окончательно методъ руладъ и фіоритуръ (agilité de voix) Россиніевскаго стиля, бывшаго въ полной модѣ, когда десять лѣтъ предъ тѣмъ я жилъ въ Италіи. Оперы новаго репертуара тогда въ славѣ были Анна Болена, Паризина, Лукреція Борджіа, Эликсиръ д'аморе и только что поставленная на Парижской и Болонской сценахъ Марино-Фаліеро, всѣ Донидзетти, и Норма, Соннамбула, Пуритане, Беатриче ди Тенда, Монтекки и Капулетти, недавно предъ тѣмъ умершаго Беллини; остальныя двѣ его же оперы, Страніера и Пиратъ, рѣдко уже давались. Недостатокъ выработки Беллиніева таланта особенно замѣтенъ въ этихъ двухъ послѣднихъ операхъ (въ первыхъ его произведеніяхъ): онѣ хотя переполнены мелодіею, но грѣшатъ слабостію инструментаціи и отсутствіемъ энергіи и «morceaux d'ensemble», то есть терцетовъ (trio), квартетовъ и эффектныхъ финаловъ. Спеціальность Беллини состояла въ гармоніи мотивовъ (поитальянски cantinela), но недоставало ему одушевленія. Одинъ изъ двухъ братьевъ Риччи сразу стяжалъ популярность буффовою своею оперою Скарамуччія. Были, впрочемъ, попытки въ родѣ музыкальной реакціи со стороны одного композитора Коппола, желавшаго возвратиться къ стилю до-Россиніевской эпохи, т. е. къ Паізіеллю, Чимарозѣ или Цингарелли, для чего воскресилъ онъ забытый сюжетъ «Нины или сумасшедшей отъ любви», сочин. Паізіелля, которая, въ концѣ прошлаго вѣка, имѣла всеобщій Европейскій успѣхъ; но нововведеніе на старый ладъ не удалось, хотя тотъ же Коппола поставилъ на сцену вторую свою оперу «La festa della rosa» (Празднество розы). Итальянская публика удивительно какъ чутка ко всѣмъ оттѣнкамъ и недостаткамъ опернаго вокальнаго исполненія, и не стѣсняясь громко высказываетъ свое одобреніе или свои возраженія при первыхъ представленіяхъ новой какой-нибудь оперы, и по-

тому она лучшая школа для дебютантовъ, пѣвцовъ и пѣвицъ и даже для композиторовъ.

На главномъ театрѣ Пергола шли въ тотъ осенній сезонъ двѣ оперы: «Il furioso» (Донидзетти) и «Эдуардъ Стуартъ въ Шотландіи,» забытаго нынѣ композитора Коччи» [1]).

Чтобы освѣжить, такъ сказать, запущенность моего метода пѣнія, я отыскалъ прежняго своего учителя Маніелли [2]); но на все есть свое время, и я вскорѣ убѣдился, что престарѣлый мой маестро, когда-то въ большой славѣ, уже не годился для современной школы пѣнія, требующей болѣе драматической энергіи, чѣмъ патетичности,—направленіе, котораго онъ не одобрялъ, и потому я скоро съ нимъ разстался и съ тѣхъ поръ довольствовался однимъ слушаніемъ и подражаніемъ славящихся тогда басовъ-баритоновъ Козелли, Варезе и въ особенности Ронкони, подражая послѣднему даже въ его крикахъ, и тѣмъ, можетъ быть, подорвалъ свои высокія грудныя ноты, и тѣмъ болѣе, что при малѣйшей возможности я силился на теноровыя партиціи, сѣтуя на свою натуру, что я не настоящій теноръ.

Завлекшись музыкальнымъ отчетомъ, не сказалъ я въ своемъ мѣстѣ, что, почти по пріѣздѣ въ Флоренцію, я поспѣшилъ въ Ливорно, поклониться праху моего отца. Могила его, не то чтобы была забытою прочими членами моего семейства, по по невѣротерпимости Латинянъ, называющихъ насъ схизматиками, сирѣчь, раскольниками, мѣсто, гдѣ погребенъ мой отецъ, для нихъ считается запретнымъ, какъ находящееся внутри зданія иновѣрческаго для нихъ храма [3]). При Ливорнской Греческой церкви не было уже священника Іоахима Валламонте, удаленнаго по какому-то неудовольствію па него прихожанъ, и самого его въ то время не было въ Ливорнѣ. Когда же, вскорѣ послѣ сего, онъ возвратился изъ своей родины (Іоническихъ острововъ), то его уже не опредѣлили па прежнее его мѣсто.

По пріѣздѣ во Флоренцію я отпустилъ своего камердинера Поляка, взятаго во Львовѣ, и напялъ Флорентинца Габріелло, который

---

[1]) По скучнѣйшему принятому правилу, въ Итальянскій оперный сезонъ входятъ всего только двѣ и въ рѣдкихъ весьма случаяхъ три оперы.

[2]) Напоминаю, что этотъ г. Маніелли формировалъ даровитую нашу Московскую диллетантку Екатерину Александровну Соймонову. Имя этого маэстра помѣщено въ числѣ композиторовъ церковной музыки во Французскомъ біографическомъ лексиконѣ музыкантовъ, Фетиса.

[3]) Я уже упомянулъ гдѣ-то прежде о переданномъ мнѣ Александромъ Адріановичемъ Диковымъ, что когда въ бытность его въ Американскомъ іезуитскомъ коллегіумѣ, получено было имъ извѣстіе о кончинѣ его отца, патеры эти запретили ему молиться объ упокоеніи души его родителя.

для меня былъ свой, такъ сказать, человѣкъ, потому что еще мальчикомъ находился подъ рукою у нашего буфетчика въ первые годы семейнаго нашего переѣзда во Флоренцію и, обращаясь въ то время въ кругу Русской прислуги, имѣлъ притязаніе, совершенно впрочемъ ошибочное, болтать по-русски.

Однообразная наша жизнь начинала меня тяготить, и отъ нечего дѣлать я отправлялся послѣ обѣда бродить по улицамъ, безъ всякой особенной цѣли, и заходилъ въ магазины купить какую нибудь бездѣлушку женѣ, также въ свою очередь скучавшей этою жизнію....

Такъ какъ пускаться въ мѣстное, новое общество безъ жены мнѣ не хотѣлось, то я довольствовался возобновленіемъ знакомства съ поселившимся тамъ давно Григоріемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ и его женою, Француженкою, о коей было уже говорено, и съ временно проживавшей во Флоренціи княгинею Маріею Аркадьевною Голицыною, урожденной княжной Суворовой, въ салонѣ коей я видѣлъ скульпторку дѣвицу де-Фовб (изъ ярыхъ Французскихъ аристократическихъ легитимистокъ) и знаменитаго историка Сисмонди *); но и у Орловыхъ, и у княгини Голицыной, я весьма рѣдко бывалъ. Съ Анатоліемъ Николаевичемъ Демидовымъ, проживавшимъ тогда въ пышной загородной своей виллѣ Санъ-Донато, я не искалъ, не знаю почему, возобновить отроческое мое знакомство, хотя съ того времени я однажды встрѣтился съ нимъ въ 1830 году въ Петербургѣ на пасхальной заутренѣ въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ онъ, какъ камеръ-юнкеръ, участвовалъ въ церемоніалѣ царскаго выхода; со мною онъ обошелся тогда весьма дружелюбно и напомнилъ мнѣ о юношеской нашей шалости въ 1819 или 1820 году, когда по моему наущенію мы запрягли лошадь въ прекрасную дѣтскую коляску, имъ только что подаренную моей меньшей сестрѣ; съ лошадью мы не умѣли справиться, она понесла и разбила въ дребезги коляску, отъ чего мнѣ порядочно досталось отъ моего отца.

Сопровождалъ я разъ г. Слоана на балъ хорошаго его знакомаго, зажиточнаго Американца г. Томсена, поселившагося лѣтомъ и

*) Княгиня М. А. Голицына въ то время или немного позднѣе предалась, какъ слышно было, особому мистицизму, кончившемуся будто-бы переходомъ въ протестантство. Изъ Италіи она переѣхала на жительство въ Швейцарію.—Въ упомянутомъ историкѣ Сисмонди Итальянскаго была одна его фамилія, самъ же былъ онъ Швейцарецъ и написалъ извѣстную свою „Исторію Итальянскихъ средневѣковыхъ республикъ“ по-французски.

зимою на загородной виллѣ маркиза Пуччи *), каковая мѣстность была знакома мнѣ съ дѣтства по близости съ виллою Гонди, которую занимали мы лѣтомъ 1818 года. На балѣ у г. Томсена я познакомился съ даровитымъ молодымъ Итальянскимъ живописцемъ Карломъ Ливерати, рано для искусства похищеннымъ скоротечною чахоткою.

Мать моя, съ неразлучною при ней Екатериною Ивановною Леруа, возвратилась во Флоренцію въ началѣ Января. Вскорѣ потомъ пріѣхала туда же сестра моя Елена Дмитріевна съ дочерью Лили. Жизнь наша шла тѣмъ же почти монотоннымъ порядкомъ, какъ и прежде до конца Февраля, когда приблизилось время родовъ моей жены. Всѣ подробности и почти что минуты кануна и самаго дня 24 Февраля (по заграничному 8 Марта) для меня и для жены знаменательнаго, развиваются и понынѣ въ памяти моей, какъ будто бы дѣло шло о вчерашнемъ днѣ. Ни годы, ни рядъ испытаній не изгладили свѣжести дѣйствительности, и чрезъ 17 лѣтній пробѣлъ эра 28 Февраля 1837 года сливается съ другою, потрясшею обоихъ насъ 26 Марта 1854 г. въ Рязани, неожиданностію катастрофы, когда обожаемой нашей Анетины не стало.

Прерываю разсказъ, чтобы переждать волненіе, овладѣвающее всегда мною при этомъ воспоминаніи, и перехожу къ свѣтскому положенію обѣихъ старшихъ моихъ сестеръ, о которомъ говорилось лишь вскользь.

Обѣ сестры мои, вышедшія замужъ при жизни отца, получили въ приданое около 300 тысячъ рублей ассигнац. (85 тысячъ рублей серебр.) наличными деньгами каждая, для чего заложены были въ Россіи, чрезъ посредство Өед. Александр. Голубцова, имѣнія нашего отца: капиталъ весьма въ то время значительный повсюду, а еще болѣе въ Италіи, гдѣ дворянство, въ имѣніяхъ коего не имѣлось маіоратства, находилось въ самомъ жалкомъ состояніи. Къ несчастію, брачные договоры сестеръ моихъ (contrats de mariage) основаны были на мѣстныхъ обычаяхъ, по коимъ одно изъ условій договора опредѣляетъ, что вносимое женою денежное приданое поступаетъ въ общій составъ мужниnаго состоянія (mariage en communauté de biens), хотя въ иныхъ, помнится мнѣ, случаяхъ женинъ капиталъ приданаго обезпечивается (hypothèque) мужниным недвижимымъ имуществомъ. Мужъ старшей моей сестры, г. Джіованни Дини-Кастелли, владѣлъ, обще съ двумя своими братьями Петромъ и Александромъ, номинально состояніемъ, но

*) Мужъ Паолины Ненчини, уѣхавшей отъ него и впослѣдствіи вышедшей за мужъ за г. Хитрова.

обремененнымъ значительными долгами, а раздѣла между собою они не учинили ни тогда, ни впослѣдствіи. Зять мой надѣялся женинными деньгами выплатить всѣ долги, не прибѣгая къ продажѣ имѣній, коихъ было три, и сверхъ того большаго дома во Флоренціи, но не достигъ своей цѣли. Разсудительнѣе и справедливѣе, конечно, было бы отдѣлиться ему отъ своихъ братьевъ и приданое жены употребить на приходившуюся ему часть изъ общаго имѣнія; на это онъ не рѣшился изъ состраданія, можетъ быть, къ братьямъ, коимъ было бы весьма затруднительно вывернуться безъ этого способа, сверхъ чего онъ могъ принять въ соображеніе, что по бездѣтству обоихъ своихъ братьевъ (хотя Піетро Дини былъ женатъ) все родительское имѣніе имѣло, рано или поздно, возвратиться къ его, Джіованновымъ, дѣтямъ. Онъ былъ честный и отличный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, хорошій мужъ, почтительный къ нашимъ родителямъ и весьма родственный въ его обращеніи съ нами всѣми. Онъ съ увлеченіемъ болѣе, кажется, чѣмъ съ знаніемъ предался сельскому своему хозяйству, а въ денежныхъ оборотахъ, безъ коихъ трудно бы ему вести это дѣло, былъ, по видимому, весьма не свѣдущъ. Тогда (въ концѣ 1836 года) у сестры моей было три сына: Дино 9 лѣтъ, Августинъ 7 или 8 лѣтъ, и Джуліо около 5 или 6 лѣтъ; позднѣе, въ 1837 году, родился послѣдній, Піетро. У зятя моего Джіованни Дини было, какъ я уже говорилъ, два брата; самъ онъ былъ средній изъ нихъ и 10 или 11-ми годами моложе брата своего Піетро Дини, коего я молодымъ не знавалъ, ибо когда я былъ мальчикомъ 12 или 13 лѣтъ, онъ уже былъ «un ci-devant jeune homme», особенно изящно одѣвался (таковыхъ модниковъ звали тогда Англійскимъ прозвищемъ «дэнди»), съ перетянутою въ рюмку таліею и туго накрахмаленнымъ галстухомъ, въ которомъ утопалъ по тогдашней модѣ подбородокъ почти что до ушей. Заискивалъ онъ интимности у Англійскихъ и Русскихъ туристовъ, былъ первымъ и, пожалуй, наилучшимъ танцоромъ мазурки, танца весьма еще мало тогда въ ходу (говорю о началѣ 20-хъ годовъ) за границей. Онъ принадлежалъ къ числу Флорентинскихъ англомановъ, виднымъ представителемъ коихъ былъ пожилой уже маркизъ Торреджіани, получившій отъ уличнаго люда саркастическое прозвище «Inglesi scapati di Peretola» (Англичане-бѣглецы изъ подгороднаго Флоренціи селенія Перетолы). Благодаря своему космополитизму, г. Піетро Дини натерся лоскомъ высшаго иностраннаго общества и тѣмъ отличался отъ своихъ соотечественниковъ, людей вообще отсталыхъ, удовлетворительно весьма говорилъ по-французски, вещь необщая всѣмъ тогдашнимъ Флорентинцамъ; словомъ, былъ «*un homme très comme il faut*» высшаго круга, но заниматься чѣмъ нибудь

серіознымъ не было въ его натурѣ [1]). Зять мой Джіованни былъ плотный, здоровый и выше обыкновеннаго роста мужчина, но немного неуклюжевать и сбивался на *фармера* [2]), съ молодости за элегантствомъ не гнался и за барынями не ухаживалъ, но былъ меломаномъ и за плюху (кажется) данную имъ когда-то въ театрѣ одному господину, по поводу спора о достоинствѣ пѣвицы Лауренціани, просидѣлъ въ полиціи. Меньшой его братъ Алессандро былъ старый холостякъ и бирюкъ, и изрѣдка только показывался въ домѣ моихъ родителей, тогда какъ старшій Піетро былъ у насъ свой человѣкъ, и съ сестрами моими и со мною на ты. Всѣ трое нигдѣ не служили, такъ какъ весьма мало вообще лицъ изъ Флорентинской аристократіи находилось на службѣ, что́ однако не мѣшало Піетру Дини имѣть доступъ къ великогерцогскому двору, во время осенняго обычнаго пребыванія двора на виллѣ Поджіо-а-Каіано, гдѣ онъ гостилъ по нѣсколько дней [3]).

Однажды во время *вилледжіатуры* [4]) великогерцогскаго двора, случилось, что г. Піетро Дини сдѣлалъ открытіе, что изъ всего его гардероба одна лѣтняя пара штановъ какъ-то особенно хорошо сидѣла на немъ, коей онъ и далъ предпочтеніе для придворныхъ вечеровъ, и потому то и дѣло что отсылалъ ее для стирки во Флоренцію къ моей сестрѣ (такъ какъ хозяйствомъ всего дома завѣдывала она), къ немалому ея удивленію и отчасти затрудненію. По семейнымъ разсказамъ, отецъ троихъ Дини насильственно будто бы женилъ своего сына г. Піетро еще несовершеннолѣтнимъ на крестьянской дѣвушкѣ (contadina), изъ которой вышла однакоже весьма почтенная женщина (въ 1825 и 1826 г. я засталъ ее еще въ живыхъ), но по воспитанію своему она не могла быть въ обществѣ, въ коемъ вращался ея мужъ, который поэтому велъ жизнь холостяка; дѣтей у нихъ никогда не было. Старая г-жа Дини умерла около того времени, какъ сынъ ея Джіованни женился на моей сестрѣ, т. е. между 1824 и 1825 годами; а какъ я въ

---

[1]) Г. Піетро Дини умеръ не такъ давно совершенно ослѣпшимъ. Странно, что три лица, съ коими связаны были раннія мои воспоминанія, а именно тетка моя графиня Марія Артемьевна Воронцова, г. Милліарини и г. Піетро Дини, всѣмъ, коимъ было круглымъ счетомъ въ 1863 г. по 85 лѣтъ каждому, какъ будто-бы выжидали повидаться еще разъ со мною и умерли въ одно приблизительно время послѣ моего оттуда отъѣзда.

[2]) А не *фермера*, какъ принято нашею литературою, потому что прототипное Англійское слово „farmer", произносится „фармеръ".

[3]) Императоръ Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна посѣтили эту виллу и записали свои имена на одной изъ дворцовыхъ стѣнъ, или въ павильонѣ. Разстояніе Поджіо-а-Каіано отъ Флоренціи около 15 верстъ.

[4]) „Villedgiatura" значитъ пребываніе на дачѣ; сезонъ этотъ продолжается обыкновенно до половины Ноября.

то время находился въ Одессѣ съ г. Слоаномъ, то никогда ея не видалъ.

Мужъ второй моей сестры граф. Елисаветы Дмитріевны, маркизъ Клавдій де-Сейссель д'Эксъ (marquis de Seyssel d'Aix en Savoie), носившій одно время титулъ маркиза Соммаривы, отъ мѣстности, гдѣ находился семейный его замокъ Соммарива-дель-Боско, былъ первоначально (какъ о томъ уже сказано) адъютантомъ и любимцемъ Кариньянскаго принца, впослѣдствіи короля Карла Альберта. Во время смутъ въ сѣверной Италіи въ 1821 году, маркизъ Клавдій, вѣрный долгу и чести, дрался съ однимъ своимъ эскадрономъ съ возставшею чернью въ Генуѣ и тѣмъ далъ отпоръ революціонному движенію до прибытія подкрѣпленій; но подвигъ былъ купленъ истребленіемъ почти всего эскадрона храбрецовъ, и самъ маркизъ былъ весь изувѣченъ [1]). По восшествіи на престолъ двуличнаго Карла-Альберта [2]), зять мой былъ произведенъ въ генералъ-маіоры (général de camp), а много позднѣе, въ Итальяно-австрійскую войну 1849 года, удержалъ съ своею кавалерійскою бригадою натискъ Австрійской арміи подъ Піяченцою и тѣмъ далъ время Піемонтской арміи отступить въ порядкѣ; но, примкнувъ въ Миланѣ къ разбитому фельдмаршаломъ Радецкимъ Карлу-Альберту (прозванному своими сторонниками «шпагою Италіи», la Spada d'Italia), онъ вмѣсто должной ему благодарности за услугу встрѣтилъ холодный пріемъ и даже чуть-ли не выговоръ, что̀ заставило его оставить службу. Изъ себя онъ былъ высокій и видный, и не будь лице его испещрено слѣдами оспы, то былъ бы почти красавцемъ; сердца былъ незлобнаго, но характеромъ вспыльчивъ до бѣшенства, не укротившагося годами. Раздражительность эта поддерживалась употребленіемъ спиритуозныхъ напитковъ, и бѣдная и кротчайшаго нрава сестра моя много перенесла отъ него; наконецъ, дѣло дошло до того, что его же родные, весьма любившіе мою сестру, убѣдили ее бѣжать изъ дому съ меньшою дочерью Алиною къ нашей матери, тогда находившейся въ Римѣ. Это произошло въ началѣ 50-хъ годовъ, и съ тѣхъ поръ сестра моя не встрѣчалась болѣе съ своимъ мужемъ до его кончины, происшедшей въ 1861 или въ началѣ 1862 года. Двоюродными его братьями были два брата маркизы Ламармора, одинъ изъ коихъ (кажется Альфонсъ) былъ военнымъ министромъ въ послѣднюю

[1]) Онъ получилъ, поминится мнѣ, семь ранъ отъ огнестрѣльнаго и холоднаго оружія. Воинственная его наружность выказывала его чѣмъ онъ былъ: неустрашимый рубака и отличный кавалеристъ.

[2]) Таковымъ по крайней мѣрѣ звали его современники тѣхъ событій, потому что, сочувствуя сначала заговору либеральной революціонерной партіи, онъ позднѣе выдалъ своихъ единомышленниковъ.

войну 1866 г. Итальянцевъ съ Австрійцами. Но когда маркизъ Клавдій былъ въ духѣ и ничѣмъ не встревоженъ, то являлся забавнымъ разсказчикомъ и дома у себя любезнымъ и гостепріимнымъ хозяиномъ. Онъ разсказывалъ объ одной близкой ему родственницѣ, горбатой дѣвицѣ (фамилію ея я забылъ), захотѣвшей во что бы ни стало выйти замужъ, и когда мать ея представляла ей, что по сложенію своему она можетъ умереть въ родахъ, дочь отвѣчала, что предпочитаетъ умереть мученицею, нежели дѣвственницею («j'aime mieux mourir martyre, que vierge»). Частою темою для остротъ маркиза Клавдія служило религіозное направленіе матери моей, графини Авроры Осиповны и его жены; брата моего онъ звалъ «le commis voyageur», по поводу частыхъ его, дѣйствительно, странствованій, и изъ всего нашего семейства болѣе прочихъ онъ любилъ меня, потому-де что я повѣса и гуляка (parce que c'est un mauvais sujet). Внесенное приданое моею сестрой казалось долго обезпеченнымъ; но, ко всеобщему удивленію, дѣла по смерти ея мужа оказались въ ужасномъ разстройствѣ, и изъ ея денегъ ничего почти не осталось. У маркиза Клавдія былъ большой собственный домъ въ Туринѣ, замокъ (уцѣлѣвшій понынѣ) Соммарива-дель-Боско, разстояніемъ часахъ въ двухъ отъ Турина, и почти что прилегающее къ землямъ сказаннаго замка значительное имѣніе Кераско, въ Альпійскихъ горахъ, а въ Савойской провинціи замокъ д'Эксъ, нынѣ проданный *). У него были два брата, умершіе холостыми прежде него; ихъ я не зналъ.

О меньшой моей сестрѣ, княгинѣ Видони, я уже говорилъ. Весьма странно, что изъ огромнаго состоянія нашего отца у пятерыхъ его дѣтей ничего почти не осталось: ибо касательно брата моего графа Петра Дмитріевича, изъ вырученныхъ капиталовъ за выходъ на волю крестьянъ слободы Бутурлиновки, чуть ли не половинная часть пропала отъ неудачныхъ помѣщеній денегъ, какъ повѣреннымъ его Иваномъ Антоновичемъ Кавецкимъ, такъ, кажется, и самимъ братомъ моимъ въ Италіи. И этой прискорбной случайности коренная, хотя косвенная, причина лежитъ въ католицизмѣ. Не будь сестры мои католички, онѣ вышли бы за Русскихъ и владѣли бы своими придаными, на основаніи нашихъ законовъ; и не обратись братъ мой въ католицизмъ, не было бы ему повода эмигрировать, а какъ онъ былъ человѣкъ расчетливый и хорошій сельскій хозяинъ, то состояніе его, пожалуй, даже бы и умножилось.

*) Старинный домъ въ имѣніи Кераско имѣлъ историческое значеніе, потому что въ одной изъ его залъ былъ подписанъ въ 1631 году мирный договоръ между Французскимъ королемъ Людовикомъ XIII и Савойскимъ герцогомъ Амедеемъ.

Возвращаюсь къ Флорентинской жизни въ началѣ 1837 года. Приходо-расходною частію по дому моей матери, выдачею жалованья служившимъ при ней людямъ и прочимъ, завѣдывалъ, со временъ моего отца, *маестро-ди-каза* г. Дженовини, преемникъ по мѣсту віолончелиста Пуччини, бывшій долго конторщикомъ или бухгалтеромъ во Флорентинскомъ банкирскомъ домѣ гг. Борри и комп., чрезъ коего получались изъ Россіи всѣ деньги съ самаго переѣзда нашего семейства въ 1817 году во Флоренцію. Годовой приходъ при жизни нашего отца простирался приблизительно до 300 тыс. франковъ, иногда быть можетъ нѣсколько болѣе, и потому всѣ семейные наши разсчеты съ сказанными банкирами возлагались на г. Дженовини, человѣка, представлявшаго олицетворенную честность. Въ послѣднее десятилѣтіе жизни моего отца, г. Дженовини не пропускалъ являться къ нему каждый вечеръ, безъ всякаго особеннаго дѣла, и просиживалъ возлѣ него неподвижно и не открывая рта, безсознательно вперивъ глаза (одинъ изъ коихъ былъ съ бѣльмомъ) на игравшихъ въ вистъ, къ чему отецъ нашъ пристрастился во Флоренціи, тогда какъ въ Россіи онъ никогда не игрывалъ; но не менѣе того, нашъ господинъ, маестро-ди-каза, никогда, повидимому, не могъ достигнуть до пониманія этой игры, къ общей досадѣ, потому что можно было бы превратить его въ партнёра нашему отцу, въ случаѣ нужды. Онъ былъ глубоко преданъ всему нашему семейству, безцеремонно говорилъ нашимъ дамамъ «cara mia» (изреченіе по-итальянски крайне фамильярное) и чуть ли не до самой кончины матери моей завѣдывалъ ея домомъ и Флорентинскими ея дѣлами *).

Со времени возвращенія моей матери изъ Кремоны во Флоренцію, я платилъ въ общій расходъ мою съ женою часть и на содержаніе двухъ находившихся при ней женщинъ (второю была ея горничная молодая Флорентинка Джертруда, такъ какъ Аленушка готовилась въ няньки будущему нашему ребенку). Этотъ нашъ расходъ простирался, помнится мнѣ, до 130 скудовъ въ мѣсяцъ (около 200 рублей); сюда входили столъ, отопленіе, освѣщеніе нашего апартамента (изъ четырехъ комнатъ), утренній и вечерній чай и сахаръ; кромѣ того, мы пользовались каретою моей матери, рѣдко весьма выѣзжавшей. Она ежедневно вставала въ 6 часовъ, отправлялась пѣшкомъ въ ближнюю къ палаццо церковь «Санъ-Микеллино» и, пробывъ тамъ раннюю читанную (не пѣтую) обѣдню, «messe basse», приходила домой, и всѣ мы собирались къ 9 часамъ къ семейному чаю, который она сама разли-

*) Въ 1863 г. онъ еще былъ живъ, но въ умалишенномъ состояніи и не вставалъ почти съ постели.

вала при Русскомъ самоварѣ: вещь отъ насъ перешедшая въ употребленіе ко многимъ во Флоренціи, тогда какъ до того времени употреблялись для того металическія лишь урны со спиртовою конфоркою снизу [1]).

Я уже говорилъ, что братъ мой жилъ съ семействомъ отдѣльнымъ отъ насъ домомъ. Невѣстка моя (графиня Аврора Осиповна) вывезла съ собою изъ нашего юго-западнаго края двухъ горничныхъ; не то, чтобы были онѣ настоящія Польки, а скорѣе, думается мнѣ, дворовыя хохлачки тамошнихъ Польскихъ помѣщиковъ, а можетъ быть изъ самой Таганчи, взятыя съ малолѣтства въ домъ, и потому ополячепныя и обращенныя въ католицизмъ. Объ одной изъ нихъ я утвердительно почти могу сказать, что она была первоначально православною. Когда наша Алена Андреева сблизилась съ ними, то онѣ не преминули попытать прозелитировать свою полуземлячку, и забавною весьма выходила обличительная религіозная контроверсія съ обѣихъ сторонъ. Католички выставляли упрекомъ, что мы не признаемъ папы, тогда какъ онъ по преемству отъ св. Петра есть глава христіанской церкви, противъ чего доморощенная наша богословка возражала, что «у васъ, дескать, причащаются облаткою, ксензы брѣютъ бороды, умершихъ выносятъ хоронить головою впередъ (значитъ, задомъ), а главное, что собаки пускаются въ ваши храмы [2]); вы-молъ творите крестное знаменіе съ лѣва на право», и прочія обрядовыя подобныя разницы. Но пуще всего пришла въ азартъ наша Аленушка, когда Итальянская прачка въ спорѣ съ нею за неисправную доставку бѣлья изъ стирки сказала, что она утверждаетъ сказанное ею, какъ истинная христіанка, а что Алёнушка не христіанка, а схизматичка, выраженіе совершенно новое и непонятное для нашей дворовой дѣвушки [3]). Это даетъ мѣрило, какъ на насъ смотрятъ тамошніе простолюдины изъ набожныхъ.

---

[1]) Въ послѣднюю бытность мою въ Венеціи, въ Февралѣ 1863 года, я крайне удивился, увидѣвъ въ одной кофейнѣ гигантскаго размѣра Русскій самоваръ на прилавкѣ; его весьма правильно называли „samovar".

[2]) Кромѣ какъ въ Италіи, не думаю, чтобы подобное безобразіе было допускаемо въ какихъ либо иныхъ католическихъ странахъ.

[3]) Мать моя цѣнила и отличала нашу Аленушку за ея уходъ, какъ няньку за нашей Анетиной, и Аленушка воспользовалась этимъ впослѣдствіи, чтобы выпросить у моей матери благодѣяніе: выкупить на волю двухъ ея незамужнихъ сестеръ, Дуняшу и Юлію, бывшихъ приписанными къ Вологодскому имѣнію Нарышкиныхъ, которое шуринъ мой Алексѣй Ивановичъ продалъ въ 40-ыхъ годахъ г. Брянчанинову. Этимъ сердобольная моя мать сдѣлала доброе несомнѣнно дѣло, но и горячее попеченіе нашей дворовой дѣвушки о ея родныхъ дѣлаетъ ей честь. Когда же упомянутая Дуняша возвращена была къ намъ въ Знаменское, вотъ что сказала ей наша Аленушка: „За то что я тебя выкупила, ты служи какъ слѣдуетъ моей Аннѣ Михайловнѣ", т. е. нашей дочери, которой было тогда 16 или 17 лѣтъ и при коей Дуняша осталась горничной до смерти ея. Елена столь же усердно выходила и моего сына и нынѣ живетъ у насъ на пенсіи.

Братъ мой держалъ пару каретныхъ своего Бутурлиновскаго завода лошадей, при коихъ кучеромъ былъ дворовый оттуда человѣкъ, Лаврентій, отпѣтый дуракъ, но малый смирный и непьющій. Запряжка была Англійская съ мунштуками и кони съ подрѣзанными хвостами, а кучеръ выбритый и въ ливреѣ съ галунами. Принялись постепенно и за его вѣроисповѣданіе, выучили (кажется) Итальянской грамотѣ и мало по малу перетащили (какими убѣжденіями, не понимаю) въ латинство. Впослѣдствіи, графиня Аврора Осиповна, сама какъ-то обративъ при мнѣ разговоръ на этотъ предметъ, замѣтила, что Лаврентія нельзя было до того времени считать христіаниномъ, гдѣ бы то ни было, потому что онъ принадлежалъ къ сектѣ, отвергающей таинство крещенія (можетъ быть, молоканской или хлыстовщинѣ). Немыслимо было бы требовать, чтобы Римскіе католики увѣщевали Русскаго раскольника возвратиться въ лоно православной церкви, и потому я согласенъ, что лучше уже Русскому человѣку вступить въ Римскую церковь, признаваемую нами апостольскою *), чѣмъ оставаться въ расколѣ, отвергающемъ таинства христіанской церкви. Ничего другаго о немъ не знаю, и что̀ стало съ нимъ впослѣдствіи, не вѣдаю.

Приступаю къ разсказу о всемъ случившемся 28 Февраля стараго стиля. Вечеромъ, наканунѣ того дня, жена рѣшилась послѣ долгихъ колебаній выдернуть себѣ зубъ, мучившій ее нѣсколько дней; операція эта была быстро и удачно исполнена искуснымъ зубнымъ врачемъ г. Кампаною, и она легла спать, не ощущая ничего особеннаго. Предъ разсвѣтомъ начались у нея настоящія боли, но съ перерывами; таковыя временныя были уже у нея и наканунѣ. Аленушка поспѣшила разбудить меня, а я, по предварительному съ графинею Авророю Осиповною условію, отправился разбудить ее; она не замедлила прибыть къ намъ, гдѣ уже была у насъ наготовѣ акушерка Санти, и часа черезъ два все благополучно кончилось. Все это время я стоялъ въ сосѣдней комнатѣ, проходя въ торопяхъ чрезъ которую Аленушка сказала мнѣ мимоходомъ: «молитесь, уже начинается», и вскорѣ послѣ я услыхалъ первый крикъ моей Анны. Я побѣжалъ въ комнату родильницы, и она первая пожелала обнять меня; съ разрѣшенія авторитетныхъ распорядительницъ, невѣстки моей и акушерки, я подошелъ къ женѣ и крѣпко было обнялъ ее; но невѣстка моя тотчасъ же заявила, что довольно, и я бросился внизъ разбудить мою мать (которую намѣренно не хотѣли безпокоить) столь счастливою вѣстью. Она встала

*) Это мнѣ изустно подтвердилъ покойный митрополитъ Филаретъ въ 1865 году. „Не смотря на всѣ ея (Римской церкви) отступленія и неправильности, сказалъ онъ, она все таки апостольская“.

и попросила меня отправиться въ сосѣднюю намъ церковь Санъ-Микеллино (т. е. Малаго Св. Михаила) и тамъ распорядиться, чтобы зажгли свѣчи на престолѣ, воздвигнутомъ во имя недавно обрѣтенныхъ мощей св. мученицы Филомены и тутъ же находившіяся. Признавая заступничество о насъ угодниковъ Божіихъ, причисленныхъ къ лику святыхъ западною церковью до ея отдѣленія отъ нашей, а изъ таковыхъ, я полагаю, что была св. мученица Филомена, имя коей обозначаетъ Греческое ея происхожденіе [1]), я охотно исполнилъ набожное желаніе матери моей [2]).

И какою роскошною внѣшнею обстановкою окружена была колыбель нашей Анночки! Изъ оконъ нашего 3-го этажа глаза разбѣгались по макушкамъ исполинскихъ камелій, доходившихъ до 2-го этажа, и густая зелень коихъ исчезала подъ массою цвѣтовъ всѣхъ колеровъ и оттѣнковъ. Камеліи сидѣли въ этомъ маленькомъ садикѣ (кромѣ котораго былъ еще другой, большой) густыми куртинами и шпалерами вдоль четырехъ стѣнъ, а въ серединѣ квадрата не переставалъ журчать днемъ и ночью фонтанъ, переливая излишнюю воду изъ переполненнаго верхняго бѣлаго мрамора бассейна въ нижній бассейнъ [3]). За этимъ нашимъ садикомъ виднѣлись квадратные, обнесенные стѣнами, садики сосѣднихъ домовладѣльцевъ, съ деревьями горькихъ померанцевъ, съ золотистыми ихъ въ то время года плодами, а въ небольшой отдаленности и чрезъ крыши сосѣднихъ четырехъэтажныхъ палаццовъ, возвышался величественный куполъ Флорентинской соборной церкви

---

[1]) Въ точномъ переводѣ имени Санъ-Микеллино (которое есть фамильярное сокращеніе имени Микеле, т. е. Михаилъ) оно выходитъ „Мишенька“, и потому имя той церкви выходитъ Св. Мишенька, а не что было бы у насъ „Малаго Святаго Михаила“. Тоже самое и о другой Флорентинской церкви „Санто-Амброджино“, имя коей есть сокращеніе отъ Амброджіа (Амвросій), и потому здѣсь также выходитъ „Св. Амвросиньки, а не Малаго Святаго Амвросія“; но въ Италіи никто не пораженъ этою неумѣстностію.

[2]) Конечно слѣдуетъ быть болѣе осторожнымъ и разборчивымъ относительно святыхъ Римской церкви позднѣйшей эпохи, особливо при встрѣчѣ съ подобными Іосафату Кунцевичу, гонителю православія, канонизированному нынѣшнимъ папою Піемъ IX. Вспомнилъ я теперь о странномъ мнѣніи нѣкоторыхъ изъ семейныхъ нашихъ прозелитокъ, продолжающихъ (вѣроятно по привычкѣ) чествовать Св. Димитрія Ростовскаго, на томъ-де основаніи, что онъ будто бы былъ *Уніятскимъ святителемъ*. И вотъ справедливость Французскаго изреченія „qu'on croit aisément à ce que l'on voudrait qui fût vrai“. Сами вѣрующіе въ этотъ церковный анахронизмъ ничего мнѣ о томъ не говорили, но оно передано было мнѣ третьимъ, вѣрнымъ лицомъ. Они клонятся также къ признанію Лже-Димитрія за настоящаго, также можетъ быть подъ вліяніемъ покровительства, оказаннаго ему іезуитами.

[3]) Отецъ нашъ былъ изъ первыхъ, заведшихъ культуру камелій во Флоренціи; вскорѣ явились подражатели, и въ серединѣ 30-хъ годовъ славились уже цѣлые сады камелій, графини Непчини (матери г-жи Хитровой) и князей Попятовскихъ (Флорентинской отрасли).

«il Duomo», единственный въ мірѣ соперникъ Микеланджелова купола Св. Петра въ Римѣ, сооруженный двумя вѣками позже Флорентинскимъ, обезсмертившимъ свое имя, архитекторомъ Брунелески, временъ Флорентинской республики до узурпаціи герцоговъ Медичи. Была тогда ранняя пора Итальянской весны; камеліи и рододендроны оканчивали свое цвѣтеніе, начинавшееся съ послѣднихъ чиселъ Ноября; за то миндальныя и прочія плодовитыя деревья съ косточками (теряющія листья зимою) покрывались, какъ бы снѣжными хлопьями, своими цвѣтами, а на ветхихъ городскихъ стѣнахъ пестрѣлся высокоствольный сине-лиловатый Флорентинскій ирисъ (iris florentina). Луга и газоны въ Кашинахъ усыпаны были головками розовыхъ, желтыхъ и лиловыхъ крокусовъ, выглядывавшими изъ земли безъ листьевъ и стебельковъ. Это была также пора скоропроходящаго разцвѣта крупныхъ махровыхъ фіалокъ того сильнѣйшаго аромата, какимъ одарены всѣ пахучія растенія на Югѣ *).

Возвращаюсь къ событію 28 Февраля. Весь домъ былъ на ногахъ, но переполошилась особенно добрѣйшая наша Екатерина Ивановна Леруа. «Ну такъ!» воскликнула она, «ускорили роды тѣмъ, что наканунѣ выдернули зубъ», какъ будто бы было что-нибудь общее между этими вещами; но при всѣхъ своихъ рѣдкихъ качествахъ Екатерина Ивановна была немного ворчуньею, и часто доставалось моей матери отъ нея, да и вообще она была немного склонна къ критикѣ многаго происходившаго въ семейной нашей сферѣ: «to find fault with wery thing». Опустилъ я также сказать, что когда наканунѣ появились у жены легкія первоначальныя схватки, то она, по совѣту матери моей, написала заранѣе конвертные адресы на имя своей матери для моихъ и прочихъ членовъ семейства писемъ, имѣвшихъ возвѣстить тещу мою о рожденіи ея внука или внучки, такъ какъ уже потомъ женѣ моей не дозволено было бы писать, но чтобы мать ея тѣмъ не менѣе успокоилась насчетъ состоянія здоровья своей дочери, видя ея почеркъ на конвертѣ. Женская предусмотрительность изумительна!

Узнавъ, что почтенный отецъ Іоахимъ возвратился съ Іоническихъ острововъ въ Ливорну, я поспѣшилъ вызвать его во Флоренцію для совершенія таинства крещенія нашей малютки; онъ не замедлилъ своимъ пріѣздомъ и взялъ съ собою святое мyро для мyропомазанія, по

*) Туберозы, напримѣръ, издаютъ тамъ такое сладко-одуряющее благоуханіе, что были смертные случаи отъ букета, оставленнаго на ночь въ спальнѣ при закрытыхъ окнахъ. Есть тамъ и деревья, подъ тѣнью коихъ небезопасно засыпать лѣтомъ: таковы лавровое обыкновенное дерево (laurus nobilis) и вишне-лавровое дерево, изъ листьевъ коего гонятъ извѣстныя капли.

не изъ тамошней Греческой церкви, къ коей онъ уже не былъ болѣе причисленъ, а имѣлъ его при себѣ, приватно, каковое обстоятельство надѣлало было намъ изрядную тревогу, какъ я разскажу о томъ далѣе. Рѣшено было назвать дочь нашу, въ честь матери моей, Анною; но должно быть, что кѣмъ-то изъ постороннихъ высказано было, что не мѣшало бы-де назвать ее и Елисаветою въ честь тещи моей, на каковое предложеніе отецъ Іоахимъ объяснилъ намъ, что не запрещается по канонамъ восточной церкви давать при крещеніи болѣе одного имени, вслѣдствіе чего при купели даны были, помнится мнѣ, оба имени; но какъ у насъ въ Россіи этого не водится, то жена и я никогда не признавали имени Елисаветы за нашей дочерью. Не скажу, чтобы я особенно желалъ рожденія сына, а не дочери; для меня оно было все равно: я былъ заранѣе готовъ любить то созданіе, которымъ благоугодно будетъ Всевышнему насъ осчастливить. Наша Анночка, при первомъ своемъ появленіи въ свѣтъ, была просто дурнушкою, тощенькая, смугловатая, и съ рѣдкими черными почти волосами *), но тѣмъ не менѣе мать моя, по пристальномъ обозрѣніи новой своей внучки, объявила намъ о разительномъ ея сходствѣ съ ея дѣдомъ Жано́ Нарышкинымъ, этимъ любимымъ двоюроднымъ братомъ матери моей. Женщины владѣютъ особенною способностію опредѣлять физіономію новорожденнаго младенца и его сходство съ такимъ-то или съ такою-то, тогда какъ для нашихъ мужскихъ глазъ всѣ младенцы подходятъ почти подъ одинъ и тотъ же неопредѣленный образецъ мясистой красной массы съ морщинами. Жена моя жаждала сама кормить свою дочь, и, не смотря на свою худобу, мало предвѣщавшую ей быть надежною кормилицею, она усердно и успѣшно принялась за дѣло. Воспріемницею при купели была Екатерина Ивановна Леруа (тогда еще и долго послѣ несовратившаяся въ католицизмъ), но упоминали заочно кумою Елисавету Ивановну Нарышкину, а кумомъ сына ея Алексѣя Ивановича. Никто изъ прочихъ семейныхъ моихъ не находился при этомъ столь всегда торжественномъ событіи: тому препятствовалъ взглядъ Римской церкви по клерикальному истолкованію.

Оправившись отъ родовъ, жена моя вся сосредоточилась въ своей дочери, и большую часть времени приходилось мнѣ одному гранить мостовую. Никакой, ни Русской, ни Греческой церкви, не было въ то время во Флоренціи: миссія наша была упразднена и причислена къ

*) Когда она преставилась въ 1854 году въ Рязани, 17 лѣтъ и одного невполнѣ мѣсяца, это была свѣжая, полноватая, голубоглазая дѣвушка, съ русо-каштановыми волосами, съ правильными чертами и крѣпкаго тѣлосложенія. Странно довольно, что въ предшествовавшія ея смерти двѣ недѣли какая-то дума садилась на ея челѣ.

Римской, и хотя на виллѣ А. Н. Демидова въ Санъ-Донато была устроена, какъ говорили, церковь, но священника при ней не было, и женѣ не гдѣ было взять молитву послѣ сорока дней отъ родовъ; она это исполнила много позднѣе въ Ливорнѣ, какъ видно будетъ впослѣдствіи.

Изъ сохранившихся у матери моей преданій изъ ея прежняго Русскаго быта было то убѣжденіе, что для ухода за новорожденнымъ нянька Англійской націи необходима какъ масло къ кашѣ, вслѣдствіе чего поступила къ намъ нѣкая мистрисъ Алисонъ, когда-то камеристка при матери моей, вышедшая замужъ за курьера, Италіянца Чипріяни, а Аленушка наша сошла на степень поднянюшки.

Появились вереницы чепцовъ и платьицъ для новорожденнаго *беби*, съ вычурными вышивками гладью и рельефомъ, съ кружевами, блондами, съ бантами и кокардами изъ лентъ разныхъ колеровъ, и шелковая мантилія для гулянья, подолъ коей волочился по полу. Всякая женщина изъ нашего семейства считала обязательнымъ принести свою дань нарядовъ для нашего *беби*, сдѣлавшагося центромъ безконечной возни и пріятныхъ заботъ всѣхъ этихъ добрѣйшихъ дамъ; тутъ была пища для женской дѣятельности, и шелестъ платьевъ то и дѣло что отзывался по узкой и крутой внутренней лѣстницѣ, ведущей къ намъ. Рѣдко удается младенцу родиться подъ столь счастливой планетой, какъ родилась наша Анна. И когда, послѣ 23-хъ лѣтняго отсутствія, я снова очутился на той половинѣ палацца (нынѣ принадлежащаго моему племяннику графу Дмитрію Петровичу), я одинъ только разъ попытался взойти въ комнату, свидѣтельницу пережитаго счастія. Прикоснулся я къ ручкѣ двери, и замокъ издалъ тотъ же, столь извѣстный мнѣ полухрипливый скрипъ, точь-въ-точь какъ и прежде; вступилъ я въ комнату, никѣмъ тогда незанятую, и все прошедшее возстало передо мною какъ бы въ живой дѣйствительности: стѣны съ росписью и прочіе всѣ предметы были тѣже, что̀ за четверть вѣка передъ тѣмъ. Испытаніе было неожиданнымъ и свыше силъ моихъ:—я убѣжалъ, и хотя впослѣдствіи ежедневно почти навѣщалъ больную Каролину, занимавшую часть бывшей въ концѣ 30-хъ годовъ моей съ женою половины, но въ ту комнату направо, гдѣ родилась наша Анна, я никогда болѣе не заглядывалъ.

Разныя размышленія, относящіяся къ этой позднѣйшей эпохѣ моей жизни, переполняютъ душу; они требуютъ исхода, и потому нарушаю хронологическій порядокъ моего разсказа.

Послѣдняя моя поѣздка въ Италію, 1862—1863 года, казалось, не должна была быть ошибкою. Она была предпринята съ цѣлію лично выразить г. Слоану глубокую мою благодарность за его ко мнѣ благодѣянія. Лучшаго доказательства въ этомъ я не могъ ему дать; но я не расчелся съ своими моральными силами, не взвѣсилъ степени моей несчастной впечатлительности, и потому встрѣча лицомъ къ лицу съ предметами и лицами періода жизни моей, столь противоположнаго настоящему моему положенію, потрясла нервную мою систему сильнѣе, чѣмъ я могъ предугадывать. Когда я увидѣлъ себя окруженнымъ, безъ обстановки достаточной жизни, нѣмыми свидѣтелями давно минувшаго счастія, почти что забытыми среди служебныхъ моихъ и позднѣйшихъ по сельскому хозяйству занятій (да и самая моя несостоятельность совершилась не вдругъ, а постепенно), мнѣ вдругъ представилось, какъ будто бы этотъ двадцатитрехлѣтній пробѣлъ былъ лишь нѣчто въ родѣ сновидѣнія, и какъ будто бы я хватался за житейскую нить, прерванную въ этихъ самыхъ комнатахъ поспѣшнымъ моимъ отъѣздомъ въ Россію въ 1839 году. Теперь (въ 1869 году) все это ясно для меня. Но въ 1862 году я не могъ дать себѣ отчета, почему послѣ восторженнаго настроенія моего духа въ первое время пріѣзда въ Италію, и особенно въ Венеціи (гдѣ въ Ноябрѣ я совершенно одинъ провелъ цѣлую недѣлю), почему, говорю я, по прибытіи во Флоренцію, это мое экзалтированное настроеніе вдругъ уступило мѣсто хандрѣ и какому-то паническому страху, что не суждено мнѣ болѣе свидѣться съ женою и сыномъ, и, лежа по цѣлымъ днямъ на кровати, безъ малѣйшихъ признаковъ физическаго недуга, я все себя укорялъ, зачѣмъ я оставилъ свое семейное, въ Знаменскомъ, гнѣздо? Въ первые дни моего пріѣзда, когда первый мой недугъ еще не разыгрался вполнѣ, я поспѣшилъ въ публичный садъ Боболи, коего фонтаны и статуи были мнѣ знакомы съ 10-ти лѣтняго возраста; но не того времени воспоминанія волновали меня теперь, а много позднѣйшія. На площадкѣ одной изъ террассъ этого сада я узналъ каменную скамейку, на которую жена однажды сѣла, чтобы покормить грудью нашу Анетину (это было, помнится мнѣ, весною 1838 года): меня кольнуло какъ искрою изъ электрическаго тока, и я весь затрясся.

Когда, послѣ ряда свѣтскихъ невзгодъ и душевныхъ скорбей, возвращаемся къ мѣстностямъ, гдѣ нѣкогда жилось счастливо и беззаботно, безъ признаковъ угрожавшей будущности, на душѣ дѣлается какъ бы досадно, зачѣмъ строенія и прочіе предметы намъ столь фамильярные стоятъ въ томъ же неизмѣнившемся видѣ, въ какомъ мы разстались съ ними, или родится сомнѣніе (какъ это было со мною), дѣйст-

вительно ли претерпѣли мы то великое крушеніе, которое разбило насъ безвозвратно, и не находимся ли мы подъ вліяніемъ галлюцинаціи?.....

Рѣшеніе мое отправиться въ Италію было дѣломъ мгновенія, безъ предшествующихъ замысловъ, а вслѣдствіе сказанныхъ мнѣ, осенью 1862 г., словъ моею женою, когда мы получили первый денежный переводъ отъ г. Слоана: «Ты бы поѣхалъ во Флоренцію поблагодарить лично г. Слоана за благодѣтельное его пособіе, обезпечивающее теперь остатокъ нашихъ дней, да и кстати свидѣлся бы съ твоими тамошними родными? Какъ думаешь? Вѣдь теперь по желѣзнымъ дорогамъ поѣздка твоя не дорого обойдется?» Я пораженъ былъ дѣльностію женина мысли и безъ траты времени собрался въ путь. То-то, думаю, будетъ мнѣ радостно тамъ во Флоренціи! Но, кто этому повѣритъ? Едва добрался я до Петербурга, какъ въ Знаменской гостинницѣ (что̀ возлѣ вокзала) меня взяло уже раздумье, не обойтиться ли мнѣ безъ этой дальней поѣздки и не повернуть-ли оглобли обратно въ деревенскій нашъ уголъ? Благоразуміе и сознательное чувство исполнешія долга взяли верхъ.

Возвращаюсь къ разсказу *).

Изъ числа прежней отца моего Русской прислуги оставался тогда на жительствѣ во Флоренціи (кромѣ бывшаго Ивана, повара, о которомъ уже говорено было) послѣдній его камердинеръ Илья Кашинцовъ, давно вышедшій изъ нашего дома и занимавшійся комерческими предпріятіями, въ товариществѣ съ Иваномъ Великановымъ, отставшимъ во Флоренціи отъ князя В. С. Трубецкаго. Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ съ женою во Флоренцію, этотъ Илья навѣстилъ меня; но какъ я былъ предупрежденъ противъ него (основательно ли, пли нѣтъ, не знаю по сю пору), что онъ будто-бы въ послѣднее время своего служенія при отцѣ моемъ несовсѣмъ почтительно обходился съ нимъ, я принялъ его сухо и даже сказалъ ему, что встрѣча съ нимъ не составляетъ для меня никакого удовольствія, но, помнится, не выговорилъ ему ничего о причинѣ таковаго моего пріема, и напрасно: дѣло бы выяснилось. Я весьма сожалѣлъ впослѣдствіи объ этой моей выходкѣ,

*) Знаю всю неправильность принятаго мною разсказа, въ коемъ, увлекаясь предметами, относившимися къ періодамъ, отдѣленнымъ одинъ отъ другаго двадцатью и болѣе годами, забѣгаю впередъ; но не могу, и даже не хочу, удерживать всегда перо въ правильныхъ границахъ строгой хронологіи, хотя бы изложеніе мое выиграло, можетъ быть, чрезъ то въ трезвости. Дѣлаю же я это именно потому, что не вѣдаю, придется ли мнѣ довести мои записки до настоящаго десятилѣтняго періода, тогда какъ этотъ-то самый періодъ и служитъ развязкою, а иногда и объясненіемъ, происшедшаго въ жизни моей за много лѣтъ назадъ.

тѣмъ болѣе что Кашинцовъ былъ нѣкоторое время при мнѣ дядькою въ 1815 году, а позднѣе обучалъ меня верховой ѣздѣ (такъ какъ прямая его должность была берейторская), да и мать моя сама не одобрила моего съ нимъ обхожденія, что̀ и могло бы почти быть доказательствомъ неосновательности слуховъ о его непочтительности къ моему отцу. Съ тѣхъ поръ я его никогда болѣе не видалъ и потому не имѣлъ случая извиниться передъ нимъ; и хотя онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ въ началѣ 1840 года, когда и я находился тамъ, и онъ бывалъ у старинныхъ знакомыхъ нашего семейства, отъ которыхъ могъ знать о моемъ нахожденіи въ Петербургѣ, но не отыскивалъ тамъ меня. Не могу простить себѣ этого проступка. Онъ высказывалъ матери моей свое огорченіе отъ моего пріема и просилъ ее показать ему новорожденную графинюшку (мою дочь), что̀ доказываетъ привязанность его къ прежнимъ своимъ господамъ.

Въ Страстную Пятницу (Римско-католическую) я отправился съ Нѣмцемъ Рейхенбергомъ (дядькою братниныхъ сыновей) въ сосѣдній городокъ Пра̀то на весьма любопытное зрѣлище. Въ этотъ день, или точнѣе сказать, въ эту ночь, совершалась бывающая издавна чрезъ каждые три года религіозно-маскарадная процессія, возможная только въ Италіи или въ средневѣковой, клерикальной Испаніи. Сюжетъ ея, если смѣю такъ выразиться, есть погребеніе Спасителя. Мѣстные обыватели наряжаются древне-Римскими всадниками со знаменами, на которыхъ изображены буквы S. P. Q. R., т. е. Senatus populus que Romanus*), и раздѣляются на дружины (cohorte) и взводы, каждый изъ послѣднихъ въ двѣ ширенги, съ своими офицерами впереди. Всѣ лошади этой конницы раскованы, а улицы усыпаны толстымъ слоемъ песку, чтобы лошади не скользили, что̀ придаетъ всему легіону, представляющему почетную стражу при тѣлѣ Богочеловѣка, нѣчто таинственное, такъ какъ онъ подвигается безъ малѣйшаго шума. За конницею тянутся братства (confraternità), по два человѣка въ рядъ, поющія псалмы, а впереди каждаго братства несется крестъ огромныхъ размѣровъ, на которомъ изображены вещественныя орудія страданій Спасителя, терновый вѣнецъ, копье, гвозди, лѣстница и проч. Братства не составляютъ монашескихъ орденовъ, а только корпорацію благочестивыхъ людей изъ всѣхъ сословій, собирающихся на молитву въ опредѣленное для того время. Когда они въ сборѣ, братья эти носятъ длинную рясу, перепоясанную веревкою, и капюшонъ, закрывающій

*) Буквы эти часто встрѣчаются въ надписяхъ надъ сохранившимися древними Римскими зданіями. Нынѣ иные забавники читаютъ эти буквы такъ: Sono porci questi Romani, т. е. эти Римляне суть свиньи.

все лицо какъ маска, съ маленькими прорѣзами для глазъ, таковаго же покроя какъ костюмъ Флорентинскаго братства *мизерикордіи*, но съ тою разницею, что каждое изъ сказанныхъ братствъ вмѣсто чернаго имѣетъ свое отдѣльное бѣлое, кофейное, красно-кирпичное и темно-голубое одѣяніе. Тихо, въ ночной темнотѣ, освѣщенной свѣчами и ручными лампадами, выставленными въ окнахъ домовъ, подвигается странное это шествіе: точно идутъ привидѣнія. Въ заключеніе всей процессіи на плечахъ несутъ картонное или гипсовое изображеніе лежащаго какъ бы во гробѣ Спасителя, въ натуральную величину; фигура лежитъ на доскѣ и потому вся видна. За нею несутъ статую или, правильнѣе сказать, куклу, изображающую Пресвятую Богородицу въ траурномъ платьѣ и, помнится мнѣ, въ фижмахъ или робронде съ кружевами, и чуть-ли не съ бѣлымъ носовымъ платкомъ въ рукѣ. Не помню также навѣрно, замыкается-ли вся процессія музыкантами, играющими похоронный маршъ; но въ обыкновенныхъ лѣтнихъ процессіяхъ военный оркестръ слѣдуетъ по пятамъ за священникомъ, несущимъ монстранцію съ св. тѣломъ Христовымъ для поклоненія вѣрныхъ, и я самъ слышалъ, какъ эти музыканты разыгрывали маршъ изъ опернаго мотива. Чины и мѣста, т. е. въ какой когортѣ или ряду должны находиться дѣйствующія лица этого театральнаго войска, такъ же какъ и костюмы и вооруженія, чуть-ли не передаются гражданами того городка отъ одного поколѣнія другому.

Много было еще въ то время средневѣковаго въ Флорентинскихъ узкихъ улицахъ, въ зданіяхъ и даже въ обычаяхъ и народныхъ празднествахъ. Все это, къ сожалѣнію, теперь быстро истребляется претензіею сдѣлать изъ Медиційской знаменитой резиденціи современную Европейскую столицу. Такъ, напримѣръ, съ одной изъ городскихъ башень ровно въ половинѣ девятаго часа вечера гудѣлъ особенный колоколъ, называемый «della cavolaia», по имени, завѣщанію и вкладу одной разбогатѣвшей въ среднихъ вѣкахъ торговки цвѣтной капустой, съ цѣлію, чтобы слышащіе этотъ звонъ въ необычное время помолились объ ея душѣ. Существовало также (и понынѣ вѣроятно существуетъ) человѣколюбивое, полурелигіозное общество, называемое «confraternità della misericordia» (братство милосердія), занимающееся переноскою на носилкахъ заболѣвшихъ жителей въ госпитали или изувѣченныхъ по какому либо случаю на улицѣ и внѣ города, въ опредѣленномъ разстояніи отъ заставъ, при чемъ, если страдалецъ изъ неимущихъ или обремененъ многочисленнымъ семействомъ, братья дѣлаютъ между собою денежный сборъ въ его пользу. Учрежденіе братства восходитъ ко временамъ республики, и въ немъ участвуютъ безразлично духовные и

міряне, высшая аристократія, буржуазія и ремесленники, даже владѣтельные Тосканскіе великіе герцоги, не гнушавшіеся идти бокъ о бокъ съ простолюдиномъ, ихъ подданнымъ, при исполненіи богоугоднаго дѣла. Для бо́льшаго смиренія и избѣжанія людской похвалы, узнать въ лицо братьевъ невозможно въ оффиціальномъ ихъ костюмѣ, состоящемъ изъ длинной клеенчатой (непромокаемой) черной рясы съ таковымъ же капюшономъ, спускающимся, какъ-бы маска, на всё лицо съ прорѣзами для глазъ; ряса перепоясана толстымъ чернымъ шнуромъ, на которомъ висять четки. Сборнымъ мѣстомъ братства служитъ особенная каплица, ему принадлежащая на каѳедральной площади (piazza del Duomo); тамъ же имѣется особый для сбора колоколъ, звукъ коего и особенный скорый звонъ хорошо извѣстны всѣмъ жителямъ и слышны отовсюду. Для извѣщенія о случившемся уличномъ несчастіи, какъ то о задавленіи человѣка лошадьми, о паденіи съ высоты съ опаснымъ ушибомъ, и тому подобномъ, всякій свидѣтель таковаго происшествія имѣетъ право (да и чуть ли не обязанность) спѣшить къ упомянутой каплицѣ и о случившемся извѣстить находящагося непремѣнно тамъ дежурнаго изъ братьевъ, который и ударитъ въ колоколъ. И удивительно, какъ братья-носильщики бережно обходятся съ больнымъ во время переноски его, всегда безвозмездной (и это правило строго наблюдается: разрѣшено братьямъ испросить, для утоленія жажды, стаканъ воды, и болѣе ничего). Впереди каждаго шествія идетъ братъ, въ родѣ церемонимейстера, въ статскомъ полу-мундирномъ костюмѣ, въ трехугольной шляпѣ, въ бѣломъ галстухѣ и, кажется, съ жезломъ въ рукѣ, для очищенія (вѣроятно) пути по узкимъ по большей части улицамъ. Всѣ встрѣчающіеся почтительно снимаютъ шляпы. Добрѣйшій братъ мой, всегда подвизавшійся въ пользу ближняго, гдѣ только представлялся къ тому случай, принадлежалъ къ числу этихъ братьевъ и часто, услыхавъ знакомый колокольный призывъ, спѣшилъ къ мѣсту сбора. Нечего, думаю, говорить, что братьями этого общества могутъ быть лишь Римскіе католики. Я упомянулъ объ узкихъ Флорентинскихъ улицахъ. Одна изъ таковыхъ «via dei Calzaioli», весьма многолюдная и центральная, была до того узка, что при встрѣчѣ въ ней двухъ экипажей одинъ изъ нихъ долженъ былъ или своротить въ единственный боковой переулокъ, или осаживать лошадей и пятиться назадъ до начала улицы *).

Существовали еще тогда любимыя Флорентинцами торжества наканунѣ и въ день праздника св. Іоанна Крестителя, 24 Іюня, призна-

*) Въ послѣднее 20-ти лѣтіе ее расширили, на сколько было возможно, и отдѣлали тротуары, весьма узкіе, но достаточные, чтобы охранить пѣшеходцевъ отъ опасенія быть раздавленными. Вся улица въ магазинахъ и хорошо освѣщена теперь газомъ.

ваемаго покровителемъ города. Строился для сего огромный, временный, досчатый амфитеатръ во всю площадь Санта - Марія - Новелла [1]), на гиподромѣ коего былъ бѣгъ вызолоченныхъ колесницъ, съ возницами въ древне - Римской одеждѣ и въ разноцвѣтныхъ мантіяхъ, запряженныхъ разношерстными попарно лошадьми. Бѣгъ этотъ назывался «corso dei cocchi». Въ одной сторонѣ овальной формы амфитеатра возвышалась роскошно убранная трибуна, въ которой всегда присутствовалъ при этомъ бѣгѣ весь Тосканскій великогерцогскій дворъ со свитою; туда же приглашались члены дипломатическаго корпуса, акредитованные при этомъ дворѣ, и разныя лица изъ туземцевъ и иностранцевъ, имѣвшихъ право пріѣзда ко двору: почетъ, впрочемъ, почти всѣмъ доступный. Скажу мимоходомъ, что это напоминаетъ мнѣ, какъ однажды я съ женою собрался было явиться въ эту герцогскую трибуну, на что мы имѣли также право. Она одѣлась въ бальный костюмъ, а я въ дворянскій шитый мундиръ при шпагѣ; но, благодаря неисправимой своей привычкѣ вѣчно опаздывать, мы подъѣхали къ трибунѣ, когда весь дворъ былъ уже въ сборѣ, тогда какъ, по придворному этикету, приглашенные должны находиться на мѣстахъ при появленіи великогерцогскаго двора. Бѣгъ Римскихъ колесницъ, такъ же какъ и вслѣдъ за тѣмъ богатый фейерверкъ, пущенный съ высотъ древняго Медиційскаго дворца (Palazzo Vecchio, обращеннаго въ муниципальное правленіе и градскую думу), происходили наканунѣ; а въ самый день праздника, вечеромъ, былъ бѣшенный бѣгъ однихъ лошадей безъ сѣдоковъ (corso dei barberi), пущенныхъ по волѣ чрезъ весь городъ отъ одной заставы до другой [2]), для чего, на всемъ пространствѣ, улицы усыпаны были толстымъ слоемъ песку и разставлена была по всему протяженію цѣпь изъ часовыхъ, чтобы удерживать публику въ должномъ разстояніи отъ бѣгущихъ коней, убранныхъ для этого плюмажами. Присутствовалъ и при этомъ народномъ торжествѣ великогерцогскій дворъ въ трибунѣ, но не изъ досокъ, а въ каменной, съ расписаннымъ потолкомъ, такъ какъ этотъ бѣгъ совершался три или четыре раза въ году, также въ извѣстные праздничные дни; а трибуна

---

[1]) Замѣчу кстати, что въ этой церкви похороненъ Константинопольскій патріархъ Іосифъ, умершій во время Флорентинскаго собора въ 1437 году, хотя онъ не успѣлъ еще (если не ошибаюсь) подписать свое согласіе подъ актомъ соединенія восточной съ западною церковію (на условіяхъ требуемыхъ Латинянами), а изъявилъ будто бы свое согласіе только на словахъ, каковое оказалось повидимому достаточнымъ для почести быть похороненнымъ въ этомъ великолѣпномъ храмѣ. Надъ его могилою сохранилась понынѣ стѣнная живопись аль-фреско, изображающая его въ полномъ Греческомъ облаченіи и въ омофорѣ, довольно вообще вѣрная.

[2]) Слово заставы не совсѣмъ точное, ибо въѣзжали тогда во Флоренцію древними каменными воротами, изъ коихъ нѣкоторые были о двухъ этажахъ.

эта находилась возлѣ городскихъ воротъ «*Porta al prato*», ведущихъ въ загородный паркъ «Кашины» [1]). Но всѣ почти эти народныя забавы отмѣнены ошибочнымъ (по мнѣнію моему) распоряженіемъ теперешней Піемонтской администраціи, стремящейся къ объединенію всѣхъ частей новаго Итальянскаго королевства, смѣшивающей понятія единообразія съ единствомъ (*prendre l'uniformité pour l'union*) и тѣмъ оскорбляющей національное чувство соединенныхъ народностей, лишая ихъ внѣшнихъ, вовсе неполитическихъ обычаевъ, принимаемыхъ однакоже простолюдиномъ за неотъемлемую свою собственность. Періодическое возвращеніе этихъ народныхъ увеселеній ожидалось съ нетерпѣніемъ и въ земледѣльческихъ хижинахъ, и у семейнаго очага городскихъ обывателей.

На нашей Страстной недѣлѣ (прошу не забывать, что нить событій относится къ веснѣ 1837 года) я поѣхалъ говѣть въ Ливорно одинъ; но и это мое говѣніе было не изъ примѣрныхъ, хотя я и сохранялъ постъ.

Причащался я Святыхъ Таинъ въ первый день Пасхи и былъ въ дворянскомъ мундирѣ съ своимъ Польскимъ крестомъ и съ Турецкою медалью, что́ произвело большой эффектъ на собравшуюся въ церкви Греческую колонію, и церковные старшины (syndics) попросили меня стать на болѣе почетное мѣсто возлѣ нихъ. Вліятельною особою былъ между ними прежній, съ дѣтства мнѣ знакомый, негоціантъ г. Панаіота Палли [2]), который вмѣстѣ съ старымъ священникомъ той церкви от-

---

[1]) Въ торжественные эти случаи великій герцогъ являлся всегда въ Австрійскомъ генеральскомъ бѣломъ мундирѣ, войско его также было въ бѣлыхъ мундирахъ. Описаннымъ бѣгамъ всегда предшествовало „corso", т. е. гулянье въ экипажахъ рядами (какъ на Московскомъ гуляньѣ въ Сокольникахъ), а дворъ былъ въ Ивановъ день въ золотыхъ каретахъ.

[2]) Одинъ изъ братьевъ Палли жилъ издавна (со временъ имп. Павла) въ Петербургѣ и какъ бы на хлѣбахъ у графа Ивана Иларіоновича Воронцова-Дашкова и вѣчно торчалъ, не открывая рта, въ салонѣ обворожительной графини Александры Кириловны Воронцовой. Сынъ третьяго изъ братьевъ Палли, молодой человѣкъ довольно пріятной наружности, долго болтался въ 40-ыхъ годахъ по Московскимъ клубамъ и чуть ли не пользовался репутаціею сомнительнаго игрока. Имени его суждено, быть можетъ, перейти въ потомство, благодаря экспромптамъ графа Владимира Сологуба:

Пришлецъ я съ перспективы Невской,
Въ Москвѣ я выдержалъ изъянъ,
Когда помѣщикъ Базилевскій
Терпѣлъ отъ собственныхъ крестьянъ.
Мои фонды всѣ упали,
Мои денежки пропали,
Всѣ остались у Палли.

NB. Въ стихѣ, что онъ выдержалъ изъянъ, графъ Сологубъ намекаетъ на то, что

цемъ Евгеніемъ, ввели меня въ большое безпокойство своими сомнѣніями, что св. мvро, употребленное отц. Іоахимомъ при крещеніи нашей дочери, могло быть не дѣйствительно-получаемое отъ патріаршей каѳедры, и потому г. Палли совѣтовалъ мнѣ снова подвергнуть дочь таинству мvропомазанія имѣвшимся при церкви мvромъ. Я передалъ это сомнѣніе женѣ моей, по возвращеніи моемъ къ ней, но она и слышать не хотѣла о повтореніи таинства; да и самому мнѣ трудно было допустить подлогъ со стороны почтеннаго отца Іоахима. Впослѣдствіи, узнавъ о возведенномъ на него подозрѣніи, онъ увѣрилъ меня, что, въ виду своего отчисленія отъ Ливорнской Греческой церкви, онъ, по праву священствовать, запасся для исполненія требъ св. мvромъ прямо отъ Александрійскаго патріаршаго престола.

Теперь нѣсколько словъ по театральному отдѣлу. Великимъ постомъ *) пошла въ первый разъ на сценѣ главнаго театра во Флоренціи «la Pergola», новая опера Донидзетти «Марино Фаліеро»: сюжетъ заимствованный первоначально изъ поэмы лорда Байрона, а позднѣе обработанный также и Французскимъ поэтомъ Казимиромъ-деля-Виньемъ въ трагедіи того же названія. Сюжетъ этотъ былъ для всѣхъ Итальянцевъ національнымъ, съ намеками на угнетеніе черни Венеціянскою аристократіею, и въ самой піесѣ заговорщики противъ магнатовъ, осужденные на смерть, въ томъ числѣ и самъ дожъ Фаліеро, выставлены мучениками за всеобщую свободу. По этой причинѣ, кромѣ музыкальнаго достоинства, опера возбуждала сильный энтузіазмъ и была запрещенною въ Итальянскихъ Австрійскихъ владѣніяхъ. Увлеченіе перешло въ область художествъ, и на академическихъ выставкахъ являлся до пресыщенія зрителей этотъ дожъ, павшій будто бы за плебейскія права. Поставка этой оперы ничего не оставляла желать, ни

разъ проигрался въ палки, игру, тогда въ большомъ ходу. У Ливорнскаго г. Панаіоты Палли была дочь поэтесса съ довольно замѣчательнымъ талантомъ импровизаціи. Отецъ ея былъ въ то время генеральнымъ консуломъ вновь учрежденнаго Эллинскаго королевства; но какъ Ливорнская Греческая церковь подчинена была юрисдикціи Александрійскаго патріаршаго престола, а ея прихожане почти всѣ уроженцы Іоническихъ острововъ (тогда еще подъ протекторатомъ и управленіемъ Великобританіи), то на литургіи поминался нашъ государь Николай Павловичъ, какъ единственный православный царь. Кстати о новомъ тогда Греческомъ королевствѣ; разсказывали, что на уличныхъ стѣнахъ въ Аѳинахъ появились мѣловыя надписи съ цифрами 860, не имѣвшими съ перваго взгляда никакого смысла, но если произносить по итальянски (каковой языкъ въ общемъ употребленіи во всей почти Греціи, а въ Іоническихъ островахъ почти что природный со временъ Венеціянскаго владѣнія) всякую изъ этихъ цифръ отдѣльно, выходила эпиграмма: „Otto“ (цыфра 8, а также имя короля Оттона) „sei“ (цыфра 6, также „ты еси“ dsero (цифра 0), а вмѣстѣ „Оттонъ, ты еси нуль“.

*) Это лучшій оперный сезонъ во Флоренціи.

въ отношеніи декорацій, ни въ отношеніи костюмовъ (чѣмъ вообще не балуютъ Итальянскую публику), и артисты того сезона были изъ первокласныхъ.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1838 г. пріѣхалъ во Флоренцію великій князь Михаилъ Павловичъ. Братъ мой, я и всѣ прочіе находившіеся тамъ Русскіе представлялись его высочеству; въ томъ числѣ былъ Николай Ивановичъ Ершовъ, братъ лейбъ-гусарскаго Ивана Ивановича. Великій князь обошелся весьма ласково со всѣми, съ нимъ даже фамильярничалъ, въ томъ числѣ и съ моимъ братомъ, но со мною былъ лакониченъ и сухъ, по милости, вѣроятно, небитыхъ мною оконъ въ 1830 году въ Петербургѣ. Первый визитъ великаго князя былъ къ принцу Монфору (Іерониму Бонапарту, бывшему нѣкогда Вестфальскимъ королемъ), какъ къ своему дядѣ, такъ какъ Іеронимъ Бонапартъ былъ вдовцемъ послѣ родной тетки великой княгини Елены Павловны по ея отцу, принцу Павлу Виртембергскому; великій князь звалъ низложеннаго короля «mon oncle». Старшій сынъ послѣдняго (давно умершій) предупредилъ заранѣе визитъ его высочества, явившись первый къ нему. Кстати скажу, что второй сынъ того принца, Наполеонъ, нынѣ столь извѣстный своею руссофобіею и, кажется, ничѣмъ еще болѣе, развѣ только полонофильствомъ, находился въ сказанное время при своемъ дядѣ Виртембергскомъ королѣ корнетомъ въ одномъ тамошнемъ гусарскомъ полку, гдѣ, какъ разсказывали, накуралесилъ и отправленъ былъ обратно къ своему папашѣ, во Флоренцію. Въ общественныхъ кругахъ этого города онъ слылъ, по тучности своей, подъ прозвищемъ, «Plon-plon», съ чѣмъ бы остался по всей вѣроятности до конца жизни, еслибы не возсѣлъ на императорскій Французскій тронъ двоюродный его братъ, озаривъ эфемерной лучезарностію весь свой родъ.

Второй визитъ великаго князя Михаила Павловича былъ къ моей матери. При входѣ его къ намъ въ домъ, его узналъ кривоногій простякъ, камердинеръ мой Габріелло, помнившій прежнее посѣщеніе его высочества, когда мы еще жили въ 1819 году въ наемномъ домѣ на площади Санъ-Феличе, въ каковое время Габріелло былъ у насъ буфетнымъ мальчикомъ. Онъ поцѣловалъ руку его высочеству и впослѣдствіи гордился симъ случаемъ. Къ сожалѣнію, меня въ то время не было дома; а когда я возвратился, мать моя передала мнѣ, что въ разговорѣ своемъ съ великимъ княземъ она сказала ему, что жена моя недавно передъ тѣмъ разрѣшилась отъ бремени, и что еслибы его высочество пріѣхалъ поранѣе, то она просила бы его сдѣлать намъ честь быть воспріемникомъ моей дочери, и что на это великій князь отвѣчалъ съ любезностію, что онъ непремѣнно исполнилъ бы таковое ея

желаніе. Припоминая этотъ случай, наврядъ-ли, однакоже, могу сказать, что «по усамъ текло, да въ ротъ не попало»; ибо не думаю, чтобы великая честь покумиться съ его высочествомъ повела бы къ чему-нибудь особенно полезному для моего семейства или для самого меня. Въ честь его высочества театръ Перголо, который онъ посѣтилъ, былъ иллюминованъ a giorno; но должно быть, Тосканскаго двора не было въ то время во Флоренціи, потому что никакихъ празднествъ по случаю пріѣзда великаго князя не было.

Бывалъ я изрѣдка у Одесскаго моего знакомаго графа Серристори, вышедшаго изъ нашей службы около 1831 года полковникомъ и поселившагося въ своемъ Флорентинскомъ палаццѣ, на набережной Арно за послѣднимъ мостомъ «Ponte delle grazie», гдѣ нѣкогда жилъ Николай Никитичъ Демидовъ. Графъ Людвигъ Серристори женился еще въ Одессѣ на Нероткѣ Франкини, отецъ коей былъ драгоманомъ при нашемъ Константинопольскомъ посольствѣ *). Графъ Серристори занималъ часть огромнаго своего палацца, а другую занималъ Іосифъ Бонапарте, бывшій Испанскій король, поселившійся во Флоренціи, подъ скромнымъ названіемъ графа Сюрвильс, и съ нимъ жила горбатая его дочь принцесса Шарлотта, вдова принца Наполеона, старшаго сына Людовика Бонапарта, экъ-короля Голландіи (тогда графа Сенъ-Лё, брата нынѣшняго императора Наполеона). Еще за долго до этого моего пріѣзда во Флоренцію поселился тамъ съ семействомъ Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ, отецъ казненнаго декабриста, и тамъ онъ продолжалъ оставаться, когда я возвратился одинъ въ Россію, осенью 1839 года. Онъ занималъ палаццо г-жи Ненчини, владѣтельницы одного изъ лучшихъ садовъ, насажденныхъ камеліями. Обѣ дочери Ивана Матвѣевича отъ втораго брака, Авдотья и Елисавета Ивановны, были талантливыя дѣвушки въ музыкѣ и масляной живописи. Одна изъ нихъ вышла много позднѣе за вдовца князя Александра Петровича Хованскаго и вскорѣ умерла. Обѣ онѣ весьма рѣдко выѣзжали въ свѣтъ. Въ слѣдующемъ 1839 году я у Муравьевыхъ встрѣтилъ въ первый разъ и познакомился съ Александромъ Александровичемъ Воиляръ-Ляр-скимъ, путешествовавшимъ тогда въ Италіи съ своею женою Вѣрою Дмитріевною (урожденною Полтарацкой) и съ старшею ихъ дочерью Анною Александровною (ей было тогда 5 или 6 лѣтъ), и съ того времени я остался съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

*) Позднѣе, графъ Серристори былъ губернаторомъ въ Ливорнѣ и, кажется, министромъ при послѣднемъ великомъ герцогѣ Леопольдѣ 2-мъ. Замѣтить стоитъ, что, въ противоположность отцу своему, посвятившему лучшіе свои года и полезную свою дѣятельность на службу Россіи, молодой графъ во время Крымской войны служилъ въ Турецкихъ баши-бузукахъ.

Такъ какъ И. М. Муравьевъ былъ когда-то акредитованнымъ нашимъ представителемъ при Вестфальскомъ королѣ Іеронимѣ Бонапарте, то понятно, что, встрѣтившись снова съ нимъ во Флоренціи, подъ названіемъ принца Монфортскаго, бывшій посланникъ продолжалъ, изъ чувства приличія къ падшему монарху, титуловать послѣдняго величествомъ, тогда какъ всѣ мы, прочіе иностранцы, говорили ему «Monseigneur»; но дѣти его дѣйствительно признаны были королевскими высочествами Виртембергскимъ королемъ, по праву ихъ матери, принцессы того дома.

Хаживалъ иногда по вечерамъ къ матери моей нѣкто докторъ Пиццати, долго жившій въ Россіи, въ семействѣ князя Николая Григорьевича Репнина и поселившійся во Флоренціи. Онъ успѣлъ собрать одну изъ замѣчательнѣйшихъ, какъ говорятъ, коллекцій древнихъ Этрусскихъ вазъ и урнъ, которую онъ успѣлъ впослѣдствіи продать чуть-ли не въ Петербургскій Императорскій Эрмитажъ. Живя на покоѣ во Флоренціи, онъ болѣе не занимался практикою.

Мать моя не бывала во дворцѣ Питти на оффиціальныхъ пріемахъ; но какъ обѣ великія герцогини, одна изъ коихъ царствующая, а другая, вдова великаго герцога Фердинанда 3-го (Саксонскія принцессы и родныя сестры), очень уважали мою мать, то она ѣзжала къ нимъ въ обыкновенномъ своемъ туалетѣ, когда эти принцессы давали ей знать, что онѣ желаютъ ее видѣть, и онѣ принимали ее по просту, въ своихъ жплыхъ апартаментахъ. Обѣ были весьма любезны, доступны въ обращеніи и популярны въ народѣ за щедрое вспомоществованіе нуждающимся, и бесѣды ихъ съ моею матерью были вѣроятно по сему предмету. Да и вообще, все великогерцогское семейство сближалось, по преданію отцовъ и дѣдовъ, съ простолюдинами, и я думаю, что не будь пагубнаго для нихъ Австрійскаго вліянія, эти принцы никогда не были бы изгнаны. У великаго герцога Леопольда 2-го была горбатая и не вышедшая замужъ сестра, также отличавшаяся сердоболіемъ къ неимущимъ и особеннымъ дружелюбнымъ чувствомъ къ моей матери, у которой она часто спрашивала прежде, скоро-ли я пріѣду во Флоренцію. Ее всѣ звали «l'arciduchessa gobba» (горбатая эрцгерцогиня). Прежній мой учитель пѣнія г. Маніелли хаживалъ къ одной изъ великихъ герцогинь акомпанировать ей, и когда послѣ постигшаго его несчастія (потери взрослаго и единственнаго сына, помогавшаго уже семейству уроками на фортепіано) онъ въ первый разъ былъ у принцессъ, то, возвращаясь отъ нихъ, разсказывалъ, что вмѣсто обыкновеннаго урока они втроемъ (т. е. обѣ принцессы и онъ) все рыдали, и

съ Итальянскимъ полукомизмомъ выразился: «Si è fatte tutta una tragedia in trè». (Мы дали втроемъ трагическое представленіе).

Въ началѣ Мая нужно было сестрѣ моей Еленѣ Дмитріевнѣ (княгинѣ Видони) побывать въ Ломбардіи по дѣламъ опеки надъ ея дочерью, и по желанію матери нашей я сопровождалъ ее туда. Краткая эта поѣздка оставила во мнѣ самыя пріятныя впечатлѣнія. На пути изъ Флоренціи въ Кремону, мы провели половину дня въ Моденѣ, въ домѣ родственника сестрина мужа графа или маркиза Монтекукули, потомка знаменитаго средневѣковаго полководца этого имени. Представитель древняго сего рода былъ весьма привѣтливый и пріятный молодой человѣкъ, и въ залахъ его палацца сохранялись еще нѣкоторыя современности его воинственнаго предка. Во время завтрака, добрая мадамъ Флёларъ, прежняя миссъ Кларкъ (сопровождавшая съ мужемъ своимъ и дочерью мою сестру) шепнула мнѣ на ухо: «Ахъ, какъ бы хорошо было, еслибы»... и глаза ея, переходя отъ сестры моей къ хозяину дома, договорили остальную часть того, что́ было у ней на умѣ. Мысль ея была несбыточною: на первыхъ порахъ своего вдовства сестра была неутѣшна, а позднѣе... не сбылись эти мечты.

Во время почти трехнедѣльнаго нашего пребыванія въ Кремонѣ, мы ѣздили однажды къ старой княгинѣ Видони, въ ея замокъ Санъ-Джіованни. Она приняла мое посѣщеніе, какъ знакъ особенной, оказанной ей любезности и вниманія, водила меня, не утомляясь, по всѣмъ новымъ своимъ плантаціямъ, переходя въ разговорѣ съ одного предмета на другой, коснулась до втораго своего сына графа Бартоло Видони и начала его передразнивать, какъ неуклюжаго и мужиковатаго, и этою непрошенною откровенностію сконфузила немного меня, такъ какъ я тогда въ первый разъ имѣлъ честь видѣть эту барыню.

Въ Кремонѣ мы условились съ семействомъ Альбертони (родственника моей сестры по ея мужу) провести нѣсколько дней въ Миланѣ и оттуда отправиться обозрѣть живописныя озера Комо и Лаго-Маджіоре. На пути въ Миланъ мы останавливались въ мѣстечкѣ (bourg) Кодоніо, полюбопытствовавъ увидѣть тамошніе огромные амбары или сараи для склада такъ называемаго Пармазанскаго сыра, хотя въ сущности ни въ городѣ Пармѣ, ни въ его окрестностяхъ, никакихъ особенныхъ сыровъ не выдѣлываютъ, а продуктъ этотъ составляетъ исключительный почти предметъ промышленности упомянутаго борга (по нашему мѣстечка) Кодоніо и сосѣдняго къ нему города Лоди.

Въ Миланѣ мы однажды обѣдали у восьмидесятилѣтняго графа или князя Кёвенюллера. Это былъ феноменъ въ своемъ родѣ; добрый,

веселый, общительный, проворный въ движеніяхъ, легкій на ходу, съ перехватомъ въ таліи и съ сохранившимися волосами, да и чуть-ли не съ собственными своими зубами, онъ одѣвался изящно и грѣшилъ немного болтовнею (впрочемъ любезною) и склонностію къ смѣху. Онъ жилъ постоянно въ Миланѣ, гдѣ былъ когда-то чуть-ли не гражданскимъ губернаторомъ. Въ доказательство, насколько онъ былъ еще юнъ въ своихъ привычкахъ, разсказывали, что однажды, когда онъ уже совсѣмъ улегся на ночь въ постель, онъ вспомнилъ, что далъ слово быть гдѣ-то на вечерѣ, опъ всталъ, одѣлся и поѣхалъ туда.

Когда мы обѣдали у него въ Миланѣ, я имѣлъ удовольствіе вести подъ руку къ столу племянницу его маркизу Панетту Фàлко, плѣнительную вполнѣ особу въ физическомъ отношеніи и съ прекрасными манерами, а потому, можетъ быть, фамилія ея не изгладилась у меня изъ памяти.

Славный Миланскій соборъ отдѣлывался тогда въ разныхъ наружныхъ деталяхъ, остававшихся недоконченными въ теченіе многихъ вѣковъ, и все изъ бѣлаго мрамора, и таковаго же мрамора безчисленные его шпицы, на острыхъ оконечностяхъ коихъ стоятъ статуйки знаменитыхъ въ исторіи Миланскихъ мужей, или участвовавшихъ въ сооруженіи этого великолѣпнаго зданія; тутъ показывали туристамъ статую Наполеона, терпимую Австрійскимъ правительствомъ. Въ Миланѣ есть также древняя весьма церковь, при портикѣ, во имя великаго святителя этого города св. Амвросія; но странно, что мѣсто, гдѣ почиваютъ его мощи, никому неизвѣстно.

Изъ Милана мы предприняли поѣздку къ озеру Комо. Въ городѣ того же имени сестра моя осталась, по какому случаю, не помню; а я и молодой Альбертони, мальчикъ 12 или 13 лѣтъ, поплыли въ пароходѣ обозрѣвать живописные берега этого озера, усѣянныя непрерывнымъ рядомъ роскошныхъ виллъ, межъ коими замѣчательна въ историческомъ отношеніи вилла Младшаго Плинія, «вилла Плиніяна». Въ ней изумительно то, что въ трехъ или четырехъ саженяхъ за домомъ (не Римской, а средневѣковой постройки) пàдаетъ съ отвѣсной скалы водопадъ очень сильною струею, въ полдень, а послѣ этого времени постепенно уменьшается, и ночью совершенно прекращается, начиная на разсвѣтѣ снова течь жиденькою струею и, постепенно возростая, переходитъ опять въ шумный потокъ къ полудню. Меня увѣряли, что этотъ самый феноменъ существовалъ во время Римскаго владѣльца виллы и имъ будто-бы описанъ въ письмахъ къ его друзьямъ; и хотя долбилъ я въ юношествѣ письма Младшаго Плинія, но объ этомъ обстоятельствѣ ничего рѣшительно не помню и о достовѣрности его не справлялся.

Въ теченіе дня пароходъ совершаетъ рейсъ отъ города Комо на южной части озера къ сѣверной у подножья Швейцарскихъ горъ и вечеромъ обратно приходитъ въ Комо, и такимъ образомъ оба берега развертываются полною панорамою передъ глазами путешественниковъ. На палубѣ небольшого нашего парохода я замѣтилъ пожилыхъ лѣтъ человѣка, оживленно разсказывавшаго что-то про Россію находившемуся тутъ аббату. Я вмѣшался въ разговоръ и узналъ, что фамилія этого человѣка Діотти и что онъ имѣлъ очень долго магазинъ оптическихъ принадлежностей въ Москвѣ, на Мороссейкѣ, вывѣску котораго я еще засталъ. Онъ весьма обрадовался, когда узналъ отъ меня, что я сынъ того графа Бутурлина Нѣмецкой слободы, съ которымъ онъ имѣлъ дѣла до 1811 года.

Я примкнулъ къ сестрѣ въ Миланѣ, и мы съ нею и съ семействомъ графа Альбертони предприняли поѣздку къ озеру Маджіоре и къ Боромеевскимъ островамъ. При городѣ Аронѣ, на берегу того озера, стоитъ на холмѣ колоссальная бронзовая статуя св. Карла Боромео; величина ея такова, что внутри статуи устроена лѣстница, по которой доходить можно до головы, гдѣ свободно помѣщается человѣкъ. Я задумалъ было полѣзть въ статую, но прежде чѣмъ достичь до отверстія въ нижней части статуи, надо было подняться по приставленной снаружи лѣстницѣ вдоль по всему піедесталу, а вышина піедестала была не менѣе 12 аршинъ, если не болѣе, и я струсилъ. Сторожа, промышлявшіе этою лѣстницею для любопытныхъ и болѣе меня отважныхъ путешественниковъ, сильно поворчали на мой отказъ, но нечего имъ было дѣлать. Углубляясь немного въ страну, въ окрестностяхъ небольшого городка Варезе*), мы поднялись на макушку высокой горы, гдѣ стоитъ монастырь «la Madonna del Monte», и возлѣ него на открытомъ мѣстѣ и опершись на скалу воздвигнута огромныхъ размѣръ статуя Спасителя или Богородицы (хорошо не помню) изъ бѣлаго мрамора, работы лучшаго въ то время Миланскаго ваятеля Маркези; она видна издали и потому весьма эффектна. Отъ этого монастыря видъ открывается на семь острововъ, и зрѣлище это украшалось тогда заходившимъ солнцемъ, послѣдніе лучи коего озаряли холмы и возвышенности, погружая почти что въ ночную темноту долины и низменныя мѣста. Артистическія впечатлѣнія, вынесенныя мною въ этотъ день, не изгладятся никогда изъ моей памяти, и настроенію этому способствовало наше возвращеніе: настигнутые ночью, мы, спускаясь съ горъ, проходили чрезъ лѣсъ исполинскихъ вѣковыхъ каштановыхъ (сладкихъ)

*) Возлѣ живописнаго городка Варезе была вилла графини Юліи Павловны Самойловой, гдѣ она обыкновенно проводила лѣто.

деревьевъ, сквозь зелень коихъ проглядывала луна; дамы наши сидѣли на ослахъ, а мы мужчины шли около нихъ пѣшкомъ.

На подобіе того, какъ признано въ художественномъ мірѣ, что у Рафаэля было три манеры (т. е. періода) живописи, одна другой совершеннѣе, старикъ Бріоскій *), реставраторъ картинъ при Императорскомъ Эрмитажѣ, говаривалъ, что «Naples est la troisième manière du bon Dieu». О томъ не могу судить, такъ какъ, по непонятной своей безпечности или нелюбознательности, никогда въ Неаполѣ не бывалъ; но скажу, въ подражаніе цитированному художнику, что вся описываемая мною часть сѣверо-западной Ломбардіи, со включеніемъ долинъ называемыхъ «la Brianza», есть конечно, «la seconde manière du bon Dieu». Понятно, что Австрійцамъ не хотѣлось разставаться съ этимъ краемъ.

Сестра и я удивляли Ломбардское мѣстное общество безукоризненнымъ нашимъ Итальянскимъ нарѣчіемъ, въ противоположность жаргону, бывшему во всеобщемъ тамъ, даже въ высшихъ классахъ, употребленіи; говорили про насъ: «come parlano finito» (какъ договариваютъ они каждое слово). Дѣло въ томъ, что въ ихъ нарѣчіи не договаривается гласная буква, находящаяся непремѣнно при окончаніи каждаго Итальянскаго слова, отъ чего слова у Ломбардцевъ выходятъ непріятно усѣченными.

Проводивъ сестру обратно въ Кремону, я поѣхалъ одинъ въ Туринъ, къ другой моей сестрѣ Елисаветѣ Дмитріевнѣ, которую я еще не видалъ съ тѣхъ поръ какъ она была замужемъ.

Ея не было тогда въ городѣ, гдѣ мужъ ея имѣлъ собственный домъ, и потому я отправился въ ихъ замокъ Соммарива-дель-Боско, въ двухъ часовомъ разстояніи отъ Турина. Надо здѣсь сказать, что зять мой, маркизъ Клавдій, нерасположенный вообще ни къ кому изъ моихъ семейныхъ, дѣлалъ для меня исключеніе и заглазно полюбилъ меня за военные мои подвиги и за мою наклонность къ разгульной жизни, и данное имъ мнѣ прозвище «d'un mauvais sujet» имѣло отнюдь неукоризненный, а скорѣе симпатичный смыслъ. Онъ былъ весьма радъ моему пріѣзду. Замокъ его представлялъ удачное весьма смѣшеніе суровой средневѣковой архитектуры съ комфортомъ и изяществомъ современнаго намъ вкуса: большой залъ былъ весь убранъ всякаго рода

*) Фамилія Бріоскій могла казаться Польскою; но онъ былъ чистѣйшій Итальянецъ и Флорентинскій уроженецъ.

оружіемъ древняго и новаго времени, въ видѣ трофеевъ (panoplies), а при самомъ въѣздѣ въ замокъ ворота вели во внутренній дворъ, гдѣ въ феодальную эпоху удобно было владѣльцу съ своею дружиною отражать осаждающаго врага. На слѣдующій день маркизъ повезъ меня въ другое свое, въ горахъ, имѣніе, называемое Кераско, гдѣ хотѣлось ему похвастаться винами своего издѣлія, коими славится та мѣстность. Перепробовали мы оба уже не помню сколько сортовъ этихъ винъ, не стѣсняясь присутствіемъ моей сестры (она привыкла, бѣдняжка, къ безусловному во всемъ повиновенію своему владыкѣ); но хотя я въ угодность своему хозяину поглощалъ стаканъ за стаканомъ, вина эти были на мой вкусъ ничто иное какъ кислая бурда. Тогда у сестры было еще трое только дѣтей: Альбертъ, Анна и новорожденный Артемій *).

Не могъ я посвятить сестрѣ болѣе четырехъ дней, такъ какъ спѣшилъ обратно къ женѣ, съ коею былъ въ разлукѣ почти уже два мѣсяца; да она же извѣстила меня, что должна на дняхъ ѣхать въ Ливорно съ моею матерью, для взятія тамъ молитвы послѣ родовъ, и потому я избралъ кратчайшій путь изъ Турина на Геную, а оттуда моремъ въ Ливорну.

Не успѣлъ я совсѣмъ отобѣдать въ гостиницѣ въ Генуѣ, какъ вбѣжалъ служитель съ извѣстіемъ, что пароходъ, на которомъ приходилось мнѣ отправляться, развелъ уже пары и готовъ къ отплытію; но какъ я хотѣлъ, во что бы ни стало комфортабельно докончить весьма вкусный поданный мнѣ обѣдъ и распить бутылку Шампанскаго не спѣша, то приказалъ этому служителю сходить немедленно въ контору парохода (въ городѣ) и тамъ заявить, что на пароходѣ имѣетъ отправляться Русскій курьеръ съ депешами, и просить, чтобы его немного обождали. Въ блаженное то время званіе Русскаго агента имѣло важное дипломатическое значеніе, и въ особенности, можетъ быть, въ

*) Маркизъ Альбертъ родился въ 1830 году; по сіе время онъ не женатъ и служитъ нынѣ по дипломатической части консуломъ Итальянскаго правительства въ одномъ изъ Австрійскихъ портовыхъ городовъ на Адріатическомъ морѣ. Сестра его Анна, годомъ моложе его, славилась своею красотою и вышла замужъ за Генуэзскаго маркиза знаменитой фамиліи Доріа. Послѣ несчастныхъ первыхъ своихъ родовъ, она совершенно оглохла. Артемій, отличный малый, посѣтившій Россію въ 1862 году и отыскавшій одинъ дорогу ко мнѣ въ Знаменское, нынѣ маіоромъ кавалеріи. Позднѣе 1837 года у сестры родились сынъ Ёймаръ (Aimar) и дочь Алина, вышедшая замужъ недавно (въ 1869 году) за маркиза Саннадзара. Игрою ли случая, или намѣренно, но всѣ имена пяти дѣтей моей сестры начинаются буквою А.

Не могу пропустить безъ замѣчанія, что традиція жертвы Бироновскаго мщенія, Артемія Волынскаго, перешла изъ Россіи заграницу въ лицѣ племянника моего Артемія Соммаривы.

Генуѣ, гдѣ губернаторомъ былъ тогда маркизъ Паулуччи, бывшій, какъ извѣстно, весьма долго въ Русской службѣ и генералъ-губернаторомъ въ Ригѣ. Хитрость моя увѣнчалась успѣхомъ. А вотъ и другіе два примѣра, какъ тогда все дѣлалось въ Европѣ въ угодность Русскому царю и его правительству. Графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой разсказывалъ мнѣ, что въ бытность его въ Дрезденѣ въ 1839 году, онъ познакомился съ однимъ Французскимъ герцогомъ де-Ронѣ (duc de Raunay), который щеголялъ великолѣпною окладистою бородою (борода начала тогда входить въ моду во Франціи). Годъ спустя, графъ Толстой пріѣхалъ снова въ Дрезденъ, встрѣтился съ этимъ Французомъ уже обритымъ, и на его вопросъ, почему тотъ разстался съ бородою, послѣдній отвѣчалъ, что это было ради Русскаго императора. «Когда здѣсь ожидали его пріѣзда», объяснился Французъ, «то нашъ министръ, призвавъ меня къ себѣ, убѣдительно настоялъ, чтобы я сбрилъ бороду, какъ ненавистную вашему императору». Графъ Толстой путешествовалъ съ своимъ дядею, старымъ графомъ Ѳедоромъ Андреевичемъ Толстымъ и съ дочерью послѣдняго, графинею Закревскою; они, проѣзжая черезъ Шалонъ въ Парижъ, накупили партію Шампанскихъ винъ и уложили ихъ въ дорожный фургонъ. Такъ какъ положенъ пошлинный сборъ на всѣ продукты при въѣздѣ въ Парижъ, то предстояло заплатить порядочный кушъ за эти вина у заставы; но скачущій передъ экипажами верховой курьеръ закричалъ, что ѣдетъ Русскій посланникъ, и таможенные сторожа немедленно подняли шлагбаумъ *).

Переѣздъ въ Ливорну пароходомъ совершается въ одну ночь, и на слѣдующее утро, послѣ несноснаго карантиннаго осмотра, какъ будто бы мы плыли изъ зараженной чумою мѣстности, я пос-

*) Насколько утратилось двадцать лѣтъ спустя обаяніе Русскаго имени, можно судить изъ слѣдующаго случая, также переданнаго мнѣ графомъ Д. Н. Толстымъ. Проѣзжая черезъ Брюссель въ Парижъ въ 1859 году, жена тамошняго нашего представителя, г-жа Рихтеръ, просила графа Толстаго захватить съ собою посылку съ Брюссельскими кружевами, для одной ея знакомой въ Парижѣ; въ избѣжаніе таможеннаго осмотра, резидентъ нашъ снабдилъ графа курьерскимъ открытымъ листомъ, а посылку запечаталъ посольскою печатью съ надписью, „въ императорское Россійское посольство въ Парижѣ". Не смотря однако же на это, таможенные чиновники у Парижской заставы настаивали, что не могутъ пропустить эту посылку не вскрывши ее: обстоятельство, не только неожиданное, но угрожавшее опасностію компрометировать ваше Брюссельское посольство, въ сознательномъ провозѣ контрабанды, отчего завопила бы вся Европейская печать. На это графъ Толстой рѣшительно заявилъ, что никакъ не можетъ согласиться, чтобы посольская печать была сорвана, и что если ему невозможно лично доставить посылку въ цѣлости Парижскому нашему посольству, то въ такомъ случаѣ онъ сейчасъ же, не въѣзжая въ городъ, возвратится въ Брюссель, но что отвѣтственность за задержаніе кабинетнаго Русскаго курьера падетъ на таможенныхъ чиновниковъ. Угроза подѣйствовала, и графа пропустили безъ осмотра.

пѣшилъ въ гостиницу «Чернаго Орла», гдѣ всѣ изъ нашего семейства обыкновенно останавливались, я встрѣтилъ обѣихъ моихъ дамъ на полу-пути, близъ городка «Санъ-Миніато или Тедеско» *) и съ ними возвратился въ Ливорну. Тамъ не взирая на высказанныя Греками сомнѣнія въ дѣйствительности св. мура, употребляемаго отцемъ Іоакимомъ при совершеніи таинства муропомазанія нашей дочери, жена моя не согласилась на повтореніе этого таинства. Она взяла молитву и въ первый разъ поднесла къ святому причащенію нашу Анночку. Изъ Ливорны мы поѣхали въ Пизу обозрѣвать тамошнія замѣчательности. Напомню здѣсь, что въ Пизанскомъ каѳедральномъ соборѣ, построенномъ Греческими зодчими въ XI или XII вѣкѣ, въ запрестольной его части усматривается на плафонѣ надъ горнимъ мѣстомъ мозаичное изображеніе Спасителя, благословляющаго перстосложеніемъ нашей восточной церкви (тогда какъ Латиняне благословляютъ всею ладонью, не загибая пальцевъ); по обѣимъ сторонамъ сидящаго на престолѣ Спасителя стоятъ Пресвятая Богородица и (кажется) Іоаннъ Предтеча; надъ всѣми тремя изображеніями находятся ихъ монограммы въ заглавныхъ Греческихъ буквахъ, точь въ точь, какъ на нашихъ иконахъ [1]); внутри же церкви идетъ во все ея пространство галерея во 2-мъ ярусѣ, для женщинъ, по восточному обычаю. Нечего говорить, что порядокъ этотъ давно уже не соблюдается. Въ Пизѣ на «Кампо Санто» похоронена молодая графиня (дѣвица) Анастасія Петровна Шувалова, умершая въ 1817 или 1818 году, въ Римско-католическомъ исповѣданіи.

Вскорѣ по прибытіи нашемъ во Флоренцію, мы получили извѣстіе отъ Елисаветы Ивановны Нарышкиной, что она, собравъ всѣ свои скудныя средства, готовится ѣхать въ Италію. Можно представить себѣ радость моей жены при такомъ извѣстіи. Приходится прервать ненадолго нить моего разсказа ради Нарышкинскаго семейства. Всю предыдущую зиму Елисавета Ивановна провела въ Москвѣ, съ недавно женившимся сыномъ ея, у коего родился первый его сынъ Сергѣй, въ началѣ 1837 года, и потому почти что ровесникъ нашей дочери. Тещѣ моя не ладила съ Маріею Сергѣевною (снохою своею), да и о послѣдней нельзя сказать, чтобы она очень расточалась въ нѣжности и вниманіи къ своей свекрови; но Алексѣй Ивановичъ, какъ новый Сократъ,

*) Городокъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ только, что былъ колыбелью всего Бонапартскаго семейства, въ XVI вѣкѣ, до его переселенія, много позднѣе, на островъ Корсику.

[1]) Ужъ какъ бы не вертѣлись паписты, а православная Греческая старина то и дѣло проглядываетъ не только въ постройкѣ ихъ храмовъ, но и въ ихъ церковной службѣ, тогда какъ никакого слѣда латинства не встрѣчается въ нашей восточной церкви.

не обращалъ никакаго вниманія на эти женскія распри и раздоры, и постоянно подшучивалъ надъ обѣими. Правду сказать, въ характерѣ покойной Маріи Сергѣевны было что-то рѣзкое; но тѣмъ не менѣе, она была достойная вполнѣ и солидная, такъ сказать, женщина, примѣрная жена и даже нянька за своимъ мужемъ, вся преданная воспитанію дѣтей, отличная хозяйка и дѣловая вообще барыня. Слабостію, или точнѣе сказать, прихотью у нея было—окружать себя десятками кошекъ и шавокъ, подобранныхъ ею съ улицы, и заводить курятники на чердакахъ нанимаемой въ Москвѣ квартиры. Ее обвиняли иные въ скупости, но это было необходимо при склонности мужа къ расточительности; живя въ Москвѣ, она почти ничего не тратила на свою особу и одѣвалась столь невзрачно (обыкновенно въ сарпинковомъ платьѣ), что Алексѣй Ивановичъ приходилъ отъ этого въ отчаяніе. Она получила въ приданое, наравнѣ со старшею своею сестрою Варварою Сергѣевною Абаза, сорокъ тысячъ рублей асс., что́ самое получила также третья сестра Надежда Сергѣевна, неудачно вышедшая замужъ за артилерійскаго офицера Богуславскаго *). Эти деньги Алексѣй Ивановичъ сразу истратилъ въ неудачномъ предпріятіи винокуреннаго завода; онъ весь разстроился, и если имѣніе его уцѣлѣло, то это благодаря опекунскому управленію тестя его Сергѣя Васильевича Цурпкова, опытнаго въ дѣлѣ сельскаго хозяйства.—Затѣмъ возвращаюсь къ нашему Флорентинскому житью-бытью.

Теща моя пріѣхала во Флоренцію съ нѣкою г-жею Засядкою на общіе ихъ путевые издержки, въ Іюнѣ мѣсяцѣ. Рѣдко встрѣчалъ я въ жизни такое добрѣйшее и сердобольное существо, какъ эта г-жа Засядко. Она была лѣтъ 50-ти, весьма тучная изъ себя, но тѣмъ не менѣе болѣзненная. Одинъ изъ недуговъ ея состоялъ въ спячкѣ, такъ что среди бѣлаго дня и въ обществѣ она засыпала въ одинъ мигъ; можетъ быть, что отъ этого недуга она и пріѣхала лечиться въ Италію. Это была благороднѣйшая натура, деликатно разборчивая въ средствахъ подачи помощи ближнему, и щедроты неисчерпаемой, къ чему допускало ее хорошее ея состояніе; но сама она жила весьма скромно, одна и съ одною только горничною и однимъ лакеемъ. Не знаю, право, къ какого рода грѣху могла она быть причастна и о чемъ приходилось ей исповѣдоваться своему духовнику. Со времени этой поѣздки въ Ита-

*) Этотъ г. Богуславскій, ловкій и весьма пріятный въ обществѣ господинъ, промоталъ женины деньги, уѣхалъ отъ нея, опредѣлился на службу на Кавказъ и тамъ безъ вѣсти пропалъ; но изъ приказовъ не видно, чтобы онъ былъ умершимъ. Самая меньшая изъ сестеръ Цуриковыхъ, Анна Сергѣевна, вышла замужъ въ 50-хъ годахъ за славившагося въ Москвѣ медика А. П. Овера. По смерти А. П. Овера годъ спустя, въ началѣ 1865 года, она вышла опять замужъ за доктора Александра Петровича Попова.

лію она сдружилась съ Елисаветою Ивановной и въ этихъ отношеніяхъ осталась до своей кончины. Она поселилась впослѣдствіи въ Москвѣ на Садовой, близъ церкви св. Ермолая.

Елисавета Ивановна пріѣхала къ намъ со всегдашнею своею горничною, ея крестницею Машею, и съ наемнымъ изъ Москвы Русскимъ лакеемъ, котораго тотчасъ же и отправила обратно. Никто изъ нихъ трехъ не зналъ ни бельмесса по-итальянски; дѣло шло у нихъ хорошо, пока проѣзжали чрезъ Германію, такъ какъ теща моя говорила по-нѣмецки, но когда перевалили чрезъ Альпы въ Ломбардію и дальше, непонятно, какъ они перебивались для своихъ надобностей въ гостинницахъ и съ ветуринами.

Такъ какъ въ нашемъ палаццѣ не было свободнаго помѣщенія для Елисаветы Ивановны, то для нея сыскали квартиру рядомъ съ нами, гдѣ отдохнувши три-четыре дня, она поспѣшила поѣхать въ Ливорну, поклониться праху моего отца, коего она всегда чтила, какъ бы своего роднаго, и куда я ее сопровождалъ. Все это лѣто 1837 года мы провели въ удушливой городской атмосферѣ, чего никогда мнѣ дотолѣ еще не случалось; но такъ какъ невозможно было оставаться въ нашемъ отдѣленіи, расположенномъ на самый полдень, то мы перебрались внизъ, въ «піанъ-террено», на уровнѣ съ садомъ и обращенномъ къ Сѣверу, съ каменными и мраморными полами, отъ чего комнаты были прохладны. Теща моя всегда обѣдала у насъ, и потому издержки ея ограничивались содержаніемъ ея горничной и нанятой для черной работы Итальянки. Мать моя уѣхала на всю остальную часть лѣта къ своей дочери, княгинѣ Видони, въ Ломбардію, оставивъ въ полное наше распоряженіе свою карету и лошадей; а братъ съ семействомъ уѣхалъ для морскихъ купаній куда-то, около, кажется, Генуи, и мы снова вдвоемъ сдѣлались единственными обитателями громаднаго палацца; такъ какъ г. Слоанъ предпринялъ той весною, единственную со времени своего вступленія къ намъ въ домъ въ 1817 году, свою поѣздку въ Англію, да и живя во Флоренціи, онъ имѣлъ свой особенный кругъ знакомства, гдѣ каждодневно обѣдалъ и проводилъ вечеръ, мы рѣдко весьма встрѣчались съ нимъ.

Все время у жены моей было поглощено уходомъ за Анетиною, которая изъ дурнушки начинала хорошѣть. Для нашихъ прогулокъ мы выбирали городскія окрестности или публичные сады, гдѣ бы можно было женѣ присѣсть, чтобы кормить грудную дочь, что часто повторялось во время прогулокъ, а Анночку носили попеременно на рукахъ Аленушка и я.

Постояннаго себѣ занятія дóма я еще тогда не сыскалъ и отъ нечего дѣлать шатался по улицамъ одинъ, пока наступало время гулянья съ женою. Замѣтивъ во время одного изъ таковыхъ одиночныхъ моихъ странствованій цѣлыя груды старинныхъ, почернѣвшихъ и иногда прорванныхъ картинъ, выставленныхъ на уличныхъ прилавкахъ, я сталъ въ нихъ пристальнѣе вглядываться и, увидавъ въ иныхъ слѣды художественнаго достоинства, принялся скупать ихъ по грошевымъ цѣнамъ. Сначала я отдавалъ иныя реставрировать спеціалисту по той части, каковаго люда было много во Флоренціи. Предметъ этотъ обратился въ промыселъ весьма выгодный для мѣстныхъ торговцевъ, дѣлавшихъ большіе денежные обороты своими галлереями реставрированныхъ заново древнихъ картинъ, привлекавшихъ покупателей въ роскошныхъ ихъ золотыхъ съ рѣзьбою рамахъ. Любопытенъ сталъ для меня процессъ, какимъ образомъ изъ дыряваго холста иногда даже въ лохмотьяхъ, съ едва внятными остатками живописи, вдругъ какъ будто бы волшебствомъ являлась свѣжая картина съ блестящимъ колоритомъ, покрытая лакомъ и безъ всякихъ слѣдовъ прежняго поврежденія. Принявшись изучать эту новую для меня отрасль художества съ обычнымъ моимъ увлеченіемъ, я скоро постигъ настолько премудрость этого превращенія, что завелся колерами, мольберомъ и прочими аттрибутами настоящаго художника и устроилъ у себя мастерскую, сначала подъ чердакомъ палацца, гдѣ просиживалъ все свободное время. Основный процессъ сего рода живописи состоитъ въ приготовленіи на палитрѣ колеровъ (т. е. красокъ въ порошкахъ) не на маслѣ, какъ обыкновенно, а разведенныхъ на скипидарномъ спиртѣ съ примѣсью къ нимъ спиртоваго лака, на томъ основаніи, что масляныя краски темнѣютъ со временемъ, а такъ какъ реставрація состоитъ въ томъ, чтобы свѣжія поправки подходили бы точь въ точь къ остаткамъ подлинника, то еслибы употреблялась для того масляная краска, она сдѣлалась бы со временемъ много темнѣе подлинника и поправки вышли бы пятнами, между тѣмъ какъ краска, разведенная указаннымъ способомъ, никогда не темнѣетъ; скипидарный же спиртъ употребляется здѣсь, потому что безъ него краска на одномъ лакѣ слишкомъ густа и черствѣетъ даже на самой палитрѣ во время ея употребленія. Семейныя мои дамы не весьма сочувствовали новому моему роду занятій, по причинѣ сильнаго скипидарнаго зловонія, коимъ вѣяло отъ меня, хотя я изъ предосторожности имѣлъ особый костюмъ для этой работы, который и оставлялъ въ своей мастерской. Залегла у меня въ головѣ мысль спекулировать съ большимъ барышемъ этими картинами въ Россіи въ виду того, что цѣлые транспорты таковыхъ были отправляемы изъ Флоренціи въ другіе края, и особенно въ Америку, и я началъ распространять кругъ

своей дѣятельности покупкою отдѣльныхъ частей, а иногда цѣлыхъ галлерей, коими переполнены были виллы въ окрестностяхъ Флоренціи и въ прочихъ Тосканскихъ городахъ. Побывавъ съ этою цѣлью нѣсколько разъ въ Пизѣ, Ливорнѣ, Луккѣ и въ другихъ городкахъ и посадахъ внутри страны, я въ теченіе трехъ почти лѣтъ (1837—1839) успѣлъ скупить, реставрировать и отправить моремъ черезъ Ливорну и Одессу въ Москву, къ Леону Капенштейну, приблизительно до 2000 картинъ. Цѣны я назначалъ въ слѣдующихъ размѣрахъ: за самыя лучшія, которыя стоили мнѣ съ покупкою, поправкою, упаковкою и прочими издержками до Москвы отъ 10 до 20 р. сер. (таковыхъ было немного), я назначилъ отъ 300 до 600 рублей; за прочія низшаго достоинства, обходившіяся мнѣ съ провозомъ отъ 1 до 3 рублей (какихъ было въ большинствѣ, а иныя даже менѣе одного рубля) я назначалъ отъ 10 до 50 р. и, забывъ пословицу, что цыплятъ осенью считаютъ, потѣшалъ себя исчисленіемъ будущихъ барышей. Для этихъ экспедицій у меня были два складочныхъ амбара: одинъ во Флоренціи, а другой въ Ливорнѣ съ смотрителемъ при каждомъ изъ нихъ, и живописецъ-реставраторъ, нѣкто Піаченти, на годовомъ у меня окладѣ, коему я самъ помогалъ.

Встрѣтивъ въ Ливорнѣ весною 1837 года того самаго Паоли, что̀ былъ нѣкогда камердинеромъ у моего брата (возвратившагося передъ тѣмъ изъ Константинополя, гдѣ коммерческія его предпріятія не удались), я взялъ его въ услуженіе комиссіонеромъ, и весною 1838 г. онъ отправился моремъ въ Одессу, а оттуда въ Москву, съ первымъ транспортомъ картинъ. Онъ былъ для того сподрученъ какъ мараковавшій по-русски [1]). Всѣ таковыя отправки дѣлались черезъ Ливорнскій торговый Греческій домъ гг. Папудовыхъ, имѣвшихъ также свою контору въ Одессѣ [2]), и у коихъ я завелъ было весьма значительный денежный кредитъ, лопнувшій, какъ все прочее, послѣ неудачной Леоновской операціи на Бородинскихъ маневрахъ въ 1839 году. Картины однакоже плохо шли съ рукъ въ Москвѣ, и спекуляція не удалась; но кромѣ того, я одновременно съ ними отправлялъ также и средневѣковую ме-

[1]) Этотъ Паоли, отошедъ отъ меня въ Москвѣ въ 1843 г., поступилъ сперва къ князю Петру Михайловичу Волконскому, а послѣ, мэтръ-д'отелемъ къ княгинѣ Кочубей (вдовѣ князя Бѣлосельскаго), отъ которой отошелъ въ концѣ 1862 года, и съ нажитымъ капиталомъ, около 45 т. р., возвратился во Флоренцію (гдѣ я его тогда видѣлъ), купилъ, кажется, землю, и тамъ же умеръ въ 1866 или 1867 году.

[2]) Изъ болѣе замѣчательныхъ Греческихъ торговыхъ домовъ въ Ливорнѣ, кромѣ гг. Папудовыхъ, были г. Родоканаки и г. Тозица; всѣ они вели торговлю въ Итальянскихъ приморскихъ городахъ пшеницею изъ южнаго края Россіи, каковой хлѣбъ безразлично назывался тамъ Таганрогскимъ.

бель и даже старинный Венеціянскій хрусталь. Не удалась спекуляція отчасти и потому, что Леонъ роздалъ часть картинъ въ долгъ или въ уплату своихъ долговъ, и потому я лишенъ былъ возможности поддерживать свой кредитъ въ Италіи. Послѣдняя же партія, отправленная изъ Ливорно въ самый разгаръ Бородинскаго разгрома, застряла гдѣ-то на пути и никогда не дошла до Москвы. А будь только сбытъ и что-нибудь похожее на правильную торговлю, какую вели въ то время въ Москвѣ гг. Негри, Лухмановъ, Волковъ или Родіоновъ, съ аккуратною доставкою мнѣ въ Италію вырученныхъ денегъ, я могъ бы нажить большія деньги и началъ бы закупать вещи гораздо цѣннѣе, напримѣръ, арматуры и старый фарфоръ. Много позднѣе оставшійся какой-нибудь десятокъ отборныхъ картинъ украшалъ еще Московскую мою квартиру въ домѣ Попова (прежде Альбини, на углу Тверской и Леонтьевскаго переулка), но подвернулся на мою бѣду прогорѣлый аферистъ изъ Нѣмцевъ, котораго я любилъ за его услужливость и какъ забавнаго разсказчика и компаніона; онъ-то и уговорилъ меня отдать ему эти картины для поправки его дѣлишекъ, по условленной цѣнѣ; но онъ сошелъ въ могилу, и я ни денегъ, ни моихъ картинъ болѣе не видалъ.

Возвращаюсь къ Флорентинской лѣтней жизни ничѣмъ не отличавшейся отъ зимней до поздней осени, когда жена моя начала свое появленіе во Флорентинскомъ большомъ свѣтѣ. Я настаивалъ, чтобы туалетъ ея былъ бы самый изящный, и она стала все забирать у первенствующихъ модистокъ госпожъ Безансонъ и Аглае Ламаръ. Наряжать любимую нами женщину вещь весьма естественная и даже похвальная, когда эта женщина наша жена; но все дѣло состоитъ въ размѣрахъ таковой траты. Притомъ извинительно было бы тратить наличныя деньги, но онѣ какъ-то рѣдко бывали у меня, и я началъ прибѣгать къ губительному способу кредита; тѣмъ болѣе опасному, что завлекаясь его легкостію, забываемъ соразмѣрность возможныхъ къ уплатѣ средствъ. Какъ ни старалась разсудительная моя мать уговорить меня умѣрить мои расходы, или, точнѣе сказать, заборы въ долгъ, мнѣ непріятно даже было выслушивать ея наставленія. Я хотѣлъ высказать ей, что относительно туалета моей жены, я не раздѣлялъ ея (т. е. матери моей) воззрѣній и не одобрялъ скромности, какой она всегда придерживалась съ ранней своей молодости, какъ въ отношеніи самой себя, такъ и въ отношеніи моихъ сестеръ, когда онѣ начали выѣзжать въ свѣтъ.

Осенью того (1837 г.) пріѣхалъ во Флоренцію Евгеній Осиповичъ Понятовскій для поправленія здоровья, и съ тѣхъ поръ онъ оконча-

тельно тамъ поселился. Изъ прежняго свѣтскаго и общественнаго человѣка онъ сдѣлался почти затворникомъ, весь предался религіозному настроенію, бывалъ только у своей сестры и кое-когда посѣщалъ пасъ. Постояннымъ его товарищемъ сдѣлался нѣкто капоникъ тамошней каѳедральной церкви аббатъ Бижевскій (или Биржевскій), природный Флорентинецъ, хотя фамилія его выказывала Польское происхожденіе. Впослѣдствіи Понятовскій переселился изъ города въ купленную имъ виллу, гдѣ и умеръ въ началѣ 50-хъ годовъ [1]). Провелъ также эту зиму, во Флоренціи князь Николай Григорьевичъ Репнинъ съ своимъ семействомъ, и здѣсь же въ слѣдующемъ 1838 году состоялась свадьба меньшой изъ княженъ Репнинскихъ съ Павломъ Ивановичемъ Кривцовымъ, состоявшимъ тогда при Римской нашей миссіи [2]), для чего выписанъ былъ оттуда іеромонахъ отецъ Гераспмъ. Временная Русская церковь устроена была на площади Питти, въ домѣ того Маріотти, который имѣлъ постоянныя денежныя дѣла съ Русскими туристами. Памятно мнѣ, какъ однажды старый князь Репнинъ [3]), заказавши заупокойную службу по императорѣ Александрѣ I-мъ, горько плакалъ во время богослуженія. Мать моя въ своей молодости и позднѣе до самой нашей эмиграціи изъ Россіи была постоянно въ близкихъ отношеніяхъ съ княгинею Репниною (рожденною графиней Разумовской), но при свиданіи опять съ нею во Флоренціи послѣ двадцати лѣтней разлуки прежняя дружба между обѣими не возобновлялась, какъ мнѣ какалось, виною чего была, по мнѣнію моему, разность ихъ вѣроисповѣданій, хотя можетъ быть, обѣ дамы не давали себѣ въ этомъ отчета. Несомнѣнно для меня, что Римскій прозелитизмъ дѣйствуетъ болѣе или менѣе не только на гражданскія отношенія, но и на родственныя и дружескія связи. Но никто изъ семейныхъ моихъ женщинъ не пытался совращать мою жену.

Я уже говорилъ, что въ этотъ зимній сезонъ съ 1837 по 1838 г., жена моя и я начали посѣщать Флорентинскій *бо-монд*ъ. Домъ принца де-Монфора (Іеронима Банапарта) былъ изъ первыхъ: у него были тан-

[1]) Вилла Данте, съ тѣхъ поръ извѣстная подъ именемъ виллы Понятовской, принадлежащая нынѣ невѣсткѣ моей графинѣ Аврорѣ Осиповнѣ, которая проводитъ теперь въ этой виллѣ даже зиму. Въ ней же умеръ весною 1869 года на 65-мъ году отъ рожденія, и всѣми знакомыми его оплакиваемый, Августъ Осиповичъ Понятовскій, пріѣхавшій на зиму къ своей сестрѣ.

[2]) Министромъ нашимъ при Римскомъ дворѣ былъ тогда нѣкто г. Потемкинъ, женатый на Англичанкѣ-католичкѣ.

[3]) Сынъ его, князь Василій Николаевичъ Репнинъ, однимъ или двумя годами старше меня, былъ уже тогда нѣсколько лѣтъ женатъ на Балабиной. Въ настоящее время сынъ князя Василія Николаевича женатъ на троюродной своей сестрѣ княжнѣ Софіи Дмитріевнѣ Волконской.

цовальные вечера разъ въ недѣлю, которые мы рѣдко пропускали. Умершая незадолго до нашего пріѣзда во Флоренцію, принцесса де-Монфоръ, хотя по себѣ Виртембергской королевской крови, держала, однакоже, себя, какъ слышно было во Флорентинскомъ обществѣ, какъ бы частное лицо; но низринутый съ Вестфальскаго трона, надменный ея супругъ не мирился съ своимъ паденіемъ, продолжалъ называть жену свою не иначе какъ «la reine», и на вечерахъ у себя придерживался полу-дворцоваго этикета, состоявшаго въ томъ, что Нѣмецкая баронесса (фамилію ея я забылъ), находившаяся при ея дочери принцессѣ Матильдѣ, нынѣ женѣ Анатолія Николаевича Демидова [1]), объявляла кавалерамъ о чести выбора ихъ самою принцессою для танцевъ съ нею, чему я былъ очевидцемъ. Передано же было мнѣ, что, при открытіи бала, домашній церемоніймейстеръ принца де-Монфора, какой-то Итальянецъ (изъ нуждающейся, вѣроятно, братіи) растворялъ настежь двери бальнаго зала передъ входомъ своего патрона и возвѣщалъ громогласно собравшимся гостямъ о входѣ его величества короля. Этого я самъ не видалъ, но могу засвидѣтельствовать, что принцъ на своихъ пріемныхъ вечерахъ расхаживалъ по заламъ со шляпою и тростью въ рукѣ, что̀ однакоже, надо сказать правду, не мѣшало ему быть весьма внимательнымъ къ гостямъ. Далеко не такъ надменно держалась низринутая съ неменьшей высоты сестра его Каролина Мюратъ, также поселившаяся во Флоренціи подъ скромнымъ псевдонимомъ графини Липона [2]). И она жила тамъ открытымъ домомъ, но простотою своего обращенія и радушною привѣтливостію снискала себѣ всеобщее уваженіе и привязанность. Разсказывали, что, изъявивъ однажды величественному своему брату сожалѣніе, что, не смотря на то, что она часто бывала у него въ домѣ, невѣстка ея не хочетъ сдѣлать ей удовольствія своимъ посѣщеніемъ, онъ отвѣчалъ сестрѣ, «la reine reçoit les visites, mais ne les rend pas» [3]). «О, если это такъ»,—возразила та,—«то и королева Каролина одинаково будетъ также дѣйствовать». Принцъ Іеронимъ былъ уже нѣсколько лѣтъ въ связи съ Флорентинскою одною дамою Б., худощавою, но интересною блондинкою, съ коею онъ, помнится мнѣ, прижилъ нѣсколько дѣтей, а впослѣдствіи женился на ней тайнымъ бра-

---

[1]) А. Н. Демидовъ возведенъ былъ въ началѣ 40-хъ годовъ въ достоинство графа ди-Санъ-Донато Тосканскимъ великимъ герцогомъ, но титулъ этотъ никогда не былъ признанъ за нимъ въ Россіи.

[2]) Вымышленная фамилія Липона есть ни что иное какъ анаграмма „Napoli". Она умерла во Флоренціи въ началѣ 1839 года въ своемъ палаццѣ, превратившемся нынѣ въ великолѣпный отель „Италію". Кончина ея возбудила всеобщую скорбь во Флоренціи, гдѣ всѣ ее горячо любили.

[3]) „Королева принимаетъ визиты, но не отдаетъ ихъ никому". (Анекдотъ этотъ переданъ мнѣ моею матерью).

комъ [1]). Принцесса Матильда, коей только что миновало тогда 16 лѣтъ, была очень не дурна собою, но толста не по лѣтамъ. Оба сына принца де-Монфора (старшій изъ коихъ давно умеръ) находились тогда при немъ. Меньшой изъ нихъ прозванный «Plon-plon», по причинѣ его тучности, только что возвратился тогда отъ своего дяди, короля Виртембергскаго, куда отправленъ былъ въ военную службу съ молодымъ Флорентинцемъ маркизомъ Бентиволіо, сыномъ г-жи Изабеллы Риччи отъ ея перваго брака [2]); оба они напроказничали, кажется, въ Штутгардѣ, вслѣдствіе чего отправлены были обратно восвояси. Я уже замѣтилъ, кажется, что за исключеніемъ И. М. Муравьева, всѣ мы Русскіе не честили принца Іеронима титуломъ «величества», а говорили ему только «Monseigneur», и «votre altesse».

Весною 1838 года братъ мой ѣздилъ на короткое время въ Россію. Это была послѣдняя его поѣздка въ отечество, пламенно любимое имъ до конца его примѣрной и страдальческой въ послѣднемъ ея періодѣ жизни. Зиму съ 1837 на 1838 годъ онъ съ семействомъ провелъ во Флоренціи, въ домѣ маркиза Пуччи, насупротивъ театра «Нуово» [3]) на улицѣ Санъ-Эджидіо, ведущей къ госпиталю Санта-Марія-Нуова.

Составъ Флорентинскаго дипломатическаго корпуса былъ въ то время много скуднѣе въ свѣтской своей обстановкѣ противъ того, чѣмъ онъ былъ въ моемъ дѣтствѣ и позднѣе, когда я провелъ годъ во Флоренціи по возвращеніи изъ Одессы. Русской миссіи тамъ никакой не было; не было также Французскаго посланника, и былъ только повѣренный въ дѣлахъ пѣкто г. де-Беллокъ, при коемъ состоялъ одинъ секретарь г. Лафонъ, сынъ знаменитаго въ началѣ столѣтія скрипача. Англійскою миссіею управлялъ также повѣренный г. Аберкро́мби, но въ 1838 году прибылъ новый министръ, сиръ Фоксъ, сынъ лорда Голланда, человѣкъ женатый и съ состояніемъ, но онъ не жилъ такимъ открытымъ домомъ, какъ его предмѣстникъ лордъ Бургешъ [4]). Австрійскимъ посланникомъ былъ генералъ графъ Ревицкій, человѣкъ уже по-

---

[1]) Принцъ Іеронимъ, проживая въ первой своей молодости въ Америкѣ, женился на Американкѣ, пѣкой дѣвицѣ Патерсонъ, каковой бракъ расторгнутъ былъ державнымъ его братомъ для его (Іеронима) женитьбѣ на принцессѣ Виртембергской. Сынъ отъ перваго брака, носившій фамилію своей матери Патерсонъ, остался навсегда въ Америкѣ.

[2]) Г-жа Риччи была узаконенная въ Австріи и Италіи дочь князя Станислава Понятовскаго. Дочь ея Біанка вышла замужъ впослѣдствіи за графа Валевскаго, преслову-таго друга Наполеона III-го сына Наполеона I-го (?).

[3]) Домъ маркиза Пуччи (тогдашняго мужа Паолины Ненчини, которая впослѣдствіи вышла замужъ за г. Хитрово) былъ также насупротивъ нынѣшняго дома г. Слоана.

[4]) Впослѣдствіи герцогъ Вестморландскій и, кажется, посланникъ въ 40-хъ годахъ при Берлинскомъ дворѣ.

жилой, но недавно передъ тѣмъ женившійся на красавицѣ Полькѣ; у него старшимъ секретаремъ посольства былъ баронъ Шницеръ. Сардинскимъ представителемъ былъ повѣренный въ дѣлахъ, Броліо ди-Момбель. Фамиліи Неаполитанскаго повѣреннаго въ дѣлахъ (посланника также не было) не помню, но дипломатъ этотъ ничѣмъ не отличался, кромѣ кучерскимъ своимъ искусствомъ править съ высоты козелъ цугомъ въ четыре лошади (four in hand) и даже, кажется, въ шесть кровныхъ Англійскихъ лошадей въ шорахъ и безъ форейтора. Онъ былъ молодой еще человѣкъ, холостякъ, у себя никого не принималъ и самъ почти ни у кого не бывалъ. Открытѣе всѣхъ прочихъ жили два брата князья Карлъ и Джіузеппе Понятовскіе, усыновленные въ Австріи и Тосканѣ, дѣти князя Станислава Понятовскаго, брата послѣдняго Польскаго короля.

Братья Понятовскіе владѣли большимъ состояніемъ гдѣ-то въ Австріи, но былъ слухъ, что старшій изъ нихъ, князь Карлъ сильно будто-бы разстроилъ свои дѣла. Всѣ три брата и старая княгиня-мать жили въ своемъ огромномъ палаццѣ въ улицѣ «Via larga» (нынѣ улица Кавуръ); она была первоначально не болѣе какъ женою кучера князя Станислава, и когда она овдовѣла и князь могъ поэтому жениться на ней, сыновья его были уже совершеннолѣтними; и вотъ почему Австрійское правительство возвратило его сыновьямъ фамилію и княжескій титулъ не къ законнымъ его дѣтямъ, а къ усыновленнымъ пріемышамъ бездѣтнаго яко бы князя. Въ первой четверти настоящаго столѣтія кн. Станиславъ поселился было въ Римѣ, купивъ значительныя помѣстья въ Церковной области, но поссорившись съ Римскою куріею по случаю отказа сей послѣдней въ усыновленіи незаконнорожденныхъ его дѣтей, распродалъ всѣ тамошнія свои имѣнія и переѣхалъ окончательно на жительство во Флоренцію. Сыновья его не знали ни одного слова по-Польски.

Я уже говорилъ, что Николай Никитичъ Демидовъ завѣщалъ значительное весьма помѣстье незаконному своему сыну Романовичу, въ окрестностяхъ Ливорна, называемое «Монте-Лимоне». По смерти убитаго на дуэли Романовича имѣніе это, за отсутствіемъ законныхъ наслѣдниковъ, имѣло перейти въ казну; но великій герцогъ Леопольдъ 2-й не захотѣлъ воспользоваться симъ правомъ и передалъ имѣніе Анатолію Николаевичу Демидову, на томъ-де основаніи, что оно принадлежало нѣкогда его отцу. Анатолій Николаевичъ при таковой любезности не захотѣлъ оставаться въ долгу и заявилъ Тосканскому владѣтельному принцу, что онъ превращаетъ великолѣпную свою подгородную

резиденцію Санъ-Донато въ шелковую фабрику, съ цѣлью, чтобы тамъ была постоянная работа для нуждающихся классовъ народа. Фабрикою этою завѣдывалъ въ 1837—1839 годахъ Французъ, нѣкто графъ-де Монтіе, весьма любезный и съ аристократическими манерами господинъ, но черезчуръ болтливый [1]).

Въ числѣ иностранцевъ былъ довольно скучный Датчанинъ нѣкто баронъ Мольтке, жена коего Елиза была воспитанницею графини Маріи Григорьевны Разумовской и ея племянницею по мужу, то есть эта Елиза, носившая за-границею до замужества имя графини Разумовской, была дочерью графа Григорія Кирилловича Разумовскаго отъ втораго его брака за-границею и при жизни первой его жены, каковой бракъ не признаваемъ былъ въ Россіи. Графиня Мольтке была свѣженькая блондинка и болѣе ничего, то, что̀ называется «*une blonde fade*». Въ обществѣ повсюду встрѣчаемы были два брата графы Потоцкіе, эмигранты послѣ Польскаго возстанія 1830—1831 г., не имѣвшіе, впрочемъ, ничего общаго съ мало-мальски извѣстными лицами этой фамиліи и, пожалуй, можетъ быть, что графскій ихъ титулъ подлежалъ сомнѣнію *). Судя по образу жизни этихъ двухъ братьевъ (старшій изъ коихъ былъ женатый), житейскіе ихъ рессурсы были весьма ограниченными. Въ одинъ изъ Флорентинскихъ зимнихъ сезоновъ явилась весьма загадочная личность, подъ именемъ г. Лузада, по фамиліи яко бы Португалецъ, но на повѣрку, изъ Британскихъ цивилизованныхъ сыновей Израиля. Его сопровождала жена его эфирная блондинка изъ чистокровныхъ дщерей Албіона, скромная и степенная весьма барынька, обращавшая первоначально вниманіе на себя клерикальныхъ мѣстныхъ дамъ ревностію своею къ католицизму, ибо, если не ошибаюсь, она перешла по убѣжденію изъ протестантизма въ лоно Римской церкви. Сверхъ голубыхъ своихъ глазъ она владѣла любезностію и нарѣчіемъ Парижанки; но былъ слухъ яко бы подозрительная личность ея *американскаго* происхожденія супруга дозволяла себѣ спекулировать впечатлѣніемъ красоты своей сожительницы надъ молодежью съ состояніемъ, изъ коихъ мужъ ея приглашалъ иныхъ къ себѣ и будто бы обыгрывалъ ихъ въ карты. Этимъ, однако же, я не хочу сказать, что жена его была къ тому причастна. Много позднѣе, одинъ мой знакомый разсказывалъ

[1]) Графъ де-Монтіе прибылъ въ Россію въ 1841 г. и прожилъ въ Москвѣ до 1843 года, сдѣлавшись интимнымъ лицомъ въ салонахъ нашей бѣлокаменной столицы. Онъ въ то время отошелъ отъ А. Н. Демидова, и покровительствуемый княземъ Дмитріемъ Владимировичемъ Голицынымъ предпринялъ было новый методъ мощенія улицъ, образчикъ коего онъ выказалъ на одной части Тверской улицы, но методъ этотъ оказался неудачнымъ.

*) За-границею всѣ почти безъ исключеній Поляки именуютъ себя графами.

мнѣ въ Москвѣ, что, въ бытность его гдѣ-то на водахъ въ Германіи, онъ повстрѣчался съ упомянутымъ рыцаремъ-искателемъ приключеній, и что онъ выдавалъ себя тогда за Португальскаго (или Американскаго) политическаго выходца. Жена моя по неопытности начала было сближаться съ г-жею Лузада, о коей мать моя, какъ домосѣдка, не имѣла никакого понятія; но бойкая тетка моя графиня Марія Артемьевна, временно жившая тогда во Флоренціи и принимавшая у себя по утрамъ нѣкоторыхъ лицъ изъ высшаго общества, предупредила насъ обоихъ не слишкомъ сближаться съ этою четою. Глава знаменитаго Женевскаго ювелирныхъ и часовыхъ дѣлъ торговаго дома г. Ботъ втерся какъ-то въ аристократическій Флорентинскій кругъ, благодаря своей женитьбѣ на одной дѣвицѣ де-Фовò изъ Французской легитимисто-бурбонской старинной фамиліи, сестрѣ ваятельницы де-Фовò, о которой уже было упомянуто. Молодые супруги Ботъ жили довольно открыто; мы были однажды у нихъ на балѣ, гдѣ были сливки мѣстнаго высшаго общества, а между тѣмъ внизу, въ 1-мъ этажѣ занимаемой ими квартиры, находились магазинъ и контора ювелирныхъ произведеній г. Бота, подъ управленіемъ главнаго прикащика г. Саррazена.

Супруги Ботъ были весьма милые люди, весьма просты въ обращеніи и жили между собою какъ голубки. Говорено было много прежде, что я провелъ однажды вечеръ со скульпторкою де-Фовò въ салонѣ княгини Маріи Аркадьевны Голицыной въ первое время моего пріѣзда во Флоренцію. Артистка-легитимистка эта была не безъ таланта, но не выходила изъ небольшаго размѣра фигуръ и орнаментальной части, одѣвалась почти что по-мужски, со стриженными въ кружокъ волосами, какъ наши кучера [1]); ей было, повидимому, уже около 30 лѣтъ. Статуетка Жанъ д'Аркъ съ сложенными накрестъ руками и съ мечомъ подъ мышкою обошла всю Европу и можетъ быть часть вселенной, на тумбахъ, и повторялась даже въ ювелирныхъ мастерскихъ въ видѣ булавокъ для мужскихъ шарфовъ [2]). Былъ въ то время наплывъ въ Тосканской столицѣ легитимистскаго Французскаго элемента, во

[1]) Прическу эту, называемую за границей „à la renaissance", а Французскими куаферами въ Россіи „à la moujik", мы всѣ мужчины начали носить около того времени за-границей, стали уже нерѣдко появляться бороды, но у насъ въ Россіи было противъ послѣднихъ административное гоненіе.

[2]) Много позднѣе, въ 1863 г., я снова встрѣтилъ дѣвицу де-Фовò во Флоренціи, сильно сочувствовавшую Французскимъ легитимистамъ, какъ всѣ Русскія дамы высшаго круга того вѣка. Аристократическая артистка была въ 1863 году въ томъ же почти костюмѣ какъ въ 1836 году, разсыпалась передо мною любезностями и, между прочимъ, сказала, что въ моей особѣ видно сейчасъ „un homme (ou représentant) de la vieille haute souche".

главѣ коего стоялъ величественный герцогъ-де-Роганъ съ своимъ семействомъ, и на челѣ его какъ бы читался фамильный этого рода девизъ «Dieu ne peux, roi ne veux, Rohan suis», что не мѣшало, однако же старшему его сыну носить титулъ «prince de Léon». Юноша этотъ былъ постоянно въ нашемъ обществѣ, и онъ мечталъ въ одно время поступить въ нашу службу въ Кавалергардскій полкъ, но это и осталось мечтою.

По пословицѣ «рыбакъ рыбака видитъ издалека», и еще точнѣе по Французской поговоркѣ «qui se ressemble, s'assemble», женская часть семейства Рогановъ сошлась съ теткою моею и болѣе прочихъ, кажется, старая мадамъ (или дюшессъ) де-Гонтѝ, теща герцога; но съ матерью моею, продолжавшею вести уединенную жизнь, никто, помнится мнѣ, изъ того семейства знакомъ не былъ. Изъ этой категоріи легитимистовъ, людей весьма пріятныхъ и съ утонченными манерами, постоянно были въ нашемъ обществѣ графъ де-Балліонъ, виконтъ де-Романъ (Romain), баронъ Гаріѝ и г. де-Шарнайль. Первые двое ухаживали за моею женой, но я дѣлалъ видъ будто-бы ничего не замѣчалъ, тѣмъ болѣе, что я подружился со вторымъ изъ нихъ (виконтомъ де-Романъ) и съ бароном Гаріѝ [1]). Въ числѣ кавалеровъ (т. е. танцоровъ) нашего общества были изъ Французовъ секретарь миссіи Лафонъ и г. Августъ Валабрекъ, сынъ знаменитой пѣвицы Каталани-Валабрекъ, недавно передъ тѣмъ вышедшій изъ Французской военной службы. Этотъ молодой человѣкъ имѣлъ несчастіе попасть въ кавальеръ-сервенти къ одной Флорентинской маркизѣ, ревность коей преслѣдовала его повсюду, даже на балахъ; случалось, что когда онъ засиживался гдѣ нибудь въ мужской компаніи, она подъѣзжала къ дому, гдѣ онъ гостилъ, и увозила его. Надо предполагать, что счастіе это тяготило его (да и барыня эта была рыженькая и вовсе не изъ казистыхъ), потому что онъ былъ неразговорчивъ въ обществѣ.

Къ этому времени относится начало многолѣтней дружбы жены моей съ маркизою Вирджиніею Бочелла, мужъ которой, литераторъ и

---

[1]) Г.г. де-Балліонъ, Романъ, Гаріѝ и весьма еще молодой маркизъ де-Таллейранъ (тотъ самый вѣроятно, что нынѣ посломъ Наполеона 3-го при нашемъ дворѣ) посѣтили Россію въ 1843 году и обѣдали у меня въ Москвѣ. Бѣдный де-Романъ, покончивъ со своимъ состояніемъ на Французскимъ гиподромахъ, поступилъ впослѣдствіи, вопреки династическимъ своимъ убѣжденіямъ, въ военную службу въ Алжиръ, гдѣ и умеръ. Почти всѣ эти молодые люди носили бороду. Здѣсь не мѣшало бы замѣтить, что бороды въ Россіи, не смотря на постоянное ихъ существованіе, въ крестьянскомъ, торговомъ и духовномъ сословіи, нами какъ-бы не замѣчались и вошли въ употребленіе въ высшихъ сколько нибудь классахъ съ Французскаго образца. Мы даже и въ этомъ случаѣ не умѣли быть самостоятельными. Здѣсь должно искать причину административнаго гоненія на бороды. Мы сбрили ихъ (при Петрѣ) по-Нѣмецки, и отпустили по-Французски.

меломанъ, былъ чѣмъ-то при дворѣ миніатюрнаго Лукскаго герцога. Она и сестра ея, баронесса Лёвенбергъ (мужъ ея былъ шталмейстеромъ при сказанномъ герцогѣ) были природныя онѣмеченныя Мадьярки, незаконнорожденныя дочери графа Павла Эстергази, бывшаго въ то время Австрійскимъ посланникомъ при Великобританскомъ дворѣ. Маркиза Вирджинія Бочелла, хотя прекрасно сложенная при маленькомъ своемъ ростѣ и очень изъ себя милозидная (figure piquante), не была красавицею, то тѣмъ не менѣе, была въ обществѣ тѣмъ, что́ нѣсколько позднѣе было принято называть львицею. Она имѣла хорошее весьма свое собственное состояніе, и постоянное мѣстопребываніе ея было не во Флоренціи (куда она пріѣзжала лишь временно), а въ прекрасно устроенной своей виллѣ, подъ самымъ городомъ Луккою и не болѣе какъ въ 5-ти часовомъ разстояніи отъ Флоренціи. Имя, впрочемъ, львицы, которымъ я было почтилъ маркизу Бочеллу, относится только къ ея туалету и обстановкѣ дома; ибо свѣтскія ея манеры и привычки всегда были скромны и чужды всякой эксцентричности. Не была она вполнѣ счастлива въ своей домашней жизни, и потому мать моя принимала въ ней участіе, а маркиза Бочелла питала къ ней большое довѣріе въ первые года своего замужества и была въ перепискѣ съ нею. Такъ какъ незадолго до моего съ женою пріѣзда во Флоренцію баронесса Лёвенбергъ уѣхала совсѣмъ отъ своего мужа, оставивъ у него малолѣтнюю свою дочь, то мнѣ никогда не случилось видѣть ее.

Зимою съ 1838 на 1839 годъ, я познакомился, какъ упоминалъ выше, въ домѣ Муравьева-Апостола съ Александромъ Александровичемъ Вонлярлярскимъ, пріѣхавшимъ съ своею женою Вѣрою Дмитріевною (урожденной Полторацкой) и съ малолѣтнею дочерью на зиму во Флоренцію. Насколько я сразу сблизился съ нимъ, настолько же и сошлась жена моя съ достойнѣйшей и милой Вѣрою Дмитріевною. Лярскіе жили въ то время весьма еще скромно и разсчетливо [1]). Во время великаго поста мы пополамъ съ ними были абонированы на ложу въ Перролѣ, гдѣ давалась Беллиніева опера «Беатриче ди Тенда», съ примадонною г-жи Блазисъ, пѣвицею 1-го разряда, имѣвшею передъ тѣмъ большой успѣхъ въ Лондонѣ въ

[1]) А. А. Вонлярлярскій не пускался еще тогда ни въ какія подрядныя дѣла. Онъ уже былъ офицеромъ въ Семеновскомъ полку во время такъ называемаго бунта 1820 г. и по раскассированіи полка попалъ въ армейскій пѣхотный (кажется, Бутырскій) полкъ, послѣ чего былъ адъютантомъ у генерала Набокова и вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика или штабсъ-капитана. Онъ былъ вполнѣ человѣкомъ, созданнымъ для общественной жизни, веселаго нрава, услужливаго до крайности, и добрѣйшей души, но со склонностію пустить при удобномъ случаѣ пыль въ глаза. Поговоркою у него было „что надо стремиться къ невозможному, чтобы получить лишь возможное.

оперѣ «Норма». Второю оперою того сезона и съ тѣмъ же составомъ артистовъ была «Марія-ди-Руденъ», безцвѣтное вообще произведеніе бывшаго тогда въ славѣ Доницетти, которое могло имѣть успѣхъ лишь при исполненіи главной мужской партиціи баритономъ Ронконп, но ее исполнялъ Варезе. Только что кончился контрактъ г-жи Блазисъ съ импрессаріемъ, какъ она заболѣла и умерла. По свѣдѣніямъ, полученнымъ однимъ коротко знакомымъ мнѣ музыкантомъ отъ ея духовника, симпатичная и даровитая эта артистка сподобилась примѣрной христіанской кончины, и при ея отпѣваніи, куда случайно попалъ и я, въ церкви Бадія было большое стеченіе публики.

Кстати опишу возмутительный обычай преданія землѣ Флорентинскихъ низкаго званія людей и тѣхъ непривилегированныхъ особъ, которыхъ не хоронятъ при церквахъ или въ аристократическихъ, семейныхъ погребальныхъ каплицахъ, находящихся въ церквахъ или примыкающихъ къ онымъ. Кладбищей вблизи города нѣтъ вовсе кромѣ одного, небольшаго, у воротъ Питти для членовъ братства «Мизерикордіи» исключительно, и другого, устроенныхъ въ началѣ 40-хъ годовъ для иновѣрцевъ, преимущественно для протестантовъ, но гдѣ хоронятъ нынѣ православныхъ [1]). Для всѣхъ же низшихъ сословій, существуетъ слѣдующій порядокъ. Тѣло по отпѣваніи его (утвердительно не могу даже сказать вносятся-ли въ приходскую церковь всѣ тѣла низшаго сословія) переносится въ общее складочное мѣсто, въ мало населенной части города, называемое «Santa Caterina», гдѣ имѣется, кажется, каплица или небольшая церковь и тамъ кладется въ большой залъ или сарай, по обѣимъ сторонамъ устроены мраморныя нары, на которыя кладутъ всѣ тѣла, накопившіяся въ теченіе каждаго дня. Въ сумеркахъ подъѣзжаетъ къ воротамъ того зданія крытый фургонъ, куда складываютъ эти тѣла безъ гробовъ, запираютъ крышу фургона замкомъ, ключъ отъ коего остается у сторожа; затѣмъ фургонъ отправляется къ общему кладбищу, называемому Тресціано въ 8 или 9 верстахъ отъ города, въ Аппенпнскихъ горахъ, и тамошній кладбищенскій сторожъ, у котораго имѣется двойной ключъ отъ фургона, выпимаетъ всѣ тѣла и предаетъ ихъ землѣ въ общей могилѣ. Отъ подобнаго безчиннаго погребенія отказались бы, конечно, православные, даже и безъ мѣстнаго запрета хоронить ихъ въ Тресціано. Разсказывали мнѣ, что возчикъ подобнаго транспорта, услыхавъ однажды стоны въ фургонѣ, сильно перепугался, но по неимѣнію при себѣ ключа отъ фургона не могъ до своего прибытія къ мѣсту освободить несчастную женщину, очнувшуюся отъ летаргическаго сна. Когда же совершается парадное,

[1]) Есть, впрочемъ, еще кладбище для Евреевъ.

такъ сказать, поминовеніе кого нибудь изъ знаменитаго рода или изъ богатыхъ, тѣло коего уже предано прежде того времени землѣ, вся церковь обвѣшивается внутри и снаружи длинными полотнищами также траурнаго цвѣта, а въ серединѣ церкви возвышается катафалкъ съ мнимымъ гробомъ. Снаружи, надъ входными дверями, прибивается щитъ съ Латинскою надписью имени, фамиліи, рода, свѣтскаго положенія, лѣтъ и дня кончины виновника этого церковнаго торжества. А въ земляхъ Церковной области, на наружныхъ стѣнахъ церквей наклеиваются раскрашенные гербы недавно передъ тѣмъ умершихъ не изъ низшаго сословія съ обозначеніемъ ихъ именъ и фамилій, дабы мимоидущіе молились за нихъ; а иной разъ наклеены раскрашенные рисунки, съ изображеніемъ смерти въ видѣ скелета съ косою въ рукахъ, а подъ ними надпись «Hodie mihi, cras tibi». (Сегодня мнѣ, а завтра тебѣ). Истинно диковинно, что когда только обрядность въ Римской церкви стремится быть торжественною, то ради бо́льшаго эффекта она впадаетъ въ театральную обстановку.

На все лѣтнее время я нанялъ въ окрестностяхъ Ливорна виллу Кокки, такъ какъ морскія купанья предписаны были моей женѣ по случаю одной женской болѣзни, и они значительно ей помогли. Въ началѣ Іюня мы, а съ нами и теща моя, Елисавета Ивановна, переѣхали на эту виллу. Послѣ безолаберной Московской жизни въ Бибиковскомъ домѣ на Пречистенкѣ; это было въ первый разъ, что мы оба жили своимъ маленькимъ отдѣльнымъ хозяйствомъ, и это обстоятельство насъ потѣшало. Мать моя между тѣмъ провела часть лѣта при моей сестрѣ княгинѣ Видони, въ Ломбардіи, а возвратившись оттуда, съ семействомъ брата моего, въ нанятой имъ виллѣ, также въ окрестностяхъ Ливорна и неподалеку отъ насъ, но самъ онъ туда переѣхалъ много позднѣе насъ. Не нуждаясь по этой причинѣ въ поварѣ, мать моя уступила намъ своего по имени Базиліо на все лѣто. У насъ, на виллѣ Кокки ежедневнымъ гостемъ былъ добрый нашъ падре Джіовакино, все еще не причисленный къ Ливорнской Греческой церкви. За неимѣніемъ постояннаго занятія онъ началъ, какъ и я, скупать старыя поврежденныя картины, которыя я взялся реставрировать, и по случаю этого занятія я отправлялся каждое утро пѣшкомъ къ нему въ городъ и привозилъ его съ собою къ намъ обѣдать.

Въ числѣ посѣтительницъ морскихъ купаній того сезона была одна наша соотечественница, незнакомая еще въ нашемъ Русскомъ обществѣ, дѣвица не первой молодости, по фамиліи Акацатова (Французы наши звали ее m-lle Catastrophe, Одесская уроженка и жительница,

необыкновенно дородная. О ея происхожденіи и предъидущей жизни ничего намъ не было извѣстно, развѣ только, что она имѣла будто бы большое состояніе; во Флоренціи же она явилась впервые въ концѣ истекшей зимы, ни съ кѣмъ изъ Русскихъ не сблизилась и привезла съ собою въ видѣ компаніонки молоденькую и весьма миловидную Англичанку, миссъ Вильсонъ, оказавшуюся (какъ носился слухъ) дочерью содержательницы Петербургскаго Англійскаго отеля (boarding house) на Галерной улицѣ [1]). Мы увидимъ, какое блистательное и неожиданное свѣтское положеніе готовилось этой дѣвицѣ Акацатовой.

Вскорѣ послѣ нашего переѣзда на виллу я поѣхалъ одинъ въ Лукку удостовѣриться лично о существованіи и о касающемся до Славяно-уніятской церкви, находившейся у владѣтельнаго Лукскаго герцога, разсказы о коей, переданные мнѣ моею матерью во время нашего пребыванія въ Кіевѣ, возбудили мое любопытство. Изъ тогдашнихъ ея словъ ясно для меня проглядывало радостное, возникшее въ ней чувство, когда она посѣтила ту церковь отъ возможности присутствовать ей при отечественномъ богослуженіи, не переставая быть въ общеніи съ Римскою церковью.

Переѣздъ изъ Ливорна черезъ Пизу въ Лукку совершался тогда по шоссе въ 4¼ часовъ. Объективный мой пунктъ (то есть Славяно-уніятская церковь) былъ не въ самомъ городѣ Луккѣ, а въ паркѣ, лѣтней резиденціи герцога, въ Мàрли, почти въ получасовомъ разстояніи отъ города, по дорогѣ къ минеральнымъ водамъ. Упомяну мимоходомъ, что значительная часть Флорентинскаго фашіонабельнаго бомонда переселялась на лѣто на Лукскія минеральныя воды, вовсе не для гигіенической потребности, ибо воды эти не имѣютъ никакихъ цѣлебныхъ свойствъ, а служатъ модньмъ сборнымъ пунктомъ лѣтняго сезона; тѣмъ не менѣе тамъ находится огромное зданіе съ ваннами, имѣющее значеніе одинаковое съ нашими Москворѣцкими, Сандуновскими или Полторацкими банями. Время весело и шумно текло на Лукскихъ водахъ въ балахъ, въ мѣстномъ Казино, и кавалькадахъ по живописнымъ горамъ; а въ Казинѣ, кромѣ танцевъ, была приманка антрепренера азартныхъ игръ и открытое метаніе банка, вещь недопускаемая строгонравнымъ Тосканскимъ монархомъ. Говоря о кавалькадахъ, я вспомнилъ, что однажды, по случаю паденія съ лошади одной красавицы Англичанки по имени миссъ Локъ, неисправимый каламбуристъ г. Валабрекъ (мужъ пѣвицы Каталани) не замедлилъ за-

[1]) Миссъ Вильсонъ вышла замужъ немного позднѣе за графа Васильева, о которомъ я упустилъ упомянуть, какъ объ одномъ изъ Русскихъ, проведшихъ предыдущую зиму во Флоренціи.

явить собравшемуся въ Казинѣ обществу, что «c'était la plus belle *locataire* (Lock à—terre) que le duc ait eu dans ses états»: игра словъ непереводимая на Русскій языкъ. Кончаю это отступленіе отъ нити разсказа тѣмъ, что владѣтельный герцогъ, отличавшійся своимъ общительнымъ характеромъ, давалъ лѣтнимъ посѣтителямъ водъ по нѣскольку баловъ въ своей резиденціи Марли, находившейся около 2-хъ часовъ разстоянія отъ водъ.

Итакъ, переночевавъ въ г. Луккѣ, я поспѣлъ на слѣдующій день, который былъ Воскресенье, къ обѣднѣ въ Марли [1]). Небольшое зданіе церкви, отдѣльно стоящее въ живописномъ Англійскомъ паркѣ, снаружи не имѣетъ ничего напоминающаго церковно-восточную обрядность, но во внутреннемъ его устройствѣ церковный чинъ строго выдержанъ въ иконостасѣ и во всемъ прочемъ. Домъ для священника и церковнослужителей находится при церкви. Священникъ былъ изъ уніятовъ Австрійскихъ Славянскихъ западныхъ провинцій, съ бородою и длинными волосами. Онъ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ. Всѣ служебныя книги выписаны были изъ Московской синодальной типографіи, но въ нихъ рукою самого владѣтельнаго герцога (какъ мнѣ показывали) приписано было «и отъ сына» Славянскими буквами надъ печатнымъ текстомъ въ Символѣ вѣры. Литургія, по чину св. Златоуста, безъ всякихъ пропусковъ и при пѣніи клиросныхъ двухъ причетниковъ, не отличалась, помнится мнѣ, ничѣмъ отъ нашей. Упоминаніе на эктеніяхъ мѣстнаго царствующаго герцога не поражало посторонняго слушателя своею странностію; но когда на большомъ выходѣ священникъ, помянувъ его святѣйшество папу Григорія XVI, провозглашалъ затѣмъ благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго, великаго государя нашего герцога Лудовика Карловича (или подобное тому отчество) — и супругу его благочестивѣйшую государыню герцогиню Амалію (или Каролину Францевну или другое подобное имя), а далѣе, мѣстное «христолюбивое воинство» (состоявшее всего изъ 700 солдатъ) трудно было не улыбнуться. Кромѣ меня въ церкви никого не было. Прежняя славяноманія герцога Лудовика видимо охладѣла, и устроенную имъ церковь онъ, какъ мнѣ говорилъ священникъ, рѣдко посѣщалъ. Бѣдный священнослужитель жилъ отшельникомъ, и ничего общаго не было между нимъ и окружавшимъ его Латинскимъ духовенствомъ, а еще менѣе мѣстными жителями. При встрѣчѣ со мною, какъ съ осѣняющимъ себя одинаковымъ крестнымъ знаменіемъ, онъ забылъ или не хотѣлъ обратить вниманія, что я въ глазахъ его схизматикъ, и

[1]) О богослуженіи въ этой Славяно-уніятской церкви, подробно было мною изложено въ „Духовной Бесѣдѣ“ за 1867 годъ.

крайне обрадованный моимъ посѣщеніемъ, пригласилъ меня послѣ службы къ себѣ въ домъ и радушно угощалъ меня. Таково уже чувство національности, что оно заглушаетъ даже религіозныя предубѣжденія. Мы свободно понимали другъ друга, хотя я говорилъ порусски, а онъ пославянски. Онъ сказывалъ мнѣ, что очень скучаетъ образомъ своей жизни.

Впослѣдствіи передано было мнѣ, что славянофильство Лукскаго герцога относить можно въ 1832 году, при возникновеніи Эллинскаго королевства, на которое онъ тогда возымѣлъ поползновеніе; но надежды его не сбылись. За этою маніею послѣдовала новая, о подражаніи Русскому милитаризму, начавшаяся по слѣдующему случаю.

Въ нѣкій, злосчастно - памятный для Лукскаго государственнаго бюджета день, вошла въ голову Анатолію Николаевичу Демидову мысль презентовать герцогу Лудовику иллюминованное и роскошное изданіе мундировъ всѣхъ Россійскихъ войскъ. Этого было достаточно, чтобы дать другое направленіе игривой фантазіи Лукскаго принца, и онъ не замедлилъ приняться наряжать своихъ солдатъ точь въ точь въ такіе же мундиры, какъ Русскіе, съ разницею въ томъ только, что мундиры были синіе съ серебромъ по фамильному его цвѣту, вмѣсто зеленыхъ. Но чтобы коллекція сдѣлалась полною въ натурѣ, пришлось ему создать нѣчто въ родѣ войска вмѣсто 150 или 200 людей, составлявшихъ дотолѣ всю охранную стражу государства, и потому онъ цифру эту учетверилъ, раздѣливъ свое войско, какъ слѣдуетъ, на пѣхоту, кавалерію, артиллерію, инженеровъ, піонеровъ и проч. Такимъ образомъ цифра сдѣлалась весьма чувствительною для его воснпаго бюджета. Онъ нашелъ ревностнаго себѣ помощника въ лицѣ бывшаго прапорщика или поручика Французской службы графа де-ла-Рошъ-Пушéна, полный титулъ коего былъ «le comte Achille de la Roche-Pouchain de la Roche-noir», воспитанника Сенъ-Сирскаго или Сомюрскаго кавалерійскаго училища, возведеннаго имъ (герцогомъ Лукскимъ) въ званіе своего генералъ-адъютанта и главнокомандующаго всѣмъ его войскомъ. Въ какое время и за какіе подвиги импровизованный этотъ генералъ попалъ въ графы, мнѣ неизвѣстно; знаю только, что его отецъ, коего помню въ моемъ дѣтствѣ во Флоренціи, былъ нѣкогда, какъ говорили тамъ, интендантомъ въ Наполеоновскомъ войскѣ, и по изгнаніи Французовъ изъ Италіи поселился въ купленномъ имъ домѣ, во Флоренціи, рядомъ съ казино Торреджіани, въ улицѣ, ведущей къ Римскимъ городскимъ воротамъ, гдѣ и умеръ подъ именемъ генерала Пушéна, никогда не мечтавъ о графскомъ титулѣ. Сановный его сынъ женился около этого времени на княжнѣ Чарторижской (дочери или родственницѣ эмигранта князя Адама, не знаю), чѣмъ и пріобрѣлъ нѣкоторую осанку и значе-

ніе въ аристократическомъ обществѣ. Изъ себя онъ былъ молодчина высокаго роста, бѣлокурый и бѣлолицый съ румяными щеками, и надо признаться, что генералъ-адъютантскій его мундиръ съ толстыми серебряными эксельбантами шелъ къ нему какъ нельзя лучше. Между герцогомъ Лукскимъ и мною было сходство во вкусѣ окружать себя звѣринцемъ изъ иностраннаго люда, но конечно въ бо́льшихъ размѣрахъ, чѣмъ скромный мой Царскосельскій и Варшавскій звѣринецъ. Камергеромъ и интимнымъ при немъ лицемъ былъ нѣкій Англичанинъ, по фамиліи Кокрелъ, человѣкъ незнатнаго происхожденія, но не возгордившійся своимъ фаворитизмомъ. Шталмейстеромъ былъ упомянутый уже мною Нѣмецъ баронъ Лёвенбергъ, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ «comme il faut», а адъютантомъ или состоящимъ при его особѣ, по съ военнымъ званіемъ, былъ молодой Австріецъ, фамилію коего я забылъ. Знаменитый впослѣдствіи Дёллеръ числился тогда также чѣмъ-то при его дворѣ. При собственной конюшнѣ барона Лёвенберга былъ первоначально простой конюхъ изъ Англичанъ (groom), нѣкто Га̀рве (или Гѐрве), понравившійся герцогу Лудовику до того, что, взявъ этого конюха въ услуженіе къ себѣ, онъ постепенно началъ возвышать своего фаворита, и когда, нѣсколько лѣтъ позднѣе, онъ получилъ Пармское герцогство взамѣнъ Лукскаго, то этотъ Англичанинъ сдѣлался тамъ, какъ мнѣ передавали, министромъ финансовъ. Главнокомандующій войсками не ладилъ съ оберъ-шталмейстеромъ и, во время холеры, когда величавый графъ де-ла-Рошъ-Пуше́нъ отнесся къ сказанному шталмейстеру объ отпускѣ ему лошадей изъ герцогской конюшни (или одной только верховой лошади) для объѣзда карантиннаго кордона, шталмейстеръ ему въ томъ отказалъ, вслѣдствіи чего г. главнокомандующему, не имѣвшему вѣроятно еще въ то время своего хозяйства, пришлось отправиться на ревизію пѣшечкомъ, или добывать гдѣ нибудь себѣ клячу за свои деньги.

Жена герцога Лудовика (сестра, если не ошибаюсь, тогдашней Австрійской императрицы, супруги Фердинанда) была вся предана строжайшему піетизму и въ этомъ духѣ воспитывала единственнаго своего сына. Въ противуположность своему супругу, она никуда не выѣзжала, и оффиціальныхъ пріемовъ при ея дворѣ никакихъ не было *). Разсказывали, что она внушала своему сыну, что театры суть дьявольскія храмины; не взирая на это, юноша потихоньку поговаривалъ, что хотѣлось ему весьма посмотрѣть на эти сатанинскія зрѣлища. Въ одномъ отношеніи герцогъ Лудовикъ здраво

*) Молодой принцъ, сынъ герцога Лудовика, впослѣдствіи Пармскій герцогъ, трагически кончилъ жизнь въ новой своей столицѣ. Онъ былъ женатъ на дочери убитаго герцога де-Берри (mademoiselle de France, какъ ее звали легитимисты), сестрѣ герцога Бордоскаго, иначе графа Шамборскаго.

мыслилъ, а именно, что всякая съ его стороны фанаберія была бы неумѣстною; онъ сознавалъ себя болѣе подходящимъ къ категоріи крупнаго землевладѣльца, чѣмъ къ монарху, и потому любилъ сближаться съ иностраннымъ обществомъ, проводившимъ лѣто на Лукскихъ водахъ, и настаивалъ, чтобы и съ нимъ обращались попросту, какъ съ частнымъ лицомъ. Особенно любилъ онъ поселадонничать съ молодыми дамами, посѣщать ихъ салоны на интимной ногѣ, и давалъ иногда балы въ прекрасной своей виллѣ Марли, на коихъ супруга его никогда не показывалась. Милитаризмъ его не простирался однакоже до его одежды, и я не видывалъ его одѣтымъ иначе какъ въ статскомъ платьѣ.

У насъ не было въ Ливорнѣ почти никого знакомыхъ, кромѣ семейства нашего консула г. Энгельбаха, состоявшаго изъ его жены-старухи и незамужней и немолодой уже дочери. Хотя онъ жилъ не открыто, но весьма прилично по занимаемому имъ мѣсту, и мы однажды обѣдали у него. Онъ былъ человѣкъ далеко не глупый и былъ бы даже пріятнымъ въ разговорѣ, если-бы этому не мѣшалъ сильный его Нѣмецкій акцентъ. Однажды, въ бесѣдѣ съ нами о политикѣ, онъ высказалъ удачную весьма фразу, запечатлѣвшуюся въ моей памяти: «Empereur Alexandre I-r coquettait avec sa réputation européenne». Для моей тещи встрѣча въ Ливорнѣ съ г-жею Энгельбахъ была кладомъ: она, какъ Московская Нѣмка по рожденію, въ противность своему мужу (бывшему до 1812 года книгопродавцемъ въ Москвѣ) чисто и правильно говорила по-русски, и обѣ онѣ вмѣстѣ подняли всю допожарную бѣлокаменную старину.

Мать моя, съ неразлучною своею Леруа, провела остальную часть лѣта (1838 г.) съ семействомъ моего брата, на виллѣ неподалеку отъ нашей *). Въ то время Леруа была еще тверда въ православіи и ѣздила съ нами къ обѣднѣ по Воскресеньямъ въ Ливорнскую Греческую церковь. Она говаривала, что если обѣ церкви, Греческая и Латинская, одинаково правы въ своихъ вѣрованіяхъ и между ними никакого почти различія не существуетъ (что и намъ твердили съ самаго почти дѣтства), то къ чему же переходить изъ нашей въ западную? Но вѣроятно, что позднѣе, по мѣрѣ увеличившейся въ семейныхъ нашихъ женщинахъ ревности къ новому ихъ вѣроисповѣданію, воззрѣніе сроднившейся съ нами Екатерины Ивановны на этотъ вопросъ измѣнилось.

*) У графини Авроры Осиповны появились тогда затвердѣлости на грудяхъ, грозившія кончиться ракомъ, чѣмъ умерла ея мать; но, благодаря своевременному и правильному леченію, въ томъ числѣ постоянному употребленію ослинаго молока, опасность миновала, и она по сю пору здравствуетъ.

Меньшой изъ братниныхъ сыновей, прелестный и по лѣтамъ развитый ребенокъ Джоё (Іосифъ), сильно началъ страдать біеніемъ сердца, оказавшимся аневризмомъ, и угасъ тою осенью въ полномъ пониманіи того, что̀ значитъ смерть и съ назидательною покорностію волѣ Провидѣнія, не преставая усердно молиться до послѣдняго почти своего издыханія. Изумительно христіанская эта кончина была не дѣтскою, а взрослаго праведника.

Получено было въ то время неожиданное для всѣхъ извѣстіе отъ г. Слоана, что онъ, наконецъ, избралъ себѣ сопутницу жизни и что его бракъ вскорѣ имѣетъ состояться. Всѣ мы были этимъ удивлены, тѣмъ болѣе, что при недавнемъ еще его свиданіи съ моею матерью, не было о томъ и рѣчи. Да и дѣйствительно трудно понять, какъ онъ, человѣкъ 45 уже лѣтъ, съ изящными манерами и привыкшій къ холостому образу жизни, могъ на это рѣшиться. Нареченная его была немногимъ моложе самого его, безъ всякаго состоянія, собою весьма не казиста и, судя по настоящему, никогда и прежде не могла отличаться красотою, но за то владѣла тихимъ и всегда ровнымъ характеромъ и выказала впослѣдствіи рѣдкія нравственныя достоинства и бережливость въ домохозяйствѣ. Чета эта прожила нынѣ тридцать лѣтъ въ полномъ согласіи, и по истинѣ трогательно смотрѣть со стороны на этихъ олицетворенныхъ Филимона и Бавкиду, всю заботу которыхъ составляетъ предупредительность взаимныхъ ихъ желаній. Г. Слоанъ познакомился съ нею этимъ же лѣтомъ, по случаю ея перехода изъ протестантства въ католицизмъ; но не думаю однакоже, чтобы это самое обстоятельство могло быть причиною возникшаго въ немъ нѣжнаго къ ней чувства: ибо, хотя г. Слоанъ исполнялъ акуратно уставы своей церкви, но никогда не отличался религіознымъ фанатизмомъ, и скорѣе можно было причислить его къ рѣдкимъ сторонникамъ вѣротерпимости.

Дополненія.

Геніальный Микель-Анджело, любуясь размѣрами ротонды (т. е. внутренности) уцѣлѣвшаго отъ времени и рукъ варваровъ Римскаго Пантеона, сооруженнаго Агриппою въ царствованіе Августа, будто бы воскликнулъ: «я его поставлю на воздухъ!» и въ тѣхъ же размѣрахъ выстроилъ куполъ церкви св. Петра. Не безъинтересно будетъ для Русскаго любителя художествъ знать, что тотъ самый размѣръ сообщенъ круглому внутреннему двору зданія Петербургской Академіи Художествъ. Флорентинскій куполъ имѣетъ не совершенно сферическую форму, а выходитъ осьмиугольникомъ. Замѣчательно, что большая часть Флорентинскихъ публичныхъ и частныхъ зданій относится къ

Флорентинской республиканской эпохѣ и весьма мало къ позднѣйшей, Медичійской. Изумительно, когда вспомнишь, какими богатствами и средствами располагала эта небольшая республика, территоріальное пространство коей долго занимало не болѣе 50 верстъ въ длину. Позднѣе она расширилась черезъ порабощеніе Сіенской и Пизанской республикъ и Ареццо, но утратила республиканское начало и была переименована въ герцогство при первомъ изъ Медичійской династіи Космѣ, прозванномъ отцемъ отечества, власть коего была еще чѣмъ то въ родѣ президентской и не посягала на титулъ герцога Тосканы; этотъ титулъ былъ принятъ только его сыномъ, Космою 1-мъ.

*

Изъ корня Флорентинскаго ириса выдѣлывается тотъ ароматичный порошокъ, имѣющійся въ нашихъ аптекахъ, который извѣстенъ подъ неправильнымъ названіемъ фіалковаго корня. Онъ изготовляется исключительно въ химической лабораторіи и дистилярномъ заведеніи монаховъ Доминиканскаго ордена, при церкви Санта-Марія-Новелла. Тутъ же изготовляются всякія благовонныя и косметическія издѣлія, мыла, помады, разныя эссенціи и нюхательные спирты; но главную отрасль торговли составляетъ ликеръ, извѣстный подъ названіемъ алкермеса, составъ коего хранится доселѣ въ тайнѣ. Ликеръ этотъ разсылается почти по всему свѣту. Отдѣлку магазина при этомъ заведеніи можно назвать роскошною, а начало его основанія относится чуть ли не къ XIII-му вѣку, эпохѣ самой дѣятельной и плодотворной между Итальянскими монашескими орденами. Благодаря сказанной лабораторіи, монастырь Санта-Марія-Новелла владѣетъ (или владѣлъ въ мое время) большими денежными капиталами.

Кстати о Доминиканскомъ орденѣ замѣчу, что въ одномъ изъ внутреннихъ дворовъ съ открытою квадратною галлереею (chiostro) того монастыря имѣется большая стѣнная живопись, сюжетъ коей, кажется, Страшный судъ, и гдѣ между фигурами снуютъ нѣсколько чернопѣгихъ псовъ, одинъ изъ коихъ держитъ въ зубахъ надпись «*Domini cani*», т. е. «Господни псы», каламбуръ относящійся къ Доминиканскому ордену, а черно-пѣгая шерсть псовъ къ одеждѣ того ордена, состоящей изъ бѣлой рясы съ черною мантіею и съ таковымъ же капюшономъ. Подобнаго рода неумѣстныя, по мнѣнію моему, черты встрѣчаются не разъ у Итальянскихъ художниковъ; такъ напримѣръ, въ трапезномъ залѣ (refectorio) упраздненнаго нынѣ монастыря Бадіи, на склонѣ горы подъ Этрусскимъ городкомъ Фіезоли, въ стѣнной живописи, представляющей Спасителя, окруженнаго сонмомъ ангеловъ, служащихъ ему послѣ сорокодневнаго поста, усматривается въ одномъ углѣ живописи убѣгающій сатана, одѣтый въ монашеское платье, со связкою ключей,

висящей у него на поясѣ. Фигура эта изображаетъ, какъ гласитъ преданіе, портретъ монаха-погребщика той обители; она здѣсь помѣщена живописцемъ Джіовани-ди-Санъ-Джіовани (артистомъ извѣстнымъ своею эксентричностію болѣе чѣмъ особеннымъ талантомъ) въ отместку за то, что ключникъ отпускалъ ему плохое вино, когда этотъ художникъ занимался стѣнною живописью въ монастырѣ на монастырскомъ иждивеніи.

О немъ разсказываютъ также, что, писавши распятіе Спасителя въ большомъ размѣрѣ въ церкви какого-то женскаго монастыря, онъ безконечно затягивалъ работу, потому что его очень хорошо кормили: но на его бѣду кто-то догадался о причинѣ этой медленности и шепнулъ игуменьѣ въ чемъ дѣло. Та распорядилась вмѣсто прежнихъ харчей отпускать живописцу одинъ только хлѣбъ и жареныя цибули (лукъ); но смекнулъ и онъ о причинѣ этой перемѣны и поспѣшилъ подмалевать крестъ во всю величину заказанной работы, выставивъ изъ-за креста голову Спасителя и выдающіяся отчасти Его колѣна, и спустя нѣсколько дней объявилъ, что работу свою окончилъ. Собрались сестры съ игуменьею въ церковь и поздравляли свою начальницу съ успѣхомъ ея хитрой выдумки, но когда отдернули занавѣсь, покрывавшую картину, то всѣ остолбенѣли, увидѣвъ, что распятіе написано сзади. На вопросъ игуменьи, что̀ это значитъ, артистъ невозмутимо отвѣчалъ, что Спаситель вѣроятно отвернулся отъ сильнаго запаха жареныхъ цибуль.

*

Можно почти навѣрно предположить, что нынѣшняя Ливорнская Греческая церковь (помѣщающаяся въ зданіи церковнаго Греческаго дома, гдѣ живутъ также находящіеся при церкви священники) основана не ранѣе прошлаго столѣтія, или въ концѣ XVII-го вѣка, вмѣсто прежней большой и съ фасадомъ, какъ слѣдуетъ быть храму; прежняя же церковь относится ко временамъ Медичійскихъ великихъ герцоговъ и была, вѣроятно, основана по случаю наплыва Грековъ въ Италію, по занятіи Царьграда Турками, и позднѣе обращена въ Греко-уніятскую, чѣмъ и осталась понынѣ, хотя Греко-уніятовъ вовсе не имѣется въ Ливорнѣ. Слѣды Римской религіозной нетерпимости повсюду видны. Для этой безприходной уніятской церкви назначается (если не ошибаюсь) священникъ того обряда изъ Римскаго коллегіума распространенія вѣры, и вѣроятно тамошній воспитанникъ, который однакоже въ мое время носилъ бороду и одѣвался, какъ Греческій священникъ. Римско-католики посѣщаютъ эту церковь, ибо совершаемая тамъ литургія считается у нихъ дѣйствительною (valida) наравнѣ съ Латинскою миссою; но икопостасъ, хотя оставшійся тамъ въ неизмѣненномъ

видѣ, не имѣетъ никакого значенія: царскія врата остаются въ немъ всегда отверстыми, и міряне входятъ въ нихъ безразлично. На потолкѣ церкви изображенъ реліефомъ извѣстный гербъ Медичисовъ, состоящій изъ шести шариковъ, какъ бы пилюль, откуда заимствовано-де фамильное имя Медичи, значущее медика, т. е. лекаря, доказывающее покровительство этихъ Тосканскихъ владѣтелей, оказываемое ими нѣкогда Грекамъ. Въ нынѣшней Греческой церкви, размѣръ коей много менѣе уніятской, висящія въ ней люстры увѣнчаны двуглавымъ орломъ и были, кажется, пожертвованными императрицею Екатериною. Лица, болѣе прочихъ почетныя, похоронены въ широкомъ корридорѣ, окружающемъ церковь съ двухъ только сторонъ, а въ боковомъ входѣ въ нее покоится прахъ моего отца, съ Латинскою надписью на надгробной доскѣ. При церкви имѣется общее пространное кладбище, за прежнею городскою чертою (нынѣ вошедшее, кажется, въ составъ города) съ своею особенною церковью; тамъ, между прочими, похоронена въ 1847 году двоюродная сестра моя, княгиня Аделаида Александровна Голицына, урожденная Тимофеева, а на кладбищѣ одинъ изъ камердинеровъ моего отца, Николай Петровъ Бѣшенцовъ.

Умѣстнымъ считаю передать здѣсь разсказъ, сообщенный мнѣ часто упоминаемымъ священникомъ Ливорнской Греческой церкви, отцемъ Іоахимомъ Валламонте, подтверждающій то, что Римская церковь не столь много значенія придаетъ исповѣдуемому ею догмату о происхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына, сколько безусловному подчиненію всего христіанскаго міра папской власти. Въ Ливорнѣ былъ обычай, что духовенство разныхъ вѣроисповѣданій, какъ-то Грекоправославнаго, Греко-уніятскаго, Армянскаго и проч., находившееся при тамошнихъ церквахъ, ходило въ день Пасхи съ поздравленіемъ къ мѣстному Латинскому епископу. Въ одинъ таковой визитъ о. Іоахимъ встрѣтился съ Греко-уніятскимъ священникомъ. Итальянскій епископъ, въ разговорѣ, спросилъ обоихъ священниковъ, дѣйствительно-ли нѣтъ никакого различія въ церковномъ служеніи обѣихъ церквей. Оба подтвердили это, но съ оговоркою со стороны уніятскаго священника, что уніятство читаетъ «credo» (символъ вѣры) по ученію Римской церкви объ исхожденіи Св. Духа. «О, что̀ до этого касается, сказалъ епископъ, то и вы, т. е. уніяты, можете, если хотите, читать символъ вѣры, какъ они православные, лишь бы вѣровали, что Св. Духъ *можетъ* исходить и отъ Сына».

Въ заключеніе упомяну о той у Грековъ (по крайней мѣрѣ Ливорнскихъ) особенности, что въ моментахъ литургіи, въ коихъ мы Русскіе кладемъ земные поклоны (напр. при пресуществленіи Св. Даровъ, или при выносѣ оныхъ послѣ причастнаго стиха), они того не дѣла-

ютъ, а только выходятъ изъ своихъ мѣстъ, на середину церкви. Говорю, изъ своихъ мѣстъ, потому что вдоль стѣнъ церкви, съ обѣихъ сторонъ и съ западной (по обѣимъ сторонамъ входныхъ дверей) устроены мѣста для стоянія, съ ручками, чтобы можно было опираться на нихъ локтями, и съ лавочкою для сидѣнія, которая подымается и опускается по желанію, и такимъ образомъ присутствующіе при службѣ стоятъ не рѣдко спиною къ стѣнѣ, бокомъ къ иконостасу; а по окончаніи литургіи выходятъ по большинству изъ церкви не какъ у насъ послѣ отпуска «Благословеніе Господне на васъ» и проч., а тотчасъ по вторичномъ выносѣ Св. Даровъ, послѣ словъ: «всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.» Символъ вѣры и молитва Господня не поются у нихъ, а читаются; это исполняется почетнѣйшимъ лицомъ изъ присутствующихъ, но не священно-дѣйствующимъ іереемъ, а другимъ, если таковыхъ два или болѣе въ церкви. Гречанки стоятъ по восточному обряду въ верхней галереѣ (въ родѣ хоръ) за рѣшеткою; но наши Русскія женщины не подчиняются этому обычаю, а становятся внизу съ мужчинами. Другая особенность въ Греческомъ чинѣ та, что священнодѣйствующій (когда служитъ безъ діакона) читаетъ Евангеліе не у самого престола, а въ царскихъ дверяхъ, обращаясь лицомъ къ народу. Также, по окончаніи имъ причащенія Святыхъ Таинъ, онъ ударяетъ два-три раза по дискосу, дабы тѣмъ дать знать клиросу, чтобы прекратили пѣніе причастныхъ стиховъ, а въ сугубой эктеніи (между Евангеліемъ и Херувимской) выпускаютъ эктенію объ оглашенныхъ. Въ концѣ 1862 года панихиду надъ могилою моего отца въ Ливорнѣ оба священника тамошней церкви, надѣвъ эпатрахили, отслужили безъ діакона и безъ причетника; стояли же они рядомъ.

*

Младшій Плиній въ своихъ письмахъ упоминаетъ о своей виллѣ, гдѣ онъ собралъ бюсты замѣчательнѣйшихъ чѣмъ нибудь людей и въ томъ числѣ бюстъ Галилеянина (или Назарянина, т. е. Спасителя), какъ необыкновеннаго мыслителя или проповѣдника новаго ученія. Фактъ этотъ весьма важенъ, какъ историческое свидѣтельство о земной жизни Іисуса Христа. И послѣ этого Вольней дерзаетъ утверждать (если не ошибаюсь, что я читалъ это въ его «Les ruines»), что кромѣ одного мѣста въ лѣтописи Еврейскаго историіографа Іосифа, нѣтъ никакихъ историческихъ доказательствъ о существованіи Іисуса Христа, да и то-де мѣсто въ лѣтописи Іосифа апокрифическое, или по крайней мѣрѣ сомнительное.

*

Любимая поговорка А. А. Вонляръ-Лярскаго (стремиться къ невозможному, чтобы получить лишь возможное) даетъ, кажется мнѣ, ключъ ко всей послѣдующей его спекулятивной дѣятельности. Милліоны, буквально, таяли у него въ рукахъ отъ его расточительности, и хотя онъ оставилъ единственному своему сыну Александру (женатому нынѣ на Вырубовой) порядочное весьма состояніе, но оно далеко не соотвѣтствовало средствамъ, коими Александръ Александровичъ пользовался, и денежнымъ оборотамъ, предоставленнымъ ему черезъ особенное покровительство графа П. А. Клейнмихеля. Помню, между прочимъ, что когда онъ вздумалъ въ концѣ 1846 или въ началѣ 1847 года, взять подрядъ только что утвержденной постройки Смоленскаго шоссе, всесильный графъ П. А. Клейнмихель исходатайствовалъ ему эту операцію (чуть-ли не въ пять милліоновъ) безъ обязательнаго немедленнаго представленія залоговъ, для пріискашія каковыхъ данъ былъ ему срокъ (какъ разсказывали) въ нѣсколько мѣсяцевъ. Хорошій и давній мой знакомый, почетный гражданинъ Эрнестъ Ивановичъ Иммеръ (нынѣ директоръ депо Московскаго Общества любителей садоводства), разсказывалъ мнѣ, что онъ былъ въ то время главнымъ садовникомъ у А. А. Лярскаго въ его Смоленскомъ имѣніи Вонляровѣ, гдѣ затѣянъ былъ Англійскій паркъ на пространствѣ, если не ошибаюсь, около 8 или 10 верстъ, для посадки коего набрано было чуть ли не до тысячи работниковъ; но, продолжалъ Э. И. Иммеръ, работники очень долгое время не получали уплаты, и потому онъ самовольно убѣжалъ отъ этой кутермы. По словамъ самого А. А. В. Лярскаго, онъ выстроилъ въ своемъ Вонляровѣ нѣчто въ родѣ Итальянскаго палацца, съ водою фонтанами и съ водою проведенною до 2-го и даже 3-го этажа; а для обойки мебели покупалъ въ Петербургѣ шелковыя Ліонскія матеріи, кажется по 5 рубл. за аршинъ, и прочее въ этомъ родѣ, и все это для дома въ глухой деревенской усадьбѣ! Этотъ его палаццо былъ, кажется, выстроенъ по плану славившагося тогда архитектора Быковскаго, по проекту коего Александръ Александровичъ также выстроилъ между 1845 и 1847 годами огромный домъ въ Петербургѣ, на Благовѣщенской площади, у самого Николаевскаго моста. Однажды на мой вопросъ, какъ это онъ успѣваетъ въ своей всеобъемлющей дѣятельности, онъ мнѣ отвѣчалъ: «я дѣятеленъ и предпріимчивъ, потому что у меня спокойно на душѣ; а спокойно на душѣ, потому что у меня дома семейное счастье»: условіе, дѣйствительно помогающее во всѣхъ свѣтскихъ предпріятіяхъ, и Вѣра Дмитріевна вполнѣ оправдывала мужнинъ о ней отзывъ. Въ интимномъ кружкѣ милѣйшая эта женщина не скрывала, впрочемъ, своего страха отъ все болѣе и болѣе расширявшихся размѣровъ предпріятій ея мужа.

*

Политическая комбинація, нынѣ почти что забытая, въ силу которой Лукскій государь получилъ взамѣнъ миніатюрныхъ своихъ владѣній много болѣе видныя герцогства Пармы и Піаченцы, со включеніемъ непринадлежавшаго къ нимъ города Гуасталлы, была слѣдующая. Принцесса Испанской-бурбонской династіи (имя коей я забылъ), она же и мать упомянутаго въ разсказѣ герцога Лудовика, пріобрѣла когда-то на чистыя деньги отъ Наполеона I-го Тосканское великое герцогство, коимъ дотолѣ владѣла принцесса Елиза Бачіокки, сестра этого императора, который, не стѣсняясь, какъ извѣстно, своею роднею, раздавалъ и отнималъ у нея королевства и герцогства по своему усмотрѣнію. Сдѣлавшись Тосканскою владѣтельницею, Испанская принцесса приняла громкій титулъ Этрурской королевы. Когда же, вслѣдствіе Вѣнскаго конгресса и трактата 1814 года, началась общая размежовка земель изгнанныхъ Наполеономъ монарховъ и герцоговъ, Австрійскій эрцгерцогъ Фердинандъ снова водворенъ былъ въ прежнія свои Тосканскія владѣнія, а бывшей Этрурской королевѣ предоставлена была на время небольшая Лукская территорія съ тѣмъ, что по смерти эрцгерцогини Маріи-Луизы (бывшей Французскою императрицею), коей дано было въ пожизненное владѣніе Пармское и Піаченцкое герцогства, она имѣли перейти къ династіи Лукскихъ-Испанскихъ Бурбоновъ, въ уваженіе прежнихъ ихъ, пріобрѣтенныхъ покупкою, правъ на Тоскану, и уже тогда упраздненное Лукское герцогство имѣло войти въ составъ Тосканы, что̀ и послѣдовало въ 40 годахъ. Перешедшій въ Парму, герцогъ Лудовикъ не долго тамъ царствовалъ; вспыхнувшая революція принудила его отречься отъ престола въ пользу его сына, вскорѣ послѣ убитаго чуть ли не по какому-то дѣлу любовной интрижки. По его смерти вплоть до изгнанія всѣхъ Итальянскихъ владѣтельныхъ принцевъ въ 1859 году, Пармскимъ герцогствомъ управляла съ замѣчательнымъ, можно сказать, мужествомъ регентша, вдова убитаго герцога, по себѣ Беррійская принцесса; герцогъ же Лудовикъ сталъ со времени своего отреченія проживать кое-гдѣ, принявъ скромное названіе графа де-Вилланова, и подъ этимъ именемъ онъ жилъ въ Ниццѣ, когда я былъ тамъ въ 1863 году. Я весьма сожалѣю, что не привелъ въ исполненіе блеснувшей мнѣ тогда мысли навѣстить его, въ знакъ моей признательности за особенное вниманіе, коимъ онъ почтилъ жену мою и меня во время нашихъ поѣздокъ въ Лукку въ 1838 и 1839 годахъ.

(*Продолженіе будетъ.*)

ЗАПИСКИ ГРАФА МИХАИЛА ДМИТРІЕВИЧА БУТУРЛИНА [1]).

Съ осени 1839 года.

Такъ какъ мой комиссіонеръ по высылкѣ картинъ изъ Флоренціи въ Москву, Итальянецъ Паоли, жилъ праздно въ Москвѣ, потому что всѣ картины были розданы, какъ я уже говорилъ, Леономъ въ долгъ или въ подарокъ, то я его взялъ съ собою, въ видѣ компаніона, въ Порзни, а камердинеромъ напялъ въ Петербургѣ человѣка, рекомендованнаго мнѣ прежнимъ моимъ камердинеромъ, Ѳедоромъ Варенцовымъ, тогда уже капельдинеромъ при одномъ изъ Петербургскихъ театровъ [2]). Этотъ новый личарда обладалъ нахальною рожею съ ухватками и привычками деревенскаго дворового хама и присвоилъ себѣ часть новыхъ моихъ сорочекъ Голландскаго холста, только что высланныхъ мнѣ женою съ оказіею изъ-за границы, и кромѣ того, такъ нализывался, что проѣздомъ въ Костромѣ я его передалъ въ руки городской полиціи вмѣстѣ съ его паспортомъ.

Въ Порзняхъ ожидало меня отрадное свиданіе съ друзьями моими Мироновыми. Они переселились тогда въ уѣздный городъ Юрьевецповольскъ, такъ какъ Александръ Алексѣевичъ былъ тогда уѣзднымъ предводителемъ, а имѣніе ихъ, какъ и мое, было въ 60 верстахъ отъ города. Дѣтей у нихъ было тогда только одна дочь, Наташа, почти ровесница нашей Анночкѣ. Екатерина Наканоровна Миронова обра-

---

[1]) См. выше стр. 33. Нѣсколько тетрадей подлинной рукописи графа М. Д. Бутурлина досель неотыскано, именно за 1839-й годъ, такъ что между нижеслѣдующимъ и тѣмъ, что напечатано въ 9-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ сего года, есть пропускъ. Изъ личныхъ разсказовъ покойнаго графа намъ памятно, что въ этомъ году Еврей Леонъ Капенштейнъ, распоряжавшійся его имуществомъ, устраивалъ на Бородинскихъ маневрахъ 1839 года гостинницы съ буфетами и потратилъ на то большія деньги непроизводительно, и тѣмъ вновь потряслось благосостояніе довѣрчиваго графа. Въ это время онъ поступилъ на гражданскую службу, въ канцелярію Московскаго генералъ-губернатора. П. Б.

[2]) У Варенцова оказался большой шрамъ во всю щеку отъ удара, какъ онъ разсказывалъ, нагайкою, нанесеннаго ему однимъ офицеромъ, который, въ сообщничествѣ подобныхъ себѣ ловеласовъ-театраловъ, приставъ однажды къ поѣзду воспитанницъ, возвращавшихся въ Театральное Училище изъ спектакля, гдѣ онѣ участвовали; а ихъ конвоировалъ тогда верхомъ Варенцовъ и отбивалъ приступы этихъ офицеровъ.

щалась со мною и тогда и въ послѣдствіи какъ съ роднымъ братомъ, и мнѣ всегда чувствовалось спокойно и хорошо на душѣ, когда я находился въ кругу этой милой четы. Оба они въ дружественныхъ своихъ ко мнѣ чувствахъ оцѣнивали меня свыше того, чего я стóю, особенно Екатерина Никаноровна, а немудрено, что дружба ко мнѣ Александра Алексѣевича усилилась отъ того, что не ускользало отъ его прозорливости угрожавшее мнѣ въ недальней будущности лишеніе всего моего состоянія отъ моей довѣрчивости къ людямъ; ему обязанъ я отчасти отсрочкою катастрофы до самаго 1849 года. Немного позднѣе описываемаго мною времени, старшая сестра Мироновой (ур. Кетовой) красавица Ольга Никаноровна неудачно влюбилась и вышла замужъ за молодого армейскаго пѣхотнаго офицерика Александра Михайловича Цвиленева, человѣка безъ всякаго состоянія, не замедлившаго запутать состояніе своей жены; но она спохватилась во время, и супруги разъѣхались. Помню, А. М. Цвиленевъ говаривалъ, что портеръ есть ни что другое, какъ Зельцерская вода съ дегтемъ. Меньшая изъ Кетовыхъ Марія Никаноровна, незадолго передъ тѣмъ (т. е. въ 1839 г.) вышла замужъ за помѣщика нашего же уѣзда Грибунина и вскорѣ померла, оставивъ двухъ малолѣтнихъ сыновей.

Мироновъ передалъ мнѣ, что мѣстная полиція обязана была въ то время ежегодно извѣщать Министерство Внутреннихъ Дѣлъ объ одной престарѣлой таинственной женщинѣ, проживавшей тогда въ посадѣ Пучежѣ, Юрьевецповольскаго уѣзда и получавшей ежегодныя пособія изъ Петербурга; но никакихъ другихъ свѣдѣній о ней я не имѣю, кромѣ того, что въ 1845 году она еще была жива *).

Личность А. А. Миронова крупно выдавалась изъ общаго служебнаго состава. Думаю, что онъ повсюду бы годился, хоть бы въ министры; иначе трудно объяснить быстроту, съ которою онъ составилъ себѣ видную въ провинціи карьеру. Въ какихъ-нибудь пятнадцать лѣтъ или менѣе онъ дошелъ изъ исправниковъ въ губернскіе предводители, изъ поручиковъ конно-полевой артиллеріи въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Еще исправникомъ онъ сдѣлался авторитетомъ въ своемъ уѣздѣ: и судья, и городничій, и казначей, и город-

*) Лѣтъ пять или шесть назадъ, когда печаталось много о княжнѣ Таракановой, я гдѣ-то вычиталъ, что слухъ о какой-то дочери Елисаветы Петровны существовалъ въ Пучежѣ. Не относится ли онъ къ упомянутой мною таинственной особѣ? Если такъ, то ей было въ 1845 году по малой мѣрѣ 90 лѣтъ.

ской голова, и уѣздный врачъ, словомъ, весь Юрьевецповольскій служебный составъ единодушно признавалъ превосходство Александра Алексѣевича надъ прочими изъ ихъ среды. «Надо переговорить объ этомъ съ Александромъ Алексѣевичемъ», или, «надо узнать отъ Александра Алексѣевича, какъ, по его мнѣнію, будутъ смотрѣть на это дѣло въ губерніи» (т. е. въ губернскомъ городѣ). А что до крестьянъ, казенныхъ и помѣщичьихъ, они его боготворили, и на сходкахъ все дѣлалось по его внушенію *). Ужъ на что былъ дѣлецъ нашъ стряпчій, и тотъ отправится, бывало, въ казусныхъ случаяхъ къ своему «разумнику», какъ онъ называлъ Миронова, въ его усадьбу за 60 верстъ отъ Юрьевецповольска. Передъ моими глазами возстаетъ теперь давно забытый образъ этого добраго, свѣдущаго, но въ тоже время потѣшнаго старичка-стряпчаго (фамиліи его не помню). Кого онъ полюбитъ (а въ томъ числѣ былъ и я), тотчасъ, бывало, на *ты* съ нимъ; да и я платилъ ему той же монетою, а вдобавокъ посылалъ ему кое-когда муку или подобные съѣстные припасы, также синенькую и красненькую депозитку, не потому что онъ домогался, а въ виду того, что у него было большое семейство на рукахъ; а получалъ онъ, по тогдашнему окладу, что-то въ родѣ полутораста рублей въ годъ, то-есть менѣе чѣмъ получалъ даже тогда порядочный лакей у барина средней руки. За то, онъ только что не молился на меня. Слабенекъ былъ подчасъ нашъ старичекъ къ хрусталю, сирѣчь къ вину-зеленому. Ну, тогда сущая бѣда: дѣла пріостанавливались въ городѣ. Шибко закутилъ онъ однажды въ заштатномъ городѣ Лухѣ съ однимъ изъ нашихъ небогатыхъ помѣщиковъ Р. Кутили они что-то долго, чуть-ли не цѣлую недѣлю, а время было, пожалуй, горячее: начался рекрутскій наборъ. Отправился къ закутнувшимъ Мироновъ, въ надеждѣ отрезвить ихъ.— «Что вы, черти, тутъ безобразничаете», вскрикнулъ онъ на нихъ. «Вотъ я обоимъ вамъ лбы забрѣю». А друзья допились до того, что потеряли всякое сознаніе, кто они сами. Помѣщикъ Р., вытаращивъ глаза и выпрямившись, отвѣчалъ на эту угрозу: «Ну, что-жъ? Отдавай въ солдаты, коли хочешь; я и царю готовъ служить». Но нашъ стряпчій бросился на колѣни и слезно сталъ умолять Миронова: «Отецъ родной, Александръ Алексѣевичъ! Не погуби меня несчастнаго на вѣки! Вѣдь куда дѣваться тогда моимъ дѣвчонкамъ, если ты забрѣешь мнѣ лобъ?»

---

*) Въ этой мѣстности господскіе крестьяне, будучи всѣ на оброкѣ, пользовались нѣкоторою автономіею, и потому у нихъ часто бывали мірскія сходки. Значительная часть этихъ имѣній принадлежала Петербургскимъ и Московскимъ заглазнымъ тузамъ, какъ напримѣръ графамъ Панинымъ, Орловымъ, князьямъ Долгоруковымъ, Оболенскимъ, Черкасскимъ и др.

Разительный примѣръ, до чего доводитъ пьянство, представлялъ собою молодой засѣдатель уѣзднаго суда А., человѣкъ, хорошо кончившій курсъ въ университетѣ. Онъ впадалъ въ бѣлую горячку (delirium tremens), между тѣмъ какъ бодро стоялъ на ногахъ и ходилъ на службу. Воображаю себѣ, что̀ могъ онъ тамъ говорить и дѣлать. У него проявлялась въ это время вотъ какая манія. Прежде чѣмъ выходить со двора, онъ становился на однихъ пяткахъ, прислонясь сначала къ стѣнѣ, а на поднятые носки онъ надѣвалъ, на одинъ носокъ фуражку, а на другой опрокинутый чайникъ и, перепрыгивая, старался достичь противуположной стѣны комнаты, не роняя фуражки и чайника. Эту операцію трудно было совершить сразу; но онъ не терялъ терпѣнія, и когда одинъ изъ этихъ предметовъ падалъ, онъ сызнова начиналъ, пока не достигалъ своей цѣли, и лишь послѣ того отправлялся на службу. Каково было бѣдной его женѣ, милой и образованной молоденькой женщинѣ! Но таковыхъ мужей у насъ на Руси, къ несчастію, немало.

Будучи однажды въ гостяхъ у сосѣдки моей Кетовой, я проигралъ въ карты бездѣльную сумму, четырнадцать рублей ассигнаціями, и когда сталъ расплачиваться, то увидѣлъ предъ собою изумленное лицо добраго моего Порзненскаго протопопа, отца Іоанна, котораго я привезъ туда съ собою. Не бывая никогда въ другомъ обществѣ, кромѣ своихъ собратій духовнаго званія, и то въ околодкѣ, и не видавъ въ жизни никакихъ другихъ городовъ кромѣ Костромы, Кинешмы, Юрьевецповольска и Шуи, онъ былъ наивенъ какъ дитя, и въ данномъ случаѣ не могъ никакъ сообразить, что игра у насъ шла взаправду и что можно было проиграть три синія бумажки. Кстати разскажу анекдотъ о Леонѣ, касающійся до этого почтеннаго священника. Съ самаго перваго времени моего владѣнія Порзнями я назначилъ въ смѣтѣ расходовъ въ вотчинной моей конторѣ ежегодное денежное пособіе духовенству моего села. Цифра эта была вѣроятно незначительная, потому что, въ бытность мою въ Италіи, отецъ Іоаннъ отнесся къ Леону съ просьбою о прибавкѣ оклада; ибо, выражался онъ, «его сіятельство, назначая-де намъ это пособіе, имѣлъ въ виду избавить насъ отъ унизительной необходимости сбора пятачками отъ крестьянъ, когда мы ходимъ къ нимъ по домамъ съ крестомъ по праздникамъ». На это домогательство послѣдовалъ великомудрый отвѣтъ моего фактотума, что онъ-де неволенъ измѣнить или добавить графское распоряженіе, но все что̀ онъ можетъ сдѣлать въ этомъ дѣлѣ заключается въ томъ, что разрѣшаетъ святымъ отцамъ снова ходить по міру и Христа славить, пользуясь однакоже прежнимъ окладомъ.

Отмѣчу кстати одну черту, характеризующую патріархальный служебный строй уѣздныхъ инстанцій того времени. Въ нашемъ городѣ Юрьевецповольскѣ существовалъ обычай, по которому въ тамошнемъ уѣздномъ судѣ не бывало присутствія по базарнымъ днямъ, хотя этотъ ежедневный базаръ не былъ не по Воскресеньямъ и даже не по Субботамъ, а въ будни. На вопросъ о томъ какого нибудь пріѣзжаго, житель города считалъ, что вопрошающій господинъ долженъ быть совершенно удовлетворенъ объясненіемъ, что то былъ базарный день.

Изъ Порзней я отправился въ Петербургъ, прямо черезъ Кострому, Ярославль, Рыбинскъ, Мологу и Тихвинъ. На переправѣ чрезъ Волгу, въ Кинешмѣ, въ холодную ночь Августа мѣсяца, не взявъ съ собою ничего изъ теплой одежды кромѣ легкаго плаща безъ ваты, я получилъ такой сильный насморкъ, что потерялъ совершенно всякое обоняніе. Это продолжалось почти полгода, и хотя мало по малу я получилъ облегченіе отъ этого состоянія, но съ тѣхъ поръ осталось у меня искаженное ощущеніе носомъ и во вкусѣ, такъ что по сю пору доступны мнѣ лишь крѣпкіе запахи. Тоже самое случилось и относительно вкуса: всѣ почти рыбы за исключеніемъ стерлядей и сильно пахучей наваги кажутся мнѣ безразличными на вкусъ.

Въ Петербургѣ я избѣгалъ встрѣчи съ великосвѣтскими моими знакомыми. Впрочемъ, это было напрасно, такъ какъ всѣ они, по случаю лѣтняго сезона, жили на дачахъ или въ отдаленныхъ своихъ имѣніяхъ. Въ Петербургѣ я прожилъ около двухъ недѣль и встрѣтился съ М. Я. Вейсбергомъ въ кофейнѣ Доминика, какъ было условлено между нами (не мѣшаетъ замѣтить, что мы усѣлись разговаривать въ вновь устроенномъ великолѣпномъ салонѣ, во вкусѣ Альгамбры съ бьющимъ въ серединѣ фонтаномъ). Я узналъ отъ него всю суть придуманнаго имъ спасительнаго для меня плана, состоявшаго въ слѣдующемъ. Такъ какъ въ то время незначительное еще количество взысканій подано было лично на меня (прямымъ отвѣтчикомъ являлся еще тогда въ большинствѣ случаевъ самъ Леонъ): то слѣдовало, во первыхъ, немедленно уничтожить мою довѣренность Леону, а за тѣмъ, покуда кредиторы не успѣли еще наложить запрещеніе на мое имѣніе, выбрать кого нибудь изъ близкихъ мнѣ лицъ и съ нимъ совершить законное въ Гражданской Палатѣ условіе объ отдачѣ (мнимой, конечно) ему въ арендное содержаніе на десять лѣтъ всего моего имѣнія, обозначивъ въ актѣ, что за все это время получена мною впередъ вся арендная сумма сполна, цифра коей была, кажется, около одного милліона рублей.

Таковой актъ, если былъ совершенъ отъ крѣпостныхъ дѣлъ, ставилъ арендатора кредиторомъ по первому разряду, а прочимъ приходилось бы ждать истеченія десятилѣтняго срока, чтобы потомъ получить какой либо на долю ихъ дивидендъ. Понятно, что въ такомъ случаѣ кредиторы, вмѣсто того чтобы ждать неизвѣстнаго имъ дивиденда послѣ столь дальняго срока, предпочли бы идти на всякую со мною сдѣлку и уступку съ ихъ стороны, тѣмъ болѣе, что можно было еще оспаривать законность значительной части документовъ, выданныхъ Леономъ. Проектъ этотъ смѣлъ и замысловатъ; но, не говоря уже, что онъ грѣшилъ, какъ фальшь и подлогъ (на таковую штуку я теперь бы не пошелъ), онъ не вполнѣ былъ безопасенъ съ юридической стороны для самаго меня: ибо, если кредиторы не имѣли въ виду никакого полученія изъ моего имѣнія, а имѣніе мое не подвергалось продажѣ за частные долги до истеченія арендnаго срока, то ничто не мѣшало бы имъ взыскивать лично съ меня весь впередъ полученный будто бы мною милліонъ, подвергнуть личность мою аресту, потребовать законодательнымъ порядкомъ отчета въ полученномъ мною милліонѣ; а какъ невозможно было бы мнѣ ни взнести имъ эту сумму наличными деньгами, ни дать удостовѣрительнаго отчета, куда я ее употребилъ, то меня признали бы, пожалуй, злостнымъ банкротомъ. Правда, что личность моя была въ то время ограждена отъ ареста по случаю моего нахожденія на службѣ; но и это огражденіе было отчасти шаткимъ: ибо кредиторы мои могли начать искъ съ цѣлію доказать, что я поступилъ только недавно на службу ради укрывательства отъ долговъ, о чемъ они уже поговаривали. Въ такомъ случаѣ законъ былъ бы на ихъ сторонѣ, и при всей протекціи трудно было бы начальству не уволить меня отъ службы. Но такъ какъ добиться кредиторамъ моимъ до этаго результата было не такъ легко, по милости судебныхъ нашихъ проволочекъ и крючкотворствъ (да еще и съ тратою съ ихъ стороны денегъ), то на моей сторонѣ была вѣроятность, что они (т. е. кредиторы) сдѣлаются сговорчивы, и потому вымыселъ М. Я. Вейсберга былъ дѣйствительно временнымъ оплотомъ. Касательно же сговорчивости кредиторовъ я почти увѣренъ, что, найдись тогда денежное лице, пожелавшее мнѣ помочь, можно было бы скупить всѣ неоспариваемые мои долги по 25 коп. за рубль; а большинство долговъ, надѣланныхъ Леономъ вслѣдствіе новой моей (заграничной) довѣренности, подвергалось спору и, пожалуй, они могли бы быть признаны недѣйствительными. Этой предполагаемой сдѣлкою благодѣтель мой, если бы таковой нашелся, коему я бы тогда же предоставилъ всѣ доходы съ моего имѣнія, выручилъ бы затраченный имъ капиталъ не позже, думаю, какъ чрезъ 15 лѣтъ, и я остался бы съ имѣніемъ и квитъ съ долгами за исклю-

ченіемъ, конечно, долга Сохранной Казнѣ. Но такъ какъ такого благодѣтеля не нашлось, то я погибъ.

Возвратившись въ Москву, я, для избѣжанія всякой встрѣчи съ Леономъ, не остановился на прежней моей квартирѣ и даже не въѣзжалъ въ городъ, а скитался временно по окрестностямъ, а именно въ Царицынѣ, въ Останкинѣ и даже въ с. Косинѣ[1]). Ко мнѣ пріѣзжали въ эти мѣста только М. Я. Вейсбергъ и мой Итальянецъ Паоли, первый изъ коихъ занятъ былъ тогда составленіемъ на бумагѣ проекта о передачѣ моего мнѣнія въ арендное содержаніе, но кому именно, мы сами еще не знали. Я мѣтилъ на двоюроднаго моего брата Петра Адріановича Дивова и, въ надеждѣ склонить его взять на себя роль подставнаго лица, отправился къ нему въ его подмосковную, с. Соколово[2]).

У него тогда гостилъ Французъ Петръ Петровичъ Дюкрò, по профессіи архитекторъ, но довольно неудачный въ этомъ искусствѣ, потому что нѣкоторыя изъ его построекъ обрушивались вскорѣ послѣ ихъ возведенія; но за то былъ онъ истинный кладъ въ общежительствѣ и безукоризненной честности. Добродушный, всегда веселый, услужливый, готовый во всякое время дня и ночи дѣлать что бы ему ни предлагали: гимнастикой-ли упражняться, кататься-ли на лодкѣ или въ жмурки играть, или распить вдвоемъ бутылочку вина. Хотя, какъ Французъ, онъ наслаждался гастрономическимъ столомъ, но могъ довольствоваться одинаково Русскими сѣрыми щами и ржанымъ хлѣбомъ, и даже хоть ничего не ѣсть цѣлый день. Тамъ, гдѣ ему, бывало, укажутъ его уголъ, онъ и устроится; въ господскомъ-ли домѣ, въ избѣ-ли, въ сараѣ или на сѣновалѣ. Постоянно напѣвая какую-нибудь Беранжеровскую пѣсню, онъ всѣмъ старался угождать и всѣмъ былъ доволенъ. Но особенно любилъ онъ устраивать сюрпризы, иллюминаціи, фейерверки и бесѣдки въ саду; словомъ, въ деревенской жизни этотъ чело-

---

[1]) Косино принадлежало тогда извѣстному торговцу антикварными предметами Лухманову, магазинъ и домъ коего были на Лубянкѣ.

[2]) Нынѣ принадлежитъ Зинаидѣ Сергѣевнѣ Дивовой. Оно стоитъ въ 4 верстахъ отъ станціи Химки, что на Николаевской желѣзной дорогѣ. Тамъ похоронены тетка моя Елисавета Петровна Дивова и мужъ ея Адріанъ Ивановичъ. *Примѣчаніе графа Бутурлина.*—Прекрасное Соколово, одно изъ любимыхъ мѣстъ для соколиной охоты царя Алексѣя Михайловича, описано Герценомъ въ его „Былое и Думахъ“. Пишущій эти строки проводилъ въ Соколовѣ лѣтніе мѣсяцы 1869 года, на дачѣ, нѣкогда нанимаемой Герценомъ. Престарѣлый тогда священникъ села Соколова съ удивленіемъ говорилъ про Герцена: „Какъ это онъ попалъ въ безбожники? Вѣдь вотъ въ этой самой комнатѣ служивалъ и у него молебны съ водосвятіемъ“. Старинные прихожане Московской церкви св. Іоанна въ Старой Конюшенной помнятъ, какъ Герцевъ клалъ земные поклоны на моеимонахъ. Соколово нынѣ принадлежитъ Мазуринымъ. П. Б.

вѣкъ былъ неоцѣнимый. Живя въ Россіи почти двадцать лѣтъ, онъ не научился Русскому языку; но это никогда не мѣшало ему не запинаясь болтать съ работниками на какомъ-то нарѣчіи будто бы Русскомъ. Однажды (много позднѣе описываемаго мною времени) въ Зенинѣ, Н. А. Дивовъ, замѣтивъ, что плотники не дѣлаютъ какъ слѣдовало какую-то работу, надзоръ за которой онъ препоручилъ г-ну Дюкрò, пришедши въ домъ, сказалъ объ этомъ ему. Mais, mon général, que voulez-vous que je fasse? отвѣчалъ Французъ. Je leur ai pourtant bien expliqué ce qu'ils devaient faire [1]). Vezmi chetire palki, delaï chetire doski, i dira na dira, i verchok na verchok. J'espère que c'est clair! Après cela, si ils ne me comprennent pas, ce qu'ils y mettent de la mauvaise volonté.

Возвращаюсь къ разсказу. Въ Соколовѣ я засталъ Петра Адріановича и Дюкрò занятыми устройствомъ бассейна для фонтана, у подножія ската живописной и покрытой густымъ лѣсомъ горы. Тощая струя воды била, помнится мнѣ, изъ простой камышевой трубочки, и потому затѣйливая эта игрушка недолго, къ сожалѣнію, существовала. Оба эти немолодые полухолостяка (ибо жены ихъ, съ коими они оба разъѣхались, жили во Франціи) сильно смахивали на Парижскихъ старыхъ буржуа и нарѣчіемъ (Петра Адріановича трудно было не принять за Француза), и манерами, и несеріозностью почти всегда игриваго ихъ разговора.

Петръ Адріановичъ не захотѣлъ принять участіе въ предлагаемой мною операціи и совѣтовалъ отнестись по этому дѣлу къ брату его, Николаю Адріановичу. Сколько помнится мнѣ, послѣдній былъ тогда за границей, и потому нечего было мѣтить на него. Оставалась въ виду одна только теща моя, Е. И. Нарышкина, и я, взявъ съ собою М. Я. Вейсберга, отправился къ ней въ Знаменское. Съ нами поѣхалъ также вѣрный мой Радзиковскій, заклятый врагъ Леона; ему мы сообщили нашъ планъ, и онъ уже радовался, что, слѣдуя совѣту М. Я. Вейсберга, я публиковалъ въ газетахъ, что уничтожаю данную мною Леону довѣренность. Это происходило въ первыхъ числахъ Октября, ровно черезъ годъ послѣ поспѣшнаго моего выѣзда изъ Флоренціи. Оставшаяся тамъ бѣдная жена моя уже начинала ощущать послѣдствія Бородинскаго разгрома. Такъ какъ въ теченіи минувшихъ весны и всего

[1]) Что же мнѣ дѣлать, ваше превосходительство? Вѣдь и имъ растолковалъ что имъ дѣлать. *Возьми шетыре палки, дѣлай шетыре доски, и дира на дира, и вершокъ на вершокъ.* Надѣюсь, что это ясно, и если послѣ того они не понимаютъ, такъ это отъ того, что не хотятъ понять".

лѣта ни я, ни Леонъ не могли выплатить Ливорнскому торговому дому братьевъ Папудовыхъ денегъ, выданныхъ, по условію, моей женѣ, то субсидія эта прекратилась. По тѣмъ же причинамъ я не могъ высылать ей ничего, помимо Леона, кромѣ того что въ теченіи минувшей зимы я послалъ ей изъ Петербурга переводъ въ нѣсколько сотъ франковъ. Жена моя очутилась на иждивеніи моей матери, средства коей не были слишкомъ обширны. По правдѣ сказать, положеніе ея не озабочивало меня, какъ бы слѣдовало; ибо я могъ, кажется, настаивать, чтобы Леонъ снабдилъ ее деньгами изъ Порзненскаго оброка, мною предоставленнаго дотолѣ въ полное его распоряженіе. Жена моя провела зиму въ замкнутомъ семейномъ кругу: переходъ весьма для нея чувствительный послѣ блестящей прежней ея свѣтской жизни. Я уже прежде указывалъ на то обстоятельство, что отъ обращенія въ католичество и отъ 20-лѣтняго пребыванія въ Италіи тамошнее мое семейство представляло уже не Русскую, а чисто-иностранную семью, взгляды которой, привычки, убѣжденія и даже предубѣжденія не имѣли ничего общаго съ нами. Несправедливо говорятъ, что разность въ религіозныхъ воззрѣніяхъ не имѣетъ вліянія на семейныя узы: горькая опытность доказала мнѣ противное, не смотря на то, что въ домашнемъ кругу та и другая сторона тщательно избѣгали всякихъ богословскихъ преній и контроверсій, чувствуя, что предметъ этотъ приводитъ къ раздраженію.

Къ счастію жены моей, она имѣла рессурсъ въ частыхъ свиданіяхъ съ Зинаидою Сергѣевной Дивовой и съ графинею Софіею Григорьевною Чернышовой-Кругликовой, проведшихъ всю эту зиму во Флоренціи. Жена и мать мои ѣздили тѣмъ лѣтомъ на озеро Комо.

И такъ я отправился въ Знаменское съ М. Я. Вейсбергомъ, уговорить тещу мою взять на себя роль мнимой арендаторши моего имѣнія, на что она согласилась. Разсуждая нынѣ съ болѣе зрѣлой точки зрѣнія, я долженъ сознаться, что весь этотъ планъ былъ основанъ на обманѣ, и теперь я наврядъ-ли бы согласился на подобное дѣло*).

Изъ Знаменскаго мы поѣхали втроемъ (т. е. теща, г. Вейсбергъ и я) чрезъ Москву въ Порзни, а оттуда въ Кострому, чтобы привести въ исполненіе нашъ планъ. Въ Костромѣ теща моя сблизилась съ губернаторомъ и съ его супругой Софіей Ивановной Жуковой, рожден-

*) Братъ мой, графъ Петръ Дмитріевичъ, олицетворенная правдивость (la ligne invariablement droite, какъ называетъ его г. Слоанъ), узнавъ во Флоренціи о семъ изворотѣ, весьма справедливо упрекалъ меня въ согласіи на подлогъ и, какъ я слышалъ, даже заплакалъ, что я запятналъ себя этимъ дѣйствіемъ.

ной Шепелевой; но губернаторъ, Николай Ивановичъ Жуковъ, отказалъ намъ въ своемъ содѣйствіи. Не согласилась также совершить этотъ актъ и Костромская Гражданская Палата, водимая, помнится мнѣ, за носъ секретаремъ палаты, по обычаю былаго добраго времени, когда выборный дворянствомъ составъ гражданскихъ и уголовныхъ палатъ былъ изъ людей безъ всякой юридической подготовки, и нерѣдко столь же знакомыхъ съ законовѣдѣніемъ, сколько могли быть лихой гусарскій корнетъ или мичманъ, каковыми эти члены высшей судебной инстанціи могли дѣйствительно быть наканунѣ своего избранія. Съ нами взошелъ въ сношеніе по нашему дѣлу засѣдатель палаты, олицетвореніе одного изъ Гоголевскихъ типовъ, или изъ «Утра въ палатѣ», Аксакова. Пріѣхалъ онъ однажды къ намъ съ визитомъ и пустился, ни съ того ни съ сего, въ безконечные разсказы о Ермоловѣ. Наконецъ, когда я, или М. Я. Вейсбергъ, навелъ его на настоящій, насъ занимавшій, предметъ (т. е. арендный договоръ), то онъ рѣшилъ сказать: «Никакъ нельзя-съ совершить».—«А почему же нельзя?» спросилъ кто-то изъ насъ. «А вотъ-съ нельзя по этимъ-то статьямъ», и затѣмъ вытащилъ изъ жилетнаго кармана сложенную узенькую бумажку, на которой начертаны были ссылки (но однѣ только ссылки съ цифрами безъ текста) на статьи Свода Законовъ. «А позвольте васъ спросить», продолжалъ кто-то изъ насъ, «что̀ гласятъ эти статьи?»—«Право не могу вамъ сказать», наивно отвѣчалъ нашъ засѣдатель. Намуштрованъ онъ былъ по видимому своимъ секретаремъ не вполнѣ.

Такъ какъ дѣло наше провалилось въ Костромѣ, то одинъ изъ служившихъ тамъ научилъ насъ попытаться, не сговорчивѣе ли будетъ Ярославская Гражданская Палата, при чемъ указалъ намъ на лицо, хотя не занимавшее особенно виднаго въ Ярославлѣ мѣста и даже служившее по другому вѣдомству, но могущее быть намъ полезнымъ. Человѣкъ этотъ дѣйствительно уладилъ тамъ наше дѣло, но не безъ малыхъ съ его стороны хлопотъ и денежныхъ издержекъ съ нашей. Впрочемъ немного, помнится мнѣ, пришлось изъ послѣднихъ на его собственно долю.

Возвратившись оттуда въ Кострому (отстоящую отъ Ярославля всего на 60 верстъ), мы попали на свадьбу старшей дочери губернатора съ тамошнимъ вице-губернаторомъ Бороздинымъ, «un ci-devant jeune homme», не совсѣмъ подъ пару по годамъ молодой Жуковой. Вся почти семья Сухово-Кобылиныхъ прибыла въ Кострому, по родству съ Софіею Ивановною Жуковою (отмѣчу мимоходомъ, что это была женщина высокаго достоинства), и на свадебномъ

балѣ я познакомился съ молодою графинею Евгеніею Саліасъ (рожденною Сухово-Кобылиной) и съ молодымъ ея мужемъ, весьма привѣтливымъ Французскимъ господиномъ. Графиня Саліасъ въ описываемое мною время не предвѣщала рѣшительно ничего и говорила по французски съ сильнымъ Русскимъ акцентомъ.

Помѣщу кстати одинъ анекдотъ, касающійся до графини Саліасъ, хотя относящійся къ позднѣйшему времени. Узнавъ, что модный тогда свѣтскій повѣса и левъ, князь Левъ Гагаринъ, тотъ самый, что изъза пари толкнулъ императора Николая Павловича на Невскомъ проспектѣ [1]), не щадилъ сарказмовъ на счетъ ея туалета (да и въ обществѣ говорили, что она неизящно весьма одѣвалась), она не пригласила его на одинъ изъ своихъ вечеровъ, хотя онъ посѣщалъ ея домъ. Со всѣмъ тѣмъ онъ туда явился. Понятно, что хозяйка вечера встрѣтила его недружелюбно и стала его упрекать, что онъ позволяетъ себѣ повсюду разсказывать, что она выкраиваетъ себѣ платья изъ оконныхъ драпировокъ ея Турнемирскаго замка (que je me torche avec les drapperies de mon château de Tournemire). Предпочитаю, впрочемъ, привести весь діалогъ въ подлинникѣ, какъ онъ былъ сообщенъ мнѣ. «Quelle calomnie, madame! Je n'ai jamais dit pareille chose».—«Comment une calomnie? Mais je vous citerai des témoins, qui l'ont entendu». — «Je vous certifie encore, madame, que je n'ai jamais pu dire pareille chose, par la très bonne raison que je n'ai jamais cru à l'existence de votre château de Tournemire» [2]). Фамилію же Саліасъ де-Турнемиръ Левушка Гагаринъ пародировалъ въ «Сатіасъ де-Турнеброшъ». (Сатіасъ былъ тогда модный Французскій портной въ Москвѣ, а турне-брошъ значитъ по-французски вертелъ для жаркова).

Въ Порзняхъ, гдѣ мы пробыли тогда около 3 недѣль, я потѣшался остатками пѣвческаго моего хора, но уже разстроеннаго. Въ эту-свою поѣздку, теща моя взяла съ собою внучку свою, трехлѣтнюю Лизочку Нарышкину. Эта дѣвочка была апатична донельзя и дурнушка, молчаливая и неподвижная до того, что когда, бывало, посадятъ ее на стулъ, она не трогалась съ него по цѣлому часу. Никакъ нельзя было ожидать, чтобы изъ этого безжизненнаго созданія вышла прелест-

---

[1]) Левушка (какъ звали его) Гагаринъ, хотя весьма юный лѣтами, уже женатъ былъ на милѣйшей Юліи Соломоновнѣ Мартыновой. Онъ служилъ тогда въ Лейхтенбергскомъ (Кіевскомъ) гусарскомъ полку.

[2]) „Это клевета, графиня! Я ничего подобнаго никогда не говорилъ.“—„Какъ не говорили? Я вамъ назову свидѣтелей, при комхъ это было сказано.“—Опять таки увѣряю васъ, что я не могъ этого сказать по той простой причинѣ, что я никогда не вѣрилъ въ существованіе вашего Турнемирскаго замка.“

ная и всѣми обожаемая Лиза Кашкина, такъ внезапно похищенная смертію, два почти года тому (въ Декабрѣ 1869 года) послѣ благополучныхъ, казалось, родовъ *).

Проживавшій у меня въ имѣніи на покоѣ съ 1833 года, старый батюшкинъ камердинеръ Андрей Антоновичъ Каменцовъ, былъ весьма обрадованъ увидѣть опять Елисавету Ивановну Нарышкину, которую онъ помнилъ еще ребенкомъ и которой не видалъ со времени жизни нашей въ Бѣлкинѣ въ 1816 году. Вѣрный привычкамъ старины, онъ упорствовалъ прислуживать намъ за столомъ, для чего наряжался въ бѣлый галстукъ съ огромнымъ жабо, выглядывавшимъ изъ-за растегнутаго бѣлаго жилета. Продолжительная деревенская глушь не изгладила въ немъ отпечатокъ чопорности и полу-величавой сдержанности въ осанкѣ и манерахъ, присущихъ старому слугѣ вельможнаго дома прошлаго вѣка, хотя глушь эта выучила его придерживаться лишней рюмочки Русскаго зеленаго винца, вмѣсто прежняго Флорентинскаго краснаго, виноградnаго.

Забылъ я упомянуть, что, въ бытность нашу уже въ Костромѣ, тещa моя и я навѣстили преосвященнаго Владимира, знакомаго намъ по Кіеву, гдѣ онъ тогда былъ викарнымъ архіереемъ. Въ Ипатьевскомъ монастырѣ (мѣстѣ пребыванія Костромскихъ іерарховъ) только что возобновлены были покои, гдѣ скрывался отъ Поляковъ царь Михаилъ Ѳедоровичъ. Рисунки этихъ комнатъ, исполненные братьями Чернецовыми, явились тогда литографированными, чрезъ что̀ всей читающей и печитающей Русской публикѣ стали извѣстны подробности столь важнаго историческаго событія. И опять таки скажу къ похвалу царствованія Николая, что во время «Благословеннаго» его предшественника, кромѣ историковъ-спеціалистовъ, многіе-ли изъ Русскихъ слыхали (какъ думается мнѣ) объ Ипатьевской обители, при всемъ томъ, что имѣли вѣроятно точныя свѣдѣнія о пресловутомъ дубѣ, на которомъ спаслись Карлъ и Яковъ Стуарты отъ преслѣдованія Кромвелевскими дружинами, или ломали себѣ головы угадать тайну Желѣзной Маски, заключенной въ Бастильской крѣпости?

Преосв. Владиміръ дорожилъ, повидимому, Кіевскими воспоминаніями, судя по тому, что въ пріемной у него висѣли по стѣнѣ два

*) Мужъ ея, Николай Сергѣевичъ Кашкинъ неутѣшенъ по сю пору. Безоблачное супружеское его счастіе продолжалось 9 только лѣтъ. Лиза оставила по себѣ дочь, 10-ти лѣтнюю нынѣ Катю, обѣщающую быть повтореніемъ своей матери, и двоихъ малолѣтнихъ сыновей, изъ коихъ старшій умеръ въ прошломъ году.

акварельные виды, мною написанные для него: Кіевской Злато-верхо-Михайловской обители, внѣшній общій видъ и внутренность храма *).

Изъ Порзней я ѣздилъ въ Юрьевецповольскъ для явки въ тамошній Уѣздный Судъ нашего условія, совершеннаго въ Ярославской Гражданской Палатѣ. Уѣздный судья, нѣкій г. Варенцовъ (хорошій онъ былъ человѣкъ; къ нему я отправился первоначально съ визитомъ), въ ознаменованіе удачнаго исхода этого дѣла, приказалъ подать Шампанскаго. Какъ ни склоненъ былъ я и есмь къ сему напитку, но не весьма охотно, помнится мнѣ, принялъ эту любезность, по несвоевременности часа дня (это было въ 9 или 10 часовъ утра). Всѣ должностныя лица уѣзда были расположены ко мнѣ, но вовсе, могу сказать, не изъ подобострастія, какъ къ помѣщику 2800 душъ, пригодному для нихъ въ видѣ дойной коровы (упомянутый уѣздный судья Варенцовъ женатъ былъ на купеческой вдовѣ, принесшей ему въ приданое нѣчто въ родѣ полумилліончика чистоганомъ); но видно было, что личность моя и непринужденное мое со всѣми обращеніе были имъ по нутру, и даже казалось мнѣ, что они брали участіе въ томъ, чтобы имѣніе мое уцѣлѣло за мною.

Нелишнее упомянуть также, что искренній другъ мой А. А. Мироновъ (нашъ уѣздный предводитель), съ своимъ прямодушнымъ и практическимъ взглядомъ на вещи и на приказныя каверзы, недовѣрчиво смотрѣлъ на хитросплетенное изобрѣтеніе М. Я. Вейсберга.

---

*) Я теперь вспомнилъ объ одномъ курьозѣ, относящемся къ этимъ двумъ рисункамъ и характеризующемъ безсмысленную подозрительность и назойливую придирчивость тогдашней полиціи. Когда я усѣлся на площади передъ Михайлоархангельской обителью для снятія съ нея вида, ко мнѣ приставъ кварташка для объясненія, по какому поводу и по чьему разрѣшенію рисую я на улицѣ, и долго подвергалъ онъ терпѣніе мое этому испытанію, не смотря на то, что я неоднократно говорилъ ему, чтобы онъ отнесся для разъясненій къ самому викарному архіерею, что̀ въ концѣ концевъ онъ рѣшился сдѣлать. Наши простолюдины смотрятъ иногда на человѣка, рисующаго на открытомъ воздухѣ, съ натуры, какъ на подозрительное лицо. Однажды я, снимая такимъ образомъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ Англійскихъ военноплѣнныхъ морскихъ офицеровъ г. Стоапомъ-Эльфинстопомъ, жившимъ въ 1854 г. въ Рязани, живописный видъ села Дядькова (имѣніе нынѣ умершаго Дубовицкаго, въ 3 верстахъ отъ Рязани), былъ окруженъ толпою крестьянъ, и хотя они не помѣшали намъ продолжать наше занятіе, но не расходились; да и видъ ихъ былъ почти что угрожающій. Вскорѣ потомъ Дубовицкій сообщилъ мнѣ, что крестьяне эти (его крѣпостные) тогда же немедленно дали ему знать, что *нерусскіе какіе-то люди* снимаютъ *планы* съ его имѣнія, и что еслибы онъ не послалъ сказать имъ, чтобы они оставили насъ въ покоѣ, то съ нами, пожалуй, приключился бы непріятный весьма скандалъ или, чего добраго, что-нибудь еще хуже. Подобнаго рода подозрительность объясняется тогдашнею Крымскою войною, но полицейская подозрительность въ мирное время, образчикъ коей я привелъ, неразъяснима.

Возвратившись въ Москву, я предложилъ тещѣ моей лучше оставаться тамъ у меня на зиму, чѣмъ ей скучать въ одиночествѣ въ ея Знаменскомъ безъ всякаго другого общества, кромѣ Тридопа, съ которымъ она, болѣе отъ нечего дѣлать, чѣмъ отъ иной причины, нерѣдко ссорилась, хотя въ душѣ отдавала ему должную справедливость. Да и кстати было ей не разлучаться со мною, такъ какъ теперь обоимъ намъ слѣдовало дѣйствовать за одно. Я нанялъ квартиру въ домѣ бывшемъ Альбини, а тогда Попова (нынѣ Пѣгова), на углу Тверской и Чернышовскаго переулка, съ окнами насупротивъ канцеляріи Московскаго военнаго ген.-губернатора, и платилъ за 7 комнатъ въ 2-мъ этажѣ и за двѣ комнаты для прислуги въ 1-мъ этажѣ, съ конюшнею и каретнымъ сараемъ, 750 или 800 рубл. асс. въ годъ, что̀ на серебро выходитъ около 230 рублей [1]). На дворѣ того дома въ числѣ квартирантовъ были два родные братья, хотя носившіе разныя фамиліи; Артари и Колѝмба. Они были уроженцы Итальянскихъ кантоновъ Швейцаріи. Г. Артари былъ талантливый, стѣнной живописецъ, здравствующій доселѣ, а г. Колѝмбо искусный ружейный фабрикантъ. Въ томъ же домѣ, вдоль по Тверской, былъ магазинъ Французскаго куафёра Галиси, и понынѣ существующій на Неглинной, въ промежуткѣ между Кузнецкимъ мостомъ и Софійской улицей. О немъ я упоминаю заблаговременно, потому что парикмахеръ этотъ случайно игралъ нѣкоторую роль въ одномъ театральномъ моемъ приключеніи, въ слѣдующемъ 1841 году. Квартиру эту въ домѣ Попова я занималъ до 1844 года.

Хотя я числился при канцеляріи князя Д. В. Голицына, но не занималъ тамъ никакого штатнаго мѣста, не получалъ жалованья, и меня никогда туда не требовали. Правителемъ оной все еще былъ П. Ѳ. Степановъ, а военнымъ отдѣленіемъ оной завѣдывалъ маіоръ Барышниковъ, добрый, но безцвѣтный, если можно такъ выразиться, человѣкъ. Княжескими адъютантами были тѣже: князь Н. А. Щербатовъ и князь Друцкой (по прозвищу пустой возокъ съ фонарями, по поводу выпуклыхъ его глазъ), а изъ новыхъ Дмитрій Петровичъ Солнцевъ (сынъ бывшаго въ 1827—1828 годахъ Орловскаго губернатора), молодой баронъ Розенъ (кажется, Дмитрій), меньшой изъ сыновей дѣйствовавшаго во время Польской войны 1831 года генерала [2]).

---

[1]) Для сравненія цѣнъ прежнихъ съ настоящими (въ 1870 г.) отмѣчу, что въ этомъ самомъ домѣ Пѣгова, въ отдѣленіи меблированныхъ комнатъ г-жи Лавіоль, одинъ мой знакомый теперь платитъ 35 руб. сер. въ мѣсяцъ за двѣ комнаты (правда съ отопленіемъ), что̀ составляетъ 420 р. сер. въ годъ.

[2]) Послѣ Польской войны баронъ Розенъ (отецъ извѣстнаго нынѣ Серпуховскаго Владычнаго дѣвичьяго монастыря игумени Митрофаніи) назначенъ былъ главнокомандующимъ на Кавказѣ.

Вмѣсто В. Д. Олсуфьева, назначеннаго недавно передъ тѣмъ гофмаршаломъ двора Государя Наслѣдника, Московскимъ гражданскимъ губернаторомъ былъ Сенявинъ, женатый на баронессѣ д'Огеръ. Московскимъ вице-губернаторомъ былъ уже (кажется) тогда Петръ Петровичъ Новосильцовъ, бывшій передъ тѣмъ адъютантомъ при князѣ Д. В. Голицынѣ и женившійся немного позднѣе (вторымъ бракомъ) на непервой уже молодости Меропѣ Александровнѣ Берингъ. Оберъ-полицемейстеромъ все продолжалъ быть свиты Е. И. В. маіоръ Левъ Михайловичъ Цынскій. Князь Д. В. Голицынъ, принимавшій живое участіе въ запутанныхъ моихъ обстоятельствахъ, назначилъ одного изъ служившихъ въ его канцеляріи, нѣкоего г. Кондратьева, *офиціозно* (какъ нынѣ говорятъ) заняться разсмотрѣніемъ всѣхъ моихъ дѣлъ. Оффиціальнаго характера князь не могъ придать таковому пересмотру, ибо оно равнялось бы попечительной коммиссіи, могущей учредиться не иначе, какъ съ высочайшаго разрѣшенія. Дѣло о моихъ долгахъ и о степени моей состоятельности или несостоятельности уплатить ихъ разсматривалось тогда въ Московскомъ Коммерческомъ Судѣ, на томъ основаніи, что, какъ я уже объяснилъ прежде, Леонъ записалъ меня для Бородинской операціи по первой гильдіи. Рѣшенія по комерческимъ дѣламъ долго не затягиваются въ этой инстанціи, и потому надо было всячески стараться достичь судебнаго признанія, что въ сущности я, дворянинъ и помѣщикъ, не имѣю никакихъ торговыхъ заведеній, и что потому подсудность моя подлежитъ гражданскому вѣдомству, то есть Московскому Надворному Суду. Предсѣдателемъ Комерческаго Суда былъ нѣкто г. Любимовъ, человѣкъ обязанный, сколько помнится мнѣ, этимъ мѣстомъ князю Д. В. Голицыну, и онъ препоручилъ разсмотрѣніе этаго дѣла одному изъ присяжнымъ стряпчихъ Коммерческаго Суда, г. Рагозину. Благодаря такой обстановкѣ, я выигралъ дѣло, и всѣ поданныя на меня взысканія переданы были для производства въ Надворный Судъ. Тамъ нетрудно было хлопотать, чтобы дѣло мое пошло въ дальній ящикъ, и дѣйствительно окончательное рѣшеніе послѣдовало по прошествіи почти десяти лѣтъ. Можетъ быть, что эта минута была на столько для меня благопріятною, что я могъ бы выпутаться изъ моего омута. Кредиторы мои убѣдились бы, что ничего почти не очистилось бы на ихъ долю отъ продажи моего имѣнія, и пошли бы на всякую уступку и сдѣлку; но я не сумѣлъ воспользоваться моимъ положеніемъ. Впрочемъ, надо и то сказать, что безъ наличнаго капитала для этой сдѣлки она врядъ ли могла состояться. Весь этотъ милліонъ, или около того (на ассигнаціи), можно было бы скупить по 20 коп. за рубль на налпчныя деньги; а какъ за уплату годовыхъ процентовъ въ Сохранную Казну оставалось еще изъ до-

ходовъ съ моего имѣнія 30 тыс. рублей, то я могъ бы выплатить чрезъ 10 или 12 лѣтъ весь затраченный на сдѣлку съ кредиторами капиталъ тому благодѣтелю, который захотѣлъ бы войти въ мое дѣло, и выплатить даже съ процентами. Но таковой не отыскался, и все лопнуло.

Таковъ былъ общій конспектъ моихъ дѣлъ въ началѣ 1841 года. Они съ того времени постепенно ухудшались, но протянулись до весны 1848 года. Съ Леономъ я избѣгалъ всякой встрѣчи со времени лѣтней моей поѣздки въ Порзни и въ Петербургъ, когда я публиковалъ объ уничтоженіи моей довѣренности, и по мысли тогдашнихъ моихъ совѣтчиковъ произведенъ былъ при мнѣ полиціею форменный обыскъ въ Леоновой конторѣ и на квартирѣ главнаго его приказчика Адольфа Вейса *). Чѣмъ была мотивирована эта мѣра, теперь не помню; но она была изъ тѣхъ, о которыхъ говоритъ пословица «шиломъ патоку задѣлъ». Ничего конечно при обыскѣ не оказалось ни въ конторѣ, ни у Вейса: ни денегъ, ни документовъ, ни даже конторскихъ книгъ. Касательно послѣднихъ, помнится мнѣ, что конторскій писарь, изъ Русскихъ, скрылъ ихъ у себя и далъ знать Леону, что онъ не иначе выдастъ ихъ ему какъ за весьма значительный кушъ денегъ; но Леонъ не погнался за ними, и писарская спекуляція не удалась. Тѣмъ не менѣе всѣ эти мои (или, правильнѣе сказать, М. Я. Вейсберга) дѣйствія, вмѣстѣ съ исчезновеніемъ конторскихъ книгъ (ибо они были торговыя, и уничтоженіе ихъ могло подвергнуть Леона суду за злоумышленное банкротство) навели страхъ на Леона, и онъ началъ добиваться, подъ рукою, сближенія со мною; одобрялъ впрочемъ отдачу моего имѣнія въ арендное будто бы содержаніе тещѣ, какъ оплотъ противъ кредиторовъ, но говорилъ, что теперь-то и нужно дѣйствовать мнѣ за одно съ нимъ. Долго избѣгалъ я этого сближенія, и оно состоялось не прежде весны 1841 года. Первоначальная встрѣча наша была, помнится мнѣ, въ Кремлевскомъ саду. Онъ представилъ мнѣ, что только онъ одинъ можетъ расхлебать заваренную имъ кашу, что одинъ онъ можетъ-де выказать и опровергнуть безденежные документы (то есть тѣ, по копмъ онъ не получалъ денегъ); что относительно Сохранной Казны, гдѣ ничего не уплачено было за Порзни уже нѣсколько лѣтъ, онъ, по своимъ тамъ связямъ, удерживалъ до-

*) Человѣкъ этотъ, одинаковаго какъ и его принципалъ, Еврейскаго происхожденія, былъ приказчикомъ у Леона, когда онъ былъ маркитантомъ при нашемъ полку въ Турецкой кампаніи 1829 года. Въ продолженіе этой кампаніи Адольфъ Вейсъ опредѣлился по рекомендаціи Леона камердинеромъ къ нашему полковнику Е. П. Пашкову, а во время Бородинскаго предпріятія 1839 г. снова поступилъ къ Леону.

толѣ опись и продажу этого имѣнія, что отчасти было справедливо *). За тѣмъ онъ силился доказать, что цифра поданныхъ лично на него взысканій стала незначительна (около 60 тыс. рубл., сколько помнится мнѣ) въ сравненіи милліона (или около) долга, поданнаго на меня; что я ничѣмъ не рисковалъ признать эти личные его долги надѣланными будто бы для моихъ же дѣлъ, а между тѣмъ я этимъ освободилъ бы его отъ ежеминутно угрожавшаго ему ареста, и онъ свободнѣе бы могъ дѣйствовать по моимъ дѣламъ. И тутъ подчинился я его вліянію и осенью того 1841 года подалъ заявленіе въ Комерческій (или Надворный) Судъ, что признаю якобы своими всѣ личные долги бывшаго моего повѣреннаго. Это было страшною ошибкою; потому что во первыхъ, мнѣ въ точности неизвѣстно было, на какую сумму простирались Леоновскіе личные долги, а во вторыхъ, я обезоруживалъ себя на будущее время закрѣпленіемъ всѣхъ тѣхъ исковыхъ документовъ, которые дотолѣ подлежали спору. Хотя послѣ этого моего съ Леономъ сближенія я болѣе не выдавалъ ему никакой форменной довѣренности, но онъ фактически началъ снова съ осени 1841 года, когда я разсорился съ тещею моею (какъ скажу въ своемъ мѣстѣ), завѣдывать моими дѣлами.

Теперь обращаюсь къ описанію Московской моей жизни зимою съ 1840 на 1841 годъ и событій того времени.

Всѣ медицинскія ухищренія для поддержки жизни княгини Татьяны Васильевны Голицыной, впавшей въ маразмъ, были истощены, и она умерла около новаго 1841 года. Московское дворянство, желая почтить ея память, отмѣнило по сему случаю балъ или какое-то оффиціальное празднество, имѣвшее быть въ Дворянскомъ Собраніи, или чуть-ли не закрыло временно Собраніе, какъ бываетъ въ оффиціальныхъ траурахъ, каковой почести не бывало еще дотолѣ, какъ я слышалъ, для частнаго лица.

Нельзя коснуться описанія тогдашняго Московскаго общества и пропустить типическую, выдающуюся впередъ, личность нѣкоего доктора Газа или Гаазе.

Начну съ его наружности. Ему было тогда, какъ предполагаю, шестьдесятъ съ чѣмъ-то лѣтъ; роста онъ былъ низкаго, толстенькій и кругленькій, въ парикѣ, всегда во фракѣ, въ короткихъ до колѣнъ штанахъ, въ шелковыхъ черныхъ чулкахъ и въ башмакахъ, съ жи-

*) Сохранная Казна терпѣла до 1845 года. Вещь неслыханная!

выми манерами и дѣятельными привычками. Не помню, какого онъ былъ вѣроисповѣданія, Лютеранскаго или Римско-католическаго; но, будучи глубоко проникнутъ Евангельскими заповѣдями, онъ неуклонно примѣнялъ ихъ въ практической жизни, и особливо въ любви къ ближнему,—чувство, доходившее у него иногда до крайности съ свѣтской точки зрѣнія. Съ таковою же строгостію относился онъ къ правдивости во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ служебныхъ и общественныхъ, и въ рѣчахъ, въ каковомъ отношеніи мало уступалъ Квакерамъ. О медицинскихъ его достоинствахъ мало знаю; но можно думать, что онъ былъ искуснымъ довольно врачемъ, если судить по обширной его кліентелѣ въ высшихъ кругахъ общества. Онъ вовсе не считалъ себя призваннымъ къ апостольскому служенію; но главною задачею жизни было у него распространеніе Евангельскихъ началъ и врачеваніе духовныхъ недуговъ. Онъ напечаталъ на свой счетъ таблицы для народнаго руководства, на каждой изъ каковыхъ помѣщались азбука, Молитва Господня и десять заповѣдей, и эти таблицы онъ распространялъ между арестантами, съ которыми имѣлъ ежедневныя сношенія, будучи членомъ тюремнаго комитета *), и раздавалъ своимъ знакомымъ. Онъ избралъ предметомъ особеннаго своего попеченія духовное преуспѣяніе карaемыхъ правосудіемъ заблудшихъ овецъ. Въ увѣщеваніи преступниковъ у него проявлялись такая душевная чистота, такое состраданіе къ страждущему человѣчеству, что для посторонняго онъ могъ казаться смѣшнымъ. Такъ, наприм., разсказывали, что, увѣщевая однажды какого-то убійцу, онъ нѣжно обнималъ его, приговаривая: «Ну да, ты вѣдь каешься, не правда-ли, въ твоихъ дѣйствіяхъ? Ты теперь добрый человѣкъ и впередъ никогда не будешь этого дѣлать, не правда-ли?» Разсказывали также, помнится мнѣ, что въ подвѣдомственной ему больницѣ былъ человѣкъ съ ракомъ на наружной части тѣла, отъ чего больничные его товарищи избѣгали всякаго съ нимъ сообщенія. Сочувствуя этому отлученію бѣдняка и, можетъ быть, въ доказательство, что прикосновеніе къ нему неопасно, докторъ Гаазъ облобызалъ при всѣхъ эту гніющую язву. Но этотъ самый, столь снисходительный и сердобольный къ меньшей братіи человѣкъ дѣлался непреклоннымъ упрямцемъ въ столкновеніяхъ съ сильными міра сего, когда задумывалъ проводить между ними какую-либо изъ своихъ филантропическихъ идей. Такъ однажды, когда князь Голицынъ, выведенный изъ терпѣнія настойчивостію и горячностію, съ каковыми Гаазъ чего-то домогался отъ него, закричалъ (что впрочемъ не было ему свойственно): «M-r Haas, si vous ne cessez pas, je vous ferai mettre

*) Пересылочный замокъ помѣщался тогда на Воробьевыхъ горахъ, куда Гаазъ не пропускалъ ѣздить въ день отправленія этапныхъ командъ, разъ въ недѣлю.

à la porte». — «Et moi, mon prince», отвѣчалъ докторъ, «je rentrerai par la fenêtre» *). Объ его справедливости и честности судить можно по слѣдующему анекдоту. Однажды староста подмосковной его деревушки донесъ ему, что намѣревается воспользоваться предстоящимъ рекрутскимъ наборомъ, чтобы сбыть какого-то негодяя. «Какъ?» крикнулъ на него съ негодованіемъ Гаазъ. «Чтобы я обманулъ моего Государя и Императора? Никогда! Отдать на царскую службу самаго лучшаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка изъ моего имѣнія».

Другихъ воспоминаній о достойномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и оригинальномъ этомъ лицѣ, не имѣю, кромѣ того, что онъ особенно почиталъ послашія Св. Павла, и однажды при мнѣ выразился объ одномъ мѣстѣ изъ этого апостола: «quel joli passage!», и хотя слово «joli» не примѣняется по французски къ священнымъ предметамъ, но у Гааза оно имѣло значеніе совершенства по слогу и по смыслу.

Въ это время (т. е. зимою съ 1840 на 1841 г.), стоя на краю пропасти, я весь предался пѣнію, какъ будто бы нечего было мнѣ безпокоиться о будущности моей. Познакомившись съ учителемъ пѣнія, тогда бывшимъ въ большемъ ходу, Итальянцемъ г. Занноти, я сошелся у него съ однимъ дилеттантомъ, Людвичомъ Антоновичемъ Гизетти, медикомъ по профессіи, но покинувшимъ всякую практику. Хотя по фамиліи онъ казался Итальянцемъ и принадлежалъ Римско-католическому вѣроисповѣданію, но былъ природный Москвичъ, сынъ нотаріуса или биржеваго маклера, женатый на Русской, принесшей ему въ приданое порядочный, повидимому, капиталъ, но бывшей старше мужа годами и до крайности ревнивой. Заблаговремевно скажу, что Л. А. Гизетти пустилъ женины деньги въ оборотъ, сошелся съ моимъ Леономъ (хотя, не чрезъ меня, но упрекаю себя, что я не постарался отвлечь его отъ столь опаснаго человѣка, какъ упрашивала меня о томъ г-жа Гизетти) и съ другимъ по подрядной части людомъ, запутался, послѣ чего переѣхалъ въ Петербургъ, въ надеждѣ, должно быть, поправить свои дѣла, но разорился окончательно и умеръ въ 1845 году. Какъ пѣвецъ, онъ былъ одаренъ чисто-грудным и сильнымъ теноровымъ голосомъ, свободно прокрикивалъ свои «si bemol» или чуть ли не «si naturel», но не отличался особенно методомъ пѣнія, хотя и провелъ нѣсколько времени въ Италіи. У него я часто проводилъ вечера, и мы такъ хо-

*) „Г. Гаазъ, если вы не перестанете, я прикажу выбросить васъ въ дверь".—„А я, князь, взойду опять чрезъ окно". Анекдотъ этотъ переданъ былъ мнѣ на горячихъ слѣдахъ Андреемъ Степановичемъ Кронбергомъ, домашнимъ врачемъ князя Голицына.

рошо спѣлись, что обоихъ насъ, какъ неразлучныхъ, приглашали иногда на музыкальные вечера. Чрезъ меня онъ познакомился съ увлекательною, какъ женщина и талантливою, какъ артистка-аматёрша, Софіею Александровною Рябининой (рожденной княжной Черкасской). Хорошо не помню, она ли или г. Занотти познакомили меня и Л. А. Гизетти съ двоюроднымъ братомъ Софіи Александровны по ея мужу, Владиміромъ Михайловичемъ Боборыкинымъ, ярымъ меломаномъ и знатокомъ Итальянской музыки, владѣвшимъ хотя несильнымъ, но пріятнымъ басомъ. И вотъ мы вчетверомъ составили, подъ дирижерствомъ общаго нашего акомпаніатора Занотти, маленькую, но комплектную труппу. Музыкальный нашъ союзъ выдержалъ весь зимній и весенній сезонъ 1841 года; врозь мы рѣдко пѣвали, а въ свой кружокъ посторонихъ пѣвцовъ и пѣвицъ не пускали. У С. А. Рябининой было первоначально нѣчто въ родѣ контральта, но усиленною обработкою своего органа она пріобрѣла самыя высокія сопрановыя ноты и пѣвала съ большимъ увлеченіемъ («entrain et feu», чего не доставало Е. А. Соймоновой), и даже съ чувствомъ. Органъ у нея былъ могучій, но тембръ его грѣшилъ немного неясностію. Долженъ я сознаться, что былъ немного влюбленъ въ нее; да и трудно было устоять противъ обаянія вдохновительной этой женщины. А вѣдь странно сказать, она далеко не была красавицею. Черты лица были не тонкія, и все лице въ веснушкахъ; волоса хотя густые и волнистые, но если не назвать ихъ рыжими, то конечно «d'une teinte très hazardée»; росту средняго, но за то было роскошное тѣлосложеніе, бюстъ и плечи статуарные при тонкой и элегантной таліи. Кромѣ музыкальныхъ своихъ дарованій, Софія Александровна успѣшно весьма писала портреты масляными красками, свободно владѣла четырьмя языками и знала поэзію этихъ нарѣчій, но рядомъ съ тѣмъ всеобъемлющій ея умъ углублялся охотно въ философическія и даже богословскія чтенія, пытливо отыскивая (какъ я впослѣдствіи замѣтилъ) точку опоры противъ скептицизма. Душевнаго этого оплота искала она въ борьбѣ съ жизнію, не сложившеюся по потребностямъ горячей и отчасти поэтической ея натуры. Мужъ ея Александръ Андреевичъ, хотя хорошій, какъ обыкновенно говорится въ свѣтѣ, человѣкъ, но весь преданъ былъ житейскимъ заботамъ, сельскому хозяйству и сахароваренію. Помню время ея колебаній; помню, что я однажды засталъ ее всю въ слезахъ. Она разъ призналась мнѣ, что, алча духовнаго подкрѣпленія, она обращалась къ покойному митрополиту Филарету, но что онъ не удовлетворилъ душевной ея жажды. «J'ai trouvé sa morale très sèche» *), сказала она мнѣ. Убѣдившись (вѣроят-

*) Я нашла его мораль очень сухою.

но), что вопросъ о жизни неразгадаемъ, она впала въ скептицизмъ, махнула рукою на все, перестала бороться и пустила свою ладью на произволъ житейскихъ бурь. Потребность сильныхъ ощущеній особенно высказывается въ этотъ періодъ ея жизни, и вотъ она отправляется въ Алжиръ и участвуетъ въ львиной охотѣ [3]).

Около десяти лѣтъ спустя, молодой и талантливый нашъ фортепіанистъ Дмитріевъ посвятилъ Софіи Александровнѣ извѣстный свой романсъ «Густолиственныхъ кленовъ аллея», нарочно для нея имъ написанный [2]).

Дома мнѣ акомпанировалъ молодой Итальянецъ Лоръ, черезъ протекцію графа М. Ю. Вielьгорскаго наслѣдовавшій отъ маэстра Еркольни мѣсто учителя пѣнія при одномъ Московскомъ институтѣ Воспитательнаго Дома.

Въ Январѣ или Февралѣ пожаловала къ намъ угасавшая знаменитость Европейскихъ первоклассныхъ сценъ, г-жа Паста. Она дала первый свой концертъ въ партикулярномъ залѣ, въ домѣ Корсаковыхъ, что̀ у Страстнаго монастыря, а затѣмъ два отрывочныя представленія въ Большомъ театрѣ, выбравъ для того первую сцену изъ Нормы (оперы, написанной для нея молодымъ Беллини въ 1829 или 1830 году) и финалъ Россиніева Отелло.

Не могу не провести здѣсь параллели между свѣтскими приличіями, какъ ихъ понимали въ 40-хъ и нынѣ въ 70-хъ годахъ. Г-жа Паста просила меня участвовать съ нею въ этомъ концертѣ въ Корсаковомъ залѣ, а такъ какъ я числился тогда въ канцеляріи князя Д. В. Голицына, то нужно было испросить его на это согласіе. Князь, хотя всегда благоволившій ко мнѣ, тѣмъ не менѣе отказалъ мнѣ въ этомъ случаѣ, потому-де, что не принято было у насъ, чтобы актеры изъ нашего высшаго общества участвовали на публичныхъ (т. е. за деньги) концертахъ профессіональныхъ артистовъ. Въ настоящее же время я видѣлъ на афишахъ Московскаго временнаго общедоступнаго театра (на Варваркѣ) имена князя Урусова и г-жи Путяты съ ея сыномъ. Слѣдуетъ добавить, что спектакли эти не имѣли никакой благотворительной цѣли. Въ столь извѣстной аріи первой сцены Нормы «Casta diva» были у Насты дѣйствительно минуты, напоминавшія лучшія времена двадцатипятилѣтней ея карьеры; но вслѣдъ затѣмъ голосъ ея подъ часъ срывался, а уже въ ролѣ Дездемоны ее постигло полное

[1]) Все это относится къ 50-мъ уже годамъ.

[2]) С. А. Рябинина скончалась въ 1854 г. въ Парижѣ, отъ холеры (род. въ 1817 г.)

фіаско, и публика произнесла надъ нею окончательный судъ, что, «мадама Паста—баста». Драматическая ея игра въ финальномъ дуэтѣ Отелло была высшей трагической школы; но одна игра не могла выкупать надтреснутаго органа, а дородность тѣлосложенія и старческая походка (особливо, когда Дездемона порывается убѣжать отъ освирѣпѣвшаго Отелло) уничтожали всякую иллюзію. Вдобавокъ, путешествовавшій съ нею молодой теноръ Гамберини, посягнувшій на трагическую роль Мавра, былъ артистъ ниже посредственности. Удивительно, право, какъ иные пѣвцы обоего пола не мирятся съ мыслію, что артистическое ихъ поприще окончено и не умѣютъ во́-время разстаться съ нимъ при неувядшихъ еще лаврахъ.

По поводу Шекспирова Отелло, я вспомнилъ разсказанное мнѣ объ игрѣ въ этой трагедіи знаменитаго Негра Олриджа, бывшаго въ Москвѣ въ началѣ 60-хъ годовъ. Онъ увлекался до того, что чуть-чуть не задушилъ игравшую съ нимъ въ роли Дездемоны трагическую артистку г-жу Козицкую, которая заявила Театральной Конторѣ, что дирекція можетъ сколько угодно штрафовать ее, но что жизнь дороже денегъ, и что она впередъ рѣшительно не станетъ болѣе играть съ такимъ изступленнымъ человѣкомъ. Мнѣ не случалось видѣть Олриджа; но мнѣ сдается, что эти спектакли, передѣланные для него (онъ игралъ также въ Королѣ Лирѣ и въ Венеціанскомъ Купцѣ) смахивали на шутовство; ибо Американецъ-Негръ декламировалъ на Англійскомъ нарѣчіи, а реплика и все прочее шло по-русски. Изъ всей публики едвали трое изо ста знали Англійскій языкъ, и потому восторгъ (если дѣйствительно онъ былъ), произведенный Олриджемъ, былъ напускной.

Внѣ сцены, г-жа Джудитта Паста была милѣйшая, веселая и безцеремонная особа: сядетъ, бывало, непрошенная къ фортепіано и затянетъ какую-нибудь комическую пѣсенку. Она съ мужемъ была у у меня въ гостяхъ *), и простотою манеръ и обхожденія (то что́ зовется по французски franchise d'allures) очень понравилась тещѣ моей и Маврѣ Егоровнѣ Быховецъ, съ коими она провела вечеръ и ужинала у меня. Она показывала мнѣ браслетъ съ портретомъ малолѣтней своей внучки (дочь ея была замужемъ за какимъ-то Ломбардскимъ маркизомъ) и говорила, что носитъ этотъ браслетъ на счастіе, когда должна являться передъ публикою. Любя дѣтей, она ласкала и брала на свои колѣна маленькую Лизу Нарышкину, продолжавшую тогда

*) Г. Паста, какъ и г. Валабрекъ, мужъ г-жи Каталани, и большинство супруговъ знаменитыхъ пѣвицъ, былъ безцвѣтный совершенно человѣкъ, не отличавшійся никакимъ талантомъ, ни складомъ ума.

находиться у своей бабушки, а моей тещи. Исключая музыки, эстетическій вкусъ не особенно высказывался у г-жи Паста: въ Москвѣ ей очень нравилось то, что крыши домовъ всѣ зеленыя.

Вскорѣ послѣ ея отъѣзда явились двѣ другія потухавшія звѣзды Парижской Французской оперы, г-жи Даморо-Чинти и Фальконъ. Впрочемъ онѣ не пускались на драматическія представленія, а въ концертахъ были весьма сносны, особливо Фалконъ [1]), не старая еще артистка, преждевременно оставившая сцену по причинѣ болѣзни, повредившей ея голосу. Она была еще очень красивая женщина и исполнила въ концертѣ, помнится мнѣ, весьма удовлетворительно арію изъ Жидовки, которую писалъ Галеви нарочно для нея. Г-жа Даморо-Чинти, хотя поступила на сцену съ 1814 года, но и въ 1841 г. отдѣлывалась весьма еще порядочно руладнымъ пѣніемъ, преобладавшимъ въ Россиніевскую эпоху. Изъ Русскихъ артистовъ замѣчательны были молодой Девитте и его двѣ сестры. Всѣ трое были арфисты и фортепіанисты, и одна изъ сестеръ вышла позднѣе замужъ за нѣкоего Хомякова. Они были дѣти попавшаго подъ судъ инженернаго генерала и по нуждѣ сдѣлались артистами.

Но вотъ, благодаря неусыпной дѣятельности пріятеля моего, медика Кронберга, готовилось открытіе дѣтской больницы (на Бронной), директоромъ коей онъ былъ назначенъ [2]). Въ пользу ея составлялся концертъ въ залѣ Дворянскаго Собранія изъ Московскихъ диллетантовъ обоего пола. Въ концертѣ этомъ участвовали нашъ вышесказанный квартетъ (Рябинина, Гизетти, Боборыкинъ и я), также Меропа Александровна Берингъ (еще не выходившая за П. П. Новосильцова), меньшая ея сестра Зинаида Александровна (недавно передъ тѣмъ вышедшая за яраго меломана Семена Павловича Яковлева [3]), Михаилъ Дмитріевичъ Засѣцкій и хоръ диллетантовъ обоего пола изъ высшаго общества, а по инструментальной части княжна Марія Николаевна Щербатова прекрасно выполнила на фортепіяно одинъ изъ концер-

---

[1]) Меньшая ея сестра, бездарная актриса, была въ то время въ составѣ Петербургской Французской труппы.

[2]) Какъ директоръ больницы, г. Кронбергъ занималъ весь правый отдѣльный флигель. По его просьбѣ, садовникъ изъ крѣпостныхъ моихъ людей Шобановъ (знатокъ своего дѣла и пьяница) разбилъ тогда и засадилъ садикъ порядочнаго пространства, примыкающій къ этому флигелю. Когда я посѣтилъ въ послѣдній разъ тамъ г. Кронберга въ 1860 году, деревья въ саду были уже огромныхъ размѣровъ. Шобановъ былъ сынъ любимаго садовника моего отца и такого же пьяницы какъ его чадо. Послѣ 1860 г. Кронбергъ переселился за границу со всѣмъ своимъ семействомъ.

[3]) Зинаида Александровна Яковлева умерла ударомъ на Святой недѣлѣ въ 1866 или 1867 году. Отличная была мать семейства.

товъ Шопена. Оркестръ былъ Большаго театра, а дирижеромъ всего концерта г. Дзанотти, у котораго учились всѣ почти дѣвицы, участвовавшія въ хорѣ *). Концертъ начался шумною интродукціею изъ оперы Марино Фаліери (Донидзетти), впервыя слышанною Москвичами, которая сошла съ рукъ съ большимъ эффектомъ; въ ней участвовали хоромъ всѣ пѣвцы и пѣвицы. Не менѣе удовлетворительно (осмѣливаюсь сказать) исполненъ былъ нашимъ квартетомъ, при окончаніи 1-й части концерта, большой финалъ 1-го дѣйствія изъ Лучіи ди Ламермуръ «Chi mi frena in tal momento», также впервыя исполненный въ Москвѣ. Въ этомъ «morceau d'ensemble» вибрація голоса Софіи Александровны наполняла весь большой дворянскій залъ, не хуже сценической артистки. Съ нею же я пропѣлъ дуэтъ изъ Донидзеттіевой оперы Марія ди Риденсъ, но помню, что я не былъ доволенъ моимъ исполненіемъ; потому что дуэтъ этотъ, написанный для баритона Ронкони, былъ слишкомъ высокъ для меня, по милости высокаго (противъ Итальянскаго) камеръ-тона, какъ Петербургскаго, такъ и Московскаго оркестра. Затѣмъ Софія Александровна блистательно исполнила трудную каватину изъ оперы Пуритане, Меропа Александровна Берингъ съ успѣхомъ пропѣла пѣсню Вани изъ Жизни за Царя. Тембры ея и сестры ея, З. А. Яковлевой, были ясны, звучны и мягки. Концертъ вполнѣ удался; очистилось за расходомъ около 10 тыс. р. асс., и немедленно затѣмъ послѣдовало открытіе Дѣтской больницы тамъ, гдѣ по сю пору она находится. Квартетъ нашъ, въ знакъ признательности за труды г. Дзанотти, поднесъ ему серебряно-вызолоченный большой бокалъ, работы славившагося уже тогда Губкина, съ нашими на немъ именами.

Около того же времени я познакомился у Гизетти съ Александромъ Егоровичемъ Варламовымъ. По просьбѣ его, Гизетти и я согласились участвовать въ его концертѣ, въ Дворянскомъ Собраніи. Въ немъ участвовали также Елисавета Алексѣевна Дьякова (бывшая знаменитая наша диллетантка Окулова, ученица графа Риччи въ 1826 и 1829 годахъ), графиня Екатерина Александровна Зубова и ея сестра Евреи-

*) Ихъ я помню поименно: двѣ сестры Демидовы, мать коихъ была рожденная Панина (одна изъ нихъ вышла за вдовца графа Армфельда, а другая за Казакова); двѣ сестры Тришатныя (дочери извѣстнаго, попавшаго подъ судъ, генерала), хорошенькая графиня Прасковья Петровна Толстая (вышедшая за князя Григорія Николаевича Вяземскаго, сына княгини Софіи Егоровны, бывшей вдовы Беринга), Бибикова (вышедшая за князя Оболенскаго, убитаго вскорѣ послѣ свадьбы своимъ поваромъ), двѣ сестры Голынскія и, кажется, обѣ дочери Андрея Николаевича Небольсина. Изъ болѣе замѣчательныхъ артистовъ театральнаго оркестра были: г. Грасси, первая скрипка, гг. Марку и Кудельски, оба віолончелисты. Былъ еще третій, помнится мнѣ, віолончелистъ, г. Шмидтъ.

нова, дочери князя Александра Петровича Оболенскаго, обѣ красавицы, и нѣкая дѣвица Хвицкая, дочь коменданта гдѣ-то въ Сибири. Слыхалъ я немало хорошихъ сопрано, но органа, какимъ владѣла Хвицкая, я рѣшительно дотолѣ не слыхивалъ; онъ соединялъ рѣдкое пространство (étendue du régistre de la voix), силу и неимовѣрную гармошію звучности. Этотъ феноменъ-дѣвица брала безъ всякихъ натяжекъ или усилій верхній «re» и «mi» (да и чуть-ли не «fa»); но эти столь острыя нотки были у нея бархатныя, такъ сказать, и точь въ точь какъ будто звонъ серебрянаго колокольчика. Я всегда твердилъ ей впослѣдствіи, что еслибы она рѣшилась поступить на сцену, то несомнѣнно пріобрѣла бы извѣстность и составила бы себѣ фортуну, между тѣмъ какъ житейскія средства ея семейства были самыя ограниченныя, и она была въ зависимости у своей мачихи, имѣвшей взрослую дочь отъ перваго брака съ нѣкіимъ Арсеньевымъ. На концертѣ А. Е. Варламова пропѣто было Е. А. Окуловою, Л. А. Гизетти и мною извѣстное тріо изъ Жизни за Царя, «Не томись напрасно», въ коемъ Антонина наша, вопреки нѣкотораго замѣтнаго уже отсутствія свѣжести тембра, исполнила свою партицію съ артистическимъ совершенствомъ и искусствомъ своимъ и энергіею музыкальной дикціи увлекла слушателей. Я пропѣлъ романсъ изъ Донидзеттіевой оперы Марія ди Руденсъ, «Ah non avea più lagrime», съ акомпаниментомъ віолончели (obligato), превосходно исполненнымъ первымъ театральнымъ віолончелистомъ г. Марку*); но романсъ прошелъ незамѣтнымъ для публики. Л. А. Гизетти прекрасно пропѣлъ финальную арію оперы Роберто д'Эврё «Come uno spirito angelico», слышанную имъ въ Неаполѣ отъ самого славившагося тогда Бассадонна, для коего партиція эта была написана. Затѣмъ мы оба исполнили буффовый дуэтъ «Venti scudi», изъ оперы Эликсиръ д'Аморе (Любовный Напитокъ). Молодая Хвицкая привела публику въ неожиданный восторгъ однимъ изъ романсовъ А. Е. Варламова; графиня Зубова и сестра ея Евреинова пропѣли извѣстный дуэтъ «Пловцы» того же композитора и бенефиціанта, а Меропа Александровна пропѣла пѣсню Офеліи того же автора.

Странный былъ человѣкъ Александръ Егоровичъ Варламовъ, настоящій артистъ и по таланту, и по безпечности. Слава его привлекла ему столь много ученицъ, что онъ могъ бы, по примѣру товарища своего по профессіи Итальянца Дзанотти, легко нажить капи-

*) Инструментацію къ этому гармоническому роману, въ коей обязательно (obligato) первенствовала віолончель (какъ будто вторя пѣпію), удачно весьма составилъ, по просьбѣ моей, даровитый авторъ нѣсколькихъ Русскихъ романсовъ Гурилевъ, преждевременно умершій въ умопомѣшательствѣ.

талецъ (конкуренціи между обоими не было, потому что спеціальность ихъ была неодинаковая), а между тѣмъ Варламовъ постоянно нуждался. Причиною того была лѣнивая до того его натура, что по цѣлымъ мѣсяцамъ онъ носа не показывалъ тамъ, гдѣ условливался бывать по два и три раза въ недѣлю. Передавали мнѣ, что однажды, на упрекъ одной изъ его ученицъ или ея маменьки за подобную неаккуратность, онъ будто бы отвѣчалъ: «Ахъ, матушка; вѣдь я не поденщикъ, а артистъ; прихожу, когда мнѣ вздумается». Покойный Грессеръ, единственный издатель романсовъ Варламова, разсказывалъ мнѣ, въ какое затрудненіе ставила его безпечность послѣдняго. По существовавшему между ними условію, композиторъ нашъ получалъ 25 рубл. сер. за каждый новый романсъ, съ обязательствомъ, кажется, доставить условленное число въ годъ; вмѣсто этого заберетъ, бывало, деньги впередъ и ничего не напишетъ, тогда какъ по легкости, съ какою онъ сочинялъ, ему возможно было снабжать своего издателя по десяти и болѣе романсовъ въ мѣсяцъ. Да когда наконецъ и принесетъ Грессеру какой нибудь романсъ, то онъ былъ до того небрежно составленъ и не просмотрѣнъ, что издатель вынужденъ бывалъ передавать романсъ вышеупомянутому Гурилеву для исправленія акомпанимента и другихъ отступленій отъ правилъ композиціи, вкравшихся конечно не отъ незнанія, а отъ пренебреженія или поспѣшности. При подобной безпечности понятно, что скудный окладъ репетитора при театрѣ по части пѣнія недостаточенъ былъ для его съ семействомъ существованія *), а потому у него возникали непріятности съ домохозяевами за неплатежъ квартиры.

Я близко сошелся съ нимъ, былъ даже на «ты» и въ бытность мою осенью 1845 года въ Петербургѣ (куда онъ переселился); когда онъ засиживался у меня, я попросту выгонялъ его напоминаніемъ, что онъ безъ всякой причины манкируетъ уроками, а между тѣмъ все охаетъ, что жить нечѣмъ; но ничего не подѣлаешь съ лѣнивой этой натурою. А ужъ какъ наткнется, бывало, хоть на копеечный преферансъ (игру вошедшую тогда въ моду), то готовъ былъ просиживать за картами цѣлую ночь.

Изъ многочисленныхъ его романсовъ лучшими по мнѣнію моему остаются и не старѣютъ: «По небу полуночи ангелъ летѣлъ» (мелодію

*) У Варламова было двое дѣтей: сынъ отъ перваго брака, поступившій въ юнкера въ 1841 году, и дочь Елена отъ второго брака, о музыкальномъ образованіи коей отецъ ея не заботился, не смотря на то, что у нея былъ хорошій голосъ. По смерти отца, осенью 1848 года, Елена Александровна, при пособіи г. Грессера, дала одинъ или два концерта въ Москвѣ. Что сталось съ нею впослѣдствіи, не знаю.

эту я считаю наравнѣ съ Шубертовыми); «Птичка Божія не знаетъ», «Челнокъ», «Отойди, не гляди», «О молчи, милый другъ, о молчи», «Безумная», «Пловцы», «Нѣтъ, докторъ, нѣтъ, не приходи», «Горныя вершины», двѣ оживленныя пѣсни, «Осѣдлаю коня» и «Отворите мнѣ темницу», и элегію «Давно-ль подъ волшебные звуки», посвященную имъ мнѣ, въ знакъ дружбы.

Съ слабенькимъ и сиповатымъ своимъ теноровымъ голосомъ Александръ Егоровичъ неподражаемо высказывалъ (болѣе чѣмъ пѣвалъ) иные свои романсы, но эту его манеру никто изъ его учениць не сумѣлъ себѣ присвоить. Въ Петербургѣ онъ проживалъ, какъ говорилъ мнѣ, въ надеждѣ получить чрезъ протекцію графа М. Ю. Віельгорскаго мѣсто помощника директора придворной Нѣвческой Капеллы, Алексѣя Ѳедоровича Львова.

Въ перечнѣ Русскихъ артистовъ начала 40-хъ годовъ видное довольно мѣсто и вполнѣ заслуженное занималъ молодой фортепіанистъ, Москвичъ Фрикманъ, вдобавокъ очень собою красивый. Что́ сталось изъ него впослѣдствіи, мнѣ неизвѣстно.

Никогда не участвовалъ я столь часто въ концертахъ, какъ въ этотъ періодъ, отъ Января до Мая 1841 года. Весною пріѣхалъ арфистъ Европейской знаменитости, г. Бокса́, въ сопровожденіи г-жи Бишопъ, пѣвицы Лондонской оперы, но Итальянской артистки по обработкѣ голоса и произношенію и вдобавокъ, талантливой какъ актриса и хорошенькой брюнетки [1]). Вставляла она въ свои концерты, въ угодность публикѣ, романсъ графа М. Ю. Віельгорскаго, тогда въ большемъ ходу «Любила я твои глаза,» но произносила «Лупила я твои глаза».

Къ этимъ двумъ артистамъ Л. А. Гизетти и я примкнули, и на одномъ ихъ концертѣ, въ домѣ Татищевой на Моховой [2]), мы оба столь удачно поддержали г-жу Бишопъ, въ тріо изъ Донидзеттіевой Лукреціи Борджія «Quai se ti sfugge un moto», что восхищенный г. Бокса́ возымѣлъ мысль поставить на театръ при нашемъ содѣйствіи нѣсколько сценъ изъ той оперы. Этого-то я только и жаждалъ, и жаждалъ давно.

При устройствѣ сенаторомъ Башиловымъ въ Петровскомъ паркѣ вокзала, лѣтнихъ горъ и разныхъ другихъ увеселительныхъ затѣй, онъ

---

[1]) Мужъ ея, съ коимъ она разошлась, пользовался извѣстностію, какъ Англійскій національный композиторъ, чуть ли даже не оперный.

[2]) У этой г-жи Татищевой были отъ перваго брака два сына Арсеньевы, люди уже тогда пожилыхъ лѣтъ; одинъ изъ нихъ былъ порядочный весьма диллетантъ на віолончели.

тутъ же построилъ небольшихъ размѣровъ театръ, въ предположеніи, что на этой сценѣ будутъ аматёрскіе спектакли *), но до 1841 года театръ оставался безъ всякаго употребленія; да и самый вокзалъ, въ которомъ были по воскреснымъ днямъ танцовальные семейные вечера (дамы входили въ шляпкахъ и тѣхъ же платьяхъ, въ которыхъ онѣ гуляли въ паркѣ), мало посѣщался публикою, покуда наконецъ, въ 1843 или 1844 году, вокзалъ былъ взятъ по найму Нѣмецкимъ клубомъ.

Сенаторъ Башиловъ съ величайшимъ удовольствіемъ и безденежно отдалъ этотъ театръ въ распоряженіе г. Бокса, который взялъ немедленно подъ свое дирижерство полный оркестръ г. Теплова, лучшій въ то время послѣ оркестра театральной дирекціи. Составъ спектакля былъ слѣдующій. Дуэтъ въ костюмахъ изъ Севильскаго Цирульника (Dunque io son, tu non m'inganni), исполненъ былъ г-жею Бишопъ (Розина) и мною (Фигаро). Подруга моя была очаровательна пѣніемъ и игрою, да и съ моей стороны партиція моя сошла порядочно, могу сказать, съ рукъ, такъ какъ мимику этой роли я изучалъ съ давнихъ временъ. Сбился я только при самомъ вступленіи на сцену, въ речитативѣ, въ коемъ я съ начала не попалъ подъ тонъ оркестра, и за что г. директоръ Бокса состроилъ мнѣ гримасу съ лобнаго своего мѣста. Нарядъ мой, голубой съ бѣлымъ, Испанскаго покроя, былъ весь унизанъ круглыми пуговицами, а волосы на головѣ моей были собраны въ падающую длинную сѣть, и все приводило меня, малодушнаго, въ восторгъ, подобный тому, какой я ощущалъ, когда въ первый разъ надѣлъ Павлоградскій бирюзовый ментикъ. Впрочемъ, я былъ уже и отъ того въ третьемъ небѣ, что имя мое являлось наконецъ не въ концертной, какъ прежде, а въ оперной афишѣ, и стояло какъ бы имя профессіональнаго, по контракту, артиста. И въ какое отчаяніе я было впалъ, когда вдругъ всѣ эти давно лелѣянныя мечты, чуть не разрушились отъ отказа моего товарища Гизетти участвовать въ этомъ спектаклѣ, вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ дражайшей его половины, которую я въ этомъ слу-

*) Не слѣдуетъ смѣшивать этого театра съ другимъ, публичнымъ, въ Петровскомъ же паркѣ, болѣе обширныхъ размѣровъ, гдѣ въ лѣтній сезонъ играли артисты Московской сцены. Князь Д. В. Голицынъ, кому Москва обязана между прочимъ и разведеніемъ Петровскаго парка, исходатайствовалъ гдѣ-то особенную сумму на постройку вокзала и прочихъ къ тому принадлежностей, каковое устройство было княземъ препоручено сказанному сенатору Башилову. Его превосходительство былъ записной бонъ-виванъ, гастрономъ, весельчакъ и добрѣйшей души человѣкъ. На одномъ пикникѣ у Московской хлѣбосолки М. П. Корсаковой сенаторъ Башиловъ, въ костюмѣ Французскаго артиста-повара, съ фартукомъ и въ бѣломъ коленкоровомъ колпакѣ, самъ готовилъ кушанья и подносилъ ихъ гостямъ, играя роль содержателя или метрдотеля гастрономическаго ресторана. Старикашка этотъ былъ пузатый и съ коротенькою трубочкою вѣчно въ зубахъ. Миръ его праху!

чаѣ подозрѣваю отчасти въ ревности къ хорошенькой пѣвицѣ Бишопъ. Однакоже удалось мнѣ уломать его и не отказываться отъ участія въ этомъ представленіи. Какъ г-жѣ Бишопъ, такъ и мнѣ нѣкоторыя указанія и совѣты на счетъ жестикуляціи давалъ Французъ Геррино (или Гверрино), первый тогда балетный танцоръ Московскаго театра, съ коимъ г. Вокса былъ когда-то знакомъ въ Парижѣ *).

Послѣ нашего дуэта, г-жа Бишопъ исполнила одна сцену изъ старинной оперы Ромео и Джулiетта, композитора Цингарелли. Это была извѣстная въ свое время арiя «Ombra adorata aspetta», производившая фуроръ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка. Третьимъ отдѣленіемъ спектакля было нѣсколько сценъ Доницзеттіевой оперы Лукреція Борджіа. Первая изъ сценъ была та, въ которой Лукреція, подкрадываясь къ спящему своему сыну Джепаро (коимъ былъ Гизетти), поетъ арію Come è bello quale infanto. Вторая сцена была, когда Джепаро, сопровождаемый молодыми своими друзьями, выходя ночью на улицу, искажаетъ надпись Борджія въ гербѣ, на фасадѣ палацца, принадлежащаго этой фамиліи, откалывая концемъ шпаги первую букву (B) фамиліи Bordgia: выходитъ Orgia, т. е. оргія. Обстановка этой сцены была плоховата, и декораціи почти что лубочныя. Ассистенты нашего Джепаро, тупоумные и немилосердно ломавшіе Итальянскій языкъ, амат&ры изъ Нѣмцевъ, были кое-какъ набраны знакомымъ моимъ нѣкіимъ Бергольцомъ, директоромъ когда-то Нѣмецкой вольной труппы въ Москвѣ; самъ же онъ взялся за пустѣйшую роль моего слуги и безпощадно вралъ тѣ немногія слова, что приходилось ему произнѣть въ речитативѣ. Третья сцена состояла изъ дуэта между герцогомъ Альфонсомъ (коимъ былъ я) и Лукреціею (Soli noi siamo), и тутъ-то начались мои драматическія бѣдствія. Надо сказать, что я отчетливо помнилъ всѣ жесты и всякую даже интонацію знаменитаго Козелли, коего я часто видалъ въ Италіи въ роли герцога Альфонса, и потому я слѣпо ему подражалъ, даже въ костюмѣ изъ чернаго бархата и атласа, съ цѣпью и съ медаліономъ на шеѣ. Хотя я носилъ тогда модную прическу «à la renaissance» (иначе «à la moujik»), однако волоса мои казались мнѣ не довольно длинными въ сравненіи съ типомъ, коему я хотѣлъ подражать, и потому сосѣдъ мой по квартирѣ, Французскій куафёръ Галиси, облекъ меня въ длинноволосый парикъ. Къ несчастію, будучи немного узокъ, парикъ имѣлъ наклонность

*) Этотъ Геррино также артистически плавалъ и показывалъ намъ образчики своего искусства въ купальнѣ содержателя Гока, насупротивъ Тайницкихъ воротъ. Это была плавальная школа, обратившаяся почти что въ плавальный клубъ высшаго и негоціантскаго общества, и я былъ одинъ изъ всегдашнихъ его посѣтителей.

подниматься съ макушки головы и соскакивать, и вотъ, въ концѣ нашего дуэта, когда, въ пылу игры, мнѣ приходилось быстро пробѣжать черезъ сцену и отрывистымъ жестомъ упрекнуть Лукрецію въ супружеской измѣнѣ, въ этотъ самый моментъ проклятый мой парикъ поднялся съ макушки отъ отрывистаго киванія головою, перевернулся, и длинные задніе локоны покрыли мое лицо какъ маска. Тщетно старался я мотаніемъ головы привести парикъ въ прежнее положеніе, да и вдобавокъ, помнится мнѣ, я неосторожно задѣлъ его рукою. Весь драматизмъ столь важной минуты исчезъ, въ партерѣ послышался сдержанный хохотъ, и въ числѣ смѣявшихся я замѣтилъ Беркура, одного изъ лучшихъ артистовъ Московской Французской труппы, что́ еще болѣе раздосадовало меня. Между тѣмъ куаферъ мой Галиси, не менѣе меня озабоченный этимъ приключеніемъ, изъ-за кулисъ махалъ головою и руками какъ телеграфъ, чтобы я подошелъ къ нему оправиться. Я растерялся окончательно и, улучивъ добрую минуту приблизиться къ кулисамъ, бросилъ туда злосчастный парикъ. Пришлось довольствоваться своими природными волосами до окончанія спектакля. Они вовсе не были бы помѣхою моему типу, если бы я въ нихъ явился съ самаго начала; но теперь это составляло слишкомъ явный контрастъ. Послѣ спектакля графъ Васпльевъ, часто видавшій въ Италіи Козелли, поздравилъ меня съ тѣмъ, что я весьма удачно скопировалъ Итальянскаго артиста-пѣвца. Забылъ я досказать, что, во время этого тріо, кисть одной изъ моихъ рукъ, обвитыхъ кружевами, запуталась какъ-то въ мою княжескую цѣпь, висѣвшую на груди. Словомъ, было для меня во всемъ этомъ нѣчто въ родѣ фіаско, тогда какъ, не будь несчастія съ парикомъ, то по знанію моему этой роли со всѣми ея пріемами и оттѣнками, я могъ имѣть, какъ казалось мнѣ, притязаніе на заслуженные апплодисменты. Суета сустствій и всяческая суета!

Партеръ и ложи были полны, и на выручку г. Бокса и г-жи Бишопъ жаловаться, кажется, не могли. Костюмы наши, взятые на прокатъ, были приличны; но декораціи Башиловскаго театра были балаганныя.

Артистическая эта моя выходка оказалась однакоже не по нутру нѣкоторымъ моимъ родственникамъ или, точнѣе, родственницамъ. Теткѣ моей Маріи Васильевнѣ Олсуфьевой мнилось неприличнымъ, чтобы человѣкъ моей фамиліи являлся на театральныхъ подмосткахъ въ спектаклѣ не съ благотворительною цѣлію. Въ этомъ духѣ она принялась науськивать свою невѣстку, тещу мою, жившую тогда со мною. Отношенія мои къ послѣдней становились уже и безъ того натянутыми, благодаря М. Я. Вейсбергу, вкравшемуся въ ея довѣренность. Онъ

твердилъ ей, что я ничего не предпринимаю для поправки моихъ дѣлъ (что́ впрочемъ было справедливо) и что она имѣетъ законное право вступить въ полное распоряженіе моимъ имѣніемъ, каковыя внушенія не замедлили принесть свой плодъ. Строго винить тещу мою за воспользованіе фиктивнымъ ея правомъ надъ моимъ имѣніемъ я не могу; личнаго съ ея стороны интереса тутъ не было, а она думала, что, слушаясь г. Вейсберга, она спасаетъ и меня, и свою дочь; но изъ всего этого вышли одна только путаница и новыя для меня непріятности; да и врядъ-ли могла программа, начертанная медикомъ-адвокатомъ Вейсбергомъ, достигнуть своей цѣли.

Уже раннею весною того (1841) года, великимъ постомъ, когда рѣшено было между нами отправить моего коммиссіонера Паоли во Флоренцію, чтобы порасплатиться тамъ съ нѣкоторыми моими мѣстными кредиторами и, облегчивъ этимъ способомъ выѣздъ оттуда моей жены, сопровождать ее обратно въ Россію, съ того уже времени начались мои затрудненія, чтобы получить самому мнѣ весенній мой оброкъ изъ Порзней. Я былъ почти что отстраненъ, и только послѣ великихъ усилій и настояній могъ отправить Паоли во Флоренцію.

Теща уѣхала отъ меня въ свое Знаменское, чѣмъ, признаюсь, я былъ очень доволенъ; но сношеній своихъ съ г. Вейсбергомъ она не прекратила. Надо предполагать, что однимъ изъ сильныхъ аргументовъ, которые этотъ юридическій и медицинскій консультантъ выставлялъ противъ меня, былъ тотъ, что я снова началъ видаться съ Леономъ, что́ было справедливо, хотя завѣдывать по прежнему моими дѣлами я его не допускалъ. О немъ кстати скажу, что не надо думать, чтобы этотъ неутомимый путанникъ провалился окончательно изъ-за того, что я уничтожилъ данную ему законную мою довѣренность. Обычная изобрѣтательность и теперь не измѣнила ему, и онъ уговорилъ И. А. Кавецкаго взять подрядъ на поставку припасовъ въ Московскій Военный Госпиталь, а самъ управлялъ ходомъ этого дѣла. Кромѣ того, онъ втянулъ, помнится мнѣ, и другихъ денежныхъ лицъ въ разныя спекуляціи, въ томъ числѣ и Людвига Антоновича Гизетти [1]), въ послѣднемъ

[1]) Итальянецъ родомъ, старикъ Гизетти (отецъ Людвига Антоновича) былъ долго биржевымъ маклеромъ въ Москвѣ. Въ описываемое мною время онъ еще здравствовалъ. Людвигъ Антоновичъ родился въ Москвѣ и, кончивъ курсъ въ Московскомъ университетѣ по медицинскому факультету, женился на Исленевой, дѣвицѣ уже непервой молодости, послѣ чего бросилъ совершенно практику, уже и безъ того, помнится мнѣ, необширную. *Примѣчаніе автора.* Недавно скончавшаяся сестра Людвига Антоновича Гизетти, Евгенія Антоновна Селивановская (супруга извѣстнаго типографщика), владѣтельница извѣстной дачи за Симоновымъ монастыремъ, была женщина высокой добро-

случаѣ противъ желанія его жены, деньгами которой Гизетти распоряжался довольно удачно до бѣдственнаго его знакомства съ Леоной. Это обстоятельство лежитъ у меня на совѣсти, потому что бѣдная эта женщина просила меня уговорить ея мужа не связываться съ Леоной. Я не исполнилъ ея желанія, не находя ничего особенно нечестнаго (въ строгомъ смыслѣ слова) въ дѣйствіяхъ прежняго моего агента (онъ и тогда еще имѣлъ даръ отчасти обаять меня); а можетъ статься, я надѣялся, что, съ помощію чужихъ капиталовъ, авось-де онъ выплыветъ на чистую воду и тѣмъ поправитъ и мои дѣла. Оправдывать невозможно эту кривизну моего тогдашняго взгляда; однакоже добавлю, что желаніе топить другихъ ради спасенія себя на мысль мнѣ не приходило: я былъ подъ вліяніемъ глупой пллюзіи, что и въ этомъ дѣлѣ волкъ могъ быть сытъ, а всѣ овцы оставаться цѣлы.

Послѣ бракосочетанія Государя Наслѣдника (нынѣ царствующаго Императора), весь дворъ переѣхалъ недѣли на двѣ или на три въ Москву. Въ числѣ празднествъ, данныхъ по сему случаю, былъ великолѣпный балъ у князя Сергія Михайловича Голицына, на который получилъ и я приглашеніе. Заказалъ было я по сему случаю короткіе до колѣнъ бѣлые, казимировые штаны, башмаки съ пряжками и купилъ было длинные бѣлые шелковые чулки (составлявшіе, съ мундиромъ и шпагою, костюмъ, требуемый по случаю присутствія Императорской фамиліи и заранѣе указанный въ пригласительномъ билетѣ), но полѣнился поѣхать на балъ. По старой своей привычкѣ не любилъ я вообще ни торжественныхъ, ни обыкновенныхъ великосвѣтскихъ баловъ и ассамблей (во Флоренціи я бывалъ на нихъ только для моей жены), однакоже я не избѣгалъ по прежнему салоннаго общества, когда оно было малолюдное или изъ хорошо знакомыхъ мнѣ лицъ. Бывалъ я на вечерахъ у Соймоновыхъ и у молодыхъ Мертваго (вторая изъ Соймоновыхъ, Сусанна Александровна, была уже замужемъ за Николаемъ Дмитріевичемъ Мертваго*), обѣдывалъ кое-когда у родственницъ

дѣтели и долго будетъ памятна многимъ Москвичамъ. Она передавала вамъ, что Гизетти происхожденія Венеціанскаго. П. Б.

*) Николай Дмитріевичъ Мертваго жилъ въ своемъ домѣ, съ оранжереями и большимъ садомъ, на Ольховцахъ, налѣво отъ Новой Басманной, совершенно какъ на обширной дачѣ. Славный былъ онъ милый, неглупый, предпріимчивый, и жили они съ женою какъ два голубка. Графъ Закревскій, назначенный въ 1848 г. Московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, выхлопоталъ ему въ Петербургѣ выдачу заимообразно (чуть-ли не безъ процентовъ) значительной весьма суммы на учрежденіе фабрики тонкаго полотна на манеръ Голландскаго. Сначала Н. Д. Мертваго пошелъ было въ гору, но какъ-то запутался. Фабрика перешла въ завѣдываніе Русско-Греческаго купца Спиридонова, а учредитель вскорѣ умеръ въ молодыхъ еще годахъ, не оставивъ ничего своей женѣ. Талантливой Сусаннѣ Александровнѣ (писавшей масляными красками портреты съ худож-

моихъ Чертковой и Олсуфьевой и показывался, хотя изрѣдка, у Базилевскихъ (жившихъ открыто въ собственномъ домѣ на Тверскомъ бульварѣ), у Маріи Аполлоновны Волковой, М. Ѳ. Орлова, и еще коегдѣ; но почти все остальное время проводилъ или у Гизетти, или съ докторомъ Кронбергомъ (директоромъ вновь открытой Дѣтской больницы), съ учителями пѣнія Джаноттн и Лора или съ пріѣзжими артистами. Случалось и тогда, что я засиживался до поздняго часа ночи въ полукутежахъ въ магазинѣ гастрономическихъ товаровъ всѣми уважаемаго Итальянца Петра Петровича Пиколи, на углу Софійской улицы и Лубянской площади, гдѣ было сборище всякаго пестраго люда изъ иностранцевъ. Старый гусарскій червячекъ еще не замиралъ окончательно.

О князѣ Сергіѣ Михайловичѣ Голицынѣ нечасто приходится говорить, и потому помѣщу здѣсь одинъ о немъ анекдотъ. Онъ не былъ конечно ни государственнымъ человѣкомъ, ни однимъ даже изъ усердныхъ посѣтителей Зимняго дворца и куртаговъ, не принадлежалъ ни къ какой партіи, не протискивался никогда впередъ, а жилъ дружно со всѣми сильными Невскаго міра. Не отличался онъ особенными блистательными служебными способностями, но былъ человѣкъ прямой откровенный и добродушный до крайности. За эти-то послѣднія, вѣроятно, качества онъ былъ особенно любимъ покойнымъ государемъ Николаемъ Павловичемъ, и въ нечастыя свои поѣздки въ Петербургъ князь С. М. Голицынъ былъ всегда благопріемлемымъ гостемъ въ кружкѣ царской семьи. Случись разъ, что за карточнымъ столомъ съ августѣйшими супругами князь Голицынъ просилъ дозволенія отправиться обратно въ Москву на слѣдующій день, и какъ ни уговаривалъ его Государь остаться еще въ Петербургѣ дня на два или на три, князь отозвался, что неотлагательныя по службѣ дѣла требуютъ немедленнаго его тамъ присутствія. Князь, уложившись совсѣмъ въ путь, послалъ уже за лошадьми, какъ вдругъ является къ нему полицейскій офицеръ съ заявленіемъ, что по случаю поданнаго на него денежнаго взысканія выѣздъ его изъ столицы задерживается. Крайне удивленный Московскій богачъ-вельможа, не бывъ никогда никому долженъ ни полукопѣйки, ѣдетъ къ оберъ-полицмейстеру узнать, кто этотъ неизвѣстный ему кредиторъ и на какую сумму подалъ на него искъ,—и

пическимъ совершенствомъ) пришлось жить трудами, и она въ настоящее время начальницею Казанскаго Института благородныхъ дѣвицъ. Туда къ ней переселилась сестра ея Екатерина Александровна Соймонова (ваша бывшая даровитая примадонна, по смерти ихъ родителей, такъ какъ обѣимъ почти что ничего не досталось изъ наслѣдства. Дѣтей у супруговъ Мертваго не было, и Сусанна Александровна воспитывала какую-то пріемную дѣвочку, какъ родную свою дочь.

узнаетъ, что кредиторъ никто другой какъ Государь, а искъ состоитъ изъ нѣсколькихъ бездѣльныхъ рублей съ копѣйками, проигранныхъ княземъ одному изъ августѣйшихъ его партнёровъ на послѣднемъ вечерѣ во дворцѣ.

По случаю пріѣзда въ Москву Анатолія Николаевича Демидова съ его новобрачною, королевской крови, женою, принцессою Матильдою де-Монфоръ, былъ званый вечеръ у М. Ѳ. Орлова, только что роскошно отдѣлавшаго купленный имъ домъ на Пречистенкѣ [1]). Гизетти и я получили приглашеніе на этотъ вечеръ, съ просьбою не отказываться участвовать въ музыкальномъ исполненіи, вмѣстѣ съ г-жею Бишопъ, также по этому случаю приглашенною. Мнѣ и безъ удовольствія, предстоявшаго отъ новаго случая пѣть съ этою милою артисткою, было небезинтересно находиться на этомъ вечерѣ, ради встрѣчи съ принцессою Матильдою, преобразившеюся въ жену нетитулованнаго Русскаго дворянина [2]) изъ королевскаго высочества, каковою мы всѣ во Флоренціи чествли ее; да и кромѣ того мнѣ хотѣлось удостовѣриться, не станетъ-ли избалованный богатствомъ и свѣтскою своею обстановкою Демидовъ спѣсивиться передъ прежнимъ товарищемъ его дѣтскихъ игръ.

На этомъ вечерѣ мы пропѣли уже извѣстный тріо изъ оперы Лукреціи Борджіа, и болѣе, кажется, ничего. Принцесса Матильда удостоила признать меня и снисходительно довольно обошлась со мною; а я, чтобы показать, что считаю ее давнишнею своею знакомою, развязно болталъ съ нею весь вечеръ по итальянски, тогда какъ на балахъ у ея отца, бывшаго Вестфальскаго короля, я говорилъ съ нею постоянно по французски и не съ такою, помнится мнѣ, фамильярностью, какъ теперь: хотя продолжалъ давать ей княгининскій титулъ (principessa), но воздерживался, кажется, отъ «вашего высочества». Не думаю, чтобы я этимъ хотѣлъ ее кольнуть, по случаю ея поступленія въ наше, грѣшныхъ дворянъ, сословіе, а просто такъ, чтобы корчить развязнаго черезъ-чуръ свѣтскаго кавалера. Результаты моего эксперимента надъ ея супругомъ состояли въ томъ, что онъ не подошелъ первый ко мнѣ,

---

[1]) По смерти М. Ѳ. Орлова домъ этотъ купилъ тогдашній богатый откупщикъ Воронинъ.

[2]) Хотя Тосканскій герцогъ Леопольдъ II возвелъ А. Н. Демидова въ званіе князя ди Сань-Донато (каковымъ его честятъ за границею), но какъ ни хлопотали онъ и его супруга о признаніи за нимъ въ Россіи этого титула, ему было отказано въ этомъ окончательно. Принцесса Матильда была принята въ царской семьѣ, какъ близкая родственница (мать ея, принцесса Виртембергская, была родная племянница императрицы Маріи Ѳеодоровны и родная сестра принца Павла, отца великой княгини Елены Павловны). Государь и великій князь Михаилъ Павловичъ называли ее кузиною.

хотя радостно сошелся съ находившимся въ числѣ гостей княземъ Александромъ Сергѣевичемъ Долгоруковымъ *), съ коимъ, если не ошибаюсь, онъ только что познакомился въ Италіи, во время поѣздки туда Долгоруковыхъ въ 1839 году. Конечно, и я удержался отъ перваго шага сближенія съ нимъ, и съ того времени уже болѣе никогда не видалъ его.—На этомъ же вечерѣ былъ и другой Флорентинскій мой знакомый, Французъ графъ де-Монтіё. Онъ давно уже передъ тѣмъ отсталъ отъ управленія Тосканскимъ имѣніемъ Демидова и, пріѣхавъ въ Москву, познакомился и даже подружился со многими лицами Московскаго высшаго общества. Онъ сильно хлопоталъ о введеніи въ Москвѣ новаго образца мостовой, о чемъ подалъ проектъ князю Голицыну. Отведено было ему для опыта небольшое пространство на Тверской, между Чернышѐвскимъ и Леонтьевскимъ переулками. Новая эта система состояла въ томъ, что вмѣсто обыкновеннаго кругляка разной величины Французъ нашъ сталъ мостить тесанными квадратными, одинаковаго размѣра, твердыми камнями. Слишкомъ-ли дорого обходилось это мощеніе, или по другой какой причинѣ, но подряда подобной мостовой на всю Москву или на часть ея не удалось взять графу Монтіё, а сдѣланный имъ образчикъ на Тверской, простоявъ нѣсколько лѣтъ, покосился и уступилъ мѣсто обыкновенному способу мощенія кругляками. Почти что одновременно съ этимъ опытомъ, какіе-то другіе контрагенты пытались было завести кое-гдѣ въ Москвѣ асфальтовые тротуары, оказавшіеся также негодными. Въ лѣтній жаръ, асфальтъ (основный составъ коего смола) размягчался и прилипалъ къ подошвамъ гуляющихъ по тротуару, а въ зимнее время трескался отъ стужи.

Князь Д. В. Голицынъ, дабы завлечь Москвичей строить дачи въ Петровскомъ паркѣ и около него, разбилъ мѣста на участки, которые тянулись линіею отъ Петровскаго парка почти что вплоть до Бутырской заставы. Цѣна за каждый участокъ была, помнится мнѣ, 1000 р. асс. Случись, что у одного изъ младшихъ полицмейстеровъ П. П. Брянчанинова былъ одинъ таковой пустопорожній участокъ, съ которымъ онъ не зналъ что дѣлать. Подвернулся мой Леонъ, всегда готовый угождать полицейскимъ властямъ, и пріобрѣлъ у Брянчанинова эту землю за первоначальную ея цѣну. Повѣренный мой имѣлъ впрочемъ какіе-то особенные на нее виды, не осуществившіеся никогда по неимѣнію у него, какъ обыкновенно, денегъ на постройку. Впослѣдствіи полиція заставляла однакоже меня огораживать это мѣсто, и потому, кромѣ убытковъ, оно никогда ничего мнѣ не принесло, за исключеніемъ

*) Онъ былъ женатъ на недавно умершей Ольгѣ Александровнѣ Булгаковой.

одного лѣта, когда отыскался какой-то огородникъ, нанявшій у меня эту землю за ничтожную плату. Послѣ разгрома всѣхъ Леоновскихъ дѣлъ документы на эту землю затратились, но въ думскихъ актахъ можно бы доказать мои на нее права, потому что, года три назадъ, я неожиданно получилъ форменную бумагу отъ предсѣдателя Московской Земской Управы съ вопросомъ, имѣю ли я кромѣ этой одной десятины, что въ Бутыркахъ, еще гдѣ-нибудь другое недвижимое имущество въ количествѣ нужномъ для ценза, чтобы участвовать мнѣ въ выборѣ гласныхъ по Московскому уѣзду. Я на это ничего не отвѣчалъ; да и кромѣ того не удалось мнѣ совершить ни купчей крѣпости, ни заключить какое либо условіе о сдачѣ этой земли въ арендное содержаніе, хотя былъ недавно на это покупатель. Не могъ-же я этого сдѣлать по нижеслѣдующей причинѣ. Когда, въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ, разбиралась въ Московскомъ Надворномъ Судѣ моя несостоятельность, при описи всего моего недвижимаго имущества (въ Костромской губ.), эта несчастная Бутырская земля была какъ-то пропущена; да о ней ни мнѣ и никому изъ заинтересованныхъ въ моихъ дѣлахъ лицъ и въ голову не входило. Когда же я, года 4 или 5 тому, хотѣлъ было совершить запродажную о ней запись, знающіе люди меня отъ этого удержали; потому что неравно какой-нибудь изъ старыхъ кредиторовъ, провѣдавъ объ этой продажѣ, сдѣлаетъ доносъ, что когда разсматривалось законнымъ порядкомъ дѣло о моей несостоятельности, я умышленно, въ ущербъ кредиторамъ, скрылъ часть недвижимаго моего имущества, за что могу и теперь подпасть подъ строгую отвѣтственность передъ закономъ. Въ виду подобнаго казуса мнѣ присовѣтовали также избѣгать всякаго офиціальнаго акта, относящагося къ этой землѣ и не заключать форменнаго условія объ отдачѣ ея въ арендное содержаніе, и потому приходится мнѣ прикидываться, что мнѣ ничего о ней неизвѣстно. Впрочемъ, надо бы справиться, не существуетъ ли юридической десятилѣтней давности на подобнаго рода обстоятельство, какъ существуетъ давность, избавляющая отъ отвѣтственности и наказанія даже по поводу уголовныхъ преступленій.

Изъ всѣхъ Московскихъ красавицъ того времени плѣнительнѣйшею была, конечно, Варвара Павловна Солнцева, дочь недавно умершаго князя Павла Павловича Гагарина *). Мужа ея, Дмитрія Петровича, я зналъ еще мальчикомъ въ пажескомъ мундирѣ въ Орлѣ, гдѣ

*) Князь П. П. Гагаринъ, будучи одаренъ блистательными способностями, требуемыми для государственнаго дѣятеля, неутомимымъ трудомъ, въ долголѣтнюю его бытность сенаторомъ, пріобрѣлъ юридическій навыкъ и отличался прямымъ въ дѣлахъ сужденіемъ и добросовѣстностію.

отецъ его Петръ Александровичъ былъ тогда губернаторомъ. Въ 1841 году онъ былъ адъютантомъ при князѣ Голицынѣ. Молодые супруги неладно жили между собою (какъ о томъ слышно было), и указывали на княгиню Гагарину (носившую въ обществѣ прозвище «la princesse Mégère»), какъ на причину разлада; она продолжала жить при дочери Солнцевой, тогда какъ всѣми почитаемый супругъ ея давно уже былъ переведенъ изъ Московскаго Сената въ Петербургъ. Неразлучною компаньонкою В. П. Солнцевой была дѣвица Голохвастова, пикантная брюнетка съ выразительными, Итальянскими глазами. Тѣмъ не менѣе, эти огнеметающія очи весьма долго не достигали конечной, практичной цѣли быть подведенными подъ пѣніе «Исаіе ликуй»; отъ того, можетъ статься, что житейскаго мамона, прилагательнаго, не доставало нашей нимфѣ. Присватался было къ ней вдовецъ, князь Александръ Петровичъ Хованскій, да и раздумалъ. Наконецъ, «de guerre lasse» [1]), она вышла за Алексѣя Ѳедоровича Рахманова, вдовца со взрослыми дѣтьми.

Въ плеядѣ женскихъ свѣтилъ того времени видное мѣсто занимали графиня Екатерина Александровна Зубова, рожденная княжна Оболенская, и г-жа Ховрина съ своею дочерью (между обѣими не могло быть болѣе 16 лѣтъ разстоянія, но мать все еще была прекрасна), г-жа Кирѣева (рожден. Алябьева), прелестная, хотя была уже почти десять лѣтъ за мужемъ [2]). Очень не дурна была нѣкая г-жа Охотникова, хотя со страннымъ довольно выраженіемъ въ глазахъ, предвѣщавшимъ то, что́ позднѣе сбылось: она сошла съ ума. Немного позднѣе явилась на горизонтѣ княгиня Викторина Черкасская, красавица безъ всякихъ аристократическихъ антецедентовъ: слухи носились, что она была дочь какого-то Малороссійскаго мелкаго помѣщика или даже одного изъ тамошнихъ исправниковъ. Имени ея мужа не помню, но онъ былъ братъ того князя Черкасскаго (кажется, Алексѣя Борисовича), что́ около того же времени женился на княжнѣ Маріи Николаевнѣ Щербатовой. Какъ и гдѣ этотъ князекъ (таковымъ я его называю по причинѣ очень маленькаго его роста) подобралъ миловидную свою сожительницу, мнѣ неизвѣстно. На бальномъ горизонтѣ порхали тогда нижепоименованныя Сильфиды: Самарина, свѣженькая личикомъ, рыжеволосая и вышедшая замужъ

---

[1]) Утомленная отъ войны: Французская поговорка.

[2]) Настоящій перечень Московскихъ красавицъ включаетъ въ себѣ весь періодъ отъ 1841 по 1844 годъ. Я счелъ удобнѣе соединить весь этотъ букетъ воедино, дабы не возвращаться къ этому, тѣмъ болѣе, что послѣ 1844 года я уже не жилъ постоянно въ Москвѣ.

позднѣе за меньшаго изъ двухъ братьевъ графовъ Сологубовыхъ; двѣ дочери Андрея Николаевича Небольсина (одна изъ нихъ Евдокія Андреевна вышла вскорѣ за Апраксина), три сестры Тришатныя, весьма симпатичныя, хотя и не красавицы, и усвоившія себѣ прическу съ распущенными локонами «à l'anglaise», мало тогда въ модѣ. Затѣмъ двѣ сестры Сухово-Кобылины (сестры графини Евгеніи Саліасъ), одна изъ коихъ Евдокія была прелестна собою и талантливо писала масляными красками. Изъ всѣхъ этихъ дѣвицъ ни одна, кромѣ Душеньки (какъ ее звали) Сухово-Кобылиной, не заслуживала названія красавицы; но таковыми были вполнѣ двѣ Польки, дочери генерала Аслановича, начальника Московской Коммиссаріатской Комиссіи. О судьбѣ старшей изъ нихъ, Жозефинѣ, ничего мнѣ неизвѣстно; но младшая, Ѳеофила, вышла позднѣе за моего пріятеля, Владимира Михайловича Боборыкина. Я былъ вхожъ въ домъ Аслановича, потому что Леонъ находился въ сношеніяхъ съ нимъ по подрядамъ въ Коммиссаріатской Комиссіи; но семейство это не принадлежало нашему бомондному кружку, и этими двумя сестрами-красотками можно было любоваться только въ театрѣ и на гуляньяхъ, или на балахъ въ Дворянскомъ Собраніи. Обѣ превосходно играли на фортепіано, а у Жозефины (брюнетки съ правильными чертами) былъ вдобавокъ прекрасный голосъ, усовершенствованный уроками г-жи Финкъ-Лоръ.

Кончая музыкальное и великосвѣтское обозрѣніе Москвы, въ началѣ 40-хъ годовъ, надо бы сказать и о другихъ художествахъ; но бѣлокаменная наша никогда не была палладіумомъ художествъ, и потому матеріалы въ этомъ отношеніи чрезмѣрно скудны и потребуютъ немногихъ словъ.

Прозябалъ еще тогда въ неизвѣстности ваятель Иванъ Петровичъ Витали, но не далекъ уже былъ конецъ труженическимъ его днямъ, благодаря прозорливости сооружителя Исакіевскаго собора Монферана, какъ о томъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ. Единственный хорошій портретистъ изъ Русскихъ былъ тогда въ Москвѣ Тропининъ. Придерживался онъ детальной школы, но не дошелъ до манеры Зарянки (тогда еще неизвѣстнаго), и портреты его не отличались особеннымъ рельефомъ отъ неяркости колорита. Тѣмъ не менѣе Тропининъ былъ добросовѣстный художникъ, правильный рисовальщикъ и удачно схватывалъ сходство. Другой портретистъ былъ обрусѣвшій Плюшаръ, сынъ Петербургскаго книгопродавца и типографщика. Кисть его была побойчѣе Тропининской и колоритъ болѣе блестящій. Очень хорошій карандашный портретистъ и литографщикъ былъ глухо-нѣмой Гальпельнъ, и въ одно время былъ изрядный спросъ на его работы; но и онъ вскорѣ

канулъ въ неизвѣстность. Былъ также и акварельный пейзажистъ Нѣмецъ Тимъ [1]); ему повезло, какъ рисовальному учителю пейзажовъ, и въ 1817 году онъ отретировался въ родную свою Нѣмечину съ порядочнымъ, должно быть, капитальцемъ. Какъ акварельный ландшафтистъ, онъ былъ плоховатъ; для небесной синевы онъ употреблялъ Прусскую лазурь вмѣсто ультрамарина или кобальта, а зелень и древесная листва выходили у него медянковаго, неватуральнаго цвѣта. Съ г. Тимомъ жилъ его кузенъ портретистъ Лашъ, художникъ не безъ таланта. Колоритъ его былъ изъ эффектныхъ, и онъ придавалъ живописныя позы своимъ моделямъ, но контуры лицъ иногда выходили у него рѣзковаты. Онъ былъ въ ходу въ Московскомъ высшемъ обществѣ до конца 50-хъ годовъ и нажилъ, какъ надо полагать, копѣйку. У З. С. Диновой находятся два портрета старшаго ея сына Сергѣя, и одинъ портретъ меньшаго ея сына Николая, работы Ла́ша.

Нерѣдко посѣщалъ я молодыхъ супруговъ Мертваго, жившихъ въ своемъ домѣ (скорѣе усадьбѣ по пространству земли съ просторнымъ садомъ, оранжереями и надворными строеніями), на Ольховцахъ, въ пустыряхъ, налѣво отъ Новой Басманной. Тамъ часто бывала С. А. Рябинина, и тамъ же я познакомился съ Сергѣемъ Александровичемъ Соболевскимъ [2]). Разъ, одна изъ гостей, миловидная Вѣра А . . . ва [3]), вздумала быть особенно любезною со мною, хотя мое съ нею знакомство было самое поверхностное. Немало удивленный такимъ ко мнѣ вниманіемъ, я послѣ спросилъ у С. А. Рябининой (съ которой я былъ на короткой ногѣ), что бы это значило, и она мнѣ объяснила, что я тутъ, безъ моего вѣдома, игралъ незавидную роль пробнаго камня для г-жи А....ой, которая была заинтересована С. А. Соболевскимъ и, замѣтивъ въ немъ нѣкоторое къ ея особѣ равнодушіе, начала кокетничать со мною, чтобы возбудить его ревность. О женщины!

Все это лѣто я провелъ безвыѣздно въ Москвѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ экскурсій въ Варвино къ Лапскимъ. Въ моихъ дѣлахъ былъ тогда чистѣйшій ералашъ. Перебивался я съ копѣйки на копѣйку, забирая по пяти рублей у Леона, съ которымъ опять сошелся (но безъ всякихъ письменныхъ условій), такъ какъ происками М. Я. Вейсберга

---

[1]) Его не слѣдуетъ смѣшивать съ Петербургскимъ академикомъ Тимомъ, издававшимъ „Художественный Листокъ“.

[2]) С. А. Соболевскій, извѣстный острякъ и эпиграмматистъ, былъ, какъ извѣстно, незаконнорожденный сынъ г. Соймонова, отца Екатерины и Сусанны Александровнъ.

[3]) Мужъ ея былъ тогда дежурнымъ генераломъ при корпусѣ Тимоѳеева, штабъ котораго находился въ Москвѣ.

я былъ отстраненъ отъ полученія своего Порзненскаго оброка. Осенью умерла чахоткою молодая жена моего друга, Англичанина Ф. Ф. Путо, и потому я уговорилъ его переѣхать ко мнѣ на квартиру. (Я продолжалъ жить на Тверской, на углу Чернышовскаго переулка). Общество этого человѣка развлекало по крайней мѣрѣ мое одиночество, какъ вдругъ разразилась надъ моей головой гроза отъ накопленныхъ рукою извѣстнаго уже Израильскаго медика-адвоката тучъ. Былъ онъ въ Знаменскомъ и уговорилъ тещу мою снабдить, въ силу заключеннаго между нами арендnаго акта, формennою довѣренностію близкаго ей человѣка, князя Александра Андреевича Волконскаго (бывшаго опекуна малолѣтнихъ ея дѣтей) на полученіе и распоряженіе, по его усмотрѣнію, всего собраннаго въ эту четверть года оброка въ Поранихъ, и вообще распоряжаться тамъ, какъ полный ея повѣренный. Разумѣется, прямодушный князь Волконскій, входя въ столь новое для него дѣло, взялъ въ руководители М. Я. Вейсберга, и оба помчались въ Порзни. Не говорю, чтобы цѣль князя Волконскаго или тещи моей была корыстною: они налегали пуще всего на то опасное обстоятельство, что ничего не было уплачено въ Московскую Сохранную Казну по залогу Порзней съ самаго 1837 года, когда Леону удалось, вмѣсто полученія (какъ желалось ему) надбавочныхъ по 50 р. ассиг. на душу, причислить эту сумму къ общимъ недоимкамъ, такъ какъ ничего не внесено было съ 1833 года. Терпѣлось же это такъ долго, потому что Леонъ подмазывалъ, гдѣ слѣдовало, въ нижнихъ чиновническихъ слояхъ Сохранной Казны. И дѣйствительно, князь Волконскій съ новымъ своимъ пестуномъ внесли въ Опекунскій Совѣтъ нѣсколько тысячъ рублей ассиг., т. е. почти что ничего сравнительно съ суммою накопившейся недоимки, доходившей уже почти до 100 т. р. ассиг. Словомъ, со всѣхъ сторонъ былъ безвыходный лабиринтъ. Тёщины эмиссары направили первоначально свой путь прямо въ г. Кострому, чтобы тамъ заявить документъ, по которому дѣйствовалъ князя Волконскій. Были слухи, что престарѣлый и выдохнувшійся тогдашній губернаторъ Н. И. Жуковъ (человѣкъ впрочемъ недурной, но слабохарактерный) былъ должникомъ князя Волконскаго по старымъ какимъ-то счетамъ, вслѣдствіе чего онъ охотнѣе, быть можетъ, началъ содѣйствовать новымъ пріѣзжимъ. Все это такъ быстро совершилось, что когда я узналъ объ этомъ приключеніи и прискакалъ въ Порзни, то уже никого тамъ не засталъ. Деньги (оброчныя) за четверть года уже были взяты сполна, князь Волконскій отправился обратно въ Москву, а спутникъ и совѣтникъ его остался, не знаю по какой причинѣ, въ Костромѣ.

Встрѣтилъ я въ Поршнахъ искреннее сочувствіе со стороны давнѣйшаго моего друга и сослуживца А. А. Миронова (продолжавшаго еще быть исправникомъ), также и съ стороны нашего уѣзднаго предводителя дворянства Петра Павловича Пашутина; оба они не одобряли этого юридическаго воспользованія фиктивнымъ правомъ. Не зачѣмъ было мнѣ долго оставаться въ Поршнахъ, гдѣ незванные гости надѣлали мнѣ страшную кутерьму: ссадили старика-бурмистра Макара Иванова, моего любимца (того самаго, котораго самъ Леонъ, при всей своей самонадѣянности, не посмѣлъ смѣнить во время моего нахожденія въ Италіи), вмѣсто коего посадили одного крестьянина, извѣстнаго мнѣ какъ неблагонадежнаго, вздорнаго и пьяницу. Поспѣшилъ я въ Кострому и при свиданіи съ губернаторомъ старался доказать ему, на сколько права тещи моей были фиктивными и пр., и что единственное значеніе арендnаго нашего контракта состояло въ томъ, чтобы быть отпоромъ противъ моихъ кредиторовъ и тѣмъ выиграть время. Но ничего не помогло. Раздосадованный всею этою исторіею, которую самъ накликалъ на свою голову, я еще пуще взбѣсился, увидѣвъ въ партерѣ тамошняго театра (куда отъ нечего дѣлать я пошелъ) виновника моихъ непріятностей, и (самому теперь не вѣрится!) дикая мысль блеснула мнѣ: не дождаться ли мнѣ, когда этотъ господинъ выйдетъ изъ театра и не пырнуть ли его въ брюхо складнымъ моимъ ножемъ, бывшимъ у меня всегда въ карманѣ? Конечно, это было не что иное какъ пустяки, и у меня никогда на это духа бы не хватило. Нѣсколько дней спустя, отправился я за медицинскимъ совѣтомъ (или для полученія свидѣтельства о мнимой моей болѣзни въ случаѣ, еслибы губернатору вздумалось выслать меня изъ города, такъ какъ я на этотъ разъ, кажется, не запасся отпускомъ изъ канцеляріи Московскаго военнаго губернатора, гдѣ я продолжалъ числиться) къ тамошнему инспектору Врачебной Управы доктору Соломону *). Во время моей съ нимъ консультаціи вдругъ выходитъ изъ боковой двери кабинета сидѣвшій тамъ г. Вейсбергъ, и какъ ни въ чемъ не бывало привѣтствуетъ меня съ своею макіавеллическою улыбкою словами: «здравствуйте, графъ». Не успѣлъ я опомниться, какъ хозяинъ дома подошелъ къ намъ и, сказавъ, что ему весьма бы желательно обоихъ насъ тутъ-же помирить, самъ вышелъ въ другую комнату. Въ исторіи читаемъ, что Римскіе авгуры не могли будто бы встрѣчаться одинъ съ другимъ безъ смѣха отъ сознанія, что они надуваютъ легковѣрную публику; нѣчто въ этомъ родѣ произошло тутъ между мною и бывшимъ моимъ юри с-

*) Медика этого не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ медикомъ той же фамиліи, весьма тогда извѣстнымъ въ Петербургѣ.

консультомъ. Объясненіе наше было впрочемъ непродолжительно. Михаилъ Яковлевичъ силился доказать, что онъ все продолжаетъ дѣйствовать въ мою пользу, хотя и помимо меня; а я, благодаря его за медвѣжью въ данномъ случаѣ услугу, возражалъ ему, что ни теща моя, ни новый ея сіятельный повѣренный, не могутъ помочь мнѣ и что единственное средство спасти меня было бы скупить по 25 коп. за рубль всѣ надѣланные Леономъ на мое имя долги, какъ ему самому (т. е. г. Вейсбергу) довольно извѣстно; на это-де требуется около 300 т. р. ассигн., каковыхъ нѣтъ ни у тещи, ни у князя Волконскаго; что теперь ничего болѣе не остается дѣлать, какъ валить черезъ пень колоду, и что если кто-нибудь могъ бы еще поладить съ моими кредиторами, то это конечно только Леонъ, потому что онъ одинъ могъ бы указать и уличить, какіе изъ подписанныхъ имъ векселей и прочихъ бумагъ были безденежными. Наконецъ я заявилъ моему собесѣднику, что скорѣе чѣмъ подпасть подъ дѣтскую опеку моей тещи я готовъ наложить руки на себя заявленіемъ судебнымъ порядкомъ, что арендный нашъ актъ есть не что иное какъ подлогъ. Правда, что я за это попаду подъ судъ; но вѣдь не миновать той участи и тещѣ моей, а можетъ статься и самому ему, г. Вейсбергу. (Кажется мнѣ, что я именно выставилъ этотъ послѣдній, вящій аргументъ, но навѣрно вспомнить не могу). Какъ бы то ни было, но мы однакоже помирились, и Михаилъ Яковлевичъ обязался болѣе не вмѣшиваться въ мои дѣла. Тутъ взошелъ съ сіяющимъ лицемъ хозяинъ дома и приказалъ подать Шампанскаго на мировую. Дѣйствительно, медикъ-адвокатъ сдержалъ свое слово и отстранилъ себя совершенно отъ моихъ дѣлъ *).

Добрый мой Радзиковскій, услыхавъ въ Москвѣ, въ какомъ я нахожусь передѣлѣ (о чемъ я далъ знать Леону), бросилъ свою кондитерскую (тогда еще подъ Новинскимъ) и прискакалъ ко мнѣ въ Костромy. И теперь еще помню, какъ меня обрадовало это неожиданное прибытіе столь преданнаго мнѣ человѣка среди враждебной ко мнѣ обстановки мѣстной администраціи. Это безкорыстное и неутомимое служеніе мнѣ во всю его жизнь (пока параличъ не лишилъ его обѣихъ ногъ, лѣтъ девять тому), эта неограниченная его мнѣ преданность равнялась преданности лягавой собаки къ своему хозяину.

---

*) Онъ вскорѣ послѣ пустился въ подрядныя дѣла, бросилъ службу и сталъ также заниматься адвокатурою въ широкихъ размѣрахъ. Между прочимъ, онъ выигралъ окончательно громадное, казавшееся проиграннымъ, дѣло называемое Нѣмчиновскимъ о нѣсколькихъ милліонахъ, изъ которыхъ досталось ему, по заключенному первоначальному условію, болѣе полумилліона рублей. Слышно, что онъ уже давно „превосходительство“.

Въ Костромѣ служилъ тогда совѣстнымъ судьею [1]) старикъ Александръ Юрьевичъ Пушкинъ, впучатный братъ моей матери (онъ же былъ родной братъ умершей до 1812 г. Анны Юрьевны Станкеръ). Онъ крѣпко держался старобытныхъ семейныхъ традицій, и первый былъ у меня съ визитомъ, хотя я не былъ съ нимъ знакомъ. Онъ съ признательностію разсказывалъ мнѣ, что, когда онъ былъ выпущенъ въ офицеры при императорѣ Павлѣ, мой отецъ приказывалъ камердинеру своему Капишцову наблюдать, чтобы вся обмундировка А. Ю. Пушкина была строго по формѣ, т. е. Прусскаго покроя, съ напудренными косами, висѣвшими на спинѣ [2]). Отрадно было мнѣ слышать подобное выраженіе признательности къ моему родителю, не охладившейся по прошествіи почти что полу-вѣка [3]).

Изъ Костромы я и Радзиковскій отправились прямо къ А. А. Миронову, усадьба коего была въ сосѣдствѣ съ Порзнями. Прямо въ имѣніе свое не хотѣлось мнѣ пріѣхать: тамъ царствовало нѣчто въ родѣ анархіи. Въ свой домъ я водворенъ былъ полу-торжественно почтеннымъ нашимъ предводителемъ П. П. Панютинымъ въ сопровожденіи А. А. Миронова, какъ лица офиціальнаго, и становаго пристава.

Послѣ этого я уѣхалъ обратно въ Москву. Тамъ двоюродный мой братъ, Н. А. Дивовъ, извѣщенный уже обо всей этой исторіи, вступился за меня: онъ повидался съ княземъ Волконскимъ и уговорилъ его отказаться отъ своихъ довѣрительныхъ правъ, по совѣсти не существовавшихъ. Князь пріѣхалъ ко мнѣ, мы помирились, и онъ, или руководитель его М. Я. Вейсбергъ, выхлопотали мнѣ новый документъ отъ тещи, по которому она предоставляла уже мнѣ распоряжаться моимъ имѣніемъ по моему усмотрѣнію и получать оброки. Я было заикнулся князю Волконскому о возвращеніи мнѣ нѣсколькихъ тысячъ рублей, взятыхъ имъ изъ моего имѣнія; но онъ отозвался, что всѣ ихъ истратилъ по сему дѣлу. Тѣмъ и кончилась вся эта путаница. Арендный нашъ актъ былъ нарушенъ и потому давалъ поводъ быть оспариваемъ моими кредиторами.

Я уже говорилъ, кажется, что Порзни (не включая деревень, входившихъ въ составъ всего моего имѣнія) принадлежали тремъ владѣль-

---

[1]) Инстанція, аналогическаго довольно свойства, Совѣстнаго Суда (только въ губерискихъ городахъ) была упразднена, кажется, въ 50-хъ годахъ.

[2]) У нижнихъ чиновъ косы эти смазывались свѣчнымъ саломъ и потомъ посыпались пудрою или, вѣроятнѣе, ржаною мукою, и я слыхалъ, что у заснувшаго на гауптвахтѣ солдата крысы отъѣдали эти лакомыя косы.

[3]) Не помню, были-ли сыновья у А. Ю. Пушкина; но одна изъ его дочерей была уже въ 1841 году замужемъ за княземъ Козловскимъ, тамошнимъ помѣщикомъ.

цамъ. Большая часть принадлежала мнѣ другая графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой, передавшей впослѣдствіи свою часть Михаилу Ѳедоровичу Орлову; а третья часть досталась, около 1840 г., по наслѣдству, князю Александру Александровичу Черкасскому (отцу С. А. Рябининой) отъ его тетки, какой-то старухи княжны Вяземской. Въ 1841 году князь А. А. Черкасскій продалъ свою часть въ селѣ, съ принадлежащими ему тамъ же деревнями (всего около, помнится мнѣ, 700 или 800 душъ) нѣкоему д. с. с. Шульцу. Предполагаю, что господинъ этотъ былъ выскочка по службѣ, безъ права на предлогъ *фонъ-деръ* передъ фамиліею Шульцъ, потому что братъ его былъ хозяиномъ аптеки въ Москвѣ на стрѣлкѣ между Поварской улицею и Молчановкою (если не ошибаюсь). Новый помѣщикъ, Нѣмецъ или полунѣмецъ, началъ съ того, что избаловавшихъ издавна оброчныхъ крестьянъ посадилъ на барщину, вещь вообще необычайная въ большихъ имѣніяхъ сѣверной полосы Россіи. Барщиною же онъ началъ постройку большаго господскаго дома, подъ личнымъ своимъ надзоромъ; но не прошло трехъ лѣтъ или около того, какъ крестьяне составили противъ него заговоръ, и одинъ молодецъ застрѣлилъ его изъ ружья. Справедливо говоритъ П. А. Диковъ, что Русскій мужикъ (во время крѣпостнаго права) мало-ли что бывало стерпитъ отъ своего корепнаго, Русскаго помѣщика, но не спуститъ не-Русскаго происхожденія новому помѣщику. Этотъ убитый г. Шульцъ не былъ вовсе злымъ человѣкомъ, и его не обвиняли (помнится мнѣ) ни въ какихъ злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, а былъ онъ только нововводитель. При покупкѣ имъ этого имѣнія онъ подарилъ князю А. А. Черкасскому одно изумительное художественное произведеніе, которое не могу не описать. Это была копія съ извѣстнаго во многихъ галлереяхъ портрета Рубенса; но дѣло въ томъ, что картина была написана не масляными красками, а составлена изъ восковыхъ, разноколерныхъ и толстыхъ (въ глубину) слоевъ, и потому могла рѣзаться большими такъ сказать ломтями, ни дать ни взять какъ рѣжется колбаса. Удивительно было, съ какимъ искусствомъ всѣ эти слои, горизонтально поставленные одинъ подъ другимъ, какъ бы ячейки и на подобіе мозаики, сливались безъ всякихъ рѣзкихъ переходовъ отъ одного оттѣнка въ другой. Подобной вещи я болѣе никогда не видывалъ.

Этою осенью (1841 г.) пріѣхалъ въ Москву Европейской знаменитости вольтижеръ Сульѣ, съ отборною труппою. Его смѣлостію и искусствомъ, дававшими ему несомнѣнное право на званіе артиста, я уже имѣлъ случай изумляться нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, во время моего проѣзда съ женою въ 1836 г. черезъ Львовъ; но о вольтижерѣ, какъ-бы онъ

ни былъ искусенъ, едва-ли бы слѣдовало упоминать, еслибы личность эта не представляла этюдъ для психологическаго наблюденія. Встрѣчалъ я его не разъ у содержателя магазина гастрономическихъ припасовъ Пиколи у коего можно было по знакомству приходить обѣдать, хотя открытаго ресторана онъ не содержалъ), и былъ я истинно пораженъ его изслѣдованіями надъ нравомъ лошадей и анатомическими его свѣдѣніями. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ могъ бы читать интересныя лекціи о гиппологіи, каковую науку онъ излагалъ отчетливо и съ пріемами спеціалиста, или могъ бы составить себѣ имя и состояніе, какъ старшій берейторъ при какой-нибудь дворцовой конюшнѣ; но этимъ не могло удовлетворяться его тщеславіе. Любимецъ публики во многихъ Европейскихъ столицахъ, онъ избалованъ былъ переполненнымъ обыкновенно сборомъ въ его циркѣ, и безпечный, и чванный (какъ свойственно Французу) онъ смотрѣлъ на деньги, какъ на средство удовлетворенія всѣхъ его жуирскихъ прихотей на сей день, а завтра-молъ будетъ что́ будетъ. Сказывалъ онъ мнѣ, что исписалъ было цѣлую стопу своихъ замѣтокъ надъ лошадьми, но забросилъ куда-то этотъ нецѣнимый имъ трудъ. Вдобавокъ къ мотовству, Сульѐ былъ страстный игрокъ и проводилъ цѣлые дни за картами, въ отдѣльныхъ комнатахъ при гастрономическомъ магазинѣ П. П. Пиколи, гдѣ однажды при мнѣ, играя съ нѣкимъ Московскимъ Итальянцемъ, извѣстнымъ всему городу какъ аферистъ, Сульѐ, войдя въ азартъ, поставилъ на одну карту банковый билетъ въ 500 рублей. Съ подобными жигейскими замашками понятно, что приходилось иногда ему тайкомъ удирать изъ города, гдѣ онъ пожиналъ заслуженные лавры. Говорилъ онъ мнѣ, что могъ бы давно обезпечить себя берейторскою должностію; но таковымъ мирнымъ, хотя бы и сытнымъ, пристанищемъ не могла довольствоваться его натура. «Il me faut la parade et le clinquant des théâtres» *), говаривалъ онъ. «Вотъ-молъ, только что въѣзжаю въ городъ, какъ, при прочтеніи о томъ въ уличныхъ афишкахъ, раздастся *Сульѐ пріѣхалъ*, *Сульѐ пріѣхалъ*, и вслѣдъ затѣмъ я устраиваю (до начала представленій) по главнымъ городскимъ улицамъ парадную кавалькаду изъ всѣхъ артистовъ моей труппы, въ Римскихъ, Греческихъ и средневѣковыхъ костюмахъ». Въ бытность его въ Константинополѣ, султанъ пожаловалъ ему званіе шталмейстера своего двора и наградилъ его орденомъ на шеѣ, съ алмазными знаками. Съ этими-то атрибутами, при вторичномъ его пріѣздѣ въ Москву (въ 1843 или 1844 г.), онъ явился къ вновь назначенному военному генералъ-губернатору князю Щербатову, который, если вѣрить городскимъ разсказамъ, принялъ Оттоманскаго шталмей-

*) Мнѣ нужны парадировка и эфемерный блескъ подмостокъ.

стера какъ подобаетъ принять дворцовое высшее должностное лицо и любезно пустился съ нимъ въ безконечный разговоръ. Находившійся при аудіенціи тогдашній оберъ-полицмейстеръ Левъ Михайловичъ Цинскій, смекнувъ въ чемъ дѣло, подошелъ къ князю и сказалъ ему въ полголоса: »Ваше сіятельство, вы вѣрно ошибаетесь; господинъ этотъ ничто болѣе какъ фигляръ-вольтижеръ».

Весною или лѣтомъ 1841 года, князь Д. В. Голицынъ, здоровье коего начинало разстраиваться, уѣхалъ въ отпускъ за границу, и воротился въ слѣдующемъ 1842 году. Во время этой отлучки должность его исправлялъ (не какъ обыкновенно, всѣми почитаемый комендантъ, баронъ Карлъ Густавовичъ Сталь-фонъ-Гольштейнъ) а генералъ-адъютантъ А. И. Нейдгардъ. Когда всѣ мы, чиновники канцеляріи, представлены были новому нашему начальнику правителемъ канцеляріи Павломъ Ѳедоровичемъ Степановымъ (не могу не добавить мимоходомъ, что человѣкъ этотъ всегда ко мнѣ благоволилъ), генералъ Нейдгардъ или позапамятовалъ о Петербургской исторіи разбитія стеколъ и о кормленіи супомъ бюста Государя Императора (за что я былъ высланъ изъ лейбъ-гусарскаго полка въ прежній свой Павлоградскій), или имѣлъ деликатность не напомнить мнѣ о ней.

(*Продолженіе будетъ.*)

ЗАПИСКИ ГРАФА МИХАИЛА ДМИТРІЕВИЧА БУТУРЛИНА *).

Періодъ отъ весны 1842 до весны 1845 года.

Пріѣздъ моей жены изъ-за границы. — Малолѣтній Н. Г. Рубинштейнъ. — Импровизаторъ Джіустиніани. — Французскіе туристы въ Москвѣ. — Отъѣздъ жены на лѣто въ Знаменское, моя туда поѣздка и примиреніе съ тещею. — Осенняя моя поѣздка на всю зиму въ Петербургъ и зимній тамъ сезонъ.—Возвращеніе весною въ Москву и опасная болѣзнь ноги у жены.—Ѳ. И. Иноземцевъ.—Окончательный выѣздъ изъ Москвы военнаго генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына и поступленіе на его мѣсто князя А. Г. Щербатова.—Женитьба П. А Олсуфьева.—Иностранные артисты въ Москвѣ и тамошнее общество.—Моя поѣздка въ Порзни и на Нижегородскую ярмарку.—Первое знакомство съ графомъ Дмитр. Никол. Толстымъ.—Несчастные роды моей жены зимою.—Московская жизнь зимою съ 1843 на 1844 годъ.—Кончина въ Парижѣ князя Д. В. Голицына.—Женитьба барона П. А. Вревскаго.—Подрядъ ставить монхъ крестьянъ на строющееся Ярославское шоссе.—Мой переѣздъ осенью на Остоженку.—Поѣздка въ Знаменское и обратно въ Москву.—Моя поѣздка съ Радзиковскимъ въ Кострому и Порзни.

Зиму съ 1841 на 1842 годъ я провелъ въ Москвѣ. Дѣла мои по прежнему, то есть кое-какъ, держались, благодаря отчасти стараніямъ Леона и Радзиковскаго: оба они безпрестанно затыкали, такъ сказать, прорѣхи и умасливали, гдѣ слѣдуетъ, чтобы оттягивать всячески ходъ поданныхъ на меня взысканій. Въ концѣ концовъ эта агонія, продолжавшаяся до окончательнаго разгрома въ 1848 году, оказалась губительною для меня, не въ томъ смыслѣ, что мѣры были лишь паліативныя (да иначе и быть не могло), а потому что, лишись я всего сразу, въ началѣ 40-хъ годовъ, или лишись я тогда хоть призрака возможности удержать за собою мое имѣніе и не мечтай о сдѣлкѣ съ кредиторами: тогда, волею или неволею, я бросился бы въ настоящую, дѣйствительную службу и, при имѣвшейся у меня тогда поддержкѣ вліятельныхъ особъ, могъ бы получить гдѣ-нибудь мѣсто съ приличнымъ окладомъ, вмѣсто того, чтобы торчать сверхкомплектнымъ, безъ жалованья, чиновникомъ генералъ-губернаторской канцеляріи. Мнѣ было тогда всего 34 года отъ роду, и карьеру я могъ бы себѣ составить и тогда уже жить жалованьемъ; а въ настоящее время, когда я пишу эти Записки, могъ бы, пожалуй, уже отдыхать на лаврахъ съ полнымъ заслуженнымъ пенсіономъ. Но, вмѣсто того, я съ обычною своею без-

*) См. выше, стр. 237.

печностью, добровольно и сознательно дремалъ на краю пропасти и очнулся, когда уже было поздно припиматься за дѣло.

Продолжалъ я жить припѣваючи, не въ аллегорическомъ, а въ буквальномъ смыслѣ этого слова, съ исключеніемъ финансоваго его значенія. Вечера проводилъ я большею частію въ пѣніи съ Людв. Антон. Гизетти, Софіею Александровною Рябининой и съ недавно появившеюся на музыкальномъ аматёрскомъ горизонтѣ дѣвицею Хвицкою, дочерью коменданта гдѣ-то въ Сибири. Бѣдная состояніемъ и не особенно одаренная физическою привлекательностію, дѣвушка эта была (какъ я уже прежде отозвался о ней) феноменъ по голосу, какого я не слыхивалъ еще внѣ сцены по обширности (около трехъ, кажется, октавъ), серебристой до самыхъ крайнихъ высшихъ нотъ (чуть-ли не *mi* и *fa*) интонаціи и въ тоже время силы, безъ всякаго принужденія. Весьма было жаль, что, по аристократическимъ предразсудкамъ, она не рѣшалась (или родные не допускали ея) поступить на артистическое поприще, гдѣ, конечно, она могла бы составить себѣ и имя, и состояніе.

Наконецъ, въ Февралѣ или въ началѣ Марта, жена извѣстила меня, что она прибыла въ Россію и осталась на двѣ-три недѣли въ Кіевѣ. Въ Москву она пріѣхала, кажется, въ Апрѣлѣ, въ сопровожденіи нѣкоего офицера г. Астромова, Кіевскаго новаго ея знакомаго, которому также нужно было пріѣхать въ Москву.

Можно представить себѣ, какія волновали меня чувства, когда посланный изъ Шевалдышевской гостинницы прибѣжалъ сказать мнѣ, что она тамъ остановилась!... Было уже болѣе двухъ съ половиною лѣтъ, что я разстался съ нею и Анночкою, коей теперь минуло пять лѣтъ.

Записывая болѣе прочихъ крупныя событія, въ паралельно-хронологическомъ порядкѣ, отмѣтить я долженъ, что между 1841 и 1843 годами (но никакъ не позже), по случаю смерти графа Толя, главноуправлявшаго инженернымъ вѣдомствомъ и путями сообщенія, преемникомъ его назначенъ былъ знаменитый графъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель. Новый начальникъ ознаменовалъ свое вступленіе въ должность рядомъ приказовъ, пересыпанныхъ колкими намеками. Преслѣдовать казнокрадство и взяточничество похвальное дѣло въ начальникѣ (а уже о томъ, что̀ дѣлалось по инженерному вѣдомству, и камни вопіяли); однакоже, карать надо разборчиво и не иначе, какъ если виновникъ накрытъ на дѣлѣ. Но не совсѣмъ такъ поступалъ

графъ П. А. Клейнмихель, если судить по одному изъ его приказовъ, который остался у меня въ памяти. Дѣло происходило въ самомъ Новгородѣ, и рѣчь шла о построенномъ недавно, съ великимъ тщаніемъ и вкусомъ, двухъэтажномъ каменномъ домѣ одного изъ инженерныхъ (или путей сообщенія) штабъ-офицеровъ Московско-Петербургскаго шоссе. Графъ Клейнмихель возвѣщалъ въ этомъ приказѣ, что онъ полюбопытствовалъ осмотрѣть этотъ домъ; тутъ же онъ хвалилъ тщательность и знаніе строителя, какъ въ хозяйственномъ отношеніи, такъ и въ орнаментальныхъ деталяхъ постройки, замѣтилъ даже мраморные подоконники. Послѣ изложенія всего этого, не въ очень даже ироническомъ видѣ, приказъ оканчивался тѣмъ, что, по мнѣнію его сіятельства, человѣку, столь много заботящемуся о семейныхъ и хозяйственныхъ своихъ удобствахъ, некогда заниматься дѣлами службы, и потому совѣтовалось ему просить объ увольненіи. Выраженій въ точности, быть можетъ, я не привелъ; но смыслъ ихъ былъ именно таковъ, и этотъ штабъ-офицеръ, заслуженно или незаслуженно, не знаю, но былъ осрамленъ по всему инженерному вѣдомству. По моему, еслибы онъ былъ уличенъ въ противозаконныхъ проступкахъ, то слѣдовало отдать его подъ судъ; если же явныхъ доказательствъ не было, то должно было молчать и терпѣть его на службѣ до поры до времени, пока не провинится вовсеочію. А подобныя распубликованія я считаю недостойными, наравнѣ съ извѣстными Ростопчинскими въ 1812-мъ году бюллетенями, въ родѣ того, что «у меня вчера болѣлъ одинъ глазъ, а нынѣ гляжу въ оба», коими убійца Верещагина думалъ разжигать патріотизмъ Москвичей, и безъ того достаточно уже возбужденный.

Не узналъ бы я моей голубоглазой пятилѣтней Анеттины, которую я оставилъ во Флоренціи осенью 1839 г. по третьему только году. Она болтала поитальянски, какъ настоящая Флорентинка, свободно объяснялась пофранцузски и паче всего, благодаря ея матери и нянюшкѣ Алёнѣ, хорошо говорила порусски. Память у нея была необыкновенная, да и вообще она была развита почти не по лѣтамъ. Жена моя разсказывала мнѣ, что при встрѣчѣ гдѣ-то, прошедшимъ (1841 г.) лѣтомъ въ Германіи, съ теткою моею графинею Маріею Артемьевною Воронцовой, тетка моя, пораженная преждевременнымъ развитіемъ нашей дѣвочки, совѣтовала матери ея притупить, на сколько было возможно, ея способности. «Elle a trop d'esprit pour son âge», говорила она, «tâchez, ma chère, de l'hébéter» *). Впослѣдствіи, она сдержала все то, что̀ обѣщала и, при скудныхъ деревенскихъ воспитательныхъ нашихъ средствахъ была, когда Всевышнему Промыслу благо-

*) Она слишкомъ умна для своего возраста; постарайся, милая, чтобъ она поглупѣла.

угодно было призвать ее, семнадцатилѣтнюю, къ Себѣ, начитанною и, дозволю себѣ сказать, образованною, какъ не всѣ дѣвушки, на воспитаніе коихъ потрачиваются десятками тысячъ рублей. «Блаженни, ихже избралъ и пріялъ еси, Господи!»

Тѣсненько было женѣ моей на моей холостой квартирѣ въ домѣ Попова; но мѣнять ее не стоило на какіе-нибудь три мѣсяца, такъ какъ на лѣто она должна была уѣзжать къ своей матери, въ Знаменское.

Говорилъ я объ Итальянцѣ, учителѣ пѣнія, Лорѣ, получившемъ мѣсто въ Московскомъ Воспитательномъ домѣ. Этой весною пріѣхала въ Москву для концертовъ его сестра, оперная артистка г-жа Фишъ-Лоръ, у которой была дочь Элеонора, однихъ почти лѣтъ съ нашею Анеттиною; ее часто отпускали къ намъ на цѣлый день и, слушая обѣихъ дѣвочекъ, ихъ можно было одинаково принять за Итальянокъ. Сказанный маэстро Лоръ написалъ партицію оркестрированной католической обѣдни (grande messe chantée), исполненную, подъ его дирижёрствомъ, во Французской церкви, что́ на Малой Лубянкѣ, въ первый день Пасхи и, по просьбѣ композитора, я участвовалъ, какъ пѣвецъ, въ этой обѣднѣ (отслушавъ, вѣроятно, нашу воскресную литургію ночью, вслѣдъ за утренею). Партію сопрано пѣла упомянутая сестра г. Лора, теноромъ былъ г. Стрѣльскій, недурной артистъ тогдашней Московской оперной труппы [1]), баритономъ былъ я, басомъ Михайло Аполлоновичъ Волковъ [2]), а хоровое пѣніе исполняли пѣвчіе Шереметевской больницы. Небезталантливая пѣвица была эта г-жа Фишъ-Лоръ, но съ непріятно-крикливымъ голосомъ. Музыкальная композиція этой мессы была недурна, но черезъ-чуръ долго длилась. Помню, между прочимъ, что пѣтое такимъ образомъ «Credo» (Символъ вѣры), во время коего, по Латинскому церковному обряду, всѣ трое священнодѣйствующіе садятся на приготовленныхъ для сего трехъ стульяхъ, сбоку отъ престола, что это «Credo» шло очень долго, и сами почтенные Французскіе аббаты, сбитые съ толку, приняли было

---

[1]) Въ тогдашней дирекціи Московскихъ императорскихъ театровъ монополія перваго тенора все еще оставалась за Бантышевымъ и продолжалась чуть-ли не до начала 50-хъ годовъ. Я уже говорилъ, что артистъ этотъ былъ одаренъ отъ природы прекраснымъ голосомъ, которымъ онъ однакоже никогда не выучился управлять, а на сценѣ былъ настоящій истуканъ. Сказанный Стрѣльскій далеко не пошелъ, не знаю почему, и въ 50-хъ годахъ я уже болѣе о немъ не слыхалъ.

[2]) Михаилъ Аполлоновичъ Волковъ, уже немолодой человѣкъ въ 1842 году, долго находился секретаремъ при нашемъ Константинопольскомъ посольствѣ и свободно говорилъ по гречески. Тамъ, или въ Одессѣ, онъ познакомился и женился на Пероткѣ, дѣвицѣ Ураніи Юбшъ, меньшой изъ трехъ сестеръ того семейства, мать коихъ была урожденная Фонтонъ, а во второмъ бракѣ Фродингъ.

одну изъ музыкальныхъ паузъ за конецъ всего Символа вѣры и поднялись было съ своихъ мѣстъ, чтобы направиться къ престолу; но, увидѣвъ, что пауза эта была только переходомъ съ одного музыкальнаго мотива къ другому, снова усѣлись, каковой эпизодъ произвелъ немного забавный эффектъ въ публикѣ. Кстати о музыкѣ. Я уже говорилъ, что Леонъ передалъ нѣкоему изъ своихъ приближенныхъ, Израильскаго происхожденія, Григорію (а по отчеству я забылъ) Рубинштейну, карандашную фабрику, имъ заведенную на мое имя, во время лихорадочной его аферистской дѣятельности. Этотъ Рубинштейнъ, при всемъ томъ, что проводилъ свои вечера въ Нѣмецкомъ клубѣ за картами и за лото́, былъ человѣкъ разсчетливый, трудолюбивый, не входившій ни въ какія аферы и, вдобавокъ, былъ весьма презентабельной наружности, сверхъ того, хорошій семьянинъ, сумѣвшій дать приличное воспитаніе обоимъ своимъ сыновьямъ, нынѣ извѣстнымъ артистамъ. Старшему изъ нихъ Антону было тогда (въ 1842 г.) около 12 лѣтъ и, руководимый Московскимъ фортепіаннымъ учителемъ Вилуаномъ [1]), онъ достигъ уже въ столь юномъ возрастѣ до такого совершенства на этомъ инструментѣ, что восхищалъ весь Лондонъ, куда съ нимъ ѣздилъ его вышеупомянутый учитель, и получилъ подарокъ отъ королевы Викторіи [2]). Леонъ привозилъ къ намъ тогда младшаго изъ Рубинштейновъ, пятилѣтняго Николиньку, и хотя ручонками своими онъ не могъ захватывать цѣлую октаву, но уже изумлялъ насъ всѣхъ отчетливою своею игрою на фортепіано. Другаго учителя онъ въ то время не имѣлъ, кромѣ своей матери, хорошей, повидимому, музыкантши. Кромѣ этихъ двухъ сыновей у Григорія Рубинштейна была еще 6 или 7-ми лѣтняя дочь, о которой впослѣдствіи я ничего не слыхалъ; дѣвочка эта была прехорошенькая собою, съ Еврейскимъ, отчасти, типомъ, ее не портившимъ нисколько. Изъ нашихъ молодыхъ артистовъ-Москвичей весьма замѣчателенъ былъ блистательностію и вмѣстѣ съ тѣмъ экспрессіею своей игры фортепіанистъ г. Фракманъ. Что́ стало изъ него позднѣе, не знаю; послѣ 1842 и 1843 года я ничего болѣе о немъ не слыхалъ.

Въ числѣ пріѣзжихъ тогда иностранныхъ артистовъ былъ Итальянскій поэтъ-импровизаторъ Джіустиніани, давшій нѣсколько сеансовъ, въ домѣ Соймоновыхъ, на Малой Дмитровкѣ. Извѣстно, что на одномъ только Итальянскомъ нарѣчіи можно импровизировать цѣлыя оды на данный какой-нибудь сюжетъ; не знаю, право, что́ больше способ-

---

[1]) Этотъ Французъ Вилуанъ (Villoing) былъ братъ Московскаго старожила, торговца антикварными рѣдкостями.

[2]) Это происходило, если не въ 1842, то не позднѣе 1843 года.

ствуетъ этому необыкновенному дару, игривое-ли воображеніе сыновей Италіи, или богатство ихъ стихотворнаго языка, на которомъ бываетъ по нѣскольку словъ для выраженія одного предмета; но достовѣрно то, что ни шарлатанства, ни подготовки въ импровизаціи никакой нѣтъ, между тѣмъ какъ многія изъ этихъ одъ и сонетовъ не уступаютъ сочиненіямъ усидчиваго, досужаго труда. Джіустиніани, какъ вся его братія, не читалъ, а распѣвалъ свои стихи речитативною модуляціею, немного протяжною (единственный способъ дать время процессу мышленія) и подъ акомпанементомъ фортепіано, монотонно повторяющаго все тѣже три или четыре акорда. Интонація голоса Джіустиніани была теноровою, и голосъ былъ довольно сильный, хотя не отличался пріятною звучностію; но въ числѣ публики нашлись профаны, принявшіе поэта-импровизатора (какъ онъ самъ мнѣ разсказалъ) за учителя пѣнія, и они дѣлали ему предложенія давать имъ уроки пѣнія. О Москвичи!

Что бы ни говорили защитники цивилизаціи нашей бѣлокаменной, но въ ней проглядываетъ по сію пору какая-то дикость. Не далѣе какъ нынѣшнею весною (1872 г.) какой-то профессоръ бѣлой магіи, Эпштейнъ, давалъ въ Большомъ театрѣ представленіе со включеніемъ давняго фокуса обезглавленія живого человѣка, заявляя въ афишкѣ, что приглашаетъ господъ медиковъ и химиковъ пожаловать къ нему на сцену для освидѣтельствованія, что кровь, истекающая изъ отрубленной головы, неподдѣльная, и чуть ли не было такого же приглашенія удостовѣриться, что на столѣ лежалъ настоящій трупъ. Театръ былъ биткомъ набитъ, и едва началось обѣщанное обезглавленіе, какъ часть публики хлынула на сцену. Тщетно магикъ умолялъ дать ему свободу окончить свой фокусъ, обязуясь разъяснить, какъ онъ его совершаетъ: ничто не помогло. На главу его посыпалась брань, что онъ обираетъ и обманываетъ почтенную публику. Ей бѣдняжкѣ, видите, хотѣлось, чтобы магикъ взаправду потѣшилъ ее зрѣлищемъ гильотинизированія. «Господа», старался онъ вразумить ее, «нельзя же въ самомъ дѣлѣ отрубить мнѣ голову у живого человѣка! Вѣдь за это ссылаютъ въ Сибирь на каторгу». Такъ и не удалось ему выполнить обѣщанную программу.

Едва уѣхала жена моя, въ началѣ лѣта, къ своей матери, какъ нагрянула въ Москву цѣлая партія молодыхъ Французскихъ туристовъ, все легитимистическаго оттѣнка, въ числѣ коихъ были наши Флорентинскіе знакомые, графъ Балліонъ, виконтъ де-Романъ, баронъ де-Гарри и г. Мезонъ; послѣдній только былъ не изъ числа нашихъ знакомыхъ.

Съ ними былъ также молодой маркизъ де-Талейранъ, тотъ самый, что̀ впослѣдствіи (въ 60-хъ годахъ) былъ Французскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ. Обозрѣвъ слегка всѣ Московскія достопамятности, они улетѣли, за исключеніемъ барона Гарри, пожелавшаго покороче ознакомиться съ Русскою общественною жизнію и съ нашими нравами. Съ нимъ я разъѣзжалъ по Московскимъ окрестностямъ. Мы ѣздили съ визитомъ къ плѣнительной Варварѣ Павловнѣ Солнцевой на дачу въ Петровскомъ паркѣ, и однажды я повезъ его къ Дивовымъ, въ знаменитую ихъ Зенинскую ферму; тамъ онъ очень понравился, какъ человѣкъ болѣе серьознаго направленія, чѣмъ обыкновенно его соотечественники. Не стоило бы почти упоминать, что я былъ чичероне барона Гарри по Московскимъ окрестностямъ, не будь даннаго мною заранѣе обѣщанія сдѣлать изъ сихъ Записокъ мою исповѣдь, и потому долженъ добавить, что однажды, отобѣдавши въ живописномъ Царицынѣ, съ провизіями и виномъ, привезенными нами изъ Москвы, я выпилъ черезъ мѣру и на возвратномъ пути въ городъ, проѣзжая, когда стемнѣло, мимо какой-то ярко освѣщенной церкви, гдѣ шла тогда всенощная (помню, что это было наканунѣ праздника Спаса Преображенія), баронъ Гарри пожелалъ взойти въ церковь посмотрѣть на нашу службу, и я въ нетрезвомъ видѣ дерзнулъ послѣдовать за нимъ.

Тогда же навѣстилъ Москву знаменитый романистъ и легитимистъ виконтъ д'Арленкуръ [1]). Въ обѣихъ столицахъ его встрѣтилъ самый лестный пріемъ въ высшихъ кругахъ общества и, какъ кажется, онъ этимъ немного рисовался. Какъ любознательный туристъ, онъ не брезгалъ никакими мелочами изо всего видѣннаго и слышаннаго имъ и все записывалъ въ свой «calepin» [2]). Иные сочли это за афектацію, и онъ сдѣлался жертвою неимовѣрныхъ мистификацій со стороны подобнаго рода продѣлокъ. Забавлялись, напримѣръ, указывая ему любое дерево и сочиняя потомъ цѣлую легенду о какомъ нибудь историческомъ событіи, будто бы происшедшемъ подъ его тѣнью, и нашъ виконтъ, послѣ обычнаго вопроса «en êtes-vous bien sûr?» [3]), и получивши подтвердительный отвѣтъ, спѣшилъ записывать разсказъ въ своей памятной книжкѣ. Въ Петербургѣ съ нимъ случилось слѣдующее происшествіе. Желая быть представленнымъ ко двору, онъ въ тоже время, какъ ярый легитимистъ, всячески старался избѣгнуть для этой церемоніи посредничества Шарля Перріе, тогдашняго представителя

[1]) Онъ предшествовалъ немного школѣ Виктора Гюго, Бальзака и проч. Первые романы, написанные имъ около 1825 года, были „l'Inconnue“ и le Solitaire.

[2]) Карманная книжечка съ карандашемъ.

[3]) Увѣрены ли вы въ этомъ?

у насъ правительства Лудовика Филиппа, надѣясь достигнуть своей цѣли черезъ министра императорскаго двора, или какимъ либо инымъ путемъ. Государь на это не далъ согласія, и волею - неволею, Бурбонистъ долженъ былъ прибѣгнуть къ повѣренному по дѣламъ короля Орлеанской династіи; но, чтобы согласовать свои политическія убѣжденія съ горькою необходимостію, виконтъ придумалъ украсить свою трехуголку бѣлою кокардою, вмѣсто трехцвѣтной, каковое отступленіе онъ какъ-то скрылъ отъ сопровождавшаго его въ Петергофъ, гдѣ тогда находился дворъ, Французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ. Виконту было извѣстно нерасположеніе Государя къ Лудовику-Филиппу, и онъ вообразилъ себѣ, что его штука придется какъ разъ по сердцу Николаю Павловичу, и вотъ, во время его представленія Государю, онъ ловко перевернулъ свою трехуголку такъ, чтобы бѣлая кокарда была вся на виду. Но вышло совсѣмъ не то, чего онъ ожидалъ. Едва Государь бросилъ свой орлиный взглядъ на эту эмблему падшей давно династіи, какъ вдругъ пзмѣнилъ тонъ своего разговора, и съ замѣтнымъ неудовольствіемъ отпустилъ виконта отъ себя, а послѣ аудіенціи дано было знать Французскому представителю о неодобреніи Государемъ подобнаго отступленія отъ принятаго этикета.

Въ Москвѣ я познакомился съ д'Арленкуромъ черезъ барона Гарри, и онъ между прочимъ сказалъ мнѣ, что надѣется, что мои соотечественники останутся довольны его описаніемъ Россіи, имѣющемъ выйти въ печать. Слова эти были вѣроятно намекомъ на негодованіе, возбужденное книгою о Россіи маркиза де-Кюстина, недавно передъ тѣмъ вышедшею. Онъ не только сдержалъ свое слово, но даже пересолилъ. Такъ напримѣръ, описывая свое посѣщеніе княгини Ольги Александровны Долгоруковой (рожденной Булгаковой) въ ея изящной (какъ говорили) виллѣ, неподалеку отъ Сергіева посада, онъ между прочимъ говоритъ въ своей книгѣ, что въ салонѣ княгини онъ видѣлъ «un bel officier, m-r de Novosiltzeff»*). Тамъ же, кажется, читается, что когда великій князь Михаилъ Павловичъ повезъ автора показать ему одинъ изъ Петербургскихъ кадетскихъ корпусовъ, то съострилъ: Voici, mon cher vicomte, mes cadets; je vous réponds bien, qu'ils ne sont pas les *cadets* de mes soucis». (Каламбуръ этотъ неудобно перевести ни на какой языкъ).

*) „Красавца-офицера, г. Новосильцова". Его звали кажется, Василіемъ Николаевичемъ (сынъ Николая Петровича); онъ служилъ тогда въ лейбъ-гусарскомъ полку, а проживалъ въ Москвѣ, какъ ремонтёръ, велъ довольно большую игру въ карты и сорилъ деньгами, что было загадкою для общества, такъ какъ извѣстно было, что онъ не имѣлъ никакого почти состоянія.

Во время пребыванія въ Москвѣ Французскихъ моихъ друзей получено было извѣстіе о внезапной смерти герцога Орлеанскаго (наслѣднаго принца Франціи), вслѣдствіе паденія изъ экипажа, и баронъ Гарри говорилъ мнѣ тогда, что это несчастіе поведетъ къ большимъ политическимъ затрудненіямъ по смерти старика короля Лудовика-Филиппа, такъ какъ умершій герцогъ пріобрѣлъ всеобщую любовь.

Въ этомъ же, или въ слѣдующемъ 1843 году, посѣтилъ Россію и другой Французскій писатель, Мармье, но съ нимъ я не повстрѣчался. И ему благоугодно также было, по примѣру другихъ, издать свое путешествіе, сочиненіе, на сколько помнится мнѣ, безцвѣтное и скучное.

Лѣтомъ состоялась женитьба коротко знакомаго мнѣ, Николая Ивановича Ершова съ нѣкоею Михалковою. Такъ какъ, по случаю лѣтняго сезона, все почти общество было на дачѣ или у себя въ деревнѣ, женихъ не могъ найти никого изъ молодежи, ему знакомой, чтобы быть у него шаферомъ, и по его просьбѣ, мнѣ, давно женатому человѣку, пришлось, да и еще въ первый разъ въ жизни, держать вѣнецъ надъ головою жениха, а на слѣдующій день провозглашать за свадебнымъ столомъ, по написанному на бумагѣ реестру, нескончаемую вереницу тостовъ, когда подавалось Шампанское за здравіе молодыхъ, всѣхъ присутствующихъ и неприсутствующихъ родныхъ обѣихъ сторонъ, и все это я исполнилъ весьма неуклюже и сбивчиво, хотя новобрачный то и дѣло что поощрительно кричалъ, обращаясь головою ко мнѣ: «валяй!» *).

Вскорѣ за тѣмъ я поѣхалъ къ женѣ въ Знаменское; тамъ я окончательно примирился съ тещею, и съ тѣхъ поръ по день ея смерти, никакой болѣе между нами размолвки не было.

Осенью, Леонъ упросилъ меня съѣздить въ Петербургъ, похлопотать черезъ знакомыхъ мнѣ вліятельныхъ лицъ о сложеніи страшнаго начета по несчастному подряду на продовольствіе Московскаго военнаго госпиталя, въ голодные 1839 и 1840 годы, каковое дѣло все еще тянулось, запутывая бѣдныхъ владѣтелей домовъ, находившихся въ залогѣ по этому разорительному предпріятію. Зная заранѣе, что въ Петербургѣ придется оставаться на неопредѣленное время, я опять поѣхалъ на нѣсколько дней къ своимъ въ Знаменское и, на возврат-

*) У Н. И. Ершова не было никакого своего состоянія; за женою онъ взялъ порядочное имѣніе подъ самымъ Рыбинскомъ, гдѣ и поселился.

номъ пути съ 9 часовъ вечера и до 5 часовъ утра по причинѣ глубокой грязи, такъ какъ не все шоссе отъ Москвы до Серпухова было еще кончено. Когда впослѣдствіи оно было открыто, то мы, жители Тарусской и Серпуховской мѣстностей, обрадовались этому не менѣе, чѣмъ когда, въ концѣ 60-ыхъ годовъ, открылась желѣзная дорога изъ Серпухова въ Москву. Разсказывали, что осенью описываемаго времени (1842 г.) какая-то помѣщица, проѣзжая въ грузной своей четырехмѣстной каретѣ по этой дорогѣ, завязла между Верхними Котлами и Бицами, и ее вытаскивали оттуда сосѣдніе крестьяне рычагами, условившись заранѣе получить 100 рублей асс.. Отъѣхавъ на нѣкоторое разстояніе и увидѣвъ, что крестьяне, вмѣсто того, чтобы возвращаться домой, шли за ея каретою, она спросила, чего они еще хотятъ. «А вотъ, матушка», сказали они, «тамъ недалече впереди ты опять увязнешь; ну да тамъ мы съ тебя возмемъ только пятьдесятъ рубликовъ.»

Этой же осенью происходило освященіе теплаго придѣла, устроеннаго двоюроднымъ моимъ братомъ, Петромъ Адріановичемъ Дивовымъ въ его церкви въ прекрасномъ Соколовѣ. Пріѣхали туда братъ его Николай Адріановичъ съ женою, я и нѣкоторые изъ интимныхъ друзей набожнаго виновника этого празднества. За освященіемъ послѣдовалъ роскошный обѣдъ. Помнится мнѣ, что, описывая первое мое посѣщеніе П. А. Дивова въ Соколовѣ, я не коснулся фамильныхъ преданій его подмосковной, и потому дополняю этотъ пробѣлъ. Въ старомъ Соколовскомъ домѣ хранится по сію пору стулъ, на которомъ сиживала княгиня Екатерина Романовна Дашкова, когда она посѣщала родную свою племянницу, тетку мою Елисавету Петровну Дивову. Въ Соколовѣ же находятся единственные, на сколько извѣстно мнѣ, портреты фельдмаршала графа Александра Борисовича Бутурлина и сына его графа Петра Александровича.

Въ числѣ сохранившихся у Зинаиды Сергѣевны Дивовой фамильныхъ рукописей я прочелъ куплеты, писанные Василіемъ Львовичемъ Пушкинымъ для интермедіи (pièce d'occasion), разыгранной на домашнемъ спектаклѣ въ Соколовѣ между 1807 и 1810 годами. Въ ней превозносился, какъ слѣдовало ожидать, добрый мѣстный баринъ, и въ его честь куплеты были спѣты горничной моей тетки Дивовой, Наташею, и лицемъ, представлявшимъ старосту. Эту самую Наташу я видалъ проживавшую въ томъ же Соколовѣ въ 1869 году, уже превратившуюся въ дряхлую и ворчливую старушонку и въ «ваше высокоблагородіе»: она стала вдовою какого-то чиновника, дослужившагося до колежскаго ассесора или до надворнаго совѣтника, и поэтому величала себя полковницею. Французскіе эмигранты-роя-

листы, и безъ того принятые съ распростертыми объятіями въ началѣ текущаго столѣтія знатью обѣихъ столицъ, чувствовали себя въ Соколовѣ какъ въ родной имъ стихіи, по причинѣ Парижскихъ привычекъ его хозяевъ, и признательные нахлѣбники передали потомству о счастливыхъ часахъ и дняхъ, проведенныхъ въ этомъ эльдорадѣ, въ виршахъ, которыми можно любоваться и по сіе время въ альбомахъ, сохранившихся въ семействѣ Дивовыхъ. Воображаю себѣ, сколько charmants en vérité и délicieux à l'impossible привѣтствовали счастливыхъ піитовъ! Но вотъ сцена и времена измѣнились, и въ Отечественную войну, когда войска наши, предоставивъ первопрестольный градъ горькой его судьбѣ, потянулись по Коломенской дорогѣ, Николай Адріяновичъ, уже офицеромъ въ гвардейской пѣшей артиллеріи, отпросился на пару дней въ свое Соколово, гдѣ, собравши крестьянъ, онъ одушевлялъ ихъ вооружиться чѣмъ попало и нападать при возможности на непрошенныхъ гостей и басурмановъ. Они послушались, кажется, молодаго своего барина и кромѣ сего такъ обрадовались его посѣщенію, что притащили въ его роту (по теперешнему батарею) всякаго рода живности. Повторяю прежнее мое замѣчаніе, что три четверти вѣка назадъ между истинными барами и крѣпостнымъ ихъ людомъ существовали патріархальныя и какъ бы кровныя отношенія. Въ понятіяхъ мужиковъ образъ ихъ господина сливался съ должнымъ повиновеніемъ Божьему закону, и чувство это могло быть послѣдовательнымъ отголоскомъ, хотя и слабымъ, прежней народной долготерпимости во время мукъ и бѣдствій отъ руки грознаго царя-мучителя, на жизнь котораго никто изъ его подданныхъ ни разу не покусился. Явленіе это иностранными историками и иными изъ нашихъ соотечественниковъ, ошибочно приписывается къ рабской трусости или инерціи. Такъ однакоже оно было, и только этою нравственною неиспорченностію объясняется рѣдкость крестьянскихъ возстаній противъ помѣщичьяго гнета. Но о семъ довлѣетъ.

Итакъ, позднею осенью 1842 года, я готовился ѣхать въ Питеръ. Все было уже уложено, чемоданы вынесены въ тарантасъ, и почтовыя лошади давно уже стояли на дворѣ; а у меня все еще шло по старой (или точнѣе по возобновившейся) привычкѣ прощаніе съ провожавшими меня друзьями, при пробочной пальбѣ Шампанской батареи. Вдругъ вбѣгаетъ мой камердинеръ Василій Ваваевъ (изъ бывшихъ альтовъ пѣвческаго моего хора) съ извѣстіемъ, что самый большой чемоданъ, гдѣ находилось все мое бѣлье и часть платья, украденъ изъ тарантаса. Дѣло было ночное и, при отсутствіи надзора, можно было подозрѣвать въ кражѣ кого нибудь изъ мастеровыхъ и рабочаго люда

жившаго на нашемъ дворѣ. Пришлось поневолѣ отложить поѣздку и экипироваться заново почти что съ ногъ до головы: вещь затруднительная, такъ какъ я перебивался съ копѣйки на копѣйку (какъ обыкновенно) и кое-какъ сколотилъ, съ помощію Леона, нѣсколько сотъ рублей на первыя мои Петербургскія издержки. Обстоятельство это покажется, быть можетъ, довольно страннымъ послѣ того что̀ я сказалъ, что на моихъ проводахъ Шампанское лилось рѣкою; но оно бралось *а бонъ кредитъ* у моего пріятеля Пиколи; а у модныхъ тогдашнихъ портныхъ, Лижеро̀ (преемникъ Сатіаса), Шеллинга, Тепфера, Занфтлебена и проч. артистовъ портняжнаго дѣла кредита у меня не было. Остальная часть ночи до бѣлаго дня прошла въ явкѣ въ частный домъ, куда я самъ ходилъ съ Ф. Ф. Путо̀, о пропавшемъ имуществѣ; но всѣ розыски, какъ бываетъ въ большинствѣ случаевъ, ни къ чему не привели. Спустя нѣсколько дней, я отправился однако въ Петербургъ съ сказаннымъ моимъ камердинеромъ въ маль-постѣ и поселился на зиму въ весьма элегантномъ, маленькомъ апартаментѣ, въ меблированныхъ комнатахъ артистки Французской труппы г-жи Коррежъ, на углу Большой Морской и Кирпичнаго переулка, въ домѣ тогда Жако̀, надъ самымъ рестораномъ Леграна (впослѣдствіи Дюссо̀). Случилось на мое счастіе, что почти одновременно З. С. Дивова также переѣхала на всю зиму въ Петербургъ и заняла нижній этажъ дома Потапова (впослѣдствіи Вонлярлярскаго), также на Большой Морской, по въ ея продолженіи за Исакіевскимъ соборомъ, съ правой стороны. Кузина моя была тогда въ большихъ фондахъ и, склонная по натурѣ къ расточительности, жила хотя не открыто, но пышно, то, что̀ по французски весьма мѣтко выражается «un ordinaire très coûteux». Конечно, въ числѣ ея расходовъ непослѣднюю роль играли туалетныя издержки, а изъ главныхъ были столъ съ экстренными гастрономическими аксесуарами изъ магазиновъ Елисеева и Смурова. Я ежедневно обѣдалъ у нея, что̀ уже составляло порядочную для меня экономію. Но сверхъ сего она пристрастилась къ недавно вошедшему въ моду преферансу, и каждый вечеръ акуратно я участвовалъ въ ея партіи дома или въ гостяхъ у Маріи Павловны Сумароковой [1]), принимавшей разъ въ недѣлю, или у княгини Варвары Сергѣевны Голицыной, или у дочерей послѣдней, Варвары Павловны Чичериной [2]),

---

[1]) Марія Павловна Сумарокова жила на Большой Милліонной, въ домѣ Аренда, каковую квартиру она по сю пору (1872 г.) занимаетъ. Ей теперь не менѣе 90 лѣтъ, но глаза на столько еще ей служатъ, что прошлой зимой она связала шерстяное одѣяло для Н. А. Дивова, при чемъ написала ему, что это уже послѣднян ея работа.

[2]) Павелъ Александровичъ Чичеринъ былъ ротмистромъ въ конногвардейскомъ полку.

или у княгини Маріи Семеновны Черкасской [1]). Зинаида Сергѣевна весьма плохо тогда играла и каждодневно проигрывала, но ей это было все равно: она любила процессъ игры и ничего болѣе. Правда, что мы играли не по большой, по 3 коп. пуэнъ (кушъ незначительный по счету стараго преферанса и вдвое меньше противъ усиленнаго счета нынѣшней табельки); а такъ какъ я всегда игралъ осторожно и не рискуя, то въ общемъ мѣсячномъ итогѣ пользовался крохами, падавшими отъ этой картежной трапезы, что̀ составляло мнѣ въ иной мѣсяцъ до 10 и болѣе рублей сер. Это уже было подспорьемъ для меня; но кромѣ того щедроручная моя кузина дарила меня нерѣдко разными недешевыми принадлежностями мужскаго туалета, и всю эту зиму я былъ одѣтъ, какъ Парижская модная картинка.

Касательно же вышепомянутой, прелестной и умершей во цвѣтѣ лѣтъ, Варвары Павловны Шереметевой, вотъ что случилось съ нею въ концѣ зимы. Мужъ ея, Василій Сергѣевичъ, былъ адъютантомъ при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ; она была вхожею и любимицей у всѣхъ лицъ царской семьи, и ее вмѣстѣ съ мужемъ приглашали на маленькіе интимные вечера, на которыхъ не всегда бывали лица обоего пола первыхъ 4-хъ классовъ. Однажды, на масляницѣ, когда Варвара Павловна готовилась ѣхать во дворецъ на утренніе блины, къ ней подкинули младенца женскаго пола, въ корзинкѣ, при запискѣ, что онъ не былъ еще крещенъ. Дѣтей у нея никогда не было, и привязчивое ея сердце обрадовалось неожиданному случаю, обязывающему ее взять ребенка на воспитаніе. Но какъ въ эту минуту надо было ей одѣваться, чтобы ѣхать во дворецъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ она не хотѣла откладывать крещеніе новаго ея пріемыша, то попросила находившагося тутъ своего отца, князя Павла Алексѣевича Голицына, немедленно послать за священникомъ и самому быть воспріемникомъ отъ купели младенца, что̀ достойный князь Голицынъ съ готовностію исполнилъ. Между тѣмъ, едва пріѣхали они во дворецъ, какъ вѣсть о случившемся у нея въ домѣ уже разнеслась (а быть можетъ, что она сама разсказала о томъ первымъ попавшимся ей тамъ знакомымъ), и первыя слова N. N., когда онъ подошелъ къ ней, были: «Je vous remercie, Варвара Павловна, de ce que vous avez recueilli ma progéniture [2]). Шутка эта относилась къ городскимъ вздорнымъ слухамъ, которые приписывали N. N. цѣлый рой незаконнорожденныхъ дѣтей.

---

[1]) Мужъ ея, князь Петръ Дмитріевичъ Черкасскій, дальній мой родственникъ, служилъ тогда въ Коммиссіи прошеній.

[2]) Благодарю васъ, Варвара Павловна, что вы приняли одного изъ моихъ дѣтей. Дѣвочка эта названа была Варварою Павловной, именами супруговъ Шереметевыхъ,

Послѣ новаго 1843 года, меньшая дочь княгини Варвары Сергѣевны Голицыной, княжна Марія Павловна, была помолвлена за Владимира Яковлевича Скарятина, бывшаго уже на хорошей по службѣ дорогѣ и страстнаго истребителя медвѣдей, за каковую охоту онъ поплатился, года два тому назадъ, жизнію.

Однимъ изъ частыхъ партнеровъ Зинаиды Сергѣевны былъ Спигизмундъ Венедиктовичъ Мерхелевичъ, тогда еще полковникъ гвардейской артиллеріи. Съ нимъ мы познакомились у М. П. Сумароковой, на вечерахъ у коей бывали артиллерійскіе штабъ и оберъ-офицеры, въ томъ числѣ полковники Баранцевъ и Лутковскій (мужъ прехорошенькой особы), вѣроятно, потому что братъ ея, Сергѣй Павловичъ, командовалъ тогда всею гвардейскою артиллерію [1]). Пріѣзжалъ иногда въ Петербургъ поселившійся въ Москвѣ одинъ изъ интимнаго кружка Зинаиды Сергѣевны молодой виконтъ Жюльвекуръ, женатый на вдовѣ Лидіи Кожиной, урожденной Всеволожской. Онъ принадлежалъ къ числу Французскихъ литераторовъ новой школы, но избралъ своею спеціальностію сюжеты и типы изъ Русской жизни и Русскаго высшаго общества. Какъ салонный человѣкъ, графъ Жюльвекуръ былъ весьма любезенъ, но какъ беллетристъ, хотя и не совсѣмъ бездарный, не могъ соперничать съ тузами, подобными Бальзаку, Еженю-Сю, Сулье, Дюма, Жюлю Сандо и проч. [2]). Впрочемъ, говорю по наслышкѣ; самъ же я не полюбопытствовалъ читать его повѣсти.

Хлопоталъ я, гдѣ слѣдовало, о сложеніи денежнаго взысканія по подряду на продовольствіе Московскаго госпиталя, и хотя имѣлъ поддержку въ Павлѣ Александровичѣ Вревскомъ (пребывшемъ до конца жизни неизмѣннымъ моимъ другомъ), но въ первыхъ мѣсяцахъ 1843 года получилъ отказъ. Обстоятельство это пока не угрожало еще моему имѣнію, такъ какъ отвѣтственность падала первоначально на дома, представленные въ залогъ, а за мои Порзни взялись бы только тогда, когда цѣнность залога оказалась бы недостаточною.

удочерившихъ и обезпечившихъ ее хорошимъ состояніемъ. Такъ какъ въ семейномъ кругу Шереметевыхъ и Голицыныхъ ее звали „*baby*“ (Англійское слово, обозначающее груднаго ребенка), то это прозваніе и осталось за нею и понынѣ, хотя ей уже теперь подъ 30 лѣтъ.

[1]) Сергѣй Павловичъ Сумароковъ (позднѣе графъ) не получалъ еще тогда огромнаго наслѣдства отъ роднаго или двоюроднаго брата его жены Мурузи, поселившагося и умершаго въ Венеціи. Сергѣй Павловичъ жилъ въ наемномъ домѣ въ Бассейной улицѣ.

[2]) Онъ умеръ отъ аневризма въ Москвѣ, въ концѣ 40-хъ годовъ, оставивъ одну малолѣтнюю дочь, умершую въ 1854 году. Графиня Жюльвекуръ, умная весьма и пріятная женщина, еще жива.

Бывалъ я у старыхъ своихъ знакомыхъ Шатиловыхъ, но рѣже чѣмъ въ 1840 году; да и вообще я мало пускался въ эту зиму въ большой Петербургскій свѣтъ и кое-когда бывалъ только у князя Петра Дмитріевича Черкасскаго и Авраама Сергѣевича Норова.

Ежедневно являлся къ обѣду Зинаиды Сергѣевны Левъ Андреевичъ Лебрюнъ (Lebrun), почтенный старецъ неопредѣленной національности [1]). Суворовскій старый ординарецъ, нынѣ въ темнорусомъ парикѣ съ хохломъ, въ баснословно-высокомъ галстукѣ, въ которомъ утопалъ его подбородокъ и всегда гладко выбритый, онъ отказывался рѣшительно старѣть и заявилъ намъ однажды, что чувствуетъ въ себѣ силу быть настоящимъ мужемъ любой женщины. Онъ тогда только открылся Зинаидѣ Сергѣевнѣ, что былъ влюбленъ въ нее съ 1826 года, когда она выходила замужъ [2]).

Къ концу зимы прибыли въ Петербургъ покончившіе въ остальной Европѣ артистическую свою карьеру, почти безголосые, Рубини и Тамбурини; тѣмъ не менѣе производили они восторгъ въ концертахъ, или данныхъ въ залѣ Дворянскаго Клуба. На одномъ концертѣ или балѣ въ Дворянскомъ Клубѣ, когда я стоялъ прислонившись къ колоннѣ, мимо меня прошла вся царская семья. Нѣсть льсти на языцѣ моемъ (да и съ какой стати льстить по прошествіи 30 лѣтъ?), но по истинѣ скажу, что мнилось, какіе-то идеальные типы, доступные только художнику, пронеслись передъ моими глазами. За величавыми фигурами вѣнценосной четы (покойная императрица, при всей своей худобѣ, была граціознѣйшею женщиною, а о Государѣ и говорить нечего, хотя выдававшійся впередъ животъ уже портилъ немного его статность), мелькнули, въ разстояніи какого-нибудь аршина отъ меня, всѣ три царскія дочери, изъ коихъ Ольга и Александра Николаевны казались созданіями не отъ міра сего, особливо вторая. Это былъ единственный разъ, что я видѣлъ вблизи ея эѳирную фигуру, ея ангельскій ликъ съ дѣтскимъ почти еще отпечаткомъ; но призракъ этотъ и понынѣ рисуется въ моей памяти. Что до великой княжны Ольги Николаевны, то бюстъ ея могъ присниться одному лишь ваятелю древнегреческаго искусства. Нѣкто Валентини, талантливый Итальянскій акварельный портретистъ, мой тогдашній сосѣдъ въ меблированныхъ комнатахъ г-жи Коррежъ, особенно восхищался поставомъ ея шеи (l'attacco del collo),

[1]) Таковымъ я его зову, потому что отецъ его былъ Французъ, а мать Итальянка. Самъ же онъ родился въ Римѣ, воспитывался въ Германіи, въ Мюнхенскомъ военномъ училищѣ, послѣ чего поступилъ на службу сначала въ Варшаву, а потомъ въ Петербургъ.

[2]) Г. Лебрюнъ прожилъ еще до 1853 года, продолжая служить помощникомъ г. Лабенскаго, директора въ первомъ отдѣленіи Императорскаго Эрмитажа.

какъ она примыкала къ плечамъ. Великая княгиня Марія Николаевна, хотя не безусловная красавица, не портила однакоже ничѣмъ состава этой прелестной тройственности. Оттѣнялась великая княгиня цесаревна (нынѣшняя Императрица), къ которой природа не была черезъчуръ щедра; да къ тому же на лицѣ ея виднѣлись пятна.

Не говорилъ я, что осенью 1842 года поставлена была впервыя опера «Русланъ и Людмила» съ Семеновой [1]), съ теноромъ Леоновымъ (незаконнорожденнымъ сыномъ знаменитаго фортепіаниста Фильда), съ контральтомъ, извѣстною уже Петровою, съ баритономъ Артемовскимъ (недурнымъ пѣвцомъ, набравшимся немного методы пѣнія въ Италіи) и съ басомъ, старикомъ Този, у котораго дребезжалъ голосъ, и вдобавокъ онъ коверкалъ Русскія слова. Помнится мнѣ, что авторитетъ Петербургскаго музыкальнаго дѣла графъ М. Ю. Віельгорскій, заявилъ объ этой оперѣ, что «c'est une musique savante» [2]), и эта его фраза самодовольно повторялась всѣми, ни бельмесу не понимавшими въ музыкѣ. Впрочемъ, оперу эту я предпочитаю «Жизни за Царя»: она не столь томительна и длинна, и въ ней встрѣчаются отблески мелодіи, соединенной съ силой, какъ наприм. квинтетъ или секстетъ «Не сердись, славный гость» и контральтовая арія Ратмира, превосходно (это можно смѣло сказать) исполненная г-жею Петровою.

Въ области хореографіи производила тогда фуроръ Шлейфохтъ. Я ее видѣлъ въ балетѣ «Жизель». Премиленькая собою, она дѣйствительно хорошо танцовала, но куда была далека отъ нашей Москвички Лебедевой, на которую я смотрѣлъ въ 1865 году съ восхищеніемъ. Эта Шлейфохтъ была однакоже несравненно выше Андріяновой, столь превозносимой Петербургскою публикою немного позднѣе.

Въ Александринскомъ театрѣ нельзя было добиться мѣста на длиннѣйшую драму «Ломоносовъ», включавшую въ себѣ всю жизнь стихотворца, и потому-то спектакль шелъ чуть-ли не шесть битыхъ часовъ. Въ ней Каратыгинъ былъ хорошъ въ студенческомъ и академическомъ періодѣ жизни Ломоносова, но, насколько помнится мнѣ, отвратителенъ въ лицѣ Холмогорскаго молодаго рыбака. Разсказывали тогда, что въ піесѣ было мѣсто, гдѣ Ломоносовъ восклицаетъ съ негодованіемъ: «чѣмъ

---

[1]) Эта молодая и симпатичная пѣвица (которую не слѣдуетъ смѣшивать съ двумя прежними знаменитыми Семеновыми) вышла вскорѣ послѣ сего замужъ за безрукаго и безъ всякаго состоянія Наумова, молодаго человѣка изъ моихъ Московскихъ знакомыхъ, и содержала мужа своимъ артистическимъ трудомъ. Но о ней въ концѣ 40-хъ годовъ всѣ слухи замолкли.

[2]) Это ученая музыка.

же и хуже Сумарокова?» (извѣстно, что оба эти стихоторца ненавидѣли другъ друга), и что Государь будто бы повелѣлъ выкинуть эту фразу, какъ обидную для его генералъ-адъютанта С. И. Сумарокова.

Въ Февралѣ или Мартѣ пріѣхалъ совершенно неожиданно въ Петербургъ Н. А. Дивовъ. Лучше бы онъ сдѣлалъ, еслибы не пріѣзжалъ, потому что здѣсь ожидало его непріятное фіаско. Вотъ въ чемъ дѣло. Однажды въ разговорѣ его съ графомъ П. А. Клейнмихелемъ, тотъ упрекнулъ его въ томъ, что, при его способностяхъ и нестарыхъ еще лѣтахъ (ему было тогда 50 лѣтъ), онъ не служитъ, и какъ будто бы уговаривалъ его болѣе авторитетнымъ образомъ, чѣмъ бы могъ равный съ равнымъ человѣкомъ, поступить опять на службу. Такъ какъ графъ Петръ Андреевичъ былъ тогда въ апогеѣ своей силы [1]), то родственникъ мой вообразилъ себѣ, не знаю почему, что это приглашеніе было почти равносильно высочайшему желанію, вслѣдствіе чего отвѣчалъ временщику, что онъ готовъ поступить снова на службу, лишь бы онъ находился подъ личнымъ, непосредственнымъ начальствомъ его сіятельства. На это предложеніе всемогущій графъ благосклонно отвѣчалъ, что онъ доложитъ объ этомъ Государю, и полагаетъ, что никакихъ затрудненій въ дѣлѣ этомъ не можетъ быть; а такъ какъ Николай Адріяновичъ объяснилъ графу, что нужно бы ему первоначально поустроить кое-какія хозяйственныя свои дѣла, то графъ сказалъ, что ничто не мѣшаетъ ему съѣздить въ Москву недѣли на двѣ, а что въ этотъ промежутокъ онъ надѣется уладить все дѣло. Дивовъ не замѣшкался въ Москвѣ; но еще до отъѣзда туда онъ являлся къ великому князю Михаилу Павловичу (къ коему всегда имѣлъ свободный доступъ и въ каждый пріѣздъ въ Петербургъ у него обѣдалъ) доложить ему о сей новой перемѣнѣ въ его судьбѣ. Великій князь, искренно и до конца любившій своего прежняго шталмейстера, обрадовался этому извѣстію и милостиво вызвался написать особенное, рекомендательное о немъ письмо къ графу Клейнмихелю, въ коемъ было выражено, что всякое вниманіе, оказанное графомъ Николаю Андріяновичу, великій князь сочтетъ какъ знакъ вниманія, лично ему оказаннаго. Что могло быть лучше подобной обстановки? Но, какъ гласитъ Французская пословица, случается, что «qui compte sans son hôte, compte deux fois» [2]). Возвратясь въ Петербургъ, Дивовъ не-

---

[1]) Приписывали тогда покойному Государю слова, что еслибы, паче чаянія, всѣхъ его министровъ не стало, то у него есть одинъ человѣкъ, который единоличностію своею могъ бы замѣнить ихъ всѣхъ.

[2]) Кто разсчитывается безъ хозяина, тому приходится учинить разсчетъ два раза.

медленно отправился къ графу Клейнмихелю, который принялъ его хотя по прежнему ласково, но съ нѣкоторымъ на лицѣ замѣшательствомъ, и принужденъ былъ высказаться, что онъ встрѣтилъ неожиданное совершенно нерасположеніе со стороны Государя. «Впрочемъ», добавилъ графъ, «надѣюсь еще уладить это дѣло». Вотъ что, по разсказу самаго Николая Адріяновича, случилось во время его отлучки въ Москву. Когда графъ Петръ Андреевичъ доложилъ Государю о желаніи Дивова поступить опять на службу подъ его вѣдомство, Государь будто бы сказалъ наотрѣзъ: «Кто, Дивовъ? Никогда. Я не забылъ его обращенія (или что-то въ этомъ родѣ) съ братомъ моимъ Михайломъ». На это графъ Клейнмихель дозволилъ себѣ замѣтить, что о поступленіи его на службу ходатайствуетъ самъ великій князь, и съ этою цѣлію удостоилъ его (графа) собственноручнымъ письмомъ, которое онъ представилъ Государю. «Ну, да», сказалъ Государь, «это похоже на брата; но я все-таки повторяю тебѣ, что пока я живъ, Дивовъ служить не будетъ». Понятно, что послѣ этого, Николай Адріяновичъ не сталъ болѣе утруждать случайнаго своего патрона, и съ того часа началъ чествть императора Николая и живаго, и умершаго, наилучшимъ образомъ.

Слыхалъ я отъ постороннихъ людей, что, въ бытность Николая Адріяновича шталмейстеромъ при дворѣ великаго князя Михаила Павловича, онъ, сочтя себя обиженнымъ тѣмъ, что кто-то изъ его сослуживцевъ, моложе его, получилъ Анну 1-й степени, которой Дивовъ еще не имѣлъ, сгоряча написалъ будто бы рѣзкое довольно по сему поводу письмо къ великому князю, который, по добротѣ своей, не придалъ никакого значенія выраженіямъ, находившимся въ этомъ письмѣ, и даже лично просилъ царственнаго своего брата (вещь ему непривычная) объ удовлетвореніи просьбы Дивова. Но объ этомъ письмѣ Дивова какъ-то извѣстился Государь, по не отъ великаго князя, вслѣдствіе чего появился высочайшій приказъ, по которому Николай Адріяновичъ награждался орденомъ св. Анны 1-й степени, и по его прошенію увольнялся отъ службы. «Inde ira». Объ этой исторіи мнѣ, конечно, неловко было разспрашивать самого Николая Адріяновича; но жена его сказывала мнѣ, что хотя ей не помнится содержаніе этого письма, но что оно было дѣйствительно написано, и даже подъ диктантъ князя А. С. Меншикова, въ которомъ почтеннѣйшій братецъ мой тогда души не чаялъ. Не допускаю, чтобы князь Меншиковъ желалъ повредить Дивову; но онъ никогда не былъ прочь, какъ извѣстно, кольнуть поязвительнѣе кого-нибудь изъ высокопоставленныхъ лицъ; онъ же придумалъ прозвище «мудренаго» вмѣсто «мудраго», для покойнаго Государя. Зинаида Сергѣева добавляла, что, не взирая на свою тогда

молодость (ей было всего 17 лѣтъ), она умоляла мужа не отсылать этого жгучаго письма. Съ Николаемъ Адріяновичемъ былъ еще слѣдующій случай, имъ самимъ переданный мнѣ. Когда онъ просилъ Государя о разрѣшеніи сопутствовать въ 1836 г. графу Сергѣю Петровичу Румянцову за границу (въ то время, безъ высочайшаго дозволенія, Русскимъ нельзя было выѣзжать изъ Россіи), то Государь приказалъ тогдашнему Петербургскому военному генералъ-губернатору графу Эссену объявить просителю, что Государь соизволяетъ на его отъѣздъ за границу съ тѣмъ однако, *чтобы Дивовъ не обыгрывалъ графа Румянцова*. Хотя престарѣлый сынъ Задунайскаго героя дѣйствительно проигрывалъ въ Москвѣ порядочные куши людямъ амфибическаго иногда оттѣнка, афронтъ этотъ ничѣмъ не былъ заслуженъ со стороны Николая Адріяновича, и добродушному графу Эссену весьма было конфузно исполнить подобный, непріятный наказъ, но миновать этой чаши онъ не могъ. Пораженный его словами Дивовъ пошатнулся и упалъ на стулъ, къ немалому испугу исполнителя царскаго повелѣнія. Повторяю: «inde ira» Дивова противъ покойнаго Императора.

Въ началѣ Апрѣля, на Страстной недѣлѣ, я возвратился въ Москву съ Николаемъ Адріяновичемъ, въ его двумѣстномъ дормёзѣ. Проѣзжая по Большой Морской, мы слышали за собою, какъ трубилъ кондукторъ маль-поста, который трогался изъ почтамта. Это насъ подстрекнуло, и мы рѣшились во что бы ни стало, не давать почтовой каретѣ обогнать насъ до самой Москвы. Маль-постъ совершалъ тогда этотъ проѣздъ въ 60 часовъ*); а мы, давая на водку ямщикамъ по 50 коп. сер., опередили его чуть-ли не на 6 часовъ.

Въ Москвѣ засталъ я жену съ сильно разболѣвшимся пальцемъ на ногѣ, по милости какого-то неискуснаго мозольнаго оператора, доведшаго ее до того, что она уже нѣсколько времени совершенно не могла ходить. Коротко намъ знакомый докторъ Андрей Станиславовичъ Кронбергъ, часто навѣщавшій мою жену, нашелъ, что болѣзнь эта весьма серьезна и какъ не считалъ себя достаточно знающимъ по этой части, то просилъ позволить ему привезти Ѳ. И. Иноземцова. Этотъ знаменитый медикъ и хирургъ, послѣ тщательнаго осмотра, не скрылъ отъ своего коллеги, что тутъ начинается гангрена (вслѣдствіе чего пришлось бы оперировать и отрѣзать весь палецъ), однакоже добавилъ,

*) Немного позднѣе учреждена была экстра-почтная, съ двумя пассажирскими мѣстами, карета, совершавшая этотъ проѣздъ въ 48 часовъ, быстрота неимовѣрная безъ помощи паровъ и рельсовъ. За то пассажиры должны были запасаться всѣмъ съѣстнымъ, потому что экстра-почта нигдѣ не останавливалась для ихъ обѣда и чаепитія.

что не отчаявается помочь женѣ и безъ операціи. Послѣ перваго его визита жена моя вручила ему 25-ти рублевую бумажку (6 р. 75 коп. сер.), какъ платилось тогда знаменитостямъ, подобнымъ Ѳедору Ивановичу, и хотя деньги онъ принялъ, но поѣхалъ къ Ивану Антоновичу Кавецкому (повѣренному по дѣламъ матери моей и брата въ Россіи), прося его передать намъ, что, помня, сколь много все его семейство обязано фамиліи графа Бутурлина, онъ считаетъ особеннымъ счастіемъ, что въ настоящемъ случаѣ онъ можетъ быть чѣмъ-нибудь полезенъ одному изъ этого семейства. Хотя, добавилъ онъ, положеніе этой новой его пацієнтки довольно опасно, но онъ надѣется-де вылѣчить ее совершенно, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы дозволено было ему лѣчить безвозмездно, а что иначе онъ ѣздить не будетъ. Нельзя было намъ не принять подобнаго рода условія, и дѣйствительно, въ скоромъ времени онъ поставилъ мою жену на ноги. Вотъ образчикъ, каковъ былъ этотъ человѣкъ. Но при всей своей геніальности, онъ увлекался, какъ извѣстно, временными своими теоріями. Такъ наприм. было время, когда онъ приписывалъ большинство болѣзней разстройству спиннаго хребта; а нѣсколько лѣтъ спустя, причину болѣзней видѣлъ въ брюшныхъ завалахъ. Въ періодѣ этаго второго его конька, онъ самъ говаривалъ, что онъ былъ первоначально спино-земцевъ, а теперь сдѣлался брюхо-земцевъ. Не имѣя досуга поспѣвать вездѣ по огромной своей практикѣ, Ѳедоръ Ивановичъ иногда вынужденъ былъ, послѣ перваго визита, посылать вмѣсто себя одного изъ многочисленныхъ новичковъ-медиковъ, начинавшихъ карьеру подъ его покровительствомъ и при пособіи неоскудѣвавшей щедрой его руки. Эти ученики, прозванные въ городѣ Иноземцовыми *молодцами*, докладывали своему принципалу о ходѣ болѣзни пацієнтовъ, къ коимъ они были посылаемы, и безъ указанія его ничего особенно важнаго не предпринимали. Визитная плата оставалась въ пользу этой молодежи, между тѣмъ какъ больной успокоивался тѣмъ, что онъ все таки лѣчится у Иноземцова. Пріемный залъ въ его домѣ *) представлялъ по утрамъ видъ какой-то канцеляріи, гдѣ за столами сидѣли до десяти этихъ его молодцовъ, писавшихъ рецепты для приходившихъ на консултацію или записывавшихъ исторію болѣзни переданныхъ на ихъ руки пацієнтовъ. Въ неважныхъ же случаяхъ и для бѣднаго люда (лѣчившагося даромъ) молодцы дѣйствовали иногда самолично, какъ консультанты. Случилось однажды, когда Анеттина наша немного заболѣла, и другъ нашъ г. Крон-

*) На концѣ Спиридоновки, близъ Садовой и Ермолаевской церкви. Въ этомъ домѣ (нынѣ Бѣлевцевой) кончилъ страдальческую свою жизнь этотъ рѣдкій во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, не въ весьма еще глубокой старости.

бергъ, не помню почему, не пріѣхалъ, мы пригласили одного изъ этихъ Иноземцовыхъ помощниковъ, Нѣмчика, какъ теперь помню. Молодой эскулапъ, осмотрѣвъ нашу милую дѣвочку и прописавъ рецептъ для нея, обратился затѣмъ къ намъ обоимъ съ разными вопросами о нашемъ здоровьѣ; но, не довольствуясь нашимъ отвѣтомъ, что Божіею милостію мы находимся въ вожделѣнномъ здравіи, онъ все таки, какъ вѣрный послѣдователь своего наставника, просилъ позволенія перещупать наши спины, на что однакоже мы не изъявили согласія.

До возвращенія Зинаиды Сергѣевны изъ Петербурга въ Зенино, вздумалось ея супругу пошкольничать и устроить тамъ въ мою честь обѣдъ съ кутежомъ, на подобіе того, какъ онъ меня угощалъ въ Ливорнѣ въ 1838 году и въ Петербургѣ въ 1840 г. въ ресторанѣ Сенъ-Жоржа. Но на этотъ разъ имѣлось въ виду подпоить, кромѣ меня, нѣкоторыхъ солидныхъ людей въ лицѣ родного его брата Петра Адріяновича, Ивана Антоновича Кавецкаго и зятя послѣдняго, Наркиза Антоновича Обнинскаго. Кавецкому было за 60 лѣтъ, а зять былъ лѣтъ на 10 моложе его. Въ числѣ гостей были также Французъ архитекторъ Дюкрò и знакомый мой Дмитрій Львовичъ Измайловъ. Въ гастрономическомъ отношеніи, вся Москва знала, что почтенный мой *кузенъ* не ударитъ никогда лицемъ въ грязь; а что касается до прилагательнаго, сирѣчь, возбуждающаго нектара, то на этомъ пиршествѣ было гильотинировано болѣе, конечно, дюжины засмоленныхъ главъ шипучаго Кликò, Аи, Верзенѐ-Силлери и пр. и пр. Послѣдствіемъ веселаго сеанса было, что, до заката еще солнца, гости отнесены были на рукахъ, яко трупы, и уложены въ постели. Одного изъ нихъ поили ромашкою, и затѣмъ онъ проболѣлъ нѣсколько дней. Пріятель мой Измайловъ завалился въ какой-то уголъ и захрапѣлъ, а побѣдителями на полѣ брани остались мы трое, Николай Адріяновичъ, Дюкро и я. Мы даже засѣли играть въ карты. Чтò кузенъ мой остался невредимъ, это не диковина: онъ фальшивилъ, и хотя поднималъ стаканы вмѣстѣ съ нами, но не опорожнялъ ихъ наравнѣ съ нами.

Характеристика беззаботнаго и вѣчно веселаго Дюкрò очерчена уже въ разсказѣ о моемъ посѣщеніи, осенью 1840 г., П. А. Дивова, въ его Соколовѣ; доканчиваю здѣсь этотъ эскизъ. Въ молодости своей онъ былъ, помнится мнѣ, фурьеромъ (кавалерійскимъ унтеръ-офицеромъ), во времена первой Наполеоновской имперіи, слѣдовательно въ описываемый періодъ ему было подъ 60 лѣтъ; но эта ноша годовъ его ничуть не бременила, и его аллюры, жизненныя привычки и даже прямой станъ, были какъ у 30-ти лѣтняго человѣка. Уличало лишь немного

лицо, начинавшее морщиться, и бѣлокурые волоса, дѣлавшіеся уже рѣдкими. Что до его профессіи, то, если постройки не отличались у него особенною прочностію, то нельзя было ему отказать въ архитектурномъ вкусѣ, о чемъ свидѣтельствовали разныя его сооруженія въ Зенинѣ и въ Городищѣ [1]). Однажды, дѣлая разсчетъ въ Зенинѣ съ однимъ подрядчикомъ по строительной части и всегда строго соблюдая хозяйскій интересъ, Дюкро задержалъ какую-то часть уплаты за неисправность замѣченную имъ въ работѣ этого подрядчика. Мастеровой проходу не давалъ нашему Французу, настаивая: «Петръ Петровичъ, отдай мнѣ мои деньги», и Дюкро, потерявъ терпѣніе, говоритъ ему: «Пошелъ отъ меня, мой тебя не любитъ», а подрядчикъ ему въ отвѣтъ: «А на что мнѣ твоя любовь? Я вѣдь тебѣ не наложница; а ты отдай мнѣ мои деньги».

Дмитрій Львовичъ Измайловъ былъ однихъ почти со мною лѣтъ и недуренъ собою. Незаконнорожденный сынъ извѣстнаго по всей Рязанской губерніи, стараго холостяка-богача, самодура и деспота помѣщичьей власти, отставного генералъ-маіора Измайлова, злосчастный этотъ юноша не получилъ никакого воспитанія и выросъ на псарнѣ, такъ сказать, въ обществѣ доѣзжачихъ и многочисленной дворни крутонраваго своего родителя, который высѣкъ его однажды уже взрослаго съ такою, какъ передано было мнѣ, жестокостію, что его оттащили безъ всякихъ чувствъ. Не позаботившись о воспитаніи бѣднаго Дмитрія Львовича, достойный его родитель не подумалъ одинаково и объ опредѣленіи его куда-нибудь на службу, а потому пришлось записать его въ мѣщанское сословіе. Но этого мало: старикъ Измайловъ, по смерти своей, обезпечилъ будущность сына въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, обязавши по духовному своему завѣщанію законнаго своего наслѣдника и племянника графа Александра Дмитріевича Толстаго выдать 30 т. р. сер. (кажется, не болѣе) Дмитрію Львовичу. Сумму эту молодой Измайловъ получилъ отъ графа А. Д. Толстаго не сразу, а по клочкамъ, и съ большими промежутками; а между тѣмъ онъ началъ мотать въ Москвѣ во всю, какъ говорится, Ивановскую, водился съ Цыганами и Цыганками (это былъ разорительный камень соблазна тогдашней молодежи), завелъ троичныя упряжи *съ градомъ*, à la Балага [2]), и съ помощью друзей-обирателей кончилъ тѣмъ, что въ опи-

[1]) Рязанское имѣніе П. А. Дивова.

[2]) Балага былъ шикозный Московскій ямщикъ и содержатель лихихъ троекъ, счеты коего съ тогдашними модными мотами и ремонтёрами доходили до феноменальныхъ цифръ. Напримѣръ, слышалъ я, что князь Анатолій Ивановичъ Баратинскій задолжалъ ему до 10 или 12 т. р. сер. Между 1845 и 1846 годами я его видѣлъ уже смиреннымъ простымъ

сывaемое мною время (въ 1843 году), не зналъ чѣмъ существовать, и ему то и дѣло угрожало сидѣть за Иверской *). Тогда-то онъ прибѣгнулъ къ пособію моего Леона, маніею у коего было также хвататься за сомнительныя и мало предвѣщавшія успѣхъ дѣла. Но кромѣ Леона, вступился за Дмитрія Львовича и другой человѣкъ, болѣе серьезнаго направленія, на томъ-де основаніи, что графъ А. Д. Толстой не выполнилъ будто-бы, какъ надлежало, завѣщаннаго старикомъ Измайловымъ условія: обстоятельство довольно для меня сомнительное, потому что графъ Толстой (коего я зналъ лично еще полковникомъ въ 1830 году въ л.-г. Преображенскомъ или Семеновскомъ полку, хорошо не помню) всегда слылъ за хорошаго человѣка. Да и быть можетъ, что графъ Толстой съ намѣреніемъ не захотѣлъ выдать сразу столь значительный капиталъ, зная привычки молодаго Измайлова. Какъ бы то ни было, но эти господа-прожектёры записали моего Дмитрія Львовича въ одну изъ купеческихъ гильдій (тогда какъ онъ былъ на столько же свѣдущъ и способенъ къ комерческимъ дѣламъ, сколько былъ я), приставили къ нему пѣстуна-адвоката и его именемъ начали производить какія-то подрядныя операціи. Ничего изъ этого путнаго, конечно, не вышло; но по крайней мѣрѣ молодой Измайловъ могъ тѣмъ временемъ кое-какъ прозябать отрывочными десятками рублей, коими снабжалъ его Леонъ въ ожиданіи будущихъ благъ. Когда весь этотъ планъ рушился, и Дмитрій Львовичъ впалъ въ купеческую несостоятельность, то не миновалъ онъ своей участи и попалъ въ яму, за Иверской. Задолго передъ тѣмъ, еще въ Рязанскомъ имѣніи своего отца, онъ связался съ крестьянскою дѣвкою, съ коею прижилъ дѣтей; а такъ какъ, когда его наконецъ выпустили изъ подъ ареста, ему негдѣ было преклонить голову, то онъ поселился со всѣмъ своимъ незаконнымъ семействомъ въ Рязанской деревнѣ, въ домѣ натуральнаго, такъ сказать, своего тестя, на хлѣбахъ у этого крестьянина. Таковъ былъ плачевный конецъ бѣднаго Дмитрія Львовича, котораго я искренно любилъ за его простоту и доброе сердце; онъ же былъ человѣкомъ не лишеннымъ природнаго ума.

ямщикомъ, на одной изъ почтовыхъ станцій Московско-Петербургскаго шоссе. Тройка *съ градомъ* значитъ, на идіомѣ ярыхъ охотниковъ національной этой упряжи, сбруя съ бубенчиками, бляхами, бантами изъ разноцвѣтныхъ лентъ, кистями и другими вычурными кожаными украшеніями. Не могу не замѣтить мимоходомъ, что графъ Л. Н. Толстой, въ его „Война и Миръ“, попадаетъ въ анахронизмъ, говоря о Балагѣ въ Московскомъ бытописаніи до 1812 года, тогда какъ я зналъ эту ямщицкую знаменитость еще совершенно молодымъ человѣкомъ въ 1843 году.

*) Принятое у Москвичей выраженіе „спустить за Иверскую“, значитъ попасть въ арестантское временное долговое отдѣленіе, находящееся близъ Иверской часовни, подъ самымъ Губернскимъ Правленіемъ.

Отецъ его былъ одиимъ изъ послѣднихъ обращиковъ старобоярскаго самоуправства и дури знатнаго вельможи, жившаго осѣдло въ своихъ помѣстьяхъ, чудовищное исчадіе крѣпостнаго права, каковыми милыми господами изобиловалъ прошлый вѣкъ. Родъ ихъ не искоренился еще совершенно въ Александровское время, потому, быть можетъ, что высшія правительственныя очи были обращены паче всего на Европейскую тогдашнюю политику, а что дѣлалось дома составляло повидимому второстепенный предметъ государственныхъ заботъ. Разсказы о беззаконіяхъ, творимыхъ Измайловымъ и его братіею, будутъ казаться въ наше время баснословными. Слышалъ я напримѣръ, что этотъ Рязанскій деревенскій царекъ, подаривъ однажды тройку лошадей (чуть ли не съ упряжью) какому-то исправнику, снискавшему милостивое расположеніе его превосходительства [1]), тутъ же приказалъ было своимъ челядинцамъ задержать и выпороть этого исправника за то, что онъ, вопреки Русской пословицѣ, что «даренному коню въ зубы не смотрятъ,» полюбопытствовалъ было узнать этимъ способомъ о лѣтахъ подареннаго ему коренника; но экзекуція не удалась, благодаря проворству ногъ блюстителя уѣзднаго спокойствія и благочинія. Въ царствованіе Николая Павловича, Измайловъ взятъ былъ въ опеку, вслѣдствіе поданныхъ на него жалобъ. Онъ былъ старый холостякъ или бездѣтный вдовецъ. Были у него и незаконнорожденныя двѣ дочери, Екатерина и Анна Львовны. Первая вышла замужъ въ концѣ 30-хъ годовъ (и безъ вѣдома, кажется, отца), за Московскаго плацъ-адъютанта Александра Ивановича Малышева, молодчину собою, коему она принесла въ приданое весьма значительное имѣніе въ Зарайскомъ уѣздѣ. Она была, какъ видно, фавориткою у отца, не возлюбившаго, не знаю за что, вторую свою дочь, и несчастной этой женщинѣ пришлось пойти въ услуженіе. Проживая одно время въ качествѣ экономки у Ярославскаго (кажется) жандармскаго штабъ-офицера, она разсказала ему горькую свою исторію, и добродушный этотъ человѣкъ вступился было за нее и ходатайствовалъ о ней передъ графомъ Бенкендорфомъ, а послѣдній отнесся конфиденціально къ Рязанскому губернскому предводителю Алексѣю Аѳанасьевичу Ракитину, передавшему мнѣ всѣ эти подробности [2]), коего онъ просилъ убѣдить Измайлова обезпечить чѣмъ нибудь судьбу его дочери; но попытка ни къ чему не повела. Упрямый старикъ принялъ подобное вмѣшательство въ его семейныя дѣла

[1]) Измаиловъ генералъ-маіоръ въ отставкѣ, въ 1812 году, былъ начальникомъ Рязанскаго ополченія.

[2]) А. А. Ракитинъ умеръ скоропостижно, ударомъ, въ Москвѣ, во время спектакля въ Маломъ театрѣ, въ Февралѣ 1852 года.

за оскорбленіе и ссылался на непочтеніе къ нему дочери, сверхъ чего не преминулъ выставить на видъ, что когда онъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, просилъ объ узаконеніи его дѣтей, то ему въ томъ было отказано, а теперь-де правительство само требуетъ, чтобы онъ обезпечилъ одного изъ этихъ дѣтей. Позднѣе сего происшествія, Анна Львовна (женщина отличныхъ свойствъ) долго жила у Дивовыхъ надзирательницею ихъ Зенинскаго скотнаго двора по части производства продажнаго тамъ сливочнаго масла. А. И. Малышевъ давно померъ, а состояніе вдовы его Екатерины Львовны въ большомъ нынѣ разстройствѣ.

Еще въ то время, когда больная нога моей жены препятствовала ей выѣзжать и даже ходить, былъ дѣтскій балъ у Екатерины Александровны Базилевской, рожденной Грессеръ *), просившей привезти къ ней нашу Анеттину. И теперь еще свѣжа во мнѣ память того чувства отцовскаго самодовольствія и гордости которое я ощущалъ, когда, въ этотъ первый разъ въ моей жизни, я повезъ въ общество, хотя дѣтское, нашу даровитую уже дѣвочку, и какъ было для меня лестно, что ее тамъ обласкали!

Мимоходомъ упомяну, что я около того времени чуть не сломалъ себѣ шею, по милости своенравной кровной кобылы моей Паризины; по это-то ея упрямство и непослушаніе хотѣлось мнѣ, какъ старому кавалеристу, во что бы ни стало, одолѣть. Не задолго передъ тѣмъ была уже у меня схватка съ нею подобнаго рода у самыхъ Тріумфальныхъ воротъ, у Тверской заставы: ей хотѣлось возвратиться домой, а я настаивалъ вернуться въ Петровскій паркъ, гдѣ передъ тѣмъ мы парадировали. Въ это время въѣзжалъ въ городъ изъ парка Н. И. Ершовъ, тотъ, у котораго я былъ шаферомъ въ предъидущемъ году; онъ остановился посмотрѣть, чѣмъ кончится наша борьба; однакоже, не дождавшись конца, отправился докладывать женѣ моей, что онъ присутствовалъ при отчаянной схваткѣ двухъ наиупрямѣйшихъ натуръ, но еще не знаетъ, чья взяла верхъ. Нечего и говорить, что, послѣ часовыхъ, быть можетъ, усилій, я все-таки поставилъ на своемъ. Но настоящій случай не прошелъ безслѣдно для меня, какъ прежній. Кобыла моя поднялась на дыбы, а затѣмъ неожиданно опустилась и со всего размаху дала козла; я не успѣлъ, рухнулся головой объ мостовую и пробилъ себѣ голову. Не чувствуя однакоже съ горяча никакой особенной боли отъ ушиба, я снова вскочилъ на лошадь; я зналъ по теоріи

*) Родная племянница министра двора князя Волконскаго.

и по опыту, что если спустить ей этотъ капризъ, то я никогда не могъ бы уже совладать съ нею. И задалъ же я ей порку на полныхъ рысяхъ, верстъ 15 по крайней мѣрѣ за городомъ, обтирая платкомъ текущую съ головы кровь, и привелъ я ее домой всю въ мылѣ *). Однакоже, на слѣдующее утро я почувствовалъ послѣдствія моего паденія, и пришлось просидѣть дома нѣсколько дней. Приключеніе это помѣшало мнѣ участвовать въ концертѣ, данномъ Итальянскимъ пѣвцомъ г. Чіабатта (протеже князя Григорія Петровича Волконскаго). А какъ на афишкѣ стояло мое имя, то объявлено было публикѣ о причинѣ моего отсутствія, что̀ произвело нѣкоторую сенсацію.

Баритонъ Чіабатта не имѣлъ въ Москвѣ никакого успѣха, хотя былъ красивъ какъ Аполлонъ. Не то было съ пріѣхавшимъ, почти что единовременно соотечественникомъ его, теноромъ Маррасомъ. По природной малосильности его органа, онъ не могъ подвизаться на сценѣ, и въ большомъ залѣ Дворянскаго Собранія (гдѣ онъ попробовалъ было дать концертъ) голосъ его даже терялся; но въ комнатѣ, или въ небольшомъ залѣ, какъ въ домѣ Соймонова на Малой Дмитровкѣ, мелодичность или, такъ сказать, медоточивость тембра грудного его тенора и оконченность (*un fini parfait*) въ пѣніи ничего не оставляли желать. Пропѣть, какъ онъ пѣвалъ, всѣмъ извѣстную серенаду Шуберта: «De ma voix le chant plaintif» и романсъ изъ оперы «Фаворитка» «Ange du ciel», я никогда не слыхивалъ. Нерѣдко бывалъ онъ у насъ въ домѣ и на безцеремонную просьбу моей жены спѣть что-нибудь не отказывался никогда, и былъ вообще препріятный, веселый и сговорчивый господинъ. Николай Адріяновичъ, услышавъ однажды у насъ этого артиста, пришелъ въ такой энтузіазмъ (а надо знать, что братъ мой не токмо не меломанъ, но питаетъ почти отвращеніе къ музыкѣ), что убѣдительно просилъ меня привезти къ нему въ Зенино этого Итальянскаго соловья. Повезъ я туда моего пѣвца, и онъ, пропѣвъ двѣ-три аріи и дуэтъ со мною изъ новой тогда оперы «Весталка» (Меркаданте), привелъ всѣхъ въ восторгъ и получилъ изъ разщедрившихся рукъ Дивова сторублевую на серебро бумажку. На одномъ изъ концертовъ этого артиста, въ домѣ Соймоновыхъ, захотѣлось ему, ради разнообразія, угостить слушателей длиннѣйшею аріею изъ старой и почти что забытой оперы Бетховена «Фиделіо». Знатоки въ

*) Кобыла эта не знала никогда усталости. Поѣду, бывало, на ней отобѣдать въ Зенино (въ 22 верстахъ отъ Покровской заставы), возвращусь вечеромъ на полной рыси и, подъѣзжая къ моей квартирѣ, на Тверской, кобыла моя играла и была столь же почти свѣжа, какъ при отъѣздѣ. Въ 1856 году, совершенно уже слѣпая, она давала еще жеребятъ на Рязанскомъ заводѣ А. А. Болдырева.

классической глубокоученой музыкѣ могли, пожалуй, наслаждаться этимъ произведеніемъ, но мнѣ, профану, оно казалось прескучною и монотонною канителью. На томъ же или на другомъ (не помню) концертѣ, онъ пропѣлъ съ В. М. Боборыкинымъ и со мною тріо изъ оперы «Скарамуччіа», композитора Риччи, и съ нами же обоими онъ пропѣлъ, на другомъ своемъ концертѣ, въ домѣ Мартыновыхъ (въ Леонтьевскомъ переулкѣ) тріо изъ «Вельгельма Телля» [1]. Артиста этого акомпанировала всегда его жена, бѣловолосая, невозмутимая и малоговорившая Британка, собою нехороша и не дурна, и ничѣмъ не отличавшаяся, кромѣ похвальною чертою, что была по уши влюблена въ своего мужа. Дѣтей у нихъ не было.

Этой же весной осчастливилъ Москву своимъ присутствіемъ фортепіанистъ Европейской славы, Листъ. И у насъ, какъ повсюду, произвелъ онъ фуроръ. Онъ приволокнулся за прелестною В. П. Солнцевой, провозгласилъ на какомъ-то званомъ обѣдѣ тостъ за ея здравіе, послѣ чего разбилъ о полъ свой бокалъ, заявивъ, что такимъ же образомъ онъ обратитъ въ прахъ всякаго его соперника при этой царицѣ мимолетнаго его увлеченія, и затѣмъ, благосклонно принявъ дипломъ почетнаго члена Московскаго Нѣмецкаго Клуба, поднесенный ему мѣстною буржуазіею Германо-Еврейской національности, простился съ нашей гостепріимной бѣлокаменной, не приведя въ исполненіе страшной своей угрозы.

Кончаю музыкальную хронику того времени воспоминаніемъ о томъ, что одна изъ сестеръ Василія Сергѣевича Шереметева и графини А. С. Шереметевой вышла, по любви, за фортепіанную также полузнаменитость, Дёлера, числившагося при миніатюрномъ дворѣ Лукскаго герцога, каковой неравный бракъ поднялъ громкую и неодобрительную, конечно, тревогу въ высшемъ аристократическомъ лагерѣ. Выдержавъ стоически это сословное нападеніе, непрошенно вмѣшавшееся въ ея судьбу, молодая женщина недолго однакоже пользовалась своимъ счастіемъ и черезъ нѣсколько лѣтъ лишилась обожаемаго ею мужа [2].

Весною 1843 г. уволенъ былъ снова лѣчиться за границу князь Д. В. Голицынъ, а въ его отсутствіе назначенъ былъ временнымъ Московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ князь А. Г. Щербатовъ. Князь Голицынъ давно страдалъ разстройствомъ мочеваго пузыря (или

---

[1] По безсмысленному распоряженію театральной цензуры опера эта дается у насъ на сценѣ подъ названіемъ „Карлъ Смѣлый“.

[2] Это была баронесса Елисавета Сергѣевна Дёлеръ († 6 Апрѣля 1890), столь памятная своимъ умомъ, художественнымъ чувствомъ и неистощимымъ сердоболіемъ. П. Б.

каменною болѣзнію) и уже болѣе не возвращался въ любимую имъ Москву, столь много ему обязанную, между прочимъ снабженіемъ ея Мытищенскою водою и устройствомъ фонтановъ, тогда какъ прежде хорошей воды не было кромѣ Трехгорной, коею не всѣ жители могли пользоваться. Ему же обязана она и насажденіемъ Петровскаго парка. Всѣ предначертанія для блага и украшенія ввѣренной ему первопрестольной столицы не трудно было ему приводить въ исполненіе, по чрезвычайному довѣрію къ нему покойнаго Императора.

Не было въ Москвѣ, и наврядъ-ли будетъ у нея, градоначальника съ такимъ значеніемъ и административнымъ вліяніемъ въ С.-Петербургѣ, какими пользовался князь Д. В. Голицынъ. Хотя о достовѣрности всѣхъ разсказовъ, ходившихъ по городу по сему предмету, ручаться не берусь, но, допуская, что они могли быть преувеличены, остается все-таки въ основѣ ихъ немалая доля истины. Вотъ что осталось у меня въ памяти. Какой-то человѣкъ приговоренъ былъ Московскимъ Сенатомъ къ ссылкѣ или къ какому-то другому тяжкому наказанію, между тѣмъ какъ жена его, прибѣгнувши къ заступничеству князя Голицына, успѣла, повидимому, убѣдить его въ невиновности ея мужа; вслѣдствіе чего князь посылаетъ въ Сенатъ просить, чтобы прислали къ нему для прочтенія только что подписанный указъ о семъ дѣлѣ. Сенаторы, изъ личнаго къ нему уваженія, нашли возможнымъ удовлетворить это требованіе, и что̀ дѣлаетъ князь? Онъ прячетъ сенатскій указъ подъ сукно письменнаго своего стола и отправляетъ донесеніе прямо къ Государю по этому дѣлу, ходатайствуя о всемилостивѣйшемъ прощеніи обвиняемаго, и человѣкъ этотъ былъ освобожденъ высочайшимъ именнымъ повелѣніемъ. Жаль только, что онъ не заслуживалъ (какъ я слышалъ) подобной милости. А вотъ былъ также какой случай. Вздумалось было министру внутреннихъ дѣлъ, А. А. Перовскому, отправить одного изъ своихъ чиновниковъ ревизовать канцелярію Московскаго военнаго генералъ-губернатора, на что̀, хотя министръ имѣлъ законное право, но таковыхъ прецедентовъ не было никогда при князѣ Дмитріи Владимировичѣ *). Является однакоже къ князю нашъ превосходительный чиновникъ и докладываетъ ему о цѣли его пріѣзда. «Какъ», воскицаетъ князь, «меня ревизовать? Извольте,

*) Такого права министръ не имѣетъ и не имѣлъ. Не только генералъ-губернаторскую, но и губернаторскую канцелярію ревизовать можетъ только сенаторъ. *Примѣчаніе графа Д. Н. Толстого.* На это я однакоже замѣчу, что мнѣ памятно, что правитель канцеляріи Московскаго генералъ-губернатора П. Ѳ. Степановъ говорилъ при мнѣ, что министръ внутреннихъ дѣлъ присылалъ чиновника ревизовать эту канцелярію а генералъ-губернаторомъ былъ тогда князь Алексѣй Григорьевичъ Щербатовъ.

милостивый государь, немедленно отправляться обратно въ Петербургъ и сказать отъ меня вашему... (тутъ, говорятъ, что князь употребилъ крѣпкое слово), что опричь Государя Императора никто не можетъ меня ревизовать». Разсерженный этой выходкою, министръ жалуется Государю. «Я уже просилъ тебя», былъ государевъ отвѣтъ, «чтобы ты не трогалъ у меня ни Голицына въ Москвѣ, ни Воронцова въ Одессѣ» *). Но вотъ еще удивительнѣе обоихъ разсказанныхъ мною анекдотовъ. Богородскій уѣздъ изъ давнихъ временъ запутался накопленіемъ казенной недоимки; ежегодный сборъ все шелъ въ уплату недоборовъ; а въ счетъ наступившихъ сроковъ ничего не попадало, и кончилось тѣмъ, что, не взирая на частыя понужденія земскою полиціею, обезкураженные крестьяне, видя, что при всѣхъ ихъ стараніяхъ они все-таки изъ долгу не выходятъ, махнули рукою и еще меньше противъ прежняго стали платить. Исправникъ, малый ловкій и находчивый, объѣхалъ всѣ деревни (или далъ знать крестьянамъ по всему уѣзду) съ предложеніемъ, согласны-ли крестьяне собрать извѣстную сумму (нѣсколько тысячъ рублей асс.) въ его пользу, если онъ выхлопочетъ имъ сложеніе всей старой недоимки по настоящій, текущій годъ. «Отецъ ты нашъ родной», послышалось отовсюду, «всѣ мы готовы этимъ тебя поблагодарить, дай Богъ тебѣ многія лѣта; только ты не покидай насъ, бѣдныхъ сиротъ».—«Ну, а если начальство проститъ вамъ всю старую недоимку, обѣщаетесь ли вы впредь аккуратно платить, что̀ слѣдуетъ, безъ недобора?» — «Будемъ, батюшка ты нашъ, будемъ съ радостію; какъ есть, до единой полушки».—«То-то, смотрите, ребята, вы меня въ дуракахъ не оставляйте», заключилъ нашъ исправникъ и поскакалъ въ Москву. Является онъ тамъ къ князю Голицыну и послѣ обычной рапортички, что въ Богородскомъ уѣздѣ все обстоитъ благополучно, проситъ у его свѣтлости наставленія, какъ ему дѣйствовать въ данномъ случаѣ, что крестьяне совершенно уже перестаютъ платить. «Такъ надобно прибѣгнуть къ экзекуціи», говоритъ князь. «Я самъ былъ бы того мнѣнія, ваша свѣтлость; но дѣло въ томъ, что неплательщиками оказываются не то что̀ три или четыре селенія, а весь какъ есть уѣздъ, и для наложенія повсемѣстной экзекуціи потребуется, пожалуй, цѣлая дивизія; а стѣснить четыре полка въ предѣлахъ одного уѣзда вещь невозможная».—«Однако», возражаетъ князь, «что-нибудь

*) Не то уже было при князѣ А. Г. Щербатовѣ. Однажды, когда я взошелъ въ нашу канцелярію для полученія отпуска (такъ какъ я все еще числился въ ней до 1848 года) П. Ѳ. Степановъ разсказывалъ кому-то, что князь Щербатовъ выразилъ ему свое удивленіе, что онъ не получалъ еще никакого оффиціальнаго увѣдомленія о присылкѣ министерскаго чиновника для ревизіи его канцеляріи, тогда какъ слышно было, что чиновникъ этотъ уже прибылъ въ Москву.

да надо же предпринять. Ну, какъ вы думаете?» — «Я думаю, что ничего болѣе не остается дѣлать, какъ вашей свѣтлости ходатайствовать о сложеніи, буде возможно, всей старой до чиста недоимки по нынѣшній годъ, и уже затѣмъ имѣть неослабное попеченіе о недопущеніи впредъ ни одной копѣйки недоимки». Понравилась эта мысль князю. «Изложите мнѣ на бумагѣ этотъ проектъ», говоритъ онъ исправнику. Проектъ поданъ; князь, обсудивъ дѣло, рѣшаетъ самовластно простить всю старую крестьянскую недоимку, о чемъ дѣлаетъ распоряженіе въ области своего вѣдомства, а затѣмъ увѣдомляетъ запросто министра финансовъ (тогда графа Канкрина) о сдѣланномъ имъ распоряженіи. Изумленный министръ, считавшій въ своемъ бюджетѣ цифру нѣсколькихъ, быть можетъ, сотъ тысячъ рублей, въ графѣ о приходѣ, хотя еще не на лицо, но имѣющихъ мало-по-малу поступать, не вѣритъ своимъ очамъ, и какъ товарищъ его Перовскій въ предыдущемъ случаѣ, также спѣшитъ къ Государю съ жалобою на князя Дмитрія Владимировича, и что же онъ слышитъ. «Надо предполагать», говоритъ ему Царь, «что князю Голицыну, какъ ближайшему мѣстному начальнику, лучше чѣмъ мнѣ и тебѣ извѣстно все это дѣло, и если онъ на это уже рѣшился, значитъ, что не было иныхъ средствъ принудить Богородскій уѣздъ безнедоимочно уплачивать впредъ государственныя подушныя повинности». Тѣмъ дѣло и кончилось.

Переходя къ семейнымъ событіямъ, отмѣчу, что этимъ же лѣтомъ (1843 года) женился Павелъ Александровичъ Олсуфьевъ (пасынокъ тетки моей Маріи Васильевны Олсуфьевой), на баронессѣ Екатеринѣ Львовнѣ Боде, дочери тогдашняго президента Московской Дворцовой Конторы. Молодой Олсуфьевъ былъ болѣзненнаго сложенія съ юныхъ лѣтъ, и потому родители его, скрѣпя сердце, дали согласіе на его бракъ, не предусматривая изъ этого ничего хорошаго. Опасенія ихъ оправдались не позднѣе, какъ черезъ годъ.

Въ это время я разстался съ моимъ Итальянцемъ Паоли вовсе мнѣ ненужнымъ, но проживавшимъ у меня, такъ какъ я былъ долженъ ему за его службу болѣе 1000 р. сер.; при посредничествѣ добрѣйшаго Петра Петровича Пикколи онъ согласился взять съ меня документъ, но денегъ я, къ несчастію, никогда не могъ ему выплатить, такъ какъ затрудненія мои часъ отъ часу все болѣе усложнялись. По ходатайству старика Итальянца Осипа Карловича Негри, Паоли поступилъ сперва къ министру двора кн. П. М. Волконскому, а позднѣе былъ столовымъ дворецкимъ въ домѣ бывшей княгини Бѣлосельской, вышедшей замужъ за князя В. В. Кочубея.

Познакомился я тогда въ Нѣмецкомъ лѣтнемъ клубѣ (помѣщавшемся въ этотъ сезонъ у Бутырской заставы) съ Итальянцемъ, или Итальянскаго происхожденія, нѣкіимъ докторомъ Біанки, постояннымъ Кіевскимъ жителемъ, который занимался, какъ напослѣдокъ оказалось, сверхъ своей профессіи, денежными аферами. Узнавши, что я причастенъ къ комерческимъ предпріятіямъ Леона, онъ предложилъ мнѣ доставить залоги для подрядныхъ дѣлъ, чѣмъ премного обрадовалъ неутомимаго преслѣдователя химеръ, т.-е. Леона. А такъ какъ г. Біанки говорилъ намъ, что онъ спѣшилъ на открывшуюся уже Нижегородскую ярмарку для полученія денегъ съ должника-купца, то назначилъ мнѣ тамъ *ранде-ву* для устройства дѣла объ обѣщанныхъ залогахъ. Отправился я сначала съ Радзиковскимъ въ Порзни, гдѣ накуралесилъ мнѣ нѣкій Полякъ Любомирскій, рекомендованный въ управляющіе Радзиковскимъ и Леономъ. Этотъ Любомирскій задержалъ въ свою пользу (сколько припомнить теперь могу) изъ моего оброка нѣсколько тысячъ рублей асс. въ уплату данныхъ имъ (дѣйствительно) денегъ Леону на рушившееся Бородинское предпріятіе. Изъ Порзней Радзиковскій возвратился въ Москву, а я поѣхалъ одинъ въ Нижній, гдѣ еще никогда не бывалъ. Тамошній тогда военный губернаторъ, Михаилъ Петровичъ Бутурлинъ, оказалъ мнѣ всякаго рода вниманіе, хотя я вовсе не былъ съ нимъ знакомъ: онъ первый пріѣхалъ ко мнѣ съ визитомъ въ гостинницу, въ Кунавинѣ, гдѣ я стоялъ, и пригласилъ меня обѣдать къ себѣ, въ Кремлевскій дворецъ, гдѣ живутъ всегда тамошніе губернаторы[1]). Представилъ онъ меня женѣ своей, урожденной княжнѣ Шаховской, весьма привѣтливой и достойнѣйшей барынѣ, и какъ только получено было извѣстіе, что его сынъ (чуть-ли не единственный) произведенъ въ офицеры, то мы, за обѣдомъ, вспрыснули Шампанскимъ эполеты, хотя заочно, молодого гвардейца[2]). Обязательный Михаилъ Петровичъ водилъ меня по всѣмъ замѣчательностямъ вновь исправленнаго Кремля и указалъ мнѣ, между прочимъ, на одну обширную довольно башню, о коей онъ сказывалъ, что покойный государь Николай, въ одно изъ своихъ посѣщеній Нижняго-Новгорода, высказалъ ему свое желаніе отдѣлать со временемъ въ этой башнѣ рядъ комнатъ, чтобы «*когда настанетъ пора отречься ему отъ престола*, онъ могъ бы тамъ поселиться на покой, вдвоемъ съ своею *старухою*», какъ онъ выра-

[1]) Послѣ перваго моего посѣщенія М. П. Бутурлина онъ перемѣстился въ губернаторскій временный домъ въ ярмарочной части города, какъ всегда дѣлаютъ тамошніе губернаторы на все время ярмарки.

[2]) Онъ женился много позднѣе на одной изъ дочерей Николая Аполлоновича Волкова, и умеръ 5 или 6 тому лѣтъ. Нелишнимъ будетъ пояснить, что отрасль Бутурлиныхъ, къ коей принадлежалъ Михаилъ Петровичъ, не родня намъ, графамъ Бутурлинымъ.

зился). Таковы въ точности были слова Михаила Петровича. Онъ-же мнѣ передалъ, что Государь какъ бы намѣревался обратить этотъ городъ въ сильный оборонительный пунктъ [1]), «на всякій случай», чему весьма способствуетъ высокая гора, на которой стоитъ Кремль Кстати объ этой мѣстности замѣчу, что, хотя Ока повидимому впадаетъ здѣсь въ Волгу, но на протяженіи двухъ пли трехъ (кажется) верстъ воды ихъ не смѣшиваются, и въ Волжскомъ руслѣ вы видите совершенно отдѣльныя одна отъ другой струи, какъ бы двѣ паралельныя ленты, изъ чего рождается вопросъ: точно ли впадаетъ Ока въ Волгу, или не соединяются ли обѣ рѣки самостоятельно на одномъ пунктѣ.

Незабвенна для меня эта поѣздка въ Нижній тѣмъ, что я познакомился съ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ Толстымъ, директоромъ тогда Нижегородской ярмарки, человѣкомъ, имѣвшимъ впослѣдствіи весьма сильное вліяніе на мое религіозное, въ православномъ духѣ, развитіе и сдѣлавшимъ изъ меня настоящаго Русскаго человѣка, въ противуположность прежняго моего космополитизма. Перечислить все, что̀ дѣлаетъ этого человѣка замѣчательнымъ, потребовало бы слишкомъ много времени. Въ общихъ чертахъ скажу лишь о немъ, что онъ давній Славянофилъ, и въ этомъ качествѣ знако̀мъ со всѣми Славянскими нарѣчіями, въ томъ числѣ съ Польскимъ; горячій Русскій *націоналистъ* [2]), глубоко убѣжденный сынъ православной церкви, довольно близко знакомый съ церковной исторіей и отличный уставщикъ, не чуждый знанія Русской (особенно до-петровской) исторіи [3]) и разумѣющій достаточно Латинскій и Греческій языки.

---

[1]) „На всякій случай". На какой же именно? На случай возстанія Мордвы или Черемисовъ, что-ли? Это и мы слыхали отъ М. Д. Бутурлина. *Примѣчаніе графа Д. Н. Толстого.*

[2]) Этимъ желательно мнѣ выразить, что графъ Д. Н. Толстой болѣе нежели обыкновенный патріотъ, потому что у иныхъ таковыхъ патріотизмъ высказывается на не Русскомъ языкѣ, но и въ иностранныхъ совершенно взглядахъ, не говоря уже о житейскихъ привычкахъ.

[3]) Несочувствіе его къ Петровской реформѣ долго казалось мнѣ утрированіемъ свойственнаго нашему времени старо-взгляства; еще одинъ шагъ, думалъ я, и этотъ человѣкъ впадетъ въ старообрядство. Но нынѣ, съ лѣтами и при тщательномъ (хотя позднемъ) изученіи нашей народной исторіи, я отчасти дѣлаюсь сторонникомъ его воззрѣнія. Не могу нарадоваться, что я недавно уговорилъ графа Д. Н. Толстаго предпринять свою біографію, весьма интересную для современной исторіи по разнообразности служебной его дѣятельности, и какъ очевидца многихъ событій административнаго міра, и между прочимъ, гоненія на Латышей за ихъ переходы въ православіе, въ 40-ыхъ годахъ: мѣра, состоявшаяся въ угодность мѣстному Нѣмецкому элементу. Если дерево узнается по плоду, то довольно сказать о графѣ Толстомъ, что онъ некся о воспитаніи своего племянника, графа Дмитрія Андреевича Толстаго, нынѣ министра народнаго просвѣщенія и автора „Histoire du catholicisme en Russie".

Знакомство мое съ нимъ началось страннымъ довольно образомъ черезъ человѣка, вовсе не изъ нашей сферы. Это былъ тотъ самый, амфибическій Александръ Ивановичъ Розе, о коемъ упомянуто прежде въ числѣ Еврейскихъ агентовъ Леона. Хотя онъ значился по формуляру отставнымъ поручикомъ Александрійскаго гусарскаго полка, но документъ этотъ не соотвѣтствовалъ какъ-то ни его выговору, въ коемъ слышался акцентъ сыновей Израилевыхъ, ни его манерамъ; наводить же справокъ о принадлежности ему этого формуляра никому не представлялось надобности, также какъ и о бронзовой медали за 1812 годъ, украшавшей постоянно петлицу его фрака. По службѣ былъ онъ пройдохою; знавали его въ штатѣ открытой и тайной (какъ я слышалъ) Петербургской полиціи, и даже, будто бы, видали его шпіономъ въ Берлинѣ; онъ служилъ напослѣдокъ окружнымъ начальникомъ по вѣдомству Министерства Государственныхъ Имуществъ, и не запинаясь говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ, въ томъ числѣ на Французскомъ и Итальянскомъ, но на всѣхъ дурно. Онъ былъ на столько хитеръ и остороженъ, что не попадалъ подъ судъ. Розе не былъ безъ нѣкотораго юмора, какъ видно изъ слѣдующаго случая, относящагося ко времени его полицейской службы въ Нижнемъ. Тамъ былъ одинъ совѣтникъ Губернскаго Правленія, не расположенный къ нему и часто намекавшій на Израильтянское его происхожденіе. Наконецъ Розе нашъ вышелъ изъ терпѣнія и сострилъ.—«Ну что же изъ этого, что я Жидъ? Соотечественники мои продали Христа за 30 серебренниковъ, а попадись онъ вамъ въ руки, г. совѣтникъ, вы бы конечно Его такъ не продешевили.» Каково! Послѣ разгрома Бородинскаго предпріятія, въ коемъ онъ лишился нѣсколькихъ тысячъ рублей асс. (плодъ многолѣтней служебной его экономіи) онъ попалъ, черезъ чью не знаю протекцію, въ штатъ Нижегородской полиціи, гдѣ посчастливилось ему даже получить доходное мѣсто ярмарочнаго надзирателя гостинаго двора, благодаря графу Толстому. Вздумалось тогда этому Розе кольнуть своего недавняго патрона и соотчича Леона письмомъ слѣдующаго содержанія: «Любезный другъ. Зная, что ваши дѣла въ разстроенномъ положеніи и не забывая о дружескихъ нашихъ отношеніяхъ и о томъ, что все что̀ было мое, было также и ваше, хотя не все то, что̀ было ваше было и мое, не позабылъ я также и о васъ въ настоящее время, когда удалось мнѣ получить порядочное мѣсто въ здѣшней полиціи, и потому берегу для васъ открывшеюся у меня ваканцію въ будочники, каковую не замѣщу до полученія отъ васъ отвѣта». Вѣтренный адресатъ хохоталъ до слезъ при полученіи письма, да и не первымъ былъ этотъ гаерскій эпизодъ въ трагико-комической и разрушительной дѣятельности Леона Капенштейна, alias Капустина.

На Нижегородской ярмаркѣ сошелся я съ Французо-обрусѣвшимъ Московскимъ торговцемъ Эдуардомъ Дюлу [1]), человѣкомъ зрѣлыхъ уже лѣтъ, и изъ той же категоріи съ образованнѣйшимъ, имѣвшимъ прекрасныя манеры молодымъ Карломъ Осиповичемъ Негри, сыномъ Московскаго сторожила Осипа Осиповича Негри, торговавшаго въ теченіи полу-вѣка картинами и антикварными рѣдкостями въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ [2]). Изящный и талантливый, молодой Негри (имѣвшій всѣ данныя аристократическаго льва), женился около того времени на сестрѣ кондитеровъ братьевъ Педотти, управлялъ полномочно сбытомъ знаменитой тогда въ Москвѣ шелковой фабрики Рошфора и, какъ тогда носился слухъ, предназначался преемникомъ мануфактурной этой фирмы; но все это пресѣклось внезапною его смертію.

.... Къ счастію я спохватился во время и далъ тягу къ себѣ въ Порзни, накачивая во время пути свой желудокъ прохладительнымъ огуречнымъ разсоломъ. Прогулявъ въ Нижнемъ до 300 р. с., я ничѣмъ не кончилъ съ докторомъ Біанки, по причинѣ неполученія еще имъ, какъ онъ говорилъ, обѣщанныхъ залоговъ. Но онъ увѣрялъ меня, что въ Москвѣ мы покончимъ, какъ слѣдуетъ, все это дѣло. Встрѣтившись въ Москвѣ съ этимъ господиномъ, смахивавшимъ болѣе на надувательнаго аферіста, чѣмъ на дѣловаго спекулянта, мы услышали отъ него такія же обѣщанія, которыми онъ продолжалъ водить насъ за носъ, и напослѣдокъ онъ скрылся, но передъ тѣмъ выманилъ нѣсколько сотъ рублей наличными у одного знакомаго мнѣ купца Розенберга, видавшаго часто этого Біанки въ моемъ обществѣ.

Зимою того года ничего особеннаго не случилось, кромѣ моей поѣздки въ Знаменское и двухъ или трехъ-недѣльнаго тамъ пребыванія по поводу несчастныхъ родовъ моей жены; родившійся мальчикъ жилъ не болѣе сутокъ, но его успѣли окрестить. Незнающіе всѣхъ моихъ тогдашнихъ обстоятельствъ могли бы назвать меня

---

[1]) Братья Дюлу были, на сколько помнится мнѣ, Русскими дворянами, хотя занимались оптовою торговлею иностранныхъ винъ, а упомянутый Эдуардъ имѣлъ дворянскую медаль за 1812 годъ.

[2]) Старикъ г. Негри, современникъ и искренній почитатель памяти моего отца, умеръ въ 1863 году или немного позднѣе, не наживъ, должнаго быть, большого капитала наличными деньгами, одною изъ причинъ чего было то, что у него оставалось постоянно на рукахъ множество художественнаго товара; иное онъ пріобрѣталъ по высокой, почти что по аматерской, цѣнѣ.

эгоистомъ за то, что я проводилъ лѣто и зиму въ Москвѣ, между тѣмъ какъ молодая моя жена жила затворницею съ дочерью въ деревенской глуши, а въ Москву пріѣзжала на какія нибудь три, не болѣе, мѣсяца весенняго времени; но за одно это осуждать меня недолжно. Хотя изъ Порзненскаго оброка я ничего не платилъ въ Опекунскій Совѣтъ, но долженъ былъ тратить по неволѣ большія деньги на подмазку въ присутственныхъ мѣстахъ, чтобы задерживать опись и продажу моего имѣнія, а также чтобы не пускать въ ходъ поданныхъ на меня взысканій; самъ же я перебивался по прежнему изъ рубля въ рубль, и потому жить мнѣ съ семействомъ въ Москвѣ круглый годъ было невозможно.

Въ эту зиму (съ 1843 на 1844 г.) не имѣлъ я охоты посѣщать большой свѣтъ, тѣмъ болѣе, что Дивовы провели ее не по прежнему въ Зенинѣ, а въ Москвѣ, въ домѣ княгини Голицыной (и по нынѣ) на Большой Никитской. На слѣдующее лѣто они поѣхали за границу. Въ Мартѣ 1844 г. я переѣхалъ изъ дома Попова, гдѣ прожилъ три съ половиною года, въ щеголеватый, одноэтажный съ выступомъ и съ садикомъ, домикъ на Мясницкой насупротивъ заведенія братьевъ Бутеноповъ, принадлежавшій тогда Мещеринову *); а въ началѣ Апрѣля пріѣхала ко мнѣ туда жена съ дочерью и съ матерью. Прошло уже три года, что теща моя не бывала въ Москвѣ. Хотѣлось мнѣ не то, чтобы блеснуть, а обстановиться по приличнѣе, чѣмъ въ загрязнѣлой квартирѣ въ Поповомъ домѣ, и потому, сколотивши кое-какія деньженки, прикупилъ я лишнюю лошадку (къ прежней парѣ или тройкѣ), нанялъ лишняго оффиціанта, омеблировалъ, на сколько могъ, нашу квартиру, нашелъ средство доставить моей женѣ наивеличайшее для свѣтской барыни удовольствіе войти въ сношенія съ маршандъ-де-модъ и съ портнихами. И вотъ пустились мы снова въ бо-мондный міръ и даже принимали у себя. И пріятно было мнѣ удостовѣриться на дѣлѣ, что моя Екатерина Ивановна, не взирая на свое двухгодичное заточеніе среди Тарускихъ полей и лѣсовъ, отнюдь не заржавѣла, очутившись опять на коврахъ великосвѣтскихъ салоновъ. Это была веселая, мимолетная эпоха жизни моей жены, но вмѣстѣ съ тѣмъ она была и прощальною пѣснью умирающаго лебедя. Послѣ этого мы уже никогда болѣе не живали домомъ въ Москвѣ, а только бывали въ ней по нѣскольку дней, да и то рѣдко...

Такъ какъ, по изобилію великосвѣтскихъ событій весною и лѣтомъ того 1844 года, хроника этого сезона будетъ много пространнѣе

*) Этотъ домикъ остался по сю пору въ томъ же почти видѣ, какъ онъ былъ тому 28 лѣтъ.

предыдущихъ описаній Московскаго фашіонабельнаго міра, то начну съ болѣе крупнаго, а затѣмъ не стану прерывать моей фютильной болтовни о салонныхъ суетахъ.

Въ Маѣ (кажется) получено скорбное для Московичей извѣстіе о кончинѣ въ Парижѣ князя Голицына. Хотя операція литотритіи мочевого пузыря удалась, но организмъ маститаго старца не устоялъ: онъ постепенно сталъ впадать въ атонію и безъ особенныхъ (какъ говорили очевидцы) страданій угасъ. При немъ были оба его сына, Московскій молодой врачъ Алларъ [1]) и временный его секретарь г. Серебряковъ. Тѣло было привезено въ Москву и, переночевавъ въ Благовѣщенской церкви (на Тверской, рядомъ съ Глазной больницей), было предано на слѣдующій день землѣ въ Донскомъ монастырѣ, въ родовомъ Голицынскомъ склепѣ. Провожали гробъ митрополитъ Филаретъ, князь А. Г. Щербатовъ, всѣ мы, при немъ служившіе (въ парадныхъ мундирахъ) и почти все высшее Московское общество. Надгробное слово, сказанное въ церкви (а не при спускѣ гроба въ могилу) Донскимъ архимандритомъ, было, по моему, безцвѣтно, даже банально, тогда какъ боевое прошедшее этого сподвижника героевъ 12-го года и затѣмъ долголѣтняя благотворная гражданская его дѣятельность давали изобильный матеріалъ для церковнаго краснорѣчія, вмѣсто чего ораторъ все вертѣлся (помнится мнѣ) около темы «мудраго созидателя и домоправителя», да и то въ общихъ, сухихъ чертахъ. Меня отчасти горестно поразило, что знаменитый нашъ владыка, какъ многолѣтній сотрудникъ князя, не взялся за это дѣло; впрочемъ, извѣстная слабость его органа могла быть этому причиною.

Около того же времени умеръ чахоткою молодой Павелъ Александровичъ Олсуфьевъ, женившійся только что годъ передъ тѣмъ на баронессѣ Екатеринѣ Львовнѣ Боде, чего впрочемъ давно опасались чадолюбивые его отецъ и мачиха Марія Васильевна, не менѣе любившая обоихъ дѣтей своего мужа, чѣмъ своихъ собственныхъ [2]).

Приступаю къ хроникѣ о живыхъ. Починъ будетъ съ музыкальной части.

---

[1]) Молодой Алларъ, сынъ стараго лектора Французской словесности при Московскомъ университетѣ, женился позднѣе на Тульской помѣщицѣ Беклемишевой, вскорѣ послѣ сошелъ съ ума и умеръ. Онъ сопутствовалъ князю за границу, потому что прежній домашній его врачъ, А. С. Кронбергъ, будучи уже директоромъ Дѣтской больницы, не могъ отлучиться изъ Москвы.

[2]) Спустя года три, умерла и дочь Александра Дмитріевича Олсуфьева (отъ первой его жены) Дарія Александровна Миклашевская, кончина коей ускорила его собственную.

Тогда впервыя явился на Московскую арену извѣстный впослѣдствіи композиторъ и дирижёръ орфеоновъ и оркестріоновъ, князь Юрій Николаевичъ Голицынъ. Онъ былъ весьма молодъ, но уже тученъ, съ правильными чертами лица, женатъ на прехорошенькой Бахметьевой и былъ настолько мало извѣстенъ въ обществѣ, что когда я, познакомившись съ нимъ, передалъ ему, что меня просили разузнать, къ какой вѣтви Голицыныхъ онъ принадлежалъ, то онъ опредѣлилъ свою семейную спеціальность тѣмъ, что онъ сынъ Голицына-віолончелиста.

Музыкальный дебютъ его былъ тогда въ качествѣ пѣвца, и правду сказать, баритонъ его былъ недуренъ. И вотъ, подъ его эгидою, пріютились новопріѣзжіе два брата Граціани, полу-французы и полу-итальянцы *), старшій изъ коихъ былъ фортепіанистомъ, а меньшой ревѣлъ басомъ и въ годовое свое пребываніе въ Москвѣ никакого не имѣлъ успѣха. Въ ранній (великопостный) сезонъ захотѣли попытать свое счастіе, на подобіе три года назадъ знаменитой Пасты, двѣ Итальянскія оперныя, когда-то перваго разряда, пѣвицы, госпожи Шюць-Ольдози и Ронци-де-Бенисъ (послѣдняя, впрочемъ, пріѣхала по отъѣздѣ первой). И почему это самые талантливые люди заблуждаются такъ часто на свой счетъ? Г-жа Шюць-Ольдози была дѣйствительно одна изъ извѣстныхъ примадоннъ 30-хъ годовъ и даже создала во Флоренціи роль Нормы; но когда я слышалъ ее тамъ-же лѣтомъ 1838 года, въ мужской роли Ромео, въ операѣ Монтекки и Капулетти, голосъ у нея уже сильно подгулялъ. Понятно, что на ея концертѣ публика не восторгалась ею; но въ комнатѣ, за фортепіаномъ, интонація голоса была еще пріятна (когда она не форсировала ею), и въ дикціи музыкальной фразы было чувство, энергія. Я собрался было участвовать въ ея и позднѣе въ концертѣ г-жи Ронци-де-Бенисъ, но что-то мнѣ помѣшало; а на концертѣ г-жи Шюць-Ольдози отличился изъ насъ аматёровъ одинъ Ассирійскій богъ (т. е. кн. Голицынъ). Что до г-жи Ронци-де-Бенисъ, то она была въ славѣ съ послѣднихъ 20-хъ до самаго конца 30-хъ годовъ, въ каковой періодъ писались для нея оперы лучшими композиторами, въ томъ числѣ Меркаданте. Она была пріятнѣйшею и даже граціозною не по лѣтамъ женщиною, съ увлекатель-

---

Меньшая его дочь (отъ второй жены) Софья Александровна вышла за князя Шаховскаго, а молодая вдова Олсуфьева вышла позднѣе за вдовца князя Александра Сергѣевича Вяземскаго (бывшаго моимъ сослуживцемъ въ Павлоградскомъ и л.-гусарскомъ полкахъ и генералъ маіоромъ въ 1846 году). Первая жена князя А. С. Вяземскаго была Римская-Корсакова, мать коей, урожденная княжна Долгорукова, была сестра Елены Петровны Толстой, друга моей матери.

*) Слышалъ я, что ихъ отецъ былъ когда-то въ Одесской оперной труппѣ для буффовыхъ ролей, послѣ чего поселился въ Крыму, гдѣ и открылъ ресторанъ.

ными манерами и съ сохранившимися слѣдами прежней красоты. Въ этотъ же концертный сезонъ посѣтилъ Москву, превосходный молодой скрипачъ Сивори (Итальянецъ). Никогда подобной игры я не слыхивалъ: въ его рукахъ инструментъ пѣлъ. Съ прибытіемъ въ Петербургъ весною 1843-го года знаменитыхъ пѣвцовъ Рубини и Тамбурини, пріѣхала съ ними концертная пѣвица, полу-Шведка и полу-Англичанка, г-жа Остергардъ, отталкивающей наружности, но не безъ таланта. Она вскорѣ переселилась въ Москву, гдѣ и жила нѣсколько лѣтъ, пользуясь огромною практикою, какъ учительница пѣнія въ аристократическихъ домахъ и, кажется, давала уроки въ женскихъ Московскихъ институтахъ. Она была дѣйствительно мастерица своего дѣла, какъ преподавательница теоріи и школы этой науки и вдобавокъ съ прекрасными манерами въ обществѣ. Я пѣвалъ съ нею у Дивовыхъ.

Въ судьбѣ старшаго изъ упомянутыхъ братьевъ Граціани произошла значительная перемѣна.

Украшенный на подобіе содержателя гостиницы «Франція» какимъ-то иностраннымъ орденомъ въ петлицу, онъ, по отъѣздѣ своего брата-ревуна, пробавлялся или перебивался уроками на фортепіано, акомпанированіемъ пѣвцовъ и чѣмъ-то въ родѣ тапёрства для танцующихъ на вечерахъ, на которыхъ довольствовались фортепіаномъ, вмѣсто бальнаго оркестра. Затѣмъ, въ него влюбилась зрѣлая весталка Зинаида Бергманъ [1]), не смотря на то, что онъ былъ приземистаго роста и не особенно изъ себя казистъ; они бракосочетались, купили большой домъ на Пречистенкѣ [2]) и къ удивленію всей Москвы зажили въ немъ пышно и вмѣстѣ съ тѣмъ на визитныхъ своихъ карточкахъ стали именоваться графомъ и графинею Граціани. Гдѣ открыли они золотое руно или золотую руду, и какой изо всей вселенной монархъ пожаловалъ имъ графскій титулъ, осталось тайною даже до сего дня. Одно было вѣрно, что дѣвица Бергманъ не могла имѣть особенно значительнаго приданаго, а что до импровизированнаго графа, не ради же любви къ искусству или изъ смиренія онъ упражнялся дотолѣ ремесломъ салоннаго тапёра. Но такъ какъ въ большомъ и даже маломъ свѣтѣ не принято изслѣдовать объ источникѣ состоянія каждаго изъ его членовъ (обычай весьма разумный), и когда двери освѣщеннаго «à jour» танцовальнаго зала растворяются настежъ,

---

[1]) Г-жа Бергманъ (мать) была сестра князей Александра и Николая Григорьевичей Щербатовыхъ, графини Шуваловой, Скарятиной, Опухтиной и давно умершей Соловой.

[2]) Впослѣдствіи Пастасьи Николаевны Ермоловой, двоюродной сестры графини Зинаиды Граціани.

то несвойственно вламывающейся интеллигентной публикѣ распрашивать гостепріимныхъ хозяевъ: «кто вы такіе», а напротивъ, говорится: «покорнѣйше васъ благодаримъ, что вы доставляете намъ случай попринарядиться и повеселиться; а намъ, буди вамъ извѣстно, никакого дѣла нѣтъ до вашихъ антецедентовъ». И вотъ на основаніи такого свѣтскаго законодательства титулованная чета Граціани сразу получила право гражданства въ Московской высшей сферѣ.

Къ этому же времени относится и слѣдующій эпизодъ. Однажды на вечерѣ у супруговъ Мертваго, гдѣ находились мужъ и жена Граціани, хозяйка дома, замѣтивъ, что графъ Граціани какъ будто бы скучаетъ, подозвала свою пріятельницу Анну Сергѣевну Цурикову [1]) и говоритъ ей: «Ma chère Annette, faites donc quelque chose pour amuser le comte Graziani [2]). Услыхавъ это, остроумная княгиня Ольга Петровна Мещерская [3]), тутъ находившаяся, не вытерпѣла и замѣтила Сусаннѣ Александровнѣ: «Il paraît donc, madame, que les roles sont intervertis; avant c'était m-r Graziani qui amusait la société, et à présent c'est la société qui doit amuser m-r Graziani» [4]).

Но я нарушилъ хронологическое изложеніе событій. Причисляя медика А. С. Кронберга къ близкимъ людямъ моего семейства, упомяну мимоходомъ, что онъ женился этимъ лѣтомъ на меньшой дочери г-жи Севенаръ, содержательницы одного изъ лучшихъ въ Москвѣ женскихъ учебныхъ заведеній. Долголѣтнею педагогическою своею дѣятельностію труженица эта не пріобрѣла ничего, чѣмъ бы обезпечить свою старость, кромѣ возможности дать приличное воспитаніе двумъ своимъ дочерямъ, старшая изъ коихъ была уже тогда замужемъ за нѣкіимъ Арсеньевымъ, служившимъ въ канцеляріи Московскаго военнаго генералъ-губернатора; но и этотъ зятёкъ не былъ находкою и перебивался съ трудомъ, хотя былъ у него дядя той же фамиліи сенаторомъ и имѣлъ свой домъ на Мясницкой. Г-жа Севенаръ выросла и въ молодыхъ лѣтахъ вращалась въ кругу Разумовскихъ и тому подобной Петербургской знати, обстоятельство, оставившее навсегда печать на ея обращеніи въ свѣтѣ и разговорахъ. Мужъ ея, когда-то учитель фехтованія, ничего также не нажилъ и взялъ на себя экономическую часть по пансіону жены. Оба они были отличные люди.

---

[1]) Этотъ анекдотъ относится по всему вѣроятію ко времени, когда Анна Сергѣевна Цурикова, будучи препоручена ея родителями (не жившими постоянно въ Москвѣ) попеченію Сусанны Александровны Мертваго, жила у нея въ домѣ.

[2]) „Милая Анюта, постарайтесь чѣмъ нибудь развеселить графа Граціани.

[3]) Рожденная княжна Козловская.

[4]) Роли повидимому измѣнились: прежде требовалось отъ г. Граціани, чтобы онъ веселилъ общество, а нынѣ насталъ черед обществу веселить г-на Граціани.

Болѣе прочихъ открыто жили тогда какая-то г-жа Столыпина и упомянутые выше Базилевскіе. О личности первой весьма мало мнѣ извѣстно, такъ какъ, когда я поселился въ Москвѣ, о ней не было еще слуховъ, и только передъ настоящимъ мною описываемымъ періодомъ, она купила домъ у Антишія, близъ Колымажнаго двора въ переулкѣ. Изъ себя она была видная и свѣжая, хотя не первой уже молодости, женщина, и о ней отзывались какъ о добрѣйшемъ существѣ. Мужъ ея былъ человѣкъ почтенныхъ уже лѣтъ; впрочемъ онъ на жениныхъ балахъ не показывался, да и я хорошо не помню, видалъ-ли я его или нѣтъ. О Базилевскихъ я не договорилъ, когда о нихъ шла рѣчь. Самъ Петръ Андреевичъ, вопреки своему камергерскому ключу, шибко напоминалъ Мольерова «Мѣщанина во дворянствѣ». Онъ принималъ фашіонабельную публику по утрамъ въ женіномъ кабинетѣ и въ бархатной зеленой ермолкѣ, шитой серебромъ. Ермолка эта получила впослѣдствіи нѣкоторую общую извѣстность тѣмъ, что во время процедуры надъ ея хозяиномъ а-ла-Шешковскій, камердинеръ нашего камергера, дабы придать себѣ болѣе важную осанку и отождествиться съ своимъ бариномъ, облекся, какъ гласила молва, въ халатъ и ермолку своего господина [1]). Въ Московскомъ его домѣ была довольно замѣчательная коллекція произведеній новѣйшихъ художниковъ, имъ когда-то собранная за границею. Былъ онъ также лошадиный охотникъ и садился иногда на козлы коляски, на манеръ Англичанъ, но съ тою разницею, что Британцы въ этихъ случаяхъ управляютъ сами лошадьми (цугомъ отъ 4 до 6 коней и безъ форейтора), а нашъ Москвичъ, не довѣряя своему иппофильскому искусству, передавалъ возжи сидѣвшему рядомъ съ нимъ кучеру въ ливреѣ и въ штиблетахъ, а самъ довольствовался держать въ рукахъ длинный бичъ.

Появилось тогда въ рукописи сатирическое сочиненіе подъ названіемъ «каталогъ Московскаго общества» [2]), гдѣ, въ числѣ множества

---

[1]) П. А. Базилевскій былъ высѣченъ крѣпостными его людьми за жестокое съ ними обращеніе (мѣсто происшествія было въ деревенской глуши одного изъ его имѣній), послѣ чего они же взяли (какъ тогда разсказывали) съ него подписку, что онъ дѣйствительно былъ сѣченъ ими, на тотъ-де конецъ, что если бы онъ захотѣлъ изъ мщенія отдать кого нибудь изъ нихъ въ рекруты безъ очереди, то они могли бы тогда предъявить начальству этотъ документъ въ доказательство, что баринъ имъ мститъ. Разсчетъ оказался, помнится мнѣ, вѣрепъ; неочередная отдача въ солдаты состоялась, и вслѣдъ за тѣмъ появилась на свѣтъ росписка, послѣдствіемъ коей было, что по высочайшему повелѣнію запрещено Базилевскому впредъ владѣть недвижимымъ имѣніемъ, каковое все передано было его сыну, а ему самому назначено мѣстожительство въ Остзейскихъ провинціяхъ, но потомъ разрѣшено переѣхать въ Парижъ, гдѣ, кажется, онъ и умеръ.

[2]) Прецедентъ подобнаго пасквиля (Catalogue de la société de St-Pétersbourg) былъ однажды въ Екатерининское время, какъ читается въ Запискахъ Энгельгардта, и

пошлаго, были однакоже и удачныя эпиграммы [1]). Составителями сатиры заподозрѣвались графъ Саліасъ-де-Турнемиръ и хромой Петръ Ивановичъ Фроловъ, личность которую непремѣнно опишу дальше. По поводу ли пререканій между двумя сказанными господами объ ихъ будто бы авторствѣ или по другой причинѣ, трудно теперь мнѣ припомнить, но они вцѣпились другъ въ друга на гуляньи въ Петровскомъ паркѣ. Графъ Саліасъ, слѣзшій съ лошади, отхлесталъ П. И. Фролова, а послѣдшій принялся дубасить Французскаго графа своею неразлучною (по причинѣ хромоты) палкою и, обломавъ ее въ дребезги, подалъ будто бы эти остатки своему противнику при словахъ: «Дарю вамъ эти обломки для храненія въ вашемъ Турнемирскомъ замкѣ.» А затѣмъ послѣдовала между нимп дуэль на пистолетахъ, въ коей былъ раненъ (но не тяжко) графъ Саліасъ.

Намъ всѣмъ однакоже ничего не было сначала извѣстно объ этой исторіи. Мы (мужская молодежь общества) сильно были заняты приготовленіями бала по подпискѣ (по 25 р. сер., помнится мнѣ, съ человѣка, а дамы *gratis*), который давали мы Московскому женскому обществу. Мы выпросили (или наняли, не помню) огромный, въ родѣ Ноева Ковчега, балаганъ въ Сокольникахъ, бывшій когда-то вокзаломъ дачниковъ и кое-какъ (довольно однакоже элегантно) украсили внутренность и лѣстницу оранжерейными растеніями. При входѣ въ залъ стояли изъ членовъ-распорядителей я и Аполлонъ Николаевичъ Волковъ [2]) для встрѣчи дамъ, каждой изъ коихъ мы вручали по букету. Въ самомъ разгарѣ танцевъ, находившійся въ числѣ приглашенныхъ одинъ изъ младшихъ полицмейстеровъ полковникъ Верещагинъ (отличный былъ онъ человѣкъ и не изъ хапуновъ), препоручивъ кому-то единственную свою дочку, коей, какъ сиротѣ по матери, рѣдко доставалось удовольствіе выѣзжать въ общество [3]), внезапно исчезъ. Подъ конецъ только бала мы узнали о дуэли графа Саліаса съ г. Фроловымъ и что по этому случаю потребованъ былъ Верещагинъ. Празднество наше удалось какъ нельзя лучше за исключеніемъ непріятности, бывшей его послѣдствіемъ и состоявшей въ томъ, что одинъ изъ

за него пострадали будто-бы мой отецъ и его сестра Елисавета Петровна Дивова. Обстоятельство это однакоже не подтверждается нашими семейными традиціями. Въ этомъ пасквилѣ было между прочимъ сказано о князѣ Безбородкѣ: „le chancelier nouveau, relié en veau.“

[1]) Хотя нныя изъ нихъ я помню, но да проститъ читатель мое уклоненіе отъ повторенія ихъ на бумагѣ, такъ какъ многія изъ затронутыхъ лицъ еще по сю пору въ живыхъ и съ Божіею помощію могутъ здравствовать на многія лѣта.

[2]) Нынѣ Рязанскій вице-губернаторъ.

[3]) Прехорошенькая была эта дѣвушка: портилъ ее только черный цвѣтъ зубовъ.

членовъ-распорядителей (имя его не желаю выставить, но ручаюсь, что это не А. Н. Волковъ), кому вручена была часть изъ собранныхъ денегъ на уплату съемщику буфета и стола, по фамиліи Уварову, проигравъ эти деньги въ карты, водилъ за носъ съемщика-кондитера до того, что тотъ намѣревался жаловаться генералъ-губернатору; но дѣло обошлось однакоже безъ скандала.

Хотя выше у меня находится довольно подробный перечень женской части тогдашняго общества, но въ немъ почти вовсе не говорится о молодомъ мужскомъ его составѣ, каковой пробѣлъ требуетъ быть дополненнымъ. О князьяхъ А. М. Хилковѣ, А. П. Хованскомъ, К. А. Черкасскомъ и о нѣкоторыхъ другихъ я уже говорилъ; но пропущены слѣдующіе: Юрій Ѳедор. Самаринъ, блистательно кончившій недавно передъ тѣмъ университетскій курсъ и предвѣщавшій уже то, чѣмъ впослѣдствіи онъ оказался, Аполлонъ и Левъ Николаевичи Волковы [1]), Алексѣй Сергѣевичъ Пушкинъ [2]) князь Николай Сергѣевичъ Вяземскій, князь Яковъ Григорьевичъ Голицынъ [3]), графъ Николай Петровичъ Апраксинъ [4]), молодой князь Четвертинскій (красивѣйшій гусарскій офицеръ, какихъ только можно было видѣть); князь Левъ Михаиловичъ Голицынъ, который могъ бы быть красавцемъ, еслибы не чрезмѣрная его тучность [5]); князь Шаховскій, не военный и видный изъ себя мужчина [6]); баронъ Левъ Львовичъ Боде [7]); Шеппингъ [8]), нѣкій Хвостовъ, исполинскаго роста брюнетъ; Мартыновъ (бывшій кирасиръ и женившійся около сего времени на миловидной Ушаковой); князь Левъ Гагаринъ (извѣстный читателю повѣса, тотъ что̀ изъ - за пари чуть не сбилъ съ ногъ Императора Николая Павловича, за что и по-

---

[1]) Л. Н. Волковъ женился позднѣе на княжнѣ Маріи Михайловнѣ Голицыной, дочери построившаго Московскую Голицынскую галлерею. По поводу этой постройки замѣчу мимоходомъ, что за границею строютъ по необходимости „пассажъ“, тамъ гдѣ нѣтъ возможности прорѣзать улицу; а здѣсь, напротивъ, уничтожили улицу (правда, что изъ однихъ заборовъ), чтобы соорудить этотъ „пассажъ.“

[2]) Женившійся позднѣе на дочери князя Николая Ив. Трубецкаго.

[3]) Гусарскій армейскій офицеръ и ремонтёръ, никогда по бывшій женатымъ и застрѣлившійся въ припадкѣ ипохондріи не въ старыхъ еще лѣтахъ.

[4]) Долго былъ Владимирскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, старый понынѣ холостякъ.

[5]) Былъ адъютантомъ при герцогѣ Максимиліанѣ Лейхтенбергскомъ и умеръ очень молодымъ.

[6]) Женился на красавицѣ, княжнѣ Четвертинской и долго былъ Серпуховскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

[7]) Умеръ въ Крыму офицеромъ Подольской дружины Московской губерніи.

[8]) Сынъ Маріи Дмитріевны, рожденной Чертковой; позднѣе онъ женился на Языковой.

платился, помнится мнѣ, заключеніемъ въ крѣпости); Сухово-Кобылинъ (братъ графини Салiасъ и извѣстный, какъ бывшій подъ судомъ въ началѣ 50-хъ годовъ по обвиненію въ убіеніи его людьми Француженки Симонъ, онъ же и авторъ комедіи «Свадьба Кречинскаго»); князья Евгеній и Владимиръ Александровичи Черкасскіе (первый изъ нихъ былъ тогда адъютантомъ при генералѣ Каблуковѣ, а вторый только что окончилъ университетскій курсъ); Алябьевъ, достойный по наружности братъ красавицы Киреевой; нѣкто Огаревъ [1]) и въ заключеніе Зембулатовъ, памяти коего не могу не посвятить нѣсколькихъ словъ.

Еслибы я родился піитой Елисаветинскаго или Екатерининскаго вѣка, когда ни одинъ панегирикъ не обходился безъ миѳологическихъ боговъ и богинь, то я всенепремѣнно сказалъ бы, что Зембулатовъ былъ олицетворенный Адонисъ или Антиной, съ тою однакоже разницею, что въ твореніяхъ Греческихъ ваятелей идеальные эти типы лишены всякаго выраженія, тогда какъ у Зембулатова не было подобнаго недостатка. Всматриваясь въ него, приходило мнѣ въ голову, что трудно любой женщинѣ устоять противъ чарующей силы этого человѣка; но не въ одномъ этомъ наружномъ преимуществѣ состояла отличительность Зембулатова отъ прочей молодежи. Онъ соединялъ въ себѣ манеры истиннаго джентельмана (a perfect gentleman), скромность въ обращеніи, игривый умъ, даръ разсказа и замѣчательный талантъ рисованія карикатуръ и даже ландшафтовъ. По темнымъ длиннымъ волосамъ, по тогдашней прическѣ *à la moujik*, бровямъ и усамъ, онъ напоминалъ южный типъ; но большіе темносиніе глаза и цвѣтъ лица обличали сына Сѣвера. Бороды онъ не запускалъ, не слѣдуя модѣ, казавшейся въ то время эксцентричною. Одна нога была у него повреждена, и я не иначе его зналъ какъ немного прихрамывающимъ, и потому онъ не былъ въ числѣ танцоровъ. Здоровье его постепенно разстроивалось, и въ концѣ 40-хъ или въ началѣ 50-хъ годовъ его постигъ параличъ, и онъ вскорѣ умеръ. Хотя я не слыхивалъ, чтобы онъ былъ игрокомъ, но житейскія его средства стали упадать наравнѣ съ жизненными силами. Онъ дошелъ до совершенной почти нищеты, и не думаю ошибиться, если добавлю, что не будь поддерживающей руки двоюроднаго его брата, Михаила Ѳедоровича Рахманова [2]), то блистательному нѣкогда Зембулатову пришлось бы, пожалуй, кончить дни

[1]) Не тотъ ли самый, что̀ позднѣе эмигрировалъ? Онъ былъ маленькаго роста и ничѣмъ, помнится мнѣ, не отличался.

[2]) М. Ѳ. Рахмановъ, старый богатый холостякъ, извѣстный гастрономъ и умнѣйшій человѣкъ, умеръ 6 Декабря прошлаго 1871 года.

въ богадѣльнѣ. Помѣщенный выше въ числѣ красавцевъ молодой Алябьевъ былъ довольно схожъ съ Зембулатовымъ, но много ниже ростомъ. Встрѣчалъ я изрѣдка въ обществѣ обѣдавшаго часто у Шевалье извѣстного Москвича Петра Яковлевича Чаадаева, но не былъ съ нимъ знакомъ и не могу формулировать никакого моего о немъ мнѣнія. Отзывы о немъ разнорѣчивы.

Мы (т. е. жена и я) часто видались съ старыми нашими, по Флоренціи, друзьями Вонлярлярскими. (Впредъ буду звать ихъ просто Лярскими, по всеобще-принятому обычаю). Они занимали тогда домъ Пѣвцовой, въ началѣ Армянскаго переулка (отъ Мясницкой), составляющій уголъ, послѣ коего переулокъ дѣлаетъ крутой поворотъ на лѣво. У нихъ было тогда двѣ дочери и сынъ Александръ [1]). Старшая изъ дочерей, Анна, была съ родителями за границею въ 1837 и 1838 годахъ, а Софія оставалась съ своимъ братомъ у бабушки [2]). Однажды, когда я гулялъ съ мосю Анеттиною по Кремлевскому саду, вдругъ подбѣжалъ къ ней красивый мальчикъ, 10 или 11 лѣтъ, и поцѣловалъ ее. Это былъ Саша Лярскій, дозволившій себѣ эту фамиліарность по праву знакомства; тѣмъ не менѣе шести или семилѣтняя наша дѣвочка очень сконфузилась подобнымъ съ нею обращеніемъ при публикѣ. Понимаю, что этотъ эпизодъ не интересуетъ посторонняго читателя; но всякое, мельчайшее воспоминаніе объ ангельскомъ этомъ существѣ дорого для отцовскаго сердца, а я вѣдь пишу не столько для другихъ, сколько для себя.

Мы были на одномъ или двухъ дѣтскихъ спектакляхъ у Лярскихъ, и нельзя было не дивиться раннему таланту этихъ маленькихъ актеровъ. Въ числѣ публики помню Меропу Александровну Новосильцову съ ея падчерицею Екатериною Петровною, дочерью ея мужа (Петра Петровича) отъ первой жены, рожденной Мансуровой [3]). Неотвязчиво сватался за Екатерину Петровну князь Николай Сергѣевичъ Вяземскій, не взирая на ея некрасоту, плоховатое здоровье и отсутствіе всякаго почти приданаго [4]); должно быть, онъ плѣнился ея умомъ, наслѣдованнымъ ею отъ отца. Наконецъ, давши уже слово князю Вяземскому, она продолжала обращаться съ нимъ какъ съ надоѣвшимъ ей сильно господиномъ, и спрошенная кѣмъ-то изъ знакомыхъ, зачѣмъ она рѣшилась выходить за него, отвѣчала: «чтобы только отдѣлаться отъ

[1]) Онъ давно уже женатъ на Вырубовой.

[2]) Софія Александровна Лярская скончалась несовершеннолѣтнею въ началѣ 50-хъ годовъ.

[3]) Отъ того же брака Иванъ Петровичъ Новосильцовъ.

[4]) У князя Н. С. Вяземскаго весьма хорошее состояніе въ Симбирской губерніи.

него». Упомянулъ я выше о вечерѣ у Лярскихъ, гдѣ она была подъ крыломъ своей мачихи, для слѣдующей характеристической о ней черты. П. П. Новосильцовъ готовился тогда съѣздить вдвоемъ съ нею, уже просватанной, на короткое время къ своему шурину генералу Мансурову, нашему военному агенту при Прусскомъ дворѣ. По этому поводу кто-то на вечерѣ у Лярскихъ спросилъ у Екатерины Петровны, на долго ли она отъѣзжаетъ за границу.—«Надѣюсь, что уже никакъ не менѣе какъ на 6 мѣсяцевъ». — «Какъ на 6 мѣсяцевъ?» возразила удивленная Меропа Александровна. «Развѣ ты забыла, что свадьба твоя назначена черезъ два мѣсяца?» — «Да, это правда. Ахъ, какъ это скучно!» Можно сказать, что у кн. Н. С. Вяземскаго былъ *ейнъ гроссе куражъ*, чтобы настаивать на выборѣ себѣ въ жены подобной женщины; но онъ не ошибся: изъ нея вышла хорошая жена и хорошая мать [1]).

Александръ Александровичъ Лярскій только что тогда начиналъ идти въ гору, и въ компаніи съ братьями Рябиниными предпринялъ постройку Ярославскаго шоссе.

Пріѣхалъ тогда въ Москву Сергѣй Васильевичъ Цуриковъ, тесть моего шурина Нарышкина [2]), мнѣ знакомый, по моей юнкерской еще службѣ въ Орлѣ. Цѣлью его пріѣзда было *пустить въ свѣтъ* (переводъ Французской фразы «lancer dans le monde», за который прошу меня не осуждать) семнадцатилѣтнюю свою дочь Анну Сергѣевну, и время доказало, что галлицизмъ мой есть самое свойственное выраженіе къ случившемуся съ Анною Сергѣевною; потому что она не замедлила занять такое авторитетное въ Московскомъ свѣтѣ мѣсто, какое не всѣмъ старухамъ, съ большими связями, приходится на долю. Собою она тогда была очень хороша: смугловатою Цыганкою съ розовыми щеками и большими выразительными глазами. Дебюты ея были препоручены мнѣ, но не на бальномъ поприщѣ, а по кавалькадной части; и мнѣ, какъ ея кавалеру, можно было гордиться этою великолѣпною амазонкою (и ростомъ, и таліею), передъ коею останавливались прохожіе. Случалось, что третьею была въ этихъ кавалькадахъ С. А. Рябинина, граціознѣйшая наѣздница, съ коею Анна Сергѣевна скоро сблизилась.

---

[1]) Княгиня Е. П. Вяземская померла чахоткою въ концѣ 50-хъ годовъ.

[2]) А. И. Нарышкинъ былъ въ то время занятъ откупными дѣлами (но не какъ принципалъ) въ Одессѣ и въ южныхъ губерніяхъ. Орловское же его имѣніе было въ опекѣ, по неудачному предпріятію винокуреннаго завода; умнымъ попеченіемъ его тестя имѣніе уцѣлѣло, и долги были уплачены.

Какъ семейное событіе, отмѣчу, что этимъ лѣтомъ двоюродная моя сестра Елисавета Александровна Тимофѣева вышла за Андрея Евграфовича Кикина. Свадьба ихъ была въ с. Воронцовѣ. Премилый, образованный человѣкъ былъ Андрей Евграфовичъ, но плохого здоровья; онъ померъ въ слѣдующемъ 1845 году.

Однакоже я совсѣмъ забылъ объ обѣщанной мною біографіи П. И. Фролова. Вотъ она вкратцѣ даже до сего дня. Начало служебнаго его поприща было въ Черноморскомъ флотѣ, во времена адмирала Лазарева; а что онъ былъ не изъ трусливаго десятка, въ томъ свидѣтельствуетъ его Георгіевскій крестъ. Не изъ богатыхъ помѣщиковъ Коломенскаго уѣзда, онъ при раздѣлѣ съ своими сестрами родительскаго имѣнія предоставилъ имъ все, а самъ рѣшился перебиваться одною службою. Таковы похвальныя его черты; но вслѣдствіе раздражительнаго и буйнаго нрава, увлекавшаго его въ разныя приключенія и житейскія невзгоды, онъ прослылъ въ Москвѣ бретёромъ и дуэлистомъ. При всемогущемъ пашаликатствѣ графа Закревскаго въ Москвѣ, П. И. Фроловъ за какую-то (не упомню) черезчуръ рѣзкую дерзость, сдѣланную имъ нѣкіимъ супругамъ Сипягинымъ, подвергся ссылкѣ административнымъ порядкомъ на крайній Сѣверъ, въ Колу, а потомъ въ Архангельскъ. Возвращенный оттуда въ Москву, въ началѣ 50-хъ годовъ, онъ, на подобіе извѣстнаго въ свое время провалившагося въ житейскихъ своихъ ресурсахъ Львова *), позаинтересовалъ Московскую публику намѣреніемъ своимъ подняться на воздушномъ шарѣ съ однимъ пріѣзжимъ воздухоплавателемъ, но отказался въ минуту исполненія замысла, потому-де (какъ самъ разсказывалъ), что газу не впущено было въ достаточномъ количествѣ на двоихъ, и что антрепренёръ воздухоплаванія злоумышленно поскупился на него въ угодность будто бы тогдашнему оберъ-полицмейстеру, Алексѣю Александровичу Берингу, желавшему, чтобы П. И. Фроловъ (коего онъ повидимому не долюбливалъ), какъ новый Икаръ, слетѣлъ съ небеснаго свода и сломилъ себѣ голову. Толкованіе это я

*) Извѣстно мнѣ по семейнымъ разсказамъ, что, въ царствованіе императора Павла или въ началѣ царствованія Александра Павловича, какой-то промотавшійся Львовъ вздумалъ изъ спекуляціи или другой, быть можетъ, причины подняться на воздушномъ шарѣ и, прощаясь съ близкими его знакомыми, тутъ находившимися, начерталъ экспромптомъ по нѣскольку виршей каждому изъ нихъ. Поднялся-ли онъ или нѣтъ, не знаю; но на него сочинены были стихи:

Генералъ Львовъ
Леталъ до облаковъ
Просить боговъ
Объ уплатѣ долговъ.

считаю баснею, а скорѣе всего, что нашъ аматёръ-аеронавтъ струсилъ, когда приспѣла роковая минута *).

Ради параллельнаго изложенія всѣхъ отъ великихъ до малыхъ событій, не пропущу и того, что, по случаю избранія Московскимъ городскимъ головою купца Шестова, придумано было четверостишіе въ родѣ слѣдующаго:

Въ шестигласной нашей думѣ
Собралось пять дураковъ.
Для устройства городскаго,
Они выбрали *шестаго*.

Слѣдуетъ однакоже сказать, что купецъ Шестовъ далеко не оказался дуракомъ. Онъ грызся зубъ за зубъ съ тогдашнимъ оберъ-полицмейстеромъ Л. М. Цынскимъ (а это немало значило тогда), по поводу городскаго освѣщенія, каковую монополію держала тогда полиція, и не съ убыткомъ (какъ было слышно), хотя для предотвращенія у будочниковъ и фонарщиковъ возможности отдѣлять для пищи часть отпускаемаго ежедневно масла на городское освѣщеніе, туда бросали (если вѣрить разсказамъ) дохлыхъ мышей. Купецъ Шестовъ вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы, и съ того времени уличнымъ освѣщеніемъ завѣдываетъ градская дума.

Въ высшемъ административномъ мірѣ случилось около этого времени (или быть можетъ немного ранѣе) одно крупное приключеніе, надѣлавшее много шуму. Уже болѣе 10 лѣтъ, какъ Константинъ Марковичъ Полторацкій былъ Ярославскимъ военнымъ губернаторомъ. Человѣкъ онъ былъ хорошій и всѣми любимый и, располагая широкими собственными средствами, онъ жилъ царькомъ въ Ярославлѣ. Будучи недоволенъ дѣйствіями мѣстнаго полицмейстера, онъ принудилъ его подать въ отставку; но лицо это вскорѣ послѣ сего отправилось въ Петербургъ, гдѣ, явясь къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ Льву Алексѣевичу Перовскому, просило объ опредѣленіи его снова куда-нибудь на службу. Когда же на эту просьбу Перовскій заявилъ ему, что тому препятствуетъ дурная о немъ аттестація отъ бывшаго его прямого начальника, то онъ отвѣчалъ: «Удивляюсь, что его превосходительство такъ строгъ ко мнѣ, тогда какъ самъ не стѣсняется дѣлать

*) Нынѣ П. И. Фроловъ присмирѣлъ, но за то сдѣлался вездѣсущъ, на балахъ, концертахъ, бульварахъ, въ церквахъ, посѣщаемыхъ бо-мондомъ, на похоронахъ, въ клубахъ, на засѣданіяхъ Дворянскаго Собранія, у викарнаго архіерея и пр. Дивиться можно, какъ онъ, прихрамывая, повсюду поспѣваетъ, и особливо гдѣ можно хорошо покушать и попить.

противозаконное.» — «Что вы хотите этимъ сказать?» спросилъ удивленный министръ. «А то, ваше высокопревосходительство, что генералъ Полторацкій изволилъ взять, подъ видомъ займа, для собственныхъ своихъ надобностей, столько-то (20 тыс. рубл. сер.) изъ Приказа Общественнаго Призрѣнія.» — «Увѣрены ли вы въ томъ, что говорите?» — «Я настолько въ томъ увѣренъ, что предлагаю отправить сію же минуту какого-нибудь изъ довѣренныхъ вамъ лицъ въ Ярославль прямо въ Приказъ для повѣрки моего заявленія.» Перовскій послушался его. Отправленный имъ въ Ярославль чиновникъ прикатилъ прямо къ тамошнему Приказу Общественнаго Призрѣнія и, предъявивъ свой министерскій видъ, запечаталъ денежный ящикъ; а на слѣдующее утро, когда при полномъ присутствіи открытъ былъ ящикъ, тамъ нашлась дѣйствительно росписка К. М. Полторацкаго, что онъ взялъ на короткое время заимообразно 10 или 12 тыс. рублей. Одновременно со взятіемъ этихъ денегъ онъ предписалъ управляющему его имѣніемъ немедленно выслать къ нему таковую же сумму, весьма незначительную въ сравненіи съ доходами Константина Марковича; но управляющій не успѣлъ еще исполнить приказанія своего господина, какъ исторія съ полицмейстеромъ разыгралась. Перовскій, по полученіи этой фатальной росписки, немедленно донесъ о случившемся Государю, и на слѣдующій день явилось въ приказѣ, что Полторацкій увольняется (или даже, быть можетъ, отставляется) отъ службы. Паденіе его было тѣмъ скандальнѣе, что онъ въ то время находился самъ въ Петербургѣ и чуть ли не наканунѣ катастрофы представленъ былъ самимъ Государемъ (очень любившимъ Константина Марковича) какому-то пріѣхавшему въ Петербургъ Нѣмецкому принцу, какъ образцовый губернаторъ, и тутъ же Государь крайне фамиліарно шутилъ съ нимъ и пугалъ будто бы его.

Согласно принятому мною плану излагать въ параллельномъ порядкѣ все достопамятное, помѣщу одинъ курьезъ изъ политическаго міра въ концѣ 1843 или началѣ 1844 года.

Несовершеннолѣтняя тогда Испанская королева Изабелла, находившаяся подъ опекою министра Олоцага, подписала какой-то декретъ, сильно взволновавшій одну изъ вліятельныхъ партій. Испуганная послѣдствіями своего поступка, королева явилась въ сессію кортесовъ и, заливаясь слезами, объявила, что ея опекунъ Олоцага мало того, что настаивалъ, чтобы она подписала злополучный декретъ, но что, схвативъ у нея руку, онъ насильственно водилъ ею по бумагѣ. Царственный ея санъ не допускалъ, конечно, очной ставки съ подданнымъ, хотя

она, какъ легкомысленная дѣвочка, могла быть вовлечена къ подписанію декрета не опекуномъ, а кѣмъ-нибудь изъ окружавшей ее камариллы, вслѣдствіе чего обвиняемаго ею министра хотѣли было предать суду, но не успѣли: его превосходительство удралъ въ Португалію, сопровождаемый шайкою контрабандистовъ, указавшихъ ему потаенный путь туда черезъ горы. Кромѣ какъ въ Испаніи, подобное событіе съ министромъ не можетъ случиться нигдѣ.

Извѣстившись, что, не взирая на всѣ мои старанія задержать въ подлежащихъ инстанціяхъ взятіе въ опеку моего имѣнія, Костромской нашъ губернаторъ склоненъ приступить къ этой мѣрѣ, я упросилъ тещу мою, какъ знакомую съ давняго времени съ семействомъ Жуковыхъ, съѣздить на мой счетъ въ Кострому и постараться отвратить на время эту бѣду. Не могу сказать, чтобы личныя противъ меня причины неудовольствія побуждали Н. И. Жукова намѣренно мнѣ повредить; но при немъ состояло одно лицо, вкравшееся въ его довѣренность и ко мнѣ неблаговолившее, да и самъ онъ былъ старъ, изношенъ, такъ сказать, на службѣ, упрямаго нрава, болѣзненный и раздраженный невліятельнымъ своимъ положеніемъ въ высшихъ министерскихъ сферахъ. Теща моя, при содѣйствіи достойной Софіи Ивановны (жены Н. И. Жукова), успѣла предотвратить собиравшуюся на меня грозу; но не на долго.

Передъ отъѣздомъ моего семейства въ Знаменское на остальную часть лѣта, мы взяли въ гувернантки для нашей Анеттины Швейцарку, г-жу Ломле, вдову знакомаго мнѣ когда-то Англичанина, женщину съ изящными манерами и хорошо знавшую Англійскій языкъ[1]). Съ женою также поѣхала дочь моего давнишняго друга Ф. Ф. Путѝ, дѣвушка лѣтъ 17-ти, недавно пріѣхавшая къ отцу прямо изъ одного Парижскаго пансіона. Хотя годами она не могла быть компаніонкою для нашей дѣвочки, но, постоянно обращаясь съ нею, Анеттина вскорѣ присвоила себѣ чистый Французскій акцентъ и даже нѣкоторые термины и обороты фразъ Парижскаго жаргона[2]).

---

[1]) Г-жа Ломле (пишется по англійски „Lumley“) какъ-то не поладила съ моею женою и пробыла у насъ менѣе года. Мужъ ея былъ въ 1830-мъ году бухгалтеромъ въ Кронштадтѣ, у Англійскаго консула Букера, главы торговаго дома.

[2]) Я употребляю здѣсь слово „жаргонъ“ не въ смыслѣ тривіальнаго, простолюднаго нарѣчія, а какъ выраженіе Парижскаго идіома, на которомъ не говоритъ однакоже высшее даже наше общество, правильно изучившее Французскій языкъ. Наши соотечественники присвоили себѣ нѣкоторыя выраженія, каковыхъ не употреблялъ ни одинъ Французъ. Такъ напримѣръ, слышатся у насъ le promis, la promise вмѣсто le futur и la future, le prétendu, le fiancé, la fiancée, а во Французской грамматикѣ слово „promis“ есть

Наконецъ, баронъ Павелъ Александровичъ Вревскій, послѣ четырехлѣтняго томленія, получилъ, весною того 1844 года, согласіе Ланскихъ на его бракъ съ ихъ дочерью Маріею Сергѣевною, давно платившею ему тѣмъ же чувствомъ. При всѣхъ совершенствахъ Варвары Ивановны Ланской, она не могла совершенно освободиться отъ аристократической спѣси своего вѣка, и долго пришлось ей бороться съ собою, чтобы преодолѣть чувство почти что отвращенія выдать дочь за Вревскаго[1]), при всемъ томъ, что она умѣла цѣнить по достоинству его личность. «Je crois que m-me votre mère», сказала она мнѣ однажды по сему поводу, «n'aurait jamais consenti à pareille mésalliance [2]). Что же дѣлать? Невозможно намъ отречься отъ понятій и убѣжденій, въ коихъ мы выросли.

Свадьба Вревскихъ состоялась въ Іюлѣ, въ Варьинѣ, на Клязьмѣ, въ имѣніи В. И. Ланской, въ 26 или 28 верстахъ отъ Москвы, куда съѣхались всѣ родные, въ томъ числѣ съ Кавказа баронъ Ипполитъ Александровичъ Вревскій (уже полковникомъ главнаго штаба), а также нѣкоторые изъ близкихъ знакомыхъ Ланскихъ, въ числѣ коихъ и я, и свадьба была отпразднована на славу. Счастливую молодую чету обвѣнчали утромъ въ сельской церкви, а послѣ свадебнаго стола мы сыграли двѣ піесы: одну Французскую, а другую Русскую, сюжетъ коей былъ взятъ изъ ямщичьяго быта и примѣненъ къ настоящему случаю (pièce d'occasion) однимъ домашнимъ драматистомъ, бывшимъ учителемъ Русскаго языка дѣтей у Ланскихъ. Въ ней я удостоился аплодисментовъ въ роли пожилого ямщичьяго старосты. Во Французской піесѣ первую женскую роль отлично сыграла одна изъ сестеръ

причастіе отъ глагола promettre, означающее „обѣщанный“, а существительнаго таковаго слова, какъ передѣлали его у насъ, не имѣется. Русскіе также говорятъ „j'ai changé de *quartier*, вмѣсто „j'ai changé de logement“; также Русскую нашу копѣйку зовутъ „sou“, тогда какъ Французская монета *su* имѣетъ другую цѣнность. При обращеніи къ нѣсколькимъ собраннымъ дѣвицамъ, у насъ говорятъ „mesdames“, вмѣсто „mesdemoiselles“, также слово fou вмѣсто „imbécile“ (дуракъ); говорятъ „vous“, относясь къ такимъ лицамъ, которымъ они по русски говорятъ „ты“; деревенскаго старосту зовутъ bailli. Фраза „je ne saurais vous dire“ есть переводъ Русскій „не могу вамъ сказать“, а Французъ вмѣсто того скажетъ „je ne sais“, или „je ne puis vous dire, и пр. Я слыхалъ, что графъ-де-Барантъ говорилъ, что, когда онъ пріѣзжалъ изъ Петербурга (гдѣ онъ былъ Французскимъ посланникомъ) въ отпускъ въ Парижъ, его друзья подсмѣивались надъ нимъ по поводу нѣсколькихъ таковыхъ Русско-Французскихъ выраженій (des russicismes), незамѣтно перешедшихъ въ его нарѣчіе отъ сношенія съ Русскимъ обществомъ. Не говорю уже о ломаномъ псевдо-французскомъ нарѣчіи нашихъ провинціаловъ.

[1]) Я уже говорилъ, что оба братья Вревскіе, какъ и Сердобины, были воспитанники князя А. Б. Куракина.

[2]) Я думаю, что ваша мать никогда не дала бы согласія на подобный неравный бракъ.

Голынскихъ, давняя подруга Маріи Сергѣевны. Весело протекли эти три-четыре дня въ Варьинѣ, въ катаніяхъ съ дамами верхомъ и на лодкѣ, которою мы сами управляли и гребли, въ репетиціяхъ нашихъ піесъ и приготовленіяхъ иллюминаціи, въ хоровомъ пѣніи крестьянскихъ и солдатскихъ пѣсенъ; словомъ, жили непринужденною, Русскою на распашку жизнію, въ предѣлахъ приличія. А подъ конецъ свадебнаго бала (на которомъ, съ дозволенія хозяевъ дома, мы оставались въ нашихъ Русскихъ костюмахъ сыгранной передъ тѣмъ піесы, то есть въ красныхъ, опоясанныхъ, рубахахъ и съ голыми шеями), мы тайкомъ, а напослѣдокъ и не тайкомъ отъ дамъ повдохновились препорядочно Шампаньономъ (за исключеніемъ, разумѣется, новобрачнаго) до разсвѣта, и вслѣдъ затѣмъ, не ложась, я возвратился въ Москву съ одуренною немного головою.

Въ концѣ лѣта, сдавъ домъ Мещеринова*), я переѣхалъ на время на квартиру Ф. Ф. Путѝ, на Остоженкѣ, насупротивъ церкви Воскресенія Господня, въ коей за десять ровно лѣтъ передъ тѣмъ я далъ обѣтъ въ супружеской вѣрности. Остепенился ли я съ тѣхъ поръ и преуспѣлъ-ли въ добродѣтеляхъ, обязательныхъ для семьянина, о томъ пусть судятъ посторонніе.

Принялся я отъ нечего дѣлать (справедливѣе было бы сказать, отъ того, что не хотѣлъ заняться чѣмъ нибудь серіознымъ, хоть бы службою) за реставрированіе старыхъ картинъ у неоднократно упомянутаго П. П. Пикколи. Какъ я ничего не дѣлаю безъ, такъ сказать, запоя, то и просиживалъ за этою работою по цѣлымъ днямъ, въ признательность за что добрый Пикколи кормилъ меня обѣдомъ съ Шампанскимъ и передавалъ мнѣ иногда свой билетъ въ Итальянскую оперу, тогда открывшуюся въ первый разъ въ Москвѣ. Говорю «въ первый разъ», потому что бывшая въ концѣ 20-хъ годовъ въ Апраксиномъ домѣ Итальянская опера болѣе походила на пародію надъ оной, или на провинціальный составъ пѣвцовъ. Но теперь ангажированъ былъ знаменитый по всей Италіи теноръ Сальви, весьма еще мало спавшій съ голоса. Недостатокъ этотъ замѣчался тогда лишь, когда онъ силился

*) Какъ черту неуваженія къ чужой собственности въ прежней нашей дворнѣ и въ тоже время непрошеннаго коммунизма во всемъ, относившемся къ своему барину, выставлю примѣръ, что, во время сдачи мною дома Мещеринова, прибѣжалъ ко мнѣ хозяйскій дворникъ съ жалобою, что мой кучеръ (дворовый человѣкъ тещи моей) разоряетъ конюшню. Побѣжалъ а туда и дѣйствительно вижу, что кучеръ Семенъ сбиваетъ топоромъ вѣшалки для сбруи, и когда я началъ его бранить за это, онъ отвѣчалъ мнѣ: „Такъ что-жъ? Вѣдь *мы* за все заплатили, а вѣшалки пригодятся намъ въ Знаменскомъ.“ Очень типично это *мы*.

форсировать острыя (т. е. самыя высокія) грудныя ноты, какъ удавалось его предшественнику Дюпрѐ и чѣмъ прославился позднѣе Тамберликъ; но въ плавномъ пѣніи (по-итальянски «cantilena») онъ былъ превосходенъ оконченностію вокализаціи*) и экспрессіею. Талантлива довольно была и молодая примадонна Ассандри, хотя съ органомъ не изъ сильныхъ, но звучнымъ и вообще артистка симпатичная. Въ составѣ труппы былъ также удовлетворителенъ весьма баритонъ Кривелли, а также и артистъ низкихъ, басовыхъ партицій (basso profondo), фамиліи коего не упомню: но протодіаконскій его органъ напоминалъ слегка извѣстнаго Лаблаша. Тогда только могли Москвичи вполнѣ наслаждаться геніальными произведеніями Донидзетти, каковыми навсегда останутся «Лучія ди Ламермуръ» и «Лукреція Борджіа», хотя нѣкоторое понятіе объ этихъ операхъ дала нашей публикѣ бывшая незадолго передъ тѣмъ Нѣмецкая оперная труппа, лучшимъ артистомъ коей былъ баритонъ Ферзингъ.

Подъ конецъ осени поѣхалъ я, мѣсяца на два, къ своимъ въ Знаменское и возвратился оттуда въ Москву уже зимнимъ путемъ въ маленькую, но уютную квартирку, меблированную нарочно для меня преданнымъ мнѣ Радзиковскимъ. Квартира эта была во второмъ этажѣ четырехэтажнаго дома княгини Голицыной на Большой Никитской, а кондитерская Радзиковскаго помѣщалась въ первомъ этажѣ: вещь весьма для меня удобная, такъ какъ, занимаясь тогда всѣми вообще моими дѣлами, онъ могъ во всякое время бывать у меня. Въ Ноябрѣ или Декабрѣ получено было изумившее всѣхъ извѣстіе, что З. С. Дивова, какъ новая Сарра, благополучно разрѣшилась въ Римѣ своимъ первенцемъ, коему дано было имя Сергія. Событіе это потому насъ удивило, что она уже 18 лѣтъ была за мужемъ. Бывалъ я въ теченіе всей зимы разъ или два въ Знаменскомъ, гдѣ жена моя опять имѣла несчастные роды; въ Москвѣ же я совершенно пересталъ ѣздить по прежнему въ общество и все занимался дома рисованіемъ, а по вечерамъ бывалъ въ Нѣмецкомъ Клубѣ, гдѣ Радзиковскій, какъ членъ онаго, записалъ меня временнымъ гостемъ на весь зимній сезонъ. Съ Леономъ, озабоченнымъ по обыкновенію безъ явной пользы множествомъ въ одно время дѣлъ, я рѣдко уже встрѣчался. Въ началѣ этого 1845 года, учитель пѣнія, Итальянецъ Джанотти, женился на дочери Французскаго книгопродавца г. Ренѐ, бывшаго передъ тѣмъ въ товариществѣ съ г. Урбеномъ, жены коихъ были, если не ошибаюсь, дочерьми современнаго моему отцу стараго книгопродавца г. Риса, еще

*) Метода выпусканія голоса и дикціи.

въ живыхъ въ описываемое мною время, но совершенно ослѣпшаго. Свадебный пиръ, на который были приглашены Л. А. Гизетти и я, былъ въ квартирѣ г. Урбена (въ домѣ нынѣ Торлецкаго, на Кузнецкомъ мосту) и отличался роскошью и изяществомъ, и всѣ вина (отборныя) были отъ почтеннаго Ф. И. Депрѐ (также близкаго родственника новобрачной), которыми онъ самъ потчивалъ гостей. Были тутъ двѣ прелестныя молодыя дамы, дочери упомянутаго Ф. И. Депрѐ, за мужемъ за Французами, фамилій копхъ не упомню; я имѣлъ удовольствіе вести одну изъ нихъ къ свадебному обѣду, по предназначенному заранѣе порядку, и сидѣть за столомъ возлѣ нея.

Пришлось мнѣ тогда творить забавный судъ Соломоновъ въ супружескихъ дѣлахъ Порзненскихъ моихъ крестьянъ, проживавшихъ въ подмосковномъ заведеніи сортированія шерсти Англичанина Бейля, въ с. Свирловѣ [1]). Приходитъ ко мнѣ однажды оттуда приказчикъ съ объясненіемъ, что онъ посадилъ въ домашнюю арестантскую камеру одного изъ моихъ крестьянъ, тамошнихъ работниковъ, за то, что, будучи въ нетрезвомъ видѣ, онъ жестоко избилъ свою жену, и когда приказчикъ, сжалясь надъ этой женщиною, пытался освободить ее изъ мужниныхъ рукъ, крестьянинъ этотъ нагрубилъ ему [2]). Я одобрилъ дѣйствіе приказчика; но вотъ вслѣдъ за нимъ приходитъ избитая женщина съ жалобою на приказчика, какъ смѣлъ онъ заарестовать ея мужа и когда я пытался было доказывать ей, что приказчикъ такъ поступилъ единственно изъ соболѣзнованія къ ней, и что слѣдуетъ сказать ему спасибо, ибо мужъ ея могъ, пожалуй, изувѣчить ее, она мнѣ отвѣчала: «А какое ему до этого дѣло, если мужъ мой *учитъ* меня?» О патріархальный Русскій людъ!

Весну 1845 года можно считать прелюдіемъ финала или, иначе сказать, съ этой эпохи начали яснѣе прежняго выказываться признаки близкой моей катастрофы. Насъ увѣдомили изъ Порзней (слова *мы* и *насъ* будутъ отнынѣ означать меня и Радзиковскаго, сдѣлавшагося неотлучнымъ моимъ товарищемъ въ теченіе этого полугодія), что улаженныя тещею моею предъидущимъ лѣтомъ Костромскія мои дѣла на-

---

[1]) Подмосковное с. Свирлово принадлежало въ первой четверти нынѣшняго столѣтія милліонщику-купцу Ив. Петров. Кожевникову, имѣвшему тамъ суконную фабрику. Въ 40-хъ годахъ, разорившійся Кожевниковъ жилъ въ крайней бѣдности, перебиваясь кое-какъ хожденіемъ по чужимъ дѣламъ.

[2]) Первое заведеніе сортировки шерсти было открыто въ Москвѣ между 1836 и 1838 годами этимъ полу-Англичаниномъ Бейлемъ, коему Леонъ отдалъ въ ученіе по нѣскольку мальчиковъ и дѣвочекъ изъ Порзней; они впослѣдствіи переженились между собою и остались на этой же фабрикѣ съ хорошею довольно годовою платою.

ходятся въ угрожающемъ положеніи, вслѣдствіе чего мы зимнимъ еще путемъ (въ концѣ Марта) поспѣшили прямо въ Кострому черезъ Ярославль. (Ближайшая дорога прямо въ Порзни была черезъ Владиміръ, Шую и Лухъ). Въ Костромѣ мы застали Н. И. Жукова въ страхѣ и трепетѣ отъ висѣвшаго надъ нимъ и надъ всей подчиненною ему фалангою Дамоклесова меча въ образѣ прибывшаго ревизовать Костромскую губернію сенатора князя Алексѣя Александровича Лобанова-Ростовскаго [1]). Да и не совсѣмъ покоенъ былъ, думается мнѣ, и губернскій прокуроръ, нѣкто Ниссенъ или Нитценъ, потому что были у него столкновенія, на прежнемъ его мѣстѣ служенія прокуроромъ въ Тулѣ, съ княземъ Лобановымъ, тогдашнимъ Тульскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Такъ какъ считалось дальнее какое-то родство между нами и князьями Лобановыми, кромѣ чего сенаторъ князь Алексѣй Александровичъ былъ знакомъ мнѣ по Петербургу: то я немедленно навѣстилъ его, а оттуда отправился къ Н. И. Жукову, который принялъ меня болѣе даже чѣмъ вѣжливо и пригласилъ къ себѣ на семейный вечеръ. Явившись туда, едва успѣлъ я поговорить съ достойнѣйшею Софіею Ивановной и полюбезничать съ ея дочерью Прасковіею Николаевною [2]), какъ Н. И. Жуковъ спросилъ меня: «а были ли вы у нашего сенатора?» (Сенаторская ревизія была, повидимому, его кошмаромъ). «Былъ я сегодня у него, ваше пр—во», отвѣчалъ я, «но потому только, что онъ намъ сродни». Этою выходкою хотѣлось мнѣ сдѣлать, какъ говорится по французски, «d'une pierre deux coups» [3]). Хотѣлось мнѣ дать почувствовать его превосходительству, что «вотъ-молъ къ какой знати мы принадлежимъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтъ мой говорилъ: «ревизія ваша ничуть меня не интересуетъ». Разстался я съ губернаторомъ въ полной надеждѣ на отсрочку на нѣкоторое время исполненія полученныхъ изъ Москвы требованій въ Костром-

---

[1]) Жена князя А. А. Лобанова провела съ дочерьми зиму или двѣ во Флоренціи, послѣ моего оттуда отъѣзда въ 1839 году, и была весьма внимательна къ оставшейся тамъ моей женѣ. Старшая изъ княженъ Лобановыхъ была уже въ 1845 году за мужемъ и чуть ли не вдовою Испанца Сарачіага, убитаго на дуэли; а изъ двухъ младшихъ княженъ Надежда Алексѣевна отличалась даже въ Италіи своимъ пѣніемъ и, вдобавокъ, была очень собою недурна, но ростомъ едва выше карлицы.

[2]) П. Н. Жукова, преумная особа, не пользуется издавна крѣпкимъ здоровьемъ и осталась по сю пору въ дѣвицахъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ она получила значительное весьма наслѣдство въ Калужской губ. и уѣздѣ и большой домъ въ самомъ городѣ, отъ своего дяди Шепелева, стараго холостяка. Мать ея была рожденная или Шепелева или Сухово-Кобылина.

[3]) Однимъ камнемъ попасть въ два предмета.

скомъ Губернскомъ Правленіи о взятіи въ опеку моего имѣнія, и поѣхалъ въ Порзни на радостное свиданіе съ искреннимъ моимъ другомъ и прежнимъ сослуживцемъ Мироновымъ и съ милѣйшею его женою. Убаюкивался однакоже я напрасно, какъ увидимъ изъ слѣдующей главы *).

Не договорено мною, что я уже не засталъ преосвященнаго Владимира Костромскимъ епископомъ: его упрятали на Сибирскую каѳедру, въ почетную ссылку (какъ онъ самъ выразился, прощаясь съ Костромитянами), по поводу, какъ разсказывали мнѣ, обрушившейся церкви въ Ипатіевскомъ монастырѣ, постройку коей онъ, по неосторожности, взялъ на себя, въ надеждѣ, что постройка этимъ способомъ обойдется дешевлѣ, нежели отдачею съ подряда. Спустя два-три года, правдивый и неустрашимый въ своихъ убѣжденіяхъ іерархъ кончилъ преждевременно неотрадную свою жизнь на новомъ мѣстѣ своего служенія. «Блаженни пхже избралъ и пріялъ еси, Господи!»

(*Продолженіе будетъ.*)

*) По окончаніи сенаторской ревизіи, Н. И. Жуковъ былъ уволенъ отъ занимаемаго имъ мѣста, безъ назначенія въ сенаторы, хотя былъ тайнымъ совѣтникомъ. Пресникъ его (кажется Григорьевъ) отличался тѣмъ, что происходившіе въ Костромѣ, въ 1847 году, частые пожары онъ приписывалъ Полякамъ, коихъ насчитывать въ Костромѣ можно было только десятками, и подъ вліяніемъ этой галлюцинаціи онъ посадилъ въ острогъ одного изъ главныхъ городскихъ медиковъ, съ давнихъ временъ поселившагося тамъ, носившаго Польскую фамилію, а вмѣстѣ съ нимъ и его дочь, за мужемъ за Русскимъ тамошнимъ обывателемъ. За таковыя доблести губернаторъ былъ отрѣшенъ.

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА*).

1845—1849.

Взятіе имѣнія въ опеку. — Поѣздка въ Петербургъ. — Арестъ Леона. — Концертъ А. Е. Варламова. — Новые проекты Леона.—Ссылка Леона въ арестантскія роты. — Холера.— Графъ Закревскій.—Поѣздка въ Городище.

Срокъ оброка былъ у меня, четыре раза въ году, по 5 т. асс. каждый разъ. Весною 1845 года я надѣялся получить начатый уже оброчный сборъ; но едва доѣхалъ до Порзней, какъ въ Земскомъ Судѣ полученъ былъ изъ Губернскаго Правленія указъ о немедленномъ взятіи въ опеку моего имѣнія и всѣхъ находившихся въ вотчинной конторѣ наличныхъ денегъ для отправленія прямо въ Московскую Сохранную Казну. Хотя я зналъ, что Московское требованіе не могло долго задерживаться въ Костромѣ, но разсчитывалъ, что всѣ нужныя формальности для составленія описи имѣнія займутъ достаточно времени, чтобы я могъ получить въ мою пользу хотя настоящій сборъ. Какъ ни готовъ былъ всегда А. А. Мироновъ помогать мнѣ, но возможности къ отговоркѣ или оттяжкѣ не было никакой; тѣмъ не мѣнѣе этотъ рѣдкій человѣкъ и тутъ оказалъ мнѣ незабвенную услугу, уговоривъ моихъ крестьянъ сложиться, чтобы они уплачивали мнѣ, помимо отсылки денегъ въ опеку, по 12 тыс. асс. въ годъ, и эту сумму я аккуратно получалъ до 1849 года, когда окончательно лишился моего имѣнія.

Въ Порзняхъ я узналъ о страдальческой кончинѣ, отъ рака, Варвары Ивановны Ланской; о томъ говорили, какъ о горестномъ событіи въ Костромѣ и въ нашемъ Юрьевецповольскомъ уѣздѣ, хотя событіе это произошло въ Петербургѣ: до того оставили у мѣстныхъ жителей добрую о себѣ память Сергѣй Степановичъ Ланской и примѣрная его жена. Впослѣдствіи я узналъ о двойномъ несчастіи, одновременно постигшемъ это семейство. Когда Варвара Ивановна мучилась на смертномъ одрѣ, въ другомъ этажѣ того же дома умирала въ родахъ дочь ея, Марія Сергѣевна Вревская. Пріѣхавшая изъ Москвы по сему случаю Настасья Сергѣевна Перфильева то и дѣло что переходила

*) См. выше, стр. 313.

отъ одной больной къ другой. Первою изъ нихъ померла Марья Сергѣевна; но, щадя сочтенные дни матери, Настасья Сергѣевна рѣшилась скрыть отъ нея кончину своей сестры, и ей пришлось утѣшать мать придуманными извѣстіями, что «Машенькѣ лучше», что «Машенька просила то и то вамъ сказать», но та сомнѣвалась. Материнское сердце— вѣщунъ. Отъѣзжая изъ Москвы, Настасья Сергѣевна оставила малютку свою дочь совершенно здоровою, и вдругъ видитъ она во снѣ, будучи уже въ Петербургѣ, этого ребенка лежащимъ и обложеннымъ цвѣтами. Сонъ этотъ поразилъ ее, и она немедленно написала къ мужу, чтобы онъ съ первою отходившею почтою успокоилъ ее насчетъ здоровья ихъ дѣвочки; «хотя хорошо знаю», прибавляла она, «что снамъ вѣрить нельзя». Въ отвѣтѣ Степана Васильевича Перфильева стояло, что въ ту самую ночь, когда она видѣла этотъ сонъ, дѣвочка умерла отъ крупа.

Въ Іюнѣ я былъ обрадованъ неожиданнымъ пріѣздомъ ко мнѣ въ Порзни жены моей съ дочерью. Ни прежде, ни послѣ она никогда не бывала тамъ, а давно льстило моему самолюбію, чтобы мои крестьяне видѣли хорошенькую ихъ барыню; они же, глядя съ умиленіемъ на Анетину, говаривали: «Вотъ она наша будущая наслѣдница». Но не суждено было ей быть таковой; а какая добрая и любимая была бы она помѣщица!

Посовѣтовавшись съ А. А. Мироновымъ, мы порѣшили, что единственнымъ средствомъ удержать мое имѣніе было хлопотать въ высшихъ Петербургскихъ сферахъ о причисленіи всей недоимки въ Опекунскій Совѣтъ къ капитальной суммѣ, чему были примѣры *). Вслѣдствіе таковаго рѣшенія мы въ Августѣ отправились втроемъ въ Петербургъ, черезъ Ярославль, Рыбинскъ, Тихвинъ, Новую Ладогу и Шлиссельбургъ. Изъ Новой-Ладоги до Шлиссельбурга ходилъ тогда по Ладожскому каналу почтовой трешкотъ для пассажировъ. Это была помѣстительная, двухпалубная крытая шлюпка; бичеву тянула пара или тройка почтовыхъ лошадей, гуськомъ, съ почтаремъ верхомъ на одной изъ нихъ, и шлюпка плыла быстро, потому что лошади шли крупною рысью. Мы однакоже не воспользовались этимъ способомъ сообщенія (можетъ быть, потому что мы опоздали ко времени отхода трешкота изъ Новой-Ладоги) и наняли небольшую барку, въ одномъ концѣ коей было крытое мѣсто, въ родѣ небольшой каюты, гдѣ мы

*) Умершему не задолго передъ тѣмъ Михайлу Ѳедоровичу Орлову было сдѣлано (помнится мнѣ) подобное величайшее снисхожденіе, по милости (вѣроятно) его брата, сильнаго при Государѣ. Подобная же милость была оказана князю Н. Г. Репнину и, какъ я недавно узналъ, графу Д. Н. Толстому.

помѣстились весьма удобно, и тутъ же была вѣроятно небольшая печка или очагъ, на которомъ во время нашего плаванія Радзиковскій стряпалъ намъ обѣдъ *). Изъ Шлиссельбурга можно пересѣсть на пароходъ до Петербурга; но было намъ такъ уютно въ нашей баркѣ, да и хозяинъ ея, простой крестьянинъ, былъ такой разговорчивый и пріятный человѣкъ, что мы предпочли это медленное (на парусѣ) плаваніе до самаго Петербурга и не имѣли повода раскаеваться. Въѣхали мы въ устье тихой и прозрачной Невы, при утреннихъ теплыхъ, какіе рѣдко бываютъ подъ конецъ Августа, солнечныхъ лучахъ, освѣщавшихъ великолѣпную панорамму роскошныхъ дачъ Петербургскаго аристократическаго и финансоваго міра, раскинутыхъ по обоимъ берегамъ широкой рѣки. Эта панорама непрерывно развертывалась передъ нашими глазами въ томъ же неизмѣняющемся видѣ, до вечера, когда мы причалили къ пристани, между Александроневской лаврою и Смольнымъ монастыремъ.

Приступить къ дѣлу, по которому мы пріѣхали въ Петербургъ, было преждевременно, такъ какъ почти вся знать еще не возвращалась на зиму съ дачъ и изъ отдаленныхъ мѣстностей, чрезъ что наше пребываніе тамъ продлилось до половины Ноября, и жили мы все это время въ гостиницѣ Кулона (впослѣдствіи Клея), на углу Михайловской площади.

Я уже зналъ о недавней кончинѣ Андрея Евграфовича Кикина и поспѣшилъ навѣстить вдову его, двоюродную мою сестру Елисавету Александровну (рожденную Тимофееву), жившую у княгини Маріи Петровны Волконской (рожд. Кикиной), весьма также огорченной потерею этого двоюроднаго ея брата, болѣе прочихъ (кажется мнѣ) ею любимаго. Дотолѣ я никогда не видалъ княгиню Марію Петровну, но представленный ей Елисаветою Александровною, былъ ею принятъ какъ бы давнишній знакомый, скажу болѣе, какъ бы родственникъ. Она пригласила меня разъ на всегда приходить обѣдать къ ней безъ зова, и это ея обращеніе со мною не измѣнилось до ея кончины († осенью 1854 г.). Женщинъ подобнаго, высшаго нравственнаго закала, соединявшихъ непринужденность обращенія съ вѣрностію въ дружбѣ, теплоту сердца съ терпимостью къ слабымъ сторонамъ ближняго, и признающихъ авторитетъ власти церкви безъ фанатизма или ханжества къ обрядовой церковной части, съ многостороннею начитанностію и съ прямымъ на всѣ житейскіе вопросы взглядомъ, я зналъ изъ

*) На эту же барку мы поставили нашъ, небольшого размѣра, тарантасъ: иначе мы не могли бы совершить позднѣе обратный нашъ путь въ Москву.

Русскихъ двухъ: В. И. Ланскую и княгиню М. П. Волконскую [1]). Общею также было у нихъ чертою воспитательное направленіе дѣтей, подъ непосредственнымъ и неутомимымъ личнымъ надзоромъ. Не помню, была ли когда у В. И. Ланской гувернантка высшей руки (*bonne*) при ея дочеряхъ, и не сама ли она была единственною ихъ наставницею; а что до княгини Волконской, хотя она взяла Англичанку, когда молодыя княжны Софія и Екатерина Дмитріевны стали подрастать, но сама слѣдила, чтобы эта наставница не отступала ни на волосъ отъ начертанной ею программы, а задача эта была подъ часъ для нея тяжела, по разстраивавшемуся ея здоровью. Правда, въ дѣлѣ воспитанія дѣтей была у ней надежная подмога въ лицѣ старой Швейцарки, мамзель Люсиньоль, бывшей собственною ея гувернанткою и только что не моливншеюся на прежнюю свою воспитанницу [2]). Въ числѣ правилъ княгини Маріи Петровны было то, что, признавая обязательное значеніе постовъ, церковью установленныхъ (и княгинею соблюдаемыхъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ всю трудность этого исполненія для начинающихъ поститься во взрослыхъ уже лѣтахъ, она не дозволяла своимъ дѣтямъ съ трехлѣтняго ихъ возраста употребленія скоромной пищи великимъ постомъ, а также и въ Сочельники и нѣкоторые другіе постные дни [3]). Супругъ ея князь Дмитрій Петровичъ Волконскій принялъ меня тоже съ радушіемъ, припомнилъ дѣтскія наши игры и съ первой же минуты сталъ со мною на *ты*, хотя мы не встрѣчались въ теченіе 28 лѣтъ. Нечего говорить, какъ пріятно было мнѣ сдѣлаться сразу своимъ человѣкомъ въ подобномъ семействѣ. Хотя князь Дмитрій Петровичъ былъ неблестящаго ума (вслѣдствіе чего онъ и не составилъ особенно видной карьеры), но былъ добродушный человѣкъ, откровеннаго и незаносчиваго нрава и добросовѣстный исполнитель всѣхъ, хотя неважныхъ, служебныхъ своихъ обязанностей [4]). Домъ, или правильнѣе дома Волконскихъ (потому что таковыхъ было

---

[1]) Таковою была моя ангельская мать; но едва-ли могу я, къ несчастію, причислить ее къ Русскимъ, вполнѣ, женщинамъ. Къ этому же примѣрно образцу отчасти подходитъ двоюродная моя сестра Н. А. Гавришенко.

[2]) Княгиня была еще малолѣтнею при смерти (въ Рязани) матери ея, Маріи Ардаліоновны Кикиной, рожд. Торсуковой (это племянница извѣстной Екатерининской камеръ-юнгферы Перекусихиной).

[3]) Въ извиненіи себѣ въ несоблюденіи постовъ слышится иногда лжепримѣненіе словъ Спасителя, что не оскверняетъ устъ то, что въ нихъ входитъ, а то что изъ нихъ выходитъ. На это неизмѣнно отвѣчаю всегда, что вѣроятно сами апостолы и отцы церкви знавали это евангельское изреченіе, но все-таки учредили постъ; да и кромѣ этого мы видимъ одобреніе постовъ самимъ Спасителемъ въ Его словахъ въ нагорной бесѣдѣ: „Егда же поститеся, не будите яворе лицемѣры свѣтующіе“ и проч., а также. „Ты же постяся, помажи главу твою и лице твое умый“. (Матѳея, VI, 16 и 17).

[4]) Онъ былъ долго Петербургскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства

два рядомъ), составляли уголъ дворцовой набережной и Машкова переулка; одинъ изъ нихъ принадлежалъ еще статсъ-секретарю Петру Андреевичу Кикину, а другой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Волконской (ее звали въ обществѣ la Tante Militaire), передавшей при жизни все свое значительное состояніе, въ томъ числѣ и этотъ домъ, своему племяннику, князю Петру Михайловичу Волконскому, съ условіемъ получать самой пожизненную, весьма немаловажную, помнится мнѣ, плату и квартиру въ нижнемъ этажѣ дома. Хотя оба дома были отдѣлены снаружи, даже и по архитектурѣ, но внутри соединены въ одинъ общій. Одинъ изъ нихъ выходилъ на Большую Милліонную.

Значительная часть высшаго общества была тогда на дачахъ въ Павловскѣ, гдѣ въ лѣтній сезонъ издавна царила Марія Павловна Сумарокова, которую я не преминулъ посѣщать, и былъ ею введенъ въ тамошнее общество, собиравшееся каждый вечеръ въ воксалѣ, гдѣ игралъ оркестръ Нѣмца Гунгеля. Владѣлецъ Павловска, великій князь Михаилъ Павловичъ былъ здѣсь совсѣмъ не тотъ, какимъ являлся на берегахъ Невы. Усвоивъ помѣщичьи пріемы, онъ безцеремонно ходилъ во всякое время съ визитами къ дачникамъ, посѣщалъ почти каждый день музыкальные и танцовальные вечера въ воксалѣ, не стѣсняя никого своимъ присутствіемъ, но всегда бывалъ одинъ: великая княгиня Елена Павловна съ великими княжнами или не проводила этого лѣта въ Павловскѣ, или не показывалась въ публикѣ. Великій князь часто заходилъ къ Маріи Павловнѣ и, не будучи прочь пошкольничать, снабжалъ ее повѣстями Поль-де-Кока, часто двусмысленными, а дабы удостовѣриться, что она ихъ прочитывала, разспрашивалъ ее объ ихъ содержаніи. Въ числѣ Павловскихъ лѣтнихъ жильцовъ было семейство графа Д. Н. Блудова, съ коимъ Марія Павловна меня познакомила. Не стану говорить о графѣ Блудовѣ, какъ о государственномъ дѣятелѣ, о чемъ по сю пору я не могъ составить себѣ положительнаго понятія *), но скажу, что не встрѣчалъ человѣка со столь увлекательнымъ даромъ слова: просто заслушаешься его какъ бы соловья. Но кромѣ качества блестящаго разсказчика онъ отличался утонченною вѣжливостію и умѣніемъ внимательно выслушивать своего собесѣдника, чего не дѣлаютъ обыкновенно говоруны. Онъ провожалъ своихъ гостей до передней. Изъ многихъ его острот помню его от-

*) Признавая недостаточность моихъ познаній современной намъ отечественной исторіи, чтобы рѣшить этотъ вопросъ, я тѣмъ не менѣе не могъ не изумиться заглавію книги Ковалевскаго „Графъ Блудовъ и его время“, какъ будто бы онъ ознаменовалъ собою эру, на подобіе какъ говорится о Карамзинѣ въ литературѣ или о князѣ Меттернихѣ въ Европейской политикѣ.

зывъ о Ф. Ф. Вигелѣ: «Il n'est bon que quand il est méchant» [1]), а также по предмету нравственности высшаго общества въ прошломъ вѣкѣ: «Nos grand'mères étaient pures de coeur, pas de corps» [2]). Одна изъ его дочерей, незадолго передъ тѣмъ, вышла замужъ за Шевича.

Графъ Блудовъ уѣхалъ въ слѣдующемъ 1846 году въ Римъ, для заключенія конкордата съ папою Григоріемъ XVI, и возвратился уже оттуда въ 1847 году, увѣнчанный дипломатическими лаврами. По поводу этой негоціаціи вотъ что я слышалъ. Вся царская семья, за исключеніемъ Великаго Князя Наслѣдника и его супруги, провели зиму съ 1845 на 1846 годъ въ Неаполѣ и Палермѣ, а Государь съѣздилъ одинъ для свиданія съ папою въ Римъ. Николай Павловичъ, признавая, по ученію нашей церкви, Римскаго первосвященника однимъ изъ пяти вселенскихъ патріарховъ, поцѣловалъ его руку, и при окончаніи дружелюбной его святѣйшества съ нимъ бесѣды, папа сказалъ: «Теперь, когда мы во всемъ согласны, не дозволитъ-ли ваше императорское величество прислать къ своему двору моего нунція?» — «Напротивъ», отвѣчалъ Государь, «мнѣ кажется, что, именно по тому, что ваше святѣйшество и я согласны по всѣмъ вопросамъ, не за чѣмъ имѣть третье лицо между нами».

Возвращаюсь къ Павловскому фешіонабельному обществу, хотя весь его составъ мнѣ трудно теперь припомнить. Были графы Нироді и Гейденъ съ ихъ семействами, молодые супруги Путяты (Авдотья Егоровна Путята была та самая дочь Егора Ивановича Пашкова, которую мы звали въ полку Душею), генералъ Клюпфель съ женою Англичанкою, ген.-адъют. баронъ Мейндорфъ (храбрый нѣкогда вождь принцъ Альберта кирасирскаго полка въ Гроховской битвѣ 1831 г.) и его жена Ольга Ѳедоровна, рожд. Брискорнъ [3]), секретарь миссіи Соединенныхъ Штатовъ Клей съ прехорошенькою женою и пр. Марія Павловна представила меня почти всѣмъ имъ; но знакомство я поддержалъ съ немногими. Тогда только что взошелъ въ моду танецъ полька, но не такъ какъ теперь его танцуютъ, а былъ онъ тогда характернымъ, съ разными пантомимами, въ родѣ того, что на сценѣ принято называть Русскою пляскою, хотя тутъ ничего не было національнаго кромѣ завѣтнаго сарафана и кокошника у танцующей, равно какъ

---

[1]) „Онъ только тогда хорошъ (добръ), когда онъ золъ"; но въ оригиналѣ эта эпиграмма выходитъ эффектнѣе, потому что Французское слово „bon" значитъ хорошъ, а иногда *добръ* и даже *пригоденъ*. Въ буквальномъ переводѣ выходило бы, что Вигель только тогда добръ, когда онъ золъ; но это не имѣетъ смысла по русски.

[2]) Наши бабки были чисты сердцемъ, но не тѣломъ.

[3]) Сестра жены Алексѣя Иракліевича Левшина.

кафтана и ямской шляпы у ея кавалера, за еще то, что оба они выдѣлывали какіе-то амфибическіе *па*, подъ оркестрированную пѣсню «по улицѣ мостовой». На танцовальномъ вечерѣ въ Павловскомъ воксалѣ, одна темноокая брюнетка, по фамиліи Энгельгардъ, до того восхитила меня своею нѣгою въ фигурахъ этого танца «la fuite et la poursuite», что соблаговолила исполнить мою просьбу повторить этотъ танецъ съ ея кавалеромъ, сыномъ (какъ теперь помню) генерала Набокова. Самъ же я давно пересталъ танцовать, да и никогда не былъ мастеръ въ этомъ искусствѣ. Тамъ же (т. е. въ воксалѣ) я снова повстрѣчался съ А. Е. Варламовымъ, переселившимся въ Петербургъ въ надеждѣ получить мѣсто репетитора въ Придворной Пѣвческой Капеллѣ. Встрѣча со своимъ братомъ-Москвичемъ порадовала нашего національнаго композитора. Готовился тогда по подпискѣ балъ для великаго князя Михаила Павловича, по случаю его отъѣзда въ Москву. Распорядителями этого празднества были Андрей Ивановичъ Сабуровъ и Марія Павловна Сумарокова, а мѣстомъ для бала избранъ извѣстный «Павильонъ Розъ», нѣкогда устроенный Маріею Ѳедоровною для принятіи въ немъ Александра Павловича, возвращавшагося въ 1814 г. изъ Парижа. Очень захотѣлось мнѣ повстрѣчаться глазъ на глазъ съ его высочествомъ и, будучи принятъ въ число подписчиковъ А. И. Сабуровымъ, я отправился туда изъ Петербурга, съ почнымъ поѣздомъ, въ холодную Сентябрьскую погоду, и взошелъ въ «Павильонъ розъ» въ разгаръ бала, когда Марія Павловна, хозяйничавшая на немъ, разговаривала съ Великимъ Княземъ у самыхъ дверей танцовальнаго зала, куда я не могъ поэтому проникнуть. Увидавъ меня она кивнула мнѣ головою, и вслѣдъ за тѣмъ быстрый взглядъ его высочества обдалъ меня; а когда оба разошлись, и я могъ подойти къ Маріи Павловнѣ, то она передала мнѣ слѣдующее. «C'est Boutourline?» — «Oui, monseigneur».— «Boutourline, le briseur de vitres?» — «Je ne sais pas, monseigneur, s'il a brisé ou non des vitres; mais je sais que c'est le c-te Michel Boutourline, une ancienne connaissance à moi, homme posé et depuis longtemps père de famille» *). Въ другой разъ, встрѣтившись съ нимъ на тротуарѣ въ Петербургѣ, во время дождя, я свернулъ зонтикъ, прижался къ дому и, снявъ шляпу, сдѣлалъ ему полувоенный фронтъ. Проходя мимо меня, онъ сдѣлалъ подъ козырекъ и, повидимому, узнавъ меня, даже удаляясь, повернулъ голову назадъ, и продолжалъ смотрѣть на меня, а я съ своей стороны стоялъ непод-

*) „Это Бутурлинъ?“ — „Точно такъ, ваше высочество“. — „Бутурлинъ? Тотъ, что билъ стекла?“—„Не знаю, ваше высочество, билъ ли онъ стекла; но это графъ Михайла Бутурлинъ, старый мой знакомый, человѣкъ степенный и уже давно отецъ семейства“.

вижно, выдерживая эту инспекцію. Убійственная память была у его высочества и у покойнаго императора.

Не слѣдуетъ умолчать, что я принятъ былъ очень ласково А. И. Сабуровымъ и Василіемъ Дмитріевичемъ Олсуфьевымъ, жившимъ тогда въ Китайскомъ городкѣ Царскосельскаго парка, по случаю осенняго пребыванія въ Царскомъ Селѣ Великаго Князя Наслѣдника, при дворѣ коего онъ былъ гофмаршаломъ; онъ пользовался особеннымъ къ себѣ благорасположеніемъ Великаго Князя, умѣвшаго цѣнить этого прямодушнаго царедворца [1])

Не упоминалъ я еще, сколь грустно было первое мое свиданіе съ барономъ П. А. Вревскимъ, коему улыбнулось семейное счастіе для того только, чтобы оставить его болѣе безотраднымъ, нежели онъ былъ прежде; хотя въ то время (осенью 1845 г.) у него оставался еще въ живыхъ залогъ любимой жены, но и этого послѣдняго утѣшенія онъ лишился спустя около года. Жизнь его была разбита навсегда, и хорошо, что обязательная служебная дѣятельность поглощала тогда все его время, а то ему можно было бы сойти съ ума [2]). Съ Сергѣемъ Степановичемъ Ланскимъ и его сыновьями я былъ по прежнему на интимной ногѣ. Старшій изъ нихъ, Степанъ Сергѣевичъ, былъ поручикомъ или штабсъ-капитаномъ въ конногвардейскомъ полку [3]); Александръ Сергѣевичъ, красивый малый, нынѣ умершій, былъ корнетомъ въ томъ же полку, а Михаилъ Сергѣевичъ юнкеромъ въ л.-гв. драгунскомъ полку. Передовой человѣкъ, хотя и не геніальный, былъ С. С. Ланской, и Англоманъ въ жизненныхъ своихъ привычкахъ и убѣжденіяхъ; а что онъ хорошо изучилъ внутренній бытъ своего отечества и механизмъ администраціи и то, въ чемъ именно грѣшилъ этотъ механизмъ, въ этомъ отношеніи онъ напрактиковался въ бытность его губернаторомъ въ Костромѣ и во Владимирѣ. Однакоже по жгучему вопросу о всеобщей язвѣ взяточничества онъ разсуждалъ, къ моему удивленію, какъ и другіе изъ его собратій, что возвышай, молъ, на сколько хочешь окладъ служащаго люда, взяточничество этимъ не прекратится. (Разговоръ нашъ былъ по поводу недавняго тогда

---

[1]) Кажется мнѣ правдоподобнымъ, что, не умри В. Д. Олсуфьевъ, то былъ бы онъ теперь министромъ двора, вмѣсто сына престарѣлаго графа Адлерберга.

[2]) Много позднѣе, онъ женился на вдовѣ ген.-адъют. Храповицкаго, рожд. княжнѣ Щербатовой.

[3]) Бывъ во всю продолжительную свою службу, не болѣе какъ 4 или много 5 лѣтъ въ отставкѣ, С. С. Ланской только что въ прошломъ (1871) году произведенъ въ полковники, послѣ 32 лѣтней дѣйствительной службы, не взирая на то, что отецъ его давно занималъ высшія государственныя должности и былъ уже министромъ съ 1855 года. И въ военной службѣ, какъ вездѣ, кому везетъ, а кому нѣтъ.

назначенія жалованія совѣтникамъ губернскихъ правленій по 800 р. с. въ годъ вмѣсто получаемыхъ ими дотолѣ по 800 руб. асс.). На это я ему, какъ и всѣмъ прочимъ, высказалъ мое мнѣніе, что, обезпечивъ быть человѣка (хоть бы въ частности собственнаго нашего слуги) на столько, что онъ *положительно можетъ* существовать однимъ своимъ окладомъ, можно безъ зазрѣнія совѣсти требовать, чтобы онъ не прибѣгалъ къ противузаконнымъ, темнымъ источникамъ вспомоществованія, переходящаго уже въ область житейскихъ прихотей; но требовать этого правительству нельзя при размѣрахъ прежнихъ (и отчасти и нынѣшнихъ) окладовъ, доходившихъ до комизма, какъ напримѣръ окладъ писца въ уѣздныхъ судахъ по 1 р. 80 к. сер. въ мѣсяцъ, или то, что̀ называлось высшимъ окладомъ канцелярскихъ чиновниковъ губернскихъ правленій, получавшихъ по 8 р. въ мѣсяцъ, что̀ составляло 96 р. въ годъ! Правительство само было причиною безнравственности. Ну, а если на это скажутъ (какъ случалось мнѣ слыхать): «такъ зачѣмъ же лѣзутъ они (т. е. чиновники) на службу, зная напередъ, на какой окладъ идутъ» или, что правительству не подъ силу удовлетворительно обезпечивать содержаніе всѣхъ нужныхъ ему для службы лицъ (аксіома, казавшаяся высшею покойному П. П. Новосильцову, съ коимъ я состязался по этому вопросу, когда онъ былъ Рязанскимъ губернаторомъ), то подобные аргументы не выдерживаютъ критики, а на послѣдній изъ таковыхъ я отвѣчалъ тогда моему собесѣднику, что въ такомъ случаѣ правительство находится въ безвыходной дилеммѣ и этимъ признаетъ свою финансовую несостоятельность. Да и опять таки, когда преслѣдуется взяточничество, кара закона выпадаетъ на долю мелкотравчатаго чиновничества, а сильные, въ большинствѣ случаевъ, отъ него ускользаютъ.

По довольно подобныхъ разсужденій на столь битую и перебитую тему. С. С. Ланской тогда же разсказывалъ мнѣ объ одномъ юридическомъ куріозѣ, относящемся къ 20-мъ годамъ нынѣшняго вѣка, до появленія перваго изданія Свода Законовъ. Одинъ уѣздный судья донесъ ему, какъ губернатору (въ то время уѣздные суды подлежали губернаторскому контролю) о невозможности ему (судьѣ) порѣшить какое-то дѣло, потому-де, что стряпчій *упорствуетъ не показывать* ему законовъ, къ дѣлу подходящихъ. Оно весьма естественно: по мѣрѣ полученія отдѣльныхъ сенатскихъ указовъ, ихъ издавна складывали по годамъ въ кучки. Они покоились такимъ образомъ въ углу присутственной каморы или въ канцеляріи суда, а при накопленіи ихъ связывали вмѣстѣ и переносили въ пыльный архивъ. О нихъ кое-что могли еще знать стряпчій и секретарь суда, какъ чиновники коронные,

не смѣняющіеся, тогда какъ дворянствомъ выбранный на трехлѣтній срокъ судья, да и часто изъ военныхъ, или хотя бы изъ штатскихъ, но безъ всякихъ дѣльныхъ служебныхъ антецедентовъ, никакъ уже не могъ самъ отыскать въ этомъ хламѣ подходящихъ для его руководства законовъ.

Весь Петербургъ слѣдилъ тогда съ напряженнымъ, но недовѣрчивымъ вниманіемъ за ходомъ работъ подземнаго электрическаго телеграфа между кабинетомъ Государя въ Зимнемъ дворцѣ и кабинетомъ графа П. А. Клейнмихеля въ домѣ главнаго управленія путей сообщенія, у Обухова моста. Мнѣ это казалось басней; но при видѣ того, что̀ вышло изъ этого опыта, никакое новое изобрѣтеніе меня болѣе теперь не удивитъ, и я ожидаю ежедневно, что наука дойдетъ до средства управлять аеростатомъ, какъ пароходомъ. Но куда дѣнутся тогда таможни? Вопросъ этотъ разрѣшить трудно. Впрочемъ, придется тогда учредить особую контрольную полицію для отлетающихъ и прилетающихъ шаровъ.

Изъ новыхъ моихъ знакомыхъ упомяну о Ѳеофилѣ Матвѣевичѣ Толстомъ и женѣ его Александрѣ Дмитріевнѣ, рожд. Давыдовой; я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ, что Гименъ свелъ ихъ въ Москвѣ, на аматёрскихъ подмосткахъ, въ роляхъ Фигаро и Розины, и меломанъ Толстой, покинувъ въ настоящее время сколачиваніе прежнихъ своихъ Русскихъ романсиковъ (правду сказать, не особенно даровитыхъ), принялся за болѣе крупное дѣло—оперная композиторства, добывъ для сего отъ какого-то Итальянскаго піиты либретто, подъ заглавіемъ «il Birichino di Parigi», въ которомъ сюжетъ заимствованъ изъ Французской піесы, имѣвшей большой успѣхъ: «le Gamin de Paris». Должно быть, что Толстой не довершилъ своего труда или, если окончилъ его, то партитуры не выпустилъ изъ своего портфёля, потому что я не слыхалъ, чтобы его опера постановлена была гдѣ нибудь на сценѣ. У иныхъ увядшихъ артистокъ было упорство, какъ я уже не разъ замѣчалъ, продолжать свою профессію вопреки подгулявшаго голоса, а у Александры Дмитріевны Толстой было на оборотъ: она бросила пѣть при полномъ еще обладаніи обширнаго и хорошо обработаннаго своего органа; но въ угодность мнѣ она дѣлывала исключеніе и пѣвала со мною подъ акомпаниментъ своего мужа, на что былъ онъ великій мастеръ. Превеселая барыня была Александра Дмитріевна, съ большими и весьма недурными глазами, не знавшими неподвижности (вмѣсто всего этого иносказательства хотѣлось было мнѣ назвать ее просто «быстроглазою», но это было бы черезчуръ тривіально). Была она весьма общительна и предпочитала (на сколько я могъ за-

мѣтить) мужскую компанію женской, и въ таковой готова была просиживать до бѣлаго дня [1]). Въ ея салонѣ я не разъ встрѣчалъ графа Григорія Строгонова, графа Крейца и красавца Альбединскаго; всѣ трое были тогда молодыми офицерами въ конногвардейскомъ полку. Я позднѣе узналъ, что графъ Строгоновъ предназначался въ флигель-адъютанты; но когда его о томъ извѣстили, то онъ усердно началъ хлопотать, чтобы вмѣсто него этой чести удостоенъ былъ его однополчанинъ, графъ Крейцъ, какъ не имѣвшій ни свѣтскаго виднаго положенія, ни протекціи, какими пользовался Строгоновъ, вслѣдствіе чего графъ Крейцъ получилъ это званіе [2]). Подобная черта дѣлаетъ много чести графу Строгонову, да и вся его личность и манеры обличали въ немъ настоящаго, что̀ называется по французски, «enfant de bonne maison».

Въ Октябрѣ 1845 года возвратились изъ-за границы З. С. Дивова, съ годовымъ почти своимъ первенцомъ, Сергѣемъ Николаевичемъ, при коемъ была кормилицею классическаго типа Римлянка. Пріятель мой, карликъ Филипъ Арсеньичъ, неразлучный соперникъ Зинаиды Сергѣевны, разсказывалъ мнѣ, что когда эта кормилица, передъ отъѣздомъ изъ Рима, ходила прощаться съ семействомъ одного тамошняго маркиза, гдѣ она прежде жила, то маркизъ предупреждалъ ее быть осторожною въ Россіи, когда вздумается ей прогуливаться: потому-де что тамъ множество волковъ.

Зинаида Сергѣевна, пробывъ на этотъ разъ только нѣсколько дней въ Петербургѣ, уѣхала на зиму въ Москву.

Я говорилъ выше, какъ обрадованъ былъ А. Е. Варламовъ встрѣчею со мною въ Павловскомъ воксалѣ. Не взирая на знакомства съ графомъ М. Ю. Віельгорскимъ и самимъ генераломъ Львовымъ, директоромъ Пѣвческой Капеллы, онъ до конца жизни († въ Петербургѣ, осенью 1848) не получилъ искомаго мѣста. Жалуясь безпрестанно на стѣсненное свое положеніе, онъ тѣмъ не менѣе былъ крайне безпеченъ и лѣнивъ на подъемъ. Двоюродная моя сестра, Е. А. Кикина, узнавъ отъ меня, что онъ въ Петербургѣ, просила привезти его къ ней, чтобы брать у него уроки Русскаго пѣнія. (У сестры моей былъ и по сю пору остался

---

[1]) Обращеніе ея съ мужчинами не назову кокетствомъ, а то что̀ по англійски зовется „flirtation“. Это нѣчто болѣе нежели любезность, но менѣе чѣмъ кокетство.

[2]) По поводу состязанія о флигель-адъютантствѣ, слышно было, что одинъ Преображенскій офицеръ Л. жалобно разсказывалъ о сдѣланной ему вопіющей несправедливости (un passe-droit), назначеніемъ въ это званіе г. Мирбаха, тогда какъ онъ Л. имѣлъ за собою заслугу, что въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ неутомимо танцовалъ на придворныхъ балахъ, какъ большихъ, такъ и малыхъ, тогда какъ Мирбахъ танцовалъ на нихъ не болѣе двухъ лѣтъ.

сильный контральто). Повезъ я къ ней моего Александра Егоровича. Присѣвъ, по просьбѣ дамъ, къ фортепіану, онъ всѣхъ ихъ восхитилъ своею методою при слабѣйшемъ и едва внятномъ теноровомъ органѣ, своимъ декламированіемъ столько же, сколько пѣніемъ своихъ дивныхъ вдохновеній, Русскимъ горемъ и Русскою жизнью пропитанныхъ. Сестра моя условилась съ нимъ на два или на три урока въ недѣлю и, выходя оттуда, Варламовъ слезно благодарилъ меня за подспорье, доставленное ему этою ученицею. Что же вышло? Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ сестра спросила у меня, по какой причинѣ Александръ Егоровичъ давно глазъ не кажетъ? А завернетъ онъ, бывало, ко мнѣ въ гостинницу Кулона и по цѣлымъ часамъ сидитъ себѣ съ чубукомъ Жукова въ зубахъ *) и хнычетъ, что жить нечѣмъ: а если предложить ему преферанчикъ, хоть бы по самому ничтожному кушу, то онъ готовъ былъ просидѣть за карточнымъ столомъ весь день и всю ночь. Апатичность его была такова, что онъ въ то время даже не занимался развитіемъ голоса дочери своей Елены (отъ втораго брака), и я, видая не разъ эту дѣвушку (ей было тогда 13 или 14 лѣтъ) не подозрѣвалъ даже, что у нея былъ голосъ, и очень удивился, узнавъ, что послѣ смерти отца она дала концертъ въ Москвѣ, устроенный стараніемъ добраго Грессера, издателя романсовъ А. Е. Варламова. Нрава Варламовъ былъ мягкосердечнаго и безхарактернаго, настоящая тряпка и безъ всякой воли въ домашнемъ быту; постоянно лежалъ на немъ меланхолическій оттѣнокъ, какимъ отзывается большинство его произведеній. Я былъ съ нимъ на *ты*. Жена его, тихая и разсудительная, жаловалась мнѣ на безуспѣшность своихъ попытокъ вывести мужа изъ апатіи и лѣнивыхъ жизненныхъ привычекъ, главныхъ причинъ стѣсненнаго положенія всей семьи.

Уличнымъ событіемъ дня было тогда появленіе Голандской вафельницы, коей отведенъ былъ для ея стряпни скверъ, что́ на Александрийской площади. Собою она была весьма представительна и даже величава, хоть бы прямо на сцену въ роли королевъ и герцогинь: высокаго роста, плечистая и отчасти тучноватая, брюнетка по глазамъ и волосамъ, но со свѣжестію кожи блондинки, съ выразительными чертами лица, хотя явно было, что ей стукнуло лѣтъ сорокъ. Одѣвалась она изящно, вся въ кружевахъ съ ранняго утра, съ открытою шеею и голыми до локтей руками алебастровой бѣлизны (хотя на дворѣ стоялъ Октябрь), съ браслетами и съ кольцами. Такова была персона, стоявшая за прилавкомъ, въ довольно просторной парусинной палаткѣ,

*) Старожилы помнятъ, чай, въ какомъ ходу былъ тогда Голандскій табакъ Петербургскаго фабриканта Василія Жукова, называемый вакштафъ

убранной съ нѣкоторымъ комфортомъ для посѣтителей (каковыхъ была всегда давка); а въ углубленіи палатки стояла переносная желѣзная печка. Издѣлія ея были дѣйствительно превосходны, такъ что не помню, ѣдалъ ли я гдѣ нибудь подобныя вафли, да еще изъ тѣста съ ванилью. Произведеніе свое она подносила сама посѣтителямъ, безъ помощи прислуги и съ привѣтливою улыбкою. Цѣны вафель были соразмѣрны обстановкѣ, т. е. не самыя, помнится мнѣ, дешевыя; но, кромѣ потребителей на мѣстѣ, въ палаткѣ тѣснились ливрейные лакеи съ заказами изъ богатыхъ домовъ, и была такая толпа покупателей, ожидавшихъ своей очереди, что у рѣшетки сквера стояла полицейская стража для наблюденія за порядкомъ. Барыши отъ этой кажущійся грошевой торговли увеличивались тѣмъ, что приходившая туда свѣтская молодежь и не молодежь запивала вафли Шампанскимъ, за которое платили не по той конечно цѣнѣ, по какой можно было его купить въ винныхъ погребахъ. При появленіи морозовъ эфемерная вафельница скрылась, а на слѣдующій годъ попытала свое счастіе въ Москвѣ; но тамъ ей не повезло, какъ на Невскомъ берегу, да и вся ея обстановка на Тверскомъ бульварѣ была, помнится мнѣ, грязненька.

Отъ городской хроники перехожу къ театральному отдѣлу. Составъ Итальянской оперной труппы былъ весьма хорошъ. Примадонною была Полина Віардо-Гарція (сестра умершей Малибранъ), знаменитая и голосомъ, и игрою, но лица далеко некрасиваго *). За то вторая примадонна, воспитанница или родственница Тамбурини (фамиліи ея не упомню) была прелесть собою; но этимъ почти однимъ она и брала: хотя въ голосѣ у нея не было особеннаго недостатка, пѣла она безжизненно и игрою не отличалась. Первымъ теноромъ былъ Сальви, весьма еще хорошій, хотя немного уже спавшій противъ того Сальви, какимъ былъ онъ въ Москвѣ въ предыдущій сезонъ. Тамбурини (баритонъ) имѣлъ еще кое-когда не то что блестящія, но удовлетворительныя минуты, хотя выдержать музыкальную фразу въ *adadжio* онъ никакъ не могъ и старался отдѣлаться руладами; кромѣ того, верхнія, необходимыя въ баритонѣ, ноты *fa* и *fa-diez*, да и чуть ли не *si-bemol*, совершенно уже исчезли, отчего онъ искажалъ писанныя для этого голоса партиціи, замѣняя эти высокія ноты болѣе возможными ему нижними. Всѣ эти недостатки онъ, однакоже, почти что выкупалъ умною игрой и глубокимъ сценическимъ навыкомъ. Буффо былъ довольно хорошъ; фамиліи его, а также глубокаго баса, не упомню.

*) Мужъ ея, Французъ Віардо, имѣлъ притязаніе на художническую литературу и издалъ обзоръ галлереи Императорскаго Эрмитажа.

На Александринскомъ театрѣ роли Каратыгина были отданы, по случаю его отъѣзда за границу, нѣкоему Славину, взятому, впрочемъ, дирекціей только на пробу. Я однажды видѣлъ его въ длиннѣйшей піесѣ «Молодость Кина» [1]), въ коей онъ показался мнѣ ниже посредственности. Этотъ Славинъ былъ предъ тѣмъ въ Москвѣ. Дебютировалъ онъ тамъ или нѣтъ, неизвѣстно мнѣ; но я узналъ, что онъ подвизался также и на беллетристическомъ поприщѣ и посвятилъ три свои повѣсти тремъ Московскимъ младшимъ полицмейстерамъ, гг. Брянчаниновy, Верещагину и (кажется) Мельгунову. То время было наиблестящею эрой Русской Петербургской сцены, и незабвенными въ ея лѣтописяхъ останутся имена Сосницкаго, второго Каратыгина (онъ же и драматургъ), Мартынова, Самойлова, Григорьевыхъ 1-го и 2-го [2]) и Максимова (въ живыхъ остался теперь одинъ Самойловъ). Изъ женщинъ были обѣ Самойловы, Надежда и Вѣра Васильевны; вторая мало уступала въ иныхъ роляхъ г-жѣ Дюплеси, а въ роляхъ пожилыхъ женщинъ, и въ особенности служанокъ, неподражаемою была пожилая уже Биркина (или Брыкина). Недавно передъ тѣмъ ангажированная на Михайловскую (Французскую) сцену г-жа Дюплеси-Арманъ производила заслуженный фуроръ. Не случалось мнѣ никогда видать, чтобъ искусство столь близко подходило къ природѣ, какъ у этой артистки; помню, что когда въ роляхъ приходилось ей плакать, она не то чтобы хорошо притворялась, но дѣйствительно проливала градомъ неподдѣльныя слезы. Остальной составъ труппы оставался прежній: талантливая г-жа Аллань (окончательно, хотя не совсѣмъ заслуженно, провалившаяся съ пріѣзда г-жи Дюплеси), Луиза Мейеръ, мамзели Анна и Фальконъ (вторая изъ нихъ была сестра извѣстной пѣвицы того же имени, Парижской Французской оперы), а изъ мужчинъ Брессанъ, Бертини, Аллань, Дюфуръ, Вернетъ и Ружьѐ.

Сознавая необходимость для пользы дѣла, по которому я жилъ тогда въ Петербургѣ, возобновить мои связи въ аристократическомъ мірѣ, я пустился въ него, и снова, по милости генеалогическихъ моихъ матрикулъ, отверзлись мнѣ салонныя двери, какъ будто бы я нѐ отставалъ никогда отъ этого общества. Въ Питерѣ не то, что въ Москвѣ: новому человѣку, какъ бы никозенъ онъ ни былъ, попасть въ высшее

---

[1]) Кинъ былъ извѣстный Англійскій трагикъ и соперникъ Кембеля, въ первой четверти нынѣшняго вѣка.

[2]) Спеціальностью Григорьева 2-го были роли купцовъ, говоръ и ухватки коихъ онъ усвоилъ до комическаго совершенства, такъ что онъ долженъ былъ (какъ разсказывали) избѣгать проходить мимо Щукина двора, гдѣ озлобленные купчики собирались было поколотить его.

общество невозможно безъ аристократическихъ антецедентовъ [1]) и въ силу логики того же правила, напрасно будетъ освѣщаться «*à jour*» бальный залъ разбогатѣвшаго буржуа. Залъ этотъ не узритъ въ своихъ нѣдрахъ, какъ въ неразборчивой Москвѣ, высшаго общества въ полномъ его составѣ; развѣ только нѣкоторые, немногіе его отщепенцы, пренебрегатели кастовыхъ традицій, удостоятъ подобный залъ своего присутствія. Долго добивался въ Петербургѣ подобной чести милліонеръ Лазаревъ, человѣкъ не изъ буржуазіи и женатый на принцессѣ Биронъ; но салоны его не прежде стали наполняться знатью, какъ получивъ предварительную санкцію посѣщеніемъ великаго князя Михаила Павловича. Не слыхивалъ я, чтобы какіе нибудь изъ дамъ Петербургскаго высшаго круга бывали на балахъ придворнаго банкира барона Штиглица.

Описывать вечера и балы не къ чему; скажу только, что на вечерахъ у графини Александры Кирилловны Воронцовой я снова повстрѣчался съ знакомою мнѣ Флорентинкою Полиной, урожденною графиней Ненчини, вышедшею замужъ за тамошняго маркиза Пуччи, а въ описываемое время (осенью 1845 года) уже бывшею за Хитровымъ. Неловко было бы съ моей стороны напоминать ей о Флорентинской жизни и объ одновременныхъ мнѣ съ нею свѣтскихъ дебютахъ въ томъ обществѣ, зимою съ 1825 на 1826 годъ, потому что подобныя воспоминанія были въ связи съ позднѣйшимъ ея побѣгомъ отъ живаго мужа [2]), событіемъ, сдѣлавшимъ большой эскландръ; но мы все-таки сошлись какъ не чужіе другъ другу и какъ соотечественники. Собою она была весьма еще пикантна, хотя не красавица, каковою была ея мать до старости лѣтъ, и она вскорѣ сдѣлалась такъ-сказать *своею* въ Петербургскомъ обществѣ. Въ томъ же салонѣ графини Воронцовой я сблизился съ барономъ Ѳедоромъ Андреевичемъ Бюлеромъ. Однажды, сходя съ нимъ съ лѣстницы, послѣ одного вечера у сказанной графини, мы увидали очень молодую дѣвушку, невысокаго роста, но очень хорошенькую собой (упираю на это прилагательное, потому что кто знаетъ нынѣ эту особу, трудно повѣрить моимъ словамъ), сидѣвшую въ страдальческой позѣ на лакейскомъ прилавкѣ, въ швейцарской, и со стоявшею предъ ней озабоченною матерью. Мать эта была графиня Аграфена Ѳедоровна Закревская, а дѣвушка—ея дочь Лидія Арсеньевна,

[1]) Отступленіе отъ этого правила было въ отношеніи чужеземныхъ знаменитостей въ литературѣ или области художествъ, но для таковыхъ изъ Русскихъ отступленія не было. Для нихъ только домъ княгини М. П. Волконской, какъ исключеніе, былъ всегда открытъ.

[2]) Въ 1845 году маркиза Пуччи не было уже въ живыхъ, а въ настоящее время (1872 г.) и жены его, впослѣдствіи Хитровой.

оступившаяся и повредившая, впрочемъ незначительно, ногу при сходѣ съ лѣстницы. Въ наступавшую зиму (съ 1845 на 1846 г.) она вышла за молодого графа Нессельрода (сына тогдашняго канцлера), при чемъ посаженнымъ отцомъ у нея былъ покойный государь Николай Павловичъ.

Въ числѣ иностранныхъ художниковъ, коимъ удалось получить заказы для строившагося тогда Исаакіевскаго собора, былъ небезталантный Флорентинскій живописецъ Муссини, прибывшій въ Петербургъ тою осенью. Хотя во Флоренціи я съ нимъ встрѣчался не болѣе одного или двухъ разъ, но мы скоро сошлись и были на *ты:* привычка въ Итальянскомъ фамиліарномъ парѣчіи, сходная съ Русскимъ обычаемъ, но не существующая ни на Французскомъ, ни еще менѣе на Англійскомъ языкѣ [1]). Не знаю, помнитъ ли читатель о нѣкоемъ маэстро Сарти, капельмейстерѣ при Екатерининскомъ дворѣ, сочинившемъ оркестрированную музыку, съ акомпаниментомъ пушечной подъ тонъ пальбы Амвросіанскаго гимна [2]), при торжествѣ по случаю взятія Очакова. У этого Сарти была дочь, вышедшая за Итальянца же Муссини, и плодомъ этого брака были двое художниковъ, о старшемъ изъ коихъ идетъ здѣсь рѣчь. Старикъ Муссини былъ чѣмъ-то (вѣроятно капельмейстеромъ или пѣвцемъ) при Берлинскомъ дворѣ, и воспитанныя тамъ его дѣти считались полуонѣмеченными. Сынъ его, о которомъ теперь говорю, носилъ какой-то Прусскій орденъ и въ торжественныхъ случаяхъ облекался въ красный мундиръ Прусской дворцовой роты или дворянской стражи, какъ онъ увѣрялъ; должно быть, онъ не вралъ, иначе не посмѣлъ бы являться Императору въ этомъ военномъ костюмѣ. Онъ разсказывалъ мнѣ, что когда въ первый разъ онъ представлялся, то Государь, узнавъ чей онъ былъ внукъ, благоволилъ распорядиться доставить ему нарочный случай послушать музыкальное исполненіе придворными пѣвчими произведенія его дѣда, за исключеніемъ (конечно) пушечныхъ выстрѣловъ и треска пиротехническихъ батарей, также находившихся въ партитурѣ композиціи [3]). Замѣчу ми-

---

[1]) На Англійскомъ языкѣ мѣстоимѣніе *ты* употребляется только въ молитвословѣ, а въ разговорѣ второе лицо единственнаго числа употребляютъ одни только квакеры, неотступные приверженцы библейскаго слога.

[2]) „Тебе Бога хвалимъ". Нѣкій дока по церковной исторіи говорилъ мнѣ, что этотъ гимнъ перешелъ къ намъ непосредственно изъ Римской церкви, какими путями — неизвѣстно; но онъ не существуетъ въ Греческомъ Служебникѣ.

[3]) Графъ Д. Н. Толстой сообщилъ мнѣ, что покойный Государь очень любилъ музыку Сарти въ „Нынѣ силы небесныя", кромѣ ея финала, въ „Аллилуія", кончавшемся фугою, и что Государь доставилъ, вѣроятно, Муссини случай слушать эту піесу. Объ этой композиціи мнѣ ничего до сихъ поръ не было извѣстно, и я зналъ лишь о „Нынѣ силы небесныя", Бортнянскаго.

моходомъ, что покойный Государь былъ щедрымъ поощрителемъ художествъ и художниковъ, какъ своихъ Русскихъ, такъ и иноземныхъ, и были случаи, когда онъ оказывался неплохимъ знатокомъ этого искусства. Такъ, напримѣръ, я слыхалъ, что при покупкѣ, по ходатайству герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, нѣсколькихъ псевдо-Рафаэлевъ Государь будто бы твердилъ хвалящимъ эти картины: «Vous aurez beau dire tout ce que vous voudrez, mais ces tableaux ne me plaisent pas» [1]). И дѣйствительно, не прошло пяти лѣтъ, какъ эти мнимыя геніальныя произведенія очутились на дворцовомъ чердакѣ, или гдѣ-то въ захолустьѣ.

Не досказалъ я, что нашъ Муссини втерся въ самые верхніе слои, Петербургскаго общества, благодаря высказанному выше правилу дѣлать исключеніе для иностранцевъ.

Когда съѣхалась вся знать на зиму въ Петербургъ, и подоспѣло время приступить къ дѣлу, вызвавшему меня туда, началъ я соображать, съ какого конца взяться, и зная, насколько имѣетъ иногда на Невскомъ берегу успѣхъ женское вліяніе, пришло мнѣ внезапно на мысль [2]), что хорошенькое личико моей жены можетъ сдѣлаться надежнымъ для меня помощникомъ въ данномъ случаѣ. Разсчетъ былъ отчасти основателенъ въ теоретическомъ отношеніи, но на практикѣ жена моя неспособна была на такую роль; да и самъ я никогда не былъ гораздъ на мытарства просителя: тутъ, кромѣ необходимой сильной поддержки, нужна особая смѣтливость разузнавать всѣ лазы и лазейки по вліятельнымъ мужскимъ и женскимъ порогамъ; надо пустить въ ходъ и посторонніхъ салонныхъ агентовъ-говоруновъ, и маневрировать неукоснительно и неутомимо по измѣняющейся иногда программѣ, не останавливаясь и не упадая духомъ при первыхъ неудачахъ. Изучить эту алгебру почти что невозможно, а надо родиться съ этою способностью; да и опять-таки не всегда и эта наука удается самымъ даже экспертамъ въ ней: кому везетъ, а кому нѣтъ, хоть будь онъ семи пядей во лбу; а мнѣ, какъ я говорилъ на первыхъ страницахъ настоящихъ Записокъ, почти что никогда не везло въ жизни.

Рѣшившись на эту попытку, мы возвратились въ Москву, а оттуда поѣхали оба въ Знаменское. Проѣздомъ въ Москвѣ, мы узнали о катастрофѣ, постигшей тамъ Леона и его сообщниковъ, по обвиненію въ составленіи подложнаго будто бы духовнаго завѣщанія нѣкоего Разсказовскаго. Многошумное это дѣло состояло въ слѣдующемъ. П. П.

[1]) Говорите что хотите, но картины эти мнѣ не нравятся.

[2]) Помню, что мысль эта вдругъ блеснула мнѣ однажды послѣ обѣда у друзей моихъ Шатиловыхъ, когда я курилъ, грѣясь у печки, по моей привычкѣ, послѣ обѣда.

М. . . ъ, познакомившись со старымъ холостякомъ Разсказовскимъ, слывшимъ за капиталиста и человѣка нетрезвыхъ привычекъ, перетащилъ его къ себѣ въ домъ, и не прошло много времени, какъ этотъ Разсказовскій скоропостижно умеръ, завѣщавъ свои капиталы М — у. Наслѣдники умершаго начали оспаривать подлинность духовнаго завѣщанія, и одновременно съ тѣмъ найдено было, при описи имущества Разсказовскаго, между прочими денежными документами, нѣсколько векселей и росписокъ, данныхъ умершею тогда Агаѳьею Ивановною Хрущовой на имя Леона, на весьма значительную сумму [1]), подлинность каковыхъ оспаривалась опекуншей надъ малолѣтнею дочерью А. И. Хрущовой [2]), и пошла катавасія. Задержаны были немедленно г-да М...., В...., небогатый Рязанскій дворянинъ В.... и Леонъ; послѣдніе трое по прикосновенности будто бы къ дѣлу. Арестъ Леона былъ мотивированъ тѣмъ, что найденные векселя и росписки А. И. Хрущовой перешли къ Разсказовскому отъ него. Нѣкоторыя подробности этого дѣла я, можетъ быть, передаю невѣрно; но такова была сущность его. А такъ какъ всякое уголовное преступленіе, хотя бы учиненное не военными лицами, но если въ немъ замѣшивалось хотя одно лицо военнаго вѣдомства (къ коему здѣсь принадлежалъ В....й), неподсудно уголовнымъ палатамъ, то состоялась военно-судная комиссія, въ которой первоначально разбиралось дѣло въ Москвѣ, а въ послѣдующемъ (1846) году перешло въ Петербургскій военный Аудиторіатъ. Чѣмъ оно кончилось, увидимъ далѣе, а теперь буду продолжать разсказъ, собственно до меня касающійся.

Улыбалась очень женѣ моей предстоявшая поѣздка въ Петербургъ, гдѣ она сроду еще не бывала, и начались сборы къ отъѣзду. При нашей Анетинѣ гувернанткою была тогда молодая Минская уроженка, полунѣмка и полуполька, Юлія Ивановна Гофманъ, поступившая къ намъ съ весны того года, по рекомендаціи Якова Игнатьевича Радзиковскаго, познакомившагося съ нею, какъ съ жилицею, въ домѣ княгини Голицыной (на Никитской), гдѣ была его кондитерская. Въ Знаменскомъ ожидалъ меня нечаянный сюрпризъ по поводу строившагося тамъ новаго дома Порзненскими моими плотниками. Вмѣсто того, чтобы придерживаться плану домика, съ мезониномъ красивой архитектуры,

[1]) Отецъ и мать моихъ однополчанъ Петра и Николая Александровичей Хрущовыхъ, немало переплатили долговъ своихъ сыновей Леону, и потому у послѣдняго были счеты съ А. И. Хрущовой.

[2]) Опекуншею была Елисавета Александровна Наришкина. Побочное обстоятельство о документахъ А. И. Хрущовой не попало, насколько помнится мнѣ, въ судебное дѣло о духовномъ завѣщаніи Разсказовскаго, и искъ былъ прекращенъ опекунами.

начерченному однимъ Московскимъ архитекторомъ Горскимъ (за каковой я заплатилъ ему 100 р. ассиг.), увидалъ я длиннѣйшій, одноэтажный сарай, настоящую фабрику и безъ симптомовъ архитектуры, съ двумя симетрическими крытыми крыльцами по концамъ передняго фаса. Ужъ и подлинно одолжили меня за мои же гроши распорядители постройки, не тѣмъ будь они помянуты, т. е. теща моя и задушевный другъ мой Осипъ Августиновичъ Тридонъ. Извѣстно, что у семи нянекъ дитя бываетъ безъ глазу; такъ и здѣсь. Отступивъ, не знаю почему, отъ условленнаго плана, каждый изъ двухъ распорядителей хотѣлъ строить на свой ладъ, изъ за-чего выходили у нихъ споры и пререканія, весьма иногда забавныя для стороннаго человѣка. «Коли такъ», скажетъ одинъ изъ нихъ, «такъ извольте сами завѣдывать постройкою, какъ хотите, а я умываю руки»; но черезъ нѣсколько дней отступившаяся сторона приходитъ на работу и приказываетъ подрядчику-плотнику переставить или убавить, или расширить стѣну, или всю комнату, выведенную безъ его согласія; тогда другая сторона заявляетъ себя обиженною и удаляется. Эти споры были относительно общаго расположенія комнатъ, а что до архитектурныхъ подробностей, то оба распорядителя предоставили таковыя на вкусъ подрядчика, который влѣпилъ къ фасаду неизмѣнный во всѣхъ почти помѣщичьихъ домахъ фронтонъ, съ четырьмя чахоточными колоннами, поддерживающими псевдоклассическій треугольникъ съ разными украшеніями, разводами и другими орнаментными цацами *à jour*, какъ въ избахъ зажиточныхъ Костромскихъ и Нижегородскихъ крестьянъ. Узрѣвъ эту чудовищную постройку, совершенно уже выведенную вчернѣ, я такъ и ахнулъ; но нечего было дѣлать: не ломать же ее всю дотла, и я махнулъ рукою!

Тронулись мы изъ Знаменскаго уже зимнимъ путемъ, а въ Москвѣ взяли цѣлый, особенный дилижансъ (5-го заведенія, какъ теперь помню), и потому останавливались, гдѣ хотѣли; въ Торжкѣ не преминули угостить себя знаменитыми Пожарскими котлетами, хотя это было въ 2 или въ 3 часа пополуночи, добрались до Петербурга на пятый (кажется) день, и поселились въ Англійскомъ пансіонѣ сестеръ Бенсонъ, въ концѣ Англійской набережной, въ домѣ Раля. Отель былъ очень комфортабельный и шикозный, но недешевый: плата съ каждой персоны была по 3 руб. сер. въ день, съ полнымъ столомъ и утреннимъ чаемъ и кофеемъ, а съ нашей прислуги по 1 р. или 1½ р. сер. въ день за каждаго. Насъ было четверо: жена и я, Анетина и Юлія Ивановна, а изъ людей мой крѣпостной Василій Ваваевъ и горничная жены моей Настасья (ея же крестница). Столъ можно былъ назвать роскошнымъ, но не

той прихотливой утонченности, свойственной Французской гастрономіи раздражающей только апетитъ и отъ которой встаешь изъ за стола ни сытъ ни голоденъ, а солидной, прямо ведущей къ цѣли, что̀ выражается по Англійской «strait forward eating *) и состоявшій изъ отборной всегда провизіи, какъ то филея (конечно съ Британскимъ розбифомъ на первомъ планѣ), перваго разбора баранины (mouton-chops), дичи, лучшихъ сортовъ рыбы и свѣжихъ разныхъ овощей, и все приготовлено въ соку, не пережарено и не недожарено, а пустящныя антре-ме, сальми и химическіе соусы отсутствовали. Въ 12 часовъ сервировался завтракъ изъ 4 блюдъ, въ томъ числѣ холодный розбивъ или ветчина, какую можно имѣть только у однихъ Англичанъ, а въ 5 часовъ обѣдъ изъ пяти блюдъ. Нечего говорить, что столовая посуда и бѣлье соотвѣтствовали безукоризненностію всему прочему. Было немного неловко для Русскихъ дамскихъ привычекъ то, что у себя въ нумерѣ можно было требовать только утренній чай и кофе (и къ тому, сливки, свѣжее масло и печенія или Французскій хлѣбъ) и вечерній чай; завтракать же и обѣдать надо было всѣмъ приходить къ общему столу, какъ бываетъ за границею. Коли хотите, подобная подчиненность тяжела для однихъ спѣсивыхъ Русскихъ барынь, а жена моя къ счастію не изъ таковыхъ. Что̀ до общества тамъ встрѣчаемаго, то хотя оно состояло преимущественно изъ Англійскихъ гувернантокъ безъ мѣстъ и при мѣстѣ (послѣднія проводили тамъ свободные для нихъ воскресные дни), Англійскихъ комерсантовъ, туристовъ или артистовъ; но всѣ они были люди благовоспитанные, а иные весьма даже пріятные, за исключеніемъ нѣкоего г-на Р....., о которомъ слѣдуетъ сказать два слова. Это былъ авантюристъ, по высшей руки, съ довольно хорошими манерами, выдававшій себя за племянника тогдашняго Ость-индскаго лорда-губернатора, Гардинджа; изъяснялся онъ правильно по французски (хотя съ Британскимъ акцентомъ) и по итальянски, объѣхалъ всю Европу, зналъ многихъ знаменитостей и разсказывалъ (довольно ловко) о своихъ выгодныхъ денежныхъ предпріятіяхъ. Хотѣлось ему втереться въ Петербургское аристократическое общество, но это не удалось; тѣмъ не менѣе онъ какъ-то познакомился и вкрался въ довѣріе княгини Софіи Григорьевны Волконской, жены министра двора и, не взирая на ея всѣмъ извѣстную скупость, выманилъ у нея значительный кушъ денегъ, подъ предлогомъ покупки какихъ-то выгодныхъ акцій, оказавшихся (какъ говорятъ) пуфомъ. Дѣло это было въ Москвѣ и, по желанію этого господина, княгиня Волконская обратилась къ князю А. Г. Щербатову (Московскому гене-

*) Прямое (не уклоняясь въ сторону) ѣденіе.

раль-губернатору) съ просьбою пригласить на его балъ этого г-на Р... какъ человѣка хорошо ей знакомаго; но князь Щербатовъ, зная эксцентричность княгини и ея неразборчивость на счетъ знакомыхъ, или имѣя, быть можетъ, какія нибудь свѣдѣнія, неблагопріятствовавшія этому господину, отказалъ ей на отрѣзъ, чѣмъ она очень оскорбилась. Но все это произошло позднѣе; а когда мы жили у сестеръ Бенсонъ, этотъ аферистъ былъ еще съ кредитомъ у нихъ, разыгрывалъ важную роль и не щадилъ ихъ погреба, отъ чего былъ иногда весьма шумливъ и, живя въ одномъ съ нами коридорѣ, безпокоилъ мою жену. Кончилъ онъ однакоже тѣмъ, что сильно задолжалъ въ отелѣ, и ему на послѣдокъ ничего не давали, кромѣ помѣщенія, и то потому, можетъ быть, что хозяйки подали просьбу о запрещеніи ему выѣзда изъ Петербурга, пока не расплатится съ ними. Это продолжалось довольно долго, и все-таки, сколько помнится мнѣ, онъ, выѣзжая, остался порядочно имъ долженъ.

Жена моя пріѣхала на углаженный для нея путь ко вступленію въ Петербургскій бо-мондъ. Принятая напривѣтливымъ образомъ графинею А. К. Воронцовою и княгинею М. П. Волконскою, особами первенствовавшими свѣтскимъ своимъ положеніемъ, новопріѣзжая нашла открытый доступъ къ остальной части общества, да и съ нѣкоторыми изъ его членовъ она познакомилась еще въ бытность свою въ Эмсѣ, въ лѣтній сезонъ 1841 года, въ томъ числѣ съ Екатериною Николаевною Нарышкиною (женою Эмануила Дмитріевича), рожденною Новосильцевой. Сія послѣдняя была очень некрасива собою; при всей изысканности туалета она казалась небрежно одѣтою (*torchée comme un chiffon*), но тѣмъ не менѣе силилась корчить львицу (терминъ только что тогда изобрѣтенный), что̀ дало поводъ остроязычному Льву Кирилловичу Нарышкину (брату графини Воронцовой) сказать, что на такомъ-то вечерѣ были ma soeur Alexandrine (Woronzof) la lionne et Catherine Narichkine la *sous-lionne* *). Любезнаго Флорентинскаго нашего знакомца Ивана Петровича Мятлева уже не было въ живыхъ: иначе онъ непремѣнно отплатилъ бы женѣ моей тѣмъ, чѣмъ она нѣкогда была для него во Флоренціи, то есть чичероне въ Петербургскомъ обществѣ.

Долго было бы, да и не къ чему, перечислять всѣ дома, посѣщавшіеся нами; ограничусь тѣмъ, что жена моя была принята на ногѣ

*) Каламбуръ этотъ невозможно буквально перевести по русски: въ немъ игра словъ состоитъ въ томъ, что „*sous-lionne*“ значитъ подъ-львица, а „*souillone*“ замарашка, и смыслъ каламбура таковъ, что на обозначенномъ вечерѣ были-де сестра моя Воронцова-львица и подъ-львица (также и замарашка) Екатерина Нарышкина. Оба эти Французскія слова одинаково произносятся.

близкой родственницы дальнею теткою моею Полянскою и ея двумя дочерьми Устиновой и Леонтьевой, А. С. Норовымъ и его женою, В. Д. Олсуфьевымъ и княгинею Маріею Семеновною Черкасскою *). Она была на балахъ у графини Воронцовой и у Д. П. Бутурлина (автора исторіи войны 1812 года, написанной имъ по-французски). На второмъ изъ этихъ баловъ была великая княгиня Марія Николаевна, необыкновенною граціею коей въ танцахъ я и жена моя любовались впервыя; да и кстати добавлю, что хозяйка дома, рожденная Комбурлей, отличалась неимовѣрною по своимъ лѣтамъ (ей было за сорокъ) свѣжестію и красотою. Въ домѣ графини Воронцовой былъ также домашній спектакль изъ двухъ Французскихъ водевилей, разыгранныхъ ею съ прехорошенькою дѣвицею Натальею Зыбиной и г.г. Альбединскимъ и Жомини. Я нашелъ, что рѣзвая графиня Александра Кирилловна болѣе отличалась на своей салонной аренѣ, нежели на подмосткахъ, а что до вышепомянутой сценической ея молодой подруги, то она вышла впослѣдствіи за какого-то Беклемишева и хотя въ настоящее время красота ея увяла, но драматическій пылъ (какъ слышно) не угасъ, и она подвизается будто-бы па провинціальныхъ любительскихъ сценахъ. Конногвардеецъ Альбединскій хорошо копировалъ Французскихъ «jeunes premiers», но въ его усиліяхъ говорить какъ Парижанинъ была нѣкоторая афектація, что̀ не замѣчалось въ его товарищѣ Жомини. Говоря о хорошенькихъ этого круга, назвать слѣдуетъ Марью Васильевну Нарышкину (жену упомянутаго Льва Кирилловича), рожденную княжну Долгорукову; но въ ней были уже тогда странности, предвѣщавшія уморазстройство, чѣмъ она позднѣе покончила. Изъ дѣвицъ замѣчательна была красотою Татьяна Васильчикова, дочь Дмитрія Васильевича Васильчикова, а изъ недавно вышедшихъ замужъ графиня Софія Рибопьеръ, дочь г.-адъютанта князя В. С. Трубецкаго.

Но прежде чѣмъ пуститься въ Петербургскій бо-мондъ, жена моя поспѣшила удивить нечаяннымъ своимъ пріѣздомъ туда Флорентинскихъ своихъ друзей, обѣихъ Шатиловыхъ и Вѣру Дмитріевну Лярскую, мужъ коей переѣхалъ окончательно въ Петербургъ на болѣе обширное поле дѣятельности, по шоссейной части, при оказанномъ ему покровительствѣ графа П. А. Клейнмихеля. Дамы эти такъ и ахнули, увидѣвъ мою жену, и бросились ей на шею. Понятно, что возобновившіяся интимныя отношенія моей жены съ Шатиловыми и нахожденіе въ

*) Этимъ лѣтомъ (1845 г.), когда князь Петръ Дмитріевичъ Черкасскій находился съ женою и дочерью на водахъ въ Германіи, умеръ въ Петербургѣ одинъ изъ двухъ его сыновей, находившихся въ Училищѣ Правовѣдѣнія и много обѣщавшій, князь Дмитрій Петровичъ.

Петербургѣ В. Д. Лярской составили для нея одну изъ главныхъ прелестей этого эпизода. Когда она обратилась къ Шатиловымъ за совѣтомъ относительно туалета на предстоявшій балъ у графини Воронцовой, то извѣстіе это покоробило немного бѣдную Лидію Николаевну. «Какъ это-молъ новоприѣзжая такъ-таки прямо попадаетъ въ этотъ завѣтный міръ, куда я не могу попасть въ теченіи столькихъ лѣтъ моей жизни въ Петербургѣ!» Нечего дѣлать: потерпи, голубушка, пока промѣняешь свою фамилію на графскую Сиверса, и тогда запретный барьеръ опустится для тебя; ужъ извини, таковъ твой хваленый Петербургъ, а ты еще глумишься надъ нашею старушкою Москвою!

Весьма для насъ кстати двоюродная сестра моя Надежда Александровна Тимофеева съ неразлучною своею подругою миссъ Гарботль переѣхала на всю зиму въ Петербургъ, гдѣ постоянно жила ея родная сестра, княгиня Аделаида Александровна Голицына, такъ какъ мужъ ея, князь Николай Григорьевичъ, былъ тогда въ гвардейской конной артиллеріи, черезъ что составился для насъ свой семейный кружокъ. Словомъ, жена вынесла самое пріятное впечатлѣніе о своемъ двухмѣсячномъ пребываніи въ Петербургѣ, и мое самолюбіе было вполнѣ удовлетворено тѣмъ, что не даромъ истрачено на нее и на все наше тамъ пребываніе около 2000 рубл. с. Я могъ показать жену въ самомъ авантажномъ видѣ; а что она произвела эффектъ въ публикѣ, то я впослѣдствіи узналъ отъ видѣвшихъ насъ въ театрѣ, въ ложѣ министра двора, не разъ данной въ наше распоряженіе черезъ княгиню М. П. Волконскую. Вотъ единственная цѣль, какой я достигъ въ Петербургѣ; а что до другой, мнимой и состоявшей въ томъ, чтобы сдѣлать изъ жены орудіе для успѣха моихъ дѣловыхъ плановъ, это были одни пустяки и ни на чемъ неосновавшіяся фантазіи. Ну да въ уединенной и безразвлеченной вообще жизни этой бѣдной женщины хоть этотъ эпизодъ остался блестящею точкою въ ея воспоминаніяхъ. До ея однакоже отъѣзда изъ Петербурга, въ концѣ Февраля, дѣло мое было рѣшено, и не въ мою пользу. В. Д. Олсуфьевъ, сильно за меня хлопотавшій передъ Великимъ Княземъ Наслѣдникомъ, передалъ мнѣ слова его высочества, что, при всемъ его милостивомъ желаніи помочь мнѣ, онъ не могъ, въ отсутствіи Государя, рѣшиться на столь важную мѣру, какъ причисленіе къ капиталу закладной суммы процентной недоимки, возросшей до 160 т. р. сер. Не скажу, чтобы этотъ исходъ ошеломилъ меня. Особенной надежды на успѣхъ я мало питалъ, и Русское «авось», «какъ нибудь да выпутаюсь такъ или сякъ», поддерживало меня; да и кромѣ того, съ обычнымъ моимъ ослѣпле-

ніемъ и легкомысліемъ къ настоящему, я недовольно серіозно вдумывался въ мое положеніе.

Не сказалъ я, что почти вслѣдъ за нашимъ пріѣздомъ въ Петербургъ умерла, въ глубокой старости, дальняя наша родственница, баронесса д'Огеръ, та самая что лѣтъ восемь передъ тѣмъ упражнялась въ Италіи полированіемъ мраморовъ, а въ бытность свою въ Москвѣ, въ 1842 или 1843 г., охотно посѣщала публичныя гулянья и говаривала женѣ моей, что молодыя женщины новаго поколѣнія оттого скоро старѣютъ, что, сидя въ креслахъ, онѣ опираются о спинку, что не было въ привычкахъ фрейлины Екатерининскихъ временъ: она сидѣла на стулѣ, вытянувшись какъ струнка. Пропущено также мною, что жена моя, тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, захотѣла посѣтить почтеннаго Петра Ивановича Жилле и жену его Вѣру Андреевну, бывшую интимнымъ другомъ тещи моей въ молодости обѣихъ. Ни мужъ, ни жена никогда дотолѣ не видали моей жены и, всматриваясь съ умиленіемъ въ дочь Жано Нарышкина и Генріетты [1]), воскрешали въ воспоминаніяхъ дорогіе для нихъ, давно минувшіе дни, проведенные подъ кровомъ семейства Бутурлиныхъ. Когда же жена моя, передъ своимъ отъѣздомъ, ѣздила прощаться съ этою четою, добрая Вѣра Андреевна расплакалась при мысли, какой контрастъ представляетъ эта молодая графиня Бутурлина, путешествующая съ дочерью въ смиренномъ дилижансѣ, со способомъ путешествій прежней знакомой ей, богатой графини Анны Артемьевны Бутурлиной! Предусматривая, что трудно будетъ намъ воспитывать прилично нашу дочь при угрожавшихъ намъ обстоятельствахъ, зародилась у меня мысль отдать ее въ одинъ изъ Петербургскихъ институтовъ. Сторонниками моего намѣренія были М. П. Сумарокова и княгиня М. П. Волконская, вліяніемъ коей Анетина могла бы поступить туда на казенный кошть и сдѣлалась бы извѣстною Императрицѣ; но, встрѣтивъ сильное противъ этого нерасположеніе моей жены, я отказался отъ этой мысли; къ лучшему или къ худшему это случилось, о томъ вѣдаетъ одинъ Богъ.

Изъ Петербурга жена моя не возвратилась въ Знаменское, а осталась съ Анетиною на всю зиму въ Москвѣ, у Бахметевыхъ, въ собственномъ ихъ домѣ, на Арбатѣ, насупротивъ церкви Николы Явленнаго, по настоятельному приглашенію Варвары Александровны Бахметевой [2]). Единственная дочь Бахметевыхъ, Ольга Николаевна (нынѣ

[1]) Я уже говорилъ въ первыхъ главахъ этихъ Записокъ, что Елисавету Ивановну Нарышкину до перехода въ православіе звали Генріеттою.

[2]) Николай Ѳедоровичъ Бахметевъ считается дальнимъ родственникомъ моей жены. Напоминаю, что покойная его жена была Лопухина.

Базилевская) была однихъ почти лѣтъ съ нашею дѣвочкою; онѣ стали учиться вмѣстѣ и по мѣрѣ того, какъ росли, очень подружились.

Я остался на квартирѣ у сестеръ Бенсонъ, рѣдко сталъ показываться въ большой свѣтъ и бывалъ только у княгини М. П. Волконской, у Черкасскихъ, у М. П. Сумароковой и еще изрѣдка кое-гдѣ, не считая конечно моихъ двоюродныхъ сестеръ ур. Тимофеевыхъ. Видался я также довольно часто съ барономъ П. А. Вревскимъ и съ Сергѣемъ Никаноровичемъ Кетовымъ, тогда студентомъ Петербургскаго университета.

Однажды, когда я пришелъ обѣдать къ Софьѣ Александровнѣ Устиновой (рожденной Полянской), я засталъ у нея съ утреннимъ визитомъ графа Протасова. Онъ разсказывалъ съ грустью и съ одушевленіемъ объ интригахъ Петербургской Нѣмецкой клики, по поводу начавшагося еще съ 1842 года движенія Латышей къ переходу въ православіе. Я напалъ уже на конецъ интереснаго этого разговора, но мнѣ памятны слова графа Протасова: «Tout ce que je demande à ces messieurs de là-bas» (т. е. Остзейскаго края), «c'est de nous tolérer» *). Фразу эту я припоминаю всегда съ удовольствіемъ, какъ доказательство, что тогдашній синодскій оберъ-прокуроръ неиндиферентно смотрѣлъ на это дѣло, и для меня осталось загадкою, какъ покойный Николай (память котораго глубоко чту), съ его смѣтливымъ умомъ, ревностію къ Русской народности и къ интересамъ православія, могъ мирволить Нѣмцамъ въ этомъ дѣлѣ до такой степени, что приказалъ отозвать (что было равносильно изгнанію) изъ Риги Русскаго епископа Иринарха. Говорятъ, что могучая Петербургская, Нѣмецкая партія опутала Государя и представила ему это дѣло въ превратномъ совершенно видѣ; но это-то самое и удивляетъ меня, какъ вещь несвойственная прозорливости Государя.

Такъ какъ преосв. Иринархъ пріобрѣлъ нынѣ нѣкоторую историческую извѣстность (и, конечно, признательность Русскаго новаго вполнѣ поколѣнія) гоненіемъ, которому онъ подвергся по случаю Латышскаго движенія къ православію въ началѣ 40-хъ годовъ, то нелишнимъ считаю передать здѣсь слышанный мною недавно (въ Мартѣ 1868 г.) изустно отъ него разсказъ объ этомъ происшествіи, когда я посѣтилъ его въ Рязанскомъ Спасскомъ монастырѣ, гдѣ онъ живетъ нынѣ на покоѣ.

Латыши, составляющіе болѣе половины всего сельскаго народонаселенія нашихъ Остзейскихъ провинцій (остальную половину состав-

*) Все чего я прошу у этихъ господъ, это, чтобы они терпѣли насъ.

ляютъ Эсты), не смотря на давно уничтоженное тамъ крѣпостное право, были крайне стѣсняемы Нѣмецкими мѣстными землевладѣльцами. Отъ частыхъ сношеній съ крестьянами-прасолами изъ сосѣднихъ губерній, снующими по всему Прибалтійскому краю по мелкоторговымъ дѣламъ, они удостовѣрились, что житье-бытье Русскихъ крѣпостныхъ было несравненно завиднѣе, чѣмъ ихъ, мнимо-вольныхъ. Это возбудило въ нихъ желаніе совершенно обрусѣть, какъ въ житейскомъ, такъ и въ религіозномъ отношеніи. Допускаю охотно, что первая изъ двухъ цѣлей могла дѣйствовать на вторую; но что стремленіе это родилось въ нихъ безъ всякаго извнѣ внушенія, кромѣ бесѣдъ съ Русскими торгашами, это неоспоримо. Пронесся между ними ложный слухъ о состоящемся якобы высочайшемъ разрѣшеніи переселяться желающимъ изъ нихъ въ Великороссійскія губерніи. Они стали подавать о томъ прошенія мѣстному генералъ-губернатору барону Палену, но встрѣтили отказъ. Вотъ какъ обставлено было это дѣло, когда Латыши начали обращаться, сначала поодиночкѣ, а потомъ десятками и болѣе, къ преосв. Иринарху (викарному Псковской епархіи, проживавшему въ Ригѣ), прося его о присоединеніи къ православію и вмѣстѣ съ тѣмъ о переселеніи ихъ въ Россію. Спрашиваю: на какомъ основаніи могъ бы Русскій архіерей не принимать подобнаго рода просьбъ, гдѣ высказано было желаніе, относившееся непосредственно къ его пастырскимъ обязанностямъ? Онъ началъ принимать эти заявленія и чрезъ епархіальное свое начальство представлять ихъ въ Сунодъ. Между тѣмъ число заявленій увеличивалось въ такихъ размѣрахъ, что Иринархъ нужнымъ нашелъ назначить особаго священника для записи заявленій. Дѣло получило огласку, и Нѣмецкое рыцарство поспѣшило съ доносами въ Петербургъ, что Рижскій викарный архіерей возмущаетъ-де край и подкупомъ склоняетъ Латышей къ православію. Наконецъ, послѣ продолжительнаго молчанія, получена была викарнымъ сунодскій указъ объявить просящимъ, что разрѣшается принятіе ихъ заявленій мѣстнымъ архіереемъ о переходѣ въ православіе съ тѣмъ, чтобы въ нихъ не упоминать о переселеніи. Сообразаясь съ указаннымъ изъятіемъ, Иринархъ продолжалъ принимать Латышскія заявленія и отсылать ихъ къ епархіальному владыкѣ; но вдругъ получилъ высочайшее повелѣніе пріостановиться дальнѣйшимъ принятіемъ прошеній. Въ этомъ повелѣніи не было положительнаго запрещенія и не опредѣлено, относилось ли оно къ прежней формѣ записыванія или къ разрѣшенной Сунодомъ, т. е. безъ упоминанія о переселеніи. Однако преосв. Иринархъ счелъ это совершеннымъ на будущее время запретомъ и прекратилъ дальнѣйшее принятіе всякихъ заявленій. Дѣло, казалось, на мѣстѣ заглохло, какъ въ одинъ прекрасный день прибылъ въ Ригу ослапный Министер-

ствомъ Внутреннихъ Дѣлъ В. В. Скрыпицынъ (впослѣдствіи директоръ департамента духовныхъ иностранныхъ дѣлъ), снабженный сунодскимъ указомъ о немедленномъ возвращеніи викарнаго къ мѣстному Псковскому архіерею въ сопровожденіи г. Скрыпицына, не давшаго ему даже отслужить литургію на слѣдующій день (Воскресеніе). Конечно, министерскій чиновникъ повелѣвать архіерею не могъ, а только совѣтовалъ не откладывать отъѣзда ради служенія; но сила подобнаго совѣта была ясна изгоняемому архіерею, и онъ повиновался. Вмѣсто прямаго кратчайшаго пути къ Пскову, г. Скрыпицынъ повезъ преосв. Иринарха на Ревель и другія мѣста Эстляндіи, немалымъ крюкомъ. Допустить нельзя, чтобы вожатый такъ дѣйствовалъ безъ особеннаго на то приказанія. Добродушный іерархъ отозвался мнѣ незнаніемъ причинъ этой непрошенной имъ прогулки; но, быть можетъ, распоряженіе это состоялось въ угодность Нѣмецкимъ баронамъ, дабы придать публичную торжественность изгнанію Русскаго архіерея [1]). И вотъ какой позоръ постигъ преосв. Иринарха въ подвластномъ Россіи краю за его вовсе нефанатическую ревность къ церкви, въ коей онъ былъ іерархомъ!

По удаленіи его, начался рядъ мѣръ притѣснительныхъ къ дальнѣйшему переходу Латышей въ православіе, продолжавшійся (если не ошибаюсь) во время управленія Остзейскихъ губерній княземъ Суворовымъ, смѣнившимъ Головина. Все это дѣло тѣмъ непонятнѣе, что оно происходило въ царствованіе Николая Павловича, столь много способствовавшаго національному направленію Русскаго общества. Само собою разумѣется, что взведенная Нѣмецкою партіею клевета на преосв. Иринарха, будто въ подкрѣпленіе дѣла проповѣди и обращенія въ православіе онъ прибѣгалъ къ раздачѣ денегъ, не имѣетъ никакого основанія, не говоря уже о томъ, что ограниченный окладъ викарнаго архіерея не дозволялъ бы ему прибѣгать къ подобной мѣрѣ [2]).

---

[1]) Во всемъ вышеписанномъ я строго придерживался разсказа преосв. Иринарха; но, по увѣренію графа Д. Н. Толстаго, прибывшаго въ Ригу вскорѣ послѣ сего происшествія и бывшаго правителемъ дѣлъ при генералъ-губернаторѣ Головинѣ (преемникѣ барона Палена) разсказъ преосв. Иринарха не во всемъ точенъ въ томъ отношеніи, что онъ напрасно обвиняетъ г. Скрыпицына, о чемъ изложу далѣе.

[2]) Объ этомъ происшествіи смотри подробную статью графа Д. Н. Толстаго, помѣщенную имъ (безъ его подписи) въ Чтеніяхъ Имп. Общ. Исторіи и Древностей за 1865 годъ, кн. 1-я. Пересматривая нынѣ (въ Іюнѣ 1870 г.) наброшенный наскоро два года назадъ этотъ разсказъ со свѣжихъ словъ преосв. Иринарха, дополню, что объ этомъ происшествіи имѣется подробная статья Ю. Ѳ. Самарина въ „Русскомъ Архивѣ“ за прош-

Упомянутый въ предыдущемъ замѣчаніи графъ Д. Н. Толстой, прочитавъ все мною выше изложенное, обязательно сообщилъ мнѣ слѣдующія подробности о неточностяхъ, встрѣчающихся въ разсказѣ преосв. Иринарха. В. В. Скрыпицынъ былъ посланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Строгоновымъ, дабы смягчить, на сколько было возможно, позоръ выѣзда преосв. Иринарха изъ Риги; но іерархъ не понялъ этой мѣры и принялъ министерскаго посланнаго недовѣрчиво и холодно. Когда генер.-губернаторъ баронъ Паленъ не хотѣлъ было выдать особенную подорожную на имя преосв. Иринарха, а предлагалъ таковую на имя В. В. Скрыпицына съ *будущими*, послѣдній отвѣчалъ, что у него есть уже подорожная изъ Петербурга и что никакой другой ему не требуется. Выѣзжая изъ Риги, преосв. Иринархъ сказалъ, что онъ посѣялъ тамъ то, что пѣтухи во вѣкъ не расклюютъ. (Это былъ намекъ на пѣтуховъ, что ставятся надъ Лютеранскими церквами). Еслибы Русскій владыка отправился по прямому изъ Риги во Псковъ тракту, населенному частію его паствою и новообращенными Латышами, жители эти встрѣчали бы, вѣроятно, своего пастыря съ нѣкоторою торжественностію, каковое обстоятельство могло быть перетолковано Нѣмецкими властями въ смыслъ манифестаціи и протеста противъ отъѣзда преосв. Иринарха, и Нѣмцы опять, пожалуй, сказали бы, что онъ возмущаетъ и подкупаетъ Латышей, и вотъ почему преосв. Иринархъ и министерскій посланный просили барона Палена указать имъ маршрутъ. Передъ отъѣздомъ В. В. Скрыпицына изъ Петербурга въ Ригу, въ послѣдній городъ также отправился по этому же дѣлу графъ Бенкендорфъ, тогда начальникъ III-го Отдѣленія, такъ что Скрыпицынъ чуть не засталъ его въ Ригѣ и встрѣтилъ возвращавшагося въ Петербургъ графа Бенкендорфа на послѣдней станціи передъ Ригою.

лый 1869 годъ. Издатель „Русскаго Архива“ долгомъ своимъ счелъ препроводить экземпляръ того выпуска своего изданія, гдѣ помѣщена была упомянутая статья, самому старцу-іерарху, о коемъ шла рѣчь, и поручилъ мнѣ (такъ какъ я намѣревался тогда быть въ Рязани) просить отъ его имени преосв. Иринарха изложить на бумагѣ свои замѣчанія на эту статью и сообщить ихъ издателю. Много стоило мнѣ труда уговорить преосвященнаго исполнить желаніе П. И. Бартенева. Онъ все отговаривался разными предлогами (иные изъ нихъ были, впрочемъ, достохвальные, какъ наприм. ссылка на евангелькій законъ о прощеніи враговъ); да и очевидно было, что онъ охладѣлъ къ событіямъ той столь интересной эпохи его дѣятельности. Наконецъ онъ что-то изложилъ на бумагѣ, и я съ торжествомъ вручилъ запечатанный его конвертъ г. Бартеневу, который, съ подобнымъ мнѣ нетерпѣніемъ, вскрылъ конвертъ, но неожиданное разочарованіе не замедлило обоихъ насъ постигнуть: замѣчанія преосв. Иринарха были до того лаконичны и безцвѣтны, что не стоило ихъ помѣщать въ „Русскомъ Архивѣ“. Скорбно видѣть историческаго дѣятеля, пережившаго самого себя.

А еслибы Валерій Валерьевичъ засталъ бы его еще въ Ригѣ, немудрено, что выѣздъ преосв. Иринарха не обошелся бы безъ скандала для послѣдняго. Министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Строгоновъ, глубоко скорбѣлъ о позорѣ, коему подвергся Русскій архіерей, но ничего не могъ дѣлать противъ всесильнаго графа Бенкендорфа и молча стерпѣлъ даже то обстоятельство, что графъ Бенкендорфъ повелѣлъ барону Палену относиться прямо къ нему, помимо министра внутреннихъ дѣлъ, по дѣламъ о стремленіи Латышей обращаться въ православіе, мѣра, на которую едва ли онъ могъ получить высочайшее разрѣшеніе. Графъ Бенкендорфъ дошелъ до того, что отнесся бумагою къ графу Строгонову, чтобы разрѣшено было предавать военному суду и вѣшать или разстрѣливать Латышей за ихъ переходъ въ православіе.

Когда преосвящ. Иринархъ находился уже во Псковѣ, къ нему приходили нѣкоторые Латышскіе крестьяне изъ сосѣдней съ Псковскою губерніею мызы, съ жалобою, что пачальство притѣсняетъ ихъ по поводу ихъ обращенія въ православіе. Жалобъ ихъ преосв. Иринархъ не принялъ и указалъ имъ обратиться въ Псковское Губернское Правленіе, что̀ они и сдѣлали; а Псковское Губернское Правленіе отнеслось по сему дѣлу къ Лифляндскому, вслѣдствіе чего баронъ Паленъ взошелъ съ представленіемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, что отозванный архіерей не перестаетъ возмущать крестьянъ даже изо Пскова. Графъ Строгоновъ, докладывая о томъ Государю, выразилъ мнѣніе, что навряд ли опасенія Остзейскаго генералъ-губернатора имѣютъ какое-нибудь основаніе, и Государь отвѣчалъ ему: «конечно, ты правъ; это уже доходитъ до смѣшнаго».

Возвращаюсь къ разсказу. Хотя, благодаря неизмѣнному обо мнѣ попеченію А. А. Миронова, я продолжалъ еще получать изъ Порзней около $3^1/_2$ тыс. р. с. въ годъ, но такъ какъ этотъ источникъ могъ прекратиться со дня на день отъ продажи съ торговъ моего имѣнія, то надо было серьознѣе подумать мнѣ о будущемъ. Чинишко мой былъ наимизернѣйшій: съ переименованіемъ меня изъ отставнаго штабъ-ротмистра въ соотвѣтствующій гражданскій чинъ, я былъ не болѣе какъ коллежскимъ секретаремъ. Этотъ чинъ, по выраженію умнѣйшаго моего дальняго родственника, князя П. Д. Черкасскаго, равнялся значенію Индійскаго пѣтуха, и съ нимъ невозможно было претендовать на полученіе какого-либо мѣста съ порядочнымъ сколько-нибудь окладомъ; да и мнѣ было уже въ добавокъ подъ сорокъ лѣтъ, и закабалить себя съ непривычки куда-нибудь въ канцелярскіе чернорабочіе ка-

залось мнѣ черезъ чуръ труднымъ [1]). И вотъ, подумалъ я, давай-ка попытаюсь попасть въ реставраторы картинъ при Императорскомъ Эрмитажѣ, каковое дѣло я изучилъ въ Италіи довольно удовлетворительно, и, судя по видѣнному мною образчику искусства дворцовыхъ реставраторовъ, я надѣялся превзойти ихъ. Когда я сообщилъ эту мысль княгинѣ М. П. Волконской, принимавшей во мнѣ участіе, она одобрила мое намѣреніе и свела меня съ старикомъ Лабинскимъ, директоромъ картиннаго и скульптурнаго отдѣленія Эрмитажа [2]). Старикъ принялъ меня весьма благосклонно, вопервыхъ потому, какъ предполагаю, что за меня ходатайствовала сноха министра двора (подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ коего состоитъ Эрмитажъ), а вовторыхъ, потому, что г. Лабинскій былъ нѣкогда обязанъ, при первомъ его вступленіи туда на службу, моему отцу, когда-то директору Эрмитажа, и память его г. Лабинскій благоговѣйно чтилъ. Не сказалъ онъ однакоже мнѣ ни да, ни нѣтъ, хотя я просилъ его дать мнѣ на пробу какую-нибудь изъ поврежденныхъ картинъ, въ видѣ теоретическаго (какъ я понялъ) испытанія. Онъ предложилъ мнѣ осмотрѣть коллекцію картинъ, подаренную въ Эрмитажъ незадолго передъ тѣмъ умершимъ въ Вѣнѣ Дмитріемъ Павловичемъ Татищевымъ и невыставленную еще для публики. И вотъ отправился я на эту инспекцію по разнымъ неизвѣстнымъ мнѣ дотолѣ корридорамъ дворца, съ предшествовавшимъ мнѣ, какъ бы важному лицу, камеръ-лакеемъ. Когда я сообщилъ Лабинскому отчетъ въ моихъ наблюденіяхъ, старикъ соглашался, какъ мнѣ казалось, съ нѣкоторыми изъ моихъ замѣчаній, такъ какъ я дѣйствительно пріобрѣлъ въ Италіи нѣкоторый навыкъ распознавать школы древнихъ художниковъ [3]). Дѣло мое дошло, не знаю какими путями, до ушей графини А. К. Воронцовой, готовой всегда попирать общіе свѣтскіе предразсудки, и настоящій случай, что графъ Бутурлинъ, отчасти ей кузенъ, не считаетъ уронома своего достоинства и своей фамиліи

---

[1]) Такъ мыслилъ я тогда, а семь лѣтъ позднѣе (въ 1853 г.) я былъ радъ-радехонекъ получить мѣсто чиновника особыхъ порученій при Рязанскомъ губернаторѣ съ 500 р. сер. годоваго оклада; много позднѣе, въ 1865 или 1866 году, я хлопоталъ о назначеніи меня исправникомъ въ Тарусѣ.

[2]) Другаго отдѣленія Эрмитажа, состоявшаго изъ Керченскихъ древностей, библіотеки и нумизматическаго кабинета, директоромъ былъ тогда Швейцарецъ г. Жиль.

[3]) Въ галлереѣ Д. П. Татищева отдѣлъ Испанской школы дѣйствительно замѣчателенъ художественнымъ богатствомъ; пріобрѣсть эту коллекцію онъ имѣлъ случай, находясь вашимъ представителемъ при Мадридскомъ дворѣ, во время Французскаго занятія Испаніи. Экземпляры Итальянскихъ школъ, тамъ же имѣющіеся, много, по мнѣнію моему, слабѣе, хотя есть между ними одно Святое Семейство, приписываемое Рафаэлю. О подлинности кисти великаго художника можно бы еще поспорить; но отвергать нельзя, что это произведеніе весьма близко подходитъ къ его второй манерѣ, отзывающейся еще Греческимъ иконописнымъ стилемъ наставника его, Перуджино.

поступить въ ряды ремесленныхъ реставраторовъ, случай этотъ, говорю, подходилъ какъ нельзя лучше къ эксцентричной графининой натурѣ. Г. Лабинскій обѣдалъ иногда у нея, и она проходу ему не давала (какъ передано было мнѣ впослѣдствіи), отчего онъ не соглашается исполнить то, о чемъ я его просилъ. Дѣло это затянулось до возвращенія изъ-за границы князя П. М. Волконскаго; но, не взирая на объ сильныя женскія поддержки, князь Волконскій рѣшительно отвергъ мою просьбу, на томъ-де основаніи, что немыслимо графу Бутурлину сдѣлаться по профессіи реставраторомъ картинъ. Однако, показавшись столь щекотливымъ на счетъ личнаго моего достоинства, не предложилъ же онъ мнѣ, въ замѣнъ рукодѣльной профессіи какого-нибудь другаго болѣе соотвѣтствующаго, по его мнѣнію, мѣста или должности, хотя онъ не могъ не знать отъ своей епохи о критическихъ моихъ обстоятельствахъ.

Начатое въ Москвѣ дѣло о духовномъ завѣщаніи Разказовскаго поступило въ Петербургскій военный аудиторіатъ; задержанныя лица перевезены были въ Петербургъ и размѣщены по разнымъ гауптвахтамъ, за исключеніемъ Леона, посаженнаго подъ арестъ въ ордонансъ-гаузъ. Тамъ онъ сошелся со старшимъ медикомъ Франковскимъ и съ его женой и вскорѣ разнюхалъ, что человѣкъ этотъ былъ съ деньгами. Не владѣя даромъ слова и не всегда правильно объясняясь даже по-русски, Леонъ удивительно какъ умѣлъ увлекать денежныхъ людей, даже изъ коммерческихъ, въ придуманныя имъ спекуляціи. Началось съ того, что здѣсь, какъ и въ Москвѣ, стали заискивать знакомства съ Леономъ разные, чающіе движенія воды, проходимцы Израильскаго происхожденія, и въ томъ числѣ снова явился проживавшій безъ мѣста въ Петербургѣ старый нашъ знакомый Александръ Ивановичъ Розе, помирившійся съ прежнимъ своимъ патрономъ, въ надеждѣ, быть можетъ, чрезъ новыя дѣла Леона съ Франковскимъ, воротить свой капиталецъ, пропавшій въ Бородинскомъ разгромѣ. На первыхъ порахъ не унывавшій никогда Леонъ уговорилъ своего новаго афернаго субъекта завести небольшую фабрику разныхъ незамысловатыхъ химическихъ произведеній, на нанятой для сего дачѣ за Екатерингофскою заставой, для завѣдыванія каковой онъ же и пріискалъ воспитанника Технологическаго Училища, также изъ Іерусалимской буржуазіи. И все это дѣлалось заглазно, потому что изъ ордонансъ-гауза Леона тогда еще не выпускали, хотя доступъ къ нему былъ свободенъ; позднѣе разрѣшено было ему (по причинѣ слабыхъ противъ него уликъ въ дѣлѣ Разказовскаго) разъѣзжать по городу, въ сопровожденіи одного изъ плацъ-адъютантовъ, живнаго со своимъ семействомъ въ зданіи ордонансъ-

гауза. Химическая спекуляція, въ составъ коей входила гальванопластика, шла кое-какъ; но вслѣдъ за нею Леонъ вызвалъ Франковскаго на болѣе обширное поприще дѣятельности, по запутаннымъ моимъ дѣламъ.

Но прежде чѣмъ излагать этотъ новый его планъ, я долженъ высказать мое убѣжденіе, что, не взирая на всю безалаберность этого не устроителя, а разрушителя всякаго попадавшаго подъ его руку дѣла, совѣсть его грызла за то, что онъ довелъ меня до края пропасти, и онъ искренно желалъ (и что́ страннѣе—вѣровалъ въ возможность) выпутать меня. Новый его проектъ состоялъ въ томъ, чтобы деньгами Франковскаго скупить всѣ какъ мои, такъ и собственныя его, долговыя обязательства (послѣднее было необходимо, чтобы онъ могъ развязнѣе дѣйствовать, безъ опасенія ареста за долги) и каковыя можно было, пожалуй, скупить по 10 или 15 коп. за одинъ рубль; затѣмъ внести въ Опекунскій Совѣтъ всю процентную недоимку, а съ Франковскимъ заключить контрактъ объ отдачѣ ему моего имѣнія въ арендное содержаніе до тѣхъ поръ, пока онъ не выручитъ истраченнаго имъ капитала. Я и безъ него понималъ, что таковъ могъ бы быть единственный исходъ изъ настоящаго лабиринта; но, соображаясь съ громадностью капитала, требуемаго для этой операціи, я мало вѣрилъ въ возможность его осуществленія, пока самъ Франковскій, по выходѣ однажды съ обѣда изъ ресторана Излера (на которомъ мы всѣ были порядочно подъ-шофе), лично не подтвердилъ мнѣ, въ присутствіи Леона, также находившагося тамъ въ сопровожденіи плацъ-адъютанта, о своей готовности предпринять эту операцію. Снова воскресла во мнѣ надежда отстоять любимыя мои Порзни, а такъ какъ я ничего не могъ терять въ этой попыткѣ, то и рѣшился помогать дѣлу во всемъ отъ меня зависящемъ, неуклонно придерживаясь всему, что́ указано будетъ мнѣ Леономъ. Прежде всего нужно было, для соображеній Франковскаго, привести въ извѣстность имена кредиторовъ и суммы имъ должныя, а также обозрѣть мое имѣніе, дабы узнать, какой получался съ него доходъ, и можно ли было что́ предпринять для увеличенія дохода; а такъ какъ служба Франковскаго при ордонансъ-гаузѣ не дозволяла ему отлучаться, то онъ поручилъ эти прелиминаріи своему шурину, г. Хотинскому, согласившемуся отправиться на деньги его зятя со мною въ Москву, для переговоровъ съ главными кредиторами, а оттуда въ Порзни. Нечего говорить, что Леонъ, будучи въ полной надеждѣ на скорое свое освобожденіе изъ-подъ ареста, предоставлялъ себѣ роль главнаго распорядителя въ этомъ дѣлѣ.

Отъѣздъ нашъ не могъ состояться ближе Іюня, и я, сидя у моря и выжидая погоды, сталъ упражняться отливаніемъ гипсовыхъ статуэтокъ (тогда въ модѣ), для чего каждодневно ходилъ къ одному Итальянцу этой профессіи, въ Подъяческую улицу. Не мѣшаетъ здѣсь помѣстить, что въ числѣ необычныхъ событій той весны (1846 г.) прибылъ въ Петербургъ Англійскій Еврей, милліонеръ, сэръ Мозесъ (т.-е. Моисей) Монтефіоре, съ цѣлью будто бы просить Государя объ облегченіи судьбы его единовѣрцевъ въ Россіи. Посмѣлъ ли онъ, дѣйствительно, взойти съ подобнымъ вмѣшательствомъ въ наши государственныя дѣла и каковъ встрѣтилъ онъ пріемъ, не знаю. Онъ остановился у вышепомянутыхъ сестеръ Бенсонъ, но съ условіемъ не употреблять ему ничего изъ ихъ стола и дозволить его кухмейстерамъ-Евреямъ готовить для него ѣду въ кухнѣ отеля.

Во время весенней распутицы, А. Е. Варламовъ задумалъ дать свой концертъ въ залѣ Университета и просилъ меня участвовать въ немъ вмѣстѣ съ Надеждою Васильевною Самойловой, при участіи въ концертѣ бывшаго тенора Придворной Пѣвческой Капеллы Евсеева. Концертъ былъ весь изъ сочиненій бенефиціанта, и онъ же акомпанировалъ пѣвцамъ на фортепіано, безъ оркестра. Н. В. Самойлова пропѣла, между прочимъ, элегію «Безумная», съ большимъ эффектомъ, а я пропѣлъ, по назначенію самого Александра Егоровича, Русскую удалую балладу «Осѣдлаю коня», а во второй части концерта—мелодію на слова Фета: «Давно-ль подъ волшебные звуки», нарочно для меня имъ написанную и мнѣ посвященную. Въ этотъ вечеръ я чувствовалъ себя въ ударѣ, и когда кончилъ оживленную пѣсню-балладу, то продолжительный взрывъ рукоплесканій заставилъ меня повторить ее. Сознаюсь въ своей слабости: этотъ моментъ я считалъ изъ наисчастливыхъ въ моей жизни, и когда я сошелъ съ подмостокъ, тріумфъ сдѣлался еще для меня лестнѣе отъ привѣтственныхъ словъ, сказанныхъ мнѣ временною моею подругой Н. В. Самойловой, одинаково милой на сценѣ, какъ и симпатичной и любезной въ обществѣ.

Вечеръ шелъ своимъ чередомъ, какъ вдругъ, передъ самымъ его концомъ, вбѣгаетъ въ залу полицейскій офицеръ и громко заявляетъ, что ледъ на Невѣ тронулся и что разводятъ Васильеостровскій мостъ *). Паника овладѣла всѣми, въ томъ числѣ и виновникомъ концерта; онъ бросился опрометью съ эстрады; всѣ начали хватать на скорую руку верхнее платье и утекать во всю прыть: счастливцы на первыхъ попавшихся имъ извозчикахъ, а за неимѣніемъ таковыхъ для всей пуб-

*) Николаевскій постоянный мостъ только-что начинали тогда строить.

лики, остальная ея часть поплелась скороходным аллюром, въ томъ числѣ Александръ Егоровичъ и я. Еще четверть часа, и пришлось бы всѣмъ намъ оставаться на Васильевскомъ островѣ. На слѣдующій день въ фельетонѣ «Сѣверной Пчелы», въ отчетѣ объ этомъ концертѣ, говорилось обо мнѣ въ лестныхъ весьма выраженіяхъ (и это немало пощекотило тщеславнаго моего червячка); но не могъ я не посмѣяться, что отзывъ обо мнѣ былъ, какъ о молодомъ дебютантѣ-аматёрѣ, много обѣщающемъ, но требующемъ обработки голоса, тогда какъ обработка эта началась для меня въ Италіи съ десятилѣтняго возраста. Со многимъ другимъ не сумѣлъ я справиться въ жизни (въ томъ числѣ со здравымъ разсудкомъ и со сдержанностью страстей), но уже, конечно, не съ голосомъ.

И такъ, въ Іюнѣ г. Хотинскій и я поѣхали первоначально въ Москву. Тамъ, сообщивъ Радзиковскому о цѣли поѣздки, мы попросили его содѣйствовать намъ, такъ какъ ему болѣе, чѣмъ кому другому, извѣстно было, сколько лежало долгу на мнѣ и на Леонѣ, и на какую сумму подано было уже на меня взысканій; а затѣмъ, отправились въ Порзни, гдѣ я познакомилъ Мироновыхъ съ моимъ спутникомъ. Это былъ человѣкъ весьма пріятный, какъ собесѣдникъ и анекдотистъ, но смахивалъ болѣе на бонъ-вивана, нежели на дѣльца. Остался ли онъ доволенъ своею ревизіею Порзней, не припомню; а на нашемъ обратномъ пути мы разстались въ Москвѣ. Онъ возвратился въ Петербургъ отдать отчетъ своему зятю, а я съ Радзиковскимъ заѣхалъ въ Знаменское, не предполагая долго тамъ оставаться, потому что и мнѣ надо было спѣшить въ Петербургъ, по начатому съ г. Франковскимъ дѣлу. Но вышло иначе. Въ Знаменскомъ меня письменно извѣстили оттуда, что послѣдовало по дѣлу Разсказовскаго высочайше утвержденная резолюція таковаго содержанія: г-нъ М. былъ разжалованъ въ рядовые на Кавказъ; г-нъ В. отставленъ отъ службы съ повелѣніемъ впредь на оную не принимать, къ дворянскимъ выборамъ не допускать и жить ему въ губернскомъ городѣ Т. съ запрещеніемъ въѣзда въ обѣ столицы; Рязанскій дворянинъ В. былъ признанъ невиновнымъ, а Леонъ, хотя и признанъ неприкосновеннымъ къ этому дѣлу, но такъ какъ онъ не могъ удовлетворительно указать на свое мѣсторожденіе, то приговоренъ къ ссылкѣ въ арестантскія роты въ Нарву. Резолюціи этой самъ я не читалъ; но мнѣ сказывали, что Государь, подписывая ее собственноручно, будто-бы добавилъ: «какой вредный для общества человѣкъ».

Обстоятельство это о бродяжничествѣ Леона требуетъ поясненія. Когда, при открытіи второй Турецкой кампаніи, въ 1829 г.,

Леонъ примкнулъ, какъ маркитантъ, къ нашему Павлоградскому полку при перевозѣ черезъ Дунай, ему выданъ былъ билетъ на это званіе изъ полковой канцеляріи, въ коемъ онъ обозначался Австрійскимъ подданнымъ*). Но словесному-ли его заявленію, или на основаніи вида, выданнаго ему начальствомъ Валашскаго княжества, онъ былъ названъ Австрійскимъ уроженцемъ, мнѣ неизвѣстно; но съ того времени какъ онъ переѣхалъ на постоянное жительство въ Москву, т. е. съ осени 1832 года, ему выдавался безпрепятственно, на основаніи его полкового билета, ежегодный видъ изъ канцеляріи Московскаго оберъ-полицмейстера до 1845 года, на прожитіе въ Москвѣ, безъ всякихъ дальныхъ о немъ справокъ. Но когда онъ былъ заарестованъ по обвиненію въ прикосновенности къ Разсказовскому дѣлу, тогда только возникла оффиціальная о немъ переписка съ Австрійскимъ правительствомъ, и оказалось, что въ числѣ Австрійскихъ подданныхъ никакого человѣка съ именемъ Леона Капенштейна по ревизскимъ документамъ не имѣлось. И дѣйствительно, было что-то таинственное въ его происхожденіи и антецедентахъ: даже со мною онъ сбивчиво и неохотно касался до сего предмета; иногда скажетъ, что онъ житель г. Бродъ, а въ иной разъ, что не помнитъ, гдѣ и кѣмъ онъ воспитывался. Но Еврейской своей національности онъ не скрывалъ, увѣряя впрочемъ, что онъ принадлежалъ къ лютеранскому вѣроисповѣданію. О послѣднемъ обстоятельствѣ не имѣю никакихъ доказательствъ кромѣ того, что, въ послѣднее время его жизни въ Москвѣ, у него висѣлъ на стѣнѣ великолѣпно гравированный портретъ доктора Мартина Лютера, о коемъ онъ отзывался весьма почтительно, впрочемъ только по одной вѣроятно наслышкѣ, потому что никакого въ немъ ни историческаго, ни религіознаго ученія не было, и онъ не совсѣмъ бѣгло читалъ даже по нѣмецки, а по русски не иначе какъ по складамъ. Словомъ, тутъ было что-то загадочное, и на этомъ основаніи думалось иному, что онъ бѣглый Австрійскій каторжникъ. Странно однакоже, что, пока не разыгралось дѣло Разсказовскаго, Московская полиція не озаботилась въ теченіе 13 лѣтъ удостовѣриться, дѣйствительно-ли онъ Австрійскій подданный и довольствовалась тѣмъ, что онъ таковымъ былъ показанъ въ полковомъ билетѣ. Собственноручная же приписка Государя на сентенціи военносудной коммиссіи, что Леонъ былъ опаснымъ (или вреднымъ) для общества человѣкомъ, могла быть мотивирована дошедшими до Императора слухами о Бородинскомъ предпріятіи и о его несостоя-

*) Напоминаю читателю, что переименованіемъ его фамиліи изъ Капенштейна въ Капустина онъ обязанъ шуточной продѣлкѣ одного изъ временныхъ писцевъ нашей полковой канцеляріи, изъ вольноопредѣляющихъ, унтеръ-офицеру Якову Судьбинскому.

тельности по подряду продовольствія Московскаго военнаго госпиталя, а также и на неодобрительныхъ о немъ свѣдѣніяхъ Московской полиціи, такъ какъ самъ оберполицмейстеръ Цынскій говорилъ (сколько помнится мнѣ), что у него не дрогнули бы руки повѣсить Леона [1]).

Такъ какъ этотъ въ своемъ родѣ феноменъ болѣе не явится дѣйствующимъ лицомъ въ дальнѣйшей моей хроникѣ, то доскажу объ окончательной его судьбѣ. Когда онъ отправленъ былъ изъ ордонансъ-гауза въ арестантской одеждѣ, жена доктора Франковскаго, изъ состраданія къ нему, зашила ему въ его сапогъ 25 рублевый кредитный билетъ: вотъ въ какомъ положеніи былъ этотъ человѣкъ, ворочавшій почти что миліонами. Спрашиваю, можно ли его назвать мошенникомъ, когда онъ не съумѣлъ нажить ни единаго рубля? Что онъ былъ дѣйствительно вреденъ для общества, это не подлежитъ сомнѣнію, а также и то, что онъ содѣйствовалъ моему разоренію [2]) и пустилъ многихъ мелкихъ капиталистовъ по міру; но за всѣмъ тѣмъ, скажу, что онъ былъ визіонеръ и фанатикъ-аферистъ изъ любви къ искусству болѣе, нежели съ цѣлію ограбить довѣрчивыхъ людей. Отъявленнаго мошенника не трудно распознать солиднымъ негоціантамъ, и съ таковымъ избѣгали бы имѣть всякое дѣло не только Иванъ Антоновичъ Кавецкій, по банкирскія и купеческія конторы, какъ г. г. Ценкеръ и Коли, г. Мальшъ, г.г. Катуаръ и Трипе, брилліантщикъ Фульда, Московской 1-й или 2-й гильдіи купецъ Соповъ и многіе другіе, всѣ открывшіе кредитъ Леону [3]). Сорилъ онъ безразсчетно деньгами (не своими, а чужими, это правда) для угощенія и задабриванія нужныхъ ему лицъ, а рядомъ съ этимъ былъ на столько сострадателенъ, что дѣлилъ послѣдній свой рубль съ нуждающимся, мало извѣстнымъ ему, человѣкомъ. Многихъ онъ поставилъ на ноги (хоть бы семейство Рубинштейна), и многіе остались у него въ долгу, а когда онъ увидитъ, что не предстоитъ возможности получить обратно данныя имъ взаймы деньги, или что его надули, то засмѣется, бывало, да и только. Онъ пытался въ 1842 или 1843 году быть принятъ въ Русское подданство, по случаю намѣренія жениться на одной соплеменной ему вдовѣ, г-жѣ Лѣви,

---

[1]) Цынскій былъ креатура князя Алексѣя Ѳедоровича Орлова, съ того времени, какъ первый изъ нихъ былъ ремонтеромъ и, если не ошибаюсь, казначеемъ въ конно-гвардейскомъ полку, коимъ командовалъ князь Алексѣй Ѳедоровичъ; а близкость князя къ покойному Императору довольно всѣмъ извѣстна.

[2]) Говорю *содѣйствовалъ*, а не былъ единственною тому причиною; потому что, какъ я изложилъ выше, при моей нерасчетливости и мотовствѣ, не могъ бы я справиться съ заложеннымъ уже при раздѣльномъ актѣ моимъ имѣніемъ.

[3]) У г.г. Ценкера и Коли пропало, если не ошибаюсь, болѣе 60 тыс. рубл. сер. на Леонѣ, т. е. на мнѣ.

не старой и образованной женщинѣ, искавшей мѣста наставницы; но сватовство позатянулось болѣе года и ничѣмъ не кончилось, такъ какъ ненавидѣвшій Леона Цынскій всячески старался не допустить его къ принятію Русскаго подданства, безъ чего дама эта не соглашалась, вѣроятнов, выходит за него. Таковъ въ сущности былъ этотъ человѣкъ, физіологія коего ускользаетъ отъ всякаго анализа: столько было въ немъ многосторонностей, странностей и противорѣчій. Я распространился надъ его характеристикою на основаніи Вольтеровой (кажется) поговорки, qu'il faut rendre justice même au diable.

Однакоже я обѣщалъ разсказать о дальнѣйшей судьбѣ Леона, а вмѣсто того напалъ на его характеристику, довольно извѣстную читателю. Что же дѣлать: у меня уже таковская натура вѣчно удаляться отъ настоящаго предмета. Я говорилъ, что Леона сослали первоначально въ Нарвскія арестантскія роты; но тамъ онъ недолго оставался, и его перевели въ Смоленскъ. Здѣсь онъ поддѣлался къ старику коменданту, и его не только не посылали на работу съ прочими арестантами, но онъ чуть ли не жилъ на особенной квартирѣ, ходилъ въ статскомъ платьѣ и началъ промышлять фейерверочными аппаратами: занятіе и прежде бывшее ему по душѣ, и слѣды его запечатлѣлись неизгладимыми чертами на его лицѣ, въ образѣ пороховыхъ знаковъ. Говорятъ, что снисхожденіе военачальника доходило до того, что приставленный къ Леону конвойный солдатъ обратился въ его слугу и будтобы ходилъ въ статскомъ платьѣ, какъ и онъ. Чувствуя себя на полусвободной почвѣ, онъ снова поддался спекулятивнымъ химерамъ и уговорилъ коменданта завести фабрику химическихъ издѣлій гдѣ-то на хуторкѣ, за городомъ, которою Леонъ почти что явно (какъ оказалось изъ слѣдствія) завѣдывалъ. Мало того: онъ втянулъ коменданта въ подряды по коммиссаріатскому или провіантскому вѣдомству на имя подставного лица; но изворотъ былъ слишкомъ прозраченъ, и бѣдный комендантъ попалъ подъ судъ за противузаконное вхожденіе въ казенныя поставки на мѣстѣ своего служенія, а также за льготы, дѣланныя Леону, вслѣдствіе чего онъ лишился своего мѣста, а Леона сослали на жительство въ Тобольскъ. Въ Смоленской арестантской ротѣ онъ пробылъ около трехъ лѣтъ. Послѣ сего я не имѣлъ никакихъ вѣрныхъ о немъ извѣстій до 1859 года, когда, во время нахожденія моего на службѣ въ Калугѣ, тогдашній губернаторъ Викторъ Антоновичъ Арцымовичъ сказалъ мнѣ, что, въ бытность его Тобольскимъ губернаторомъ *), у Леона бывалъ тамъ притонъ всякихъ подозрительныхъ и

*) В. А. Арцымовичъ былъ переведенъ изъ Тобольска въ Калугу въ 1858 году на мѣсто вышедшаго въ отставку графа Д. Н. Толстаго.

безпаспортныхъ личностей; а въ 1869 году я слышалъ отъ служившаго въ Сибири полковника (фамиліи его не упомню), что Леонъ живъ и даже тамъ занимается какими-то мелочными поставками.

Сообразивъ, что съ погромомъ, постигшимъ Леона, рушилось все дѣло съ г. Франковскимъ, я остался у своихъ, въ Знаменскомъ, долѣе чѣмъ предполагалъ, и только глубокою осенью поѣхалъ въ Петербургъ, съ Радзиковскимъ и на этотъ разъ. Оставалась одна надежда получить ту высочайшую милость, на каковую, по случаю отсутствія Государя въ предыдущемъ 1845 году, Великій Князь Наслѣдникъ не считалъ себя въ правѣ дать своего согласія; но и на это новое мое ходатайство черезъ Коммиссію Прошеній послѣдовалъ, мѣсяца черезъ два, отказъ. Значитъ, приходилось мнѣ жить со дня на день, а въ добавокъ въ Костромскомъ Губернскомъ Правленіи продавалось уже мое имѣніе съ торговъ; но въ виду, вѣроятно, множества лежавшихъ на немъ запрещеній казенныхъ и частныхъ, да еще недоимочной процентной большой суммы въ Сохранную Казну, покупателей на имѣніе не явилось. Не могу теперь дать себѣ отчетъ, какъ мало безпокоило меня мое очевидное для всѣхъ безнадежное положеніе; или потому что я уже привыкъ къ мысли, что если не сегодня, такъ завтра все кончится, или меня поддерживало безсмысленное Русское *авось*, или была увѣренность, что любящіе моя мать и братъ графъ Петръ Дмитріевичъ не оставятъ меня бѣдствовать, или все это вмѣстѣ съ добавкою обычнаго моего легкомыслія и наклонности развлекаться всякими пустѣйшими занятіями, препятствовавшими мнѣ вглядѣться, какъ слѣдовало, въ мое положеніе, но вѣрно то, что я и въ усъ себѣ не дулъ, и о томъ можно судить изъ дальнѣйшаго моего разсказа.

Радзиковскій не сталъ дожидаться развязки моего дѣла и возвратился въ Москву (я уже говорилъ, что отъ этихъ со мною разъѣздовъ онъ упустилъ свои торговыя дѣла), а я поселился въ меблированныхъ комнатахъ одной Француженки, на углу Гороховой и Большой Морской, въ домѣ Лерха. Въ числѣ насъ, жильцевъ, былъ давній мой знакомецъ князь Константинъ Александровичъ Черкасскій *), одно изъ свѣтилъ Московской молодежи, но уже не тотъ, чѣмъ онъ былъ прежде: въ Москвѣ онъ проигралъ все свое состояніе и переѣхалъ года два передъ описываемымъ мною временемъ въ Петербургъ, въ надеждѣ на будущее, но только не по служебному поприщу, къ чему онъ имѣлъ не болѣе меня охоты. Его поддерживалъ однофамилецъ его, но не родственникъ, князь Петръ Дмитріевичъ Черкасскій, занятый тогда

*) Братъ вышеупомянутой Софіи Александровны Рябининой.

двумя проектами, первымъ изъ коихъ было основать компанію на акціяхъ для предупрежденія всеобщаго въ государствѣ голода, посредствомъ закупки хлѣба въ дешевые года и продажи его въ неурожайные голодные съ явнымъ хотя барышемъ, но не по тѣмъ баснословнымъ цѣнамъ, по которымъ хлѣбные торговцы эксплуатируютъ народное бѣдствіе. Второй же его проэктъ былъ въ полученіи имъ концессіи на постройку желѣзной дороги изъ Москвы черезъ Рязань или Тулу (хорошо не помню) въ степныя губерніи, для облегченія сбыта хлѣба оттуда въ обѣ столицы. Весьма было ему трудно надѣяться получить разрѣшеніе на этотъ второй его проэктъ, потому что всесильный тогда графъ Клейнмихель (строившій Николаевскую желѣзную дорогу) возставалъ противъ всякой концессіи частной компаніи и желалъ, чтобы всѣ желѣзныя дороги въ имперіи строились отъ короны, кромѣ существовавшей уже незначительной Петербурго - Павловской. Князь П. Д. Черкасскій, занятый службою (онъ тогда былъ производителемъ дѣлъ въ канцеляріи ст.-секретаря у принятія прошеній князя Александра Ѳедоровича Голицына) не могъ бдительно слѣдить за обоими эти проэктами, бывшими уже въ ходу и, зная молодаго князя Константина Александровича за способнаго человѣка, если онъ захочетъ заняться серіознымъ дѣломъ, а также его ловкость въ свѣтскомъ обращеніи, взялъ его въ сотрудники и въ будущіе компаніоны, если проэкты осуществятся. Вотъ чѣмъ былъ тогда занятъ мой любезнѣйшій князь Константинъ Александровичъ, а что до будничныхъ средствъ жизни, то ему въ нихъ помогалъ князь Петръ Дмитріевичъ, конфиденціально передавшій мнѣ о томъ. Живя въ одномъ коридорѣ, мы еще болѣе сблизились, чѣмъ въ Москвѣ. Онъ былъ забавнымъ разсказчикомъ, съ эпиграмматическимъ даромъ, на Русскомъ и Французскомъ языкахъ, и въ числѣ разныхъ его анекдотовъ былъ слѣдующій о находчивости одного черноризца. Поѣхалъ я однажды сказывалъ онъ, изъ Москвы въ наше Каширское имѣніе, и покуда я стоялъ у Московской Серпуховской заставы для прописки (какъ водилось тогда) моей подорожной, подошелъ ко мнѣ монахъ изъ тутъ находящейся часовни Диниловскаго монастыря, побрякивая колокольчикомъ, прикрѣпленнымъ къ кошельку и съ обычною фразою «на построеніе храма Господня». Раздосадованный долгимъ ожиданіемъ прописки подорожной я грубовато кинулъ ему слово «отстань отъ меня, я самъ строю у себя храмъ», и вслѣдъ за тѣмъ монахъ мой опустилъ руку въ свой кошелекъ, вынулъ копѣйку и подалъ мнѣ, сказавъ «на построеніе вашего храма». Этимъ онъ конечно задѣлъ меня заживо и получилъ двугривенный.

Князь К. А. Черкасскій былъ блистательный въ полномъ смыслѣ салонный человѣкъ, рѣзко выдававшійся изъ всей Московской молодежи. Почти что таковымъ я назвалъ и Зембулатова; но хотя они оба были баловни женскаго пола, однакоже расходились, какъ въ наружности, такъ и въ физіологическомъ отношеніи, въ характерѣ и въ способѣ держаться въ обществѣ (la tenue dans le monde); да и свѣтская обстановка у обоихъ была не одна. Зембулатовъ былъ сдержаннѣе, какъ бы человѣкъ не ищущій выказываться съ перваго раза и производить эффектъ при первомъ съ кѣмъ-нибудь знакомствѣ. На его чело находилъ легкій оттѣнокъ задумчивости, придававшій ему особенную привлекательность. Не таковъ былъ князь Константинъ Черкасскій. Начну съ его наружности, которая вполнѣ заслуживала ему названіе «un joli garçon», хотя статуарнаго типа красоты въ немъ не было. Роста былъ онъ выше средняго, съ правильными чертами лица, глаза голубые, сентиментальные, цвѣтъ лица какъ у свѣжей Нѣмецкой блондинки и свѣтло-русые волосы и усы (бороду онъ отпустилъ много позднѣе). Нравъ и манеры были оживлены, послѣднія весьма изящны, умъ пылкій и игривый, не прочь высказаться при первомъ знакомствѣ; разговоръ и фразеологія немного фейерверочные, то-есть не въ томъ смыслѣ, чтобы пускать пыль въ глаза, тогда какъ на днѣ могла быть одна пустота, а со стараніемъ произвести впечатлѣніе и безъ аффектаціи добиться до этой цѣли. Одною изъ его отличительностей было, что онъ хорошо говорилъ не только по-французски, но и по-англійски и, кажется, по-нѣмецки, тогда какъ Зембулатовъ не былъ до такой степени лингвистомъ. Свѣтская же обстановка ихъ была скорѣе противоположною, нежели схожею. Скромныя средства Зембулатова не дозволяли ему ѣздить иначе, какъ на извощикахъ, а въ бальномъ залѣ онъ не годился въ кавалеры по причинѣ хромоты; тогда какъ князь Константинъ Александровичъ, во время Московскаго эфемернаго своего блеска, щеголялъ кровными лошадьми въ Англійской упряжи, коею онъ самъ правилъ съ козелъ; одѣвался какъ модная гравюра, а въ бальномъ залѣ былъ «la coqueluche des dames» *). Я сказалъ, что блескъ его былъ эфемернымъ, потому что до смерти его отца (весною 1841 г.) у него почти не болѣе было свободы и средствъ развернуться, чѣмъ у школьника, а въ 1845 году, благодаря Московскимъ игрокамъ, онъ былъ облегченъ отъ дальнѣйшихъ заботъ по управленію имѣніями. Вообще, можно сказать о немъ, что онъ былъ способенъ на все; но не доставало ему энергіи, и даже желанія, употребить впрокъ природныя свои дарованія, усовершенствованныя строгимъ и старательнымъ родитель-

*) Буквальный переводъ этой поговорки невозможенъ; приблизительный смыслъ тотъ, что онъ кружилъ женскія головы.

скимъ воспитаніемъ. Не могъ онъ также преодолѣть одну изъ прежнихъ своихъ привычекъ, весьма накладную въ настоящемъ его положеніи, когда онъ стѣснялся въ необходимыхъ потребностяхъ жизни и въ платежѣ за квартиру. Привычка эта была не иная, какъ держать поденно извощичью карету, остававшуюся иногда безъ употребленія съ утра до 3-го или 4-го часа пополудни, и на мое замѣчаніе о таковой лишней издержкѣ онъ сознавался, что въ этой послѣдней роскоши отказать себѣ не можетъ. Но за что я особенно дорожу памятью злополучнаго князя Константина Черкасскаго, это за то, что весь свѣтскій ѳиміамъ и гибельная его наклонность къ игрѣ не могли испортить благородную его натуру и довесть его до нарушенія правилъ чести. Управляя, какъ старшій сынъ *), всѣми имѣніями, по смерти князя Александра Александровича, онъ, при совершеніи раздѣльнаго акта (кажется въ 1845 году) съ братьями, князьями Евгеніемъ и Владиміромъ и при выдачѣ седьмой законной части ихъ матери, княгинѣ Варварѣ Семеновнѣ (ур. Окуневой), онъ сдалъ имъ все имѣніе безъ копѣйки долга, а о себѣ объяснилъ, что ему не причитается болѣе ничего изо всего остального имѣнія, потому-де, что онъ свою часть спустилъ въ карты, а какіе остались еще на немъ долги, то онъ ни братьямъ, ни матери въ счетъ не ставитъ. Въ Петербургѣ приходилось ему то скрываться, какъ зайцу, то сказываться больнымъ и лежать въ постелѣ, когда являлся полицейскій офицеръ для объявленія на него иска; а однажды его до того прижали, что онъ долженъ былъ тайкомъ выѣхать на время изъ города. Таково было его положеніе, когда онъ квартировалъ дверь объ дверь со мною у миловидной Француженки. Однажды, когда я возвратился домой довольно поздно, онъ позвалъ меня къ себѣ. Это меня удивило, такъ какъ обыкновенно онъ возвращался гораздо позднѣе меня. Войдя къ нему, я увидалъ, что онъ уже лежалъ раздѣтый въ постелѣ и, по его просьбѣ, я сѣлъ возлѣ его кровати. Тутъ началъ онъ съ того, что весь день не выходилъ и давно легъ, на случай прибытія квартальнаго надзирателя, чтобы отдѣлаться отъ него мнимою болѣзнью, но это было только *такъ*, въ скобкахъ, а что не въ томъ дѣло, и вслѣдъ затѣмъ онъ пустился въ подробности о какихъ-то задуманныхъ имъ съ княземъ Петромъ Дмитріевичемъ Черкасскимъ предпріятіяхъ. Слушалъ я, слушалъ, но, наконецъ, холодъ въ его комнатѣ (это было въ Ноябрѣ или въ началѣ Декабря) до того пробралъ меня, что я спросилъ его съ удивленіемъ, какъ можетъ онъ мыслить и говорить о какихъ бы то ни было дѣлахъ въ нетопленой комнатѣ, а онъ

*) Старшій въ описываемое мною время потому, что самый старшій изъ братьевъ, князь Ипполитъ, былъ убитъ на Кавказѣ.

въ добавокъ лежитъ въ одной сорочкѣ и покрытый одною простыней. «А что? И въ самомъ дѣлѣ холодненько здѣсь!» спохватился онъ. «Каналья мадамъ не хочетъ рѣшительно топить мою печку, какъ я ее о томъ ни прошу». Вскорѣ послѣ этого разговора, каналья мадамъ, придя ко мнѣ для полученія части (а не сполна) должныхъ мною денегъ, почти что слезно жаловалась, что не на что купить ей дровъ, такъ какъ кромѣ меня никто изъ квартирантовъ (всѣхъ же насъ было не болѣе трехъ или четырехъ) давно не платятъ ей ни копѣйки. Я былъ въ ея глазахъ исправнѣйшимъ жильцомъ, потому что не оставался должнымъ болѣе какъ за одинъ мѣсяцъ, за каковую мою аккуратность предназначалось для одной моей печки послѣднее полѣно изо всего ея хозяйства, а потому у меня въ нумерѣ было всегда тепло.

Выѣзжая весной 1847 г. изъ Петербурга, я оставилъ тамъ князя и уже болѣе никогда не встрѣчался съ нимъ. Ни одно изъ придуманныхъ имъ предпріятій не осуществилось, и послѣдніе его ресурсы прекратились съ отъѣздомъ оттуда князя Петра Дмитріевича, назначеннаго губернаторомъ въ Симбирскъ. Тогда, или около того времени, мать князя Константина Александровича передала въ полное его распоряженіе свое имѣніе Тульской губ., Веневскаго уѣзда, съ предоставленіемъ ему всѣхъ съ имѣнія доходовъ. Тамъ онъ прожилъ пять или шесть лѣтъ почти что безвыѣздно, сталъ одѣваться по-русски, въ красной рубашкѣ и въ поддевкѣ. Обстоятельства, сопровождавшія его смерть въ 1855 или 1856 году, покрыты нѣкоторою таинственностію. Иные говорили, что, собираясь ѣхать къ обѣду къ сосѣду Норову, онъ, брѣясь, срѣзалъ прыщикъ на губѣ, отчего будто бы сдѣлалось съ неимовѣрною быстротою воспаленіе и Антоновъ огонь, и онъ померъ дня черезъ два. Другіе увѣряли, будто, наскучa жизнію, онъ хватилъ себя по горлу бритвою. Желая отъ всей души, какъ христіанинъ, чтобы послѣдній слухъ былъ ложенъ. Весьма странно одновременное совпаденіе его смерти со смертію въ Парижѣ его сестры, злополучной, какъ и онъ самъ, Софіи Александровны Рябининой, и также не отъ совсѣмъ ясной причины: кто говорилъ, что она скончалась отъ холеры, а кто будто отъ самоотравленія.

Зима съ 1846 на 1847 годъ, которую я провелъ въ Петербургѣ, была обставлена для меня самымъ пріятнымъ образомъ, къ чему особенно способствовало нахожденіе въ немъ Зинаиды Сергѣевны и Н. А. Тимофеевой. Переѣздъ туда Зинаиды Сергѣевны изъ Москвы состоялся по случаю того, что Сергѣй Павловичъ Сумароковъ, уѣхавъ въ Венецію съ женою и двумя старшими дочерьми, по дѣлу о доставшемся его женѣ огромномъ наслѣдствѣ отъ умершаго въ Венеціи ея брата, графа

Маруцци [1]), оставилъ въ Петербургѣ меньшую свою дочь, Марію Сергѣевну, одну съ ея гувернанткою для выдержанія ортопедическаго лѣченія отъ кривизны одного ея бока или спиннаго хребта, а такъ какъ въ то время Сумароковы и Дивовы жили душа въ душу, то Сергѣй Павловичъ просилъ Зинаиду Сергѣевну сдѣлать ему великое одолженіе переѣхать въ Петербургъ на время его отсутствія, занять нанимаемый имъ по-годно домъ Тарновскаго, на Бассейной улицѣ, почти что на углу Литейной, и имѣть родственный надзоръ надъ его 14-лѣтнею дочерью [2]), на что̀ Зинаида Сергѣевна изъявила согласіе и переѣхала туда со всѣмъ своимъ домомъ и лошадьми. Присутствіе ея было тѣмъ пріятнѣе молодой Сумароковой, что послѣдняя этимъ пріобрѣтала компаньонку въ ровесницѣ ей Зинаидѣ Николаевнѣ, воспитанницѣ Дивовыхъ; а такъ какъ въ этомъ домѣ Тарновскаго оставались еще свободныя комнаты, то Зинаида Сергѣевна предложила мнѣ занять одну изъ нихъ, куда я и перебрался изъ меблированныхъ комнатъ миловидной Француженки. Само собою разумѣется, что я каждый день обѣдалъ у моей родственницы, слѣдовательно вся матеріальная часть жизни была для меня обезпечена на всю зиму, не говоря уже о пріятности находиться подъ однимъ кровомъ съ женщиной, которая оказывала мнѣ въ теченіе многихъ лѣтъ искреннюю дружбу и нѣжное вниманіе всякаго рода. Одновременно съ этимъ я ежедневно видался съ Надеждою Александровной, переѣхавшей также на зиму въ Петербургъ, чтобы быть съ сестрою, княгинею Аделаидою Александровной Голицыной, недавно предъ тѣмъ (въ Октябрѣ) разрѣшившеюся отъ беременности сыномъ, княземъ Григоріемъ Николаевичемъ. Мужъ ея, князь Николай Григорьевичъ, высокій и красивый мущина, служилъ тогда въ гвардейской конной артиллеріи. Голицыны жили очень близко къ Тарновскому дому, на Фурштатской улицѣ, примыкающей также къ Литейной; а Надежда Александровна и сестра ея, Елисавета Александровна Кикина, нанимали вдвоемъ ту часть дома княгини М. П. Волконской, что̀ выходила на Большую Милліонную; и вотъ почему я сказалъ, что обстановка этой зимы была особенно родственною и комфортабельною для меня. У княгини А. А. Голицыной давно уже гнѣздился зародышъ чахотки, но, по благотворному закону природы, недугъ этотъ какъ бы пріостановился во время ея беременности; быть можетъ, съ бережливостью ходъ болѣзни не развился бы столь быстро, какъ случилось послѣ ея родовъ, но она сама была виновницей этого ускоренія. По уши влюб-

[1]) Этотъ графъ Маруцци родомъ Грекъ; отецъ его былъ когда-то нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Венеціи.

[2]) Она совершенно выздоровѣла и въ 50-хъ годахъ вышла замужъ за одного изъ сыновей князя Михаила Николаевича Голицына, строителя Московской галлереи его имени.

ленная въ мужа, она, въ порывѣ не совсѣмъ основательной ревности къ нѣкоей хорошенькой вдовѣ Фурманъ, настоятельно захотѣла быть при бракѣ мнимой своей соперницы съ г. Лабенскимъ, племянникомъ директора Эрмитажной галлереи, занимавшимъ довольно видное мѣсто въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Брачный обрядъ совершался въ сырой и холодной Римско-католической церкви, что̀ на Невскомъ проспектѣ; но ревнивица вложила, вѣроятно, себѣ въ голову, что мужъ ея будетъ присутствовать при этой церемоніи. Тамъ она простудилась и слегла на всю зиму, съ ежедневными лихорадочными припадками по вечерамъ.

Я получилъ тогда (въ концѣ 1846 года) изъ Флоренціи скорбное извѣстіе о кончинѣ моего зятя, Джіованни Дини, мужа старшей моей сестры, графини Маріи Дмитріевны.

Имѣя свой семейный очагъ, я въ эту зиму пересталъ показываться въ великосвѣтскихъ салонахъ, за исключеніемъ княгини М. П. Волконской, у которой я часто бывалъ, и изрѣдка у Лярскихъ и у княгини М. С. Черкасской. Шаткое здоровье княгини Волконской (у нея бывали частыя удушья и признаки водяной) не дозволяло ей не токмо бывать во дворцѣ, какъ слѣдовало по ея сану, но даже выѣзжать въ свѣтъ, и она завела свой интимный кружекъ, болѣе мужской, нежели женскій, который былъ тѣмъ болѣе для меня пріятнымъ, что въ составъ его входили профессоры Академіи Художествъ: Петръ Васильевичъ Басинъ, какъ родственникъ княгининъ [1]), и извѣстный рисовальщикъ Русскихъ церковныхъ древностей, Ѳедоръ Григорьевичъ Солнцевъ. Хотя въ числѣ короткихъ знакомыхъ княгини былъ и Карлъ Павловичъ Брюловъ, но онъ хворалъ въ теченіе почти всей этой зимы и никуда не выходилъ, а когда чувствовалъ облегченіе, то запирался отъ всѣхъ посѣтителей и усидчиво трудился надъ громаднымъ своимъ произведеніемъ «Осада Пскова» [2]), оставшемся, къ несчастію, недоконченнымъ по его смерти. Этимъ затворничествомъ и усиленною работой онъ еще болѣе нанесъ вреда своему здоровью; но чтобы онъ въ то время предавался кутежамъ (какъ о томъ говорили въ его молодости),

---

[1]) Давно умершая жена П. В. Басина была въ дальнемъ родствѣ съ княг. Маріей Петровной, не считавшей этотъ бракъ семейнымъ пятномъ, и она всегда обходилась съ Басиною какъ съ близкою своей родственницей. До настоящей моей встрѣчи съ П. В. Басинымъ я не видался съ нимъ со времени моего юношества, когда отецъ мой, со всѣмъ нашимъ семействомъ, посѣтилъ Римъ въ 1822 году.

[2]) Однажды, когда кн. Марья Петровна посылала узнавать о здоровьѣ великаго художника, онъ отвѣчалъ посланному: „Доложите княгинѣ, что я все еще боленъ и никуда не выхожу, и попросите, чтобъ она молилась Богу, чтобы болѣзнь моя продлилась, потому что это единственный способъ подвинуть Осаду Пскова“.

я ни отъ кого не слыхивалъ. Своимъ человѣкомъ былъ также у княгини Маріи Петровны артистъ Русской оперы, баритонъ Артемовскій. По какому случаю пользовался онъ этою исключительностью изъ всѣхъ прочихъ театральныхъ артистовъ, не знаю; но онъ себя держалъ весьма прилично и въ свободное время занимался небезуспѣшно миніатюрною живописью на слоновой кости. Однажды я и онъ угостили княгиню и ея компанію такимъ ревучимъ исполненіемъ дуэта двухъ басовъ изъ Донидзеттіевой оперы «Марино Фаліеро» («Se pur giungi a trucidarlo»), что оглушенные нами слушатели выбѣжали изъ комнаты и оставили насъ однихъ допѣвать дуэтъ [1]).

Не досказалъ я на счетъ К. П. Брюлова, что подъ конецъ зимы онъ, немного оправившись, забѣгалъ кое-когда по утрамъ къ княгинѣ, а такъ какъ я приходилъ къ ней не ранѣе обѣденнаго времени, то никогда не заставалъ у нея нашего геніальнаго художника. Однажды только я видѣлъ его въ его мастерской, въ зданіи Академіи Художествъ, куда я сопровождалъ княгиню Марію Петровну, и довольно долго бесѣдовалъ съ нимъ, выбравъ для этого Итальянское нарѣчіе, такъ какъ мнѣ было довольно извѣстно, что онъ дорожилъ воспоминаніями объ Италіи, и мнѣ показалось, что ему пріятно было вести разговоръ на гармоніозномъ языкѣ Тасса.

Княгиня Марія Петровна была великая любительница и знатокъ по всѣмъ отраслямъ художествъ, но спеціальнѣе занималась Русскою стариной въ зодчествѣ и живописи [2]). По утрамъ ея гостиная представляла видъ рисовальнаго класса, состоявшаго изъ нея самой, ея компаніонки, отчасти воспитанницы, Маріи Александровны Михайловой, умнѣйшей особы, вышедшей замужъ много позднѣе за Вологодскаго помѣщика и вдовца Межакова [3]), г. Похвиснева, Николая Ивановича, если не ошибаюсь [4]), двоюродной моей сестры Лизы Кикиной, княги-

---

[1]) Семенъ (по отчеству забылъ) Гулакъ-Артемовскій усовершенствовался, какъ пѣвецъ, въ Италіи, и по возвращеніи его оттуда Глинка написалъ нарочно для него партицію Руслана въ своей операѣ „Русланъ и Людмила“. Впослѣдствіи я совершенно потерялъ его изъ виду и недавно только узналъ, что онъ померъ въ Москвѣ въ началѣ настоящаго (1873) года, гдѣ было предался исключительно леченію магнетизмомъ, весьма будто бы удачно, по увѣренію одного его паціента, мнѣ знакомаго.

[2]) Объ архитектурномъ ея вкусѣ въ Русскомъ стилѣ свидѣтельствуютъ два большіе флигеля въ ея имѣніи, с. Алешнѣ Рязанской губ., въ 1½ версты отъ Ряжска. Главный тамошній домъ она не успѣла перестроить.

[3]) Братъ Маріи Александровны былъ въ то время адъютантомъ Степана Васильевича Перфильева, начальника Московскаго жандармскаго округа.

[4]) Г. Похвисневъ, кажется, служилъ тогда въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Онъ недавно получилъ огромное наслѣдство отъ своего дяди Захаржевскаго, убитаго въ прошломъ 1870 году однимъ изъ его слугъ въ его имѣніи Харьковской губерніи.

нина врача г. Журковскаго (онъ же и жилъ въ ея домѣ), и къ этому кружку примыкалъ иногда талантливый, какъ рисовальщикъ и музыкантъ, молодой и неженатый еще, баронъ Михаилъ Львовичъ Боде, сынъ тогдашняго президента Московской Дворцовой Конторы *); впрочемъ, оба послѣдніе чаще брали работу къ себѣ на домъ. Всѣ они, подъ руководствомъ академика Ѳедора Григорьевича Солнцева, писали акварельными и гуашевыми красками роскошныя святцы, съ Славянскимъ текстомъ и иконописными картинками, съ орнаментами, составлявшими рамку страницы, изъ коихъ каждая имѣла свою разнообразную орнаментацію. Огромный и копотный этотъ трудъ былъ чѣмъ-то въ родѣ Итальянскихъ и Французскихъ рукописныхъ часовниковъ (Horae) и молитвенниковъ съ миніатюрами XII—XIV вѣковъ, писанныхъ на пергаментѣ; но святцы, надъ которыми трудились княгиня Волконская и ея окружающіе (по рисункамъ Ѳ. Г. Солнцева), писались, для бо́льшаго удобства, на плотной веленевой бумагѣ, и всѣ фоны (т.-е. поля) фигуръ были изъ золота. Одновременно, помнится мнѣ, со святцами писался также Служебникъ, въ одинаковомъ размѣрѣ (in 12°) и съ такими же изображеніями и орнаментами. Не знаю, успѣла ли княгиня докончить до преждевременной своей смерти (осенью 1854 года) эти неподражаемыя, по моему, произведенія. Можно представить себѣ, сколько труда стоило, напримѣръ, помѣстить на пространствѣ менѣе 4-хъ вершковъ вышины и около 3-хъ ширины изображенія ежедневныхъ святыхъ, празднуемыхъ въ цѣломъ мѣсяцѣ. Чтобы выдѣлывать лики и облаченія полувершковыхъ фигуръ, надо было употреблять увеличительное стекло и имѣть неистощимый запасъ терпѣнія, и со всѣмъ возможнымъ прилежаніемъ, ближе двухъ или трехъ мѣсяцевъ невозможно было окончить таблицу со всѣми святыми 30 дней и входившими въ ихъ составъ изображеніями двунадесяти праздниковъ. Въ выдѣлываніи всѣхъ этихъ деталей особенно отличался терпѣніемъ г. Похвиснев. Кстати разскажу одно случившееся съ нимъ свѣтское приключеніе. Отправился онъ однажды съ утреннимъ визитомъ къ молодой и красивой графинѣ Орловой-Денисовой (рожденной Никитиной); при входѣ его швейцаръ позвонилъ и передалъ явившемуся на лѣстницѣ лакею фамилію посѣтителя. Доложивъ графинѣ о немъ и возвратясь въ швейцарскую, лакей повелъ г. Похвиснева не по парадной лѣстницѣ, а боковыми коридорами и заднею лѣстницею до комнатъ, занимаемыхъ дѣтьми графини, гдѣ оставилъ г. Похвиснева одного, а самъ-исчезъ. Недоумѣвающій гость могъ подумать сначала, что хозяйка дома принимаетъ

*) Баронъ М. Л. Боде женился позднѣе на одной изъ дочерей Ивана Дмитріевича Черткова, Александрѣ Ивановнѣ.

тутъ, и ждалъ ея появленія; но послѣ довольно долгаго времени, видя, что графиня не показывается и что какъ бы забыли о немъ, онъ попросилъ одну изъ нянекъ или горничныхъ напомнить графинѣ о его существованіи. Спустя нѣсколько времени, приходитъ графиня въ дѣтскую и въ изумленіи спрашиваетъ Похвиснева, какимъ образомъ онъ попалъ сюда, вмѣсто ея салона, на что онъ отвѣчаетъ, что его провелъ туда лакей. Новичекъ или небрежный ливрейный служитель доложилъ своей госпожѣ, что пришелъ г. фокусникъ, вмѣсто Похвиснева, вслѣдствіе чего графиня приказала провести его къ ея дѣтямъ, чтобы онъ позабавилъ ихъ представленіемъ своего искусства.

Я уже выказывалъ княгиню Марію Петровну съ ея религіозной стороны; затѣмъ добавлю, что на счетъ свѣтскихъ ея сужденій она разбирала всякій вопросъ или предметъ во всеобъемлющемъ его видѣ, стараясь всегда истолковывать въ паліативномъ смыслѣ тѣ предметы или обстоятельства, что̀ подвергались немилосердной насмѣшкѣ общества. Подобное, однакоже, снисхожденіе ея взглядовъ относилось только къ абстрактивнымъ и индивидуальнымъ дѣйствіямъ (т.-е. личнымъ) или проявленіямъ, отдѣльно отъ принциповъ; относительно же послѣднихъ сужденія ея были строги, но всегда безпристрастны, и она какъ бы тщательно избѣгала указывать на какую-либо отдѣльную личность, да и вообще касательно ближняго она придерживалась, какъ мнѣ кажется, мнѣнія, что на бѣломъ свѣтѣ немало мы видимъ людей понапрасну оклеветанныхъ, въ справедливости каковой аксіомы не однажды приходилось мнѣ убѣдиться изъ житейской моей практики.

Однажды, на мое объясненіе, что я не хожу въ церковь Министерства Удѣловъ, куда княгиня ѣзжала по воскреснымъ днямъ къ обѣднѣ, потому-де, что мнѣ-ли, маленькому человѣку, соваться туда, гдѣ собирается высшая знать, и что я предпочитаю посѣщать тѣ церкви, гдѣ смѣшиваюсь съ толпою плебеевъ и мелкаго люда, княгиня обратила мое вниманіе на то, что я этимъ обличаю чувство надменности въ мнимомъ смиреніи (l'orgueil de l'humilité). Мысль эта была совершенно для меня новою; но при дальнѣйшемъ наблюденіи надъ собою я открылъ, что дѣйствительно подъ личиною смиренія и будто бы умаленія себя гнѣздится нерѣдко горделивое о себѣ чувство, которое можно перевести тѣмъ же изреченіемъ, но наоборотъ, т. е. мнимымъ смиреніемъ, истекающимъ изъ надменности (l'humilité de l'orgueil). Какъ свѣтское, салонное лицо, княгиня Марія Петровна была истинная «grand'dame», но чуждая спѣси, слабостей и мелочныхъ разсчетовъ аристократической касты. Когда, напримѣръ, навѣщали Петербургъ деревенскіе ея сосѣди и Рязанскіе провинціальные ея знакомые

(иногда изъ мелкопомѣстныхъ), она не только не гнушалась ими въ столицѣ, но окружала ихъ всякимъ вниманіемъ и привѣтливостію: сажала за столъ на первыя мѣста рядомъ съ собою, хотя бы за обѣдомъ сидѣли у нея министры и высшіе сановники, возила съ собою въ министерскую ложу своего свекра и доставляла имъ случаи быть во дворцѣ во время какихъ нибудь экстренныхъ церемоній или торжествъ. Съ художниками и артистами, принятыми въ ея салонъ, она обходилась съ тою же предупредительностію и любезностію (*elle faisait autant de frais de conversation*, фраза непереводимая буквально по русски), какъ съ находившимся иногда тутъ графомъ Львомъ Алексѣевичемъ Перовскимъ (тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ) или графомъ М. Ю. Віельгорскимъ и старикомъ г. Лабинскимъ. Мнѣ кажется, что сужденіе мое не будетъ пристрастнымъ, если скажу, что на сколько человѣческая натура можетъ подходить въ совершенству, таковою была эта женщина. Во многомъ она сходилась съ В. И. Ланскою. Подобные типы родятся вѣками.

Въ числѣ немногихъ ежедневныхъ почти посѣтителей княгини Волконской былъ капитанъ л. г. егерскаго полка, Иванъ Алексѣевичъ Бартоломей, человѣкъ второй, такъ сказать, молодости, весьма ученый, нумизматъ и оріенталистъ, и я дивился, какъ съ подобнымъ призваніемъ къ наукѣ могъ онъ довольствоваться фронтовою службою и игрою носка. Но кромѣ того, въ немъ была та странность, что онъ былъ убѣжденный візіонеръ, вѣровалъ въ существованіе домовыхъ и подобныхъ тому явленій. Онъ разсказывалъ, что было время, когда онъ, занимаясь усидчиво за письменнымъ столомъ, постоянно видѣлъ стоявшую неподвижно у дверей его кабинета маленькую, худенькую старушенку, съ трясущеюся головой. Онъ такъ привыкъ видѣть ее тамъ, что не обращалъ болѣе на нее вниманія; будучи однажды не въ духѣ и наскучившись ея присутствіемъ, онъ бросился на нее, но она исчезла, грозя ему пальцемъ. А въ другой разъ, читая въ постели при свѣчѣ, вдругъ видитъ онъ, что поднимаются драпрѝ въ дверяхъ спальни, и выходитъ сѣдая и пепелистая фигура съ бородою; подходитъ въ довольно близкомъ къ нему разстояніи такъ, что онъ могъ всю ее разсмотрѣть и такимъ же порядкомъ удаляется и исчезаетъ. Капитанъ Бартоломей увѣрялъ насъ, что онъ въ то время не помышлялъ засыпать и что все это происходило на яву, и потому крѣпко вѣрилъ въ явленія домовыхъ, но отнюдь не страшился ихъ, а также, что всѣ эти сверхъестественныя для прочихъ людей явленія ничего дурнаго никогда ему не предвѣщали.

Единственный разъ въ жизни, что я встрѣтился съ княземъ Одоевскимъ (директоромъ въ то время Румянцовскаго музея) было въ салонѣ кн. М. П. Волконской. Узнавъ отъ находившагося тутъ Итальянскаго учителя пѣція г. Негри, что князь Одоевскій заклятой врагъ Итальянской музыки, я уже отъ этого не расположился къ нему, и впечатлѣніе, воспринимаемое мною изъ свѣтскаго его обхожденія и бесѣды съ хозяевами дома, не уменьшили несимпатичнаго моего къ особѣ его чувства. Онъ показался мнѣ натянутымъ и какъ бы съ поползновеніемъ поважничать и несловоохотливымъ. Онъ подсѣлъ къ фортепіано и сталъ брать одни только аккорды, въ родѣ модуляцій церковной музыки. Онъ прославился филантропическою своею дѣятельностію и кромѣ того пользовался довольно значительною извѣстностію какъ литераторъ и музыкантъ. О степени заслуженности его репутаціи въ послѣднихъ двухъ отрасляхъ не имѣлъ я случая судить.

Изъ обходившихся постоянно со мною самымъ родственнымъ образомъ былъ Андрей Ивановичъ Сабуровъ. Хотя мы не состояли ни въ какомъ прямомъ съ нимъ родствѣ, но онъ, какъ племянникъ Александра Ульяновича Тимоѳеева (мужа тетки моей Прасковьи Артемьевны), считалъ себя въ связи съ нашимъ семействомъ *). Узнавъ отъ княгини Маріи Петровны, что стѣсненныя обстоятельства заставляютъ меня искать профессіи реставратора картинъ при эрмитажѣ, Андрей Ивановичъ предложилъ мнѣ, черезъ княгиню, мѣсто управляющаго линіею Царицинской желѣзнокопной дороги (соединяющей Волгу съ Дономъ) съ высокимъ годовымъ окладомъ въ 20 т. р. асс., такъ какъ онъ былъ учредителемъ этой дороги и искалъ надежнаго на сказанную должность человѣка. Недоставало у меня духа предпріимчивости и не хотѣлось мнѣ забиваться въ такую даль отъ Петербурга, да и дѣло это было совершенно незнакомое для меня; пуще же всего я излѣнился для всякаго серьезнаго труда и потому имѣлъ неблагоразуміе отказаться отъ столь выгоднаго мѣста. Нѣсколько лѣтъ спустя, я, быть можетъ, принялъ бы съ охотою подобное предложеніе вмѣсто того, чтобы коптѣть губернаторскимъ чиновникомъ особыхъ порученій; но таковой случай болѣе не возобновлялся.

Княгиня Волконская передавала мнѣ слѣдующее небезынтересное обстоятельство. Во времена Петра I-го, или одной изъ первыхъ императрицъ, его преемницъ, мѣсто, на которомъ нынѣ стоитъ западная часть Зимняго дворца (противъ адмиралтейскаго бульвара) принадле-

*) У Александра Ульяновича Тимоѳеева были двѣ сестры, вышедшія замужъ одна за Сабурова, а другая за Чубарова.

жало Кикинымъ, и съ той поры Кикины не переставали предъявлять протесты противъ этого захвата ихъ собственности. Слѣдуя примѣру дѣдовъ, княгиня Марія Петровна не пропускала десятилѣтней давности безъ подобнаго же оффиціальнаго протеста, не считая себя въ правѣ, какъ сама выражалась, отказаться отъ того, что̀ дѣды ея считали законнымъ своимъ достояніемъ, при всемъ томъ понимая, что формалистика эта никуда не поведетъ. При каждомъ таковомъ ея протестѣ она сама, когда являлась ко двору, заявляла о томъ шутя Государю Николаю Павловичу, который, также шутя, поощрялъ будто бы княгиню продолжать безнадежную ея тяжбу.

Въ Англійскомъ отелѣ сестеръ Бенсонъ поселился на зиму Лондонскій акварельный ландшафтистъ Аткинсонъ, метода коего (или точнѣе жанръ) отличалась отъ всего, видѣннаго мною дотолѣ. Не вдаваясь ни въ какія подробности и избѣгая даже, на сколько было ему возможно, писать деревья (въ чемъ онъ не былъ мастеромъ, какимъ былъ знаменитый въ Италіи акварелистъ Нѣмецъ Корроди), онъ преимущественно гнался за прозрачностью воздушной перспективы и отдаленныхъ предметовъ, особенно гористаго горизонта, нерѣдко изображалъ закатъ солнца и особенно водяныя отраженія (морей и озеръ), въ каковыхъ предметахъ онъ достигалъ до такихъ сильныхъ эфектовъ, что акварели его можно было принять за масляныя картины. Н. А. и я были поражены этой художественной новизною. Она наслѣдовала отъ своей матери талантъ рисованія*); мы упросили г. Аткинсона принять насъ обоихъ въ ученики, и въ теченіе всей зимы почти что ежедневно работали подъ его надзоромъ по нѣскольку часовъ. Такъ какъ я вообще ничего не умѣлъ дѣлать иначе какъ запоемъ, то совершенно оставилъ пѣніе и пристрастился къ акварельной живописи, и этотъ періодъ продолжался до 1853 года. Впрочемъ, манія эта довольно своевременно смѣнила прежнее пѣніе, потому что послѣ 1847 года (когда минуло мнѣ сорокъ лѣтъ) голосъ мой замѣтно началъ мнѣ измѣнять. Хотя я и прежде занимался немного акварелью, но былъ самоучка и не имѣлъ никакихъ понятій о правилахъ въ этой отрасли живописи, и если я достигъ впослѣдствіи до степени изряднаго живописца водяными красками, то благодаря урокамъ г. Аткинсона, впрочемъ недешевымъ. Онъ былъ высокій, крѣпкаго сложенія мужчина, лѣтъ 55-ти, и въ немъ была та удивительная особенность, что

*) Тетка моя Прасковья Артемьевна весьма замѣчательно писала фигуры въ большихъ размѣрахъ акварелью и сепіею, и ея работы украшаютъ понынѣ стѣны господскаго дома въ с. Воронцовѣ. Тамъ, между прочихъ картинъ, есть копіи съ Итальянскихъ произведеній съ поясными фигурами въ натуральный ростъ.

натура его не требовала болѣе двухъ съ половиною или много трехъ часовъ сна въ сутки. Не менѣе замѣчательно было и то, что онъ до такой степени свыкся съ оттѣнками колеровъ, что писалъ при свѣчахъ, что́ я считаю истиннымъ фокусомъ, тѣмъ болѣе труднымъ, что при огненномъ освѣщеніи всѣ блѣднопалевые оттѣнки кажутся бѣлыми, свѣтло-голубые сѣроватыми, а голубыхъ оттѣнковъ невозможно почти различить отъ зеленыхъ. Художникъ этотъ прибылъ въ Россію съ цѣлью списывать горныя Сибирскія мѣстности и осуществилъ свой проектъ. Въ сопровожденіи нанятаго въ Петербургѣ въ услуженіе чиновника, знавшаго Англійскій и Русскій языки, онъ отправился въ кибиткѣ, въ трескучіе Февральскіе морозы, къ Уральскому хребту и слѣдующею за тѣмъ весною поселился на Алтаѣ. Пробывъ около трехъ лѣтъ въ Сибири, онъ возвратился на родину черезъ Англійскія Остъ-индійскія владѣнія и издалъ въ Лондонѣ свое путешествіе съ видами Сибири; оно было впослѣдствіи переведено по русски. Во время своего пребыванія въ Сибири онъ сдѣлался героемъ слѣдующаго романическаго приключенія. Когда онъ еще жилъ въ Петербургѣ у сестеръ Бенсонъ, ему приглянулась двоюродная ихъ сестра, миссъ Джейнъ, дѣвица лѣтъ около 30 и не особенно привлекательная. Она жила у кого-то въ гувернанткахъ и воскресные дни проводила у своихъ кузинъ. О началѣ этого романа намъ, постороннимъ, ничего не было извѣстно, и потому мы всѣ удивились, узнавъ спустя годъ, что г. Аткинсонъ, вдовецъ и имѣвшій въ Англіи замужнюю дочь, плѣнился этой худенькой и невзрачной дѣвицею; но самый бракъ этотъ стостоялся весьма оригинальнымъ образомъ, свойственнымъ однимъ эксцентричнымъ Британцамъ. Устроившись временно гдѣ-то на Алтаѣ, художникъ нашъ извѣстилъ свою невѣсту, чтобы она прибыла въ назначенное имъ число изъ Петербурга въ Москву, куда и онъ съ своей стороны пріѣдетъ, что́ оба исполнили аккуратно. Обвѣнчавшись тамъ, они черезъ два-три дня отправились вмѣстѣ въ Сибирь, гдѣ и родился у нихъ сынъ, названный Алтаемъ*), съ которымъ они возвратились въ Англію черезъ Остъ-Индію.

Въ Декабрѣ 1846 г. недогадливый Н. И. Гречъ помѣстилъ въ своей «Сѣверной Пчелѣ» извѣстную всѣмъ балладу графини Ростопчиной (хотя ею неподписанную) подъ заглавіемъ «Насильный бракъ».

*) У протестантовъ необязательно при крещеніи давать имя какого нибудь изъ святыхъ, и я зналъ во Флоренціи одну Англійскую дѣвушку, носившую имя этого города, въ память ея тамъ рожденія. Въ какое время умеръ г. Аткинсонъ, не знаю; но въ предисловіи Русскаго перевода его путешествія въ Сибири читается, что молодой Алтай Аткинсонъ имѣлъ скудныя жизненныя средства, и что слѣдовало бы Англійской публикѣ обезпечить сына за научные труды отца.

„Сбирайтесь, слуги и вассалы,
На кроткій господина зовъ“ и пр.

Называю Н. И. Греча недогадливымъ, потому что если намъ, профанамъ, простительно было не понять съ перваго взгляда политическаго смысла этихъ виршей и аллегорическихъ въ нихъ намековъ, то не должно было ускользнуть отъ проницательности стараго литератора и публициста - консерватора, каковымъ былъ Гречъ, что дѣло шло о мнимомъ порабощеніи Польши Россіею. Баллада эта въ формѣ діалога стараго барона съ его женою; мужъ сзываетъ своихъ вассаловъ судить его семейную распрю и обвиняетъ жену въ непокорности и неблагодарности, тогда какъ онъ призрѣлъ ее униженную и безмощную и, сочетавшись съ нею, окружилъ ее всѣми возможными почестями и довольствомъ.

„Съ монахомъ шепчется она,
Моя законная жена“.

говоритъ онъ, а въ отвѣтъ на эти упреки жена возражаетъ между прочимъ:

„Онъ говорить мнѣ запрещаетъ
На языкѣ моемъ родномъ,
Знаменоваться мнѣ мѣшаетъ
Моимъ наслѣдственнымъ гербомъ ...
Сослалъ онъ въ ссылку, въ заточенье
Всѣхъ вѣрныхъ слугъ, друзей моихъ....
Я предана, я продана,
Я узница, а не жена

Не прошло сутокъ, какъ въ высшихъ кружкахъ раскусили настоящій смыслъ этой баллады, и многіе позахотѣли имѣть этотъ нумеръ «Сѣверной Пчелы», въ томъ числѣ и З. С. Дивова, и хотя было уже поздно вечеромъ, я побѣжалъ въ кофейню Доминика, гдѣ мнѣ, какъ знакомому, уступили этотъ нумеръ за приблизительную его цѣну, а дня черезъ два уже ни за какія деньги нельзя было его получить. Какъ раздѣлался Н. И. Гречъ съ III-мъ Отдѣленіемъ, не знаю.

Два слова кстати о цензурныхъ строгостяхъ сороковыхъ годовъ. Извѣстенъ довольно анекдотъ, что въ одной поваренной книжкѣ, гдѣ, по поводу наставленія какъ приготовлять какое-то блюдо, выраженіе находившееся тамъ «поставить въ вольный духъ», замѣнено было цензурою словами «поставить на маленькій огонь», такъ какъ «вольный духъ» имѣетъ двоякій смыслъ. Но вотъ другой куріозъ, много крупнѣе вышепомянутаго, какъ выходившій отъ духовной цензуры. Въ какой-то проповѣди, напечатанной въ Москвѣ, было сказано, что и при общемъ воскресеніи мы облечемся одеждами нетлѣнными, въ доказа-

тельство чего воскресшій Спаситель оставилъ Свои пелены во гробѣ. Все, что̀ можно было бы сказать о подобной пропозиціи, это то, что метафора была черезчуръ натянута; но иначе взглянулъ Петербургскій Главный Цензурный Комитетъ. Въ порывѣ стыдливаго негодованія онъ сдѣлалъ черезъ Св. Синодъ выговоръ Московской духовной цензурѣ за пропускъ ею этой проповѣди, при замѣчаніи, что приведенное проповѣдникомъ доказательство ни къ чему не служитъ, потому-де, что «вѣроятно воскресшій Спаситель явился передъ женами-мироносицами не нагой, а въ какой нибудь одеждѣ».!! [1]) На игрушки не было, повидимому, подобной стыдливой цензуры. Такъ наприм. я случайно присутствовалъ на аукціонѣ [2]) разныхъ, дорогихъ заграничныхъ игрушекъ, пожертвованныхъ одною высокою особою въ пользу какого-то благотворительнаго заведенія, между коими былъ механическій заяцъ, испражнявшійся (буквально) шоколадными шариками, ну точь въ точь будто-бы изъ него выходило то, что̀ приличіе запрещаетъ называть по имени. Первоначальная цѣна этого зайца была въ 18 или 20 р. с. и возвышалась постепенно, пока какой-то чистокровный Русскій негоціантъ пріобрѣлъ эту диковинку за 120 р. Ненеумѣстнымъ считаю упомянуть объ одномъ карикатурномъ еженедѣльномъ листкѣ подъ названіемъ «Ералашъ», издаваемомъ нѣкіимъ талантливымъ рисовальщикомъ - аматеромъ Неваховичемъ, въ подражаніе Французскому «Charivari», но въ однѣхъ литографическихъ картинкахъ, безъ текста. Въ немъ многія Петербургскія личности и событія дня подпадали подъ сатирическій карандашъ издателя, между каковыми былъ помѣщенъ Израильскаго (какъ носился слухъ) происхожденія переводчикъ оперныхъ либретъ и полиглотъ, г. Элканъ, изображенный тамъ въ видѣ покупателя копченыхъ языковъ въ гастрономической лавкѣ съ надписью «господинъ знатокъ многихъ языковъ, особенно Еврейскаго». Остроумный этотъ листокъ прекратился къ сожалѣнію въ 1849 году со смертію издателя.

Если читатель не большой охотникъ до изящныхъ искусствъ, то воленъ пропустить слѣдующія страницы, потому что приступаю къ краткому художественному обзору.

Хаживалъ я иногда обѣдать къ П. В. Басину, всегда радушно принимавшему меня и дорожившему своими Римскими воспоминаніями. Съ нимъ я бывалъ въ Академіи Художествъ и въ строившемся еще

[1]) Слышано отъ профессора Московской Духовной Академіи П. С. Казанскаго, бывшаго цензоромъ духовныхъ изданій.

[2]) Аукціонъ былъ въ домѣ главноуправляющаго путей сообщеній, у Обуховскаго моста.

тогда Исакіевскомъ соборѣ, куда постороннихъ не пускали. К. П. Басинъ кончалъ тогда расписывать малый, темный куполъ и боковыя стѣны въ алтарѣ лѣваго придѣла, и весьма жаль, что эти прекрасныя его произведенія находятся въ полумракѣ и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенной публикѣ невозможно ими любоваться. Изъ сюжетовъ болѣе прочихъ поразившихъ меня своимъ исполненіемъ, назову мученическія смерти св. Екатерины и св. Дмитрія Солунскаго, св. Георгія, исповѣдующаго Христа передъ императоромъ Діоклетіаномъ и тѣмъ обращающаго императрицу, падающую къ стопамъ великомученика. Но въ чемъ этотъ художникъ превзошелъ самого себя, это въ сюжетахъ изъ жизни св. Александра Невскаго. Особенно хороши женскія фигуры, окружающія смертный одръ благовѣрнаго князя. Я уже гдѣ-то говорилъ, что П. В. Басинъ не отличается живымъ колоритомъ, отчего картины его теряютъ нѣкоторый эфектъ; но недостатокъ этотъ выкупается съ лихвою строгою правильностію его рисунка и отсутствіемъ малѣйшей афектаціи или натянутости въ позахъ фигуръ, и потому я считаю его первымъ рисовальщикомъ изъ современныхъ Русскихъ художниковъ. Весьма замѣчательна его же картина, огромнаго размѣра, представляющая нагорную проповѣдь и находящаяся подъ одною изъ арокъ, поддерживающихъ главный куполъ. Къ несчастію, картина эта въ настоящее время до того потускнѣла отъ сырости и копоти, что сдѣлалась почти неразборчивою въ ея деталяхъ. Малый куполъ и боковыя стѣны праваго бокового придѣла расписывалъ г. Рисъ*), художникъ второстепеннаго, по разумѣнію моему, достоинства, и потому большой бѣды нѣтъ, что работа его не на виду отъ полумрака въ алтарѣ. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ отдать справедливость ему, какъ и П. В. Басину, въ томъ, что оба они преодолѣвали величайшее неудобство въ отсутствіи дневнаго свѣта въ этихъ малыхъ куполахъ обоихъ придѣловъ (въ нихъ нѣтъ даже боковыхъ оконъ) и расписывали купола при ламповомъ освѣщеніи. Главный куполъ расписывалъ К. П. Брюловъ, но куполъ былъ загроможденъ лѣсами, и потому ничего не видно было, и нельзя было судить о ходѣ работъ. Отъ свода фонаря (гдѣ изображенъ парящій ангелъ) до полу 8, кажется, саженей вышины, и потому устроена была машина для поднятія Карла Павловича до площадки, съ которой онъ писалъ; но въ эту зиму работа его медленно подвигалась по случаю разстроеннаго уже его здоровья. Отъ этихъ лѣсовъ нельзя было видѣть четырехъ евангелистовъ подъ куполомъ, имъ уже начатыхъ; но въ одной изъ акаде-

*) Сынъ Московскаго книгопродавца, умершаго въ глубокой старости около 1850 года.

мическихъ залъ выставлены были картоны этихъ вдохновенныхъ, гигантскихъ фигуръ, и потому можно сказать безъ всякаго пристрастія, что эти евангелисты соперничаютъ съ лучшими въ этомъ родѣ произведеніями Доминикина и Гуерчина, славящихся въ Италіи.

Надъ одною изъ арокъ (или пилястровъ, хорошо не помню), поддерживающихъ главный куполъ, видимъ и понынѣ нѣсколько отрывковъ изъ библейскаго повѣствованія объ Іосифѣ, проданномъ братьями. Это работа Маркова. Трудъ почтеннаго профессора живописи сильно грѣшитъ непропорціональною долговязностію фигуръ, longues comme des asperges [1]); но онъ, сознавая (какъ я, кажется, слышалъ) это якобы кажущееся отступленіе отъ натуры для того, кто видѣлъ эти картины, когда онѣ были выставлены первоначально въ Академіи, объяснялъ, что онъ намѣренно ихъ такъ писалъ, соображаясь съ обстоятельствомъ, что фигуры эти будутъ видны на возвышеніи 8 или болѣе саженей отъ полу, и потому долговязность ихъ скроется въ неизбѣжномъ ракурсѣ; разсчетъ его оказался невѣренъ, и выказанный порокъ бросается и теперь каждому въ глаза. Мѣстные образа главнаго предѣла писалъ Нефъ, талантливо умѣвшій согласовать строгій стиль иконописи, безъ сухости Греческой манеры, съ изящностію позъ и выраженій, и все-таки не вдаваясь въ галлерейную, нецерковную, Итальянскую живопись, подражателей коей было немало изъ Русскихъ художниковъ начала нынѣшняго вѣка, писавшихъ красивыхъ свѣтскихъ женщинъ, вмѣсто изображеній Пресвятой Дѣвы [2]). Точныя копіи съ этихъ мѣстныхъ иконъ Нефа нынѣ исполнены мозаикою. Получили также заказы для Исакіевскаго собора славившійся какъ портретистъ Штейбенъ, а изъ иностранцевъ Итальянцы Муссини и Дузи. Къ числу иностранцевъ не причисляю Плюшара (сына извѣстнаго содержателя типографіи), который также, помнится мнѣ, получилъ заказы, такъ какъ онъ родился и воспитывался въ Россіи [3]).

На одной изъ художественныхъ выставокъ въ Академіи всѣхъ восхищала граціознѣйшая «Таня» (изъ Пушкинскаго Онѣгина), нату-

---

[1]) Вытянутыя какъ спаржа.

[2]) Изъ таковыхъ были Егоровъ и отчасти даже даровитый Боровиковскій; но Шебуевъ такъ далеко въ подражаніи не заходилъ. Егоровъ, въ образахъ Пресв. Дѣвы, воспроизводилъ, безъ зазрѣнія совѣсти, портреты своихъ дочерей-красавицъ. (Слышано отъ современника).

[3]) Перечитывая это мѣсто, написанное года три тому назадъ, мнѣ кажется теперь, что я ошибся, и что Плюшаръ не получалъ никакихъ заказовъ для Исакіевскаго собора. Послѣ послѣдней моей съ нимъ встрѣчи въ Москвѣ, осенью 1844 г., я ничего болѣе о немъ не слыхалъ.

ральной величины, представленная только что вставшею съ постели, въ ночной сорочкѣ на одномъ плечѣ и въ нерѣшимости, отослать-ли письмо къ Евгенію, которое она держитъ въ рукѣ. Картина эта написана Моллеромъ и только что прислана была изъ за-границы [1]). Государь (единственный почти, какъ я уже говорилъ, покупатель Русскихъ произведеній, за исключеніемъ г. Пряпишникова) до того плѣнился этою картиной, что немедленно захотѣлъ ее пріобрѣсти, но, узнавъ, что художникъ не обозначилъ цѣны ея, велѣлъ оцѣнить ее академическимъ собраніемъ, вслѣдствіе чего ареопагъ изъ трехъ знаменитѣйшихъ профессоровъ, гг. Брюлова, Бруни и Басина, произнесъ вердиктъ, что 800 р. сер. будетъ цѣною безобидною для Моллера, и Государь купилъ картину за эту цѣну. Были на этой же выставкѣ женскіе портреты Майкова, но пестраго черезчуръ колорита, будто бы настоящія восковыя куклы, освѣщенныя изнутри. Русскіе пейзажисты, главными изъ коихъ были оба Воробьева (отецъ и сынъ) и братья Чернецовы, ничего особеннаго не выставили; послѣдніе изъ нихъ продолжали писать столь же однообразно, какъ и прежде, и мало преуспѣли, тогда какъ дебюты ихъ много обѣщали. За то увидѣли мы тутъ въ первый разъ (по крайней мѣрѣ я) волшебные, такъ сказать, пейзажи Швейцарца Калама и Голландца Кукука. Ближе подходить къ природѣ чѣмъ Каламъ почти что невозможно (какъ мнѣ кажется); не говоря уже о мастерскомъ исполненіи солнечныхъ эфектовъ (встрѣчающихся болѣе или менѣе удачно у всѣхъ ландшафтистовъ), онъ дерзнулъ изображать влагу росы на некошеной травѣ, струи порывистаго вѣтра передъ наступленіемъ грозы, склоняющаго макушки и вѣтви деревьевъ, кустовъ и даже высокой травы, между тѣмъ какъ въ прочихъ мѣстахъ пейзажа все еще царствуетъ тишина. Всѣ эти эпизоды природы выходили у художника съ неимовѣрною иллюзіею. Въ другомъ совершенно жанрѣ писалъ Кукукъ. Искусство его направлено было на лѣсныя чащи. Въ деревьяхъ его надо было дивиться механизму кисти, выдѣлывавшей мелкіе детали листьевъ, безъ ущерба общему эфекту. Былъ я однажды въ мастерской Айвазовскаго. Морскія и воздушныя его отраженія и переливы съ перваго раза всѣхъ насъ тогда изумляли; но, привыкши къ нимъ, нельзя не сознаться, что почти всѣ его позднѣйшія работы отзываются монотонностію [2]). Отчасти подражатель

[1]) Онъ же авторъ часто повторяемаго въ живописи и въ эстампахъ „Неаполитанскаго поцѣлуя".

[2]) Къ сожалѣнію я долженъ добавить, что, судя по выставленнымъ имъ 15 или 16 картинамъ въ прошломъ 1871 году на Московской постоянной выставкѣ, талантъ знаменитаго художника ослабѣлъ. Въ числѣ этихъ картинъ былъ видъ Каира, при лунномъ освѣщеніи, зеленоватаго совершенно оттѣнка, каковаго нѣтъ въ природѣ. Въ другой же изъ этихъ картинъ, представляющей Египетскую песчаную пустыню, стоитъ отдѣльно ка-

морской его живописи, Лагоріо, выбивается однакоже иногда изъ этой однообразной колеи и небезталантливо представляетъ чисто-пейзажную сушь, т. е. лѣсистыя и гористыя мѣстности безъ морскаго прибрежья.

Уже въ началѣ 40-ыхъ годовъ Аничкинъ мостъ украшался четырьмя бронзовыми конями, вырывающимися изъ рукъ мускулёзныхъ конюховъ, работы, какъ извѣстно, барона Клодта; но въ то время не всѣ четыре группы были разныя, а были по одинаковой парѣ каждой группы, т. е. всего двѣ только модели. Пара повторенныхъ группъ была подарена Государемъ Николаемъ Павловичемъ Неаполитанскому королю (во время пребыванія царской фамиліи въ Неаполѣ и Сицилiи, зимою съ 1845 на 1846 годъ) и понынѣ свидѣтельствуетъ въ странѣ, бывшей колыбелью художествъ, объ успѣхѣ ваянія въ Россіи; а въ замѣнъ этихъ повторенныхъ коней неистощимая изобрѣтательность барона Клодта поставила на Аничкиномъ мосту двѣ группы, изъ коихъ каждая новой совершенно модели, такъ что всѣ четыре группы теперь разнообразны. Видѣлъ я классическихъ двухъ мраморныхъ коней древнегреческаго ваянія въ Римѣ, на площади Квиринала (приписываемыхъ Фидіасу или Праксителю), также бронзовую конную статую Марка-Аврелія, въ Римѣ же, и четырехъ Византійскихъ бронзовыхъ коней надъ входомъ церкви св. Марка въ Венеціи: но всѣ они безжизненны въ сравненіи съ творчествомъ Русскаго художника, и соперничать съ нимъ конечно не можетъ и Фальконетъ, усадившій Петра I-го на мясистаго и головастаго коня *). Кстати о художникахъ.

Проживалъ тогда въ Петербургѣ, въ семействѣ княгини Варвары Сергѣевны Голицыной, привезенный ею изъ Парижа молодой графъ Максъ Фредро, мать коего, графиня Прасковья Николаевна, была дочь разорившагося графа Николая Николаевича Головина; она и сестра ея графиня Елисавета Николаевна Потоцкая (жена графа Льва Севериновича) были изъ числа іезуитскихъ Петербургскихъ прозели-

---

кое-то невозможное дерево, ярко-медянковаго колера, каковымъ только пишутъ попугаевъ, и отзывающееся мазаньемъ какого-нибудь недоучившагося новичка; да и къ какой древесной породѣ принадлежитъ этотъ пустынный субъектъ, рѣшить невозможно.

*) Въ бытность мою въ Петербургѣ въ 1860 г., проходя однажды по 1-й линіи Васильевскаго острова, разсматривалъ я сквозь щели запертыхъ воротъ двора, примыкающаго къ Литейной барона Клодта, колоссальную, сидящую статую Державина (не менѣе 8 или 9 арш., какъ предполагаю, вышины, имъ только что отлитую для Казани. Подошелъ ко мнѣ какой-то мѣщанинъ или лавочникъ съ вопросомъ, кого представляетъ этотъ истуканъ? И когда я пояснилъ ему, что это былъ нѣкій великій стихотворецъ, синій кафтанъ съ бородкою, покачавъ головою, промолвилъ: „Вышь-ты, подумаешь, какіе диковинные богатыри рожались въ прежнія времена“. (Онъ принималъ размѣръ статуи за настоящій ростъ).

токъ. Отецъ графа Макса Федро былъ Полякъ и видный изъ себя мужчина, но безъ состоянія; онъ былъ когда-то флигель-адъютантомъ по Польской арміи (возстановленной, какъ извѣстно, послѣ 1815 года) и взялъ значительное довольно приданое за женой, такъ какъ несостоятельность ея отца оказалась уже по его смерти. О супругахъ Федро я упоминалъ, что они жили въ 1825 году во Львовѣ, гдѣ я ихъ видѣлъ во время обратнаго моего проѣзда, съ моимъ наставникомъ г. Слоаномъ, изъ Одессы во Флоренцію. Позднѣе они переселились въ Парижъ и прожили тамъ, повидимому, свое состояніе. Единственный ихъ сынъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, по смерти родителей перебивался въ Парижѣ (какъ мнѣ разсказывали) рисованьемъ для иллюстрированныхъ изданій, по каковой части онъ владѣлъ недюжиннымъ талантомъ. По желанію княгини М. П. Волконской я его познакомилъ съ нею, и какъ онъ былъ весьма пріятенъ въ обществѣ (*tout-à-fait comme il faut*), то онъ очень понравился ей. Бывалъ онъ также у Зинаиды Сергѣевны. Съ поддержкою княгини В. С. Голицыной онъ пошелъ въ гору: сначала былъ причисленъ ко двору великой княгини Маріи Николаевны (открывшей у себя во дворцѣ рисовальный классъ для всѣхъ желающихъ), а позднѣе дали ему какую-то особенную должность въ Академіи Художествъ. Такимъ образомъ существованіе его было обезпечено, и нынѣ онъ имѣетъ какое-то придворное званіе.

Касательно опернаго сезона той зимы, вмѣсто знаменитой Полины Віардо-Гарція была примадонна Джулія Босси, артистка соединявшая сильный и пространный голосъ съ пріятнымъ тембромъ и съ правильною вокализаціею. Теноромъ былъ Гуаско, пѣвецъ съ могучимъ груднымъ органомъ, пользовавшійся извѣстностью въ Италіи, для котораго Донидзетти написалъ партицію одной изъ своихъ оперъ [1]). Баритономъ былъ Коллини, также изъ довольно извѣстныхъ въ Италіи, прекрасно исполнявшій утомительно-высокую (полутеноровую) партицію Карла V-го въ оперѣ Эрнани, композитора Верди; а басомъ-баритономъ оставался все тотъ же, спавшій съ голоса, Тамбурини; но онъ бралъ игрою [2]).

Возвращаюсь къ разсказу. Съ приближеніемъ весны, двоюродная моя сестра, княгиня А. А. Голицына дошла до такого изнеможенія, что не вставала съ дивана. Намъ всѣмъ ясно было, что болѣзнь съ

[1]) Въ этомъ же 1847 году газеты извѣстили, что Донидзетти одержимъ душевнымъ недугомъ. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ умеръ сумасшедшимъ.

[2]) Обворожительная Эрминія Фрецціолини, Маріо и Тамберликъ ангажированы были для Петербургской оперы въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, когда меня не было уже въ Петербургѣ.

каждымъ днемъ усиливается; но чахоточные не сознаютъ своего положенія, и когда медики порѣшили, что нужно было везти ее въ теплый климатъ, надо было видѣть, съ какимъ нетерпѣніемъ она ждала минуты отъѣзда и какъ она торопила всѣ приготовленія: молодая натура хотѣла жить во что бы ни стало, и она какъ бы забыла о существованіи новорожденнаго своего первенца, остававшагося съ отцемъ, такъ какъ князь Николай Григорьевичъ не могъ, по служебнымъ и другимъ причинамъ, сопровождать жену за-границу. Удивительны, право, эти доктора: паціентъ на ладонъ дышетъ, а они посылаютъ его за тридевять земель, какъ бы для того только, чтобы онъ не умиралъ на ихъ рукахъ! Надежда Александровна взяла на себя попеченіе везти сестру въ Италію: попеченіе тѣмъ болѣе тяжкое и безотрадное, что она видѣла всю безполезность столь утомительнаго для больной путешествія. Въ Апрѣлѣ выѣхала она изъ Петербурга съ страдалицею, для которой устроена была постель въ четырехмѣстной каретѣ. Пробывъ съ мѣсяцъ въ Ишлѣ, она оттуда была перевезена въ Іюнѣ во Флоренцію, прямо къ моей матери, ужаснувшейся при видѣ молодой своей племянницы въ подобномъ состояніи. Такъ какъ мудрыми эскулапами мѣстопребываніемъ для больной была назначена Пиза, то Надежда Александровна, давъ ей вздохнуть дня два-три во Флоренціи, повезла ее въ сказанный городъ по недавно передъ тѣмъ устроенной желѣзной дорогѣ; но во время этого краткаго переѣзда (всего $2^1/_2$ часа) агонія больной началась въ вагонѣ, и добрый братъ мой графъ Петръ Дмитріевичъ, пріѣхавшій напередъ ихъ въ Пизу, чтобы заготовить имъ квартиру, встрѣтилъ уже въ вокзалѣ того города одинъ трупъ нашей двоюродной сестры. Княгиню Аделаиду Александровну предали землѣ въ Ливорнѣ, въ Греческой кладбищенской церкви, и отпѣваніе совершалъ тотъ самый почтенный отецъ Іоахимъ Валламонте, о которомъ не разъ упомянуто въ этихъ Запискахъ.

Похоронивъ сестру, Надежда Александровна возвратилась во Флоренцію и прожила въ домѣ моей матери до Ноября, а потомъ переѣхала съ неразлучною своею Анною Егоровною Гарботль мѣсяца на два въ Римъ, а въ Январѣ или въ Февралѣ объ онѣ, примкнувъ къ княгинѣ Софіи Григорьевнѣ Волконской, поѣхали въ Неаполь и оттуда предприняли путешествіе на Востокъ, сначала моремъ въ Александрію, а потомъ въ Каиръ, и съ караваномъ черезъ песчаныя пустыни къ Святымъ мѣстамъ. Лѣтомъ 1848 года Надежда Александровна возвратилась въ Россію черезъ Константинополь и Одессу, а осенью посѣтила насъ въ Знаменскомъ. Но такъ какъ дальнѣйшія подробности о ея странствованіяхъ по морю и по сушѣ не входятъ въ мою про-

грамму, то возвращаюсь къ моимъ похожденіямъ, передавъ предварительно слѣдующее, весьма замѣчательное обстоятельство. Надежда Александровна вычитала въ концѣ 1846 или въ началѣ 1847 года въ «*Revue des deux mondes*», что существовало предсказаніе извѣстнаго астролога XVI-го вѣка Нострадамуса, что около конца перваго пятидесятилѣтія XIX вѣка (кажется, это было такъ) произойдетъ во Франціи переворотъ и что «Галльскій пѣтухъ» (*le coq galois*, гербъ, какъ извѣстно, короля Людвика Филиппа Орлеанскаго) будетъ низверженъ, что̀ дѣйствительно и случилось черезъ годъ съ небольшимъ послѣ помѣщенія этого предсказанія въ упомянутомъ журналѣ. Но остальная часть того же пророчества была весьма темная и непримѣнимая къ событіямъ дня.

Такъ какъ всему хорошему въ мірѣ бываетъ конецъ, то участь эта постигла и мой зимній сезонъ въ сѣверной Пальмирѣ. Наступили теплые дни, почка у вѣковыхъ липъ въ Лѣтнемъ саду начала надуваться, и Зинаида Сергѣевна стала поговаривать объ отъѣздѣ въ Москву. Тутъ только я, какъ будто бы, вспомнилъ, что у меня въ Знаменскомъ живутъ беременная жена и десятилѣтняя уже дочь; а провелъ я всю зиму въ разлукѣ съ ними безъ всякой опредѣленной цѣли и по одному лишь эгоистическому чувству, что въ Питерѣ хорошо мнѣ жилось. Говорю, что я жилъ тамъ безъ видимой причины, потому что высочайшій отказъ о причисленіи просроченныхъ процентовъ къ капитальной суммѣ залога Костромскаго моего имѣнія (дѣло, по которому я пріѣхалъ съ осени въ Петербургъ) послѣдовалъ еще въ Ноябрѣ или въ началѣ Декабря, а фіаско моей попытки поступить въ картинные реставраторы Эрмитажа постигло меня около того же времени (если не ранѣе), такъ что я уже помирился съ обѣими неудачами, слѣдовательно не дѣла̀ задерживали меня. Правда, что я однажды являлся къ графу Л. А. Перовскому и просилъ его о какомъ нибудь мѣстѣ въ его министерствѣ, основываясь на прежнемъ его сослуженіи и дружбѣ съ братомъ моимъ, графомъ Петромъ Дмитріевичемъ, но получилъ отъ него уклончивый отвѣтъ, формулированый тѣмъ, что онъ не знаетъ, какое можетъ дать мнѣ мѣсто; а я болѣе не настаивалъ, между тѣмъ какъ, при поддержкѣ въ высшемъ округѣ, на которую я могъ разсчитывать, примись я, какъ слѣдовало, за дѣло, нѣтъ почти сомнѣнія, что я успѣлъ бы достигнуть своей цѣли. А, нельзя, такъ нельзя! подумалъ я и, убаюкиваясь этою успокоительною мыслію, проводилъ все утро за акварельными пейзажами, а вечера за преферансомъ до́ма или гдѣ нибудь въ гостяхъ. Да и безъ картъ и безъ гостей весело текло время въ средѣ молоденькихъ дѣвицъ, коими окружила себя общежительная

моя кузина Дивова. Кромѣ ея воспитанницы Зинаиды Николаевны, коей было 18 или 19 лѣтъ [1]), группа эта состояла изъ граціозной, темноокой хозяйской 15-ти лѣтней дочери, Маріи Сергѣевны Сумароковой, нѣкоей m-lle Августины Симонъ, съ Еврейскимъ типомъ (поступившей къ Зинаидѣ Сергѣевнѣ въ качествѣ пѣвицы и фортепіанщицы), и изъ двухъ свѣжевыпущенныхъ институтокъ, Александры Петровны Есауловой (племянницы Маріи Павловны Сумароковой) и Варвары Васильевны Лениной, сестра коей Екатерина Васильевна, умнѣйшая, но не красивая личность, также взята была въ домъ въ это время моею кузиною, и долго впослѣдствіи жила при ней въ качествѣ компаніонки и чтицы [2]). Обѣ институтки были стройныя, миловидныя и наивныя дѣвицы. Сближеніе мое съ ними открыло незнакомую мнѣ дотолѣ сторону институтскаго воспитанія, располагающаго къ восторженности. Одна изъ нихъ разсказывала мнѣ, между прочимъ, какъ она и нѣкоторыя изъ ея подругъ влюбились въ священника, ихъ законоучителя, и какъ онѣ говаривали ему, что онъ настоящій Іисусъ Христосъ. Слышалъ я также отъ нея впервыя объ обожаніи какой-нибудь изъ классныхъ дамъ, и какъ воспитанницы ревновали другъ дружкѣ этихъ «божественныхъ», какъ онѣ ихъ называли, и какъ эти канальи божественныя кокетничали съ ихъ обожательницами и эксплуатировали ихъ выманиваніемъ разныхъ подарковъ. О таковой восторженности и о такихъ продѣлкахъ не слыхалъ я никогда отъ дѣвушекъ домашняго воспитанія.

Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, ходилъ я прощаться съ почтеннымъ старцемъ Петромъ Ивановичемъ Жилемъ [3]), этимъ живымъ памятникомъ семейной нашей жизни до роковой эмиграціи изъ Россіи. Восьмидесятилѣтній Жиль былъ еще бодръ духомъ и памятью и слѣдилъ за Французскою современною литературою, но былъ изнуренъ постояннымъ почти старческимъ поносомъ, вслѣдствіе чего не сходилъ съ креселъ почти что весь день. Стоически ожидая недалекой своей кончины, онъ сказалъ мнѣ: «cela a trop bien été jusqu'à présent pour que ça puisse durer». (Здоровье мое было слишкомъ удовлетворительно по сю пору, чтобы могло долго продлиться). Однакоже онъ прожилъ еще безъ малаго два года и умеръ въ первыхъ мѣсяцахъ 1849 года.

[1]) Воспитательница Зинаиды Николаевны, хорошенькая Елисавета Павловна Гоффаръ, уже отошла тогда отъ нея и позднѣе вышла за Француза-дагеротиниста (а потомъ фотографа) Пешеса.

[2]) Признаю за Екатериной Васильевной Лениной ту немаловажную, по моему, заслугу, что она сумѣла привить кузинѣ моей вкусъ къ Русской беллетристикѣ, тогда какъ до того Зинаида Сергѣевна интересовалась одною только Французскою литературою.

[3]) Напоминаю, что онъ былъ воспитателемъ брата моего, 13 годами старше меня.

Не имѣя своихъ дорожныхъ экипажей, Зинаида Сергѣевна взяла для себя и своей свиты отдѣльный дилижансъ, при кондукторѣ *) и потому могла останавливаться и ночевать гдѣ хотѣла, какъ того требовалось для двухлѣтняго ея сына, Сергѣя Николаевича. Кромѣ дилижанса, былъ еще фургонъ, на козлахъ котораго я помѣстился, рядомъ съ однимъ изъ прислуги. Человѣка при мнѣ не было: камердинеръ мой Василій Ваваевъ спился въ Петербургѣ, и я его бросилъ тамъ, давъ ему передъ тѣмъ даровую отпускную, хотя онъ ея не заслуживалъ. Такъ какъ фургонъ предшествовалъ нашимъ дилижансным путешественницамъ на цѣлую станцію, чтобы заготовлять обѣдъ и ночлегъ, то меня однажды приняли за курьера генеральши, и когда вся компанія собралась садиться обѣдать, то хозяйка станціонной гостиницы, подозвавъ меня въ сторону, указала мнѣ на сервированный для меня куверть въ сосѣдней комнатѣ. (Это была повидимому обычная любезность содержателей почтовыхъ гостиницъ, состоявшая въ томъ, что курьеры пользовались безплатнымъ у нихъ столомъ). Выходка эта возбудила сильное негодованіе въ добрѣйшей моей кузинѣ, но для меня это было очень забавно. Однажды (кажется въ Твери), когда всѣ пили чай, завязался оживленный разговоръ между мною и моими пріятельницами-барышнями (всѣ онѣ, за исключеніемъ молодой Сумароковой, ѣхали съ Зинандою Сергѣевною). Въ пылу разсужденій и жестикуляцій, я не обращалъ сначала особеннаго вниманія на то, что чувствовалъ какую-то влажную теплоту на моихъ колѣняхъ, думая, что облилъ себя часмъ, однакоже обтерся носовымъ платкомъ; но влага возобновляется, а я все сильнѣе и сильнѣе работаю платкомъ, какъ вдругъ фыркнутъ мои насмѣшницы: ха-ха-ха, хи-хи-хи, такъ и падаютъ онѣ отъ хохоту на стульяхъ, а я все не понимаю, чему онѣ хохочутъ, пока самъ не увидалъ и особенно не почувствовалъ, что невыразимые мои промокли не хуже, чѣмъ если бы я нырнулъ одѣтый въ прудъ. Это случилось оттого, что я выливалъ горячій чай на блюдечко, а въ немъ была исконная (т. е. съ фабрики) скважина, изъ которой билъ непрерывный фонтанъ и орошалъ мои панталоны, къ величайшей потѣхѣ нашихъ проказницъ.

Къ крайнему моему удивленію, я засталъ въ Москвѣ Радзиковскаго уже женатымъ на дочери Русской акушерки. За женой онъ взялъ, кажется, 5000 рублей; но этимъ онъ лишь на столько поправилъ

*) Кондукторомъ былъ вольноотпущенный, бывшій камердинеръ Николая Андріяновича, Сергѣй, тогда служившій кондукторомъ въ 6-мъ (кажется) заведеніи дилижансовъ. Дочь его, Зина, горничная и крестница Зинаиды Сергѣевны, подходитъ къ категоріи тѣхъ нынѣ рѣдкихъ слугъ, привязанность коихъ не пріобрѣтается деньгами.

свои дѣла, что расплатился кое-какъ съ долгами, а въ жизненной обстановкѣ и въ коммерческихъ оборотахъ остался чѣмъ былъ прежде.

Въ Знаменскомъ я засталъ своихъ поселившимися въ недавно оконченномъ домѣ [1]), за исключеніемъ тещи моей, захотѣвшей жить въ двухъ, кое-какъ отдѣланныхъ для нея комнатахъ въ старомъ большомъ людскомъ флигелѣ. Причиною того могло быть желаніе, чтобы я жилъ вмѣстѣ съ моимъ семействомъ въ новомъ домѣ, такъ удобно расположенномъ, что намъ обоимъ негдѣ было помѣщаться. Въ боковомъ маломъ флигелѣ, новой также стройки (нынѣ обращенномъ въ рабочую избу), помѣстился недавно прибывшій изъ Одессы шуринъ мой Алексѣй Ивановичъ съ своимъ семействомъ, за исключеніемъ дочери Лизы, оставленной (не знаю почему) въ Одессѣ у какой-то Француженки [2]). Старшему изъ троихъ сыновей моего шурина, Сережѣ, было тогда 11 лѣтъ; второму, Сашѣ, было 8 или 9 лѣтъ, а меньшему, Ванѣ (Jeannot), около 6 лѣтъ. Это былъ прелестный ребенокъ, точь-въ-точь типъ Французской гравюры изящной дѣтской головки. Наиспособнѣйшимъ изъ всѣхъ троихъ обѣщалъ быть Саша, но въ своемъ дѣтствѣ онъ былъ хилаго здоровья; впослѣдствіи онъ поправился. При нихъ былъ дядькою Итальянецъ, родившійся въ Одессѣ и хорошо говорившій по-русски, Андрей Францовичъ Синьорини [3]), одна изъ тѣхъ чистыхъ натуръ, правдивость коихъ доходитъ до дѣтской наивности, а безразборчивая довѣрчивость ко всему слышанному казалась бы невѣроятною, еслибъ не объяснялась тѣмъ, что подобныя натуры судятъ о другихъ по себѣ. Такіе рѣдкіе типы заслуживаютъ глубокаго уваженія, а между тѣмъ они подвергаются иногда осмѣянію со стороны свѣта. Марія Сергѣевна цѣлый день не отходила отъ своихъ дѣтей; она была первоначальною ихъ учительницей по всѣмъ почти предметамъ, и по окончаніи уроковъ копалась съ ними въ маленькомъ ихъ цвѣтникѣ, устроенномъ ими и ею подъ окнами ихъ флигеля, куда они пересаживали разные кустарники и полевые цвѣты, и только по вечерамъ она приходила съ дѣтьми къ намъ въ домъ часа на два. Нарышкины держали свой особенный столъ и хозяйство и приходили обѣдать къ намъ только въ дни именинъ или рожденія кого-нибудь изъ насъ.

[1]) Большинство матеріала стараго дома послужило для новаго. Старый былъ построенъ въ половинѣ прошлаго вѣка дѣдомъ моей жены, Васильемъ Сергѣевичемъ Нарышкинымъ, и въ немъ были связи (нижнія) и брусья сосновые и дубовые, толщиною въ ¾ арш. и до того твердые, что отъ нихъ отскакивалъ топоръ. Преданіе говорило, что лѣса эти были изъ Смоленскаго имѣнія Нарышкиныхъ.

[2]) Алексѣй Ивановичъ Нарышкина провелъ три или четыре года въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ, по откупнымъ дѣламъ его свояка, одного изъ братьевъ Абазъ, женатаго на Варварѣ Сергѣевнѣ Цуриковой.

[3]) Нынѣ онъ хозяинъ одного изъ лучшихъ красильныхъ заведеній въ Москвѣ.

11-го Іюня 1847 года, въ 7 часовъ пополудни, родился сынъ мой Митя. Вышелъ онъ на свѣтъ въ то самое время, какъ «Борей былъ разъяренъ»; но богъ вѣтровъ не являлся на сей разъ «съ бѣлыми власами», какимъ былъ при рожденіи Александра Павловича, такъ какъ день былъ лѣтній; но была ужаснѣйшая въ нашихъ и даже въ отдаленныхъ мѣстностяхъ буря, переломавшая множество строеваго лѣса въ борахъ. Когда въ этотъ день, послѣ обѣда, начались у жены моей настоящія муки, бывшій у насъ въ гостяхъ почтенный нынѣшній Тарускій протопопъ (еще не имѣвшій тогда этого сана) Михайло Ивановъ Февралевъ (законоучитель нашей дочери и другъ нашего дома) сказалъ мнѣ: «Пойдемте-ка мы съ вами, графъ, помолиться; оно будетъ дѣльнѣе, нежели оставаться намъ здѣсь». Сельская наша церковь Знаменія Пресвятой Богородицы стоитъ на бугрѣ, за садомъ, на склонѣ къ первому пруду. Когда мы взошли въ нее, она была освѣщена послѣднимъ лучемъ солнца, вырывавшимся изъ-за черной тучи, предвѣстницы грозы. Помолившись предъ иконою «Заступницы усердной, Матери Бога Вышняго» за благополучные роды моей жены, отецъ Михаилъ взошелъ въ алтарь, растворилъ настежъ царскія врата и оставилъ ихъ такъ и по нашемъ выходѣ; и едва мы возвратились домой, какъ жена разрѣшилась сыномъ. «Какъ назвать его?» спросила она меня. «Конечно, Дмитріемъ, отвѣчалъ я, въ память моего отца». Тутъ вмѣшалась Марья Сергѣевна. «Да вонъ что, Michel, сказала она, вѣдь былъ уже у васъ прежде Дмитрій и не остался живымъ». (Дѣйствительно, года два передъ тѣмъ, жена родила сына, названнаго именемъ моего отца, но умершаго тотчасъ послѣ крестинъ своихъ). «Такъ не лучше ли назвать его другимъ именемъ, наприм., Сергѣемъ?» Воспоминаніе это привело, повидимому, мою жену въ раздумье; но я поспѣшилъ отвѣчать: «Нѣтъ, мой другъ, позволь уже назвать его Дмитріемъ». Она согласилась и, благодаря Бога, сыну нашему уже минуло теперь 25 лѣтъ. Отцемъ крестнымъ былъ шуринъ мой Алексѣй Ивановичъ, а заочною матерью крестной записана была Зинаида Сергѣевна.

Довольно странно, что цифра 7 играетъ какую-то особенную роль въ семейныхъ нашихъ событіяхъ. Мать моя родилась въ 1777 году и умерла 77 лѣтъ; я родился въ 1807 году, поступилъ на службу въ 1827 году и женился, когда было мнѣ 27 лѣтъ; дочь наша родилась въ 1837 году и умерла 17 лѣтъ, а сынъ нашъ родился въ 1847 году.

Когда жена моя начала оправляться отъ родовъ, я съѣздилъ не на долго въ Порзни. (Напоминаю, что хотя мое имѣніе было уже два года подъ опекою и по нѣсколько разъ продавалось въ Костромскомъ Губернскомъ Правленіи, но я все-таки получалъ изъ оброчной суммы

аккуратно 12.000 рубл. асс. въ годъ, благодаря дружескому участію незабвеннаго А. А. Миронова, продолжавшаго быть Юрьевецповольскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и склонившаго моихъ крестьянъ къ особенному, помнится мнѣ, окладному сбору въ мою пользу).

Бываютъ минуты въ жизни, не ознаменованныя, повидимому, ничѣмъ особенно важнымъ, но остающіяся, тѣмъ не менѣе, неизгладимыми въ нашей памяти до гробовой доски; потому что мимолетные эти эпизоды относятся всецѣло къ сердечнымъ ощущеніямъ семейнаго быта. Однимъ изъ таковыхъ эпизодовъ былъ день моего выѣзда изъ Знаменскаго. Простившись со всѣми, я сѣлъ въ тарантасъ и, поднявшись на гору, около нашей сельской церкви, выѣхалъ уже на Кузмищевскую дорогу (она же и большая Серпуховская), какъ вдругъ я увидѣлъ бѣжавшую изо всей мочи, изъ калитки сада по оранжерейной плотинѣ, мою ненаглядную Анетину (ей минуло тогда 10 лѣтъ) безъ шляпки и махающую мнѣ обѣими ручками. Я остановился, и она запыхаясь вскочила въ тарантасъ и бросилась мнѣ на шею. «Не утерпѣла», сказала она, «захотѣлось еще разъ тебя поцѣловать».—«Полноте, барышня, пора намъ ѣхать», замѣтилъ, не знаю съ какой стати, мой недавно нанятый личарда (крѣпостной человѣкъ и бывшій передъ тѣмъ лакей Варвары Ивановны Ланской, въ память коей я его взялъ къ себѣ въ услуженіе, но вскорѣ послѣ сего я его расчелъ за нетрезвость). Какъ это, подумалъ я, онъ не раздѣляетъ моего восторженнаго настроенія, вызваннаго этою сценой! И я имѣлъ глупость досадовать на него втайнѣ. А неодобрительный его отзывъ произошелъ, быть можетъ, отъ неулетучившихся еще изъ его мозга утреннихъ винныхъ паровъ, черезъ призму коихъ выходка моей Анетины показалась ему несогласною съ приличіями салоннаго обхожденія, подмѣченнаго имъ изъ-за дверей лакейской великосвѣтской передней. Но въ этой мгновенной сценѣ небезважно было и то, что пылкая любовь къ отцу взяла верхъ надъ всегдашнимъ повиновеніемъ волѣ матери и гувернантки, касательно того, чтобы не выбѣгать, хоть бы только къ цвѣтникамъ около дома, безъ ихъ дозволенія. Если эти подробности покажутся кому нибудь скучными, пусть пропуститъ ихъ и перейдетъ къ послѣдующей нити разсказа; но я дорожу ими, при всемъ томъ, что воспоминаніе о нихъ потрясаетъ меня по сю пору, и передавать все это на бумагѣ для меня наслажденіе, отъ котораго ни за что не откажусь. Кстати скажу слова два о неотлучной Анетининой компаніонкѣ, собачкѣ «Мабель». Незадолго передъ тѣмъ, какой-то прохожій крестьянинъ завернулъ на Знаменскій господскій дворъ и, увидѣвъ нашу Анночку, предложилъ ей купить собачку, которую онъ несъ

подъ мышкой. Собачка была изъ породы трикъ (basset), приземистая по длинному своему росту и криволапая, бѣлая съ свѣтложелтыми пятнами. Не было такихъ животныхъ, какихъ бы наша сердобольная дѣвочка не любила (une véritable petite mère aux bêtes), а о собакахъ нечего и говорить. Крестьянинъ охотно продалъ свою ношу за 25 коп. сер., и черезъ два-три дня, самыя уже интимныя отношенія установились между Мабелькою и ея новою хозяйкой, какъ, къ немалой скорби послѣдней, собачка исчезла, но не надолго: она опять вернулась, неся этотъ разъ въ зубахъ своего щенка, съ которымъ она пробѣжала около 7 верстъ отъ мѣста прежняго своего жилища села Истомина, до Знаменскаго. Это одно изъ доказательствъ, что процессъ мышленія свойственъ иногда собакамъ. Инстинктъ у этой сабаченки былъ неимовѣрно развитъ. Такъ напримѣръ, когда она бывало заспится, и Анночка уйдетъ гулять далеко въ лѣсъ, то стоило только разбудить Мабельку и сказать ей «Анетина гуляетъ», и собаченка стремглавъ выпрыгивала бывало изъ окна (если дверь заперта) и, обнюхавъ слѣды вокругъ дома, непремѣнно отыскивала свою хозяйку. А то, бывало, Анетина укажетъ рукою или концемъ палки на какое нибудь мѣсто въ саду и скажетъ: «Мабель, рой», и послушное животное примется рыть безъ устали, пока госпожа ея не скажетъ «довольно», и собачка прекращала свою землекопную работу.

Нѣкій Англичанинъ, докторъ Мичельсъ, служившій у насъ военнымъ медикомъ въ началѣ 30-ыхъ годовъ, разсказывалъ мнѣ слѣдующій удивительный случай собачьяго размышленія. Однажды, гуляя по Лондонскимъ улицамъ, г. Мичельсъ наткнулся на измученную собаченку съ переломленною ногою. Сжалившись надъ нею, онъ принесъ ее на рукахъ домой, выправилъ разбитую кость и сдѣлалъ надлежащую перевязку. Нога срослась, и медикъ, привязавшійся къ своей четвероногой пацієнткѣ, которая водворилась у своего благодѣтеля, опечалился, когда, въ одинъ прекрасный день, собака пропала. Однакоже, по прошествіи нѣсколькихъ дней, докторъ Мичельсъ слышитъ, что кто-то скребется у входной запертой его двери; онъ отпираетъ ее, и каково его изумленіе, при видѣ прежней своей собаки, приведшей къ нему другую, съ переломленною ногою! Изъ этого почти что можно было допустить, что собаки сообщаютъ другъ другу свои мысли и соображенія.

Въ Москвѣ неизмѣнно преданный мнѣ Радзиковскій вызвался сопровождать меня въ моей отчасти артистической экскурсіи, называемой мною такъ, потому что вышепомянутый Ѳ. Г. Солнцевъ указывалъ мнѣ на одну древнѣйшую церковь, постройки XII вѣка, стояв-

шую отдѣльно въ полѣ неподалеку отъ Боголюбскаго монастыря (въ окрестностяхъ Владимира), и просилъ меня, буде возможно, срисовать для него эту зодческую рѣдкость, что̀ я въ настоящую поѣздку охотно и исполнилъ.

Церковь эта современна, какъ мнѣ показалось, Владимирскому Дмитріевскому собору, то есть относится къ XII-му вѣку; она вся изъ бѣлыхъ булыжныхъ или известковыхъ плитъ, называемыхъ (не знаю почему) Болгарскимъ камнемъ, съ высѣченными на наружныхъ стѣнахъ барельефными, аллегорическими фигурами, заимствованными изъ Апокалипсиса. Церковь одноглавая и стилемъ своимъ схожа (какъ и матеріаломъ) съ Владимирскимъ Дмитріевскимъ соборомъ; но она четвереугольная, тогда какъ Дмитріевскій соборъ круглый или осмиугольный [1]). Никакого жилаго строенія около нея нѣтъ: она отстоитъ въ двухъ (помнится мнѣ) верстахъ отъ ближайшаго селенія, и въ ней бываетъ служба разъ только въ годъ, по случаю храмоваго ея праздника Покрова Пресв. Богородицы. Благодаря этой запущенности и одинокости, она избѣгла искаженій позднѣйшихъ иноваторовъ, чего не избѣгъ Дмитріевскій соборъ, плитныя стѣны коего замаскированы слоями клеевой краски, въ мое время лиловато-лазуревой. Къ сожалѣнію, я не могъ войти внутрь этой церкви, такъ какъ стражи при ней не имѣлось.

Тутъ же я завернулъ въ сосѣдній, извѣстный въ исторіи Боголюбскій монастырь, гдѣ дотолѣ я никогда не бывалъ и гдѣ показываютъ мѣсто, на которомъ палъ истекавшій кровью Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, выбѣжавшій изъ сосѣдняго терема, уже пораженный руками убійцъ. Мѣсто это, въ родѣ портика съ 4-мя (кажется) пилястрами, носящее дѣйствительно отпечатокъ глубокой старины и составлявшее повидимому нижній ярусъ колокольни [2]). Увлекшись при этомъ слухѣ археологическими наблюденіями, я кстати остановился въ Суздалѣ (такъ какъ этотъ городъ, а равно и Шуя, и Лухъ, были на пути въ Порзни), и тамъ срисовалъ древнія архіепископскія палаты, нынѣ полуразрушенныя, въ одной части коихъ помѣщалось въ описываемое мною время духовное училище. Если не ошибаюсь, никто до меня не срисовывалъ этого громаднаго древняго зданія. Договорю

[1]) Дмитріевскій соборъ напоминаетъ отчасти баптистеріумъ въ Пизѣ. Я уже замѣтилъ въ прежнемъ мѣстѣ, что древнѣйшія Итальянскія церкви, какъ Венеціанская Св. Марка и Пизанскій каѳедральный соборъ (il Duomo), были построены Греческими зодчими и потому стилемъ подходятъ къ нашимъ древнимъ церквамъ.

[2]) Много позднѣе я гдѣ-то читалъ, что брызги крови будто-бы виднѣются и по нынѣ на одной изъ этихъ пилястръ.

кстати, что вниманіе мое было особенно обращено на кафельную, разноцвѣтную, старинную печь, огромнаго размѣра, въ одной изъ запустѣлыхъ комнатъ этихъ палатъ, съ разными вычурными орнаментами. Лѣтъ десять позднѣе я узналъ отъ графа Д. Н. Толстаго, что графъ Уваровъ, какъ любитель Русской старины, пріобрѣлъ эту диковину во время своего нахожденія въ 1852 году въ Суздалѣ въ составѣ ученой коммиссіи для открытія гробницы князя Пожарскаго въ Суздальскомъ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ и перевезъ ее въ свое имѣніе Можайскаго уѣзда.

Во время полуторамѣсячнаго моего пребыванія въ Порзняхъ, Радзиковскій возвратился въ Москву, а я предпринялъ вторую археологическую экскурсію, подъ путеводительствомъ добраго моего Порзнинскаго протопопа о. Іоанна, въ Балахнинскій уѣздъ, смежный съ нашимъ Юрьевецповольскимъ, въ село Пуриху (правильнѣе Пуреху), бывшее вотчиною доблестнаго освободителя Москвы и всей Русской земли въ 1612 году, князя Пожарскаго. Въ тамошней приходской нынѣ церкви (бывшей въ старину Спасопреображенскимъ монастыремъ) я дѣйствительно нашелъ разныя церковныя достопримѣчательности, изъ коихъ особенно важными были два вклада стольника князя Петра Дмитріевича Пожарскаго: напрестольное Евангеліе, съ верхнею серебровызолоченною доскою, замѣчательной по времени работы, по листамъ коего написано рукою вкладчика обычное тогда заклинаніе, грозившее Божіимъ судомъ тому, кто посмѣетъ взять эту святыню изъ церкви, и серебровызолоченный 8-конечный крестъ съ мощами. Запершись одинъ на цѣлые почти два дня въ церкви, я срисовалъ эти вещи и отослалъ мои рисунки Ѳ. Г. Солнцеву. Въ этой-же церкви виситъ точная копія съ хоругви ополченія 1612 года, подлинникъ коей былъ подаренъ (какъ мнѣ тамъ разсказывали) государю Николаю Павловичу тогдашнею помѣщицею этого имѣнія, графинею (незамужнею) Дмитріевою-Мамоновою *).

До описываемой поры моей жизни (мнѣ тогда стукнуло 40 лѣтъ), я былъ поперемѣнно фанатикъ - дилетантъ, пѣвецъ, стремившійся подвизаться на оперныхъ подмосткахъ, и вмѣстѣ съ этимъ реставраторъ выцвѣтшихъ и облупившихся картинъ; за тѣмъ я сдѣлался усидчивымъ акварельнымъ пейзажистомъ, а съ 1847 года начинается періодъ страстнаго садоводства; далѣе явлюсь подъ видомъ усерднаго служаки по слѣдственной части и ревниваго обличителя помѣщичьяго, а иногда и чиновничьяго произвола, и напослѣдокъ, какъ финалъ безсвязной

*) Имѣніе это нынѣ досталось по наслѣдству г. Фонъ-Визину.

вообще моей пестрой дѣятельности, выкажу себя въ видѣ запоздалаго литератора, спѣшащаго схватывать налету тамъ и сямъ кое-какія верхушки разнообразныхъ научныхъ предметовъ. А изо всего этого выходитъ общій итогъ, что характеристику мою можно довольно вѣрно опредѣлить Англійскою поговоркою «Jack of all trades, and master of none» [1]).

Отецъ мой былъ извѣстный довольно садоводъ еще въ Россіи и, позднѣе, во Флоренціи; а по его смерти мать моя, практическая любительница, если не научная садоводка, безъ урона поддерживала до своей кончины славу нашего Флорентинскаго сада. Итакъ, наклонность къ этой части перешла ко мнѣ, повидимому, въ силу Французской пословицы «chien de chasse—chasse de race»; но дотолѣ я занимался садоводствомъ лишь отрывками, немного, въ 1826 году при моемъ отцѣ во Флоренціи, потомъ во время мимолетныхъ моихъ посѣщеній Бѣлкина, а позднѣе у себя въ Порзняхъ, хотя и безъ особаго увлеченія. Теперь же въ Знаменскомъ, которое сдѣлалось, по ухудшавшимся все болѣе и болѣе моимъ обстоятельствамъ, постояннымъ моимъ мѣстопребываніемъ въ теченіе пяти лѣтъ (1847—1852), наклонность эта обнаружилась, и я предался ей съ обычнымъ моимъ ко всякой новой фантазіи запоемъ, тѣмъ болѣе, что матеріалы были тутъ готовы и созидать почти что было нечего. Кромѣ воздушнаго фруктоваго сада, возобновленнаго послѣ прежняго, погибшаго почти что до чиста отъ лютыхъ морозовъ съ 1835 на 1836 годъ, я только поддерживалъ остальное, а вновь завелъ несуществовавшую почти цвѣточную часть и развелъ орнаментальныя плантаціи на голомъ совершенно дворѣ, передъ вновь выстроеннымъ домомъ. Фруктовый садъ я началъ сажать еще съ осени 1846 года, на пространствѣ около двухъ десятинъ, и въ 1852 году, когда я переселился одинъ въ Рязанскую губернію, у меня было уже съ тысячу (какъ полагаю), хорошо выхоленныхъ, прямоштамбовыхъ (посредствомъ мало принятой у насъ вообще правильной стрижки «*la taille*») яблочныхъ и грушевыхъ корней [2]). Засталъ я тамъ также оранжерею въ трехъ отдѣленіяхъ: абрикосовую, персиковую (обѣ въ шпалерахъ) и цвѣточную; но послѣдняя была почти что пустая, а

---

[1]) Попытчикъ всякаго рода ремесла и не изучившій никакого.

[2]) И этотъ многолѣтній мой трудъ почти что весь погибъ отъ необыкновенно суровой зимы съ 1866 на 1867 годъ, послѣ чего я бросилъ заниматься новыми посадками и пришелъ къ заключенію, что въ здѣшней полосѣ Россіи наши фруктовые сады обыкновенно вымерзаютъ въ каждыя 30 лѣтъ. Въ этой садоводской катастрофѣ неразъяснимо для меня то, что четыре бывшіе у меня экземпляра южныхъ породъ (нѣчто въ родѣ Крымскихъ ранетокъ), весьма туго росшихъ и казавшихся неакклиматизированными, выдержали безвредно эту зиму.

предъ оранжереей выставлялись на лѣто три ряда персиковыхъ деревьевъ, въ кадкахъ, отлично выдержанныхъ, и 30 или 40 Шпанскихъ вишневыхъ деревьевъ, также въ кадкахъ, которыя всѣ переносились на зиму въ оранжерейный задній пристѣнокъ. Оранжерейныя (шпалерныя) персиковыя и абрикосовыя деревья были еще современны дѣду моей жены, Василію Сергѣевичу Нарышкину, и слѣдовательно въ 1847 году имъ не могло быть менѣе 50 лѣтъ; но до окончанія ихъ существованія (одновременно съ разрушившеюся оранжереей), въ началѣ 60-хъ годовъ, деревья эти не переставали приносить плоды. И не надо воображать, чтобы роскошнымъ состояніемъ ихъ, какъ и тѣхъ, что̀ выставлялись на лѣто на площадку, они были обязаны искусству какого-нибудь ученаго изъ Нѣмцевъ-мусьé; вовсе нѣтъ. Какъ во времена тестя моего, умершаго въ 1818 году, такъ и при управленіи дѣтскимъ имѣніемъ его вдовою, на сколько извѣстно мнѣ, единственнымъ садовникомъ былъ дворовый ихъ человѣкъ и старикъ уже въ мое время, Илья Николаевъ *). Быть-можетъ, онъ въ своей молодости и былъ отданъ въ ученье къ кому-нибудь въ Москвѣ, но практическое его по этой отрасли мастерство было удивительно, впрочемъ, исключительно по фруктово-оранжерейной части только, а по цвѣто-оранжерейной и воздушной онъ былъ несвѣдущъ. Всю оранжерею я засталъ въ плачевномъ уже состояніи, т.-е. относительно самаго строенія; впослѣдствіи я ее кое-какъ передѣлывалъ, подпиралъ и мѣстами поправлялъ; но такъ какъ выстроить всю ее заново не хватало никогда у меня средствъ, то она въ одинъ прекрасный день, въ 60-хъ годахъ, рухнула, и всѣ мои растенія померзли. Лишеніе этого постояннаго удовольствія было однимъ изъ самыхъ чувствительныхъ, постигнувшихъ меня. Предавшись исключительно цвѣточной части, я нанималъ первоначально Московскихъ и изъ другихъ мѣстъ садовниковъ; но въ концѣ-концовъ всѣ они въ подметки не годились моему дворовому самоучкѣ Семену Максимовичу, недавно передъ тѣмъ, т.-е. въ 1847 году, бывшему конюхомъ и доѣзжачимъ при борзыхъ собакахъ Осипа Августиновича Тридона, коего читатель, чай, помнитъ.

О, сколькими, могу сказать счастливыми, часами въ деревенскомъ уединеніи семейной моей жизни, я обязанъ этой незатѣйливой, но изящной по культурѣ и ассортиментамъ цвѣтущихъ растеній моей оранжерейкѣ, въ теченіе 14 лѣтъ! Сколько было наслажденій, когда, послѣ томительнаго по нѣскольку дней ожиданія, даже нетерпѣливаго, начинала, наконецъ, надуваться бутонная оболочка въ первый разъ рас-

*) Братъ того Павла Николаевича, дядьки малолѣтнихъ Нарышкиныхъ, который сѣкъ прутикомъ своихъ ученыхъ скворцовъ, когда они завирались.

цвѣтавшей разновидности, кальцеоларій, цинерарій, пеларгоніумовъ или глоксоній! И не выдержишь, бывало, чтобы не предупредить процесса природы и, не взирая на просьбы моего Максимыча воздержаться, сорвешь, бывало, оболочку бутона, чтобы преждевременно опредѣлить, чѣмъ именно отличается эта разновидность отъ прежнихъ, уже извѣстныхъ.

Не безъ интереса, какъ предполагаю, прочтутъ будущіе владѣльцы Знаменской усадьбы нѣкоторыя подробности о старинной части тамошняго сада; незаинтересованные въ этомъ отношеніи пусть перейдутъ къ дальнѣйшей нити разсказа.

Исполинскія липы старой части этого сада свидѣтельствуютъ, что первоначальная посадка его относится къ періоду, предшествовавшему владѣнію этимъ имѣніемъ В. С. Нарышкина, дѣда моей жены [1]). По толщинѣ и росту многихъ изъ этихъ деревьевъ можно было бы считать ихъ почти что двухвѣковыми; но такъ какъ они образуютъ регулярный садъ, съ перекрещивающимися аллеями (*en quinconce*), то, что̀ называлось въ старину «jardin à la française», то надо думать, что распланировка этой части сада относится къ Петровскому еще времени, когда подражаніе во всемъ иностранному взошло въ моду, и никакъ не ранѣе. А что эта часть сада существовала ужѐ до упомянутаго дѣда моей жены, подтверждается ея отдаленностію (въ ¼ версты) отъ стараго господскаго дома, въ которомъ жилъ Василій Сергѣевичъ и который мною и перестроенъ въ 40-хъ годахъ. Съ другой же стороны, нельзя не предположить, что въ первой половинѣ (а быть можетъ, и въ первой четверти) прошлаго вѣка эта часть сада прилегала къ прежнему барскому дому; ибо верхній конецъ аллей сходится въ одинъ пунктъ на открытой нынѣ лужайкѣ, окаймленной березовою рощицею. Если бы не было тутъ дома, то зачѣмъ бы посажены были эти аллеи, безъ связи со всякимъ жилымъ строеніемъ? Но о существованіи его не сохранилось даже изустныхъ преданій. Въ древнихъ юридическихъ актахъ я случайно наткнулся на указаніе, что въ концѣ XVII вѣка село Игнатовское (позднѣе Знаменское) принадлежало окольничему Александру Савостьяновичу Хитрово; но въ какое время и по какому случаю имѣніе это перешло въ родъ Нарышкиныхъ, неизвѣстно. Между этимъ отдаленнымъ, регулярнымъ садомъ и господскимъ нынѣшнимъ домомъ стояла, по преданію, церковь, тамъ гдѣ теперь яблоновый садъ. И дѣйствительно, когда я распахивалъ это мѣсто подъ

[1]) В. С. Нарышкинъ былъ офицеромъ въ Измайловскомъ полку во время переворота 1762 г., возведшаго Екатерину на престолъ. Напоминаю, что онъ былъ женатъ на графинѣ Аннѣ Ивановнѣ Воронцовой, сестрѣ графа Артемія Ивановича, отца моей матери.

травосѣяніе и копалъ ямы для посадки фруктовыхъ деревьевъ, то мнѣ попадалось множество кирпичныхъ, и даже кафельныхъ, обломковъ, послѣдніе изъ коихъ съ изящными барельефными орнаментами, что и доказываетъ, что тутъ было или жилое строеніе, или церковь. Вступая изъ сада, черезъ такъ-называемые Красные ворота, въ величавый проспектъ изъ березъ, ведущій къ Окѣ, мы видимъ по обѣимъ сторонамъ въ началѣ проспекта по одной небольшой саженой рощицѣ, одна изъ коихъ носила, по словамъ одного сторожила, названіе Васильевской (въ честь вѣроятно дѣда моей жены), а другая, Марьиной, въ честь, быть можетъ, его дочери Маріи Васильевны Олсуфьевой, умершей тому около 12 лѣтъ. Къ традиціямъ позднѣйшаго времени относится названіе одной мѣстности «у монаха»; такъ называютъ густо заросшую бузиною куртину, на краю первой лужайки (налѣво, идя отъ дома къ Краснымъ воротамъ), на склонѣ къ 3-му пруду, возлѣ гигантскихъ осокорей. Тутъ, въ первомъ десятилѣтіи настоящаго вѣка, устроена была доморощеннымъ механикомъ и живописцемъ, дворовымъ человѣкомъ Абакумовымъ, деревянная въ настоящій ростъ фигура сидящаго монаха, который, по надавленіи ногою пружины, вставалъ и кланялся.

Въ Октябрѣ того же 1847 года я вторично ѣздилъ въ Порзни для полученія слѣдуемаго мнѣ оброка, или по другой, не помню, причинѣ, и эта поѣздка была для меня прощальная; но я этого тогда не подозрѣвалъ. Въ Москвѣ было уже въ то время нѣсколько случаевъ холеры, разразившейся въ сильныхъ, какъ извѣстно, размѣрахъ, въ слѣдующемъ 1848 году. Когда эта эпидемія впервыя явилась въ Россіи, въ 1830 и 1831 годахъ, я нисколько не боялся ея; но въ этотъ разъ она произвела на меня такой страхъ и нервное потрясеніе, что во время моего проѣзда изъ Москвы въ Порзни, когда я подъѣзжалъ къ Шуѣ, мнѣ мнилось, что у меня уже начинаются признаки этой страшной болѣзни, и я, будучи здоровъ, слегъ въ постель въ Шуѣ на постояломъ дворѣ и послалъ за медикомъ. Это было первое появленіе того нервнаго разстройства, которое повторялось позднѣе неоднократно въ болѣе сильныхъ (и почти что комическихъ) размѣрахъ, особенно въ началѣ 60-хъ годовъ, во время послѣдняго моего путешествія за границу. Къ счастію, призванный въ Шуѣ военный эскулапъ былъ человѣкъ свѣдущій по своей части и неохотникъ обогащать аптекарей ненужными для паціента рецептами. Онъ сразу понялъ, въ чемъ было дѣло, и ничего болѣе не прописалъ, какъ лавровишневыя капли и поставилъ при томъ мнѣ горчишники, чтобы успокоить волненіе, въ которомъ я находился; онъ всячески старался урезонить мою ни на чемъ не основанную мнительность. Не смотря на это, я все-таки побоялся

пуститься въ дальнѣйшій путь одинъ и далъ знать въ Порзни (около 55 верстъ отъ Шуи), чтобы прибылъ ко мнѣ мой любимецъ, старикъ бурмистръ Макаръ Ивановъ, который не замедлилъ явиться въ сопровожденіи добраго Порзнинскаго протопопа, отца Іоанна. Послѣдній, сопутствуя мнѣ до Порзней въ моемъ тарантасѣ, не могъ въ деревенской своей наивности понять, что̀ это за штука этотъ нервный недугъ, отъ котораго здоровый повидимому человѣкъ можетъ слечь въ постель. Въ Порзняхъ, какъ ни увѣщевали меня мои добрые друзья Мироновы быть пободрѣе духомъ, я валялся дома на постели по цѣлымъ почти днямъ и сидѣлъ, опять-таки безъ всякой надобности, на строгой діэтѣ одного куринаго бульона. О подобномъ первномъ состояніи можно было бы сказать словами Лермонтова, что «все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно». И дѣйствительно, кризисы эти доходили впослѣдствіи до такихъ размѣровъ, и всеобщее потрясеніе моральной системы становилось столь мучительнымъ (при неизмѣнной идеѣ, что могу быть внезапно пораженъ смертельнымъ нервнымъ ударомъ), что я боялся иногда лишиться разсудка.

Послѣ двухъ или трехнедѣльнаго пребыванія въ Порзняхъ, я рѣшился однакоже пуститься въ обратный путь. На первой подставѣ до Шуи (такъ какъ между этимъ городомъ и Лухомъ не было почтоваго тракта), въ большомъ селѣ Васильевскомъ (графа Шереметева), былъ со мною слѣдующій трогательный случай, свидѣтельство крестьянской ко мнѣ привязанности, ничѣмъ, право, мною незаслуженной, развѣ только негативными моими помѣщичьими качествами и дѣйствіями, т. е. что я не былъ притѣснителемъ крестьянъ.

Сильно развитая льнопрядильная промышленность въ сѣверныхъ уѣздахъ Владимирской и южныхъ уѣздахъ Костромской губерніи (смежныхъ межъ собою) находитъ себѣ сбытъ на мѣстѣ, на ежедневныхъ, очередныхъ, разъ въ недѣлю, базарахъ въ городахъ Шуѣ и Лухѣ, въ посадѣ Пучежѣ, въ окрестныхъ съ ними торговыхъ большихъ селахъ, напр. въ Верхней и Нижней Ландихѣ, Лежневѣ, Пистякахъ, Мытѣ, Палихѣ, Парскомъ и въ бывшихъ моихъ Порзняхъ. Одинъ изъ торговыхъ крестьянъ моего села, Кузовлевъ (кажется, по имени Василій), скромную личность коего желательно мнѣ передать потомству, возвращаясь домой съ одного изъ такихъ базаровъ, засталъ меня въ упомянутомъ с. Васильевскомъ и, расцѣловавшись со мною (патріархальная привычка, обычная мнѣ при встрѣчѣ со всякимъ изъ моихъ крестьянъ), въ то время какъ я уже выходилъ изъ избы, чтобы сѣсть въ свой тарантасъ, заявилъ мнѣ съ таинственнымъ видомъ, что имѣетъ нужду поговорить о чемъ-то важномъ со мною наединѣ. (Я долженъ добавить, что онъ

былъ въ то время маленько *подъ-шофе*, но не болѣе какъ на первомъ взводѣ). Когда я выслалъ изъ горницы моего человѣка [1]), Кузовлевъ, бросившись передъ мною на колѣна, началъ: «Вотъ что̀, батюшка; поторговалъ я сегодня, слава-ти Господи, хорошо; выручилъ синенькую, и вотъ она. Не откажи мнѣ, батюшка, въ милости принять ее изъ моего къ тебѣ усердія». На это я ему отвѣчалъ, что недоимокъ за нимъ и за его семействомъ никакихъ не состоитъ, сколько было мнѣ извѣстно, а такъ какъ забирать преждевременно въ оброкъ необычно въ моемъ вотчинномъ правленіи, то я не могу принять его приношеніе. Но онъ продолжалъ настойчиво и со слезами просить меня о томъ же, и я вынужденъ былъ наконецъ взять его пятирублевку (стараго выпуска), каковую немедленно спряталъ въ шкатулку для храненія на всегда въ моемъ семействѣ. Вѣроятно (хотя по давности времени не припомню), я предписалъ въ мое вотчинное правленіе зачислить все-таки эти деньги въ будущій оброкъ съ этого усерднаго мужичка.

Въ Москвѣ я захватилъ съ собою многолѣтняго моего друга Англичанина Путò, коему все по прежнему не везло, и онъ проживалъ тогда тамъ безъ всякаго дѣла, такъ какъ тюлевая его фабрика перешла уже, кажется, въ руки одного иностраннаго негоціанта г-на Нельтинга, повѣреннаго г. Шита, хозяина многихъ тогда виноградныхъ винныхъ складовъ въ обѣихъ столицахъ, снабжавшаго Путò передъ тѣмъ деньгами на покупку матеріала въ сырцѣ для хода этой фабрики. Вдвоемъ съ г-мъ Путо мы пріѣхали въ Знаменское наканунѣ (кажется) моихъ имянинъ, 7 Ноября, во время всенощной у насъ въ домѣ.

По случаю наступившаго осенняго, охотничьяго сезона, одинъ изъ крупныхъ (хотя изъ не весьма близкихъ) нашихъ сосѣдей, князь Николай Яковлевичъ Голицынъ, проводившій всегда лѣто въ своемъ имѣніи, селѣ Рощѣ, стоялъ нѣсколько дней со всей своей охотою въ Знаменскомъ [2]). Кромѣ удовольствія, доставляемаго намъ его обществомъ, стоянка его была далеко не накладною: онъ забиралъ у насъ овесъ, и сѣно, и солому, и сверхъ денегъ у насъ оставался въ барышѣ еще навозъ; а на нашей кухнѣ готовилъ ему обѣдъ (всегда утонченный, но поздній, по возвращеніи въ сумеркахъ съ охоты) его же поваръ, и къ своему столу онъ приглашалъ иногда и насъ.

Князь Н. Я. Голицынъ личность, настолько оригинальная, что невозможно не попытаться набросать ея очеркъ даже съ нѣкоторыми

[1]) Тогда былъ при мнѣ крѣпостной мой мальчикъ, отданный въ ученіе по кондитерской части Радзиковскому.

[2]) Жена его, княгиня Вѣра Дмитріевна, урожденная княжна Голицына, была вскорѣ послѣ того звѣрски умерщвлена нѣкіимъ Зыковымъ.

деталями. Служебное его поприще не было ничѣмъ особенно замѣчательно. Въ 1812 году онъ былъ молодымъ офицеромъ въ конной гвардіи, вмѣстѣ съ Александромъ Дмитріевичемъ Чертковымъ, Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ, нѣкіимъ Куликовскимъ (оставшимся на всегда въ самыхъ интимныхъ съ нимъ отношеніяхъ и женившимся далеко уже немолодымъ человѣкомъ на баронессѣ Мантейфель, одной изъ падчерицъ графа Гудовича) и съ Христофоромъ Ѳедоровичемъ Солдейномъ, иначе Солданомъ *). Послѣ того онъ находился одно время въ Варшавѣ при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ и въ Польской войнѣ 1831 года, будучи генералъ-маіоромъ, командовалъ какой-то кавалерійскою бригадою, былъ контуженъ въ ногу и вышелъ въ отставку. Добрѣйшаго и большей прямоты души человѣка, какъ онъ, трудно было встрѣтить; въ житейскихъ же своихъ привычкахъ онъ былъ методиченъ и пунктуаленъ до крайности. Въ Москвѣ, гдѣ онъ проводилъ зимы, онъ жилъ соотвѣтственно своему званію и состоянію; но кругъ его интимныхъ былъ довольно ограниченъ: самъ былъ домосѣдъ и въ гости ни къ кому почти не ѣздилъ. Другихъ дѣтей кромѣ нынѣшняго князя Александра Николаевича (женатаго на Елисаветѣ Александровнѣ Чертковой) не было, кажется, у него никогда. Молодой князь, коему было тогда (въ 1847 году) 17 или 18 лѣтъ, готовился поступить юнкеромъ въ одинъ изъ гусарскихъ полковъ. Выказанная методичность князя Николая Яковлевича не стѣсняла впрочемъ ни въ чемъ его приближенныхъ и высказывалась преимущественно въ его туалетныхъ привычкахъ, отчасти ночныхъ и рано-утреннихъ, и въ его занятіяхъ у себя въ кабинетѣ; а упорное домосѣдство, при цвѣтущемъ состояніи его здоровья, превратилось въ лѣнь и неохоту трогаться съ мѣста своего жительства. Отъ этой привычки никто изъ его домашнихъ не зналъ заранѣе, въ какой день они выѣдутъ изъ деревни въ Москву. Другая характерная черта въ немъ была та, что онъ не сочувствовалъ общему прогрессу вещей въ видѣ желѣзныхъ дорогъ и отрицалъ даже существованіе нѣкоторыхъ улучшеній, бывшихъ явными для всякаго. Что до желѣзныхъ дорогъ, то онъ находилъ ихъ лишними. «И къ чему торопиться?» говаривалъ онъ: «не все ли равно, что доѣдешь до мѣста пораньше, или попозже?» Въ Тарусѣ издавна была уѣздная почтовая контора, и въ описываемое время строилось Московско-Тульское шоссе, по одной части коего, отъ Москвы до Серпухова, мы уже давно катались. Однакоже князь Николай Яковлевичъ упорствовалъ въ непризнаваніи ни Таруской почтовой конторы, ни Серпуховскаго шоссе. «Это

*) Тотъ самый что былъ нашимъ бригаднымъ генераломъ въ 4-й гусарской дивизіи, въ Турецкой войнѣ 1828 и 1829 годовъ.

васъ только такъ морочатъ, говаривалъ онъ, потому что хотя по офиціальнымъ бумагамъ тамъ и показывается контора, но въ сущности ея нѣтъ, а сидитъ въ Тарусѣ какой-то маленькій Адлербергъ и бѣгаетъ по городу справляться, напримѣръ, не отправляется ли кто нибудь по своимъ дѣламъ въ Калугу и, узнавъ, что есть, проситъ его взять кстати съ собою всѣ накопившіяся у него письма, чтобы доставить въ тамошнюю почтовую контору». Вслѣдствіе подобнаго предубѣжденія, хотя Таруса находится отъ с. Рощи только въ какихъ нибудь 20 верстахъ, князь Николай Яковлевичъ не иначе отправлялъ свою корреспонденцію, какъ съ нарочно посылаемымъ въ Серпуховъ, т. е. болѣе чѣмъ за 40 верстъ, почтовую контору въ которомъ онъ, повидимому, признавалъ существующею. А на счетъ Серпухово-Московскаго шоссе онъ говаривалъ, что это все насъ морочитъ графъ Клейнмихель и что никакого шоссе тамъ нѣтъ.

И вотъ почему, когда приходило время трогаться изъ Рощи въ Москву, князь посылалъ въ с. Тарутино (болѣе 30 верстъ отъ Рощи), за давно знакомымъ яму ямщикомъ, который являлся въ Рощу съ 12 или болѣе лошадьми (вѣроятно для одновременнаго отправленія княжескаго обоза) и тамъ ждалъ дальнѣйшихъ приказаній, и во все это время онъ и его лошади оставались на княжескомъ содержаніи. На вопросъ же его домашнихъ о времени отъѣзда князь отвѣчалъ «увидимъ», и меня увѣрили, что такая процедура длилась будто бы иногда до двухъ недѣль. Для отсылки къ нему оброка изъ деревни онъ одинаково не довѣрялъ почтовымъ конторамъ, и съ денежнымъ пакетомъ отправляли не одного, а двухъ надежныхъ людей, потому-де, что если одного убьютъ дорогой, то чтобы другой могъ уцѣлѣть. Всѣ эти черты его характера переданы мнѣ моимъ другомъ О. А. Тридономъ, бывшимъ на интимной ногѣ въ домѣ князя и неизмѣннымъ его товарищемъ много лѣтъ въ его охотничьихъ осеннихъ упражненіяхъ. Бывало, разсказывалъ Тридонъ, когда мы засидимся иногда немного позднѣе обыкновеннаго въ салонѣ княгини Вѣры Дмитріевны, часу до перваго по полуночи, и всѣ начнемъ расходиться, князь Николай Яковлевичъ заявлялъ (къ удивленію слышавшихъ это въ первый разъ), что такъ какъ вставать на охоту надо было въ 5 часовъ утра, то не стоило уже и ложиться. И онъ дѣйствительно приступалъ въ своей уборной къ слѣдующимъ туалетнымъ занятіямъ безъ пособія камердинера. Начиналось съ обливанія ледяной водой макушки головы, безволосой и лоснившейся какъ тыква, а за тѣмъ шло обтираніе ея полотенцомъ, операція продолжавшаяся по крайней мѣрѣ до получаса. Затѣмъ начиналось умываніе шеи и верхней части тѣла, а за тѣмъ и

неутомимое обтираніе этихъ частей. Остальное затѣмъ время до отъѣзда на охоту было распредѣлено между причесываніемъ къ макушкѣ рѣдкихъ волосъ, торчавшихъ кое-гдѣ на затылкѣ, и приглаживаніемъ своей фуражки щеткой съ такимъ постоянствомъ, что ворсъ сукна стирался преждевременно. По природной ему гуманности, князь не хотѣлъ будить своего камердинера преждевременно, и чесаніе скудныхъ своихъ волосъ было послѣднею операціею передъ тѣмъ, чтобы одѣваться. Тогда, покончивъ самъ со своею лысиною, онъ передавалъ гребень своему камердинеру, отъ руки котораго долженъ былъ непремѣнно произойти окончательный, но единственный, какъ я слышалъ, взмахъ. Сказано уже мною, что князь Николай Яковлевичъ жилъ прилично своему состоянію, но весьма скромно, и единственный значительный его расходъ состоялъ въ содержаніи псовой охоты, доведенной, впрочемъ, до рѣдкаго совершенства, но стоившей ему, сколько помнится мнѣ, чуть ли не 20 т. р. въ годъ. Роскошь, съ которою она была составлена, можно было назвать разумною. Ловчій, доѣзжачіе, стремянные, борзятники со сворами, словомъ, весь этотъ охотничій людъ, не былъ у князя наряженъ, какъ бывало у другихъ содержателей псовой охоты, въ ярко-пестрые фиглярскіе казакины съ галунами, съ откидными рукавами и въ шапкахъ казацкаго покроя; а были всѣ они въ темносинихъ армякахъ или въ хорошихъ, дубленыхъ полушубкахъ, крытыхъ сукномъ, и въ синихъ суконныхъ картузахъ, а подъ ними всѣми были не кое-какія дешевыя клячи, пародіи надъ Донцами, а были настоящіе, сильные, горскихъ или извѣстныхъ Донскихъ заводовъ, гунтеры *), на покупку которыхъ князь не щадилъ денегъ; нѣкоторые изъ этихъ скакуновъ мало уступали чистокровному, цѣнному Донцу, ходившему подъ самимъ хозяиномъ. Ловчій, онъ же управлявшій всею охотою, какъ въ полѣ, такъ и по хозяйственной части дома, нѣкто Иванъ Семеновъ, былъ лицо важное, не изъ крѣпостныхъ, а чуть-ли не Московскій мѣщанинъ, получалъ что-то въ родѣ 600 рублей въ годъ, на полномъ содержаніи съ своимъ семействомъ. Во время зимняго пребыванія князя въ Москвѣ, когда онъ садился обѣдать, возлѣ него подъ столомъ ставился ящикъ, куда онъ кидалъ хлѣбныя мякишныя булетки, которыя онъ каталъ пальцами въ продолженіи обѣда и когда весь этотъ ящикъ наполнялся, его отсылали въ с. Рощу, на кормъ особенно любимыхъ княземъ собакъ.

Въ теченіе всей зимы князь рѣдко выѣзжалъ изъ дому, но случалось, что выходилъ въ шубѣ на крыльцо, и тогда тотчасъ подска-

*) Гунтеръ, Англійское названіе особенной породы чистокровныхъ (съ примѣсью скаковой) охотничьихъ лошадей, извѣстной масти.

кивалъ къ крыльцу одинъ и тотъ же знакомый ему ванька (а не лихачъ), въ грошовыя сани котораго князь молча усаживался, и ванька повезетъ его куда ему самому вздумается, и такимъ аллюромъ и на столько времени, какъ заблагоразсудится; когда же онъ обратно довозилъ до крыльца своего молчаливаго сѣдока, то послѣдній расплачивался съ нимъ, не распрашивая даже сколько ему приходится получить, но по своему собственному соображенію; надо однакоже предполагать, что плата была щедровата и возраженій не было, потому что таже сцена повторялась при новомъ появленіи князя на крыльцѣ, да и тотъ же ванька караулилъ его изъ за угла.

Не менѣе оригинальными были и нѣкоторыя его сужденія. Однимъ изъ его имѣній давно управлялъ человѣкъ, извѣстный княгинѣ Вѣрѣ Дмитріевнѣ и Тридону съ весьма непохвальной стороны; оба они старались уговорить князя разсчитать этого человѣка; но князь не соглашался, потому что «съ этимъ-то я навѣрно знаю, сколько онъ украдетъ у меня въ годъ; а найми я новаго, такъ съ непривычки я не сумѣю счесть, сколько онъ будетъ воровать и буду, пожалуй, въ бо́льшемъ черезъ это накладѣ».

Однимъ изъ неразлучныхъ товарищей князя на охотѣ и его домашнимъ гостемъ во весь осенній сезонъ былъ нѣкто Тарускій мелкопомѣстный дворянинъ и самъ отчаянный охотникъ, старикъ Николай Адріяновичъ Жихаревъ, почтенная, но также оригинальная личность, коей приличествуетъ посвятить нѣсколько словъ. Онъ былъ любимъ всѣмъ уѣздомъ, и ради обезпеченія скудныхъ его средствъ къ существованію мѣстное дворянство выбирало его въ исправники въ теченіи столькихъ лѣтъ, что онъ посѣдѣлъ въ этой должности, каковую онъ однакоже отправлялъ со всегдашнею дѣятельностію, безукоризненно, и не нажилъ ни копѣйки *). Природнаго ума (но безъ всякой культуры, юмора и острословія) была у него палата; любилъ онъ выкидывать кое-какіе фарсы, но семейная его безпечность была такова, что, не будь сторонихъ добрыхъ людей, дѣти его не были бы помѣщены въ учебныя заведенія. Какъ псовый охотникъ, онъ былъ издавна закадычнымъ другомъ нашего Тридона и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду не пропускалъ 1-го числа Апрѣля, чтобы какъ нибудь не мистифиро-

*) Служебная дѣятельность Н. А. Жихарева относится къ эпохѣ много предшествующей описываемому времени. Въ 1847 году Тарускимъ исправникомъ былъ Александръ Александровичъ Сумароцкій, усадьба коего была рядомъ съ Жихаревскою въ селѣ Безобразовѣ. Третій же владѣлецъ этого села былъ богатый помѣщикъ Александръ Николаевичъ Жихаревъ, жена коего была рожденная княжна Шаховская (Вѣра Павловна), не родственникъ исправнику Жихареву.

вать легко поддавшагося на обманъ Француза. Однажды, во время мятели въ это самое число, зашелъ въ людской флигель въ Знаменскомъ незнакомый никому крестьянинъ и просилъ позволенія отогрѣться и переждать снѣжную бурю. Отогрѣваясь онъ сталъ разсказывать собравшейся дворнѣ, что дорóгой изъ Тарусы, на опушкѣ Крыжей (лѣсокъ, принадлежащій владѣльцамъ Знаменскаго) лежалъ матерой, этакой-то здоровенный волкъ. Находившійся въ числѣ слушателей, Иванъ Шумаевъ (камердинеръ Тридона и вмѣстѣ съ тѣмъ его помощникъ по аптекарской части и доѣзжачій на охотѣ) поспѣшилъ извѣстить объ этомъ своего барина. Надо сказать, что нашъ Осипъ Августиновичъ неоднократно жаловался, что хотя онъ охотился уже болѣе 20 лѣтъ по Тарускому уѣзду, но что никогда не удавалось ему затравить волка [1]). Съ бьющимся сердцемъ прибѣжалъ онъ самъ въ людской флигель разспрашивать прохожаго мужичка. По выслушаніи отъ него подтвержденія разсказаннаго прежде дворнѣ, взяло Француза нашего все-таки сомнѣніе, не новая ли это продѣлка старика Жихарева, о чемъ и сталъ онъ вывѣдывать у крестьянина. «Помилуйте, батюшка», сказалъ тотъ, «и какое мнѣ дѣло до исправника? Да и въ городѣ ли онъ теперь, не знаю; а что самъ я видѣлъ звѣря, такъ дѣйствительно видѣлъ, и могу указать гдѣ». Этого было достаточно для нашего экзальтированнаго охотника; да онъ уже какъ-то разсчитывалъ (быть можетъ), что исправникъ былъ въ это утро не въ Тарусѣ, а у себя въ Безобразовѣ, и потому взялъ съ собою своего Ивана (оба съ ружьями на готовѣ) и полетѣлъ въ саняхъ, захвативъ съ собою, вѣроятно, и крестьянина, для указанія имъ мѣста. Остановившись по указанію послѣдняго и оглядѣвшись, охотники наши напали на что-то въ родѣ слѣдка, пошли по немъ въ лѣсную чащу, и вдругъ, передъ ними сидитъ на снѣгу на корточкахъ не кто иной, какъ старый фарсёръ Жихаревъ (на столько онъ былъ заранѣе увѣренъ, что Тридонъ не вытерпитъ) съ высунутымъ языкомъ и съ привѣтствіемъ: «А что, дуракъ, опять попался!» — «Это, шистый діяболь, Николай Адріянишъ», заревѣлъ взбѣшенный Французъ: «je pressentais bien que cela ne pouvait être que lui [2]) И какъ я это забилъ, что сегодня первый Апрель». За всѣмъ тѣмъ они оставались до конца искренними друзьями.

---

[1]) Не мѣшаетъ кстати разсказать, что, узнавъ однажды, что на господское (Знаменское) гумно повадился ходить по ночамъ волкъ, Тридонъ отправился туда подстеречь звѣря. Засѣлъ онъ въ ригѣ, или около воротъ ея и при лунномъ свѣтѣ увидя наконецъ мохнатое животное, однимъ выстрѣломъ повалилъ его на земь; но оказалось, что вмѣсто лѣснаго хищника лежалъ густопсовой породы любимый Тридоновъ кобель, повадившійся ходить ночью на мѣсто около гумна, гдѣ валялась какая-то неприбранная падаль. Итакъ, сверхъ горя быть убійцею венахваленной имъ борзой собаки, пришлось еще ему, въ добавокъ, сдѣлаться нескончаемымъ предметомъ насмѣшекъ своихъ собратій по охотѣ.

[2]) „Я какъ бы предчувствовалъ, что тутъ продѣлка Николая Адріяновича". Жиной

Дабы покончить съ обществомъ села Рощи, добавлю, что воспитатель молодаго князя Александра Николаевича, Французъ г. Фавель былъ такъ себѣ, какимъ бывало большинство гувернеровъ той націи въ Русскихъ аристократическихъ семействахъ. Но бывали и худшіе, и я зналъ одного, который былъ, какъ разсказывалъ мнѣ одинъ его соотечественникъ, никто иной, какъ прежній парикмахеръ-куафёръ. У г. Фавеля были, по крайней мѣрѣ, довольно изящныя манеры; но въ педагогической его подготовкѣ (какую имѣлъ мой пріятель Тридонъ, кончившій во Франціи курсъ въ классическомъ учебномъ заведеніи) я сильно сомнѣваюсь, да и не совсѣмъ я увѣренъ, зналъ ли онъ даже Латинскій языкъ. Нрава онъ былъ открытаго, владѣлъ салоннымъ жаргономъ и не прочь отъ жуирства; но особенною его чертой было идолопоклонство Наполеону, всевозможныя изображенія коего и его битвъ покрывали стѣны комнаты г. Фавеля въ раскрашенныхъ литографіяхъ.

При молодомъ же князѣ былъ дядькою нашъ (т.-е. изъ Знаменскихъ дворовыхъ людей) чопорный всегда, старичекъ Павелъ Николаевичъ, бывшій когда-то также дядькой при всѣхъ дѣтяхъ Елисаветы Ивановны Нарышкиной; онъ же былъ и великій любитель и воспитатель (какъ прежде говорено было) скворцевъ, коихъ онъ наказывалъ прутикомъ, когда пернатые его ученики завирались. Его опредѣлилъ въ домъ князя Голицына, конечно, нашъ Осипъ Августиновичъ.

Всю эту зиму въ 1847 на 1848 годъ я провелъ безвыѣздно въ Знаменскомъ, чего мнѣ никогда еще дотолѣ не случалось. Не скажу, однакоже, чтобъ я очень этимъ скучалъ. То былъ лихорадочный періодъ моей акварельной живописи, да и въ промежуткахъ я все болѣе и болѣе разводилъ мою коллекцію оранжерейныхъ растеній и выписывалъ новыя сѣмена. Итакъ, въ пищѣ для зимней домашней моей дѣятельности не было недостатка. Домъ нашъ былъ людень, такъ какъ шуринъ мой Нарышкинъ поселился въ маленькомъ нашемъ флигелѣ. Марья Сергѣевна всегда почти приходила со своими тремя мальчиками къ намъ въ большой домъ и тамъ проводила часть вечера. Алексѣй Ивановичъ часто отлучался въ Москву, для пріискиванія тамъ себѣ рода службы. По утрамъ я завелъ рисовальный классъ, учениками коего были моя Анетина и Саша Нарышкинъ, почти двумя годами моложе моей дочери; оба они выказывали необыкновенную способность къ рисованію и къ слѣдующей веснѣ уже весьма бойко чертили ландшафтные сюжеты съ тѣнью. И это преподаваніе также меня очень занимало. Въ хозяйство

во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ Тридонъ часто вставлялъ Французскія фразы въ Русскій разговоръ, не заботясь о томъ, понималъ ли его собесѣдникъ Французскій языкъ.

я вовсе не входилъ: имъ вполнѣ завѣдывалъ, какъ и прежде, Осипъ Августиновичъ и, при скудныхъ мѣстныхъ средствахъ, онъ велъ дѣло, на сколько было возможно, весьма удовлетворительно.

Съ сосѣдними помѣщиками мы изрѣдка видались, да и нѣкоторые изъ нихъ, по примѣру князя Н. Я. Голицына, проводили зимы въ Москвѣ, а князь Александръ Михайловичъ Хилковъ путешествовалъ въ то время (съ осени 1846 года) внѣ отечества, съ своимъ другомъ Львомъ Николаевичемъ Волковымъ и только позднею весною 1848 года возвратился изъ Египта и Святыхъ мѣстъ. Неизмѣнными и неподвижными оставались для сбора всего уѣзднаго Тарускаго общества дома Веселовскихъ и почтенной старухи Авдотьи Ивановны Нарышкиной. Въ противоположность ей, сестра ея, кн. Анна Иван. Щербатова, замкнуто жила въ своемъ помѣстьѣ, с. Высокинцахъ, на р. Протвѣ.

Для встрѣчи новаго 1848 года, я устроилъ танцовальный вечеръ, для чего выписалъ изъ Серпухова тапёра Никифора Антоновича Кунцевича, того самаго, что̀ былъ нѣкогда (въ 1833 году) нашимъ акомпаніаторомъ на фортепіано въ домашнихъ спектакляхъ. Царицею этой танцовальной вечеринки была молодая Таруская дѣвица, Елисавета Борисовна Алексѣева, мать коей, давно умершая, была Француженка, случайно попавшая когда-то въ Тарусу и вышедшая замужъ (въ 20-хъ годахъ) за тамошняго стряпчаго [1]). Но душею нашего бала былъ пріѣхавшій изъ Москвы студентъ университета, Полякъ Юлій Вудвиловичъ, родственникъ нашей Юльи Ивановны Гофманъ, гувернантки нашей Анночки. Пріятель мой Тридонъ уже тогда начиналъ ухаживать слегка за Юліей Ивановной и косо посматривалъ на ея развязнаго въ пріемахъ кузёна. Кстати уже договорю, что этотъ Вудвиловичъ пріобрѣлъ впослѣдствіи порядочную практику, какъ врачъ, въ Москвѣ, и началъ было жить съ изящною обстановкой, но попался въ 1863 году въ Польскія тайныя продѣлки и былъ сосланъ административнымъ порядкомъ просвѣжиться въ Колу или въ Архангельскъ (кажется такъ), а оттуда въ Вятку, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ, но теперь онъ возвращенъ и продолжаетъ практиковать (если не ошибаюсь) въ Москвѣ [2]).

---

[1]) Дѣвушка эта была рѣдко встрѣчаемой красоты, высокаго роста, граціозная донельзя и превосходно сложена. Она вышла послѣ 1849 года за какого-то чиновника или помѣщика въ Алексинѣ и вскорѣ умерла въ родахъ. Мать ея была (кажется) когда-то компаньонкою Анны Михайловны Хитровой (дочери свѣтлѣйшаго князя Кутузова), проживавшей лѣтомъ съ мужемъ въ своемъ имѣніи, Тарускаго уѣзда, въ селѣ Истоминѣ.

[2]) Этотъ же Вудвиловичъ является однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ талантливомъ романѣ Лажечникова (сына автора „Послѣдняго Новика“), подъ заглавіемъ „Внучка пащырнаго боярина“, съ незначительнымъ измѣненіемъ фамиліи. Повѣсть эта относится къ послѣднему Польскому возстанію 1863 года, и въ ней почти все, что̀ относится до г-на Вудвиловича, вѣрно.

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА [1]).

1848-й годъ.

Какъ я уже передъ симъ говорилъ, гости изъ числа сосѣднихъ помѣщиковъ не особенно часто бывали у насъ въ Знаменскомъ, и мы сами довольно рѣдко къ нимъ ѣзжали; но нельзя сказать, чтобы мы отъ этого оставались безъ всякаго общества. Въ Тарусѣ квартировала издавна артиллерія, составъ офицеровъ коей всегда, какъ извѣстно, отличается уровнемъ образованности многимъ выше офицеровъ армейскихъ полковъ. Въ пѣшей батареѣ, расположенной тогда въ Тарусѣ, офицерами были штабсъ-капитанъ Алексѣй Васильевичъ Зимнинскій [2]), поручики Новиковъ, Еглау, Богуславскій и прапорщикъ Дмитріевъ. Батареею командовалъ капитанъ Кубаркинъ, женившійся немного позднѣе на одной бѣдной Таруской дѣвушкѣ, Вѣрѣ Матвѣевнѣ Осокиной, дочери бывшаго въ Тарусѣ, въ 30-хъ годахъ, стряпчаго. А. В. Зимнинскій былъ личностью недюжинною по природному уму, образованности, пріятности обхожденія и разговора. Онъ болѣе своихъ сослуживцевъ сдѣлался у насъ своимъ человѣкомъ. Изъ остальныхъ офицеровъ, гг. Новиковъ, Богуславскій и Еглау [3]) чаще прочихъ бывали у насъ. Съ г. Еглау меня особенно сблизило садоводство, къ коему и онъ, подобно мнѣ, питалъ страсть, практикуясь на досугѣ въ саду Калужскаго дома его отца. А съ А. В. Зимнинскимъ меня сблизило художническое настроеніе, такъ какъ онъ довольно удачно занимался акварельною живописью фигуръ, захотѣлъ познакомиться съ акварельною ландшафтною, для чего частенько хаживалъ ко мнѣ и вскорѣ пріобрѣлъ нѣкоторый по этой части навыкъ [4]). Итакъ, по милости этихъ пріят-

---

[1]) См. Русскій Архивъ 1897 года.

[2]) Въ концѣ 60-хъ годовъ, А. В. Зимнинскій былъ уже (если не ошибаюсь) генералъ-маіоромъ и чѣмъ-то командовалъ въ Москвѣ.

[3]) Отецъ его, Калужскій старожилъ, былъ тамъ нѣкогда инспекторомъ Врачебной Управы.

[4]) Ему мы обязаны единственнымъ, имѣющимся у насъ, портретомъ нашей Анночки, написаннымъ за годъ до ея кончины. Но особенно хорошо рисовалъ онъ карикатуры съ извѣстныхъ всѣмъ намъ лицъ, группируя по нѣскольку фигуръ въ одну картину.

ныхъ вполнѣ посѣтителей, общество наше было оживлено беллетристическими и литературными преніями. Г. Богуславскій былъ въ другомъ совершенно родѣ. Чтеніемъ онъ мало занимался, но въ высшей степени обладалъ салонною болтовнею и Французскимъ жаргономъ, немного, впрочемъ, аффектированнымъ и не всегда таковымъ, какъ бываетъ въ употребленіи въ высшемъ Русскомъ обществѣ; но знаніемъ Французскаго языка онъ отличался отъ прочихъ своихъ сослуживцевъ. Не прочь былъ онъ и кутнуть, да и вообще смотрѣлъ на жизнь съ болѣе практической ея стороны, мало помышляя объ эстетичной. Онъ чаще посѣщалъ моего шурина Алексѣя Ивановича, нежели насъ, и ухаживаніе его за Марьей Сергѣевной объяснилось годъ спустя тѣмъ, что, заручившись добрымъ ея расположеніемъ и, быть можетъ, рекомендаціею, отправился онъ въ Орелъ (въ отпускъ, или по переводу въ другую батарею, не упомню), познакомился тамъ съ Сергѣемъ Васильевичемъ Цуриковымъ и, присватавшись за одну изъ двухъ младшихъ его дочерей, Надежду Сергѣевну, успѣлъ по видимому плѣнить ея сердце и вскорѣ женился, но не замедлилъ за тѣмъ прокутить ограниченное ея приданое и, не имѣя средствъ къ дальнѣйшему существованію, отправился на службу на Кавказъ.

Радостный для насъ всегда день рожденія нашей дочери, 24 Февраля, былъ ознаменованъ въ этомъ году прискорбнымъ по нашему хозяйству событіемъ. Едва началась обѣдня въ нашей церкви, какъ услышались звуки зловѣщаго набата. Оказалось, что загорѣлась отъ неосторожности истопника рига, стоявшая по ту сторону отъ церкви оврага. Выбѣжавъ изъ церкви, я поспѣшилъ съ собравшимся народомъ къ мѣсту пожара; но отстоять ригу было уже невозможно, да и на бѣду поднялась сильная, снѣжная вьюга, и вѣтеръ дулъ на Сѣверъ, прямо почти на деревню, такъ что не прошло много времени, какъ отъ перелетѣвшей черезъ оврагъ огневой галки загорѣлся нашъ скотный дворъ, бывшій насупротивъ почти церкви, каковая уцѣлѣла только, быть можетъ, потому, что ее окружали гигантскія ветлы. Мы старались выгнать скотину изъ объятаго пламенемъ двора; но скотина, какъ извѣстно, въ подобныхъ случаяхъ упорно пятится назадъ. Впрочемъ, убыль наша ограничилась тремя или четырьмя сгорѣвшими коровами, всѣми овцами и конечно всѣмъ строеніемъ. Къ счастію, вѣтеръ пріутихъ немного, такъ что мы могли по крайней мѣрѣ отстоять деревню, начинавшуюся отъ нашего скотнаго двора *).

*) Послѣ этого пожара я выстроилъ скотный дворъ по ту сторону оврага, неподалеку отъ нашего господскаго дома, насупротивъ огорода. Этотъ скотный дворъ существовалъ до 1868 года и былъ вскорѣ послѣ весь разобранъ, уже безъ меня.

Между тѣмъ какъ жизнь наша мирно и однообразно текла въ Знаменскомъ, вся почти Европа, исключая Россіи, приходила въ волненіе. Февральская революція поразила всѣхъ своею неожиданностью, послѣдствіемъ коей было, какъ извѣстно, бѣгство старика-короля Лудовика-Филиппа, казавшагося дотолѣ крѣпко осѣвшимъ на Французскомъ престолѣ. Временное правительство составилось тогда изъ поэта Ламартина, генерала Кавеньяка (Алжирская знаменитость), соціалиста Ледрю-Роллена, адвоката Одильона-Барò, адвоката Еврея Кремьё и соціалиста-винопродавца Коссидьера. Про этихъ импровизованныхъ государственныхъ мужей ходила по рукамъ слѣдующая характеристика: «Ламартинъ все тянетъ джинъ, Кавеньякъ пьетъ коньякъ, Ледрю-Ролленъ пьетъ Шамбертёнъ, а Баро все пьетъ Бордо. Объ остальныхъ не припомню, но о Кремьё можно было бы добавить, что онъ, пожалуй, попиваетъ креманъ-муссё (crémant-mousseux, одна изъ модныхъ тогда Шампанскихъ фирмъ). Если къ этой характеристикѣ не подходилъ на Русскомъ языкѣ соціалистъ Коссидіеръ, за то онъ получилъ Французское прозвище «cousu d'or» (обшитъ золотомъ). Извѣстно, что вдовствующая герцогиня Орлеанская попыталась было тогда возвести на престолъ малолѣтняго своего сына, графа Парижскаго, подъ ея регентствомъ, съ каковою цѣлью она явилась съ своимъ отрокомъ въ залу Національнаго Собранія, и извѣстенъ также глубокомысленный на это отвѣтъ Ламартина: «Madame, il est trop tard» *). Когда Парижскій политическій пожаръ распространился по большей части Германіи, тогдашній Прусскій король, въ порывѣ необузданнаго либерализма и подъ вліяніемъ лишнихъ, быть-можетъ, винныхъ паровъ (къ чему онъ былъ, какъ говорили, склоненъ) заявилъ, будто бы, собравшейся предъ дворцовымъ балкономъ Берлинской публикѣ (какъ мнѣ о томъ разсказывали), что онъ даетъ обѣщаніе возстановить Польшу. Говорили также, что государь Николай Павловичъ, узнавъ объ этой чудовищной выходкѣ своего шурина, сказалъ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ: «Ну, милая моя, нашъ Фрицъ окончательно спятилъ съ ума». Немного позднѣе вспыхнулъ мятежъ въ Неаполѣ, и король Фер-

*) „Государыня, теперь уже слишкомъ поздно". Странно весьма, что противуположные въ политикѣ принципы и дѣйствія ведутъ иногда къ одинаковому результату. Карлъ X палъ потому, что нарушилъ конституцію, а Людовикъ-Филиппъ палъ за строгое исполненіе законовъ конституціи, на каковомъ основаніи онъ не воспротивился банкетамъ, организованнымъ въ чудовищныхъ размѣрахъ оппозиціей, во главѣ коей былъ ораторъ-адвокатъ Одильонъ-Барò. Но даже, не взирая на эти банкеты, если бы престарѣлый король послушался настойчивыхъ совѣтовъ маршала Бюжò ввести въ Парижъ значительную воинскую силу, съ помощью коей маршалъ обѣщался подавить въ одинъ или два дня возмущеніе то остался бы на престолѣ.

динандъ, отстаивая свои права, приказывалъ стрѣлять въ мятежныя толпы лаззарониевъ картечью, за что прозванъ былъ въ Италіи «il rè bombarditore» (король-бомбардировщикъ). Умы даже и невозалтированныхъ людей были въ то время въ такомъ настроеніи, что они клеймили названіемъ варварскаго злодѣйства мѣры, предпринятыя Неаполитанскимъ королемъ для обузданія революціи, и тѣмъ оспаривали его автономію. По случаю Парижской Февральской революціи, между Петербургскими Французами случилось слѣдующее забавное происшествіе. Нѣсколько куафёровъ, или подобнаго промышленнаго имъ люда, собрались весело отобѣдать въ одномъ ресторанѣ, при чемъ провозглашали тосты за новую республику, при пѣніи извѣстной «Marseillèse» или тому подобныхъ революціонныхъ гимновъ; въ тотъ же вечеръ они призваны были въ III-е Отдѣленіе и затѣмъ были посажены на готовыхъ уже тройкахъ, въ сопровожденіи жандармовъ, вывезены изъ предѣловъ Россіи и тамъ выпущены на всѣ четыре стороны. Тутъ Французы наши попросили жандармскаго офицера заявить отъ ихъ имени князю А. Ѳ. Орлову (тогдашнему шефу жандармовъ) глубочайшую ихъ благодарность за ихъ высылку изъ Петербурга, потому-де, что у нихъ было столько тамъ долговъ, что имъ не миновало бы попасть въ долговое отдѣленіе тюремнаго замка, предвидя что, они намѣренно составили публичную революціонную демонстрацію, чтобы быть высланными безъ всякихъ предварительныхъ формальностей за границу, да еще и на казенный счетъ.

Весна этого года была такая ранняя, какой я никогда не видывалъ. Въ Лазареву Субботу, бывшую тогда 30 Марта, я собиралъ съ Анетиною на лугахъ и въ лѣсу весенніе цвѣты, показывавшіеся обыкновенно не прежде, какъ во второй половинѣ Апрѣля; а къ концу Апрѣля всѣ деревья, помнится мнѣ, уже одѣлись густою зеленью, какъ бы въ концѣ Мая *). Но это было несвоевременно; Майскіе морозы (около Николина дня) скрутили эту лѣтнюю роскошь, и только въ концѣ Мая деревья дали вторые листья.

Въ первый разъ встрѣтилъ я тогда свѣтлый праздникъ Пасхи въ деревнѣ, въ своемъ семейномъ кружкѣ. Службу на Страстной недѣлѣ совершалъ въ нашей Знаменской церкви отецъ Ѳеодоръ Егоровичъ Брилліантовъ, одинъ изъ трехъ священниковъ Тарускаго Петропавлов-

*) Покойная теща моя разсказывала мнѣ о другомъ, еще болѣе удивительномъ, климатическомъ феноменѣ, бывшемъ въ 20-хъ (кажется) годахъ. Она посѣяла горохъ на грядкахъ въ огородѣ 17-го или 18 Марта, и онъ выросъ и созрѣлъ, такъ какъ морозныхъ утренниковъ не было ни въ Апрѣлѣ, ни въ началѣ Мая.

скаго собора [1]). Анетина наша была очень усердна къ церкви и на Страстной недѣлѣ всегда, бывало, прибѣжитъ съ нянею къ ходу съ плащаницею вокругъ церкви, во время заутрени въ Великую Субботу, хотя это происходило почти что на разсвѣтѣ, и съ того времени понынѣ, гдѣ ни присутствовалъ бы я при этомъ трогательномъ церковномъ торжествѣ, милый ея образъ живо мерещится въ моихъ глазахъ.

Въ Маѣ я ѣздилъ на самое короткое время въ Москву, взявъ съ собою Одесскаго Итальянца Андрея Францовича Синьорини, отошедшаго предъ тѣмъ отъ моего шурина Нарышкина, при дѣтяхъ коего Синьорини былъ дядькою. Въ Москву я его взялъ для опредѣленія куда-нибудь прикащикомъ или бухгалтеромъ, такъ какъ онъ, кромѣ знанія Русскаго, Французскаго и Итальянскаго языковъ, владѣлъ каллиграфическимъ почеркомъ, и въ добавокъ былъ трудолюбивъ и честнѣйшей нравственности. На первое время Радзиковскій помѣстилъ его конторщикомъ къ Французскому кондитеру Жилю, а впослѣдствіи онъ перешелъ тѣмъ же въ красильное заведеніе Сатіаса-Руссель, на Софійкѣ; позднѣе онъ открылъ на той же улицѣ свое красильное и по нынѣ существующее заведеніе. Давнѣйшій мой пріятель, Петръ Петровичъ Пикколи закрылъ тогда свою гастрономическую торговлю, столь долго помѣщавшуюся на углу Софійки и Лубянской площади, намѣреваясь провести остатокъ своихъ дней на родинѣ, въ Вальтеллинѣ (Итальянскій кантонъ Швейцаріи), гдѣ онъ не бывалъ уже 30 лѣтъ. Онъ выправилъ уже для этого заграничный паспортъ, какъ вдругъ заболѣлъ разстройствомъ мочеваго пузыря, слегъ въ больницу и тамъ померъ. Отличный былъ онъ человѣкъ, честный и услужливый, но черезъ-чуръ довѣрчивый, отчего и потерпѣлъ денежный ущербъ [2]).

---

[1]) Это тотъ самый о. Ѳеодоръ, съ которымъ такъ комично то ссорился, то мирился, при подчиваніи поджареными грибами, старый Французъ де-Варимонъ, умершій въ Звиненскомъ яз 1838-мъ году.

[2]) Добрѣйшій П. П. Пикколи былъ давно вдовецъ и оставилъ малолѣтняго единственнаго сына Александра, коего онъ было опредѣлилъ въ эстампный магазинъ Дациаро, въ Москвѣ; но мальчикъ былъ слабаго сложенія и умеръ рано. При магазинѣ П. П. Пикколи было нѣчто въ родѣ ресторана, гдѣ встрѣчалъ я часто гремѣвшаго въ первой четверти нынѣшняго столѣтія своимъ милліоннымъ состояніемъ Ивана Петровича Кожевникова, имѣвшаго когда-то честь (если не ошибаюсь) принять императора Александра Павловича на своей подмосковной суконной фабрикѣ, при селѣ Свирловѣ. Бывшій милліонерный негоціантъ находился въ 40-хъ годахъ почти что въ крайней бѣдности и для существованія бросился было въ адвокатуру, но и это, повидимому, ему не повезло. Человѣкъ былъ онъ добрѣйшій и съ хозяиномъ сказаннаго заведенія былъ на ты.

Кстати помѣщу, что П. П. Пикколи разсказывалъ мнѣ, что одно время, на проти

Въ Іюнѣ 1848-го года холера появилась, сначала въ Серпуховѣ, а затѣмъ въ нашемъ Тарусскомъ уѣздѣ. Почтенный, хотя не старый еще годами Тарусскій соборный священникъ, Михаилъ Ивановичъ Февралевъ, бывшій у насъ въ домѣ своимъ человѣкомъ и законоучителемъ нашей дочери, посовѣтовалъ всѣмъ намъ прибѣгнуть къ таинствамъ покаянія и святаго причащенія, для испрошенія отъ Всевышняго милостиваго избавленія отъ этой эпидеміи, при чемъ о. Михаилъ предложилъ также намъ отговѣть не въ нашей Знаменской церкви (потому, вѣроятно, что у насъ на деревнѣ уже были тогда холерные случаи), а въ сосѣдней Ильинской церкви, въ имѣніи князя Александра Михайловича Хилкова. Все наше семейство съ тещею (за исключеніемъ, конечно, нашего Мити) послушалось благаго наставленія о. Михаила, даннаго намъ въ Петровъ постъ, и весь этотъ день, въ который мы сподобились пріобщиться Святымъ Христовымъ тайнамъ, начатый въ столь духовно-утѣшительномъ семейномъ объединеніи, и нами прове денный до самаго вечера у гостепріимнаго и многолѣтняго общаго намъ друга, остался неизгладимымъ въ моей памяти. Князь А. М. Хилковъ, только что вернувшійся передъ тѣмъ изъ путешествія къ святымъ мѣстамъ (каковое путешествіе онъ впослѣдствіи повторилъ) имѣлъ много кое-чего интереснаго разсказывать о своемъ тамъ пребываніи.

Я уже говорилъ въ своемъ мѣстѣ о томъ, какъ я струсилъ, когда въ предыдущую осень появилась холера въ Москвѣ. Изъ этого казалось бы, что и не такое нервное разстройство овладѣетъ мною, когда страшная эта гостья посѣтила нашъ околодокъ. Но, Божіею милостію, вышло совершенно противное. Когда первые случаи этой болѣзни начались прорываться у насъ на деревнѣ, а вслѣдъ за тѣмъ и у нашей дворнѣ, то я, помолившись Богу сообразилъ, что если самъ хозяинъ дома покажетъ примѣръ трусости, то заболѣвающіе останутся безъ надлежащаго призора, и обязательное чувство долга взяло на столько верхъ надъ прежнимъ моимъ слабодушіемъ, что я сдѣлался помощникомъ О. А. Тридона, неусыпно предавшагося лѣченію нашихъ больныхъ. Средства имъ употребляемыя были Иноземцовскія капли, мятный чай, горчишники съ фрикціями (иногда крапивою) при появленіи судорогъ, и въ большинствѣ случаевъ, средства эти были достаточны для свѣжихъ и неиспорченныхъ медикаментами крестьянскихъ

вуположномъ ему углу Софійки и Лубянской площади открылъ было писче-бумажный магазинъ нѣкій Французъ, по фамиліи „Petit-pierre": сближеніе фамильныхъ именъ довольно куріозное, такъ какъ Пикколи значитъ по-итальянски *маленькій* (petit), а его собственное имя Петръ, по-французски Pierre, обозначаетъ также камень, что и выходило тождественно съ именемъ сказаннаго Француза Petit-pierre", т.-е. маленькій камень.

натуръ. Удавалось иногда Тридону прекращать рвоту ледянинами осколками, въ родѣ пилюль, глатаемыми всякія 2—3 минуты, а иногда, даже и содовыми порошками. По его наставленію я хаживалъ по крестьянскимъ избамъ, наблюдая за точнымъ исполненіемъ его распоряженій, не всегда охотно выполняемыхъ крестьянами по ихъ недовѣрію вообще къ медицинскимъ пособіямъ, и эти мои посѣщенія не только уже не нарушали моего душевнаго спокойствія, но меня не встревожило и то даже, когда въ людскомъ флигелѣ, рядомъ съ моей комнатой, заболѣла холерою жившая тамъ дворовая наша женщина Марія Васильевна [1]), которая впрочемъ вскорѣ оправилась. (Я перешелъ тогда въ этотъ флигель, потому что уступилъ тещѣ моей мои двѣ комнаты въ большомъ домѣ, такъ какъ неудобно было ей по ея лѣтамъ таскаться по нѣскольку разъ въ день черезъ дворъ изъ флигеля въ большой домъ). У насъ всего (помнится мнѣ) померло 7 или 8 человѣкъ обоего пола; но не всѣ отъ чистой холеры, а иные тифомъ, бывшимъ послѣдствіемъ холеры. Отъ тифа довольно удачно лѣчилъ Тридонъ ледяными компресами на весь животъ. Не удалось однакоже бѣдному нашему Французу вылѣчить своего стараго друга и мистификатора Николая Адріяновича Жихарева, заболѣвшаго холерою вслѣдствіе (какъ говорили) того, что онъ поѣлъ нѣсколько, но весьма немного, клубничныхъ ягодъ. При первомъ призывѣ, Тридонъ поскакалъ въ с. Безобразово, но всѣ испробованныя имъ средства оказались тщетными. Умирающаго старика не покидалъ обычный его юморъ, и, увидавъ Тридона, онъ сказалъ ему: «что̀ братецъ, видно я попался»

Въ это самое лѣто (1848-го года) Московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Алексѣя Григорьевича Щербатова замѣстилъ графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, бывшій около 18 лѣтъ въ отставкѣ [2]). Одною изъ первыхъ его мѣръ на новомъ мѣстѣ служеніе

[1]) Эта та самая усердная ключница, что, жившя у меня въ Москвѣ съ 1841 по 1844 годъ, ходила молиться къ Иверской Божіей Матери, дабы не ошибиться при одной покупкѣ, ей женою моей порученной. Она померла у насъ въ 1859-мъ году и съ нею прекратился рядъ надежныхъ господскихъ ключницъ стараго покроя. Преемницы таковыхъ нашего времени совсѣмъ уже не тѣмъ смотрятъ: не то, винцомъ зашибаются, не то не совсѣмъ чисты на руку.

[2]) Замѣчательно отчасти, что графъ Закревскій, вышедшій изъ службы (какъ помнится мнѣ) по высочайшему неодобренію предпринятыхъ имъ мѣръ противъ первой холеры въ 1830 году (въ бытность его тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ) поступилъ снова на службу по случаю вторичнаго появленія этой эпидеміи, или, по крайней мѣрѣ во время ея свирѣпствованія въ 1848 году. Былъ, кажется, слухъ, что графъ Закревскій повинуясь желанію государя Николая Павловича войти снова на службу, пытался будто-

было потребовать списокъ всѣхъ числящихся по генералъ-губернаторской канцеляріи чиновниковъ, и всѣ тѣ изъ нихъ (если не ошибаюсь), которые подобно мнѣ не находились тогда на лицо въ Москвѣ, были отставлены отъ службы безъ прошенія, въ томъ числѣ и я.

Мѣру эту не могу не назвать крутою и отчасти несправедливою. Во времена князя Д. В. Голицына и его преемника князя Щербатова насъ было нѣсколько человѣкъ при генер.-губернаторской канцеляріи, но безъ всякаго оклада; на службу мы не хаживали и проживали даже внѣ Москвы безъ отпуска или спроса (по крайней мѣрѣ, я дѣлалъ такъ), и все это терпѣлось. Понятно, что когда эпидемія начала свирѣпствовать въ Москвѣ, я самовольно переселился совершенно въ Знаменское, а передъ этимъ отлучался также безъ спроса къ себѣ въ Порзни. Правосуднѣе, мнѣ кажется, было бы графу Закревскому первоначально вызвать всѣхъ отсутствующихъ чиновниковъ и предложить имъ служить впредъ дѣйствительно, или честно выходить въ отставку. Я выбралъ бы послѣднее и не подвергся бы впослѣдствіи различнымъ затрудненіямъ, коими обставлено было мое поступленіе вновь на службу въ Рязани въ 1853 году *).

Въ первые годы самовластнаго управленія графа Закревскаго нашимъ первопрестольнымъ графомъ (каковое продолжалось отъ 1848 по 1859 годъ, но въ болѣе смягченномъ видѣ въ послѣдніе годы этого періода), по рукамъ ходила рукописная ода тогдашней нашей даровитой поэтессы, графини Ростопчиной, по поводу террора этой эры, изъ каковой оды помню стихи:

Мы люди смирные, не строимъ баррикадъ,
И вѣрноподданно гніемъ въ своемъ болотѣ.

бы выговорить себѣ двѣ кондиціи: первая, чтобы возвращено было ему право снова надѣть генералъ-адъютантскій мундиръ съ вензелемъ покойнаго императора Александра на эполетахъ, вторая, чтобы не запускать ему усовъ. На послѣднее желаніе Государь согласился, но касательно перваго сказалъ, что невозможно уже ему назначить заново графа Закревскаго генералъ-адъютантомъ къ особѣ умершаго императора. Поговаривали что, графу Закревскому даны были обширныя, самовластныя по управленію, права, и что онъ будто-бы имѣлъ въ своемъ распоряженіи заранѣе подписанныя государемъ бланки, каковыя онъ пополнялъ по своему усмотрѣнію.

*) А быть можетъ, я и грѣшу на графа Закревскаго тѣмъ, что въ дѣйствительности вызывались въ свое время всѣ числящіяся при его канцеляріи чиновники, но что мнѣ о томъ не дано было знать, именно потому, что въ канцеляріи неизвѣстно было мое мѣстожительство.

Такъ какъ суть настоящей части моего разсказа относится къ Знаменской моей жизни, то не мѣшаетъ познакомить читателя съ тѣми изъ Тарусскихъ помѣщиковъ, о которыхъ ничего по сю пору еще не говорилось. Изъ крупныхъ нашихъ сосѣдей были семейства Миллеровъ, молодая чета Поливановыхъ, Христіановичи, Шабишевы и Щербачевы. Чаще чѣмъ съ прочими мы видались съ Миллерами и Поливановыми, не говоря о теткѣ моей жены, Авдотьѣ Ивановнѣ Нарышкиной, о Веселовскихъ и о Настасіи Алексѣевнѣ Макавѣевой, о коихъ было уже (помнится мнѣ) пространно говорено, но съ коими мы еще повстрѣчаемся въ теченіе моего разсказа. Ѳедоръ Ивановичъ Миллеръ, бывшій однимъ изъ Московскихъ полицеймейстеровъ въ 30-хъ годахъ, былъ переименованъ въ 1840 (кажется) году изъ полковниковъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, съ причисленіемъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Его посылали ревизовать Псковскую губернію, но въ губернаторы онъ не попалъ и немного позднѣе вышелъ въ отставку. Жена его, Татьяна Львовна, была по себѣ Толстая, а въ 1848 году старшая ихъ дочь, Аделаида Ѳедоровна была замужемъ за г. Быковымъ, тогда прокуроромъ (если не ошибаюсь) въ Калугѣ; второй ихъ дочери Екатеринѣ Ѳедоровнѣ, было тогда 17 или 18 лѣтъ [1]). Старшій ихъ сынъ Левъ Ѳедоровичъ служилъ тогда въ конной гвардіи и недавно передъ тѣмъ женился на Бахметьевой [2]), а второй сынъ, Владиміръ Ѳедоровичъ, служилъ тогда въ канцеляріи Московскаго гражданскаго губернатора. Съ выходомъ въ отставку Ѳедоръ Ивановичъ Миллеръ поселился окончательно съ семействомъ Тарусскаго уѣзда, въ сельцѣ Сивцовѣ [3]). Сосѣдъ подобный Ѳедору Ивановичу былъ истинный кладъ для провинціальнаго нашего общества. Общительнаго и всегда веселаго нрава, великій анекдотистъ (хотя съ прорывавшимся Нѣмецкимъ акцентомъ), безцеремонный и у себя радушный хозяинъ дома, онъ то и дѣло разъѣзжалъ по гостямъ на бѣговыхъ дрожкахъ, а зимою въ одиночныхъ саняхъ, самъ правя лошадью. Посѣщеніямъ его всѣ были рады, потому что ненакладный и неприхотливый былъ

---

[1]) Она вышла замужъ за барона Розена.

[2]) Позднѣе она развелась съ мужемъ и вышла за извѣстнаго поэта, графа Алексѣя Константиновича Толстого.

[3]) Татьяна Львовна Миллеръ купила это имѣніе у княгини Вадбольской, матери Маріи Петровны Домашневой. Она имѣла также довольно значительное имѣніе въ Скопинскомъ уѣздѣ (Рязанской губ.), называвшееся (кажется) село Курбатово, давно купленное ею у своей родственницы, Елены Петровны Толстой (матери графини Александры Сергѣевны Паниной), о которой не разъ упоминалось въ 1-ой части этихъ Записокъ, какъ объ истинномъ другѣ моей матери до переселенія въ Италію нашего семейства.

онъ гость; ѣдалъ все что́ бы ни попадало, безъ разбору, и здорово ѣдалъ: любо было смотрѣть на всегдашній его аппетитъ. Былъ онъ большой словоохотникъ, приправлявшій нескончаемые разсказы изъ служебнаго своего быта словами «а потомъ», это́ выходило у него «аптомъ». Случалось впрочемъ съ нимъ общее всѣмъ говорунамъ, что по забывчивости онъ повторялъ свои анекдоты передъ прежними же слушателями, и если кто нибудь изъ болѣе нетерпѣливыхъ изъ нихъ забѣгалъ впередъ, зная къ чему клонится развязка разсказа, то Ѳедоръ Ивановичъ бывало скажетъ «объ этомъ, послѣ», и примется снова за свой анекдотъ на томъ пунктѣ, гдѣ его прервали. Изъ числа болѣе или менѣе интересныхъ его разсказовъ помню слѣдующій. На другой день послѣ извѣстнаго Петербургскаго наводненія 7 Ноября 1824 года, Ѳедоръ Ивановичъ, командовавшій тогда гвардейскимъ жандармскимъ эскадрономъ, зайдя утромъ на квартиру одного изъ офицеровъ этого эскадрона, предложилъ ему пройтись съ нимъ по улицамъ. Повсюду усматривая слѣды свѣжаго опустошенія, Ѳедоръ Ивановичъ покачивалъ головою и выражалъ сожалѣніе по поводу всего видѣннаго имъ во время этой прогулки, тогда какъ сопутникъ его оставался, казалось, спокойнымъ и все молчалъ; наконецъ, когда восклицанія Ѳедора Ивановича повторялись всё сильнѣе и сильнѣе, офицеръ не вытерпѣлъ. «Скажите, пожалуста, полковникъ», началъ онъ, «что́ за причина вашему удивленію, и отъ чего въ самомъ дѣлѣ повсюду усматривается какое-то необыкновенное въ улицахъ неустройство?» Ѳедоръ Ивановичъ вытаращилъ глаза и спросилъ у офицера, ужели онъ ничего не знаетъ о случившемся наканунѣ?—«Ровно ничего», былъ отвѣтъ: «не выходилъ я изъ дому весь день и занимался своею обычною живописью до самыхъ сумерокъ» (онъ писалъ миніатурой на слоновой кости), а когда зажгли свѣчи, я пообѣдалъ и рано легъ спать». Тутъ разразился Ѳедоръ Ивановичъ гомерическимъ хохотомъ и повелъ своего товарища прямо къ своей женѣ. «Вотъ привелъ я къ тебѣ, Темирочка (такъ называлъ онъ до конца 70 лѣтнюю подругу своей жизни) «живой курьезъ: вообрази себѣ, что онъ одинъ изо всего Петербурга не подозрѣвалъ по сю пору о вчерашнемъ бѣдственномъ наводненіи». Не безынтересно также было, какъ онъ описывалъ пребываніе въ Москвѣ (въ 30-хъ годахъ) знаменитаго естествоиспытателя Гумбольдта. Когда кн. Д. В. Голицынъ угощалъ ученаго своего гостя смотромъ всей городской пожарной команды, Гумбольдтъ пустился, къ удивленію слушателей, въ такія научныя и практическія подробности и разсужденія о Европейскомъ вообще, и въ частности о Россійскомъ коннозаводствѣ, что любой профессоръ по ветеринарной части или опытнѣйшій изъ коннозаводчиковъ или ремонтёровъ раскрыли бы рты.

Постараюсь также передать его словами одну характеристическую сцену изъ домашняго быта сосѣдей нашихъ Веселовскихъ, виновникомъ коей отчасти былъ Ѳедоръ Ивановичъ. Я уже говорилъ въ своемъ мѣстѣ, что хромая и полуслѣпая прислуга у Веселовскихъ была, благодаря абсолютному въ домѣ хозяйственному контролю «ма-сёръ Юдоксъ» (Авдотьи Ивановны), намуштрована въ такомъ неотступномъ ни въ какихъ случаяхъ порядкѣ, что позавидовать бы этому могъ иной полковой командиръ; затѣмъ, надо также предварительно сказать, что крѣпко сложенный Ѳедоръ Ивановичъ имѣлъ привычку выпивать по рюмкѣ очищеннаго простого вина, какъ только онъ появлялся куда нибудь въ гости, и вторично передъ обѣдомъ, какъ водится. Всѣ это знали и всѣ спѣшили всегда удовлетворять этой его привычкѣ; но вещь столь простая выходила изъ принятаго въ домѣ Веселовскихъ порядка. Однажды Ѳедоръ Ивановичъ, пріѣхавъ ранѣе, быть можетъ, обыкновенно въ Салтыково (такъ звалось имѣніе Веселовскихъ), сильно почувствовалъ желаніе пропустить черезъ горло рюмочку очищеннаго; но совѣстно какъ-то ему было попросить о томъ хозяевъ дома, и только въ разговорѣ съ находившимся тамъ Тарускимъ городскимъ врачемъ, Сергѣемъ Емельяновичемъ Александровскимъ, онъ проронилъ о томъ словечко. Услужливый медикъ, пользовавшійся тогда особеннымъ значеніемъ и даже вѣсомъ у Веселовскихъ и бывшій у нихъ домашнимъ, взялся устроить это дѣло, но только окольнымъ путемъ, для чего онъ повелъ Ѳедора Ивановича въ особый, пустой аппартаментъ, двери коего раскрывались только во время большого пріѣзда гостей, и самъ пошелъ приказать отъ себя буфетчику подать туда водки. Явился офиціантъ, держа въ обѣихъ рукахъ большой подносъ съ графинчикомъ очищеннаго; но такъ какъ не было чѣмъ закусить, то Ѳедоръ Ивановичъ попросилъ его принести хоть ломтикъ ржанаго хлѣба съ солью. Уже это одно озадачило оффиціанта, и онъ остановился, недоумѣвая, куда ему дѣвать подносъ. Ѳедоръ Ивановичъ указалъ ему на столъ, куда ему поставить подносъ, пока сходитъ за закуской, и увѣрилъ его, что все будетъ сохранно до его возвращенія. Оффиціантъ вышелъ и явился съ ломтемъ ржанаго хлѣба; но едва Ѳедоръ Ивановичъ пропустилъ чарку очищеннаго, какъ появился въ привилегированную амфиладу комнатъ мелкопомѣстный сосѣдъ П.....ъ, и чуя бахусную приманку (къ коей былъ онъ немного склоненъ) протянулъ было уже руку къ графинчику; но трессированный хамка ловкимъ боковымъ движеніемъ подвернулся съ подносомъ изъ подъ протянутой руки П—а, алкавшаго подкрѣпительнаго зелья, сдѣлалъ пируетъ на каблукѣ и, удаляясь, бросилъ черезъ плечо, въ утѣшеніе бѣдняку, слова: «черезъ четверть часа подадутъ кушать», то есть, что тогда

подадутъ всѣмъ водку. Упомянувъ въ прежнемъ мѣстѣ о трехъ старицахъ-весталкахъ Веселовскихъ, кажется, что я не досказалъ, что въ продолженіе 30 или болѣе лѣтъ нѣкоторую роль между ними игралъ нашъ Осипъ Августиновичъ, коего онѣ звали «монъ ами Тридонъ. Анна Ильинишна (средняя изъ нихъ) однажды сказала мнѣ: «Мы вотъ какъ Тридона любимъ и балуемъ, что зимою топимъ его комнату, когда онъ у насъ ночуетъ». Но не о нихъ идетъ настоящая наша рѣчь.

Неутомимъ по хозяйству былъ Ѳ. И. Миллеръ. Лѣтомъ вставалъ онъ чуть-ли не съ разсвѣтомъ и отправлялся на полевыя работы; придетъ домой въ 9-мъ часу, закуситъ чѣмъ нибудь или похлебаетъ молочка, и опять въ поле. Для гостей столъ у него былъ всегда хорошъ и сервированъ, не такъ какъ у Веселовскихъ, а съ нѣкоторою даже изящностію; но для самого себя онъ былъ скупенекъ и самъ намъ разсказывалъ, что когда все его семейство было въ отлучкѣ изъ Сивцева, кухонная плита не затоплялась для него одного, а довольствовался молокомъ съ хлѣбомъ, тюрею и толокномъ. Хорошій былъ онъ семьянинъ и предупредительный до конца и почти что нѣжный супругъ, хотя Темирочка была значительно старше его, и утѣшительно поистинѣ было зрѣлище дружбы, связывавшее все семейство: дѣти съ родителями были на *ты*, фамиліярность почти что не слыханная въ провинціальномъ семейномъ быту. Въ 1848 и 1849 году Ѳедору Ивановичу давно уже стукнуло 60 лѣтъ, но въ привычкахъ своихъ и въ поступи и во всей вообще его дѣятельности онъ еще былъ весьма юнъ *).

Значительное довольно состояніе имѣла также въ Тарускомъ уѣздѣ Екатерина Никитишна Шабишева. Она долго жила въ Петербургѣ (гдѣ имѣла свой домъ на Большой Садовой), и дѣти ея были съ хорошимъ образованіемъ, но всѣ почти кончили какъ-то неудачно свою каріеру, и послѣдній, нынѣ въ живыхъ, изъ четырехъ бывшихъ братьевъ разстроилъ свое состояніе. Изъ четырехъ (кажется) дочерей одна была не замужемъ, двѣ умерли въ умопомѣшательствѣ, а меньшая (г-жа Никитина) разъѣхалась съ мужемъ. Фамиліи двухъ замужнихъ были Суворова и Дворжакъ; мужъ послѣдней изъ нихъ былъ

*) Во время ополченія по случаю Крымской войны 1854—1856 годовъ, мѣстное дворянство избрало его начальникомъ Тарускої дружины, и по распущеніи ополченія онъ сохранилъ въ отставкѣ чинъ генералъ-маіора (тогда какъ до ополченія онъ вышелъ въ отставку д. ст. совѣтникомъ) — отличіе весьма льстившее ему. Онъ померъ въ Ярославлѣ, или въ какомъ-то другомъ мѣстѣ, къ Сѣверу отъ Москвы, между 1863 и 1866 годами, но похороненъ въ Тарускомъ уѣздѣ, въ селѣ Вознесенскомъ. Татьяна Львовна пережила мужа нѣсколькими годами.

(кажется) придворнымъ медикомъ въ Петербургѣ. Старшій изъ сыновей, Сергѣй Николаевичъ, служилъ первоначально въ армейской кавалеріи, потомъ долго скитался по Бессарабіи, и вернувшись къ матери (въ село Трубецкое, въ Тарускомъ уѣздѣ) съ разстроеннымъ совершенно здоровьемъ, женился на ея крѣпостной горничной (изъ коей однакоже вышла хорошая жена и мать) и вскорѣ затѣмъ померъ, оставивъ малолѣтняго сына.

Перерву на короткое время перечень Тарусскихъ помѣщиковъ, для описанія одного аматёрскаго спектакля, устроеннаго тогда семействами Миллеровъ и Шабишевыхъ.

Въ концѣ Іюля, или въ началѣ Августа 1848 года, когда прекратилась холера въ Тарусѣ и ея уѣздѣ, молодые Миллеры и Шабишевы затѣяли устроить въ городѣ спектакль, въ пользу пострадавшихъ отъ недавней эпидеміи семействъ. Изъ этихъ аматёровъ сценическимъ талантомъ особенно отличались Екатерина Ѳедоровна Миллеръ, братъ ея Владимиръ Ѳедоровичъ и Надежда Николаевна Шабишева. Названія первой изъ двухъ сыгранныхъ тогда піесъ не упомню; но вторая изъ нихъ была «Ваше Превосходительство», нѣчто въ родѣ фарса, въ коемъ Н. Н. Шабишевъ артистически исполнилъ роль устарѣлаго волокиты превосходительнаго сана. Въ піесахъ я не участвовалъ, но спѣлъ въ антрактѣ, подъ акомпаниментомъ нарочно выписаннаго по сему случаю оркестра изъ Тулы, удалую пѣсню Варламова «Осѣдлаю коня», бывшую въ сущности, mon cheval de bataille *). Сцена была устроена въ довольно помѣстительномъ залѣ трактира купца Познякова. По окончаніи спектакля, молодежь принялась за танцы, благо, что былъ для того оркестръ, а болѣе степенные изъ мужской публики, въ томъ числѣ Ѳ. И. Миллеръ и Сергѣй Ѳедоровичъ Чаплинъ (бывшій въ прежнія времена Калужскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства) усѣлись за карты на подмосткахъ сцены, чѣмъ не стѣсняли танцующей молодежи. Иные изъ мужчинъ-артистовъ съ гулевыми наклонностями, къ коимъ я не обинуясь примкнулъ, принялись послѣ танцевъ за обезглавленіе Шампанскихъ бутылокъ, и я вернулся домой, когда солнце уже было высоко. Я забылъ включить въ число участвовавшихъ въ спектаклѣ молодаго Цемша, отецъ коего, Алексѣй Ивановичъ, управлялъ тогда Мышегскимъ чугунно-плавильнымъ заводомъ (въ Тарускомъ же уѣздѣ), принадлежавшимъ княгинѣ Бибарсовой, бывшей вдовою генерала Чесменскаго, съ чистой выручки каковаго завода онъ имѣлъ выговоренную въ его пользу значительную весьма долю.

*) „Боевой мой конь": иначе, баллада, на которой я всегда выѣзжалъ съ успѣхомъ.

Около этого времени поселилась въ Тарускомъ уѣздѣ милая, молодая чета Поливановыхъ, съ коими я вскорѣ тѣсно подружился. И мужъ, и жена преждевременно сошли въ могилу! Александра Романовна Поливанова была уроженка Тарускаго уѣзда: отецъ ея, Романъ Васильевичъ Любимовъ, жилъ и чуть-ли не померъ въ сельцѣ Лыткинѣ, въ 7 или 8 верстахъ отъ насъ; женатъ же онъ былъ на Варварѣ Ѳедоровнѣ Чаплиной, сестрѣ упомянутаго. Такъ какъ помнится мнѣ, что нигдѣ еще не говорено было ничего о Любимовыхъ (хотя я ихъ зналъ съ 1834-го года), то приходится пополнить этотъ пробѣлъ, прежде чѣмъ излагать дальнѣйшія подробности о четѣ Поливановыхъ. Р. В. Любимовъ, командовавшій въ началѣ 20-хъ годовъ какимъ-то армейскимъ пѣхотнымъ полкомъ, былъ уволенъ изъ службы изъ за того только (какъ я слыхалъ), что одинъ изъ офицеровъ его полка, Нарышкинъ (имени и отчества его не помню) попалъ въ число Декабристовъ. Далеко не красивъ былъ онъ собою, съ сине-багровымъ лицемъ, съ бородавками и съ полусонными глазами, росту низкаго и тучный. Хотя не имѣлъ онъ повидимому никакого состоянія, но удостоился руки одной изъ богатыхъ въ краю невѣсть, дочери Ѳ. С. Чаплина одного изъ сильнѣйшихъ по Калужской губерніи капитилистовъ, только потому (вѣроятно), что Варвара Ѳедоровна засидѣлась въ дѣвкахъ, да и съ молоду не отличалась физическою привлекательностію что однакоже не помѣшало ей сдѣлаться мечтательно-сентиментальною и романическою барынею. Это было время «непонятыхъ женщинъ» (les femmes incomprises) и разочарованныхъ, безбородыхъ юношей. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ настоящее время въ ходу эманципированная женщины, а въ мужскомъ поколѣніи отрицатели всякихъ свѣтскихъ приличій и обязанностей: направленіе много хуже прежняго, и къ этой-то фалангѣ непонятыхъ существъ желательно было Варварѣ Ѳедоровнѣ примкнуть съ своимъ длиннымъ, лошадинообразнымъ лицомъ и пришептывающимъ выговоромъ. Переименовавъ своего солдатскаго покроя и немолодаго супруга въ «Рашеньку», она разыгрывала подъ часъ передъ нимъ влюбленную Медею. Разсказывали даже, что разъ, досаждаемый ея нѣжностями, онъ заперся въ своемъ кабинетѣ (это была маленькая кунсткамера разныхъ полурѣдкостей, какъ напримѣръ пѣнковыхъ трубокъ въ старинныхъ оправахъ, винтовокъ и т. п.), и послѣ продолжительнаго, но безуспѣшнаго стучанья въ дверь, она провела будтобы всю ночь у порога мужнина кабинета. Можно было ожидать, что такая экзальтированная мать не могла бы какъ слѣдуетъ направить воспитаніе двухъ своихъ дочерей; а вышло, что обѣ онѣ оказались хорошими женами и матерями семействъ. Одна изъ нихъ, Александра Романовна, эффектная, болѣе нежели пикантная брюнетка,

съ большими южно-темными глазами и Римскимъ профилемъ, была женою Константина Александровича Поливанова; а вторая, Марья Романовна, вышла за Калужскаго помѣщика Рагозина. Къ первой изъ нихъ натура не была щедра; но странно сказать, было въ ней карикатурное, но замѣчательное сходство съ ея миловидною сестрою. Да и участь ея была мало отрадна: пришлось ей быть сидѣлкою больного, хотя молодого еще, мужа, голова у котораго была вся въ язвахъ, и послѣ почти десятилѣтняго замужества она осталась вдовою съ двумя малолѣтними сыновьями, одинъ изъ коихъ наслѣдовалъ отчасти отцовскую болѣзнь, чѣмъ много озабочивалъ мать. Обѣ сестры получили отдѣльное и изрядное весьма состояніе отъ предусмотрительнаго ихъ дѣда по матери, Ѳ. С. Чаплина, дожившаго до глубокой старости, и въ домѣ коего принуждена была искать убѣжища романическая его дочь Варвара Ѳедоровна, покончивъ съ своимъ состояніемъ вскорѣ по смерти ея Рашеньки, коимъ держалось хозяйство въ ея имѣніи Лыткинѣ. Старикъ пріютилъ у себя дщерь, но не закололъ въ ея честь откормленнаго тельца, а содержалъ ее какъ бы въ опалѣ и безъ дозволенія не допускалъ будто бы ее къ себѣ: по крайней мѣрѣ, такъ говорила молва. Впослѣдствіи она поселилась было у своей дочери Поливановой, въ Пчеленкахъ, гдѣ отдѣланъ былъ нарочно для нея особый флигель, не ужилась тамъ и переѣхала въ Москву, гдѣ стала пробиваться преподаваніемъ Французскаго языка, но навряд-ли могла бы она существовать однимъ этимъ безъ всегдашней помощи вышепомянутой дочери.

По смерти старика Чаплина, огромное его состояніе пошло въ пухъ и прахъ. Одинъ изъ двухъ его сыновей, Сергѣй Ѳедоровичъ, былъ «un gentleman accompli» въ полномъ смыслѣ слова; воспитанный въ офранцуженомъ направленіи Русской аристократіи въ самомъ началѣ нынѣшняго вѣка, съ этимъ свѣтскимъ лоскомъ соединялъ онъ природный умъ и высокое понятіе о чести. Началъ онъ свое поприще камер-пажемъ при вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, поступилъ въ гвардію, былъ въ кампаніяхъ 1812—1814 годовъ *) и позднѣе перешелъ въ Иркутскій гусарскій полкъ, изъ коего онъ вышелъ въ отставку полковникомъ, былъ въ 20-ыхъ и 30-ыхъ годахъ по нѣскольку

*) С. Ѳ. Чаплинъ подтвердилъ мнѣ объ извѣстной скромной выходкѣ императора Александра 1-го, отмѣнившаго назначенное представленіе оперы „Торжество императора Траяна", въ день вступленія нашихъ войскъ въ Парижъ, 14 Марта 1814 года, вмѣсто коей дана была, по его желанію, оперетка Буальдьё, подъ названіемъ Багдадскій Калифъ". Льстицы-Французы выбрали было первую изъ этихъ оперъ; какъ аллюзію Русскому державному побѣдителю.

разъ Калужскимъ губернскимъ предводителемъ, въ каковомъ званіи пріобрѣлъ всеобщее уваженіе и прявязанность, и въ 1848 году проживалъ въ Тарускомъ своемъ имѣніи, сельцѣ Жуковѣ. Его погубила несчастная страсть къ азартнымъ играмъ, доходившая до того, что, въ бытность еще его губернскимъ предводителемъ, онъ однажды, какъ разсказывали, не имѣя съ кѣмъ поиграть, сталъ упрашивать своего письмоводителя, Сапѣгина, сѣсть съ нимъ въ палки или въ банкъ, и на отзывъ послѣдняго, что на подобную игру денегъ у него нѣтъ, Сергѣй Ѳедоровичъ бросилъ ему 600 или 700 рублей въ займы, и тутъ же, если не ошибаюсь, проигралъ весь этотъ кушъ. Послѣдствіемъ этой страсти было, что онъ дошелъ до нищеты и умеръ, живя въ домѣ своей племянницы и племянника, Поливановыхъ, коимъ онъ приходился дядей съ двухъ сторонъ: Александрѣ Романовнѣ по ея матери (какъ я уже говорилъ), а Константину Александровичу, потому что его мать была рожденная Губина (изъ Московскаго богатаго купечества) и родная сестра жены Сергѣя Ѳедоровича, давно уже умершей, отъ которой не осталось дѣтей. Другой сынъ старика Чаплина (какъ звали его, не помню) безпутно также покончилъ съ своимъ состояніемъ, живя въ Москвѣ, и живъ-ли онъ по сю пору, не знаю. Старикъ Чаплинъ жилъ почти что безвыѣздно въ своемъ имѣніи, Тарускаго уѣзда, селѣ Вознесенскомъ, нынѣ принадлежащемъ по купчей г-жѣ Дурново.

А. Р. Поливанова, желая въ первые годы своего супружества поселиться въ Тарусскомъ уѣздѣ, гдѣ провела свое дѣтство, купила съ торговъ сельцо Пчеленки, принадлежавшее разорившемуся Григорію Андреевичу Быховцу, племяннику не разъ упомянутой Мавры Егоровны Быховецъ, иначе мадамы Курдюковой. Не успѣли однакоже Поливановы устроиться въ старомъ и неуютномъ господскомъ домѣ новокупленной усадьбы, какъ онъ былъ истребленъ пожаромъ, вслѣдствіе чего Поливановы выстроили, на другомъ болѣе открытомъ мѣстѣ, новый и болѣе помѣстительный домъ, а вокругъ насадили паркъ, въ планѣ коего я участвовалъ. К. А. Поливановъ началъ свою службу (въ 30-хъ годахъ) въ гусарскомъ принца Лейхтенбергскаго (бывшемъ Кіевскомъ гусарскомъ) полку, довольно модномъ, такъ сказать, въ то время, по причинѣ близкой его къ Москвѣ стоянки *). Въ описываемое мною время Константинъ Александровичъ давно уже былъ въ отставкѣ. Было у него два брата, Михаилъ и Николай Александро-

*) Въ этомъ полку служили также въ началѣ 40-ыхъ годовъ оба молодые графы Блудовы и извѣстный тогда повѣса князь Левъ Гагаринъ, женившійся передъ тѣмъ на граціозной Юліи Соломоновнѣ Мартыновой. Въ этомъ же полку началъ свою службу Ст. Серг. Ланской, нынѣ графъ.

вичи, всѣ трое были Владимирскіе коренные помѣщики; но Михаилъ Александровичъ зажилъ въ своемъ подмосковномъ имѣніи, въ Подольскомъ уѣздѣ, а Николай Александровичъ, женившись на прехорошенькой дочери Тульской помѣщицы Карцовой, поселился въ сказанной губерніи и удачными разными коммерческими предпріятіями пріобрѣлъ огромное состояніе.

Истинный мнѣ другъ, Константинъ Александровичъ, былъ добрѣйшій изъ смертныхъ, съ чувствительнѣйшею къ страданіямъ ближняго душею и всегда готовый на помощь. До конца жизни онъ оставался любовникомъ милой своей жены, придумывая только, какъ бы предупредить малѣйшее ея желаніе; да и она, не взирая на нѣкоторую эксцентричность въ нравѣ, умѣла цѣнить мужнину къ ней привязанность. Не по лѣтамъ дородность мѣшала Константину Александровичу быть красивымъ мужчиною, и эта самая его тучность породила въ немъ астму, перешедшую въ изнурительную лихорадку, и онъ померъ въ Калугѣ весною 1858-го года. Тарусскій уѣздъ выбиралъ его по нѣскольку разъ своимъ предводителемъ дворянства. Любилъ онъ садоводство, почти что не менѣе чѣмъ я; но особенно потѣшала его стрижка растеній. Жена его разсказывала мнѣ, что ихъ садовникъ, зная чѣмъ угодить своему барину, когда бывало усмотритъ сухой и больной сучечекъ на какомъ нибудь изъ оранжерейныхъ растеній, тотчасъ притащитъ его въ домъ, чтобы доставить барину удовольствіе срѣзать ненужный приростъ. Талантливая женщина была Александра Романовна, хорошая музыкантша и весьма изрядно писала портреты акварелью. Голосъ былъ у нея высокій довольно сопрано, но недостаточно выработанный, хотя она и была ученицею А. Е. Варнишова; а въ акварельной живописи она брала уроки, если не ошибаюсь, у извѣстнаго съ 20-ыхъ годовъ портретиста старика Соколова [1]). Въ деревенской глуши, по затруднительности имѣть учителей, она сама занималась первоначальнымъ обученіемъ своихъ трехъ мальчиковъ и двухъ дѣвочекъ Русскому, Французскому и Нѣмецкому языкамъ, географіи и музыкѣ. Если успѣю довести эти мои Записки до начала 60-ыхъ годовъ, то мы опять повстрѣчаемся, и на тотъ разъ въ Ниццѣ, съ этою милою и преждевременно перешедшею въ вѣчность женщиною [2]).

Неподалеку отъ насъ, на берегу р. Протвы, жилъ въ своемъ имѣніи, с-цѣ Гурьевѣ, Владимиръ (по отчеству не помню) Чириковъ.

---

[1]) Портреты акварелиста Соколова были изящны какъ работа, но въ схватываніи сходства онъ былъ не всегда удаченъ.

[2]) Она умерла послѣ кратковременной болѣзни, лѣтомъ 1863 года, въ своемъ Тарусскомъ имѣніи.

Усадьба его была рядомъ съ усадьбою Настасьи Алексѣевны Макавѣевой, и обѣ онѣ вмѣстѣ составляли одно сельцо Гурьево. Г. Чириковъ мало разъѣзжалъ по гостямъ, и у него самого рѣдко съѣзжались; не взирая однакоже на таковой домашній его бытъ, онъ разстроилъ свое состояніе. Семейство его состояло изъ жены, одного сына и двухъ дочерей. Слѣдовательно, неособенно большое нужно было помѣщеніе для пяти человѣкъ; но онъ вздумалъ выстроить громадный, двухэтажный деревянный домъ съ большимъ бальнымъ заломъ, съ хорами въ срединѣ зданія и пріемные, соотвѣтствующіе оному аппартаменты, годные для столичнаго какого нибудь раута въ нѣсколько сотъ гостей, и я немногимъ ошибусь, если скажу, что въ этой храминѣ (стоившей ему, какъ я слышалъ, болѣе 50 тыс. руб. сер.), было до сорока комнатъ, меблировать которыя, какъ надлежало, средствъ у него не хватило, и потому бревенчатый его палацъ похожъ былъ на сарай. Сынъ его женился въ 50-ыхъ годахъ на Еленѣ Михайловнѣ Рязанцовой, подругѣ моей дочери; старшая дочь, Марія Владимировна, осталась въ дѣвицахъ и умерла лѣтъ тому 10 или 12 (но послѣ родителей), а вторая, Варвара Владимировна, вышла замужъ *уходомъ* (какъ выражаются раскольничьи лже-инокини) за тогдашняго Тарусскаго городского врача, Сергѣя Емельяновича Александровскаго, и съ эпохи освобожденія крестьянъ въ 1861 году барыня эта пріобрѣла уголовную знаменитость, какъ Русская коммунистка, одержимая маніею заговоровъ: она два раза участвовала въ продѣлкахъ политическихъ нашихъ эмигрантовъ, домогающихся произвесть возсталіе между крестьянами.

Изъ мелкопомѣстныхъ, но стараго дворянскаго рода былъ Андрей (по отчеству, не помню) Мансуровъ, человѣкъ вполнѣ безукоризненный. Онъ былъ нѣсколько разъ выбранъ въ уѣздные судьи, и скудный по тогдашнему окладъ этой должности, въ 300 рублей серебромъ *) былъ все-таки подспорьемъ отцу, обремененому шестью или семью дочерями, почти уже взрослыми въ 1848 году, и тремя сыновьями. Изъ дѣвицъ Мансуровыхъ вышли замужъ только двѣ: одна за Калужскаго уѣзда помѣщика Баскакова, а другая за молодого офицера, безъ всякаго состоянія, Артакова, бывшаго тогда начальникомъ роты Тарусской внутренней стражи. Уже по смерти г. Мансурова, дѣти его получили, обще съ ихъ родственниками Шатиловыми и Голубицкими, изрядное весьма наслѣдство въ Тульской и Рязанской губерніяхъ и могли бы жить припѣваючи; но братья Мансуровы (ихъ трое) не съумѣли сохранить состояніе и снова впали въ крайность.

*) А въ 30-ыхъ годахъ окладъ уѣзднаго судьи былъ еще, на сколько помнится мнѣ, въ 300 р. ассигнаціями.

На сѣверной границѣ Тарусскаго уѣзда, прилегающей къ Серпуховскому, посреди дремучихъ лѣсовъ, неподалеку отъ села Бурина, поселилась чета замѣчательной красоты, Александръ Ивановичъ и Екатерина Аѳанасьевна Вагнеры, въ новокупленномъ ими имѣніи, сельцѣ Калугинѣ. Правильныя черты мужа напоминали отчасти идеальный типъ въ употребленіи у художниковъ для изображенія Спасителя; а жена его, брюнетка съ румяной свѣжестію лица, съ кофейными глазами и томнымъ взоромъ, была изъ самыхъ привлекательныхъ женщинъ. Странно, что отъ таковыхъ щедро надѣленныхъ природою родителей родились дѣти вовсе некрасивыя. Подите-же, послѣ этого, вѣруйте въ науку каллипедіи, коей Фридрихъ, прозванный Великимъ, придавалъ столь много значенія, что самъ, какъ гласитъ исторія, выбиралъ женъ для отборныхъ своихъ гвардейцевъ, и самъ будто бы слѣдилъ, чтобы ни тотъ, ни другой изъ супруговъ не отлучались ночью отъ брачнаго ложа. А. И. Вагнеръ служилъ первоначально въ кавалеріи, женился весьма еще молодымъ и, прослужа немного въ статской службѣ, вышелъ въ отставку и поселился въ Тарусскомъ уѣздѣ. Оба они были весьма привѣтливые люди.

О Голубицкихъ не разъ уже было говорено, и особенно о Ларисѣ Ростиславовнѣ, бывшей одно время компаньонкою моей жены; но о дальнѣйшей судьбѣ всего этого семейства по сю пору умолчено. Въ 1848 году старшій изъ сыновей Ростислава Ѳомича (умершаго въ 1835 году) жилъ съ своимъ семействомъ въ Тверской губерніи, въ имѣніи своей жены; а второй, Евграфъ Ростиславовичъ, тогда уже въ отставкѣ и больной, жилъ въ своемъ Тарусскомъ имѣніи, сельцѣ Почевѣ. Онъ остался холостымъ и померъ года два или три позднѣе. Умерла также около того же времени 19-ти или 20-ти лѣтняя его сестра, Александра Ростиславовна, монополизировавшая въ своей особѣ красоту всего этого семейства, въ чемъ было отказано всѣмъ прочимъ его членамъ. Вотъ перечень остальныхъ сестеръ Голубицкихъ. Старшая изо всѣхъ, Клеопатра Ростиславовна, давно уже была вдовою медика Лебедева и проживала съ несовершеннолѣтнимъ еще своимъ сыномъ въ Москвѣ, у свекра, протоіерея Петропавловской церкви, что у Красныхъ воротъ*). Прасковья

*) Есть люди обреченные къ безвыходно-страдальческой жизни: къ таковымъ принадлежитъ Клеопатра Ростиславовна Лебедева. Единственный ея сынъ вышелъ было дѣльнымъ малымъ по инженерной части и содержалъ мать, здоровье коей давно расшаталось до основанія, но продолжительная смерть похитила его въ началѣ настоящихъ 70-хъ годовъ, и г-жа Лебедева, предавшись вся Богу, пріютилась въ невзрачномъ уголкѣ у дьячка Тарусской Воскресенской церкви, на погостѣ, при коей покоится единственный ея кормилецъ. Къ ней можно отнести евангельскія слова: „Блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся“.

Ростиславовна была замужемъ за профессоромъ Петербургскаго университета Сомовымъ, занимающимъ нынѣ довольно видное свѣтское положеніе и давно уже въ превосходительномъ чинѣ; она была пристроена лучше всѣхъ своихъ сестеръ, но ходить не можетъ отъ приключившагося давно уже съ нею паралича. Аріадна Ростиславовна вышла еще въ концѣ 30-хъ годовъ за Тарусскаго дворянина, Петра Марковича Хрущова, не имѣвшаго большаго поземельнаго имущества, но человѣка съ капиталомъ и со страстію тягаться. (Личность его была на столько оригинальна, что будетъ впослѣдствіи описана). Елисавета Ростиславовна вышла за мелкопомѣстнаго Тарусскаго же дворянина Жихарева, сына стараго шутника у Н. А. Дивова, и умерла въ концѣ 50-хъ или въ началѣ 60-хъ годовъ. Голубицкіе получили, какъ я уже сказалъ, изрядное довольно наслѣдство, обще съ своими родственниками Шатиловыми и Мансуровыми, изъ коего на долю каждой изъ сестеръ Голубицкихъ досталось, если не ошибаюсь, по 3/т. р. сер. и еще кое-что изъ бриллiантовыхъ вещей; таковаго капитала нельзя конечно, назвать значительнымъ, но вѣдь не слѣдуетъ забывать, что у ихъ отца было всего состоянія 60 или 70 душъ крестьянъ.

Я сейчасъ сказалъ, что личность Петра Марковича Хрущова напрашивается на портретъ: удовольствіе, въ которомъ не могу себѣ отказать, тѣмъ болѣе, что оригиналъ навряд-ли будетъ еще фигурировать на этихъ страницахъ. Родовое имѣніе его и давно умершаго его брата Гавріила Марковича было самое ничтожное. Въ кампанію 1812 года Петръ Марковичъ былъ уже офицеромъ и вышелъ въ отставку (въ 20-хъ, кажется, годахъ) капитаномъ; слѣдовательно, когда онъ женился на Голубицкой, въ концѣ 30-хъ годовъ, ему было уже подъ 50 лѣтъ. Въ немъ были двѣ отличительныя черты: страсть заводить и поддерживать тяжбы и способность неутомительно просиживать за карточнымъ столомъ по 18 часовъ, не вставая съ мѣста; кромѣ того онъ отличался способностью помнить всѣ мало-мальски замѣчательныя игры, какія приходили къ нему за десять или пятнадцать лѣтъ назадъ. Касательно первой изъ двухъ наклонностей онъ во всю долголѣтнюю свою жизнь велъ тяжебныя дѣла, но не ради одной только цѣли выиграть искъ, а также ради самой процедуры. Разсказывали, что однажды на поздравленіе, принесенное ему однимъ изъ его знакомыхъ съ выигрышемъ денежной тяжбы, онъ отвѣчалъ будто бы: такъ-то-такъ, да искъ-то окончился! Было у него разъ дѣло на сумму не свыше, помнится мнѣ, 100 рублей ассигнаціями, тянувшееся чуть-ли не двадцать лѣтъ, судебныя издержки по коему превышали вѣроятно сумму иска; на замѣчаніе же сдѣланное ему О. А. Тридономъ,

что охота-молъ навязывать на себя столько хлопотъ и переписокъ для такого пустячнаго результата, онъ отвѣчалъ: «Если бы кто нибудь на лунѣ долженъ былъ мнѣ 25 рублей, я и туда подалъ бы на него прошеніе». Понятно, что, упражняясь около полувѣка въ крючкотворствѣ «проторей и волокитъ», онъ сдѣлался живымъ сводомъ законовъ, и только въ глубокой уже старости сталъ прибѣгать къ помощи адвокатовъ, но и сихъ онъ направлялъ по своему. Надо однакоже признаться, что въ практическихъ его замѣткахъ о тогдашнемъ судопроизводствѣ бывала доля правды. Такъ наприм., по поводу часто-безтолковыхъ журнальныхъ постановленій уѣздныхъ судовъ и гражданскихъ палатъ, онъ говаривалъ, что резолюціи эти формулировались такимъ образомъ: «Приказали: при долинушкѣ стояла, калину ломала, у Петра отнять, а Михаилу отдать», а за ошибочное мнѣніе судъ не отвѣчаетъ. Отчасти это дѣйствительно такъ и было на практикѣ, во времена безгласнаго контроля и при составѣ судей изъ дворянскаго сословія исключительно, да еще по выбору привелигированной касты, и совершенно безъ всякой юридической подготовки, что̀ само собою ставило ихъ въ зависимость отъ настоящихъ дѣльцовъ, коронныхъ секретарей, или принуждало ихъ прибѣгать къ совѣтамъ и указаніямъ стряпчаго (отъ короны), если они были съ нимъ въ ладахъ. Понятно, что подобный составъ суда всегда клонилъ въ пользу своего собрата-дворянина, отъ коего зависѣло избраніе, не говоря уже о келейномъ подкупѣ судей. Рѣшатъ, бывало, дѣло неправосудно, да и скажутъ: «Если, молъ, вы недовольны нашимъ рѣшеніемъ, то можете подать аппеляцію на насъ».

Не знаю, была-ли въ Россіи инстанція, въ которую бы не подавалъ Петръ Марковичъ своихъ бумагъ; но не имѣлъ онъ, повидимому, успѣха въ Комиссіи Прошеній, судя по тому, что онъ ее прозвалъ «комиссіею отказовъ». Живя всегда со строгою экономіей, онъ первоначально откладывалъ гроши, а потомъ рубли и, пуская деньги въ ростъ, нажилъ со временемъ порядочный довольно капиталъ. Особеннo предосудительнаго въ этомъ ничего не вижу, а тѣмъ паче для вовсе небогатаго человѣка; и потому я всегда защищалъ Петра Марковича отъ несправедливаго на него нареканія въ мѣстномъ обществѣ, признававшемъ его какъ отъявленнаго ростовщика. Алчный таковой категоріи людъ не рискуетъ выпустить изъ рукъ рубль безъ залога или поруки, а покойный Хрущевъ былъ даже обязательнымъ человѣкомъ и ввѣрялъ разнымъ лицамъ порядочные куши безъ всякаго обезпеченія. Имѣлъ я съ нимъ денежные разсчеты въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и грѣхъ было бы мнѣ сказать, что кондиціи его были стѣснительны и чрезмѣрны: вѣдь не могъ же онъ снабжать по законной

5 или 6 процентной таксѣ, тогда какъ онъ существовалъ отчасти этою спекуляціею. А сколько пропало денегъ у него на людяхъ! И подъ конецъ, какими крупными кушами! Ничего не было легче какъ вкрасться въ его довѣріе: займи у него хоть на первый разъ 25 рублей, но принеси ихъ къ сроку, и на слѣдующій разъ смѣло можно было надѣяться занять 50 рублей, и при аккуратности въ этой прогрессіи дойти до 500 или 600 рублей; если только были у него свободныя деньги, то для этого сорта людей отказа не было. Касательно его страсти къ картамъ (въ однѣ только коммерческія игры) должно сказать, что онъ отлично игралъ и помнилъ не только всѣ свои карты отъ двойки до туза, но даже карты своего партнёра и его противниковъ, и при какомъ нибудь экстренномъ игральномъ казусѣ начнетъ онъ, бывало, припоминать, что въ тысяча восемьсотъ такомъ-то году пришли къ нему разъ такія-то карты, и вотъ что изъ этого вышло. Однажды зимою, когда только что разсвѣло, зашелъ онъ къ Тарусскому тогдашнему содержателю откупа, Ивану Леонтьевичу Тимофеевскому*), зная, что можно было уже застать его вставшимъ и занимающимся въ своей конторѣ, и не скидавая шубы и теплыхъ сапоговъ, и едва поздоровавшись съ хозяиномъ дома, началъ съ слѣдующаго заявленія. «Вчера пришла ко мнѣ вотъ какая игра съ прикупкою (въ преферансъ съ табелькою): король, дама, валетъ самъ-пять червей; четыре взятки неотъемлемыя; тузъ, король и дама бубенъ,—три вѣрныя взятки, тузъ трефъ и фоска пикъ, и того десять картъ. Сколько это по вашему? Вѣдь кажись, восемь взятокъ вѣрныхъ? Ну-съ, а я игралъ семь въ червяхъ только и былъ *безъ одной*; правда, что ходъ не мой. Вотъ изволите видѣть: подъ рукою у меня вистующій ходитъ въ маленькую трефъ: ясное и натуральное дѣло (таковая была у него обычная поговорка), что я принимаю тузомъ, и старшій вистующій бьетъ туза единственнымъ своимъ маленькимъ козыремъ и ходитъ въ бубны, коихъ у него было пять отъ валета; второй вистующій бьетъ однимъ изъ двухъ имѣвшихся у него козырей, а я долженъ класть даму бубенъ казавшеюся вѣрною взяткою; тотъ же подъ рукою вистующій идетъ въ пики; я кладу единственную мою фоску, а старшій вистъ беретъ валетомъ пикъ и опять обращаетъ въ бубны; второй вистъ бьетъ бубновку козырнымъ тузомъ, а я долженъ положить короля буб-

*) Крестецкій (Новгородской губ.) купецъ изъ весьма цивилизованныхъ, дядя Тульскихъ (Крапивенскаго уѣзда) Тимофеевскихъ, славныхъ издѣліемъ паливокъ и живущихъ въ Москвѣ въ изящномъ своемъ домѣ на 3-ей Мѣщанской. И. Л. Тимофеевскій отмѣнный семьянинъ. Чувствуя недостатокъ въ себѣ современнаго образованія, онъ пекся дать своимъ дѣтямъ наилучшее воспитаніе: двое изъ сыновей хорошо кончили курсъ въ Московскомъ университетѣ и нынѣ на службѣ.

новаго:—въ результатѣ сдѣлалъ я только пять козырей и туза бубноваго и поставилъ ремизъ въ семи въ червяхъ. Прощайте!» И съ этимъ повернулся нашъ Петръ Марковичъ и вышелъ изъ конторы. Не мудрено, что ночью его все брало раздумье, какъ могъ онъ проиграть этакую игру, когда по пальцамъ казалось восемь вѣрныхъ взятокъ.

Въ картину мѣстнаго общества помѣстить слѣдуетъ Тарускаго тогдашняго градоначальника, маіора Ивана Андреевича Венюкова. Общаго съ Гоголевскимъ городничимъ въ «Ревизорѣ», у него была только его недальновидность, подвергавшая его поддаться, при случаѣ, новому Хлестакову, а въ остальномъ сходство терялось: грязныхъ замашекъ въ немъ не было, а если онъ и не гнушался какими либо презентами издавна присвоенными его должности (но и на это ясныхъ доказательствъ не имѣю), но не былъ изъ алчныхъ и придирчивыхъ, и тѣмъ пріобрѣлъ доброе между обывателями имя. А все-таки была нѣкоторая рельефность въ этой пузастой и лысой армейской личности, какъ миніатюрное повтореніе историческаго лгуна барона Мюльгаузена, хотя подражатель игнорировалъ, безъ всякаго сомнѣнія, существованіе заморскаго своего прототипа. Разсказывалъ онъ, между прочимъ, какъ въ Отечественную войну 1812 года онъ съ своимъ батальономъ окруженъ былъ однажды и заставилъ сдаться какой-то Французскій отрядъ, гдѣ находился случайно самъ Наполеонъ, который обратился къ маіору Венюкову съ словами (не иначе вѣроятно какъ по-русски, такъ какъ герой нашъ по-французски не зналъ): «Иванъ Андреевичъ! Отпусти, братъ, меня; вѣдь я тебѣ пригожусь», и мягкосердечный нашъ маіоръ, не по примѣру Чичагова, выпустилъ изъ рукъ бѣдоваго Корсиканца. А въ другой разъ, во время краткаго перемирія на бивуакѣ, когда доблестный Венюковъ только-что расположился съ своими офицерами вокругъ костра и началъ было распивать пуншъ, какъ вдругъ откуда ни возмись Наполеонъ съ своею свитою и, подмѣтивъ, что Русскіе офицеры весьма кстати согрѣваютъ желудокъ Ямайскимъ напиткомъ, направилъ лошадь на нихъ и опять отнесся къ нашему герою, называлъ его по имени и отечеству, просилъ одолжить его стаканчикомъ пунша. «Что до вашего величества», отозвался Венюковъ, «съ величаюшею радостію могу вамъ въ этомъ служить; но касательно вашихъ господъ маршаловъ, уже извините, стакановъ у насъ нѣтъ: всѣ они у насъ заняты». Не взирая однакоже на столь близкое знакомство нашего маіора съ Корсиканскимъ исполиномъ, послѣдній былъ далеко не кумиромъ для Тарускаго градоначальника, и когда начнутъ, бывало, при немъ восторгаться геніальностію Европейскаго побѣдителя, Иванъ Андреевичъ гаркнетъ съ досадою. «Чему тутъ удивляться? Онъ все бралъ нахрапомъ».

Подвизался также нашъ городничій иногда и въ риѳмоплетствѣ, образчикомъ чего могутъ служить начальные два стиха, оставшіеся у меня въ памяти, изъ его вдохновенія по случаю выступленія въ походъ Тарускоѣ дружины, во время Крымской войны, въ 1854-мъ году, начальникомъ коей былъ выбранъ Ѳ. И. Миллеръ:

Нашъ генералъ, орелъ,
Дружину повелъ..... *).

Городскимъ врачемъ былъ тогда вышепомянутый Сергѣй Емельяновичъ Александровскій, мужъ Русской коммунистки, личность безцвѣтная, но тѣмъ не менѣе имѣвшая на подобіе болѣе знаменитыхъ по профессіи ея собратій свой конекъ, состоявшій въ употребленіи каломеля, какъ специфическаго средства во всѣхъ почти случаяхъ.

Замыкающее мѣсто въ этомъ длинноватомъ обзорѣ Тарускаго уѣзднаго общества отвожу долголѣтнему другу нашего семейства, уѣздному врачу Виктору Яковлевичу Яковенкѣ, благодарное о коемъ воспоминаніе сохранилось по сю пору во всемъ уѣздѣ [1]). Скромную его біографію мнѣ тѣмъ легче начертить, что перомъ моимъ руководитъ память сердца, и если кому-нибудь можно примѣнить прозваніе Космы Безсребренника, то несомнѣнно этому человѣку. Пріучилъ онъ всѣхъ своихъ паціентовъ безразлично (въ томъ числѣ и тѣхъ что̀ были съ хорошимъ состояніемъ) къ безвозмездной своей практикѣ, такъ что это вредило не только его личнымъ интересамъ, но впослѣдствіи невыгодно отозвалось и на гонорарныя отношенія его преемниковъ: упрекъ, равняющійся похвалѣ. Паче всего любилъ онъ человѣчество, а за тѣмъ свою науку. Паціентъ интересовалъ его какъ ближній, коему онъ желалъ оказывать посильную помощь, и какъ субъектъ, надъ которымъ представлялся случай провѣрить теоретическія медицинскія данныя; а остальное (возмездіе) какъ придется. Платятъ ему за визитъ, онъ принимаетъ съ благодарностію; не даютъ ничего, онъ и не заикнется и никогда изъ за этого не перестанетъ навѣщать страждующаго. А нуждающійся чиновничій и мѣщанскій людъ онъ снабжалъ даровыми отъ себя

*) Кстати упомяну, что изъ подобныхъ нашему городничему славился въ 20-хъ годахъ въ Москвѣ нѣкій князь Циціановъ. Онъ разсказывалъ, что разъ въ день его именинъ, дочь его послала къ нему при поздравленіи чашку для бульона съ крышкою, принявъ каковую, онъ приказалъ посланному поблагодарить княжну за ея вниманіе; но такъ какъ посланный отвѣчалъ на это, что ея сіятельство проситъ ваше сіятельство потрудиться приподнять крышу чашки, то онъ такъ и сдѣлалъ, и вдругъ выскакиваетъ изъ чашки карликъ съ привѣтствіемъ: честь имѣю поздравить ваше сіятельство со днемъ вашего ангела.

[1]) Онъ умеръ почти скоропостижно отъ грудной жабы (anguina pectoralis) весною 1864-го года.

медикаментами, коими запасался въ тѣ времена, когда въ Тарусѣ не было никакой вольной аптечки [1]). Мѣстные же самоварники - купчики расплачивались съ нимъ (за рѣдкими исключеніями) съѣстными припасами, колоніальными продуктами или товарами, входившими въ кругъ ихъ торговли. Единственный вѣрный, но и то не особенно изобильный источникъ, на который могъ нашъ добрый врачъ расчитывать, составляла опредѣленная (и то не имъ самимъ, а хозяевами) годовая плата отъ трехъ (кажется не болѣе) фабрикъ въ Тарускомъ уѣздѣ, изъ коихъ болѣе для него прибыльною была писчебумажная фабрика купца Новикова въ селѣ Троицкомъ [2]). Хорошо еще, что онъ былъ холостъ; а иначе содержаться съ семействомъ, при подобномъ направленіи, было бы невозможно. При столь незавидной свѣтской обстановкѣ не охладѣлъ онъ однакоже къ наукѣ и не измѣнился до самаго конца жизни. Выписывалъ онъ всегда изъ скудныхъ своихъ грошей разные медицинскіе журналы, не отставая ни на пядь отъ новыхъ открытій и возрѣній и, какъ практикантъ, пріобрѣлъ большой навыкъ и успѣхъ въ ограниченной своей кліентелѣ, и нѣтъ, по моему, сомнѣнія, что имѣй онъ входъ въ столичномъ высшемъ кругу, то составилъ бы себѣ видную репутацію: но не ручаюсь, что тамъ онъ могъ бы нажиться: помѣхою тому былъ бы сердобольный его нравъ. Самъ перебиваясь коекакъ, онъ находилъ возможность значительно помогать впавшему въ умопомѣшательство своему брату, семейному человѣку [3]). Оставляя въ сторонѣ профессіональныя его достоинства, я скажу, что остроумiемъ и всегдашнимъ своимъ юморомъ онъ былъ душею общества, и въ добавокъ былъ столь уживчиваго характера, что, въ теченіе 20-тилѣтней службы уѣзднымъ врачемъ, онъ ни съ кѣмъ ни разу не поссорился. Когда медицинскія средства не помогали больному, Викторъ Яковлевичъ всячески старался развлечь тревожное его состояніе смѣшными разсказами и прибаутками, и паціентъ, при видѣ веселаго расположенія духа своего доктора, успокоивался мыслію, что состояніе его здоровья не внушало никакой опасности. Убѣдившись въ безполезности лѣченія крестьянъ аптечными рецептами и лекарствами (коихъ они опасаются или плохо исполняютъ), когда поведетъ о томъ рѣчь

[1]) Первая публичная аптека въ Тарусѣ открылась (помнится мнѣ) между 1850 и 1852 годами.

[2]) Имѣніе нынѣ графа Л. И. Воронцова-Дашкова, бывшее любимымъ мѣстопребываніемъ знаменитой княгини Е. Р. Дашковой

[3]) Сказанный братъ Виктора Яковлевича занималъ прежде видное довольно мѣсто при князѣ Суворовѣ, тогда Остзейскомъ генералъ-губернаторѣ. По смерти его вдова его и двѣ малолѣтнія дочери остались на рукахъ Виктора Яковлевича и проживали въ Ярославлѣ, гдѣ была его родина.

сердобольный какой-нибудь помѣщикъ, Викторъ Яковлевичъ посовѣтуетъ таковому помѣщику не выписывать никакихъ медикаментовъ изъ Москвы, а дождаться времени сѣнокоса: когда же наступала эта пора, то онъ выходилъ съ хозяевами дома на лугъ и, глядя, какъ косцы валяли въ ряды сочную траву, указывалъ что̀ изъ нея слѣдовало откладывать въ сторону и сушить для домашняго медицинскаго обихода, какъ-то: звѣробой, полынь, дикую мяту и дикій шалфей, чернобыльникъ, пырей и проч. Желѣзныхъ дорогъ [2]) онъ до того страшился, что говаривалъ, что ни за какія блага не подвергнулъ бы жизнь этому опасному способу путешествовать. Въ ограниченной его дѣятельности наврядъ-ли кто изъ смертныхъ былъ болѣе его вѣренъ въ малыхъ дѣлахъ, и въ этомъ отношеніи не страшно ему предстать предъ Всемірнымъ и Всемилосерднымъ Судіею, изрекшимъ вѣрному рабу: «Въ малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многимъ тя поставлю...»

Не знаю, помнитъ-ли читатель о существованіи нѣкоего красавца г. Толбугина, о коемъ говорилось въ событіяхъ перваго времени моей женитьбы (въ 1835 году). Прокутивъ два значительныя состоянія, онъ сидѣлъ въ 1846-хъ годахъ въ Петербургскомъ долговомъ отдѣленіи, имѣя тогда уже семейство и, какъ мнѣ разсказывали, случалось, что онъ и его семейство голодали. Въ то время онъ покончилъ первое только свое наслѣдство, а по выпускѣ его на волю, мать его дала ему полную довѣренность на управленіе ея имѣніями въ Подольскомъ (Московской губ.) и Тарускомъ уѣздахъ, коими онъ и наслѣдовалъ послѣ ея смерти. Вотъ почему онъ поселился въ Тарускомъ весьма значиномъ имѣніи. Знакомства онъ ни съ кѣмъ не сводилъ; но мѣстное общество ничего отъ этого не теряло, такъ какъ онъ былъ извѣстенъ всѣмъ какъ человѣкъ буйнаго нрава и съ дикими, несовременными привычками жизни. Трудно будетъ повѣрить моимъ разсказамъ о его самодурствѣ и самоуправствѣ, возможныхъ лишь въ прошломъ или въ самомъ только началѣ нынѣшняго вѣка, а уже никакъ не въ 50-ыхъ годахъ. Было вотъ какое дѣло. Позапродавъ, по условію, на нѣсколько лѣтъ часть лѣсовъ одному Тарускому купцу на срубъ, онъ поссорился съ нимъ за то, что не въ указанныхъ будто бы мѣстахъ дѣлалась рубка (дѣйствительно-ли это было такъ или нѣтъ, не знаю) и, не дождавшись судебнаго о томъ разбирательства, баринъ нашъ собралъ ватагу изъ домашней челяди и давай насильственно останавли-

---

[2]) Въ 1864 году (когда скончался Викторъ Яковлевичъ), Московско-тульская желѣзная дорога, ни даже участокъ отъ Москвы до Серпухова, не были еще открыты. Существовали только тогда Николаевская и Нижегородская но по этимъ линіямъ не за чѣмъ было ѣздить нашему медику.

вать дальнѣйшую рубку, а купецъ съ своей стороны собралъ свою рабочую артель, и обѣ партіи неоднократно сходились въ рукопашный бой съ кольями; поле же сраженія было около самой почтовой дороги, ведущей изъ Тарусы въ Калугу. Этотъ же господинъ, разсердившись за что-то на своего сельскаго священника, заперъ однажды его (если вѣрить слухамъ) на цѣлую зимнюю ночь въ ретирадное, нетопленное мѣсто господскаго своего дома. И сколько ни доносила земская полиція губернскому начальству о всѣхъ безобразіяхъ этого господина, но долго все сходило ему съ рукъ, потому отчасти, что неумѣстно снисходительный начальникъ губерніи принималъ нѣкоторое въ немъ участіе, зная, что его дѣла были сильно запутаны уже и безъ того *). Но мало этого: хотя въ земскомъ судѣ находился сенатскій указъ о взятіи имѣнія Толбугина въ опеку за долги, робкія полицейскія власти долго отклонялись привести его въ исполненіе, такъ какъ г. Толбугинъ, въ подражаніи Шведскому королю Карлу XII въ Бендерахъ, заявилъ этимъ властямъ, что при ихъ приближеніи онъ запрется накрѣпко въ своемъ домѣ и съ своею вооруженною ватагою станетъ стрѣлять изъ оконъ на смѣльчаковъ, подходящихъ къ дому. Нашелся однакоже наконецъ не изъ нетрусливаго десятка другой исправникъ, Александръ Александровичъ Сумароцкій (и вдобавокъ силачъ, въ родѣ знаменитаго Лукина), который съумѣлъ какъ-то ворваться въ эту крѣпость черезъ заднее крыльцо и арестовалъ грознаго буяна*). Позднѣе, по взятіи въ опеку имѣнія, было предписаніе подвергнуть его личному

*) Никакъ не допускаю корыстныхъ или какихъ нибудь другихъ противузаконныхъ цѣлей въ дѣйствіяхъ этого губернатора. Человѣкъ онъ былъ благонамѣренный, честный и по себѣ очень богатъ, но горячъ до крайности. Готовя головомойку Ивану, гнѣвъ его оборвется по ошибкѣ на Петрѣ, коему не даетъ времени даже высказаться. Разсказываютъ, что, вызвавъ однажды въ назначенный день и часъ провинившагося станового, онъ, выходя въ свою губернаторскую пріемную, напалъ на перваго тутъ стоявшаго человѣка, котораго онъ принялъ за станового, тогда какъ это была какой-то помѣщикъ, желавшій представиться въ первый разъ его превосходительству. Тщетно старался помѣщикъ вставить одно слово для объясненія, кто онъ таковъ; губернаторъ и пикнуть ему не давалъ; наконецъ, когда бурный потокъ истощился, помѣщикъ отклонившись сказалъ будтобы во всеуслышаніе: „Ну, говорили мнѣ, что губернаторъ съумасшедшій, теперь я самъ могу это подтвердить“.

*) А. А. Сумароцкій былъ неподкупенъ, распорядителенъ и дѣятеленъ по службѣ и такой силачъ, что останавливалъ тарантасъ на полномъ (будто бы) ходу одною рукою, и даже, какъ говорили, наступя ногою на колесо промежъ спицъ. Состояніе его было ограниченное, и на рукахъ у него были три сестры; двѣ незамужнія и прехорошенькія, а третья, молодая вдова, впавшая въ умопомѣшательство. Ему принадлежала часть села Безобразова, и онъ умеръ въ 1860-мъ году. Онъ служилъ прежде въ военной службѣ,

аресту (должно быть, за буйство), вслѣдствіе чего онъ скрывался нѣкоторое время въ самой Калугѣ, но на его бѣду пріѣхалъ изъ Питера сенаторъ князь Давыдовъ ревизовать губернію. И вотъ во время бала, даннаго губернаторомъ въ честь сановнаго (хотя незваного) гостя, послѣдній подзываетъ полицмейстера и строго настрого приказываетъ ему немедленно разыскать и арестовать г. Толбугина. Губернскій нашъ Фушѐ (извѣщенный, быть можетъ, навѣрняка своими агентами) тутъ-же докладываетъ губернатору, что ему надо произвесть обыскъ въ его губернаторскомъ домѣ, дабы не отступить ему отъ сенаторскихъ приказаній. Губернатору противиться было невозможно, и вотъ полицмейстеръ, въ сопровожденіи понятыхъ, врывается въ губернаторскій кабинетъ и, къ общему скандалу, накрываетъ тамъ травленаго зайца. Впрочемъ, кажется, что г. Толбугинъ самонадѣянно пробрался туда безъ вѣдома хозяина кабинета. Сколько просидѣлъ онъ въ Калужскомъ острогѣ, не знаю; но позднѣе снова поселился онъ было въ своемъ Тарускомъ имѣніи, пока оно не поступило въ опекунское управленіе за долги, и надъ нимъ, кажется, былъ учрежденъ конкурсъ, по причинѣ его несостоятельности. Послѣ этого онъ еще шатался нѣкоторое время по Тарусскому уѣзду и сильно нуждался (я его видалъ тамъ въ концѣ 50-хъ годовъ), но о дальнѣйшей его судьбѣ мнѣ ничего неизвѣстно.

Безалаберная жизнь этого помѣщика разорительно подѣйствовала на экономическій бытъ его крестьянъ. Много позднѣе описываемаго здѣсь времени пришлось мнѣ по службѣ дѣлать секретное дознаніе (до формальнаго слѣдствія оно не дошло) о разныхъ злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти г. Толбугина *), и крестьяне показали мнѣ между прочимъ, что имъ не иначе приходится держать скотину, какъ подъ чужимъ именемъ и на сторонѣ, въ сосѣднихъ селеніяхъ, а не то, того и гляди баринъ ихъ отыметъ и послѣднюю скотину подъ предлогомъ вѣчныхъ недоимокъ, а по его барина счету недоимки никогда не переводятся, потому что годовой окладъ, каковъ бы онъ ни былъ, не установленъ на всегда. «Считай, молъ, примѣрно, что тебѣ въ началѣ года объявлено, что платить тебѣ въ годъ, 20 аль 25 рублей съ тягла (опричь, кажется, нѣкоторыхъ еще господскихъ работъ); ну, работа есть на сторонѣ, вотъ и идешь въ вотчинное правленіе за паспортомъ и внесешь весь годовой оброкъ сразу; деньги - то возьмутъ, а паспорта не выдадутъ, и говорятъ, что еще надо 5 рублевъ. При себѣ припасенныхъ ихъ нѣтъ; а баринъ велитъ разложить да сѣчь, пока

*) Это было въ 1857 году, когда я служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при Калужскомъ губернаторѣ, коимъ былъ тогда графъ Д. Н. Толстой.

добудешь денегъ». Сегодня дай, а завтра еще подай, и конца дѣлу нѣтъ. Усадьба этого милаго джентельмана была въ 35 или около того верстахъ отъ Калуги, и вотъ какъ наѣдутъ къ нему хоть бы утромъ неожиданные гости, и хватится онъ, что къ обѣду нѣтъ Шампанскаго, пошлетъ, бывало, нарочнаго на крестьянской тройкѣ въ Калугу за виномъ, съ наказомъ, чтобы онъ безпремѣнно поспѣлъ къ его обѣденному часу, хотя бы двѣ лошади изъ тройки пали дорогой, что, по разсказамъ крестьянъ, будто бы и случалось. И немудрено: крестьянской, не овсяной (извѣстно) тройкѣ приходилось проскакать въ оба конца 70 почти верстъ въ какихъ нибудь 8 или много-много 9 часовъ времени! И не засчитывалось бѣднякамъ ничего ни за эту гоньбу, ни за околѣвшихъ лошадей. А то еще случалось, что онъ, возвращаясь домой изъ Москвы, предпишетъ заранѣе, чтобы на двухъ или трехъ назначенныхъ имъ пунктахъ между Серпуховымъ, Тарусою и его имѣніемъ (находившимся на самомъ краю уѣзда, къ Калужской границѣ) было выставлено подъ его экипажи по 12 и болѣе крестьянскихъ лошадей, на каждомъ изъ этихъ пунктовъ. Бывало это въ самую рабочую лѣтнюю пору, баринъ опаздывалъ на цѣлую недѣлю и даже иногда болѣе, а лошади и люди все ждали, содержась на свой собственный счетъ; поля оставались неубранными, и мужики пришли въ крайнее разореніе. Вотъ вамъ очеркъ съ натуры безгласныхъ и беззащитныхъ страдальцевъ прекраснаго (но благодаря Бога отжившаго) крѣпостного права! А страдальцы эти были безгласны и беззащитны, потому что закономъ не допускалось, какъ извѣстно, жалобъ крѣпостнаго человѣка на своего владѣльца ни въ какихъ случаяхъ. Правда, что законъ указывалъ, въ случаяхъ жестокаго обращенія помѣщика съ крестьянами, брать имѣніе въ опеку; но подобныхъ примѣровъ было мало. Господа предводители дворянства неохотно выдавали въ огласку дѣйствія своихъ собратій: ужъ таковъ былъ у нихъ принципъ, par esprit de corps (т. е. твердо стоять за своихъ), а человѣчество между тѣмъ безвыходно страдало, какъ наприм. въ лицѣ Толбугинскихъ крестьянъ.

Въ началѣ осени заѣзжала къ намъ въ Знаменское З. С. Дивова съ малолѣтнимъ своимъ сыномъ Сергѣемъ Николаевичемъ, изъ Одессы, гдѣ она провела лѣто, а немного позднѣе пріѣхала Надежда Александровна Тимофеева съ неразлучной своей компаньонкою Анною Егоровною Гарботль: онѣ возвращались изъ путешествія въ Египетъ и къ святымъ мѣстамъ, каковое онѣ совершили вмѣстѣ съ княгинею Софіею Григорьевною Волконскою, примкнувъ къ ней предыдущею зимою въ Римѣ. Любезная моя кузина тогда очень любила пострaнствовать (и таковою отчасти осталась по сю пору), но пускаться на далекій Востокъ, вдвоемъ съ нестарой еще миссъ Гарботль, было несовсѣмъ

удобно, и потому, вѣроятно, она была рада случаю посѣтить эти историческія страны подъ эгидою почтенной, хотя эксцентричной особы. Княгиня С. Г. Волконская была всѣмъ извѣстна оригинальными своими выходками и неумѣстною въ мелочахъ скупостію, но странности эти доходили иногда до такихъ размѣровъ, что родственница моя чуть чуть не разошлась съ своею мнимою патронессою въ песчаныхъ пустыняхъ Сиріи. Дебютъ всему этому былъ въ Александріи, при выходѣ съ парохода. Хотя въ тамошнемъ Европейскомъ кварталѣ есть удобные отели, но свѣтлѣйшая супруга министра императорскаго двора, запасшись заблаговременно адресомъ какого-то болѣе дешеваго пристанища, увлекла своихъ спутницъ въ ночной тмѣ отыскивать по всему городу этотъ ночлегъ.

Вскорѣ по отъѣздѣ отъ насъ въ Тамбовъ Надежды Александровны, я получилъ отъ Н. А. Дивова приглашеніе навѣстить его въ сельцѣ Городищѣ (Рязанск. губ.), куда онъ только что возвратился изъ Италіи, гдѣ пробылъ одинъ цѣлые два года, и родственное его письмо сопровождалось двумя стами рублями на мои будто бы путевыя издержки. Я не заставилъ конечно долго себя ждать и, нанявъ крестьянскую тройку съ телѣгою, поѣхалъ къ нему въ началѣ Ноября, но не по Серпуховскому шоссе, черезъ Москву и Коломну, а прямякомъ черезъ Серпуховъ и вдоль берега Оки, на Каширу [1]), а оттуда транспортною дорогою на Зарайскъ [2]). Этимъ путемъ (непочтовымъ) выгадывалось до 94 верстъ, и впослѣдствіи я часто такъ ѣзжалъ изъ Знаменскаго въ Городище и обратно. Переправа черезъ Оку была подъ самою Каширой, по плашкоутному мосту, насупротивъ Бѣлопесоцкаго монастыря, стоящаго на Коломенскомъ берегу рѣки; а дорога отъ Серпухова, почти вплоть до этого монастыря, идетъ то густымъ боромъ, то заливными Окою лугами, и все это пространство входитъ въ составъ казенной Хатунской волости, принадлежавшей нѣкогда графу Алексѣю Григорьевичу Орлову-Чесменскому. Селенія по этой прибережной дороги обличаютъ зажиточность крестьянъ; дома у нихъ пятистѣнныя съ подклѣтями, мезонинами и крыты тесомъ, ни дать ни взять, какъ уголокъ Костромской или Нижегородской губерній, что̀ и составляетъ сильный контрастъ съ приземистыми избами Калужской и южной части Московской губерній, построенными почти безъ исключенія изъ осиновыхъ срубовъ и крытыхъ соломою. Куда люблю я останавливаться и

---

[1]) Кашира стоитъ на возвышенномъ правомъ берегу Оки и видна болѣе чѣмъ за 20 верстъ по Серпуховской дорогѣ, отчего и сложилась мѣстная простонародная поговорка: „Кашира изъ далека видна, а ногамъ обидна“.

[2]) Отъ Зарайска до Городища около 50 верстъ проселкомъ все время.

покормить лошадей въ селеніяхъ съ подобными постройками! Но случаи къ тому уже рѣдки при нынѣшнихъ желѣзнодорожныхъ сообщеніяхъ, на которыя я впрочемъ не жалуюсь. Въ пятистѣнномъ съ подклѣтью домѣ хозяинъ иначе совершенно глядитъ и съ вами разговариваетъ, чѣмъ домохозяинъ курной избы (что̀ отапливается по черному, безъ трубы) и съ соломенною крышею. Первый изъ нихъ смотритъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ до Грознаго царя, а житель курной избы (почти всегда изъ помѣщичьяго имѣнія) носитъ отпечатокъ небывалаго до послѣдняго царя Рюриковской династіи (Ѳедора Іоанновича) крѣпостнаго гнета; оба они вѣжливы съ вами и со всякимъ выше ихъ по положенію, но въ рѣчи послѣдняго слышится горемычный строй мысли съ подобострастными ужимками [3]).

Во время мѣсячнаго (съ чѣмъ нибудь) моего пребыванія въ Городищѣ, блеснула было надежда отстоять мое имѣніе. Николай Адріяновичъ пожелалъ разузнать подробнѣе о положеніи моихъ дѣлъ, и я выписалъ для этого преданнаго мнѣ Радзиковскаго, такъ какъ онъ одинъ ими занимался въ послѣдніе годы. По мнѣнію его, съ наличными 150 или много-много, 200 тысячами рублей, можно было бы скупить всѣ полтора милліона долговъ, сдѣланныхъ по моей довѣренности Леономъ [4]) а что̀ до накопившейся суммы за неплатежъ процентовъ по залогу моего имѣнія Воспитательному Дому, то тамошній Опекунскій Совѣтъ самъ боялся отвѣтственности (если бы дѣло это пошло въ огласку) за допущеніе столь огромной процентной недоимки, и потому былъ готовъ всячески содѣйствовать, въ чемъ могъ, чтобы уладить дѣло хозяйственнымъ какимъ нибудь способомъ, безъ огласки. Но короче всего было бы конечно внести сразу всю недоимку, доходившую почти до 150 тысячъ рубл. сер., чѣмъ бы и пріостановилась публичная продажа моего имѣнія, уже состоявшаяся, хотя безъ результата, по два раза въ году съ 1847 года, въ Костромскомъ губернскомъ правленіи. Планъ Радзиковскаго для устройства моихъ дѣлъ былъ приблизительно таковъ. Стараться отыскать человѣка, готоваго помочь мнѣ безъ убытка для себя.

Вызвался переговорить объ этомъ дѣлѣ съ коротко-знакомымъ

---

[3]) Хотя все это относится, конечно, къ былому времени крѣпостного права, однакоже подмѣченный мною оттѣнокъ не можетъ по сю пору изгладиться въ современномъ намъ поколѣніи.

[4]) При судебномъ разбирательствѣ долговыхъ моихъ обязательствъ, пожалуй, что могли быть признаваемы недѣйствительными около 200 тыс. рубл. сер. долгу сдѣланнаго Леономъ на свое собственное имя; значитъ, порядочный кушъ этимъ бы уничтожался.

ему милліонеромъ Николаемъ Александровичемъ Бутурлинымъ [1]), съ коимъ онъ долженъ былъ вскорѣ свидѣться въ Москвѣ и который, по словамъ Дивова, принималъ участіе въ бѣдственномъ моемъ положеніи. Лично съ Николаемъ Александровичемъ я не былъ знакомъ; разъ только въ жизни я встрѣтился съ нимъ, осенью 1830 г., когда я былъ ординарцемъ при А. И. Нейдгартѣ, во время моей службы при л. гв. гусарскомъ полку; и почему Н. А. Бутурлинъ интересовался мною, не знаю; развѣ потому, что мы оба носили одинаковую фамилію. Добрый мой Радзиковскій возвратился въ Москву, оживленный мечтою о возможности выпутаться мнѣ сразу изъ всѣхъ моихъ затрудненій; на счетъ же процентной моей недоимки въ Опекунскомъ Совѣтѣ мы придумали было прибѣгнуть къ княгинѣ Маріи Петровнѣ Волконской (всегда, какъ я уже говорилъ, ко мнѣ благоволившей), чтобы она ходатайствовала, если было возможно, о присоединеніи недоимки къ капиталу, черезъ ея свекра князя П. М. Волконскаго. Но увы! всѣ эти предположенія уже запоздали, какъ о томъ разскажу въ слѣдующей главѣ.

Городищинскій домъ состоялъ въ то время изъ четырехъ только комнатъ; онъ былъ поставленъ для временныхъ пріѣздовъ Николая Адріяновича, а вблизи къ нему, на дѣйствительной, хотя не очень высокой горѣ [2]), строился тогда каменный, изящный, но причудливой архитектуры, двухэтажный съ мезониномъ домъ, представляющій смѣсь древне-Русскаго стиля съ Швейцарскимъ шалѐ, и къ одному углу дома примыкалъ высокій минаретъ, оканчивающійся Мусульманскою полулуною, блестящею изъ далека. Это была фантазія почтеннаго моего кузена, восхищеннаго Константинополемъ, имъ посѣщеннымъ на обратномъ его пути изъ Италіи въ Одессу.

---

[1]) Отцовское его состояніе было незначительное въ сравненіи съ милліонами наличныхъ наслѣдованныхъ отъ его матери. Она, внося по нѣскольку разъ въ годъ по сотнѣ тысячъ рублей въ ломбардъ, не дожидалась истеченія года для полученія своихъ процентовъ (тогда по 6 въ годъ), безпрестанно вынимала свои милліоны и тутъ же вкладывала ихъ съ наросшими поденно процентами. Въ милліонномъ оборотѣ эти проценты съ рекамбіями составляли большой ростъ (много болѣе 6 процентовъ), а такъ какъ разсчеты эти, часто повторявшіеся, обременяли черезъ чуръ чиновниковъ Опекунскаго Совѣта, то состоялось съ тѣхъ поръ общее для всѣхъ распоряженіе, что тотъ, кто потребуетъ свой капиталъ прежде 6-ти мѣсячнаго срока, теряетъ право на полученіе процентовъ.

[2]) Говорю, на дѣйствительной горѣ, потому что у насъ принято обыкновенно называть горами или крутые скаты овраговъ, или возвышенные надъ рѣками берега, которые ни что иное какъ продолженіе (правильнѣе, окончаніе) возвышенной плоскости. Городищенская же гора произошла вѣроятно отъ волканическаго изверженія, и со всѣхъ ея сторонъ крутые довольно скаты.

Поводъ къ поспѣшному возвращенію Николая Адріяновича въ Россію былъ настолько важенъ, что требуетъ отступленія отъ разсказа объ этой моей первой поѣздкѣ въ Городище.

Дивовъ, будучи въ близкихъ сношеніяхъ съ графомъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ (тогда шефомъ жандармовъ) узналъ отъ него, что въ 1845 и 1846 году въ высшихъ правительственныхъ сферахъ начались приготовительныя работы по проекту объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и когда Николай Адріяновичъ уѣзжалъ въ 1846 году за границу, графъ Орловъ обѣщалъ дать знать ему, если мѣра эта вскорѣ осуществится. Получивъ въ Неаполѣ 1848 года обѣщанное отъ графа Орлова письмо, Николай Адріяновичъ собрался немедленно возвратиться въ Россію; но такъ какъ вся Германія была тогда волнуема революціонными смутами, то онъ долженъ былъ возвратиться не иначе какъ моремъ, черезъ Константинополь и Одессу, откуда поѣхалъ прямо въ Петербургъ. Тамъ онъ узналъ отъ графа Орлова, что, въ виду волненій, происходившихъ во Франціи, Германіи, Австріи и Италіи, императоръ Николай Павловичъ призадумался, и крестьянское дѣло отложено было въ дальній ящикъ. А висѣло оно тогда на ниточкѣ! *).

Возвращаюсь къ Городищенскому недостроенному дому. И мѣсто для него было выбрано весьма удачно, и подъѣздъ къ дому былъ черезъ готовый уже паркъ, устроенный Дивовымъ съ обычнымъ ему во всемъ вкусомъ, изъ стараго регулярнаго сада съ аллеями вѣковыхъ липъ, свидѣтельствовавшихъ о безслѣдно исчезнувшей господской усадьбѣ прошлаго вѣка. Прежнія прямыя и перекрещивавшіяся аллеи рѣдѣли подъ безпощаднымъ топоромъ, и отъ нихъ уцѣлѣли немногіе сравнительно съ прежними исполины, но достаточно, чтобы не оголить все это мѣсто, а главное, не осталось никакихъ слѣдовъ прежней симетріи въ насажденіи. Договорю кстати, что̀ стало съ этой недоконченной постройкой. До 1850-го года предполагалось достроить этотъ домъ; полы были уже настланы, и работали двери, оконники и косяки, какъ вдругъ все измѣнилось. Николай Адріяновичъ, пристрастившись къ коннозаводству (о которомъ никогда онъ дотолѣ не помышлялъ), началъ мало по малу расширять прежній домишко, стоявшій на топкой почвѣ, а потому немало стоило труда и денегъ возвысить все то мѣсто насыпью въ полтора, по крайней мѣрѣ, аршина,

*) Есть слухъ (переданный мнѣ однимъ достовѣрнымъ лицомъ), что Николай Павловичъ, умирая, завѣщалъ своему наслѣднику привести непремѣнно эту мѣру въ исполненіе. Считаю пустыми слухъ, будто бы эта мѣра поставлена была въ обязанность нашему правительству одною изъ секретныхъ статей Парижскаго трактата 1856 года.

чтобы хозяинъ дома могъ входить въ заводскія конюшни, прямо изъ своего кабинета [1]), вслѣдствіе чего нагорный домъ превратился въ хлѣбный амбаръ и складъ для уголья, а въ нижней его части помѣщались одно время столярныя и слесарныя мастерскія; а надъ всѣмъ зданіемъ царитъ по сю пору на минаретномъ шпилѣ неумѣстная Оттоманская эмблема, отражающая лучи солнца и настоящей луны за десять и болѣе верстъ кругомъ и приводящая въ заблужденіе (какъ говорятъ) иныхъ богомольцевъ-прохожихъ, которые творятъ предъ бусурманскою эмблемой крестное знаменіе.

Минаретъ этотъ былъ сооруженъ вслѣдствіе сильнаго впечатлѣнія и восторга, произведенныхъ на Дивова Константинопольскими мечетями, на подобіе каковыхъ Городищенскій минаретъ имѣетъ подъ своимъ шпилемъ балконъ вокругъ всей башни, съ высоты коего поклонники Пророка призываются къ молитвѣ. Его построилъ Рязанскій архитекторъ Воронихинъ, однофамилецъ и дальній родственникъ извѣстному (и безвкусному) строителю Петербургскаго Казанскаго собора.

Будучи свидѣтелемъ Римскихъ реформъ, ознаменовавшихъ первое время правленія Пія IX, Дивовъ восхищался тогдашними либеральными дѣйствіями Римскаго первосвященника-государя. Во главѣ Римской черни стоялъ тогда нѣкій Чичероваки, бывшій дровянымъ поставщикомъ Дивова, который видѣлъ, какъ на одномъ изъ торжественныхъ выѣздовъ папы этотъ демагогъ стоялъ на запяткахъ папской кареты, держа въ рукахъ распущенное знамя, на которомъ было написано «fiduccia nel popolo». [2]) Пій IX былъ въ то время идоломъ Римской черни; онъ освободилъ изъ темницъ всѣхъ томившихся тогда политическихъ преступниковъ и покушался на неслыханный дотолѣ починъ нѣсколькихъ либеральныхъ реформъ и учрежденій, въ томъ числѣ на назначеніе изъ мірянъ (свѣтскаго званія) перваго своего министра графа Росси. Папа поощрялъ тогда духъ Италіянской національности, и въ честь его появился популярный гимнъ, припѣвъ коего былъ «E viva l'Italia, e viva Pio Nono, e viva l'unione ela libertà». Гимнъ этотъ распѣвался тогда съ подобнымъ же энтузіазмомъ, съ которымъ пѣли въ 1860 и 1861 году гимнъ Гарибальди. Къ сожалѣнію, папская либеральная иниціатива не достигнула цѣли основать Итальянскую самостоятельность въ образѣ федераціи всего полуострова и покончить съ Австрійскимъ владычествомъ. Революціонерная республиканская партія, предводимая извѣстнымъ Мадзини, взяла верхъ въ Римѣ, и пер-

[1]) Подобное точно устройство было прежде и при скотномъ дворѣ Дивова на Земянской фермѣ.

[2]) „Довѣренность къ народу“.

вымъ ея дѣйствіемъ было убійство графа Росси при входѣ его въ Квиринальскій дворецъ съ служебнымъ докладомъ къ папѣ. Анархія восторжествовала, и въ слѣдующемъ (1849) году папа вынужденъ былъ тайкомъ уѣхалъ въ Гаету. Въ Римѣ провозглашена была республика съ тріумвиратомъ изъ Мадзини, Армеллини и Кампелло. Извѣстно, какъ вмѣшался въ дѣло Наполеонъ, бывшій тогда президентомъ Французской республики; онъ выслалъ корпусъ подъ начальствомъ генерала Удино, который взялъ Римъ приступомъ и возстановилъ снова папскую свѣтскую власть. Дивовъ, въ своемъ восторгѣ отъ первоначальныхъ административныхъ мѣръ папы, привезъ съ собою картину, писанную масляными красками, изображающую Пія IX въ видѣ солнца, освѣщающаго темницу, изъ коей онъ освобождаетъ лежащаго на полу политическаго преступника: Дивовъ также разсказывалъ мнѣ, что онъ видѣлъ въ Римѣ, въ числѣ папской національной гвардіи или его тѣлохранителей, одного князя Голицына (племянника Московскаго старика князя Сергѣя Михайловича), перешедшаго въ латинство.

Въ Городищѣ засталъ я Николая Адріановича, жившаго тамъ вдвоемъ съ его домашнимъ медикомъ, «sapientissimo domino» Корнеліемъ Павловичемъ Бестомъ, Страсбургскимъ уроженцемъ, желавшимъ выдавать себя за Француза, хотя Тевтонское его произношеніе безпощадно искажало Вольтерово нарѣчіе. Мы провели втроемъ около полутора мѣсяца въ этомъ уединеніи безъ скуки. Александръ Андріановичъ Дивовъ (эксъ-іезуитъ) не возвращался еще въ Россію, при всемъ его желаніи вырваться изъ Дрездена, гдѣ онъ застрялъ вслѣдствіе революціоннаго пламени, охватившаго тогда всю Германію.

Dominus Вестъ былъ высокій и видный еще старикъ, съ остатками правильныхъ когда-то чертъ лица. Хотя о своихъ годахъ не охочъ былъ говорить, но они помимо его воли высказывались приблизительно въ его разсказахъ объ Испанской войнѣ 1807 и 1810 годовъ, когда онъ служилъ старшимъ уже (кажется мнѣ) хирургомъ въ Наполеоновской арміи, по каковому разсчету, въ описываемое мною время (т. е. въ 1848 году) навряд ли могло быть ему менѣе 75 лѣтъ *). По умиреніи Европы въ 1814 и 1815 году, онъ примкнулъ къ нашимъ войскамъ за границей и, пріѣхавъ въ Россію, попалъ домашнимъ медикомъ къ князю Егору Александровичу Грузинскому, въ знаменитое его Лысково, гдѣ и прожилъ 20 лѣтъ; но, ни тогда, ни впослѣдствіи, онъ не дерзалъ написать никакого рецепта, и вотъ почему. Хотя онъ былъ труженикъ надъ своею наукою и выписывалъ иностранные медицинскіе журналы чуть ли не до послѣднихъ дней

*) По позднѣйшимъ извѣстіямъ, онъ былъ еще въ живыхъ въ 1859 году.

жизни, но не рѣшался выдержать надлежащій для практики публичный экзаменъ, отъ лѣни, мѣшкотности или робкости, не знаю; въ теченіе сорокалѣтняго своего пребыванія въ Россіи онъ все будто бы готовился выдержать университетское испытаніе и померъ съ этимъ благимъ намѣреніемъ, не выучившись, какъ истый Нѣмецъ, свободно объясняться по-русски. А что могъ бы онъ блистательно даже выдержать экзаменъ, о томъ свидѣтельствовали его собратія. Авторитетный Московскій врачъ А. И. Оверъ, познакомясь съ нимъ черезъ Дивова, говорилъ о немъ слѣдующее: «Предъ медицинскими познаніями г-на Беста мы всѣ должны шапки скидывать». А между тѣмъ вся эта годами добытая теорія ни къ чему не служила и, насколько мнѣ извѣстно, почтенный Корнелій Павловичъ не могъ вылѣчить даже отъ насморка, да и самъ Николай Адріановичъ не довѣрялъ ему и прибѣгалъ къ пособію другихъ врачей. Почему держалъ онъ такъ долго при себѣ ненужнаго ему медика, было для меня загадкою; быть можетъ, двоюродный мой братъ былъ радъ имѣть при себѣ всегдашняго компаніона (хотя и трунилъ надъ нимъ), во время продолжительныхъ своихъ пребываній въ деревнѣ, или быть можетъ держалъ онъ доктора Беста изъ жалости къ его безрессурскому положенію и употреблялъ его только для вида, для пользованія дворовыхъ людей и крестьянъ *). А о полезной его дѣятельности можно судить по слѣдующему случаю. Однажды братъ мой пошелъ со мною навѣстить на деревнѣ какого-то больного, въ которомъ онъ принималъ особенное участіе, и на его разспросы, навѣщаетъ ли больного Корнелій Павловичъ, суетливая домохозяйка отозвалась: «Какъ же, батюшка, ваше превосходительство, онъ бываетъ у насъ, дай Богъ ему здоровья», и братъ мой успокоился. Но кто-то изъ его домашнихъ, зная вдоль и поперекъ мудренаго Городищенскаго эскулапа, вслѣдъ за тѣмъ отправился разспрашивать туже старуху, какія именно наставленія далъ больному ихъ докторъ, и услыхалъ отвѣтъ: «Наговорилъ-то онъ много, да Христосъ его знаетъ, чудно говоритъ онъ, ничего не поймешь». Потѣшно бывало также, когда Николай Адріановичъ попроситъ его прописать какой нибудь нужный рецептъ, чтобы сейчасъ отправить съ посланнымъ въ Рязанскую аптеку [1]). Вертитъ бывало онъ, вертитъ перомъ и поддергиваетъ его, какъ будто бы онъ сидѣлъ на горячихъ угольяхъ, да тайкомъ начер-

*) Впрочемъ, родственникъ мой сказывалъ мнѣ, что во время одной холеры въ Городищѣ докторъ Бестъ съ успѣхомъ лѣчилъ. Онъ получалъ 500 (помнится мнѣ) рублей въ годъ, а когда онъ отошелъ отъ Дивова въ концѣ 50-хъ годовъ, Николай Адріановичъ назначилъ ему пожизненную пенсію въ 100 (кажется) рублей.

[1]) Хотя Городище и въ Зарайскомъ уѣздѣ, но отстоитъ отъ Рязани въ 23 только верстахъ и въ двухъ верстахъ отъ старой шоссейной дороги.

тить не рецептъ (этого онъ всегда тщательно избѣгалъ, боясь отвѣтственности), а записочку другу-пріятелю своему Рязанскому апекарю Баниге, начинавшуюся въ этомъ родѣ: «Ich bitte, liebster Herr» [1]) приготовить такой-то и такой-то составъ для такого рода болѣзни и пр. Исполнялъ ли въ точности подобныя его требованія другъ и пріятель Баниге, не упомню; но быть можетъ, что и исполнялъ, потому что осторожный непатентованный нашъ врачъ избѣгалъ, вѣроятно, ядовитаго лекарства или черезчуръ сильныхъ ингредіентовъ. Былъ у него и конекъ совѣтовать употребленіе кофея во многихъ случаяхъ, даже отъ болѣзни печени; это было, потому что самъ онъ чрезмѣрно любилъ и при всякомъ удобномъ случаѣ чрезмѣрно употреблялъ этотъ напитокъ, хоть бы до полудюжины стакановъ до обѣда и, конечно, со сливками. Изъ себя онъ былъ неряха: лѣтомъ ходилъ въ холщевомъ балахонѣ, а зимой въ камлотовомъ или истертаго сукна длиннополомъ сюртукѣ, и всегда съ коротенькою трубочкою въ зубахъ, которая бывала нерѣдко безъ огня, но которую онъ всетаки продолжалъ сосать. Шубенкою, онъ, кажется, не обзавелся до конца жизни; развѣ что при самой сильной стужѣ напяливалъ онъ какой ни есть овчинный полушубокъ, а то разъѣзжалъ и ходилъ въ одной ваточной шинели. Видалъ я его ходящаго по двору въ Никольскіе морозы въ одномъ изношенномъ фракѣ. Вотъ какой былъ онъ крѣпышъ. Въ ѣдѣ былъ неумѣренъ, когда обѣдалъ на чужой счетъ, и скареденъ, когда ѣлъ свое.

Читатель, видали ли вы на старыхъ эстампахъ внутренность лабораторіи какого-нибудь средневѣковаго алхимика или астролога? Таковымъ приблизительно было логовище Городищенскаго эскулапа. Такъ какъ не помѣщались уже по стѣнамъ книжные шкапы, то прибавочные таковые стояли вдоль и поперекъ комнаты, образуя узкіе и едва доступные къ книгамъ проходы. Составъ самой библіотеки былъ не изъ медицинскихъ только книгъ, но тутъ были и роскошныя довольно изданія по части естествовѣдѣнія, зоологіи, минералогіи, астрономіи, ботаники, и даже садоводства и агрономіи; въ послѣдней Бестъ пикировался быть знатокомъ. Но всѣ эти сочиненія стояли перемѣшенными промежъ себя безъ классификаціи, и бо́льшею частію въ бумажныхъ оберткахъ (переплетъ ихъ всѣхъ былъ не по карману хозяина). Всѣ книги были покрыты густымъ слоемъ пыли, такъ какъ до нихъ не прикасался никакой вѣникъ. По столамъ, стульямъ, лавкамъ и подоконникамъ разбросаны были въ перемежку картузы съ сушеными медицинскими травами, а въ бумажныхъ завернутыхъ ласкутахъ васильки (для куренія), чай, нѣчто въ родѣ кофея, махорка, сахаръ, за-

[1]) „Прошу васъ, милостивый государь“.

черствѣлыя отъ закуски хлѣбныя корки, подзорная какая-нибудь трубка, толстѣйшія связки въ нѣсколькихъ рядахъ сушеннаго гербарія (а гербарій былъ дѣйствительно изъ замѣчательнѣйшихъ, такъ какъ надъ нимъ трудился г. Вестъ въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ и по разнымъ мѣстностямъ Россіи); и промежъ всего этого хлама выглядывали кофейникъ, чайникъ, ступки, вѣсы, бутылки съ квасомъ и настойками и съ медицинскими ингредіентами. Тутъ же были нѣкоторые минералогическіе специмены и допотопныя окаменѣлости, и чуть ли еще не глины разнаго рода. Недоставало только чучелъ, череповъ и высушенныхъ шкуръ пресмыкающихъ животныхъ или живой Минервинной птицы, чтобы довершить сходство этого обиталища съ мастерскою искателя философскаго камня. И не дотрогивался до этого хлама ни даже Гришка, мальчикъ, отданный ему въ услуженіе Николаемъ Адріяновичемъ, котораго докторъ нашъ постоянно бралъ съ собою въ своихъ ботаническихъ экскурсіяхъ, съ цѣлью познакомить его съ Латинскими названіями цѣлебныхъ травъ и злаковъ. Мало того, для вящаго образованія Гришки, менторъ его началъ долбить съ нимъ Латинскую грамматику, а въ спряженіи глаголовъ докторъ замѣнилъ (какъ онъ самъ мнѣ этимъ похвастался) глаголъ первой отрасли «amo, amas, amat» [1]) на «opero, operas, operat» [2]), дабы не расположить юнаго воображенія ученика къ любовнымъ помысламъ. Такое нравственное воспитаніе однакоже не удалось: Гришка сдѣлался отъявленнымъ пьяницею и буяномъ, и баринъ его забрилъ ему не въ очередь лобъ. Старикъ Бестъ былъ Римско-католическаго исповѣданія, религіозенъ и нравственъ; но не могъ я воздерживать улыбки, когда, бывало начнетъ онъ хвалиться своимъ воздержаніемъ отъ женщинъ, тогда какъ онъ перешелъ уже на 8-ой десятокъ. Педанство его какъ Эллиниста доходило до того, что онъ упорно употреблялъ слово «оксосъ» вмѣсто уксусъ, на томъ-де основаніи, что оно Греческое.

Во время моего пребыванія въ Городищѣ, навѣщали изрѣдка моего двоюроднаго брата, изъ его сосѣдей, Алексѣй Аѳанасьевичъ Ракитинъ и обрусѣвшій Нѣмецъ Андрей (по отчеству забылъ) Гоферландъ. Хорошо не помню, въ этомъ или въ слѣдующемъ 1849 году, пріѣзжалъ однажды обѣдать къ Дивову тогдашній Рязанскій губернаторъ Павелъ Сергѣевичъ Кожинъ, хорошій, но желчнаго темперамента человѣкъ, и не въ милости у мѣстнаго дворянскаго сословія. Опала эта была впрочемъ для него не болѣе какъ жужжаніе мухъ, такъ какъ онъ былъ племянникъ князя Петра Михайловича Волконскаго. Весьма справедливо говаривала умнѣйшая мнѣ знакомая жена одного губернатора, что часто нельзя знать причины, почему провинціальное общество то

[1]) Глаголъ „люблю“.

[2]) Глаголъ „работаю“.

возлюбитъ, то возненавидитъ начальника своей губерніи. А что касается до враждебныхъ отношеній, нерѣдко также встрѣчающихся между губернаторами и губернскими предводителями дворянства, то это уже дѣлается по принципу, дабы выказывать передъ избирателями свою самостоятельность и тѣмъ пріобрѣсти сословную популярность. Однажды, хотя много позднѣе, графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой, управлявшій (въ 1856 году) Рязанскою губерніею во время продолжительнаго отпуска за границу настоящаго губернатора Петра Петровича Новосильцова, говорилъ мнѣ по поводу вышепомянутыхъ враждебныхъ столкновеній: «Не замѣчаете-ли вы, любезный графъ, какъ Петру Николаевичу Бухвостову (тогда Рязанскому губернскому предводителю) не ловко быть въ хорошихъ со мною отношеніяхъ?» А между тѣмъ, всякой придирки къ ссорѣ графъ Дмитрій Николаевичъ тщательно избѣгалъ, какъ калифъ на часъ, да и будучи самъ Рязанскимъ помѣщикомъ и дворяниномъ (по Данковскому уѣзду), на него по неволѣ смотрѣлъ П. Н. Бухвостовъ какъ на своего собрата и подчасъ даже кліента, а относительно къ настоящему губернатору иное было дѣло; и какъ ни былъ добродушенъ, вѣжливъ и снисходителенъ П. П. Новосильцовъ, но губернскій предводитель такъ ловко началъ маневрировать, что добился наконецъ до гласнаго съ губернаторомъ разрыва. Кичились, бывало, эти гг. губернскіе предводители, что они во всемъ-молъ равны съ начальниками губерніи, а какое тутъ равенство, когда губернаторъ аттестуетъ ежегодно губернскаго предводителя и предсѣдательствуетъ во всѣхъ дворянскихъ и общественныхъ комитетахъ, въ коихъ участвуетъ губернскій предводитель, какъ членъ оныхъ? *)

Николай Адріяновичъ повезъ меня къ ближней его сосѣдкѣ (въ 1½ верстѣ), Натальѣ Петровнѣ Дубовицкой, бездѣтной вдовѣ. Премилая и всѣми уважаемая эта особа скончалась, не въ старомъ еще возрастѣ, слѣдующею весною (1849 года) отъ послѣдствій, какъ слышно было, курса искусственныхъ водъ Виши, ошибочно ей прописанныхъ, и имѣніе ея, сельце Глѣбково, досталось двоюродному ея брату Ивану Ивановичу Лихонину, служившему тогда въ Московскомъ почтамтѣ.

Въ половинѣ Декабря я возвратился саннымъ путемъ въ Знаменское, той же самой дорогой черезъ Зарайскъ, Каширу и Серпуховъ, а почти что вслѣдъ за мною Николай Адріяновичъ уѣхалъ въ Москву. Всю зиму я провелъ въ Знаменскомъ.

*) Мнѣ передано было, что ненависть Рязанскихъ дворянъ къ П. С. Кожину доходила далеко за предѣлы приличій принятыхъ у всѣхъ благовоспитанныхъ людей: интеллигентное это сословіе не поколебалось сдѣлать публичный эффектъ красавицѣ его дочери Екатеринѣ Павловнѣ Кожиной. Бѣдная эта молодая дѣвушка, пріѣхавшая съ отцемъ на одинъ балъ въ тамошнее дворянское собраніе, просидѣла весь вечеръ на стулѣ, не получивъ ни одного ангажамента на танцы.

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА [1]).

1849-й годъ.

Fin che uno ha denti in bocca,
Non si sà, che pan li tocca.
(Пока у человѣка зубы во рту, онъ не можетъ знать, какого рода хлѣбъ придется ему жевать).

Въ эту зиму (съ 1848 на 1849 г.) сынъ мой Митя, коему было тогда только полтора года, сдѣлалъ безсознательный починъ украшенія Знаменскому нашему саду. Играя жолудями, онъ посадилъ два изъ нихъ въ ящикъ съ плющами, стоявшій шпалерою въ гостиной, и когда ящикъ этотъ былъ перенесенъ на лѣто въ оранжерею для поправки, какъ обыкновенно, отъ зимняго комнатнаго воздуха [2]), я удивился при видѣ двухъ, непонятныхъ мнѣ, дубовыхъ отростковъ; но Семенъ (садовникъ) угадалъ, какимъ образомъ они тутъ выросли. Мы стали тщательно ухаживать за ними, высадили ихъ, спустя нѣсколько лѣтъ, на лугъ, за цвѣтниками, и теперь изъ нихъ вышли два великолѣпные, молодые, но уже густые дуба, правильной формы. Одинъ изъ нихъ (что подальше къ пруду) уже вышиною 6 аршинъ, если не болѣе, а стволъ восьми вершковъ въ окружности; другой (что ближе къ дому) отсталъ немного отъ своего товарища, потому что онъ пострадалъ при второй его пересадкѣ въ 1859 году.

Въ Январѣ Дивовы вызвали меня въ Москву, по случаю свадьбы ихъ воспитанницы Зинаиды Николаевны съ Иваномъ Николаевичемъ Колесовымъ, тѣмъ самымъ, что былъ дѣтскимъ товарищемъ моей жены и ея брата и находился подъ учебнымъ надзоромъ Тридона. Въ описываемое мною теперь время молодой Колесовъ занималъ уже довольно

---

[1]) См. выше, стр. 125.

[2]) Всѣмъ садоводамъ извѣстно, что задержанное въ зимнее время въ комнатѣ растеніе долго не поправляется и нерѣдко пропадаетъ совсѣмъ. Тѣмъ не менѣе, въ гостиной и въ кабинетѣ моей жены въ Знаменскомъ домѣ была постоянная зимняя выставка цвѣтущихъ растеній.

видное мѣсто, съ хорошимъ окладомъ, въ Министерствѣ Финансовъ. Сватовство его къ Зиночкѣ произошло заочно и (какъ предполагаю), слѣдующимъ образомъ. Я уже говорилъ прежде, что Зинаида Сергѣевна Дивова была дружна съ обѣими дочерьми (красавицами) Француза, доктора Ланга, но болѣе со второю изъ нихъ, Розаліей Ипполитовною, вышедшею замужъ въ 1841 году за нѣкоего князя Максютова, человѣка безъ всякаго состоянія [1]). Этотъ князь Максютовъ находился въ какомъ-то родствѣ съ генераломъ путей сообщенія, барономъ Андреемъ Ивановичемъ Дельвигомъ и съ Колесовыми и, сдѣлавшись чрезъ жену своимъ человѣкомъ у Дивовыхъ, не мудрено, что онъ устроилъ это сватовство; но на *смотрины* невѣсты все-таки пріѣзжалъ первоначально женихъ. На свадьбу пріѣхалъ баронъ Дельвигъ, уже генералъ-маіоръ и человѣкъ съ вѣсомъ при графѣ П. А. Клейнмихелѣ, тогда главномъ начальникѣ по инженерной части. Николай Андріяновичъ наградилъ свою воспитанницу изрядным имѣньицемъ подъ самою Каширой, во сто съ чѣмъ-то душъ. Спустя нѣсколько дней послѣ этого событія, вѣрный мой охранитель, кондитеръ Радзиковскій, предостерегъ меня, что кто-то изъ прежнихъ моихъ кредиторовъ, пронюхавъ, что я въ Москвѣ, представилъ кормовыя деньги, для задержанія моей личности, вслѣдствіе чего я, по приглашенію Дивова, принужденъ былъ (какъ въ концѣ 1839 года), искать зимняго безопаснаго убѣжища на его подмосковной фермѣ Зенинѣ, гдѣ я пробылъ около двухъ (кажется) недѣль, пока миновала опасность быть арестованнымъ. Не скажу, чтобы я скучалъ въ Зенинѣ, потому что меня занимали тамъ роскошныя оранжереи и теплицы, коими завѣдывалъ искусный Нѣмецъ Винклеръ, привезенный Дивовымъ изъ Германіи нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ [2]), да и Николай Андріяновичъ часто меня тамъ навѣщалъ, и вдобавокъ я снова принялся за акварельную живопись. По возвращеніи въ Москву, я воспользовался дружескимъ приглашеніемъ Степана Сергѣевича Ланского поселиться въ собственномъ его домѣ, въ Грузинахъ, близъ Пресненской заставы. А выстроилъ онъ тогда этотъ пространный и даже роскошный домъ на землѣ, уступленной (кажется) ему вѣдомствомъ императорскаго коннозаводства; да и сама мѣстность, на краю города, въ пустыряхъ, была сподручна Ланскому по близости къ загородному гипподрому, а у него былъ въ то время небольшой заводъ Англійскихъ чистокровныхъ скаковыхъ лошадей. Спортсменство это, съ выписнымъ

---

[1]) Оставшись вдовою, княгиня Р. П. Максютова поступила ко двору великаго князя Константина Николаевича, въ качествѣ воспитательницы великихъ княженъ, а позднѣе вышла за К. Н. Посьета.

[2]) Отъ Дивовыхъ Винклеръ поступилъ къ богачу, Орловскому помѣщику Киреевскому, псовому охотнику и любителю садоводства.

изъ Англіи жокеемъ, да и громадный домъ, съ пристроенными къ нему конюшнями, сдѣлались, однакоже, слишкомъ накладны для хозяина (дѣла Ланскихъ были уже прежде разстроены), и послѣ 1852 года домъ былъ проданъ, съ немалымъ, вѣроятно, убыткомъ, а заводъ уничтоженъ.

Во время моего пребыванія въ Москвѣ, умеръ князь Алексѣй Григорьевичъ Щербатовъ, въ домѣ княгини Голицыной (рожд. графини Кутайсовой), на Большой Никитской, куда онъ переселился съ тѣхъ поръ, какъ на его мѣсто поступилъ графъ Закревскій, наполнившій терроромъ смиренную нашу бѣлокаменную. Князь Щербатовъ былъ отличный, можно сказать, человѣкъ въ частной жизни и въ свое время (въ 1812 году) доблестный воинъ, но не рожденъ былъ для гражданскаго, административнаго поприща и не имѣлъ никакого (повидимому) вѣса въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Однажды, когда я зашелъ по моему какому-то дѣлу въ нашу канцелярію (я уже сказалъ, что до 1848 года я числился въ штатѣ канцеляріи Московскаго военнаго ген.-губернатора), правитель оной, д. с. совѣтникъ Павелъ Ѳедоровичъ Степановъ разсказывалъ кому-то при мнѣ, что тогдашній министръ, графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій прислалъ одного изъ своихъ чиновниковъ обревизовать генералъ-губернаторскую канцелярію, и что когда П. Ѳ. Степановъ доложилъ о семъ князю Щербатову, то послѣдній выразилъ свое удивленіе, что ему объ этомъ ничего не писали изъ Петербурга. Помнится мнѣ, что я тутъ не вытерпѣлъ не сказать, почти со слезами на глазахъ, Степанову: «Припомните, в. п., могло ли бы подобное случиться при покойномъ князѣ Дмитріѣ Владимировичѣ!»

Нерѣдко видался я съ моимъ сосѣдомъ по Костромскому имѣнію, Сергѣемъ Никаноровичемъ Кетовымъ, перешедшимъ изъ Петербургскаго въ Московскій университетъ. Однимъ изъ его товарищей былъ Унковскій, помѣщикъ Тверской губерніи, безпечный и лѣнивый студентъ и никакъ не предвѣщавшій, что изъ него выйдетъ юристъ и адвокатъ нашей меньшей братіи, прославившійся эманципаторскимъ своимъ проектомъ не задолго до манифеста 19 Февраля 1861 года, и какъ защитникъ и руководитель крестьянскій, при составленіи уставныхъ грамотъ. Студентомъ онъ рѣдко бывалъ на лекціяхъ, валялся цѣлое утро на постели, съ папироскою въ зубахъ, и повѣсничалъ на Тверскомъ бульварѣ. Растянется тамъ, бывало, на скамьѣ и когда пройдетъ мимо какое-нибудь смазливое женское личико, приподнимется и пѣвучимъ голосомъ воскликнетъ: «ахъ, какая хорошенькая», и сейчасъ же притворится спящимъ; а удивленная красавица остановится и тщетно оглядывается, съ какой стороны и чей былъ голосъ, отпу-

стившій ей подобный комплиментъ. Но когда подходила горячая пора экзаменовъ, студентъ нашъ перехватывалъ тетради своихъ товарищей, запирался у себя на нѣсколько дней и всегда получалъ лучшіе балы на экзаменахъ.

Возвращаясь домой къ именинамъ моей Анетины, 24-го Февраля, я дорогой такъ прозябъ, что остановился переночевать на послѣдней станціи передъ Серпуховымъ. Рано утромъ было 24 или 25 градусовъ мороза, вещь неслыханная въ концѣ Февраля.

Этою же весною рушилось окончательно мое состояніе переходомъ всего моего имѣнія въ вѣдомство Министерства Государственныхъ Имуществъ. Дѣло было такъ. Съ самаго 1847 года имѣніе продавалось по два раза въ годъ въ Костромскомъ Губернскомъ Правленіи съ публичнаго торга; но желающихъ купить его не находилось, потому, быть можетъ, что масса частныхъ долговъ была слишкомъ несоразмѣрна со стоимостію имѣнія; да и кромѣ того была еще значительная весьма недоимка въ Московскую Сохранную Казну, съ накопившимися процентами отъ просрочекъ (всего почти до 150 тыс. рубл. сер.), и конечно въ случаѣ покупки кѣмъ нибудь моего имѣнія, всѣ отъ него доходы имѣли бы поступать первоначально на ликвидацію этой страшной процентной недоимки, и потому новому владѣльцу имѣнія не пришлось бы въ теченіе многихъ лѣтъ выручать ни единой копѣйки въ свою пользу. Да и Московскій Опекунскій Совѣтъ (то есть чиновники, служившіе тамъ) сильно побаивались подвергнуться отвѣтственности за подобное съ ихъ стороны упущеніе, еслибы состоялась публичная съ молотка продажа моего имѣнія. Крестьяне мои обратились тогда ко мнѣ съ просьбою, не противно ли будетъ мнѣ, если, во избѣжаніе ихъ опасности попасть въ руки новаго владѣльца (тогда какъ они какъ бы гордились, что въ теченіе почти что столѣтія принадлежали роду графовъ Бутурлиныхъ и притѣсненій никакихъ не вызывали), они обратятся къ царю съ прошеніемъ перейти въ вѣдомство казенныхъ крестьянъ. Такъ какъ я видѣлъ, что не было никакой возможности удержать за собою мое имѣніе, то увѣдомилъ моихъ добрыхъ крестьянъ, что препятствій съ моей стороны никакихъ не будетъ въ этомъ дѣлѣ, вслѣдствіе чего они и подали коллективное въ этомъ смыслѣ прошеніе на высочайшее имя. Тогдашній министръ государствен. имуществъ, графъ П. Д. Киселевъ отнесся въ Московскій Опекунскій Совѣтъ съ вопросомъ, согласенъ ли онъ на переходъ моего имѣнія въ вѣдомство его министерства, помимо всякихъ торговъ и съ принятіемъ министерствомъ на себя всей старой процентной недоимки, лежавшей на

моемъ имѣніи. Ничего не могло быть сподручнѣе Опекунскому Совѣту какъ подобная негласная операція, которая избавляла его отъ дальнѣйшей отвѣтственности, при поручительствѣ самого министерства, и потому Опекунскій Совѣтъ далъ свое согласіе. Таковъ былъ оборотъ этого дѣла, не выгодный все-таки для меня въ томъ отношеніи, что частные мои долги остались на моей шеѣ, и личность моя ничѣмъ не была обезпечена отъ ареста до 1853 года, когда, наконецъ, при немалыхъ хлопотахъ И. А. Кавецкаго (его благодарили за то изъ Флоренціи), Московскій Надворный Судъ, въ коемъ разбирались мои и Леона долги, призналъ меня несостоятельнымъ по причинамъ отъ меня независящимъ (т. е. несчастнымъ банкротомъ), и съ того времени я началъ расхаживать по Божьему свѣту безъ всякой опаски. Я уже говорилъ, что Дивовъ взошелъ было зимою съ 1848 на 1849 годъ въ переговоры съ милліонеромъ Н. А. Бутурлинымъ о томъ, не согласится ли онъ купить мое имѣніе съ торговъ и скупить всѣ мои частные долги (за которые кредиторы съ радостію взяли бы, пожалуй, по 30 коп. за рубль, а быть можетъ и еще менѣе); но весь этотъ планъ мгновенно рушился отъ перехода канцелярскимъ порядкомъ моего имѣнія въ казну.

Въ то время какъ я получилъ это роковое извѣстіе, жена моя гостила (съ начала лѣта) съ обоими нашими дѣтьми въ Зенинѣ, а я оставался въ Знаменскомъ, вдвоемъ съ тещею, и сердобольная старушка старалась, на сколько могла, ободрять меня. Въ чемъ другомъ могли быть у нея нравственные недостатки, но сердце было у нея горячее къ страждущему человѣчеству, и потому крестьяне крѣпко ее любили. Невозможно было мнѣ теперь содержаться съ семействомъ на доходы одного Знаменскаго, но бѣдствовалъ я не болѣе полугода. Безпримѣрный мой братъ назначилъ мнѣ годовой пенсіонъ въ 1800 рублей сер., коимъ я пользовался до 1855 года, а позднѣе Дивовъ выплачивалъ мнѣ проценты съ капитала въ 8000 рубл. сер., даннаго ему взаймы матерью моею. Капиталъ этотъ по кончинѣ ея (въ концѣ 1854 года) перешелъ ко мнѣ, вслѣдствіе ея духовнаго завѣщанія.

Въ серединѣ 1849 г. Николай Адріяновичъ ѣздилъ въ свое Каширское имѣніе (то самое, что̀ онъ вскорѣ послѣ сего передалъ Зинаидѣ Николаевнѣ Колесовой) и оттуда къ посреднику полюбовнаго размежеванія того уѣзда, нѣкоему г. Сумарову, замѣчательному мѣстному садоводу *), по какому-то дѣлу, и хотя Таруса не была ему по пути,

*) Дивовъ тогда прислалъ во мнѣ отъ этого г. Сумарова полтораста или двѣсти корней яблонь, изъ коихъ были три акклиматизованныхъ Русскихъ ранетовъ.

но крюкъ былъ небольшой, и Дивовъ заѣхалъ къ намъ въ Знаменское дня на два или на три, со своимъ братомъ Александромъ Адріановичемъ, только что съ трудомъ вырвавшимся изъ средней Германіи, гдѣ царствовала тогда анархія. Александръ Адріановичъ предъидущимъ лѣтомъ находился въ Дрезденѣ во время разгара тамошней революціи, въ коей впервыя подвизался нашъ неугомонный агитаторъ-соціалистъ Бакунинъ, дѣйствовавшій (кажется) тогда заодно съ пресловутымъ своимъ собратомъ Полякомъ Мирославскимъ.

Куріозна была отчасти встрѣча Александра Адріановича съ моею тещей, послѣ почти что сорокалѣтней разлуки. Онъ былъ какъ бы пораженъ перемѣною происшедшею въ бѣлокурой и когда-то эѳирной Генріеттѣ *), и все припоминалъ о «son joli petit nez en l'air»; да и Елисавета Ивановна конечно не узнала бы въ немъ того юношу, котораго она оставила въ первомъ десятилѣтіи настоящаго вѣка подъ наставничествомъ Французскаго аббата.

Николай Адріановичъ сообщилъ намъ, что по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Варшавы, съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ сдѣлался ударъ во время тамошнихъ маневровъ и что его положеніе безнадежно. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ отъѣзда Дивовыхъ изъ Знаменскаго получено было извѣстіе о кончинѣ великаго князя. Николай Адріановичъ глубоко чтилъ царскаго брата, оказывавшаго ему постоянно милостивое вниманіе, и надъ прекраснымъ пояснымъ портретомъ его (кисти знаменитаго Англичанина Доу), находящимся и по нынѣ въ Городищѣ, Дивовъ поставилъ подпись «Мой благодѣтель.»

Еще весною, до пріѣзда къ намъ Дивовыхъ, гостила въ Знаменскомъ, у Нарышкиныхъ, Анна Сергѣевна Цурикова (сестра жены моего шурина), только что вернувшаяся изъ-за границы, куда она ѣздила съ Сусанною Александровною Мертваго и ея мужемъ. Анна Сергѣевна разсказывала намъ многое любопытнаго и между прочимъ о томъ, что тогдашній Прусскій король Фридрихъ, заложивъ, быть можетъ, черезъ чуръ за галстухъ, заявилъ съ балкона своего дворца собравшейся на площади Берлинской толпѣ, что онъ непремѣнно намѣревается возстановить Польшу. Вся Германія была тогда въ броженіи. Нѣмцы придумали было какую-то Германскую псевдо-имперію, во главѣ которой былъ поставленъ *викаріемъ* эрцъ-герцогъ Іоаннъ, женатый будто-бы на Тирольской прачкѣ, съ коею онъ, какъ нѣжный мужъ, не разставался во

*) Первоначальное имя тещи моей до принятія ею въ дѣтствѣ православія было Генріетта, каковымъ ее продолжали называть у насъ въ семействѣ.

время его обзоровъ имперіи; но эта псевдо-имперія со своимъ войскомъ и флотомъ оказалась мертво-рожденною и осуществилась только въ ораторскихъ рѣчахъ и на бумагѣ, а имперскій викарій не замедлилъ впасть въ забвеніе.

Вспыхнула тогда Австро-венгерская война, въ которой принялъ участіе Русскій Государь, для освобожденія Вѣны и всей Австрійской имперіи отъ осаждавшихъ столицу Венгерскихъ войскъ и возстановленія тамъ прежняго порядка. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ рѣшился на эту мѣру какъ неуклонный представитель легитимизма, уже нарушеннаго Французскими революціями 1830 и 1848 годовъ; но по моему мнѣнію, онъ правильно понялъ, вмѣстѣ съ тѣмъ что, если онъ не пресѣчетъ главы анархической гидры въ Австріи, то чудовище это не замедлитъ взбаламутить Царство Польское. Всѣмъ извѣстно, чѣмъ отплатила ему Австрія за свое спасеніе пять лѣтъ позднѣе, во время Молдаво-Крымской войны. Неумѣстно здѣсь входить въ подробности Венгерской кампаніи, но скажу лишь, что разбитыя Русскими Венгерскія войска, предводительствуемыя Гёргіемъ, сдались не Австрійскому правительству, а Русскому царю, уповая вполнѣ на его великодушіе; а также отмѣчу, что во время этой войны впервыя пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность тотъ, кому суждено было играть блистательную роль при осадѣ Севастополя. Это былъ Хрулевъ, тогда еще полковникъ. Случай, по которому имя его попало въ газеты, можно назвать фанфаронствомъ. Командуя тогда летучимъ отрядомъ (если не ошибаюсь), онъ, вѣроятно по неосторожности, отдѣлился слишкомъ далеко отъ нашей главной арміи и увидѣлъ себя безвыходно окруженнымъ непріятельскими войсками, но сдаться не хотѣлось, и онъ придумалъ слѣдующую штуку. Предшествуемый парламентерскимъ флагомъ, онъ отправляется къ Венгерскимъ аванпостамъ съ просьбою, чтобы его отвели къ ихъ генералу Гёргію. Желаніе его было исполнено. Тогда онъ заявляетъ Венгерскому главнокомандующему, что онъ составляетъ передовой отрядъ Русскихъ силъ, которыя всѣ стягиваются-де въ полномъ составѣ и вскорѣ окружатъ со всѣхъ сторонъ Венгерскія войска, а потому предлагаетъ ихъ вождю добровольно сдаться на капитуляцію и тѣмъ избѣгнуть безполезнаго съ обѣихъ сторонъ кровопролитія. Венгерецъ однакоже сразу смекнулъ, въ чемъ дѣло и, похваливъ отвагу Русскаго офицера, не только не задержалъ его, но на прощаніе подарилъ на память пару пистолетовъ. Если, какъ помнится мнѣ, Хрулевъ успѣлъ благополучно примкнуть съ своими къ нашей главной арміи, то, быть можетъ, и эта любезность Венгерскаго генерала была также послѣдствіемъ его уваженія къ личности этого офицера.

При самомъ началѣ этой войны [1]), стоявшая въ Тарусѣ артиллерійская батарея выступила въ Венгрію, подъ временною командою хорошаго нашего знакомаго Алексѣя Васильевича Зимнинскаго.

Шуринъ мой Нарышкинъ переѣхалъ лѣтомъ со всею семьею изъ Знаменскаго въ Москву, гдѣ онъ получилъ мѣсто съ значительнымъ весьма окладомъ при Московскомъ винномъ откупѣ. Добрый нашъ другъ Тридонъ купилъ весною этого года домъ съ большимъ садомъ въ Тарусѣ, принялся поправлять и перестраивать все строеніе, уже ветхое, и издержалъ на покупку и перестройку почти что половину всего своего капитала, состоявшаго тысячъ изъ 9 рублей сер. [2]). Имѣть свою, хоть маленькую, недвижимую собственность, было давнѣйшею его мечтою, и онъ одно время чуть не купилъ на чужое имя подгородную (около Тарусы) деревню, Сутормино, около 20 душъ съ водяною мельницею на р. Тарусѣ, принадлежавшую Петру Павловичу Свиньину. На свое имя онъ не могъ ее купить, такъ какъ владѣть крестьянами могли лишь дворяне. У него уже тогда запала въ душу мысль (какъ оказалось впослѣдствіи) жениться на нашей Юліи Ивановнѣ; но рѣшеніе это тогда никому изъ насъ не было еще извѣстно, а ухаживанію его за гувернанткой нашей дочери мы не придавали никакого значенія, зная его влюбчивость не по лѣтамъ.

Въ началѣ осени я поѣхалъ къ Дивову, въ Городище, гдѣ и пробылъ до конца Октября, когда Николай Адріяновичъ отправился на зиму въ Москву, а я обратно въ Знаменское. Мужское наше общество въ Городищѣ оживлялось присутствіемъ Француза Дюкрò (настоящаго («boute-en-train»), завѣдывавшаго тамошними постройками. Дивовъ называлъ наше общество, состоявшее изъ шести мужчинъ (онъ, его братъ Александръ Адріяновичъ, докторъ Бестъ, Дюкро, карликъ Филя и я), монашескою братіею, а себя величалъ настоятелемъ. Да и дѣйствительно, нашъ образъ жизни, при отсутствіи женскаго пола, а равно и господскій домъ, обнесенный каменною оградою, походили на обительскій, за исключеніемъ впрочемъ гастрономической нашей трапезы,

[1]) Я слышалъ, что, по возвращеніи фельдмаршала князя Паскевича въ Петербургъ, Государь, сдѣлавшій въ его честь парадъ, сталъ будто-бы во главѣ проходившихъ церемоніальнымъ маршемъ колоннъ и, поровнявшись съ фельдмаршаломъ, отдѣлился и подъѣхалъ къ Паскевичу съ рапортомъ, какъ бы подчиненный, и что прослезившійся старикъ снялъ обѣими руками свою каску и, поклонившись царю, будто-бы сказалъ: „О Государь! Это уже черезъчуръ много милостей“! За вѣрность этого, впрочемъ, не ручаюсь.

[2]) Когда теща моя заложила Знаменское въ полномъ его составѣ въ Опекунскій Совѣтъ, по случаю моей женитьбы на ея дочери, то сразу выдала Осипу Августиновичу Тридову все, что слѣдовало за воспитаніе моего шурина, т. е. около 30 тыс. рублей на ассигнаціи, или безъ малаго 9 тыс. руб. сер.

находившейся подъ вѣдѣніемъ крѣпостнаго метръ-д'отеля, Дороѳея Дмитріева Круглова, усовершенствовавшагося въ кулинарномъ искусствѣ въ Парижѣ, на кухнѣ самого Гизо, тогдашняго перваго министра короля Людовика Филиппа [1]). Изъ сосѣдей чаще прочихъ навѣщали Дивова двое: Алексѣй Аѳанасьевичъ Ракитинъ и небогатый помѣщикъ Дмитрій Николаевичъ Апраксинъ, да изрѣдка Иванъ Александровичъ Лихонинъ, только что наслѣдовавшій сельцо Глѣбово (въ 1½ верстѣ отъ Городища), послѣ умершей весною того 1849 года своей родственницы, Натальи Петровны Дубовицкой.

Первыхъ двухъ только лицъ слѣдуетъ описать; а Москвичъ И. А. Лихонинъ—личность дюжинная, посѣдѣвшая и почти что ослѣпшая въ почтовой бюрократіи чуть ли не до превосходительнаго чина.

Алексѣй Аѳанасьевичъ Ракитинъ почти что безвыѣздно проживалъ въ своемъ сельцѣ Кареевѣ, отстоящемъ въ 4 или 5 верстахъ отъ Городища. Имѣніе его было около 150 душъ, и никакого другого онъ, опричь этого, не имѣлъ; но Кареево было и есть по сю пору [2]) золотое дно, какъ по качеству и порядочному количеству черноземной почвы, такъ и по раціональному управленію этимъ имѣніемъ, съ коего получалось до трехъ тысячъ съ чѣмъ-то руб. сер. дохода. Господской тамъ запашки не было (какъ предполагаю) болѣе 50 или 60 десятинъ въ полѣ; но, при незатѣйливомъ и небольшомъ конномъ заводцѣ, поля сильно удобривались, и урожаи были баснословны. Иныя десятины яроваго хлѣба (въ томъ числѣ яровая пшеница) давали болѣе 20 четвертей зерномъ. (Этотъ зерновой расчетъ въ употребленіи у Рязанскихъ помѣщиковъ гораздо толковитѣе, нежели считать, какъ водится въ старомъ хозяйствѣ, копнами; хотя и принято, что 52 снопа составляютъ одну копну, но вѣдь вязь снопа не вездѣ одинаковая). Система хозяйства была у А. А. Ракитина патріархальная, трехпольная, безъ всякихъ теоретическихъ нововведеній заграничной агрономіи,

[1]) Дивовъ въ этомъ случаѣ соперничалъ съ извѣстнымъ Московскимъ гастрономомъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ Рахмановымъ, который также отправилъ въ Парижъ своего крѣпостного повара для усовершенствованія въ кулинарной наукѣ, но опредѣлилъ онъ своего повара на кухню самого короля Людовика-Филиппа. Какъ бы то ни было, но возвращеніе этихъ двухъ крѣпостныхъ людей въ Россію, къ своимъ господамъ (тогда какъ, оставаясь за границею, они считались вольными) говоритъ въ пользу обоихъ этихъ людей и доказываетъ, что при всей строгости управленія Дивова, онъ не былъ жестокъ съ своими людьми и щедро ихъ награждалъ за хорошую ихъ службу. Насильственными мѣрами возвратить этихъ людей въ Россію не было бы никакой возможности, такъ какъ выдаются одни преступники, да и то неполитическіе.

[2]) По смерти А. А. Ракитина Дивовъ купилъ это имѣніе у его вдовы Анны Петровны, не на наличныя деньги, но съ переводомъ долга въ Сохранную Казну и съ обязательствомъ платить Аннѣ Петровнѣ ежегодно по 1900 руб. сер.

хоть бы Тэра или подобныхъ ему авторитетовъ, о коихъ рутинистъ нашъ и слышать не хотѣлъ, такъ же какъ и о плодоперемѣнной системѣ посѣвовъ. Старо-русскій деревенскій практикъ говаривалъ о себѣ, что онъ рожь молотитъ на обухѣ. Да и заводецъ его былъ ему не въ въ накладъ. Лошадей разводилъ онъ упряжныхъ, но не рысистыхъ, хотя былъ у него одинъ кровный жеребецъ-производитель, и весь табунъ пасся въ лѣтнее время на лугахъ и на пару, а зимой содержался въ плетневыхъ (кажется) сараяхъ, вымазанныхъ глиною. Двое или много трое Филекъ или Трошекъ въ сѣрыхъ зипунахъ приставлены были къ заводу, и ничего подобнаго выводному манежу (какъ у заводчиковъ высшей руки) не было. Продажная цѣна лошадямъ была, сколько помнится мнѣ, отъ 100 до 200 рублей (да пожалуй иногда и ниже 100 рублей), а непроданныя лошади оставались для господскаго обихода.

А. А. Ракитину было въ описываемое мною время 60 съ чѣмъ-то лѣтъ. Это былъ низенькій, плотный съ брюшкомъ, чопорный старичекъ, съ быстрымъ взглядомъ, безпрерывно переходившимъ съ одного предмета на другой, съ коротенькими подъ гребешокъ волосами, съ живыми отрывистыми движеніями и непосѣдчивостью. Одѣвался онъ всегда изящно, но согласно съ своимъ возрастомъ; а что до бѣлья, оно было изъ лучшаго Голандскаго полотна и безукоризненной бѣлизны. Начитанности въ немъ никакой не было, и когда я познакомился съ нимъ, то онъ, кромѣ газетъ, никакой, кажется, книги не раскрывалъ и Французскаго языка вовсе не зналъ; но быстрый его умъ, острота слова (языкъ былъ бритва) и мѣткость его сужденій и замѣчаній замѣняли въ немъ всякую начитанность. Никогда онъ не скрывалъ своего образа мыслей и всякому говорилъ въ глаза всю правду, частенько колкую, не стѣснялся присутствіемъ кого бы то ни было, и бесѣда его всегда была весьма забавна. Но при всей свѣтской своей любезности, старикъ держалъ свою жену (почти что молодую въ сравненіи съ нимъ) въ *респектѣ* и всѣмъ домашнимъ даже хозяйствомъ распоряжался самъ. И сколько онъ ни старался отвлечь Николая Адріановича (истинно почитавшаго Алексѣя Аѳанасьевича) отъ основанія въ большихъ размѣрахъ завода дорогихъ рысистыхъ лошадей (что причинило ему впослѣдствіи болѣе 100 тыс. рубл. убытку), но тщетно. «Николай Адріановичъ», говаривалъ онъ, «вы думаете, по благородному вашему характеру, вести дѣло честно, на прямикъ; но я вамъ говорю, что безъ барышническаго обмана невозможно обойтись; а вы къ тому неспособны». Но куда! Кузёнъ мой закусилъ тогда удила, спалъ и бредилъ только чистокровными рысистыми жеребцами.

(Летуны, Волшебники, Чародѣи, Кроликъ 1-ый, Кроликъ 2-ы и пр. и пр.) и, рысистыми матками (Молва, Защита, Каира, Непобѣдимая). Была однажды у Алексѣя Аѳанасьевича какая-то лошаденка, которую онъ съ рукъ не могъ спустить и, встрѣтившись въ Городищѣ съ однимъ знакомымъ ему изъ крупныхъ коннозаводчиковъ, который возилъ своихъ лошадей на продажу въ Петербургъ, онъ при всѣхъ насъ отнесся къ нему со слѣдующими словами: «Сдѣлай милость, братецъ, возми мою кляченку; въ цѣнѣ мы съ тобою сойдемся послѣ, у меня вѣдь она застрянетъ на рукахъ, а у тебя, какая бы она ни была, съ рукъ сойдетъ». Откровенность эта всѣхъ насъ позабавила немало; но тотъ, къ коему она относилась, не осерчалъ: онъ былъ вполнѣ» un bon enfant и давній пріятель стараго остряка.

Забавенъ былъ также Ракитинъ своимъ невѣріемъ въ медицину. Никогда не хотѣлъ онъ лѣчиться, хотя тогда уже страдалъ по временамъ астмою и разлитіемъ желчи, кончившимся водяной, что́ и причинило внезапную его кончину. Когда Николай Адріяновичъ упрашивалъ, бывало, его начать курсъ какихъ нибудь водъ, то онъ отвѣчалъ: «Ключевой воды, это пожалуй можно, но никакихъ изъ вашихъ искусственныхъ». Онъ разсказывалъ, что во время первой холеры онъ заболѣлъ этою эпидеміею и что, не взирая на просьбы его окружавшихъ и Рязанскаго знакомаго ему врача, онъ никакихъ средствъ не предпринялъ и все-таки выздоровѣлъ и вслѣдъ за тѣмъ отправился въ неотдаленный отъ Кареева Николорадовицкій монастырь (за Окою, уже въ Егорьевскомъ уѣздѣ), гдѣ, помолившись Мирликійскому чудотворцу, далъ ему слѣдующій обѣтъ: «Святитель Никола, накажи, порази меня чѣмъ тебѣ будетъ угодно, если я въ продолженіи всей своей жизни стану когда нибудь лѣчиться отъ какихъ бы то ни было недуговъ». «Такъ видите сами», говорилъ онъ въ заключеніе, «не возможно же мнѣ нарушить моего обѣщанія». Однажды, у И. А. Лихонина было какое-то дѣло о подтопѣ его мельницы сосѣднею, и онъ пріѣхалъ посовѣтоваться по этому предмету съ Николаемъ Адріяновичемъ. Ему тутъ необходимо было, для правильнаго возстановленія граней, содѣйствіе Рязанскаго уѣзда исправника, съ коимъ Дивовъ былъ не очень знакомъ, такъ какъ Городище Зарайскаго, а не Рязанскаго уѣзда. Дивовъ обратился къ находившемуся при этомъ Алексѣю Аѳанасьевичу съ вопросомъ (какъ къ старожилу): какъ его мнѣніе, приметъ-ли исправникъ денежную благодарность отъ общаго ихъ сосѣда г. Лихонина. «Долженъ бы взять», отвѣчалъ острякъ, «а тамъ Христосъ его знаетъ, падокъ ли онъ на деньги или нѣтъ». А на мой вопросъ, почему же онъ *долженъ* непремѣнно взять, Ракитинъ пояснилъ: «А

коли не беретъ, такъ на кой чортъ онъ лѣзетъ въ исправники!» Онъ разсказывалъ намъ, что когда одинъ изъ его родственниковъ былъ только что назначенъ куда-то въ губернаторы, Алексѣй Аѳанасьевичъ первымъ наставленіемъ далъ ему совѣтъ: «ты смотри, черезчуръ глубоко не запускай руки въ карманы».

Анна Петровна была лѣтъ на пятнадцать, или немного болѣе, моложе своего мужа и, когда я съ нею познакомился, она сохранила слѣды прежней красоты (восточнаго типа); дѣтей у нихъ никогда не было. Ежегодно послѣ святокъ супруги Ракитины ѣзжали мѣсяца на два въ Москву, гдѣ Алексѣй Аѳанасьевичъ постоянно велъ въ клубѣ довольно значительную игру въ палки; но игралъ онъ съ толкомъ. Проиграетъ, и сей часъ забастуетъ, а когда повезетъ, то не остановится. Такимъ образомъ почти всегда выходило, что къ концу игральнаго своего сезона онъ оставался въ выигрышѣ, иногда по нѣсколько тысячъ рублей. За симъ онъ спѣшилъ уѣхать обратно въ деревню, а ежели и оставался на нѣкоторое еще время въ Москвѣ, то уже денегъ этихъ не проигрывалъ. Останавливались Ракитины постоянно въ одномъ изъ дорогихъ и лучшихъ отелей, «Франція, на углу Петровки и Кузнецкаго моста. Изящно жить онъ любилъ и умѣлъ, а отъ жены требовалъ, чтобы она не пренебрегала отнюдь своимъ туалетомъ, на что̀ денегъ не жалѣлъ. На выигрышныя деньги онъ сейчасъ покупалъ годовой запасъ тонкихъ винъ (отъ Ф. И. Депре), также большой запасъ всякихъ рыбъ, сыровъ и прочихъ закусокъ, да и подчасъ еще кое-что къ серебряному своему сервизу и къ фарфоровой посудѣ; всего этого было у него вдоволь и перваго разбора, а деревенскій его домъ былъ, какъ есть, полная чаша всего. Поваръ былъ свой, крѣпостной, но выученикъ (кажется) Московскаго Англійскаго клуба, бывшаго тогда въ славѣ, и самъ Дивовъ, спеціалистъ по этой части, похвально всегда отзывался о Ракитинскомъ кулинарномъ артистѣ. Прислуги (мужской) у Ракитиныхъ было два человѣка: камердинеръ барина и оффиціантъ; но люди эти были также хорошо одѣты и ловки (и, главное, не пьяницы), какъ бы въ любомъ аристократическомъ, столичномъ домѣ; да и весь Кареевскій господскій домикъ содержался съ педантическою Нѣмецкою чистотою и опрятностію. Глядя на всю житейскую обстановку Ракитиныхъ, трудно было повѣрить, что у нихъ было всего-навсего три тысячи съ чѣмъ-то рублей сер. годоваго дохода. Вотъ что̀ зовется умѣньемъ жить.

Въ вышеупомянутомъ сельцѣ Глѣбовѣ, бо́льшая часть котораго принадлежала Н. П. Дубовицкой (а послѣ нея Лихонинымъ), была также усадьба небогатыхъ сестеръ-дѣвицъ (не первой уже молодости) На-

тальи и Варвары Николаевны Ляпуновыхъ, изъ рода доблестнаго Рязанскаго воеводы Прокопія Ляпунова, убитаго казаками въ Смутное время. Отца ихъ звали Николаемъ Ампліевичемъ, а мать была родная сестра Алексѣя Аѳанасьевича Ракитина. Изъ другихъ его сестеръ одна была замужемъ за Норовымъ, отцемъ Петра и Ильи Дмитріевичей *), а другая за Бабинымъ, отцемъ недавно умершаго Ивана Александровича, получившаго извѣстность своею улучшенною породой рогатаго скота и много дѣйствовавшаго по части скотоводства въ Россіи. У Николая Ампліевича Ляпунова былъ братъ Иванъ Ампліевичъ (ни того, ни другого я уже не засталъ), сыновья коего, хотя владѣли не весьма большою деревней Батуринымъ, смежною съ Городищемъ, но поселились въ другомъ своемъ имѣніи, Калужской губерніи, въ Медынскомъ уѣздѣ.

А. А. Ракитинъ состоялъ въ какомъ-то дальнемъ родствѣ съ Новосильцевыми и съ княгиней Маріею Петровною Волконской чрезъ Савиныхъ; а Ляпуновы были въ родствѣ съ княгиней Маріею Семеновною Черкасской по Аладьинымъ. Княгиня Марія Семеновна и Наталья Петровна Дубовицкая были двоюродными или троюродными сестрами и говорили другъ другу «ma cousine».

Другой, ближній сосѣдъ Дивова и частый его гость, былъ холостякъ, среднихъ лѣтъ, мнѣ ровесникъ, Дмитрій Николаевичъ Апраксинъ. Состояніе его заключалось въ небольшомъ сельцѣ Горяинцовѣ и въ маленькомъ имѣніи около Коломны, а всего было у него около 60 или 70 душъ, но почва въ Горяинцовѣ была почти что черноземная. Жилъ онъ безвыѣздно въ Горяинцовѣ (и теперь продолжаетъ жить тамъ), и единственною его страстью была псовая охота. Правда, что при крѣпостномъ правѣ подобная потѣха была не накладна: доѣзжачіе и конюхи не получали жалованья и содержались мѣсячиною, какъ и вся дворня, а на лошадей, на гончихъ и на борзыхъ собакъ доставало съ излишкомъ своего овса отъ барщинской безплатной работы. Д. Н. Апраксинъ служилъ въ первой своей молодости въ армейскихъ гусарахъ, но недолго и поселился въ деревнѣ; кромѣ псовой охоты, былъ онъ отчасти и музыкантомъ и въ досужее время игралъ партицію первой скрипки въ своемъ квартетѣ изъ дворовыхъ людей. Склонный къ уединенію и по лѣнивой, отчасти, своей натурѣ, онъ былъ только

*) Петръ Дмитріевичъ Норовъ дослужился по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ до дѣйств. статскаго совѣтника и былъ женатъ на Викулиной. Сынъ его Дмитрій Петровичъ женился на княжнѣ Волконской и былъ недавно Рязанскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а дочь Софья Петровна вышла за Саксонскаго барона Люцероде и вскорѣ овдовѣла. Она окончательно поселилась за границею.

шляпочно знакомъ съ помѣщиками своего Зарайскаго уѣзда, по выборамъ никогда не служилъ и въ свой губернскій городъ, верстахъ въ 30 отъ Горяинцова, ѣзжалъ лишь во время дворянскихъ выборовъ; въ своемъ уѣздномъ городѣ Зарайскѣ (въ 60 верстахъ отъ него) бывалъ только по дѣламъ, иногда черезъ 6 или 7 лѣтъ. Изъ всѣхъ своихъ сосѣдей онъ чаще ѣзжалъ только къ Дивову, А. А. Ракитину и къ Николаю Михайловичу Лихареву, усадьба коего, сельцо Орѣшково, была менѣе чѣмъ въ двухъ верстахъ отъ Горяинцова*). Натуру почтеннаго Д. Н. Апраксина (онъ еще живъ въ настоящее время) можно назвать смѣсью философа съ бирюкомъ. Она немного пуглива, но натура прямая, открытая и сердобольная: никогда онъ никому не кланялся и ничего не заискивалъ, и благородство его характера имѣло что-то рыцарское. Онъ не принадлежалъ ни къ какой особенной дворянской партіи, каковыя всегда волновали мѣстное общество по случаю выборовъ, и во избѣжаніе, вѣроятно, нарушенія своего внутренняго мира, онъ не балотировался ни въ какія должности. Отношенія его съ своими крестьянами и дворней были патріархально-отцовскія, не развращенныя крѣпостнымъ самовластіемъ. Маракуя кое-что по деревенской медицинѣ, онъ постоянно самъ лѣчилъ своихъ и даже сосѣднихъ крестьянъ и, по его словамъ, весьма удачно. Самъ претерпѣвая частенько нужду (кое-какіе должишки отъ былаго времени за нимъ еще оставались), никогда онъ не обременялъ своихъ крестьянъ, чтобы пожить ему на болѣе широкую ногу, и даже, когда кому-нибудь изъ его дворовыхъ выходило у богатыхъ людей мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ (а были у него отличные люди изъ дворовыхъ), онъ немедленно ихъ отпускалъ, съ назначеніемъ весьма умѣреннаго оброка. Это случилось разъ при мнѣ съ его камердинеромъ, преловкимъ въ услуженіи человѣкомъ, о которомъ я освѣдомился, когда узналъ, что онъ уже не находится при своемъ баринѣ. «Молодцу моему выходило хорошее мѣсто, болѣе много, чѣмъ я бы могъ ему платить», сказалъ онъ мнѣ, «такъ нельзя же было мнѣ, по совѣсти, препятствовать его выгодамъ». Много-ли можно было найти таковыхъ во время крѣпостнаго гнета? Чувство собственнаго достоинства доходило у него до утрировки. Такъ, напримѣръ, онъ однажды признался мнѣ, что, какъ бы ни было всегда ему пріятно бывать у радушнаго хозяина Городища, но что онъ воздерживается ѣздить туда слишкомъ часто, дабы не дать кому-нибудь повода подозрѣвать, что онъ чего-нибудь добивается у генерала Дивова, или хочетъ занять у него денегъ. Чтеніемъ онъ не занимался

*) Нынѣ умершій, Н. М. Лихаревъ былъ женатъ на княжнѣ Гагариной, дочери знаменитой актрисы Семеновой. Она была, вѣроятно, младшая дочь княгини Гагариной, ибо старшая была за Корніолинъ-Пинскимъ.

почти что никакимъ и въ этомъ отношеніи прозябалъ въ своемъ Горяинцовѣ, не зная, что̀ дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ. Была у него дочь съ лѣвой стороны и, при всей ограниченности житейскихъ его средствъ, онъ ничего не пожалѣлъ, чтобы доставить ей приличное современное образованіе, и немного позднѣе (въ 1852 году) онъ хорошо выдалъ ее замужъ, выдѣливъ ей, еще при своей жизни, почти что половину всего своего состоянія. Изъ нея вышла дѣльная вполнѣ барыня, съумѣвшая сама приготовить своихъ мальчиковъ къ поступленію въ учебное заведеніе. Былъ у него конный заводишко, конечно немудрый, снабжавшій его непокупными ѣзжалыми лошадьми, но въ этомъ отношеніи я былъ свидѣтелемъ небывалой почти вещи. У него была одна ѣзжаная тройка, которая никогда не ковалась и копыта у которой до того затвердѣли, что не трескались и не ломались, а отъ постоянной ѣзды только стирались. Что лошади эти не скользили никогда лѣтомъ и что оконечности копытъ были ровны и какъ будто бы подпилены, это я видѣлъ, а какъ бѣгали онѣ зимою по гололедицѣ, того я, правда, не видалъ; но хозяинъ ихъ увѣрялъ меня, что онѣ также свободно бѣгали по чистому льду, какъ будто бы съ острыми шипами, и я этому готовъ вѣрить, зная Дмитрія Николаевича за нелживаго человѣка и не хвастуна *).

Все, что̀ сказано было по сю пору объ основаніи Городищенскаго коннозаводства, относится не къ описываемому мною времени, а къ началу 1851 года. Въ 1849 году, о коемъ идетъ рѣчь, Дивовъ занимался исключительно преобразованіемъ Городищенской господской агрономіи и завелъ запашку по 160 или 170 десятинъ въ трехпольномъ хозяйствѣ, а дотолѣ крестьяне были на одномъ оброкѣ. Это была вещь дѣльная; по рядомъ съ нею были у почтеннаго моего кузе́на и фантазіи, не послѣднею изъ коихъ было копать со всѣхъ сторонъ широкія и глубокія канавы, съ высокимъ, на одной сторонѣ, валомъ, стоившія ему, въ общей сложности, нѣсколько тысячъ р. сер. Много денегъ было въ этомъ дѣлѣ убито понапрасну, потому что часто мѣнялись планы, и чрезъ годъ, а иногда мѣсяца чрезъ два, канавы эти снова сравнивались, валы снимались, и начиналась работа въ другомъ мѣстѣ. Вся мѣстность вокругъ господскаго дома была такимъ образомъ перерыта, и острякъ Ракитинъ жаловался, бывало, самому Дивову, что пріѣхавшему къ обѣду въ Городище по одной дорогѣ приходилось вечеромъ брать проводника, такъ какъ утренняя дорога была уже пе-

*) Братьевъ у Дм. Ник. Апраксина не было, а была только одна сестра, замужемъ въ Егорьевскомъ уѣздѣ, за г. Рославлевымъ; красавицу дочь ихъ я однажды видѣлъ на балѣ въ Коломнѣ, осенью 1853 года.

рерыта канавами. И дѣйствительно, это все дѣлалось почти что съ театральною быстротой. Однажды (позднѣе, когда я уже жилъ совсѣмъ въ Городищѣ), проѣзжая верхомъ по извѣстной мнѣ общей дорогѣ, идущей вокругъ всего огорода и отдѣляющей его отъ полей, я вдругъ увидѣлъ, что дорога перекопана канавою; лошадь у меня была тогда пущена на полныхъ рысяхъ, и остановить ее сразу было невозможно. Я съ нею полетѣлъ кубаремъ въ канаву. Ужъ честилъ же я тогда въ душѣ моего кузе́на; но могъ-ли я подозрѣвать подобную вещь, тогда, какъ, быть-можетъ, дня три или четыре передъ тѣмъ ѣздилъ безпрепятственно по этой дорогѣ, да и она же вела изъ Городища въ сельцо Глѣбково. Эти канавы съ валомъ повели позднѣе къ историческому даже недоразумѣнію. Нѣкій г. Диттель *), губернскій стряпчій (по казенпымъ или уголовнымъ дѣламъ, не упомню) въ Рязани, напечаталъ въ одномъ журналѣ (кажется, въ Архивѣ, издаваемомъ Н. В. Колычевымъ) статью о древностяхъ гор. Зарайска и его уѣзда, гдѣ, между прочимъ, сказа́лъ, что въ имѣніи генерала Дивова видны по сю пору слѣды древнихъ укрѣпленій, а эти археологическіе памятники относятся къ періоду между 1849 и 1856 годами.

Но я увлекся и нарушилъ хронологическій порядокъ событій. Возвращаюсь къ зимѣ съ 1849 на 1850 годъ.

Въ Январѣ, или въ началѣ Февраля, мы узнали въ Знаменскомъ о звѣрскомъ убійствѣ въ Москвѣ княгини Вѣры Дмитріевны Голицыной нѣкіимъ Зыковымъ. Извѣстіе это до того поразило беременную тогда мою жену, что она разрѣшилась преждевременно младенцемъ мужскаго пола, коего не успѣли даже и окрестить. Кровавую драму, жертвою коей сдѣлалась лѣтняя наша сосѣдка (Голицыны проводили почти что постоянно конецъ лѣта и всю осень въ своемъ имѣніи, с. Рощѣ, Тарускаго уѣзда) я постараюсь изложить безпристрастно и въ томъ видѣ, какъ я составилъ себѣ понятіе объ этомъ происшествіи изъ источниковъ, заслуживающихъ довѣрія, а не по Московскимъ тогдашнимъ сплетнямъ. Зыковъ былъ молодой человѣкъ изъ дворянскаго роду, но безъ состоянія; собою (какъ говорятъ) красивъ, но, мнѣ кажется, сбивался на искателя приключеній или пройдоху. Служилъ ли онъ гдѣ, не знаю; но, поступивши послушникомъ въ Донской монастырь, онъ частенько оттуда отлучался и (сколько помнится мнѣ) даже

*) Этотъ господинъ плачевно кончилъ свою карьеру. Женился онъ на одной богатой Калужской вдовѣ и въ 60-хъ годахъ судился за участіе въ насильственной смерти одного изъ своихъ пасынковъ. Насколько были сильны противъ него улики, не знаю; но онъ умеръ въ острогѣ до окончанія дѣла. Человѣкъ онъ былъ дюжинный, хотя и правовѣдъ. Въ Городищѣ, въ гостяхъ у Дивова, онъ никогда, кажется, не бывалъ.

по ночамъ, или возвращался въ обитель позднею ночью. Монашеская ряса на свѣтски образованномъ человѣкѣ, съ длинными, темнорусыми кудрями, окаймляющими правильныя черты лица, открыла ему доступъ въ нѣкоторые дома высшей аристократіи, и между прочимъ къ старику князю Сергѣю Михайловичу Голицыну, въ домѣ коего онъ взошелъ въ такой *форсъ*, что князь сдѣлалъ его старостою своей домовой церкви. Онъ сдѣлался также частымъ посѣтителемъ у княгини Вѣры Дмитріевны Голицыной, женщины далеко не первой тогда молодости, такъ какъ сынъ ея, князь Александръ Николаевичъ, былъ уже женатъ на Елисаветѣ Александровнѣ Чертковой, дочери троюродной моей сестры Елисаветы Григорьевны, рожденной графини Чернышевой. Предварительно надо сказать, что князь Николай Яковлевичъ Голицынъ, не задолго передъ убійствомъ своей жены, умеръ отъ рожи, показавшейся на раненой у него въ Польскую кампанію 1831 года ногѣ.

Допускаю, что въ богомольствѣ княгини Вѣры могло быть болѣе піетизма и приверженности къ церковной обрядности (какъ это встрѣчается у иныхъ нашихъ барынь высшаго круга), нежели аскетизма или даже догматическаго ученія; но смѣси ханжества съ нравственнымъ развратомъ въ ней не было, и еслибы она даже способна была увлечься въ преступную съ кѣмъ либо связь, не выбрала бы она монаха или готовящагося быть таковымъ: это было бы въ ея глазахъ какъ бы святотатствомъ. Если она увлекалась Зыковымъ, то платонически, духовно. Это были скорѣе игры воображенія, а не чувственности; такъ по крайней мѣрѣ я понимаю ея психическое состояніе. Но Зыковъ началъ эксплуатировать ее съ практической точки и уже успѣлъ навязать ей въ управляющіе ея имѣніемъ роднаго своего брата. Московскіе сплетники и сплетницы непремѣнно захотѣли видѣть преступную связь въ частыхъ сношеніяхъ Зыкова съ княгинею, а близкіе къ ней люди, всполошившись (какъ разсказывали въ городѣ) и желая прекратить то, что въ ихъ глазахъ было скандаломъ, весьма некстати придумали оказать княгинѣ медвѣжью услугу. Они будто-бы наняли какія-то темныя личности, напавшія почью на Зыкова на Каменномъ мосту, когда онъ возвращался въ Донской монастырь, и отдубасили его порядкомъ. Дѣло этимъ ухудшилось. Смиренный послушникъ не преминулъ выставить, что онъ претерпѣлъ побои ради княгини, и она сочла нечестнымъ и безсердечнымъ дѣломъ запретить ему входъ въ ея домъ; но мало по-малу посѣщенія его сдѣлались менѣе частыми, и дабы дать время городской молвѣ утихнуть, княгиня рѣшилась удалиться на нѣкоторое время въ свою деревню. Въ самый день ея отъѣзда (и даже чуть-ли не тогда, какъ дорожная ея карета была уже запряжена), она

получаетъ записку отъ Зыкова, убѣдительно просившаго ее заѣхать на минуту къ нему на квартиру, такъ какъ свиданіе это должно было быть послѣднимъ и что онъ имѣетъ-де что-то нужное сообщить ей. (Вѣроятно онъ въ то время уже выписался изъ монастырскихъ послушниковъ, потому что жилъ съ своею матерью и сестрами гдѣ-то на Арбатѣ). Сердобольная княгиня, не находя причинъ не удовлетворить его просьбѣ, поѣхала къ нему въ своей городской каретѣ, въ сопровожденіи компаньонки, зрѣлыхъ лѣтъ Нѣмки. Обѣ онѣ вошли сначала въ пріемную комнату, гдѣ находились, кромѣ Зыкова, мать и сестры его. Вслѣдъ за тѣмъ онъ попросилъ княгиню войти съ нимъ на пару словъ въ сосѣднюю комнату. Касательно развязки этой катастрофы придерживаюсь показанія сказанной Нѣмки, какъ единственной посторонней свидѣтельницы. Разговоръ въ сосѣдней комнатѣ былъ оживленъ; но что̀ именно тамъ говорилось, Нѣмка не могла понять, потому что говорили по-французски, а языкъ этотъ былъ ей незнакомъ. По нѣскольку разъ княгиня отворяла дверь въ пріемную комнату, и вслѣдъ за тѣмъ Зыковъ затворялъ эту дверь, и всё, что̀ доходило до слуха Нѣмки, это были княгинины слова, non, non, non», и Нѣмка видѣла, какъ княгиня отмахивалась руками, какъ-бы не соглашаясь на какую-то просьбу. (Быть можетъ, Зыковъ надѣялся склонить ее выйти замужъ за него, основывая свое право на томъ, что скомпрометировался за нее и претерпѣлъ побои; впрочемъ, это одна догадка). Послѣ этого Нѣмка услыхала пронзительный крикъ и что-то тяжелое упавшее на полъ. Она бросилась въ роковую комнату и тамъ увидала княгиню, лежавшую на полу въ агоніи, обрызганную кровью, съ большимъ кинжаломъ, вонзеннымъ въ горло, и изверга, стоявшаго на колѣняхъ передъ нею и читавшаго отходную молитву. Кинжалъ онъ, повидимому, спряталъ заранѣе подъ своимъ платьемъ. Сейчасъ дали знать полиціи, и убійца на первые сдѣланные ему вопросы отвѣчалъ, что жертва его была слишкомъ совершенна, чтобы жить на семъ грѣшномъ свѣтѣ, и что онъ отверзъ ей райскія двери. Дано было также немедленно знать объ этомъ происшествіи въ домъ князя Сергѣя Михайловича Голицына, о чемъ дворецкій его поспѣшно доложилъ барину и старымъ княжнамъ, его сестрамъ. (Княгиня Вѣра жила вблизи дома князя Сергѣя Михайловича, насупротивъ Колымажнаго двора, на Волконкѣ). «Что̀ это ты тамъ городишь на этого Божьяго человѣка?» закричалъ пылкій старичекъ-князь. — «А то, ваше сіятельство, что святоша вашъ зарѣзалъ, какъ есть, нашу сосѣдку княгиню Вѣру Дмитріевну». (По природному у Русскаго простолюдина инстинкту, не любили, видно, Зыкова въ барскомъ домѣ князя Сергѣя Михайловича). Подъ наблюденіемъ графа Закревскаго слѣдствіе надъ Зыковымъ, произ-

водившееся тогдашнимъ Московскимъ оберъ-полицемейстеромъ Алексѣемъ Александровичемъ Берингомъ, быстро пришло къ окончанію, и онъ присужденъ былъ на вѣчную каторгу съ выставленіемъ у позорнаго столба. Говорили, что во время производства слѣдствія онъ не заикнулся даже оклеветать свою жертву и будто бы заявилъ: «Что вы всё распрашиваете меня, зачѣмъ я убилъ княгиню, а не спрашиваете, отъ чего умеръ князь», тогда какъ извѣстно было, что князь Николай Яковлевичъ умеръ отъ рожи, показавшейся на раненой его ногѣ *). Въ день позорнаго его выставленія на эшафотѣ, онъ (какъ передано было мнѣ) особенно тщательно занялся своимъ туалетомъ, надѣлъ сорочку тонкаго Голандскаго холста и выпустилъ изъ-подъ галстуха брызжи, словно собирался на балъ; но оберъ-полицемейстеръ Берингъ приказалъ сорвать все это съ него и облечь въ толстую рубашку и въ арестантскій халатъ. Былъ-ли онъ въ оковахъ или нѣтъ, не знаю; но разсказывали, что онъ до конца не оказывалъ ни малѣйшаго признака раскаянія, и кто повѣритъ, что нашлись будто (какъ я слышалъ) какія-то восторженныя, аристократическія дуры, вполнѣ сочувствовавшія этому извергу? Онѣ присутствовали въ экипажахъ при этой сценѣ и по окончаніи оной выпросили у него на память его носовой платокъ. Въ ихъ глазахъ онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ мученика.

Въ Январѣ, или въ началѣ Февраля, Тридонъ ѣздилъ въ Москву, и съ нимъ отпросилась поѣхать, для своихъ покупокъ, паша Юлія Ивановна. Каково же было всеобщее наше удивленіе, когда онъ извѣстилъ насъ оттуда, что съ нею обвѣнчался? Невѣсть почему, оба они такъ долго скрывали отъ насъ свое намѣреніе. На первое время они продолжали жить у насъ въ Знаменскомъ, и Юлія Ивановна занималась попрежнему съ нашею Аниочкой, и только лѣтомъ они перешли въ свой перестроенный Тарусскій домъ.

Предъ открытіемъ весны, я ѣздилъ не надолго въ Москву, гдѣ останавливался у Нарышкина и навѣстилъ его тестя, С. В. Цурикова, уже прикованнаго тогда къ кресламъ параличемъ, и послѣ этого я его болѣе уже никогда не видалъ. Видно, что это былъ годъ сюрпризовъ для меня; потому что въ началѣ весны двоюродная моя сестра, Надежда Александровна Тимофеева извѣстила меня изъ Петербурга, что она вышла замужъ за Василія Артамоновича Гавришенко, отставного морскаго офицера, безъ всякаго почти состоянія и почти однихъ съ нею лѣтъ. Онъ былъ изъ воспитанниковъ Морскаго Корпуса и не зналъ ни слова по-французски, но собою красивъ, хотя малъ ростомъ.

*) Говорятъ, будто Зыковъ, уже въ Сибири, хвасталъ тѣмъ, что, за нѣсколько мѣсяцевъ до убіенія княгини Голицыной, онъ отравилъ графиню Ш.

Съ воспитаніемъ, свѣтскими привычками и состояніемъ моей кузины партія эта не была для нея подъ стать; но одна изъ причинъ, увлекшая ее (какъ мнѣ кажется) въ этомъ случаѣ, была та, что В. А. Гавришенко старался будто выпутать ея брата Артемія Александровича изъ вертепа игроковъ и аферистовъ, вліянію которыхъ онъ подпалъ тогда въ Петербургѣ, почему она тогда и жила тамъ. Дѣйствительно-ли Василій Артамоновичъ желалъ оказать ей эту услугу, яснаго понятія я не имѣю (человѣкъ онъ былъ недурной), но Артемій Александровичъ совершенно было разстроилъ прекрасное свое состояніе и, конечно бы, погибъ, еслибъ не подоспѣлъ къ нему на помощь двоюродный его братъ (по отцу), Петербургскій милліонеръ, Андрей Ивановичъ Сабуровъ. Онъ предупредилъ публичную продажу за партикулярные долги с. Воронцова, купчая крѣпость на которое, съ принадлежащими къ оному деревнями и хуторами, была совершена на имя Надежды и Елисаветы Александровны *), а долгъ А. И. Сабурову обезпеченъ былъ 800 десятинами стараго строеваго лѣса при Воронцовѣ. Впослѣдствіи, по уплатѣ частныхъ долговъ и отчасти (кажется) долга А. И. Сабурову, Артемій Александровичъ снова вступилъ во владѣніе своимъ имѣніемъ. Хорошо, подумаешь, имѣть такихъ богатыхъ родственниковъ, какъ былъ А. И. Сабуровъ: найдись такой, и я бы, пожалуй, уцѣлѣлъ съ моими Порзнями.

Въ теченіе лѣта мы съ женою и съ обоими дѣтьми ѣздили погостить нѣсколько дней у старыхъ нашихъ знакомыхъ Домашневыхъ, въ ихъ село Изволье, верстахъ въ 30 за Алексинымъ, по дорогѣ въ Тулу. Дмитрій Ивановичъ Домашневъ былъ ярый ружейный охотникъ и сахароваръ; но сіе послѣднее предпріятіе ему не удавалось, и онъ запутался. Впрочемъ, надо и то сказать, что это произошло отчасти (какъ говорили и онъ, и мой другъ Тридонъ) отъ нетерпѣливаго его нрава, побуждавшаго его къ частымъ перемѣнамъ всей системы выдѣлыванія сахара. Не успѣетъ, бывало, одна система усвоиться какъ слѣдуетъ, какъ, не дождавшись результатовъ, онъ ее уничтожаетъ и выписываетъ новыя цѣнныя машины, совершенно иной системы. Правда, что бывали также у него нѣсколько неурожайныхъ отъ засухи годовъ, или рядъ проливныхъ дождей, отъ коихъ, при поздней уборкѣ свекловицы, она сопрѣвала. Говорили даже, что однажды кристализованный его сахаръ вышелъ чистѣйшею солью, и кончилось тѣмъ, что заводъ закрылся. Дѣтей у Домашневыхъ не было, оба они были отличные,

*) Въ то время Елисавета Александровна была еще все вдова Андрея Евграфовича Кикина. За Константина Аркадьевича Болдырева она вышла не ранѣе (если не ошибаюсь) 1860 года.

добрые и пріятные люди. Марья Петровна [1]) сидѣла, бывало, на угольяхъ, когда оба пріятеля, мужъ ея и Тридонъ, отправлялись на ружейную охоту: она боялась, чтобы, въ порывѣ минутной вспышки, они не перестрѣлялись. Да и опасенія ея были не безъ основанія. Тридонъ признавался мнѣ, что однажды онъ и Дмитрій Ивановичъ взошли въ такой азартъ, споря о лягавой собакѣ, что нашъ Французъ сказалъ своему товарищу: «Дмитрій Ивановичъ, я чувствую, что мы оба не помнимъ, что говоримъ; nous sommes trop montés. Faites comme moi; déchargez votre arme en l'air, cela sera plus prudent» [2]). Однажды, Дмитрій Ивановичъ до того избилъ на охотѣ собаку Тридона (звали ее Оскаръ, славный былъ песъ и мнѣ большой пріятель), что она прямо съ поля убѣжала по Алексинской дорогѣ (хотя хозяинъ ея первый разъ повезъ ее въ Изволье) и на слѣдующій день очутилась у насъ въ Знаменскомъ, едва волоча ноги отъ утомленія: она пробѣжала 60 верстъ по неизвѣстной ей дорогѣ. Добавлю кстати, что позднѣе она захворала (но не отъ упомянутыхъ побоевъ), долго лежала въ своемъ углу на дворѣ и вдругъ притащилась ко мнѣ въ комнату, поласкалась около меня (такъ какъ я постоянно кормилъ ее и гулялъ съ нею), какъ будто бы пришла проститься, и затѣмъ забралась съ трудомъ на чердакъ и тамъ околѣла.

Въ тѣхъ же годахъ дальній мой родственникъ, князь Петръ Дмитріевичъ Черкасскій, назначенъ былъ Симбирскимъ губернаторомъ. Удивительное дѣло! Человѣкъ онъ былъ умный, съ современными взглядами (даже прогрессистъ), работящій до пота лица, честнѣйшій и расположенный къ добру, а между тѣмъ съумѣлъ возстановить противъ себя управляемую имъ губернію, или, точнѣе сказать, всесильную мѣстную аристократію, преобладавшую въ Симбирскѣ, и даже мѣстнаго архіерея, до того, что подъ конецъ князю дѣлали разнаго рода личныя непріятности, доходившія до неучтивости. Говорили, что виновницею тому была его жена, княгиня Марія Семеновна, сильно, будто бы, вмѣшивавшаяся въ его служебныя занятія; но трудно вѣрить мнѣ, чтобы это могло породить ненависть къ бѣдному князю и его женѣ, потому что княгиня (которую я коротко зналъ) добрая и даже умная женщина. Была она, дѣйствительно, скупенька въ домашнемъ своемъ быту и подчасъ любила поразсказать о сильныхъ своихъ Петербургскихъ связяхъ въ высшей тамошней сферѣ; но это однѣ лишь женскія слабости, смѣш-

[1]) Марья Петровна Домашнева, рожденная княжна Вадбольская, двоюродная сестра князю А. М. Хилкову. Дмитрій Ивановичъ умеръ въ 1870 или 1871 году.

[2]) Мы черезъ-чуръ разгорячены; послѣдуйте моему примѣру: разрядите ваше ружье, выстрѣливъ на воздухъ; это будетъ осторожнѣе.

ныя, быть-можетъ, но которыя не должны были вызвать всеобщаго негодованія. Какъ бы то ни было, но въ числѣ сдѣланныхъ ей грубостей былъ пріѣздъ однажды къ ней съ визитомъ мѣстнаго вице-губернатора, который доложилъ ей, что онъ посланъ-де къ ней отъ всего состава Губернскаго Правленія, по случаю разногласія членовъ онаго по какому-то дѣлу, съ общей просьбою, чтобы княгиня потрудилась имъ указать, какъ рѣшить дѣло. Справедливо говаривала мнѣ позднѣе Меропа Александровна Новосильцова (въ то время, когда ея мужъ былъ Рязанскимъ губернаторомъ), что трудненько разгадать, отчего одного губернатора ненавидятъ, а другого на рукахъ носятъ. Коноводами подобныхъ неудовольствій почти что обыкновенно бывали губернскіе предводители дворянства, усиливавшіеся соперничать съ властью начальника губерніи. Это я видѣлъ въ двухъ губерніяхъ, при четырехъ губернаторахъ, трое изъ коихъ были отмѣнные люди. Я упомянулъ въ этомъ мѣстѣ о князѣ Петрѣ Дмитріевичѣ Черкасскомъ, потому что онъ около того же самаго времени пересталъ быть сосѣдомъ по имѣнію съ Н. А. Дивовымъ, а дотолѣ проживалъ лѣтомъ съ своимъ семействомъ въ с. Срезневѣ, верстахъ въ 3-хъ отъ Городища; онъ продалъ его потомъ Аннѣ Прокофьевнѣ Носковой, о коей буду говорить впослѣдствіи.

Въ началѣ Августа, Надежда Александровна написала ко мнѣ изъ Петербурга, чтобы я къ 15 числу того мѣсяца находился непремѣнно въ Коломнѣ, гдѣ ждалъ бы ея пріѣзда, и предлагала мнѣ продолжать оттуда путь съ нею въ Тамбовъ и Воронцово. Я принялъ ея предложеніе съ радостію и выѣхалъ изъ Знаменскаго наканунѣ Успеньева дня, направивъ мой путь, какъ обыкновенно, черезъ Серпуховъ и вдоль Оки мимо Каширы (лежащей на той сторонѣ Оки), переночевалъ въ слободкѣ, прилегающей къ Бѣлопесоцкому монастырю, и пріѣхалъ на слѣдующій день въ Коломну къ позднимъ обѣднямъ. Справившись на почтовой станціи (находившейся подъ единственною въ городѣ гостинницею) о г-жѣ Гавришенкѣ и узнавъ, что она не пріѣзжала, я поспѣшилъ въ тамошній древній каѳедральный соборъ, иконостасъ коего былъ убранъ живыми цвѣтами по случаю храмоваго праздника, и засталъ еще тамъ молебенъ. Побродивъ по городу, я возвратился въ гостинницу, пообѣдалъ, опять прошелся по городу, обозрѣлъ Кремль и башню, носящую имя Марининой (гдѣ Марина будто бы жила съ Тушинскимъ воромъ), а милѣйшей моей кузины все нѣтъ какъ нѣтъ, хотя уже наступила ночь. Досадно было мнѣ, и особенно потому, что тогда денегъ почти не было у меня, а я нанялъ въ Тарусѣ ямщика съ повозкою у содержателя станціи купца Позня-

кова (ямщика звали Дмитріемъ), въ надеждѣ занять деньги въ Коломнѣ у моей родственницы, чтобы расчитаться съ нимъ. Настало утро, прошелъ второй день, затѣмъ ночь, затѣмъ третій и четвертый, а кузины моей все нѣтъ. Ямщикъ мой воетъ, прокармливаетъ попапрасну свою тройку и самого себя, да еще въ долгъ; да и самому мнѣ куда какъ неловко было жить въ гостинницѣ безъ денегъ и безъ виду, кто я таковъ. Хорошо еще, что полиція не придралась ко мнѣ: объясненіе мое, что я поджидаю какую-то госпожу Гавришенко, конечно не удовлетворило бы ея. Оставаться долѣе въ такомъ глупомъ положеніи, въ незнакомомъ мнѣ городѣ, было невозможно, и я отправилъ моего человѣка Тимошу (также въ долгъ) прямо въ Городище къ Дивову съ письмомъ, съ тѣмъ, что если онъ не застанетъ тамъ моего родственника, то чтобы разсказалъ управляющему (бывшему камердинеру барина, Ивану Исаеву), въ какомъ положеніи я нахожусь въ Коломнѣ, и взялъ бы у него 50 рублей. Тимоша мой возвратился на слѣдующій день (Городище отъ Коломны почти въ 60 верстахъ). Дивова не было дома, но управляющій прислалъ просимыя мною деньги, которыми я сейчасъ же расчелъ извозчика, а съ нимъ обратно отправилъ въ Знаменское моего Тимошу, такъ какъ я долженъ былъ ѣхать съ Надеждою Александровною въ ея двумѣстной каретѣ, и некуда было бы помѣстить моего человѣка, потому что съ ней былъ свой изъ Петербурга. Между тѣмъ, послѣ Успеньева дня, пошли такіе жары, какія будто бы въ Петровки, и я снова началъ купаться въ Москвѣ-рѣкѣ до 23 (кажется) числа. Передовымъ пріѣхалъ наконецъ Василій Артамоновичъ и, отрекомендовавшись мнѣ какъ новый кузенъ, сообщилъ, что жена его должна прибыть на слѣдующій день, но что поручила ему сказать мнѣ, что если я желаю, то могу ѣхать съ нимъ въ Тамбовъ. Но я предпочелъ ждать его жены, и онъ отправился въ дальнѣйшій путь одинъ. Наконецъ, дня кажется черезъ два, явилась и моя милѣйшая сестрица съ неразлучною своею компаньонкою, Англичанкою Анною Егоровною Гарботль, и мы трое отправились на слѣдующій день, сначала въ Рязань. По милости моей кузины я прожилъ 5 или 6 дней въ Коломнѣ, но воспользовался по крайней мѣрѣ этимъ временемъ, чтобы срисовать тамошній Кремль и другія древнія достопримѣчательности.

Въ Рязани Надежда Александровна съ Анною Егоровною наняла тарантасъ въ сторону отъ большой дороги, чтобы навѣстить трехлѣтняго сына умершей ея сестры княгини Аделаиды Александровны Голицыной, который жилъ у своего дяди Ѳедора Никитича Левашева [1]),

*) Я уже говорилъ гдѣ-то, что мать князей Николая (мужа моей кузины) и Якова

женатаго на дочери Алексѣя Ѳедоровича Рахманова Спутницы мои должны были выѣхать на Ряжско-Козловскую почтовую дорогу (о желѣзныхъ тогда и помину не было), на Окуловскую станцію (вторая отъ Рязани), а я съ ихъ горничною долженъ былъ ѣхать прямо до сказанной станціи. Въ Ямской слободѣ подъ самою Рязанью (тотчасъ за Астраханскою заставой) лопнула рессора нашей городской хрупкой кареты, и мы были окружены такимъ моремъ грязи, что во все время починки кареты (для чего потребовалось не менѣе трехъ часовъ) я и горничная не могли выйти изъ экипажа. Кое-какъ дотащились мы до Окулова, и тамъ (помнится мнѣ) мы оставили карету и продолжали путь въ колискѣ, гдѣ на мое счастье были задніе козлы, куда я помѣстился.

Въ Тамбовѣ мы пробыли дня два въ собственномъ домѣ Надежды Александровны. Тамъ я познакомился съ нѣкіимъ Итальянцемъ Гуаданини, женившимся на одной Тамбовской помѣщицѣ съ состояніемъ. Антецеденты его были слѣдующіе. Онъ былъ Неаполитанецъ и художникъ (или по крайней мѣрѣ портретистъ) и пріѣхалъ въ Россію съ Андреемъ Ивановичемъ Сабуровымъ въ качествѣ его секретаря или коммиссіонера, а какъ гнѣздомъ Сабуровыхъ была все-таки Тамбовская губернія, то Гуаданини тула какъ-то попалъ. Будучи собою педурешъ, онъ плѣнилъ тамошнюю барышню съ состояніемъ и женился на ней.

Въ Воронцовѣ я прожилъ всю осень, которая была неимовѣрно продолжительна, и, дожидаясь саннаго пути, я могъ выѣхать оттуда только на другой день Рождества. Въ этотъ промежутокъ я ѣздилъ по нѣскольку разъ въ собственное (наслѣдственное) имѣніе Надежды Александровны, въ сельцо (а нынѣ село) Карiанъ въ 30 верстахъ отъ Воронцова. Тамъ я разбилъ планъ въѣзда (въ родѣ Англійскаго парка) къ господскому небольшому домику, только что поставленному, при мнѣ и начались тамошнія древесныя и кустарныя посадки, а дотолѣ вся эта мѣстность была одна голая степь, за исключеніемъ крестьянской деревни. Нынѣ въ густыхъ Карiановскихъ куртинахъ этого въѣзда-парка и въ саду давно уже распѣваютъ соловьи.

Большой двухъэтажный каменный Воронцовскій домъ былъ въ то время такъ холоденъ зимою отъ ветхости и запущенія, что въ немъ жили лишь лѣтомъ, да и то въ нижнемъ только этажѣ, а вверху

Григорьевичей Голицыныхъ, Александра Николаевна, вышла вторымъ бракомъ за Левашева, полковника въ Иркутскомъ гусарскомъ полку.

годными были въ зимнее время лишь четыре комнаты. Надежда Александровна съ ея мужемъ, Анна Егоровна и весь женскій и мужской штатъ прислуги, а также и пріѣзжіе гости, помѣщались въ двухъ боковыхъ каменныхъ одноэтажныхъ флигеляхъ. Въ одной изъ верхнихъ комнатъ большого дома жилъ я, въ двухъ небольшихъ помѣщался двоюродный мой братъ Артемій Александровичъ, а четвертая была проходная: на право, къ нему, а на лѣво, ко мнѣ. Но такъ какъ Артемій Александровичъ нерѣдко уѣзжалъ, то я оставался совершенно одинъ во всемъ домѣ, окруженный портретами во весь ростъ общихъ нашихъ предковъ Воронцовыхъ, выглядывавшихъ изъ старыхъ, поблекшихъ отъ времени, золотыхъ рамъ [1]). Иные изъ нихъ и въ особенности графъ Иванъ Ларіоновичъ Воронцовъ (дѣдъ моей матери) въ гвардейскомъ мундирѣ и его супруга, сохраняли свѣжесть колорита, какъ будто были написаны въ наше время, и потому думаю, что эти портреты принадлежатъ кисти знаменитаго нѣкогда Лампи. Тутъ вѣроятно были и лейбъ-кампанцы, устроители переворота 1741 года, возстановившаго Елисавету Петровну на престолѣ ея отца. Воронцовская портретная галлерея одна изъ самыхъ полныхъ семейства Воронцовыхъ, начиная со временъ Анны Іоанновны до конца прошлаго XVIII вѣка [2]). Въ этой коллекціи есть также и портреты постороннихъ лицъ, женившихся на графиняхъ Воронцовыхъ, въ томъ числѣ извѣстнаго кабинетъ-министра Артемія Волынскаго, также Василія Сергѣевича Нарышкина (дѣда моей жены) и даже моего отца въ его молодости. Этихъ лицъ я узнаю по подписямъ и преданіямъ, но тамъ есть много незнакомыхъ мнѣ портретовъ. Кстати о Волынскомъ, замѣчу, что у отрасли Воронцовыхъ, къ коей принадлежатъ моя мать и ея сестры, составилось какое-то высокое мнѣніе о нравственныхъ достоинствахъ Волынскаго. Семейныя наши женщины считали его какъ-бы мученикомъ, погибшимъ за свою прямоту: да и сестры мои изумлялись немало, когда я имъ разсказывалъ, что ихъ герой былъ человѣкъ со всячинкою, чтобы хуже не сказать. За одно только не очень сержусь на него, что онъ приколотилъ своеручно дурака и шута Третьяковскаго.

Обширный и старинный Воронцовскій садъ (регулярный) былъ единственнымъ мѣстомъ моихъ доблестей по ружейной охотѣ. Страсть моя была неимовѣрная, но участь горькая, и сколько я ни хаживалъ

[1]) Портреты эти висѣли временно въ проходной комнатѣ, мною упомянутой, но ихъ было тамъ немного, а большая часть ихъ наполняла (и теперь наполняетъ) пространную залу въ нижнемъ этажѣ.

[2]) Подобная же галлерея Воронцовыхъ существуетъ Владимирской губерніи въ селѣ Андреевскомъ, гдѣ умеръ въ началѣ нынѣшняго вѣка канцлеръ графъ А. Р. Воронцовъ.

съ ружьемъ въ Таганчѣ (у Понятовскихъ), въ Знаменскомъ, въ Городищѣ и въ Воронцовѣ, но никогда не удалось мнѣ убить ни единаго зайца; хотя они и выскакивали не подалеку отъ меня, но мнѣ все казалось, что они внѣ ружейнаго выстрѣла, и я не успѣвалъ стрѣлять или жалѣлъ пороха. Но въ эту осень (1850 года) я убилъ все-таки двухъ вальдшнеповъ, коихъ было множество въ Воронцовскомъ саду. Я близко подкрался, держа ружье на-готовѣ (къ плечу) и со взведенными курками, и едва вальдшнепъ поднялся, какъ я хлопнулъ и положилъ его на мѣстѣ. А другого я хватилъ изъ форточки моей комнаты (тогда я еще жилъ въ нижнемъ этажѣ большаго дома), и подстрѣлилъ его всидячку, когда онъ сѣлъ на газонный лужекъ въ саду, шагахъ въ 25 или 30 отъ дома. Этимъ ограничились мои подвиги, и сколько впослѣдствіи ни хаживалъ я на такъ называемую весеннюю *тягу*, но никогда болѣе не застрѣлилъ ни одного вальдшнепа, а доставалось отъ меня лишь бѣлкамъ и дроздамъ.

Лѣтомъ этого года насъ постигла преждевременная семейная потеря за границею въ лицѣ второй дочери моего брата, графини Маріанны Петровны, скончавшейся чахоткою лѣтъ 24 отъ роду. Она была уже тогда монашенка въ Римскомъ монастырѣ святаго Іисусова Сердца (du sacré coeur de Jésus), куда не очень задолго предъ тѣмъ поступила также ея старшая сестра, графиня Анна Петровна.

Около того же времени умеръ въ изгнаніи (въ Англіи) престарѣлый король Французовъ Людовикъ-Филиппъ. Но въ маленькомъ Тарускомъ мірѣ были также и свои два событія. Лѣтомъ или осенью того года, тамошній городской врачъ, Сергѣй Емельяновичъ Александровскій, увезъ изъ родительскаго дома Варвару Владимировну Чирикову (дочь мѣстнаго помѣщика на р. Протвѣ) и тайкомъ обвѣнчался съ нею. А въ самомъ городѣ Тарусѣ родилась въ Декабрѣ дочь Тридона, коей дано было имя Елисаветы въ честь (какъ думаю) княгини Елисаветы Александровны Голицыной, которая и была вписана заглазно воспріемницею новорожденной. И славная вполнѣ, и умная дѣвушка, вышла изъ Елисаветы Осиповны Тридонъ! А что до вышепомянутой Варвары Владимировны Александровской, это та самая особа, которая была одержима маніею заговоровъ, распространяла въ народѣ въ 1861 или 1862 году заграничныя прокламаціи къ возмущенію, извѣстныя въ свое время подъ именемъ «Золотая воля» (за что и сидѣла въ III-мъ Отдѣленіи), а въ недавнее еще время она выпроводила за границу политическаго преступника и убійцу Нечаева, но по ея возвращеніи въ Россію была предана суду и сослана на жительство въ какой-то отдаленный Сибирскій городъ.

Первозимье, хотя позднее, но было лютое. На моемъ обратномъ пути изъ Воронцова въ Знаменское я заѣхалъ въ Городище и хотя не засталъ тамъ Николая Адріяновича (гостившаго у Аркадія Африкановича Болдырева въ его селѣ Лѣсищѣ, Михайловскаго уѣзда), но я остался на нѣсколько дней въ Городищѣ не столько отдохнуть, сколько отогрѣться. Тамъ я и встрѣтилъ новый 1851 годъ втроемъ съ Александромъ Адріяновичемъ Дивовымъ и съ домашнимъ медикомъ Корнеліемъ Павловичемъ Бестомъ. Я дождался пріѣзда Николая Адріяновича. Остальную часть зимы до начала лѣта я провелъ съ моими въ Знаменскомъ. Подъ моимъ руководствомъ Анночка моя дѣлала неимовѣрные почти успѣхи въ Англійскомъ языкѣ и въ акварельной живописи. Зрѣлость ума была не по ея лѣтамъ, я и жена моя не могли на нее наглядѣться.

Зима эта была послѣдняя, проведенная мною въ Знаменскомъ въ семейномъ моемъ кругу; послѣдующія зимы до 1853 года я уже проводилъ большею частію въ Городищѣ и въ Рязани и только наѣзжалъ зимою на короткое время въ Знаменское, а съ 1853 года я поступилъ снова на службу.

Весною 1851 года возвратилась въ Тарусу прежняя артиллерійская батарея, и съ нею наши друзья-офицеры А. В. Зимнинскій и Новиковъ. Новый командиръ батареи былъ капитанъ (или подполковникъ) Александръ Михайловичъ Кубаркинъ, который, къ удивленію всего города, вскорѣ женился на одной бѣдной и умной, но уже не первой молодости дѣвушкѣ Вѣрѣ Матвѣевнѣ Осокиной, дочери давно умершаго Тарускаго стряпчаго.

Этою-же весною кузенъ мой Н. А. Дивовъ, снисходя къ стѣсненному моему положенію, предложилъ мнѣ переѣхать совсѣмъ на жительство къ нему въ Городище и подъ его руководствомъ заняться управленіемъ этого его имѣнія съ назначеніемъ мнѣ по 50 р. сер. въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ. Нечего говорить, что я съ радостію принялъ столь родственное съ его стороны предложеніе и переѣхалъ въ Іюнѣ въ Городище, а 1800 р. сер. пенсіона, получаемаго отъ добрѣйшаго моего брата, я предоставилъ сполна моему семейству въ Знаменскомъ.

До 1849 года, когда Н. А. Дивовъ поселился въ Городищѣ (около 700 душъ) оно состояло на оброкѣ, но съ того времени Дивовъ завелъ господскую трехпольную запашку по 160 десятинъ въ полѣ и всѣхъ крестьянъ посадилъ на барщину. Ломка для того была немалая; но она сдѣ-

лалась еще хлопотливѣе и потребовала денежныхъ издержекъ, когда Николай Адріяновичъ перевелъ сразу (въ одинъ годъ) деревню старое Городище, расположенную около самаго господскаго его дома, на другое мѣсто за рѣкою Мечою и прозвалъ эту новую деревню Нагорнымъ Городищемъ; всю же прежнюю усадебную крестьянскую землю онъ включилъ въ господскія поля. Переселеніе это состоялось безъ всякаго ущерба для крестьянскаго хозяйства, благодаря щедротамъ помѣщика, но конечно не безъ тайнаго ропота переселенцевъ, крѣпко привыкшихъ къ старому ихъ пепелищу. Надо добавить, что одна изъ главныхъ причинъ, побудившихъ Дивова къ этой мѣрѣ, была его дальновидность. Онъ еще въ 1846 году (отъѣзжая за границу) имѣлъ вѣрныя свѣдѣнія, что въ Петербургскихъ высшихъ сферахъ шли исподоволь работы для уничтоженія крѣпостной зависимости [1]); потому Дивовъ приступилъ заранѣе отдѣлить господскія его земли отъ крестьянскихъ на случай обязательнаго надѣла крестьянъ пахатною землею. Рѣка Меча сдѣлалась съ того времени натуральнымъ урочищемъ между господскими и крестьянскими землями съ ихъ угодьями.

Занимаясь агрономическою и хозяйственною частію въ Городищѣ подъ руководствомъ самого владѣльца этого имѣнія, я конечно всячески старался оправдать его довѣріе и хотя онъ лестно всегда отзывался о моемъ стараніи, но сомнѣваюсь, чтобы я въ сущности принесъ ему какую либо пользу, а достовѣрно то, что въ теченіе болѣе года, когда я какъ бы управлялъ этимъ имѣніемъ, я никогда однакоже не могъ составить себѣ ясное понятіе о сложной весьма системѣ управленія, введенной хозяиномъ, и еще менѣе о бухгалтеріи вотчинной его конторы; но ее велъ, къ счастію моему, старшій конторщикъ Шохинъ, и я избавленъ былъ отъ провѣрки конторскихъ книгъ. Особенно головоломенъ былъ порядокъ рекрутской повинности, въ коей безразлично участвовали, если не натурою, такъ деньгами, всѣ крестьяне-домохозяева безъ исключенія [2]). Система эта основана была (въ томъ не

[1]) Въ 1847 году Государь Николай Павловичъ желалъ приступить не спѣша и секретно въ этой великой и справедливой реформѣ, но пріостановился по случаю возникшаго анархическаго движенія въ Европѣ въ 1848 и 1849 годахъ, а позднѣе началась Крымская война. Въ самомъ же началѣ 1848 г. (до Парижскихъ Февральскихъ событій), Дивовъ, наслаждаясь досыта Неаполитанскимъ зимнимъ солнцемъ, получилъ тайное увѣдомленіе отъ графа А. Ѳ. Орлова о началѣ приготовительныхъ бюрократическихъ занятій по проекту объ освобожденіи крестьянъ, и вотъ почему онъ тотчасъ вернулся въ Россію; но по причинѣ смутъ въ центрѣ Европы онъ отправился моремъ черезъ Константинополь и Одессу и позамѣшкался отъ этого по пути. По пріѣздѣ его прямо въ Петербургъ, графъ А. Ѳ. Орловъ объявилъ ему, что о предположенной крестьянской реформѣ и помину болѣе не было.

[2]) Раздѣлы крестьянскіе ни подъ какимъ видомъ не дозволялись у него въ имѣніи,

сомнѣваюсь) на справедливыхъ началахъ; но оно такъ и осталось до конца Китайскою для меня грамотою. Дозволю однакоже себѣ сказать, что сложность во всѣхъ его распоряженіяхъ и повсюду выглядывающій педантизмъ, были любимыми конькамп почтеннѣйшаго моего кузена, тогда какъ многое могло бы быть упрощено безъ ущерба для хозяйства. Въ деталяхъ онъ требовалъ какого-то идеальнаго, невозможнаго совершенства, и потому почти всегда оставался недоволенъ, когда распоряженія и предначертанія его приводились въ исполненіе. О немъ весьма удачно сказала одна общая наша знакомая умнѣйшая особа, еслибы у него былъ управляющимъ даже его двойникъ то (son Sosie) Николай Адріяновичъ не былъ бы доволенъ имъ.

Что̀ дѣйствительно было у него хорошо, это заведенный крестьянскій мірской хуторъ, обработывавшійся обязательно крестьянами при особенномъ старостѣ, надзоръ и контроль надъ коимъ Дивовъ предо̀ставилъ самому себѣ исключительно, а также и отчетность по сему хутору. Для этого отрѣзывалась незначительная часть крестьянскихъ общихъ пахатныхъ земель въ размѣрѣ всего 24 десятинъ, по 8 десятинъ въ полѣ*) при особенно устроенной для сего молотильной ригѣ и зерносушильнѣ. Накопившійся такимъ образомъ мало по малу хлѣбъ (озимый и яровой) выдерживался до времени, когда возвышались цѣны на хлѣбномъ рынкѣ, и тогда весь онъ продавался до зерна (за исключеніемъ нужнаго для посѣвовъ), а деньги вносились на проценты въ Сохранную Казну съ обозначеніемъ на билетахъ, что деньги эти принадлежали такому-то мірскому обществу. А когда цѣны на хлѣбъ были низкія, всѣ накопившіяся деньги употреблялись на покупку хлѣба. Отъ подобныхъ оборотовъ Дивовъ показывалъ мнѣ въ то время билеты на 36 тыс. р. сер., принадлежавшіе крестьянамъ Нижегородскаго его имѣнія (гдѣ мірской хуторъ давно существовалъ), состоявшаго изъ 800 душъ (но при весьма значительномъ количествѣ полу-черновой почвы), и онъ сказывалъ мнѣ, что проценты отъ этого капитала покрывали всѣ рекрутскія издержки. Изъ денегъ этого-же капитала построена была въ томъ же имѣніи каменная церковь; а послѣ 19 Февраля 1861 года въ мірскомъ обществѣ оставалось еще на лицо до 18 тыс. р. сер.

и потому были семейства изъ 20 лицъ, патріархально подчиненныхъ главѣ семейства.

*) Ограниченный этотъ размѣръ соотвѣтствовалъ размѣру Рязанскаго имѣнія; но въ имѣніяхъ Дивова въ Нижегородской и Саратовской губерніяхъ онъ былъ много значительнѣе. Эта мірская запашка не имѣла ничего общаго съ запасными мірскими магазинами, учрежденными тогда правительствомъ.

Вся система управленія у Дивова, хотя и излишне сложная, была раціональна и клонилась къ видимой пользѣ крестьянскаго домашняго быта. Но была она тѣмъ не менѣе весьма строгая (хотя не примѣнялось никакихъ тѣлесныхъ наказаній) и существовать могла на практикѣ только при неослабѣвающемъ никогда личномъ надзорѣ человѣка одареннаго такою желѣзною волею, какая свойственна была Дивову. За легкія провинности *), крестьяне должны были рыть по стольку-то саженъ канавъ и исполняли подобныя работы не въ счетъ барщины, и въ свободное для нихъ время: а за болѣе важныя виновные переселялись въ другія имѣнія Дивова, отдавались въ солдаты безъ очереди и отсылались на поселеніе въ Сибирь. Для всего этого была въ вотчинной конторѣ особенная штрафная книга, и послѣ третьей (если не ошибаюсь) записи въ ней, лица провинившіяся отсылались на поселеніе. Всякія мірскія сходки строго были запрещены, а также коллективныя отъ міра прошенія владѣльцу, но не возбранены были частныя (отъ одного лица) жалобы на бурмистровъ или старостъ.

Въ концѣ этого лѣта (1851 года) умеръ Рязанскій губернаторъ, Павелъ Сергѣевичъ Кожинъ; но преемникъ его, Петръ Петровичъ Новосильцевъ, былъ назначенъ только въ концѣ того года и прибылъ къ мѣсту новаго служенія уже въ 1852 году. Еще за годъ до своей кончины, П. С. Кожинъ успѣлъ женить своего сына Петра Павловича на 16-тилѣтней Шуваловой, одной изъ богатѣйшихъ невѣстъ Рязанской губерніи. П. С. Кожинъ былъ, какъ слышно, желчнаго темперамента и имѣлъ служебныя непріятности съ мѣстнымъ дворянствомъ; но, будучи племянникомъ тогдашняго министра двора, онъ имѣлъ сильную въ Петербургѣ поддержку. Чуть-ли не единственнымъ лицомъ, съ которымъ П. С. Кожинъ подружился во время своего губернаторства въ Рязани, былъ предсѣдатель Казенной Палаты, Николай Максимовичъ Княжевичъ (братъ коего, Александръ Максимовичъ, былъ, много позднѣе, министромъ финансовъ). Этотъ Николай Максимовичъ былъ страстный садоводъ и цвѣтоводъ и много тратилъ на этотъ предметъ и на оранжереи своей дачи подъ Рязанью, коими завѣдывалъ искусный Нѣмецкій садовникъ Кранихъ.

При описаніи сосѣдей Н. А. Дивова я пропустилъ старую генеральшу Анну Прокофьевну Носкову (рожденную Таптыкову), купив-

*) Какъ наприм.; за пьянство или учиненное неважное буйство, а также если Дивовымъ замѣчено было, что бочка, стоявшая въ лѣтнее время передъ каждымъ крестьянскимъ дворомъ на улицѣ (а зимою въ теплой избѣ), на случай пожара, оказывалась пустая.

шую незадолго передъ тѣмъ село Срезнево у князя Петра Дмитріевича Черкасскаго. Въ феноменальной своей скаредности она могла соперничать только съ Мольеровымъ Гарпагономъ и съ Гоголевскимъ Плюшкинымъ. Крестьянскіе мальчишки и дѣвчонки были у нея, будто бы, обложены повинностью приносить (безвозмездно) по нѣскольку паръ (или десятковъ) воробьевъ въ годъ, и это составляло основную ея пищу. Плита не каждодневно топилась у нея, и въ таковые дни она довольствовалась молочкомъ съ хлѣбомъ и творогомъ, каковою пищей она иногда угощала гостей интимнаго своего кружка, но не высокаго полета. Она была вдова, и какъ дѣтей у нея не было, она взяла на воспитаніе родную свою племянницу и крестницу, Софью Петровну Таптыкову, и сдѣлала ее единственною своею наслѣдницей. Дѣлала-ли генеральша Носкова исключеніе отъ голоднаго своего ежедневнаго режима въ пользу племянницы, сказать не могу; но въ описываемое мною время семнадцатилѣтняя Софья Петровна разцвѣла какъ пышная роза, кровь съ молокомъ, высокая, стройная, черноволосая и черноглазая *).

Въ концѣ этого лѣта былъ первый пожаръ въ сельцѣ Кареевѣ (у Алексѣя Аѳанасьевича Ракитина); сгорѣли скотный дворъ, конюшни и другія усадебныя постройки, но господскій домъ уцѣлѣлъ. И куда дѣвалась обычная энергія старика-краснобая!. Онъ мгновенно потерялъ всякую способность дѣйствовать и почти что мыслить, и впалъ какъ бы въ дѣтство. Пожарныя трубы не замедлили подоспѣть изъ Городища (разстояніе было около пяти верстъ), и подъ моимъ распоряженіемъ пожаръ ограничился упомянутыми строеніями. Въ знакъ благодарности, старикъ Ракитинъ, по пріѣздѣ своемъ зимою въ Москву, выслалъ мнѣ оттуда огромный куль Крымскихъ яблокъ, до коихъ я великій охотникъ, и кои я въ непродолжительномъ времени покончилъ до единаго, къ великому ужасу Городищенскихъ хозяевъ. Говорю къ ужасу, потому что въ числѣ фантазій обоихъ братьевъ Дивовыхъ была и та, что всякіе сырые плоды казались имъ чѣмъ-то въ родѣ ядовитой пищи и, глядя на своихъ господъ, дворецкій Дороѳей Дмитріевичъ (выученикъ кулинарной лабораторіи ex-министра Гизо) пожималъ плечами, когда я принимался за мой кулекъ.

Осень эта была до того итальянски тепла, что въ началѣ Октября созрѣли вторые огурцы, а 13-го числа георгины и прочіе однолѣтніе цвѣты были еще въ разгарѣ; первый морозецъ показался только 14-го или 15-го числа.

---

*) Она вышла замужъ за Вологодскаго господина, Климента Ивановича Энгельмейера.

Страсть къ коннозаводству появилась у Николая Адріановича въ началѣ этого 1851 года. Она была напускная, но въ то время держалась въ ограниченныхъ еще размѣрахъ. Первоначально онъ купилъ у А. А. Болдырева трехъ или четырехъ рысистыхъ матокъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онѣ оставались на время въ Лѣсищѣ (имѣніи А: А. Болдырева въ Михайловскомъ уѣздѣ) и случались бы съ тамошними рысистыми жеребцами. Но вскорѣ послѣ этого почина новая прихоть приняла громадные размѣры, и на нее истрачено было, конечно, болѣе 100 тыс. р. сер.

Кстати о Болдыревѣ, личности, составленной изъ странныхъ противорѣчій. Будучи сыномъ мелкопомѣстнаго дворянина Михайловскаго уѣзда, онъ не получилъ никакого особеннаго образованія и не говорилъ даже по-французски, дотянулъ военную лямку до полковничьяго чина (впрочемъ, кажется, въ гвардіи) и потомъ былъ плацъ-маіоромъ въ Петербургѣ. Онъ въ то время втянулся въ большую игру и въ непродолжительномъ довольно времени выигралъ какой-то громадный кушъ (чуть-ли не въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей ассигнаціями); но эту сумму онъ уже не рискнулъ поставить на карту, а купилъ значительное довольно имѣніе, сельцо Лѣсище, въ своемъ Михайловскомъ уѣздѣ, гдѣ и выстроилъ огромный деревянный палаццо въ два этажа, съ залами и аванзалами, а по бокамъ дома маленькій городокъ, для господскихъ службъ, и большой флигель для пріѣзда гостей, и надъ всѣми этими постройками парили двѣ превысокія каланчи. Одновременно онъ основалъ свой, знаменитый впослѣдствіи, заводъ рысистыхъ лошадей и выстроилъ щегольскія конюшни въ нѣсколько рядовъ, съ большимъ салономъ, съ каминами, для выводки лошадей на показъ покупателямъ. Завелъ онъ также роскошную псовую охоту, съ оркестромъ духовой музыки, и весь этотъ охотничій и музыкальный людъ былъ одѣтъ въ фантастическихъ зеленыхъ съ галунами кафтанахъ и съ откидными красными рукавами. На все это онъ употребилъ выигранныя нѣкогда деньги, и фортуна улыбалась ему, въ ущербъ служебной его карьерѣ. Покойному Государю показалось, быть-можетъ, сомнительнымъ, чтобы столь огромный кушъ могъ быть выигранъ безъ фальши; онъ сталъ выказывать нерасположеніе къ счастливцу, и мнѣ передано было отъ одного современнаго лица, что однажды на дворцовомъ церемоніальномъ выходѣ, по случаю какого-то большого праздника или торжества, когда, по принятому обычаю, Государь самъ поздравлялъ лицъ первыхъ четырехъ классовъ съ награжденіями, прежде чѣмъ таковыя печатались въ высочайшихъ приказахъ, онъ, проходя мимо А. А. Болдырева, сказалъ будто бы ему: «Поздравляю тебя»...., послѣ каковыхъ

словъ поздравленный ожидалъ, конечно, услыхать изъявленіе царской къ нему милости, и уже преклонилъ всеподданнѣйше голову, по Государь добавилъ: «съ большимъ выигрышемъ». Вскорѣ послѣ сказаннаго случая Болдыревъ былъ назначенъ комендантомъ въ Моздокъ (или другое гдѣ-то отдаленное на Кавказѣ мѣсто); но онъ предпочелъ выйдти въ отставку и поселился въ своемъ Лѣсищѣ.

Кто была первая его жена, не знаю. Отъ нея онъ имѣлъ четырехъ сыновей, изъ коихъ трое нынѣ въ живыхъ; а женился онъ вторично въ сороковыхъ годахъ, когда ему было за 50 отъ роду лѣтъ, на красавицѣ графинѣ Еленѣ Павловнѣ Паленъ (дочери графа Павла Петровича Палена, отъ второй его жены, рожденной графини Орловой-Денисовой), коей было въ то время менѣе 20 лѣтъ. Какими судьбами состоялся этотъ неравный бракъ, разскажу немного далѣе. Болѣе сочувственнаго къ чужому горю или бѣдствію человѣка, какимъ былъ Аркадій Африкаиовичъ, трудно встрѣтить: онъ готовъ былъ снять съ себя крестъ и послѣднюю рубашку и отдать послѣдній свой рубль, чтобы помочь тому, кого онъ искренно полюбитъ. Таковому онъ охотно подарилъ бы цѣнную лошадь своего завода (какъ онъ однажды хотѣлъ подарить мнѣ одну верховую кровную лошадь, которую я было торговалъ по порученію одной дамы), и рядомъ съ этою щедростью въ немъ была та физіологическая аномалія, что какъ только дѣло шло съ посторонними покупателями его лошадей, онъ какъ бы придерживался Русскому гостиподворческому правилу, что торговля не торговля, если въ ней нѣтъ обмана, и тѣмъ самымъ уронилъ, какъ я слышалъ, репутацію своего завода. Впрочемъ, фальшивое понятіе, что барышническій обманъ не есть безчестное дѣло, вкоренилось и въ кавалеристахъ, да и во всемъ почти нашемъ обществѣ, какъ бы гражданское право, даже и у людей во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ честныхъ. Только что и слышишь поговорку: «гляди въ оба, когда торгуешь лошадь», и это служитъ какъ бы оправданіемъ. Но у добраго Аркадія Африкаповича была еще и другая странность, относившаяся къ религіознымъ его понятіямъ. Будучи очень набоженъ, онъ предъ начатіемъ каждаго дѣла творилъ три крестныя знаменія: вещь, конечно, похвальная, но привычку эту онъ примѣнялъ къ дѣламъ вовсе небогоугоднымъ. Такъ однажды, когда готовилась большая игра у одного изъ коротко ему знакомыхъ людей, вдругъ нашъ Болдыревъ скрылся. Вся компанія, готовившаяся сѣсть къ зеленому столу, пустилась въ розыски, и что же? Его находятъ въ темной сосѣдней компатѣ, за дверью, усердно кладущаго земные поклоны, для полученія Божіей милости, чтобы ему повезло въ карты.

При многихъ хорошихъ въ немъ сторонахъ, не былъ онъ изъятъ отъ слабости лѣзть въ знать, и вотъ, вѣроятно, почему онъ посватался къ дѣвицѣ безъ приданнаго, но носившей графскій титулъ и на тридцать съ излишкомъ лѣтъ моложе его [1]). Мать же ея считала А. А. Болдырева хотя и перезрѣлымъ женихомъ, но выгодною для ея дочери партіей, и онъ впослѣдствіи поручился за свою тещу въ огромную какую-то сумму (что-то около 150 тыс. руб. сер.). Въ качествѣ ея повѣреннаго, онъ велъ продолжительный процессъ по случаю тяжбы, возникшей по сему дѣлу, и пришлось ему расплачиваться за свою тещу. Ударъ этотъ въ совокупности съ упадкомъ Лѣсищенскаго коннаго завода и продолжительное несчастіе въ игрѣ, отъ каковой онъ не отставалъ, разстроили окончательно его состояніе и даже, быть можетъ, ускорили его кончину [2]), и ничего почти не осталось его сыновьямъ. Старшій изъ нихъ, Николай Аркадьевичъ, въ бытность свою молодымъ офицеромъ въ кавалергардскомъ полку, женился при жизни еще отца на дочери графа Гендрикова; но графъ не иначе согласился выдать свою дочь за него какъ съ условіемъ, чтобы Аркадій Африкановичъ немедленно отдѣлилъ своего сына, вслѣдствіе чего онъ получилъ, при жизни своего отца, небольшое свое имѣніе сельцо Триполье (въ томъ же Михайловскомъ уѣздѣ), дававшее доходу около двухъ тысячъ р. сер. въ годъ.

Никогда не забуду одолженій, оказанныхъ мнѣ Аркадіемъ Африкановичемъ въ ту пору, когда средства мои были на столько скудны, что я перебивался почти что однимъ своимъ жалованіемъ губернаторскаго чиновника особыхъ порученій, что́, съ разъѣзднымъ и суточными, немного превышало 600 р. сер. въ годъ, и потому накрѣпко чту память этого человѣка. И какъ деликатно оказывалъ онъ мнѣ пособіе! Вотъ какъ было дѣло.

Читатель вспомнитъ, можетъ статься, мою статную, но капризную до нельзя кровную верховую кобылу Паризину, чуть не сломавшую мнѣ голову въ Москвѣ весною 1843 года. Много позднѣе, Степанъ Сергѣевичъ Ланской (нынѣ графъ), съ коимъ я былъ друженъ, дозволилъ мнѣ перевести эту кобылу въ его конюшню для случки ея съ кровно-скаковыми жеребцами его завода. Приплода я не получилъ отъ нея, и она, не знаю отчего, тамъ ослѣпла. И вотъ, въ 1850 или 1851

---

[1]) Добавить слѣдуетъ о Еленѣ Павловнѣ, что, не взирая на неравенство ея лѣтъ съ мужемъ, она вела себя безукоризненно.

[2]) Онъ умеръ въ 1857 (кажется) году. Сыновья его не могли продолжать конный заводъ и продали сельцо Лѣсище графу Дмитрію Андреевичу Толстому.

году. Аркадій Африкановичъ обязательно согласился на просьбу Н. А. Дивова взять мою кобылу въ его заводъ для случки съ верховыми жеребцами (такъ какъ велась у него и эта порода), и не только онъ не поставилъ мнѣ въ счетъ содержанія этой лошади, но весь отъ нея приплодъ (всего, помнится мнѣ, двухъ кобылъ и жеребчика) сбывалъ наравнѣ съ своими лошадьми по выгодной цѣнѣ и вырученныя деньги сполна мнѣ отдавалъ. Могу ли я забыть такое одолженіе?

Возвращаюсь къ Городищенскимъ жителямъ. Дивовъ, присутствуя у обѣдни въ своемъ селѣ Старолѣтовѣ, замѣтилъ высокаго сутуловатаго старика въ изношенномъ длиннополомъ сюртукѣ толстаго синяго сукна, стоявшаго на клиросѣ нѣсколько воскресеній сряду и, узнавъ, что это былъ однодворецъ князь Кропоткинъ, владѣтель двухъ (кажется) мужскаго пола душъ съ ихъ семействами, подошелъ къ нему, чтобы оказать бѣдняку какое либо пособіе въ случаѣ его нужды. Застѣнчивый старичекъ началъ съ того времени изрѣдка навѣщать богатаго своего сосѣда и впослѣдствіи просить по нѣскольку разъ милости выдавать ему заимообразно отъ двухъ до четырехъ четвертей хлѣба на посѣвъ. Нѣчего и говорить что братъ мой былъ радехонекъ удовлетворять этимъ скромнымъ требованіямъ дворянина-пахаря (онъ самъ пахалъ наравнѣ съ обоими своими крѣпостными работниками), и нашъ однодворецъ всегда акуратно отдавалъ занимаемый имъ хлѣбъ. Но вотъ, въ одно прекрасное утро, онъ является къ Дивову съ совершенно другаго рода просьбою: «Ваше прев....во», началъ онъ, «много благодѣяній оказывали вы мнѣ; такъ не откажите и въ слѣдующей моей покорнѣйшей просьбѣ. Сынишка у меня на возрастѣ и едва знаетъ грамотѣ, а какъ у васъ школа для мальчиковъ*), то прикажите принять и моего парнишку туда».—«Съ большимъ удовольствіемъ готовъ я сдѣлать это для васъ, любезный князь», отвѣчалъ Николай Адріяновичъ; «но вѣдь не обидно-ли будетъ это для васъ и для вашего сына? Вѣдь вы хоть и бѣдны, а все-таки изъ дворянъ и даже князь, а у меня одни только крестьянскіе мальчики обучаются».—И полноте, ваше прев....во: куда нашему брату голопяту чваниться! Благо-бы парнишка-та мой сдѣлался по вашей милости мало-толико грамотѣемъ». «Ну, если такъ», сказалъ Дивовъ, «такъ присылайте его сюда, когда

*) Въ Городищѣ была въ то время отлично устроенная школа, обязательная для всѣхъ мальчиковъ этого имѣнія, отъ семилѣтняго до десятилѣтняго возраста. Учителями въ ней были мѣстный приходскій священникъ и старшій конторщикъ Шохинъ, и сверхъ того навѣщалъ школу, какъ ревизоръ (по приглашенію Дивова), мѣстный благочинный, священникъ сосѣдняго села Долгомостья, Иванъ Терентьевичъ (нынѣ умершій), рѣдкихъ достоинствъ человѣкъ и феноменъ въ сословіи сельскаго духовенства.

вамъ будетъ угодно». Но каково было удивленіе Николая Адріяновича, когда онъ увидалъ, что княжьему паршишкѣ было 17 или 18 лѣтъ, а ростомъ онъ почти что съ отца. Смѣшно было бы усадить его на одной скамьѣ съ 8-ми и 9-ти лѣтними мальчиками, а потому братъ мой назначилъ ему особое помѣщеніе и приказалъ конторщику Шохину заниматься съ нимъ отдѣльно въ своей комнатѣ, а не въ школѣ. Черезъ два три года паршишка нашъ настолько уже успѣлъ набраться грамотности, что Дивовъ могъ опредѣлить его писцомъ въ одно изъ Рязанскихъ присутственныхъ мѣстъ.

Я какъ-то упомянулъ выше и вскользь о Городищенскихъ нашихъ трапезахъ, названныхъ мною гастрономическими. Для меня онѣ были отяготительны по причинѣ ихъ продолжительности; но эта продолжительность не зависѣла отъ числа блюдъ (коихъ было не болѣе четырехъ), но отъ того, что хозяинъ нашъ ввелъ у себя въ обычай, чтобы между каждымъ блюдомъ былъ антрактъ никакъ не менѣе десяти минутъ. Какъ безпристрастный бытописатель, не могу скрыть, что у почтеннаго моего кузе́па была не одна таковая фантазёрная привычка, происшедшая отчасти отъ его желанія не дѣлать того, что̀ дѣлаютъ всѣ прочіе смертные. Въ цѣломъ свѣтѣ принято, напримѣръ, чтобы послѣ супа подавалось мясное, а у Дивова это не допускалось, и вторымъ блюдомъ бывало что нибудь изъ мучного, напр. макароны по неаполитански, рисъ по милански, или гречневая каша на грибномъ бульонѣ съ мозгами и мушкатнымъ орѣхомъ; потомъ легкій сотѐ изъ рыбы, курицы, дичи, мозговъ или телячьихъ ножекъ, всё это въ соусѣ, а только подъ конецъ мясное изъ разварного филея, солонины или жареныхъ реберъ (entrecôtes), говяжьяго огузка, баранины или зайца (телятины Дивовъ не любитъ), и къ жаркому подаютъ нюрѐ изъ какихъ нибудь овощей, а вмѣсто десерта ничего̀ другого въ то время не подавалось какъ варенье Да и обѣденный часъ двоюродный братецъ мой варіировалъ, глядя по времени года. Въ серединѣ лѣтняго сезона онъ придумалъ обѣдать въ два часа, дабы послѣ двухъ-часового отдыха, необходимаго ему для дижестіи (хотя онъ и не ложился послѣ обѣда), онъ могъ совершать свои прогулки по хозяйству. Когда-же дни укорачивались на столько, что въ началѣ седьмого часа начинало смеркаться, мы обѣдали въ семь часовъ, при свѣчахъ. Зимою обѣденный часъ все спускался: сначала, до половины седьмаго, потомъ до шести, и останавливался окончательно на весь зимній сезонъ въ 5 часовъ. А перво-осенній скачекъ отъ 2-хъ до 7-ти часовъ вечера былъ мотивированъ тѣмъ, чтобы Дивову имѣть время прогуляться досыта и не спѣша, до своего обѣда. Такъ какъ онъ закусывалъ въ 1-мъ часу

мяснымъ блюдомъ, ломтемъ сыра или яичницею и выпивалъ здоровую рюмку мадеры, то ему легко было дотянуть до обѣда въ семь часовъ вечера; а глупый мой желудокъ не могъ никогда усвоить себѣ эту всеобщую, впрочемъ, привычку второго завтрака, и мнѣ чрезмѣрно тяготительно было дожидаться столь поздняго обѣда съ однимъ утреннимъ чаемъ. А обѣденное время въ 2 и даже въ 3 часа было мнѣ также неудобнымъ, потому что мнѣ и тогда и по сю пору никогда ѣсть не хочется до 5 часовъ. Да и самые меню, «menu», и сервировка этихъ обѣдовъ были мнѣ не по нутру. Проголодавшись, бывало, до седьмого часа вечера, накинешься на супъ, а во время десятиминутныхъ антрактовъ между каждымъ блюдомъ поневолѣ набьешь желудокъ сухимъ хлѣбомъ, и къ появленію остальныхъ блюдъ я находился въ томъ неопредѣленномъ состояніи, что̀ называется ни сытъ, ни голоденъ. Впрочемъ, все это фантазёрство въ сервировкѣ и въ частой перемѣнѣ обѣденнаго часа тяготило только домашній, ежеденный кружекъ хозяина дома, а при гостяхъ мало-мальски почетныхъ Диковъ обѣдалъ въ 5 часовъ, какъ водится въ высшихъ столичныхъ домахъ, и безъ антрактовъ между блюдами, и подавался вторымъ блюдомъ послѣ супа Англійскій ростъ-бифъ или другое «pièce de résistance». Но не любитъ кузёнъ мой этого порядка, не любитъ онъ вообще появленія у него за столомъ вальяжнаго мясного блюда, потому что насыщаться сразу въ самомъ началѣ обѣда противно гастрономическому его кодексу, а любитъ онъ щекотать и лакомить свои уста и языкъ легкими соусами, сальми и сотѐ, съ прихотливыми приправами.

Послѣ моихъ имянинъ я поѣхалъ въ Знаменское, гдѣ и встрѣтилъ съ своими новый 1852 годъ. У Шабишевыхъ устраивался тогда домашній спектакль, въ коемъ меня пригласили участвовать. Одною изъ піесъ была: «Въ людяхъ ангелъ не жена, съ мужемъ дома сатана», удачная довольно передѣлка Московскимъ актеромъ Д. Т. Ленскимъ Французской піесы «L'ange dans le monde et le diable à la maison». Въ ней амплуа любовника было первенствующимъ, и мнѣ предоставлено былъ это амплуа, а первую женскую роль изучивала миловидная и живая Александра Романовна Поливанова, да и роль была ей подъ стать, будто бы для нея написанная. Весьма лестно казалось мнѣ быть на сценѣ молодымъ мужемъ-любовникомъ женщины, коей я и безъ того старался нравиться, не взирая на мои почти 45 лѣтъ, и я принялся было за дѣло, твердо уповая не посрамить талантливую мою подругу и мнимую жену. Но чтобы исполнить эту роль, какъ было мнѣ желательно, приходилось одолѣть двѣ трудности. Первая была та, что я никогда въ жизни не испытывалъ еще своей способности въ высшей

драматургіи, а подвизался лишь въ водевильчикахъ; а вторая была та, что я самъ боялся, что настоящія мои лѣта не могутъ, пожалуй, гармонировать съ ролью молодого мужа-любовника. Тѣмъ не менѣе, на репетиціяхъ я, кажется, не ударилъ лицомъ въ грязь, и кое-что выкупалъ пѣніемъ моимъ въ куплетахъ и «morceau d'ensemble». Позднѣе я узналъ, что Александра Романовна выбрала меня для этой роли въ пикировку, будто бы, артиллеристу Алексѣю Васильевичу Зимнинскому, который ухаживалъ за нею и очень желалъ сыграть эту роль съ нею; или потому, что мужу ея (искреннему моему другу) Константину Александровичу желательно было (пожалуй, что изъ ревности), чтобы жена его играла по сценѣ со мною, а не съ молодцоватымъ этимъ офицеромъ; или, быть-можетъ, наконецъ, и потому, что безголосому и немузыкальному А. В. Зимнинскому невозможно бы было пропѣть куплеты. Въ водевилѣ, предназначенномъ для второй піесы, мнѣ не приходилось участвовать, и въ немъ играли: хозяйская дочь Надежда Николаевна (впослѣдствіи Никитина) и двое ея братьевъ, всѣ трое настоящіе артисты. И теперь памятно мнѣ, съ какою натуральностью представляла чванствующую мелкую чиновницу молодая Надежда Николаевна, и съ какимъ оживленіемъ и оскорбленнымъ самолюбіемъ она накидывалась на мѣщанку или купчиху, напоминая ей:

„Безчинствовать не водится съ чиновными людьми.
Я ваше благородіе, а вы что?—Каковы!“.

Было у насъ нѣсколько репетицій этого спектакля, обѣщавшаго сойти съ рукъ какъ по маслу, какъ вдругъ меня схватилъ на самой репетиціи сильный пароксизмъ лихорадки, и я ускакалъ домой; ночью сдѣлался у меня бредъ, и я не могъ выходить нѣсколько дней изъ комнаты, а когда сталъ поправляться (это было въ концѣ Января), получилъ письмо отъ Николая Адріановича, вызывавшее немедленно меня прямо въ Рязань, по просьбѣ о томъ Меропы Александровны Новосильцевой, чтобы содѣйствовать ей въ устройствѣ благородныхъ спектаклей, концертовъ, живыхъ картинъ и подобныхъ тому увеселеній, долженствовавшихъ ознаменовать первоначальную административную эру Петра Петровича Новосильцева. Въ Городищѣ засталъ я еще Н. А. Дивова готовившагося уѣзжать на всю остальную зиму въ Петербургъ и, по желанію его, я переѣхалъ на нѣкоторое время въ Рязанскій его домъ (близъ Астраханской заставы), имъ купленный года два передъ тѣмъ.

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА [1]).

Боюсь, какъ бы недостало такихъ яркихъ колеровъ на моей палитрѣ, чтобы написать разнообразную, оживленную и блестящую картину, каковую представляла Рязань, погруженная въ апатично-провинціальный сонъ при предшественникѣ П. П. Новосильцова. Мѣстная общественная жизнь мгновенно стала походить на ту, о которой говорится въ баснѣ «Стрекоза и Муравей»:

„Пѣсни, рѣзвость всякій часъ,
Такъ что голову вскружило",

и хотя не было еще тогда, какъ нынѣ, семичасового проѣзда по желѣзной дорогѣ изъ Москвы въ Рязань, но пріѣзжали нарочно на наши празднества Москвичи и Москвички изъ высшаго тамошняго круга.

Новосильцовы прибыли въ Рязань, окруженные своимъ маленькимъ штатомъ, состоявшимъ изъ Михаила Ивановича Бернарда и его сына Евгенія Михайловича [2]), Аграфены Николаевны Гриневой (воспитательницы дѣтей Петра Петровича отъ перваго его брака съ Мансуровой), старухи Авдотьи Ѳедоровны Волжинской, давно проживавшей въ семьѣ Новосильцовыхъ, и изъ вновь выпущенной институтки Маріи Петровны Купферштейнъ, которая воспитывалась на счетъ Петра Петровича. Единственная отъ втораго брака дочь, его Софья Петровна, тогда пятилѣтній ребенокъ, была такимъ живымъ портретомъ своего отца, что Московская наша Сафо, графиня Е. П. Растопчина, говаривала, что Петръ Петровичъ произвелъ эту свою дочь на свѣтъ по при-

[1]) См. выше, стр. 239.

[2]) М. И. Бернардъ занимался адвокатурой въ Москвѣ и этимъ пріобрѣлъ значительное весьма состоніе. Въ Жиздринскомъ уѣздѣ (Калужской губ.) у него было около 800, если не болѣе, душъ, и другое еще имѣніе въ Тульской (кажется) губерніи. Кромѣ Евгенія былъ у него еще сынъ Николай (или Александръ) и три (если не ошибаюсь) дочери. Чуть-ли не былъ Михаилъ Ивановичъ, въ первой своей молодости, фортепіанным учителемъ, и кажется, что Петербургскій содержатель музыкальнаго магазина и издатель нотъ Бернардъ былъ роднымъ ему братомъ.

мѣру Юпитера, создавшаго самолично Минерву, безъ всякаго материнскаго содѣйствія. Да и насчетъ умственныхъ способностей и находчивости въ отвѣтахъ ребенокъ этотъ былъ уже и тогда весь въ папашу.

Красивый старикъ былъ М. И. Бернардъ: лицомъ свѣжъ и румянъ, безъ одной морщины, съ орлинымъ носомъ и большими черными глазами, обличавшими Еврейское, или другое какое-нибудь южное происхожденіе, и съ длинными густыми сѣдыми волосами, курчавыми отъ природы. Сынъ его Евгеній Михайловичъ не владѣлъ ногами съ самаго дѣтства и не иначе ходилъ, какъ на двухъ костыляхъ. Собою онъ недуренъ, но далеко ему въ этомъ отношеніи до отца. Предъ его пріѣздомъ въ Рязань онъ былъ чѣмъ-то въ Московскомъ Губернскомъ Правленіи, но поссорившись съ тогдашнимъ вице-губернаторомъ, Алексѣемъ Александровичемъ Берингомъ (впослѣдствіи оберъ-полицеймейстеромъ), онъ подалъ въ отставку и въ Рязани опредѣленъ былъ непремѣннымъ членомъ въ строительной и дорожной комиссіи (которую называлъ П. П. Новосильцовъ *безпутною*). Его туда назначилъ Петръ Петровичъ, чтобы имѣть вѣрнаго тамъ человѣка, и онъ часто бралъ съ собою молодаго Бернарда на ревизію по губерніи, вмѣсто чиновника особыхъ порученій, каковое распоряженіе иные находили неправильнымъ. Евгеній Михайловичъ, человѣкъ весьма способный и честный, страдалъ обломовщиною, на сколько мнѣ казалось, избѣгалъ серіознаго, усидчиваго занятія и, вдобавокъ, былъ крайне молчаливъ. Спустя менѣе года, Аграфена Николаевна Гринева отправилась за границу къ княгинѣ Екатеринѣ Петровнѣ Вяземской, дочери Петра Петровича, долго жившей, по слабости здоровья, въ Неаполѣ, и въ домѣ ея Аграфена Николаевна умерла, много позднѣе, въ Брюсселѣ [1]). Старушка Авдотья Ѳедоровна Волжинская была вдова бывшаго когда-то Болховскаго городничаго, и знакомство ея съ Новосильцовыми произошло, вѣроятно, чрезъ Екатерину Петровну Яковлеву, родную сестру Петра Петровича, постоянно жившаго въ лѣтнее время въ ея имѣніи, вблизи Болхова. Смѣшно немного было, что Меропа Александровна привыкла звать семидесятилѣтнюю Авдотью Ѳедоровну Дунею. Онѣ были на *ты* между собою [2]).

---

[1]) Аграфена Николаевна Гринева и сестра ея Александра Николаевна Д. (по сю пору здравствующая и поселившаяся въ Сергіе-Троицкомъ посадѣ) были незаконно-рожденныя дочери какого-то вельможи.

[2]) Говорливая и добродушная эта старушка однажды разсказывала мнѣ, что въ 1812 году, когда мужъ ея былъ Болховскимъ городничимъ, слухи носились въ ихъ городѣ, что Москва уже занята Французами; но какъ сообщенія съ дѣйствующею арміей были прерваны, а изъ жителей Москвы никто еще не бѣжалъ въ южныя губерніи,

Не слѣдуя традиціямъ иныхъ, вновь опредѣленныхъ губернаторовъ, Петръ Петровичъ никого не смѣстилъ изъ служившихъ при С. П. Кожинѣ и даже, вслѣдствіе, быть-можетъ, этого принципа, взялъ себѣ въ камердинеры крѣпостного человѣка своего предшественника, Кондратія, бывшаго таковымъ при его умершемъ баринѣ. Изъ уваженія же къ памяти своего предмѣстника, а также по природной своей добротѣ, Петръ Петровичъ захотѣлъ отслужить заупокойную церковную службу по С. П. Кожинѣ съ нѣкоторою торжественностью *), въ присутствіи нарочно для сего приглашенныхъ сослуживцевъ покойника, и въ томъ числѣ губернскаго предводителя; но сей послѣдній не принялъ приглашенія Петра Петровича, на томъ основаніи, что подобная-де оффиціальная манифестація могла быть непріятна господамъ дворянамъ, не любившимъ покойнаго губернатора. Отказъ этотъ огорчилъ П. П. Новосильцова. «Какъ находите вы это?» говорилъ онъ намъ впослѣдствіи. «Вражда этихъ господъ преслѣдуетъ этого бѣднаго человѣка даже за гробомъ». Вотъ онъ вполнѣ обнаженный, этотъ, не разъ высказанный мною, тогдашній принципъ, на основаніи коего губернскіе предводители силились стать, во что бы то ни стало, во враждебныя отношенія къ мѣстной административной власти, ради выказыванія ихъ будто бы самостоятельности въ глазахъ ихъ избирателей. Отсюда возникали частыя ихъ пререканія съ губернаторами и притязанія, что они стоятъ наравнѣ во всемъ съ послѣдними. А какое выходитъ, въ сущности, равенство между ними, когда г.г. губернаторы, аттестуя ежегодно всѣхъ служащихъ въ губерніи лицъ, не исключаютъ въ томъ числѣ и самого губернскаго предводителя; да и сверхъ того, когда городскія больницы не были еще, какъ нынѣ, подвѣдомственны мѣстному земству, губернаторъ былъ президентомъ больничнаго комитета, а губернскій предводитель въ немъ лишь вице-президентомъ?

Рязанскимъ вице-губернаторомъ былъ тогда одинъ изъ ветерановъ отечественной войны 1812 года съ оторванною ногою въ дѣлѣ при

то не имѣлось въ Болховѣ никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній о ходѣ военныхъ дѣйствій, и жители этого города находились въ тревожномъ состояніи. Наконецъ, скачетъ фельдъегерь куда-то на Югъ, и обрадованные Болховитяне обступаютъ его, во время перекладки лошадей, съ распросами о Москвѣ; но, о горе! фельдъегерь былъ до того пьянъ, что ни слова не могъ имъ сказать, и пришлось бѣднымъ горожанамъ оставаться въ прежнемъ ихъ невѣдѣніи о судьбѣ Бѣлокаменной. Въ концѣ 50-хъ годовъ Новосильцовы помѣстили эту старушку въ Московскій Вдовій Домъ, гдѣ она, вѣроятно, и скончалась.

*) С. П. Кожинъ похороненъ въ Рязанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ также похоронены: моя Анетина, Марія Ардаліоновна Кикина (мать покойной княгини Маріи Петровны Волконской) и ея мать Торсукова (племянница знаменитой М. С. Перекусихиной).

Арсисъ-Сюръ-Объ (на сколько помнится мнѣ) въ кампаніи 1814 года, Сергѣй Семеновичъ Веселовскій, двоюродный братъ Тарускаго помѣщика Петра Ильича Веселовскаго. Онъ былъ изъ бѣдныхъ Смоленскихъ дворянъ [1]) и существовалъ однимъ жалованьемъ и пенсіономъ отъ комитета о раненыхъ. Это былъ добронравный, тихій и безвредный старикъ, но малоспособный по гражданской службѣ, и имъ управлялъ старшій секретарь губернскаго правленія, Полякъ по фамиліи (если не ошибаюсь) Коменицкій. Совѣтниками губернскаго правленія были г.г. Документовъ, Зайцевъ и Щепунинъ. Первый изъ нихъ (старшій совѣтникъ) былъ дока въ дѣлахъ, съ пріятною весьма наружностію и таковыми же свѣтскими манерами; онъ сдѣлался постояннымъ партнёромъ вечерней карточной игры Петра Петровича. Второй совѣтникъ, Александръ Ник. Зайцевъ, былъ не глупъ, но желченъ и бюрократическій крючкотворъ съ антецедентами прежней его службы по провіантской части, отзывавшимися иногда въ настоящей его должности. Третій совѣтникъ, Щепунинъ, былъ олицетворенное ничтожество, безцвѣтность и бездарность, и значеніе его въ Губернскомъ Правленіи равнялось нулю. Ассесоромъ былъ Дмитрій Александровичъ Гвоздевъ, родной братъ много значащаго въ министерствѣ Дмитр. Гаврил. Бибикова [2]) директора департамента общихъ дѣлъ, Александра Александровича Гвоздева. Нашъ ассессоръ Гвоздевъ [3]) былъ личность чистая, неподкупная и то что̀ зовется добрый малый, но человѣкъ недалекій и не дѣлецъ. Благодаря вышесказанной Петербургской поддержкѣ, ему удалось сыграть важную довольно роль въ одномъ дѣлѣ, причинившемъ множество непріятностей Петру Петровичу, какъ о томъ разскажу гдѣ слѣдуетъ. Однимъ изъ младшихъ секретарей Губернскаго Правленія, тотъ что̀ былъ по отдѣленію Зайцева, служилъ уже тогда (или поступилъ въ слѣдующемъ 1853 году) недокончившій курсъ студентъ Московскаго университета, Полякъ Викентій Ѳомичъ Раковскій [4]). Правителемъ гу-

[1]) Тарускіе Веселовскіе были также выходцы изъ Смоленскихъ дворянъ.

[2]) Преемника графа Льва Алексѣевича Перовскаго и предмѣстника Сергѣя Степановича Ланского.

[3]) Жена его, Софія Павловна, рожденная Гаевская, пышная кровь съ молокомъ молодая женщина, была внучка по матери извѣстнаго содержателя Московскаго театра въ началѣ нынѣшняго вѣка, Англичанина Медокса.

[4]) Онъ впослѣдствіи былъ чиновн. особыхъ порученій при Калужскихъ губернаторахъ гр. Дмитр. Ник. Толстомъ и Вик. Ант. Арцымовичѣ, потомъ правителемъ канцеляріи послѣдняго, потомъ Тарускимъ исправникомъ и въ 1861 году мировымъ посредникомъ и мировымъ судьею въ томъ же уѣздѣ, а въ настоящее время (въ 1874 году) уже прокуроромъ Владимирскаго окружнаго суда; женатъ съ 1863 года на дочери бывшаго Тарускаго откупщика, Ив. Леонт. Тимофеевскаго.

бернаторской канцеляріи остался тотъ самый что̀ былъ при С. П. Кожинѣ, Николай Ивановичъ Дмитревскій, нами прозванный Косма безсребренникъ за примѣрную его честность, человѣкъ даровитый, опытный служака и отлично владѣвшій перомъ; но всѣ эти качества затмѣвались, къ сожалѣнію, невоздержанностію къ горячимъ напиткамъ, все болѣе и болѣе усиливавшеюся съ годами, что̀ и помѣшало сдѣлать ему видную карьеру; хотя на склонѣ его жизни, онъ было и попалъ въ Петербургскую канцелярію Министерства Внутрен. Дѣлъ, но вскорѣ умеръ [1]). Губернаторскими чиновниками особыхъ порученій были слѣдующіе. Трое изъ старшихъ Иванъ Карловичъ Мартенсъ [2]) и г. г. Эмецъ и Кущевъ, послѣдній изъ коихъ отличался болѣе какъ виртуозъ на віолончели, нежели рвеніемъ къ служебнымъ занятіямъ и вообще избѣгалъ бо-монднаго общества. Младшими чиновниками особыхъ порученій были: Александръ Ивановичъ Протасьевъ (балованный сынокъ богатаго откупщика-дворянина Владимирской губерніи), Степанъ Тимофеевичъ Славутинскій (умнѣйшая личность, отличнѣйшій чиновникъ по слѣдственной части и вдобавокъ литераторъ и поэтъ не изъ плохихъ [3]), и почти шестидесятилѣтній г. Кромскій, не отличавшійся, помнится мнѣ, ни въ чемъ и нигдѣ не показавшійся.

Архіепископомъ Рязанскимъ былъ всѣми чтимый и любимый Гавріилъ, подвижнической жизни и ученый іерархъ [4]). Но паче всего онъ отличался такимъ дѣтскимъ простодушіемъ, что трудно было ему понять, какъ могутъ быть на свѣтѣ злонамѣренные люди. Жаль, что подобная снисходительность къ ближнему не всегда полезна бывала въ церковно-административныхъ его распоряженіяхъ. Однажды, былъ въ имѣніи Н. А. Дивова, въ селѣ Старолѣтовѣ, причетникъ горькій пьяница, о взятіи коего оттуда сильно хлопоталъ мой родственникъ. Долго колебался

---

[1]) Онъ попалъ на это мѣсто по протекціи графа Дмитрія Ник. Толстаго, бывшаго тогда (въ 1862 и 1863 году) директоромъ департамента полиціи исполнительной. Графъ умѣлъ отыскивать дѣльныхъ чиновниковъ, и ему былъ хорошо извѣстенъ служебный составъ Рязанской губерніи, какъ мѣстному помѣщику.

[2]) Нынѣ предсѣдателемъ Харьковской Казенной Палаты.

[3]) С. Т. Славутинскій изъ первыхъ перехватилъ переписку одного изъ нашихъ раскольниковъ съ только что основанною тогда Бѣло-криницкой лже-іерархіею. Раскольникъ этотъ былъ Егорьевскаго уѣзда богатый фабрикантъ Хлудовъ. Какъ и мнѣ, С. Т. Славутинскому не повезло въ жизни. Въ 60-хъ годахъ, онъ служилъ въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ мировымъ посредникомъ, а въ настоящее время (въ 1874 году) получилъ неважное мѣстечко по акцизному управленію въ Харьковской губерніи.

[4]) Переписка его съ Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ печаталась въ отрывкахъ, въ началѣ настоящихъ 70-ыхъ годовъ, въ нѣкоторыхъ духовныхъ журналахъ.

мягкосердечный нашъ владыка согласиться на эту мѣру, понимая, какое разстройство въ хозяйствѣ она причинитъ бѣдняку; но когда онъ наконецъ пріискалъ другое мѣсто этому причетнику, то сказалъ Дивову: «Николай Адріановичъ, ну вотъ я въ угодность вамъ перевелъ вашего дьячка; но вѣдь хотя онъ и горькій пьяница, но обремененъ семействомъ и безъ всякихъ средствъ; такъ вы уже пожалуйста помогите немного ему для его обзаведенія на новомъ его мѣстѣ». Отъ него я впервыя узналъ поговорку: «лесть въ глаза—лоза» [1]).

Ректоромъ семинаріи былъ тогда архимандритъ Антоній, нынѣ гдѣ-то епископомъ. Онъ былъ свѣдущій богословъ и классикъ, безупречной жизни, но тѣмъ не менѣе долго застрялъ въ своемъ архимандритскомъ санѣ, настоящей причины чего не знаю; но былъ слухъ, довольно впрочемъ абсурдный, что его не посвящали будто бы въ епископы по причинѣ крошечнаго его роста. При всей своей многоначитанности, ректоръ нашъ рѣшительно не владѣлъ даромъ слова, а была у него страстишка къ проповѣдямъ и ораторству вообще. Вдобавокъ онъ страдалъ застѣнчивостью. Разсказывали, что однажды на торжественномъ открытіи пріюта для дѣвочекъ-сиротъ изъ духовнаго званія, на каковое были приглашены почетные гости основателемъ пріюта преосвящен. Гавріиломъ, захотѣлось нашему ректору блеснуть краснорѣчіемъ, и вотъ, получивъ на то благословеніе отъ владыки, онъ выступилъ впередъ и началъ: «Милыя дѣти..... дѣти милыя..... сей день,..... дѣти милыя—сей.... е.....е.....» и затѣмъ заикнулся и смолкъ. Добрый архипастырь, повернувшись съ добродушною своею улыбкою къ сидящимъ возлѣ него губернатору и его женѣ, тихо сказалъ имъ: «Я думаю, что онъ болѣе ничего намъ не скажетъ», и затѣмъ, привставъ немного съ своего мѣста, осѣнилъ сконфуженнаго оратора крестнымъ знаменіемъ во имя Пресвятой Троицы. Тотъ понялъ этотъ намекъ и смиренно возвратился къ прежнему своему мѣсту.

Предсѣдателями палатъ были: казенной, Николай Максимовичъ Княжевичъ, о коемъ было уже упомянуто; гражданской, Николай Александровичъ Замятинъ правовѣдъ [2]), а товарищемъ его былъ Николай Александровичъ Слѣпцовъ, бывшій недавно членъ Московской Судебной Палаты. Предсѣдателемъ Уголовной Палаты былъ нѣкій г. Бурцовъ изъ военныхъ,

---

[1]) Т. е. оплетаетъ.

[2]) Впослѣдствіи онъ былъ Самарскимъ губернаторомъ, а позднѣе (послѣ 1861 года) директоромъ земскаго отдѣла при минист. внутр. дѣлъ и умеръ въ концѣ 60-хъ годовъ. Первая жена его была Батурина, а вторая (вдова Петровская) рожденная графиня Толстая, сестра нынѣшняго министра народн. просвѣщ. графа Дмитрія Андреевича Толстого.

воспитанникъ извѣстнаго нѣкогда въ Москвѣ училища колонновожатыхъ, основаннаго Н. Н. Муравьевымъ [1]); а управляющимъ Палатою Государств. Имущ. былъ полковникъ Вердеревскій, оказавшій Рязанскому обществу великую услугу переустройствомъ на новый ладъ мѣстнаго клуба, запущеннаго до его директорства. Жаль было-бы предать забвенію нѣкоего совѣтника Палаты Гос. Имуществъ по фамиліи Лохвицкаго, любившаго употреблять вновь принятое тогда слово «фактъ»; но выговаривалъ онъ это слово «хвахтъ» (какъ мнѣ разсказывали), потому что, по его понятіямъ, оно происходило отъ слово «хватать», въ каковомъ смыслѣ онъ его употреблялъ. Губернскимъ предводителемъ дворянства былъ упомянутый выше Петръ Николаевичъ Бухвостовъ, а Рязанскимъ уѣзднымъ предводителемъ Иванъ Николаевичъ Дубовицкій, владѣтель знаменитаго тогда завода рысистыхъ лошадей и всегдашній побѣдитель на главныхъ во всей имперіи гипподромахъ [2]).

Пріѣздъ Новосильцовыхъ въ Рязань ознаменовался, какъ я уже говорилъ, безпрерывнымъ рядомъ общественныхъ увеселеній. Однимъ изъ таковыхъ были постановка живыхъ картинъ въ нанимаемомъ ими домѣ Колемина близъ Вознесенской церкви. Великая мастерица была Мерона Александровна по этой части, да и въ данномъ случаѣ легко было ей блистательно выказаться по той причинѣ, что рѣдко гдѣ можно бы было встрѣтить такой подборъ истинныхъ красавицъ, какими гордилось тогда мѣстное общество. Первенствующими изъ нихъ были: Надежда Гавриловна Сулима, рожденная Еропкина [3]). Любовь Ивановна Сатина, рожденная Барышникова (подобнаго прелестнаго «minois chiffoné» съ круглымъ алымъ какъ вишня ротикомъ, при гибкомъ и статуарномъ, какъ нимфа, станѣ, нигдѣ больше я не видалъ), Марія Ниловна Вельяминова, рожденная Мяснова

[1]) Отцемъ Ник. Ник. Муравьева-Карскаго.

[2]) Любители рысистыхъ бѣговъ помнятъ по сю пору имена и отличительности лошадей Дубовицкаго, постоянно бравшихъ призы, каковыми были Горюнъ, Дружекъ и Репейвикъ. Впослѣдствіи И. Н. Дубовицкій разорился и умеръ не въ старомъ еще возрастѣ, а заводъ его давно уже не существуетъ.

[3]) По смерти мужа, она вышла замужъ, въ концѣ 50-хъ годовъ, за пыпѣшняго Рязанскаго губернск. предводит. дворянства Александра Николаевича Рѣдькина, мать коего была сестра моего однополчанина и друга Петра Александровича Хрущева. Г-жа Рѣдькина (мать) долго находилась въ состояніи умопомѣшательства и таковою скончалась. Надежда Гавриловна сохраняетъ по сю пору (въ 1874 г.) слѣды прежней своей красоты. Симпатичная въ высшей степени эта женщина, при свѣтскихъ ея успѣхахъ, сохранила себя чистою отъ нравственной всякой порчи, и ее высоко цѣнятъ въ мужниной семьѣ.

(жена гомерическаго лгуна, разсказывавшаго между прочимъ, что однажды былъ у него такой усердный слуга, что, будучи съ барином своимъ въ дорогѣ зимою, забѣгивалъ передъ кибиткою и ложился въ ухабы, чтобы повозка, скользя по немъ, могла продолжать мчаться безъ толчковъ сидѣвшему въ ней). Черезчуръ лишь миніатюрный ростъ г-жи Вельяминовой мѣшалъ ей быть замѣченною съ перваго раза въ многолюдномъ обществѣ, но на подмосткахъ живыхъ картинъ, или въ салонѣ граціозно развалившаяся на диванѣ, она была какъ бы гравюрка, вырванная изъ Англійскаго альманашнаго «кипъ-сека» славившихся красавицъ. Образцомъ Греческой античной красоты могла служить нѣкая г-жа Мясникова (рожденная, кажется, Елагина), но интересная эта молодая женщина страдала совершенною глухотою. Непослѣднее мѣсто въ этомъ букетѣ занимала Софья Егоровна Путята (рожденная Христафовичъ, бывшая фрейлиною), мужъ коей, Иванъ Васильевичъ, двоюродный братъ Пашковыхъ (Московскій домъ коихъ былъ у Чистыхъ Прудовъ) былъ полковникъ и управлялъ Рязанскою казенною конюшнею случныхъ жеребцовъ. Граціозна весьма, хотя не настоящая красавица, была молодая Кожина (рожденная Шувалова [1]), и таковою же была блондинка Леонилла (по отчеству забылъ) Колчина, Симбирская уроженка, мужъ коей служилъ совѣтникомъ Рязанской Казенной Палаты. Весьма недурна была также дѣвица Сентянина, дочь инженернаго полковника и члена мѣстной строительной и дорожной комиссіи; но дѣвушка эта далеко не доходила до красоты умершей уже въ 1852 г. ея матери, которую я зналъ въ Орлѣ, когда я тамъ опредѣлялся въ Павлоградскій полкъ въ 1827 году. Въ подражаніе паѳоснаго слога прошлаго вѣка, скажу, что распускающимся бутономъ розы въ этомъ восхитительномъ букетѣ была, по всей справедливости, только что выпущенная черноглазая и чернобровая Московская институтка, Варвара Степанова Рунова [2]). Поставщикомъ живыхъ картинъ былъ Дмитрій Кесаревичъ Хвощинскій, хорошій рисовальщикъ и владѣвшій естетическимъ чувствомъ въ области художества [3]). Кстати добавлю, что на клубныхъ балахъ посѣтительницами были двѣ хоро-

[1]) Напоминаю, что мужъ ея, Петръ Павловичъ, былъ сынъ умершаго губернатора П. С. Кожина.

[2]) Позднѣе, она вышла замужъ за нѣкоего Рязанскаго господина Иванчина.

[3]) Отецъ знаменитой беллетристической писательницы Надежды Дмитріевны, присвоившей себѣ псевдонимъ Крестовскаго и вышедшей замужъ, спустя около 15 лѣтъ послѣ описываемой мною эпохи, за молодого и болѣзненнаго врача Заенчковскаго, недавно умершаго чахоткою. Въ 1852 году я не былъ еще знакомъ съ Хвощинскими и потому упоминаю здѣсь о нихъ лишь вкратцѣ.

шенькія молодыя дамы, Левашова и Еропкина, дочери Рязанскаго аптекаря Нѣмца Бäниге.

Вскорѣ послѣ этихъ живыхъ картинъ былъ блистательный раутъ съ танцами, по случаю масляницы, у вышеупомянутаго коннозаводчика И. Н. Дубовицкаго (жена его была дочь Нижегородскаго совѣтн. Казенной Палаты Бибикова), въ подгородномъ его имѣніи, селѣ Дядьковѣ. Это было въ точномъ смыслѣ слова то, что̀ зовется по французски «une folle journée». Въ продолженіи 15 часовъ, съ утра до поздней ночи, все ѣли, пили и плясали, и выпито было Шампанскаго цѣлое море. На этомъ пиру Сапожковскій помѣщикъ, Александръ Васильевичъ Колюбакинъ, сдѣлалъ предложеніе воспитанницѣ Новосильцовыхъ, миловиднѣйшей Маріи Петровнѣ (я забылъ сказать, что она произвела большой эффектъ въ живыхъ картинахъ), и свадьба ихъ состоялась этой же весною. Такъ какъ степенность моихъ лѣтъ (мнѣ было тогда 45 лѣтъ) не дозволяла мнѣ быть въ числѣ танцоровъ (чего впрочемъ я не былъ великимъ охотникомъ и смолоду), то я просидѣлъ весь этотъ разгульный день за карточнымъ столомъ, но, однакоже, не обносилъ себя, въ томъ винюсь, любимымъ моимъ напиткомъ, Шампанскимъ, благо что хозяинъ пира не жалѣлъ подчивать имъ. Въ партіи моей участвовала не старая еще дѣвица Грегоріусъ *), которая не любила танцевъ. Я немного полюбезничалъ съ своею партнёркою (не глупою весьма особою), и естественно, что послѣ полусуточнаго собесѣдованія съ нею мы уже были на ногѣ старыхъ знакомыхъ. Этого было достаточно, чтобы возбудить толки и предположенія въ провинціальномъ кружкѣ жаждущемъ всякой новизны, куда я попалъ неизвѣстнымъ никому, кромѣ Новосильцовыхъ, человѣкомъ, и на слѣдующій день разсказывали по Рязани, что недавно прибывшій туда какой-то графъ Бутурлинъ сдѣлалъ предложеніе дѣвицѣ Грегоріусъ.

Были также благородные спектакли въ домѣ Новосильцовыхъ и въ клубномъ залѣ, въ послѣднемъ съ благотворительною (кажется) цѣлью.

*) Давно умершій ея отецъ былъ нѣкогда врачемъ при Балашевѣ въ бытность послѣдняго (въ 20-хъ годахъ при имп. Александрѣ 1-мъ) Рязанскимъ, Воронежскимъ и Тульскимъ генералъ-губернаторомъ. Мать этой дѣвушки, Екатерина Дмитріевна (по сюпору здравствующая) воспитывалась въ домѣ княгини Маріи Григорьевны Разумовской, рожденной княжны Вяземской. Дѣвица Грегоріусъ вышла замужъ незадолго послѣ описываемаго мною времени за одного чиновника минист. финансовъ Вальбрехта (или Вельбрехта), коему предвѣщалась, повидимому, хорошая служебная карьера, но онъ внезапно сошелъ съ ума, долго продолжалъ жить въ этомъ состояніи и умеръ около 1870 года. Дѣвица Грегоріусъ и единственный ея братъ (Александръ) имѣли значительное довольно состояніе, капиталами отъ ихъ отца.

Въ нихъ первое мѣсто по талантливому исполненію принадлежало Софьѣ Егоровнѣ Путятѣ и молодому князю Александру Алексѣевичу Волконскому. О семействѣ послѣдняго нужно сказать нѣсколько словъ. Отецъ нашего аматёра-артиста, князь Алексѣй Дмитріевичъ Волконскій (Зарайскій крупный довольно помѣщикъ) былъ когда-то адъютантомъ у Балашова и женатъ на его дочери, а сестра его княжна Марія Дмитріевна была женою нынѣшняго сенатора Александра Ивановича Казначеева, того самого, что̀ былъ въ 1824 и 1825 годахъ въ Одессѣ правителемъ канцеляріи графа (еще тогда не князя) Михайла Семеновича Воронцова. Молодой кн. Александръ Алексѣевичъ В. служилъ въ 40-ыхъ годахъ въ лейбъ-гусарахъ и, покончивъ свое наслѣдственное отъ матери состояніе, опредѣлился, въ 1851 или 1852 годахъ, чиновникомъ особыхъ порученій при Рязанской Казенной Палатѣ. Кромѣ его была еще дочь у его отца отъ перваго брака (съ Балашовой), а отъ второй его жены (рожденной, кажется, Суворовой, но не изъ княжеской отрасли той фамиліи) была куча дѣтей. Старый князь Алексѣй Дмитріевичъ В. былъ, какъ и сынокъ, ярый театралъ и держалъ свой полный и весьма сносный оркестръ изъ дворовыхъ; но Зарайцы должны бы всегда поминать его добромъ, потому что онъ основалъ въ ихъ городѣ (и очень долго содержалъ на свой единственно счетъ) весьма порядочно устроенный женскій пансіонъ, при которомъ онъ выстроилъ даже домашнюю церковь въ 1853 (кажется) году. Не будучи позднѣе въ силахъ продолжать это благотворительное заведеніе, онъ всячески, помнится мнѣ, домогался передать его въ вѣдѣніе дворянства или Зарайскихъ горожанъ; но обѣ стороны отнеслись къ сему благому дѣлу съ полнымъ равнодушіемъ, и князь Волконскій принужденъ былъ закрыть свое учлище.

Возвращаюсь къ тогдашней Рязанской великосвѣтской суматохѣ.

Въ клубѣ завелись танцовальные вечера разъ въ недѣлю, о чемъ усердно старалась Меропа Александровна. Число съѣзжавшихся было весьма значительно; но, какъ обыкновенно бываетъ въ провинціальныхъ обществахъ, недоставало кавалеровъ. Рязанскій контингентъ состоялъ изъ двухъ губернаторскихъ чиновниковъ особыхъ порученій и какихъ-нибудь четырехъ чиновниковъ его канцеляріи, и еще кое-кого молодыхъ и полумолодыхъ служившихъ въ Рязани по разнымъ вѣдомствамъ, и пяти или шести человѣкъ неслужащихъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ былъ недавно поселившійся въ своемъ имѣніи Михайловскаго уѣзда нашъ Москвичъ Аполлонъ Николаевичъ Волковъ и единственный танцоръ, офицеръ квартировавшаго въ Рязани пѣхотнаго полка Заварзинъ. Отмѣчу мимоходомъ, что

между молодыми чиновниками губернаторской канцеляріи былъ послѣдній представитель древняго княжескаго рода, молодчина собою, князь Щетининъ [1]).

Не обошлось и безъ концертовъ пріѣзжавшихъ артистовъ и одного аматёрскаго съ благотворительною цѣлью. Меропа Александровна (будучи изъ хорошихъ ученицъ Шведки Остергардъ, которая была въ большомъ ходу въ Москвѣ, какъ учительница пѣнія) пропѣла съ большою экспрессіей прекрасную мелодію молодого композитора и фортепіаниста, Москвича Дмитріева, «Густолиственныхъ кленовъ аллея» [2]); а Иванъ Карловичъ Мартенсъ исполнилъ, помнится мнѣ, вдвоемъ съ дочерью учителя Французскаго языка при Рязанской гимназіи Барбѐ, дуэтъ на фортепіанѣ. Изъ пріѣзжавшихъ въ Рязань артистовъ были первый скрипачъ Московскаго Императорскаго театра Итальянецъ Грасси и недюжинный Русскій фортепіанистъ Москвинъ, женатый на дочери Московскаго старожила Итальянца Аріоли [3]). Хотя я не былъ съ нимъ знакомъ по Москвѣ, но, въ угодность ему, спѣлъ на его концертѣ арію изъ оперы «Ломбардцы въ первомъ крестовомъ походѣ», маэстра Верди, начинающуюся «La mia letizia infondere» и удостоился нѣсколькихъ комплиментовъ отъ снисходительной провинціальной публики; но я чувствовалъ, что пора моя, какъ концертнаго пѣвца, уже подходила совершенно къ концу, и голосъ мой начиналъ сильно мнѣ измѣнять въ высокихъ нотахъ, хотя въ тогдашнія мои лѣта большинство пѣвцовъ продолжаетъ успѣшно артистическую карьеру.

Говоря о Московскихъ эфемерныхъ гостяхъ, частенько навѣщавшихъ Новосильцовыхъ, стоитъ упомянуть о типическомъ содержателѣ гостиницы, гдѣ они обыкновенно останавливались. Господинъ этотъ былъ изъ дворянъ, по фамиліи Варваринъ, открывшій гостиницу въ собственномъ домѣ на Астраханской улицѣ, близъ Трубежскаго моста. Былъ этотъ Варваринъ великій любитель политики; но особенно сильно интересовало его, со времени Венгерскихъ смутъ 1848 года, узнать, куда дѣвались Венгерскія королевскія регаліи и клейноды, похищенные демократическимъ диктаторомъ Кошутомъ; а такъ какъ газеты давно

---

[1]) Вскорѣ князь Щетининъ женился на одной изъ дочерей Рязанскаго помѣщика Таптыкова, сестра коей, Софья Петровна, была воспитанница и наслѣдница генеральши Носковой.

[2]) Авторъ этой мелодіи посвятилъ ее иного перестрадавшей и преждевременно умершей въ Парижѣ Софьѣ Александровнѣ Рябининой.

[3]) Этотъ Аріоли былъ первоначально скульпторъ и, наживъ капиталецъ, бросилъ свое ремесло и жилъ безъ дѣла въ купленномъ имъ домѣ на Арбатской улицѣ.

перестали говорить объ этомъ предметѣ, то любознательный хозяинъ гостиницы адресовался къ новопріѣзжимъ своимъ квартирантамъ съ вопросомъ, не имѣютъ-ли хоть они какихъ-нибудь свѣдѣній по сему обстоятельству? У него въ гостиницѣ жилъ уже нѣсколько лѣтъ весь круглый годъ старый холостякъ Кошелевъ *), находившій, что подобный образъ жизни, на всемъ готовомъ, безъ лично нанимаемой прислуги, гораздо удобнѣе, нежели нанимать въ городѣ годовую квартиру безъ мебели, хлопотать еще объ ея отопленіи и возиться съ поваромъ. Ему рапортовали аккуратно о всѣхъ пріѣзжающихъ въ гостиницу и отъѣзжающихъ, отчего онъ и получилъ прозвище коменданта Варваринской гостиницы.

Повертѣвшись въ этомъ кружкѣ недѣли съ двѣ (я жилъ въ домѣ Дивова, близъ Астраханской заставы, съ его прислугою и лошадьми), я возвратился въ Городище, гдѣ и остался до второй или третьей недѣли Великаго поста и продолжалъ заниматься, по мѣрѣ силъ моихъ и умѣнія, Городищенскимъ хозяйствомъ въ отсутствіе моего принципала, который проводилъ остальную часть зимы въ Петербургѣ. Въ Февралѣ сосѣдки наши, Варвара и Наталья Николаевны Ляпуновы (жившія въ сельцѣ Глѣбковѣ, въ полутора верстахъ отъ Городища), получили извѣстіе, что дядя ихъ, Алексѣй Аѳанасьевичъ Ракитинъ, умеръ скоропостижно въ Москвѣ апоплексическимъ ударомъ, во время спектакля въ Маломъ Театрѣ, куда онъ отправился одинъ, не чувствуя себя особенно дурно. Можно представить себѣ, какую кутерьму это происшествіе надѣлало въ многолюдномъ мѣстѣ, гдѣ не было никого изъ знавшихъ покойника. Полиція хотѣла было уже передать трупъ несчастнаго въ университетскій анатомическій театръ для вскрытія; но слухъ объ умершемъ скоропостижно въ театрѣ неизвѣстномъ лицѣ достигъ до гостиницы «Франція», на Петровкѣ, гдѣ остановились, по обыкновенному ихъ обычаю, супруги Ракитины; смѣтливый крѣпостной камердинеръ покойнаго, Иванъ Михайловъ, побѣжалъ на удачу въ театръ посмотрѣть, не его-ли баринъ умеръ, и вслѣдствіе его указаній трупъ былъ перевезенъ въ упомянутую гостиницу. Анна Петровна была въ то время у кого-то въ гостяхъ, куда и отправился тотъ же вѣрный слуга съ извѣстіемъ о ея внезапномъ вдовствѣ.

Я поѣхалъ въ Знаменское и тамъ пробылъ съ моимъ семействомъ до Мая. Въ это время умеръ скоропостижно Тарускій недавній помѣщикъ, славившійся въ началѣ нынѣшняго вѣка, почти 90-лѣтній докторъ

*) Не знаю, родственникъ-ли онъ былъ Рязанскому помѣщику и богачу Александру Ивановичу Кошелеву, женатому на Ольгѣ Ѳедоровнѣ Петрово-Соловой.

Мухинъ, оставивъ отъ второго своего брака малолѣтнихъ сына Ефрема и дочь [1]). Скареденъ былъ этотъ современникъ Таврическаго князя. Послѣ его смерти найденъ былъ въ подвалахъ запасъ замороженныхъ голубей, коими были обложены его крестьяне, что̀ и составляло исключительную почти (какъ слышно было) его пищу.

Возвратившись въ Городище въ Маѣ, я отправился въ началѣ лѣта, по просьбѣ Н. А. Дивова, на конный заводъ И. Н. Дубовицкаго, въ с. Дядьково, и оттуда привелъ купленныхъ тамъ Дивовымъ рысистаго сѣраго случнаго жеребца Тумана, годовалаго жеребчика Внука (такъ прозваннаго для обозначенія, что онъ былъ внукъ знаменитаго побѣдителя на большинствѣ гиподромовъ Горюна) и двухъ рысистыхъ матокъ. Въ теченіе лѣтней рабочей поры я мало-по-малу пересталъ заниматься Городищенскимъ сельскимъ хозяйствомъ, не потому, что отклонялся, но мнѣ замѣтно стало, что родственникъ мой самъ какъ бы этого желалъ. Меня нимало не удивило, что онъ могъ быть недоволенъ мною въ этомъ отношеніи, такъ какъ я не имѣлъ никакого навыка по этой части вообще, а управлять Городищенскимъ хозяйствомъ было еще тѣмъ труднѣе, что порядки, требованные Дивовымъ, сопряжены всегда съ педантическою сложностью, непримѣнимою часто на практикѣ. Удаленіе мое отъ прежнихъ моихъ занятій произошло безъ всякой размолвки между мною и моимъ кузеномъ, и я продолжалъ жить при немъ.

Въ Августѣ я ѣздилъ съ Анною Петровной Ракитиной и ея племянницей Варварою Николаевной Ляпуновой погостить недѣли на двѣ къ Зинаидѣ Сергѣевнѣ Дивовой, проживавшей лѣтомъ въ ея роскошной фермѣ-виллѣ Зенинѣ. Туда пріѣхала также моя жена съ обоими нашими дѣтьми [2]). Помню, что, свидѣвшись тогда съ незабвенною моею дочерью, я съ какимъ-то особенно грустнымъ умиленіемъ смотрѣлъ на нее и прижималъ къ моему сердцу ея бѣлокурую головку, какъ бы предчувствуя, что скоро долженъ разстаться съ нею на вѣки. Эта сцена поразила находившуюся тутъ впечатлительную по натурѣ Надежду Львовну Ле-Дюкъ, тогдашнюю наставницу старшаго сына Дивовой Сергѣя Николаевича, и она впослѣдствіи не разъ напоминала мнѣ о томъ [3])…..

---

[1]) Сынъ его отъ перваго брака, человѣкъ уже далеко не первой молодости, служившій тогда въ Московской Театральной Конторѣ, былъ женатъ на сестрѣ извѣстнаго повѣсы и дуэлиста Руфина Дорохова.

[2]) Анночкѣ минуло тогда 15, а Митѣ 5 лѣтъ.

[3]) Примѣрная эта особа осталась по сю пору неразлучною подругой кузины моей Дивовой въ ея нынѣшнихъ стѣсненныхъ житейскихъ обстоятельствахъ.

Но недолго пришлось мнѣ наслаждаться моимъ пребываніемъ въ Зенинѣ. Вдругъ пишетъ мнѣ мой Городищенскій кузенъ, чтобы я поспѣшилъ вернуться къ нему, по уже прямо въ Рязань, по нужному какому-то дѣлу. Вотъ въ чемъ оно состояло. Съ самаго начала 1852 года Николай Адріяновичъ былъ выбранъ вице-директоромъ общества Рязанскихъ рысистыхъ бѣговъ, настоящимъ директоромъ коего былъ мѣстный губернаторъ (П. П. Новосильцовъ); но званіе директора или президента было одинъ лишь почетъ, а настоящимъ распорядителемъ дѣла былъ Дивовъ, успѣвшій уже ознаменовать свое вступленіе въ эту должность небывалымъ еще тамъ распоряженіемъ, по которому впредъ не допускалось, чтобы поддужныя лошади (каковыми звались верховыя съ сѣдокомъ) скакали рядомъ съ рысаками, бѣжавшими на призъ. Когда я явился къ вице-директору, онъ объявилъ мнѣ, что назначаетъ меня, для пущей важности, однимъ изъ судей на бѣгахъ. Извѣстіе это сильно меня озадачило: я былъ настолько свѣдущъ въ подобномъ дѣлѣ, сколько могъ бы быть для рѣшенія, кому слѣдуетъ призъ въ Академіи Наукъ за лучшее сочиненіе о Китайской литературѣ; но не хотѣлось мнѣ огорчить отказомъ человѣка, коему я былъ столь много обязанъ, и я изъявилъ ему согласіе. И вотъ, вообразите себѣ, я очутился въ верхней трибунѣ какого-то голубятника, называемой «судейскою», въ сообществѣ двухъ другихъ таковыхъ же лицъ, изъ коихъ одинъ былъ (помнится мнѣ) Иванъ Васильевичъ Путята, а другой нѣкій князь Костровъ, спеціалистъ, къ счастію моему, въ этихъ дѣлахъ, управлявшій коннымъ заводомъ И. Н. Дубовицкаго. Забота и напряженное вниманіе судей въ данномъ случаѣ направлены были, чтобы опредѣлить, какой изъ рысаковъ пришелъ первый къ выигрышному столбу; также и прослѣдить, не потерялъ-ли онъ права на призъ чрезъ лишніе *сбои и проскачки*. Сбой—это когда рысакъ срывается въ галопъ, но недолго и опять продолжаетъ бѣжать рысью; но тѣмъ не менѣе, лишнее противъ допускаемаго число сбоевъ (а сколько именно, не помню) лишаетъ его приза, хотя бы онъ и первымъ подоспѣлъ къ выигрышному столбу; а *проскачка* значитъ продолжительный рядъ сбоевъ. Кругъ обставленъ столбами съ канатомъ, и на обязанности судей лежитъ зорко слѣдить, насколько продолжительна была всякая проскачка. Помнится мнѣ, проскачка отъ одного столба до слѣдующаго прощается; но рысакъ, проскакавъ галопомъ болѣе двухъ столбовъ, лишается приза. Для бо́льшей въ этомъ отношеніи вѣрности, каждый изъ судей слѣдитъ отдѣльно за бѣгомъ одного изъ состязающихся двухъ или трехъ рысаковъ, и по окончаніи опредѣленныхъ трехъ круговъ по гиподрому доноситъ президенту о сбояхъ и проскачкахъ каждаго рысака, и тогда составляется президентомъ безапелляціонный приговоръ о четвероногомъ побѣдителѣ,

каковой приговоръ тутъ же вписывается въ шнуровой журналъ, за подписью президента и судей. Не чаялъ я, чтобы пришлось мнѣ когда-нибудь быть судьею на рысистыхъ бѣгахъ!

По случаю этихъ бѣговъ началась ссора между Николаемъ Адріановичемъ и губернскимъ предводителемъ П. Н. Бухвостовымъ, кончившаяся тѣмъ, что они перестали кланяться другъ другу, и вотъ изъ за чего. У восьмидесятилѣтняго почти (но бодраго не по лѣтамъ) старика Бухвостова (отца губернскаго предводителя) былъ не особенно завидный заводишка рысистыхъ лошадей, двухъ изъ коихъ онъ привелъ въ Рязань на призы. Эти лошади были приведены къ Дивову для записыванія нѣсколькими часами позже назначеннаго для записи срока, и какъ почтенный мой братъ всегда во всемъ строгій формалистъ, то онъ отказался сдѣлать исключеніе въ данномъ случаѣ. Inde iга со стороны Бухвостова-сына, послѣдствіями чего былъ крупный довольно, хотя и вѣжливый, между ними разговоръ въ лѣтнемъ клубѣ при мнѣ, и вражда со стороны Дивова разгорѣлась еще сильнѣе, когда начался окончательный разладъ между Бухвостовымъ, какъ губернскимъ предводителемъ, и губернаторомъ П. П. Новосильцовымъ. А разладъ этотъ былъ вызванъ не изъ личныхъ какихъ нибудь непріятностей, а изъ принципа тогдашнихъ высшихъ сословныхъ представителей быть на ножахъ съ высшею губернскою административною властью. А вѣдь этотъ г. Бухвостовъ былъ, хотя и не далекій человѣкъ, но вовсе не дурной и даже не желчный, и все таки по своей безхарактерности онъ подпалъ подъ вліяніе враждебной Петру Петровичу клики, и отчасти былъ причиною разнымъ служебнымъ непріятностямъ, постигшимъ позднѣе сего послѣдняго.

Въ перечнѣ Рязанскихъ дамъ я пропустилъ жену сказаннаго губернскаго предводителя, Александру Михайловну Бухвостову, рожденную Елагину (Тамбовскую). Хотя не первой уже молодости, правильныя черты ея лица сохраняли еще слѣды прежней красоты. Она была достойная и всѣми уважаемая женщина, но къ сожалѣнію, ее стѣсняла, въ обществѣ, сильная глухота. Съ нею былъ однажды слѣдующій смѣшной случай. Въ Рязань наѣзжала иногда нѣкая полупомѣшанная г-жа Полякова, дочь генерала Павленка. Однажды, эта барыня, пріѣхавшая съ визитомъ къ Александрѣ Михайловнѣ, прервала вдругъ разговоръ вопросомъ: «А позвольте васъ спросить, съ кѣмъ имѣю удовольствіе разговаривать?» Сконфуженная хозяйка дома вынуждена была пояснить, что она жена губернскаго предводителя Бухвостова. «Вы извините меня», продолжала гостья, «что я васъ о томъ спросила: вѣдь я никого въ городѣ не знаю, а когда сажусь въ ка-

рету, чтобы всѣхъ объѣхать, даю реестръ моихъ визитовъ лакею, и онъ такъ и возитъ меня по запискѣ» *).

Въ Сентябрѣ я отправился съ цѣлою командою конюховъ, также по просьбѣ Дивова, на копный заводъ Аркадія Африкановича Болдырева въ сельцо Лѣсище Михайловскаго уѣзда, откуда мы привели, съ ночлегомъ на пути, цѣлый табунъ матокъ и двухъ молодыхъ жеребцовъ, купленныхъ Дивовымъ. Это было основное ядро Городищенскаго завода; впослѣдствіи оба приведенные жеребцы оказались негодными какъ производители, и нѣсколько изъ кобылъ (но немного) пошли, помнится мнѣ, въ бракъ.

На полупути между Лѣсищемъ и Городищемъ, я сдѣлалъ привалъ въ имѣніи Н. Н. Желтухина, въ селѣ Зиминѣ. Отставной полковникъ Конногвардейскаго полка, вдовецъ Желтухинъ былъ статный мужчина около 50-ти лѣтъ и отецъ двухъ красавицъ. Старшую изъ нихъ, г-жу Колокольцову, не пришлось мнѣ нигдѣ встрѣчать; но меньшая, Екатерина Николаевна, привѣтливо принимала гостей, какъ полная хозяйка въ домѣ отца. Она была въ то время очаровательная брюнетка съ правильными южными чертами лица, настоящій типъ Рафаэлевскихъ Мадонъ, и когда я впослѣдствіи свидѣлся съ Меропою Александровною, я подалъ ей мысль постараться завлечь эту драгоцѣнную находку въ составъ нашего букета красавицъ, такъ какъ у меня бродило тогда въ головѣ поставить, при первомъ удобномъ случаѣ, новую живую картину, сюжетомъ коей я заранѣе уже избралъ «Бахчисарайскій Фонтанъ». Но не суждено было осуществиться этому проекту, и отецъ предполагаемой моей султанши ни разу при мнѣ не пріѣзжалъ въ Рязань съ нею, а года два позднѣе, она вышла замужъ за Кошелева, весьма *ком-иль-фотнаго* человѣка, но къ несчастію, игрока, который, покончивъ все свое состояніе, поступилъ на службу и нынѣ живетъ на одномъ своемъ жалованіи директоромъ таможни гдѣ-то на Западной границѣ.

Въ благодарность за попеченіе, съ которымъ я довелъ до мѣста Лѣсищенскій табунокъ, Дивовъ подарилъ мнѣ великолѣпнаго Тирольскаго чистокровнаго взрослаго уже быка, коего я отправилъ въ Знаменское, гдѣ я было началъ не безъ успѣха усовершенствовать породу рогатаго скота; но дѣло пошло не совсѣмъ какъ мнѣ хотѣлось,

*) По кончинѣ мужа, А. М. Бухвостова удалилась отъ свѣта и поселилась въ Московскомъ Страстномъ монастырѣ, гдѣ и скончалась, въ концѣ прошлаго или въ началѣ нынѣшняго 1874 года. Дѣтей у нея не было.

потому, во-первыхъ, что я былъ новичекъ въ немъ, а во вторыхъ, потому, быть можетъ, что, вслѣдствіе продолжительныхъ моихъ отлучекъ изъ дома, некому было правильно вести эту отрасль сельскаго хозяйства.

Всегда внимательный ко всѣмъ своимъ сослуживцамъ, П. П. Новосильцовъ придумалъ этою осенью отпраздновать съ нѣкоторою оффиціальностію пятидесяти-лѣтній служебный юбилей старика вице-губернатора Сергѣя Сем. Веселовскаго, хотя до пріѣзда своего въ Рязань онъ не былъ знакомъ съ нимъ. Я оставался въ то время въ Городищѣ, но узналъ позднѣе отъ самаго Новосильцова, что на разосланныя имъ по уѣздамъ приглашенія помѣщикамъ и должностнымъ лицамъ принять участіе въ этомъ юбилеѣ какой-то господинъ отвѣчалъ ему, что онъ весьма сожалѣетъ, «что разстроенное его здоровье лишаетъ его возможности участвовать въ чествованіи столь почтеннаго *ветеринара* (вмѣсто ветерана) достопамятнаго 1812 года».

Около этого времени умеръ холерою въ Петербургѣ князь Петръ Дмитріевичъ Черкасскій, находившійся тамъ въ отпуску. Видѣвшая его въ проѣздъ его черезъ Москву Зинаида Сергѣевна Дивова говорила мнѣ при слѣдующемъ со мною свиданіи, что уже тогда лица на немъ не было, и по разсказамъ его семейныхъ трудно представить себѣ, сколькимъ непріятностямъ и почти что афронтамъ онъ и жена его, княгиня Марія Семеновна, подверглись во время этого его нахожденія Симбирскимъ губернаторомъ. А вѣдь человѣкъ онъ былъ и умный, и дѣловой, и добрѣйшей души при безукоризненной честности; единственная какая могла быть въ немъ слабость, это служебный педантизмъ. Поди, послѣ этого, узнавай, почему одного губернатора превозносятъ свыше его достоинствъ, а иного ненавидятъ незаслуженно! Впрочемъ, соглашаюсь на этотъ счетъ съ практичною весьма замѣткою Николая Адріановича, что чуть ли не въ большинствѣ случаевъ холостой губернаторъ лучше уживается въ своей губерніи, нежели женатый: причины многихъ непріятностей—барыни, вмѣшивающіяся то въ служебныя дѣла, то въ провинціальныя сплетни.

Наступила уже сырая и холодная осень, когда я сопровождалъ Дивова въ его визитѣ супругамъ Болдыревымъ въ Лѣвицѣ, гдѣ мы нашли бѣдную Елену Павловну, вторую жену Аркадія Африкановича*),

*) Напоминаю, что она была дочь графа Павла Петровича Палена отъ второго его брака съ графинею Орловою-Денисовою. По смерти Аркадія Африкановича (въ концѣ 50-хъ годовъ) Елена Павловна вышла замужъ за Голубцова, сына Екатерины Дмитріевны, рожденной графини Толстой, долго бывшей начальницею Кіевскаго Института благородныхъ дѣвицъ.

въ ея кабинетѣ, закутанную въ шубу и дрожавшую отъ холода, потому что неуютный ихъ палацъ съ огромными бальными залами не могъ отапливаться вслѣдствіе поврежденій въ каморѣ и трубахъ печей Амосовской системы, никуда негодной для деревенскаго дома, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ приходится мастеровъ выписывать изъ большихъ городовъ. У Болдыревыхъ тогда гостила молодая вдова графиня Паленъ (мужъ коей, родной братъ Елены Павловны, умеръ въ молодыхъ еще годахъ), рожденная баронесса Соловьева (титулъ Павловской фабрикаціи). Она уже тогда казалась получахоточною и недолго пережила мужа.

Немного позднѣе, я переѣхалъ съ Дивовымъ въ его Рязанскій домъ, гдѣ мы и остались до начала Декабря.

Съ зимнимъ сезономъ возобновилась Рязанская великосвѣтская суета.

Въ нанимаемомъ Новоспльцовыми домѣ былъ рядъ парадныхъ комнатъ, весьма удобныхъ для многолюднаго пріема. Въ бальномъ залѣ, въ два свѣта, устроенъ былъ, по случаю дня рожденія или именинъ Петра Петровича, Русскій народный праздникъ. По бокамъ зала были лавочки, гдѣ торговали сбитнемъ, прохладительными напитками и закусками, кондитерская и даже питейный домъ съ елкою для вывѣски, какъ слѣдуетъ, и съ буфетомъ. За лавочками сидѣли дамы и кавалеры общества, всѣ въ Русскихъ простонародныхъ костюмахъ; а цѣловальникомъ въ питейномъ домѣ былъ Евгеній Михайловичъ Бернардъ, мастерски вникнувшій въ эту роль. По залу сновали сбитенщикъ и разнощики съ лотками и праздношатающійся будто-бы простой народъ, а въ углубленіи зала, между колоннами, были подмостки, представлявшія внутренность комедіантскаго балагана, и рядомъ съ нимъ театръ маріонетокъ. При появленіи въ залѣ виновника торжества, началась классическая древне-Итальянская пантомима Арлекина и Коломбины съ опекуномъ послѣдней, всячески препятствующимъ свиданію обоихъ влюбленныхъ, и со слугою опекуна, неуклюжимъ Панталоне, сбиваемымъ съ ногъ любовниками, бракомъ коихъ оканчивалась пантомима. Въ боковыхъ же комнатахъ были устроены четыре настоящія сцены съ кулисами. На первой изъ таковыхъ сыграны были актерами сцены изъ «Тяжбы» Гоголя, по окончаніи каковыхъ празднуемый хозяинъ дома перешелъ со всѣмъ обществомъ въ слѣдующую комнату, гдѣ, на подобной же устроенной сценѣ, Софья Егоровна Путята съ молодымъ княземъ Александромъ Алексѣевичемъ Волконскимъ артистически исполнили вдвоемъ Французскую комнатную въ одно дѣйствіе піесу, изъ тѣхъ что зовутся «Proverbes dramatiques.» Оттуда всѣ зрители пе-

решли въ третью комнату, гдѣ Леонилла (по отчеству, кажется, Алексѣевна) Колчина и вашъ покорный слуга подвизались также на подмосткахъ и въ костюмахъ «Tanto amore ed inspectata», изъ Донидзетіевой оперы Любовный Напитокъ. Акомпанировавшій намъ оркестръ былъ изъ крѣпостныхъ князя А. Д. Волконскаго (отца вышепомянутаго), весьма сносный и въ добавокъ подъ дирижерствомъ случайно проѣзжаго артиста полу-Француза и полу-Еврея, имя коего я забылъ. Что до меня, винюсь, что въ теченіе протекшихъ 16-ти лѣтъ я жаждалъ показаться на сценѣ въ ролѣ шарлатана Дулкамара. Помня хорошо, какъ ее исполнялъ въ этой оперѣ въ 1836 году знаменитый тогда буффо Фрецціолини [1]), для коего роль была нарочно написана; и вотъ, наконецъ, сошъ въ руки пришелъ, и я, въ высокомъ напудренномъ парикѣ съ подложнымъ большимъ пузомъ, въ желтомъ кафтанѣ съ кистями, въ голубыхъ по колѣна брюкахъ и въ башмакахъ съ пряжками, являюсь въ желаемой давно роли. Талантливая и граціознѣйшая моя юная подруга, одаренная серебристымъ тембромъ, хотя не весьма пространнаго регистра [2]), вдохновлялась на сценѣ какъ бы настоящая по ремеслу артистка и подъ моимъ отчасти руководствомъ (чѣмъ могу похвастаться) исполнила свою роль кокетки Адины, по отзыву нѣкоторыхъ изъ зрителей, бывшихъ за границею, какъ могла бы исполнить ее Итальянская хорошая пѣвица. Интересная эта Рязанская наша аматёрка выказала рѣдкую вокализацію при вѣрной интонаціи, прекрасно произносила Итальянскія слова и всѣхъ привела въ восхищеніе умною и игривою своею мимикою. Смѣю сказать, что нашъ тріумфъ былъ полнѣйшій. Малодушное мое самолюбіе было пресыщено не только на это время, но даже и впослѣдствіи, при воспоминаніи объ этомъ вечерѣ. Каюсь, нечего дѣлать, въ моей слабости.

Четвертая комната (небольшой кабинетъ Меропы Александровны) была занята живою картиною, представлявшею аллегорическій сюжетъ, соотвѣтствующій цѣли празднества. Въ этой картинѣ фигурировали молодая княжна Марія Александровна Волконская (сестра вышепомянутаго театрала), новобрачная Марія Петровна Колюбакина, одна (если не ошибаюсь) изъ двухъ дочерей Москвича Александра Дмитріевича Ипинскаго и шестилѣтняя дочь Новосильцовыхъ, Софія Петровна. Весьма кстати для постановки этой картины находился проѣздомъ въ Рязани какой-то артистъ-гимназіастъ изъ Англичанъ.

---

[1]) Отецъ не менѣе знаменитой пѣвицы и собою красавицы, производившей повсюду и въ Россіи немалый фуроръ.

[2]) Регистромъ голоса зовется его пространство.

Празднество открылось слѣдующею народною сценою. Къ виновнику его подошла депутація мнимыхъ крестьянъ съ ихъ старостою и его женою во главѣ. Старостою былъ охотникъ всякихъ фарсовъ Александръ Дмитріевичъ Ивинскій (старинный другъ Новосильцовыхъ), который, послѣ соотвѣтственной случаю рѣчи, поднесъ въ даръ Петру Петровичу живого пѣтуха; а за нимъ старостиха (Меропа Александровна) подошла въ свою очередь съ поклонами къ *празднуемому* барину съ хлѣбомъ-солью и съ просьбою удостоить своимъ присутствіемъ деревенскій ихъ праздникъ. Словомъ, драматическій этотъ маскарадъ сошелъ съ такимъ замѣчательнымъ ансамблемъ, что о немъ говорили даже въ Москвѣ.

О, какъ очаровательна была тогда молодая Елисавета Александровна Ивинская, сошедшая въ могилу послѣ кратковременнаго замужества съ княземъ Багратіономъ! Это была рай-дѣвица, ангельскаго нрава и будто-бы не подозрѣвавшая, что она всѣхъ поражаетъ рѣдкою своею красотою. Меньшая ея сестра была граціозная и любезная дѣвушка, но не особенно красивой наружности [1]).

Меропа Александровна всячески поддерживала еженедѣльные танцовальные вечера въ клубѣ, гдѣ устроивались также маскарады и амatёрскіе спектакли съ благотворительною цѣлью. На одномъ таковомъ маскарадѣ пантомимный Русскій танецъ исполненъ былъ сестрами Ивинскими и г-жею Колчиною, и въ немъ типично фигурировалъ въ Цыганской пляскѣ одинъ Рязанскій домохозяинъ Михаилъ (по отчеству забылъ) Ладвéзъ, сынъ стараго Французскаго эмигранта, жена коего долго имѣла фабрику и магазинъ искусственныхъ цвѣтовъ въ Москвѣ на Петровкѣ [2]).

Несправедливо было бы умолчать объ одной диллетанткѣ-пѣвицѣ, г-жѣ Трояновой, женѣ одного чиновника Рязанской Палаты Государственныхъ Имуществъ по Михайловскому уѣзду. Въ спектаклѣ у Новосильцовыхъ она не участвовала, но восхитила всѣхъ знатоковъ пѣнія на какомъ-то концертѣ, въ залѣ клуба. Голосъ ея былъ пространный и могучій контральто, и она весьма удачно выбрала энергиче-

---

[1]) Она позднѣе вышла замужъ за Василія Денисовича Давыдова, сына знаменитаго партизана 1812 года, наслѣдовавшаго порядочную дозу родительскаго ума и любезности въ обществѣ.

[2]) Этотъ Ладвезъ служилъ прежде въ армейской пѣхотѣ и женился на дѣвушкѣ съ порядочнымъ состояніемъ. Одинъ изъ его братьевъ, ученикъ Петербургской Академіи Художествъ, вышелъ талантливымъ живописцемъ.

скую арію изъ оперы Беллини «Монтекки и Капулетти», «Le Romeo t'accise un figlio» Эффектному восполненію этой мужской по композиціи аріи помогли высокій ея ростъ, большіе черные и метавшіе искры глаза и гордая осанка головы, какъ слѣдовало быть у Ромео, вождя партіи Монтекки. За границею наврядъ-ли бывала когда-нибудь г-жа Троянова; но она внимательно, должно быть, прислушивалась къ исполненію этой партизаціи первоклассными пѣвцами Петербургской Итальянской труппы, такъ что воинственный аллегро (allegro marziale) выполненъ былъ ею съ такимъ-же почти совершенствомъ, съ какимъ могла бы выполнить сама г-жа Шюцъ-Олдози, которую я слыхалъ во Флоренціи въ 1837 или 1838 году, и для коей, если не ошибаюсь, композиторъ Беллини нарочно написалъ партицію Ромео около 1830 года *).

Но такъ какъ всему хорошему есть конецъ, подоспѣло время вырваться мнѣ изъ этого вихря увеселеній. Дивовъ поѣхалъ провести остальную часть зимы въ Петербургъ, а я возвратился въ мое Городищенское отшельничество.

Скучная черезчуръ матерія была для братіи нашей обители эта зимняя деревенская жизнь безъ хозяина-настоятеля. Мы собирались къ обѣду въ четверомъ: Александръ Адріяновичъ Дивовъ, *doctissimus* медикъ Бестъ, я и карликъ Филя (тотъ самый что̀ счелъ нужнымъ возвратиться внезапно изъ Флоренціи въ подмосковное Зенино осенью 1839 года, чтобы переложить порядкомъ въ комодѣ чистое бѣлье). Послѣ обѣда Александръ Адріяновичъ засыпалъ на креслѣ у камина около часа и за тѣмъ удалялся во свояси на весь вечеръ; я оставался вдвоемъ съ Бестомъ, бесѣда съ коимъ могла бы быть подчасъ довольно занимательною по многосторонней его начитанности, но она шла съ его стороны на ломаномъ Французскомъ нарѣчіи съ Нѣмецкимъ акцентомъ, въ добавокъ отсутствіе зубовъ у почтеннаго нашего эскулапа вредило его произношенію.

Рождественскій постъ пришлось мнѣ въ первый и, надѣюсь, въ послѣдній разъ отговѣть зимою въ церкви безъ печей, каковою осталась по сю пору Старолѣтовская въ имѣніи Дивова. Подобный подвигъ не могъ бы въ настоящее время пройти безнаказанно для моего здоровья; но мнѣ было тогда 45 отъ роду лѣтъ, и я пользовался крѣпкою

*) Въ настоящее время (въ 1874) дочь покойной г-жи Трояновой, прелестная дѣвушка, но безъ всякаго состоянія, готовитъ себя во Флоренціи къ поступленію на оперную сцену, и не безъ надежды, какъ слышно, на успѣхъ. Отецъ ея, женившійся вторично, не имѣетъ средствъ значительно помогать ей.

комплекціею. Не могъ я иначе выдерживать церковныя службы, какъ закутанный въ Романовской дубленный полушубокъ, поверхъ него въ енотовой шубѣ, надѣтой въ рукава. Нелегко было выдерживать эти службы на морозѣ съ открытою вдобавокъ головою.

Я уже прежде говорилъ объ одномъ мелкопомѣстномъ сосѣдѣ Дивова, Дмитріи Николаевичѣ Апраксинѣ; приходится напомнить здѣсь о его существованіи. Благородный и прямодушный этотъ человѣкъ не заискивалъ ничего у болѣе богатыхъ его людей, былъ даже (и есть такимъ по сю пору) гордъ въ своей бѣдности, а въ довершеніе всего сердобольный отецъ, а не баринъ въ обращеніи съ крестьянами. По дворянскимъ выборамъ онъ не хотѣлъ никогда служить, отчасти быть можетъ потому, что былъ лѣнивъ отъ природы и неохочъ ко всякому серіозному занятію кромѣ своего хозяйства; а также потому, что не любилъ кланяться никому и питалъ отвращеніе къ интригамъ, вѣчно сопровождавшимъ дворянскіе выборы съ ихъ гоньбою за предводительскія, исправничьи и уѣздпаго судьи должности. Бирюку по наклонности и привычкѣ, единственная ему трата была псовая охота, да и то въ ограниченныхъ размѣрахъ. Ему было тогда менѣе 50 лѣтъ, и женатъ онъ не былъ, а имѣлъ отъ крѣпостной своей дѣвки незаконную дочь, на воспитаніе коей ничего не жалѣлъ. Она тогда (1852) только что окончила курсъ ученія въ одномъ изъ Московскихъ пансіоновъ, и дѣйствительно недаромъ пропали отцовскія издержки. Къ ней присватался въ эту зиму сынъ одного стараго медика, долго практиковавшаго въ Коломнѣ, и на этой свадьбѣ я присутствовалъ въ Горяинцовѣ, имѣніи ея отца. Онъ тутъ же отдалъ ей половинную часть своего состоянія и началъ жить еще экономнѣе прежняго. Дѣльная и солидная мать вышла изъ этой молодой особы: она сама подготовила двухъ (кажется) своихъ сыновей къ поступленію въ учебное заведеніе.

Ко дню новаго 1853 года, я поѣхалъ къ своимъ въ Знаменское и пробылъ съ ними до поздней весны.

Зимою я часто бывалъ у почтенной тетки моей жены, Авдотьи Ивановны Нарышкиной и иногда гостилъ у нея по нѣскольку недѣль сряду, но не столько ради ея, сколько для князя Николая Ѳедоровича Голицына, поселившагося у нея въ Лопатинѣ съ 1859 года *). А. переѣхалъ онъ на жительство туда по финансовымъ обстоятельствамъ,

*) Напоминаю, что князь Н. Ѳ. Голицынъ, давно передъ тѣмъ уже овдовѣвшій, былъ женатъ на Аннѣ Ѳедоровнѣ Бахметевой, племянницѣ и воспитанницѣ Авдотьи Ивановны. Дѣтей у нихъ не было.

потому что попался въ Москвѣ въ шайку игроковъ. Его чуть-чуть не облупили дочиста, но вступились его братья, князья Александръ и Михаилъ Ѳедоровичи [1]). Они приняли долги на себя и хотя кредиторы пошли на сдѣлку, но тѣмъ не менѣе выплачена была имъ на столько здоровая сумма, что князья Александръ и Михаилъ поставили въ условіе брату передать имъ свое имѣніе, а они выдавали ему на прожитье опредѣленную сумму, хотя и ограниченную, но достаточную, чтобы жить съ нѣкоторымъ даже комфортомъ у его тетки Нарышкиной. Это былъ добрѣйшій души человѣкъ и олицетвореніе до ногтей вельможи стараго покроя съ утонченными аристократическими пріемами (Французскаго, конечно, оттѣнка), но безъ всякаго чванства, и со вкусами прежнихъ баръ (онъ значительно тратился на покупку старинныхъ картинъ). Живя въ Лопатинѣ, онъ постоянно выписывалъ изъ Москвы гастрономическіе припасы и вина отъ Депрѐ и всякаго рода подарки не только для своей тетки, но и для Тарускихъ своихъ друзей, для чего содержалъ особеннаго коммиссіонера. Обращеніе его со всякимъ мелкимъ уѣзднымъ людомъ не рознилось ни въ чемъ съ его обращеніемъ съ людьми высшаго круга, и эта обходительность была непритворною: онъ уживался со всѣми, и рѣдко, бывало, осудитъ непохвальнымъ словцемъ даже тѣхъ, которые не пользовались безукоризненною репутаціею. Какъ все современное ему поколѣніе (ему было подъ 70 лѣтъ), онъ обоготворялъ императора Александра Павловича и уже на этотъ счетъ не выдержитъ, бывало, характера, если кто затронетъ его идола. Однажды я вышелъ, самъ не знаю какъ, изъ своей привычки не противорѣчить старику и дерзостно перебилъ его во время панегирическаго пыла о его царѣ-героѣ, сказавъ: «Votre impereur Alexandre était un Jésuite. Napoléon lui-même l'avait surnommé un Grec du Bas-Empire» [2]). Батюшки! Такъ и взъѣлся на меня князь. «Vous n'êtes qu'un polisson» [3]), досталось мнѣ отъ него за это. Но очень конфузился онъ послѣ за свою вспышку и всячески силился ее загладить. Понятно, что я не принялъ къ сердцу его словъ.

Онъ передалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ. Во время извѣстнаго посольства маршала Коленкура (герцога Виченцскаго) при нашемъ дворѣ въ 1809 или 1810 году, князь Николай Ѳедоровичъ, тогда офицеромъ

[1]) Князь Александръ Ѳедоровичъ уже былъ тогда статсъ-секретаремъ при Коммиссіи Прошеній, а князь Михаилъ Ѳедоровичъ былъ женатъ на Луизѣ Трофимовнѣ Барановой и постоянно жилъ въ Москвѣ въ своемъ домѣ на Покровкѣ.

[2]) Вашъ императоръ Александръ былъ Іезуитъ; самъ Наполеонъ прозвалъ его Грекомъ Византійской имперіи.

[3]) Вы молокососъ.

Преображенскаго полка, стоялъ однажды въ караулѣ у Петербургской заставы и проглядѣлъ Французскаго посла, возвращавшагося съ гулянья въ Екатерингофѣ. Щепетливый маршалъ принялъ за оскорбленіе собственной его или представляемаго имъ императора личности, что Русскій офицеръ не отдалъ подобающей ему чести, не вышедъ съ карауломъ на платформу, за что и принесъ рѣзкую жалобу кому слѣдовало изъ высшихъ военныхъ властей, и князь подвергся головомойкѣ *).

Князь Николай Ѳедоровичъ частенько хворалъ (и нерѣдко отъ гастрономической невоздержности), и тогда по цѣлымъ недѣлямъ не ходилъ внизъ къ своей теткѣ. Въ этихъ случаяхъ, какъ и тогда, когда онъ находился въ вожделѣнномъ здравіи, соблюдался между обоими слѣдующій церемоніалъ. Какъ только князь вставалъ и умывшись и выбрившись (для каковой операціи имѣлъ свою цирульню) садился въ халатѣ въ свои Волтеровскія кресла, являлся старикъ дворецкій кривошейка Иванъ Михайловъ съ докладомъ, что «Авдотья Ивановна молъ приказали спросить о здоровьи вашего сіятельства и какъ вы изволили почивать». На это отвѣтъ былъ всегда одинъ и тотъ же: «Поблагодари Авдотью Ивановну; я, слава Богу, здоровъ, отлично хорошо спалъ и готовлюсь кофе пить». Кажись, что этого было бы достаточно? Но нѣтъ. Вслѣдъ за тѣмъ отправлялся на низъ княжескій камердинеръ Ѳедоръ точь-въ-точь съ такими же распросами къ Авдотьѣ Ивановнѣ. Въ двѣнадцатомъ часу, когда подавали у Авдотьи Ивановны легкій завтракъ (такъ какъ она обѣдала въ два часа), снова подымался по лѣстницѣ кривошейка Иванъ Михайловъ доложить его сіятельству, что его барыня изволитъ закусывать, такъ не прикажетъ ли его сіятельство принести ему чего-нибудь закусить? Князь благодаритъ и приказываетъ сказать, что ничего не желаетъ. (Одна изъ причинъ отказа могла быть та, что князь зналъ по опыту, что хозяйскій ватель, по имени Родіонъ, былъ отравитель, хотя увѣрялъ несвѣдущихъ въ кулинарномъ дѣлѣ, что онъ учился на кухнѣ Михаила Ѳедоровича Рахманова, и потому князь заказывалъ особыя для себя блюда и нерѣдко изъ своей провизіи). Послѣ обѣда Иванъ Михайловъ опять отправлялся спрашивать, съ апетитомъ ли изволилъ кушать его сіятельство, и вслѣдъ за тѣмъ съ таковымъ же вопросомъ ходилъ внизъ княжескій камердинеръ Ѳедоръ.

---

*) Изъ всѣхъ разсказовъ того времени видно, что Коленкуръ держалъ себя черезъ чуръ надменно; были ли даны ему на то секретныя инструкціи или онъ дѣйствовалъ такъ по гаиосчивой своей натурѣ, не знаю.

Старушка любила таки церемонность. Когда жена моя пріѣзжала къ ней, она освѣдомлялась о здоровьи *молодаго графа Дмитрія Михайловича*, коему едва было пять лѣтъ. Однажды гостили у нея Тридонъ съ женою и годовалою ихъ Лилй, и когда на слѣдующее утро Осипъ Августиновичъ пошелъ поздороваться съ Авдотьею Ивановною, она не преминула спросить, какъ провела ночь Елисавета Осиповна. «Qui est ce que cette personne, madame?, спросилъ нашъ живой Французъ.— «Mais c'est votre fille».— «Comment, madame, cette petite morveuse est déjà Elisabeth Ossipovna?» [1]).

Въ Лопатинѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, красовалась каменная, теплая и о двухъ придѣлахъ церковь, архитектуры полу-рококо, принятой во второй половинѣ прошлаго вѣка; но она была домовою, а приходская церковь была на Лысой горѣ, верстахъ въ полуторы отъ Лопатина. Такъ какъ при этой послѣдней церкви были два священника, то богомольная Авдотья Ивановна назначила годовую плату, чтобы одинъ изъ нихъ служилъ ежедневно въ Лопатинской церкви, гдѣ она каждый день присутствовала у заутрени и обѣдни. Благотворительность ея была въ широкихъ самыхъ размѣрахъ; не было отказа никому, и весь Тарускій уѣздъ благословлялъ ее. Хотя при ней всегда жила компаньонка, которая, вмѣстѣ съ симъ, была чтицею и секретаршей, и еще старая карлица Маланья Аѳанасьевна (а какихъ лѣтъ была эта весьма еще бодрая карлица, можно судить изъ того, что она помнила, какъ увѣряли знавшіе ее люди, Московскую чуму 1771 года), но не любила Авдотья Ивановна оставаться безъ гостей и, конечно, находились охотницы, всегда готовыя угождать ей въ этомъ отношеніи. Тарускія чиновническія жены такъ и дежурили постоянно въ Лопатинѣ. По большимъ праздникамъ и въ ея и Николая Ѳедоровича Бахметева [2]) именины и дни рожденія обѣдало у нея до сорока и болѣе человѣкъ, въ каковыхъ случаяхъ старушка была внѣ себя отъ радости. Я гдѣ-то упомянулъ выше, что когда Калужскимъ губернаторомъ былъ Н. М. Смирновъ, жена его Александра Осиповна (бывшая красавица, фрейлина Росетти) гащивала со своими дѣтьми въ Лопатинѣ по нѣскольку дней. Домовый бытъ Авдотьи Ивановны былъ на старо-боярской ногѣ, какъ бы перенесенный изъ допожарной Москвы. Въ передней болтались три-четыре лакея и оффи-

[1]) Кто это, о комъ вы изволите говорить?—„О вашей же дочери. — Какъ, сударыня, эту маленькую сопляшку уже зовутъ Елисаветою Осиповною?“

[2]) Племянникъ, воспитанникъ и наслѣдникъ Авдотьи Ивановны, отецъ Ольги Николаевны Базилевской.

ціанты, каждый изъ коихъ былъ занятъ своимъ ремесломъ: кто сапожничалъ или портняжилъ, или вязалъ чулокъ, или плелъ сѣть. Войдетъ пріѣзжій гость, и челядинцы, снявъ съ него шубу или пальто, снова принимались, безъ зазрѣнія совѣсти, за свою работу. Да и весь ладъ дома былъ патріархальный. У престарѣлаго кривошеи, дворецкаго Ивана Михайлова, руки тряслись до того, что, наливая гостямъ обычныя мадеру и шато-марго, онъ спотыкался и обливалъ гостей, но не соглашался сдавать свою должность другому, какъ на то ни намекала его госпожа: смѣнить своего Иванушку (такъ называла его до конца Авдотья Ивановна) не доставало ей духу. Въ своей молодости она была, разсказывали, неравнодушна къ Московскому когда-то богачу, Петру Ивановичу Юшкову, огромный домина коего, насупротивъ Московскаго почтамта, нынѣ принадлежитъ Московскому художественному классу. Почему она не вышла замужъ за него, не знаю; но она такъ и осталась старою дѣвой *).

Въ Апрѣлѣ или Маѣ меня извѣстили о внезапной кончинѣ въ Москвѣ отъ холеры Ивана Антоновича Кавецкаго, чего я никакъ не ожидалъ, потому что хотя ему было за 70 уже лѣтъ, но казался онъ молодцомъ и сохранялъ свою дѣятельность. Смерть его произвела нѣкоторое разстройство въ дѣлахъ моей матери и моего брата, графа Петра Дмитріевича, довѣрителемъ коихъ онъ продолжалъ быть въ Россіи по ликвидаціи невыручennыхъ еще сполна братниныхъ денегъ за выходъ на волю Воронежскаго имѣнія крестьянъ слободы Бутурлиновки, и матушкиныхъ денегъ отъ продажи ея имѣнія, села Бѣлкина, которое купила дочь И. А. Кавецкаго, Варвара Ивановна Обнинская.

Въ Маѣ я возвратился въ Городище, но уже не обыкновеннымъ проселочнымъ путемъ черезъ Каширу и Зарайскъ, а черезъ Москву, гдѣ впрочемъ не оставался болѣе трехъ дней и переѣхалъ къ Дивовой, уже поселившейся на лѣто въ своей Зенинской фермѣ. Погостивъ у нея съ недѣлю, я съ нею и съ обоими ея дѣтьми поѣхалъ въ Городище. Въ одно теплое Майское утро моего пребыванія въ Зенинѣ, все наше общество отправилось въ огромной линейкѣ посѣтить только-что достроенный великолѣпный замокъ въ имѣніи графа Ивана Ларіоновича Воронцова-Дашкова, въ с. Быковѣ (Марьино тоже), верстахъ въ 10-ти отъ Зенинской фермы. Постройка эта была въ строго-заграничномъ XVI вѣка (à la renaissance) стилѣ и дѣлала честь таланту ея

*) Позднѣе П. И. Юшковъ разорился, и я однажды видѣлъ его въ Петербургѣ, въ 40-хъ годахъ, у Шатиловыхъ, въ жалкомъ довольно положеніи.

архитектора Француза Симона *); а стоила она, какъ слышно, много болѣе милліона рублей сер., да и немудрено по громадности ея размѣровъ, въ три этажа съ башнею или чуть ли не съ башнями. Но особенно грандіозны и изящны по отдѣлкѣ были нижнія пріемныя залы, весь потолокъ коихъ былъ съ разрѣзными «a jour» балками и узорчатыми рѣзными разводками. Мнѣ понравился болѣе прочаго столовый залъ. Размѣръ его былъ таковъ, что въ немъ можно бы было не стѣсняясь задавать пиры на двѣсти человѣкъ гостей; стѣны были обшиты неполированными фанерками, раздѣленными по квадратамъ съ таковою же каймою, и въ центрѣ каждаго квадрата вставлена была изваянная изъ дуба группа охотничьяго сюжета (убитые звѣри и дичь и разныя охотничьи принадлежности), а въ пространствѣ между верхнимъ карнизомъ и потолкомъ шелъ рядъ фамильныхъ круглыхъ портретовъ графовъ и графинь Воронцовыхъ, въ числѣ коихъ я узналъ моего дѣда (по матери) графа Артемія Ивановича. Въ одномъ концѣ столовой возвышался огромный поставецъ въ нѣсколькихъ полкахъ уступами, весь уставленный богатѣйшею серебро-вызолоченною посудою съ дѣдовскими кубками, стопами и братинами. Въ противуположномъ концѣ этого перваго этажа замка находился графининъ апартаментъ, въ коемъ особенно примѣчательна была ея уборная (тутъ же и ванная) съ мебелью, стѣнами и всѣми прочими деталями, подобранными въ недешевомъ вкусѣ прошлаго вѣка, «à la Pompadour». При всей однакоже этой богатой утонченности было отсутствіе всякаго комфорта для самаго владѣльца замка. Его жилые покои находились во второмъ этажѣ надъ высокими парадными залами (или чуть ли даже не въ третьемъ), и страдавшему тогда подагрою графу Ивану Ларіоновичу Воронцову (который пріѣзжалъ каждое лѣто въ Быково) приходилось подыматься на сонъ грядущій по лѣстницѣ въ 50 или 60 ступенекъ, чтобы достичь своей опочивальни. Оранжереи и теплицы тянулись, какъ мнѣ разсказывали (самъ же я не успѣлъ ихъ обозрѣть) будто бы на версту. Графиня Александра Кирилловна, пристрастившись въ то время къ породистому скотоводству, завела въ Быковѣ цѣлое стадо Швейцарскихъ (выписныхъ изъ-за границы) коровъ съ таковыми же быками, и при нихъ цѣлое семейство Швейцарцевъ для ухода за стадомъ, и семейство это помѣщалось во вновь выстроенномъ для него «шале», гдѣ была также пріемная комната для посѣтителей, желавшихъ прохладить-

*) Онъ построилъ около того же времени роскошный палаццъ графа Николая Дмитріевича Толстаго въ Москвѣ; на углу Воздвиженки и Большой Кисловки. Зданіе это не изъ кирпича, а изъ бѣлаго плитняка и отдѣлено отъ Воздвиженки длиннымъ садомъ съ желѣзною рѣшеткою.

ся или подкрѣпиться кружкою молока или сливокъ или закусить Швейцарскимъ сыромъ, тутъ же изготовленнымъ. И любопытно было, дѣйствительно, обхожденіе этого Швейцарца съ своею скотиною. Когда надо было выпускать стадо на пастбище, онъ шелъ впереди съ тростью въ рукѣ, посвистывая и приманивая голосомъ стадо идти за нимъ, что самое онъ повторялъ, выходя вечеромъ навстрѣчу возвращающимся его питомцамъ, во главѣ каковыхъ шла одна изъ коровъ съ колокольчикомъ на шеѣ. Никакого гуканія и щелканія бичемъ или кнутами не было слышно и, пожалуй, что эти пыточныя для скотины орудія не допускались, и помощники Швейцарца вооружены были безвредными лишь прутиками. Зданіе скотнаго двора, его устройство и содержаніе скотины не уступали въ хозяйственной роскоши всему прочему. Словомъ, тогдашнее Быково могло соперничать съ какою-нибудь царскою резиденціею.

Въ сосѣдствѣ съ Зенинскою фермою было с. Кучино, помѣстье или правильнѣе дача богача Николая Гавриловича Рюмина *), славившаяся тогда своею щегольскою отдѣлкою; но о ней можно было сказать, что славны бубны за горами. Всѣ постройки были деревянныя, сшитыя на живую нитку, въ родѣ балагановъ, и отзывались болѣе фантазёрствомъ какого-нибудь театральнаго декоратора, нежели чѣмъ другимъ. Домики были покрыты множествомъ изысканныхъ «цацъ» игрушечно-подобныхъ (по-французски «colifichets»), узорочьями и фестонною рѣзьбою то въ Индостанскомъ или Мавританскомъ, то въ Русскомъ деревенскомъ стилѣ; иные домики были изъ березовыхъ бревенъ съ ихъ бѣлою корою; постройки были въ маленькихъ размѣрахъ. Вообще, Рюминское Кучино показалось мнѣ въ родѣ повторенія прихотей забавной памяти Осташевскаго сада на Тверскомъ бульварѣ, но и затѣмъ уже милліонера-мѣщанина въ дворянствѣ. Кучинскій паркъ былъ хорошъ; но не надо воображать себѣ, что какой-нибудь художникъ-садоводъ ломалъ себѣ голову, чтобы начертить и засадить этотъ паркъ по правиламъ искусства, а просто тутъ былъ самородный густой довольно лѣсъ, и въ немъ просѣкли и устроили шоссейныя дорожки, достаточно широкія, чтобы кататься по нимъ въ экипажахъ.

Погостивъ въ Зенинѣ съ недѣлю, я проводилъ Зинаиду Сергѣевну въ Городище. Разстояніе между этими двумя мѣстностями было около

*) Бывшій откупщикъ и милліонеръ Н. Г. Рюминъ умеръ лѣтъ пять тому, и послѣ его смерти дѣла его оказались далеко не въ цвѣтущемъ будто бы положеніи, а жена его, Елена Ѳедоровна (рожденная Кондалинцова), скончалась въ Іюнѣ нынѣшняго 1874 года.

130 верстъ, кои мы проѣхали съ чрезвычайною быстротою въ 12 или 13 часовъ. Правда, что я скакалъ передовымъ заготавливать лошадей на станціяхъ для Дивовой, которая слѣдовала съ обоими своими дѣтьми и съ обыкновенною своею свитою. Выѣхавъ изъ Зенина послѣ ранняго утренняго чая, мы поспѣли къ вечернему чаю въ Городище, при чемъ надо взять въ разсчетъ задержку обѣда въ Бронницахъ и переправу паромомъ черезъ Оку въ Коломнѣ, гдѣ выѣхалъ на встрѣчу къ намъ Николай Адріяновичъ.

Въ Городищѣ Дивовъ заговорилъ въ первый разъ со мною о моемъ поступленіи на службу при Петрѣ Петровичѣ Новосильцовѣ, согласіемъ коего Дивовъ уже заручился; но Петръ Петровичъ совѣтовалъ однакоже немного повременить, такъ какъ еще не было въ Рязани вакантнаго удобнаго для меня мѣста съ жалованіемъ, а безъ таковаго не было цѣли поступать мнѣ опять на службу. Я съ готовностію принялъ совѣтъ моего родственника и рѣшился переѣхать въ Рязань по отъѣздѣ изъ Городища Зинаиды Сергѣевны; да и кстати мнѣ надо было, по мнѣнію моего врача, выдержать курсъ минеральныхъ водъ. Зинаида Сергѣевна возвратилась въ свое Зенино, а мужъ ея и я поѣхали дня за два въ Зарайскъ, по приглашенію князя А. Д. Волконскаго, для присутствованія при освященіи самимъ Рязанскимъ архіереемъ Гавріиломъ домовой церкви, княземъ устроенной при женскомъ училищѣ и пансіонѣ, которые онъ же основалъ и содержалъ. Этимъ полезнымъ и накладнымъ конечно для кармана учрежденіемъ князь Алексѣй Дмитріевичъ выкупалъ свои слабости, какъ театралъ и меломанъ; жаль лишь, что онъ не пожертвовалъ навсегда капиталъ (что впрочемъ онъ, быть можетъ, не былъ въ силахъ сдѣлать), изъ процентовъ коего могъ бы содержаться впослѣдствіи этотъ пансіонъ. Позднѣе онъ вынужденъ былъ закрыть это заведеніе. Мнѣ передано было, что онъ уговаривалъ дворянство Зарайскаго уѣзда принять отъ него этотъ весьма удовлетворительно устроенный, какъ я лично убѣдился, пансіонъ и продолжать его существованіе на дворянскія суммы. Теперь, быть можетъ, его постигла бы лучшая участь (доказательствомъ чему служитъ, что въ прошломъ 1873 году Зарайское городское и уѣздное общество основали реальное пятиклассное, кажется, училище); но тогда общество наше еще не созрѣло до сознанія необходимости и неотложности поощренія всесословнаго образованія. Изумительно, какъ мы шагнули впередъ въ эти послѣднія 15 лѣтъ по этому вопросу!

Переѣхавъ въ Рязань (въ Дивовскій домъ), я не замедлилъ явиться къ П. П. Новосильцову, чтобъ поблагодарить его за участіе, кото-

рое онъ принялъ во мнѣ, и я началъ пить свои воды. Николай Адріановичъ частенько наѣзжалъ въ городъ для свиданія съ Новосильцовыми, съ коими онъ былъ друженъ; но по долгу онъ не оставался въ Рязани.

Однажды, когда я ѣхалъ въ каретѣ съ Дивовымъ обѣдать къ Новосильцовымъ на Рюминскую дачу ими занимаемую лѣтомъ *), онъ обратился ко мнѣ съ какою-то необычною ему рѣчью въ грустномъ направленіи, съ внушительными увѣщаніями покориться Божіей волѣ и тому подобное. Я догадался, что онъ имѣлъ сообщить мнѣ что-то тяжелое для меня, но не зналъ, какъ приняться. Я приставъ къ нему, чтобы онъ высказался безъ дальнихъ околичностей, и онъ сообщилъ мнѣ, что дорогой мой братъ графъ Петръ Дмитріевичъ скончался въ Римѣ. Нечего говорить, какъ поразило меня извѣстіе, что уже не было въ живыхъ этого столь горячо любившаго меня брата, человѣка, который не разъ выручалъ меня, какъ ангелъ-хранитель, въ бурной моей юности и уплачивалъ мои долги безъ моего вѣдома. Подобные люди нынѣ не встрѣчаются. Этотъ праведникъ провелъ свою жизнь, поставивъ себѣ задачею помогать кому онъ могъ, и любовь его къ человѣческому роду не остыла и въ предсмертныхъ и страдальческихъ его часахъ. Кончина его послѣдовала отъ разрыва сердца; но какъ долговременная его болѣзнь была столь сложна, что наука затруднялась ее опредѣлить съ надлежащею точностію, то онъ завѣщалъ женѣ своей, чтобы медики вскрыли его трупъ, дабы лучшимъ разузнаніемъ его недуга было возможно помочь будущимъ страдальцамъ.... Семидесятишестилѣтняя наша мать присутствовала при кончинѣ ея кормильца, каковымъ онъ былъ для нея, такъ какъ состояніе нашей матери было ограничено отчасти уже потому, что изъ денегъ, вырученныхъ продажею И. А. Кавецкому ея Боровскаго имѣнія с. Бѣлкина, она еще въ концѣ 30-хъ годовъ пожертвовала 100 тыс. рубл. асс. на уплату моихъ долговъ, но къ несчастію, безъ всякой пользы: деньги эти пропали безслѣдно въ общемъ омутѣ безлаберныхъ дѣлъ и оборотовъ моего Еврейскаго factotum'а Леона Капенштейна... Бѣдная моя мать пережила своего сына не болѣе полутора года, слабѣла постепенно и говаривала о себѣ (какъ позднѣе мнѣ передавали), что она какъ бы хромая какая-нибудь старушка, потерявшая свой костыль. «Такъ какъ же ходить этой старухѣ безъ костыля?» были ея слова. Да! Тяжко, убійственно для родителей переживать взрослыхъ дѣтей, и суждено бы-

*) Дача эта, издавна принадлежащая семейству Рюминыхъ, въ полуверстномъ разстояніи отъ Рязани. При ней великолѣпный паркъ и протечные пруды.

ло и самому мнѣ это испытать черезъ годъ послѣ кончины моего брата!

По выходѣ изъ кареты на Рюминовой дачѣ я извинился передъ Меропою Александровною, что не въ состояніи обѣдать у нея и, возвратясь немедленно домой, далъ полную свободу моимъ слезамъ...

Въ Іюнѣ неожиданно подкатила къ моему крыльцу двоюродная моя сестра Надежда Александровна (уже три года замужемъ за В. А. Гавришенко). Она ѣхала изъ Петербурга и предложила мнѣ съѣздить съ нею въ Тамбовъ, а оттуда въ Воронцово, принадлежавшее ей и сестрѣ ея, Елисаветѣ Александровнѣ Кикиной, нынѣ Болдыревой *). Утромъ на слѣдующій день я сѣлъ въ карету съ нею, и мы помчались по столбовой Рязанско-Козловской дорогѣ, представлявшей почти что круглый годъ море замѣсившейся вязкой грязи. Какова была эта дорога въ дождливое осеннее время, можно судить изъ того, что однажды главноуправлявшій почтовымъ департаментомъ Прянишниковъ, прокатившись (или точнѣе проползши) по ней изъ Тамбова въ Рязань, говорилъ П. П. Новосильцову, что, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ намѣревался представить проектъ въ Государственный Совѣтъ о замѣнѣ впредь ссылки преступниковъ въ отдаленную каторжную работу присужденіемъ ихъ совершить по образу пѣшаго хожденія эти триста съ чѣмъ-то верстъ между Рязанью и Тамбовомъ въ осеннее время.

Поздно вечеромъ этого же дня мы доѣхали до села Алешни, любимаго лѣтняго мѣстопребыванія княгини Маріи Петровны Волконской (отъ Ряжска не болѣе версты). Въ теченіе какихъ-нибудь трехъ часовъ что̀ мы тамъ пробыли, привѣтливая хозяйка Алешни успѣла показать намъ роскошный свой садъ, ею созданный, и показала его намъ съ театральнымъ эффектомъ, а именно при искусственномъ освѣщеніи. Для сего нѣсколько лакеевъ вооружились свѣчами со стеклянными колпаками и постепенно освѣщали всѣ замѣчательнѣе прочихъ мѣста сада, засаженнаго частію регулярными и перекрещивающимися аллеями (à la française), частію Англійскимъ паркомъ. Изящный вкусъ во всемъ

*) Богатое это имѣніе, принадлежавшее по раздѣльному семейному акту двоюродному моему брату Артемію Александровичу Тимофееву (нынѣ умершему), подвергалось продажѣ за его долги, но было выкуплено его двумя сказанными сестрами, уплатившими для выручки имѣнія 40 или 50 т. рубл. серебр., коими ихъ снабдилъ двоюродный ихъ братъ милліонеръ Андрей Ивановичъ Сабуровъ, взявшій въ обезпеченіе втихъ денегъ строевой лѣсъ при с. Воронцовѣ, каковаго было тамъ семь или восемь сотъ десятинъ. Впослѣдствіи Воронцово было отдано обратно Артемію Александровичу.

что ни предпринимала княгиня Марія Петровна, выказывался и здѣсь; а садоводство было изъ самыхъ любимыхъ ея занятій. О правильной вездѣ выдержкѣ рослыхъ деревьевъ, какъ бы подобранныхъ одно къ другому, лишнее было бы говорить; но это отдѣленіе регулярнаго сада отличалось еще тѣмъ, что въ концахъ аллей и на площадкѣ, гдѣ онѣ перекрещивались, стояли прекрасныя копіи, изъ Каррарскаго бѣлаго мрамора, извѣстныхъ древнихъ Греческаго ваянія статуй, какъ напримѣръ Венера Медиційская, Фавнъ и проч. Грандіознымъ можно было назвать широкій спускъ къ рѣчкѣ, протекающей черезъ весь садъ съ паркомъ включительно; ступеньки этого спуска были изъ бѣлыхъ плитъ съ мраморными вазами на пьедесталахъ по обоимъ бокамъ. Но все это было ничтожно передъ гротомъ Мадонны, устройство коего было слѣдующее. Въ углубленіи природной горы вырыта была пространная ниша со сводомъ, и въ ней вставлена была на пьедесталѣ изъ бѣлаго мрамора колосальная гипсовая группа Пресвятой Дѣвы Маріи съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на колѣняхъ. Это была точная копія или, правильнѣе, повтореніе бронзовой группы одного изъ фронтоновъ Исаакіевскаго собора, работы знаменитаго нашего Москвича Ивана Петровича Витали и имъ же въ точности исполненная по заказу княгини Волконской. Семь или восемь ступеней изъ Каррарскаго также мрамора вели къ этой часовнѣ, которая вся была обставлена снаружи тропическими и другими оранжерейными растеніями въ горшкахъ и кадкахъ, а деревцы и деревья большаго размѣра, въ числѣ коихъ кипарисы и цвѣтущіе олеандры, высажены были на лѣто прямо въ грунтъ. Верхушка горы подъ гротомъ, представлявшая видъ насыпной арки, была обсажена кактусами и подобными низкими оранжерейными растеніями, кои вынимались оттуда на зиму. Иллюзія отъ обстановки всего этого грота была полная: сидя передъ нею на мраморной также скамейкѣ, зритель переносился въ мѣстность теплаго Юга*). Цвѣтникъ передъ домомъ гармонировалъ изящностію со всѣмъ прочимъ. Онъ представлялъ узорчатый коверъ, каждое отдѣленіе коего (составлявшее частицу общаго рисунка) было сплошь обсажено однолѣтними цвѣтами, подобранными подъ тѣнь рисунка, то-есть каждое изъ этихъ отдѣленій было туго набито однохолерными растеніями, такъ что клочка земли межъ ними нигдѣ не было видно; общій же рисунокъ представлялъ, насколько помнится мнѣ, громадную звѣзду, въ центрѣ которой стояла на высокомъ пьедесталѣ большая мраморная урна, наполненная спускающимися черезъ ея края

*) Я узналъ, что по кончинѣ княгини Маріи Петровны садъ былъ запущенъ, и превосходная Виталіева группа разбита въ дребезги, заваленная обрушившимся гротомъ.

зелеными нитками нецвѣтущихъ орнаментальныхъ и безштамбовыхъ растеній. Не доставало лишь фонтана въ Алешнинскомъ саду, чтобы сдѣлать его вполнѣ дворцовымъ.

Алешнинскія строенія были начаты въ чисто-Русскомъ старинномъ вкусѣ и въ большихъ размѣрахъ. Уже выстроены были два каменные флигеля въ два съ половиною этажа для пріѣзжихъ гостей и для прислуги, кухня и конный дворъ съ сторожевою пожарною башнею, но чередъ до господскаго дома еще не доходилъ: постройку эту, какъ самую капитальную, княгиня все откладывала до времени, когда она могла бы, не стѣсняясь, опредѣлить на этотъ предметъ необходимую и довольно значительную сумму, а между тѣмъ она продолжала жить въ старомъ двухэтажномъ деревянномъ домѣ своего свекра (весьма впрочемъ уютномъ и просторномъ). Издали домъ этотъ казался окрашеннымъ темно-зеленымъ цвѣтомъ; но это происходило отъ хмеля, сплошь покрывавшаго обшивку стѣнъ безъ одной скважины, отъ самаго низа до кровли, и въ этой чащѣ были вырѣзаны одни отверстія для оконъ и балконовъ по обоимъ фасамъ дома. Не видывалъ я нигдѣ подобнаго эффекта.

У княгини жила тогда кузина моя, Елисавета Александровна (вдова двоюроднаго княгининаго брата Андрея Евграфовича Кикина), проводившая въ то время всѣ зимы съ княгинею въ Петербургѣ, хотя она и нанимала свою особенную квартиру въ задней части (по Милліонной улицѣ) дома Волконскихъ.

Въ Тамбовѣ, гдѣ Надежда Александровна имѣла и имѣетъ по сю пору свой домъ, мы прожили недѣли двѣ по случаю рысистыхъ бѣговъ, въ коихъ участвовала одна лошадь ея мужа Василія Артамоновича, но приза не взяла. Туда подъѣхала и Елисавета Александровна. Кузинъ моихъ навѣщалъ иногда тогдашній губернаторъ Петръ Алексѣевичъ Булгаковъ. Его хвалили какъ дѣловаго администратора, но обращеніе его съ подчиненными было иногда грубо и чрезвычайно дерзко. Однажды онъ накинулся, какъ мнѣ разсказывали, на какого-то уѣзднаго судью (служившаго по выборамъ) съ площадною руганью; но судья этотъ такъ отбрилъ мужиковатое превосходительство, что тотъ прикусилъ языкъ.

Встрѣтившись на Тамбовскихъ бѣгахъ съ знакомымъ мнѣ по Москвѣ меломаномъ княземъ Юріемъ Николаевичемъ Голицынымъ, я счелъ приличнымъ сдѣлать ему на слѣдующій день визитъ. Онъ принялъ меня крайне привѣтливо, но въ тоже время просилъ извиненія, что начнетъ безцеремонно одѣваться при мнѣ, такъ какъ ему надобно ѣхать на дворянскій официальный обѣдъ, а чтобы мнѣ не скучать, онъ

супулъ мнѣ въ руки какія-то бумаги о тяжбѣ его съ губернаторомъ по доносу, имъ (княземъ Голицынымъ) поданному, на П. А. Булгакова, что онъ якобы составилъ подложное духовное завѣщаніе на имя какой-то Тамбовской умершей барыни и воспользовался ея имуществомъ. Процедура эта меня и безъ того не интересовала, а вдобавокъ пришлось мнѣ выслушивать дополнительныя поясненія изъ устъ сіятельнаго доносчика. Не молчалъ съ своей стороны и зубастый губернаторъ и старался подкапываться подъ губернскаго предводителя, и дрязги эти кончились тѣмъ, что Булгакова перевели въ Калугу на мѣсто графа Егора Петровича Толстого, а князя Голицына отрѣшили отъ должности Тамбовскаго губернскаго предводителя. Но сія послѣдняя мѣра относится къ позднѣйшему времени, а въ 1853 и 1854 годахъ онъ былъ еще въ большомъ ходу. На офиціальномъ обѣдѣ мѣстное дворянство сдѣлало постановленіе (по предложенію губернскаго предводителя) о пожертвованіи отъ всей губерніи на потребности военнаго вѣдомства (такъ какъ чуялось уже всѣмъ близкое столкновеніе съ Европейскими державами), 800 подъемныхъ лошадей, съ каковымъ постановленіемъ отправился въ Петербургъ самъ князь Юрій Николаевичъ. Дворъ былъ тогда въ Петербургѣ, и пріѣздъ вѣстника вѣрноподданнической преданности Тамбовскаго «благороднаго» дворянства былъ тѣмъ болѣе кстати, что прибыли какіе-то экстраординарные иностранные дипломатическіе агенты, въ присутствіи коихъ обрадованный покойный Государь осыпалъ князя Голицына милостивыми выраженіями, поручая ему поблагодарить «свое» вѣрное Тамбовское дворянство, а самъ князь былъ тутъ же пожалованъ прямо въ камергеры, не бывъ никогда камеръ-юнкеромъ.

Въ числѣ короткихъ знакомыхъ у моихъ двухъ родственницъ было семейство Полетиковъ, состоявшее изъ мужа, жены и единственной ихъ дочери Мордвиновой, продолжавшей жить съ своимъ мужемъ при ея родителяхъ. Г. Полетика, тогда въ превосходительномъ уже чинѣ, служилъ въ 30-хъ годахъ въ кавалергардахъ, а въ описываемое время числился при почтовомъ департаментѣ и жилъ въ Тамбовѣ, взявъ командировку обревизовывать нѣкоторыя губернскія почтовыя конторы. Жена его*), казавшаяся чистою Парижанкою по нарѣчію и воспитанію, была, какъ говорили, незаконнорожденная дочь одного изъ Петербургскихъ вельможъ. У кузинъ моихъ часто бывалъ также нѣкій Итальянецъ по фамиліи Гуаданини, первоначальная профессія коего на его родинѣ въ Неаполѣ была портретная живопись; но какъ можно предполагать, профессія была не прибыльная, потому что онъ ее бросилъ и пріѣхалъ въ Россію съ Андреемъ Ивановичемъ Сабуровымъ. Впо-

*) Идалія Григорьевна. П. Б.

слѣдствіи, одна Тамбовская довольно богатая барышня втюрилась въ него и сдѣлалась мадамъ Гуаданини, а онъ Тамбовскимъ помѣщикомъ и чуть ли даже не агрономомъ.—Въ живыхъ еще находился тогда послѣдній вѣроятно изъ воиновъ Венеціанской республики въ лицѣ старика Пива̀то, издавна содержателя гостиницы въ Тамбовѣ и о комъ я, кажется, упомянулъ въ разсказѣ о моихъ кутежахъ въ 1843 году на Нижегородской ярмаркѣ. Въ этотъ мой пріѣздъ въ Тамбовъ, я однажды встрѣтилъ въ его гостиницѣ Московскую артистку на скрипкѣ Терезу Оттаво, тогда проѣзжавшую изъ Сибири, гдѣ съ бѣдняжкою случилось, какъ она мнѣ сказывала, горестное приключеніе. Своенравная ея горничная, сопровождавшая ее въ артистическихъ ея странствованіяхъ, въ порывѣ бѣшенства, разбила однажды въ дребезги скрипку своей госпожи; а инструментъ былъ драгоцѣнный, чуть-ли не произведеніе знаменитаго когда-то Амати. Къ счастію для нашей молодой артистки (ей было тогда тридцать съ небольшимъ лѣтъ, но кофейные ея глаза блестѣли прежнимъ огнедышащимъ выраженіемъ), въ Москвѣ отыскался мастеръ, который склеилъ всѣ обломки инструмента столь превосходно, что мамзель Оттаво могла отличаться на немъ по прежнему. Такъ какъ я нѣкогда (въ 1841 году) ухаживалъ за нею въ Москвѣ (и совершенно безуспѣшно), то и обращался съ нею довольно фамиліарно (обращеніе, допускаемое впрочемъ между Итальянскими артистами и художниками): хотя отецъ ея былъ Неаполитанецъ *), но она родилась и выросла въ нашей бѣлокаменной. Она платила мнѣ тою же монетою. За обѣдомъ съ нею и съ г. Гуаданини, съ хозяиномъ гостиницы и съ какимъ - то проѣзжимъ изъ Одессы Итальянцемъ, нами мужчинами порядочно было выпито, и г. Гуаданини любезно предложилъ набросить на бумагу для меня эскизный портретъ молодой виртуозки (она не противилась); но эскизъ этотъ вышелъ, помнится мнѣ, довольно неудовлетворительно и, судя по оному, понятно дѣлается отчасти, почему художникъ нашъ предпочелъ искать улыбокъ фортуны внѣ своего отечества. Со стаканомъ въ рукѣ мы тогда принялись распѣвать не состарѣвшійся еще съ 1848 года гимнъ о свободѣ Италіи, посвященный либеральному въ началѣ своего святительства папѣ Пію IX. Припѣвъ гимна былъ:

E viva l'Italia,
E viva Pio Nono,
E viva l'unione
E la libertà".

*) Онъ долго былъ въ Московской балетной труппѣ въ амплуа „гротеска" и выслужилъ даже пенсію. Упомянутая дочь его Тереза предалась было одно время пѣнію, и голосокъ у нея былъ не дуренъ, но грудь слаба.

Юношескій (не черезчуръ, конечно похвальный) пылъ и тогда еще не остывалъ во мнѣ, хотя мнѣ минуло уже 46 лѣтъ.

Въ Воронцовѣ я прожилъ около мѣсяца и на возвратномъ пути въ Рязань заѣхалъ на нѣсколько дней къ княгинѣ М. П. Волконской въ Алешню. На досугѣ я тамъ срисовалъ на скорую руку съ натуры болѣе прочихъ замѣчательные виды и предметы сада и всей усадьбы; но увы! не пришлось мнѣ перерисовывать ихъ на-чистò, и эскизы такъ и остались забытыми по сю пору въ моей дорожной рисовальной книгѣ, а они настолько интересовали владѣтельницу Алешни, что она изъ Петербурга освѣдомлялась, скоро ли я ихъ отдѣлаю набѣлò; но я поступилъ тогда на службу, и мнѣ некогда было заняться ими.

Сказано было въ прежнемъ мѣстѣ, что я пользовался благосклонностію княгини Маріи Петровны, но въ эти пять-шесть дней моего пребыванія въ Алешнѣ она особенно какъ-то была внимательна ко мнѣ. Меня также поразило ея болѣе обыкновеннаго, нежели я видалъ въ Петербургѣ, нѣжное обращеніе съ ея мужемъ при постороннихъ людяхъ. Этимъ не желаю дать повода думать, чтобы она была не нѣжная жена, но только то, что въ описываемое время она не стѣснялась выказывать свои чувства при свидѣтеляхъ. Спертая комнатная атмосфера удручала ея недугъ (давнишнія ея удушія усиливались съ каждымъ годомъ) и лишенная общаго всѣмъ прочимъ удобства выходить въ садъ, когда вздумается (ходить она не могла и не иначе прогуливалась по своему саду какъ въ тильбюри, коимъ сама правила), она удовлетворяла потребность подышать свѣжимъ воздухомъ, просиживая на заднемъ балконѣ, превращенномъ въ густую бесѣдку зелени, по нѣскольку часовъ днемъ и далеко за полночь, гдѣ ей случалось оставаться одной, когда ея собесѣдники уходили спать. Въ эти вечерніе часы разговоръ ея былъ особенно интересенъ, и между прочимъ она сообщила мнѣ тогда нѣкоторыя трогательныя подробности о кончинѣ ея свекра князя П. М. Волконскаго, послѣдовавшей въ предыдущемъ 1852 году. Покойный Государь ежедневно навѣщалъ умирающаго стараго своего слугу, усвоившаго себѣ привилегію государева и всей царской семьи дядьки-ворчуна. Государь просиживалъ по нѣскольку времени у одра больнаго и помогалъ ему въ его нуждахъ. А когда Государь удостовѣрился, что послѣдній часъ князя Волконскаго быстро наступалъ, онъ привелъ къ смертному одру свою супругу и потребовалъ, чтобы умирающій благословилъ ихъ обоихъ, послѣ чего вѣнценосная чета приложилась къ дрожавшей рукѣ, осѣнившей ее крестнымъ знаменіемъ! *). Было много хорошаго въ характерѣ князя Петра Михаиловича. Онъ

*) Не могу удержаться не высказать, что императрица Александра Ѳеодоровна была буквально обожаема всѣми ея приближенными, ласкова и проста въ обращеніи съ ними и была мягкаго чувствительнаго сердца.

былъ скареденъ, это правда, во всякой копейкѣ по хозяйственной части императорскаго двора и тѣмъ нажилъ себѣ много недовольныхъ (ему дано было прозвище «le Prince Non») и постоянно избѣгалъ онъ оказывать свою протекцію и быть ходатаемъ для царскихъ милостей для кого бы то ни было. Случайно услыхавъ однажды изъ своей комнаты, что меньшой его сынъ князь Григорій Петровичъ, первый какъ-то заговорилъ съ Государемъ и заговорилъ въ фамиліярномъ тонѣ (это случилось въ одномъ изъ коридоровъ Царскосельскаго или Петергофскаго дворца, гдѣ сыновья князя жили временно въ его апартаментѣ), онъ выскочилъ изъ своей комнаты и далъ препорядочную головомойку смѣльчаку, къ великой забавѣ Государя, находившагося тутъ. Впрочемъ, Государь самъ допускалъ подобное безцеремонное съ нимъ обращеніе дѣтей стараго дядьки-ворчуна. Строгая во всемъ честность князя Петра Михаиловича и безкорыстная его преданность царской семьѣ были образцовыми. Однажды Государь, затрудняясь чѣмъ бы наградить князя по случаю свѣтлаго праздника, придумалъ выдать ему 300 тыс. руб. сер., чтобъ выкупить изъ залога въ Сохранной Казнѣ значительное имѣніе, переданное князю его теткою княгинею Екатериною Алексѣевною Волконскою, еще при ея жизни. Этимъ старикъ крайне обидѣлся: «деньгами», ворчалъ онъ, «награждаютъ лакеевъ», и такъ какъ отсылать обратно эти деньги было бы явнымъ неуваженіемъ къ царской особѣ, то онъ очень долго держалъ ихъ безъ всякаго употребленія запертыми въ своемъ бюро и даже намѣревался пожертвовать ихъ въ пользу инвалидовъ, но, кажется, кончилъ тѣмъ, что подарилъ ихъ своему зятю Павлу Дмитріевичу Дурново.

Въ началѣ осени этого же 1853 года появилась довольно сильная, но не продолжительная холера въ Рязани, и потому Николай Адріяновичъ и я отретировались въ Городище; а когда эпидемія миновала, я переѣхалъ въ Рязань и тотчасъ подалъ прошеніе о поступленіи на службу. Я забылъ сказать, что Дивовъ былъ недоволенъ тѣмъ, что я долго замѣшкался въ Тамбовской губерніи, такъ какъ отъ этого затягивалось будто бы мое опредѣленіе на службу; но оно затянулось по причинамъ, отъ меня независившимъ. Я уже говорилъ въ своемъ мѣстѣ, что графъ Закревскій ознаменовалъ свое поступленіе въ 1848 году въ должность Московскаго генералъ-губернатора рядомъ административныхъ мѣръ, свойственныхъ Турецкому пашѣ, въ числѣ каковыхъ онъ отставилъ отъ службы тѣхъ изъ чиновниковъ своей канцеляріи, которые не находились на лицо. Однимъ изъ таковыхъ былъ азъ грѣшный. Значитъ, я замаранъ былъ по служебному моему атестату, и это-то и причинило довольно хлопотъ доброму П. П. Новосильцову въ инспекторскомъ гражданскомъ департаментѣ, недавно передъ тѣмъ учрежденномъ.

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА *).

1853-й годъ.

Высочайшій приказъ, разрѣшавшій мое поступленіе на службу, былъ подписанъ Государемъ въ Ольмюцѣ, гдѣ онъ находился на конгрессѣ и гдѣ Европейская коалиція, во главѣ коей стоялъ Наполеонъ-Боско Ш, морочила насъ призракомъ возможности сохранить всеобщій миръ, между тѣмъ какъ союзники въ тайнѣ спѣшили вооружаться.

Я поступилъ однимъ изъ трехъ младшихъ чиновниковъ особыхъ порученій на мѣсто Кромскаго, переименованнаго въ исправляющіе должность уѣзднаго судьи отъ короны. Окладъ мой былъ 500 р. въ годъ; но въ отлучкахъ куда-нибудь въ уѣзды по дѣламъ службы чиновники особыхъ порученій получали прогонныя деньги на двѣ лошади и суточныя: младшіе чиновники по 30 к., а старшіе по 40 к. въ день, на томъ, вѣроятно, соображеніи, что желудокъ старшаго чиновника требуетъ болѣе пищи, нежели желудокъ младшаго его собрата. Не будь у меня назначеннаго отъ покойнаго брата моего пенсіона въ 1800 р. сер. (который продолжала выдавать мнѣ невѣстка моя, графиня Аврора Осиповна), мнѣ невозможно было бы содержаться на скудныхъ 500 рубляхъ жалованья, при всемъ томъ, что квартира была у меня готовая въ Дивовскомъ городскомъ домѣ и что я, какъ и прочіе приближенные къ губернатору чиновники, обѣдалъ ежедневно у него.

Облекся я, наконецъ, въ мундиръ съ шитьемъ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, объѣхалъ съ офиціальными визитами новыхъ моихъ сослуживцевъ, въ томъ числѣ и трехъ совѣтниковъ Губернскаго Правленія, и въ ознаменованіе ли моего поступленія въ штатъ губернаторскихъ чиновниковъ, или изъ желанія моихъ товарищей немного покутнуть (въ чемъ запѣвалами были правитель губернаторской канцеляріи Н. И. Дмитревскій, Евгеній Михайловичъ Бернардъ и общій

*) См. „Русскій Архивъ“ 1897 года и первые четыре выпуска нынѣшняго года.

нашъ другъ и врачъ, толстопузый Иванъ Христіановичъ Шенрокъ), но состоялся между нами по подпискѣ корпораціонный банкетъ, на коемъ мы не щадили нектара Шампанскихъ лозъ. Однако, я и нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ пиру оказались настолько еще *презентабельными*, что явились на вечеръ въ «префектуру», какъ угодно было иногда Меропѣ Александровнѣ обозначать губернаторскій домъ, съ ея собственнымъ салономъ включительно.

Едва прослужилъ я два мѣсяца, какъ неожиданно попалъ въ разрядъ старшихъ чиновниковъ особыхъ порученій, по случаю перехода одного изъ этихъ трехъ, г. Эмеца, по собственному его желанію, на вакантное мѣсто короннаго исправника въ Спасскомъ уѣздѣ. Повышеніе мое, кромѣ прибавочныхъ ста рублей жалованія, давало мнѣ право на мундиръ, съ полнымъ шитьемъ колосьевъ и прочихъ орнаментовъ, каковой воротникъ обошелся мнѣ въ 50 рублей, и этотъ маленькій въ своемъ родѣ почетъ крайне польстилъ моему малодушію. Кстати разскажу объ одномъ казусѣ, приключившемся этому Эмецу и относившемся ко времени его нахожденія чиновникомъ особыхъ порученій. Однажды, на обратномъ пути въ Рязань изъ какой-то поѣздки по службѣ, проѣзжая ночью и во время зимней стужи черезъ Спаскъ, Эмецъ заѣхалъ отогрѣться къ тогдашнему исправнику, нѣкоему Петрову. Послѣ продолжительнаго стучанья у воротъ исправничьей квартиры, выходитъ, наконецъ, разсыльный или сторожъ Земскаго Суда, коему г. Эмецъ приказываетъ доложить г. Петрову о своемъ пріѣздѣ. Сторожъ пошелъ будить своего принципала, храпѣвшаго во всю Ивановскую. «Ваше высокоблагродіе, Эмецъ пріѣхалъ». Но его высокоблагородіе, проворчавъ что-то сквозь зубы, перевернулся на другой бокъ и снова захрапѣлъ. Эмецъ, подождавъ еще немного, опять принялся барабанить въ ворота и явившемуся вторично сторожу повторилъ свое приказаніе. Служивый Земскаго Суда опять отправляется будить своего начальника и также неуспѣшно, лишь съ прибавленіемъ: «Убирайся къ чорту ты и онъ самъ! Стану я безпокоиться изъ-за такого-то».... Наконецъ, продрогшій до костей отъ стужи и озадаченный подобнымъ невниманіемъ къ личному губернаторскому чиновнику *), Эмецъ вбѣгаетъ по стопамъ сторожа въ домъ и безъ дальнихъ околичностей самъ принимается толкать г. Петрова.—«Какъ вамъ не совѣстно, милостивый государь, морозить меня битый часъ на улицѣ?» кричитъ въ ухо

*) Въ служебное наше время пріѣздъ въ уѣздный городъ губернаторскаго чиновника особыхъ порученій наводилъ, съ рѣдкими исключеніями, если не тревогу, то, по крайней мѣрѣ, суматоху, причинялъ всякаго рода догадки, и за нами любезно ухаживали господа исправники (хотя служили по выбору отъ дворянъ) и городничіи.

своему коллегѣ раздраженный Эмецъ. — «Ахъ, батюшка, простите, это вы?» наконецъ отозвался исправникъ. «А вѣдь этотъ дуракъ все твердилъ мнѣ: ваше высокоблагородіе, вставайте, *Ньмецъ* пріѣхалъ; такъ я ему и отвѣчалъ: стану ли я безпокоиться для всякаго проѣзжаго твоего Нѣмца?» [1]).

Въ началѣ новой моей служебной дѣятельности, я очутился какъ бы въ лѣсу. Получивъ на первый разъ два указа Губернскаго Правленія о производствѣ двухъ слѣдствій, одно изъ коихъ о домогательствѣ какой-то дворовой дѣвки освободить ее изъ крѣпостной зависимости (дѣло было немного крючковато, но въ цѣлости подходило подъ буквы закона, а самая его цѣль была по сердцу мнѣ), я рѣшительно сталъ въ тупикъ. Я не имѣлъ никакого понятія о слѣдственной процедурѣ; было, однакоже, настолько во мнѣ самолюбія, что я не хотѣлъ прибѣгнуть за наставленіемъ къ моимъ товарищамъ (всѣ много моложе меня годами) и предпочелъ обратиться къ Рязанскому исправнику, господину Г., бывшему въ большомъ почетѣ и у губернатора, и у моего почтеннаго кузена Дивова. У послѣдняго господинъ Г. былъ въ великой милости по той причинѣ, что онъ имѣлъ свой конно-заводишко и пускалъ бѣгуновъ на призъ. Высокомѣрный этотъ исправникъ, тѣмъ не менѣе, кончилъ свое служебное поприще довольно плачевно; но объ этомъ поговоримъ гдѣ слѣдуетъ. Немного я, однакоже, пріобрѣлъ отъ этого доки. «Пишите, молъ», заговорилъ онъ, «ваши требованія по всѣмъ инстанціямъ формою отношеній, а при дѣлѣ оставляйте отпуски (т.-е. черновыя копіи) за такими-то и такими-то нумерами». Отъ этихъ наставленій я не сдѣлался ни на пядь мудрѣе прежняго, и потому, оставивъ въ покоѣ этого пресловутаго дѣльца и доставъ двѣ книжечки о руководствѣ къ произведенію слѣдствій Стояновскаго [2]), я принялся, съ Божіею и ихъ помощію, за допросы отвѣтчиковъ, очныя ставки, дополнительныя свѣдѣнія отъ истца и пр. и пр.; но за то и затянулъ оба дѣла на чрезмѣрно-долгое время. Къ счастію, наше Губернское Правленіе не имѣло привычки потчивать насъ частыми понуканіями о скорѣйшемъ окончаніи слѣдствій, и даже давало намъ полную волю заниматься «спустя рукава». Но тѣмъ не менѣе, когда позднѣе пришлось мнѣ производить серіозное дѣло надъ Сапожковскимъ исправникомъ Б., обвиняемомъ въ злоупотребленіяхъ будто бы по

---

[1]) Когда жилъ въ Калугѣ Шамиль, простолюдины и нижніе военные чины звали его „Шмель". Подобно тому, они переиначили фамилію Гильденштубе въ „Дылда въ шубѣ" и помню также, что гвардейскіе солдаты называли генерала Бистрома „генералъ Быстровъ".

[2]) Бывшій въ 60-хъ годахъ товарищемъ министра юстиціи Замятнина, а нынѣ сенаторъ въ одномъ изъ двухъ кассаціонныхъ департаментовъ.

службѣ, я прибѣгнулъ къ хитрости и выхлопоталъ, въ помогу якобы себѣ для письмоводства, квартальнаго надзирателя, въ участкѣ коего находился домъ Дивова, по фамиліи Чичкова, свѣдущаго по слѣдственной части, возложенной тогда исключительно на городскую и уѣздную полицію и на губернаторскихъ чиновниковъ особыхъ порученій. Не стыжусь признаться, что по его милости я быстро и порядочно усвоилъ себѣ нужный по этой части навыкъ.

Позднею осенью княгиня М. П. Волконская, въ сопровожденіи Петербургскаго своего знакомца Н. И. Похвиснева *), провела, проѣздомъ въ Петербургъ, одинъ день въ Рязани. Находясь въ родствѣ, хотя дальнемъ, съ Новосильцовыми, она останавливалась у Петра Петровича, и это было послѣднее мое съ нею свиданіе.

Дабы не прерывать нить Рязанскихъ событій, скажу здѣсь нѣсколько словъ о двухъ близкихъ мнѣ лицахъ, о Дивовѣ и объ Осипѣ Августиновичѣ Тридонѣ, котораго мы давно уже потеряли изъ виду.

Николай Адріяновичъ все болѣе и болѣе улучшалъ свою игрушку, конный заводъ, къ ущербу, какъ оказали послѣдствія, немалаго истраченнаго имъ на этотъ предметъ капитала; но объ этомъ не было тогда и рѣчи. Онъ разсчитывалъ лишь на полученіе трехъ процентовъ отъ своей прихоти, но и того онъ не достигъ. Будучи въ короткихъ отношеніяхъ съ княземъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ (заѣзжавшимъ иногда въ Городище на пути изъ Петербурга въ Воронежское свое имѣніе Пады, гдѣ былъ его знаменитый конный заводъ), Дивовъ успѣлъ пріобрѣсти у него чистокровнаго случнаго жеребца, по прозвищу «Воронъ», за 3 тыс. р. сер. За него Дивову предлагали позднѣе 10 т. р., но онъ не продалъ этого жеребца, разсчитывая (и разсчетъ былъ вѣренъ), что онъ выручитъ болѣе этого отъ приплода. А давали за «Ворона» подобную баснословную цѣну (хотя этотъ конь не бѣжалъ ни на одномъ гиподромѣ) потому, что изъ завода князя Орлова выпускались въ продажу однѣ кобылы и мерины, но для Дивова состоялось исключеніе, по причинѣ личнаго къ нему расположенія владѣльца Падовъ. Одновременно съ «Ворономъ» Дивовъ тамъ же купилъ двухъ или

*) Онъ недавно (пишу въ 1874 году) померъ и, какъ слышно, будто бы самоубійствомъ Шесть или семь лѣтъ тому, онъ получилъ милліонное наслѣдство отъ своего дяди Донца-Захаржевскаго, убитаго однимъ изъ его прислуги въ Харьковскомъ его имѣніи. Н. И. Похвисневъ привлеченъ былъ къ отвѣтственности по подозрѣнію въ участіи убійства, но оправданъ. Для всѣхъ удивительно, какимъ образомъ пользовавшійся не болѣе трехъ или четырехъ лѣтъ громаднымъ наслѣдствомъ дяди и не жившій никогда широко, Н. И. Похвисневъ умеръ, какъ утверждаютъ, въ неоплатныхъ долгахъ.

трехъ кобылъ, по полторы тысячи (кажется) за каждую. И тутъ онъ оказался не въ накладѣ: одна изъ этихъ кобылъ, проданная уже слишкомъ старою для приплода, оказалась жерёбою и принесла ему отличнаго сѣрой масти жеребенка, сдѣлавшагося впослѣдствіи производителемъ. Опричь сѣрой и вороной масти, другой не допускалось въ Городищенскомъ конномъ заводѣ. Управлялъ заводомъ нѣкій купеческій сынъ Иванъ Ефимовичъ Роговъ, племянникъ Козловскаго купца, коннозаводчика того же имени; получалъ онъ 1500 р. жалованья на всемъ готовомъ, а было у него семейство. Передъ тѣмъ онъ былъ призовымъ наѣзднкомъ въ Лѣсищѣ, у А. А. Болдырева, но изъ Городища лошадей на публичные бѣга не пускали, и Роговъ дѣлалъ только проѣздку лошадямъ для моціона, а во всемъ прочемъ былъ болванъ.

И эту зиму съ 1853 на 1854 годъ Николай Адріяновичъ провелъ, по обыкновенію, въ Петербургѣ, и возвратился въ Рязань не прежде Апрѣля.

Теперь о моемъ пріятелѣ Тридонѣ. Прежде всего надо сказать, что онъ былъ любимцемъ въ домѣ Александра Дмитріевича и Елисаветы Григорьевны Чертковыхъ, съ коими познакомился еще въ началѣ 30-хъ годовъ черезъ меня, а женитьба сына князя Николая Яковлевича Голицына (у коего Тридонъ былъ на интимной ногѣ и съ коимъ онъ каждую осень охотился въ Тарускомъ имѣніи князя селѣ Рощѣ), на старшей дочери Чертковыхъ (1850) еще болѣе сблизила Осипа Августиновича съ этимъ семействомъ. Лѣтомъ 1853 года вздумалось Черткову ѣхать съ женою и дѣтьми за границу, а именно въ Парижъ, и онъ предложилъ Тридону сопровождать ихъ на его, Черткова, счетъ, какъ бы въ качествѣ компаньона молодаго его сына Григорія Александровича, коему тогда было лѣтъ 18-ть. Понятно, какова была это находка для нашего Француза, не бывшаго въ своемъ отечествѣ болѣе 30 лѣтъ. Мать его давно уже скончалась, но была въ живыхъ замужняя его сестра въ городѣ Лангрѣ, въ Шампаніи. Пріѣхавъ въ Парижъ, Чертковы предполагали прожить тамъ нѣкоторое время, и Тридонъ разсчитывалъ, что успѣетъ, немного погодя, посѣтить свою сестру въ провинціи; но вышло иначе. На третій день пріѣзда Чертковыхъ во всемірную столицу пронесся слухъ, что волненія снова подготовляются неугомонными фобургіанами Сенъ-Жакскаго квартала, и испуганный Александръ Дмитріевичъ объявляетъ своимъ семейнымъ о немедленномъ его и ихъ возвращеніи прямо въ мирное ихъ пристанище, на Мясницкую улицу Москвы бѣлокаменной. Какъ ни протестовалъ противъ такой перемѣны дирекціи нашъ Французъ, но другаго выбора ему не оставалось, какъ или жить въ Парижѣ на свой

собственный счетъ (на что̀ не было у него ни денегъ, ни охоты), или вернуться въ Россію. На слѣдующее утро всѣ они помчались по желѣзной дорогѣ восточной линіи, какъ бы нарочно пересѣкающей Шампанію, и бѣдняку Тридону суждено было разсмотрѣть рисовавшуюся на дальнемъ горизонтѣ колокольню одной изъ церквей его родины! Не знаю, право, могло ли быть испытаніе жесточе этого, и въ довершеніе, онъ впослѣдствіи узналъ, что сестра его случайно находилась въ Парижѣ одновременно съ нимъ.

Въ Вѣнѣ, гдѣ Чертковы останавливались на короткое время, при входѣ Тридона въ одну кофейню, какой-то находившійся тамъ приземистый господинъ съ феноменальными усищами впился въ него глазами и вдругъ воскликнулъ: «Comment, imbécile, tu ne me reconnais pas? Je suis Jobart» [1]). Тридонъ не вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ. Этотъ съ полувоинственною осанкой индивидуумъ, нѣкогда былъ его однокашникъ на школьной скамьѣ, а впослѣдствіи неуживчивый педагогъ (и кажется полумистикъ) былъ Жобаръ. Тридонъ узналъ стороною, что непримиримый нѣкогда оппонентъ обскуранта Магницкаго не гнушался будто бы теперь ролью полицейскаго секретнаго агента въ Вѣнѣ [2]).

Начальникъ мой, Петръ Петровичъ Новосильцовъ принадлежалъ къ числу людей, которые, не дѣлая никому зла, наживаютъ себѣ враговъ. Любвеобильное его сердце обнимало весь родъ человѣческій. Онъ придерживался правила своего прежняго начальника, князя Д. В. Голицына, смотрѣвшаго на всякаго преступника какъ на самаго несчастнаго человѣка. Питалъ ли онъ чувство антипатіи къ кому бы то ни было, въ томъ сомнѣваюсь; но за то утвердительно могу сказать, что ненависть была незнакомою ему вещью, а боязнь причинить малѣйшій вредъ кому-нибудь изъ прямо или косвенно ему подчиненныхъ [3]), доводила его до административной, такъ сказать, банальности (чтобы не сказать, слабости), и въ теченіе болѣе семи лѣтъ управленія Рязанскою губерніей онъ никого, помнится мнѣ, не отдалъ подъ судъ по собственному своему усмотрѣнію (понятно, что по донесеніямъ прокурора, жандармскаго штабъ-офицера, по частнымъ жалобамъ или по

[1]) „Такъ ты, дуракъ, меня не узнаешь? Я вѣдь Жобаръ".

[2]) Напоминаю, что Жобаръ былъ въ 20-хъ годахъ профессоромъ Французской литературы, когда Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій былъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа. Жобаръ воевалъ впослѣдствіи съ самимъ министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ С. С. Уваровымъ, и кончилъ тѣмъ, что въ 30-хъ годахъ его выслали и чуть ли не вывезли на казенный счетъ за границу.

[3]) Не прямо подчиненными подразумѣваю служащихъ въ тѣхъ вѣдомствахъ, надъ коими дано было губернатору только право ревизіоннаго надзора и атестаціи.

подтвердившимся доносамъ нельзя было ему не предать слѣдствію и суду обвиняемыхъ лицъ) и не болѣе какъ двумъ-тремъ чиновникамъ приказалъ онъ подать въ отставку. Но чтобы отрѣшить отъ службы кого-либо изъ своей канцеляріи или изъ мелкаго чиновнаго люда безъ слѣдствія и суда, по своей собственной власти (какъ на то давалъ ему право нѣкій новый тогда законъ, извѣстный подъ именемъ Бѣгичевскаго), или ходатайствовать въ министерскихъ сферахъ объ отрѣшеніи кого-нибудь изъ служившихъ въ Рязани, этого не случалось на моей памяти [1]). Разъ не вытерпѣлъ какъ-то желчный совѣтникъ Губернскаго Правленія А. Н. Зайцевъ и высказался по сему поводу въ присутствіи Петра Петровича, что служба, молъ, не богадѣльня [2]). Но эта терпимость не происходила отъ служебнаго индиферентизма или отъ невѣдѣнія грѣшковъ, водившихся между чиновнымъ людомъ, а единственно отъ принятаго правила никому зла не чинить. Капризенъ подчасъ Петръ Петровичъ бывалъ, но вредныхъ послѣдствій отъ того не было, и его капризы никогда не сопровождались ни заносчивостью, ни отступленіемъ отъ вѣжливости. И злопамятенъ онъ не былъ. Сколько довелось ему натерпѣться отъ губернскаго предводителя П. Н. Бухвостова, сколько сплетенъ разсказывалось о немъ въ кружкѣ одного изъ предсѣдателей палатъ (и сплетни эти разглашались по Москвѣ); но Петръ Петровичъ не только не подкапывался подъ этихъ господъ, но въ годовомъ всеподданнѣйшемъ своемъ отчетѣ всегда ихъ выставлялъ отличными и усерднѣйшими государевыми слугами [3]). Не ссориться ни съ кѣмъ было у него постоянною заботой, а когда кололи его булавками эти господа, онъ говорилъ: «Est-ce que vous croyez que je prends les

[1]) Единственный, насколько мнѣ извѣстно, случай, что по ходатайству П. П. Новосильцова былъ переведенъ (но не отставленъ) одинъ изъ служившихъ въ Рязани, былъ въ отношеніи къ молодому прокурору Карцеву, который, не будучи знакомъ съ Петромъ Петровичемъ до пріѣзда его въ Рязань, и едва новый губернаторъ успѣлъ оглянуться на мѣстѣ новаго своего служенія, началъ его громить остротами, „bons mots", наприм., что Петръ Петровичъ чесалъ ногой своею затылокъ какъ обезьяна. Цѣлекъ этотъ былъ направленъ на бывшую дѣйствительно у Петра Петровича манеру ломаться и на аффектацію въ движеніяхъ, происходившую отъ желанія казаться юнымъ и живымъ.

[2]) Горькую эту истину пришлось самому совѣтнику Зайцеву испытать надъ собою при одномъ изъ преемниковъ Петра Петровича. Находясь въ Петербургѣ въ отпуску, онъ случайно вошелъ въ кондитерскую и, взявъ газету, прочелъ, что совѣтникъ Рязанскаго Губернскаго Правленія Зайцевъ причисляется къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, безъ всякаго, конечно, опредѣленнаго мѣста.

[3]) Замѣтить не мѣшаетъ, что этотъ предводитель хотя человѣкъ безукоризненный, но чуть-ли не былъ лѣнивъ по службѣ, и носился слухъ, что дѣла у него были запущены. Тутъ предстоялъ Петру Петровичу законный предлогъ для личнаго мщенія безъ придирокъ, но онъ гнушался этимъ.

Boukhvostoffs et consorts au sérieux? Une fois hors de Riazan, je ne me rencontrerai probablement jamais avec ces gens-là dans ma société» [1]). Такова была его философія. Но для мягкой, женственно-подобной его натуры высказываться было потребностью. Впечатлѣнія у него, какъ и у многихъ мягкихъ натуръ, быстро иногда сглаживались или замѣнялись новыми; но къ красотамъ природы онъ никогда не оставался равнодушенъ. Раннею, бывало, весной, онъ отправится одинъ на Рюминскую дачу и тамъ, бросившись на траву, прислушивается съ восторгомъ къ первымъ концертамъ пернатыхъ. Въ этомъ отношеніи онъ составлялъ контрастъ со своею женой, никогда ничего не ощущавшею при видѣ живописнаго мѣстоположенія или другихъ явленій въ природѣ: салонная жизнь удовлетворяла ее вполнѣ. А уже до чего былъ чадолюбивъ Петръ Петровичъ! Послѣ обѣда, когда мы, приближенные [2]), сидимъ, бывало, у него въ кабинетѣ съ сигарами въ зубахъ (имъ же намъ поднесенными), онъ то и дѣло что заводитъ рѣчь о своихъ дѣтяхъ. Разскажетъ, бывало, съ восторгомъ о новой какой-нибудь остроумной выходкѣ своей семилѣтней Софьи Петровны (развита была дѣйствительно не по годамъ и вся въ папеньку). Особенно его безпокоило здоровье старшей его дочери княгини Екатерины Петровны Вяземской, поселившейся тогда въ Москвѣ и умершей тамъ чахоткою, какъ и ея мать (ур. Мансурова). А когда пріѣдетъ изъ Петербурга въ отпускъ единственный его сынъ Иванъ Петровичъ (служивній въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ), нашъ Петръ Петровичъ перерождается: десять лѣтъ съ костей долой. Но была у него, не скрываю, слабость молодиться. Давно знавшіе его люди говорили, что ему уже стукнуло тогда 60 лѣтъ, а онъ выдавалъ себя за 55-ти-лѣтняго, а на видъ казался даже старше 60 лѣтъ. Изъ себя худенькій, лысый, согбенный и съ хриповатымъ отъ природы голосомъ, слабой вообще комплекціи. Отъ грыжи ему случалось оставаться въ лежачемъ положеніи по цѣлымъ днямъ. Говорили, что преждевременная его дряхлость происходила отъ физическаго пзнуренія съ прекраснымъ поломъ, и, вещь удивительная, съ лицомъ похожимъ на орангутанга (подбородокъ у него и у извѣстнаго его брата Николая Петровича выдавался впередъ, отчего дано было обоимъ имъ прозвище «casse-noisette»), онъ бывалъ,

---

[1]) Неужели вы полагаете, что я смотрю на гг. Бухвостовыхъ съ братіею, съ серьезной точки зрѣнія? Для меня эти люди не что иное какъ мимо-проходящіе, и когда я выѣду изъ Рязанской губерніи, я съ ними никогда болѣе, вѣроятно, не повстрѣчаюсь въ обществѣ, къ которому и принадлежу.

[2]) Правитель канцеляріи, домашній врачъ г. Шенрокъ и мы всѣ чиновники особыхъ порученій ежедневно обѣдали у Петра Петровича.

какъ разсказывали, въ любовныхъ связяхъ съ великосвѣтскими красавицами. Поди тамъ, узнавай, чѣмъ женщины прельщаются! Въ обществѣ, и особенно въ дамскомъ, онъ былъ особенно любезенъ: разговоръ его былъ оживленъ и непремѣнно приправленъ остротами и забавными анекдотами, а изящныя его манеры выказывали въ немъ истиннаго джентельмана. Онъ говаривалъ: «Ваня мой лучше образованъ, чѣмъ я; но я болѣе его цивилизованъ». Нельзя также не сознаться, что серіозной стороны не было въ его характерѣ, и легкомысліе его взглядовъ на иные вопросы, возбуждающіе общественный интересъ, было таковое, что давало поводъ сомнѣваться, имѣлъ-ли этотъ добрѣйшій человѣкъ какія нибудь убѣжденія? То, что онъ говаривалъ о Рязанскихъ его недоброжелателяхъ, можно было примѣнить и къ его взгляду на жизнь: повидимому, *il ne prenait pas la vie au sérieux*, какъ говоритъ Шатобріанъ (въ Замогильныхъ своихъ Запискахъ) объ одномъ Эпикурейцѣ изъ его знакомыхъ. Были, правда, случаи, когда онъ высказывалъ то, что могло казаться его убѣжденіемъ, но послѣдовательности у него не было, и дѣйствія противорѣчили словамъ *). Приведу примѣръ. Нѣкій зажиточный раскольникъ, молоканъ Зарайскаго уѣзда с. Луховицъ, злоупотреблявшій своимъ богатствомъ для совращенія въ свой толкъ нуждающихъ крестьянъ его околодка (какъ свойственно сектантамъ-тысячникамъ), былъ сданъ на руки по синодскому указу Рязанскому архіерею Гавріилу, для увѣщанія. Однажды, когда Петръ Петровичъ посѣтилъ этого всѣми чтимаго іерарха (съ коимъ онъ до конца и даже внѣ уже службы находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ), онъ засталъ владыку увѣщевающаго закоснѣлаго раскольника и, убѣдившись, что всѣ доводы преосвященнаго о раскольничьихъ заблужденіяхъ не дѣйствовали на сектанта, Петръ Петровичъ, испросивъ пастырскаго соизволенія самому вступиться въ бесѣду, началъ увѣщеваніе на свой ладъ. «Ты вотъ что, любезнѣйшій, возьми себѣ въ толкъ. Чай знаешь, какъ пастухъ обращается со своимъ стыдомъ: гонитъ онъ всю скотину впередъ, а если какая нибудь изъ нея отшатнется въ сторону, пастухъ хватитъ ее длиннымъ своимъ кнутовищемъ и заставитъ снова примкнуть къ стаду. Пастухъ—это его высокопреосвященство, ему же вручена вся наша православная Рязанская паства, а отшатнувшіеся отъ стада, это вы раскольники, и васъ волею-неволею надо заставить идти за одно съ нами. Такъ то,

*) Этою быстрою измѣнчивостію своихъ взглядовъ онъ погубилъ (какъ слышно) служебную свою карьеру по случаю поднятаго въ концѣ 1858-го года вопроса о современности улучшенія крестьянскаго быта, въ каковомъ проектѣ ясно читалось между строками правительственное намѣреніе приступить къ обсужденію мѣръ для уничтоженія крѣпостной зависимости.

другъ мой любезнѣйшій». И про этотъ своеобразный методъ разрубать сразу Гордіевъ узелъ Петръ Петровичъ разсказывалъ мнѣ съ самодовольнымъ видомъ!

Иные считали его фальшивымъ человѣкомъ, но въ теченіе болѣе трехлѣтняго моего съ нимъ сближенія я не видѣлъ ни одного примѣра его двуличности *). Вспыльчивымъ также онъ не былъ, и я никогда не слыхалъ, чтобы онъ обращался съ браннымъ словомъ къ прислугѣ, а когда что нибудь было не по немъ, или Меропа Александровна примется его пилить (что̀ бывало частенько), онъ только пожметъ плечами, сдѣлаетъ на лѣво-кругомъ и шмыгнетъ изъ комнаты. Клеветники распускали слухъ, что онъ пьяница, а поводомъ къ тому была такая физическая у него слабость, что послѣ единственнаго бокала Шампанскаго онъ уже былъ готовъ, глаза соловѣли, дѣлался сентиментальнымъ, обнималъ своихъ собесѣдниковъ, таялъ пуще обыкновеннаго передъ дамами и черезъ полчаса уходилъ спать, даже будучи въ гостяхъ. А какъ отказаться ему отъ бокала на пиршествахъ, въ честь его устроенныхъ, и особенно во время его ревизій по уѣздамъ?

Отъ прежнихъ успѣховъ взошло у Петра Петровича въ привычку *феръ-ла-курничать* съ мало-мальски смазливыми дамами. Когда вспомнишь, какую физическую руину представлялъ изъ себя нашъ добрѣйшій губернаторъ, право не вѣрится, чтобы въ его волокитствѣ былобы что нибудь опаснаго для мужниной чести его Дульциней. Однажды, послѣ обѣда, мы курили по обыкновенію у него въ кабинетѣ; жандармскій штабъ-офицеръ нѣкій г. Ивашинцевъ, только что переведенный въ Рязань, шутливо дозволилъ себѣ замѣтить, что всякій разъ, когда онъ проѣзжалъ по Астраханской улицѣ между часомъ и тремя пополудни, экипажъ его превосходительства стоитъ у крыльца квартиры жены совѣтника Казенной Палаты К. «Вы это замѣтили?» радостно подхватилъ Петръ Петровичъ; «такъ вотъ что: сдѣлайте милость, мой почтеннѣйшій, донесите о семъ вашему начальству, но только оффиціально». —«Помилуйте, ваше пр.....во», возразилъ синемундирный подполковникъ, обиженный этой выходкой. «За кого вы принимаете меня?»—

*) Кстати, долгомъ считаю заявить, что по всему, что̀ извѣстно мнѣ, ходившій по Москвѣ слухъ (и доселѣ не замолкшій), что, въ бытность Петра Петровича адъютантомъ при князѣ Д. В. Голицынѣ, онъ сдѣлалъ будто бы доносъ на князя, сущая клевета. Оно даже и немыслимо, потому что князь Голицынъ стоялъ такъ высоко въ мнѣніи и въ фаворѣ у покойнаго Государя, что подкопаться подъ нимъ было невозможно; да князь и не продолжалъ бы до конца своей жизни благоволить къ подчиненному ему человѣку, если бы онъ отплатилъ ему подобною неблагодарностію.

«Нѣтъ, да вы думаете, что я шучу?» настаивалъ нашъ губернаторъ. «Увѣряю васъ, что я серіозно васъ прошу донести на меня, потому что донесеніе ваше пойдетъ въ огласку, и этимъ вы исправите мою репутацію передъ женщинами и тѣмъ окажете величайшую мнѣ услугу». Сознаюсь, что я школьничалъ съ нимъ по поводу ухаживанія за барынями. Разъ, на его намеки, что я подозрительно-частенько навѣщаю милѣйшую мою сценическую подругу г-жу Колчину, я отвѣчалъ, что не допускаю, чтобы человѣкъ сорока семи лѣтъ, каковымъ я тогда былъ, могъ бы внушить нѣжное чувство молодой женщинѣ. «Ваши лѣта, ваши лѣта», не вытерпѣлъ онъ не сказать. «On dirait que vous êtes un vieux infirme [1]). Ему, повидимому, было досадно допустить, что въ мои года могло быть уже невозможнымъ то, что̀ самому ему казалось еще доступнымъ.

Не было случая, въ которомъ онъ не нашелся бы чего-нибудь сострить и подчасъ кого-нибудь слегка, но ловко отбрить. Когда я производилъ дѣло о дѣвкѣ, домогавшейся выйти изъ крѣпостной зависимости, не находя нужнымъ вызвать въ Рязань ея барыню, нѣкую г-жу Елчину, я довольствовался препровожденіемъ къ ней, черезъ Земскій Судъ того уѣзда, въ которомъ она проживала, вопросныхъ пунктовъ, по установленной на то формѣ, начинавшихся вопросомъ объ имени, отчествѣ и фамиліи отвѣтчика, затѣмъ, сколько ему (или ей) отъ роду лѣтъ, какого вѣроисповѣданія, и находился ли отвѣтчикъ (или отвѣтчица) подъ слѣдствіемъ и судомъ, и за что именно, и затѣмъ уже предлагались вопросы, клонящіеся прямо къ дѣлу [2]). Проходятъ недѣли и мѣсяцы и, не смотря на мои повторенныя въ Земскій Судъ требованія, вопросные пункты съ отвѣтами не высылаются, и дѣло у меня отъ этого остановилось. Наконецъ, пріѣзжаетъ въ Рязань сама г-жа Елчина, но не ко мнѣ, а прямо къ Петру Петровичу и, заливаясь слезами, жалуется ему на меня, но не столько по поводу взведеннаго на нее обвиненія, сколько на то, что я осмѣливался разспрашивать ее, кто она такая, дѣвица ли, или замужняя, или вдова и сколько ей отъ роду лѣтъ. «И зачѣмъ это вашему чиновнику нужно знать о моихъ годахъ?» всхлипывая, говоритъ она губернатору.— «Успокойтесь, сударыня», уговаривалъ еѐ Петръ Петровичъ: «чиновникъ мой уже пожилыхъ лѣтъ, а вы настолько еще молоды, что не имѣете причинъ скрывать предъ нимъ ваши года». (Г-жѣ Елчиной ка-

[1]) Какъ будто бы вы въ самомъ дѣлѣ уже дряхлый старикъ.

[2]) Подобная приблизительно форма существуетъ при изслѣдованіи происшествій и проступковъ и въ заграничныхъ законодательствахъ, дабы опредѣлить тождество привлеченныхъ къ отвѣту лицъ или свидѣтелей.

залось на видъ около 40 лѣтъ). А говоря о губернской строительной и дорожной комиссіи (непосредственно губернатору подчиненной), Петръ Петровичъ обыкновенно называлъ ее «безпутною комиссіей». А вотъ какъ онъ однажды срѣзалъ священника Симеоностолпниковской церкви, Стефана Родовскаго, извѣстнаго въ городѣ страстью къ адвокатурѣ и къ сочиненію прошеній, для всякаго прибѣгавшаго къ его юридическимъ совѣтамъ. Петръ Петровичъ, взошедъ однажды ко мнѣ съ утренней своей прогулки, засталъ у меня этого священника, пришедшаго съ крестомъ по случаю какого-то праздника, такъ какъ занимаемый мною Дивовскій домъ состоялъ въ его приходѣ. «Скажите пожалуйста, батюшка», обратился онъ къ священнику, «зачѣмъ вы отбиваете у насъ хлѣбъ?» — «Какъ такъ, ваше превосходительство?» спросилъ озадаченный отецъ Стефанъ.— «А вотъ какъ. Мы за васъ не крестимъ и не вѣнчаемъ, молебновъ и панихидъ не служимъ, а вы заваливаете Губернское Правленіе вашими прошеніями».

Была также и другая странность въ Петрѣ Петровичѣ, которую можно было бы назвать служебно-эгоистическою. Не выносилъ онъ хладнокровно, чтобы кто-нибудь изъ чиновниковъ при его особѣ переходилъ на службу, хотя бы и на выгоднѣйшее мѣсто, но внѣ управляемой имъ губерніи. Переходъ таковой представлялся ему какъ бы личною обидой. Когда одинъ изъ моихъ товарищей по особымъ порученіямъ, Александръ Ивановичъ Протасьевъ, по домашнимъ причинамъ (его отецъ содержалъ тогда откупъ во Владимирѣ) вздумалъ перейти къ Владимирскому губернатору, г. Теличееву, тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ въ Рязани, Петръ Петровичъ сталъ обращаться съ нимъ холодно, тогда какъ дотолѣ Протасьевъ былъ балованнымъ у него въ домѣ дитятею.

А что до служебной его дѣятельности, то хотя и на первыхъ порахъ управленія губерніей методъ его не отличался строгостію, но не могу не сознаться, что подъ конецъ административный строй былъ распущенъ, и это было тѣмъ прискорбнѣе, что Петръ Петровичъ имѣлъ всѣ данныя быть отличнымъ губернаторомъ. Кромѣ служебной рутины, имъ пріобрѣтенной въ бытность его Московскимъ вице-губернаторомъ, онъ былъ способный человѣкъ, быстро усвоивалъ суть всякаго дѣла, излагалъ (словесно), какое слѣдовало дать по оному направленіе, помнилъ подходящіе къ нему антицеденты и одаренъ былъ хорошею памятью; но, на сколько я могъ замѣтить, онъ не слѣдилъ за исполненіемъ словесно начертаннаго имъ плана и къ нѣкоторымъ, довольно серіознымъ, дѣламъ относился какъ бы апатично. Казалось, что служба ему наскучила, а на повѣрку онъ никогда не помышлялъ бросить ее. Но когда, бывало, захочетъ онъ заняться, работа у него кипѣла и, сверхъ

сего, онъ положилъ себѣ за правило три раза въ недѣлю сидѣть въ Губернскомъ Правленіи по нѣскольку часовъ. Лишнимъ будетъ добавить, что направленіе его было честное и безукоризненное. Ужъ, извините, а потачки отцу родному онъ не далъ бы, и не поддавался офиціознымъ подъ рукою внушеніямъ разныхъ Петербургскихъ властей, когда внушенія эти противорѣчили его взглядамъ. А все-таки скажу, что административная его терпимость граничила съ несправедливостью въ томъ отношеніи, что, терпя одинаково лѣнивыхъ и трудившихся чиновниковъ, не оказывалъ онъ поощренія послѣднимъ. Однажды я дозволилъ себѣ передать ему, что, разъѣзжая по службѣ по губорніи, то и дѣло что слышишь неодобрительные отзывы объ иныхъ лицахъ центральной администраціи, и что таковые господа, говорилъ я, могутъ, пожалуй, набросить тѣнь и на него самого, тогда какъ всѣ любятъ и уважаютъ его. И что же отвѣчалъ онъ на это? «Ахъ, mon cher, ну напишу въ министерство, чтобы ихъ смѣнили, и пришлютъ мнѣ, пожалуй, еще худшихъ; этихъ я умѣю, по крайней мѣрѣ, держать въ извѣстныхъ границахъ, а вышлютъ, того и гляди, такихъ, что и не совладаешь съ ними». Иногда спроситъ, бывало, мимоходомъ, сколько дѣлъ у меня на рукахъ и какъ идутъ, но едва начну излагать ихъ (да и подчасъ я радъ былъ случаю посовѣтоваться съ нимъ, или выказать мои успѣхи въ слѣдственныхъ занятіяхъ), а онъ перебьетъ меня эпиграмою или анекдотомъ, не относящимся къ дѣлу. Мы числились при его особѣ, а на дѣлѣ мы были чиновники, всецѣло отданные къ услугамъ Губернскаго Правленія, почти тоже что служащіе въ полиціи. Въ рѣдкихъ развѣ случаяхъ, да и не болѣе какъ раза два въ годъ, я получалъ предписаніе о производствѣ какого нибудь слѣдствія прямо отъ имени губернатора и чрезъ его канцелярію; а то все по указу Губернскаго Правленія. Да и какія, бывало, налагало оно на насъ порученія! Смѣшно, какъ вспомнишь. Но особенно отличался по этой части крючко-охотливый и не разъ упомянутый совѣтникъ Зайцевъ, завѣдывавшій отдѣленіемъ хозяйственной части губернскаго и уѣздныхъ городовъ. Однажды получилъ я указъ освидѣтельствовать, дѣйствительно ли желѣзная крыша надъ корпусомъ Гостинаго двора, что на новомъ базарѣ, была вся крашена въ предъидущемъ году или ранѣе. Въ редакціи этого указа была вставлена фраза: «Хотя градская полиція (въ лицѣ, помнится мнѣ, полицмейстера г. Фелькнера) и доноситъ Губернскому Правленію, что вся крыша была крашена въ предъидущемъ году, но тѣмъ не менѣе предписывается вамъ *провѣрить, справедливо-ли доноситъ градская полиція*». Изъ этого видно, въ какомъ почетѣ и въ какой вѣрѣ была Рязанская полиція у г.г. членовъ Губернскаго Правленія. Надо знать, что всѣ лавочники этого корпуса владѣли также складоч-

нымъ амбаромъ (или кладовой) на второмъ этажѣ надъ ихъ лавками, что̀ и составляло, съ соотвѣтствующею частію общей крыши, особенныя отдѣленія и собственность каждаго лавочника. Таковыхъ отдѣленій было, по малой мѣрѣ, до пятидесяти; а такъ какъ всякій хозяинъ красилъ свою часть крыши, когда ему заблагоразсудится, то общій видъ крыши представлялъ ряды пестрыхъ полосъ. Дабы опредѣлить съ возможною точностію время окраски каждаго изъ сихъ отдѣленій, требовалось знаніе спеціалиста, и я вынужденъ былъ пригласить для содѣйствія мнѣ въ этой повѣркѣ одного изъ губернскихъ архитекторовъ. Не забыть мнѣ этихъ трехъ часовъ, мною проведенныхъ подъ пылающимъ Іюньскимъ солнцемъ въ столь важномъ занятіи, и честилъ я мысленно совѣтника Зайцева, виновника моего испытанія. А то получаю указъ слѣдующаго содержанія: «Купчиха Рубцова *) проситъ объ освобожденіи отъ квартирной повинности вновь выстроеннаго будто бы ею флигеля» (кажется, что законъ даетъ или давалъ трехгодовую льготу для новаго строенія), и потому предписывается вамъ освидѣтельствовать, дѣйствительно ли Рубцова выстроила новый совершенно флигель, или только перестроила его изъ стараго зданія». Въ этомъ же родѣ было еще порученіе освидѣтельствовать булочную колониста Вагнера, не производятся ли въ ней конфеты въ ущербъ кондитерамъ, платившимъ особенную повинность за ихъ спеціальное издѣліе; также произвести осмотръ у мизерниньkаго лавочника галантерейныхъ вещей, торговавшаго въ шкафѣ галереи Гостинаго (большого) двора, имѣется ли проба на всѣхъ ювелирныхъ вещахъ у него въ продажѣ. Всѣ подобные осмотры прямо подлежали градской полиціи; но мы уже видѣли, на сколько довѣряло ей Губернское Правленіе. И вотъ какое почетное употребленіе дѣлало изъ насъ воспѣтое въ одной народной пѣснѣ это высшее административное учрежденіе.

Изъ Губернскаго Правленья
Лѣзетъ паносно твореніе.

Но въ замѣнъ этой неумѣстности была въ высшей степени похвальна въ Петрѣ Петровичѣ черта, что онъ всегда воздерживался направлять насъ, слѣдователей, и предлагать, въ какомъ духѣ онъ желалъ, чтобы изслѣдованіе было произведено. Страшнымъ казалось бы ставить въ заслугу начальствующему лицу, что онъ не употреблялъ (или правильнѣе, не злоупотреблялъ) своимъ вліяніемъ въ ущербъ правосудія; а это-то и дѣлали нѣкоторые тогдашніе губернаторы или по

*) Магазинъ модъ и уборовъ Рубцовыхъ былъ въ Рязани нѣчто въ родѣ магазина въ Москвѣ мадамъ Минангуа.

личному ихъ взгляду на дѣло, или въ угоду дворянской кастѣ и сильнымъ, хотя и отсутствующимъ, міра сего лицамъ, и подобное пристрастное дѣйствіе находило апологистовъ въ средѣ высшаго общества. Такъ напримѣръ, въ одномъ знаменитомъ дѣлѣ о смертоубійствѣ, по коему обвинялся молодой Москвичъ знатной фамиліи, хвалили Московскихъ слѣдователей за то, что они оградили аристократическую честь, тогда какъ обстановка дѣла уличала этого юношу въ смертоубійствѣ или по крайней мѣрѣ въ утайкѣ совершившагося въ его кабинетѣ преступленія. Благодарю моего Создателя, что, во время моего нахожденія при трехъ губернаторахъ, ни одинъ изъ нихъ не попытался давать мнѣ подобныя наставленія. Въ такомъ случаѣ я сейчасъ подалъ бы въ отставку. Петръ Петровичъ былъ человѣкъ неукоризненный и не дѣлалъ ничего противузаконнаго ради страха или въ угодность Петербургскимъ вліятельнымъ лицамъ.

Я сказалъ, что онъ какъ-бы махнулъ рукою на нѣкоторыя злоупотребленія и на нерадѣніе подчиненныхъ чиновниковъ, убѣдясь въ своемъ безсиліи искоренить это зло; но были однакоже случаи, когда онъ пробуждался изъ своего индеферентизма. Однажды я донесъ ему, что въ отдѣленіи неизлѣчимыхъ, бывшемъ при городской больницѣ, врачъ, приставленный къ этимъ страдальцамъ, никогда не заходилъ къ нимъ для оказанія имъ хотя бы временнаго облегченія. Петръ Петровичъ, поблагодаривъ меня за это увѣдомленіе, отправился туда невзначай и, удостовѣрившись въ нерадѣніи врача, распекъ его по порядку и съ угрозою отрѣшить отъ службы, если онъ впредъ провинится подобнымъ образомъ.

А что касается до Меропы Александровны, не скажу чтобы она прямо или косвенно вмѣшивалась въ служебныя дѣла. Вліяніе ея на мужа не на столько было сильно, чтобы оно могло отзываться на дѣлахъ; но она впутывалась въ городскія дрязги и семейныя происшествія и тѣмъ нажила себѣ враговъ, при всемъ томъ, что была добрѣйшее въ мірѣ существо, всегда готовое отдать послѣднюю копейку нуждающему; а это нерасположеніе къ ней мѣстнаго общества обрушивалось подчасъ на невиннаго ея мужа. Впрочемъ, она справедливо говаривала, что нельзя угадать, за что̀ одного губернатора превозносятъ, а другого, ничѣмъ не хуже, ненавидятъ. Игривое ея воображеніе созидало иногда цѣлую драму изъ простаго слуха, и въ этомъ прикрашенномъ и добавленномъ видѣ она передавала съ коментаріями плодъ своей фантазіи приближеннымъ ей людямъ, не присягавшимъ конечно умалчивать о слышанномъ ими отъ ея превосходительства, что̀ конечно и усиливало неудовольствіе противъ нея замѣшанныхъ въ этихъ исто-

ріяхъ лицъ. Безъ этихъ погрѣшностей Меропа Александровна была бы образцовая представительница того, чѣмъ слѣдуетъ быть женѣ губернатора. Рѣдко сумѣетъ любая дама столичнаго круга «tenir son salon» [1]), какъ она. Разговорчивою не могла она не быть при замѣчательномъ ея дарѣ слова и, добавлю, словоохотливости; но она была равно любезна и внимательна ко всѣмъ своимъ посѣтителямъ безразлично, а это немаловажно въ провинціальномъ обществѣ пестроватаго обыкновенно состава. А какой это былъ другъ своимъ друзьямъ! При ней изъ нихъ ни одного не тронь, а то она готова была идти на ножи. Вотъ чѣмъ выкупала Меропа Александровна свои слабости, и не даромъ говаривалъ о ней Петръ Петровичъ: «Ma légitime a les défauts de ses bonnes qualités» [2]).

Существовавшій до пріѣзда Новосильцовыхъ театръ не удовлетворялъ драматической потребности публики провинціальнаго даже города и своимъ зданіемъ онъ походилъ на сарай кое-какъ сколоченный, а еще менѣе составомъ труппы, бывшей вдобавокъ, лишь временною. Считая общественныя удовольствія не изъ послѣднихъ нуждъ городской жизни, Петръ Петровичъ только что оглядѣлся на мѣстѣ новаго своего служенія, какъ обратился къ Рязанскому откупщику г. Нѣмцову съ предложеніемъ: «Я слышалъ, что вамъ угодно было жертвовать доселѣ по три тысячи рублей въ годъ на персоналъ непосредственно подвѣдомственныхъ губернатору мѣстъ. Нечего вамъ говорить, что подобныя щедрости идутъ въ разрѣзъ съ моими правилами, какъ недопускаемыя законами; но съ другой стороны, не вижу, право, почему деньги эти, отмѣченныя у васъ въ статьѣ экстренныхъ расходовъ, должны обратно поступать въ кассу вашей конторы, и потому предлагаю вамъ употребить ихъ на будущее время на такой предметъ, за который вы заслужите общую нашу признательность и который не запрещается закономъ, а именно, исправьте-ка нашъ театришка, да ангажируйте хоть порядочную для него трупку, и опредѣлите и впредь на содержаніе театра эту тысячную вашу сумму». Подхватилъ эту мысль нашъ откупщикъ (славный былъ человѣкъ [3]), общественный, веселый, любилъ хорошо жить и всегда готовъ помогать нуждающемуся люду) и пустился въ ярые театралы, да еще какъ? Вопервыхъ, онъ

[1]) „Держать свой салонъ“: выраженіе неудобопереводимое, и къ нему ближе относилось бы „управлять своимъ салономъ“; но и это выраженіе не передаетъ полнаго смысла Французскаго термина, въ коемъ подразумѣвается одновременно и умѣніе выбирать составъ салона.

[2]) Моя благовѣрная отличается пороками, происходящими изъ ея добрыхъ качествъ.

[3]) Вотъ одна изъ его чертъ. Приходитъ къ нему разъ одинъ изъ младшихъ архи-

взялъ лучшаго Рязанскаго архитектора, Николая Ильича Воронихина [1]), который перестроилъ заново весь театръ, и перестроилъ его дѣйствительно щегольски, но за то вогналъ его въ 18 или 20 т. рублей. Партеръ и ложи были обиты краснымъ сукномъ, ложи въ два яруса и съ мягкою мебелью, надъ ними раекъ, а надъ сценою высились въ потолкѣ большіе часы [2]). Взявшись за должность директора своего театра, Нѣмцовъ напялъ полдюжину прислуги, каковую опъ облекъ въ ливреи, ни дать, ни взять, капельдинеровъ императорскихъ театровъ, въ темно-зеленые фраки съ красными воротниками и галунами, и всѣ, какъ слѣдуетъ, въ бѣлыхъ галстухахъ. Дошла очередь до сформированія труппы, и вотъ поѣхалъ нашъ директоръ въ Москву и тамъ, познакомившись съ служившими въ конторѣ театральной дирекціи, навербовалъ разпыхъ молодыхъ артистовъ обоего пола, только что выпущенныхъ, а быть можетъ и уволенныхъ по какимъ нибудь причинамъ изъ Театральнаго Училища, и вмѣстѣ съ тѣмъ ангажировалъ въ режиссёры одного изъ извѣстныхъ отчасти Московскихъ артистовъ. (Чуть не былъ-ли это Сахаровъ). Въ числѣ этихъ новичковъ-артистовъ талантливыми весьма оказались мужъ и жена Линдроты; да и составъ труппы былъ на столько удовлетворителенъ, что часто разыгрывалась комедія «Не въ свои сани не садись», только что вышедшая изъ подъ пера Островскаго, и весьма недурно шла также «Женитьба Гоголя». Г. Нѣмцовъ ангажировалъ также и одну танцовщицу-солистку; но ей рѣдко приходилось выказывать свое искусство, такъ какъ балетовъ не давалось за неимѣніемъ хореграфическаго персонала. Не могли надивиться крупные

текторовъ (кажется по фамиліи Крапивко) по слѣдующему дѣду. Ему мать писала, что есть на примѣтѣ порядочный женихъ для ея дочери, но что она по своей бѣдности не въ средствахъ снабдить дочь необходимымъ даже приданымъ. „Знаю", говорилъ молодой архитекторъ г. Нѣмцову, „что навряд-ли предстоитъ мнѣ когда нибудь случай доказать вамъ мою благодарность, и сомнѣваясь, буду ли я когда-нибудь въ состояніи отдать вамъ обратно просимую мною сумму, чтобы устроить судьбу сестры, но умоляю васъ не оставить насъ горемышныхъ".—„А что, Варвара Войновна, обратился Нѣмцовъ къ добрѣйшей своей женѣ, „вѣдь и вправмъ можетъ случиться, что когда мы съ тобою помремъ, одна изъ нашихъ дѣвченокъ можетъ очутиться, пожалуй, кто знаетъ что̀ будетъ впредъ? въ такой же нуждѣ, какъ и его (архитектора) сестра, и найдетъ и она въ свою очередь хорошаго человѣка, который ей поможетъ. Такъ давай, сдѣлаемъ теперь доброе дѣло". И онъ выдалъ архитектору порядочно-крупненькую сумму (въ нѣсколько, кажется, сотенъ рублей) безъ всякаго даже документа.

[1]) Онъ былъ изъ сродниковъ или потомковъ извѣстнаго Воронихина, строителя Петербургскаго Казанскаго собора.

[2]) Театръ этотъ (впослѣдствіи сломанный) стоялъ на углу Соборной и Семинарской улицъ.

собратья Нѣмцову по откупамъ, недоумѣвали, что это вдругъ съ нимъ приключилось и чуть не подозрѣвали, не сошелъ-ли онъ съ ума. Встревожилась и сама его супруга Варвара Войновна и не очень была признательна его превосходительству, начальнику губерніи, за то, что превратилъ посѣдѣвшаго ея мужа въ театралы, хотя г. Нѣмцовъ и не разстроилъ этимъ своихъ дѣлъ. По прошествіи трехъ лѣтъ онъ сдалъ свой театръ Евгенію Михайловичу Бернару, но и тотъ не долго возился съ нимъ и сдалъ его третьему лицу. Однако, за временную свою манію г. Нѣмцовъ поплатился не однимъ десяткомъ тысячъ рубликовъ.

Былъ также у Петра Петровича проектъ о постройкѣ въ Рязани казеннаго губернаторскаго дома. Мѣсто для сего онъ было избралъ на Соборной улицѣ, на лѣвой сторонѣ при началѣ пустыря (нынѣ застроеннаго) отъ перваго спуска къ р. Трубежу и неподалече отъ изолированной церкви Спаса на Яру. Объ этомъ дѣлѣ онъ хлопоталъ въ Петербургѣ и получилъ даже согласіе графа Клейнмихеля, но съ паденіемъ въ 1855 году этого всемогущаго временщика, проектъ канулъ въ воду.

Въ довершеніе всего хорошаго въ Петрѣ Петровичѣ онъ былъ убѣжденный христіанинъ, не смотря на то, что придерживался своеобразнаго толкованія иныхъ евангельскихъ текстовъ, несогласно съ ученіемъ церкви. Въ одной откровенной со мною бесѣдѣ онъ удивилъ меня, сказавъ, что вѣруетъ въ метемпсихозу, что душа наша, по отдѣленіи отъ тѣла, переходитъ постепенно, для своего очищенія, отъ одного животнаго въ другое. На чемъ основана была эта доктрина, онъ не могъ, конечно, объяснить мало-мальски удовлетворительно. Онъ также приписывалъ такое обширное значеніе Божьему милосердію и человѣколюбію, что, по его понятію, имъ противорѣчило ученіе объ осужденіи грѣшной души на вѣчныя муки.

Замѣтивъ бѣдность своей приходской Вознесенской церкви и желая увеличить ея доходъ, Петръ Петровичъ пожелалъ быть избраннымъ въ ктиторы къ ней и аккуратно сталъ ходить съ блюдомъ во время литургіи по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, и чтобы привлечь публику, онъ завелъ пѣвческій хоръ изъ воспитанниковъ подвѣдомственнаго ему училища дѣтей канцелярскихъ служителей. Усердіе его вознаградилось полнѣйшимъ для этой церкви успѣхомъ. Весь бо-мондъ стремился туда посмотрѣть, какъ губернаторъ шествуетъ по церкви съ тарелкой въ рукахъ; да и высшія служебныя лица и мы, мелкотравчатое чиновничество, не манкировали ходить туда, чтобы сдѣлать удовольствіе церковному старостѣ. Дурного въ этомъ угожденіи Петру

Петровичу не было ничего: намъ вѣдь все равно, въ какую церковь ходить по праздничнымъ днямъ, лишь бы быть у обѣдни. А тогда какъ въ прочихъ церквахъ публика кладетъ обыкновенно на блюдо не болѣе гроша или пятачка, а многіе и вовсе ничего не кладутъ, въ Вознесенской церкви мѣдныя приношенія замѣнены были серебряною монетой, а предсѣдатели палатъ, помѣщики и Московскіе пріѣзжіе изъ Новоспильцовскихъ знакомыхъ не клали на блюдо менѣе рублевой бумажки, и мнѣ случалось видѣть даже трехрублевые кредитные билеты. Пропустить мимо себя кланяющагося губернатора, не положивъ ничего ему на блюдо, каждому казалось какъ бы непочтительностью, и я однажды видѣлъ, какъ стоявшій рядомъ со мною частный приставъ, спохватившись, что забылъ захватить съ собою портъ-монѐ, бросился къ своему знакомому и занялъ у него серебряную монету. Результатомъ всего этого было, что года черезъ три построены были въ церкви два новые великолѣпные придѣла, одинъ изъ коихъ во имя св. Петра Московскаго митрополита, а такъ какъ этотъ святитель былъ ангеломъ Петра Петровича, немудрено, что это самое и могло быть отчасти причиною его домогательства быть ктиторомъ церкви. Насколько мнѣ помнится, онъ даже опредѣлилъ особенное денежное содержаніе священнику церкви.

Часть пѣхотной дивизіи генерала Кирьякова была расположена въ Рязанской губерніи, а въ самой Рязани былъ дивизіонный штабъ и тамъ же стоялъ въ 1853 году Московскій полкъ, командиромъ коего былъ тогда полковникъ Куртьяновъ. Генералъ Кирьяковъ былъ охочъ до пикниковъ и обѣдовъ, и не прочь выпить лишній бокалъ, въ каковыхъ случаяхъ онъ дѣлался черезъ-чуръ чувствителенъ къ прелестямъ Рязанскихъ барынь, называя ихъ «душками», и одну изъ нихъ онъ будто бы, какъ разсказывали, однажды облобызалъ на пикникѣ, за что вступился ея супругъ, и изъ-за этого вышелъ скандалъ.

Въ Московскомъ полку былъ только-что произведенный въ офицеры Александръ Филиповичъ Хрпстіановичъ (сынъ Тарускаго помѣщика Филипа Ивановича, долго бывшаго Калужскимъ прокуроромъ, а потомъ предсѣдателемъ Калужской Гражданской Палаты). Молодой Христіановичъ былъ замѣчательный піанистъ, плохой композиторъ и прекрасно образованный человѣкъ *). Подобная нашего поля ягодка была находкою сама по себѣ для нашего кружка; но кромѣ того, Петръ Петровичъ зналъ его отца, когда послѣдній еще служилъ въ Москвѣ

*) Онъ женился на одной изъ дочерей Николая Александровича Поливанова и давно живетъ въ отставкѣ въ своемъ Тарускомъ имѣніи.

при князѣ Д. В. Голицынѣ, и потому Александръ Филиповичъ сразу сдѣлался своимъ человѣкомъ у Новосильцовыхъ.

Когда Европейская коалиція, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, объявила намъ войну, и ген. Кирьяковъ выступилъ со своею дивизіей въ Крымъ, то ему и офицерамъ Московскаго полка данъ былъ по подпискѣ прощальный обѣдъ безъ участія дамъ, на коемъ Шампанское полилось моремъ, и я, конечно, не отставалъ отъ прочихъ.

Общественныя увеселенія возобновились съ наступившимъ зимнимъ сезономъ. Позамѣшкался немного въ Рязани, чтобы сдѣлать удовольствіе Новосильцовымъ, кое-кто изъ Рязанскихъ помѣщиковъ, предъ переѣздомъ на зиму въ Москву, въ томъ числѣ семейство Ивинскихъ. На одномъ изъ клубныхъ еженедѣльныхъ баловъ, длившемся до поздняго весьма часа, г-жа Ивинская, не взирая на мольбы Меропы Александровны, буквально вытащила своихъ двухъ дочерей съ недоконченныхъ ими танцевъ; но по мѣрѣ, какъ мать принималась закутывать въ прихожей комнатѣ одну изъ нихъ, другая шмыгнетъ обратно въ залъ и давай снова доплясывать съ прежнимъ своимъ кавалеромъ; мать за ней и опять тащитъ ее въ прихожую, а въ тоже самое время сестра ея, сбросивъ съ себя шубку, вбѣгаетъ, въ свою очередь, въ залу и хватаетъ своего кавалера. Видя свое безсиліе, несчастная г-жа Ивинская, въ порывѣ изступленія и задыхаясь, бросается къ оркестру и вырываетъ инструментъ изъ рукъ перваго скрипача при общемъ нашемъ хохотѣ. Не взирая, однакоже, на эту случайную танцофобію г-жи Ивинской, она была великая мастерица въ хореграфическомъ дѣлѣ и поставила, по какому-то особенному случаю, пантомимный кадриль-балетъ изъ Русскихъ танцевъ, исполненный двумя ея дочерьми, г-жою Леонилою Колчиной и четвертою дамой или дѣвицей, имя коей я забылъ; а изъ мужчинъ участвовалъ одинъ Михаилъ Францовичъ Ладвезъ*), артистъ въ Цыганской пляскѣ. Въ какомъ-то подобномъ почти танцѣ участвовалъ также тогда бѣлокуренькій, кровь съ молокомъ, молодой пріѣзжій Волжанинъ (хотя Нѣмецкаго происхожденія), Климентъ Ивановичъ Энгельмейеръ. Почему онъ попалъ въ Рязань, не помню, но тутъ же и влюбился въ Софью Петровну Таптыкову (воспитанницу и племянницу генеральши Носковой, сосѣдки Н. А. Дивова), и она въ него. Не по нутру было это теткѣ, желавшей пристроить свою наслѣдницу-красотку за превосходительную особу, каковая

*) Сынъ стараго Французскаго эмигранта и фабрикантши искусственныхъ цвѣтовъ, магазинъ коей былъ въ Москвѣ, на Петровкѣ. Одинъ изъ его братьевъ вышелъ хорошимъ живописцемъ.

была уже, помнится мнѣ, на примѣтѣ; но Меропа Александровна и азъ грѣшный приняли влюбленную чету подъ нашу эгиду, и я однажды устроилъ даже свиданіе нашимъ «крестникамъ» (какъ звала ихъ Меропа Александровна) въ городскомъ саду, который былъ тогда подъ моимъ вѣдѣніемъ. Спустя годъ, превосходительная тетка смягчилась, и ихъ окрутили подъ пѣніе «Исаія ликуй».

Щегольскей балъ задалъ также откупщикъ Нѣмцовъ, чему способствовалъ помѣстительный его домъ [1]), а у Новосильцовыхъ шли репетиціи переведенной съ Французскаго драмы «Серафинъ Лафайль», подъ руководствомъ режиссёра Нѣмцовскаго театра, гдѣ я прилежно разучивалъ роль мужа-тирана, а главныя роли были предоставлены Софьѣ Егоровнѣ Путятѣ и молодому князю Волконскому (они были спеціалисты въ дѣлѣ благородныхъ спектаклей). Меропѣ Александровнѣ предназначалось отличаться въ лицѣ Французской королевы Маріи Медиційской (для чего я даже заготовилъ рисунокъ, съ костюмомъ того времени), и нѣтъ сомнѣнія, что съ ея представительностію, голосомъ и прекрасною дикціей она бы вызвала аплодисменты; но репетиціи вдругъ прервались (къ крайнему моему сожалѣнію), изъ-за какихъ-то закулисно-аматёрскихъ, кажется, исторій.

Не ранѣе этой осени удалось мнѣ познакомиться и съ перваго же раза сойтись съ Дмитріемъ Кесаревичемъ Хвощинскимъ и талантливыми его тремя дочерьми. Старшая изъ нихъ, Надежда Дмитріевна, только-что выступившая на беллетристическое поприще подъ псевдонимомъ Крестовскаго, сразу обратила вниманіе на себя читающей публики повѣстями: «Искушеніе», «Кто остался довольнымъ», «Сельскій учитель» и продолженіемъ его «Еще годъ» [2]). Какъ нынѣ, такъ и съ самаго начала, повѣсти ея помѣщались въ «Отечественныхъ Запискахъ», но нѣкоторыя ея стихотворенія являлись кое-когда въ «Современникѣ», и подъ ними она подписывалась настоящимъ своимъ именемъ. Осталась же она вѣрна журналу Краевскаго и отказалась участвовать во вновь открытомъ журналѣ «Русскій Вѣстникъ», изъ благо-

---

[1]) Домъ этотъ былъ на улицѣ, ведущей отъ Семинарскаго моста къ городской больницѣ, близъ церкви Николы-Долгошеи. Нѣмцовъ купилъ его отъ прежняго Рязанскаго откупщика Ивана Александровича Протасьева.

[2]) Спустя немного времени, она упрочила свою извѣстность болѣе пространными романами: „Послѣднее дѣйствіе комедіи“ и „Баритонъ“. Послѣдній сюжетъ взятъ изъ семинарскаго быта, присматриваться къ которому было автору тѣмъ легче, что домъ Хвощинскихъ примыкаетъ къ Рязанской семинаріи, и для сего Надежда Дмитріевна завела знакомство съ нѣкоторыми семинаристами.

дарности къ Краевскому, не отказывавшему ей никогда въ денежныхъ пособіяхъ.

Мизантропическое направленіе, преобладающее во всѣхъ ея повѣстяхъ, сложилось отъ семейной ея обстановки, причиною каковой были служебныя несправедливости, постигшія ея отца и доведшія его до нуждающагося положенія. Д. К. Хвощинскій служилъ когда-то по коннозаводству, главнымъ начальникомъ коего былъ въ 40-хъ годахъ ген.-адъютантъ Левашовъ. Управляя Скопинскимъ отдѣленіемъ этого вѣдомства, онъ обвиненъ былъ въ растратѣ крупной казенной суммы, послѣ тянувшагося долго слѣдствія признанъ виновнымъ, и у него конфисковано было единственное недвижимое его имѣніе. Когда я познакомился съ Дмитріемъ Кесаревичемъ, онъ служилъ при Рязанской Палатѣ Государственныхъ Имуществъ посредникомъ отъ казенныхъ крестьянъ въ полюбовномъ ихъ размежеваніи съ сосѣдними имъ помѣщиками, на жалованіи, помнится мнѣ, немного свыше 1000 рублей. На эти деньги и на выручку отъ литературныхъ трудовъ его дочери существовало все семейство Хвощинскихъ, состоявшее тогда изъ пяти: Дмитрій Кесаревичъ, жена его Юлія Викентьевна (рожденная Рубецъ) и три дочери, Надежда, Софія и Прасковья Дмитріевны. Кесарь Дмитріевичъ былъ нѣкогда адъютантомъ у какого-то генерала на Кавказѣ. Считая себя безвинно пострадавшимъ, онъ возобновилъ въ началѣ 50-хъ годовъ Скопинское дѣло, и хотя былъ оправданъ высшею сенатскою инстанціей, но (какъ я слыхалъ отъ него самаго) не только что не возвращено было ему прежнее имѣніе, но онъ ничего не получилъ въ замѣнъ его. Не оставлялъ нуждающихся своихъ сродниковъ Абрамъ Петровичъ Хвощинскій, двоюродный братъ Дмитрія Кесаревича, человѣкъ съ хорошимъ состояніемъ [1]). Онъ останавливался у него въ Рязани, когда тотъ жилъ въ наемномъ тогда домѣ, и однажды на Пасху или по случаю имянинъ или дня рожденія Дмитрія Кесаревича передалъ ему готовый на домъ документъ [2]). Старшая изъ сестеръ Хвощинскихъ Надежда и меньшая Прасковья воспитывались дома, а средняя Софія вышла институтка съ первымъ шифромъ. Прелестное существо была эта дѣвушка. Она сотрудничала сестрѣ-писательницѣ, даже кое-что сама пописывала въ журналахъ, но также подъ псевдонимомъ и, сверхъ того, талантливо занималась жанровою живописью акварель-

[1]) Сынъ его былъ въ началѣ 50-хъ годовъ адъютантомъ у графа Егора Петровича Толстаго, тогда Калужскаго губернатора, а двѣ дочери замужемъ, одна за Акинфіевымъ, а другая за Деляновымъ.

[2]) Въ этомъ домѣ живутъ и понынѣ вдова и старшая и меньшая дочери Дмитрія Кесаревича (Софья Дмитріевна скончалась преждевременно лѣтъ восемь тому назадъ).

ными красками въ такихъ же большихъ размѣрахъ, какъ масляными [1]).

Мой взглядъ на дарованіе Надежды Дмитріевны таковой. Психологическій ея анализъ часто вѣренъ, но выводы у нея бываютъ иногда преувеличены, а когда она пускается въ описанія великосвѣтскихъ «бархатниковъ» (именованіе изъ повѣстей Григоровича), что̀ не рѣдко дѣлаетъ, то она относится къ этому сословію желчно, какъ бы съ ненавистью, и въ своихъ очеркахъ она руководится если не вымысломъ или догадками, такъ слухами и отзывами часто-пристрастными ея литературной братіи, сама же Рязанская наша отшельница не была вхожа въ столичные аристократическіе салоны, а то что̀ могла подмѣтить изъ Рязанской мимолетной при Новосильцовыхъ шумной жизни, не могло, по своей ограниченности, дать этой писательницѣ мѣрило къ подобнымъ описаніямъ и тѣмъ менѣе снабдить ее запасомъ на двадцатилѣтнюю письменную дѣятельность, и вотъ почему я нахожу, что она нерѣдко создаетъ характеры и драматическія положенія съ ихъ развязкою не существующіе въ дѣйствительности, хотя и они выходятъ довольно реліефно подъ ея перомъ. Уже почти двадцать лѣтъ что̀ я коротко съ нею знакомъ (и иногда переписываюсь), но предпочитаю въ ней женщину писательницѣ [2]). Ей вредитъ также экзальтація въ чувствахъ и взглядахъ, особенно въ политическихъ ея мнѣніяхъ, въ коихъ она утопистка до того, что сочувствуетъ бреду коммунизма и соціализма и утверждаетъ, что эта доктрина основана на Евангеліи. За то, вотъ какая высокая въ ея характерѣ черта. При стѣсненномъ своемъ положеніи, она отказала М. Н. Каткову участвовать въ его журналѣ «Русскій Вѣстникъ», потому что ея убѣжденія идутъ въ разрѣзъ съ направленіемъ этаго журнала и «Московскихъ Вѣдомостей» [3]).

Въ Рязань пріѣзжала этой же осенью (1853 года), мать Меропы Александровны, княгиня Софія Егоровна Вяземская, видная и свѣжая еще старуха. Не встрѣчался я съ нею дотолѣ никогда, хотя и знавалъ

---

[1]) Узнавъ о смерти художника Иванова, она написала съ памяти его портретъ масляными красками, хотя видѣла его не болѣе двухъ разъ, и говорятъ, что портретъ очень похожъ.

[2]) Она сама хорошо это знаетъ, и года два назадъ, когда одинъ изъ послѣднихъ ея романовъ „Большая Медвѣдица“, былъ въ славѣ, она просила меня не читать его.

[3]) Лѣтъ тому шесть, она вышла замужъ за получахоточнаго медика, двадцатью почти годами моложе ея, Заянчковскаго, лишь изъ-за сочувствія къ нему, такъ какъ онъ былъ замѣшанъ въ студенческихъ Петербургскихъ исторіяхъ и сидѣлъ въ крѣпости. Онъ долго лечился за границей на средства извѣстнаго медика Боткина и умеръ въ 1872 или въ началѣ 1873 года.

покойнаго втораго ея мужа, князя Николая Григорьевича Вяземскаго [1]). Немного позднѣе, пріѣзжала также къ своей племянницѣ Новосильцовой г-жа Демидова, сестра княгини Вяземской со своимъ сыномъ, давно уже на службѣ [2]).

Съ самаго начала этаго 1853 года, взошли въ моду въ Россіи и за границею вертящіеся и пишущіе столы. Точнаго о томъ мнѣнія я по сю пору не могъ себѣ составить, по отрицать не могу, чтобы не было бы чего-то сверхъестественнаго въ пишущихъ столахъ. Опыты съ ними происходили на моихъ глазахъ, и потому не соглашаюсь съ тѣми, которые утверждаютъ, что тутъ дѣйствуетъ одинъ самообманъ. Сторонники столь неслыханнаго дотолѣ феномена могли, пожалуй, объяснять неподвижность столовъ и шляпъ отсутствіемъ у меня животнаго магнетизма, но таковое пояснеше не удовлетворяетъ меня.

На счетъ пишущихъ столовъ разскажу то, чему я былъ свидѣтелемъ два раза. Устройство ихъ было слѣдующее. Вышина ихъ была въ четверть аршина, а въ длину и ширину, около шести вершковъ; вмѣсто четвертой ножки, вставлялся очиненный карандашъ, и игрушка эта ставилась на столъ. Опыты надъ своимъ оракуломъ Меропа Александровна производила обыкновенно вдвоемъ съ тогдашнимъ инспекторомъ. Врачебной Управы Поповымъ. Наложатъ, бывало, руки на столикъ, и онъ пойдетъ чертить каракули на подложенномъ подъ нимъ бумажномъ листѣ. Чтобы добиться возможности прочесть эти каракули, непремѣнно надо было повторять опытъ до трехъ разъ; но замѣчательно и даже необъяснимо было то, что всѣ три раза чертежи выходили однообразные, то-есть, по одинаковому направленію, въ право-ли, въ лѣво-ли, въ верхъ или въ низъ, такъ что было видимое сходство между ними. Одно это обстоятельство уже свидѣтельствуетъ про отсутствіе случайности при составленіи этихъ чертежей. Если бы испытатели водили свои руки зря, невозможно было бы чертежамъ выходить однообразными. При повтореніи перваго опыта нѣкоторыя буквы обрисовывались уже правильнѣе и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онѣ выказывались при первомъ и при окончательномъ третьемъ опытѣ, и только тогда можно было прочесть уже безъ затрудненія написанное. Словомъ, постепенная эта процедура, казалось, напоминала собою усилья школьника, учившагося писать. Всякій столикъ наименовался какимъ нибудь

---

[1]) Напоминаю, что сестрами его были графиня Марія Григорьевна Разумовская и Бѣлкинская наша сосѣдка Екатерина Григорьевна Болтина.

[2]) Эти дамы были рождены Панины. У г-жи Демидовой были двѣ дочери тогда уже замужемъ, одна за графомъ Армфельдтомъ (вдовцомъ), а другая за Казаковымъ.

христіанскимъ именемъ, имъ самимъ высказаннымъ въ отвѣтѣ на вопросъ, какъ его звали. Столикъ г-жи Новосильцовой чертилъ, что его звали Маріо Оровески (или что-то сходное съ этою фамиліею). На вопросъ, не дастъ ли оной нѣкоторыхъ о себѣ свѣдѣній, отвѣтъ былъ: «Убитъ на дуэли въ Венеціи въ 1822 году и похороненъ на Лидо» *). Замѣтить слѣдуетъ, что наврядъ ли Меропа Александровна или г. Поповъ, не бывшіе никогда въ Италіи, могли имѣть понятіе о существованіи квартала Венеціи, называющагося «il Lido». Пораженный тѣмъ, что происходило въ моихъ глазахъ, я написалъ подробно о семъ моей матери во Флоренцію, набожность, праведную жизнь и церковную начитанность которой я глубоко чтилъ, и просилъ ее высказать ея мнѣніе объ этомъ явленіи, выходившемъ изъ извѣстныхъ дотолѣ законовъ природы. Мать моя не замедлила отвѣчать, что подобные опыты были тогда въ ходу и за границей, но что церковный авторитетъ (т. е. Римскаго вѣроисповѣданія), не находя возможнымъ удовлетворительно разъяснить подобныя явленія, запрещаетъ вѣрующимъ предаваться этому нововведенію, не приносящему никакой пользы, и даже склонно къ мнѣнію, что тутъ не чуждо прельщеніе нечистой силы, и потому мать моя убѣждала меня не заниматься впредь этими опасными, или по крайней мѣрѣ, сомнительными по ихъ происхожденію опытами. Такъ какъ и мои наблюденія привели меня къ почти подобному же взгляду, то я съ тѣхъ поръ сталъ относиться съ бо́льшею осторожностію къ этимъ опытамъ.

Теперь я долженъ сдѣлать отступленіе и забѣжать восемь лѣтъ впередъ для дополненія сказаннаго о пишущемъ столѣ Меропы Александровны.

Въ Декабрѣ 1861 года, въ бытность мою Тарускимъ судебнымъ слѣдователемъ, пріѣзжалъ изъ Флоренціи къ намъ въ Знаменское племянникъ мой графъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ (это же и было первою его поѣздкою въ Россію для возобновленія его права на подданство въ настоящемъ своемъ отечествѣ, въ чемъ онъ и успѣлъ). Вспомнивъ какъ-то о моемъ письмѣ къ моей матери, а его бабушкѣ, по поводу пишущихъ столовъ, онъ изумилъ меня сообщеніемъ, что, въ бытность его въ Венеціи, онъ справлялся у священника приходской церкви на Лидо и узналъ отъ него, что дѣйствительно тамъ похороненъ нѣкій Маріо Оровески и даже, если припоминаю въ точности слова моего племянника, что этотъ человѣкъ умеръ въ 1822 году

*) Одинъ изъ болѣе пространныхъ острововъ, на которыхъ основана часть Венеціи, но отдаленный отъ центра города.

(или около того времени). Что̀ сказать на это? Не могу себѣ простить, что, находясь самъ въ Венеціи осенью 1862 и весною 1863 года, я забылъ справиться на мѣстѣ о семъ обстоятельствѣ, могущемъ пролить свѣтъ на столь важный въ психологическомъ и даже религіозномъ отношеніи вопросъ.

Возвращаюсь къ разсказу.

Предсказательнаго или ясновидящаго въ отвѣтахъ на предлагаемые столамъ вопросы ничего не было (по крайней мѣрѣ при мнѣ). Такъ, напримѣръ, Меропа Александровна однажды спрашивала у своего столика о здоровьѣ и что̀ дѣлала въ это время ея невѣстка, молодая княгиня Прасковья Вяземская [1]), лѣчившаяся тогда отъ разслабленія ногъ въ Ниццѣ, и отвѣтъ былъ, что она померла. А между тѣмъ она возвратилась благополучно въ Россію и чуть-ли не жива и по сіе время. Пораженный видѣннымъ мною у Меропы Александровны, я поспѣшилъ сообщить о томъ сестрамъ Хвощинскимъ, которыя, въ свою очередь, разсказали мнѣ, что и у нихъ есть подобный грамотный столикъ, но что онѣ не могутъ-де разобрать его отвѣты, написанные на неизвѣстномъ имъ Англійскомъ языкѣ. Опыты эти производили тихонравная Софія Дмитріевна съ Николаемъ Александровичемъ Слѣпцовымъ, товарищемъ предсѣдателя Рязанской Гражданской Палаты, ежедневнымъ посѣтителемъ Хвощинскихъ. Такъ какъ Англійскій языкъ мнѣ фамиліяренъ, то я просилъ произвести опытъ при мнѣ, но самъ не взялся участвовать въ немъ, сознавая свое магнетическое безсиліе. Удовлетворить мое любопытство взялись таже Софія Дмитріевна и находившаяся тутъ ея пріятельница молодая Маркелова (дочь одного совѣтника Рязанской Казенной Палаты, дѣвушка замѣчательная своимъ умственнымъ развитіемъ и талантомъ въ масляной живописи). Ни та, ни другая не знали Англійскаго языка. Вопросъ задала Софья Дмитріевна, не сообщая, однакоже, его намъ, и столъ пошелъ себѣ чертить каракули, точь-въ-точь какъ Новосильцовскій столикъ, и такъ же, какъ и тамъ, опыты должны были повторяться до трехъ разъ, прежде чѣмъ отвѣтъ могъ быть разобранъ. Тогда я прочелъ дѣйствительно по-англійски: «He is now at the theatre» [2]). Когда я передалъ этотъ отвѣтъ по-рус-

[1]) Рожденная графиня Толстая, та самая хорошенькая собою диллетантка, которая еще дѣвицею участвовала въ нашихъ Московскихъ аматёрскихъ концертахъ въ 1841 и 1842 годахъ. Мужъ ея, князь Григорій Николаевичъ Вяземскій, былъ сынъ вышепомянутой княгини Софіи Егоровны Вяземской, рожденной Паниной, а по первому мужу Тимашевой-Берингъ.

[2]) Онъ теперь въ театрѣ.

ски Софьѣ Дмитріевнѣ, она сказала: «Это довольно правдоподобно». Она спрашивала, что̀ дѣлалъ тогда, или гдѣ находился одинъ ея знакомый? Страннымъ мнѣ показалось также, что въ отвѣтѣ были двѣ, помнится мнѣ, орѳографическія погрѣшности, но фраза была изложена правильно. Излагаю или, какъ говорятъ нынѣ, констатирую фактъ, при мнѣ происходившій, но объяснить его не берусь. «Много, много еще есть, чего мы не знаемъ, другъ Гораціо», какъ весьма мудро вложилъ Шекспиръ въ уста Гамлета. Но неужели будемъ отрицать возможность многихъ явленій изъ физическаго и психологическаго міра на томъ только основаніи, что они недоступны нашему разуму? Тутъ не будетъ логики.

Вышла тогда коротенькая книжка покойнаго митрополита Филарета по поводу этихъ столовъ. Ученый іерархъ, приводя въ ней нѣкоторые близко подходившіе къ этому предмету примѣры у языческихъ оракуловъ, не опредѣлялъ, однакоже, удовлетворительно, изъ какого источника происходятъ эти современныя намъ явленія. Спустя нѣсколько лѣтъ, находясь въ отпуску въ Москвѣ, я посѣтилъ маститаго предстоятеля нашей церкви, съ намѣреніемъ узнать послѣднее его о томъ слово. Высокопреосвященный, принявъ меня съ обычнымъ ему радушіемъ и вопросы мои со свойственною ему снисходительностью (ему даже угодно было сказать мнѣ, что онъ радъ видѣть у себя сына графа Дмитрія Петровича, коего онъ хорошо помнилъ, встрѣчавшись съ нимъ у оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода, князя Александра Николаевича Голицына), выразилъ такое мнѣніе. Отчасти можно допустить, что письменные отвѣты могли бы происходить отъ умершихъ душъ, судьба коихъ нерѣшена, какъ учитъ церковь, до Страшнаго Суда, а гдѣ именно онѣ находятся, намъ неизвѣстно; но все-таки небезопасно для душевнаго и умственнаго нашего спокойствія предаваться этимъ опытамъ, потому что пытаться узнавать о томъ, чего нѣтъ въ Священномъ Писаніи, не можетъ приносить никакой пользы; а желать угадывать наше будущее не согласно съ евангельскимъ ученіемъ, гдѣ говорится, что будущее наше сокровенно отъ насъ Божьимъ Промысломъ, и во всякомъ случаѣ увлекаться этими опытами уже опасно потому, что отъ нихъ иные окончательно сходятъ съ ума, какъ случилось съ однимъ хорошо ему знакомымъ человѣкомъ. Тутъ же онъ добавилъ, что появленіе въ печати его книжечки случилось безъ его на то согласія, и что еслибы она предназначалась для печати, онъ составилъ бы ее иначе и не въ столь сжатомъ видѣ, какъ она появилась, и что въ сущности это было ничто иное, какъ письмо къ одному изъ его знакомыхъ, который просилъ его изложить его мнѣніе о зага-

дочныхъ этихъ столахъ. Хотя взглядъ митрополита розшился отчасти со взглядомъ Римской церкви по этому предмету, но я вынесъ изъ всего этого полуубѣжденіе, что, какъ себѣ хотятъ господа спириты, но тутъ непремѣнно что-то неладно, и потому я нахожу, что осторожность совѣтуетъ не заниматься этими экспериментами, почти что забытыми нынѣ. А все-таки эти, хотя и непонятные, факты имѣютъ уже ту хорошую сторону, что побѣдоносно доказываютъ всю несостоятельность ученія о матеріализмѣ. Какъ бы то ни было, а весьма справедливо замѣчаетъ досточтимый М. П. Погодинъ, говоря о спиритѣ Юмѣ въ недавнемъ своемъ сочиненіи «Простая рѣчь о мудреныхъ дѣлахъ» (отдѣлъ II, стр. 110): въ этомъ *есть что-то!*

Пріѣзжалъ въ это время изъ Петербурга къ Дивову въ Городище престарѣлый и неопредѣленной національности Левъ Андреевичъ Лебрюнъ (Lebrun), продолжавшій служить при Императорскомъ Эрмитажѣ въ должности помощника директора Лабенскаго. Бывшій Суворовскій ординарецъ представлялъ собою полнѣйшую физическую развалину и померъ въ слѣдующемъ, кажется, 1854 году. Не помню, говорилъ-ли я въ своемъ мѣстѣ, что въ числѣ разсказовъ Л. А. Лебрюна о Суворовѣ было, что въ Тульчинѣ (гдѣ находилась главная квартира фельдмаршала) князь Александръ Васильевичъ хаживалъ каждодневно къ заутренѣ и того же самаго требовалъ отъ всего своего штаба; а дабы удостовѣриться, на сколько исполнялись его приказанія, онъ, кладя земные поклоны, разсматривалъ въ промежуткѣ своихъ ногъ всю стоявшую за нимъ свиту.

Извѣстія изъ Крыма становились съ каждымъ днемъ все болѣе неутѣшительными. Газетнымъ офиціальнымъ реляціямъ о ходѣ военныхъ дѣйствій мы не придавали вѣры, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ реляціи отличаются сдержанностью и подъ часъ утайкою; но Новосильцовы ежедневно почти получали извѣстія въ формѣ писемъ отъ давняго ихъ друга Александра Яковлевича Булгакова, тогда Московскаго почтъ-директора, такъ что, благодаря этой конфиденціальной корреспонденціи, все, что происходило на Крымскомъ полуостровѣ, а также что дѣлалось и говорилось въ Петербургскихъ высшихъ административныхъ сферахъ, было не тайною для насъ, составлявшихъ интимный кружокъ Новосильцовыхъ *). Носился слухъ изъ партикуляр-

*) Письма А. Я. Булгакова были также переполнены современными анекдотами, юморомъ и острыми словцами. Однажды, разсказывая о прибытіи въ Москву еле дышавшаго князя Чернышова (бывшаго военнаго министра), но еще на ногахъ, Александръ Яковлевичъ писалъ, что онъ на дняхъ встрѣтилъ на улицѣ князя Чернышова, гулявшаго *со своею вдовой подъ ручку.* (Donnant le bras à sa veuve).

ныхъ свѣдѣній по поводу неудачи Альминскаго дѣла и его послѣдствій, что князь Меншиковъ, боясь, чтобы непріятельскія войска немедленно не ворвались въ Севастополь, еслибы они подступили къ нему по прямому (юго-западному отъ Альмы) направленію, гдѣ вовсе не было никакихъ укрѣпленій, прибѣгнулъ будто бы къ слѣдующей хитрости. Онъ отправилъ курьера къ Государю съ секретнымъ яко бы донесеніемъ объ Альминскомъ дѣлѣ, и въ тоже время словесно научилъ курьера попасть въ плѣнъ, какъ бы по оплошности, а въ концѣ этой мнимой реляціи было сказано, что онъ, главнокомандующій, считаетъ счастливою случайностью, что Французскій маршалъ Сентъ-Арно идетъ по прямому направленію на Севастополь, такъ какъ съ той стороны городъ обезпеченъ укрѣпленіями, а что онъ опасался-де, какъ бы союзный десантный корпусъ не подошелъ къ городу съ восточной стороны, гдѣ никакихъ оборонительныхъ работъ не было. Курьеръ исполнилъ все приказанное ему, и вотъ почему, будто бы, союзники сдѣлали обходъ на Балаклаву и на восточную сторону Севастополя, гдѣ уже существовали кое-какія укрѣпленія, за усиленіе каковыхъ принялся немедленно Тотлебенъ. Впослѣдствіи разсказывали также, что неисправимый острякъ, князь Александръ Сергѣевичъ, будто говаривалъ, что если бы ему удалось съ успѣхомъ выйти изъ Альминскаго дѣла, ему пожаловали бы, чего добраго, титулъ князя Альминскаго, каковой выходилъ бы по-французски «prince d'Alma» и къ нему не доставало бы лишь прибавленія «вива», чтобы подходить къ театральному герою оперы «Севильскаго Цирульника». Не имѣя въ виду ни здѣсь, ни впослѣдствіи входить въ подробное разсмотрѣніе Крымскихъ нашихъ неудачъ, выскажу лишь мое мнѣніе, что винить князя Меншикова относительно первоначальныхъ его дѣйствій было бы несправедливо: все, что̀ возможно было ему предпринять съ его 28-тысячнымъ корпусомъ храбрецовъ противъ 60 тысячъ союзнаго войска, онъ исполнилъ. Отправленная на подводахъ изъ Одессы генераломъ Сакеномъ дивизія не подоспѣла (кажется) ко времени десанта непріятельскихъ войскъ; а генералъ Хомутовъ, спѣшившій съ противуположной стороны въ подмогу Севастополю, былъ еще со своею кавалеріей за Перекопомъ. Всѣмъ извѣстно, что покойный Государь находился тогда подъ вліяніемъ какого-то ослѣпленія и былъ убѣжденъ, что силы, коими располагалъ князь Меншиковъ, были вполнѣ достаточны для отпора немногочисленнаго, какъ предполагалъ Государь, десантнаго корпуса союзниковъ.

Отечественныя бѣдствія не бываютъ помѣхою общественнымъ увеселеніямъ, развѣ въ особенныхъ, исключительныхъ случаяхъ, когда

личности или интересы мѣстнаго общества могутъ отъ этого пострадать; но такъ какъ ничего подобнаго не тяготѣло надъ Рязанью, то танцовальные вечера шли обыкновеннымъ чередомъ.

Артилерійскіе офицеры, стоявшіе въ Коломнѣ, устроили въ тамошнемъ клубѣ балъ въ день восшествія на престолъ покойнаго Государя, 19 Ноября, на который поѣхали, по ихъ приглашенію, Новосильцовы и Николай Адріяновичъ, при чемъ Меропу Александровну сопровождали два чиновника особыхъ порученій, А. И. Протасьевъ и пишушій эти строки. Если нахожденіе нашихъ двухъ личностей при особѣ ея превосходительства придавало нѣкоторую, такъ-сказать, сановитость ея появленію на Коломенскомъ балѣ, то я съ своей стороны (за юнаго моего коллегу отвѣчать не берусь) чувствовалъ себя разыгрывающимъ хотя не важную, но по крайней мѣрѣ полуофиціальную роль. Директоры бала были полковники Вокаръ и Щебальскій [1]), оба батарейные командиры; они гостепріимно угощали насъ, и я воспользовался случаемъ и на этомъ балѣ, и на возобновленіи его на слѣдующее утро не пощадить артилерійскаго Шампанскаго, такъ что былъ на полувзводѣ, когда, послѣ деннаго бала, Меропа Александровна съ нами, двумя ея тѣлохранителями, отправилась въ каретѣ обратно въ нашу губернскую столицу. Но кромѣ почета, благо было Протасьеву и мнѣ, что наша губернаторша прикрывала насъ своею офиціальною сѣнью. Для Рязанскаго губернатора съ женою и для его превосходительства Дивова квартиры были заготовлены; но намъ, двумъ мелкотравчатымъ чиновникамъ, какъ ни хлопоталъ явившійся становой (при содѣйствіи, помнится мнѣ, мѣстнаго городскаго полиціанта), свободнаго уголка не оказалось ни въ единственной тогда Коломенской гостиницѣ, ни на постоялыхъ дворахъ: все было занято по случаю клубнаго бала, и пришлось бы намъ переночевать подъ сводомъ небеснымъ, если бы Меропа Александровна не упросила одного изъ своихъ бальныхъ кавалеровъ, артилерійскаго поручика г. Львова [2]), сжалиться надъ нами, и онъ дѣйствительно, съ рѣдкою предупредительностью, пріютилъ насъ обоихъ подъ свой смиренный кровъ, оказавшійся щегольски отдѣланнымъ апартаментомъ.

Составъ нашего общества умножился съ осени 1852 года милымъ семействомъ Вишневскихъ. Около того времени или немного позднѣе,

---

[1]) Въ слѣдующемъ за тѣмъ году полковникъ Щебальскій перешелъ въ Московскіе полицеймейстеры и завѣдывалъ Управою Благочинія.

[2]) Поручикъ Львовъ вскорѣ послѣ этого женился на столь же богатой, сколько (по общимъ отзывамъ) некрасивой дѣвицѣ Коломенскаго уѣзда, графинѣ Санти. Онъ первый учредилъ пароходное движеніе по Окѣ.

умеръ въ Вѣнѣ Николай Максимовичъ Княжевичъ, лѣчившійся тамъ отъ рака на языкѣ, и на его мѣсто назначенъ былъ предсѣдателемъ Рязанской Казенной Палаты Николай Гавриловичъ Вишневскій *). Сыновья его были гдѣ-то на службѣ или еще въ учебныхъ заведеніяхъ, а изъ четырехъ его дочерей двѣ выѣзжали въ свѣтъ, а третья, болѣзненнаго сложенія, лѣчилась и не могла участвовать въ общественныхъ увеселеніяхъ. Г-жа Вишневская была высокая и представительной наружности женщина, твердаго нравственнаго достоинства, тихая и съ прекрасными манерами, что̀ сумѣла передать дочерямъ вмѣстѣ съ тщательнымъ образованіемъ. Двѣ старшія вышли замужъ въ Рязани, года два по ихъ туда пріѣздѣ; одна за Евлампія Ивановича Протасьева (брата моего сослуживца Александра Ивановича), а другая за молодаго Казначеева, служившаго тогда въ Казенной Палатѣ, то-есть, подъ начальствомъ своего тестя. Чиновникъ этотъ не имѣлъ никакого почти состоянія, а совершенно обезпечить эту дочь было бы для Н. Г. Вишневскаго слишкомъ затруднительно, какъ обремененному большимъ семействомъ, и влюбленные молодые супруги жили скромно и уединенно, но въ маленькой ихъ квартирѣ все было прилично, и душа отдыхала, глядя на этихъ двухъ голубковъ.

Нерѣдкими посѣтителями Новосильцовыхъ были также Ряжскій предводитель Яблочковъ и его жена Софія Ивановна. Сказать, что эта молодая женщина была хорошенькая собою, еще недостаточно: мало ли бываетъ на свѣтѣ хорошенькихъ, на которыхъ обращаешь вниманіе какъ на картинку или статую? Но отъ Софіи Ивановны вѣяло граціей, женственностію и симпатичностію, чему способствовала непринужденность ея обращенія. И не одними внѣшними атрибутами отличалась она; въ ея характерѣ были солидныя стороны. Когда, по смерти ея мужа (еще не стараго), дѣла его оказались совершенно разстроенными, она посвятила себя на трудовую жизнь и въ настоящее время находится директрисою одного изъ Московскихъ частныхъ учебныхъ женскихъ заведеній. Яблочковы, какъ сосѣди по Ряжскому уѣзду съ с. Алешнею, бывали у княгини Маріи Петровны Волконской, умѣвшей ихъ отличать, что̀ достаточно уже говоритъ въ ихъ пользу.

Кстати о Ряжскѣ. Тамъ былъ въ то время городничимъ раненый воинъ по фамиліи Уланъ-Полянскій, ходившій съ костылемъ въ родѣ тро-

*) Тѣло Н. М. Княжевича было привезено въ Рязань и похоронено въ тамошнемъ Казанскомъ женскомъ монастырѣ, для чего прибыли изъ Петербурга его братья, Александръ и Владиславъ Максимовичи; первый изъ нихъ былъ впослѣдствіи министромъ финансовъ. Всѣ трое Княжевичи были высокаго роста и очень видные мужчины.

сти. Ему причудилось, что не подобаетъ присвоять себѣ эту подпору безъ высочайшаго на то разрѣшенія, вслѣдствіе чего онъ подалъ прошеніе губернатору объ исходатайствованіи ему этой, будто бы, привилегіи, на подобіе того, какъ требуется (или требовалось) дозволеніе фронтовымъ офицерамъ носить очки. Петръ Петровичъ поспѣшилъ, конечно, удовлетворить его просьбу, и вотъ состоялся неслыханный дотолѣ высочайшій приказъ о соизволеніи Ряжскому городничему носить костыль, или правильнѣе, ходить съ тростью въ официальныхъ даже случаяхъ, что̀ и внесено было (кажется) въ его формулярный списокъ въ видѣ полученной имъ награды. Физическую и нравственную противуположность мужу, представляла бойкая и гренадеръ-баба его супружница. Когда Петръ Петровичъ пріѣзжалъ на ревизію въ Ряжскъ, городничиха встрѣчала его у крыльца своего дома (или городническаго правленія) съ бокаломъ Шампанскаго въ рукѣ и заставляла губернатора чокнуться съ нею: пріемъ тяжело отзывавшійся на бѣдномъ Петрѣ Петровичѣ, который не могъ безвредно для слабой головы осушить даже одинъ бокалъ, а тутъ приходилось ему потѣшать назойливую городничиху не въ обыкновенный даже часъ, а на тощакъ, такъ какъ ревизія начиналась утромъ.

Пока я проживалъ у Дивова въ Городищѣ, я могъ свободно отлучаться въ Знаменское и оставаться въ моемъ семействѣ по нѣскольку мѣсяцевъ; но на службѣ продолжительныя или частыя отлучки были невозможны, а жить въ разлукѣ съ семействомъ немыслимо, и потому рѣшено было, что мое семейство, съ тещею включительно, переѣдетъ на жительство въ Рязань. Дивовскій домъ отданъ въ полное мое распоряженіе. Онъ не совсѣмъ былъ удобенъ для насъ по расположенію комнатъ, и я принялся кое-что измѣнять и добавлять; да и мебели надо было прикупить. Мать моя, узнавъ о переѣздѣ моего семейства въ Рязань, выслала мнѣ около 300 рублей сер. на устройство нашей квартиры.

Въ началѣ Декабря (какъ помнится мнѣ) прибыло мое семейство. Хотя не прошло болѣе семи мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ мою Анночку въ Знаменскомъ, но въ этотъ промежутокъ она выросла, не казалась уже дѣвочкою и значительно похорошѣла и пополнѣла. Ей шелъ 17-ый годъ, и по отзыву постороннихъ лицъ она была «une blonde et belle enfant». Впрочемъ, роскошные ея волосы были не свѣтлаго, а темно-русаго оттѣнка, «chatain». Меня изумило въ ней то, что, со времени послѣдней нашей разлуки, она сдѣлала большіе успѣхи въ Англійскомъ языкѣ (первоначальныя правила коего я преподавалъ ей отрывочно въ непродолжительные мои пріѣзды въ Знамен-

ское) и что она привезла мнѣ свой переводъ одного стихотворенія Байрона на Русскій (или Французскій) языкъ, сдѣланный ею безъ всякаго посторонняго пособія. Нѣмецкій же (мнѣ совершенно незнакомый) она уже давно настолько себѣ усвоила, что читала съ наслажденіемъ Шиллера и Гете. Правда, что читать и писать на этомъ нарѣчіи ее обучала Юлія Ивановна Тридонъ; но Анночка моя не могла заимствовать отъ нея ничего далѣе элементарной подготовки, такъ какъ ея гувернантка не имѣла никакого понятія о Нѣмецкой литературѣ; да и Юлія Ивановна находилась при нашей дочери всего три года съ небольшимъ. Тутъ же она передала мнѣ цѣлую кипу ландшафтныхъ ея этюдовъ, доказывавшихъ подобные какъ и въ лингвистикѣ ея успѣхи. Вообще она никогда не оставалась безъ какого нибудь занятія, а что до чтенія и особенно историческаго, въ коемъ была довольно сильна, оно обратилось у нея въ страсть съ дѣтскаго возраста; надо было силою ее отрывать отъ усидчивыхъ занятій, чтобы заставить ее, моціона ради, пройтись по саду и въ примыкающій къ нему лѣсъ. Угадать, конечно, невозможно, былъ ли бы жребій ея изъ счастливыхъ въ жизни (чему могло быть помѣхою излишнее сочувствіе ко всякой страждущей твари и ея впечатлительность), но вѣрно то, что изъ нея вышла бы замѣчательная женщина. А вѣдь, въ сущности, она была самоучно-начитана и образована!.... Какъ къ рисованію, также пристрастилась она и къ пѣнію. Въ дѣтствѣ у нея былъ не обширный, но вѣрный голосокъ; когда же стала она развиваться въ женскій возрастъ, и голосъ у нея началъ спадать, я воевалъ, чтобы она воздерживалась отъ пѣнія, пока не сформировался настоящій ея голосъ, тембръ коего предвѣщалъ быть меццо-сопрано съ контральтовыми нотами, и вотъ почему я отказывался давать ей уроки въ пѣніи, что огорчало ее. Въ Знаменскомъ она перерыла весь мой оперный Флорентинскій архивъ и почти что самоучкою выучилась себѣ акомпанировать на фортепіано. Первоначальныя правила игры на этомъ инструментѣ ей преподавалъ нашъ О. А. Тридонъ, страстно любившій ее. Но важнѣе этихъ несущественныхъ отличительностей было, что въ ней преобладали религіозное направленіе и зрѣлый не по лѣтамъ умъ. Касательно перваго она съ десяти или одиннадцатилѣтняго возраста перестала по собственной своей волѣ ѣсть скоромное во весь великій постъ, а въ зимніе оба сочельника она ничего не брала въ ротъ до сумерокъ. Катехизическое ученіе она успѣшно усвоила себѣ подъ руководствомъ Тарускаго священника отца Михаила Февралева, а мать ея внушила ей привычку читать каждое утро вслухъ главу изъ Евангелія, и въ великопостное время ежедневное поученіе изъ извѣстнаго сочиненія Иннокентія на всю Четыредесятницу. А что до прирожденной способности правильно су-

дить о всемъ что̀ она читала, это меня такъ поражало, что я иногда прибѣгалъ къ ея мнѣнію и совѣту.

Понятно теперь, какъ я гордился моимъ дитятей-жемчужиною, когда я ввелъ ее въ первый разъ въ нашъ Рязанскій кружекъ, гдѣ Анна моя, своею скромностію, не лишенной оживленія, свойственнаго шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ, сразу привлекла всѣхъ къ себѣ. Новосильцовы и Вишневскіе были въ восхищеніи отъ нея...

Жена, дочь и я часто выѣзжали по вечерамъ, особенно въ театръ. Послѣднее, какъ новость, доставляло особенное удовольствіе нашей Анночкѣ, выросшей въ деревенской глуши. Митя, коему было тогда шесть лѣтъ, оставался подъ присмотромъ своей бабушки, рѣдко выѣзжавшей изъ дому.

Часто гостилъ у своего тестя Новосильцова князь Николай Сергѣевичъ Вяземскій, пріѣзжавшій на короткое время по своимъ дѣламъ въ Россіи изъ Неаполя, гдѣ поселилась его жена по причинѣ здоровья *). Князь Вяземскій былъ внимательный и хорошій мужъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ выходило кое-когда у него на поверхность театральство, сильно когда-то развитое въ лейбъ-гусарскомъ полку, въ коемъ служилъ князь и въ главѣ коего стоялъ кн. Дмитрій Алексѣевичъ Щербатовъ. Вслѣдствіе-ли старой этой привычки, или отъ скуки монотонной жизни губернскаго города, онъ началъ возиться съ актрисами Рязанскаго Нѣмцовскаго театра, далеко собою непривлекательными; вмѣшивался въ ихъ закулисныя исторіи, давалъ имъ совѣты, угощалъ ихъ чаепитіемъ въ своемъ флигелѣ (бывшемъ при домѣ И. А. Колемина, занимаемомъ Новосильцовыми) и сдѣлался авторитетнымъ между ними лицомъ. Въ этой вознѣ ничего безнравственнаго, ни предосудительнаго, а еще менѣе скандальнаго не было, и князь Вяземскій не отличалъ ни одну изъ нихъ, какъ и слѣдовало степенному патрону Мельпоменовыхъ жрицъ; но смѣшно было смотрѣть со стороны на подобное пропровожденіе времени. На жаргонѣ театраловъ эти феи-новички прозывались «Миланчиками»; таковыми окрестилъ ихъ князь Николай Сергѣевичъ,

*) Не могу удержаться, чтобы не сообщить курьезный разсказъ князя Николая Сергѣевича о гигіенической изобрѣтательности, свойственной однимъ, какъ мнѣ сдается, Итальянцамъ. Мужъ и жена Вяземскіе провели одинъ лѣтній вечеръ на дачѣ у какой-то Неаполитанской титулованной дамы, а такъ какъ въ то время въ Неаполѣ свирѣпствовала холера, хозяйка придумала угощать своихъ гостей вмѣсто прохладительныхъ напитковъ стаканами согрѣтой воды съ распущенными въ ней сахаромъ и гумми-арабикомъ, дѣйствіе чего, по ея понятію, должно было *склеивать кишки* (coller les boyaux) и тѣмъ предупреждать поносъ или рвоту.

хотя ни одна изъ нихъ, какъ бы на зло, не отличалась красотою. Петръ Петровичъ хорошо понималъ всю безвинность этой возни своего зятя, и она даже, помнится мнѣ, забавляла его.

Въ число часто бывавшихъ въ Рязани лицъ я забылъ включить нѣкоего г. Гёнике, обрусѣлаго Нѣмца (кончившаго курсъ въ Московскомъ университетѣ между 1812 и 1820 годами), богатаго капиталиста. Ему принадлежала въ Спасскомъ уѣздѣ зеркальная фабрика, славившаяся въ Москвѣ *). Онъ былъ, какъ видно, хорошій вообще человѣкъ, потому что нескупо снабжалъ деньгами своихъ соотечественниковъ, молодыхъ провизоровъ, желавшихъ открыть аптеки по Великороссійскимъ губернскимъ и уѣзднымъ городамъ, каковыхъ оказалось немало. Какъ образованный и денежный человѣкъ, онъ былъ вхожъ у многихъ, въ томъ числѣ и у Новосильцовыхъ. Пожилой, но несовсѣмъ еще старый этотъ холостякъ останавливался постоянно у Рязанскаго аптекаря Зейца, имѣвшаго свой собственный домъ на Астраханской улицѣ, и въ послѣднюю бытность свою въ Рязани (умеръ въ 1854 году), онъ, уѣзжая куда-то ненадолго, просилъ г. Зейца взять на сохраненіе 12 тысячъ рублей ему тогда ненужныхъ, но съ которыми онъ не желалъ пускаться въ дорогу. Когда же вскорѣ послѣ сего онъ внезапно умеръ, г. Зейцъ, справившись, кто и гдѣ были наслѣдники г. Гёнике, извѣстилъ ихъ о находившейся у него суммѣ, каковую онъ считалъ долгомъ передать кому слѣдовало. Никакого на эти деньги документа у наслѣдниковъ не было, и г. Зейцу легко было ихъ присвоить; и хотя его поступокъ дѣлаетъ ему честь, но прискорбно то, что нравственный общественный уровень настолько, повидимому, былъ низокъ, что отрицательная даже добродѣтель (неприсвоиваніе чужой собственности) ставилась въ подвигъ!

Нельзя также обойти молчаніемъ восмидесятилѣтняго врача, какъ обозначали года г-на Гернета коротко знавшіе его люди, феноменально сохранившагося въ физическомъ и моральномъ отношеніяхъ. Онъ давнымъ давно былъ въ отставкѣ съ пенсіею и бросилъ всю практику кромѣ въ гимназіи, гдѣ его держали годовымъ врачемъ, но не отказывался бывать на консиліумахъ. Особенно любилъ онъ садоводство или правильнѣе, фруктоводство, и выдержка воздушныхъ фруктовыхъ его деревьевъ была, какъ сказывали мнѣ, образцовою. Но особенно замѣчательное, да и наврядъ ли слыханное, было въ немъ то, что въ 1855 году, когда я познакомился съ нимъ, онъ не иначе помнилъ Москву какъ чѣмъ она была въ тотъ годъ, когда онъ былъ въ ней въ

*) По смерти г. Гёнике, зеркальная фабрика перешла къ г. Смольянинову.

послѣдній разъ; а это было въ 1811 году! И, замѣтьте, въ этотъ промежутокъ времени онъ разъ съѣздилъ только на свою родину, въ Курляндію. Когда именно онъ померъ, и видѣлъ-ли онъ наконецъ, послѣ окончательнаго моего выѣзда изъ Рязани въ 1856 году, возобновленную изъ пепелища Москву, не знаю.

Въ концѣ Декабря, г-жа Колчина и я повторили въ домѣ Новосильцовыхъ нашъ дуэтъ на сценѣ изъ оперы «Любовный Напитокъ»; но по какому случаю было это повтореніе, не помню. Какъ въ первый, такъ и во второй разъ, талантливая моя подруга была восхитительна въ кокетной роли Адины, и пѣніе ея было артистическое. Это было также и финаломъ моихъ дилетантскихъ подвиговъ, какъ опернаго и концертнаго пѣвца. Занятому службою по слѣдственной части исключительно, вплоть до 1862 года мнѣ не предстояло болѣе случаевъ пѣвать; да и голосъ мой въ эти послѣднія восемь лѣтъ постепенно спадалъ, оставивъ въ мое распоряженіе однѣ лишь низкія кое-какія октавныя ноты (въ родѣ протодіаконскихъ), съ коими я однакоже управляюсь по сей день на клиросѣ, по дьячковски.

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА.

1854-й годъ *).

Новый 1854 годъ, этотъ самый, коему предназначалось сдѣлаться самою жестокою эрою моей жизни, мы встрѣтили многолюднымъ баломъ у Новосильцовыхъ. Этотъ же балъ былъ первымъ для дорогой моей Анетины, но и послѣднимъ. Она была одѣта въ простенькомъ бѣломъ кисейномъ, но не безъ вкуса отдѣланномъ платьицѣ (жена моя великая мастерица въ туалетномъ дѣлѣ), танцовала отъ души и произвела всеобщее впечатлѣніе непринужденностью, граціей и скромными, но въ тоже время оживленными манерами. Да и тридцатисемилѣтняя моя жена была еще очень авантажна и казалась старшею сестрой своей дочери. Я былъ внѣ себя отъ гордости, глядя на мою Анну. Но кто бы повѣрилъ? Хотѣлось мнѣ при этомъ случаѣ пококетничать самому въ роли нестараго еще отца таковой красотки, и вотъ я принялся ухаживать и любезничать съ молодою Маркеловой, съ коею хотя я и встрѣчался у Хвощинскихъ, но думаю, что и этой дѣвушкѣ должно было казаться довольно страннымъ мое неотступничество отъ нея, даже за ужиномъ, для чего я подсѣлъ къ ней въ концѣ стола, гдѣ размѣстилась одна молодежь, тогда какъ мнѣ слѣдовало сѣсть въ болѣе степенной компаніи или даже ближе къ губернаторшѣ, такъ какъ я былъ одинъ изъ интимнаго ея кружка. Помню, что находившійся тутъ на балѣ и за ужиномъ Тамбовскій мой знакомый г. Полетика замѣтилъ мое волокитство и лукаво подмигнулъ мнѣ на мою сосѣдку, чѣмъ я крайне былъ прельщенъ. Я и теперь затрудняюсь психологически пояснить цѣль подобной моей фантазіи. Понятно, что я былъ совершенно равнодушенъ къ этой дѣвушкѣ, и ухаживаніе мое за нею было одно притворство. Но мало того: чѣмъ бы проводить дорогихъ моихъ двухъ женщинъ домой, расцѣловать дочь послѣ ея дебюта въ свѣтъ и поблагодарить Бога на сонъ грядущій, что Онъ удостоилъ меня встрѣтить новый годъ съ обѣими, я прямо изъ бала отпра-

*) См. выше, стр. 5-я.

вился къ князю Н. С. Вяземскому, который угощалъ тогда ужиномъ съ Шампанскимъ своихъ игрушекъ «миланчиковъ» съ ихъ антрепренеромъ Нѣмцовымъ, и я не пропустилъ случая порядочно кутнуть. Да! Я недостоинъ былъ имѣть своею дочерью столь чистое, столь неземное существо, каковымъ была моя Анетина!..... «Блажени яже избралъ и пріялъ еси, Господи! Души ихъ во благихъ водворятся.»

Въ Январѣ 1854 года пришлось мнѣ въ первый разъ ѣхать въ уѣздъ по дѣлу обвиненія Сапожковскаго исправника Б. въ противузаконныхъ дѣйствіяхъ по службѣ. Мало надѣясь на свое умѣніе по слѣдственной, новой еще для меня, части, я прибѣгнулъ къ хитрости, состоявшей въ томъ, что я выпросилъ себѣ, якобы для письмоводства, квартальнаго надзирателя по фамиліи Чичкова, по въ сущности, чтобы позаимствоваться отъ него слѣдственною процедурой. Дѣлать это надо было мнѣ половчѣе, не давая ему понятія о моемъ невѣдѣніи. Произведенное мною слѣдствіе обнаружило, дѣйствительно, кое-какіе грѣшки этаго субъекта, не очень, впрочемъ, вопіющіе и общіе тогдашней его братіи; но я подвергся слѣдующему никакъ неожиданному оскорбленію. Въ одинъ изъ сеансовъ, когда обвиняемый Б. писалъ при мнѣ отвѣты на вопросные пункты, изложенные въ заготовленной для этого тетради, онъ заявилъ мнѣ о желаніи передать мнѣ кое-что наединѣ, такъ какъ при допросѣ его находились уѣздный стряпчій (мною приглашенный къ слѣдствію для большей оффиціальности), мой псевдописьмоводитель-полиціантъ и сословный депутатъ изъ ратуши; послѣдній находился тутъ по той причинѣ, что хотя дѣло возникло по доносу одного Сапожковскаго мѣщанинина, но и самъ доносчикъ оказался по дѣлу неправымъ, и потому требовалось закономъ въ подобныхъ случаяхъ, чтобы при слѣдствіи находился депутатъ отъ мѣщанскаго сословія для огражденія обвиняемаго отъ пристрастныхъ дѣйствій слѣдователя. Когда же я вышелъ съ исправникомъ въ сосѣднюю комнату (она была моею спальней и кабинетомъ), онъ подалъ мнѣ запечатанный конвертъ, который я принялъ за дополнительное его свѣдѣніе, но по распечатаніи конверта я оробѣлъ, усмотрѣвъ въ немъ вмѣсто свѣдѣнія препорядочную пачку кредитныхъ билетовъ. Я не столько разсердился, сколько сконфузился и чтобы не наговорить этому господину какихъ-нибудь колкостей, вертѣвшихся у меня на языкѣ, я сунулъ ему обратно въ руку этотъ проклятый пакетъ и вышелъ въ залъ, гдѣ была моя канцелярія, попросивъ и его послѣдовать за мною. Но я оплошалъ тѣмъ, что вышелъ первымъ изъ моего кабинета, и вотъ почему. Что г.г. слѣдователи подкупались, было не безызвѣстно мнѣ; но я, графъ Бутурлинъ, никакъ не ожидалъ быть причисленнымъ къ ихъ разряду, и по-

тому, болѣе растерялся чѣмъ что другое и, дабы скрыть мой конфузъ, я поспѣшилъ выйти въ залъ и тамъ попросилъ исправника Б. пояснить болѣе подробно его отвѣты на мои вопросы по указанію на нихъ моимъ письмоводителемъ; а самъ я ушелъ обратно въ свой кабинетъ, чтобы успокоиться, да и кстати чтобы окончить начатое письмо къ моей матери во Флоренцію. Когда же, докончивъ страницу письма, я перевернулъ листъ на бѣловую его сторону, то увидалъ, что между этимъ листомъ и открытымъ бюваромъ, лежитъ та самая кипа кредитныхъ билетовъ, но уже безъ обертки. Это значило, что господинъ Б. принялъ мой конфузъ за колебаніе или за застѣнчивость и воспользовался минутою, когда онъ оставался одинъ въ моемъ кабинетѣ, чтобы состряпать эту ловкую, по его (вѣроятно) понятіямъ, штуку. Хорошо еще, что дѣло обнаружилось до его выхода изъ моей канцеляріи; а не будь той случайности, что я перевернулъ почтовый листъ, деньги остались бы у меня безъ моего вѣдома до слѣдующаго дня, и исправникъ могъ бы, пожалуй, думать, что штука его удалась. На этотъ разъ я уже не вытерпѣлъ и, выскочивъ въ канцелярію, бросилъ прямо въ него ненавистную пачку, и она скользя по его мундиру, упала на полъ, при чемъ я, съ усиленною и несвойственною пылкому моему характеру сдержанностью, сдѣлалъ ему слѣдующую нотацію. «Милостивый государь (имя рекъ), какое вы нанесли мнѣ оскорбленіе, вамъ, конечно, недоступно это понять. Какъ христіанинъ, я вамъ прощаю; но какъ должностное лицо, я васъ предупреждаю, что о вашемъ поступкѣ доведу до свѣдѣнія общаго нашего начальника, губернатора». Ассистенты мои вытаращили глаза, а г. исправникъ добрался до дверей, какъ шальной. Немудрено, что съ нимъ сдѣлалось что-то въ родѣ какъ будто бы онъ принялъ двойной пріемъ касторовaго масла, и въ испугѣ онъ поскакалъ къ уѣздному предводителю, Александру Васильевичу Колебакину (женатому съ 1852 года на воспитанницѣ Новосильцовыхъ Маріи Петровнѣ), жившему въ своемъ имѣніи селѣ Песочномъ, въ 20 верстахъ отъ Сапожка, и, разсказавъ ему, какъ онъ попалъ впросакъ, просилъ выручить его изъ бѣды. Г. Колебакинъ *), не церемонившійся вообще съ кѣмъ бы то ни было (славный онъ малый: что̀ на умѣ, то на языкѣ), не прибѣгнулъ къ обинякамъ и махнулъ охранителю благочинія и спокойствія своего уѣзда: «Надо быть такимъ осломъ, какъ вы, чтобы предложить деньги графу Бутурлину. Хоть бы вы предварительно спросили у меня, что̀ это за человѣкъ? Конечно, онъ все разскажетъ губернатору».

*) Онъ нынѣ президентъ Московскихъ рысистыхъ бѣговъ. Марья Петровна умерла въ 1871 (кажется) году, и Александръ Васильевичъ вторично женился.

Чтобы покончить съ этою исторіей, добавлю, что когда, возвратившись въ Рязань, я съ негодованіемъ, но неофиціально, передалъ Петру Петровичу, какимъ афронтамъ подвергаются его чиновники, онъ, къ изумленію моему, расхохотался. «Vous pouvez vous attendre, mon cher, сказалъ онъ, à recevoir souvent de tels affronts. Demandez un peu à Bernard, si pareille chose ne lui arrive pas aussi, quand je le prends avec moi dans mes tournées de revision [1]). Ссылка на Евгенія Михаиловича Бернарда, конечно, не могла меня удовлетворить; но Петръ Петровичъ принадлежалъ къ школѣ того Греческаго философа, котораго не раздражали никакія человѣческія слабости, а возбуждали въ немъ только смѣхъ.

По произведенному мною слѣдствію, исправникъ Б. былъ преданъ суду и отрѣшенъ отъ мѣста; но въ числѣ обвиненій, вызвавшихъ это рѣшеніе, не упомянуто было о его посягательствѣ подкупить меня, такъ какъ я не далъ офиціально огласки этому эпизоду.

Въ концѣ Февраля двоюродная моя сестра Надежда Александровна убѣдительно просила меня письмомъ прибыть къ ней въ Тамбовъ по случаю рожденія перваго ея ребенка Маріанны [2]), въ чемъ Петръ Петровичъ отказалъ мнѣ безъ всякой видимой причины, но, конечно, не ради служебной пользы, такъ какъ онъ вообще мало интересовался ходомъ моихъ занятій. Подобныя необъяснимыя выходки были у него въ характерѣ, да и рѣдкіе примѣры пробудившейся въ немъ служебной взыскательности не шли какъ-то ему къ лицу и были напускнымъ дѣломъ.

Въ день, когда моей Аннѣ совершилось 17 лѣтъ (28 Февраля), по странной случайности, всѣ полученные ею подарки были розоваго цвѣта. Я ей далъ 10-рублевый кредитный билетъ (розоваго тогда оттиска), мать подарила ей розовую шляпку, Новосильцовы принесли ей опаковый темно-розовый стаканъ, и былъ еще, помнится мнѣ, какой-то другой сдѣланный ей подарокъ того же цвѣта.

Въ одно солнечное Мартовское утро, на второй или третьей недѣлѣ Великаго поста, я пошелъ съ моею Анночкою гулять. Она была совершенно здорова и весела. Прошлись мы по всей Астраханской и Почтовой улицамъ до Новаго базара, повернули на Соборную и воз-

---

[1]) Вы будете, мой милѣйшій, часто подвергаться подобнымъ афронтамъ. Спросите-ка у Бернарда, не тоже самое бываетъ и съ нимъ, когда онъ сопровождаетъ меня на ревизіяхъ.

[2]) Нынѣ моя невѣстка, графиня Маріанна Васильевна Бутурлина.

вратились домой началомъ Семинарской улицы мимо Варварина гостиницы. Могъ-ли кто-нибудь предсказать, что менѣе чѣмъ черезъ недѣлю Анну мою вынесутъ изъ этого дома въ гробу!

На слѣдующій день (или быть можетъ черезъ день) въ Понедѣльникъ, я ѣздилъ съ Меропою Александровною въ подгородное имѣніе Масловыхъ, гдѣ были замѣчательныя оранжереи камеліи въ полномъ тогда расцвѣтѣ. Подобное цвѣтеніе я въ Россіи видѣлъ только однажды въ заведеніи графа Нессельроде на Аптекарскомъ острову (въ Петербургѣ), и вотъ я перенесся моментально въ Флорентинскій нашъ садъ этихъ растеній, па который выходили окна комнаты, гдѣ родилась наша Анночка. Позднѣе, вспомнивъ объ этомъ сближеніи, я принялъ его какъ нѣчто въ родѣ непонятаго въ свое время предзнаменованія судьбы моей дочери.

Пріѣзжаю домой, и мой человѣкъ говоритъ мнѣ, что Анна Михайловна не совсѣмъ здорова и лежитъ съ утра на диванѣ въ гостиной. Я поспѣшилъ туда, но ничего особеннаго въ ней не нашелъ, кромѣ нѣкоторой всеобщей слабости. На повѣрку оказалось, что, гуляя со мною, она промочила ноги (улицы были грязны) въ такое время, когда надо было особенно беречься этого, такъ какъ у ней были женскія періодическія отправленія. На слѣдующій день (это было во Вторникъ) она слегла въ постель. Мы тотчасъ послали за годовымъ нашимъ врачемъ Петромъ Ѳедоровичемъ Малининымъ, который нашелъ, что она дѣйствительно простудилась, и онъ что-то прописалъ ей. Въ Середу, въ день Благовѣщенія, я въ страшномъ безпокойствѣ простоялъ обѣдню въ Зимнемъ соборѣ и когда послѣ службы я устремился къ иконѣ Божіей Матери, ко мнѣ подошли обѣ молодыя Вишневскія съ распросами о состояніи моей дочери. Я отвѣчалъ, чтъ г. Малининъ (который былъ также домовый врачъ Вишневскихъ) не видитъ ничего опаснаго въ ея положеніи, но что его увѣренія не успокоиваютъ меня и что я голову теряю, какъ онѣ сами могли видѣть. Въ этотъ день (въ Середу), ей стало гораздо хуже, у нея сдѣлалось внутреннее воспаленіе (это мы узнали уже впослѣдствіи), которое врачъ думалъ преодолѣть каломелью. Вечеромъ онъ повторилъ пріемъ того же медикамента, и въ этотъ же день (если не ошибаюсь) онъ приказалъ поставить ей восемнадцать или двадцать піявокъ. Въ Четвергъ утромъ, видя, что болѣзнь не уступаетъ, г. Малининъ усилилъ дозы каломеля и однакоже приказалъ посадить больную въ ванну. Когда ее вынули оттуда, она болѣе еще ослабла. Хотя я не подозрѣвалъ всей опасности ея состоянія, но страшная тревога овладѣла мною: я ушелъ къ

себѣ въ кабинетъ, бросился на диванъ и зарыдалъ. Ко мнѣ взошла сердобольная Софья Егоровна Путята и старалась успокоить меня, говоря, что рыданія мои можетъ услыхать больная и этимъ испугаться, что еслибы была какая-нибудь опасность, то г. Малининъ настолько добросовѣстенъ, что призвалъ бы консиліумъ; и такъ какъ въ эту минуту онъ взошелъ ко мнѣ, чтобы прописать новый рецептъ, Софья Егоровна сказала ему: «Не правда ли, Петръ Ѳедоровичъ, что для успокоенія графа, вы не будете имѣть ничего противъ созванія консиліума?» «Сдѣлайте милость», отвѣчалъ онъ, и тутъ же присѣвъ, написалъ приглашенія къ шести часамъ вечера того же дня двумъ изъ первыхъ Рязанскихъ врачей, г. Попову и Ивану Христіановичу Шенроку. Жена моя и теща провели день съ возраставшимъ безпокойствомъ, а что до меня, я не въ силахъ былъ оставаться подолгу у кровати моей Анны; но теща не отходила почти отъ нея. Въ продолженіи дня больная то впадала въ бредъ, то возвращалась къ сознанію. Вдругъ говоритъ она моей тещѣ (меня тутъ не было:)—«Знаете что бабушка? Я болѣе не хочу никогда бывать въ театрѣ» (она пристрастилась, какъ я уже сказалъ, къ этой для нея новости).—«Зачѣмъ же, мой другъ», спросила Елисавета Ивановна; «тутъ дурнаго ничего нѣтъ.»—«Да вѣдь вы, бабушка, сами не бываете же въ театрѣ?»—«Это совсѣмъ другое: я старуха, а тебѣ семнадцать лѣтъ.» Искренній нашъ другъ, Варвара Николаевна Ляпунова, не отходила отъ насъ во весь почти день, и по ея указанію на чудотворную икону Казанской Божіей Матери, находящуюся въ Рязанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, я съ нею отправился туда. Мы привезли съ собою икону, и у насъ отслужили молебенъ монастырскіе священникъ съ діакономъ. Въ шесть часовъ пришли всѣ три доктора, и начался консиліумъ, длившійся два часа, въ продолженіи коего всѣ три врача то и дѣло что входили по одиночкѣ къ больной. Совѣщаніе происходило въ залѣ, въ полголоса и по латыни, и потому я ничего не разслыхалъ и не понялъ изъ того что врачи говорили. Выходя отъ насъ въ 9-мъ часу, И. Х. Шенрокъ сказалъ мнѣ только, что его собратъ Малининъ лѣчилъ больную правильно, но г. Поповъ ничего мнѣ не сказалъ. П. Ѳ. Малининъ остался у насъ. Поставили четырнадцать или пятнадцать піявокъ къ животу, послѣ чего докторъ ушелъ. Средство это было или недостаточно сильнымъ или уже слишкомъ опоздало, а усиленные пріемы каломеля выходили у больной рвотою. Жена, видя мое разстройство и что я почти что весь день плакалъ, уговаривала меня воздерживаться и что если наша дочь увидѣтъ меня такимъ, то это ее встревожитъ и ей можетъ сдѣлаться отъ этого хуже, и потому, когда я входилъ къ ней, я оставался за перегородкою. Вдругъ она спрашиваетъ у меня по-француз-

ски что̀ значитъ Итальянское слово «seccatori», тогда какъ она почти что забыла говорить по-итальянски. Предполагая, что ея вопросъ относится къ чему-нибудь что̀ мерещилось ей въ бреду, я однакоже отвѣчалъ: «Это значитъ надоѣдающіе люди. Не примѣняешь ли ты, мой другъ, этого слова къ докторамъ, которые одинъ за другимъ входили къ тебѣ?»—«Ну да», сказала она:—«Я желаю одного Петра Ѳедоровича». Нравственно и физически утомленный, я ушелъ къ себѣ и кинулся на постель...

Здѣсь нужно сказать, что по предварительной просьбѣ Меропы Александровны, гг. Поповъ и Шенрокъ по выходѣ отъ насъ отправились прямо къ ней и сообщили ей, что не знаютъ, зачѣмъ нашъ домашній врачъ Малининъ созвалъ ихъ на консиліумъ, тогда какъ у молодой графини уже внутренній Антоновъ огонь и ей *остается жить только нѣсколько часовъ*. Мужъ и жена Новосильцовы такъ и ахнули при мысли, что родители ничего не подозрѣваютъ объ угрожавшемъ имъ ударѣ.

Итакъ, я лежалъ у себя въ полузабытьи, какъ внезапно слышу крикъ изъ гостиной и затѣмъ стопы моей жены. Вбѣгаю туда и вижу жену въ полуобморокѣ на рукахъ г. Малинина. «Michel», едва могла она проговорить, «Петръ Ѳедоровичъ сказалъ, что нѣтъ никакой болѣе надежды!» Я остолбѣнѣлъ и взглянулъ на врача. «Ну... да...» подтвердилъ онъ слабымъ голосомъ и самъ, помнится мнѣ, прослезившись. «Крѣпитесь... вы христіяне и покоритесь Божіей волѣ.»—«А можетъ быть еще не поздно?» воскликнулъ я. «Не созвать ли опять докторовъ?»—«Пожалуй,» слабо процѣдилъ сквозь зубы разстерянный медикъ. Я побѣжалъ съ раскрытою головою къ г. Попову, жившему не подалеку отъ насъ, но не засталъ его, и когда я возвратился домой, Аленушка (няня) встрѣтила меня въ коридорѣ роковымъ извѣстіемъ, что «все кончено, она отошла отъ насъ!»...

Это было въ 10 часовъ вечера, 26 Марта 1854 года, въ день Собора Архангела Гавріила...

Въ промежутокъ времени, что̀ я лежалъ въ забытьѣ у себя и бѣгалъ отыскивать доктора Попова, случилось слѣдующее.

П. Ѳ. Малининъ, ушедъ отъ насъ послѣ ставки піявокъ, возвратился, безъ посылки за нимъ; въ половинѣ десятаго или около того. Онъ прошелъ прямо къ Анночкѣ и, убѣдясь (вѣроятно), что нѣтъ никакой надежды спасти ее, вышелъ съ моею женою въ гостиную, гдѣ и произошла вышеописанная сцена. А между тѣмъ какъ я побѣжалъ

за г. Поповымъ, теща моя и няня оставались вдвоемъ при Анночкѣ, съ которой вдругъ сдѣлалось какъ бы дурно. Теща моя, приподнявъ съ усиліемъ ея головку и подозвавъ поближе Аленушку, приказала ей скорѣе принесть спирту, полагая, что съ ея внучкою сдѣлался обморокъ. Няня подошла и, пристально посмотрѣвъ на семнадцатилѣтній предметъ ея попеченій, сказала. «Елисавета Ивановна, неужели вы не видите, что она отошла!»

Ни одна изъ этихъ трехъ женщинъ не ожидала подобной развязки; но сердце мое какъ бы чуяло еще наканунѣ, что настаетъ часъ вѣчной моей разлуки съ неземнымъ этимъ существомъ..... Отчетливо не припомню, что̀ со мною происходило въ первыя минуты послѣ сказанныхъ мнѣ словъ нянею въ коридорѣ; но когда, нагнувшись надъ неподвижною моею Анною, я приподнялъ и крѣпко сжалъ ее въ мои объятія (она была вся какъ бы въ огнѣ), умъ отказывался вѣрить въ дѣйствительности ея вѣчнаго сна. Тутъ же я увидалъ стоявшую у подножья кровати, безмолвную и скрестившую руки Меропу Александровну. Я бросилъ вопрошающій взоръ на нее, всегда ко мнѣ дружелюбную, не выпуская изъ моихъ объятій моей Анны, и она, угадывая мою мысль, протяжно сказала: «Да, мой другъ, она скончалась; тутъ никакого сомнѣнія быть не можетъ, и вамъ надо въ томъ убѣдиться».

Поздно ночью, сынъ мой, Митя, давно заснувшій, вдругъ выскочилъ изъ своей кроватки и, въ одной рубашкѣ выбѣжавъ въ коридоръ, началъ кричать всхлипывая: «Сестра умерла, сестра умерла». Этотъ плачъ шестилѣтняго ребенка, не понимавшаго еще значенія смерти, былъ потрясающій, въ своемъ родѣ, эпизодъ.....

Первую ночь Анна осталась на своей постели, а на слѣдующее утро, въ Пятницу, ее положили на столъ. Новосильцовы и Вишневскіе прислали много цвѣтовъ, коими мы обложили ея головку.....

Жена и теща съ Митею переѣхали въ этотъ день на квартиру Николая Адріяновича, и я остался одинъ въ домѣ *). Панихиды служилъ два раза въ день священникъ приходской нашей церкви, Симеона Столпника, о. Стефанъ Родоскій, а для чтенія псалтыри призвана была монахиня чтица изъ Казанскаго монастыря, въ коемъ, по совѣту Петра Петровича, рѣшено было похоронить нашу дочь.

*) Передавъ въ мое распоряженіе свой домъ, Дивовъ напялъ небольшую для своихъ пріѣздовъ въ Рязани квартиру, почти что у самой Астраханской заставы.

Узнавъ о постигшемъ насъ несчастіи, шуринъ мой Алексѣй Ивановичъ Нарышкинъ прискакалъ въ Рязань съ старшимъ своимъ сыномъ Сергѣемъ, ровесникомъ нашей покойницѣ*). До дня похоронъ, бывшихъ въ Понедѣльникъ, я проводилъ часть ночей у ея гроба. Сила эта дана была мнѣ свыше; она не свойственною казалась нервной и впечатлительной моей натурѣ.....

На открытомъ фортепіанѣ такъ и оставалася печальная мелодія Шуберта:

«Adieu! Des voix étranges
T'appellent dans les airs,
Charmante soeur des anges;
Leurs bras te sont ouverts.
Parmi le choeur céleste
Vas tu prier un peu
Pour le banni, qui reste,
Et qui te dit: adieu».

Въ предшествующіе ея заболѣванію дни, Анночка какъ-то особенно пристрастилась къ этой элегіи, и не взирая на просьбы ея матери выбрать что нибудь не столь меланхолическое, она принималась за эту мелодію; а года два позднѣе, разбирая однажды въ Знаменскомъ ея вещи и въ томъ числѣ ея альбомъ, куда она вписывала Русскія и Французскія стихотворенія, которыя особенно ей нравились, я былъ пораженъ, наткнувшись на извѣстную мнѣ давно элегію Шатобріана на смерть одной молодой дѣвушки, изъ коей помню два стиха.

«Vous avez terminé vos fraîches matinées,
Jeune fille et jeune fleur».

Въ ней былъ также стихъ, давно сдѣлавшій на меня впечатлѣніе:

«Mais ton père, Célina, sur ta tombe s'incline».

Носился впослѣдствіи слухъ, что, во время проѣзда моей жены съ дочерью черезъ Москву въ Рязань, кто-то изъ близкихъ къ Зинаидѣ Сергѣевнѣ Дивовой сдѣлалъ вопросъ пишущему столу (или тарелкѣ) о житьѣ-бытьѣ моей дочери въ новомъ ея мѣстопребываніи, и что отвѣтъ былъ будто бы: «она умретъ». Но достовѣрныхъ свѣдѣній о томъ я не могъ еще по сю пору добиться.....

..... Въ Воскресеніе, наканунѣ похоронъ, Меропа Александровна, ежедневно меня навѣщавшая, говоритъ мнѣ:—«Бутурлинъ, зав-

*) Онъ только что опредѣлился тогда юнкеромъ въ бывшій мой Павлоградскій гусарскій полкъ.

тра предстоитъ вамъ ужасный день; постарайтесь быть благоразумнымъ». Я ей отвѣчалъ:—«Завтрашній день ничѣмъ не хуже сегодняшняго или вчерашняго. Весь ужасъ удара разразился уже три дня назадъ и ничто сильнѣе не можетъ постичь меня завтра». Такъ и вышло въ дѣйствительности.....

Къ выносу останковъ дорогой моей Анны собралось почти что все Рязанское общество; даже губернскій предводитель П. Н. Бухвостовъ и его жена, съ которыми я не имѣлъ никакого короткаго знакомства, долгомъ сочли лично заявить ихъ соучастіе въ постигнувшемъ насъ несчастіи. Какъ же не помянуть мнѣ всѣхъ ихъ, добрымъ словомъ? Молодежь изъ моихъ сослуживцевъ подняли и, очередуясь, несли гробъ вплоть (какъ помнится мнѣ) до церкви Симеона Столбника что̀ на Старомъ базарѣ..... Петръ Петровичъ не отходилъ отъ меня во все время шествія, а Мерона Александровна поручила домашнему ихъ врачу Шенроку присматривать за мною во время заупокойной литургіи и отпѣванія. Но предосторожность эта была лишняя: я былъ слишкомъ убитъ морально, чтобы впадать въ обморокъ; да и силы даны были мнѣ милосердымъ Промысломъ. Внутренній голосъ нашептывалъ мнѣ увѣреніе, что созданіе, похищенное во всей чистотѣ и не порочности, на сколько то доступно человѣческой бренной натурѣ, сподобится быть принятымъ въ селенія праведныхъ, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе.....

Петръ Петровичъ не допустилъ меня идти одному за гробомъ и самъ шелъ все время рядомъ со мною. Воздухъ былъ сыръ, вездѣ страшная слякость, и по временамъ порхалъ снѣжокъ, а Петръ Петровичъ былъ болѣзненнаго сложенія.....

..... И такъ, Анна моя покоится нынѣ въ Рязанскомъ дивичьемъ монастырѣ, гдѣ и я надѣюсь лечь, если не рядомъ, то не подалеку отъ нея*). Могила ея была у самыхъ южныхъ дверей лѣтней церкви, но съ тѣхъ поръ какъ церковь эту перестроили и расширили, могила Анны взошла въ нее, подъ самый правый клиросъ. . . . . .

Всѣ хлопоты и распоряженія по печальному сему дѣлу добровольно принялъ на себя мой товарищъ Александръ Ивановичъ Протасьевъ, съ родственною вполнѣ готовностію. Мнѣ было не до того, да и денегъ на эти издержки не было у меня: ихъ выдалъ немедленно Петръ Петровичъ, даже не сказавъ мнѣ ничего о таковомъ одолженіи. Когда Николай Адріановичъ возвратился изъ Петербурга весною, онъ уплатилъ этотъ долгъ своими деньгами, также какъ и прочіе расходы,

*) Надежда эта исполнилась. П. Б.

относившіеся къ болѣзни и кончины моей дочери. Много добра сдѣлалъ мнѣ на своемъ вѣку этотъ человѣкъ! Впослѣдствіи я узналъ, что когда княгиня Марія Семеновна Черкаская, проведшая зиму въ Петербургѣ, извѣстила Дивова о Рязанскомъ происшествіи, съ нимъ сдѣлалось дурно.

Черезъ недѣлю, мое семейство перешло обратно въ Дивовскій домъ, а по истеченіи шести недѣль переѣхало въ Городище, куда давно передъ тѣмъ возвратился Николай Адріяновичъ. До переѣзда моего семейства въ Городище пріѣхали изъ Тарусы раздѣлить наше горе и поклониться свѣжей могилѣ Анны Тридонъ и его жена. «Вотъ другъ мой», сказалъ мнѣ Осипъ Августиновичъ, «какъ всѣ наши предположенія обманчины. Разставаясь съ Анетиною въ Тарусѣ, я взялъ было съ нея обѣщаніе, что, въ случаѣ моей кончины, она приметъ подъ свое попеченіе мою Лиленьку»..... Намъ разсказывали позднѣе, что произошло въ Знаменскомъ, когда вѣсть о кончинѣ нашей Анны была получена тамъ. Тамошній прикащикъ Тимофей Егоровъ, узнавъ первоначально о ея болѣзни, распорядился отслужить въ нашей церкви молебенъ о ея здравіи. Служба уже началась, какъ вдругъ онъ вбѣгаетъ въ церковь. «Батюшка», говоритъ онъ священнику Ѳедору Егоровичу Бриліантову, «не о здравіи, и о вѣчномъ покоѣ Анны Михайловны намъ надо молиться: сей часъ получено изъ Рязани извѣстіе, что она скончалась». Бѣдный отецъ Ѳедоръ такъ и обомлѣлъ!.....

Во время болѣзни моей Анны, пронесся было по Рязани слухъ, что ей стало лучше. Дружелюбный ко мнѣ всегда Аркадій Африкановичъ Болдыревъ, выѣхавъ изъ Рязани въ Москву въ Середу, поспѣшилъ, по прибытіи туда, успокоить Зинаиду Сергѣевну на счетъ любимой ею Анночки, и тѣмъ сильнѣе поразило мою кузину полученное два дня спустя извѣстіе о ея кончинѣ... ...

... ... Долго ходилъ, какъ ошеломленный, бѣдный врачъ Малининъ. Жалостно было смотрѣть на него. «Ваше несчастіе», говорилъ онъ мнѣ, «въ тоже время и мое». Хотя онъ былъ ученикъ Ѳедора Ивановича Иноземцова, но на нашу бѣду далъ, какъ говорили его собратья, діогностическій промахъ, не угадавъ въ чемъ заключалась болѣзнь его паціентки, вслѣдствіе чего первоначальные его приступы были слишкомъ слабы. Докторъ Шенрокъ (методъ коего отличался смѣлостію) утверждалъ позднѣе, что если бы во Вторникъ (когда Анночка слегла) поставили ей сорокъ и даже пятьдесятъ піявокъ, вѣроятно, что она осталась бы жива. Недѣли черезъ три послѣ сего событія, теща моя заболѣла тѣмъ же воспаленіемъ, какъ и ея внучка (въ меньшемъ, быть

можетъ, размѣрѣ), и не взирая на ея преклонные года (ей было 67 лѣтъ) и щедушный организмъ, г. Шенрокъ поставилъ ей до тридцати (помнится мнѣ) піявокъ, и она вскорѣ оправилась. Мало того: одновременно почти съ болѣзнію Анночки захворала также воспаленіемъ восьмидесятилѣтняя г-жа Дубовицкая (мать Тульскаго Николая Александровича) проживавшая въ собственномъ домѣ въ Рязанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, и ее поставилъ также на ноги тотъ же г. Шенрокъ, и она прожила еще шесть или семь лѣтъ.....

Въ началѣ или около середины Апрѣля 1854 г., я получилъ письмо отъ моей матери со вложеніемъ въ немъ письма для Анны уже не живой *). Это неважное по себѣ обстоятельство легло новою тяжестію на мою душу...

Когда я былъ въ состояніи писать, я извѣстилъ мою невѣстку, графиню Аврору Осиповну, о постигшей насъ потерѣ, прося ее передать эту грустную вѣсть, какъ она лучше съумѣетъ, нашей матери. Невѣстка моя приняла всѣ возможныя въ подобномъ случаѣ осторожности, но принятое выраженіе *приготовить* одно лишь пустословіе. Развѣ возможно приготовить кого либо къ неожиданному, ошеломляющему его удару?.... Едва графиня Аврора Осиповна сказала нашей матери, что ей пишутъ изъ Россіи, что Анночка опасно заболѣла, какъ мать моя воскликнула: «она умерла»! Ахъ бѣдный мой Михайло!»...

Такъ какъ мое семейство намѣревалось возвратиться на лѣто въ Знаменское, то я просилъ Петра Петровича уволить меня къ нимъ, чувствуя себя неспособнымъ заниматься служебными обязанностями. «Ни на одинъ день не отпущу васъ», отвѣчалъ онъ: «я знаю по опыту, мой любезнѣйшій, что служба есть единственное развлеченіе въ подобныхъ моральныхъ потрясеніяхъ». Этотъ отказъ, кромѣ кажущейся его жестокости, не могъ, по тогдашнему моему разумѣнію, достигнуть предполагаемой Петромъ Петровичемъ; цѣли. Я ошибся. Чрезвычайно тяжело было мнѣ приняться за занятія но чувство долга, что человѣческіе интересы могли бы пострадать отъ моего бездѣйствія, помогло преодолѣть моральную мою атонію, и мало по малу я дошелъ до того, что единственныя минуты, въ которыя я отвлекался отъ моей скорби, были тѣ, когда я углублялся въ мои служебныя занятія. Да и иныя дѣла были довольно важны. Казавшеюся столь суровою мѣрою П. П. Новосильцова вышла спасительная, и я впослѣдствіи понялъ что только она и отвратила отъ меня угрожавшее мнѣ сумасшествіе.....

*) Такъ какъ не было еще тогда желѣзныхъ дорогъ, то письма изъ Флоренціи въ оскву и Потербургъ проходили на семнадцатый только день, и потому извѣстіе о кон- Мчинѣ любимой ея внучки мать моя не могла получить ранѣе половины Апрѣля.

Много также помогло душевному моему успокоенію сближеніе мое съ соборнымъ протоіереемъ Иваномъ Ефимовичемъ Любимовымъ [1]), съ коимъ я познакомился осенью 1853 г., у Хвощинскихъ и къ коему съ перваго раза почувствовалъ такое влеченіе, что избралъ его въ духовные себѣ отцы и пригласилъ священнодѣйствовать при похоронахъ моей Анночки. Съ этого времени началась моя дружба съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, двадцати годами нынѣ скрѣпленная и поддерживающаяся перепиской. Онъ и графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой сдѣлались моими преобразователями; первый въ духовномъ направленіи, а второй сдѣлалъ изъ меня, бывшаго дотолѣ космополитомъ, Русскаго человѣка. Онъ же познакомилъ меня короче съ церковнымъ уставомъ (въ которомъ онъ свѣдущъ до малѣйшихъ подробностей) и направилъ историческіе и иные мои взгляды, въ числѣ каковыхъ тотъ, что поспѣшная и насильственная Петровская реформа имѣла столько же пагубныхъ въ нравственномъ отношеніи послѣдствій», (а въ частности исказила Русскій семейный бытъ), сколько и блистательныхъ для организаціи отечества. Но о вліяніи на меня графа Дмитрія Николаевича здѣсь слишкомъ еще рано говорить.

Я получалъ отовсюду соболѣзновательныя письма, въ числѣ коихъ глубоко тронули меня нѣсколько теплыхъ строчекъ, начертанныхъ карандашомъ княгинею Маріею Петровною Волконской изъ Петербурга [2]), и также сочувственное письмо старухи графини Риччи, съ коею я не видался съ 1828-го года, извѣстившейся о моей потерѣ отъ княгини Маріи Семеновны Черкасской [3]).

Въ числѣ посѣщавшихъ меня съ добрымъ намѣреніемъ разсѣять по возможности горькія мои думы былъ новый мой знакомый Петръ Ивановичъ Фроловъ, тотъ самый, что̀ стрѣлялся въ Москвѣ въ 1844 году съ графомъ Саліасомъ. Въ Рязани онъ бывалъ единственно по чувству признательности къ Петру Петровичу вступившемуся за него

---

[1]) Магистръ Кіевской Духовной Академіи и нынѣ законоучитель при Рязанской гимназіи.

[2]) Я ее извѣщалъ, что дочь моя покоится рядомъ съ ея матерью Маріею Ардаліоновною Кикиной и ея бабушкою Торсуковой.

[3]) Напоминаю, что графиня Риччи (рожденная Лунина) та самая что̀ удостоивалась быть вѣнчанною за ея пѣніе въ Римскомъ Капитоліи, между 1814 и 1818 годами, и участвовала, какъ примадонна, въ операхъ у княгини Зинаиды Александровны Волконской въ Москвѣ въ 1826 и 1827 годахъ. Живя съ мужемъ (красавцемъ двадцатью годами моложе ея) на слишкомъ широкой ногѣ, они покончили весьма значительное ея состояніе и затѣмъ разъѣхались. Въ началѣ 50-хъ годовъ графиня Риччи проживала кое-какъ въ оставшемся у нея незначительномъ имѣніи подъ Коломною, не имѣя средствъ жить въ столицахъ.

въ то время, когда графъ Закревскій сослалъ его въ полярный городъ Колу, но за что именно, я не припомню. Оригинальный этотъ человѣкъ началъ службу въ Черноморскомъ флотѣ и отличился, будучи еще въ нижнемъ чинѣ, какимъ-то доблестнымъ подвигомъ о чемъ свидѣтельствовалъ солдатскій Георгіевскій его крестъ. Безпокойный и буйный когда-то его нравъ завлекъ его въ разныя приключенія и поединки, и онъ слылъ дуэлистомъ. Однажды онъ возымѣлъ намѣреніе подняться съ однимъ воздухоплавателемъ, но полетъ его не состоялся по той причинѣ будто бы, какъ онъ разсказывалъ, что тогдашній оберъ-полицеймейстеръ Берингъ распорядился, чтобы не впущено было бы въ шаръ нужнаго количества газа, или что-то въ этомъ родѣ, дабы подвергнуть жизнь П. И. Фролова еще бо́льшей опасности. Быть можетъ, что это вымыселъ, такъ какъ нельзя было всегда давать вѣры его словамъ, но за что купилъ, за то и продаю. Когда я упоминалъ о немъ въ событіяхъ 1844 года, то выставилъ, кажется, высокую черту его самоотверженія, состоявшую въ томъ, что онъ отдалъ незамужнимъ своимъ сестрамъ все свое, хотя незначительное, имѣніе въ Коломенскомъ уѣздѣ. Жаль, что послѣ столь примѣрнаго поступка онъ не обратился снова къ службѣ для независимаго своего существованія, а предпочелъ ей унизительную роль паразита и пикъ-ассіета [1]), чѣмъ и пріобрѣлъ незавидную извѣстность въ Москвѣ. Но вѣдь кромѣ Лукулловыхъ наслажденій съ отборнымъ Лафитомъ (до коего г. Фроловъ былъ великій охотникъ) есть много и другихъ житейскихъ потребностей, удовлетвореніе коихъ невозможно безъ денегъ и особенно въ великосвѣтской сферѣ, коей г. Фроловъ упорно придерживался до конца Московской своей жизни; но откуда бралъ онъ средства, чтобы прилично одѣваться, платить за квартиру и посѣщать клубы и театры, было для всѣхъ энигмою. Хотя онъ и поигрывалъ въ карты, но не по значительному кушу, а въ шулерство не слыхать было, чтобы онъ пускался. Добавлю, что вездѣсущая его свѣтская дѣятельность въ послѣднія десять лѣтъ Московской его жизни (1863—1873) была изумительна. Городскія новости находили въ немъ свѣжаго всегда передатчика, и его можно было встрѣчать повсюду и почти въ одно и тоже время: по утрамъ ковылявшимъ [2]) по Кузнецкому мосту, а по вечерамъ на концертахъ, въ двухъ клубахъ (Англійскомъ и Дворянскомъ), на частныхъ балахъ, на дворянскихъ выборахъ, въ лучшихъ Французскихъ ресторанахъ, на похоронахъ (гдѣ не упускалъ онъ случая усердно уписывать на заупокойныхъ трапезахъ), по воскреснымъ днямъ у обѣд-

[1]) „Pique-assiette“ зовутъ искателей даровыхъ обѣдовъ съ угодничествомъ къ ихъ амфитріону.

[2]) Онъ ходилъ съ костылемъ.

ни въ бомондной церкви Успенія на Овражкѣ, что̀ въ Газетномъ переулкѣ, а оттуда съ утреннимъ визитомъ къ Московскому викарію Леониду, коего онъ считалъ своимъ сослуживцемъ; словомъ, П. И. Фроловъ повсѣмѣстно разсыпался и всѣмъ надоѣдалъ, но тѣмъ не менѣе запертыхъ для него дверей не встрѣчалъ никогда. Правда, что онъ въ этихъ случаяхъ бралъ нахрапомъ (il payait d'audace). Можно себѣ представить мое удивленіе, когда, находясь во Флоренціи въ концѣ 1862 года, гдѣ я жилъ у бывшаго моего воспитателя и благодѣтеля г. Слоана, дверь растворилась, и ко мнѣ влетаетъ, насколько дозволяла ему хромота, Фроловъ съ поклономъ отъ моего кузена Н. А. Дивова изъ Парижа, съ коимъ онъ туда пріѣхалъ изъ Петербурга. Въ обществѣ онъ былъ довольно забавенъ оригинальнымъ своимъ умомъ, но былъ болтунъ. Бѣдный П. И. Фроловъ кончилъ свое поприще трагически. Когда всѣ его извороты для поддержанія себя въ Московскомъ аристократическомъ кружкѣ истощились, онъ собралъ послѣднія свои крохи и уѣхалъ весною прошлаго 1873 года въ Монако, гдѣ существуетъ публичная азартная игра въ рулетку. Тутъ онъ поставилъ сразу весь свой денежный кушъ: панъ или пропалъ! Банкометъ убилъ его карту, и несчастный игрокъ тутъ же принялъ заготовленный заблаговременно, пріемъ сильнаго яда.

Возвращаюсь къ событіямъ весны 1854 года. Англійское военное судно «Тигръ» попавъ на мель у Одесскаго прибрежья, принуждено былъ сдаться военноплѣннымъ. Командиръ судна заболѣлъ и остался въ Одессѣ, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ; офицерамъ и нѣкоторымъ нижнимъ чинамъ экипажа назначено было мѣстопребываніемъ Рязань, а два каютъ-юнга (по-англійски «midshipmen») отвезены въ Москву для окончанія ихъ образованія при Московскомъ университетѣ подъ присмотромъ, кромѣ мѣстныхъ властей, пастора Московской Англиканской церкви: распоряженіе довольно странное, но совершенно въ духѣ покойнаго императора Николая. Въ Рязань, препровождены были старшій лейтенантъ Александръ Гамильтонъ, сорокалѣтній съ небольшимъ и солидный человѣкъ; младшій лейтенантъ Вебъ Элфинстонъ - Стонъ, весьма общественный и романическаго оттѣнка молодой человѣкъ, даже сердечкинъ (ему было лѣтъ 28), старшій шкиперъ, пожилыхъ уже лѣтъ, и два или три матроса. Шкиперъ и остальныя лица прибыли въ Рязань много позднѣе двухъ вышеназванныхъ офицеровъ, въ началѣ осени. Квартира, отведенная для двухъ офицеровъ, была помѣстительна и опрятна, а содержаніе, назначенное имъ, весьма изрядное (въ чемъ заключалось послѣднее, не упомню хорошо, но кажется болѣе рубля въ день); а какъ оба были люди со средствами, то они зажили

очень прилично. Г. Элфинстонъ обзавелся лошадкою съ таратайкою въ родѣ кабріолета, а г. Гамильтонъ, какъ охотникъ, лягавою собакою. Такъ какъ для нихъ требовался переводчикъ, губернатору предписано было въ случаѣ неимѣнія на мѣстѣ чиновника знающаго Англійскій языкъ, снестись съ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, откуда долженъ былъ быть высланъ переводчикъ изъ тамошнихъ чиновниковъ; но Петръ Петровичъ, имѣя въ виду мое знаніе этого языка, назначилъ меня въ эту должность, безъ увольненія меня отъ слѣдственныхъ занятій и безъ увеличенія моего оклада. Послѣднее обстоятельство было, по моему, несовсѣмъ правосудно: вѣдь не случись я въ Рязани, пришлось бы откомандировать чиновника съ экстреннымъ для сего жалованіемъ. Впрочемъ, я не ставлю этого въ вину Петру Петровичу; экономическій этотъ расчетъ состоялся, вѣроятно, помимо его. Но не надо думать, что новая моя обязанность заключалась лишь въ томъ, чтобы служить толмачемъ для личныхъ нуждъ военноплѣнныхъ: на мнѣ лежала неблаговидная обязанность прочитывать всѣ письма, ими полученныя и отправляемыя въ Англію и съ нихъ дѣлать переводы по-русски (или по-французски, хорошо не помню); переводы мои отсылались въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, а иныя изъ полученныхъ семейныхъ писемъ были иногда на восьми страницахъ, и переводческій трудъ отвлекалъ меня отъ настоящихъ моихъ занятій. Да и кромѣ того, сблизившись съ этими офицерами (они были люди отлично образованные и привыкшіе къ хорошему обществу и со мною обращались подружески), я всегда стыдился моего невольнаго соглядатайства. Не взирая однакоже на фальшивое мое положеніе, я сыскалъ (самъ не знаю какъ) искреннюю ихъ дружбу и впослѣдствіи даже переписывался съ ними. Глубоко тронуло меня письмо, полученное однажды на мое имя отъ отца лейтенанта Элфинстона, Англійскаго пастора, въ коемъ онъ горячо благодарилъ меня за вниманіе оказанное его сыну. Петръ Петровичъ былъ очень ласковъ съ обоими офицерами: они нерѣдко обѣдали у него, и онъ возилъ ихъ къ Дивову въ Городище и къ княгинѣ М. С. Черкасской, ежегодно проводившей лѣто съ ея дочерью княжною Маріею Петровною въ своемъ имѣніи подъ Рязанью. Повѣритъ ли кто, что за это гуманное и свойственное просвѣщенному человѣку обхожденіе съ плѣнными подобнаго ему уровня нашлись въ Рязани ретрограды или желчнаго темперамента люди, которые упрекали Петра Петровича и находили, что и на плѣнныхъ надо смотрѣть какъ на враговъ отечества? Наши Англичане познакомились также съ нѣкоторыми ближайшими къ Рязани помѣщиками и гостили у нихъ по нѣскольку дней, о чемъ они однакоже всегда увѣдомляли губернатора. Лейтенантъ Элфинстонъ былъ красивый мужчи-

на, хотя ростомъ невеликъ, женственевъ въ манерахъ и мягкой, впечатлительной натуры: разставаясь съ Рязанью со вздохомъ (когда осенью размѣнены были съ обѣихъ сторонъ плѣнные), онъ оставилъ тамъ не одну горемычную Дидону.

Началось формированіе всеобщаго въ Россіи ополченія, и многіе изъ статскихъ чиновниковъ и помѣщиковъ опредѣлились офицерами въ Рязанскія дружины. Въ числѣ послѣднихъ, былъ Аполлонъ Николаевичъ Волковъ, поступившій въ Михайловскую дружину, такъ какъ онъ былъ помѣщикъ этого уѣзда, а въ начальники всего Рязанскаго ополченія выбранъ былъ генералъ (въ отставкѣ) Павленко, женатый на сестрѣ Н. Г. Рюмина. Меломанъ и старый театралъ князь Алексѣй Дмитріевичъ Волконскій устремился было снова на службу; его выбрали въ начальники Зарайской дружины, и онъ уже облекъ было свой дворовый (и весьма сносный) оркестръ въ мундиры; но когда онъ, разсорился, не помню за что, съ начальствомъ или съ дворянами уѣзда, военный его пылъ остылъ, и онъ остался дома. Рязанскою дружиною командовалъ гвардейскій офицеръ, но Рязанскій уроженецъ и житель, молодой Грегоріусъ.

Когда обнародованъ былъ манифестъ объ ополченіи, случилась вотъ какая исторіи. Между крестьянами Тамбовской губерніи и смежныхъ съ нею Рязанскихъ уѣздовъ разнесся слухъ, что кто только поступитъ въ ряды ополченцевъ, тотъ уже на всегда увольняется отъ крѣпостнаго состоянія, и вотъ крестьяне гурьбою направлялись черезъ Рязанскую губернію въ Москву, гдѣ, какъ они увѣряли, должно собираться все ополченіе. Толпы изо ста и болѣе крестьянъ являлись одна за другой къ графу Закревскому, который высылалъ ихъ обратно по этапу на ихъ мѣста жительства. Когда одна таковая партія бѣжала по шоссе между Баграмовскою почтовою станціи и селомъ Луховицами, въ участкѣ Зарайскаго уѣзда, тамошній исправникъ Дмитрій Васильевичъ Улитинъ, изъ себя колосъ и силачъ, вздумалъ было одинъ и Геркулесовою своею персоною преградить ей путь. Его сшибли съ ногъ и порядочно, кажется, намяли ему бока. Узнавши объ этомъ приключеніи, Петръ Петровичъ отозвался, что по дѣломъ ему дураку. Не даровитъ дѣйствительно былъ этотъ исправникъ, но усерденъ по службѣ и честенъ (сирѣчь, не взяточникъ), за что былъ любимъ губернаторомъ, а внѣ службы былъ флегматиченъ и молчаливъ. Проводивъ, бывало, губернатора черезъ участокъ своего уѣзда, онъ заѣдетъ отдохнуть у своего друга-пріятеля Дмитрія Николаевича Апраксина (Дивовскаго сосѣда) въ сельцѣ Горяинцовѣ и, взойдя къ нему въ домъ и едва

поздоровавшись съ хозяиномъ, растянется на его постели, не говоря ни слова. «Чай, губернатора своего провожалъ?» Начнетъ Апраксинъ, зная, что не добьется слова отъ своего гостя «Да», отвѣчаетъ тотъ, и за тѣмъ опять молчаніе. «Такъ разскажи хоть что нибудь про это?» — «Нѣчево сказать: все давно переговорено. И этимъ кончался разговоръ.

Газеты и вся Русская публика восторгалась тогда подвигомъ молодаго артилериста Щеголева, который съ своею полубатарею (или цѣлою батарею), стоявшею въ Одесской гавани, выдерживалъ огонь Англійскаго флота, бомбардировавшаго городъ, и мѣткими выстрѣлами своихъ орудій Щеголевъ даже повредилъ непріятельскія суда. Не отрицая доблести этого юноши, все таки спрашиваю, какъ могъ бы онъ иначе поступить? Не бросить же былъ ему своего поста и утекать? Севастопольскія событія, отступленіе отъ невзятой Силистріи и поспѣшное очищеніе нашими войсками Придунайскихъ княжествъ, уязвляли до нѣльзя національное чувство: подобнаго позора Русское оружіе не видало со временъ Петровскаго пораженія при Прутѣ. Высадка союзниковъ на Крымскій полуостровъ и осада Севастополя съ суши могли, пожалуй, настигнуть Россію врасплохъ какъ непредвидимыя случайности; но что же это такое, спрашивали мы другъ у друга, что и съ Турками мы не совладаемъ и отступаемъ передъ ними? Конечно, очищеніе Молдаво-валахіи произошло вслѣдствіе Австрійской вооруженной демонстраціи на сѣверной границѣ княжествъ; но она вышла бы опоздалою угрозою, еслибы Государь согласился на смѣлую программу Катакази, и наши войска устремились бы на Константинополь переходомъ черезъ Балканы и моремъ, не замѣшкавшись въ Придунайскихъ княжествахъ.

Но вотъ забавный бонъ-мо, приписываемый тогда князю Меншикову. Во время блистательной, но сумазбродной атаки Англійскаго драгунскаго полка имени королевы Викторіи, командиромъ коего былъ лордъ Кардиганъ (офицеры полка были съ букетомъ въ петлицѣ по случаю дня рожденія королевы и, какъ говорятъ, мертво пьяны), попался въ плѣнъ молодой офицеръ этого полка лордъ Дункѣли и былъ препровожденъ къ нашему главнокомандующему. Въ экзалтированномъ чаду отъ пороха и, быть можетъ, винныхъ паровъ и въ естественной досадѣ быть взятымъ въ плѣнъ, молодой милордъ отнесся къ князю Александру Сергѣевичу съ заносчивымъ словомъ: «Mon prince, vous aurez beau faire, mais nous prendrons Sébastopol».—«A, vous avez vrai, milord», отвѣчалъ нашъ острякъ, «jusqu à aujourdhui, j'ai toujours crains ce résultat; mais maintenant que vous n'êtes plus dans les

rangs de nos ennemis, je commence à espérer que nous tiendrons bon jusqu' á la fin»[1]).

Весной этою 1854 года умерли два Тарусскіе старожила: Петръ Ильичъ Заславскій и Авдотья Ивановна Нарышкина. Утрата послѣдней была горестнымъ событіемъ для всего околодка, для коего открытый ея домъ служилъ давнѣйшимъ и гостепріимнымъ центромъ. Наслѣдникомъ П. И. Веселовскаго былъ дальный его родственникъ г. Зубовъ женатый на фрейлинѣ Эйлеръ и служившій въ почтовомъ департаментѣ въ превосходительномъ чинѣ; но, какъ человѣкъ и безъ того достаточный, онъ не спѣшилъ вступить немедленно въ наслѣдственныя свои права и предоставилъ двумъ старухамъ-сестрамъ покойника, Аннѣ и Авдотьѣ Ильиничнымъ (третья сестра Татьяна давно уже померла) пользоваться до конца жизни имѣніемъ ихъ брата[2]).

По истеченіи шести недѣль послѣ кончины моей Анночки, мое семейство переѣхало, какъ я уже говорилъ, въ Городище, а въ концѣ Мая или въ началѣ Іюня возвратилось въ Знаменское. Въ Городище же пріѣзжалъ тогда Августъ Осиповичъ Понятовскій, чтобы совѣщаться съ Николаемъ Адріяновичемъ на счетъ дѣлъ моего (и также его) племянника графа Дмитрія Петровича, довѣрителемъ коего онъ былъ. Братъ мой графъ Петръ Дмитріевичъ умеръ почти что въ одно время съ его повѣреннымъ Иваномъ Антоновичемъ Кавецкимъ въ предъидущемъ (1853) году, а сей послѣдній оставилъ дѣла своего довѣрителя въ запутанномъ довольно положеніи. Г. Кавецкій остался также должникомъ моей матери по покупкѣ ея имѣнія с. Бѣлкина, вслѣдствіе чего мать моя снабдила Николая Адріяновича довѣренностію для взысканія этихъ денегъ съ дочери умершаго г. Кавецкаго, Барвары Ивановны Обнинской. По рекомендаціи (вѣроятно) П. П. Новосильцова, Дивовъ и Понятовскій препоручили взысканіе этихъ долговъ адвокату Михайлу Ивановичу Бернару, коему выдано было впередъ тысяча рублей на необходимые расходы. На сколько М. И. Бернаръ подвинулъ дѣло моего племянника, мнѣ мало извѣстно; но на счетъ долгу моей матери, не взыскано еще было ни копѣйки до 1857 года, когда умеръ М. И. Бернарь, и мнѣ пришлось хлопотать по этому дѣлу, какъ увидимъ дальше.

[1]) Князь, какъ бы вы ни старались удержать Севастополь, но мы его возьмемъ. „Если сказать вамъ правду, милордъ, я самъ боялся до сегодняшняго дня этого ссхода; но теперь вы болѣе уже не находитесь въ рядахъ нашихъ враговъ, и я начинаю надѣяться, что мы отстоимъ Севастополь до конца".

[2]) Сынъ этого г. Зубова женился позднѣе на дочери Кокошкина, бывшаго нашимъ представителемъ при Туринскомъ дворѣ и женатаго на дочери знаменитой когда-то пѣвицы Каталани, Валабрекъ.

На первыхъ порахъ постигшаго меня удара, мнѣ жилось легче въ Дивовскомъ имѣніи нежели въ Рязани, такъ какъ не было въ Городищѣ никакихъ мѣстныхъ воспоминаній о моей дочери. Временному этому перемѣщенію не воспротивился Петръ Петровичъ, но и я самъ не злоупотреблялъ его снисходительностію и принуждалъ себя исподволь заняться служебными дѣлами, для чего часто отлучался въ Рязань. Правда, что бывшія у меня въ производствѣ слѣдствія немного затягивались, но недостатка не было въ занятіяхъ и по переводамъ кореспонденціи Англійскихъ военно-плѣнныхъ, а келейную помощницу въ этой работѣ я пріобрѣлъ позднѣе въ лицѣ княжны Маріи Петровны Черкасской, и дѣло пошло у меня поспорнѣе.

Теперь вся отрада моей жизни сосредоточилась въ единственномъ моемъ дѣтищѣ, коему минуло семь лѣтъ, и естественно, что съ отъѣздомъ въ Знаменское моего семейства одиночество мое сдѣлалось еще чувствительнѣе. Меропа Александровна уѣхала въ мужнино имѣніе с. Воинъ надъ Мценскомъ, куда и Петръ Петровичъ по нѣскольку разъ отлучался изъ Рязани, и безотрадные мои дни протекли бы среди чуждыхъ мнѣ людей, если бы Провидѣніе не послало мнѣ утѣшительницъ въ княгинѣ и княжнѣ Черкасскихъ, коими я былъ принятъ въ семейно-интимную ихъ жизнь, и до конца этого лѣта я часто проводилъ по нѣскольку дней и ночей сряду у нихъ въ деревнѣ.

Оба Англійскіе моряка постоянно бывали у Черкасскихъ. Общество молодой княжны Маріи Петровны, владѣвшей Англійскимъ нарѣчіемъ съ рѣдкою элегантностію, было слишкомъ могучимъ талисманомъ для мягкосердечнаго Элфинстона, чтобы не плѣниться ея особою; но этого исхода мы никакъ не подозрѣвали (впрочемъ, быть можетъ, я одинъ по моей недальновидности не замѣчалъ того что̀ было достаточно ясно для прочихъ), и потому меня поразило, когда по отъѣздѣ Англичанъ изъ Рязани и Черкасскихъ на зиму въ Петербургъ, княжна Марія Петровна извѣстила меня оттуда о полученіи ею письма изъ Англіи отъ лейтенанта Элфинстона съ деклараціею нѣжныхъ его чувствъ и съ предложеніемъ его руки. Бѣдняжка была сама такъ озадачена этою неожиданностію, что затруднялась какъ формулировать повѣжливѣе свой отказъ.

Съ этимъ молодымъ моряком я чуть не подвергся крайне-непріятному приключенію. Отправились мы однажды вдвоемъ рисовать съ натуры живописную мѣстность усадьбы И. Н. Дубовицкаго, село Дядьково, стоящей на горѣ въ двухъ верстахъ отъ Рязани, и насъ окружила толпа любопытныхъ крестьянскихъ дѣтей, къ коей приткну-

ли мало-по-малу взрослые крестьяне, которые начали насъ распрашивать, какіе мы люди и что̀ мы тутъ дѣлаемъ. Хотя къ подобнымъ распросамъ я и привыкъ, когда мнѣ и прежде случалось рисовать на открытомъ воздухѣ, однакоже мнѣ показалось, что на этотъ разъ на насъ смотрѣли какъ-то подозрительно и со мною не разговаривали со свойственною имъ почтительностію. Когда же при первой моей встрѣчѣ съ Дубовицкимъ я разсказалъ ему, что наше рисованіе на открытомъ воздухѣ вызвало чуть ли не всѣхъ крестьянъ его села, онъ отвѣчалъ, что нѣсколько человѣкъ изъ нихъ приходили къ нему съ заявленіемъ, что какіе-то, кажись, не-Русскіе люди, а должно быть изъ непріятелей «снимаютъ планты» съ его вотчины, такъ не прикажетъ ли онъ задержать ихъ, и вотъ, благодаря только его приказаніямъ оставить насъ въ покоѣ, мы избѣгли насильственныхъ дѣйствій.

Осенью состоялся размѣнъ Англійскихъ военноплѣнныхъ съ Русскими, вслѣдствіе чего въ началѣ Октября мнѣ поручено было препроводить Англійскихъ моряковъ въ Москву и сдать ихъ тамъ графу Закревскому. Это былъ первый случай что̀ я его видѣлъ. Генералъ-губернаторская пріемная была полна высшимъ и низшимъ служебнымъ мѣстнымъ составомъ, и мое появленіе въ парадномъ мундирѣ съ рапортомъ, вложеннымъ, какъ слѣдуетъ, между петлицами мундира и во главѣ Англійскихъ моряковъ, также облекшихся въ полную форму, произвело сенсацію лестную (сознаюсь) малодушному моему самолюбію. Но каково̀ было всеобщее и мое удивленіе, когда на этой аудіенціи лейтенантъ Элфинстонъ, выступивъ впередъ, произнесъ, съ невозмутимою Британскою флегмою, короткую, но довольно правильную алокуцію графу Закревскому, изученную имъ впередъ. Исполнивъ мое порученіе, я поѣхалъ въ сопровожденіи Радзиковскаго *) провѣдать мое семейство въ Знаменское; но воспоминанія дочери были тамъ такъ живы, что я не въ силахъ былъ оставаться болѣе одного дня, и самъ добрый нашъ мѣстный врачъ Викторъ Яковлевичъ Яковенко сказалъ моей женѣ: «Гоните, матушка, поскорѣе вашего мужа отсюда; моральное его разстройство усиливается здѣсь.» Въ Москвѣ, гдѣ я пробылъ четыре или пять дней, я часто видѣлся съ Зинаидою Сергѣевною, и мы поплакали вдвоемъ, сколько душамъ нашимъ хотѣлось. Когда, передъ отъѣздомъ изъ Москвы, я вторично представлялся графу Закревскому, онъ съ любезностію и улыбаясь сказалъ мнѣ: «Имѣю васъ увѣдомить, графъ, что опекаемые вами Англичане благополучно уже отправлены во свояси.»

*) Его кондитерская, на углу Никитской и Верхняго Кисловскаго переулка, начинала тогда входить въ славу

Возвратившись въ Рязань, я переѣхалъ изъ Дивовскаго дома, проданнаго имъ совѣтнику Зайцову, на квартиру на Левицкой улицѣ, а для облегченія платежа за нее Николай Адріяновичъ назначилъ мнѣ по 100 рублей ежегодно. Это перемѣщеніе было благотворно для меня, такъ какъ здѣсь не было никакихъ раздирающихъ воспоминаній. Хотя Петръ Петровичъ былъ внимателенъ ко мнѣ еще до постигшаго меня несчастія, но съ этого времени обхожденіе его со мною сдѣлалось еще дружественнѣе. Медики совѣтовали ему тогда пѣшій моціонъ, и онъ просилъ меня заходить ежедневно къ нему въ два часа, чтобы заставить его исполнять этотъ гигіеническій режимъ. Во время нашихъ прогулокъ вдвоемъ, онъ высказывался на распашку о придиркахъ, коимъ онъ безпрестанно подвергался отъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Дмитрія Гавриловича Бибикова, и дѣйствительно, онѣ были до того невыносимы, что я удивлялся долготерпѣнію Петра Петровича. Почему желчный и безъ того Дмитрій Гавриловичъ такъ открыто высказывалъ свое нерасположеніе къ личности Рязанскаго губернатора и не цѣнилъ его безкорыстія, мнѣ неизвѣстно; но вотъ какой былъ особенный случай, поддавшій еще болѣе пару враждебному и несправедливому настроенію министра. Въ Губернскомъ Правленіи продавалось съ аукціона какое-то имѣніе; одно изъ лицъ, торговавшихъ это имѣніе, было рекомендовано Петру Петровичу самимъ министромъ. Окончательный срокъ переторжки былъ назначенъ въ 12 часовъ, и едва одинъ изъ прочихъ торговавшихъ нанесъ еще цѣну, какъ началъ бой двѣнадцати часовъ; рекомендованный же министромъ господинъ въ туже минуту поднялъ цѣну; но губернаторъ объявилъ ему, что онъ опоздалъ, такъ какъ стукнуло уже 12 часовъ и хотя торгующій заявилъ протестъ, что онъ не лишался права окончательной наддачи на томъ-де основаніи, что въ это время бой часовъ еще не ударилъ до двѣнадцати разъ, но Губернское Правленіе присудило продаваемое имѣніе его сопернику, какъ заявившему послѣднюю надбавку до начала часоваго боя. Д. Г. Бибиковъ счелъ это рѣшеніе придиркою и, оскорбясь неуваженіемъ къ нему Петра Петровича, началъ пріискивать всякаго случая, чтобы дѣлать ему непріятности. Министерская гроза еще пуще разразилась по слѣдующему многосложному дѣлу о Рязанскомъ исправникѣ Г., коему покровительствовалъ, къ сожалѣнію, губернаторъ. Не служившій нигдѣ помѣщикъ Ж. лишилъ невинности какую-то дѣвчонку (кажется, солдатскую дочь) насильственно-ли, или съ ея согласія, не упомню, о чемъ тетка ея подала прошеніе въ Рязанскій Земскій Судъ, и возникло дѣло. Г. исправникъ, содравъ (какъ мнѣ разсказывали) значительный кушъ съ помѣщика Ж. и не подѣлившись ни съ кѣмъ, сжегъ все начатое слѣдствіе. Обдѣленный уѣздный

стряпчій, попавъ случайно (годъ или два спустя послѣ этого происшествія) въ исправляющіе должность губернскаго прокурора, поднялъ снова все дѣло, обвиняя исправника въ уничтоженіи начатаго формальвымъ порядкомъ уголовнаго слѣдствія [1]). Губернское Правленіе потребовало первоначально объясненія отъ исправника противъ прокурорскаго объявленія, и онъ показалъ, что производилъ-ли становой форменное дознаніе о будто бы изнасилованіи сказанной дѣвки, ему исправнику неизвѣстно, но что никакого письменнаго производства о томъ у него въ Земскомъ Судѣ не было никогда, что вслѣдствіе словесной (или на бумагѣ) жалобы тетки онъ приказалъ становому сдѣлать первоначальные исподволь лишь распросы, а отнюдь не формальное дознаніе, что изъ собранныхъ свѣдѣній обвиненіе противъ помѣщика К. не подтвердилось и что сверхъ сего, тетка дѣвки принесла жалобу по истеченіи уже срока опредѣленнаго закономъ для освидѣтельствованія физическихъ слѣдовъ и потому, онъ, исправникъ, оставилъ безъ вниманія и дальнѣйшихъ дѣйствій навѣтъ просительницы. При производствѣ о томъ (т.-е. о дѣйствіяхъ исправника) слѣдствія по указу Губернскаго Правленія моимъ товарищемъ (если не забылъ) Иваномъ Карповичемъ Мартенсомъ, становой, освирѣпѣвшій отъ надменности своего принципала, поднялъ руки на себя и показалъ, что не простые распросы, а форменное какъ есть дознаніе онъ производилъ по письменному предписанію исправника, что иныхъ изъ свидѣтелей онъ допрашивалъ подъ присягою, на какую мѣру онъ, становой, не отважился бы, не имѣвъ предписанія произвести дознаніе по формѣ и что онъ представилъ произведенное имъ дознаніе въ Земскій Судъ, каковое осталось тамъ безъ дальнѣйшихъ дѣйствій, и что онъ узналъ стороною, якобы начатое дѣло было тамъ уничтожено. Спрошенный въ свою очередь непремѣнный членъ Земскаго Суда, соображаясь (какъ я угадываю изъ хода всего дѣла), что утайка и уничтоженіе начатаго уголовнаго дѣла обнаружатся безъ сомнѣнія при дальнѣйшемъ о томъ слѣдствіи, и основываясь на законъ, что чистосердечное и во́ время сдѣланное признаніе уменьшаетъ въ послѣдствіи степень взысканія [2]),

---

[1]) Производство по дѣламъ о личной обидѣ можетъ прекратиться миролюбивою сдѣлкою, но уголовное дѣло никогда, хотя бы истецъ заявилъ, что онъ прощаетъ отвѣтчика.

[2]) Ни становой, ни непремѣнный членъ земскаго суда не могли ссылаться для ихъ оправданія, что первый изъ нихъ утаилъ то, что онъ зналъ о поступкѣ исправника, а второй сдѣлался даже соучастникомъ исправника, изъ подчиненія къ ихъ начальнику; ибо законъ не только не повелѣваетъ исполнять незаконныя требованія начальствующаго лица, но за исполненіе таковыхъ подчиненный подлежитъ равной своему начальнику отвѣтственности. Для несвѣдущихъ по юридической части не лишними будутъ, полагаю, слѣдующія пояснснія. Если жалоба или заявленіе близкою родственницею изнаси-

показалъ, что форменное дознаніе было дѣйствительно представлено становымъ приставомъ въ Земскій Судъ, и тамъ, по распоряженію исправника, уничтожено безслѣдно. Заручившись этими показаніями, слѣдователь на основаніи статьи изложенной въ Сводѣ уголовныхъ законовъ, взошелъ съ представленіемъ въ Губернское Правленіе, чтобы во время производства имъ слѣдствія исправникъ Г. былъ *на время* удаленъ отъ занимаемой имъ должности, дабы онъ не могъ бы подѣйствовать на своихъ подчиненныхъ *). По свойственной сердцу его добротѣ, не хотѣлось Петру Петровичу опозорить любимаго имъ исправника безъ болѣе очевидныхъ противъ него уликъ, и онъ сдѣлалъ предложеніе въ этомъ духѣ Губернскому Правленію, мотивируя отказъ требованія слѣдователя преждевременностью подобной мѣры. Вице-губернаторъ и всѣ три совѣтника согласились съ его мнѣніемъ; но противъ этого опредѣленія взошелъ съ протестомъ ассесоръ Губернскаго Правленія Дмитрій Александровичъ Гвоздевъ. Конечно такое ничтожное лицо, какъ ассесоръ Губернскаго Правленія, не посмѣло бы идти на перекоръ губернатору, не будь у него подпорою родной его братъ Александръ Александровичъ Гвоздевъ, тогда директоръ департамента общихъ дѣлъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, взошедшій въ большую силу при Бибиковѣ. Вслѣдствіе протеста ассесора Губернскаго Правленія, вопросъ о временномъ отстраненіи отъ должности исправника Г. перешелъ на разсмотрѣніе Министерства или самаго Сената (про этотъ фазисъ дѣла я немного позабылъ); по результатъ былъ тотъ, что назначена была коммиссія для продолженія начатаго слѣдствія надъ исправникомъ Г., въ составъ коей былъ назначенъ чинов-

---

лованной дѣвушки было подано по истеченіи опредѣленнаго на то срока закономъ (срокъ назначенъ, кажется, три дня), то исправникъ Г. правильно поступилъ, отказавши дать ходъ дѣлу; но если онъ предписалъ становому произвесть о томъ форменное дознаніе (т.-е. приступы къ формальному слѣдствію), это было сдѣлано съ цѣлью запугать помѣщика Ж. и выманить у него деньги, слѣдовательно исправникъ Г. былъ юридически виновенъ, что пустилъ въ ходъ дѣло, котораго не слѣдовало пускать, а морально и во всякомъ случаѣ уголовно виновенъ, что выманилъ деньги застращиваніемъ по какому бы дѣлу ни было. Но такъ какъ слѣдствіе возникло изъ-за того, что онъ обвинялся въ *прекращеніи* начатаго уголовнаго дѣла, то производившіе слѣдствіе должны были основываться на томъ, что исправникъ *имѣлъ* законныя данныя начать производство о растлѣніи дѣвки, а если онъ началъ, то не долженъ былъ прекратить. А что до того, правильно-ли, или неправильно онъ поступилъ принявъ жалобу тетки этой дѣвки, не могло, (по моему разумѣнію) входить въ составъ изслѣдованія о его (исправника) дѣйствіяхъ, такъ какъ вѣроятно, не было объ этомъ, никакихъ данныхъ, и вотъ почему, исправникъ Г. такъ упорно стоялъ на томъ, что онъ не приступалъ ни къ какимъ формальнымъ (т.-е. офиціальнымъ дѣйствіямъ).

*) Во время моей службы я всегда дѣйствовалъ такимъ же образомъ, и требованія мои о временномъ удаленіи исправника, надъ которымъ я производилъ слѣдствіе, были всегда уважены, какъ законныя и согласныя съ здравымъ смысломъ.

никъ изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, статскій совѣтникъ Аршеневскій, и почти одновременно съ этимъ перемѣщенъ былъ изъ Рязанскаго Губернскаго Правленія въ Симбирское старшій совѣтникъ Документовъ по секретному на него извѣту, что онъ управлялъ Рязанскимъ губернаторомъ. Немудрено, что еслибы Петръ Петровичъ не упрямился и удалилъ бы на время исправника Г., дѣло о немъ могло бы кончиться въ самомъ Рязанскомъ Губернскомъ Правленіи, семейнымъ, такъ-сказать, образомъ, а именно. Когда слѣдователь представилъ бы туда оконченное имъ слѣдствіе, Губернское Правленіе, при разсмотрѣніи дѣла, могло бы, въ угодность губернатору, найти, что обвиненія противъ исправника Г. не на столько доказаны, чтобы предать его суду, и дѣло кончилось бы тогда или выговоромъ или, въ крайнемъ случаѣ, килейнымъ приказаніемъ, чтобы онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ [1]); впрочемъ, еслибы и въ этомъ случаѣ не послѣдовало опозиціоннаго протеста отъ ассесора. Какъ бы то ни было, но Новосильцовы, мужъ и жена, пришли въ большое негодованіе отъ новаго оборота дѣла, и бѣдный ассесоръ Гвоздевъ, чувствуя всю фальшивость своего положенія въ Рязани, перешелъ въ Тверское Губернское Правленіе, а на мѣсто переведеннаго въ Симбирскъ старшаго совѣтника Документова назначенъ былъ изъ Министерства нѣкій г. Просвирнинъ, по поводу коего Петръ Петровичъ скаламбурировалъ мнѣ: «Je le recevais comme du pain bénі» [2]). Новая слѣдственная коммиссія начала съ того, что удалила все-таки на время исправника Г. отъ занимаемой имъ должности и посадила въ острогъ несчастныхъ становаго и непремѣннаго члена, и хотѣли было сдѣлать тоже съ главнымъ обвиняемымъ исправникомъ Г., но нашлось столь много о немъ ходатаевъ, что слѣдователи воздержались отъ этой справедливой мѣры на томъ-де основаніи, что супруга этого господина находилась въ интересномъ положеніи и могла бы подвергнуться выкидышу въ случаѣ тюремнаго заключенія ея сожителя. Ничего подходившаго къ подобной любезности

---

[1]) Исправника отъ короны губернаторъ имѣлъ право отрѣшить отъ должности по собственному своему произволу; но исправникъ по выбору отъ дворянъ не иначе могъ быть отрѣшенъ какъ съ преданіемъ его суду, чего именно хотѣлось избѣгнуть Петру Петровичу, и вотъ онъ оказалъ безсознательно медвѣжью услугу своему протеже.

[2]) „Я приму его какъ благословенный хлѣбъ (то-есть, какъ просвиру).“ Совѣтникъ Документовъ, проѣзжая позднѣе черезъ Рязань изъ Петербурга, гдѣ онъ былъ въ отпуску, разсказывалъ намъ, что когда онъ являлся къ министру и просилъ его объяснить, чѣмъ онъ заслужилъ его немилость, каковою онъ долженъ былъ считать непрошенное свое перемѣщеніе въ Симбирскъ, Дмитрій Гавриловичъ отвѣчалъ: „Мы оба съ вами уже съ сѣдиною и потому можемъ понять другъ друга безъ особенныхъ объясненій.“ Я очень сожалѣлъ объ удаленіи г. Документова, какъ единственнаго толковаго человѣка во всемъ нашемъ Губернскомъ Правленіи, да и самъ онъ былъ очень *комильфотный*.

къ женскому полу, не могло быть, конечно, въ уголовномъ сводѣ, и я не разъ упрекалъ впослѣдствіи моего товарища и друга Мартенса (находившагося въ составѣ слѣдственной коммиссіи) за подобную неумѣстную снисходительность. Я забылъ сказать, что жена этого исправника (коей дано было между нами прозвище «недорѣзанной индюшки» отъ томной и полуплачевной всегда интонаціи ея голоса и протяжнаго говора) взошла въ большой *форсъ* при губернаторшѣ. Дѣло это тянулось болѣе двухъ лѣтъ и, не смотря на сильную (и для меня необъяснимую) поддержку этого господина, Сенатъ опредѣлилъ отрѣшить его отъ службы, впредь никуда не поступать и къ дворянскимъ выборамъ не допускать. Открытымъ покровительствомъ человѣка, пользовавшагося непохвальною репутаціею, Петръ Петровичъ повредилъ себѣ въ общественномъ мнѣніи.

Въ Рязань тогда пріѣзжалъ сошедшій съ Московской сцены первый теноръ Бантышевъ. Онъ былъ принятъ особенно ласково и, какъ старый знакомый Петра Петровича, обѣдалъ у него и даже, помнится мнѣ, что на прощаньи Петръ Петровичъ обнялъ его и подарилъ что-то ему въ знакъ памяти; но давалъ-ли нашъ ветеранъ-пѣвецъ концертъ въ Рязани, не упомню, такъ какъ въ это время меня не интересовали городскія происшествія.

Между тѣмъ служебный нашъ штатъ измѣнился и отчасти увеличился. Еще осенью 1853 года опредѣлился изъ студентовъ Московскаго университета пѣкій Купинъ, который получилъ мѣсто секретаря въ отдѣленіи Губернскаго Правленія, коимъ завѣдывалъ совѣтникъ Документовъ. Купинъ былъ малый способный и умѣвшій себя держать въ хорошемъ обществѣ; онъ сразу попалъ въ интимный кружекъ Меропы Александровны. По переводу въ Тверь ассесора Гвоздева, его мѣсто занялъ въ Губернскомъ Правленіи мой товарищъ Иванъ Карловичъ Мартенсъ, а на вакантное мѣсто старшаго чиновника особыхъ порученій опредѣленъ былъ Михайловскаго уѣзда молодой, но совершенно лысый, Казначеевъ; на вакапцію же перешедшаго во Владимиръ А. И. Протасьева (тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ въ Рязани) поступилъ молодой дворянинъ Рязанской же губерніи Ладыженскій. Кстати разскажу, какой новый фокусъ придумалъ А. И. Протасьевъ, чтобы заставить допрошаемаго свидѣтеля показать «всю сущую правду», безъ привода его къ присягѣ. Онъ предложитъ, бывало, допрошаемому произнести слѣдующую форму: «Лопни моя утроба, если лгу». Простолюдины чуждались произнести эти грозныя, по ихъ взгляду, слова. «Вѣдь ты обѣщаешься же говорить всю правду?» спроситъ Протасьевъ.— «Истинно такъ, ваше благородіе; облыжно ничего не покажу».— «Такъ

зачѣмъ же ты боишься сказать: лопни моя утроба? Вѣдь ты къ этому себя присуждаешь только въ случаѣ, если солжешь.» — «Оно все такъ, батюшка; да зачѣмъ же лопнуть то ей, моей утробѣ?» И ни за что, бывало, не урезонитъ онъ мужичка произнесть это заклинаніе [1]).

Опредѣлился также въ губернаторскую канцелярію нѣкій Рыжковъ, племянникъ Ряжскаго предводителя г. Яблочкина, но его употребляли также и для производства слѣдствій наравнѣ съ чиновниками особыхъ порученій; а изъ состава послѣднихъ віолончелистъ Кущевъ перешелъ около этого времени къ Орловскому новому губернатору Сафоновичу. О Кущевѣ я однажды только упомянулъ, потому что онъ какъ бы чуждался насъ и не показывался никогда въ обществѣ; но о слѣдственной его дѣятельности ходилъ между нами, его сослуживцами, слѣдующій разсказъ. Производилъ онъ однажды слѣдствіе въ Касимовскомъ (кажется) уѣздѣ надъ однимъ отставнымъ рядовымъ или унтеръ-офицеромъ, и вотъ задаетъ онъ обвиняемому письменный допросъ «по пунктамъ», по установленной на то формѣ. На первый вопросъ «какъ тебя[2]) зовутъ?» Отвѣтъ былъ «Хаджи Магометъ» или «Ибрагимъ», или нѣчто въ этомъ родѣ, такъ какъ на сей разъ субъектъ былъ изъ Татаръ. На второй (вписанный также заранѣе) вопросъ «какого ты вѣроисповѣданія?» Отвѣтъ послѣдовалъ «Магометантскаго». Затѣмъ появился и третій, по установленной формѣ, вопросъ «бываешь-ли ты каждогодно на исповѣди и у святаго причастія; если же не бываешь — *то почему?*» Какъ бы ни казался абсурднымъ этотъ анекдотъ, на практикѣ онъ могъ бы дѣйствительно случиться, и вотъ почему. Бывало, мы, слѣдователи, отступая иногда отъ правилъ (или точнѣе, наказа), выписывали заранѣе всѣ нужные вопросные пункты на приготовленной для того тетради съ одного боку каждой страницы, предоставляя допрошаемому самому вписывать его отвѣты на оставшейся половинѣ страницы, параллельно нашихъ вопросовъ. Если допрошаемый былъ безграмотенъ, со словъ его писалъ тотъ, кому онъ довѣрялъ, при чемъ

[1]) Куда хитеръ нашъ народецъ! Во время слѣдственной моей практики я узналъ, что при приводѣ крестьянъ къ присягѣ надо слѣдователю зорко смотрѣть, чтобы они громко прикладывались ко кресту, безъ чего они не считаютъ клятвопреступничествомъ показать неправду послѣ произношенія клятвеннаго обѣщанія. (Азъ, именованный, обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ, и проч.), а чтобы избѣгнуть этого, они лишь наклонятся ко кресту и дѣлаютъ видъ, что прикладываются къ нему, но безъ чмоканія и, по выходѣ отъ слѣдователя, говорятъ, что мы-молъ не цѣловали креста.

[2]) Общепринятая нынѣ формула „вы“ употреблялась тогда при допросахъ однихъ только дворянъ, купечества, чиновниковъ и лицъ духовнаго званія, а для лицъ остальныхъ сословій, какъ то крестьянъ, рядовыхъ, унтеръ-офицеровъ и мѣщанъ, употреблялось, „ты“. Это было отчасти и логично въ томъ отношеніи, что равенства передъ закономъ въ практическомъ примѣненіи этого слова тогда не было; наприм. законъ дозволялъ разспрашивать „знатныхъ лицъ“, у нихъ на дому.

случалось даже (въ чемъ я долженъ сознаться), что мы дозволяли обвиняемому, для бо́льшаго ему удобства, уносить къ себѣ на домъ эту тетрадь и тамъ наполнять ее по его усмотрѣнію. Немудрено, что такъ поступилъ въ данномъ случаѣ г. Кущевъ; а быть можетъ также, что онъ не счелъ себя въ правѣ отступить на волосъ отъ установленной формы при дачѣ предварительныхъ, такъ называемыхъ, вопросовъ (цѣль коихъ было опредѣлить тождество обвиняемаго или допрашаемаго лица), довольствуясь оставить въ пробѣлѣ отвѣтъ на вопросъ, не подходившій къ дѣлу. Вѣдь существовалъ же законъ, что «всякое отступленіе отъ принятыхъ формъ уничтожаетъ сущность дѣла»?!

Для болѣе спораго хода дѣлъ и умепьненія траты времени на разъѣзды чиновниковъ особыхъ порученій, Петръ Петровичъ придумалъ весьма дѣльную мѣру, назначивъ по два уѣзда (изъ всѣхъ 12 Рязанской губерніи), на каждаго изъ его шести чиновниковъ особыхъ порученій; но изъ уваженія, быть можетъ, къ моимъ лѣтамъ или свѣтскому положенію пришелся на мою долю городъ Рязань съ однимъ его только уѣздомъ. Отъ этого казавшагося облегченія (относительно уменьшенія разъѣздовъ по губерніи) занятія мои усилились несравненно болѣе противъ тѣхъ изъ моихъ товарищей, которые имѣли на рукахъ два уѣзда, такъ какъ случалось, что въ иныхъ уѣздахъ не было никакого дѣла по шести мѣсяцевъ, и между тѣмъ я сдѣлался единственнымъ слѣдственнымъ приставомъ по губернскому городу, гдѣ наплывъ дѣлъ никогда не прекращался. Новые и юные мои сослуживцы не оказывали вообще особеннаго рвенія къ занятіямъ, такъ что предъ концомъ моей службы въ Рязани тружениками были только Степанъ Тимоѳеевичъ Словутинскій (изъ давнѣйшихъ чиновниковъ, еще при губернаторѣ П. С. Кожинѣ, образцовый слѣдователь) и я.

Былъ въ Рязани въ это время губернскимъ стряпчимъ казенныхъ дѣлъ нѣкій изъ правовѣдовъ г. Дитель, престранный господинъ, фамилію коего мы измѣнили на «Дятелъ». У него высказывались иногда такія сужденія, что давали поводъ подозрѣвать, въ полномъ ли онъ разсудкѣ, а между тѣмъ онъ занимался литературными предметами и даже небезуспѣшно: въ одномъ современномъ періодическомъ журналѣ (кажется, въ Архивѣ, изданіи 1860 г. Н. В. Калачова) онъ помѣстилъ довольно интересный историческій обзоръ Зарайска и его уѣзда; но тутъ онъ попалъ въ курьезный археологическій промахъ, сказавъ, что въ имѣніи генерала Дивова, въ сельцѣ Городищѣ, видны по сю пору слѣды древнихъ укрѣпленій, между тѣмъ какъ они не что инос, какъ тѣ многостоящіе валы и канавы, перерытые съ мѣста на мѣсто моимъ

почтеннѣйшимъ кузёномъ между 1848 и 1856 годами, о чемъ я уже разсказывалъ *).

Въ Декабрѣ, незадолго передъ Рождествомъ, Николай Адріяновичъ вызвалъ меня къ себѣ въ Городище, чтобы объявить мнѣ о новой семейной потерѣ: мать моя скончалась во Флоренціи въ Ноябрѣ, 77 лѣтъ отъ роду. Это былъ третій ударъ, постигшій меня въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ. Я долженъ былъ прекратить на время служебныя мои занятія и, съ согласія Петра Петровича, остался на три недѣли въ Городищѣ, гдѣ я одинъ встрѣтилъ новый 1855 годъ, между тѣмъ какъ Дивовъ уѣхалъ на зиму въ Петербургъ. Мать моя долго была бодра не по лѣтамъ, но смерть моего брата мгновенно превратила ее (какъ мнѣ впослѣдствіи говорили) въ дряхлую старуху и свела въ могилу. Обозрѣвая въ Городищенскомъ моемъ уединеніи всю истекшую мою жизнь, сколько упрековъ я дѣлалъ себѣ за всѣ горести и слезы, причиненныя этой лучшей изъ матерей буйною моею молодостью, тогда какъ отъ примѣрнаго моего брата она видѣла одно утѣшеніе и отраду!....

.....Самый день новаго года я встрѣтилъ и провелъ у сосѣда Дивова, достойнаго человѣка, по бирюка по привычкамъ жизни, Дмитрія Николаевича Апраксина въ его сельцѣ Горяинцовѣ, втроемъ съ ветеринаромъ Городищенскаго коннаго завода Константиномъ Петровичемъ Василевскимъ, человѣкомъ, оказавшимъ мнѣ живѣйшее сочувствіе во время и даже послѣ постигшаго меня несчастія.

*) Этотъ г. Дитель устроилъ было свою судьбу весьма укромно, женившись на одной богатой вдовѣ Калужской губерніи. Я встрѣтилъ его однажды въ Калугѣ (въ концѣ 50-го и въ началѣ 60-го годовъ) франтомъ и разъѣзжавшимъ въ своемъ экипажѣ; но онъ кончилъ незавиднымъ образомъ. Онъ и жена его находились подъ судомъ въ концѣ 60-хъ годовъ по обвиненію въ умышленномъ причиненіи смерти его пасынку (уже взрослому). Мать умершаго была приговорена къ каторжной (кажется) роботѣ, а ея мужъ къ ссылкѣ въ Сибирь съ лишеніемъ правъ состоянія; но онъ померъ еще въ острогѣ.

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА [1]).

По нерѣдкой у насъ склонности придавать нашимъ друзьямъ такія качества и отличительныя черты, которыми они не владѣютъ, Надежда Дмитріевна Хвощинская, вообразивъ себѣ, что во мнѣ теплится беллетристическая искра, уговорила меня попытать мои силы на этой новой для меня аренѣ, обѣщаясь быть моимъ руководителемъ, цензоромъ и корректоромъ. Особенно предстояло ей много труда по корректурной части, вслѣдствіе моей невообразимой даже неграмматикальности, переполнявшей и редакцію производимыхъ мною слѣдствій [2]) Избралъ я сюжетъ изъ сферы тогдашнихъ моихъ занятій и озаглавилъ мою повѣсть: «Первое слѣдственное дѣло чиновника особыхъ порученій». Повѣсть моя вышла, вопреки благосклоннаго взгляда знаменитой моей помощницы, нелѣпѣйшею изъ нелѣпыхъ (таковъ теперешній мой приговоръ, но въ то время она представлялась мнѣ какъ бы перломъ); но я все таки возымѣлъ дерзновеніе отослать ее въ «Отечественныя Записки», уповая на патронатство Надежды Дмитріевны, какъ одной изъ самыхъ видныхъ подпоръ журнала Краевскаго. Нѣчего и говорить, что не суждено было моей безцвѣтной элюкубраціи увидѣть свѣтъ; но я всетаки не унялся и на слѣдующій (1856) годъ начертилъ романическую дребедень, подъ именемъ «Провинціальная танцовщица», запимствовавъ впрочемъ сюжетъ изъ событій Рязанской театральной жизни, и на этотъ разъ я предпочелъ попытать свое авторское счастіе въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Удостовѣрившись однакоже по прошествіи года, что разсказъ мой не былъ помѣщенъ въ этомъ журналѣ, я, въ бытность мою въ Москвѣ, зашелъ къ М. Н. Каткову (жившему тогда на Мясницкой, при входѣ въ Армянскій переулокъ, гдѣ помѣщалась и его типографія), чтобы узнать, принята ли моя статья; но увы! онъ объявилъ мнѣ, что хотя разсказъ мой очень «миленькій», но недостаточно

---

[1]) См. выше стр. 303.

[2]) Къ стыду моему я долженъ сказать, что я сталъ заниматься Русскою грамматикою и даже Русскою исторіею не прежде конца 60-хъ годовъ, да и по сю пору сильно хромаю въ правописаніи.

интересенъ, чтобы быть помѣщеннымъ въ его журналѣ, и съ этихъ поръ я убѣдился, что во мнѣ нѣтъ никакихъ беллетристическихъ дарованій. Мое посѣщеніе Михаила Никифоровича относится къ 1857 году (я нарушилъ хронологическій порядокъ, чтобы покончить сразу съ моимъ неудавшимся авторствомъ). А больно хотѣлось мнѣ, и даже хочется и теперь, литературной извѣстности!.....

Въ Февралѣ этого 1855 года, взошедъ однажды утромъ къ Петру Петровичу Новосильцову, я засталъ его въ кабинетѣ, втроемъ съ его зятемъ, княземъ Николаемъ Сергѣевичемъ Вяземскимъ, и съ Меропою Александровною. Всѣ трое сидѣли съ необыкновенно серіозными и озабоченными физіономіями, и меня особенно удивило найти здѣсь князя Вяземскаго, только что наканунѣ этого дня уѣхавшаго въ Москву. На мой вопросъ о причинѣ столь поспѣшнаго его возвращенія въ Рязань, онъ объяснилъ, что въ Москвѣ получено было частное, но вѣрное извѣстіе, что государь Николай Павловичъ скончался, и вотъ почему онъ прискакалъ обратно къ своему тестю. Эти слова поразили меня какъ громовой ударъ, и мы всѣ четверо оставались безмолвными и съ поникшими головами. Когда, спустя нѣсколько времени, я остался вдвоемъ съ Петромъ Петровичемъ, онъ сказалъ: «Тотъ по крайней мѣрѣ лично зналъ меня, а этотъ—поди, угодишь-ли ему? Однако же, потрудитесь, *mon cher*», продолжалъ онъ, «перемѣнить Государя портретъ, что̀ стои́тъ на̀дъ моимъ письменнымъ столомъ». Надо знать, что вдоль стѣнъ его кабинета висѣли литографированные портреты всѣхъ членовъ царской фамиліи, кромѣ самаго Государя, коему сдѣланъ былъ особый почетъ выситься надъ письменнымъ столомъ, и вотъ, исполняя желаніе моего начальника, я перенесъ покойнаго императора на стѣну, на то мѣсто, гдѣ былъ портретъ великаго князя цесаревича Александра Николаевича, а послѣдняго я помѣстилъ на подобающее ему, какъ царю, новое мѣсто. Петръ Петровичъ казался такъ опечаленъ и разстроенъ неожиданностію роковаго извѣстія, привезеннаго его зятемъ, что меня немного удивило, какъ могъ онъ въ настоящую минуту помышлять о столь мелочномъ, но все таки какъ бы полуоффиціальномъ заявленіи, каковымъ я считалъ перемѣщеніе царскихъ портретовъ. Вслѣдъ за симъ онъ поспѣшилъ къ преосвященному Гавріилу, чтобы сообщить ему неизвѣстную еще въ городѣ новость и, быть можетъ, поплакать съ нимъ, а также чтобы условиться относительно немедленнаго провозглашенія о восшествіи на престолъ новаго Государя и о приводѣ къ присягѣ мѣстныхъ жителей, что̀ и состоялось на слѣдующій день, хотя оффиціальнаго извѣстія о кончинѣ императора Николая Павловича не было еще (на сколько помнится мнѣ) получено въ Ря-

зани, а на другой день послѣ присяги совершена была торжественная заупокойная литургія и панихида о почившемъ въ Бозѣ императорѣ, при чемъ весь служебный нашъ составъ и дамы были въ полной траурной одеждѣ. Изъ послѣднихъ самыя видныя, по свѣтскому ихъ въ Рязани положенію, губернаторша и двѣ сестры княгини Грузинская и Дадіанъ (дочери графа Павла Петровича Палена) были одѣты по строгому придворному этикету, въ длинныхъ со шлейфами черныхъ вуаляхъ, чего не случалось мнѣ видѣть дотолѣ. Съ этого же дня (если память не измѣнила мнѣ) во всѣхъ Рязанскихъ городскихъ церквахъ стали уже поминать императора Александра Николаевича; но внѣ города продолжали молиться по прежнему о здравіи и благоденствіи императора Николая Павловича впредь до полученія новаго о томъ консисторскаго указа, замедлившагося отъ неполученія консисторіею синодальнаго указа, и эта аномалія продолжалась цѣлыя двѣ недѣли или даже чуть-ли не болѣе. Вотъ онъ, этотъ несчастный оффиціальный характеръ, подъ гнетомъ коего страждетъ наша церковь: уваженіе къ бюрократическимъ формамъ доходитъ у насъ до того, что заставляетъ молиться съ сознательной лживостію.

Вопреки Крымскимъ военнымъ неудачамъ, общественное мнѣніе края такъ твердо вѣрило въ геніальность государя Николая Павловича, что, узнавъ о его кончинѣ, мы считали Россію пропавшею безъ него и со страхомъ спрашивали другъ у друга: что теперь будетъ съ нами? Что ни говори, а чѣмъ нибудь да заслужилъ же покойный государь подобное всеобщее о себѣ мнѣніе [1])!

На первыхъ же порахъ новаго царствованія послѣдовали опалы. На мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибикова назначенъ былъ Сергѣй Степановичъ Ланской, а преемникомъ главноуправляющаго путями сообщенія графа П. А. Клейнмихеля назначенъ былъ генералъ-адъютантъ Чевкинъ [2]). Уже кстати разскажу, какъ онъ однажды переострилъ князя Меньшикова (хотя это было до его назначенія въ сказанную должность). Въ одномъ изъ городскихъ салоновъ, свѣтлѣй-

---

[1]) Заслужилъ онъ, по моему, это мнѣніе тѣмъ, что былъ Русскимъ вполнѣ царемъ, въ противуположность своему предшественнику императору Александру 1-му. Не говоря о другомъ, вѣдь свѣжа еще были въ народной памяти Аракчеевщина и военныя поселенія, и не давалъ императоръ Николай Павловичъ предпочтенія иностранцамъ въ ущербъ своимъ подданнымъ.

[2]) Еще въ 40-хъ годахъ носился въ Петербургѣ слухъ, что однажды императрица Александра Ѳеодоровна жаловалась будто-бы Государю на надменное обращеніе графа Клейнмихеля съ великимъ княземъ наслѣдникомъ, вслѣдствіе чего Государь предупредилъ будто графа Петра Андреевича не забывать, что „когда нибудь придется ему имѣть дѣло съ императоромъ Александромъ Николаевичемъ“.

шій князь Александръ Сергѣевичъ (не оставлявшій по своему обыкновенію почти никого въ покоѣ), увидавъ входившаго, горбатаго и кривобокаго Чевкина, не удержался, чтобы не сказать вслухъ:—«Que vient faire ici Ésope?» На что Чевкинъ отвѣчалъ не запинаясь: «Il vient faire parler les animaux *).

Вотъ подробности о паденіи Д. Г. Бибикова, какъ я ихъ слышалъ, не изъ оффиціальныхъ, а только изъ городскихъ источниковъ. Во время одного изъ докладовъ Бибикова, Государь спросилъ его, отъ чего дѣла по ввѣренному ему министерству не идутъ настолько удовлетворительно, какъ бы желалось, чтобы они шли. «Оттого, Государь», отвѣчалъ будто-бы Д. Г. Бибиковъ, «что министръ внутреннихъ дѣлъ не пользуется правомъ имѣть опредѣленный въ недѣлѣ день, для личнаго доклада вашему величеству, а только отсылаетъ вамъ свой портфель».— «Я самъ того же мнѣнія», сказалъ на это Государь, «и вотъ почему, я впредъ назначаю опредѣленный въ педѣлѣ день для доклада министру внутреннихъ дѣлъ, Сергѣю Степановичу Ланскому». Павшій министръ откланялся и, возвратясь домой, ни слова не проронилъ своему семейству о постигшей его опалѣ, и во время обѣда оставался въ такомъ же хорошемъ расположеніи духа, какъ и обыкновенно. Послѣ обѣда, когда вся семья собралась въ его кабинетѣ, въ томъ числѣ и зять его графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, и пошла обычная бесѣда, Дмитрію Гавриловичу доложили, что въ его пріемной дожидается правитель министерской его канцеляріи. «Скажи», молвилъ Бибиковъ лакею, «чтобы онъ явился въ новому министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому». Легко представить себѣ общее изумленіе, произведенное этими словами.

Съ удаленіемъ Д. Г. Бибикова, наступила болѣе благопріятная для нашего губернатора эра.

Въ Рязанской, шумной дотолѣ, жизни произошелъ застой по случаю траура по императорѣ Николаѣ Павловичѣ; но если бы даже но было иначе, всѣ эти веселости не существовали бы для меня со времени кончины моей Анны, и меня единственно занимало служебное дѣло. Изложу два-три болѣе крупные случая изъ этого міра.

Раненбургскій уѣздный судъ приговорилъ одного обвиняемаго въ поджогѣ (или какомъ-то другомъ, не помню, важномъ преступленіи) крестьянина къ наказанію плетьми (или розгами) и къ ссылкѣ. Съ этимъ согласна была и Уголовная Палата, но когда дѣло поступило

*) „По какому дѣлу пришелъ сюда Езопъ?“—„Чтобы заставить скотовъ говорить“.

на разсмотрѣніе въ Сенатъ, онъ, отмѣнивъ тѣлесное наказаніе, во всемъ прочемъ согласился съ рѣшеніями обѣихъ упомянутыхъ инстанцій, въ коихъ усматривалось также обвиненіе нѣкоторыхъ другихъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, лицъ. Когда сенатскій указъ поступилъ въ Уголовную Палату, она, вызвавъ главнаго обвиняемаго, объявила ему съ подпискою объ измѣняемомъ отчасти рѣшеніи, до него касающемся, а за тѣмъ препроводила дѣло въ Уѣздный Судъ, а послѣдній предписалъ Раненбургскому Земскому Суду привести его въ исполненіе. Но послѣ обычно-офиціальнаго слова, «приказали», было слѣдующее: «Рѣшеніе Правительствующаго Сената объявлено подъ роспискою главному подсудимому (имя рекъ), а во всемъ остальномъ поступить по указу» *). Указъ этотъ (отъ Уѣзднаго Суда) былъ полученъ Раненбургскимъ Земскимъ Судомъ въ тотъ самый злосчастный день и моментъ, когда накопилась тамъ груда дѣлъ, требовавшихъ немедленнаго исполненія, или, быть можетъ, когда Земскій Судъ находился въ обычномъ ему лихорадочномъ состояніи и страхѣ отъ ожиданія губернаторской ревизіи, этого Дамоклесова меча, вѣчно висѣвшаго надъ нимъ. Какъ бы то ни было, а время приспичило горячее, да и въ этомъ длиннѣйшемъ протоколѣ повторялись отъ доски до доски всѣ три рѣшенія (первоначальное Уѣзднаго Суда, Уголовной Палаты и Сената), а въ добавокъ и послѣдній указъ Уѣзднаго Суда о приводѣ въ исполненіе окончательнаго рѣшенія; и потому докладчикъ суда, бѣгло просмотрѣвъ весь протоколъ, составлявшій объемъ фоліанта, а быть можетъ, удовольствовавшись прочтеніемъ первыхъ и послѣднихъ его страницъ, понялъ, что окончательная фраза обоихъ указовъ, Уголовной Палаты и Уѣзднаго Суда, гдѣ читалось, что «рѣшеніе Правительствующаго Сената объявлено подсудимому, а во всемъ прочемъ поступить согласно указу» (т. е. сенатскому), относилась къ тому, что подсудимому объявлено было о наказаніи его плетьми (или розгами) и что потому Раненбургскому Земскому Суду ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ исполнить приговоръ, относившійся какъ къ главному обвиняемому, такъ и къ его соучастникамъ. Исполнивъ такимъ образомъ этотъ подвигъ, Земскій Судъ донесъ Уѣздному Суду, что, согласно съ сенатскимъ указомъ, всѣ виновные подвергнуты были опредѣленному имъ наказанію, а въ томъ числѣ и главный обвиняемый тѣлесному наказанію. Между тѣмъ несчастная жертва поспѣшности прочтенія всего протокола подала прошеніе губернскому прокурору о томъ, что, вопреки объявлен-

*) Вставка о томъ, что подсудимый росписался, что ему предъявленъ былъ сенатскій приговоръ, обозначала, что Земскій Судъ не долженъ былъ отбирать вторично подобную подписку отъ подсудимаго.

ному ему въ Уголовной Палатѣ сенатскому рѣшенію объ избавленіи его отъ тѣлеснаго наказанія, онъ былъ высѣченъ въ Земскомъ Судѣ. Вслѣдствіе этого Уголовная Палата сдѣлала запросъ Уѣздному Суду о причинѣ отступленія отъ сенатскаго указа, а послѣдній представилъ въ свое оправданіе копію своего указа въ Земскій Судъ, во всемъ согласнаго съ указами Сената и Уголовной Палаты. Что постигло Раненбургскій Земскій Судъ, не упомню; впрочемъ, кажется, что онъ былъ преданъ суду. Но чѣмъ могъ быть вознагражденъ бѣдняга, подвергшійся жестокому наказанію отъ поспѣшности прочтенія судебнаго приговора? Съ нынѣшнимъ гласнымъ, благодаря Бога, судопроизводствомъ этого никогда не могло бы случиться.

Вызывались тогда охотники изъ отставныхъ нижнихъ чиновъ поступить снова на службу, съ предоставленіемъ имъ нѣкоторыхъ преимуществъ. Они собирались въ губернскіе города, и губернаторъ отправлялъ ихъ партіями, или по одиночкѣ, къ сборнымъ пунктамъ въ Петербургъ, или въ дѣйствующую армію. Одинъ изъ таковыхъ, отправленный на Москву, воротился съ дороги на слѣдующій день послѣ его выхода изъ Рязани и, явившись къ губернатору, объявилъ, что онъ имѣетъ сообщить ему наединѣ одно важное обстоятельство. Петръ Петровичъ повелъ его въ свой кабинетъ, и отставной солдатъ (или унтеръ-офицеръ) началъ свой разсказъ. «Извольте припомнить, ваше превосходительство, что нынѣшнею весною, во время распутицы, найдено было мертвое тѣло неизвѣстнаго человѣка подъ мостомъ по Ряжской почтовой дорогѣ.» (Дѣйствительно при вскрытіи весны, около указаннаго разсказчикомъ мѣста замѣченъ былъ сильный запахъ, какъ бы отъ падали, и становой розыскалъ подъ мостомъ полуистлѣвшее тѣло, которое, не будучи признаннымъ никѣмъ изъ окольныхъ жителей, было предано землѣ, и тѣмъ дѣло кончилось). «Какъ предъ Богомъ такъ и предъ вашимъ превосходительствомъ,» продолжалъ служивый, «винюсь, что это было дѣло моихъ рукъ. Прошлою осенью, возвращаясь на родину, я нагналъ по Тамбовской дорогѣ прохожаго человѣка, съ коимъ поразговорился; показалось мнѣ, что онъ при деньгахъ. Прельстилъ меня лукавый убить и обобрать его и, подходя къ мосту, я немного отсталъ, хватилъ его дубинкой по головѣ, и когда онъ свалился, я его тутъ же и докончилъ, а денегъ у него оказался всего одинъ полтинникъ. Никого на дорогѣ кромѣ насъ двухъ не было. Спрятавъ его подъ мостъ, я пошелъ на свою родину; но съ тѣхъ поръ нѣтъ мнѣ житья отъ покойника ни днемъ, ни ночью: такъ и лезетъ онъ ко мнѣ въ глаза, съ упреками, что я его убилъ. Думалъ я, что искуплю свой грѣхъ, поступивъ снова на царскую службу; но и по

нынѣ нѣтъ мнѣ покоя отъ него, и вотъ я рѣшился явиться съ повинною головою, и готовъ принять законное наказаніе за свое преступленіе. Авось Господь Богъ помилуетъ меня на томъ свѣтѣ.» О послѣдующей судьбѣ этого служиваго ничего мнѣ неизвѣстно; но конечно, за чистосердечное и добровольное его сознаніе наказаніе смягчалось самимъ закономъ.

Но вотъ другой болѣе трагическій случай. Нѣсколько лѣтъ передъ описываемымъ временемъ (должно быть при губернаторѣ Кожинѣ), найденъ былъ одинъ помѣщикъ мертвымъ, въ стойлѣ конюшни, съ слѣдами подковы около виска и такъ какъ подозрѣній въ убійствѣ его не было ни на кого изъ его людей, то слѣдователи заключили, что, по всѣмъ вѣроятностямъ, помѣщикъ ходилъ въ конюшню приласкать любимую свою лошадь въ такое время, когда тамъ не было никого, и что лошадь начала лягать, копытомъ убила его наповалъ, и дѣло предано было забвенію. Нѣсколько уже лѣтъ спустя (въ 50-хъ годахъ), сынъ этого помѣщика, давно вступившій въ свое наслѣдство, былъ убитъ и когда началось о томъ слѣдствіе, кучеръ его объявилъ, что нечего разспрашивать другихъ, что онъ одинъ убилъ молодаго барина, и вотъ почему. Молодой помѣщикъ началъ было приставать къ приглянувшейся ему дѣвчонкѣ, работавшей на его фабрикѣ, и такъ какъ она любила кучера, а тотъ ее любилъ, то она разсказала ему, что не знаетъ, какъ отдѣлаться ей отъ преслѣдованій барина, а кучеръ научилъ ее назначить барину мѣсто свиданія, отдаленное отъ усадьбы, «а что-жъ послѣ будетъ, это уже мое дѣло.» Дѣвушка послушалась его и когда помѣщикъ пришелъ къ условленному мѣсту, кучеръ порѣшилъ его сразу. «И такъ,» спросилъ слѣдователь, «ты убилъ твоего барина изъ ревности?» — «Оборони Боже,» отвѣчалъ кучеръ, «чтобы я принялъ на душу таковой грѣхъ изъ-за какой нибудь дѣвчонки. Нѣтъ, ваше благородіе, а убилъ я его вотъ почему. Чай слыхали вы о давнишнемъ дѣлѣ, какъ стараго барина нашли мертвымъ въ стойлѣ, и всѣ полагали тогда, что его убила лошадь, но дѣло было не такъ. Мы съ молодымъ бариномъ были въ тѣ поры почитай что мальчишками, и онъ уговорилъ меня помочь ему убить своего отца; послѣ чего мы подбросили старика въ стойло подъ лошадь, которая дѣйствительно начала лягать, отчего и оказались слѣды на его головѣ. Вотъ съ того-то времени омерзѣлъ мнѣ молодой баринъ за то, что подбилъ меня на это преступленіе, и омерзѣлъ онъ мнѣ до того, что во снѣ и на яву все слышится мнѣ голосъ, зачѣмъ ходитъ безнаказанно по бѣлу-свѣту этотъ отцеубійца, и что тогда только и будетъ мнѣ покой, когда я его изве-

ду, и вотъ почему я и наложилъ на него руку, а не изъ-за дрянной дѣвчонки.»

Уже носились тогда слухи, что правительство задумываетъ покончить съ крѣпостной зависимостью крестьянъ. Многіе считали эту мѣру несвоевременною (сначала и я раздѣлялъ это мнѣніе), но правительственный взглядъ, что крѣпостное право отжило свое время, оказался вѣрнымъ. Не знаю, какъ происходило въ прочихъ губерніяхъ; но въ Рязанской, во все время тамошней моей службы, не проходило года, чтобы крѣпостные люди не расправлялись съ своими барами убійствомъ, или сѣченіемъ, или побоями. Квартировавшій рядомъ со мною, одинъ титулованный молодой господинъ былъ избитъ своими дворовыми людьми, показавшими при слѣдствіи, что хотя они не принадлежали собственно ему, а старому еще барину, но что избили молодаго, чтобы онъ впослѣдствіи не могъ бы ими владѣть, и на вопросъ слѣдователя, почему они полагаютъ, что побои, нанесенные молодому барину, помѣшаютъ ему владѣть ими, они отвѣчали: потому что, когда Московскій баринъ Базилевскій былъ высѣченъ своими людьми, то царь повелѣлъ отобрать отъ него всѣ имѣнія. Вотъ въ какомъ видѣ распространилась по всей матушкѣ Россіи исторія о высѣченномъ камергерѣ, и дѣйствительно, имѣніе его было передано его сыну, по высочайшему повелѣнію. Нѣкая великосвѣтская и титулованная дама С....го уѣзда была высѣчена своими людьми; но какъ умная баба, она не пикнула о томъ никому и не потребовала отъ губернатора, чтобы произведено было о томъ слѣдствіе, какъ настоялъ избитый аристократическій мой сосѣдъ. Петръ Петровичъ намѣревался было навязать мнѣ это непріятнѣйшее дѣло, но я отмахалася руками и ногами, и спмъ удружилъ моему товарищу И. К. Мартенсу.

Петръ Петровичъ, узнавъ, что Петровскій садъ на дачѣ княгини М. С. Черкасской, прельщавшій городскихъ посѣтителей, находился подъ моимъ наблюденіемъ, просилъ меня принять въ мое вѣдѣніе Рязанскій городской садъ, страшно тогда запущенный, и одновременно съ тѣмъ заняться разведеніемъ втораго публичнаго сада, на соборной площади, надъ крутымъ берегомъ р. Трубежа *). На содержаніе ста-

*) Вся эта сторона, гдѣ нынѣ рядъ домовъ отъ театра до моста у соборной колокольни, подъ коимъ спускъ къ рѣкѣ, была въ то время пустыремъ, окружавшимъ изолированную церковь Спаса на Яру. Попытка засадить это мѣсто садомъ была предпринята еще до меня, Нѣмцемъ, садовникомъ Крапихомъ: но не удалась, какъ и моя позднѣйшая также не удалась. Впрочемъ, еслибы я продолжалъ свою службу въ Рязани, то не отсталъ бы отъ этого предпріятія изъ самолюбія. Главною причиною неудачи было затрудненіе добывать молодыя деревья, которыя привозились изъ далека уже полузасох-

раго сада, отпускалось по разрѣшенію Губернскаго Правленія изъ городскихъ доходовъ (такъ какъ въ то время городскія думы не были еще самостоятельными) полтораста рублей въ годъ, или даже меньше, сумма еле-еле достаточная для содержанія сада въ сносномъ порядкѣ, а о наймѣ особеннаго садовника нечего было и помышлять, а потому эту должность я буквально принялъ на себя. Повсюду росли лопухъ и крапива, а послѣдняя была въ низменной части сада до того густа и высока, что казалась богатымъ конопляным посѣвомъ; сушь и валежникъ рѣдко подчищались, а свѣжіе, навислые сучья чуть не задѣвали головы гулявшихъ; словомъ, запущенность была такая, что конечно, и скудная, опредѣленная на содержаніе сада сумма едвали расходовалась на него. Когда я принялся распахивать оврагъ, заросшій лѣсомъ крапивы, коренья ея были такъ здоровы и переплетены между собою, что сохи ломались. Я увеличилъ, помнится мнѣ, скудное жалованье сторожихѣ, жившей со взрослыми дочерьми - кружевницами въ избушкѣ самаго сада, и онѣ сдѣлались такія усердныя мнѣ помощницы, что черезъ три мѣсяца нельзя было узнать садъ: дорожки вездѣ вычищены и клумбы засажены однолѣтними цвѣтами. Работниковъ я добывалъ, по письменному каждый разъ требованію, изъ арестантской роты; но и тутъ приходилось соблюдать строгую экономію, такъ какъ плата каждому была по 10 копеекъ въ день, а конвойнымъ при нихъ унтеръ-офицерамъ по 20 (кажется). Однажды случилось слѣдующее съ ними происшествіе. Начавъ утромъ работу, я ушелъ домой къ моимъ служебнымъ занятіямъ, какъ вдругъ ко мнѣ прибѣгаетъ испуганная сторожиха съ извѣстіемъ, что вся команда перепилась и разбѣжалась. Я поспѣшилъ туда, и вотъ что̀ оказалось. Едва я ушелъ изъ саду, какъ какой-то купецъ позвалъ арестантовъ съ конвоемъ подойти къ близко находившемуся кабаку и всѣхъ ихъ напоилъ. Часть арестантовъ разбѣжалась, а другая таки осталась на мѣстѣ, а оба (помнится мнѣ) унтеръ-офицера лежали въ лёжку, и никакого объясненія я не могъ добиться отъ нихъ. Дѣло было казусное, и я немедленно далъ знать о случившемся начальнику арестантской роты, который сейчасъ прибылъ съ новымъ конвоемъ. Но что̀ крайне удивило меня и что̀ относится къ похвальной характеристикѣ нашего народа, это то, что иные (впрочемъ, немногіе) арестанты отказались идти въ кабакъ, и не только не послѣдовали примѣру своихъ товарищей, но продолжали работать безъ всякаго за ними присмотра. «Куда намъ бѣжать, ваше благородіе», отозвались они на мои вопросы о ихъ товарищахъ, «вѣ-

---

шими, а также въ неудобствѣ возить на гору достаточное количество воды для поливки растевій. Петръ Петровичъ хлопоталъ также о постройкѣ, при началѣ этого пустыря, казеннаго губернаторскаго дома, но проектъ его не имѣлъ успѣха.

стимо, что всѣхъ ихъ переловятъ». И дѣйствительно, не могли далеко уйти валившіеся съ ногъ пьяные бѣглецы, и ихъ вскорѣ всѣхъ до единаго, помнится мнѣ, переловили*).

Появились въ то время въ свѣтъ «Записки охотника» И. С. Тургенева, какъ бы въ подкрѣпленіе необходимости уничтожить радикально возможность злоупотребленій крѣпостнаго права; да и напечатаніе этого столь смѣлаго сочиненія не допущено было бы правительствомъ, еслибъ оно не имѣло въ виду неотлагательности подобной мѣры. Хотя тогдашніе законы предвидѣли и преслѣдовали злоупотребленія помѣщичьей власти, но на практикѣ законъ обходился дружнымъ отпоромъ дворянской партіи, а ей мирволила мѣстная администрація, состоявшая изъ ея же членовъ. Прогрессисты, въ томъ числѣ и азъ грѣшный, кинулись съ жадностію на этотъ первый въ печати протестъ противъ позорившей наше отечество вѣковой язвы; но старобоярскій консервативный элементъ встрѣтилъ Тургеневскій очеркъ гнѣта меньшей нашей братіи съ негодованіемъ и провозгласилъ автора возмутителемъ общественнаго строя и оскорбителемъ дворянскаго сословія.

Раннею весною присланы были на жительство въ Рязань въ два раза Англійскіе сухопутные плѣнные, и въ бо̀льшемъ несравненно количествѣ, чѣмъ въ предъидущемъ 1854 году. Сначала препровождены были два коммисаріатскихъ чиновника, изъ коихъ одинъ былъ Ирландецъ, по фамиліи Макартни. Такъ какъ оба не числились въ офицерскомъ чинѣ, то назначенное имъ содержаніе было такъ ничтожно, что Петръ Петровичъ уважилъ мою просьбу о помѣщеніи ихъ въ двухъ свободныхъ у меня комнатахъ, чрезъ что̀ оставались у нихъ въ экономіи (помнится мнѣ) квартирныя ихъ деньги, да и удобнѣе имъ было сноситься со мною, какъ съ переводчикомъ по ихъ незнанію другаго языка кромѣ роднаго. Они были люди безъ свѣтскаго лоска (Ирландецъ Макартни былъ необтесанный чурбанъ), и потому я собственно ничего не выигрывалъ отъ ихъ общества. Мой человѣкъ и неудавшійся воспитанникъ Тимошка (изъ Знаменскихъ крестьянъ) пред-

*) Петръ Петровичъ разсказывалъ мнѣ другой замѣчательный случай о чувствѣ долга у арестантовъ, чему онъ былъ свидѣтелемъ. Однажды, въ его Орловскомъ имѣніи, селѣ Войнѣ, остановилась на привалъ этапная партія; конвойные солдаты перепились и спали на телѣгахъ, а трезвые арестанты расположились вокругъ обоза. На вопросъ Петра Петровича, что̀ они тамъ дѣлаютъ, арестанты отвѣчали, что „наши робята-молъ подгуляли, и вотъ мы оберегаемъ ихъ: неравно что̀ случится съ ними, либо начальство какое нибудь нагрянетъ, и за это имъ будетъ лихо“. Распущенность въ тогдашнихъ уѣздныхъ командахъ внутренней стражи была страшнѣйшая, а этапная служба—дѣло заглазное. Далѣе сообщу, какъ нѣкій Тарусскій исправникъ отправлялъ арестантовъ въ станъ подъ конвоемъ деревенскихъ бабъ.

ложилъ взять ихъ на харчи (на ихъ же, конечно, счетъ), что̀ казалось выгоднымъ для нихъ, но вышло иначе. Мой личарда частенько запивалъ (до того, что я немного позднѣе вынужденъ былъ отдать его для исправленія въ арестантскую роту, но и это средство не помогло), и Англичане не только оставались иногда полуголодными, но экономъ ихъ не стѣснялся щеголять въ ихъ одеждѣ *). Не упомню, когда они выбыли изъ Рязани; но я не провожалъ ихъ, какъ прочихъ, въ Москву для сдачи.

Великимъ постомъ я заболѣлъ довольно серіозно, и свѣтлый день Пасхи пролежалъ въ постели. Тутъ-то я особенно почувствовалъ все свое одиночество. Однако, благодаря упомянутому не разъ Шенроку, я почти совершенно оправился на Ѳоминой недѣлѣ.

Вторая партія Англійскихъ плѣнныхъ прибыла въ Рязань въ началѣ Апрѣля и состояла изъ семи сухопутныхъ офицеровъ и одного моряка, всего восьми человѣкъ. Пѣхотный полковникъ Келли, пѣхотный капитанъ Фромптонъ, пѣхотный стрѣлковый (rifflemen) капитанъ Дуфъ, пѣхотный капитанъ Монгомери, пѣхотный поручикъ Байронъ (или Бироиъ), гусарскій поручикъ Клаузъ (Clowes), уланскій поручикъ Чадвикъ и командиръ транспортнаго судна «Кулоденъ», капитанъ Каррю (Carrew). Всѣ они, за исключеніемъ моряка Каррю, сдѣлались, какъ прошлогодніе морскіе офицеры, постоянными гостями у Петра Петровича; но въ салонный кружекъ Меропы Александровны попалъ только молодой Дуфъ, принадлежавшій къ аристократической фамиліи, весьма образованный и отлично говорившій по-французски; а изъ прочихъ офицеровъ по-французски знали только рыжій полковникъ Келли, да и то съ грѣхомъ пополамъ, и капитанъ Монгомери. Морякъ Каррю былъ человѣкъ грубоватый, съ нимъ мало сообщались его соотечественники, и онъ не бывалъ у Новосильцовыхъ. И на этотъ разъ, какъ прежде, на меня возложена была непріятная обязанность прочитывать и переводить всю ихъ корреспонденцію, но съ нѣкоторымъ на этотъ разъ облегченіемъ: я получилъ разрѣшеніе дѣлать одни экстракты изъ ихъ писемъ, вмѣсто переводовъ отъ доски до доски. Но все таки занятіе это было прескучное: писемъ получалось немало, и особенно корреспонденція полковника Келли съ его женою утруждала меня, потому что нѣжная полковница исписывала по 12 (помнится мнѣ) страницъ неразборчиваго въ добавокъ почерка; да кромѣ этого я поставленъ

*) Тимошку я таки побаловалъ, потому что еще ребенкомъ онъ былъ товарищемъ дѣтскихъ игръ моей дочери. Кончилъ онъ весьма плачевно: онъ былъ сосланъ въ прошломъ 1873 году за кражу.

былъ въ щекотливое положеніе относительно простодушнаго полковника Келли тѣмъ, что я былъ посвященъ въ его семейныя дѣла [1]). Я теперь только вспомнилъ, что былъ еще какой-то флотскій медикъ, мизантропическаго и раздражительнаго темперамента, который однажды въ письмѣ къ какому-то своему знакомому въ Англію отозвался такъ желчно и незаслуженно о своемъ положеніи въ Россіи, что я вынужденъ былъ увѣдомить о томъ Петра Петровича; а тотъ, вызвавъ его къ себѣ, задалъ ему такую головомойку, что онъ послѣ этого присмирѣлъ. Хотя я этимъ исполнилъ свою обязанность, но съ того времени мнѣ всегда было неловко встрѣчаться съ этимъ господиномъ. Молодому Дуфу, какъ привыкшему къ великосвѣтскому обществу, находкою было сдѣлаться своимъ, такъ сказать, человѣкомъ па половинѣ Меропы Александровны. Она, кажется, приняла его ухаживанье за нею въ болѣе сердечномъ смыслѣ чѣмъ оно было въ дѣйствительности, и даже стала ревновать его къ одной молодой Рязанской особѣ, съ которою нашъ Англичанинъ началъ было сближаться. Что же дѣлать? Таковъ уже женскій нравъ, даже когда пора плѣнять прошла; а Меропа Александровна подвигалась къ пятидесяти годамъ. Правда, что она была неимовѣрно еще свѣжа и могла гордиться пышными своими плечами и свѣтло-каштановыми волосами безъ единой сѣдины.

Рыжій и приземистый, но коренастый полковникъ Келли былъ добрякъ и простякъ, и надъ нимъ любилъ подтрунивать подъ-часъ Петръ Петровичъ, мастеръ мистифировать, когда захочетъ. «Voyons, colonel», начнетъ онъ, «racontez nous un peu, comment avez vous été fait prisonnier?» [2]) И Британецъ начнетъ, бывало, на своемъ ломанномъ Французскомъ нарѣчіи, уже слышанный нами разсказъ о томъ, какъ на разсвѣтѣ однаго туманнаго дня онъ, будучи въ обходѣ съ патрулью, сбился съ дороги и наткнулся на Русскіе шанцы; какъ на него накинулись, какъ онъ выхватилъ свой шестиствольной револьверъ, спустилъ курокъ—осѣчка, спустилъ второй—тоже, третій, четвертый, пятый и шестой,—тоже, и тогда, нечего было ему дѣлать какъ сдаться въ плѣнъ. Во время этого разсказа Петръ Петровичъ подмигнетъ мнѣ и скажетъ по русски: «А все вретъ; онъ просто, какъ неохотникъ до пороха, самъ искалъ благовиднаго случая попасться въ плѣнъ»; но добродушный Англичанинъ никогда не догадывался, что надъ нимъ подтруниваютъ и былъ высокаго мнѣнія о «мистеръ» Новосильцовѣ. Онъ считалъ своего главнокомандующаго, лорда Раглана, за великаго

[1]) Корреспонденты нашихъ военнопленныхъ смѣшивали Рязань съ Казанью, и иные изъ ихъ писемъ пересылались къ намъ изъ послѣдняго города.

[2]) Ну-ка, полковникъ, разскажите намъ, какъ это вы попались въ плѣнъ?

полководца и разсказывалъ, что этотъ лордъ былъ когда-то адъютантомъ и ученикомъ герцога Веллингтона, а Петръ Петровичъ сказывалъ мнѣ, что кромѣ бездарности этотъ ученикъ Ватерлоскаго побѣдителя ничѣмъ себя не выказалъ въ Крымской войнѣ [1]). Тотъ же полковникъ Келли говорилъ мнѣ, что Рязань тѣмъ пріятнѣе ему, что напоминаетъ города въ Нижней Канадѣ, гдѣ онъ продолжительно квартировалъ съ своимъ полкомъ. Тѣже широкія улицы, тѣже одноэтажные деревянные домики, съ заборами между ними и что еслибы пришлось ему перезимовать у насъ, то онъ не побоялся бы Русскихъ зимъ, такъ какъ въ Канадѣ онъ свыкся съ продолжительными снѣгами, съ ѣздою въ саняхъ и съ трескучими морозами.

Капитанъ Фромптонъ былъ человѣкъ любознательный и соціальныхъ привычекъ, даже общителенъ, но по незнанію Французскаго языка онъ не могъ часто пользоваться гостепріимствомъ Новосильцовыхъ. Его сильно интересовала внутренняя администрація Россіи, и я составилъ для него краткій о ней очеркъ, по англійски, который такъ ему понравился, что онъ обѣщалъ напечатать его въ Англіи; но сдержалъ ли онъ слово или нѣтъ, не знаю. Гусаръ Клаусъ и уланъ Чадьикъ были веселые, добрые ребята, но точно такіе же безцвѣтные молодые офицеры, какъ большинство нашей армейской кавалерійской молодежи. Молодой Дуфъ, участвовавшій въ Инкерманскомъ дѣлѣ, разсказывалъ мнѣ, что сердце содрогалось смотрѣть, какое опустошеніе производили въ рядахъ Русскихъ колоннъ выстрѣлы карабиновъ системы Минье [2]), тогда какъ пули отстрѣливающихся нашихъ солдатъ не долетали до половины разстоянія отъ напиравшаго непріятеля.

Въ числѣ военноплѣнныхъ, находившихся въ Рязани, былъ Французъ, капитанъ Ермансъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ легкою просѣдью, но бодрый, плотнаго тѣлосложенія, открытаго и веселаго права, какъ всѣ его соотечественники. И онъ часто бывалъ у губернатора; а чтобы не было тягостно ему жить одному, Петръ Петровичъ помѣстилъ его къ тогдашнему полицеймейстеру подполковнику Фелькнеру [3]), о коемъ ни слова не говорилось еще по сю пору.

---

[1]) Лордъ Раглань участвовалъ въ войнахъ съ Наполеономъ и имѣлъ нашъ Георгіевскій крестъ. П. Б.

[2]) Я слышалъ, будто бы въ 40-хъ годахъ Минье пріѣзжалъ въ Россію съ предложеніемъ нашему правительству купить его изобрѣтеніе, но правительство (или точнѣе, высшій милитаризмъ той эпохи) отвергло предложеніе Минье, потому что отъ новаго его устройства ружейные пріемы выходили „неловкими"!

[3]) Братъ его (кажется) былъ убитъ въ Варшавѣ, въ 1863 году.

Это былъ настоящій типъ безпечнаго жуира. Русская широкая натура, требующая простора и разгула во что бы то ни стало, а завтра будь, что̀ будетъ, и потому я прозвалъ его маіоръ Бонъ-Виванъ, по имени одного дѣйствующаго лица въ піесѣ, бывшей тогда въ ходу. Поступивъ въ гвардію изъ Пажескаго корпуса, а оттуда на Кавказъ, при князѣ Воронцовѣ (гдѣ, впрочемъ, онъ хорошо себя показалъ), онъ постоянно находился въ товариществѣ аристократической молодежи, усвоилъ себѣ мотовскія привычки, несоотвѣтствующія его средствамъ, и залѣзъ по уши въ долги. Недостатка въ протекціи не было, по видимому, у него, благодаря чему удалось ему выпросить взаймы у тогдашняго великаго князя наслѣдника Александра Николаевича крупненькую довольно сумму, чуть ли не 12 тысячъ рублей изъ собственной его шкатулки, для уплаты каковой вычитывалась опредѣленная закономъ часть изъ жалованья А. И. Фелькнера. Но полицеймейстерской его окладъ былъ такъ невеликъ и изъ него вычиталась такая ничтожная доля, что для пополненія всей занятой Фелькнеромъ суммы пришлось бы ему прослужить цѣлый полувѣкъ, и волею-неволею онъ долженъ былъ продолжать службу. Говорили, что его не выпускаютъ въ отставку, что̀ и имѣло свою выгодную сторону, такъ какъ онъ этимъ былъ гарантированъ отъ преслѣдованій за частные долги. Кутила и мотъ непремѣнно бываетъ добрый малый, а подобный гвардейскій индивидуумъ, цивилизованный человѣкъ, каковымъ вполнѣ представлялся нашъ полицеймейстеръ, и вотъ къ этому, отличному и даже съ жаргономъ «парлѐ-франсѐ», господину губернаторъ очень кстати пріютилъ Алжирской пѣхоты капитана Ермансa. Супружница нашего маіора Бонъ-Вивана была женщина образованная, но собою непривлекательна: горбатая, остроносая и чахоточной комплекціи. Казалось абсурднымъ, чтобы она могла сдѣлаться предметомъ супружеской ревности, но вышло противное, или быть можетъ ревность служила лишь предлогомъ къ размолвкѣ между гг. Фелькнеромъ и Ермансомъ. Какъ бы то ни было, но Французъ нашъ, возвращаясь однажды домой за полночь, тщетно избилъ свои кулаки о запертые ворота: полицеймейстеръ не велѣлъ впускать своего постояльца, и тотъ вынужденъ былъ скитаться по всему городу, въ глухую ночную пору, чтобы гдѣ нибудь приклонить голову. Взбѣшенный Французъ ходилъ на слѣдующій день жаловаться губернатору, а полицеймейстеръ объяснилъ, что капитанъ Ермансъ возвращается въ непозволительные часы и тѣмъ безпокоитъ всѣхъ въ его домѣ. Послѣ этой исторіи Французъ пріискалъ себѣ другую квартиру.

Въ одно послѣ-обѣда я засталъ у Новосильцовыхъ (жившихъ лѣтомъ на дачѣ Рюмина) графа Владимира Сологуба, котораго я потерялъ

изъ виду со времени Петербургской моей жизни. Онъ проѣзжалъ черезъ Рязань съ Кавказа и сказывалъ мнѣ, что бросилъ тамошнюю службу, потому что Тифлисъ надоѣлъ ему. Это было одно благѣрство (какъ я сей часъ объясню), и потому я сказалъ ему въ отвѣтъ, что хорошо жить, кому бабушка ворожитъ, а что я радъ-радехонекъ, что попалъ въ губернскій городъ чиновникомъ особыхъ порученій. Дѣло было, какъ я слышалъ, нѣсколько иначе, чѣмъ его разсказывалъ блестящій беллетристъ и эпиграмматистъ, графъ Сологубъ. Когда графъ Воронцовъ (еще не князь) былъ назначенъ на Кавказъ, всесильные протекторы разстроившаго свое состояніе графа Сологуба исходатайствовали создать для него небывалую должность директора Тифлискаго театра, съ окладомъ, кажется не менѣе 12 тыс рубл. въ годъ [1]). Когда же Н. Н. Муравьевъ былъ назначенъ Кавказскимъ намѣстникомъ, послѣ князя Воронцова, то, какъ разсказывали тогда, онъ посовѣтовалъ сіятельному директору Тифлискаго театра возвратиться во свояси, къ Невскимъ берегамъ. У васъ-де кстати прекрасный «тарантасъ» (намекъ на юмористическое сочиненіе графа Сологуба, «Тарантасъ,» производившее фуроръ въ Петербургскихъ салонахъ въ началѣ 40-хъ годовъ, одновременно съ «Путешествіемъ мадамъ Курдюковой», И. П. Мятлева). Имѣть въ числѣ подчиненныхъ салоннаго баловня и колкаго балагура не было въ духѣ педанта по службѣ, Николая Николаевича. Графъ Сологубъ тутъ же сообщилъ намъ новость, что онъ заѣзжалъ къ своему тестю, жившему лѣтомъ въ своемъ имѣніи Зарайскаго уѣзда, и нашелъ одряхлѣвшаго меломана и композитора предававшимся исключительно Русскому риѳмоплетству, въ патріотическомъ духѣ, по злобѣ дня.

Въ Августѣ я проводилъ всѣхъ Англійскихъ военноплѣнныхъ въ Москву для размѣна; но на этотъ разъ я не являлся къ графу Закревскому, а сдалъ ихъ (помнится мнѣ) гражданскому губернатору Капнисту. Въ Москвѣ меня отыскалъ внимательный всегда ко мнѣ князь Николай Ѳедоровичъ Голицынъ и угостилъ меня обѣдомъ, порядочно орошеннымъ Шампанскимъ, во Французскомъ ресторанѣ «Ропѣ-де-Канкаль» (что на углу Неглинаго проѣзда и Софійской улицы, насупротивъ Голицынской галлереи [2]), и крѣпкій еще не по лѣтамъ Пре-

[1]) Быть можетъ, лицо, передавшее мнѣ эти свѣдѣнія, подразумѣвало рубли по ассигнаціонному курсу, но и въ такомъ случаѣ сумма равнялась губернаторскому окладу того времени.

[2]) Содержатель этого ресторана Барденъ (Bardin) составилъ въ теченіе съ небольшимъ 10 лѣтъ такое состояніе, что, сдавъ свое заведеніе, поселился въ Ниццѣ, гдѣ купилъ прекрасную виллу. Его ресторанъ не славился въ гастрономическомъ отношеніи, ни при немъ, ни послѣ него.

образованецъ перваго десятилѣтія нынѣшняго вѣка не отставалъ отъ меня ни единымъ бокаломъ. Третьимъ застольникомъ былъ у насъ нѣкто Григорьевъ, употребляемый княземъ какъ коммиссіонеръ, и конечно щедро оплачиваемый. Этотъ Григорьевъ былъ весьма способный и образованный человѣкъ, но нигдѣ какъ-то ему не везло. Былъ онъ одно время чиновникомъ особыхъ порученій при Н. М. Смирновѣ, въ бытность послѣдняго Калужскимъ губернаторомъ, но провалился на службѣ; послѣ того опредѣлился управляющимъ Московскою домовою конторою Николая Гавриловича Рюмина; позднѣе, въ 1857 году, онъ пошелъ въ ходатаи по дѣламъ, послѣ чего я потерялъ его изъ виду. Прежде чѣмъ разстаться съ моими друзьями Англичанами, я ихъ сопровождалъ къ Московскому Англійскому пастору, который разсказалъ мнѣ, что въ разгаръ Крымской войны графъ Закревскій приказалъ было ему выпустить изъ Англиканской литургіи молитву о побѣдѣ надъ врагами королевы; но пасторъ представилъ графу, что безъ парламентскаго разрѣшенія онъ не въ правѣ нарушить ритуалъ (служебникъ) своей церкви.

Изъ Москвы я поѣхалъ къ своимъ, въ Знаменское, и пробылъ съ ними до именинъ моего Мити, 21 Сентября. Тамъ я засталъ Митю только-что оправившагося отъ опасной болѣзни, о чемъ я узналъ только въ Москвѣ отъ князя А. М. Хилкова (нашего сосѣда). Ему и теперь помогъ, какъ въ концѣ 1850 года, когда онъ тяжко заболѣлъ въ моемъ отсутствіи въ Воронцовѣ, талантливый Алексинскій врачъ Александръ Семеновичъ Дмитревскій [1]). Въ Знаменскомъ мы узнали о новой неудачѣ нашего оружія при Черной, и что въ этомъ дѣлѣ были убиты мой давнѣйшій другъ баронъ Павелъ Александровичъ Вревскій [2]) и генералы Веймарнъ и Реадъ. Хотя сказано было, можетъ статься, мною, что начальствующимъ Тарусскою дружиною былъ выбранъ мѣстный помѣщикъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ѳедоръ Ивановичъ Миллеръ (бывшій однимъ изъ Московскихъ полицеймейстеровъ въ 30-хъ годахъ), который и былъ переименованъ въ генералъ-маіоры, но не договорилъ я, помнится мнѣ, что Тарусская дружина выступила въ походъ съ деревяшками вмѣсто кремпей, чуть ли не болѣе чѣмъ на половину всей дружины, а о пистонныхъ ружьяхъ тогда и помину не было. Въ Боровской дружинѣ (начальникомъ коей былъ выбранъ полковникъ Наркисъ Антоновичъ Обнинскій, что̀ женатъ былъ на до-

[1]) Впослѣдствіи А. С. Дмитревскій, покинувъ широкую свою практику и нажившъ порядочный капиталъ, пристрастился къ адвокатству.

[2]) Баронъ П. А. Вревскій былъ тогда уже генералъ-адъютантомъ и женатъ вторымъ бракомъ на вдовѣ генерала Храповицкаго, рожденной княжнѣ Щербатовой.

чери Ивана Антоновича Кавецкаго) былъ едва ли слыханный дотолѣ случай, что три поколѣнія находились въ военной службѣ въ одно и тоже время, какъ случилось въ семействѣ Челищевыхъ. Престарѣлый дѣдъ дошелъ, впрочемъ, только до Курска или до Харькова, гдѣ начальникъ Калужскаго ополченія графъ Толстой (братъ оберъ-прокурора Св. Синода Александра Петровича и Егора Петровича, бывшаго незадолго передъ тѣмъ Калужскимъ губернаторомъ) съ немалымъ трудомъ уговорилъ его возвратиться домой, за что старикъ сильно сѣтовалъ на своего сына Дмитрія Михайловича, вліянію котораго на графа Толстого (при коемъ послѣдній находился адъютантомъ) старикъ приписывалъ совѣты графа отстать отъ ополченія*). Меньшому Челищеву, Николаю Дмитріевичу, было тогда 18 или 19 лѣтъ. Въ награжденіе Челищевымъ за подобное рвеніе къ службѣ, малолѣтняя дочь Дмитрія Михайловича была помѣщена въ институтъ на казенный счетъ.

Отпраздновавъ въ Знаменскомъ именины моего сына, я выѣхалъ оттуда 22 Сентября обратно въ Рязань, но заѣхалъ на нѣсколько дней въ Зенино, къ Зенаидѣ Сергѣевнѣ и съ гостившею тамъ Анною Петровною Ракитиной прибылъ въ Городище 1-го Октября. На слѣдующій день явившись къ Петру Петровичу, я получилъ отъ него выговоръ за то, что такъ долго замѣшкался (всего какихъ-нибудь полтора мѣсяца). У него проявлялись, какъ я уже сказывалъ, подобныя странныя выходки, свойственныя лишь педанту по службѣ, ни образа, ни подобія чего въ немъ никогда не бывало; а въ данномъ случаѣ замѣшканіе мое было тѣмъ извинительнѣе, что я не видался со своимъ семействомъ въ теченіе 10 мѣсяцевъ, а вѣдь Петръ Петровичъ былъ самъ нѣжнѣйшимъ семьяниномъ.

Когда наступала зима, проходили подъ конвоемъ черезъ Рязань изъ Воронежа въ Москву четверо плѣнныхъ изъ Піемонтскихъ ниж-

*) Дмитрій Михайловичъ Челищевъ былъ безукоризненный и образцовый исправникъ и рыцарскаго свойства человѣкъ, не боявшійся говорить правду губернаторамъ. (Надѣюсь, что я попапрасну употребляю глаголъ былъ и что Дмитрій Михайловичъ здравствуетъ и бодрствуетъ по сю пору). Прослуживъ нѣсколько трехлѣтій сряду Боровскимъ исправникомъ по выбору отъ дворянъ, онъ былъ назначенъ исправникомъ и отъ коровы, когда эта должность перестала быть избирательною. Сколько ни было губернаторовъ въ Калугѣ, всѣ его отличали, и лишь въ 60-хъ годахъ онъ вынужденъ былъ просить объ увольненіи его, по причинѣ несправедливыхъ придирокъ губернатора г. Спаскаго, ни во что не ставившаго надежныхъ чиновниковъ. Сынъ его, Николай Дмитріевичъ, пошелъ по слѣдамъ отца, былъ дѣльнымъ Малоярославецкимъ исправникомъ, и подобно отцу бросилъ службу, по непріятностямъ съ тѣмъ же губернаторомъ г. Спаскимъ, послѣ чего былъ выбранъ Малоярославецкимъ градскимъ главою. Изъ этого можно судить, что за люди Челищевы.

нихъ чиновъ, маленькіе, тощіе и почти всѣ изъ новобранцевъ. Петръ Петровичъ, призвавъ ихъ къ себѣ, накормилъ и напоилъ досыта этихъ жалкихъ воиновъ отъ своего собственнаго стола, и Итальянцы, оживившіеся виноградным напиткомъ, коего были давно лишены, угостили насъ въ свою очередь нѣсколькими боевыми пѣснями въ родѣ маршей, довольно стройно спѣтыми. По распоряженію Петра Петровича, ихъ снабдили полушубками, наушниками, валеными сапогами и теплыми рукавицами. Ужъ какъ и благодарили они губернатора за его отцовское о нихъ попеченіе! Не сдѣлай этого добраго дѣла Петръ Петровичъ, несчастные, пожалуй, замерзли бы въ своихъ солдатскихъ шинелишкахъ. Когда они, разгулявшись отъ губернаторскаго пира, затянули свои военные гимны, жандармъ, находившійся на вѣстяхъ у губернатора, вызвалъ Евгенія Михайловича Бернара на пару словъ, и какъ только послѣдній вышелъ въ переднюю, жандармъ спросилъ его: «Скажите на милость, ваше благородіе, неужели всѣ Французы такіе щедушные какъ этотъ народъ?» — «Не знаю, какъ тебѣ сказать,» смѣясь отвѣчалъ безногій Бернаръ, «можетъ быть, есть и покрупнѣе.» — «Помилуйте, ваше благородіе, судя по этимъ, войско ихъ должно быть не страшно. Вѣдь я одинъ справлюсь, пожалуй, съ четырьмя такими, да и не руками, а просто пинкомъ», и при этомъ, молодецъ нашъ лягнулъ впередъ ногою.

Говоря о Піемонтцахъ, должно замѣтно, что они появились на Крымскомъ полуостровѣ союзниками Наполеона невзначай, безъ объявленія намъ войны, каковую формальность они считали, должно быть, излишнею. Командующимъ ихъ войскомъ (если таковымъ можно считать отрядъ изъ 12 т. или немного болѣе человѣкъ) былъ Ламармора, двоюродный братъ моего зятя, маркиза Клавдія д'Эксъ-Сейсель. А въ Турецкіе башибузуки опредѣлился тогда волонтеромъ Флорентинецъ, молодой графъ Серистори, сынъ служившаго у насъ съ 1818 по 1830 годъ свитскимъ офицеромъ полковника графа Серистори, который женился въ Одессѣ на дочери нашего драгомана при Портѣ Франкини.

Въ началѣ зимы этого 1855 года крѣпость Карсъ въ Азіатской Турціи, защищаемая Англійскимъ генераломъ Вилліамсомъ, вслѣдствіе блокады сдалась на капитуляцію Н. Н. Муравьеву. Генералъ Вилліамсъ со своимъ штабомъ поселился на зиму въ Тифлисѣ, но почти что вслѣдъ за тѣмъ секретарь его по дипломатической части, г. Чурчиль (считавшійся въ числѣ военнопленныхъ) былъ высланъ къ намъ въ Рязань. Позднѣе мы узнали, что онъ повредилъ себѣ язычкомъ въ Тифлисѣ, и потому Николай Николаевичъ счелъ нужнымъ охладить его

пылъ перемѣщеніемъ въ болѣе холодный климатъ. Чурчиль былъ весьма образованный молодой человѣкъ и впослѣдствіи составилъ хорошую карьеру, въ Англійскихъ миссіяхъ на Востокѣ, для чего онъ спеціально изучалъ восточныя нарѣчія. Сближеніе съ нимъ было весьма пріятною для меня случайностью, тѣмъ болѣе, что не поручено было мнѣ шпіонства за его кореспонденцію. Онъ разсказывалъ мнѣ, между прочимъ, что въ послѣдніе дни осады Карса, когда всѣ съѣстные припасы были истощены, они питались однимъ сахаромъ: житье, значитъ, сладкое, а хуже горькаго.

Жизнь моя текла также однообразно, какъ и прежде: въ обществѣ я нигдѣ не показывался, кромѣ Новосильцовыхъ и Хвощинскихъ, и съ неотлегнувшей отъ души грустью встрѣтилъ новый 1856 годъ. О, какъ онъ рознился отъ этого для два года передъ тѣмъ, когда я встрѣчалъ новый годъ у Новосильцовыхъ съ женою и дочерью....

Въ Январѣ или Февралѣ Зенаида Сергѣевна нарочно пріѣзжала въ Рязань, чтобы поклониться праху моей Анетины, которую она любила и оплакивала со мною. Трудно встрѣтить сердце, которое бы болѣе ея сочувствовало чужой скорби! И ей, бѣдняжкѣ, суждено было испытать потерю, подобную моей. Одиннадцать лѣтъ позднѣе, старшій ея сынъ сошелъ въ преждевременную могилу и покоится въ Московскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ, который и она себѣ усвоила, какъ я усвоилъ себѣ Рязанскій Казанскій монастырь и называю его *моимъ*...

Весною заключенъ былъ миръ съ коалиціею; вѣсть о томъ повсюду встрѣчена съ восторгомъ. Была партія (и по нынѣ существуетъ), находившая, что слѣдовало продолжать войну во что бы то ни стало, и что Наполеонъ истощалъ будто бы послѣднія свои силы; но вѣдь у насъ не было, по общему отзыву, ни денегъ, ни пороху для дальнѣйшей борьбы, а тѣмъ временемъ прочія державы, остававшіяся дотолѣ нейтральными, начинали уже колебаться, за исключеніемъ Пруссіи. Швеція, какъ говорили тогда, была уже готова вооружиться и воспользоваться удобнымъ моментомъ, чтобы отторгнуть отъ насъ Финляндію; что до Наполеона и Англичанъ, то они конечно, не отстали бы отъ своего предпріятія, а финансовыя ихъ средства, были гораздо въ болѣе цвѣтущемъ положеніи, чѣмъ наши *).

Когда во время редакціи Парижскаго трактата, который лишалъ насъ Дунайскаго прибрежія съ крѣпостью Измаломъ включительно и

*) Одинъ артилерійскій офицеръ, находившійся въ Севастополѣ до конца войны, разсказывалъ мнѣ, что въ послѣднее время осады отпускалось каждому солдату по 12 патроновъ въ день, и никакъ не болѣе.

обязывалъ уничтожить Черноморскій флотъ, нашъ уполномоченный, князь Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ сталъ (какъ разсказывали) возражать противъ столь унизительныхъ для Россіи кондицій, Австрійскій первый министръ Буоль замѣтилъ князю, что Россіи, какъ побѣжденной, ничего болѣе не остается дѣлать какъ покориться необходимости. «Можетъ быть такъ, отвѣчалъ князь, но Россія не привыкла быть побѣжденною»: намекъ на постоянное пораженіе Австрійцевъ въ теченіи полувѣка [1]).

Этой же весною, Петръ Петровичъ отпросился за границу на шесть мѣсяцевъ. Онъ поѣхалъ въ Неаполь къ чахоточной своей дочери, княгинѣ Екатеринѣ Петровнѣ Вяземской, и вмѣсто обыкновеннаго порядка временнаго управленія губерніею мѣстнымъ вице-губернаторомъ назначенъ былъ управляющимъ Рязанскою губерніею графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой, бывшій предъ тѣмъ вице-директоромъ департамента исполнительной полиціи. Одинъ Петербуржецъ сказывалъ мнѣ тогда, что по случаю выхода въ отставку Валерія Валеріевича Скрипицына, директора департамента иностранныхъ исповѣданій [2]), мож-

[1]) Такъ какъ, съ окончаніемъ Крымской войны, внезапно исчезла изъ обращенія звонкая монета, то я крѣпко держусь мнѣнія, что, по включенной въ Парижскій трактатъ секретной статьи, мы были обложены сильною контрибуціею; да это предположеніе и вполнѣ логично. Кто же даромъ воюетъ? Нельзя же допустить, чтобы Наполеонъ удовлетворился, вмѣсто покрытія громадныхъ военныхъ издержекъ, одной славою, и тѣмъ что онъ отбросилъ Россію отъ Дуная и запретилъ ей держать флотъ на Черномъ морѣ. Предположеніе мое подтверждается еще тѣмъ, что послѣ разгрома Франціи въ 1870 году нашъ кредитъ и вексельный курсъ началъ возвышаться довольно быстро.

[2]) В. В. Скрипицынъ игралъ, какъ извѣстно, важную роль въ дѣлѣ о переходѣ уніатовъ сѣверо-западнаго края въ православіе, въ концѣ 30-хъ годовъ. Онъ умеръ въ Парижѣ нынѣшнимъ лѣтомъ 1874 года. Графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій, умѣвшій цѣнить людей по ихъ достоинству, былъ подпорою В. В. Скрипицына, по значеніе послѣдняго въ министерствѣ стало, повидимому, упадать при Д. Г. Бибиковѣ и С. С. Ланскомъ. Внезапное увольненіе его отъ службы случилось въ 1856 году по слѣдующему поводу. По введеніи конкордата, заключеннаго въ 1846 году (чрезъ графа Д. Н. Блудова) между папою Григорьемъ XVI и императоромъ Николаемъ Павловичемъ, В. В. Скрипицынъ очутился какъ бы между двумя огнями. Ему пришлось выбирать одно изъ двухъ: или прислуживаться Римской куріи, или служить чисто-Русскимъ интересамъ. Понятно, что онъ выбралъ послѣдній путь, и потому всячески старался не исполнять конкордата. На него возникли отъ этого нескончаемыя неудовольствія, и противники его прибѣгнули къ наушничеству предъ юнымъ царемъ, не безъ участія, быть можетъ, графа Блудова и вице-канцлера графа Нессельроде, виновниковъ конкордата. Рѣшено было пожертвовать В. В. Скрипицынымъ. На сколько могъ онъ имѣть поддержки у тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, С. С. Ланскаго, мнѣ неизвѣстно; вступился, однакоже, за него всесильный тогда князь Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, по ходатайству котораго В. В. Скрипицынъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники и причисленъ къ министерству съ тѣмъ, чтобы назначить его въ сенаторы при первой открывшейся вакаціи, но обѣщанная эта награда не получена имъ, хотя вакаціи и открывались. Сначала онъ поселился въ Парижѣ, а оттуда въ Ниццѣ, гдѣ онъ купилъ живописную виллу, утопающую въ зелени пальмъ и по-

но было ожидать, что на его мѣсто будетъ назначенъ графъ Н. Д. Толстой, но побаивались его, какъ черезъ чуръ ревностнаго ко всему, что относится до нашего вѣроисповѣданія (отчего самаго палъ Скрипицынъ), а чтобы миновать эту случайность безъ обиды для него, придумано было послать его погубернаторствовать въ Рязань, доколѣ откроется самостоятельное для него губернаторское мѣсто. Между тѣмъ, директоромъ департамента иностранныхъ исповѣданій назначенъ нѣкто Хрущовъ, покровительствуемый великой княгиней Еленою Павловною. Графъ Дмитрій Николаевичъ ежегодно почти бывалъ въ своемъ имѣніи Дашковскаго уѣзда селѣ Толстомъ-Знаменскомъ, и я, встрѣчаясь съ нимъ у Петра Петровича, возобновилъ прежнее мое съ нимъ знакомство, начатое въ Нижнемъ въ 1843 году, когда онъ былъ тамъ директоромъ ярмарки. Иногда, вмѣсто отпуска онъ бралъ какую нибудь командировку отъ министерства, чтобы не лишиться жалованья (такъ какъ средства его были ограничены) и этимъ имѣть также возможность оставаться у себя въ деревнѣ, сколько ему было угодно. Однажды онъ взялъ командировку для ревизіи Рязанскаго Губернскаго Правленія и полиціи, изъ чего произошло столкновеніе съ Петромъ Петровичемъ, впрочемъ не особенно важное. Но надо прежде сказать, что добрый нашъ Петръ Петровичъ чванился обыкновенно, что при назначеніи его Рязанскимъ губернаторомъ онъ будто бы настоялъ черезъ князя Алексѣя Ѳедоровича Орлова на два важныя изъятія отъ обыкновеннаго по-

---

меранцовыхъ деревьевъ, при входѣ улицы „St.-Etienne“. Когда ему выслали за границу черновой формулярный его списокъ для просмотра, то, при возвращеніи списка, онъ приписалъ, что вся его служба показана вѣрно, кромѣ одного обстоятельства, что при увольненіи его ему было обѣщано назначеніе въ сенаторы при первомъ возможномъ случаѣ, но что это не состоялось. На этотъ протестъ не было обращено никакого вниманія. Въ бытность мою въ Ниццѣ, въ началѣ 1863 года, я часто встрѣчалъ В. В. Скрипицына, прогуливавшагося въ остроконечной шляпѣ, на подобіе сахарной головы, никѣмъ, кромѣ него, не носимой. Лично съ нимъ я не былъ знакомъ, да и онъ вообще удалялся отъ нашей Русской колоніи въ Ниццѣ, весьма тогда многочисленной. (Насчитывалось Русскихъ семействъ до 800, а лицъ обоего пола до 2000). Уважая вполнѣ служебную самоотвагу В. В. Скрипицына, я, какъ исподаренный подобною ему смѣлостью, дѣйствовалъ бы, быть можетъ, иначе. Зная, что плетью обуха не перешибешь и что немыслимо дѣйствовать продолжительно на перекоръ правительственной программѣ (будь это даже по убѣжденію, что и тружусь для отечественной пользы), но не желая однакоже съ другой стороны сдѣлаться безмолвнымъ орудіемъ мѣръ, несогласныхъ съ моими воззрѣніями, я бы просилъ о назначеніи меня на другое мѣсто, ибо въ сущности „on ne doit pas être plus royaliste que le roi lui-même, ni plus orthodoxe que le pape“. (Не слѣдуетъ никакъ быть болѣе ярымъ роялистомъ, чѣмъ самъ король, или болѣе правовѣрнымъ, чѣмъ самъ папа). В. В. Скрипицынъ былъ женатъ на Француженкѣ, перешедшей въ православіе. У нихъ осталась единственная дочь, не вышедшая еще по сіе время (въ 1874 году) замужъ, причиною чему могли быть ея родители. Отецъ твердилъ, что онъ выдастъ ее замужъ только за Русскаго, а мать говорила, что не иначе какъ за ея соотечественника. В. В. Скрипицынъ скончался въ Парижѣ въ нынѣшнемъ 1874 году.

ложенія всѣхъ прочихъ губернаторовъ, а именно: чтобы не высылалось бы никогда чиновника изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ для обревизованія какой бы то ни было части Рязанской администраціи, и чтобы мѣстный жандармскій штабъ-офицеръ не доносилъ своему начальству ничего, не показавши предварительно Петру Петровичу, о чемъ именно онъ доносилъ. Исполнялось ли въ точности второе изъ этихъ условій, не знаю; но на счетъ перваго, оно и безъ командировки графа Толстаго было нарушено присылкою изъ министерства нѣкоего г. Сафоновича [1]) для ревизіи чего-то въ Рязани. Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Рязань, графъ Дмитрій Николаевичъ сказалъ Петру Петровичу, что ему хочется пожить подольше въ своемъ имѣніи, и потому не имѣетъ ли Петръ Петровичъ чего нибудь противъ его желанія взять командировку изъ министерства для обревизованія какой нибудь части въ Рязанской губерніи? На это Петръ Петровичъ отвѣчалъ, что ни за что не дастъ своего согласія, ссылаясь на обѣщанное будто бы ему княземъ Орловымъ. «Весьма сожалѣю,» сказалъ графъ, «что я объ этомъ не зналъ прежде, потому что уже имѣю порученіе ревизовать ваше Губернское Правленіе и полицію,» при чемъ вынулъ изъ бокового кармана министерское предписаніе. Нечего было дѣлать бѣдному Петру Петровичу, пришлось «faire bonne mine au mauvais jeu» [2]), и со всегдашнею свѣтскою своею любезностію онъ предложилъ графу сейчасъ же ѣхать съ нимъ въ Губернское Правленіе.

Графъ Дмитрій Николаевичъ, съ перваго же дня управленія губерніею, сталъ обращаться со мною не только что ласково, но ему угодно было отличать меня отъ прочихъ чиновниковъ, за исключеніемъ И. К. Мартенса, который сдѣлался также приближеннымъ къ нему человѣкомъ. И меня сильно влекло къ графу, хотя я едва былъ знакомъ съ нимъ (да и начало моего съ нимъ знакомства въ Нижнемъ черезъ столь амфибичную личность, каковою былъ ярмарочный надзиратель Израильтянинъ Розѐ, не особенно могло рекомендовать меня ему), какъ будто бы я предчувствовалъ, что въ немъ я найду моего перевоспитателя. Нѣкоторые изъ болѣе приближенныхъ къ Петру Петровичу чиновниковъ не только начали чуждаться графа Толстаго и глазъ у него не показывали, но удрали изъ Рязани. Что значилъ этотъ протестъ, трудно угадать. Вѣдь графъ Толстой былъ временнымъ только губернаторомъ, не было никакой ссоры между нимъ и Петромъ Петро-

[1]) Вслѣдъ за тѣмъ, г. Сафоновичъ былъ назначенъ Орловскимъ губернаторомъ.

[2]) Взять на себя веселый видъ по непріятному дѣлу.

вичемъ; да и гоненія свыше на послѣдняго не было никакого. А между тѣмъ оказалось, что эти господа были неплохіе дипломаты, и при возвращеніи Петра Петровича имъ сочтено было это въ услугу, а гроза обрушилась надъ Мартенсомъ и надо мною за наше будтобы угодничество графу, какъ о томъ разскажу далѣе. Комплектъ чиновниковъ особыхъ порученій былъ уже и безъ того неполный, а съ укрывательствомъ (или, для смягченія выраженія, съ отъѣздомъ въ отпускъ) двоихъ изъ нихъ, тягловыми слѣдователями оставались только Степанъ Тимофеевичъ Славутинскій и я. И. К. Мартенсъ уже былъ ассесоромъ Губернскаго Правленія *). Невмоготу было намъ двоимъ: я просилъ графа о замѣщеніи вакантныхъ мѣстъ. И Мартенсъ, и я указывали ему на Викентія Ѳомича Раковскаго, какъ на работящаго чиновника, да и графъ уже замѣтилъ его таковымъ и безъ нашей рекомендаціи, потому что онъ каждый день приходилъ къ графу съ журналами Губернскаго Правленія; но онъ не согласился на наше предложеніе, потому что прочилъ Раковскаго на другое мѣсто. Однакоже, онъ назначилъ въ подмогу намъ чиновникомъ особыхъ порученій одного изъ чиновниковъ губернской канцеляріи, г. Лекторскаго. Мы и этому были рады. Я забылъ сказать, что я и прежде просилъ Петра Петровича о назначеніи В. Ѳ. Раковскаго въ чиновники особыхъ порученій; но онъ отказалъ мнѣ въ этой просьбѣ, потому-де, что Раковскій не зналъ другаго языка кромѣ Русскаго (и Польскаго, своего роднаго, какъ Бѣлорусскій дворянинъ), а Петру Петровичу хотѣлось, не знаю почему, имѣть при себѣ лингвистовъ. Свѣжій примѣръ о пользѣ имѣть подъ рукою готоваго переводчика (каковымъ былъ я) по случаю нахожденія въ Рязани военно-плѣнныхъ ничего не доказывалъ, такъ какъ случай этотъ былъ экстреннымъ.

Губернскій предводитель Петръ Николаевичъ Бухвостовъ и Рязанскій уѣздный предводитель Александръ Николаевичъ Рѣдкинъ чествовали графа Толстого обѣдами, на коихъ приглашаемъ былъ и я; но по весьма мѣткому замѣчанію графа, неловко какъ-то чувствовалось, г. Бухвостову по офиціальному своему характеру, находиться въ ладахъ съ губернаторомъ, а между тѣмъ повода къ ссорѣ съ нимъ не представлялось, да и въ добавокъ, графъ былъ свой, т.-е. мѣстный дворянинъ и помѣщикъ. Именно мѣткостью-то и отличается графъ Дмитрій Николаевичъ. Вотъ другой тому примѣръ. Когда я гулялъ съ нимъ по вечерамъ въ городскомъ саду, онъ высказывался мнѣ откро-

*) С. Т. Славутинскій, кому поручены были слѣдствія по раскольничьимъ дѣламъ, открылъ переписку Егорьевскаго уѣзда фабриканта Хлудова съ Бѣлокриницкимъ раскольничьимъ митрополитомъ Амвросіемъ.

венно по вопросамъ, поднятымъ тогда въ правительственныхъ сферахъ, въ томъ числѣ о предполагаемомъ упраздненіи крѣпостного права. На мое боязливое замѣчаніе, что нашъ народъ не созрѣлъ еще для этой мѣры, графъ отвѣчалъ мнѣ: «А я такъ думаю, что не крестьяне, а мы дворяне не готовы къ этому». И дѣйствительно, почти что буквально въ этомъ положеніи настигла насъ реформа 19 Февраля 1861 года.

Нельзя сказать, чтобы графъ очень ошибко принялся выметать соръ въ мѣстной администраціи. Онъ чувствовалъ себя калифомъ на часъ; но однакоже, онъ кое-что почистилъ и кое-что подтянулъ. Неизвѣстно еще было тогда, останется ли онъ въ Рязани губернаторомъ или нѣтъ.

Всѣхъ насъ удивило тогда поступленіе на службу почтеннаго моего двоюроднаго братца Н. А. Дивова послѣ 26-тилѣтней отставки, да еще въ военную, прямо въ генералъ-майоры изъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, а при переходѣ изъ прежней военной въ статскую службу (въ 20-хъ еще годахъ) онъ былъ лишь полковникомъ. Но тутъ надо изложить вкратцѣ его прошедшее до того времени, когда онъ поселился въ своемъ Рязанскомъ имѣніи. Уже давно онъ порывался снова на службу, но покойный государь Николай не долюбливалъ моего кузена и однажды, въ 40-хъ годахъ, когда онъ чуть не поступилъ подъ начальство графа Клейнмихеля (и даже по приглашенію этого временщика) Государь отказалъ ему на отрѣзъ. А не долюбливалъ его Государь по какому-то случаю во время нахожденія Дивова шталмейстеромъ при дворѣ великаго князя Михаила Павловича. Всѣ подробности этой исторіи мнѣ неизвѣстны съ точностію (такъ какъ неловко было мнѣ разспрашивать о томъ самого Николая Адріановича), но Государь упрекалъ будтобы его въ неблагодарности, и по тогдашнимъ городскимъ слухамъ, кузенъ мой, обидѣвшись будтобы, что кто-то изъ штата великаго князя, моложе его по службѣ, получилъ Анну 1-й степени, а онъ нѣтъ, началъ рѣзко отзываться о томъ, вслѣдствіе чего Государь пожаловалъ ему этотъ орденъ, и въ томъ же приказѣ сказано было, что онъ увольняется отъ службы, впрочемъ, по прошенію [1]). Позднѣе Государь черезчуръ жестоко и незаслуженно отозвался о немъ, когда онъ просился за границу [2]), чтобы сопрово-

[1]) Говорятъ, что Дивовъ написалъ по этому случаю какое-то рѣзкое письмо великому князю, которое попало въ руки Государю; но странно, что великій князь никогда не перемѣнялъ своего милостиваго обращенія съ Дивовымъ и когда послѣдній, давно уже въ отставкѣ, пріѣзжалъ въ Петербургъ, онъ всегда являлся къ великому князю и обѣдалъ у него, какъ свой интимный человѣкъ.

[2]) Въ то время выѣздъ за границу былъ запрещенъ всѣмъ безъ высочайшаго на

ждать графа Сергѣя Петровича Румянцова, о чемъ уже подробно разсказалъ я въ другомъ мѣстѣ. Понятно, что послѣ всего этого Николай Адріяновичъ не особенно воспитывалъ въ себѣ вѣрноподданническое чувство любви; но при новомъ царствованіи не могли ему вредить никакіе неблагопріятные антецеденты, и онъ былъ принятъ на службу съ назначеніемъ генералъ-провіантмейстеромъ въ Варшаву по ходатайству тогдашняго намѣстника Царства Польскаго, князя Горчакова, товарища Дивова по гвардейской артиллеріи [1]). Не совсѣмъ ловко было находиться ему подъ начальствомъ генерала-интенданта Мельникова, бывшаго еще юнкеромъ, когда Дивовъ уже былъ въ генеральскомъ чинѣ; но имѣлось тогда въ виду (если не ошибаюсь), что Мельниковъ желалъ оставить этотъ постъ, и преемникомъ ему надѣялся быть Дивовъ. Однако это не состоялось. И вотъ, нашъ Цинцинатъ-агрономъ, коннозаводчикъ и скотоводъ, бросилъ свое столь роскошно устроенное хозяйство, облекся въ мундиръ съ небывшими еще никогда у него генеральскими эполетами и полетѣлъ безъ оглядки въ Варшаву. Съ нимъ мы опять встрѣтимся не ближе какъ въ слѣдующемъ 1857 году въ Москвѣ.

По заключеніи мира, Государь милостиво пригласилъ къ себѣ въ Петербургъ Англійскаго генерала Вилліамса. Знаменитый защитникъ Карса выѣхалъ изъ Тифлиса уже не какъ военноплѣнный, а со всѣми почестями царскаго гостя, со своимъ адъютантомъ Титзделемъ и съ однимъ нашимъ офицеромъ, въ качествѣ безсмѣннаго при немъ ординарца и въ тоже время переводчика [2]). Въ Рязани онъ пробылъ два-три дня и захватилъ съ собою своего секретаря Чурчиля, находившагося тамъ, какъ я уже говорилъ, съ конца зимы. Генералъ Вилліамсъ провелъ вечеръ у графа Толстого, гдѣ находился и я, по приглашенію графа. Собою онъ былъ широкоплечій, плотный, средняго роста, мужчина около пятидесяти лѣтъ, съ усами и съ коротко стриженными волосами, съ замѣтною уже просѣдью, съ добродушнымъ открытымъ лицомъ, военною осанкой, свободно говорилъ по-французски (хотя, конечно, съ Англійскимъ акцентомъ) и отчеканивалъ каждое слово. Разсказывалъ онъ намъ много интереснаго, какъ о свѣжихъ военныхъ

то разрѣшенія. Мѣра эта состоялась вслѣдствіе Парижской и Варшавской революцій 1830 года.

[1]) Въ походахъ 1812—1814 годовъ Дивовъ, князь Горчаковъ и Сергѣй Павловичъ Сумароковъ были молодыми оберъ-офицерами одной роты (позднѣе, батареи) гвардейской пѣшей артиллеріи.

[2]) За примѣрную оборону Карса королева Викторія пожаловала генерала Вилліамса титуломъ баронета, съ прибавленіемъ къ его фамиліи „Карскаго“ (Sir Williams of Kars).

дѣйствіяхъ въ Азіи, гдѣ онъ игралъ довольно видную роль, такъ и о прежней своей службѣ въ Индіи, и все это онъ намъ передавалъ съ оживленіемъ и съ полною, повидимому, откровенностью и даже словоохотливостью, не всегда свойственною его землякамъ. Такъ, между прочимъ, онъ рѣзко высказывалъ свое неудовольствіе на Англійскаго посланника въ Константинополѣ, лорда Редклифа, за слабое и какъ бы неохотное его содѣйствіе ему, Вилліамсу, когда султанъ поручилъ послѣднему сформированіе Азіатскаго войска, и онъ даже угрожалъ, что этому дипломату достанется отъ него при ихъ свиданіи въ Лондонѣ. Онъ коснулся также недавняго событія, взятія въ плѣнъ Шамилемъ Русскихъ княгинь Оребеліяни и Чавчавадзе, по поводу чего онъ говорилъ, что писалъ Шамилю, представляя ему о неблагородствѣ и непристойности подобнаго дѣйствія, потому-де, что у цивилизованныхъ народовъ женщины непричастны къ военнымъ случайностямъ [1]). Онъ давно былъ знакомъ съ Н. Н. Муравьевымъ, еще въ то время, когда служилъ молодымъ офицеромъ въ Индійской арміи, а Николай Николаевичъ былъ посланъ въ Хиву и къ Бухарскому эмиру съ дипломатическою миссіей [2]). Онъ высоко отзывался о военныхъ способностяхъ Н. Н. Муравьева. «Я хорошо его знаю», сказалъ намъ Англійскій генералъ, «и очень его люблю, и потому могу о немъ сказать, что онъ, будучи въ душѣ добрѣйшимъ человѣкомъ, напускаетъ на себя личину суровости и какъ бы домогается, чтобы его ненавидѣли» [3]). Онъ очень добродушно и безцеремонно подтруниваль надъ своимъ секретаремъ Чурчилемъ, тутъ же находившемся, по поводу преждевременной его высылки изъ Тифлиса «другомъ Муравьевымъ» за излишнюю болтовню. Костюмъ генерала Вилліамса состоялъ изъ двубортнаго синяго сюртука безъ эполетъ, но, помнится мнѣ, съ однимъ золотымъ жгутомъ и краснымъ гаруснымъ шарфомъ, очень похожимъ на гусарскій кушакъ нашихъ нижнихъ чиновъ. И онъ, и его адъютантъ Титздель (красивый гусарскій офицеръ) были при саблях, какъ не считавшіеся болѣе военноплѣнными. Головной уборъ его былъ не кепи, какъ у Французовъ, а (помнится мнѣ) круглая и плоская фуражка съ козырькомъ, точь-въ-точь какъ Русская прежней формы.

---

[1]) Ужъ какъ я пенялъ на себя впослѣдствіи, что не подумалъ попросить у ген. Вилліамса копію съ этого письма. Оно весьма кстати явилось бы тогда въ печати, какъ дополненіе реляціи о взятіи въ плѣнъ нашихъ дамъ.

[2]) Это было, кажется, еще въ началѣ 20-хъ годовъ. О своемъ посольствѣ Николай Николаевичъ напечаталъ въ то время книгу на Русскомъ и на Французскомъ языкахъ.

[3]) Точь-въ-точь такое мнѣніе я давно себѣ составилъ о покойномъ великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ.

Разъѣзжая по дѣламъ службы по Рязанскому уѣзду [1]), я однажды заѣхалъ въ гости къ Петру Дмитріевичу Норову, въ сельцо Насурово, гдѣ онъ проводилъ каждое лѣто со своимъ семействомъ, и онъ радушно удержалъ меня чуть ли не на цѣлую недѣлю. Отрадно было мнѣ отдыхать душою въ этой патріархальной семьѣ, состоявшей изъ его жены Татьяны Семеновны (рожденной Викулиной) и незамужней еще дочери Софіи Петровны, миловидной брюнетки съ Итальянскимъ типомъ и вдобавокъ преумной и утонченно образованной дѣвушки, владѣвшей Англійскимъ языкомъ, какъ бы природная Британка. Она была такъ привлекательна собою (при всемъ ея миніатюрномъ ростѣ) и манерами, и говоромъ, мягкостью и впечатлительностью характера, что вполнѣ заслуживала прозвище, данное мною ей «рай-дѣвицы»; да и англоманство ея приходилось мнѣ какъ разъ по душѣ [2]). Я уже гдѣ-то говорилъ, что мать Петра Дмитріевича Норова была сестра Алексѣя Аѳанасьевича Ракитина, такъ же какъ и мать Варвары, Натальи и Ольги Николаевныхъ Ляпуновыхъ, Ивана Александровича Бабина и г-жъ Сипягиной и Пущиной (и даже, кажется, Куровой). Братъ Петра Дмитріевича, Илья Дмитріевичъ, почти-что безотлучно жилъ въ Веневскомъ своемъ имѣніи (гдѣ и былъ выбранъ начальникомъ мѣстной дружины во время Крымской войны), а сестра ихъ, Лука Дмитріевна Каинщева, поселилась, не знаю почему, въ самой Коломнѣ [3]).

У Норовыхъ гостили тогда двоюродныя Петра Дмитріевича сестры, Варвара и Наталья Николаевны Ляпуновы (Городищенскія сосѣдки),

---

[1]) Винюсь, что когда я имѣлъ въ производствѣ дѣла внѣ Рязани, и старался продлить мое пребываніе въ уѣздѣ, на сколько могъ, такъ какъ въ этихъ случаяхъ мнѣ выдавалось по 40 коп. сер. въ день столовыхъ: разсчетъ немаловажный для человѣка, получавшаго всего 600 р. сер. въ годъ.

[2]) Года два позднѣе она вышла замужъ за Саксонскаго барона Люцероде въ Дрезденѣ, гдѣ и поселилась и вскорѣ овдовѣла. Мать ея переѣхала на жительство къ ней туда. П. Д. Норовъ (умершій въ 1859 или въ началѣ 1860 года) былъ очень богатъ, но не столько помѣстьями, сколько капиталами, сверхъ чего имѣлъ два большіе дома въ Петербургѣ. Сынъ его Дмитрій Петровичъ женился позднѣе на одной изъ многихъ дочерей Рязанскаго же помѣщика, князя Николая Дмитріевича Волконскаго (это братъ театрала, князя Алексѣя Дмитріевича и сосѣда Дивова во Городищу). Въ описываемое мною время (1856 годъ) молодой Дмитрій Петровичъ только-что былъ произведенъ въ офицеры конной гвардіи.

[3]) Кстати о Коломнѣ. Проѣзжая черезъ желѣзнодорожный мостъ Оки, нельзя не замѣтить роскошную старинную усадьбу на возвышенномъ правомъ (Рязанскомъ) берегу этой рѣки, деревню Щурово. Огромный этотъ домина съ флигелями, парящій надъ столь живописною мѣстностью, принадлежалъ нѣкогда г. Губерти, долго бывшему Коломенскимъ городничимъ. Меня заинтересовала Итальянская эта, повидимому, фамилія; но оказалось, что въ Коломенскомъ экс-городничемъ было столько же Итальянской крови, сколько во мнѣ. Насупротивъ этой усадьбы, при впаденіи Москвы-рѣки въ Оку, стоитъ Голутвинскій монастырь, одинъ монахъ коего успѣшно, какъ мнѣ сказывали, разводилъ виноградъ на открытомъ воздухѣ.

вторая изъ коихъ была уже поражена параличомъ и тихо сошла въ могилу годъ или два позднѣе.

Гостя у Норовыхъ, я однажды ѣздилъ къ ихъ сосѣду, Петру Александровичу Дубовицкому, въ село Стѣпкино. О немъ я по сю пору говорилъ лишь вскользь, тогда какъ онъ заслуживаетъ болѣе подробнаго о немъ воспоминанія.

Отецъ П. А. Дубовицкаго, помѣщикъ нѣсколькихъ тысячъ душъ, впалъ когда-то въ сектаторство, отъ коего до хлыстовщины всего одинъ шагъ *), и былъ будто бы основателемъ новой секты подъ названіемъ «духовныхъ скопцовъ», не допускающихъ тѣлеснаго увѣчья и хранящихъ плотскую чистоту, и увлекъ будто бы въ свою секту одну изъ незамужнихъ своихъ дочерей. За это онъ былъ заключенъ довольно долго въ острогѣ или въ какомъ-то монастырѣ, а все его имѣніе передано было по высочайшему повелѣнію сыну, который между тѣмъ блистательно кончилъ ученіе въ Казани по медицинское и принялся за практику, не взирая на родительское большое состояніе, въ тоже время сильно хлопоталъ о выпускѣ изъ заточенія своего отца и, наконецъ, сыновнія его заботы увѣнчались успѣхомъ. Старикъ Дубовицкій женился впослѣдствіи во второй разъ. Его-то вдова была та самая Наталья Петровна Дубовицкая, о которой я упомянулъ какъ о сосѣдкѣ Дивова и которая умерла въ 1849 году. Располагая обширными средствами по смерти отца, Петръ Александровичъ устроилъ въ своемъ Стѣнкинѣ великолѣпную больницу, не только для своихъ крестьянъ, но и для всѣхъ постороннихъ всякаго званія; за лѣченіе и содержаніе денегъ онъ ни съ кого не бралъ и самъ былъ ординаторомъ своей больницы, а помощницею ему въ должности сидѣлки была родная его незамужняя сестра, женщина болѣзненнаго сложенія. И не надо думать, чтобы Петръ Александровичъ Дубовицкій былъ лишь врачъ-аматёръ; онъ былъ преискусный медикъ, въ слѣдствіе чего его избрали изъ прочихъ Петербургскихъ претендентовъ въ директоры Медико-хирургической Академіи, на что онъ согласился въ описываемый мною 1856-й годъ, хотя дорожилъ своею свободой и возможностью проживать, сколько ему хотѣлось, въ своемъ любимомъ Стѣнкинѣ. Эту кондицію онъ заранѣе выговорилъ себѣ, такъ же какъ и ту, чтобы ему не завѣдывать экономическою частью Академіи. Въ Стѣнкинѣ онъ также

*) Я читалъ, что извѣстная Татаринова была ни что иное, какъ хлыстовка. П. И. Мельниковъ включаетъ въ эту секту самого князя А. Н. Голицына (тогдашняго синодскаго оберъ-прокурора), но это, какъ мнѣ кажется, понапрасну: онъ былъ мистикъ школы г-жи Крюднеръ и не болѣе.

имѣлъ весьма порядочный рысистый заводъ и бралъ призы на Рязанскомъ гиподромѣ. Когда я познакомился съ Петромъ Александровичемъ, ему едва было сорокъ лѣтъ. Другая его сестра была замужемъ за артиллеристскимъ генераломъ Сигизмундомъ Венедиктовичемъ Мерхелевичемъ, бывшимъ постояннымъ партнёромъ Зенаиды Сергѣевны и мопмъ въ Петербургѣ зимою 1842—1843 года (въ то время онъ былъ только полковникомъ) и съ коимъ я однажды опять встрѣтился въ Рязани. Огромный каменный трехъэтажный Стѣпкинскій домъ походилъ болѣе на замокъ, нежели на помѣщичью храмину и былъ изящно отдѣланъ внутри; тутъ же была и картинная галерея весьма изрядная, въ составъ коей входили нѣкоторыя картины работы болѣзненной сестры хозяина, свидѣтельствовавшія о замѣчательномъ ея художественномъ талантѣ. Жена его Марія Александровна (рожденная Стаховичъ) была премиленькая каштановласая и съ розовыми щечками барынька и предобрая и внимательная хозяйка дома; вредило ей лишь, что она немного гнусила и говорила съ плачевною и всегда однообразною интонаціей. Дѣтей у нихъ не было. Страстно любила Марія Александровна попугаевъ, и ничѣмъ она такъ не занималась въ своемъ Стѣпкинѣ, какъ ими, а ихъ былъ легіонъ и въ клѣткахъ, и на волѣ, и во всѣхъ парадныхъ комнатахъ, и даже въ саду; послѣдніе были ястребинаго размѣра, яркопупсовые съ немного-голубымъ оттѣнкомъ, и сидѣли они на высокихъ жердяхъ на цѣпи. На воздухѣ пріятно было любоваться этими рѣдкими экземплярами; но пернатое сборище ихъ собратій въ парадныхъ комнатахъ, хотя и ослѣпляло глаза всѣми возможными радужными оттѣнками, было невыносимо: живой этотъ зоологическій кабинетъ оралъ такъ немилосердно, что заглушалъ голоса собесѣдниковъ, и нельзя было поддерживать разговоръ съ хозяевами дома. Въ числѣ коллекціи замѣчательна была маленькая, бѣлая съ желтымъ хохликомъ, перюша *), до того ручная, что не отлетала отъ хозяйки, и любимое мѣстопребываніе этой фаворитки было за шеей Маріи Александровны, подъ пелеринкой коей ласковая птичка прятала свою головку. Она пользовалась полною свободой и кормилась изъ розоваго ротика хозяйки. Когда я глядѣлъ на эту птичью привязанность, приходила мнѣ въ голову поневолѣ мысль объ Индѣйской доктринѣ, что души усопшихъ переходятъ въ животныхъ и что не была ли когда-нибудь эта птичка приближеннымъ человѣкомъ Маріи Александровны?

Ѣздилъ-ли графъ Дмитрій Николаевичъ на коронацію въ Августѣ, не помню; но поѣхали туда, по долгу службы, нашъ досточтимый ста-

*) Самка попугая.

рецъ владыка Гавріилъ и губернскій предводитель П. Н. Бухвостовъ. Для всѣхъ Россійскихъ, собравшихся на коронацію, іерарховъ построены были отъ казны одинаковыя облаченія изъ серебрянаго глазета, оставленныя въ ихъ собственность. Возведены были тогда въ графское достоинство Василій Дмитріевичъ Олсуфьевъ и Сергѣй Павловичъ Сумароковъ, а князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ; но не долго могъ онъ пользоваться этимъ высшимъ военнымъ значеніемъ: пріѣхавъ въ Москву на коронацію уже больнымъ, онъ никуда не выѣзжалъ и скончался вскорѣ послѣ коронаціи, въ Одессѣ. Государь однажды навѣстилъ его. Я слышалъ, что народный обѣдъ на Ходынкѣ не удался: день для сего откладывался такъ долго по случаю дурной погоды или по другой причинѣ, и провизія протухла. Слышалъ я также, что экстраординарный папскій легатъ (legatus ad latere̊m) намѣренно опоздалъ пріѣздомъ въ Москву, чтобы не присутствовать на церковныхъ церемоніяхъ, чего онъ не могъ бы избѣгнуть, какъ членъ акредитованнаго на этотъ случай дипломатическаго корпуса. Латынянамъ запрещено присутствовать на иновѣрческомъ богослуженіи, и монсиньоръ какъ разъ потрафилъ къ началу баловъ и пиршествъ.

Осенью возвратился Петръ Петровичъ изъ своего отпуска въ Рязань, но безъ жены и дочери, оставшихся въ Москвѣ, и незадолго до его пріѣзда графъ Дмитрій Николаевичъ былъ назначенъ на вакантное мѣсто Калужскаго губернатора. Но онъ не отправился тотчасъ туда, а сдавъ управленіе Рязанскою губерніей вице-губернатору, уѣхалъ къ себѣ въ деревню. Какъ скоро сдѣлалось извѣстно о назначеніи графа Дмитрія Николаевича въ Калугу, я намекнулъ ему о моемъ желаніи перейти на службу къ нему, но не рѣшительно, а въ видѣ предположенія, которое могло бы осуществиться. Онъ отнесся весьма благосклонно къ моему заявленію, но ничего окончательнаго по этому поводу не произошло тогда между нами. Хотя въ теченіе всей моей Рязанской службы не встрѣчались мнѣ никакія непріятности, и Петръ Петровичъ, уѣзжая, не измѣнилъ своего родственнаго со мною обхожденія, но мнѣ тяжело было находиться въ постоянной разлукѣ съ моимъ семействомъ (въ Сентябрѣ минулъ уже годъ, что̀ я не видался съ нимъ), и вотъ какая была единственная причина моего желанія перейти на службу въ Калугу. Между тѣмъ слухъ распустился по Рязани, что И. К. Мартенсъ и я переходимъ къ графу Толстому, и угодники Петра Петровича, укрывавшіеся во время его отсутствія, не преминули передать ему эту новость, какъ только онъ возвратился. Я предчувствовалъ, что возникнутъ у меня непріятности съ Петромъ Петровичемъ, и предчувствіе мое оправдалось. Но прежде надо раз-

сказать, что произошло въ министерствѣ по поводу возвращенія Петра Петровича въ Рязань. Въ министерскихъ сферахъ недовольны были его управленіемъ: находили, что онъ распустилъ губернію (отчасти это было справедливо), и предполагалось утвердить въ Рязани графа Толстого, а Петру Петровичу дать другое назначеніе. Узнавъ объ этомъ предположеніи, послѣдній поспѣшилъ въ Петербургъ, гдѣ и заболѣлъ холерой; немудрено, что душевное разстройство по поводу министерскаго намѣренія содѣйствовало его заболѣванію. Оправившись, онъ убѣдительно присталъ къ С. С. Ланскому (тогда министру), чтобы не сдѣлали ему подобнаго афронта и если дѣйствительно онъ распустилъ ввѣренную ему губернію, то кому же другому и исправить ее какъ не самому ему? Министръ согласился, и вотъ почему графъ Дмитрій Николаевичъ былъ назначенъ въ Калугу.

На общемъ пріемѣ всѣхъ насъ служившихъ при Петрѣ Петровичѣ онъ принялъ Мартенса и меня сухо и почти что строго, едва кивнулъ головою. Возвратясь домой съ тяжелымъ на душѣ впечатлѣніемъ отъ незаслуженнаго мною публичнаго оскорбленія, я размыслилъ однакоже, что послѣ столь долговременнаго родственнаго расположенія, оказаннаго мнѣ Петромъ Петровичемъ, не благодарно и не честно было бы съ моей стороны рѣшиться на немедленный переходъ изъ Рязани вслѣдствіе первой постигшей меня непріятности, и потому я предпочелъ первоначально объясниться съ нимъ съ глазу на глазъ, въ надеждѣ разсѣять его предубѣжденія о моемъ поведеніи во время его отлучки, хотя извиняться передъ нимъ не было въ чемъ. Позднѣе я узналъ, что его фавориты внушили ему, якобы Мартенсъ и я приняли на себя роль доносчиковъ по его административнымъ дѣйствіямъ, насплетничали на него, съ цѣлью задобрить графа Толстого; но подобное обвиненіе было такъ низко, что я не счелъ бы нужнымъ разувѣрять Петра Петровича въ противномъ. Отправившись къ нему вторично на слѣдующій день послѣ его обѣда [1]), я засталъ его вдвоемъ съ его воспитанницей и любимою какъ дочь, Марьею Петровною Кулебякиной. Сначала я повелъ разговоръ о банальныхъ предметахъ, разспрашивалъ о его пребываніи во Флоренціи, моей второй родинѣ [2]) и тому подобномъ, но онъ отвѣчалъ мнѣ нехотя и лаконически. Тогда приступилъ

[1]) Помню, что мнѣ было такъ тяжело и конфузно идти на эту экспликацію, что я предварительно отправился къ вечернѣ въ свой приходъ, Николы Дворянскаго, чтобы подкрѣпиться молитвою.

[2]) Петръ Петровичъ останавливался во Флоренціи въ домѣ князя Юрія Трубецкого, доставшагося ему отъ бездѣтнаго графа Остермана-Толстого. Этотъ князь Трубецкой былъ женатъ на Итальянской пѣвицѣ, принявшей позднѣе Православіе.

я къ сути. Я объяснилъ ему, что дѣло о моемъ переводѣ въ Калугу было лишь одно предположеніе, на которое я намекалъ графу Толстому только вскользь, хотя и не скрывалъ передъ Петромъ Петровичемъ, что продолжать жить въ постоянной разлукѣ съ моимъ семействомъ тягостно для меня, особливо послѣ постигшей меня въ Рязани семейной потери. Я говорилъ, что не могу забыть всѣ его ко мнѣ милости и родственное постоянное участіе, что не чувствую себя ни въ чемъ виноватымъ передъ нимъ, но что я не могъ безъ явной невѣжливости отклонять отъ себя вниманіе, оказанное мнѣ графомъ Толстымъ, и удаляться отъ него безъ всякой благовидной причины. Ничего не помогло: онъ также какъ сначала отвѣчалъ уклончиво и отрывисто, какъ будтобы имѣлъ дѣло съ едва знакомымъ ему лицомъ; впрочемъ, намекнулъ съ тономъ полнѣйшаго индиферентизма, что люди оставшіеся приверженными ему доказали это на дѣлѣ и не сближались съ его преемникомъ. Даже Маріи Петровнѣ было совѣстно за мой конфузъ, и во время перерыва моего разговора съ Петромъ Петровичемъ, она отнеслась ко мнѣ двумя-тремя сочувственными словами, и за тѣмъ наступило общее молчаніе. Убѣдясь въ невозможности примиренія, я поклонился и, возвратясь домой съ ущемленнымъ сердцемъ, рѣшился безъ дальнихъ колебаній перейти на службу въ Калугу. Въ послѣдующіе дни я разсказалъ своимъ знакомымъ о моемъ намѣреніи и немедленно подалъ прошеніе о 28 дневномъ отпускѣ. Распростившись съ Хвощинскими и со всѣмъ обществомъ, дружелюбнымъ расположеніемъ коего я пользовался въ теченіи болѣе четырехъ лѣтъ, я сдалъ свою квартиру, а мебель перевезъ къ И. К. Мартенсу (пополамъ съ коимъ я держалъ столъ со времени отъѣзда Новосильцовыхъ). Я такъ свыкся было съ Рязанью, что мнѣ весьма чувствительно было разставаться съ нею; да и по нынѣ, въѣзжая въ нее, мнится мнѣ, какъ бы я возвращаюсь на родину. Туда меня манятъ останки моей Анны и надежда самому лечь не подалече отъ нея: вѣдь есть же притягательная сила и къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ мы страдали!.....

О моемъ отъѣздѣ особенно жалѣлъ, я знаю, мой духовникъ и мудрый всегда совѣтникъ, соборный протоіерей Иванъ Ефимовичъ Любимовъ; но и онъ одобрилъ мой поступокъ тѣмъ болѣе, что раздѣлялъ мое высокое мнѣніе о графѣ Толстомъ.

Такъ какъ не для чего было мнѣ торопиться, то я заѣхалъ на два, на три дня въ Городище. Николай Адріяновичъ давно уже былъ въ Варшавѣ, но тамъ оставался его братъ затворникъ экъ-іезуитъ Александръ Адріановичъ, докторъ Битъ и ветеринаръ завода, Константинъ Петровичъ Василевскій, съ которымъ я давно жилъ въ ладахъ, какъ

съ человѣкомъ особенно доказавшимъ мнѣ свою дружбу тѣмъ, что въ первые дни послѣ кончины моей Анны онъ не отходилъ отъ меня ни днемъ, ни ночью. По усиленной его просьбѣ, я опять взялъ къ себѣ въ услуженіе моего Тимошку, въ надеждѣ, что арестантская рота его исправила, и дѣйствительно, по выпускѣ его оттуда онъ хорошо служилъ у одного г. Шишкова, совѣтника Казенной Палаты, и самъ просилъ г. Василевскаго уговорить меня взять его опять; но горбатаго и пьяницу одна могила исправитъ, и черезъ полгода съ небольшимъ, я долженъ былъ окончательно его прогнать, какъ мнѣ ни жаль было разставаться съ этимъ способнымъ на все малымъ: онъ выливалъ изъ глины муравленныя чашечки для акварельныхъ красокъ и обжигалъ ихъ какъ фаянсъ, составлялъ для моего Мити механическія игрушки и даже изобрѣлъ для него бичевочный телеграфъ, проведенный отъ большаго дома до флигеля, гдѣ я жилъ. Полна матушка Россія подобными Тимошками на все способными, а прока отъ нихъ нѣтъ! Губитъ ихъ зелено-вино, а этого не встрѣчается въ иностранныхъ земляхъ.

Я выѣхалъ изъ Городища не рано утромъ, и уже стемнѣло, когда я проѣхалъ г. Бронницы, а такъ какъ я намѣревался своротить въ Зенино, которое было около 10 верстъ отъ шоссе по проселочной и малоѣзжанной дорогѣ, то я предпочелъ переночевать на почтовой станціи. Утромъ, только что я проснулся, какъ взошелъ къ станціонному смотрителю Петръ Петровичъ, спѣшившій въ Петербургъ, по случаю полученнаго извѣстія о кончинѣ его брата Николая Петровича [1]). Его сопровождалъ докторъ Шенрокъ, который дружественно поздоровался со мною; но Петръ Петровичъ едва кивнулъ мнѣ головою, сухо спросилъ, куда ѣду, и тутъ же вышелъ [2]). Съ тѣхъ поръ я болѣе не видался съ нимъ до Декабря 1862 года, когда я опять встрѣтился съ нимъ въ Ниццѣ. Онъ былъ тогда въ отставкѣ, и гнѣвъ его на меня давно уже тогда остылъ.

У Зенаиды Сергѣевны я прогостилъ съ недѣлю и ѣздилъ съ нею къ князю Сергѣю Михайловичу Голицыну, проводившему осень въ

[1]) Бывшаго нѣкогда статсъ-секретаремъ при императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

[2]) Петръ Петровичъ, будучи однажды въ Москвѣ съ Шенрокомъ, познакомилъ его съ своимъ давнѣйшимъ пріятелемъ, знаменитымъ медикомъ Александромъ Ивановичемъ Овсомъ, который нашелъ, что Рязанскій нашъ практикантъ замѣчательный врачъ. Къ несчастію, И. К. Шенрокъ сильно запивалъ и кончилъ ударомъ. Про себя скажу, что когда онъ однажды лечилъ меня отъ упорнаго кашля, схваченнаго осенью, онъ опредѣлилъ, что у меня желудочный катаръ, болѣзнь неопасная, и что я могу ощущать иногда временное облегченіе, но что въ сущности болѣзнь неизлечима и что съ нею я сойду въ могилу.

великолѣпной своей подмосковной Кузминкахъ (иначе Влахернское). Къ нему я ѣздилъ не съ обыкновеннымъ визитомъ, а вотъ по какому случаю. Одна изъ его старыхъ сестеръ, княжна Елена Михайловна (съ которою были очень дружны моя мать и ея сестры графини Марія и Екатерина Артемьевны Воронцовы, но особенно, послѣдняя изъ нихъ) находилась во Флоренціи при кончинѣ моего отца, 7 Ноября 1829 года. Праведный и благочестивый сынъ православной церкви перешелъ въ вѣчность, крѣпко прижимая въ рукахъ фамильный, драгоцѣнный по множеству въ немъ святыхъ мощей, крестъ; а окружавшіе новопреставленнаго, всѣ Латинскаго исповѣданія, какъ будто-бы чуждались этой святыни, и потому набожная княжна Елена Михайловна приняла святыню изъ окоченѣвшихъ рукъ моего родителя и оставила ее при себѣ, заявивъ заранѣе своему брату, что желаетъ, чтобы послѣ ея кончины крестъ этотъ переданъ былъ мнѣ. Она скончалась въ этомъ 1856 или въ предъидущемъ году, и князь Сергѣй Михайловичъ пожелалъ видѣть меня, чтобы передать мнѣ въ руки этотъ священный кладъ, сдѣлавшійся отнынѣ фамильнымъ *)

Старый вельможа повелъ затѣмъ рѣчь о совершившемся года два передъ тѣмъ придворномъ приключеніи, о бракѣ NN съ молодымъ графомъ Григорьемъ Строгоновымъ...

Въ Москвѣ я остановился, по предложенію Анны Петровны Ракитиной, въ ея квартирѣ, въ домѣ князя Юсупова, на углу Никитской и Леонтьевскаго переулка, такъ какъ она жила лѣтомъ съ Дивовой въ Зенинѣ. Юсупова домъ приходился на искосокъ отъ кондитерской бывшаго моего повѣреннаго Радзиковскаго, заведеніе коего было тогда въ славѣ: во время и послѣ коронаціи онъ хорошо торговалъ, и мнѣ странно, что при скромной семейной его жизни онъ не успѣлъ отложить на старость лишнюю копейку, и 12 лѣтъ спустя, разбитый параличомъ, долженъ былъ сдать свое заведеніе по запутаннымъ дѣламъ. Онъ говорилъ мнѣ, что во время коронаціи видался съ бывшимъ моимъ комиссіонеромъ по спекуляціи старинныхъ картинъ, Итальянцемъ Джіованни Паоли, который въ то время значительно оперился противъ прежняго своего положенія и былъ «маджіоръ-д'омо» (т.-е. метръ-д'отелемъ) у вдовы княгини Бѣлосельской-Бѣлозерской, переѣхавшей по этому торжественному случаю изъ Петербурга въ свой Московскій

*) Крестъ этотъ, серебрено-вызолоченный, Греческой, такъ называемой, формы, т. е. всѣ четыре конца почти что ровны, и каждый конецъ имѣетъ по три закругленныя оконечности. Въ немъ до 65 мощей. Къ сожалѣнію, семейныхъ преданій о немъ не имѣется.

домъ что̀ на Тверской, гдѣ она дала одинъ изъ самыхъ блестящихъ баловъ, на коемъ присутствовала царская фамилія. Губернскіе предводители всей Имперіи съѣхались на коронацію, въ томъ числѣ Костромской Александръ Алексѣевичъ Мироновъ, мой военный сослуживецъ и искренній другъ, съ коимъ Радзиковскій часто видался, и оба порѣшили, что я понапрасну упустилъ этотъ исключительный случай просить объ оказаніи мнѣ всемплостивѣйшей помощи въ бѣдственномъ моемъ положеніи со времени перехода моего имѣнія въ Министерство Государственныхъ Имуществъ. Но эти «pia desideria» добрыхъ моихъ друзей были не что иное какъ мечты. О чемъ могъ бы я просить, да и на какомъ основаніи? Не спорно, что на милость образца нѣтъ; но вѣдь безъ сильной протекціи, каковой у меня не было, нѣчего надѣяться на успѣхъ. И то уже было весьма счастливо для меня, что личность моя сдѣлалась обезпеченною отъ преслѣдованій кредиторами. Благодаря хлопотамъ И. А. Кавецкаго, а по смерти его, Михаила Ивановича Бернара, и на издержки, ассигнованныя на этотъ предметъ матерью моею или братомъ графомъ Петромъ Дмитріевичемъ, состоялось въ 1854 году рѣшеніе Московскаго Надворнаго Суда, гдѣ разбиралось дѣло о всѣхъ моихъ долговыхъ обязательствахъ, по которому моя несостоятельность была подведена подъ разрядъ несчастнаго банкротства, то-есть, по причинамъ отъ меня независящимъ, и потому личность моя была навсегда ограждена отъ ареста, и я могъ снова пріобрѣтать на свое имя всякаго рода движимое и недвижимое имущество.

Въ Москвѣ я могъ любоваться несломанными еще остатками публичныхъ празднествъ во время коронаціи. На Театральной и Воскресенской площадяхъ, у Иверскихъ воротъ и кое-гдѣ на главныхъ улицахъ, стояли еще фальшивые фонтаны, арки и разные подмостки, служившіе для волшебной, повидимому, иллюминаціи; но душевное мое настроеніе того времени дѣлало меня равнодушнымъ къ общественнымъ забавамъ, и я нимало не сожалѣлъ, что не удалось мнѣ видѣть все это волшебство.

Когда я добрался до Знаменскаго, на душѣ стало легче отъ мысли, что я здѣсь уже не въ отпуску и что съ предстоящею новой мнѣ службой разлуки съ семействомъ не будутъ столь продолжительными, какъ прежде; да сверхъ сего я имѣлъ въ виду заняться хозяйствомъ въ имѣніи моей жены, довольно расшатанномъ отъ женскаго правленія, а для удачнаго его хода я надѣялся на пріобрѣтенную мною въ Городищѣ практику. Мой девятилѣтній Митя былъ ласковой и привязчивой ребенокъ. Я занималъ его большую часть дня то играми, то чтеніемъ ему вслухъ, и замѣчательно, что онъ особенно любилъ слу-

шать Лермонтова. Къ нему приходилъ учитель изъ Тарускаго уѣзднаго училища; но долго заниматься было тяжело и вредно для его глазъ, разболѣвавшихся временно отъ золотухи. При новой моей жизни, многое изъ накопившагося у меня на сердцѣ горя отлегло, хотя всякій уголъ въ домѣ напоминалъ мнѣ о присутствіи навѣки исчезнувшаго милаго существа, рукою котораго еще недавно обрабатывалась въ саду особенная клумбочка, теперь запущенная....

Недѣли черезъ три по пріѣздѣ въ Знаменское, я сообразилъ, что пора мнѣ ѣхать въ Калугу, чтобы явиться къ графу Толстому, давно уже прибывшему туда. Пріемъ, встрѣченный мною, былъ такъ сердеченъ, что сконфузилъ меня. Графъ обнялъ меня и извинялся за непріятности, постигшія меня съ Петромъ Петровичемъ, причиною коихъ онъ считалъ себя, при чемъ добавилъ, что сожалѣетъ, что и Мартепсъ подвергся тому же *). Когда я заявилъ ему мое желаніе служить подъ его начальствомъ, онъ выразился, что ему это будетъ особенно пріятно и лестно, и оставилъ меня обѣдать у себя, какъ въ этотъ день, такъ и въ послѣдующіе два, что̀ я пробылъ въ Калугѣ. Онъ однакоже предупредилъ меня, что вакантнаго мѣста чиновника особыхъ порученій съ жалованіемъ не было въ то время, но что онъ пристроитъ меня надлежащимъ образомъ, и я немедленно подалъ ему прошеніе на высочайшее имя о моемъ переводѣ въ Калугу и съ сопровождавшимъ меня въ Калугу Осипомъ Августиновичемъ Тридономъ уѣхалъ обратно въ Знаменское, гдѣ, съ разрѣшенія графа, я провелъ неотлучно все начало зимы и только въ первыхъ числахъ Января 1857 года отправился къ мѣсту новаго моего служенія. Въ Ноябрѣ графъ пріѣзжалъ ревизовать Тарусу и провелъ вечеръ въ кругу моей семьи, съ коею онъ еще не былъ знакомъ, и оставилъ обѣихъ моихъ дамъ восхищенными его любезностію и интереснымъ разговоромъ. Въ это самое время я получилъ изъ Рязани письмо отъ Надежды Дмитріевны Хвощинской, извѣщавшее меня о кончинѣ ея отца, что̀ очень огорчило какъ меня, такъ и графа Толстого, который тутъ же вспомнилъ, что меньшая дочь Дмитрія Кесаревича, Прасковья, гостила въ то время у графинь, сестеръ его въ Данковскомъ уѣздѣ, и что ей особенно будетъ тяжело узнать

*) Графа Толстого извѣстилъ о случившемся со мною Николай Александровичъ Замятинъ, предсѣдатель Рязанской Гражданской Палаты, женившійся недавно передъ тѣмъ вторымъ бракомъ на овдовѣвшей Елисаветѣ Андреевнѣ Петровской, родной сестрѣ графа Дмитрія Андреевича Толстого, нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія и двоюроднаго племянника графу Дмитрію Николаевичу. Вскорѣ послѣ сего, Н. А. Замятинъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Самару, а позднѣе былъ директоромъ департамента земскаго отдѣла и умеръ въ концѣ 60-хъ годовъ вскорѣ послѣ своей жены.

о кончинѣ ея отца, случившейся въ ея отсутствіе. Вмѣстѣ съ графомъ Толстымъ пріѣхалъ къ намъ на вечеръ также новый Тарускій предводитель дворянства, богачъ Дмитрій Александровичъ Чертковъ, женатый на меньшой изъ сестеръ моего гусарскаго товарища и друга, Петра Александровича Хрущова, Любовь Александровнѣ. Д. А. Чертковъ выбранъ былъ на мѣсто Константина Александровича Поливанова, отказавшагося продолжать эту службу и уже больнаго.

Дописавъ мою автобіографію до періода, начинающагося съ 1857 года, слѣдуетъ отмѣтить два крупныя проявленія, одно по части журналистики, а другое, по художественному отдѣлу. Первое изъ таковыхъ былъ «Колоколъ» издаваемый въ Лондонѣ Александромъ Ивановичемъ Герценомъ. Хотя офиціально запрещенный, но слабо преслѣдуемый, этотъ журналъ (или скорѣе газета) ходилъ вездѣ по рукамъ, и говорятъ, что самъ Государь постоянно и не безъ удовольствія его читалъ, по поводу чего разсказывали слѣдующій анекдотъ. Однажды, великій князь Константинъ Николаевичъ спросилъ у державнаго своего брата, читалъ-ли онъ послѣдній нумеръ этого журнала, гдѣ была какая-то черезчуръ ѣдкая статья. Государь отвѣчалъ, что этотъ нумеръ у него, но что ничего подобнаго въ немъ нѣтъ, и великій князь, удостовѣрившись къ крайнему своему удивленію въ нетождественности экземпляра, находившагося у Государя, съ своимъ, принесъ свой экземпляръ, въ коемъ Государь прочелъ статью, о которой шла рѣчь, пропущенную въ его экземплярѣ. Оказалось (за что̀ купилъ, за то и продаю, но за вѣрность анекдота не ручаюсь), что въ III-мъ Отдѣленіи секретно перепечатывали «Колоколъ», и Государь могъ читать лишь то, что̀ угодно было цензурѣ шефа жандармовъ. Много конечно, было ложнаго и утрированнаго въ этомъ изданіи, но все-таки оно принесло отечеству свою лепту пользы, ускоривъ (какъ думается мнѣ), упраздненіе крѣпостной зависимости. Да и саркастиченъ былъ нашъ эмигрантъ, нѣчего и говорить. Помню, какъ однажды появилась у него статейка съ сильнымъ обвиненіемъ одного изъ младшихъ Московскихъ полицеймейстеровъ въ злоупотребленіи власти относительно одной женщины, порывавшейся покинуть свою позорную жизнь, а полицеймейстеръ заставилъ будто бы ее возвратиться назадъ, вслѣдствіе каковой статьи нашъ полицеймейстеръ счелъ нужнымъ послать свое оправданіе въ этотъ журналъ. Герценъ не замедлилъ напечатать полученную статью съ предисловіемъ, что онъ тѣмъ охотнѣе помѣщаетъ ее, что «благодаря г. полицеймейстеру, «Колоколъ» пріобрѣтетъ отнынѣ право гражданства».

Шумнымъ событіемъ въ художественномъ мірѣ была картина Иванова, «Проповѣдь Іоанна Предтечи», только-что привезенная имъ изъ Рима. По поводу ея публика раздѣлилась на два лагеря. Партія, чрезмѣрно превозносившая это произведеніе, состояла изъ клики журналистовъ, ворчуновъ и недовольныхъ правительственнымъ направленіемъ, и картина Иванова сдѣлалась лозунгомъ оппозиціи. Кричали, что интрига академическихъ профессоровъ - завистниковъ геніальнаго (какъ выражались) таланта Иванова, старается уронить достоинство его произведенія и препятствуетъ правительству пріобрѣсть эту джемму, послѣднее слово отечественнаго художества, и что несчастный Ивановъ, дошедшій до нищеты, умеръ съ горя. Никакихъ въ сущности придирокъ, ни преслѣдованій не было. Что засидѣвшись въ Римѣ, онъ сочинялъ, уничтожалъ, опять писалъ и снова стиралъ или даже рвалъ (будто бы) свой трудъ, коимъ оставался недовольнымъ въ теченіе болѣе десяти лѣтъ, доказываетъ, что Ивановъ былъ труженикъ искусства, а не художникъ. Въ первомъ десятилѣтіи своего пахожденія въ Римѣ на казенный коштъ, онъ выслалъ оттуда одну только картину, кажется, явленіе Спасителя по воскресеніи Маріи Магдалинѣ (находящуюся въ Имп. Эрмитажѣ), и потому Академія перестала выдавать ему содержаніе по существующему на то правилу. Безсмертный нашъ К. П. Брюловъ создалъ свое «Разрушеніе Помпен», не болѣе какъ въ четыре года (и даже чуть ли не менѣе). Правда, что Николай Никитичъ Демидовъ (или сынъ его, Анатолій Николаевичъ) купилъ эту картину за 100 т. р. ассигн.; но вѣдь меценатъ-Сибирякъ желалъ, быть можетъ, блеснуть вельможею и поощрителемъ національнаго художества, и немудрено, что картина была пріобрѣтена имъ безъ всякой оцѣнки; но вѣдь какъ себѣ хотятъ крикуны оппозиціи, а трудъ Иванова не чета Брюловской поэмѣ. Первый переросъ немного обыкновенныхъ пигмеевъ искусства, а второй былъ и останется великаномъ. Ивановъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, заболѣлъ холерою (говорятъ, поѣвши мороженаго) и умеръ. Быть можетъ, что болѣзнь приняла злокачественный характеръ отъ упадка духа, такъ какъ его надежды не осуществились въ тѣхъ размѣрахъ, какъ онъ воображалъ; но ни правительство, ни профессора Академіи неповинны въ преждевременной смерти этого бѣдняка. А что до достоинства его картины, рисовальная часть (контуры фигуръ) строга и вѣрна, это неоспоримо, и особенно хороши мальчики-Евреи, выходящіе изъ воды; но колоритъ просто невозможенъ. Вотъ какихъ-нибудь двадцать съ небольшимъ лѣтъ, что картина написана, и она выцвѣла и поблѣднѣла, тогда какъ «Разрушеніе Помпеи», написанное болѣе сорока тому лѣтъ, стемнѣло немного сначала и вѣроятно на этомъ и остановится. И опять-таки вотъ что: у Иванова

встрѣчается Еврейскій типъ нашихъ сѣверо и южно-восточныхъ губерній съ пейсиками включительно, а это не можетъ быть вѣрнымъ; да и кромѣ этого, мѣстность (Іорданская долина) вымышлена, а не списана съ натуры съ ея растительностію и воздушными тонами знойной Сиріи, и Ивановъ, какъ я слышалъ, не трогался изъ Рима во все время, что̀ писалъ этотъ грандіозный историческій сюжетъ. Не такъ дѣлалъ Горасъ-Вернетъ въ его библейскихъ композиціяхъ, для исполненія коихъ онъ изучалъ на Востокѣ типы и мѣстности и даже до домашнихъ принадлежностей древняго Іудейскаго и Аравійскаго быта.

Нелишнимъ будетъ добавить, что въ салонно-литературныхъ сферахъ той эпохи (т.-е. между 1852 и 1858 годами) читалась на расхватъ «Семейная Хроника», С. Т. Аксакова, и романъ псевдонимки Евгеніи Туръ. Можно судить, до чего была скудна въ то время литературная выручка изъ того, что 12 тысячъ руб. сер., полученныя авторомъ за два тома его «Хроники», казались неслыханнымъ дѣломъ *).

«Племянница» было первымъ, если не ошибаюсь, произведеніемъ графини Саліасъ (рожденной Сухово-Кобылиной), той самой молодой барыни, съ которой я познакомился случайно въ Костромѣ осенью 1840 года и съ коей я слегка поссорился позднѣе въ Москвѣ. Она не отличалась ни свѣтскою любезностію, ни изящностью манеръ или увлекательностію разговора, и невозможно было предвидѣть, что она получитъ какую-либо дозу извѣстности, какъ писательница. Тѣмъ не менѣе, хотя ткань ея повѣсти калькирована отчасти (какъ мнѣ сдалось) съ одного извѣстнаго мнѣ Англійскаго романа, съ нѣкоторыми, впрочемъ, измѣненіями, въ ней встрѣчаются сцены и детали, не лишенныя художественной отдѣлки.

*) Цѣна за литературный трудъ (при успѣхѣ такового) возвысилась въ теченіе слѣдующаго десятилѣтія въ такихъ размѣрахъ, что графъ Л. Н. Толстой выручилъ въ концѣ 60-хъ годовъ за свой романъ „Война и Миръ“ тридцать тысячъ рублей.

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА.

1857-й годъ *).

Я отправился изъ Знаменскаго въ Калугу (разстояніе отъ Тарусы до Калуги 62 версты) къ мѣсту моего новаго служенія 7 Января. Первыя слова, сказанныя мнѣ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ Толстымъ, когда я явился къ нему, были, чтобы я не искалъ квартиры, а поселился бы въ помѣстительномъ казенномъ губернаторскомъ домѣ, коего одинъ только бэль-этажъ онъ, какъ холостякъ, занималъ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщалась губернаторская канцелярія и была квартира правителя ея Владимира Андреевича Лысогорскаго, а третій этажъ оставался почти что пустымъ за исключеніемъ двухъ комнатъ, изъ коихъ одну занималъ дальній родственникъ графа, старикъ Семенъ Васильевичъ Хрущовъ, прибывшій съ нимъ въ Калугу, а другая была потомъ обращена въ огромный птичникъ, въ коемъ до полуста (или даже болѣе) пѣвучихъ канареекъ порхали на свободѣ и гнѣздились. Такъ какъ въ это время не было вакаціи на штатное (т.-е. съ жалованіемъ) мѣсто чиновника особыхъ порученій, то я былъ зачисленъ младшимъ чиновникомъ безъ жалованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлопроизводителемъ по Губернскому Статистическому Комитету съ годовымъ окладомъ въ 500 рублей.

Въ этой новой моей должности я очутился какъ бы въ лѣсу и еще болѣе сталъ втупикъ, когда прочелъ перечень предметовъ, входившихъ въ занятія комитетскія. Собираемыя свѣдѣнія относились къ предметамъ: географіи, геогнозіи, гидрографіи, минералогіи, этнографіи, агрономіи, лѣсоводства, пчеловодства, скотоводства, мѣстной промышленности, ремеслъ, сельскаго хозяйства съ обозначеніемъ числа скота, лошадей, овецъ и свиней, числа фабрикъ по городамъ и селеніямъ и что онѣ производятъ; перечню народонаселенія по расамъ, вѣроисповѣданію, по возрастамъ, по сословіямъ, числа дворянъ обоего пола, пространства ихъ помѣстій, правъ ихъ на дворянскіе выборы,

*) См. выше, стр. 406.

числа священно-и церковно-служителей, монашества, пространства земель и угодій при церквахъ и монастыряхъ; числа каменныхъ и деревянныхъ церквей по городамъ и селеніямъ, числа каменныхъ и деревянныхъ домовъ по городамъ, казенныхъ и частныхъ, числа лицъ служащихъ во всей губерніи съ обозначеніемъ по какимъ вѣдомствамъ, числа купцовъ по гильдіямъ, о подсудности лицъ въ теченіе года, о подушномъ сборѣ, о школахъ и прочихъ учебныхъ заведеніяхъ съ обозначеніемъ числа учителей и учащихся и пр. и пр.

Для каждаго предмета печатныя бланковыя таблицы (всѣхъ было, помнится мнѣ, болѣе шестидесяти на каждую губернію) посылались Статистическимъ Комитетомъ въ земскіе и уѣздные суды, въ городническія правленія и въ градскія полиціи, въ градскія думы, въ магистраты, въ дворянскія и магистратскія опеки, въ казначейства, въ предводительскія канцеляріи, къ благочиннымъ, въ консисторію, въ депутатское собраніе и въ канцелярію директора гимназіи. Случалось, что въ таблицахъ, обратно получаемыхъ изъ земскихъ судовъ и предводительскихъ канцелярій, были разнорѣчія касательно числъ дворянъ въ уѣздѣ и ихъ правъ на выборы, точно также какъ и въ таблицахъ земскихъ судовъ и городническихъ правленій и градскихъ думъ въ ихъ свѣдѣніяхъ о числѣ городскихъ обывателей съ раздѣленіемъ ихъ по вѣроисповѣданіямъ, сословіямъ, народностямъ и промысламъ. Въ подобныхъ случаяхъ таблицы отсылались обратно къ нимъ съ эстафетою на счетъ этихъ мѣстъ для исправленія таблицъ, а весь отчетъ составлялся разъ въ годъ. Но кромѣ сего, члены комитета собирались (или должны были собираться) по мѣрѣ надобности, подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи и состояли изъ мѣстнаго архіерея, губернскаго предводителя, предсѣдателей палатъ и прочихъ высшихъ чиновныхъ лицъ; но установленнаго для собранія членовъ комитета времени не полагалось. Для комитетскихъ совѣщаній были также отпечатанные журнальные бланки, и вписывать въ нихъ протоколы засѣданій было обязанностію дѣлопроизводителя комитета.

Не справиться бы мнѣ съ этимъ хаосомъ, еслибы мною не руководплъ чиновникъ губернаторской канцеляріи Васильевъ, который исправлялъ до меня должность дѣлопроизводителя, такъ какъ утвержденнаго таковаго не было. Къ счастію моему, во время четырехъ мѣсяцевъ, что̀ лежала на мнѣ эта обуза, гг. члены ни разу не собирались. Этотъ самый Васильевъ разсказывалъ мнѣ, что однажды противъ посланной имъ въ Перемышльское городническое правленіе таблицы для вписыванія въ ней всѣхъ зданій въ этомъ городѣ, какъ казенныхъ,

такъ и частныхъ, а также и церквей, городничій донесъ комитету, что «въ городѣ Перемышлѣ никакихъ зданій не имѣется.» Что̀ по его понятіямъ обозначало слово «зданіе», трудно угадать.

Графъ Д. Н. Толстой принялъ осенью 1856 г. Калужскую губернію отъ управлявшаго ею въ теченіе почти года г. Барановича [1]), со времени отбытія изъ Калуги бывшаго предъ тѣмъ губернаторомъ Петра Алексѣевича Булгакова, назначеннаго генералъ-провіантмейстеромъ, и потомъ пожалованнаго въ статсъ-секретари. Г. Барановичъ былъ послѣ сего назначенъ вице-губернаторомъ въ Витебскъ (каковымъ онъ былъ, если не ошибаюсь, прежде въ Тулѣ). Правитель губернаторской канцеляріи, В. А. Лысогорскій, былъ опредѣленъ въ эту должность еще П. А. Булгаковымъ, имъ переведенный изъ Тамбова, гдѣ П. А. Булгаковъ былъ передъ тѣмъ губернаторомъ [2]). В. А. Лысогорскій былъ весьма способный и работящій молодой человѣкъ, особенно хорошо владѣвшій перомъ, и его пустилъ позднѣе въ ходъ графъ Д. Н. Толстой; славный былъ онъ товарищъ и никогда не прочь покутить [3]). Графскій сожитель и дальній родня, Семенъ Васильевичъ Хрущовъ, старый маіоръ Аракчеевскихъ южныхъ (кавалерійскихъ) военныхъ поселеній, былъ человѣкъ весьма религіозный и могъ соперничать съ графомъ въ знаніи церковнаго устава. Онъ, Лысогорскій и я ежедневно обѣдали съ графомъ въ четверомъ. Чиновниками особыхъ порученій были: изъ старшихъ, гг. Гавриловъ, Колошинъ и имени третьяго не припомню. Младшими: гг. Кричевскій, Муравьевъ и Михаилъ Владимировичъ Корсаковъ. Послѣдній подалъ въ отставку вскорѣ послѣ моего перевода въ Калугу, и потому я занялъ его мѣсто.

Рѣзко отличался отъ другихъ Николай Петровичъ Гавриловъ, идеалъ слѣдователя, съ коимъ я могъ сравнивать только одного моего быв-

---

[1]) Въ 30-хъ или въ началѣ 40-хъ годовъ, г. Барановичъ былъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ въ Рязани. Не посчастливилось ему по службѣ до конца его карьеры, и онъ не попалъ никогда въ губернаторы Онъ былъ Полякъ, въ концѣ 60-хъ годовъ обратился въ Православіе и чуть-ли не постригся въ Оптиной пустыни.

[2]) Напоминаю, что вслѣдствіе открыто-офиціальной войны между губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ кн. Юрьемъ Николаевичемъ Голицынымъ и взаимныхъ ихъ доносовъ, П. А. Булгаковъ былъ переведенъ въ Калугу, а князь Голицынъ уволенъ отъ службы. Первый изъ нихъ былъ примѣрный администраторъ, но дерзокъ и грубъ до крайности съ своими подчиненными.

[3]) Когда графъ Д. Н. Толстой поступилъ снова на службу губернаторомъ въ Воронежъ, онъ перевелъ туда В. А. Лысогорскаго совѣтникомъ Губернскаго Правленія (чѣмъ впрочемъ онъ былъ и въ Калугѣ при преемникѣ графа Толстаго, В. А. Арцымовичѣ) и позднѣе доставилъ ему мѣсто вице-губернатора въ Перми.

шаго Рязанскаго товарища, С. Т. Славутинскаго. При громадной, пріобрѣтенной практикѣ, г. Гавриловъ *) прилежно продолжалъ заниматься теоріею юридическихъ занятій и далеко пошелъ. И его, какъ и В. А. Лысогорскаго, вывезъ изъ Тамбова П. А. Булгаковъ. Совѣтниками Губернскаго Правленія были: гг. Карповъ, Косачъ, и фамилію третьяго я забылъ. Старшій изъ нихъ, Григорій Степановичъ Карповъ, посѣдѣвшій въ этой должности, имѣлъ нѣкоторую рутину въ дѣлахъ; но нашъ новичекъ вице-губернаторъ Н. И. Юркевичъ, только-что вышедшій изъ л.-гв. конногренадерскаго полка, видѣлъ въ немъ какую-то особенную геніальность, и г. Карповъ былъ въ его глазахъ неоспоримымъ авторитетомъ. Второй совѣтникъ, Михаилъ Григорьевичъ Косачъ былъ свѣтски-цивилизованный или, правильнѣе, лакированный человѣкъ, не безъ примѣси аффектаціи въ говорѣ и манерахъ: одѣвался изящно, и во всей его персонѣ видна была порядочность; лицомъ свѣжъ и румянъ, но сѣдовласъ какъ лунь не по лѣтамъ, тщательно всегда выбритый и съ гладко причесанными вплоть до глазъ висками. Я сказалъ, что онъ посѣдѣлъ преждевременно, потому что въ описываемое мною время ему было только сорокъ съ небольшимъ лѣтъ. Выписывалъ онъ періодическіе журналы и изъяснялся литературнымъ современнымъ слогомъ, немного протяжно и округляя свои фразы; а когда попадались ему на языкъ слова Французскаго происхожденія, какъ напримѣръ: «гувернантка,» то онъ произносилъ послѣдній слогъ «нантка» гнуся. Не сходился нашъ совѣтникъ коротко ни съ кѣмъ и въ обществѣ не показывался, кромѣ клуба, гдѣ, какъ холостякъ, онъ проводилъ вечера за карточнымъ столомъ по маленькому кушу, а когда разговаривалъ съ кѣмъ-нибудь, или слушалъ докладъ младшаго секретаря по своему отдѣленію въ Губернскомъ Правленіи, то, засунувъ, бывало, руки въ боковые карманы своихъ широкихъ брюкъ и покачиваясь слегка на каблукахъ, онъ отъ времени до времени выправлялъ воротнички безукоризненно-бѣлой сорочки или поправлялъ свой галстукъ. Вообще въ немъ замѣтна была наклонность молодиться. Случилось съ нимъ однажды довольно непріятное, по его привычкамъ, приключеніе. Пришедъ обѣдать по холостяковскому своему обычаю въ общественный трактиръ, тогда наилучшій въ Калугѣ, онъ усѣлся за отдѣльнымъ столомъ, а въ сосѣдней комнатѣ шумно пировалъ разгульный купчикъ, содержатель почтовыхъ лошадей. Купчикъ этотъ мѣтилъ было въ градскіе головы и угощалъ разливнымъ моремъ Шампанскаго, не столько вліятельныхъ лицъ изъ солидныхъ негоціантовъ, какъ всякую шушеру изъ закадычныхъ своихъ пріятелей и прихлѣбателей. «Анъ нутъ-

*) Въ настоящее время, Н. П. Гавриловъ предсѣдатель Тульскаго Окружнаго Суда.

ка-съ», подхватывала паразитская ватага, «покажи-ка намъ, какъ ты взойдешь въ думу градскимъ головою и какія ты тамъ рѣчи заговоришь и новые порядки начнешь заводить!» И буйный купчикъ, выскочивъ на середину зала, принялся было репетировать начальническую роль, какъ вдругъ, въ пылу ораторства, замѣтивъ нашего совѣтника, скромно сидѣвшаго въ сосѣдней комнатѣ, схватилъ полный бокалъ и подбѣжалъ къ нему съ просьбою: «Касачикъ, выпей бокальчикъ!» Легко представить себѣ, съ какимъ негодованіемъ, при этой фамиліярности, чопорный нашъ совѣтникъ отклонилъ отъ себя предлагаемый бокалъ. Но испытанія его этимъ не прекратились, и обиженный отказомъ купчикъ угостилъ его за отказъ площадною, извѣстною Русскою руганью, въ составъ коей входитъ имя матери. Не вытерпѣлъ Михаилъ Григорьевичъ и, не кончивъ своего обѣда, побѣжалъ съ жалобою къ губернатору, коимъ былъ уже тогда В. А. Арцымовичъ.

Хорошій человѣкъ былъ вице-губернаторъ Н. И. Юркевичъ, и ему оказалъ графъ Д. Н. Толстой служебную и въ тоже время семейную услугу. Отецъ его, богатый господинъ, держалъ сына на черезчуръ скудной денежной порціи, пока онъ не добьется до званія превосходительства, а между тѣмъ у Николая Ильича уже было восемь или девять человѣкъ дѣтей, и трудно было ему перебиваться. Поэтому графъ Толстой, па первыхъ же порахъ своего пріѣзда въ Калугу, выхлопоталъ ему въ министерствѣ то, что̀ составляло предметъ родительскаго честолюбія, а для сына насущной потребности.

Асессоромъ Губернскаго Правленія былъ нѣкто Вагинъ, а старшимъ секретаремъ Александръ Дмитріевъ Ходовъ, человѣкъ не безъ значенія на своемъ мѣстѣ. Предсѣдателемъ Казенной Палаты былъ г. Кабритъ, вскорѣ по моемъ опредѣленіи въ Калугу переведенный въ другую губернію, а на его мѣсто былъ назначенъ г. Толмачевъ, весьма недалекій господинъ. Когда графъ Дмитрій Николаевичъ вышелъ въ отставку въ 1858 году, а до пріѣзда его преемника должность губернатора исправлялъ вице-губернаторъ Юркевичъ, г. Толмачевъ все освѣдомлялся, не отправится ли на ревизію по губерніи вице-губернаторъ, чтобы онъ могъ (по положенію) быть хотя калифомъ на часъ и числиться исправляющимъ должность губернатора въ городѣ. «Чай вамъ непріятно», однажды спросилъ онъ у одного изъ нашихъ чиновниковъ особыхъ порученій, «что на мѣсто графа Толстаго теперь новый губернаторъ?» — «Когда человѣкъ добросовѣстно исполняетъ свои служебныя обязанности», отвѣчалъ мой товарищъ, «ему все равно, кто бы ни былъ его начальникомъ». — «Однакоже», настаивалъ г. Толма-

човъ, «вѣдь можетъ же случиться, что ваша физіономія не понравится ему?» — «Ну, если случится такой губернаторъ, который будетъ судить о своихъ подчиненныхъ по одной ихъ физіономіи, то я и самъ не пожелаю служить при немъ», отвѣчалъ нашъ молодецъ. Этими анекдотами о г. Толмачевѣ я забѣжалъ впередъ, дабы болѣе не возвращаться къ его личности.

Предсѣдателемъ Гражданской Палаты былъ въ то время князь Андрей Васильевичъ Оболенскій, женатый на Дьяковой [1]), а Уголовной Палаты—Александръ Ивановичъ Яковлевъ, человѣкъ феноменальной неспособности и тупоумія [2]). Привожу одинъ примѣръ его юридическихъ понятій и позианій. Однажды заарестованъ былъ крѣпостной человѣкъ графа Шувалова, выдававшій себя за попа раскольничьей секты. При немъ найдены были (на сколько помню) іерейское облаченіе, служебныя книги и чуть ли даже не церковные сосуды, вмѣстѣ съ чиномъ присоединенія «отъ Никоніановской ереси приходящихъ». И такъ, въ дѣлѣ о немъ было двоякое обвиненіе: первое—въ распространеніи ереси, за что онъ подвергался (на основаніи 216 ст. Уложенія о Наказаніяхъ, по изд. 1857 года) лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ за предѣлы Европейской Россіи, а второе — въ бродяжничествѣ, за которое, по 1216, 1217 и 1218 статьямъ того же Уложенія, онъ подлежалъ къ отдачѣ въ солдаты или арестантскія роты, на время отъ 10 до 12 лѣтъ, или къ поселенію въ Сибирь. Калужская Уголовная Палата обвинила его въ одномъ голько присвоиваніи себѣ непринадлежавшаго ему чина и, на основаніи 1942 статьи того же Уложенія, присудила къ денежному штрафу [3]).

Управляющимъ Палатою Государственныхъ Имуществъ былъ г. Волковъ, тихій и скромный человѣкъ, а губернскимъ прокуроромъ молодой еще правовѣдъ, г. Трузсонъ, отличный малый, подвергшійся позднѣе гоненію за либеральное свое направленіе, при реакціонномъ министерствѣ Валуева, замѣнившаго въ 1862 году графа С. С. Ланскаго. Архіереемъ былъ уже и тогда тотъ же самый Григорій, что и нынѣ, поступившій незадолго предъ тѣмъ на мѣсто скончавшагося

[1]) Отецъ этой молодой княгини Оболенской былъ женатъ вторично на нашей Московской аматёрской примадоннѣ, Елисаветѣ Алексѣевнѣ Окуловой.

[2]) Этотъ г. Яковлевъ не имѣетъ ничего общаго съ Калужскимъ же Семеномъ Павловичемъ Яковлевымъ, о коемъ сейчасъ придется говорить.

[3]) Замѣчательнаго этого рѣшенія самъ я не читалъ; но о немъ передано было мнѣ графомъ Д. Н. Толстымъ, протестовавшимъ, конечно, противъ онаго.

Николая*), а губернскимъ предводителемъ только-что выбранный Ѳедоръ Сергѣевичъ Щукинъ, на мѣсто г. Уньковскаго.

Должность жандармскаго штабъ-офицера занималъ не по чину г.-м. Гринфельдъ, человѣкъ благонамѣренный и прямой. Онъ былъ ярый садоводъ: цвѣтники его сдѣлали бы честь любому по профессіи садовнику, какъ по богатству ассортиментовъ растеній, такъ и по выгонкѣ ихъ. Кромѣ воздушной части, Гринфельдъ особенно искусно выдерживалъ въ комнатахъ множество розъ, кактусовъ и луковичныхъ растеній, какъ бы въ оранжереѣ, и надъ всѣмъ этимъ собственноручно трудился, и даже возилъ землю на тачкѣ, окапывая и поливая клумбы безъ садовника, съ помощію одного своего дворника и раздѣляя работу съ нимъ съ Нѣмецкою аккуратностью пополамъ. Онъ былъ произведенъ въ генералы за долголѣтнюю службу, съ оставленіемъ, не въ примѣръ другимъ, въ его функціяхъ и съ окладомъ штабъ-офицерскимъ. Старый, но бодрый и румяный былъ этотъ холостякъ. Въ обществѣ онъ рѣдко показывался и тратилъ значительную часть своего жалованья и пенсіона (уже имъ выслуженнаго) на любимое свое садоводство. Между нимъ и графомъ Толстымъ произошло маленькое столкновеніе на первыхъ порахъ пріѣзда послѣдняго въ Калугу. Когда весь губернскій высшій и низшій чиновническій персоналъ являлся, какъ это обыкновенно водится, къ новому губернатору, генерала Гринфельда не находилось въ этомъ числѣ: онъ кичился, должно быть, тѣмъ, что генералъ-маіорскій чинъ выше дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и потому старшему не обязательно являться къ младшему. Графъ никакого, конечно, замѣчанія ему не сдѣлалъ на это; но, дабы взаимныя ихъ отношенія обрисовались правильнѣе на будущее время, графъ Дмитрій Николаевичъ пригласилъ его къ себѣ по дѣламъ службы, и волею-неволей военный генералъ долженъ былъ первый явиться къ статскому.

Калужское осѣдлое, такъ-сказать, общество было изъ мѣстныхъ дворянъ и лицъ, поселившихся въ Калугѣ по разнымъ случайностямъ, кромѣ служебныхъ. Оно было несравненно многочисленнѣе Рязанскаго. Нѣкоторыя лица имѣли свои собственные дома, какъ напримѣръ княгиня Наталья Петровна Оболенская (вдова князя Александра Петровича, бывшаго почетнымъ опекуномъ Московскаго Воспитательнаго Дома) и Семенъ Павловичъ Яковлевъ. Съ нимъ я не замедлилъ возобновить прежнее мое знакомство въ Москвѣ, во время нашихъ ама-

*) Преосвященный Николай (бывшій когда-то Московскимъ викаріемъ), умеръ, послѣ долгихъ страданій, вслѣдствіе паденія съ экипажемъ во время своихъ разъѣздовъ по епархіи.

тёрскихъ концертовъ, въ началѣ 40-хъ годовъ, въ коихъ участвовала его жена, Зенаида Александровна, рожденная Беринъ (родная сестра Меропы Александровны Новосильцовой). Такого милаго и дружнаго между собою семейства, какъ Яковлевы, трудно сыскать, и много отрадныхъ часовъ я провелъ въ средѣ его. Оно состояло изъ четырехъ дочерей и двухъ сыновей. Старшая изъ первыхъ, Софія Семеновна, которой было 18 или 19 лѣтъ, не жила тогда съ родителями: ее взяла къ себѣ въ Петербургъ, года три или четыре передъ тѣмъ, ея бабушка по матери, княгиня Софья Егоровна Вяземская. Вторая была шестнадцатилѣтная Олимпіада Семеновна, и двѣ малолѣтнія, Зенаида и Наталья. Старшему сыну было 11 или 12 лѣтъ, и его вскорѣ помѣстили въ Пажескій Корпусъ[1]), а меньшому было 5 или 6 лѣтъ. Олимпіада Семеновна напомнила мнѣ мою Анну во всемъ, кромѣ наружности, и я привязался къ ней какъ бы къ моей кровной; да и дѣвушка она была выходившая изъ общаго разряда. Тихонравная, скромная и немного застѣнчивая, съ любящимъ сердцемъ, религіозная въ высшей степени, веселаго довольно характера, всѣми и всѣмъ довольная: въ ея глазахъ всѣ люди были хорошими; пороковъ ихъ она не замѣчала и о нихъ судила по своей душевной чистотѣ. Отецъ и мать дали утонченное воспитаніе своимъ дѣтямъ, и у дочерей были иностранныя гувернантки, не Парижанки-болтуньи, что̀ однимъ лишь градусомъ выше прикащицъ модныхъ магазиновъ, какъ бываетъ сплошь да рядомъ, а съ солидными манерами и правилами и фундаментально-образованныя[2]). Обѣ старшія сестры безукоризненно говорили по-французски, по-англійски и по-нѣмецки. Олимпіадѣ Семеновнѣ захотѣлось учиться по-итальянски, и я съ радостію предложилъ ей мои посильныя услуги. Она сама, помнится мнѣ, указала на методъ Робертсона, для изученія Итальянскаго языка, методъ точь-въ-точь такой же, какимъ я руководствовался въ преподаваніи Англійскаго языка моей Анетинѣ. При дарованіяхъ юной моей ученицы, успѣхъ превзошелъ всякое ожиданіе, и не болѣе какъ въ три мѣсяца она уже свободно переводила съ Итальянскаго на Французскій языкъ и обратно. Знаменательно было для меня это сближеніе двухъ молодыхъ и столь интересныхъ существъ, единственныхъ моихъ ученицъ, коимъ, какъ неземнымъ жилицамъ, предназначенъ былъ одинаковый жребій. Въ одномъ и томъ же воз-

[1]) Нынѣ начальникъ Московской таможни. П. Б.

[2]) Гувернанткою у Яковлевыхъ была позднѣе Француженка, нѣкая m-lle Mulanie, воспитанница Французскаго училища „le Sacré Coeur“ въ Римѣ, гдѣ она знавала мою племянницу, графиню Анну Петровну Бутурлину, монахиню въ этомъ заведеніи и всѣми тамъ уважаемую. Эта мамзель Мюлани до того обрадовалась знакомству со мною, что чуть не бросилась мнѣ на шею, какъ родная.

растѣ обѣ были отторгнуты скоропостижно отъ родителей, предстали чистыми отъ мірскаго соприкосновенія предъ Творцомъ и тамъ сдѣлались молитвенницами за своихъ родителей [1]). Даже учебный методъ Робертсона, вещь столь незначительная, былъ звѣномъ между обѣими и мною!.. Олимпіада Семеновна была роскошная, бѣлая и розовая дѣвушка, съ черными выразительными глазами и темными волосами. Вполнѣ красавицею быть мѣшалъ ей лишь плосковатый немного носикъ и опущенныя оконечности пышнаго ротика.

Семенъ Павловичъ Яковлевъ, по нынѣ здравствующій, былъ и есть фанатикъ-меломанъ и даже весьма порядочный виртуозъ на скрипкѣ. О немъ разсказываютъ, что когда въ первый разъ онъ присутствовалъ въ Петербургѣ на одной изъ новыхъ оперъ Верди, какая-то оркестровая комбинація до того восхитила его, что онъ, не вытерпѣвъ, воскликнулъ: «Отцы родные, что̀ это вы со мною дѣлаете!» Шутки въ сторону, онъ отличный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ и нѣжный семьянинъ, и дай Богъ всякому прожить въ такомъ супружескомъ согласіи, какъ онъ жилъ съ покойною Зенаидою Александровною, женщиною недюжиннаго разряда [2]). Состояніе у него хорошее, и винный заводъ, существующій уже болѣе 20 лѣтъ, идетъ успѣшно по сіе время. Городской его домъ (на Архангельской улицѣ, насупротивъ церкви Св. Архистратига Михаила) игрушечка; по наружной архитектурѣ и по внутреннему изящному устройству и комфорту, онъ могъ бы быть украшеніемъ столицы. Онъ построенъ по плану одного Нѣмецкаго архитектора [3]).

Открытымъ домомъ жила молодая чета Храповицкихъ. Почему они выбрали губернскій городъ мѣстомъ постояннаго своего жительства, тогда какъ ихъ средства дозволяли имъ жить въ столицѣ, не знаю; а впослѣдствіи Варвара Александровна Храповицкая, по смерти

---

[1]) Олимпіада Семеновна скончалась холерою въ Петербургѣ, въ домѣ своей бабки, княгини С. Е. Вяземской, въ 1861 году, заявляя окружавшимъ ея одръ, что умираетъ съ радостію, въ надеждѣ вѣчнаго блаженства. Никакое семейное горе не постигло ея никогда, а родители и бабушка ея не чаяли души въ ней.

[2]) Она умерла отъ апоплексическаго удара на Святой недѣлѣ, въ 1865 или 1866 году. Первый ударъ постигъ ее въ покояхъ преосвященнаго Григорія, коего она пріѣхала поздравить съ Пасхою, послѣ вечерень на первый день праздника, и тутъ же ей кровь пустили, къ великому испугу преосвященнаго

[3]) Все сказанное о С. П. Яковлевѣ совершенно вѣрно; но слѣдуетъ прибавить, что онъ былъ величайшій говорунъ. Бывшій Калужскій губернаторъ Булгаковъ отзывался о немъ, что „онъ кровь заговариваетъ“. И вправду, слушая безконечную его рѣчь, у иныхъ кровь останавливалась. *Примѣчаніе графа Д. И. Толстаго.*

мужа, купила даже домъ въ Калугѣ. Она была одно изъ тѣхъ существъ, о которыхъ говорится «bonne comme du pain»: проста и ровна въ обращеніи со всѣми и всѣми любима. Никто не дозволилъ бы себѣ не только остраго словечка на ея счетъ, но даже и шуточнаго намека. Мужъ ея, нигдѣ тогда не служившій, даже по дворянскимъ выборамъ, ѣзжалъ за границу на короткое время, но, помнится мнѣ, безъ жены.

Проживала также въ Калугѣ, не знаю по какому случаю, Марья Степановна Толстая. Она была вдова и имѣла при себѣ одну только дочь, Марью Васильевну, уже взрослую и недурную собой, умершую въ дѣвицахъ. У княг. Натальи Петровны Оболенской дѣтей не было, и она воспитывала, какъ дочь, свою племянницу, миловидную блондинку, также княжну Наталью (по отчеству я забылъ) Оболенскую, назначивъ ее своею наслѣдницей. Менѣе чѣмъ черезъ годъ по моемъ переходѣ въ Калугу, поселился у княгини Натальи Петровны родной ея братъ, князь Евгеній Петровичъ Оболенскій, прощенный Декабристъ, съ женою Сибирячкой и съ двумя мальчиками [1]). Отъ природной сердечной доброты и вслѣдствіе (вѣроятно) долговременной ссыльной жизни и бремени годовъ, князь Евгеній Петровичъ сдѣлался настоящимъ дитятею въ практической жизни, взамѣнъ чего онъ вынесъ изъ страдальческаго терноваго своего пути глубокое религіозное направленіе и рѣдкую кротость въ сужденіяхъ. Богъ сподобилъ его воспріять немного позднѣе благочестивую кончину [2]). Во время подготовительныхъ работъ въ Петербургѣ по дѣлу объ эмансипаціи крестьянъ, Я. И. Ростовцовъ, одинъ изъ главныхъ, какъ извѣстно, двигателей великаго этого событія, улучилъ время прискакать на нѣсколько часовъ въ Калугу, чтобы повидаться съ забытымъ всѣми послѣ тридцатилѣтняго исчезновенія Калужскимъ отшельникомъ [3]). Я. И. Ростовцовъ принадлежалъ къ тому же тайному обществу, какъ и князь Евгеній Петровичъ, но вышелъ

---

[1]) Одинъ изъ сыновей князя Евгенія Петровича, нынѣ (въ концѣ 1874 года) уѣздным (или земскимъ) врачемъ въ Тарускомъ уѣздѣ.

[2]) Въ началѣ 60-хъ годовъ, на Страстной седмицѣ, въ Чистый Четвергъ или Великую Субботу, князь Евгеній Петровичъ, причастившись Св. Тайнъ въ соборѣ, едва пришелъ домой, какъ съ нимъ случился апоплексическій смертельный ударъ.

[3]) Я. И. Ростовцовъ пріѣзжалъ въ Генварѣ 1855 года въ Москву на юбилей Университета. Тогда его исторія 1825 года и вполнѣ чистый образъ дѣйствій не были еще разъяснены, и кто-то въ Москвѣ про него сострилъ, что онъ въ одно и тоже время отецъ и сынъ (Іаковъ-Іуда). П. Б.

изъ него незадолго до Декабрьскаго разгрома, и потому незаслуженно пріобрѣлъ у иныхъ прозвище Іуды Искаріота *).

Изъ мужского персонала, проживавшаго въ Калугѣ, рѣзко выдавались двѣ личности: Декабристъ Гаврила Степановичъ Батенковъ и старикъ князь Святополкъ-Мірскій. Послѣдній находился подъ надзоромъ полиціи, но изрѣдка посѣщалъ графа Дмитрія Николаевича.

Біографія Батенкова не вполнѣ выяснена въ нашихъ историческихъ журналахъ, и о немъ упоминается лишь вскользь въ «Русскомъ Архивѣ», въ «Русской Старинѣ» и немного пространнѣе въ Запискахъ Н. И. Греча въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1868 (кажется) годъ; да и въ этихъ Запискахъ онъ выставленъ великимъ кутилою, чтобы не сказать пьяницею. Вотъ тѣ свѣдѣнія, которыя я могъ по сю пору собрать о немъ. Батенковъ былъ родомъ Сибирякъ, служилъ въ артиллеріи и въ кампаніяхъ 1813 и 1814 годовъ, при чемъ былъ жестоко раненъ и брошенъ за мертво на полѣ битвы. О дальнѣйшей его службѣ мнѣ ничего не извѣстно до того времени, когда онъ сдѣлался приближеннымъ человѣкомъ уже прощеннаго Сперанскаго, по атестаціи коего онъ перешелъ къ графу Аракчееву, пріобрѣлъ расположеніе его и даже имѣлъ нѣкоторое при немъ значеніе. Былъ онъ замѣшанъ въ Декабрьскомъ заговорѣ и просидѣлъ что-то очень долго, чуть ли не около двадцати лѣтъ, въ Петропавловской крѣпости; но странно то, что не встрѣчается его имени въ слѣдственномъ дѣлѣ о Декабристахъ. Въ первыя 16 или 17 лѣтъ его заключенія ему не давали ни письменныхъ принадлежностей, ни книгъ, и единственная, которую разрѣшено было ему, наконецъ, имѣть, была Библія. Какой требовался избытокъ нравственныхъ и физическихъ силъ, чтобы не умереть или не сойти съ ума! Да и когда я зналъ Гаврила Степановича въ Калугѣ уже старикомъ, организмъ его былъ еще желѣзный и обличалъ мускулёзнаго когда-то атлета. Выпустили его, наконецъ, изъ заточенія и отвезли на родину, въ Сибирь. Тамъ никого изъ его родственниковъ

*) Я только-что вспомнилъ удачный весьма „bon mot“ Авраама Сергѣевича Норова насчетъ самого себя и Я. И. Ростовцова. На одномъ придворномъ балѣ, во время разговора А. С. Норова (тогда министра народнаго просвѣщенія) съ Я. И. Ростовцовымъ, который былъ директоромъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, государь Николай Павловичъ, подошедъ къ нимъ, спросилъ у перваго: что́ новаго въ городѣ?—„Новаго только то, государь“, отвѣчалъ А. С. Норовъ, „что въ городѣ поговариваютъ, будто народное просвѣщеніе въ Россіи покоится на лонѣ Авраама и Іакова“. Услыхавъ это, государь расхохотался. Другая острота. Старикъ Норовъ ходилъ на деревяшкѣ. Товарищемъ его по Министерству Народнаго Просвѣщенія былъ тоже старикъ князь П. А. Вяземскій. Говорили, что это министерство: трехногая кляча, и то съ *норовомъ*.

не было уже въ живыхъ, и никто не зналъ его. Брошеннаго безъ всякихъ средствъ въ какой-то уѣздный городишко, несчастнаго призрѣлъ одинъ тамошній обыватель. «Мы съ тобой люди убогіе», сказалъ этотъ милосердецъ своей женѣ, «но подѣлимся послѣднимъ нашимъ кускомъ хлѣба съ этимъ бѣднякомъ: авось Господь Богъ насъ за то не оставитъ». И жилъ Батенковъ нѣсколько лѣтъ у своихъ благодѣтелей [1]). Однажды этотъ добрякъ отправленъ былъ въ какую-то очень дальнюю командировку, за нѣсколько тысячъ верстъ, и передъ отъѣздомъ говоритъ онъ своему жильцу: «Гаврила Степановичъ, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ; если что случится со мною, не оставь, прошу тебя, мою жену; ты знаешь, я сдѣлалъ что могъ для тебя». Чуяло сердце добраго этого человѣка, что онъ болѣе не вернется, и дѣйствительно, онъ померъ на чужой сторонѣ. А что могъ сдѣлать Батенковъ для вдовы и семейства покойника, прозябавшихъ на одномъ его скудномъ достаткѣ? Но вотъ восшелъ на престолъ грядущій освободитель милліоновъ крестьянскихъ рабовъ, и всѣ Декабристы, оставшіеся въ живыхъ, возвращены на родину. Было когда-то у Батенкова какое-то незначительное имущество, а такъ какъ онъ пропалъ безъ вѣсти и родственниковъ никакихъ у него не оказалось, то имущество это, какъ выморочное, поступило въ казну. Теперь прибѣгнулъ онъ къ царю съ прошеніемъ по сему дѣлу. Навели справки о существованіи когда-то указаннаго просителемъ имѣнія; показаніе подтвердилось, но о судьбѣ владѣльца ничего не было извѣстно. Тогда государь выдалъ Батенкову 12 тысячъ рублей (если не ошибаюсь) изъ собственной своей шкатулки, и Батенковъ, взявъ съ собою вдову своего благодѣтеля, пріѣхалъ первоначально въ Тульскую губернію, гдѣ находился, кажется, кто-то изъ старыхъ его знакомыхъ [2]), но вскорѣ затѣмъ поселился въ Калугѣ и купилъ тамъ скромный домикъ на Дворянской улицѣ. Онъ еще былъ тогда плотный и несгорбленный мужчина, съ твердою поступью и громкимъ голосомъ, и говорилъ почти что съ эмфазисомъ, чуждымъ, впрочемъ, всякой афектаціи, и съ нѣкоторою разстановкой; не злословилъ никого и принималъ живое участіе въ современныхъ событіяхъ, и даже въ мелочахъ ежедневной жизни губернскаго города. Домъ и небольшой свой капиталъ онъ завѣщалъ жившей при немъ вдовѣ Сибирскаго своего благодѣтеля, которая вышла замужъ еще при

---

[1]) Это были Томскіе граждане Лутчевы. П. Б.

[2]) Это было благословенное семейство Елагиныхъ. Старушка Авдотья Петровна, вдова артиллериста Алексѣя Андреевича, которому нѣкогда Батенковъ былъ другомъ и товарищемъ, и ея два сына, Василій и Николай, назначили Батенкову пенсію и посылали ее въ Томскъ, а потомъ въ Калугу. П. Б.

его жизни за товарища предсѣдателя Калужской Гражданской Палаты, г-на Цурикова, человѣка много моложе ея [1]).

Второю замѣчательною личностью былъ престарѣлый князь Святополкъ-Мирскій, человѣкъ довольно загадочный. Акцентъ обличалъ въ немъ чистаго Поляка, но таковымъ онъ не признавалъ себя и заявлялъ, что онъ Русскій. Про его похожденія въ молодости ничего мнѣ неизвѣстно, кромѣ того, что онъ долго жилъ во Франціи, послѣ чего поселился въ Алжирѣ, гдѣ купилъ ферму на участкѣ казенныхъ земель, или взялъ ее въ аренду на долгій срокъ; потомъ, разсорившись за что-то съ Французскимъ правительствомъ, переѣхалъ въ Австрію, гдѣ также не поладилъ съ Вѣнскою высшею администраціей, перебрался въ Петербургъ, въ министерство графа Льва Алексѣевича Перовскаго, и принялъ Православіе, вмѣстѣ съ взрослою своею дочерью [2]). Не вѣмъ, чѣмъ досадили Рюриковскому прямому потомку Французское и Австрійское правительства; но онъ бранилъ на чемъ свѣтъ стоялъ и падшаго Людовика-Филиппа, и воцарившагося Наполеона III-го, и Габсбургской династіи императора. Находился онъ въ Калугѣ подъ надзоромъ начальника губерніи, не потому что былъ замѣшанъ въ политическихъ заговорахъ, а потому, какъ я слышалъ, что онъ доводилъ до свѣдѣнія Государя, что онъ имѣетъ якобы большее право на Всероссійскій престолъ, чѣмъ царствующій домъ Романовыхъ, по своему прямому (какъ сказано выше) происхожденію отъ Рюрика. По моему, кромѣ смѣшного, ничего не было въ этой династической претензіи, за которую не стоило подвергать его административному надзору, тѣмъ болѣе, что по его рѣчамъ можно было подозрѣвать, что его умственныя способности были не въ совершенно-нормальномъ состояніи.

Не было недостатка на балахъ въ военныхъ кавалерахъ, такъ какъ въ Калугѣ квартировалъ тогда пѣхотный фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго полкъ, командовалъ коимъ пожилыхъ уже лѣтъ полковникъ Чуди, уроженецъ княжества Зигмарингенскаго. О немъ разсказывали, что въ первой молодости, находясь въ Прусской службѣ, онъ участвовалъ въ Ватерлоскомъ сраженіи и потому носилъ орденъ, выданный въ воспоминаніе этой битвы, и вотъ этотъ-то самый орденъ

[1]) Я былъ у Батенкова въ Декабрѣ 1861 года, и онъ въ то время былъ еще настолько свѣжъ и бодръ, что я удивился, узнавъ о его кончинѣ въ слѣдующемъ 1862-мъ или 1863-мъ году.

[2]) Сыновья помѣщены были государемъ Николаемъ Павловичемъ въ казенныя учебныя заведенія, а надъ однимъ изъ нихъ, уже взрослымъ, совершено было, въ церкви Кадетскаго Корпуса таинство Св. Крещенія, съ погруженіемъ въ воду. П. Б.

(или медаль) служилъ будто бы предметомъ вѣчныхъ упрековъ со стороны престарѣлаго его отца, такъ какъ старшій Чуди находился въ Наполеоновскихъ войскахъ въ этотъ злополучный для Французовъ день. Начальникомъ дивизіи, штабъ коей находился въ Калугѣ, былъ генералъ Тетеревниковъ, а начальникомъ артиллеріи генералъ Гагеманъ, супруга коего была урожденная княжна Кастріоти Скандербекъ-Грегоровичъ-Варбаросса, изъ сочетанія каковыхъ фамилій опредѣлить съ точностью національность этой дамы трудно [1]).

Въ Калугѣ я сблизился съ Иваномъ Леонтьевичемъ Тимофеевскимъ, съ коимъ познакомился въ 1855 году въ Тарусѣ. Онъ содержалъ откупъ и, препоручивъ оный своему повѣренному, переѣхалъ въ Калугу съ семействомъ, а самъ сдѣлался управляющимъ отсутствующаго тамошняго откупщика Воронина. Съ этого времени мои и жены моей отношенія съ этимъ семействомъ сдѣлались короткими. Мужъ и жена были почтенные, добродушные и услужливые люди, любили жить съ комфортомъ и обстановкою ком-иль-фотнаго сословія, хотя сами были мѣщанскаго происхожденія. Иванъ Леонтьевичъ, уроженецъ Новгородской губерніи, гор. Крестцовъ, началъ свое поприще сидѣльцемъ въ кабакѣ и впослѣдствіи, долго служа въ Петербургѣ по винному откупу, въ кругу образованныхъ людей, почувствовалъ потребность просвѣщенія, и если самъ не достигъ вполнѣ до этой цѣли, то далъ тщательное воспитаніе своимъ дѣтямъ, изъ коихъ двое сыновей были въ описываемое мною время въ Калужской гимназіи, а нынѣ проложили себѣ хорошую по службѣ дорогу; единственная же дочь, Ольга Ивановна, успѣшно выдержала, изъ любви къ наукѣ, университетскій экзаменъ, вовсе не помышляя поступить въ учительницы, такъ какъ отецъ ея владѣетъ большимъ капиталомъ [2]). Нѣжная заботливость о своихъ чадахъ иногда доходила у Ивана Леонтьевича до комичности. Въ лѣтнее время, когда старшіе его сыновья Константинъ и Викторъ, уже студенты Московскаго университета, гостившіе у него въ Тарусѣ (гдѣ онъ имѣлъ собственный домъ и продолжалъ содержать откупъ до уничтоженія въ 1863 году откупной системы) засиживались до поздней ночи у насъ въ Знаменскомъ [3]), онъ становился безпокоенъ и начиналъ приставать къ женѣ: «Мамаша, не случилось ли чего съ дѣтьми?» — «А чего добраго», насмѣшливо отвѣтитъ добрая

[1]) Она Далматка. *Примѣчаніе графа Д. Н. Толстаго.*

[2]) Она вышла замужъ въ концѣ 1863 года за моего сослуживца, не разъ упомянутаго, Викентія Ѳомича Раковскаго, бывшаго тогда однимъ изъ Тарускихъ мировыхъ посредниковъ, а нынѣ (въ 1874 году) прокуроромъ Владимирскаго Окружнаго Суда.

[3]) Напоминаю, что отъ Знаменской нашей усадьбы до Тарусы всего двѣ версты.

и разсудительная всегда Екатерина Михайловна, «вѣдь они маленькіе: того и гляди, упадутъ, пожалуй, въ прудъ» *).

Изъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ губернскихъ городовъ ни одинъ не производитъ такого грустнаго впечатлѣнія, какъ Калуга, своими руинами, свидѣтельствующими о прежнемъ ея процвѣтаніи. По многимъ ея улицамъ стоятъ изолированными громадные палаццы, въ полуразрушенномъ нынѣ видѣ, нѣкогда принадлежавшіе первостатейнымъ купцамъ-милліонерамъ: Золотаревымъ, Билибинымъ и другимъ, имена коихъ я забылъ. Таковыхъ тузовъ въ началѣ нынѣшняго вѣка считали десятками, а въ 50-хъ годахъ во всемъ городѣ едва ли былъ одинъ купецъ первой гильдіи. Въ концѣ прошлаго и въ первомъ десятилѣтіи нынѣшняго вѣка Калуга вела огромную торговлю пенькою и юфтянымъ производствомъ и отчасти хлѣбомъ съ Ригою. Для послѣдняго продукта, какъ и для пеньки, Калуга была складочнымъ мѣстомъ, а кожи выдѣлывались на мѣстѣ; но мало-по-малу, съ 20-хъ годовъ, торговля этими предметами приняла другое направленіе, и городъ началъ постепенно упадать. Прежніе капиталисты перемерли, а обѣднѣвшіе ихъ наслѣдники продали или отдали въ наймы свои трехъэтажные дома подъ казармы, больницы и подобныя общественныя надобности, или, продолжая занимать сами незначительную часть этихъ домовъ, запустили остальныя. Гостиный дворъ, съ его безсмысленною полуготическою и полумавританскою архитектурой, бывшею въ модѣ въ первой четверти нынѣшняго вѣка, построенъ въ такихъ размѣрахъ, что могъ бы, пожалуй, удовлетворять требованіямъ столичнаго населенія; а теперь въ его опустѣлыхъ проходахъ и линіяхъ хоть шаромъ покати: не задѣнешь никого. Въ городѣ насчитывается до 30 тысячъ жителей, тогда какъ Рязань, имѣя не болѣе половины этого числа, несравненно оживленнѣе. Если бы въ Калугѣ вмѣсто улицъ были каналы, то къ ней можно было бы примѣнить то, что̀ сказалъ Шатобріанъ о Венеціи, что «гробовое ея безмолвіе нарушается лишь паденіемъ въ лагуны камней съ ея дворцовъ». Правда, что Калуга раскинута, какъ Тамбовъ, на огромномъ пространствѣ, включающемъ немало пустырей. Все это выкупается живописною мѣстностью. Два противуположные конца города, примыкающіе къ Тульской и Смоленской заставамъ, построены на холмахъ и дебряхъ, не говоря уже о высокомъ и крутомъ берегѣ надъ Окою, на которомъ высятся соборъ, присутственныя мѣста, публичный садъ и губернаторскій домъ.

---

*) Е. М. Тимофеевская скончалась въ 1868 году. Старшій ея сынъ Константинъ уже давно флотскимъ медикомъ, а Викторъ товарищемъ прокурора Воронежскаго Окружнаго Суда.

Единственная сохранившаяся въ Калугѣ историческая древность (кромѣ нѣкоторыхъ церквей, да и тѣ не весьма глубокой старины), это домъ мѣщанина Коробова, въ коемъ жилъ, если вѣрить преданію, Тушинскій самозванецъ съ Мариною и, къ счастію для археологіи, этотъ домъ (каменный одноэтажный) не подвергался никакимъ варварскимъ перестройкамъ ни снаружи, ни во внутреннемъ устройствѣ. У обѣдпѣвшаго его хозяина сохранялись до 40-хъ годовъ отрѣзки старинныхъ парчевыхъ вельможническихъ одеждъ и, помнится, что я видѣлъ у него нѣкоторыя весьма древнія иконы [1]). Существуетъ также мѣстное преданіе, что Тушинскій воръ похороненъ на соборной площади, близъ семинаріи, и въ первой четверти сего вѣка еще указывали будто бы на камень, лежавшій надъ его могилою.

Графъ Дмитрій Николаевичъ, какъ холостякъ, баловъ не давалъ, да и средства его не дозволили бы ему подобной траты. По Понедѣльникамъ бывали у него карточные мужскіе съѣзды, а въ остальные дни онъ проводилъ вечера надъ бумагами, или имѣлъ свою партію дома, а иногда ѣзжалъ въ гости, хотя рѣдко. Чаще всего онъ бывалъ у княгини Н. П. Оболенской, у. которой его партію составляли: хозяйка дома, ея братъ, князь Евгеній Петровичъ, и князь Андрей Васильевичъ Оболенскій. Мы обѣдали въ пять часовъ, а такъ какъ графъ садился играть или выѣзжалъ не ранѣе десятаго часа, то эти три часа незамѣтно пролетали въ интимной и часто назидательной бесѣдѣ въ его кабинетѣ, и изъ нихъ-то я вынесъ много духовной и интеллектуальной пользы: онѣ-то раскрыли мнѣ, какъ мало Русскаго человѣка было дотолѣ во мнѣ, какъ я сбивался на космополита, а главное, какъ мало я былъ свѣдущъ въ уставахъ исповѣдуемой мною церкви. Тутъ же я почерпнулъ первое ясное понятіе о славянофильствѣ, его направленіи и цѣляхъ, тогда какъ до того времени я видѣлъ въ немъ одно лишь модное увлеченіе Москвичей и лингвистико-археологическое занятіе. Стыдно становится, когда вспомню, что, до этихъ съ графомъ Толстымъ бесѣдъ, я игнорировалъ даже имя столь доблестнаго борца нашей церкви и народности, каковымъ былъ Хомяковъ [2]). Семенъ Васильевичъ Хрущовъ былъ (какъ прежде сказано) человѣкъ глубоко-вѣрующій и настолько силенъ въ церковномъ уставѣ, что могъ поддерживать словопреніе и препираться съ графомъ. Помню, между прочимъ, одно между ними преніе по поводу VI-го ирмоса, что̀ поется на утрени Ве-

[1]) Снятый мною съ этого дома рисунокъ былъ помѣщенъ въ 1860-мъ году въ „Архивѣ“, издаваемомъ Н. В. Калачевымъ.

[2]) Къ величайшему моему стыду, я тогда не зналъ даже, что въ Смутное время былъ великій защитникъ Русской земли и мученикъ, святитель Гермогенъ. Русскою исторіей я началъ заниматься только съ 1869 года.

ликой Субботы: «Ятъ бысть, но не удержанъ въ персѣхъ китовыхъ Іона». Въ истолкованіи послѣднихъ словъ этого ирмоса они расходились. Не имѣя дотолѣ никакого понятія даже о существованіи этого ирмоса, я, конечно, все время молчалъ, но не замедлилъ снестись съ Рязанскимъ моимъ духовникомъ и душевнымъ другомъ, протоіереемъ Иваномъ Ефимовичемъ Любимовымъ, прося его прислать мнѣ его объясненіе этого церковнаго пѣснопѣнія. Въ этихъ прешіяхъ участвовалъ также приходившій изрѣдка къ графу въ эти часы ректоръ семинаріи, архимандритъ Агапитъ, молодой еще человѣкъ, большой начитанности и съ знаніемъ Французскаго языка. Можно было надѣяться, что со временемъ изъ него выйдетъ замѣчательный іерархъ, но, къ сожалѣнію, онъ подверженъ былъ, какъ мнѣ сказывали, горячимъ напиткамъ, и потому, вѣроятно, онъ далѣе архимандритства не пошелъ. Переводили его настоятелемъ монастырей съ одного конца Россіи въ другой, а въ настоящее время онъ чуть ли не проживаетъ гдѣ-то на покоѣ. Часто задаю себѣ вопросъ, отчего это суждено ученому человѣку, Русской исключительно народности, спиваться, какая физіологическая тому причина, между тѣмъ какъ подобная скорбная вещь не встрѣчается между учеными другихъ націй?.

Графъ Дмитрій Николаевичъ настолько силенъ въ Славянскомъ нарѣчіи, что перевелъ съ Русскаго сказаніе о явленіи Калужской чудотворной иконы Божіей Матери. Икона же эта находится постоянно не въ городѣ, а въ урочищѣ Калужкѣ, въ трехъ верстахъ отъ него. Въ прошломъ столѣтіи мѣстность эта принадлежала какому-то помѣщику, въ домѣ котораго заброшена была на чердакѣ, въ числѣ разнаго хлама и въ поврежденномъ, вѣроятно, видѣ, старая картина, писанная на холстѣ, Итальянской, очевидно, кисти, изображающая одну Богородицу, безъ предвѣчнаго Младенца, въ синемъ покрывалѣ и съ книжкою въ рукахъ. Эта икона, повидимому, составляетъ только половину изображенія Благовѣщенія, а ея «pendant», долженствующій изобразить архангела, утраченъ. Одна изъ хозяйскихъ дочерей вытащила съ чердака эту картину, принятую ею за портретъ какой-нибудь монахини и шутя сказала сестрѣ, что желаетъ воздать подобающій почетъ заброшенной игуменьѣ. Однакоже, вскорѣ послѣ сего, открылось ей въ сонномъ видѣніи настоящее значеніе картины, вслѣдствіе чего она и все ея семейство, уразумѣвъ свою ошибку, поставили эту картину между семейными иконами, и чудотворныя дѣйствія не замедлили произойти отъ нея. Тогда благочестивый помѣщикъ, считая себя недостойнымъ удерживать долѣе подобную святыню въ своемъ домѣ, пе-

ренесъ ее въ приходскую церковь, гдѣ она и осталась по сіе время, и вѣрующіе не замедлили получать многія Божія милости чрезъ нее.

Икона эта переносится разъ въ годъ въ Калужскій каѳедральный соборъ, гдѣ и остается въ теченіе всего Августа мѣсяца. Вотъ это-то временное пахожденіе иконы въ городѣ послужило однажды поводомъ для эпиграмматической выходки графа Д. Н. Толстаго насчетъ строительной и дорожной комиссіи, просившей разрѣшенія принять у себя икону (на это требовалось согласіе губернатора, какъ предсѣдателя этой комиссіи, а равно также Приказа Общественнаго Призрѣнія и Губернскаго Правленія, въ коихъ онъ былъ непосредственнымъ начальникомъ). «Какъ! Царицу Небесную въ ваши стѣны? Полноте, господа», отшучивался графъ посланному отъ комиссіи. «Вѣдь это будетъ святотатство. А благо, что у васъ проявилось религіозное пастроеніе, такъ вотъ вамъ мой совѣтъ: отправьтесь-ка вы всѣ на кладбище и тамъ отслужите торжественную панихиду по архитекторѣ N, предоставившемъ вамъ и преемникамъ вашимъ пасущный хлѣбъ». Исторія объ архитекторѣ N слѣдующая. Въ первомъ или второмъ десятилѣтіи нынѣшняго вѣка построенъ былъ, подъ наблюденіемъ какого-то дѣльнаго губернатора, огромный каменный мостъ, съ арками въ два яруса, чрезъ широкій оврагъ, пересѣкающій улицу, ведущую отъ присутственныхъ мѣстъ къ церкви Одигитріи и къ Смоленской заставѣ. По своей массивности и прочности мостъ напоминалъ древнія Римскія постройки и до сороковыхъ годовъ едва ли подвергался починкамъ; значитъ, для гг. архитекторовъ съ него было, какъ съ козла, ни шерсти, ни молока; и вотъ, во время губернаторствованія Н. М. Смирнова, нѣкій архитекторъ N взошелъ съ представленіемъ въ Строительную Комиссію о томъ, что въ мосту груда желѣзнаго матеріала, связей, полосъ и пр., совершенно ненужнаго, употребить который можно было съ несравненно большею пользой на другіе предметы. Члены Комиссіи нашли, что проектъ архитектора N основателенъ, и представили таковой на утвержденіе губернатору, который согласился на ихъ доводы, вслѣдствіе чего состоялось журнальное о томъ постановленіе. Винить въ этомъ Н. М. Смирнова было бы несправедливо, такъ какъ онъ не могъ быть спеціалистомъ по строительной части и довѣрялся гг. техникамъ. Вытащили все желѣзо, что̀ могли, изъ моста, и менѣе чѣмъ чрезъ десять лѣтъ онъ до того осѣлъ, что надо было приступить къ капитальной его передѣлкѣ, а три или четыре года позднѣе мостъ потребовалъ вторичнаго исправленія, хотя не столь уже значительнаго, какъ въ первый разъ. Вотъ почему графъ Толстой указывалъ гг. архитекторамъ творить торжественное благодарственное поминовеніе по душѣ почившаго ихъ предшественника и благодѣтеля.

Изъ этого можно видѣть, что графъ Дмитрій Николаевичъ придерживался въ служебномъ дѣлѣ Латинской поговорки «castigare ridendo mores [1])», чему могу привести и другой примѣръ, доказывающій въ тоже время его готовность на доброе дѣло и игривость способа въ достиженіи этой цѣли. Однажды ему подалъ прошеніе какой-то тамошній гимназистъ, не кончившій еще курса, о зачисленіи его въ губернаторскую канцелярію. Просьба была написана на столько плохо, что графъ (всегда откровенный со всѣми) отвѣчалъ просителю, что въ гражданской службѣ требуется правильное знаніе Русскаго языка и чистописанія и совѣтовалъ ему поступить лучше въ военную. Заблистали глаза у гимназиста при перепективѣ эполетъ; но онъ объяснилъ, что родители его не имѣютъ средствъ экипировать его. «Объ этомъ не хлопочите», сказалъ сердобольный графъ, «я васъ снаряжу какъ слѣдуетъ, лишь бы вы доставили мнѣ письменное удостовѣреніе вашихъ родителей о ихъ согласіи на ваше поступленіе въ военную службу». На слѣдующій день явились къ графу родители юноши съ изъявленіемъ ихъ согласія, но подтвердили слова сына о ихъ невозможности экипировать его. Потому графъ поручилъ правителю своей канцеляріи, В. А. Лысогорскому, запяться снаряженіемъ всего нужнаго для будущаго юнкера, съ бѣльемъ включительно, что̀ стоило около 70 рублей, и при свиданіи съ начальникомъ дивизіи Тетеревниковымъ графъ просилъ его быть благосклоннымъ къ его кліенту. Благодаря этому ходатайству, юный воинъ подвергся самому легкому экзамену при поступленіи на службу и вскорѣ облекся въ мундиръ съ галунами. Вскорѣ послѣ сего событія, приходитъ къ графу содержатель гостинницы Кулона [2]) съ вопросомъ, можетъ ли онъ дѣлать кредитъ графскому племяннику, частенько посѣщающему его гостинницу. Графъ отвѣчалъ, что никакого племянника въ Калугѣ у него нѣтъ, при чемъ напомнилъ Кулону, что при самомъ своемъ вступленіи Калужскимъ губернаторомъ онъ публиковалъ, чтобы въ городѣ не дѣлали никакого кредита служащимъ при его домѣ людямъ. Во время этого разговора (въ пріемномъ залѣ губернаторскаго дома) вдругъ входитъ самъ герой разсказа, и на него указываетъ Кулонъ, какъ на выдающаго себя за графскаго племянника. «Да!» сказалъ тутъ графъ. «Я объ немъ и забылъ: онъ дѣйствительно мой племянникъ, но всетаки кредиту ему прошу васъ не дѣлать». Едва вышелъ Французъ, какъ графъ крикнулъ своимъ людямъ

[1]) Насмѣшкою исправлять нравственность.

[2]) Тотъ самый, что̀ въ 40-хъ годахъ содержалъ въ Петербургѣ знаменитую гостинницу на Михайловской площади, впослѣдствіи содержателя Клея. Напоминаю, что Кулонъ началъ съ того, что въ началѣ 30-хъ годовъ былъ метръ-дотелемъ у свѣтлѣйшаго князя П. П. Лопухина, тогда командира 1-й гусарской дивизіи.

принести пучокъ розогъ. Оторопѣлъ нашъ псевдоплемянникъ; но, видя, что аппараты для школьной экзекуціи не на шутку приготовлялись, онъ сталъ на дыбы и началъ припоминать, что дворянъ сѣчь нельзя.— «Я и безъ тебя хорошо это знаю», серіозно отозвался графъ, «да я постороннаго какого нибудь дворянина и не подумалъ бы наказывать, а какъ дядя, имѣю полное право высѣчь шалуна-племянника». Тотъ въ слезы и не радъ былъ, что присвоилъ себѣ это родство. Потѣшившись вдоволь его испугомъ, графъ отпустилъ его, конечно, нетронутымъ.

Графъ вывелъ однажды весьма куріозный расчетъ о томъ, сколько часовъ въ сутки губернаторъ долженъ былъ посвящать своимъ занятіямъ, дабы исполнить въ точности невозможный для исполненія губернаторскій наказъ. Во первыхъ, по аномаліи, встрѣчавшейся въ программѣ административныхъ уложеній, губернаторъ подразумѣвался (il était censé) якобы лично присутствующимъ ежедневно въ Губернскомъ Правленіи, въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія и въ Строительной и Дорожной Коммиссіи. Во вторыхъ, подъ непосредственнымъ его вѣдѣніемъ находились Комитетъ о земскихъ повинностяхъ и Коммиссія народнаго продовольствія, по коимъ былъ у него ежедневный (почти) докладъ. Третье, въ число суточныхъ занятій входили, какъ и понынѣ, пріемъ просителей на дому, Петербургская офиціальная переписка, текущія дѣла по его губернаторской канцеляріи и докладъ по рѣшеніямъ Уголовной Палаты, требовавшимъ его согласія, а въ случаѣ его протеста дѣла эти восходили до Сената. Городскія полицейскія и тюремныя дѣла также требовали разсмотрѣнія. Словомъ, по вѣрному исчисленію, по часамъ, губернаторскихъ ежедневныхъ занятій, графъ Дмитрій Николаевичъ вывелъ, что если бы исполнять буквально весь губернаторскій наказъ, то изъ 24 часовъ оставалось бы ему не болѣе какъ три часа для сна, ѣды и для пріема просителей, а для моціона не оставалось бы ни минуты. Слыхалъ я, будто бы Сперанскій, составитель, какъ извѣстно, у насъ Свода Законовъ, говаривалъ, что Россія «держится неисполненіемъ законовъ». Чего добраго, вѣдь былъ же на моей памяти нѣкій Тосканскій государственный мужъ и мудрецъ, маркизъ Фоссомброни, который, убѣдившись, что всякіе законы и уложенія почти что лишніе, потому-де что міръ и люди идутъ себѣ своимъ чередомъ и безъ нихъ, придумалъ административный афоризмъ, что «il mondo va da se» (свѣтъ идетъ самъ по себѣ, т. е. безъ надобности помочей).

Передавая характеристику графа Дмитрія Николаевича, не хочется мнѣ пропустить молчаніемъ о феноменальномъ его употребленіи чаю.

Едва проснется (а вставалъ онъ рано) и до 12 часовъ, когда подавали завтракъ, самоваръ слѣдовалъ за самоваромъ, и это снова продолжалось послѣ завтрака до 2-хъ часовъ, когда графъ выѣзжалъ со двора. Возвратившись домой въ 4 часа, онъ ложился спать до обѣда (бывшаго въ 5 часовъ), а послѣ обѣда опять начиналось чаепитіе, продолжавшееся до 9 часовъ, если онъ уѣзжалъ въ гости, а если имѣлъ свою партію дома, самовары не переставали шипѣть до 1-го или 2-го часа пополуночи. Сколько дюжинъ стакановъ чая выпивалъ графъ въ теченіи дня, счесть невозможно; но завѣдывавшій тогда его домашнимъ хозяйствомъ С. В. Хрущовъ сказывалъ какъ-то мнѣ, что выходило въ мѣсяцъ отъ семи до восьми фунтовъ чая, судя по каковой пропорціи можно бы было предполагать, что сахару выходило по малой мѣрѣ полтора пуда, вмѣсто чего выходило лишь отъ 9 до 10 фунтовъ въ мѣсяцъ, такъ какъ графъ пивалъ чай совершенно безъ сахара, а иногда съ поджаренымъ миндалемъ *).

Въ одно прекрасное утро, приходо-расходчикъ Губернскаго Правленія К. исчезъ, захвативъ съ собою 7 или 8 тыс. рублей казенныхъ денегъ и оставивъ на имя графа письмо, въ которомъ писалъ, чтобы его не искали, потому что когда письмо доставлено будетъ по принадлежности, то трупъ автора его уже будетъ расклеванъ птицами. Графъ, распросивъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ изчезновенія приходо-расходчика и узнавъ, что онъ выѣхалъ изъ своего дома на извозчикѣ, естественно не повѣрилъ этому заявленію. Онъ справедливо заключилъ, что для того, чтобы посадить себѣ пулю въ лобъ, не нужно было тратить денегъ на извозчика, и потому поручилъ чиновнику особыхъ порученій г. Кричевскому отправиться въ догоню бѣглеца. Порученіе было крайне затруднительно, но слѣдователю помогло то обстоятельство, что К. вмѣстѣ съ деньгами укралъ три бланка казенныхъ подорожныхъ, №№ которыхъ записываются впередъ въ особый реестръ. При помощи этихъ №№, Кричевскому не трудно было, по справкѣ на почтовой станціи, удостовѣриться, куда отправился бѣглецъ, и хотя онъ пустился въ путь подъ чужимъ именемъ, на каждой станціи предъявлялъ другія подорожныя и съ другими именами, но предательскіе №№ послужили слѣдователю нитью Аріадны, и онъ прослѣдилъ вора до Москвы; тамъ онъ узналъ, что К. послѣ ночлега въ гостиницѣ «Эрмитажъ» отправился по Владимирскому тракту. Кричевскій продолжалъ слѣдить за нимъ

*) Въ этомъ отношеніи, графъ составилъ себѣ такую извѣстность, что П. И. Бартеневъ, не будучи еще лично съ нимъ знакомъ, спросилъ у меня однажды: бывшій директоръ департамента полиціи исполнительной графъ Толстой, тотъ ли самый что пьетъ такъ много чаю?

до самаго Владимира, но здѣсь слѣдъ его пропалъ. Тогда онъ бросился къ ямщикамъ и, узнавъ, кто изъ нихъ привезъ нашего героя во Владиміръ, отыскалъ такимъ путемъ и того ямщика, который повезъ его дальше, уже на вольныхъ лошадяхъ и не по почтовой дорогѣ. Прослѣдя его и этимъ путемъ сначала до Тамбова, слѣдователь настигъ его наконецъ въ Саратовѣ, гдѣ нашелъ его спящимъ въ одной гостиницѣ, съ пистолетомъ однакоже и кинжаломъ на столѣ, возлѣ кровати; а такъ какъ г. Кричевскаго сопровождала полиція, то, войдя безъ шума въ комнату и завладѣвъ оборонительными орудіями, они взяли и связали его. За симъ онъ былъ привезенъ обратно въ Калугу арестованнымъ. Это удачное выполненіе возложеннаго на моего сослуживца порученія дѣлаетъ много чести его смѣтливости, и я долженъ сознаться, что не съумѣлъ бы выйти такъ успѣшно изъ подобнаго дѣла.

Калужское общество взволновано было свѣжимъ тогда случаемъ дерзкаго грабежа, жертвою коего былъ богатый отставной генералъ Хамратъ и его семейство, жившіе въ своемъ имѣніи, недалече отъ Калуги. Однажды ночью, ворвалась въ его домъ переодѣтая и замаскированная шайка и, связавши хозяина дома и его дочерей, ограбила все движимое имущество, въ томъ числѣ кредитные и ломбардные билеты, коихъ, какъ говорили, было не на малую сумму. Отъ испуга одна изъ его дочерей померла. Всѣ розыски отыскать этихъ разбойниковъ долго оставались тщетными, и только года черезъ три, или даже болѣе, полиція случайно напала на ихъ слѣдъ, схвативъ одного изъ этой шайки по другому грабежу.

Въ концѣ Февраля я попросился въ отпускъ, въ Москву, куда звалъ меня Н. А. Дивовъ, по дѣлу о взысканіи съ Обнинскихъ денегъ, завѣщанныхъ мнѣ моей матерью. Я присталъ, по указанію Дивова, на квартирѣ недавно передъ тѣмъ умершаго его брата, Петра Адріяновича, въ Леонтьевскомъ переулкѣ, въ домѣ дьякона Никологнѣздненской церкви. Самого Николая Адріяновича еще не было въ Москвѣ: отъ прибылъ туда изъ Варшавы (гдѣ былъ тогда генералъ-провіантмейстеромъ) съ недѣлю послѣ меня и остановился на квартирѣ Анны Петровны Ракитиной, въ домѣ князя Юсупова, что̀ на углу Леонтьевскаго переулка и Никитской. Встрѣтилъ онъ меня болѣе чѣмъ сухо, даже сурово, и упрекалъ въ неблагодарности къ П. И. Новосильцову, за то что я промѣнялъ его на графа Д. Н. Толстаго. Я возразилъ, что если я въ жизни когда нибудь грѣшилъ неблагодарностію, то конечно къ одной моей матери и не къ кому другому; что былъ и всегда буду признателенъ Петру Петровичу за постоянно родственное его ко мнѣ вниманіе; что прослужилъ при немъ три года со всѣмъ

возможнымъ усердіемъ; но что, хотя одна изъ причинъ, побудившихъ меня перейти на службу въ Калугу, была дѣйствительно публичный и незаслуженный афронтъ отъ моего начальника, но что мнѣ и безъ того невыносимо было продолжать службу въ Рязани, въ постоянной разлукѣ съ моимъ семействомъ. Всѣ эти аргументы были, кажись, вѣскими; но кузенъ мой, не смотря на многія хорошія свои качества, упрямъ до крайности въ своихъ воззрѣніяхъ и нерѣдко раздражителенъ и охочъ судить другихъ по себѣ. Вотъ почему всѣ мои объясненія не убѣдили его въ моей правотѣ, и онъ продолжалъ дуться на меня. Случилась тутъ, проѣздомъ изъ Петербурга въ Рязань, Меропа Александровна и остановилась у своего брата Алексѣя Александровича Тимашева-Беринга, тогдашняго оберъ-полицеймейстера, который занималъ казенный домъ на Тверскомъ бульварѣ и жилъ на широко-роскошной ногѣ, окруженный легіономъ лакеевъ, въ позументахъ съ гербами по всѣмъ швамъ, и такимъ же швейцаромъ-привратникомъ, и съ ватагою чернофрачныхъ въ бѣлыхъ галстухахъ оффиціантовъ. Меропа Александровна послала немедленно за мною, обняла меня какъ родная, и выразила теплое и искреннее сожалѣніе о своемъ отсутствіи, во время осенняго пріѣзда ея мужа въ Рязань изъ-за границы, потому что она никогда бы не допустила прискорбной сцены, происшедшей между Петромъ Петровичемъ и мною; да и я убѣжденъ, что будь она тогда въ Рязани, этого никогда бы не случилось. Она добавила (если память моя вѣрна), что, возвратившись въ Рязань, она сильно упрекала мужа въ его несправедливости противъ меня, представляя ему, что «Boutourline n'est pas un employé comme tous les autres»*). Всегда скажу, что много есть хорошаго въ этой болтливой по видимому женщинѣ и особенно то, что она горячій другъ своимъ друзьямъ.

Въ Москвѣ же я свидѣлся съ Аркадіемъ Африкановичемъ Болдыревымъ, который предложилъ мнѣ сдѣлать окончательный съ нимъ расчетъ въ моихъ лошадяхъ (верховыхъ), содержавшихся (какъ я уже говорилъ) съ 1852 года на его счетъ. За старую и слѣпую мою кобылу, Паразину, и двухъ отъ нея жеребятъ онъ предложилъ мнѣ (помнится) 400 р. сер. Подобное неожиданное предложеніе я счелъ за благодѣяніе съ его стороны, особенно въ тогдашнемъ, безденежномъ моемъ положеніи. Это было послѣднее мое свиданіе съ этимъ добродушнѣйшимъ человѣкомъ: въ слѣдующемъ 1858 году онъ умеръ въ Тулѣ, во время тамошнихъ рысистыхъ бѣговъ, коихъ онъ былъ президентомъ.

Послѣ трехнедѣльнаго, или около того, пребыванія въ Москвѣ, я вернулся въ Знаменское, гдѣ провелъ Пасху и остался до конца Апрѣ-

*) Нельзя ставить Бутурлина на ряду съ прочими чиновниками.

ля, съ согласія на то графа Толстаго. Я занялся переустройствомъ хозяйства въ имѣніи моей жены, которое дошло до сильнѣйшаго упущенія отъ женскаго управленія. Можно себѣ представить, какіе могли быть урожаи на почвѣ, уже по себѣ глинистой, когда изъ 40 десятинъ въ полѣ удабривалось не болѣе трехъ или четырехъ десятинъ, и весьма рѣдко пять, да и то не сильно (т. е. количествомъ навозныхъ кучъ); а что до скопа на скотномъ дворѣ, то онъ былъ предоставленъ на произволъ скотницѣ, обязанной доставлять въ господскую экономію по 30 ф. масла въ годъ отъ всякой коровы (кромѣ нужныхъ, конечно, сливокъ), но за недоборъ этого количества ничего не взыскивалось съ нея, и она всегда могла ссылаться на яловыхъ коровъ. Результатъ былъ тотъ, что, живя у себя въ деревнѣ, приходилось покупать масло для кухни чуть-ли не 9 мѣсяцевъ въ году. Впрочемъ, вѣдь и то сказать, кормъ скотины состоялъ изъ одной ржаной соломы и кое-когда яровой, да и та давалась почти исключительно однимъ телятамъ; слѣдовательно нечего было и ожидать лучшаго отъ подобнаго содержанія господской скотины, не говоря уже о ея помѣщеніи на открытомъ дворѣ, даже въ трескучіе морозы.

Въ самыхъ послѣднихъ числахъ Апрѣля я получилъ губернаторское предписаніе явиться въ Калугу, чтобы немедленно отправиться въ Жиздринскій уѣздъ для производства слѣдствія надъ однимъ изъ тамошнихъ помѣщиковъ, г-мъ Г., обвиняемомъ въ оскорбленіи и истязаніи священника Лоренцо. По важности дѣла, прикомандированъ былъ ко мнѣ адъютантъ Калужскаго жандармскаго штабъ-офицера, капитанъ Александръ Ивановичъ Золотухинъ, человѣкъ вполнѣ благонадежный, который, какъ тогда, такъ и впослѣдствіи, оказывалъ мнѣ дружеское вниманіе и содѣйствіе.

Въ это самое время старшій чиновникъ особыхъ порученій Колошинъ перешелъ на службу въ Министерство Государственныхъ Имуществъ, и я поступилъ на его мѣсто, которое было съ жалованіемъ, и такимъ образомъ могъ я развязаться, къ величайшему моему удовольствію, съ дѣлопроизводствомъ по Статистическому Комитету, мнѣ не подъ силу, и передать его чиновнику губернаторской канцеляріи, г. Васильеву, коему это дѣло было сподручнѣе.

Едва пріѣхалъ я въ несчастную Жиздру [1]), какъ явился ко мнѣ на постоялый дворъ мѣстный исправникъ Өед. Дмитр. Домогацкій. Это уже такъ водилось въ тѣ времена. Хотя личность г. Домогацкаго

[1]) Этотъ городишко выстроенъ какъ бы на Аравійскихъ пескахъ. Въ 1857 году ни одна, помнится мнѣ, въ немъ улица не имѣла мостовой.

была далеко не изъ привыкшихъ или нуждавшихся заискивать благорасположеніе губернскихъ властей или непосредственно зависящихъ отъ нихъ лицъ; но всетаки губернаторскій старшій чиновникъ особыхъ порученій, да въ добавокъ, титулованный, какъ я, имѣлъ свое значеніе; вотъ почему, быть можетъ, г. Домогацкій счелъ нелишнимъ оказать мнѣ подобную вѣжливость. Самъ онъ былъ съ изряднымъ состояніемъ, женатъ на единственной дочери одного изъ первыхъ Жиздринскихъ богачей и не только гнушался пушкомъ на рыльцѣ, по годовое приношеніе, ассигнованное по тогдашнему обычаю мѣстнымъ откупщикомъ на персоналъ Земскаго Суда (что-то около 1500 р. въ годъ) г. Домогацкій отдавалъ сполна на канцелярію суда, за что и боготворилъ его этотъ забитый людъ. Изъ себя былъ онъ атлетъ и непрочь покутить, въ каковыхъ случаяхъ могъ безслѣдно и безвредно выпить хоть бочку. О немъ разсказывали, что однажды на выборахъ въ Калугѣ онъ и одинъ подъ пару ему пріятель, сосѣдній исправникъ, переполнивъ свои утробы до того, что онѣ не могли помѣщать уже ни одной болѣе капли, разнуздали любимыхъ своихъ коней и принялись спаивать ихъ, вливая Шампанское въ вёдра. А хотя и былъ онъ такой жуиръ, но Земскій Судъ шелъ у него какъ по струнке, и онъ умѣлъ подтянуть этотъ судъ, когда слѣдовало; словомъ, былъ молодецъ на всѣ руки. За то и любило его начальство. Да и служилъ онъ такъ-себѣ, изъ любви къ искусству, или для препровожденія времени въ антрактахъ ружейной охоты и отъѣзжаго поля, а чуть замѣтитъ гримасу на лицѣ высшаго начальства, прощайте-молъ, я вамъ болѣе не слуга; дѣлайте какъ знаете безъ меня. Охъ какъ мало, увы! было такихъ людей въ тѣ отпѣтыя времена.

Новый мой слѣдственный субъектъ Г. былъ пьяница, буянъ и безобразникъ, а подчасъ не въ совершенно здравомъ разсудкѣ; послѣднее, впрочемъ, состояніе, происходило отъ перепоя. Жена его разъѣхалась съ нимъ, а дѣтей, кажется, у нихъ не было. Съ своимъ приходскимъ священникомъ онъ жилъ въ ладахъ, и послѣдній не нахваливался приходскимъ своимъ бариномъ, а высѣкъ онъ сосѣдняго попа, носившаго Итальянскую фамилію Лоренцо, чортъ знаетъ за что. На сколько помнится мнѣ, помѣщикъ Г. пожертвовалъ было какой-то лѣсокъ въ свою церковь, что не мѣшало (кажется) ему продавать (или дозволять продавать) дрова изъ этого лѣса, и вотъ, узнавъ объ этомъ, бѣдняга отецъ Лоренцо пріѣхалъ къ нему для покупки дровецъ. Помѣщикъ Г., уже, какъ говорится, на готовѣ, повздорилъ съ покупателемъ, выдралъ у него клочокъ бороды и, кликнувъ своихъ челядинцевъ, приказалъ разложить и высѣчь попа; но экзекуція эта шла съ промежут-

ками. «Теперь вставай, выпьемъ вмѣстѣ по чарочкѣ», кричалъ безумецъ», и послѣ выпивки опять давай сѣчь несчастнаго; а между тѣмъ буйный домохозяинъ то и дѣло что стрѣлялъ изъ пистолета «для бо́льшаго форса или куража». Хотя операція сѣченія продолжалась нѣсколько часовъ съ эксцентрическими промежутками попойки, но попъ не подвергся (какъ помнится мнѣ) увѣчью. Сѣкли его конечно для одной проформы, и срама было, какъ я домекаю, чуть ли не болѣе, чѣмъ истязанія. Вотъ-съ, какія дѣла творились въ дворянской сферѣ въ концѣ 50-хъ годовъ, въ губерніи смежной съ Московскою!

Едва я приступилъ къ этому дѣлу, какъ получилъ дополнительное предписаніе произвести изслѣдованіе, по совокупности съ настоящимъ дѣломъ, о злоупотребленіи этимъ господиномъ помѣщичьей власти и о жестокомъ его обращеніи съ его людьми. Откуда поступилъ доносъ или жалоба на него, не помню [1]) При отобраніи отъ него первыхъ показаній, онъ обращался со мною весьма вѣжливо, ни въ чемъ не сопротивлялся, держалъ себя вообще довольно прилично и подписывалъ всѣ свои показанія; но едва онъ увидѣлъ прибывшаго для нахожденія при слѣдствіи Жиздринскаго предводителя дворянства г. Челищева (такъ какъ при слѣдствіи надъ дворянами всегда присутствовалъ мѣстный предводитель въ качествѣ какъ-бы депутата отъ своего сословія), Г. накинулся на него съ такою неприличною бранью, что я вынужденъ былъ пригрозить ему, что если онъ не уймется, то я составлю о томъ журнальное постановленіе, что̀ послужитъ ему во вредъ. А это случилось потому, что у Г. были свои старые счеты съ г. Челищевымъ [2]) во время сбора ополченія по ихъ уѣзду. На счетъ жестокаго обращенія Г. съ крѣпостными его людьми, одна молодая дѣвушка, бывшая его сударушкою, показала мнѣ между прочимъ, что однажды, прогнѣвался на нее ея баринъ и высѣкъ ее съ подобными же какъ при сѣченіи попа Лоренца промежутками, и въ добавокъ, оскорбилъ ее своими циническими съ ней поступками. Теперь я вспомнилъ, что доносъ о злоупотребленіяхъ помѣщичей власти чуть-ли не происходилъ отъ кого-то изъ жертвъ; и будь это пятью или шестью годами ранѣе, дѣло не имѣло бы, пожалуй, никакихъ послѣдствій, такъ какъ законъ не дозволялъ доносовъ и, кажется, даже жалобъ прямо отъ крѣпостныхъ лю-

[1]) Впрочемъ, кажется мнѣ, что это распоряженіе состоялось вслѣдствіе первыхъ моихъ донесеній о личности этого господина. Будучи въ пьяномъ видѣ, онъ также кощунствовалъ; но начальство не сочло нужнымъ пустить это дѣло въ ходъ, такъ какъ на этотъ счетъ не было никакой жалобы.

[2]) Этотъ г. Челищевъ не имѣлъ ничего общаго съ почтеннымъ Боровскимъ исправникомъ Д. М. Челищевымъ.

дей на своихъ господъ; но въ описываемое мною время, когда въ Петербургѣ уже разрабатывался проектъ о возможности неотлагательной крестьянской эманципаціи, губернаторы начинали пускать въ ходъ и подобныя жалобы.

По важности дѣла надъ помѣщикомъ Г., я счелъ нужнымъ пригласить для содѣйствія мнѣ мѣстнаго стряпчаго (какъ было на то разрѣшеніе въ Сводѣ уголовныхъ законовъ), г. Фельда, черезъ что образовалась цѣлая комиссія изъ четырехъ членовъ: меня, жандармскаго офицера, уѣзднаго стряпчаго и мѣстнаго предводителя дворянства *). При окончаніи одного допроса обвиняемаго по пунктамъ, случилась вотъ какая исторія. Я, какъ настоящій слѣдователь, подписавъ протоколъ, пригласилъ г. предсѣдателя Челищева подписаться вслѣдъ за мною; но онъ всталъ съ своего мѣста и съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства заявилъ всѣмъ присутствовавшимъ, что онъ никакъ-де не считаетъ себя лицомъ, поставленнымъ ниже губернаторскаго чиновника, и что потому никакъ не подпишется вторымъ. Надо сказать, что дѣйствительно меня предупреждали, что этотъ господинъ въ подобныхъ случаяхъ имѣлъ притязаніе на первенство въ подписи, считая себя первымъ въ уѣздѣ лицомъ (т е. по службѣ) и что въ этихъ случаяхъ иные мои собратія поблажали этой его прихоти; но я, не будучи изъ таковскихъ, не обращалъ никакого вниманія на курьезное это сообщеніе. Напрасно силился я доказывать г. предводителю, что, чуждый всякому самолюбію, я дѣйствовать иначе не могу на томъ основаніи, что здѣсь настоящій слѣдователь и единственное отвѣтное лицо за всякую неправильность въ дѣлѣ я, а что онъ состоитъ лишь при слѣдствіи для огражденія обвиняемаго отъ всякихъ съ моей стороны пристрастныхъ дѣйствій и вопросовъ, какъ представитель дворянскаго сословія. Ничего не помогло. Г. Челищевъ стоялъ на томъ, что не подпишется вторымъ, безъ предварительнаго разъясненія (таковы были, помнится мнѣ, его выраженія) этого вопроса самимъ губернаторомъ и безъ его (губернатора) указанія на мѣсто, гдѣ долженъ подписаться мѣстный предводитель. Вслѣдствіе этого заявленія, я, обще съ жандармскимъ офицеромъ и уѣзднымъ стряпчимъ, составилъ журнальный протоколъ о таковомъ непредвидѣнномъ обстоятельствѣ и, пріостановившись въ

*) Этотъ Фельдъ былъ незакопорожденный сынъ родного дяди жандармскаго генерала Гривфельда (явное сокращеніе). Радостно мнѣ почтить двумя словами память этой чистой личности, выходившей изъ ряду обыкновенныхъ тогдашнихъ стряпчихъ-взяточниковъ. Дѣлецъ безъ крючкотворства и непритязателенъ при скудныхъ житейскихъ своихъ средствахъ, этотъ скромный и мелкій дѣятель погасъ безслѣдно, тогда какъ, подобно многимъ другимъ, онъ могъ бы составить карьеру при иной обстановкѣ.

дальнѣйшемъ производствѣ, донесъ начальнику губерніи о случившемся, съ просьбою рѣшить поднятый вопросъ. О томъ же отнесся къ нему и г. предводитель съ своей стороны. Отвѣтъ послѣдовалъ, что губернаторъ не считаетъ себя въ правѣ лишать слѣдователя предоставленнаго ему по закону права въ первенствѣ подписи, чѣмъ и угомонился нашъ больно щепетильный, но не особенно дѣловой предводитель, и вся эта курьезная переписка вошла въ составъ самого дѣла. Добавлю кстати, что тогдашніе гг. уѣздные предводители составляли себѣ странное понятіе о мнимомъ своемъ правѣ вмѣшиваться даже въ занятія уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. Мнѣ случилось быть очевидцемъ, какъ одинъ знакомый мнѣ предводитель Тарускаго уѣзда справлялся полуоффиціальнымъ тономъ о ходѣ вообще дѣлъ въ Земскомъ Судѣ, и какъ исправникъ (по выборамъ, конечно) относился къ нему съ подчиненными почти пріемами.

Еще два слова о Жиздринскомъ образчикѣ дворянскаго представительства. Разсказывали тогда, что онъ считалъ себя и даже будтобы подписывался начальникомъ Жиздринскаго уѣзда, а также, что, узнавъ однажды, что во время перевозки мѣшковъ съ мѣдною монетой изъ казначейскаго подвала, по случаю пожара въ церкви, подъ коей былъ этотъ подвалъ, одинъ изъ мѣшковъ прорвался и нѣсколько монетъ (мѣдныхъ) высыпалось на улицу, онъ будтобы письменно увѣдомилъ уѣздное казначейство о своемъ намѣреніи произвести тамъ ревизію. А въ другой разъ захотѣлось ему (если память мнѣ не измѣнила) ревизовать Градскую Думу, по своей собственно иниціативѣ. Конечно, его осмѣяли въ обоихъ случаяхъ, но это даетъ понятіе до какой фанаберіи доходили тогда иные гг. предводители и какіе атрибуты пытались себѣ присвоивать.

Въ Жиздринскомъ уѣздѣ я позамѣшкался почти до половины Іюля, такъ какъ то и дѣло подсылались мнѣ другія еще служебныя порученія. Изъ нихъ упомяну объ одномъ, какъ о знакѣ того блаженнаго неправосуднаго времени, которое получило окончательный ударъ съ введеніемъ судебной реформы 20 Ноября 1864 года *). Предписано было мнѣ переслѣдовать одно дѣло, неправильно якобы произведенное Жиздринскою городскою полиціею, о чемъ подана была жалоба губернатору отъ претерпѣвшаго (вѣроятно) лица. Разсматривая это дѣло, я

*) Непреложная, по всему, истина, что какъ бы неудовлетворительно пока ни шла у насъ судебная часть, во всякомъ случаѣ она все-таки сто кратъ лучше прежней безгласной и сословной процедуры и полицейско-слѣдственной части. Слава тебѣ Господи, что вычистили наконецъ эту Авгіеву конюшню!

узналъ между прочимъ, что обвиняемый и уличенный въ воровствѣ, дворовый человѣкъ г-на Г. (непремѣннаго члена мѣстнаго Земскаго Суда) былъ оставленъ на свободѣ, между тѣмъ какъ посажена была въ острогъ несчастная молоденькая проститутка, квартировавшая у одной женщины, содержавшей притонъ для краденыхъ вещей, и у которой, помнится мнѣ, даже найдены были украденныя вещи или часть таковыхъ. Изъ дѣла видно было, что эта дѣвчонка, лежа ночью на печкѣ, подслушала разговоръ своей хозяйки съ воромъ о сдѣланной имъ кражѣ, и вѣроятно, кому-то передала подслушанное ею, потому что была допрошена въ качествѣ свидѣтельницы, при чемъ подтвердила свое показаніе. Квартальный же надзиратель, посившій громкую фамилію Понятовскаго *), производившій слѣдствіе, не посмѣлъ, должно быть, заарестовать дворовaго человѣка столь значительнаго лица, какъ непремѣнный членъ Земскаго Суда, но не поколебался спустить въ острогъ беззащитную дѣвчонку-свидѣтельницу, подъ предлогомъ-ли распутнаго ея поведенія (извѣстно, что на полиціи лежитъ обязанность печись о публичной нравственности городскихъ обывателей) или, быть можетъ, за недонесеніе въ свое время мѣстному начальству о томъ что̀ было ей извѣстно касательно кражи (вспомнить чего не могу за давнопрошедшимъ временемъ). Когда я ее освободилъ изъ острога и старался пояснить, что она имѣла право взойти съ прошеніемъ о беззаконномъ ея арестѣ (къ чему, винюсь, уговаривалъ ее), бѣдняжка и слышать не хотѣла о томъ, а рада-радехонька была уже тому, что по моей милости она снова увидала Божій свѣтъ. Не помню, самъ ли я, взамѣнъ этой дѣвчонки, немедля и съ величайшимъ наслажденіемъ, посадилъ въ острогъ уличеннаго виновника, или Земскій Судъ, въ минуту юридической стыдливости, распорядился это сдѣлать. Вышеупомянутый уѣздный стряпчій г. Фельдъ разсказывалъ мнѣ позднѣе, что какъ только я приступилъ къ переслѣдованію сказаннаго дѣла, то произвелъ терроръ, нѣчто въ родѣ Медузиной головы въ городническомъ правленіи и въ Земскомъ Судѣ, за исключеніемъ, конечно, исправника Ѳ. Д. Домогацкаго, не участвовавшаго никогда въ грязныхъ дѣлахъ.

Какъ характеристику направленія, усвоеннаго въ тѣ времена слѣдственною частію, отмѣчу, что когда, возвратившись въ Калугу съ

*) Заинтересовавшись этимъ Полячкомъ-полиціантомъ, увѣрившимъ меня, что фамилія его невымышленная, я посовѣтовалъ ему отправиться въ Кіевскую губернію и явиться отъ моего имени къ шуринамъ покойнаго моего брата, Ламберту и Августу Осиповичамъ Понятовскимъ, въ качествѣ обѣднѣвшаго, дальняго ихъ родственника. Онъ разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи, что послушался моего совѣта, былъ у *дяденьки* Ламберта Осиповича Понятовскаго и получилъ отъ него денежную помощь.

окончаніемъ дѣла о сѣченіи священника Лоренца и выдергиваніи бороды, я посѣтилъ нашего, всѣми почитаемаго архипастыря Григорія (и по нынѣ право правящаго Господнее слово истины), то онъ, къ моему удивленію, поблагодарилъ меня за то, что я не далъ въ обиду подчиненнаго ему страдальца. Значитъ, что гнуть въ угодность сильнымъ міра сего и привилегированной кастѣ было въ ходу у нѣкоторыхъ слѣдователей. Правда, что о правахъ меньшей нашей братіи и помину тогда не было. Допустимъ, что въ нынѣшнее время (въ 70-хъ годахъ) балансъ переходитъ подчасъ въ противоположную и даже неправую сторону и что этимъ руководствуется иногда персоналъ судебныхъ учрежденій въ порывѣ увлеченія минутной моды (увлеченіе, свойственное юнымъ дѣятелямъ), но какъ же не хотятъ понять ворчуны, что это проявленіе есть протестъ и неминуемая реакція послѣ трехсотлѣтняго гнета и безграничнаго произвола надъ нашею меньшею братіею? Вѣдь въ глазахъ же этихъ юныхъ юристовъ происходили вчера, такъ сказать, всѣ неистовства крѣпостного права, образчики коего я выписываю изъ служебной моей практики. Какъ же послѣ этого удивляться, что въ пылу негодованія они (юристы) дѣйствуютъ иногда пристрастно? Корысти въ нихъ нѣтъ никакой, а впадать въ крайности это удѣлъ молодежи. Побрыкаются, побрыкаются, да наконецъ и уймутся. Такъ-то, господа ворчуны, вы это примите въ толкъ. А уже какъ хотите, но отъ вашего ропота, насмѣшекъ и пессимистическихъ пророчествъ вѣетъ закваскою утраченнаго на вѣки плантаторства; сознаться же въ этомъ вы стыдитесь. Вотъ гдѣ Ахиллесова пятка. Признайтесь чистосердечно, не сожалѣете ли вы объ Египетскихъ цибуляхъ? Нѣчего вѣдь грѣха таить: мало сочувствія встрѣтилъ въ нашихъ высшихъ слояхъ крѣпостной переворотъ 19 Февраля 1861 года, а они еще считаютъ себя передовыми!

Во время слѣдствія надъ безобразникомъ Г., при капитанѣ А. И. Золотухинѣ состоялъ рядовой Калужской жандармской команды, Самохваловъ, очень мнѣ понравившійся своею смѣтливостью и расторопностью, и во время послѣдующихъ моихъ командировокъ по разнымъ уѣздамъ Калужской губерніи я постоянно бралъ его съ собою, къ смущенію нерѣдко мирныхъ обывателей, между тѣмъ какъ меня льстило, что нахожденіе при мнѣ синяго мундира придавало нѣкоторую важность моей личности. Въ жизни моей не честолюбіе чиновъ въ строгомъ смыслѣ имѣло для меня обаяніе, а прельщало меня играть какую бы то ни было роль (être un quelque chose) на службѣ или внѣ ея, въ салонной ли жизни, или даже на крестьянскихъ сборищахъ въ моихъ бывшихъ Порзняхъ, на сговорахъ, свадьбахъ и на сельскихъ

сходкахъ въ моемъ вотчинномъ правленіи. Я алкалъ получить какую бы то ни было общественную извѣстность, и вотъ почему мнѣ такъ хотѣлось, одно время, когда я владѣлъ звучнымъ баритономъ, поступить въ качествѣ артиста на какую-нибудь сцену, хотя бы отплылъ я для этого въ Америку. Чувство это преобладало въ вокальной моей меломаніи. Въ описываемый мною періодъ тщеславіе мое нашло пищу и могло высказаться на новомъ моемъ поприщѣ слѣдователя, а въ еще позднѣйшее время, въ литературныхъ занятіяхъ. Видѣть свое имя напечатаннымъ подъ какой-нибудь статьею, даже прочесть печатное опроверженіе и порицаніе моихъ мнѣній, радостно щекочетъ и по нынѣ мое самолюбіе. Извѣстность, coûte qui coûte, вотъ чего мнѣ хочется, и я не могу преодолѣть этой слабости.

Возвращаюсь къ моему жандарму.

Позднѣе, когда Самохваловъ выслужилъ свой срокъ, и я уже былъ Тарускимъ судебнымъ слѣдователемъ, я взялъ его въ услуженіе, въ качествѣ разсыльнаго, сыщика и камердинера. Это былъ типъ присущей Русскому простолюдину отваги. Страшна была въ его глазахъ одна лишь смерть (да и то, пожалуй, придерживался онъ поговорки «двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать»), и онъ сдѣлался настолько всѣмъ извѣстенъ, что его употребляли при случаѣ и посторонніе люди, за что хорошо его награждали. Но не изъ одного денежнаго интереса подвизался мой Видокъ, а любилъ онъ свою профессію и особливо когда она направлена была на травлю сомнительныхъ личностей. Въ этомъ отношеніи Жиздринскій уѣздъ представлялъ широкое поле для его дѣятельности. Уѣздъ граничитъ съ Болховскимъ и Брянскимъ, Орловской губерніи, и черезъ рубежъ тянутся извѣстные Брянскіе лѣса, на большомъ протяженіи, и потому вся эта мѣстность служитъ (или служила въ мое время) притономъ для всякаго рода бродягъ. Однажды исправникъ Домогацкій отправилъ Самохвалова, съ дозволенія капитана Золотухина, въ одно подгородное селеніе, отыскивать какого-то скрывавшагося будто бы тамъ безпаспортнаго героя, и синемундирный сыщикъ, облекшись въ мужицкій сѣрый армякъ и избравъ для обыска ночное время, перешарилъ всѣ избы и перещупалъ (по крайней мѣрѣ онъ такъ разсказывалъ) въ потемкахъ всѣхъ спавшихъ тамъ. Какъ не переломали ему реберъ, диво! Впрочемъ, въ послѣднее время онъ видимо охладѣлъ къ ловлѣ бродягъ, потому-де, что казна перестала ему платить, по прежнему, по червонцу за каждый субъектъ.

Возвратившись въ Калугу послѣ двухъ съ половиною мѣсячнаго странствованія по Жиздринскимъ лѣсамъ, весямъ, дебрямъ и постоялымъ дворамъ, я засталъ тамъ Рязанскаго моего сослуживца, Ивана Карловича Мартенса, уже опредѣленнаго на открывшуюся ваканцію совѣтника Калужскаго Губернскаго Правленія, а на прежнее его мѣсто (асессора Рязанскаго Губернскаго Правленія) туда перешелъ асессоръ Калужскаго г. Вагинъ.

Раннею весною, когда я не выѣзжалъ еще изъ Знаменскаго (или уже находился въ Жиздринскомъ уѣздѣ), проѣзжалъ по Брестъ-Литовскому шоссе Государь съ Императрицею, и графъ Дмитрій Николаевичъ отправился встрѣтить царскую чету въ Медынь, гдѣ она имѣла почлегъ. На слѣдующее утро, когда Императрица, милостиво разговаривая съ графомъ Толстымъ, спросила его: въ чьемъ домѣ мы стоимъ? графъ отвѣчалъ, въ д. купца такого-то. Вдругъ Государь, разговаривавшій тогда съ губ. предводителемъ, сказалъ: «Толстой, представь его Императрицѣ». Полагая что Государю угодно было чтобы Императрицѣ былъ представленъ хозяинъ дома, о которомъ только что шла рѣчь, графъ пошелъ къ дверямъ, чтобы позвать его; но Государь, улыбаясь добавилъ: «Не его, а губернскаго предводителя» (Ѳедора Сергѣевича Щукина). Этотъ неважный самъ по себѣ эпизодъ послужилъ тѣмъ не менѣе впослѣдствіи къ особенному милостивому вниманію Государя къ графу. Лѣтъ десять спустя (или даже болѣе), на одномъ куртагѣ, Государь, замѣтивъ графа, сказалъ ему. «А помнишь Медынь?» стоявшая же тутъ Императрица добавила: Ce n'était qu'un qui pro quo» (Это было одно недоразумѣніе).

Съ обычною своею ко мнѣ благосклонностію, графъ Дмитрій Николаевичъ уволилъ меня къ моему семейству, безъ назначенія срока, и для сохраненія внѣшняго порядка службы поручилъ мнѣ два - три совершенно пустыя изслѣдованія, какъ напр.: ссора Тарусскаго градскаго головы съ откупщикомъ, по случаю винной выставки на ярмаркѣ, и подобныя тому дѣла. Но личныя мои отношенія съ графомъ придавали мнѣ большой вѣсъ, какъ въ Тарусѣ, такъ и повсюду въ губерніи, а довѣріемъ ко мнѣ моего начальника я пользовался, чтобы доносить ему о разныхъ вопіющихъ злоупотребленіяхъ, мною подмѣченныхъ, о коихъ не было ничего извѣстно губернскому начальству; а также я рекомендовалъ его вниманію кое-кого изъ канцелярскаго люда присутственныхъ мѣстъ для помѣщенія на открывающіяся ваканціи. Донесеніями моими я заслужилъ прозвище шпіона у Тарусскаго дворянства, и это ой какъ больно откликнулось мнѣ впослѣдствіи; но ни тогда, ни теперь не нахожу ничего ни позорнаго, ни предосу-

дительнаго въ этихъ моихъ дѣйствіяхъ. Не въ шутку, и не за одно банальное канцелярское фразерство принимаю я слова, въ данной на службѣ присягѣ, служить вѣрою и правдою и доносить обо всемъ, что могло бы причинить вредъ государственной службѣ; а одновременно съ исполненіемъ въ точности долга я находилъ и нахожу, что я служилъ обществу въ широкомъ примѣненіи этого названія, а въ абстрактивномъ смыслѣ человѣчеству, заступничествомъ моимъ за низшую забитую братію, и сверхъ того обличая взяточничество, эту язву нашей администраціи. Впрочемъ, всякій судитъ по своей совѣсти.

Въ Тарускомъ уѣздномъ судѣ былъ тогда секретаремъ отпѣтый взяточникъ, контролировать дѣйствія коего не хотѣли или не умѣли судья и его аколиты. Сейчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Тарусу (изъ Калуги), я вызвалъ этого господина къ себѣ и объявилъ ему наединѣ, что если онъ не исправится, то ему предстоитъ быть удаленнымъ. Мѣсяца черезъ два или три, удостовѣрившись, что нотація моя не послужила ему въ пользу, я донесъ о немъ, и онъ немедленно смѣненъ. Тоже самое я сдѣлалъ съ письмоводителемъ городническаго правленія. Эти два случая придали мнѣ особенное значеніе въ глазахъ высшаго и низшаго персонала Тарускихъ присутственныхъ мѣстъ; но опять повторяю, что меня радовала не одна лишь польза, принесенная обществу отъ успѣха моихъ представленій, но и служебный вѣсъ, мною черезъ это пріобрѣтенный.

Осенью (1857) получилъ я секретное предписаніе сдѣлать безгласное, исподволь, дознаніе о справедливости разныхъ злоупотребленій, въ коихъ обвинялся Тарускій исправникъ Бахметевъ, свѣдѣнія о комъ получены были не черезъ меня. Я дотолѣ видѣлъ въ немъ лишь крайне недалекаго и пустого человѣка, но объ особенно вопіющихъ его проступкахъ по службѣ я ничего еще не зналъ. Дознаніе подтвердило многое изъ высказаннаго въ доносѣ, и мнѣ предписано было приступить къ формальному о немъ слѣдствію. Оно вышло такъ многосложно, что тянулось всю осень, зиму, и только весною слѣдующаго 1858 года я представилъ дѣло въ Губернское Правленіе. Разскажу о нѣкоторыхъ комическихъ замашкахъ этого индивидуума. Во едину отъ субботъ, онъ подмѣтилъ какое-то жилое строеніе на краю одного селенія, выходившее не въ линію съ прочими, а на дорогу и, можетъ быть, суживавшее немного проѣздъ. И вотъ приказываетъ онъ становому снести это строеніе (жили-ли въ немъ жильцы или нѣтъ, не помню); но такъ какъ послѣ нѣсколькихъ повтореній (письменныхъ) становой не исполнялъ его приказаній, то исправникъ прискакалъ туда и, вызвавъ становаго, велѣлъ ему немедленно раскидать все строеніе. «По-

милуйте», возразилъ тотъ, «вѣдь этого мы не имѣемъ права дѣлать по закону?» — «Что̀ мнѣ законъ, я вамъ законъ», грозно гаркнулъ принципалъ. «Ну, такъ извольте сами и распоряжаться», отвѣчалъ осторожный подчиненный, «а я отказываюсь». Раскидано-ли было строеніе или нѣтъ, не помню. А иногда отправлялъ онъ преступниковъ изъ города въ станъ подъ конвоемъ какихъ, думаете вы, людей? Подъ конвоемъ *бабъ*; да, бабъ, вмѣсто разсыльныхъ, состоявшихъ при судѣ, но коихъ онъ употреблялъ для разныхъ работъ у себя на дворѣ, и вообразите себѣ, что смиренные арестанты не убѣгали изъ-подъ этой нѣжной стражи. А случалось это вотъ почему. Въ Тарусѣ базарный день Воскресенье; такъ вотъ и пошлетъ нашъ исправникъ привести съ площади кого нибудь изъ селеній, находившихся въ окрестностяхъ стана: «вамъ-молъ это по дорогѣ»; а не случится на тотъ разъ отыскать какого нибудь мужичка, такъ наряжали для конвоя хоть двухъ бабъ. Тоже было и по подводной повинности, неохотно, какъ извѣстно, отбываемой крестьянами, и потому г. Бахметевъ дозволялъ женщинамъ замѣнять своихъ мужей. Пришлось мнѣ однажды ѣхать на обывательскихъ лошадяхъ по проселочнымъ дорогамъ, и вдругъ лѣзетъ на козлы моего тарантаса крестьянская баба; понятно, что съ подобнымъ возницею я не захотѣлъ отправиться въ путь. Квартировалъ исправникъ на горѣ, при выѣздѣ изъ города, и иногда можно было видѣть его отправляющагося въ свой Земскій Судъ, бывшій въ центрѣ города, верхомъ, на взнузданномъ по кавалерійски конѣ.

Слѣдствіе надъ исправникомъ Бахметевымъ дало поводъ къ единственному въ жизни моей случаю посѣтовать немного на графа Дмитрія Николаевича. Накоплялось все болѣе и болѣе уликъ о непохвальныхъ дѣйствіяхъ по службѣ Бахметева, какъ вдругъ получаю записочку, по французски, вложенную въ запечатанный пакетъ отъ графа Толстаго, слѣдующаго содержанія: «Cher comte, allégez, si vous pouvez, le sort de ce malheureux»*). Меня, признаюсь, это покоробило. Какъ? подумалъ я, столь прямой человѣкъ, какъ графъ, хочетъ посягать на свободу моихъ убѣжденій и совѣсти и заставлять меня затаивать истину изъ участія къ лицу, заслуживающему кару закона? Не ожидалъ я этого отъ него, да и тѣмъ болѣе, что имѣлъ случаи удостовѣряться, что онъ не смотритъ на службу, какъ на богадѣльню. Тѣмъ не менѣе, не свернулъ я съ тропы, по которой шелъ, не пропускалъ и не умалялъ всего, что̀ открывалось новое по сему предмету; но воспользовался первой возможностью съѣздить въ Калугу, чтобы изустно объясниться съ графомъ. Онъ увѣрилъ меня, что никакъ не думалъ предписывать

*) Любезный графъ, облегчите, если можете, участь этого несчастнаго.

мнѣ, чтобы я придерживался ложнаго направленія и гнулъ бы изслѣдованіе въ оправданіе Бахметева, но что онъ пришелъ въ минутный тупикъ отъ сцены, происшедшей тогда въ его кабинетѣ. Съ одной стороны, несчастный Бахметевъ рыдалъ, какъ ребенокъ, и стукался, какъ сумасшедшій, головою объ стѣну; а съ другой престарѣлая его мать валялась въ ногахъ графа, слезно умоляя пощадить ея сына, и вотъ подъ какимъ вліяніемъ растроганный графъ настрочилъ мнѣ упомянутую записку. Онъ увѣрялъ, что ему и на мысль не приходило предписывать мнѣ дѣйствовать противъ моей совѣсти. Объясненіе это вполнѣ меня успокоило, и никогда не было болѣе между нами намека объ этомъ эпизодѣ, такъ что я кончилъ слѣдствіе безъ всякихъ дальнѣйшихъ утаекъ.

Исправникъ Бахметевъ служилъ по выбору отъ дворянства, и немудрено, что строгое мое изслѣдованіе всѣхъ его похожденій могло увеличить нерасположеніе ко мнѣ мѣстныхъ дворянъ; но туча, собиравшаяся надъ моей головой, шла все болѣе и болѣе кресчендо при послѣдующихъ моихъ дѣйствіяхъ. Велѣно было мнѣ произвести секретное дознаніе о притѣсненіяхъ своихъ крестьянъ и противузаконныхъ дѣйствіяхъ помѣщика Толбугина, о коемъ уже не разъ упомянуто выше*). Порученіе это было чуть-ли не мотивировано тѣмъ, что крестьяне этого помѣщика вышли изъ его повиновенія, что̀, въ офиціальной тогдашней терминологіи, называлось бунтомъ, хотя открытаго бунта никогда не было, а только то, что вышедшіе изъ терпѣнія и разоренные отъ поборовъ своего барина нѣкоторые несчастные крестьяне (да и то не всѣ) отказывались тихо, но дружно и упорно, исполнять притѣснительныя его требованія. Предписано было мнѣ произвести это дознаніе вмѣстѣ съ Тарускимъ уѣзднымъ предводителемъ, Дмитріемъ Александровичемъ Чертковымъ, который хотя далеко не изъ либеральнаго десятка, но тѣмъ не менѣе (я долженъ отдать ему полную справедливость) дѣйствовалъ тутъ за одно со мною, безъ пристрастія къ принципу поддержки, во что бы то ни стало, дворянскаго сословія. Между прочихъ обвиненій подтвердилось, что у г. Толбугина опредѣленнаго размѣра оброка не было: сегодня получено сполна, а завтра, когда крестьянамъ были нужны паспорты, чтобы имъ идти на заработки, съ нихъ требовался еще добавочный по произволу оброкъ, и нерѣдко, для вымогательства его, сѣкли крестьянъ и отбирали ихъ имущество. Крестьяне дошли до такой крайности и страха, что перегоняли свой скотъ въ сосѣднія селенія, не принадлежавшія ихъ помѣ-

*) Отсылаю читателя къ описанію Московскихъ событій весною 1835 г., а также къ моей жизни въ Знаменскомъ съ 1847 по 1849 годъ.

щику, и тамъ держали скотину на чужое имя. Не забуду, что, на выѣздѣ изъ Криворѣзова (такъ называлось это село, составлявшее лишь часть большого имѣнія г. Толбугина) мой тарантасъ застрялъ въ топкомъ оврагѣ, и мнимые бунтовщики прибѣжали гурьбой помочь мнѣ.

Если я такъ часто налегаю съ подробностями о неистовствахъ нѣкоторыхъ тогдашнихъ помѣщиковъ, то дѣлаю это, дабы доказать, какъ необходимо и неотлагательно было покончить сразу съ крѣпостнымъ правомъ. Законъ запрещалъ, это правда, всѣ подобныя злоупотребленія; но его умѣли обходить, и онъ дѣлался одною мертвою буквою.

Со времени недавняго еще моего перехода на службу въ Калужскую губернію, вотъ уже былъ второй случай, что я выводилъ на чистую воду тиранство помѣщичьей власти, а въ довершеніе всего я секретно донесъ, что нѣкая Таруская немелкопомѣстная барыня разорила своихъ крестьянъ до того, что они ходили по міру по всему уѣзду, и что нѣкій помѣщикъ, разгнѣвавшись за плохую барщинскую работу, запрягъ одну бабенку въ борону и заставилъ ее бороновать, чѣмъ и подвергъ ее всеобщему позору. Всѣ эти мои дѣйствія навѣяли на мою голову странную и публичную грозу въ домѣ уѣзднаго предводителя, и мнѣ пришлось отгрызаться, какъ я только могъ; но, придерживаясь всегдашняго моего правила «avoir le courage de mes opinions»*), я принялъ на себя всю отвѣтственность за мои дѣйствія и конечно не извинялся передъ этимъ грознымъ ареопагомъ. Одинъ изъ болѣе разъяренныхъ этихъ господъ воскликнулъ: «мы будемъ просить губернатора, чтобы не налагалъ такихъ обязанностей на своихъ чиновниковъ».— «Просите, сколько угодно» (помнится мнѣ, я отвѣчалъ), «а до тѣхъ поръ я не измѣню моего образа дѣйствій». Буря улеглась, но только на время. Позднѣе, въ 60-хъ годахъ, при введеніи мировыхъ учрежденій, когда я попытался было попасть въ Тарускіе мировые судьи (на что я имѣлъ полное право по девятилѣтней практикѣ по слѣдственной части), нерасположеніе ко мнѣ мѣстнаго дворянства снова высказалось: пущены были въ ходъ разныя натяжки «cousues de fil blanc» (т. е. призрачныя), и меня отстранили отъ выборовъ.

Не помню, говорилъ ли я, что въ описываемое мною время уѣзднымъ судьею въ Тарусѣ былъ безвредный старецъ, г. Гродненскій, отставной гусаръ и визіонеръ. Что до послѣдняго эпитета, то онъ безусловно вѣрилъ въ разные чары и заговоры и разсказывалъ, что когда посягатели на чужую собственность условливаются усыпить

*) Не страшиться боя для защиты своихъ убѣжденій.

мертвымъ сномъ жителей дома, который они намѣреваются ограбить, то обходятъ все строеніе или вкрадываются въ домъ, неся предъ собою кость умершаго младенца, и этимъ легкимъ способомъ достигаютъ своей цѣли безъ всякой помѣхи. Но спеціальностію г. Гродненскаго было устройство фонтановъ; и дѣйствительно, въ его имѣніи на р. Протвѣ красовалось довольно обширныхъ бассейновъ съ водометами. Однажды, при посѣщеніи его уѣзднымъ предводителемъ, Дмитріемъ Александровичемъ Чертковымъ, съ его женою Любовью Александровною, когда послѣдняя очень хвалила фонтанъ при въѣздѣ господскаго дома г. Гродненскаго, хозяинъ, въ порывѣ восторженной признательности, воскликнулъ: «Онъ вамъ нравится? Такъ я его вамъ дарю.» Чтобы покончить съ этой оригинальной личностію, дополню, что его такъ поразили всѣ послѣдствія отъ манифеста 19 Февраля 1861 года, что онъ бросилъ все свое хозяйство (тогда какъ слылъ дотолѣ хорошимъ агрономомъ) и запустилъ всѣ господскія свои поля: ни самъ ихъ не пахалъ, ни отдавалъ въ наймы.

Засѣдателемъ въ уѣздномъ судѣ былъ уже тогда Григорій Александровичъ Кондыревъ, человѣкъ вполнѣ безукоризненный, заступившій впослѣдствіи г. Гродненскаго въ должности судьи *). Подобную о немъ аттестацію я смѣло могу дать, потому что я служилъ съ нимъ въ бытность мою безъ малаго два года Тарускимъ судебнымъ слѣдователемъ, а при первоначальномъ въ 1860 году учрежденіи этой новой должности (предшествовавшей судебной реформѣ 20 Ноября 1864 г.), слѣдователи считались членами Уѣзднаго Суда и въ свободное время тамъ засѣдали.

Этой же осенью перешелъ къ намъ въ Калугу изъ Рязани Викентій Ѳомичъ Раковскій, и графъ Толстой помѣстилъ его на открывшуюся вакацію чиновника особыхъ порученій послѣ Гаврилова, назначеннаго (помнится мнѣ) товарищемъ предсѣдателя Уголовной Палаты (или Кричевскаго, получившаго мѣсто губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго). Вотъ былъ такимъ образомъ и третій Рязанскій бѣглецъ, считая И. К. Мартенса и меня, не говоря уже о нѣкоемъ Шумовѣ, успѣшно кончившемъ курсъ въ Рязанскомъ училищѣ дѣтей канцелярскихъ служителей, коего графъ помѣстилъ въ свою канцелярію, но противъ чаянія ничего особеннаго изъ него не вышло. Перешелъ также изъ Рязани какой-то становой, но онъ недолго, кажется, продержался въ Калужской губерніи.

*) Онъ нынѣ (1875) Тарускимъ исправникомъ.

Въ одно изъ краткихъ моихъ появленій въ Калугѣ, чтобы повидаться съ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ, я однажды встрѣтился у друзей моихъ, поселившихся тамъ на зиму, Поливановыхъ, съ бывшимъ однополчаниномъ моимъ Андреемъ Семеновичемъ Раевскимъ, съ которымъ я не видался съ 1832 или 1833 года: обстоятельство тѣмъ болѣе странное, что онъ былъ помѣщикъ Калужскаго уѣзда *). Въ этотъ, или въ другой кратковременный мой пріѣздъ въ Калугу, зимою, было послѣднее мое свиданіе съ добрѣйшимъ Константиномъ Александровичемъ Поливановымъ: онъ давно страдалъ астмою и кончилъ сухоткою при открытіи весны 1858 года.

Передъ осенней моею поѣздкою въ Калугу съѣхалась порядочная толпа гостей изъ Тарускаго и Калужскаго уѣздовъ отпраздновать въ сельцѣ Колосовѣ день имянинъ, 21 Сентября, Тарускаго предводителя Дмитрія Александровича Черткова. Туда потащились также жена моя и я съ нашимъ десятилѣтнимъ сыномъ, который и самъ былъ имянинникомъ. Проживалъ тогда г. Чертковъ въ живописномъ своемъ помѣстьѣ, при широкой по заграничному обстановкѣ, что̀ зовется «vie de château»: все было у него на изящно-роскошной ногѣ и «en grand», хоть бы завтра принимай царскую фамилію. Мэтръ-д'отелемъ былъ Итальянскій Славянинъ (изъ Тріеста) и столичные вателі, съ ихъ кулинарными ассистентами, кондитеръ и лакеи въ щиблетахъ и ливреяхъ, съ гербовыми позументами по всѣмъ швамъ, оффиціанты во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, а лѣстница и пріемныя комнаты убраны тропическими и цвѣтущими растеніями изъ собственныхъ его оранжерей, тянувшихся одна за другой; онѣ же и снабжали столъ всякими плодами. Пріѣхалъ наканунѣ праздника и нашъ Калужскій архипастырь Григорій со своими пѣвчими и съ ревуномъ (хотя уже въ сѣдинахъ), тучнымъ протодіакономъ, и на слѣдующій день совершилъ литургію въ селѣ Солопёнкахъ, которое входитъ въ составъ имѣнія г. Черткова, но отстоитъ отъ Колосова въ трехъ верстахъ, при самой же усадьбѣ церкви нѣтъ. Владыка уѣхалъ послѣ утонченнаго, многоблюднаго и многолюднаго обѣда, за которымъ провозглашенъ былъ признательный въ его честь тостъ; а вечеромъ начался балъ съ выписнымъ изъ Калуги оркестромъ. Мѣстность въ Колосовѣ очаровательна. Домъ господствуетъ надъ крутымъ и высокимъ берегомъ Оки, а по болѣе отлогому его склону раскинутъ простран-

*) Онъ давно уже былъ женатъ на княжнѣ Горчаковой, но изъ какихъ Горчаковыхъ, не знаю.

вый и превосходно планированный паркъ. Зрителю мнится, что онъ не въ Россіи, а перенесенъ на берега Рейна. Тотчасъ же за Окою, изъ за темной чащи далеко тянущагося бора, выглядываютъ колокольни и кресты Алексинскихъ церквей, а вдоль Калужскаго берега той же рѣки, въ двухверстномъ разстояніи отъ Колосова, клубы дыма, вырывающіеся изъ высокихъ домнъ, свидѣтельствуютъ о кипучей дѣятельности Мышинскаго чугунно-плавильнаго завода. Изъ пріемныхъ комнатъ второго этажа Колосовскаго замка (каковымъ можно его назвать и потому, что при въѣздѣ во дворъ, утрамбованный, по заграничному, рѣчнымъ гравіемъ, возвышается, примыкая къ строенію, башня съ часовымъ боемъ), устроены, вмѣсто балкона или лѣстницы, отлогіе два спуска къ цвѣтникамъ, и все это вмѣстѣ, при бальномъ освѣщеніи, съ открытыми изъ залъ окнами, въ теплую Сентябрскую ночь, озаряющемъ ближнія цвѣточныя клумбы, а затѣмъ, въ отдаленности, лунное отраженіе, игриво трепещущее надъ поверхностію Оки,—все это вмѣстѣ придавало балу театрально-декоративный характеръ, измѣнившійся не менѣе эффектно, когда, при лучахъ восходившаго солнца, аккорды оркестра слились съ идиллическимъ звукомъ рожка: пастухъ выгонялъ въ поле стадо.

При въѣздѣ въ липовую аллею, засаженную въ два ряда съ каждой стороны и ведущую отъ большой Алексинской дороги къ Колосовскому дому, горѣли въ подобныхъ случаяхъ два огромные фонаря, на каменныхъ столбахъ, у желѣзныхъ воротъ, и это гармонировало какъ нельзя больше съ вельможническою обстановкою всей усадьбы, Но паче всего украшала празднество граціозная и привѣтливая ко всѣмъ молодая хозяйка дома, олицетворявшая тѣхъ «châtelaines», о коихъ мы часто читаемъ въ иностранныхъ романахъ, и порхавшая между своими гостями, не минуя никого теплымъ и искреннимъ словомъ. Отнюдь не диво, если салонный репертуаръ молодой великосвѣтской женщины бываетъ неистощимъ въ присущей ей сферѣ; по вѣдь здѣсь былъ свой совершенно элементъ, и Любовь Александровна имѣла дѣло съ провинціальными посѣтителями, многихъ изъ коихъ она видѣла въ первый или во второй только разъ, и потому общаго съ ними ничего не могла имѣть. Въ числѣ этихъ гостей насчитывалось конечно нѣсколько личностей, принадлежавшихъ къ одинаковой, свѣтской категоріи съ хозяйкою, но таковыя были въ меньшинствѣ, а встрѣчались между пими Гоголевскіе Ноздревы и Собакевичи; и все таки Любовь Александровна находила о чемъ съ ними бесѣдовать, и бесѣдовать даже продолжительно, такъ какъ нѣкоторые гости оставались въ Колосовѣ и па весь слѣдующій день. Душевная чистота этой жен-

щины и дѣтская ея способность забавляться тѣмъ, что̀ казалось бы невыносимо скучнымъ для пресыщенныхъ бо-мондныхъ львицъ, отражались во всѣхъ ея пріемахъ, и облегчали ей роль хозяйки, потому что когда мы довольны самими собою, то довольны всѣмъ и всѣми насъ окружающими, и на оборотъ. Не могла она конечно не закусывать губки, чтобы не расхохотаться отъ безпощадной ломки Французскаго языка нѣкоей Тарускій городничихи, образчики чего стоило бы передать потомству, хоть бы наприм., что «m-r Chroustcheff est tellement brouillé avec m-r. N. qu'il ne s'est même pas ressuscité avec lui à la Pâques», что̀ значило, что двое изъ Тарускихъ обывателей, враждовавшіе между собою, не похристосовались на пасхальной утренѣ. Въ другомъ случаѣ, лингвистка эта, желая поблагодарить отъѣзжавшаго на зиму въ Москву мѣстнаго помѣщика за оказанное ей вниманіе, во время его лѣтняго пребыванія въ своемъ имѣніи, махнула фразу: «Je vous remercie, mon prince, pour votre bonne disposition (т. е. за доброе ваше ко мнѣ расположеніе). А то, участвуя однажды въ партіи съ этимъ же княземъ, когда одинъ изъ его партнеровъ замѣтилъ ему, что онъ сдѣлалъ неправильный ходъ, изъ чего произошелъ между ними споръ, трещетка-градоначальница, вступившись въ дѣло, промолвила: «le prince a ses règles», на что̀ тотъ отвѣчалъ ей: «je vous prie de croire, madame, que je ne les ai jamais eues». Въ интимномъ кружкѣ Любови Александровны была тогда нѣкая, немолодая и нестарая, но пріятная весьма особа; она же была и ближайшая ея сосѣдка. «Ахъ!» воскликнула городничиха при первомъ съ нею знакомствѣ, «c'est donc vous qui êtiez la fameuse jolie Grouchinka (немолодую и нестарую эту барыню звали Аграѳеною), dont j'ai tant entendu parler, quand j'étais encore une petite fille.» — «C'est moi-même, madame, mais d'après ce que vous dites, il y a de cela déjà bien longtemps,» сострила въ отвѣтъ пикированная дама.

Элегантный колоритъ балу придавали дамскіе туалеты, мало уступавшіе столичнымъ. Ужъ что другое, а на этотъ счетъ наши провинціалки не ударяютъ себя лицемъ въ грязь. Образчиками прехорошенькихъ, бальныхъ сильфидъ представилъ Тарускій уѣздъ въ лицѣ двухъ сестеръ Шатиловыхъ, и одной Елагиной *), а въ дополненіе ко всему комъ-ильфотный оттѣнокъ балу придавали танцоры, артиллерійскіе офицеры, квартировавшіе неподалеку въ Тарусѣ и въ Калугѣ, уровень образованности коихъ рѣзко отдѣляется (или по крайней мѣрѣ отдѣлялся въ то время) отъ армейскихъ пѣхотинцевъ. Изъ этихъ артилле-

*) Она вышла замужъ за одного изъ Тульскихъ князей Вадбольскихъ.

рійскихъ офицеровъ сблизились съ нами гг. Эйсмундъ, Августиновичъ [1]) и Рубецъ [2]).

Для паралельнаго изложенія всѣхъ, наиболѣе интересныхъ происшествій, внѣ окружавшей меня тогда сферы, разскажу о двухъ крупныхъ случаяхъ, взволновавшихъ Москву и Рязань. Первымъ изъ нихъ была студенческая исторія съ оберъ-полицейместеромъ Берингомъ, некрасиво для него кончившаяся. Подробности этого происшествія ускользнули изъ моей памяти, но сущность его была приблизительно такова. Въ квартиру собравшихся нѣсколькихъ студентовъ, пировавшихъ и, быть можетъ, распѣвавшихъ громковато любимую свою пѣснь «Gaudeamus igitur, juvenes dum sumus», ворвались, безъ всякаго предписанія отъ начальства, полиціанты. Незванныхъ этихъ гостей студенты начали выгонять; произошла схватка, во время которой свѣчки были, умышленно или нѣтъ, потушены, и полиціанты обнажили свои тесаки, а полицейскій казакъ (или жандармъ) саблю. Студентамъ удалось вытѣснить осаждающихъ на улицу, но полиціанты возвратились съ подкрѣпленіемъ и уже въ сопровожденіи частнаго пристава, продолжавшаго наступательныя мѣры съ словеснымъ, будто бы, на это разрѣшеніемъ отъ самого А. А. Беринга. Насколько правды въ послѣднемъ обстоятельствѣ, не знаю; но помню, что въ схваткѣ были раненые изъ обоихъ лагерей. На слѣдующій день вспылилъ, въ естественномъ негодованіи, весь университетскій высшій персоналъ и взошелъ съ прошеніемъ къ генералъ-губернатору, графу Закревскому. (Быть можетъ, что полиціею были задержаны подъ арестъ нѣкоторые студенты, что̀ и составляло нарушеніе университетской автономіи; но оно могло случиться потому, что г. Берингъ былъ грубоватаго нрава и наклоненъ расправляться по фельдфебельски). Когда за тѣмъ наряжено было по этому дѣлу слѣдствіе, Ѳедоръ Ивановичъ Иноземцовъ (тогда профессоръ) заявилъ желаніе находиться при производствѣ дѣла, какъ депутатъ отъ горячо любимыхъ имъ студентовъ. Дѣло долго тянулось, но однакоже кончилось преданіемъ суду частнаго пристава, самовольно распорядившагося со студентами, а оберъ-полицейместеръ Берингъ былъ уволенъ изъ службы безъ прошенія.

---

[1]) Сестра этого Августиновича была та самая назойливая барышня, съ претензіями на пѣніе, приставшая ко мнѣ въ 1841 году (если читатель помнитъ), чтобы я ее допустилъ участвовать, какъ солистку, въ одномъ изъ нашихъ аматёрскихъ концертовъ. Братъ ея, вышесказанный артиллерійскій офицеръ, женился въ 1858 году на одной изъ вышеупомянутыхъ сестеръ Шатиловыхъ.

[2]) Онъ владѣлъ звучнымъ теноровымъ, груднымъ органомъ и хотѣлъ было поступить (да чуть ли не поступилъ) на сцену, для чего ѣздилъ позднѣе за границу

Второй случай, еще болѣе возмутительный, былъ въ Рязани, съ блаженной памяти архіепископомъ Гавріиломъ. Въ осенній праздникъ Казанской иконы Божіей Матери, по совершеніи имъ литургіи въ Рязанскомъ Казанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, по случаю храмоваго праздника, онъ, а также и губернаторъ П. П. Новосильцовъ съ женою, пошли, по приглашенію игуменьи, старицы Екатерины (которая сама передавала мнѣ въ 1859 году этотъ случай), кушать у нея чай, и едва всѣ усѣлись за столъ, какъ какой-то незнакомый никому человѣкъ (но по одеждѣ принадлежавшій къ духовному званію), взошедъ въ горницу, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, какъ бы желая подойти подъ благословеніе владыки. Достопочтенный архипастырь, всегда вѣжливый ко всякому, всталъ съ мѣста на встрѣчу незнакомца, дабы осѣнить его, какъ вдругъ этотъ негодяй, ударилъ со всего розмаху архіерея по головѣ такъ сильно, что старикъ упалъ на полъ. Петръ Петровичъ бросился его поднимать, и на всеобщій крикъ выбѣжала игуменья изъ сосѣдней комнаты, гдѣ она была занята приготовленіями къ угощенію своихъ почетныхъ гостей. Пытался-ли преступникъ бѣжать, не знаю; но сопровождавшій губернатора жандармскій вѣстовой схватилъ мерзавца и повелъ его подъ арестъ. Кто онъ былъ таковъ, не могли дознаться, хотя нѣкоторые его переходы изъ одного монастыря въ другой, внѣ Рязанской епархіи, были изслѣдованы, также какъ осталось тайною, питалъ-ли онъ личную за что-нибудь злобу къ праведнику-іерарху, не имѣвшему ни единаго врага во всей своей епархіи. Иные говорили, что онъ Рязанскій уроженецъ, что якобы былъ за что-то исключенъ изъ духовнаго званія, и тому подобное, но ничего положительнаго о немъ не было обнаружено слѣдствіемъ. Будучи признанъ въ состояніи умопомѣшательства медицинскимъ осмотромъ, онъ былъ заключенъ въ домъ умалишенныхъ. Преосвященный Гавріилъ увѣдомилъ было о случившемся съ нимъ митрополита Филарета, съ коимъ давно находился въ перепискѣ [1]), но, не получая, какъ разсказывали мнѣ, никакого отвѣта отъ митрополита, онъ понялъ будто-бы, что это молчаніе соотвѣтствуетъ совѣту проситься на покой, что̀ онъ и сдѣлалъ [2]). Послѣдніе немногіе годы своей жизни преосвященный Гавріилъ провелъ въ подгородномъ къ Рязани Ольговомъ монастырѣ, и при всей тѣлесной своей немощи собственноручно вырылъ, исподоволь, себѣ могилу, а въ хорошую лѣтнюю погоду онъ просиживалъ, бывало, по-

[1]) Отрывки изъ этой переписки недавно напечатаны въ нѣкоторыхъ духовныхъ журналахъ.

[2]) Сколько мнѣ извѣстно, ударившій архіерея былъ заштатный дьяконъ. Извѣстіе о молчаніи митрополита, принятомъ пр. Гавріиломъ за совѣтъ удалиться, мнѣ неизвѣстно, но кажется невѣроятнымъ. *Примѣчаніе графа Д. Н. Толстого.*

долгу передъ стѣнами обители, устремивъ взоръ на любимую и преждевременно покинутую имъ Рязань. Навѣстилъ его тамъ однажды сердобольный всегда Петръ Петровичъ Новосильцовъ, уже не Рязанскимъ губернаторомъ, нарочно пріѣхавшій повидаться съ іерархомъ, съ коимъ онъ всегда жилъ дружно. «Повремените немного, ваше превосходительство», всполошился старецъ, увидѣвъ столь неожиданнаго и дорогаго гостя, и затѣмъ удалившись въ свои внутренніе покои, возвратился въ шелковой рясѣ, сшитой изъ матеріи, подаренной ему нѣкогда Меропою Александровною. «Съ тѣхъ поръ какъ я ее (т.-е. рясу) сшилъ», началъ онъ, «я такъ ею дорожу, что ни разу еще не надѣвалъ и завѣщалъ, чтобы меня въ ней похоронили; но для васъ дѣлаю исключеніе *)». Этакая была въ немъ дѣтская простота!

Подъ конецъ осени, Тарускій предводитель Д. А. Чертковъ, созвавъ къ себѣ всѣхъ дворянъ уѣзда, въ томъ числѣ и меня, предъявилъ намъ министерскій циркуляръ слѣдующаго приблизительно содержанія. Такъ какъ дворянство Сѣверо-западныхъ губерній поднесло всеподданнѣйшій адресъ, съ изложеніемъ желанія улучшить бытъ крѣпостныхъ своихъ крестьянъ, то, находя эту мѣру своевременною, Государь Императоръ соизволилъ дать свое на это согласіе и вмѣстѣ съ симъ повелѣлъ спросить у дворянъ всѣхъ прочихъ губерній, не пожелаютъ-ли они послѣдовать похвальному примѣру вышеупомянутыхъ дворянъ. Въ этомъ циркулярѣ ясно читалось, что Государь желаетъ приступить къ окончательному упраздненію крѣпостной зависимости, и потому смѣтливые Тарускіе помѣщики поняли настоящую суть дѣла, и заявили о своемъ согласіи; а такъ какъ предводитель просилъ каждаго изъ насъ изложить нашъ отвѣтъ на бумагѣ, то, возвратившись домой въ экзальтированномъ состояніи духа, я начертилъ въ отвѣтъ, что радостно привѣтствую случай высказать питаемое мною омерзѣніе къ крѣпостному гнету, и что вполнѣ сознаю, что наступило время покончить навсегда съ этимъ позоромъ, отдѣлявшимъ насъ отъ всей цивилизованной Европы. По словамъ Д. А. Черткова, шуринъ мой А. И. Нарышкинъ выразился еще болѣе рѣзко, нежели я. Отвѣтныхъ заявленій отъ прочихъ Тарускихъ дворянъ не случилось мнѣ прочесть; но никто, вѣроятно, не высказался противъ явнаго желанія правительства.

Зиму съ 1857 по 1858 годъ я провелъ неотлучно съ своимъ семействомъ въ Знаменскомъ, занимаясь преимущественно дѣломъ надъ исправникомъ Бахметевымъ, изъ чего образовался толстый фоліантъ, а такъ какъ онъ былъ удаленъ на время отъ своей должности, то графъ

*) Передано мнѣ самимъ П. П. Новосильцовымъ въ Ниццѣ въ 1863 году.

Дмитрій Николаевичъ предложилъ, по моему и г. Черткова указанію, прежнему исправнику, Александру Александровичу Сумороцкому, принять временно на себя эту должность. Я гдѣ-то уже говорилъ, что этотъ достойный вполнѣ человѣкъ, прослужившій съ честію и съ пользою для уѣзда нѣсколько трехлѣтій, былъ незаслуженно забалотированъ на послѣднихъ выборахъ, и неохотно онъ теперь принялъ сдѣланное ему губернаторомъ предложеніе, потому вопервыхъ, что онъ зналъ о неурядицахъ, допущенныхъ въ Тарускомъ земскомъ судѣ г. Бахметевымъ, а вовторыхъ, потому что онъ могъ быть лишь калифомъ на часъ, вслѣдствіе чего не могло быть у него охоты трудиться даромъ, если г. Бахметевъ будетъ оправданъ и снова вступитъ въ свою должность. Однакожъ Д. А. Чертковъ и я уломали его дать согласіе; да и быть можетъ, ему польстило немного вступить на службу по личному приглашенію начальника губерніи.

1858-й годъ.

Въ промежуткѣ слѣдствія надъ г. Бахметевымъ я попросился въ отпускъ въ Москву по затянувшемуся безъ результатовъ иску съ г-жи Обнинской, и прожилъ въ Москвѣ до конца зимы.

Одною изъ первыхъ и грустныхъ для меня новостей, прочтенныхъ въ газетахъ въ Москвѣ, было извѣстіе, что Петръ Петровичъ отозванъ отъ мѣста губернатора въ Рязани и причисленъ къ министерству. Много позднѣе я узналъ отъ человѣка, довольно къ нему близкаго, слѣдующія подробности по сему дѣлу. По полученіи предъидущею осенью извѣстнаго министерскаго циркуляра объ улучшеніи крестьянскаго быта, Петръ Петровичъ отвѣчалъ, что изъ объясненій съ дворянами Рязанской губерніи по этому предмету онъ узналъ, что они не находятъ современнымъ приступать къ измѣненію чего-либо въ настоящихъ отношеніяхъ между помѣщиками и крѣпостными ихъ людьми, съ каковымъ взглядомъ и онъ, губернаторъ, вполнѣ согласенъ; и за тѣмъ, развивая эту тему, онъ указывалъ на пагубныя для государства послѣдствія, могущія возникнуть отъ нарушенія крѣпостнаго начала при незрѣлости нашихъ крестьянъ. Подобное мнѣніе губернатора, хотя оно шло въ разрѣзъ съ правительственною тенденціею и обличало человѣка, не понимающаго знаменій времени, все-таки показываетъ нѣкоторую отважность. Вотъ, молъ, я высказалъ вамъ мои убѣжденія, какъ честный человѣкъ, а затѣмъ, дѣлайте что̀ угодно со мною. Но не выдержалъ характера легкомысленный Петръ Петровичъ. Сообщилъ онъ о своемъ отзывѣ Николаю Адріяновичу Дивову, а послѣдній замѣтилъ ему, что онъ затѣваетъ немаловажное для себя затрудненіе этимъ офи-

ціальнымъ протестомъ противъ очевидной монаршей воли. Слова моего кузена заставили, вѣроятно, Петра Петровича потрезвѣе разобрать pro и contra этого вопроса, и онъ, измѣнивъ прежній свой образъ дѣйствій, черезъ недѣлю вторично донесъ министру, что послѣ перваго своего донесенія онъ имѣлъ случай снова бесѣдовать съ Рязанскимъ дворянствомъ, которое заявило ему, что находитъ своевременнымъ приступить къ коренной реформѣ крестьянскаго быта, съ чѣмъ и онъ, какъ губернаторъ, вполнѣ согласенъ. Какъ ни покровительствовалъ ему дотолѣ министръ, Сергѣй Степановичъ Ланской, но столь явная непослѣдовательность въ дѣйствіяхъ губернатора была уже слишкомъ разительна. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ могло дворянство всей губерніи придти въ столь короткій срокъ къ совершенно противуположному противъ прежняго взгляду? Вотъ черезъ что рушилась дальнѣйшая карьера бѣднаго Петра Петровича, и только нѣсколько лѣтъ спустя онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники, но безъ всякаго новаго назначенія, чѣмъ, по моему мнѣнію, его незаслуженно обидѣли, тогда какъ ему давно хотѣлось попасть въ сенаторы, чтобы пользоваться трехтысячнымъ окладомъ, составлявшимъ немаловажную для него поддержку при разстройствѣ домашнихъ его дѣлъ. Въ послѣдній годъ губернаторствованія въ Рязани Петра Петровича постигла непріятность попасть въ «Колоколъ», который всѣ читали съ жадностію и противъ распространенія котораго правительство не особенно зорко слѣдило. Взбунтовались крестьяне Зарайскаго уѣзда села Дѣднова (имѣніе бывшее Измаилова, доставшееся по наслѣдству графу Александру Дмитріевичу Толстому). Поводомъ этихъ безпорядковъ было, на сколько помнится мнѣ, ошибочное убѣжденіе крестьянъ, что по смерти Измаилова они должны были поступить въ Министерство Государственныхъ Имуществъ. П. П. Новосильцовъ отправился на мѣсто происшествія, и когда всѣ его старанія вразумить крестьянъ оказались безплодными, то онъ долженъ былъ поневолѣ прибѣгнуть къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Была ли сѣкуція въ размѣрахъ болѣе жестокихъ, чѣмъ требовалось, не знаю; но Герценъ описалъ это происшествіе въ своемъ листкѣ въ такихъ краскахъ, что публично опозорилъ не только самого губернатора, но выставилъ ассистентами этой экзекуціи Зарайскаго исправника Улитина и чиновника особыхъ порученій Славутинскаго. Не говоря уже о томъ, что послѣднія оба лица не могли ни въ чемъ распоряжаться въ данномъ случаѣ, но у Герцена была еще и та невѣрность, что Славутинскій не сопровождалъ губернатора въ с. Дѣдново.

Квартируя въ Москвѣ у прежняго моего «factotum», кондитера Радзиковскаго (на углу Большой Никитской и Верхняго Кисловскаго

переулка), всталъ я въ одно прекрасное утро съ рѣшеніемъ попытаться покончить миролюбно мою тяжбу съ супругами Обнинскими. Уже хуже чѣмъ теперь изъ этого дѣла ничего выйти не можетъ, размышлялъ я. Обнинскіе жили въ своемъ собственномъ домѣ, на Пятницкой (за Москвой рѣкою) въ Клементьевскомъ переулкѣ, и я, помолившись мимоходомъ у Иверской, отправился къ нимъ. Когда человѣкъ доложилъ Наркису Антоновичу о моемъ пріѣздѣ, онъ вышелъ ко мнѣ съ изумленнымъ выраженіемъ. «Понимаю ваше удивленіе», началъ я, «но я счелъ лучшимъ объясниться лично съ вами и помириться, если возможно. Подумайте, что̀ выйдетъ изъ нашей тяжбы? Мы съ вами люди уже немолодые, будемъ все кормить безъ всякаго толка адвокатовъ да подъячихъ, а въ случаѣ нашей смерти передадимъ безконечную тяжбу нашимъ дѣтямъ. Положите, почтеннѣйшій Наркисъ Антоновичъ, какъ честный человѣкъ (каковымъ я васъ считаю), положите руку на сердце и скажите, вотъ передъ икопою, ужели можете утверждать, что при смерти вашего тестя, Ивана Антоновича, всѣ денежные счеты между нимъ и моею матерью были покончены за проданное сю на имя вашей жены имѣніе?» Замялся немного мой полковникъ и возразилъ: «Ко-нечно, — н-н нѣтъ (онъ сильненько заикался)» н-но вѣдь а-адвокатъ Бернаръ взыс-скивалъ такую несоразмѣрную съ н-насъ с-сумму, что приходится отрицать в-весь долгъ, а в-вы знаете, в-ваше сіятельство, что по з-закону кто преувеличиваетъ свой искъ, т-тотъ л-лишается его с-сполна».— «Знаю, почтеннѣйшій Наркисъ Антоновичъ», отвѣчалъ я ему на это, «но знаю также, что отвѣтчику не очень легко отъ этого; потому что судебное мѣсто всетаки взыскиваетъ съ него долгъ въ настоящемъ его размѣрѣ, съ тою лишь разницею, что, вмѣсто удовлетворенія истца, деньги эти поступаютъ на какое нибудь богоугодное заведеніе. Это само по себѣ, а въ настоящемъ случаѣ я желаю обратить ваше вниманіе и на то, что я никакъ не отвѣтчикъ за дѣйствія г. Бернара, ибо онъ былъ не мой повѣренный, а моей матери и наслѣдника моего брата; а какъ вамъ извѣстно, что моя мать завѣщала мнѣ должныя по сіе время вашею женою деньги, то я теперь веду искъ отъ собственнаго моего имени».— «Пожалуйте ко мнѣ въ кабинетъ», видимо смягчившись, сказалъ онъ: «тамъ пересмотримъ вмѣстѣ всѣ бумаги по сему дѣлу». Тутъ взошла въ столовую, гдѣ мы разговаривали, его жена и со слезами на глазахъ протянула мнѣ руку. Прошло уже болѣе десяти лѣтъ, какъ я не встрѣчался съ Варварою Ивановною, и пріемъ ея глубоко тронулъ меня. Когда я сталъ напоминать ей о времени дѣтскихъ нашихъ игръ, она съ взволнованнымъ голосомъ перебила меня словами: «Все, все помню, а также и всѣ ми-

лости мой благодѣтельницы», т. е. моей матери [1]) «и будьте увѣрены. графъ, что мужъ и я готовы сдѣлать все возможное, чтобы честно расплатиться съ вами». За тѣмъ Наркизъ Антоновичъ и я принялись тщательно разсматривать всѣ бумаги по этому дѣлу, а также и письменную корреспонденцію покойнаго его тестя съ моею матерью и съ моимъ братомъ. Въ духовномъ своемъ завѣщаніи мать моя назначила моимъ дѣтямъ (тогда Анночка моя была еще жива) недоплаченныя ей деньги за продажу ея имѣнія, всего 80 тыс. (кажется) рублей на ассигнаціи, что̀ и представляло приблизительно 23 тыс. рубл. на серебро. На просьбу г. Обнинскаго, чтобы я сдѣлалъ какую нибудь скидку изъ всей этой суммы, въ виду стѣсненныхъ отчасти его обстоятельствъ (и дѣйствительно, г. Кавецкій, его тесть, въ послѣдніе годы своей жизни довольно неудачно повелъ денежныя свои дѣла), я отвѣчалъ, что, дѣйствуя не за себя, а за малолѣтняго моего сына, я не въ правѣ лишить его того, что̀ назначено ему его бабушкой, но тѣмъ не менѣе соглашаюсь уступить полторы тысячи рублей серебр., но ни копѣйки болѣе. За тѣмъ г. Обнинскій предъявилъ мнѣ письмо моей матери къ И. А. Кавецкому, писанное позднѣе (если не ошибаюсь) духовнаго ея завѣщанія, въ которомъ она препоручала ему исполнить разныя денежныя коммиссіи, всего на сумму 1000 рублей серебромъ или около того, и я счелъ справедливымъ вычесть эти деньги изъ капитала обозначеннаго въ духовномъ завѣщаніи. Послѣ сего г. Обнинскій показалъ мнѣ другое письмо, также моей матери, къ его тестю, въ которомъ она уполномочивала его выдать Николаю Адріяновичу Дивову семь съ половиною (помнится мнѣ) т. рубл. серебр., каковые онъ просилъ заимообразно у нея, и въ полученіи которыхъ Обнинскій показалъ мнѣ росписку Дивова. Хотя объ этомъ займѣ не сказано было ничего въ духовномъ завѣщаніи моей матери (т. е. не было обозначено, кому слѣдуютъ эти деньги послѣ ея смерти), но, имѣя въ виду, что 1000 рубл., издержанные г. Кавецкимъ на комиссію моей матери, не были вычтены изъ остальнаго долга ей за ея имѣніе г. Кавецкимъ, я подумалъ, что объ этой выдачѣ денегъ Дивову мать моя, быть можетъ, позабыла упомянуть въ своемъ духовномъ завѣщаніи, и потому я заявилъ г. Обнинскому свое согласіе вычесть и эту сумму изъ недоплаченныхъ моей матери и признать Дивова моимъ должникомъ [2]). И

---

[1]) Она воспитывалась въ Петербургскомъ Екатерининскомъ институтѣ на счетъ моей матери.

[2]) Впослѣдствіи обстоятельство это было причиною молчаливаго недоразумѣнія между мною и моею невѣсткою, графинею Авророю Осиповною и ея сыномъ. Говорю молчаливаго, потому что моя невѣстка одинъ только разъ намекнула мнѣ объ ошибоч-

такъ, по учиненіи всего расчета, мы пришли къ обоюдному соглашенію, что г-жа Обнинская оставалась должна мнѣ 13 тыс. рубл. сер., въ каковыхъ мужъ ея первоначально предложилъ мнѣ взять какое-то небольшое имѣніе его жены въ Ярославской губерніи, но какъ я на это не согласился, потому что мать моя назначила получить мнѣ наличныя деньги, то супруги Обнинскіе высказали готовность выдать мнѣ сейчасъ вексель на всю сумму. Въ ознаменованіе миролюбивой нашей сдѣлки, Наркизъ Антоновичъ пригласилъ меня отобѣдать съ нимъ въ этотъ же день въ Дворянскомъ клубѣ, гдѣ онъ былъ членомъ. Мимоѣздомъ туда мы завернули къ маклеру на Ильинкѣ, гдѣ онъ и выдалъ мнѣ вексель срокомъ на четыре или пять лѣтъ, за порукою его жены, а за обѣдомъ мы спрыснули Шампанскимъ наше примиреніе, и вскорѣ послѣ сего онъ заплатилъ мнѣ (на сколько помню) годовые проценты впередъ со всей суммы. Жаль, что упустилъ я тогда изъ виду взять отъ него росписку, выданную Дивовымъ г-ну Кавецкому, въ полученіи отъ послѣдняго денегъ, занятыхъ у моей матери, что и надѣлало было мнѣ впослѣдствіи серіозныхъ хлопотъ, какъ о томъ разскажу въ своемъ мѣстѣ.

Всѣ мои знакомые поздравляли меня съ неожиданною развязкой столь запутанной тяжбы, но особенно радовался за меня мой Радзиковскій. Объ одной кондитерской его продѣлкѣ стоитъ здѣсь разсказать. Именины тогдашней игуменьи Зачатейскаго монастыря приходились обыкновенно великимъ постомъ, по каковому случаю инокини этой обители привыкли прибѣгать къ Радзиковскому съ заказомъ постнаго миндальнаго торта для подношенія своей начальницѣ; а нашъ-

---

помъ моемъ взглядѣ по одной статьѣ духовнаго завѣщанія моей матери, да и то вскользь; племянникъ же мой ни слова никогда мнѣ не говорилъ по этому предмету, но проронилъ однажды словечко о семъ съ Дивовымъ, который отвѣчалъ ему, что находившіяся у него деньги, занятыя у моей матери, слѣдуютъ безспорно мнѣ. Сознаюсь теперь, что тутъ могла быть нѣкоторая путаница, выходившая изъ того, что въ духовномъ завѣщаніи моей матери сказано также было, что всѣ ея капиталы, за исключеніемъ недоплаченныхъ ей г. Кавецкимъ за с. Бѣлкино, она завѣщаетъ своему внуку, графу Дмитрію Петровичу, такъ какъ она состояла должною его отцу, а ея сыну. Припоминая нынѣ въ подробности все это дѣло, подозрѣваю, что, быть можетъ, я поступилъ слишкомъ необдуманно, согласившись вычесть долгъ Дивова изъ недоплаченныхъ за Бѣлкино денегъ; но въ то время оно представлялось мнѣ въ ясномъ совершенно видѣ и вполнѣ справедливымъ. Во всякомъ случаѣ я глубоко сожалѣю, что старался замять разговоръ съ графинею Авророю Осиповною, когда она намекнула мнѣ объ этомъ дѣлѣ, въ бытность мою во Флоренціи, въ началѣ 1863 года. Къ счастію, это недоразумѣніе не произвело никакого охлажденія между нами и между мною и моимъ племянникомъ.

то кондитеръ-грѣховодникъ, преспокойно и безъ зазрѣнія совѣсти, мѣсилъ тѣсто для торта на скоромномъ маслѣ съ яицами, но поверхность торта, разукрашеннаго разноцвѣтными сахарными орнаментами, онъ смазывалъ для аромата легкимъ слоемъ крѣпкой миндальной эссенціи. Смиренныя инокини ничего повидимому не подозрѣвали, да и сама мать-игуменья, при посѣщеніи ея однажды Радзиковскимъ въ день ея имянинъ, наивно спросила у него, какъ это онъ умѣетъ столь вкусно изготовлять постное издѣліе, на что онъ имѣлъ дерзость отвѣчать, что весь секретъ состоитъ лишь въ томъ, что онъ мѣситъ тѣсто на миндальномъ маслѣ: вещь едвали возможная, и во всякомъ случаѣ крайне не практичная по дороговизнѣ миндальной масляной эссенціи. Но вотъ о чемъ стоитъ также записать, какъ объ образчикѣ роскоши, вкравшейся въ низшихъ слояхъ столичнаго духовенства. На свадьбу попамаря Николо-хлыновской церкви (близъ Никитской) съ дочерью просвирни той же церкви, Радзиковскому было заказано кондитерскихъ издѣлій на 300 (кажется) рублей серебр.. а на слѣдующій послѣ свадьбы день молодые поѣхали съ визитами въ каретѣ. Каково это? Знать, просвирня наградила дочку хорошимъ приданымъ!

Разузнавъ, гдѣ жилъ уволенный съ предыдущаго (1857) года отъ мѣста Московскаго почтдиректора, Александръ Яковлевичъ Булгаковъ, я счелъ долгомъ сердца навѣстить этого стараго знакомаго моего семейства, еще до нашего переселенія во Флоренцію въ 1817 году, и который постоянно былъ внимателенъ ко мнѣ. Смѣненъ же онъ былъ, какъ мнѣ разсказывали, будто бы за то, что въ одномъ случаѣ не оказалъ свѣтской любезности нѣкоторой вліятельной Петербургской, женской особѣ изъ темнаго міра, но которую тѣмъ не менѣе чествовалъ будто бы въ Москвѣ крупный коммерческій дѣятель съ однимъ офиціальнымъ даже лицомъ, по случаю пріѣзда туда этой барыни. Кстати я желалъ навѣстить сына его, блестящаго когда-то въ обѣихъ столицахъ повѣсу, Костю, уже разбитаго тогда параличомъ и дни коего были сочтены. Это онъ хорошо зналъ, но тѣмъ не менѣе не унывалъ. Отецъ и сынъ занимали маленькую квартирку на Малой Дмитровкѣ, при болѣе чѣмъ скромной обстановкѣ, такъ какъ состоянія у нихъ не было (а если и было, то самое ничтожное), и Александръ Яковлевичъ существовалъ, вѣроятно, почти что однимъ своимъ жалованьемъ сенатора, каковое званіе онъ получилъ при его увольненіи изъ почтдиректоровъ. Сердце щемило у меня, глядя на обоихъ, и это свиданіе было послѣднее мое съ ними. Старикъ Александръ Яковлевичъ совсѣмъ почти оглохъ, и куда дѣвались вся его салонная изящность и любезность, которыя онъ сохранялъ дотолѣ и молодился,

хотя давно уже перешелъ на восьмой десятокъ. А сынъ, бывшій запѣвало Петербургской золотой молодежи и мучитель великаго князя Михаила Павловича, этотъ неистощимый своимъ юморомъ Костя не могъ вставать съ кресслъ; но и въ этомъ состояніи вырывались у него подчасъ острыя словечки.

Зенаида Сергѣевна Дивова жила тогда въ домѣ Варгина, на Тверской площади, платя за свое отдѣленіе по 300 рубл. въ мѣсяцъ, и я каждый день обѣдалъ у нея. Старшій ея сынъ, Сергѣй Николаевичъ, которому шелъ 14-й годъ, былъ недавно передъ тѣмъ записанъ въ пажи; но этимъ все дѣло и кончилось, и его никогда не отдали въ корпусъ. Онъ учился тогда ѣздить верхомъ (безъ стремянъ) въ манежѣ Фрейтага (на Бронной), и бѣдняжка пыхтѣлъ отъ стянутаго на немъ мундира; а мундиръ былъ сшитъ очень тѣсный по желанію (помнится мнѣ) заботливой его матушки, дабы помѣшать сынку толстѣть, къ чему онъ имѣлъ наклонность.

Къ свѣтлому празднику я возвратился въ Знаменское и тамъ остался до просухи. При вскрытіи весны скончался въ Калугѣ, какъ слѣдовало ожидать, мой хорошій пріятель Константинъ Александровичъ Поливановъ. Въ беззлобіи и любви къ ближнему и готовности помочь всякому нуждающемуся могу я отчасти сравнить его только съ моимъ братомъ, графомъ Петромъ Дмитріевичемъ; но послѣдній былъ высшимъ идеаломъ возможнаго въ человѣкѣ совершенства.

Въ Маѣ я отправился на службу въ Калугу, и туда же поѣхала со мною на нѣсколько дней моя жена съ Митею, который причинилъ было намъ немало тревоги. Съ половины дня до вечера, когда онъ легъ спать, его трясла лихорадка, а ночью съ нимъ вдругъ сдѣлался жаръ и сильный бредъ. Онъ поднялся на кровати и съ открытыми глазами началъ умолять: «родные вы мои, не оставьте меня». Можно себѣ представить нашъ переполохъ. Четыре года передъ тѣмъ мы внезапно лишились нашей дочери, и поневолѣ пуганая ворона куста боится. Мы сейчасъ послали за почтеннымъ докторомъ, Ѳедоромъ Васильевичемъ Бекеромъ, который не замедлилъ прибыть и прописать что-то успокоительное, такъ что остальную часть ночи мальчикъ нашъ провелъ безъ волненій. Это было не что иное, какъ лихорадочно-нервный пароксизмъ, и на слѣдующій день онъ былъ какъ встрепаный. Онъ росъ очень нервнымъ ребенкомъ, и подобные лихорадочные припадки повторялись кое-когда и впослѣдствіи, но никогда въ такой степени, какъ въ этотъ разъ въ Калугѣ. Рядомъ съ нами, въ гостиницѣ Кулона, стояли тогда Чертковы, которые, какъ и мы, имѣли единственнаго ребенка и пото-

му приняли живѣйшее участіе въ нашемъ безпокойствіи. Я всегда отдавалъ и отдаю должную справедливость Дмитрію Александровичу Черткову, что насколько онъ былъ непріятенъ и тяжелъ какъ педантъ въ служебномъ отношеніи, на столько былъ образцовымъ мужемъ и отцомъ.

Вышелъ тогда министерскій проектъ о начальникахъ уѣздовъ, чему И. К. Мартенсъ и я очень было обрадовались, уповая, что графъ Толстой непремѣнно назначитъ обоихъ насъ на эти мѣста; однакоже, къ нашему прискорбію, проектъ этотъ канулъ въ воду.

Я остался въ Калугѣ, а жену съ сыномъ отправилъ обратно въ Знаменское, съ моею чиновническою по казеннымъ надобностямъ подорожной, и вотъ что случилось съ нею. Первыя двѣ станціи все шло какъ по маслу; лошадей она не ждала и платила за пару, хотя ей впрягали тройку, но въ Ферзиковѣ ямской староста, заглянувъ въ тарантасъ и разсмотрѣвъ, что въ немъ сидитъ «не нашъ чиновникъ самъ» (какъ меня величали), а его барыня, слупилъ съ нея двойные прогоны чуть ли не за всю тройку.

Однажды, въ началѣ лѣта, графу Дмитрію Николаевичу захотѣлось «кутнуть», какъ онъ выразился, въ кругу «своей молодежи», каковыми онъ называлъ себя, старыхъ декабристовъ князя Евгенія Петровича Оболенскаго и Гавріила Степановича Батенкова, вице-губернатора Николая Ильича Юркевича (человѣка хотя не стараго, но начинавшаго сѣдѣть), Семена Васильевича Хрущова (отставного маіора Аракчеевскихъ кавалерійскихъ поселеній) и вашего покорнѣйшаго слуги. Кромѣ того, включены были дѣйствительно молодые, сравнительно съ нами, люди: князь Андрей Васильевичъ Оболенскій (предсѣдатель Гражданской Палаты), И. К. Мартенсъ и правитель графской канцеляріи Владиміръ Андреевичъ Лысогорскій. Препоручено было мнѣ запяться обѣдомъ у Кулона; но такъ какъ назначенное для нашего пиршества время, 5 часовъ, было слишкомъ позднимъ для Г. С. Батенкова и нарушало методическія его привычки, то онъ, отобѣдавъ у себя въ свой обыкновенный часъ, пришелъ къ намъ, когда обѣдъ былъ въ полномъ разгарѣ, и нѣкоторые изъ насъ немного навеселѣ. Это былъ не тотъ уже разгульный Батенковъ 20-ыхъ годовъ, о которомъ говоритъ Гречъ въ своихъ Запискахъ, и коснулся ли онъ тутъ хоть кончиками губъ къ бокалу Шампанскаго, я и этого утвердить не могу. Общій у насъ разговоръ былъ оживленъ и разнообразенъ, и когда перешелъ непримѣтно къ нѣкоторымъ событіямъ и дѣятелямъ Александровской эпохи, то Батенковъ произнесъ, съ нѣкоторымъ эмфазисомъ: «Да, графъ

Аракчеевъ оставилъ свои секретные мемуары; они хранятся въ потаенномъ мѣстѣ, *но я знаю, гдѣ они спрятаны*». Нѣкоторые изъ насъ, въ томъ числѣ и я, обратили пытливый взглядъ на «бывшаго мизинца правой руки государевой» (какъ его однажды назвалъ Гречъ), но такъ какъ никто не настаивалъ на этотъ предметъ, то Батенковъ ни слова болѣе не добавилъ; но сказанное имъ врѣзалось у меня въ памяти, такъ какъ никто еще, насколько мнѣ извѣстно, не зналъ о существованіи автобіографическихъ записокъ знаменитаго временщика. И ужели Батенковъ унесъ съ собою въ могилу эту тайну, и не суждено столь интереснымъ документамъ всплыть когда-нибудь наверхъ? [1])

Въ это самое время (т.-е. въ началѣ лѣта) назначена была столь много обѣщавшая и столь неудачно оказавшаяся на дѣлѣ, духовная миссія въ Іерусалимѣ, начальникомъ коей былъ выбранъ Кирилъ, сынъ Калужскаго священника Михаило-Архангельской церкви, и хиротонисанъ для сего въ епископа, въ слишкомъ, какъ мнѣ сдается, молодыхъ годахъ (ему было тридцать съ небольшимъ лѣтъ), и это-то обстоятельство могло быть причиною неуспѣшныхъ (или, быть можетъ, необдуманныхъ) его дѣйствій на мѣстѣ новаго его служенія. Въ чемъ именно могли его упрекать, достовѣрно не знаю, а сплетни не охочъ я передавать; но я слышалъ, что онъ имѣлъ какую-то исторію съ однимъ изъ своихъ діаконовъ, котораго хотѣлъ заставить будто бы исповѣдываться, когда діаконъ этотъ готовился причаститься святыхъ тайнъ, во время служенія съ нимъ литургіи; что діаконъ не подчинился въ этомъ случаѣ своему архіерею и прибѣгнулъ къ протекціи мѣстнаго Греческаго патріарха, вступившагося за него, хотя діаконъ зависѣлъ непосредственно отъ Русскаго епископа, а послѣдній не былъ подчиненъ патріарху. Миссія эта не осуществила ожидаемой отъ нея пользы, цѣль ея была возстановленіе Русскаго вліянія въ святыхъ мѣстахъ, и преосвященный Кирилъ подвергся опалѣ. Онъ былъ отозванъ и назначенъ состоять въ распоряженіи Казанскаго (кажется) архіерея, даже безъ званія викарнаго епископа, и вскорѣ померъ отъ душевной, пожалуй, скорби [2]). Между тѣмъ какъ преосв. Кирилъ го-

[1]) Я замѣтилъ, что между любителями современной исторіи составилось въ недавнее время мнѣніе, что Аракчеевъ былъ будто бы козломъ очищенія въ дѣлѣ объ учрежденіи военныхъ поселеній, что даже былъ противъ этого проекта и что мысль о нихъ вполнѣ принадлежитъ всецѣло императору Александру, настаивавшему основать эти поселенія, и что всю за нихъ отвѣтственность передъ отечествомъ взялъ на себя великодушный „безъ лести преданный“. Мнѣнія этого я не раздѣляю.

[2]) До чего Лондонскіе наши агитаторы герценисты не знали своего отечества и нашего духовенства, видно изъ того, что Кельсіевъ, провѣдавъ объ опалѣ преосв. Кирилла,

товился къ отъѣзду изъ Петербурга въ Іерусалимъ, назначены были съ нимъ въ миссію два молодые инока изъ Оптиной пустыни (Калужской губерніи, Козельскаго уѣзда), Половцовъ и Кавелинъ, оба изъ дворянъ: первый изъ артиллерійскихъ, а второй изъ офицеровъ гвардіи. Обоихъ я однажды видѣлъ у графа Дмитрія Николаевича, пригласившаго ихъ отобѣдать у него, по случаю того, что въ то самое утро оба ови были рукоположены въ іеромонахи.

Въ составъ насъ, чиновниковъ особыхъ порученій, поступилъ тогда одинъ князь Вадбольскій, молодой вдовецъ; но онъ вскорѣ выбылъ куда-то коронным исправникомъ, кажется, въ Лихвинъ.

Наконецъ я представилъ въ Губернское Правленіе многосложное мое слѣдствіе объ исправникѣ Бахметевѣ. Улики противъ него были настолько сильны, что большинство членовъ Губернскаго Правленія (въ томъ числѣ и Мартенсъ) настаивали на преданіи его суду; но графъ Дмитрій Николаевичъ, сжалившись надъ этимъ болѣе безмозглымъ, нежели злоумышленнымъ субъектомъ, упросилъ ихъ, изъ уваженія къ его личности, согласиться покончить дѣло домашнимъ порядкомъ, и его уволили изъ службы безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, а достойнѣйшій нашъ А. А. Сумароцкій былъ утвержденъ Тарускимъ исправникомъ.

Съ открытіемъ лѣтняго сезона, графъ переѣхалъ на губернаторскую дачу, на самомъ концѣ длинной Золотаревской улицы, почти что внѣ города и насупротивъ городского бора, откуда открывается пространная панорама на берега Оки, вплоть почти до береговъ Угры, и я ежедневно ходилъ обѣдать къ нему, несмотря на то, что разстояніе это отъ губернаторскаго дома, гдѣ я жилъ, было добрыхъ двѣ версты. Служебныя мои занятія были тогда весьма несерьезны и, кромѣ одного случая, были всѣ въ городской чертѣ.

Въ Іюнѣ пріѣхалъ, будто бы для ревизіи, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, Алексѣй Иракліевичъ Левшинъ, давнѣйшій мой знакомый по Одессѣ, и съ нимъ былъ его сынъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ, еще студентъ Петербургскаго университета. Говорю, что А. И. Левшинъ пріѣхалъ подъ предлогомъ ревизіи, потому что настоящею цѣлью, если не ошибаюсь, его пріѣзда въ Калугу и посѣщенія другихъ губернскихъ городовъ было разузнать о всеобщемъ настроеніи умовъ

писалъ къ нему убѣдительно, проси его согласиться быть епископомъ у Турецкихъ раскольниковъ-некрасовцевъ, на Дунаѣ и на островѣ Майвосѣ. Письмо Кельсіева осталось, конечно, безъ отвѣта.

касательно возникшаго въ правительственныхъ сферахъ вопроса о предстоящемъ уничтоженіи крѣпостной зависимости. А. И. Левшинъ благонамѣренный вполнѣ и знающій внутреннюю Россію человѣкъ, и мнѣ кажется, что весьма жаль, что онъ никогда не попалъ въ министры, тогда какъ другіе изъ тузовъ Сѣверной Пальмиры знаютъ лишь Петербургскую Россію.

Въ одно прекрасное утро, пока я прохлаждался надъ утреннимъ своимъ чаемъ съ аксессуарами (процедура всегда чрезвычайно долго продолжающаяся у меня), вдругъ отворяется дверь и входитъ ко мнѣ вѣчный жидъ въ лицѣ Александра Ивановича Розѐ. Я чуть не вскрикнулъ. Вотъ уже по истинѣ легокъ на поминѣ, подумалъ я, такъ какъ только наканунѣ этого дня, бесѣдуя вечеромъ съ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ на террасѣ его дачи, мы припоминали всѣ подробности перваго нашего знакомства въ 1843 году, и я между прочимъ спросилъ у него, какое могъ онъ составить обо мнѣ мнѣніе, вслѣдствіе знакомства моего съ нимъ чрезъ посредство этого загадочнаго, чтобы не сказать болѣе, господина, тогдашняго надзирателя ярмарочнаго гостинаго двора? Когда я пришелъ по обыкновенію обѣдать къ графу, онъ также сказалъ, что едва вѣрилъ своимъ глазамъ, когда поутру явился къ нему, какъ бы выросшій изъ земли, тотъ самый, о которомъ мы только что говорили наканунѣ. По обычной своей добротѣ, графъ однакоже не отказалъ странствующему рыцарю Еврейскаго происхожденія въ просьбѣ опредѣлить его куда нибудь на службу (въ надеждѣ чего онъ нарочно пріѣхалъ въ Калугу) и назначилъ его частнымъ приставомъ въ Жиздру. Въ промежуткѣ отъ Нижегородской его службы и внезапнаго явленія въ Калугу, старикъ Розѐ былъ помощникомъ окружнаго при Палатѣ Государственныхъ Имуществъ въ какой-то, не помню, губерніи; а въ новой своей должности въ Жиздрѣ онъ продержался лишь годъ съ небольшимъ и былъ уволенъ преемникомъ графа Дмитрія Николаевича, Викторомъ Антоновичемъ Арцымовичемъ. Тутъ я уже окончательно потерялъ его изъ виду*).

Жизнь моя текла какъ-бы у Христа за пазухой: служба была необременительна, и я имѣлъ полный досугъ часто наслаждаться роскошными цвѣтниками яраго садовода и спеціалиста по этой части,

*) Дочь этого Розѐ, успѣшно кончившая курсъ въ какомъ-то учебномъ заведеніи, была сперва замужемъ за однополчаниномъ своего отца и, овдовѣвъ, вышла замужъ за г. Спасскаго, служившаго въ одномъ изъ министерствъ, брата что былъ въ 60-хъ годахъ Калужскимъ губернаторомъ.

жандармскаго генерала Гринфельда (всѣ эти пышныя коллекціи разновидныхъ растеній были твореніемъ неутомимыхъ собственныхъ его рукъ). Столъ и квартира были у меня готовые, и мой 600 рублевый годовой окладъ вполнѣ обезпечивалъ меня, да сверхъ сего супруги Обнинскіе уплатили мнѣ тысячу (или полторы тысячи) рублей подъ тѣмъ любезнымъ предлогомъ, что цифра 13 тыс. (сумма даннаго мнѣ заемнаго письма) имѣетъ-де зловѣщее значеніе. Но увы, вся эта служебная моя обстановка неожиданно измѣнилась.

Однажды, когда я пришелъ обѣдать къ графу (это было въ началѣ Августа), онъ срѣзалъ меня извѣстіемъ, что мы разстаемся. Въ недоумѣніи я спросилъ, что бы это значило, и онъ еще болѣе поразилъ меня, объяснивъ, что онъ выходитъ въ отставку, и уже утромъ того дня отправилъ прошеніе объ его увольненіи, по болѣзни, съ приложеніемъ медицинскаго свидѣтельства. «А уже Холмскій» (инспекторъ Врачебной Управы) «расписалъ», добавилъ онъ, «подъ моимъ наблюденіемъ такія страсти о состояніи моего здоровья, что шалишь, не могутъ удержать меня насильственно на службѣ или временно уволить меня для лѣченія за границу». Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки, подумалъ я. И такъ, предстояло мнѣ на дняхъ разставаться съ человѣкомъ, принесшимъ столь много пользы душевному моему міру и направившимъ меня изъ ложнаго космополитизма, въ которомъ я дотолѣ блуждалъ, на путь Русскаго гражданина.

Причина, побудившая графа Дмитрія Николаевича оставить службу, дѣлаетъ много ему чести.

Возникли безпорядки въ имѣніи Медынскаго помѣщика Полтева; съ извѣстіемъ прискакали въ Калугу весь испуганный Медынскій исправникъ и старый нашъ Рязанскій знакомый, Александръ Ивановичъ Ляпуновъ (котораго звалъ П. П. Новосильцовъ, *точеным*), оплошавшій немного, если не ошибаюсь, при началѣ этого дѣла. Какъ-бы то ни было, но вслѣдствіе упрямства крестьянъ, не поддававшихся никакимъ вразумленіямъ, оказалось необходимымъ прибѣгнуть къ тѣлесной экзекуціи. Графъ исполнилъ свой долгъ, какъ губернаторъ; но, возвратившись въ Калугу, сейчасъ подалъ въ отставку, а намъ, его приближеннымъ, сказалъ, что рѣшился на этотъ послѣдній шагъ, потому что роль палача слишкомъ противна его натурѣ.

За нѣсколько дней до столь горестнаго для меня событія, графъ поручилъ мнѣ произвести дѣло по жалобѣ одного крестьянина на своего барина, Тарускаго помѣщика Чуфаровскаго, обвѣнчавшаго насильственно его дочь. Въ свѣжее еще время навряд-ли какой нибудь губерна-

торъ далъ бы ходъ подобному дѣлу, но тогда все шло къ подготовкѣ коренной реформы крестьянскаго быта, и всякое лыко становилось въ строку*). Произведенное мною слѣдствіе подтвердило самоуправство г. Чуфаровскаго и содѣйствіе ему священника въ насильственномъ бракѣ (за что̀ послѣдній былъ отрѣшенъ отъ мѣста); но, едва приступивъ къ этому дѣлу, я поспѣшилъ обратно въ Калугу, чтобы участвовать въ прощальномъ обѣдѣ, даннымъ по подпискѣ графу Дмитрію Николаевичу, распорядителемъ чего былъ вице-губернаторъ Юркевичъ. Подъ самою Калугой меня обогналъ Д. А. Чертковъ, спѣшившій изъ своего Колосова участвовать въ этомъ обѣдѣ; но къ общему нашему удивленію, онъ и губернскій предводитель, Сергѣй Ѳедоровичъ Щукинъ, блеснули тамъ своимъ отсутствіемъ. Едва прибывъ въ Калугу, Дмитрій Александровичъ свидѣлся съ Щукинымъ, который, надо полагать, уговорилъ его не исполнять своего намѣренія, и затѣмъ великій и меньшой представитель дворянскаго сословія откушали вдвоемъ у Кулона. Въ сущности не было никакого официальнаго разрыва между губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ, и наврядъ ли поднятъ былъ какой-либо жгучій между ними вопросъ; но, какъ я уже не разъ указывалъ, подобныя манифестаціи предъ дворянскою корпораціей считались нужными, чтобы публично показать, какъ независимо и самостоятельно отъ губернаторской личности умѣли держать себя гг. предводители. И замѣтьте между тѣмъ, что нашъ Тарускій предводитель всегда почтительно и похвально отзывался о графѣ Дмитріи Николаевичѣ; но принципъ паче всего. Просто курамъ на смѣхъ!

Графскіе приближенные устроили ему проводы до первой станціи, и какъ ни грустно было всѣмъ намъ разставаться съ нимъ, тѣмъ не менѣе выпито было на прощанье препорядочное количество Шампанскаго. Извѣстно, Русскій человѣкъ одинаково пьетъ съ радости и съ горя. Семенъ Васильевичъ Хрущовъ не уѣхалъ съ графомъ, а остался въ Калугѣ, въ надеждѣ получить какое-нибудь мѣстечко на службѣ, въ чемъ графъ отказался содѣйствовать ему и что̀ было причиной ихъ размолвки. Мотивы графскаго отказа были вполнѣ справедливы. С. В. Хрущовъ хлопоталъ получить вакантное тогда мѣсто смотрителя въ одномъ изъ Калужскихъ богоугодныхъ заведеній, на что̀ графъ, жалѣя его, не соглашался, по причинѣ преклонныхъ уже лѣтъ просителя и

*) Не вхожу въ споръ съ авторомъ; но положительно говорю, что и въ прежнее время всякій губернаторъ тоже могъ ставить лыко въ строку, и если на насиліе была жалоба, то производилось слѣдствіе, и давался законный ходъ дѣлу. *Примѣчаніе графа Д. Н. Толстаго.*

изъ боязни, что С. В. Хрущовъ, по простотѣ своей, запутается въ отчетной части, которая была мало ему знакома, да еще и потому, что формуляръ Семена Васильевича былъ замаранъ. Въ служебномъ его спискѣ значилось, что во время его службы въ военныхъ поселеніяхъ онъ былъ подъ судомъ за то, что засѣкъ будто бы одного поселенца, и хотя всякій, кто зналъ незлобивый нравъ этого человѣка, могъ вѣрить его словамъ, что это была одна напраслина, но все-таки поступить ему снова на службу съ подобною аттестаціей было довольно затруднительно. Надѣясь, что правящій губерніей Н. П. Юркевичъ окажется сговорчивѣе графа, С. В. Хрущовъ объявилъ послѣднему, что онъ остается въ Калугѣ; но въ разсчетахъ своихъ онъ, однакоже, ошибся. На службу ему не удалось попасть и, оставаясь безъ всякихъ житейскихъ средствъ, онъ рѣшился пойти въ монахи въ Оптину пустынь, гдѣ, проживъ немного лѣтъ послушникомъ (но въ клобукѣ), онъ убѣдился вѣроятно, что иноческіе подвиги были ему не подъ силу и, поступивъ снова въ міръ, онъ помѣщенъ былъ, по покровительству бывшаго его однокашникомъ по корпусу колоновожатыхъ, а тогда Московскаго генералъ-губернатора Тучкова, въ офицерское отдѣленіе Московской Измаиловской военной богадѣльни, гдѣ имѣлъ величайшее блаженство облечься въ мундиръ съ штабъ-офицерскими эполетами (его приняли съ маіорскимъ чиномъ, полученнымъ при отставкѣ) и гдѣ онъ кончилъ свою жизнь въ 60-хъ годахъ. Человѣкъ онъ былъ примѣрной набожности и весьма изрядной начитанности по церковной части; онъ даже напечаталъ брошюрку подъ заглавіемъ: «Размышленія христіанина у Креста Господня», экземпляръ которой, скажу мимоходомъ, добрые люди зачитали, къ сожалѣнію, у меня.

Незадолго до подачи о своемъ увольненіи отъ службы, графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой получилъ предписаніе организовать губернскій комитетъ объ улучшеніи быта крестьянъ (подъ этимъ названіемъ разумѣлось освобожденіе крестьянъ), и графъ назначилъ членами отъ правительства въ этотъ комитетъ князя Андрея Васильевича Оболенскаго и Владимира Оттоновича Рене (бывшаго когда-то предсѣдателемъ Калужской Уголовной Палаты).

Послѣ проводовъ графа Дмитрія Николаевича, я возвратился въ Тарускій уѣздъ и жилъ у себя въ Знаменскомъ, для продолженія слѣдствія надъ помѣщикомъ Чуфаровскимъ, обвиняемымъ, какъ уже было сказано, въ насильственномъ обвѣнчаніи крѣпостной его дѣвки Рязанской губерніи съ крестьяниномъ Тарускаго его имѣнія. Не упомянулъ я гдѣ слѣдовало, что, приступая первоначально къ этому дѣлу, я пригласилъ уѣзднаго предводителя Д. А. Черткова (основываясь на

полученномъ имъ отъ начальника губерніи предложеніи по сему предмету) прибыть къ мѣсту слѣдствія, какъ водилось въ подобныхъ случаяхъ, дабы ему находиться при производствѣ дѣла, какъ мѣстному представителю сословія, къ которому принадлежало обвиняемое лицо. На это мое отношеніе г. Чертковъ отвѣтилъ офиціальною также бумагою, что предводитель не есть представитель дворянства и слѣдовательно онъ и не депутатъ; что ему неизвѣстна никакая статья въ цѣломъ Сводѣ Законовъ, прямо указывающая предводителю находиться при слѣдствіяхъ о проступкахъ дворянъ, и что потому онъ не считаетъ себя обязаннымъ исполнить предложеніе губернатора. Препроводивъ моему начальству отзывъ Тарускаго предводителя, я кончилъ все слѣдствіе безъ участія г. Черткова, но для предосторожности (то-есть, чтобы придать моимъ дѣйствіямъ видъ слѣдственной коммиссіи) пригласилъ мѣстнаго уѣзднаго стряпчаго участвовать во всемъ производствѣ.

Въ самое это время, или немного ранѣе, не миновало однако меня столкновеніе съ тѣмъ же предводителемъ, но по другому совершенно обстоятельству. Въ числѣ секретныхъ моихъ донесеній губернатору (еще лѣтомъ) было одно, касавшееся одной Таруской помѣщицы, крестьяне которой были до такой степени притѣсняемы, что хаживали по міру по всему уѣзду. Вслѣдствіе моего доношенія, предписано было мнѣ произвести секретное подъ рукою дознаніе обще съ мѣстнымъ предводителемъ о справедливости этого слуха, и если онъ подтвердится, то разузнать, отъ чего крестьяне дошли до подобнаго разоренія. Съ предложеніемъ подобнаго рода губернаторъ (тогда еще графъ Д. Н. Толстой) отнесся къ г. Черткову. Когда мы оба приступили къ секретному дознанію, г. Чертковъ, въ разговорѣ со мною объ этомъ дѣлѣ, высказался, что желательно бы ему узнать, кто учинилъ о томъ доносъ. По принятому мною принципу «имѣть смѣлость моихъ убѣжденій», я отвѣчалъ, что доносъ сдѣланъ мною. «А какія имѣете вы на это доказательства?» спросилъ онъ меня съ крайне недовольнымъ видомъ. «Доказательствами служатъ», отвѣчалъ я, «тѣже крестьяне, побирающіеся по всему уѣзду съ сумою, о чемъ легко можно справиться, если вамъ угодно.» Ни тогда, ни впослѣдствіи г. Чертковъ болѣе не заикнулся мнѣ объ этомъ дѣлѣ, но тѣмъ не менѣе намоталъ его себѣ на усъ, и оно, быть можетъ, послужило подкрѣпленіемъ составившемуся у него позднѣе мнѣнію, что я принадлежу къ фалангѣ «красныхъ».

Преосвященный нашъ Григорій, объѣзжая этимъ лѣтомъ Тарускій уѣздъ, завернулъ по дорогѣ на четверть часа къ намъ въ Зна-

менское. (Благодаря рекомендаціи графа Дмитрія Николаевича, владыка благоволилъ ко мнѣ). Одна изъ многихъ похвальныхъ отличительностей этого іерарха состоитъ въ томъ, что онъ не имѣетъ привычки передавать на разсмотрѣніе Консисторіи прошенія лично ему подаваемыя каждое утро, и даже, какъ мнѣ сказывали, во время пріема просителей отсутствуетъ его секретарь (или письмоводитель), и на всякое прошеніе онъ тутъ же собственноручно кладетъ резолюцію карандашомъ. А въ его обращеніи съ священниками и діаконами его епархіи онъ всегда говоритъ съ ними не иначе какъ на *вы*.

Было въ то время при Тарускомъ Петропавловскомъ соборѣ четыре вмѣсто трехъ по положенію священника. Протопопъ Максимъ Степановичъ Богоявленскій *) почти что ослѣпъ отъ старости и уже рѣдко литургисовалъ, да и то съ величайшимъ затрудненіемъ и съ опасностію уронить или пролить Св. Дары. (Напоминаю кстати, что онъ былъ изъ перваго выпуска Калужской семинаріи, а выпускъ этотъ относится къ 1807 или 1808 году, и что онъ хоронилъ извѣстную княгиню Екатерину Романовну Дашкову въ церкви ея села Троицкаго, Тарускаго уѣзда, въ 1810 году). Поэтому къ Тарускому собору причисленъ былъ молодой священникъ о. Александръ изъ полковыхъ и украшенный серебряною медалью за Севастополь. Думаю, что при ревизіи преосв. Григоріемъ внушено было престарѣлому протопопу проситься о своемъ увольненіи, потому что оно послѣдовало почти что по возвращеніи владыки въ Калугу, а на его мѣсто поставленъ былъ въ протопопы не разъ упоминаемый Михаилъ Ивановичъ Февралевъ. О столь неважномъ уѣздномъ событіи не стоило бы и говорить, еслибы оно не давало мнѣ случая очертить личность человѣка, съ которымъ я находился въ близкихъ отношеніяхъ въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ. Михаила Ивановича я причисляю къ тѣмъ скромнымъ, но полезнымъ дѣятелямъ, слава о которыхъ глохнетъ въ тѣсной ихъ сферѣ, но которымъ обѣщано возмездіе за то, что хотя малое было имъ поручено, они въ этомъ маломъ были вѣрны. Предшественники его слабо заботились о благолѣпіи Тарускаго соборнаго храма: внутреннія стѣны оставались нерасписанными, а ризница въ самомъ плачевномъ состояніи. Отецъ Михаилъ во время 15-лѣтняго своего протоіерейства (онъ умеръ въ концѣ 1872 года) и даже до этого времени не переставалъ изыскивать всѣ возможныя средства для украшенія Тарускаго храма и нашелъ денежныхъ благотворителей, даже и въ Москвѣ. Его стараніемъ вся церковь была расписана, на большинствѣ мѣст-

*) Отецъ д. стат. совѣтн. Михаила Максимовича Богоявленскаго, нынѣ директора Петербургскаго Коммерческаго Училища.

ныхъ иконъ появились небывалыя дотолѣ серебряныя вызолоченныя ризы, устроенъ былъ изящно кивотъ большаго размѣра для вновь поставленной въ немъ копіи съ чудотворной иконы Калужской Божіей Матери, также въ богатомъ окладѣ. Построено было его попеченіемъ не менѣе, какъ предполагаю, десяти полныхъ священническихъ парчевыхъ облаченій съ діаконскими стихарями; трапеза отдѣлена на зимнее время отъ настоящаго (лѣтняго) придѣла стекляннною перегородкою. и эта часть церкви сдѣлалась теплою. Хотя оба боковые придѣла были и прежде теплыми, но въ нихъ было очень тѣсно, потому что ихъ раздѣляла холодная часть трапезы съ глухими по обѣимъ сторонамъ стѣнами и съ аркою для входа въ оба придѣла, а въ эти арки были вдѣланы стеклянныя двери, которыя оставались даже и на лѣто. Въ настоящее время стеклянныя эти перегородки сняты, и оба придѣла съ трапезою составляютъ одно обширное пространство, нагрѣвающееся двумя духовыми печами, такъ что все городское богомольное населеніе помѣщается тамъ безъ малѣйшей тѣсноты. Изнуренный продолжительнымъ недугомъ и лежа на одрѣ, съ котораго онъ перешелъ въ вѣчность, не переставалъ онъ даже и тогда заботиться объ устройствѣ заново передѣланныхъ иконостасовъ въ обоихъ придѣлахъ; но не суждено было ему полюбоваться ихъ постановкою на мѣстѣ, хотя одинъ изъ нихъ былъ совершенно окопченъ (но не освященъ) до его смерти. Когда уже его не стало, и приступлено было къ второму придѣлу, признательные его сослуживцы помѣстили въ его память, въ иконостасъ, образъ его ангела, Св. Михаила Малеина. Онъ также завелъ церковную библіотеку, вещь небывалую дотолѣ, выписывая для этого изъ остатковъ церковныхъ суммъ по нѣскольку духовныхъ журналовъ. Рано овдовѣвъ, онъ взялъ на воспитаніе малолѣтнюю племянницу, выдалъ ее за брата умершей его жены (письмоводителя въ городническомъ правленіи) и сдѣлалъ ее своею наслѣдницей. А уже сколько добра творилъ онъ изъ скудныхъ своихъ средствъ! Скудныхъ, потому что весь доходъ Тарускихъ протоіереевъ едва ли простирается и понынѣ до 700 рублей. Были у него мѣсячные пенсіонеры изъ сиротъ и изъ бѣднѣйшихъ городскихъ жителей; но немногимъ была извѣстна его благотворительность. И этотъ безупречный вполнѣ человѣкъ, которымъ дорожило само епархіальное начальство, не могъ до конца жизни отдѣлаться отъ паническаго страха, когда ему приходилось предстать, не то что предъ своимъ архипастыремъ, но являться къ ревизору отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, командированному обозрѣвать, въ числѣ уѣздныхъ училищъ, также и Таруское, въ которомъ о. Михаилъ былъ законоучителемъ. Страхъ ко всякой предержащей власти всасывался въ плоть и кровь тогдашней духовной касты

съ самой семинарской скамьи: въ этомъ сознавался самъ нашъ протоіерей, и оно было естественно. Учениковъ, даже взрослыхъ, пороли семинарскими сторожами, какъ солдатъ, до безчувственнаго иногда состоянія, въ чемъ ректоръ семинаріи былъ полновластенъ; а ставленникамъ ихъ епархіальное начальство не внушало ничего кромѣ раболѣпнаго трепета. Не посмѣетъ, бывало, ни за что забитый священникъ жаловаться владыкѣ на насильственные поборы Консисторіи. О. Михаилъ разсказывалъ мнѣ, какъ однажды, въ пріѣздъ въ Тарусу преосв. Григорія, начавъ обычную эктенію при входѣ архіерея въ соборъ, онъ до того растерялся, что, при окончаніи эктеніи, обратился къ Калужскому протопопу, сопровождавшему владыку, прося его подшепнуть ему, какой слѣдуетъ возгласъ. Когда же, вмѣсто отвѣта, Калужской соборянинъ улыбнулся отъ столь неимовѣрнаго смущенія Тарускаго своего собрата, тотъ сказалъ ему. «Тутъ не до смѣха, а прошу васъ убѣдительно подсказать мнѣ, какой слѣдуетъ возгласъ (яко твое есть царство и сила и слава и проч. или другой?): голова у меня закружилась». А онъ вѣдь былъ любимецъ у преосв. Григорія! Что же были остальные, не пользовавшіеся подобной милостію [1]).

Въ Октябрѣ прибылъ въ Калугу новый губернаторъ Викторъ Антоновичъ Арцымовичъ, переведенный изъ Тобольска. Онъ былъ изъ перваго выпуска Училища Правовѣдѣнія (въ 1840 или 1841 году) и женатъ на дочери сенатора Жемчужникова [2]). Я пріостановился моими служебными занятіями по Тарускому уѣзду и поспѣшилъ въ Калугу явиться къ нему. Онъ принялъ меня чрезвычайно ласково и приглашалъ меня нѣсколько разъ обѣдать у него въ теченіи краткаго моего пребыванія въ Калугѣ. Отъ него я узналъ, что бывшій мой фактотумъ Леонъ Капенштейнъ здравствовалъ и продолжалъ заниматься въ Тобольскѣ какими-то мелочными аферами въ родѣ поставокъ, и также, что у него былъ притонъ разныхъ сомнительныхъ личностей. Горбатаго исправитъ только могила [3])!

---

[1]) Приписываютъ остроумному министру народнаго просвѣщенія, графу Уварову, такое изреченіе, „La caste des Lévites c'est comme une feuille de papier de poste. Vous avez beau marcher dessus, vous ne pouvez pas l'écraser". (Каста Левитовъ тоже что листъ почтовой бумаги. Сколько хотите топчите его, вамъ никакъ не удастся его растоптать). Желательно бы знать, почему хотѣлось его сіятельству (воспитаннику аббата Мантена) топтать духовную касту еще болѣе, чѣмъ она теперь стоптана?

[2]) Того самаго, что въ 1827 году былъ первымъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ въ Орлѣ, а позднѣе Петербургскимъ гражданскимъ губернаторомъ.

[3]) Послѣ сего я никакихъ извѣстій о немъ болѣе не получалъ, но слышалъ отъ одного служившаго въ Сибири лица, что въ 1868 году Леонъ былъ еще живъ.

Вскорѣ послѣ поступленія В. А. Арцымовича губернаторомъ въ Калугу, прежній правитель губернаторской канцеляріи В. А. Лысогорскій перешелъ въ совѣтники Калужскаго Губернскаго Правленія на мѣсто И. К. Мартенса, переведеннаго въ Петербургъ въ Министерство Государственныхъ Имуществъ и рекомендованнаго графомъ Д. Н. Толстымъ тогдашнему министру Михаилу Николаевичу Муравьеву. Преемникомъ В. А. Лысогорскаго былъ кто-то изъ прибывшихъ въ Калугу съ новымъ губернаторомъ (чуть-ли не Сѣрно-Соловьевичъ, замѣшанный позднѣе, кажется, въ какомъ-то подпольномъ обществѣ). Немного позднѣе (должно быть въ 1859 году) произошли также нѣкоторыя измѣненія въ нашемъ составѣ чиновниковъ особыхъ порученій. Н. П. Гавриловъ повысился въ товарищи предсѣдателя Уголовной Палаты, а Кричевскій былъ сдѣланъ губернскимъ стряпчимъ казенныхъ дѣлъ. Въ чиновники особыхъ порученій поступилъ Николай Владимировичъ Корсаковъ (изъ военной службы, братъ Михаила Владимировича, котораго я засталъ въ 1856 году чиновникомъ особыхъ порученій). Еще при графѣ Д. Н. Толстомъ жилъ въ Калугѣ, подъ надзоромъ полиціи, возвращенный изъ Сибири декабристъ Петръ Николаевичъ Свиступовъ; но онъ поступилъ на службу много позднѣе, какъ увидимъ далѣе. Самъ же я не искалъ никакого другаго назначенія, потому что мнѣ было сподручно оставаться чѣмъ я былъ, такъ какъ и сама должность чиновника особыхъ порученій была мнѣ знакома и давала мнѣ, въ добавокъ, возможность жить дома бо́льшую часть года, или разъѣзжать по дѣламъ службы въ сосѣдніе къ Тарускому уѣзды и этимъ избѣгать расходовъ годовой квартиры въ Калугѣ.

Поздно осенью образовались губернскіе комитеты для проектированія мѣръ къ улучшенію крестьянскаго быта (такъ въ оффиціальной терминологіи обозначалось предвѣстіе реформы 19 Февраля), въ составъ которыхъ выбиралось по два дворянина изъ каждаго уѣзда, и въ этотъ Комитетъ назначалось также по два члена отъ правительства. Въ Калужскій Комитетъ выбраны были отъ Тарускаго уѣзда предводитель Д. А. Чертковъ и тамошній помѣщикъ г. Жилинъ, а однимъ изъ членовъ отъ правительства назначенъ князь Андрей Васильевичъ Оболенскій, бывшій предъ тѣмъ предсѣдателемъ Гражданской Палаты. По Боровскому уѣзду однимъ изъ дворянскихъ членовъ былъ выбранъ тамошній предводитель Наркисъ Антоновичъ Обнинскій; кто былъ другой, не помню. Засѣданія Комитета открылись въ самомъ концѣ 1858 года.

Въ Октябрѣ накопилось у меня нѣсколько дѣлъ по Малоярославецкому и Боровскому уѣздамъ, куда я и отправился, заѣхавъ по до-

рогѣ въ казенное село Недѣльное, торговый центръ Малоярославецкаго уѣзда. Туда переведенъ былъ, лѣтъ 15 предъ тѣмъ, нашъ Бѣлкинскій священникъ Ѳедоръ Васильевичъ Богословскій, о которомъ я говорилъ въ началѣ настоящихъ записокъ [1]) и съ которымъ я заранѣе сговорился побывать вмѣстѣ въ Боровскѣ, для отысканія въ Пафнутьевомъ монастырѣ могилы дѣда моего графа Артемія Ивановича Воронцова, имъ же (о. Ѳедоромъ) похороненнаго тамъ въ 1813 году. Я отчетливо помнилъ, что въ единственную мою побывку въ этомъ монастырѣ въ Мартѣ 1828 г. (когда я еще юнкеромъ былъ въ отпуску въ Москвѣ и, возвращаясь въ Орелъ, заѣхалъ въ Бѣлкино), вставлена была во внутренней стѣнѣ трапезы зимняго собора мѣдная доска надъ могилою моего дѣда; но впослѣдствіи, какъ разсказывали мнѣ, одинъ изъ настоятелей, расширивъ эту трапезу, вырылъ всѣ кости изъ могилъ подходившихъ къ наружнымъ стѣнамъ трапезы и свалилъ ихъ безъ разбора въ одну общую яму неподалече отъ собора. Дѣйствительно ли столь святотатственно поступилъ прежній игуменъ, дознаться я не могъ; но какъ я ни старался отыскать могилу моего предка, никто изъ монаховъ-старожиловъ, ни даже самъ тогдашній архимандритъ Геннадій (авторъ преизряднаго описанія Пафнутьевой обители) не могли удовлетворить меня, и даже никому изъ нихъ не было извѣстно, что на монастырскомъ кладбищѣ покоятся останки какого-то графа Воронцова. Подобная небрежность тѣмъ болѣе непростительна, что самъ о. Ѳедоръ внесъ въ 1813 году, по порученію моей матери, 600 или 700 рубл. ассигн. за мѣсто для моего дѣда и на вѣчное о немъ поминовеніе, сумма весьма почтенная по тогдашнему времени. Меня допустили пересмотрѣть монастырскій синодикъ, и хотя я въ немъ нашелъ имя Артемія, но оно было безъ графскаго титула. Мало ли бываетъ на бѣломъ свѣтѣ Артеміевъ? Однакоже, я почти увѣренъ, что это имя относится къ моему дѣду, потому что тутъ же вписано было имя Прасковіи, относившееся, по моей догадкѣ, къ Прасковьѣ Васильевнѣ Нарышкиной, родной теткѣ моей жены [2]), которая умерла также въ Бѣлкинѣ въ томъ же 1813 году и похоронена въ Пафнутьевомъ монастырѣ, или къ моей бабкѣ, графинѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ, женѣ этого графа Артемія Ивановича, хотя умершей много раньше мужа [3]). Обитель эта находилась въ 50-хъ годахъ въ страшномъ упадкѣ, тогда

[1]) Маститый этотъ іерей скончался въ 1871 или 1872 году, и только двѣ недѣли до смерти пересталъ священнодѣйствовать. Менѣе 88 лѣтъ ему не могло быть тогда по моему разсчету.

[2]) Она же была и родная племянница графа Артемія Ивановича Воронцова, дочь сестры его Анны Ивановны Нарышкиной.

[3]) Гдѣ она похоронена, не знаю.

какъ до XVII-го вѣка она была изъ первостатейныхъ въ Россіи. Прежде и послѣ погрома, постигшаго ее въ 1610 г. отъ Ляховъ, Московскіе до-петровскіе цари и царицы нерѣдко предпринимали богомолья къ ней, имѣли тамъ свои царскія палаты, и объ ихъ щедротахъ свидѣтельствовали дорогіе вклады и богатая ризница, расхищенная большею частію Французами во время ихъ двоекратнаго прохожденія чрезъ Боровскъ (въ Москву и обратно). При отобраніи въ казну монастырскихъ вотчинъ великою Екатериною (не считавшею предосудительнымъ отнимать то, чего она не дарила), отошло отъ Пафнутьева монастыря болѣе десятка (вѣроятно) тысячъ душъ крестьянъ, и за обителью остались лишь нѣкоторыя угодья по р. Протвѣ, и если не ошибаюсь, подворье въ Москвѣ; да сверхъ сего монастырь извлекаетъ доходъ отъ годовой ярмарки, которая собирается вокругъ его стѣнъ, въ Покровъ день, или 25 Сентября, когда празднуется память основателя обители, преподобнаго Пафнутія. Отъ прежнихъ царскихъ палатъ осталась одна каменная свѣтелка въ одну комнату, стоящая надъ двумя арками отдѣльно отъ прочихъ строеній, и мнѣ разсказывали, что обширные прежніе хоромы были сломаны за ихъ ветхостью, въ первой четверти нынѣшняго вѣка. На сколько я могъ замѣтить, нельзя сказать, чтобы особенное стеченіе богомольцевъ привлекала рака Боровскаго чудотворца Пафнутія, мощи котораго открыто почиваютъ у южныхъ дверей лѣтняго собора, того самого, у сѣверныхъ дверей котораго палъ въ 1610 году доблестный Боровской воевода князь Волконскій, при осадѣ и раззореніи обители паномъ Сапѣгою. Въ центрѣ ограды стоитъ древняя (но, къ сожалѣнію, заново и безвкусно передѣланная) усыпальница князей Оболенскихъ. Весьма сожалѣю, что, при послѣднемъ моемъ посѣщеніи Пафнутьевой обители, я упустилъ изъ виду изслѣдовать, не покоятся ли тамъ удѣльные князья Оболенскіе и Тарускіе *).

Я обѣщался поговорить подробнѣе объ упомянутомъ вскользь Боровскомъ исправникѣ, Дмитріѣ Михайловичѣ Челищевѣ, съ которымъ я познакомился только въ эту мою поѣздку въ Боровскъ. Въ немъ много оригинальнаго, отчасти рыцарскаго и всего хорошаго, и ему приличествуетъ девизъ Баярда, «безъ страха и упрека.» За то и держалъ онъ себя не то чтобы черезъ чуръ ходульно, но немного величаво и какъ человѣкъ чувствующій свое достоинство и привыкшій встрѣчать всеобщее о себѣ одобреніе. Никогда не заискивалъ онъ ничего у гу-

*) Удѣльные князья Оболенскіе и Тарускіе (какъ писалось въ старину) были потомки св. Михаила Черниговскаго. Его сынъ Юрій былъ первымъ Оболенскимъ княземъ. Въ Тарускомъ уѣздѣ существуетъ и по нынѣ село Оболенское, бывшее городомъ до половины XVIII вѣка.

бернскаго начальства, не пресмыкался предъ властію, и когда предписывали ему какое-либо дѣйствіе, казавшееся ему вреднымъ по долголѣтнему его опыту, онъ имѣлъ смѣлость, прежде чѣмъ исполнить предписанное, изложить партикулярнымъ письмомъ начальнику губерніи свое мнѣніе о неудобности подобной мѣры, за что разсудительные губернаторы благодарили его, соглашались съ его взглядомъ и всегда отзывались о немъ какъ о примѣрномъ исправникѣ. Куда ни былъ своенравенъ Николай Михайловичъ Смирновъ, и взыскателенъ по службѣ Петръ Александровичъ Булгаковъ, а оба они, а также и ихъ преемники, графъ Толстой, Арцымовичъ и г. Лерхъ [1], высоко цѣнили дѣятельность Д. М. Челищева. Когда подходило время выборовъ, и иные изъ Боровскихъ помѣщиковъ шутя говаривали ему: «а что, Дмитрій Михайловичъ, не выбрать-ли опять тебя въ исправники?» онъ полусерьезно отвѣчаетъ имъ: «Еще бы не выбрать! Да вы скажите, господа, какого же вамъ найти исправника помимо меня?» Но это высокомѣріе, единственная слабая въ немъ струна, примѣтно было лишь въ его отношеніяхъ съ вышепоставленными ему лицами или съ равными, а въ обращеніи съ подчиненнымп не было ничего крутого, и если онъ требовалъ строгаго исполненія службы, подчиненные всегда находили въ немъ безпристрастнаго цѣнителя ихъ труда, и въ случаяхъ нужды голосистаго предъ начальствомъ заступника. Паче всего онъ остерегался давать поводъ къ подозрѣнію, что рыльце у него въ пуху, и вотъ почему онъ избѣгалъ, между прочимъ, находиться при вводѣ во владѣніе какого-нибудь новаго помѣщика, хотя эту административную процедуру обыкновенно исполняли сами исправники. Извѣстно, что новый владѣлецъ отдаривалъ составъ Земскаго Суда и стряпчаго за то, что побезпокоились прибыть съ временнымъ отдѣленіемъ, и вотъ почему однажды въ разговорѣ съ Дмитріемъ Михайловичемъ, по одному вводу, случившемуся во время моей бытности въ Боровскѣ, онъ сказалъ мнѣ, что послалъ вмѣсто себя непремѣннаго члена суда со стряпчимъ: пусть, молъ, ихъ тамъ покормятъ. Если кто возразитъ мнѣ на это, почему же г. Челищевъ, будучи самъ непричастенъ къ взяточничеству, терпѣлъ такое зло вокругъ себя, отвѣчаю: искоренить эту язву не только лилипуту-исправнику, но и любому губернатору рѣшительно невозможно; да и за то спасибо, если высшій административный губернскій персоналъ наблюдаетъ, чтобы размѣры зла не превышали терпимыхъ границъ [2]). Впрочемъ, корня этого зла надо доискиваться въ бо-

[1]) При г. Лерхѣ и послѣ его, Д. М. Челищевъ уже былъ исправникомъ отъ коровы.

[2]) Нѣкто губернаторъ однажды признался мнѣ въ минуту откровенности, что не смѣняетъ одного совѣтника-взяточника въ Губернскомъ Правленіи, потому что ему (гу-

лѣе высоко поставленныхъ сферахъ, нежели въ уѣздныхъ или губернскихъ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ, а то все налегаютъ на голодныхъ становыхъ и щедушныхъ квартальныхъ надзирателей.

Д. М. Челищевъ передалъ мнѣ тогда извѣстіе о скоротечной кончинѣ въ Москвѣ Варвары Ивановны Обнинской, мужъ коей былъ тогда Боровскимъ предводителемъ.

Занятія мои задержали меня почти что цѣлый мѣсяцъ въ Боровскѣ, и я порядочно соскучился, не имѣя тамъ никого изъ знакомыхъ, кромѣ супруговъ Челищевыхъ. Въ антрактахъ моихъ занятій предстоялъ мнѣ полный досугъ обозрѣвать мѣстныя примѣчательности, но таковыхъ тамъ нѣтъ, кромѣ Пафнутьевой обители (находящейся въ двухверстномъ разстояніи отъ центра города), да двухъ-трехъ старыхъ, но не особенно древнихъ церквей (и тѣ перестроены на новый и безвкусный ладъ) и надгробнаго большого камня, съ надписями на всѣ четыре стороны, надъ могилами боярыни Морозовой и сестры ея княгини Урусовой. Извѣстно, что обѣ были ревнительницы древняго благочестія, духовныя дщери протопопа Аввакума, и пострадали за свои убѣжденія при Алексѣѣ Михайловичѣ (хотя кроткомъ по тогдашнему времени царѣ). Несчастныя двѣ эти женщины содержались въ Боровскѣ въ подземельѣ, гдѣ онѣ и умерли, и могила этихъ раскольничьихъ страстотерпицъ въ великомъ почетѣ у Боровскихъ старовѣровъ, составляющихъ половину, если не болѣе, мѣстнаго торговаго люда. Камень имѣетъ форму гроба, лежитъ весь снаружи на площадкѣ, насупротивъ острога, и окруженъ перилами; но подъ нимъ ли томились въ заключеніи эти жертвы фанатизма и нетерпимости, не знаю *). Слышно, что въ иныхъ Боровскихъ раскольничьихъ семьяхъ хранятся библіографическія рѣдкости, печатныя и въ рукописяхъ. Надъ берегомъ рѣки Протвы высится одиноко огромный полуразрушенный домина въ три этажа, съ флигелями и службами; онъ принадлежалъ въ началѣ нынѣшняго вѣка купцу-милліонеру (Молчанову), и въ немъ останавливался Наполеонъ I-й въ 1812 году. По существующимъ нѣкоторымъ строеніямъ въ этомъ же родѣ (хотя въ меньшихъ размѣрахъ), видно, что въ Боровскѣ когда-то процвѣтала торговля; теперь же онъ находится въ совершенномъ упадкѣ и очутился въ захолустьѣ, безъ всякаго шоссейнаго даже съ нимъ сообщенія. Главная мѣстная про-

бернатору) въ точности извѣстно, свыше чего не беретъ этотъ совѣтникъ, а если-де онъ опредѣлитъ повара на его мѣсто, да въ добавокъ болѣе хитраго, то тогда ему невозможно будетъ учесть этого субъекта. Скорбная, но правильная логика.

*) Позднѣе я тщательно срисовалъ этотъ памятникъ, но какой-то добрый человѣкъ въ Петербургѣ усвоилъ себѣ мой трудъ.

мышленность въ рукахъ огородниковъ, которые уходятъ на все лѣтнее время за хорошую плату въ сосѣдніе уѣзды и даже далѣе.

Контрасть съ Боровскомъ представлялъ тогда Малоярославецъ своею сравнительною оживленностью, благодаря Московскому-Брестъ-Литовскому шоссе, проходившему чрезъ него. Почтовыя кареты останавливались для обѣда пассажировъ предъ весьма сносною гостиницей на площади, украшенной чугуннымъ монументомъ въ память воиновъ павшихъ тамъ въ бояхъ 1812 г. Слѣды спорной этой схватки (городъ переходилъ по нѣскольку разъ изъ рукъ въ руки) сохранились также и въ оградѣ монастыря, что̀ на краю города. Въ стѣнахъ обители врѣзались и остались по сю пору Французскія ядра. Кстати о монастырѣ: въ немъ былъ въ 50-хъ годахъ игуменомъ Французъ (вѣроятно обрусѣлый) Жерве; онъ же и завелъ тамъ великолѣпный скотъ, чисто Швейцарской (какъ мнѣ показалось) породы.

Отдѣлавшись, наконецъ, отъ Боровскихъ занятій, я перебрался въ Малоярославецъ и пробылъ тамъ два-три дня для окончанія прежде начатыхъ слѣдствій. Я возвратился въ Калугу 18 или 19 Декабря, во время сильной метели, которой я всегда страшусь, и если бы я могъ предвидѣть, что меня настигнетъ подобная снѣжная буря при ночной темнотѣ, я предпочелъ бы переночевать на послѣдней станціи предъ Калугою. На слѣдующій день, явившись къ В. А. Арцымовичу и возвратившись къ себѣ на постоялый дворъ, я былъ немного удивленъ приходомъ посланнаго ко мнѣ человѣка отъ Тарускаго моего знакомаго, Ивана Леонтьевича Тимофеевскаго (управлявшаго тогда Калужскимъ откупомъ, хотя онъ продолжалъ содержать Тарускій откупъ), звавшаго меня отобѣдать. Зная, что онъ всегда обѣдаетъ въ третьемъ часу, тогда какъ я издавна привыкъ обѣдать въ пять, я отвѣчалъ чрезъ посланнаго, что не могу воспользоваться его приглашеніемъ по причинѣ усталости отъ дороги и нѣкоторыхъ моихъ занятій. Черезъ четверть часа явился вторично тотъ же посланный съ повтореніемъ приглашенія и съ любезнымъ дополненіемъ, что его хозяинъ готовъ ждать меня сколько мнѣ угодно, но что онъ не сядетъ за столъ безъ меня. Послѣ такого знака вниманія ко мнѣ невозможно было отнѣкиваться. Иванъ Леонтьевичъ встрѣтилъ меня съ обычнымъ ему радушіемъ; но на его лицѣ я прочелъ какую-то несвойственную ему заботливость, и я не ошибся. Трудно представить себѣ, какъ поразили меня первыя же его слова: «Здравствуйте, графъ; я желалъ скорѣе васъ видѣть, чтобы сообщить вамъ горестную вѣсть. Сегодня утромъ прискакалъ ко мнѣ гонецъ изъ Тарусы съ извѣстіемъ, что добрый нашъ знакомый, Осипъ Августиновичъ Тридонъ, приказалъ долго жить.

Вчера вечеромъ хватилъ его апоплексическій ударъ»... Могъ ли я вообразить, что наканунѣ, въ то самое время, когда меня сильно тревожила настигшая меня метель, я лишался одного изъ самыхъ преданныхъ друзей моей молодости! Послѣднее мое съ нимъ свиданіе было въ Октябрѣ въ Тарусѣ, на улицѣ; онъ тогда надсматривалъ надъ перестройками двухъ домовъ, купленныхъ вышесказаннымъ И. А. Тимофеевскимъ, а я уѣзжалъ въ Малоярославецкій уѣздъ и просилъ его указать мнѣ маршрутъ на село Недѣльное. Не говоря уже о его преданности семейству Нарышкиныхъ и о пользѣ оказанной имъ въ многолѣтнее его управленіе Знаменскимъ, живая, истинно-родственная его ко мнѣ дружба не ослабѣвала въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ. Частенько журилъ онъ меня и въ большинствѣ случаевъ былъ правъ, и я всегда высоко цѣнилъ колкую его подчасъ откровенность. Но особенно трогала меня его любовь къ моей Анетинѣ: чувство это было наравнѣ съ его любовью къ единственной его дочери Лилѣ, оставшейся сиротою восьми лѣтъ. Подъ его неусыпнымъ наставничествомъ дочь моя быстро усовершенствовалась во Французскомъ языкѣ и отъ него же получила элементарные уроки на фортепіано.

Пробывъ съ недѣлю въ Калугѣ, я поспѣшилъ въ Знаменское, гдѣ жена моя разсказала мнѣ, что утромъ самаго дня смерти Тридонъ чувствовалъ себя совершенно здоровымъ и пріѣзжалъ къ ней изъ Тарусы (гдѣ жилъ въ своемъ домѣ съ 1849 года), чтобы дать Французскій урокъ нашему 12-тилѣтнему Митѣ; что въ сумеркахъ она была у него въ Тарусѣ, но поспѣшила домой по причинѣ метели; что, вскорѣ послѣ ея отъѣзда, онъ пошелъ въ свою гостиную взглянуть на термометръ, и такъ какъ долго оттуда не возвращался, то жена его пошла туда посмотрѣть, что̀ онъ дѣлаетъ, но нашла его опустившимся въ креслахъ безъ движенія. Она немедленно послала за Тарускимъ врачемъ, общимъ нашимъ другомъ, В. Я. Яковенко, который не замедлилъ прибыть, и хотя онъ убѣдился при первомъ взглядѣ, что признаковъ жизни уже не было въ Тридонѣ, но для успокоенія его жены попытался пустить кровь, которая, конечно, не пошла. Затѣмъ онъ попросилъ Юлію Ивановну удалиться, подъ предлогомъ, что желаетъ испробовать, вмѣстѣ со своимъ фельдшеромъ, другія медицинскія средства; но это былъ только предлогъ, дабы выиграть хотя сколько-нибудь времени и приготовить несчастную женщину услышать отъ него роковую вѣсть.

Трогательны были его похороны. Наше духовенство вѣротерпимо. Такъ ли оно дѣйствуетъ въ прочихъ губерніяхъ, я не имѣлъ случая

удостовѣриться, но въ Тарусѣ хоронятъ иновѣрцевъ по обряду нашей церкви. Впрочемъ, духовенство руководится, какъ мнѣ сказывали, разрѣшеніемъ отъ епархіальнаго начальства, но съ тою однакоже разницей, что, по отслуженіи панихиды въ домѣ умершаго, его выносятъ на кладбище безъ отпѣванія въ церкви. Для Осипа Августиновича сдѣлано было исключеніе, и его внесли въ Тарускій соборъ, на томъ будто бы основаніи, что онъ принадлежалъ къ Римско-Католическому исповѣданію, то-есть къ церкви признанной у насъ апостольскою; а будь онъ Лютеранинъ, его бы отнесли изъ дому прямо на кладбище *). Хотя разстояніе отъ Тарускаго собора до погоста не болѣе полуверсты, но погребальное шествіе продолжалось съ часъ отъ стеченія народа, желавшаго отслужить на каждомъ перекресткѣ литію за упокой всеобщаго ихъ благодѣтеля, каковымъ былъ дѣйствительно этотъ человѣкъ, всячески помогавшій бѣдному люду и даровыми медикаментами, и провизіей, и деньгами.

*) Весьма сбивчивъ для меня вопросъ, согласна ли подобная вѣротерпимость относительно иновѣрцевъ съ каноническими постановленіями. Что этою же терпимостью руководствуются иногда и въ столицахъ, доказывается тѣмъ, что когда скончался въ Москвѣ начальникъ Московской дворцовой конторы и директоръ императорскихъ дворцовъ католикъ баронъ Боде, то хотя его хоронило Римско-Католическое духовенство, но по словесному ли его завѣщанію, или по желанію его жены и дѣтей, которыя всѣ православныя, во все время, что тѣло его было выставлено въ домѣ, наше духовенство служило панихиды по два раза въ день. А съ другой стороны разсказываютъ, что когда великая княгиня Марія Николаевна, посѣтивъ Сергіевскую пустынь (что подъ Петербургомъ), просила архимандрита Игнатія (Брянчанинова) отслужить панихиду по новопреставленномъ ея супругѣ, герцогѣ Лейхтенбергскомъ (Римскомъ католикѣ), архимандритъ Игнатій отказался исполнить ея желаніе, какъ несогласное съ каноническими правилами, и компетентные люди одобряютъ это дѣйствіе о. Игнатія.

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА.

1859-й годъ *).

Встрѣтивъ новый 1859 годъ въ семейномъ кругу, не ближе какъ въ концѣ Января я возвратился къ мѣсту моего служенія въ Калугу, и тамъ, по приглашенію Семена Павловича Яковлева, переѣхалъ къ нему въ домъ. Хорошо жилось мнѣ въ этой семьѣ, обращавшейся со мною какъ съ близкимъ родственникомъ. Въ Калугѣ поселился тогда на всю зиму съ женою и дѣтьми Алексѣй Александровичъ Тимашевъ-Берингъ послѣ Московскаго служебнаго своего паденія. Очевидно было, что бѣдняжка чрезвычайно тяготился этой новой для него провинціальной праздной жизнію и старался развлекаться рысканіемъ цѣлый день по городу. У него было большое имѣніе въ одномъ изъ близкихъ къ Калугѣ уѣздовъ, гдѣ онъ началъ проводить лѣтнее время и гдѣ до поздней осени могъ потѣшаться псовою охотою; но зимній сезонъ возвращался съ неодолимою для него скукою и монотонностію. У Яковлевыхъ усядемся мы, бывало, вечеромъ втроемъ у камина, хозяйка дома, братъ ея А. А. Берингъ да я, и мы весьма изрядно, смѣю сказать, удовлетворяли немногихъ нашихъ слушателей пѣніемъ ирмосовъ великопостнаго канона Св. Андрея Критскаго. Я похвально уже отзывался о высокомъ и серебристомъ сопранѣ Зенаиды Александровны, а Алексѣй Александровичъ владѣлъ весьма пріятнымъ, хотя не очень громкимъ, теноровымъ голосомъ, и былъ музыкантъ по инстинкту. Сохранившіяся же у меня въ то время октавныя, густыя ноты (сдержанныя, конечно, для комнатнаго размѣра) довершали и поддерживали полный аккордъ этого столь торжественнаго пѣнія.

У Яковлевыхъ провелъ однажды вечеръ мѣстный житель г. Мѣчниковъ, о которомъ не стоило бы и упоминать, не будь онъ братомъ авантюриста, получившаго нѣкоторую, хотя незавидную, извѣстность, какъ эмигрантъ, сподвижникъ Гарибальди и революціонеръ, заслуживающій здѣсь краткаго разсказа объ его похожденіяхъ. Этотъ Меч-

*) См. 8-й выпускъ „Р. Архива“ сего года, стр. 522—539.

никовъ находился, не знаю по какому случаю и въ какой должности, при Мансуровѣ, когда послѣдній устраивалъ въ 1858 году духовную нашу миссію въ Іерусалимѣ и, разсорившись за что-то съ Мансуровымъ, перебрался въ Италію, тамъ поступилъ волонтеромъ въ Гарибальдійскій легіонъ и участвовалъ въ пресловутомъ завоеваніи Сициліи въ 1860 году. При вступленіи въ Неаполь побѣдоноснаго этого легіона, Мечниковъ, увидѣвъ въ толпѣ Неаполитанскихъ зѣвакъ священника тамошняго нашего посольства, закричалъ ему: «здравствуйте, батюшка!» Священникъ такъ и обомлѣлъ, услыхавъ Русскій окликъ отъ красной блузы Гарибальдійца. Вслѣдъ за тѣмъ агитаторъ нашъ, выписавшись изъ охотничьяго легіона, переселился во Флоренцію, но, не имѣвъ никакихъ средствъ къ существованію, принялся за живопись, о которой имѣлъ нѣкоторое понятіе, хотя особеннымъ талантомъ и не отличался. Немудрено впрочемъ, что Мечниковъ примкнулъ къ партіи демократическаго движенія, болѣе отъ голода, чѣмъ отъ чего другаго; и во всякомъ случаѣ я не слыхалъ и нигдѣ не читалъ, чтобы онъ былъ въ сношеніяхъ съ Герценистами. Если придется мнѣ довести настоящія мои записки до событій 1863 г., то мы опять встрѣтимся съ этимъ Мечниковымъ, но уже въ роли оратора на большомъ митингѣ, устроенномъ во Флоренціи въ честь Польскаго возстанія, революціонерною Итальянскою партіею, подъ предсѣдательствомъ демагога и даровитаго писателя Гверацци. Въ числѣ любопытныхъ на этомъ посмѣшищѣ находился и я.

Хорошо не помню, въ 1860 ли году или позднѣе, жила въ гувернанткахъ при дочеряхъ С. П. Яковлева Француженка не первой уже молодости, мамзель Мюлани, которая, при первой со мною встрѣчѣ, чуть не кинулась мнѣ на шею, узнавъ, что я дядя графини Бутурлиной, монахини въ Римскомъ институтѣ ордена Святаго Сердца Іисуса, гдѣ эта гувернантка воспитывалась. Живая Француженка тутъ же не удержалась спросить у меня: «Вы вѣрно изъ нашихъ?» (т.-е. вы католикъ?), но сейчасъ же опомнившись, добавила:—«Нѣтъ... я понимаю... этого не можетъ быть.» Я постарался успокоить энтузіастку увѣреніемъ, что хотя и не принадлежу къ Римско-Католической церкви, но считаю себя чадомъ Католической апостольской церкви, и что глубоко чту мою племянницу, ея бывшую наставницу; и съ этой минуты мы сдѣлались друзьями. У нея былъ, какъ мнѣ показалось, правильный и серьезный взглядъ на дѣло женскаго воспитанія, но пылкія ея выходки и сужденія Французскаго оттѣнка, высказывать которыя она не стѣснялась, могли дѣлать ее смѣшною въ глазахъ юныхъ ея воспитанницъ.

Я воспользовался нахожденіемъ въ Калугѣ Н. А. Обнинскаго (выбраннаго Боровскими дворянами въ Губернскій Комитетъ объ улучшеніи крестьянскаго быта), чтобы получить отъ него росписку, данную Н. А. Дивовымъ покойному его тестю И. А. Кавецкому, въ 8000 р. сер., полученныхъ имъ заимообразно отъ моей матери. Я вполнѣ былъ убѣжденъ, что требованіе мое было на столько справедливо, что не могло встрѣтить никакихъ затрудненій; но тутъ-то я наткнулся на неожиданное препятствіе. «Ни-ни за что не разстанусь съ этимъ до-документомъ; я его держу какъ орудіе противъ его пре-превосходительства, по милости к-котораго графъ Закревскій ч-чуть-чуть не арестовалъ меня въ Москвѣ въ 1854 году,» рѣшительно произнесъ заика-полковникъ. «Какъ же это вы отказываетесь возвратить мнѣ документъ, по которому мы покончили всѣ наши съ вами счеты?» возразилъ я. «Вѣдь согласитесь, полковникъ, что если бы я попросилъ васъ выдать мнѣ эту самую росписку, когда я въ прошломъ году принялъ, въ уплату недоплаченныхъ тестемъ вашимъ за Бѣлкино денегъ, долгъ генерала Дивова моей матери, что тогда вы бы вѣроятно выдали мнѣ ее?» — «Можетъ статься, что и выдалъ бы,» отвѣчалъ онъ.—«Такъ зачѣмъ же вы теперь хотите наказать меня за мою оплошность?» — «А не хочу в-выдать эту росписку, по-потому что могу по-побезпокоить еще его прев-восходительство.» Я просто былъ въ отчаяніи. Дивовъ уже съ годъ какъ бомбардировалъ меня требованіями доставить ему этотъ документъ, такъ какъ, когда я его увѣдомилъ, что я миролюбно покончилъ съ Обнинскими, онъ тотчасъ же выдалъ мнѣ заемное письмо на сумму должную имъ моей покойной матери и уплатилъ мнѣ за годъ впередъ проценты по 7 или 8. Нелегко и не съ перваго раза уломалъ я упрямаго полковника выдать мнѣ этотъ документъ; но наконецъ онъ согласился, да и то, при объясненіи, что дѣлаетъ это изъ одного личнаго ко мнѣ уваженія.

Незамѣтно для меня прошелъ цѣлый мѣсяцъ въ семейномъ кругу Яковлевыхъ, и во второй половинѣ Февраля пришлось мнѣ оторваться отъ этой душевной моей Капуи и перебираться, по дѣламъ службы, въ Мещовскій и Мосальскій уѣзды, гдѣ я былъ задержанъ до начала Апрѣля. Въ добавокъ, я заболѣлъ довольно серьезно въ Мосальскѣ, но къ счастію напалъ на искуснаго врача при Палатѣ Государственныхъ Имуществъ г. Плетнера, который скоро поставилъ меня на ноги *).

*) Государственные крестьяне, очень любившіе этого врача, перекрестили его Плетневымъ.

На возвратномъ пути въ Калугу я застрялъ нѣсколько дней въ заштатномъ городѣ Серпейскѣ, по причинѣ разлитія рѣчекъ, опоясывающихъ этотъ городишко. Я пріютился довольно удобно у вновь опредѣленнаго станового пристава, знакомаго мнѣ по Тарускому уѣзду, гдѣ онъ женился на дочери тамошняго станового г. Безчастнаго, того самого, что̀ былъ изъ главныхъ обличителей неправильныхъ дѣйствій его принципала, исправника Бахметева. Невыносимо скучна была мнѣ эта задержка; еще бы немного, и я не попалъ бы въ Калугу къ Страстной недѣлѣ, и вотъ, однажды, я бросился на постель отъ нечего дѣлать съ папиросою въ зубахъ и, позвавъ находившагося при мнѣ жандарма Самохвалова, велѣлъ ему разсказывать мнѣ что-нибудь новое. «А что̀ вамъ поразсказать?» началъ синемундирный агентъ-пролазъ; развѣ то, что здѣшній почтмейстеръ *) распечатываетъ крестьянскія письма съ деньгами; отбираетъ деньги себѣ, а письма, стало быть, истребляетъ.» Меня это взорвало до того, что я вскочилъ съ постели. «Можешь ли ты доказать что̀ говоришь?» спросилъ я уже не шутя, зная, что мой молодецъ, при всемъ мастерствѣ въ своей профессіи, увлекался подчасъ безъ достаточныхъ на то основаній. «Извольте хоть сами допросить секретно о томъ изъ здѣшнихъ жителей, на которыхъ я вамъ укажу и которые приходили ко мнѣ тайкомъ въ сумеркахъ съ жалобою.» И дѣйствительно, допрошенные мною по его указанію люди, имъ приведенные, когда стемнѣло, къ заднему крыльцу моей квартиры подтвердили, хотя немного колеблясь, о продѣлкахъ почтмейстера, въ числѣ которыхъ самымъ виднымъ случаемъ, послужившимъ мнѣ уликою, былъ слѣдующій. Какой-то отставной нижній чинъ давно ожидалъ отъ своего сына присылки значительной довольно суммы, 100 или болѣе рублей, и неоднократно справлялся объ этихъ деньгахъ въ почтовой конторѣ, но отвѣтъ былъ всегда, что онѣ еще не получены. Однажды, вслѣдствіе спроса сыномъ въ одномъ письмѣ, получилъ ли, наконецъ, его отецъ давно отправленныя деньги, служивый сталъ настоятельно требовать справки у почтмейстера по этому дѣлу, и когда сей послѣдній продолжалъ увѣрять, что деньги не получены, солдатъ нашъ погрозилъ ему, что пойдетъ въ губернію (т.-е. въ Калугу) и покажетъ начальству письмо сына, и въ самомъ дѣлѣ отправился было въ путь. Оробѣвшій почтмейстеръ воротилъ его и началъ подъ какимъ-то (не помню) предлогомъ предлагать сдѣлку съ

*) Хотя въ малолюдномъ Серпейскѣ всего двѣ церкви, три-четыре каменныхъ дома, а прочія всѣ строенія деревянныя лачужки, и мѣстной промышленности (обогатившей безуѣздный городъ Сухиничи) никакой нѣтъ, есть однакоже почтовая контора. О мостовыхъ, конечно, и помину нѣтъ.

этимъ солдатомъ; тотъ, дабы избавиться, вѣроятно, отъ дальнѣйшихъ хлопотъ, помирился на половину слѣдуемой ему суммы. Заручившись этими данными, я составилъ секретное о всемъ дѣлѣ дознаніе и, по возвращеніи въ Калугу, представилъ мою записку В. А. Арцымовичу, словесно объяснивъ ему, что считаю непремѣнною моею обязанностію содѣйствовать своему начальству въ раскрытіи административныхъ всякаго рода злоупотребленій, которыя оставались бы неизвѣстными инымъ путемъ, и что потому дозволяю себѣ дѣлать подъ рукою дознанія по такимъ даже дѣламъ, о которыхъ не имѣю предписаній. Губернаторъ поблагодарилъ меня, и я узналъ много позднѣе, что онъ далъ формальный ходъ дѣлу, и что почтмейстеръ былъ преданъ суду и отрѣшенъ отъ мѣста. Одну только подробность изъ секретныхъ моихъ дѣйствій въ Серпейскѣ не ясно помню, а именно: истецъ-солдатъ не рѣшался еще, кажется, на окончательную сдѣлку съ почтмейстеромъ, а я указалъ ему подать прошеніе губернатору съ приложеніемъ послѣдняго письма отъ сына.

Въ Калугу я попалъ въ Вербному Воскресенію и, причастившись Св. Таинъ въ Чистый Четвергъ, поспѣшилъ въ Знаменское, чтобы встрѣтить съ своими свѣтлый праздникъ. Все начало лѣта я провелъ дома. Сперва были у меня кое-какія дѣла по Тарускому уѣзду, но если бы даже и не было у меня никакихъ, то В. А. Арцымовичъ, какъ и предшественникъ его, снисходительно смотрѣлъ на продолжительныя мои отлучки изъ Калуги, зная, что онѣ были мотивированы домашними моими обстоятельствами. То-то наслаждался я полнымъ отдыхомъ послѣ безпрерывныхъ моихъ занятій и разъѣздовъ! Съ Митею я принялся усидчивѣе за Французскій языкъ, при всемъ томъ, что это было для меня немного затруднительно отъ моего незнакомства съ педагогическими пріемами, и одновременно съ этимъ я имѣлъ удовольствіе посадить его впервыя на лошадь. Бойкость его очень радовала меня, и я думалъ, что изъ него выйдетъ, если не военный кавалеристъ, то смѣлый ѣздокъ-аматёръ. Года два позднѣе, онъ шлепнулся съ бракованной фронтовой лошади, купленной для него вмѣсто прежней, бывшей въ родѣ клячи, и хотя онъ не сильно ушибся, но съ тѣхъ поръ потерялъ всякую охоту къ верховой ѣздѣ. Оранжерея моя еще въ то время (т.-е. въ 1859 г.) процвѣтала, благодаря усердію моего самоучки Семена Максимова, но увы! она доживала предпослѣдніе свои дни. Ужъ какъ я ни поддерживалъ и ни подпиралъ ее, перестроить же всю заново не хватало у меня средствъ и, два года спустя, она окончательно развалилась. Не столько сожалѣлъ я о цвѣточномъ отдѣленіи (такъ какъ развести снова эти растенія нетрудно), какъ о двухъ отдѣле-

ніяхъ съ болѣе чѣмъ полувѣковыми персиковыми и абрикосными шпалерами, дававшими ежегодно сильный плодъ. Одно изъ наибольшихъ лишеній, которыя чувствую по сю пору отъ прежней моей обстановки, это то, что не имѣю болѣе возможности заниматься садоводствомъ, и преимущественно цвѣтоводствомъ. Въ остальномъ я давно примирился съ своею судьбою, то-есть въ томъ, что̀ лично до меня касается; но эта покорность не заглушаетъ никакъ душевной зазнобы, съ которою сойду въ могилу, что оставляю своего сына тоже почти что неимущимъ, тогда какъ я получилъ отъ моего родителя хорошее состояніе. А что̀ до житейскихъ моихъ требованій, то они умѣренны, и пансіонъ, завѣщанный мнѣ моимъ дѣтскимъ наставникомъ и позднѣйшимъ благодѣтелемъ, г. Слоаномъ, удовлетворяетъ ихъ. Да и немного нужно человѣку на исходѣ седьмого десятка, пережившему столько житейскихъ бурь, какъ пришлось на мою долю. Тѣмъ не менѣе скрывать не могу, что хотѣлось бы мнѣ имѣть какую-нибудь свою тѣнистую подмосковную дачу (а подмосковную непремѣнно потому, что послѣднія семь зимъ, проведенныхъ въ родной бѣлокаменной, сдѣлали меня неспособнымъ жить круглый годъ, какъ бывало прежде, въ деревенской глуши). Дачку хотѣлось бы мнѣ, эдакъ въ 10 или много-много въ 12 десятинъ, гдѣ я могъ бы снова, на закатѣ жизни, предаваться садоводству. Бо̀льшаго не желалось бы, кажется, ничего.

Уже нѣсколько времени слышно было, что въ разныхъ уголкахъ обширнаго нашего государства появились между крестьянами общества трезвости и составлялись мірскіе приговоры, съ назначеніемъ денежнаго штрафа за посѣщеніе кабаковъ и даже за употребленіе вина у себя на дому. Въ этомъ проявленіи, охватившемъ, весною 1859 года, нѣкоторыя селенія Тарускаго уѣзда, было, конечно, много отраднаго; но, къ сожалѣнію, нельзя было приписать похвальную эту крестьянскую инициативу нравственнымъ исключительно побужденіямъ, по крайней мѣрѣ, что̀ касается до Тарускаго уѣзда. Отнюдь не желая истолковать въ худую сторону этотъ крестьянскій протестъ, не могу не сказать, что протестъ былъ отчасти вызванъ, если вѣрить молвѣ, постепеннымъ и обременительнымъ повышеніемъ цѣнъ на вино и, вмѣстѣ съ симъ, на дурное его качество. Струсилъ порядочно Тарускій откупщикъ и, по наущенію приказныхъ крючкотворцевъ, онъ взошелъ съ прошеніемъ къ губернатору о запрещеніи крестьянамъ составлять такія общества съ мірскими ихъ приговорами, на основаніи, какъ бы вы думали? статьи закона, по которой клубы и никакія общества или компаніи, промышленныя или увеселительныя, не могутъ составляться безъ вѣдома и разрѣшенія высшаго начальства. Этимъ про-

шеніемъ мѣстная администрація поставлена была, однакоже, въ фальшивое положеніе. Удовлетворить просителя значило бы порицать зачатки народной нравственности, а отказать ему было бы тождественно съ стѣсненіемъ казеннаго интереса, и могло ввести откупщика въ убытки, тогда какъ въ законѣ же повелѣвалось оказывать всякое возможное вспомоществованіе легальнымъ его требованіямъ, какъ лицу, содѣйствующему приращенію государственныхъ доходовъ. Не помню, какъ выпутался изъ этой дилеммы В. А. Арцымовичъ, но чуть ли не послѣдовалъ на это прошеніе какой-то хитросплетенный отвѣтъ, годный вашимъ и нашимъ.

Въ Маѣ или Іюнѣ племянникъ мой, графъ Дмитрій Петровичъ, извѣстилъ меня, что онъ отыскалъ въ кладовой Флорентинскаго своего дома (наслѣдованнаго отъ моей матери, а его бабки) значительную партію старинныхъ поврежденныхъ картинъ, сложенную мною тамъ, при поспѣшномъ моемъ отъѣздѣ изъ Флоренціи въ 1839 году; что въ числѣ ихъ нѣкоторыя оказались настолько порядочными, что нашелся покупатель, дававшій 1000 франковъ за всю партію, и что мой племянникъ рѣшился безъ моего согласія покончить съ покупателемъ, при чемъ онъ прислалъ мнѣ при письмѣ переводъ въ 300 рубл. сер. Вотъ уже не снилось мнѣ никогда получить чрезъ двадцать лѣтъ не только такую сумму, но хоть что-нибудь за весь этотъ хламъ. Я поспѣшилъ передать ему теплое мое спасибо за подобную находку и тотчасъ же поскакалъ въ Москву на нѣсколько дней, чтобы дисконтировать этотъ переводъ въ банкирской конторѣ Марка и комп.; на эти деньги я сейчасъ пріобрѣлъ давно желаемую мною молотильную машину у Бутенопа, для Знаменскаго моего хозяйства.

Этою же весной послѣдовало никѣмъ неожиданное окончательное паденіе всесильнаго Московскаго генералъ-губернатора, графа А. А. Закревскаго. Причиною тому было неудовольствіе на него Государя за то, что онъ допустилъ бракъ своей дочери, графини Лидіи Арсеньевны Нессельроде (давно разъѣхавшейся съ мужемъ и проживавшей въ Москвѣ у родителей) съ служившимъ при графѣ Закревскомъ молодымъ княземъ Друцкимъ. А обвѣнчаны они были какимъ-то сельскимъ священникомъ въ Скопинскомъ уѣздѣ (Рязанской губ.). Князь Друцкой (съ которымъ я познакомился во Флоренціи много позднѣе) былъ безъ всякаго состоянія, но не дуренъ собою и очень пріятенъ въ обществѣ. Сохранено ли было за графомъ Закревскимъ генералъ-адъютантское званіе, не помню; но онъ остался жить въ Москвѣ, въ купленномъ имъ домѣ у Николая Аполлоновича Волкова, въ Леонтьевскомъ пере-

улкѣ, а на его мѣсто былъ назначенъ изъ гренадерскаго корпуса генералъ - адъютантъ Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ. Мнѣ все мерещится, не повліяли ли на мнѣніе Государя о графѣ Закревскомъ безпрерывныя на него нападки Лондонскаго «Колокола», который Государь, какъ увѣряютъ, любилъ читать.

Оберъ-полицеймейстеромъ на мѣсто А. А. Тимашева - Беринга былъ назначенъ князь Крапоткинъ изъ флигель-адъютантовъ.

Желая продлить какъ можно болѣе мое «dolce far niente» въ Знаменскомъ, я подалъ въ отпускъ на четыре мѣсяца (черезъ что́ я лишался жалованья на все это время) и затѣялъ было въ сообществѣ съ раззорившимся Тарускимъ помѣщикомъ Григоріемъ Андреевичемъ Быховцемъ (человѣкомъ не безъ теорико-научной начитанности, но никуда не годящимся на практикѣ) слѣдующее коммерческое предпріятіе. Надо знать, что незадолго предъ этимъ нѣкій трудолюбивый Курляндецъ, г. Биксенмейстеръ, завелъ въ Тарусѣ механическую лѣсопильню, при арендуемой имъ городской мельницѣ на рѣкѣ Тарусѣ, и такъ какъ дѣло пошло у него удовлетворительно, неугомонный и вѣчно неудачный прожектеръ Г. А. Быховецъ предложилъ мнѣ составить вдвоемъ компанію на паяхъ, для постройки паровой лѣсопильни въ самой Калугѣ. На это предпріятіе не было, разумѣется, ни гроша ни у него, ни у меня; но онъ утверждалъ, что достаточно будетъ заручиться однимъ согласіемъ правительства на сформированіе компаніи, и что тогда акціонеры такъ и расхватаютъ наши акціи. Онъ взялся сочинить проектъ и уставъ компаніи и, надо сознаться, что онъ начертилъ все это весьма шикозно и заманчиво; но послѣ долгаго ожиданія результатовъ отъ нашего хожденія по сему дѣлу, мы получили въ слѣдующемъ (1860) году категорическій отказъ отъ департамента внутренней торговли министерства финансовъ.

Въ Іюлѣ я поѣхалъ къ Н. А. Дивову въ Городище, по его приглашенію. Онъ покончилъ въ то время съ Варшавскою своею службой и числился по императорскому коннозаводству. Маршрутъ свой я выбралъ не чрезъ Москву, что̀ составило бы большой крюкъ, а изъ Серпухова повернулъ вдоль берега Оки на Каширу и переночевалъ на постояломъ дворѣ при Бѣлопесоцкомъ монастырѣ, на лѣвомъ берегу Оки, насупротивъ Каширы *). На этомъ постояломъ дворѣ узналъ я впервыя, благодаря лубочнымъ гравюрамъ, украшавшимъ неоштука-

*) Бѣлопесоцкій монастырь, а также Голутвинскій, близъ Коломны, при слiяніи Москвы-рѣки съ Окою, были основаны учениками преподобнаго Сергія.

туренныя стѣны моей свѣтелки, что Полтавскій побѣдитель попалъ было въ какую то разбойничью пещеру (въ миѳическомъ, должно быть, уѣздѣ), изъ которой, однакоже, удалось ему выбраться и спастись отъ своихъ преслѣдователей только тѣмъ, что съ акробатическою ловкостью онъ перескочилъ чрезъ острогъ изъ заостренныхъ брусьевъ: событіе, о которомъ умалчиваютъ, къ сожалѣнію, историки. Удивительно, откуда взялась эта легенда; но, очевидно, что она изъ того же источника, какъ распространенное въ народѣ сказаніе о безпечномъ (или беззаботномъ) монастырѣ, раззорить который угрожалъ все тотъ же батюшка нашъ Петръ Алексѣевичъ, если монахи не рѣшатъ сразу трехъ загадокъ, имъ заданныхъ; но на выручку иноковъ явился, какъ извѣстно, мельникъ, успѣвшій своимъ умомъ-разумомъ спасти обитель. Прошу извинить это отступленіе.

Изъ Каширы въ Зарайскъ потянулся я транспортною дорогой на вольныхъ ямщикахъ, въ одну упряжь 50 верстъ. Не отмѣтилъ я гдѣ слѣдовало, что, не доѣзжая до Бѣлопесоцкаго монастыря (или проѣхавши его по дорогѣ въ Коломну), уцѣлѣли на скатѣ горы слѣды пространнаго стариннаго городка; онъ состоитъ изъ квадратнаго укрѣпленія съ валомъ, какъ строили противъ Татарскихъ набѣговъ.

Наканунѣ 25 Іюля я поѣхалъ изъ Городища въ Рязань, чтобы отслужить на слѣдующій день въ Казанскомъ монастырѣ заупокойную литургію по моей Анночкѣ, бывшей имянинницею въ этотъ день. При въѣздѣ въ Рязань, покинутую мною почти что нѣхотя три года назадъ, меня волновали поочередно горькія воспоминанія и сладостное какое-то ощущеніе какъ бы нечаянной встрѣчи со старымъ другомъ, съ которымъ мы давно не видались. Какъ и въ этомъ 1859 году, такъ и понынѣ, меня манитъ туда какая-то таинственная сила, не испытываемая ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, и въ которой не могу дать себѣ яснаго отчета. Это какъ будто бы голосъ, нашептывающій мнѣ: не здѣсь ли, въ самомъ дѣлѣ, мое гнѣздо?

Въ Казанскомъ монастырѣ игуменья Екатерина и нѣкоторыя изъ сестеръ опознали и привѣтствовали меня, какъ своего человѣка, и этимъ онѣ подкрѣпили мое болѣзненно-радостное настроеніе. Тогда-то и передала мнѣ почтенная старица Екатерина всѣ подробности о потрясающемъ происшествіи, разыгравшемся въ ея кельѣ два года назадъ, на храмовомъ праздникѣ обители, жертвою коего былъ прежній достопочтенный архіепископъ Гавріилъ. Хотя я не былъ знакомъ съ новымъ губернаторомъ, г. Клингенбергомъ, но счелъ нужнымъ навѣстить его (а почему было нужно, самъ не понимаю, развѣ только по-

тому, что бываютъ такія минутныя вспышки, когда весь міръ кажется намъ особенно милымъ). Онъ и жена его приняли меня очень привѣтливо, и онъ даже сказалъ мнѣ, что много наслышался обо мнѣ, но почему-то вообразилъ себѣ, что я молодой еще человѣкъ (мнѣ минуло тогда 52 года). По отзыву всей Рязани, хорошій, какъ есть, человѣкъ былъ этотъ г. Клингенбергъ *). Изъ бывшихъ моихъ сослуживцевъ никого почти уже не оставалось, или они занимали другія должности. Правителемъ губернаторской канцеляріи былъ г. Шереметевскій, прежній секретарь депутатскаго собранія, но болѣе всего извѣстный какъ искусный цвѣтоводъ, и онъ же смѣнилъ меня въ званіи директора городскаго сада. Меня чрезвычайно тронула радость старой старожихи этого сада и трехъ ея дочерей-кружевницъ, когда онѣ увидали меня, такъ какъ онѣ слышали, что я будто бы отправился въ Элисейскія поля. Однимъ изъ первыхъ моихъ рысканій по городу было взглянуть на бывшій домъ Дивова, въ стѣнахъ котораго произошла катастрофа 26 Марта 1854 года; а оттуда я прошелся мимо второй моей квартиры на Левицкой улицѣ. О, сколько было пережито въ обѣихъ этихъ квартирахъ! Повернулъ я потомъ на соборную площадь (еще незастроенную, какъ нынѣ) и растянулся на муравѣ крутого берега, надъ которымъ высится одинокая церковь Спаса на Яру, любуясь захожденіемъ солнца на далекомъ полустепномъ горизонтѣ за впаденіемъ Трубежа въ Оку. Словомъ, былъ ли, не знаю, уголокъ города, куда бы я не заглянулъ, чтобы узнать, не произошла ли тамъ какая-нибудь перемѣна со дня моего отъѣзда. Эта лихорадочная поспѣшность обозрѣть предметы, ничего по себѣ не говорившіе, но связанные съ воспоминаніями эпохи, повліявшей на остальную мою жизнь, имѣла нѣкоторую аналогію съ первымъ моимъ посѣщеніемъ Бѣлкина въ 1825 году, послѣ девятилѣтней заграничной отлучки. Справедливо замѣтилъ о мнѣ одинъ умнѣйшій мой знакомый, что я родился фантазёромъ. Мучитъ меня и въ моихъ сѣдинахъ эта нервная впечатлительность (то, что̀ Англичане зовутъ «a morbid sensitiveness») и тогда становлюсь я похожъ на растеніе мимозу, извѣстную подъ названіемъ «не тронь меня».

Присутствовалъ я также при архіерейскомъ служеніи хваленаго какъ администратора Смарагда, но оно не понравилось мнѣ въ сравненіи со служеніемъ его предшественника Гавріила. Владыка Смарагдъ показался мнѣ мужиковатъ въ пріемахъ и походкѣ; но за то я остался

*) Изъ губернаторовъ онъ былъ назначенъ чѣмъ-то въ родѣ помощника статсъ-секретаря при Комиссіи прошеній и умеръ въ началѣ 70-хъ годовъ.

доволенъ, увидавъ повышеннаго въ протодіаконы статнаго изъ себя и октаво-басистаго Молчанова, того самаго діакона, котораго я пригласилъ на отпѣваніе моей дочери. Прежняго протодіакона, давно спавшаго съ голоса, но оставшагося изъ лучшихъ чтецовъ, когда-нибудь слышанныхъ мною, новый архіерей смѣнилъ и посвятилъ въ священники, сначала въ соборъ, но потомъ бѣдняжку упекли куда-то въ село.

Въ Городищѣ я прогостилъ недѣли двѣ или три. Это было самое цвѣтущее время Дивовскаго коннозаводства. Конечно, немалыхъ денегъ оно стоило своему хозяину, но вѣдь иногда и съ деньгами толку не бываетъ, и не говоря уже объ умѣніи, многое зависитъ отъ счастливыхъ случайностей: онѣ-то и способствовали быстрому развитію Городищенскаго завода. Николай Адріяновичъ купилъ чисто на авось въ 1853 году, на заводѣ князя Алексѣя Ѳедоровича Орлова въ Падахъ, двухъ переставшихъ отъ старости жеребиться кобылъ, за ничтожную сумму; а Русскій авось оказалъ на этотъ разъ такую услугу моему кузену, на которую не могли никакъ разсчитывать ни онъ самъ, ни управляющіе заводомъ князя Орлова. Одна изъ этихъ бракованныхъ ветеранокъ оказалася жеребою, и на слѣдующій, 1854 годъ, принесла великолѣпнаго жеребца сѣрой масти, котораго прозвали по достоинству «Жемчугомъ» и который сдѣлался впослѣдствіи однимъ изъ первостатейныхъ производителей (т. е. случныхъ жеребцовъ) Городищенскаго завода. Первымъ таковымъ (производителемъ) былъ у Дивова вороной безъ отмѣтокъ жеребецъ, по прозвищу «Воронъ,» купленый также въ Падахъ за 3 тыс. рубл., да и то князь Орловъ единственно только изъ дружбы къ Дивову сдѣлалъ это исключеніе изъ принятыхъ въ его заводѣ правилъ пускать въ продажу однихъ лишь мереньевъ и нежеребовыхъ кобылъ. И вотъ какая исторія вышла впослѣдствіи изъ-за этого Ворона. Дивовъ, не рѣдко фантазируя и оригинальничая въ своихъ взглядахъ, часто упрекалъ свою братію по коннозаводству, что эти господа не пускали въ продажу всю годовую ставку (т. е. трехлѣтнихъ мереньевъ и кобылъ), а оставляли иныхъ у себя въ заводѣ. Онъ находилъ безсмыслицею въ коммерческомъ дѣлѣ такъ поступать, а если-молъ вы желаете оставить что-нибудь за собою, то стоитъ только-де назначить такую баснословную цѣну, которую никто не захочетъ дать. На этомъ-то основаніи въ его заводскихъ реестрахъ даже случные жеребцы (которые никогда и нигдѣ не продаются, пока они годны) обозначены были въ продажу, и сколько я ни оспаривалъ эту ложную теорію, я не могъ въ этомъ его убѣдить. Вышло, что я былъ правъ. Однажды во время его отсутствія пріѣхалъ въ Городище богачъ Николай Гавриловичъ Рюминъ (начинавшій тогда заводить свой

заводъ рысистой породы) и, просмотрѣвъ въ заводской книгѣ, что цѣна Ворону назначена 10 тыс. рубл., сказалъ управляющему заводомъ и всѣмъ Городищенскимъ имѣніемъ, что онъ охотно пріобрѣтаетъ Ворона за эту сумму, и что деньги при немъ. Переполошились оба управляющіе при этомъ заявленіи и отвѣчали, что безъ разрѣшенія его превосходительства принять денегъ они не могутъ. Полетѣла немедленно телеграмма къ Дивову въ Петербургъ (или въ Варшаву), который отвѣчалъ ловкимъ какимъ-то, но рѣшительнымъ отказомъ. Но если пользовались въ тѣ поры такимъ почетомъ Воронъ и Жемчугъ, одинъ изъ ихъ товарищей по ремеслу (производителей), пресловутый когда-то Туманъ, завода Ивана Николаевича Дубовицкаго, и сынъ непобѣдимаго на иподромахъ Горюна, вышелъ въ концѣ 50-хъ годовъ изъ фавора, и поступилъ въ дышловую каретную упряжь своего господина. А вѣдь это былъ тотъ самый субъектъ, котораго я самъ бережно привелъ въ 1852 г. изъ Дядькова, котораго холили сперва до того, что только не спалъ онъ на постилкѣ изъ хлопка, и однажды, когда засѣкся на ходу до крови, причинилъ было безсонную ночь его превосходительству. Sic transit gloria mundi! [1]). Подобныя житейскія превращенія были нерѣдкимъ дѣломъ въ Городищенскомъ домохозяйствѣ.

Быстро прославился Городищенскій заводъ, хотя Дивовъ никогда не пускалъ своихъ лошадей бѣгать на призъ, и продажа ихъ шла ходко (за 3-хъ лѣтнихъ мереньевъ и кобылокъ платили ему по 700 и 800 рублей); но выручка едва покрывала расходъ, потому что обстановка завода и его содержаніе были слишкомъ роскошны [2]).

На обратномъ пути въ Знаменское, я получилъ въ Серпуховѣ письмо отъ моего племянника, графа Дмитрія Петровича, увѣдомлявшаго меня о своемъ намѣреніи принять Россійское подданство, все равно что утраченное, такъ какъ со смерти своего отца онъ не возобновлялъ Русскаго паспорта, во избѣжаніе, какъ онъ говорилъ въ письмѣ, подвергнуть своихъ дѣтей фальшивому положенію, тяготѣвшему дотолѣ надъ нимъ, а именно, что онъ не принадлежалъ ни къ какому отечеству [3]).

---

[1]) Такъ проходитъ мірская слава. Я только что вспомнилъ, что за 3-хъ лѣтняго Тумана Дивовъ далъ (если не ошибаюсь) 2500 рублей.

[2]) Послѣ 1861 г. спросъ на каретныхъ цѣнныхъ лошадей значительно уменьшился, и Городищенскій заводъ началъ приносить значительные убытки, вслѣдствіе чего, въ 1864 или 1865 году, Дивовъ продалъ весь свой заводъ молодому князю Орлову за 30 тысячъ рублей.

[3]) Племянникъ мой женился въ Римѣ въ 1857 или 1858 году на Португалкѣ Мингуезъ, воспитанницѣ Римскаго монашенскаго пансіона Святаго Сердца Іисусова, гдѣ монахинею была, какъ я уже говорилъ, племянница моя графиня Анна Петровна. Отецъ молодой Мингуезъ (давно уже умершій) былъ когда-то Португальскимъ посланникомъ при папѣ.

Тутъ же онъ просилъ меня содѣйствовать ему въ этомъ благомъ намѣреніи; но какъ ни радостно было мнѣ это столь неожиданное проявленіе его патріотизма, я отвѣчалъ ему, что при всей моей готовности служить ему въ чемъ только могу, не имѣю на то никакихъ средствъ, ни случаевъ, потому что давно уже прервалъ прежнія мои связи съ Петербургскими тузами, безъ помощи которыхъ ничего тутъ не подѣлаешь. Въ слѣдующемъ однакоже 1860 году онъ началъ хлопотать и сноситься съ нѣкоторыми вліятельными лицами въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, а въ концѣ 1861 года самъ пріѣзжалъ въ Россію и добился своего, какъ о томъ скажу въ своемъ мѣстѣ.

Не ошибусь, кажется, отнеся къ событіямъ описываемаго здѣсь 1859 года окончательное усмиреніе всего Кавказа и возведеніе въ фельдмаршалы главнокомандующаго этимъ краемъ князя А. И. Барятинскаго. Сдавшемуся грозному столь долго Шамилю назначена была мѣстомъ жительства Калуга, куда онъ и прибылъ съ сыновьями, а немного позднѣе пріѣхали туда всѣ ихъ жены. Говорятъ, что одна изъ женъ старика Шамиля (ихъ было, кажется, три) была молодая и удивительной красоты Армянка, съ дѣтства еще обращенная въ Исламъ, имени Шуанетъ или Жуанетъ. Шамилю отведенъ былъ большой трехъ-этажный домъ на Золотаревской улицѣ, насупротивъ церкви Одигитріи, и чрезъ нѣсколько дней онъ, чтобы доказать свое знакомство съ обычаями цивилизованной жизни, сдѣлалъ визиты губернатору и главнымъ должностнымъ лицамъ, а за тѣмъ пожелалъ познакомиться съ Калужскими дамами. Въ этихъ случаяхъ его сопровождалъ переводчикъ, Кавказскій офицеръ Богуславскій, прикомандированный къ его особѣ. Нельзя было считать Шамиля военноплѣннымъ, потому что онъ носилъ при себѣ богатую шашку, подаренную ему самимъ Государемъ во время его проѣзда чрезъ Курскъ или Харьковъ, гдѣ Государь находился по случаю смотра войскъ. Говорили, будто милостивый пріемъ, оказанный великодушнымъ нашимъ монархомъ старому имаму, растрогалъ послѣдняго до того, что, по пріѣздѣ въ Калугу, онъ поспѣшилъ принять Русское подданство. Мнѣ разсказывали также, что когда онъ взошелъ въ домъ Семена Павловича Яковлева, чтобы познакомиться съ его женою, то, услышавъ, что часы пробили двѣнадцать часовъ (молитвенное для мусульманъ время), остановился въ залѣ, присѣлъ на корточки и только по окончаніи обычной молитвы прошелъ въ салонъ, гдѣ ожидала его Зенаида Александровна. Примѣръ его поучителенъ для насъ православныхъ, всегда готовыхъ пожертвовать уставными правилами нашей церкви, чтобы не казаться смѣшными въ обществѣ, и часто приходитъ мнѣ на память изреченіе Спасителя, что кто устыдится

Его предъ людьми, Онъ устыдится таковыхъ предъ Своимъ Отцемъ небеснымъ на страшномъ судѣ.

Для укомплектованія домашней прислуги Шамиля, въ истопники, сторожа, конюхи и пр. наняты были отставные или безсрочноотпускные солдаты; всѣ они не иначе звали его какъ Шмель. Однажды задалъ онъ обѣдъ мѣстнымъ властямъ (поваръ былъ, вѣроятно, изъ горцевъ), и на столѣ явились даже Шампанскіе бокалы; но хозяинъ извинился передъ гостями, что, какъ у строгаго мюрида, у него въ домѣ не допускаются никакіе спиртуозные напитки, и за тѣмъ бокалы запѣнились шипучимъ лимонадомъ. Никто изъ Калужанъ мужскаго пола не былъ допущенъ къ лицезрѣнію супругъ имама и его сыновей; но мѣстныя дамы, подстрекаемыя любопытствомъ, отдали визитъ Шамилю и были введены имъ на женскую половину.

Размысливъ, что служба моя препятствуетъ мнѣ заниматься какъ бы слѣдовало воспитаніемъ Мити, которому шелъ 13-й годъ (а не захотѣлъ я, къ сожалѣнію, отдать его въ какое-нибудь учебное заведеніе, опасаясь за его здоровье), да и служебныя занятія были въ ущербъ хозяйственнымъ отъ частыхъ моихъ отлучекъ, я рѣшился въ Ноябрѣ или Декабрѣ подать въ отставку. Чиномъ я былъ невзраченъ: всего коллежскій ассесоръ, а съ нимъ трудно было получить какое-либо мѣсто съ окладомъ на столько значительнымъ, чтобы онъ давалъ мнѣ возможность жить съ семействомъ въ губернскомъ городѣ; а о столицахъ и мечтать было нечего. Въ виду совмѣщенія службы съ возможностію проживать въ Знаменскомъ, хотѣлось мнѣ одно время быть выбраннымъ въ уѣздные судьи, не взирая на незначительность оклада при этой должности (всего 300 и 400 рублей), о чемъ я даже намекнулъ Д. А. Черткову. Я долженъ сказать, что хотя между нами бывало нѣсколько служебныхъ стычекъ, но въ промежуткахъ Д. А. Чертковъ, какъ настоящій джентельменъ, былъ всегда внимателенъ ко мнѣ и не забывалъ, что мы оба одного поля ягоды, и потому, на мой намекъ быть избраннымъ въ судьи, онъ отозвался, что будетъ имѣть это обстоятельство въ виду на будущее время, такъ какъ судьею былъ тогда Николай Александровичъ Гродненскій, а до слѣдующихъ выборовъ оставалось еще много времени. Позднѣе, я самъ раздумалъ дать ходъ этому проекту, такъ какъ въ концѣ 1860 года снова поступилъ на службу.

1860-й годъ.

Во всю эту зиму я не трогался изъ Знаменскаго. Хотя уже въ отставкѣ, но не было у меня недостатка въ занятіяхъ, а что до финансоваго моего положенія, оно много улучшилось съ 1858 года, со времени моей сдѣлки съ Обнинскими, благодаря чему я теперь получалъ отъ нихъ ежегодно 600 рублей процентовъ съ оставшагося у нихъ моего капитала, да 600 р. (или приблизительно) отъ Дивова по долгу моей матери, а всего 1200 р., тогда какъ, будучи чиновникомъ особыхъ порученій, я получалъ всего съ разъѣздными и суточными (во время моихъ отлучекъ по уѣздамъ) не болѣе 700 рублей.

Тутъ-то я принялся было посерьезнѣе заниматься съ моимъ Митею. Весною 1860 г. жена моего шурина, Марія Сергѣевна Нарышкина, выслала къ намъ изъ Москвы, по моей просьбѣ, какого-то своего протеже, бѣдняка-студента (товарища что ли двухъ ея сыновей, бывшихъ тогда въ университетѣ); но онъ продержался у насъ менѣе полугода. Я спохватился во время, что это былъ нигилистъ: превозносилъ Спинозу и сбилъ было съ панталыку нашего мальчугана, внушая ему, что незачѣмъ ходить въ церковь, что пусть-де туда ходятъ одни старики, тогда какъ Митя съ ранняго дѣтства усердно всегда молился. Я долго ничего не зналъ ни о пропагандѣ студента-хохла, ни о сценахъ, происходившихъ между нимъ и ученикомъ его въ классной, такъ какъ съ Марта до Іюня я находился въ Москвѣ и Петербургѣ (какъ не замедлю о томъ разсказать), но какъ только вся эта неурядица дошла до моего свѣдѣнія, я сейчасъ же разсчиталъ популяризатора новыхъ идей и при свиданіи съ Маріею Сергѣевною поблагодарилъ ее за подобный выборъ.

Немалая часть моего досуга была посвящена садоводству, воздушному и оранжерейному. Результаты послѣдняго рода культуры выходили у меня, смѣю сказать, блистательными, хотя въ ограниченныхъ размѣрахъ (такъ какъ помѣщеніе было у меня небольшое), но достаточныхъ, чтобы уставить всю террасу нашего дома амфитеатромъ цвѣтущихъ растеній въ полномъ разгарѣ и горками въ нѣсколько рядовъ. Пріѣзжіе любовались новою этою для нихъ обстановкою, и особенно замѣчательны были у меня коллекціи крупныхъ пятипяденныхъ пеларгоніумовъ, только что вышедшихъ въ культуру подъ названіемъ одіера, фукцій и альстромерій (отмѣчу мимоходомъ, что садовники мои переименовали послѣднее названіе въ астролябіи). И всю эту цвѣтущую

роскошь выхаживалъ мой самоучка Семенъ Максимовъ, тогда какъ мнимо-ученые садовники, нанимаемые мною въ помогу ему (а одинъ изъ этихъ поступилъ ко мнѣ изъ славившагося тогда въ Москвѣ заведенія Финтельмана), почти что ничего не умѣли дѣлать безъ моего указанія, а когда пробовали, то только портили. Ни вкуса, ни соображенія никакихъ не было у этихъ *ученыхъ*, мною прозванныхъ *моченьми*, практикантовъ, и я пересталъ ихъ нанимать.

Такъ какъ по програмѣ этихъ записокъ въ нихъ должна входить всякая всячина, и благо, что я попалъ на сюжетъ садоводства, то желаю сказать о результатахъ моего опыта искусственнаго оплодотворенія черезъ перекрещиваніе растительной пыли, отчего получаются новыя разновидности, называемыя «гебридами.» Думаю, что это сообщеніе не будетъ безъ интереса для аматёровъ цвѣтоводства; но если оно наскучитъ читателю не-спеціалисту, то совѣтую ему пропустить весь слѣдующій параграфъ.

Впала мнѣ разъ въ голову такая мысль: почему-молъ нѣтъ въ культурѣ голубыхъ пеларгоніумовъ, тогда какъ прототипъ этого рода, полевой (луговой тоже) пеларгоніумъ («Geranium pratense» а у простонародія «волкона») окрашенъ прелестнымъ лазуревымъ колеромъ? И вотъ, во время цвѣтѣнія оранжерейныхъ моихъ пеларгоніумовъ и этого полеваго гераніума, я бережно перенесъ акварельною кистью пыль тычинокъ первыхъ на пестикъ дикорастущаго голубаго пеларгоніума, а съ тычинокъ послѣдняго я сдѣлалъ тоже самое надъ пестикомъ нѣкоторыхъ культурныхъ пеларгоніумовъ: либо тотъ, либо другой, думалъ я, долженъ бы оплодотвориться. И дѣйствительно, одинъ изъ нихъ (какой, не помню) вынесъ сѣмянной стручекъ. Можно себѣ вообразить, какъ я обрадовался столь удачнымъ началомъ! Бережно собравъ сѣмена этого стручка, я посѣялъ ихъ въ горшокъ и выростилъ изъ нихъ одинъ экземпляръ, который на столько поднялся и укоренился на слѣдующую весну, что я его высадилъ на лѣто на открытую грядку. Не зацвѣлъ онъ на первый годъ, чего впрочемъ я и не ожидалъ, такъ какъ сѣянцы изъ пеларгоніумовъ зацвѣтаютъ обыкновенно на послѣдующій лишь годъ (къ великому посту); однакоже по формѣ, толщинѣ и необычайной шершеватости листьевъ, я имѣлъ поводъ думать, что я воспроизвелъ новый совершенно родъ этого столь живописнаго семейства. Къ осени я снова пересадилъ моего птенца въ горшокъ бо́льшаго размѣра и поставилъ его на переднюю полку оранжереи; но, къ неописанному моему горю, мой Семенъ Максимовичъ опоздалъ какъ-то приставить оранжерейныя рамы, и преждевременный, ночной, осенній мо-

розъ сразу побилъ всѣ тогдашніе мои пеларгоніумы, и въ томъ числѣ лелѣяннаго мною сѣянца. Не случилось мнѣ впослѣдствіи повторить этотъ опытъ и не знаю, попадалъ ли на эту мою мысль кто-либо изъ нашихъ или заграничныхъ садоводовъ, но по сю пору голубыхъ пеларгоніумовъ въ культурѣ нѣтъ; а мнѣ все мнится, что процессъ, употребленный мною, могъ бы, пожалуй, привести, если не къ желаемой цѣли, то къ какимъ нибудь новымъ результатамъ, болѣе отличительнымъ, нежели къ полученію одной лишь новой разновидности. Кстати два слова о моихъ опытахъ въ томъ же 1860 году надъ тутовыми (шелковичными) деревьями, о культурѣ которыхъ сильно хлопотало тогда Общество Русскаго сельскаго хозяйства. Поощрители этой отрасли культуры увѣряли, что эти деревья на столько удовлетворительно будто бы акклиматизованы въ центрѣ Россіи (въ Московской и Рязанской губерніяхъ), что выдерживаютъ зиму безъ покрыши, хотя они не доходятъ до размѣровъ настоящихъ деревьевъ, а остаются кустарниками. И такъ, я досталъ гдѣ-то сѣмяна двухъ сортовъ «morus alba» и «morus nigra» (бѣлый и черный родъ) и посѣялъ ихъ на грядкѣ въ половинѣ уже лѣта, и въ томъ же году они дали сильные, но жировые, какъ мнѣ показалось, побѣги. На зиму я ихъ не покрывалъ, а на слѣдующую весну всѣ эти побѣги замерзли и снова начали отбивать отъ корней. Тоже самое повторилось въ послѣдующія 4 или 5 лѣтъ, и въ концѣ концовъ растенія эти стали мало по малу совершенно пропадать. Надо полагать, что коренья съ каждой зимой все болѣе и болѣе (т. е. глубже) замерзали. Такъ какъ эти кустарники никогда не древеснѣли, то я убѣжденъ, что въ нашей полосѣ Россіи не иначе можно разводить тутовую культуру, какъ съ прочною покрышкою на зиму. Но если заниматься этимъ изъ спекуляціи, то надо разводить эти деревца въ большихъ размѣрахъ, и тогда возникаетъ вопросъ, стоитъ ли игра свѣчъ, хотя для собиранія листьевъ въ кормъ шелковичныхъ червей достаточно бы было имѣть это растеніе даже въ видѣ кустарника. Подобнаго же рода опыты я до двухъ разъ предпринималъ надъ бѣлою (душистою) акаціею, выдерживающею зиму безъ покрыши въ Воронежской губерніи; но хотя я тщательно завертывалъ ее на зиму, экземпляры мои никогда не зацвѣли, потому что побѣги не древеснѣли и каждую зиму замерзали, а новые выходили весною изъ корней. На 4-й или 5-й годъ и эти растенія, какъ и тутовыя деревья, окончательно пропали. Говоря о моихъ занятіяхъ по садоводству между 1847 и 1851 годами, не упомянулъ я, помнится мнѣ, о сильныхъ моихъ посѣвахъ георгинъ, чтобы получить новыя разновидности. Высѣвалъ я до 300 и 400 георгинъ, частью своими, а частью купленными въ Москвѣ сѣмянами, и въ результатѣ было, что изъ этого огромнаго посѣва не болѣе

какъ семь, или много-много, десять экземпляровъ оказывались на столько хорошими, чтобы быть оставленными для культуры; а иные выходили даже полумахровыми, и конечно, выкидывались.

Этимъ я кончаю садоводское мое отступленіе и возвращаюсь къ прерванному ходу житейскихъ моихъ похожденій.

Въ концѣ Февраля или въ самомъ началѣ Марта Зенаида Сергѣевна Дивова выписала меня въ Москву, по дѣлу моего племянника, графа Дмитрія Петровича съ Обнинскими, которое было поручено ей моимъ племянникомъ. Она выслала мнѣ на проѣздъ въ Москву 50 рублей изъ денегъ Дмитрія Петровича, какъ она увѣряла меня, и помѣстила меня въ Москвѣ, въ меблированныхъ комнатахъ, которыя содержали фотографъ г. Пешесъ и его жена Елисавета Павловна, бывшая мамзель Гофаръ, гувернантка воспитанницы Дивовыхъ, Зенаиды Николаевны Колесовой. Нумера эти были въ Газетномъ (нынѣ Камергерскомъ) переулкѣ, въ домѣ Хлудова (нынѣ Шаблыкина) и выходили на Большую Дмитровку, насупротивъ Конторы императорскихъ театровъ. Уютно было мнѣ тамъ: хозяева предупреждали всѣ мои желанія, комнаты убраны съ полнымъ комфортомъ, и столъ изъ лучшей всегда провизіи, даже съ ранними овощами (этимъ особенно занималась Елисавета Павловна), и все это даровое! Впрочемъ, рѣдко приходилось мнѣ пользоваться хозяйскимъ столомъ, такъ какъ я почти что ежедневно обѣдалъ у Зенаиды Сергѣевны, жившей тогда въ домѣ князя Юсупова, на Тверскомъ бульварѣ, рядомъ съ оберъ-полицмейстеромъ. Кузина моя вызвала меня въ Москву по дѣламъ будто бы общаго нашего племянника, но послѣ случайнаго кое-когда и отрывочнаго о томъ разговора мнѣ сдѣлалось яснымъ, что никакой нужды въ моей особѣ не было, что все это былъ только предлогъ, и что милѣйшей моей кузинѣ хотѣлось, чтобы я провелъ нѣсколько времени съ нею. Не измѣняетъ она въ дружбѣ и въ тепломъ сочувствіи ко мнѣ въ теченіе сорока уже лѣтъ!

Бывали у нея вечеринки, на которыхъ я опять повстрѣчался съ давнишними моими знакомыми, Ипполитомъ Ивановичемъ Подчаскимъ и его женою Елисаветой Петровной, бывшей вдовой графа Потемкина, а по себѣ княжной Трубецкой, сестрою Декабриста князя Сергѣя Петровича. Ей отлично бы шло прозвище Русской Нинoны де-л'Анкло́, такъ какъ даже и въ то время (въ 1860 г.) можно было ее включить въ ряды неувядшихъ красавицъ, а ей было за 60 лѣтъ *). По части

*) Она сильно измѣнилась три года позднѣе, когда я ее видѣлъ въ Ниццѣ въ 1863 году, едва оправившуюся послѣ потери единственнаго ея сына, умершаго въ Висбаденѣ.

женской красоты царила тогда въ салонѣ Дивовой княжна Зоя Александровна Багратіонъ, круглая сирота, безъ всякаго состоянія и по этому оставшаяся, быть-можетъ, по сю пору весталкою. Когда я увидѣлъ ее впервыя, плавно входившую въ гостиную, то не шутя остолбенѣлъ. Въ ней были и величественная осанка, и правильный античный профиль, и бархатная экспрессія темно-карихъ и томныхъ Азіатскихъ глазъ, и черная роскошная коса, переплетенная въ нѣсколько рядовъ, и сказалъ я про себя, какъ въ 1846 году, при встрѣчѣ въ Петербургскомъ салонѣ княгини М. П. Волконской съ другою подобною прелестью, графинею Александрою Васильевною Гудовичъ [1]): «Et il existe chez nous une jeunesse dénuée d'entrailles au point de demander une dot à un ange pareil? [2]).

Тутъ же я былъ представленъ Николаю Васильевичу Сушкову, со смертью котораго (8 Іюля 1871) высшее наше общество утратило одного изъ свѣтскихъ столповъ православія, а церковь сильнаго контроверсиста съ папизмомъ. Разскажу примѣрную черту, касающуюся до меня, этого человѣка, у котораго участіе къ нуждамъ ближняго и ходатайство за него были душевною потребностью. Спустя нѣсколько дней послѣ упомянутой вечеринки у Дивовой, я поѣхалъ, какъ требовала вѣжливость, съ визитомъ къ Н. В. Сушкову, постоянно жившему въ домѣ Милютина, близъ Тверской, насупротивъ Стараго Пимена, гдѣ онъ и умеръ. Онъ принялъ меня чрезвычайно дружественно, какъ бы давнишняго знакомаго, и послѣ нѣсколькихъ словъ вступительнаго разговора вдругъ сказалъ, что карета его подана и что онъ хочетъ свезти меня къ генералъ-губернатору, Павлу Алексѣевичу Тучкову, съ которымъ онъ былъ на короткой ногѣ. Меня это крайне озадачило, и я отнѣкивался тѣмъ, что не имѣю чести быть знакомымъ съ генераломъ Тучковымъ. «Это все равно», настаивалъ Николай Васильевичъ, «дѣло вотъ въ чемъ. Когда я встрѣтился намедни съ вами у Дивовой, вы сказывали мнѣ, что хотя вы теперь въ отставкѣ, но что ваше положеніе такое, что безъ службы не можете обойтись; ну я и поспѣшилъ разсказать объ этомъ почтенному Павлу Алексѣевичу. Вотъ, молъ», сказалъ я, «съ какою интересною личностью я недавно познакомился: человѣкъ носитъ громкую фамилію и нуждается службою. На это Павелъ Алексѣевичъ отвѣчалъ, что желаетъ познакомиться лично съ вами и заранѣе предлагаетъ вамъ чрезъ меня поступить на службу при немъ. И такъ, мы ѣдемъ къ нему». Я горячо поблагодарилъ не-

[1]) Гр. Гудовичъ вышла замужъ позднѣе за внязя Михаила Павловича Голицына.

[2]) И есть же у насъ молодежь настолько безсердечная (по-французски сказано „безутробная"), которая требуетъ приданаго отъ подобнаго ангела!

жданнаго, негаданнаго моего покровителя, и мы отправились къ П. А. Тучкову. Съ первыхъ его словъ онъ показалъ, что готовъ принять живое во мнѣ участіе и, кстати, спросилъ, не родственникъ ли я графу Бутурлину, служившему вмѣстѣ съ нимъ въ чертежной въ главномъ штабѣ послѣ 1815 года? Я отвѣчалъ, что это былъ родной мой братъ, умершій въ Римѣ въ 1853 году. Послѣ разспросовъ о прежней моей службѣ, П. А. Тучковъ повторилъ (на сколько помнится мнѣ) то самое, что уже передалъ мнѣ Николай Васильевичъ, т.-е. что онъ приглашалъ меня поступить на службу при его особѣ; но я, поблагодаривъ его за столь лестное для меня предложеніе, объяснилъ ему, что въ настоящую минуту не могу воспользоваться его благосклонностью по семейнымъ причинамъ, требовавшимъ личнаго моего надзора для хозяйственнаго устройства имѣнія моей жены. Позднѣе я спохватился, что я поступилъ въ этомъ, какъ и въ другомъ случаѣ, до котораго скоро дойдетъ рѣчь, крайне опрометчиво и ошибочно; но въ сказанное время я не такъ судилъ: меня затрудняло то обстоятельство, на чьи руки передать Знаменское хозяйство?

Старикъ князь Николай Ѳедоровичъ Голицынъ (уже знакомый читателю, какъ долго проживавшій по причинѣ Московскихъ своихъ долговъ у тетки умершей его жены, Таруской помѣщицы Авдотьи Ивановны Нарышкиной, въ с. Лопатинѣ), провѣдавъ какъ-то, что я въ Москвѣ, и узнавъ, гдѣ я квартировалъ, прислалъ однажды свою карету за мной, и лакей передалъ мнѣ, что князь ждетъ меня къ обѣду. Жилъ онъ на Старой Басманной, насупротивъ церкви Св. Никиты Мученика и наискосокъ отъ дома его брата, князя Михаила Ѳедоровича [1]). Изысканность безъ утрировки въ туалетѣ, вельможность манеръ Версальскихъ традицій, примѣненныя къ Александровской полу-русской эпохѣ, утонченная свѣтскость и вѣжливость, даръ говорить любезности безъ приторностей и придавать интересъ разсказу о самыхъ банальныхъ даже предметахъ, говоръ протяжный и негромкій, умѣніе обворожить при первомъ знакомствѣ собесѣдника, какой бы онъ ни былъ сферы: таковы были общія черты барскаго поколѣнія, родившагося въ Екатерининское время, и таковымъ остался князь Николай Ѳедоровичъ до послѣдняго дня жизни [2]). Глубже блестящей поверхности было вообще мало въ этомъ поколѣніи, но въ свѣтскомъ отношеніи можно, кажется

[1]) Разсказывалъ мнѣ князь Николай Ѳедоровичъ, что въ этомъ домѣ указываютъ на одно окно, у котораго, по семейному преданію, отецъ мой имѣлъ привычку садиться и распѣвать свои Французскія и Итальянскія шансонетки и романсы, аккомпанируя себѣ на гитарѣ.

[2]) Онъ умеръ въ Москвѣ въ 1861 году.

мнѣ, отдать предпочтеніе несеріозности этой школы безцеремонному и подчасъ грубоватому обращенію иныхъ изъ нынѣшнихъ передовыхъ и болѣе практичныхъ общественныхъ дѣятелей и недѣятелей. Безукоризненная чопорность наблюдалась княземъ Николаемъ Ѳедоровичемъ, даже во время болѣзни, когда онъ принималъ интимныхъ лишь своихъ друзей въ халатѣ и сидя въ Волтеровскихъ креслахъ, но принималъ ихъ не иначе, какъ послѣ каждоутренней операціи бритья.

Кромѣ меня князь не ждалъ никого къ обѣду въ этотъ день, и все-таки обѣдъ въ гастрономическомъ отношеніи и по сервировкѣ (состоявшей изъ граненаго хрусталя и фарфора съ живописью) былъ таковъ, хоть бы для угощенія любого министра. Невѣроятно, чтобы для столь незначущаго лица, каковымъ былъ я, выставлена была вся эта роскошь, хотя догадываюсь, что появленіе на столѣ пары замороженныхъ бутылокъ Шампанскаго было атенціею ко мнѣ моего амфитріона, которому извѣстна была эта грѣшная моя слабость; но наврядъ ли ошибусь, предполагая, что подобная кулинарная и сервизная обстановка была у него ежедневно: нѣчто въ родѣ Лукуловской, когда Римскій Эпикуреецъ обѣдалъ одинъ.

Изъ вельможпическихъ вкусовъ князя Николая Ѳедоровича, удовлетвореніе которыхъ допускало его когда-то значительное состояніе (позднѣе онъ разстроился карточною игрою и жилъ на годовомъ окладѣ въ 3 или 4 тысячи рублей, опредѣленномъ ему его братьями, князьями Александромъ и Михаиломъ Ѳедоровичами), сохранилась у него охота къ картинамъ старинныхъ школъ. Въ небольшой его коллекціи находились весьма хорошія произведенія Французскихъ и другихъ націй живописцевъ XVII и XVIII вѣка, пріобрѣтенныя имъ, чай не дешево, у иностранцевъ, эксплуатировавшихъ Русскихъ баръ въ концѣ прошлаго и въ первой четверти текущаго вѣка. Между прочими картинами помню огромную историческую, кисти одного изъ первоклассныхъ Французскихъ художниковъ, сюжетъ которой былъ заимствованъ изъ жизни Св. Людовика Французскаго короля. Картина эта, какъ былъ увѣренъ ея владѣлецъ, украшала когда-то кабинетъ несчастнаго Людовика XVI, и потому князь намѣревался поднести ее въ богатой рамкѣ съ лиліями Бордоскому герцогу (графу Шамбору). О дальнѣйшей судьбѣ этой картины ничего не знаю, а куплена она была у стараго моего и читателей знакомаго, Итальянца Осипа Карловича Негри, Московскаго торговца художественными и антикварными предметами*). Въ числѣ

*) О. К. Негри поселился въ Москвѣ въ первыхъ годахъ нынѣшняго вѣка, сдѣлался своимъ человѣкомъ въ аристократическихъ домахъ и переѣхалъ торговать въ Петербургъ въ началѣ 40 годовъ. Въ 1862 году онъ былъ еще живъ.

княжеской коллекціи была довольно замѣчательная картина Итальянской школы XVII вѣка, изображающая королеву Екатерину Медичи съ придворнымъ ея астрологомъ, гадающимъ надъ наполненнымъ сосудомъ.

Но сверхъ салоннаго лоска были у князя Николая Ѳедоровича и мягкія нравственныя стороны. Чувствительность была у него дѣтская, муху не обидитъ; а щедрость его изливалась не только на прислугу (тогда крѣпостную, но утопавшую во всемъ возможномъ довольствіи), но и на всякаго изъ его знакомыхъ, если только тѣ лица не считали за униженіе принять отъ него подарки; а дарить у этого добряка было страстью. Узнавъ на примѣръ, что дочь общаго нашего съ нимъ друга О. А. Тридона начинала учиться на фортепіано, онъ выслалъ ей изъ Москвы въ Тарусу инструментъ; а мнѣ онъ подарилъ на память замѣчательный эскизъ хорошаго Французскаго (или Голандскаго) живописца съ подлинною его подписью, представлявшій всемірный потопъ. Поговорка: каковъ попъ, таковъ и приходъ, примѣнялась къ излюбленному и немного избалованному его камердинеру Ѳедору, малому съ элегантными манерами и съ нѣкоторою долей развитости. Правду сказать, вѣдь житье было барскимъ фаворитамъ и при крѣпостномъ правѣ *)!

Такъ какъ въ то время я намѣревался возобновить, при новомъ и столь милостиво уже высказавшемся царствованіи, дѣло о взятіи моего имѣнія въ вѣдомство государственныхъ имуществъ помимо публичныхъ торговъ, а для достиженія этой цѣли иного пути не было какъ черезъ Коммиссію подачи прошеній, то князь Николай Ѳедоровичъ снабдилъ меня теплымъ письмомъ къ брату своему князю Александру Ѳедоровичу, статсъ-секретарю въ этой коммиссіи. Послѣдняя эта попытка не удалась мнѣ, какъ о томъ разскажу въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь упомяну, что князь Александръ Ѳедоровичъ былъ въ тоже время предсѣдателемъ слѣдственной и секретной коммиссіи по дѣлу о безумномъ заговорѣ нѣсколькихъ Малороссійскихъ студентовъ Петербургскаго и Московскаго университетовъ, цѣлью коего было отторгнуть отъ Россіи Малороссію и изъ послѣдней сдѣлать независимое государство.

*) Въ подтвержденіе этой истины напоминаю, что у одного моего пріятеля, убогаго Зарайскаго помѣщика Д. Н. Апраксина, былъ изъ дворовыхъ молодчина кучеръ Архипъ, привыкшій жить на высокой платѣ у Московскихъ купцовъ. Когда Н. А. Дивовъ поселился въ Городищѣ и искалъ хорошаго кучера, сосѣдъ его, упомянутый Д. Н. Апраксинъ, поручился за своего Архипа, а мнѣ сказалъ: „Хотя я и охотникъ до лошадей и мнѣ сподручно бы было оставить у себя Архипку, но жаль обидѣть парня; онъ вѣдь привыкъ къ хорошему жалованію, а этого я не въ состояніи дать ему".

Подробности заговора остались тайной для публики, и неизвѣстно также, были ли эти юные конспираторы въ сношеніи съ Лондонскими Герценистами. Въ обществѣ былъ говоръ, что въ Петропавловскихъ казематахъ сидѣло значительное количество этой молодежи. Украинофильство или, точнѣе, малороссофильство, было тогда въ ходу и привилось, какъ модная страсть, къ нѣкоторымъ чисто-великороссійскимъ юношамъ, изъ числа которыхъ я зналъ одного Москвича. Этому отчасти, хотя конечно безсознательно, способствовалъ нашъ историкъ Н. И. Костомаровъ. Его апоѳеозъ Юрія Хмельницкаго и другія, можетъ быть, журнальныя статьи развивали это увлеченіе; а что до него лично, мнѣ сообщилъ одинъ достовѣрный человѣкъ, что популярность Н. И. Костомарова въ Малороссійскихъ губерніяхъ доходила до того, что тамошніе жители заказывали чайные сервизы съ его портретомъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что, одновременно съ этимъ малороссофильствомъ, Польская молодежь въ югозападномъ (вѣроятно, и въ сѣверозападномъ) краѣ вдалась въ казакофильство и мечтала о возстановленіи Запорожской Сѣчи совокупно съ возстановленіемъ границъ старой Рѣчи Посполитой. Цѣль была, конечно, враждебная Русскому правительству, но въ тоже время и демократическая, и какъ шляхетскій протестъ противъ высшей Польской аристократіи. За одно ли было съ Польско-католическимъ казакофильствомъ православное украинофильство, сказать не могу; но немудрено, что первое, маскируя настоящую свою цѣль, успѣло заманить въ свой лагерь кое-кого изъ чисто-Малороссійскихъ патріотовъ*). Цѣли были разныя, но оба направленія сходились въ одномъ: отдѣлиться, во что бы ни стало, отъ Россіи.

Носился также въ то время слухъ, что Тверской губернскій предводитель Унковскій сочинилъ какой-то проектъ объ эманципаціи крестьянъ на выгодныхъ будто бы условіяхъ для обѣихъ сторонъ, и этотъ проектъ распространился въ публикѣ до того, что Государь вызвалъ автора его въ Петербургъ и имѣлъ будто бы съ нимъ продолжительный разговоръ, исходъ котораго не отозвался однакоже особенно благопріятно для Тверского предводителя, потому что онъ былъ сосланъ на время въ одну изъ отдаленныхъ губерній. А вѣдь это былъ тотъ самый лѣнивый студентъ Унковскій, другъ и товарищъ по Московскому университету въ концѣ 40-хъ годовъ Костромскому моему сосѣду Сергѣю Никаноровичу Кетову. Напоминаю, что Унковскій

*) Изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей этого полонизованнаго казакофильства былъ извѣстный Чайковскій, бѣжавшій въ Турцію и тамъ сдѣлавшійся ренегатомъ подъ именемъ Садыкъ-паши; онъ принялся организовать Задунайскихъ казаковъ-раскольниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Некрасовцевъ.

школьничалъ на Тверскомъ бульварѣ въ тѣ часы, когда его товарищи были на лекціяхъ; а дабы отвлечь отъ себя подозрѣніе въ этихъ проказахъ, онъ тутъ же притворялся заснувшимъ на скамьѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ, какъ малый способный, наверстывалъ потерянное время, заимствуясь тетрадями своихъ товарищей, и всегда блистательно выдерживалъ экзамены. Въ концѣ 50 годовъ онъ уже успѣлъ отрекомендовать себя въ своей губерніи, а послѣ реформы 19 Февраля 1861 г. онъ бросился въ ультра-либеральную тенденцію и сдѣлался безплатнымъ адвокатомъ крестьянъ въ Рязанской даже губерніи, при составленіи уставныхъ грамотъ.

Въ самомъ разгарѣ предварительныхъ работъ къ близкому уже обнародованію крестьянской реформы распространилась въ читающей публикѣ книга одного извѣстнаго Французскаго публициста Токвиля, озаглавленная «L'ancien régime et la révolution». Аллармистово горячо ухватилось за эту книгу, примѣняя къ Россіи сказанное въ ней, что Французская революція сдѣлалась неизбѣжнымъ послѣдствіемъ правительственной неурядицы, продолжавшейся весь XVIII вѣкъ. Выводъ этотъ не новый и извѣстенъ всякому даже гимназисту; но дѣло въ томъ, что наши ворчуны какъ будто бы забывали, что уступки и прочія реформы были вымучены у Людовика XVI насильственно и потому слишкомъ уже опоздали, между тѣмъ какъ нашъ царь добровольно предпринялъ инициативу въ столь важномъ дѣлѣ, дабы отстранить возможность будущаго кризиса. Въ это же самое время у нашихъ пессимистовъ и тормазчиковъ ходила по рукамъ копія съ мнимаго письма Гизо къ нашему Государю, въ которомъ Французскій государственный мужъ будто предостерегалъ великодушнаго монарха объ опасности задуманной имъ реформы, потому-де, что она не будетъ оцѣнена даже тѣмъ сословіемъ, въ пользу котораго она должна состояться, и на практикѣ не окажется плодотворною по извѣстной политической аксіомѣ, что народныя эманципаціи совершаются не иначе какъ съ боя, то есть, снизу вверхъ, а не сверху внизъ. Эта парадоксальная аргументація приходилась, разумѣется, по нутру этимъ господамъ; но скоро пришлось имъ разочароваться, когда бывшій министръ Людовика-Филиппа, узнавъ о существованіи приписываемаго ему письма, отрекся отъ него въ газетахъ.

Оставляю въ сторону на нѣкоторое время ходъ внутренней нашей политики и перейду, для разнообразія, въ художническій міръ.

Шуринъ мой Нарышкинъ досталъ мнѣ входный билетъ въ картинную галлерею Кокорева, недоступную для всей публики. Это было величайшимъ для меня наслажденіемъ послѣ тринадцатилѣтняго отчужде-

нія (съ 1847 г.) отъ всего, что̀ походило на художество. Въ одной изъ залъ отборной этой коллекціи вся стѣна была увѣшана снизу до верху пятью твореніями геніальнаго Карла Павловича Брюлова. Въ серединѣ стѣны поражалъ зрителя портретъ во весь ростъ графини Юліи Павловны Самойловой, сходившей съ лѣстницы Миланскаго театра въ маскарадномъ костюмѣ и съ маскою въ рукѣ, и къ ней прижималась прелестная ея воспитанница Джіованнина, дѣвочка 13 или 14 лѣтъ въ костюмѣ Гречанки [1]). Картина была недокончена, но пылала жизнію, какъ все, что̀ выходило изъ-подъ кисти неподражаемаго нашего художника, и непонятно мнѣ, какъ могла графиня Самойлова (еще въ живыхъ въ 1860 г.) разстаться съ этимъ сокровищемъ, и какъ могло оно попасть къ откупщику Кокореву. Съ обѣихъ сторонъ портрета висѣли, по два съ каждой стороны, эскизы овальной формы портретныхъ головокъ императрицы Александры Ѳеодоровны и трехъ ея красавицъ-дочерей. Говорю эскизы, потому что лѣнивый подъ часъ Карлъ Павловичъ не докончилъ никогда (на сколько мнѣ извѣстно) начатыхъ имъ портретовъ молодыхъ великихъ княгинь (или еще княженъ) и тѣмъ навлекъ на себя вполнѣ заслуженное негодованіе августѣйшаго ихъ родителя. Таковъ онъ былъ: независимая и незаискивающая эта натура не преклонялась ни передъ золотымъ тельцомъ, ни передъ кумиромъ придворныхъ почестей. Впрочемъ, безцеремонная его выходка съ царскою семьею не подвергла его никакимъ дальнѣйшимъ непріятностямъ кромѣ той, что Государь пересталъ посѣщать его мастерскую. Не скрываю, что когда я неожиданно очутился передъ этой волшебной стѣною, не профанированною ничьею другою кистью, я прослезился отъ волненія.

Несправедливо однакоже будетъ умалчивать и о другихъ замѣчательныхъ произведеніяхъ, тутъ же собранныхъ. Выдавались особенно нѣсколько морскихъ видовъ большого размѣра нашего Айвазовскаго и двѣ пейзажныя его попытки, настоящіе «tour de force» [2]) по однообразію выбранныхъ имъ сюжетовъ. Первая представляла знойный полдень въ украинской степи во время жатвы, а вторая — обозъ чумаковъ, медленно подвигающійся по гололедкѣ, и съ одного бока Жидовская корчма, составляющая единственный выдающійся предметъ на плоскомъ горизонтѣ. Но бо̀льшею рѣдкостію между произведеніями отечественнаго художества можно было назвать два первоначальные этюда Иванова: голова Предтечи и Еврейскаго мальчика. Послѣдній изъ нихъ

[1]) Молодую эту Итальянку графиня Юлія Павловна выдала позднѣе замужъ, наградивъ ее щедро.

[2]) Фокусы.

очень типиченъ и одушевленъ, и почти жаль, что Ивановъ повторилъ его съ замѣтными уже варіантами въ настоящей своей картинѣ «Проповѣдь Іоанна Предтечи.» Были также четыре или пять ландшафтовъ знаменитаго Швейцарца Калама (такого числа собранныхъ вмѣстѣ я нигдѣ не видалъ), и они стоили конечно Кокореву немалыхъ денегъ [1]). Два, кажется, жанровые сюжета; одинъ представлялъ лошадей въ запряжкѣ и пашущими, а другой со стадомъ или табуномъ лошадей; обѣ картины были работы Французской дѣвицы Розы Бонёръ (Rosa Bonheur), исключительно писавшей животныхъ. Двѣ большія картины нашего современника Сверчкова, изображающія извѣстное, скажу даже шумное, событіе въ жизни хозяина коллекціи, когда онъ, по окончаніи Крымской войны, устроилъ торжественную встрѣчу прибывшимъ въ Москву доблестнымъ Севастопольскимъ морякамъ-защитникамъ и по царски угощалъ ихъ у себя [2]). Одна изъ этихъ картинъ изображала санный поѣздъ тройками, на которыхъ размѣщены были моряки и ихъ угоститель-коммерсантъ; всѣ эти лица были, какъ слѣдовало, портреты. Сюжета второй картины не помню.

Домъ Кокорева находится гдѣ-то за Покровкой въ глухомъ переулкѣ, неподалече отъ дома прежняго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ [3]), былъ построенъ въ старо-боярскомъ стилѣ, и съ боку возвышалось нѣчто въ родѣ терема съ кровлею изъ какого-то особеннаго блестящаго металла, да чуть ли не по мѣстамъ позолоченнаго. Внутренняя архитектура, мебель и орнаменты соотвѣтствовали тому же стилю и старобоярскому домовому быту; не были забыты даже и палати. Одна обширная горница была приспособлена къ аудиторіи въ виду засѣданій для какихъ-то «Русскихъ бесѣдъ,» литературныхъ или по предметамъ сельскаго хозяйства, и въ центрѣ этой ротонды со скамейками возвышалась каѳедра съ конторкою (бюро) для чтеца. Всѣ эти предметы, какъ и потолокъ съ наружными балками, были изящной рѣзьбы. Осуществились ли предполагаемыя бесѣды, не знаю; но, спустя три-четыре года, Кокоревъ продалъ свои хоромы и перенесъ картинную коллекцію въ другой свой домъ, но и послѣдній онъ вскорѣ про-

---

[1]) По мнѣнію моему, нынѣшній нашъ (въ 70-хъ годахъ) пейзажистъ Шишкинъ превзошелъ Калама, долго считавшагося почти что неподражаемымъ.

[2]) Разсказывали, и помнится мнѣ, что это было даже въ газетахъ, что Кокоревъ при этой встрѣчѣ благодарилъ храбрыхъ моряковъ отъ имени всей Россіи: выходка, показавшаяся мнѣ тогда болѣе чѣмъ странною, даже заносчивою. Кто же уполномочивалъ милліонера разыгрывать роль представителя всѣхъ сословій отечества?

[3]) Архивъ помѣщается съ прошлаго (1874) года въ зданіи нарочно выстроенномъ на углу Моховой и Воздвиженки.

далъ, чѣмъ и кончилось, къ сожалѣнію, существованіе для публики его галлереи.

Я давно уже слыхалъ о портретистѣ Зарянкѣ, тогда директорѣ Московскаго художественнаго класса (что̀ на Мясницкой), и я настолько былъ пораженъ новостію его пошиба въ портретѣ покойнаго Александра Дмитріевича Черткова (единственной его работѣ, которую случилось мнѣ видѣть дотолѣ), что пожелалъ лично съ нимъ познакомиться и отправился въ его мастерскую. Онъ ничуть не удивился посѣщенію незнакомца и принялъ меня, какъ принимаютъ заграничные художники всякаго незнакомаго аматёра, то-есть сочувственно и безцеремонно, съ палитрою на большомъ пальцѣ и стоя передъ мольберомъ, на которомъ онъ писалъ портретъ молодой дѣвушки, дочери генерала Мясоѣдова. Легко всегда сойтись съ талантливымъ человѣкомъ, и чрезъ какихъ-нибудь пять минутъ мы бесѣдовали объ искусствѣ вообще, какъ бы старинные знакомые. Мое мнѣніе о Зарянкѣ таково. Онъ былъ своего рода труженикъ и уже никакъ не спекулировалъ на свою кисть; въ противномъ случаѣ онъ не писалъ бы по одному портрету въ теченіи шести и болѣе мѣсяцевъ. Оговариваюсь, что мое выраженіе о его труженичествѣ не слѣдуетъ принимать въ неблагопріятномъ для него смыслѣ, т.-е. въ отрицаніи въ немъ таланта, и не въ томъ значеніи какъ я примѣняю это выраженіе къ Иванову; потому что въ историческомъ творчествѣ требуется непремѣнно вдохновеніе, а не одно труженичество, тогда какъ въ живописи съ натуры можно обойтись и безъ вдохновенія. Говорю можно обойтись, но можно и допустить сдержанное въ извѣстныхъ границахъ вдохновеніе, лишь бы оно не увлекалось фантазіею въ ущербъ строгой копировки живого подлинника. Зарянка раболѣпно передавалъ на холстѣ, безъ всякихъ, такъ сказать, разсужденій, натуру; и передавалъ онъ одинаково то что̀ было въ ней хорошаго и дурного; копировалъ онъ все это мозаично и за иллюзіею вымышленнаго эфекта не гнался, и все-таки детальные эфекты выходили у него рельефно, когда онъ усматривалъ ихъ въ живомъ подлинникѣ или въ аксессуарахъ. И чѣмъ прилежнѣе онъ выполнялъ копотную и сухую задачу копировки, тѣмъ болѣе безсознательно придавалъ жизни своему труду: тутъ всякое творчество неумѣстно. Не спорю, что иные его портреты отзываются нѣкоторою сухостію въ линіяхъ, въ контурахъ; встрѣчается даже неграціозность въ позахъ; но за то въ этихъ самихъ позахъ никакой афектаціи, никакой театральной пластики нѣтъ. Портреты Брюлова поражаютъ зрителя больше нежели Зарянкины, потому что первые эфектнѣе, а эфектнѣе они потому что не безъ примѣси поэзіи; да и кромѣ того, вы ви-

дите разгулъ мастерской кисти, и васъ ослѣпляетъ волшебство (не рѣдко пестроватое) колорита. Это все такъ; но нельзя не сказать, что геніальность Брюлова всегда сумѣла замаскировать декоративность его манеры. Для тонкихъ знатоковъ въ искусствѣ она явна, а непосвященные никогда не подмѣтятъ ея. Безспорно, что стоитъ Брюловъ выше Зарянки въ искусствѣ; но что до меня, послѣдній вопреки встрѣчающейся въ немъ сухости (да и то не всегда) ближе къ натурѣ. У него лица (хотѣлось бы мнѣ сказать персоны) выходятъ изъ рамки, или какъ бы позируютъ за пустой рамкою, между тѣмъ какъ у Брюлова вы восхищаетесь его произведеніемъ, но всетаки не забываете ни на секунду, что рамка включаетъ въ себѣ натянутый холстъ. Зарянка доходитъ до смѣшнаго даже совершенства въ иллюзіи деталей; напримѣръ, когда онъ пишетъ какого-нибудь господина съ шляпою въ рукѣ или на головѣ, вы можете опредѣлить, какая это шляпа, пуховая или касторовая. Одинъ мой знакомый видѣлъ Зарянкинъ портретъ какого-то военнаго; въ пуговицѣ мундира отражался предметъ, находившійся за открытымъ окномъ, у котораго позировалъ этотъ военный. Художникъ не счелъ себя въ правѣ пропустить даже и это видѣнное имъ отраженіе и на эту мелочь употребилъ усидчивый миніатюрный трудъ. Манеру свою Зарянка не могъ передать удовлетворительно никому изъ своихъ учениковъ *).

Въ половинѣ Марта Н. А. Дивовъ пріѣхалъ въ Москву изъ Петербурга, гдѣ онъ провелъ зиму. Онъ уже не находился на дѣйствительной службѣ, хотя и числился по коннозаводству и носилъ генеральскіе эполеты. Собираясь обратно въ Невскую столицу, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Москвѣ, онъ предложилъ мнѣ поѣхать съ нимъ на его счетъ и жить въ Петербургѣ на его квартирѣ. Предложеніе это я принялъ съ восторгомъ уже потому, что со времени открытія Николаевской желѣзной дороги въ 1851 году ни разу еще не случалось мнѣ прокатиться по ней, а вовторыхъ потому, что оно давало мнѣ возможность лично ходатайствовать въ Комиссіи прошеній по дѣлу о вознагражденіи за причисленіе моего имѣнія въ 1849 году къ Министерству Государственныхъ Имуществъ. Кузенъ мой взялъ особое въ вагонѣ отдѣленіе: роскошь, стоившую 200 (кажется) рублей. И не снилось мнѣ никогда о столь комфортабельномъ способѣ путешествія. Тутъ была настоящая комната съ диваномъ, стульями, съ

*) Въ эти послѣднія пять-шесть лѣтъ замѣчателенъ сдѣлался молодой портретистъ (въ Москвѣ) Шервудъ. Онъ успѣшно присвоилъ себѣ ширь контуровъ и блескъ палитры Брюлова съ оконченностью деталей на манеръ Зарянки. Удивляюсь, какъ мало о немъ говорятъ газеты.

ломбернымъ столомъ и съ печкою въ углу. Едва тронулись мы въ путь, какъ къ намъ взошла Марія Алексѣевна Бабина (жена Ивана Александровича, Раненбургскаго помѣщика и извѣстнаго скотовода), случайно узнавшая, что Дивовъ ѣдетъ съ тѣмъ же поѣздомъ, какъ она. Посидѣла она съ нами недолго, и когда хотѣла уходить, потому что съ нею ѣхала во 2-мъ классѣ г-жа Акимова, кузенъ мой, какъ любезный кавалеръ, попросилъ Марію Алексѣевну пригласить отъ его имени ея сопутницу пожаловать къ намъ въ вагонъ вмѣстѣ съ нею, чтобы отъ скуки ради составить табельку (преферансъ), хотя ни онъ, ни я не были знакомы съ госпожею Акимовой. Она приняла предложеніе, и черезъ нѣсколько минутъ обѣ дамы взошли къ намъ, и мы засѣли вчетверомъ за карточный столъ. Новую мою знакомую (умнѣйшую личность) звали Надежда Николаевна Акимова. Это весталка не первой уже молодости, землевладѣлица небольшой, но хорошо устроенной, какъ слышно, усадьбы въ Скопинскомъ уѣздѣ, гдѣ она пользуется нѣкоторымъ значеніемъ. У нея двѣ сестры, моложе ея, монахинями въ Рязани, гдѣ, странно сказать, отецъ ихъ поселился съ дворовою, вѣроятно, своею челядью, и умеръ въ выстроенномъ имъ въ оградѣ своемъ домѣ, что̀ неблагопристойно, по моему, въ женскомъ монастырѣ. При ограниченныхъ средствахъ Надежда Николаевна живетъ очень прилично, съ элегантною даже обстановкой, а главное, никому не должна ни копѣйки. Она издавна пріѣзжаетъ каждую зиму на шесть мѣсяцевъ въ Москву, вдвоемъ съ своею горничной, и останавливается всегда въ меблированныхъ комнатахъ на Тверской, въ домѣ Голяшкина, гдѣ я сблизился съ нею, такъ какъ съ 1869 года я почти всегда провожу зимніе мѣсяцы въ номерахъ того же содержателя Руднева. Въ зимнее свое пребываніе въ Москвѣ Надежда Николаевна не отказываетъ себѣ въ общественныхъ удовольствіяхъ, посѣщаетъ Итальянскую оперу и концерты и разъѣзжаетъ по своимъ знакомымъ въ наемной каретѣ, а послѣ Святой возвращается на лѣто въ свое Скопинское гнѣздо и тамъ накопляетъ деньжонокъ для будущаго Московскаго зимняго сезона. Не имѣя близкихъ родственниковъ, она сдѣлала распоряженіе (это я слышалъ не отъ нея, а отъ постороннихъ), по которому вся ея усадьба и земля, оставшаяся сверхъ крестьянскаго надѣла, поступаютъ, по ея смерти, во владѣніе крестьянъ, подъ нѣкоторыми заранѣе выговоренными условіями. Этого достаточно, чтобы дать понятіе о дорожной нашей компаньонкѣ.

Выѣхавъ изъ Москвы въ 11 часовъ утра, мы незамѣтно провели весь день за зеленымъ сукномъ, за исключеніемъ обѣда на Бологовской станціи, и не ранѣе какъ въ 3-мъ часу полусонныя наши парт-

нерки отретировались къ своимъ мѣстамъ, во 2-мъ классѣ. Я растянулся на диванѣ, а кузенъ мой чуть ли не на своей дорожной складной кровати и, проснувшись въ семь часовъ, комфортабельно напился чаю на какой-то станціи, гдѣ поѣздъ останавливался на двадцать минутъ, а въ 10 часовъ мы въѣзжали въ Петербургскій вокзалъ, гдѣ Н. И. Колесовъ [1]) ожидалъ насъ съ каретою, такъ что не видалъ я, какъ время протекло изъ Москвы до Питера. Квартира Дивова была на Мойкѣ, у Конюшеннаго моста, черезъ два дома отъ Машкова переулка.

Какъ я ни былъ утомленъ отъ малаго спанья въ дорогѣ, но умывшись поспѣшилъ осмотрѣть недавно открытый и освященный Исаакіевскій соборъ, этотъ музей всѣхъ отраслей Русскаго художничества, кромѣ одного зодчества, такъ какъ въ этомъ отношеніи храмъ не соотвѣтствуетъ обрядности Восточной церкви, и его стиль ничто иное, какъ подражаніе нѣкоторымъ католическимъ (но не готическимъ) базиликамъ, и въ особенности Парижской церкви Святой Женевьевы. Лишнимъ считаю перечесть здѣсь всѣ художественныя сокровища, заключающіяся въ этомъ храмѣ, но съ прискорбіемъ отмѣчу, что, не взирая на устройство зимняго отопленія, сырость значительно повредила многимъ стѣннымъ картинамъ, находящимся на большомъ возвышеніи (на пилястрахъ и подъ карнизомъ), вопреки взятой осторожности, т. е. набивкѣ толченымъ углемъ пустаго пространства между этими картинами и стѣною. Изъ наиболѣе поврежденныхъ замѣчена была мною «Нагорная проповѣдь Спасителя», одна изъ лучшихъ композицій Петра Васильевича Басина, нашего Андрея-дель-Сарто [2]). Отъ сырыхъ испареній не расходится, какъ слышно, сплошной туманъ въ самомъ куполѣ съ весны до половины лѣта, и изъ этого можно предвидѣть, какой участи ожидаютъ въ недальнемъ будущемъ труды Брюлова въ куполѣ, имъ расписанномъ до самаго фонаря, и подкупольные геніальные четыре его евангелиста. Существуетъ молва, что весь храмъ постепенно осаживается; но такъ какъ иные отвергаютъ это обстоятельство, то неизвѣстно, на чьей сторонѣ правда.

Не успѣлъ я еще сказать, что съ конца 1859 года Николай Адріановичъ уговорилъ своего брата-отшельника Александра Адріановича

---

[1]) Напоминаю, что Н. И. Колесовъ (въ 1860 году онъ уже былъ „ваше превосходительство"), сынъ артиллерійскаго полковника, стоявшаго со своею ротой въ Тарусѣ въ 20-хъ годахъ, женился въ 1849 году на воспитанницѣ Дивовыхъ Зенаидѣ Николаевнѣ.

[2]) Андрей-дель-Сарто, столбъ Флорентинской школы XVI вѣка, чуть ли не превосходитъ самаго Рафаэля безукоризненностью рисунка. Этимъ самымъ, если не колоритомъ, отличается и П. В. Басинъ.

переселиться совсѣмъ изъ Городища въ Петербургъ. Такъ какъ Николай Адріановичъ часто и на долго отлучался изъ своего имѣнія, то онъ не безъ причины страшился оставлять въ деревенской глуши семидесятилѣтняго своего брата безъ всякаго медицинскаго пособія [1]). Переѣхалъ было въ Питеръ этотъ отшельникъ со всею своей громадною библіотекой и нанялъ годовую квартиру, неподалече отъ братниной, въ Большой Конюшенной; но не прошло и шести мѣсяцевъ, какъ ему почудилось, что его финансы не дозволяютъ ему жить въ Сѣверной Пальмирѣ (а этотъ холостякъ получаетъ исправно отъ своего брата 4500 рублей въ годъ). И вотъ, лѣтомъ того же 1860 года, онъ возвратился уже окончательно въ свою Городищенскую келью. На этотъ переѣздъ и на эфемерное свое пребываніе въ Питерѣ онъ истратилъ, пожалуй, около половины всего своего годового дохода. Во время составленія экономическихъ своихъ соображеній въ Петербургѣ, онъ придумалъ было переселиться въ Выборгъ, гдѣ, какъ его увѣряли, жизнь неимовѣрно дешева.

Опоздалъ я, къ сожалѣнію, нѣсколькими днями къ интересному публичному диспуту между М. П. Погодинымъ и Н. И. Костомаровымъ о Варяжскомъ происхожденіи Руси, для котораго пріѣхалъ въ Петербургъ нашъ Московскій историкъ-ветеранъ. Петербургскій его противникъ утверждалъ, какъ извѣстно, что никакого Нормандскаго происхожденія не было въ Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ, и что они были Жмудскими выходцами, чего не смогъ переварить Московскій оппонентъ, полувѣковой (со временъ Каченовскаго) поборникъ Варяжской Руси, и вотъ на какую тему состоялся диспутъ. Ни тотъ, ни другой не убѣдили другъ друга, какъ можно было ожидать; но диспутанты, какъ люди благовоспитанные, сошлись и разошлись пріятелями [2]). Не безъ остроты отозвался о диспутѣ одинъ изъ сатирическихъ и иллюстрированныхъ листковъ того времени. На подмосткахъ подсудимыхъ изображены были три растрепанныхъ субъекта, съ доскою у каждаго на груди и надписью: «Варяги, не помнящіе ни роду, ни племени», а подъ картинкою было добавленіе, что, такъ какъ въ настоящемъ разбирательствѣ, такого-то числа Марта 1860 года, судъ не могъ придти къ единогласному

[1]) Въ настоящее время (въ 1875 г.) нашъ эксъ-іезуитъ здравствуетъ и продолжаетъ вести въ томъ же Городищѣ еще болѣе уединенную жизнь, и хотя онъ на чистый воздухъ никогда не выходитъ, но не обремененъ недугами и, какъ говорятъ, хорошо ѣстъ и спитъ. Ему, должно быть, минуло 85 лѣтъ.

[2]) Михаилъ Петровичъ разсказываетъ, что они оба пріѣхали въ одной каретѣ на этотъ диспутъ и что дорогою условились, какъ вести имъ пренія.

заключенію о судьбѣ подсудимыхъ, то засѣданіе отсрочивается впредъ до таковаго же числа Марта 2860 года, то-есть черезъ 1000 лѣтъ.

Пріѣхали мы въ Петербургъ наканунѣ Благовѣщенія, приходившагося въ тотъ годъ на Вербной недѣлѣ, а такъ какъ на слѣдующій день послѣ праздника былъ горестный для меня день кончины моей дочери, то я, отслушавъ раннюю литургію въ Казанскомъ соборѣ, заказалъ панихиду, подъ конецъ которой, откуда ни возьмись, бывшій мой Рязанскій сослуживецъ, Александръ Ивановичъ Протасьевъ, выказавшій мнѣ столь много родственнаго участія въ Рязанской моей катастрофѣ и взявшійся быть распорядителемъ похоронами моей Анны. По какому случаю онъ очутился тутъ и въ такой ранній часъ, не помню; но случайность эта показалась мнѣ знаменательною и утѣшительною въ томъ смыслѣ, что здѣсь, на чужбинѣ, очутился человѣкъ, знавшій вблизи это чистое существо. А. И. Протасьевъ женился не задолго передъ тѣмъ на одной красавицѣ, графинѣ Толстой, и служилъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.

Казанскій соборъ внушаетъ мнѣ краткое отступленіе.

У меня издавна была страстишка просвѣщать крѣпостныхъ моихъ личардовъ. Первые два опыта надъ Порзненскимъ Василіемъ Ваваевымъ и Игнатовскимъ Тимошкой были неудачны: тотъ и другой спились, и я ихъ прогналъ. На этотъ разъ былъ при мнѣ славный парень, 18 или 19 лѣтъ, изъ Знаменскихъ крестьянъ, Павелъ Чухлимовъ. И вотъ въ Страстную Пятницу пошли мы вдвоемъ поклоняться плащаницамъ по разнымъ церквамъ, да кстати и сравнить убранство ихъ. Въ Казанскомъ соборѣ я, указывая моему Павлу на могилу Кутузова, спросилъ его, слыхалъ ли онъ о знаменитомъ этомъ полководцѣ. «Какъ же-съ», отвѣчалъ онъ: «говорятъ, что онъ зналъ *о часть прохода планиды Господней*». Тутъ уже не онъ, а я научился чего-то новаго отъ него.

Удивились и обрадовались моему появленію на Невскихъ берегахъ княгиня Марія Семеновна Черкасская и ея дочь, баронесса Марія Петровна Бюлеръ, и особенно радушно приняли меня Алексѣй Иракліевичъ Левшинъ, снисходительно когда-то смотрѣвшій на Одесскія мои шалости. На Страстной недѣлѣ княгиня Марія Семеновна доставила мнѣ рѣдкій случай услышать хоръ Шереметевскихъ пѣвчихъ, дирижёромъ которыхъ былъ знаменитый композиторъ церковной музыки Ломакинъ. Въ домовую графскую церковь имѣли входъ одни его знакомые, и не будь этого случая, не слыхать бы мнѣ никогда этого хора, который въ выборѣ голосовъ соперничалъ съ придворною ка-

пеллой. Можно было пожалѣть лишь о томъ, что пѣніе было слишкомъ огласительно для небольшого размѣра домовой церкви. Выходя оттуда послѣ одной изъ службъ, я встрѣтился лицомъ къ лицу съ Калужскою моею ученицей Итальянскаго языка, Олимпіадою Семеновною Яковлевой, которая такъ и ахнула; меня же эта встрѣча не особенно поразила, такъ какъ я зналъ, что она проживала въ Петербургѣ у своей бабушки, княгини Софіи Егоровны Вяземской [1]). «Бабушка, бабушка, графъ Бутурлинъ здѣсь!» закричала эта чудная молодая дѣвушка во всеуслышаніе. Княгиня, уже спускаясь съ лѣстницы, подошла ко мнѣ и дружелюбно просила меня навѣщать ее какъ можно чаще, начиная съ этого же дня. И такъ, вотъ уже былъ третій домъ въ Петербургѣ, всегда открытый для меня.

Хотя Пасха была въ самомъ началѣ Апрѣля, но погода стояла почти что лѣтняя, а въ Понедѣльникъ на Святой разразилась сильнѣйшая гроза и полилъ теплый дождь. Никакихъ слѣдовъ снѣга давно не было, Нева совершенно очистилась ото льда, и мы гуляли въ однихъ пальто, тогда какъ въ патріархальной Бѣлокаменной на Страстной недѣлѣ еще стояли по обѣимъ сторонамъ улицъ коричневые снѣжные курганы, стѣсняющіе проѣздъ экипажей.

Спустя нѣсколько дней, я посѣтилъ князя Александра Ѳедоровича Голицына и вручилъ ему рекомендательное письмо его брата князя Николая Ѳедоровича. Братья были очень дружны между собою; князь Александръ Ѳедоровичъ принялъ меня такъ ласково и отнесся къ моему дѣлу такъ сочувственно, какъ я никакъ не могъ ожидать отъ Петербургскаго высокопоставленнаго сановника, котораго я видѣлъ въ первый разъ въ жизни [2]). Онъ обѣщалъ мнѣ сдѣлать все зависящее отъ него по моему дѣлу предъ Государемъ, у котораго князь былъ въ милости, и я было успокоился, что если и не возвратятъ мнѣ всей стоимости моего имѣнія, то получу по крайней мѣрѣ какое нибудь денежное вспомоществованіе; и какъ бы ни малозначительна могла быть эта

[1]) Напоминаю, что княгиня С. Е. Вяземская, урожденная Панина, а по первому мужу Тимашева-Берингъ, была мать Меропы Александровны Новосильцовой, Зенаиды Александровны Яковлевой, г-жи Колокольцовой и незамужней Фелониды Александровны. Отъ втораго мужа ея остался въ живыхъ одинъ только князь Григорій Николаевичъ Вяземскій.

[2]) Ужасное несчастіе постигло князя Александра Ѳедоровича нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Единственный его сынъ, сопровождая Великаго Князя Константина Николаевича, при которомъ онъ находился адъютантомъ, катался въ шлюбкѣ по открытому морю близъ Кронштадта; поднялась сильная буря, и молодой князь Голицынъ утонулъ. Ужъ за то и досталось, какъ говорятъ, Великому Князю отъ державнаго его родителя.

сумма, но въ тогдашнихъ моихъ обстоятельствахъ, даже тысченки три-четыре, и тѣ были бы истиннымъ для меня кладомъ.

Изъ старыхъ моихъ знакомыхъ я не рѣшился посѣтить Авраама Сергѣевича Норова, боясь его безпокоить; къ тому же жена его Варвара Егоровна (рожденная Панина, младшая сестра вышепомянутой княгини С. Е. Вяземской) была при смерти и скоро скончалась. Бывалъ я нѣсколько разъ у Паленовъ. Графиня Вѣра Григорьевна (читатель помнитъ ли, что она была первою моею пассіею?) была еще неимовѣрно хороша по ея лѣтамъ (ей было 51 или 52 года), и мужъ ея, графъ Ѳедоръ Петровичъ, былъ свѣжъ въ умственныхъ способностяхъ и довольно еще бодръ физически; хотя ему было много за 70 лѣтъ, но онъ сильно страдалъ желчью, что̀ и видно было по бѣлкамъ глазъ. У меня же съ графиней Вѣрою Григорьевною была общая больная струна: три или четыре года передъ тѣмъ она лишилась взрослой дочери Алеки, рѣдкой, какъ говорятъ, красоты, скончавшейся отъ скоротечной болѣзни, точь въ точь какъ моя Анна*). На одномъ вечерѣ у Паленовъ я, единственный разъ въ жизни, видѣлъ канцлера графа Нессельроде. Это былъ маленькій, сухощавый, живой еще старичекъ и очень рѣчистый; но ничего, на сколько помнится мнѣ, не было имъ тогда сказано, что̀ бы стоило быть записаннымъ. На другомъ вечерѣ у нихъ же сидѣлъ графъ Петръ Петровичъ Паленъ, и я пожиралъ глазами доблестнаго ветерана столь многихъ нашихъ войнъ и славнаго дипломата; онъ же и былъ моимъ корпуснымъ командиромъ въ Турціи въ 1829 году, но тогда не удалось мнѣ никогда его видѣть. Осанка его была величава, высокій ростъ не сгорбился еще отъ бремени годовъ, и на высокомъ его челѣ и сухощавомъ и продолговатомъ лицѣ не видать было морщинъ; глаза были открытые и носъ немного орлиный. Словомъ, отъ этого человѣка вѣяло рыцарствомъ и солдатскою прямотою. Когда графъ Ѳедоръ Петровичъ представилъ меня ему, онъ подарилъ меня такою привѣтливою улыбкой, что какъ бы подумалъ: «это изъ нашинскихъ», и не преминулъ сказать мнѣ что-то пріятное о моихъ родителяхъ, которыхъ онъ помнилъ, будучи еще очень молодымъ офицеромъ. Разговоръ между братьями шелъ о событіяхъ дня и коснулся нѣкоторыхъ военныхъ предметовъ, не особенно впрочемъ интересныхъ (о новыхъ назначеніяхъ, наградахъ и пр. и пр.); кромѣ того, графъ Петръ Петровичъ разсказывалъ, что еще въ 40-хъ годахъ, въ бытность его нашимъ посломъ въ Парижѣ,

*) Молодая графиня Паленъ, какъ слышно, была почти что помолвлена съ сыномъ графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго, умершимъ отъ тифа въ Крыму во время войны.

маршалъ Бюжò говорилъ ему, что нѣтъ сомнѣнія, что черезъ немного лѣтъ принятъ будетъ во всѣхъ остальныхъ Европейскихъ войскахъ покрой сюртука (la jupe), вмѣсто прежняго куцаго фрачнаго покроя для мундировъ, какъ эта форма болѣе раціональна (закрывающая нижнюю часть брюха) и взошла тогда въ употребленіе во Франціи.

Дипломатическою новостью было то, что недавно умершій нашъ посланникъ въ Мадридѣ князь Михаилъ Александровичъ Голицынъ (племянникъ Московскаго князя Сергѣя Михайловича) оставилъ посмертное письмо къ Государю, въ которомъ просилъ прощенія за то, что, находясь на службѣ, онъ скрывалъ о своемъ переходѣ въ Латинскую церковь[1]). Постъ этотъ предложенъ былъ тогда князю Семену Михайловичу Воронцову, хотя онъ никогда дотолѣ не занималъ особеннаго виднаго мѣста, ни по военной, ни по гражданской службѣ; но онъ отказался отъ этой чести. Преемникомъ князя Голицына назначенъ былъ князь Александръ Никитичъ Волконскій (сынъ нашей Коринны, княгини Зенаиды Александровны Волконской); онъ женатъ на Нѣмкѣ, и мнѣ кажется, что я слышалъ, что и онъ перешелъ будто бы втайнѣ въ Римскую церковь[2]). Испанскимъ посломъ при нашемъ дворѣ былъ тогда герцогъ д'Осуна-дель-Инфантадо, тотъ самый, съ которымъ я имѣлъ въ дѣтствѣ поверхностное знакомство во Флоренціи, когда онъ, еще мальчикомъ 9 или 10 лѣтъ, проживалъ у тетки своей Флорентійской герцогини Строцци, часто бывавшей у насъ въ домѣ. Въ Петербургѣ я встрѣтился съ нимъ одинъ только разъ въ салонѣ княгини Маріи Семеновны Черкасской; но такъ какъ онъ ни слова не сказалъ о прежнемъ нашемъ знакомствѣ, когда хозяйка представила насъ другъ другу, то я не счелъ нужнымъ напомнить ему о томъ, что̀ онъ, повидимому, забылъ.

Губернскіе комитеты объ улучшеніи крестьянскаго быта покончили тогда свои работы и были распущены; изъ ихъ состава иные

[1]) За открытое исповѣданіе Католицизма князя Голицына уволили бы, вѣроятно отъ службы, и огромное его имѣніе могло бы поступить въ опеку и быть переданнымъ его сыну князю Сергѣю Михайловичу (женившемуся впослѣдствіи на Цыганкѣ). И есть люди, утверждающіе, что мы пользуемся въ Россіи всеобщею вѣротерпимостію! Впрочемъ, благодаря просвѣщенной терпимости нынѣшняго правительства, на эти переходы смотрятъ сквозь пальцы. Въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ есть одно высокопоставленное лицо, древней Русской фамиліи и женатое на Русской княжнѣ, которое также, какъ слышно, скрываетъ свое отступничество въ Римскую церковь.

[2]) Слухъ этотъ не вѣренъ: князь А. Н. Волконскій не переходилъ въ католичество. У могилы его, на Римскомъ кладбищѣ Campo Verano, большая икона Владимирской Божіей Матери. П. Б.

были выбраны для засѣданія въ Петербургской главной Редакціонной Коммиссіи по этому же дѣлу. Сдается мнѣ, что этимъ только тѣшили по пустому господъ составителей губернскихъ проектовъ и какъ будтобы Редакціонная Коммиссія намѣревалась извлечь что-нибудь изъ этихъ проектовъ, между тѣмъ какъ въ сущности общій планъ освобожденія съ его подробностями былъ давно уже заготовленъ, и правительство не намѣревалось допустить въ немъ никакихъ новыхъ измѣненій. Выбранъ былъ изъ Тарускаго уѣзда Дмитрій Александровичъ Чертковъ, котораго я засталъ уже поселившимся въ домѣ Вонлярлярскаго (кажется Евгенія), гдѣ онъ жилъ, если не то что̀ зовется открыто, но прилично своему состоянію. Петербургъ былъ нейтральною для обоихъ насъ почвой, да и я находился въ то время внѣ службы, и потому Тарускій предводитель видѣлъ во мнѣ только графа Бутурлина-аристократа, а не короннаго чиновника, и онъ обошелся со мною на столько предупредительно, что я обѣдалъ у него раза два. Не мѣшаетъ однакоже добавить, что это было не болѣе какъ перемиріе, нарушенное снова съ его стороны на служебной аренѣ, и въ томъ же Тарусскомъ уѣздѣ, вскорѣ по обнародованіи манифеста 19 Февраля 1861 года, когда я былъ Тарусскимъ судебнымъ слѣдователемъ, тенденціозные наши взгляды снова выяснились и столкнулись. Самый домъ Вонлярлярскаго напоминалъ мнѣ цѣлый рядъ давно истекшихъ пріятныхъ минутъ и наводилъ на меня грустное впечатлѣніе, при сравненіи настоящаго (въ 1860 г.) свѣтскаго моего положенія съ тѣмъ, чѣмъ я былъ въ 1842 и 1843 годахъ, когда въ этомъ же домѣ (принадлежавшемъ тогда Потапову) весело провела зиму Зенаида Сергѣевна Дивова. Но еще грустнѣе почувствовалось мнѣ, когда я посѣтилъ несовершеннолѣтняго князя Петра Дмитріевича Волконскаго въ родительскомъ его домѣ, на углу Дворцовой Набережной и Машкова переулка, гдѣ я когда-то былъ принятъ, какъ въ своей семьѣ. Теперь въ немъ жили три круглыя сироты: пятнадцатилѣтній мальчикъ съ своимъ гувернеромъ-Швейцарцемъ, и его двѣ сестры, княжны Софія и Екатерина Дмитріевны съ ихъ Англійскою наставницею миссъ Смитъ (удивительно эффектно рисовавшею ландшафты тупымъ карандашемъ), а изъ старшихъ семейныхъ никто не жилъ (да и некому было жить) съ этою молодежью. Юный князь Петръ наслѣдовалъ всю мягкость материнскаго сердца и ласково обходился съ старыми друзьями его родителей, судя по тому, что когда я въ разговорѣ съ нимъ объ его отцѣ (дѣтскомъ моемъ товарищѣ) сказалъ мимоходомъ, что не имѣю, къ сожалѣнію, его портрета, мальчикъ убѣжалъ въ сосѣднюю комнату и принесъ оттуда дагеротипный портретъ своего отца, который онъ просилъ меня принять въ знакъ памяти.

У Левшиныхъ я часто бывалъ и часто тамъ обѣдалъ безъ приглашенія, какъ и у Черкасскихъ. Въ гранитной сѣверной Пальмирѣ, пропитанной космополитизмомъ, благодаря прорубленному ея основателемъ окну въ Европу, уцѣлѣли въ Левшинскомъ семействѣ традиціи добраго стараго Русскаго быта и семейный складъ. Нѣжность и полное довѣріе во взаимныхъ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми, уже взрослыми, не могли не поразить посторонняго даже наблюдателя. Особенно привлекательна умомъ и начитанностію была старшая дочь, Ольга Алексѣевна, болѣзненной натуры дѣвушка, отъ чего она, вѣроятно, и не вышла замужъ. Съ дозволенія родителей, она усвоила себѣ нѣкоторыя полубританскія эманципированныя привычки, напримѣръ принимала своихъ друзей обоего пола въ своемъ апартаментѣ. Тамъ просиживалъ я съ нею по цѣлымъ иногда вечерамъ, бесѣдуя вдвоемъ на любимомъ ею Англійскомъ нарѣчіи (что̀ нисколько не мѣшало ей быть Русскою вполнѣ женщиной) о всеобщей литературѣ, и нерѣдко выносилъ я оттуда новый взглядъ на извѣстный мнѣ прежде предметъ, но незамѣченный мною дотолѣ, или слышалъ отъ нея совершенно новую и блистательную мысль. При всей страсти къ занятіямъ, ничего нѣтъ въ Ольгѣ Алексѣевнѣ похожаго на синій чулокъ, и скромность не дозволяетъ ей никогда кокетничать ея ученостію. Симпатичною въ высшей степени была граціозная блондинка вторая сестра, Варвара Алексѣевна, и для меня загадка, какъ ухитрилась судьба направить ее на дѣвственную стезю старшей сестры. Левшины издавна были очень дружны съ Черкасскими и видались ежедневно. У первыхъ встрѣтилъ я раза два знаменитаго нашего живописца морскихъ видовъ Айвазовскаго; въ обществѣ онъ былъ довольно молчаливъ, и даже въ разговорѣ съ хозяевами, когда не было гостей, ничто не выказывало въ немъ великаго художника, тогда какъ Брюловъ, даже когда шутилъ, сіялъ какою-то вдохновенностію.

Познакомившись у нихъ же съ ихъ родственникомъ генералъ-адъютантомъ барономъ Мейндорфомъ (умершая жена котораго, Ольга Ѳедоровна, урожденная Брискорнъ, была родною сестрой г-жѣ Левшиной), отважнымъ когда-то командиромъ кирасирскаго принца Альберта полка, я разспрашивалъ его о справедливости слуха, будто бы во время блистательной атаки имъ сдѣланной въ Гроховскомъ сраженіи, 13 Февраля 1831 года, одинъ Польскій офицеръ выстрѣлилъ въ него три раза, и послѣ третьей осѣчки, опустивъ пистолетъ, сказалъ: «respect aux braves» *) и что на это баронъ Мейндорфъ будто отвѣчалъ,

*) Почтительность подобаетъ храбрецамъ.

«je méprise le respect d'un rebelle» *) и тутъ же свалилъ Поляка палашемъ. Баронъ Мейндорфъ отрицалъ (не изъ скромности ли?), но подтвердилъ другой слухъ, что одинъ изъ его офицеровъ Потуловъ пронесся со своимъ взводомъ черезъ Пражскій мостъ и ворвался сквозь градъ картечи въ самую Варшаву, гдѣ изрубили его и всѣхъ его храбрыхъ товарищей. «И какой отличный офицеръ былъ этотъ Потуловъ!» добавилъ съ чувствомъ добродушный ветеранъ. Онъ почти что со слезами разсказывалъ намъ о вновь проектированномъ переименованіи обѣихъ армейскихъ кирасирскихъ дивизій въ драгуны. Сначала Государь, внемля убѣдительнымъ просьбамъ своего генералъ-адъютанта, согласился было оставить одну изъ этихъ дивизій (вѣроятно ту, въ составъ которой входилъ принца Альберта полкъ, нынѣ Малороссійскій драгунскій), но экономическія соображенія тогдашняго военнаго министра превозмогли, и реформа была распространена на обѣ кирасирскія дивизіи.

Незадолго передъ тѣмъ была дуэль между сыномъ барона Мейндорфа, молодымъ конногвардейскимъ офицеромъ, и молодымъ Демидовымъ, тогда еще студентомъ Петербургскаго университета, сыномъ Авроры Карамзиной. Демидовъ былъ раненъ и все-таки просидѣлъ нѣкоторое время въ Петропавловской крѣпости, а противникъ его остался на свободѣ или отдѣлался нѣсколькими днями ареста на гауптвахтѣ. Надо полагать, что военный судъ мотивировалъ снисходительное это рѣшеніе, имѣя въ виду, что вызовъ произошелъ отъ Демидова, и что молодой Мейндорфъ долженъ былъ поневолѣ драться. Слышно было, что арестантская камера (скорѣе думаю, цѣлый апартаментъ) въ Петропавловской крѣпости была по сему случаю отдѣлана и меблирована со всею возможною роскошью и чуть ли не оклеена новыми обоями; при матушкиномъ сынкѣ - милліонерѣ были его камердинеръ и артистъ-поваръ, къ нему хаживалъ обѣдать плацъ-маіоръ. Но этого мало: говорили, что нѣкій университетскій профессоръ согласился раздѣлять временное заточеніе студента-богача, и вѣроятно, небезвозмездно.

Не преминулъ я навѣстить знакомаго мнѣ съ дѣтства въ Римѣ и не разъ упомянутаго профессора Петра Васильевича Басина. Дряхлымъ старикомъ онъ еще не былъ, но глаза плохо ему служили, и онъ лишь отрывочно могъ заниматься. У него были набросаны въ то время нѣкоторые этюды и эскизы по заказамъ для строющагося (и до сего времени недоконченнаго) Московскаго собора Спаса. Сюже-

*) Я презираю почтительность мятежника.

ты были историческаго содержанія; одинъ изъ нихъ изображалъ зодчаго Аристотеля Фіоравенти, представляющаго планъ для сооруженія Московскаго Успенскаго собора Іоанну III-му. Наброски эти много обѣщали; не знаю, исполнилъ ли ихъ нашъ художникъ въ настоящемъ видѣ. Пригласилъ онъ меня однажды обѣдать у него. Гостями были его собратія и одинъ или два литератора. Въ числѣ первыхъ былъ архитекторъ Александръ Павловичъ Брюловъ, родной братъ умершаго Карла Павловича [1]) и молодой архитекторъ, фамиліи его не помню, только-что отстроившій Русскую церковь въ Ниццѣ. Кто были остальные гости, также не помню. Всѣ эти господа здорово пили, тянули все Портъ-вейнъ да Мадеру, а Шампанскимъ, должно быть, брезгали, и все-таки не было у нихъ ни въ одномъ глазѣ отъ этихъ одуряющихъ либацій.

Былъ я и у Сергѣя Степановича Ланского, министра внутреннихъ дѣлъ. Визитъ мой былъ безкорыстный, ибо я находился внѣ службы. И онъ, и дочь его, никогда не вышедшая замужъ, Варвара Сергѣевна, нынѣ графиня, встрѣтили меня съ такою же задушевною фамиліарностію, какою я пользовался въ ихъ семействѣ двадцать лѣтъ назадъ. Сергѣй Степановичъ пригласилъ меня на вечеръ, гдѣ я встрѣтился съ недавнимъ еще моимъ начальникомъ В. А. Арцымовичемъ, тогда въ отпуску въ Петербургѣ, и еще съ однимъ Петербургскимъ тузомъ, который однакоже вспомнилъ, что онъ видалъ меня во дни оны въ великосвѣтскихъ салонахъ и первый протянулъ мнѣ руку. Тутъ же, я въ первый и единственный разъ въ жизни видѣлъ г. N., о взбаломочности характера котораго разсказывали забавныя черты, относившіяся ко времени его губернаторствованія въ провинціи, а позднѣе въ столицѣ [2]).

---

[1]) Онъ перестроилъ фасадъ малаго манежа, что на дворцовой площади, и выстроилъ большое зданіе примыкающее къ Мраморному дворцу, когда послѣдній былъ назначенъ для жительства Великаго Князя Константина Николаевича. Но, на сколько помнится мнѣ, особенною извѣстностію А. П. Брюловъ не пользовался.

[2]) Разсказывали, что однажды этотъ господинъ N., безуспѣшно хлопоча въ думскомъ засѣданіи о пониженіи цѣны на мясо, обозвалъ почтенныхъ представителей этой торговли, находившихся на лицо, мошенниками, быть можетъ, и заслуженно. Обидѣлась не на шутку, однакоже, Петербургская корпорація Мининыхъ, и потребовала, чтобы о томъ составленъ былъ журналъ. Испуганный губернаторъ немедленно далъ знать о семъ казусѣ своему министру, тотъ Государю, а между тѣмъ оскорбленные Мнины не расходились и настаивали на своемъ требованіи. Полученъ былъ наконецъ высочайшій отвѣтъ, но въ такомъ смыслѣ, что Государь не считалъ себя въ правѣ отнимать у гражданъ дарованное имъ закономъ. Скандалъ однакоже какъ-то уладился безъ дальнѣйшихъ по-

Не политическою, но общественною злобой дня было тогда перемѣщеніе Англійскаго Клуба въ домъ Татищева, выходившаго однимъ фасомъ на Караванную улицу, а другимъ на Фонтанку. Два если даже и не три поколѣнія клубскихъ членовъ обѣдывали и проводили часть ночей въ домѣ Бутурлина въ Демидовскомъ переулкѣ, выходившемъ на Мойку. Долго тамъ подвизался на зеленомъ полѣ непобѣдимый биліардный маркеръ Тюря, дававшій любому сопернику пятьдесятъ очковъ впередъ, и при промахѣ послѣдняго Тюря сразу кончалъ всю партію съ обязательствомъ класть шары въ одну только изъ шести лузъ. Живо сохранялись въ этомъ завѣтномъ домѣ литературныя традиціи до-Пушкинской еще эпохи. Здѣсь графъ Хвостовъ заставлялъ пойманную имъ жертву выслушивать бездарныя его вирши, удерживая ее за пуговицу; здѣсь же показывали кресло, на которомъ дѣдушка Крыловъ совершалъ свой послѣобѣденный кейфъ, и здѣсь же тѣни Скобелева и другихъ именитыхъ членовъ какъ бы еще расхаживали по заламъ. И вотъ почему нѣкоторымъ клубскимъ старожиламъ жутко казалось, быть можетъ, разставаться съ любимыми пенатами, хотя новое помѣщеніе представляло несравненно болѣе удобства и простора, нежели старое. И дѣйствительно, въ новомъ помѣщеніи все было элегантно и роскошно; даже устроенъ былъ зимній экзотическій садикъ съ фонтаномъ, какъ помнится мнѣ. Новоселье отпраздновано было торжественнымъ по подпискѣ обѣдомъ, попасть на который не было никакой почти возможности по числу билетовъ, которыхъ однакоже было до 400 или 500, а спросъ на нихъ былъ вдвое больше. Однакоже, и противъ всякаго моего чаянія, кто-то изъ знакомыхъ мнѣ клубскихъ членовъ досталъ мнѣ посѣтительскій билетъ. Почитай, что всѣ министры, военныя и гражданскія власти были тутъ на лицо, и приглашенъ былъ также весь персоналъ дипломатическаго корпуса, акредитованнаго при нашемъ дворѣ. Дежурнымъ старшиною и распорядителемъ банкета былъ Иванъ Матвѣевичъ Толстой, впослѣдствіи графъ, а тогда товарищъ

слѣдствій для вспыльчиваго губернатора, человѣка благонамѣреннаго и честнѣйшаго. А въ провинціи вотъ что однажды приключилось съ нимъ. Выходя въ свой пріемный залъ, онъ увидѣлъ тамъ незнакомаго ему человѣка, котораго онъ принялъ за становаго, имъ вызваннаго для головомойки (также незнакомаго ему лично), и вотъ весь его гнѣвъ обрушился на этого господина. Какъ ни силился послѣдній вставить словечко, но грозный губернаторъ не давалъ ему говорить. Наконецъ, тотъ, не вытерпѣвъ, перебилъ губернатора словами: „Вѣдь говорили же мнѣ, что нашъ губернаторъ сумасшедшій человѣкъ, но я не вѣрилъ, чтобы оно могло быть до такой степени“ и затѣмъ, поклонившись, вышелъ изъ залы. Тогда только г. N. узналъ изъ разспросовъ постороннихъ, что онъ имѣлъ дѣло съ однимъ помѣщикомъ ввѣренной ему губерніи, который счелъ своею обязанностію засвидѣтельствовать свое почтеніе его превосходительству.

министра иностранныхъ дѣлъ, каковымъ числился канцлеръ графъ Несельроде, но въ сущности таковымъ уже былъ князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ (въ экстренныхъ лишь случаяхъ князь относился къ канцлеру). Послѣ обѣда съ безконечными тостами, всѣ разбрелись по заламъ, кто покурить, кто вздремнуть въ уголкѣ на мягкихъ диванахъ, а кто поиграть на билліардѣ и въ кегли. Послѣ сервировки кофея, чая и ликеровъ, всѣ снова собрались въ столовый залъ, гдѣ пылала въ чашѣ чудовищнаго размѣра, скорѣе похожаго на чанъ, жженка, варившаяся на Шампанскомъ винѣ съ ананасами, апельсинами и разными другими эссенціями, а мѣшалъ поминутно эту ароматическую смѣсь самъ распорядитель пиршества И. М. Толстой. Когда прислуга стала разносить публикѣ стаканы съ этимъ нектаромъ, Французскій посолъ, герцогъ Монтебелло, отдѣлившись немного впередъ отъ своего кружка и оборотясь лицомъ къ присутствующимъ, громогласно провозгласилъ: «à la santé de l'Empereur» [1]). Подобный тостъ, не обозначавшій о какомъ императорѣ, о своемъ ли, или о нашемъ шла у него рѣчь, крайне не понравился мнѣ; и я, нагнувшись къ моему сосѣду и другу, барону Ѳедору Андреевичу Бюлеру, замѣтилъ: «Je crois que la bouche de m-r de Montebello ne se serait pas contractée, s'il eu dit: à la santé de Sa Majesté l'Empereur de Russie» [2]). Сынъ маршала Ланна былъ маленькій и тщедушный брюнетъ, и я нашелъ въ его физіономіи нѣкоторое сходство съ потретами Шатобріана, за исключеніемъ вдохновенности, выглядывавшей въ авторѣ «Генія Христіанства». Въ это время августѣйшій повелитель Французскаго посла всячески лебезилъ передъ нашимъ дворомъ, что̀ не помѣшало ему однакоже, три года спустя, поднять Польскій вопросъ, въ которомъ онъ, какъ извѣстно, претерпѣлъ полнѣйшее дипломатическое пораженіе.

Оживительный напитокъ придалъ новый толчекъ всему обществу, и въ разныхъ комнатахъ образовались отдѣльные кружки съ ихъ ораторами. Когда проходили чрезъ билліардную, подозвалъ меня къ себѣ сидѣвшій тутъ С. С. Ланской, весело разговаривавшій со своимъ товарищемъ по министерству, А. И. Левшинымъ. «Скажите-ка намъ, что̀ подѣлываетъ теперь вашъ мусьё Слоанъ?» смѣясь спросилъ онъ у меня и повернулся съ полулукавою улыбкою къ своему собесѣднику, который также улыбнулся. Надо знать, что съ бывшимъ Англійскимъ моимъ наставникомъ Сергѣй Степановичъ когда - то близко сошелся въ Москвѣ, въ концѣ 20-хъ годовъ, когда онъ тамъ жилъ съ семействомъ

[1]) За здоровье императора.

[2]) Я думаю, что ротъ господина де-Монтебелло не скривился бы, если бы онъ сказалъ: за здравіе Его Величества Россійскаго Императора.

до своего назначенія Костромскимъ губернаторомъ и былъ склоненъ къ англоманіи; а что до Алексѣя Ираклiевича, онъ хорошо помнилъ г. Слоана въ Одессѣ въ 1824 и 1825 годахъ и опять повстрѣчался съ нимъ въ 1839 г. во Флоренціи, гдѣ Левшинъ прожилъ недѣли двѣ съ своимъ семействомъ. Вопросъ о моемъ наставникѣ, сдѣланный въ полуироническомъ тонѣ, могъ быть мотивированъ дошедшимъ до этихъ господъ слухомъ, что скромный нѣкогда гувернеръ превратился въ маленькаго Креза. Послѣ краткихъ моихъ объясненій, какимъ образомъ разбогатѣло такъ неожиданно лицо интересующее обоихъ моихъ собесѣдниковъ, С. С. Ланской вдругъ перемѣнилъ разговоръ и сталъ разспрашивать меня о моей службѣ. «Вы теперь въ отставкѣ?» спросилъ онъ.—«Точно такъ.»—«Что же намѣреваетесь вы дѣлать?»—«Не знаю еще самъ.»—«Если желаете снова поступить на службу, я васъ сейчасъ же назначу вице-губернаторомъ гдѣ-нибудь»[1].—«Чувствительно благодарю ваше высокопревосходительство; но въ эту минуту семейныя мои обстоятельства требуютъ, чтобы я пожилъ у себя въ деревнѣ.»—«Ну, какъ хотите», заключилъ министръ. И вотъ какого маха я далъ тогда; а все изъ ошибочной (какъ нынѣ ясно вижу) мысли, по которой устройство бездѣльнаго Знаменскаго хозяйства казалось мнѣ важнымъ дѣломъ; да и при томъ побаивался я, правду сказать, какъ бы меня не турнули вице-губернаторствовать на первый случай въ какую-нибудь отдаленную глушь, какъ Пермь, Вятка или Самара. Что же дѣлать? И близокъ локоть, да не укусишь. Это былъ третій случай въ моей жизни, что я промахнулся и пошелъ à côté de ma carrière[2].

Одинъ знакомый мнѣ любитель живописи и рисованія, разсматривая однажды мою, начатую еще въ 30-хъ годахъ, коллекцію видовъ съ натуры во Владимирской, Московской, Рязанской и Калужской губерніяхъ, преимущественно древнихъ памятниковъ, посовѣтовалъ мнѣ показать ихъ директору военной типографіи главнаго штаба, гдѣ издавалась и издается по сію пору ежегодно «Памятная Книжка» съ видами разныхъ мѣстностей Россіи, гравированныхъ на стали. Я послушался его и понесъ свою коллекцію къ директору военной типографіи, г. Пеликану (сыну извѣстнаго врача того имени), который, взявъ мои рисунки, обѣщался показать ихъ начальнику главнаго штаба, генералу Герценшвейгу[3], а меня попросилъ придти для отвѣта черезъ

[1]) А вѣдь я былъ тогда только коллежскимъ ассесоромъ!

[2]) Сошелъ на сторону отъ дороги.

[3]) Впослѣдствіи Варшавскій военный генералъ-губернаторъ, застрѣлившійся въ 1862 году.

нѣсколько дней. Когда я пришелъ къ г. Пеликану за отвѣтомъ, онъ сказалъ мнѣ, что выбраны для изданія два изъ моихъ рисунковъ (это были, кажется, видъ подмосковнаго недоконченнаго Царицынскаго дворца и видъ въ городѣ Калугѣ); за оба мнѣ заплатили по 25 рублей, цѣна свыше всякаго моего ожиданія. Художественныя мои выручки этимъ, однакоже, не ограничились, и я отправился на авось къ академику Тиму, издававшему «Художественный Листокъ», и онъ выбралъ у меня десять карандашныхъ рисунковъ, по 5 рублей за каждый, а спустя нѣсколько дней прислалъ мнѣ еще 10 рублей за акварель женскихъ крестьянскихъ костюмовъ Зарайскаго уѣзда, которую я набросалъ второпяхъ тутъ же въ Петербургѣ, по эскизу изъ дорожнаго моего альбома. И вотъ, я такимъ образомъ нечаянно выручилъ 110 рублей, весьма пригодныхъ для Петербургскихъ моихъ издержекъ; но сверхъ того, повезло какъ-то мнѣ и насчетъ литературнаго гонорара. Не сказывалъ я нигдѣ, что со времени моего переѣзда изъ Рязани въ Знаменское и въ Калугу, осенью 1856 года, я въ свободное отъ службы время занялся переводомъ по-русски брошюрки Итальянскаго ученаго каноника Чіампи о первомъ самозванцѣ, составленной имъ по неизданнымъ дотолѣ Итальянскимъ и Латинскимъ документамъ и, къ счастію, я захватилъ съ собою въ Петербургъ эту рукопись. Не припомню, кто именно указалъ мнѣ на историческій сборникъ, недавно начавшій выходить подъ заглавіемъ «Архивъ» *), какъ на журналъ, въ которомъ могъ имѣть мѣсто мой переводъ. Не теряя времени, я отправился къ издателю и редактору сборника, Николаю Васильевичу Калачеву (тогда профессору Петербургскаго университета) и, къ моему удивленію, я засталъ у него желѣзнодорожную мою спутницу, Надежду Николаевну Акимову. Она была очень дружна съ женою меньшого брата Николая Васильевича и остановилась въ Петербургѣ у молодой этой четы, квартировавшей почти рядомъ съ Диковымъ у Конюшеннаго моста, и потому я часто видался съ г-жою Акимовой. Думаю, что ея рекомендація обо мнѣ Н. В. Калачеву принесла свою долю пользы, и переводъ мой, съ приложеннымъ къ нему видомъ дома Калужскаго мѣщанина Коробова, въ которомъ жилъ, по преданію, Тушинскій воръ, принятъ былъ издателемъ «Архива», и я получилъ 60 рублей. Это была первая въ жизни моей выручка за литературный трудъ, и потому я возгордился; да и могъ ли я разсчитывать, ѣхавши въ Петербургъ, что тамъ свалятся мнѣ, какъ бы съ неба, 170 рублей? Сверхъ этихъ денегъ, я попользовался еще процентами банковыхъ билетовъ 1-го заграничнаго займа, отъ первоначальныхъ

*) Сборникъ этотъ просуществовалъ всего одинъ годъ.

двухъ тысячъ рублей, случайно сбереженныхъ усердіемъ не разъ упомянутаго повѣреннаго моего Радзиковскаго изъ послѣдняго, полученнаго въ 1845 году, оброка отъ Костромскаго моего имѣнія, которыя деньги были тогда же положены въ Московскую Сохранную Казну на имя дочери моей до ея совершеннолѣтія, а по ея кончинѣ онѣ были перечислены, по моей о томъ просьбѣ, на имя малолѣтняго моего сына. Такъ какъ, по существовавшему до того положенію въ Сохранной Казнѣ, вклады приносили по 6 процентовъ, то первоначальный капиталъ въ двѣ тысячи рублей разросся въ 1860 году до 4-хъ безъ малаго тысячъ рублей. Весьма скорблю, что въ первое время хозяйственнаго переполоха, едва ли не неизбѣжнаго и всеобщаго вслѣдствіе манифеста 19 Февраля 1861 года, я вынужденъ былъ употребить бо́льшую часть этого капитала на наше Знаменское хозяйство, а отчасти на житейскія наши потребности. И такъ, всѣхъ денегъ за рисунки, литературную статью и проценты съ сыновняго капитала оказалось у меня болѣе 400 рублей, и вотъ на какія средства я продолжалъ жить въ Петербургѣ по отъѣздѣ оттуда Николая Адріяновича.

Существовала издавна интимность между моимъ кузеномъ и княземъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ, какъ я уже о томъ упомянулъ, по поводу пріобрѣтенія Дивовымъ случнаго жеребца Ворона, что̀ составляло безпримѣрное исключеше въ правилахъ, установленныхъ на княжескомъ заводѣ. Князь Орловъ, на пути въ Воронежское свое имѣніе Пады, заѣзжалъ въ Городище, и Дивовъ не разъ гостилъ тамъ у князя. Зная испытанную молчаливость Николая Адріяновича, князь нерѣдко передавалъ ему тайны современной политики, внутренней и внѣшней; а впослѣдствіи, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, братъ мой передавалъ мнѣ кое-что объ интересныхъ этихъ бесѣдахъ. Иное изъ его разсказовъ входитъ въ составъ настоящихъ моихъ записокъ, а прочее я внесъ въ особенную тетрадь отрывочныхъ моихъ воспоминаній, которая можетъ служить дополненіемъ къ настоящимъ запискамъ.

Когда Дивовъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, онъ не менѣе двухъ пли трехъ разъ въ недѣлю обѣдалъ у князя Алексѣя Ѳедоровича, и такъ какъ большею частью они обѣдали вдвоемъ, то князь былъ съ Дивовымъ на распашку. У князя былъ старикъ-камердинеръ изъ его крѣпостныхъ, болѣе 40 лѣтъ служившій при немъ и потому пользовавшійся привиллегіей говорить все, что̀ приходило ему па умъ. Его-то и можно выставить въ подтвержденіе справедливости Французской поговорки: что ‹il n'y a pas de héros pour son valet de chambre› *).

*) Никакой баринъ не герой въ глазахъ своего камердинера.

Однажды Дивовъ, пріѣхавъ къ князю, не былъ немедленно допущенъ къ нему, по случаю его болѣзни; старый личарда счелъ своею обязанностью занять посѣтителя разговоромъ о его баринѣ и, между прочимъ, выразился такъ: «Помилуйте, ваше превосходительство; ну куда совладать нашему князю со всѣми должностями, лежащими на немъ? Никогда вѣдь онъ не занимался гражданскими дѣлами, а вотъ онъ предсѣдатель и Комитета Министровъ, и Государственнаго Совѣта!»...

Н. А. Дивовъ такъ описывалъ характеръ князя Алексѣя Ѳедоровича. Онъ обладалъ въ высшей степени необходимыми въ дипломатіи качествами: тонкостію ума, ловкостію вести переговоры, не высказывая вполнѣ, въ чемъ состояли его инструкціи. Эти качества и содѣйствовали его успѣхамъ въ заключеніи Адріанопольскаго мира 1829 г. и на Парижскомъ конгрессѣ въ 1856 году. Но рядомъ съ этимъ, князь Орловъ неспособенъ былъ ни къ какому усидчивому труду, не имѣлъ широкаго взгляда въ государственныхъ вопросахъ внутренней администраціи, но паче всего, его преодолѣвала лѣнивая его натура, и не любилъ онъ, чтобы его безпокоили. Отъ этого онъ и избѣгалъ вмѣшиваться въ дѣла другихъ министерствъ. Въ молодости, какъ субалтернъ-офицеръ, онъ проявлялъ неустрашимую отвагу, позднѣе онъ выказалъ себя примѣрнымъ командиромъ конно-гвардейскаго полка; но этимъ только и ограничивались боевыя его достоинства, и онъ никогда бы не могъ совладать не только съ цѣлою арміей, но едва ли съ корпусомъ. А были все-таки въ немъ высокое сановническое достоинство и благонамѣренность, которыя онъ не разъ выказалъ на занимаемомъ имъ постѣ шефа жандармовъ. Никого онъ не сдѣлалъ несчастнымъ, а вліяніе его было огромное, ибо покойный Государь называлъ его своимъ другомъ *).

Умѣстнымъ считаю помѣстить здѣсь сообщенное Дивову княземъ Орловымъ о поѣздкѣ его въ Вѣну, по порученію покойнаго Государя, передъ Крымскою войной, съ цѣлью заключить оборонительный и наступательный союзъ съ Австріей, а потомъ съ Пруссіей. По пріѣздѣ въ Вѣну онъ вошелъ въ сношеніе съ тогдашнимъ первымъ министромъ Буолемъ, который, какъ руссофобъ, заявилъ князю рѣшительный отказъ по этому предмету. Тѣмъ не менѣе, князь выпросилъ аудіенцію у императора и, коснувшись цѣли своего пріѣзда, встрѣтилъ уклончивый отвѣтъ отъ облагодѣтельствованнаго Русскимъ царемъ Габсбург-

*) Въ публикѣ говорили, что въ интимныхъ бесѣдахъ съ Государемъ князь говорилъ ему *ты*. Но достовѣрно то, что въ этихъ бесѣдахъ Государь звалъ графа Алексѣя Ѳедоровича „Алёшею“.

скаго монарха. Оставалась надежда на одну Пруссію; но князь Алексѣй Ѳедоровичъ, имѣвъ случай зондировать расположеніе этого двора черезъ Прусскаго представителя въ Вѣнѣ, убѣдился изъ словъ послѣдняго, что и въ Берлинѣ нельзя было надѣяться на успѣхъ, и потому онъ немедленно возвратился прямо въ Петербургъ. Не помню, приводилъ ли я въ этихъ запискахъ мнѣніе Дивова, что если бы покойный Государь предвидѣлъ неблагополучный исходъ переговоровъ съ Турецкимъ правительствомъ о святыхъ мѣстахъ въ 1853 году, то онъ послалъ бы въ Константинополь не князя Меншикова, а графа Орлова; а перваго изъ нихъ Государь не долюбливалъ за его язычекъ *).

Подъ исходъ Апрѣля кузенъ мой поразилъ меня своимъ рѣшеніемъ покончить съ Петербургскою годовою своею квартирой и возвратиться черезъ нѣсколько дней въ Городищенское свое гнѣздо; а такъ какъ я намѣревался продлить мое пребываніе въ Петербургѣ, пока хватитъ мнѣ на это денегъ, то приходилось мнѣ перебираться на другую какую-нибудь квартиру. Въ эту весеннюю пору княгиня М. С. Черкасская и дочь ея отправлялись на все лѣто въ Рязанское ихъ имѣніе, Петровское; но баронъ Бюлеръ оставался въ Петербургѣ по служебнымъ его обязанностямъ, и онъ предложилъ мнѣ переѣхать къ нему. Это перемѣщеніе было и пріятное, и удобное для меня, и я прожилъ съ барономъ Ѳедоромъ Андреевичемъ до самаго моего отъѣзда въ Москву, въ началѣ Іюня. Княгиня Черкасская и Бюлеры занимали бель-этажъ большого дома на набережной, у Гагаринской пристани. Баронъ Бюлеръ управлялъ тогда отдѣленіемъ газетной экспедиціи при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ и былъ, насколько помнится мнѣ, членомъ цензурнаго комитета иностранныхъ и Русскихъ газетъ; сверхъ того, на него было возложено составленіе ежедневныхъ экстрактовъ изъ всѣхъ заграничныхъ газетъ о наиболѣе интересныхъ свѣдѣніяхъ въ политическомъ мірѣ, для прочтенія Государю. Выдержки эти переписывались изящными каллиграфами; но такъ какъ одному барону Бюлеру не подъ силу было перечитывать всѣ газеты, то онъ имѣлъ подъ своимъ вѣдѣніемъ двухъ помощниковъ, однимъ изъ которыхъ былъ молодой Капнистъ. Въ одно послѣобѣда, когда я взошелъ къ нему въ кабинетъ и засталъ его заваленнаго газетами всевозможныхъ форматовъ и на разныхъ языкахъ, онъ предложилъ мнѣ помочь ему въ работѣ. Я взялъ первую попавшуюся мнѣ подъ руку газету (Русскую Иллюстрацію, или какой-то художественный или юмористическій листокъ), просмотрѣлъ ее съ должнымъ, какъ мнѣ казалось, внимані-

*) Извѣстна острота князя Александра Сергѣевича, что если Николая Павловича нельзя назвать *мудрымъ*, то можно назвать *мудренымъ*.

емъ и отрапортовалъ барону Ѳедору Андреевичу, что прочитанный мною листокъ столь же безвреденъ, какъ новорожденный младенецъ, или какъ панегирическія статьи князя Шалихова, усыпительной памяти, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 20-хъ и 30-хъ годовъ. «Спасибо, братецъ», сказалъ баронъ, и я принялся за другой нумеръ. Но плохо же былъ я посвященъ въ тайны науки, которою отличались нѣкогда Красовскіе, Тимковскіе, Флеровы и подобные имъ знаменитые аргусы печатнаго дѣла въ первой половинѣ текущаго вѣка, потому что на слѣдующее утро баронъ мой, вмѣсто вчерашняго «спасибо», встрѣтилъ меня другимъ комплиментомъ: «Ну, братецъ, одолжилъ было ты меня! Хорошо, что я пробѣжалъ совершенно случайно цензированный тобою первый листокъ. Нашелъ я тамъ такія штуки (въ какомъ родѣ были онѣ, антиправительственныя, антирелигіозныя или противъ нравственности, не упомню), что попалъ бы я въ просакъ по твоей милости».

Узнавъ, что старая княгиня Софья Григорьевна Волконская находилась въ Петербургѣ, я счелъ долгомъ свидѣтельствовать личное мое почтеніе этому другу молодости моей матери и тетокъ графинь Воронцовыхъ. Княгиня тогда гостила (постояннаго жительства у нея не было съ давнихъ лѣтъ) у своего зятя Павла Дмитріевича Дурново, на Англійской набережной. Она приняла меня довольно привѣтливо и въ разговорѣ спросила, знакомъ ли я съ ея зятемъ, на что я отвѣчалъ, что я встрѣчался когда-то съ нимъ во Флоренціи, во время моей молодости, когда онъ и его родители гостили у его дяди, Николая Никитича Демидова, и онъ бывалъ у насъ въ домѣ. (Позднѣе я не возобновилъ какъ-то моего съ нимъ знакомства, хотя и встрѣчалъ его раза два у его шурина, князя Дмитрія Петровича Волконскаго). Когда, по окончаніи моего визита, я всталъ, чтобы выходить, княгиня Софья Григорьевна пригласила меня отобѣдать у нея и назначила день; но наканунѣ этого дня я получилъ отъ нея записку, въ которой она говорила, что такъ какъ я незнакомъ съ ея зятемъ, хозяиномъ дома, то она не можетъ принять меня. Я показалъ эту записку Бюлеру, и мы оба вдоволь натѣшились этою безцеремонною выходкою чудихи, вдовы министра Императорскаго Двора.

Не навѣстить другую знатную даму, графиню Анну Михайловну Толстую, было бы съ моей стороны неблагодарностію, и вотъ почему. Съ нею я познакомился у Черкасскихъ, когда она гостила у нихъ въ Петровскомъ, лѣтомъ 1855 или 1856 года, и она съ перваго же раза приняла живѣйшее участіе въ моей судьбѣ, настаивая, чтобы я непремѣнно перебрался на службу въ Петербургъ и обѣщая на это

свое содѣйствіе, pour me pousser au service [1]), какъ она выражалась. «И какъ это возможно», говорила она, «чтобы графъ Бутурлинъ былъ затерянъ на службѣ въ провинціи!» Не мудрено, что если бы я въ этотъ мой пріѣздъ въ Петербургъ воспользовался незаслуженнымъ ко мнѣ вниманіемъ графини Толстой, я могъ бы получить хорошее назначеніе даже и тамъ; но какъ я неоднократно уже говорилъ, службы я тогда не искалъ. Не знаю, кто могъ быть добродушнѣе и простѣе въ обращеніи, чѣмъ эта женщина. Графиня Анна Михайловна, урожденная княжна Хилкова, была по первому мужу княгиня Щербатова, и отъ него имѣла двухъ дочерей, изъ которыхъ одна была уже за мужемъ за княземъ Кропоткинымъ [2]), а другая за генераломъ Храповицкимъ, по смерти котораго она вышла за моего друга, вдовца Павла Александровича Вревскаго, убитаго, какъ я уже говорилъ, генералъ-адъютантомъ въ Крымскую войну въ 1855 году. Княгиня, овдовѣвъ уже въ пожилыхъ лѣтахъ, вышла замужъ за графа Александра Николаевича Толстаго (прозваннаго въ обществѣ Lili Tolstoy), человѣка украшеннаго уже сѣдинами, но еще юнаго сердцемъ, душею и свѣтскими привычками и манерами. Говорятъ, что взаимное чувство давно влекло ихъ другъ къ другу, но князь Щербатовъ былъ еще въ живыхъ, а изобрѣтенный позднѣе способъ вѣнчаться съ милымъ намъ человѣкомъ при жизни настоящаго супруга и безъ церковнаго расторженія перваго брака не былъ еще въ обычаяхъ прежняго поколѣнія, хотя и офранцуженнаго. Отъ этого брака дѣтей нечего было ожидать. Толстые жили въ своемъ домѣ на Кирочной или Фурштатской улицѣ (а можетъ быть и на Сергіевской; помню только, что это была одна изъ улицъ, выходившихъ изъ Литейной по направленію къ Таврическому саду), и внутреннее убранство ихъ дома было непохоже на обыкновенное тѣмъ, что сохраняло всецѣло оттѣнокъ ранней Александровской эпохи, то-есть смѣси Аѳинскаго и Римскаго классицизма со стилемъ первой Наполеоновской имперіи. Представителями этого стиля были неуклюжіе и некомфортабельные диваны, кушетки, кресла и даже ножки столовъ, геридоновъ [3]) и подзеркальниковъ, всѣ съ позолоченными орлиными головами и иногда съ таковыми же крыльями; а спинки креселъ и стульевъ представляли позолоченныя лиры, вставленныя въ лавровый вѣнокъ, и всю эту мебель поддерживали необыкновенныя ножки, косматыя лапы, а иногда и морды царя звѣрей. Сообразно этому стилю, карнизы подъ потолками и надъ дверями были лѣп-

[1]) Дать мнѣ служебный толчекъ.

[2]) Назначенный Московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ послѣ А. А. Тимашева-Беринга.

[3]) Маленькій круглый столъ.

ной и недешевой работы, съ аллегорическими атрибутами и миѳологическими барельефами надъ дверями. На счетъ всей этой лѣпной работы утвердительно сказать не могу, были ли онѣ въ этомъ видѣ въ домѣ Толстыхъ; но, судя по археологической неприкосновенности всего прочаго, которою щеголяли въ началѣ вѣка, предполагаю, что святотатственная рука позднѣйшихъ новаторовъ не коснулась этихъ вычурныхъ лѣпныхъ произведеній. Картины, украшавшія пріемные апартаменты, были современны той же эпохѣ, и тутъ же висѣли фамильные портреты кисти извѣстной и талантливой г-жи Лебрюнъ. На обѣдѣ у Толстыхъ (сервированномъ съ особенною аристократическою изящностію) я встрѣтилъ и даже имѣлъ честь вести подъ руку въ столовую и обратно въ гостинную графиню Завадовскую, урожденную Влодекъ, бывшую изъ первыхъ Петербургскихъ красавицъ, лѣтъ тридцать передъ тѣмъ, и всетаки мало измѣнившуюся въ этомъ 1860 году. У графини Анны Михайловны было большое имѣніе (звали его, кажется, село Кузьминка) на Окѣ, неподалече отъ Рязани и отъ Городища, гдѣ она проводила иногда часть лѣта, и вотъ почему она пріѣзжала гостить къ Черкасскимъ въ Петровское на нѣсколько дней.

Часто встрѣчается въ этихъ разсказахъ княгиня М. С. Черкасская, а о существованіи ея сына князя Семена Петровича я какъ будто-бы и позабылъ, и вотъ почему это случилось. Съ конца 40-хъ годовъ, еще при жизни отца своего князя Петра Дмитріевича, молодой князь Семенъ до того пристрастился къ живописи, что поступилъ въ Академію Художествъ. Тамъ онъ кончилъ курсъ съ успѣхомъ и, предпочитая артистическую профессію всякой государственной службѣ, отрекся отъ всего внѣшняго міра, отдѣлился отъ своего семейства, завелъ свою мастерскую, а позднѣе набралъ около себя учениковъ. Между тѣмъ, эксцентрическій аматёръ-художникъ наслѣдовалъ значительное состояніе отъ своего отца (умершаго, какъ уже было сказано, въ 1852 году), и позднѣе на его долю досталась часть изъ наслѣдства богача графа Мамонова; но все это не измѣнило его образа жизни. Изъ прислуги онъ довольствовался одною кухаркою, которая въ тоже время убирала его квартиру, смотрѣла за бѣльемъ и исполняла всѣ его комиссіи. Безпечный какъ истый художникъ, онъ передалъ полное управленіе надъ своими имѣніями матери и отъ нея бралъ нужныя на прожитокъ деньги, а по нероскошнымъ своимъ привычкамъ не истрачивалъ всего своего годового дохода. Касательно же таланта можно сказать, что природа нескудно его наградила. Лишь только онъ свыкся съ механизмомъ кисти и правильнымъ употребленіемъ палитры, онъ, во время лѣтняго своего гощенія у матери въ Петровскомъ, весьма уже бойко

и вѣрно набрасывалъ портреты съ нѣкоторыхъ тамошнихъ крестьянъ. Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ весною 1860 года, князь Семенъ Петровичъ кончалъ картину тенденціознаго жанра, сюжетомъ которой былъ баринъ средней руки, собиравшій оброкъ со своихъ крестьянъ, произведеніе, за которое присуждена была князю на выставкѣ медаль (золотая или серебряная, не упомню). Картина была задумана замѣчательно хорошо и выполнена весьма удачно въ нѣкоторыхъ ея деталяхъ. За столомъ сидѣлъ деревенскій помѣщикъ зрѣлыхъ лѣтъ, въ халатѣ и ермолкѣ, и пересчитывалъ кредитные билеты и звонкую монету, которыми заставленъ былъ письменный столъ. Толпа крестьянъ, вносящихъ оброкъ, составляла второй планъ картины, и рядомъ съ бариномъ, или немного позади его, стоялъ староста или бурмистръ съ тупымъ выраженіемъ лица. На первомъ планѣ и впереди крестьянской группы стояла на колѣняхъ нищенствующая (какъ видно было по одеждѣ) вдова, слезно просившая о сложеніи съ нея оброка, при чемъ она указывала на двухъ малолѣтнихъ ея сиротъ, безсознательно стоявшихъ также на колѣняхъ, прокормить которыхъ было и безъ того ей не подъ силу; но безпомощность этой семьи не трогала нимало загрубѣлаго и тучнаго плантатора. Мимо молящей крестьянки шмыгалъ казачекъ съ закуренною для барина трубкой и поглядывалъ на просительницу безъ всякаго къ ней участія и даже съ лукавою улыбкой. Весь этотъ эпизодъ былъ мастерски схваченъ съ натуры, и вся картина, какъ можно видѣть изъ моего описанія, была подъ стать духу времени, то-есть въ защиту меньшей братіи, не смотря на то, что была написана потомкомъ древняго боярскаго рода. Послѣ 1863 года князь Симеонъ Петровичъ переселился въ Парижъ, и я потерялъ его изъ виду. Слышно, что онъ будто бы впалъ тамъ въ аристократическое преступленіе, состоящее въ томъ, что женился на какой-то натурщицѣ.

Въ тринадцатилѣтнюю небытность мою въ Петербургѣ перестроенъ былъ заново Баварскимъ архитекторомъ барономъ Кленцемъ*) весь старый Эрмитажъ, съ прибавкою пространнаго ваятельнаго отдѣленія. Величественное это зданіе съ портикомъ, иначе съ подъѣздомъ, поддерживаемымъ мраморными каріатидами со стороны Большой Милліонной, приспособлено нынѣ къ выставкѣ художественныхъ предметовъ гораздо болѣе, нежели былъ старый Эрмитажъ; но новое это зданіе, находясь въ связи со старымъ зимнимъ дворцомъ, построеннымъ въ капризномъ стилѣ, называемомъ рококо, представляетъ классическою своею архитектурою рѣзкую черезъ чуръ (на мой глазъ) противупо-

*) Правильнѣе, по плану барона Кленца; ибо производство работъ возложено было на Русскихъ архитекторовъ, г. г. Стасова и Ефимова.

ложность съ Растреллевскимъ зданіемъ. «Cela jure trop,» изреченіе весьма характеристичное, но, къ сожалѣнію, непереводимое по-русски. Изъ наизамѣчательныхъ статуй этого музея можно считать Греческую Венеру и группу Каина и Авеля современнаго Флорентинца Дюпрѐ. Происхожденіе первой изъ нихъ слѣдующее. Ее нашли въ Римскихъ раскопкахъ въ 40-хъ годахъ, и знатоки древняго искусства признали ее произведеніемъ лучшей школы Греческаго ваянія временъ Фидіаса и Праксителя, подъ стать Аполлону Бельведерскому и Венерѣ Медиційской, съ которою Петербургская имѣетъ дѣйствительно большое сходство. Поза головы и всего стана, экспрессія и головная прическа, почти однѣ и тѣже въ обѣихъ; но Петербургская Венера меньшей величины, какъ мнѣ показалось, чѣмъ Флорентинская. Кромѣ роста, разница состоитъ въ неважныхъ деталяхъ, какъ напримѣръ въ изгибахъ колѣнъ и поставкѣ ногъ, а также и въ аксессуарахъ, въ числѣ которыхъ нѣтъ у Петербургской дельфина, который находится съ боку у ея Этрурійской соперницы. По существующему издавна въ Римѣ положенію, всѣ ископаемыя древности классическаго достоинства (даже когда раскопки предприняты частными лицами, туземцами или иностранцами) не выпускаются изъ вѣчнаго города: эти предметы оцѣниваются комиссіею экспертовъ и пріобрѣтаются Римскимъ правительствомъ для національнаго музея. Исключеніе изъ этого правила было сдѣлано, въ 20-хъ годахъ, въ пользу Баварскаго короля Лудовика, основавшаго Мюнхенскія Глиптотеку и Пинакотеку, и повторилось съ нашею Венерой потому только, какъ предполагаю, что въ то время (между 1844 и 1846 годами) папа Григорій XVI старался всячески угодить императору Николаю Павловичу, имѣя въ виду заключеніе конкордата между нашимъ правительствомъ и Римскою куріею.

Оставляю въ сторону на короткое время общій вопросъ объ искусствѣ и хочу пуститься въ резонерство и въ нѣкоторыя размышленія о нравственномъ вліяніи искусства на профановъ, такъ какъ эти размышленія давно бродятъ у меня въ головѣ, по поводу нагихъ миѳологическихъ боговъ и богинь, встрѣчающихся такъ часто въ публичныхъ галлереяхъ. Во-первыхъ, ставлю слѣдующій вопросъ. Мирится ли женская природная стыдливость съ эстетическимъ чувствомъ въ искусствѣ до забвенія этой самой стыдливости? А вотъ почему ставлю я такой вопросъ. Нерѣдко случалось мнѣ замѣчать съ издѣтства, что молодыя женщины, въ томъ числѣ дѣвицы, какъ Русскія, такъ и скромныя Британки, застѣнчивыя во всѣхъ прочихъ случаяхъ жизни, вытаращивали, не краснѣя, глаза и восхищались всѣми этими античными Венерами, Нимфами, Аполлонами, мускулёзными Геркулесами и подобны-

ми статуями въ томъ же видѣ, въ какомъ были наши прародители до ихъ грѣхопаденія, иногда даже безъ принятаго въ ваяніи фиговаго или виноградиаго листка. Скажутъ, быть можетъ, что идеализація высшаго искусства заглушаетъ здѣсь всякую плотскую чувственность. Охотно допускаю это объясненіе въ отношеніи къ профессіональнымъ жрецамъ искусства, но сомнѣваюсь въ существованіи этого священнаго огня въ столь сильной степени въ публикѣ, состоящей изъ молодыхъ дѣвицъ и юношей, чтобы этотъ огонь превращался въ непроницаемую броню противъ плотскихъ ощущеній. Но, допуская даже, что этотъ эстетическій экстазъ доходитъ до мимолетнаго забвенія приличій, внушенныхъ съ дѣтства, тѣмъ не менѣе спрашиваю: отчего же эти самыя молодыя женщины, дѣвицы и Англійскія мисси ускоряютъ шагъ, проходя мимо совершенно также голыхъ красавицъ, писанныхъ Рубенсомъ (что я самъ видѣлъ) и отворачиваются отъ нихъ, говоря даже «quelle horreur, quelle indécence!»?*). Да неужели страстность или сладострастіе сильнѣе развиваются отъ предмета, исполненнаго колерами, нежели отъ мраморныхъ формъ, не соблазняющихъ нимало этихъ женщинъ и дѣвицъ? Вотъ что заставляетъ меня призадумываться, и желаю, чтобы кто-нибудь истолковалъ мнѣ это удовлетворительно; и затѣмъ, возвращаюсь къ прерванному обзору Петербургскаго музея.

Послѣ Эрмитажной Венеры, и даже болѣе чѣмъ она, поразила меня группа Каина и Авеля (немного болѣе натуральнаго роста) грандіозностію исполненія и замысла и, прочитавъ на піедесталѣ имя Дюпрѐ, я мысленно поздравилъ было Францію, породившую одного изъ первыхъ скульпторовъ нашего времени. Но каковò было мое удивленіе, когда въ бытность мою во Флоренціи, три года спустя, мнѣ показали великолѣпные барельефы въ недостроенномъ еще фасадѣ церкви Санта-Кроче (Святаго Креста), и я только что тогда узналъ, что г. Дюпрѐ, авторъ этихъ барельефовъ, чистый Флорентинецъ, послѣ чего я имѣлъ случай посѣтить его студію. Репетицію убитаго Авеля Петербургской группы я видѣлъ вылитую изъ бронзы въ Флорентинской галлереѣ дворца Питти. Да и въ самомъ дѣлѣ, Французское благѐрство и литературное ихъ хвастовство такъ велики, что журналисты и иностранные путешественники не преминули бы провозгласить по всей вселенной, что Парижъ можетъ гордиться первѣйшимъ въ мірѣ скульпторомъ, по фамиліи Дюпрѐ, между тѣмъ какъ сдѣлай эту рекламу Итальянскій скромный журналъ, на врядъ ли бы ему повѣрила Европа. Кстати, говоря о ваятеляхъ, нельзя было не восхищаться двумя колосальными гипсовыми группами нашего даровитаго и преждевременно умершаго

*) Какая мерзость, какое безстыдство!

Пименова, выставленными въ это время или немного позднѣе въ одной изъ залъ Академіи Художествъ. Одна изъ группъ была Преображеніе, а другая Воскресеніе Христово. Весьма жаль, если эти гипсовыя модели останутся неисполненными мраморомъ или бронзою; а это довольно вѣроятно, при индиферентизмѣ и скаредности Русскаго общества въ отношеніи къ національному искусству.

Въ театрѣ не бывалъ я ни разу во время этого моего пребыванія въ Петербургѣ, но я зналъ изъ городскихъ вѣстей, что отъ блистательной плеяды Русскихъ артистовъ Александринскаго театра 40-хъ годовъ остались только Сосницкій, Мартыновъ, Каратыгинъ 2-й и Самойловъ. Изъ женскаго персонала сошли со сцены обѣ сестры Самойловы и Дюрова, и въ началѣ 60-хъ годовъ оставались на сценѣ однѣ лишь женскія посредственности. О Михайловскомъ театрѣ мало какъ-то говорили; должно быть, Французскій спектакль вышелъ изъ моды у представителей и представительницъ высшей аристократіи. За то весь фуроръ былъ концентрированъ на Итальянской оперѣ, гдѣ знаменитый, но дюже пожилой теноръ, Тамберликъ продолжалъ еще выкрикивать свой грудной ре-бемоль въ дуэтѣ Яго, въ Отелло. Съ нимъ соперничалъ, хотя въ другомъ родѣ пѣнія, теноръ Кальцолари. Онъ не владѣлъ могущественно-оглушительнымъ тембромъ Тамберлика; но методъ его былъ граціознѣе, да и самый тембръ свѣжѣе. Особенно шла къ его средствамъ партитура оперы Верди «Травіата». Изъ нынѣшняго репертуара не слыхалъ я ничего сладкозвучнѣе дуэта между сопраномъ и теноромъ, въ этой же оперѣ: «Parigi, o cara, noi lasciaremo» [1]).

Такъ какъ, въ началѣ этихъ Записокъ, я обязался, что они будутъ поелику возможно зеркаломъ моей души, хотя похвастаться не могу, что «это зеркало прекрасно» [2]), то не скрою одной черты моего малодушія и даже трусости. Читатель помнитъ, надѣюсь, моего коммиссіонера по картинной спекуляціи, Тосканца Джіованни Паоли, бывшаго прежде камердинеромъ у брата моего графа Петра Дмитріевича. Послѣ финансоваго моего разгрома въ 40-хъ годахъ, я оставался долженъ

[1]) Прошу смотрѣть на театральный этотъ обзоръ, какъ далеко неполный: въ немъ отмѣчено мною лишь то, что я узналъ отъ моихъ знакомыхъ, въ числѣ которыхъ не было настоящихъ театраловъ. Замѣчательно однакоже, что не только въ описываемое время, но и по сю пору (въ 1875 г.) держится на Петербургской Русской оперной сценѣ басъ Петровъ, славившійся уже въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ, для котораго Глинка написалъ партію Сусанина въ „Жизни за Царя“. Не слыхалъ я отъ роду, чтобы пѣвецъ могъ держаться на сценѣ въ продолженіе болѣе 40 лѣтъ.

[2]) Изъ стараго водевиля временъ Хмельницкаго и Ленскаго.

ему за его службу около тысячи рублей. Когда онъ, отошедши отъ меня, опредѣлился въ 1845 или 1846 году метръ-д'отелемъ къ князю Петру Михайловичу Волконскому, онъ нѣсколько разъ бомбардировалъ меня письмами въ Знаменское, требуя должныхъ ему денегъ и грозя обратиться къ высшему начальству, такъ какъ я далъ ему документъ въ эту сумму. Въ 1847 году онъ уже находился въ той же должности (метръ-д'отеля) у Всеволожскихъ (сама барыня была урожденная Жеребцова) и сопровождалъ ихъ за границу, и въ это время прекратились докучныя для меня его требованія. Въ 1856 году, во время коронаціи, онъ уже былъ въ услуженіи у княгини Кочубей, которая пользовалась большимъ состояніемъ перваго ея мужа князя Эспера Александровича Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго и переѣхала по случаю коронаціи въ свой Московской домъ на Тверской, гдѣ она дала для двора одинъ изъ самыхъ блестящихъ баловъ. Зная, что въ 1860 году Паоли все еще находился у княгини Кочубей, я, подъ вліяніемъ паники отъ прежнихъ его писемъ и дабы не встрѣчаться съ нимъ на улицѣ, близъ Аничкова дворца, переходилъ на лѣвый тротуаръ Невскаго проспекта, изъ опасенія, не равно кредиторъ мой выйдетъ невзначай изъ дома Бѣлосельскихъ, который стоитъ, какъ извѣстно, на правомъ углу Невскаго проспекта и Фонтанки. Ребяческое подобное опасеніе не можетъ нынѣ тревожить меня, и я дорожу тѣмъ величайшимъ благомъ, что въ нищенскомъ почти моемъ положеніи я никому не состою должнымъ.

Навѣстивъ однажды Рафаила Зотова (прежняго рецензента въ редакціи Отечественныхъ Записокъ) по дѣлу о помѣщеніи моихъ рисунковъ Русскихъ древностей въ «Иллюстрацію», издаваемую тогда Бауманомъ, въ которой г. Зотовъ былъ редакторомъ, я не безъ удивленія узналъ отъ него, что въ тогдашнемъ литературномъ мірѣ не стѣснялись вести корреспонденцію съ Герценомъ, что̀ доказываетъ однакожъ, какъ слабо правительство преслѣдовало распространеніе знаменитаго «Колокола» и всякое съ нимъ сношеніе.

Въ Европейскомъ политическомъ мірѣ была та новость, что патріотъ Гарибальди отплылъ изъ Генуи съ горстью волонтеровъ (едва превышавшею, помнится мнѣ, 500 или 600 человѣкъ) съ провозглашеннымъ заранѣе намѣреніемъ овладѣть Сициліею, въ чемъ онъ успѣлъ въ теченіе какого-нибудь одного мѣсяца, разбивъ цѣлый корпусъ Неаполитанцевъ. Видно, что хорошо было это войско; но не такіе еще военные фокусы и сюрпризы должны были совершаться на Итальянской классической почвѣ въ наступавшее десятилѣтіе *).

*) Куріознѣе всего прочаго, что Итальянское объединенное королевство, послѣ

Передъ выѣздомъ мопмъ изъ Петербурга послѣдовалъ рѣшительный отказъ изъ департамента внутренней торговли объ учрежденіи просимой мною и Григоріемъ Андреевичемъ Быховцомъ компаніи на акціяхъ для постройки паровой лѣсопильни въ Калугѣ. Не скажу, чтобы эта неудача особенно опечалила меня, такъ какъ я убѣдился, что мой компаніонъ мало надеженъ, да и проектъ самъ по себѣ былъ непрактиченъ.

Въ началѣ Іюня, на возвратномъ пути въ Знаменское, я остановился на полторы недѣли въ Москвѣ, гдѣ шуринъ мой Нарышкинъ обрадовалъ меня извѣстіемъ, что милая его дочь Лиза помолвлена съ Николаемъ Сергѣевичемъ Кашкинымъ, сыномъ помѣщика съ хорошимъ весьма состояніемъ, Козельскаго уѣзда. Здѣсь надо сказать нѣсколько словъ объ этомъ молодомъ человѣкѣ. Едва выпущенный изъ бывшаго Царскосельскаго Лицея, онъ былъ вовлеченъ въ 1848 году въ общество коммунистовъ извѣстнаго Петрашевскаго. Молодой Кашкинъ былъ сосланъ на Кавказъ рядовымъ, получилъ тамъ довольно тяжкую рану и солдатскій Георгіевскій крестъ, былъ произведенъ въ офицеры и въ 1858 году жилъ въ отставкѣ у родителей въ деревнѣ. Съ нимъ я познакомился въ Калугѣ въ 1869 году у губернатора Арцымовича. Собою онъ былъ замѣчательно хорошъ, хотя болѣе женской, нежели мужскою красотой (по-французски, un joli garçon), и по сю пору онъ очень моложавъ на лицо. Кожа у него рѣдкой бѣлизны, щеки были смолода розовыя, какъ у любой Нѣмочки-блондинки, глаза лазуревые, волоса свѣтло-каштанные, а руки и ноги такихъ формъ, что имъ могла бы завидовать аристократическая львица. Ростомъ онъ былъ немного выше средняго, и во всѣхъ его манерахъ замѣтна была какая-то женоподобная нѣга. Не таковъ однакоже онъ на дѣлѣ: умственный трудъ ему ни по чемъ, и онъ особенно хорошо владѣетъ перомъ *).

Алексѣй Ивановичъ Нарышкинъ все еще продолжалъ жить съ семействомъ въ Москвѣ, гдѣ онъ получалъ довольно изрядный окладъ отъ тамошняго питейнаго откупа; но сверхъ сего, онъ былъ однимъ изъ директоровъ вновь основавшейся компаніи, учредитель которой былъ предпріимчивый Московскій Крезъ, Д. П. Шиповъ. Цѣль общества была устройство улучшенныхъ прачешныхъ заведеній при баняхъ, въ разныхъ пунктахъ города, и мысль эта была гуманная по себѣ и удобная для столичныхъ жителей. Вмѣсто нынѣшнихъ плотовъ на Москвѣ-

---

разбитія его войскъ въ пухъ и въ прахъ Австрійцами на морѣ и на сушѣ, въ 1866 году пріобрѣло отъ побѣдителей Венецію со всею ея областью!

*) Въ настоящее время (въ 1875 году) онъ членъ Калужскаго Окружнаго Суда.

рѣкѣ, гдѣ всегда тѣснятся прачки, съ опасностію отморозить руки и ноги въ зимней стужѣ, что̀ также препятствуетъ хорошей стиркѣ бѣлья, компанія помышляла открыть бани въ разныхъ частяхъ города, въ которыхъ излишекъ воды могъ быть употребленъ для мытья бѣлья въ теплыхъ для прачекъ помѣщеніяхъ, съ самою ничтожною платою за входъ, и одновременно съ этимъ посѣтители бань могли, покуда мылись и парились, отдавать грязное свое бѣлье въ прачешное отдѣленіе и, выходя изъ бани, получать бѣлье вымытымъ, высушеннымъ и выглаженнымъ, и все это за самую бездѣльную цѣну. Для поспѣшной же сушки бѣлья предполагалось устроить паровые аппараты. Дѣло казалось практичнымъ; сберегалось здоровье сотень несчастныхъ прачекъ, и проектъ встрѣченъ былъ съ нѣкоторымъ сочувствіемъ въ публикѣ, но патріархальные нравы и закоснѣлость въ старыхъ привычкахъ матушки Бѣлокаменной не дозрѣли, повидимому, до оцѣнки подобнаго прогресса: акціи не разошлись, и дѣло кануло въ присущный ему элементъ, то-есть, въ воду, но только не въ Москворѣцкую, а въ миѳологическую Лету.

Кстати о предпріятіяхъ. Меня чуть не втащили въ одно изъ нихъ, во время моего проѣзда черезъ Москву. Нѣкій столичный пройдохахлыщъ впуталъ метръ-д'отеля Зенаиды Сергѣевны, стариннаго моего знакомаго (съ 1826 года) Флорентинца Танини, въ предпріятіе о составленіи вдвоемъ компаніи для сохраненія и страховки громоздкихъ вещей и взятія ихъ подъ залогъ. Господинъ этотъ представилъ непрактичному въ коммерческихъ дѣлахъ и едва говорившему по-русски Флорентинцу турусы на колесахъ объ огромныхъ барышахъ, предстоявшихъ отъ этого дѣла и успѣлъ уже выманить у легковѣрнаго своего товарища значительныхъ денегъ, чуть ли не болѣе 6 т. рублей, прежде чѣмъ получено было разрѣшеніе отъ правительства на учрежденіе этой компаніи. Но для составленія ея двухъ товарищей было недостаточно, какъ оба они полагали, а нужно было по крайней мѣрѣ третьяго, и потому они предложили мнѣ быть этимъ третьимъ компаніономъ, хотя бы только для проформы. Я долго отклонялъ отъ себя эту честь, извиняясь моимъ невѣдѣніемъ подобныхъ операцій, да и денегъ у меня не было никакихъ, о чемъ было извѣстно самому Танини; но оба товарища отстранили эти препятствія. «Намъ нуженъ», говорили они, «человѣкъ не столько денежный, какъ съ вѣсомъ въ обществѣ и со звонкою, если возможно, фамиліею, а вы соединяете въ себѣ эти два условія». Послѣ долгихъ настаиваній съ ихъ стороны я согласился, но не иначе какъ отказываясь заранѣе отъ всѣхъ предстоящихъ барышей, и чтобы оба эти господина обезпечили меня ре-

версомъ, что, въ случаѣ неудачи, я ни въ чемъ не отвѣчаю. Этою уступкой я ничѣмъ не рисковалъ, да и предвидѣлъ, что все дѣло было ничто иное, какъ чистѣйшій пуфъ. Они приняли мои условія, и въ этомъ смыслѣ былъ написанъ контрактъ между нами. Прозорливость моя не замедлила оправдаться на дѣлѣ, и Флорентинецъ простился на вѣки со своими деньгами, а компаніонъ его попытался было улизнуть тайкомъ изъ Москвы, но, настигнутый въ самомъ вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги, получилъ при всей публикѣ пару полновѣсныхъ пощечинъ отъ медвѣжьей ладони Этрурійскаго эксъ-курьера, чѣмъ и кончилась вся спекуляція, на подобную развязку которой никакъ не разсчитывалъ, конечно, Петербургскій прощалыга.

По дорогѣ изъ Москвы въ Знаменское я завернулъ въ Серпуховской Владычный женскій монастырь, чтобы провѣдать знакомую мнѣ монахиню Антонину, бывшую въ мірѣ Баумгартенъ, съ которою теща моя была на фамиліарной ногѣ, со времени общей ихъ молодости, когда мать Антонина жила въ домѣ княгини Анны Ивановны Щербатовой, урожденной Нарышкиной [1]). Умнѣйшая особа была эта дѣвица Баумгартенъ, и смолоду очень свѣтская и охотница танцовать; но по какому случаю появилось въ ней призваніе къ иноческой жизни, не знаю или не упомню. Съ тещею моей она была на *ты* и кое-когда навѣщала ее въ Знаменскомъ. Однажды (это было еще при жизни моей дочери), когда мать Антонина гостила у насъ и когда теща моя жила въ отдѣльномъ флигелѣ на дворѣ, гостья-монахиня спросила у нея, зачѣмъ она не живетъ въ большомъ домѣ съ нами всѣми? На объясненіе тещи моей, что она не желаетъ безпокоить своихъ дѣтей и что ей свободнѣе жить отдѣльно, пріятельница ея безцеремонно отвѣчала: «Ну, какъ же! Знаю я тебя давно, матушка; ты и смолоду чудила». Когда я навѣстилъ мать Антонину во Владычномъ монастырѣ, она уже нѣсколько времени томилась ракомъ въ груди и года два спустя померла, какъ ни старался поддерживать ее искусный и въ Москвѣ извѣстный, Серпуховской врачъ Петръ Александровичъ Кундасовъ. Она повела меня по всей обители, тщательно и даже изящно устроенной вновь поступившею игуменьей, матерью Митрофаніей, «de triste mémoire» [2]).

[1]) Мать лейбъ-гусара, князя Дмитрія Алексѣевича Щербатова, о которомъ я не разъ уже упоминалъ. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Щербатовой, сестра которой была замужемъ за Александровымъ, сыномъ великаго князя Константина Павловича.

[2]) Скорбной знаменитости. Это та самая игуменья, дочь генералъ-адъютанта барона Розена, которая съ прошлаго (1874) года и по сіе время судится по дѣлу о подложныхъ векселяхъ купца Солодовникова; процессъ этотъ надѣлалъ много шуму и въ Россіи, и за границей, и напечатанъ со всѣми подробностями въ переводѣ на иностранныхъ языкахъ.

Но не однимъ внѣшнимъ устройствомъ обители выказала себя на славу игуменья Митрофанія. Она завела золотошвейную мастерскую и этимъ значительно увеличила доходы обители, такъ какъ заказы сыпались отовсюду. Она устроила также аптеку, нанявъ для сего одного провизора, который выучилъ двухъ монахинь разбирать Латинскіе рецепты и по нимъ составлять медикаменты. Я давно зналъ, что эксъ-баронесса Розенъ отличалась недюжиннымъ талантомъ въ живописи, но здѣсь впервыя пришлось мнѣ этимъ любоваться въ цѣломъ, какъ есть, иконостасѣ работы ея кисти. Строго, но безъ утрировки, придерживаясь древней иконописи, она съ умѣніемъ избѣгала сухости и монотонности контуровъ церковно-Греческаго стиля и смягчала ихъ правильностью рисовки. Механизмъ кисти былъ размашистый, «à la» Брюловъ, безъ деталей, и надо было смотрѣть на эту работу въ нѣкоторомъ разстояніи; но тогда эффектъ былъ сильный; фоны были вездѣ золотые. Этотъ стиль живописи былъ тогда еще новизною, и образчики его я впдѣлъ въ первый разъ въ Петербургѣ въ 40-хъ годахъ. У этой женщины была вообще бездна вкуса во всемъ, и златошвейныя работы дѣлались по сочиненнымъ ею рисункамъ, и тотъ же изящный во всемъ вкусъ выказывался въ бульварчикахъ съ цвѣтниками, украшающихъ внутренность монастыря. Не пренебрегая болѣе важными предметами, она отыскала въ архивной пыли непзвѣстные или забытые документы на отчужденныя издавна отъ монастыря пустоши и другія угодія и неутомимою своею дѣятельностью возвратила ихъ своему монастырю, который началъ съ того времени все болѣе и болѣе процвѣтать. Жаль, что эта дѣятельность, столь безкорыстная для нея самой (такъ какъ не видать, чтобы она нажила лично какихъ-нибудь капиталовъ), была омрачена нѣкоторыми черными пятнами; а это происходило отъ ея фальшивой точки исхода. Оказывается теперь, что въ ея дѣйствіяхъ по благотворительности она какъ будто придерживалась приписываемому Іезуитамъ правилу, что цѣль оправдываетъ средства.

Въ теченіе лѣта сообщено было мнѣ въ Тарусѣ офиціальнымъ порядкомъ о высочайшемъ отказѣ на мое прошеніе о вознагражденіи меня за взятіе моего имѣнія въ казенную собственность помимо торговъ. Отказъ былъ основанъ на мнѣніи Министерства Государственныхъ Имуществъ, куда поступило мое прошеніе. Понятно, что никому нѣтъ охоты класть охулки на свои руки, и потому тогдашній министръ (кажется, М. Н. Муравьевъ) одобрилъ въ этомъ случаѣ дѣйствія его предшественника. Будь я менѣе безхарактеренъ, мнѣ сейчасъ же слѣдовало просить высочайшей милости, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы сынъ мой (которому минуло тогда 13 лѣтъ) былъ принятъ на казенный

счетъ въ какое-нибудь учебное заведеніе и не обманывать самого себя, что имѣю возможность успѣшно воспитывать его дома. Думаю, что, при Петербургскихъ моихъ связяхъ, не встрѣтилъ бы я отказа въ этой просьбѣ, и теперь совѣсть сильно меня упрекаетъ въ томъ. Единственное, и то слабое, мое извиненіе состоитъ въ томъ, что я опасался за его здоровье, требовавшее неусыпныхъ попеченій, чего трудно было ожидать въ чужихъ людяхъ.

Свадьба молодой Нарышкиной состоялась лѣтомъ, въ имѣніи отца ея жениха, Сергѣя Николаевича Кашкина, вблизи къ Козельску и къ Оптиной пустыни. Туда поѣхали съ моимъ шуриномъ жена моя съ Митею, а я остался, самъ не знаю зачѣмъ, въ Знаменскомъ съ тещею. Охочь былъ подшучивать мой шуринокъ, весь въ отца (свѣтская любезность Жанò Нарышкина была довольна извѣстна Московскому высшему обществу до и послѣ 1812 года), и вотъ на этой свадьбѣ вздумалъ онъ мистифировать стараго учителя Русскаго языка Иванова, выдавая свою сестру (т.-е. мою жену) за жену губернатора Арцымовича. (Здѣсь приходится мнѣ напомнить читателю, что въ началѣ 30-хъ годовъ этотъ Ивановъ былъ учителемъ въ Тарускомъ уѣздномъ училищѣ и проводилъ бо́льшую часть времени въ домѣ тещи моей, а въ концѣ 50-хъ годовъ уже былъ штатнымъ смотрителемъ Перемышльскаго уѣзднаго училища). Жена моя не выдержала роли ея превосходительства и робко-почтительнаго обхожденія съ нею Иванова и съ хохотомъ спросила: «Помилуйте, любезный Ѳедоръ Ивановичъ, да неужели вы не узнаёте старой вашей ученицы, Екатерины Ивановны Нарышкиной?» Очень натурально, что онъ не могъ узнать мою жену, съ которой не встрѣчался въ теченіи двадцати пяти лѣтъ.

Что за миловидная пара была Николай Сергѣевичъ Кашкинъ и Лиза Нарышкина! Жили они какъ голубки, но не суждено было долго длиться этому семейному счастію. Лиза умерла въ послѣднихъ дняхъ Декабря 1869 года въ Калугѣ, послѣ родовъ; хотя роды были благополучны, но у нея было органическое поврежденіе въ спинномъ мозгу. Обожавшій свою дочь шуринъ мой поцаженъ былъ судьбою: онъ опередилъ дочь свою въ могилѣ тремя съ половиною годами ранѣе.

На этой же свадьбѣ находился и одушевлялъ общество своею веселостью другой неземной жилецъ, сынъ сенатора Ипполита Ивановича Подчаскаго, только-что опредѣлившійся на службу въ Калугѣ.

Лѣтомъ опасно заболѣлъ безкорыстный и неутомимый по службѣ Тарускій нашъ исправникъ, Александръ Александровичъ Сумароцкій, единственная опора двухъ незамужнихъ и собою преспмпатичныхъ его

сестеръ. Болѣзнь его быстро превратилась въ воспалительное состояніе, и чрезъ нѣсколько дней его не стало, въ чемъ онъ самъ отчасти былъ виноватъ, по упрямству не пустивъ себѣ крови, какъ настаивалъ опытный Тарускій нашъ врачъ и его другъ Яковенко. Сангвиническій темпераментъ Сумароцкаго требовалъ энергическихъ мѣръ; но онъ не довѣрялъ ни на грошъ медицинскому искусству и особенно насчетъ кровопусканія, и говаривалъ, что кто только пуститъ себѣ кровь, тотъ пропащій человѣкъ. Стеченіе всѣхъ сословій на его похоронахъ краснорѣчиво говорило, каковъ былъ этотъ человѣкъ. Не помню, сказывалъ ли я о его Геркулесовой силѣ и безстрашности. Онъ останавливалъ тарантасъ, катившійся на полномъ ходу съ горы, схватившись за ступицу задняго колеса одною рукой. А насчетъ его отваги достаточенъ будетъ одинъ примѣръ. Повадились въ уѣздѣ конокрады не изъ простыхъ крестьянъ, а изъ неслужащихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ; ихъ было два или три брата, и работали они, вѣроятно, со своими челядинцами. И вотъ Сумароцкій, взявъ съ собою одного разсыльнаго, въ глубокую ночь накрылъ ихъ съ поличнымъ, схватилъ и привезъ въ городъ въ качествѣ арестантовъ.

По новому министерскому распоряженію о замѣщеніи выбывшихъ исправниковъ по дворянскимъ выборамъ коронными чиновниками по усмотрѣнію губернаторовъ (мѣра эта, впрочемъ, была необязательна), В. А. Арцымовичъ назначилъ въ Тарускій уѣздъ, вмѣсто умершаго Сумароцкаго, своего чиновника особыхъ порученій, Викентія Ѳомича Раковскаго, одного изъ насъ трехъ, Рязанскихъ бѣглецовъ. И вотъ съ того времени В. Ѳ. Раковскій все болѣе и болѣе пошелъ въ гору.

При открытіи охотничьяго сезона, то-есть въ первыхъ числахъ Сентября, перебрался изъ Серпуховскаго своего уѣзда въ Тарускій Петръ Александровичъ Нащокинъ, со своею многолюдною псовою охотой. Личность эта была изъ тѣхъ утраченныхъ на вѣки типовъ, существованіе которыхъ возможно было лишь въ Московскомъ и провинціальномъ обществахъ въ первой четверти текущаго вѣка, и вотъ почему она напрашивается на очеркъ.

П. А. Нащокинъ, потомокъ извѣстнаго Ордина-Нащокина, завѣдывавшаго Посольскимъ Приказомъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и двоюродный братъ Павла Воиновича Нащокина (друга А. С. Пушкина), проживалъ бо́льшую часть года въ Серпуховскомъ подгородномъ своемъ имѣніи Рай-Семеновское, гдѣ при жизни еще его отца (въ началѣ текущаго вѣка) открытъ былъ источникъ какихъ-то цѣлебныхъ

водъ, посѣщаемыхъ въ свое время значительною частью Московской публики. Позднѣе гигіеническая несостоятельность этихъ водъ была признана; онѣ мало-по-малу опустѣли, и въ 30-хъ годахъ о нихъ и помину уже не было. Петръ Александровичъ имѣлъ свой домъ въ Москвѣ, въ Средне-Гнѣздниковскомъ переулкѣ, насупротивъ церкви Св. Николы въ Гнѣздникахъ, и въ немъ онъ проводилъ зимніе мѣсяцы *). Каждою осенью съ давнихъ временъ онъ отправлялся въ отъѣзжее поле и, перетравивъ все возможное въ Серпуховскомъ и Подольскомъ уѣздахъ, перекачивалъ нерѣдко въ нашъ Тарускій. Въ этихъ случаяхъ онъ возилъ съ собою полный оркестръ духовыхъ инструментовъ изъ вольно-наемныхъ Русскихъ и Нѣмецкихъ музыкантовъ, и часто оркестръ этотъ былъ выше посредственнаго. У насъ онъ дѣлалъ стоянку по нѣскольку дней, глядя по количеству зайцевъ и краснаго звѣря въ округѣ, и былъ не только не накладнымъ гостемъ, а, напротивъ, прибыльнымъ для хозяйства. Свита его доходила до 20 человѣкъ конныхъ и пѣшихъ (послѣдніе были ружейники) и до тридцати лошадей; а охотничьи изъ нихъ были всѣ Донцы; число же гончихъ, борзыхъ и лягавыхъ доходило, пожалуй, и до сотни. За забранное имъ и его свитою молоко, сливки, масло, крупу, муку, овощи, сѣно, овесъ и дрова платилъ онъ щедро, не торгуясь, а просилъ только о дозволеніи выпускать свой табунъ въ дни отдыха на паръ, и этимъ онъ даже удобривалъ поля; а по отъѣздѣ его накапливались въ конюшняхъ весьма почтенныя груды навоза, и это имѣло свое значеніе въ хозяйствѣ. Въ числѣ экипажей была всегда при немъ фура, со всякаго рода провизіей и гастрономическими утонченностями, выписываемыми изъ Москвы; былъ съ нимъ также артистъ-поваръ, и даже, если не ошибаюсь, полная кухонная батарея на случай, если пришлось бы готовить въ избахъ. Такъ какъ ежедневная охота длилась до сумерокъ и даже позднѣе, то онъ обѣдалъ въ отведенныхъ ему комнатахъ съ сыномъ (не долго служившимъ въ кавалергардскомъ полку) и со своими гостями, участвовавшими въ его охотѣ.

Обѣдъ былъ изготовленъ его поваромъ, а въ прогульные отъ охоты дни онъ угощалъ роскошною своею трапезою съ отборными всегда винами домохозяевъ, а затѣмъ собирался оркестръ и игралъ до поздняго часа ночи. Если у домохозяевъ были молодныя дѣвушки, или онѣ находились тутъ какъ гости, и были при этомъ и кавалеры (что случалось, такъ какъ изъ окрестностей пріѣзжали желающіе послушать

*) Домъ этотъ онъ отдалъ въ приданое дочери своей, вышедшей замужъ за небезталантливаго писателя Тарновскаго, сына бригадъ-маіора при оберъ-полицеймейстерѣ Л. М. Цынскомъ.

музыку), то вечеръ проходилъ въ танцахъ. А иногда, для разнообразія, Петръ Александровичъ устроивалъ представленія бѣлой магіи à-ла-Боско [1]), для чего, облекшись въ традиціонный костюмъ фокусника, занималъ свою безплатную публику опытами экспериментальной физики, въ чемъ былъ весьма искусенъ, и возилъ для этого съ собою цѣлый кабинетъ фокусныхъ аппаратовъ. Но кромѣ этого таланта была у него еще болѣе эксцентрическая спеціальность: онъ былъ патентованный, какъ слѣдуетъ, зубной врачъ. Профессію эту онъ изучилъ въ Парижѣ, гдѣ и получилъ дипломъ на нее. При немъ былъ ящикъ съ нужными по этой части инструментами, и онъ выдергивалъ кому угодно зубы, пломбировалъ ихъ и вставлялъ фальшивые, и все это, разумѣется, даромъ. Когда я съ нимъ познакомился (осенью 1857 года), онъ былъ весьма еще красивый, высокій, широкоплечій и свѣжій мужчина, съ сѣдыми стриженными подъ гребешокъ волосами и съ нафабренными усами и шпаніолеткою [2]), и трудно было догадаться, что ему уже минуло семьдесятъ лѣтъ. Съ видной наружностью онъ соединялъ хорошія манеры, свѣтскую любезность, говорилъ громко и немного отрывисто; Французскимъ нарѣчіемъ щеголялъ, какъ всѣ его сверстники Александровскаго времени и владѣлъ неисчерпаемою памятію, снабжавшею его анекдотами всякаго рода. На охотѣ, онъ самъ, сынъ его и всѣ его охотники носили красный кéпи военнаго покроя.

Не удалось какъ-то мнѣ побывать въ Рай-Семеновскомъ; но по отзыву посѣтителей не было вниманія, ни предупредительности, которыхъ хозяинъ дома не выказывалъ бы своимъ гостямъ, и аппартаменты, имъ отведенные, отличались утонченнымъ комфортомъ. Все было тамъ припасено, даже до нѣсколькихъ сортовъ мыла и прочихъ парфюмерныхъ принадлежностей. За столомъ у себя дома и въ отъѣзжемъ полѣ лилось Шампанское; но самъ онъ былъ крайне воздерженъ и не выпивалъ болѣе полубокала, изъ опасенія удара, такъ какъ онъ былъ тученъ и сангвиническаго тѣлосложенія. Въ началѣ 50-хъ годовъ онъ раздробилъ себѣ ногу ниже колѣна, при паденіи въ подвалъ въ оранжерейномъ простѣнкѣ, и пришлось прибѣгнуть къ ампутаціи; она была сдѣлана безъ хлороформа, и въ продолженіе операціи паціентъ ни разу не вскрикнулъ, а глотками пилъ Шампанское и курилъ сигару. Оперировавшій его Серпуховской врачъ Кундасовъ раз-

[1]) Этотъ Боско былъ хиромантикъ Европейской знаменитости въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Тѣмъ не менѣе удалось какому-то шулеру порядочно облупить, какъ я слышалъ, этого мага.

[2]) Такъ, кажется, зовется (а иногда „impérial“) клочекъ бороды подъ нижнею губой.

сказывалъ мнѣ много позднѣе, что ампутація продолжалась болѣе получаса, такъ какъ хирургія не была его спеціальностію, и онъ согласился взяться за операцію по отсутствію другаго хирурга и по убѣдительнымъ просьбамъ самаго Нащокина, а вовторыхъ, потому что инструменты его не были достаточно острыми; отложить же операцію для точенія ихъ потребовало бы слишкомъ много времени. Однакоже деревяшка не мѣшала впослѣдствіи Нащокину скакать верхомъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Въ давно минувшіе дни его молодости, Рай-Семеновскій помѣщикъ слылъ буйнымъ господиномъ и игрокомъ и попался въ 20-хъ годахъ въ какую-то шумную въ свое время исторію, подробности которой мнѣ мало извѣстны, но въ ней чуть ли не были также замѣшаны Москвичи гг. Шатиловъ и шуринъ его Алябьевъ [1]), которымъ еще въ 1840 году запрещенъ былъ въѣздъ въ обѣ столицы, а П. А. Нащокину велѣно было (если не ошибаюсь) жить безвыѣздно въ своемъ имѣніи. Въ 50-хъ годахъ запретъ жить въ столицахъ давно уже былъ снятъ. Ходили также разные несовсѣмъ похвальные анекдоты о прежнемъ его ухарствѣ и дикомъ произволѣ (но только не надъ своими крестьянами), по примѣру нѣкоторыхъ изъ провинціальныхъ крупныхъ баръ первой четверти текущаго вѣка; но до этого предмета я не коснусь уже потому, что подробностей о немъ не знаю, да еслибы и зналъ, то не далъ бы имъ мѣста здѣсь, такъ какъ опытъ меня научилъ, что народная молва не всегда вѣрна, да и вообще я предпочитаю придерживаться Латинской поговорки, что лучше молчать объ умершихъ людяхъ, если нельзя сказать ничего о нихъ похвальнаго. Относительно же отжившаго типа дворянъ-буяновъ нахожу, что индивидуальныя личности заслуживаютъ снисходительности, когда онѣ вращаются со дня ихъ рожденія въ зараженной стихіи; мѣрить ихъ на нашъ аршинъ и пропускать ихъ черезъ наше общественное рѣшето было бы крайне несправедливо. То ли еще творили крупные помѣщики и даже придворные магнаты въ блаженный, какъ называютъ его, вѣкъ матушки-Екатерины [2])?!

---

[1]) Г. Алябьевъ пользовался въ свое время большою славою какъ композиторъ романсовъ. Кажется мнѣ, что несостарившійся по сю пору „Соловей, мой соловей" есть его произведеніе.

[2]) Вольтеру приписываютъ слова „que la Russie est pourrie avant d'être devenue mûre (что Россія сгнила прежде чѣмъ созрѣла); но рѣзкое это сужденіе Фернейскаго философа не можетъ никакъ относиться къ Русскому простому люду, котораго онъ не зналъ.

Изъ несовсѣмъ похвальныхъ слуховъ о молодости П. А. Нащокина я однакоже вывелъ заключеніе, что въ необузданномъ разгулѣ Русской широкой натуры, въ этихъ такъ называемыхъ въ старину «шалостяхъ» (а по нынѣшнему самовольныя расправы) проглядывали нерѣдко расточительность и вельможныя замашки. Щедрая рука вознаграждала причиненный ею же матерьяльный вредъ: тѣшь, молъ, мой обычай, но не бойся, въ убыткѣ не будешь. Случилось однажды, что, во время отдыха съ охотою Петра Александровича въ какой-то деревнѣ, одинъ изъ тамошнихъ крестьянъ не соглашался ни за какія деньги отдать свой пустой сарай для помѣщенія въ немъ охотничьихъ лошадей, за что г. Нащокинъ (какъ разсказываютъ) сжегъ весь сарай до тла и тутъ же щедро (и вѣроятно даже свыше стоимости) заплатилъ за сгорѣвшее строеніе. Я думаю, что еслибы пожаръ распространился и далѣе, то и тогда виновникъ бѣдствія не заикнулся бы тряхнуть карманомъ, нѣсколькими тысячами рублей, для полнаго удовлетворенія пострадавшихъ крестьянъ, а между тѣмъ утѣшался бы мыслію, что онъ поставилъ на своемъ. Но это были дѣла давно минувшихъ лѣтъ, а когда я познакомился съ Петромъ Александровичемъ, не оставалось въ немъ и тѣни прежняго самодурства и удальства. Справедливо замѣтилъ одинъ Французскій наблюдатель общественныхъ нравовъ прошлаго столѣтія, герцогъ Сенъ-Симонъ (котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ позднѣйшимъ мечтателемъ той же фамиліи и основателемъ полурелигіозной секты, носившей названіе Сенъ-Симонистовъ), что бываетъ мода на преступленія, такъ какъ и на покрой платья *). Дикое ухарство, мною здѣсь описываемое, названо было мною провинціальною замашкою, потому что едвали было возможно развиваться ему въ столицахъ.

Докончу портретъ Петра Александровича одной еще чертою. Когда онъ разъѣзжалъ однажды съ своею охотою по Серпуховскому шоссе, мимо его промчалась телѣга съ сѣдокомъ, а вдали (сзади) слышны были крики: «держи, держи!» Подозрѣвая, что въ улепетывавшемъ человѣкѣ было что-то сомнительное, Нащокинъ пустился съ своими верховыми въ догонку за нимъ, остановилъ его, насильственно привелъ его въ городъ и сдалъ съ рукъ на руки исправнику, разсказавъ послѣднему о мотивахъ произведеннаго имъ ареста. Серпуховской Фуше разсыпался въ благодареніяхъ за эту услугу, такъ какъ арестантъ

*) Самоубійство, это скорбное и часто повторяющееся явленіе въ послѣднихъ десять или пятнадцать лѣтъ, можно подвести подъ аксіому Французскаго писателя. *Примѣчаніе графа Д. Н. Толстаго.*

оказался давно извѣстный воръ. Петръ Александровичъ сказывалъ намъ объ одномъ сдѣланномъ имъ въ своей округѣ распоряженіи, которое не мѣшало бы ружейнымъ охотникамъ принять къ свѣдѣнію: въ виду ежегоднаго уменьшенія дичи въ окрестностяхъ Рай-Семеновскаго, онъ выдавалъ установленную плату за всякую убитую *хищную* птицу, и черезъ три-четыре года дичь умножилась.

Стоянка въ Знаменскомъ Нащокинской охоты причинила намъ только одну, и то неважную, непріятность. Лягавая красавица одного изъ его ружейниковъ прельстила и увела съ собою караульнаго нашего пса, водолаза Буксира, хотя бѣглецъ имѣлъ свою, однопородную съ нимъ подругу. На первомъ привалѣ отъ Знаменскаго, гдѣ Петръ Александровичъ угостилъ насъ въ послѣдній разъ банкетомъ и музыкальнымъ вечеромъ, я увидѣлъ нашего дезертира; но какъ ни старались мы заманить его обратно домой, онъ только помахивалъ хвостомъ и окончательно ушелъ съ охотою. О подобной сентиментальности во псѣ я никогда не слыхивалъ.

Съ этого привала, гдѣ жена и я ночевали (такъ какъ это было у знакомаго намъ помѣщика, роднаго брата умершаго исправника Сумароцкаго), я предпринялъ экскурсію на простой телѣгѣ, чтобы срисовывать съ натуры нѣкоторыя примѣчательныя мѣстности по берегу Протвы, каковыми можно назвать нынѣшнее село Оболенскъ, бывшее въ древности княжескимъ удѣломъ и остававшееся городомъ до половины прошлаго XVIII вѣка, и село Троицкое, бывшее любимою резиденціею княгини Екатерины Романовны Дашковой. Оттуда я проѣхалъ съ той же цѣлью въ Боровскъ и въ этомъ древнемъ разсадникѣ благочестія расположился на постояломъ дворѣ весьма опрятномъ, съ вывѣскою «Пале-Рояль.» О просвѣщеніе, куда ты не проникло!

Осенью этого же года (1860) состоялась одна основная реформа по слѣдственной части, предвѣстница коренной реорганизаціи всего судебнаго вѣдомства, высочайше утвержденной 24 Ноября 1864 года. Производство слѣдствій лежало дотолѣ на полиціи (городской и уѣздной), на губернаторскихъ чиновникахъ особыхъ порученій и на слѣдственныхъ приставахъ, находившихся въ обѣихъ столицахъ и въ нѣкоторыхъ (но не во всѣхъ) губернскихъ городахъ, по особенно важнымъ дѣламъ *). Слѣдственная часть была въ крайне жалкомъ положе-

*) Въ экстренныхъ иногда случаяхъ Губернскія Правленія поручали производство слѣдствій ассесору или совѣтнику этого же Правленія, а губернаторы—обыкновеннымъ чиновникамъ ихъ канцеляріи.

ніи. Частные пристава, квартальные надзиратели и ихъ помощники, не успѣвавшіе и безъ того сладить съ ежедневными ихъ занятіями, скомкивали, бывало, слѣдствія (часто уголовныя) кое-какъ, на скорую руку и лишь бы внѣшняя формалистика была соблюдена, а о сути дѣла мало заботились. Случалось, что свидѣтельскія показанія писались какъ будто бы отъ спрошенныхъ подъ присягою лицъ, тогда какъ они не присягали. Сажались подъ арестъ обвиняемые безъ достаточныхъ причинъ, и наоборотъ оставлялись на свободѣ такіе, противъ которыхъ были тяжкія улики. Да и многія другія безобразія дѣлали эти изслѣдователи, исчислить которыя невозможно, не говоря уже о пристрастномъ направленіи дѣла въ угодность начальству, или по лицепристрастію. На нѣкоторыя эти противузаконныя дѣйствія я уже указалъ, говоря о служебныхъ моихъ занятіяхъ при Рязанскомъ и Калужскомъ губернаторахъ, и изъ этого можно усмотрѣть, на сколько вся эта обвѣтшалая система требовала коренной реорганизаціи, и она-то наконецъ послѣдовала въ 1860 году. Учреждены были судебные слѣдователи, и исключительно на нихъ однихъ возложено было производство уголовныхъ обвиненій, влекущихъ къ бо́льшей или меньшей потерѣ гражданскихъ правъ. Но для облегченія судебныхъ слѣдователей возложено было на членовъ полиціи производить первоначальное дознаніе о происшествіяхъ и преступленіяхъ, то-есть удостовѣряться, совершено ли было дѣйствительно преступленіе, или былъ о томъ ложный лишь слухъ; а въ случаѣ скоропостижной смерти, полиція должна была констатировать, послѣдовала ли смерть отъ естественныхъ причинъ или отъ убійства. Обязанностію полиціи было также сохранять въ цѣлости вещественныя доказательства и слѣды преступленія до прибытія на мѣсто слѣдователя, котораго она (полиція) немедленно извѣщала о первоначальныхъ ея дѣйствіяхъ и затѣмъ передавала ему все дальнѣйшее производство. Слѣдователи назначались въ первое время начальниками губерній по соглашенію съ губернскими прокурорами и считались членами уѣздныхъ судовъ, гдѣ и засѣдали въ случаяхъ неполнаго числа присутствующихъ. Они находились подъ указомъ и контролемъ Уголовныхъ Палатъ, въ которыхъ учреждено было для этого особое отдѣленіе подъ названіемъ «ревизіонный столъ судебныхъ слѣдователей». (Съ нимъ-то пришлось мнѣ воевать подъ конецъ, и побѣда не осталась на моей сторонѣ, какъ надѣюсь разсказать въ своемъ мѣстѣ). Слѣдственные участки были разграничены по усмотрѣнію (какъ надо полагать) начальниковъ губерній и утверждались Министерствомъ Юстиціи, а окладъ судебнымъ слѣдователямъ былъ назначенъ довольно значительный сравнительно съ тогдашними штатами по Министерству

Юстиціи [1]): съ квартирными, столовыми и разъѣздными деньгами новые судебные слѣдователи получали безъ малаго 1.400 р. въ годъ и считались въ VIII-мъ классѣ.

Новый Тарускій исправникъ, онъ же и бывшій мой сослуживецъ, В. Ѳ. Раковскій, подалъ мнѣ однажды совѣтъ проситься на эту должность, и я ухватился за эту мысль тѣмъ живѣе, что хозяйственныя мои хлопоты не удовлетворяли вполнѣ моей умственной дѣятельности, и я начиналъ скучать отъ неимѣнія обязательныхъ занятій. Не теряя времени, я отнесся письмомъ къ В. А. Арцымовичу, прося его назначить меня, буде это возможно, Тарускимъ судебнымъ слѣдователемъ. (Я забылъ дополнить, что въ иныхъ уѣздахъ было назначено по одному только судебному слѣдователю, съ городомъ включительно, въ другихъ уѣздахъ было по два участка, а въ Калужскомъ уѣздѣ, сверхъ двухъ участковъ, былъ назначенъ третій судебный слѣдователь, для самаго губернскаго города).

Арцымовичъ любезно отвѣчалъ мнѣ, что онъ съ величайшимъ удовольствіемъ готовъ исполнить мое желаніе, и я сейчасъ же поѣхалъ въ Калугу, чтобы лично подать ему форменное прошеніе.

Выходя отъ губернатора, я поспѣшилъ къ моимъ друзьямъ Яковлевымъ и засталъ всю ихъ семью за вечернимъ чаемъ. Тутъ же сидѣлъ домашній ихъ врачъ Ѳедоръ Васильевичъ Бекеръ, который спросилъ у меня мимоходомъ о причинѣ моего пріѣзда въ Калугу. Когда я отвѣчалъ на его вопросъ, онъ сказалъ: «Понимаю; значитъ, что и вы проситесь также на новомодную должность. Конечно, оно сначала всегда бываетъ такъ: народецъ все чистенькій, какъ вы и Подчаскій [2]). Помню, что точно такое же увлеченіе было и въ 30-хъ годахъ: хотѣли облагородить уѣздныя должности по дворянскимъ выборамъ, и вотъ, между прочимъ, графъ Ростопчинъ (Сергѣй Ѳедоровичъ) пошелъ въ Подольскіе уѣздные судьи, такъ какъ у него было имѣніе тамъ; а какой-то богатый князь или графъ пошелъ, по его примѣру, въ исправники; но эта вспышка недолго длилась. Аристократы охладѣли и

---

[1]) Судья въ уѣздныхъ судахъ получалъ, кажется (да и то съ недавняго времени), всего 500 р. въ годъ.

[2]) Единственный сынъ сенатора Ипполита Ивановича Подчаскаго, о которомъ я уже упомянулъ, какъ объ одномъ изъ гостей на свадьбѣ моей племянницы Лизы Нарышкиной. Этотъ прекрасный собою и много обѣщавшій молодой человѣкъ былъ назначенъ также судебнымъ слѣдователемъ по Калужскому уѣзду; но онъ недолго служилъ: заболѣвъ чахоткою въ слѣдующемъ 1861 году, онъ умеръ въ Висбаденѣ въ томъ же, кажется, году или въ началѣ 1862 года.

скоро вышли въ отставку, а на ихъ мѣста поступила опять прежняя мелкотравчина. Такъ же будетъ и съ вашею новомодною должностью. Вы всѣ, чистенькій народецъ, скоро удерете, а тамъ поползутъ, вмѣсто васъ, кварташки». Предсказаніе доктора Бекера сбылось [1]).

По словесному предложенію губернатора, мы, чистенькій нашъ народецъ, собирались два-три раза по вечерамъ, дабы сообща познакомиться съ новымъ почти для насъ дѣломъ и сообразить будущія наши дѣйствія. Пояснителями новаго «Наказа судебнымъ слѣдователямъ» (во многомъ различествовавшаго съ прежними правилами о производствѣ слѣдствій) взялись быть Николай Петровичъ Гавриловъ, тогда товарищъ предсѣдателя Уголовной Палаты, составившій себѣ репутацію по слѣдственной части [2]), и тогдашній Калужскій губернскій прокуроръ, г-нъ Трузсонъ [3]). Вставлялъ также кое-когда свои замѣчанія присутствовавшій на нашихъ вечернихъ бесѣдахъ князь Андрей Васильевичъ Оболенскій, предсѣдатель Гражданской Палаты. Остроты и шутки оживляли серіозный ходъ этихъ преній, а одинъ изъ молодыхъ нашихъ собратій Сабуровъ (изъ студентовъ), вмѣстѣ съ Подчаскимъ, составили пѣсню на новую нашу должность, изъ которой помню два стиха:

„По чину мы маіору равны,
А по разъѣздамъ—становымъ“.

И дѣйствительно, матушка-казна не упустила и этого случая, чтобы не поскряжничать. Зачислить насъ въ 8-й классъ ничего ей не стоило, это былъ лишь почетъ; но исправникъ, числящійся въ этомъ классѣ, получалъ прогоны на тройку, какъ штабъ-офицеръ (коллежскій асессоръ), а эту-то третью лошадь казна отжилила у новыхъ судебныхъ слѣдователей, назначивъ имъ прогонныя деньги на пару, какъ становымъ приставамъ.

---

[1]) Со введеніемъ общей новой судебной реформы въ 1866 году, эти судебные слѣдователи-кварташки были замѣнены болѣе надежными лицами. Но замѣчательно, что большинство этихъ новыхъ лицъ не утверждены по сю пору и числятся исправляющими должность судебныхъ слѣдователей. Ясно, по моему, что этою мѣрой руководствуется г. министръ юстиціи, дабы имѣть право смѣнять и удалять ихъ по своему усмотрѣнію, чего онъ не имѣлъ бы права сдѣлать, если бы судебные слѣдователи были утверждены въ ихъ должностяхъ, такъ какъ по новымъ судебнымъ уставамъ всѣ лица юридическаго вѣдомства не могутъ быть смѣняемы или удаляемы безъ преданія суду или безъ ихъ согласія.

[2]) Незадолго послѣ сего, Н. П. Гавриловъ былъ назначенъ Кіевскимъ губернскимъ прокуроромъ, а затѣмъ Псковскимъ. Теперь онъ предсѣдатель (кажется) Тульскаго Окружнаго Суда.

[3]) Сынъ Трузсона, бывшаго въ 10-хъ годахъ Бобруйскимъ комендантомъ.

Мое опредѣленіе на должность судебнаго слѣдователя въ Тарускій уѣздъ состоялось во второй половинѣ Октября 1860 года.

Такъ какъ со времени выхода въ отставку графа Дмитрія Николаевича Толстаго, въ Августѣ 1858 года, мы потеряли его изъ виду, то пробѣлъ этотъ надо дополнить.

Изъ Калуги графъ уѣхалъ первоначально къ себѣ въ деревню (въ Данковскомъ уѣздѣ), осенью въ Парижъ, и оттуда въ Прагу, излюбленный имъ городъ по чисто-славянской его національности, гдѣ графъ провелъ зиму [1]), пригласивъ въ сопутники, на полное его содержаніе, молодого чиновника Калужской его канцеляріи Дьякова. Вернувшись въ Россію, въ концѣ 1859 или въ началѣ 1860 года, онъ удостоился слышать отъ министра внутреннихъ дѣлъ, С. С. Ланскаго, что Государю желательно, чтобы онъ снова поступилъ на службу и принялъ бы мѣсто Воронежскаго губернатора. Понятно, что графъ не помыслилъ отговариваться, подъ предлогомъ неизлѣчимыхъ его недуговъ, придуманныхъ имъ и докторомъ Холмскимъ въ 1858 году, и заявилъ свою готовность служить, гдѣ только благоугодно будетъ Царю. Вскорѣ послѣ его прибытія въ Воронежъ, онъ переманилъ туда въ совѣтники Губернскаго Правленія Владимира Андреевича Лысогорскаго, бывшаго въ то время тѣмъ же въ Калужскомъ Губернскомъ Правленіи, а преемникомъ г. Лысогорскаго, какъ правителя губернаторской канцеляріи, назначенъ былъ вновь прибывшій съ В. А. Арцымовичемъ какой-то Петербуржецъ [2]), котораго менѣе чѣмъ чрезъ годъ замѣнилъ В. Ѳ. Раковскій, не долго бывшій Тарускимъ исправникомъ. На мѣсто же Раковскаго Тарускимъ исправникомъ былъ уже въ началѣ 1861 года Владимиръ Антоновичъ Шумовскій, изъ гвардейскихъ офицеровъ [3]). Въ концѣ этого же 1860 года поступилъ на службу въ Калугу проживавшій тамъ съ 1858 года, прощеный декабристъ, Петръ Николаевичъ Свистуновъ. Куда поступилъ онъ первоначально, не помню; но при обнародованіи манифеста 19 Февраля 1861 года П. Н. Свистуновъ уже былъ членомъ отъ правительства въ Калужскомъ губернскомъ присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ.

---

[1]) Нѣтъ Славянскаго нарѣчія, съ которымъ графъ Дмитрій Николаевичъ не былъ бы знакомъ, въ томъ числѣ и съ Польскимъ.

[2]) Если память моя вѣрна, это былъ г. Серно-Соловьевичъ; онъ же чуть ли не былъ замѣшанъ позднѣе въ какомъ-то подпольномъ обществѣ.

[3]) Онъ былъ женатъ на дочери помѣщика Калужскаго уѣзда г. Скворцова, сына извѣстнаго камердинера императора Александра Павловича.

Въ описанномъ теперь періодѣ, отъ 1857 года до осени 1860 года, въ семейной нашей лѣтописи ничего особеннаго не произошло, кромѣ того, что мой племянникъ, графъ Дмитрій Петровичъ, женился на Португалкѣ, которая оказалась достойнѣйшею молодою женщиной.

Не помню навѣрно, въ этомъ ли 1860 году или въ слѣдующемъ, умеръ въ Туринѣ зять мой, маркизъ Клавдій д'Эксъ-Сейссель. Сестра моя Елисавета Дмитріевна давно уже разъѣхалась съ мужемъ и поселилась во Флоренціи (при жизни еще нашей матери), съ малолѣтнею своею дочерью Алиной, воспитывавшеюся въ тамошнемъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. При первомъ извѣстіи объ ударѣ, случившемся съ ея мужемъ, она поспѣшила къ нему, и хотя застала его еще живаго, но безъ языка и въ безсознательномъ почти состояніи. Сестра моя, этотъ ангелъ доброты, кротости и долготерпѣнія, увѣрена по сю пору, что мужъ узналъ ее и протянулъ, или хотѣлъ протянуть, ей руку. Онъ былъ незлаго сердца человѣкъ, честный и изумительной храбрости, но вспыльчивый до сумасшествія.

*

Тутъ кончаются Записки графа М. Д. Бутурлина. Онъ умеръ осенью 1876 года, въ Москвѣ, въ Городской больницѣ. П. Б.

ГРАФЪ М. Д. БУТУРЛИНЪ [1]).

Воспоминанія, автобіографія, историческія современныя мнѣ событія, портреты, впечатлѣнія, артистическія свѣдѣнія, художническіе очерки, литературныя замѣтки и фамильная лѣтопись.

1838—1839.

Умѣстнымъ считаю изложить здѣсь о ходѣ благопріятныхъ для моего бывшаго наставника г. Слоана [2]) обстоятельствъ, способствовавшихъ ему пріобрѣсти нынѣшнее его состояніе.

По окончаніи моего воспитанія и когда я поступилъ на службу, выдано было ему моими родителями, въ видѣ ли награды или какъ оставшееся недоплаченнымъ отъ слѣдуемаго ему годового оклада за прежнее время, всего около 30 или 40 тысячъ франковъ (отъ 8 до 10 т. рубл. сереб.). Кромѣ его бережливости и пользованія квартирой въ нашемъ домѣ (до его женитьбы), онъ довольно удачно помѣщалъ свои небольшія деньги. Въ числѣ его друзей, у коихъ онъ обѣдывалъ въ опредѣленные дни, были г.г. Фенци и Голь [3]), главные дѣятели одной изъ первыхъ банкирскихъ фирмъ во Флоренціи. Независимо отъ ихъ банкирской конторы, эти господа состояли въ товариществѣ съ нѣкіимъ Французомъ г. Лебланомъ для разработки мѣдной руды внутри Тосканы, близъ небольшаго городка Вольтерры. Г. Леблanъ разстроилъ свои дѣла по другимъ предпріятіямъ и удалился изъ Флоренціи, вслѣдствіе чего г.г. Фенци и Голь не могли имѣть должнаго за разработкою руды надзора, не отвлекаясь отъ болѣе важныхъ занятій по банкирской ихъ конторѣ, и потому дѣло это шло весьма неудовлетвори-

---

[1]) Записки графа Михаила Дмитріевича Бутурлина помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“ 1897 и 1898 годовъ. Сыну его, графу Дмитрію Михаиловичу, обязаны мы за доставленіе найденваго въ его бумагахъ и издаваемаго здѣсь дополненія къ этимъ Запискамъ. П. Б.

[2]) Читатели припомнятъ, что Англичанинъ Слоанъ, по чувству признательности къ семейству графовъ Бутурлиныхъ, помогалъ своему бывшему воспитаннику, когда тотъ разстроилъ свое имущество. П. Б.

[3]) „М-г Hogace Hall“, сынъ Ливорнскаго Англійскаго (или Американскаго) пастора. Былъ въ то время во Флоренціи другой банкирскій домъ Еврея г. Финци, коего не слѣдуетъ смѣшивать съ Итальянцемъ Фенци.

тельно. Обсудивъ это обстоятельство, они оба обратились къ г. Слоану съ предложеніемъ войти въ сношенія съ г. Лебланомъ объ уступкѣ г. Слоану компаньонскаго пая, дабы, сдѣлавшись товарищемъ въ предпріятіи, онъ посвятилъ этому дѣлу все досужее свое время. На таковое предложеніе г. Слоанъ отвѣчалъ, что, какъ бы ни были умѣренны требованія г. Леблана, они все-таки на много превышали бы капиталъ, коимъ онъ (г. Слоанъ) могъ располагать; но противъ этого возраженія г.г. Фенци и Голь сказали, что они знаютъ-де его за способнаго и трудолюбиваго человѣка и берутъ будущую его дѣятельность взамѣнъ капитала: пусть-де онъ сговорится съ г. Лебланомъ и дастъ ему въ уплату капиталъ, коимъ онъ располагаетъ, а за остальное они оба поручатся предъ г. Лебланомъ. Такъ дѣло и состоялось. Французу кстати весьма пришлось развязаться сразу со всѣми своими комерческими неудачами во Флоренціи; онъ оказался непритязательнымъ въ своихъ требованіяхъ, и г. Слоанъ принялся за новое ввѣренное ему дѣло со свойственнымъ ему рвеніемъ. Онъ началъ теоретически и практически изучать металлургію, столкнулся съ Англичанами-спеціалистами по части копей и черезъ годъ съ небольшимъ представилъ новымъ своимъ товарищамъ дивидендъ; чистой прибыли на долю каждаго изъ нихъ пришлось отъ 20 до 30 тысячъ Итальянскихъ лиръ *).

Въ послѣдующіе года выручка все болѣе и болѣе увеличивалась, а въ 50-хъ годахъ каждый изъ товарищей получалъ на свою часть чуть ли не до 100 т. франковъ въ годъ. Съ самаго начала вступленія своего въ дѣло, Слоанъ переселился съ женою на руду, называемую «La Cava», и лишь мелькомъ показывался во Флоренціи. Продолжая жить съ прежнею строгою умѣренностію, онъ началъ откладывать часть своего дивиденда, лѣтъ чрезъ 20 пріобрѣлъ покупкою обѣ остальныя части своихъ товарищей и сдѣлался единственнымъ хозяиномъ рудника. И даже послѣ такого успѣха, когда онъ купилъ уже себѣ большой домъ во Флоренціи и величавую загородную виллу, называемую Кареджи, и началъ жить прилично новому своему состоянію, онъ не проживалъ никогда всего своего дохода. Когда, по изгнаніи въ 1859 году Итальянскихъ принцевъ изъ ихъ княженій, значительное весьма помѣстье въ Тосканѣ, принадлежавшее Моденскому герцо-

*) Лира равнялась около $^3/_4$ франка. Монета эта была почти что фиктивною и рѣдко весьма встрѣчалась въ чеканѣ, но существовала во всеобщемъ употребленіи въ торговой бухгалтеріи. Кромѣ этой Итальянской лиры была также, исключительно въ Ломбардо-венеціянскомъ королевствѣ, Миланская лира совершенно фиктивная и ниже курсомъ, чѣмъ Итальянская. Нынѣ принято по всей Италіи десятичное монетное дѣленіе на франки и сольди.

гу, продавалось новымъ Итальяно-піемонтскимъ правительствомъ, г. Слоанъ также пріобрѣлъ это имѣніе во избѣжаніе перехода его въ чужія руки, и съ цѣлію, кажется, возвратить это имѣніе настоящему его владѣльцу, буде послѣдній пожелаетъ его выкупить. По мѣрѣ возрастанія своихъ средствъ, онъ расширялъ дѣйствія свои по рудѣ и въ началѣ настоящихъ 60 годовъ получалъ уже (какъ о томъ носилась молва) болѣе 300 т. франковъ годъ. Не оставлялъ онъ между тѣмъ своимъ пособіемъ Римско-католическаго свѣтскаго Коллегіума въ Сѣверной части Англіи (Ushaw-colledge), гдѣ онъ воспитывался, и пожертвовалъ значительную сумму денегъ на сооруженіе тамъ новаго корпуса[1]). Кромѣ того, онъ участвовалъ чуть ли не на половину въ окончательномъ устройствѣ наружности Флорентинской церкви Санта-Кроче (Святаго Креста), этого пантеона, такъ сказать, многихъ Итальянскихъ знаменитостей, остававшагося въ прискорбно-недоконченномъ видѣ, съ голыми даже неоштукатуренными кирпичными стѣнами въ теченіе 4-хъ или 5-ти столѣтій. Работы эти, состоявшія изъ барельефовъ разноцвѣтнаго мрамора, принадлежатъ даровитому, но къ сожалѣнію малоизвѣстному въ Европѣ, ваятелю Дюпре́. Но все это ничтожно въ сравненіи съ филантропическими щедротами г. Слоана, расточаемыми на мѣстѣ источника его богатства въ Ла-Кавѣ, между сельскимъ населеніемъ коего и въ его окрестностяхъ нѣтъ болѣе нынѣ, какъ утверждаютъ, ни одного нищаго, ни даже ни одного нуждающагося семейства, между тѣмъ какъ нищенство есть одна изъ язвъ всей почти Италіи, за исключеніемъ Ломбардіи. Тамъ же учреждены г. Слоаномъ школы и больницы; а дабы пріучить дѣтей къ трудолюбію съ ранняго возраста, придуманы работы, соразмѣрныя ихъ лѣтамъ, съ поощрительною за нихъ преміею. Въ знакъ признательности за таковыя, почти-что государственныя услуги, послѣдній великій герцогъ, Леопольдъ II-ой, удостоившій руду своимъ посѣщеніемъ, почтилъ виновника мѣстнаго сельскаго благоустройства орденомъ Св. Стефана и званіемъ камергера своего двора[2]). Весьма естественно, что изъ чувства признательности, г. Слоанъ остался вѣренъ памяти царственнаго изгнанника, ук-

[1]) Имя этого Коллегіума напомнило мнѣ теперь, что при описаніи семейной нашей жизни въ виллѣ Пальміери въ 1819 году и бывшихъ у насъ тамъ посѣтителей, не упомянулъ я, что у г. Слоана бывалъ одинъ изъ дѣтскихъ его по Коллегіуму товарищей г. Уайзманъ (D-r Wiseman), тогда только - что рукоположенный въ священническій санъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи знаменитымъ въ званіи кардинала съ титуломъ Вестминстерскаго архіепископа, а также и въ Англо-католической литературѣ. Его романъ „Фабіола“, въ Русскомъ переводѣ, подъ именемъ „Катакомбъ“ имѣлъ успѣхъ въ высшемъ кругу религіознаго настроенія.

[2]) По поводу этого посѣщенія руды Тосканскимъ великимъ герцогомъ случилось забавное обстоятельство, выказывающее патріархальную простоту нравовъ Тосканскаго

лоняясь отъ всякаго сближенія съ людьми, стоящими во главѣ нынѣшняго правительства, и живетъ въ интимномъ почти кружкѣ изъ мѣстныхъ приверженцевъ стараго порядка и нѣкоторыхъ рекомендованныхъ иностранцевъ-туристовъ [1]). И въ самой Флоренціи онъ неоскудно помогаетъ нуждающимся; но, вѣрный своей національности, которая никогда не разлучается съ какой-либо странностію, онъ не любитъ, чтобы посторонніе благодѣтели обращались къ нему за помощью для чужихъ бѣдныхъ, и устраняетъ эти просьбы, отзываясь, что всему нуждающемуся человѣчеству помочь онъ не можетъ, и потому-де удѣляетъ посильную помощь только по собственному усмотрѣнію.

Я счелъ поясненіе о причинѣ богатства моего бывшаго наставника тѣмъ болѣе необходимымъ, что клевета не переставала приписывать его другимъ источникамъ [2]). Прежде однакоже чѣмъ приняться снова за нить моего разсказа, передамъ анекдотъ, слышанный мною отъ него объ адмиралѣ Чичаговѣ, съ коимъ онъ былъ знакомъ во Флоренціи въ началѣ 30-хъ годовъ. Г. Слоанъ встрѣтился однажды въ Парижѣ въ 1837 году съ Чичаговымъ; они пошли прогуливаться и дошедши до площади, гдѣ стоитъ Вандомская колонна, остановились разсматривать барельефы, изображающіе Наполеоновскія побѣды. Г. Слоанъ замѣтилъ, что когда очередь ихъ обзора дошла до барельефа переправы черезъ Березину, сопутникъ его сдѣлалъ кислую рожу и какъ бы сконфузился. Я далеко не сторонникъ Чичагова, но отталкивающее мое къ нему чувство основано не столько на неудачныхъ его дѣйствіяхъ въ 1812 году, сколько на злобѣ, имъ питаемой впослѣдствіи къ своему отечеству. Онъ говаривалъ, что у насъ все идетъ дурно, что никакія реформы не могутъ помочь дѣлу, и что надо всю Россію перепахать заново [3]). Гнѣвъ его на государя Николая Павловича былъ

тогдашняго двора. Когда великая герцогиня, сопутствовавшая своему супругу, хотѣла сѣсть въ кресла, чтобы спуститься по канату въ колодецъ руды, то ей замѣтили, что отъ сильнаго теченія воздуха, дувшаго снизу, она, безъ теплыхъ кальсоновъ, рискуетъ простудиться и заболѣть; на бѣду въ походномъ гардеробѣ принцессы не оказалось таковаго свойства невыразимыхъ. Чтобы не лишиться однако удовольствія спуститься въ руду, она не побрезгала фланелевыми кальсонами, или чуть ли не настоящими брюками камердинера г. Слоана, Джіачинта. (Выборъ палъ на него по причинѣ его небольшого роста).

[1]) Партіи приверженцевъ прежняго порядка называется въ народѣ и въ торговомъ сословіи „codini“ т. е. хвостами или клерикальною, по причинѣ костюма аббатовъ, которые носятъ въ видѣ мантіи узкое полотнище шелковой черной матеріи, висящее на спинѣ и доходящее почти до пятокъ (оно прикрѣпляется сверху къ воротнику сюртука или фрака).

[2]) Т. е. будто Слоанъ разбогатѣлъ на счетъ гр. Анны Артемьевны Бутурлиной (ур. гр. Воронцовой). П. Б.

[3]) По свидѣтельству Ѳ. М. Достоевскаго (въ одномъ его письмѣ), И. С. Тургеневъ тоже утверждалъ въ Баденѣ, что провались Россія сквозь землю, человѣчество только бы выиграло. П. Б.

совершенно неосновательнъ. Поселившись за границею вскорѣ послѣ Отечественной войны, онъ не возвращался ни одинъ разъ въ теченіе болѣе 20 лѣтъ, а между тѣмъ пользовался полнымъ своимъ окладомъ, какъ членъ Государственнаго Совѣта. Наконецъ, въ 30-хъ годахъ, Государь повелѣлъ сообщить ему, что если онъ не возворотится въ назначенный срокъ въ Россію, то выдача оклада будетъ пріостановлена, за что Чичаговъ прогнѣвался, эмигрировалъ окончательно и принялъ Англійское подданство. Онъ былъ и безъ того желчнаго темперамента, но ненависть его ко всему Русскому объясняется Итальянскою поговоркою «Chi offende, non perdona». (Оскорбитель не прощаетъ имъ же оскорбленному). А что до того, что онъ выпустилъ будто-бы изъ рукъ Наполеона передъ Березиною, то, читая его о томъ разсказъ (помѣщенный въ «Русскомъ Архивѣ» за 1869 г.), видимъ, что у него не было достаточно войскъ, чтобы воспрепятствовать непріятелю переправиться черезъ Березину, силы коего были почти втрое больше, чѣмъ такъ называвшаяся армія подъ начальствомъ Чичагова: въ ней насчитывалось, по его показанію, не болѣе 20,000 человѣкъ. Трудно подозрѣвать его въ этомъ случаѣ въ наглой лжи.

Возвращаюсь къ разсказу о нашей жизни. Съ наступленіемъ осени (1838 г.) мы разъѣхались. Сначала братъ мой отправился съ своею семьею въ Римъ на зиму, а мать моя во Флоренцію, куда и я съ женою переѣхалъ позднѣе; но первоначально я отвезъ жену съ дочерью въ Лукку къ маркизѣ Вирджиніи Бочелла, а самъ оставался недѣли на двѣ въ Ливорнѣ, для отправки своихъ реставрированныхъ картинъ въ Россію. Теща моя уѣхала также во Флоренцію, одна съ своею Русскою горничною Машею. Это было послѣднее мое въ жизни свиданіе съ безцѣннымъ моимъ братомъ, хотя ничего не предвѣщало тогда возможности таковой на вѣки разлуки съ нимъ: я вовсе еще не помышлялъ о возвращеніи въ Россію, а онъ уѣзжалъ на зимніе только мѣсяцы въ Римъ. Одною изъ причинъ, побудившихъ его оставить Флоренцію, было (какъ я впослѣдствіи узналъ) желаніе избѣгнуть сближенія его сына Дмитрія (коему минуло тогда 10 лѣтъ) съ его двоюродными братьями, сыновьями сестры нашей Маріи Дмитріевны Дѝни, воспитанія коихъ не одобряла графиня Аврора Осиповна: строгія правила ея расходились со. взглядами на тотъ предметъ супруговъ Дини. А вѣдь ничего въ сущности порочнаго не было въ мальчикахъ Дини: они были лишь немного шумливы и развязнѣе своего двоюроднаго брата Дмитрія, вслѣдствіе предоставленной имъ большей свободы, и не могу даже сказать, чтобы методъ воспитанія дѣтей Дини привелъ къ дурнымъ результатамъ. Изъ четырехъ братьевъ одинъ только,

бѣдный Августинъ, сбился съ пути и огорчалъ мать своимъ поведеніемъ; остальные трое проложили себѣ дорогу въ жизни, усвоивъ практическую ея сторону, т. е. науку, не давшуюся мнѣ и отчасти добрѣйшему моему брату. Въ этомъ отношеніи невѣстка моя превосходитъ, конечно, обоихъ насъ; но она впала, какъ кажется мнѣ, въ другое ошибочное направленіе. Находясь постоянно подъ вліяніемъ опасеній, чтобы сынъ ея не былъ вовлеченъ въ порочныя привычки свѣтской молодежи и чтобы не отступалъ отъ строгихъ религіозныхъ правилъ, внушенныхъ ему съ малолѣтства, она съ этою, вѣроятно, цѣлію помѣстила его позднѣе въ Фрибургскій Іезуитскій Коллегіумъ и общимъ направленіемъ его воспитанія уничтожила въ немъ, какъ мнѣ кажется, чувство самостоятельности и силу воли, и изъ него вышелъ человѣкъ, не способный ни къ какому почти серьезному труду или занятію, вопреки тому, что онъ вовсе по себѣ не глупъ. Къ тому же и свѣтское его положеніе весьма фальшивое и подчасъ неловкое. Русскій по фамиліи и по недавно возобновленному имъ подданству, онъ въ сущности не принадлежитъ ни къ какой національности, а по привычкамъ жизни, языку и осѣдлости во Флоренціи, онъ настоящій Итальянецъ, хотя не токмо что не сроднился съ тѣмъ краемъ, но гнушается быть признаннымъ за Итальянца. Спеціальность его лингвистика: по-англійски, по-французски и по-итальянски онъ говоритъ, какъ бы тамошній уроженецъ, знаетъ также Польскій, Нѣмецкій и Португальскій языки, владѣетъ значительнымъ довольно состояніемъ; но въ нашемъ дѣловомъ вѣкѣ космополитизмъ не пользуется нигдѣ почетомъ; настоящаго же отечества, то есть такого, въ судьбахъ коего онъ могъ бы принимать участіе, у него нѣтъ, и взамѣнъ этого чувства имъ овладѣлъ полный индиферентизмъ. Во время послѣдней поѣздки моей въ Италію, тамошнія политическія событія и перевороты шевелили во мнѣ сердце сильнѣе, чѣмъ въ немъ. Разсказываютъ, что въ первой своей молодости онъ рвался будто-бы на военную службу въ Россію, но мать его подъ кошмаромъ (вѣроятно) опасенія, чтобы онъ не обратился въ Православіе, объявила будто бы наотрѣзъ, что она никогда, при своей жизни, не дастъ на это своего согласія, и примѣрный (надо отдать ему должную справедливость) сынъ подчинился приговору. Во время его путешествій по Востоку, въ сопровожденіи какого-то довѣреннаго лица (это было вскорѣ по выпускѣ его изъ Фрибургскаго Коллегіума), когда онъ отправился съ другими туристами изъ Алжира внутрь края, подъ прикрытіемъ военнаго отряда, на нихъ напала партія Бедуиновъ, и командиръ отряда Канроберъ (тогда еще только, помнится мнѣ, полковникъ) пригласилъ всѣхъ стать безразлично въ ряды, для правильнаго отраженія нападающихъ. Племянникъ мой ус-

пѣлъ отличиться, за что̀ и былъ представленъ къ кресту Почетнаго Легіона. Извѣстіе это сильно встревожило его родителей, и Августъ Осиповичъ Понятовскій поспѣшилъ въ Парижъ, остановить дальнѣйшій ходъ этого представленія, весьма, по моему, напрасно. Допускаю, что подобное отличіе могло бы не понравиться въ Россіи и вызвать, пожалуй, нахмуреніе бровей царствовавшаго тогда Николая Павловича; но этимъ бы только дѣло и кончилось. Ни семейные, ни денежные интересы моего брата въ Россіи не подвергались уже въ то время никакой опасности, такъ какъ выкупившіеся его крестьяне обращены были въ вольные хлѣбопашцы; слѣдовательно, Французскій орденъ на груди его сына никому и ни въ чемъ вредить не могъ, а между тѣмъ лестно было бы этому юношѣ получить заслуженный имъ знакъ военнаго отличія. Если братъ мой и его жена желали и заботились лишь о томъ, чтобы про нихъ забыли совершенно въ Россіи, то они также заблуждались, какъ куропатка, воображающая, что никто ея не видитъ, потому что она скрыла голову подъ крыломъ. И такъ, если не слѣдуетъ строго обвинять моего племянника въ безцвѣтной и безцѣльной его жизни, нельзя не снизойти и къ матери его, дѣйствовавшей сообразно съ глубокими ея убѣжденіями, что ради душевнаго спасенія сына нужно было всѣмъ пожертвовать, даже и свѣтскимъ его положеніемъ. Иное дѣло не раздѣлять такого воззрѣнія; но нельзя не согласиться, что невѣстка моя дѣйствовала, послѣдуя вполнѣ Римскому ученію о невозможности спастись внѣ этой церкви; иначе мы будемъ ставить въ вину чадамъ всякой церкви безусловное ихъ повиновеніе ея началамъ. Тутъ мы видимъ фатальное лишь стеченіе безвыходныхъ для обѣихъ сторонъ обстоятельствъ, внѣ ихъ собственной воли, основной узелъ чего оказывается въ Римско-католической пропагандѣ въ Россіи, въ первое двадцатилѣтіе сего вѣка. Въ томъ и состоятъ, по моему мнѣнію, посылка и заключеніе вопроса.

Нынѣ, когда, благодаря прогрессивному направленію нашего правительства, вѣротерпимость входитъ (хотя еще не вполнѣ) въ составъ его программы, и Русскій подданный не лишается (если не «de jure», такъ «de facto») гражданскихъ своихъ правъ и сословныхъ привилегій (въ чемъ было прежде неправосудное ограниченіе) потому только, что внушено было ему съ дѣтства, что папа есть видимый глава всей вселенской церкви, племянникъ мой могъ бы конечно поступить на нашу государственную службу безъ обязательной перемѣны вѣроисповѣданія, чему были недавніе примѣры; но уже поздно: ему минуло 40 лѣтъ, и житейскія его привычки настолько уже сложились, что ему черезчуръ было бы трудно, чтобы не сказать невозможно, разстаться съ

своею независимостію и подчиниться обязательному труду. Да и достигнулъ ли бы онъ до чего-нибудь значительнаго на поприщѣ службы, если бы и принялся ранѣе онъ за нее: это также вопросъ. Сдается мнѣ, что въ обоихъ насъ, сыновьяхъ нашего отца, не было, да и въ новомъ (отъ насъ двоихъ) поколѣніи не видно, никакого служебнаго призванія, но не потому, чтобы всѣ мы были людьми ни къ чему неспособными, а потому, что мы грѣшили и грѣшимъ неустойчивостію въ серьезныхъ нашихъ занятіяхъ: мы не поставили себѣ никакой служебной цѣли, а служили кое-какъ, спустя рукава, и какъ говорится въ просторѣчіи «для блезиру».

Не взирая на это столь длинное отступленіе, надѣюсь, что читатель не потерялъ изъ виду, что рѣчь идетъ объ осени 1838 года, памятной необычайнымъ стеченіемъ Русскихъ въ Италіи. Первыми изъ нихъ пріѣхали во Флоренцію графъ Ѳедоръ Петровичъ Паленъ съ своею женою гр. Вѣрою Григорьевною и дѣтьми; старшая изъ двухъ ихъ дочерей, Алека, была уже тогда дѣвочка поразительной красоты, съ чертами лица и выраженіемъ недѣтскими. Они пріѣхали прямо изъ Парижа, гдѣ гостили нѣкоторое время у графа Петра Петровича Палена, бывшаго тогда нашимъ посломъ при Французскомъ дворѣ.

Помнится мнѣ, что графиня Вѣра Григорьевна пріѣзжала будтобы на короткое время въ Кіевъ, для свиданія съ моею матерью, хотя я о томъ не упомянулъ, гдѣ слѣдовало. Само собою разумѣется, что все происшедшее между нами за 10 ровно лѣтъ предъ тѣмъ предано было забвенію*). Я уже до сего сдѣлалъ замѣчаніе, что тѣсная дружба, соединявшая нѣкогда мать мою съ графинею Елисаветою Петровною Чернышовой, отразилась въ обоюдныхъ отношеніяхъ ихъ дѣтей. Дочери тетки моей не иначе смотрѣли на нашу мать, какъ на свою, и таковыми были приняты ею: братъ мой, всѣ три сестры наши и я остались навсегда съ дочерьми тетки нашей на ногѣ братьевъ и сестеръ, хотя мы съ ними состоимъ уже въ третьемъ колѣнѣ родства. Проходятъ десятки и болѣе лѣтъ разлуки, но, встрѣчаясь съ посѣдѣвшими уже, какъ и я самъ, Наталіею Григорьевною Муравьевой и графинею Вѣрою Григорьевною Паленъ (однѣ оставшіяся въ живыхъ изъ шести сестеръ—образцовыхъ женъ и матерей), мы кидаемся по сю пору въ объятія другъ къ другу, и слышатся, какъ въ былые годы, фамильярныя имена «Мишель», Наташа, Вѣра, а въ нашихъ разговорахъ, родственное «ты».

Явился во Флоренцію въ числѣ прочихъ туристовъ нашъ родственникъ, молодой Александръ Дмитріевичъ Жеребцовъ, сынъ католички Софіи Филипповны (урожденной Дорер), о коей пространно

*) Графъ М. Д. Бутурлинъ искалъ руки графини Вѣры Григорьевны. П. Б.

говорилось въ I-й части сихъ Записокъ, малый-куріозъ въ своемъ родѣ. Хотя далеко неглупый и даже съ нѣкоторою дозою поэтическаго дарованія, изумительно помнившій все прочитанное имъ изъ отечественной и Французской литературы, онъ нерѣдко казался какъ бы полупомѣшаннымъ. Иногда онъ прикидывался поборникомъ Римской церкви *), но не признавалъ себя принадлежащимъ къ ней, затѣмъ дѣлался апологистомъ Декабрьскаго заговора и не стѣснялся при посторонних лицахъ высказывать свои будто-бы революціонные принципы; а то кидался на шею собесѣднику, когда въ разговорѣ затрогивалось чувство Русской національности. Разсказывалъ онъ также небылицы о Петербургскомъ высшемъ обществѣ, въ уголокъ коего онъ случайно было втерся, какъ-то не надолго, и такія же небылицы о своемъ семействѣ. Словомъ, въ немъ былъ хаосъ всякой всячины, и оставалось лишь удивляться, какъ онъ не попалъ въ домъ умалишенныхъ, вмѣсто случившейся съ нимъ за болтовню высылки въ 40-хъ годахъ на службу въ одну изъ отдаленныхъ (восточныхъ, кажется) губерній. Съ тѣхъ поръ я не имѣлъ уже никакихъ дальнѣйшихъ о немъ свѣдѣній. Воспламененное его отъ природы воображеніе поддерживалось склонностію къ лишнему иногда стакану вина, и онъ дѣлался бретёромъ; но къ чести его, я долженъ добавить, что онъ не былъ трусомъ и на одномъ поединкѣ на пистолетахъ съ пріятелемъ моимъ виконтомъ де-Романъ, изъ-за пустого повода, онъ порядочно, помнится мнѣ, былъ раненъ въ локоть. Онъ разсказывалъ (передано мнѣ третьимъ лицомъ, самъ же я этого не слыхалъ), будто-бы отецъ его, убѣдясь въ истинѣ Римской церкви, заявилъ, что онъ не иначе исполнитъ-де обрядъ присоединенія къ ней, какъ публично въ Петербургскомъ Римско-католическомъ храмѣ (что и состоялось) и что для придачи большей торжественности этой церемоніи, Австрійскій посланникъ графъ Фикельмонъ стоялъ-де возлѣ него, въ видѣ крестнаго отца или поручителя за будущую его вѣрность въ новомъ его вѣроисповѣданіи. Передавшій мнѣ этотъ анекдотъ добавилъ (можетъ быть, ради краснаго словца), якобы молодой Жеребцовъ, въ заключеніе разсказа, придавалъ слѣдующія слова упомянутому Австрійскому дипломату: «Maintenant que j'ai converti un des plus grands aristocrates russes, ma mission en Russie est terminée.» Жеребцовъ былъ способенъ сочинить таковую басню. Однажды войдя ко мнѣ на верхъ съ мрачнымъ лицомъ, онъ сказалъ, что стыдится своего бездѣйствія во Флоренціи, тогда какъ въ этотъ са-

*) Напоминаю, что С. Ф. Жеребцова успѣла прозелитизировать разорившагося своего мужа Дмитрія Александровича, сыновей и дочь Анну Дмитріевну, вышедшую замужъ въ началѣ 1835 года за Поляка г. Шеміота. Старики Жеребцовы переселились въ Италію и умерли въ Римѣ.

мый день въ Россіи долженъ былъ вспыхнуть заговоръ и что оба меньшіе его братья, участвовавшіе будто въ оном, подвергаются, можетъ быть, эшафоту. Не знавъ его тогда близко, я встревожился и поспѣшилъ передать матери моей слышанное отъ Жеребцова; она перепугалась и написала немедленно къ его матери Софіи Филипповнѣ, совѣтуя ей имѣть бдительный надзоръ за ея сыновьями, но та поспѣшила отвѣтомъ, что нечего опасаться за ея двухъ юношей, находящихся неотлучно при ней, и что̀ касается говореннаго старшимъ ея сынкомъ во Флоренціи, то такъ какъ онъ находится на лицо передъ моею матерью, то ей предстоитъ-де сдѣлать свое о немъ заключеніе. Дѣло это такъ бы и кануло въ воду, если бы галюцинація Жеребцова не выходила изъ семейнаго нашего круга; но онъ возобновилъ свою болтовню въ салонѣ жены Григорія Ѳедоровича Орлова, одномъ изъ центровъ свѣтскаго общества, танцуя тамъ по Четвергамъ, и гдѣ кромѣ того бывали званые обѣды разъ въ недѣлю; тамъ Жеребцовъ пустилъ (вѣроятно) свой разсказъ, обогативъ его вновь импровизованными варіантами и оговоривъ въ сообщничествѣ въ этомъ дѣлѣ нѣкоторыхъ лицъ изъ Петербургской молодежи. Слухъ о миѳическомъ заговорѣ дошелъ чрезъ шпіоновъ, коихъ было во Флоренціи, какъ и въ другихъ мѣстахъ немало, до Петербурга, и оговоренныхъ молодыхъ людей потребовали въ III Отдѣленіе къ генералу Дубельту; но нелѣпость извѣта не замедлила обнаружиться, и ихъ освободили. Къ счастію выдумщика, его арестовали при первомъ появленіи въ предѣлахъ Россіи, и въ сопровожденіи синемундирнаго оберегателя общественнаго спокойствія отвезли для отрезвленія въ одинъ изъ восточныхъ пунктовъ Имперіи*); а не то̀, явись только онъ на свободѣ въ Петербургъ, досталось бы, пожалуй, его бокамъ отъ лицъ озлобленныхъ за неосновательный на нихъ извѣтъ. Въ заключеніе добавлю, что, не имѣя никакого состоянія, Жеребцовъ велъ игру въ экартé. Однажды на балѣ у Орловыхъ, вслѣдствіе карточной его ссоры съ однимъ Испанцемъ по имени Гусманомъ, господиномъ неизвѣстной отчасти личности, но съ замашками человѣка, для котораго процессъ застрѣлить ближняго не важнѣе того, какъ зарѣзать курицу, послѣдовалъ вызовъ, и Жеребцовъ попросилъ меня не отказаться быть его секундантомъ, не смотря на то, что я отецъ семейства, такъ какъ я единственный его во Флоренціи родственникъ. Это было не совсѣмъ мнѣ по нутру; но я, скрѣпя сердце, согласился въ надеждѣ уладить дѣло безъ кровопролитія. Не сказавъ ни слова о томъ моей женѣ, когда она улеглась спать (мы уже съ самаго пріѣзда во Флоренцію не имѣли общей спальни), я переодѣлся въ утреннее, обык-

*) Въ Пермь. П. Б.

новенное платье и первоначально отправился къ Жеребцову, чтобы подробнѣе освѣдомиться, какъ дѣло было, кто былъ изъ свидѣтелей онаго и кто долженъ быть секундантомъ у свирѣпаго Испанца. По словамъ его, свидѣтелемъ полученнаго-де афронта былъ Англійскій туристъ, молодой лордъ Вальполь *), а секундантомъ противника долженъ былъ быть секретарь Французской миссіи, г. Лафонъ, одинъ изъ кротчайшихъ молодыхъ людей нашего общества; а затѣмъ Жеребцовъ любезно добавилъ, что полагается во всемъ на мою честь, опытность и дружбу къ нему и что заранѣе соглашается на всякое мое дѣйствіе; что ни о чемъ болѣе не хочетъ знать; что, готовясь ко всему худшему, онъ уже принялся писать своимъ родителямъ на случай неблагополучнаго для него исхода поединка. Отъ него я направилъ стопы мои на противуположный конецъ города, за рѣкою Арно, и разбудилъ спавшаго уже г. Лафона, съ цѣлью условиться, какъ намъ дѣйствовать. Крошечный изъ себя и кроткій дипломатъ казался не совсѣмъ доволенъ своимъ назначеніемъ въ секунданты, и въ свою очередь началъ опираться на мою опытность, какъ на человѣка зрѣлыхъ лѣтъ, и потому, удостовѣряясь въ миролюбивыхъ его наклонностяхъ, я просилъ его одѣться и со мною отправиться къ г. Гусману, чтобы постараться общими нашими силами склонить его на мировую. Такимъ образомъ вся ночь (поздне-осенняя) прошла въ странствованіяхъ и переговорахъ, но на разсвѣтѣ осталось еще разспросить свидѣтеля ссоры, Британскаго лорда, жившаго въ большомъ отелѣ Шнейдера, у моста Карраія; и потому, не взирая на свою усталость, я поплелся къ нему пѣшеходствомъ, такъ какъ во то время фіакровъ во Флоренціи почти что не было. Солнце начинало всходить, когда я ворвался въ спальню милорда и, извиняясь за несвоевременное нарушеніе его сна, по дѣлу, касающемуся чести моего довѣрителя, просилъ его потрудиться сообщить мнѣ подробности вчерашняго происшествія. Не скажу однакоже, чтобы потревоженный столь неожиданно милордъ казался черезчуръ удивленъ или недоволенъ моимъ посѣщеніемъ. Онъ вѣжливо весьма, хотя и уклончиво, передалъ мнѣ видѣнное и слышанное имъ. Изъ словъ его я не могъ однакоже заключить, были ли дѣйствительно произнесены одною изъ сторонъ такія слова, оскорбительность коихъ должна быть выкупаема цѣною крови. Отъ Британца я поспѣшилъ къ Испанцу и, поддерживаемый моимъ товарищемъ г. Лафономъ, принялся его увѣщевать. Вопреки грозной своей физіономіи, онъ

*) Личность довольно эксцентричная. Поселившись вскорѣ послѣ сего въ Египтѣ, онъ присволъ себѣ мѣстный костюмъ и привычки и даже завелъ (какъ разсказывали) у себя гаремъ, каковую роскошь дозволяли его средства.

началъ уже отчасти поддаваться, но съ условіемъ, что мы секунданты не потребуемъ отъ него, чтобы онъ первый извинился передъ Жеребцовымъ, въ чемъ мы дали обѣщаніе, и затѣмъ предложили, чтобы противники, встрѣтившись при насъ, молча подали руку другъ другу. Поладивъ съ нимъ, г. Лафонъ и я направились къ Жеребцову, коего уломали согласиться на наши условія; съ нимъ мы снова, помнится мнѣ, возратились къ Испанцу, и примиреніе состоялось на указанныхъ нами началахъ.

Когда я вернулся домой, у насъ сидѣли уже за чайнымъ утреннимъ столомъ, и къ общему удивленію собравшихся по семейному обычаю къ чаю, я передалъ имъ о ночныхъ своихъ похожденіяхъ. Мать моя пожала плечами и благодарила меня за удачное окончаніе дѣла, касавшагося человѣка намъ нечужого. Въ числѣ своихъ элюкубрацій, Жеребцовъ утверждалъ, что его мать происходила, хотя въ отдаленной степени родства, отъ знаменитаго Французскаго рода принцевъ Водемоновъ (Vaudémont), о чемъ конечно никогда не подозрѣвали мать его Софія Филипповна и смиренные ея родители Дореры, Эльзаскіе уроженцы *); по открытіе это до того имъ овладѣло, что, воспользовавшись случаемъ познакомиться съ герцогинею де-Гонтò (тещею герцога де-Рогана), онъ не замедлилъ заявить ей, что считаетъ себя въ родствѣ съ нею, по свойству́ нѣкоторымъ образомъ съ генеалогическимъ деревомъ Водемоновъ, домъ коихъ былъ въ родствѣ съ сказанною дюшессою. Величавая эта представительница Парижскаго легитимистскаго «Faubourg S-t Germain», крайне удивленная таковымъ извѣстіемъ, при первой встрѣчѣ съ теткою моею графинею Маріею Артемьевной Воронцовой, просила ее объяснить ей, по какому случаю, она, г-жа де-Гонтò, въ родствѣ съ г. Жеребцовымъ. Adressez-vous pour cela à lui-même, chère duchesse, былъ отвѣтъ; quant à moi, je n'en ai jamais entendu parler.

Одновременно почти съ прочими Русскими, изъ Парижа пріѣхали на зиму во Флоренцію Николай Адріяновичъ Дивовъ, его жена и путешествовавшая съ ними Марія Павловна Сумарокова. Они наняли квартиру въ домѣ у одного Грека, на набережной Арно, близъ моста «Санта - Тринитà», окнами на полдень: обстоятельство немаловажное во Флоренціи, гдѣ свирѣпствующій часто зимою сѣверный холодный вѣтеръ (tramontana), при отсутствіи печей, дѣлаетъ апартаменты, об-

*) Одна изъ сестеръ Софіи Филипповны была замужемъ за г. Карасомъ, сына коего я зналъ въ 30 годахъ въ Москвѣ инженернымъ офицеромъ. Нынѣшній часовыхъ дѣлъ мастеръ г. Дореръ принадлежитъ, вѣроятно, къ той же фамиліи.

ращенные къ Сѣверу, почти-что не обитаемыми для дѣтей нашего (хотя еще болѣе суроваго) Сѣвера, привыкшихъ къ комнатной теплотѣ, достичь которую невозможно въ Италіи въ зимнее время. Дѣтей въ то время у Дивовыхъ еще не было, и они воспитывали тогда, какъ бы родную свою дочь, бѣдную дѣвочку, крестницу Зенаиды Сергѣевны, Зенаиду Николаевну [1]), наставницею при которой и въ тоже время компаніонкою самой Зенаиды Сергѣевны, была прехорошенькая Москвитянка-Француженка, дѣвица Елисавета Павловна Гоффаръ [2]). Неотлучно при Дивовыхъ находившійся карликъ Филя (получившій уже за выслугу лѣтъ наименованіе Филиппа Арсеньевича) многихъ удивлялъ въ Италіи, какъ феноменъ тамъ небывалый, такъ что одинъ изъ интимнаго намъ кружка спрашивалъ у Николая Адріяновича, составляетъ ли этотъ человѣчекъ исключеніе и представляетъ только игру природы, или онъ вывезенъ изъ какой нибудь провинціи имперіи, гдѣ все народонаселеніе состоитъ изъ карликовъ. Касательно понятій сихъ господъ о нашемъ краѣ можно судить по укоренившемуся между ними мнѣнію о цѣлыхъ стаяхъ волковъ, будто бы встрѣчающихся у насъ на каждомъ шагу. Мысль эта до того пугала ихъ, что когда Дивовы, въ 40-ыхъ годахъ, уговаривали Римлянку-кормилицу старшаго ихъ сына (Сергѣя, нынѣ умершаго) ѣхать съ ними въ Россію, и она ходила прощаться съ какимъ - то маркизомъ, въ домѣ коего жила передъ тѣмъ, то получила отъ него дружеское предостереженіе: «Fate attenzione, cara mia, che in Russia sono molti lupi». (Будьте осторожны, милая моя, потому что въ Россіи множество волковъ). Ежедневный мой акомпаніаторъ пѣнія, пользовавшійся званіемъ маѐстро, говоря однажды объ одномъ пѣвцѣ, ангажированномъ для Одесскаго театра, спросилъ меня, далеко ли Одесса отъ Россіи? Невѣжество Итальянцевъ въ этомъ отношеніи равняется только съ безцеремонностію, даже дамъ, насчетъ высказыванія во всеуслышаніе своихъ недуговъ. Они, напримѣръ, не стѣсняются говорить, что одержимы констипаціею; впрочемъ, пояснить слѣдуетъ, что терминъ этотъ употребляется въ двоякомъ смыслѣ на ихъ нарѣчіи: констипація «di testa» (головная) обозначаетъ насморкъ, а констипація «di corpo» (брюшная) запоръ. Наши Русскія дамы, даже не изъ жеманныхъ, привыкнуть не могли къ безцеремонности, съ которою молодыя Итальянки вы-

[1]) Она вышла замужъ въ 1849 году за Николая Ивановича Колесова, нынѣ уже дѣйств. статс. совѣтника и вице-директора департамента внѣшней торговли въ Министерствѣ Финансовъ (отецъ его командовалъ батареею въ Тарусѣ, въ 20-хъ годахъ).

[2]) Она много позднѣе вышла замужъ за г. Пешессъ, изъ первыхъ открывшихъ въ Москвѣ фотографическое заведеніе въ Газетномъ переулкѣ; жена его тутъ же содержала весьма комфортабельныя меблированныя комнаты, съ отличнымъ столомъ.

сшаго круга говорили во всеуслышаніе о женскихъ періодическихъ полу-недугахъ, безъ обиняковъ. Не должно впрочемъ заключать, чтобы это происходило у нихъ отъ потери чувства стыдливости; вовсе-нѣтъ: это просто наивность, присущая многимъ изъ нихъ. Но безчинствъ, открыто происходящихъ (или происходившихъ въ то время) на улицахъ, кто не былъ въ Италіи *) не можетъ себѣ представить. Среди бѣлаго дня жители не стѣснялись отдавать долгъ природѣ на центральныхъ иногда городскихъ улицахъ и на публичныхъ гуляньяхъ, и идущія пѣшкомъ дамы (обычай общепринятый въ теплыхъ климатахъ) не могли избѣжать, чтобы не проходить мимо сидѣвшаго на корточкахъ Флорентинскаго ремесленника. Въ нѣкоторыхъ стѣнахъ вставлены были иконы и статуетки Мадонны и другихъ святыхъ, или нарисованъ рядъ крестовъ съ надписью: «rispetto al Santissimo» (почитайте Святѣйшаго); въ Римѣ же помню, на одной стѣнѣ встрѣчалась крупными буквами надпись «Qui non si fa immondezze» (здѣсь запрещается дѣлать нечистоты), на противоположной надпись «immondezzaio» или разрѣшеніе таковаго рода дѣйствій. О чистотѣ самихъ улицъ можно судить по тому, что почти все выбрасывалось и выливалось на гладкую, изъ широкихъ плитъ, мостовую, дѣлавшуюся чрезъ то иногда весьма слизкою. А иныя улицы надо было буквально обходить по причинѣ зловонія отъ выставленныхъ передъ лавками съѣстныхъ припасовъ кадокъ съ отточенною *бакалю́* (Итальянское названіе вяленой трески, привозимой въ высушенныхъ связкахъ изъ Америки и составляющей наидешевѣйшую пищу для рабочаго класса въ постные дни). На Югѣ Италіи (гдѣ впрочемъ я не бывалъ) почти вся жизнь мелкихъ ремесленниковъ проходитъ подъ открытымъ небомъ; она стѣсняетъ проѣздъ по улицамъ, и безъ того уже узкимъ.

Въ концѣ Октября или въ Ноябрѣ 1838 г. прибылъ во Флоренцію Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, нынѣ Императоръ, въ сопровожденіи князя Ливена и генераловъ Кавелина и Юрьевича (послѣдняго сопровождала его жена). При его высочествѣ состояли адъютантомъ князь А. И. Варятинскій (тогда поручикъ л.-гусарскаго полка), гг. Паткуль и Мердеръ. Великій Князь стоялъ въ отелѣ Имберъ (М-г Imbert), возлѣ моста и площади «Санта-Тринита», и тамъ мы всѣ Русскіе, находившіеся во Флоренціи, представлялись ему. Старикъ Флорентинецъ Бріоски, продолжавшій числиться реставраторомъ картинъ при Императорскомъ Эрмитажѣ, напялилъ по этому случаю на себя синій мундиръ, съ вышитымъ воротникомъ нашей Академіи Худо-

*) Миланъ представлялъ исключеніе въ этомъ отношеніи, по милости Австрійской полиціи, наблюдавшей за уличнымъ благочиніемъ.

жествъ. Графъ Лудовикъ Серристори, какъ бывшій полковникъ Русской службы, счелъ обязанностію явиться также въ мундирѣ главнаго штаба, съ коимъ былъ уволенъ. Нечего говорить конечно, что онъ встрѣтилъ благосклонный пріемъ *). Флорентинцы, помнится мнѣ, не вполнѣ апробовывали эту Руссофильскую демонстрацію ихъ соотечественника.

При дворѣ Тосканскаго великаго герцога не было бала въ честь Наслѣдника Россійскаго престола, не помню по какой причинѣ, и все ограничилось большимъ концертомъ, а въ другой разъ обѣдомъ во дворцѣ Питти. На этотъ обѣдъ приглашены были всѣ находившіеся во Флоренціи Русскіе. Для встрѣчи Великаго Князя прибылъ изъ Рима нашъ представитель г. Потемкинъ, господинъ странныхъ довольно манеровъ, женатый на Англичанкѣ-католичкѣ. Онъ вообще сбивался болѣе на иностранца въ нашей службѣ. Въ числѣ приглашенныхъ на обѣдъ во дворецъ Питти была также моя мать, и передъ тѣмъ, чтобы идти къ столу, была представлена Потемкинымъ. Это было въ первый разъ въ ея жизни, что̀ она видѣла Великаго Князя, родившагося черезъ годъ послѣ семейнаго нашего выѣзда изъ Россіи. Я началъ слѣдить за всѣми ея движеніями, и мнѣ ясно довольно показалось, что въ эти немногія минуты въ ней пробуждалось патріотическое чувство. По мѣрѣ, какъ Наслѣдникъ, удостоивая нѣсколькими привѣтливыми словами каждаго изъ представленныхъ ему лицъ, приближался постепенно къ ней, она какъ будто бы вся перерождалась. Изъ строгой подвижницы католицизма, изъ женщины отрекшейся отъ свѣта и ходившей пѣшкомъ въ изношенномъ почти платьѣ къ ранней мессѣ (въ началѣ 7-го часа) ежедневно въ приходскую свою церковь Санъ-Микеллино, вдругъ явилась придворная дама, издавна какъ будто-бы привыкшая къ пріемамъ дворцоваго церемоніала, величавая и съ улыбкою. Легко было догадаться, что сердце въ ней затрепетало, когда сынъ царя, племянникъ обожаемаго ею Александра I-го, подошелъ къ ней. Она присѣла передъ нимъ, точь-въ точь какъ будто-бы всю жизнь ничего другого не дѣлала, и если память не измѣняетъ мнѣ, то слеза блеснула въ ея глазахъ. Повторяю, что не безъ жестокой борьбы съ прошедшимъ обошлось матери моей и моему брату отреченіе отъ ихъ національности. Касательно же бѣднаго моего брата я почти убѣжденъ, что борьба

*) Нелишнимъ считаю помѣстить одно замѣчаніе графа Л. Серристори, поразившее меня своею вѣрностью. Однажды, когда нашъ разговоръ случайно попалъ на тему о стремленіи женской части моего семейства сродниться съ Итальянскою національностію, графъ Серристори сказалъ: „Понимаю желаніе человѣка, родившагося въ маленькомъ государствѣ, принадлежать къ болѣе сильному; но не понимаю, чтобы человѣкъ, родившійся въ государствѣ послѣдней категоріи, могъ домогаться національности въ краю первой категоріи“.

эта немало способствовала сокращенію страдальческой его въ физическомъ и моральномъ отношеніяхъ жизни.

Были въ числѣ званыхъ и Дивовы. Съ Зенаидою Сергѣевною Великому Князю легко было разговориться про общихъ знакомыхъ, и онъ повелъ рѣчь о миловидной ея племянницѣ Варварѣ Павловнѣ, недавно передъ тѣмъ вышедшей за Василія Сергѣевича Шереметева, перваго красавца кавалергардскаго полка и вскорѣ послѣ назначеннаго адъютантомъ при Михаилѣ Павловичѣ *). Я не упомянулъ, гдѣ слѣдовало, что на первой аудіенціи у Великаго Князя въ отелѣ Имберъ, на его вопросъ о прежней моей службѣ, я отвѣчалъ, что служилъ въ Павлоградскомъ гусарскомъ полку, и что онъ, вспомнивъ о томъ, сказалъ женѣ моей во время концерта во дворцѣ Питти, что мужъ ея служилъ въ его (то-есть, посившемъ его имя) полку: обстоятельство тогда еще мнѣ неизвѣстное. Это былъ единственный въ жизни моей случай, что̀ я имѣлъ честь представляться и говорить съ Его нынѣ Величествомъ. Въ числѣ званыхъ, якобы Русскихъ, къ обѣду во дворецъ Питти былъ позванъ Эстонецъ, нѣкій баронъ Гротусъ. Стоя рядомъ со мною въ шеренгѣ, во время молчаливаго офиціальнаго промежутка, предшествовавшаго общему нашему переходу въ обѣденный залъ, онъ сдѣлалъ мнѣ на ухо многозначущее признаніе о чувствѣ неловкости его объясненій съ Великимъ Княземъ отъ незнанія Русскаго языка, при чемъ добавилъ, что весьма жалко, что не обучаютъ его соотечественниковъ Русскому нарѣчію.

Какъ не привыкшій къ придворному этикету, я во время стола попросилъ у одного изъ камерфуріеровъ, подносившаго ви́на, вторую рюмку какого-то особенно хорошаго Венгерскаго, и меня удовлетворили; но сидѣвшій со мною рядомъ нашъ консулъ старикъ Энгельбахъ, наклонившись ко мнѣ, по праву своихъ лѣтъ, сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что это не дѣлается на дворцовыхъ обѣдахъ. И здѣсь я долженъ сознаться, что поводомъ къ тому была желудочная потребность чего-то

*) Достойнѣйшая и рано умершая Варвара Павловна была въ 40-хъ годахъ общею фавориткою, или правильнѣе сказать, балованною дитятею при дворѣ, хотя не только не принадлежала къ оному, но по чину ея мужа не могла иначе, какъ по особенному приглашенію быть на куртагахъ, развѣ только на большихъ выходахъ, на коихъ всякій гвардейскій офицеръ имѣлъ право находиться. Но, не взирая на свой успѣхъ при дворѣ, эта примѣрная молодая женщина осталась до конца чиста и безукоризненнаго поведенія. Дѣтей у нея никогда не было, и она привязалась какъ бы къ дочери къ подкинутому ей въ колыбели младенцу и обезпечила будущность этой дѣвочки, коей, какъ пріемышу, дано было и собственное ея имя Варвары, а по отчеству Павловны, по той причинѣ, что воспріемникомъ при купелѣ этого младенца - подкидыша былъ князь Павелъ Алексѣевичъ Голицынъ, отецъ Варвары Павловны Шереметевой.

подкрѣпительнаго (или правильнѣе сказать, *зашибительнаго*), послѣ пзлишка выпитаго гдѣ-то наканунѣ. По части гастрономіи я почти-что обскурантъ, хотя и сумѣлъ оцѣнить достоинство свѣжихъ фазановъ, входившихъ въ составъ великогерцогскаго угощенія; но родственникъ мой Н. А. Дивовъ, компетентное лицо въ этой наукѣ, рѣшилъ, что какъ столъ, такъ и вина, были вполнѣ безукоризненны.

Великій Князь былъ въ ту пору весьма красивъ собою, съ неимовѣрно-добродушнымъ выраженіемъ на молодомъ его челѣ и въ глазахъ. Онъ плѣнялъ всѣхъ непринужденною своею любезностію, и Итальянскія дамы прозвали его «l'angelo simpatico». Къ тому же, статскій его ежедневный костюмъ шелъ къ нему какъ нельзя лучше. Онъ удостоилъ своимъ присутствіемъ балъ, данный въ его честь Григорьемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ, и гдѣ, для встрѣчи его, исполненъ былъ оркестромъ въ первый разъ во Флоренціи Русскій гимнъ «Боже Царя храни». Пробывъ во Флоренціи около двухъ недѣль, Государь Наслѣдникъ отправился на зиму въ Римъ.

Съ разрѣшенія матери моей, обрадованной моею просьбою, я однажды пригласилъ обѣдать къ себѣ князя Александра Ивановича Барятинскаго (съ которымъ я довольно сошелся въ Москвѣ, въ началѣ 1836 г., у Елисаветы Григорьевны Чертковой), а также и г. Паткуля, съ которымъ мы стали на *ты* съ первыхъ дней нашего знакомства, и онъ сказалъ мнѣ, отъѣзжая въ Римъ, что изъ всѣхъ женщинъ Флорентинскаго общества болѣе всѣхъ нравилась ему моя жена. Sic transit gloria mundi! Этотъ цитатъ я вставляю потому, что мимолетное мое знакомство съ придворными этими господами никогда болѣе не возобновилось въ Россіи.

Вскорѣ по отъѣздѣ государя Наслѣдника, пріѣхала во Флоренцію княгиня Татьяна Васильевна Голицына съ меньшимъ своимъ сыномъ княземъ Борисомъ Дмитріевичемъ и съ больною своею внучкою, княжною Долгоруковою, коей было тогда 10 или 11 отъ роду лѣтъ [1]). При ней находился домашнимъ медикомъ тогда и до ея кончины (случившейся въ Москвѣ въ 1841 году) Андрей Станиславовичъ Кронбергъ, основавшій позднѣе Московскую дѣтскую больницу, что̀ на Бронной, и коей онъ оставался директоромъ до 60-хъ годовъ [2]). Самъ же князь

[1]) Она въ 50-хъ годахъ вышла за Ѳедора Дмитріевича Нарышкина, сына Дмитрія Васильевича, который былъ роднымъ братомъ тестю моему Ивану Васильевичу.

[2]) Не слѣдуетъ смѣшивать его съ Кронебергомъ, авторомъ Латинско-Русскаго лексикона. Замѣчу кстати, что ученый этотъ лексикографъ умеръ въ стѣсненныхъ, повидимому, обстоятельствахъ, ибо дочь его воспитывается въ Театральномъ училищѣ.

Дмитрій Владимировичъ Голицынъ, со старшимъ своимъ сыномъ княземъ Владимиромъ, прибылъ, помнится мнѣ, отдѣльно, и немного позднѣе. Вслѣдъ затѣмъ одинъ за другимъ пріѣхали на зимній сезонъ наши соотечественники: Иванъ Петровичъ Мятлевъ съ женою, урожденною Балкъ *); Мавра Егоровна Быховецъ, съ неразлучною подругою своею Настасьею Сергѣевной Голубковой (объ артистической натурѣ коей придется еще говорить); г. Феллеръ съ женою (Тульскій помѣщикъ и сынъ извѣстнаго въ Москвѣ, въ началѣ столѣтія, медика); г. Мясоѣдовъ, весьма талантливый художникъ - аматеръ, женатый на единственной дочери бывшаго нашего бригаднаго генерала Христофора Ѳедоровича Солдейна; княгиня Ольга Армандовна Долгорукова, рожденная графиня Сенъ-При (здоровье коей было совершенно разстроено); князь Леонидъ Михайловичъ Голицынъ съ женою, княгинею Анною Матвѣевною, рожденною Толстою, а подъ конецъ зимы (т. е. уже въ 1839 г.) Варвара Александровна Шатилова, рожденная Алябьева, съ сестрою своею Екатериною Александровною Алябьевой и съ незамужнею еще своею дочерью Лидіею Николаевною. Пріѣхалъ также осенью 1838 г. Шернваль (братъ красавицъ графини Пушкиной и Демидовой, нынѣ Карамзиной). Будучи принятъ у насъ въ домѣ, онъ разсказывалъ, какъ пароходъ Николай, шедшій изъ Кронштадта, сгорѣлъ и какъ ему, находившемуся тогда на этомъ пароходѣ, удалось спастись. О нихъ о всѣхъ придется подробнѣе говорить, за исключеніемъ четы Феллеровыхъ, съ коими мы не имѣли никакого почти знакомства, и потому ограничиваюсь тѣмъ, что г-жа Феллеръ была одержима (если вѣрить молвѣ) двумя пламенными желаніями: быть принятой за красавицу и возбудить страстное, свойственное Югу, чувство къ ней какого-нибудь черноглазаго туземнаго адониса; но ни то, ни другое изъ этихъ желаній не сбылось.

У И. П. Мятлева были уже тогда наготовѣ первыя главы извѣстной его юмористической поэмы «Сенсаціи мадамъ Курдюковой», и нѣсколько отдѣльныхъ отрывокъ для продолженія оной. Вслѣдствіе, можетъ быть, дружескихъ отношеній, существовавшихъ нѣкогда между нашими родителями, онъ сразу сдѣлался своимъ человѣкомъ у насъ въ домѣ, со мною сталъ на *ты* (онъ былъ значительно старше меня) и сопровождалъ насъ (т. е. жену мою и меня) почти-что ежедневно на утреннемъ бонтонномъ гуляньѣ въ Кашинахъ. Быть тамъ ежедневно сдѣлалось какъ-бы обязательнымъ для моей жены, признанной одною изъ самыхъ орнаментальныхъ звѣздъ общества. И дѣйствитель-

*) Сестра г-жи Мятлевой была замужемъ за княземъ Голицынымъ, бывшимъ въ концѣ 40-хъ годовъ Тульскимъ военнымъ и позднѣе Витебскимъ генералъ-губернаторомъ.

но, она была тогда въ зенитѣ своей красоты, вопреки ея худобѣ, по поводу чего, а также по причинѣ живости ея натуры, семейный нашъ врачъ, почтенный г. Ладзарини, прозвалъ ее *l'anguille* (угремъ). Ей была очень къ лицу тогдашняя прическа широкими бандо (по-Итальянски «cocchi»), низко спущенными по щекамъ и граціозно окаймлявшія лицо и матовый ея лобъ, какъ бы рамкою.

Возвращаюсь къ автору Курдюковой. Гуляя съ нами по южной дорожкѣ Кашинъ, по берегу Арно (предоставленной однимъ пѣшеходамъ), Иванъ Петровичъ читалъ намъ наизустъ отрывки, по мѣрѣ того какъ вновь писалъ ихъ въ своей поэмѣ, и въ шутку, или серьезно, но говорилъ, что оригиналомъ его Курдюковой была Мавра Егоровна Быховецъ, типъ дѣйствительно своеобразный, но не подходившій къ Мятлевской Курдюковой. Сочиненіе это, хотя грѣшитъ немного однообразностію при чтеніи, теряло свою монотонность и дѣлалось вполнѣ юмористичнымъ, когда самъ авторъ декламировалъ свои вирши. Однажды онъ предупредилъ меня, чтобы я не былъ въ претензіи, если замѣчу, что въ описаніи воздушнаго салона въ Кашинахъ онъ метитъ на меня въ стихѣ о баринѣ «плохо чесанномъ, плохо бритомъ» и напѣвающемъ въ полголоса мотивы изъ Моцарта. Этимъ я не только бы не оскорбился, но счелъ бы почти за честь получить по его милости всеобщую извѣстность, не взирая на невѣрность моего будто бы распѣванія Моцарта (не особенно любимаго мною композитора); но дѣло въ томъ, что ничего подобнаго я не нашелъ во всей его поэмѣ. Упомянутый сборный пунктъ въ Кашинахъ былъ какъ бы воздушнымъ салономъ, потому что на центральной площади этого гулянья, называемой «Il piazzone», насупротивъ лѣтняго великогерцогскаго дворца, съѣзжались и останавливались экипажи съ дамами, а между ними сновали конные и пѣшіе кавалеры. Дамы, принадлежавшія одной «côterie», приказывали ставить свои коляски почти что вплоть одна къ другой, и тогда завязывалась обычная салонная болтовня о новостяхъ дня и прочей дребедени *фашіонабельной* жизни, а межъ рядами экипажей суетились неутомимыя Флорентинскія цвѣточницы (fioraie) въ соломенныхъ широкопольныхъ шляпахъ (продуктъ мѣстной промышленности) съ пучками разноколерныхъ, распущенныхъ по плечамъ лентъ; цвѣточницы эти, непрошенныя, бросали знакомымъ дамамъ и мужчинамъ букеты изъ искусно сплетенныхъ камелій, съ пахучими фіалками и «гаджіами» *),

*) Mimosa farnesiana, по итальянски „gaggia". Цвѣты этого растенія совершенно сферическіе, какъ пилюльки, вохре-желтые, съ сильнѣйшимъ ароматическимъ запахомъ; они не перестаютъ цвѣсти отъ Ноября до Февраля. Растеніе принадлежитъ къ семейству акацій.

и убѣгали, не дождавшись платы за свой товаръ. Къ пѣшимъ же кавалерамъ онѣ бывало подойдутъ, ловко и быстро всунутъ гвоздичку или миніатюрный пучевъ фіалокъ въ петлицу ихъ сюртука или пальто, и также поспѣшно убѣгутъ. Разсчетъ ихъ былъ вѣренъ: цѣна цвѣтовъ тамъ ни по чемъ, а потому дамы и кавалеры, получившіе два-три раза даровые букеты, давали въ одинъ разъ и безъ торга этимъ цвѣточницамъ вдвое больше противъ цѣнности ихъ товара. Между ними особенно отличалась нѣкая Джузеппина, удостоившаяся, благодаря своей знаменитости, гравированнаго портрета; она, послѣ почти тридцатилѣтней дѣятельности, пріобрѣла на свои деньги земельку съ домикомъ возлѣ самаго города.

Мнѣ всегда досадно на И. П. Мятлева, что онъ посвятилъ недюжинный свой лирическій даръ исключительно на буффонство, такъ скоро пресыщающее. Вотъ начало стиховъ, для которыхъ онъ просилъ было меня написать музыку, чего однакоже я не исполнилъ.

Упадетъ
Тараканъ
Въ мой стаканъ,
Не всползетъ,
Не всплыветъ,
Пропадетъ.

далѣе не помню. О Московской цыганоманіи онъ говаривалъ, что

Слушать ихъ нельзя съ экстазомъ,
Развѣ лишь съ подбитымъ глазомъ.

Я удостоился великой чести представить Ивана Петровича, по его о томъ просьбѣ, принцу Гіерониму Монфору, благоволившему ко мнѣ. Авторъ «Курдюковой» и «Фонариковъ», повидимому, очень понравился бывшему Вестфальскому монарху и сдѣлался съ того времени частымъ его посѣтителемъ. Весьма естественно, что Иванъ Петровичъ произвелъ сразу такое впечатлѣніе: его можно было заслушиваться по цѣлымъ часамъ, такъ какъ разсказы его были приправлены остротами и комизмомъ, и все это «coulait de source.» На обратномъ его пути изъ Неаполя чрезъ Флоренцію (уже въ началѣ лѣта), онъ увѣрялъ меня, что бывшій его Итальянскій камердинеръ, къ коему онъ было привыкъ, отошелъ отъ него въ Неаполѣ изъ-за того только, что этого человѣка принимали тамъ за пріѣзжаго господина и величали его титуломъ «eccelenza» *), титулъ, безразборчиво даваемый Неаполитанцами всѣмъ почти иностранцамъ, болѣе прочихъ тратившимъ денегъ. Иванъ Петровичъ передалъ мнѣ также, что, въ бытность

*) Эччеленцами зовутъ въ Италіи одинаково князей, графовъ и генераловъ.

его въ Парижѣ, онъ всячески домогался знакомства съ герцогинею д'Абрантесъ, дабы имѣть случай высказаться насчетъ пасквильнаго ея сочиненія о жизни императрицы Екатерины II-ой, и отчасти достигъ желаемой цѣли. Нѣкій Французъ, изъ интимнаго кружка этой писательницы, не замедлилъ предложить свои услуги Ивану Петровичу, чтобы представить его знаменитой дюшессѣ; а онъ только и хотѣлъ того, чтобы отозваться, что отклоняетъ отъ себя честь знакомства съ авторомъ книги, которую онъ опредѣлилъ словами «que c'est la bave d'un crapeaud, vomie aux pieds de l'idole d'une nation», и радовался мыслію, что его слова буквально переданы будутъ на слѣдующій день по принадлежности.

Онъ сообщилъ мнѣ также, что гдѣ-то по дорогѣ, на Алпійскихъ высотахъ, онъ посѣтилъ поселившагося тамъ извѣстнаго когда-то Петербургскаго кондитера Ларе́да [1]). Разбогатѣвшій у насъ иностранецъ выстроилъ себѣ усадьбу наподобіе Русской избы и въ ней радушно принималъ людей Русскихъ. Съ Мятлевыми путешествовала молодая Англійская миссъ, коротко имъ знакомая. Она была весьма недурна собою и съ манерами, обличавшими привычку вращаться въ высшихъ кругахъ общества. Иванъ Петровичъ говорилъ, что эта особа пользовалась особеннымъ расположеніемъ Баденской принцессы Стефаніи, каковое обстоятельство онъ не упустилъ довести до свѣдѣнія принца Монфора.

Тогда шла съ большимъ фуроромъ во Флоренціи опера «Лукреція Борджіа», съ первоклассными артистами Итальянскаго полуострова, г-жею Унгаръ, теноромъ Моріяни, басомъ Козелли и меццо-сопраномъ, дѣвицею Маццарелли. Я былъ изъ самыхъ ярыхъ поклонниковъ таланта г-жи Унгаръ и лично познакомился съ нею въ Луккѣ, во время тамошняго лѣтняго опернаго сезона. Иванъ Петровичъ, пораженный драматическимъ ея пѣніемъ и игрою, просилъ меня познакомить его съ нею. Мы отправились съ утреннимъ къ ней визитомъ и застали ее въ хлопотахъ по устройству вновь купленнаго ею дома съ пространнымъ садомъ, въ родѣ виллы, близъ городскихъ воротъ Санъ-Николо, на берегу Арно, позади палаццо Серристори [2]). Иванъ Петро-

[1]) Кондитерская Ларе́да, котораго я еще засталъ въ 1830 году, была на углу Невскаго проспекта и Адмиральтейской площади, по правой рукѣ, если идти отъ Невскаго къ Зимнему дворцу.

[2]) Г-жа Каролина Унгаръ, Австрійская уроженка, дебютировала въ Вѣнѣ на Кернтійскомъ театрѣ (Кертнеръ-торъ), въ 1824 году, одновременно почти съ знаменитою г-жею Генріетою Зонтагъ; но самый блистательный періодъ ея драматической карьеры былъ въ Италіи между 1833 и 1839 гг. Въ описываемое мною время (1838—1839 г.) носился слухъ, что она имѣла выходить замужъ за барона Шницера, секретаря Австрій-

вичъ удачно весьма опредѣлялъ, что въ извѣстномъ тріо названной выше оперы, начинающемся словами «Della duchessa ai precі» (сцена перваго отравленія) олицетворяются три противуположныя идеи и начала. Въ безпощадно-звѣрскомъ Феррарскомъ герцогѣ Альфонсѣ—демонская натура; въ герцогинѣ Лукреціи—любящая женская натура, устрашенная угрожающею и ею же безсознательно накликанною смертію своему сыну, и наконецъ, непорочная, какъ бы ангельская—въ молодомъ Дженарѣ, не подозрѣвавшемъ, что онъ попалъ въ ловушку и что эта величественная герцогиня, столь къ нему внимательная и нѣжная, но ненавидящая его друзей, есть его мать. Иванъ Петровичъ говорилъ также, что Флорентинское наше общество, по пестрому и разнородному своему составу, было почти тоже, что̀ общество на Германскихъ лѣтнихъ водахъ. Да и дѣйствительно, за исключеніемъ пріемныхъ домовъ князей Понятовскихъ и принца де-Монфора, графини Липоны (вдовы Мюрата) и Г. Ѳ. Орлова, персоналъ общества смѣнялся при каждомъ зимнемъ сезонѣ.

Вѣсть, дошедшая тогда до насъ, о помолвкѣ великой княжны Маріи Николаевны съ принцемъ Максимиліаномъ Лейхтенбергскимъ возбудила въ Иванѣ Петровичѣ и въ нѣкоторыхъ изъ Русскихъ людей чувство негодованія, понятное весьма: ибо принцъ Евгеній (Богарне́) числился ничѣмъ болѣе, какъ однимъ изъ *медіатизованныхъ* Нѣмецкихъ принцевъ, и то потому только, что былъ женатъ на дочери Баварскаго короля. Сообразно съ этимъ, соотечественники наши находили, что если сынъ такого рода принца удостоенъ руки дочери Русскаго Царя, то любой изъ дворянскихъ-княжескихъ родовъ (нѣкогда владѣтельныхъ) могъ бы претендовать на подобную же честь.

Послѣ Ивана Петровича, замѣчательнѣйшею въ своемъ родѣ изъ Русскихъ особъ была во Флоренціи Мавра Егоровна Быховецъ, рожденная Крюкова, женщина оригинальная въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Начнемъ съ ея наружнаго вида. Она стригла сѣдые, но густые свои волосы въ кружокъ «à la moujik», носила мужскую широкопольную (кажется, бѣлую) шляпу и у себя дома не выпускала почти изъ рукъ длиннаго, черешневаго чубука и трубки съ Жуковымъ табакомъ. Ей было тогда, повидимому, за 50 лѣтъ; сложенія была тучнаго, съ двойнымъ подбородкомъ, тонкимъ правильнымъ съ горбомъ носомъ и держала голову откинуто назадъ, какъ бы отъ привычки по-

---

скаго посольства при Тосканскомъ дворѣ, но бракъ этотъ не состоялся. Она позднѣе вышла за Француза г. Саббатіе и окончательно поселилась во Флоренціи. Дѣтей у нея не было и, въ бытность мою во Флоренціи въ 1862—1863 г., мнѣ говорили, что она воспитывала тогда пріемыша-дѣвочку.

велѣвать, что́ и дѣйствительно, если вѣрить молвѣ, было ей привычно въ отношеніи къ покойному ея супругу Степану Антиповичу, и вообще, осанкою и даже профилемъ, она напоминала отчасти портреты Екатерины II-ой. Состояніе ея было довольно значительное, но также злословная молва гласила, якобы оно небезукоризненно было пріобрѣтено во время управленія ею Нижегородской губерніи, номинальнымъ губернаторомъ коей былъ нѣкогда ея супругъ. Я слышалъ отъ его племянника, Григорія Андреевича Быховца, что дядя его пользовался особымъ къ нему расположеніемъ великой княгини Екатерины Павловны, по ходатайству или даже по рекомендаціи коей поручено было ему въ 1815 и 1816 годахъ разобрать и привести въ порядокъ всѣ дѣла, оставшіяся по кончинѣ принца Ольденбурскаго, для чего отведено было С. А. Быховцу въ Аничкиномъ дворцѣ помѣщеніе съ назначеніемъ въ подмогу ему чиновниковъ. Позднѣе онъ впалъ въ идіотизмъ и въ этомъ положеніи умеръ и погребенъ въ своемъ имѣніи, Тарускаго уѣзда, въ с. Истоминѣ [1]). Какъ бы то ни было, но Мавра Егоровна, по смерти своего мужа, завѣщавшаго ей все свое имѣніе (оно было благопріобрѣтенное), щедро поступила съ его племянникомъ, вышесказаннымъ Григоріемъ Андреевичемъ, коему передала с. Истомино съ деревнями, всего около 800 душъ. И даже много позднѣе, когда Григорій Андреевичъ лишился всего своего состоянія чрезъ неудачныя спекуляціи, она призрѣла многочисленное его семейство, четырехъ изъ его дочерей помѣстила въ институтъ и одновременно положила въ сохранную казну на имя каждой изъ нихъ по 2000 р. сер., до ихъ совершеннолѣтія, а матери ихъ, много перестрадавшей и достойнѣйшей Наталіи Ѳедоровнѣ [2]), передала, купчею на ея имя крѣпостію, деревню во 100 душъ съ водяною мельницею, въ Тарускомъ же уѣздѣ. Таковы были свѣтлыя стороны покойной Мавры Егоровны; очень же темныхъ не было, а были лишь человѣческія слабости, изъ коихъ первенствовало скряжничество въ мелочныхъ расходахъ (lésinerïe), много повредившее ей въ заграничныхъ отеляхъ. Кромѣ того она подвержена была склонности къ рому, и эта несчастная привычка сдѣлалась подъ конецъ ежедневною для нея потребностію. Во всемъ остальномъ Мавра Егоровна была практичная и дѣловая барыня, палата природнаго ума, и одна особа, долго находившаяся при ней, говорила мнѣ, что многія изъ постороннихъ лицъ приходили къ ней въ Москвѣ совѣщать-

[1]) Имѣніе это нынѣ принадлежитъ малолѣтнимъ дѣтямъ умершей г-жи Бологовской, рожденной Васильчиковой.

[2]) Урожденной Воронцовой и умершей осенью 1866 года. Когда мужъ ея лишился всего своего имѣнія, а меньшія дочери поступили въ институтъ, то Мавра Егоровна взяла ее и старшихъ ея дочерей къ себѣ въ домъ въ Москвѣ, гдѣ они жили до смерти тетки.

ся по своимъ дѣламъ. По французски она не говорила, да и очевидно было, что умственнымъ своимъ развитіемъ она обязана была самой себѣ. Она имѣла привычку говорить *ты* всѣмъ мало-мальски знакомымъ ей людямъ обоего пола, но которые приходились ей по сердцу, и высказывала имъ безъ обиняковъ въ глаза все, что̀ не нравилось ей въ ихъ дѣйствіяхъ. Тутъ уже она совершенно расходилась съ Мятлевской Курдюковой.

Достопочтенный нашъ Ливорнскій Греческій священникъ о. Іоахимъ разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи, что когда онъ, по рекомендательному моему письму, явился въ первый разъ къ Маврѣ Егоровнѣ въ Ливорно, то остолбѣнѣлъ при видѣ этой странной фигуры, сидѣвшей на балконѣ отеля въ мужской широкой шляпѣ съ чубукомъ въ зубахъ, и недоумѣвалъ, къ какому полу фигура эта принадлежала.

Въ числѣ пріѣзжихъ Русскихъ въ началѣ 1839 года были еще слѣдующіе: графъ Васильевъ [1]), Степанъ Александровичъ Гедеоновъ, тогда почти юноша [2]), и князь Михайло Викторовичъ Кочубей, весьма красивый тогда собою. Онъ владѣлъ весьма пріятнымъ, хотя слабенькимъ, теноровымъ голосомъ.

Наѣзжалъ по временамъ во Флоренцію доблестный Кульмскій безрукій герой, графъ Александръ Ивановичъ Остерманъ-Толстой. Первый его туда пріѣздъ относится къ 1825 или 1826 году; тогда онъ бывалъ у насъ (при жизни еще моего отца) въ виллѣ Гебгартъ, близъ Ливорно, которую мы занимали три раза въ тотъ періодъ. Въ 1838 и 1839 году онъ имѣлъ уже свой палаццо во Флоренціи, въ улицѣ «Via Ghibellini», по преимущественно проживалъ въ Швейцаріи. О немъ говорили, какъ о человѣкѣ, наполненномъ странностями, близкимъ къ умопомѣшательству; напримѣръ, онъ путешествовалъ подъ псевдонимомъ полковника Иванова, какъ-бы какой-нибудь принцъ крови, избѣгающій почестей. Слышно было также, что въ его Флорентинскомъ палаццѣ проживало будто-бы его семейство съ лѣвой стороны отъ связи съ Итальянкой.

Я уже говорилъ, что жена моя была одна изъ свѣтскихъ планетъ, какъ Кіевскаго, такъ и Флорентинскаго общества; но быть таковою въ послѣднемъ изъ сихъ двухъ было много лестнѣе, по обширности и составу того общества. Не скажу однакоже, чтобы ѳиміамъ скружилъ ей голову, или чтобы она впадала въ кокетство, хотя, ко-

---

[1]) Онъ женился вскорѣ послѣ того на хорошенькой Англичанкѣ миссъ Вильсонъ, бывшей тогда компаньонкою у г-жи Акацатовой, позднѣе принцессы Корсини.

[2]) Нынѣ директоръ театровъ, какъ-бы наслѣдственно послѣ своего отца.

нечно, она не могла не чувствовать себя изъ первенствующихъ на сценѣ свѣта. Что она имѣла всѣ нужныя къ тому данныя, стоило ей взглянуть только въ зеркало *). Она чисто-дѣтски любила наряды, выѣзды и балы, ради удовольствія поплясать, и предавалась бальной болтовнѣ безъ всякой задней мысли привлечь къ себѣ поклонниковъ или затмить свѣтскую соперницу; не предпочитала никого изъ окружавшей ее молодежи, и ей было все равно, съ кѣмъ бы ни танцовать, лишь бы только танцовать, въ каковомъ упражненіи она и прославилась своею неутомимостію. Со свойственною намъ Русскимъ способностію къ лингвистикѣ, она чрезъ годъ по пріѣздѣ во Флоренцію свободно уже поддерживала разговоръ съ Итальянскими кавалерами, въ глазахъ коихъ сразу получила мѣстное право гражданки: ее считали не какъ иностранку-туристку, эфемерно украшавшую зимній сезонъ, но какъ члена Флорентинскаго общества. Мѣстныя львицы и нельвицы, всѣ неимовѣрно добродушныя по натурѣ и независтливыя къ пріѣзжимъ красавицамъ, очень полюбили мою жену, чего, конечно, не могло-бы случиться, если бы она домогалась соперничества съ ними. Фамиліарно называя ее по имени, онѣ говорили «Quanto è carina quella Caterina». (Какая милушка эта Катерина). Она весьма скоро усвоила многія особенности Флорентинскаго нарѣчія, а также и иныя мѣстныя привычки: приказывала, напримѣръ, лакею, чтобы карета была подана въ 22-мъ или 23-мъ часу дня. Карета и лошади матери моей, рѣдко весьма выѣзжавшей, были всегда почти къ нашимъ услугамъ вмѣстѣ съ вѣрнымъ ея лакеямъ, Кіевскимъ нашимъ Консиліо, въ егерскомъ нарядѣ (cacciatore), съ серебряными галунами при кортикѣ и въ треугольной шляпѣ съ зеленымъ султаномъ. Въ ремесленномъ людѣ въ Италіи сохранялось еще дотолѣ древнее Итальянское распредѣленіе дня на 24 часа, каковые означались на циферблатахъ иныхъ башенныхъ часовъ и на колокольняхъ. Точкою исхода таковаго счисленія было время заката солнца, называемое «le ventiquattre,» то есть совершившіеся 24 часа; а затѣмъ, по истеченіи одного часа, говорилось «un'ora di notte» (одинъ часъ ночи) и такъ далѣе. Но счисленіе это выходило весьма сложнымъ по мѣрѣ постояннаго ущерба или прибавленія дня, такъ что исходная 24-хъ часовъ точка приходилась въ 5 часовъ (по нашему) въ зимнее время, а въ 8 часовъ въ лѣтнее. Впрочемъ на практикѣ упоминалось только о двухъ-трехъ часахъ,

*) Не таковыми были, повидимому, прежнія наивныя поколѣнія. Мать моя разсказывала, что бабушка наша, графиня Прасковья Ѳедоровна Воронцова, дабы отвратить отъ нея чувство гордости своею красотою, успѣла до того увѣрить ее въ противномъ что мать наша, въ своей невинности, подходя даже къ зеркалу, не удостовѣрилась въ несостоятельности внушеній своей родительницы.

предшествующихъ захожденію солнца, какъ-то «le ventidue, le ventitre» (22, 23) или по захожденіи солнца «una ora di notte, due ore di notte», а всѣ прочіе часы дня и ночи обозначались по общепринятому обычаю, нерѣдко однакоже съ прибавленіемъ слова «alla francese», то-есть по Французскому счисленію.

Дивовы расположились провести всю зиму во Флоренціи; но ни городъ этотъ, ни тамошній образъ жизни, балы и кавалькады или утреннія обозрѣванія мѣстныхъ артистическихъ и историческихъ примѣчательностей не нравились Николаю Адріановичу, и онъ сильно скучалъ. Въ то время его интересовали скотоводство и улучшенная агрономія, въ чемъ находилъ онъ обильную пищу для своей любознательности въ Англіи, Голландіи и Германіи, а привычки его къ клубной жизни въ Россіи вполнѣ были удовлетворены въ Лондонѣ и Парижѣ. Первымъ изъ сихъ двухъ предметовъ Тоскана не отличалась, а касательно второго, вмѣсто какого-нибудь клуба, было лишь одно «Casino de'nobili» (дворянское собраніе), гдѣ чины собирались для игръ и гдѣ иногда давались балы; но ни стола, ни буфета въ немъ не было, и членскій составъ былъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ съ рѣдкими весьма исключеніями для иностранцевъ. Къ тому же, непривыкшій къ комнатамъ безъ печей въ зимнее время, Николай Адріановичъ все зябнулъ, когда отрывался отъ камина, и потому, пробывъ во Флоренціи недѣли съ три, онъ уѣхалъ одинъ въ Неаполь, гдѣ, какъ разсказываютъ, зимою бываетъ жарко даже и въ нетопленныхъ домахъ. Я проводилъ его до Ливорно, гдѣ онъ задалъ мнѣ въ Англійскомъ отелѣ Томсона, «San-Marco», не столько гастрономическій, какъ биберическій обѣдъ. Хотѣлось ему, повидимому, удостовѣриться, какое число бутылокъ Шампанскаго я былъ въ силѣ опорожнить. Помнится мнѣ, что я дошелъ до цифры четырехъ, если не съ чѣмъ-то, на мою долю, но сознаюсь, что былъ порядочно навеселѣ, когда мы оба оттуда отправились съ вечернимъ визитомъ къ графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Толстой (урожденной Перовской), прибывшей тогда въ Италію для возстановленія здоровья молодого ея сына, извѣстнаго нынѣ поэта, графа Алексѣя Константиновича Толстого. Впрочемъ, я долженъ добавить, что двоюродный братецъ мой мало отставалъ отъ меня въ семъ подвигѣ; но на вино, какъ и на многое прочее, онъ былъ здоровъ, *какъ быкъ*, и когда мы отправились къ графинѣ Толстой, то у него не было, какъ говорится, ни въ одномъ глазѣ. У нея въ салонѣ онъ уговаривалъ меня ѣхать съ нимъ и на его счетъ въ Неаполь, гдѣ я никогда не бывалъ ни прежде, ни послѣ; но я не рѣшался принять его предложенія, не предупредивъ о томъ мою жену. Да, хотя отсутствіе мое

не могло продлиться болѣе двухъ, или много трехъ недѣль, но я не хотѣлъ лишить жену удовольствій свѣтской ея жизни, зная, что мать моя не дозволитъ ей выѣзжать одной. Немного позднѣе, Николай Адріановичъ, возвратившись изъ Неаполя во Флоренцію, вторично сдѣлалъ мнѣ подобнаго рода предложеніе; но этотъ разъ онъ приглашалъ меня ѣхать съ нимъ въ Парижъ, гдѣ также я никогда не бывалъ и, вѣроятно, никогда не буду, но и отъ этого я отказался по тѣмъ же самымъ причинамъ. Каюсь теперь, но поздно, что упустилъ столь удобные случаи побывать въ этихъ двухъ городахъ. Когда я, возвратившись изъ Ливорно домой, разсказалъ моимъ о предложеніи Николая Адріановича, то мать моя сожалѣла, что я имъ не воспользовался.

Мы обомлѣли отъ полученнаго извѣстія, что Петербургскій Зимній дворецъ сдѣлался жертвою пламени. Да и въ самомъ дѣлѣ, непонятно, какъ могли допустить его сгорѣть. Кстати, запишу каламбуръ Михаила Павловича. Когда онъ проѣзжалъ мимо возобновленнаго Зимняго дворца, въ сопровожденіи Петра Александровича Чичерина, сей послѣдній замѣтилъ: «Qui sait, monseigneur, ce que cette construction a du coûter»—«Oh, quant à cela» отвѣчалъ великій князь, «le *compte* est fait» (le *comte* est fait), такъ какъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель только-что былъ пожалованъ въ графы за быструю эту постройку.

Въ наше Флорентинское общество неожиданно упала, какъ будто съ неба и безъ всякихъ извѣстныхъ о ней антецедентовъ, Одесская наша землячка дѣвица Акацатова, alias m-lle Catastrophe. На видъ ей казалось отъ 30 до 40 лѣтъ неопредѣлительно; лицо было пріятное, но корпусомъ тучная. Послѣдствія выказали ее искательницею свѣтскаго виднаго положенія подъ супружескимъ ярмомъ, чего затруднительно, вилно, было ей достичь на своей родинѣ, хотя слыла она владѣлицею порядочнаго весьма состоянія. И она добилась цѣли, ибо чрезъ недолгое время мы узнали, къ крайнему всѣхъ насъ удивленію, что она выходитъ замужъ за престарѣлаго вдовца принца Корсини *). Понявъ (вѣроятно), что непремѣннымъ условіемъ для того, чтобы быть супругою столь знаменитаго родомъ и богатствомъ Римска-

*) Изъ четырехъ уже зрѣлыхъ тогда сыновей принца Корсини двое давно были женаты. Старшій носилъ титулъ герцога-де-Кассиліано; а второй, женатый на дочери маркиза Ринучини, носилъ фамилію маркиза Лаіятико, и когда жена его, бывшая дѣтскою подругою меньшой моей сестры княгини Видони, пріѣзжала къ намъ, то лакей матери моей Консиліо, отворяя передъ нею дверь въ гостиную, не иначе провозглашалъ ея фамилію какъ „госпожа маркиза дель-Аліатико“ (вмѣсто Лаіятико), тогда какъ Аліатико есть названіе мѣстнаго сладкаго краснаго вина.

го и вмѣстѣ съ тѣмъ Тосканскаго магната (почти что перваго послѣ Римскихъ принцевъ Боргезе), была принадлежность къ мужниному вѣроисповѣданію, она не замедлила перейти въ католичество. О степени ея религіозныхъ убѣжденій и тенденцій ничего мнѣ непзвѣстно; но я узналъ, что она сблизилась, хотя не интимно, съ моею теткою графинею М. А. Воронцовою. Ея мужу-принцу было тогда, конечно, всѣ 70 лѣтъ сполна, но онъ молодился, чернилъ волоса и брови (или носилъ черный парикъ), стягивалъ талію и почти-что каждодневно рисовался верхомъ въ Кашинахъ, а вечеромъ въ своей ложѣ въ театрѣ, съ розою или съ гвоздичкою въ петлицѣ фрака. Онъ былъ въ этомъ отношеніи повтореніемъ Москвича Ивана Александровича Нарышкина, претендента на неувядающую юность; но въ Итальянскомъ принцѣ разрушительные слѣды годовъ были замаскированы много искуснѣе, надо отдать ему должную въ томъ справедливость, нежели у скромнаго домовладѣльца на Пречистинской улицѣ. При всей своей знатности и богатствѣ, Римско-Тосканскій принцъ жилъ скупо и уединенно, залы пышнаго его палаццо отпирались лишь на одинъ балъ или званый обѣдъ въ году; и поэтому можно предположить, что онъ не побрезгалъ приданымъ Русской неаристократки, каковое, по мѣстному законодательству, долженствовало слиться съ мужниным состояніемъ *). Свадьба состоялась зимою съ 1838 на 1839 годъ втихомолку, безъ присутствія посторонних лицъ. Гдѣ именно она совершилась, осталось для насъ тайною; но явно было, что мѣстомъ для того выбрана была не Флоренція. Однакоже публичное заявленіе нашему обществу о семъ событіи ознаменовалось большимъ обѣдомъ, даннымъ въ палаццѣ Корсини, куда приглашены были всѣ находившіеся во Флоренціи Русскіе. Новая, но не молодая, принцесса была добрая безъ всякихъ претензій женщина, поддерживала знакомства съ своими соотечественниками, и когда жена и я немного сблизились съ нею и бывали въ ея ложѣ въ театрѣ, то она дозволяла себѣ подшучивать надъ Итальянскими манерами своего супруга. Въ 1840 г., или немного позднѣе, она пріѣзжала, если не ошибаюсь, въ Петербургъ и вскорѣ послѣ того умерла; принцъ же Корсини, носившій между прочимп титулами громкое званіе единственнаго Римскаго сенатора, пережилъ жену и въ 1848 или 1849 году еще здравствовалъ, но съ гвоздичкою ли въ фрачной петлицѣ, о томъ не вѣдаю.

*) Я уже прежде объяснялъ это обстоятельство по поводу приданаго моихъ сестеръ. Добавлю, что, взамѣнъ внесеннаго женою приданаго, эквивалентные тому проценты обезпечены ей на ежегодные ея расходы изъ мужниного состоянія. Но къ несчастію обезпеченіе это не всегда надежно, чему служатъ примѣромъ обѣ старшія мои сестры.

Въ тогдашнемъ наплывѣ Русскихъ находился г. Лазаревъ, незадолго передъ тѣмъ женившійся на принцессѣ Бирон, племянницѣ знаменитаго Талейрана, Наполеоновскаго и Бурбонскаго министра - разстриги. Впослѣдствіи сказано было мнѣ, что г. Лазаревъ, возгордившійся таковымъ своимъ родствомъ, называлъ якобы его «mon oncle Talleraud», и князь А. С. Меншиковъ замѣтилъ ему на это: Vous voulez dire votre oncle Tamerlan.

Этой зимой мы нѣсколько разъ бывали на придворныхъ балахъ во дворцѣ Питти, доступъ куда былъ незатруднителенъ. Акредитованные при Тосканскомъ великомъ герцогѣ резиденты представляли ему кого только хотѣли изъ туристовъ, и нечванливый принцъ посылалъ таковымъ лицамъ приглашеніе на свои балы, безъ учиненія дальнѣйшихъ о нихъ справокъ, и отъ того можно было встрѣчать во дворцѣ въ числѣ преобладавшаго Британскаго элемента какого - нибудь разбогатѣвшаго пивовара изъ Лондонской буржуазіи.

Когда еще былъ въ 20-хъ годахъ во Флоренціи Англійскимъ министромъ лордъ Бургешъ (впослѣдствіи герцогъ Вестморлендскій), мать моя, по праву близкаго съ нимъ знакомства, сдѣлала однажды ему замѣчаніе насчетъ его неразборчивости въ лицахъ, представляемыхъ имъ великому герцогу. На это онъ ей отвѣчалъ, что иначе онъ не могъ дѣйствовать: ибо всякій Англичанинъ-туристъ, явившійся къ нему, имѣетъ, по принятому обычаю, право просить о представленіи его Тосканскому дворцу, въ чемъ акредитованный резидентъ не можетъ-де ему отказать. За то и не церемонился Британскій этотъ дипломатъ въ процедурѣ презентаціи своихъ земляковъ Тосканскому владѣтельному принцу. Какъ накопится, бывало, десятокъ таковыхъ средняго или торговаго сословія личностей, лордъ Бургешъ введетъ всю ватагу въ пріемный дворцовый залъ, и если затруднится вспомнить всѣ ихъ неаристократическія фамиліи, то старается припомнить лишь нѣкоторыя, а затѣмъ употребляетъ слѣдующую формулу: «Честь имѣю представить вашему высочеству изъ Лондонскихъ жителей (примѣрно) г. Смита, г. Брауна, и еще шестерыхъ (или болѣе) моихъ соотечественниковъ». Великій герцогъ Леопольдъ II-й, хотя вообще не разговорчивый и застѣнчивый, силился тѣмъ не менѣе сказать привѣтливое слово всякому изъ представленныхъ ему лицъ. Отъ этой его робости взошло у него въ привычку смотрѣть исподлобья, что̀ давало ему видъ какъ бы злого и фальшиваго человѣка, между тѣмъ какъ онъ былъ добрѣйшаго сердца и далеко неглупъ. Одно время онъ былъ даже отчасти либеральнымъ и во время событій 1847 и 1848 годовъ высказалъ было себя патріотомъ и сторонникомъ партіи молодой Италіи,

иначе «la giovina Italia». Но гибелью его была невольная его зависимость отъ Австрійской старшей династіи, подчиненной тогда Метерниховской угнетающей политикѣ.

Придворные балы были пышные, какъ и все прочее при Тосканскомъ дворѣ. Кромѣ буфета съ чаемъ, фруктами, мороженымъ и прочими десертными принадлежностями, съ самаго начала бала открывался ужинный буфетъ, роскошно гарнированный паштетами съ трюфелями и съ «foies gras», жаркимъ изъ свѣжихъ фазановъ, фаршированныхъ индѣекъ и разной дичи, съ соотвѣтствующими отборными винами. Буфеты таковаго рода были тогда новостію и замѣняли потребность ходить къ ужину, въ опредѣленный часъ, за общій столъ, и буфеты эти не переставали дѣйствовать въ одинаковомъ видѣ отъ начала до конца баловъ. Нашлись, къ сожалѣнію, аматёры, которые, позабывъ подобающее мѣсту приличіе, обступили однажды буфетъ, и отъ повторенныхъ чрезмѣрно либацій безотказываемыхъ винъ сдѣлались сперва шумливыми, а затѣмъ чуть ли не завели ссору, и произошелъ было скандалъ; и въ числѣ этихъ господъ былъ родственникъ нашъ Александръ Жеребцовъ. Съ тѣхъ поръ прекратились по милости ихъ открытые буфеты на придворныхъ балахъ и замѣнились, вѣроятно, накрытымъ ужиннымъ столомъ.

Говоря объ этихъ балахъ, я долженъ сознаться въ тщеславномъ моемъ малодушіи: меня всегда льстило, когда я съ женою выходилъ изъ кареты у дворцоваго крыльца, и стоявшіе у подъѣзда часовые дѣлали мнѣ ружьемъ на караулъ при видѣ креста «virtuti militari» съ акомпаниментомъ медали за Турецкую войну 1828—1829 годовъ, украшавшихъ мой дворянскій мундиръ, тогда какъ у насъ Польскій этотъ крестъ не числится кавалерскимъ, а лишь знакомъ отличія военнаго ордена; да у насъ и не принято отдавать военныя почести какому бы ни было кавалерскому ордену.*). Впрочемъ, не мнѣ одному, но и молодой моей барынѣ пріятенъ былъ, кажется, военный этотъ мѣстный обычай.

Во время шумнаго карнавала, принцъ Іеронимъ, благоволившій къ обоимъ намъ, просилъ насъ на одномъ *веліонѣ* (такъ называются маскарадные балы въ театрѣ Перголе) прибыть замаскированными къ нему въ ложу, гдѣ онъ уже сидѣлъ съ одною дамою, и оба въ черныхъ, какъ и мы, домино съ масками. Дама эта была, какъ мы впо-

*) Такъ ли это? Я незнакомъ съ военными порядками, но помню, что на придворныхъ балахъ въ Петербургѣ мнѣ часовые всегда отдавали честь. (Примѣчаніе графа Д. Н. Толстаго).

слѣдствіи узнали, нѣкая г-жа Бартолини, весьма симпатичная особа *). Мы же нужны были ему въ качествѣ компаньоновъ, чтобы его не узнали, когда онъ будетъ ходить изъ одной ложи въ другую интриговать своихъ знакомыхъ. Онъ взялъ подъ руку мою жену и отправился съ нею на экспедицію, каковому примѣру и я послѣдовалъ со сказанною дамою. Вошедши съ нею въ ложу жены Австрійскаго посланника графини Ревицкой, гдѣ сидѣла сестра моя княгиня Видони, я подсѣлъ къ первой изъ нихъ, и нашептанныя мною ей въ ухо слова привели ее въ сильное волненіе. И немудрено, ибо я билъ, такъ сказать, навѣрняка. Вотъ въ чемъ было дѣло. Прекрасная графиня Сидонія Ревицкая была Полька, изъ Львова, и, будучи еще дѣвицею, влюблена была въ Кесаря Осиповича Понятовскаго, посѣщавшаго этотъ городъ, такъ какъ въ немъ жила, какъ я уже говорилъ, его бабушка, «пани маршалкова Понятовска». Откуда почерпнулъ я это свѣдѣніе, не помню; но случай былъ слишкомъ искусительнымъ, чтобы не воспользоваться имъ. На слѣдующее утро, когда всѣ мы собрались по обыкновенію къ утреннему чайному столу, сестра моя, разсказывая матери моей объ этомъ происшествіи, не могла надивиться, кто бы могла быть эта маска, разстроившая не на шутку графиню Ревицкую какими-то (непереданными, вѣроятно, ею сестрѣ моей) таинственными напомпаніями. Я все это время сидѣлъ какъ на иглахъ, чтобы не быть изобличену и не выслушивать родительскую нотацію, подобную той, какой я подвергся 13 лѣтъ передъ тѣмъ, когда почти такимъ же способомъ (впрочемъ, много нахальнѣе) поступилъ съ другою Полькою, графинею Севериною Собаньскою. Дѣло однакоже сошло съ рукъ безъ дальнѣйшихъ справокъ и вскорѣ пало въ забвеніе. Графиня Ревицкая слыла красавицею, но я не раздѣляю этого мнѣнія. Росту она была слишкомъ для женщины высокаго, черты лица ничего не выражавшія и большіе глаза навыкатъ, впрочемъ хорошо была сложена и въ бальномъ нарядѣ производила большой эффектъ. Супругъ ея годился бы ей въ отцы, даже съ излишествомъ, но она была безукоризненнаго поведенія.—Изъ хорошенькихъ дѣвицъ того времени были три или чуть ли не четыре сестры Англичанки Макдональды, одна изъ коихъ вышла немного позднѣе за милліонера Француза (или Испанца, хорошо не помню) маркиза Агуадо. Нерѣдко бывалъ у матери моей молодой Баварецъ баронъ Пфефферъ съ женою. Она была вылитымъ портретомъ великой княгини Елены Павловны, обстоятельство дававшее нѣкоторое вѣроятіе слуху, что эта баронесса была незаконною дочерью принца Павла Виртембергскаго. Баронъ Пфефферъ имѣлъ всѣ данныя

*) Принцъ Іеронимъ обвѣнчался позднѣе съ нею тайнымъ бракомъ.

быть пріятнымъ въ обществѣ, но дѣлался докучливымъ отъ привычки сводить разговоръ на тему дороговизны житейскихъ потребностей, чѣмъ онъ высказывалъ свою скупость, и не знаю, право, какъ онъ рѣшился однажды задать всему нашему семейству, въ томъ числѣ и Дивовымъ, пристойный весьма обѣдъ.

Въ числѣ немногихъ вообще посѣтителей салона матери моей были слѣдующія лица: представитель Сардинскаго двора графъ де-Сенъ-Марсанъ съ женою, таковой же Бельгійскаго двора г. Виленъ-Каторзъ (фамилія эта пишется по-французски W. Vilain XIV) также съ женою, Флорентинецъ кавалеръ Фаброни и Полька графиня Стрижевская, дочь графа Северина Потоцкаго, одного изъ извѣстныхъ Польскихъ сановниковъ, окружавшихъ престолъ императора Александра Павловича *). Опишу ихъ вкратцѣ. Графъ де-Сенъ-Марсанъ былъ немолодой уже человѣкъ и ничѣмъ не замѣчателенъ, кромѣ того, что былъ кривоглазъ или сильно косъ (что̀ именно изъ двухъ, хорошо не помню). Блондинка, его жена, не менѣе какъ двадцати годами моложе мужа, но уже мать семейства, прикидывалась рѣзвою, наивною дѣвочкою; она бывала чаще у невѣстки моей графини Авроры Осиповны, чѣмъ у насъ въ домѣ, и тамъ игрывала въ куклы съ меньшою племянницею моею Маріянною и бѣгала съ прочими дѣтьми моего брата, какъ будто-бы ихъ ровесница. Странность вставки цифры XIV въ фамиліи Бельгійца г. Вилена-Каторза происходила отъ того, что король Людовигъ XIV, въ награду за какія-то услуги одного изъ прапрадѣдовъ сказаннаго господина, даровалъ ему право прибавить къ своей фамиліи ту самую цифру, которою обозначалось имя надменнаго монарха, говорившаго о себѣ, что «государство состоитъ изъ его личности» («l'état c'est moi»). Немолодой уже Флорентинецъ кавалеръ Фаброни былъ сынъ давно умершаго директора Тосканскаго монетнаго двора, часто хаживавшаго по вечерамъ къ моему отцу въ первые года нашего поселенія во Флоренціи. Сынъ его, о которомъ идетъ теперь рѣчь, былъ нѣчто въ родѣ литератора. Графиня Стрижевская была много старше своего брата, графа Льва Севериновича Потоцкаго; значитъ, въ описываемое время ей было за 50 лѣтъ. Она издавна жила совершенно одна во Флоренціи.

На гуляньяхъ и во всѣхъ почти пріемныхъ салонахъ можно было встрѣчать важно расхаживавшаго герцога де-Динò, впослѣдствіи

*) Графу Северину Потоцкому поручено было торжественное открытіе Харьковскаго Университета, и въ рѣчи своей по сему случаю онъ выразилъ, что правительство, основывая новое это высшее учебное заведеніе, имѣло цѣлію сдѣлать изъ него разсадникъ либеральныхъ государственныхъ дѣятелей, наподобіе Англійскихъ университетовъ

герцога Перпгорскаго, весьма уже немолодого человѣка. О незначительной его личности не стòило бы упоминать, если бы я не имѣлъ добавить, что въ послѣднее мое пребываніе во Флоренціи, въ Февралѣ 1863 года, я снова встрѣчалъ его въ Кашинахъ такимъ же черноволосымъ, изящно одѣтымъ и задирающимъ немного голову назадъ, какимъ я его тамъ же встрѣчалъ за четверть ровно вѣка передъ тѣмъ. Изумительно, какъ это бываютъ люди, умѣющіе всецѣло сохранять свою персону до преклонныхъ лѣтъ, допуская даже употребленіе ими косметическихъ средствъ. Тогда какъ молодившіеся упомянутые выше принцъ Корсини и нашъ Москвичъ Иванъ Александровичъ Нарышкинъ были карикатурны, герцогъ де-Дино, напротивъ, носилъ мнимую юность преклонныхъ своихъ лѣтъ весьма натурально, чѣмъ и подтверждалъ истину сказаннаго Бальзакомъ: On a l'age, qu'on a l'air d'avoir.

Вездѣ на Западѣ, какъ у Латинянъ, такъ и у Лютеранъ, великій постъ начинается со Среды первой недѣли, каковой день называется Пепельною Средою («Mercredi des cendres»), потому что въ церквахъ сожигаются вербы, оставшіяся отъ воскреснаго дня недѣли Ваіи предыдущаго года, и этимъ пепломъ священникъ посыпаетъ крестообразно чело предстоящихъ, произнося при томъ слова: «memento, homine, quod pulvis es et in pulverem reverteris». (Вспомни, о человѣкъ, что ты прахъ и въ прахъ возвратишься). Но въ Миланѣ, и только въ немъ одномъ, по какому, не знаю, случаю, карнавалъ прерывается лишь на этотъ день покаянія, а съ Четверга снова начинается шумная маскарадная жизнь до слѣдующаго включительно воскреснаго дня (у насъ Недѣли Православія); и я слыхалъ, что любители карнавальныхъ увеселеній переѣзжаютъ на это время изъ Флоренціи въ Миланъ.

Кончился Флорентинскій фашіонабельный зимній сезонъ, и съ наступленіемъ весны разлетѣлись стаи Русскихъ и иноземныхъ туристовъ, кто въ Римъ, кто въ Неаполь, а кто въ Швейцарію или на воды въ Германію, иные же во свояси. Прерываю на время нить событій, чтобы изложить кое-что о Тосканской администраціи, предметъ, до котораго я почти не коснулся по сю пору.

Государственный и полицейскій строй продолжалъ дѣйствовать въ прежнемъ патріархальномъ духѣ, какъ исконно, сирѣчь, невидимымъ для публики, по крайней мѣрѣ, для насъ иностранцевъ, скрытымъ способомъ. Былъ ли мѣстный во Флоренціи губернаторъ, не знаю; предполагаю даже, что такового не существовало, но слышно было о какомъ-то лицѣ, носившемъ званіе «presidente del buon governo» (предсѣдатель правильнаго управленія). Фамиліи этого господина я не зналъ или, по маловажности его атрибутовъ, забылъ ее, и самого его я никогда не

видывалъ. Было однакоже какое-то полувоенное лицо, носившее (кажется) званіе префекта полиціи, или нѣчто въ этомъ родѣ; но во все трехлѣтнее мое тамъ пребываніе, не болѣе какъ раза три и многомного четыре, имѣлъ я удовольствіе лицезрѣть этого блюстителя общественнаго внѣшняго порядка, да и то на городскихъ гуляніяхъ («corso»), гдѣ онъ вертѣлся пѣшкомъ между рядами экипажей. Квартальный надзиратель былъ миѳическимъ лицемъ для публики, и если имъ считалось лицо, которое въ полицейскихъ спискахъ носило наименованіе комисара, то по костюму его невозможно было различить отъ прочихъ жителей. Изъ нижняго полицейскаго штата были, дѣйствительно, люди, коихъ можно было встрѣчать изрѣдка на улицѣ въ плисовыхъ оливковаго цвѣта курткахъ съ охотничьимъ ружьемъ на перевязи за спиною. Этихъ людей звали съ давнихъ временъ «збирри», но должность ихъ ограничивалась (повидимому) сопровожденіемъ, въ родѣ конвоя, арестантовъ и каторжныхъ галерныхъ работниковъ въ Пизу и Ливорно и содержаніемъ очередныхъ дежурствъ при тюремныхъ входахъ, гдѣ они преспокойно сидѣли на скамейкахъ съ сигарою въ зубахъ, а въ зимнее время наклоненными тамъ же передъ жаровнею съ красными угольями *). За порядкомъ во время публичныхъ катаній по узкимъ Флорентинскимъ улицамъ наблюдало нѣсколько конныхъ егерей (cavallegieri) изъ эскадрона единственной тамошней кавалеріи; кромѣ ихъ я никакого полицейскаго лица на улицахъ никогда не видалъ: обстоятельство, свидѣтельствующее о миролюбивомъ настроеніи обывателей. Но если владѣтельный принцъ не могъ хвастаться своею полиціею, то онъ имѣлъ полное право гордиться славою всей въ совокупности мѣстной администраціи, сосредоточенной въ министрѣ графѣ Фоссомброни, занимавшемъ этотъ постъ въ теченіе чуть-ли не тридцати лѣтъ. О теоріи управленія, усвоенной государственнымъ симъ мужемъ, можно судить изъ его поговорки, что издавать-де законы и регламенты есть только напрасный трудъ, ибо свѣтъ идетъ себѣ своимъ порядкомъ безъ посторонней помощи. «Il mundo va da se», говаривалъ онъ, вслѣдствіе чего дано было ему прозвище «министра того свѣта, что̀ идетъ самъ по себѣ». Муниципальное (и, вѣроятно, хозяйственное) управленіе городомъ и ограниченнымъ весьма его уѣздомъ или общиною («commune») былъ искони подъ вѣдѣніемъ *гонфалоніера*, должность коего соотвѣтствовала обязанностямъ градского главы, и его выбирали

*) У бѣднаго и ремесленнаго люда не имѣется ни печей, ни каминовъ, да и самое топливо было бы не по ихъ средствахъ, и взамѣнъ того они работаютъ на улицѣ и у себя дома съ висящимъ на одной рукѣ горшечкомъ съ горячими угольями (scaldino), а женщины, когда работаютъ сидя, ставитъ этотъ горшокъ подъ юбкою. Въ лакейскихъ переднихъ имѣются большія жаровни; надъ ними дремлютъ и не угараютъ!

изъ аристократической древней фамиліи срокомъ на три или четыре года. На процессіяхъ и публичныхъ церемоніяхъ онъ являлся въ средневѣковомъ пышномъ костюмѣ. О прочихъ атрибутахъ этой должности, также и о составѣ и занятіяхъ городской думы, я ничего болѣе не знаю. Во всѣхъ прочихъ Тосканскихъ городахъ и «боргахъ» (т. е. посадахъ, мѣстечкахъ) главою муниципалитета былъ «подеста», также по балотировкѣ; а въ провинціальныхъ городахъ, Пизѣ, Ливорнѣ, Сіеннѣ и Ареццѣ, были (кажется, во всѣхъ) губернаторы. Народонаселеніе въ самой Флоренціи едва ли доходило тогда до ста тысячъ.

Единственный разъ, когда представился мнѣ неожиданный случай лицезрѣть пресловутаго, но скорбной для Русскаго гражданина памяти, князя Адама Чарторижскаго, былъ весною того 1839 года. Этотъ Польскій вельможа, ранній другъ Александра 1-го, не преминулъ посѣтить мою мать, по старому съ нею знакомству въ блестящую эпоху его жизни, въ началѣ сего столѣтія. Мать моя представила меня, какъ слѣдуетъ всякой хозяйкѣ дома, своему гостю; я съ старательною аффектаціею придалъ наивозможнѣйшую холодность моему поклону, съ цѣлью выразить этимъ патріотическія свои чувства при встрѣчѣ съ однимъ изъ вліятельныхъ лицъ Польскаго мятежа 1831 года, хотя я этимъ рисковалъ быть сочтеннымъ за невѣжу. (Кстати добавлю ради истины, что уже не разъ случалось мнѣ въ семейномъ нашемъ кругу впадать въ экзальтированную утрировку моего патріотизма, что было протестомъ противъ итальянизированія моей семьи). Впослѣдствіи, въ разговорѣ съ матерью моею о князѣ Чарторижскомъ, она правильно весьма выразилась, что его погубило его честолюбіе, что подтверждается его выходками во время Парижской эмиграціонной его жизни, доходившими до абсурда, какъ напр. (если вѣрить молвѣ) его фиктивнымъ короноваціемъ Польскою короною, каковая шутовская сцена разыграна будто была въ его домѣ. По всему прочтенному мною о немъ, относящемуся ко времени его фавора при перемѣнчивомъ императорѣ Александрѣ Павловичѣ, онъ вовсе не кажется мнѣ ни государственнымъ, ни особенно даровитымъ человѣкомъ; удивительна развѣ только настойчивость, съ которою онъ проводилъ водвореніе польщизны въ Виленскомъ учебномъ округѣ, коего онъ долго былъ попечителемъ, каковую тенденцію раздѣлялъ, впрочемъ, и самъ императоръ, введенный въ заблужденіе своимъ великодушіемъ. Признаю также за этимъ Польскимъ магнатомъ рѣдкое искусство владѣть перомъ и послѣдовательность въ убѣжденіяхъ (политическихъ) и ставлю ему въ заслугу, что, не взирая на таковыя естественныя Поляку убѣжденія, онъ, на сколько могу судить, не былъ однимъ изъ подпольныхъ конспираторовъ предъ Ноябрьскими 1830-го года событіями, но примкнулъ лишь къ дѣлу, когда оно

разыгралось. Слыхалъ я отъ достовѣрныхъ довольно людей, что если бы при начальномъ образованіи Польскаго Царства, намѣстникомъ назначенъ былъ вмѣсто автомата Зайончка (человѣка безъ аристократическаго значенія) князь Чарторижскій, жаждавшій, какъ говорятъ, быть таковымъ, тогда не случилась бы катастрофа 1830 года. Впрочемъ, и это вопросъ; ибо избѣгнуть ея не иначе можно было бы, какъ удаленіемъ совершенно изъ края Константина Павловича, замашки коего много споспѣшествовали Польскому возмущенію.

Въ Маѣ, въ лѣтнюю уже Итальянскую пору года, возвратились изъ Рима князь Д. В. и княгиня Т. В. Голицыны съ обоими сыновьями и съ малолѣтнею внучкою княжною Т. Н. Долгоруковою. Пробыли они около двухъ недѣль во Флоренціи, и я вызвался быть ихъ *чичероне* для обозрѣванія мѣстныхъ достопримѣчательностей, знакомыхъ мнѣ съ дѣтства, и сопровождалъ ихъ также въ Пизу, Ливорну и Лукку. Въ Пизѣ, гдѣ мы останавливались въ отели «Дель-Уссаро» т. е. Гусара, князь Дмитрій Владимировичъ, облокотясь на открытое окно въ ожиданіи подачи обѣда, завелъ со мною разговоръ, впечатлѣвшійся въ моей памяти. Онъ началъ разспросами о католицизмѣ въ моемъ семействѣ и, переходя постепенно къ другимъ предметамъ, разсказывалъ, какъ онъ, еще мальчикомъ, проходя съ своимъ наставникомъ чрезъ Бастильскую площадь во время первой Французской революціи, въ тѣ самыя минуты, когда Парижская чернь обрушилась на крѣпость, былъ вмѣстѣ съ чужестранцами принужденъ принять участіе въ этомъ штурмѣ и долженъ былъ переносить кое-какія вещи съ одного мѣста на другое. Когда онъ посѣтилъ со мною извѣстный Пизанскій «Кампо-Санто», мы встрѣтили тамъ знакомаго князю по Риму Англійскаго лорда Шрозбюри, и къ моему удивленію князь пустился съ нимъ въ Англійскій разговоръ, и хотя выговоръ его на этомъ языкѣ не былъ безупреченъ, но онъ объяснялся свободно. Въ Ливорнѣ, при посѣщеніи тамошней Греческой церкви, гдѣ почіютъ останки моего родителя, князь выразилъ мнѣ упрекъ, что я и мой братъ не перевезли ихъ въ Россію. Отчасти я заслуживалъ, можетъ быть, таковой упрекъ, но, судя нынѣ по результатамъ и отсутствію семейнаго гнѣзда, рѣшить не берусь, хуже или лучше, что отцовскій прахъ остался на чужбинѣ. Фамильнаго склепа или даже опредѣленнаго кладбища семейство наше въ Россіи не имѣетъ. Я не слыхалъ, чтобы отецъ нашъ назначалъ мѣсто, гдѣ желалъ быть похороненнымъ, и если бы, вскорѣ по его кончинѣ, братъ мой и я рѣшились перевезти его прахъ на родину, то выбрали бы, пожалуй, для того нашу слободу Бутурлиновку или Порзню, и это оказалось бы вослѣдствіи прискорбнымъ весьма обстоятельствомъ, такъ какъ оба эти имѣнія не принадлежатъ болѣе

намъ. Остальное наше семейство пріобрѣло себѣ, съ разрѣшенія папы, семейную усыпальницу въ одной изъ каплицъ Римской церкви «Il Gesù», принадлежащей Іезуитамъ, гдѣ я, съ Божіею милостію, твердо уповаю не лечь.

Въ Луккѣ, когда князь Голицынъ обозрѣвалъ дворцовую картинную галлерею тамошняго герцога, въ дверяхъ зала показался одинъ изъ герцогскихъ камергеровъ, или его церемоніймейстеръ, старикъ маркизъ Чезарино Трента, хорошо мнѣ знакомый, какъ обычный посѣтитель салона маркизы Вирджиніи Бочеллы. Когда я ему отрапортовалъ, что онъ имѣетъ честь видить предъ собою Московскаго царскаго намѣстника (для пущей важности я назвалъ князя, признаюсь, вице-императоромъ), то титулъ этотъ до того поразилъ Лукскаго царедворца, что онъ отъ порога до середины зала подходилъ къ князю съ безпрерывными поклонами. Да и дѣйствительно, фигура тогдашняго Московскаго генералъ-губернатора была и величава, и привлекательна, и трудно было бы вообразить себѣ намѣстника болѣе пригожей наружности. Я упустилъ сказать, гдѣ слѣдовало, что во время зимняго въ Римѣ пребыванія Наслѣдника, князь Дмитрій Владимировичъ находился временнымъ гофмаршаломъ при его высочествѣ, по случаю отбытія находившагося при немъ, князя Ливена. На обратномъ его пути чрезъ Флоренцію, гдѣ князь Голицынъ часто бывалъ у матери моей, старой своей знакомой, онъ разсказывалъ ей, какъ забавлялъ Великаго Князя Римскій карнавальный обычай бросать фальшивыя изъ мѣла конфекты въ знакомыхъ лицъ, отъ чего одежда ихъ вся кажется какъ бы мукою покрыта *). Онъ сказывалъ также, что Государь Николай Павловичъ не соглашается на его просьбу уволить его отъ занимаемаго имъ мѣста въ Москвѣ, по неимѣнію будто бы никого въ виду, кѣмъ замѣнить князя, и что князь указывалъ ему на родного племянника, т. е. на принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго.

Княгиня Татьяна Васильевна разсказывала о куріозномъ съ нею обхожденіи г. Потемкина. Надо сказать, что между странностями этого нашего посланника, акредитованнаго одновременно при Тоскапскомъ и Римскомъ дворахъ, было то, что онъ не отличался, кажется, особеннымъ знаніемъ Русскаго языка, или отъ продолжительнаго пребыванія за границей сдѣлался какъ бы полу-иностранцемъ. По окончаніи заутрени подъ Свѣтлое Христово Воскресеніе въ Римской нашей посольской церкви, Потемкинъ весьма неловко сталъ приглашать всѣхъ, находившихся тутъ нашихъ соотечественниковъ разговѣться у него, выражаясь будто бы словами: «пожалуйте ко мнѣ на..... пасхалію,

*) Даровитый художникъ-аматеръ г. Мясоѣдовъ (женатый на дочери ген. Солдейна) написалъ тогда по заказу Великаго Князя картину Римскаго карнавала.

или какъ *это зовется у васъ?*» и вслѣдъ за тѣмъ, не обративъ никакого вниманія (можетъ быть, въ порывѣ разсѣянности) на княгиню, первую даму тамошняго Русскаго общества, ни на другихъ дамъ, подхватилъ подъ руку попавшую ему женскую особу и повелъ ее къ столу; эта особа оказалась горничною дѣвушкою, чуть-ли не Мавры Егоровны Выховецъ.—Въ Луккѣ я разстался съ Голицыными, продолжавшими обратный путь чрезъ Каррару и Геную. Въ Каррарѣ князь Дмитрій Владимировичъ долженъ былъ остановиться для обозрѣванія работъ заказанныхъ изъ тамошняго извѣстнаго бѣлаго превосходнаго мрамора колоннъ для новаго Георгіевскаго зала, строившагося послѣ пожара Петербургскаго Зимняго дворца. Подрядъ этотъ былъ взятъ, какъ и позднѣе для новаго Кремлевскаго дворца, а также мраморовъ для строящагося Московскаго собора Спаса, Иваномъ Великановымъ, когда-то крѣпостнымъ человѣкомъ генералъ-адъютанта князя Василія Сергѣевича Трубецкаго, отставшимъ отъ своего барина во Флоренціи въ началѣ 20-хъ годовъ *). Князь Голицынъ говорилъ мнѣ, что въ Генуѣ его ожидало свиданіе съ маркизомъ Паулуччи, тогда (т. е. въ 1839-мъ г.) губернаторомъ Генуезскомъ.Я былъ очень тронутъ тѣмъ, что княгиня Татьяна Васильевна, на прощаніе, благословила меня. Когда я возвратился во Флоренцію, добрѣйшая моя мать изъявила живѣйшее удовольствіе, что я сопровождалъ Голицыныхъ, такъ какъ хотя сама она почти-что прервала прежнія свои связи въ Россіи, но дорожила ими для меня.

Не упомянулъ я, что во время нахожденія въ Италіи князя Д. В. Голицына, къ нему втерся въ коммиссіонеры неизбѣжный полубанкиръ Русскихъ туристовъ, Флорентинецъ Маріотти, прозванный неблаговолившими къ нему его соотечественниками «mangia russo», т. е. пожирателемъ Русскихъ. Поручено было, сколько мнѣ помнится, старику Бріоски пріобрѣтать для Эрмитажа, при содѣйствіи этаго Маріотти, картины извѣстныхъ художниковъ древнихъ Итальянскихъ школъ. Однакоже я не слыхалъ, чтобы пріобрѣтено было симъ способомъ что-либо, кромѣ Рафаэлевской Мадонны, напоминающей Греческій иконописный стиль его учителя Перуджина и называемой «Дель Альба» (т. е. при разсвѣтѣ, представленномъ на этой картинѣ). Еще подлежитъ сомнѣнію, дѣйствительно ли это произведеніе Рафаэля.

Прибыли также обратно изъ Неаполя Варвара Александровна Шатилова съ дочерью Лидіею Николаевной и съ сестрою Екатериною Александровною Алябьевою. Лидія Николаевна, немногимъ стар-

*) Впослѣдствіи, этотъ Великановъ поселился въ пригородной Флорентійской своей виллѣ, пріобрѣлъ въ Каррарѣ свои каменоломни мраморовъ и въ 1860 г. имѣлъ складъ этого издѣлія въ Петербургѣ.

ше моей жены, сблизилась съ нею и ежедневно почти бывала у насъ. Она владѣла прекраснымъ контральтомъ и въ зимнее свое пребываніе въ Неаполѣ успѣла выработать голосъ и усвоить хорошій методъ пѣнія, а вдобавокъ всего Итальянское произношеніе было у нея столь чисто, что посторонніе слушатели исполненія дуэтовъ ею и мною съ трудомъ убѣждались въ Русской нашей національности. Варвара Александровна замѣчательно поддерживала еще Московскую свою славу красавицы и казалась сестрою своей дочери [1]). Одновременно почти съ Шатиловыми находились также во Флоренціи княгиня Надежда Александровна Черкасская (рожденная Крюкова) съ дочерью своею княжною Софіею. Пріѣхали также весною Алексѣй Пракслевичъ Левшинъ съ семействомъ, для здоровья малолѣтней дочери его, Ольги Алексѣевны, и адмиралъ Рикордъ. Съ почтеннымъ семействомъ Левшиныхъ я впослѣдствіи еще болѣе сблизился, но адмирала Рикорда я совершенно потерялъ изъ виду, въ Россіи. Сдѣлавшись антикварнымъ вожатымъ и этой партіи нашихъ соотечественниковъ, я устроилъ для нихъ нѣчто въ родѣ пикника въ одной изъ лѣтнихъ загородныхъ великогерцогскихъ резиденцій на Апеннинскомъ склонѣ, въ такъ называемомъ Пратолино. Во Флоренціи была первая и послѣдняя жены моей и моя встрѣча съ княжною Софіею: дни милѣйшей этой въ физическомъ и моральномъ отношеніяхъ дѣвушки были сочтены, и она менѣе года послѣ описываемаго мною времени, умерла въ Москвѣ, завѣщавъ свое (отцовское) имѣніе своей матери [2]). Княжну нельзя было звать красавицею; но она особенно какъ-то привлекала къ себѣ тихимъ говоромъ и сдержанностію своихъ пріемовъ, полна была натуральной граціи и откровенности. Не знаю почему, но образъ этой дѣвушки и много позднѣе, образъ моей Анны, и еще позднѣе Олимпіады Семеновны Яковлевой (умершей въ Петербургѣ въ 1861 году), всѣхъ трехъ, изчезнувшихъ едва по достиженіи зрѣлаго дѣвичьяго возраста, слились какъ-то въ моихъ воспоминаніяхъ въ одну сестринско-ангельскую тройственность, которую я не рѣдко привѣтствую мысленно церковнымъ похоронным пѣснопѣніемъ: «Блаженни, ихъ же избралъ и пріялъ еси, Господи!»

[1]) Мужу В. А. Шатиловой и брату ея, извѣстному композитору Русскихъ романсовъ г. Алябьеву, запрещенъ былъ въѣздъ въ обѣ столицы, по дѣлу объ участіи въ какой-то карточной исторіи въ 1824 или 1825 году, надѣлавшей много шуму въ Москвѣ, гдѣ замѣшанъ былъ (кажется) также Петръ Александровичъ Нащокинъ. Лидія Николаевна Шатилова вышла въ концѣ 40-хъ годовъ, будучи не первой уже молодости, за графа Сиверса и умерла вскорѣ родами въ Харьковѣ, гдѣ ея мужъ былъ губернаторомъ.

[2]) Она была почти-что обручена съ княземъ Александромъ Михайловичемъ Хилковымъ, и вотъ почему княгиня Надежда Александровна Черкасская завѣщала князю ту часть ея имѣнія, коей онъ бы пользовался, если бы былъ мужемъ ея дочери.

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА [1]).

Въ началѣ лѣта 1839 г. теща моя стала готовиться къ отъѣзду въ Россію, послѣ двухлѣтняго пребыванія съ нами во Флоренціи, и я не безъ нѣкотораго удивленія замѣтилъ, что моя жена, вся предавшись уходу за нашею Анночкою, переноспла предстоявшую на неопредѣленное время разлуку съ матерью много спокойнѣе, чѣмъ я могъ ожидать. Видно, что таковъ уже естественный законъ природы, что родительскому чувству суждено брать верхъ надъ дѣтскимъ, и что, по удачному изреченію двоюродной моей сестры и умницы, Надежды Александровны Гавришенко, «l'affection des siens va toujours en descendant, et non pas en montant» (Любовь къ своимъ идетъ всегда нисходящимъ, а не восходящимъ порядкомъ).

Елисавета Ивановна Нарышкина [2]) сговорилась ѣхать съ Маврою Егоровною Быховецъ, путевыя издержки пополамъ. Горничная моей тещи и ея крестница, Маша Докукина, была феноменомъ въ скромной своей сферѣ: кромѣ безграничной преданности къ своей госпожѣ (качество, нерѣдко встрѣчавшееся въ дворовыхъ людяхъ прежняго поколѣнія обоего пола) она отличалась инстинктивной возвышенностію чувствъ, раздражительною, такъ сказать, впечатлительностію и способностію всѣмъ огорчаться и всѣмъ забавляться до слезъ, душевнымъ благородствомъ, отзывавшимся въ ея обращеніи, и правильностію своихъ сужденій, относившихся ко всему, столь новому для нея, за границей [3]).

При описаніи предыдущаго, зимняго *бомоннаго* сезона, ускользнулъ изъ моей памяти пріѣздъ во Флоренцію лучезарнаго фортепіаниста, Венгерца Листа, затмившаго всѣхъ своихъ музыкальныхъ предшественниковъ, и также славившагося современника его Тальберга. Въ Тосканской столицѣ Листь не произвелъ однакожъ энтузіазма подобнаго встрѣченному имъ въ прочихъ Европейскихъ столицахъ; то-

---

[1]) См. выше, стр. 81.

[2]) Тёща графа М. Д. Бутурлина.

[3]) Она умерла чахоткою въ 1841 году.

му причина, что музыкальное искусство и вниманіе Итальянцевъ обращено исключительно почти на пѣніе, а на инструментальную часть, какъ бы та ни была хорошо исполнена, они смотрятъ какъ на аксессуары второстепенной важности. Листъ далъ одинъ или два концерта, да и тѣ въ маленькомъ партикулярномъ театрѣ Англичанина Стандиша, отъ которыхъ не могъ онъ выручить много денегъ, а позднѣе онъ переселился на лѣто на одну виллу, въ окрестностяхъ Лукки, въ сосѣдствѣ съ маркизою Бочелла, и я слышалъ отъ ея гостей, что всемірной славы фортепіанистъ надоѣдалъ имъ смертельно экзерциціями на своемъ инструментѣ, монотонные и шумливые звуки коихъ долетали до виллы этой дамы. Не отрицая необыкновеннаго таланта у Листа, я того однакоже мнѣнія, что въ произведенномъ имъ фуроръ, въ обѣихъ нашихъ столицахъ, въ 1843 и 1844 годахъ, была доля напускного восторга, и что не одинъ профанъ музыкальнаго дѣла приходилъ въ энтузіазмъ ради того только, чтобы не отставать отъ прочихъ и не давать повода говорить, что великій артистъ встрѣченъ былъ у насъ, на Сѣверѣ, съ менѣе обильными аплодисментами, нежели въ прочихъ цивилизованныхъ странахъ Европы. Мы, Русскіе люди, склонны обезьянничать и рабски преклоняться передо всѣмъ, славящимся въ Парижѣ, и какъ-то признаемъ за нимъ право давать санкцію знатности (le baptême de la célébrité), противъ чего я всегда возставалъ. Не будь этого, не произвели бы фурора въ Петербургѣ пріѣзжавшіе туда въ 1843 году спѣвшіеся Рубини и Тамбурини. Передано было мнѣ, что какая-то знаменитость, Дженни Линдъ или другая, на спросъ, скоро ли она намѣревается посѣтить Россію, отвѣчала, будто бы, что успѣетъ предпринять эту поѣздку, когда состарѣется. И расчетъ ея былъ вѣренъ.

Побывали также въ началѣ лѣта во Флоренціи Александръ Дмитріевичъ и Елисавета Григорьева Чертковы съ ихъ дѣтьми, на обратномъ пути въ Россію. Предыдущей осенью они мелькнули только во Флоренціи, торопясь къ Югу, но на этотъ разъ оставались тамъ съ недѣлю. Итальянскіе археологическіе памятники и прочія рѣдкости были по части любимыхъ Александромъ Дмитріевичемъ занятій, но все это было ему хорошо извѣстно изъ перваго путешествія по Италіи въ 1823—1825 годахъ, въ то самое время, когда я, еще будучи вѣтренымъ юношею, всѣми силами ухищрялся въ Одессѣ навлечь на себя нерасположеніе многозначущаго моего дяди, графа М. С. Воронцова. Тѣмъ не менѣе, Александръ Дмитріевичъ захотѣлъ вторично обозрѣть со мною мѣстныя примѣчательности и домогался отыскать стараго своего знакомаго, каноника Севастьяна Піампи, члена-корреспон-

дента Московскаго Общества Исторіи и Древностей [1]). Послѣ долгихъ розысковъ мы узнали наконецъ, что Чіампи поселился въ маленькой своей виллѣ, въ двухъ или около того верстахъ отъ Флоренціи по шоссе, ведущемъ въ г. Сіенну, куда мы оба и отправились. Бывшій профессоръ Виленскаго университета представлялъ уже собою жалостную моральную развалину: онъ впалъ въ дѣтскую манію открывателя и продавца мнимо-древнихъ, оригинальныхъ картинъ, показавшихся мнѣ вещами весьма посредственными. Мы застали у старика нѣсколько Англійскихъ туристовъ, коимъ онъ показывалъ эти художественныя драгоцѣнности; но онъ узналъ однакоже Александра Дмитріевича, и когда Британскіе его гости удалились, пустился съ нами въ разговоръ отчасти литературно-историческій, вооружаясь рѣзко противъ папской супремаціи, о коей онъ теперь, предъ Русскими слушателями, могъ говорить не стѣсняясь (за что, вѣроятно, клерикалы не долюбливали его), и на прощаніе поднесъ обоимъ намъ по экземпляру двухъ, вышедшихъ въ печать, первыхъ томовъ своего весьма дѣльнаго біографическаго словаря о всѣхъ Итальянцахъ, бывшихъ въ политическихъ, религіозныхъ, научныхъ и проч. сношеніяхъ съ Польшею и Россіею, съ давнихъ до настоящихъ временъ [2]). Во время этого посѣщенія, мы оба перемигивались другъ съ другомъ (настолько старикъ казался намъ страннымъ и отчасти смѣшнымъ), но все-таки вынесли оттуда тяжелое впечатлѣніе. Возвращаясь оттуда въ городъ по хребту холмовъ, составляющему горное (южное) прибережье рѣки Арно и покрытому масличными деревьями, Александръ Дмитріевичъ возобновилъ разговоръ о разныхъ археологическихъ открытіяхъ и сообщилъ мнѣ между прочимъ, что найдено было недавно ученымъ нашимъ Строевымъ, во Французскомъ городѣ Реймсѣ, древнее рукописное Евангеліе, писанное частью Кирилловскими и частью Глаголическими буквами, и надъ которымъ Французскіе короли присягали будто бы въ старину, при ихъ коронованіи. Александръ Дмитріевичъ предполагалъ, что Евангеліе это было занесено туда княжною Анною, дочерью великаго князя Ярослава I-го, вышедшею замужъ за Французскаго короля Генриха. Извѣстіе это крайне меня заинтересовало, такъ

---

[1]) Нѣкоторыя подробности о семъ ученомъ лицѣ изложены были въ 1-й части моихъ Записокъ, при разсказѣ о заупокойной службѣ по императорѣ Александрѣ I-омъ во Флорентинской посольской церкви, въ концѣ 1825-го года.

[2]) Трудъ этотъ, кажется, остался, къ сожалѣнію, недоконченнымъ. Г. Чіампи издалъ также Латинскія письма короля Іоанна Собѣскаго, Итальянскій свой переводъ Павзанія и интересную весьма брошюру, „Критическое изслѣдованіе о Дмитріи Самозванцѣ, по неизданнымъ дотолѣ Латинскимъ и Итальянскимъ документамъ“. Брошюру эту я перевелъ на Русскій языкъ, и она помѣщена была въ одномъ изъ первыхъ выпусковъ „Архива“, издававшагося въ 1860-мъ году профессоромъ Калачевымъ.

какъ я съ дѣтства любилъ видѣнныя мною Римскія и Этрурскія древности; но до какой степени я былъ тогда невѣжею въ Русской археологіи, можно судить изъ того, что о существованіи «Слова о полку Игоревѣ», этого древнѣйшаго памятника Русской словесности, я узналъ впервыя только изъ этого же разговора съ Александромъ Дмитріевичемъ!

Я повезъ также Черткова къ другому антикварію, нѣкоему кавалеру Франческо Ингирами, знакомому мнѣ съ дѣтства, какъ бывшему моему и сестеръ моихъ учителю ландшафтнаго рисованія *). О немъ уже достаточно было говорено въ періодѣ между 1819 и 1823 годами, подъ именемъ Этрурскаго кавалера, по поводу его изысканій и изданія въ печать Этрурскихъ древностей. Добрый старикъ-антикварій, съ которымъ я не видался съ моего дѣтства, весьма обрадовался встрѣчѣ со мною и не могъ наглядѣться на своего прежняго ученика «Микеллино», какъ онъ продолжалъ называть меня. Жилъ онъ отшельникомъ и старымъ холостякомъ въ созданномъ имъ для себя мірѣ типографіи и садоводства, въ деревенской глуши, въ стѣнахъ упраздненнаго давно монастыря «la badia Fiesolana». Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ молчаливыхъ, незамѣченныхъ толпою тружениковъ науки, коими потомство болѣе интересуется, нежели современники. Александръ Дмитріевичъ любилъ также бесѣдовать съ домашнимъ нашимъ ученымъ, г. Милліарини, давнимъ его знакомымъ. Интересовали его слышанныя отъ г. Милліарини удачныя весьма раскопки Римскихъ и Этрурскихъ древностей въ горномъ городкѣ Фіезоле, по поводу чего онъ спросилъ у меня, почему бы мнѣ не принять участія въ нихъ. Но кромѣ того, что денегъ на столь чувствительное для кармана предпріятіе у меня не было, не было и охоты этимъ заняться. Уѣзжая изъ Флоренціи, Чертковъ препоручилъ мнѣ заказать кошю съ одной старинной картины, интересной больше по ея сюжету, чѣмъ по художественному достоинству: она представляла пріемъ Тосканскимъ великимъ герцогомъ Фердинандомъ II-мъ Медичи пословъ царя Алексѣя Михайловича. Картина эта висѣла, забытая и покрытая вѣковою пылью, въ длинномъ, верстовомъ почти коридорѣ, составляющемъ переходъ черезъ крыши домовъ и чрезъ рѣку Арно, отъ дворца Питти до дворца Палаццо-Веккіо (первоначальной резиденціи Медичійскихъ государей). Рисунокъ этотъ я вручилъ Александру Дмитріевичу по пріѣздѣ моемъ въ Москву, въ 1840 году, и онъ сохраняется въ нынѣшней публичной Чертков-

*) Таковою была первоначальная его профессія, какъ ученика извѣстнаго въ концѣ прошлаго вѣка пейзажиста Филиппа Гакерта.

ской библіотекѣ на Мясницкой, основанной (или, точнѣе сказать, открытой) достойнымъ его сыномъ Григорьемъ Александровичемъ *).

Вся семья Чертковыхъ, въ томъ числѣ и ихъ прислуга, совершили проѣздъ изъ Москвы въ Италію въ одной каретѣ, въ размѣрахъ дилижанса, нарочно для того заказанной у славившагося тогда Московскаго каретника Мякишева, и громадный этотъ экипажъ столь удовлетворительно, безъ малѣйшаго поврежденія, выдержалъ дорогу туда и обратно, что Александръ Дмитріевичъ считалъ долгомъ своимъ опубликовать въ газетѣ свою благодарность сказанному фабриканту. Не договорилъ я, что мы (т. е. Чертковъ и я) посѣтили также Флорентинскую библіотеку рукописей, называемую «Лауренціяною», гдѣ, между прочихъ рѣдкостей, мы разсматривали пергаменную хартію (т. е. грамоту) акта мнимаго Флорентинскаго вселенскаго восьмаго собора о соединеніи обѣихъ церквей (въ 1439 году), за подписью и печатью измѣнника, Московскаго и всея Руси митрополита Исидора, подъ которою усматривалась, если не ошибаюсь, также подпись Суздальскаго епископа Авраамія.

Въ числѣ необычайнаго наплыва въ Италію нашихъ соотечественниковъ, осенью 1838 и весною 1839 г. (вызваннаго, пожалуй, присутствіемъ тамъ Великаго Князя Наслѣдника), находились графъ Михайло Юрьевичъ Вielьгорскій съ семействомъ и князь Александръ Сергѣевичъ Долгоруковъ съ женою Ольгою Александровною, рожденной Булгаковой; во Флоренціи они почти-что не останавливались и ранней осенью поселились на всю зиму въ Римѣ. Никто изъ нихъ у насъ въ домѣ не былъ, кромѣ Ольги Александровны, посѣтившей однажды мою жену, на обратномъ своемъ пути весною въ Россію. Графъ и графиня Лаваль были также въ числѣ перелетныхъ птицъ этого зимняго сезона, и полуслѣпой графъ, посѣтившій мою мать на обратномъ своемъ пути изъ Рима, не могъ надивиться росту и выдержкѣ камеліевыхъ деревьевъ меньшаго изъ двухъ садовъ нашего палаццо, хотя растенія эти должны были представляться ему, какъ и все прочее, въ полумракѣ. И дѣйствительно, не даромъ оба наши сада славились камелевыми деревьями, макушки коихъ доходили почти до оконъ второго этажа дома, также грунтовыми азаліями и рододендронами. И все это благодаря старанію г. Слоана. До 1824 года, когда отецъ нашъ ку-

*) Хорошо не помню, упомянулъ ли я въ разсказѣ о первомъ моемъ знакомствѣ, въ 1827 году, съ Александромъ Дмитріевичемъ, что въ промежуточное время до вторичнаго своего поступленія въ военную службу онъ принялся, подъ руководствомъ одного изъ учителей Орловской гимназіи, изучать снова Латинскій языкъ, хотя было ему тогда отъ роду подъ сорокъ по крайней мѣрѣ лѣтъ.—Г. А. Чертковъ поручилъ автору этихъ записокъ перевести на Русскій языкъ Флорентинскія бумаги, относящіяся къ Россіи, которыя собраны были его отцомъ, Александромъ Дмитріевичемъ. Этотъ переводъ изданъ особою книгою при Чертковской библіотекѣ.

нилъ этотъ палаццо, культура камелій была мало извѣстна во Флоренціи; онъ изъ первыхъ ввелъ ее тамъ, и уже въ послѣдніе года его жизни садоводство у него процвѣтало, подъ управленіемъ выписаннаго имъ изъ Савойскаго города Шамбери талантливаго весьма садовника Банкаса [1]). Да и мать моя, какъ сама охотница до этого занятія, пеклась вмѣстѣ съ г. Слоаномъ, чтобы не ронять славы этихъ садиковъ [2]). Г. Слоанъ выписывалъ, на свой счетъ, новые сорта растеній изъ Парижа и иныхъ извѣстныхъ по садоводству мѣстъ и вскорѣ пропзвелъ изъ посѣвовъ новыя совершенно разновидности камелій, поступившія впослѣдствіи въ Европейскіе каталоги и прейсъ-куранты подъ названіями «princesse Hélène Vidoni», «Elisa Sloane» и другими тому подобными. Примѣру моего отца начали подражать князья Понятовскіе, но удачнѣе ихъ занималась этимъ графиня Ненчини (мать умершей нынѣ г-жи Хитровой), такъ что въ періодъ отъ 1835 до 1840 года эти три заведенія были тамъ въ чести. Не отставалъ однакоже отъ нихъ и придворный садовникъ, г. Пиччіоли, въ великогерцогскихъ виллахъ Петраіи и Кастелло. Кстати объ этой виллѣ Кастелло (также бывшей когда-то, какъ и Петраія, Медичійскою), добавлю для садоводовъ, что кто не видалъ тамошнихъ сплошныхъ колекцій ранункуловъ, махровыхъ и всѣхъ возможныхъ почти колеровъ (кромѣ голубого и синяго) съ росписью по лепесткамъ, цвѣтущихъ отъ конца Января до половины Марта, тотъ не можетъ имѣть никакого понятія о ранункулахъ. Совѣщанія и пренія по предметамъ садоводства происходили обыкновенно между моею матерью и г. Слоаномъ за утреннимъ чаемъ, куда мы собирались [3]). И теперь представляется мнѣ воочію бывшій мой наставникъ, подносящій ей съ торжественнымъ видомъ экземпляръ перваго цвѣтенія выписной какой-нибудь рѣдкости, съ вычурнымъ ботаническимъ названіемъ, какъ при этомъ ликъ матери моей озарялся благородною улыбкой предъ плодомъ трудовъ г. Слоана, и какъ оба тотчасъ же принимались отыскивать гравированное изображеніе этого растенія

[1]) Вскорѣ по смерти моего отца, этотъ Банкасъ открылъ свое торговое садоводное заведеніе, первое въ своемъ родѣ во Флоренціи.

[2]) Въ мою послѣднюю поѣздку во Флоренцію, въ 1862 на 1863 годахъ, я къ сожалѣнію замѣтилъ, что мой племянникъ графъ Дмитрій Петровичъ, нынѣшній владѣлецъ палаццо, запустилъ эти роскошныя камеліи.

[3]) Мать моя до конца жизни не пила другого, кромѣ нашего Кяхтинскаго чая, съ примѣсью зеленаго, для бо́льшаго аромата. Русскаго чая, кромѣ какъ у Великанова (цѣны у коего были неимовѣрно дорогія), нельзя было достать тогда въ Италіи, и этимъ чаемъ снабжали нашу мать ея знакомые изъ Россіи, когда бывали во Флоренціи, или высылали ей съ дипломатическими курьерами и съ надежными оказіями, вмѣстѣ съ гречневою крупою, продуктомъ, котораго также нѣтъ въ Италіи. Чаи, получаемые тамъ изъ Англіи, почти-что вдвое дешевле нашихъ, даже цвѣточные сорта, но съ неминуемою потерею аромата отъ мореплаванія, въ отличіе отъ чего Русскіе чаи зовутся „Караванными“.

въ Англійскомъ, многотомномъ изданіи (чуть ли не свыше ста томовъ) «Ботаническаго магазина» Куртиса *). Извѣщенный о семъ новомъ открытіи, добрѣйшій братъ мой, живо сочувствовавшій всякому постороннему горю и всякой радости, прибѣгалъ изъ своего дома полюбоваться, въ свою очередь, диковинкою. И этотъ патріархально-семейный строй сохранился почти въ неизмѣненномъ видѣ до дня, въ который мать наша закрыла глаза навѣки. Одинъ я лишь урывками входилъ въ этотъ кружокъ, по причинѣ продолжительныхъ моихъ отлучекъ, и отчасти также потому, что Русскія житейскія мои привычки отчуждали меня отъ заграничныхъ обычаевъ и воззрѣній. Не всѣ однакоже эти мои привычки были непорицательными, въ томъ числѣ закваска гусарской разгульной жизни, проглядывавшая при случаѣ даже и въ ту пору, искавшая себѣ простора и размаха въ этой методической, какъ часы, и монотонной сферѣ. Но могло также быть отчасти, что различіе религіозныхъ нашихъ убѣжденій расторгало, относительно меня, это патріархальное единство, какъ, напримѣръ, въ случаяхъ вечерней молитвы (называемой у Латинянъ «le rosaire du soir»), на каковую собиралась въ маленькой домовой каплицѣ моей матери вся семья, въ томъ числѣ братъ мой, жена его и дѣти, когда они живали въ палаццѣ. Вѣдь при всей моей вѣротерпимости (не доходившей однакоже до индиферентизма), неловко же было бы мнѣ сдѣлаться сопричастникомъ этому, трогательному впрочемъ, и похвальному весьма обычаю. Конечно, религіозныя всякія пререканія тщательно избѣгались обѣими сторонами, но эта-то именно сдержанность разговора вредила подъ-часъ искренности семейныхъ отношеній и, пожалуй, охлаждала ихъ. Полное сліяніе въ единство и въ единодушіе обусловливается поговоркою «что на умѣ, то на языкѣ»; и этого-то самаго не могло быть всегда между нами.

Въ обзорѣ Флорентинскаго общества я мало говорилъ о графинѣ Элеонорѣ Ненчини, потому что она не выѣзжала въ свѣтъ, но не по причинѣ преклонныхъ лѣтъ, а потому что имѣла свой домашній кружокъ близкихъ знакомыхъ, преимущественно изъ мужчинъ. Впрочемъ, у насъ въ домѣ она бывала довольно часто. Слывшая когда-то красавицею, графиня Ненчини была еще въ концѣ 30-хъ годовъ удивительно моложава и привлекательна, хотя уже «на дурномъ покатѣ» (on the wrong side, какъ говорятъ Англичане), пятидесяти лѣтъ. Привлекательность эта исчезла, къ сожалѣнію, какъ только она прерывала молчаніе, но не потому, чтобы ей не доставало ума, или чтобы

*) „Curtis Botanical Magazine", изданіе, начавшееся въ 1-мъ или 2-мъ десятилѣтіяхъ сего вѣка и продолжавшееся еще въ 30-хъ годахъ.

рѣчь ея была нестройною, а по причинѣ крикливой и вмѣстѣ съ тѣмъ, сиповатой интонаціи голоса, потрясавшей нервы слушателей *). Не будь этого, ее можно было бы причислить къ любезнѣйшимъ женщинамъ и по обращенію, и по сердечной добротѣ, что̀ по-французски называется «bienveillante pour chacun». Она была близка съ семействомъ Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола, долго нанимавшаго верхній этажъ ея палацца, въ улицѣ Санъ-Галло, фасадъ коего приписывался, какъ архитектурная рѣдкость, Рафаэлю. Дворецъ этотъ прежде принадлежалъ знаменитому Флорентинскому роду маркизовъ Пандольфини, коихъ графиня Непчини была послѣднею отраслью. Добавлю, что она осталась извѣстною въ лѣтописяхъ садоводства отъ произрастенія въ ея заведеніи новой разновидности камеліи, названной въ каталогахъ ея именемъ.

Разсказъ приближается нынѣ къ той эпохѣ моей жизни, которую назвать можно «le commencement de la fin» (начало конца); но паденіе было медленное, и окончательное крушеніе послѣдовало лишь весною 1849 года.

Повѣренный мой Леонъ Капенштейнъ извѣстилъ меня весною 1839-го года, что онъ приступаетъ къ гигантскому коммерческому предпріятію, имѣющему-де сразу поправить всѣ запутанныя мои дѣла, и именно къ постройкѣ временнаго городка, со всѣми возможными удобствами, по случаю предполагаемыхъ военныхъ маневровъ на Бородинскомъ полѣ, въ воспоминаніе славной битвы 1812 года, куда, кромѣ присутствія Государя и всей царской фамиліи, имѣли быть приглашены высокопоставленныя многія особы изъ ветерановъ знаменитой той эпохи и акредитованный при нашемъ дворѣ дипломатическій корпусъ. Для бо́льшаго удобства въ дѣйствіяхъ по сему предпріятію, Леонъ просилъ меня перемѣнить старую данную мною ему довѣренность (да и срокъ таковой приближался, помнится мнѣ, къ концу) на новую, съ добавленіемъ, что я предоставляю ему право, въ случаѣ нужды, записать меня въ купцы по 1-й гильдіи и кредитоваться на правахъ оной. (Прошу обратить особенное вниманіе на это обстоятельство, сдѣлавшееся единственною причиною моего разоренія). Я не-

*) Говорено, кажется, было мною, что когда я былъ еще мальчикомъ 12—14 лѣтъ, то она нерѣдко бывала у насъ въ виллѣ Пальміери, съ обѣими дочерьми, немного старшими меня. Старшая изъ нихъ Александрина умерла, не достигши, кажется, 20-ти лѣтъ; а меньшая Паолина, вышедшая за маркиза Джузеппе Пуччи (путешествовавшаго по Россіи въ 1818 и 1819 годахъ), разъѣхалась съ нимъ и впослѣдствіи вышла за г-на Хитрово, сына тогдашняго государственнаго контролера, и поселилась въ Петербургѣ, гдѣ я ее видалъ въ 1845 году.

медленно исполнилъ новое это Леоново требованіе и тутъ не заслуживаю вполнѣ упрека въ легкомысліи и излишней къ нему довѣрчивости, потому что (къ стыду однакоже моему), не вѣдалъ я, что этою цидулкою я уполномочивалъ его занимать, подъ мою гарантію, до милліона рублей (хотя ассигнаціями), и я оставался вполнѣ спокоенъ, что свыше ограниченія по прежней моею довѣренности цифрою займа въ 40 или 60 т. рублей ассигн. (но никакъ не болѣе) онъ не могъ совершать новыхъ займовъ. Касательно же предположенія о записи меня по 1-й гильдіи, я думалъ, что оно относилось ко вновь заведенной имъ у меня въ селѣ Порзняхъ фабрики Фландскаго холста и равентуха, для выгоднаго его сбыта по комиссаріатскимъ поставкамъ. Не ослѣпляясь и не давая полной вѣры соображеніямъ Леона обогатить меня въ одинъ мигъ, я не рисковалъ (казалось мнѣ) ничѣмъ, совершая эту вторую довѣренность, гдѣ подтверждалось, на всякій случай, ограниченіе по заемнымъ письмамъ въ прежнемъ ихъ размѣрѣ. Впослѣдствіи только я узналъ, что предосторожность эта ни къ чему не вела: она была въ нѣкоторомъ родѣ противорѣчіемъ со смысломъ обширнаго кредита на правахъ 1-й гильдіи; но противорѣчіе и самое значеніе фактически уничтожались по сплѣ и смыслу дополнительнаго уполномочія. Въ этой лишь маскировкѣ, имѣвшей цѣлью продлить мое заблужденіе, виню я Леона; но повторяю, какъ я говорилъ и прежде, что злого замысла у него не было никакого: онъ находился подъ обычною ему галлюцинаціею манившаго его почти-что подъ рукою милліона, и что когда-нибудь да попадетъ же онъ на золотую для моихъ и его интересовъ руду. Между превратныхъ его понятій о коммерческомъ кредитѣ было, что онъ воображалъ, будто отъ того только, что его часто будутъ видѣть на Московской Ильинской биржѣ, въ числѣ прочаго комерсантнаго люда, его кредитъ возвысится. Однажды (въ началѣ 40-хъ годовъ) онъ сказалъ мнѣ: «я теперь съ биржи не схожу». Кстати добавлю (это я впослѣдствіи узналъ за вѣрное), что инициатива этой подложной уловки принадлежала не ему, а одному изъ окружавшихъ его совѣтчиковъ-законниковъ Еврейскаго происхожденія.

И такъ, роковая довѣренность, засвидѣтельствованная у Ливорнскаго нашего консула г. Энгельбаха, была отправлена по принадлежности въ началѣ того лѣта. При совершеніи оной было мнѣ предостереженіе со стороны почтеннаго этого нашего агента, который отнесся предварительно къ г. Слоану о томъ, что не подвергнется ли онъ какой-либо отвѣтственности за скрѣпу подобнаго рода документа; но какъ бывшій мой наставникъ ничего не зналъ о ходѣ и подробностяхъ моихъ дѣлъ въ Россіи, да еще менѣе были ему извѣстны наши

законы, то мы оба посмѣивались надъ опасеніями этого старика и приписывали ихъ отчасти невѣдѣнію своихъ консульскихъ обязанностей. Припоминая все прошедшее, подозрѣваю, это этотъ опытный старичокъ смекнулъ, въ чемъ было дѣло и, какъ давній знакомый моего отца, память коего онъ чтилъ, колебался утвердить документъ, могущій быть пагубнымъ для меня.

А между тѣмъ жена и я, ничего не подозрѣвая и ничего не предчувствуя, расположились на лѣтній купальный сезонъ въ одной виллѣ, близъ Ливорно, откуда ѣзжали на нѣсколько дней въ Лукку къ другу моей жены, маркизѣ Бочелло. Въ ея салонѣ собиралось фашіонабельное общество Луккскихъ минмо-гигіеническихъ водъ и знакомые ея изъ Флоренціи, и не рѣдко навѣщалъ ее Луккскій тогдашній герцогъ Лудовикъ. Онъ любилъ стряхивать съ себя монархическіе свои атрибуты, полюбезничать въ кружкѣ хорошенькихъ барынь, а отъ находившихся тамъ мужчинъ требовалъ, чтобы они обходились съ нимъ, какъ съ частнымъ и равнымъ лицомъ. Во время прогулокъ по окрестностямъ виллы маркизы Бочелла, онъ бралъ подъ руку ее и мою жену, а какъ мы, мужчины, слѣдовали въ почтительномъ отъ него разстояніи сзади, онъ однажды прервалъ свой разговоръ и, отнесясь ко мнѣ, сказалъ (по-французски, конечно): «любезный графъ, я вамъ скажу то самое, что говорилъ мой дѣдъ (вѣроятно, кто-то изъ Испанскихъ королей) одному своему сопутнику въ прогулкѣ, что изъ за почтительности, оказываемой ему этимъ господиномъ, у него дѣлалась судорога въ шеѣ («un torte-collis») отъ безпрерывнаго поворачиванія ея къ собесѣднику, и потому прошу васъ идти рядомъ со мною», и за симъ схватилъ меня подъ руку одною изъ свободныхъ своихъ рукъ, такъ какъ въ то время онъ шелъ съ одною изъ обозначенныхъ выше дамъ. Герцогъ Лудовикъ былъ тогда во цвѣтѣ лѣтъ и немного старше меня. Маркизъ Чезаре Бочелла, мужъ маркизы Вирджиніи, былъ довольно умный и начитанный человѣкъ (ученостію же не отличалась вообще тогда Итальянская аристократія), но воспламенялся (всегда, впрочемъ, платонически) то къ одной, то къ другой женщинѣ, идеализируя ее какимъ-то сверхъестественнымъ въ психологическомъ отношеніи созданіемъ изо всѣхъ Евпныхъ дщерей. Таковою представлялась ему нѣкогда княгиня Марія Аркадьевна Голицына (рожденная княжна Суворова), завлекшая его въ туманный мистицизмъ, который у него дошелъ до полупротестантизма, а у княгини, если вѣрить молвѣ, до перехода въ это вѣроисповѣданіе. Послѣ или прежде этого, онъ увлекался славянизмомъ (по примѣру, можетъ быть, своего патрона, герцога Луккскаго, при коемъ онъ состоялъ камергеромъ), а позднѣе примкнулся съ эн-

тузіазмомъ курить ѳиміамъ предъ трагическимъ талантомъ пѣвицы г-жи Унгаръ. Позднѣе я потерялъ совершенно его изъ виду, но если онъ дожилъ до недавнихъ временъ спиритизма и медіумовъ, то не сомнѣваюсь, что онъ могъ сдѣлаться однимъ изъ наиболѣе ревностныхъ поклонниковъ доктрины пресловутаго спирита Аллана-Кардека *). Послѣ моего отъѣзда изъ Италіи маркизъ Бочелла былъ (кажется) министромъ чего-то, предъ слияніемъ Луккскаго герцогства съ Тосканою.

До переѣзда нашего на Ливорнскую лѣтнюю виллу, мы изъ Флоренціи ѣздили погостить на нѣсколько дней къ маркизѣ Бочелла, въ Лукку, и тамъ примкнули къ собравшемуся многолюдному обществу, съ коимъ предприняли ночную увеселительную поѣздку, въ огромномъ Англійскомъ экипажѣ, называемомъ «stagecoach», въ Пизу посмотрѣть на тамошнюю великолѣпную иллюминацію, повторяющуюся каждые три года и уже мною описанную въ событіяхъ лѣта 1826-го года. Разстояніе между Лукки и Пизы немного менѣе 20 верстъ. Той же ночью мы отправились: я въ Ливорно нанять виллу въ окрестностяхъ города, а жена моя вмѣстѣ съ веселою компаніею маркизы Бочеллы къ ней на виллу. Здѣсь кстати упомянуть, что я ревновалъ немного свою женочку за казавшееся мнѣ слишкомъ свободнымъ ея обращеніе съ молодежью, ее окружавшею, и такая ревность выказывалась иногда неровностями и выходками, несвойственными моему вообще характеру; иногда же я дулся на нее по нѣскольку временъ. Впрочемъ, я держусь того мнѣнія, что не ревновать любимую нами женщину все равно, что быть равнодушнымъ къ ней. Иные находятъ, что противоположностію ревности служитъ полное довѣріе ко взаимности ея чувствъ и къ ея понятіямъ о чести; но я считаю, что справедливѣе будетъ назвать противоположность ревности индиферентизмомъ. Смѣтливый другъ моей жены, маркиза Впрджинія, слѣдившая за этими фазисами супружескихъ нашихъ отношеній, предсказала мнѣ, что тогда только водворится полное между нами согласіе, когда я перестану быть влюбленнымъ въ свою жену. Признавая всю справедливость этого практическаго замѣчанія, я тѣмъ не менѣе считаю его довольно прискорбнымъ явленіемъ. Поэтому, чтобы добиться до *спокойственныхъ*, такъ сказать, домашнихъ отношеній, приходится отречься отъ всякой пылкости чувствъ къ предназначенной намъ судьбою подругѣ жизни.

На Ливорнской нашей виллѣ мы провели лѣто много веселѣе противъ предыдущаго сезона, между тѣмъ какъ къ чамъ могло примѣ-

*) Повѣрятъ ли будущія поколѣнія, что безуміе этого ученія доходило въ 60-хъ годахъ до того, что на сеансахъ показывали *чертежи плана Модуартовой виллы на луну!*

няться сказанное нѣкогда Французскимъ писателемъ Сальванди о балѣ у Беррійской герцогини, незадолго до паденія Карла X*); понятно, что волканомъ, угрожавшимъ намъ, была подготовлявшаяся тогда катастрофа Леоновой Бородинской операціи и разразившаяся осенью того 1839 года.

Мать моя отпустила съ нами въ Ливорно своего повара Базиліо, ненужнаго ей по причинѣ ея поѣздки въ Ломбардію къ сестрѣ моей княгинѣ Видони, а оттуда она съ нею поѣхала на короткое время въ Вѣну, гдѣ свѣтское положеніе сестры требовало, чтобы она представилась Австрійскому двору, чрезъ что̀ была сдѣлана кавалерственною дамою ордена «la Croce Stellata» (звѣздо-образнаго креста). Правдоподобно отчасти, что сестра моя получила это отличіе благодаря родству нашему (хотя отдаленному) съ Сергѣемъ Павловичемъ Татищевымъ, все еще нашимъ посломъ при Вѣнскомъ дворѣ и пользовавшимся большимъ тамъ кредитомъ. По возвращеніи матери моей безъ сестры во Флоренцію, она поѣхала, почти-что въ концѣ лѣта, съ неразлучною своею подругою Екатериною Ивановною Леруа, на воды въ Санъ-Кашіано, мѣстечко живописно гнѣздящееся въ горахъ, не подалеку и въ ровномъ почти разстояніи отъ Пизы и Ливорно. Мы позднѣе навѣстили ее тамъ.

Весною того же года, жена моя, отнявши отъ груди нашу Аннетину, коей минуло тогда два года, могла располагать болѣе свободнымъ къ отлучкамъ временемъ. Дѣвочка наша была не по возрасту развита, свободно и безошибочно болтала по-русски и по-итальянски и отличалась уже понятливостію и находчивостію въ отвѣтахъ, была живого нрава и правильно напѣвала слышанные отъ насъ оперные отрывки. Помню, какъ однажды она всѣхъ насъ потѣшила, аплодируя рученками проявившемуся вдругъ солнечному лучу, вслѣдъ за ливнемъ, и приговаривая: «bravo sole, bravo sole!» Иногда впрочемъ она смѣшивала въ своемъ лепетаніи смыслъ какого-нибудь слова, звучавшаго почти одинаково на Русскомъ и Итальянскомъ языкахъ. Такъ однажды, читая вечернюю молитву «Богородице, Дѣво, радуйся», дошедъ до

*) На этомъ балу король Карлъ X, подошедъ къ г. Сальванди (тогда лишь знаменитому въ литературномъ мірѣ), сказалъ: „Une belle fête, n'est-ce pas?“ (Прекрасный праздникъ, не правда-ли?) — „Oui, sire“ отвѣчалъ Сальванди, „une véritable fête napolitaine; nous dansons sur un volcan“.— (Да, государь; это настоящее *Неаполитанское* празднество; мы пляшемъ надъ волканомъ). Надо пояснить, что выраженіе *„Неаполитанское празднество“* относилось къ виновницѣ онаго, Беррійской герцогинѣ, по себѣ Неаполитанской принцессѣ. Нѣсколько недѣль спустя, вспыхнула Іюльская революція 1830-го года и послѣдовало изгнаніе Бурбоновъ.

словъ «яко *Спаса* родила», она вдругъ повернулась къ матери съ вопросомъ по-итальянски «Si va à *spasso*?» (мы пойдемъ гулять что-ли?), но и въ этой дѣтской ея ошибкѣ былъ процессъ нѣкотораго мышленія, а не попугайная одна привычка безочетливаго болтанія молитвы. Понимаю вполнѣ, что всѣ эти подробности не могутъ говорить сердцу посторонняго читателя (если таковой найдется у меня); но даю волю перу, чтобы облегчить потрясающее неизбѣжно меня волненіе при столь дорогихъ воспоминаніяхъ; въ эти минуты я снова переживаю счастливое былое время....

Жена и я задумали разъ дать танцовальную вечеринку Луккскимъ и Ливорнскимъ нашимъ наиболѣе близкимъ знакомымъ, во главѣ каковыхъ была, конечно, маркиза Вирджинія Бочелла; мы этимъ хотѣли какъ бы вознаградить себя за двухлѣтнюю слишкомъ несамостоятельность обстановки нашей подъ кровомъ моей матери. Вотъ насколько мы оба были ребячески малодушны! Вечеринка наша вышла довольно удачною, не смотря на то, что я по нѣскольку разъ удалялся въ отдѣльную комнату усилить въ себѣ веселое настроеніе помощію Шампанскихъ газовъ; но насколько съумѣлъ я скрыть отъ своихъ гостей возбужденное это состояніе, припомнить теперь мнѣ трудно. Мы не посмѣли пригласить на этотъ вечеръ Луккскаго герцога Лудовика, но узнали подъ рукою, что онъ намѣревался непрошеннымъ почтить насъ своимъ присутствіемъ; оно однакоже не состоялось, и пріѣхавшій къ намъ изъ Лукки камергеръ его двора, Англичанинъ Кокрель, передалъ намъ порученіе принца заявить намъ его сожалѣніе, что, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, онъ лишается удовольствія быть нашимъ гостемъ. Понятно, что для насъ достаточно уже было подобнаго рода вниманія со стороны владѣтельнаго лица.

Мы, каждый почти вечеръ, ѣзжали въ Ливорнскую оперу, гдѣ была абонированная наша на весь тотъ сезонъ ложа. Не слѣдуетъ умолчать мнѣ о привѣтливомъ пріютѣ, данномъ мнѣ на Луккскихъ водахъ Полякомъ графомъ или псевдо-графомъ Артуромъ Потоцкимъ, такъ какъ жена моя остановилась на временной квартирѣ маркизы Вирджиніи. Польскій графъ снабдилъ меня изъ элегантнаго своего гардероба тѣмъ, чего не доставало для моего вечерняго бальнаго костюма. Онъ былъ почти-что молодымъ еще человѣкомъ, щеголемъ и красавцемъ и слылъ какъ «un mangeur des coeurs» (пожирателемъ женскихъ сердецъ). Жилъ онъ съ женатымъ своимъ братомъ, политическимъ, какъ онъ самъ, эмигрантомъ, вслѣдствіе Польскаго въ 1831 году возстанія; они поселились уже нѣсколько лѣтъ во Флоренціи. Предполагаю однакоже, что случайный бальный мой благодѣтель страдалъ, по-

жалуй, тоскою по *отчизнѣ*, заглушавшей въ немъ традиціонную руссофобію, отъ чего онъ не гнушался сближаться до нѣкоторой степени съ обоими нами; но знакомство наше съ этимъ семействомъ было лишь шапочнаго разбора и ограничивалось разговорами при встрѣчѣ въ обществѣ. Эти Потоцкіе не имѣли впрочемъ ничего общаго съ богатыми своими однофамильцами и носился (кажется) слухъ, что они самопроизвольно усвоили себѣ въ Италіи графскій титулъ.

Въ Луккѣ я встрѣчался иногда съ несовсѣмъ первой уже молодости Англичанкою, миссъ Де-Курси [1]), смотрѣвшей на меня и на наше все семейство какъ на будущую ея родню, по причинѣ помолвки ея съ дальнимъ нашимъ родственникомъ бароном Павломъ Васильевичемъ д'Огеромъ (братомъ Александры Васильевны Сенявиной и баронессы Мейндорфъ), не взирая на то, что она была старѣе своего жениха и небогата. Свадьба ихъ состоялась въ концѣ, должно быть, этого года, къ неудовольствію старухи баронессы д'Огеръ, прожившей уже года два во Флоренціи и упражнявшейся тамъ полировкою мраморныхъ плитъ. Не знаю почему, но она вообще не сочувственно отзывалась о своемъ единственномъ сынѣ, хотя ничего дурного о немъ не было слышно [2]).

Когда случалось, что мы гостили по нѣскольку дней у маркизы Вирджиніи въ ея, столь же пзящной какъ она сама, виллѣ Санъ-Квирино, мы брали съ собою нашу Аннетину, и Аленушка наша указывала Итальянцамъ различіе между съѣдобными грибами и поганками, о чемъ мѣстные жители имѣютъ смутныя весьма понятія; найденные ею грибы въ тамошнемъ лѣсочкѣ, что былъ при садѣ, она изготовля-

---

[1]) Фамилія Де-Курси была изъ древняго Ирландскаго рода, вѣроятно изъ пэровъ соединенныхъ Британскихъ королевствъ, и Католическою. Говорятъ, что и ей (какъ и фамиліи дуковъ Строцци въ Италіи) присвоена привилегія стоять съ покрытою головою въ королевскомъ присутствіи.

[2]) Онъ окончательно поселился съ женою во Флоренціи, гдѣ и купилъ, или заново отстроилъ, домъ на великолѣпной новой набрежной (lung Arno nuovo), ведущей отъ моста Карраіа въ Кашины. Въ бытность мою во Флоренціи въ 1863 г., я однажды видѣлъ у г. Слоана молодого человѣка, оказавшагося сыномъ барона Павла д'Огера. Въ немъ не было никакихъ уже слѣдовъ Русской національности, и онъ находился, какъ слышно было, въ весьма неблистательныхъ житейскихъ обстоятельствахъ. Прошу читателя припомнить, что старуха баронесса д'Огеръ, та самая, о которой говорилось въ 1-ой части этихъ Записокъ, какъ объ участвовавшей еще дѣвицею въ хорѣ на празднествѣ, данномъ императрицѣ Екатеринѣ княземъ Потемкинымъ въ его домѣ (нынѣ Таврическомъ дворцѣ) и та самая, что, по привычкѣ повторять послѣдніе слога своихъ фразъ, сказала будто бы однажды императору Александру Павловичу въ разговорѣ о ея мужѣ, „Le baron—ron (rond) gagne beaucoup à etre connu—nu". Сама баронесса была урожденная Полянская, а мужъ ея Голландецъ, бывшій одно время представителемъ Голландіи при нашемъ дворѣ.

ла по-русски на сковородѣ, и это незатѣйливое блюдо, неизвѣстное туземцамъ, приходилось имъ весьма по вкусу.

У маркизы Вирджиніи я снова повстрѣчался съ тяжелослогимъ и физически тяжеловѣснымъ литераторомъ и профессоромъ Пизанскаго университета, г-мъ Розини, однимъ изъ прежнихъ посѣтителей моего отца, къ памяти котораго этотъ педантъ-профессоръ и паѳосный поэтъ питалъ чувство глубокаго почтенія. Онъ занятъ былъ тогда, между прочимъ, либреттомъ классическаго предмета оперы «Саффо», музыку для коей потомъ написалъ маэстро Пачини, бывшій когда-то Россиніевскимъ соперникомъ [3]).—Въ театрѣ, въ Луккѣ, я разъ имѣлъ случай разсмотрѣть довольно вблизи физіономію Европейскаго тогдашняго дѣятеля, князя Метерниха. Онъ былъ бодрымъ еще старикомъ, и рядомъ съ нимъ сидѣла въ ложѣ молодая, вторая его жена, княгиня Стефанія, какъ называли ее короткіе ея знакомые, въ числѣ коихъ была сестра моя княгиня Елена Дмитріевна Видони. Случай этотъ болѣе не повторялся для меня. Не знаю почему, но моя и жены моей фигуры удостоились быть замѣченными этимъ всемогущимъ гонителемъ всякаго либеральнаго прогресса; можетъ быть, впрочемъ, что, пораженный миловидностію моей жены, онъ спросилъ о ея фамиліи и, встрѣтившись незадолго послѣ во Флоренціи съ моею матерью, любезно сообщилъ ей, что имѣлъ удовольствіе зрѣть ея дѣтей въ Луккѣ.

Продолжая въ досужное время усердно заниматься картинною моею спекуляціею, я выписалъ въ Ливорно Флорентинскаго моего реставратора г. Піаченти и хранителя моего депо сихъ произведеній, старика и оригинала въ своемъ родѣ, нѣкоего Вальмори, надъ коимъ я потѣшался, какъ надъ шутомъ. Оба они нужны мнѣ были для окончательной отдѣлки новыхъ моихъ художественныхъ пріобрѣтеній въ Ливорнѣ и Луккѣ и для отправки ихъ моремъ въ Одессу, а оттуда въ Москву. Послѣдній этотъ транспортъ окончательно гдѣ-то застрялъ и не прибылъ къ мѣсту назначенія, по неуплатѣ за отправку и провозъ банкирамъ г.г. братьямъ Папудовымъ.

Жена и я были однажды на богомольѣ, въ монастырѣ Мадонны ди-Монте-Неро (Черной Горы), въ 7 или 8 верстахъ отъ Ливорны, гдѣ имѣется явленная икона Пресвятой Богородицы, Греческой совершенно иконописи, съ такою же монограммою изъ заглавныхъ буквъ, **ΜΡΘ. ΜΡ**. Παρθενα (т. е. дѣва) Марія. Тамъ бываетъ боль-

[1]) Профессоръ Розини оставилъ однакоже по себѣ замѣчательный трудъ по исторіи живописи въ Италіи, со времени ея введенія Греческими художниками: роскошное изданіе in-фоліо, со множествомъ гравюръ, скопированныхъ съ древнихъ фресковъ и картинъ.

ное стеченіе богомольцевъ, и искренне вѣрующіе, по обѣщанному Божественными словами «просите и дастся вамъ», получаютъ нерѣдко чудотворное исцѣленіе своихъ недуговъ, а мореплаватели и рыбаки избавляются отъ крушенія при настигающихъ ихъ морскихъ буряхъ. Эти многочисленные случаи изображены въ небольшого размѣра картинахъ, масляными красками, съ надписями лицъ удостоившихся таковыхъ милостей чрезъ заступничество Царицы Небесной и съ обозначеніемъ мѣста и времени сихъ случаевъ. Картинки эти называются «ex voto» (по обѣщанію) и хранятся въ *сакристіи* (ризницѣ) храма: но у Латинянъ не то, что у насъ: почитаніе тамъ чудотворной иконы ограничивается усердіемъ лишь мѣстныхъ жителей. Напримѣръ, не помню, чтобы въ Флорентинскихъ и иногородныхъ церквахъ встрѣчались снимки съ этой Монтенерской иконы, точно такъ какъ ни въ Ливорнѣ, ни въ другихъ мѣстахъ не видалъ я снимковъ Флорентинской чудотворной иконы Благовѣщенія (l'Annunziata), что въ церкви того же имени. О первоначальномъ явленіи Монтенерской иконы преданіе гласитъ, что въ отдаленной древности какой-то пастухъ-горбачъ, пасшій стадо у подножья горы, гдѣ нынѣ стоитъ обитель, услыхалъ гласъ, выходившій отъ явившейся вблизи его на камнѣ иконы Пресв. Дѣвы, съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, повелѣвавшій ему отнести ее (т. е. икону) на вершину горы, по исполненіи чего горбъ его уничтожился. Икону эту можно разузнать отъ всѣхъ на нее схожихъ тѣмъ, что на одной изъ рукъ Богородицы сидитъ птичка.

Отмѣчу мимоходомъ, что осенью того же 1839 года былъ первый и небывалый до того времени съѣздъ въ Пизѣ всѣхъ ученыхъ всего Итальянскаго полуострова. Съѣзды эти повторялись впослѣдствіи періодически всякіе три года, но въ разныхъ каждый разъ городахъ Италіи.

Вскорѣ по возвращеніи въ Ливорно я получилъ анонимное изъ Москвы письмо (впослѣдствіи я узналъ, что оно было отъ преданнаго мнѣ Радзиковскаго), увѣдомлявшее меня, что я нахожусь на краю совершеннаго разоренія, что сумасбродное Бородинское предпріятіе рухнуло, что Леонъ Капенштейнъ влѣзъ въ неоплатные (чуть-ли ни до миліона, говорилось въ письмѣ) долги, что самого его преслѣдуютъ взбѣшенные кредиторы, чтобы засадить въ яму; словомъ, Московскій доброжелатель*) мой умолялъ меня вспомнить, что у меня дочь и чтобы я поспѣшилъ пріѣздомъ въ Москву. Извѣстіе это поразило меня, какъ громовой ударъ. Я рѣшился собраться немедленно въ путь. Не скрылъ я отъ жены содержанія полученнаго письма, но она къ счастію не вполнѣ постигала угрожавшую намъ опасность. Скоро сказка гово-

*) Радзиковскій былъ кондитеромъ въ Москвѣ.

вится, но не скоро дѣло дѣлается, и какъ ни желалъ я ускорить своимъ отъѣздомъ, необходимо было мнѣ для того нѣкоторое время, чтобы, во первыхъ, занять денегъ на дорогу, во вторыхъ учинить сдѣлку съ Флорентинскими и Ливорнскими моими кредиторами (преимущественно по забору изъ модныхъ магазиновъ и моимъ операціямъ по покупкамъ, реставраціи и отправкѣ въ Россію картинъ и средневѣковой модели), чтобы они не безпокоили жену въ мое отсутствіе, а также условиться съ банкирами, г.г. Папудовыми, въ регулярномъ доставленіи моей женѣ ежемѣсячной опредѣленной мною суммы денегъ. Чтобы свободнѣе дѣйствовать по всѣмъ этимъ моимъ соображеніямъ, я уговорилъ жену уѣхать на нѣсколько дней съ Аннетиною къ ея другу, маркизъ Вирджиніи въ Лукку, а самъ остался на время въ Ливорнской виллѣ, не имѣя другого совѣтника и нравственной, столь нужной мнѣ въ этотъ критическій моментъ, опоры, кромѣ почтеннаго старца, нашего Греческаго священника, отца Іоакима Валламонте, иначе падре Джіованино. Извѣстивъ письменно дражайшаго брата моего графа Петра Дмитріевича (расположившагося на зиму съ своимъ семействомъ въ Римѣ) о необходимомъ моемъ отъѣздѣ въ Россію, я не замедлилъ получить отъ него отвѣтъ и, безъ всякой моей о томъ просьбы, онъ выслалъ мнѣ переводъ въ 1000 франковъ на путевыя мои издержки. Вотъ каковъ былъ этотъ человѣкъ! *) Узнавъ, что Н. А. Дивовъ, соскучившись въ Италіи, отправился въ Россію одинъ, оставивъ во Флоренціи на зиму Зенаиду Сергѣевну съ Маріею Павловною Сумароковою, я отнесся и къ нему о случившемся со мною, адресуя мое письмо въ Вѣну; оно застало его тамъ, и онъ поспѣшилъ отвѣчать, что вполнѣ апробуетъ спѣшный мой отъѣздъ. Г.г. Папудовы (банкиры), не взирая на то, что я имъ уже былъ немало долженъ, обязательно согласились высылать женѣ моей во Флоренцію, на время моего отсутствія, нѣчто около 150 или 200 скудовъ въ мѣсяцъ (отъ 225 до 300 р. сер.). Какъ скоро жена возвратилась ко мнѣ въ Ливорну, я сдалъ виллу ея хозяйкѣ, и мы съ Анеттиною и всѣмъ нашимъ домомъ вернулись въ Флоренцію, гдѣ предстояло мнѣ нанесть новое бѣдной матери моей огорченіе и поводъ къ тревогѣ этими, вновь полученными изъ Россіи свѣдѣніями. Все это происходило въ первой половинѣ Октября нашего стиля, и хотя занятій во Флоренціи было немало, я все покончилъ въ три (кажется) дня.

Прерываю минутно столь серіозный предметъ ради комической отмѣтки. Неразлучный тогда спутникъ супруговъ Дивовыхъ и ихъ ба-

*) Не досказалъ я, гдѣ слѣдовало, что подобною же суммою въ 1000 франковъ, братъ мой снабдилъ, въ видѣ подарка, тещу мою Елисавету Ивановну, при ея отъѣздѣ изъ Флоренціи весною того 1839 года.

ловень, карликъ Филиппъ Арсеньевичъ, долженъ былъ оставаться на зиму при Зенаидѣ Сергѣевнѣ, какъ вдругъ, наканунѣ или въ самый день отъѣзда изъ Флоренціи Николая Адріяновича, взбѣленился и объявилъ, что и ему предстоитъ экстренная надобность возвратиться немедленно въ Москву, каковую его просьбу уважили. На повѣрку оказалось, что, при своемъ отъѣздѣ за годъ передъ тѣмъ изъ Зенинской подмосковной фермы, онъ не успѣлъ-де переложить, какъ слѣдовало, въ своемъ комодѣ послѣднее принятое имъ со стирки бѣлье!

Во Флоренцію только-что вернулась тетка моя графиня Марія Артемьевна Воронцова изъ Петербурга, куда она ѣздила на короткое время хлопотать о передачѣ ей фрейлинской пенсіи ея сестры, графини Екатерины Артемьевны Воронцовой, сверхъ получаемой своей пенсіи [1]). О томъ заявила желаніе сама графиня Екатерина Артемьевна передъ своею смертію и какъ ни былъ необычайнымъ подобный переходъ, но дѣло удалось по милости вліятельныхъ лицъ, въ числѣ каковыхъ были, вѣроятно, князь С. М. Голицынъ (сестра его княжна Елена Михайловна была весьма дружна съ покойницей) и, можетъ быть, при содѣйствіи гр. М. С. Воронцова[2]). Въ эту поѣздку въ Россію (она же была и послѣднею) графиня Марія Артемьевна являлась ко двору и сумѣла (какъ слышно было) пріобрѣсти особенно милостивое къ себѣ вниманіе покойной императрицы Александры Ѳедоровны, забавностью разговора. Это и не удивительно. Придворная почва была не новою для нея; слушателей же она всегда могла, когда хотѣла, заинтересовать анекдотами былого и даже настоящаго времени, приправленными остротами и эпиграмами, а касательно религіозныхъ преній, то если ея не вызывали на эту арену, она рѣдко брала инициативу въ подобномъ разговорѣ. При той обширной памяти, какою она владѣла, у нея было что поразсказать объ эпохѣ, столь обильной происшествіями, какою были два первыя десятилѣтія нынѣшняго вѣка, въ теченіе коихъ она неотлучно находилась при дворѣ, и я всегда сожалѣю, что она не оставила по себѣ никакихъ записокъ [3]). При теткѣ была тогда ея во-

[1]) Князь Семенъ Михайловичъ Воронцовъ продолжалъ выдавать теткѣ моей графинѣ Маріи Артемьевнѣ пенсіонъ, который получала она отъ его отца.

[2]) Я уже говорилъ, что тетка моя гр. Екатерина Артемьевна, скончавшаяся въ Москвѣ въ началѣ 1836 года, въ домѣ князя Сергѣя Михайловича Голицына, на Пречистенкѣ, осталась до смерти вѣрна Православію. Напоминаю также, что она первоначально была фрейлиною при великой княгинѣ Аннѣ Ѳеодоровнѣ, сохраняла до конца дружескія отношенія съ этою изгнанною изъ Россіи принцессою и навѣщала ее иногда въ Швейцаріи.

[3]) Когда въ послѣдніе мои съ нею свиданія во Флоренціи, весною 1863 года, я заявилъ ей мое о томъ сожалѣніе, то она сказывала мнѣ, что вела одно время свои

спитанница, молодая Марія Баронъ, Ирландка по отцу, дочь прежней теткиной воспитанницы, Анны Антоновны Станкеръ; эта Марія вышла впослѣдствіи за маркиза Констабили (изъ Перуджіи).

Во время краткаго моего пребыванія во Флоренціи, я покончилъ съ большинствомъ моихъ кредиторовъ выдачею векселей на полугодовые, приблизительно, сроки: главными же изъ нихъ были мадамъ Безансонъ (знаменитость въ мірѣ модъ, нѣчто въ родѣ современной Московской Минангуа), Женевскій ювелиръ г. Боть (торговымъ домомъ которымъ завѣдывалъ, какъ бы принципалъ, нѣкій г. Саразенъ) и г. Приноть, хозяинъ богатѣйшаго магазина всякаго рода галантерейныхъ новостей, хрустальныхъ, бронзовыхъ, фарфоровыхъ и серебряныхъ издѣлій. Не думаю, впрочемъ, чтобы всѣ мои Флорентинскіе долги превышали цифру 3 или много 4 т. рублей, и если бы Леонъ уплатилъ ихъ (что не было ему тогда еще невозможнымъ, не взирая на Бородинскій разгромъ), то избавилъ бы меня и особенно бѣдную мою жену отъ многихъ непріятностей.

Я уложилъ уже свой чемоданъ, заплатилъ за мѣсто до Болоньи въ почтовой каретѣ правительственнаго курьера *), и всего оставалось до отъѣзда какихъ нибудь три часа, какъ вдругъ предсталъ предъ мною въ нашемъ палацце нежданный полицейскій агентъ съ объявленіемъ личнаго мнѣ ареста за неуплату моего долга портному г. Раваіолп, съ коимъ дѣйствительно я не взошелъ въ сдѣлку или отъ забывчивости, или же отъ того, что не считалъ этого долга значительнымъ, хотя (должно быть) я утвердилъ поданный имъ мнѣ счетъ своею подписью. Легко вообразить себѣ, каково было мое за-

---

замѣтки, но сожгла ихъ изъ опасенія компрометировать кое-кого изъ своихъ знакомыхъ. Юмору было въ ней бездна, и до самой ея кончины. Помню между прочимъ, какъ она сѣтовала, что Флорентинскіе нищіе, наполняющіе тамошнія церкви, принимали-де ее за тѣнь или за привидѣніе, а не за живое существо („elles me prennent pour l'âme d'une morte"), потому что толкали и переходили почти-что черезъ нее, когда она стояла на колѣняхъ. Невѣстку мою, графиню Аврору Осиповну, тетка не совсѣмъ долюбливала, хотя обѣ онѣ были строгія католички и, недовѣрчиво отзываясь о серьозности недуговъ невѣстки моей, говаривала, что не она подчиняется авторитету своего медика и своего духовника, а оба эти лица дѣлаютъ лишь то, что угодно ей. Особенно дорожила она аристократическимъ Воронцовскимъ своимъ происхожденіемъ, каковую фамилію писала „Woronzow", не допуская окончанія на два „f" (Woronzoff); правописаніе, впрочемъ, правильное.

*) Тосканская письменная и денежная корреспонденція развозилась тогда курьерами, ѣздившими въ собственныхъ своихъ каретахъ, сопровождаемыхъ однимъ вооруженнымъ коннымъ драгуномъ. Въ этихъ каретахъ было три мѣста для пассажировъ; доходъ отъ нихъ предоставленъ былъ въ пользу курьера, хозяина кареты.

трудненіе: денегъ у меня доставало только на проѣздъ до Москвы, да и то съ наблюденіемъ строжайшей экономіи; занять было не у кого въ столь короткое время, но непріятнѣе всего было самое появленіе полицейскаго экзекутора «*in aula paterna*» [1]), наносившее небывалый позоръ фамильному нашему значенію. Добрѣйшій Евгеній Осиповичъ Понятовскій [2]) выручилъ меня изъ бѣды, обязательно подписавшись порукою въ уплатѣ мною долга этому портному, и удовлетворенный такимъ образомъ грозный исполнитель Ѳемиды не замедлилъ удалиться.

Всѣ семейные мои проводили меня до площади «Дель гранъ-дука» [3]), гдѣ по сію пору находятся почтовыя экспедеціи и отъуда отправлялась карета моего курьера.

Октябрскій теплый еще вечеръ 15 числа стараго стиля сливался съ сумерками, когда рыдающая мать моя обнимала въ послѣдній разъ своей и моей жизни любимаго ея сына, причинившаго съ самаго ранняго своего возраста столь много ей тревогъ, горести и слезъ; сына, не умѣвшаго тогда оцѣнять силу ея любви и не подозрѣвавшаго, что онъ принималъ тогда послѣднее ея личное благословеніе. Праведница эта справедливо говаривала, что дѣти не могутъ постичь, насколько они дороги ихъ родителямъ; а я добавлю, что дѣти тогда только поймутъ вполнѣ это чувство, когда въ свою очередь сдѣлаются отцами и матерями.

Почти въ минуты прощанія, знакомый намъ зубной врачъ г. Кампани, подошедъ ко мнѣ, спросилъ, когда предполагаю возвратиться. «Не ближе вѣроятно, отвѣчалъ я, какъ ко дню Санъ-Джіованни [4])». При этихъ словахъ, бѣдная моя Катенька, впившая у меня на рукѣ, поблѣднѣла и изумленная спросила по-итальянски же «Come, non prin?» (Неужели не прежде?) «Постараюсь пораньше», былъ мой отвѣтъ, и я накрѣпко прижалъ ее къ сердцу. А какой Ивановъ день! Разлука наша продлилась два съ половиною года, до самой весны 1842 года. Но кто изъ насъ могъ тогда предвидѣть это? Не слѣдуетъ однакоже пропустить молчаніемъ, что при этой разлукѣ со столь близкими серд-

---

[1]) Въ отцовскомъ домѣ.

[2]) Онъ уже тогда поселился во Флоренціи и болѣе въ Россію не возвращался.

[3]) Площадь эта переименована нынѣ въ средневѣковое названіе „Піацца делла синьорія", потому что въ древней Флорентинской республикѣ „синьорами" звались выборные члены (коихъ было, кажется, всего восемь) административнаго городскаго совѣта, а главою исполнительной власти былъ „подеста" или „гонфаловіере".

[4]) Праздникъ Рождества Св. Іоанна Предтечи (24 Іюня) составляетъ годовую эпоху Флорентинской жизни, такъ какъ Предтеча чтится издревле покровителемъ этого города.

цу моему существами, происходила во мнѣ странная аномалія (отъ моего, конечно, легкомыслія), что я въ тоже самое время радовался возвращенію въ Россію, хотя и безъ жены и не смотря на то, что возвращеніе это вызвано было столь бѣдственно угрожавшими мнѣ обстоятельствами.

Оканчивая обзоръ всѣхъ современныхъ мнѣ событій въ Италіи, разскажу объ одномъ дипломатическомъ казусѣ, относящемся къ тому же 1839 году и надѣлавшемъ тогда много шуму. По существовавшему издревле обычаю при Сардинскомъ дворѣ, одна только королева и принцессы крови имѣли право носить «барбы» т. е. блонды (или кружева) на куртагахъ и придворныхъ балахъ и церемоніяхъ. Это всѣмъ, вхожимъ ко двору, довольно было извѣстно; слѣдовательно не могла о томъ не знать жена нашего акредитованнаго тамъ министра г-жа Обрѣзкова; но тѣмъ не менѣе, на одномъ придворномъ балѣ или церемоніальномъ пріемѣ она явилась въ принятомъ при нашемъ дворѣ, вышитомъ Русскомъ сарафанѣ съ кружевами. Не знаю, почему она предпочла именно этотъ костюмъ какому-нибудь другому; но появленіе блондъ, въ какомъ бы то ни было видѣ, на особѣ некоролевской фамиліи шло въ разрѣзъ съ принятымъ этикетомъ. На первый разъ удовольствовались (кажется) однимъ лишь ей замѣчаніемъ, но такъ какъ она твердила, что кружева составляютъ непремѣнную принадлежность Русскаго придворно-офиціальнаго костюма, и что она-де иначе, какъ въ таковомъ, не считаетъ себя въ правѣ являться ко двору въ офиціальныхъ случаяхъ, то поступила о томъ жалоба въ наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и, говорятъ, вслѣдствіе этого г. Обрѣзковъ былъ отозванъ.

Этой же осенью всполошилась Европейская дипломатія по нечаянному событію на Азіатскомъ Югозападѣ. Персидскій шахъ предпринялъ осаду крѣпости Герата, считавшагося, кажется, на Англійской территоріи. Обстоятельства этого дѣла вызвали офиціальное вмѣшательство нашего резидента въ Тегеранѣ, графа Симонича. Французы повторяли каламбуръ: «le chat (le shah) de Perse avait entrepris le siège des rats (d'Hérat) *).

*) Персидскій котъ предпринималъ осаду крысъ.

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА*).

И такъ, въ каретѣ Тоскапскаго почтоваго курьера я достигъ до Болоньи, но не засталъ уже нѣсколькими часами дилижанса прямого направленія въ Вѣну, чрезъ Сѣверовосточную Ломбардію, Стирію и Каринтію (отправлявшагося чуть-ли не разъ только въ недѣлю), и потому предпочелъ, вмѣсто того чтобы проспдѣть нѣсколько дней понапрасну въ Болоньи, взять мѣсто въ другомъ дилижансѣ, имѣвшемъ отбыть на третій день въ Вѣну, хотя съ крюкомъ на Тирольскіе города Инспрукъ и Зальцбургъ, а оттуда на Линцъ. Утомительно-медленная ѣзда тяжелаго, какъ его соотечественники, Нѣмецкаго дилижанса, двигавшагося по одной Нѣмецкой мили (8 верстъ) въ часъ, клонила меня къ размышленіямъ всякаго рода. Помню, что пока свѣтила еще та самая луна, нарожденіе коей началось, когда я находился въ семейномъ своемъ кругу, мнѣ казалось, что я несовсѣмъ былъ еще оторванъ отъ него и какъ будто-бы онъ былъ не далече отъ меня. Не разъ говорено уже, что я мечтатель и впечатлителенъ черезчуръ. На пятые лишь сутки, помнится мнѣ, мы добрались до Вѣны, гдѣ я пробылъ три дня и обѣдалъ разъ у Д. П. Татищева. Онъ любезно весьма обошелся со мною и показывалъ мнѣ свою картинную галлерею, собранную преимущественно въ бытность его министромъ при Мадридскомъ дворѣ и имъ завѣщанную Императорскому Эрмитажу. Изъ Вѣны я впервыя въ жизни прокатился по желѣзной дорогѣ до города Брюна, всего три или четыре часа ѣзды; а изъ Брюна до Львова я доѣхалъ опять въ медленно подвигавшемся дилижансѣ; но тамъ прекращалась для меня дальнѣйшая ѣзда въ сносномъ экипажѣ. Въ Радзивиловѣ я пересѣлъ на родимую перекладную и, проскакавъ на ней не менѣе двухъ дней и двухъ ночей безъ остановки, добрался до Кіева, съ разбитыми буквально костями, и пролежалъ тамъ безъ всякой болѣзни, первое время послѣ моего пріѣзда. За исключеніемъ двухъ дней, проведенныхъ въ Болоньи въ ожиданіи дилижанса, трехъ дней

*) См. выше, стр. 180 (по ошибкѣ на сорочкѣ 10-го выпуска означено 280).

въ Вѣнѣ и одного дня во Львовѣ, я совершилъ проѣздъ изъ Флоренціи до Кіева на четырнадцатый день: скорость, показавшаяся Кіевскимъ моимъ знакомымъ баснословною. Вмѣсто графа А. Д. Гурьева, генералъ-губернаторомъ былъ уже Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ, коего я счелъ обязанностію посѣтить, хотя не былъ никогда знакомъ съ нимъ. Вмѣсто умершаго преосв. Евгенія, митрополитомъ былъ Филаретъ, а вмѣсто викарнаго, хорошаго моего знакомаго Владимира (уже бывшаго тогда Костромскимъ епископомъ), знаменитый проповѣдникъ Иннокентій. Поспѣшилъ я повидаться со всѣми прежними Кіевскими нашими друзьями. Таковыми именно могу я ихъ назвать. Первою изъ нихъ была Екатерина Дмитріевна Голубцова [1]); но какая-то грусть завладѣла мною при воспоминаніи о столь весело проведенномъ тамъ времени съ моею женою, и когда я отправился отслужить молебенъ въ Михаилоархангельскій соборъ, гдѣ мы вмѣстѣ бывали по воскреснымъ днямъ на архіерейской службѣ преосв. Владимира, я не могъ удержаться отъ слезъ. Добродушный іеромонахъ, служившій заказанный мною молебенъ, котораго я сразу узналъ, какъ бывшаго протодіакона викарнаго архіерея, замѣтивъ мое смущеніе, спросилъ съ участіемъ, не случилось ли со мною какого-нибудь несчастія. Повторяю, что, вопреки моей вѣтренности, чувства мои къ женѣ были тогда любовничьими.

Мои знакомые нашли мнѣ попутчика. Это былъ весьма пріятный господинъ, фамиліи коего не помню, пріѣхавшій въ Кіевъ для опредѣленія своего сына въ тамошній университетъ. Онъ предложилъ мнѣ мѣсто въ своей кибиткѣ, а прогоны мы платили пополамъ. Это было въ началѣ Ноября; осень была безснѣжная, и телѣжная на колесахъ взда до того меня растрясла, что я разстался въ Орлѣ съ своимъ попутчикомъ: онъ продолжалъ свой путь въ Москву, а я пожелалъ отдохнуть два-три дня въ Орлѣ, гдѣ шуринъ мой, Алексѣй Ивановичъ Нарышкинъ, былъ тогда уѣзднымъ предводителемъ, хотя ему было отъ роду только 24 года. Изъ Орла я опять пустился на перекладной, черезъ Волховъ, Козельскъ и Калугу и такъ добрался до села Знаменскаго. Въ Козельскѣ я остановился на нѣсколько часовъ, повидаться съ старымъ моимъ знакомымъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Ивановымъ, тогда учителемъ (или чуть-ли уже не смотрителемъ) Козельскаго уѣзднаго училища [2]). Онъ, въ бытность свою учителемъ Русскаго языка

[1]) Нынѣ она начальницею тамошняго Института благородныхъ дѣвицъ.

[2]) Достойный этотъ старецъ, бывшій впослѣдствіи смотрителемъ Перемышльскаго уѣзднаго училища, отдыхаетъ нынѣ на лаврахъ двухъ выслуженныхъ имъ пенсіоновъ. Во время службы своей въ Козельскѣ онъ сумѣлъ пріобрѣсти дружеское къ себѣ расположеніе семейства тамошняго помѣщика Сергѣя Николаевича Кашкина.

въ Тарускомъ уѣздномъ училищѣ, въ началѣ 30-хъ годовъ, хаживалъ въ Знаменское для уроковъ обоимъ дѣтямъ Е. П. Нарышкиной, въ домѣ коей онъ сдѣлался близкимъ лицомъ, благодаря веселому и живчивому своему нраву: ѣзжалъ съ нами верхомъ, помогалъ О. А. Тридону устраивать фейерверки и былъ всѣми нами любимъ. Какъ человѣкъ, слѣдившій за всѣмъ современнымъ въ литературѣ и отчасти въ наукѣ, насколько допускали это тѣсная рамка его дѣятельности и его средства, онъ, обрадованный моимъ нежданнымъ посѣщеніемъ, не умолкалъ въ распросахъ о всемъ видѣнномъ мною за границею, какъ вдругъ подошелъ ко мнѣ одинъ изъ его педагогическихъ товарищей, типъ семинарскаго свѣжевыпущенника, и какъ холодилка на нашъ оживленный разговоръ, съ эмфазисомъ произнесъ: «А позвольте васъ спросить» (т. е. меня), «какая причина заставила васъ путешествовать?» Мы оба фыркнули при этихъ словахъ...

Какъ ни рада была теща моему возвращенію, но я нашелъ ее въ такомъ же тревожномъ состояніи, въ какомъ былъ и я отъ слуховъ о неудачномъ Бородинскомъ предпріятіи. Я сейчасъ извѣстилъ Леона о моемъ прибытіи въ Знаменское, и онъ не замедлилъ прислать ко мнѣ довѣреннаго своего. Это былъ Полякъ докторъ Турчинскій *); а между тѣмъ преданный мнѣ Радзиковскій (уже хозяинъ кондитерскаго заведенія подъ Новинскимъ) случайно узнавшій о моемъ возвращеніи, также прискакалъ ко мнѣ туда, но безъ вѣдома Леона, которому онъ никогда не сочувствовалъ. И тотъ и другой звали меня скорѣе въ Москву; но Станиславъ Флоріановичъ Турчинскій успокоивалъ меня на счетъ моихъ дѣлъ тѣмъ, что Леонъ можетъ еще, пожалуй, вывернуться изъ этой путаницы, тогда какъ, напротивъ, Радзиковскій представлялъ дѣла въ настоящемъ ихъ видѣ. Я былъ крайне затрудненъ, кому изъ двухъ повѣрить; но загадка должна была вскорѣ разрѣшиться въ Москвѣ, куда я не замедлилъ отправиться съ Турчинскимъ, соблюдая инкогнито, по случаю предъявленныхъ уже на меня исковъ.

Здѣсь приходится сдѣлать новое отступленіе отъ нити разсказа и прежде чѣмъ коснуться печальнаго исхода Бородинскаго предпріятія, изложить мимоходомъ о случившемся около того времени въ Знаменскомъ.

Обветшалой Знаменской церкви, числившейся тогда приходскою с. Игнатовскаго и деревни Слащевки, угрожало паденіемъ: а исправить ее невозможно было иначе, какъ, разобравъ ее всю до основа-

*) Онъ былъ врачемъ у меня въ с. Порзнѣ съ 1835 по 1839 годъ.

нія, заново перестроить; но на это не хватало у г-жи Нарышкиной денежныхъ средствъ, да и кромѣ того, по существовавшимъ тогда правиламъ о сельскихъ церквахъ, допускались лишь нѣкоторыя поправки въ обветшалыхъ деревянныхъ церквахъ, но отнюдь не перестройки ихъ заново. Весь преданный Нарышкинскому семейству, О. А. Тридонъ, управлявшій Знаменскимъ въ отсутствіе въ Италію владѣлицы онаго, обратился тогда къ Калужскому архіерею Николаю съ просьбою о выдачѣ ему указа на поправку церкви. Преосвященный хорошо зналъ и любилъ Осипа Августиновича за его всегдашнюю откровенность, прямоту сужденій и человѣколюбивое направленіе, и достойнаго этого іерарха потѣшала, можетъ быть, безцеремонность обращенія нашего Француза со всѣми вообще, а въ томъ числѣ и съ нимъ самимъ. Живой во всѣхъ своихъ пріемахъ, Осипъ Августиновичъ безразборчиво относился къ своему сановному собесѣднику на Французскомъ языкѣ, нимало не заботясь, зналъ ли владыко это нарѣчіе, что впрочемъ взошло у него въ привычку, и онъ тоже самое дѣлалъ съ другими знакомыми ему лицами. Но на сей разъ оказалось, что преосв. Николай, хотя не практически, но научно зналъ этотъ языкъ, а отвѣчалъ по-русски. Въ своей же Французской фразеологіи, г. Тридонъ хотя величалъ (кажется) Русскаго іерарха по принятому титулу «votre éminence»*) и «monseigneur», но переходя въ пылу разговора на Русское нарѣчіе, въ которомъ онъ никогда не отличался, вмѣсто употребленія многосложнаго титула «ваше преосвященство», Французъ нашъ сбивался на болѣе сокращенное «вы батушка», чѣмъ однакоже почтенный и умный іерархъ нисколько не обижался. Тутъ случился въ дѣлѣ о перестройкѣ церкви будто-бы слѣдующій куріозъ, слышанный мною не помню отъ кого, и потому я передаю его, не ручаясь за его достовѣрность. Когда, наконецъ, ревностный нашъ храмоздатель добился до желаемаго и въ одно изъ посѣщеній своихъ Калужскаго архипастыря былъ встрѣченъ привѣтствіемъ: «Ну, любезнѣйшій мой Осипъ Августовичъ, я исполнилъ ваше желаніе и далъ предложеніе консисторіи о разрѣшеніи поправокъ въ вашей церкви; теперь потрудитесь сходить сами въ консисторію за полученіемъ указа по этому дѣлу, вспыльчивый нашъ Французъ не выдержалъ. «Какъ, *батюшка*» возразилъ онъ: «чтобы я пошелъ къ этимъ разбойникамъ? Да ни за что на свѣтѣ, а потрудитесь сами выслать къ намъ вашъ указъ». Услышавъ это, добрый архіерей разразился хохотомъ и, подозвавъ

*) Это не совсѣмъ даже правильно: „Votre éminence“ говорится однимъ кардиналамъ и (можетъ быть) архіепископамъ, а къ простымъ епископамъ, какимъ былъ преосв. Николай, во Франціи относятся съ титуломъ „votre grandeur“.

(будто-бы) къ себѣ одного изъ находившихся тутъ случайно городскихъ протопоповъ, который былъ членомъ консисторіи, сказалъ ему: «Подойди-ка сюда поближе, да послушай, какъ васъ честятъ»[1]). Но прежде, чѣмъ продолжать разсказъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ Осипа Августиновича, нужно упомянуть, что денежными пожертвованіями отъ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ и отъ меня чрезъ Леона, въ 1000 р. асс., и шурина моего Алексѣя Ивановича, онъ собралъ достаточную на эту постройку сумму.

Тридонъ, прискакавъ съ консисторскимъ указомъ въ карманѣ въ Знаменское, гдѣ плотничья артель была у него уже наготовѣ, долго не думая, началъ съ того, что разобралъ весь храмъ до каменнаго фундамента. Таруское городское духовенство, несочувственно смотрѣвшее на исправленіе приходской церкви (отъ желанія вѣроятно, чтобы она либо была причислена къ ихъ собору, либо вовсе уничтожена[2]), внимательно слѣдило за дѣйствіями отважнаго строителя и готовилось было (какъ о томъ шли толки) подать протестъ, что Игнатовская церковь не то чтобы исправлялась, а перестраивалась заново до основанія; но къ счастію ея и нашему какой-то мѣстный законовѣдецъ шепнулъ Тридону, что если онъ успѣетъ вывесть немедля срубъ въ 5 или 6 вѣнцовъ, то ему тогда нечего будетъ опасаться послѣдствій. Сказано, сдѣлано; и какъ Русскому мастеровому почти что нѣтъ ничего невозможнаго при помощи винца, то артель, усиленная вслѣдствіе сего казуса нѣсколькими экстренными плотниками, работавъ весь день и всю лѣтнюю ночь, вывела строеніе къ слѣдующему дню въ размѣрѣ требуемомъ по закону для перестройки и тѣмъ облегчила дальнѣйшее существованіе этой церкви, хотя вслѣдствіе состоявшагося новаго положенія о приходахъ вообще требуется, чтобы таковые состояли не менѣе какъ изъ 300 душъ Знаменская приходская церковь, при которой не хватало 100 душъ до этой цифры, причислена была окончательно къ Тарускому Петропавловскому собору, съ тѣмъ однакоже, чтобы изъ трехъ имѣющихся при оном причтовъ одинъ ходилъ поочередно служить, по большимъ праздникамъ, въ эту церковь.

Высказавъ въ разныхъ мѣстахъ настоящихъ записокъ всѣ достоинства незабвеннаго нашего друга, я долженъ, ради характеристи-

---

[1]) Преосв. Николай былъ передъ тѣмъ Московскимъ викарнымъ архіереемъ, потомъ Тамбовскимъ и до конца жизни правилъ Калужскою паствою. Въ одинъ изъ его служебныхъ разъѣздовъ по епархіи, въ 1851 году, карета его гдѣ-то опрокинулась, и онъ вскорѣ умеръ отъ ушиба, полученнаго при паденіи.

[2]) С. Игнатовское (Знаменское) безъ малаго въ двухъ верстахъ отъ Тарусы.

ки его личности, заявить о скорбномъ обстоятельствѣ слабыхъ его религіозныхъ убѣжденій. Хотя не былъ онъ атеистомъ, ни матеріалистомъ, но, ограничиваясь деизмомъ, раздѣлялъ взглядъ нѣкоторыхъ изъ своихъ соотечественниковъ, что «chacun a de la religion à sa manière. Тѣмъ не менѣе я не зналъ человѣка, который бы лучше Тридопа исполнялъ на практикѣ евангельскую заповѣдь о любви ближняго и о подачѣ помощи нуждающему и страждущему, хотя онъ не придавалъ никакого религіознаго значенія таковымъ истинно-добрымъ дѣламъ, совершеннымъ имъ въ теченіе многихъ лѣтъ: дѣлать добро было у него душевною потребностію. И сколькихъ больныхъ изъ бѣднаго сословія въ самомъ городѣ Тарусѣ и въ округѣ онъ лѣчилъ безвозмездно (я говорилъ уже прежде, что онъ былъ весьма свѣдущъ въ медицинѣ), снабжая ихъ медикаментами не токмо безденежно, но и съ придачею иногда собственныхъ денегъ. За то умилительно было въ высшей степени видѣть, какихъ проводовъ удостоились бренные его останки *) отъ всего этого бѣднаго люда!

Когда по отпѣваніи въ Тарускомъ соборѣ (что для Римско-католическаго иновѣрца достойный протоіерей Михаилъ Февралевъ счелъ возможнымъ сдѣлать) понесли его тѣло на погостъ, то, не смотря на то, что разстояніе было не болѣе полуверсты, шествіе продолжалось около часу отъ частыхъ остановокъ для просимыхъ жителями литій. А что до нерелигіознаго его направленія, то оно объясняется тѣмъ, что, родившись въ самомъ разгарѣ богохульной Французской революціи, онъ провелъ ранніе свои года къ этой пагубной атмосферѣ; да и на умъ тогдашней молодежи ничего не входило, кромѣ увлеченія военными успѣхами Наполеоновскаго оружія. Уповая на Божественное изреченіе, что не всякій взывающій: Господи, Господи! спасется, а творящій Его волю, друзья этого истиннаго филантропа могутъ надѣяться, что безмѣрное милосердіе Всевышняго не оставитъ безъ возмездія столь ревностнаго исполнителя Его закона о любви къ ближнему.

Затѣмъ возвращаюсь къ моимъ приключеніямъ, ибо таковыми можно назвать Бородинскій мой разгромъ.

Такъ какъ изъ словъ Турчинскаго и Радзиковскаго очевидно было, что въ Москвѣ угрожали мнѣ личнымъ арестомъ, то я, пріѣхавъ туда ночью, остановился на нѣсколько часовъ у Ивана Антоновича Кавецкаго, жившаго тогда на Ордынкѣ, противъ церкви Всѣхъ Скорбящихъ, напискосокъ дома Долговыхъ. Туда не замедлилъ явиться Леонъ и хотя онъ затянулъ туже успокоительную пѣсню, какъ Турчи-

*) Онъ умеръ въ Декабрѣ 1858 года 64 лѣтъ отъ роду.

скій, и что даже мое присутствіе въ Россіи не было вовсе столь необходимымъ, какъ я воображалъ; однакоже, видя, что онъ и И. А. Кавецкій находили опаснымъ мое пребываніе въ Москвѣ, я сейчасъ же переѣхалъ къ Н. А. Дивову, жившему тогда въ домѣ, на Покровкѣ, доставшемся его женѣ отъ графа Сергѣя Петровича Румянцова [1]), откуда, по общему совѣту, я въ тотъ же день въ сумеркахъ переѣхалъ на Дивовскую подмосковную Зенинскую ферму. По родственному ко мнѣ участію, Николай Адріановичъ отправился на слѣдующій день къ князю Дмитрію Владимировичу Голицыну извѣстить его о моемъ пріѣздѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ просить о его заступничествѣ въ запутанныхъ Леона дѣлахъ, и князь хотя обѣщался дѣлать все отъ него зависящее, нашелъ однакоже, что для обезпеченія моей личности отъ ареста, мнѣ необходимо глазъ не казать въ Москвѣ. Въ Зенинѣ явился ко мнѣ мой комиссіонеръ по пересылкѣ картинъ, Итальянецъ Паоли. Онъ бранилъ Леона изо всѣхъ силъ и также досадовалъ на свое бездѣйствіе, ибо картины мои раздавались Леономъ въ долгъ или въ уплату кое-какихъ его долговъ, а чистой денежной выручки никакой не было. Также навѣщали меня тамъ Леонъ и И. А. Кавецкій; оба обнадеживая меня, что дѣла мои не настолько еще въ безвыходномъ положеніи, какъ о томъ шла молва въ публикѣ, и я мало по малу успокоивался и началъ уже подумывать о случаяхъ, гдѣ бы я могъ высказать успѣхи свои въ пѣніи отъ трехлѣтняго пребыванія въ Италіи [2]). Въ Зенинѣ я пробылъ вдвоемъ съ Н. А. Дивовымъ болѣе мѣсяца, и послѣ нѣсколькихъ совѣщаній съ нимъ, Леономъ и Кавецкимъ, рѣшено было ѣхать мнѣ въ Петербургъ съ спмъ послѣднимъ, чтобы похлопотать въ Комиссаріатскомъ Департаментѣ о какомъ-нибудь облегченіи по подряду продовольствія Московскаго военнаго госпиталя, также взятому Леономъ на мое имя и шедшему столь неудачно, что Московская Комиссаріатская коммисія продолжала операцію на счетъ нашихъ залоговъ.

И такъ, отпраздновавши въ Зенинѣ имянины Дивова (въ зимній Николинъ день), я вскорѣ пустился вдвоемъ съ Кавецкимъ въ Петербургъ. Стужа стояла сильнѣйшая, и потому мы ѣхали не спѣша, останавливаясь каждый день на ночлегъ.

---

[1]) Къ сожалѣнію вскорѣ послѣ сего Зинаида Сергѣевна Дивова продала безъ всякой особенной нужды этотъ вельможный домъ купцу Усачеву.

[2]) Естественно, что я поддавался мнѣнію и взглядамъ И. А. Кавецкаго, какъ человѣка считавшагося авторитетомъ въ нашемъ семействѣ. Онъ не былъ способенъ къ подкупу, и потому непонятно, какъ сумѣлъ Леонъ околдовать его.

Здѣсь считаю умѣстнымъ поговорить о Бородинскомъ нашемъ разгромѣ. Соображаясь съ послѣдствіями, поневолѣ подозрѣваю я, что эта операція Леону была нужна, дабы въ случаѣ неудачи свалить на нее всѣ прежніе долги и запутанныя свои дѣла, а съ другой стороны дѣйствовало и Русское авось, что пожалуй будетъ и выручка, и по видимому онъ палъ на то, что панъ или пропалъ *).

Вотъ какъ все дѣло началось. Графъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель (тогда главно-управлявшій департаментомъ путей сообщеній и публичныхъ зданій) вызывалъ «охотниковъ» на постройку помѣщеній для высокихъ особъ, имѣвшихъ присутствовать на Бородинскихъ маневрахъ, въ числѣ отъ 300 до 400 лицъ. Предъявленныя по сему дѣлу денежныя кондиціи разными подрядчиками были отвергнуты въ Петербургѣ, на томъ-де основаній, что казна ничего не даетъ на постройку, а что будетъ платить за нанимаемые сю нумера по установленной цѣнѣ: обстоятельство, которое не надо терять изъ виду. На этомъ основаніи Леонъ, при всей своей опрометчивости, имѣлъ право, если судить по совѣсти, на уплату за всѣ построенные имъ нумера, ибо число таковыхъ было однимъ изъ условій утвержденія за нимъ всего подряда. По случаю этой постройки былъ учрежденъ особенный временный Можайскій комитетъ, подвѣдомственный графу П. А. Клейнмихелю, и потому Леонъ отнесся туда съ предложеніемъ, что берется выстроить около 150 (помнится мнѣ) таковыхъ требуемыхъ отдѣленій, каждое изъ четырехъ комнатъ съ кухнею, и чуть ли не съ конюшнею и каретнымъ сараемъ. Плату онъ назначилъ по 1000 рублей асс. за отдѣленіе, по переднему фасу, и по 800 р. асс. въ заднемъ фасѣ, съ представленіемъ плана постройки. Планъ и назначенная плата за эти отдѣленія получили высочайшее утвержденіе. Впослѣдствіи же, самъ графъ П. А. Клейнмихель, у коего я былъ на аудіенціи, сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что хотя правительство обязывалось платить за нанимаемые онымъ нумера, но не обязывалось занять ихъ всѣ. Это было несомнѣнно упущеніе со стороны Леона, но случайное или преднамѣренное, не знаю. Можетъ быть, онъ опасался отказа, если бы формулировалъ свои кондиціи на непремѣнномъ условіи занятія или платежа за всѣ безъ исключенія отдѣленія; а можетъ быть также, что повѣривъ слуху, что весь императорскій дворъ и дипломатическій корпусъ прибудутъ къ маневрамъ, онъ не сомнѣвался, что всѣ его нумера будутъ

*) Это мое подозрѣніе подкрѣпляется нынѣ воспоминаніемъ. Онъ говаривалъ мнѣ, что какъ я не могъ справиться съ полутора милліономъ рублей долгу послѣ Бородинской операціи, такъ не могъ бы и уплатить триста тысячъ долгу до этой операціи, и пожалуй онъ былъ правъ.

заняты. Допуская, что въ редакціи условій при комерческихъ предпріятіяхъ нельзя быть довольно осторожнымъ и пунктуальнымъ, нахожу однакоже, что отговорка, высказанная мнѣ впослѣдствіи графомъ П. А. Клейнмихелемъ, отзывается приказною крючковатостью. Результатомъ громаднаго этого предпріятія было слѣдующее. Ни одна женская особа царской фамиліи не пріѣхала, не было также и дипломатическаго корпуса. Государь помѣстился въ палаткѣ, на противуположномъ концѣ лагеря, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Московскаго городка, и примѣру его послѣдовали великій князь наслѣдникъ, герцогъ Лейхтенбергскій, государева свита и большая часть званыхъ къ военному этому торжеству особъ [1]). Графъ М. С. Воронцовъ, да еще двое или трое изъ генералитета, наняли въ городкѣ по одному отдѣленію на собственный ихъ счетъ, да казною взято было, кажется еще 4 или 5 отдѣленій, а всего около десяти, за которыя выручено было около 10 т. р. ас.; а за тѣмъ всѣ остальныя отдѣленія, числомъ около 140, остались не занятыми. Изъ сего видно, что повѣренный мой имѣлъ по совѣсти право на сумму отъ 130 до 140 т. р. асс. приблизительно, но на ничто болѣе, тогда какъ весь оборотъ предпринятой имъ операціи простирался болѣе чѣмъ на милліонъ рублей. Во-первыхъ, Леонъ заплатилъ какую-то баснословную сумму (чуть ли не 8 или до 10 р.) землевладѣльцу (Можайскому исправнику) за тѣ немногія десятины, на которыхъ построенъ былъ городокъ; да, имѣя въ виду, пріѣздъ на маневры толпы изъ окрестныхъ мѣстъ и изъ Москвы, онъ выстроилъ разные рестораны, театръ и вокзалъ для баловъ. Въ этихъ ресторанахъ торговали Еврейскіе и полу-еврейскіе его приказчики и приказчицы (изъ послѣднихъ нѣкая мамзель Юлія [2]) была красавица и кокетствомъ своимъ привлекала потребителей въ ввѣренное ей заведеніе). Сверхъ того онъ выписалъ, не знаю уже сколько, Бѣлевскихъ маркитантовъ, снабдивъ ихъ прикащичьими довѣренностями, копіи распредѣлилъ по палаткамъ, по всему лагерю, растянутому на пространствѣ отъ 8 до 10 верстъ. Вся провизія и вина были отъ Леона. Вина взяты были подъ векселя на страшную цифру у Московскихъ оптовыхъ винопторговцовъ Катуàръ, Трипѣ и у другихъ менѣе знаменитыхъ лицъ, а для хода операціи, наличными деньгами онъ влѣзъ въ кредитъ на сумму, какъ помнится мнѣ, много болѣе 100 т. р. у банкировъ Ценкера и Колли, не говоря уже о болѣе мелкихъ суммахъ, отъ 3 до 20 т. р., коп удавалось ему выманивать, гдѣ только онъ пронюхивалъ (а на это было

---

[1]) Самъ я впослѣдствіи и не полюбопытствовалъ навѣстить мѣсто пораженія всего моего состоянія.

[2]) Бывшая передъ тѣмъ акробаткою.

особое у него чутье, да и агенты его мыкались по всей Москвѣ съ этою цѣлью) запахъ наличныхъ рублей. Но обыкновенный неурядицъ, плотничная работа городка не приведена еще была къ концу, когда стали съѣзжаться на маневры, черезъ что пришлось ему платить въ тридорога экстреннымъ плотникамъ, чтобы не опоздать открытіемъ всѣхъ заведеній. Въ двухъ ресторанахъ торговали приказчиками единственные вѣрные мнѣ люди, Радзиковскій и Итальянецъ Паоли и, кажется, что они одни честно доставляли въ главную Леонова контору вырученныя деньги, хотя какъ ихъ, такъ и остальныхъ своихъ приказчиковъ у Леона не было никогда въ обычаѣ усчитывать, и потому послѣдніе дѣйствовали какъ хотѣли. Меня увѣряли, что одинъ изъ этихъ Іерусалимскихъ агентовъ выпилъ будто бы на свою долю чуть ли на нѣсколько сотенъ бутылокъ Шампанскаго и что Бѣлевскіе маркитанты повели дѣло гораздо проще: они подъ конецъ маневровъ, когда Леонъ бѣгалъ какъ угорѣлый отъ наступавшихъ на него кредиторовъ, разбрелись во всѣ стороны не токмо безъ дачи отчетовъ, но увезя якобы съ собою оставшіеся у нихъ на рукахъ запасы вина, чаю, сахару и пр. и ускользнули отъ законнаго преслѣдованія, потому что Леону было тогда не до нихъ, да и преслѣдовать было не легко; ибо ручаться нельзя, что отъ многихъ изъ таковыхъ онъ не потребовалъ и паспортовъ. Вотъ вкратцѣ вся суть этой безалаберной операціи.

Все разсказанное можетъ показаться читателю Арабскою сказкою тысячи и одной ночи, ибо таковымъ оно нынѣ представляется и самому мнѣ. Театръ и балы въ вокзалѣ не оставались, правда, пустыми, но что могла значить эта выручка при всеобщихъ убыткахъ? Надо сказать, что антецедентомъ этому предпріятію послужили маневры подъ Вознесенскомъ съ 1837 году. Графъ де Витъ, тогдашній начальникъ южныхъ военныхъ поселеній, выстроилъ также городокъ; но не въ примѣръ Леону, ему посчастливилось продать свою постройку казнѣ, не знаю впрочемъ для какой потребности. Бородинскія же постройки никому не были нужны, а такъ какъ на слѣдующій 1840 годъ, мѣстный исправникъ - землевладѣлецъ настаивалъ снести ихъ, потому что земля нужна была ему для посѣвовъ, то Леону пришлось заплатить ему еще неустойку, сверхъ условленныхъ за наемъ земли денегъ, и не знаю, выручили ли мы 3 или, «maximum», 4 т. за весь этотъ полурухнувшій хламъ. Когда, послѣ своего пораженія, Леонъ явился въ Москву, то его обступили второстепенные кредиторы и чтобы зажать имъ хоть на время роть и не попасть самому въ яму, онъ умпротворялъ злѣйшихъ изъ таковыхъ остатками винъ и колоніальныхъ товаровъ, у него уцѣлѣвшихъ, за заборъ коихъ впрочемъ векселя не были еще уплачены

Вотъ въ какомъ положеніи я засталъ дѣла, когда пріѣхалъ въ Москву; но кромѣ того былъ огромный начетъ въ Коммисаріатской Комиссіи за неисправность по поставкѣ продовольствія въ Московскій Военный Госпиталь, падающій на залоги, представленные въ обезпеченіе этого подряда. Впрочемъ справедливость требуетъ добавить, что помимо безпорядочнаго способа веденія этого дѣла, были и непредвидѣнныя обстоятельства, увеличивавшія убытокъ. Я уже объяснилъ, что Леонъ имѣлъ привычку, лишь бы только взять подрядъ, спускать до невозможности цѣны товаровъ изъ припасовъ, имѣя въ виду не столько барышъ, сколько съ цѣлью посредствомъ представленныхъ залоговъ захватить скорѣе задаточныя деньги, подъ предлогомъ первоначальныхъ будто бы покупокъ для подряда. Въ сущности же предметы эти брались въ большинствѣ случаевъ въ долгъ, а взятыя задаточныя деньги расходились, чтобы заткнуть, какъ говорится, дыры и угомонить крикливѣйшихъ кредиторовъ. Такимъ образомъ перебивался онъ со дня на день, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ *). Весною 1839 г., когда жизненные припасы были дешевы, онъ взялся ставить напр. муку въ госпиталь по 60 к. ас. за пудъ, имѣя впрочемъ въ виду существовавшій тогда въ Москвѣ *лажъ* на ассигнаціонные билеты: вещь не бывшая въ ходу на Петербургской биржѣ и конечно не допускавшаяся въ контрактахъ съ казною. Въ началѣ 1839 г. лажъ этотъ доходилъ въ Москвѣ до 16 процентовъ, такъ что 5 рублевый кредитный билетъ ходилъ и мѣнялся по 5 р. 80 к. асс., и по этому разсчету выходило, что отпускаемыя казною 60 к. за пудъ муки соотвѣтствовали въ торговлѣ 70 копейкамъ безъ незначительной дроби: если цѣна на муку стояла на рынкѣ въ 60 к., то оставалось въ барышѣ 10 к. лажа. (За вѣрность цѣнъ мукй не ручаюсь, но помню, что барышъ извлекался изъ лажа). Въ теченіе того лѣта состоялось положеніе о переводѣ по всей имперіи счетоводства изъ ассигнацій на серебро, и вмѣстѣ съ тѣмъ естественно прекратилось дальнѣйшее существованіе вреднаго лажа. Столь благотворная государственная мѣра не была почти ощутительною въ Петербургѣ, но въ Москвѣ она принесла немало убытка въ торговомъ мірѣ, гдѣ разсчеты оставались на лажѣ, терпимомъ (слѣдуетъ замѣтить) дотолѣ самимъ правительствомъ. По одному уже уничтоженію лажа мука сдѣлалась дороже отпускаемой изъ казны цѣны. Вдобавокъ, Леонъ попалъ подъ бѣдственный неурожай 1839 г., и осень предвѣщала таковой же голодъ на слѣдующій 1840 г. Озимп

*) Курьезнѣе всѣхъ изъ его подрядовъ былъ одинъ, небольшой, съ театральною дирекціею, для развозки артистовъ и артистокъ. Ни обветшалыхъ каретъ, ни лошадей онъ не ремонтировалъ, и однажды случилось, что одна драматическая знаменитость (чуть ли не г-жа Рѣпина-Верстовская), сидя въ каретѣ, провалилась на мостовую.

во многихъ мѣстахъ вовсе не взошли отъ продолжительной засухи, отъ чего пудъ муки достигъ небывалой почти дотолѣ цифры 1 р. 50 к. или даже выше, т. е. въ два раза съ половиною свыше условленной по подряду цѣны. Помнится мнѣ, что когда я, впослѣдствіи, хлопоталъ о сложеніи съ меня начета по упомянутому подряду, на основаніи вышеизложенныхъ причинъ, то казна отозвалась, что она-де никогда не признавала существованія лажа. Но, вопервыхъ, можно ли спрашиваю, уничтожать то, о существованіи чего намъ неизвѣстно, а во-вторыхъ, въ комиссаріатскомъ департаментѣ знали хорошо «de facto», что Московскіе подрядчики спускали цѣны на торгахъ въ виду лажа, а казна пользовалась этими соображеніями.

Всѣ высказанныя неудачи увеличивались еще тѣмъ, что Леонъ не могъ свободно разъѣзжать и дѣйствовать, отъ часто представляемыхъ на него кормовыхъ денегъ и требованій его личности въ Управу Благочинія, чтобы оттуда спустить его (какъ говорилось тогда) въ яму. Подкупъ почти всей субалтерной полиціи, въ размѣрахъ нынѣ невозможныхъ (смѣю думать), спасалъ его отъ ареста; а какъ этотъ подкупъ не могъ совершаться кредитомъ или векселями, то приходилось дѣлать новые займы на этотъ предметъ, и это стоило ему немало. Само собою разумѣется, что мирволили ему одни подчиненные оберъ-полицімейстера Льва Михайловича Цинскаго, который ненавидѣлъ Леона и всячески искалъ случая взять его подъ арестъ. Поймать его было нелегко, ибо онъ не разъ скрывался гдѣ-нибудь за одною изъ Московскихъ заставъ. Правду сказать, жизнь его была собачью.

Таковыми были Леона и мои дѣла зимою съ 1839 по 1840 годъ, которую я всю провелъ въ Петербургѣ.

И. А. Кавецкій и я помѣстились въ нумеръ, въ домѣ Энгельгардта, у Казанскаго моста. Недѣли черезъ двѣ, онъ возвратился въ Москву, а я нанялъ квартирку изъ двухъ комнатъ за 100 р. асс. въ мѣсяцъ, въ мезонинѣ деревяннаго дома Калугина, на Мойкѣ, у Пѣвческаго моста, весь низъ коего занятъ былъ славившимся тогда рестораномъ Сенъ-Жоржа *). Впервыя пустился я въ высшее Петербургское общество и, благодаря двумъ-тремъ лицамъ изъ этого круга, былъ принятъ какъ бы давнѣйшій членъ онаго. Я замѣтилъ, что въ этомъ замкнутомъ для многихъ кружкѣ двери настежь растворяются для но-

*) Домикъ этотъ, въ самомъ углубленіи двора каменнаго большого дома Калугина, стоялъ въ неизмѣненномъ еще видѣ въ 1860 году, и въ немъ же помѣщался ресторанъ Донона.

сящихъ аристократическую фамилію, хотя бы они были лицами неизвѣстными тому обществу. Непзгладившіяся еще воспоминанія о моихъ родителяхъ между ихъ современниками облегчили конечно немало мнѣ доступъ въ это общество, къ чему способствовало, можетъ быть, отчасти то обстоятельство, что одинъ я изо всего моего семейства уцѣлѣлъ въ Православіи; въ этомъ же высшемъ обществѣ религіозныя убѣжденія шли рука объ руку съ чувствомъ своей національности, каковое направленіе развилось съ перваго десятилѣтія царствованія Николая Павловича.

Князь Д. В. и кн. Т. В. Голицыны провели всю эту зиму въ Петербургѣ, въ домѣ Татищева, выходившемъ одной стороною на Караванную площадь, а другою на Фонтанку. Здоровье княгини мало пользы вынесло изъ проведенной ею зимы въ Италіи; у нея не было, кажется, никакой особенной болѣзни, а просто общій упадокъ силъ, и только благодаря искусству домашняго ея врача г. Кронберга, она продышала еще съ небольшимъ годъ. Между прочими средствами, употребляемыми этимъ врачемъ для поддержки гаснувшихъ жизненныхъ силъ, были живые компрессы, то есть разрѣзывали на двое живую курицу и пока она была еще въ трепещущемъ состояніи и не остывала, прикладывали эти куски съ ихъ кровью къ тѣлу паціентки.

По предложенію князя Голицына вступить на службу при его особѣ, дабы тѣмъ обезпечить мою личность отъ ареста, я тотчасъ же подалъ ему о томъ прошеніе, принявъ отъ меня каковое, онъ съ обычною добродушною своею улыбкою, спросилъ по-французски: «Не вступительный ли это вашъ шагъ къ мѣсту канцлера Имперіи?» Не желая тогда переименовываться въ гражданскій чинъ, я принятъ былъ на службу съ чиномъ штабъ-ротмистра.

Пустившись въ свѣтъ, я сталъ частымъ довольно посѣтителемъ у графини Софіи Владимировны Строгоновой (бывшей когда-то въ тѣсной дружбѣ съ моимъ отцемъ) и у ея сестры Екатерины Владимировны Апраксиной, вдовы Степана Степановича, тогдашней гофмейстерины у в. кн. Елены Павловны. Не рѣдко встрѣчался я въ обществѣ съ Ив. Петр. Мятлевымъ и бывалъ изрѣдка у него; онъ меня отрекомендовалъ своей матери, какъ человѣка родственно принявшаго его во Флоренціи. Онъ въ то время былъ въ полномъ разгарѣ моды, l'homme du jour*), по милости поэмы своей «Сенсаціи мадамъ Курдюковой»,

*) Человѣкъ того дня. Въ посланіи его къ А. О. Смирновой по случаю говѣнія начало: „Пардоне муа ме пеше, въ чемъ предъ вами согрѣше". Мода на это сочиненіе дошла до того, что одна изъ славившихся тогда драматическихъ артистокъ, сестеръ Самойловыхъ, читывала изъ него отрывки въ театрѣ.

производившей настоящій фуроръ въ Петербургскихъ салонахъ, для чтенія которой (читалъ же онъ поэму свою напизусть) были вечера съ приглашеніями. Этимъ онъ немного заслонялъ моду на графа В. А. Сологуба, читавшаго на таковыхъ же вечерахъ свою рукопись «Тарантаса». И графъ Сологубъ тоже отличался остротами своими и забавностію разговора. Опредѣлившись на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ однимъ изъ директоровъ департамента былъ Ф. Ф. Вигель, балованный обществомъ графъ Сологубъ обходился съ нимъ не такъ, какъ обходятся обыкновенно съ своимъ начальникомъ, а какъ съ человѣкомъ, съ кѣмъ мы ежедневно бываемъ въ обществѣ: напримѣръ, во время служебныхъ занятій въ департаментѣ, онъ ему говорилъ: «bonjour, Vighel, bonjour». Желчный и несимпатичный Вигель попросилъ третье лицо передать графу Сологубу, что хотя-де онъ вполнѣ признаетъ общественно-салонное равенство между нимъ и молодымъ чиновникомъ, но что онъ проситъ графа воздержаться впредь отъ подобной фамиліарности, во время службы, ради примѣра другимъ. На слѣдующій день, когда Ф. Ф. Вигель взошелъ въ канцелярію департамента, графъ Сологубъ, поднявшись съ мѣста вмѣстѣ съ прочими чиновниками, вытянулся какъ бы во фронтъ съ руками по швамъ и заревѣлъ: «Здравія желаю, ваше превосходительство-о,-,о-о.» Послѣ этой продѣлки пришлось ему (какъ разсказывали мнѣ) перемѣнить мѣсто своего служенія.

Не договорено мною, что я написалъ и посвятилъ П. П. Мятлеву Итальянскую оду, въ честь его «Курдюковой». Получивъ ее, онъ посовѣтовалъ было мнѣ приняться за Русскую литературу; но таковое занятіе было мнѣ тогда не подъ силу, по причинѣ слабаго моего знанія отечественнаго языка *).

Изъ первыхъ лицъ, посѣщенныхъ мною въ Петербургѣ, была княгиня Марія Васильевна Кочубей. Добрѣйшая эта женщина приняла меня какъ бы родного сына, и въ такомъ качествѣ я обѣдалъ у нея въ день праздника Рождества Христова. Меня особенно поразила у княгини Кочубей роскошь гіацинтовъ въ полномъ цвѣту въ ея кабинетѣ, въ Декабрѣ мѣсяцѣ: вещь небывалая и въ Италіи въ этомъ сезонѣ.

Весьма дружелюбно принялъ меня также бывшій товарищъ дѣтства моего во Флоренціи, Владимиръ Петровичъ Давыдовъ (тогда еще

*) Къ стыду моему я долженъ призваться, что я недавно только сталъ заниматься Русскою граматикою. Упомянутая Итальянская ода, вмѣстѣ съ другими, позднѣйшими моими стихотвореніями по-англійски, по-французски и по-итальянски, составляютъ тетрадь, которую я оставилъ у сестры моей, княгини Видони, въ 1862—1863 г.

не графъ съ прибавленіемъ «Орловъ»), хотя я не встрѣчался съ нимъ нигдѣ съ того времени. У него я часто обѣдывалъ, и онъ не спѣсивился взбираться ко мнѣ, по крутой и темной лѣстницѣ, въ мой скромный мезонинъ. Онъ давно былъ уже женатъ на княжнѣ Барятинской и въ то время только что отстроилъ великолѣпный свой домъ на Сергіевской улицѣ. Какъ аматёръ и знатокъ изящныхъ художествъ, онъ повезъ меня въ Академію и ввелъ въ мастерскую неподражаемаго нашего К. П. Брюлова. Самъ великій артистъ былъ тогда въ отсутствіи, и потому мы не могли разсмотрѣть всего. Помню только начатый имъ тогда холстъ, сюжетъ коего былъ заимствованъ изъ «Бахчисарайскаго Фонтана». Тутъ же имѣли мы удобный случай видѣть вблизи и на досугѣ полюбоваться безъ посторонней помѣхи громадною, недоконченною еще картиною Взятіе на небо Пресвятой Богородицы, что̀ нынѣ запрестольною въ Казанскомъ соборѣ [1]). Главныя въ ней фигуры въ полтора раза болѣе натуральнаго роста, но это скрадывается отдаленностію. Можно только, по моему, упрекнуть художника въ томъ, что фигура Пресвятой Дѣвы немного массивна; а что̀ до пестроты колорита, то Брюловъ, изучилъ химію палитры и писалъ намѣренно яркими колерами, зная, что они отъ времени потемнѣютъ. Въ сонмѣ ангеловъ находятся, какъ разсказывали мнѣ, портреты трехъ тогдашнихъ великихъ княженъ, Маріи, Ольги и Александры Николаевнъ. Двумъ послѣднимъ не надо было льстить, чтобы изобразить лики ихъ ангельскими: до того онѣ были хороши собою. Не знаю, какъ мыслятъ о томъ другіе, но я не нахожу ничего предосудительнаго (и конечно ничего похожаго на кощунство) въ этой художественной вольности: вѣдь съ натурщицъ по промыслу пишутся же женскія лица, какъ и мужскія въ исторической живописи. А что Брюловъ былъ руководимъ тутъ однимъ эстетическимъ чувствомъ, а не льстивымъ угодничествомъ, за то могутъ поручиться всѣ современники, лично его знавшіе [2]).

---

[1]) Картина эта занимаетъ простѣнокъ между двумя окнами, мѣшающими своимъ отраженіемъ разсматривать ее какъ слѣдуетъ.

[2]) Въ доказательство, на сколько онъ не былъ угодникомъ и низкопоклонникомъ царскихъ особъ, разскажу, что немного позднѣе онъ обѣщался написать портреты обѣихъ великихъ княженъ (Ольги и Александры Николаевнъ) въ досужее ему лѣтнее время. Дворъ переѣхалъ въ Петергофъ, и за нимъ переселился туда К. П. Брюловъ, на приготовленную ему во дворцѣ квартиру. Назначаетъ заранѣе онъ день для одной изъ великихъ княженъ: она одѣвается въ костюмъ, избранный для этого самимъ художникомъ, и посылаетъ сказать ему, что она готова;—и что же? въ большинствѣ случаевъ Карлъ Павловичъ отвѣчалъ, что извиняется и что ему некогда принять великую княжну въ этотъ день. Такъ прошло все лѣто, и онъ еле-еле набросалъ очерки портретовъ. Естественно, что Государь разгнѣвался; но гнѣвъ его выразился тѣмъ только, что онъ пересталъ навѣщать мастерскую Карла Павловича.

Но особенно родственный пріемъ встрѣтилъ я отъ недавно умершаго Абрама Сергѣевича Норова. Онъ и жена его Варвара Егоровна только что стали тогда оправляться отъ потери единственнаго ихъ ребенка. Норовы жили тогда на Моховой улицѣ, и я однажды обѣдалъ у нихъ вмѣстѣ съ нынѣшнимъ Московскимъ митрополитомъ Инокентіемъ, который былъ тогда еще протоіереемъ и только что прибылъ въ Петербургъ, съ малолѣтнею своею дочерью съ Алеутскихъ острововъ, гдѣ, какъ извѣстно, онъ подвизался въ евангельской проповѣди среди этихъ дотолѣ идолопоклонниковъ-островитянъ, и для нихъ онъ, по примѣру Славянскихъ просвѣтителей Св. Кирилы и Меѳодія, составилъ азбуку и граматику Алеутскаго нарѣчія и успѣлъ перевести иныя книги Священнаго Писанія. Онъ казался мнѣ на видъ 45 или 46 лѣтъ и сильнаго тѣлосложенія [1]) А. С. Норовъ служилъ тогда правителемъ канцеляріи статсъ-секретаря у пріема прошеній, коимъ былъ Николай Михаиловичъ Лонгиновъ [2]). Такъ какъ я въ то время собирался было подать всеподданнѣйшее прошеніе по горячимъ слѣдамъ о вознагражденіи за понесенные мною убытки по постройкѣ Бородинскаго городка, то Абрамъ Сергѣевичъ, обязательно и сочувственно, началъ было направлять меня по этому дѣлу и исправлялъ даже редакцію моего чернового прошенія. Дальнѣйшій ходъ этого дѣла, къ сожалѣнію, пріостановился, по совѣту прибывшаго ко мнѣ въ Петербургъ Леона приберечь этотъ путь столь сильнаго покровительства до поры до времени, когда, по мнѣнію его, придется хлопотать о сложеніи съ меня начета по подряду продовольствія Московскаго Военнаго Госпиталя. Судя по результатамъ, я ошибся, поддавшись его совѣту, тѣмъ болѣе, что за двумя зайцами никогда не слѣдуетъ гоняться. При сильной поддержкѣ, коею я пользовался отъ князя Д. В. Голицына, при общей Петербургской молвѣ, что я разорился отъ Бородинскаго предпріятія, послѣдовала бы, можетъ быть, дѣйствительно высочайшая милость о денежномъ какомъ нибудь вознагражденіи; но съ другой стороны, деньгами этими я бы не воспользовался: ибо подана была на меня столь громадная цифра взысканій, что деньги эти поступили бы въ массу моихъ кредиторовъ, или, пожалуй, Леонъ придумалъ бы одинъ изъ обычныхъ ему фокусовъ, по которому, при слѣпой моей къ нему

[1]) Вскорѣ послѣ этой моей встрѣчи съ нынѣ высокопреосвященнымъ Инокентіемъ онъ получилъ въ Петербургѣ извѣстіе о кончинѣ его жены на дальнемъ Востокѣ, вслѣдствіе чего онъ согласился постричься въ монашество.

[2]) О разсѣянности глубокоученаго Норова разсказывали множество анекдотовъ, между прочимъ, будто однажды, углубившись въ чтеніе какой-то книги въ то время какъ онъ пилъ кофе, онъ принялся мокать въ чашку и кусать свой палецъ вмѣсто крендели и даже раздосадованный обратился съ упрекомъ къ женѣ, что крендель такъ жестокъ, и онъ раскусить его не можетъ.

довѣрчивости, деньги попали бы ему въ руки и разошлись бы безъ всякой существенной пользы. Словомъ, я былъ тогда между молотомъ и наковальнею и въ положеніи невыносимомъ для трезваго ума; но по легкомысленности моей меня все занимали плюзіи на *авось*.

Ласково весьма обошелся со мною графъ Иванъ Иларіоновичъ Воронцовъ при первомъ моемъ визитѣ; даже помнится мнѣ, что онъ обнялъ меня, и кажется, что я вналъ въ ошибку, не воспользовавшись этимъ его расположеніемъ, чтобы стать на болѣе интимной ногѣ у него въ домѣ, а салонъ жены его, графини Александры Кириловны, былъ законодательнымъ), въ чемъ я бы вѣроятно успѣлъ; но житейскаго расчета и ловкости у меня всегда недоставало, и этимъ я много проигрывалъ. Экцентричная его супруга графиня Александра Кирилловна Воронцова была повелительница модъ и создательница сонма Русскихъ львицъ *). Остроумныя, оригинальныя и безцеремонныя ея выходки разносились немедленно по всѣмъ концамъ города и доходили до второстепенныхъ салоновъ, иныя посѣтительницы коихъ тщетно вздыхали о привилегіи быть принятымп въ замкнутый для нихъ рай-салонъ графини Воронцовой. Но подъ ея легкомысленностію скрывалось самое сострадательное сердце къ нуждающимся, коимъ она помогала щедрою рукою; этимъ и другими прекраснымп, нравственными сторонами она вполнѣ выкупала женскія свои слабости. Разсказывали напр., что однажды, когда она одѣвалась на балъ, впущенная въ ея уборную какая-то просительница до того растрогала графиню, что, не имѣя, можетъ быть, тутъ подъ рукою такой суммы, которую она хотѣла бы дать, она поспѣшно оторвала отъ своего ожерелья цѣнный брилліантъ и этимъ наградила бѣдную женщину. Однажды на учрежденномъ съ благотворительною цѣлью базарѣ, гдѣ она, въ числѣ прочихъ ея подругъ высшаго круга, торговала, подошелъ къ ея палаткѣ кондитерскихъ издѣлій извѣстный одинъ богачъ и, выпивъ у ней чашку шоколаду, подалъ было 50 р. кредитный билетъ, съ тѣмъ чтобъ получить сдачи; но графиня, взявъ билетъ, объявила, что не принято у нихъ давать сдачу. Хотя больно не понутру показалось этому скуповатому господину такъ дорого заплатить за честь полученія изъ прекрасныхъ графининыхъ ручекъ чашку шоколаду, но дѣлать было нечего. А съ какимъ достоинствомъ она держала себя относительно двора, доказываетъ слѣдующій анекдотъ. Великая кня-

*) И кто бы предвидѣть могъ, что эта блестящая и балованная женщина страдальчески кончитъ жизнь въ одномъ изъ Парижскихъ госпиталей! Она была дочь Кирилы Львовича Нарышкина и сестра л.-гусарскаго моего сослуживца Льва Кириловича Нарышкина.

гиня Марія Николаевна, задумавшая однажды устроить у себя домашній спектакль, не предупредивъ (вѣроятно) графиню, что она разсчитываетъ на ея содѣйствіе, послала къ ней выписанную уже роль безъ приложенія записки. Упущеніе это дозволила себѣ великая княгиня на томъ вѣроятно основаніи, что не разъ уже графиня Александра Кирилловна игрывала въ Лейхтенбергскомъ дворцѣ; но оскорбленная этою безцеремонностію графиня отослала обратно съ посланнымъ свертокъ ролп. Въ позднѣйшую эпоху извѣстенъ ея ловкій отвѣтъ нынѣшнему императору Наполеону, когда онъ былъ еще только президентомъ республики. Вслѣдствіе (должно быть) дошедшаго до него слуха о ея остротахъ на его счетъ, онъ на балѣ у себя во дворцѣ спросилъ у графини, долго-ли она намѣревается проживать въ Парижѣ, на что она не запинаясь отвѣчала: а вы сами [1]), принцъ-президентъ, долго-ли намѣреваетесь оставаться на жительствѣ здѣсь? Графиню нельзя было причислить къ числу красавицъ, но въ ней было что-то особенно пикантное, производившее болѣе впечатлѣнія, чѣмъ статуарная, правильная красота. Росту она была средняго, немного даже менѣе средняго, брюнетка, съ выразительными темными глазами, овально-продолговатой формы (en amende) немного Монгольскаго типа, какъ и весь складъ лица. Талія была безукоризненна и движенія граціозны.

У графа Воронцова въ домѣ былъ ежедневнымъ посѣтителемъ старикъ Грекъ Палли [2]) бывшій у него какъ-бы на хлѣбахъ, или составлявшій какъ-бы часть мебели дома, потому что онъ при гостяхъ сживалъ себѣ гдѣ нибудь въ углу, не раскрывая рта во весь вечеръ Онъ былъ старый холостякъ и человѣкъ съ деньгами, какъ носился слухъ. Поселился онъ въ Петербургѣ со временъ императора Павла и снабжалъ (кажется) деньгами графа во времена его молодости [3]).

[1]) Кстати помѣщу ловкій отвѣтъ тому же принцу другой, блестѣвшей въ то время соотечественницы нашей, нѣкоей г-жи Калерджи. По поводу разныхъ также остротъ этой дамы, разнесенныхъ по Парижу, Наполеонъ спросилъ у нея, извѣстна ли ей разница между зеркаломъ и ею; отвѣтъ былъ конечно, что не знаетъ, и тогда будущій императоръ добавилъ: „Le miroir „réfléchit", et vous ne „réfléchissez" pas". Вызванная этимъ сарказмомъ г-жа Калерджи не полѣзла за словами въ карманъ, предложила ему тотъ же самый вопросъ, и когда принцъ отвѣчалъ въ свою очередь отрицательно, то она добавила „Le miroir est poli, et vous ne l'êtes pas".

[2]) Родной братъ Ливорнскаго нашего знакомаго Панаіотти Палли. У третьяго ихъ брата былъ сынъ, поселившійся въ Москвѣ и ведшій одно время большую игру въ тамошнемъ Англійскомъ клубѣ.

[3]) Отмѣчу, что до 50 лѣтъ отроду его продолжали звать въ обществѣ „Vaniche Woronzoff". Встрѣчались тогда иныя странныя весьма прозвища, даваемыя фамильнымъ именамъ: такъ напр. одну отрасль князей Голицыныхъ звали Голицыны-Кулики, другую Голицыны-Рябчики; былъ также какой-то князь этой фамиліи съ прозвищемъ „Макарелли": но происхожденіе всѣхъ этихъ названій мнѣ неизвѣстно.

Однажды на графинин вопросъ у этого старика, почему онъ не показывался въ теченіе цѣлаго дня, онъ объяснилъ «avec une mine de circonstance (т. е. съ многозначущимъ видомъ), что не былъ, потому что это былъ канунъ 12 Марта и день горестнаго для него воспоминанія кончины императора Павла, котораго онъ-де лично зналъ. «Вотъ какъ, замѣтила разсмѣявшаяся графиня, а позвольте узнать, въ чемъ состояло это ваше съ нимъ знакомство?» — «Я шелъ однажды», продолжалъ г. Палли, «по набережной, какъ вдругъ очутился носъ съ носомъ съ императоромъ, который....» — «Который, перебила его живая графиня, вѣроятно вамъ сказалъ «ôtes-toi, chien, de mon chemin» (посторонися, песъ). «Voilà comme vous êtes toujours» (вотъ какъ вы всегда), продолжалъ онъ, «но вовсе не такъ: я посторонился, а онъ, окинувъ меня взглядомъ, сказалъ: Vous êtes étranger? (вы иностранецъ?)— «Oui, Sire», отвѣчалъ я, «je suis Grec». (Точно такъ, Государь, я Грекъ). Эта сцена теряетъ много въ разсказѣ, но комизмъ былъ полный въ разговорѣ. Старуха графиня Ирина Ивановна, мать графа Ивана Иларіоновича, извѣстная своею скупостію и крѣпко оглохшая, жила отдѣльно въ нижнемъ этажѣ въ домѣ своего сына (на Дворцовой набережной, рядомъ почти съ Зимнимъ дворцомъ), принимала однихъ близкихъ ей знакомыхъ, и то по утрамъ только, и не являлась на обѣды и балы сына. Графъ Иванъ Иларіоновичъ не имѣлъ, повидимому, данныхъ, чтобы стать государственнымъ человѣкомъ, хотя вовсе не былъ для того неспособенъ, и лишь очень поздно (въ 1846, кажется, году) попалъ въ члены Государственнаго Совѣта. Начало дипломатической его карьеры было блистательно: не было ему (помнится) тридцати лѣтъ отъ роду, когда онъ былъ нашимъ министромъ при Сардинскомъ дворѣ, и вскорѣ послѣ таковымъ же при Баварскомъ; но тѣмъ и окончилась дипломатическая его служба, которая перешла въ царедворческую, тогда какъ, по огромному своему состоянію и вельможнымъ пріемамъ, онъ могъ быть, мнѣ кажется, достойнѣйшимъ посломъ при державахъ перваго разряда, тѣмъ болѣе, что мирное тогдашнее состояніе Европы дѣлало дипломатическія отношенія вовсе несложными. Онъ отличался сердечною добротою, натуральностію манеръ и утонченною учтивостію съ своими гостями.

Львицами дня, подражательницами графини, были Валуева (дочь князя П. А. Вяземскаго), Соловая (рожденная княжна Гагарина), княгиня Бѣлосельская (рожденная Бибикова, мать коей вышла вторымъ бракомъ за графа Бенкендорфа) и отчасти молоденькая еще г-жа Гуеррера, дочь бывшаго нашего министра во Флоренціи г. Свѣчкова *).

*) Г. Гуеррера былъ секретаремъ Испанскаго или Португальскаго посольства. Жена

Пустилась было въ арену львицъ и блестящая наша Сафо, графиня Авдотья Петровна Растопчина, не взирая на невыгодное на Невскомъ берегу условіе быть Москвитянкою; по уму, свѣтской любезности и поэтическимъ дарованіямъ она пріобрѣла себѣ не токмо первенствующее мѣсто въ высшемъ обществѣ (хотя не жила открытымъ домомъ), но удостоилась даже доступа ко двору, не имѣя на то права, по незначительности мужнина чина. Къ сожалѣнію, она пересолила львиную свою роль и съ тою же быстротою, какъ поднялась, такъ и пала. Пожалуй, что не безъ основанія сказалъ Грибоѣдовъ, что: «на всѣхъ Московскихъ есть особый отпечатокъ».

Я воспользовался случайнымъ знакомствомъ моимъ во Флоренціи съ Дмитріемъ Петровичемъ Бутурлинымъ (женатымъ на бывшей красавицѣ Комбурлей), чтобы навѣщать его въ Петербургѣ, и хотя семейство наше не состояло ни въ какомъ родствѣ съ отраслію Бутурлиныхъ, къ коей онъ принадлежалъ, тѣмъ не менѣе онъ смотрѣлъ на насъ и на третій еще родъ Бутурлиныхъ *) какъ на своихъ кровныхъ. Хотя о фамиліи нашей говорится кое-гдѣ въ допетровской Руси, и какой-то Бутурлинъ былъ воеводою и близкимъ человѣкомъ Грозному Іоанну, но ни въ какихъ отмѣнныхъ подвигахъ я не подозрѣвалъ этихъ общихъ нашихъ предковъ, пока не увидалъ у Дмитрія Петровича нѣсколько картинъ съ геройскими ихъ изображеніями. По случаю своего нахожденія Русскимъ военнымъ агентомъ при Французской арміи, предводительствуемой герцогомъ Ангулемскимъ во время Испанской войны 1823 года, Дмитрій Петровичъ получилъ въ обществѣ прозвище Трокадера, отъ имени битвы, увѣнчавшей эту кампанію, послѣ чего онъ былъ дежурнымъ генераломъ или даже начальникомъ штаба 1-й арміи (генерала Сакена, еще не фельдмаршала и не графа) и жилъ въ Могилевѣ. Исторія войны 1812 года, написанная имъ по французски, произвела много шуму и была авторитетною въ свое время. Онъ былъ аматёръ художествъ; въ числѣ картинъ, вывезенныхъ имъ изъ Италіи, были ландшафты Миланскаго Милліара и два вида Венеціи Флорентинскаго моего знакомаго Бурчи. Прежнее мое съ нимъ знакомство состояло лишь въ томъ, что я встрѣтился съ нимъ одинъ разъ на балѣ у принца Корсини въ 1838 г., и къ моему тогда удивленію онъ высказалъ нѣкоторые либеральные свои политическіе взгляды, но которыхъ одна-

---

его немного позднѣе уѣхала отъ него и, вышедши замужъ за нѣкоего г. Зиновьева (при жизни ли г. Гуерреры или по смерти его, не знаю), долго жила въ Ярославлѣ.

*) Къ этому третьему роду принадлежалъ Рязанскій помѣщикъ и милліонеръ, Бутуринъ, женатый на княжнѣ Щербатовой, имѣвшій свой домъ въ Москвѣ на Арбатской улицѣ.

коже онъ не заявлялъ, когда я ближе сошелся съ нимъ въ Петербургѣ.

Не упускалъ я бывать также и у княгини Варвары Сергѣевны Голицыной, коей достался домъ графа Сергѣя Петр. Румянцова, на Невскомъ проспектѣ, насупротивъ Александрійскаго театра. Двѣ изъ ея дочерей, княжны Ольга и Варвара Павловны, недавно только передъ тѣмъ вышли замужъ, первая за Павла Петровича Чичерина, офицера въ конномъ гвардейскомъ полку, вторая за Василія Сергѣевича Шереметева, адъютанта (вмѣстѣ съ Августомъ Осиповичемъ Понятовскимъ) у великаго князя Михаила Павловича [1]). Молодая чета Чичериныхъ и всѣ четверо молодыхъ князей Сергѣй, Николай, Михаилъ и Павелъ Павловичи, бывшихъ уже на службѣ, жили съ ихъ родителями, хотя князь Сергѣй Павловичъ нѣсколько лѣтъ былъ женатъ на красавицѣ графинѣ Любови Петровнѣ Апраксиной, и все это составляло патріархальную семью. Самъ князь Павелъ Алексѣевичъ былъ добрѣйшій и пріятнѣйшій человѣкъ, но болѣзненный и подверженный падучей немочи, а потому, вѣроятно рѣдко показывался въ обществѣ. Княгиня Варвара Сергѣевна была тогда предсѣдательницею Петербургскаго патріотическп-благотворительнаго общества, и не взирая на служебныя и хозяйственныя свои заботы и обязанность вывозить въ свѣтъ только что начинавшую выѣзжать, меньшую свою дочь, княжну Марію Павловну, она отправлялась каждодневно въ 5 часовъ утра къ заутрени и къ ранней обѣднѣ [2])

Съ А. О. Понятовскимъ я весьма рѣдко видѣлся, хотя никакой черной кошки, какъ говорятъ, между нами не пробѣгало. Почему это случилось, трудно дать себѣ отчетъ; были, можетъ быть, какія нибудь *хвосты* стараго времени, то есть воспоминаніе о томъ, что онъ высказывалъ мнѣ свое неодобреніе кутежнаго моего поведенія. Случается впрочемъ въ жизни, что когда послѣ продолжительной разлуки съ близкимъ нѣкогда лицемъ, мы опять встрѣчаемся, прежнія наши отношенія болѣе не возобновляются, хотя безъ всякой на то причины. Впрочемъ я долженъ откровенно признаться, что въ пору моей молодости, я сочувствовалъ Польскому вопросу и потому не долюбливалъ я вообще Поляковъ, служившихъ въ рядахъ враговъ несчастнаго ихъ отечества.

Разъ на вечерѣ у Мятлевыхъ я повстрѣчался съ бывшимъ моимъ Павлоградскимъ товарищемъ Лауницемъ, тогда поручикомъ или штабъ-

[1]) Старшая изъ княженъ Голицыныхъ Зинаида Павловна была уже въ 1834 г. замужемъ за княземъ Николаемъ Александровичемъ Щербатовымъ.

[2]) Носится слухъ (но на сколько онъ справедливъ, не знаю), что она находится будто бы въ тайномъ иноческомъ постриженіи, хотя живетъ въ мірѣ.

ротмистромъ въ л.-г. Гродненскомъ гусарскомъ полку. Въ бытность его въ нашемъ полку, онъ ничего не получалъ изъ дому и юнкеромъ ходилъ въ казенномъ, толстомъ мундирѣ и въ суконномъ галстухѣ. Сомнѣваюсь, чтобы въ 1840 году домашнія его обстоятельства могли поправиться, а между тѣмъ видно было, что онъ могъ прилично содержать себя въ гвардейскомъ кавалерійскомъ полку (да еще въ недешевомъ по мундиру гусарскомъ), безъ всякихъ другихъ рессурсовъ, кромѣ скуднаго еще тогда, даже въ гвардіи, оклада. Какъ ухитряются Нѣмцы въ такихъ финансовыхъ фокусахъ, просто непостижимо!

Сошелся я опять, и радостно сошелся, съ Брестъ-литовскими моими друзьями, барономъ Павломъ Александровичемъ Вревскимъ (тогда адъютантомъ при военномъ министрѣ князѣ Чернышовѣ) и съ Юліемъ Ѳедоровичемъ Минквицемъ, адъютантомъ при министрѣ финансовъ графѣ Канкринѣ. Оба они приняли меня съ распростертыми объятіями. Не проходило дня, чтобы мы не видались, и часто собираясь обѣдать въ ресторанахъ, нескудною рукою пѣнили бокалы, «вспоминая» старину. П. А. Вревскій познакомилъ меня съ роднымъ своимъ братомъ барономъ Ипполитомъ, храбрѣйшимъ офицеромъ Главнаго Штаба *), только что оправившимся отъ нѣсколькихъ ужасныхъ ранъ, имъ полученныхъ на Кавказѣ, въ блистательной, но неудачной по результатамъ экспедиціи, затѣянной неустрашимымъ генераломъ Граббе. Братья Вревскіе не лицомъ, а способностями, утонченностію образованія и прекрасными свѣтскими манерами, были схожи межъ собою, и не прочь отъ умѣреннаго кутежа. Тутъ же я опять повстрѣчался съ дѣтскимъ моимъ знакомымъ, графомъ Эрнестомъ Густавовичемъ Стакельбергомъ, бывшимъ тогда также адъютантомъ у князя А. И. Чернышова. Графъ Эрнестъ былъ того же свѣтскаго закала, какъ его сослуживецъ, но превосходилъ Вревскаго завлекательностію рѣчи и остроумными отвѣтами, и какъ всѣ Кавказцы, не отговаривался отъ предложеннаго бокала Шампанскаго. Были у него свои оригинальныя изрѣченія и названія вещей: такъ напр. онъ называлъ соленый огурецъ «la punition du vice» (наказаніе порока), по пріятности этой вещицы на слѣдующее послѣ излишней попойки утро, а Русскій уѣздный городъ онъ весьма вѣрно описывалъ въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: «Застава» (тогда таковыя еще существовали по всюду)—заборъ,—домъ,—заборъ, заборъ,—домъ—соборъ—домъ, заборъ, заборъ, домъ, заборъ, заборъ—застава». Онъ въ то время, въ товариществѣ съ молодымъ

*) Молодой баронъ Ипполитъ Александровичъ Вревскій произведенъ вскорѣ послѣ въ полковники и, продолжая службу свою на Кавказѣ, былъ убитъ въ чинѣ генералъ-маіора, въ началѣ 50-хъ годовъ.

княземъ Григорьемъ Григорьевичемъ Гагариномъ[1]), печаталъ роскошное изданіе Кавказскихъ костюмовъ, первыми выпусками коего можно было любоваться въ магазинѣ эстамповъ Фельтена, у Полицейскаго моста. Рисунки съ натуры были князя Гагарина, а текстъ графа Э. Ѳ. Стакельберга. О дальнѣйшемъ ходѣ этого изданія я ничего не знаю; но жаль весьма, если этотъ замѣчательный трудъ не доведенъ былъ до окончанія[2]). Эта веселая молодая компанія чаще всего собиралась (за исключеніемъ князя Гагарина) у Сенъ-Жоржа, куда мнѣ стоило только спуститься съ лѣстницы. Почти что неразлученъ со Вревскими былъ ихъ зять (уже вдовецъ), полковникъ Трескинъ, начальникъ штаба (или что-то въ этомъ родѣ) въ Ставрополѣ, бывшій тогда въ отпуску, въ Петербургѣ. Онъ былъ обремененъ чудовидною толщиною, каковую я рѣдко видалъ и которая, при сангвинической комплекціи, угрожала его жизни апоплексическимъ ударомъ, что̀ и сбылось немного лѣтъ спустя. И онъ былъ наипріятнѣйшій, дѣльнѣйшій господинъ и неутомимый анекдотистъ. Пріѣзжалъ ненадолго въ Петербургъ и другой зять Вревскихъ[3]), Шёнигъ (нынѣ также умершій), семейство коего постоянно жило въ Ригѣ или въ Дерптѣ. Онъ былъ совершенно однихъ съ Вревскими и Трескинымъ свойствъ и свѣтскаго оттѣнка.

Отъ Юлія Ѳедоровича Минквица, служившаго недавно передъ тѣмъ на Кавказѣ, я узналъ о смерти тамъ воспитанника тещи моей, Александра Дерошѐ, поступившаго туда на службу юнкеромъ или вольноопредѣляющимся, около того времени, какъ я съ женою поѣхалъ въ Италію, т. е. въ 1836 году.

---

[1]) Нынѣ вице-президентъ Академіи Художествъ. Онъ сынъ бывшаго въ Мюнхенѣ, въ 1836 году, нашего посланника. Мать его была урожденная Соймонова, родная сестра извѣстной С. П. Свѣчиной, и какъ и она Католичка.

[2]) Пересматривая нынѣ (въ 1870 году) эти Записки, я долженъ сдѣлать скорбную отмѣтку о преждевременной недавней кончинѣ графа Эрнеста Густавовича С. въ Парижѣ, гдѣ онъ уже былъ нашимъ посломъ; потеря тѣмъ болѣе чувствительная, что чуть-ли не находился онъ на дорогѣ замѣнить, со временемъ, нынѣшняго министра иностранныхъ дѣлъ, канцлера князя А. М. Горчакова. Уже въ началѣ 60-хъ годовъ постигло его въ Ниццѣ ужасное несчастіе лишиться жены отъ паденія вмѣстѣ съ нимъ изъ кабріолета; лошадь которою онъ правилъ, понесла. По расчету моему графъ Эрнестъ Густавовичъ умеръ 61 года отъ роду.

[3]) Шёнигъ былъ пріемышемъ нѣкоей Анны Николаевны Зиновьевой, которая, будучи бездѣтною, завѣщала ему свое состояніе. Онъ служилъ вмѣстѣ съ братомъ моимъ и съ Николаемъ Ѳедоровичемъ Бахметевымъ, между 1812 и 1820 годами, въ Главномъ Штабѣ, называемомъ тогда Чертежною, а съ послѣднимъ онъ (т. е. баронъ Шёнигъ) считался своимъ, потому что сказанная А. Н. Зиновьева была родною теткою матери Н. Ѳ. Бахметьева, рожденной Нарышкиной; она — сестра Таруской помѣщицы и старожилки, оставшейся незамужнею, Авдотьи Ивановны Нарышкиной. Къ послѣдней въ с. Лопатино пріѣзжалъ иногда Шёнигъ.

Хотя въ холостой компаніи я и осушалъ иногда лишній, можетъ быть, бокалъ Шампанскаго, но это было изрѣдка и не въ привычку, какъ прежде, и въ сущности я преобразовался въ болѣе порядочного человѣка, нежели былъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ Москвѣ: не окружалъ себѣ сомнительными личностями и не скучалъ, что мнѣ приходилось посѣщать высшее общество. Нерѣдко также бывалъ я у дальней нашей тетки (по ея мужу) Полянской, жившей еще тогда въ семейномъ собственномъ домѣ на Англійской набережной [1]). У г-жи Полянской было два сына: Александръ и Михаилъ, и три дочери, Елисавета, Софья и Екатерина. Изъ дочерей только двѣ послѣднія были тогда замужемъ: Софія Александровна за Устиновымъ [2]), а Екатерина Александровна за нѣкіимъ Леонтьевымъ, адъютантомъ при геи. Дубельтѣ и пасынкомъ г-жи Леонтьевой, бывшей уже тогда начальницею Смольнаго монастыря. Старшая изъ трехъ сестеръ, Елисавета Александровна, вышла позднѣе за Нижегородскаго помѣщика Зыбина; у нея были рѣзковатыя черты, смуглое лицо и толстыя губы, и въ ней находили поразительное сходство съ портретами императрицы Анны Іоанновны. О сыновьяхъ Полянскихъ я весьма мало знаю; помню лишь, что Михаилъ Александровичъ былъ молодымъ весьма офицеромъ въ л. г. уланскомъ полку въ то время, когда я былъ прикомандированъ (въ 1830 г.) къ лейбъ-гусарскому полку [3]). Изъ сестеръ Полянскихъ хорошенькою (но не красавицею) можно было назвать одну Софью Александровну Устинову; хотя нельзя было указать ни на какую черту ея лица, заслужившую это названіе, но въ общей сложности она была пикантною брюнеткою и съ личикомъ, какія по французски называются «minois chiffonné de fantaisie» что по-русски непереводимо. Но каково же было услыхать позднюю ея исповѣдь, что когда братъ мой привезъ меня въ полной моей Павлоградской формѣ къ ея матери, на свѣтлый праздникъ въ 1830 году, то я произвелъ на нее, весьма молодую дѣвушку, глубокое впечатлѣніе, каковое она-де не скрывала отъ своихъ семейныхъ? Подобный успѣхъ польстилъ меня всего два раза въ жизни и тогда, когда я менѣе всего о немъ думалъ; а между тѣмъ, кто знаетъ? если бы, во время бурно-разгульной Царскосельской моей жизни, кто нибудь шепнулъ мнѣ, что хорошенькая великосвѣтская дѣвушка вздыхаетъ не на шутку по мнѣ, эта новизна

---

[1]) Г-жа Полянская была по себѣ Рибопьеръ; мужа ея я не засталъ въ живыхъ.

[2]) Устиновы были коренные Москвичи, и имъ принадлежалъ огромный домъ на Воздвиженкѣ, гдѣ нынѣ помѣщается Казенная Палата.

[3]) Одинъ изъ двухъ братьевъ Полянскихъ, женатый на иностранкѣ, переселился окончательно въ Вѣну.

вмѣстѣ съ романическою тенденціею моего воображенія, можетъ быть, подстрекнула бы мое самолюбіе (а у меня его было и есть по сю пору вдоволь), и такъ какъ образъ графини Вѣры Григорьевны Чернышовой постепенно изглаживался въ моемъ воспомнианіи, то я поддался бы, пожалуй, этой новой игрѣ случая, и жизнь моя приняла бы совершенно иной, болѣе удачный, складъ.

Въ салонѣ Софіи Александровны Устиновой я однажды видѣлъ обѣихъ дочерей нашего исторіографа Карамзина. Старшая изъ нихъ Софія Николаевна была дородною и не первой молодости весталкою, слывшею подъ прозвищемъ «le bas bleu» (синій чулокъ) за педантическую (вѣроятно) ея склонность, а также «Ядра Россійской исторіи» за ея дородность. Вторая изъ нихъ, княгиня Мещерская, была очень собою миловидна. Близкаго знакомства съ этими дамами я не заводилъ. Какъ достойная дочь Русскаго бытописателя, Софія Николаевна была ярою Руссофилкою, и городскіе слухи упрекали ее въ разглашеніи о дуэли поэта Лермонтова (тогда офицера въ л.-гусарскомъ полку) съ кѣмъ-то изъ Французскаго посольства. Эти господа дрались на саблях и въ четырехъ стѣнахъ, и поединокъ кончился, помнится мнѣ, безъ оцарапинки; но тѣмъ не менѣе, когда слухъ о немъ дошелъ до Михайла Павловича, неумолимый его милитаризмъ осудилъ Лермонтова къ переводу на Кавказъ.

Однажды я обѣдалъ у Полянскихъ вмѣстѣ съ княгинею Ольгою Александровною Орловою (урожденною Жеребцовой), которую я не видалъ со времени моего отрочества, во Флоренціи, когда она считалась невѣстою герцога де-Монтебелло. Она вела въ Петербургѣ самую уединенную жизнь, и я никогда болѣе съ нею не встрѣчался до послѣдней моей поѣздки во Флоренцію въ 1862 году, гдѣ она оказала мнѣ самый дружественный пріемъ и участіе къ нервному моему тогдашнему разстройству, вызванному (какъ я уже упомянулъ) возвращеніемъ моимъ въ мѣстность, покинутую мною за 23 года передъ тѣмъ до житейскаго моего крушенія *).

Г. Леонтьевъ (зять г-жи Полянской) крайне обязательно представилъ и рекомендовалъ меня своему начальнику, генералу Дуббельту по дѣлу о вознагражденіи меня за Бородинскую, убыточную постройку. По этому же дѣлу я ходилъ на аудіенцію къ графу Бенкендорфу, который отклонился отъ него и совѣтывалъ мнѣ прямо отнес-

*) Княгиня Орлова поселилась съ начала 60-хъ годахъ окончательно во Флоренціи, гдѣ и купила великолѣпный палаццо, съ пространнымъ садомъ бывшій Скіоцци (Schiozzi), въ улицѣ Ла Скала, который она отдѣлала съ современнымъ комфортомъ и роскошью, даже съ мебелью Петербургскаго фабриканта Гамбса.

тись къ графу П. А. Клейнмихелю, до коего дѣло это ближе касалось, что̀ я и сдѣлалъ; но изо всѣхъ этихъ мытарствъ и шарканій по пріемнымъ заламъ ничего ровно не вышло.

Отмѣчу кстати, что если въ Петербургѣ проводятъ просителя на бобахъ, то по крайней мѣрѣ съ неимовѣрно учтивыми формами, и даже провожаютъ его иногда до самой передней.

Меня отыскалъ дальній нашъ родственникъ, Дмитрій Антоновичъ Станкеръ, съ коимъ я не видался съ Бухареста (осенью 1828 года), когда онъ пріютилъ меня на своей квартирѣ. Теперь онъ былъ въ статской службѣ экзекуторомъ канцеляріи министра госуд. имуществъ графа Киселева, расположеніемъ коего онъ продолжалъ пользоваться, и имѣлъ казенную квартиру въ домѣ министерства. (Я уже упоминалъ, что онъ былъ нѣкогда адъютантомъ при графѣ Киселевѣ, въ бытность послѣдняго главнымъ начальникомъ Придунайскихъ княжествъ). Станкеръ былъ женатъ на дочери Француза, нѣкоего Курнана, содержателя пансіона, гдѣ всѣ трое братья Станкеры первоначально обучались на иждивеніи матери моей; г-жа Станкеръ была достойная молодая женщина, вся преданная семейнымъ своимъ обязанностямъ [1]).

Почтенный Петръ Ивановичъ Жилле бодрствовалъ еще въ описываемое мною время, не взирая на преклонные свои года, продолжалъ педагогическую свою дѣятельность и по два раза въ недѣлю ѣзжалъ для преподаванія лекцій Французской литературы въ Царскосельскій лицей. Житейское его положеніе было обезпечено не токмо пенсіономъ полнаго оклада по разряду 5 класса по Министерству Народнаго Просвѣщенія (для полученія каковаго онъ отказался отъ слѣдуемаго ему чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника), но онъ получалъ еще пенсіонъ изъ дома Кочубеевыхъ, за окончаніе воспитанія молодыхъ князей Льва, Василья и Михаила Викторовичей. Старый наставникъ брата моего, графа Петра Дмитріевича, былъ всегда тронутъ и обрадованъ, когда я заходилъ къ нему на Среднемъ проспектѣ за Владимирскою церковью [2]).

Нерѣдко проводилъ я вечера у графини Вѣры Григор. Паленъ, играя на биліардѣ съ ею мужемъ, графомъ Ѳедоромъ Петровичемъ.

---

[1]) Она и теперь въ живыхъ, въ нуждающемся положеніи, и добрѣйшая двоюродная сестра моя Надежда Александровна Гавришенко помогаетъ вдовѣ Станкера ежегоднымъ небольшимъ пенсіономъ.

[2]) Жена его, Вѣра Андреевна (рожденная Гольцъ), по сю пору (въ 1870 г.) жива, но совершенно ослѣпла. Она живетъ въ Ярославской губерніи у своей племянницы Анны Антоновны Биговской.

При всемъ, томъ, что онъ былъ тогда членомъ Государственнаго Совѣта, онъ сохранялъ какъ прежде, такъ и до конца, всю независимость и самостоятельность мнѣній, гнушаясь рабскаго поклонничества двору и называя лицъ склонныхъ къ тому цареугодниками *). Былъ я также раза два у князя Иларіона Васильевича Васильчикова, не задолго передъ тѣмъ назначеннаго предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, на мѣсто умершаго графа Новосильцова, а также и у брата его Дмитрія Васильевича, принимавшаго участіе съ моихъ запутанныхъ дѣлахъ. Жена его была дружна съ моею матерью, во время общей ихъ молодости, и современницы г-жи Васильчиковой продолжали звать ее просто Аглаіею.

Нельзя было мнѣ пренебрегать и салономъ Екатерины Владимировны Апраксиной. Вечернюю каждодневную партію Екатерины Владимировны (въ вистъ или бостонъ) составлялъ князь Петръ Владимировичъ Долгоруковъ, авторъ Родословной Книги Русскихъ дворянскихъ фамилій, слывшій между молодежью подъ прозвищемъ «bancal» отъ физическаго недостатка (одна нога у него была короче другой). Молодежь подсмѣивалась надъ нимъ, особенно помнится мнѣ, по причинѣ его скаредности; да и вообще меня поразила непочтительная отчасти фамиліарность, съ каковою обходились съ нимъ иные молодые люди и на которую онъ какъ бы не обращалъ вниманія. Однажды при разъѣздѣ изъ Михайловскаго театра, когда шелъ сильный дождь, двое великосвѣтскихъ молодыхъ людей, знавшихъ, что, не взирая на мокрую погоду, князь П. В. Долгоруковъ поскупился взять экипажъ, научили швейцара, провозглашавшаго, какъ водится, фамиліи хозяевъ подъѣзжавшихъ каретъ, закричать «князя Долгорукова калоши», которыя онъ оставлялъ обыкновенно у швейцара. Я долженъ однакоже сказать, что при первой моей съ нимъ встрѣчѣ, когда онъ узналъ, что я тотъ самый графъ Михайло Бутурлинъ, коего онъ заочно помѣстилъ въ свою книгу древнихъ фамилій, онъ, помнится кинулся мнѣ на шею.

Я отдалъ также по визиту старинымъ друзьямъ моего отца, князю Александру Николаевичу Голицыну и Алексѣю Николаевичу Оленину. Пресловутый нѣкогда Александровской эпохи дѣятель, мистикъ и подъ конецъ обскурантъ, не занималъ болѣе тогда никакой должности и вскорѣ переѣхалъ на постоянное жительство въ Крымское

*) Много позднѣе, при нынѣшнемъ уже должно быть Государѣ Александрѣ Николаевичѣ, онъ отказался напрямикъ отъ мѣста министра финансовъ, каковое Государь просилъ его принять, потому-де что часть эта была совершенно незнакомою ему. Немного, кажется, можно насчитывать примѣровъ подобной служебной добросовѣстности.

свое помѣстье, гдѣ и умеръ въ 1844 году. Ветеранъ-президентъ Академіи Художествъ, достойный нѣкогда патронъ Крылова и Гнѣдича, А. Н. Оленинъ сохранялъ еще тогда всю свѣтлость ума и, слѣдя за всемірною наукою, удивилъ меня своими распросами о какомъ-то Итальянскомъ антикваріи (кажется, г. Сестини), о которомъ хотя я и слыхалъ во Флоренціи, но не подозрѣвалъ, что онъ могъ быть извѣстенъ въ Россіи; а между тѣмъ А. Н. Оленинъ былъ съ нимъ въ перепискѣ. Нечего и говорить, что старикъ былъ повидимому тронутъ моимъ вниманіемъ и дорожилъ памятью о моемъ отцѣ.

Слѣдовало давно мнѣ сказать, что, съ первыхъ дней моего пріѣзда въ Петербургъ, я отыскалъ Варвару Александровну Шатилову (жившую тогда въ домѣ Жерве на углу Итальянской улицы и Михайловской площади) и сразу сдѣлался своимъ человѣкомъ у нея въ домѣ: обѣдывалъ безъ всякаго приглашенія и часто проводилъ вечера. О ней придется говорить дальше, а покуда отмѣчу, что я однажды у ней встрѣтился съ Андреемъ Николаевичемъ Муравьевымъ, съ которымъ не видался со времени моего посѣщенія его въ Адріанополѣ, осенью 1829 года, гдѣ онъ находился при дипломатической канцеляріи фельдмаршала графа Дибича. Будучи какъ-то предупрежденъ противъ него, я оскорбительно-холодно отозвался на дружескій его пріемъ; но, вскорѣ убѣдившись въ неосновительности моихъ о немъ мнѣній, бывалъ у него и всячески старался загладить мою вину [1]). Состоя въ то время за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Сунодѣ, онъ разсказывалъ мнѣ, что, ощущая сильное призваніе служить болѣе дѣйствительнымъ образомъ нашей церкви, онъ желалъ вступить въ монашество и что его начальникъ, графъ Протасовъ объявилъ ему, что этого онъ никогда не допуститъ, пока будетъ Сунодскимъ оберъ-прокуроромъ. Обстоятельство это даетъ поводъ подозрѣвать, что въ правительственномъ духовномъ вѣдомствѣ не желали имѣть въ высшей іерархіи (а еще менѣе епископствѣ), людей изъ извѣстныхъ фамилій, съ утонченнымъ свѣтскимъ образованіемъ, а главное, съ независимымъ образомъ мыслей и съ связями въ высшемъ обществѣ. Понятно, что съ сановниками церкви изъ черноризцевъ-плебеевъ, ибо почти что таковою представляется намъ къ сожалѣнію нынѣшняя духовная каста [2]), лег-

[1]) Не могу дать себѣ по сю пору отчета, почему А. Н. Муравьевъ, никому не сдѣлавшій вреда, имѣетъ столь много недрузей.

[2]) Не могу отказать себѣ въ удовольствіи изложить взглядъ графа С. С. Уварова на наше духовное сословіе. „Cette caste là“, говаривалъ онъ, „c'est comme une feuille de papier, jetée par terre: vous marchez dessus sans pouvoir l'écraser“. (Эта каста все равно какъ брошенный на полъ листъ бумаги; какъ бы вы ни топтали его, а раздавить нельзя). Хотѣлось бы мнѣ спросить пресловутаго нѣкогда министра народнаго просвѣщенія, зачѣмъ

че было управляться шпорамъ и ботфортамъ флигель-адъютанта полковника графа Протасова, чѣмъ съ людьми знатнаго происхожденія. *Казенщина*, этотъ офиціальный характеръ, приданный нашей церкви, ей вредитъ и даетъ иностранцамъ поводъ говорить (и не безъ основанія), что у насъ императоръ глава церкви. Да и какже онъ не глава, когда Синодскіе и консисторскіе указы имѣютъ въ заголовкѣ: по указу Его Императорскаго Величества?

Виноватъ я предъ А. Н. Муравьевымъ въ томъ, что піэтизмъ его я считалъ (какъ иные также считали) неискреннимъ и притворнымъ. Въ доказательство его лицемѣрія и честолюбія выставляли на видъ его камергерскій ключъ. Но онъ увѣрялъ меня, что не токмо никогда не добивался до него, но неожиданная совершенно эта придворная почесть стоила ему слезъ, а отказаться отъ монаршаго отличія понятно, что онъ не могъ. Пожалуй, что это была штука, подготовленная графомъ Протасовымъ, чтобы окончательно преградить ему путь къ поступленію въ черное духовенство. Говорю черное, потому что А. Н. Муравьевъ никогда, кажется, не намѣревался измѣнить холостой жизни *). Въ былое время мы видали на Московской митрополичьей каѳедрѣ и въ Малороссіи первосвятителей изъ дворянскихъ родовъ, каковыми были св. Алексѣй изъ фамиліи Плещеевыхъ, Филиппъ Колычевъ, Іоасафъ Скрыпицынъ, а во время Петра I-го, Кіевскій митрополитъ, князь Четвертинскій. Допускалось же это Польскою республикою (коей подчинена была тогда Малороссія по правому берегу Днѣпра), не считавшею церковныхъ сановниковъ (иновѣрческой для нея церкви) аристократическаго происхожденія болѣе опасными, чѣмъ изъ плебеевъ. Мнѣ сдается, что если бы у насъ былъ въ высшемъ духовенствѣ люди такихъ же свѣтскихъ условій, въ каковыхъ состоитъ А. Н. Муравьевъ, то не токмо моральное значеніе епископства отъ этого бы выиграло, но толчокъ былъ бы данъ міря-

---

нужно было ему раздавить эту касту и кѣмъ бы онъ ее замѣнилъ при особенной неразвитости тогдашняго Русскаго общества? Лицо, передавшее мнѣ этотъ отзывъ, въ правдивости коего не имѣю повода сомнѣваться, казалось восхищеннымъ этою остротою. Вотъ офранцуженное настроеніе общества, въ коемъ бонмотистъ величался политическимъ мыслителемъ.

*) Графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой отмѣтилъ карандашемъ противъ этого мѣста слѣдующее: „А развѣ нельзя было поступать въ духовенство и холостому человѣку?“ На это я ему возражу, что хотя церковными законами это не запрещалось, но на практикѣ холостые священники не допускались у насъ до первой половины нынѣшняго вѣка. Первымъ примѣромъ этого было посвященіе митрополитомъ Филаретомъ въ священники профессора Московской Духовной Академіи, А. В. Горскаго, нынѣ протоіерея и ректора этой академіи. Этимъ покойный митрополитъ возбудилъ неодобрительные отзывы въ средѣ нѣкоторыхъ лицъ духовенства. Одного изъ нихъ, нынѣ въ санѣ архимандрита, я знаю; а легко быть можетъ, что онъ не исключеніе.

намъ изъ дворянъ поступать на служеніе церкви по призванію, а не изъ безвыходнаго кастоваго положенія, коему обречены дѣти священниковъ и церковнослужителей. Нашлись бы міряне съ религіознымъ призваніемъ, а такъ такъ не всѣ же они могли бы достигать епископскаго сана, то нашлись бы со временемъ и въ бѣломъ духовенствѣ священники, копмъ народъ отвыкъ бы присвоивать названіе попа, въ презрительномъ смыслѣ, и обзывать кутейниками. Кромѣ того, люди имѣвшіе свое независимое (хотя бы и незначительное) состояніе были бы уже этимъ обезпечены отъ позорной необходимости существовать однимъ подаяніями своихъ прихожанъ и духовныхъ чадъ. Естественное же соприкосновеніе высшихъ церковныхъ сановниковъ съ обществомъ, къ средѣ коего они бы принадлежали, имѣло бы то благотворное послѣдствіе, что они стояли бы на сторожѣ противъ всякаго вкрадыванія въ то общество лжеученія, болѣе чѣмъ въ этомъ смыслѣ могутъ дѣйствовать нынѣшніе достопочтенные наши іерархи, чуждые жизни высшаго круга: мнѣнія человѣка, съ копмъ мы выросли и продолжаемъ видаться каждодневно, сильнѣе на насъ дѣйствуютъ, нежели взгляды того, съ кѣмъ мы изрѣдка только встрѣчаемся и кто не принадлежитъ къ нашей сферѣ, хотя бы мы питали полное къ личности его уваженіе. Противъ этого возразятъ, можетъ быть, что монахъ долженъ быть монахомъ, т. е. человѣкомъ отчужденнымъ отъ всякихъ свѣтскихъ связей; но вѣдь монахомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова (т. е. отшельникомъ) нельзя назвать нашихъ епископовъ, ибо церковное ихъ сановничество переходитъ въ государственное, иначе въ казенщину. Одинъ весьма ученый молодой архимандритъ, инспекторъ въ 50-хъ годахъ Калужской духовной семинаріи, сказалъ однажды при мнѣ, что онъ смотритъ на свой архимандричій санъ, какъ на степень къ повышенію, и это совершенно вѣрно.

Возвращаюсь къ А. Н. Муравьеву. И такъ я убѣдился, что онъ вполнѣ вѣрующій человѣкъ, а не лицемѣрный ханжа. Мое холодное съ нимъ обхожденіе, при нашей встрѣчѣ въ Петербургѣ, тѣмъ болѣе его опечалило, что онъ съ перваго дня нашего знакомства въ Москвѣ, въ домѣ княгини Зенаиды Александровны Волконской, въ началѣ 1827 года, всегда питалъ дружественное ко мнѣ расположеніе и все опасался моего перехода въ Латинство, по примѣру монхъ семейныхъ. Въ Петербургѣ былъ особый кругъ молодежи около него, и въ томъ кругу Лермонтовъ.

Немного позднѣе, Андрей Николаевичъ былъ въ Италіи и посѣщалъ мою мать во Флоренціи, на пути въ Римъ. Она приняла его дружелюбно, какъ брата Николая Николаевича, коего она искренно

любила и уважала; но, вообразивъ себѣ, что Римъ можетъ поколебать религіозныя убѣжденія Андрея Николаевича, она нетерпѣливо ожидала что̀ онъ ей сообщитъ о вынесенныхъ имъ оттуда впечатлѣніяхъ. «А вотъ что я вамъ сообщу, графиня, сказалъ онъ ей, возвратившись съ береговъ Тибра: послѣ всего, видѣннаго мною въ Римѣ, я только понялъ возможность ересей Лютера и Кальвина, чего я никакъ не могъ объяснить себѣ прежде».

Помню одно весьма вѣрное его замѣчаніе, что, гуляя по Невскому проспекту и встрѣчая одну за другою иновѣрческую церковь, Армянскую, Римско-Католическую, Лютеранскую и Реформатскую, вы поражаетесь этою полною терпимостью всякихъ вѣроисповѣданій, тогда какъ въ сущности у насъ преобладаетъ не терпимость чужихъ вѣръ, а скорѣе индиферентизмъ къ нашей.

Андрей Николаевичъ былъ очень друженъ съ архимандритомъ Сергіевской обители (впослѣдствіи епископомъ) Игнатіемъ Брянчаниновымъ, поступившимъ незадолго передъ тѣмъ въ монашество изъ инженерныхъ офицеровъ, а по себѣ онъ былъ Вологодскимъ дворяниномъ. Съ о. Игнатіемъ случилось этою зимою непріятное приключеніе [1]). Татьяна Борисовна Потемкина, желая доказать иностранцамъ, что и въ нашемъ духовенствѣ есть люди цивилизованные и ученые, не менѣе иностраннаго духовенства, позвала однажды къ себѣ обѣдать кого-то изъ акредитованныхъ при нашемъ дворѣ дипломатовъ (кажется Французскаго, виконта де-Баранта), сопровождавшаго его Французскаго аббата, а также и архимандрита Игнатія. Во время стола завязалась между обоими духовными лицами религіозная контроверсія (о. Игнатій свободно говорилъ по-французски), и защитникъ Православія, не приготовленный (вѣроятно) встрѣтить столь сильнаго оппонента въ богословіи, провалился окончательно. Государь, узнавъ о приключеніи, сильно прогнѣвался и повелѣлъ (якобы) побѣжденному архимандриту не выѣзжать изъ стѣнъ своего монастыря, впредь до высочайшаго разрѣшенія, и затѣмъ якобы запретилъ впредь всѣмъ монашествующимъ болтаться по аристократическимъ обѣдамъ и сборищамъ [2]).

---

[1]) Кстати о Сергіевской пустынѣ. Говорятъ, что тамъ на одномъ надгробномъ памятникѣ читалась слѣдующая эпитафія. „Здѣсь покоятся бренные останки умершаго надворнаго совѣтника N, коему не доставало только три мѣсяца для полученія чина коллежскаго асессора. Господи! Пріими его душу въ миръ". Архим. Игнатій велѣлъ однакоже (какъ я слышалъ) уничтожить эту эпитафію.

[2]) Въ недавно прочтенной мною статьѣ, въ журналѣ „Душеполезное Чтеніе", подъ заглавіемъ „Воспоминанія о недавно умершей (въ прошломъ 1869 году) Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной", авторъ передастъ этотъ самый разсказъ, какъ слышанный отъ нея

Славился въ то время въ Петербургѣ проповѣдникомъ и человѣкомъ замѣчательнаго якобы ума протоіерей Исакіевскаго собора Маловъ. Съ нимъ я встрѣтился всего одинъ разъ, и то позднѣе, на похоронахъ баронессы д'Огеръ, въ концѣ 1845 года, и потому судить мнѣ о немъ трудно; но во всякомъ случаѣ не сочувствую одной его выходкѣ, переданной мнѣ хорошо извѣстною мнѣ особою, что однажды, во время ея и дочери ея говѣнія, передъ самымъ ихъ причащеніемъ, священнодѣйствующій протоіерей Маловъ, стоя у отверзстыхъ уже царскихъ дверей, съ св. чашею въ рукахъ, отнесся къ говѣющимъ съ слѣдующими (приблизительно) словами: «Братія и сестры возлюбленные! Обратитесь къ вашей совѣсти, и если она скажетъ вамъ, что вы недостойны приступить къ сему священному и страшному таинству, то умоляю васъ, не приступайте къ нему». Къ чему было колебать совѣсть кающихся, грѣхи коихъ онъ же имъ отпустилъ и счелъ достойными пріобщаться святыхъ таинъ? Не смѣю думать, чтобы онъ увлекся желаніемъ произвести эффектъ на слушателей, но нахожу, что едва-ли эта выходка согласна съ канонами.

Къ этому времени относится начало неблаговоленія Государя (Николая Павловича) къ митрополиту Филарету. Что именно подало къ тому поводъ, съ точностію не знаю; разные слухи носились о томъ въ обществѣ, напримѣръ, что будто-бы на заявленное Государемъ желаніе сократить, если возможно, нѣкоторыя церковныя службы, митрополитъ якобы отозвался, что можно было бы допустить только одно сокращеніе, исключа частыя повторенія всѣхъ лицъ императорскаго дома. Во всякомъ случаѣ, царское неудовольствіе должно быть отнесено къ чести незабвеннаго іерарха, ибо онъ отстаивалъ неприкосновенность всего строя нашей церкви, какъ въ догматическомъ, такъ и въ дисциплинарномъ и обрядовомъ отношеніяхъ. (Теперь я вспомнилъ, что чуть-ли не предложено было Государемъ о формальномъ разрѣшеніи браковъ между двоюродными). Митр. Филаретъ объявилъ, что рука его скорѣе отсохнетъ, чѣмъ подпишетъ какое-либо отступ-

---

самой. Онъ рознится съ моею версіею въ томъ, что обѣдъ былъ не у Т. Б. Потемкиной, а у Французскаго посланника виконта де-Баранта, и что это именно обстоятельство вызвало сильное неудовольствіе Государя, потому что дипломатическія наши съ Франціею сношенія были натянутыми; а тамъ же сказано, что архим. Игнатій не претерпѣлъ-де никакого пораженія въ преніяхъ съ Французскимъ аббатомъ. Источникъ этотъ вѣрнѣе, быть можетъ, моего, основаннаго на однихъ городскихъ слухахъ; тѣмъ не менѣе дозволю себѣ замѣтить, что хотя Государь въ душѣ никогда не помирился съ Лудовикомъ Филиппомъ (потому что считалъ этого короля узурпаторомъ), но въ началѣ 1840-го года ни о какой натянутости нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Франціею публикѣ, сколько помнится мнѣ, не было извѣстно.

леніе отъ существующихъ попынѣ церковныхъ правилъ, и затѣмъ всеподданнѣйше просилъ о разрѣшеніи ему возвратиться къ своей паствѣ въ Москву. Разрѣшеніе это не замедлило послѣдовать, и онъ съ того времени уже не пріѣзжалъ болѣе въ Петербургъ присутствовать въ Святѣйшемъ Сунодѣ. Поддержки же отъ впадшаго почти въ дѣтство подъ бременемъ годовъ Петербургскаго митрополита Серафима Московскій іерархъ не могъ имѣть. Разсказывали даже, что будто-бы престарѣлый Серафимъ подтрунивалъ надъ своимъ собратомъ и называлъ его изгнанникомъ; но какъ я уже объяснилъ, онъ выживалъ почти изъ ума.

Въ Питерѣ весь интересъ общества поглощается, какъ извѣстно, сіяющимъ магнитомъ двора; на него обращены взоры не токмо тѣхъ избранныхъ счастливцевъ, что имѣютъ входъ въ Зимній дворецъ, но даже несчастныхъ алчущихъ этой обѣтованной земли, имъ недоступной по ихъ сферѣ. Явленіе это поражаетъ сначала вновь пріѣзжаго провинціала или Москвича; но онъ вскорѣ убѣждается, что оно присуще всей Невской атмосферѣ, составляя какъ-бы ея міазмъ, и затѣмъ мирится и привыкаетъ къ этому явленію. Пріѣзжему могло также казаться страннымъ выраженіе женскихъ восторговъ отъ персоны Императора; то и дѣло слышалось: «Какъ Государь былъ хорошъ вчера въ кирасирской формѣ», или «какъ приставалъ къ нему казацкій мундиръ, въ которомъ онъ сегодня прогуливался по Невскому». Влюблялись, правда, наши бомондныя барыни предыдущаго поколѣнія въ императора Александра Павловича, но платонически, какъ въ существо неземное, а наподобіе ангельскаго, тогда какъ восторгъ къ императору Николаю отзывался чѣмъ-то плотскимъ: вотъ въ чемъ была разница. Впрочемъ дѣйствительно императоръ Николай былъ тогда въ погонѣ красоты; но немного позднѣе животъ у него сталъ быстро прибавляться, въ ущербъ величественной его фигурѣ. Хотя я принадлежу, какъ не разъ уже заявлялъ, къ сторонникамъ этого царя, но ради исторической истины передамъ нѣкоторые, ходившіе по городу о немъ анекдоты, выказывающіе слабыя его стороны. Прогуливаясь въ 1839 году по Невскому проспекту, онъ наткнулся на одного молодого господина въ длинныхъ по плечамъ волосахъ и съ козлиною бородою (что тогда почти офиціально было запрещено), въ короткомъ по поясъ плащикѣ (à la Lucifer, какъ это называлось), или что-то въ этомъ родѣ, и чуть ли не въ остроконечной шляпѣ (en tête de sucre), словомъ картинка послѣдняго Французскаго журнала. Государь остановилъ его и спросилъ, какъ его зовутъ. «Вѣрноподданный Яковлевъ», отвѣчалъ франтикъ, трясясь съ ногъ до

головы. «Садитесь со мною» сказалъ Императоръ, и за тѣмъ повезъ несчастнаго въ своей коляскѣ во дворецъ, повелъ его къ Императрицѣ и сказалъ: «Имѣю честь рекомендовать тебѣ вѣрноподданнаго Яковлева», и затѣмъ, заставивъ его повертываться на всѣ стороны, чтобы явнѣе выказать его костюмъ, отпустилъ съ миромъ. Вотъ еще другой анекдотъ. Однажды, на дворцовомъ балѣ, одинъ изъ дежурныхъ камергеровъ молодой Полякъ, Полчинскій, подошелъ къ Австрійскому посланнику сказать ему, согласно придворному этикету, что великая княгиня Марія Николаевна желаетъ танцовать съ нимъ, но отступилъ при этомъ отъ принятой формулы и сказалъ попросту: La grande-duchesse Marie désire danser avec vous, m-r l'ambassadeur [1]). На его бѣду стоявшій вблизи Государь это слышалъ и, схвативъ за руку плохо дрессированнаго камеръ-юнкера, повелъ его къ тому же дипломату и громогласно произнесъ: «Son Altesse Impériale madame la grande-duchesse Marie Nicolaevna veut vous faire l'honneur de danser avec vous, m-r l'ambassadeur [2]), и за тѣмъ, отпустивъ руку оробѣвшаго царедворца, отвернулся и довольно громко добавилъ «дуракъ!» Повѣритъ ли читатель, что нѣкій извѣстный того времени литераторъ и популярный членъ Англійскаго клуба и всего почти общества (фамиліи коего не желаю высказать) восхищался этою выходкою Императора, коего называлъ по этому поводу молодцемъ и выхвалялъ его находчивость? [3]).

Такъ какъ «нѣтъ лести въ языцѣ моемъ» то и закончу эту невзрачную сторону характеристики покойнаго Императора, память коего я тѣмъ не менѣе глубоко чту, однимъ еще анекдотомъ. На домогательство славнаго нашего трагика Каратыгина объ увольненіи его изъ театральной службы Государь приказалъ, будто бы, передать ему, что въ такомъ случаѣ родъ служенія его измѣнится и что ему готово мѣсто фланговаго человѣка въ 1-й ротѣ Преображенскаго полка. Извѣстно, что Каратыгинъ былъ гигантскаго почти роста [4]).

---

[1]) Великая княгиня Марія желаетъ танцовать съ вами, г. посолъ.

[2]) Ея императорское высочество, государыня великая княгиня Марія Николаевна желаетъ сдѣлать вамъ, г. посолъ, честь протанцовать съ вами.

[3]) Читатель повѣритъ, особенно если узнаетъ, что этотъ камергеръ Полчинскій былъ дѣйствительно дуракъ. (Примѣчаніе графа Д. Н. Толстого). Выскажу кстати мое мнѣніе о почившей императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Общій о ней отзывъ былъ, что она занята одними нарядами; однакоже она сумѣла привязать къ себѣ всѣхъ близкихъ къ ея особѣ людей, тогда какъ, при второстепенномъ Михайловскомъ дворѣ, приближенные къ Михаилу Павловичу столь же любили его, сколько не жаловали великую княгиню Елену Павловну, не взирая на большую ея общественную дѣятельность.

[4]) Этотъ анекдотъ требуетъ подтвержденія. Я былъ дружески знакомъ съ Каратыгинымъ и нечего подобнаго не слыхивалъ". Примѣчаніе графа Д. Н. Толстого.

Упомянувъ о театральныхъ маскарадахъ, отмѣчу, что Государь былъ великій до нихъ охотникъ: можно было видѣть его ходившимъ тамъ по цѣлымъ часамъ подъ руку то съ однимъ, то съ другимъ женскимъ домино, закулиснаго, а пожалуй и еще менѣе почетнаго міра. Государевы панегиристы говорили, что онъ этимъ-де способомъ узнаётъ многое, чего иначе не могъ бы никогда узнать. Сомнѣваюсь весьма, чтобы изъ этого могла бы произойти какая-либо государственная польза, а скорѣе думаю, что это было для Императора просто развлеченіемъ.

Въ императорскомъ семействѣ князь Петръ Михайловичъ Волконскій, тогдашній министръ двора, былъ тоже самое, что̀ старый дядька въ барской семьѣ былого времени; точь вточь также ворчалъ, когда дѣлалось то, чего̀ онъ не одобривалъ, или расходовалось по домохозяйству двора болѣе чѣмъ предполагалось по смѣтѣ; также выговаривалъ великимъ княжнамъ, когда онѣ по мнѣнію его нехорошо себя держали или брали позы, несвойственныя дѣвицамъ столь высокаго положенія. Домогаясь изо всѣхъ силъ ввести строгую экономію въ дворцовое хозяйство, онъ одинаково былъ скупъ къ самому себѣ, къ своей семьѣ, и всячески старался избѣгать выдачи денежныхъ награжденій подчиненнымъ ему, служащимъ по Министерству Двора, за что̀ и прозванъ былъ «le Prince Non *); но никто не можетъ запятнать его память упрекомъ въ корыстолюбивыхъ наклонностяхъ: въ этомъ отношеніи онъ былъ чистъ, какъ хрусталь. Когда тетка его, княгиня Екатерина Алексѣевна Волконская (прозванная въ обществѣ «la Tante Militaire»), передала ему еще при своей жизни одно большое свое имѣніе, то Государь, узнавъ, что это имѣніе обременено весьма большимъ долгомъ Сохранной Казнѣ, воспользовался этимъ обстоятельствомъ и прислалъ ему въ видѣ подарка на праздникъ Пасхи (кажется, 1844 года) значительную сумму (въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей) нужную для выкупа. Государь сдѣлалъ это потому болѣе, что затруднялся въ выборѣ награды, такъ какъ всѣ возможные ордена и портреты, осыпанные бриліантами, у него уже были. Князь не на шутку обидѣлся денежнымъ подаркомъ, называя его безчестіемъ старому слугѣ, какъ онъ, и хотѣлъ было сгоряча пожертвовать всѣми этими

*) Князь нѣтъ. Отмѣчу мимоходомъ слышаное мною изъ достовѣрнаго источника, что послѣ 1814 года союзные государи возымѣли желаніе подарить князю Петру Михайловичу знаменитый замокъ на Рейнѣ Іоганисбергъ, какъ лицу болѣе прочихъ близкому къ особѣ императора Александра; но самъ Государь не изъявилъ на то своего согласія, не желая даже для своего подданнаго территоріальнаго вознагражденія отъ Европейской коалиціи (такъ по крайней мѣрѣ представляется мнѣ этотъ его отказъ). Замокъ этотъ былъ подаренъ князю Метерниху, сынъ коего понынѣ имъ владѣетъ.

деньгами въ пользу инвалидовъ. Когда же семейные его уговорили его отступить отъ сего намѣренія, то онъ заперъ деньги въ бюро, гдѣ онѣ долго лежали безъ всякаго употребленія, и наконецъ рѣшился отдать ихъ, если не ошибаюсь, своей дочери А. П. Дурново.

Вышепомянутая княгиня Волконская, рожденная Мельгунова, не удостоена была (къ крайнему ея, какъ слышно было, прискорбію) никакихъ придворныхъ почестей, не взирая на высокое значеніе ея племянника, по той причинѣ, что покойный ея мужъ, занимавшій какое-то высокое мѣсто (кажется, не по интенданству ли) находился нѣкогда подъ судомъ. Позднѣе я познакомился въ Петербургѣ съ нѣкоимъ г. Мельгуновымъ, родственникомъ княгини Екатерины Алексѣевны; это былъ господинъ лѣтъ 50, болѣзненный, кривой на одинъ глазъ, весьма неопрятный и вообще отталкивающей наружности. Онъ разсказывалъ мнѣ, что какъ онъ только прочтетъ въ газетахъ, что такая-та княгиня или графиня назначена штатсъ-дамою, или получила Екатерининскій крестъ, то сейчасъ же отправляется съ этими извѣстіями къ княгинѣ Е. А. Волконской и наслаждается ея досадою и завистью къ этимъ особамъ, вкушающимъ запретный для нея плодъ: въ этомъ состояло единственное возможное ему мщеніе за то, что княгиня лишила его частицы наслѣдства, передачею своего имѣнія въ родъ князей Волконскихъ, вмѣсто Мельгуновыхъ.

Княгиня Софія Григорьевна Волконская (жена кн. Петра Михайловича) была достойнѣйшая женщина, но оригиналка въ своихъ житейскихъ привычкахъ и феноменальной скупости. Уже съ половины 30-ыхъ годовъ, она рѣдко, и то на короткое только время, показывалась въ Петербургѣ, и одна, безъ горничной, странствовала по всей Европѣ *). Всегдашнимъ костюмомъ ея было черное шелковое платье, и по мѣрѣ того какъ рукава изнашивались, она замѣняла ихъ новыми, отличавшимися отъ остальной части платья, принявшей буроватый отъ времени оттѣнокъ. Останавливалась она въ невзрачныхъ, самыхъ дешевыхъ гостиницахъ, а какъ въ Италіи было обычнымъ включать въ поденную за нумеръ плату пару восковыхъ (а впослѣдствіи стеариновыхъ) свѣчей, стоявшихъ готовыми на столѣ въ каждомъ нумерѣ, то княгиня (если вѣрить слухамъ) вставляла въ шандалы пару огарковъ, находившихся у нея въ запасѣ, а цѣлыя свѣчи клала въ особенный для того чемоданъ, такъ что, подъ конецъ ея путешествія, чемоданъ

*) Я слыхалъ, что она и смолоду была эксцентрична: такъ, напримѣръ, прискакавъ въ 1812 году въ Нижній-Новгородъ, въ самую заутреню подъ свѣтлый праздникъ, одна, съ фелъдъегеремъ въ телѣгѣ, она не нашла гдѣ помѣститься, потому что всѣ постоялые дворы были заняты, а адресовъ ея знакомыхъ тамъ она не имѣла, и должна была провести всю ночь на площади.

былъ биткомъ набитъ свѣчьми. Отправившись изъ Парижа въ Лондонъ, въ началѣ 1837 года, по случаю коронаціи королевы Викторіи, она захватила съ собою свои брилліанты, на случай если бы пришлось ей представляться къ Англійскому двору. Проѣздомъ изъ Дувра въ Лондонъ, она полѣзла за чѣмъ-то въ ручной свой мѣшокъ, куда скóмкала кое-какъ свои брилліанты, и пассажиры дилижанса (или вагона), сидѣвшіе съ нею, увидавъ столь несообразныя съ ея убогою наружностію драгоцѣнности, приняли ее за сомнительную личность; а какъ того же мнѣнія былъ и кондукторъ, то когда поѣздъ прибылъ въ Лондонъ, ее задержали, и о семъ происшествіи дали знать полиціи. Нечего было дѣлать, и княгиня вынуждена была послать записку объ этомъ нашему посланнику, который, изумленный полученнымъ извѣстіемъ, прискакалъ выручить жену министра Россійскаго двора. Что Русскій чай пересылали ей за границу съ нашими дипломатическими куріерами, это понятно; потому что въ то время такъ называемаго караваннаго чая невозможно было тамъ достать; но кромѣ чая, она писала къ мужу (или къ сыновьямъ), чтобы ей высылали также сургучу, дабы избѣгнуть траты на покупку онаго. Однажды, въ бытность ея въ Миланѣ, она пошла навѣстить поселившуюся тамъ графиню Юлію Павловну Самойлову, но не заставъ ея дома (такъ какъ графиня была въ то время на своей виллѣ въ горахъ близъ городка Варезе) захотѣла осмотрѣть весь недавно отдѣланный графинею палаццо. Войдя въ дѣвичью, гдѣ застала графининыхъ горничныхъ за обѣдомъ, она захотѣла попробовать что онѣ ѣли, потому-де что любитъ стряпанье настоящей Итальянской кухни, а у нея въ отелѣ готовятъ не по ея вкусу. Обѣдъ горничныхъ такъ ей понравился, что она просила дозволенія придти къ нимъ на слѣдующій день, и такимъ образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней ея пребыванія въ Миланѣ, она отправлялась обѣдать туда на фу-фу. Она была легка, какъ говорится, на подъемъ до глубокой старости, и въ 50-ыхъ годахъ, когда ей было около 70 лѣтъ, она не устрашилась предпринять поѣздку въ дальную Сибирь, для свиданія съ своимъ братомъ, декабристомъ. Эту поѣздку совершила она почти понапрасну; потому что вскорѣ по ея возвращеніи оттуда, князь Сергѣй Григорьевичъ, вмѣстѣ съ остальными декабристами, былъ прощенъ, и всѣ они возвращены въ Россію. Соблюдая въ теченіе многихъ лѣтъ строгую во всемъ экономію, при значительномъ состояніи, она успѣла накопить порядочные весьма капиталы, которые завѣщала не сыновьямъ своимъ, а внучатамъ, на томъ-де основаніи, что сыновья могутъ промотаться и ничего не оставить своимъ дѣтямъ: предусмотрительность весьма благоразумная.

Хотя неоднократно уже говорилъ я о великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, но приходится кое-что еще о немъ добавить. До чего доходила у него фронтоманія, можно судить по слѣдующему случаю, коего я былъ свидѣтелемъ. Разъ, когда я обѣдалъ у Ю. Ѳ. Мишквица, гдѣ также былъ молодой гвардеецъ графъ Канкринъ, принесли послѣднему дневной приказъ по полку, при прочтеніи коего онъ соскочилъ съ мѣста и передалъ намъ сущность приказа, заключавшуюся въ томъ, что дѣлалось замѣчаніе полковому камандиру отъ имени его высочества за то, что на вчерашнемъ спектаклѣ въ большомъ театрѣ рядовые ввѣреннаго ему полка, во время маршировки на сценѣ (ихъ звали, кажется, по театральному термину *статистами*, и они представляли Римскихъ или Греческихъ воиновъ) *шли не въ ногу*. Le vrai peut quelque fois paraître invraisemblable [1]). Я слышалъ, что Елена Павловна говаривала, что она не можетъ не надивиться неутомимости и терпѣнію порфироднаго ея супруга, столь упорно домогающагося невозможнаго философскаго камня, ибо таковымъ-де должны быть пѣшая выправка и игра носка. По случаю сооруженія арки, соединяющей Сенатъ съ Сѵнодомъ онъ сказалъ, «что г.г. сенаторы *подарками* (подъарками) живутъ; а по случаю брака нынѣшняго императора онъ сказалъ про великую княгиню (нынѣ императрицу), что она *даромъ штатская* (Дармштатская), а выходитъ за военнаго. Однажды, на указаніе кѣмъ-то изъ его приближенныхъ на щегольскую упряжь герцога Лейхтенбергскаго [2]), онъ сострилъ: Oui, un bel attélage, un *beau harnois* (Beauharnais). Въ другой разъ, показывая одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ какому-то Французскому знаменитому туристу (вконту д'Арленкуру или Мармьѣ), великій князь сказалъ: «Vous voyez là mes cadets, et je puis vous dire que ce ne sont pas les *cadets de mes soucis* [3]).

---

[1]) Вѣрное можетъ иной разъ казаться невѣроятнымъ.

[2]) Отецъ герцога—принцъ Евгеній Богарнѣ.

[3]) Извиняюсь передъ читателемъ въ невозможности перевести съ толкомъ эти два послѣдніе каламбура по русски. Я уже говорилъ, что великій князь называлъ стараго принца Виртембергскаго „mon oncle le grand pontife, потому что онъ былъ начальникомъ инженернаго вѣдомства („ponts et chaussées“), а по латыни „pontifex“ значитъ первосвященникъ и строитель мостовъ. Но это не мѣшало ему называть другого своего дядю, у котораго на лбу была шишка, дяденькой Лупандинымъ (отъ слова loupe, шишка).

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА [1]).

Этою зимою дворъ выписалъ въ Петербургъ Московскую нашу авторитетную Марію Аполлоновну Волкову[2]), и ей дана была квартира въ Зимнемъ дворцѣ. Надо отдать ей честь: она достойно себя показала, какъ представительница и заступница нашей бѣлокаменной противъ ироническихъ инсинуацій и нападокъ на Москву, свойственныхъ Петербуржцамъ. Такъ, напр., однажды Государь, прохаживаясь съ нею подъ руку по вновь отдѣланной залѣ Дворянскаго Собранія, спросилъ у нея, которая изъ двухъ залъ лучше, «наша Петербургская или Московская?» «Я не знала по сю пору, Государь», отвѣчала она, «что Москва не ваша, а что одинъ Петербургъ вашъ».

Подобной же чести, какъ Марія Аполлоновна, удостоилась Торжковская содержательница гостиницы, Пожарская, изобрѣтательница извѣстныхъ котлетъ, обезсмертившихъ ея имя въ лѣтописяхъ поваренаго искуства. И ее также выписали въ Петербургъ и пріютили во дворцѣ, чтобы она ввела эту гастрономическую новизну въ царскія кухни. Придворными же метръ-д'отелями были тогда Французскіе вители, г.г. Имберъ (Imbert) и Жиббонъ, замѣнившіе Александровскаго времени Миллера.

Въ это время въ Москвѣ и въ прилегающихъ къ ней губерніяхъ свирѣпствовалъ голодъ; но о немъ говорилось въ Петербургѣ, какъ объ отвлеченномъ предметѣ, словно дѣло шло о какомъ-нибудь Китайскомъ городѣ: настолько сѣверная резиденція была почти-что не Россіею. Да и бѣдствіе это не могло заживо затрогивать Петербургъ, гдѣ всѣ каналы были запружены барками съ хлѣбомъ. А между тѣмъ, въ этомъ 1840 году былъ повсемѣстный почти недородъ хлѣба, такой же какъ въ 1833 и 1834 годахъ. Осенніе посѣвы 1839 г. не

---

[1]) См. выше, стр. 384.

[2]) См. ея письма о 1812 годѣ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1872, стр. 2372. Она приглашена была, вѣроятно, черезъ посредство близкаго къ царскому дому семейства графа М. Ю. Вьельгорскаго, сестра котораго Дарья Юрьевна была супругою ея брата, Сергѣя Аполлоновича Волкова.

взошли отъ продолжительной засухи и, какъ разсказывали, въ иныхъ мѣстностяхъ, напр. въ Тульской губерніи, люди буквально умирали съ голоду[1]).

Какъ ни старался и ни хлопоталъ достойный князь Д. В. Голицынъ о томъ, чтобъ облегчить участь Московскихъ жителей отправкою своихъ чиновниковъ въ Коломну, въ надеждѣ захватить тамъ на пристаняхъ хлѣбъ по болѣе дешевымъ цѣнамъ, прежде чѣмъ хлѣбъ этотъ попадетъ въ руки скупщиковъ - монополистовъ, но ничего не могъ сдѣлать. Казалось, что была стачка между купцами, но добраться до нея было невозможно; просилъ, увѣщевалъ онъ купцовъ согласиться на сбавку цѣнъ (четверть ржи доходила, кажется, до 8 р. сер., цѣна тогда неслыханная): они ему показывали, по какой дорогой цѣнѣ приходился имъ хлѣбъ въ недавней покупкѣ [2]) и, сколько помнится мнѣ, уличить ихъ было невозможно въ томъ, что они продавали хлѣбъ, по страшно возвышеннымъ цѣнамъ, изъ прежнихъ своихъ запасовъ, купленный, когда цѣны были крайне низки въ урожайные года.

Около того же времени или немного позже вышла въ Парижѣ книга о путешествіи по Россіи маркиза де-Кюстина въ 1839 году, возбудившая тогда всеобщее негодованіе, какъ собраніе пасквилей и клеветъ. Написана она была по слѣдующему поводу. Маркизъ де-Кюстинъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ предыдущемъ (1839 году), и какъ сынъ или родственникъ извѣстнаго роялиста, пострадавшаго въ первую Французскую революцію,и самъ пользовавшійся нѣкоторой литературной извѣстностію, былъ принятъ весьма ласково, даже почетно Государемъ, который, извѣстясь о желаніи Французскаго туриста видѣть Москву и побывать на Нижегородской ярмаркѣ, повелѣлъ почтовому вѣдомству оказывать этому иностранцу всякое возможное вниманіе и, если не ошибаюсь, назначилъ даже, чтобы при маркизѣ находился курьеръ. Пока онъ путешествовалъ по Россіи, изъ за границы дали знать въ высшія правительственныя сферы, что маркизъ де - Костюнъ пользуется на родинѣ весьма плохою репутаціею за свои нечистые вкусы... Вслѣдствіе этого извѣщенія, Государь повелѣлъ немедленно отмѣнить дорожныя почести, коими маркизъ началъ было пользоваться, и по его возвращеніи въ Петербургъ, Государь болѣе его не принялъ. «Inde ira», и книга явилась какъ мщеніе.

---

[1]) Мы помнимъ это время, когда въ деревняхъ и на господскій столъ иногда подавался горькій хлѣбъ съ лебедою; помнимъ и тогдашнюю поговорку: „То не бѣда, коль во ржи лебеда; а вотъ бѣда, какъ ни ржи, ни лебеды". П. Б.

[2]) Въ Данковѣ въ этомъ году продавалась рожь по 40 р. асс. за четверть.

Проводилъ я иногда вечера у графовъ Михаила и Матвѣя Юрьевичей Вьельгорскихъ, жившихъ на Михайловской площади въ 3-мъ этажѣ дома, примыкающаго къ Михайловскому театру. Вечера эти были почти что всегда музыкальными. Меня однажды просили пропѣть что нибудь, и я выбралъ арію изъ Сониамбулы, «Il raviso o luoghi ameni». Такой выборъ уже по себѣ былъ неудаченъ; арію эту я особенно никогда не любилъ, да и она опошлѣла, потому что за нее хватались всѣ новички пѣнія, а къ тому присоединилась еще обычная моя робость пѣть при новой для меня публикѣ: голосъ дрожалъ, срывался, и меня постигло полнѣйшее фіаско. Было еще и то противъ меня обстоятельство, что всеобщій Петербургскій камертонъ былъ цѣлымъ почти тономъ выше Итальянскаго, къ которому я исключительно было привыкъ; значитъ, мои грудныя полутеноровыя ноты, «fa», «fa-dies» и иногда «sol», сдѣлались для меня невозможными. Разница въ обоихъ камертонахъ происходила отъ того, что у насъ первенствуетъ оркестръ, а въ Италіи жертвуютъ оркестровкою ради пѣнія. Вечера у графа Вьельгорскаго всегда оканчивались пулькою на биліардѣ, игрою, которую онъ очень любилъ и въ ней отличался. Меня было пригласили участвовать въ пулькѣ, и не смотря на то, что я плохой игрокъ въ биліардъ, я пустился съ этими господами, въ числѣ коихъ былъ Сергѣй Сергѣевичъ Волковъ, племянникъ графа *), отличный также игрокъ; но вскорѣ мое незнаніе обнаружилось, и самъ хозяинъ дома вѣжливо меня исключилъ изъ партіи.

Графъ Матвѣй Юрьевичъ Вьельгорскій былъ віолончелистомъ перваго достоинства. Ученикъ извѣстнаго въ началѣ нынѣшняго столѣтія Ромберга, онъ скоро сталъ наряду съ своимъ учителемъ. Нерѣдко составлялись у него квартеты, въ коихъ первою скрипкою былъ знаменитый музыкантъ и композиторъ А. Ѳ. Львовъ, тогда полковникъ и директоръ придворной пѣвческой капеллы. Имена остальныхъ двухъ соучастниковъ этихъ квартетовъ я забылъ, но они были нѣчто въ родѣ совершенства, и всѣ желали ихъ послушать. Братъ же его, графъ Михаило Юрьевичъ, не былъ спеціалистомъ ни на какомъ инструментѣ, хотя могъ аккомпанировать себѣ, напѣвая въ полголоса свои романсы, тогда и впослѣдствіи въ модѣ, но былъ свѣдущъ по части композиціи и генералъ-баса, наукѣ, изученной имъ въ его молодости

*) Сестра графовъ Віельгорскихъ Дарья, тогда умершая, была за Сергѣемъ Аполлоновичемъ Волковымъ, братомъ Николая и Михаила Аполлоновичей. Дочь его жила у своихъ дядей, Вьельгорскихъ, и говорятъ, что пѣвала отлично; но никто кромѣ ея семейныхъ ея не слыхалъ: до того она робѣла пѣть при чужихъ. Она вышла замужъ за нѣкоего Склингера.

у знаменитаго композитора Керубини [1]), и пользовался безапелляціоннымъ авторитетомъ въ музыкальныхъ сужденіяхъ. Не оспаривая глубокихъ его по этой части познаній, замѣчу, что наподобіе того, какъ въ діагностикѣ даровитый и незабвенный Ѳ. И. Иноземцевъ увлекся одно время до того, что всѣ почти недуги относилъ къ спинному хребту, такъ и графъ Михаило Юрьевичъ почти что помѣшался на превосходствѣ Моцарта надъ всѣми прочими композиторами, вслѣдствіе чего не проходило ни одного почти публичнаго концерта изъ аматёровъ, чтобы онъ не помѣстилъ въ программу чего нибудь изъ оперы Донъ-Жуана. Никогда я не могъ понять, за какія особенныя качества или заслуги графъ Михайло Юрьевичъ, почти непзвѣстный при императорѣ Александрѣ I-мъ, внезапно сдѣлался, въ послѣдующее царствованіе, любимцемъ и необходимымъ какъ бы лицомъ при дворѣ [2]). Спору нѣтъ, что онъ былъ добрѣйшій и весьма пріятный въ обществѣ человѣкъ; но вѣдь мало ли добрыхъ и пріятныхъ людей на свѣтѣ? Салонъ его представлялъ исключительную въ Петербургѣ пестроту; тамъ я встрѣчалъ фортепіаниста Леопольда Мейера и дилетанта пѣнія г. Таля, владѣльца бань на Мойкѣ, близъ Краснаго моста [3]).

О графинѣ Маріи Григорьевнѣ Разумовской и объ ея салонѣ, представлявшемъ сливки сливокъ высшаго общества, мало имѣю что сказать, потому что я не домогался (не знаю впрочемъ почему) чести быть ей представленнымъ. Относительно же выбора своего общества она не могла не быть слишкомъ осмотрительною, ибо всѣ три молодыя великія княжны дебютировали, такъ сказать, въ графининомъ салонѣ. Двѣ меньшія великія княжны, Ольга и Александра Николаевны, были такой поразительной красоты, что, право, не было, на мой взглядъ, соперницъ имъ во всемъ тогдашнемъ аристократическомъ обществѣ. У великой княжны Ольги Николаевны величавый станъ не мѣшалъ ея граціозности. Графиня Разумовская была то, что̀ попросту называется мотовка, обремененная долгами, но весьма изворотливая барыня и находчивая въ средствахъ поддерживать блескъ сво-

---

[1]) Лучшими оперными произведеніями Керубини были „Двудневныя Приключенія“ (les Deux Journées) и „Весталка“, оперы теперь заброшенныя. Изъ болѣе извѣстныхъ въ свое время романсовъ графа Михайла Юрьевича Вьельгорскаго были „Черная Шаль“, „Намъ сіяетъ Аврора“, слова князя П. А. Вяземскаго, „Старый мужъ, грозный мужъ“, слова Пушкина, и „Любила я твои глаза“.

[2]) Государь и Государыня очень любили музыку. П. Б.

[3]) Разнесся было въ то время слухъ, что графъ М. Ю. Вьельгорскій писалъ цѣлую оперу, подъ названіемъ „Цыгане“, но не желалъ, чтобы она была поставлена на сценѣ при его жизни. Насколько вѣренъ этотъ слухъ, не знаю; но вотъ уже около десяти (если не болѣе) лѣтъ, что̀ графъ скончался, а ничего не слышно объ этомъ его трудѣ.

его салона. Впрочемъ, операція эта облегчалась ей самимъ дворомъ. Разсказывали, что когда на усиленныя просьбы молодыхъ великихъ княженъ дать имъ балъ, она отнѣкивалась по причинѣ неимѣнія на то денегъ, царскія дочери обращались къ августѣйшимъ своимъ родителямъ для ссуды «бѣдной, милой графинѣ Разумовской», и вспомоществованіе не замедлялось будто бы являться. Она продала уже въ то время значительное свое имѣніе великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ на условіяхъ пожизненнаго полученія весьма крупной суммы, въ видѣ ренты, многимъ превышавшей (если не ошибаюсь) процентъ, который она могла бы получить отъ капитала, представлявшаго стоимость того имѣнія. Великая княгиня согласилась на столь тяжелую для нея сдѣлку въ виду-де того, что, по теоріи вѣроятностей, не весьма долго приходилось ей выплачивать условленную годовую ренту женщинѣ, коей было въ 1840 году около 70 лѣтъ отъ роду. Расчетъ однакоже оказался невѣрнымъ, и къ ущербу великой княгини графиня Марія Григорьевна прожила болѣе двадцати лѣтъ послѣ этой сдѣлки, продолжая почти что до смерти (за 90 лѣтъ отъ роду) наряжаться, какъ молодая женщина, въ шляпки и платья свѣтлыхъ и яркихъ колеровъ съ перьями и цвѣтами, и выѣзжать на вечера съ открытою шеею. Все общество до того подъ конецъ привыкло къ ея туалетамъ, что иные люди даже находили, что туалеты эти къ ней идутъ. Въ Петербургѣ и Москвѣ прошла молва, что она будто бы, въ угодность царской фамиліи, протанцовала разъ во дворцѣ «качучу» *), тогда какъ ей было около 70 лѣтъ отъ роду; но, дорожа паче всего истиною во всѣхъ даже мелочахъ моей лѣтописи, считаю долгомъ возстановить этотъ случай въ настоящемъ его видѣ; свидѣтельницею его была покойная Варвара Ивановна Ланская (рожденная княжна Одоевская), женщина, какъ я уже говорилъ, недюжинная и коей можно вполнѣ вѣрить. Она разсказывала мнѣ, что однажды, на одномъ танцовальномъ вечерѣ во дворцѣ, когда оркестръ заигралъ пресловутую эту качучу и прежде чѣмъ танцовщицы пустились по паркету, графиня Марія Григорьевна встала съ своего мѣста и, въ видѣ шутки, проплясала *одна* и только нѣсколько *па* этого танца, и за тѣмъ сѣла на прежнее свое мѣсто. Но за тѣмъ—вотъ чему я вполнѣ вѣрю—когда, въ бытность ея въ Москвѣ, ее приглашали посѣтить строящійся храмъ Спаса, она отозвалась, что предпочитаетъ отложить это посѣщеніе до совершеннаго окончанія того храма. Глядя на ходъ работъ этой постройки, пожалуй, что пришлось бы графинѣ Маріи Григорьевнѣ поспорить годами съ Мафусаиломъ, чтобы исполнить свое намѣреніе.

*) Испанскій театральный танецъ, вошедшій тогда въ ходъ.

Богачъ Лазаревъ, женатый (какъ говорено уже было въ описаніи Флорентинскаго общества) на принцессѣ Бирон̀ъ и поселившійся въ Петербургѣ, хотѣлъ было жить открытымъ домомъ; но высшее общество долго смотрѣло на него, какъ на финансоваго «parvenu», и салоны его, освѣщенные «à jour», оставались пустыми. Наконецъ, Михайло Павловичъ удостоилъ, не знаю по какому поводу, креза-Армянина своимъ посѣщеніемъ въ одинъ изъ его вечеровъ. Когда же слухъ дошелъ до великаго князя, что онъ этимъ возбудилъ ропотъ и негодованіе аристократическаго міра, онъ громогласно заявилъ, что онъ всегда будетъ ѣздить повсюду, *гдѣ удостоятъ его чести быть приглашеннымъ*: такъ по крайней мѣрѣ переданы были мнѣ его слова. Вслѣдствіе ли этого, или, можетъ быть, отъ дѣйствія времени, но спѣсивая дотолѣ каста начала мало-по-малу свыкаться съ мыслію, что можно безъ особеннаго урона личнаго своего достоинства переступать порогъ Лазаревскаго салона, и блаженный милліонеръ добился наконецъ гражданскаго права въ высшей средѣ.

Въ Петербургѣ только я сблизился съ семействомъ Ланскихъ. Они давно переселились изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ Сергѣй Степановичъ былъ сенаторомъ и почетнымъ опекуномъ Гатчинскаго воспитательнаго училища. Въ 1840 году они жили на Адмиралтейской части Мойки, въ домѣ, взошедшемъ въ составъ нынѣшняго огромнаго зданія Министерства Государственныхъ Имуществъ. Старшая изъ дочерей Сергѣя Степановича, Анастасія Сергѣевна, давно уже была замужемъ за Степаномъ Васильевичемъ Перфильевымъ, тогда жандармскимъ генераломъ Московскаго округа [1]); вторая дочь, Варвара Сергѣевна, давно уже выѣзжала въ свѣтъ, а меньшая, Марія Сергѣевна только что начала появляться. Она была премиленькая блондинка, стройнаго роста, и ее сейчасъ пожаловали во фрейлины. Старшій сынъ, Степанъ Сергѣевичъ, начавшій свою службу въ 1832 или 1833 году въ армейскомъ гусарскомъ полку, былъ въ 1840 году офицеромъ въ конной гвардіи; второй (недавно умершій) Александръ Сергѣевичъ былъ юнкеромъ въ томъ же полку, а меньшому Михаилу Сергѣевичу, тогда гимназисту или лицеисту, было около 11 лѣтъ. Варвара Ивановна любила почти до обожанія дальнюю свою родственницу, пожилую маркизу де-Виллеро̀, ту самую, о которой такъ часто говаривалъ мой и Льва Сергѣевича Пушкина пріятель, Владимиръ Ивановичъ Аничковъ въ Варшавѣ [2]). Старуха-маркиза была весьма остроумная особа и вла-

[1]) С. В. Перфильевъ былъ передъ тѣмъ Рязанскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Адъютантомъ при немъ былъ Сергѣй Александровичъ Волковской, незаконный сынъ Александра Александровича Волкова.

[2]) Маркиза де-Виллеро̀ была рожденная графиня Апраксина, и мужъ ея, Французскій

дѣла въ высшей степени наукою салонной болтовни и умѣніемъ придавать особенный интересъ всякому предмету, какого она касалась: наука когда-то свойственная офранцуженнымъ нашимъ дамамъ высшаго круга, въ началѣ столѣтія, но почти что забытая нынѣ. Положимъ, что было много пустяшнаго въ этомъ старомъ направленіи, но не вижу, признаюсь, чтобы бесѣда нынѣшнихъ старухъ была забавнѣе или много назидательнѣе, хотя и ведутъ онѣ разговоръ на родномъ языкѣ.

Варвара Сергѣевна Ланская (нынѣ графиня) была всегда болѣзненнаго здоровья и не вышла замужъ. Умнѣйшая и живѣйшая особа, она усвоила себѣ привычку ворчать, и это часто потѣшало всѣхъ насъ. Впослѣдствіи, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ людей, она принималась муштровать свою мать не на шутку, и добрѣйшая Варвара Ивановна скажетъ, бывало, съ улыбкою покорности и смиренія: «простите, Варвара Сергѣевна, впередъ не буду». Надо впрочемъ войти въ положеніе Варвары Сергѣевны, какъ единственнаго лица съ характеромъ изо всѣхъ ея семейныхъ, и не будь она хлопотуньею и ворчуньею, распущенность въ домашнемъ быту Ланскихъ дошла бы до того, что они рисковали оставаться безъ обѣда и безъ возможности выѣзжать, отъ нетрезвости или самовольной отлучки кучеровъ или лакеевъ; самой же хозяйкѣ до́ма было свыше ея силъ сдѣлать выговоръ или замѣчаніе кому нибудь изъ прислуги. Варвара Ивановна владѣла смолоду замѣчательнымъ талантомъ рисованія и даже, кажется, живописи, но совсѣмъ оставила, къ сожалѣнію, это занятіе. Зная меня за полу-артиста, она однажды пригласила меня на вечеръ, куда должны были прибыть даровитые наши ландшафтисты, братья Чернецовы, съ ихъ портфелями видовъ Волги. Подобный вечеръ былъ бы во всякое другое время приманкою для меня, но на этотъ разъ я разсѣянно разсматривалъ прекрасные эти виды; потому что въ этотъ самый день я спохватился, что изъ запертаго (сколько помню) чемодана, стоявшаго подъ моею кроватью, похищено было у меня 600 р. или можетъ быть болѣе, и я оставался безъ гроша. Кто могъ ихъ украсть, осталось подъ мракомъ неизвѣстности.

Павелъ Александровичъ Вревскій (тогда адъютантъ, какъ я уже говорилъ, при князѣ А. И. Чернышовѣ и хорошо принятый у Ланскихъ) влюбился въ Марію Сергѣевну, и она сдѣлалась неравнодушною къ нему: обстоятельство не согласовавшееся съ желаніями Варвары Ива-

---

эмигрантъ въ нашей военной службѣ, безъ вѣсти пропавшій въ одной изъ кампаній до 1812 года. Она воспитывала сестру В. И. Авичкова, вышедшую за какого-то Пашкова и вскорѣ оставшуюся молодою вдовою и безъ дѣтей.

новны, потому только что Павелъ Александровичъ былъ незаконнорожденнаго происхожденія. Что же дѣлать? При всемъ своемъ умѣ и мягкосердечіи, Варвара Ивановна никогда не могла отдѣлаться отъ этого кастоваго предубѣжденія, существовавшаго въ современномъ ея молодости обществѣ, котораго придерживалась отчасти и моя мать, женщина столь разумная во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ. Не нравилось это сватовство и Варварѣ Сергѣевнѣ; зоркимъ своимъ окомъ угадывая, что я могъ быть довѣреннымъ лицомъ со стороны закадычнаго моего друга (что̀ и было дѣйствительно), она стала подозрѣвать мои хожденія къ нимъ въ домъ (какъ сама мнѣ призналась впослѣдствіи), и бѣдной Маріи Сергѣевнѣ не было никакой поддержки въ тайнахъ ея сердца. Только четыре года спустя, эта милая чета достигла желаемаго; но лучъ счастія, озарившій ее мгновенно, скрылся за тѣмъ навсегда..... Впрочемъ не слѣдуетъ забѣгать впередъ.

Подъ конецъ зимы пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Петербургъ Н. А. Дивовъ и задалъ мнѣ обѣдъ въ моемъ вкусѣ (т. е. съ акомпаниментомъ полдюжины Шампанскаго) у Сенъ-Жоржа, пригласивъ также Льва Андреевича Лебрюна, этого господина амфибической національности, не то Француза, не то Итальянца, выросшаго въ Мюнхенѣ, бывшаго Суворовскимъ ординарцемъ и котораго читатель, надѣюсь, не забылъ *). При всемъ томъ, что почтенный мой *кузенъ* былъ зрѣлыхъ лѣтъ и серьознаго направленія человѣкъ, его иногда потѣшало видѣть меня въ экзальтированномъ состояніи отъ игристыхъ паровъ единственно-любимаго мною напитка; а въ настоящемъ случаѣ ему захотѣлось также, ради куріоза, подпоить стариннаго друга его родителей. Началось состязаніе, приправленное утонченностями (весьма не дешевыми) этого перваго тогда въ городѣ гастрономическаго заведенія, состязаніе, въ которомъ степенный мой родственникъ не отставалъ отъ меня (онъ былъ крѣпокъ какъ быкъ на напитки, когда, выходя въ рѣдкихъ весьма случаяхъ изъ свойственной ему воздержности, хотѣлъ отличиться); но не подъ силу было тщедушному Суворовскому ординарцу на седьмомъ десяткѣ лѣтъ тягаться съ нами: еще до десерта глаза его посоловѣли, и онъ рухнулся на полъ. Камердинеръ мой отнесъ его ко мнѣ на верхъ, гдѣ его раздѣлъ и положилъ на мою кровать; старика напоили мятою и позднѣе ночью отвезли домой.

Нечаянная встрѣча на Невскомъ проспектѣ съ прежнимъ пріятелемъ моимъ, Ангичаниномъ Филипомъ Филиповичемъ Путò, весьма меня

*) Напоминаю, что Л. А. Лебрюнъ былъ интимнымъ человѣкомъ въ домѣ дяди моего Адріана Ивановича Дивова, въ началѣ столѣтія. Въ 1840 г. онъ былъ помощникомъ директора Эрмитажа, г. Лабинскаго

обрадовала. Я сошелся съ нимъ первоначально въ 1830 г., вслѣдствіе многихъ доказательствъ добраго его ко мнѣ расположенія; но весьма немудрено, что позднѣе дружба усилилась съ моей стороны, отъ сочувствія, что и ему, какъ и мнѣ, не везло въ жизни. Онъ былъ тогда (въ 1840 году) женатъ вторымъ бракомъ на Англичанкѣ, весьма образованной и пріятной особѣ, говорившей по-французски почти безъ Англійскаго акцента и замѣчательно игравшей на фортепіано, и не будь у нея рыже-огненныхъ волосъ, она была бы не дурна собою. Всѣ вообще ея привычки и вкусы высказывали женщину, принадлежавшую сферѣ много выше той, въ какую забросила ее судьба, и мнѣ казалось, что она подчасъ не умѣла скрывать этого чувства. Ф. Ф. Путо и его жена жили въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, въ домѣ Реформатской церкви, на Мойкѣ, близъ Полицейскаго моста. Между 1833 и 1840 годами, въ товариществѣ съ графомъ Сергѣемъ Ѳедоровичемъ Ростопчинымъ (женатымъ уже на Итальянкѣ графинѣ Филиппи), г. Путо завелъ было кружевную (или тюлевую) фабрику, съ мастерами вывезенными имъ самимъ изъ Англіи, въ графскомъ имѣніи Подольскаго уѣзда, но товарищи не поладили межъ собою; графъ Сергѣй Ѳедоровичъ затѣялъ исковой процессъ, и въ 1840 году фабрика была уже закрытою. Въ Петербургѣ Филипъ Филиповичъ хлопоталъ по какому-то новому дѣлу, въ Департаментѣ Внѣшней Торговли, гдѣ, по его словамъ, онъ пользовался близкимъ знакомствомъ съ вліятельнымъ лицомъ г. Дружининымъ, но и тутъ не было ему удачи. Былъ у него также какой-то проектъ по желѣзнодорожной части, или по рѣчному судоходству (хорошо не помню), и какъ въ то время начали уже поговаривать о желѣзномъ пути между Москвою и Петербургомъ, то я его повезъ и представилъ князю И. В. Васильчикову, предсѣдателю Государственнаго Совѣта. Князь выслушалъ его предложеніе, но и это дѣло кануло въ воду.

Со мною случилась маленькая непріятность, о которой не стоило бы упоминать, если бы она не была доказательствомъ совершеннаго моего незнанія иныхъ общественныхъ обычаевъ. Н. А. Диковъ записалъ меня разъ посѣтителемъ въ Англійскій клубъ, гдѣ я дотолѣ никогда не бывалъ. Такъ какъ знакомыхъ у меня тамъ никого не было, то я сталъ прохаживаться до обѣда изъ одной залы въ другую и замѣтивъ, что въ одномъ изъ нихъ былъ особенно громкій резонансъ, я, привыкшій къ Флорентинской безцеремонности, дабы испробовать оный, сталъ посереди̇нѣ зала, принялъ сценическую позу и затянулъ было изо всей мочи Итальянскую оперную каватину *); но тутъ же

*) Каватиною зовутъ небольшую арію, обыкновенно входную.

быстро подоспѣлъ одинъ изъ клубныхъ лакеевъ, съ предупрежденіемъ (весьма меня сконфузившимъ конечно), что подобныхъ выходокъ въ клубѣ не допускается. Кстати о клубѣ, отмѣчу, что тамъ былъ тогда маркёромъ знаменитый по всей Россіи нѣкій Тюря, посѣдѣвшій въ безсоперничествѣ на бильярдѣ. Съ нимъ игрывали на слѣдующихъ условіяхъ. Игравшій противъ него игралъ какъ обыкновенно, то-есть по всѣмъ шарамъ и клалъ шары во всѣ лузы и притомъ имѣлъ преимущество начинать партію; послѣ перваго его промаха начиналъ Тюря, но ему дозволялось бить по одному только изо всѣхъ шаровъ (по желтому или по одному изъ двухъ красныхъ), или онъ могъ безразлично бить по всѣмъ шарамъ, но класть въ одну только назначенную изо всѣхъ шести лузъ, да сверхъ того онъ давалъ противнику двадцать или тридцать очковъ впередъ. Всѣ эти предосторожности ни къ чему не вели, и въ большинствѣ случаевъ Тюря станетъ, бывало, надъ какимъ нибудь шаромъ и сразу кончаетъ партію, не переставая класть его изъ одной лузы въ другую.

Въ Англійскомъ клубѣ я познакомился съ Никол. Ив. Гречемъ. Тамъ, за обѣдомъ, онъ былъ такъ сказать, гуслями, соловьемъ: заслушиваемся, бывало, его. Въ одномъ только отношеніи разговоръ его дѣлался приторнымъ, а именно въ неразборчивости и утрировкѣ его восхищенія всѣмъ тѣмъ, что говорилъ и дѣлалъ Государь. Впрочемъ, не одинъ онъ былъ такого настроенія, и развѣ только къ царскому чиханію не примѣнялось опошлѣвшее восклицаніе «какой-де государь у насъ молодецъ!» Н. И. Гречъ разсказывалъ, что онъ долго недоумѣвалъ, изъ какого люда набирались квартальные надзиратели и ихъ помощники, но что съ тѣхъ поръ какъ сталъ посѣщать Александринскій театръ, убѣдился, что ихъ вербуютъ изъ публики этого театра [1]).

Одинъ мой знакомый бывшій на какомъ-то литературномъ вечерѣ за деньги (въ пользу чего или кого, не помню), разсказывалъ мнѣ, что участвовавшіе въ немъ г. Гречъ и Булгаринъ кадили другъ другу подъ носъ и чуть ли не въ изліяніи дружелюбныхъ чувствъ, скрѣпленныхъ долговременною литературною ихъ дѣятельностію, воочію всѣхъ жали будто бы руку другъ другу. Нельзя не сознаться, что отъ литературныхъ дѣятелей того закала вѣяло либо казенщиною, либо пошлостію [2]).

---

[1]) Мнѣ разсказывалъ одинъ современникъ, что Н. И. Гречъ, садясь однажды обѣдать въ Англійскомъ клубѣ, приказалъ офиціанту принесть ему бутылку Лафита.... „Какъ бишь зовутъ эту фирму?.. Ну этого же имени, какъ составитель прескверная словаря, но вино хорошее; да—вспомнилъ:—Ольдскопа!“ (Слышано отъ гр. Д. Н. Толстого).

[2]) Немного позднѣе Н. И. Гречъ издалъ (кажется) опроверженіе на Французскомъ языкѣ пасквильной книги маркиза де-Кюстина о Россіи, по поводу чего или по иному

Настала музыкальная великопостная пора. Концертами въ пользу патріотическаго благотворительнаго общества распоряжалась предсѣдательница онаго, княгиня В. С. Голицына, конечно кромѣ музыкальной части, которою завѣдывалъ графъ Вьельгорскій. Примадоною была знаменитая по таланту и милѣйшая въ обществѣ графиня Росси (Зонтагъ). Право ея на это было неотъемлемо; затѣмъ прочіе пѣвцы и пѣвицы (за исключеніемъ немолодой уже, но сохранившей еще голосъ фрейлины Бартеневой) завладѣли первыми партиціями не столько по артистическому своему достоинству, какъ по положенію въ табелѣ о рангахъ относительно ко двору и по общественному ихъ значенію. Таковыми изъ женщинъ были молодая и хорошенькая собою баронесса Крюднеръ и молодая (не особенно, помнится мнѣ, взрачная), еще незамужняя, графиня Бенкендорфъ, обѣ посредственныя весьма пѣвицы. Первыя басовыя партиціи исполнялись княземъ Г. П. Волконскимъ (сыномъ министра двора) и графомъ В. А. Сологубомъ. Тембръ князя Григорія Петровича былъ довольно сильный, но не скажу, чтобы былъ очень пріятный; звучнымъ (voix vibrante) нельзя было по моему назвать его голосъ, но онъ наслышался хорошихъ артистовъ за границею и, какъ говорятъ, хорошо и забавно исполнялъ буффовыя аріи. Графъ Сологубъ никогда не отличался ни голосомъ, ни методомъ пѣнія. Первыми тенорами были князь Михаилъ Викторовичъ Кочубей и Николай Ивановичъ Пашковъ, когда-то Московскій нашъ Рубини. Первый изъ нихъ владѣлъ пріятнымъ, но слабымъ салоннымъ голоскомъ, терявшимся въ большомъ залѣ дворянскаго собранія, а что до Н. П. Пашкова, то голосъ его, грѣшившій и прежде неясностію, представлялъ тогда однѣ руины, и случалось ему подъ часъ даже сфальшивить. Наконецъ однакоже распорядители отрыли, какъ бы изъ нѣдръ земли, скромнаго неаристократическаго молодого чиновника, служившаго въ какой-то Петербургской канцеляріи, нѣкоего Андреева, съ превосходнымъ дѣйствительно - груднымъ и звучнымъ теноровымъ голосомъ; но какъ новичекъ, онъ пѣлъ безъ чувства и метода. Рой дѣвицъ изъ высшаго и второкласснаго общества записывался въ хоры;

можетъ быть случаю, разсказывали, что озлобленный маркизъ, или кто-нибудь изъ недоброжелателей Н. П. Греча, въ бытность его въ Парижѣ, отпечаталъ будто бы его визитныя карточки, съ приписью „espion de Sa M. Impériale“ (шпіонъ Е. И. Величества) и развезъ ихъ по всѣмъ его тамошнимъ знакомымъ, въ видѣ (кажется) прощальныхъ передъ его отъѣздомъ визитовъ. Заслуживалъ ли онъ приписанное ему свойство соглядатая, судить не могу; но во всякомъ случаѣ нельзя ставить его въ нравственномъ отношеніи на одну доску съ Ф. Ф. Вигелемъ, какъ это дѣлаетъ талантливый впрочемъ авторъ одной журнальной статьи (кажется, въ Вѣстникѣ Европы за нынѣшній 1870 годъ), гдѣ, говоря о какихъ-то историческихъ показаніяхъ, онъ называетъ ихъ „выходящими изъ мутнаго источника г.г. Вигеля и Греча“.

съ голосами или вовсе безъ голосовъ, это было все равно, и онѣ могли безнаказанно и безслѣдно рисоваться на подмосткахъ, и для вида раскрывать розовые свои ротики, потому что за стѣною ихъ юбокъ и турнюровъ прятались настоящіе и превосходнѣйшіе сопрановые голоса, въ лицѣ мальчиковъ изъ придворныхъ пѣвчихъ. Но въ записи охотницъ въ хоры недостатка не было: ибо стоять на концертной платформѣ, на виду передъ дворомъ, его синклитомъ и отборной публикой, было лестно не для одной сіятельной или превосходительной нимфы.

Получилъ и я пригласительный билетъ участвовать въ хорахъ и поспѣшилъ на репетицію, гдѣ шелъ отрывокъ изъ Россиніевскаго Вильгельма Теля; но вскорѣ прислана была ко мнѣ партиція въ интродукціи этой же оперы, которую я началъ изучать дома, съ помощію аккомпаніатора, молодого Итальянца, по фамиліи Лоръ. Изучивъ эту тетрадку, я явился съ нею на вторую репетицію. Партія эта была второго баса и довольно пустая; она начиналась высокими нотами декламативнаго речитатива, неловкаго для меня уже потому, что, являясь передъ многочисленной незнакомой публикой, приходилось мнѣ пѣть въ первый разъ въ жизни съ Французскими словами. Кромѣ того оркестровый камертонъ былъ еще выше городскихъ фортепіанныхъ камертоновъ, тогда какъ послѣдніе были уже и безъ того болѣе высокаго настроенія, нежели въ Италіи, и потому высокія ноты я не иначе могъ брать, какъ напрягая голосъ до усиленнаго крика. Когда кончилась интродукція, графъ Вьельгорскій и княгиня Голицына, подошедши къ эстрадѣ, сказали мнѣ, что въ концѣ зала едва слышенъ мой голосъ; а такъ какъ, по вторичномъ окончаніи интродукціи, результатъ оказался такимъ же, то графъ Вьельгорскій рѣшилъ, что надо будетъ придать мнѣ въ помощь другого баса, пѣть со мною однѣ и тѣже ноты: вещь по моему почти что безсмысленная и даже невозможная, такъ какъ речитативъ не то что хоръ, вслѣдствіе чего, по выходѣ съ репетиціи я отправился къ маэстро Рубини, тогда репетитору и учителю пѣнія при пѣвческой капеллѣ *), разсказалъ ему о случившемся со мною куріозѣ и о моемъ неумѣніи пѣть солитовыя партіи, вмѣстѣ съ вспомогательнымъ голосомъ (по-итальянски «a unisono»), и просилъ заявить директору-графу, что я отказываюсь отъ дальнѣйшаго участія

*) Этого г. Рубини не слѣдуетъ смѣшивать съ извѣстнымъ пѣвцомъ той же фамиліи. Я его зналъ еще въ 1830 году, когда онъ давалъ уроки пѣнія въ Петербургѣ и женился на одной изъ своихъ аристократическихъ ученицъ, дочери адмирала Лисянскаго. Не слѣдуетъ также его смѣшивать съ Русскимъ учителемъ пѣнія, присвоившимъ себѣ фамилію Рубини, а настоящею его была, вѣроятно, Рубинъ.

въ этихъ концертахъ. Онъ разсмѣялся надъ этимъ изобрѣтеніемъ графа Вьельгорскаго, говоря, что все это пустяки; но я стоялъ на своемъ и болѣе не являлся на репетиціи, чѣмъ и кончились тогда неудачные мои дебюты на поприщѣ дилетантизма въ Петербургѣ. Говорю *тогда*, потому что шесть лѣтъ спустя, на концертѣ въ Петербургѣ же, Александра Егоровича Варламова, публика удостоила меня вызовомъ, для повторенія пѣсни его сочиненія «Осѣдлаю коня» (слова Кольцова), и на слѣдующій день обо мнѣ упоминалось весьма лестно въ «Сѣверной Пчелѣ».

Касательно же упомянутаго моего аккомпаніатора, Итальянца Лора, графъ М. Ю. Вьельгорскій обѣщалъ ему свое ходатайство для полученія мѣста учителя пѣнія въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, такъ какъ мѣсто это дѣлалось вакантнымъ по случаю выхода съ полнымъ пенсіономъ маестра Ерколани [1]).

Директоромъ I-го художественнаго отдѣленія Эрмитажа былъ тогда старикъ Лабинскій, а II-го отдѣленія (заключавшаго въ себѣ библіотеку, кабинетъ медалей, камеи и Керченскія древности) Французъ Жиль [2]). По разсказамъ, Лабинскій прибылъ изъ Варшавы въ Петербургъ, въ царствованіе императора Павла, съ ремесломъ стѣннаго *трафаретнаго* [3]) маляра. Не знаю, насколько это вѣрно; но онъ самъ сказывалъ мнѣ, что былъ опредѣленъ въ Эрмитажъ при моемъ отцѣ, а отъ постороннихъ я слыхалъ, что Лабинскій былъ имъ покровительствуемъ. Артистической подготовки въ немъ было, кажется, немного; но въ силу Французской поговорки «à force de forger on devient forgéron», онъ, съ годами, пріобрѣлъ практическое, наглядное понятіе о достоинствѣ картинъ и могъ различить, какой школѣ живописи и, приблизительно, какой даже кисти онѣ принадлежали. Квартиру съ отопленіемъ онъ имѣлъ во дворцѣ (въ антресолѣ подъ Эрмитажемъ) и былъ съ незапамятныхъ временъ въ чинѣ статскаго совѣтника, уклоняясь отъ превосходительнаго 4-го класса, несовмѣстнаго съ занимаемымъ имъ мѣстомъ, коимъ онъ дорожилъ. Помощникъ его Лебрюнъ недалеко ушелъ отъ своего принципала, хотя однакоже рисовалъ не-

---

[1]) Г. Лоръ нынѣ почти что обрусѣлъ. Онъ женился на дочери одной изъ директрисъ Московскихъ институтовъ, и при случайной моей съ нимъ встрѣчѣ на улицѣ въ нынѣшнемъ (1870 году) сообщилъ мнѣ, что одинъ изъ его сыновей уже поступилъ къ намъ на службу.

[2]) Въ началѣ столѣтія эти два отдѣленія не существовали, и отецъ мой былъ тогда директоромъ всего состава Эрмитажа.

[3]) Итальянскимъ этимъ словомъ обозначаются узоры, вырѣзанные въ толстомъ картонѣ, чрезъ кои проводится плашмя толстая кисть, напитанная краскою. Полагать надо, что искусство это было у насъ новизною въ концѣ прошлаго вѣка.

дурно, особенно перомъ. Однимъ изъ второстепенныхъ надзирателей по Эрмитажу былъ какой-то Итальянецъ, по фамиліи Капелліо, покровительствуемый княземъ П. М. Волконскимъ и его женою; этотъ Капелліо чуть ли не былъ передъ тѣмъ курьеромъ. Въ число Эрмитажныхъ реставраторовъ попалъ Кіевскій прежній мой знакомый, Ломбардецъ г. Верга, басовой ревъ коего потрясалъ нервы моей матери. Настоящею его спеціальностію была миніатюрная, портретная живопись, въ которой однакоже онъ не особенно, помнится мнѣ, отличался, и я не думаю, чтобы онъ болѣе отличался и какъ реставраторъ картинъ, и какими судьбами онъ могъ въ четыре года перешагнуть изъ праздношатающагося въ Кіевѣ въ коронную службу при Эрмитажѣ, не постигаю. Старикъ Бріоскій, продолжавшій числиться реставраторомъ, жилъ во Флоренціи и болѣе не возвращался въ Петербургъ. Но былъ тогда при Эрмитажѣ искусный весьма по этой части Русскій артистъ, нѣкій Митрохинъ, спеціальность коего состояла въ перенесеніи на холстъ старинныхъ картинъ, первоначально написанныхъ на доскѣ, работа копотная и требующая чрезвычайной осторожности, ловкости и терпѣнія. Процессъ былъ слѣдующій. На обратной сторонѣ картины надо было сострогать мало-по-малу рубанкомъ весь деревянный слой до мастики [1]) и за тѣмъ немедленно приложить холстъ, напитанный клеемъ, на оставшійся тонкій слой мастики [2]).

Въ 1838 или 1839 году состоялась неудачная весьма покупка нѣсколькихъ картинъ для Эрмитажа у Француза Ноеля, промышлявшаго ими и пользовавшагося протекціею герцога Лейхтенбергскаго, при воспитаніи коего Французъ этотъ чѣмъ-то находился. Всѣхъ картинъ было четыре или пять, въ томъ числѣ три (кажется) мнимыхъ Рафаелэвыхъ, за которыя онъ запросилъ чуть ли не 300 т. р. сер.; князь П. М. Волконскій долго противился самому пріобрѣтенію и ничего не предлагалъ; но герцогъ Лейхтенбергскій, тогда женихъ великой княжны Маріи Николаевны, вступился (какъ мнѣ разсказывали) за своего кліента, и князь П. М. Волконскій, чтобы отдѣлаться отъ докучливаго картиннаго барышника, предложилъ ему окончательно всего 100 т. р. съ разсрочкою уплаты на три года. Французъ поломался немного, жалуясь на убытки, но однакоже согласился. Не прошло и шести лѣтъ послѣ сей покупки, какъ мнимые Рафаэли изчезли изъ

[1]) Мастикою зовется загрунтовка (обыкновенно свѣтло-коричневая или бѣлая) на холстѣ, приготовленномъ для масляной живописи.

[2]) Предупреждаю вопросъ, который иные могутъ мнѣ сдѣлать, о пользѣ этой операціи, объясненіемъ, что картины, написанныя на деревѣ, подвержены растрескиванію отъ комнатной теплоты, обычной у насъ въ зимнее время.

галлереи (которую они срамили) и перешли на чердакъ или на украшеніе загородныхъ дворцовъ [1]). Той же участи, увы!, подверглось чрезъ тоже количество лѣтъ, громадныхъ размѣровъ произведеніе Гораса Вернета (написанное въ 1840 году) и, кажется, потомъ гравированное, подъ названіемъ «Каруселя», изображавшее портреты Николая Павловича и всей царской семьи, верхомъ, въ натуральный ростъ, въ фантастическихъ рыцарскихъ средневѣковыхъ костюмахъ [2]).

Незадолго передъ тѣмъ, прислана изъ Италіи круглая картина Святого Семейства, названная «la Vièrge de l'Albe [3]) (моментъ разсвѣта), пріобрѣтенная тамъ чрезъ Павла Ивановича Кривцова, секретаря при Римской нашей миссіи и начальника Русскихъ художниковъ въ Римѣ. По мнѣнію моему, можно допустить, что картина эта дѣйствительно Рафаэлевская, но принадлежитъ къ первой, какъ зовется въ художествѣ, его манерѣ (коихъ всѣхъ признается три), то-есть къ періоду, когда недозрѣвшій его геній не доходилъ еще до позднѣйшей творческой его самостоятельности и рабски подчинялся стилю Греческой иконописи его учителя Піетра Перуджина. Но если даже картина эта не Рафаэля, а упомянутаго художника (по сбивчивости кистей учителя и ученика), то тѣмъ не менѣе мѣсто ей прилично весьма въ Эрмитажѣ.

Тогда только что началась ломка и перестройка Эрмитажнаго корпуса и отдѣльной части Зимняго дворца [4]), выходившихъ на Милліонную и на Мойку, по плану и подъ надзоромъ Баварца, барона Кленца, прославившагося уже разными постройками въ Мюнхенѣ. Получая весьма значительный, какъ слышно было, окладъ за эту работу, Баварскій баронъ не жилъ постоянно въ Петербургѣ, а прекомфортабельно пріѣзжалъ туда разъ въ годъ, при открытіи навигаціи, обозрѣть что сдѣлано было въ его отсутствіе, а ходомъ работъ завѣдывали наши архитекторы гг. Стасовъ и Ефимовъ.

---

[1]) Впрочемъ, изъ купленныхъ у Носли картинъ была одна весьма годная и кажущаяся подлинникомъ Гуерчина (или Доминикина); сюжетъ ея былъ молодой Давидъ, до избранія его въ цари.

[2]) Во время своего пребыванія въ нашей столицѣ, великій (дѣйствительно) Французскій художникъ былъ предметомъ особеннаго къ нему вниманія Государя, пожаловавшаго ему Станислава 1-ой степени (со звѣздою) и дрожки съ парою рысаковъ и съ полною упряжью при Русскомъ кучерѣ, каковыми онъ удивлялъ потомъ своихъ соотечественниковъ Парижанъ.

[3]) Богородица Зари.

[4]) Та часть дворца, крыльцо коей было насупротивъ малаго манежа и гдѣ въ дѣтствѣ моемъ жили тетки мои, фрейлины графини Марія и Екатерина Артемьевны Воронцовы.

Переходя затѣмъ къ зданію Академіи Художествъ, отмѣчу немногимъ, можетъ быть, извѣстное, а именно, что внутренній круглый ея дворъ, кажущійся столь обширнымъ, совершенно одинаковаго размѣра съ куполомъ церкви Св. Петра въ Римѣ. У Невской пристани, передъ самой Академіей, были не за долго передъ тѣмъ поставлены «сіи два огромные сфинкса», что̀ и понынѣ находятся тамъ же, привезенные изъ Египта Н. Н. Муравьевымъ, въ 1832 году. Разсказывали, будто бы Михаилъ Павловичъ, не всегда утонченно вѣжливый со своими подчиненными, отнесся однажды къ двумъ картоннымъ своимъ фронтовикамъ-генераламъ огромнаго роста и толщины со словами: «сіи огромные сфинксы», каковыми начинается надпись на піедесталахъ этихъ чудовищъ.

Въ Академіи я въ первый разъ видѣлъ «Разрушеніе Помпеи», Брюлова. Лишнимъ считаю распространяться о достоинствѣ произведенія, признаннаго геніальнымъ во всемъ мірѣ; скажу только, что этой картинѣ суждено быть предметомъ восхищенія и національной гордости будущихъ поколѣній, каковой чести наврядъ ли удостоится картина «Первая проповѣдь Спасителя», труженическое болѣе, чѣмъ вдохновенное произведеніе Иванова, не смотря на эфемерный успѣхъ этой картины, вопреки непонятнаго и невозможнаго даже ея колорита[1]). Послѣ «Разрушенія Помпеи», изъ наиболѣе замѣчательныхъ произведеній Брюлова я считаю распятіе Спасителя, освѣщеннаго молніею, что̀ въ Петропавловской лютеранской церкви.

Объ Айвазовскомъ, тогда начинавшемъ получать заслуженную имъ впослѣдствіи знаменитость морскими видами, столь же эфектно, сколько быстро написанными[2]), Брюловъ говорилъ: «Чему тутъ удивляться? У Айвазовскаго всегда готовы одинъ часъ съ солнечнымъ закатомъ, другой съ восхожденіемъ, третій съ луннымъ освѣщеніемъ, и такъ далѣе; ему только стоитъ обмакнуть кисть въ нужный ему чанъ и мазнуть ею по холсту». Съ Петромъ Васильевичемъ Басинымъ, тогда профессоромъ Академіи, я возобновилъ мое знакомство много позднѣе; говорю возобновилъ, потому, что во время семейнаго нашего нахожденія въ Римѣ, въ 1822 году, когда мнѣ было 15 лѣтъ, онъ часто бывалъ у насъ[3]). По безукоризненности рисунка, чуждаго всякаго же-

---

[1]) Съ этимъ и нѣкоторыми другими отзывами графа М. Д. Бутурлина о художественныхъ произведеніяхъ согласиться мы не можемъ. П. Б.

[2]) Помнится, мнѣ разсказывали, что Айвазовскій неболѣе какъ въ двѣ недѣли оканчивалъ картину пяти аршинъ длины и трехъ вышины. Въ покупателяхъ на нихъ не было недостатка.

[3]) П. В. Басинъ, нынѣ вдовецъ, былъ женатъ на Кикиной, двоюродной или троюродной сестрѣ княгини Маріи Петровны Волконской.

манства и изысканныхъ позъ, художникъ этотъ заслуживаетъ, какъ мнѣ кажется, названіе Русскаго Андрея-дель-Сарто; хотя колоритъ его не изъ блестящихъ, но однакоже и не изъ самыхъ тусклыхъ. Огромная его картина «Введенія во храмъ», почти ничего не теряетъ черезъ то, что находится рядомъ со «Взятіемъ на небо Пресв. Богородицы», въ алтарѣ Казанскаго собора; но лучшими его произведеніями я считаю доблестныя дѣйствія изъ жизни Св. Александра Невскаго, его кончину и перенесеніе его мощей, при Петрѣ I-мъ, писанныя на стѣнѣ и полукругахъ въ одномъ изъ придѣловъ Исаіевскаго собора. Тамъ же можно любоваться и мученическою кончиною Св. Дмитрія Солунскаго и великом. Варварою. Послѣдняя изъ этихъ фигуръ весьма граціозна и благородна. Небольшой я сторонникъ, признаюсь, профессора Брюни, съ его пепельно-туманнымъ колоритомъ, и не былъ я никогда тронутъ извѣстнымъ и столь часто встрѣчающимся въ копіяхъ его «Моленіемъ о чашѣ въ Геѳсиманскомъ саду»; скажу даже, что художникъ придалъ какое-то сентиментальное выраженіе взору Спасителя, которое вовсе мнѣ не нравится. Въ большой же своей картинѣ «Покрова Богородицы» (она же и третья въ алтарѣ Казанскаго собора и насупротивъ «Введенія» П. В. Басина), онъ вдался въ такой особенно-темный колоритъ, что чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ она обратится въ черно-угольный холстъ, каковымъ представляются нынѣ намъ работы Итальянскихъ художниковъ начала XVII-го вѣка. Не оспаривая за тѣмъ достоинства «Бронзоваго змія», его же (Брюни) кисти, скажу, что эта картина дышитъ анатомическою, но несовсѣмъ пріятною для глазъ, вѣрностію.

Въ Академіи выставлена была въ то время картина ея Нестора, профессора Шебуева, современника когда-то славившагося Егорова *), представлявшая убіеніе Новгородскаго купца Иголкина Шведами: сюжетъ, перешедшій тогда съ большимъ успѣхомъ на театральную сцену. Если картина эта ничѣмъ особенно не отличалась, то нельзя однакоже сказать того о двухъ произведеніяхъ молодости этого, устарѣлаго уже тогда, живописца, находящихся въ Казанскомъ же соборѣ (на пилястрахъ, поддерживающихъ куполъ) и представляющихъ видѣніе (или что-то въ этомъ родѣ) Св. Василія Великаго во время

*) Егоровъ былъ, по мнѣнію моему, не что иное какъ рабскій подражатель Итальянской школы. Въ извѣстной въ свое время его картинѣ Спасителя, привязаннаго къ столбу, лядвіи Божественнаго Страдальца непропорціонально толсты и мясисты, а въ ликѣ Его ничего божественнаго нѣтъ. Предшественникъ Егорова, даровитый Боровиковскій, оставилъ по себѣ, кромѣ прекрасныхъ мѣстныхъ образовъ главнаго иконостаса въ Казанскомъ соборѣ, множество портретовъ въ барскихъ домахъ обѣихъ столицъ, дышащихъ по сю пору жизнію и сохранившихъ всю свѣжесть колорита.

совершенія имъ литургіи, и исцѣленіе (имъ же кажется) бѣснующагося юноши; обѣ эти картины останутся образцовыми свидѣтельствами таланта художника.

Изъ академическихъ ландшафтистовъ болѣе прочихъ славились отецъ и сынъ Воробьевы. Старикъ Воробьевъ былъ ученикомъ и слѣпымъ подражателемъ Нѣмца Гакерта, получившаго извѣстность въ Италіи [1]). Судя по видѣнному мною у А. Н. Муравьева пейзажу «Общій видъ Іерусалима», писанному младшимъ Воробьевымъ, художникъ этотъ приближался къ нынѣшнему стилю болѣе, нежели его отецъ. Братья Чернецовы [2]), только что начали тогда артистическое свое поприще путешествіемъ по Волгѣ и возвратились съ богатымъ запасомъ эскизовъ карандашемъ и акварелью, а нѣкоторые изъ нихъ исполнили масленными красками.

Усердно тогда трудился спеціальный, милитарный живописецъ, Французъ Ладюрнеръ; зову его милитарнымъ, а не батальнымъ и не военнымъ, ибо сраженій никакихъ почти не приходилось ему писать (по крайней мѣрѣ я никогда таковыхъ не видывалъ), а вся артистическая его дѣятельность была поглощена изображеніями разводовъ и смотровъ. Ужъ конечно ему лафа была съ великимъ княземъ Михайломъ Павловичемъ (да и съ царствовавшимъ его братомъ), и въ заказахъ не было недостатка. Мастерская г. Ладюрнера была переполнена повтореніями гвардейскихъ солдатиковъ, во всѣхъ позахъ, въ полной и неполной амуниціи, и (кажется) моделями новыхъ предполагаемыхъ формъ. Человѣкъ онъ былъ не безъ таланта, но какой талантъ устоитъ и не притупится отъ монотонности такого неартистическаго занятія, а скорѣе механическаго ремесла?

---

[1]) Гакертовой же школы были старикъ Матвѣевъ, поселившійся и умершій въ Римѣ, также и первый мой учитель рисованія ландшафтовъ Тосканецъ Ингирами.

[2]) Ихъ было трое: два родныхъ брата, а третій двоюродный; уроженцы они изъ заштатнаго города Луха, Костром. губ. Юрьевецпольскаго уѣзда: Немного позднѣе времени настоящаго моего разсказа, они ѣздили съ артистическою же цѣлію на Востокъ, и кажется въ Египетъ, и одинъ изъ нихъ умеръ въ Іерусалимѣ. Придерживаясь прежнему своему методу рисовать карандашомъ съ натуры, а оканчивать колерами въ Петербургской мастерской, они дошли до того, что живопись ихъ можно назвать условною, а не типичною, и у нихъ одинаково (въ отношеніе теплоты странъ) выходили виды окрестностей Іордана и Петербургскаго Парголова. Отъ этаго (вѣроятно) ложнаго направленія они остались посредственными лишь художниками. Маленькіе акварельные ихъ рисунки, сдѣланные съ натуры, были однакоже весьма хорошими произведеніями. По возвращеніи ихъ съ Востока, они поселились на два-три мѣсяца на родинѣ, въ г. Лухѣ, чтобы привести въ порядокъ свои эскизы, а такъ какъ городокъ этотъ отстоялъ всего въ 10 верстахъ отъ моего имѣнія с. Порзни (гдѣ я временно тогда находился), то я ихъ тамъ посѣщалъ.

Изъ портретистовъ не-академиковъ славились тогда г.г. Штейбенъ, Нефъ [1]), Французъ Куръ (покровительствуемый Французскимъ посланникомъ виконтомъ де-Барантомъ) и горбатая Англичанка, г-жа Робертсонъ; она же отбивала по два или три года всю почти практику у своихъ собратій. У Петербургской тогдашней знати вошло въ моду списывать свои портреты заморскою этою артисткою, которая брала за нихъ неслыханныя цѣны, по 4 или даже по 5 тысячъ р. с., если портретъ былъ въ натуральный ростъ; по 2 тысячи (помнится мнѣ) за поясной и по 700 (или около того) р. за головной, съ одними плечами. Главнымъ и непростительнымъ недостаткомъ у нея былъ неправильный до невозможности рисунокъ (то есть контуры), обличающій въ ней отсутствіе первоначальныхъ анатомическихъ свѣдѣній [2]); она отличалась только эфектомъ блестящей (дѣйствительно) своей палитры, но впрочемъ умѣла придавать живописныя позы своимъ моделямъ, которыя она любила писать, вмѣсто обыкновенной ихъ одежды, въ фантастическихъ, средневѣковыхъ костюмахъ. Накладывала же она на холстъ толстые слои красокъ буграми, не сливавшимися межъ собою, отъ чего работа ея, разсматриваемая вблизи, казалась уличною вывѣскою; но издали эфектъ былъ достигнутъ. К. П. Брюловъ, готовый всегда отдавать должную справедливость всякому таланту, стоя разъ предъ портретомъ В. П. Давыдова (нынѣ графа), въ рыцарскомъ черномъ костюмѣ, держащаго коня подъ устцы (работа этой артистки) сказалъ: «Должно быть, самъ Шекспиръ вдохновляетъ Англичанъ колоритомъ». (Я уже прежде дозволилъ себѣ замѣчаніе, что этотъ геніальный художникъ, былъ не прочь отъ извѣстной дозы пестроты въ колоритѣ, но зналъ, что дѣйствіе времени отрезвитъ эту кажущуюся пестроту). Модная Британская артистка написала, поочередно, всю царскую семью во весь ростъ и получила за то около ста тысячъ р. с. Изъ императрицы Александры Ѳедоровны, которая тогда конечно считала себѣ всѣ 40 лѣтъ сполна, льстивая кисть Британки сдѣлала двадцатилѣтнюю красавицу; но ей трудно было польстить великимъ княжнамъ (какъ я уже говорилъ): тутъ сама натура могла спорить съ

[1]) Кромѣ портретной части, г. Нефъ былъ великій художникъ по священнымъ предметамъ живописи. Мѣстныя иконы главнаго иконостаса Исакіевскаго собора имъ первоначально исполнены, и съ нихъ копированы въ настоящее время мозаикою.

[2]) Англійскій акварельный ландшафтистъ и Сибирскій путешественникъ, г. Аткинсонъ, при коемъ я много преуспѣлъ въ этомъ жанрѣ, въ бытность его въ Петербургѣ зимою съ 1846 на 1847 годъ, правильно весьма выражался по поводу этой его соотечественницы, что дурно писать (to paint) простительно, потому что не всѣмъ одинаково представляются колера, но что для артиста непростительно дурно рисовать, такъ какъ эта часть науки—вещь положительная и основана на точныхъ данныхъ, какъ ариѳметика. По его же словамъ артистка эта не пользовалась никакою извѣстностію въ Англіи.

идеаломъ искусства. Но по коловратности всего житейскаго, не прошло и шести лѣтъ, какъ всѣ эти знаменитыя произведенія перешли изъ дворцовыхъ залъ въ полутемные корридоры, и о г-жѣ Робертсонъ едва-ли кто нынѣ помнитъ.—О достоинствѣ портретиста, Француза Кура ничего не могу сказать, потому что не имѣлъ случая судить на дѣлѣ о его талантѣ; впрочемъ я, кажется, видѣлъ одинъ изъ его портретовъ, но должно быть, что онъ не особенно меня занялъ, такъ какъ я о немъ забылъ. Привилегированный модою, художественый ареопагъ (г-жа Робертсонъ и г.г. Куръ, Нефъ и Штейбенъ) затмилъ совершенно моего пріятеля, Флорентинца Берти, съ коимъ я познакомился въ домѣ В. А. Шатиловой и коему во всю эту зиму пришлось (кажется) написать портретъ одной Лидіи Николаевны Шатиловой. Человѣкъ онъ былъ уже пожилой и долго скитавшійся въ Англіи и въ Парижѣ, но нигдѣ ему не везло, хотя онъ былъ талантливымъ довольно живописцемъ [1]).

Исакіевскій соборъ былъ уже весь выведенъ снаружи, кромѣ купола [2]). Въ архитектурномъ отношеніи онъ мнѣ не нравится, какъ несоотвѣтствующій стилю храма Грекороссійскаго исповѣданія и какъ подражаніе Парижской церкви св. Женевьевы и Лондонской св. Павла (сравненіе мое основано, впрочемъ, на видѣнныхъ мною рисункахъ этихъ двухъ церквей, самъ же я не бывалъ ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ). Для зданія, стоющаго болѣе 30 милліоновъ р. (безъ внутренней, кажется, отдѣлки), надлежало, по мнѣнію моему, открыть Европейскій конкурсъ, а не поручать столь монументальную постройку одному г. Монферану, не выказавшему дотолѣ ни въ чемъ своей геніальности Въ началѣ 40-хъ годовъ поручено было вызванному изъ Парижа ваятелю, г. Лемеру, исполненіе одного изъ четырехъ фронтоновъ, и онъ не замедлилъ окончаніемъ трехугольнаго фронта съ сѣверной стороны, изображающаго Воскресеніе Христово; работа, какъ всякому, даже незнатоку, очевидно, отличающаяся своею посредственностію. Въ ней особенно поражаетъ глаза вытянутая и непропорціонально длинная фигура Спасителя, какъ бы пробивающая треугольный конекъ карниза. Тогда только спохватились, что Французъ не мастеръ своего дѣла; но тѣмъ не менѣе пришлось заплатить ему (сколько помню) 100 т. р. с. Остальные три фронтона, почти что случайно, достались на долю Мо-

---

[1]) Мнѣ разсказывали, что у Австрійскаго посла, графа Фикельмона, была картина „Пилигрима“, написанная сказаннымъ художникомъ въ его молодости, и что, взглянувъ на нее тогда (т. е. въ 1840 году), онъ прослезился и сказалъ, „Я теперь уже не могу такъ писать“. Продолжительное бѣдствіе отбило у него половину прежнихъ способностей.

[2]) Не всѣмъ, можетъ быть, извѣстно, что Исакіевскій куполъ желѣзный, а не каменный: постройкою изъ послѣдняго матеріала опасались повидимому придать лишнюю тяжесть зданію, сооруженному на болотистой мѣстности.

сковскому нашему даровитому Ивану Петровичу Витали *). Въ одинъ изъ пріѣздовъ двора въ Москву, г. Монферанъ, ему сопутствовавшій, прогуливаясь по городу, былъ пораженъ граціозною отдѣлкою фонтановъ, устроенныхъ при князѣ Д. В. Голицынѣ, между 1834 и 1836 годами, на Лубянской и Театральной площадяхъ и, узнавъ имя ихъ строителя, отправился прямо въ мастерскую Витали, гдѣ, убѣдившись въ его превосходствѣ надъ Французомъ Лемеромъ, вызвалъ доморощеннаго нашего ваятеля въ Петербургъ и поручилъ ему исполненіе остальныхъ трехъ фронтоновъ Исакіевскаго собора, устроивъ для него помѣщеніе съ мастерской въ самой оградѣ строящагося тогда храма. На сколько И. П. Витали оправдалъ, и съ излишкомъ, оказанную ему довѣренность, мы видимъ изъ его трехъ фронтоновъ, могущихъ, на сколько кажется мнѣ, состязаться съ лучшими произведеніями древняго и новѣйшаго ваянія въ Европѣ. Изъ нихъ особенно замѣчателенъ южный фронтонъ (обращенный къ Лейхтенбергскому дворцу), изображающій поклоненіе волхвовъ, хотя ему не во многомъ уступаетъ и западный (что̀ насупротивъ Почтамской улицы), представляющій св. Исаака Далматскаго, благословляющаго Византійскаго императора (Ѳеодосія) и его супругу. Въ чертахъ этой царской четы узнать можно, какъ я слышалъ, императора Николая Павловича и императрицу Александру Ѳедоровну; впрочемъ послѣднее это обстоятельство подтверждать не могу, потому что всѣхъ подробностей того барельефа хорошо не помню.

О Казанскомъ соборѣ я прошелъ бы молчаніемъ, если бы, какъ лѣтописецъ художествъ, не считалъ нужнымъ напомнить для новаго поколѣнія, что постройка этой, такъ сказать, пародіи Римскаго храма св. Петра, относится къ началу царствованія Александра 1-го и исполнена была архитекторомъ Воронихинымъ, бывшимъ прежде крѣпостнымъ человѣкомъ графа Строгонова. Разсказываютъ, что когда императоръ попросилъ однажды славившагося тогда въ Петербургѣ архитектора Гуаренги (строителя Государственнаго Банка, что̀ на Садовой улицѣ, продолженія Эрмитажа и новой Царскосельской галлереи со спускомъ въ садъ) обозрѣть ходъ работъ того собора, Итальянскій зодчій будто бы отвѣчалъ: «Il n'y a rien à faire là, Sire, excepté abattre le tout de fond en comble». (Тутъ нечего дѣлать, Государь, кромѣ того, что слѣдуетъ все сломать до основанія). Одно изъ архитектурныхъ уродствъ (по моему) состоитъ въ томъ, что колоннада, составляющая въѣздный полукругъ, примкнута къ боку церкви, а не передъ главнымъ входомъ,

*) У И. П. Витали иностраннаго было только его фамилія: онъ родился и неотлучно до зрѣлаго возраста жилъ въ Москвѣ и былъ православнаго исповѣданія.

потому что алтарь долженъ быть обращенъ къ Востоку, а парадный входъ обращенъ къ Сѣверу.

Храмъ Смольнаго монастыря (онъ же и соборъ всѣхъ учебныхъ заведеній), выстроенный въ чернѣ архитекторомъ Елисаветинскаго времени Растрелли, оставался недоконченнымъ до царствованія Николая Павловича и лишь въ концѣ 30-хъ годовъ достроенъ стараніемъ графа Канкрина, тогда бывшаго министра финансовъ. Почему графъ Канкринъ, а не кто иной, принялъ на себя эту заботу, не знаю; но онъ заслуживаетъ признательности современниковъ сколько за благую мысль, столь же и за строгое неуклоненіе отъ стиля первоначальной постройки. Хрустальная рѣшетка предъ всѣми тремя иконостасами вещь оригинальная и весьма эфектная; но замѣчательнѣе пуще всего то, что постройку, какъ этого храма, такъ и чугунныхъ тріумфальныхъ воротъ, что за Царскосельской заставой (въ память Польской войны 1831 года) графъ Канкринъ сумѣлъ сдѣлать изъ экономическаго остатка (какъ мнѣ разсказывали) годовыхъ бюджетовъ ввѣреннаго ему министерства. То были блаженныя времена, когда, не взирая на издержки трехъ послѣдовавшихъ одна за другою кампаній (Турецкая, Персидская и Польская), въ государственномъ бюджетѣ оказывался избытокъ, коимъ можно было украшать столицу. Но государственные люди, подобные графу Канкрину, родятся вѣками [1]).

Затѣмъ перехожу къ театральному отдѣлу. Итальянской оперы тогда въ Петербургѣ не было, а были только Русская и Нѣмецкая. На Русской сценѣ энтузіазмъ, возбужденный оперою «Жизнь за Царя», еще не остывалъ, и я не замедлилъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, послушать ее. Исполнителями были тѣ самые артисты, для коихъ Глинка написалъ свою оперу: примадонна Степанова, съ рѣзко крикливымъ тембромъ, хотя съ изрядно выработаннымъ голосомъ; теноръ Леоновъ [2]) съ пріятнымъ, но не весьма сильнымъ органомъ, и пѣвавшій съ экспрессіею и съ хорошимъ вообще методомъ; басъ Петровъ и жена его контральто; оба они вполнѣ заслуживали названіе талантливыхъ артистовъ съ превосходными голосами [3]), владѣли правильною

[1]) Я слыхалъ, что во время Турецкой, двухлѣтней войны, нашъ курсъ не упадалъ ни на одну копейку.

[2]) Говорятъ, что онъ былъ незаконный сынъ знаменитаго фортепіаниста Фильда, и настоящая его фамилія была Шарпантье, каковую онъ промѣнялъ на Леонова, когда поступилъ на сцену.

[3]) Петровы, мужъ и жена, и Степанова были учениками старика г. Кавоса, бывшаго долго учителемъ пѣнія при театральной школѣ и хорошо знавшаго свое дѣло. Онъ умеръ въ началѣ 1840 года.

дикціею [1]). Русскіе наши меломаны закидали бы, пожалуй, меня камнями, услыхавъ мое мнѣніе о пресловутой этой оперѣ, что за исключеніемъ тріо: «Не тужи напрасно» и пѣсни Вани: «Ой мать убили», почти все остальное дремлетъ монотонностію, скукою и длится черезъ чуръ долго. Я и товарищъ мой И. А. Кавецкій до того утомились этимъ пяти часовомъ спектаклемъ, что задремали. Ужъ какъ себѣ хотятъ г.г. ратующіе за Русскую музыку, а изъ однихъ національныхъ мотивовъ невозможно составить цѣлую оперу. Въ подтвержденіе такого мнѣнія скажу, что не дремалъ же я, спустя три года, во весь спектакль второй Глинкиной оперы «Руланъ и Людмила», которую композиторъ наполнилъ не одними Русскими напѣвами, но сумѣлъ варьировать ее оригинальными мелодіями, и въ интродукціи коей имѣется одинъ настоящій «pezzo concertato» [2]): «Не сердись, добрый гость», и тамъ же есть оживленнаго стиля арія для контральта: «Чудный сонъ моей любви» (превосходно исполненная г-жею Петровою), о каковыхъ и помину нѣтъ въ оперѣ «Жизнь за Царя».

Теноръ Леоновъ былъ пѣвецъ чисто-Русскихъ оперъ, въ томъ числѣ «Аскольдовой могилы» (Верстовскаго), но для Итальянскихъ, переведенныхъ на Русскіе либретто нѣкимъ г. Элькапомъ, ангажированы были теноръ, Флорентинецъ Конти (одновременно торговавшій выписными изъ Италіи старинными картинами) и престарѣлый и почти что безголосный басъ Тозй. Этотъ Конти обладалъ порядочнымъ голосомъ и имѣлъ сценическій навыкъ, и если не всегда вызывалъ аплодисменты, то за то ролей своихъ не портилъ. Я случайно однажды попалъ на репетицію оперы «Теобальдо и Изолина», соч. давно забытаго въ Италіи композитора Морлакки, и какъ меня туда ввелъ пѣвецъ Сетти, знакомый съ Конти, то меня приняли (кажется) за Итальянскаго артиста. Переводчикъ Итальянскихъ либреттовъ на Русскія впрши, полу-поэтъ Элькапъ былъ изъ загадочныхъ личностей и происхожденія, и его можно было назвать Петербургскимъ Медзофанти, по его полиглотическимъ способностямъ: онъ говорилъ на всѣхъ Европейскихъ идіомахъ и, хотя о степени его познаній я судить не могу, но насчетъ Итальянскаго скажу, что онъ свободно и правильно владѣлъ этимъ языкомъ, и даже былъ не съ дурнымъ акцентомъ. Въ обществѣ онъ пользовался, насколько помнится мнѣ, сомнительною репутаціею правительственнаго шпіона, но заслуживалъ ли онъ тако-

[1]) Дикціею я называю не вокализацію, а понятное произношеніе словъ при пѣніи.

[2]) По-французски „morceau d'ensemble", то есть квинтетъ, секстетъ и такъ далѣе, когда нѣсколько солистовыхъ голосовъ поютъ вмѣстѣ и поддерживаются хоромъ.

вую, рѣшительно не знаю *). На упомянутой выше репетиціи пѣвцовъ акомпанировалъ на фортепіано молодой Кавосъ, наслѣдовавшій послѣ отца мѣсто учителя пѣнія въ театральной школѣ и братъ небезталантливаго архитектора той фамиліи, построившаго Александринскій театръ.

Говорили, что составъ труппы Нѣмецкой оперы былъ весьма удовлетворительнымъ; но я, какъ свѣже-пріѣзжій изъ Италіи, не сочувствовалъ Нѣмецкимъ либреттамъ Итальянскихъ оперъ и вообще Нѣмецкимъ пѣвцамъ, и потому не полюбопытствовалъ послушать этихъ артистовъ; впослѣдствіи я сожалѣлъ объ этомъ, ибо всякая исключительность въ искусствѣ есть вещь несправедливая, тѣмъ болѣе, что, по отзывамъ знатоковъ, теноръ Брейтингъ и баритонъ Ферзингъ были далеко недюжинными артистами. О тамошней примадоннѣ ничего не помню.

Восхищала тогда сѣверную нашу столицу Европейская знаменитость, Тальони, считавшая неподражаемой. Я видѣлъ ее въ двухъ балетахъ, въ «Тѣни» и въ «Сильфидѣ»; но она не произвела на меня никакого впечатлѣнія. Правда, что я не знатокъ и не особенный любитель хореграфическаго искусства, и когда бываю въ балетахъ, то меня болѣе всего занимаютъ декораціи, и мнѣ всегда хочется, чтобы всѣ эти *па-де-дё*, *па-де-труа* скорѣе кончились, и декораціи смѣнялись новыми. Чтобы дойти до граціозности, танцовщицѣ этой приходилось постоянно бороться съ своимъ неуклюжимъ, высокимъ и костлявымъ отъ худобы станомъ, съ своими непропорціонально длинными руками и огромными ногами, кажущимися еще большими отъ сухости берцевъ. Были, конечно, и минуты, когда искусство преодолѣвало всѣ эти препятствія, но въ общей сложности знаменитая танцовщица далеко не производила ощущеннаго мною въ недавнемъ времени удовольствія, когда я видѣлъ нашу Московскую Лебедеву въ балетѣ «Дочь Фараона», и хотя я не склоненъ восторгаться этими божествами, но артистка эта показалась мнѣ идеаломъ хореографическаго искусства.

Въ упомянутомъ балетѣ «Сильфида» есть моментъ съ претензіею на волшебный эффектъ, именно тотъ, когда Сильфида порхаетъ по поверхности озера и перепрыгиваетъ съ одного цвѣтка на другой. Порханіе по водѣ было сносно, хотя не особенно эффектно; за то

*) Въ карикатурномъ листкѣ „Ералашъ“, издававшемся между 1845 и 1848 годами талантливымъ г. Неваховичемъ, Эльканъ былъ изображенъ торгующимъ или покупающимъ копченые языки, съ надписью: „Господинъ знатокъ въ языкахъ, и особенно въ Еврейскомъ“.

въ прыганіи фей съ одного стебля розы на другой, не токмо что не было никакой иллюзіи, но дѣло выходило комическимъ отъ аляповатаго изображенія царицы цвѣтовъ, величиною съ добрый кочанъ капусты и соотвѣтственной тому намалевки.

Къ Русскому театру я былъ равнодушенъ, хотя то была самая блестящая его пора, и имена обоихъ Каратыгиныхъ, двухъ Григорьевыхъ, Сосницкаго, Мартынова, Максимова, Самойлова, сына знаменитаго пѣвца [1]), и обѣихъ его сестеръ останутся незабвенными въ лѣтописяхъ Русской сцены. Въ Александринскомъ театрѣ бывалъ я всего раза два; одинъ разъ по поводу часто дававшейся драмы «Параша Сибирячка», въ коей играли съ большимъ успѣхомъ Сосницкій и вдова Дюръ. Имя Сосницкаго не нуждается въ похвалѣ; но роль была, сколько помнится мнѣ, не по немъ по своей безцвѣтности. Дюръ, хотя считалась изъ первыхъ артистокъ, мнѣ вовсе не понравилась. Упомянутая пьеса вся патетична и скорѣе принадлежитъ къ репертуару слезливыхъ драмъ старой школы. Сюжетъ ея, при всей своей національности, заимствованъ изъ Французскаго романа г-жи Котенъ (m-me Cotin) «Les exilés de Sibérie» [2]). Меня довольно удивило увлеченіе публики этою піесою [3]). Была также тогда въ ходу маленькая піеска, въ родѣ водевиля, какого-то военнаго сюжета (чуть-ли не Отечественной войны 12 года), замѣчательная лишь по имени ея автора, безрукаго генерала Скобелева.

Къ стыду моему я былъ болѣе ревностнымъ посѣтителемъ Михайловскаго театра, тогда сборнаго мѣста для всего бо-монда, гдѣ Французская труппа ничего не оставляла пожелать. Г-жа Аллапъ была первоклассною актрисою; вредила ей только безобразная и не по лѣтамъ ея тучность. Въ амплуа молодыхъ дѣвушекъ (ingénues et amoureuses) очень хороша была Луиза Мейеръ. Бывшая же Московскою

---

[1]) Самойловъ отецъ утонулъ въ 30-хъ годахъ, возвращаясь изъ Петергофа въ Петербургъ, на пароходѣ во время бури.

[2]) Это не первый примѣръ (къ сожалѣнію), что неизвѣстное у насъ, свое доморощенное произведеніе, получаетъ извѣстность за границей и переходитъ оттуда съ правомъ гражданства на нашу почву. Подобный случай былъ, въ 50-хъ годахъ, въ области садоводства. Получено было, кажется, изъ Франціи, въ числѣ новостей, видное весьма растеніе, подъ именемъ „Dielytra Spectabilis“, за которое охотники наши горячо принялись; но какъ о культурѣ его ничего не было извѣстно, то иные содержали его въ оранжереѣ, а другіе въ тепломъ парникѣ; на повѣрку же оказалось, что растеніе это воздушное и многолѣтнее, не требующее никакой покрышки зимою, и, какъ меня впослѣдствіи увѣряли, изъ Сибирскихъ дикорастущихъ. Кѣмъ и когда оно вывезено было во Францію, мнѣ неизвѣстно.

[3]) Я недавно только узналъ, что драма эта Полевого, писателя мною уважаемаго. Это меня удивило, потому что піеса показалась мнѣ весьма посредственною.

фавориткою въ тѣхъ же роляхъ, мамзель Анна, окончательно затмѣнена была артистическими своими подругами и прозябала въ второстепенныхъ роляхъ. Молодой драматическій актеръ Брессанъ, дебютировавшій въ Петербургѣ, началъ у насъ формироваться и въ теченіи шести-семи лѣтъ усовершенствовался до того, что прямо поступилъ съ Михайловской сцены на одну изъ первоклассныхъ Парижскихъ, и имя его не замедлило прогремѣть въ тамошнихъ театральныхъ фельетонахъ. Петербургскіе старожилы еще помнятъ, чаю, какъ Брессанъ былъ хорошъ въ «Le chevalier de S-t George» и «Savandy, ou le fou par amour». Въ солидныхъ роляхъ отличался Алланъ; въ смѣси серіозныхъ и полукомическихъ Дюфуръ (превосходившій прочихъ могущественнымъ, но внятнымъ своимъ органомъ); изъ чисто-комиковъ хорошъ былъ Руже, также и Вернетъ, издавна фаворитъ публики, но впадавшій въ утрированное гаерство.

Къ числу пропешествій, хотя маловажныхъ, обычной Петербургской жизни принадлежало и то, что, въ одинъ прекрасный день, жители лишились наслажденія завернуть въ кондитерскую, чтобы прохладиться мороженымъ. Градская дума обложила кондитерскія заведенія добавочнымъ платежемъ для полученія права, чтобы ихъ издѣлья были бы съѣдаемы и выпиваемы потребителями на мѣстѣ; въ число это входили мороженое, шоколадъ, оршадъ, лимонадъ, ликеры и проч. или, чтобы кондитеры торговали только на выносъ. Вамъ не отказывали подать порцію кремъ-брюле, но предупреждали васъ, чтобы вы вышли на тротуаръ Невскаго проспекта, чтобы съѣсть это мороженое, или уносили бы съ собою. Только на этихъ условіяхъ вамъ отпускали все прочее, какъ шоколадъ, пирожки и проч. И вотъ почему, вѣроятно, первостатейные кондитеры, какъ Доминикъ и Излеръ, поспѣшили переименовать кондитерскіе свои магазины въ кафе-ресторанъ съ буфетомъ и начали платить повинности наравнѣ съ трактирными заведеніями.

Въ Маѣ я возвратился въ Москву, проживъ на берегахъ Невы цѣлыхъ пять мѣсяцевъ безъ всякой рѣшительно пользы по запутаннымъ моимъ дѣламъ. Самъ нуждаясь иногда въ рублѣ, не могъ я много пересылать бѣдной моей женѣ во Флоренцію (но все-таки помогалъ ей по возможности) и жилъ въ ожиданіи будущихъ благъ отъ изворотливости Леона, къ коему я продолжалъ питать довѣріе, хотя въ меньшей противъ прежняго мѣрѣ. Положеніе мое было скорбное, потому что не видалъ я никакого изъ него выхода. Еслибы я и уничтожилъ тогда мою довѣренность этому человѣку, то дѣла мои не выиграли бы ничего, а я между тѣмъ остался бы лицомъ къ лицу не-

редъ долгами болѣе милліона, съ коими не справиться мнѣ во вѣки вѣковъ, и имѣніе мое не устояло бы болѣе года, между тѣмъ какъ Леонъ все-таки кое-какъ да ладилъ со своими (они же въ сущности были и моими) кредиторами. Бо́льшаго же вреда, чѣмъ тотъ, что́ уже былъ, Леонъ не могъ причинить мнѣ, и фактическая моя несостоятельность въ полтора милліона не увеличилась бы (т. е. не была бы опаснѣе), если бы Леонъ надѣлалъ еще полтора милліона новаго долга: значитъ, я ничѣмъ не рисковалъ чрезъ продленіе моей ему довѣренности на прежнихъ основаніяхъ, а между тѣмъ я все-таки питалъ надежду (хотя слабую), что авось молъ онъ вывернется какъ-нибудь. Конечно, былъ еще исходъ; но у меня не хватило на то духа. Вѣдь лишился же я, по сплѣ обстоятельствъ, своего имѣнія восемь лѣтъ спустя; такъ не лучше ли было бы въ томъ 1840 году, перекрестясь, добровольно покориться судьбѣ, предоставивъ безъ всякихъ судебныхъ затяжекъ все мое имѣніе кредиторамъ, и затѣмъ, предавшись волѣ Божіей, обречь себя всецѣло на серіозный трудъ и тѣмъ открыть себѣ новое служебное поприще, могущее доставить приличное содержаніе мнѣ и моему семейству? А это, при тогдашнихъ свѣтскихъ моихъ связяхъ, было весьма возможно. Но вмѣсто того я предпочелъ усыплять себя иллюзіями Леоновскихъ воздушныхъ замковъ и торчать безокладнымъ чиновникомъ въ канцеляріи Московскаго генералъ-губернатора. Приняться за дѣло восемь лѣтъ ранѣе, въ той порѣ жизни, въ которой я тогда былъ, много значило; ибо много еще дѣятельности предстояло тридцатитрехъ-лѣтнему человѣку, физически и морально здоровому. Но для этого нужна была сила характера и воли, а ея то мнѣ и не доставало. Вотъ что слѣдовало мнѣ дѣлать, а не убаюкиваться и распѣвать Доницетіевы аріи на Московскихъ и Петербургскихъ концертахъ и убивать дорогое время до тѣхъ поръ, какъ стукнуло мнѣ 45 лѣтъ, и я по необходимости бросился въ настоящую службу (въ Рязани въ 1852 г.), чтобы чѣмъ нибудь себя обезпечить. Хватился я поздно, и время для успѣховъ по службѣ ушло. Близокъ локоть, да не укусишь!

Изъ Петербурга въ Москву я проѣхался въ одной изъ вновь устроенныхъ почтовыхъ каретъ, весьма покойныхъ. За внутреннее мѣсто (коихъ было всего два) платилось 13 или 14 р. с.; а за наружное, рядомъ съ кондукторомъ, но съ верхомъ, платилось, кажется, 11 рублей. Проѣздъ совершался въ 60 часовъ ровно: быстрота большая по тогдашнему времени, когда дилижансы шли не менѣе какъ трое сутокъ съ половиною. Вмѣстѣ съ каретою, и подъ наблюденіемъ того же кондуктора, былъ фургонъ съ корреспонденціею и, сколько помнится мнѣ,

также съ наружнымъ мѣстомъ для одного пассажира, также за 10 или 11 р. Костюмъ кондуктора былъ весьма наряденъ: вся грудь въ мундирномъ сюртукѣ была въ галунахъ, какъ у заграничныхъ егерей-лакеевъ (chasseurs), и рожокъ на шнуркѣ черезъ плечо, на которомъ онъ игралъ подъѣзжая къ станціи, тотъ самый, немудрый Нѣмецкій вальсъ, что̀ игрывали почтари по всей Германіи, какъ сигналъ, чтобы лошадей скорѣе выводили передъ станціоннымъ домомъ..

Въ Москвѣ меня встрѣтилъ Леонъ съ настояніемъ, что необходимо, для вящшаго-де эфекта и поддержки кредита, занять мнѣ квартиру, кидающуюся всѣмъ въ глаза и, вслѣдствіе того, онъ отдалъ въ мое распоряженіе весь третій этажъ дома, что̀ на углу Воздвиженки и Кисловскаго переулка, насупротивъ церкви св. Бориса и Глѣба *). Квартира эта была, нечего говорить, слишкомъ даже просторна, но безо всякой почти мебели, и потому не могла содѣйствовать эфекту житейской моей обстановки. Домъ принадлежалъ полужуиру, нѣкоему г. Каратееву, проматывавшему остатки женинаго состоянія и поступившему тогда въ число подобныхъ ему личностей, т. е. въ штатъ Леоновскихъ искателей не трудового насущнаго хлѣба, а нечаянныхъ, случайныхъ благъ; но блага эти не сыпались на г. Каратеева, и онъ той же осенью пустился на поприще провинціальнаго актерства, въ Кіевъ, куда завербовалъ жену и свояченицу, два миловидныя и кроткія молодыя существа. Одна изъ нихъ была, повидимому, не безъ драматическаго таланта (но которая именно изъ двухъ, не помню) и произвела, какъ впослѣдствіи слышно было, нѣчто въ родѣ фурора на Кіевской сценѣ. Эта г-жа Каратеева была воспитанницею или незаконною дочерью М. Н. Загоскина, тогда бывшаго директора Московскихъ театровъ, въ конторѣ коихъ служилъ ея безпечный мужъ. Въ числѣ кредиторовъ Леоновыхъ была одна близкая родственница этой молодой женщины, на сумму весьма значительную для небогатой особы, какою она была, и такъ какъ все это семейство пользовалось особеннымъ покровительствомъ Загоскина, то онъ настоялъ въ Московской Управѣ Благочинія, чтобы Леонъ былъ арестованъ, и не хотѣлъ выдти изъ присутствія, пока должника не спустили въ долговую яму, что̀ у Иверскихъ воротъ. Но арестъ этотъ продлился, помнится мнѣ, менѣе одной недѣли, такъ какъ Леонъ учинилъ какую-то временную сдѣлку съ своею кредиторшею. Въ числѣ многосторонних его изворотовъ было и то, что онъ умѣлъ внушать нѣкоторымъ изъ болѣе крикливыхъ своихъ кредиторшъ, что задержаніе его личности приноситъ существенный вредъ ихъ собственнымъ интересамъ, прекращая его дѣятельность.

*) Нынѣ домъ извѣстнаго медика Осиповскаго.

Леонъ, однажды, при мнѣ сторговалъ было этотъ домъ у г. Каратеева, не помню за какую цѣну; но какъ денегъ наличныхъ у него конечно не было, то условлено было (не письменно, а на словахъ, какъ онъ часто дѣлывалъ) платить по срокамъ, а какъ и для задаточнаго взноса за первый срокъ также не оказалось ни копейки, то Леонъ, тутъ же, при насъ всѣхъ, вручилъ продавцу пятирублевую, не на серебро, а на ассигнаціи, кредитную бумажку, въ видѣ задатка на первоначальный взносъ, и къ забавѣ всѣхъ присутствовавшихъ при курьозномъ этомъ торгѣ почти что увѣренъ былъ, что онъ въ дѣйствительности купилъ этотъ домъ *).

Я говорилъ, что г. Каратеевъ былъ нѣчто въ родѣ чиновника по особымъ порученіямъ при Леонѣ; но были и другіе изъ вѣрившихъ и потерявшихъ небольшіе свои капиталы въ Бородинской операціи, въ томъ числѣ мелкопомѣстный Тамбовскій дворянинъ Вышеславцевъ. Онъ самъ, или братъ его, ярый театралъ, послужилъ типомъ въ ролѣ Пустославцева, въ піесѣ «Левъ Гурычъ Синичкинъ», тогда въ большомъ ходу, въ коей блисталъ Живокини.

Въ Москвѣ не было у меня никого почти изъ знакомыхъ; всѣ были въ деревнѣ или на дачахъ. Варвара Ивановна Лапская, проѣзжая чрезъ Москву въ свое прекрасное имѣніе, с. Варьино, на р. Клязьмѣ, взяла съ меня слово посѣщать ее тамъ; но какъ ни пріятно было мнѣ находиться въ кругу этого семейства, столь ко мнѣ всегда дружественнаго, однако болѣе двухъ разъ я не могъ быть въ Варьинѣ, такъ какъ оно отстояло слишкомъ въ 50 верстахъ отъ Москвы. Въ эти и позднѣйшія мои посѣщенія Варьина назначалась для меня комната, во второмъ этажѣ, бывшая (какъ предполагаю) когда-то кабинетомъ Сергѣя Степановича, потому что стѣны тамъ были обвѣшаны гравюрами и разными эмблемами, относящимися къ Обществу Вольныхъ Каменьщиковъ, иначе масонству, во время моднаго разгара коего, въ первомъ двадцатилѣтіи настоящаго вѣка, Сергѣй Степановичъ былъ мастеромъ одной изъ Петербургскихъ ложъ. Въ этихъ мистическихъ изображеніяхъ усматривался крестъ, обставленный вещественными принадлежностями этого тайнаго общества и какіе-то аллегорическіе символы, межъ коими традиціонный молотъ и фартукъ играли конечно,

*) Этотъ домъ былъ взаправду купленъ той же осенью молодымъ гусарскимъ офицеромъ К. . . . ымъ, тѣмъ самымъ (какъ я слышалъ), который, состоя нынѣ въ чинѣ полковника, пріобрѣлъ всеобщую извѣстность рѣшеніемъ Московскаго Окружнаго Суда въ недавнее время (осенью 1868 г.), лишающее его всѣхъ правъ состоянія за мошенничество, при сбытѣ завѣдомо негодной лошади. Рѣшеніе это возбудило удивленіе и ропотъ въ нашей публикѣ, вообразившей себѣ, что ничего предосудительнаго нѣтъ въ барышничествѣ и надуваніи испорченною лошадью.

видную роль, и все это сопровождалось цитатами изъ Священнаго Писанія, меланхолическими размышленіями и нравоучительными изреченіями. Не утерплю, чтобы не сказать здѣсь, что бывшее увлеченіе тогдашняго высшаго общества масонствомъ для меня остается загадкою. Хотя моральное человѣческое преуспѣяніе и филантропія не сходили съ устъ братьевъ, но въ сущности это было, мнѣ кажется, одно лишь пустозвучіе. Не знаю, можетъ быть, филантропія этихъ господъ отчасти высказывалась на дѣлѣ денежными сборами, во время ихъ засѣданій, въ пользу нуждающихся; но такъ какъ они не основали ни одного заведенія для страждущаго человѣчества, ничего по этому не осталось отъ ихъ дѣятельности, да и практической, положительной цѣли въ обществѣ не видно, а члены его довольствовались одними гуманными утопіями, то я сильно подозрѣваю, что тутъ былъ одинъ идеальный, отвлеченный филантропизмъ, нѣчто въ родѣ отвлеченнаго либерализма Екатерины II-й [1]), не помѣшавшаго ей прикрѣпить къ землѣ вольныхъ дотолѣ Малороссіянъ и сослать Радищева, какъ уголовнаго преступника, за его смѣлое сужденіе о тогдашнемъ политическомъ строѣ [2]).

Мнѣ особенно отрадны воспоминанія о Варьинѣ. Граціознѣйшая Марія Сергѣевна была неустрашимою наѣздницею, и почти каждый день я сопровождалъ ее верхомъ. Однажды, она сильно меня напугала, когда, возвратясь съ прогулки, она сошла съ коня, и я увидѣлъ, что одного изъ рожковъ дамскаго сѣдла вовсе не было, и потому она все время сидѣла на балансѣ, тогда какъ во время этихъ кавалькадъ мы проѣзжали иногда до 20 верстъ. А на мое замѣчаніе объ опасности, которой она подвергала себя, она отвѣчала съ улыбкою, что скрыла отъ меня это обстоятельство, изъ опасенія, чтобы я не заставилъ ее вернуться преждевременно домой. Я уже упоминалъ о взаимной привязанности между ею и другомъ моимъ Павломъ Александровичемъ Вревскимъ, и что онъ просилъ меня, въ письмахъ, побывать въ Варьинѣ и сообщать ему все возможное объ этой милой дѣвушкѣ. Въ этихъ нашихъ кавалькадахъ, длившихся по три и болѣе часовъ, хотя, въ разговорѣ о событіяхъ истекшаго Петербургскаго зимняго сезона, приходилось иногда поневолѣ упоминать о Павлѣ Александровичѣ, я не считалъ однакоже себя въ правѣ высказывать какой либо намекъ, что я давно посвященъ въ сердечную тайну моего друга и

[1]) Слыхалъ я (но въ печати нигдѣ не встрѣчалъ), что будто у Екатерины было поговоркою: „Tout pour le peuple et rien par le peuple“ (Все для народа, но ничего чрезъ народъ). Желательно бы знать, что она сдѣлала собственно для народа, то есть для низшихъ классовъ? Удивительно, какой успѣхъ имѣло фразёрство въ прошломъ вѣкѣ.

[2]) Сужденіе вполнѣ невѣрное. П. Б.

что присутствіе мое въ Варьинѣ имѣетъ двоякую цѣль. Но женщину, и особенно влюбленную женщину, не нашему брату - простячку провести, и мнѣ ясно подчасъ становилось, что прекрасные большіе голубые глаза моей амазонки, устремленные на меня, вызывали меня на откровенность и упрекали какъ бы меня за упорное мое молчаніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ я въ нихъ же читалъ признательность за горячее, хотя не выказывающееся на яву, участіе мною принимаемое въ этомъ романѣ, обставленномъ тогда препятствіями. Но не мнѣ было брать инціативу въ посредничествѣ, потому что, во первыхъ, я считалъ дѣло это нечестнымъ и какъ бы измѣною за ласки и довѣрчивость Варвары Ивановны, дозволявшей своей дочери оставаться вдвоемъ со мною ежедневно и на столь продолжительное время; да и кромѣ того я опасался вспугнуть дѣвичью стыдливость самой Маріи Сергѣевны, махнувъ ей сразу, что тайна ея давно мнѣ извѣстна. И такъ я лавировалъ до поры, когда Варвара Ивановна, почти что нехотя, благословила свою дочь на этотъ бракъ, четыре года спустя.

Въ натурѣ незабвенной Варвары Ивановны преобладали три сильныя, разносвойственныя страсти: чадолюбіе, живопись и садоводство. О первой изъ нихъ свидѣтельствовало то, что она сама, безъ пособія гувернантокъ, совершила воспитаніе трехъ своихъ дочерей, какъ я уже о томъ, кажется, говорилъ. Объ артистическомъ ея настроеніи остаются по сю пору живые памятники на стѣнахъ большой зала, въ Варьинѣ, увѣшанной огромнаго размѣра копіями масляными красками, акварелью, тушью и, кажется, пастелію (сухими красками) Рафаэлевскихъ мадоннъ и другихъ извѣстныхъ древняго художества картинъ. По части садоводства помню между прочимъ въ Варьинѣ нѣчто въ родѣ маленькаго поля, усыпаннаго великолѣпными розами. Тамъ же, въ саду, была вещь, которую я нигдѣ ни прежде ни послѣ не видалъ: это былъ воздушный театръ, составленный весь изъ растительныхъ элементовъ. Возвышенность сцены была изъ наноснаго дерна, утрамбованная съ покатомъ, какъ слѣдуетъ, внизъ и покрытая ковровымъ газономъ, а боковыя кулисы и задній фонъ изъ стриженныхъ акацій, и вся сцена суживалась, постепенно уходя къ фону, образуемому изъ гладко-стриженныхъ шпалеръ и составлявшему какъ бы зеленую стѣну изъ тѣхъ же растеній. Театръ этотъ былъ устроенъ во время малолѣтства дѣтей Ланскихъ. Въ Варьинѣ бывалъ при мнѣ молодой профессоръ Московскаго Университета г. Армфельдъ (сынъ славившейся тогда въ Москвѣ акушерки), весьма пріятный человѣкъ и рано, къ сожалѣнію, умершій. Онъ былъ назначенъ около того времени инспекторомъ Московскаго Воспитательнаго Дома.

Въ Москвѣ я скучалъ и нуждался въ деньгахъ на самые мелкіе расходы, до такой степени, что заставлялъ, поневолѣ, славившагося мастера сапожныхъ издѣлій Бѣлова приходить по нѣсколько разъ напрасно за уплатой заказанной у него пары сапогъ, такъ что онъ, наконецъ, язвительно сталъ насмѣхаться надъ положеніемъ безденежнаго сіятельства, какъ онъ назвалъ меня. Бился я просто какъ рыба объ ледъ, а когда я приставалъ къ Леону за деньгами, у него былъ все одинъ отвѣтъ: «потерпите-молъ, скоро будутъ»; но никакой кладъ, подъ личиною аферы, не давался ему въ руки, и мнѣ приходилось забирать у него по два или по три цѣлковыхъ [1]).

Въ одно Воскресенье я отправился, отъ нечего дѣлать, во вновь выстроенный сенаторомъ Башиловымъ воксалъ въ Петровскомъ паркѣ, гдѣ по Воскресеніямъ были танцовальные вечера, неохотно впрочемъ посѣщавшіеся публикою. Тамъ подошла ко мнѣ Екатерина Николаевна Давыдова (рожденная Ермолова), жена Евдокима Васильевича [2]) и любезно стала меня увѣрять, что я изъ давнишнихъ ея знакомыхъ, хотя я припомнить никакъ не могъ, гдѣ и когда я могъ повстрѣчаться съ нею. Привѣтливому ея почину я обязанъ знакомствомъ съ этою милою женщиною и съ ея мужемъ, достойно поддерживавшимъ братскую славу остроумія. Вотъ одинъ о немъ анекдотъ. Однажды, разстроенный немного тѣмъ, что жена его куда-то ускакала, не увѣдомивъ его, тогда какъ самому ему нужно было также ѣхать, онъ сказалъ находившемуся тутъ князю Константину Александровичу Черкаскому: «Скажу вамъ, любезнѣйшій мой, что я пришелъ къ убѣжденію, что человѣку невозможно обзавестись одновременно каретою и женою; если желаешь имѣть при себѣ дома жену, такъ не покупай кареты; а если уже не можешь обойтись безъ кареты, такъ не женись. И такъ выбирай одно изъ двухъ». Три или четыре года спустя Евдокимъ Васильевичъ Давыдовъ умеръ отъ рака на языкѣ.

Меня очень порадовала нечаянная встрѣча въ Москвѣ съ Михайломъ Михайловичемъ Магницкимъ, съ кѣмъ я не видался съ Вар-

---

[1]) Обстоятельство это можетъ казаться инымъ довольно страннымъ, потому что стоило мнѣ только послать требованіе въ Порзневское мое вотчинное правленіе, и мнѣ бы выслали изъ оброчнаго сбора, хоть бы за треть года; но я хотѣлъ честно съ моей стороны исполнить мое условіе съ Леономъ: получать деньги прямо отъ него, а весь оброчный сборъ предоставить въ его распоряженіе, и опасался нарушеніемъ нашего условія запутать еще болѣе его дѣла.

[2]) Братъ знаменитаго партизана и поэта Дениса Васильевича Давыдова, не успѣвшаго за смертію въ предыдущемъ 1839 году исполнить возложеннаго на него высочайшимъ повелѣніемъ порученія перевезти по случаю Бородинскихъ маневровъ останки князя Багратіона (при коемъ Денисъ Васильевичъ былъ адъютантомъ) изъ Владимирской губерніи на Бородинское поле, гдѣ герой этотъ палъ преждевременно въ 1812 году.

шавы въ 1832 году. Онъ былъ тогда проѣздомъ чрезъ Москву, въ чинѣ подполковника или армейскаго полковника, и давно женатый на какой-то Салтыковой, служилъ въ Одессѣ (кажется) при тамошнемъ генералъ-губернаторѣ. Это была послѣдняя моя съ нимъ встрѣча, и я о немъ болѣе ничего не слыхалъ никогда, и умеръ ли онъ или живъ— не знаю. При всѣхъ умственныхъ его способностяхъ, нельзя сказать, чтобы служба особенно ему везла: онъ былъ уже юнкеромъ въ л.-г. гусарскомъ полку, во время Декабрьскихъ 1825 года происшествій, а въ 1840 году онъ еще былъ штабъ-офицеромъ и не занималъ никакого особенно виднаго мѣста *).

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга, я уговорилъ бѣднаго живописца Берти попытать свое счастіе въ Москвѣ и пріѣхать прямо ко мнѣ на квартиру, что̀ онъ и сдѣлалъ, и въ признательность за это написалъ, безъ денегъ, поясной мой портретъ въ театральномъ костюмѣ Торквато Тассо, каковую роль въ операхъ Доницетти того имени мнѣ долго хотѣлось исполнить на сценѣ, но никогда не удалось. Портретъ этотъ нынѣ въ Знаменскомъ. Въ Москвѣ я представилъ моего Флорентинскаго артиста князю Дмитр. Владим. Голицыну и его женѣ, въ надеждѣ доставить ему заказы чрезъ ихъ протекцію. Княгиня Татьяна Васильевна купила у него небольшую, мольбертнаго размѣра, жанровую картину Неаполитанскаго простонароднаго праздника; но бѣдный мой Берти былъ портретистъ и въ этомъ жанрѣ не отличался. Въ продолженіе двухгодоваго почти его пребыванія въ Москвѣ, ему удалось написать три только всего (кажется) портрета: князя Сергѣя Михайловича Голицына, Донского монастыря архимандрита (какъ звать его, не знаю) и актрисы Французской, Московской труппы, мамзели Елизы; но оба первые заказы сопряжены были съ немалыми неудовольствіями. Правдивая кисть живописца не знала лести, а князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ негодовалъ за ширину скулъ и нижней челюсти въ своемъ портретѣ и все заставлялъ художника сокращать эту часть лица, въ ущербъ сходства; отецъ же архимандритъ, дорожившій окладистою своею бородою, которую онъ то и дѣло что чесалъ и гладилъ, требовалъ, въ противность всякихъ правилъ живописи, чтобы каждый волосокъ выходилъ на холстѣ отдѣльными штрихами, и приводилъ чрезъ то̀ художника въ отчаяніе, заставляя его исправлять, по нѣскольку разъ, одно и тоже. Послѣ двухлѣтняго почти

*) Рядомъ съ быстрымъ для иныхъ баловней судьбы производствомъ изъ корнетскаго въ генеральскій чинъ, въ 10 или 12 лѣтъ, были и такіе, какъ сослуживецъ мой Александръ Григорьевичъ Ломоносовъ, коего я видалъ въ 1848 году еще полковникомъ въ лейбъ-гусарскомъ полку, тогда какъ онъ былъ уже офицеромъ въ Павлоградскомъ гусарскомъ же полку во время царскаго смотра подъ Пензою, въ 1824 г., и всегда слылъ служакою.

что бѣдствованія въ Москвѣ, Берти отправился въ Парижъ, откуда писалъ мнѣ одинъ разъ, а затѣмъ слѣдъ его для меня окончательно простылъ.

Въ это же время я познакомился и коротко сошелся въ Москвѣ съ нѣкіимъ Михайломъ Яковлевичемъ Вейсбергомъ, ординаторомъ при Московскомъ Военномъ Госпиталѣ, игравшимъ, какъ, мы увидимъ, вліятельную довольно роль въ моихъ дѣлахъ въ послѣдующіе два года. Онъ былъ выкрестомъ изъ Евреевъ, при чемъ воспріемницею была недавно умершая Татьяна Борисовна Потемкина, и кончилъ курсъ въ Московской Медико-хирургической Академіи, хорошо владѣлъ перомъ и вообще былъ человѣкъ съ большими способностями. Медикомъ онъ былъ болѣе для формы, чѣмъ на дѣлѣ, предался адвокатурѣ и немного позднѣе пустился по подрядамъ весьма, какъ слышно было, удачно *). До того времени онъ былъ главнымъ совѣтчикомъ по всѣмъ судебнымъ и подряднымъ дѣламъ Леона, и ему я обязанъ за крючкотворную вставку пункта въ послѣдней моей довѣренности Леону, высланной ему изъ Флоренціи весною 1839 г., гдѣ, при повтореніи (для вида) ограниченія цифры по заемнымъ письмамъ въ 60 тыс. рубл. асс. предоставлялось ему (т. е. Леону) право записывать меня въ купцы по 1-й гильдіи и на томъ основаніи кредитоваться, каковая двусмысленность, мною тогда непонятая, меня погубила. Я не дозволилъ бы себѣ включить этотъ невыгодный для М. Я. Вейсберга отзывъ на страницы моихъ Записокъ, если бы онъ самъ не заявилъ мнѣ о томъ въ раскаивающихся выраженіяхъ, и не доказалъ бы мнѣ на дѣлѣ свою готовность загладить, по возможности, свою противъ меня виновность. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ моего знакомства съ нимъ, онъ сталъ видимо удаляться отъ Леона, а мнѣ сообщилъ, что имѣетъ вѣрный почти планъ для поправленія вреда, имъ причиненнаго въ моихъ дѣлахъ, но съ тѣмъ, чтобы я отнюдь не намекалъ Леону объ этомъ проектѣ. Можно вообразить себѣ, какъ я былъ обрадованъ этимъ лучомъ надежды.

---

*) Отмѣчу заранѣе, что, немного позднѣе, онъ взялся за запутанныя и казавшіяся безнадежными дѣла нѣкоей вдовы Нѣмчиновой, имѣвшей искъ болѣе (помнится мнѣ) чѣмъ на милліонъ. Дѣло было спорное и доходившее до самыхъ высшихъ инстанцій, но М. Я. Вейсбергъ окончательно выигралъ его и, какъ по условію съ его довѣрительницею, онъ долженъ былъ получить за издержки и всѣ его хлопоты пятьдесятъ (кажется) копѣекъ съ рубля, то на его долю пришлось нѣчто въ родѣ полумилліона рублей, съ коими онъ взялъ на себя часть строившагося тогда Нижегородскаго шоссе, гдѣ также получилъ значительный барышъ. Я извѣстился, что позднѣе (должно быть въ 50-хъ годахъ) онъ купилъ большое имѣніе въ Тульской губерніи (въ Веневскомъ, кажется, уѣздѣ) женился тамъ на дворянкѣ замѣчательной красоты и, какъ крупный мѣстный землевладѣлецъ, да въ добавокъ съ чиномъ превосходительства, сдѣлался весьма значущимся тамъ лицомъ.

Такъ какъ въ полицейскихъ и судебныхъ инстанціяхъ несовсѣмъ еще выяснилась чья личность, Леонова или моя, отвѣтствовала за долги, то преслѣдовали его одного. Тщетно скрывался онъ, какъ заяцъ, по квартирамъ знакомыхъ, на загородныхъ дачахъ и даже въ Зеннѣ (гдѣ отсутствовалъ тогда Николай Ивановичъ, но жилъ годовой для имѣнія медикъ г. Торчинскій, тотъ самый, что былъ прежде у меня въ Порзняхъ), но ничего не помогло; его накрыли гдѣ-то въ Москвѣ и опустили въ яму у Иверской. Хотя онъ и тутъ кое-какъ поладилъ съ кредиторомъ, но какъ эти казусы стали все чаще и чаще повторяться, то надлежало и ему все болѣе и болѣе скрываться, и мало того что я оставался безъ копѣйки, но иные изъ кредиторовъ начинали довольно назойливо обращаться уже прямо ко мнѣ. Все это выставлялъ мнѣ на видъ М. Я. Вейсбергъ, и я убѣдился, что отъ Леона, какъ отъ козла, ни шерсти ни молока, ожидать было нечего. Такъ какъ въ то время М. Я. Вейсбергу нужно было ѣхать по дѣламъ въ Петербургъ, а мнѣ сильно хотѣлось побывать у себя въ с. Порзняхъ, гдѣ я не бывалъ уже болѣе четырехъ лѣтъ, то мы условились свидѣться въ Петербургѣ, куда я долженъ былъ отправиться нарочно для сего прямо изъ Порзней, минуя Москву и заранѣе назначивъ для этого число текущаго тогда Августа мѣсяца; мѣстомъ же свиданія опредѣлена была кофейная Доминика, что на Невскомъ проспектѣ, рядомъ съ Лютеранской церковью. Здѣсь въ Москвѣ трудно было, говорилъ М. Я. Вейсбергъ, избѣгнуть надзора со стороны Леона и его агентовъ, и потому онъ не могъ-де передать мнѣ, въ чемъ состоитъ задуманный имъ планъ, чтобы спасти меня отъ угрожавшей погибели, обѣщаясь подробно сообщить мнѣ о всемъ при нашемъ свиданіи въ Петербургѣ.

ДОПОЛНЕНІЯ.

I.

Графъ Петръ Петровичъ Паленъ занялъ въ Парижѣ мѣста графа Поццо-ди-Борго, переведеннаго въ Лондонъ. О достоинствѣ, съ какимъ онъ занималъ мѣсто Русскаго представителя при дворѣ Людовика-Филиппа, можно составить себѣ понятіе изъ слѣдующаго случая. Освѣдомившись однажды, что на одномъ изъ Парижскихъ театровъ репетировалась піеса, въ коей были оскорбительныя для Россіи выходки, графъ Паленъ обратился съ просьбою къ тамошнему министерству двора о запрещеніи на сценѣ этой піесы, но получилъ въ отвѣтъ, что, по существующимъ законамъ о театральной цензурѣ, невозможно-де министерству запретить заранѣе подобной піесы, а что впрочемъ, если окажется въ ней что либо оскорбительное для державъ

находящихся въ дружескихъ отношеніяхъ съ Франціею, то дирекція театровъ (или авторъ піесы) подвергнутся денежному штрафу. На этотъ отзывъ графъ Паленъ объявилъ рѣшительно, что если требованія его не уважутся, то онъ на слѣдующей же день выѣдетъ изъ Парижа, и Лудовикъ-Филиппъ, раболѣпствовавшій постоянно передъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, запретилъ піесу, а убытки отъ такового запрета уплатилъ дирекціи и автору изъ собственнаго кармана. Въ другой разъ, имѣя исполнить одно изъ приказаній императора по мнѣнію графа неумѣстное, онъ просилъ Государя объ отмѣнѣ такового, какъ могущаго имѣть непріятныя для обѣихъ сторонъ дипломатическія послѣдствія. На это Государь отвѣчалъ что, ему (графу) нѣтъ до того дѣла, и что *онъ* такъ высоко-де себя поставилъ въ Парижѣ, что указанное ему дѣйствіе не повредитъ нисколько ему въ общемъ уваженіи, коимъ онъ тамъ пользуется. «Можетъ быть, что такъ, Государь», возразилъ графъ, «но въ такомъ случаѣ будутъ уважать одну лишь личность графа Палена, но мнѣ этого мало; я желаю, чтобы продолжали чтить представителя Россійскаго императора, кто бы онъ ни былъ».

По догадкамъ и воспоминаніямъ моимъ, поводъ къ этому былъ слѣдующій. Однажды, по случаю новаго 1843 (или 1844) года, когда весь дипломатическій корпусъ представлялся по принятому обычаю съ поздравленіемъ въ Тюлерійскомъ дворцѣ, старшиною онаго (le doyen d'âge) пришлось быть графу П. П. Палену, и въ качествѣ такового вести рѣчь отъ имени всего дипломатическаго корпуса; но зная, на сколько Государь не долюбливалъ Лудовика-Филиппа, графъ Паленъ отнесся заблаговременно о семъ обстоятельствѣ въ Петербургъ и спросилъ инструкціи, какъ ему дѣйствовать. Отвѣтъ былъ—не участвовать въ оффиціальномъ представленіи; а если невозможно ему избѣгнуть быть старшиною и произносить рѣчь, въ такомъ случаѣ сказаться больнымъ. Графъ исполнилъ государево повелѣніе, но въ отместку ему Французскій кабинетъ предписалъ своему представителю въ Петербургъ, г-ну Перріе, сказаться также больнымъ въ какой-то торжественный день. Раздраженный Французскій дипломатъ превысилъ однакоже данныя ему инструкціи и, не довольствуясь неявкою утромъ во дворецъ подъ предлогомъ нездоровья, показался вечеромъ въ своей ложѣ въ Михайловскомъ Французскомъ театрѣ. Послѣдствіемъ этой демонстраціи было отозваніе нашего посланника изъ Парижа, а Французскаго представителя изъ Петербурга, и отобраніе въ вѣдомство двора того дома на Большой Милліонной, который составлялъ принадлежность (на практикѣ, если не на законномъ основаніи) Французской миссіи.

II.

Такъ какъ мнѣ не представится вѣроятно, болѣе случая поговорить о падрѣ Джіовакино, то передамъ разсказъ здѣсь о странномъ случаѣ, слышанный мною отъ него. Когда онъ напутствовалъ умиравшаго моего отца, то кто-то изъ присутствовавшихъ, ревностныхъ Римско-католиковъ (но не мать наша, въ этомъ я удостовѣряю) обратился къ сказанному священнику съ просьбою, чтобы *онъ уговорилъ духовнаго своего сына перейти въ папистскую церковь!* Не слѣдуетъ однакоже смотрѣть на подобное, сдѣланное православному іерею, предложеніе, какъ кощунство надъ церковью, къ коей онъ принадлежалъ, или какъ на доказательство презрѣнія къ сану ея служителя. Вовсе нѣтъ. Попытка эта истекала изъ чисто-христіанской заботливости о душѣ умирающаго человѣка и основывалась (вѣроятно) на софистическомъ выводѣ, что такъ какъ Восточная церковь не отрицаетъ-де возможности спасенія въ лонѣ Западной церкви и слѣдовательно допускаетъ болѣе возможностей ко спасенію, чѣмъ Западная, то это не должно быть противно ея ученію, и умирающій ничѣмъ не рискуетъ, если она (т. е. Восточная церковь), въ лицѣ своего іерея, согласится на переходъ одного изъ ея сыновъ въ церковь иновѣрческую, въ коей условія спасенія опредѣлены болѣе строго. Вотъ до чего доходятъ Латиняне съ ихъ казуистическими умозаключеніями!

Достойный этотъ священникъ дожилъ до глубокой старости: когда семейство наше переселилось въ 1817 году во Флоренцію, онъ былъ уже съ просѣдью, а умеръ онъ въ 50-хъ годахъ. На закатѣ дней своихъ, онъ снова былъ возстановленъ въ приходскіе священники Ливорнской Греческой церкви, и въ бытность его таковымъ предалъ землѣ на Греческомъ тамошнемъ кладбищѣ умершую чахоткою въ Пизѣ, весною 1847 года, двоюродную мою сестру княгиню Аделанду Александровну Голицыну, дочь тетки моей, Прасковьи Артемьевны Тимофѣевой (она покоится внутри кладбищенской церкви).

Отецъ Іоакимъ говаривалъ мнѣ, что отецъ мой, въ разговорѣ съ нимъ о семейныхъ нашихъ прозелиткахъ, обвинялъ во всемъ тетку мою, графиню Марію Артемьевну Воронцову, какъ зачинщицу по его мнѣнію прискорбнаго семейнаго нашего раскола. «E quella donna che mi ha sciupato tutta la famiglia» *). При всемъ однакоже сыновнемъ мо-

*) Женщина эта испортила все мое семейство. Упомяну кстати, что добрый отецъ Іоакимъ не иначе говорилъ о моемъ отцѣ какъ „quella santa anima“ (Эта святая душа).

емъ уваженіи къ мнѣніямъ моего отца, я не раздѣляю вполнѣ его воззрѣнія въ этомъ отношеніи. Онъ былъ слишкомъ близокъ, какъ мнѣ сдается, къ эпохѣ Іезуитскаго вліянія на Русское тогдашнее общество, да и самъ былъ изъ болѣе видныхъ по свѣтскому своему положенію людей, пострадавшихъ отъ этого вліянія, и потому не могъ быть безпристрастнымъ судьею въ дѣлѣ, каковымъ можетъ быть лишь позднѣйшее поколѣніе, на подобіе того, какъ человѣку, стоящему на макушкѣ горы (прошу извинить это банальное сравненіе) яснѣе видны эволюціи находящейся у подножья толпы, нежели одному изъ дѣйствующихъ въ толпѣ лицъ. Личнаго особеннаго вліянія надъ нашею матерью тетка моя графиня Марія Артемьевна, на сколько помнится мнѣ, не имѣла; съ принцессою же де-Тарантъ *), сильно способствовавшею къ совращенію тетки моей, мать наша не находилась въ близкихъ отношеніяхъ, потому что эмигрантка эта умерла до 1812 года, а семейство наше начало ѣздить на зиму въ Петербургъ лишь съ 1813 года. Не отрицаю, что тетка моя могла познакомить сестру свою съ патеромъ Розавеномъ и съ авторитетнымъ въ Петербургскихъ салонахъ ультрамонтаномъ графомъ Іосифомъ де-Местромъ, и такимъ образомъ косвенно могла участвовать въ усиленіи наклонности матери моей къ католицизму; но наклонность эта началась, по моему, еще въ Москвѣ, до 1812 года, и была отчасти плодомъ офранцуженнаго воспитанія и безпрерывнаго сообщества съ эмигрантами, экъ-вельможами и аббатами. Переселившись въ Италію, тетка моя (я хорошо это помню) тщательно уклонялась сопутствовать матери и сестрамъ моимъ къ церковнымъ тамошнимъ службамъ, во избѣжаніе (вѣроятно) нареканія со стороны нашего отца въ ея содѣйствіи къ переходу ихъ въ Латинство.

Когда хочется мнѣ раззадорить немного свою желчь (въ этомъ винюсь), по предмету Іезуитской Петербургской пропаганды Александровскаго времени, то стоитъ мнѣ только раскрыть любую почти страницу писемъ графа де-Местра, въ коихъ, между прочимъ, говоря объ изгнаніи изъ Петербурга Іезуитскихъ патеровъ, въ концѣ 1818 года, онъ считаетъ эту мѣру ошибочною, потому-де что *Іезуиты оберегали Россійскую церковь*, какъ сторожа, противъ посягательствъ со стороны протестантства, соціализма и ученія иллюминатовъ: ибо духовенство той (т. е. Русской) церкви не имѣетъ никакого значенія, ни силы, безъ научныхъ свѣдѣній.

Въ другомъ мѣстѣ встрѣчаемъ куріозный выводъ автора, что Римско-католическое исповѣданіе неправильно-де считается только терпи-

*) Она была одною изъ придворныхъ дамъ несчастной королевы Маріи-Антуанетты, и въ этомъ качествѣ принята и обласкана при нашемъ дворѣ.

мымъ въ Россійской имперіи, ибо оно есть вѣроисповѣданіе одной части населенія имперіи, и тутъ онъ не подразумѣваетъ (на сколько помнится мнѣ) вновь тогда учрежденное Царство Польское. Но куріознѣе еще то, что онъ сумѣлъ внушить таковой свой взглядъ князю Александру Николаевичу Голицыну, тогдашнему министру вѣроисповѣданій, и что этотъ согласился съ мнѣніемъ Піемонтскаго графа, и даже удивлялся, какъ самому ему таковая мысль не приходила никогда на умъ. Забавна также и его аргументація, что неправильно-де зовутъ нашу церковь Греко-Россійскою; ибо говоритъ онъ, «если Константинопольскій патріархъ вздумалъ бы прислать сюда (т. е. въ Петербургъ) какое либо свое приказаніе (или распоряженіе), то его сочли бы умалишеннымъ, да и онъ былъ бы дѣйствительно таковымъ». А иногда тотъ же авторъ доходитъ до комизма, какъ наир. въ понятіяхъ своихъ о нашихъ раскольникахъ, которыхъ онъ называетъ «ces polissons de roscolniks», эти шалуны-раскольники *). Выше же всего сказаннаго я нахожу его парадоксальное сравненіе папы и патріарха. По его мнѣнію вопросъ о томъ, кто правъ и кто виноватъ въ раздѣленіи церквей равняется вопросу о томъ, Пугачева-ли слѣдуетъ признавать бунтовщикомъ противъ императрицы Екатерины, или она была бунтовщицею противъ Пугачева. Замѣтимъ притомъ, что вѣжливый авторъ, подъ лицемъ Пугачева, подразумѣваетъ Восточную нашу церковь.

---

*) Добавить слѣдуетъ впрочемъ, что слово „polisson“ употребляется иногда въ презрительномъ смыслѣ.